

MAIN LIBRARY

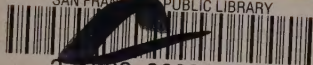

37 EN81⁵⁵

817301

NOT TO BE TAKEN FROM THE LIBRARY

SAN FRANCISCO PUBLIC LIBRARY

3 1223 06899 3220

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

ТОМЪ XXVIII.

Россія

и

С—Саварна.

ИЗДАТЕЛИ: { Ф. А. Брокгаузъ (Лейпцигъ).
 { И. А. Ефровъ (С.-Петербургъ).

SAN FRANCISCO
PUBLIC LIBRARY

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Акц. Общ. «Издат. дѣло, бывш. Брокгаузъ-Ефровъ»
1899.

*37
8m81 55

817301

REFERENCE

„ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ“,

начатый проф. И. Е. Андреевскимъ,

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

К. К. Арсеньева

и заслуженнаго профессора

О. О. Петрушевскаго.

При участіи редакторовъ отдѣловъ:

С. А. Венгерова	отдѣлъ исторіи литературы.
Проф. А. И. Воейкова.	„ географіи.
Проф. Н. И. Карѣва	„ исторіи.
Академика А. О. Ковалевскаго)	„ біологическихъ наукъ.
Проф. В. Т. Шевякова, . . .)	
Проф. Д. И. Менделѣва.	„ химико-технической и фабрично- заводской.
Проф. А. В. Совѣтова	„ сельскохозяйственный.
Владимира Соловьева	„ философіи.
Проф. Н. О. Соловьева	„ музыки.
А. И. Сомова	„ изящныхъ искусствъ.
Академика И. И. Янжула	„ политической экономіи и фи- нансовъ.

Наиболѣе значительныя по объему оригин. статьи 55-го полутома

„Энциклопедическаго Словаря“.

Россія.

VII. Общественное призрѣніе и благотворительность—А. Яновскій.

VIII. Исторія.

- А) Россія въ археологическомъ отношеніи —проф. Д. Анучинъ.
- В) Источники русской исторіи и русская исторіографія—П. Милуковъ.
- С) Исторія Россіи—Ал. Кизеветтеръ.
- Д) Малороссія—Н. Василенко.
- Е) Хронологія по русской исторіи.

IX. Русское право.

- А) Исторія русскаго права — проф. М. Дьяконовъ.
- В) Русское гражданское право — проф. В. Нечаевъ.
- С) Русское крестьянское обычное право — проф. В. Нечаевъ.
- Д и Е) Гражданское судопроизводство, и русское торговое право и судопроизводство—А. Яновскій.
- Г) Русское уголовное право и судопроизводство—проф. К. К., А. С. Л. и Ф. Я.

X. Русский языкъ и русская литература.

- А) Русский языкъ—академикъ А. Шахматовъ.
- В) Исторія русской литературы до 1848 г. —акад. А. Пыпинъ.
Исторія русской литературы новѣйшаго періода—С. Венгеровъ.

XI. Русское искусство.

- А) Архитектура, Живопись, Гравированіе —А. Сомовъ.
- В) Исторія русской музыки — проф. С. Буличъ.
- С) Русский театр—Ф. Я.

XII. Русская наука:

- Богословіе.
- Математика—В. В. Бобынинъ и Р.

Астрономія и Геодезія—проф. Г. Левицкій.
Физика—А. Г.
Метеорологія—А. Л.
Минералогія и Кристаллографія—пр.-доц. П. Агафоновъ.
Геологія—прив.-доц. В. П.
Химія—*
Ботаника—А. Еленкинъ.
Зоологія—проф. В. Шимкевичъ.
Анатомія—проф. А. Догель.
Гистологія и Физиологія—И. Т.
Медицина:—д-ръ А. и *
Сельскохозяйственная наука—проф. А. С.
Технологія—проф. А. К.
Инженерное и строительное искусство—инжен. А. Таненбаумъ.
Географія и географическія изслѣдованія—Ю. Ш.
Исторія—Н. Карѣвъ.
Церковная исторія—А. Медіоранскій.
Востоковѣдніе—прив.-доц. В. Бартольдъ.
Классическая филологія—А. Малеинъ.
Славистика—прив.-доц. А. Погодинъ.
Исторія всеобщей литературы —прив.-доц. О. Батюшковъ.
Исторія русской литературы — А. Ляшенко.
Русскій языкъ и сравнительное языкознание—проф. С. Буличъ.
Философія—Э. Радловъ.
Соціологія—Н. Карѣвъ.
Русское Государственное право—Н. Л.
Гражданское и римское право—проф. В. Нечаевъ.
Торговое право и торговое судопроизводство—А. Яновскій.
Уголовное право—проф. К. К.
Экономическая наука—М. Туганъ-Барановскій.
Статистика—проф. И. К.
Финансовая наука—И. Я.
Военныя науки—проф. А. Лыкошинъ.

Въ Энциклопедическомъ Словарѣ употребляются, кромѣ мѣръ русскихъ, также и метрическія, французскія, которыя теперь приняты въ большей части европейскихъ государствъ. Для перевода русскихъ мѣръ въ метрическія и обратно—метрическихъ въ русскія—къ «Энциклопедическому Словарию» приложенъ таблицы въ V-мъ томѣ, послѣ страницы 468, въ прибавленіи.

Для перевода русскихъ мѣръ въ англійскія и обратно—англійскихъ въ русскія—см. томъ XX, ст. Мѣры, стр. 326 и 327.

(Вѣтвистокишечные Polyclada)

Брокгауза и Ефрона, Энцикл. слов.

Лит. Н. Кадушина, С.Л.Б.

Фиг. 1. *Planocera Graffii* Lang. Фиг. 2. *Yungia aurantiaca* Lang. Фиг. 3. *Prostheceraeus roseus* Lang. Фиг. 4. *Prostheceraeus vittatus* Lang. Фиг. 5. *Cestoplana faraglionensis* Lang.

Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона.

VII. Общественное призрѣніе и благотворительность въ Россіи.

Въ древней Руси органами общественного призрѣнія служили монастыри; при нихъ, какъ и при приходскихъ церквахъ, устраивались богадѣльнины избы, куда безъ разбора принимались профессиональные нищіе, образовавшие особый классъ подъ именемъ «церковныхъ и богадѣльныхъ людей». На необходимость упорядоченія этого дѣла указывалъ уже Стоглавый соборъ, но энергично взялся за него Петръ Великій, который, преслѣдуя нищенство и воспрещая, подобно современнымъ ему законодательствамъ, частную благотворительность, предписывалъ духовному вѣдомству завести по всѣмъ губерніямъ богадѣльни, а магистратамъ устраивать для заключенія профессиональных нищихъ-мужчинъ смиренныя дома, для профессиональных нищихъ-женщинъ — прядильныя дома. Планъ фактически осуществленъ не былъ. Общую организацію дѣла общественного призрѣнія получило лишь при имп. Екатеринѣ II, которая, положивъ въ 1763 г. начало воспитательнымъ домамъ, Учрежденіемъ о губерніяхъ 1775 г. ввела въ составъ губернскаго установленія особые приказы общественного призрѣнія. Съ введеніемъ земскихъ учреждений (1864) и учреждений городского общественного управленія (1870) къ нимъ перешли обязанности приказовъ общественныхъ учреждений, которые сохранились лишь въ губерніяхъ не-земскихъ; въ губерніяхъ Царства Польскаго ихъ замѣняютъ губернскіе и уѣздные совѣты общественного призрѣнія. Всѣ эти органы общественного призрѣнія подчинены мин-ву внутр. дѣла, въ вѣдѣніи котораго состоятъ и благотворительныя общества. Другимъ наибольше обширнымъ вѣдомствомъ по дѣламъ благотворительности является Собственныя Его Импер. Величества канцелярія по учрежденіямъ Императрицы Маріи, образованная въ 1828 г. Вѣдомство учреждений Импер. Маріи съ теченіемъ времени разрослось, въ составъ его вошли, между прочимъ, Импер. женское патріотическое общество, основанное въ 1812 г., попечительство Импер. Маріи Александровны о слѣпыхъ, попечительство Императрицы Маріи Федоровны о глухонѣмыхъ. Самостоятельное вѣдомство образуетъ Имп.

Человѣколюбивое Общество, основанное въ 1802 г. и располагающее въ настоящее время въ обѣихъ столицахъ и въ 25 другихъ цѣлкахъ Имперіи 110 благотворительными заведеніями. Несравненно болѣе широко развѣтвленную организацію имѣетъ Россійское Общество Краснаго Креста, которое въ мирное время проявляетъ обширную благотворительную дѣятельность, особенно въ годы народныхъ бѣдствій; оно располагаетъ приблизительно 400 учрежденіями, въ томъ числѣ 3 инвалидными домами и множествомъ лѣчебницъ, приютовъ, амбулаторій. Въ 1895 г. учреждено подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Имп. Вел. Государыни Императрицы Александры Федоровны попечительство о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ, имѣющее цѣлью, организацію трудовой помощи, т. е. доставленіе честно оплачиваемого труда «тѣмъ изъ терпящихъ крайнюю нужду, которые тѣсно ищутъ себѣ заработка и приюта»; въ 1898 г. число открытыхъ попечительствомъ въ различныхъ пунктахъ Р. домовъ трудолюбія простиралось до 175, сверхъ того, 63 дома предложено учредить въ ближайшемъ будущемъ. Наконецъ, отдѣльныя благотворительныя учрежденія состоятъ и въ вѣдѣніи другихъ министерствъ; наиболѣе многочисленны благотворительныя учрежденія духовнаго вѣдомства. Многія благотворительныя заведенія носятъ сословный характеръ. Призрѣніе немощныхъ и неспособныхъ къ труду крестьянъ составляетъ мирскую повинность крестьянскихъ обществъ; аналогичная обязанность возложена закономъ и на прочія сословныя общества. Изъ вышеизложеннаго видно, что организація общественного призрѣнія въ Р. страдаетъ отсутствіемъ единства; не определѣно соразмѣрное участіе въ этомъ дѣлѣ общины, области и государства. При отсутствіи такой соразмѣрности и при сословномъ характерѣ обязательной помощи нуждающимся, дѣло общественного призрѣнія не могло быть въ достаточной степени разработано и учрежденіями земскаго и городского самоуправленія. Кое-что, однако, сдѣлано и земствомъ, и городами, не смотря на безусловную недостаточность самостоятельныхъ источниковъ для покрытія расходовъ по общественному призрѣнію *).

Израсходовано:	На народное здравіе.	На общественное призрѣніе.	На всѣ необязательные расходы.	Процентное отношеніе къ общей суммѣ необязательныхъ	
				расходовъ на народное здравіе.	тратъ на общественное призрѣніе
Въ 1871 г. по 31 губ. земствомъ..	2074115	484995	8584060	24,4%	5,65%
» 1881 г. » 34 » ..	7106245	2188374	21533278	32,9%	10,15%
» 1890 » » » ..	10343565	2786982	28490033	36,3%	9,78%

Необязательные расходы земствъ въ абсолютныхъ цифрахъ возрасли за 20 лѣтъ въ 3,3 раза, расходы на народное здравіе—въ 4,9 ра-

за, на общественное призрѣніе—болѣе чѣмъ въ 5½ разъ. Въ процентномъ отношеніи къ необязательному бюджету расходы на народ-

*) Въ качествѣ такихъ источниковъ законъ указываетъ, между прочимъ, кружечные сборы и различныя немалыя и штрафы деньги, подробно исчисленныя въ 41 ст. Устава о обществ. призрѣніи (Св. Зак. т. XIII, изд. 1892 г.). Болѣе постояннымъ источникомъ доходовъ

являются проценты отъ непрякосовѣстныхъ благотворительныхъ капиталовъ, оставшіе отъ приказовъ обществ. призрѣнія. Такихъ капиталовъ въ 1869 г. выдано 26 земствамъ 6½ милл. руб.; въ 1890 г. они возрасли въ тѣхъ же губерніяхъ до 8844717 руб.

ное здравіе увеличилось за тотъ же періодъ нѣсколько менѣе, чѣмъ въ 1½ раза, а на общественное призрѣніе въ 1,7 раза. Въ приведенныя цифры не вошли пособия переселенцамъ и нѣкоторые другіе болѣе или менѣе значительные расходы, которые также могутъ быть отнесены къ области благотворительности (содержаніе приютовъ и колоній для малолѣтнихъ преступниковъ, пособия пострадавшимъ отъ наводненій, выдача стипендій и т. п.). Наконецъ, самая постановка земско-медицинскаго дѣла такова, что отдѣлить его отъ общественнаго призрѣнія очень затруднительно (содержаніе хрониковъ при больницахъ, лѣчебницы для душевно-больныхъ). Заслуги земствъ въ дѣлѣ общественнаго призрѣнія въ Р. выступаютъ особенно рельефно при сопоставленіи современнаго положенія его въ губерніяхъ земскихъ и не-земскихъ. Ко времени введенія земскихъ учреждений, въ вѣдѣніи 55 приказовъ состояло: больницъ 519 и отдѣленій ихъ 5, домовъ умалишенныхъ 33 и отдѣленій ихъ 6, богадѣленъ и инвалидныхъ домовъ 107 и отдѣленій ихъ 4, сиротскихъ домовъ 21 и отдѣленій 2, воспитательныхъ домовъ 8 и отдѣленій 14, училищъ для дѣтей канцелярскихъ служителей 16, фельдшерскихъ школъ 4, смиренныхъ и рабочихъ домовъ 27 и отдѣленій 3, а всего 735 заведеній и 34 отдѣленій. Численность главнѣйшихъ изъ этихъ благотворительныхъ заведеній къ началу 1890-хъ годовъ въ губерніяхъ земскихъ и не-земскихъ видна изъ нижеслѣдующей таблицы:

Названіе благотворительныхъ заведеній.	Въ 1890-хъ гг. изъ 55 губ. вѣдомствъ приказовъ состояло.		Въ началѣ 1890-хъ гг. состояло:	
	Въ 16 губ. вѣдомствъ приказовъ.	Въ 39 земскихъ губ.	Въ 16 губ. вѣдомствъ приказовъ.	Въ 39 земскихъ губ.
Больницъ и ихъ отдѣленій	524	111	524	111
Домовъ умалишенныхъ и ихъ отдѣленій.	39	9	39	9
Богадѣленъ и инвалидовъ домовъ	111	28	111	28
Сиротскихъ и воспитательныхъ домовъ и ихъ отдѣленій.	45	6	45	6

Сравнительный обзоръ въ земскихъ и не-земскихъ губерніяхъ собственно установленій для призрѣнія, безъ медицинскихъ учреждений, дастъ слѣдующія данныя:

	Въ 28 земск. губерніяхъ.	Въ 16 не-земскихъ губ.	На одну губ. приходится.	
			Земскую.	Не-земскую.
Установленій	1090	817	39	51
Призрѣваемыхъ и получающихъ пособіе	1072146	605522	38291	4034

Въ большей степени растетъ дѣло обществннаго призрѣнія въ городахъ, что, конечно, объясняется притокомъ крупныхъ пожертвованій и благотворительныхъ капиталовъ, переходящихъ въ владѣніе городскихъ общественныхъ управленій. Въ 50 губ. Европейской Россіи (кроме губерній Царства Польскаго) городами расходовалось въ 1880—84 г. на содержаніе благотворительныхъ и др. общепользныхъ заведеній (со включеніемъ больницъ) 2015568 руб. въ годъ, что составляло 5% всѣхъ городскихъ расходовъ, а въ 1894 г. израсходовано 7203799 руб. или 11,6% всѣхъ городскихъ расходовъ. Болѣе 500000 руб. расходовали на этотъ предметъ въ 1894 г. С.-Петербургъ (1981327 руб.), Москва (1813060 руб.), Одесса (709863 руб.) и Рига (504556 руб.); за этими городами слѣдуетъ Варшава, расходы который на благотворительныя заведенія достигали въ 1894 г. 150489 руб. Въ Москвѣ, Харьковѣ и С.-Петербургѣ сдѣланы попытки къ организациі обществннаго призрѣнія на рациональныхъ началахъ путемъ учрежденія участковыхъ попечительствъ (см. Призрѣніе, XXV, 175).

Мірскіе расходы на благотворительность въ Европейской Россіи составили въ 1894 г. 896374 руб. или 1,5% общей суммы мірскихъ расходовъ. Мірскіе расходы на благотворительность слагаются изъ двухъ статей:

	Рубля.	% общей суммы.
Призрѣніе и лѣченіе сирыхъ и убогихъ	674561	75,3%
Разныя пожертвованія.	221813	24,7%

Почти половина всѣхъ мірскихъ расходовъ на благотворительность (440723 руб.) приходится на призрѣніе сирыхъ и убогихъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, въ которыхъ расходы на этотъ предметъ составляютъ: въ Курляндской губ. 20,3%, Лифляндской губ. 18,6%, и Эстляндской 6,1% всѣхъ мірскихъ расходовъ. Во всѣхъ другихъ губерніяхъ Европейской Россіи расходы на благотворительность, по большей части, меньше 1% и колеблются отъ 0,3% (Бессарабская, Виленская, Владимірская и др.) до 2% (Могилевская губ.). Кроме того изъ мірскихъ суммъ израсходовано въ 1894 г. 642631 руб. (1,1%) на содержаніе больницъ и оспопрививаніе. Наконецъ, призрѣніе сирыхъ и убогихъ производится въ деревняхъ и въ видѣ натуральной повинности (см. изданный въ 1897 г. мин-вомъ внутр. дѣлъ въ 1897 г. Сводъ заключеній губернскихъ совѣщаній по вопросамъ, относящимся къ пересмотру положеній о крестьянахъ. Общій очеркъ заключеній, касающихся обществннаго призрѣнія, см. въ внутреннемъ обзорѣ № 11 «Вѣстника Европы» за 1897 г.).

По даннымъ (не полнымъ), собраннымъ вѣдомствомъ учреждений Императрицы Маріи въ 1896 г. («Сборникъ свѣдѣній о благотворительности въ Россіи», изд. этимъ вѣдомствомъ, СПб., 1899), общая картина характера и объема благотворительности въ Р. представляется въ слѣдующемъ видѣ. Всѣхъ благотворительныхъ обществъ, братствъ, попечительствъ, комитетовъ и такъ назыв. благотворитель-

Благотворительныя общества и учрежденія въ Россійской Имперіи¹⁾.

Наименованіе губер- ній, областей и гра- доначальствъ.	Число благотвори- тельн. обществъ.	Число благотворительныхъ учрежденій.				Родъ учрежденій.																	Число лицъ, воспользовавшихся благо- творительностью.								Средства.				
		Для взрослыхъ.	Для дѣтей.	Для оказания по- мощи боль- нымъ.	Всего учрежденій.	Богатыхъ.	Дома трудолюбив.	Ночлежные дома.	Сиротинныя дома.	Детскія шко- лы.	Детскія пан- сіоны.	Народныя ча- тальни.	Другія приюты.	Ясли.	Школы благо- творительнаго ха- рактера.	Лечебницы.	ДѢТИ.		ВЗРОСЛЫЕ.		Поля въ распоря- женіи въ пользу бѣдныхъ не показаны.	Каналы.	Численность канализаціи.	Измѣнныя по- стройки и по- стройкі.	Пенсія.	Прочія извѣстныя средства на по- мощь бѣднымъ.									
																	Мужч.	Женщ.	Мужч.	Женщ.															
1. Архангельская	7	6	6	1	13	5	1	—	—	—	—	—	—	5	1	1	2	497	404	985	1017	—	149902	3417	11812	4965	67500								
2. Астраханская	8	10	9	1	21	7	7	—	—	—	—	—	—	4	1	—	1	4189	8198	868	926	80	1205830	4895	45574	48263	472250								
3. Бессарабская	12	8	1	1	10	5	1	2	—	—	—	—	—	1	1	—	1	2307	2170	712	551	63	228490	5906	31384	4656	465300								
4. Виленьская	8	8	6	—	14	7	7	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	694	518	805	822	—	388250	11261	41610	39781	537650								
5. Виетская	13	16	9	—	25	12	1	2	—	—	—	—	—	4	1	5	—	1380	1095	1497	1410	1002	186580	4160	20067	37315	139300								
6. Владимирская	21	57	12	10	79	52	2	—	—	—	—	—	—	3	1	2	10	1057	824	6082	4628	62305	465793	66610	28064	18210	553580								
7. Вологодская	13	29	9	2	40	26	2	—	—	—	—	—	—	3	1	2	4	762	606	1632	3607	51400	770830	5002	28579	13105	187250								
8. Волынская	12	34	7	7	48	29	—	—	—	—	—	—	—	3	1	—	7	1029	1217	4346	4681	985	89075	8101	30252	18495	97500								
9. Воронежская	11	51	8	7	66	43	—	—	—	—	—	—	—	6	1	2	7	1579	1720	12452	7764	12904	546012	5007	46651	9006	979080								
10. Вытская	11	14	11	—	25	8	—	—	—	—	—	—	—	9	1	2	—	263	524	5265	2863	12978	1113134	811	21704	12167	375040								
11. Гродненская	11	14	11	—	25	8	—	—	—	—	—	—	—	2	1	—	1	98	81	216	309	—	47490	1233	8576	5500	1787100								
12. Донской Войск. Обл.	24	30	15	23	68	17	4	1	1	2	—	—	5	7	1	7	23	8144	6894	17306	18555	986	1212419	65051	78070	47296	64500								
13. Екатеринбургская	9	10	4	—	14	7	1	—	—	—	—	—	—	3	1	—	—	193	385	567	436	299	97281	7332	16359	9660	15445								
14. Казанская	23	27	12	7	46	22	—	—	—	—	—	—	—	6	1	6	7	3491	2136	89769	19344	—	663595	12564	435799	9640	139000								
15. Калужская	3	17	5	1	23	13	1	—	—	—	—	—	—	10	1	1	—	221	233	8386	1926	8624	912500	1728	10651	8664	931400								
16. Киевская	28	24	12	14	50	21	—	—	—	—	—	—	—	5	1	3	14	10012	9125	9517	3020	4934	1116750	25571	20589	11040	122500								
17. Ковенская	7	7	3	6	16	2	1	—	—	—	—	—	—	4	—	—	—	6	196	129	685	588	21388	10692	4661	30380	24490	5913							
18. Костромская	11	87	17	14	68	34	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	7	1463	1254	18140	7216	64727	1048019	8780	24490	5913	597500								
19. Курганская	17	37	19	7	63	36	1	—	—	—	—	—	—	19	—	—	1	1024	638	1676	2359	1458	1247798	29529	54150	6075	413099								
20. Курляндская	14	33	6	1	40	30	—	—	—	—	—	—	—	19	—	—	7	943	229	1555	1832	189039	253904	4355	15176	18335	142250								
21. Лифляндская	51	51	45	—	96	44	1	1	1	5	—	—	—	34	1	10	—	2012	1911	2881	1325	1418705	25000	231290	59697	1761959	477230								
22. Литовская	15	24	7	7	38	16	—	—	—	—	—	—	—	3	—	4	7	15955	2016	13509	2362	174251	22855	82226	36710	147230									
23. Могилевская	—	86	3	3	92	86	—	—	—	—	—	—	—	3	—	3	—	3686	2817	6089	2266	—	58309	2421	7529	37029	283550								
24. Московская	41	81	16	—	97	71	—	4	2	1	—	—	—	14	1	1	—	2611	1891	711	1873	14495	1014371	27552	138510	42960	1170910								
25. Нижегородская	16	23	20	5	45	18	2	1	2	1	—	—	—	16	1	3	5	656	865	4789	7429	3925	286530	2650	23166	1950	202000								
26. Новгородская	13	10	5	—	15	8	—	—	—	—	—	—	—	2	1	—	—	202	325	170	423	3204	309048	1148	15382	12178	47700								
27. Олонекская	10	7	4	—	11	6	—	—	—	—	—	—	—	4	—	—	3	603	272	610	265	—	113100	2729	9443	12900	97050								
28. Оренбургская	5	3	4	3	10	3	—	—	—	—	—	—	—	9	1	1	2	239	1521	1471	3128	25287	489105	8475	28887	3002	928500								
29. Орловская	3	17	9	—	26	17	—	—	—	—	—	—	—	1	1	1	—	169	284	202	491	45000	231100	1190	12560	9875	270700								
30. Пензенская	10	24	26	—	50	21	—	2	—	—	—	—	—	24	2	—	—	705	917	1405	1887	82327	1956179	34819	8747	1087	60290								
31. Пермская	12	7	2	—	9	5	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	314	159	278	298	—	140590	7909	20860	1640	36200								
32. Подольская	17	40	6	4	50	26	1	—	—	—	—	—	—	6	—	—	4	6992	6393	21054	15686	—	135248	7726	28374	55550	71173								
33. Псковская	12	41	8	1	50	40	—	—	—	—	—	—	—	7	—	1	1	212	304	1169	1873	5602	318499	7976	18080	1338	29200								
34. Рязанская	12	41	6	—	47	39	3	—	—	—	—	—	—	5	—	—	—	118	264	4616	2409	2235	938650	5604	47504	21825	134880								
35. Самарская	9	14	11	6	31	9	1	1	1	3	—	—	—	10	—	6	—	360	232	2104	1136	111	649985	12013	33016	11720	61600								
36. С.-Петербургская	10	13	8	3	24	13	—	—	—	—	—	—	—	4	3	—	—	433	453	329	870	16190	1008851	30925	71966	500	150000								
37. Саратовская	9	28	13	—	41	26	2	—	—	—	—	—	—	6	—	3	—	922	890	1329	2138	—	827678	21557	35600	13888	7085								
38. Симбирская	10	9	6	1	16	7	2	—	—	—	—	—	—	10	—	1	1	280	208	100	136	8604	745720	7825	34107	5770	80750								
39. Смоленская	18	15	3	1	19	15	—	—	—	—	—	—	—	2	—	1	1	157	322	7020	2081	4963	102150	7625	31077	5770	80750								
40. Тамбовская	8	8	6	—	14	1	—	5	—	—	—	—	—	4	1	—	—	295	360	18318	3282	—	517664	11172	28521	3700	387500								
41. Тверская	12	28	16	—	44	25	1	—	3	—	—	—	—	15	—	—	—	167	1455	68416	10933	75300	638116	5659	64225	24850	193610								
42. Тульская	7	26	20	5	61	30	1	2	—	3	—	—	—	9	1	2	5	809	253	298	720	—	1290532	2220	22096	6259	428620								
43. Уфимская	—	57	12	—	69	56	—	—	—	—	—	—	—	1	—	3	—	162	114	82	880	2353	139210	1540	19598	9133	62100								
44. Харьковская	27	9	12	3	21	4	—	—	—	—	—	—	—	9	1	2	8	631	469	2055	1011	1393	634915	41627	74171	42235	415200								
45. Херсонская	14	13	15	2	30	12	1	3	—	—	—	—	—	7	1	4	2	2042	1296	8278	9569	15734	134600	7236	48670	107590	286290								
46. Черниговская	16	11	6	2	19	10	1	—	—	—	—	—	—	4	—	2	2	491	239	3247	2920	5741	910960	9636	16386	25418	350835								
47. Эстляндская	10	17	15	4	36	16	1	—	—	—	—	—	—	13	—	3	4	638	664	4228	1763	1420	516500	4905	48565	14370	228300								
48. Идрозская	15	42	17	1	60	37	2	—	—	—	—	—	—	13	—	3	1	407	662	787	839	—	1445094	11908	47372	13396	94315								
49. Варшавская	10	57	86	27	170	43	—	3	—	—	—	—	—	70	1	13	27	17250	18343	46480	47161	114057	5045270	40387	790244	115390	5587300								
50. Кавказская	2	31	6	—	40	33	—	—	—	—	—	—	—	5	—	1	—	154	176	234	547	—	136156	2177	21229	1050	115850								
51. Казанская	2	7	1	—	8	7	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	13	12	15	43	—	64605	1195	7998	140	34900								
52. Кіевская	2	8	1	—	9	7	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	5	9	128	234	—	52860	880	8880	370	25400								
53. Ломжинская	2	10	5	—	15	8	—	—	—	—	—	—	—	5	—	—	—	93	49	83	501	7815	206393	2094	15725	3525	129010								
54. Люблинская	2	20	5	1	16	8	—	—	—	—	—	—	—	5	—	1	—	441	417	568	891	—	202521	12550	33275	83	116800								

¹⁾ Извлечение из сводной таблицы, приложенной к «Сборнику сведений о благотворительности в России», составленному по распоряжению Главноуправляющего Собственною Е. И. В. Канцеляріею по учрежденіям Императрицы Маріи на основаніи данныхъ, собранныхъ къ 1896 г. (СПб., 1899).

²⁾ Подробные сведения по Сырь-Дарьинской области не могли быть внесены в таблицу. Известно только, что в области имеются 4 благотворительных общества и 3 детских приюта.

ныхъ корпорацій насчитывалось въ Р. 1404, въ томъ числѣ 334 въ Спб. и 164 въ Москвѣ. Вѣдомствительныхъ учреждений имѣется во всей Р. 3555, въ томъ числѣ въ Спб. 638, въ Москвѣ 453. Учрежденія эти, по родамъ благотворительныхъ, раздѣляются слѣдующимъ образомъ:

	Богдѣль- ни.	Дѣтскіе пріюты.	Учрежде- нія меди- цинской помощи.	Школы благотвор. характера.	Дѣтскія столовыя.	Ночле- вые дома.	Дома тру- додобы.	Странно- приимные дома.	Ясли.	Дѣтскія квартиры.	Народныя читальни.	Всего.
Въ С.Петербургѣ	90	146	79	197	35	6	19	—	23	34	9	638
» Москвѣ	120	56	61	123	10	3	5	4	12	40	19	453
» остальной Россіи	1304	561	210	143	80	58	43	36	15	8	6	2464
Всего	1514	763	350	463	125	67	67	40	50	82	34	3555

Наибольшее число благотворительныхъ обществъ и учреждений состоитъ въ вѣдѣніи мин-ва внутр. дѣлъ (2772), за которыми слѣдуютъ общественныя учрежденія (959), духовное вѣдомство (713), вѣдомство учреждений Императрицы Маріи (317), мин-во народн. просв. (90), военное мин-во (52). Изъ 2900 обществъ и учреждений, о времени основанія которыхъ доставлены были свѣдѣнія, 2817 осно-

ваны въ нынѣшнемъ столѣтіи (изъ нихъ въ первой половинѣ его только 348), и лишь 83 въ предшествующихъ, начиная съ XIII в., причемъ 60 изъ нихъ относятся къ губерніямъ Царства Польскаго, Литовскимъ и Прибалтійскимъ и одно основано въ концѣ XVII в. въ Нарвѣ; остальные 22 основаны въ XVIII в., преимущественно въ губерніяхъ Прибалтійскихъ.

Средства благотворительныхъ обществъ и учреждений:

	Капиталовѣ.	Членскіе взносы.	Разныя по- ступленія и пожертвованія.	Пособія.	Приблизитель- ная стоимость недвижимости.
Въ С.-Петербургѣ	157126500	226700	1838700	173541	—
» Москвѣ	45668625	—	2028764	—	29639695
» остальной Россіи	47981245	972820	3852964	1916029	36184110
Всего	250776870	1199520	7720428	2089570	65823805

Число лицъ, воспользовавшихся благотворительностью въ теченіе года:

	Дѣти.		Взрослые.		Всего.
	Мужчинъ.	Женщинъ.	Мужчинъ.	Женщинъ.	
Въ С.-Петербургѣ	21218	23371	24273	38552	107414
» Москвѣ	15800	17000	34640	37718	105158
» остальной Россіи	127774	109160	444591	270657	952182
Всего	164792	149531	508504	346927	1161754

Кромѣ того, воспользовавшихся благотворительностью, полъ и возрастъ которыхъ въ доставленныхъ свѣдѣніяхъ не показаны, насчитывалось: въ С.-Петербургѣ 507358, въ Москвѣ 332358, въ остальной Р. 1088914, а всего 1928630 чел.

Въ Р. вопросы общественной призрѣнія и благотворительности посвящены: «Вѣстникъ благотворительности», издаваемый въ Спб. вѣдомствомъ дѣтскихъ пріютовъ, и «Трудовая помощь», изд. попечительствомъ о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ. А. Я.

VIII. Исторія. А. Россія въ археологическомъ отношеніи. Стремленіе къ сохраненію памяти о прошломъ выражалось у нашихъ предковъ въ веденіи лѣтописей. Достоинными памятниками признавались, однако, только важнѣйшія въ глазахъ народа событія: войны, нашествія не-

приятелей, смѣна князей, построение церквей, гладъ, морь и т. п. Лишь въ позднѣйшее время, когда стали нарождаться интересъ къ болѣе широкому познанію исторіи, вниманіе было обращено и на бытовые памятники старины и тѣ остатки древности, которые попадались иногда случайно, въ землѣ, въ складахъ и отдѣльных находкахъ. Уже въ концѣ XVII и началѣ XVIII в. подобными находками стали интересоваться болѣе образованные иностранцы, пріѣзжавшіе въ Р. и собиравшіе о ней свѣдѣнія, а по примѣру ихъ—и Петръ I, приказывавшій доставить ему въ Петербургъ всякіе «раритеты», въ томъ числѣ и нѣкоторые предметы древности, изъ Сибири и Заволжья, найденные, между прочимъ, и въ древнихъ могилахъ. Слухъ о томъ, что въ могилахъ или курганахъ Сибири, а также и на югѣ Р., попадаютъ разные вещи, въ томъ числѣ цѣнныя, золотыя, рано распространился въ народѣ, и въ XVIII в. въ Сибири развились промыслы «курганщиковъ», занимавшихся раскопкой кургановъ для извлеченія изъ нихъ золота и серебра. Этимъ объясняется разграбленіе множества древнихъ могилъ. Нѣкоторые изъ нихъ были расхищены, повидимому, уже въ древнія времена, людьми современными погребеніямъ и во всякомъ случаѣ знавшими не только о положеніи съ умершими цѣнныхъ вещей, но и о томъ, гдѣ именно онѣ вѣданы. Въ большихъ курганахъ, раскопка которыхъ требовала-бы массы времени и средствъ, пролазились узкіе ходы, прямо къ тому помѣщенію (иногда на значительной глубинѣ), гдѣ надо было ожидать цѣнныхъ вещей, которыя и расхищались. Въ XVIII в. кое-какія изъ подобныхъ вещей попадали въ петербургскую кунстъ-камеру, гдѣ обратили на себя вниманіе ученыхъ иностранцевъ. Въ концѣ вѣка сдѣлались извѣстными любопытныя находки на югѣ Р., въ древней области скинговъ, а въ началѣ нынѣшняго столѣтія стали привлекать къ себѣ вниманіе греческія древности, находимыя на почвѣ Крыма. Мало-по-малу, особенно подъ вліяніемъ иностранныхъ ученыхъ, поселившихся въ Р., или посѣщавшихъ ея югъ, эти древности сдѣлались такимъ же предметомъ изученія, какъ и памятники древней русской письменности (ислѣдованія Радль-Рошета и Кеппена въ 1820-хъ гг.). При Николаѣ I русская археологія впервые стала принимать характеръ науки, съ специальными органами, музеями, обществами, изданіями. Былъ преобразованъ Эрмитажъ, основана при немъ Императорская археологическая коммиссія, возникли археологическія общества въ Петербургѣ и Одессѣ, музей въ Керчи, положены основы русской и восточной нумизматики, вышли цѣнные изданія Ашика, гр. Уварова, Бора, Фундуклея, Савельева и др., наконецъ, монументальное описаніе «Древностей Россійскаго Государства» и т. д. Еще болѣе развитіе получило дѣло изученія русскихъ древностей при Александрѣ II, стараніями правительства и общества. Ислѣдованіе крымскихъ и южно-русскихъ древностей стало вестись болѣе систематично и дало матеріалъ для цѣлага ряда правительственныхъ изданій, каковы «Древ-

ности Босфора Киммерійскаго», «Древности Геродотовой Скии», «Отчеты Императорской Археологической Коммиссіи» и др. и многихъ частныхъ трудовъ, русскихъ и иностранныхъ (Забѣлина, Герца, Стефани, Неймана, Кёне, Бергмана, Бруна, Ленормана и т. д.). Обратили на себя вниманіе и древности средней Р.: гр. А. С. Уваровъ описываетъ курганы древнихъ мерянъ во Владимірской и Ярославской губ., А. П. Богдановъ—курганы Московской губ., причемъ впервые обращаетъ вниманіе на извѣстныя останки самихъ погребенныхъ; Д. Я. Самоковасовъ производитъ многочисленныя раскопки въ Черниговской, Киевской, Курской, Полтавской и др. губерніяхъ, другіе (напр. Ивановскій, Бранденбургъ, Кельсиевъ, Тышкевичъ, Алабинъ, Невоструевъ)—въ Петербургской, Новгородской, Тверской, въ Литвѣ, на Камѣ, въ Прибалтійскихъ губ. Котляревскій изучаетъ погребальныя обычаи славянъ, Тизенгаузенъ издаетъ монеты восточнаго калифата, ориенталисты знакомятъ съ извѣстіями о древнихъ славянахъ и руссахъ, финскіе ученые (Аспелинъ и др.) систематизируютъ свѣдѣнія о финскихъ древностяхъ, Спасскій знакомитъ съ древностями Сибири, Берже и другіе—съ археологіей Кавказа. Открытіе около этого времени (въ концѣ 1850-хъ и въ 1860-хъ гг., въ Зап. Европѣ) древнѣйшихъ слѣдовъ челоука, а также остатковъ каменнаго и бронзоваго вѣковъ, сказалося и въ расширеніи предѣловъ русской археологіи. Бэръ, Лерхъ и др. первые знакомятъ съ находками каменныхъ орудій на сѣверѣ Р.; устроенная Богдановымъ въ 1879 г. въ Москвѣ антропологическая выставка собираетъ массы предметовъ каменнаго, а отчасти и бронзоваго вѣковъ изъ разныхъ мѣстностей Р.; Теофилактовъ, гр. Уваровъ, гр. Завиша, Кельсиевъ открываютъ древнѣйшіе слѣды челоука на почвѣ Р., современные мамонту; проф. Иностранцевъ собираетъ и описываетъ любопытные остатки каменнаго вѣка, найденные на берегахъ Ладожскаго оз.; П. П. Кудрявцевъ составляетъ богатую коллекцію предметовъ неолитическаго вѣка изъ окрестностей д. Волосовой, близъ Муромъ; Малаховъ и другіе изслѣдуютъ доисторическія древности Урала и т. д. Въ Москвѣ основывается (въ 1864 г.) археологическое общество; около того же времени возникаетъ антропологическій отдѣлъ общества любителей естествознанія; археологическія розысканія производятся, кромѣ того, Имп. географическимъ обществомъ и его вост.-сибирскимъ отдѣломъ, обществами въ Гельсингфорсѣ, Казани, Киевѣ, Тифлисѣ и т. д. Учреждаются археологическіе съѣзды, собирающіеся послѣдовательно въ Москвѣ, Петербургѣ, Киевѣ, Рязани, Тифлисѣ, Одессѣ, Ярославлѣ, Вильнѣ, Ригѣ и снова въ Киевѣ (1899). Каждый такой съѣздъ вызывалъ усиленную дѣятельность въ соответственномъ районѣ, давалъ поводъ и средства для мѣстныхъ изысканій и раскопокъ, привлекалъ многихъ изслѣдователей, сообщенія которыхъ, сдѣланныя въ засѣданіяхъ съѣзда, выходили потомъ, въ обработанномъ видѣ и съ массою таблицъ, въ «Трудахъ» съѣздовъ, составляющихъ нынѣ около 25 томовъ въ 4^о и заклю-

чающихъ въ себѣ богатые материалы по русскимъ древностямъ. Въ послѣднія 20 лѣтъ дѣло русской археологіи продолжаетъ развиваться; выходитъ много новыхъ археологическихъ изданій. Русскія древности все болѣе привлекаютъ вниманіе иностранцевъ и становятся въ связь съ древностями другихъ странъ — азиатскаго Востока, греко-византийскаго славянскаго юга, европейскаго Запада. Одною изъ попытокъ совмѣстнаго разсмотрѣнія доисторическихъ древностей Зап. Европы и Р. является книга чешскаго изслѣдователя Любора Нидерле: «Человѣчество въ до-историческія времена», вышедшая въ 1898 г. въ русскомъ переводѣ О. К. Волкова, подъ редакціей Д. Н. Анучина. Вообще, однако, древнѣйшія археологическія эпохи въ предѣлахъ Р. еще недостаточно изслѣдованы. По *каменному вѣку* мы имѣемъ, правда, сочиненіе гр. А. С. Уварова: «Археологія Россіи. I. Каменный періодъ» (М., 1881, 2 части), но оно теперь значительно устарѣло; дополненіемъ къ нему можетъ служить изданіе проф. Иностранцева, «Человѣкъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера» (СПб., 1882), и статьи гр. Завити, Кельсѣва, проф. Антоновича и Армашевскаго, Кудрявцева, Штуkenберга, Высоцкаго, Передельскаго и др. Покуда можно только сказать, что человѣкъ появился на почвѣ Европ. Р. въ очень отдаленную эпоху и, можетъ быть, еще засталъ здѣсь мамонта и другихъ, вымершихъ въ послѣдствіи, крупныхъ животныхъ — носорога, пещернаго медвѣдя и т. д. Судя по тому, что въ предшествовавшей современному геологическій періодъ, такъ назыв. ледниковый, вся сѣв. половина Р. была покрыта великимъ скандинаво-финляндскимъ ледникомъ, человѣкъ долженъ былъ заселить сначала южныя части Р., а затѣмъ уже, по мѣрѣ стаянія и отступанія ледника, подвигаться къ С. Древнѣйшіе слѣды человѣка оказываются въ лѣсахъ (желтоземѣ), лежащемъ подъ черноземомъ. Слѣды эти заключаются въ грубо обитыхъ каменныхъ, болѣею частью кремневыхъ орудіяхъ (остріяхъ, ножахъ, скребкахъ, проколахъ и т. п.), въ остаткахъ золы и углей (слѣдахъ огня), расщепленныхъ костяхъ животныхъ (служившихъ въ пищу), изрѣдка — костяныхъ орудіяхъ (найденны въ нѣкоторыхъ пещерахъ Калишской губ., въ Польшѣ). Вообще, по древнѣйшему, такъ назыв. *палеолитическому* вѣку, находки у насъ скудны и далеко уступаютъ по богатству, разнообразію и художественности находкамъ изъ французскихъ, швейцарскихъ, южно-германскихъ пещеръ. Главнѣйшія извѣстныя покуда мѣстополюженія палеолитическихъ древностей у насъ: Кіевъ (на Кирилловской улицѣ), дер. Костенки на Дону, нѣкоторыя пещеры близъ Калиша. Гораздо богаче представлятъ у насъ позднѣйшіи каменный періодъ, такъ назыв. *неолитическій*, не только отдѣльными находками, но и слѣдами поселеній и могилами. Окружавшая тогда человѣка флора и фауна была та же, что и теперь, только многіе виды животныхъ, нынѣ ставшіе рѣдкими — напр. бобръ, кабанъ, благородный олень — имѣли тогда болѣе обширное распространеніе и

встрѣчались гораздо чаще. Наиболѣе извѣстныя мѣста находки предметовъ этой эпохи: стоянки на дюнахъ Оки, особенно близъ дер. Волосовой, около Муромъ; южное побережье Ладожскаго озера; нѣкоторыя мѣстности по берегамъ Вислы и Днѣпра, въ Тульской и Костромской губ., въ Прикамскомъ и Приуральскомъ краѣ, въ Финляндіи, въ Олонечкой и Архангельской губ. Искусство обдѣлки камня достигло въ эту эпоху высокаго совершенства. Изъ кремня (иногда изъ кварцита и др.), рядомъ мелкихъ ударовъ, отбивались и обдѣлывались наконечники стрѣлъ и копій, ножички, скребки, проколки и т. д., а изъ другихъ горныхъ породъ, не дающихъ раковистаго излома (напр. глинистыхъ сланцевъ, песчаниковъ, діорита, амфибита), путемъ обтачиванія пескомъ съ водой, приготовлялись долота, топоры, песты, молотки, кирки и пр. Кромѣ того, пользовались звѣринными и птичьими костями, дѣлали изъ нихъ шила, стрѣлки, ножички, долота, рыболовные крючки и многія другія, отчасти неопредѣленнаго назначенія, орудія. Пользовались также деревомъ (хотя деревянные орудія могли сохраниться только при исключительномъ благоприятныхъ условіяхъ) и глиной, изъ которой приготовлялись главнымъ образомъ горшки, первоначально чаще съ круглымъ дномъ, а позже и съ плоскимъ. Судя по множеству находимыхъ на мѣстахъ древнихъ поселеній звѣринныхъ, птичьихъ и рыбьихъ костей, слѣдуетъ заключить, что человѣкъ жилъ тогда въ стадіи звѣроловства, промыслялъ рыбу и звѣря, пользовался, вѣроятно, лукомъ со стрѣлами, копьемъ, удочкой, лодкой, можетъ быть лыжами, одѣвался въ звѣринныя шкуры и кожи, въ издѣлія изъ луба, жилъ въ землянкахъ и палаткахъ, небольшими поселеніями, разбросанными по берегамъ рѣкъ и озеръ. Слѣды взаимныхъ сношеній скудны, хотя иногда замѣтны въ издѣліяхъ изъ не-мѣстныхъ породъ камня. Художественныя стремленія проявляются въ орнаментации посуды, помощью отпечатковъ ногтей или пальцевъ, проведенныхъ черточекъ, извилинъ, давленныхъ ямокъ или даже сквозныхъ отверстій (вдоль края), затѣмъ въ украшеніи костяныхъ издѣлій — черточками, точками, даже рѣзными изображеніями животныхъ, птичьихъ головъ, рыбъ, которыя иногда (рѣже) дѣлались и изъ камня. Умершіе погребались уже съ извѣстными ритуаломъ; на югѣ Р. найдены даже курганы съ погребеніями, относящимися, повидимому, къ этой эпохѣ — съ костякомъ, въ согнутомъ или сидячемъ положеніи, съ грубымъ около него горшкомъ и съ каменными орудіями. Изъ домашнихъ животныхъ человѣкъ обладалъ уже собакой (остатки ея найдены въ отложеніяхъ на берегу Ладожскаго озера и въ Волосовѣ), а на югѣ Р. онъ можетъ быть былъ знакомъ и съ земледѣліемъ, на что указываютъ, повидимому, находки г. Хвойка въ Трипольѣ, гдѣ были найдены, между прочимъ, остатки обугленной пшеницы и длинныя кремневые, слегка загнутые осколки, позволяющіе предполагать въ нихъ серпы, хотя тамъ же было найдено и нѣсколько топориковъ изъ чистой мѣди. Распространеніе человѣка въ неолит-

ческий периодъ было весьма обширно; слѣды его въ эту эпоху найдены отъ Чернаго до Вѣлаго моря и отъ зап. границы до Урала, а также въ Сибири. На крайнемъ СВ, у камчадаловъ, каменный вѣкъ бытовалъ еще въ концѣ прошлаго вѣка, а у чукчей—до недавняго времени, но въ зап. и южной Сибири онъ относится также къ давнопрошедшимъ временамъ и слѣды его открываются только случайными находками и раскопками (напр. г. Савенкова около Красноярска). Каменный вѣкъ смѣнился всюду *металлическимъ*, и во многихъ странахъ Зап. Европы, Азии и Америки—эпохъ желѣза предшествовала эпоха *мѣди* и *бронзы* (т. е. сплава желѣза съ оловомъ, отчасти также—цинкомъ и свинцомъ). Въ естественномъ развитіи металлургіи обработка мѣди должна была предшествовать болѣе сложному приготовленію бронзы; и, дѣйствительно, какъ въ Азии, такъ и въ Европѣ, во многихъ областяхъ существовали, повидимому, мѣдный вѣкъ ранѣе бронзоваго. Сдѣланное гдѣ-то въ Передней Азии открытіе бронзы, представляющей многія преимущества передъ мѣдью, проникло ко многимъ народамъ, находившимся еще въ каменномъ вѣкѣ. Торговцы занесли извѣстные бронзовые мечи, топоры, наконечники копій и т. п. на берега Балтійскаго моря и обмѣнивали ихъ тамъ на янтарь и цѣнные мѣха. На территоріи Европ. Р. распространѣніе знакомства съ мѣдью и бронзой шло разными путями: отчасти съ ЮЗ и З, изъ греческихъ черноморскихъ колоній, изъ долины Дуная и изъ Скандинавіи, отчасти съ В—изъ Сибири и Приуралья, отчасти, съ ЮВ—съ Кавказа. Западное влияние было довольно слабо; слѣды его могутъ быть констатированы—въ Финляндіи, Польшѣ, Подоліи—въ находкахъ бронзовыхъ орудій (цѣльтовъ, пальштабовъ, мечей, серповъ и т. д.) зап.-европ. типовъ, въ каменныхъ формахъ для отливки цѣльтовъ, серповъ, наконечниковъ копій (въ юго-зап. Р.), въ обширномъ распространѣніи бронзовыхъ стрѣлокъ. Но въ бассейнѣ Днѣпра бронзовый вѣкъ вообще представленъ слабо и, повидимому, не вызвалъ самостоятельной промышленности, хотя кое-гдѣ, въ южной и въ средней Р., попадаются, въ могилахъ и складахъ, находки каменныхъ орудій совѣстно съ бронзовыми, и при томъ простѣйшихъ типовъ, напр. коваными, плоскими, листообразными наконечниками копій. Могилы этого начального бронзоваго вѣка, также какъ и каменнаго, характеризуются на югѣ Р. костяками, погребенными въ скорченномъ положеніи и часто *окрашенными* красной охрой—обычай, о которомъ было высказано много предположеній и который свидѣтельствуется, повидимому, о раскраскѣ костей, уже послѣ разрушенія мягкихъ частей. На сѣверномъ Кавказѣ слѣды этого обычая найдены и въ могилахъ болѣе поздняго времени. Восточное влияние шло изъ Сибири, гдѣ, особенно въ Минусинскомъ краѣ, широко процвѣтала нѣкогда мѣдная промышленность. Въ тамошнихъ своеобразныхъ могилахъ и просто на поляхъ найдены тысячи мѣдныхъ литыхъ орудій, цѣльтовъ, долотъ, кирокъ, ножей, кинжаловъ и т. д., отчасти украшенныхъ изображеніями животныхъ—горныхъ

козловъ, оленей, грифовъ и др.—иногда вмѣстѣ съ каменными орудіями или слѣдами желѣза. Эта древняя культура какого-то тюркскаго народа, развившаяся, вѣроятно, подъ влияніемъ съ юга, на почвѣ, изобилующей мѣдью, была распространена также въ Алтай и охватывала южный и средній Уралъ, гдѣ русскіе открыли многочисленныя мѣдныя копи, оставленные древнею чудью, со слѣдами работы и съ деревянными, каменными и мѣдными издѣліями этого народа. Съ Урала мѣдная издѣлія проникли и въ бассейны Камы и Ватки, гдѣ найдено нѣсколько древнихъ могильниковъ (Ананьинскій, Котловскій, Пьяноборскій) съ положенными при костякахъ бронзовыми орудіями (цѣпками, боевыми топорами, кинжалами и т. д.), но также и съ оружіемъ изъ желѣза. Мѣдная промышленность соединялась въ Сибири и съ золотою, какъ то доказываютъ происходившія отсюда золотыя украшения, характеризующія тѣмъ же стилемъ (изображеніями животныхъ), но относящіяся уже, повидимому, къ болѣе поздней эпохѣ. Этотъ стиль украшеній, достигшій также высокаго развитія въ Передней Азии и на Кавказѣ, оказалъ вѣдствіе (въ эпоху великаго переселенія народовъ) значительное влияние на художественную промышленность Запад. Европы и отчасти Р., проявившійся въ такъ назыв. «звѣриномъ орнаментѣ» многихъ памятниковъ зодчества и мелкихъ издѣлій. Древнѣйшія основы этого стиля надо искать въ странахъ прсредиземнаго Востока, откуда онъ распространился, подвергаясь самостоятельной обработкѣ, какъ въ Греціи, такъ и на Кавказѣ. Доисторическія древности Кавказа обратили на себя вниманіе всего лѣтъ 20 тому назадъ. Въ концѣ 70-хъ годовъ Байернъ сдѣлалъ любопытныя находки въ могильникѣ Самтавро, близъ Мухета, а Г. Д. Филимоновъ произвелъ замѣчательныя раскопки близъ ст. Казбекъ и въ Кобанскомъ могильникѣ, въ Осетіи. Здѣсь были открыты слѣды оригинальной культуры въ положенныхъ при умершихъ орудіи и украшенияхъ, главнымъ образомъ бронзовыхъ. Скорченные (т. е. лежащіе на боку съ согнутыми въ колѣнахъ ногами) костяки имѣютъ при себѣ красивые, изящно изогнутые топоры, иногда украшенные орнаментомъ и изображеніями животныхъ, плоскіе кинжалы, пояса съ бронзовыми аграфами, большія дугообразныя фибулы (брошки) для застѣгиванія одежды, большія лопатковидныя булавы около головы, разнообразныя привѣски съ изображеніями горныхъ барановъ и козловъ, оленей, лошадей и т. д., спиральныя наручники, массивныя браслеты, разнообразныя бусы, глиняныя орнаментироваыя кушныи и горшки и т. д. Эти замѣчательныя могильники, бывшіе предметомъ изслѣдованій графа Уварова, Антоновича, Вирхова, Шантра и другихъ, вызываютъ отчасти слѣды глубокой древности, уходящей, по Вирхову, Шантру, Монтелиусу, до X—XIII-го вв. ранѣе нашей эры; въ другихъ случаяхъ они принадлежатъ къ болѣе позднему эпoхaмъ—первымъ вѣткамъ нашей эры и даже къ VI—VII вв. Въ нѣкоторыхъ могильникахъ Закавказья найдены

слѣды культурнаго вліянія изъ странъ Евфрата и Тигра; открыты въ долинахъ Аракса *глинообразныя надписи* указываютъ на распространене сюда ассирійской культуры чрезъ посредство народа страны Урарту, въ VIII—VII вв. до нашей эры. Съ другой стороны, эта кавказская культура испытала также известное вліяніе со стороны черноморскихъ греческихъ колоній. На сѣверѣ она распространялась до Донской области, гдѣ найдены подобныя же изогнутыя топоры, хотя уже позднѣйшихъ типовъ, отчасти изъ желѣза, и гдѣ жили нѣкогда тѣ же аланы, предки нынѣшнихъ осетинъ, что и на Кавказѣ.

Желѣзный вѣкъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Россіи смѣнился, повидимому, непосредственно вѣкъ каменный (нѣкоторые слѣды бронзоваго вѣка найдены и въ средней Р., напр. въ губ. Владимірской и Калужской). Въ южной Р. желѣзный вѣкъ начался, несомнѣнно, много раньше, чѣмъ на С; жившіе здѣсь въ VI—VII вв. до нашей эры *скины* были уже знакомы съ желѣзомъ. Кто были эти скины, въ точности неизвѣстно; повидимому, это названіе было у грековъ общимъ для нѣсколькихъ жившихъ здѣсь варварскихъ народовъ, отчасти кочевыхъ, отчасти земледѣльческихъ. Судя по нѣсколькимъ дошедшимъ до насъ изображеніямъ этого народа, они не представляли монгольскихъ чертъ и носили бороду; судя по нѣкоторымъ собственнымъ именамъ, въ средѣ его былъ иранскій элементъ. Высказывалось мнѣніе, что въ скиахъ можно видѣть предковъ позднѣйшихъ германцевъ и славянъ. О нравахъ и обычаяхъ этого народа наиболѣе подробныя свѣдѣнія сообщилъ греческій историкъ Геродотъ, посѣтившій сѣверные берега Чернаго моря въ V в. до нашей эры. Въ это время на входившемъ нынѣ въ предѣлы Р. черноморскомъ побережьи уже процвѣтали *греческія колоніи*, основанныя малоазійскими іоническими греками, главнымъ образомъ изъ Милета — Ольвیا (при устьѣ Днѣпра), Пантикапея (на мѣстѣ нынѣшней Керчи), Фанагорія (противъ Пантикапея), Тирость, Тауансъ и др. Это были небольшія республики, занимавшіяся торговлей хлѣбомъ и снабжавшія имъ Аттику. Въ обмѣнъ на хлѣбъ, а отчасти и на другіе продукты, они снабжали окрестное населеніе произведеніями греческой промышленности и искусства — мѣдными и желѣзными орудіями, глиняными амфорами, золотыми и серебряными украшеніями, тканьями и т. д. Ольвیا уже съ III—II в. до Р. Хр. стала подвергаться опустошеніямъ и окончательно пала въ III в. по Р. Хр. Пантикапея сдѣлалась центромъ богатаго Босфорскаго царства, также начинавшаго падать со II в. нашей эры. Отъ всѣхъ этихъ городовъ остались теперь только немногія развалины, а главнымъ образомъ — гробницы, отчасти въ видѣ высѣченныхъ въ скалѣ катакомбъ или камеръ со сводами, отчасти въ видѣ ямъ въ землѣ, съ насыпанными надъ ними курганами. Эти греч. могилы оказываются часто богато украшенными; умершіе помѣщались въ богатыхъ саркофагахъ, въ одеждахъ, украшенныхъ золотыми блестками; мужчины — въ пле-

махъ, съ оружіемъ, женщины — съ золотыми діадемами, ожерельями, браслетами, перстнями, иногда и съ золотыми масками. Вообще могилы эти дали наибольшее количество золотыхъ украшеній, изящной худож. работы, V—III вв. до нашей эры; наиболѣе полное представленіе о ювелирныхъ произведеніяхъ лучшей поры греч. искусства даютъ коллекціи спб. Эрмитажа. Кромѣ того, здѣсь были найдены скульптурныя произведенія, мраморныя статуи и барельефы, глиняныя статуэтки и маски, многочисленныя надписи на мраморныхъ доскахъ, изящныя терракоты, амфоры и т. д. Эти произведенія греческаго искусства распространялись и среди скиновъ, особенно среди ихъ вождей и знатныхъ лицъ, снабжавшихъ этими вещами и своихъ умершихъ. Предпочитались варварами предметы болѣе имъ понятныя, и греческіе художники умѣли, повидимому, приспособляться къ этому, изготовляя, напр., предметы конскаго убора, бляхи для нагучевъ, съ изображеніемъ оленей и другихъ животныхъ, золотые и серебряные сосуды съ изображеніемъ скиновъ, прекрасныя филиграновыя ожерелья и серги для женщинъ и т. д. Скинскіе курганы встрѣчаются иногда рядомъ съ греческими, и различать ихъ не всегда легко: ближайшіе къ городамъ скины были, вѣроятно, сильно эллинизированы, а греческіе поселенцы усваивали себѣ, постепенно нѣкоторые скинскіе обычаи и вкусы. Но вообще въ скинскихъ могилахъ встрѣчается болѣе предметовъ варварскаго стиля, а большіе курганы такъ наз. скинскихъ парей указываютъ на особые, не свойственные грекамъ обычаи погребенія. Въ этихъ курганахъ погребальная камера лежитъ на значительной глубинѣ и соединенною съ боковыми камерами; въ главной камерѣ погребался царь съ его женой, а въ боковыхъ — воины и кони, всѣ съ дорогими украшеніями, оружіемъ, металлическими и глиняными сосудами и т. д. При кончинѣ царя, очевидно, убивались также его жена, слуги, лошади, для сопутствованія ему на тотъ свѣтъ, и полагались, вмѣстѣ съ одедами, оружіемъ, украшеніями, запасами пищи и т. д., въ обширную могилу. Очень часто главная камера въ такихъ курганахъ оказывается ограбленною, но боковыя иногда уцѣлѣли отъ расхищенія, и въ нихъ-то обыкновенно и находятъ цѣнныя вещи. Кромѣ слѣдовъ греческаго вліянія, въ скинскихъ могилахъ, именно въ характерѣ и стилѣ нѣкоторыхъ предметовъ, находили аналогіи съ сибирскими древностями. По всей вѣроятности, уже тогда существовали сношенія между Черноморьемъ и Приуральемъ, чѣмъ можно объяснить, между прочимъ, и богатство скинско-греч. могилъ золотомъ. Скины господствовали въ нынѣшней южной Р. до II ст. до Р. Хр., когда они подпали подъ власть тоже пришедшихъ изъ Азии *сарматовъ*, жившихъ во времена Геродота еще къ В. отъ Дона. Сарматы были арийскимъ племенемъ; объ отношенія ихъ къ скинамъ неизвѣстно ничего опредѣленнаго. Древніе писатели часто смѣшиваютъ названія этихъ племенъ и переносятъ данныя объ одномъ на другое; вообще, повидимому, нравы ихъ пред-

сталили много сходного, хотя, кажется, сарматы были народом осёдлым и занимались земледелием. Въ виду того, что среди сарматов также распространялись произведения греческаго искусства и промышленности и устраиваемые ими курганы выказывают сходную со скинскими обстановку погребений, различать тѣ и другіе весьма трудно, почему нѣкоторые изслѣдователи и пользуются общимъ названіемъ кургановъ «скино-сарматскихъ». Единственная точка опоры въ этомъ случаѣ дается характеромъ греческихъ художественныхъ издѣлій, оцѣнка котораго можетъ быть, однако, предметомъ споровъ. Чертомлыцкій курганъ (въ 20 вер. къ СЗ отъ Никополя, на Днѣпрѣ), раскопанный И. Е. Забѣлинскимъ, ранѣе, напр., всѣмъ признавался скинскимъ, а въ послѣднее время проф. Н. П. Кондаковъ отнесъ его къ II—I вв. до нашей эры и призналъ сарматскимъ. Подобное различіе взглядовъ проявлялось и относительно находившагося близъ Керчи Куль-обскаго кургана, даващаго массу цѣнныхъ предметовъ. Между прочимъ, въ обоихъ курганахъ найдено по сосуду, въ Куль-обскомъ — золотой (или, точнѣе, изъ электрона — сплава золота съ серебромъ), въ Чертомлыцкомъ — серебряный, съ весьма любопытными изображеніями на нихъ скиновъ или сарматовъ. Греч. издѣлія распространялись, вѣроятно, и за предѣлы обитанія собственно скиновъ: они были найдены въ нѣкоторыхъ курганахъ губ. Киевской и Черниговской, въ обл. Донской и Кубанской. Въ предгорьяхъ Кавказа эта древняя культура, съ ея своеобразными, богато обставленными курганами, продолжала бытовать, повидимому, и послѣ того, какъ въ Новороссійскомъ краѣ она уже уступила мѣсто другимъ наслоеніямъ. Во II—в. нашей эры на сѣв. берегахъ Чернаго моря появляются германское племя *готы*, перешедшихъ сюда изъ своихъ прежнихъ поселеній у Балтійскаго моря, и господствуетъ здѣсь до IV в., когда оно было вытѣснено на 3 гуннами. Ранѣе еще началось вліяніе *римлянъ*, которые въ 64 г. до Р. Хр., по смерти царя Митридата, овладѣли Босфорскимъ царствомъ. Съ развитіемъ торговыхъ сношеній римлянъ началось распространѣніе въ нынѣшней Р. римскихъ императорскихъ монетъ II—IV вв. Масса кладовъ съ такими монетами найдена въ Юго-зап. краѣ, а отчасти и далѣе, во внутренней Р. Издѣлія, приписываемыя готамъ, часто встрѣчаются совмѣстно съ предметами римскаго искусства и промышленности. Готы усвоили себѣ многія характерныя черты азіатскаго художественнаго стиля, передавъ его отчасти и другимъ германцамъ. Въ готскихъ древностяхъ мы видимъ любопытное сочетаніе западныхъ формъ — напр. мечей, фибулъ — съ варварскими, богатыми, но пестрыми, азіатскими украшеніями, изъ драгоценныхъ камней, гранатовъ, цвѣтного стекла (красной эмали) и т. д. Предметы этого такъ назыв. «готскаго» стиля находили въ Крыму, на берегахъ Азовскаго моря и даже во внутренней Р. (напр. въ Калужской губ.). Типичныя готскія могилы въ Р., однако, указать трудно, и обыкновенно въ классификаціи русскихъ древ-

ностей за скино-сарматскою эпохою ставятъ непосредственно *славянскую*, начиная ее съ V-го или VI-го в. Древнѣйшія могилы славянъ, однако, различать трудно, тѣмъ болѣе, что мы не знаемъ, когда собственно поселились славяне въ Р. Легенда о приходѣ славянъ съ Дуная, которую нѣкогда думали приурочить, по времени, къ эпохѣ распространѣнія въ Р. кладовъ римскихъ императорскихъ монетъ первыхъ вѣковъ нашей эры, не выдерживаетъ критики; подобные клады были найдены въ сѣверной Германіи, Скандинавіи, Галліи, и распространѣніе ихъ объясняется торговыми сношеніями, какъ и послѣдующее распространѣніе византійскихъ и восточныхъ монетъ. Есть основаніе думать, что славяне жили въ юго-западной Р. со временъ незапамятныхъ, можетъ быть съ эпохи каменнаго вѣка, но не выступали какъ господствующее племя и были извѣстны подъ другими названіями. Хорографическая и топографическая номенклатура не противорѣчитъ такому допущенію, тогда какъ далѣе къ С и В мы встрѣчаемся уже съ инородческою номенклатурою, на С — съ финскою, на В — съ тюркскою, свидѣтельствующею о первоначальному инородческому заселеніи этихъ областей. Несомнѣнные славянскія могилы обозначаются въ Р. лишь въ болѣе позднюю эпоху, въ IX—XI вв. Нѣкоторые ученые, избѣгая этнографическихъ названій, предлагали называть эту эпоху *византійскою*, по характеризующимъ ее слѣдамъ византійскаго вліянія. Признаками славянскихъ могилъ (кургановъ) является ихъ относительная бѣдность: золото встрѣчается очень рѣдко, серебро чаще, но обыкновенно плохого достоинства, также бронза; оружіе желѣзное — топоры, рѣже мечи, наконечники копій и стрѣлы, копѣицы, рѣже желѣзные плахи и щиты (или точнѣе, средняя часть щитовъ, итва; остальной щитъ былъ изъ кожи); обычны также желѣзные ножики; изъ украшеній характерны височныя кольца (серебряныя или бронзовыя), обыкновенно съ загнутымъ S-образно однимъ кондомъ, зашпетаившіяся по нѣскольку въ волоса на вискахъ или прикрѣплявшіяся къ головному убору; шейные разомкнутые обручи или гривны (сплошные, витые, цѣпочтатые); серьги (серебряныя, иногда золотыя), изъ колечка съ нанизанными на немъ тремя, часто шиповатыми или гранеными, шариками; браслеты; перстни; вмѣсто фибулъ — простыя пряжки; горшки довольно грубой работы, съ простымъ орнаментомъ изъ прямыхъ или волнистыхъ, поперечныхъ линий; огнива, оселки, пряслицы, костяные гребешки, желѣзные серпы, остроги, удила и стремена; бусы разнаго вида и состава; иногда византійскія и восточныя монеты, крестяки и образки. Курганы разныхъ областей представляютъ варіаціи въ своемъ устройствѣ и въ обстановкѣ погребеній; можно различать, напр., курганы древлянскіе, сѣверянскіе и т. д. Нѣкоторые, впрочемъ — напр. полянскіе (по Автоновичу), съ погребеніями на конѣ, — приписываются иногда *тюркскимъ народностямъ*, напр. печенѣгамъ (по Бранденбургу), хотя обычай погребать воина съ его лошадыо былъ распространенъ,

повидимому, у многих народов. Н. И. Веселовский встрѣтился съ нимъ особенно въ курганахъ сѣв. Кавказа, гдѣ найденъ одинъ большой курганъ съ сотнями конскихъ скелетовъ. Замѣчательна еще наличность во многихъ славянскихъ могилахъ слѣдовъ *трупосожженія*, двумя способами: при одномъ трупъ полагался въ одеждѣ, съ оружіемъ, украшеніями и т. д., на костеръ, который сожигался, и на *кострищѣ* этомъ насыпался курганъ; при другомъ сожженіе происходило въ особомъ мѣстѣ, съ котораго собирався потомъ пепелъ и останки вещей и полагались въ погребальную урну, которая и хоронилась, иногда съ другими сосудами (съ пнией?). Первый способъ обнаруженъ въ большихъ черниговскихъ (княжескихъ) курганахъ, раскопанныхъ г. Самокласовымъ; онъ напелъ тамъ, между прочимъ, большой желѣзный мечъ съ серебряной нашивкой на рукояті (скандинавскаго типа), желѣзные племни, среднюю часть щита, удила, стремени, два турнхъ рога съ серебряной окладкой, на которой вычеканены любопытныя сцены охоты, двѣ византійскія монеты IX в. и т. д. Въ Гнѣздовскихъ курганахъ Смоленскаго уѣзда, раскопанныхъ В. И. Сизовымъ, найдены, между прочимъ, большія скорлупчатія фибулы (скандинаво-балтійскаго типа), желѣзная кольчуга, шлемъ умбо щита, мечъ, арабскія монеты X в. и т. д. Могила съ *погребальными урнами* находятъ въ Польшѣ и вообще въ бассейнѣ Вислы. Обычай трупосожженія появился въ зап. Европѣ въ отдаленныя времена, несомнѣнно — въ бронзовую эпоху, и продолжался въ желѣзномъ вѣкѣ, въ эпоху славянскихъ кургановъ, но здѣсь лишь мѣстами, въ меньшемъ числѣ случаевъ и притомъ въ сравнительно древнихъ могилахъ (X в.); иногда его слѣды находятъ рядомъ съ могилами, заключающими въ себѣ погребенія (скелеты), при чемъ и тамъ, и тутъ оказываются вещи одинаковаго характера. Съ принятіемъ и распространеніемъ у славянъ христіанства обычной хоронить подъ курганами мало-по-малу прекратился и замѣнялся погребеніями при церквахъ, на кладбищахъ. Поэтому курганы позднѣйшихъ вѣковъ (XII—XVI ст.), встрѣчающіеся въ южной Р., приписываютъ обыкновенно тюркскимъ кочевникамъ; весьма вѣроятно, что имъ же должны быть приписаны и нѣкоторые болѣе древніе курганы (напр. съ остатками коней). Кромѣ кургановъ, остатки древнеславянской культуры встрѣчаются на многихъ *городищахъ* (см.), въ слояхъ разныхъ отбросовъ и т. д., а также въ *кладбахъ* цѣнныхъ вещей, зарытыхъ особенно въ эпоху татарскаго нашествія (въ XIII в.) и найденныхъ, напр., въ Киевѣ, Черниговѣ, Владимірѣ, Старой Рязани, въ Каневскомъ у., въ Гнѣздовѣ и т. д. Чѣмъ далѣе на сѣверъ, тѣмъ славянскія могила труднѣе отличаются отъ могилъ литовскихъ и финскихъ. Болѣе древніе *финскіе могильники*, V—VIII вв. (напр. въ губерніяхъ Рязанской, Тамбовской, Витебской), отличаются отсутствіемъ курганныхъ насыпей, т. е. представляютъ не курганы, а кладбища; кромѣ того, въ нихъ не встрѣчается нѣкоторыхъ видовъ украшеній и, наоборотъ, изоби-

луютъ разныя болѣе или менѣе массивныя, шумящія (т. е. снабженныя висящими лапками, колокольчиками, бубенчиками) подвѣски. Главное культурное вліяніе въ эту эпоху шло здѣсь съ В., вверхъ по Волгѣ, вмѣстѣ съ распространеніемъ восточной торговли. Въ эпоху *Сассанидовъ* эта торговля распространялась въ бассейнѣ Камы и Вятки, а отчасти и за Ураломъ, серебряныя блага, кувшины и т. п., часто съ характерными изображеніями животныхъ, охотничьихъ сценъ и т. д.; такихъ издѣлій много въ Императорскомъ Эрмитажѣ. Подъ вліяніемъ этихъ сношеній съ Востокомъ въ Поволжѣ развился мѣстный торговый и культурный центръ, *Болгары* (въ Казанской губ.), распространявшій произведенія своей промышленности по всей средней Р., даже до Балтійскаго моря, откуда шло другое, западное вліяніе. Курганы, раскопанные гр. Уваровымъ во Владимірской и Ярославской губ., были приписаны имъ мерянамъ; финскими считаются также курганы въ губ. Московской, Тверской, Костромской, Петербургской. Различить курганы финскіе и славянскіе трудно потому, что въ ихъ обстановкѣ мы находимъ много сходнаго, равно какъ въ характерѣ и стилѣ вещей (украшеній), распространявшихся повсюду въ Р. изъ однихъ и тѣхъ же торговыхъ центровъ. Кромѣ Болгаръ, на Волгѣ, такіе центры существовали на Ю., особенно въ Корсуни, а затѣмъ въ Киевѣ. Корсунь (древній Херсонесъ) приобрѣлъ особенно важное значеніе въ византійскую эпоху, такъ какъ отсюда шло, главнымъ образомъ, распространеніе христіанства, его символовъ (крестовъ, образковъ и т. д.), а равно и другихъ произведеній византійской промышленности. Изслѣдуемая въ послѣднія десятилѣтія развалины Херсонеса могутъ быть сравниваемы съ развалинами Помпей, и хотя уступаютъ послѣднимъ по количеству найденныхъ предметовъ (потому что Помпей были засыпаны пепломъ Везувія въ короткое время, а Херсонесъ разбрасывался и опустошался въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ), но превосходятъ ихъ разнообразіемъ представленныхъ эпохъ, отъ скиесо-греческой (за 4 и болѣе вѣковъ до Р. Хр.) до византійско-славянской. Здѣсь найдены остатки жилищъ, храмовъ и нѣсколько этажей могилъ, относящихся къ различнымъ эпохамъ, на пространствѣ 14—15 вѣковъ. Будущимъ изслѣдованіямъ предстоитъ выяснить въ подробностяхъ особенности древней славянской, финской и тюркской культуры въ предѣлахъ Р., въ связи съ переживавшимися ими вліяніями изъ странъ, болѣе подвинувшихся впередъ въ гражданскомъ, промышленномъ и художественномъ отношеніи. Принимая, однако, во вниманіе, что финская и тюркская культуры въ Р. оказались неспособными къ дальнѣйшему развитію и должны были уступить культурѣ русско-славянской, создавшей русское государство, мы можемъ говорить, начиная съ IX-го в., уже о культурѣ *русской*, постепенно распространявшейся изъ Киева, Смоленска, Новгорода и сложившейся затѣмъ въ новый великорусскій центръ во Владимірѣ, Суздаль, Рязани, Твери, Москвѣ. Первоначальному развитію этой

культуры способствовали тѣ вліянія, которымъ она подвергалась, главнымъ образомъ со стороны Востока и Византии. Вліяніе Востока особенно усилилось въ эпоху великаго переселения народовъ. Они занесли въ Европу новые вкусы и обычаи, выразившіеся, между прочимъ, въ характерѣ украшеній, въ такъ назыв. звѣриномъ стилѣ, давшіе толчекъ къ новымъ архитектурнымъ формамъ и т. д. Позже южная Русь становится областью торговаго обмѣна и оживленныхъ сношеній между Востокомъ и Западомъ, между греко-восточной промышленностью—сбывавшей свои издѣлія черезъ Кавказъ и Крымъ и доставлявшей ихъ по Волгѣ въ Болгары и западной—шедшей изъ Варягъ и изъ средней Европы. Въ великокняжескую эпоху въ предѣлахъ Р. существуютъ обширные и богатые рынки: Корсунь, Болгары, Итилъ, Кафа, Кіевъ и др. Наивнѣе кланды цѣнныхъ вещей XII—XIII вв. указываютъ на сравнительно высокое развитіе промышленнаго искусства, имѣвшаго, повидимому, уже русскихъ мастеровъ. Татарское нашествіе затруднило, но не прекратило торговыя сношенія съ Востокомъ и Византией. При недавнихъ раскопкахъ (для постановки памятника Александру II) въ московскомъ Кремлѣ найдены обломки различныхъ восточныхъ издѣлій XIV—XV вв., напр. арабо-египетскихъ стеклянныхъ, съ эмалевымъ и золоченымъ орнаментомъ, персидскаго фаянса, сосудовъ сарайскаго типа и т. д., указывающіе на продолжавшійся обмѣнъ съ Востокомъ.

Литература. Гр. А. Уваровъ, «Археологія Р. и каменный вѣкъ» (2 т., М., 1881); А. Иностранцевъ, «Человѣкъ каменнаго вѣка на побережьи Лад. озера» (СПб., 1882); Нидерле, «Человѣчество въ до-историческія времена» (пер. подъ ред. Анучина, 1898); Aspelin, «Antiquités du Nord finno-ougrien» (Тельсингфорсъ, 1877—84); «Mémoires de la Soc. finno-ougrienne» (ib., ст. Heickel'я и др.); «Antiquités du Bosphore Cimmérien» (1854, réd. p. S. Reinach, II., 1892); Гр. Толстой и Кондаковъ, «Рус. древности въ памятникахъ искусства» (5 вып., 1889—98); Кондаковъ, «Рус. кланды. Изслѣдованіе древностей великокняжескаго періода» (I, СПб., 1896); «О научныхъ задачахъ исторіи древне-русс. искусства» (1899); «Труды археологическихъ съѣздовъ: I въ Москвѣ (1869), 2 т. и атласъ; II—въ Петербургѣ (1872), 2 т. и атл.; III—въ Кіевѣ (1875), 2 т. и атл.; IV—въ Казани (1878), 2 т.; V—въ Тифлисѣ (1881), 2 т.; VI—въ Одессѣ (1884), 4 т.; VII—въ Ярославлѣ (1887), 3 т.; VIII—въ Москвѣ (1890), 4 т.; IX—въ Вильнѣ (1893), 2 т.; X—въ Ригѣ (1896), 2 вып. подг., и 2 т. «Мат. по арх. Кавказа» (изд. моск. арх. общ., вып. 1—7); «Мат. по археол. вост. губ.» (изд. имъ же, вып. 1—3); «Древности» (изд. моск. арх. общ., т. I—XV, 1865—94, и «Труды» его восточной и другихъ комиссій); «Арх. Извѣстія и Забѣтки», 1893—99; Отчеты Имп. Археол. Коммисіи, за года 1859—1896; «Матер. по археологій Россіи» (изд. Имп. арх. комис., №№ 1—21); «Записки Рус. (СПб.) Археол. Общества» (т. I—XI); «Извѣстія» того же общ., т. I—X; новал

серія, т. I—VIII; «Труды Вост. Отд.» того же общ. (20 томовъ); «Записки Вост. Отдѣл.» (9 т.); «Зап. Отд. Слав. и Русс. Археол.» (4 тома) и мн. отд. изд., напр.: «Кіевскій Софійск. Соборъ» (4 вып.); Савваитовъ, «Описаніе стар. рус. утвари, одежды, оружія и пр.» (нов. изд., 1896); Бранденбургъ, «Старая Ладога» (1895) и др.; гр. Бобринскій, «Курганы у м. Смѣлы» (2 т.); «Древности Россійскаго Государства» (роскош. каз. изд., folio); «Древности Геродотовой Скиіи» (изд. Имп. акд. наукъ); Вельтманъ, «Моск. Оруж. Палата» («Альбомъ» фотографій съ предметовъ моск. Оруж. Палаты» (сост. подъ руковод. Филимонова); «Материалы по исторіи русск. одежды и пр.» (изд. по Высоч. пов. Прозоровымъ 1881, и сл., итск. выпусковъ); Забѣлкинъ, «Домашній бытъ русск. царей и паричъ». Сочиненія по нумизматикѣ: восточной—Савельева, Френа, Тизенгаузена, русской—Чертокъ и Орбіншкова. Каталоги отдѣльных собраний: Гр. Уварова, Поля, кіевского унив. музея (монеты), моск. антроп. вист. 1879 г., моск. археол. вист. 1890 г., рязской археол. вист. 1896 г., Леонардова, Ханенко, Шуклина, Лемма, моск. истор. музея, СПб. Эрмитажа, минусинскаго, томскаго музеевъ и др. «Труды» обществъ: общ. люб. естеств., особенно антропол. его отдѣла, моск. общ. ист. и древн., новороссійскаго исторіи и древн., кіевскаго Нестора Лѣтописца, казанскихъ—естествоиспытателей и археологій, исторіи и этнографіи, уральскаго люб. естествознанія, географическаго и его сибирск. отдѣловъ, кавказ. общ. археологій и др. Труды по древн. русскому зодчеству, изданія памятниковъ, труды Дала, Павлинова, Султанова, Суслова. Труды по иконописи и народному искусству—Буслаева, Филимонова, Ровинскаго, Покровскаго и др.; по орнаменту—Стасова и т. д. Иностранныя изданія: Virchow, «Grabfeld v. Roban»; Chantre, «Le Caucase» (5 t.); Martin, «L'âge du bronze du Musée de Minoussinsk»; статьи bar. de Baye, Grempler, Heger.

В. Источники русской исторіи и русская исторіографія. Основнымъ источникомъ русской исторіи отъ древнѣйшихъ временъ до середины XVI столѣтія (а въ отдѣльных случаяхъ—и дальше) служатъ *лѣтописи*. Не смотря на почти двухстолѣтнее пользованіе лѣтописями, этотъ наиболѣе эксплуатированный источникъ русской исторіи не можетъ, однако, считаться вполне изученнымъ, даже въ его древнѣйшихъ частяхъ, издавна привлекавшихъ къ себѣ наибольшее вниманіе изслѣдователей. Хотя уже со времени изслѣдованій покойнаго Бестужева-Рюмина (см. его ст. о «Лѣтописяхъ» въ настоящемъ Словарѣ) окончательно установился взглядъ на лѣтописи, какъ на компиляціи изъ болѣе древнихъ, недошедшихъ до насъ источниковъ, тѣмъ не менѣе у многихъ изслѣдователей сохраняется до сихъ поръ излишнее довѣріе къ лѣтописному тексту и привычка пользоваться лѣтописью, какъ цѣльнымъ произведеніемъ, безъ дальнѣйшей критической провѣрки того, какъ произошло каждое изъ ея показаній. Насколько неостороженъ такой способъ пользованія, особенно наглядно показали въ послѣдніе годы

замѣчательныя изслѣдованія А. А. Шахматова о «Повѣсти временныхъ лѣтъ» (см. его ст. въ Словарѣ подъ этимъ именемъ). Путемъ тонкаго анализа неизученныхъ доселѣ новгородскихъ лѣтописей, А. А. Шахматову удалось открыть въ начальной части ихъ прототипъ «Повѣсти», названный имъ «Начальнымъ сводомъ» (и въ свою очередь могущій быть сведеннымъ къ еще болѣе простому тексту). Основываясь на этомъ открытіи, мы можемъ отмѣтить въ «Повѣсти» не менѣе пяти послѣдовательныхъ наслоевъ: 1) повѣсть о «началѣ земли русской», коротко рассказывающую о томъ, какъ Кій, Щекъ и Хоревъ въ Киевской области, а славяне, кривичи и меря — въ Новгородской, владѣли «каждо родомъ своимъ», какъ туда и сюда пришли варяги, какъ наслѣдники Рюрика, Игорь, съ своимъ «воеводой» Олегомъ выгнали киевскихъ варяговъ, Аскольда и Дира, и завладѣли Киевомъ, какъ Игорь и его воевода Свѣнелдъ воевали съ древлянами и угличами, какъ убитъ былъ древлянами Игорь и мстила за него Ольга и т. д. Составитель этой повѣсти не знаетъ ни греческихъ лѣтописцевъ, ни официальныхъ историческихъ памятниковъ (за исключеніемъ, можетъ быть, древнѣшаго списка Русской Правды), ни лѣтописныхъ легендъ. Ссылки составителя на «нынѣшнее время» (по поводу власти надъ хазарами, варяжской новгородской дани, присутствія варяжскаго элемента въ Новгородѣ) едва-ли могутъ относиться ко времени позднѣе Ярослава. 2) Эта повѣсть, дополненная свѣдѣніями изъ Амартола о греческихъ походахъ русскихъ князей и распрѣдѣленная по годамъ сообразно догадкамъ, довольно неудачнымъ, новаго редактора, представляетъ собою «Начальный сводъ», составленный, по предположеніямъ А. А. Шахматова, въ концѣ XI в. 3) Новое дополненный историко-географическими и историко-этнографическими данными о разселеніи славянъ, болѣе подробными извлеченіями изъ Амартола о княжескихъ походахъ на грековъ, о греко-угорскихъ и греко-болгарскихъ столкновеньяхъ, текстами договоровъ грековъ съ князьями, легендами и, наконецъ, новыми хронологическими догадками, «Начальный сводъ» превратился въ «Повѣсть временныхъ лѣтъ» первой редакціи, составленной въ 1116 г. 4) Новый редакторъ, съ помощью греческой «Лѣтописи Никифора вкратцѣ», систематически пересмотрѣлъ всѣ хронологическія показанія своихъ предшественниковъ и подвергнулъ ихъ коренной переработкѣ. Такъ произошла, съ прибавкой нѣсколькихъ новыхъ фактовъ и легендъ, вторая редакція «Повѣсти», составленная въ 1118 г. 5) Наконецъ, обѣ редакціи «Повѣсти», вмѣстѣ съ тѣми лѣтописями, съ которыми онѣ были соединены, оказали влияние другъ на друга и, кромѣ того, вторая редакція подверглась новому воздѣйствію «Начальнаго свода»: такъ произошли дошедшіе до насъ тексты «Повѣсти временныхъ лѣтъ» трехъ группъ, представляемыхъ списками Лаврентьевскимъ и Ипатьевскимъ и Софійскимъ временникомъ. Насколько важны всѣ эти наблюденія для историка, видно изъ того, что А. А. Шахма-

товъ, разобравъ хронологическіе домыслы разныхъ редакторовъ «Повѣсти» до 945 г., считъ возможнымъ признать только за четырьмя изъ нихъ происхожденіе изъ первоисточниковъ (именно, годы договоровъ 907, 912, 945 и походъ Игоря 941). Относительно дальнѣйшаго лѣтописанія важнѣе выводы Шахматова о существованіи специально-новгородской лѣтописи, начинавшейся извѣстіемъ о крещеніи Новгорода въ 989 г. и сочиненной въ 1167—1188 г. Германомъ Волотой, священникомъ новгородской церкви св. Іакова. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе лѣтописи начинаютъ служить, вмѣсто цѣли нравственнаго наиданія, цѣлѣмъ государственной политики. Съ конца XV и начала XVI ст. онѣ не довольствуются тенденціознымъ изложеніемъ современныхъ лѣтописцу событій и начинаютъ вносить тенденціозное освѣщеніе въ изображеніе прошлаго. Сложился цѣлый рядъ официозныхъ легендъ, доказывавшихъ справедливость московскихъ политическихъ притязаній, права московскаго государя на «всю Русь, на киевское наслѣдство, наконецъ, на власть византійскихъ императоровъ» (см. Вавилонское царство, Бѣлый клубокъ). Учителями русскихъ въ этомъ отношеніи были, прежде всего, южные славяне; позже, въ XVII в., началось вліяніе и польской историографіи. Проводникомъ юго-славянскаго вліянія были хронографы (см.); одинъ изъ нихъ, передѣланный для русскихъ читателей въ 1512 г. извѣстнымъ сторонникомъ теоріи о Москвѣ—третьемъ Римѣ, старцемъ Филоеемъ (новѣйшая догадка Шахматова), заключалъ въ себѣ и образцы прагматическаго историческаго изложенія (жизніе деспота Стефана Лазаревича, написанное виднымъ сербскимъ писателемъ Константиномъ Философомъ). Подъ вліяніемъ новыхъ образцовъ, форма лѣтописнаго изложенія мало-по-малу выходитъ изъ моды. Къ тенденціозной официальной легендѣ присоединяется оппозиціонный памфлетъ (см. Сергій и Германъ, Пересѣтовъ). Приемы памфлета переносятся и въ историческое изложеніе (см. Курбскій). Форма «сказанія» является наиболѣе подходящей для новыхъ потребностей. Употреблявшаяся уже въ древній періодъ и все сильнѣе вторгавшаяся въ рамки лѣтописнаго изложенія начиная съ XIII в., эта форма теперь окончательно разрушаетъ лѣтописную. Накопленіе важныхъ событій въ смутную эпоху представляеть благодарный матеріалъ для «сказаній», которые быстро разрастаются въ числѣ и образуютъ цѣлую литературу. Послѣ смутнаго времени проникаетъ въ русскую историографію вліяніе польской литературы и прежде всего отзывается на новой передѣлкѣ хронографа: въ основу его кладутся теперь не византійскіе и юго-славянскіе источники, а польская хроника Мартина Бѣльскаго. Скоро создается въ Киевѣ и цѣлое изложеніе русской исторіи, удовлетворяющее новымъ ученымъ вкусамъ и опирающееся на польскую хроникъ Стрыйковскаго — именно лѣтописи Феодосія Сафоновича и основанный на ней «Синописисъ». Въ то же время, какъ киевское духовенство возвеличивало въ «Си-

нописей» религиозную роль своего города в русской истории, московский дьякъ Федоръ Грибѣдовъ писалъ для царскаго оубоха первую «Исторію о царяхъ и великихъ князяхъ земли русской», въ которую включилъ и всѣ государственныя легенды XVI в. Гораздо важнѣе этой жидкой «исторіи» было произведение сослуживца и современника Грибѣдова, эмигранта Григорія Котошихина, написанное для шведовъ, чтобы ознакомить ихъ съ тогдашней Р. Съ послѣднихъ годовъ XVIII в. до новѣйшаго времени тянется непрерывный рядъ «записокъ» современниковъ, составляющихъ основной матеріалъ для бытовой исторіи, для исторіи придворныхъ и общественныхъ теченій. Крупнымъ дополненіемъ къ этой категоріи источниковъ являются «сказанія иностранцевъ о Р.» (см.). Житія святыхъ (см.) служатъ важнымъ матеріаломъ, за отсутствіемъ другихъ источниковъ, для бытовой исторіи древней Руси. Для изученія внутренней, особенно юридической, социальной и экономической исторіи Р. несравненно большее значеніе имѣютъ «акты» (см.). Однако, уже по своему объему и количеству, этотъ родъ историческихъ источниковъ гораздо труднѣе поддается обработкѣ; къ тому же изслѣдователи, привыкшіе имѣть дѣло съ историческими фактами въ литературной передачѣ, сравнительно поздно оцѣнили значеніе документовъ, каждый изъ которыхъ самъ по себѣ уже является историческимъ фактомъ. Пользованіе актами требовало совершенно иныхъ приемовъ ученой работы и иныхъ взглядовъ на задачи научнаго изслѣдованія, чѣмъ тѣ, которыми располагали старые изслѣдователи. Обращеніе съ этими матеріалами гораздо менѣе нуждалось въ «исторической критикѣ», изъ которой прежде дѣлали особую, самостоятельную цѣль историческаго изслѣдованія, и гораздо болѣе—въ теоретической подготовкѣ по общественно-юридическимъ наукамъ, которую прежде не усматривали и даже не считали нужнымъ заставить. Вслѣдствіе этого изученіе актовъ только въ послѣднее время стало очередной задачей русской исторической науки. Самое состояніе этого рода источниковъ не общается отъ ихъ обработки такихъ плодотворныхъ результатовъ для русской исторіи, какіе достигнуты въ исторіи западной. За исключеніемъ юго-западной Руси, сохранившіеся въ сколько-нибудь значительномъ количествѣ акты относятся къ довольно позднему времени (не раньше второй половины XVI ст.); акты первой половины XVI в. попадаютъ уже сравнительно рѣже, а за періодъ XII—XV вв. каждый актъ составляетъ своего рода унікумъ. Притомъ мы до сихъ не имѣемъ своднаго изданія всѣхъ древнѣйшихъ актовъ. Главными хранилищами, въ которыхъ сбереглись до нашего времени древнѣйшіе акты, были монастырскіе архивы. Отсюда они поступали въ теченіе XIX в. въ собственность частныхъ лицъ, общественные музеи и бібліотеки, въ распоряженіе особой «археографической экспедиціи» (см.), путешествовавшей по монастырямъ, и, наконецъ, въ московскій архивъ министерства юстиціи (черезъ «коллегію экономіи»). Акты прави-

тельстванныхъ архивовъ, хранившихъ дѣлопроизводство старыхъ русскихъ учреждений, за немногими исключеніями, не восходятъ къ очень древнему времени: это объясняется позднимъ сформированіемъ московскихъ центральныхъ учреждений (конѣцъ XV—середина XVI в.), плохимъ храненіемъ документовъ и, наконецъ, частыми пожарами, истребившими значительную часть документовъ (особенно пострадали архивы московскихъ учреждений въ смутное время, въ пожаръ 1626 г. и въ 1812 г.). Степень сохранности документовъ стоитъ также въ тѣсной связи съ внутренними реформами въ дѣлопроизводствѣ московскихъ учреждений. Такъ, послѣ реформы середины XVI в. мы сразу получаемъ въ распоряженіе рядъ документовъ первостепенной важности для внутренней исторіи; реформа, произведенная при патриархѣ Филаретѣ, создаетъ образцовый порядокъ, и дѣлопроизводство первыхъ десятилѣтій послѣ смуты сохраняется иногда почти въ неприкосновенной цѣлости. Съ началомъ XVIII в. сохранившееся дѣлопроизводство центральныхъ учреждений, а со времени императрицы Екатерины II—и областныхъ начинаютъ подавать своимъ количествомъ. Всего удобнѣе обозрѣть правительственные акты въ связи съ дѣятельностью создававшего ихъ государственнаго механизма. Документы высшихъ государственныхъ учреждений сравнительно болѣе изучались и чаще издавались. Архива боярскаго думы не существуетъ, такъ какъ ея дѣлопроизводство шло черезъ приказы. Остатки архива ближней канцеляріи хранятся въ спб. государственномъ архивѣ. Московскій архивъ министерства юстиціи издаетъ «Доклады и приговоры сената», хранящіеся въ немъ (и въ петербургскомъ сенатскомъ архивѣ). «Протоколы Верховнаго Совѣта напечатаны въ «Сборникѣ Имп. Истор. Общества». Изъ архива государственнаго совѣта часть документовъ (1768—1825) также была издана (СПб., 1869—74). См. также Комитетъ министровъ. Главнѣйшими предметами дѣятельности древнерусскихъ государственныхъ учреждений были дипломатическія сношенія, военная служба и финансы; на второмъ планѣ стояла полиція (безопасности и правовъ) и, наконецъ, судъ, смѣшиваемый съ управленіемъ. Документы дипломатическихъ сношеній, сохраняемые до 1801 г. въ московскомъ, а послѣ 1801 г.—въ петербургскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, наиболѣе употреблялись въ дѣло историками: всѣ три общія русскія исторіи (Щербатова, Карамзина и Соловьева) положили въ свою основу именно рассказы о внѣшней политикѣ Россіи. Сравнительно менѣе многочисленныя и легче обозрѣваемые документы дипломатическихъ сношеній удобнѣе могли быть напечатаны, чѣмъ другіе правительственные акты (см. Дипломатія. Докончанье, Статейный списокъ). Къ нимъ примыкаютъ и донесенія иностранныхъ дипломатическихъ агентовъ изъ Р. съ конца XVII в. (въ послѣднее время печатаются, какъ и документы съ конца XV в., въ «Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества»). Гораздо менѣе изучены и почти совсѣмъ не изданы до-

кументы финансовых приказовъ, подчиненныхъ одно время посольскому приказу («чети Новгородская, Владимирская, Галицкая и Устюжская»). Финансовые документы разсыяны, впрочемъ, и по другимъ приказамъ, такъ какъ въ большей или меньшей степени каждый изъ нихъ заведывалъ финансовыми сборами. Приказное дѣлопроизводство состоитъ вообще изъ «столбцовъ», т. е. входящихъ и исходящихъ бумагъ, и «книгъ», изъ которыхъ наиболѣе важны «записныя» и «приходныя» (тутъ же и расходъ). Военная служба вѣдалась, главнымъ образомъ, въ разрядномъ (документы его теперь въ Моск. архивѣ юстиціи) и въ некоторыхъ областныхъ приказахъ. Регулировалась она періодическими ревизіями служебной годности служилого сословія, результаты которыхъ записывались въ «десяткахъ» (см.). Служебныя назначенія записывались въ столбцы, изъ которыхъ, для цѣлей мѣстничества, стали составляться «разрядныя книги» (древнѣйшая составлена въ срединѣ XVI в. за время отъ 1470-хъ годовъ; при царѣ Михаилѣ онѣ составлялись ежегодно, потомъ потеряли значеніе, съ измѣненіемъ порядковъ военной службы). Для тѣхъ же цѣлей составлялись «родословныя книги», первая изъ которыхъ, такъ наз. «государевъ родословецъ», составлена въ 1556 г. Въ 1686 г. составленъ новый текстъ родословныхъ книгъ. Отъ этихъ официальныхъ разрядныхъ и родословныхъ книгъ надо отличать частныя, составлявшіяся для собственнаго употребленія частными лицами. Тѣсно связано было со службой служилое землевладѣніе, находившееся въ заведѣваніи помѣстнаго приказа: тамъ, главнымъ образомъ, хранились «списцовыя (переписныя, дзорныя) книги», туда посылались «челобитныя» о помѣстьяхъ, оттуда высылались «сыскныя грамоты» для справокъ на мѣстѣ, выдавались «отказныя» на право владѣнія и «ввозныя и послушныя», адресованныя крестьянамъ владѣльца. Въ случаѣ преступленій по службѣ, приказъ «отписывалъ» имѣнье на государя («отписныя книги»); въ случаѣ заслугъ, давалась «жалованная грамота», превращавшая помѣстье въ вотчину. Изъ документовъ, относящихся къ судоустройству и судопроизводству, наиболѣе изучены памятники русской кодификаціи (см. Русская Правда, Псковская и Новгородская судная грамота, Судебники, Указныя книги приказовъ, Уложение царя Алексѣя Михайловича, Полное Собраніе Законовъ). Документы судебного процесса въ значительномъ количествѣ сохранились въ монастырскихъ и частныхъ архивахъ (см. Грамоты, Челобитная, Запись поручна, Наказная память, Довѣдъ, Докладной списокъ, Судный списокъ). Всѣ перечисленныя отрасли управленія дѣлились между центральными учрежденіями и областными. Дѣлопроизводство старинныхъ областныхъ учреждений сохранилось, въ исключительныхъ случаяхъ, въ составѣ архивовъ позднѣйшихъ (Екатерининскихъ) учреждений, ихъ заимѣвавшихъ и въ свою очередь упраздненныхъ. Значительная часть послѣднихъ выслала свои архивы въ московскій архивъ министерства юстиціи, но ни одинъ ученый до сихъ поръ

ими не воспользовался. Учредительные документы провинціального управленія суть ставныя грамоты (см.), дѣлящіяся на три типа, соответственно степени ограниченія власти наместниковъ и усиленія мѣстнаго элемента: грамоты наместничьи (см. Кормленія), губныя (см.) и земскія (см. Уставныя земскія грамоты); въ первыхъ ограничиваются финансовыя, во вторыхъ—судебныя права наместниковъ, въ третьихъ тѣ и другія отнимаются. Съ появленіемъ воеводъ предѣлы ихъ вѣдомства стали опредѣляться «воеводскими наказами» (см. Воеводы). Принимаемый отъ предшественника казенный инвентарь перечислялся въ «росписномъ спискѣ». Финансовые документы «приказной избы» состояли изъ «окладныхъ книгъ», присылавшихся изъ центральныхъ учреждений, собственныхъ «приходо-расходныхъ книгъ», наконецъ, «смѣтнаго списка», представлявшаго отчетъ объ истекшемъ годѣ, и «окладной росписи» или смѣты на будущій годъ. Въ уплатѣ податей давалась плательщикамъ «платежная отпись». Самыя подати (прямые) раскладывались между собой плательщиками при помощи «разрубного списка». Центральныя учрежденія сносились съ мѣстными посредствомъ «наместовъ»; послѣдніе отвѣчали имъ «отписками». Очень цѣнный, по наименѣе сохранившійся отдѣлъ актовъ составляютъ документы частнаго права. Главныя формы вѣчныхъ договоровъ древней Руси суть «купчія», «мѣновныя» и «данныя» (чаще всего «вкладныя») грамоты (см. Грамоты). Формы актовъ обязательственнаго права, по степени личной несвободы, ими устанавливавшейся, располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) «полная» и «докладная» грамоты, устанавливавшія древнѣйшій видъ полнаго холопства. Освобожденіе отъ него и отъ слѣдующихъ видовъ несвободнаго состоянія давалось «отпускной». 2) «Служилая кабала»—договоръ займа, сопровождаемый обязательствомъ вмѣсто платежа процентовъ служить заимодавцу (обыкновенно до его смерти; см. Кабальное холопство). 3) «Ссудная записъ» (см.) и близкая къ ней крестьянская «порядная» (см. Записъ порядная)—договоръ о крестьянской работѣ, сопровождаемый займомъ и, съ середины XVII в., обязательствомъ не уходить отъ хозяина (см. Крестьяне). 4) «Жилая записъ»—договоръ срочнаго найма во дворъ. 5) «Заемная кабала»—долговая росписка, обезпеченная поручительствомъ, и «закладная»—ея видъ, обезпеченный залогомъ. Главная форма договоровъ семейнаго права—«рядная записъ», договоръ съ неустойкой о совершеніи брака, вмѣстѣ съ обязательствами совершить акты на недвижимомъ имѣніи («поступныя» и «росписки») и на людей («данныя»). Роспись приданаго иногда составляетъ особый актъ, предшествующій «рядной». Отдѣляются отъ рядной также «сговорная» и «срочная» (также «отсрочная») грамоты. О «духовномъ завѣщаніи» («сизузная память») — см. Грамоты. Безъ завѣщанія имущество дѣлилось посредствомъ «раздѣльной». О вещественныхъ памятникахъ русской исторіи см. Археологія, Археологическая обществая въ Россіи, Музеи.

Съ XVIII стол. начинается научная разработка русской истории. Главнейшими исследователями русской истории въ началѣ вѣка были Татищевъ и Байеръ, въ серединѣ—Ломоносовъ и Миллеръ, въ концѣ—Щербацовъ и Болтинъ. Свѣдѣнія о ихъ жизни и сочиненіяхъ см. подъ ихъ именами; здѣсь излагаются общіе результаты ихъ ученой работы въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) взгляды на задачи историческаго изученія, 2) приемы изслѣдованія, 3) взгляды на общій ходъ русской истории, 4) разработка древней этнографіи, 5) разработка лѣтописей, 6) разработка и изданіе актовъ. 1) Русскіе изслѣдователи ставили изученію истории практическія задачи. Татищевъ, соотвѣственно своему утилитаристическому мировоззрѣнію, искалъ въ исторіи пользы для «самопознанія», посредствомъ расширенія личнаго опыта при помощи опыта прошлаго. Ломоносовъ, обработавшій исторію въ духѣ ложноклассическихъ одъ и трагедій, ставилъ исторіи цѣлью возвеличеніе предковъ и моральное назиданіе потомковъ. Рационалистъ Щербацовъ видѣлъ пользу отъ изученія исторіи въ открытіи связи между причинами и слѣдствіями и въ вытекающей отсюда «власти надъ будущими временами». Нѣмецкіе изслѣдователи, напротивъ, отказывались ставить историческому изученію практическія цѣли и находили, что единственной цѣлью его, какъ всякаго научнаго познанія, должно быть открытіе истины, независимой отъ какихъ-бы то ни было національных или партійныхъ пристрастій. Къ нимъ присоединяется въ этомъ отношеніи и Болтинъ. 2) Научные приемы изслѣдованія остаются совершенно неизвѣстными первымъ русскимъ изслѣдователямъ. Татищевъ, начавшій свои занятія русской исторіей по заказу Брюса, безъ всякой предварительной подготовки, ограничиваетъ свою задачу простымъ накопленіемъ фактовъ, не дѣлая никакого различія между первоисточникомъ и его обработкой, не входя ни въ какую оптику сравнительнаго достоинства источниковъ и считая ихъ, безъ разбора, такими же «исторіями», какъ и его собственная. Его добросовѣстность выражается въ томъ, что онъ не считаетъ возможнымъ опустить ни одного показанія собранныхъ имъ источниковъ; его не критичность ведетъ къ тому, что всѣ эти показанія онъ ставитъ рядомъ, не указывая, откуда взято каждое, вводитъ въ текстъ свои догадки и соображенія и кончаетъ тѣмъ, что, съ цѣлью изданія своей «Исторіи» на иностранномъ языкѣ, переводитъ полученный такимъ образомъ сводъ данныхъ на современный ему языкъ. Въ результатѣ у Татищева, имѣто «Исторія», получающаяся только ноная «лѣтопись», ненужная для ученаго употребленія тамъ, гдѣ ея источники извѣстны, и ненадежная тамъ, гдѣ эти источники потеряны. Приемы Ломоносова—исключительно литературные: они сводятся къ риторической амплификаціи фактовъ. Усвоенный имъ «протяженный и пухлый стиль» еще болѣе прогрессируетъ у его послѣдователей второй половины XVIII в. — Эмина и Елагина. Щербацовъ представляетъ значительный шагъ впередъ

сравнительно съ Татищевымъ: въ своей «Исторіи» онъ не просто нанизываетъ показанія источниковъ, а группируетъ ихъ по собственной системѣ, даетъ имъ свое освѣщеніе, словомъ, эмансипируетъ исторію отъ лѣтописи, давая мѣсто источникамъ лишь въ особыхъ цитатахъ и приложеніяхъ. Но эмансипація эта — очень относительная: Щербацовъ все-таки загромождаетъ свой историческій текстъ массой мелочей, исключительно потому, что мелочи эти указаны источниками. Съ другой стороны, онъ совершенно не въ состояніи критически отнестись къ своимъ источникамъ: по старой привычкѣ, онъ готовъ предпочесть «почтенныхъ польскихъ сочинителей», искажавшихъ лѣтописи своей средневѣковой ученостью, «неученымъ кѣвскимъ монахамъ», составившимъ эти лѣтописи. Новый шагъ впередъ въ усовершенствованіи приемовъ историческаго изслѣдованія представляетъ противникъ Щербацова, Болтинъ. Не связывая себя формой общаго историческаго изложенія, Болтинъ свободно выбираетъ темы для монографическаго изслѣдованія и окончательно научается поднимать источникъ поставленному вопросу. Относительно критической офіины источниковъ онъ пользуется уже результатами работы нѣмецкихъ изслѣдователей. Изъ этихъ послѣднихъ Байеръ уже въ первой половинѣ вѣка вполне владѣетъ приемами научной критики, но примѣняетъ эти приемы, соотвѣственно общему характеру своей подготовки и своихъ ученыхъ взглядовъ, исключительно къ древнѣйшему періоду русской исторіи. Результаты, достигнутые имъ здѣсь, отчасти и до сихъ поръ сохраняютъ значеніе (напр. по норманскому вопросу). Приложитъ приемы исторической критики къ собственно-русскимъ источникамъ, именно лѣтописямъ, выпало на долю Шлецера, реформатора научныхъ взглядовъ въ самой Германіи: онъ проводитъ рѣзкія границы между первоисточникомъ, позднѣйшей компиляціей и ученымъ изслѣдованіемъ — границы, принимаемыя съ этихъ поръ и русскими учеными. 3) Во взгляды на общій ходъ русской исторіи нѣмецкіе изслѣдователи, наоборотъ, находятъ въ зависимости отъ русскихъ, подобно тому, какъ эти послѣдніе зависятъ отъ своихъ источниковъ. Уже Татищеву Р. въ началѣ своей исторіи представляется наслѣдственной монархіей, управляемой «единовластными государями» Рюрикова дома, получившими свои полномочія «по завѣщанію» ихъ славянскихъ предшественниковъ. Это было, по мнѣнію Татищева, періодомъ процвѣтанія и славы русскаго государства. Второй періодъ — упадка — наступилъ тогда, когда Р. подѣлена была между размножившимися «наслѣдниками» княжескаго дома, начавшими «великаго князя за равнаго себѣ почитать» и ослабившими, такимъ образомъ, центральную власть. Упадокъ центральной власти повелъ за собой раздробленіе государства на части, отказъ литовскихъ князей, прежде «бывшихъ въ подданствѣ», отъ повиновенія, уничтоженіе княжеской власти въ Новгородѣ, Псковѣ и Полоцкѣ и водвореніе тамъ «собственныхъ» демократическихъ правительствъ», наконецъ —

порабощение Руси татарами. Возстановление центральной власти и уничтожение последствий ея безсилія составляет содержание третьяго періода, начинающагося съ Ивана III: въ этотъ періодъ снова «сила и честь государя умножились». Практическій выводъ изъ всей этой схемы подчеркивается Татищевымъ: «изъ сего всякъ можетъ видѣть, сколько монаршеское правленіе государству нашему прочіимъ полезно». Ломоносовъ принимаетъ схему Татищева цѣлкомъ, разрывая только яркими красками величіе Р. въ первомъ періодѣ и уподобляя всѣ три періода ея исторіи тремъ періодамъ исторіи римской: царскому, республиканскому и императорскому. Щербатовъ, утопавшему въ мечтахъ и подробностяхъ, некогда было разрабатывать общей схемы русской исторіи. Его рационализмъ требовалъ отъ него не столько установленія общаго схематизма, сколько прагматическаго изложенія частныхъ. Прагматизмъ этого изложенія — т. е. связываніе причинъ со слѣдствіями — не шелъ даѣе психологической мотивировки отдѣльных поступковъ дѣйствующихъ лицъ, такъ какъ, въ духѣ рационализма, Щербатовъ считалъ *причиной* историческихъ фактовъ психологическія побужденія дѣятелей исторіи. Гораздо шире ставитъ вопросъ объ историческихъ факторахъ Волтинъ. Настаивая, въ противоположность рационалистическому мировоззрѣнію Щербатова, на законмѣрности и органичности историческихъ явленій, Волтинъ ищетъ для ихъ объясненія не психологическихъ, а естественныхъ причинъ, которыя и находятъ въ явленіи «климата» и обуславливаемого имъ «темперамента». Климатъ и темпераментъ создаютъ «правы»; что касается «законовъ», они оказываютъ на «правы» лишь второстепенное вліяніе, сами подвергаясь прямому вліянію «правовъ» и находясь отъ нихъ въ прямой зависимости. Эти общія понятія должны были обратить особенное вниманіе Болтина на *внутреннюю* исторію Р. Онъ занимается отдѣльными вопросами этой внутренней исторіи при всякомъ удобномъ случаѣ; но общую схему внутреннего развитія Р. ему удается создать лишь при помощи извѣстной намъ Татищевской схемы, а также при помощи древнихъ памятниковъ русскаго законодательства, бывшихъ тогда почти единственными источниками свѣдѣній о внутренней исторіи Р. Провѣщаніе перваго періода объясняется, по Болтину, полнымъ соответствіемъ «правовъ» и «законовъ». Раздробленіе Руси во второй періодъ повело къ измѣненію «правовъ» въ различныхъ мѣстностяхъ, а это послѣднее вызвало появленіе новыхъ, мѣстныхъ законовъ. Наконецъ, по объединеніи Руси, «правы» опять сдѣлались повсюду сходными, а за ними и законы вернулись къ первоначальному единству. Къ измѣненію законовъ послѣ Петра Болтинъ относится неодобрительно, считая новые законы несоотвѣствующими русскимъ правамъ. Эта скромная попытка общей схемы русскаго историческаго развитія осталась единственною въ XVIII в. Нѣмецкіе изслѣдователи приняли въ главныхъ чертахъ Татищевскую схему. Историки второй половины XVIII в. представля-

ютъ противъ нея лишь одно возраженіе — по отношенію къ пониманію перваго періода. Некритичность возвеличенія Р. въ первомъ періодѣ ея существованія слишкомъ бросалась въ глаза: противъ этого возвеличенія одинаково протестуютъ и Шлецеръ, и Щербатовъ, и Болтинъ. Отвергнувъ Ломоносовскій тезисъ, что «свѣдѣнство славянскихъ народовъ стоитъ близъ тысячи лѣтъ почти на одной мѣрѣ», изслѣдователи разошлись между собой по вопросу, на какой ступени развитія находилась древняя Р. Щербатовъ изобразилъ въ слишкомъ яркихъ краскахъ дикость древней Руси и вызвалъ этимъ возраженія со стороны Болтина. Однако, первый готовъ былъ допустить, что и «кочевое общество», каковымъ онъ признавалъ древнерусское, не исключаетъ существованія городовъ, законовъ, торговли, мореплаванія, а второй допускалъ, что первобытные русскіе не стояли выше первобытныхъ германцевъ «и всѣхъ вообще народовъ при первоначальномъ ихъ совокупленіи въ общества». Подобное столкновеніе взглядовъ произошло и между двумя нѣмецкими изслѣдователями, Шторхомъ и Шлецеромъ. Шторхъ строилъ происхожденіе древнѣйшей городской и государственной жизни Руси на широкомъ развитіи днѣпровской торговли съ Царьградомъ и арабами, но считалъ эту торговлю *транзитной*, т. е. чуждой окружающимъ племенамъ. Шлецеръ призналъ мысль Шторха «уродливой» и рѣшительно отвергалъ существованіе древнерусской торговли, монеты, договоровъ, письменности и т. п. 4) Древняя этнографія неизбѣжно должна была занять большое мѣсто въ первыхъ научныхъ изслѣдованіяхъ, такъ какъ польская ученость особенно загромождала этотъ отдѣлъ своими сказочными генеалогіями народовъ. Протестъ противъ этихъ генеалогій былъ первымъ ударомъ, нанесеннымъ старому пониманію исторіи, какъ органа національнаго самобытія. Естественно, что этотъ протестъ исходилъ отъ нѣмецкихъ изслѣдователей и на первыхъ порахъ показался русскимъ ученымъ оскорбленіемъ ихъ національнаго достоинства. Байеръ первый подорвалъ главный аргументъ, доказывавшій автохтонность русскаго населенія: тожество имени (скиевъ), которымъ называлось это населеніе въ источникахъ разныхъ эпохъ, онъ объяснилъ какъ тожество *не этнографическое, а лишь географическое*. По слѣдамъ Байера пошли Миллеръ, повторившій его аргументы, и Шлецеръ, выставившій общій тезисъ, что до IX в. для исторіи Р. не существуютъ никакихъ письменныхъ источниковъ. Утвержденія Байера вызвали повиннистическій протестъ Тредьяковскаго, утвержденія Миллера послужили поводомъ къ доносу на него со стороны Ломоносова; только утвержденія Шлецера были, наконецъ, усвоены умѣвшимъ русскимъ изслѣдователямъ, Болтинымъ. Параллелью съ попытками нѣмцевъ, русскіе изслѣдователи дѣлали и собственные попытки разобраться въ древней русской этнографіи. Основаніемъ для нихъ служило сближеніе древнихъ этнографическихъ названій съ разселеніемъ современныхъ инородческихъ племенъ Р. Татищевъ лично знакомый съ ино-

родцами, отождествил древних скифов съ татарами, сарматов—съ финнами, а древнее названіе славянъ нашелъ въ «амазонахъ», поправленныхъ имъ въ «салазоны», для сближенія этимологическаго смысла (хвастуны—славяне). Эта классификація перешла и къ Болтину, вѣрному ученику Татищева въ вопросахъ древней исторіи. Ломоносовъ и Щербатовъ не согласились съ Татищевымъ: скифовъ они отождествляли съ чудью, опираясь на Байера, а сарматовъ рѣшительно считали славянами. Ломоносовъ къ славянамъ же отнесъ и литву, и русь; Щербатовъ принялъ нѣмецкое мнѣніе о норманствѣ руси. Огромнымъ шагомъ впередъ, сравнительно съ этими произвольными гаданіями, была этнографическая классификація Шлецера, основанная на родствѣ языковъ: славянъ онъ первый ввелъ въ семью индо-европейскихъ народовъ, указавъ на родство ихъ языка съ нѣмецкимъ, греческимъ и латинскимъ. Онъ указалъ также на ближайшее родство литвы съ славянами и раздѣлитъ на пять общепринятыхъ группъ урало-алтайскіе языки. 5) Важность изученія лѣтописей для русской исторіи почувствовалъ уже Татищевъ; но его многотѣльная работа надъ лѣтописями не принесла соотвѣствующей пользы науцѣ, отчасти влѣдствіе ея совершенной некрѣпости, отчасти вслѣдствіе того, что она оставалась неизданной до 1768—1784 гг. Въ рукописи ею пользовался и по ней выучился русской исторіи только Болтинъ. Щербатовъ для своей исторіи поневолѣ долженъ былъ начать всю работу сначала, привлекиши къ дѣлу, кромѣ напечатанныхъ тогда кенигсбергскаго и Никоновскаго списка, еще больше двадцати рукописныхъ, заимствованныхъ имъ, болѣею частью, изъ бібліотекъ патріаршей и типографской. Рукописи Татищева, погибшія въ пожарѣ его помѣстья, уже не могли послужить для Щербатова; но въ числѣ извѣстныхъ ему списковъ были нѣкоторые, неизвѣстные Татищеву и очень важные, напр. древнѣйшій новгородскій и воскресенскій. Не имѣя, однако, возможности оцѣнить свой матеріалъ, Щербатовъ не сумѣлъ, какъ слѣдуетъ, имъ воспользоваться. Не смотря на точныя ссылки на рукописи, никому недоступныя тогда, его приблизительное изложеніе такъ же мало могло быть проверено, какъ точный пересказъ Татищева, вовсе лишенный цитатъ. Оба изложенія являлись, такимъ образомъ, совершенно несоизмѣримымъ; тамъ, гдѣ они противорѣчили другъ другу, повѣрка была-бы невозможна не только для постороннихъ, но часто и для самихъ авторовъ. Вотъ почему Болтинъ, опираясь на Татищева, могъ отрицать факты, заимствованные Щербатовымъ изъ самыхъ лучшихъ лѣтописей, а Щербатовъ оказался не въ состояніи отпарировать его возраженій даже тогда, когда по существу былъ совершенно правъ. Новый періодъ въ изученіи лѣтописей наступилъ тогда, когда за это дѣло взялся Шлецеръ, вооруженный всѣми средствами германской науки; но именно эта критическая подготовка навела Шлецера на ложный путь, результаты получились гораздо менѣе значительные, чѣмъ можно было ожидать. Шлецеръ исходилъ изъ ошибочнаго

предположенія, что лѣтопись есть произведеніе Нестора и его продолжателей, и что, слѣдовательно, существуетъ одинъ коренной текстъ, который и надо возстановить изъ массы вариантовъ, по извѣстнымъ правиламъ критики, какъ возстановляли древнихъ классиковъ. Русскіе писатели, знавшіе разнообразіе существующихъ списковъ, не могли задаться такой задачей, даже если-бы имъ было понятно ея значеніе: они знали или чувствовали, что коренного текста не существуетъ, а имѣются на-лицо лишь разнообразныя комбинаціи навсегда исчезнувшихъ первоисточниковъ лѣтописи. Щербатовъ въ послѣдніе годы близко подошелъ къ этому представленію о лѣтописяхъ, какъ о мѣстныхъ сводахъ. Шлецеръ, знакомый съ общимъ изложеніемъ лѣтописей лишь въ нѣмецкомъ переводѣ Седлія, а съ отдѣльными списками—лишь въ самомъ ихъ началѣ, не могъ предвидѣть невыполнимости задачи «возстановить *оцигеннаго* Нестора» и смѣло взялся за ея разрѣшеніе. Невозможность рѣшенія обнаружилась для него только во время самой работы. Сознаваясь, въ концѣ концовъ, въ неудачѣ своей попытки очистить Нестора отъ вариантовъ, которые онъ считалъ «ошибками и искаженіями переписчиковъ», онъ, однако, такъ и не позналъ причины неудачи, объясняя ее тѣмъ, что у него «было мало списковъ». 6) Исторія Татищева была составлена исключительно по лѣтописнымъ источникамъ; исторія Щербатова впервые приняла во вниманіе *акты*. Въ промежуткѣ между обоими изданіями значеніе актовъ для исторіи было выяснено Миллеромъ, натолкнувшимся на этотъ богатый матеріалъ во время своей сибирской поѣздки (1733—1743). Онъ же сдѣлался (1765) первымъ директоромъ московскаго архива иностранныхъ дѣлъ, въ которомъ хранятся духовныя и договорныя грамоты князей съ XIII в. и документы дипломатическихъ сношеній съ конца XV в. Эти матеріалы Щербатовъ впервые эксплуатировалъ для своего труда, съ особаго разрѣшенія Екатерины II, которой онъ былъ рекомендованъ Миллеромъ для составленія русской исторіи. Изданіе Щербатовской «Исторіи» дало толчокъ изданію самыхъ матеріаловъ Щербатовымъ—въ приложеніяхъ къ исторіи и обоими учеными—въ «Россійской Вивлиоикѣ» Новикова. Проектъ напечатанія особаго «дипломатическаго корпуса» былъ разрѣшенъ, но не осуществленъ, вслѣдствіе смерти Миллера. На документы архивовъ разряднаго и старыхъ дѣлъ (теперь они оба въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи), необходимые для внутренней исторіи Р., Миллеръ тоже первый обратилъ вниманіе, но успѣлъ разработать по нимъ только исторію приказовъ и служилыхъ должностей Московскаго государства. Масса подготовленныхъ имъ матеріаловъ хранится въ рукописномъ видѣ въ его «портфеляхъ» (въ архивѣ министерства иностр. дѣлъ).

Забывая все сдѣланное для русской исторической науки исторіографіей XVIII в., новую эру въ изученіи русской исторіи вели обыкновенно съ Карамзина. Въ действительности, Карамзинъ лишь замыкаетъ собою

традиции XVIII в., и притом не всегда поддерживается самых лучших из них. На историю он смотрит, прежде всего, как на литературное произведение, разделяя в этом отношении взгляды и приемы Ломоносова и его подражателей. Конечно, сентиментальная манера и «приятный» язык Карамзина давали ему возможность ближе держаться действительности, чѣм доктинизм и высокий «славнороссійскій» штиль Ломоносова; тѣмъ не менѣе, и въ новой Карамзинской манерѣ оставалось достаточно прикраш и условности, чтобы помѣшать вѣрному изображенію событій и характеровъ. Значеніе «Исторіи Государства Россійскаго» для послѣдующихъ поколѣній заключалось въ томъ, что Карамзинъ ввелъ въ оборотъ много новаго и важнаго матеріала; но за исключеніемъ Волинской лѣтописи, открытой имъ самимъ, заслуга открытія новыхъ источниковъ принадлежитъ молодому поколѣнію изслѣдователей, работавшихъ независимо отъ Карамзина. Инициаторомъ и руководителемъ этихъ работъ былъ канцлеръ Н. П. Румянцевъ. Въ 1810 г. онъ вспомнилъ о проектѣ Миллера — издать «дипломатическій корпусъ» и поручилъ это изданіе преемнику и ученику Миллера, Бантышъ-Каменскому. Бантышъ-Каменскій успѣлъ издать I-й томъ «Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ»; по смерти его (января 1814 г.) канцлеру пришлось самому заботиться о подборѣ матеріала для продолженія изданія. Это заставило его начать розыски въ иностранныхъ архивахъ и русскихъ собраніяхъ рукописей, преимущественно монастырскихъ. Въ результатѣ, прежде всего, «дипломатическій корпусъ» превратился въ собраніе актовъ, относящихся къ *внутренней* исторіи Р.; затѣмъ, Румянцевъ принялся искать въ монастыряхъ древнѣйшихъ лѣтописей, вмѣсто нихъ наткнулся на массу историко-литературныхъ матеріаловъ и увлекся собраніемъ рукописей. Ближайшими помощниками его были Калайдовичъ и Строевъ, принявшіеся затѣмъ за описаніе русскихъ рукописныхъ собраній. Къ срединѣ двадцатыхъ годовъ обоимъ затмилъ Востокъ. Независимо отъ Румянцева «дружныя», тому же дѣлу приведенія въ извѣстность рукописныхъ матеріаловъ служилъ митрополитъ Евгений; но, стремясь не столько къ критической оцѣнкѣ матеріала, сколько къ лѣтописной полнотѣ, Евгенийъ являлся представителемъ устарѣлыхъ взглядовъ XVIII в. Меньше всего сдѣлалъ для изученія источниковъ русской исторіи московское историческое общество, открытое, по предложенію Шлепера, для изданія «очищеннаго Нестора». Двѣ попытки — Чеботарева и Тимковскаго — издать Лаврентьевскій списокъ лѣтописи остались неоконченными; единственное, что сдѣлано въ эти годы (1804—1823) отъ имени общества, принадлежитъ Калайдовичу. Господствующей мыслью всѣхъ этихъ ученыхъ кружковъ было, что писать общую исторію Р. нельзя, не приведя въ извѣстность матеріаловъ и не подготовивъ всомогательныхъ пособій. Къ попыткамъ Карамзина они относились сдержанно или даже неодобрительно, а на себя

смотрѣли какъ на прямыхъ учениковъ и продолжателей Шлепера. Если эти послѣдователи Шлепера осуждали исторію Карамзина, какъ «не критическую», то молодое поколѣніе двадцатыхъ годовъ осудило ее также, какъ «не философскую». Карамзинъ въ общихъ своихъ взглядахъ на ходъ русской исторіи не пошелъ далѣе Татищевской схемы, сводившей исторію государства къ исторіи правительственной формы, изменяемой по призыву государей. Между тѣмъ, новое романтическое теченіе, проникшее тогда въ Р., задавало вопросы о стихійныхъ элементахъ исторіи, о роли народа и народнаго характера, о всемірно-историческихъ «миссіяхъ» народовъ. Отвѣтомъ на критическія требованія современниковъ явилась «скептическая школа»; отвѣтомъ на философскія требованія молодого поколѣнія былъ плѣвый рядъ попытокъ философско-историческаго построения русской исторіи, пригрозившій путь для наиболѣе значительной попытки этого рода — для построенія славянофиловъ. Уже «скептическая школа» была переходомъ отъ чисто критическихъ требованій къ философскимъ. «Глава» этой школы, проф. М. Т. Каченовскій, началъ свою ученую дѣятельность, какъ послѣдователь Шлепера, но продолжалъ ее, какъ послѣдователь (не вполне удачный) новыхъ романтическихъ идей. Его слушатели пошли еще далѣе въ установленіи новыхъ «философскихъ» принциповъ исторической критики. Уступка Каченовскаго новымъ взглядамъ заключалась въ признаніи априорной необходимости «баснословнаго періода» въ началѣ русской исторіи; онъ отказался приписывать «баснословіе» лѣтописи позднѣйшимъ переписчикамъ, какъ дѣлалъ Шлеперъ, и готовъ былъ возложить «вину» за это баснословіе на самого Нестора. Ученики Каченовскаго въ томъ же самомъ «баснословіи» видѣли уже высшее доказательство правды лѣтописца, вѣрно передававшего въ своихъ легендахъ духъ времени и наивный складъ мысли своей эпохи. Плохо зная, однако, русскіе первоисточники, они дѣлали ихъ отвѣтственными за ошибки Карамзина и старались опровергнуть мнѣніе исторіографа о высотѣ древнерусской цивилизаціи тѣмъ, что считали источниками, доказывающими, будто-бы, это величіе, сочиненными позднѣе, не раньше XIII в., подъ вліяніемъ балтійско-нѣмецкой культуры. Благодаря этому неспирименному противорѣчію между Шлеперовскими и Нибуровскими пониманіемъ «исторической критики», идеи скептиковъ остались безъ серьезной разработки и студенческія упражненія школы скоро были разрушены до основанія критикой Погодина и Буткова. Интересъ молодого поколѣнія сосредоточился послѣ того на выясненіи исторической роли Р. во всемірно-историческомъ процессѣ, какъ того требовали новые философско-историческіе взгляды, вытекавшіе изъ распространеннейшей въ интеллигентныхъ кругахъ 1820—1834 гг. философіи Шеллинга. Согласно этимъ взглядамъ, каждый народъ является носителемъ извѣстной идеи, представляющей ту или другую ступень въ развитіи самосознанія всего человѣчества; раз-

вивая въ своей исторіи эту идею, каждый народъ вноситъ, такимъ образомъ, свою долю въ процессъ всемірно-историческаго развитія, составляющій высшую степень развитія космическаго. Надо было непременно найти и для Р. такую идею, которая-бы ввела ее въ плотно замкнутую цѣль всемірно-историческаго процесса. Первая попытка въ этомъ направленіи была сдѣлана сторонникомъ идей французской реакціи начала XIX в., не подчинившимся вліянію Шеллингизма, П. Я. Чаадаевымъ. Содержаніе даннаго имъ отвѣта было безусловно отрицательное. Русскій народъ не одушевленъ никакой всемірно-исторической идеей; его прошлое—блѣдный листъ бумаги; его будущее будетъ таково же, если онъ не проникнется единственно-возможной всемірной идеей—соціальнымъ идеаломъ христіанства, осуществимымъ только посредствомъ вселенной церкви, въ ее западной, католической организаціи. Молодой тогда И. Гиртвевскій согласенъ былъ видѣть всемірно-историческую роль Россіи—въ осуществленіи религиозно-этического идеала, но не считалъ нужнымъ брать его изъ европейскаго прошлаго, предлагая воспользоваться прямо европейскимъ настоящимъ—романтическимъ возрожденіемъ религіи въ началѣ XIX в. Это было, однако, нарушеніемъ основнаго принципа новой философіи, по которому прошлое неразрывно связано съ настоящимъ и будущимъ, какъ «зерно» съ «плодомъ». Для того, чтобы русскій народъ могъ считаться носителемъ всемірно-исторической миссіи, надо было найти доказательства его мессіанства въ его прошломъ. Первый принялся искать этихъ доказательствъ Погодинъ, официально призванный съ 1835 г. на кафедру русской исторіи, чтобы защищать «историческое православіе» отъ «навістовъ скептиковъ». По своему топорному складу ума, онъ выполнилъ свою задачу крайне неискусно. «Зерно» русской всемірно-исторической миссіи онъ усмотрѣлъ въ фактѣ *добровольнаго* призванія династіи Рюрика и принялся затѣмъ удивляться случайностямъ, во-время сохранившимся и во время прекратившимъ династію, во время сократившимъ, потомъ размножившимъ составъ княжескаго рода, во время давшимъ долготѣе его московскимъ представителямъ и т. д. Вопреки новой философской теоріи, требовавшей закономѣрности въ исторіи, у него все вышло «чуждо» въ русскомъ историческомъ процессѣ, находившемся, по его представленію, подъ особеннымъ покровительствомъ Провидѣнія. Это особое покровительство и было въ его глазахъ вѣрнымъ залогомъ будущей «великой» роли Р. Умѣе взялся за рѣшеніе задачи Николай Полевой. Его «Исторія русскаго народа» является первой, хотя и слабой попыткой замѣнить обветшалую Татищевско-Каразинскую схему русскаго историческаго процесса новою, болѣе соответствующею требованіямъ современной теоріи. Исторія должна не живописать случайныя событія и благодарные характеры, а изображать историческій процессъ въ его закономѣрности, устанавливать необходимую внутреннюю связь періодовъ національнаго раз-

витія и раскрывать зависимость его отъ всемірно историческаго процесса. Полевой исходилъ изъ мысли, что русское національное развитіе совершенно оригинально и своеобразно. Основной чертой этого развитія онъ считаетъ, подобно своимъ предшественникамъ, идею единственности: единственное его отличіе отъ нихъ заключается въ томъ, что эту идею онъ не находилъ готовой въ самомъ началѣ, а считаетъ закономѣрно развившейся въ теченіе историческаго процесса. Русская исторія не началась періодомъ «могущества» государственной власти; за то она и не продолжалась періодомъ ея «паденія». Государственная власть медленно, но постоянно крѣпла въ исторіи Р.: ея постепенное усиленіе и составляетъ красную нить, связующую разные періоды. Князь—дружинникъ, принужденный дѣлиться властью съ феодалами—норманнами, превращается въ князя-родича, вытѣснившаго феодаловъ и замѣнившаго ихъ своими родственниками. Такимъ образомъ, удѣльный періодъ былъ результатомъ не ослабленія, а усиленія княжеской власти, и, слѣдовательно, былъ «необходимымъ» въ общей связи русской исторіи. Необходимо было и татарское иго, во-первыхъ, какъ послѣдствіе азіатскихъ переворотовъ, котораго не могло-бы предотвратить никакое согласіе между князьями, во-вторыхъ, какъ средство объединить Русь, которая распалась между князьями, забывшими единство рода и превратившимися въ вотчинниковъ своихъ удѣловъ. Необходимо въ смыслѣ «закономѣрности» превращается у Полевого въ необходимость въ смыслѣ «цѣлесообразности; телеологія выдвигается въ его исторіи тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ближе подходитъ онъ къ осуществленію государственной идеи московскими князьями. На этомъ пунктѣ его схема вполне сливается съ Каразинской, съ которой сходна и въ томъ отношеніи, что исторію Россіи онъ строитъ на исторіи русской государственной власти. Такой результатъ очень мало соответствовалъ требованіямъ новаго философскаго взгляда на исторію. Движущее начало, способное объединить русскій историческій процессъ въ одно цѣлое и сообщить ему всемірно-историческое значеніе, надо было найти въ самомъ русскомъ *народѣ*, и притомъ, по духу философской теоріи, это должна была быть настоящая «идея», а не простой матеріальный фактъ того или другаго государственнаго строя. Болѣе удовлетворительное рѣшеніе задачи, такъ поставленной, предложили славянофилы. Представители молодого поколѣнія 20-хъ—30-хъ годовъ, сдѣлавшіеся родоначальниками славянофильства, исходили изъ указанныхъ выше взглядовъ шеллингизма; но на рубежѣ 30-хъ и 40-хъ годовъ основатели славянофильства прошли школу Гегеля, отождествившаго это всемірно-историческое развитіе идеи съ стадіями логическаго процесса,—и затѣмъ вернулись къ Шеллингу, противопоставившему «отрицательной, разсудочной» философіи Гегеля свою новую «положительную» философію мистическаго чувства. Это противоположеніе двухъ философскихъ системъ привело славянофиловъ къ противо-

поставленіи двухъ путей познанія: «логическаго, разсудочнаго»—и «цѣлостнаго, разумнаго». Первымъ путемъ, по ихъ мнѣнію, пошла европейская культура и наука: онъ привелъ ее къ внутреннему раздвоенію. Вторымъ путемъ идетъ Востокъ и достигнетъ высшаго проникновенія въ тайны жизни и вѣры. Исходя изъ этой антитезы, основатели славянофильства попытались обосновать съ ея помощью и разницу національныхъ «идей», развиваемыхъ Востокомъ и Западомъ во всемірной исторіи. И. Кирѣевскій, первый разработавшій теорію двухъ путей знанія, попробовалъ свести эту разницу къ конфессиональному различію Запада и Востока. «Рационализмъ, разсудочность—это былъ основной принципъ католицизма, перешедшій отъ него и къ протестантизму». Напротивъ, принципомъ православія была «цѣлостность духа». Изъ разницы вѣры нельзя было, однако, вывести безъ дальнѣйшихъ справокъ и разницу національныхъ характеровъ. Хомяковъ обращалъ вниманіе своего друга на то, что истинное православіе было усвоено русскимъ народомъ очень несовершенно. Надо было, слѣдовательно, искать другой, болѣе коренной черты въ народномъ характерѣ, которая могла-бы послужить въ качествѣ всемірно-историческаго начала. Въ данномъ случаѣ помогла нѣмецкая и славянская наука. Историкъ-юристы, какъ Эверсъ и Рейцъ, изслѣдователи славянской старины, какъ Шафарикъ и Мацѣевскій, давно уже искали коренныхъ, положительныхъ чертъ въ общественномъ строѣ славянъ. И тѣ, и другіе находили эти черты въ «патріархальномъ бытѣ» славянъ, при чемъ нѣмцы искали слѣдовъ этого быта въ устройствѣ государственной власти, а славянскіе ученые—въ организаціи самого населенія. Ученія первыхъ сдѣлались исходной точкой «родовой теоріи» древнѣшаго русскаго быта; ученія вторыхъ послужили источникомъ «общинной теоріи». Въ началѣ 40-хъ годовъ обѣ теоріи еще не противопоставлялись другъ другу; обѣ были развиты, въ видѣ «патріархальной теоріи», Петромъ Кирѣевскимъ. По этой теоріи княжеская власть переставала быть существеннымъ организаціоннымъ элементомъ въ древне-славянской исторіи: населеніе имѣло свою исконную организацію, управлялось родами и вѣщами. Князь явился случайнымъ, внѣшнимъ элементомъ, нисколько не измѣнившимъ коренныхъ устоевъ старо-славянскаго общественнаго строя. К. Аксаковъ привелъ этотъ взглядъ въ согласіе съ философскою терминологіей школы, противопоставивъ, въ духъ Гегеля, коренные славянскіе устои княжеской власти, какъ свободный нравственный союзъ—внѣшнему государственному принужденію. «Земля, община» не имѣетъ въ себѣ ничего юридическаго; она идетъ путемъ «внутренней правды». Все юридическое, формальное остается на долю «государства», призваннаго извнѣ, чуждаго землѣ по самому своему существу. Государство есть представитель «внѣшней правды». Хомяковъ, наконецъ, подставилъ подъ эти чересчуръ отвѣченныя категоріи болѣе реальныя историческіе образы. «Земля» принимаетъ въ его конкретномъ изо-

браженіи черты провинціи, «области», государство олицетворяется въ «дружину». Въмѣсто любовнаго единенія земли и государства, Хомяковъ изображаетъ намъ въ прошломъ Р. упорную борьбу области и дружины. «Дружина» при этомъ приписывается все темное въ русской исторіи: она является началомъ формальныхъ, разсудочныхъ, склоннымъ къ воспріятію всего чужестраннаго, начиная отъ византійско-римскихъ пытокъ, отъ татарскаго затворничества женщинъ до петровскаго европеизма. Итакъ, «земля», «область», «вѣче», «община»—вотъ то начало русской національной жизни, которое имѣетъ всемірно-историческое значеніе, гармонируетъ и съ особенностями восточной формы вѣры и вмѣстѣ съ ней составляетъ отличіе восточнаго міра отъ западнаго. Чтобы доказать господство этого начала въ русскомъ прошломъ, послѣдователи славянофиловъ должны были погрузиться въ серьезное изученіе социальной исторіи Р. Источники внутренней исторіи Р. тогда только что начинали становиться общедоступными. Археографическая коммиссія печатала свое собраніе актовъ, отысканныхъ экспедиціей 1829—1834 гг. въ монастырскихъ и правительственныхъ архивахъ разныхъ губерній. Чиновникъ важнѣйшаго для внутренней исторіи московскаго архива (теперь архивъ мин-ства юстиціи), прослужившій въ архивѣ двадцать лѣтъ, И. Д. Вѣляевъ, является первымъ специалистомъ, употребившимъ свое солидное знакомство съ архивнымъ матеріаломъ для доказательства славянофильскихъ теорій. Правда, прилагая теорію къ объясненію фактовъ, Вѣляевъ долженъ былъ съ самаго начала сдѣлать важныя отступленія отъ чисто славянофильскихъ взглядовъ. Такъ, община является у него не чисто «нравственнымъ», а договорнымъ союзомъ; вопреки Аксакову, онъ слѣдитъ въ исторіи за ея постепеннымъ сближеніемъ съ «дружиной». Затѣмъ, община развивается у Вѣляева постепенно изъ рода, въ зависимости отъ окружающихъ условий жизни: на днѣпровскомъ торговомъ пути—раньше, въ сторонѣ отъ него—позже. Подобно Хомякову, «землю» онъ представляетъ въ реальной формѣ «области» и задумываетъ въ концѣ жизни цѣлый рядъ изслѣдованій по исторіи областей, изъ которыхъ успѣваетъ издать только исторію сѣверо-западныхъ вѣчевыхъ общинъ (Новгородъ, Псковъ и Полоцкъ). На идеѣ непрерывнаго существованія общины основано извѣстное сочиненіе Вѣляева о «Крестьянахъ на Руси». Помимо этихъ работъ, ближайшимъ образомъ связаннымъ съ славянофильскою теоріей, Вѣляеву принадлежитъ масса трудовъ по социальной и экономической исторіи Р. Служило сословіе, духовенство, города, крестьянство, земледѣліе и землевладѣніе, монетная система, финансы и войско, историческая географія, этнографія и статистика, важнѣйшіе юридическіе памятники, учрежденія и институты права—все это служило предметомъ изученія Вѣляева и почти по всѣмъ этимъ вопросамъ онъ написалъ капитальныя изслѣдованія. 25 томовъ «Временника» общества исторіи и древностей россійскихъ, изданныхъ Вѣляевымъ во время его секретарства (1848—57), соста-

вляють единственное въ своемъ родѣ собраніе документовъ по социальной и экономической исторіи Р. Въ разработкѣ своихъ драгоценныхъ документовъ Бѣляевъ обнаружилъ, однако, слишкомъ мало критики; ему недоставало также теоретическаго знанія изучавшихся имъ вопросовъ. Нѣсколько выше въ послѣднемъ отношеніи стоитъ ровесникъ Бѣляева, В. Н. Лешковъ, также защитникъ славянофильскихъ началъ въ русской исторіи. Ученикъ Ганса и Савиньи, послѣдователь Гегеля, Лешковъ не былъ за то знатокомъ архивнаго матеріала. Свой спеціальныи предметъ—полицейское (или, какъ онъ называлъ его, «общественное») право—онъ понималъ какъ право общественныхъ союзовъ, занимающее средину между частнымъ и государственнымъ правомъ. По гегелианской схемѣ это право подвдилось въ древнемъ мірѣ—государствомъ, въ средневѣковомъ—личностью. Только въ Р. оба элемента находятся въ гармоніи, благодаря общинному началу, и только у насъ, поэтому, «общественное право» можетъ развиваться нормально. Сообразно этимъ идеямъ, Лешковъ кладетъ въ основу изученія древней исторіи изслѣдованіе древнѣшаго общиннаго союза, какимъ считаетъ «вервь». Русская Правда, съ ея отрицаніемъ несвободы, съ ея игнорированіемъ частной земельной собственности, является, по Лешкову, «кодексомъ общинности». И во «второмъ періодѣ», который у Лешкова тянется отъ Русской Правды до XVIII в., «въ законоположенія «явно проникнуты однимъ съ Правдою духомъ», хотя законодательными органами п сдѣлалась княжеская (царская) власть вмѣсто общины. Князья не могли сдѣлаться собственниками земли и населенія, такъ какъ ихъ удѣлы—суть старыя автономныя общинныя единицы. Не ими созданные, эти удѣлы сохранились и послѣ паденія княжествъ, въ качествѣ «земщины», имѣвшей собственныя власти и игравшей активную роль въ организаціи Московскаго государства. Задачей историковъ—славянофиловъ становится, такимъ образомъ, доказать непрерывность существованія общиннаго начала на всемъ протяженіи русской исторіи. Для міровоззрѣнія, искавшаго своихъ идеаловъ въ прошедшемъ, неподвижное, неизмѣняющееся начало шеплинговой философіи исторіи приходилось какъ нельзя болѣе кстати. Для ихъ противниковъ, западниковъ, ожидавшихъ только въ будущемъ осуществленія идеальнаго общественнаго строя, смыслъ исторіи долженъ былъ заключаться, наоборотъ, не въ постоянствѣ основнаго начала національной жизни, а въ ея развитіи, въ историческомъ процессѣ. Для нихъ гораздо болѣе подходила эволюціонная философія исторіи гегелианства. Многія основныя аксіомы мышленія были у нихъ одинаковы съ ихъ противниками, и въ томъ числѣ идея закономерности исторіи; но они искали этой закономерности не въ сведеніи національнаго процесса къ абсолютному единству, а къ объясненію его въ его конкретномъ разнообразіи. Они не признавали абсолютныхъ идей, паричныхъ надъ человечествомъ и поглощающихъ индивидуальныя стремленія народовъ и личностей. Они стремились «перене-

сти исторію изъ воздушныхъ пространствъ на твердую почву» (Соловьевъ) и объяснить ее изъ реальныхъ стремленій личности къ счастью и наслажденію (Кавелинъ). Въ своихъ поискахъ не *необходимости*, а *развитія* западники имѣли уже предшественниковъ. Эверсъ и Рейцъ, Погодинъ и Полевой уже пытались установить процессъ развитія русскихъ государственныхъ учреждений изъ первоначальнаго состоянія «родового быта». Къ этимъ попыткамъ непосредственно примыкаютъ теоріи Соловьева и Кавелина. Менѣе знакомый съ философскими и общественно-юридическими науками, Соловьевъ выводитъ «законъ» русскаго историческаго развитія изъ исторіи отношеній между князьями правящей династіи. Онъ прямо идетъ по слѣдамъ Погодина и Полевого, подставляя только подъ отмѣченные ими факты новыя философско-историческіе термны. Уже Погодинъ объяснял между княжескія отношенія удѣльной Руси и мѣстничество Московской Руси отношеніями родства; Соловьевъ замѣняетъ въ его объясненіяхъ «родство» «родовымъ бытомъ» и приходитъ къ выводу, что «родовой бытъ» только при Петрѣ смѣнился государственнымъ. Уже Полевой отличалъ фазисы въ отношеніяхъ князей до-татарской Руси; Соловьевъ объясняетъ смѣну этихъ фазисовъ—внутренней борьбой рода съ размножающимися внутри него семьями. Полевой, наконецъ, останавливался въ недоумѣніи передъ превращеніемъ князюдица въ князя-собственника; Соловьевъ тоже не можетъ объяснить этого превращенія внутренними причинами, и находитъ виѣшнія: семья побѣдила родъ только при условіи новой исторической обстановки—князь чувствовалъ себя родичемъ на богатомъ югѣ и почувствовалъ себя хозяиномъ, вотчинникомъ на дикомъ сѣверѣ, гдѣ у него не было конкуррента въ старомъ вѣчевомъ населеніи. Систематику и теоретику Кавелину это введеніе виѣшной обстановки въ историческое объясненіе не нравится. Владѣльчскій интересъ у князей понятенъ самъ собой: онъ-то и побуждаетъ семью бороться противъ рода за вновь возникающую семейную собственность. Причины разложенія рода надо искать въ немъ самомъ, и результатомъ этого разложенія должно явиться не сразу государство, а семья и отдѣльная собственность (вотчина), торжество которыхъ и заполняетъ промежуточный періодъ между господствомъ родового и государственнаго быта. Виѣстъ съ тѣмъ, Кавелинъ получаетъ возможность ввести въ свою схему начало, развитіе котораго его особенно интересуетъ въ историческомъ процессѣ—начало личности. Въ родовомъ бытѣ личности не существуетъ, такъ какъ не существуетъ никакихъ юридическихъ опредѣленій, никакихъ правовыхъ отношеній—а безъ нихъ самоопредѣляющаяся личность немыслима. Настоящій «*юридическій*» бытъ является лишь съ побѣдой семьи надъ родомъ, составляющей первый шагъ къ эмансипаціи личности; второй и послѣдній шагъ—побѣда личности надъ самой семьей, во имя государственныхъ началъ противъ семейныхъ, вотчинныхъ. Идея личности, въ западной исторіи находящаяся

съ самаго начала въ антагонизмъ съ родовымъ началомъ, у насъ въ Р. является лишь къ концу, какъ закономѣрный, органическій результатъ длиннаго процесса разложенія родового быта. Гегеліанецъ-Чичеринъ не можетъ принять схемы, въ которой личность занимаетъ такое видное мѣсто. По Гегелю, личность есть начало произвола и эгоизма, торжествующее лишь на низшихъ ступеняхъ развитія; напротивъ, *государство* есть проявленіе высшей свободы духа и самое полное обнаруженіе духа въ исторіи. Русская исторія должна, слѣдовательно, начинаться господствомъ личности и кончатся господствомъ государства. Всѣ явленія древнерусской жизни—родовыя отношенія, вотчинное начало, общинный бытъ, княжескіе и служебные договоры и т. д.—сводятся къ господству «частнаго права»; общество, въ которомъ оно господствуетъ, назыв. не государствомъ, а (по Гегелю) «гражданскимъ обществомъ». Итакъ, русская исторія въ своемъ развитіи проходитъ два періода: гражданского общества, управляющагося частнымъ правомъ, и государства. Періодъ родового быта долженъ быть отодвинутъ въ доисторическую эпоху. Сложившіеся окончательно въ 40-хъ и 50-хъ гг. славянофильскія и западническія историческія построенія успѣли за этою промежутокъ времени сдѣлаться предметомъ взаимной критики, существенно подорвавшей ихъ фактическое обоснованіе. Обѣ стороны удачнѣе критиковали основныя тезисы противниковъ, чѣмъ защищали свои собственныя. Главнымъ поводомъ, вызвавшимъ споры и давшимъ имъ почти все ихъ содержаніе, было различное значеніе терминовъ «родъ» и «община» въ употребленіи той и другой школы. К. Аксаковъ доказывалъ противъ Соловьева, что всѣ случаи, приводимые послѣднимъ въ доказательство родового быта въ древней Р., или объясняются семейнымъ началомъ, или свидѣлствуютъ объ общинномъ бытѣ; междукняжескія отношенія не относятся къ родовому быту, потому что княжескій родъ находился въ совершенно исключительномъ положеніи; какъ и мѣстничество, они основываются на началѣ родословномъ, генеалогическомъ, а не родовомъ. Съ другой стороны, В. Чичеринъ доказывалъ противъ Бѣляева, что послѣдній въ слишкомъ общемъ смыслѣ употребляетъ терминъ «община». Община въ собственномъ смыслѣ (какъ форма землевладѣнія) ничего не имѣетъ общаго съ древнѣйшей патриархальной общиной, давно исчезнувшей. Въ промежуткѣ земледѣльческое населеніе кочевало, не связанное земель, и, садясь на землю, владѣло ею на правахъ полной собственности. Образовалась община, какъ и другія общественныя группы въ Р., вслѣдствіе прикрѣпленія всѣхъ ихъ къ тяглу, изъ финансовыхъ соображеній Московскаго государства. Еще опаснѣе для историческихъ теорій пятидесятыхъ годовъ было то, что философскія системы, на почвѣ которыхъ онѣ создались, быстро устарѣли и потеряли свое вліяніе въ интеллигентномъ русскомъ обществѣ. На смѣну имъ явился новый, преимущественно реалистическій вліянія. Проч-

ный отрицательный результатъ разсмотрѣнныхъ системъ былъ тотъ, что послѣ нихъ нельзя уже возвращаться къ историческимъ взглядамъ Карамзинской эпохи. Съ этимъ отрицательнымъ результатомъ стоялъ въ связи нѣкоторый положительный. Карамзинская схема построена была исключительно на исторіи власти: философскія построенія 40—50 годовъ единодушно признавали необходимость искать движущихъ силъ историческаго процесса въ самомъ народѣ и въ общественномъ строѣ. Если Чичеринъ возвеличивалъ «государство», то лишь потому, что въ него, по гегеліанскому слову употребленію, включалъ и всѣ остальные элементы. Болѣе узкой, чѣмъ другія теоріи, и болѣе близкой къ старой схемѣ былъ Соловьевскій; но и въ ней княжескія отношенія разсматривались, какъ *типъ* современнаго имъ общественнаго строя. Взаимная критика обоихъ направлений показала, что они оба односторонни и что основн. недостатокъ обоихъ заключается въ чрезмѣрной абстрактности ихъ общихъ положеній. Новое поколѣніе изслѣдователей почувствовало потребность соглашенія и возвращенія къ конкретному изученію русской старины. Типичнымъ выразителемъ этого направленія является К. Н. Бестужевъ-Рюминъ въ первые годы своей ученой дѣятельности; то же настроеніе мы видимъ у Костомарова (см.), при чемъ оба историка тяготеютъ преимущественно къ славянофильству и готовы выставить своимъ знаменемъ «народность». Близко къ новому направленію стоятъ историки быта и вѣрованій: Забѣляинъ, тяготеющій къ западникамъ, Аванасевъ, Буслаевъ. Примирительное настроеніе, выдвинувшее этихъ нейтральныхъ въ общественномъ смыслѣ изслѣдователей, продолжалось, однако, недолго. Въ самый моментъ выступленія новаго направленія, совпавшій съ реформами имп. Александра II-го, ученые споры приобрѣли общественное значеніе, что не замедлило отразиться на ихъ содержаніи. Польское возстаніе содѣйствовало окончательной дифференціаціи историческихъ теорій. Исторіографія шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ находилась подъ вліяніемъ общественной борьбы не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ исторіографія двухъ предыдущихъ десятилѣтій—подъ вліяніемъ философскихъ системъ. Прямой связи между западничествомъ и славянофильствомъ 40-хъ и 50-хъ годовъ и либерализмомъ и консерватизмомъ 60-хъ и 70-хъ гг. нельзя устанавливать, такъ какъ оба старыхъ направленія дали пищу обоимъ новымъ. Изъ западнической идеи государственности сдѣлано было консервативное употребленіе, тогда какъ западническая же идея прогресса въ общеевропейскомъ смыслѣ воспринята была либеральнымъ теченіемъ. Славянофильская доктрина «національнаго духа», вызывавшагося въ извѣстной вѣроисповѣдной и государственной формѣ, послужила консерваторамъ, а славянофильская же идея земщины—либерализму. 1) Западническій консерватизмъ, такъ ярко представленный въ публицистикѣ Катковымъ, въ области исторіографіи не имѣетъ выдающихся представителей: такое направленіе въ наукѣ русской исторіи

было-бы слишком очевиднымъ возвращеніемъ къ Карамзину. 2) Тѣмъ богаче представителями—и пострѣ—группа сторонниковъ славянофильскаго консерватизма. Это направленіе сдѣлало даже попытку вновь обосновать славянофильскую теорію на данныхъ естествознанія, послѣ того какъ обветшалъ философскій фундаментъ, на которомъ это ученіе сложилось. Освободившая славянство отъ «всѣмирноисторической миссіи» и превратившая его въ абсолютно-замкнутый въ себѣ «культурно-историческій типъ», неподвижный и неизмѣнимый какъ типы естествознанія (Данилевскій—противникъ дарвинизма),—теорія Н. Я. Данилевскаго какъ нельзя болѣе подходила къ узкому национализму эпигоновъ славянофильства. Подъ вліяніемъ національнаго возбужденія, вызваннаго польскимъ возстаніемъ 1863 г., къ этому направленію приблизились или присоединились многіе нейтральные изслѣдователи предыдущаго времени, напр. Бестужевъ-Рюминъ. Еще естественнѣе былъ такой переходъ для изслѣдователей западно-русской и южно-русской исторіи, видѣвшихъ въ полякахъ исконныхъ враговъ мѣстнаго русскаго населенія. Даже Костомаровъ, вполнѣ отрицательно относившійся къ московскому политическому идеалу, не колебался въ выборѣ между великорусской протекціей и полонизмомъ. Еще рѣшительнѣе перешелъ въ лагерь русскихъ націоналистовъ старый другъ Костомарова, Кулишъ. Болѣе молодой Коляковичъ уже безъ всякихъ колебаній вступилъ въ ряды того же направленія. Отъ стараго славянофильства это направленіе усвоило пониманіе исторіи какъ «національнаго самосознанія», восхваленіе всего, что считалось проявленіемъ коренныхъ особенностей «народнаго духа», и порицаніе всего, какъ привнесеннаго историческимъ процессомъ, какъ чуждаго «заимствованія». Такъ какъ «заимствованіемъ» были заражены, по взгляду школы, культурные слои общества, а носителемъ коренныхъ началъ народности признавался простой народъ, то славянофильская формула находила полное примѣненіе къ политикѣ борьбы противъ высшихъ сословій во имя крестьянскихъ интересовъ, которой стало держаться правительство на окраинахъ. Этимъ объясняется и присоединеніе къ националистамъ мѣстныхъ представителей народной партіи. Дальнѣйшее увеличеніе числа сторонниковъ того же направленія стоить въ связи съ славянскими взглядами школы, формулировавшей, въ лицѣ Данилевскаго, свои политическія стремленія въ формѣ проекта всеславянской федераціи, съ центромъ въ Константинополѣ и съ большимъ или меньшимъ преобладаніемъ Р. Постепенно, однако, школа сокращала свои славянскія симпатіи, находя (см. К. Леонтьевъ), что славяне безвозвратно отдались во власть «глетворному вліянію запада». Особенную группу среди сторонниковъ того же направленія занимаютъ нѣсколько изслѣдователей, националистическія симпатіи которыхъ обнаружилась въ запоздалой защитѣ автохтонности восточныхъ славянъ и славянскаго происхожденія русской династіи (Иловайскій, Самоковсавъ, Забѣлинъ). 3) Промежуточное

положеніе между консервативнымъ славянофильствомъ и либеральнымъ западничествомъ занялъ С. М. Соловьевъ, съ своими націоналистическими взглядами въ вопросахъ внѣшней политики и западническими представленіями о ходѣ внутренняго развитія Р. Впрочемъ, его многотѣтний и многотомный трудъ (28 томовъ въ 28 лѣтъ) долженъ считаться чересчуръ поспѣшно выполненнымъ, въ томъ смыслѣ, что историкъ, за массой очерченныхъ мелочей, не было времени остановиться на существенномъ и главномъ. Печатая свой матеріалъ частями, по мѣрѣ приготовленія, онъ не имѣлъ возможности какъ слѣдуетъ его разработать и долженъ былъ предлагать его читателямъ въ сыромъ видѣ. Отъ того и его общіе взгляды оказываются, за нѣкоторыми блестящими исключеніями, чересчуръ внѣшнимъ образомъ привязанными къ матеріалу. Устремивъ все свое вниманіе на болѣе доступный наблюденію процессъ постепенной европеизаціи Р., онъ оставилъ въ сторонѣ внутренніе, органическіе процессы народнаго развитія. То немногое, что остается въ «Исторіи Р.» на долю собственно внутренней исторіи—за вычетомъ детальнаго, безъ комментариевъ, пересказа законодательныхъ памятниковъ,—сводится къ отрывочному подбору случайныхъ фактовъ, попавшихъ въ руки историка между другими, болѣе интересовавшими его матеріалами. Изъ Соловьевской исторіи эти недостатки переходятъ и въ сочиненія бывшаго дерптскаго профессора Брикнера о Петрѣ и Екатеринѣ II. Въ другихъ своихъ работахъ Брикнеръ сознательно ограничивается задачей прослѣдить процессъ европеизаціи Р. Также тема проходитъ красной нитью черезъ всѣ изслѣдованія А. Н. Пыпина, прослѣдившаго ее въ исторіи русской общественности, русской литературы и русской науки. Ясно выраженной задачей всѣхъ работъ Пыпина становится опроверженіе славянофильскихъ взглядовъ на русское прошлое; съ этой цѣлью онъ овладѣваетъ даже собственными темами противниковъ—областью славяновѣдѣнія и славянскій литературы, чтобы и тамъ отдѣлить истину отъ тенденціи. Эта постоянная задняя мысль—полемика съ славянофильствомъ—заставляетъ автора ставить вопросы такъ, какъ ихъ поставили когда-то писатели опровергаемаго имъ направленія. Большимъ шагомъ впередъ, въ смыслѣ болѣе вѣрной постановки вопросовъ науки, было для разсматриваемаго направленія сознательное внесеніе новаго метода изученія общественныхъ явленій—метода сравнительно-историческаго. Съ одной стороны, этотъ методъ покончилъ съ славянофильскимъ предразсудкомъ, будто русская исторія абсолютно своеобразна и непохожа на всѣ остальные. Съ другой стороны, онъ подорвалъ и другой предразсудокъ, неучуждый даже нѣкоторымъ противникамъ славянофильства—будто все сходное въ русской исторіи съ западной есть результатъ заимствованія. Сходное, по этому методу, должно было объясняться не заимствованіемъ, а аналогіей основныхъ процессовъ исторической жизни. вмѣстѣ съ тѣмъ и вопросъ о «европеизаціи»

Р. долженъ былъ стать на совсѣмъ другую почву, чѣмъ прежде. Это не было уже болѣе вопросъ о фактическомъ ходѣ и исходѣ заимствованій Р. у Европы, а вопросъ о степени сродства въ стадіяхъ самаго процесса, проходящаго русскимъ и европейскимъ обществомъ. Заслуга внесенія новаго метода принадлежитъ историкамъ-юристамъ (Сергѣевичу, М. М. Ковалевскому); первыя примѣненія его и были произведены въ области науки русскаго права. Не останавливаясь на приложеніи метода къ сравнительному изученію *славянскаго* права (см. Леонтовичъ), отчасти практиковавшемуся и раньше разсматриваемой эпохи (см. Иванильевъ), укажемъ, прежде всего, на А. Д. Градовскаго, результаты изслѣдованій котораго ставятъ его въ ряды либеральныхъ западниковъ, близко къ Чичерину, хотя по исходнымъ точкамъ зрѣнія онъ и долженъ былъ быть причисленъ къ послѣдующей рубрикѣ — либерально-славянофильскаго направленія. Съ точки зрѣнія самого Градовскаго западничество было «апофеозомъ дѣятельности государственности, понимаемой въ довольно узкомъ смыслѣ — государственнаго механизма». У славянофильства Градовскій бралъ идею народнаго организма, самодѣятельнаго и способнаго къ культурному развитію. Отвергая всемірно-историческія претензіи славянофильства, онъ соглашался видѣть главное значеніе русскихъ началъ въ ихъ «общечеловѣчности» и, анализируя послѣднее понятіе, находилъ, что оно включаетъ въ себя, во-первыхъ, «совокупность тѣхъ *коренныхъ* условий, безъ которыхъ немислима нормальная жизнь человѣка и дѣлаго народа» (личная безопасность, свобода совѣсти, мысли, слова, правый судъ и т. д.), и, во-вторыхъ, совокупность «*театическихъ* условий осуществленія челоуѣческихъ дѣлей» (пути сообщенія, орудія производства, техника въ поэзіи и искусствѣ и т. п.): «Народъ въ исторіи» для Градовскаго — «живая сила, нравственная личность, которой интересы, убѣжденія и стремленія руководятъ политикой государствъ». Подойдя, однако, съ этими взглядами къ изученію исторіи русской провинціи, онъ, подобно Чичерину, не нашелъ тамъ ни «народа» въ смыслѣ активной силы, ни «коренныхъ условий» нормальнаго обжитія. Это, впрочемъ, не заставило его отчаиваться въ «народѣ» вообще и всю надежду возложить на «государство». Онъ только заключилъ, что созданіе автономной мѣстной единицы есть «дѣло будущаго» и указалъ на то, что начало этому дѣлу, какъ и вообще созданію нормальныхъ условий общественной жизни, положено уже «раскрѣпощеніемъ» сословій во второй половинѣ XVIII в. 4) Больше увѣренности въ активной роли народа, «земщины», уже въ прошлой русской исторіи встрѣчаемъ у В. И. Сергѣевича. Пассивность народа въ Московскомъ государствѣ представляется ему только временнымъ исключеніемъ изъ общаго правила. «Наша исторія» — говоритъ онъ, — какъ и всякая другая, представляетъ не мало заимствованій, которыя только отклонили ее отъ надлежащаго пути, на который она, рано или поздно, а должна выйти. У насъ были тѣ

задатки политической свободы, изъ которыхъ въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ Европы развились представительныя учрежденія, распространившіяся теперь по всему образованному міру; но у насъ они были подавлены татарскими порядками и византийскими идеями». Открытію и изученію этихъ «зататковъ» и посвящена ученая дѣятельность В. И. Сергѣевича. Онъ находитъ ихъ вполне развитыми въ періодѣ «вѣча и князя» и видитъ ихъ проявленіе въ земскихъ соборахъ, аналогичныхъ западнымъ представительнымъ учрежденіямъ соотвѣствующей эпохи: «сходства этихъ учреждений такъ многосторонни, что никакъ не могутъ быть приписываемы случаю, а должны быть объясняемы дѣйствіемъ одинаковыхъ причинъ». Онъ ищетъ тѣхъ же зататковъ, наконецъ, и въ законодательныхъ комиссіяхъ XVIII в. Оба послѣднія историческія явленія становятся предметомъ спеціального изученія у ученика Сергѣевича, В. Н. Латкина. Сравнительно-историческій методъ примѣняется нашими историками-юристами, правда, нѣсколько упрощеннымъ образомъ, такъ какъ всѣ ихъ усилія направлены на открытіе однихъ только сходствъ, притомъ зачастую черезчуръ общихъ. Враждебныя высшіе сословіямъ и культурнымъ слоямъ общества, славянофильскія идеи удобнѣе сочетались съ демократическими, чѣмъ съ либеральнымъ складомъ мыслей. Въ этомъ сочетаніи онѣ составляютъ особую «народническую» философію русской исторіи, очень популярную до послѣдняго десятилѣтія, а теперь подвергшуюся рѣзкой критикѣ. Довольно распространная къ «учрежденіямъ», народническая историческая теорія очень чувствительна ко всѣмъ проявленіямъ жизни, экономической, юридической и бытовой, самой народной массы. Государство и культурные классы, съ ея точки зрѣнія, только препятствовали народу осуществитъ свой общественный идеалъ, напротивъ, осуществленіе этого идеала — широко-демократическаго — можно наблюдать вездѣ, гдѣ народъ выступалъ на сцену самъ и дѣйствовалъ самостоятельно. Казачество и расколъ — наиболѣе яркія проявленія «народнаго идеала». Непосредственнымъ источникомъ этихъ народническихъ взглядовъ послужили многія сочиненія Костомарова. Еще послѣдовательнѣе развивалъ ихъ ближайшій другъ его, Мордочевъ, историкъ «антигосударственныхъ элементовъ» нашего прошлаго. Къ тому же направленію прикнулъ Аристовъ. Наличность упомянутаго «народнаго идеала», степень его сознательности и возможность для него повліять на ходъ историческаго процесса подвергаются въ настоящее время сильному сомнѣнію, но за народническимъ направленіемъ остается та прочная заслуга, что оно обратило вниманіе на исторію крестьянства и обогатило историографію капитальными трудами В. И. Семевскаго и В. А. Микотина.

Всѣ перечисленныхъ рубрикъ стоятъ и представляютъ совершенно новое явленіе въ историографіи историческія теорія А. П. Щапова. Началъ этотъ изслѣдователь съ увлеченія славянофильствомъ, затѣмъ перешелъ

къ народничеству, но съ 1863 г., подъ влияніемъ сотрудниковъ «Русскаго Слова», у него складываются новые взгляды. «Грѣшенъ былъ и я», говоритъ Шаповъ объ этомъ переломѣ; «до 1863 г. земство и земское саморазвитіе было моею идеей fixe... Я защищалъ инициативу и самостоятельность силъ народа въ дѣлѣ его социальнаго саморазвитія... Со времени 1864 г. я сталъ думать... о взаимодѣйствіи и взаимоотношеніи силъ и законовъ внѣшней, физической природы и силъ и законовъ природы человѣческой, о законахъ этого взаимодѣйствія...», о проявленіяхъ ихъ въ исторіи, о значеніи ихъ въ будущемъ социальномъ строѣ и развитіи народовъ... Я понималъ тогда, что кака-бы ни было, хотя бы самая совершенная абстрактная социально-юридическая теорія не прочна, произвольна безъ единственно прочныхъ основъ — естественно-научныхъ, физико-антропологическихъ, потому что она не что иное, какъ временный продуктъ измѣняющейся... человѣческой мысли... Всѣ юридическія теоріи безъ теоріи строго-реальной и экономической почти ничего не значатъ». Свою «реальную и экономическую теорію» русской исторіи Шапову пришлось выработать при самыхъ тяжелыхъ жизненныхъ обстоятельствахъ: этимъ, а также и самой трудностью задачи, объясняется, что отдѣльные свѣтлыя мысли сложились у него въ не совсѣмъ удачное цѣлое и не получили тщательной научной обработки. Основную причину слабости русскаго культурнаго развитія Шаповъ уже ранѣе видѣлъ въ элементарности экономическаго процесса, въ свою очередь объяснимой тѣмъ, что русскому населенію пришлось прежде всего колонизовать дѣвственную территорію и что процессъ этой колонизаціи растянулся на цѣлые вѣка. Книга Бокля, только что вышедшая тогда и точнѣе переведенная на русскій яз., заставила Шапова придать своимъ мыслямъ новую форму. Въ тысячелѣтнемъ *физико-этнологическомъ развитіи* русскаго народа, выработавшемъ у него «непосредственно-натуральный умственный складъ», Шаповъ сталъ находить теперь главную причину отсутствія въ древней Руси «интеллигентнаго, мыслящаго класса» и исключительнаго преобладанія «рабочаго класса». Вся исторія Р. получила для него смыслъ какъ исторія препятствій «умственному развитію» общества на «научно-рациональной основѣ». Онъ старался простѣдить эти препятствія въ «естественно-психологическихъ» и въ «социально-педагогическихъ условияхъ» умственнаго развитія; въ низменномъ психологическомъ, физиологическомъ и антропологическомъ складѣ древнерусскаго населенія. Онъ пытался отмѣтить, затѣмъ, фазисы «нрастанія новаго европейскаго интелектуальнаго типа» со времени Петра, подъ влияніемъ, главнымъ образомъ, изученія естествознанія.

За послѣдніе 20 лѣтъ русская историографія не находилась въ такой тѣсной связи съ общественными теченіями и не отличалась такимъ богатствомъ новыхъ мыслей, какъ въ 60-хъ и 70-хъ гг. Она носила скорѣе характеръ спокойнаго академическаго изученія,

результаты котораго всего удобнѣе сгруппировать по университетамъ, такъ какъ университетскими лекціями и диссертациями на ученые степени почти исчерпывалось содержаніе этой историографіи. Ученое творчество отступало въ ней на задній планъ передъ осторожнымъ эклектизмомъ: критика источниковъ получала перевѣсъ надъ пользованіемъ ими. Такой характеръ имѣло особенно преподаваніе русской исторіи въ петербургскомъ университетѣ. Родоначальникомъ этого направленія былъ здѣсь К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, воздерживавшійся, во имя ученаго безпристрастія, отъ высказыванія собственнаго мнѣнія и считавшій исключительной задачей современности критическую разработку источниковъ для будущихъ изслѣдователей. Такой чисто-вступительный и подготовительный характеръ имѣлъ и его «Русская исторія». Въ еще болѣе исключительной формѣ держался тѣхъ же мнѣній его преемникъ, Е. Е. Замысловскій. Молодые поколѣнія петербургскихъ историковъ стремятся согласить это направленіе учителей съ болѣе реальнымъ направленіемъ московскаго университета или даже вполнѣ переходятъ на сторону послѣдняго. Различныя стадіи этого перехода можно прослѣдить въ лучшихъ петербургскихъ диссертацияхъ, напр. «Сказанія и повѣсти о смутномъ времени», С. Ф. Платонова (1888); «Фетчеръ, какъ историческій источникъ», С. М. Середонина (1891); «Служилое земледѣліе въ московскомъ государствѣ XVI в.», С. В. Рождественскаго. Рядомъ съ этимъ историко-критическимъ направленіемъ, и націоналистическіе взгляды К. Н. Бестужева-Рюмина отразились въ изслѣдованіяхъ нѣкоторыхъ его послѣдователей, напр. И. Филевича, Н. Д. Чечулина, отчасти Е. Ф. Шмурло. Ближе къ историкамъ-юристамъ, чѣмъ къ историкамъ, стоитъ А. С. Лапо-Данилевскій, въ своихъ изслѣдованіяхъ по исторіи русскаго обложенія и кодификаціи. Въ московскомъ университетѣ надолго сохраняются слѣды дѣятельности блестящей плеяды профессоровъ и ученыхъ предыдущаго періода, Соловьева, Кавелина, Чернина и Блѣева. Живымъ посредникомъ между этимъ поколѣніемъ и современнымъ служить В. О. Ключевскій, замѣчательно удачно сгруппировавшій все, что было лучшаго въ ученіяхъ обоихъ лагерей около новой идеи 80-хъ годовъ—идеи изученія социальной структуры общества. Со смѣлостью систематика В. О. Ключевскій соединилъ осторожность изслѣдователя-специалиста: первое качество давало ему возможность выработать единственный въ своемъ родѣ университетскій курсъ русской исторіи, оказавшій влияние на все поколѣніе восьмидесятыхъ годовъ; второе качество обезпечило за нимъ репутацію перваго знатока матеріала для социальной исторіи XVII в. «Микроскопическія наблюденія» надъ этимъ матеріаломъ онъ такъ же любилъ, какъ и блестящіе антитезы въ систематическомъ изложеніи: искусство анализа и синтеза одинаково ему доступно. Основной недостатокъ В. О. Ключевского заключается въ отсутствіи того коренного нерва ученой работы, который дается цѣль-

ИСТОРИЧЕСКІЯ КАРТЫ РОССІИ I

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

около 862 г.

Славяне:
 ■ Восточные или Русские
 ■ Западные и Южные

ными философскими или общественными мировоззрением и которого не может замнить величайшее мастерство схематизации. Стремление къ изученію социальной исторіи и исторіи учреждений сказалось въ темахъ московскихъ диссертаций историковъ-юристовъ С. А. Петровскаго, П. Н. Мрочежь-Дроздовскаго и А. Н. Филиппова, а также историковъ—В. Е. Якушкина и П. Н. Милокова. Работы М. К. Любавскаго по исторіи учреждений литовско-русскаго государства соединяють это главное направление московскаго унив. съ другимъ—изученіемъ областной исторіи, завѣщаннымъ также предыдущимъ поколѣніемъ и уже раньше отразившимся въ диссертацияхъ Д. А. Корсакова, Г. И. Перетятковича, Д. И. Иловайскаго и Борзавскаго. Такое же соединеніе тенденцій видимъ въ докторской дисс. И. А. Линиченко, своими предыдущими произведеніями принадлежавшаго къ школѣ кievскаго университета. Традиція университетскаго преподаванія русской исторіи восходятъ въ Кіевъ ко времени Костомарова, еще въ сороковыхъ годахъ явившагося здѣсь представителемъ направления, стремившагося къ изученію «народности». Параллельно съ славянофилами, южные сторонники изученія народности создали свою особую доктрину, отличающуюся отъ славянофильской отсутствіемъ философской подкладки и сильно подчеркнутыми національно-автономистическими стремленіями. Идеальная цѣль доктрины—федеративный общественный строй—обосновывается посредствомъ доказательства древней самостоятельности отдѣльных русскихъ племенъ и силы вѣчевыхъ учреждений, которыми они управлялись. Московскій періодъ считается отступленіемъ отъ нормальнаго хода русской жизни, результатомъ чуждыхъ вліяній, татарскаго и византийскаго. Весь интересъ кievскихъ историковъ сосредоточился на древнѣйшей, кievской эпохѣ русской исторіи, а въ позднѣйшихъ эпохахъ—на элементахъ, протестовавшихъ противъ московскихъ порядковъ, особенно на казачествѣ и гайдамачинѣ. Посредникомъ между поколѣніемъ Костомарова и современнымъ поколѣніемъ явился здѣсь В. Б. Антоновичъ, имѣвшій очень сильное вліяніе на молодыхъ историковъ и создавшій своимъ университетскимъ преподаваніемъ цѣлую школу. Уступая своему учителю въ талантѣ, тонкости критическаго анализа, широтѣ и глубинѣ знанія источниковъ, молодые изслѣдователи дали, однако, цѣлый рядъ полезныхъ монографій объ исторіи русскихъ княжествъ Днѣпровскаго бассейна и объ инородческомъ населеніи южныхъ степенъ (П. Голубовскій, Д. Багалъй, М. Грушевскій, Н. Молчановскій, Д. Андріашевъ, М. Довнар-Запольскій, П. Ивановъ, В. Лясковскій). Особое положеніе занимаютъ историки-юристы, посвящающіе и здѣсь свои труды разработкѣ мѣстной социальной исторіи и исторіи учреждений: И. В. Лучинскій, давшій рядъ цѣнныхъ работъ по исторіи землевладѣнія малороссійскихъ крестьянъ, М. Ф. Владимірскій-Будановъ, разрабатывавшій исторію мѣстнаго права и колонизаціи, М. Н. Ясинскій и авторы изслѣдованій о правѣ литовскаго статута—Н. Максименко, І. Малиновскій

и Г. Демченко. «Исторію запорожскаго казачества разрабатывалъ Д. Эварницкій (теперь въ Москвѣ). Въ сторонѣ отъ мѣстнаго движенія стоятъ, примыкая скорѣе къ петербургскому университетскому направленію, В. С. Иконниковъ, лучший знатокъ бібліографіи русской исторіи, и А. В. Романовичъ-Славатинскій, историкъ русскаго дворянства XVIII в. Кіевскій университетъ сдѣлался разсадникомъ профессоровъ и для другихъ университетовъ русской и австрійской Малороссіи. Такъ, М. Грушевскій недавно сдѣлался профессоромъ львовскаго университета и началъ, въ серіи львовскаго «научнаго товариства имени Шевченка», изданіе своей «Исторіи Украины-Руси». Д. И. Багалъй съ 1883 г. занимаетъ кафедру русской исторіи въ харьковскомъ университетѣ и продолжаетъ тамъ кievскую традицію, разрабатывая мѣстную исторію въ многочисленныхъ трудахъ, посвященныхъ исторіи колонизаціи, торговли и просвѣщенія края. Областной исторіи (малорусской и сибирской) посвящены диссертации П. Буцинскаго, а также И. Н. Миклашевскаго (по сельскохозяйственной исторіи). Ученая дѣятельность покойнаго И. И. Дятятина, ученика Градовскаго, примыкала къ общерусской работѣ историковъ-юристовъ, традиція которыхъ восходитъ къ московской историко-юридической школѣ. Элементы самоуправления въ русскомъ прошломъ привлекали особенное вниманіе Дятятина. Въ казанскомъ университетѣ изъ историковъ Н. А. Ойрсовъ и И. Н. Смирновъ, изъ историковъ-юристовъ С. М. Шпилевскій посвящали свои труды мѣстной исторіи, преимущественно исторіи приволжскаго инородческаго населенія. Д. А. Корсаковъ сосредоточиваетъ свой интересъ на исторіи XVIII в., разрабатываемой имъ въ направленіи либеральнаго западничества. Выдающимся эпизодомъ историко-юридическаго преподаванія была здѣсь дѣятельность Мейера по гражданскому и Е. Осокина по финансовому праву, въ 50-хъ годахъ. Ученые труды Н. П. Загоскина относятся къ отмѣненному уже общерусскому направленію историко-юридическихъ изслѣдованій. Въ настоящее время Загоскинымъ задумана сводная, двѣнадцати-томная «Исторія права русскаго народа», первый томъ которой представляетъ исторіографическое введеніе и изложеніе теорій, относящихся къ народности славянъ, ихъ древнему быту и зарожденію государства. Историческое и историко-юридическое преподаваніе въ юрьевскомъ (бывшемъ дерптскомъ) университетѣ до послѣдней реформы держалось старыхъ традицій германской науки. Проф. А. Г. Брикнеръ являлся посредникомъ между русской и нѣмецкой наукой, популяризируя въ Германіи выводы русской исторической литературы и разрабатывая въ Р. иностранные матеріалы для русской исторіи. Русскіе за границей и европейцы въ Р. привлекали его особенное вниманіе въ нашемъ прошломъ; ростъ европейскаго вліянія въ русской исторіи былъ его главной темой. Таже тема, но съ другой стороны—со стороны отраженія этого вліянія въ русскомъ національномъ самосознаніи,—сосредоточиваетъ на се-

бъ интересъ его преемника, Е. Ф. Шмурло, до сихъ поръ выступавшаго, впрочемъ, болѣе съ библиографическими и историографическими работами. Въ области историко-юридическаго преподаванія традиціи стараго дерптскаго университета восходили ко временамъ Эверса и Рейца, родоначальниковъ русской историко-юридической школы. Проф. И. Е. Энгельманъ извѣстенъ въ русской литературѣ своимъ строгимъ анализомъ юридическихъ и бытовыхъ элементовъ въ институтѣ крѣпостнаго права. Ученикъ петербургскихъ юристовъ, М. А. Дяконовъ, стремится вернуться отъ юридическихъ конструкцій къ историческому матеріалу и въ своихъ этюдахъ по исторіи древнерусскаго крестьянства продолжаетъ дѣло московскихъ изслѣдователей. Въ варшавскомъ университетѣ преподаваніе русской исторіи находится въ рукахъ Д. И. Цѣтаева, извѣстнаго своими архивными работами по исторіи иностранцевъ въ Р., и И. П. Филевича. Исторію права преподавалъ до 1892 года Д. Я. Самоковсовъ въ националистическомъ духѣ, не чуждомъ и другимъ названнымъ преподавателямъ. Преподаваніе въ одесскомъ университетѣ велось И. Е. Перетятковичемъ и (до 1895 г.) А. И. Марквичемъ, историкомъ мѣстничества и авторомъ нѣсколькихъ историко-критическихъ работъ; исторію русскаго права читалъ (до 1891 г.) Ѳ. И. Леонтовичъ, авторъ задружно-общинной теоріи и спеціалистъ по литовско-русскому праву. Въ послѣдніе годы общественнаго теченія, повидимому, снова начинаютъ вліять на направленіе историческаго изученія. Вновь выдвинутая въ девяностыхъ годахъ теорія «экономическаго матеріализма» принесла въ этомъ отношеніи отрицательную пользу, устранявъ тяготѣніе надъ умами старой народнической точки зрѣнія, давно требовавшей кореннаго пересмотра. Первымъ положительнымъ результатомъ новаго направленія въ области детальнаго изслѣдованія является книга М. Туганъ-Барановскаго о «Русской фабрикѣ въ прошломъ и настоящемъ».

Отдѣльное существованіе русской исторіографіи, какъ вспомогательной исторической дисциплины, восходить къ очень недавнему времени. Начало общему обзору источниковъ и литературы русской исторіи положили только К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, первымъ томомъ своей «Русской Исторіи» (1872). За нею, черезъ 20 лѣтъ, послѣдовалъ грандіозный «Опытъ русской исторіографіи» проф. В. С. Иконникова, излагающій пока, въ двухъ частяхъ перваго тома, исторію собранія и изданія историческихъ матеріаловъ. Здѣсь исчерпывающимъ образомъ собрано все, что появлялось въ печати относительно архивовъ, библиотекъ и музеевъ, публичныхъ и частныхъ, столичныхъ и провинціальныхъ, русскихъ и иностранныхъ, при чемъ повсюду отмѣчено, какіе именно источники этихъ хранилищъ были изданы или послужили предметомъ изученія или изложенія въ когда-либо изданныхъ статьяхъ и изслѣдованіяхъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ. Філіалы ученыхъ системъ и теорій русской исторіографіи послужила предметомъ изложенія съ двухъ разныхъ точекъ

зрѣнія, М. О. Кояловичемъ, въ его «Исторіи русскаго самосознанія по историческимъ памятникамъ и научнымъ сочиненіямъ» (2-е, по-смертное изданіе, съ прибавленіемъ полемики противъ Бестужева-Рюмина и Д. А. Корсакова, а также біографіи автора, вышло въ 1893 г., СПб.), и авторомъ настоящей статьи, въ «Главныхъ теченіяхъ русской исторической мысли» (т. I, 2 изд., М., 1898). Библиографію по различнымъ отдѣламъ и вопросамъ русской исторіи см. подъ соответствующими словами. Указаніе на общіе библиографическіе труды по русской исторіи см. въ ст. Библиографія. Дополнительныя свѣдѣнія къ статистическимъ Лѣтописи и Повѣсти временныхъ лѣтъ взяты изъ изслѣдованій А. А. Шахматова: «О начальномъ кievскомъ лѣтописномъ сводѣ» (М., 1897, «Чтенія въ Общ. Ист. и Древн.», кн. III) и о «Хронологіи древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводовъ» (въ «Ж. М. Н. Пр.», 1897, апрѣль). Образцы различныхъ типовъ «актовъ», упоминаемыхъ въ обзорѣ источниковъ русской исторіи, см. въ «Актахъ, относящихся до юридическаго быта», изд. Н. В. Калачевымъ. П. Милоковъ.

С. Исторія Р. — Приднѣпровская Р. IX — XII вв. — Начальнымъ фактомъ русской исторіи слѣдуетъ считать водвореніе на русской равнинѣ славянской колонизаціи. Когда и какъ совершилось это водвореніе, въ точности неизвѣстно. Вопреки нѣкоторымъ фантастическимъ теоріямъ объ исконномъ жителствѣ славянъ на Ю нашей равнинѣ, болѣе осторожные изслѣдователи видятъ въ появленіи здѣсь славянъ сравнительно поздній эпизодъ многолѣтняго колонизаціоннаго процесса, распространявшаго славянскія поселенія въ разныхъ направленіяхъ изъ древнѣйшаго извѣстнаго намъ центра славянства — верхней Вислы, у Прикарпатья. Движеніе славянскихъ племенъ отъ этого центра вглубь нашей равнины съ наибольшей вѣроятностью можетъ быть относимо къ VI, VII, VIII вв. по Р. Хр. Топографія этихъ племенъ, сообщенная въ начальной лѣтописи, рисуетъ уже конечные результаты ихъ передвиженія, опредѣлившіеся къ IX—X вв. Окаймленные коломъ инородческаго населенія — литовскаго на З, финскаго на С и СВ, тюркскаго на ЮВ — славяне заняли бассейны Днѣпра, Днѣстра, Зап. Двины, Зап. Буга, оз. Ильмена, верхней Оки, размѣстившись на этомъ просторѣ въ отдѣльныхъ племенахъ. Границы «земель», занятыхъ племенами, опредѣлялись частью естественными предѣлами — линіями водораздѣльныхъ волоковъ, частью перекрестнымъ столкновеніемъ отдѣльныхъ волнъ колонизаціоннаго потока. Быть можетъ, взаимная борьба племенъ, разновременно колонизовавшихъ равнину, послужила толчкомъ къ политическому объединенію племенъ подъ властью племенныхъ князей. Лѣтописъ сообщается нѣкоторые намеки на зародки какой-то политической организаціи, возвышавшейся надъ отдѣльными родовыми союзами, на которые дробились древній племена; но мы ничего не знаемъ о томъ, какъ далеко пошелъ процессъ политическаго объединенія племенъ до возникновенія варяжескихъ княжествъ и въ какихъ

формах онъ выразился. Тотчасъ по водвореніи на рѣчныхъ бассейнахъ восточно-европейской равнины, славянскія племена были втянуты въ торговые движенія, пересѣкавшія равнину въ различныхъ направленіяхъ. Каспійское, Черное и Балтійское моря служили ареной оживленнѣйшихъ торговыхъ сношеній этой равнины съ азіатскимъ Востокомъ и европ. Западомъ. На Каспійскомъ морѣ дѣятелями этихъ сношеній были арабы, на Черномъ—греки, на Балтійскомъ—норманны. Арабы съ половины VII в. проникаютъ во внутреннія и сѣверныя части Ирана, достигаютъ береговъ Каспійскаго моря и появляются на восточной половинѣ Кавказскаго перешейка. Ихъ появленіе возбуждаетъ враждебную тревогу хазаръ, раскинувшихъ свои владѣнія отъ нижней Волги до Ширвана. Послѣ кровавой борьбы, длившейся въ теченіе цѣлаго вѣка ($\frac{1}{2}$ VII— $\frac{1}{2}$ VIII в.), оба народа размежевались: арабы остались властителями западнаго побережья Каспійскаго моря, хазары, отброшенные къ СЗ, вознаградили себя расширеніемъ своего господства къ берегамъ Чернаго моря, до Таврическаго полуострова, и, встрѣтивъ съ славянскими племенами, наложили на нихъ свое иго. Сосѣдство арабовъ дало могучій толчокъ развитію торговыхъ связей нѣпей равнины съ азіатскимъ Востокомъ. Монетные клады, найденные въ предѣлахъ Европ. Р., позволяють отнести начало этихъ связей еще къ VI, даже V в., но со второй половины VII в. онъ быстро разрастаются и принимаютъ внушительные размѣры. Посредниками между арабскими рынками и внутренними частями равнины служили хазары и камскіе болгары. Въ то же время на берегахъ Балтійскаго моря китѣла не менѣе интенсивная торговая жизнь. Главные дѣятели этого движенія, предпринимчивые норманны, въ IX в. появляются и на внутреннихъ рѣчныхъ путяхъ равнины. Наконецъ, сѣверное черноморское побережье, усыпанное греческими колоніями, издавна входило въ сферу торговаго вліянія Византіи. Очутившись въ центрѣ всѣхъ этихъ торговыхъ движеній, славянскія племена явились поставщиками сырья на приморскіе рынки—мѣховъ, лѣса, меду, воска, рыбы и другихъ продуктовъ эксплуатаціи лѣсныхъ и рѣчныхъ природныхъ богатствъ. Въ общемъ, однако, активное участіе славянскихъ племенъ въ тогдашней торговлѣ не было значительно; торговые движенія черезъ равнину носили транзитный характеръ. Въ IX и X вѣкахъ въ южно-русскихъ степяхъ начинаются броженія кочевыхъ ордъ, нарушившія правильное развитіе очерченныхъ выше отношеній, обрушившіяся страшной грозой на русскихъ славянъ и давшія толчокъ къ преобразованію политическаго строя южной Р. IX—X вв. заняты жаркой борьбой хозарь, венгровъ (угровъ) и печенѣговъ, во время которой печенѣги, вытѣснивъ угровъ на З, къ нижнему Дунаю, раскидываютъ свои кочевья по всей южно-русской стени отъ Дона до Дуная, запружаютъ нижнее теченіе Днѣпра и, укрѣпившись на Ю, бросаются на мирныя поселенія русскихъ славянъ. Необходимость обо-

роны отъ степной орды создаетъ благоприятную почву для прочнаго водворенія среди славянскихъ племенъ норманскихъ конунговъ, съ ихъ дружинами. Не менѣе самихъ славянъ заинтересованные очищеніемъ южныхъ торговыхъ путей отъ кочевыхъ варваровъ, норманны принимаютъ призваніе нѣкоторыхъ славянскихъ и финскихъ общинъ «княжить и володѣть ими». Такъ начинается процессъ переработки старыхъ племенныхъ организацій въ систему варяжскихъ княжествъ. Процессъ шель постепенно. Первоначально варяжскія княжества возникаютъ какъ-бы отдѣльными островами на различныхъ пунктахъ равнины. Въ IX в. намъ извѣстны три княжества на С, въ озерной области—Юриково, Синеусово и Труворово, которыя затѣмъ сливаются въ одно, вобравъ въ себя области новгородскихъ славянъ, веси и кривичей,—и одно на Ю: княжество Аскольда и Дира въ Киевѣ. Въ X в. возникаютъ два новыхъ княжества на З: Турово и Рогволодо. Дальнѣйшее расширеніе территорій варяжскихъ княжествъ совершается различными путями: новыя племена присоединяются добровольно къ образовавшимся уже княжескимъ центрамъ; сами князья изъ финансовыхъ и стратегическихъ побужденій насильственно распространяють свою власть на окрестныя земли (такъ, южное княжество Олега составило изъ земли полянъ, подчинившихся добровольно, сѣверянъ и радимичей, которые промѣняли на подчиненіе Олегу хазарское иго, и древлянъ, покореженныхъ оружіемъ Олега); наконецъ, возникаютъ совершенно новыя центры норманскаго господства, по мѣрѣ размноженія княжескаго рода, члены котораго призываются славянскими племенами на новыя княжескіе столы. Лишь постепенно возникшія разновременно княжества спаиваются въ цѣльную систему, подъ господствомъ единаго рода кievскихъ Игоревичей.

Образованіе варяжскихъ княжествъ не повлекло за собою немедленно глубокихъ перемѣнъ во внутреннемъ строѣ славянскихъ племенъ. Водворившись на княжескомъ столѣ, варяжскій конунгъ не думалъ разставаться съ походной ладьей и надолго сохранилъ еще въ своей дѣятельности черты странствующаго искателя военной добычи. По отношенію къ призывавшему его племени онъ становился въ положеніе князя-кормленщика, военнаго стража осѣдлыхъ поселеній, получавшаго за свои услуги вознагражденіе въ видѣ дани. Его правительственная дѣятельность, при такой постановкѣ его власти, не могла воздѣйствовать на измѣненіе внутреннего политическаго быта. Политическое объединеніе племенъ оставалось чисто вѣшнымъ, не сопровождаясь реорганизаціей стараго племеннаго суда и управленія. Не затрагивувъ внутреннего строя древнихъ племенъ, появленіе варяжскихъ князей дало замѣтный толчокъ развитію ихъ вѣвшихъ—военныхъ и торговыхъ—сношеній. Князья освобождаютъ славянъ отъ хазарскаго ига, вступаютъ въ дѣятельную борьбу съ печенѣгами, становятся во главѣ военно-торговыхъ экспедицій на Византію и на далекіе берега

Каспійскаго моря. Но и эти совмѣстные предпріятія не сглаживаютъ обособленности варяжскихъ князей, съ ихъ дружинами, отъ управляемаго ими славянскаго населенія. Типичный представитель варяжскихъ князей этого періода, Святославъ, дѣлаетъ даже попытку совсѣмъ порвать съ славянскимъ придѣлываемымъ и перенести базисъ своихъ военныхъ набѣговъ въ приднѣвскую Болгарію. Лишь къ концу X и началу XI в. совершается болѣе тѣсное сближеніе варяжскихъ и славянскихъ элементовъ въ жизни древне-русскихъ княжествъ. Немногочисленный контингентъ варяжскихъ пришельцевъ растворяется въ массѣ туземнаго населенія; въ дѣятельности князей и ихъ дружинъ рѣзче обозначаются заботы о земскомъ строеніи, «нарядѣ» подчиненныхъ имъ областей; князь-авантюристъ превращается въ князя-правителя. Одновременно съ этимъ отдаленныя воинственныя экспедиціи и партизанская война съ пограничными кочевыми степняками смѣняются систематической обороной границъ, возведеніемъ оборонительныхъ линій «городовъ», правильной военной колонизаціей опасныхъ окраинъ. Перерожденіе характера княжеской власти, устъхи болѣе устойчивой политической организаціи, вмѣстѣ съ попытками регулированія древнихъ обычныхъ отношеній, находить поддержку и опору въ важномъ культурномъ фактѣ—пріятіи христіанства. Представители церковной іерархіи—въ подавляющемъ большинствѣ греки—явились на первыхъ порахъ естественными союзниками князей въ законодательной переработкѣ народнаго обычая, какъ продукта языческой старины. Греческое духовенство приноситъ съ собой, вмѣстѣ съ новой религіей, новыя политическія понятія о правахъ и обязанностяхъ правителя и подданныхъ, представленіе о князѣ, какъ о пастырѣ народа, ответственномъ передъ Богомъ за благосостояніе подвластнаго ему общества. Эти новыя понятія проникали въ массу также туго, какъ и новая религія, но они несомнѣнно дѣйствовали на князей, давая религиозную санкцію начавшемуся переходу въ характерѣ ихъ дѣятельности. Тѣмъ не менѣе, усиленіе государственнаго элемента въ княжеской политикѣ, сказавшееся въ княженіе Владиміра св. и Ярослава I, не привело къ подавленію стараго вѣчного строя. Авторитетность народнаго вѣча даже нѣсколько болѣе окрѣпла, когда въ XI стол. возникла окончательно оформленная система княжествъ, обнявшая всю ту часть Р., которая жила тогда политической жизнью. Въ основу этой системы легли два начала: 1) родовые счета членовъ разнороднаго княжескаго рода Ярославичей и 2) областные интересы старинныхъ земель. Первое начало вытекало изъ общепризнанной фикціи, по которой политическая власть надъ всей русскою землею считалась коллективнымъ достояніемъ рода Ярославичей, а пользованіе опредѣленными долями общеродового достоянія обуславливалось для каждого отдѣльнаго князя степенью его родового старшинства. Князь садился на тотъ или другой «столъ» временно, впредь до измѣненія его относи-

тельнаго старшинства въ родѣ. Старѣйшіе князья занимали болѣе южныя княженія, какъ болѣе выгодныя и въ то же время болѣе опасныя. Съ каждой переминой въ личномъ составѣ княжескаго рода происходило общее перемѣщеніе всѣхъ князей по столамъ, сообразно измѣнившимся отношеніямъ въ степеняхъ старшинства. Конечнымъ пунктомъ этого «дѣйствительнаго восхожденія» князей по столамъ являлось кievское княжество: оно отдавалось самому старшему князю, бывшему для всѣхъ другихъ членовъ рода «въ отца мѣсто». Наряду съ княжескими счетами въ образованіи этой системы участвовали и земско-племенные интересы; такъ, основой для опредѣленія границъ самыхъ княжествъ XI—XIII вв. послужили старыя племенные «земли». То были княжества кievское, черниговское, переяславское, сѣверское, галицкое, волынское, пинско-туровскія, полоцкое, смоленское, рязанско-муромское, ростовско-суздальское и, наконецъ, сѣверныя новгородскія земли. Въ развитіи и разложеніи этой системы, сопровождавшемся кровавой борьбой различныхъ княжескихъ линій, сказалося взаимодѣйствіе тѣхъ же двухъ факторовъ. Ближайшимъ поводомъ междукняжескихъ столкновений служили родовые счета князей. Разноженіе княжескаго рода затруднило отчетливое опредѣленіе мѣста каждого князя въ общемъ порядкѣ; изъ столкновеній личныхъ княжескихъ интересовъ возникли спорныя казуистическія толкованія отдѣльныхъ случаевъ. Все это затрудняло примѣненіе установившагося первоначально порядка во всей его чистотѣ. Столкновенія, возникшія между князьями, разрѣшались «судомъ божиимъ», т. е. вооруженной усобицей. Хроническая усобица въ свою очередь подрывала авторитетъ родового преданія, ставила силу выше права, пріучала видѣть источникъ власти надъ княжествомъ въ насилиственному захватѣ княжескаго стола. Старый распорядокъ, потрясенный запутанностью родовыхъ счетовъ, вытѣсняется новымъ, *вотчиннымъ*, при которомъ дѣйствительное передвиненіе князей по столамъ смѣняется обособленіемъ отдѣльныхъ княжескихъ линій въ предѣлахъ фамиліальныхъ владѣній, наследуемыхъ по нисходящей линіи. Смѣна стараго порядка новымъ прошла два фазиса. Усобицы XI в. выдвинули вопросъ о князьяхъ *изюла*хъ (см.). Не желая совсѣмъ лишиться «части» въ русской землѣ, изюи стремятся укрѣпить за собой княженія своихъ отцовъ. Это стремленіе сталкивается съ притязаніями другихъ князей, основанными на правилахъ «дѣйствительнаго восхожденія». Вспыхиваетъ усобица, въ которой, по призыву самихъ князей, участвуютъ новыя степные кочевники, смѣлившіе печенѣговъ половцы. Представители изюевъ являются въ этой борьбѣ черниговскіе князья, сыновья Статослава Ярославича. Усобица заключается сѣздомъ князей въ Любечѣ (1097), на которомъ право сыновей на отцовскую вотчину получаетъ общее признаніе. Усобицы XII в. вызываются стремленіемъ распространить тотъ же *вотчинный* принципъ и на обладаніе кievскимъ великокняжескимъ столомъ. Во имя этого прин-

дипа Мономаховичи стремятся устранить от киевского стола Ольговичей и въ частности младшая линия Мономаховичей старается отрѣзать доступъ къ Киеву представителямъ старшей линии. Одновременно раздвигаются двѣ усовицы, постоянно переплетающіяся другъ съ другомъ. Онѣ завершаются полнымъ распаденіемъ стараго распорядка, торжествомъ вотчиннаго принципа, окончательнымъ закрѣпленіемъ удѣловъ за отдѣльными княжескими линиями. Междукняжескіе родовые счеты служили, однако, лишь наиболѣе выпуклыми выраженіемъ отмѣченной политической эволюціи, не исчерпывая собою ея содержанія. Наряду съ интересами князей сказывались интересы «земель», вошедшихъ въ составъ княжествъ. Крѣпость первоначальнаго единства княжескаго рода опиралась на тѣсную общность этихъ земскихъ интересовъ. Политическое главенство Киева въ ряду другихъ княжескихъ столовъ было создано его экономическимъ значеніемъ, которое, въ свою очередь, опредѣлилось его географическимъ положеніемъ. Господству надъ среднимъ и нижнимъ теченіемъ Днѣпра, Киевъ являлся главнымъ объединительнымъ центромъ тѣхъ торговыхъ связей съ черноморскими рынками, которыя имѣли коренное значеніе для экономической жизни областей, включенныхъ въ систему древнихъ княжествъ. Послѣдовавшее затѣмъзаніе южно-русскихъ степей азиатскими кочевниками, а также перемѣщеніе главныхъ торговыхъ путей Европы, питавшихъ ранѣе черноморскую торговлю, парализовало торговые сношенія Р. съ черноморскими рынками и вмѣстѣ съ тѣмъ разорвало, мало по малу, взаимныя экономическія связи отдѣльныхъ русскихъ областей. По мѣрѣ того, какъ князья все болѣе сжимались съ внутренними земскими интересами управляемыхъ ими областей, въ этихъ интересахъ получали все болѣе преобладаніе центробѣжныя стремленія. Разобіеніе единаго княжескаго рода на обособленныя линии явилось лишь вѣтшинымъ политическимъ выраженіемъ послѣдовательнаго роста этого областного партикуляризма. Родовые счеты князей быстро теряли свое реальное жизненное значеніе и превращались въ собраніе условныхъ формулъ, прикрывавшихъ болѣе глубокіе процессы междубластной жизни. Начавшаяся такимъ образомъ переработка стараго политическаго уклада южной Р. была насильственно прервана опустошительнымъ вторженіемъ новыхъ варваровъ—татаръ, и новый *удѣльный* порядокъ, возникшій на смѣну стараго *очередного*, получилъ возможность развиваться лишь на сѣверо-востокѣ Р. примѣнительно къ мѣстнымъ природнымъ условіямъ, весьма отличнымъ отъ южнаго приднѣпровья.

Быстрое исчезновеніе древнѣйшей южнорусской цивилизаціи подъ ударами дикихъ варваровъ въ значительной мѣрѣ объясняется недостаточностью достигнутыхъ ею развитіемъ результатовъ. Политическій и социальный строй древнѣйшей Р. X—XIII вв. отличался грубостью и примитивностью. Въ основаніи политическаго строя лежалъ дуализмъ княжеской и вѣчевой власти; но ни взаимное отно-

шеніе этихъ двухъ властей, ни внутренняя организація самаго вѣча не опирались на твердо установленныя начала. Не смотря на отсутствіе правильной періодичности собраній, вѣче несомнѣнно являлось правомѣрно дѣйствующимъ учрежденіемъ. Оно существовало повсемѣстно; его компетенція обнимала собою избраніе и призваніе князей, вопросы вѣтшией политики—заключеніе мира и объявленіе войны, внутреннее законодательство—заключеніе *ряда* съ княземъ, контроль надъ администраціей и судопроизводствомъ, рѣшеніе отдѣльныхъ государственныхъ вопросовъ. Однако, при всей полнотѣ своего политическаго значенія вѣче не устраняло настоятельной потребности въ князѣ («тяжко баше княномъ, не осталось бо ся баше у нихъ ни единѣ князь у Киевѣ»), въ виду отсутствія правильной организаціи. Составъ вѣча, порядкомъ созыва его и ходъ совѣщаній, способъ выработки вѣчевыхъ постановленій—все было предоставлено случаю. Фактически вѣче могло получать значеніе лишь въ чрезвычайные моменты народной жизни, при наличности сильныхъ и опредѣленныхъ массовыхъ настроеній, которыя могли объединить значительную часть мѣстнаго населенія. Въ обычное время вѣче заступалось княземъ, полнота власти котораго совпадала съ полнотой власти вѣча. Помимо управленія, суда, военнаго дѣла, князь, наряду съ вѣчемъ и независимо отъ него, обладалъ законодательными функциями (законы Ярослава и его сыновей о кровной мести, законы Владимира Мономаха о рѣзѣ и т. п.). Отсутствіе опредѣленнаго порядка отношеній между вѣчемъ и княземъ открывало широкій просторъ для насильственныхъ столкновеній и лишало государственную жизнь устойчивыхъ основаній. Третій правительственный органъ древне-русскихъ княжествъ—дружинная дума—не занимала самостоятельнаго положенія въ строѣ государственныхъ учреждений и представляла собою совѣтъ при князѣ, политическое значеніе котораго всецѣло опредѣлялось социальнымъ положеніемъ дружиннаго класса. Управленіе отдѣльными округами входившими въ составъ княжествъ, было организовано на началахъ *кормленія* (см.). Сословная группировка древне-русскаго общества отличалась такой же малорасчлененностью и грубостью очертаній, какъ и строй государственныхъ учреждений. Главнымъ основаніемъ общественаго дѣленія служилъ наиболѣе элементарный признакъ—фактъ личной свободы. Общество дѣлилось на свободныхъ, полусвободныхъ и рабовъ. Въ средѣ самихъ свободныхъ древній законъ отмѣтилъ лишь одно дальнѣйшее дѣленіе—на дружинниковъ и свободныхъ, не принадлежащихъ къ дружинѣ, при чемъ принадлежность къ дружинѣ обуславливалась исключительно личной близостью къ князю. Юридически однородная масса свободныхъ людей подверглась, однако, замѣтному фактическому расчлененію, экономическими факторами котораго являлись землевладѣніе и торговый капиталъ. Памятники древнѣйшаго періода не содержатъ указаній на мобилизацію земельныхъ владѣній; земля еще не служила въ то время предметомъ оборота, не

выбрасывается на рынок, но понятие земельной собственности уже зарождается, особенно въ средѣ князей и дружинниковъ, которые, благодаря частымъ переходамъ изъ области въ область, раньше другихъ классовъ общества чувствуютъ потребность фиксировать свое право на занятія ими земли. Такъ въ средѣ дружинниковъ формируется особый классъ землевладельцевъ — бояръ. Торговый капиталъ служитъ еще болѣе сильнымъ факторомъ общественной дифференціаціи. Памятники вскрываютъ съ достаточною ясностью антагонизмъ денежной аристократіи и экономически зависимой отъ нея массы — антагонизмъ, засвидѣтельствованный какъ фактами частыхъ возстаній черни изъ-за экономического гнета, такъ и попытками князей регулировать экономическія отношенія законодательнымъ порядкомъ (законы о рѣзвѣ). Слабо развитая государственная организація представляла, однако, еще слишкомъ ненадежную охрану для свободы лица, въ результатъ чего въ древней Р. слагается — обычная принадлежность примитивныхъ обществъ — классъ полусвободныхъ (см. Закупы). Разнообразие социальныхъ конфликтовъ осложнилось, наконецъ, существованіемъ класса рабовъ, многочисленность котораго доказывается какъ значительнымъ вывозомъ рабовъ на иностранные рынки, такъ и разнообразіемъ источниковъ рабства. Междукняжескіе счеты, междудоблестная рознь, социально-экономическіе антагонизмы внутри каждой области, наконецъ культурный расколъ между христіанскимъ меньшинствомъ и массой, фактически космической въ старомъ языческомъ міровоззрѣніи, — все это держало кievскую Р. въ состояніи хаотическаго броженія неустановившихся элементовъ, а примитивная государственная организація, скудное юридическое сознание не могли противопоставить этому броженію сколько-нибудь надежныхъ сдерживающихъ рамокъ. Вотъ почему южная Р. не обнаруживала достаточной силы сопротивленія натиску степныхъ кочевниковъ. Борьба со степью, не прекращавшаяся въ течение всего древнѣйшаго періода, завершилась полнымъ разгромомъ приднѣпровской Р. Попытки Владиміра и Ярослава организовать систематическую оборону отъ печенѣговъ не предотвратили новаго пароксизма борьбы. Въ 30-хъ гг. XI ст. печенѣги опять бросаются на Кіевъ, тѣснимые съ востока торками и половцами. Въ течение тридцатилѣтія (1030—1060) кипитъ страшная бойня между Днѣпромъ и Дунаемъ. Нападал на Р. и отбивался отъ торковъ, печенѣжская орда разлагается на взаимно враждебныя колѣна и медленно переваливаетъ за Дунай, увлекая за собой торковъ. Часть торковъ снова возвращается на Р. и, вновь разбитая Владиміромъ Мономахомъ, осѣдаетъ, въ видѣ пограничныхъ военныхъ поселеній, въ Р. Въ это время къ степнымъ границамъ Р. придвигаются половцы. Всѣ XII в. уходитъ на борьбу съ новыми пришельцами. Наибольшая ея тяжесть падаетъ на княжества Черниговское, Сѣверское и Переяславское. Характеръ борьбы видоизмѣнился по княжествамъ. Сѣверскіе князья предпочитаютъ оборонительную поли-

тику, военную колонизацію окраинъ, сооруженіе укрѣпленныхъ линій, сначала по Пселу, Ворсклѣ, Коломаку, а затѣмъ и въ бассейнахъ Донца. Отважный походъ Игоря Святославича (1185) далеко вглубь степи, воспылѣтый въ «Словѣ о Полку Игоревѣ», явился рѣзкимъ отступленіемъ отъ оборонительной системы и повлекъ за собой полный разгромъ укрѣпленныхъ линій, отъ котораго княжество начало оправляться лишь спустя 6 лѣтъ. Въ Переяславскомъ княжествѣ, болѣе обнаженномъ со стороны половецкой степи, все время идетъ наступательная борьба въ видѣ отдѣльныхъ княжескихъ набѣговъ на половецкія кочевья; въ тоже время и сама Переяславская земля почти ежегодно опустошается половецкими вторженіями. Княжество выходитъ изъ этой борьбы совершенно обезсиленнымъ; половцы занимаютъ всю территорию между Ворсклой и Сулою и отбрасываютъ осѣдлое населеніе за Сулу. Къ началу XIII в. наступаютъ нѣкоторая умиротворенность въ русско-половецкихъ отношеніяхъ, но послѣдовавшій затѣмъ татарскій погромъ привелъ къ полному залуствію южнаго Приднѣпровья. Славянское населеніе частью было истреблено, частью отхлынуло на С, въ болѣе безопасныя области, соответствующія свѣ. частямъ нынѣшнихъ губерній Орловской, Тульской и Рязанской, частью затерялось, въ видѣ жалкихъ остатковъ, среди половецкихъ и татарскихъ кочевій и растворилось въ инородческой массѣ. Съ этого времени южная Р. надолго отрывается отъ общаго хода русской исторической жизни. Въ XIV ст. значительная часть территории древне-русскихъ княжествъ входитъ въ составъ литовскаго государства, вмѣстѣ съ которымъ присоединяется къ Польшѣ. Лишь въ XVII в. Приднѣпровье примыкаетъ къ Московскому государству, сохраняя, однако, на долго особый социальный и административный укладъ, развившійся въ эпоху борьбы мѣстнаго населенія съ польскими государственными порядками (см. исторію Малороссіи).

Древнѣйшій «кievскій» періодъ русской исторіи представляетъ собою исполнѣ законченный циклъ историческихъ явленій. Въ процессахъ политическомъ и социальномъ не усматривается непосредственнаго преемства между этимъ прологомъ исторіи Р. и ея дальнѣйшимъ движеніемъ. Такое преемство можно прослѣдить лишь въ явленіяхъ этнографическаго порядка. Сойдя съ исторической сцены, древнія племена русскихъ славянъ дали матеріалъ для новыхъ этнографическихъ образованій, которымъ принадлежала будущность. Не затронутое бурями степной борьбы, славянское населеніе древней Волины и Галиціи явилось ядромъ малорусскаго племени, которое въ нѣсколько пріемовъ (XIII—XVII вв.) разлагается по залуствѣнн послѣ тюркскихъ и монгольскихъ погромовъ южной степи. Древніе кривичи стали предками бѣлорусовъ. Наконецъ, встрѣча новгородскихъ славянъ, кривичей, вятичей съ древне-финскими племенами центральной Р. положила начало племени великорусскому.

Сѣверо-восточная Р. XIII—XV вв. — Коло-

низационное движение славянъ въглубь финскаго сѣв.-вост., вслѣдствіе свойствъ колонизуемой страны, шло впередъ весьма медленно. Лишь къ XII в. замѣчаются осязательные результаты этого движенія. Къ болѣе ранней эпохи можно отнести возникновеніе лишь четырехъ или пяти крупныхъ колонизационныхъ центровъ (Бѣлоозеро, Ростовъ, Суздаль, Муромъ—городъ у Клещина озера). Дальнѣйшее заселеніе Окско-вожскаго бассейна происходитъ уже на глазахъ исторіи, втеченіе XII и XIII вв. Въ связи съ ходомъ и условіями этой колонизаціи въ сѣв.-вост. Р. возникаетъ своеобразный политическій порядокъ. Природныя условія—силошная лѣсъ и болото—разбивали колонистовъ на разрозненныя небольшія кучки, терявшіяся въ лѣсномъ лабиринтѣ въ видѣ отдѣльных поселковъ, починовъ, займищъ. Предѣлы первоначальныхъ колонизационныхъ округовъ послужили политическими границами возникавшихъ здѣсь новыхъ княжествъ. Ставъ во главѣ колонизационнаго движенія, князья явились здѣсь вотчинниками новозаселенныхъ пространствъ и, прочно осѣвъ на своихъ удѣлахъ, въ качествѣ ихъ безраздѣльныхъ собственниковъ, сосредоточили свою дѣятельность на ихъ дальнѣйшемъ расширеніи и обогащеніи. Удѣльные княжества явились здѣсь съ самаго начала фамиліальнымъ достояніемъ княжескихъ семействъ, наследовались князьями по нисходящей линіи и послѣдовательно дробились между сонаслѣдниками. Возникшая такимъ образомъ новая система сѣв.-вост. княжествъ состояла изъ нѣсколькихъ великихъ княженій, постепенно разбивавшихся на болѣе мелкіе второстепенные удѣлы. Въ началѣ XIII в. старѣйшее Владимірское княженіе имѣло въ своемъ составѣ четыре удѣла—ростовскій, переяславскій, юрьевскій и стародубскій. Ко второй половинѣ XIII в. оно выдѣлило три новыхъ удѣла: суздальскій, ростромскій и московскій; Ростовское княжество выдѣлило удѣлы ярославскій и угличскій; Переяславское—тверской и дмитров-галицскій. Въ каждомъ изъ этихъ удѣловъ безостановочно шло, затѣмъ, дальнѣйшее дробленіе (XIV и XV вв.); на особенно дробныя доли разбилось княжество Ярославское и Ростовское. Тотъ же процессъ совершался и въ другихъ княжествахъ—Рязанскомъ, Нижегородскомъ, Смоленскомъ. Взаимныя отношенія всѣхъ этихъ крупныхъ и мелкихъ княжествъ характеризуются полной разобщенностью владѣльческихъ интересовъ ихъ князей. Союзы, которые заключались между князьями и закрѣплялись договорными грамотами, являлись не столько признакомъ политической солидарности, сколько попытками урегулированія обостреннаго взаимнаго соперничества, лежавшаго въ основѣ междукняжескихъ отношеній. Это соперничество возникло, прежде всего, на почвѣ стремленія каждаго князя поднять возможно выше промышленную культуру своего удѣла, расширить ея площадь на счетъ окрестнаго дикаго лѣса и для этого привлечь себѣ возможно большее количество способнаго къ труду населенія. Составъ и строй общества сѣверовосточной Россіи удѣльной эпохи благоприятствовалъ

обостренію этой междукняжеской кошкунренціи въ погонѣ за населеніемъ. Вслѣдствіе измѣнявшихся условій народнаго труда, общество въ сѣверовосточной Россіи явилось болѣе простымъ и болѣе подвижнымъ по своему составу, чѣмъ въ южномъ Приднѣпровьи. Сосредоточеніе народнои дѣятельности на земледѣльческомъ хозяйствѣ и сельскихъ промыслахъ, малоразвитость хозяйственныхъ оборотовъ, скудость торговаго капитала устраняли рѣзкую дифференціацію между городскими и сельскими классами. Экономически общество дѣлилось на классъ земледѣльцевъ (князья, бояре, слуги вольные, духовныя учрежденія) и классъ земледѣльцевъ (вольные крестьяне-арендаторы чужихъ земель и рабы-страдники). Эти классы не составляли сплоченныхъ земскихъ союзовъ. Экстенсивный характеръ эксплуатаціи природныхъ богатствъ обрѣзалъ населеніе на подвижную, бродячую жизнь, такъ какъ и само земледѣльческое хозяйство, съ его отраслями, носило кочевой характеръ. Междукняжескіе договоры санкціонировали, съ своей стороны, полную свободу народнаго передвиженія, такъ какъ отрицаніе этой свободы со стороны князя грозило-бы ему прекращеніемъ притока свѣжихъ переселеній въ его княжество. Свобода переселеній не распространялась лишь на тѣ общественныя слои, которые стояли внѣ нормальнаго гражданскаго общегіи: рабовъ и полусвободныхъ слугъ. Итакъ, одновременно съ превращеніемъ въ сѣверовостокѣ въ осѣдлыхъ вотчинниковъ своихъ удѣловъ, все прочее населеніе, обреченное на постоянное скитальчество, утратило прежнія общинныя связи и юридическое положеніе свободнаго лица въ удѣльномъ княжествѣ стало опредѣляться не принадлежностью къ тому или другому мѣстному міру, а личнымъ «рядомъ» съ мѣстнымъ княземъ, дѣйствіе котораго могло быть прекращаемо по усмотрѣнію одной изъ договаривавшихся сторонъ. Порядокъ управленія, установившійся въ сѣверовосточныхъ княжествахъ, состоялъ въ указаннымъ измѣненіямъ въ характерѣ княжеской власти и общественнаго строя. Вѣче, еще существовавшее въ немногихъ древнѣйшихъ городахъ сѣверовостока, исчезаетъ въ новыхъ удѣльныхъ княжествахъ. Управленіе сосредоточивается въ рукахъ князя и его слугъ, получающихъ отъ князя въ кормленіе отдѣльные административныя округа. Земли раздѣляются на *дворцовыя*, эксплуатируемыя княжескими холопами или свободными крестьянами, обязанными ставить на дворцѣ продукты натурой, *черныя*, сдаваемые свободнымъ земледѣльцамъ на оброкъ, и *служилыя*, т. е. освоенныя боярами и вольными слугами князя, а также духовными учрежденіями. Населеніе дворцовыхъ и черныхъ земель управлялось кормленщиками изъ состава княжескихъ вольныхъ слугъ—боярами введенными и путниками, наместниками и волостелями; населеніе вотчинъ привилегированныхъ частныхъ земледѣльцевъ управлялось самими земледѣльцами, на основаніи жалованныхъ грамотъ, въ которыхъ князь передавалъ вотчинникамъ право обложенія

и суда надъ населеніемъ ихъ вѣточнѣ. Условія и размѣры этихъ пожалованій въ удѣльных случаяхъ были различны. Обыкновенно важнѣйшіе уголовныя дѣла оставались все-таки подсудными мѣстному областному кормленщику. Единственнымъ объединяющимъ началомъ для всей этой дробной системы кормленыхъ округовъ являлась власть князя, раздававшего кормленія и жалованья грамоты. При князѣ собиралась дума. Дѣятельность ея въ этотъ періодъ носитъ характеръ случайныхъ собраній при князѣ тѣхъ введенныхъ бояръ, съ которыми князь считалъ нужнымъ совѣтоваться по поводу удѣльных случаевъ правительственной практики. Описанный порядокъ, общій всемъ сѣверовосточнымъ княжествамъ XIII—XIV вѣковъ, не распространялся на обширную область, захваченную новгородской военно-промышленной колонизацией—озерный край, побережье Ледовитаго океана съ примыкающимъ къ нему на Ю Вологодскимъ краемъ, сѣв. часть Уральскаго хребта и Прикамье. Вмѣсто княжескихъ удѣловъ передъ нами развертывается здѣсь міръ новгородскихъ пригородовъ и погостовъ, развивающихся по образцу своей метрополи—новгородской городской общины. Расширеніе тянувшей къ Новгороду территории и ростъ политическихъ вольностей новгородскаго народоправства шли параллельно. Древнѣйшее ядро новгородской колонизации составили новгородскія пятны. Къ половинѣ XI вѣка новгородская колонизация достигала бассейновъ Онеги и Сѣв.-Двины (Земля Двинская или Заволочье), къ половинѣ XII вѣка бассейна Вычелды (Шермская земля), въ XIII в.—бассейна Печоры, распространяясь къ востоку отъ Урала на Югру и къ сѣверу отъ Ладожскаго озера—на всю область до Кольскаго полуострова (Тре или Терскій берегъ). Наконецъ, въ XIV вѣкѣ новгородцы достигаютъ бассейна Камы и Вятки. Зачатки вѣчевого народоправства въ Новгородѣ относятся еще къ древнѣйшему періоду. Свобода отъ вѣстныхъ погромовъ, пресѣявшихъ эволюцію вѣчевого уклада въ южной Россіи, и участіе въ балтійской торговлѣ обезпечили для Новгорода его дальнѣйшее развитіе. Съ XII вѣка устанавливаются правильныя торговыя связи Новгорода съ голландскими и нѣмецкими купцами; въ тоже время новгородское вѣче эмансипируется отъ подчиненія князю и присвоиваетъ себѣ право избранія высшей свѣтской и церковной администраціи—посадника, тысяцкаго, владыки. XIII в. является эпохой высшаго расцвѣта какъ и заморской торговли Новгорода—онъ вступаетъ въ ганзейскій союзъ,—такъ и его промышленной колонизации вглубь сѣверовостока и политическаго авторитета его вѣча. Страдая тѣмъ же пробѣлами, что и въ южной Россіи, вѣчевая организація Новгорода Великаго имѣла за то глубокіе корни во всемъ стрѣмѣніиго быта, завершая собою плѣную систему крупныхъ и мелкихъ самоуправляющихся общественныхъ союзовъ, которые имѣли свои вѣча и свои выборные исполнительные органы. Князь, призываемый вѣчемъ, занявъ въ Новгородѣ второстепенное мѣсто наемнаго слуги, съ точно

ограниченной сферой дѣятельности, и быть, кромѣ того, поставленъ подъ постоянный контроль выборнаго посадника. Общественный строй Новгорода Великаго также представлялъ собою дальнѣйшее развитіе древнѣйшихъ началъ славяно-русской жизни. Какъ и въ Кіевской Россіи, основой общественнаго дѣленія явился здѣсь торговый капиталъ. Сосредоточеніе капитала создало новгородскую боярскую аристократію, въ экономической зависимости отъ которой стояли капиталисты средней руки—*житиліи люди*—и второстепенные торговые агенты—*купцы*. Низшіе слои населенія состояли изъ *черныхъ людей*—городскаго пролетаріата, *сводеземельцевъ*—мелкихъ земельныхъ собственниковъ, *скердовъ* и *голоповъ*, сидѣвшихъ на земляхъ Великаго Новгорода и на обширныхъ боярскихъ вѣточинахъ и занимавшихся отчасти земледѣліемъ, отчасти и преимущественно—промышленной обработкой различныхъ угодій. Тѣ же бытовые особенности повторялись и въ новгородскихъ пригородахъ и колоніяхъ, зависимость которыхъ выражалась въ финансовомъ обложеніи въ пользу метрополи и въ самомъ порядкѣ управленія: посадники присылались въ пригороды изъ Новгорода, каждая пятна была приписана въ административномъ отношеніи къ одному изъ пяти концовъ Новгорода. Но эта связь не была крѣпкой; не разъ автономическія стремленія пригородовъ доходили до окончательнаго отторженія отъ Новгорода. Такъ едва не случилось съ Двинской землей, такъ дѣйствительно случилось съ Псковомъ и Вяткой.

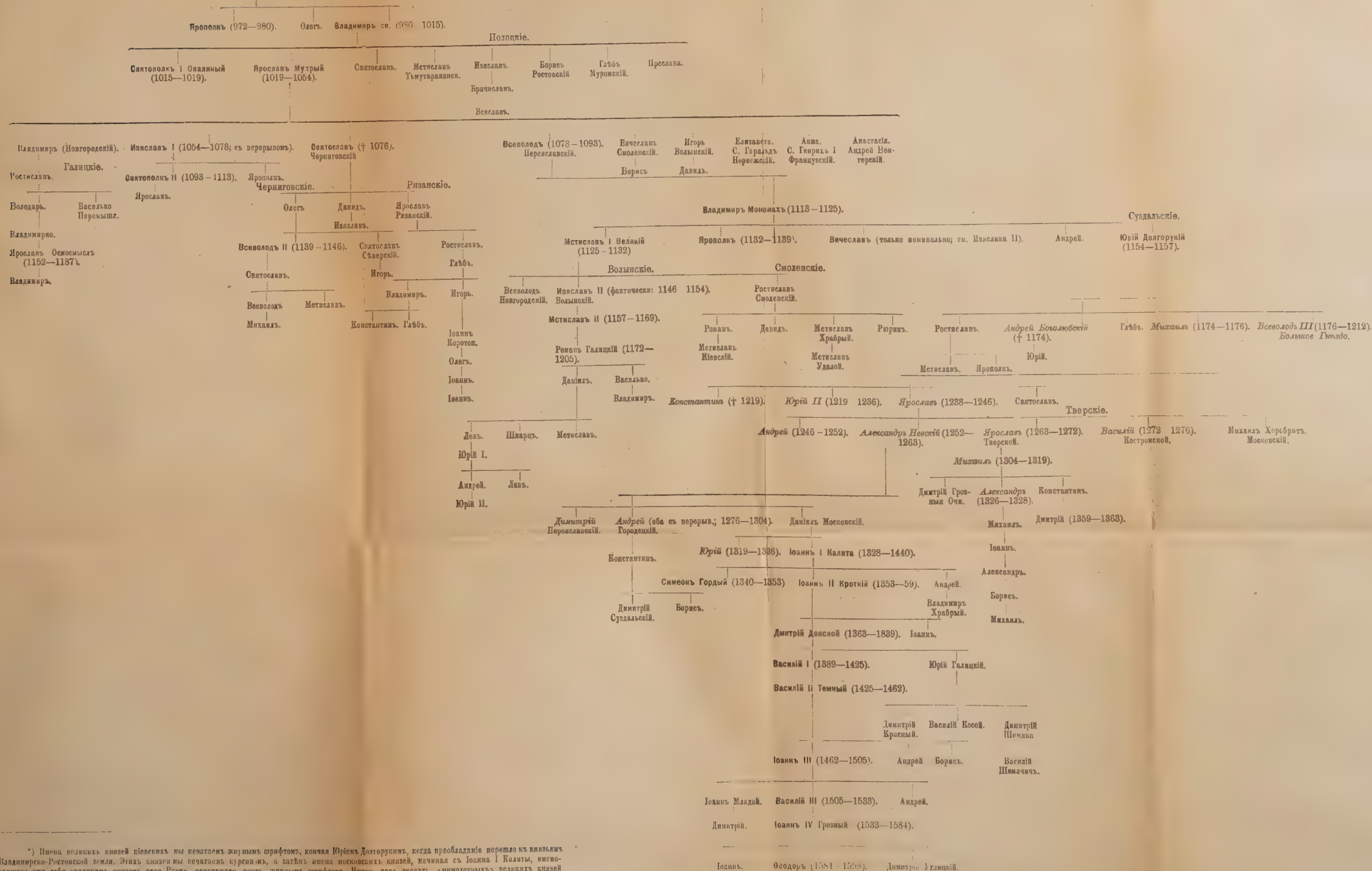
Съ XIV вѣка и удѣльный порядокъ сѣверовосточной Россіи, и общино-вѣчевой порядокъ сѣверо-западной и сѣверной Россіи начинаютъ сходить съ своихъ основаній. Начрѣваютъ процессы, подготовившіе разрушеніе этихъ порядковъ и приведшіе къ собранію раздробленной Россіи въ единое Московское государство. Съ XIV в., наряду съ продолжающимся дробленіемъ сѣверовосточной Россіи на новые удѣлы, намѣчается противоположное объединительное теченіе. Этому способствовало, прежде всего, *внѣшнее вліяніе татарскаго ша:* ханъ Золотой орды, смотря на себя, какъ на верховнаго обладателя Россіи, благопріятствуетъ объединенію князей, въ цѣляхъ большаго удобства управленія своими русскими «улусомъ»; такъ, сборъ ордынской дани съ различныхъ княжествъ поручается одному князю, за его личной ответственностью передъ правительствомъ Золотой орды; тому же князю ханъ передаетъ затѣмъ и судебную власть надъ прочими князьями. Къ тому же результату вело естественное *разложеніе системы особыхъ удѣловъ*. Возвышая одного изъ князей на счетъ прочихъ, ханы лишь утилизировали въ своихъ цѣляхъ начавшуюся переработку политическихъ отношеній внутри самой Россіи. Основанная на междукняжеской конкуренціи, система сѣверо-восточныхъ княжествъ могла оказаться устойчивой лишь при полномъ равенствѣ мѣстныхъ условий во всехъ княжествахъ. Въ дѣйствительности, усиленный отливъ населенія изъ княжествъ, обойденныхъ благами природы, по-

Родословная Рюриковичей *).

Рюрикъ (862—879)—Синеусъ. Труворъ.

Игорь (912—945; съ 879 по 912 княжилъ Олегъ, а съ 945 по 957 жена Игоря Ольга).

Святославъ (957—972).

*) Писна писанных клячей киевских мы печатаем живыми шрифтомъ, кончая Юриемъ Долгорукимъ, когда преобладание порешо къ киянскимъ Владимиро-Ростовской земли. Этихъ клячей мы печатаемъ курсивомъ, а затѣмъ имена московскихъ клячей, начиная съ Юліана I Козмы, именовавшаго уже себя «великимъ княземъ всея Русей», печатаются вновь живыми шрифтомъ. Имена, такъ сказать, «многочетныхъ» писанныхъ клячей киевскихъ мы не отпечатаемъ (Князья Давыдовъ, Ростиславъ Мстиславичъ).

стоянно нарушалъ равновѣсіе политическихъ силъ отдѣльных князей. Одно изъ княжествъ — московское — быстро возвысилось на счетъ прочихъ, благодаря своему положенію вдали отъ областей, опустошавшихся татарскими и литовскими набѣгами, и на перекресткѣ двухъ важныхъ торговыхъ путей: съ Волги къ Западной Двинѣ и изъ Новгорода въ Рязанскую область. Эти условія обезпечили московскому княжеству наиболѣе обильный притокъ населенія, поднявшій матеріальные ресурсы и политическій авторитетъ московскаго удѣла. Опираясь на эти преимущества, московскіе князья выступили «собирателями Руси» не въ качествѣ носителей отвѣченнаго принципа національнаго единства, а просто въ качествѣ болѣе счастливо обставленныхъ князей-вотчинниковъ, работавшихъ, подобно всѣмъ другимъ князьямъ своей эпохи, надъ расширеніемъ и хозяйственнымъ развитіемъ своего удѣла. Отсюда объясняется полное сходство «собирательныхъ» пріемовъ московскихъ князей съ обычными пріемами княжеской правительственной практики удѣльной эпохи. Образованіе московскаго княжества относится къ XIII в., ко времени раздробленія старой ростовской области между потомствомъ Всеволода III, сыновьями Ярослава Всеволодовича. Послѣ кратковременнаго пребыванія на московскомъ княженіи Михаила Ярославича Хоробрита здѣсь утверждается лinya младшаго сына Александра Невского, Данила Александровича, родоначальника московскихъ князей-собираателей. Уже Даниилъ расширяетъ московскій удѣлъ пріобрѣтеніемъ Переяславля отъ племянника князя Ивана Дмитріевича по духовному завѣщанію послѣдняго. Преемникъ Данила, Юрій, удачнымъ набѣгомъ на Смоленскую область захватываетъ Можайскъ, а отъ Рязанскаго княжества насильственно отнимаетъ Коломну. Начиная съ Юрія, московскіе князья, по прежнему раздвигая фамилійный удѣлъ осторожными пріобрѣтеніями, обнаруживаютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, притязанія на великое владимірское княженіе. Въ возникшей по этому поводу борьбѣ съ Тверью московскіе князья дѣйствуютъ не столько оружіемъ, сколько подкупомъ и интригами при дворѣ хана. Юрій получилъ ярлыкъ на великое княженіе, добившись въ ордѣ смерти своего соперника, тверскаго князя Михаила. Мстя за отца, сынъ Михаила, Дмитрій, убилъ Юрія, но братъ послѣдняго Иванъ Даниловичъ. Калита продолжалъ борьбу съ Тверью тѣми же средствами и съ тѣмъ же успѣхомъ. Послѣ двухлѣтняго пребыванія на великомъ княженіи тверскаго князя Александра Михайловича, Иванъ Калита, по порученію хана, произвелъ во главѣ татарскихъ войскъ страшную экзекуцію надъ Тверью, Новгородомъ и Рязанью, за попытку неповиновенія ханскимъ чиновникамъ, и получилъ великокняжескій ярлыкъ. Александръ Михайловичъ удался въ Псковъ, откуда его принудили бѣжать въ Литву, наложеніемъ на псковичей церковнаго интердикта за притятіе осужденна ханскою воли. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ вернулъ себѣ милость хана и великокняжескій столъ, но не надолго:

достаточно было одной побѣдки Ивана Калиты въ орду, чтобы окончательно погубить Александра. Великокняжеское достоинство прочно усвоивается, съ этого времени, московскими князьями. Калита переноситъ въ Москву великокняжескую и митрополичью резиденцію. Притокъ населенія въ Московское княжество увеличивается, размыты удѣла быстро растутъ. Со времени Калиты будущее московское единовластіе исподволь подготавливается двумя параллельными процессами: 1) московскій удѣлъ раздвигается новыми примыслами; 2) при раздѣлахъ его между князьями-соискателями старшему изъ нихъ всегда выделяется большая часть, и этотъ такъ называемый «излишекъ на старѣйшій путь» съ теченіемъ времени становится все значительнѣе. Калита прикупаетъ къ своей вотчинѣ рядъ селъ въ Новгородской, Владимірской, Ростовской областяхъ и другихъ мѣстностяхъ и три города (Галичъ, Вѣлоозеро, Угличъ). Умирая, онъ завѣщаетъ Москву въ общее владѣніе всѣмъ тремъ своимъ сыновьямъ, предоставляя имъ пользоваться доходами съ Москвы поочередно и раздѣлять прочія владѣнія между женой и сыновьями Симеономъ, Иваномъ и Андреемъ, съ заѣмными первѣшомъ доли старшаго сына. Симеонъ Ивановичъ опять прикупаетъ къ Московскому княжеству рядъ селъ въ Переяславль, Юрьевъ, Владиміръ, Костромѣ и Дмитровѣ. Всѣ эти собственные примыслы, вмѣстѣ съ полученнымъ отъ отца удѣломъ, Симеонъ завѣщаетъ женѣ, но вскорѣ бывшія его владѣнія сосредоточиваются въ рукахъ его брата и преемника на великокняжескомъ столѣ Ивана Ивановича. Шестилѣтнее княженіе предприимчиваго Ивана не ознаменовалось территоріальными пріобрѣтеніями, а по смерти его сосредоточившіяся въ его рукахъ владѣнія раздвоились: старый удѣлъ брата Симеона Иванъ завѣщалъ сыну своему Дмитрію, а свой собственный удѣлъ, полученный отъ отца—второму сыну Ивану, удѣлъ Андрея Ивановича перешелъ къ его сыну Владиміру. При Дмитріѣ Донскомъ могущество Московскаго княжества подверглось разнообразнымъ испытаніямъ и съ успѣхомъ выдержало ихъ. Пользуясь малолѣтствомъ Дмитрія и усобицей, поднявшейся въ самой ордѣ между ханами Авдуломъ и Муратомъ, суздальскіе князья на время вырываютъ великокняжескій столъ изъ рукъ московскаго княжескаго дома, но энергичная политика московскихъ бояръ заставляла суздальскаго князя Дмитрія Константиновича отказаться отъ своихъ притязаній. Дмитрій Ивановичъ утверждаетъ за собой великое княженіе и женится на дочери недавняго врага, суздальскаго князя Дмитрія. Затѣмъ послѣдовала борьба съ Тверью и Рязанью. Тверской князь Михаилъ Александровичъ поднимаетъ на Москву литовскаго князя Ольгерда и временно заручается отъ хана ярлыкомъ на великое княженіе. Но московскій князь уже не боится ни Литвы, ни орды. Послѣ военной неудачи подъ Москвой Ольгердъ разрываетъ съ Михаиломъ, а Дмитрій, не обращая вниманія на ханскій ярлыкъ, осаждастъ Тверь—и Михаилъ сдается «на всю волю» его. Также удачно

для Москвы окончилась борьба съ Рязанью: рязанскій князь Олегъ былъ разбитъ московскимъ войскомъ, согнанъ съ рязанскаго стола и замѣненъ пронскимъ княземъ Владиміромъ Дмитріевичемъ. Лишь помирившись съ Дмитріемъ, Олегъ вернулся на рязанское княженіе. Кромѣ того Дмитрій подчиняетъ себѣ князя ростовскаго и сгоняетъ съ княженій князей галицкихъ и стародубскихъ. Территорія Московскаго княжества увеличивается при немъ приобрѣтеніемъ Веры, Мещеры, Калуги, Дмитрова, Владимира. Сильно выдвинувъ значеніе своего княжества въ средѣ прочихъ, Дмитрій дѣлаетъ крупный шагъ и къ сокращенію его внутренняго дробленія на удѣлы: все великое княженіе Владиміровское онъ завѣщаетъ въ безраздѣльное владѣніе старшему сыну Василию. Прочія владѣнія распределяются по прежнему между всѣми сыновьями и вдовой-княгиней, но доля старшаго сына подпадаетъ своими размѣрами всѣмъ остальнымъ. При Василии Дмитріевичѣ «собираніе» Р. дѣлаетъ крупныя успѣхи. Василий «добылъ» Муромъ съ волостями и присоединилъ Суздаль, Нижній-Новгородъ, Городецъ, Тарусу, Боровскъ. Василий Дмитріевичъ оставилъ послѣ себя единственнымъ наслѣдникомъ сына Василия, къ которому и перешло безраздѣльно все его княжество. Княженіе Василия II ознаменовалось продолжительной, кровавой усобицей между великимъ княземъ и дядей его, княземъ галицкимъ Юріемъ, искавшимъ великокняжескаго стола. Воспользовавшись помощью рязанскаго князя и князей можажскихъ, Юрій, вопреки волѣ хана, ссадилъ племянника съ Москвы на Коломну и самъ занялъ московскій столъ. Разладъ съ дѣтими заставлялъ его временно возвратитъ великокняжескій столъ Василию, но скоро онъ пожелалъ объ уступкѣ, вновь разбилъ Василия и умеръ великимъ княземъ. Борьба продолжалась сыновьями Юрія, Василиемъ Косымъ и Дмитріемъ Шемякой, и сопровождалась тяжелыми послѣдствіями—ослѣбленіемъ двухъ князей, отравленіемъ третьяго, татарскимъ нашествіемъ на Нижній-Новгородъ и самую Москву. Изъ періода смуты великое княженіе вышло, однако, въ полной цѣлости и въ два послѣдующія княженія «собираніе Р.» быстро было доведено до благополучнаго окончанія. Иванъ III Васильевичъ присоединяетъ цѣлый рядъ удѣловъ, болѣею частью безъ особенныхъ усилій. Верейское княжество въ нѣсколько пріемовъ, по частямъ, отходитъ къ великому княженію въ силу договоровъ, пока, наконецъ, Михаилъ Андреевичъ не отказалъ Ивану III въ духовной и всѣ остальныя части своей отчины. Съ этого времени Иванъ III начинаеть проводить мысль о правѣ великаго князя на всѣ вымороченныя владѣнія московскихъ удѣльныхъ князей. Въ 1472 г. онъ овладѣваетъ, на основаніи этого притязанія, дмитровскимъ удѣломъ, по смерти дмитровскаго князя Юрія, своего брата, что вызываетъ протестъ другихъ братьевъ, Андрея Углицкаго и Бориса Волоцкого, настаивавшихъ на раздѣлѣ выморочнаго удѣла, но скоро удовлетвовавшихся выдѣломъ въ ихъ пользу немногихъ волостей. Впослѣд-

ствіи Андрей Углицкій, часто возбуждавшій подозрѣнія въ крамольныхъ замыслахъ, былъ схваченъ и заточенъ Иваномъ III, его удѣлъ присоединенъ къ великому княженію. Борись Волоцкий мирно дождался смерти на своемъ удѣлѣ и, умирая, раздѣлилъ его между двумя сыновьями, Федоромъ и Иваномъ. Вскорѣ вся доля Ивана, по его духовной, перешла къ Ивану III. — Уничтожая особые удѣлы внутри московскаго княженія, Иванъ III усердно раздвигалъ и внѣшніе предѣлы послѣдняго. Большая половина Рязанскаго княжества отошла къ Москвѣ по духовной мѣстнаго князя; присоединеніе другой половины оставалось лишь вопросомъ времени: Иванъ III привелъ въ полное послушаніе сдѣланнаго тамъ малолѣтнаго наслѣдника рязанскихъ князей. Въ 1463 г. князья Ярославскіе уступили ему свою отчину. Въ 1474 г. князья ростовскіе продали Ивану оставшуюся еще за ними половину Ростова. Въ 1485 г. было присоединено Тверское княжество, послѣ того какъ тверской князь Михаилъ бѣжалъ въ Литву, а тверскіе бояре толпами эмигрировали къ московскому князю, ожидая отъ него болѣе надежной охраны своихъ интересовъ. Преемнику Ивану III, Василию, оставалось уже немного дѣла по части уничтоженія самостоятельныхъ княжествъ низовой Р. Неосторожное поведеніе подросткаго рязанскаго князя дало поводъ покончить съ Рязанью. Выданный своими боярами, рязанскій князь былъ заточенъ въ Москвѣ, но спасся бѣгствомъ въ Литву. По случаю бездѣтной смерти волоцкого князя присоединился къ Москвѣ удѣлъ волоцкій; за нимъ послѣдовали удѣлы двухъ бездѣтныхъ братьевъ Василия III — Семена Калужскаго и Дмитрія Углицкаго — и двухъ князей съверскихъ, стародубскаго и новгородъ-съверскаго. Уничтоженіе низовыхъ удѣловъ не сопровождалось борьбой мѣстнаго населенія за самостоятельность удѣльныхъ княжествъ. Подвергався ударамъ Москвы, удѣльные князья не находили поддержки въ управляемыхъ; напротивъ, нѣрѣдко руководители мѣстныхъ дружинъ устранивали выдачу своего князя московскому правительству. Право переходить отъ князя къ князю, по соображеніямъ практической выгоды, было характерной чертой удѣльнаго строя — и эта-то черта сдѣлалась одной изъ пружинъ разрушенія удѣльной системы, когда одинъ изъ князей оказался обладателемъ наиболѣе безопаснаго и болѣе выгодно расположеннаго удѣла. — Другой рядъ условій подтачивалъ крѣпость волинскихъ городскихъ общинъ Новгорода и Пскова и подготовилъ паденіе ихъ автономіи. Въ Новгородѣ главной причиной упадка была социальная рознь между крупными капиталистами-боярами, сомкнувшимися въ настоящую олигархію, и низшимъ чернымъ населеніемъ, порабащаемымъ экономически и отстраняемымъ отъ участія въ политическихъ волностахъ городской республики. Олигархическій характеръ новгородскаго народоправства выражался: 1) въ монополизацией выборныхъ магистратуръ тѣснымъ кружкомъ боярскихъ фамилій и 2) въ появленіи, бокъ-

о-бокъ съ вѣчемъ, боярскаго «совѣта», который, явившись оплотомъ боярскаго аристократіи, быстро подавлялъ своимъ авторитетомъ значеніе вѣча. Одновременно съ развитіемъ этой социальной розни усиливается партикуляристическія стремленія въ нѣкоторыхъ областяхъ новгородской державы. Этими двойнымъ антагонизмомъ—соціальнымъ и областнымъ—искусно пользуется московское правительство въ своихъ объединительныхъ цѣляхъ. При Василии I вся Двинская земля едва не отложила отъ Новгорода, чтобы перейти подъ власть Москвы: Новгородъ силою сдержалъ крамольныя стремленія двинскихъ бояръ. Внутренній социальный разладъ въ новгородскомъ обществѣ дошелъ до образования двухъ враждебныхъ партій—черныхъ людей, тянувшихъ къ Москвѣ и не видѣвшихъ основанія дорожить новгородской автономіей, и боярскаго партіи, искавшей опоры въ Польшѣ. Союзъ Новгорода съ Польшею позволялъ Ивану III придать борьбѣ съ Новгородомъ характеръ національно-религіознаго подвига. Послѣ перваго удачнаго похода на Новгородъ (1471) вел. князь удовлетворялся казнью вожаковъ боярскаго партіи Ворсичихъ, уничтоженіемъ договора между Новгородомъ и Казиміромъ, принужденіемъ новгородцевъ ставить архіепископа на Москвѣ и взятіемъ большого окупа. Непрерывавшаяся борьба классовъ привела къ окончательной гибели новгородскаго народоправства. Выждавъ полнаго развитія этой борьбы, Иванъ придрался къ обмолвкѣ новгородскихъ пословъ, назвавшихъ его «господаремъ», и, послѣ отказа новгородскаго вѣча санкціонировать этотъ титулъ, вновь осадилъ Новгородъ (1479). На этотъ разъ Новгородъ долженъ былъ покориться великому князю на всей его волѣ и войти въ составъ великаго княжества Московскаго. Уничтоженіе новгородскаго народоправства сопровождалось выселеніемъ многихъ мѣстныхъ жителей въ центральныя области московскаго княжества и водвореніемъ вмѣсто нихъ въ Новгородѣ московскихъ «переведенцовъ». Черезъ 10 лѣтъ (1489) таже мѣра была примѣнена къ новгородской колоніи Вяткѣ, окончательно порабожденной московскими воеводами. Что касается до Пскова, то московское правительство исподволь утвердило свое вліяніе на внутреннюю жизнь его, пользуясь его опаснымъ положеніемъ между Новгородомъ и Литвой. По отложеніи Пскова отъ Новгорода (1348), Псковъ признаетъ московскаго князя своимъ главой и соглашается избирать на псковское княженіе лицъ, угодныхъ великому князю. Въ 1399 г. эти князья принимаютъ названіе московскихъ наместниковъ, и постепенное расширеніе ихъ власти приводитъ къ ниспроверженію псковской автономіи. Василий II добивается права называть псковскихъ князей-наместниковъ по своему усмотрѣнію, при чемъ они приносятъ присягу не только Пскову, но и великому князю. При Иванѣ III псковичи отказываются отъ права смѣщать назначенныхъ къ нимъ князей. Все это ставитъ псковскихъ князей въ полную независимость отъ вѣча и открываетъ московскому князю широкую возмож-

ность подъ любымъ предлогомъ вмѣшиваться во внутреннюю жизнь псковской общины. Разгромъ Новгорода отвлекъ на время вниманіе московскихъ князей отъ Пскова и отсрочилъ его паденіе, но при Василии III московское правительство воспользовалось первымъ же столкновеніемъ псковичей съ ихъ наместникомъ, чтобы, подъ видомъ отравленія верховнаго великокняжескаго суда, отнять у Пскова его автономныя учрежденія. Это совершилось безъ особенныхъ потрясеній, такъ какъ самостоятельность Пскова была уже подточена предшествующимъ управленіемъ наместниковъ.

Московское государство XVI—XVII вв.— Усиѣхи собирательной дѣятельности существенно видоизмѣнили политическую роль московскихъ князей, превративъ ихъ изъ удѣльныхъ вотчинниковъ въ представителей национальныхъ интересовъ великорусской народности. Объединеніе Россіи поставило московскаго князя лицомъ къ лицу съ враждебными сосѣдями Россіи—татарами и Литвой, и сдѣлало изъ него вождя національной самообороны. Эта новая роль московскаго князя особенно ярко обозначилась въ княженіе Дмитрія Донскаго, когда начались литовскіе походы подъ стѣны московскаго Кремля и когда на Куликовомъ полѣ московскій князь сталъ во главѣ общерусскаго ополченія противъ татарской орды. Съ окончательнымъ утвержденіемъ единодержавія національный характеръ власти московскаго князя принимаютъ новый отбѣнокъ и получаютъ религіозную санкцію. Въ своихъ отношеніяхъ къ подданнымъ моск. князья, начиная съ Ивана III, порываютъ съ удѣльнымъ преданіемъ. Получаютъ официальное признаніе публицистическая теорія о Москвѣ—третьемъ Римѣ, о наслѣдованіи Москвою отъ порабожденной турками Византіи религіозно-политической гегемоніи на всемъ православномъ востокѣ, о наслѣдованіи московскимъ княземъ власти византійскаго царя. Бракъ Ивана III съ Зоей (Софьей) Палеологъ является какъ-бы символическимъ выраженіемъ и подтвержденіемъ этого ученія. Въ связи съ нимъ формулируется идея богоустановленности и неограниченности княжеской власти. Въ 1492 г. митрополитъ Зосима въ составленной имъ пасхалии называетъ Ивана III «государемъ и самодержцемъ всея Р., новымъ царемъ Константиномъ въ новомъ градѣ Константина Москѣ, всей Русской земли и иныхъ многихъ земель государемъ». Преемники Ивана III крѣпко держатся новой теоріи; Иванъ IV становится ея страстнымъ пропагандистомъ въ своихъ посланіяхъ и окончательно закрѣпляетъ ее, какъ официальную традицію, принятіемъ царскаго титула. Новыя политическія идеи находятъ себѣ отраженіе какъ въ измѣненіи дворцовымъ церемоніалъ, во вѣнчаніи и инсигніяхъ власти—царскомъ одѣяніи, государственномъ гербѣ и т. п.,—такъ и въ переработкѣ государственныхъ порядковъ. Въ княженіе Ивана III и Василия III государственныя преобразованія еще ограничиваются частными опытами; въ царствованіе Ивана IV осуществляется широкая система-

тическая государственная реформа. Эти преобразования стоять въ тѣсной связи съ вѣчными отношеніями московской Р. Объединенная Р. попадетъ въ положеніе военнаго лагеря, въ теченіе вѣковъ хронически осаждаемаго окрестными врагами. Задача національной самообороны надолго становится основной потребностью государства, односторонне напрягающей всѣ національные ресурсы въ одномъ направленіи. Со времени Дмитрія Донскаго до Ивана III московскимъ князьямъ пришлось выдержать не менѣе семи крупныхъ татарскихъ нашествій—при Дмитріи нашествіе Арапши на Рязань и Нижній, мурзы Бегича, разбитаго Дмитріемъ при Вождѣ, Мамае, разбитаго на Куликовомъ полѣ, и Тохтамыша, разорившаго самый московскій Кремль; при Василии I нашествіе Тамерлана, затѣмъ Едигея, внезапно напавшаго на Москву, и наконецъ при Василии II вторженіе Улу-Махмета, разорившаго Вѣлюевъ, Нижній и снова продержавшаго въ осадѣ и Москву. Къ тому же времени относятся шесть столкновеній съ Литвой: три похода Ольгерда при Дмитріи Донскомъ и три года подрядъ повторявшіеся походы Василия I на Витовта, въ отвѣтъ на объединенія послѣднимъ притязанія на Новгородъ и Псковъ. Съ вокняженія Ивана III задачи вѣнныя борьбы еще болѣе осложняются. Татарское иго было свергнуто (1480), но опасность со стороны татаръ не потеряла своей остроты. Золотая орда разложилась на нѣсколько самостоятельныхъ ордъ, одинаково тревожившихъ русскую землю и въ тоже время враждовавшихъ другъ съ другомъ. Это втянуло московскаго князя въ сложную политическую игру. Иванъ III стремится поддерживать взаимную вражду татарскихъ царствъ въ цѣляхъ ихъ взаимнаго ослабленія. Въ Казанскомъ царствѣ онъ устанавливаетъ свое вліяніе на замѣненіе ханскаго трона и держитъ посаженныхъ имъ хановъ въ покорности своей волѣ. Для поддержанія этого вліянія на должной высотѣ потребовалось не менѣе пяти большихъ походовъ русской рати подъ Казань. Крымское ханство при Иванѣ III не приходило въ враждебныя столкновенія съ Москвой. Вначалѣ Крымъ былъ обезсиленъ борьбой съ Турціей и вторженіемъ золотоордынцевъ; впоследствии утвердившійся въ Крыму Менгли-Гирей сдѣлался союзникомъ Ивана III въ виду общаго врага—Золотой орды. При Василии III, послѣ паденія Золотой орды, крымскій ханъ начинаетъ соперничать съ Москвой изъ-за вліянія на Казань: московскимъ ставленникамъ на казанскій престолъ противопоставляются ставленники крымскіе. Отсюда рядъ новыхъ походовъ подъ Казань, для поддержки московскихъ ставленниковъ на казанскій тронъ, и рядъ вторженій крымскихъ Гиреевъ въ предѣлы Р. Вторженіе Менгли-Гирея охватило громадную территорию; до самой Москвы растянулись грабительскія шайки и болѣе 800 тыс. плѣнныхъ было уведено крымчанами. Съ такой же послѣдовательностью разрастается борьба съ Литвой. Неизсякаемымъ поводомъ къ столкновеніямъ Москвы съ Литвой служили переходы на московскую службу погра-

ничныхъ служилыхъ князей—Воротынскихъ, Бѣльскихъ, Мезецкихъ, Вяземскихъ и т. д. Въ 1492 г. сдѣлана была попытка сближенія: литовскій князь Александръ женится на Еленѣ, дочери Ивана III, и подписываетъ трактатъ съ признаніемъ перехода служилыхъ князей къ Москвѣ и титула «государя всея Р.» за Иваномъ III. Въ 1500 г. снова открылась война, начавшаяся пораженіемъ литовцевъ при Ведрошѣ. Москва поднимаетъ на Литву крымцевъ, Литва выдвигаетъ противъ Москвы ливонскій орденъ, магистръ котораго Платтенбергъ причиняетъ Москвѣ немалый уронъ осадой Пскова. Война закончилась новымъ договоромъ (1503), подтверждавшимъ постановленія прежняго. Война возгорѣлась вновь при Василии III, вслѣдствіе перехода къ Москвѣ литовскаго вельможи князя Михаила Глинскаго. Послѣдовали три кампаніи (1513—14), увѣнчавшіяся взятіемъ Смоленска. Измѣна Глинскаго возобновила борьбу. Въ 1514 г. русскіе потерпѣли сильное пораженіе при Оршѣ. Начались переговоры, при посредствѣ цезарскаго посла Герберштейна (по совѣту Глинскаго Василий III еще въ началѣ своего княженія вступилъ въ сношенія съ имп. Максимилианомъ). Переговоры не привели ни къ чему: обѣ стороны не хотѣли уступить Смоленскъ. Только въ 1522 г. было заключено перемиріе, по которому Смоленскъ остался за Москвой. Въ царствованіе Ивана IV вѣнныя борьба сохраняетъ прежнюю напряженность. Въ первую половину царствованія она сосредоточивается на восточной окраинѣ. Построеніе Свияжской крѣпости (1550), подчиненіе Москвѣ приволжской горной черемисы рѣзко усилило московское вліяніе на казанское царство. Сажая на казанскій тронъ своего ставленника Шигъ-Али, Иванъ IV «отинсаль» всю горную сторону Казани къ г. Свияжску. Это былъ подготовительный шагъ къ уничтоженію самостоятельности Казан. царства. Обычное обращеніе противумосковской партіи къ ногаямъ и крымцамъ вызвало царскій походъ подъ Казань, кончившійся покореніемъ царства (1551); вслѣдъ затѣмъ была покорена и обложена ясакомъ Ваткирія. Взаимныя ссоры между ногайскими князьями облегчили покореніе Астрахани (1556). На агрессивную политику Москвы по отношенію къ татарскимъ ханствамъ Крымъ отвѣтилъ рядомъ новыхъ походовъ на южную Р. При моск. дворѣ образовалась партія, съ Силвестромъ и Адашевымъ во главѣ, выдвигавшая планъ покоренія Крыма. Планъ этотъ рухнулъ съ паденіемъ Силвестра и Адашева, но южная окраина не переставала привлекать вниманіе Москвы. За Крымомъ стояла Турція. Султанъ Селиманъ требовалъ отъ Р. Казани, Астрахани и даже подчиненія царя. По приказу изъ Константинополя крымскій ханъ въ 1570—71 г. вторгся въ Р. и, отразивъ русское войско у Серпухова, явился подъ стѣнами Москвы. Была минута, когда Иванъ IV готовъ былъ согласиться на уступку Астрахани. Все это требовало усиленныхъ мѣръ по укрѣпленію границъ со стороны южной стѣны. При Иванѣ IV на стѣнныя Украины организовывается

систематическая оборонительная служба, правильно распределенная система разбродов «станичниковъ», т. е. сторожевых отрядовъ, которые должны были наблюдать за состоянием степи въ военномъ отношеніи. Не смотря на страхъ татарскаго нашествія, Р. вступилъ еще въ борьбу за Ливонію, наполнившую всю вторую половину царствованія Ивана IV. Война началась опустошительными русскими вторженіями въ Ливонію. Слабый ливонскій орденъ не выдержалъ этого натиска и распался на части, подѣленный между Швеціей, Даніей, Польшей и польскимъ вассаломъ, герцогомъ курляндскимъ. Борьба съ орденомъ превратилась для Р. въ борьбу съ цѣлой группой европейскихъ державъ. Пока Швеція столкнулась съ Даніей, Иванъ IV вступилъ въ борьбу съ Польшей и Литвой за обладаніе Ливоніей. Неудачи заставили Ивана IV согласиться на трехлѣтнее перемиріе. Мысль о завоеваніи Ливоніи смѣняется планомъ созданія тамъ зависимаго отъ Р. вассальнаго государства. Датскій принцъ Магнусъ получаетъ отъ Ивана IV титулъ короля Ливоніи и принимаетъ осаду Ревеля. Это сплотило противъ Р. Швецію и Польшу. Польскій король Стефанъ Баторій быстро завоевалъ всю Ливонію, до самого Пскова. Неуспѣшная осада Пскова задержала дѣйствія Баторія, за то въ это время шведы заняли Эстляндію. И Швеція, и Польша усердно подстрекали на Москву крымцевъ. Въ этотъ критическій моментъ Иванъ IV воспользовался посредничествомъ Рима (въ лицѣ Посевина), гдѣ питали виды на Москву по части католической пропаганды и союза противъ Турціи. Въ 1582 г. Иванъ IV добился перемирія на десять лѣтъ, цѣною отказа отъ притязаній на Ливонію. Въ 1583 г. заключено было перемиріе и съ Швеціей, съ оставленіемъ за нею всѣхъ завоеванныхъ въ Эстляндіи. Описанная непрерывная военная борьба наложила рѣзкую печать на весь строй слагавагшагося Московскаго государства. Она задала госуд. власти тяжелыя и неотложныя задачи гораздо раньше, чѣмъ естественная эволюція экономическихъ и социальныхъ отношеній успѣла выработать надежныя средства къ ихъ успѣшному разрѣшенію. Въ экономическомъ отношеніи обремененная Москвою сѣверовосточная Р. едва начинала сходить съ ступени первобытной эксплуатаціи природныхъ, преимущественно зоологическихъ богатствъ. Общественная группировка носила самый элементарный характеръ. Между тѣмъ, очередная задача національной самообороны заставляла правительственную власть обращать вниманіе не столько на дальнѣйшее развитіе народнаго благосостоянія, сколько на мобилизацію всѣхъ наличныхъ ресурсовъ государства. Этими основными стремленіемъ проникнуты всѣ преобразованія, предпринятые московскимъ правительствомъ въ XV—XVI вѣкахъ. Въ это время совершается постепенно прикрѣпленіе всѣхъ общественныхъ классовъ къ различнымъ видамъ государственной службы и тягла. Взаимнѣ «вольныхъ княжескихъ слугъ» удѣльной эпохи формируется классъ «служилыхъ людей», обязанныхъ государству ратной службой; остальное населеніе

составляетъ классъ «людей тяглыхъ», раздѣляющихся на людей «посадскихъ» — торгово-промышленныхъ тягловцевъ — и людей удѣльных, крестьянъ разныхъ наименованій — тягловцевъ земледѣльческихъ. Организациа всѣхъ этихъ классовъ была рассчитана на одну цѣль: возможно большее напряженіе боевыхъ и платежныхъ силъ населенія. Въ основу какъ распределенія населенія по «чинамъ», т. е. различнымъ общественнымъ состояніямъ, такъ и внутренняго устройства каждаго «чина» легло начало принудительной правительственной регламентаціи. Служилые люди разбивались на столичныхъ или «московскихъ» и провинциальныхъ или «городовыхъ». Въ московскихъ чинахъ служили потомки бывшихъ удѣльных князей, старой дружины Московскаго княжества и верхнихъ слоевъ бывшихъ дружинъ низовыхъ удѣловъ. Или замѣшались три чина боярской думы этой эпохи: бояре, окольничьи и думные дворяне. Московскіе чины недумные представляли собою соединительное звено между столичными и провинциальными элементами служилого класса: съ нихъ начинали карьеру члены высшихъ слоевъ служилыхъ людей, чтобы потомъ продвинуться за порогъ боярской думы — и въ нихъ кончали карьеру отборные провинциальные дворяне, за особое отличіе первовидные на столичную службу. Такимъ образомъ служба московскихъ чиновъ строилась на двухъ основаніяхъ: «отечества» или породы и выслуги. Порождо обусловливались крайніе возможные предѣлы служилой карьеры; выслуга определяла степенъ успѣховъ внутри этихъ предѣловъ. Сплетеніе обоихъ принциповъ породило своеобразный институтъ мѣстничества, которымъ регулировались взаимныя отношенія служилыхъ фамилій. Организациа провинциальнаго служилого класса опиралась уже исключительно на принципъ выслуги. Въ составъ его входили: 1) потомки низшихъ слоевъ бывшихъ удѣльных дружинъ и 2) новоприборные люди, поверстаные въ дворяне и дѣти боярскіе изъ простыхъ людей, вольноотпущенныхъ холоповъ, гулящихъ людей и т. п. Провинциальныя служилые люди были сформированы въ рядъ удѣльных служило-землевладѣльческихъ корпорацій, членами которыхъ являлись всѣ служилые землевладѣльцы удѣла. Въ 1550 г. былъ осуществленъ первый опытъ устройства такой корпораціи въ предѣлахъ Московскаго удѣла. Черезъ 6 лѣтъ этотъ порядокъ былъ распространенъ на всю территорию Московскаго государства. Присылаемые изъ столицы «разборщики» распределяли членовъ каждой такой корпораціи, сообразно со степенью ихъ служебной годности, по тремъ «статамъ»: дѣтей боярскихъ городовыхъ, неспшихъ легкую гарнизонную службу и лишь изрѣдка выступавшихъ въ болѣе близкіе походы, дѣтей боярскихъ дворовыхъ, ходившихъ въ болѣе отдаленные походы, и дѣтей боярскихъ выборныхъ, которые, помимо участія въ отдаленныхъ походахъ, отправляли еще временныя очередныя службы въ столицѣ, а иногда и окончательно переходили въ ряды столичной служилой массы. Материальнымъ обезпеченіемъ службы являлись земельные

надѣлы, которые жаловались служилымъ людямъ изъ государственныхъ земель по установленнымъ окладамъ, пропорционально служебнымъ тягостямъ, и назывались помѣстьями (см.). Отдѣльные случаи помѣстныхъ раздачъ княжескимъ слугамъ встречаются въ Московскомъ княжествѣ уже довольно рано. Къ половинѣ XVI столѣтія, одновременно съ окончательной организацией служилого класса, устанавливается и правильная помѣстная система; размѣры помѣстныхъ окладовъ приводятся въ строгое соотвѣтствіе съ размѣрами службы, точно опредѣляется порядокъ получения помѣстной дачи. Хотя специфическіе признаки помѣстного владѣнія—неотчуждаемость и пожизненность—и не распространялись на *вотчины* (см.), т. е. на земли, унаследованныя или благопріобрѣтенныя путемъ гражданскихъ сдѣлокъ или пожалованныя государемъ въ полную наследственную собственность, тѣмъ не менѣе и вотчинное землевладѣніе получило служилый характеръ: размѣры вотчинъ принимались во вниманіе при опредѣленіи величины помѣстной дачи; законъ началъ стѣснять свободу отчужденія вотчинъ за предѣлы служилого класса, чтобы «земля изъ службы не выходила». Прикрѣпленіе вольныхъ слугъ къ государственной службѣ, обеспечиваемой земельнымъ надѣломъ, опиралось на другой социальный процессъ—закрѣпленіе нѣкогда свободнаго земледѣльческаго крестьянства. Затяжная задолженность крестьянской массы у кредиторовъ-землевладѣльцевъ, соединенная съ обязательствомъ погашать долгъ работою, превратила въ фикцію право свободного крестьянскаго перехода и привела къ вырожденію крестьянскаго передвиженія въ незаконный побѣгъ и въ крестьянскій вывозъ, т. е. выкупъ крестьянина у его кредитора другимъ помѣщикомъ, съ переводомъ крестьянскаго долга на его новаго владѣльца. Быстрое развитіе этихъ явленій привлекло къ нимъ вниманіе правительственной власти. Судебники Ивана III и Ивана IV не пошли далѣе такихъ ограниченій крестьянскаго перехода, которыя вытекали изъ чисто хозяйственныхъ мотивовъ (установленіе сроковъ для переходовъ примѣнительно къ началу и концу полевыхъ работъ и т. п.). Но съ конца XVI в. правительство, побуждаемое чело-бѣтниками заинтересованныхъ землевладѣльцевъ, приступаетъ къ подробной законодательной разработкѣ вопроса о крестьянскихъ побѣгахъ и крестьянскомъ вывозѣ и приходитъ, въ концѣ концовъ, къ введенію назрѣваго факта крестьянскаго прикрѣпленія въ общую систему государственныхъ учреждений. Указъ 1597 г. установилъ пятилѣтнюю давность для отысканія бѣглыхъ крестьянъ, указъ 1607 г. превратилъ крестьянскіе побѣги изъ частно-гражданскихъ правонарушеній, преслѣдуемыхъ частнымъ искомъ потерпѣваго, въ государственное преступленіе, пресѣкаемое административно-полицейскими органами и караемое государствомъ. Регулированіе крестьянскаго вывоза вызвано было также чисто государственнымъ мотивомъ поддержки мелкаго землевладѣнія противъ конкуренціи крупнаго. Въ отвращеніе полнаго отлива крестьянскаго

населенія съ молчихъ земельныхъ участковъ указы 1601—2 гг. оставляютъ право вывоза лишь въ средѣ мелкихъ землевладѣльцевъ, запрещая пользованіе имъ крупнымъ землевладѣльцамъ. Ограничивая вывозъ и преслѣдуя побѣгъ, правительство этимъ самымъ молчаливо признавало полное уничтоженіе крестьянскаго перехода. Указъ 1607 г., признавъ крестьянъ закрѣпленными за тѣми владѣльцами, за которыми они были записаны по писцовымъ книгамъ 1592—93 гг., окончательно возвелъ фактъ крестьянскаго прикрѣпленія въ законенную норму. Выбѣсъ съ тѣмъ къ крестьянству, какъ и къ служилому классу былъ примѣненъ принципъ безвыходности общественныхъ состояній. Зависимость крестьянъ отъ владѣльца превратилась какъ-бы въ государственную повинность, состоящую въ обязанности обеспечивать своимъ подневольнымъ трудомъ служилоспособность землевладѣльца. Въ этомъ политическомъ своемъ назначеніи крѣпостная зависимость крестьянъ нашла и свои границы: законъ ставилъ предѣлы зависимости крестьянина отъ владѣльца во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда она или не отвѣчала прямо, или даже противорѣчила вышеуказанному политическому назначенію крестьянской закрѣпощенности. Въ отличіе отъ уѣзднаго крестьянства, посадское населеніе прикрѣпляется къ торгово-промышленному титулу, падающему на посадскіе дворы, лавки и капиталы. Члены посадской общины, подобно членамъ уѣздныхъ дворянскихъ корпорацій, разбиваются на три статьи: людей лучшихъ, среднихъ и молодшихъ, на основаніи расписки ихъ «животовъ и промысловъ», т. е. опредѣленія ихъ сравнительной тягоспособности. Болеѣ крупные капиталисты изъ среды посадскихъ людей переводились въ столицу, гдѣ они составляли классъ гостей, гостиной и суконной сотенъ. Этотъ высшій слой посадскаго класса несъ и наиболѣе тяжелыя и отвѣтственные службы торгово-промышленнаго характера, долженъ былъ вкладывать свои капиталы въ финансовыя предприятия казны, заведывать эксплуатацией наиболѣе важныхъ отраслей государственнаго хозяйства, брать на откупъ наиболѣе крупныя статьи казеннаго дохода. Совокупность поставленийъ относительно посадскаго класса превращала торгово-промышленную дѣятельность посадскаго населенія въ такую же обязательную государствену службу, какою являлись ратная повинность служилыхъ людей и подневольный земледѣльскій трудъ крѣпостнаго крестьянства. Но экономическое развитіе русскаго города далеко отставало отъ законодательныхъ предначертаній. Фактически экономическая дифференціация города и деревни представлялась еще въ зародышѣ. Въ городахъ повгородско-псковскаго края почти все населеніе сидѣло на папахъ. На южной окраинѣ города являлись по преимуществу стратегическими пунктами и были переполнены ратными людьми. Только въ городахъ центральной Р. посадское населеніе дѣйствительно преобладало; за то именно здѣсь всего рѣзче сказывались послѣдствія закрѣпостительной политики по отношенію къ по-

садскому классу. Строгое обложение посадским тяглом зарождавшейся лишь городской промышленности тормозило ее развитие и заставляло посадское население «брести разное», оставляя города «въ пустѣ».

Параллельно съ реорганизацией общественных классовъ создавался новый порядокъ управления объединенной Р. Въ эпоху собиранія Р. политическое объединеніе бывшихъ удѣловъ не сопровождалось уничтоженіемъ ихъ административной особенности. Завершеніе собирательной дѣятельности поставило на очередь административную реформу. Въ основаніе реформы центральныхъ учреждений легли два начала: 1) разграниченіе частнаго государева хозяйства или специально-дворцоваго вѣдомства отъ государственнаго управленія, выразившееся первоначально въ раздѣленіи государства на опричнину и земщину, и 2) замѣна личныхъ административныхъ порученій системою устойчивыхъ учреждений. Боярская дума получаетъ точно оформленную организацію и въ отношеніи личнаго состава—дмное сидѣніе дѣлается специальною повинностью высшихъ слоевъ служилого класса, и въ отношеніи порядка дѣлопроизводства. Въ компетенціи думы, которая по прежнему является участницей всѣхъ отравленій правительственной дѣятельности государя, все рѣзче выступаетъ на первый планъ ее законодательное значеніе: постановленія думы по отдѣльнымъ случаямъ правительственной практики получаютъ силу общаго закона. Управление земщиной распределяется между *четями*—областными приказами, вѣдомство которыхъ носить территоріальный характеръ, при чемъ территорія каждой чети слагается изъ совокупности отдѣльныхъ населенныхъ пунктовъ, разбросанныхъ по разнымъ областямъ государства въ прихотливой чреполощности. Вѣдомство четей получило по преимуществу финансовый характеръ. Наряду съ этимъ нѣкоторыя наиболее важныя отрасли управленія выдѣляются въ особыя вѣдомства, различающіяся уже по роду дѣла и распространяющія свою компетенцію на всю территорію государства. Сюда относятся такія учрежденія, какъ разрядъ, вѣдавшій службу служилого класса, помѣстный приказъ, вѣдавшій служилое землевладѣніе, посольскій приказъ, вѣдавшій дипломатическія сношенія съ иностранными государствами и т. п. (см. Приказы). Реорганизация мѣстнаго управленія заключалась въ постепенной переработкѣ старинной системы кормленій. Первоначально ставятся лишь извѣстные предѣлы произволу кормленщиковъ: «уставныя грамоты» нормируютъ бремя кормленныхъ поборовъ, упрощается процедура судебнаго преслѣдованія кормленщиковъ заинтересованными сторонами за противоуставные поборы, суживается компетенція кормленщиковъ умноженіемъ случаевъ обязательнаго перепоса рѣшенныхъ ими дѣлъ въ высшую московскую инстанцію. Наконецъ, кормленная администрація совершенно замѣняется новыми органами выборнаго земскаго управленія. Установленная реформами XVI ст. выборная служба получила характеръ натуральной государственной повинности, воз-

ложенной на населеніе. Выборные, «излюбленные» люди вѣдали не мѣстные общественные интересы, а отбывали, подъ личной отвѣтственностью и подъ отвѣтственностью избирателей, возложенныя на нихъ казенныя порученія. Таковы были и земскіе старосты, вѣдавшіе раскладку податей между членами податныхъ союзовъ, разверстку тяглои земли, сборъ и доставку въ казну казенныхъ платежей и нѣкоторыя обязанности полицейскаго характера, и губные старосты, вѣдавшіе уголовную полицію, и вѣрные головы, приставленные къ эксплуатаціи косвенныхъ сборовъ. Установленіе выборной администраціи замѣнитъ кормленій косвенно вызвавшееся реорганизацией служилого класса. Введеніе помѣстной системы отняло у кормленій прежнее значеніе, какъ средства матеріальнаго обезпеченія служилого класса; въ тоже время ихъ дальнѣйшее существованіе должно было открывать служилыхъ людей отъ возложенной на нихъ ратной службы. Организациія земскаго самоуправления и мотивы его введенія непосредственно примыкали, такимъ образомъ, къ общей системѣ государственныхъ преобразованій XV—XVI вв. Завершеніемъ этой системы явились возникшіе въ XVI в. земскіе соборы. Они представляли собой лишь совмѣщеніе въ одномъ учрежденіи тѣхъ двухъ началъ, которыя дѣйствовали раздѣльно въ центральномъ и областномъ управленіи: начала приказной бюрократической службы, представленнаго на соборахъ личнымъ составомъ центральныхъ государственныхъ учреждений, и начала натуральной общественной повинности, на которомъ было построено областное управленіе и которое было положено въ основу соборнаго представительства служилого и торгово-промышленнаго класса. Кругъ государственныхъ преобразованій замыкался мѣрами по устройству войска и финансовъ. Основное ядро войска составляла помѣстная конница. Конные дворняжскіе полки формировались изъ удѣльныхъ служилыхъ отрядовъ, которые являлись въ сборные пункты «конны, людны и оружны». Ежегодно весной и лѣтомъ выставлялись на опасныя границы три сформированныхъ изъ такихъ полковъ арміи: одна по Окѣ близъ Коломны, другая по Клязьмѣ близъ Владимира, третья по Литовской границѣ. Осенью служилые люди распускались по усадьбамъ. На ряду съ помѣстной конницей появлялись, затѣмъ, *стрѣльное* войско—постоянная пѣхота, вооруженная огнестрѣльнымъ оружіемъ и вознаграждаемая не помѣстными дачами, а денежнымъ жалованьемъ. Ростъ военныхъ потребностей вызвалъ организацію государственныхъ налоговъ. Въ тѣсной связи съ военными расходами въ срединѣ XVI в. создается рядъ специальныхъ военныхъ податей. Съ возложеніемъ ратной повинности на классъ служилыхъ людей, наибольшее количество податнаго бремени было переведено на прочіе слои населенія (см. выше: Финансы).

Совокупность перечисленныхъ реформъ претворяла только-что объединенную сѣверо-восточную Р. въ военную монархію съ сильно развитой государственной властью, съ насе-

леніемъ, принудительно стянутымъ въ служилые и податные, обязанные круговой ответственностью союзы, съ самыми слабыми зачатками общественной инициативы и торгово-промышленнаго развитія. Жизнеспособность этого своеобразнаго строя основывалась на его соответствии реальнымъ очереднымъ нуждамъ государства. Опираясь на него, Московское государство XV—XVI вв. не только выдержало страшный натискъ воинственныхъ сосѣдей, но и успѣло раздвинуть свои предѣлы, преимущественно въ южномъ и юго-восточномъ направленіи. Къ концу XVI в. крайними точками оборонительныхъ форпостовъ на южной Украинѣ являлись Бѣлгородъ и Воронежъ, тогда какъ въ началѣ вѣка предѣльной линіей южной военной колонизаціи служило побережье Оки въ мѣстностяхъ нынѣшнихъ Тульской и Рязанской губерній. Въ то же время на юго-востокъ въ составъ государственной территоріи постепенно всасывается среднее и южное Поволжье, а на востокъ казачія экспедиціи перекидываются за Уралъ и достигаютъ бассейна Оби. Оказывая такіе услуги дѣлу національной самообороны, политическая система Московскаго государства все-же ложилась тяжелымъ бременемъ на населеніе, проводилась на практикѣ путемъ кроваваго террора, соединялась съ чрезмѣрнымъ напряженіемъ народныхъ ресурсовъ, далеко отставшихъ отъ роста государственныхъ потребностей. Поэтому она не переставала вызывать разнообразныя какъ пассивныя, такъ и активныя протесты. Пассивныя протесты выражались въ повальномъ уклоненіи массъ отъ службъ и податей, въ бѣгствѣ тягловцевъ въ козачество и въ несвободныя состоянія, въ ростѣ недовѣра. Активный протестъ принялъ характеръ борьбы между московскимъ правительствомъ и боярствомъ. Боярство выставило на своемъ знамени старыя удѣльные преданія, отжившія дружинныя права отбѣда и ряда. Борясь за историческіе анахронизмы, дробясь на взаимно-враждующіе роды, боярство развѣвило политическую борьбу на дворцовыя интриги и династическіе счеты. Въ отвѣтъ на оппозицію боярства монархическое правительство, начиная съ Ивана III, вступило на путь террора. Поводомъ для проявленія борьбы при Иванѣ III явился вопросъ о престолонаслѣдіи. Боярская партія ставилась на сторону внука Ивана III, Дмитрія, вѣнчаннаго на великое княженіе, но затѣмъ развѣчанаго въ пользу Василя, сына Ивана отъ втораго брака съ Софіей Палеологъ. Партія Софіи являлась представительницей новыхъ государственныхъ понятій и порядковъ. Боярство встрѣтило побѣду этой партіи крамольными заговорами, за что важнѣйшіе бояре—Риподовскій, Патрикѣевы—поплатились смертью или ссылкой. При Василя III и боярскія крамолы, и правительственный терроръ сохраняютъ прежній характеръ. Кн. Холмскій заточается въ тюрьму; Берсеню Беклемишеву, за ѣдкую критику новыхъ порядковъ, отрываютъ языкъ. По смерти Василя III, въ малолѣтство Ивана IV, власть попадаетъ въ руки выдающимся боярскимъ фамиліямъ, но при этомъ всею ярче обнаруживается отсутствіе

у боярства опредѣленной политической программы и корпоративнаго единства. Бояре тѣряютъ время въ взаимной враждѣ, принимающей не политическій, а фамильный характеръ. Враждебныя партіи группируются вокругъ Шуйскихъ и Бѣльскихъ. Представители этихъ фамилій нѣсколько разъ мѣняются ролями, послѣдовательно перебивая другъ у друга власть и губя своихъ соперниковъ. Въ 1542 г. главой правленія окончательно становится Андрей Шуйскій, который и сохраняетъ за собой это положеніе до того момента, когда подростокъ-среди боярскихъ смутъ царь вдругъ дѣбаетъ порывистый шагъ къ самостоятельной власти, повелѣвъ схватить Шуйскаго и бросить на смерть псарямъ. При Иванѣ IV правительственный терроръ получаетъ характеръ систематическаго истребленія родовитаго боярства. Отписаніе земель на содержаніе учрежденной въ 1564 г. опричнины сопровождалось разгромомъ крупнаго вотчиннаго землевладѣнія, а послѣдовавшія въ эпоху опричнины казни повели къ поголовному истребленію наиболѣе видныхъ боярскихъ родовъ, потомковъ удѣльныхъ княжескихъ линій. Борьба московскихъ государей съ боярствомъ привела, такимъ образомъ, къ важной социальной метаморфозѣ, смѣнѣ родословной знати новымъ боярствомъ, чисто служилымъ происхожденіемъ. Эта метаморфоза была существенно облегчена кризисомъ землевладѣльческаго хозяйства центральной Р., вызваннаго усиленнымъ отливомъ землевладѣльческаго населенія на южныя окраины, ближе къ плодородному чернозему и дальше отъ московскихъ властей. Запустѣніе центрального пространства лишило бояръ-вотчинниковъ матеріальной опоры въ страшный для нихъ моментъ царскаго террора.

Разгромъ крамольнаго боярства не обезпечилъ московскаго государства отъ внутреннихъ потрясеній. Вслѣдъ за смертью Ивана Грознаго вспыхиваетъ смута. То была бурная реакція всѣхъ слоевъ населенія противъ предшествовавшаго режима, сдавившаго народную самостоятельность. Смута явилась одновременно и политической, и социальной революціей. Возстаніе противъ государственнаго порядка приняло форму междоусобицы общественныхъ классовъ, такъ какъ основная черта этого порядка—сословная специализація государственныхъ повинностей—порождала какъ разъ острый антагонизмъ сословныхъ интересовъ: антагонизмъ рядовой служилой массы противъ московскаго боярства, закрѣпощеннаго крестьянства противъ землевладѣльческаго дворянства, тяглыхъ посадскихъ людей противъ разночинцевъ-блуднѣтцевъ. Первый актъ смуты состоялъ въ стремленіи боярства провести политическую реформу, ввести въ дѣйствующее право новое основаніе государственнаго порядка—ограничительную запись, которая обезпечила-бы боярству правомѣрное воздѣлствіе на верховную власть. Это стремленіе не увѣчалось успѣхомъ, благодаря продолжавшейся междубоярской розни. Уже царствованіе Феодора явилось прелюдіей къ этому боярскому періоду смуты. При Феодорѣ разрывается усобица четырехъ боярскихъ партій: двухъ группъ титулованнаго боярства—Геди-

миновичей (Голицыных, Бѣльскихъ, Мсти-славскихъ) и Юриковичей (Шуйскихъ)—и двухъ группъ нетитулованнаго боярства—потомковъ старыхъ дружинниковъ (Романовыхъ-Юрьевыхъ) и свѣжихъ выходцевъ (Годуновыхъ). Первоначально Годуновъ раздѣлялъ двѣ вѣтви титулованнаго боярства, сближаясь съ Бѣльскими противъ Шуйскихъ. Затѣмъ, съ возвышеніемъ Годунова, всѣ княжескія фамиліи составляютъ противъ него коалицію, которая терпитъ полное фиаско. Сначала слѣдуетъ разгромъ Гедиминовичей, потомъ падаютъ и Шуйскіе, послѣ неудачной попытки расторгнуть бракъ Фѣдора съ сестрой Годунова, Ириной. Тотчасъ по смерти Фѣдора боярство выдвигаетъ идею ограничительной записи. Наиболее сильный кандидатъ на царство, Годуновъ, умышленно затягиваетъ вопросъ о замѣщеніи трона, выжидая, пока проектъ ограничительной записи разстроится самъ собой подъ вліяніемъ боярскихъ разногласій. По занятіи трона Годуновъ, угрожаемый титулованнымъ и родовитымъ боярствомъ, пытается создать нѣчто въ родѣ демократической монархіи, ищетъ популярности у средняго служилаго слоя и пролетаріата и возобновляетъ терроръ по отношенію къ боярству. Отвѣтомъ на этотъ терроръ послужило подготовленное не безъ участія бояръ появленіе перваго самозванца. Царствованіе Лжедмитрія не могло не быть краткимъ. Случайное орудіе чужихъ притязаній, Лжедмитрій былъ силенъ лишь во время борьбы съ Годуновымъ, по устраненіи котораго бояре перестали нуждаться въ немъ. Искусно сыгравъ на національно-религіозной тулѣ народной толпы, Шуйскіе свергли Лжедмитрія и расчистили себѣ путь къ трону. Съ воцареніемъ Шуйскаго идея ограничительной записи была осуществлена, но все содержаніе записи свелось къ нѣкоторымъ гарантіямъ личной безопасности подданныхъ отъ произвола сверху, безъ упоминанія о какихъ-либо политическихъ ограниченіяхъ царской власти. Даже и этими гарантіями бояре не сумѣли воспользоваться во всемъ ихъ объемѣ. Не достигнувъ своей цѣли, боярскія партіи всколыхнули своими безпокойными движеніями низшіе слои населенія, которые, выступивъ на сцену, скоро обратились противъ самого боярства. Мѣстныя возстанія низшихъ массъ сливаются при Шуйскомъ въ крупное движеніе, надвигающееся съ южной Украины подъ руководствомъ бѣлаго холопа Болотникова. Начинается социальная революція: казаки, холопы, крестьяне обрушиваются на помѣщичьи усадьбы и воеводскія канцеляріи. Одновременно съ этимъ районъ Тулы, Венева, Каширы, Рязани является очагомъ броженія провинціальной служилой массы, вождями которой становятся Сумбуловъ, Пашковъ, Ляпуновъ. Оба ополченія, холопско-казачье и служило-помѣщичье, соединились, но не надолго, ибо ихъ программы были диаметрально противоположны. Ихъ разединеніе спасло Шуйскаго. Ляпуновъ принесли повинную, ополченіе Болотникова было разбито подъ Тулою. Боярство, временно соединившись съ дворянствомъ, подавило возстаніе крестьянъ и холоповъ. Съ этого момента

смута принимаетъ новый отбѣнокъ. Поочередное выступленіе на арену борьбы отдѣльныхъ слоевъ общества смѣняется совмѣстнымъ скопищемъ представителей всѣхъ классовъ подъ знаменемъ «тушинскаго вора». Движеніе тушинцевъ получаетъ безпрограммный, анархическій характеръ, что и подрываетъ его престижъ въ глазахъ болѣе охранительно настроенныхъ элементовъ населенія. Въ воспоминаніяхъ о смутѣ дѣятельность тушинцевъ обозначалась мрачными, отталкивающими чертами, а личность Михаила Скопина-Шуйскаго, приведшаго Москвѣ шведскую помощь противъ Тушина, подверглась идеализаціи. Помимо дѣйствій Скопина, сила тушинцевъ была подорвана вступленіемъ въ предѣлы Р. польскаго короля Сигизмунда. Русскіе тушинцы, съ Салтыковымъ во главѣ, заключаютъ съ Сигизмундомъ (1610 г.) договоръ о принятіи московской короны королевичемъ Владиславомъ. Этотъ договоръ заключалъ въ себѣ подробно развитый планъ государственной реформы, съ ясно просвѣчивающими сословно-дворянскими тенденціями. Статьи договора разбивались на три группы. Первая касалась національно-религіознаго вопроса и имѣла въ виду огражденіе неприкосновенности православной вѣры и первки и предотвращеніе господства иноземцевъ въ управленіи. Вторая группа была посвящена политическому вопросу; здѣсь, кромѣ воспроизведенія гарантій личной неприкосновенности, выраженныхъ въ записи Шуйскаго, устанавливались и политическія гарантіи—изданіе новыхъ законовъ и введеніе новыхъ налоговъ обуславливалось соглашеніемъ совѣта бояръ и *всей земли*. Третья группа, трактовавшая социальный вопросъ, отличалась въ противоположность второй, рѣзкимъ консерватизмомъ: въ ней выговаривалось запрещеніе крестьянскаго перехода и обѣщаніе не давать никакихъ вольностей холопамъ. Вскорѣ послѣ заключенія этого договора вожди служилаго дворянства, составивъ заговоръ, свергли Василія Шуйскаго. Въ этотъ моментъ боярство попыталось перетянуть у дворянства на свою сторону кандидатуру Владислава. Запертые въ Москвѣ между тушинцами и арміей Жолѣвскаго, бояре вступили съ послѣдними въ переговоры и приняли договоръ 1610 г., съ немногими измѣненіями. Москва присягнула Владиславу; польское войско было введено въ Москву. Занятіе Москвы поляками и невнятность вопроса о вѣроисповѣданіи будущаго царя послужили поводомъ къ острому озлобленію народной массы на московскихъ бояръ. Подузясь критическимъ положеніемъ боярства, рядовое дворянство еще разъ выступаетъ на сцену. Ляпуновъ формируетъ новое ополченіе, къ которому опять примыкаютъ казачко-холопскіе элементы, подъ начальствомъ Трубецкаго и Заруцкого. Замѣчательной попыткой придать этому ополченію твердую организацію явился актъ 30 іюня 1611 г.: созванный въ ополченіи земскій соборъ, исключительно изъ служилыхъ людей, декретировалъ установленіе правительственнаго триумвирата изъ Ляпунова, Трубецкаго и Заруцкаго, съ ограниченою властью. Законодательная власть отходила къ собору, которому,

кроме того, присваивалось право административных назначений и окончательного утверждения приговоров о смертной казни и ссылках. Триумфы обывались отчетливо перед собором во всех своих действиях. В заключение подтверждалась необходимость крестьянского закрепощения. Этот акт не предотвратил развития социальной розни среди ополчения и сам Ляпунов пал ее жертвой: казаки зарубили его саблями. Смута достигла высшего развития: родовитое боярство было окончательно дискредитировано; родовое дворянство, выставившее определенную политическую программу, не находило точки опоры для ее реализации; масса не имела ни программы, ни организации, и была способна лишь к стихийному брожению. При общей анархии Р. серьезно грозило иноземное вторжение. Но эта вышняя опасность и дала исход смуте, выдвинув на первый план интерес национальный и религиозный, временно объединивший взаимно-враждебные классы. Новое национально-религиозное движение выразилось в переливках между городами и в ополчении Минина и Пожарского. Как в истории этого ополчения, так и в ходе избирательного собора 1613 г., официально завершившего смуту, наряду с течениями национальным и религиозным сказались и третьи — охранительное, вызванное реакцией против только-что пережитой смуты. На собор 1613 г., сопровождавшемся усиленной избирательной агитацией, старая партия в последний раз свела счеты. Прежде всего собор принципиально устранил все иноземные кандидатуры — польского и шведских королей, а также татарских служивых царевичей; затем были поочередно устранены кандидатуры всех лиц, замешанных в предшествующих событиях — Голицына, Мстиславского, Трубецкого, Пожарского. Постепенно все сильней выдвигалась кандидатура Михаила Романова, также не без влияния усиленной агитации, руководимой Филаретом, Морозовым и особенно Е. И. Шереметевым. Успех этой кандидатуры был облегчен неприкосновенностью кандидата к событиям смуты и родственною связью Романовых с прежней династией.

Влияние политические результаты смуты не оказались прочными. Назревшая в эпоху смуты идея избирательной и ограниченной монархии не пустила глубоких корней. Царь Михаил при воцарении подписал ограничительную запись. Его преемник Алексей, также как и Михаил *выбранный* на царство, уже не дал на себя «письма». При воцарении Федора не было примѣнено и выборное начало. Большие жинучести обнаружилось третье начало, если не порожденное, то сильно выдвинутое и расширенное смутой — начало соборного представительства. Первая половина XVII в. представляет высший расцвет политической деятельности; соборы созидаются постоянно, устанавливается нечто в родъ соборныхъ сессій, продолжающихся по нескольку лѣтъ, расширяются рамки соборной компетенции и соборного представительства. Но со второй половины XVII в.

постепенно замирает и деятельность соборов, вырождающихся затем в совѣщанія правительства съ свѣдущими людьми отдѣльных «чиновъ» по поводу нѣкоторыхъ отдельныхъ вопросовъ. При непрочности политическихъ результатовъ смуты, она оказалась, однако, замѣтное, хотя и косвенное вліяніе на ускореніе намѣтившихся еще ранѣе социально-экономическихъ процессовъ. Она довершила разгромъ старой боярской аристократіи и выдвинула, на счетъ родовитого боярства, верхніе слои провинціального дворянства; она обострила еще болѣе кризисъ земледѣльческаго хозяйства, расширивъ запустѣніе нѣкогда культурныхъ земель; она остановила успѣхи русской колонизаціи на южной окраинѣ, гдѣ возобновились по старому татарскіе набѣги; она окончательно разрушила платежныя силы тяглаго населенія. Сильно сокративъ народныя ресурсы, на которые могла опираться государственная власть при своей устроительной дѣятельности, смута не устранила ни одной изъ тѣхъ задачъ, на которыя уходили всѣ силы Московскаго государства. Вышнія войны и внутреннія смуты по прежнему держатъ государство въ непрерывномъ напряженіи. Войны XVII в. вначалѣ носятъ характеръ прямыхъ послѣдствій смуты, но затѣмъ далеко выходятъ за эти рамки. Съ воцареніемъ Михаила предстояло вернуть Новгородъ и Смоленскъ отъ шведовъ и поляковъ и заставить Владислава отказаться отъ притязаній на московскій престолъ. Въ 1613 г. открылась война съ Швеціей. Послѣ четырехлѣтнихъ военныхъ дѣйствій неудачная для шведовъ осада Пскова и посредничество Англіи вызвали мирныя переговоры. Англія хлопотала о перемиріи, стараясь — но безуспѣшно — получить за посредничество право свободной торговли черезъ Р. съ Персіей и Индіей. По Столбовскому миру 1617 г., Новгородъ съ его областью вернулся къ Москвѣ, но за Швеціей осталась Вотская пяттина Великаго Новгорода, вмѣстѣ съ ближайшимъ побережьемъ. Еще прежде, чѣмъ закончились переговоры съ Швеціей, Владиславъ занялъ Дорогобужъ и пошелъ къ Москвѣ, громко заявляя о своихъ притязаніяхъ на московскій тронъ. Въ то же время съ Украины подошелъ къ Москвѣ гетманъ Конашевичъ-Сагайдачный. Послѣ неудачнаго приступа союзниковъ къ Арбатскимъ и Тверскимъ воротамъ Москвы, открылись мирныя переговоры. Войну успѣшили окончить Деулинскимъ миромъ (1618 г.), для скорѣйшаго освобожденія изъ польскаго плѣна отца-государи, Филарета, ради чего не настаивали ни на возвращеніи Р. Смоленска, ни на отреченіи Владислава отъ притязаній на московскую корону. Было ясно, что въ близкомъ будущемъ для достиженія этихъ цѣлей потребуется вторая польская война. Открытіе ей было еще ускорено подъ вліяніемъ обще-европейской политики того времени: по случаю 30-лѣтней войны, протестантскія державы, съ Швеціей во главѣ, старались дипломатическимъ путемъ поднять Москву на католическую Польшу. Такіе же воинственные призывы получались и отъ турецкаго султана. Война началась въ 1632 г. Успѣхи русскаго

войска, осадившаго подъ начальствомъ Шеина Смоленскъ, были парализованы набѣгомъ на крымскаго хана, что отвлекло часть русскихъ силъ. Шеинъ сдѣлалъ свой лагерь Владиславу, который, ставъ королемъ по смерти Сигизмунда, принялъ личное участіе въ кампаніи. Шеина казнили въ Москвѣ, какъ измѣнника, а Владиславъ осадилъ Бѣлую. Изнуренное состояніе польскаго войска и приближеніе турокъ къ границамъ Польши заставили Владислава вступить въ мирные переговоры. По Поляновскому миру (1634 г.) Владиславъ отказался отъ московской короны, но Смоленскъ, а также области Смоленская и Сѣверская, остались за Польшей. Не принявъ участія въ русско-польской борьбѣ, западные государства, находившіяся во враждѣ съ Австріей, мечтали о полученіи различныхъ выгодъ отъ московскаго царя въ виду его борьбы съ союзницей императора. Польшей. Подобно Англіи, Голландіи, Даніи, Франціи осаждали московское правительство просьбами о предоставленіи имъ свободной торговли чрезъ Р. съ Персіей, выставляя на видъ, что обогащеніе враговъ императора ослабитъ его союзника, короля польскаго, къ выгодѣ Р. Московскіе дипломаты не поддались на эту хитросплетенную аргументацію; упомянутыя домогательства остались безуспѣшными, но, благодаря имъ, расширилось постепенно поле дипломатическихъ сношеній Московскаго государства, осложнилось его международное положеніе. Султанъ былъ недоволенъ миромъ Р. съ враждебной ему Польшей; кромѣ того, Турціи озлобляли донскіе казаки набѣгами на турецкія владѣнія, кончившимися взятіемъ у турокъ Азова. Р. была совершенно не въ силахъ начинать новую войну, которая и была предотвращена отказомъ Михаила принять взятый казаками Азовъ подъ свою руку. Миръ съ Польшей былъ объясненъ передъ султаномъ набѣгомъ на московскія украинны подвластнаго султану крымскаго хана. Общее изнуреніе ярко обрисовалось на земскомъ соборѣ, созванномъ по вопросу объ Азовѣ, въ сказкахъ, поданныхъ соборными представителями. При Алексѣѣ Михайловичѣ оборонительныя войны смѣнялись наступательными. Новое царствованіе началось попыткой заключить съ Польшей наступательный союзъ противъ крымцевъ, не перестававшихъ опустошать окраины Московскаго государства, но возстаніе Малороссіи противъ Польши подъ начальствомъ Хмельницкаго вызвало, вмѣсто союза, новую московско-польскую борьбу. Малороссія присоединилась къ московскому государству. Въ 1654 г. война началась одновременно въ Бѣлороссіи, Литвѣ и Малороссіи; въ томъ же году русскими были заняты Смоленскъ, Витебскъ, Могилевъ, Вильно. Польша соединилась съ крымцами, страшно опустошившими Украину. Успѣхи Р. были остановлены вмѣшательствомъ шведовъ, которые, захвативъ Варшаву и Краковъ, заявили притязанія на московскія завоеванія въ Литвѣ. Война съ Польшей неуловимо смѣнилась войной съ Швеціей. Просьбу Польши о мирѣ поддержала Австрія, которой не могло нравиться увеличеніе протестантской Швеціи на счетъ

католической Польши. Польскій король обязался не мириться съ Швеціей безъ сношенія съ московскимъ государемъ и въ 1656 г. царь Алексѣй, прекративъ наступательныя дѣйствія въ Польшѣ, выступилъ походомъ въ шведскую Лифляндію. Московское войско взяло Динабургъ, Полоцкъ, Дерптъ, но отступило отъ Риги, послѣ неудачной осады. Не смотря на помощь со стороны Даніи, Р. быстро охладѣла къ шведской войнѣ. Причиной тому были внезапные успѣхи Яна Казимира, который, опираясь на взрывъ національно-религіознаго чувства польскаго народа, началъ вытѣнять шведовъ изъ предѣловъ Польши. Москва одновременно вступила въ мирные переговоры съ Швеціей и Польшей, требуя отъ первой Ливоніи, а отъ второй—Литвы, Малой и Бѣлой Р. и избранія царя Алексѣя въ наслѣдники польскаго престола. Измѣна Выговскаго, который, принявъ гетманство послѣ Богдана Хмельницкаго, вновь передалъ Малороссію Польшѣ, побѣдилъ парскихъ воеводъ подъ Копотомъ, тяжело отразился на этихъ переговорахъ. Съ Швеціей наскоро былъ заключенъ Кардисскій миръ (1661), съ полнымъ отказомъ отъ всѣхъ ливонскихъ завоеваній. Съ Польшей переговоры были прерваны; избавившись отъ шведскаго нашествія, найдя опору въ Малороссіи, Польша не думала о мирѣ съ Москвой. Русскіе потеряли Вильно, Гродно и Могилевъ. Малороссія раздѣлилась: послѣ кратковременнаго гетманства Юрія Хмельницкаго, правобережная Украина, съ гетманомъ Тетерей, присягнула Польшѣ, лѣвобережная, съ гетманомъ Брюховецкимъ, примкнула къ Москвѣ. Янъ Казимиръ вторгся и въ лѣвобережную Украину и занялъ почти всю Малороссію. Успѣхи Польши были подрѣзаны двумя внезапными ударами: мятежемъ шляхты, подъ руководствомъ Любомирскаго, и переходомъ правобережнаго малороссійскаго гетмана Дорошенка въ подданство султана, что грозило Польшѣ войной съ Турціей. При такихъ обстоятельствахъ было заключено въ Андрусовѣ (1667) перемиріе съ Польшей на 13 лѣтъ. Литва осталась за Польшей; къ Р. отошли Смоленскъ, Сѣверская область, лѣвобережная Украина и Кіевъ, выговоренный на два года, но сохраненный Россіей. Черезъ пять лѣтъ вспыхнула новая тяжелая война съ Турціей. Принявъ въ подданство Дорошенка, султанъ явился на Украинѣ, одинаково грозя и Польшѣ, и Р. Борьба съ турками и Дорошенкой изъ-за Малороссіи наполнила четыре послѣдніе года царствованія Алексѣя и почти все царствованіе Ѳеодора Алексѣевича (1672—1681). По перемирію съ Турціей 1681 г., вся западная Украина была уступлена Турціи. Въ правленіе Софьи войны съ Турціей возобновились. Противъ Турціи составилась обширная коалиція изъ имперіи, Венеціанской республики, Польши. Польскій король Янъ Собѣскій постарался привлечь къ коалиціи и Р., не остановившись для этого даже передъ заключеніемъ съ Р. въ 1686 г. тяжелаго для Польши вѣчнаго мира, которымъ за Р. закрѣплялись всѣ Андрусовскія пріобрѣтенія, включая и Кіевъ. Въ борьбѣ коалиціи съ Турціей на долю Р. досталась обязанность

безпокоить Крымъ, отвлекая крымскаго хана отъ помощи турецкому султану. Русское войско дважды выступало въ походъ на Крымъ, подъ начальствомъ кн. В. В. Голицына (1687 и 1689 гг.), но оба раза вынуждено было вернуться, не достигнувъ внутреннихъ областей крымскаго ханства. Въ результатъ напряженной вѣншей борьбы, наполнившей весь XVII вѣкъ русской исторіи, московское государство расширилось пріобрѣтеніемъ лѣвобережной Украины, возвращеніемъ старинныхъ областей Смоленской и Сѣверской, но лишилось всей бывшей Воеводской патины Великаго Новгорода. За то же время значительно раздвинулось поле государственной и народной колонизаціи. Послѣ крымскаго вторженія 1634 г. возобновляется прерванная смутой военно-колонизаціонная дѣятельность на южной и восточной окраинѣ. Въ 1636—1656 гг. создаются три оборонительныя линіи крѣпостей: Бѣлогородская, Симбирская и Закамская; строятся новые города, съ военными гарнизонами изъ мѣстныхъ крестьянъ, обращенныхъ въ служилыхъ людей, или изъ «переведенцевъ» съ верховыхъ городовъ. Борьба правобережной Малороссіи съ поляками, крымцами и турками вызываетъ усиленную иммиграцію въ лѣвобережныя московскія области. Для защиты вновь колонизуемыхъ мѣстностей вырастаютъ и новыя оборонительныя линіи: въ 1680 г. вытягивается третья линія по Донцу, въ концѣ XVII в. ставится на очередь вопросъ объ устройствѣ и четвертой линіи, по водораздѣлу Донца и Днѣпра. Гораздо медленнѣе колонизировалась юго-вост. окраина Европ. Р.; за то постепенно росла колонизація Сибири. Въ началу XVII в. русскія поселенія заняли бассейны Иртыша и Оби, къ двадцатымъ годамъ столѣтія они достигли бассейна Енисея, къ сороковымъ годамъ перешли за Лену и теченіемъ Алдана дошли до береговъ Восточнаго океана. Въ 1648—1666 гг. колонизуются Байкаль и Амуръ; въ концѣ вѣка русскіе появляются на Камчаткѣ.

Наряду съ вѣншими войнами государству въ теченіе всего вѣка не перестаютъ угрожать внутреннія смуты. Новая династія уже не знала кровавой борьбы съ боярствомъ, но тѣмъ острѣе выступали наружу проявленія недовольства массы. Народные мятежи вызывались податными тягостями и злоупотребленіями администраціи. Въ 1648 г. разражается мятежъ въ Москвѣ, обрушившійся на представителей правящей бюрократіи—Морозова, Пашечева, Траханиотова—и тотчасъ же отраженный аналогичными смутами въ Соливычегодскѣ и Устюгѣ. Въ 1650 г. поднимается мятежъ въ Псковѣ, перебросившійся въ Новгородъ и обнаружившій крайнее озлобленіе населенія на мѣстныхъ воеводъ. Дѣло дошло до формальной осады Новгорода и Пскова правительственными войсками. Въ 1662 г. опять вспыхиваетъ мятежъ въ Москвѣ, по поводу неудачи съ выкупомъ мѣдныхъ денегъ. Въ 1667—71 гг. громадное пространство Поволжья охватывается мятежемъ Разиныхъ, настоящимъ воспріизведеніемъ Болотниковыхъ—возстаніемъ казаковъ и крестьянъ противъ насилій помѣщиковъ и администра-

ціи. Устроительная дѣятельность правительства, развивавшаяся при такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, прошла два фазиса. Въ началѣ XVII в. преобладаетъ реставраціонное направленіе. И правительство, и общество, въ лицѣ соборнаго представительства, трудятся частью надъ возстановленіемъ, частью надъ дальнѣйшей разработкой основъ до-смутнаго государственнаго порядка. Это теченіе увѣнчивается обширной кодификаціонной работой—изданіемъ Соборнаго Уложенія 1649 г., представившаго собою сводъ указнаго законодательства первой половины XVII в. Этими завершившись процессъ преобразования общественныхъ классовъ, начатый въ XVI стол. на основахъ закрѣпощенія службъ и тяглу и обособленія сословій другъ отъ друга на основаніи строгой специализаціи государственныхъ повинностей. Съ одной стороны, Уложеніе окончательно санкционируетъ закрѣпощенность крестьянства, при чемъ, помимо податныхъ обязанностей крестьянина по отношенію къ казнѣ, самый крѣпостной трудъ на помѣщика рассматривался какъ разновидность службы на государство, какъ матеріальное обезпеченіе служилоспособности помѣщика. Съ другой стороны, законодательство стремится разрушить выдвинутые жизнью мелкіе промежуточные общественные слои, фактически нарушавшіе освятенную закономъ обособленность общественныхъ классовъ. Сюда слѣдуетъ отнести запрещеніе служилымъ людямъ «закладываться» за кого-либо ради отбыванія отъ службы, а также окончательное юридическое отграниченіе посада отъ уѣзда, путемъ принудительной приписки къ посадскому тяглу расположенныхъ около посада торговопромышленныхъ слободъ и запрещенія бѣльмѣстамъ торговать на посадѣ безъ приписки къ посадской общинѣ. Ограждая посадскихъ людей отъ торговопромышленной конкуренціи стороннихъ элементовъ, законъ въ то же время замыкалъ этотъ классъ, запрещая посадскимъ людямъ записываться въ службу и поступать въ холопы, замыкалъ и каждую посадскую общину въ отдѣльности, допуская переходъ изъ посада въ посадъ не иначе, какъ по предписанію правительственной власти. Торговопромышленная дѣятельность посадскаго класса окончательно получаетъ характеръ принудительной службы. Сословная специализація службъ и повинностей подчеркивалась еще рѣзче проведенною въ царствованіе Михаила замѣною «сохи» «жиною четвертью» (см. Финансы). Эта реформа сильно понизила обложеніе служилыхъ земель сравнительно съ обложеніемъ черносопныхъ крестьянскихъ участковъ и тѣмъ окончательно перемѣстила центръ тяжести податного бремени на тяглую массу. Рядъ другихъ мѣръ коснулся упорядоченія областного управленія, опять таки въ духѣ дальнѣйшаго развитія старыхъ началъ бюрократической централизаціи. Органомъ такой централизаціи явилась новая должность—*воевода*; то былъ агентъ приказной администраціи, присылаемый въ область и объединяющій управленіе всего уѣзда. Съ введеніемъ воеводъ уничтожаются послѣдніе остатки старыхъ кормленій; выборныя зем-

скія учрежденія остаются, но земскіе старосты превращаются въ второстепенныхъ служителей, подчиненныхъ воеводамъ, и этимъ еще болѣе подчеркивается въ выборной земской службѣ тотъ элементъ казенной повинности, который былъ ей присущъ уже въ XVI в. Съ послѣднихъ лѣтъ царствования Михаила реставраціонное теченіе начинаетъ перебиваться другимъ, преобразовательнымъ. Вызванное непосредственными практическими нуждами, подсказанное неудовлетворительностью старыхъ учреждений, это движеніе еще болѣе усиливается во второй половинѣ XVII вѣка и слагается, въ концѣ концовъ, въ подготовку реформы Петра Великаго. Реформы вызывались не столько сознаніемъ какихъ-либо новыхъ задачъ государственной политики, сколько исканіемъ новыхъ средствъ для лучшаго разрѣшенія старой вѣковой задачи: извлеченія изъ народной массы наибольшаго количества боевыхъ и платажныхъ силъ, въ пѣлѣхъ военной обороны. Такими новыми средствами были заимствованія изъ западно-европейской военной и промышленной техники, съ пѣлѣю облегчить населенію выполнение казенныхъ службъ и поднять, вмѣстѣ съ производительностью народнаго труда, платажныя силы народа. Войны Михаилава царствованія вызываютъ увеличеніе войска, сопровождающееся реорганизаціей военного строя. Помѣстная дворянская конница все болѣе заслоняется новыми регулярными военными частями, которые формируются по иноземному образцу. Является конница иноземнаго строя — рейтары, иноземная пѣхота — солдаты. Дороговизна этихъ нововведеній сразу повышаетъ налоговое бремя. Устанавливаются новыя подати: *стрѣлочная*, замѣнивъ прежняго сбора хлѣбомъ на содержаніе стрѣлочной пѣхоты, экстренный налогъ — «пятая денѣга» (подходное обложеніе), взимавшаяся по постановленію соборовъ 1614—1615 и 1633—1634 гг. Въ тоже время реорганизуется помѣстная дворянская служба. Периодическая мобилизація дворянскаго коннаго корпуса для защиты южной Украйны смѣняется постройкой укрѣпленныхъ линій, защита которыхъ ввѣряется мѣстному служилому населенію. При царѣ Алексѣѣ появляются территоріальныя военные округа — на сѣверо-западѣ новгородскій, на юго-западѣ — сѣвскій, на югѣ — бѣлогородскій. Въ каждомъ изъ этихъ округовъ формируется свой военный корпусъ, пополняемый изъ служилыхъ людей даннаго округа и содержащимъ непосредственно на доходы городовъ, расположенныхъ въ чертѣ округа. Въ рукахъ военнаго окружнаго начальства сосредоточивается завѣдываніе и войскомъ, и финансовыми сборами, и администраціей. Въ царствованіе Федора Алексѣевича является попытка распространить эту организацію съ окраинныхъ мѣстностей на все Московское государство и вмѣстѣ съ тѣмъ распредѣлять завѣдываніе округами между крупными вельможами. Олигархическая тенденція, сквозившая въ этомъ проектѣ, побудила патріарха возстать противъ его осуществленія — и территоріализація войска, въ связи съ образованіемъ военно-административныхъ округовъ, была за-

вершена уже въ эпоху Петра, при учрежденіи губерній. Параллельно съ военными преобразованіями усиленно развиваются преобразованія финансовыя. Съ воцареніемъ Алексѣя правительство, не ограничиваясь количественнымъ увеличеніемъ налогового бремени, стремится къ установленію всеобщности и равномерности обложенія. Въ 1646 г. предпринимается дворовая перепись, въ видахъ установленія замѣны пососнаго обложенія подворнымъ. Въ ожиданіи результатовъ переписи производится опыты замѣны главныхъ прямыхъ податей налогомъ на соль въ повышенномъ размѣрѣ, по 2 гривны за пудъ. Мѣра эта вызвала народный бунтъ 1648 г., послѣ котораго соляной налогъ былъ отмѣненъ. Съ окончаніемъ подворной переписи правительство примѣняетъ «дворъ», какъ окладную единицу, частью къ новымъ налогамъ (поворотный сборъ по 2 гривны съ двора на жалованье ратнымъ людямъ), частью къ прежнимъ (при переделѣ на новый окладъ полоничныхъ денегъ). Въ тоже время, въ виду новыхъ войнъ, по прежнему примѣняются экстренные походные сборы: за время съ 1654 по 1680 г. дважды собирается пятая денѣга, пять разъ десятая, одинъ разъ пятнадцатая. Скупные результаты всѣхъ этихъ сборовъ, вслѣдствіе истощенности населенія, заставляютъ правительство прибѣгнуть къ рискованной операціи выпуска мѣдныхъ денегъ съ принудительнымъ курсомъ серебряныхъ. Сильное повышеніе цѣны и новые народные бунты привели къ отмѣнѣ операціи, черезъ девять лѣтъ послѣ ея введенія (1654—63). Къ концу XVII в. косвенные таможенные сборы объединяются въ единой *рублевой* пошлинѣ — 10%, съ рубля — при продажѣ товаровъ; пососное обложеніе окончательно замѣняется подворнымъ; для всего посадскаго населенія и для чернососныхъ крестьянъ сѣверныхъ уѣздовъ всѣ прямыя подати объединяются въ одну *стрѣлку*; населеніе прочихъ уѣздовъ остается при платежѣ полоничныхъ денегъ, соединенныхъ съ ямскими въ одномъ окладѣ, по 10 коп. съ двора. Въ связи съ реформой посадскаго обложенія былъ реформированъ и порядокъ посадскаго управленія: посады были изыты изъ вѣдомства воеводъ, власть которыхъ была передана выборнымъ головамъ, подчиненнымъ одному приказу Большой казны. Преобразованія техники военнаго и финансового дѣла совмѣщались съ попытками оживить производительныя силы страны, путемъ правительственнаго поощренія обрабатывающей промышленности. Уже при Михаилѣ начинается, а при Алексѣѣ еще болѣе усиливается вызовъ иноземныхъ мастеровъ и капиталистовъ для основанія въ Р. заводовъ и фабрикъ (см. выше Промышленность). Правительство покровительствуетъ новымъ заводамъ, освобождаетъ ихъ отъ податей, приписываетъ къ нимъ крѣпостныхъ крестьянъ. Со времени Ивана IV, который открылъ всѣмъ иноземнымъ купцамъ свободный доступъ къ Архангельскому порту и предоставилъ англичанамъ безошлинную торговлю, какъ оптовую, такъ и розничную внутри Р., всѣ торговые промыслы въ Р. сосредоточились въ ру-

кахъ иноземцевъ. Англичане завели торговля конторы въ Архангельскѣ, Москвѣ и другихъ важнѣйшихъ русскихъ городахъ, откуда разсылали по всѣмъ направленіямъ приказчиковъ-скупщиковъ, минуя посредничество русскаго купчества. Царь Алексѣй, по членобитію русскихъ купцовъ, запретилъ иноземцамъ внутреннюю торговлю въ Р., дозволивъ имъ оптовую торговлю съ русскими лишь въ Архангельскомъ портѣ и порубежныхъ городахъ, съ платомъ пошлинъ. Къ Архангельску прѣзжали англичане, голландцы, шведы, датчане, купцы ганзейскихъ городовъ, французы. Вызванный государственными преобразованіями поворотъ русской жизни въ сторону сближенія съ западной культурой не исчерпывается тѣми специально техническими военными и финансовыми вопросами, на которыхъ сосредоточивалось вниманіе правительства. Наряду съ вліяніемъ нѣмецко-техническимъ, которое сказывалось на перестройкѣ государственнаго порядка, крѣпло вліяніе польско-схоластическое, содѣйствовавшее измѣненію общественныхъ взглядовъ и частнаго житейскаго обихода. Наплывъ иноземныхъ вліяній вызвалъ фанатическую реакцію массы, проявившуюся въ формѣ церковнаго раскола, по поводу предпринятаго при царѣ Алексѣѣ исправленія богослужебныхъ книгъ и церковныхъ обрядовъ. Протестъ противъ измѣненія церковнаго обряда вообще и противъ измѣненія его по *иноземнымъ* образцамъ—греческимъ и восточнымъ—въ особенности переходилъ въ протестъ противъ церковной іерархіи и царскаго правительства, который санкціонировали эти измѣненія (см. Расколъ). Опозиція расколоучителей уже не могла остановить преобразовательнаго движенія, вызваннаго реальными и неотложными потребностями жизни. Разыгравшаяся въ концѣ вѣка дворцовая борьба между двумя линиями царскаго дома—дѣтими царя Алексѣя отъ двухъ его браковъ—выдвинула на нѣкоторое время стрѣльцовъ, среди которыхъ широко были распространены симпатіи къ расколу. Подготовленный Милославскими стрѣльщій мятежъ привелъ къ разгрому Нарышкиныхъ и отміѣй провозглашеннаго—было по смерти Теодора единовластія Петра. На царство были посажены оба сына царя Алексѣя отъ разныхъ браковъ, Іоаннъ и Петръ, а черезъ нѣсколько дней, по требованію тѣхъ же стрѣльцовъ, главный врагъ Нарышкинской партіи, царевна Софія, была провозглашена правительницей государства. Торжество стрѣльцовъ не привело, однако, къ преобладанію анти-преобразовательной партіи. Правительство Софьи, руководимое однимъ изъ пряхъ заплотниковъ конца XVII в., княземъ В. В. Голицынымъ, рѣзко отвергло всѣ притязанія раскольниковъ, а затѣмъ постаралось сломить своеволие стрѣльцовъ, въ которыхъ перестало нуждаться. Призывъ подѣ Москву дворянскихъ помѣстныхъ ополченій, назначеніе начальникомъ стрѣльческаго войска преданнаго Софѣ Шакловитаго, аресты и высылки наиболѣе буйныхъ стрѣльцовъ, князь Хованскаго, державшаго руку стрѣльцовъ и раскольниковъ—все это принудило стрѣльцовъ къ полной покорности. Правленіе

Софьи было проникнуто реформаціоннымъ духомъ. Въ новомъ столкновеніи Софьи съ Петромъ, окончившемся побѣдою Петра, стрѣльцы играли уже чисто пассивную роль вспомогательнаго орудія Софьи, дѣйствовали вло и, въ концѣ концовъ, предали своего начальника Шакловитаго и Софью. Софія была заключена въ монастырь, Шакловитый казненъ, князь Голицынъ сосланъ. Возстановилось двоевластіе Іоанна и Петра, но фактически царемъ сдѣлался одинъ Петръ. Послѣ новаго стрѣльческаго бунта, разыгравшагося во время первой заграничной поѣздки Петра, и страшнаго розыска, произведеннаго Петромъ по его возраженію, стрѣльцкое войско было уничтожено.

Имперія XVIII в. Исходъ дворцовой борьбы конца XVII в., расчистивъ власть Петру, предрѣшилъ характеръ дальнѣйшаго развитія преобразованій. Петръ круто выдвинулъ нѣмецко-техническое направленіе въ ущербъ польско-схоластическому, и сосредоточилъ свою кипучую дѣятельность на продолженіи военныхъ, финансовыхъ и административныхъ преобразованій. Исходныя точки реформы были уже даны опытами XVII в. Развитие реформы было лишено систематическаго планоуѣрности и плото толчкамъ, подѣ непосредственнымъ воздѣйствіемъ текущихъ военныхъ событій и возростающихъ финансовыхъ затрудненій. Лишь по второй половинѣ царствованія, къ 20-мъ годамъ XVIII в., намѣчается болѣе систематическій планъ реформы, навіянный западными теоріями просвѣщеннаго абсолютизма и меркантилизма и опиравшійся на образцы иностранныхъ, главнымъ образомъ шведскихъ учреждений. Выработка этого преобразовательнаго плана являлась коллективнымъ дѣломъ цѣлаго ряда лицъ, подававшихъ Петру преобразовательные проекты по разнообразнымъ вопросамъ. Разбираясь въ этихъ проектахъ, Петръ придавалъ осуществленію намѣченныхъ преобразованій принудительный, террористическій характеръ. На ряду со свойствами личнаго характера Петра, лихорадочно-возбужденный темпъ преобразовательной работы обусловливался ходомъ внѣшнихъ событій. Война наполнила все царствованіе Петра. Конецъ 90-хъ гг. XVII ст. заняли азовскіе походы. Они явились продолженіемъ участія Р. въ европейской коалиціи противъ Турціи, которая составила еще при предшественникахъ Петра. Взятіемъ Азова и соруженіемъ воронежскаго флота простижъ Р., поколебленный неудачами кн. Голицина, былъ поднятъ и въ глазахъ союзниковъ, и въ глазахъ Турціи. Молдавія и Валахія обратились къ Петру съ предложеніемъ подданства и перенесенія военныхъ дѣйствій противъ Турціи на берега Дуная. Но въ это время члены коалиціи уже снѣшлись помириться съ Турціей: Западная Европа готовилась къ другой грандіозной борьбѣ—за испанское наслѣдство. Распаденіе коалиціи заставило и Р. заключить съ Турціей перемиріе на 30 лѣтъ (3 іюля 1700 г.). Азовъ отошелъ къ Р., ежегодная дань Р. крымскому хану была уничтожена. Черезъ два мѣсяца по заключеніи этого перемирія началась война съ Швеціей, противъ которой

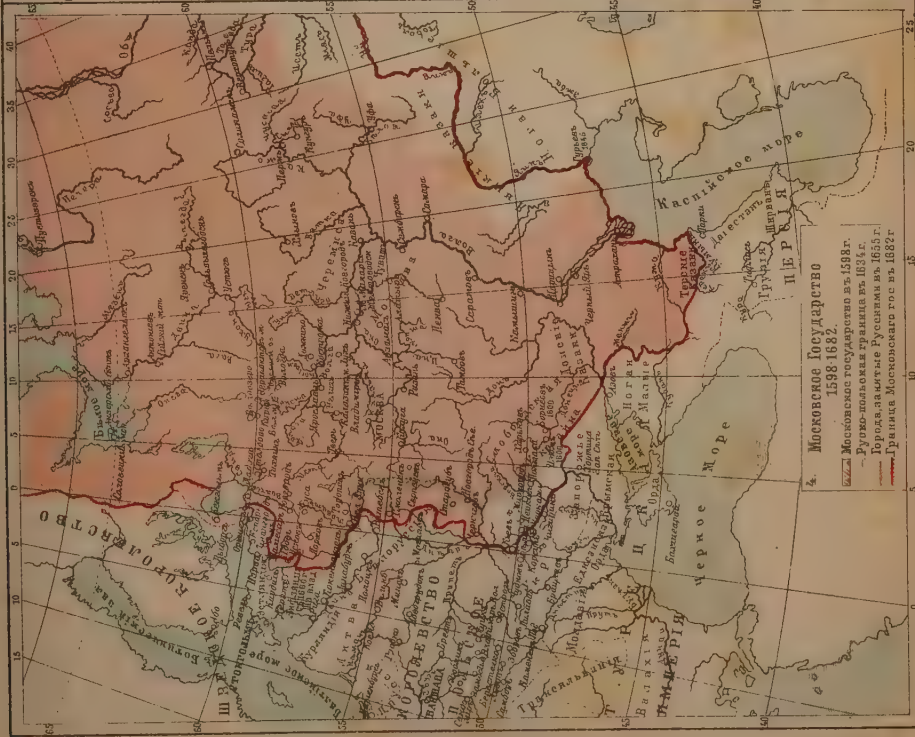
еще в 1699 г. Петръ заключилъ союзъ съ Польшею. Польскій король Августъ и много хлопотавшій о заключеніи польско-русскаго союза лифляндскій дворянинъ Паткуэлъ мечтали о томъ, что при раздѣлѣ будущихъ завоеваній Петръ удовольствуется Ингерманландіей и Кареліей. Пораженіе русскихъ подъ Нарвой еще болѣе повысило притязанія и надежды Августа. Онъ потребовалъ отъ Петра уступки Польшѣ Малороссіи; но союзъ былъ возобновленъ безъ выполнения этого условія. Карлъ XII послѣ нарвской побѣды, по выраженію Петра, «увязъ въ Польшѣ», а русскіе въ это время разорили Лифляндію, овладѣли Дерптомъ и Нарвою и утвердились на Невѣ взятіемъ Нотебурга и Нienшанца и основаніемъ Петербурга (1703). Достигнувъ моря, Петръ началъ думать о мирѣ съ Швеціей и обратился съ просьбой о посредничествѣ къ Австріи, Англіи, Голландіи и Франціи. Державы, воевавшія съ Людовикомъ XIV, не сочувствовали усиленію Р. и холодно встрѣтили просьбу Петра. Переговоры съ Швеціей начались при посредничествѣ Франціи, но были прерваны въ виду требованія Карла XII возвратити Швецію всѣ русскія завоеванія. Р. заняла Курляндію; Карлъ, принудивъ Польшу къ миру и смѣнивъ на польскомъ престолѣ Августа Станиславомъ Лещинскимъ, готовился къ походу въ глубь Р. Петръ опасался похода шведовъ на Москву, но Карлъ, рассчитывая на малороссійскихъ казаковъ и крымскаго хана, двинулся на Украину. Полтавская битва (1709 г.) перевернула весь ходъ и военныхъ, и дипломатическихъ дѣйствій. Карлъ бѣжалъ въ Турцію; Р. своимъ успѣхомъ привлекала къ себѣ зоркое вниманіе всей Европы, соединенное со страхомъ. Страхъ вызывалъ вражду. Франція и Польша подыали на Р. Турцію. Петръ пошелъ на разрывъ, ободренный надеждой на помощь балканскихъ славянъ, не перестававшихъ въ теченіе всего царствованія Петра звать къ покровительству Р. Господари Молдавіи и Валахіи заключили съ Петромъ формальные союзы противъ турокъ, подъ условіемъ провозглашенія независимости ихъ государствъ. Измѣна валашскаго господара Бранкована подвергла русское войско страшной опасности со стороны турокъ и заставила кончить прутскій походъ тяжелымъ для Р. миромъ съ Турціей: Азовъ опять перешелъ къ Турціи, новопостроенные русскіе города у Азовскаго моря разорены, Карлу XII было гарантировано свободное возвращеніе въ шведскія владѣнія. 1711—1715 гг. заняты были военными операціями въ Помераніи и Финляндіи. Углубленіе русскихъ войскъ въ Германію еще болѣе усилило враждебную Р. тревогу Европы. Окончаніе войны за испанское наслѣдство давало возможность европейскимъ державамъ внимательнѣе слѣдить за политическимъ ростомъ Р. Англія, Австрія, Франція держались по отношенію къ Р. частью съ холодной натянутостью, частью съ открытой враждебностью. Польша, гдѣ послѣ Полтавской битвы снова воцарился Августъ, Данія и Пруссія состояли въ союзѣ съ Петромъ, но двѣ первыя державы боялись Р. и интриговали противъ ея успѣховъ. Не смотря на

все это, Петръ, послѣ успѣховъ въ Финляндіи, составилъ планъ высадки въ южную Швецію соединеннаго русско-датскаго флота. Планъ не осуществился вслѣдствіе разлада среди союзниковъ. Петръ началъ искать тогда сближенія съ Франціей. Послѣ его поѣздки въ Парижъ былъ заключенъ союзъ между Р., Франціей и Пруссіей, съ обязательствомъ открыть переговоры съ Швеціей при посредствѣ Франціи. Одновременно съ этимъ соглашеніемъ былъ рѣшенъ, однако—по предложенію шведскаго дипломата Герна—събѣдъ русскихъ и шведскихъ уполномоченныхъ на Аландскихъ островахъ, безъ участія представителей Франціи. Аландскій конгрессъ, во время котораго Карла XII смѣнила на престолѣ Ульрика Элеонора, не привелъ ни къ чему. Петръ возобновилъ войну. Не смотря на демонстративное крейсированіе англійскаго флота въ Балтійскомъ морѣ, русское войско нѣсколько разъ высаживалось въ Швецію и опустошало окрестности Стокгольма. Это привело къ заключенію мира въ Ништадтѣ, въ 1721 г. Финляндія, кромѣ Выборга, была возвращена Швецію, но Р. получила Лифляндію, Эстляндію, Ингерманландію, съ уплатою Швецію 2 милл. руб. Духвѣковое стремленіе Р. къ Балтійскому побережью было удовлетворено. Не далѣе, какъ черезъ годъ, Петръ отправился уже въ новый походъ, въ Персію. Мысль о прикаспійскихъ приобритеніяхъ занимала Петра съ начала царствованія и еще болѣе усилилась послѣ прутскаго похода. Усиленіе Р. на Каспійскомъ морѣ должно было служить вознагражденіемъ за неудачу на Черномъ морѣ. Внутреннее разстройство Персидской монархіи, раскрытое посольствомъ въ Персію Волинскаго (1716), еще болѣе укрѣпило Петра въ планѣ персидскаго похода. Русскія войска быстро заняли западный берегъ Каспійскаго моря. Персидская война вызвала въ Европѣ новый взрывъ враждебнаго недобѣрія къ Р. и едва не привела къ новому разрыву съ Турціей, къ которой Персія обращалась за помощію и которую усердно подстрекали противъ Р. австрійскіе и англійскіе дипломаты. Завоеванія Петра подыали международное положеніе Р. на небывалую ранѣе высоту и увеличили государственную территорию болѣе, чѣмъ на 10000 кв. миль, но страшно повысили численность арміи. Въ одно первое десятилѣтіе XVIII в. война вызвала увеличеніе арміи съ 40 до 100 тыс. чел. и потребовала созданія военнаго флота. Военные расходы повысились, сравнительно съ бюджетомъ 1680 г., на 40 милл., при чемъ расходы на военные потребности составляли въ общей суммѣ государственныхъ расходовъ 65%. Ростъ войска и военныхъ расходовъ повелъ за собою новую реорганизацію военнаго и финансоваго строя, которая въ свою очередь вызвала рядъ социальныхъ и административныхъ преобразованій. Стрѣлковая пѣхота и помѣстная дворянская конница стараго времени были замѣнены регулярной арміей (см. выше, Войско). Въ первую половину царствованія вводятся новые прямые налоги, отыскиваются новые предметы обложенія, широко примѣняется порча монеты посред-

ствомъ перечекишки серебряныхъ денегъ, производится переобработка казенныхъ оброчныхъ статей, вновь облагаются оброкомъ владѣльческія рыбныя ловли, домашнія бани, мельницы, постоянные дворы, устанавливается рядъ казенныхъ монополій. Все это не предупредило финансоваго кризиса. На 1710 г. ожидался полумиллионный дефицитъ. Произведенная въ 1710 г. подворная перепись показала громадную убыль населенія по всей Р. Децентрализація финансоваго управленія, осуществленная съ учрежденіемъ губерній, не способствовала повышенію и упорядоченію поступленій; новые «запросные» и «неокладные» сборы поступали все съ болѣею неодоимой. Передъ правительствомъ опять встала задача, которую уже приходилось разрѣшать въ концѣ XVII вѣка — реформа порядковъ обложенія и консолидація прямого налога. Это было выполнено въ 20-хъ годахъ XVIII вѣка. Подворное обложеніе было замѣнено подушнымъ, ради лучшаго достиженія всеобщности и равномерности обложенія. Косвенные налоги на время занимаютъ второстепенное мѣсто въ доходномъ бюджетѣ. Военныя и финансовыя реформы способствовали измѣненію структуры русскаго общества. Перемѣны въ порядкѣ службы завершили сословно-корпоративную организацію дворянства; реформа обложенія сопровождалась дальнѣйшимъ утвержденіемъ крѣпостной неволи крестьянства. Послѣ того какъ специальная повинность служилого класса, ратная служба, была превращена въ всеобщую повинность, дворянство получило свою спеціальную роль при выполненіи этой повинности: отбывъ рядовую службу въ гвардіи, дворяне дѣлались офицерами въ арміи, составляя въ ней дворянско-офицерскую корпорацію. Другую спеціально-сословную повинность дворянства явилось обязательное обученіе по утвержденной правительствомъ программѣ. Государственная служба по прежнему осталась для дворянства безсрочной и общеобязательною: гражданская служба въ канцеляріяхъ была поставлена въровень съ военной службой въ полкахъ, а распредѣленіе членовъ каждой дворянской семьи между обоими родами службы было подчинено установленной закономъ пропорціи. Съ отміной помѣстныхъ ополченій земля перестала служить матеріальной основой *разверстки* служебныхъ тягостей, но всѣ дворянскія земли — какъ бывшія помѣстья, такъ и бывшія вотчины — стали разсматриваться какъ официально-закрѣпленный за дворянствомъ фондъ матеріальнаго обезпеченія служилыхъ дворянскихъ фамилій. Поэтому указомъ 1714 г. узаконялась неотчуждаемость и недробимость дворянскихъ земель. Создавая изъ дворянства служилую сословную корпорацію, Петръ открылъ свободный доступъ въ его среду постороннимъ элементамъ. Табеля о рангахъ окончательно замѣнила въ порядкѣ службы старое начало породы началомъ личной выслуги, узаконивъ полученіе дворянства чиномъ, чѣмъ сильно способствовала демократизація высшаго общественнаго слоя. Указы о ревизіи и подушной подати завершили превращеніе низшихъ общественныхъ

слоевъ въ однородную закрѣпощенную массу. Эти указы измѣнили юридическое основаніе прикрѣпленія, узаконивъ прикрѣпленіе запиской крестьянина за землевладѣльцемъ въ ревизскую сказку, и распространили крѣпостную неволю на новые общественные разряды — на дѣтей приходскаго духовенства, на имѣющихъ опредѣленныхъ занятій, людей гулящихъ и холоповъ, которые наравнѣ съ крестьянами были записаны въ ревизскія сказки за владѣльцами и обложены подушнымъ окладомъ. Вся эта юридически объединенная крѣпостная масса была отдана въ вѣдѣніе землевладѣльцевъ — дворянъ, отвѣтственными передъ казною за податную исправность своихъ крестьянъ и полицейскій порядокъ въ предѣлахъ своихъ имѣній. Административная реформа Петра стояла въ столь же тѣсной связи съ военными и финансовыми преобразованиями. Въ первую половину царствованія, подъ давленіемъ военныхъ тревогъ и въ виду необходимости обезпечить содержаніе новой регулярной арміи, довершается намѣченная уже въ XVII в. система военно-административныхъ округовъ. Имперія была раздѣлена на восемь такихъ округовъ, получившихъ названіе губерній. Постоянное передвиженіе войскъ, по случаю военныхъ дѣйствій, не даю возможности осуществить территориализацію арміи по этимъ округамъ; тѣмъ не менѣе въ финансовомъ отношеніи каждая часть арміи была приписана къ одной изъ губерній и главнѣйшей функціей губернскаго управленія явилась передача губ. сборовъ непосредственно на содержаніе полковъ. Неопредѣленно широкая власть губернаторовъ должна была нѣсколько умѣряться введеніемъ коллегиальнаго и выборнаго начала въ механизмъ губернской администраціи (см. выше мѣстное управленіе). Фактически, однако, выборы ланддратовъ скоро уступили мѣсто назначенію. Въ 1719—20 гг. административный строй подвергся новой переработкѣ, подъ вліяніемъ шведскихъ образцовъ и въ духѣ бюрократической централизаціи. Коллегиальное начало было перенесено изъ области въ центръ, при чемъ выборное начало было устранено. Учрежденные по шведскому образцу коллегіи распредѣлили между собой управленіе имперіею по роду дѣлъ. На короткое время сенатъ сдѣлался какъ бы общимъ присутствіемъ коллежскихъ президентовъ, которые были назначены изъ сенаторовъ; но скоро этотъ порядокъ былъ отміненъ, какъ противорѣчащій контролирующей роли сената по отношенію къ коллегіямъ. Коллегіи получили новыхъ, малочисленныхъ президентовъ, а старые вельможные президенты остались въ сенатѣ, что придало личному составу сената аристократическій оттѣнокъ и превратило коллегіи въ подчиненные органы сената. Въ исключительномъ положеніи остались коллегіи военныя, адмиралтейская и иностранная: онѣ сохранили прежнихъ президентовъ и не подпали въ подчиненіе сенату, чѣмъ наглядно выразилось преимущественное значеніе вопросовъ вѣнчѣйшей борьбы въ кругу счерченныхъ государственныхъ задачъ. Съ учрежденіемъ центральныхъ коллегій исчезли ланддратскія коллегіи въ губер-

ИСТОРИЧЕСКІЯ КАРТЫ РОССИИ П.

4. Московское Государство
1882 г.

Штаты Имперіи 1882 г.
Губерніи
Уезды
Города
Граница Московскаго г. в 1882 г.

Разделение Россіи на губерніи 1708 г.

1. Московская
2. Новгородская
3. Смоленская
4. Рязанская
5. Владимирская
6. Ярославская
7. Казанская
8. Сибирская

Подчеркнуты губерніи города по росписи 1719 г.

пиях. Выборное начало было удержано въ уѣздахъ, гдѣ выборные изъ мѣстныхъ дворянъ земскіе комиссары были облечены весьма разнообразными полномочіями, отъ сбора податей до полиціи нравовъ включительно. На практикѣ, однако, комиссары скоро превратились въ подчиненныхъ агентовъ военнаго начальства, преимущественно по сбору подушной подати. Установивъ администрацію на началахъ централизаціи и бюрократической опеки, парализовавъ слабыя зародыши общественнаго контроля, Петръ подчинилъ административный механизмъ двойному коронному контролю: тайному надъ финансами — *фискаламъ* и явному надъ судами — *прокуратурѣ*; высшее руководство тѣмъ и другимъ сосредоточилось въ рукахъ генералъ-прокурора. Нѣсколько шире проявилась общественная автономія въ области городского управления. Развивая реформу 1680-хъ годовъ, Петръ передалъ финансовыя сборы, управление и судъ надъ торговопромышленнымъ населеніемъ городовъ выборнымъ изъ среды этого населенія бурмистрамъ, подчинявшимся бурмистерской палатѣ или ратушѣ, составленной также изъ выборныхъ лицъ. Однако, и въ эту сферу, съ преобразованиемъ ратушъ въ магистраты, въ 20-хъ годахъ XVIII в. былъ ввѣдунъ бюрократическій элементъ. Служба въ магистратахъ была сдѣлана какъ-бы привилегіей высшаго, «первостатейнаго» слоя городского купечества. Въ этомъ сказалась основная тенденція экономической политики Петра—поощреніе крупной городской промышленности, завѣщанное ему преобразовательной программой XVII вѣка. Сближеніе съ Западомъ постепенно развило эту тенденцію въ сознательную меркантилистическую систему, развившуюся въ трехъ направленіяхъ: 1) въ поощреніи горной промышленности, ради умноженія въ странѣ металлическаго запаса, 2) въ регулированіи вѣншей торговли на началахъ торговаго баланса и 3) въ поощреніи туземной фабричной промышленности (см. выше, Промышленность и Торговля). До 1719 г. Петръ продолжаетъ, подобно своимъ предшественникамъ, вызывать въ Р. заграничныхъ техникувъ и мастеровъ изъ Австріи, Венеціи, Голландіи, Швеціи, Германіи, а также посылать русскихъ за границу для обученія мастерамъ. Въ 1719 г., съ учрежденіемъ мануфактуръ-коллегіи, эти мѣропріятія систематизируются. Всѣ мѣропріятія Петра, однако, не могли значительно ускорить ростъ фабричной промышленности, еще не опиравшейся на естественныя успѣхи народнаго хозяйства. Въ началѣ XVIII в. Р. еще оставалась странноземледѣльческой и мелкой домашней промышленностью.

Реформа Петра навсегда покончила съ вѣншими *формами* старой московской государственности, но въ тоже время довела до наивысшаго развитія тѣ самыя принципы, которые лежали въ основѣ предшествующаго государственнаго строя. Переустройство войсковой и податной организаціи исходило изъ стараго начала поглощенія всѣхъ національныхъ ресурсовъ потребностями фиска, нуждами государственной военной обороны. Со-

словныя реформы измѣнили прежній порядокъ разберстки государственныхъ повинностей между общественными классами, но по прежнему оставили все населеніе сверху до низу закрѣпощеннымъ службѣ и тягу. Административныя реформы видоизмѣнили систему правительственныхъ учреждений, но еще рѣче провели устраненіе общественныхъ союзовъ отъ участія въ текущемъ управленіи, которое было всецѣло передано въ руки бюрократіи. Мѣропріятія экономическія и учебно-образовательныя имѣли дѣлю вызвать къ жизни двѣ дѣйствительно новыя силы, которыя не играли дотолѣ видной роли въ государственномъ строителствѣ — промышленный капиталъ и научное знаніе. Но опыты первой категоріи предвосхищали предстоявше еще въ будущемъ результаты экономического развитія и потому не воплотили достигнутаго, а опыты съ насажденіемъ знанія исходили изъ стараго, узко-прикладнаго воззрѣнія на книжное обученіе, съ перенесеніемъ лишь интереса отъ вопросовъ душевнаго спасенія къ вопросамъ технического прогресса. Завершая собой изстариный процессъ государственнаго строенія, реформа Петра, тѣмъ не менѣе, подготавливая новую эру въ поступательномъ развитіи русской жизни. Сближеніе съ Западомъ, предпринятое ради заимствованій часто технического характера, не остановилось въ этихъ первоначальныхъ рамкахъ и постепенно захватывало все новыя жизненныя сферы. Уже въ первую половину XVIII в. въ высшихъ слояхъ общества довольно широко распространяется вліяніе политико- философской западно-европейской литературы. Идеи естественнаго права, договорнаго происхожденія государства, народнаго суверенитета воспринимались русскими дѣятелями и своеобразно примѣнялись къ туземнымъ движеніямъ, обозначавшимся въ средѣ русскаго дворянства. Самыя эти движенія явились, въ свою очередь, косвеннымъ слѣдствіемъ Петровскихъ преобразованій. Со второй четверти XVIII столѣтія начинается процессъ постепеннаго раскрыщенія общественныхъ классовъ, постепеннаго формированія самоуправляющихся общественныхъ союзовъ—процессъ приблизившій Р., къ типу современныхъ европейскихъ государствъ. Начало этого процесса сдѣлалось возможнымъ благодаря ослабленію хронической вѣншей борьбы, которая сковывала дотолѣ свободу внутренняго развитія Р. и обрекала русское государство на положеніе вѣчно мобилизованнаго военнаго лагеря. Не всѣ задачи этой борьбы были уже разрѣшены къ началу XVIII в. Территориальный ростъ русскаго государства еще не достигъ своихъ естественныхъ предѣловъ. Работа надъ округленіемъ границъ даже еще болѣе осложнилась послѣ того, какъ Р. начала участвовать въ международно-политическихъ комбинаціяхъ Европы. Но все-же та непрерывная военная борьба, которую приходилось вести Московской и Петровской Р., окончательно отомгла въ область исторіи. Пс смерти Петра направленіе вѣншей политики Р. опредѣлилось двумя условіями: 1) войной съ Персіей, которая осталась еще отъ цар-

ствования Петра, и 2) борьбой Бурбонов и Габсбургов, раздѣлявшей Европу на два враждебные союза—австро-испанскій и англо-французскій. Ко второму союзу примыкали Швеція и Пруссія; Р. примкнула къ первому, такъ какъ съ персидскимъ вопросомъ тѣсно переплетался турецкій, въ которомъ интересы Р. гармонизировались съ австрійскими и ставились съ французскими. Союзъ Р. съ Австріей повлекъ за собою враждебную демонстрацію англійскаго флота на Балтійскомъ морѣ близъ Ревеля и усиленные анти-русскія интриги французской дипломатіи при дворѣ султана. Русская дипломатія поставила своей цѣлью предотвратить европейскую войну, въ которой Россіи пришлось-бы участвовать въ силу союзныхъ обязательствъ. Въ 1732 г. кончилась русско-персидская война, уступкой Персіи всѣхъ Петровскихъ приобретений, на которыя преемники Петра смотрѣли какъ на излишнее бремя, и расширенію владѣній на счетъ Персіи предпочитали недопущеніе Турціи до Каспійскаго побережья. Призракъ турецкаго вопроса все тѣснѣе сближалъ Р. съ Австріей, которая въ свою очередь нудилась въ Р., въ виду того, что Испанія порвала съ Австріей изъ-за вопроса о водвореніи въ Италіи испанскихъ принцевъ и перешла на сторону Франціи. Къ удовольствію Р., австро-испанскій конфликтъ не привелъ къ военному столкновенію; но возгорѣвшаяся вскорѣ послѣ того борьба за польскій престолъ втянула Р. въ военные дѣйствія, какъ разъ въ то время, когда на Ю возобновлялась открытая борьба съ Турціей. Пронски французскихъ дипломатовъ, старавшихся склонить Р. на сторону кандидатуры Станислава Лещинскаго на польскій престолъ, не увѣнчались успѣхомъ. Р. и Австрія рѣшили совместно защищать кандидатуру саксонскаго курфюрста Августа III, за что Р. выговорила отказъ Августа отъ притязаній на Лифляндію. Пруссія, воздерживаясь отъ активной помощи Р. и Австріи, обещала имъ дружественный нейтралитетъ, Англія и Голландія примкнули къ Австріи. Франція была изолирована и начала сближаться съ Швеціей. По избраніи на польскій престолъ Станислава Лещинскаго, русское войско вступило въ Польшу. Минихъ осадилъ Данцигъ, сдавшійся русскимъ послѣ продолжительной осады. Другой русскій корпусъ былъ посланъ на помощь Австріи въ виду начавшейся войны ея съ Франціей. Франція успѣла возбудить противъ Р. Порту. Вторженіе крымскаго хана въ Кабарду было признано въ Р. за *sans belli*. Минихъ вторгся въ Крымъ (1736), но, дойдя до Бахчисарая, послѣднее возвратился, опасаясь вторженія турокъ въ юго-западную Россію. Въ 1737 г. русскіе заняли Очаковъ, но успѣшному продолженію войны препятствовало позднее выступленіе союзной австрійской арміи, вялость ея дѣйствій, незначительность ея успѣховъ. На открывшемся въ Немурѣ мирномъ конгрессѣ Р. заявила притязанія на Крымъ, Австрія на Молдавію и Валахію. Хотя обѣ державы сильно сократили затѣмъ свои требованія, конгрессъ былъ прерванъ возобновленіемъ военныхъ дѣйствій. Кампа-

нія 1738 г. была неудачна и для русскихъ, и для австрійцевъ. Въ 1739 г. Минихъ разбилъ турокъ при Ставучанахъ, взялъ Хотинъ, занялъ Яссы, послѣ чего Молдавія изъявила готовность отдаться въ подданство Р.; но въ самый разгаръ русскихъ успѣховъ пришла вѣсть о заключеніи мира между Турціей и Австріей, что вынудило и Р. вступить въ мирные переговоры. Результаты войны далеко не окупили принесенныхъ жертвъ. Р. удержала Азовъ, но съ обязательствомъ срыть его укрѣпленія, и получила право построить крѣпость на Дону; Турція, съ своей стороны, получила право построить крѣпость на Кубани. Р. не приобрѣла права содержать флотъ на Черномъ морѣ; Кабарда была объявлена нейтральной полосой между Р. и Портой. По заключеніи Вѣлградскаго мира (1739 г.) Франція усиленно стремится къ разорванію австро-русскаго союза. Францію поддерживает Пруссія; Фридрихъ II, вступивъ въ борьбу съ Австріей, усиленно добивался союза съ Р. Въ Петербургѣ боролись два иностранныхъ вліянія: австрійское, на сторонѣ котораго стояли Остерманъ и правительница Анна Леопольдовна, и прусское, опиравшееся на Миниха, который былъ озлобленъ на Австрію за ея послѣдній миръ съ Турціей. Р. вошла въ союзъ съ Пруссіей, не порывая и съ Австріей и намѣчая въ будущемъ коалицію Р., Пруссіи и Австріи противъ Франціи. Тогда во Франціи составился планъ поднять на Р. Порту и Швецію и обезпечить въ будущемъ французское вліяніе на политику Р., подготовивъ въ Р., черезъ французскаго посла Шетарди, дворцовый переворотъ въ пользу дочери Петра, Елизаветы. Порта, угрожаемая Персіей, не двинулась, но Швеція, подъ давленіемъ Франціи, начала въ 1741 г. войну, объявивъ, что ведетъ ея противъ *незаконнаго* правительства Анны Леопольдовны, за права Елизаветы. Елизавета дала обѣщаніе вознаграждать Швецію и, порвавъ всѣ прежніе трактаты съ Австріей, Англіей и Пруссіей, тѣсно примкнувъ къ Франціи и Швеціи. Но Ласси разбилъ шведовъ у Вильманstrandъ, а дворцовый переворотъ въ пользу Елизаветы совершился раньше, чѣмъ предполагалъ Шетарди, и безъ участія шведовъ. Это дало возможность Елизаветѣ отказать Швеціи въ вознагражденіи и отвергнуть французское посредничество при переговорахъ съ Швеціей. Русское войско заняло всю Финляндію; Шетарди покинулъ Р. Елизавета требовала всей Финляндіи, но боязнь, чтобы въ наслѣдникъ шведскаго престола не былъ выбранъ датскій принцъ, вмѣсто намѣченнаго Елизаветой дяди—Голштинскаго герцога, заставила Р. удовольствоваться приобрѣтеніемъ небольшой полосы земли, до р. Кюмени. Заѣздываніе иностранными дѣлами перешло къ Бестужеву, политической системой котораго былъ союзъ Р., Австріи, Саксоніи и морскихъ державъ противъ Франціи и Пруссіи, въ видахъ обузданія ихъ завоевательныхъ стремленій. Франція и Пруссія ставятъ себѣ цѣлью сверженіе Бестужева. Въ Р. снова появляется Шетарди, а Фридрихъ II устраиваетъ два политическихъ брака: Петра III съ ангалтъ-цербстской принцессой Софія (бу-

дущей Екатерины II), для парализованія вліянія Бестужева, и наслідника шведскаго—на сестрѣ прусскаго короля, для вытѣсненія русскаго вліянія изъ Швеціи. Однако, Бестужевъ счумѣлъ укрѣпить свое положеніе, вскрывъ доносенія Шетарди и представивъ Елизаветѣ заключавшіеся тамъ рѣзкіе отзывы о ней. Шетарди былъ высланъ изъ Р., открыто ставшей противъ Пруссіи и Франціи. Снова русскій корцусъ былъ введенъ въ Германію, но заключеніе ахенскаго мира дало возможность вернуть его на родину. Исходъ войны за австрійское наслѣдство имѣлъ, между прочимъ, то важное слѣдствіе, что Франція перешла на сторону Австріи и Р.: возвышеніе Пруссіи стало казаться для Франціи еще болѣе опаснымъ, чѣмъ могущество Австріи. Такъ подготовилась комбинація, приводящая къ семилѣтней войнѣ. Когда, послѣ разгрома Саксоніи Фридрихомъ II, Августъ удалился въ Варшаву и сталъ взывать о помощи къ Р., русскіе вступили въ Пруссію, подъ начальствомъ Апраксина (1757 г.). Занявъ восточную Пруссію, вторгаясь въ Померанію, Силезію и Бранденбургъ, русскія войска одержали надъ пруссаками нѣсколько важныхъ побѣдъ при Гросс-Эгерсдорфѣ (1757), Цорндорфѣ (1758), Кунерсдорфѣ (1759), а въ 1760 г. заняли Берлинъ; но всѣ сѣмивѣшіе другъ друга главнокомандующіе—Апраксинъ, Ферморъ, Салтыковъ, Бутурлинъ — дѣйствовали безъ опредѣленнаго плана, отдѣльными вторженіями въ непріятельскія владѣнія. Къ этому присоединялась несогласованность съ дѣйствіями союзныхъ войскъ австрійскихъ и французскихъ. Франція первая заговорила о мирѣ (1760), въ виду достаточнаго ослабленія Пруссіи. Австрія соглашалась мириться на условіи полученія лишь части Силезіи, Р. — на условіи полученія восточной Пруссіи, которую, впрочемъ, намѣревалась передать Польшѣ. Смерть Елизаветы рѣзко перевернула всѣ политическія комбинаціи. Союзъ Р. съ Австріей былъ разорванъ. Петръ III, боготворившій Фридриха II, возвратилъ ему всѣ русскія завоеванія, заключилъ союзъ съ Пруссіей и двинулъ русскія войска на помощь Пруссіи противъ Австріи. Съ своей стороны Фридрихъ II общалъ свое посредничество между Р. и Даніей въ ихъ конфликтѣ изъ-за Шлезвига. Внезапное сближеніе Р. съ Пруссіей и разрывъ съ Австріей противорѣчили всему направленію русской вѣншей политики по смерти Петра. Этотъ поворотъ, вызванный личными пристрастіями Петра III, былъ усвоенъ, однако, и его преемницей, Екатериной II, на основаніи политическаго разсчета. Въ правствованіи Екатерины II на первый планъ выдвигались поочередно два крупныхъ вопроса вѣншей политики—польскій и турецкій. Разработка этихъ вопросовъ прошла двѣ стадіи: сначала польскій вопросъ скрѣплялъ связи Р. и Пруссіи, затѣмъ вопросъ турецкій обусловилъ возвращеніе Р. къ австрійскому союзу, соединенное съ новымъ охлажденіемъ къ Пруссіи. Тотчасъ по впоареніи Екатерины II, къ полному разочарованію Австріи, заявила, что она признаетъ заключенный Петромъ III миръ съ Пруссіей на условіемъ

своего миролюбія ставить умѣренность Фридриха II по отношенію къ союзникамъ Р. и предлагаетъ свое посредничество при предстоящемъ замиреніи Европы. Австрія съ негодованіемъ отвергла русское посредничество и Губертсбургскій миръ былъ заключенъ безъ участія русской дипломатіи. Пока замиралась Европа, Р. стала твердою ногою въ Курляндію. Екатерина рѣшила водворить въ Курляндію герцога, независимаго отъ польскаго короля и всецѣло обязаннаго Р. своимъ возвышеніемъ. Сынъ польскаго короля Карлъ, посаженный герцогомъ въ Курляндію при Елизаветѣ, покинулъ Митаву, въ виду враждебныхъ демонстрацій со стороны Р., и въ курляндскіе герцоги былъ выбранъ ставленникъ Р.—Биронъ. Русское вліяніе всецѣло водворилось въ Курляндію. То былъ первый, отдаленный шагъ къ ослабленію Польши. Въ ожиданіи смерти польскаго короля Августа шли оживленныя сношенія между Р. и Пруссіей. Европейскіе дворы опасались всевозможности раздѣла Польши между Россіей и Пруссіей. Франція и Австрія намѣчали въ преемники Августу его сына, саксонскаго принца; но подъ давленіемъ русско-прусской агитаціи на польскій тронъ былъ выбранъ Станиславъ Понятовскій. Опека Р. и Пруссіи надъ Польшею сосредоточилась на двухъ вопросахъ — о положеніи диссидентовъ и о сохраненіи въ Польшѣ существующаго государственнаго порядка, служившаго вѣрнымъ залогомъ окончательнаго паденія польской самостоятельности. Р. стремилась къ безусловному господству въ Польшѣ, къ превращенію Польши во вторую Курляндію. Русскія войска не выходили изъ Польши; дипломатическіе представители Р. постоянно были заняты составленіемъ руссофильскихъ конфедерацій. За успѣхи въ Польшѣ Р. платилась войной съ Турціей: Франція, Австрія и Польша возбудили въ султана вражду къ Р. Случайный переходъ казацкаго отряда черезъ турецкую границу у Балты, при преслѣдованіи польскаго ополченія, былъ принятъ Портой за достаточный поводъ къ войнѣ. Русскій посолъ Орбъковъ былъ посаженъ въ Семибашенный замокъ и въ январѣ 1769 г. татары вторглись въ Елизаветградскую провинцію. Весною 1769 г. война открылась переходомъ русской арміи черезъ турецкую границу. Скоро русскіе заняли Хотинъ и заняли Яссы. Григорій Орловъ выставилъ широкій планъ возбужденія возстанія противъ Порты въ Греціи и славянскихъ областяхъ Турціи. Съ этой цѣлью въ Средиземное море была отправлена военная эскадра подъ начальствомъ Алексѣя Орлова. Масса русскихъ эмигрантовъ, преимущественно изъ грековъ, была разсыпана по Черногоріи, Далмаціи, Греціи для пропаганды возстанія. Во Франціи уже ожидали съ тревогой раздѣла Турціи. Однако, организація возстанія грековъ потеряла полное фiasco, хотя русскіе моряки сожгли турецкій флотъ при Чесмѣ (1770), а на сушѣ были одержаны серьезныя побѣды при Ларгѣ и Кагулѣ. Р. начала выдвигать идею превращенія Крыма въ независимое государство, подъ покровительствомъ Р. Въ 1770 г. Долго-

рукий вторгся въ Крымъ и взялъ Перекопъ, Керчь, Евпаторію. Спиридовъ осадилъ о-въ Паросъ. Успѣхи Р. тревожили Европу. Франція продолжала дѣятельно агитировать противъ Р. въ Турціи и Польшѣ, Австрія не могла примириться съ утвержденіемъ Р. на Дунаѣ, Англія, въ общемъ благоволившая къ Р., не одобряла проекта созданія независимыхъ государствъ изъ Крыма и дунайскихъ княжествъ. Союзникъ Р., Фридрихъ II, занялъ своеобразное положеніе. Онъ усиленно содѣйствовалъ Екатеринѣ держаться умѣренности, отвергалъ планъ независимости Крыма и славянскихъ княжествъ, а также утвержденія Р. на одномъ изъ о-вовъ Архипелага и соглашался лишь на присоединеніе къ Р. двухъ Кабарды и Азова съ округомъ, а также на предоставленіе Р. права содержать флотъ на Черномъ морѣ. Пугая Р. воинственными замыслами Австріи, а Австрію—бѣзмирной притязательностью Р., Фридрихъ II воспользовался, для разрѣшенія конфликта, идеей раздѣла Польши. Идея эта давно носилась въ воздухѣ, разрабатывалась и въ Пруссіи, и въ Р. Тепоръ Фридрихъ II связалъ ее съ вопросомъ о ликвидаціи русско-турецкаго столкновенія, обуславливая умѣренность Р. по отношенію къ Турціи пріобрѣтеніями на счетъ Польши, при чемъ Пруссія и Австрія также должны были получить въ Польшѣ свои части. Раздѣлъ совершился въ 1772 г.: Р. пріобрѣла Бѣлоруссію (1775 кв. миль съ 1800000 жит.). Въ томъ же году открылись мирные переговоры съ турками въ Фокшанахъ и Бухарестѣ. Р. требовала независимости Крыма и уступки Керчи и Еникале. Въ виду распространенія чумы въ русскихъ войскахъ и опасности разрыва Р. съ Швеціей, Порты отвергла эти требованія. Послѣ перехода русской арміи черезъ Дунай, занятія Туртукая, осады Силистріи Турція заявила согласіе на независимость Крыма, но вмѣсто Керчи и Еникале предложила Кинбурнъ. Медленное движеніе русской арміи и разразившаяся внутри имперіи пугачевщина заставили-было Р. согласиться на эту комбинацію, но новые военные успѣхи привели къ заключенію болѣе благоприятнаго Кучукъ-Кайнарджійскаго мира (1774). Крымъ получилъ независимое существованіе, иначе говоря, Порты уступала тамъ Р. свободное поле для политическихъ вліяній и воздѣйствій; Р. присоединяла къ себѣ Керчь, Еникале, Кинбурнъ, всю степь между Бугомъ и Днѣпромъ, Азовъ, обѣ Кабарды, долины Кубани и Терека, получала 4½ милл. контрибуцій и право свободной морской торговли на Черномъ морю, наконецъ, не менѣе важное право представлять передъ Портой о нуждахъ Молдавіи и Валахіи, т. е. право вмѣшательства во внутренніе вопросы турецкой монархіи. Условія мира возбудили крайнее неудовольствіе Франціи и Австріи. Близость Р. съ Пруссіей, не прерывавшаяся въ періодъ перваго раздѣла Польши и первой турецкой войны, проявилась еще разъ въ моментъ австро-прусскаго конфликта изъ-за баварскаго наслѣдства. Явившись посредницей между двумя державами, Р. рѣшительно приняла сторону Пруссіи, чѣмъ и былъ обусловленъ въ

значительной мѣрѣ исходъ Тешенскаго конгресса. Но этотъ конгрессъ былъ уже конечной точкой русско-прусскаго сближенія. Р. была преисполнена агрессивныхъ стремленій по отношенію къ Турціи. Екатерина увлеклась фантастическимъ греческимъ проектомъ, выполнение котораго требовало тѣснаго союза съ Австріей. Іосифъ II, съ своей стороны, стремился къ возстановленію торговаго значенія Австріи на Черномъ морѣ. Свиданіе Екатерины съ Іосифомъ II въ Могилевѣ и поездка въ Р. прусскаго принца Фридриха-Вильгельма въ 1780 г. рѣзко отгнѣили перемѣщеніе симпатій Екатерины отъ Пруссіи къ Австріи. Планъ Р. состоялъ въ слѣдующемъ: образованіе изъ Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи новаго самостоятельнаго государства Дакіи, пріобрѣтеніе для Р. Очакова, всей степи между Бугомъ и Днѣстромъ и одного или двухъ острововъ въ Архипелагѣ, наконецъ, возстановленіе Греческой имперіи, на мѣсто Турціи, съ возведеніемъ вел. кн. Константина Павловича на греч. престолъ. Іосифъ II заявлялъ притязанія на рядъ областей въ Молдавіи, Валахіи, Босніи и Сербіи, а также Истріи, Далмачіи и Венеціи. Сблизившись съ Австріей, Р. сдѣлала рядъ важныхъ подготовительныхъ шаговъ къ ослабленію Турціи: постройку Херсонской крѣпости, присоединеніе Крыма (1783), принятіе подданства грузинскаго царя Георгія, разсылка агентовъ на Кавказѣ и въ Египтѣ для возбужденія населенія противъ Турціи. Опять европеискія державы—на этотъ разъ Франція, Англія и Пруссія—ободрили султана выраженіями сочувствія. Въ 1787 г. Порты, въ виду побѣды Екатерины въ Крымѣ вмѣстѣ съ Іосифомъ II, принятой какъ политическая демонстрація, предъявила Р. ультиматумъ, съ требованіемъ отозвать воинственно настроенныхъ русскихъ консуловъ изъ Ясы и Бухареста и признать царя грузинскаго Георгія вассаломъ Порты. Отвѣтомъ на ультиматумъ было начало военныхъ дѣйствій (1787) какъ со стороны Р., такъ и со стороны Австріи. Суворовъ одержалъ побѣду подъ Кинбурномъ, но затѣмъ потонула безконечная осада Очакова, австрійцы дѣйствовали неудачно, война съ Турціей неожиданно осложнилась разрывомъ съ Швеціей. По примѣру первой войны рѣшено было отправить эскадру въ Средиземное море и Архипелагъ, придавъ этому характеръ священнаго похода противъ царства ислама, для освобожденія славянъ и грековъ, но эта экспедиція не состоялась, эскадра понадобилась на Балтійскомъ морѣ. Густавъ III воспользовался шведско-турецкимъ договоромъ 1739 г. о взаимной помощи на случай войны и, обезпеченный помощіемъ Англіи и Пруссіи, а также турецкими субсидіями, потребовалъ отъ Р. отказа отъ принадлежавшихъ ей частей Финляндіи въ Карелии въ пользу Швеціи и возвращенія Крыма Турціи. Это было равносильно объявленію войны. Не смотря на внутреннія смуты въ Швеціи (англьска «конфедерация»), не смотря на морскія побѣды надъ шведами Грейга у Гохланда и Нассау-Зигена у Свенкауна (1789), совѣщеніе двухъ войнъ—турецкой и шведской—ста-

вило Р. въ критическое положеніе. Р. была изолирована. Къ враждебнымъ ей Франціи и Пруссіи примкнула Англія, раздраженная на Р. за провозглашеніе вооруженнаго нейтралитета (1780); между тѣмъ, Австрія была значительно парализована шведландскимъ возстаніемъ. Въ 1790 г. шведы одержали рядъ успѣховъ въ Финляндіи; Екатерина боялась ихъ появленія въ Петербургѣ. Нассау-Зигенъ, вновь одержавъ морскую побѣду у бухты Виборга, былъ жестоко разбитъ у Свенсзунда, на мѣстѣ своей первой побѣды. Утомленная войной Швеція согласилась, однако, пачать мирные переговоры. По Верельскому миру (1790) не было установлено никакихъ территориальныхъ измѣненій, но Р. отказалась съ тѣхъ поръ отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла Швеціи, отъ поддержанія русской партіи въ средѣ оппозиціонной трону аристократіи. Являю подвигавшаяся турецкая война пошла успѣшнѣе послѣ взятія Очакова, въ концѣ 1788 г. Въ 1789 г. были взяты Галацъ, Рымникъ, Аккерманъ; австрійцы заняли Бендеры. Въ 1790 г. палъ Измайлъ; Порты уже заговаривала о мирѣ. Смерть Юсіфа II измѣнила характеръ австрійской политики. Преемникъ его Леопольдъ II тяготѣлъ къ Пруссіи; но въ то время какъ послѣдняя, совмѣстно съ Англіей, стремилась отдалить Австрію отъ Р., Леопольдъ намѣчалъ общеевропейскую коалицію изъ Австріи, Пруссіи, Англіи и Р. противъ революціонной Франціи. Восточный вопросъ временно отходилъ на второй планъ въ международной политикѣ Европы. Въ 1791 г., послѣ новыхъ успѣховъ Р., взятія Анапы, побѣды у Мачина—состоялся миръ въ Яссахъ. Порты признала присоединеніе къ Р. Крыма и уступила Р. степь между Бугомъ и Днѣстромъ. По окончаніи этой войны вновь выдвигается польскій вопросъ. За время войны въ Польшѣ успѣло укрѣпиться вліяніе Пруссіи, въ ущербъ Р. Съ одобренія Пруссіи, національная партія въ Польшѣ провела конституцію 1791 г., съ отмѣной конфедераціи и *Liberté veto* и съ установленіемъ наследственной монархіи. Екатерина не хотѣла допустить такого оздоровленія польскаго государственнаго организма. Уже въ 1790 г. Потемкинъ поднималъ вопросъ о второмъ раздѣлѣ Польши. Тотчасъ по окончаніи турецкой войны Р. организовала въ Польшѣ торговую конфедерацію и двинула къ Варшавѣ русское войско. Пруссія тотчасъ же предъявила претензіи на участіе въ раздѣлѣ, къ которому приобщили и Австрію. По второму раздѣлу (1793) Р. получила Волинью, Подолію и Минскую губернію, всего 4533 кв. м. съ 3 милл. населенія. Два года спустя, послѣ возстанія поляковъ подъ предводительствомъ Костюшки, послѣ побѣды надъ поляками при Маціовицахъ и взятія Праги совершился третій и послѣдній раздѣлъ, уничтожившій польское государство. Р. получила остальную часть Литвы и Курляндію, въ общемъ свыше 2000 кв. м. Послѣдніе годы Екатерининскаго царствованія не были спокойны. Въ 1795 г. Франція едва не подняла султана на третью войну съ Р. Для защиты Грузіи пришлось открыть войну съ Персіей,

ознаменовавшуюся занятіемъ Баку и Дербента. Матеріальные результаты внѣшней политики Р. за XVIII в. выразились въ значительномъ расширеніи русской государственной территоріи и въ быстромъ развитіи кризиса въ русскомъ государственномъ хозяйствѣ. Территориальный ростъ русскаго государства поспѣдовательно усиливался въ теченіе всего вѣка. Пространство Р. обнимало собою

Передъ воцареніемъ Петра I.	265126 кв. миль
При кончинѣ Петра I	273571 » »
» » Анны	290802 » »
» » Елизаветы	294497 » »
» » Екатерины II.	305794 » »

включая въ этотъ счетъ приобрѣтенія Р. какъ въ Европѣ, такъ и въ Закавказьи, Сибири и Сѣв. Америкѣ. Эти успѣхи покупались непрерывнымъ напряженіемъ государственныхъ финансовъ и постояннымъ поглощеніемъ наибольшей части расходовъ военными нуждами. Въ теченіе вѣка параллельно растутъ и размѣры обложенія, и размѣры государственнаго дефицита. Ростъ обложенія совершался главнымъ образомъ на счетъ косвенныхъ налоговъ. Уже къ царствованію Елизаветы обозначается усиленное возрастаніе сборовъ питетныхъ, таможенныхъ и разныхъ другихъ, охватившихъ почти всѣ виды промысла и крайне стѣснившихъ промышленность. Въ 40-хъ годахъ $\frac{3}{4}$ расходнаго бюджета поглощались содержаніемъ сухопутныхъ и морскихъ военныхъ силъ. Ко времени воцаренія Петра III дефицитъ равнялся $\frac{1}{5}$ общей суммы доходовъ. Не смотря на такое состояніе финансовъ, Екатерина II начала царствованіе попыткой облегчить платажное бремя населенія; но уже въ 1764 г. сбавка съ солянаго налога была отмѣнена и кромѣ того частью повышены, частью введены разные сборы. Ожидавшіеся отъ всѣхъ этихъ мѣръ $1\frac{1}{2}$ милл. руб. предполагалось обратить на повышеніе служебныхъ окладовъ, съ цѣлью предотвращенія лихоимства чиновниковъ. Но поступления далеко не оправдали ожиданій. Съ 1766 г. началъ вновь нарастать дефицитъ. Турецкая война рѣзко измѣнила финансовое положеніе. Она стоила $47\frac{1}{2}$ милл. руб.; около 20 милл. было добыто путемъ новаго повышенія существовавшихъ налоговъ, затѣмъ впервые былъ затронутъ новый ресурсъ—государственные займы: учрежденъ былъ ассигнаціонный банкъ. Новая войны съ Турціей и Польшей, занявшія послѣднее восьмилѣтіе Екатерининскаго царствованія, опять потрясла всѣ достигнутые во время мира финансовыя успѣхи. Повышеніе налоговъ не устранило необходимости въ новыхъ внутреннихъ и внѣшнихъ займахъ. Къ концу второй турецкой войны въ обращеніи находилось уже на 150 милл. руб. бумажныхъ денегъ и курсъ рубля упалъ до 40 коп.; но къ концу царствованія число бумажныхъ денегъ сократилось на 68 милл. руб., а курсъ рубля установился въ 68 коп. Русское государственное хозяйство встрѣчало XIX в. съ 44 милл. внѣшняго и 82 милл. внутренняго долга, при среднемъ годовомъ доходѣ въ 65 милл. руб. Военное и финансовое напряженіе, не прекращавшееся въ Р. въ теченіе всего XVIII ст., не могло

способствовать значительному подъему народно-хозяйственной жизни. Хотя количество фабрик и заводов къ концу царствования Екатерины II доходило до 2000, но такой успѣхъ достигается лишь при помощи усиленнаго покровительства промышленности. Послѣ льготнаго тарифа 1731 г. всѣ послѣдующіе тарифы прошлаго столѣтія носятъ охранительный характеръ. За 34 года (1726—1760) по европейской торговлѣ цѣна отпуска увеличилась въ два, а привоза—въ три раза; цѣна отпусковыхъ издѣлій возросла на 790 тыс. руб., а привозныхъ—слишкомъ на 2½ милл. руб. Рѣдкость капиталовъ въ Р. того времени выражалась весьма ярко въ высотѣ процента, 12, 15, 20%—нѣтъ ростъ былъ явленіемъ обыкновеннымъ. Въ 1754 г., при учрежденіи коммерческаго банка, для ссуды денегъ подъ залогъ товаровъ былъ установленъ 6% ростъ, съ запрещеніемъ и частнымъ лицамъ брать больше; тѣмъ не менѣе, и въ началѣ XIX в. по разнымъ мѣстностямъ Р. практиковались 10, 25, 30%—росты. Во всѣхъ крупныхъ оборотахъ царили иностранные, преимущественно голландскіе и англійскіе капиталы. Въ 1753 г. отмѣнены внутреннія таможи. Эта мѣра была нѣсколько парализована предоставленіемъ нѣкоторымъ лицамъ исключительныхъ преимуществъ по рыбному промыслу, хлебному и лѣсному торгу и проч., но въ началѣ царствования Екатерины II какъ казенныя монополіи, такъ и привилегіи частныхъ лицъ на производство промысловъ были отмѣнены. Въ 1754 г. учрежденъ коммерческій банкъ, выдававшій только русскимъ купцамъ ссуды подъ залогъ товаровъ по 6%; въ 1757 г. учреждены банковыя конторы по городамъ для перевода суммъ изъ одного города въ другой посредствомъ векселей на магистраты, что облегчало пользованіе мѣдной монетой. Въ 1758 г. учрежденъ мѣдный банкъ, выдававшій подъ векселя мѣдные деньги на годовую срокъ со взятіемъ по 6% и принимавшій денежныя вклады изъ процентовъ. Въ 1786 г. учрежденъ государственный заемный банкъ, для выдачи ссудъ подъ залогъ городскихъ каменныхъ домовъ, фабрикъ, заводовъ и для принятія денежныхъ вкладовъ. Въ половинѣ XVIII в. общая цѣна товаровъ, обращающихся на городскихъ рынкахъ, равнялась 18 милл. руб., но ¼ этого товарнаго обращенія приходилась на долю внѣшней торговли.

При всей своей тяжести, внѣшняя борьба, которую вела Р. въ XVIII вѣкѣ, не могла идти ни въ какое сравненіе съ національною самообороною предшествующей эпохи. Это не могло не повести къ ослабленію закрѣпостительныхъ тенденцій государственной власти. Въ теченіе XVIII в. этимъ ослабленіемъ воспользовалась лишь высшій классъ русскаго общества—дворянство. Знакомство съ западною образованностью помогло ему въ лицѣ своихъ передовыхъ представителей осмыслить свои эмансипаціонныя стремленія, а часто возобновлявшійся спорный вопросъ о престолонаслѣдіи давать ему удобный поводъ предъявлять свои притязанія и добиваться ихъ осуществленія. Дворцовыя перевороты первой половины XVIII в. послужили отправ-

ной точкой для процесса дворянской эмансипаціи, завершившагося во вторую половину вѣка. Главнымъ орудіемъ дворцовыхъ переворотовъ явилась гвардія, а двигателями этого орудія—тѣ взаимно соперничавшія группы, на которыя разбился классъ русскаго дворянства: потомки старой родовитой знати, случайные выходцы, приближенные къ царствующимъ особамъ, высшіе слои чиновнаго дворянства или «генералитетъ» и рядовая масса служилого дворянства. Движенія этихъ партій начались тотчасъ послѣ смерти Петра, борьбой двухъ первыхъ группъ за политическое преобладаніе. Возведеніе на престолъ Екатерины I, при содѣйствіи гвардейской манифестации, означало побѣду случайныхъ выходцевъ Петровской эпохи надъ группой родовитыхъ фамилій. Въ результатѣ этой побѣды устанавливалась диктатура Меншикова, наиболѣе сильнаго представителя побѣдившей группы. Учрежденіе верховнаго тайнаго совѣта имѣло значеніе внѣшняго компромисса между двумя группами, но фактически Меншиковъ всецѣло властвовалъ и надъ совѣтомъ. Въ группѣ родовитыхъ фамилій въ это время назрѣваютъ два направленія: одно для достиженія политическаго преобладанія держится прежняго пути личныхъ связей съ царствующимъ домомъ, другое намѣчаетъ для той же цѣли новый путь политической реформы. Первое теченіе выразилось при Петрѣ II въ образѣ дѣйствій кн. Долгорукихъ, которые личнымъ вліяніемъ на молодого царя добились сверженія Меншикова и ссылки его въ Сибирь и послѣдшила закрѣпить свое положеніе обрученіемъ императора съ Екатериной Долгорукой. Преждевременная смерть Петра II разстроила эти планы. Долгорукіе прибѣгли было къ отчаянному средству—составленію подложнаго завѣщанія отъ имени Петра II о передачѣ короны его вѣнцѣ; но въ этотъ моментъ выступили кн. Дм. Голицыны съ кандидатурой Анны Іоанновны и проектомъ политической реформы. Проектъ былъ составленъ по образцу олигархической конституціи Швеціи, періода, предшествовавшаго реформѣ Карла XII, явился плодомъ продолжительныхъ занятій Голицына по изученію западно-европейской политической литературы и конституціонныхъ учрежденій Польши, Англіи и въ особенности Швеціи. Проектъ намѣчалъ введеніе ограниченной монархіи, при чемъ ограничительными органами должны были явиться верховный тайный совѣтъ, съ законодательною властью, въ составѣ 10—12 членовъ, палата нисшаго шляхетства изъ 200 членовъ, охраняющая права шляхетскаго сословія, и палата городскихъ представителей, по два отъ cadaго города, для вѣдѣнія торговыхъ дѣлъ и интересовъ простаго народа. Анна, находившаяся въ Митавѣ въ качествѣ курляндской герцогини, подписала присланныя ей туда ограничительныя условія, но въ Москвѣ планы Голицына встрѣтили двоякое противодѣйствіе со стороны собравшагося въ Москву на предстоящую свадьбу Петра II провинціального шляхетства. Испуганное олигархическимъ характеромъ Голицынскихъ проектовъ, чиновное и рядовое шляхетство раздѣлилось на сторонниковъ не-

ограниченной монархii, которые предлагали внезапно арестовать «верховныхъ господъ», и на сторонниковъ конституціонной реформы, но при условіи болѣе равномернаго распределения политическихъ правъ между слоями шляхетства. Въ многочисленныхъ проектахъ, составленныхъ шляхетскими конституціоналистами, обозначились двоякаго рода притязанія шляхетскаго класса: *политическія*, касавшіяся передачи законодательной инициативы собранію представителей всего шляхетства, а не олигархическому совѣту, и *socialныя*, касавшіяся сокращенія обязательной дворянской службы и установленія для дворянства различныхъ служебныхъ и землевладѣческихъ привилегій. Скоро обнаружилось, что центр тяжести шляхетскихъ стремленій лежалъ въ его социальныхъ притязаніяхъ, а политическая реформа намѣчалась лишь какъ средство для ихъ осуществленія. На этомъ обстоятельстве партія неограниченнаго самодержавія, руководимая Остерманомъ, построила свою побѣду. Агенты Остермана распустили въ шляхетскихъ кружкахъ увѣренность въ томъ, что служебныя и землевладѣческія привилегіи могутъ быть получены прямо изъ рукъ монархическаго правительства. Ради устраненія верховниковъ, шляхетскій генералитетъ согласился просить бывшую въ Москву Анну уничтожить подданные ею ограничительные пункты и распустить верховный тайный совѣтъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ созвать шляхетское депутатское собраніе для выработки государственной реформы. На торжественномъ представленіи Аннѣ верховниковъ и шляхетства первые двѣ просьбы были исполнены; третья осталась намѣренно непонятою, и вмѣсто созыва депутатовъ подателямъ челобитной было предложено тутъ же во дворцѣ самимъ выработать преобразовательный проектъ вѣченія дня. Совѣщательная комната была окружена подготовленной Остерманомъ гвардіей, которая своими шумными манифестациями принудила шляхетскихъ представителей просить о полномъ возстановленіи неограниченнаго самодержавія. Устранивъ политическія притязанія шляхетства, правительство послѣдовательно осуществило затѣмъ его социальную программу. Раскрѣпощеніе дворянства пошло сверху. Уже Анна, ради упроченія только-что добытаго трона, развивавше двѣ параллельныя тенденціи. Какъ *патриотиче*, для подавленія возникшихъ броженій, былъ выдвинутъ правительственный терроръ, получившій отъ имени своего главнаго направи-теля названіе *бироновщины*. Гвардія была усилена двумя новыми полками, измайловскимъ и конногвардейскимъ; учреждена канцелярія тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, началась вакханалія знаменитаго «слова и дѣла». Какъ *коренное средство*, для истребленія шляхетскаго недовольства, была предпринята законодательная разработка заявленныхъ въ 1730 г. социальныхъ шляхетскихъ притязаній. Уже на второй годъ царствованія Анны была учреждена воинская коммиссія подъ предѣлительствомъ Миниха, занявшаяся вопросомъ объ «урочныхъ лѣтахъ» дворянской службы. Въ 1736 г. изданъ манифестъ, устанавлившій

25-лѣтній срокъ для (ранѣе безсрочной) обязательной шляхетской службы. Въ 1730 г. отмѣненъ Петровскій законъ о единонаслѣдіи и неотчуждаемости вотчинъ и шляхетское землевладѣніе освобождено отъ тяготившей надъ нимъ регламентаціи. Въ 1731 г. учрежденъ шляхетскій кадетскій корпусъ, получившій характеръ не столько профессиональнаго военнаго училища, сколько привилегированнаго общеобразовательнаго заведенія для дѣтей дворянъ. Всѣ эти мѣры создавали дворянству привилегированное положеніе среди прочихъ общественныхъ классовъ и перемѣщали его интересы изъ центра въ провинцію. Въ царствованіе Елизаветы господствуютъ тѣ же тенденціи. Въ интересахъ землевладѣческаго дворянства создается въ 1754 г. государственный заемный банкъ для выдачи дворянамъ ссудъ подъ закладъ ихъ имѣній. При дворѣ формируется кружокъ, усиленно пропагандирующій идею полной отмѣны обязательной дворянской службы. Изданный Петромъ III въ 1762 г. манифестъ «о дарованіи вольности и свободы всему российскому дворянству» осуществилъ эту идею. Въ царствованіе Екатерины II процессъ дворянской эмансипаціи нашелъ свое окончательное завершеніе. Екатерина II вступила на престолъ, увлеченная идеями просвѣтительной философіи XVIII в. и заявляя мечтой реформировать социальное-политическій строй Р. на началахъ разума и свободы. Первыми шагами въ этомъ направленіи явились составленіе «Наказа» и созваніе депутатовъ отъ всѣхъ общественныхъ классовъ, кромѣ духовенства и крѣпостнаго крестьянства, въ коммиссію для составленія проекта новаго государственнаго уложенія. Наказы, которыми снабдили депутатовъ ихъ избиратели, и пренія самихъ депутатовъ ясно показали, какъ измѣнились настроенія и вкусы руководящаго общественнаго класса—дворянства—со времени шляхетскихъ движеній 1730 г. Все вниманіе дворянскихъ обществъ и ихъ представителей сосредоточилось теперь на вопросахъ землевладѣческаго хозяйства и мѣстнаго управленія, при чемъ разрѣшеніе этихъ вопросовъ намѣчалось въ духъ рѣзко выраженной сословной исключительности. Законодательные памятники Екатерининскаго царствованія, выросшіе изъ работъ этой коммиссіи, отразили на себѣ въ извѣстной мѣрѣ занимавшаго Екатерину идеи личной и общественной свободы, но ограничили примѣненіе этихъ идей предѣлами высшихъ слоевъ общества, придавъ имъ характеръ сословныхъ привилегій. Жалованная грамота дворянству 1785 г. свела въ общій итогъ всѣ уже сложившіяся преимущества дворянскаго класса. Одни изъ нихъ являлись результатомъ недавняго раскрѣпощенія этого класса—свобода отъ обязательной службы, право ограждать судебной защитой неприкосновенность своихъ сословныхъ привилегій; другія—исключительное право владѣть землей, свобода отъ податей—были старыми преимуществами, оставшимися еще отъ закрѣпощеннаго режима, но теперь и они получали новое значеніе; изъ естественныхъ послѣдствій обязательной службы, онѣ тоже превратились въ

сословныя привилегіи, основанныя исключительно на достоинствах дворянскаго званія. Наконецъ, грамота создавала корпоративную самостоятельность дворянства въ сферѣ его сословныхъ интересовъ, установленіемъ дворянскихъ губернскихъ обществъ, надѣленныхъ, въ качествѣ юридическихъ лицъ, опредѣленными правами. Въ тоже время «Учрежденіе о губернскихъ» предоставляло дворянству значительную роль и въ общегубернской администраціи. Одновременно съ дворянской грамотой была издана жалованная грамота городамъ, создававшая изъ всей совокупности городского населенія автономическую общественную единицу, «граждское общество», избирающее изъ своей среды общую и шестигласную думу, для заведыванія полиціей и хозяйствомъ города. Разница между обоими грамотами заключалась въ томъ, что жалованная грамота дворянству подводила итогъ уже назрѣвшему факту дворянской эмансипаціи, а грамота городамъ предвосхищала еще только ожидаемый ростъ городского развитія. Признаніе ея подверглось, поэтому, тѣлому ряду фактическихъ ограниченій. Во-первыхъ, новыя органы городского самоуправления не были согласованы съ созданной уставомъ о благочиніи городской полиціей, которая на практикѣ получала перевѣсъ, опираясь на поддержку губернатора. Во-вторыхъ, расцѣпъ новыхъ началъ городской жизни парализовался тѣми социально-экономическими условіями, которыя какъ разъ служили базисомъ для укрѣпленія сословно-дворянскихъ привилегій: господствомъ крѣпостного хозяйства, при слабомъ сравнительно развитіи торговаго обмѣна и городской промышленности. Въ исторіи крестьянства XVIII в. является эпохой интенсивнаго количественнаго разростанія крѣпостной массы и окончательнаго юридическаго закрѣпленія крѣпостной неволи. Указы о ревизіяхъ узаконили приобщеніе лица къ крѣпостному состоянію путемъ записки за кѣмъ-либо въ ревизскую сказку, при чемъ нѣкоторымъ разрядамъ лицъ, какъ-то: непомнящимъ родства, вольноотпущеннымъ холопамъ, незаконнорожденнымъ дѣтямъ и т. п., было вмѣнено въ обязанность непременно записываться за кѣмъ-либо, а сенатскимъ указомъ было запрещено приносить жалобы на незаконныя приписки, что давало возможность помѣщикамъ произвольно посылать на свободу множества лицъ и семействъ. Параллельно съ этимъ шли массовыя пожалованія населенныхъ крестьянами земель за государственныя заслуги или по частнымъ поводамъ, какъ выраженіе монаршей милости. Въ царствованіе Екатерины II такимъ путемъ было роздано ок. 800 тыс., въ краткое царствованіе Павла—около 530 тыс. душъ об. пола. Наконецъ, количественное разростаніе крѣпостной массы было усилено распространениемъ крестьянскаго прикрѣпленія на Малороссію, Слободскую Украину и Донскую область. Вмѣстѣ съ тѣмъ законодательство XVIII в. постепенно стирало съ крестьянскаго прикрѣпленія присущій ему ранѣе государственный характеръ, превращая помѣщиковъ въ привилегированныхъ рабовладѣльцевъ. Въ 1726 г. крѣпостные лишаются права свободно

уходить на промыслы, въ 1731 г.—брать откупа и подряды, въ 1761 г.—обязываться всеклыми и вступать въ поручительство; въ 1760 г. помѣщики получили право ссылать своихъ крестьянъ въ Сибирь; въ 1767 г. запрещены жалобы крестьянъ на помѣщиковъ, въ 1792 г. восстановлена отмѣненная было въ 1771 г. продажа крестьянъ съ публичнаго торга за долги помѣщика, но запрещено употреблять при этомъ молотокъ. Отдавъ крѣпостныхъ крестьянъ въ полное распоряженіе помѣщиковъ, законодательство XVIII в. воздержалось отъ какой-бы то ни было регламентаціи хозяйственнаго обихода и внутренней администраціи крѣпостныхъ вотчинъ. Въ опредѣленіи размѣра оброчныхъ платежей и барщинныхъ работъ, въ уголовной репрессіи надъ крѣпостнымъ населеніемъ, въ устройствѣ семейнаго быта своихъ крестьянъ помѣщики руководствовались исключительно собственнымъ произволомъ, на почвѣ котораго не замедлили развиться хищническая эксплуатація подневольнаго труда и грубое насилие надъ личною крѣпостиною. Установившійся къ половинѣ вѣка крѣпостной режимъ глубоко воздѣйствовалъ на весь жизненный складъ Р., парализуя успѣхи народнаго и государственнаго хозяйства и деморализуя общественныя нравы и понятія.

Свершившаяся въ теченіе вѣка перестройка административныхъ учрежденій стояла въ тѣсной связи съ социальной эволюціей. Въ ней можно различить два періода. Въ первую половину вѣка, въ связи съ политическими броженіями приливавшего къ столицѣ дворянства и борьбой дворянскихъ партій за власть, дѣятельно перерабатывается строй высшихъ государственныхъ учрежденій, тогда какъ областныя учрежденія сокращаются въ числѣ и падаютъ въ значеніи. Со второй половины вѣка, съ отливомъ дворянскихъ интересовъ изъ центра въ область, на первый планъ выдвигается областная административная реформа. Тотчасъ по смерти Петра уничтожается рядъ областныхъ инстанцій—надворные суды, городовые магистраты, камериры и рентмейстеры—и какъ управленіе, такъ и судъ стягиваются въ рукахъ воеводъ и губернаторовъ. Выработанный вновь наказъ воеводамъ и губернаторамъ (1728) восстанавливалъ власть дореформеннаго воеводы и въ значительной мѣрѣ воспроизводилъ содержаніе воеводскихъ наказовъ XVIII в. Затѣмъ, за исключеніемъ восстановления магистратовъ при Елизаветѣ, областная администрація не занимала законодателя и оставалась безъ измѣненій вплоть до губернской реформы Екатерины II. Напротивъ, система центральныхъ учрежденій осложняется за это время рядомъ новыхъ инстанцій, смѣняющихъ другъ друга въ значеніи Императорскаго совѣта. При Екатеринѣ I возникаетъ верховный тайный совѣтъ, вносящій своимъ вмѣшательствомъ большую дезорганизацию во взаимныя отношенія сената и коллегій. Послѣ воцаренія Анны тайный совѣтъ уничтожается, но вскорѣ его замѣняетъ кабинетъ министровъ, который опять-таки становится между сенатомъ и верховною властью и дѣлается орудіемъ временщи-

ковъ-инострanceвъ, преимущественно Миниха и Остермана. Впрочемъ, кабинетъ менѣе совѣта узурпируетъ распорядительную власть сената, сосредоточиваясь главнымъ образомъ на вопросахъ внѣшней политики и военномъ управленіи. При Елизаветѣ и Петрѣ III дѣйствуютъ такіе же совѣты, составленные изъ высшихъ государственныхъ сановниковъ — конференція и девятичленный совѣтъ. Хроническая перестройка высшихъ государственныхъ учреждений, вызываемая борьбой партій и отдѣльныхъ временщиковъ, и разгромъ провинціального административнаго механизма, подавленнаго единовластіемъ воеводъ и губернаторовъ, водворили къ половинѣ столѣтія полный хаосъ въ управленіи. Екатерина II, вступивъ на престолъ, нашла, что всѣ части управленія «вышли изъ своихъ основаній». Поставившія затѣмъ административныя реформы перестроили управленіе въ обратномъ направленіи сравнительно съ первой половиной вѣка, въ духѣ децентрализаціи управленія и замѣны личнаго произвола системой правомѣрныхъ учреждений. Послѣ неудачи Панинско-й попытки создать постоянный Императорскій совѣтъ — учрежденіе съ конституціонно-олигархическимъ отгнѣнкомъ, — послѣ созыва комиссіи 1767 г., въ которой ярко проявилось тяготѣніе общественныхъ интересовъ къ вопросамъ провинціальной жизни, вниманіе правительства все сильнѣе сосредоточивается на областной административной реформѣ. «Учрежденіе о губерніяхъ» 1775 г. совершенно преобразовало мѣстные учрежденія и придало имъ тотъ видъ, какой они сохранили затѣмъ почти безъ измѣненій вплоть до 60-хъ годовъ XIX вѣка. Эта реформа внесла рядъ новыхъ началъ въ провинціальное управленіе: 1) умноженіе числа административныхъ территорій, единицъ, соединенное съ уменьшеніемъ ихъ размѣра, 2) перемѣщеніе коллегій изъ центра въ область: губернскія палаты 1775 г. суть департаменты прежнихъ коллегій, распределенные по губернскимъ центрамъ, 3) раздѣленіе вѣдомствъ административно-полицейскаго, судебнаго и финансоваго по тремъ категоріямъ учреждений (губернскаго правленія и нижній земскій судъ съ капитанъ-исправникомъ, казенная палата и казначейства губернскаго и уѣздныхъ палаты уголовная и гражданская съ подчиненными имъ сословными судами дворянскими, купеческими и земскими хлѣбопашцевъ), 4) начало выборной службы, за исключеніемъ магистратовъ исчезнувшее при преимкахъ Петра I; губернскія учрежденія 1775 г. получили составъ коронный, но уѣздныя — составъ выборный, при чемъ выборнымъ учреждениямъ былъ приданъ сословный характеръ; 5) обращеніе дѣятельности провинціальной администраціи не только на служеніе фиску, но и на задачи общественнаго блага. Помимо выраженія этой идеи въ общей формѣ въ разныхъ мѣстахъ «Учрежденія о губерніяхъ», сюда относится установленіе такихъ учреждений, какъ приказы общественного призрѣнія и совѣстные суды. Однако, примѣненіе всѣхъ указанныхъ началъ въ интересахъ правомѣрности управленія и огражденія общественной и личной свободы

значительно парализовалось двумя условіями: 1) учрежденія 1775 г. закрѣпили главенство въ областной жизни одного сословія — дворянства — надъ другими. Всѣ коронныя мѣста замѣщались изъ среды дворянства, а въ выборныхъ учрежденияхъ дворянство получило перевѣсъ, заполяя собою, помимо сословно-дворянскихъ судовъ, еще ниже-земскій судъ, вѣдавшій, въ полицейскомъ отношеніи, всю совокупность уѣзднаго населенія, 2) вся система губернскихъ учреждений была придавлена сверху властью намѣстника, названнаго «хозяиномъ губерніи». По мысли законодателя власть эта должна была направиться на строгое и точное наблюденіе за исполненіемъ закономъ со стороны всѣхъ подчиненныхъ мѣстъ и лицъ; намѣстникъ долженъ былъ явиться «охранителемъ порядка, ходатаемъ на пользу общую и государеву, заступникомъ угнетенныхъ, побудителемъ безгласныхъ дѣлъ». На самомъ дѣлѣ неопредѣленность компетенціи намѣстника превращала его въ самовластнаго царька, своимъ произволомъ перестѣкавшимъ правомѣрную дѣятельность сложныхъ и искусно скомбинированныхъ учреждений. Оба эти условія получали особое значеніе при той рабовладѣтельской, крѣпостнической атмосферѣ, которая царяла въ тогдашней общественной жизни. Центральное управленіе, притомъ, перерабатывалось постепенно какъ разъ въ духъ стараго начала личнаго усмотрѣнія. Сенатъ превращается преимущественно въ судебное мѣсто; законодательная власть сосредоточивается въ лицѣ монарха (учрежденный въ 1769 г. совѣтъ уже не имѣлъ характера императорскихъ совѣтовъ предшествовавшихъ царствованій и вѣдалъ, главнымъ образомъ, руководительство войной); высшая администрація, съ перенесеніемъ коллегій въ провинціи, переходитъ къ вновь возникающимъ бюрократическимъ канцеляріямъ и комиссіямъ, во главѣ которыхъ становятся генералъ-прокуроръ и другія развѣренныя лица. Такимъ образомъ, оба ряда Екатерининскихъ преобразованій привели далеко не къ тѣмъ цѣлямъ, ради которыхъ къ нимъ было первоначально приступлено. Реформы, предпринятыя во имя общественной автономіи и правомѣрной законности, лишь закрѣпили основной процессъ XVIII вѣка — созданіе дворянской привилегіи, утвержденной на пораженіи народа. Исходъ XVIII в. выдвигалъ двѣ очередныя проблемы для послѣдующаго движенія исторіи — распространеніе отвоеванной для одного дворянства эмансипаціи отъ закрѣпостительнаго гнета на всю совокупность населенія и превращеніе теоретически провозглашенныхъ началъ правового порядка въ управленіи въ жизненный фактъ, огражденный опредѣленными гарантіями. Намѣчалась реформа социальная и реформа политическая. Въ половинѣ вѣка обѣ реформы мало занимали рядовую общественную массу. Крестьянскій вопросъ дебатировался въ комиссіи 1767 г., въ сатирической литературѣ, въ вольномъ экономическомъ обществѣ, но немногочисленные критики крѣпостной дѣятельности не шли далѣе требованія нѣкоторой законодательной регламен-

таціи крестьянско-помѣщичьихъ отношеній. Вопросъ о политическихъ гарантіяхъ заглохъ съ прекращеніемъ дворцовыхъ переворотовъ и изъ лозунга партійной общественной борьбы обратился въ предметъ мечтаній единичныхъ мыслителей. Но къ концу вѣка жизнь рѣзко поставила оба вопроса. Пугачевщина, завершившая непрерывный рядъ крестьянскихъ волноній XVIII в., напомнила о настоятельности социальной реформы. Терроръ павловской эпохи, въ связи съ отзвуками революціонныхъ броженій на Западѣ Европы, обострилъ вкусъ къ политическимъ гарантіямъ въ передовыхъ кругахъ общества, включая сюда и молодого наслѣдника престола. Развитие этихъ проблемъ наполняетъ собою исторію Р. XIX стол.

Имперія XIX в. Въ теченіе XIX в. русское государство продолжаетъ процессъ своего территориальнаго расширенія по направленію къ востоку и все сильнѣе выдвигаетъ въ своей европейской внѣшней политикѣ задачи международнаго характера: разрѣшеніе восточнаго вопроса въ интересахъ славянскихъ народностей Балканскаго полуострова и поддержку политической реакціи на всемъ Европейскомъ материкѣ противъ революціонныхъ и прогрессивныхъ теченій. Въ послѣднія десятилѣтія XIX в. господствующимъ принципомъ внѣшней политики Р. становится охраненіе европейскаго міра. Въ внутренней жизни Р. совершается метаморфоза, разрушившая патріархально-крѣпостническій складъ социальныхъ отношеній, обновившая промышленное развитіе, заложившая первая сѣмена правовѣрной гражданственности въ строй общественныхъ учрежденій. Съ воцареніемъ Павла внѣшняя политика Р. впервые оставляетъ почву реальныхъ интересовъ и начинается подчиняться отвлеченнымъ положеніямъ. Уже Екатерина II поспрала составленіе европейской коалиціи противъ революціонной Франціи, но при этомъ ея главной цѣлью было отвлечь вниманіе Европы отъ вопросовъ польскаго и восточнаго, чтобы обезпечить большую свободу дѣйствій для Р. Павелъ принялъ самое дѣятельное участіе въ этой коалиціи, но уже исключительно во имя борьбы съ революціоннымъ началомъ. Пренія дѣла были забыты настолько, что къ коалиціи была приобщена Турція, съ которою Р. заключала въ 1798 г. союзный и оборонительный договоры. Одновременно была прекращена война съ Персіей. Русское войско двинулось въ Западную Европу; Суворовъ совершилъ знаменитые альпійскіе походы. Въ 1800 г. два обстоятельства вызвали рѣзкій поворотъ во внѣшней политикѣ Павла: 1) съ возвышеніемъ Наполеона, который принялъ званіе перваго консула, Франція перестала казаться Павлу очагомъ революціи; 2) Англія захватила островъ Мальту, что являлось посягательствомъ на права Павла, еще въ 1798 г. принявшаго достоинство великаго магистра мальтійскаго ордена. Павелъ сблизжается съ Наполеономъ и готовится къ борьбѣ съ Англіей. На англійскіе товары и суда въ русскихъ портахъ налагается амбарго; Павелъ отдаетъ распоряженія о движеніи русскихъ

войскъ въ Индію. Смерть императора оставяляетъ выполненіе этого фантастическаго проекта. По воцареніи Александра былъ намѣченъ планъ невмѣшательства въ западно-европейскія дѣла, но вызывающій образъ дѣйствій Наполеона нарушилъ спокойныя намѣренія русской дипломатіи. Кн. Чарторыйскій, ставшій во главѣ м-ва иностранныхъ дѣлъ, выдвинулъ планъ присоединенія Р. къ противофранцузской коалиціи, въ надеждѣ, что борьба съ Наполеономъ поможетъ Польшѣ вернуть политическую самостоятельность, сохранивъ съ Р. династическую связь. Въ началѣ 1805 г. коалиція была составлена; къ Р. примкнули Швеція, Англія и Австрія. Пруссія ограничилась пропускомъ русскихъ войскъ черезъ свои владѣнія. Открывшаяся кампанія ознаменовалась капитуляціей Маке при Ульмѣ, занятіемъ Вѣны Наполеономъ, пораженіемъ австро-русской арміи подъ Аустерлицемъ. Австрія заключила уничижительный Пресбургскій миръ, а Пруссія вступила въ наступательный и оборонительный союзъ съ Франціей. Въ 1806 г. разрывъ этого союза и послѣдовавшій затѣмъ разгромъ Пруссій войсками Наполеона вновь вызвалъ Р. къ борьбѣ съ Франціей. Не смотря на только-что открывшуюся войну съ Турціей, которая затанулась на цѣлыхъ семь лѣтъ (1806—12), и на шедшую еще съ 1804 г. войну съ Персіей, вспыхнувшую вслѣдствіе утвержденія русскихъ въ Закавказьѣ, Александръ, ради спасенія Пруссіи, въ 1806 г. объявилъ войну Наполеону. Правительство пріобрѣло къ экстремнымъ мѣрамъ для поднятія воинственнаго одушевленія въ войскѣ и народѣ. Отъ имени св. синода Наполеонъ приравнивался къ антихристу и борьба съ нимъ объявлялась религіознымъ подвигомъ. Кампанія была начата неудачно, вслѣдствіе ошибки дрихаго Каменскаго, назначеннаго главнокомандующимъ. Замѣнявшій его Беннигсенъ выдержалъ натискъ Наполеона при Прейсишъ-Эйлау (январь 1807). Въ конвенціи, заключенной между Р. и Пруссіей, были намѣчены довольно широкіе планы: изгнаніе французовъ за Рейнъ, превращеніе Германіи въ новую конституціонную федерацію подъ покровительствомъ Австріи и Пруссіи. Р. не выговаривала себѣ ничего и соглашалась даже на гарантированіе неприкосновенности Турціи, не смотря на то, что въ это самое время шла русско-турецкая война. Австрія и Англія за присоединеніе къ конвенціи были обещаны территориальныя приращенія, но обѣ державы остались въ сторонѣ, усматривая въ коалиціи шагъ къ возвышенію Пруссіи. Пораженіе Беннигсена подъ Фридландомъ (іюнь 1807 г.) заставило Р. думать о мирѣ, въ то время, какъ и самъ Наполеонъ, искавшій союзниковъ на континентѣ, намѣтилъ для этого Р. Такъ готовилась комбинація, закрѣпленная тильзитскимъ свиданіемъ (іюль 1807 г.). По Тильзитскому договору польская часть Пруссіи превратилась въ велигерцогство Варшавское, отданное саксонскому королю; Р. получила Бѣлостокскую область и обязалась заключить съ Турціей перемиріе и вывести войска изъ Молдавіи и Валахіи, съ тѣмъ, чтобы и турки не занимали этихъ княжествъ до заключенія мира. Франція брала

на себя посредничество между Р. и Турціей, а Р.—между Франціей и Англіей. Въ секретныхъ договорахъ Франція и Р. обязывались помогать другъ другу во всѣхъ войнахъ, при чемъ Р. предоставлялось распространиться на счетъ Турціи до Балканъ и отнять Финляндію у союзницы Англіи, Швеції. Англія отвергла русское посредничество; англійскій флотъ бомбардировалъ Копенгагенъ. Р. отвѣчала на это разрывомъ торговыхъ сношеній съ Англіей. Въ 1808 г., послѣ отказа Швеції промѣнять союзъ съ Англіей на союзъ съ Р., открылась русско-шведская война. Къ ноябрю 1808 г. вся Финляндія была уже занята русскими войсками и 16 марта 1809 г. Боргоскій сеймъ закрѣпилъ присоединеніе Финляндіи къ Р. Между тѣмъ, открывъ переговоры съ Турціей согласно тексту тильзитскаго трактата, Александръ, на основаніи словесныхъ условій съ Наполеономъ, требовалъ присоединенія къ Р. Молдавіи и Валахіи. Наполеонъ неожиданно противопоставилъ этимъ требованіямъ притязаніе на эквивалентное вознагражденіе Франція на счетъ Пруссіи, что породило охлажденіе франко-русскихъ отношеній. Неудачи въ Испаніи, воинственные приготовления Австріи заставили, однако, Наполеона вновь искать поддержки Р. Въ сентябрѣ 1808 г. произошло эрфуртское свиданіе императоровъ, во время котораго была заключена секретная конвенція: Наполеонъ отказывался отъ посредничества между Р. и Турціей и соглашался на присоединеніе къ Р. дунайскихъ княжествъ, а Р. обязывалась помочь Франціи на случай войны ея съ Австріей. Во время австро-французской войны 1809 г. Р. двинула войска въ Галицію и заняла Краковъ, но, къ негодованію Наполеона, воздержалась отъ серьезныхъ военныхъ дѣйствій. Въ сентябрѣ и октябрѣ 1809 г. русско-шведскій и австро-французскіе конфликты разрѣшились. По Фридрихсгамскому миру Швеція признала присоединеніе къ Р. Финляндіи и аляндскихъ о-вовъ; по Шенбрунскому миру Р. получила Гарнопольскую область въ Польшѣ, но большая часть Галиціи, вопреки желанію Александра, отошла къ Варшавскому вел. герцогству, что еще болѣе ухудшило отношеніе двухъ императоровъ. Конецъ 1809 и начало 1810 г. были заняты переговорами о женитбѣ Наполеона на сестрѣ русскаго императора, вел. кн. Анны Павловнѣ, и о заключеніи конвенціи относительно Польши; Р. требовала обязательства, что Польша никогда не будетъ восстановлена и что вел. герцогство Варшавское не будетъ расширено на счетъ областей старой Польши. Получивъ отказъ въ рукѣ вел. кн. Анны Павловны, Наполеонъ отказался утвердить конвенцію о Польшѣ. Р. открыто протестовала противъ присоединенія къ Франціи герцогства Ольденбургскаго и нарушила строгость континентальной системы, открывъ привозъ колоніальныхъ издѣлій подъ американскимъ флагомъ. Разрывъ съ Франціей былъ рѣшенъ. Обѣ стороны искали союзниковъ, Франція заключала договоры съ Австріей и Пруссіей; Р. обезпечила себя нейтралитетъ Швеції. 12 (24) іюня 1812 г. союзныя войска перешли Нѣманъ, чѣмъ и началась «Отечественная вой-

на». Черезъ четыре дня послѣ ея начала закончилась война Р. съ Турціей, Бухарестскимъ миромъ, по которому Р. приобрѣла Бессарабію. Въ эпоху отечественной войны на сторонѣ Р. были лишь Швеція, Англія и Испанія. По изгнаніи французовъ изъ Р. главнокомандующій Кутузовъ и общественное мнѣніе стояли за прекращеніе борьбы съ Наполеономъ, но имп. Александръ объявилъ, что борьба только начинается. Въ декабрѣ 1812 г. русское войско вступило въ вел. герцогство Варшавское. Пруссія, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, заключила съ Р. союзный договоръ въ Калишѣ (въ февралѣ 1813 г.). Послѣ побѣдъ Наполеона надъ союзными войсками при Люценѣ и Бауценѣ союзники отступили къ Бреславию; состоялось перемиріе, предложенное самимъ Наполеономъ. 15 іюля Австрія заключила съ союзниками секретную конвенцію, съ обязательствомъ начать войну съ Франціей, если Наполеонъ не приметъ ихъ условій. Конгрессъ въ Прагѣ оказался безплоднымъ; война возобновилась съ участіемъ Австріи. Послѣ пораженія маршала Вандаммы при Кульмѣ союзъ Р., Пруссіи и Австріи былъ скрѣпленъ въ Теплицѣ: союзники обязались не вступать съ Наполеономъ въ сепаратные переговоры. 6 (18) октября произошла «битва народовъ» подъ Лейпцигомъ. Наполеонъ, разбитый на голову, отступилъ къ Рейну, а по присоединеніи къ коалиціи Баваріи перешелъ за Рейнъ. Во Франкфуртѣ на Майнѣ Александръ получилъ вѣсть о заключеніи Голістанскаго мира съ Персіей, которымъ Р. упрочила за собой завоеванія на Кавказѣ. Среди союзниковъ открылись несогласія: Австрія и Англія все сильнѣе тяготѣли къ миру, Пруссія колебалась, Александръ настаивалъ на дальѣйшемъ движеніи. Въ январѣ 1814 г. союзники вступили во Францію и, послѣ мирнаго конгресса въ Шатильонѣ, столь же безплоднаго, какъ и конгрессъ въ Прагѣ, скрѣпили коалицію договоромъ въ Шомонѣ (17 февраля 1814 г.), по которому Р., Австрія, Англія и Пруссія обязались въ теченіе 20 лѣтъ выставать по 150 тыс. войска въ случаѣ отклоненія Франціей предложенныхъ ей условій. 18 (30) марта 1814 г. Парижъ былъ занятъ союзниками. На Вѣнскомъ конгрессѣ, открывшемся по низложенію Наполеона, Александръ выдвинулъ два требованія: присоединеніе вел. герцогства Варшавскаго къ Р. и части Саксоніи—къ Пруссіи. Противъ этого возстали Франція и Австрія. Стараніями Талейрана и Меттерниха Франція, Австрія и Англія заключили конвенцію, къ которой примкнули Баварія, Вюртембергъ, Нидерланды и Ганноверъ и которая была направлена противъ Р. Рѣшено было начать войну, поднявъ противъ Р. Швецію и Турцію. Бѣство Наполеона съ Эльбы разстроило эти планы. Наполеонъ нашелъ текстъ конвенціи, забытый Людовикомъ XVIII во дворцѣ при выѣздѣ изъ Парижа и переслалъ его Александру. Тѣмъ не менѣе Александръ возобновилъ договоръ съ Австріей, Пруссіей и Англіей на прежнихъ началахъ, при чемъ часть вел. герцогства Варшавскаго была присоединена къ Р. подъ именемъ царства Польскаго и получило 15 ноября 1815 г.

конституционную хартию, Познань, Бромбергъ и Таурогенъ выдѣлены Пруссіи, Краковъ объявленъ вольнымъ городомъ, Величка и Тарнопольская область отошли къ Австріи. По окончаніи борьбы съ Наполеоновскою Франціей Александръ, подпавшій подъ власть мистическихъ вліяній, поставилъ краеугольнымъ камнемъ своей европейской политики актъ священнаго союза, имъ собственноручно написанный. Мечта Александра сбывать изъ этого союза оплотъ европейскаго мира и орудіе осуществленія евангельскихъ началъ въ международной политикѣ разбѣсилась на практикѣ превращеніемъ союза въ оплотъ европейской реакціи. Р., Австрія, Пруссія и Англія составили верховный совѣтъ, вѣдающій дѣла всей Европы; на Ахенскомъ конгрессѣ (1818) къ нему присоединилась и Франція. Англія скоро отстранилась отъ этой охранительной политики, Франція держалась ея непослѣдовательно, не участвовала въ рѣшеніяхъ Троппаускаго и Лайбахскаго конгрессовъ и лишь въ Веронѣ взяла на себя возстановленіе, вооруженною рукою, неограниченной монархіи въ Испаніи. Тѣмъ тѣснѣе сплотились Р., Австрія и Пруссія. Душою союза стала Меттернихъ, подчинившій своему вліянію императора Александра, что сказалося съ особенною силою, когда вспыхнуло возстаніе Греціи противъ Турціи. Подъ вліяніемъ Меттерниха Александръ осудилъ на Лайбахскомъ конгрессѣ греческое движеніе, какъ проявленіе революціоннаго духа, не обративъ вниманія на особенности греческаго вопроса, обусловленнаго политическою роллю Р. на православномъ востоцѣ. Грекъ Каподистрія, управлявшій иностранными дѣлами Р., получилъ отставку и былъ замѣненъ Нессельроде; вождь греческихъ инсургентовъ Ипсиланти былъ исключенъ изъ русской службы; грекамъ было официально отказано въ русской помощи. Передъ смертью Александръ измѣнилъ свое отношеніе къ восточному вопросу, убѣдившись въ двуличности Меттерниха. Дипломатическія сношенія Р. съ Турціей были прерваны и только смерть помѣшала Александру открыть военныя дѣйствія противъ Турціи. Императоръ Николай I тотчасъ по воцареніи рѣзко выразилъ намѣреніе держаться самостоятельнаго образа дѣйствій въ восточномъ вопросѣ. Не смотря на открытіе въ 1826 г. войны съ Персіей, изъ-за пограничныхъ споровъ, Турція, помимо посредничества европейскихъ державъ, была предвѣщена ультиматумъ, съ требованіемъ выполнить всѣ пріятыя ею по Бухарестскому трактату обязательства. Устрашенная Порта заключила съ Р. аккерманскую конвенцію, въ которой за Р. признавались спорные пункты на Черномъ морѣ и право покровительства надъ Молдавіей, Валахіей и Сербіей. По греческому вопросу Р. вошла въ соглашеніе сначала съ Англіей, Петербургскимъ протоколомъ, а затѣмъ съ Англіей и Франціей—Лондонскимъ договоромъ 1827 г., которымъ державы обязались добиться отъ Турціи необходимыхъ для Греціи реформъ на началѣхъ полного самоуправленія, съ сохраненіемъ верховной власти султана. Ободренные греки провозгласили не-

зависимость отъ Порты, выработали конституцію и выбрали Каподистрія президентомъ. Австрія не только не присоединилась къ Лондонскому договору, но убѣждала Турцію отвергнуть всякое иностранное вмѣшательство въ греко-турецкую распрю. За Австріей слѣдовала Пруссія. Порта приняла совѣтъ Австріи, на что подписавшія Лондонскій договоръ державы отвѣтили сожженіемъ турецко-египетскаго флота подъ Нааариномъ. Султанъ приказалъ захватывать русскія торговыя суда на Черномъ морѣ и призвалъ мусульманъ къ борьбѣ съ невѣрными. Вслѣдъ за окончаніемъ войны съ Персіей Туркманчайскимъ договоромъ 10 февраля 1828 г., по которому Р. приобрѣла Эриванскую и Нахичеванскую области, русскія войска перешли Прутъ (2 апр.), заняли Молдавію и Валахію, взяли 6 крѣпостей по Дунаю и кончили кампанію взятіемъ Варны. Въ то же время въ Азіи были взяты Карсъ, Ахалдхъ и рядъ пунктовъ по Черному морю. Англія, гдѣ переимѣнилось министерство, отшатнулась, между тѣмъ, отъ Греціи и Р.; Австрія хлопотала о заключеніи мира между Р. и Турціей не иначе какъ за ругательствомъ Европы. Весною русская армія возобновила кампанію и по взятіи въ Азіи Эрзерума, а въ Европѣ—Силистріи, двинулась за Балканы, заняла Адрианополь и вынудила у султана просьбу о мирѣ. Адрианопольскій миръ (1829 г.) былъ заключенъ на слѣдующихъ условіяхъ: Р. приобрѣла устья Дуная и все восточное побережье Чернаго моря. Молдавія, Валахія и Сербія получили важныя преимущества; за Грецію Порта признала всѣ основанія Лондонскаго договора, а вскорѣ затѣмъ, въ обмѣнъ за уменьшеніе военной контрибуціи—и полную ея независимость. Исходъ войны вызвалъ озлобленіе Австріи и Англіи, которыя стремились поставить Турцію подъ охрану и ругательство всей Европы. Императоръ Николай самъ былъ убѣжденъ въ необходимости сохраненія Турціи, для избѣженія общеевропейской войны, но онъ отклонялъ планъ общеевропейской гарантіи, видя въ немъ выраженіе недовѣрія къ Р. Подъ вліяніемъ исхода русско-турецкой войны намѣчалось сближеніе Австріи съ Англіей, Р.—съ Франціей, которая мечтала съ помощью Р. вернуть потерянные въ 1814 г. границы—Рейнъ и Альпы. Июльская революція 1830 г. опрокинула всѣ эти комбинаціи. Англія, гдѣ торіиское министерство смѣнилось вигтискимъ, протянула руку монархіи Людовика-Филиппа, а въ противовѣсъ англо-французскому союзу снова сплотившись нарушенный восточнымъ вопросомъ тройственный союзъ Р., Австріи и Пруссіи, на старыхъ началахъ полицейской опеки. Пруссія обязалась наблюдать за сѣверной Германіей, Австрія взяла на себя охрану всего юга Европы, Р.—надзоръ за Польшею и за сохраненіемъ мира на Балканскомъ полуостровѣ. Впрочемъ, отношенія союзниковъ не отличались прочностью. Пруссія тяготѣла къ Англіи и мечтала о реорганизаціи германскаго союза. Австрія хотя и извлекала для себя выгоду изъ сближенія съ Р., присоединивъ Краковъ вопреки желаніямъ берлинскаго двора, тоже была далека отъ

искренней солидарности съ Р., боясь успѣховъ послѣдней на Балканскомъ полуостровѣ. Поэтому, когда между Франціей и Англіей возникъ раздоръ изъ-за испанскихъ браковъ, Австрія обнаружила склонность къ сближенію съ Франціей. Въ восточномъ вопросѣ тройственный союзъ, усиливъ въ періодъ 1830—1848 гг. противорусскую агитацію Франціи и Англіи, не создалъ для Р. надежной поддержки со стороны союзниковъ. Въ Греціи, послѣ убійства Каподистрія, свирѣствовала борьба двухъ партій—русской, избравшей въ президенты брата Каподистрія, и англо-французской, стоявшей за утверждение въ Греціи конституціонныхъ учреждений. Избранный на греческій престолъ баварскій принцъ Оттонъ подчинился англо-французскому вліянію и подвергъ официальному гоненію вождей русской партіи. Въ Турціи послѣ Адрианопольскаго мира русское вліяніе сильно возросло. Во время возстанія египетскаго паши, завоевавшего Сирію и грозившаго разрушить турецкую имперію, Р. поддержала Турцію посылкой военной эскадры и 15-тысячной арміи къ Константинополю, послѣ чего въ іюнѣ 1833 г. между Р. и Турціей былъ заключенъ Ункіарь-Искелесскій договоръ о взаимномъ союзѣ и Портѣ, въ тайной статьѣ, обязалась закрыть входъ въ Дарданельскій проливъ для военсудовъ всѣхъ державъ. Усилия западно-европейскихъ державъ сосредоточиваются съ тѣхъ поръ на томъ, чтобы замѣнить единоличное вліяніе Р. на Турцію поставленіемъ Турціи подъ совокупную охрану всѣхъ державъ. Руководительницею этихъ усилій явилась Австрія, выдававшая себя за союзницу Р. и пользовавшаяся этимъ союзомъ въ своей охранительной политикѣ на западѣ. На свиданіи императоровъ въ Мюнхенгретцѣ (1833) Р. и Австрія обязались конвенціей дѣйствовать сообща въ восточномъ вопросѣ. Австрія смотрѣла на эту конвенцію лишь какъ на первый шагъ къ тайнѣ ункіарь-искелесскихъ условий и замѣня ихъ общевропейскимъ контролемъ надъ Турціей; Меттернихъ настаивалъ, поэтому, на сообщеніи мюнхенгретцкой конвенціи Англіи и Франціи. Р. отклонила это предложеніе, но, по возобновленіи въ 1838—9 гг. возстанія египетскаго паши, Австрія добилась своей цѣли. Въ іюлѣ 1839 г. Портѣ было предложено отъ имени пяти великихъ державъ предоставить упорядоченіе турецко-египетскихъ отношеній ихъ совокупному вѣдѣтельству. Принудивъ (вопреки волѣ Франціи) египетскаго пашу отказаться отъ Сиріи, державы заключили въ 1841 г. совокупную конвенцію съ Турціей, по которой Босфоръ и Дарданеллы были объявлены закрытыми для судовъ *всѣхъ* націй, не исключая и Р. Революціонныя движенія 1848 г. снова выдвинули на первый планъ во вѣншей политикѣ Р. задачу поддержки реакціи. Уступки прусскаго короля конституціоннымъ требованіямъ вооружили императора Николая противъ Пруссіи, что выразилось въ военной демонстраціи во время прусско-датскаго конфликта. Тѣмъ ревностнѣе была помощь, оказанная Р. Австріи. Австрійское правительство получило русскую субсидію въ 6 милл. руб., а въ 1849 г.

къ денежной помощи присоединилась военная: венгерское возстаніе было усмирено русской арміей. Поддержка Р. была оказана Австріи и во время австро-прусскаго столкновенія по вопросу о внутреннемъ устройствѣ Германіи. На сѣздахъ государей въ Варшавѣ императоръ Николай выступилъ посредникомъ между Австріей и Пруссіей, но это посредничество носило характеръ давленія со стороны Р. на Пруссію въ интересахъ Австріи, перешедшаго затѣмъ и въ военные угрозы. Пруссія уступила и, по ольмюцкому соглашенію, отказалась отъ притязаній на гегемонію хотя бы только въ сѣв. Германіи. Временное замиреніе Европы было завершено признаніемъ Европою вновь народившейся имперіи Наполеона III, къ чему, подъ давленіемъ Австріи, присоединилась и Р. Однако, императоръ Николай настоялъ на заключеніи тайной конвенціи между Р., Австріей, Пруссіей и Англіей, съ обязательствомъ совмѣстно охранять status quo отъ наступательныхъ дѣйствій Франціи. Увѣренный въ Австріи и Пруссіи и игнорируя Францію, императоръ Николай предположилъ рѣшить восточный вопросъ совмѣстно съ Англіей путемъ раздѣла Турціи. Но Англія, по прежнему стоявшая на стражѣ цѣлости Турціи, предпочла союзъ съ Франціей, и когда условившійся споръ изъ-за «святыхъ мѣстъ» повлекъ за собою введеніе русскихъ войскъ въ дунайскія княжества, Англія и Франція ввели свои флоты въ турецкіе проливы. Вскорѣ послѣ объявленія султаномъ войны Р. (1853), Франція и Англія тоже ей объявили войну (1854). Ни Австрія, ни Пруссія не откликнулись на призывъ Р. о помощи, а когда союзники осадили Севастополь, Австрія приняла ихъ сторону и стала призывать къ вооруженію весь германскій союзъ. Вѣншняя политика императора Николая, стремившаяся совмѣстить поддержку реакціонныхъ правительствъ на западѣ съ водвореніемъ русской гегемоніи на Востокѣ, привела, такимъ образомъ, къ разрыву съ Р. всей сплотившейся противъ нея Европы. Въ Азіи за время царствованія императора Николая I Р. послѣдовательно закрѣпила за собою, послѣ ряда военныхъ экспедицій противъ хивинцевъ и коканцевъ, Киргизскую степь, низовья Сырь-Дарьи, Зайлійскій край, на дальнемъ востокѣ Сибири—тѣмъ берегъ и устье Амура. Война съ Турціей и ея союзниками закончилась уже при имп. Александрѣ II парижскимъ миромъ (1856), по которому Черное море объявлено нейтральнымъ, Р. утратила право содержать тамъ военный флотъ, установлена свобода плаванія по Дунаю и автономія дунайскихъ княжествъ. Слѣдствіемъ войны была замѣна русско-австрійскаго единенія русско-прусскимъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, началось сближеніе Р. и Франціи, основанное на желаніи Р. добиться пересмотра парижскаго трактата и на желаніи Франціи добиться пересмотра вѣнскихъ постановленій 1815 г. Во время австро-французской войны 1859 г. Р. взяла сторону Франціи; Наполеонъ сталъ думать о формальномъ союзѣ съ Р., который, однако, былъ отклоненъ. Движенія среди балканскихъ славянъ противъ турецкаго господства и рѣзня христіанъ въ Си-

рія поддерживали на время франко-русское сближение, такъ какъ Наполеонъ, совмѣстно съ Р., склонялся къ покровительству угнетеннымъ народностямъ; но разразившійся въ 1863 г. польскій мятежъ рѣзко порвалъ это сближеніе и еще крѣпче сплотилъ Р. съ Пруссіей. Въ то время какъ Франція, Англія и Австрія предприняли дипломатическое давленіе на Р. въ защиту Польши, Пруссія проповѣдывала необходимость строжайшей репрессіи въ польскомъ вопросѣ. Р. пыталась закрѣпить связь съ Пруссіей формальнымъ союзомъ, но Бисмаркъ отклонилъ этотъ планъ, боясь, что союзъ поможетъ Р. разгромить Австрію, но вся тяжесть войны съ Франціей падетъ на одну Пруссію. Шлезвигъ-голштинская война 1864 г. не охладила русско-прусскія симпатіи, хотя Р. и возвышала голосъ на Лондонской конференціи за сохраненіе недоброжелательства владѣній. Во время австро-прусской войны 1866 г. Р. опять стояла на сторонѣ Пруссіи, а во время франко-прусской войны 1870 г. не только сохранила дружественный Пруссіи нейтралитетъ, но и принудила къ тому же Австрію и Италію. Смотря на побѣды Пруссіи, какъ на разрушеніе парижскаго трактата 1856 г., Р. не замедлила провозгласить возстановленіе своихъ правъ на Черномъ морѣ, что и было утверждено на Лондонской конференціи 1871 г. Послѣ образованія Германской имперіи, снова составилось тройственное соглашеніе Р., Австріи и Германіи въ видѣхъ совмѣстнаго поддержанія европейскаго мира. Въ 70-хъ годахъ опять выдвинулся на первый планъ восточный вопросъ. Въ 1876 г. Р., совмѣстно съ Австріей, Германіей и Франціей, безуспѣшно старалась посредничать между Турціей и возставшими герцеговинцами. Болгарское возстаніе, турецкія звѣрства въ Болгаріи, война Сербіи и Черногоріи противъ Турціи вызвали Рейхштатское соглашеніе между Р. и Австріей, на слѣдующихъ началахъ: въ случаѣ побѣды Турціи державы обязывались не допускать никакихъ измѣненій въ положеніи возставшихъ княжествъ, въ случаѣ побѣды княжествъ—не допускать съ ихъ стороны никакихъ территориальныхъ урѣзковъ Турціи. Австрія выговаривала себѣ вознагражденіе въ Босніи и Герцеговинѣ, Р.—участокъ Бессарабіи, отторгнутый у нея въ 1856 г. Разгромъ княжествъ Турціей былъ остановленъ русскимъ ультиматумомъ. По предложенію Р. дважды собиралась европейская конференція въ Константинополѣ и Лондонѣ, для обсужденія восточнаго вопроса. Послѣ того какъ Турція, побуждаемая Англіей, отвергла всѣ выработанныя на этихъ конференціяхъ требованія, Р. объявила Турціи войну (12 апрѣля 1877 г.). Бисмаркъ побуждалъ Р. къ рѣшительному шагу; Австрія обѣщала дружественный нейтралитетъ и дипломатическое содѣйствіе; Англія протестовала противъ объявленія войны. Изъ славянскихъ княжествъ только Черногорія возобновила военныя дѣйствія противъ Турціи; Сербія не тронулась, Румынія первоначально ограничилась пропускомъ русскихъ войскъ черезъ свои владѣнія и лишь впоследствии присоединила свои войска къ русской арміи. Пе-

рейдя Дунай, русскія войска взяли Тырново и Никополь, въ Азіи—Ардаганъ и Ваязетъ; но затѣмъ въ Азіи была снята осада Карса, а въ Европѣ начались неудачи подъ Плевной. Послѣ организованной Тотлебенемъ блокады, Плевна вмѣстѣ со всей арміей Османа паши сдалась, а незадолго до того въ Азіи былъ взятъ Карсъ. Перейдя черезъ Балканы, русская армія заняла Филиппополь и Адрианополь. Турція просила мира. Въ виду Константинополя, русская армія была остановлена согласіемъ Турціи на выставленныя Р. предварительныя мирныя условія. Тогда западныя державы вышли изъ выжидательнаго положенія. Австрія потребовала созванія конгресса въ Вѣнѣ, но, по желанію Р., Вѣна была замѣнена Берлиномъ. До созыва конгресса едва не вспыхнула война Р. съ Англіей и Австріей, настаивавшими на томъ, чтобы *естъ условія* мира, заключеннаго между Турціей и Р. въ Санъ-Стефано, были подвергнуты пересмотру на конгрессѣ. Истощенная войной и въ виду нѣкоторыхъ уступокъ со стороны Англіи, Р. приняла, въ концѣ концовъ, это требованіе. На Берлинскомъ конгрессѣ Бисмаркъ поддерживалъ Австрію противъ Р. и Р. противъ Англіи. Р. получила по берлинскому трактату участокъ Бессарабіи у Дуная, Ардаганъ, Карсъ, Батумъ. Отношенія Р. послѣ конгресса къ Англіи и континентальнымъ державамъ не были благоприятны. Англія подчинила своему вліянію, въ ущербъ Р., Авганистанъ и Порту; Германія и Австрія заключили въ 1879 г. договоръ, направленный противъ Р., съ обязательствомъ помогать другъ другу въ случаѣ нападенія со стороны Р. и оставаться въ дружественномъ нейтралитетѣ въ случаѣ нападенія на одну изъ нихъ какой-либо другой державы. Этотъ договоръ нанесъ смертельный ударъ тройственному союзу Р., Австріи и Германіи. Въ царствованіе имп. Александра II были сдѣланы значительныя успѣхи по части распространенія русскихъ владѣній въ Азіи. Въ 1856—64 гг. покоренъ Кавказъ, въ 1858—60 гг. присоединенъ отъ Китая Амурскій и Уссурийскій край, въ 1864—81 гг. сдѣланъ рядъ крупныхъ поступательныхъ шаговъ въглубь Средней Азіи: въ 1864 г. взятъ Чеченскъ, въ 1865 г.—Ташкентъ, въ 1866 г. образовано Туркестанское генералъ-губернаторство, въ 1868 г., по вѣдѣніи Самарканда, присоединена Зеравшанская область, въ 1870 г. занятъ Мангышлакъ, вопреки протестамъ Англіи. Въ 1873 г. принята экспедиція въ Хиву, доставившая Р. правый берегъ Аму-Дарьи и прилегающія къ нему хивинскія земли, часть которыхъ Р. уступила Бухарѣ; хивинскій ханъ отказался отъ права вѣншихъ сношеній безъ вѣдома Р. Плаваніе по Аму-Дарьѣ было предоставлено исключительно Р., которая получила также право свободной торговли въ Хивѣ. Въ Хивѣ уничтожалось рабство. Тоже-самый по содержанію договоръ былъ заключенъ и съ Бухарой. Въ 1876 г. къ Р. присоединено все Коканское ханство, подъ именемъ Ферганской области. Въ 1881 г. завоеванъ Ахаль-Текинскій оазисъ и образована

Закаспійская область. Въ царствованіе имп. Александра III завершилось разрушеніе тройственнаго союза Р., Австріи и Германіи. Первые годы этого царствованія были еще отмѣнены вѣшними знаками прежняго единенія—свиданіями императоровъ въ Даннигъ, Скерневицахъ и Кремзирѣ. Но въ тоже время Германія и Австрія возобновили въ 1882 г., на шесть лѣтъ, договоръ 1879 г., направленный противъ Р., а затѣмъ къ этому договору присоединилась Италія. Во время столкновенія Р. съ Англіей въ Центральной Азій Германія, однако, поддержала Р., выразивъ султану одобреніе за то, что онъ не пропустилъ англійскаго флота черезъ Дарданеллы въ Черное море. Вскорѣ событія въ Болгаріи обострили отношенія Р. къ союзнымъ державамъ и повели къ формальному расторгненію союза. Неодобреніе со стороны Р. филипповскаго переворота 1885 г., попытка установить надъ Болгарією русской протекторатъ, отказъ Р. признать Фердинанда Кобургскаго княземъ соединенной Болгаріи встревожили Австрію, боящуюся усиленія русскаго вліянія на Балканскомъ полуостровѣ. Противоположность интересовъ Р. и Австріи обнаружилась со всею ясностію и повела къ взаимному охлажденію. Бисмаркъ долго старался удержать за Германіей роль примирительницы и посредницы, но существованіе союзнаго договора между Германіей, Австріей и Италіей, который въ 1888 г. былъ обнародованъ официально, устраняло для Р. всякую возможность дорожить единеніемъ съ Германіей и Австріей. Съ начала 90-хъ гг. Р. все тѣснѣе сближается съ Франціей, парализуя значеніе тройственнаго союза Германіи, Австріи и Италіи и содѣйствуя тѣмъ самымъ болѣе устоячивости европейскаго мира. Въ Средней Азій распространеніе русскихъ владѣній дошло, наконецъ, до границъ Афганистана; центръ тяжести англо-русскихъ конфликтовъ въ азіатской политикѣ перемѣстился на крайній востокъ Азій, соперничество изъ-за вліянія на средне-азіатскія ханства смѣнилось соперничествомъ изъ-за вліянія на Китай. Въ связи съ очерченнымъ ходомъ вѣшней политики предѣлы Имперіи охватывали:

При кончинѣ имп. Александра I. . .	339871	кв. миль.
» » » Николая I.	375774	
» » » Александра II. . .	389311	

Внутренняя исторія Р. за XIX стол. разбивается на два періода. Первая половина вѣка уходитъ на отдѣльные, лишенные послѣдовательности попытки правительства подойти къ разрѣшенію очередной проблемы социально-политическаго переустройства. Во второй половинѣ столѣтія разрѣшеніе крестьянскаго вопроса тотчасъ же вызываетъ реформированіе многихъ другихъ сторонъ прежняго порядка въ сферѣ управленія, суда, финансовъ, просвѣщенія. Р. вступила въ царствованіе Александра I съ двумя остро поставленными задачами—реформы политической и реформы социальной, но безъ опредѣленно выснаеннаго плана ихъ разрѣшенія. Въ началѣ царствованія, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ террора

предыдущей эпохи, новый государь и его ближайшіе сотрудники склонны были выдвигать на первый планъ политическую реформу. Тотчасъ по воцареніи Александра I возстановлены были отмѣненные имп. Павломъ жалованныя грамоты дворянству и городамъ, отмѣнена тайная экспедиція и пытка, облегчены цензурныя стѣсненія. Императоръ Александръ составилъ изъ своихъ интимныхъ друзей негласный комитетъ для обсужденія преобразовательной программы. Въ комитетѣ былъ поднятъ и крестьянскій вопросъ, но, въ виду разногласій по этому вопросу среди болѣе приближенныхъ къ государю лицъ, дѣятельность комитета сосредоточилась на обсужденіи политической реформы, при чемъ члены комитета, подобно самому государю, мечтали объ установленіи въ Р. представительнаго образа правленія. Однако, преобразовательныя мѣры первыхъ лѣтъ далеко не соответствовали широтѣ этихъ замысловъ и ограничались: 1) учрежденіемъ въ 1801 г. непремѣннаго совѣта, съ законосовѣтательнымъ характеромъ и задачей «поставить силу и блаженство имперіи на неизмѣнномъ основаніи законовъ», 2) обнародованіемъ въ 1802 г. именнаго указа о правахъ и обязанностяхъ сената, въ которомъ сенату давалось, между прочимъ, право представлять государю о неудобствахъ, неясностяхъ или взаимной несогласованности законовъ и указовъ и 3) учрежденіемъ министерствъ, въ которомъ былъ подчеркнутъ принципъ отвѣтственности министровъ. На практикѣ, однако, непремѣнный совѣтъ не получилъ большого значенія; сенатская реформа была ограничена законами, изданными до обнародованія указа 1802 г. о правахъ сената; принципъ министерской отвѣтственности остался мертвой буквой. Единственнымъ осязательнымъ результатомъ первыхъ преобразовательныхъ опытовъ явилось установленіе министерствъ, т. е. завершеніе процесса, намѣченнаго уже въ царствованіе Екатерины II, послѣ реформы 1775 г. Указъ 12 декабря 1801 г. распространилъ право дворянъ пріобрѣтать земельную собственность на всѣ свободныя состоянія, включая и государственныхъ крестьянъ. Частная инициатива гр. Румянцева вызвала изданіе закона 20 февраля 1803 г. о вольныхъ хлѣбопашцахъ, который предоставилъ землевладѣльцамъ отпускать крестьянъ на волю съ землей, на условіяхъ, устанавливаемыхъ свободнымъ соглашеніемъ. Этотъ законъ имѣлъ болѣе моральное, чѣмъ реальное значеніе; количество отдѣлокъ, совершенныхъ на его почвѣ, было ничтожно, но его изданіе произвело сильное впечатлѣніе на дворянство, какъ первый актъ законодательной инициативы въ освободительномъ направленіи. Недостаточность результатовъ, достигнутыхъ въ первый періодъ преобразованій, объяснялась какъ торопливостью преобразовательной работы, такъ и отсутствіемъ полнаго единства взглядовъ въ руководящихъ сферахъ. За единодушнымъ восторгомъ, которымъ общество встрѣтило обѣщаніе новаго государя царствовать «по духу и по сердцу его бабки», скрывалось далеко не одинаковое пониманіе смысла этого обѣщанія.

Одни ждали дальнѣйшаго развитія задачъ, выдвинутыхъ жизнью въ эпоху Екатерининъ, и мечтали объ утвержденіи законности, о превращеніи сословныхъ привилегій въ общегржданскія права; другіе желали полного возвращенія къ Екатерининскимъ порядкамъ, понимали обеспечение законности въ формѣ восстановленія прежняго значенія сената и отнюдь не хлопотали о равенствѣ всѣхъ сословій передъ закономъ. Первые преобразования имп. Александра осуществлялись среди борьбы этихъ двухъ противоположныхъ направлений. Прерванная участіемъ Р. въ европѣйскихъ коалиціяхъ 1805—6 гг. противъ Наполеона, преобразовательная работа возобновилась въ 1809 г. Приближеніе къ Александру Сперанскаго придало этой работѣ новый отбѣнокъ. Отдѣльные опыты уступили мѣсто работѣ систематическаго плана реформы, надъ которыми работалъ Сперанскій. При этомъ политическая реформа еще сильнѣе заслонила собой реформу социальную. Призывая уничтоженіе крѣпостного права необходимымъ элементомъ обновленія Р., Сперанскій отодвигал осуществленіе этой проблемы въ далекое будущее, предлагая начать съ преобразованія государственнаго строя. Основныя начала его плана были слѣдующія: раздѣленіе властей законодательной, исполнительной и судебной между тремя параллельными рядами учреждений, скопированныхъ Сперанскимъ съ французской конституціи VIII года, и выборный составъ всѣхъ этихъ учреждений, при чемъ избирателями и избираемыми должны были явиться земельные собственники всѣхъ сословій, включая и государственныхъ крестьянъ. Откладывалъ крестьянскую эмансипацію, Сперанскій считалъ необходимымъ созданіе сверху политической аристократіи, получающей полномочія отъ народа и состоящей изъ старшихъ сыновей знатныхъ фамилій. Органомъ этой аристократіи намѣчался государственный совѣтъ, какъ высшее учрежденіе, хранящее законы. Исполненіе плана, который было предположено вводить по частямъ, остановилось на двухъ актахъ — новомъ учрежденіи государственнаго совѣта, 1810 г., и министерствъ 1811 г. Паденіе Сперанскаго, отечественная война и поворотъ правительства въ сторону реакціи помѣшали дальнѣйшему выполненію плана, но и осуществленныя его части, будучи вырваны изъ общаго контекста, далеко не соответствовали первоначальнымъ намѣреніямъ реформатора. Государственный совѣтъ, вмѣсто того, чтобы явиться объединяющимъ органомъ высшихъ установленій — законодательнаго, судебного и исполнительнаго — самъ занялъ мѣсто государственной думы, при чемъ личный составъ его былъ сдѣланъ не выборнымъ, а короннымъ. Преобразование министерствъ (1811) совершенно обошло принципъ министерской отвѣтственности; расщепленіе правъ комитета министровъ не согласовалось съ правильнымъ соотношеніемъ исполнительной и законодательной власти. Преобразование сената и введеніе новыхъ областныхъ учреждений, намѣченныхъ въ планѣ 1809 г., не состоялось. Хотя Александръ и

во вторую половину царствованія не покидалъ исполнѣ прежнихъ конституціонныхъ плановъ, что выразилось въ дарованіи конституціи Царству Польскому (1815), въ общаціи распространить «законосвободныя учрежденія» и на прочія части имперіи, въ порученіи Новосильцеву составить проектъ конституціи для Р., тѣмъ не менѣе наступившая эпоха «священнаго союза» сопровождалась и во внутренней политикѣ водвореніемъ обостренной реакціи. Неограниченный фаворъ Аракчеева ознаменовался господствомъ гнетущаго произвола и сопровождался рядомъ мѣръ, рѣзко противорѣчившихъ какъ стремленіямъ первой половины царствованія, такъ и направленію тѣхъ проектовъ, которые не переставали занимать государя. Одновременно съ обсужденіемъ многочисленныхъ и разнообразныхъ проектовъ освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ, въ составленіи которыхъ принималъ участіе и самъ Аракчеевъ, учреждаются военные поселенія (1816), посягающія на свободу значительной массы населенія; одновременно съ изготовленіемъ «уставной грамоты российской имперіи», какъ называлась Новосильцевская конституція, создается новая организация цензуры, скованная печатное слово, и развертывается во всю ширь полицейская дѣятельность министерства народнаго просвѣщенія, характеризующаяся подвигами Магницкаго. Поворотъ правительства въ сторону реакціи совпалъ съ подъемомъ либеральныхъ настроеній въ передовыхъ кругахъ общества. Отечественная война, явившаяся великимъ актомъ народной самодѣятельности, обострила въ обществѣ національное чувство и сознаніе права на личную и общественную свободу, а заграничные походы близко познакомили военную молодежь съ прогрессивными теченіями западно-европейской жизни. Въ виду начавшейся сверху реакціи, преобразовательныя стремленія молодежи нашли себѣ исходъ въ основаніи тайныхъ обществъ. Зрѣвшіе въ этихъ обществахъ планы представляли собой дальнѣйшее развитіе тѣхъ самыхъ идей, которыя занимали Александра въ началѣ его царствованія. На очередь опять ставились сразу обѣ реформы — политическая и социальная. По мѣрѣ развитія движенія первоначальная организация — «союзъ благоденствія» — разбилась на два самостоятельныя общества, сѣверное и южное. Въ первомъ преобладали конституціонно-монархическія тенденціи, во второмъ господствовали стремленія республиканскія. Оба союза на ряду съ измѣненіемъ формы правленія ставили себѣ задачей разрѣшеніе крестьянскаго вопроса, при чемъ намѣчалось какъ освобожденіе безземельное, такъ и надѣленіе освобожденныхъ крестьянъ землей. Наименѣе разработаннымъ оставался вопросъ о путяхъ и средствахъ къ практическому осуществленію всѣхъ этихъ плановъ. Смерть имп. Александра и возникшія недоразумѣнія по вопросу о престолонаслѣдствѣ застали членовъ тайныхъ обществъ врасплохъ. Понятка государственнаго переворота, произведенная 14 декабря 1825 г. вожжами сѣвернаго общества, привела къ полному разгрому тайныхъ организацій. Съ

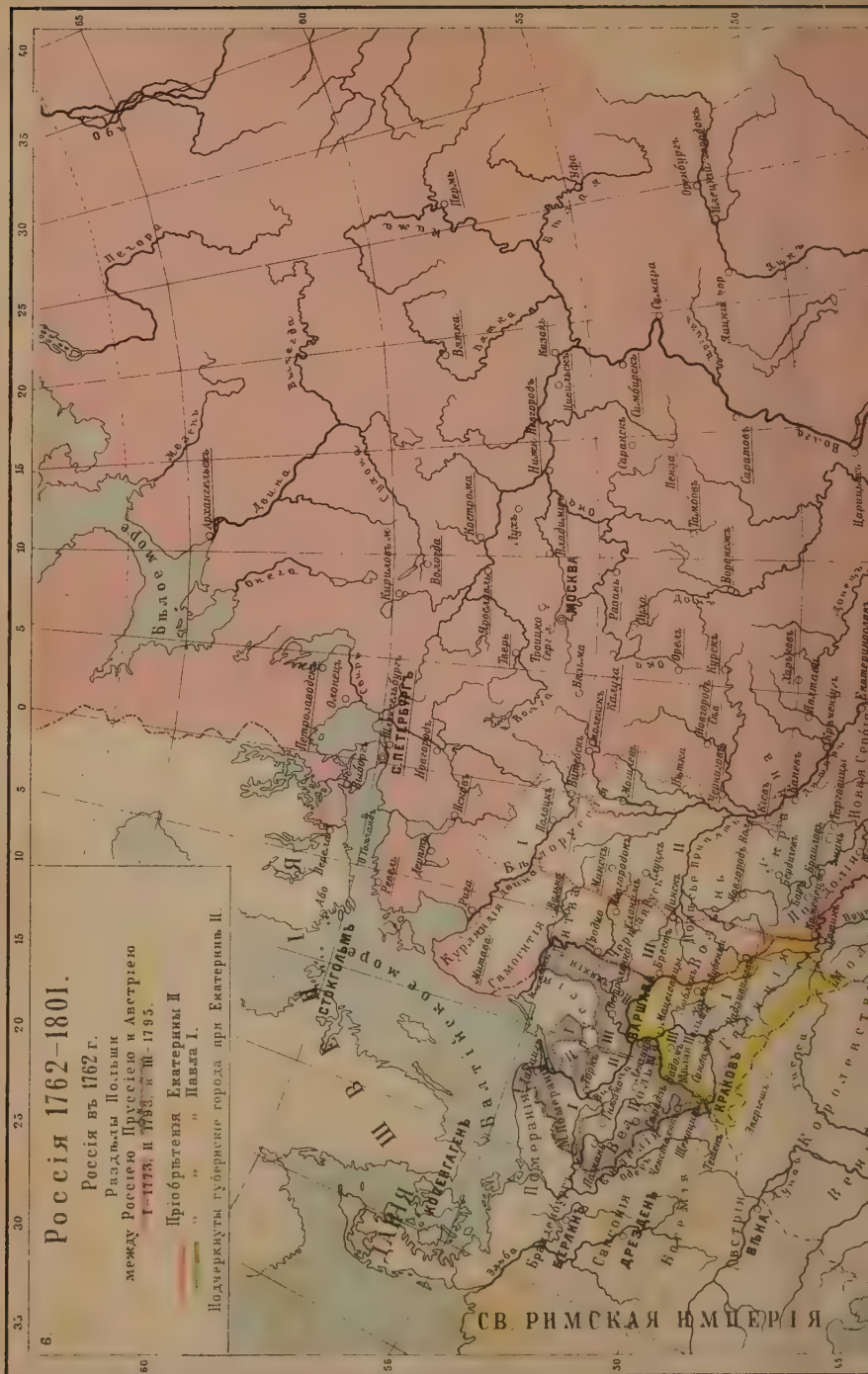
ИСТОРИЧЕСКІЯ КАРТЫ РОССИИ Ш.

Россия 1762—1801.

Россия въ 1762 г.
Раздѣлы Польши
между Россією Пруссією и Австрією
1—1773. и 1793. и 1795.

Приобрѣтенія Екатерины II
" " Павла I.

Подчеркнуты губернскіе города при Екатеринѣ II.

СВ. РИМСКАЯ ИМПЕРІЯ

воцареніемъ имп. Николая I закончились правительственными колебаніями между различными преобразовательными программами. Политическая реформа была окончательно снята съ очереди. Новое правительство поставило себѣ двѣ цѣли: охраненіе существующаго политическаго строя, путемъ подавленія всякихъ зародившей общественной самодѣятельности, и постепенную подготовку крестьянской реформы, но безъ всякаго участія общества, путемъ канцелярско-бюрократическимъ. Но и въ такихъ предѣлахъ преобразовательная работа въ царствованіе имп. Николая I подвигалась робко и съ частыми перерывами. Революционные взрывы на Западѣ Европы въ 1830 и 1848 гг. тотчасъ возбуждали мысль о возможности ихъ отраженія въ Р. и побуждали правительство приостанавливать разработку очередныхъ реформъ и сосредоточиваться на усиленіи полицейской опеки надъ общественною жизнью. Въ началѣ царствованія секретный комитетъ, учрежденный въ 1826 г., выработалъ проектъ различныхъ измѣненій въ центральныхъ и губернскихъ учрежденіяхъ, а также въ положеніи сословій, преимущественно крѣпостныхъ крестьянъ; но послѣ 1830 г. работы комитета были остановлены, а проектъ о состояніяхъ, прошедшій уже черезъ государственный совѣтъ, не былъ обнародованъ. По умиротвореніи Европы правительство вернулось къ преобразовательнымъ попыткамъ и въ теченіе 30-хъ и 40-хъ годовъ сдѣлало нѣсколько шаговъ, подготовлявшихъ почву для разрѣшенія крестьянскаго вопроса. Рядомъ указовъ была подчеркнута необходимость ограниченія помѣщичьей власти во имя государственнаго характера института крѣпостного права. При всемъ ихъ теоретическомъ значеніи, эти указы имѣли весьма ничтожное дѣйствіе. въ смыслѣ практическаго приступа къ предстоявшей реформѣ. Запрещеніе продажи крестьянъ въ розницу (1841) и покупки крестьянъ безземельными дворянами (1843), предоставленіе крестьянамъ права выкупаться на волю съ земель при продажѣ имѣній за долги помѣщика (1847), предоставленіе всемъ крестьянамъ вообще права пріобрѣтать недвижимую собственность (1848) затрогивали лишь частности крестьянскаго вопроса. Попытка болѣе общей мѣры была выдвинута гр. Киселевымъ въ секретномъ комитетѣ 1839—44 гг. и осуществилась въ формѣ указа объ обязанныхъ крестьянахъ (1842), которымъ устанавливалось личное освобожденіе крестьянъ, съ прикрѣпленіемъ ихъ къ землѣ, остающейся въ собственности помѣщика, но поступающей въ обязательное пользованіе крестьянъ на точно договоренныхъ и неизмѣняемыхъ условіяхъ. Примѣненіе этой мѣры было предоставлено свободной инициативѣ помѣщиковъ, почему ее и постигла на практикѣ та же участь, что и указъ о свободныхъ хлѣбопашахъ. Этимъ ограничились результаты работъ многочисленныхъ комитетовъ Николаевскаго царствованія по вопросу о владѣльческихъ крестьянахъ. Опасеніе оппозиціи со стороны дворянства заставило выдѣлить изъ общаго вопроса о крестьянахъ устройство казенныхъ крестьянъ, какъ подго-

товительный приступъ къ общей крестьянской реформѣ. Управление казенными крестьянами было ввѣрено вновь организованному министерству государственныхъ имуществъ. Направленіе реформы, гр. Киселевъ, стремился замѣнить прежній исключительно фискальный характеръ управленія казенными крестьянами системой покровительства, направленнаго къ улучшенію матеріальнаго быта казенныхъ крестьянъ, поднятію ихъ образованія и огражденію дарованныхъ имъ правъ отъ произвольныхъ посягательствъ. Полному осуществленію всѣхъ этихъ благихъ цѣлей мѣшала, однако, чисто бюрократическій характеръ выработанныхъ Киселевымъ учрежденій. Въ 1846 г. были изданы положенія о новомъ устройствѣ городского общественнаго управленія въ Петербургѣ и Москвѣ (см. Городъ, IX, 325). Всѣ прочія мѣропріятія, проведенныя правительствомъ имп. Николая, носили болѣе или менѣе охранительный характеръ. Обширныя кодификаціонныя работы имѣли цѣлю фиксировать дѣйствующее право; измѣненія, произведенныя въ административныхъ учрежденіяхъ—распиреніе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи рядомъ новыхъ отдѣленій, усиленіе коронаго элемента въ областныхъ учрежденіяхъ, ограниченіе дворянскаго выборнаго представительства вновь введеннымъ цензомъ—выражали собою ростъ бюрократической централизаціи на счетъ самодѣятельности общества. Съ 1848 г. преобразовательная дѣятельность вообще приостанавливается. Реакціонно-охранительныя теченія окончательно берутъ верхъ и достигаютъ наивысшаго развитія. Между тѣмъ, господствующіе интересы передовыхъ круговъ общества все болѣе переходили отъ отвлеченно-философскихъ вопросовъ, всецѣло занимавшихъ поколѣніе 30-хъ годовъ, къ планамъ практическаго переустройства обветшавшаго «старого порядка». Неудачи Крымской кампаніи наглядно обнаружили негнотность бюрократическо-крѣпостническаго режима и дали могучій толчекъ разностороннимъ преобразованіямъ послѣдующаго царствованія. Неотложность этихъ преобразованій обуславливалась какъ напряженнымъ обостреніемъ междусословной розни, такъ и затруднительнымъ состояніемъ государственнаго и народнаго хозяйства. Усиленіе военнаго бремени и безрезультатность попытокъ социальнаго преобразования устранили коренную финансовую реформу въ теченіе всей первой половины XIX в. Для поправленія финансовъ за все это время принимались лишь частныя, паллиативныя мѣры. Первое десятилѣтіе XIX в. озаменовано хроническимъ дефицитомъ, для сокращенія котораго примѣнялись лишь два средства—все новые выпуски ассигнацій и займы на крайне невыгодныхъ условіяхъ (см. выше, Финансы). Съ 1817 г. министерство финансовъ (Гурьевъ) ставитъ на очередь сокращеніе количества ассигнацій путемъ займовъ, но всѣ его усилія привели лишь къ незначительному и кратковременному возвышенію курса ассигнацій. Канкринъ, замѣнявшій Гурьева въ 1823 г., тотчасъ прекратилъ какъ выпускъ новыхъ, такъ и изыатіе изъ

обращенія старых ассигнацій, общее число которыхъ съ тѣхъ поръ оставалось неизмѣннымъ до 1843 г.—около 600 милл. руб. Программа Канкрина была изворачиваться естественными доходами государства, избѣгать займовъ, облегчать повинности, поднѣять хозяйственное положеніе народа. Обстоятельства не позволили, однако, выполнить эту программу. Возрастаніе чрезвычайныхъ военныхъ издержекъ, недоимокъ и дефицитовъ по прежнему остается хроническимъ явленіемъ; по прежнему недостатки пополняются займами, заимствованными изъ казенныхъ кредитныхъ учреждений и повышеніемъ налоговъ безъ измѣненія общихъ основъ налоговой системы, всею тяжестью ложившейся на низшіе слои населенія. Единственной крупной финансовой реформой этого періода является уничтоженіе ассигнацій, мѣсто которыхъ вскорѣ, однако, заняли кредитные билеты. Успѣхи народнаго хозяйства скрывались двойнымъ бременемъ государственнаго милитаризма и народной заквѣченности. Въ царствованіе императора Александра I официально свидѣлствовалось, что «продукты имперіи не находятъ болѣе рынковъ за границей, мануфактуры ея крайне подавлены, монета быстро утекаетъ въ отдаленныя страны, солидѣйшіе торговые дома находятся въ опасности, сельское хозяйство и торговля, также какъ фабричная промышленность, стоятъ на краю банкротства». Развѣтѣ отечественной промышленности поддерживалось лишь системой усиленнаго покровительства. Послѣ краткаго усиленія въ сторону фритредерской политики (либеральный тарифъ 1819 г.) правительство снова возвращается къ покровительственной системѣ, не измѣняя ей вплоть до начала 50-хъ гг. Въ оборотахъ нашей внѣшней торговли за первую половину XIX в. дѣла отстали увеличились почти въ 10, а прироста въ 12 разъ. Количество фабрикъ увеличилось за полстолѣтія съ 2 до 9 тысячъ. Ограниченные размѣры внутреннихъ народнохозяйственныхъ оборотовъ въ дореформенный періодъ XIX в. наглядно обрисовываются тѣмъ, что въ дѣятельности заемнаго и коммерческаго банковъ операціи, предназначенныя къ оживленію торговли и промышленности, составляли наименьшій процентъ оборотовъ. Капиталы почти не получали промышленнаго употребленія, что выражалось усиленнымъ накопленіемъ въ банкахъ частныхъ вкладовъ. Пониженіе процента по вкладамъ (съ 5 на 4) и по ссудамъ (съ 6 на 5), произведенное въ 1830 г., нисколько не повліяло ни на сокращеніе вкладовъ, ни на увеличеніе количества ссудъ. За недостаткомъ частной предприимчивости, свободные капиталы были употреблены правительствомъ на казенныя надобности. Учетъ векселей составлялъ не болѣе 4% всѣхъ оборотовъ заемнаго банка, а учетъ товаровъ—2½%. Но если крѣпостной строй тормозилъ промышленное развитіе, то, съ другой стороны, это развитіе, при всей скромности своихъ успѣховъ, приближало разрушеніе крѣпостного строя. Смѣна натуральнаго хозяйства мѣновымъ назрѣвала уже въ дореформенный періодъ. Торго-

вый сбытъ земледѣльческихъ продуктовъ поднималъ цѣнность земли; малопроизводительный крѣпостной трудъ, вознаграждаемый земельнымъ надѣломъ, начиналъ все болѣе тяготить землевладѣльца. Идея замѣны крѣпостного труда вольнонаемнымъ начинала все шире распространяться среди самихъ помѣщиковъ. Къ половинѣ вѣка и политическія, и экономическія, и моральныя условія—и соображенія государственной безопасности, и выгоды самихъ землевладѣльцевъ, и требованія нравственнаго чувства, высказывавшіяся въ литературѣ,—одинаково ставили на первую очередь крестьянскую реформу. Въ царствованіе имп. Александра II совершился, наконецъ, этотъ заключительный актъ эмансипаціоннаго процесса, начатый въ прошломъ вѣкѣ раскрытіемъ дворянства. Правительство новаго царствованія приступило къ преобразованіямъ безъ предварительнаго разработанаго систематическаго плана. Первый шагъ—учрежденіе секретнаго комитета (1856)—заставляло опасаться продолженія прежней бюрократической волокиты въ подготовкѣ реформы. Рѣшающимъ моментомъ явилось перенесеніе работъ изъ стѣнъ канцелярій на открытое публичное общественное обсужденіе. Открытіе губернскихъ комитетовъ, а затѣмъ редакціонныхъ комиссій (см. Крестьяне) создало возможность высказаться по крестьянскому вопросу всѣмъ общественнымъ группамъ и укрѣпило рѣшимость правительства, обнаруживъ неосновательность прежнихъ страховъ передъ возможной оппозиціей реформѣ. Основанія реформы намѣчались постепенно. Въ секретномъ комитетѣ были установлены всего одинъ основной принципъ будущей реформы: дарованіе крестьянамъ личной свободы, безъ выкупа. Высочайшій рескриптъ 20 ноября 1857 г. намѣчалъ весьма неопредѣленную постановку экономической стороны реформы, а именно десятилѣтній переходный періодъ, съ предоставленіемъ крестьянину въ пользованіе земельного участка, за оброкъ и барщину, и съ оставленіемъ за помѣщикомъ вотчинной полиціи, при чемъ вопросъ о дальнѣйшемъ земельномъ устройствѣ крестьянъ по истеченіи десятилѣтняго періода совершенно не былъ затронутъ. Къ 1858 г. печаль и группы меньшинства въ губернскихъ комитетахъ повліяли на новую постановку реформы. Извѣстныя письма Ростовцева къ государю (см. Крестьяне) обнаружили, что въ руководящія сферы проникли идеи выкупа земельныхъ надѣловъ, вотчинной власти помѣщика, крестьянскаго самоуправленія. Съ этого момента борьба сосредоточивается на вопросахъ о способахъ выкупа и о размѣрахъ надѣла. Депутаты перваго призыва настаивали на обязательности выкупа, но при условіи уменьшенія надѣловъ и увеличенія крестьянскихъ повинностей; депутаты втораго призыва пытались возродить идею безземельнаго освобожденія, исходя изъ положенія о неприкосновенности правъ частной собственности. Редакціонныя коммиссіи защищали необходимость освобожденія крестьянъ съ землей, выдвигалъ въ противѣтъ соображеніямъ гражданскаго права, политическое значеніе реформы; но, соглас-

но Высочайшей воле, ими были приняты не обязательный, а добровольный выпуск (въ 1863 г. примѣненъ обязательный выпускъ для западныхъ губерній, въ 1864 г.—для Царства Польскаго). Примыкая къ меньшинствамъ губернскихъ комитетовъ, коммисіи отстаивали административное устройство крестьянъ на началахъ сословнаго самоуправленія, вопреки требованіямъ крѣпостниковъ о поставленіи помѣщиковъ начальниками сельскихъ обществъ. При окончательномъ обсужденіи законопроекта въ главномъ комитетѣ и государственномъ совѣтѣ представителямъ крѣпостнической партіи удалось добиться сильнаго пониженія нормъ надѣловъ и введенія дароваго нищенскаго надѣла, а въ способѣ опредѣленія крестьянскихъ оброчныхъ платежей (не только по цѣнности надѣльной земли, но и по количеству неземледѣльческихъ заработковъ) въ скрытомъ видѣ были допущены выпускъ личной свободы. Не смотря на это, положенія 19 февраля 1861 г. составляютъ величайшій моментъ во внутренней жизни Р. Имъ заканчивался цѣлый періодъ русской исторіи и открывалась перспектива восторонняго обновленія нашего государственнаго и общественнаго быта. Уже во время разработки крестьянской реформы изъ среды общества раздалась вѣскія заявленія о томъ, что эта мѣра есть лишь необходимая предлюдія къ общей государственной реформѣ суда, администраціи, земства. Правительство усвоило эту программу и провело рядъ дальнѣйшихъ преобразованій, но при этомъ проявило гораздо меньше довѣрія къ общественному мнѣнію. При разработкѣ второй капитальной реформы — земской (см. Земскія учрежденія) — въ правящихъ сферахъ уже обозначились всѣ признаки наступившей реакціи. Обращеніе къ обществу, въ видѣ учрежденія губернскихъ комитетовъ, повторено не было. Проектъ реформы былъ подготовленъ въ коммисіи, съ участіемъ лишь нѣкоторыхъ экспертовъ, и прямо поступилъ въ государственный совѣтъ, который еще нѣсколько расширилъ основныя черты выработаннаго положенія. По идѣе—всесословная самоуправляющаяся корпорація, земство, въ силу установленныхъ въ законѣ 1864 г. основаній избирательнаго права, сдѣлалось по преимуществу органомъ помѣстнаго дворянства. По кругу предоставленной ему дѣятельности и по своему положенію среди государственныхъ установленийъ земство явилось специально-хозяйственнымъ учрежденіемъ, но и въ этихъ рамкахъ было поставлено подъ строгій контроль администраціи и лишено какой-бы то ни было принудительной власти для приведенія въ дѣйствіе своихъ постановленийъ. Примѣненіе положенія о новыхъ земскихъ учрежденіяхъ было ограничено 33-мя губерніями. Реформа городского управленія (см. Городъ), законченная въ 1870 г., установила всесословное городское самоуправленіе на началахъ, въ общемъ аналогичныхъ съ самоуправленіемъ земскимъ по положенію 1864 г. Судьба этой реформы представила нѣчто среднее сравнительно съ реформами крестьянской и земской. Подобно первой, она была пред-

ложена на гласное общественное обсужденіе: въ 1862 г. въ городахъ были учреждены для этой цѣли коммисіи изъ представителей отъ всѣхъ сословій города. Подобно второй реформѣ, она была осуществлена независимо отъ заявленій со стороны прогрессивной части общества пожеланій. Въ городскихъ коммисіяхъ намѣчались весьма широкія основанія городского представительства, установленіе образовательнаго ценза наряду съ имущественнымъ, въ видахъ привлеченія къ городскому самоуправленію городской интеллигенціи, пропорціональное представительство каждаго сословія сообразно его численности, введеніе выборной городской полиціи и т. п. Между тѣмъ, положеніе 1870 г. установленіемъ трехклассной (прусской) системы выборовъ создало крайнюю непропорціональность представительства богатаго и бѣднаго городского населенія, ввело исключительно имущественный избирательный цензъ, устранило отъ выборовъ квартиронанимателей и установило тѣ же начала компетенціи городского управленія и административнаго за нимъ надзора, что и въ земствѣ. Наибольшей законченностью и послѣдовательностью отличалась судебная реформа (1864 г.). Удачный исходъ ея обусловливался многими обстоятельствами: 1) ея разработка попала въ хорошія руки: юристы, которымъ она была ввѣрена, съ Заруднымъ во главѣ, взялись за дѣло, подобно членамъ крестьянскихъ редакціонныхъ коммисій, съ горячимъ одушевленіемъ; 2) разработка реформы не затруднялась борьбой классовыхъ интересовъ; 3) она велась систематически, съ руководяще принципіи твердо были установлены въ самомъ началѣ и получили утвержденіе прежде ихъ детальной разработки. 20 ноября 1864 г. Высочайшимъ рескриптомъ было объявлено объ открытіи суда «скараго, праваго, милостиваго и равнаго для всѣхъ», на началахъ отдѣленія судебной власти отъ административной, несмѣняемости судей, публичности и гласности судопроизводства, состязательности процесса, введенія суда общественной совѣсти—присяжныхъ за сѣдателей, учрежденія присяжной адвокатуры, образованія самостоятельной мировой юстиціи. Почти въ то же время улучшено положеніе печати, представляющей, на ряду съ гласнымъ судомъ, вѣрнѣйшій ослотъ истинной законности: 6 апрѣля 1865 г. отбѣнена предварительная цензура для болѣе объемистыхъ книгъ и для нѣкоторыхъ повременныхъ изданій. Еще раньше, 18 юня 1863 г. издалъ новый университетскій уставъ, раздвинувшій предѣлы академической свободы и поднявшій образовательныя средства университетовъ. Кругъ предпринятыхъ преобразованій замыкался реорганизаціей военнаго и финансоваго управленія. Введеніе всеобщей воинской повинности (1874) непосредственно примыкало къ общему преобразовательному теченію, направленному противъ стараго сословнаго общественнаго устройства. Уничтоженіе военныхъ поселеній, введеніе системы военныхъ округовъ, децентрализованной военной управленіе, организація военнаго суда на началахъ во многомъ аналогичныхъ съ судебной

реформой 1864 г., ограничение тѣлесныхъ наказаній въ войскахъ, новое устройство среднѣ-учебныхъ военныхъ заведеній,—все это имѣло цѣлью приспособить порядки военного вѣдомства къ основамъ обновленнаго гражданскаго общества. Преобразованія въ финансовомъ вѣдомствѣ далеко не отличались такой же послѣдовательностью и стройностью. Въ полномъ согласіи съ тенденціями новаго преобразовательнаго движенія была проведена лишь реформа государственнаго счетоводства, подъ главнымъ руководствомъ В. А. Татаринова. Въ основу реформы легли начала, совершенно противоположныя прежней бюджетной системѣ: объединеніе и публичность бюджета, специальность кредитовъ, единство кассы, созданіе независимаго отъ распорядительныхъ управленій контрольнаго вѣдомства. Учрежденная въ 1859 г. коммиссія по пересмотру системы податей и налоговъ просуществовала до конца царствованія, но большую часть своихъ работъ не довела до окончательнаго завершенія, а проведенныя ею мѣропріятія отмѣнены въ значительной степени старыми дореформенными традиціями (см. выше, Финансы). Восточная кампанія 1853—56 гг. сильно увеличила размѣры государственнаго дефицита. За полнымъ отсутствіемъ кредита единственными источниками восполненія государственному казначейству являлись неоднократно повторявшіяся попытки сокращенія расходовъ по всемъ вѣдомствамъ и усиленные выпуски кредитныхъ билетовъ, но мѣры перваго рода приводили къ весьма ограниченнымъ результатамъ, а выпуски кредитныхъ билетовъ, при обязательномъ курсѣ бумажныхъ денегъ, роняли цѣнность кредитнаго рубля, вызывая отливъ звонкой монеты за границу и паденіе вексельнаго курса. Въ 60-хъ годахъ, за невозможностью выпускать далѣе кредитные билеты, дефициты покрывались частью выпускомъ билетовъ государственнаго казначейства, частью займами. 70-ые годы ознаменовались улучшеніемъ финансового положенія. Сокращеніе расходовъ на вооруженіе, быстрое развитіе желѣзнодорожной сѣти и оживленіе промышленныхъ оборотовъ помогли разрѣшенію финансового кризиса, но восточная война 1877—78 гг. сразу остановила нарождавшіеся финансовые успѣхи. По окончаніи войны, вызвавшей нѣсколько займовъ, пришлось прибѣгнуть къ повышенію и умноженію налоговъ. Въ общемъ, періодъ 1855—1881 г. ознаменовался въ финансовомъ отношеніи громаднымъ перевѣсомъ государственныхъ расходовъ надъ доходами, хотя послѣдніе и увеличались не менѣе, чѣмъ вътрое, и столь же значительнымъ ростомъ государственнаго долга. Не избѣгло тяжелыхъ испытаній и народное хозяйство. Крестьянская реформа сопровождалась селско-хозяйственнымъ кризисомъ. Торгово-промышленная жизнь, вступившая въ виду распріищенія труда въ періодъ необычайнаго оживленія, не миновала ни приступовъ спекулятивной горячки, ни тяжелыхъ промышленныхъ кризисовъ. Однако, общіе итоги экономическаго развитія Р. къ концу реформаціоннаго періода показали внушительный ростъ

производительныхъ силъ страны сравнительно съ дореформенной эпохой. Значительно расширилась дѣятельность кредитныхъ установленій, совершенно замиравшихъ наканунѣ реформы.

По прежнему пользуясь усиленнымъ правительственнымъ покровительствомъ, фабричная промышленность сдѣлала граціозные успѣхи. Количество фабрикъ съ 9843 въ 1850 г. поднялось къ 1887 г. до 25866. Характернѣйшимъ признакомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, стимуломъ экономическаго развитія этого періода явилось быстрое расширеніе желѣзнодорожныхъ, пароходныхъ и почтово-телеграфныхъ сообщений (см. выше, Пути сообщенія). Къ началу 1857 г. рельсовые пути обнимали всего 979 вер., къ 1876 г. — болѣе 18000 вер. Съ 1856 г. начинается возникновеніе пароходныхъ обществъ, первоначально на Черномъ и Азовскомъ моряхъ, затѣмъ и на всѣхъ другихъ внутреннихъ моряхъ. Почтовый доходъ увеличивается почти въ 2½ раза. Государственная телеграфная сѣть, равнявшаяся къ началу царствованія импер. Александра II 2000 вер., къ 1880 г. достигла 74863 вер. лнй и 142584 вер. проводовъ, не считая желѣзнодорожныхъ и частныхъ телеграфныхъ лнй. Всѣ эти и имъ подобные факты указывали на то, что Р. вступила въ новый періодъ внутренняго развитія. Какъ ни ограничены были результаты этого развитія къ концу 26-лѣтняго царствованія импер. Александра II, все же они представляли разительный контрастъ съ картиной внутренней жизни дореформенной Р. Предстояло, повидимому, довершить начатыя преобразованія, распространивъ ихъ примѣненіе и на тѣ области, которыя оставались еще во многихъ отношеніяхъ на старомъ положеніи, и очистить осуществленные нововведенія отъ тѣхъ внутреннихъ противорѣчій, которыя были допущены при ихъ разработкѣ. Однако, во вторую половину царствованія преобразовательныя работы все болѣе заслоняются полицейской борьбой съ крामолой. Въ отвѣтъ на дѣйствіе подпольныхъ организацій правительство дѣлало все новыя шаги въ смыслъ обостренія репрессій. Массовые политическіе процессы чередовались съ общими репрессивными мѣрами. Послѣ процесса «нечаевцевъ» были введены (1871 г.) для дѣлъ по политическимъ преступленіямъ важныя отсутствія отъ общаго порядка судопроизводства: первоначальныя дознанія по такимъ дѣламъ возложены на жандармскія управленія, а рѣшеніе вопроса о дальнѣйшемъ направленіи этихъ дѣлъ предоставлено министру юстиціи, по соглашенію съ шефомъ жандармовъ. Законъ 1872 г. предоставилъ комитету министровъ право уничтожать книги, выходящія безъ предварительнаго цензуры. Въ 1878 г. право арестованія подозрительныхъ въ политическомъ отношеніи лицъ распространено на всѣхъ жандармскихъ офицеровъ, полицеймейстеровъ и уѣздныхъ исправниковъ; за участіе въ уличныхъ беспорядкахъ и сходкахъ установлена ссылка въ восточную Сибирь, а оказавшихъ сопротивленіе при обыскѣ и арестѣ постановлено предавать военному суду. Въ

1878—79 гг., въ связи съ широкимъ примѣненіемъ административной ссылки, увеличены спеціальныя кредиты на усиленіе средствъ полицейскаго надзора. Послѣ покушенія Соловьева на жизнь императора Александра II учреждены временныя генералъ-губернаторы въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ, съ предоставленіемъ какъ имъ, такъ и московскому, кievскому и варшавскому генералъ-губернаторамъ чрезвычайныхъ полномочій. Въ 1880 г., послѣ взрыва въ Зимнемъ дворцѣ, учреждена, подъ предсѣдательствомъ гр. Лорисъ-Меликова, верховная распорядительная коммиссія для охраненія государственнаго порядка и спокойствія. Лорисъ-Меликовъ выдвинулъ новый планъ борьбы съ крамолой, настаивая на необходимости, независимо отъ репрессивныхъ мѣръ, приступить къ существеннымъ усовершенствованіямъ государственнаго механизма. Послѣ закрытія верховной коммиссіи (въ августѣ 1880 г.) были предприняты, по предложенію Лорисъ-Меликова, назначеннаго министромъ внутреннихъ дѣлъ, сенаторскія ревизіи въ нѣсколькихъ губерніяхъ, приступленію къ пересмотру положенія о печати и правилъ объ административной ссылкѣ, предприняты серьезныя мѣры въ области финансовъ. Наконецъ, въ началѣ 1881 г. получилъ Высочайшее одобреніе проектъ Лорисъ-Меликова объ участіи представителей отъ земствъ и значительныхъ городовъ въ подготовкѣ дальнѣйшихъ законодательныхъ мѣропріятій. Убіиство имп. Александра II—1 марта 1881 г.—остановило осуществленіе этой государственной мѣры. Съ тѣхъ поръ основныя государственныя задачи, завѣщанныя преобразовательной эпохой, уже не ставились на очередь во всемъ ихъ объемѣ. Распространеніе новыхъ учрежденій на области, оставшіяся еще подъ дѣйствіемъ дореформенныхъ порядковъ, продолжалось, постепенно захватывая отдаленныя окраины имперіи; но въ то же время преобразованныя учрежденія подверглись новой переработкѣ, на основахъ, не соответствовавшихъ традиціямъ преобразовательной эпохи. Начало 80-хъ годовъ ознаменовалось, впрочемъ, рядомъ важныхъ мѣропріятій, отчасти уже подготовленныхъ въ предшествующее царствованіе. Пониженіе выкупныхъ платежей, узаконеніе обязательности выкупа крестьянскихъ надѣловъ, учрежденіе крестьянскаго банка для выдачи ссудъ крестьянамъ на покупку земель (1881—84 гг.) имѣли цѣлью сгладить неблагоприятныя для крестьянъ стороны реформы 1861 г. Отмѣна подушной подати, налогъ на наслѣдства и процентныя бумаги, повышеніе промысловаго обложенія (1882—84 гг.) обнаруживали желаніе приступить къ коренному переустройству податной системы, въ смыслѣ облегченія бѣднѣйшихъ классовъ; ограниченіе фабричной работы малолѣтнихъ (1882 г.) и ночной работы подростковъ и женщинъ (1885 г.) было направлено на защиту труда; учрежденіе коммиссій для составленія узложеній уголовного и гражданскаго (1881—82) отвѣдало несомнѣнной назрѣвшей потребности; учрежденная въ 1881 г. коммиссія статсъ-секретаря Каханова приступила къ подробному изученію

нуждъ мѣстнаго управленія, съ цѣлью усовершенствованія областной администраціи примѣнительно къ началамъ крестьянской и земской реформы. Въ позднѣйшее время лишь немногія разрозненныя мѣры были отмѣчены тѣмъ же направленіемъ, какъ напр. законы о переселеніяхъ (1889), о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ (1894), объ урегулированіи фабричнаго труда (1886, 1897). На ряду съ этими единичными отзвуками прежнихъ начинаній все сильнѣе пробивалось другое, противоположное теченіе. Уже въ 1882—84 гг. были изданы новыя, крайне стѣснительныя правила о печати, библіотекахъ и кабинетахъ для чтенія, названныя временными, но дѣйствующія до сихъ поръ. Затѣмъ послѣдовалъ рядъ мѣръ, расширяющихъ преимуществу помѣстнаго дворянства—законъ о дворянскихъ выморочныхъ имуществвахъ (1883), организація долгосрочнаго кредита для дворянъ-землеуладѣльцевъ, въ видѣ учрежденія дворянскаго земельнаго банка (1885), на мѣсто проектированнаго министромъ финансовъ всесословнаго поземельнаго банка. Введеніе института земскихъ начальниковъ (1889) и новыя положенія земское (1890) и городовое (1892) существенно видоизмѣнили строй мѣстнаго управленія, еще сильнѣе ограничивъ общественное самоуправленіе и еще болѣе сгладивъ всесословный характеръ мѣстныхъ учреждений въ пользу нѣкоторыхъ привилегированныхъ классовъ. Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1890 г. установило сословность выборовъ и усилило дворянскій элементъ, на счетъ прочихъ; административный надзоръ за дѣятельностью земства былъ усиленъ, какъ умноженіемъ предметовъ надзора, такъ и обложеніемъ его въ болѣе стѣснительныя формы: помимо контроля надъ законностью земскихъ постановленій, администраціи былъ предоставленъ контроль и надъ ихъ *цѣлесообразностью*. Въ общемъ, новое положеніе замѣнило прежнюю точку зрѣнія на земство, какъ на учрежденіе земско-хозяйственное, новымъ воззрѣніемъ на него, какъ на учрежденіе государственное, но при этомъ государственный элементъ былъ привнесенъ не въ смыслѣ надбавленія земства прерогативами правительственной власти, а въ смыслѣ стѣсненія земской дѣятельности административными установленіями. Городовое положеніе 1892 г. замѣнило прежнюю систему трехклассныхъ выборовъ выборами по территориальнымъ избирательнымъ участкамъ, но въ то же время ограничило количество гласныхъ и усилило зависимость городского самоуправления отъ администраціи. Въ области суда законъ 1885 г. поколебалъ принципъ несмѣняемости судей, законъ 1887 г. ограничилъ судебную гласность, законъ 1889 г. суживъ кругъ дѣйствій суда присяжныхъ. Въ сферѣ народнаго просвѣщенія состоялась новая университетская реформа (уставъ 1884 г.), уничтожившая университетское самоуправленіе, передача школь грамоты въ руки духовенства, уменьшеніе льготъ по образованію для отбыванія воинской повинности, преобразование военныхъ гимназій въ кадетскіе корпуса. Въ области финансовой попытки видоизмѣненія налоговой

системы болѣе не возобновляются, если не считать введенія квартирнаго налога, начинается усиленное распріеніе и повышеніе косвеннаго обложенія и дальѣйшее усиленіе протекціонизма (тарифъ 1891 г.). Въ состояніи государственнаго бюджета происходить быстрая переѣна къ лучшему: послѣ грандіозныхъ дефицитовъ 1881—87 гг. начинается хроническое возрастаніе избытка государственныхъ доходовъ надъ расходами. Благодаря этимъ избыткамъ были предприняты важныя мѣропріятія въ области государственнаго кредита и денежнаго обращенія (конвертированіе и досрочные выкупы государственныхъ займовъ, реформа денежнаго обращенія) и въ области желѣзнодорожнаго строителства (Сибирская желѣзная дорога и пр.). При помощи восполненій отъ государственнаго казначейства широко раздвинуты обороты казеннаго хозяйства—увеличена сѣть казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, вводятся казенная продажа питей. Однако, финансовыя успѣхи этого періода не опирались на соотвѣтствующій подъемъ экономическаго благосостоянія массы населенія. Главнымъ источникомъ государственныхъ поступленій являлись косвенные налоги, умноженіе которыхъ и въ смыслѣ увеличенія предметовъ обложенія (новые налоги на керосинъ, спички), и въ смыслѣ повышенія нормъ обложенія (податіе акциза питейнаго, сахарнаго, табачнаго) носило почти исключительно фискальный характеръ. На ряду съ ростомъ косвеннаго обложенія плодъ повышенія покровительственныхъ таможенныхъ пошлинъ, при чемъ и косвенные налоги, и таможенные пошлины одинаково падали на наименѣе состоятельную часть населенія. Паденіе уровня народнаго благосостоянія выражается какъ въ безостановочномъ ростѣ недомогъ, такъ и въ ужасающихъ бѣдствіяхъ крестьянскаго населенія въ годы неурожаа. Экономическая малообеспеченность сопровождается задержкой умственного и правового развитія массы населенія. Такимъ образомъ передъ Р. все еще стоятъ тѣ же основныя задачи внутренней политики, которыя намѣчены въ 60-хъ годахъ XIX в., какъ результаты произведенныхъ тогда коренныхъ преобразованій государственнаго и общественнаго быта. Новый періодъ въ исторіи Р., начавшійся реформами 60-хъ годовъ, еще не завершился ко времени наступленія XX вѣка. Главные труды по общей исторіи Р.: С. М. Соловьевъ, «Исторія Р. съ древѣйшихъ временъ»; В. О. Ключевскій, автографированный курсъ по русской исторіи; П. Н. Миллюковъ, «Очерки по исторіи русской культуры»; Leroxy-Beaulieu, «L'empire des tsars et les russes». Подробныя указанія на литературу см. выше, въ историографіи, а также въ отдѣльныхъ статьяхъ по русской исторіи.

А. Л. Кизевейтеръ.

Д. Малороссія. 1) Исторіографія. Интересъ къ изученію малорусской исторіи сталъ пробуждаться среди малороссовъ во второй половинѣ XVIII в. Попытки изложенія малорусской исторіи были, впрочемъ, и раньше, но онѣ носили только лѣтописный характеръ. Таковы лѣтописи Самовидца, Самойла Величка,

Григорія Грабянки. Толчекъ къ изученію исторіи Малороссіи дали событія, связанныя съ послѣдними годами гетманства Разумовскаго, началомъ управленія Малороссіей Румянцова и Екатерининской комиссіей для составленія новаго уложенія. Правительство, задумавъ реформировать малорусскій строй, стремилось привести его въ извѣстность и показать состоятельность его въ жизни. Это вызвало со стороны малорусскихъ патриотовъ защиту старыхъ учреждений и основъ жизни съ исторической точки зрѣнія. Однимъ изъ первыхъ между ними былъ Григорій Полетика. Ему принадлежить большое собраніе документовъ, относящихся къ исторіи Малороссіи, большая часть котораго находится въ настоящее время въ библиотекѣ кіевскаго унив. Часть бумагъ Поветики приобрѣтена В. В. Тарновскимъ и находится въ его собраніи («Кіевская Старина», 1891, т. 33, стр. 97). Кромѣ «Возраженія на наставленіе малороссійской коллегіи депутату Дм. Натальнну» («Чтенія въ Общ. Ист. и Др.», 1851, III) и «Мнѣнія на читанный въ комиссіи проектъ правамъ благородныхъ» («Сб. Рус. Ист. Общ.», т. XXXVI), Поветикой были составлены до сихъ поръ еще не напечатанный сборникъ «правъ и привилегій малорусскаго шляхетства» (библ. кіевск. университета). Съ его именемъ соединяется также составленіе «Исторіи руссовъ», которую долго приписывали преосвященному Георгію Конисскому. Послѣ Поветики собраніемъ историческихъ документовъ въ Малороссіи XVIII вѣка занимался А. И. Чепа, богатое собраніе котораго погибло; частью его пользовался позже Бантишъ-Каменскій («Кіев. Старина», 1890, т. XXIX; 1891, т. XXXII; 1893, т. XL), затѣмъ В. Г. Поветика («Кіев. Старина», 1893, т. XL). Ф. О. Туманскій напечаталъ въ своемъ «Россійскомъ магазинѣ» «Лѣтописель Малыя Р.», а В. Г. Рубанъ издалъ въ 1777 г. «Краткую лѣтопись Малыя Р. съ 1506 по 1776 г.». Ко второй половинѣ XVIII в. относятся также «Краткое описаніе о козацкомъ малороссійскомъ народѣ» Петра Симонюскаго, «Лѣтописное повѣствованіе о Малой Р.» Ригельмана (оба труда изданы О. М. Бодянскимъ) и «Черниговскаго намѣстничества топографическое описаніе» А. Шафонскаго, первая часть котораго посвящена исторіи. Въ 1798 г. Я. М. Маркевичъ издалъ «Записки о Малороссіи, ея жителей и произведенія», представляющія собой результатъ очень серьезнаго и добросовѣстнаго изученія (см. «Кіев. Старина», 1894, т. 47, стр. 351). Въ началѣ XIX в. В. Ломиковскій собираетъ «припасы для малоросск. исторіи», надѣясь, что кто-нибудь займется ихъ обработкой; онъ же составляетъ «Словарь малорусской старины», гдѣ объяснены многіе предметы стараго малорусскаго строя («Кіев. Старина», 1894, июль). М. Ф. Берлинскій дѣятельно занимается изслѣдованіемъ разныхъ вопросовъ, преимущественно археологическаго и топографическаго характера («Кіев. Старина», 1896, т. 55). Въ 1805 г. явилось въ свѣтъ «Историческое извѣстіе о возникшей въ Польшѣ уніи», Н. Н. Бантиша-Каменскаго, не потерявшее значенія и до сихъ поръ, а въ 1822 г. — «Исторія

Малой Р.), Д. Н. Бантыш-Каменского, переизданная съ измѣненіями въ 1830 г. (см. Карповъ, «Критическій обзоръ разработки главныхъ русскихъ источниковъ, до Малороссіи относящихся», гл. II). Это былъ первый систематическій обзоръ исторіи Малороссіи, имѣвшій, не смотря на всѣ свои недочеты, большое значеніе въ разработкѣ малорусской исторіи. Почти въ одно время съ Бантыш-Каменскимъ писалъ свою «Исторію Украины» и А. И. Мартосъ, но сочиненіе его осталось ненапечатаннымъ, за исключеніемъ только двухъ отрывковъ въ «Сѣвер. Архивъ», 1822—23 г. («Кіев. Старина», 1895, февраль). Въ 1842—43 г. издалъ свою «Исторію Малороссіи» Н. Маркевичъ; но сочиненіе это, основанное главнымъ образомъ на малодосто- вѣрной «Исторіи руссовъ», лишено серьезнаго научнаго значенія. Съ 1830-хъ гг. строго-критическія статьи М. А. Максимовича кладутъ начало дѣйствительно научному изученію малорусской исторіи. Въ 1843 г. при генерал-губернаторѣ Бибиковѣ въ Кіевѣ была учреждена «Коммиссія для разбора древнихъ актовъ», издавшая множество документовъ и затронувшая много вопросовъ, преимущественно, по исторіи правобережной Малороссіи. Спб. археографическая коммиссія издаетъ въ высшей степени важныя для исторіи Малороссіи «Акты Зап. Р.» и «Акты, относящіеся къ исторіи Южной и Зап. Р.»; не мало сдѣлала и коммиссія виленская (II, 223). Очень многимъ обязана малорусская историографія О. М. Бодянскому, который, въ бытность свою секретаремъ московскаго общества исторіи и древностей, напечаталъ въ «Чтеніяхъ» этого общества множество важныхъ матеріаловъ по исторіи Малороссіи. Въ 1850-хъ гг. М. О. Суднико издаетъ «Матеріалы для отечественной исторіи» и «Географическое описаніе черниговскаго намѣстничества», П. А. Кулішъ — «Записки о Южной Руси», Н. М. Вѣлозерскій — «Южно-русскія лѣтописи». Появленіе въ свѣтъ новыхъ памятниковъ и документовъ вызвало и новые труды по исторіи Малороссіи. Въ 1848 г. С. М. Соловьевъ напечаталъ «Очерки исторіи Малороссіи до соединенія ея съ Великою Р.» («Отеч. Зап.», 1848—49). Съ конца 1850-хъ гг. систематическимъ занятіямъ малорусской исторіей посвящаетъ себя Н. И. Костомаровъ; его монографіи обнимаютъ собой время отъ начала казачества до первой половины XVIII в. (Богданъ Хмельницкій, Выговскій, Юрій Хмельницкій, Руина, Мазепа и Мазепинцы и др.). Въ концѣ 1850-хъ же годовъ начинаютъ появляться въ свѣтъ и труды по исторіи Малороссіи А. М. Лазаревского («Поспѣлые крестьяне», «Очерки малорусскихъ фамилій», «Полуботокъ» и др.). Особенно усиливается малорусская историографія съ начала 1860-хъ годовъ. Этому способствовали общее настроеніе эпохи, пробуждавшее у интеллигенціи любовь къ народу, интересъ къ его настоящему и прошедшему. Центромъ научной разработки малорусской исторіи становится теперь Кіевъ. Всего болѣе сдѣлала для нея «Коммиссія для разбора древнихъ актовъ», гдѣ съ 1863 по 1882-й годъ первенствующую

роль играли профессоры кіевского унив. В. Б. Антоновичъ. Въ предисловіи къ пятому ряду томовъ «Архива Юго-зап. Р.», издаваемого коммиссіей, появился рядъ трудовъ его о казачествѣ, крестьянствѣ, городахъ, шляхтѣ въ Юго-зап. краѣ. Часть этихъ трудовъ потомъ вошла въ I-й т. его «Монографіи по исторіи зап. и юго-зап. Р.». Въ «Архивѣ» печатали также свои труды Ф. Г. Лебединцевъ (о Мелхиседекѣ Значко-Яворскомъ), С. А. Терновскій (о подчиненіи кіевской метрополіи московскому патріархату), И. П. Новицкій (о крестьянахъ въ юго-зап. Р. въ XVI—XVII в.), О. И. Левицкій (о церковно-религіозныхъ отношеніяхъ въ юго-зап. Руси въ XVI—XVII стол.), въ болѣе позднее время М. Ф. Владимирскій-Будановъ, заступившій съ 1882 г. въ коммиссіи мѣсто В. Б. Антоновича (о колонизаціи юго-зап. Р.), С. Т. Голубевъ (памятники литературной полемики южно-руссковъ съ латино-уніатами) и др. Немало содѣйствовали разработкѣ малорусской исторіи и кіевская духовная акад. (труды И. И. Малышевскаго, Ф. Терновскаго, П. А. Лашкарева, Н. И. Петрова, С. Т. Голубева и др.), недолго существовавшій юго-зап. отдѣлъ географическаго общества, издавшій, между прочимъ, сочиненія М. А. Максимовича, и историческое общество Нестора лѣтописца, въ «Чтеніяхъ» котораго печатались историческіе матеріалы (Н. П. Далкевичъ, «25-лѣтіе историческаго общества Нестора Лѣтописца»). Въ 1882 г. основана «Кіевская Старина» (см.), главный въ настоящее время органъ по разработкѣ малорусской исторіи. Съ основаніемъ въ 1880-хъ годахъ въ Харьковѣ историко-филологическаго общества, послѣднее пришло на помощь Кіеву въ разработкѣ малорусской исторіи и въ своемъ «Сборникѣ» помѣстило не мало статей и документовъ по малорусской исторіи (Д. И. Багалія, Д. П. Миллера, В. А. Мякотина, М. М. Плохинскаго, А. А. Русова и др.). Съ занятіемъ каведры русской исторіи въ Львовѣ проф. М. С. Грушевскимъ «Записки научоваго товариства имени Шевченка» сдѣлались важнымъ пособіемъ для изученія Малороссіи, преимущественно правобережной. Изъ отдѣльныхъ трудовъ, помѣщенныхъ съ 1880-хъ годовъ въ разныхъ журналахъ, важны: «Слѣды общинаго земледѣлія въ лѣвобережной Украинѣ въ XVIII в. («Отеч. Записки», 1882), «Сябры и сябренное земледѣліе въ Малороссіи» («Сѣв. Вѣстн.», 1889), «Займанщина и формы займочнаго владѣнія въ Малороссіи» («Юрид. Вѣстникъ», 1890)—проф. Лучинскаго, «О магдебургскомъ правѣ въ лѣвобережной Малороссіи» («Журн. Мин. Народн. Просв.»)—проф. Багалія, о прикрѣпленіи крестьянъ («Рус. Богатство»)—В. А. Мякотина; «Крестьянское земледѣліе въ Полтавскомъ у.»; о происхожденіи малорусскаго дворянства («Вѣстн. Европы»)—А. Я. Ефименко, о малорусскомъ духовенствѣ («Чтенія въ Общ. Ист. и Древ.», 1899)—В. Эйнгорна. Ср. А. Лазаревскій, «Опытъ указателя источниковъ для изученія малорусскаго края»; Г. Ф. Карповъ, «Критическій обзоръ разработки русскихъ источниковъ, до исторіи Малороссіи относящихся»

(М., 1870); А. Н. Пыпинъ, «Исторія русской этнографіи» (т. III); В. С. Иконниковъ, «Опытъ русской исторіографіи»; Д. И. Багалъй, «Новый историкъ Малороссіи»; О. И. Левинскій, «Пятидесятилѣтіе кievской комиссіи для разбора древнихъ актовъ»; Н. П. Дашкевичъ, «25-лѣтіе историческаго Общества Лѣтописца Нестора».

2) Исторія Малороссіи. *Территорія.* Подъ именемъ Малороссіи разумѣются, обыкновенно, нынѣшнія Черниговская и Полтавская губерніи, но въ историческомъ смыслѣ понятие Малороссіи гораздо шире; она обнимала собою, сверхъ того, теперешній Юго-зап. край (т. е. губерніи Кіевскую, Подольскую и Волинскую), заходя порой и въ теперешнюю Галицію, Бессарабію, Херсонщину. Рѣкою Днѣпромъ Малороссія дѣлилась на правобережную и лѣвобережную. На указанной территоріи въ удѣльно-вѣчевой періодъ существовали княжества Чернигово-сѣверское, Переяславское, Кіевское, Волинское, Подольская земля, отчасти княжества Галицкое и Туровское. Татарское нашествіе разорило и обезселило территорію позднѣйшей Малороссіи. Количество населенія уменьшилось до того, что Погодинъ выставилъ гипотезу, будто-бы все оно ушло куда-то на сѣверъ, а на мѣсто его явилось новое населеніе изъ-за Карпатъ. Но М. А. Максимовичъ, въ своей статьѣ: «О мнѣніемъ запустѣнія Украины въ нашествіе Батыево и населенія ея новопрішлымъ народомъ» («Соч.» т. I), а вслѣдъ за нимъ В. В. Антоновичъ, въ ст. «Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XVI столѣтіе» («Монографія», I), рядомъ фактовъ доказали, что полного запустѣнія малорусской территоріи послѣ татарскаго нашествія не было, что населеніе ея нигдѣ не уходило и никакой народъ въ южную Русь не переселялся, хотя частичной колонизаціи отрицать нельзя. Послѣ Батыева нашествія, когда власть русскихъ князей на югѣ ослабла, южная Русь подпала подъ власть Литвы (см. Литовско-русское государство, XVII, 818), а когда Литва, по люблинской уніи 1569 г., окончательно соединилась съ Польшею—то подъ власть Польши. При литовскихъ князьяхъ возникло казачество, съ появленіемъ котораго и начинается политическая жизнь малорусскаго народа.

Теорія происхожденія казачества. Вопросъ о возникновеніи казачества далеко не выясненъ въ исторической литературѣ. Въ XVII вѣкѣ онъ разрѣшался путемъ филологич. Находя сходство въ созвучіи словъ *козакъ* и *коза*, поляки Писецкій и Коховскій объясняли, что казаками назывались тѣ люди, которые на своихъ лошадяхъ были быстры и легки, какъ козы. Въ XVIII в. такимъ же вышнѣмъ филологическимъ путемъ, основываясь на созвучіи въ названіяхъ, начинаютъ видѣть въ казакахъ остатки или потомковъ различныхъ народовъ. Грабянка, а за нимъ Ригельманъ производили казаковъ отъ хозаръ; Янъ Потоцкій видѣлъ въ казакахъ потомковъ тѣхъ кочевыхъ, которыхъ великій князь Мстиславъ Владиміровичъ поселилъ, въ XI в., въ Черниговщинѣ. По мнѣнію Таги-

цева, въ Египтѣ былъ городъ Черказъ (отъ него и казаки впоследствии у русскихъ людей назывались черкасами), жители котораго переселились на Кавказъ и стали называться косогами. Изъ Кавказа выводилъ казаковъ и Петръ Симоновскій, сближая римское названіе Гиркани (область на Кавказѣ) съ латинскимъ словомъ *hircus*—козелъ. Польскій историкъ Духинскій и поэтъ Падура создали въ своей фантазіи цѣлый народъ съ именемъ казаковъ. Кромѣ филологическихъ, были и другія попытки объяснить происхожденіе казаковъ. Польскій историкъ Кромеръ и русскій кн. Щербатовъ видѣли въ казакахъ остатки половцевъ, Волгетеръ, въ «Histoire de Charles XII»—остатки татаръ, Карамзинъ, Соловьевъ, Миллеръ, Самчевскій, Броневскій—потомковъ тюркскаго племени, жившаго на югѣ Р. и известнаго подъ именемъ Черныхъ клобуковъ. Доказать реальную связь между казаками и этими народами невозможно: свѣдѣнія о черныхъ клобукахъ и половцахъ прекращаются съ XIII в., извѣстія же о казакахъ начинаются съ XVI. Правильнѣе объяснять происхожденіе казачества условіями жизни того народа, изъ котораго вышли казаки. Уже въ XVI в. польскій лѣтописецъ Мартынь Вѣльскій, дядя котораго былъ первымъ старшиною въ казацкомъ войскѣ въ началѣ XVI в., говорить, что казачество выдѣлилось изъ народа, благодаря умственному складу и характеру нѣкоторыхъ лицъ. Вглядѣвъ Вѣльскаго раздѣлялъ и французскій инженеръ Бопланъ, около 20 лѣтъ пробывшій на Украинѣ и сморгнвшій на казачество какъ на классъ рыцарей, а также и украинскій лѣтописецъ Самойлъ Величко. Костомаровъ считаетъ казаковъ за мѣщанъ, которые ходили сначала на югъ на промыслы; условіями жизни они принуждены были вооружаться и вести военный образъ жизни. Карповъ и Тучасовъ связываютъ казачество съ княжескою дружиною, проф. Н. П. Дашкевичъ—съ Болоховскою землею, проф. П. В. Голубовскій—съ «бродниками», которые еще въ княжескія времена занимали степныя мѣста. Въ 1863 г., въ «Архивѣ Юго-зап. Р.», проф. В. В. Антоновичъ высказалъ мысль, отъ которой впоследствии, послѣ рѣзкой критики М. А. Максимовича, рѣшительно отказался, о связи казачества съ древне-русскими вѣчевыми общинами. Мнѣніе Максимовича («Соч.», т. I), къ которому въ послѣднее время примкнулъ и которое наиболѣе полно обосновалъ В. В. Антоновичъ въ своей статьѣ: «Кіевъ, его судьба и значеніе въ XIV—XVI в.», сводится къ слѣдующему. Въ литовскомъ государствѣ вся земля считалась собственностью правительства и была подѣлена на службы, по 200 десятинъ, приблизительно, въ каждой. Службы эти раздавались всякому желающему, подъ условіемъ выставлять съ каждой службы по одному вооруженному воину. Не исполнялось это условіе—служба отбиралась. Одно лицо могло владѣть нѣсколькими службами. Вся территорія литовскаго княжества была раздѣлена на земли и повѣты. Въ каждомъ повѣтѣ былъ замокъ, въ которомъ сидѣлъ повѣтовый староста, соединявшій въ своихъ ру-

нах роль главнаго администратора, судьи и войскового начальника. На обязанности старосты пограничных повѣтов лежала защита границъ отъ нападенія непріятелей. Въ концѣ XV в. крымскій ханъ Менгли-Гирей разорилъ южную Украину. Остатки жителей, не перебитыхъ или не захваченныхъ въ плѣнъ, убѣжали на сѣверъ, въ Волинь и Полѣсье. Обширное пространство земли въ повѣтахъ Киевскомъ, Переяславскомъ, Каневскомъ, Черкасскомъ, Брацлавскомъ и Винницкомъ оставалось пустыней; не находилось людей, которые-бы хотѣли брать тамъ «службы». Пограничные старосты, для защиты границъ, стали раздавать «службы» или сельскимъ общинамъ, или отдѣльнымъ лицамъ не-шляхетскаго происхожденія, съ обязанностию нести военную службу: отсюда и возникло казачество. Первое упоминаніе о казакахъ встрѣчается въ концѣ XV в. въ хроникѣ Бѣльскаго, который говорить, что въ 1481 г., во время похода поляковъ противъ татаръ, проводниками поляковъ были казаки. Въ 1491 г. на галицкомъ Подолѣ произошло возстаніе селянъ противъ шляхты; Кромеръ и Бѣльскій говорятъ, что во главѣ возставшихъ былъ казакскій атаманъ Муха. Въ документахъ казаки упоминаются въ первый разъ въ 1499 г., когда въ «привилеѣ», данномъ вел. княземъ Александромъ г. Києву, было опредѣлено, какое мыто мѣщане должны брать съ казаковъ за рыбальскій промыселъ. Въ позднѣйшее время теорію, высказанную въ 1863 г. В. Б. Антоновичемъ, снова выдвинулъ И. М. Каманинъ, въ трудѣ своемъ «Къ вопросу о казачествѣ до Богдана Хмельницкаго» (Кіевъ, 1894). Казачество, по его мнѣнію—«исконное земледѣльческое и земледѣльческое туземное южно-русское населеніе, сознающее свою національную особость и преданное своей вѣрѣ, которое, признавъ сначала добровольно власть татаръ, а потомъ перейдя подъ владычество Литвы, при вторженіи въ его жизнь чуждыхъ шляхетско-католическихъ началъ стало стремиться къ освобожденію, къ выработкѣ собственныхъ формъ; но, вслѣдствіе отсутствія сильной центральной власти, соединеннаго польско-турецкаго давленія извнѣ, постоянныхъ смутъ внутри, оно вынуждено было развиваться лишь въ многосторонней, обезсиливавшей его борьбѣ, которая и составляетъ отличительную черту казакской исторіи». Мнѣніе И. М. Каманина подвергъ критикѣ М. К. Любавскій, въ статьѣ: «Начальная исторія малорусскаго казачества» («Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1895, VII). По мнѣнію М. К. Любавскаго, «исторія малорусскаго казачества не представляетъ процесса, отличнаго отъ того, какой представляетъ исторія великорусскаго казачества. Какъ въ Великороссіи, такъ и въ Малороссіи казакъ является сначала отхожимъ промышленникомъ, ищущимъ заработка на сторонѣ, чаще всего на степномъ приволжѣ. Это степное приволжье притягиваетъ къ себѣ выходцевъ изъ разныхъ мѣстностей Руси, чаще всего изъ окраинныхъ. Выходцы, въ видахъ самозащиты, группируются въ вооруженныя товарищества, вокругъ отдѣльных вожаковъ—атамановъ. Съ теченіемъ времени

степи начинаютъ колонизоваться этими выходцами, которые устраиваются въ нихъ на постоянное житье, сохраняя свою военную и общинную организацію. Въ степяхъ появляются казакскіе хутора, казакскія слободы, являются домовитые казаки, начинается земледѣліе. Такъ было и въ бассейнахъ Днѣпра, такъ и въ бассейнахъ Дона. Казаки—не остатки какихъ-то древне-славянскихъ воиныхъ общинъ на пограничьи русской осѣдлости, а вооруженныя артели промышленниковъ, вытянутыхъ изъ предѣловъ этой осѣдлости пустою степей. Съ пограничья шло въ степь больше всего народа, но и внутреннія области государства давали въ казачествѣ извѣстный процентъ... Весьма вѣроятно, что самое слово «казакъ» зародилось въ турко-татарской сферѣ и отсюда перешло и въ генуэзскія колоніи, и на Русь, для обозначенія добычника, степного промышленника, человека, живущаго отхожими промыслами. Съ теченіемъ времени оно стало прилагаться къ тому разряду людей, которые въ нашихъ лѣтописяхъ и венгерскихъ грамотахъ называются бродниками... Какъ казакское земледѣліе не было исконнымъ фактомъ, а развилось съ теченіемъ времени, такъ и казакская автономія, казакская политическая свобода не была исконнымъ фактомъ, а развивалась съ теченіемъ времени».

Казачество до Богдана Хмельницкаго. Въ началѣ XVI вѣка количество казаковъ значительно увеличилось. Они не только обороняютъ край отъ татаръ, но и сами дѣлаютъ на нихъ нападенія. Позднѣйшія лѣтописи называютъ за это время нѣсколькихъ гетмановъ; по мнѣнію В. Б. Антоновича, это были, вѣроятно, старосты. Староста черкасскій и каневскій Остапъ Дашкевичъ одержалъ значительную побѣду надъ татарами и предлагалъ литовскому великому князю дать казакамъ организацію; но его не послушали. Когда число казаковъ увеличилось, они стали оборонять не только границы государства, но и тѣ земли, куда они ходили на промыслы и которыя назывались, поэтому, «уходами». Люди, ходившіе туда на промыселъ, обязаны были, по возвращеніи домой, давать десятину заработка старостамъ. Последніе были, такимъ образомъ, заинтересованы въ оборонѣ «уходовъ». Въ половинѣ XVI в. староста каневскій и черкасскій, Дмитрій Вишневецкій, для защиты уходовъ организовалъ контингентъ казаковъ, поочередно ходившихъ внизъ по Днѣпру. Тамъ, на Хортицѣ или на Томаковскомъ о-вѣ, они построили крѣпость, которая сдѣлалась зерномъ Запорожской Сѣчи (см. XII, 275). Для исторіи казачества и малорусскаго народа вообще особое значеніе имѣла люблинская унія. Польское право и польскіе порядки стали распространяться на Литву и на Малороссію. Польша не знала свободнаго сельскаго населенія, между тѣмъ какъ въ Литвѣ около 9/10 крестьянъ были вольными хлѣбопашцами. Съ введеніемъ въ Литвѣ польскаго права они подпадали обращенію въ крѣпостныхъ. Казаки еще менѣе укладывались въ государственный строй, чѣмъ свободные крестьяне; а между тѣмъ уничтожить ихъ не было возможности. Король Стефанъ Баторій стремился организо-

вать казачество уже существующее, свести число его до минимума и положить предѣлъ дальнѣйшему его росту. Онъ раздѣлилъ казаковъ на 6 полковъ, по 1000 человекъ въ каждомъ; каждый казакъ имѣлъ по два подпомощника. Казаки сами выбирали себѣ старшаго, котораго польское правительство называло старшимъ войска запорожскаго, казаки же — гетманомъ. Реформа Стефана Баторія не была утверждена сеймомъ и, слѣдовательно, не получила силы закона. Распространеніе въ Литвѣ крѣпостного права способствовало бѣгству крестьянъ и переходу ихъ въ казачество. Количество казаковъ уже при Стефанѣ Баторіи далеко перешло норму, имъ установленную, а 50 лѣтъ спустя перепись насчитывала до полумилліона казаковъ. Кромѣ крестьянъ, въ составъ казачества входили и другіе недовольные элементы, напримѣръ многие изъ околничей шляхты, которой выгодно было пользоваться казацкой свободой, нежели нести службу господамъ замковъ. Польское правительство не могло равнодушно къ этому относиться. Поводомъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ противъ казачества послужила попытка Ивана Волошина или Подковы, которому помогали запорожцы, занять молдавскій престолъ. Стефанъ Баторій запретилъ давать запорожцамъ селитру, порохъ, свинецъ, съѣстные припасы. Въ 1589—1590 г. сеймъ издалъ первое постановленіе относительно Запорожца: «Порядокъ со стороны Низу и Украины». Оно заключало въ себѣ рядъ суровыхъ правилъ въ за неисполненіе ихъ грозило смертю. Результатомъ этихъ мѣръ была реакція со стороны казачества. Въ XVI в. мы знаемъ два казацкихъ возстанія — Косинскаго и Наливайко. Косинскій — вѣроятно одинъ изъ тѣхъ безземельныхъ шляхтичей, которые искали себѣ счастья среди казаковъ — началъ съ казаками отрядомъ, въ 1591 г., на Вілную Церковь, забралъ здѣсь деньги и драгоценности и уничтожилъ всѣ оффиціальныя бумаги. Послѣ этого онъ на цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ скрылся гдѣ-то въ степи, но возстаніе, поднятое имъ, не прекратилось: вся Кіевщина и Брацлавщина были покрыты небольшими отрядами своевольниковъ, которые грабили землянъ и мѣщанъ. Волненіе распространилось на Волинь и Подолю. Осенью 1592 г. возвратился изъ стѣн Косинскій, съ хорошо вооруженнымъ войскомъ, собиралъ подати съ народа, требовалъ отъ шляхты и мѣщанъ «послушенства» и присяги на вѣрность казачеству. 2 февр. 1593 г. онъ былъ разбитъ при м. Пяткѣ польскими войсками, явившись съ повинной и былъ прощенъ, но скоро опять выступилъ противъ князя Вишневецкаго. Походъ этотъ былъ неудаченъ; самъ Косинскій былъ убитъ. Вслѣдъ за его смертю издано было новое постановленіе относительно запорожскихъ казаковъ, по которому они объявлялись врагами и измѣнниками отечества. Въ томъ же 1593 г. Наливайко, гравившій въ Брацлавщинѣ, вступилъ въ соглашеніе съ запорожскимъ гетманомъ Лободой. Въ слѣдующемъ году соединенныя ихъ силы встрѣтились, недалеко отъ Вілной Церкви, съ польскими войсками подъ начальствомъ гетмана

Жолтѣвскаго. Битва была жестокая, уронъ съ обѣихъ сторонъ большой; казаки отступили къ Кіеву въ боевомъ порядкѣ и переправились на лѣвый берегъ Днѣпра. Близъ Лубенъ произошло рѣшительное сраженіе: Лобода былъ убитъ, Наливайко взятъ въ плѣнъ и казненъ въ Варшавѣ. Изъ 10 тысячъ казацкаго войска спаслось только около 1500, подъ начальствомъ Кремискаго, избраннаго атаманомъ вмѣсто Лободы. Возстаніе казаковъ на время затихаетъ. Въ казачествѣ появляется партія, имѣвшая въ виду мирное сближеніе съ поляками. Въ 1596 г. была провозглашена брестская религиозная унія: къ политической и экономической причинамъ раздора между казаками и поляками присоединились причины религиозныя. Въ борьбѣ между уніей и православіемъ казаки приняли сторону послѣдняго. Въ 1597 г. на короткое время вожаками волницы являются Метла и Гедригъ; затѣмъ польское правительство признаетъ старшимъ Тихона Байбузу, но казачество противопоставляетъ ему Полузу. Въ 1599 г. началась у поляковъ война съ Молдавіей. Коронный гетманъ Замойскій обратился за помощью къ запорожцамъ и получилъ ее подъ условіемъ, чтобы съ нихъ была снята невинно-наложенная банниція и выдано жалованье. Своими успѣхамъ въ Молдавіи поляки многимъ были обязаны казакамъ; коронный гетманъ общалъ хлопотать у короля объ удовлетвореніи просьбъ запорожцевъ, но общеніе это остались неисполненнымъ. Въ началѣ XVII в. на Запорожьиъ появляется Конашевичъ-Сагайдачный, человекъ талантливый, хорошій полководецъ и организаторъ. Не будучи еще гетманомъ, онъ прославилъ себя цѣлымъ рядомъ удачныхъ походовъ въ Турцію и Крымъ, вызывавшихъ неудовольствіе польскаго правительства: казаки считались подданными Польши, а потому ихъ походы признавались нарушеніемъ мирныхъ отношеній между Турціей и Польшею. Въ 1617 г. между короннымъ гетманомъ Жолтѣвскимъ и Конашевичемъ былъ заключенъ договоръ, по которому послѣдній обязался не ходить въ турецкую землю. Когда, вслѣдъ затѣмъ, польское правительство обратилось къ казакамъ съ просьбою о помощи въ войнѣ съ Россіей, Сагайдачный согласился, но при этомъ заключилъ съ поляками договоръ, который цѣлкомъ не дошелъ до насъ и содержаніе его не вполне ясно: кажется, Сагайдачный былъ признанъ кошевымъ на Запорожьиъ и ему дана была власть надъ Кіевскою Украиною. Сеймъ не утвердилъ договора; Сагайдачный отступился отъ Кіева и занялся организаціей казацкихъ полковъ. Въ то время контингентъ казаковъ значительно увеличился, благодаря усиленному бѣгству крестьянъ на Запорожье, и польское правительство должно было сдѣлать уступки казакамъ, такъ какъ грозила война съ турками. Когда король вновь обратился за помощью къ казакамъ, Сагайдачный согласился, но задумалъ провести двѣ въ высшей степени важныя мѣры: независимость отъ унии и автономію казачества. Въ то время пробѣдова на Украинѣ былъ іерусалимскій патріархъ Теофанъ. Конашевичъ обратился къ нему съ

просьбой возстановить православную церковь въ томъ видѣ, какъ она была до брестской уніи. Патриархъ согласился; король Сигизмундъ III, не смотря на свой религіозный фанатизмъ, не протестовалъ, но требовалъ, чтобы вся реформа оставалась въ тайнѣ. Это было невозможно: уже ближайшій сеймъ опротестовалъ реформу Конашевича. Уничтожить ее, однако, нельзя было, особенно въ виду войны съ турками. Другимъ условіемъ помощи полякамъ въ этой войнѣ было: со стороны казаковъ право выбора ими гетмана и старшины. Сагайдачный первый сталъ называться гетманомъ. Получивъ признаніе въ этомъ достоинствѣ, онъ потребовалъ выдачи Бородавки, который былъ старшимъ и держалъ сторону поляковъ. Бородавка былъ преданъ суду и разстрѣлянъ предъ казацкимъ таборомъ. Послѣ этого Сагайдачный пошелъ, вмѣстѣ съ короннымъ гетманомъ Ходкевичемъ, противъ турокъ и содѣйствовалъ побѣдѣ подъ Хотиномъ (1621); во время битвы онъ получилъ смертельную рану. Реформа казачества въ демократическомъ смыслѣ, произведенная Сагайдачнымъ, не находила признанія со стороны польскаго правительства, которое при всякомъ удобномъ случаѣ стремилось ее уничтожить. Это повело къ цѣлому ряду казацкихъ возстаній. Первое изъ нихъ было въ 1625 г. Гетманомъ въ Запорожьѣ выбрали Жмайла, и, по установившемуся обычаю, онъ считался гетманомъ всего казачества. Въ это время уніаты рѣшили отобрать у православныхъ всѣ кіевскія церкви. На помощь кіевлянамъ двинулись запорожцы, подъ предводительствомъ Жмайла. На границѣ теперешнихъ губерній Кіевской и Херсонской, у Куруковаго озера, въ урочищѣ Медвѣжьи Лозы, казаки встрѣтили польское войско. Произошла битва, не совсѣмъ удачная для казаковъ. Они принуждены были низложить съ гетманства Жмайла и выбрать на мѣсто его Михаила Дорошенка, который былъ утвержденъ польскимъ правительствомъ. Въ то же время казаки заключили съ поляками такъ наз. *куруковский договоръ*: казакамъ былъ оставленъ ихъ судъ, право выбирать гетмана и старшину; поляки обязывались платить казакамъ жалованье въ 60 тыс. злотыхъ ежегодно; зато число казаковъ было ограничено 6 тысячами и они обязывались не нападать на турокъ. Разъ что число казаковъ было ограничено, остальные должны были быть возвращены въ крѣпостное состояніе. Фактически это невозможно было исполнить. Въ 1627 г. польское правительство потребовало казаковъ въ походъ противъ шведскаго короля. Дорошенко собралъ въ Каневѣ раду, на которой было рѣшено отказаться отъ этого похода, на томъ основаніи, что поляки пограбили у казаковъ разные пожитки и не пускаютъ ихъ ходить за море. Казаки требовали, чтобы реестры ихъ были увеличены до 10 тыс. и чтобы король прислалъ имъ денегъ и сукна тысячъ на десять. Въ 1628 г., во время неудачнаго похода въ Крымъ, Дорошенко былъ убитъ. На его мѣсто гетманомъ былъ выбранъ Григорій Черный, державшій сторону уніи и поляковъ. Въ 1630 г. въ кіевскомъ округѣ были разставлены поль-

скія войска. Казаки возмущались и убили Чернаго; гетманомъ былъ избранъ Тарасъ Трясило. Противъ Тараса Трясила дѣйствовалъ коронный гетманъ Конецпольскій. Подъ Переяславлемъ казацкій таборъ былъ осажденъ поляками, но взятъ его они не могли. Что сдѣлалось съ Тарасомъ, неизвѣстно; есть предположеніе, что онъ былъ выданъ казаками полякамъ и казненъ въ Варшавѣ. Конецпольскій заставилъ казаковъ выбрать гетманомъ Тимоху Арандаренка, но уже въ 1631 г. Арандаренко былъ смѣненъ и мѣсто него мы встрѣчаемъ Ивана Петрожицкаго-Кулагу. Число реестровыхъ казаковъ при немъ доходило до 30—40 тыс. Когда въ 1632 г. былъ избранъ королемъ Владиславъ IV, православное духовенство получило отъ него привилегію, охранявшую права духовенства. Казаки послали къ новому королю депутацію, прося, чтобы уничтожены были реестры, казаки не были обрабаемы въ крѣпостныхъ и получали голосъ на сеймѣ наравнѣ со шляхтой. Лично король былъ не въ силахъ это сдѣлать, на сеймѣ же объ этомъ и говорить нельзя было. Только угрозами разоренія пановъ въ пограничныхъ воеводствахъ Петрожицкій удержалъ сеймъ отъ протеста противъ привилегіи, данной Владиславомъ православному духовенству. Года на два борьба казачества съ поляками затихаетъ. Казаки въ это время продолжали громить берега Чернаго моря, подъ начальствомъ запорожскаго кошевого Сулимы. Боюсь Турціи, которая, вмѣстѣ съ Москвой, собиралась напасть на Польшу, поляки обязались совершенно изгнать казаковъ изъ Днѣпровскихъ пороговъ. Въ 1635 г. Конецпольскій поручилъ инженеру Боллану построить на Днѣпрѣ, ниже Самары и Князева острова, крѣпость Кодакъ. Запорожцы разорили эту крѣпость. Поляки послали противъ нихъ два полка реестровыхъ казаковъ, вступившихъ съ Сулимой въ переговоры; Сулима доверился имъ, выпустилъ ихъ въ таборъ, а они арестовали его и всю старшину и выдали полякамъ. Сулима былъ казненъ въ Варшавѣ. Весной 1637 г. волновались казаки въ Переяславлѣ; вслѣдъ за тѣмъ вспыхнуло возстаніе на Запорожьѣ, подъ предводительствомъ Павлика или Павлюга. Реестровые казаки, державшіе сторону правительства, отнеслись враждебно къ возстанію Павлика. Они свергли съ гетманства Томиленка и выбрали угоднаго полякамъ Савву Кононовича. Новый гетманъ сталъ угрожать казаковъ прекратить возстаніе, но былъ убитъ. Павликъ и его товарищи Скиданъ не хотѣли, однако, разрывать съ польскимъ правительствомъ и объясняли убійство Кононовича тѣмъ, что онъ былъ чужеземецъ, москаль и неспособенъ къ гетманству. Конецпольскій объявлялъ, что казаки тогда получаютъ прошеніе, если будутъ принимать къ себѣ гетманомъ только того, кого имъ дастъ король, сожгутъ всѣ свои челны и прекратятъ морскіе походы. На это казаки не могли согласиться. 11 октября 1637 г. Павлюкъ издалъ универсалъ, въ которомъ призывалъ всѣхъ русскихъ на защиту вѣры православной противъ поляковъ, которые хотятъ истребить казацкое войско и обратить всѣхъ жи-

телей въ неволю. 8 декабря, подъ с. Кумейками, произошла ожесточенная битва, послѣ которой казаки выдали полякамъ, во главѣ которыхъ стоялъ Потоцкій, Павлика и Томиленка, Скиданъ же ушелъ. Выбрать новаго гетмана Потоцкій не позволилъ, указавъ на то, что казаки все потеряли своимъ бунтомъ. Всѣ выбранные полковники и старшина были отрѣшены; старшимъ былъ назначенъ Ильяшъ Караимовичъ. Павликъ съ четырьмя товарищами былъ казненъ въ Варшавѣ; рѣшено было уничтожить казачество, произведя новый выборъ казаковъ, въ числѣ 6 тыс., и поставивъ начальниками надъ ними польскихъ офицеровъ. Въ 1638 г. снова началось возстаніе на Запорожьи, интересное въ томъ отношеніи, что въ возстаніи этомъ принимали участіе не только казаки, но и крестьяне. Предводителемъ возстанія, Острога, былъ человѣкъ мало способный и нерѣшительный. Онъ разбилъ поляковъ подъ Голтувою, но подъ Жолнинами былъ окончательно разбитъ (13 іюня 1638 г.) и съ частью своего отряда ушелъ въ Московскіе предѣлы, гдѣ основалъ г. Чугуевъ. Это была первая казачья колонія въ Слободской Украинѣ. Казаки выбрали себя въ гетманы Дмитра Гуню. Онъ укрѣпился близъ устья Сулы и долго отбивался отъ поляковъ. Вынужденные недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ, казаки сдались, получивъ обѣщаніе, что ихъ не будутъ преслѣдовать, когда они станутъ расходиться по домамъ. Обѣщаніе это не было сдержано; масса народу была казнена. Казаки были лишены права выбирать себя старшинъ; гетманская власть уничтожена; вмѣсто гетмана былъ назначенъ комиссаръ отъ правительства, Пётръ Комаровскій, съ правомъ определять полковниковъ. Реестръ казаковъ былъ уменьшенъ до 1200 челов.; семьи казаковъ, которые погибли во время послѣднихъ казачьихъ возстаній, были обращены въ крѣпостное состояніе. За казаками оставлены были ихъ наследственные земли, но Потоцкій не привелъ этого постановленія въ исполненіе, сославшись на невозможность межевать земли въ зимнюю пору. Казаки должны были принести присягу въ вѣрности королю и Речи Посполитой; все ихъ оружіе, хоругви, булавы, доспѣхи были въ рукахъ побѣдителей. Казачество, казалось, было уничтожено. Въ періодъ времени съ 1638 по 1648 г. польскіе нани мало-по-малу захватывали въ свои руки громадныя территоріи земли на Украинѣ, обрабатывая населеніе въ крѣпостное состояніе, позволяя себѣ всевозможнаго насилія, наѣзды на имѣнія владѣльцевъ и т. п. Народъ обременяется массой налоговъ; новѣйшіе ученые насчитываютъ ихъ, по документамъ, до 40. Старшіе къ казакамъ назывались поляками. Поляки стѣснили Запорожье и возобновили крѣпость Кодакъ; запорожцы вынуждены были вести кочевой образъ жизни. Множество народу уходило въ Московскіе предѣлы, на Донъ, и тамъ явилось новое, донское казачество. Московское правительство поощряло его. Всѣдствие беззачинности края, татары дѣлали на него постоянныя набѣги, раза по два въ годъ. Все это вмѣстѣ взятое со-

здавало почву для недовольства. Самъ король Владиславъ IV въ значительной степени содѣйствовалъ возстанію, задумавъ обуздать своеволие шляхты. Чтобы осуществить этотъ планъ, онъ рѣшился вступить въ союзъ съ иностранными государствами и привлечь на свою сторону остатки казаковъ. Въ 1646 г. былъ заключенъ общеввропейскій союзъ для изгнанія турокъ изъ Европы; во главѣ союза стала Венеціанская республика. Къ нему примкнулъ и Владиславъ IV и, подъ предлогомъ предстоящей войны съ турками, началъ увеличивать свои военныя силы путемъ найма чужеземцевъ. Въ то же время канцлеръ Оссолинскій отправился къ казакамъ на Украину и вступилъ съ ними въ переговоры, результаты которыхъ намъ неизвѣстны. Замыслы короля не могли долго оставаться тайной. Сеймъ 1646 г. произвелъ слѣдствіе надъ королемъ: онъ былъ обвиненъ въ покушеніи на права шляхты, война съ Турціей не была одобрена. Планы Владислава не удались, а только поселили въ умахъ казаковъ убѣжденіе, что король стоитъ на ихъ сторонѣ, шляхетство же—противъ нихъ. При такомъ положеніи дѣлъ, достаточно было незначительнаго повода, чтобы вспыхнуло возстаніе.

Хмельниччина. Поводомъ къ возстанію 1648 г. послужило чисто личное дѣло одного изъ казачьихъ старшинъ, Богдана Хмельницкаго. Чигиринскій подстароста Чаплинскій напалъ на его домъ, увелъ его жену и тайно обвѣнчался съ ней по католическому обряду. Сынъ Хмельницкаго, десятилѣтній мальчикъ, былъ такъ выстѣбенъ, что скорѣй умеръ. Хмельницкій жаловался, но безуспѣшно; тогда онъ сталъ готовить возстаніе. Коронный гетманъ Потоцкій велѣлъ арестовать его, но ему удалось бѣжать. Вмѣстѣ съ перекопскимъ мурзою Туганъ-беємъ снѣ отправился на Запорожье; запорожцы провозгласили его старшимъ войска Запорожскаго и подъ его начальствомъ, вмѣстѣ съ татарскими войсками, выступили противъ поляковъ. Противники встрѣтились въ степи у урочища *Желтая вода* (въ тепер. Херсонской губ., Александрійскаго у.). Реестровые казаки, на которыхъ рассчитывали поляки, убили своихъ старшинъ и перешли на сторону Хмельницкаго. Стефанъ Потоцкій, командовавшій поляками, хотѣлъ было отступить, но принужденъ былъ вступить въ битву, кончившуюся полнымъ пораженіемъ поляковъ. Пораженіе польскаго войска было такъ неожиданно, что коронный гетманъ Николай Потоцкій (отецъ Стефана) долго не хотѣлъ ему вѣрить. Войско Потоцкаго пошло, около Корсуни, въ засаду. Оба гетмана, коронный Потоцкій и полный Калиновскій, были взяты въ плѣнъ и переданы татарамъ. Послѣ корсунскаго сраженія Хмельницкій заложилъ лагерь у *Вълой Церкви* и оттуда сталъ разсылать по Украинѣ универсалы, возбуждая народъ къ возстанію. Впрочемъ, Хмельницкій не прочь былъ и помириться съ поляками; съ этой цѣлю онъ отправлялъ даже посольство въ Варшаву, съ извѣстительнымъ письмомъ къ королю; но посольство это не застало Владислава IV въ живыхъ. Универсалы Хмел-

ническаго достигали своей цѣли: народъ возставалъ. Отдѣльные отряды (загоны) бродили по Украинѣ, мстя полякамъ и евреямъ. Духовенство дѣйательно возбуждало народъ бороться за вѣру православную. Поляками овладѣлъ панический страхъ. Одинъ только Іеремія Вишневецкій не побоялся выступить противъ казаковъ. Собравъ до 8 тыс. шляхтичей, жившихъ въ его владѣніяхъ, Вишневецкій сталъ нападать на загоны, жестоко поступая съ захваченными въ плѣнъ. Мятѣжъ, однако, разрозстался; «сладить съ нимъ собственными силами Вишневецкій не могъ и долженъ былъ уйти на правую сторону Днѣпра. Переправиться туда онъ могъ только въ Любечѣ, такъ какъ ниже все приднѣпровское населеніе уже примкнуло къ Хмельницкому. Киевъ также былъ въ рукахъ казаковъ. Противъ Вишневецкаго Хмельницкій отправилъ Кривоноса, съ отрядомъ силою до 10 тыс. чел. Хотя во всѣхъ стычкахъ побѣждалъ Вишневецкій, но постоянно принужденъ былъ отступать, боясь возставшихъ крестьянъ. Въ концѣ концовъ онъ распустилъ свое войско и отправился въ Варшаву, гдѣ въ то время должны были происходить выборы короля. Положеніе Подольи было критическое. Казацкое возстаніе охватило всю Украину, отозвалось и въ Бѣлой Руси. Положено было выставить противъ казаковъ 36 тыс. войска, въ видѣ земскаго ополченія. Вишневецкій полагалъ, что его назначать главнокомандующимъ; но его обошли, а избрали трехъ полководцевъ—ученаго юриста сенатора Николая Остророга, сендомирскаго воеводу, изнѣженнаго и привыкшаго къ роскошной жизни князя Доминика Заславскаго, и молодого, неопытнаго Александра Конецпольскаго. Въ помощь имъ былъ назначенъ совѣтъ изъ 10 лицъ. У рѣчки Пилявы (въ Литинскомъ у. нынѣшней Подольской губ.) Хмельницкій встрѣтилъ поляковъ, расположившихся лагеремъ, распустилъ слухъ, что ожидаетъ помощи татаръ и, перерядивъ отрядъ Кривоноса въ вывороченные кожи, такъ напугалъ поляковъ, что они бросились въ бѣгство. Осадивъ Замостье, Хмельницкій послалъ на сеймъ послы съ обещаніемъ прекратить военные дѣйствія, если на польскій престолъ будетъ избранъ Янъ-Казимиръ; вѣроятно, Хмельницкій находился съ нимъ въ сношеніяхъ. Члены сейма, испугавшись угрозы казаковъ, выбрали Яна-Казимира, который потребовалъ отъ Хмельницкаго исполненія его обещанія. Хмельницкій повиновался, отступилъ сначала къ Киеву, затѣмъ къ Переяславу и тамъ ожидалъ польскихъ пословъ для переговоровъ. Посольство прибыло, но поляки не хотѣли дѣлать никакихъ уступокъ. Въ это время къ Хмельницкому приходили послы изъ Крыма, Турціи, Молдавіи, отъ трансильванскаго кн. Ракоци, отъ царя Алексѣя Михайловича. Хмельницкій вновь издалъ универсалъ съ призывомъ на войну. Они имѣли такое дѣйствіе, что всѣ бросали свои занятія и шли въ войско. Въ деревняхъ оставались только старики, калѣки, женщины да дѣти, но и старики нерѣдко ставили вмѣсто себя наемниковъ. Хмельницкій раздѣлилъ весь народъ

на полки, полки на сотни, сотни на курени. Это были дѣленія не только военныя, но и территориальныя (см. ниже). На правой сторонѣ Днѣпра было 12 полковъ, на лѣвой—столько-же; число сотенъ въ полку было неопредѣленно. Названіе «казакъ» потеряло свое специальное значеніе и распространилось на все малорусское населеніе. Собрать войско и дождавшись крымскаго хана, Хмельницкій двинулся вмѣстѣ съ нимъ противъ поляковъ и настигъ ихъ у гор. Збаража. У Хмельницкаго было 150 тыс. войска; онъ окружилъ польскій лагерь и началъ правильную осаду. Противники окопались валами. Положеніе польскаго войска, которымъ на этотъ разъ начальствовалъ Іеремія Вишневецкій, было очень затруднительно, но на выручку его шелъ самъ король. Узнавъ объ этомъ, Хмельницкій оставилъ часть войска подъ Збаражемъ, а самъ двинулся навстрѣчу королю. Арміи встрѣтились въ Галиціи, подъ Зборовымъ. 5 августа 1649 г. произошло сраженіе, кончившееся пораженіемъ поляковъ. Тогда канцлеръ Оссолинскій рѣшилъ употребить хитрость и, войдя въ переговоры съ ханомъ крымскимъ, отдѣлить его отъ Хмельницкаго. Между Польшею и крымскимъ ханомъ заключенъ былъ миръ; поляки должны были дать подарки хану и простить казаковъ. Послѣ этого и Богдану Хмельницкому ничего не оставалось, какъ вступить въ переговоры съ королемъ. 9 августа былъ заключенъ такъ наз. *Зборовскій договоръ*, по которому казаки не получали, въ сущности, ничего новаго; имъ были только подтверждены всѣ права, которыми они когда-либо пользовались. Число войска запорожскаго должно было простираться до 40 тысячъ; составленіе списковъ поручалось гетману; позволялось вписывать въ казаки жителей какъ шляхетскихъ, такъ и королевскихъ имѣній. Евреи не могли жить въ казацкихъ полкахъ; король позволилъ кievскому митрополиту засѣдать въ сенатѣ; всѣ должности и чины въ воеводствахъ кievскомъ, черниговскомъ и брацлавскомъ король обещалъ замѣщать лицами православнаго исповѣданія; русскія православныя школы должны были оставаться въ цѣлости; іезуиты не могли жить въ Киевѣ и другихъ городахъ, гдѣ были православныя школы; казаки и шляхта, приставшая къ нимъ, должны получить прощеніе; договоръ долженъ былъ утверждёнъ на сеймѣ. Когда Янъ-Казимиръ подписать этотъ договоръ, Хмельницкій явился къ нему 10 августа и принёсъ повинную. Зборовскій договоръ вызвалъ неудовольствіе какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Поляки считали для себя униженіемъ уступки, сдѣланныя по договору; казаки скоро увидѣли всю его невыгодность. Сеймъ хотя и утвердилъ договоръ, но послѣ долгихъ и горячихъ преній. Вслѣдъ за этимъ кievскій митрополитъ Сильвестръ Коссовъ прибылъ въ Варшаву, чтобы принять участіе въ засѣданіяхъ сейма. Его къ этому не допустили. Въ то же время Богданъ Хмельницкій началъ составленіе казацкаго реестра. Подъ разными предлогами въ казачество было записано гораздо больше 40 тыс., но все же оставалась масса населе-

нія, которая должна была поступить въ крѣпостное состояніе. Поляки-владѣльцы имѣній начали возвращаться въ свои помѣстья и преслѣдовать тѣхъ, кто казался имъ наиболѣе виновнымъ въ смутахъ. Польское правительство постоянно указывало Хмельницкому на нарушеніи договора, а Хмельницкій, чтобы успокоить поляковъ, казнилъ недовольныхъ, возбуждая этимъ ропотъ въ народной средѣ. Война вспыхнула въ слѣдующемъ 1650 г., получивъ партизанскій характеръ. Отдѣльные загоны снова бродили по Украйнѣ, снова грабили и убивали поляковъ и евреевъ. Главныя силы противниковъ встрѣтились у м. Берестечка (въ нын. Волынской губ.). Армія казаковъ, вмѣстѣ съ татарами, доходила, какъ тогда говорятъ, до полумилліона. Не смотря на это, въ самую рѣшительную минуту, когда войско стояло уже въ строю, Хмельницкій, неизвѣстно почему, отдалъ приказъ отступать. Крымскій ханъ, можетъ быть подкупленный поляками, обратился въ бѣгство. Хмельницкій, вмѣстѣ съ генеральнымъ писаремъ Выговскимъ, бросился-было за ханомъ, чтобы уговорить его остаться, но ханъ велѣлъ арестовать ихъ и продержалъ нѣсколько времени у себя въ плѣну. Казаки потеряли подъ Берестечкомъ рѣшительное пораженіе. Видя, что положеніе войска на правомъ берегу Днѣпра дѣлается опаснымъ, выбранный на мѣсто Хмельницкаго Богунъ рѣшилъ переправить его на лѣвый берегъ. Во время переправы на казаковъ напали поляки и перерѣзали до 30 тыс., остальные разбѣжались. Въ то же самое время польскія войска одержали перевѣсъ и въ сѣверной части Украйны, гдѣ литовскій канцлеръ Радзивилъ разбилъ казачій отрядъ Кречовскаго; затѣмъ онъ переправился черезъ Днѣпръ, разбилъ черниговскаго полковника Небабу и овладѣлъ Кіевомъ. Все это происходило въ то время, когда Хмельницкій находился въ плѣну у крымскаго хана. Выкупившись изъ плѣна, Хмельницкій началъ было собирать войско, но увидѣвъ себя между двухъ огней и завелъ переговоры съ польскимъ правительствомъ. Результатомъ этихъ переговоровъ былъ *договоръ, заключенный въ Бѣлой Церквѣ* и представляющій собой существенное ограниченіе Зборовскаго договора. Реестровыхъ казаковъ должно быть только 20 тысячъ; набирать ихъ можно только изъ королевскихъ имѣній кіевскаго воеводства; въ шляхетскихъ имѣніяхъ казаки не могутъ оставаться; владѣльцы имѣній должны снова вступить во владѣніе крестьянами; гетманъ казачій находится подъ властью короннаго гетмана. Бѣлоцерковскій договоръ былъ заключенъ безъ согласія казаковъ и даже казачій старшина; поэтому въ казачьей войскѣ на него смотрѣли только какъ на временное перемиріе. Въ народѣ раздался ропотъ. Хмельницкій не обращалъ на это вниманія и дѣйствовалъ какъ будто за одно съ поляками. Толпы населенія стали убѣгать на лѣвый берегъ Днѣпра, въ предѣлы Московскаго государства, и заселить здѣсь такъ называемую Слободскую Украйну. Изъ поселеній, возникшихъ тогда, образовались города и богатые мѣстечки: Сумы, Лебединъ,

Ахтырка, Бѣлополье, Короча и др. Хмельницкій обратился къ царю Алексѣю Михаловичу съ предложеніемъ переселить всѣхъ казаковъ въ московскіе предѣлы. Московское правительство отклонило это предложеніе, ссылаясь на возможность столкновеній съ Польшею. Между тѣмъ на Украйнѣ снова появились польскіе паны и жолнѣры, которыхъ долженъ былъ содержать народъ. Бѣгство въ московскіе предѣлы сдѣлалось затруднительнымъ. Опять начались возстанія. Польское правительство посылало Хмельницкому упрекъ за упрекъ, и гетманъ дѣйствовалъ въ угоду ему. Онъ допустилъ назначеніе польской судной комиссіи, которая приговорила нѣсколькихъ вождей казачьихъ отрядовъ и войскового судью Гуляницкаго къ смертной казни. Хмельницкій подписалъ приговоръ, и всѣ были казнены, кромѣ Гуляницкаго, который убѣжалъ въ Молдавію. Универсалы гетмана, требовашіе отъ народа повиновенія польскимъ панамъ, не достигали цѣли. Наконецъ, самъ Хмельницкій поддался народному настроенію и снова началъ борьбу съ поляками. 29 мая 1653 г. поляки были окружены казаками на урочищѣ Батогѣ, близъ города Ладжижина, и потерпѣли рѣшительное пораженіе. Взятые въ плѣнъ польскіе дворяне почти всѣ были истреблены. Вскорѣ поляки оправались и снова выступили противъ казаковъ, укрѣпивъ свой лагерь у г. Жванца. Казаки, съ крымскимъ ханомъ, окружили ихъ здѣсь; но полякамъ удалось заключить съ ханомъ договоръ, и онъ отступилъ, оставивъ казаковъ на произволъ судьбы.

Присоединеніе Малороссіи къ Россіи. Убѣдясь въ недостаточности собственныхъ силъ, Хмельницкій сталъ искать покровительства сосѣднихъ державъ. Сначала онъ обратился къ Турціи, затѣмъ къ Москвѣ. Долого длились переговоры; наконецъ, 1 окт. 1653 г. собранный въ Москвѣ земскій соборъ высказался за принятіе Малороссіи подъ царскую руку. Царь послалъ своихъ уполномоченныхъ въ Переяславъ, куда Хмельницкій велѣлъ собратъя всѣмъ полковникамъ и старшиямъ. 8 янв. 1654 г. была собрана общая рада, изъявившая желаніе соединиться съ Московскимъ государствомъ. Тогда же были приведены къ присягѣ гетманъ, старшина и все войско запорожское и прочитаны условія, на которыхъ малорусскій народъ соединился съ Р. Казаки остались ими довольны. Старшина требовала, чтобы царскіе послы присягнули за царя соблюдать условія соединенія; послы отказались, считая это униженіемъ для царя. Въ Кіевѣ митрополитъ Сильвестръ Россовъ съ духовенствомъ сначала отказывался принести присягу Москвѣ, но затѣмъ принесъ ее. Въ мартѣ пріѣхали въ Москву послы войска запорожскаго, Зарудный и Тетеря. Послѣ долгихъ совѣщаній, условія соединенія Малороссіи съ Р. были одобрены боярскою думою и утверждены царемъ. За войскомъ запорожскимъ утверждены всѣ его права и вольности; московскія должностныя лица не должны мѣшаться въ малорусскіе суды; судить казаковъ должна ихъ же старшина. Число казаковъ устанавливалось въ 60 тысячъ;

шляхта, присягнувшая царю, должна остаться при своих правах, сохранить суды земские и городские; урядники въ городахъ должны избираться. По смерти гетмана, должность его замѣщается по выбору. Если придутъ къ гетману послы «съ добрымъ дѣломъ», то гетманъ можетъ ихъ принимать и отпускать, донося только обо всемъ государю; если же придутъ послы «съ худымъ дѣломъ», то онъ долженъ задерживать ихъ и, безъ государева указа, не отпускать. Съ турецкимъ султаномъ и польскимъ королемъ гетманъ не можетъ сноситься безъ царскаго указа. Доходы и всѣ сборы, собираемые въ Малороссіи, должны прямо вноситься въ царскую казну чрезъ особыхъ людей, которыхъ приплетъ царь. Воеводы московскіе не должны вмѣшиваться во внутренніе распоряжки запорожскаго войска. Последнему данъ въ вѣчное владѣніе городъ Гадячъ. Въ томъ же 1654 г. въ іюлѣ прибыло въ Москву посольство отъ малорусскаго духовенства, просившее: 1) чтобы малорусское духовенство не было изгнано изъ-подъ власти константинопольскаго патриарха; 2) чтобы духовныя власти удерживали свои должности до смерти, а преемники ихъ опредѣлялись посредствомъ волягого избранія какъ духовныхъ, такъ и мірскихъ людей, и чтобы государь не присылалъ москвичей въ Малороссію на духовныя мѣста; 3) чтобы въ духовныхъ судахъ виноватыхъ не отсылать въ Москву. Всѣ эти просьбы были уважены. Началась война Москвитъ съ Польшей, удачная для Москвы. Въ 1656 г. былъ заключенъ миръ, по которому московскій царь удержалъ за собою Малороссію. Послѣ смерти Богдана Хмельницкаго (1657) начинается въ Малороссіи борьба двухъ партій—старшинской, которая тянула къ Польшѣ, съ ея аристократическими тенденціями, и народной, которая отстаивала демократическія начала и оставалась вѣрной Москвѣ.

Отъ смерти Богдана Хмельницкаго до избранія въ гетманы Мазепы (1657 — 1689). Еще при жизни Богдана Хмельницкаго гетманомъ малороссійскимъ былъ избранъ сынъ его Юрій, 16-лѣтній юноша. Избраніе это было сдѣлано исключительно въ угоду старому гетману; поэтому, когда онъ умеръ, среди старшины проявилось недовольство. 24 августа въ Чигиринѣ была собрана рада, на которой Юрій Хмельницкій отказался отъ гетманства, а на его мѣсто, какъ-бы временно, былъ выбранъ генеральный писарь Иванъ Выговскій (1657—1659), съ титуломъ *гетмана на тотъ часъ войска запорожскаго*. Его не любилъ народъ, какъ представителя польскихъ дворянскихъ взглядовъ. Уже въ первые дни гетманства Выговскаго начинается движеніе противъ него народной массы, подъ начальствомъ полтавскаго полковника Пушкаря или Пушкаренка. Собравъ раду, Пушкаръ доложилъ ей о сношеніяхъ Выговскаго съ поляками, шведами и крымцами и сталъ доносить въ Москву о намѣреніи Выговскаго измѣнить ей. Въ то же время онъ рѣшился дѣйствовать противъ гетмана и оруженіемъ. Изъ Запорожья къ нему явилось 600

человѣкъ подъ начальствомъ Якова Барабаша. Возвзваніи Пушкаря подѣйствовали особенно на бездомовныхъ и безземельныхъ, которыхъ много набралось за время смуты. Все, что носило названіе голоты (голи), шло подъ начальство Пушкаря, безъ лошадей, безъ оружія, нерѣдко даже безъ одежды, съ рогами, дубинами, косами. Пушкаръ составилъ изъ нихъ пѣхотный полкъ, названный *дейнеками*. Партія Пушкаря съ каждымъ днемъ увеличивалась, такъ какъ за казаками вставало и посольство. Въ распоряженіи гетмана были такъ наз. *затяжные* полки (*затяжцы*—иноземные), состоявшіе изъ сербовъ, волоховъ, поляковъ, нѣмцевъ. Эти войска были разбиты Барабашемъ. Послѣ этой победы авторитетъ Пушкаря среди малорусскаго народа еще болѣе увеличился. Вскорѣ, однако, московское правительство приняло сторону Выговскаго. Въ февралѣ въ Переяславѣ была собрана рада, на которой присутствовали московскій посланникъ Хитрово. Снова были подняты вопросы о гетманствѣ и снова избранъ Выговскій. На радѣ было постановлено принять московскихъ воеводъ въ Черниговъ, Нѣжинъ, Переяславъ и въ другіе города, гдѣ будетъ пристойно, а также въ Кіевъ. Воеводы и ратные люди должны были укрѣплять города и устраивать осады; они же должны были вѣдать и осадныхъ людей; что же касается казаковъ, то ихъ, по прежнему, должны были вѣдать судомъ и расправою казакіе урядники. Хотя рада и согласилась на требованіе московскаго правительства, но намѣреніе послѣдняго вмѣшиваться въ внутреннюю жизнь Малороссіи порождало неудовольствие, особенно среди старшинъ. Выговскій присягнулъ въ вѣрности московскому царю и, хотя въ Москву не поѣхалъ, но успѣлъ убѣдить московскаго посла въ преданности своей Москвѣ. Съ наемными войсками изъ татаръ и нѣмцевъ Выговскій выступилъ противъ Пушкаря и разбилъ его подъ Полтавой; самъ Пушкаръ былъ убитъ. Тогда Выговскій рѣшилъ привести въ исполненіе свой давнишній планъ—соединить Малороссію съ Польшей на началахъ федераціи. 6 сентября 1658 г. подъ Гадячемъ собрана рада, на которой былъ прочитанъ и одобренъ такъ называемый *Гадячскій договоръ* съ Польшей. Запорожское войско снова поддавалось Польшѣ, на слѣдующихъ главныхъ условіяхъ: вѣра греческая во всѣхъ областяхъ Польши уравнивается съ римскою; митрополитъ кіевскій и пять архіепископовъ должны занимать мѣста въ сенатѣ; войско запорожское опредѣляется въ 60 тысячъ; гетманъ великаго княженія русскаго украинскаго (такъ теперь называлась Малороссія) долженъ быть первымъ кіевскимъ воеводою и генераломъ; сенаторы въ Польшѣ должны выбирать не только изъ поляковъ, но и изъ русскихъ; въ Кіевѣ дозволяется устроить академію, которая пользовалась-бы такими же правами, какъ краковская; всѣ иновѣрскія школы должны быть перенесены изъ Кіева въ другія мѣста; разрѣшается свободно устраивать коллегіи, училища и типографіи, свободно печатать книги, не оскорбляя только въ нихъ короля; случивше-

еся при Хмельницкомъ предаются полному забвенію; податей съ Малороссіи никакихъ польское правительство не получаетъ; Малороссія находится только подъ управленіемъ гетманскимъ; короннымъ войскамъ въ Малороссіи не быть; гетманъ имѣть право чеканить монету; польское правительство должно стараться открыть путь къ Черному морю Днѣпромъ; въ случаѣ войны Польши съ Москвой казаки могутъ держать нейтралитетъ, но въ случаѣ нападенія Москвы на Малороссію поляки должны помогать казакамъ; гетманъ не долженъ признавать надъ собой власти Москвы, но можетъ быть въ дружбѣ съ Крымомъ; въ кievскомъ воеводствѣ всѣ уряды должны быть заняты православными, а въ брацлавскомъ и черниговскомъ — попеременно съ католиками. Гадячскій договоръ остался въ области предположений. Хотя сеймъ, послѣ долгихъ прений и утвердилъ его, но въ то же время московское правительство узнало объ измѣнѣ Выговскаго и велѣло пограничному воеводѣ Трубецкому двинуться противъ него. Трубецкой былъ разбитъ, но когда Выговскій переправился на правый берегъ Днѣпра, противники его подняли голову и пригласили Трубецкаго вновь вступить въ Малороссію. Недалеко отъ Бѣлой Церкви собралась новая рада, которая отринула Выговскаго отъ гетманства и избрала Юрія Хмельницкаго (1659—1662). На радѣ въ Жердевой долині были постановлены статьи, которыя должны были быть представлены царскимъ воеводамъ на утверждение. Кромѣ подтвержденія старыхъ статей Богдана Хмельницкаго, онѣ заключали въ себѣ и новыя, въ духѣ гадячскаго договора. По всему видно, что ихъ сочиняла партія казацкихъ старшинъ, желавшихъ, насколько возможно, охранить независимость своего края. Московское правительство не должно посылать воеводъ въ города, кромѣ Кіева; московскія войска, которыя будутъ присылаться на помощь казакамъ, должны состоять подъ начальствомъ гетмана; гетманъ долженъ быть одинъ для всѣхъ полковъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра. Избраніе гетмана должно быть вольное какъ для старшихъ, такъ и для меньшихъ; кромѣ войсковыхъ людей никто не долженъ быть при избраніи; по избраніи къ царскому величеству отправляются послы за подтвержденіемъ, въ которомъ не можетъ быть отказа. Всѣхъ иностранныхъ пословъ вольно принимать гетману, отсылая только списки съ привезенныхъ ими грамотъ къ царскому величеству. При заключеніи Московскимъ правительствомъ мира съ окольными землями, особенно съ ляхами, татарами и шведами, должны быть комиссары отъ ииска запорожскаго, съ вольными голосами. Духовенство малороссійское остается подъ властію константинопольскаго патриарха; избраніе духовныхъ властей попрежнему, должно быть вольное. Каждый можетъ свободно основывать школы и монастыри. Когда статьи эти были пересланы моск. воеводѣ, князю Трубецкому, онъ отказался ихъ принять, не признавая законною раду, происходившую въ Жердевой долині. Для выбора гетмана князь Трубецкой собралъ новую раду въ Переяславѣ,

на которой окончательно былъ выбранъ гетманомъ Юрій Хмельницкій. Выборъ этотъ былъ очень неудаченъ. Юрій Хмельницкій былъ человекъ бездарный, больной, безхарактерный. Отличительной его чертой была жестокость; въ минуты меланхоліи, которыя у него бывали довольно часто, на него нападали обыкновенно паническій страхъ. Онъ скоро поддавалъ вліянію старшинъ, приверженцевъ гадячскаго договора съ Польшей. Переяславская рада, 17 октября 1659 г., происходила въ присутствіи московскихъ войскъ. На ней были подтверждены старыя статьи Богдана Хмельницкаго, а сверхъ того Трубецкой принудилъ казаковъ принять новыя, которыя онъ привезъ съ собою изъ Москвы. Гетманъ, въ силу этихъ статей, о всѣхъхъ соросныхъ дѣлахъ долженъ писать великому государю, безъ государева указа на войну нигде не ходитъ и никому не помогаетъ, кто же пойдетъ самовольно, тѣхъ казнить; царскіе воеводы должны быть въ городахъ Переяславѣ, Нѣжинѣ, Черниговѣ, Брацлавѣ, Умані, не вступаая въ права и вольности малороссійскія; казаки не имѣютъ права смѣнять гетмана безъ царскаго указа; полковниковъ и начальныхъ людей гетманъ не можетъ назначать, увольнять и казнить собственною властію; они должны быть избираемы на радѣ и непременно изъ православныхъ. Переяславскія статьи были записаны въ книгу, подписаны гетманомъ и старшиной; гетманъ присягнулъ на вѣрность московскому государству. Въ 1660 г. московское правительство предприняло походъ на Польшу съ большою арміей, подъ предводительствомъ Шереметева, который былъ окруженъ поляками у мст. Чуднова и вынужденъ сдаться. Юрій Хмельницкій, шедшій на помощь Шереметеву, былъ также осажденъ поляками у мст. Слободища и отдался подъ власть Польши на условіяхъ Гадячскаго договора. 23 апр. 1662 г. рада въ Козельцѣ объявила Юрія Хмельницкаго измѣнникомъ, низложила его и выбрала гетманомъ Сомку. Въ Москвѣ не довѣряли Сомку и не утвердили его въ гетманскомъ званіи; онъ все время оставался только наказнымъ гетманомъ. Лѣтомъ 1662 г. Юрій снова пришелъ завоевывать лѣвобережную Малороссію и осадилъ Сомку въ Переяславѣ. Послѣдняя выручилъ московскій воевода Ромодановскій. Хмельницкій принужденъ былъ отступить и въскорѣ послѣ того собралъ въ г. Корсунѣ раду, на которой сложилъ съ себя гетманское званіе, постригшись въ монахи. На мѣсто его гетманомъ былъ выбранъ мужъ одной изъ сестеръ его, Павелъ Тетера, забитишійся исключительно о наживѣ. Онъ подтвердилъ Гадячскій договоръ и вошелъ въ сношенія съ Польшею, стараясь стать въ болѣе тѣсную связь съ польскою аристократіей. За это Тетера былъ очень непопуляренъ въ народѣ. Точась послѣ его избранія вспыхнуло возстаніе, подъ предводительствомъ паволоцкаго полковника Ивана Поповича. Тетера принудилъ Поповича принять священство, а когда тотъ поднялъ возстаніе во второй разъ, то казнилъ его. На лѣвой сторонѣ Днѣпра въ это время шла борьба за гетманство. Главными кандидатами выступали нѣжинскій пол-

ковникъ Золотаренко и кошевой гетманъ за-
порожскій Иванъ Брюховецкій. Послѣдняго
рекомендовалъ московскому правительству
воевода Ромодановскій; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ
сумѣлъ заручиться симпатіями крестьян-
скаго населенія, которому обѣщалъ возвратитъ
прежнія его права и уничтожить дворянство.
Въ 1663 г. въ Нѣжинѣ была собрана такъ на-
зываемая «Черная рада», на которой уча-
ствовало и посольство; здѣсь, безъ правиль-
ной подачи и счета голосовъ, Брюховецкій
былъ провозглашенъ гетманомъ. Съ выборомъ
Брюховецкаго (1663 — 1669) въ Малороссіи
снова явились два гетмана. Тетеря, желая
принудитъ къ повиновенію лѣвобережную
Украину, уговорилъ короля Яна - Казимира
предпринять туда походъ. Въ концѣ 1663 г.
польскія войска, подъ предводительствомъ са-
мого короля, вступили въ Черниговщину и въ
началѣ 1664 г. подошли къ Глухову, но города
не взяли, послѣ цѣлаго ряда приступовъ. Дви-
нувшись затѣмъ къ Новгородѣ-Зверску, они
у д. Пироговки, при переправѣ чрезъ р. Десну,
потерпѣли рѣшительное пораженіе и принуж-
дены были отступить въ Бѣлоруссію. Чтобы
укрѣпить свое положеніе, Тетеря сталъ каз-
нить и изгонять опасныхъ ему людей, но его
жестокость еще больше возбудила противъ
него населеніе; онъ принужденъ былъ бѣжать,
а гетманство захватилъ Стефанъ Опаръ, по-
сившій званіе медвѣдовскаго полковника. Опа-
ра выступилъ противъ Брюховецкаго, надѣя-
сь воспользоваться при этомъ татарской ор-
дой, которая въ это время шла въ Малорос-
сію; но татары арестовали Опару, какъ толь-
ко онъ явился къ нимъ въ станъ. Казаки,
считая его погибшимъ, выбрали въ гетманы
Петра Дорошенку, внука Михаила Дорошен-
ка. На первыхъ порахъ новый гетманъ не за-
являлъ своихъ симпатій ни къ Польшѣ, ни
къ Москвѣ, но, опираясь на татаръ, старался
раздѣлаться со своими противниками на пра-
вомъ берегу Днѣпра. Главнѣйшимъ изъ нихъ
являлся Дрозденко, стоявшій за принадлеж-
ность Малороссіи къ Москвѣ. Онъ былъ за-
хваченъ Дорошенкомъ и разстрѣлянъ; этимъ
самымъ Дорошенко сталъ на сторону Польши.
На лѣвомъ берегу Днѣпра гетманомъ въ то
время продолжалъ быть Брюховецкій. Воз-
буждая противъ себя населеніе, онъ старался
заручиться поддержкой московскаго прави-
тельства. Осенью 1665 г. онъ, первый изъ
гетмановъ, отправился въ Москву и подаль-
тамъ статьи, въ которыхъ просилъ государя де-
нежные и всякіе доходы съ малороссійскихъ
городовъ собирать въ государственную казну и посылать
въ города воеводъ и ратныхъ людей. Статьи,
поданныя Брюховецкимъ, были утверждены;
гетманъ былъ пожалованъ въ бояре,
старшины, бывшіе съ нимъ—въ дворяне. Въ
Малороссіи Брюховецкаго встрѣтилъ народный
ропотъ, особенно когда явились переписчики
и стали переписывать народъ. Послѣ заклю-
ченія Андрусовскаго перемирія масса на-
роду бѣжала съ праваго берега на лѣвый, ра-
спуская слухъ, что царь помирился съ по-
ляками для истребленія казаковъ. Противъ
московскихъ ратныхъ людей вспыхнуло воз-
станіе. Въ январѣ 1668 г. на радѣ въ Гадя-

чѣ противъ Москвы выступили и самъ Брю-
ховецкій. Пограничному воеводѣ, кн. Ромо-
дановскому, поручено было усмирить возста-
ніе. Между тѣмъ произошелъ открытый раз-
рывъ между Брюховецкимъ и Дорошенкомъ;
Брюховецкій былъ убитъ казаками, а гетма-
номъ обѣихъ сторонъ Днѣпра былъ объявленъ
Дорошенко. На Опошнянскомъ полѣ была со-
брана рада, у которой Дорошенко спросилъ,
кому теперь покориться: москалямъ, поля-
камъ или туркамъ? Рада отвѣтила дикимъ
крикомъ, изъ котораго Дорошенко заключилъ,
что войско предпочитаетъ турецкое господ-
ство. На лѣвомъ берегу Днѣпра у Дорошен-
ка оказался серьезный соперникъ, въ лицѣ
запорожскаго писаря Суховѣенка. Дорошенко
удалился на правую сторону, оставивъ на
лѣвой сторонѣ наказнымъ гетманомъ черни-
говскаго полковника Многогрішнаго. По-
слѣдній измѣнилъ Дорошенку, перешелъ на
сторону Москвы и въ мартѣ 1669 г., на радѣ
въ Глуховѣ, былъ избранъ гетманомъ. Избраніе
это происходило въ присутствіи Ромоданов-
скаго, при чемъ, согласно волѣ царя, были
подписаны новыя статьи, извѣстныя подъ на-
званіемъ *глуховскихъ*. Московскіе воеводы
учреждаются въ Кіевѣ, Переяславѣ, Черни-
говѣ и Острѣ; они должны вѣдать только
ратныхъ людей; войску быть 30 тысячамъ,
набирать его изъ старыхъ казаковъ, а если
не станеть, то изъ мѣщанскихъ и посполит-
скихъ дѣтей; въ Москвѣ долженъ жить выбор-
ный отъ войска человекъ, къ которому гет-
манъ и долженъ писать, а онъ уже будетъ
приносить гетманскія письма приказнымъ лю-
дямъ; въ случаѣ сѣзда московскихъ пословъ
и польскихъ комиссаровъ, должны пригла-
шаться и малороссійскіе выборные, но спра-
шивать ихъ будутъ только въ томъ случаѣ,
если рѣчь будетъ идти о малороссійскихъ дѣ-
лахъ. Дорошенко, между тѣмъ, былъ занятъ
удержаніемъ за собой правобережной Мало-
россіи. Сначала онъ выдержалъ упорную борь-
бу съ Суховѣенкомъ, провозглашеннымъ за-
порожцами гетманомъ, а затѣмъ поляки вы-
двинули противъ него новаго гетмана, Ми-
хаила Ханенку. Не разрывая сношеній съ
турками, Дорошенко велъ переговоры и съ
Польшею, оставшіеся безъ результата. Въ 1672
г. Многогрішный, невоздержанный на языкъ,
особенно въ нетрезвомъ видѣ, навлекъ на себя
обвиненіе въ измѣнѣ царю, былъ арестованъ,
преданъ суду и приговоренъ къ смертной казни,
но помилованъ и сосланъ въ Селенгинскъ.
Гетманомъ вмѣсто него былъ выбранъ Иванъ
Самойловичъ (1672—1687). На избравшей его
радѣ были утверждены, съ небольшими измѣ-
неніями, глуховскія статьи. Въ это время Доро-
шенко, получивъ уклончивый отвѣтъ отъ мо-
сковскаго правительства, снова обратился къ
Турціи, обѣщая стать къ ней въ вассалныя
отношенія по примѣру Молдавіи и Вала-
хій. Султанъ (Магометъ IV) согласился и въ
августѣ 1672 г. двинулся въ Червонную Русь.
При урочищѣ Батогѣ онъ встрѣтилъ польское
войско и казаковъ, подъ начальствомъ Ха-
ненки, и разбилъ ихъ на голову. Послѣ этого
Магометъ соединился съ Дорошенкомъ и
крымскимъ ханомъ и осадилъ польскаго ко-

рода Михаила Вишневецкого под Бучачем. Король принужден был заключить постыдный миръ, по которому уступалъ туркамъ Подолье и Украину и обязывался платить ежегодную дань. Сеймъ не утвердилъ Бучачскаго договора; война продолжалась, страна была опустошена, население бѣжало на лѣвый берегъ Днѣпра. 17 марта 1674 г., на радѣ въ Переяславѣ, гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра былъ выбранъ Самойловичъ. Дорошенко въ 1675 г. сложилъ съ себя гетманское достоинство и уѣхалъ въ Москву. Въ 1677 и 1678 гг. послѣдовали новыя нашествія турокъ и татаръ на Украину; съ ними явился Юрій Хмельницкій, занялъ нѣскольکو городовъ и сталъ управлять Малороссіей на правахъ турецкаго ленника. Турки скоро убѣдились въ его неспособности и отозвали въ Константинополь, присоединивъ правобережную Малороссію къ молдаванскому господарству и поручивъ ее управленію господаря Іоанна Дуки. Дука началъ дѣятельно заселять опустѣвшую страну, но чрезъ два года попалъ въ плѣнъ къ полякамъ. Самойловичъ переправился на правый берегъ Днѣпра, истребилъ построенные Дукой городки, захватилъ всѣхъ поселенцевъ и перенялъ ихъ на лѣвый берегъ. Въ началѣ 1681 г. между Москвой, турками и татарами было заключено въ Бахчисарай перемиріе на двадцать лѣтъ, по которому Р. уступила туркамъ западную Украину, прежнія владѣнія Дорошенка, представлявшія и теперь, послѣ нашествія Самойловича, настоящую пустыню. Гетманомъ снова былъ назначенъ Юрій Хмельницкій, но онъ сталъ позволять себѣ такіа жестоко-кости, что турецкое правительство вызвало его въ Константинополь, предало суду и казнило. Теперь уже Турція не назначала новыхъ гетмановъ, а управляла Малороссіей чрезъ каменецкихъ пашей. Польша также не оставляла своихъ притязаній на правый берегъ Днѣпра и старалась удержать за собой казаковъ. Когда Хаяенко передался на сторону Москвы, польское правительство назначило гетманомъ подольскаго полковника Евстафія Гоголя, но онъ скоро перешелъ на сторону Р., послѣ чего Польша управляла Украиной чрезъ бѣлоцерковскихъ комендантовъ. Въ 1686 г. былъ заключенъ вѣчный миръ Москвы съ Польшею; лѣвобережная Малороссія, оставшаяся за Польшею, на цѣлое столѣтіе отдѣляется отъ правобережной. Самойловича не любили въ Малороссіи. Аличность его и его сыновей не знала предѣловъ: за получение урядовъ бралъ посулы, а получившіе эти уряды старался вознаграждать себѣ, притѣсняя подчиненныхъ; безъ взятки не было приступа къ гетману. Народъ былъ раздраженъ введеніемъ *орандъ* (арендъ) или откуповъ на вино, деготь и тютюнъ и налога за помолъ съ мельницъ. Сборъ эти шли на содержание охочихъ полковъ, которые набирались изъ разныхъ лицъ, какъ малороссіянъ, такъ и чужеземцевъ, и разставлялись по квартирамъ у посполитыхъ. Думали, что послѣ заключенія мира съ Польшею аренды будутъ отменены. Вышло на оборотъ; въ виду ожидавшейся войны съ Турціей, аренды еще возрасли: въ 1685 г. съ

лубенскаго полка взималось 7010 злотыхъ, а въ 1686 г. было взыскано 17000. Все это усиливало недовольство, которымъ воспользовалась старшина, руководимая Мазепою. Самойловича обвинили въ неудачѣ крымскаго похода, предпринятаго кн. В. В. Голицынымъ. Съ разрѣшенія послѣдняго, старшина арестовала Самойловича и свергла его съ гетманства. Гетманомъ былъ избранъ генеральнй писарь Мазепа (1687); при этомъ были подтверждены глуховскія статьи, съ присоединеніемъ нѣсколькихъ новыхъ. Гетманъ и старшина обязались соединить всѣми способами малороссійскій народъ съ великороссійскимъ.

Внутренній строй лѣвобережной Малороссіи въ XVII вѣкѣ. Къ концу XVII вѣка военная организація, существовавшая у казаковъ еще до Богдана Хмельницкаго, была перенесена на гражданское общество. Въ главѣ ея стоялъ *гетманъ*, носившій титулъ *гетмана войска запорожскаго* и выбиравшійся изъ казаковъ малороссійскихъ или запорожскихъ, пожизненно, на *генеральной радѣ*. По идеѣ своей рада эта должна была являться собраніемъ всего народа; но она никогда не имѣла этого характера, равно какъ никогда не получала определенной организаціи. Составъ ея, мѣсто, время созванія, поводы, по которымъ она созывалась, были случайны. О времени созванія рады иногда оповѣщаютъ заранее, а иногда случайный составъ казачества въ походѣ, какъ напр. при выборѣ Мазепы, составляетъ раду. Большею частью на раду собираются одни казаки, но иногда въ ней участвуетъ и посольство, главнымъ образомъ, впрочемъ, жители городовъ, мѣщане. Такая рада называлась *черной*: она выбрала, напр., Брюховецкаго. Правильной подачи голосовъ не было. Верхъ получала обыкновенно наиболѣе сильная часть старшины. Самымъ существеннымъ правомъ рады было избраніе гетмана *вольными голосами*; но въ дѣйствительности оно совершалось обыкновенно подъ сильнымъ вліяніемъ московскаго воеводы. Гетману принадлежала власть военная и гражданская. Онъ считался главнымъ предводителемъ войска; при соблюденіи извѣстныхъ условій, указанныхъ договорными пунктами съ Москвою, онъ могъ сноситься съ иностранными государствами и вообще являлся официальнымъ представителемъ Малороссіи. Управлялъ гетманъ при помощи *генеральной войсковой канцеляріи*, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ совѣтовался, кромѣ генеральной старшины, и съ полковниками, которыхъ онъ созывалъ въ извѣстные періоды на *раду*. Но и рада полковниковъ часто оставалась мертвой буквой, если гетманъ пользовался авторитетомъ въ странѣ и поддержкой Москвы и ладилъ съ генеральной старшиной. Въ такихъ случаяхъ все внутреннее управленіе административное, финансовое и даже судебное фактически лежало цѣлкомъ въ рукахъ гетмана, издававшаго указы по различнымъ отраслямъ управленія. Мало-по-малу онъ сталъ присваивать себѣ право назначенія на уряды до полковника и даже, въ нѣкоторые періоды, до генеральной старшины включительно; онъ раздавалъ и отбиралъ маентности, устанавливалъ нормы граж-

данскихъ отношеній между отдѣльными лицами и экономическими группами. Въ финансовыхъ дѣлахъ, съ совѣта, а иногда и безъ совѣта генеральной старшины, онъ вводилъ и отменялъ налоги. Въ отсутствіе гетмана его замѣняло, по его же назначенію, лицо изъ высшей старшины, носившее титулъ *наказного гетмана*. Возлѣ гетмана стояла такъ называемая *генеральная старшина*, къ которой принадлежали *генеральные обозный, судья, писарь, есаулъ, хорунжій и бунчукный* (неизвѣстно въ точности, все ли время существовала эта послѣдняя должность) *Генеральный обозный* заведывалъ артиллеріею, *генеральный судья* — генеральнымъ судомъ, *генеральный есаулъ* — войскомъ въ мирное время, *генеральный хорунжій* — войсковымъ знаменемъ, *генеральный бунчукный* — бунчукомъ, какъ атрибутомъ гетманской власти. При гетманѣ для административныхъ дѣлъ состояла *генеральная войсковая канцелярія*, въ составъ которой входила, въ качествѣ членовъ, генеральная старшина. Дѣлопроизводствомъ въ ней заведывалъ *генеральный писарь*. Высшая старшина выбиралась на радѣ, обыкновенно — въ одно время съ гетманомъ; но такъ какъ подобныя рады были не часты, то назначеніе генеральной старшины безъ рады также, несомнѣнно, имѣло мѣсто, — при чемъ, вѣроятно, гетманъ игралъ рѣшающую роль. При гетманѣ, въ качествѣ чиновниковъ особыхъ порученій, состоялъ особый разрядъ *бунчуковыхъ товарищей*, по преимуществу изъ сыновей знатной старшины. Возведеніе въ это званіе зависѣло всецѣло отъ усмотрѣнія гетмана. Въ административномъ отношеніи лѣвобережная Малороссія дѣлилась первоначально на девять полковъ, съ 1663 г. — на десять. Полковое управленіе было организовано по образцу центрального. Во главѣ полка стоялъ *полковникъ*. По пунктамъ 1659 г. гетманъ безъ рады и совѣта старшинъ не могъ выбирать полковниковъ, но практика во многомъ отступала отъ этого принципа. Власть полковника въ своемъ полку была обширна. Онъ былъ предводителемъ полка въ военное время; ему принадлежало административное управленіе полкомъ; какъ и гетманъ, онъ имѣлъ право раздавать маестности въ предѣлахъ своего полка. Въ отсутствіе полковника его замѣщалъ *наказный полковникъ*, обыкновенно изъ полковой старшины. Въ извѣстное время полковники съѣзжались на *раду* къ гетману. Возлѣ полковника въ полку стояла полковая старшина: полковые обозный, судья, писарь, есаулъ и хорунжій. Всѣ вмѣстѣ они составляли *полковую канцелярію*, при посредствѣ которой полковникъ управлялъ полкомъ. Полковая старшина должна была быть избранной полчанами, но и это правило нарушалось и выборная полковая старшина замѣнялась нерѣдко, особенно къ концу XVII в., назначенною. При полковникахъ находились, въ качествѣ чиновниковъ особыхъ порученій, *значковые товарищи*. Въ это званіе жаловались дѣти полковой старшины. Кромѣ того, существовали еще *войсковые товарищи*, стоявшие выше значковыхъ. Полки дѣлились на *сотни*, во главѣ которыхъ стояли выбранные изъ жителей *сотники*. Значеніе выборнаго начала

здѣсь часто парализовалось тѣмъ, что сотники выбирались изъ одной и той же фамиліи; полковники также стремились захватить назначеніе сотниковъ въ свои руки. При сотникѣ находилась *выборная сотенная старшина*: атаманъ, писарь, есаулъ и хорунжій, составившіе вмѣстѣ *сотенный урядъ*. Сотни дѣлились на *куреты*, во главѣ которыхъ стояли *куретные атаманы*. Надъ посполитными въ селахъ начальствовали *войты*, выбранные громадой или назначенные державцею имѣнія. Организациа малорусскаго суда еще не вполне выдѣлена. Д. П. Миллеръ и А. М. Лазаревскій устанавливаютъ для Малороссіи слѣдующіе виды судовъ: *судъ селскій*, особый у казакѣвъ и особый у посполства, *судъ сотенный*, совмѣстный для обоихъ сословій, затѣмъ *судъ полковой* и, наконецъ, *генеральный*. Въ рѣшеніяхъ сотеннаго суда встрѣчается участіе громады — «старинныхъ, запальныхъ людей». *Судъ полковой* дѣйствовалъ, повидимому, совмѣстно съ членами магистрата или ратуши и часто являлся первой инстанціей. Въ составѣ полкового суда находились всегда и «защитные персоны». А. М. Лазаревскій думаетъ, что это были свидѣтели, а не судьи. *Генеральный судъ* въ XVII в. рѣдко дѣйствовалъ какъ апелляціонная инстанція. Случалось, что гетманъ самъ судилъ и полагалъ резолюціи, на основаніи свѣдѣній, собранныхъ чрезъ особо командированныхъ для этого лицъ. Нѣкоторые дѣла, особенно если они касались важныхъ лицъ, разбирались не генеральнымъ, а особо составленнымъ для того судомъ. Объ устройствѣ и управленіи городовъ въ Малороссіи см. Право мадебургское въ лѣвобережной Малороссіи (XXIV, 894).

Гетманство Мазепы (1687—1708). Въ первые годы гетманства Мазепы происходилъ рядъ народныхъ возстаній. Казаки, ушедшіе изъ обоза послѣ сверженія Самойловича, подучали посполство къ грабежамъ и возстанію, и посполтѣе грабили владѣльцевъ маестностей и арендарей. Полковники и сотники принялись ловить виновныхъ и производить надъ ними розыски, сопровождавшіеся большими жестокостями. Постройка, согласно условію съ Москвою, городка на Самарѣ произвела волненіе между запорожцами, а вопросъ о посполитыхъ, вписавшихся въ казаки во время послѣдняго крымскаго похода и не хотѣвшихъ возвращаться въ первобытное состояніе, создалъ массу недовольныхъ въ Малороссіи. Между казачествомъ и посполствомъ не было еще проведено рѣзкой границы; на практикѣ переходъ изъ одного сословія въ другое еще былъ свободенъ; Мазепа старался запретить или, по крайней мѣрѣ, затруднить его. Подобныя распоряженія побуждали болѣе отважную часть населенія бѣжать въ Запорожье. Въ началѣ 1690-хъ гг. Малороссію постигла моровая болѣзнь, потомъ засуха. Возстаніе, поднятое Петрикомъ (Петромъ Иваненко), было легко подавлено Мазепою, при помощи русскихъ войскъ. Часть населенія стала переходить на правый берегъ, чему не мало способствовало польское правительство. Королемъ въ то время былъ Янъ Собѣскій, всецѣло поглощенный борьбою съ

турками. Еще въ званіи короннаго гетмана онъ долго воевалъ въ Украинѣ, высоко цѣнили военныя качества казаковъ; по его мнѣнію, они одни умѣли состязаться въ партизанской войнѣ съ татарами, зная татарскія военныя хитрости. Поэтому онъ былъ заинтересованъ въ поддержаніи казацкаго войска и не только не запрещалъ, но даже поощрялъ поселенія на территории между Днѣпромъ и Днѣстромъ, объявленной нейтральною по договору 1686 г. Самымъ виднымъ дѣятелемъ въ дѣлѣ восстановления казачества на правомъ берегу Днѣпра былъ Палій, полковникъ блоперковскій. Понимая, что благоприятное отношеніе польскаго правительства къ казачеству можетъ быть только временнымъ, Палій вошелъ въ сношенія съ Мазею и царемъ, съ цѣлью подчинить царю правобережную Малороссію. Царь отклонилъ предложеніе Палія; несочувственно отнесся къ нему и Мазея, которому не нравилась демократическая колонизація. Онъ отвѣтилъ Палію, что если онъ хочетъ присоединиться къ Москвѣ, то пусть переселится со всѣмъ населеніемъ на лѣвый берегъ Днѣпра. Палій не сдѣлавъ этого, по его товарищи, Самусъ и Искра, перешли на лѣвый берегъ. Когда, при Августѣ II, между Польшей и Турціей былъ заключенъ миръ, польское правительство объявило казакамъ, что они могутъ разойтись. Казаки не повиновались. Въ 1702 г. возстаніе охватило кіевское воеводство, Полтвѣ, часть Волыни и Подолію. Палій снова просилъ поддержки у царя, но безуспѣшно. Петръ приказалъ Мазенѣ переправиться на правый берегъ Днѣпра, чтобы помочь полякамъ противъ Карла XII. Переправившись туда въ 1704 г., Мазея занялся раньше всего подавленіемъ возстанія Палія, пригласилъ его къ себѣ, арестовалъ его и отправилъ въ Москву; Палій былъ сосланъ въ Сибирь и возвращенъ оттуда уже послѣ измѣны Мазены. Въ началѣ своего гетманства Мазея вѣрно служилъ русскому государству, участвовалъ во второмъ крымскомъ походѣ кн. В. В. Голицына, потомъ въ Азовскомъ походѣ, нѣсколько разъ видѣлся съ Петромъ I, который всегда принималъ его радушно. Мысль объ измѣнѣ зародилась у Мазены во время похода на правый берегъ Днѣпра. Вѣроятно, на него повлияли слухи о томъ, что преобразования, начатыя Петромъ въ Р., коснутся и Малороссію; но главной причиною было желаніе создать изъ Малороссіи автономное государство и приобрести для себя полную независимость. Сначала Мазея, при посредствѣ иезуитовъ, велъ переговоры съ польскимъ королемъ Станиславомъ Лещинскимъ, рассчитывая автономную Малороссію отдать подъ протекторатъ Польши; но затѣмъ, когда Карлъ XII сталъ двигаться по направленію къ Малороссіи, Мазея завелъ съ нимъ сношенія. Въ его планы были посвящены писарь Орликъ и немногіе изъ старшинъ. Когда Карлъ XII вступилъ, въ 1708 г., въ предѣлы Малороссіи, Мазея перешелъ на его сторону, но за нимъ послѣдовали только немногіе казаки и самая незначительная часть старшинъ. Мазею не любилъ въ Малороссіи; онъ былъ очень непопуляренъ среди народа. 6 ноября 1708 г. былъ вы-

бранъ гетманомъ намѣченный Петромъ слабохарактерный и ничтожный стародубскій полковникъ Скоропадскій. Послѣ полтавской битвы Мазея бѣжалъ вмѣстѣ съ Карломъ XII и скоро умеръ. Казаки, бывшіе съ нимъ, избрали себѣ гетманомъ Орлика, но онъ фактически никогда не былъ гетманомъ.

Время Скоропадскаго (1708 — 1722). Полуботокъ. Первая Малороссійская коллегія (1722—1727). Принявъ гетманство, Скоропадскій обратился къ царю съ просьбой объ утвержденіи всѣхъ правъ, вольностей и порядковъ войсковыхъ. Царь обѣщалъ содержать малороссійскій народъ ненарушимо по своей милости, а обстоятельныя статьи дать послѣ, такъ какъ во время похода это невозможно. Далѣе, гетманъ просилъ, чтобы во время походовъ малороссійскій наказный гетманъ дѣйствовалъ самостоятельно, а не находился подъ командою русскихъ генераловъ. Въ этомъ ему было отказано. Обѣщано было, что воеводы не будутъ вмѣшиваться въ малорусскія дѣла. Русскіе гарнизоны, поставленные по городамъ во время войны, были оставлены только въ нѣкоторыхъ городахъ полтавскаго полка. По случаю разоренія края казаки были уволены отъ службы на одно лѣто, хотя гетманъ просилъ ихъ уволить на нѣсколько лѣтъ. Въ январѣ 1710 г. царь далъ гетману грамоту съ подтвержденіемъ пунктовъ, на основаніи которыхъ соединился съ Р. Богданъ Хмельницкій. Казалось, что Петръ I думаетъ оставить въ Малороссіи все по-старому; но вышло иначе. При гетманѣ былъ назначенъ состоять для наблюденія особый великорусскій чиновникъ, Измайловъ. Ему даны были двѣ инструкціи—явная и тайная. Первая обязывала Измайлова наблюдать, чтобы гетманъ самовольно никого изъ старшинъ не отставлялъ отъ должности; чтобы старшины избирались съ общаго совѣта и утверждались царемъ; чтобы въ числѣ старшинъ не было поляковъ; чтобы маестности были раздаваемы и отбираемы не иначе, какъ съ согласія генеральныхъ старшинъ и съ разрѣшенія государя. Въ тайныхъ статьяхъ Измайлову предписывалось наблюдать за поступками гетмана и старшины, провѣдывать тайно о доходахъ, которые получаютъ гетманъ и старшина и доносить, кто изъ казаковъ наиболее расположенъ къ царю и каковаго достоинства урядъ. Измайловъ скоро былъ отозванъ, а вмѣсто него для «совѣта о государевыхъ дѣлахъ» при гетманѣ определено было состоять двумъ лицамъ—стольнику Протасеву и думному дяку Виниусу. Положеніе Скоропадскаго, какъ гетмана, было вообще незавидное, тѣмъ болѣе, что онъ постоянно дрожалъ за свое званіе. Раньше великороссы не владѣли маестностями въ предѣлахъ Малороссіи; теперь Меншиковъ получилъ всю Поческую власть, при чемъ ему, вопреки закону и обычаю, отданы были и мѣстныя казаки. Начались волненія: десять лѣтъ добивались поческіе казаки своихъ правъ, которые были, наконецъ, восстановлены. Получили отъ Скоропадскаго маестности въ Малороссіи и Головинъ, Шафировъ, Шереметевъ. Послѣ прутскаго похода въ Малороссію явилось много выходцевъ изъ Сербіи и

Молдавіи, которые, указывая на то, что они помогали Р., требовали имѣній. Царь приказывалъ гетману удовлетворять ихъ просьбы. Постоянныя войска тяжело отражались на Малороссіи какъ въ экономическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніяхъ. У Скоропадскаго было отнято право смѣнять и назначать новыхъ полковниковъ, пока на то не будутъ присланы указы. Въ первые годы ему удалось провести своихъ кандидатовъ, но они позволяли себѣ разныя насилія надъ жителями, о чемъ Протасевъ постоянно доносилъ царю. Петръ, поэтому, не стѣснялся назначать полковниковъ, по своему выбору, изъ иностранцевъ и людей постороннихъ. Въ 1715 г. царь ограничилъ власть малороссійскихъ полковниковъ, запретивъ имъ по своему выбору опредѣлять полковыхъ старшинъ. За старосты и болѣзненностью гетмана вмѣсто него къ бумагамъ прикладывали печать канцеляристы, у которыхъ хранилась и самая печать. Когда это дошло до свѣдѣнія государя, онъ учредилъ при гетманѣ *генеральную войсковую канцелярію* (1720). Положеніе Малороссіи и ея управления Протасевъ рисовалъ въ это время въ самыхъ мрачныхъ краскахъ: «самыя послѣдніе чиновники добываютъ себѣ богатство отъ налоговъ, грабежа и винной продажи; ежели кого опредѣлитъ гетманъ сотникомъ, хотя изъ самыхъ бѣдѣйшихъ людей или слугъ своихъ, то черезъ одинъ или два года явятся у него дворъ, шинки, грунты, мельницы и всякія стада, и домовые пожитки». Въ 1720 г. была учреждена въ Глуховѣ *судебная канцелярія*. Въ 1722 г. повелѣно было, для прекращенія возникшаго въ малороссійскихъ судахъ и войскъ безпорядка, быть при гетманѣ бригадиру Вельяминову и шести штабъ-офицерамъ изъ украинскихъ гарнизоновъ. Вслѣдъ затѣмъ состоялся указъ объ учрежденіи *малороссійской коллегіи*, подъ предсѣдательствомъ бригадира Вельямина. Послѣ смерти Скоропадскаго (1722) управленіе Малороссіей перешло, временно, въ руки черниговскаго полковника Полуботка, который послалъ Петру, находившемуся въ персидскомъ походѣ, просьбу о разрѣшеніи выбрать новаго гетмана; но Петръ отвѣчалъ, что выборъ отлагается впредь до возвращенія его изъ похода. Когда прибылъ въ Глуховъ Вельяминъ и открылъ дѣйствія малороссійской коллегіи, начались пререканія между нимъ и Полуботкомъ. О сборахъ въ Малороссіи Полуботкъ далъ Вельяминову только самыя общія свѣдѣнія, утверждая, что о количествѣ ихъ и о расходѣ въ генеральной канцеляріи ничего не извѣстно. Въ то же время народъ, много терпѣвшій отъ своей старшины и ненавидѣвшій ее, сталъ обращаться съ жалобами въ коллегію. Въ 1722 г. стародубскій полкъ билъ челомъ государю, чтобъ пожаловалъ имъ полковника «изъ великороссійскихъ персонъ». Вслѣдствіе этого прошенія Петръ назначилъ въ нѣкоторые малороссіе города комендантовъ, желая этимъ подготовить дуть къ перемѣнѣ. Въ іюлѣ 1723 г. на новую просьбу Полуботка о разрѣшеніи выбрать гетмана послѣдовалъ такой указъ: «какъ всѣмъ извѣстно, что со времени перваго гетмана Богдана Хмельницкаго

даже до Скоропадскаго, всѣ гетманы явились измѣнниками, и какое бѣдствіе терпѣло отъ того наше государство, особливо Малая Р., какъ еще свѣжая память есть о Мазепѣ; то и надлежитъ прислать въ гетманы вѣрнаго и извѣстнаго человѣка, о чемъ и имѣемъ мы непрестанное стараніе; а пока оный найдется, для пользы вашего края, опредѣлено правительствомъ, которому велѣно дѣйствовать по данной инструкціи; и такъ до гетманскаго избранія не будетъ въ дѣлахъ остановки, почему о семъ дѣлѣ докучать не надлежитъ». Полуботокъ продолжалъ, однако, «докучать», посылая прошенія о выборѣ гетмана будто - бы отъ всего народа. Петръ потребовалъ Полуботка въ Петербургъ къ отвѣту, а власть, принадлежавшую гетману, передалъ коллегіи. Генеральная старшина должна была только исполнять распоряженія коллегіи, какъ прежде исполняла распоряженія гетмана. Привилегіи старшины и державцевъ относительно свободы ихъ имѣній отъ налоговъ были уничтожены. Князь М. М. Голицынъ былъ назначенъ главнымъ командиромъ надъ всѣми нерегулярными войсками, въ томъ числѣ и надъ малороссійскими казаками. Войсковая генеральная канцелярія потеряла свое значеніе. Въ томъ же 1723 г. казаки, подъ начальствомъ Голицына, выступили въ походъ къ Будюкому броду. Во время стоянки лагеремъ на р. Коломакѣ, главнымъ образомъ при содѣйствіи миргородскаго полковника Апостолы, были написаны челобитныя объ отпѣтѣ сборовъ и объ избраніи гетмана и отосланы въ Глуховъ, а оттуда въ Петербургъ. Эти *коломацкія* челобитныя разсердили Петра. А. И. Румянцевъ посланъ былъ разсѣдывать, дѣйствительно ли народъ участвовалъ въ составленіи челобитныхъ. Румянцевъ привезъ отрицательный отвѣтъ, раскрывъ плѣту съѣтъ интригъ Полуботка и другихъ старшинъ. Полуботокъ съ товарищами былъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ и умеръ въ 1724 г. При Екатеринѣ I генеральнымъ старшинамъ и миргородскому полковнику Апостолу велѣно было, по суду, вѣчно жить въ Петербургѣ, «для того, чтобъ народу малороссійскому впредь отъ нихъ обидъ и разоренія не было». Скоро, однако, они были отпущены въ Малороссію. Въ 1726 г. верховный тайный совѣтъ постановилъ выбрать снова въ Малороссіи гетмана, сложить новыя подати и брать только тѣ, которыя существовали при прежнихъ гетманахъ; суды должны быть составлены изъ однихъ только малороссіянъ, съ правомъ переносить дѣла въ малороссійскую коллегію. Постановленіе это не было приведено въ исполненіе, и во все продолженіе царствованія Екатерины I дѣлами Малороссіи управляла малороссійская коллегія. За это время Вельяминову удалось составить приблизительный сводъ малорусскихъ приходовъ и расходовъ (см. «Сборн. Рус. Ист. Общ.» т. 63, стр. 486). Оказалось, что въ Малороссіи съ разныхъ статей въ прежнее время собиралось деньгами 72128 р. 24¹/₄ к., а не собиралось, по разнымъ причинамъ, 42366 руб. 95¹/₄ к. Всѣхъ денежныхъ сборовъ, значить, числилось 114495 р. 20 к.

Даниилъ Апостолъ (1727—1734). Между-гетманство (1734—1750). Графъ К. Г. Разумовскій (1750—1764). Когда вступилъ на престолъ Петръ II, рѣшено было уничтожить малороссійскую коллегію и возстановить гетманское достоинство. Тогда же было запрещено великороссамъ покупать земли въ Малороссіи, «чтобы оттого малороссіянамъ не было учинено озлобленія». Малороссійскія дѣла были переданы изъ сената въ иностранную коллегію. 22 июля 1727 г. былъ подписанъ указъ о выборѣ гетмана и старшины, но въ инструкціи, данной посланному въ Малороссію Наумову, говорилось, что гетманомъ непремѣнно долженъ быть выбранъ Апостолъ. Вслѣдъ за Апостоломъ была выбрана и генеральная старшина, по рекомендаціи Наумова. Въ 1728 г. Апостолъ подалъ отъ себя, старшины и всего малороссійскаго народа прошеніе о нуждахъ малороссійскихъ. На это прошеніе послѣдовали отвѣты, извѣстные подъ именемъ *рѣшительныхъ пунктовъ* и подтверждавшіе Малороссіи всѣ ея вольности и права. Судъ долженъ производиться выборными судьями. Генеральный судъ получаетъ новую организацію. Президентомъ его является гетманъ, а судъ состоитъ изъ шести членовъ—трехъ малороссійянъ и трехъ великороссійянъ, которые обязаны рѣшать дѣла по малороссійскимъ правамъ, но безъ взятокъ. Гетманъ избирается вольными голосами, по-прежнему; но выбирать его и смѣнять малороссіянне не могутъ безъ особаго на то указа царскаго. Гетманъ не имѣетъ права одинъ назначать и смѣнять старшину, а также казнить смертию. Выборы на уряды должны происходить вольными голосами. Въ генеральную старшину и полковники выбирается по 2—3 кандидата, которыхъ гетманъ представляетъ императору. Для замѣщенія должностей полковой старшины полковникомъ, совместно съ полковой старшиной, сотниками и знатными казаками, также избираются по 2—3 кандидаты; столько же кандидатовъ избираются и въ сотники, всѣми казаками сотни. Кандидаты въ полковую старшину и въ сотники представляются гетману, который изъ нихъ и замѣщаетъ соответствующіе уряды, непремѣнно православными; новокрещеннымъ иностранцамъ запрещается занимать уряды. Всѣ сборы, наложенные на малорусскій народъ малороссійскою коллегіею, отменяются; оставляются только тѣ, которые взимаются еще при гетманахъ. Отъ сборовъ этихъ освобождаются только одни казаки. Духовенству малороссійскому никто не долженъ продавать, закладывать или другимъ какимъ-нибудь способомъ отдавать земли. Въ монастыри и церкви позволено дѣлать вклады только деньгами. Рѣшено перевести на русскій языкъ магдебургскія и саксонскія права и, при посредствѣ свѣдущихъ людей, составить изъ нихъ одно цѣлое. Съ цѣлью привести въ извѣстность имѣнія частновладѣльческія ранговыя и свободныя, никому еще не отданныя во владѣніе, по распоряженію гетмана Апостола, во всѣхъ десяти полкахъ Малороссіи было произведено слѣдствіе о маестностяхъ. Собранный матеріалъ обрабатывался полковой старшиной и сотниками, составлявшими исторію каждого

села и опредѣлявшими его положеніе въ моментъ слѣдствія. Составленные такимъ образомъ книги генеральнаго слѣдствія, представляють, по выраженію А. М. Лазаревскаго, «источникъ первостепеннаго значенія для исторіи землевладѣнія въ Малороссіи». Въ 1729 г. была образована коммиссія для разсмотрѣнія книгъ правныхъ и составленія изъ нихъ общаго свода. Составленный ею сборникъ, извѣстный подъ названіемъ «Правъ, по которымъ судится малорусскій народъ», въ 1744 г. былъ представленъ въ Сенатъ и тамъ заложъ. Главный результатъ измѣненій, которые были произведены въ судахъ при Апостолѣ, заключался въ томъ, что въ роль судей была поставлена вся старшина, какъ полковая, такъ и генеральная, и судъ окончательно смѣнился съ администраціей. По ходатайству Апостола, число великороссійскихъ полковъ, стоявшихъ на квартирахъ въ Малороссіи, было ограничено въ 1731 г. шестью. Когда, въ 1734 г., умеръ Апостолъ, въ Малороссіи учреждено было временное правленіе, подъ названіемъ *правленія гетманскаго уряда*. Оно состояло изъ шести лицъ—трехъ великороссійянъ и трехъ малороссійянъ—и должно было руководствоваться малороссійскими правами, царскими указами и рѣшительными пунктами 1728 г. Первое мѣсто въ правленіи занималъ кн. Шаховской. При немъ была произведена ревизія казакамъ, посполитымъ и подсуздкамъ разныхъ чиновъ, а также мастеровымъ, съ цѣлью опредѣлить платежи и повинности, которые они должны нести. Въ связи съ этимъ былъ принятъ рядъ мѣръ противъ уменьшенія числа рядового казачества. Съ цѣлью прекратить уклоненіе казаковъ отъ воинской повинности запрещено было архіереямъ посвящать въ попы и дьяконы малороссійскую старшину, рядовыхъ казаковъ, а также старшинскихъ и казачьихъ дѣтей. Послѣ смерти кн. Шаховскаго (1737) правители Малороссіи смѣнялись весьма часто. Послѣ воцаренія Елизаветы Петровны малороссійская старшина и полковники отправили въ Петербургъ трехъ депутатовъ, для ходатайства по малороссійскимъ дѣламъ. Чтобы облегчить положеніе Малороссіи, пострадавшей отъ войны, снова былъ разрѣшенъ вольный переходъ крестьянъ съ мѣста на мѣсто, запрещенный генеральною войсковой канцеляріей въ 1739 г.; запрещено было великороссіянамъ закрѣплять за собой малороссіянъ; была сложена недолгая: уничтожены почты, устроенныя въ Малороссіи на время войны. Съ 1745 г. управленіе Малороссіею находилось въ рукахъ членовъ войсковой генеральной канцеляріи. Въ 1750 г. въ гетманы былъ выбранъ заранѣе намѣченный императрицею на эту должность графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій, который въ 1751 г. прибылъ въ Малороссію. Его сопровождалъ, въ видѣ ментора, Григорій Николаевичъ Тендовъ, впоследствии сыгравшій большую роль въ судьбѣ Малороссіи, способствуя уничтоженію ея самобытныхъ порядковъ. По выбору Тендова былъ назначенъ новый составъ генеральной канцеляріи. Гетманъ, не обращая вниманія на существующія узаконенія, сталъ самовольно назначать и смѣнять

полковниковъ, раздавать имѣнія въ вѣчное и потомственное владѣніе и т. п. Съ другой стороны, при Разумовскомъ были отмѣнены разныя сборы, установленныя Самойловичемъ и Мазепой и тяжело ложившіеся на народъ; были закрыты таможи на границахъ Малороссіи и Великороссіи и объявлена свобода торговли между сѣверомъ и югомъ. Въ 1754 г. уничтожены существовавшіе въ Малороссіи внутренніе таможенные сборы. Въ 1760 г., по прошенію Разумовскаго, малороссійскія дѣла были перенесены изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ сенатъ. Въ 1764 г. были введены, по литовскому статуту, *суды земскіе, горюдекіе и подкоморскіе*, когда-то, еще при польскомъ владычествѣ, существовавшіе въ Малороссіи. Малороссія была раздѣлена на 20 повітовъ. Вообще управленіе Разумовскаго было тягостно для малороссіянъ. Онъ не зналъ больныхъ мѣстъ своей родины и непосредственное заведываніе краемъ ввѣрилъ той самой старшинѣ, которую въ стремленіяхъ ея къ окончательному порабоженію народа могъ сдерживать только суровый надзоръ великороссійскихъ чиновниковъ. При Разумовскомъ старшина окончательно взяла верхъ и, пользуясь родственными связями съ гетманомъ, спѣшила забирать оставшіяся еще свободныя села «въ вѣчное и потомственное свое и наслѣдниковъ своихъ владѣніе» — формула совершенно новая, впервые явившаяся въ гетманскихъ универсалахъ при Разумовскомъ. Въ 1752 г. генеральная старшина обратилась къ гетману съ «нижайшимъ доношеніемъ», въ которомъ просила о запрещеніи крестьянскихъ переходовъ, указывая на то, что переходъ посполитыхъ, находясь, будто-бы, въ противорѣчіи съ малорусскими правами, представляетъ злоупотребленіе, вредно отъзывающееся на интересахъ фиска и на государствѣ вообще, такъ какъ самое населеніе послѣдняго прогрессивно уменьшается. Непосредственные результаты этого прошенія неизвѣстны, но въ 1760 г. Разумовскимъ былъ изданъ универсалъ, касающійся переходовъ крестьянъ. Гетманъ не отмѣнилъ прямо переходовъ: онъ только требовалъ, чтобы все движимое имущество, нажитое посполитыми, оставалось, при переходѣ, за тѣмъ владѣльцемъ, у котораго посполитый жилъ. Всѣмъ владѣльцамъ воспрещено было, подъ страхомъ наказанія, принимать къ себѣ посполитыхъ безъ письменныхъ отпусковъ отъ прежнихъ владѣльцевъ. Послѣдніе, правда, обязаны были давать отпуски, когда посполитый хотѣлъ уйти, но на практикѣ это соблюдалось плохо и вызвало массу злоупотребленій.

Уничтоженіе гетманства. Управленіе графа П. А. Румянцева. Введеніе въ Малороссіи общерусскихъ порядковъ. Въ 1764 г. гетманъ Разумовскій созвалъ въ Глуховъ малороссійскую старшину на генеральную раду, обратившуюся къ императрицѣ Екатеринѣ II съ просьбою о восстановленіи и подтвержденіи своихъ правъ. На томъ же собраніи старшины лицами, желавшими угодить Разумовскому, были подняты вопросы объ учрежденіи въ Малороссіи гетманства, наслѣдственнаго въ родѣ графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго. Самому

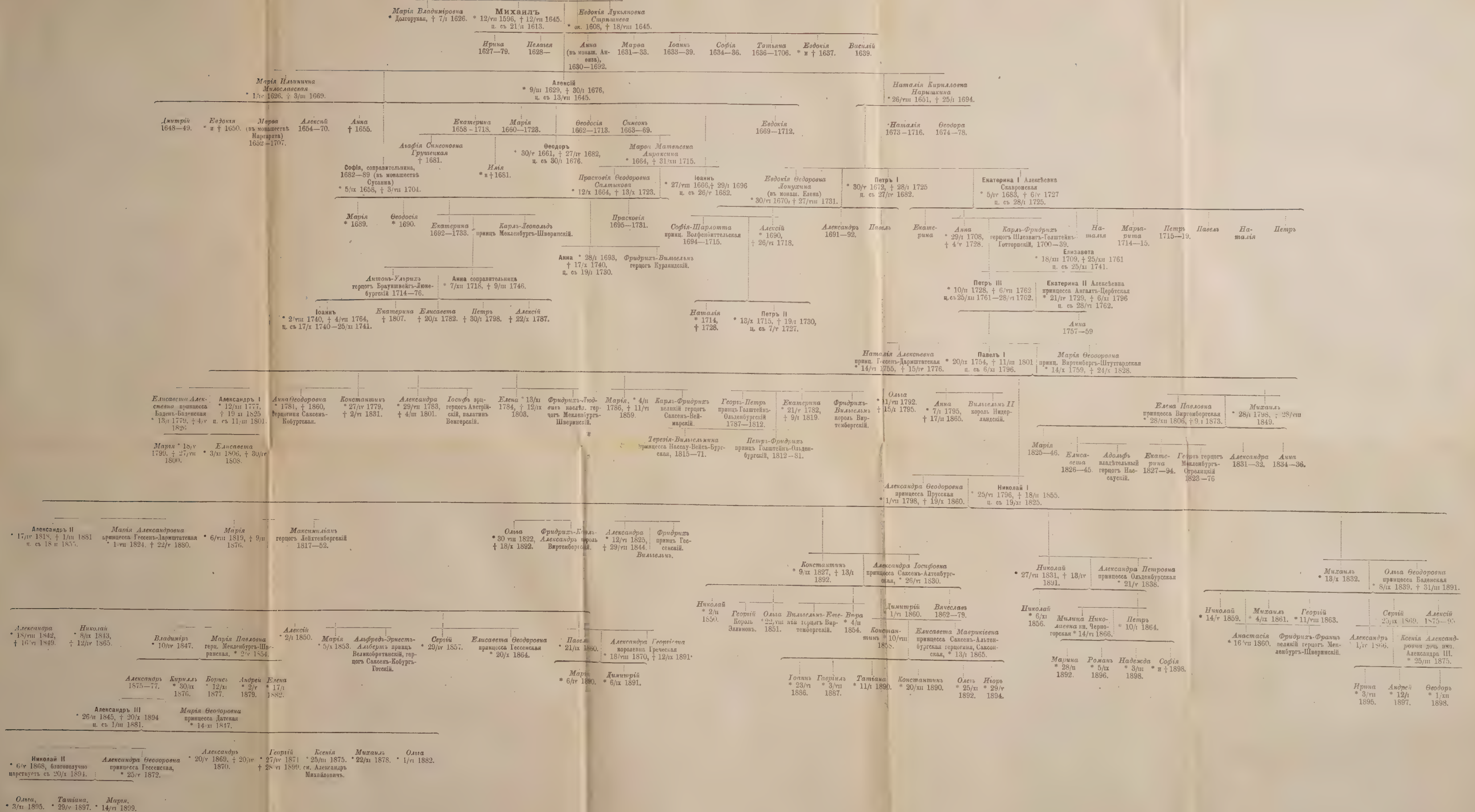
гетману мысль эта очень понравилась, но она не встрѣтила сочувствія въ большей части старшины и среди высшаго малорусскаго духовенства. Прошеніе не было подано, но самая мысль о немъ раздражила Екатерину II. Въ секретнѣйшемъ наставленіи кн. А. Вяземскому, назначенному въ 1764 г. генераль-прокуроромъ, императрица выразилась такъ: «Малая Р., Лифляндія и Финляндія суть провинціи, которыя преляются конфирмованными имъ привилегіями, и нарушить оныя отъшепіемъ всѣхъ вдругъ весьма непристойно-бы было; однако-жъ, и называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на таковомъ же основаніи есть больше, нежели ошибка, а можно назвать съ достовѣрностію, глупость. Сія провинція, также Смоленскую, надлежитъ легчайшими способами привести къ тому, чтобы онѣ обрусѣли и перестали-бы глядѣть, какъ волки въ лѣсу. Къ тому приступить весьма легкій, если разумные люди избраны будутъ въ тѣхъ провинціяхъ; когда же въ Малороссіи гетмана не будетъ, то должно стараться, чтобы и имя гетмана исчезло, не токмо-бы персона какая была произведена» («Сб. Р. Ист. Общ.», VII, 348). Разумовскій былъ вызванъ въ С.-Петербургъ, очень холодно принятъ и вынужденъ подать въ отставку. 10 ноября 1764 г., вмѣстѣ гетманскаго правленія, была учреждена *Малороссійская коллегія*, президентомъ которой, въ званіи малороссійскаго губернатора, былъ назначенъ графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ. Коллегія состояла изъ 4 малороссійскихъ и 4 великороссійскихъ членовъ. На послѣдующія событія въ Малороссіи большое вліяніе оказала записка Г. Н. Теплова: «О неурядицахъ, которые происходятъ отъ злоупотребленія правъ и обыкновеній, грамотами подтвержденныхъ Малороссіи». Въ запискѣ своей Тепловъ старается доказать, что малорусскій народъ издревле былъ народомъ русскимъ и выставляетъ на видъ всѣ злоупотребленія, которыя происходили отъ малорусскихъ правъ и обыкновеній (напечатана во 2 томѣ «Записокъ о южной Руси», Кулиша). Вліяніе записки Теплова замѣтно въ секретномъ наставленіи, данному въ ноябрѣ 1764 г. Екатериной II Румянцеву, при назначеніи его генераль-губернаторомъ Малороссіи («Сборникъ Рус. Историческаго Общества», VII, 376—391). Ему поручалось, между прочимъ, принять мѣры къ уничтоженію крестьянскихъ переходовъ. Прибавъ въ Малороссію весной 1765 г., Румянцевъ дѣлое лѣто употребилъ на личный осмотръ края. Свои наблюденія онъ изложилъ въ «Запискѣ о усмотрѣнныхъ въ Малой Р. недостаткахъ, о исправленіи которыхъ въ Малороссійской коллегіи трактовать должно» («Чтенія въ обществѣ Нестора Лѣтописца», V, отд. III, стр. 101). Въ томъ же году была начата, по его распоряженію, такъ называемая *Румянцевская отпись* (см.). Въ 1767 г. Румянцевъ отмѣнилъ дѣйствіе «рѣшительныхъ пунктовъ» 1728 г. относительно порядка выбора сотниковъ. Кандидатовъ въ сотенную старшину должна была избирать полковая старшина, вмѣстѣ съ сотниками, и представлять на утвержденіе Румянцева. Вообще Румянцевъ дѣй-

ствовалъ на первыхъ порахъ очень горячо и энергично. Онъ борется противъ волокиты въ судахъ, старается привести въ извѣстность законы въ Малороссіи и установить вѣдомство земскихъ судовъ, опредѣляетъ адвокатовъ, для помощи казакамъ, въ судахъ земскомъ и городскомъ и т. д. Иногда энергія его переходила въ тревоженіе власти, какъ это было, напр., при выборѣ въ депутатовъ комиссію для сочиненія проекта новаго уложенія. Румянцевъ самовольно сдѣлалъ распоряженіе, противорѣчившее манифесту Екатерины II и обряду о выборѣ депутатовъ, чтобы жители малолюдныхъ городовъ не избирали депутата въ комиссію, «чтобы не обратилось то имъ въ тягость», а со всѣми своими нуждами и желаніями обращались прямо къ нему. Онъ вмѣшивался лично или чрезъ чиновниковъ въ выборы депутатовъ, въ составленіе наказовъ. Дѣло о выборѣ депутатовъ въ Ніжинѣ, въ которое вмѣшался Румянцевъ, привело къ разбирательству въ военномъ судѣ, который приговорилъ было депутатовъ-ослушниковъ воли Румянцева къ вѣчной ссылкѣ и даже смертной казни. Въ наказахъ своихъ въ Екатерининскую комиссію малорусскіе обыватели изложили довольно обстоятельно свои нужды; имъ только нельзя было касаться нѣкоторыхъ вопросовъ, особенно вопроса о возстановленіи гетманства. Заходила рѣчь о малорусскихъ правахъ и въ самой комиссіи; наиболѣе горячо и талантливо отстаивалъ ихъ депутатъ дубенскаго шляхетства Г. А. Полетика. Съ введеніемъ въ Малоросію, въ 1782 г., общерусскихъ учреждений и образованіемъ въ ней намѣстничества должны были прекратить свое существованіе прежнія малорусскія учрежденія. Въ 1783 г. былъ прекращенъ свободный переходъ посольства и, такимъ образомъ, юридически утверждено въ Малороссіи крѣпостное право (см. Посольские, XXIV, 691—694). Въ томъ же году введена въ Малороссію подушная подать и реформировано военное устройство малороссійскихъ казаковъ: изъ малороссійскихъ казаковъ велѣно было набрать десять регулярныхъ кавалерійскихъ полковъ. Въ 1789 и 1791 гг. эти полки были раскассированы между кирасирскими, конно-егерскими, гусарскими и драгунскими полками, комплектованіе которыхъ происходило посредствомъ обычныхъ наборовъ. Въ связи съ учрежденіемъ карабинерныхъ полковъ находилось и переименованіе малорусскихъ чиновъ въ великорусскіе; въ 1784 г. предписано было прежнимъ малороссійскимъ чиновъ болѣе не давать. Изданная въ 1785 г. жалованная грамота дворянству была распространена и на Малоросію и, такимъ образомъ, малорусское шляхетство окончательно слилось съ великорусскимъ дворянствомъ. Въ 1786 г. были отобраны у малорусскихъ монастырей недвижимыя имѣнія; часть монастырей была закрыта, для другой введены штаты и положено жалованье. Крестяне бывшихъ монастырскихъ имѣній поступили въ казенное вѣдомство. Павелъ I, вмѣсто 3-хъ намѣстничествъ, учредилъ одну губернію Малороссійскую; губернскимъ городомъ ея былъ назначенъ Черниговъ. Въ 1802 г. императоръ Александръ I повелѣлъ образо-

вать изъ Малороссійской губерніи двѣ, Черниговскую и Полтавскую. При императорѣ Николаѣ I были уничтожены послѣдніе намѣки на прежнюю самобытность Малороссіи. Въ 1831 г. въ Малороссіи было отиѣнено магдебургское право и повелѣно было ввести для малорусскихъ учреждений и лицъ, въ нихъ служащихъ, наименованія, установленныя учрежденіемъ о губерніяхъ («повѣты» переименованы въ уѣзды, «маршалы» — въ предводителей, департаменты генеральнаго суда — въ палаты гражданскую и уголовную и т. д.). 15 апрѣля 1842 г. было, наконецъ, отиѣнено для Малороссіи судопроизводство и рѣшеніе дѣлъ по Литовскому статуту, при чемъ нѣкоторыя статьи его были внесены, для губерній Черниговской и Полтавской, въ Сводъ Законовъ.

Правобережная Малороссія въ XVIII вѣкѣ. Когда въ 1714 г. этотъ край окончательно поступилъ во владѣніе Польши, онъ былъ почти лишенъ крестьянскаго населенія, перешедшаго на лѣвый берегъ. На правомъ берегу Днѣпра преобладало крупное землевладѣніе. Первымъ дѣломъ возвратившихся въ свои имѣнія землевладѣльцевъ было, въ виду недостатка рабочихъ рукъ, позаботиться о колонизаціи своихъ земель. Колонизація эта шла путемъ основанія *слободъ*. Землевладѣльцы обмѣняли поселенцамъ рядъ льготъ, на извѣстное число лѣтъ освобождали ихъ отъ всѣхъ повинностей и налоговъ и даже иногда помогали имъ деньгами для перваго обзаведенія. Для зызыванія населенія помѣщики пользовались обыкновенно помощью особыхъ агентовъ — вербовщиковъ (осадчихъ). Населеніе тѣхъ мѣстъ, гдѣ экономическое положеніе было тяжелое, съ охотой шло въ «слободы» и къ концу первой половины XVIII в. правобережная Малороссія снова представляется страной достаточно населенной. Къ концу первой половины XVIII в. кончились сроки почти всѣхъ льготныхъ условій; край былъ уже густо заселенъ и помѣщики въ рабочихъ рукахъ болѣе не нуждались. Поэтому, при заключеніи новыхъ условій, они уже ничѣмъ не стѣснялись и обсылали населеніе все болѣе закрѣпощалось. «Шляхетская среда — говоритъ проф. В. В. Антоновичъ — была слишкомъ неразвита, слишкомъ эгоистична и недальновидна, чтобы пойти навстрѣчу стремленіямъ массы народной и добровольными уступками открыть путь для прогресса въ гражданскомъ развитіи Рѣчи Посполитой. Требуя безусловнаго подчиненія своимъ влѣямъ, отрицая абсолютно всѣ гражданскія и человѣческія права народа, шляхтичи вызвали необходимо реакцію съ его стороны... Она проявилась въ новой формѣ, возрастала съ каждымъ годомъ и быстро охватывала массу крѣпостного люда. Эта новая форма называлась теперь *гайдамачествомъ*» («Исслѣдованіе о гайдамачествѣ»). Возстанія гайдамаковъ достигали иногда очень широкихъ размѣровъ. Въ 1768 г. произошло самое страшное изъ нихъ, извѣстное подъ именемъ *кологичины*. Послѣ кроваваго усмиренья этого движенія, гайдамачина не прекратилась, а существовала въ видѣ мелкихъ волышекъ до самаго паденія Польши. Польское правитель-

Російській Імператорській Домъ.

ство всячески старалось устранить возможность массовых народных движений: развились доносы, преслѣдовались крестьяне и священники, будто-бы подучившие население къ возстанію. Въ 1789 г. возникло, напр., на Волыни пѣлое дѣло о мнимомъ заговорѣ, будто-бы составленномъ, по внушенію русскаго правительства, крестьянами и духовенствомъ для истребленія мѣстнаго дворянства («Арх. Юго-зап. Р.», ч. III т. 5). По второму польскому раздѣлу (1793 г.) правобережная Малороссія была присоединена къ Р. Дальнѣйшую исторію ея въ XIX в. см. Юго-Западный край.

Литература. Шафонскій, «Описаніе Черниговскаго намѣстничества»; Бантышъ-Каменскій, «Исторія Малой Россіи»; Маркевичъ, «Исторія Малороссіи»; «Весіи про часи козацькі на Украині» (Чернівці, 1897); А. Я. Ефименко, «Очерки исторіи правобережной Украини»; Н. И. Костомаровъ, «Монографіи»; его же, «Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей»; П. А. Кулишъ, «Исторія воссоединенія Руси»; М. Максимовичъ, «Собраніе сочиненій» (т. I); В. Б. Антоновичъ, «Монографіи по исторіи Западной Руси» (т. I); О. И. Левицкій, «Очеркъ внутренней исторіи Малороссіи во второй половинѣ XVII в.» («Кіев. Унив. Изв.», 1874); Ф. М. Уманецъ, «Мазепа»; А. М. Лазаревскій, «Замѣтки о Мазепѣ» («Кіевская Старина», 1898); «Полуботокъ» («Русскій Архивъ», 1880, I); «Семья Скоропадскихъ» («Истор. Вѣстникъ», 1880, VIII); «Описаніе старой Малороссіи» (рецензіи на этотъ трудъ В. А. Мякотина и Д. И. Багалія); Васильчиковъ, «Семейство Разумовскихъ»; Д. П. Миллеръ, «О судахъ земскихъ, городскихъ и подкоморскихъ въ Малороссіи въ XVIII в.» (рецензіи на этотъ трудъ — А. М. Лазаревскаго). Для исторіи правобережной Малороссіи важны вступительныя статьи въ «Архивъ Юго-Зап. Р.» (В. Б. Антоновича, О. И. Левицкаго, М. Ф. Владимірскаго-Буданова и др.). По отдѣльнымъ вопросамъ общественнаго и гражданскаго быта Малороссіи см. рядъ статей въ «Кіевской Старинѣ» съ 1882 г. Ср. также литературу въ ст. Духовенство, Литовско-русское государство, Магдебургское право въ Малороссіи, Поземельная община, Польша, Посполитые, Старшина, Суды въ Малороссіи, Унія.

Н. Василенко.

Е. Хронологія по русской исторіи (годы княженій и царствованій здѣсь не помѣчены, такъ какъ ихъ удобнѣе найти въ родословныхъ таблицахъ Рюриковичей и дома Романовыхъ).

IX вѣкъ.

Призваніе варяжскихъ князей . . .	862
Походъ Аскольда и Дира на Царьградъ	865
Перенесеніе столицы въ Кіевъ . . .	882

X вѣкъ.

Крещеніе св. Ольги	957
Походъ Святослава на дун. болгаръ .	967
Крещеніе Руси	988

XI вѣкъ.

Нашествіе печенѣговъ на Кіевъ и пораженіе ихъ	1036
Начало Кіевопечерскаго м-ря . . .	1051
Утвержденіе удѣльной системы .	1054
Преподобный Несторъ	1056—1114
Остромирово Евангеліе	1057
Кончина преп. Θεодосія	1074
Любечскій съѣздъ князей	1097
Витичевскій съѣздъ	1100

XII вѣкъ.

Битва съ половцами при р. Салтѣ .	1111
Первое упоминаніе о Москвѣ . . .	1147
Взятіе Кіева Андреемъ Богол. . .	1169
Походъ сѣверскихъ князей на половцевъ	1185
Соединеніе Галицкаго княжества съ Волынью	1198

XIII вѣкъ.

Основаніе гор. Риги	1201
Битва при р. Липицѣ между сыновьями Всеволода III	1216
Битва съ татарами на Калкѣ . . .	1224
Смерть Чингисъ-Хана	1227
Нашествіе Батия	1236
Битва Юрія II съ татарами при р. Сити	1238
Взятіе Кіева татарами	1240
Битва Александра Невскаго со шведами	1240
Ледовое побоище	1242
Распаденіе царства Темучина . . .	1260
Смерть Миндовга	1263
Раковорская битва	1268
Перенесеніе митрополіи изъ Кіева во Владиміръ	1299

XIV вѣкъ.

Св. Сергій	1313—1391
Княженіе Гедимины	1315—1340
Перенесеніе митрополіи изъ Владиміра въ Москву	1328
Княженіе Ольгерда	1345—1377
Моровая язва въ Р.	1353
Княженіе Ягайла	1377—1434
Куликовская битва	1380
Нашествіе Тахтамыша и разореніе Москвы	1382
Соединеніе Литвы (и западной Руси) съ Польшей	1386
Княженіе Витовта	1392—1430
Нашествіе Тамерлана	1395
Вторженіе Эдигея и сожженіе Троицко-Сергіевой Лавры . . .	1408

XV вѣкъ.

Городельскій сеймъ	1413
Основаніе Казанскаго царства . .	1437
Флорентійская унія	1439
Отдѣленіе юго-западной церкви отъ сѣверовосточной	1458
Походъ Іоанна III на Новгородъ .	1471
Бракъ Іоанна III съ Софіей Палеологъ	1472

Присоединение Новгорода къ Москвѣ	1478
Свержение татарскаго ига	1480
Присоединение Твери къ Москвѣ	1485
Смерть Иоанна Молодого	1490
Издание первого Судебника	1497

XVI вѣкъ.

Падение Золотой Орды	1502
Перемирие съ Литвой	1503
Осужденіе ересь жидовствующихъ	1504
Присоединение Пскова къ Москвѣ	1510
Взятие Смоленска	1514
Присоединение Рязани къ Москвѣ	1520
Присоединение Сѣверскаго княжества	1523
Правление Елены Глинской	1533—1538
Вѣнчаніе Иоанна IV на царство	1547
Издание Новаго Судебника	1550
Первый земскій соборъ	1550
Стоглавыи соборъ	1551
Покорение Казани	1552
Первыя торговыя сношенія съ Англіей	1553
Покорение Астрахани	1556
Начало торговли съ англичанами	1558
Ливонская война	1558—1582
Походъ Д. Адашева въ Крымъ	1559
Смерть Анастасіи Романовны	1560
Удаление Сильвестра и Адашева	1560
Книгопечатаніе въ Москвѣ	1563
Учрежденіе опричины	1565
Умерщвление митроп. Филиппа	1569
Люблинская унія	1569
Нападеніе крымскаго хана на Москву	1571
Взятие поляками Полоцка	1579
Осада Пскова Ваторіемъ	1581—1582
Миръ съ Польшей въ Запольскомъ Ямѣ	1582
Покорение Сибири	1582
Основаніе гор. Архангельска	1584
Основаніе Уфы и принятіе въ подданство башкиръ	1586
Учрежденіе патриаршества	1589
Убіеніе царевича Димитрія	1591
Брестскій соборъ и введеніе въ Юго-Зап. Руси уніи	1596
Указъ о бѣглыхъ крестьянахъ	1597
Прекращеніе дома Рюрика	1598
Ворись Годуновъ	1598—1605

XVII вѣкъ.

Голодные годы	1601—1604
Вступленіе Лжедимитрія въ предѣлы Московскаго государства	1604
Лжедимитрій I	1605—1606
Василій Шуйскій	1606—1610
Появленіе Тушинскаго вора	1608
Осада Троицкой лавры поляками	1608—1610
Осада Смоленска Сигизмундомъ	1609—1611
Присяга Москвы Владиславу	1610
Походъ Ляпунова подъ Москву	1611
Взятіе Новгорода шведами	1611
Походъ нижегородскаго ополченія подъ Москву	1612
Избраніе Михаила Феодоровича	1613
Столбовскій миръ со Швеціей	1617

Деулинское перемирие съ Польшей	1618
Патріаршество Филарета	1619—1633
Казакія возстанія противъ Польши	1625—1638
Вторая польская война	1632—1634
Основаніе кievской академіи	1633
Поляновскій миръ	1634
Первое посольство въ Китай	1637
Взятіе Азова казаками	1637
Земскій соборъ по поводу взятія Азова	1642
Первая война Б. Хмельницкаго съ Польшей	1646—1649
Смерть Петра Могилы	1647
Мятежъ въ Москвѣ и Сольвычегдскѣ	1648
Никонъ — новгородскій митропол.	1648
Соборное Уложеніе	1649
Зборовскій договоръ Хмельницкаго съ поляками	1649
Запрещеніе англичанамъ безпошлинной торговли	1649
Вторая война Хмельницкаго съ Польшей и миръ при Бѣлой Црк.	1651
Патріаршество Никона	1652—1666
Подданство Малороссіи Москвѣ	1654
Исправленіе богослужебн. книгъ	1654
Первая война Алексѣя Мих. съ Польшей	1654—1656
Принятіе калмыками русскаго подданства	1655
Война со Швеціей	1656—1658
Смерть Богдана Хмельницкаго	1657
Вторая война съ Польшей и Андрусовское перемирие	1658—1667
Разрывъ Никона съ Алек. Мих. Кардисскій миръ со Швеціей	1661
Волненія въ Москвѣ (на финансовою почвѣ)	1662
Учрежденіе почты	1666
Андрусовскій договоръ съ Польшею	1667
Соборъ духовенства (о Никонѣ и о новонапечатанныхъ богослужебныхъ книгахъ)	1667
Соловецкое возмущеніе	1667—1676
Возстаніе Разина	1668—1671
Рожденіе Петра Великаго	1672
Война съ Турціей и Бахчисарайское перемирие	1672—1681
Уничтоженіе мѣстничества	1682
Правленіе Софіи	1682—1689
Стрѣльцкій бунтъ	1682
Второй стрѣльцкій бунтъ въ Москвѣ	1685
Начало регулярнаго войска въ Р. (потѣшныя войска)	1686
Вѣчный миръ съ Польшей	1686
Гетманство Мазепы	1687—1708
Крымскіе походы	1687—1689
Третій стрѣльцкій бунтъ въ Москвѣ	1689
Нерчинскій договоръ съ Китаемъ	1689
Начало самодержавія Петра	1689
Заведеніе флота въ Р.	1695
Азовскій походъ и взятіе Азова	1695—1696
Смерть Иоанна V	1696
Заговоръ Цыклера	1697
Первое Путешествіе Петра за границу	1697—1698
Стрѣльцкій бунтъ	1698

Начало преобразовательной деятельности Петра Великого	1698
Перенесение начала года съ 1-го сентября на 1-ое января	1699
Миръ съ Турціей	1700
Смерть послѣдняго патріарха Адріана	1700

XVIII вѣкъ.

Сѣверная война	1700—1721
Пораженіе подъ Нарвой	1700
Возстаніе противъ Польши Палѣя	1702
Основаніе Петербурга	1703
Взятіе русскими Нарвы и Дерпта	1704
Начало печатанія гражданскимъ шрифтомъ	1705
Астраханскій бунтъ	1705—1706
Булавинскій бунтъ	1708
Гетманство Скоропадскаго	1708—1722
Битва при Лѣсной	1708
Полтавская битва	1709
Учрежденіе сената	1711
Прутскій походъ	1711
Перенесеніе столицы въ СПб.	1713
Указъ о маюратѣ	1714
Учрежденіе морской академіи	1715
Изданіе воинскаго устава	1716
Учрежденіе госуд. коллегій	1717
Смерть царевича Алексѣя Петров.	1718
Первая ревизія	1719
Нимфадтскій миръ	1721
Учрежденіе святѣйшаго синода	1721
Указъ о престолонаслѣдіи	1721
Принятіе Петромъ I императорскаго титула	1721
Первая малороссійская коллегія	1722—1727
Война съ Персіей	1722—1723
Табель о рангахъ	1722
Открытіе академіи наукъ	1726
Гетманство Данила Апостола	1727—1734
Рѣшительные пункты о Малороссіи	1728
Попытка верховниковъ ограничить самодержавіе при вступленіи на престолъ Анны Іоанновны	1730
Междугетманство	1734—1750
Взятіе Очакова Минихомъ	1737
Вѣлградскій миръ	1739
Сверженіе Бирона	1740
Война со Шведами и миръ въ Або	1741—1743
Гетманство Разумовскаго	1750—1764
Указъ объ учрежденіи въ Р. перваго банка	1754
Основаніе моск. университета	1755
Основаніе публичнаго театра въ Петербургѣ	1756
Семилѣтняя война	1756—1763
Основаніе академіи художествъ	1757
Битва при Корндорфѣ	1758
Битва при Кунерсдорфѣ	1759
Занятіе Берлина	1760
Указъ о вольности дворянства	1762
Уничтоженіе тайной канцеляріи	1762
Учрежденіе медицинской коллегіи	1763
Основаніе воспитательнаго дома въ Москвѣ	1763
Попытка Мировича	1764
Уничтоженіе гетманства въ Малороссіи и вторая малороссійская коллегія	1764

Отобраніе церковныхъ недвижныхъ имуществъ	1764
Учрежденіе Смольнаго института	1764
Учрежденіе вольно-экономическаго общества	1765
Коммиссія для сочиненія проекта новаго уложенія	1767
Уравненіе польскихъ диссидентовъ въ правахъ съ католиками	1768
Принятіе Польши подъ покровительство Россіи	1768
Гайдамацкое возстаніе въ Польшѣ	1768
Учрежденіе ассигнаціонн. банка	1768
Первая (при Екатеринѣ II) турецкая война	1768—1774
Введеніе ассигнацій	1769
Битвы при Ларгѣ, Кагулѣ, Чесмѣ	1770
Чума въ Москвѣ	1771
Первый раздѣлъ Польши	1772
Пугачевскій бунтъ	1773—1775
Кучукъ-Кайнарджійскій миръ	1774
Уничтоженіе Запорожской Сѣчи	1775
Учрежденія для управленія губ.	1775
Вооруженный нейтралитетъ	1780
Коммиссія о народныхъ училищ.	1782
Окончательное утвержденіе крѣпостного права въ Малороссіи	1783
Присоединеніе Крыма	1783
Подданство грузинскаго царя Ираклія	1783
Жалованная грамота дворянству	1785
Городовое положеніе	1785
Учрежденіе государственнаго заемнаго банка	1786
Путешествіе Екатерины II въ Крымъ	1787
Вторая турецкая война	1787—1791
Война со Швеціей	1888—1790
Взятіе Очакова Потемкинымъ	1788
Битвы при Фокшанахъ и Рымникѣ	1789
Взятіе Измаила	1790
Верельскій миръ со Швеціей	1790
Миръ съ Турціей съ Яссахъ	1791
Майская конституція въ Польшѣ	1791
Второй раздѣлъ Польши	1793
Основаніе Одессы	1794
Третій раздѣлъ Польши	1795
Учрежденіе духовныхъ академій въ С.-Петербургѣ и Казани	1797
Учрежденіе объ Императорской фамилии	1797
Учрежденіе медико-хирургической академіи	1799
Походъ Суворова въ Италію	1799

XIX вѣкъ.

Присоединеніе Грузіи	1801
Отѣтна пытокъ	1801
Учрежденіе государственнаго общества и министерствъ	1802
Присоединеніе Мингреліи	1803
Указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ	1803
Учрежденіе харьковскаго и казанскаго университетовъ	1804
Война Россіи и Австріи съ Наполеономъ	1805
Битва при Аустерлицѣ	1805
Возвышеніе Сперанскаго	1806

Война Россіи и Пруссіи съ Наполеономъ	1806—1807	Образованіе Туркестанскаго генералъ-губернаторства	1867
Война съ Турціей	1806—1812	Уступка Россійскихъ владѣній въ Сѣв. Америкѣ	1867
Битва при Фридрихсбургѣ	1807	Взятіе Самарканда	1868
Тильзитскій миръ	1807	Взятіе Бухары	1868
Война со Швеціей	1808—1809	Учрежденіе варшавскаго унив.	1869
Фридрихсгамскій миръ	1809	Новое Городовое положеніе	1870
Присоединеніе Имеретіи	1810	Лондонскій трактатъ	1871
Паденіе Сперанскаго	1812	Новый гимназическій уставъ	1871
Отечественная война	1812	Уставъ реальныхъ училищъ	1872
Бухарестскій миръ съ Турціей	1812	Обмѣнъ Курильскихъ о-вовъ на Сахалинъ	
Бородинская битва	1812	Политехническая выставка въ Москвѣ	1872
Лейпцигская битва	1813	Завоеваніе Хивы	1873
Гюлистанскій договоръ съ Персіей	1813	Всеобщая воинская повинность	1874
Взятіе Парижа	1814	Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ	1874
Вѣнскій конгрессъ	1814	Присоединеніе Коканскаго ханства	1876
Священный Союзъ	1815	Турецкая война	1877—1878
Присоединеніе Варшавскаго герцогства къ Россіи подъ именемъ Царства Польскаго	1815	Берлинскій конгрессъ	1878
Основаніе петербургскаго университета	1819	С.-Стефанскій договоръ	1878
Наводненіе въ Петербургѣ	1824	Появленіе чумы въ Астраханской губ., въ ст. Ветлянкѣ	1878
Заговоръ декабристовъ	1825	Верховная распорядительная коммиссія	1880
Персидская война	1826—1828	Закрытіе III отд. Соб. Его Вел. канцеляріи	1880
Наваринская битва	1827	Взятіе Геокъ-Тепе	1881
Туркманчайскій миръ съ Персіей	1828	Кульджинскій договоръ	1881
Учрежденіе слѣд. технологическаго института	1828	Коммиссія для составленія уложенія уголовнаго и гражданскаго	1881 и 1882
Турецкая война и Адрианопольскій миръ	1828—1829	Учрежденіе крестьянскаго поземельнаго банка	1882
Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи	1830	Временныя правила о печати	1882
Польское возстаніе	1830—1831	Отмѣна подушной подати	1882
Изданіе Свода Законовъ	1833	Кохановская коммиссія	1882
Учрежденіе унив. Св. Владиміра	1834	Начало фабричнаго законодательства	1882
Начало жел. дорогъ въ Россіи	1836	Всероссійская выставка въ Москвѣ	1882
Учрежденіе м-ва госуд. имуществъ	1837	Законъ о выморочныхъ дворян. имуществѣхъ (первая изъ мѣръ, клонящихся къ расширенію дворянскихъ правъ и привилегій)	1883
Присоединеніе уніатовъ къ православнои церкви	1839	Законъ о раскольникахъ	1883
Введеніе кредитныхъ билетовъ	1843	Правила о церковноприходскихъ школахъ	1884
Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ	1845	Университетскій уставъ	1884
Введеніе инвентарей въ Ю.-З. краѣ	1847	Присоединеніе Мерва	1884
Венгерская война	1849	Дворянскій земельный банкъ	1885
Открытіе Николаевской жел. дор.	1851	Битва при Кушкѣ	1885
Крымская война	1853—1856	Конфликтъ съ Болгаріей	1885
Осада Севастополя	1854—1855	Законы о крестьянскихъ семейныхъ раздѣлахъ и наймѣ сельскихъ рабочихъ (первыя въ ряду мѣръ, имѣющихъ цѣлью опеку надъ крестьянами)	1886
Парижскій миръ	1856	Присоединеніе Пенде	1886
Присоединеніе Амурскаго края	1858	Открытіе Закаспійской желѣзной дороги	1886
Покореніе Восточнаго Кавказа	1859	Договоръ съ Великобританіей объ авганской границѣ	1887
Учрежденіе государственнаго банка	1860	Введеніе въ Остзейскомъ краѣ новыхъ полицейскихъ, административныхъ и судебныхъ учреждений	1888—1889
Учрежденіе судебныхъ слѣдователей	1860	Открытіе университета въ Томскѣ	1888
Манифестъ объ освобожденіи крестьянъ (19 февраля)	1861		
Учрежденіе Петровской земледѣльческой академіи въ Москвѣ	1861		
Отмѣна откуповъ	1861		
Университетскій уставъ	1863		
Отмѣна тѣлесныхъ наказаній	1863		
Возстаніе въ Польшѣ	1863		
Судебная реформа	1864		
Земскія учрежденія	1864		
Покореніе Зап. Кавказа	1864		
Учрежденіе новороссійскаго университета	1864		
Законъ о печати	1865		
Взятіе Ташкента	1865		

Спасение Царской семьи при крушении поезда близ ст. Борки (17 окт.)	1888
Законъ о переселеніяхъ	1889
Положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ	1889
Новое земское положеніе	1890
Изданіе новаго таможеннаго тарифа (усиленіе покровительственной системы)	1891
Голодъ	1891—1892
Кронштадтскія и Тулонскія празднества	1891 и 1893
Начало Сибирской жел. дор.; закладка Уссурийскаго участка во Владивостокъ въ присутствіи нѣтъ благополучно царствующаго Гос. Имп. Николая II.	1891
Новое Городовое Положеніе	1892
Заключеніе торговыхъ договоровъ съ Германіей и другими государствами	1894
Преобразованіе м-ва государственн. имуществъ въ м-во земледѣлія и госуд. имуществъ	1894
Открытіе русскаго археологическаго института въ Константинополѣ	1894
Положеніе о видахъ на жительство и казенной продажѣ питей	1894
Коммиссія для пересмотра судебныхъ уставовъ	1894
Разрѣшеніе сдѣлокъ на золотую валюту	1895
Всероссійская промышленная выставка въ Н.-Новгородѣ	1896
Прекращеніе конфликта съ Болгаріей	1896
Введеніе Судебныхъ Уставовъ въ Сибиріи	1896
Русско-японская конвенція	1896
Всеобщая народная перепись	1897
Законъ о нормировкѣ рабочаго времени	1897
Занятіе Портъ-Артура и договоръ съ Китаемъ о Квантунскомъ полу-овѣ	1897—1898
Основаніе женскаго медицинскаго института	1897
Законы, ограничивающіе выпускъ кредитныхъ рублей и устанавливающіе новую монетную единицу золотой рубль = $\frac{1}{16}$ империала	1897—1898
Открытіе восточнаго института во Владивостокѣ	1899
Основаніе политехникумовъ въ Варшавѣ и Кіевѣ	1899
Созывъ въ Гаагѣ международной конференціи по разоруженію, по почину имп. Николая II.	1899

—*

IX. Русское право. А. Исторія русскаго права. 1) Очеркъ развитія государственныхъ учрежденій и источниковъ правообразованія до начала XVIII вѣка. *Періодъ княжескій или тѣчевой. Источники права имѣютъ двойное значеніе: это или тѣ творческія силы, которыя порождаютъ*

право, творятъ его, или тѣ формы, въ которыя отливается право и изъ которыхъ почерпаются свѣдѣнія о немъ. Въ первомъ смыслѣ источниками права служатъ законодательная власть, создающая законъ, какъ главную и наиболѣе совершенную норму; судъ, поскольку онъ своими рѣшеніями вырабатываетъ новыя нормы права; частныя лица и органы правительства, поскольку они содѣйствуютъ созданію новыхъ юридическихъ обычаевъ. Во второмъ значеніи подъ понятіемъ источника подходить законъ, обычай, договоръ, судебныя рѣшенія. Въ древнее время отношеніе между видами источниковъ какъ разъ обратно наблюдаемому въ наши дни. Творческая дѣятельность законодательной власти едва зарождается; всѣ отношенія внутренней и внѣшней государственной жизни, а также отношенія между частными лицами опредѣляются обычаями и договорами. Хотя слово «законъ» (или поконъ) извѣстно первоначальной лѣтописи, но въ смыслѣ однозначномъ съ терминами «правъ, преданія, обычай, пошлина» (какъ и въ средневѣковомъ зап.-европ. правѣ слово *lex* обозначаетъ не законъ, а обычай). Древнее право существуетъ не въ силу постановленій государственной власти, которой чужда идея творчества новыхъ правовыхъ нормъ; главная ея задача—охрана «старинны». Дробность и разнообразіе обычаевъ—характерныя признаки этой формы права. Еще первоначальная лѣтопись отмѣчаетъ разные обычаи у различныхъ славянскихъ племенъ. Въ историческое время, съ чужденіемъ племенной обособленности, происходитъ сближеніе между разными обычаями путемъ вытѣсненія слабого племенного права болѣе сильнымъ. За отсутствіемъ сборниковъ племенныхъ обычаевъ, этотъ процессъ не можетъ быть изучаемъ. Первыя записи обычаевъ относятся ко времени, когда объединеніе достигло уже значительныхъ успѣховъ. Такимъ памятникомъ является *Русская Правда* (XXVII, 307)—частный сборникъ обычаевъ, судебныхъ рѣшеній и немногихъ княжескихъ распоряженій. Древнѣйшая редакція сборника относится къ X—XI вв., но въ его составъ вошли обычаи доисторическаго происхожденія, какъ напр. мѣсть, выкупъ, рабство, судъ послуховъ. Сборникъ дополнялся въ послѣдующее время, что отразилось какъ на редакціяхъ его, такъ и на разнообразіи сохранившихся списковъ. Завершеніе послѣдней редакціи Правды сокращенной изъ пространной относится ко второй половинѣ XIII в. Сравненіе сохранившихся редакцій убѣждаетъ въ томъ, что Правда—отнюдь не офиціальныи сборникъ. Внѣшняя форма памятника (отъ лица князя нигдѣ не говорится и о князьяхъ упоминается въ 3-мъ лицѣ), переработка отдѣльных статей въ смыслѣ постепеннаго обобщенія содержащихся въ нихъ правилъ, разнообразіе статей въ разныхъ спискахъ позднѣйшей редакціи; характерные комментаріи къ некоторымъ статьямъ—все это не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что Правда—разновременный трудъ многихъ частныхъ лицъ. Кромѣ обычаевъ, въ нее вошли записи отдѣльных судебныхъ рѣшеній (первоначально во всей конкретной обстановкѣ),

княжескіе уставы или уроки и заимствованное изъ Византіи право, чрезъ посредство Номакановъ. *Княжескіе уставы*—прообразъ законодательной дѣятельности. Первые князья, раздавая города своимъ мужамъ, устанавливали порядокъ управленія и суда; подчиняя своей власти новыя племена и земли, они опредѣляли размѣры дани. Эти первые уставы были несомнѣнно устные. Съ принятіемъ христіанства уставная дѣятельность князей расширяется подъ вліяніемъ духовенства. Съ представителями церкви совѣщался кн. Владиміръ «о строѣ и о уставѣ землемѣнъ»; въ пользу построенной въ Кіевѣ церкви онъ даровалъ десятину, что подтвердилъ особой грамотой. Этому-же князю приписывается и первый церковный уставъ, по которому церковь получила право суда по цѣлому ряду дѣлъ—надъ всѣми мірянами и по всѣмъ дѣламъ—надъ нѣкоторыми категориями лицъ. Кромѣ этого устава извѣстны еще уставы кн. Ярослава, три новгородскихъ и одинъ смоленскій. Хотя подлинности всѣхъ ихъ, кромѣ послѣдняго, заподозрѣна, но возбуждаетъ сомнѣнія болѣе форма и лишь отчасти содержаніе уставовъ. О княжескихъ уставахъ упоминаетъ и Правда. *Договоры*—иначе рядъ, крестное цѣлованіе, dokonчанье—одна изъ широко распространенныхъ формъ древняго права. Имъ опредѣляются не только международныя отношенія, но и междукняжескія, князей къ народу и къ дружинѣ, а также отношенія частныхъ лицъ. Право, занесенное въ договоры, далеко не всегда создается ими вновь; въ нихъ заносится и обычное право, для болѣея прочности и устраненія споровъ. Отличить договорное право отъ обычнаго тѣмъ труднѣе, что позднѣйшіе договоры повторяютъ нерѣдко правила прежнихъ того-же типа. Такъ возникла договорная старина. Важнѣйшіе изъ древнихъ международныхъ договоровъ заключены съ греками и нѣмцами. Договоры съ греками занесены въ первоначальную лѣтопись подъ 907, 912, 945 и 971 гг. Сомнѣніе въ ихъ подлинности, возбужденное Шлеперомъ, устранено вполне Кругомъ, съ измѣненіемъ лишь даты втораго договора (911 г. вм. 912). Но все-же договоры возбуждаютъ рядъ сомнѣній. Сохранился-ли текстъ ихъ полностью? Какое отношеніе между двумя первыми договорами? Чье право въ нихъ преимущественно отразилось? На какой территоріи договоры примѣнялись? Какъ эти вопросы, такъ и многіе другіе частныя разрѣшаются различно. Неисправность текста, возникшая вслѣдствіе несовершенствъ перевода и усугубленная ошибками переписчиковъ, затрудняетъ разрѣшеніе возбужденныхъ недоумѣній. Тѣмъ не менѣе, какъ памятники политическихъ и торговыхъ сношеній древней Руси съ Византіей, договоры являются весьма важнымъ историческимъ источникомъ: не нужно только преувеличивать ихъ значеніе для изученія древнѣйшей исторіи права, такъ какъ статьи, относящіяся къ уголовному и гражданскому праву и процессу, возбуждаютъ наиболѣе сомнѣнія. Договоры съ нѣмцами, гораздо лучше сохранившіеся, возбуждаютъ гораздо меньше недоумѣній. Вы-

званные къ жизни торговыми сношеніями русскихъ земель—Новгородской, Смоленской, Полоцкой—съ сосѣдними нѣмецкими городами по берегамъ и на островахъ Балтики, эти договоры имѣли цѣлью установить мирное населеніе столкновеній между мѣстными населеніемъ (русскимъ или нѣмецкимъ) и пріѣзжими купцами (нѣмцами или русскими); значить, они примѣнялись одинаково на территоріяхъ обѣихъ договаривающихся сторонъ. Важнѣйшими изъ нихъ являются договоры: 1) Новгорода съ жителями Готланда 1189—1195 и 1198—99 гг., сохранившійся въ видѣ приписки къ позднѣйшему договору 1259—63 г.; 2) Смоленска съ Ригю и Готландомъ 1229—1230 гг., сохранившійся въ нѣсколькихъ спискахъ разныхъ редакцій; и 3) Новгорода съ Готландомъ, на нижнѣнѣмецкомъ яз., 1270 г. По богатству юридическихъ нормъ эти договоры не уступаютъ Русской Правдѣ и упоминаютъ о такихъ институтахъ, свѣдѣній о которыхъ нѣтъ и въ Правдѣ. Договоры, опредѣлявшіе внутрѣнній политическій бытъ княжествъ, были: 1) междукняжескіе, которые уже съ XII в. заключались письменно; изъ нихъ сохранилось всего 66, за время 1341—1531 гг.; о содержаніи болѣе древнихъ можно отчасти судить по краткимъ лѣтописнымъ указаніямъ; 2) договоры князей съ народомъ, которыми опредѣлялись полномочія князя и отношенія его къ вѣчу; изъ нихъ дошли до насъ только новгородскіе, отъ 1264 по 1471 г., числомъ свыше 20, и 3) ряды съ дружиною или вольными слугами, заключавшіеся, повидимому, лишь устно, а потому и не дошедшіе до насъ. Кромѣ Рус. Правды были изданы еще два важныхъ мѣстныхъ сборника права: *Новгородская* и *Псковская судныя грамоты*. Вторая хотя имѣетъ дату—1397 г.—но, очевидно, составлена въ нѣсколько пріемовъ, потому что въ составъ ея вошла грамота кн. Константина (Дмитріевича), бывшаго княземъ во Псковѣ въ 1407 и 1414 гг., а весь сборникъ утвержденъ при участіи священства пяти соборовъ, изъ которыхъ послѣдній относится къ 1462 г. Источники сборника указаны въ его заглавіи: онъ составленъ на вѣчѣ на основаніи грамотъ князей Александра и Константина и записанныхъ обычаевъ (приписокъ псковскихъ пошлянъ). Подъ кн. Александромъ обыкновенно разуміютъ Александра Невского, который спасъ Псковъ отъ нѣмцевъ въ 1241 г.; но слѣдуетъ разумѣть Александра Тверского (1327—1330 и 1332—1337 гг.), который много содѣйствовалъ возникновению политической независимости Пскова. Въ грамотѣ предусмотрѣны и дальнѣйшій порядокъ ея измѣненій и дополненій: «А который строкъ пошляной грамоты вѣтъ, и посадникомъ доложити господина Пскова на вѣчѣ, даятъ строка написать. А котораго строка въ сей грамотѣ не было будетъ господину Пскову, ино та строка волю выпнестъ вонъ изъ грамоты». Не смотря на позднюю окончательную редакцію, нормы права несутъ здѣсь слѣды глубокой старины. По богатству содержащихся нормъ матеріальнаго и формальнаго гражданского права, этотъ сборникъ далеко превосходитъ позднѣйшіе законодательные сборники мо-

сковской эпохи. Новгородская судная грамота, известная до сих пор только в отрывкѣ, окончательно редактирована въ 1471 г. и переписана на имя кн. Ивана 3-го съ сыномъ, но составлена несомнѣнно раньше, на основаніи весьма древнихъ обычаевъ. Въ сохранившейся части содержатся исключительно правила о судѣ. Во всѣхъ указанные сборники занесено сравнительно небольшое число обычаевъ. Соответственно цѣли, ради которой сборники составлялись (потребности суда), въ нихъ почти исключительно вносились нормы, наиболее необходимыя въ судебной практикѣ, а не обычаи, опредѣляющіе разныя стороны государственной жизни. Въ сохранившихся договорахъ, опредѣляющихъ внутренній политическій бытъ, можно найти лишь нѣкоторые нормы послѣдняго рода; огромное ихъ большинство такъ и осталось не зарегистрированнымъ. Для восполненія этого пробѣла нѣтъ другого средства, какъ изученіе тѣхъ слѣдовъ практики, какіе уцѣлѣли въ разсказахъ современниковъ о событіяхъ прошлой жизни.

Государственный бытъ. Когда возникаетъ государство въ древней Руси? Нѣкоторые изслѣдователи относятъ зарожденіе его къ XII-му и даже XV—XVI вв. Но если подлѣ государствамъ понимать совокупность населенія, занимающаго опредѣленную территорию и подчиненнаго единаго власти, то существованіе государствъ у славянскихъ племенъ можно отмѣтить уже вслѣдъ за расселеніемъ ихъ по восточной Европейской равнинѣ. Первозначальный лѣтописецъ указываетъ мѣста поселеній каждаго племени и утверждаетъ, что у каждаго было свое *княженіе*, т. е. образъ правленія. Онъ же указываетъ, что на предположеніе хозаръ было уплатѣ дань, *полюие* «сдумавше вѣща отъ дыма мечь»; это обязательное для всего племени постановленіе было издано какою-то властью. Прізвище варяжскихъ князей изложено какъ постановленіе нѣсколькихъ славянскихъ и финскихъ племенъ, которыя раньше, прогнавъ варяговъ за море, «почаше сами въ собѣ володѣти». Съ появленіемъ варяжскихъ князей еще долго сохранились племенные князья въ качествѣ ихъ подручниковъ; лѣтописъ сохранила и имена нѣкоторыхъ. Столь давнее существованіе древнерусскихъ государствъ не предѣляетъ вопроса объ ихъ устройствѣ. Характернымъ ихъ признакомъ является ихъ слабость, непрочность, отсутствіе сплоченности между частями. Властные представители отдѣльных родовъ или *хозяйствъ* еще не привыкли повиноваться, совсѣмъ не дисциплинированы, не знаютъ различія между своимъ и общественнымъ интересомъ. Каждый ставить на первый планъ свои собственные выгоды, которыя онъ долженъ защищать собственными силами. Огражденіе безопасности отдѣльных лицъ является дѣломъ частныхъ усилій. Праща частное и публичное еще не различаются.

Территорія. Наша исторія начинается не съ единого русскаго государства, а съ цѣлага ряда государствъ (земли, княженія, волости, отчины, удѣлы, уѣзды), незначительныхъ по объему и съ непостоянными границами. Однѣ земли увеличиваются на счетъ другихъ и

вслѣдъ затѣмъ распадаются на нѣсколько болѣе мелкихъ княженій. И то, и другое обусловливается слабостью государственной власти. Въ силу непостоянства границъ отмѣченный лѣтописцемъ племенной составъ княженій не могъ удержаться. Уже во 2-ой половинѣ IX вѣка отдѣльные племена были политически раздроблены. «Полоцкая земля составила изъ вѣтви кривичей съ частью дреговичей; Смоленская — изъ другой части кривичей съ частью радимичей; Черниговская — изъ части сѣверянъ съ другой частью радимичей и съ большинствомъ вятичей; Киевская состояла изъ полянъ, почти всѣхъ древлянъ и части дреговичей; Новгородская — изъ племени ильменскихъ славянъ съ Изборской вѣтвью кривичей» (Ключевскій). Каждая земля имѣетъ политическимъ центромъ городъ, по имени котораго и называется. Собственно городъ означалъ огороженное и укрѣпленное мѣсто: «создаѣ градъ на церкви», «чинити городъ на лодыжахъ», «створити городъ въ колѣхъ» — значило временно укрѣпиться въ томъ или иномъ мѣстѣ. Хорошо укрѣпленные пункты поселеній привлекали къ себѣ населеніе. Еще до призванія кн. изей существовалъ рядъ ольшихъ городъ, которые отчасти поименованы въ 1-мъ договорѣ Олега съ греками. Имѣется извѣстіе о Киевѣ конца X и начала XI в., что въ немъ было 8 рынковъ и безчисленное множество народа. Кромѣ главнаго города, въ каждой землѣ были второстепенныя укрѣпленныя поселенія — пригороды, возникшіе или путемъ колонизаціи, или для защиты отдѣльных частей территоріи, или, наконецъ, завоеваніемъ. Нѣкоторые изъ пригородовъ пріобрѣтали важное значеніе и вступали въ соперничество съ старшими городами, кончавшееся иногда политическимъ обособленіемъ пригорода или даже побѣдой его надъ старшимъ городомъ. По общему правилу, однако, пригороды стоятъ въ зависимости отъ главнаго города; по свѣдѣтельству современника, «на чемъ старшіе (города) здумаютъ, на томъ пригороды стануть». Такое подчиненіе олицетворяетъ политическое единство земли и ея независимость. Это выражено въ Русской Правдѣ по поводу править о сводѣ: «а изъ своего города въ чьюю землю свода нѣтутъ». Въ позднѣйшихъ памятникахъ (междукняжескихъ договорахъ) та же мысль выражена яснѣе: князья взаимно обязуются въ чужой удѣлъ данниковъ своихъ не всылать, ни приставовъ, ни грамотъ не давать. *Населеніе* древнерусскихъ земель распадается на двѣ крупныя группы: населеніе свободное и несвободное. Между свободными нѣтъ различія въ правахъ: сословія еще неизвѣстны. Но фактическая разница положеній — огромная: общественные классы — явленіе глубокой древности. Богатство, пріобрѣтенное или унаслѣдованное, знатность происхождения, профессія, общественное положеніе давали однимъ преимущество передъ другими. Для обозначенія всѣхъ свободныхъ употреблялись термны «людіе» (людины) и «мужи». Различія положеній обозначались качественными прилагательными: *лѣпніе*, *наротичіе*, *передніе*, *старшіе* — съ одной сто-

роны, и меньшие, мезинни, худые, черные люди—съ другой. Для разных классов общества существовали и особые названия. Воприня — крупный собственник. Русская Правда упоминает о боярских холопах и тиунах и о боярской дружине. Другие памятники нередко говорят о боярских селах. Значит, бояре были по преимуществу рабовладельцы и землевладельцы. Их богатство доставляло им возможность содержать значительный штат военных слуг; плохо обеспеченная общественная безопасность дѣлала это необходимым. Огнищане (отъ огнище—очагъ, какъ символъ хозяйства; огнище иногда обозначаетъ раба, составляющаго необходимому принадлежность крупнаго хозяйства; по селамъ живутъ огневщина и смердина)—тоже крупные домохозяева. Сѣверные лѣтописные своды употребляютъ этотъ терминъ вмѣсто слова бояре. Князие мужи—это старшіе дружинники князя, т. е. тѣже бояре, по собственному желанію вступившіе въ составъ дружины. Средину общественной дѣятельности занимали торгово-промышленные классы, между которыми выдѣлялись гости и купцы. О важномъ значеніи торговли въ быту славянъ свидѣлствуютъ самые древніе памятники. Первоначальная лѣтопись указываетъ направленіе великаго торговаго пути изъ варягъ въ греки. О торговлѣ съ Востокомъ разсказываютъ арабскіе писатели, что подтверждается находимыми при раскопкахъ диремами VII—XI вв. Торговля въ Византии велась весьма правильно, какъ видно изъ договоровъ съ греками и разсказа Константина Порфирогенета. Наконецъ, широкія торговыя сношенія съ нѣмцами подтверждаются сохранившимися договорами. Выгоды торговли нередко выдвигали людей этой профессіи въ первые ряды общественныхъ классовъ: купцы упоминаются въ составѣ посольствъ, при обсужденіи важнѣйшихъ общественныхъ дѣлъ. Сдѣлавшись крупными землевладельцами, они могли перейти въ составъ боярства. Необеспеченность торговли вынуждала купцовъ быть въ тоже время и воинами: они носятъ оружіе, участвуютъ въ военныхъ походахъ, имѣютъ дружины для охраны торговыхъ каравановъ. Съ другой стороны, интересы торговли ставятъ купцовъ въ болѣе тѣсныя отношенія другъ къ другу: въ большихъ торговыхъ пунктахъ, напр. въ Новгородѣ, купцы дѣлятся на сотни и имѣютъ особую организацию и особый судъ. Названія низшихъ классовъ городского и массы сельскаго населенія—чернь, смерды, изорники, полонники, поздѣе хрестіане. Всѣ они считаются свободными: Русская Правда облагаетъ смердовъ уголовными штрафами за кражу, признаетъ у нихъ собственность, говоритъ о наслѣдствѣ послѣ смердовъ; рядъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ показываетъ, что смерды были главными плательщиками дани. По хозяйственному положенію они не составляли однородной группы. По свидѣтельству Владиміра Мономаха, смердъ—мелкій землевладелецъ, у котораго свое село, гумно, домъ; свой земельный участокъ онъ обрабатывалъ своимъ трудомъ. По сѣвернымъ памятникамъ

смердъ и изорникъ—лишь сѣмщики чужой земли. Смердина, наряду съ огневщиной, населяетъ боярскія села. Нужно предположить повсемѣстный процессъ постепеннаго сосредоточенія недвижимаго собственности въ рукахъ крупныхъ землевладельцевъ на счетъ мелкаго землевладѣнія. Это обусловливалось не обеспеченнымъ положеніемъ мелкихъ хозяевъ и желаніемъ ихъ найти покровителя въ лицѣ сильнаго господина. Свидѣтельства о такомъ процессѣ имѣются отъ XII в.; но подробности его не могутъ быть изучаемы въ данный періодъ за отсутствіемъ памятниковъ. Онъ наблюдается и въ позднѣйшее время, не смотря на противодѣйствіе ему со стороны московскаго правительства. Превращеніе собственника въ арендатора должно было отразиться на пониженіи хозяйственной обеспеченности. Независимое экономическое положеніе смерда нашло свой отзвукъ въ томъ презрѣніи, съ какимъ произносится иногда слово смердъ въ разсматриваемую эпоху. То князья, то бояре ихъ считаютъ своими. Въ новгородскихъ договорныхъ грамотахъ XIV—XV вв. встрѣчаются условія о выдачѣ бѣглыхъ смердовъ и полонниковъ, о судѣ надъ ними лишь въ присутствіи государей и о непринятіи отъ нихъ жалобъ на господъ. Отношенія сѣмщиковъ земли и рыболовныхъ угодій къ землевладельцамъ подробно изложены въ псковской судной грамотѣ; рядъ статей опредѣляетъ порядокъ взысканія долговъ съ арендаторовъ — знакъ, что задолженность ихъ была явленіемъ широко распространеннымъ. Это приводило къ разнымъ формамъ закрѣпощенія. На этой почвѣ создались переходныя ступени отъ свободнаго населенія къ несвободному. О такихъ полусвободныхъ или зависимыхъ группахъ извѣстно Русской Правдѣ. Она знаетъ закуповъ или ролейныхъ закуповъ и вдачей. Закупъ—наймитъ дворовый или пахотный, работающій за плату, которую получалъ, повидимому, впередъ; вдача—человѣкъ, отработывающій господскую «милость». Общая черта тѣхъ и другихъ, что они должныя своимъ господъ. Но они не холопы: о вdachъ это прямо выражено, что косвенно указываетъ на тенденцію заимодавцевъ считать ихъ несвободными. Свобода закуповъ ограждается въ отдѣльныхъ случаяхъ отъ посягательства со стороны господъ. Но эта свобода чрезвычайно непрочная: рядъ проступковъ закупы (бѣгство, кража) ведетъ къ ея уtratѣ. Господинъ имѣетъ право наказывать закупы за вину. Несвободные (холопы, раба, челядьны, обѣйники, одеривчатый) составляютъ значительную часть населенія; ихъ контингентъ попопняется изъ весьма разнообразныхъ источниковъ. Главнѣйшіе изъ нихъ: 1) плѣны, 2) рожденіе отъ рабовъ (плоть отъ челяди), 3) несостоятельность, когда кредиторы не соглашались на отсрочку уплаты долга (ждутъ-ли ему, продадутъ-ли его) и 4) нѣкоторые виды преступленій. Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ рабство возникаетъ помимо воли раба; но извѣстны случаи, когда оно является результатомъ доброй воли свободнаго. Таковы: 1) самороджа, 2) женитба на несвободной и 3) поступленіе на службу тиуномъ или ключи-

комъ; въ двухъ послѣднихъ случаяхъ только специальнымъ договоромъ можно было оградить свою свободу. Въ экономической жизни страны рабство играетъ двойную роль: 1) на немъ покоится крупное земледѣльческое хозяйство (седа съ челядью) и 2) рабы являлись однимъ изъ главныхъ предметовъ отпускнутой торговли, наряду съ воскомъ и шкурами. Поэтому институтъ холопства подробно регулируется въ Русской Правдѣ. Юридически холопъ—только объектъ правъ. Свѣтское право совершенно не вмѣшивается въ отношенія господина къ холопу; оно лишь защищаетъ господскія права противъ третьихъ лицъ, такъ или иначе посягающихъ на чужихъ холоповъ, и обратно, привлекаетъ къ ответственности господъ за ущербъ, причиненный ихъ холопами третьимъ лицамъ; холопы лично не ответственны: «ихъ князь продаже не казнитъ». Фактически отъ этого строгаго взгляда бывали отступленія. Холопы владѣютъ не только движимымъ имуществомъ, но и дворами, имѣютъ свои хозяйства и передаютъ имущество по наследству; все это существуетъ, однако, лишь, по доброй волѣ господъ. На смягченіе положенія холоповъ оказываетъ серьезное вліяніе церковь, представители которой вмѣшиваются въ личныя отношенія господъ къ холопамъ. Они не только рисуютъ христіанскій идеалъ рабовладѣльца, но устанавливают церковное наказаніе за убійство собственныхъ рабовъ и за жестокое съ ними обращеніе, вооружаются противъ продажи холоповъ въ руки логаныхъ, противъ торговли рабами вообще («пасольство душами») и, вліяя на совѣсть своихъ духовныхъ дѣтей, содѣйствуютъ освобожденію рабовъ, особенно въ формѣ отпущенія «по душѣ». Освобожденные холопы прекращали всякія отношенія къ старымъ господамъ и, подъ именемъ изгоевъ, вмѣстѣ съ другими, лишившимися средствъ къ существованію, становились подъ защиту церкви. *Государственная власть* по своей организаціи является смѣшанною изъ 3-хъ элементовъ: монархическаго, въ лицѣ князя, демократическаго, въ лицѣ вѣча, и аристократическаго въ лицѣ княжеской думы. Связь между этими элементами чрезвычайно слаба: она покоится всецѣло на добромъ согласіи сторонъ, чѣмъ въ значительной мѣрѣ объясняется слабость государственной власти. Къ тому же соотношеніе между элементами не остается постояннымъ: въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ выдвигается на первый планъ то одинъ, то другой элементъ, хотя всѣ они являются повсемѣстными и необходимыми. *Княжеская власть*—исконное явленіе нашей исторіи; ея корни восходятъ къ патріархальному быту. Сначала племенные князья, потомъ князья Рюриковичи имѣются всегда на лицо въ каждомъ княженіи. Рѣдкіе моменты, когда тотъ или иной столъ не былъ замѣщенъ, признаются бѣдственными и опасными. Безъ князя некому выполнять текущія задачи управленія: защиту страны, поддержаніе внутренняго порядка, оглавленіе суда. Полнота власти князя зависитъ отъ степени довѣрія къ нему со стороны населенія. Князья-народные любимцы пользуются наибольшими полномочіями

и безконтрольностью въ дѣлахъ управленія. Отсутствие довѣрія вызываетъ рядъ народа съ княземъ. Невыполненіе условій ряда приводитъ къ столкновеніямъ, которые оканчиваются или полнымъ разрывомъ и изгнаніемъ князя, или взаимными уступками. Столкновенія участились, когда число наличныхъ представителей княжеской фамиліи возросло и возникли вопросы о распределеніи между ними княженій и объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Родовая теорія распределенія столовъ по старшинству и подчиненія младшихъ родичей старшему не подтверждается историческими данными. Столы распределялись по разнымъ началамъ: по народному призванію, по началу отчины, по волѣ умирающаго князя, по старшинству. За невозможностью примирить эти сталкивающіяся между собой начала, князья захватываютъ столы силой или хитростью и затѣмъ приводятъ въ свое оправданіе ссылки на тѣ или другія начала, спѣшатъ заключеніемъ договоровъ съ другими князьями обезпечить за собой спокойное владѣніе добытымъ столомъ. Взаимныя отношенія князей опредѣляются не подчиненіемъ однихъ другимъ, а равенствомъ ихъ, какъ представителей независимыхъ государствъ. Поэтому всѣ князья называются братьями (исключеніе составляютъ князья - отцы и князья - дѣти). Могущество однихъ князей и слабость другихъ приводили, однако, къ тому, что одни назывались старѣйшими, великими, другіе—просто братьями или младшими братьями. Это различіе въ братствѣ могло соотвѣтствовать различію въ возрастѣ, но могло и не совпадать съ нимъ. Иногда сильнѣйшая сторона называется даже отцомъ или господиномъ. *Вѣче* есть форма непосредственнаго участія народа въ рѣшеніи государственныхъ дѣлъ. Это—собраніе свободныхъ и дѣеспособныхъ жителей земли (дѣти при отцахъ не участвуютъ). Каждый свободный имѣлъ право явиться на собраніе, но это не было его обязанностію. Памятники упоминаютъ о вѣчахъ во всѣхъ древнерусскихъ земляхъ. Повсемѣстность этого института объясняется тѣмъ, что только согласіе всего народа могло обезпечить проведеніе въ жизнь той или иной мѣры, за отсутствіемъ постояннаго войска и организованной полиціи. По той же причинѣ для постановленія рѣшенія въ собраніяхъ требуется единогласіе: не было средствъ привести въ исполненіе постановленіе большинства вопреки сильному меньшинству. Раздѣленіе мѣтній на вѣчахъ—нѣрѣдкое явленіе; рѣшеніе въ такихъ случаяхъ могло состояться лишь тогда, когда стороны приходили къ «одиначеству» на почвѣ взаимныхъ уступокъ; это иногда достигало послѣ горячихъ споровъ, или даже кровопролитныхъ побойницъ. Сильное, энергичное меньшинство могло выйти побѣдителемъ изъ такихъ столкновений. Предметомъ обсужденія на вѣчахъ могъ стать любой вопросъ государственной жизни, лишь бы нашлось достаточное число желающихъ принять въ этомъ участіе. Всего чаще на вѣчахъ рѣшались вопросы о призваніи и изгнаніи князей, о рядѣ съ ними, о военныхъ походахъ и о заключеніи мирныхъ договоровъ. Имѣются, однако,

указанія и на участіе вѣчь въ законодательной дѣятельности, въ дѣлахъ судебныхъ (судъ политическій и чрезвычайный), даже въ дѣлахъ управленія, хотя обычно дѣла суда и текущей администраціи вѣдаются единолично княземъ. Въ сѣв.-зап. земляхъ (Новгородъ, Псковъ, Смоленскъ) вѣче и шире развилось, и дольше существовало, отчасти въ силу большаго развитія городскихъ классовъ, благосостоянія которыхъ поддерживалось торговыми сношеніями съ Западомъ, отчасти вслѣдствіе того, что эти земли не были захвачены татарскими нашествіемъ. Въ большинствѣ земель вѣча постепенно замираютъ послѣ завоеванія Руси татарами, такъ какъ разоренное населеніе лишено было возможности принимать дѣятельное участіе въ политической жизни: *Дума княжеская* — постоянный совѣтъ при князѣ, избираемый изъ среды ближайшихъ его сотрудниковъ — княжичей мужей и бояръ, образующихъ высшій служилый классъ, переднюю дружину князя. Практическая нужда въ сотрудникахъ побуждала князей привлекать къ себѣ возможно большее число лицъ, сильныхъ по своему общественному положенію (бояръ). При отсутствіи обязательной службы, стремленіе удерживать ихъ при себѣ вынуждало князей дѣйствовать всегда въ согласіи съ ними. Отсюда необходимость совѣщаться съ ними по всемъ дѣламъ, гдѣ оказывалось нужнымъ ихъ содѣйствіе. Въ обычномъ порядкѣ князь не предпринималъ никакого серьезнаго дѣла, «не повѣдавъ мужемъ дѣлшимъ думы своею», «не стадавъ съ мужи своими». Соотвѣственно этому нормальному порядку сложилось и общественное мнѣніе о томъ, что ближайшими совѣтниками князя должны быть старѣйшіе дружинники — «бояре думающе». На почвѣ этой же практики вырабатывается обычная обязанность для князя совѣщаній съ думцами и право послѣднихъ на участіе въ совѣтахъ. Отъ этой нормы, какъ и отъ всякой другой, возможны были отступленія, но они не колебали общаго порядка. Нерѣдко въ совѣтахъ князей являются и представители духовенства, но ихъ участіе не было столь постояннымъ и обычнымъ. *Управленіе*, при слабости государственной власти, было крайне несложнымъ и перасчеленнымъ. Судъ и администрація, центральное и мѣстное управленіе, государственное и домашнее хозяйство выполнялись нерѣдко однимъ и тѣмъ-же органомъ. Частные интересы не были отграничены отъ общественныхъ и государственныхъ. Отправленіе суда, военная организація для защиты страны, сборъ доходовъ — таковы немногочисленные задачи управленія. Главнымъ его органомъ является князь, который лично судитъ, предводительствуетъ войскомъ и собираетъ дань, обязывая страну (полюдь). Ближайшими помощниками князя были его дружинники, старшіе (князие мужи и бояре) и младшіе (отроки, дѣтскіе, гридь, дворяне); въ число послѣднихъ попадали и лица несвободнаго происхожденія. Съ древнѣйшихъ временъ князья раздаютъ своимъ мужамъ, а иногда и дѣтскимъ города для управленія и суда. Въ этой роли мужи наз. посадниками и замѣняютъ въ данномъ округѣ князя, связывая

политически округъ съ тѣмъ стольнымъ городомъ, княземъ котораго они посажены. Въ стольномъ городѣ, по общему правилу, нѣтъ посадника (исключеніе — Новгородъ и Псковъ); помощниками князя, кромѣ его совѣтниковъ, являются тамъ туны и ключники — слуги князя въ тѣсномъ смыслѣ, по общему правилу холопы. Изъ должностныхъ лицъ упоминаются печатники, стольники, подкладники, ловчіи, меченоса, таможенники, куномцы и др. Войско было княжеское и народное: первое составляла княжеская дружина, при чемъ старшіе дружинники не только служили лично, но вводили въ составъ войска свои собственные дружины. Народнымъ войскомъ было народное ополченіе, нерѣдко поголовное. Участіе его въ походахъ зависѣло отъ постановленій вѣча; въ случаѣ отказа вѣча помогати князю, послѣдній предпринималъ походъ лишь съ дружиною и охочими изъ среды народа. Предводителемъ народнаго ополченія является тысящій, назначаемый княземъ (исключеніе Новгородъ). Содержаніемъ войска въ походахъ являлась почти исключительно военная добыча, обогащеніе которою привлекало какъ князей съ дружинами, такъ и охочихъ людей. Финансовое управленіе сводилось главнымъ образомъ къ сбору дани, носившей сначала форму окупа, опредѣляемаго побѣдителемъ съ покоренныхъ народовъ. Въ половинѣ Х в. размѣры дани опредѣляются уставами и уроками и она становится внутреннимъ постояннымъ налогомъ. Взимается дань съ дыма, съ плуга или рала и съ человека, т. е. съ отдѣльнаго хозяйства. Съ татарскаго завоеванія устанавливается дань въ пользу покорителей, которую потомъ взимали сами князья, подати именемъ ордынскаго выхода, серебра или тягости. Одновременно возникаетъ и рядъ косвенныхъ сборовъ; главнѣйшимъ изъ нихъ была тамга.

Періодъ московскій или царскій отличается отъ предшествующаго совершенно инымъ соотношеніемъ элементовъ, образующихъ государство. Въмѣсто многочисленныхъ государствъ теперь возникаютъ два, Московское и Литовское, мало по малу поглотившія территории прежнихъ княжествъ. Въ средѣ юридически однороднаго свободнаго населенія зарождаются сословія. На мѣсто слабой государственной власти появляется все болѣе усиливающаяся единоличная власть государей. Эти перемѣны произошли медленно, въ теченіе 1½ столѣтій, вслѣдствіе сложныхъ причинъ — особые условія политическаго быта на сѣверѣ, боярскихъ вліяній, вліянія низшихъ классовъ населенія, монгольскаго ига, вліянія духовенства, византийскихъ вліяній, личныхъ качествъ государей и проч. Каждая изъ этихъ причинъ оцѣнивается разными историками весьма различно: *Источники права* остаются тѣже, но измѣняется соотношеніе между ними. Обычай продолжаетъ играть творческую роль, но получаетъ и иное значеніе. «Старина» имѣетъ огромный авторитетъ и въ глазахъ московскихъ государей: они не рѣшаются открыто ее нарушать, но постепенно ее измѣняютъ. Признаніе авторитета старины обнаруживается въ приемахъ

преобразовательной дѣятельности: государи вводятъ новшества не общими указами, а постепенно, въ отдѣльных случаяхъ, пока практика не подготовитъ почвы для общаго указа. Нерѣдко новое право, создаваемое практикой, и совсѣмъ не находитъ отраженія въ указахъ. *Договоръ* въ области внутреннихъ государственныхъ отношеній не играетъ прежней роли и теряетъ всякое значеніе въ этой сферѣ съ уничтоженіемъ свободы службъ. Между княжескими договорами полагаетъ конецъ объединеніе государства. Все болѣе значеніе въ качествѣ творческой силы права приобретаетъ *воля государей*. Грамоты ихъ дѣлаютъ на *жалованья и уставныя*. Первыми даруются отдѣльнымъ лицамъ и учрежденіямъ имущество или права и привилегіи судебныя и финансовыя, или обеспечивается примѣненіе той или иной нормы (грамоты заповѣдныя и правыя). Вторыми вводятся правила въ сферѣ управленія; таковы уставныя грамоты намѣстничьего управленія, губныя и земскія. Кромѣ этихъ двухъ группъ существуютъ еще *указныя* грамоты, адресованныя на имя разныхъ должностныхъ лицъ и содержащія въ себѣ распоряженія правительства по отдѣльнымъ вопросамъ. Съ объединеніемъ Московской Руси издается и первый официальный сборникъ — *Судебникъ* 1497 г. Какъ и *Судебникъ* 1550 г., онъ является преимущественно собраніемъ процессуальныхъ нормъ, съ немногими лишь статьями матеріальнаго права, и по содержанію бѣдѣе не только Псковской грамоты, но и Русской Правды, изъ которыхъ онъ заимствуетъ немногія нормы, нерѣдко съ искаженіемъ ихъ смысла. Главнымъ источникомъ его являются грамоты намѣстничьего управленія. Второй *Судебникъ* является исправленіемъ и значительнымъ дополненіемъ перваго. Въ немъ предусмотрѣны и порядокъ дальнѣйшаго развитія законодательства: по всемъ вопросамъ, не разрѣшеннымъ въ *Судебникѣ*, установленъ докладъ государю и всемъ боярамъ, рѣшенія которыхъ должны приписываться къ *Судебнику*. Такъ возникли *дополнительныя статьи* къ *Судебнику* или *указныя книги приказовъ*. Казуистичностью докладовъ, отсутствіемъ правилъ о публикаціи законовъ и разнообразно компетенцію приказовъ обуславливается различіе содержанія указныхъ книгъ; часто одинъ и тотъ же вопросъ возбуждался и разрѣшался нѣскольکو разъ. Такъ развивалось законодательство въ теченіе столѣтія. Въ 1649 г. было издано *Соборное Уложеніе*, для разсмотрѣнія и утвержденія котораго созванъ былъ земскій соборъ, нѣкоторые члены котораго принимали участіе и въ дѣятельности комиссіи. Быстрота, съ какой велось дѣло (началось 16 июля 1648 г., окончено 29 января 1649 г.), указываетъ, что роль комиссіи, составившей уложеніе, была значительно облегчена подготовленнымъ ранѣе матеріаломъ, напр. приказными книгами. Источники, которыми должна была пользоваться комиссія, были правила св. апостоловъ и св. отцовъ, градскіе законы греческихъ царей, прежніе государевы указы и боярскіе приговоры, сличенные съ старыми *судебниками*; новыя же правила,

не предусмотрѣнныя старыми указами, велѣно составить по «общему совѣту». Комиссія обращалась и къ другимъ источникамъ, напр. къ Литовскому статуту, изъ котораго заимствованъ рядъ нормъ и отдѣльных статей. Затѣмъ, при обсужденіи Уложенія, рядъ вопросовъ былъ возбужденъ челоубіями выборныхъ: насчитываютъ до 60 статей, явившихся отвѣтомъ на эти челоубія. По объему, богатству содержанія и системѣ Уложеніе далеко превзошло *Судебники*, хотя уступаетъ Литовскому статуту. Оно состоитъ изъ 25 главъ и 967 статей и было у насъ первымъ печатнымъ сборникомъ законовъ. И оно, однако, далеко не обнимало всѣхъ нормъ права. Въ дополненіе, разъясненіе и измѣненіе отдѣльных его частей издавались новые указы, такъ наз. *новоуказныя статьи*, чтобы искоренить «злодѣйства, превзошедшія въ обычай», по примѣру «всѣхъ государствъ окрестныхъ» и даже «по новымъ еуропскимъ обычаямъ».

Государственный бытъ. Территорія Московскаго государства выросла на территоріи великаго княжества Владимірскаго, путемъ предварительнаго раздробленія послѣдней и затѣмъ медленнаго ея собиранія и округленія. Присоединенія совершались болѣею частью путемъ захвата, рѣже покупкою селъ и городовъ, иногда по завѣщаніямъ и даже полученіемъ въ приданое. Среди соперничавшихъ за преобладаніе князей одержали верхъ московскіе, территорія которыхъ растеть быстрѣе. Хотя и они также дѣляютъ свой удѣлъ между сыновьями, но эта невыгода отчасти устранилась тѣмъ, что старшіе сыновья получали болѣе удѣлъ. Особенно важное значеніе имѣло распоряженіе Дмитрія Донскаго, который первый распорядился въ завѣщаніи территорію великаго княженія Владимірскаго, завѣщавъ ее безъ раздѣла старшему сыну; этому примѣру слѣдовали и его преемники. Присоединяемыя области обыкновенно инкорпорировались; слѣды ихъ прежней самобытности сохранились лишь въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ административныхъ особенностяхъ и въ титулѣ государей московскихъ. Лишь одна Малороссія по акту соединенія сохранила самобытность, но вскорѣ началось постепенное ея инкорпорированіе, завершившееся въ XVIII в. *Населеніе. Служилые люди*. Существенная переиѣна въ положеніи вышнихъ классовъ населенія произошла въ XVI в., когда возникла обязательная служба взаи́мъ прежней вольной. Гарантіей свободы службы, т. е. свободы приказа на службу и отказа отъ нея, было право отъѣзда, признававшееся за каждымъ вольнымъ слугою въ многочисленныхъ междукняжескихъ договорахъ до смерти Василія III. Княжескія правительства взаимно обязуются на отъѣхавшихъ бояръ и вольныхъ слугъ нелюбятъ не держать, въ села и вотчины ихъ не вступаться и охранять за ними, какъ и недвижимоіи своихъ слугъ. Оно не было прямо отмѣнено указомъ, но уже съ XIV в. часто нарушается въ отдѣльных случаяхъ: за отъѣздъ наказываютъ конфискаціей вотчинъ, заключеніемъ и даже смертью. Со временъ Ивана III берутъ записи о не отъѣзді съ подозрѣваемыхъ въ намѣреніи

отбѣхатъ. Съ уничтоженіемъ удѣловъ, когда можно было отбѣхатъ только въ иноземныя государства, въ среду служилыхъ людей начинается проникать сознание, что отбѣзды принадлежатъ служилому человѣку. Такъ подготовлялась почва для обязательной службы. Въмѣстѣ съ тѣмъ вольная служба перестраивается по типу невольной, образцомъ которой была служба подъ дворянскіми. Дворяне люди или дворяне при уходѣ со службы (если они были лично свободны) лишались земель, которыми они надѣлялись подъ условіемъ службы. Это положило начало помѣстной системѣ. Дворянинъ-помѣщикъ былъ новымъ типомъ слуги, въ противоположность боярину-вотчиннику. Выгоды придворной службы привлекаютъ въ ряды дворовыхъ слугъ сначала дѣтей боярскихъ, потомъ и ихъ отцовъ. Со второй половины XV в. въ распоряженіи правительства оказалось такое количество слугъ, что всѣмъ имъ при дворѣ не нашлось мѣста. Правительство размѣщаетъ ихъ, въ томъ числѣ дѣтей боярскихъ и бояръ, по областямъ, надѣляя помѣстными изъ дворовыхъ и черныхъ земель. Вслѣдъ за установленіемъ правила, что служба отбывается съ земель, розданныхъ въ помѣстья, возникаетъ правило и о службѣ съ вотчинъ. Въ 1550 г. при испомѣщеніи въ Московскомъ и смежныхъ уѣздахъ избранной тысячи дѣтей боярскихъ предписано дать помѣстья также боярамъ и окольничимъ, у которыхъ въ этомъ районѣ не было помѣстій или *вотчинъ*. По указу 1556 г. установлена норма службы одинаково съ помѣстѣй или вотчинъ, въ зависимости отъ ихъ размѣра. Съ этихъ поръ уничтожилась всякая разниа между двумя старыми типами службы: каждый служилый человѣкъ долженъ служить, начиная съ 15 лѣтъ до смерти. Но возникла разниа по мѣсту службы: служить въ Москвѣ или по московскому списку было гораздо почетнѣе, чѣмъ по какому-либо другому городу, такъ какъ изъ среды московскаго дворянства замѣшались всѣ придворные чины и должности—боярина (въ отлѣченіе отъ бытового значенія, сохранившагося до нашихъ дней въ формѣ «барина»), окольничаго, думнаго дворянина, стольника, стряпчаго, дворецкаго, крайчаго, казначея, постельничаго и др. Всѣмъ придворнымъ лицамъ, возведеннымъ въ соответственные чины и должности, ведутся списки, называемые боярскими книгами. Провинціальное дворянство образуетъ главную военную силу. Для приведенія ея въ нѣмѣстность городовымъ дворянамъ, по каждому городу, ведутся съ XVI в. списки (десятины), въ которыхъ обозначаются свѣдѣнія о служебной годности каждого дворянина, о размѣрахъ его помѣстнаго окая и жалованья, а также данныя о поверстаніи въ отводѣ или въ припускѣ посѣтившихъ въ службу новиковъ. При этомъ со второй половины XVI в. принимаютъ мѣры, чтобы въ службу верстались лишь дѣти служилыхъ отцовъ, соответственно ихъ отечеству и службѣ. Служилые люди въ совокупности представляли очень пеструю массу какъ по происхожденію, такъ и по служебному положенію. Въ ихъ составѣ вошли съ одной стороны старые вольные слуги—бояре,

а также князья Рюриковичи и Гедиминовичи, нѣкогда владѣтельные, и ихъ потомки; съ другой—дворные слуги, нѣрѣдко холопскаго происхожденія, и даже послужилцы князей и бояръ, свѣдшавшіеся господами, помѣщиками. Служебное положеніе тѣхъ и другихъ было весьма различно. Верхнія ступени служебной лѣстницы заняли титулованныя князьяскія фамилии и ушѣли, въ общемъ, сохранить за собой такое положеніе въ теченіе всего періода. Это было возможно благодаря институту *мѣстничества*. Мѣстничество соотвѣтствовало наслѣдственности должностей и опредѣляло для каждаго служилого человѣка унаслѣдованную отъ отцовъ служилую честь, что называлось отечествомъ. Соотвѣтственно этой чести каждый занималъ опредѣленное положеніе въ ряду другихъ. Для измѣренія чести существовалъ двойной счетъ: по родословцу—для опредѣленія положенія каждаго члена фамилии въ ряду его родичей и по разрядкамъ—для измѣренія служебныхъ отношеній чужеродцевъ, на основаніи отдѣльных случаевъ назначеній на службу, записанныхъ въ разрядныхъ книгахъ. Служебное положеніе, разъ занято предкомъ, переходило къ его потомкамъ. При всякомъ назначеніи на службу—въ военный походъ, въ посольство и пр.—иерархія должностей должна была строго соотвѣтствовать родословной и служебной чести назначаемыхъ. При несоотвѣтствіи возникалъ споръ о мѣстахъ, разрѣшаемый судомъ. Соотношеніе между родословными фамилиями не оставалось, однако, постояннымъ: съ теченіемъ времени однѣ упали въ чести, другія поднимались, третьи «безъ остатку миновались». Все это усложняло мѣстническіе счеты, но начало родового аристократизма этимъ не было поколеблено. Лишь съ уничтоженіемъ въ 1682 г. мѣстничества разчищенъ путь новому началу выслуги. *Тяглые люди*. Въ противоположность служилымъ людямъ, все прочее свободное населеніе, кромѣ духовенства, образовало массу тяглыхъ людей. По различію тягла населеніе раздѣлялось на посадскихъ и уѣздныхъ людей или крестьянъ. *Посадскіе люди*—торгово-промышленное населеніе, проживавшее на посадахъ, которые возникали болѣею частью около городовъ, хотя были посады внѣ городовъ, а также и города безъ посадовъ. Особый характеръ занятій и имущества торгово-промышленныхъ классовъ уже въ половинѣ XV в. вызвалъ мѣры къ инымъ приемамъ исчисленія причитающагося съ нихъ тягла. Къ сохѣ—окладной единицѣ земледѣльческаго населенія—были приравнены: лавка, неводъ, кузница, чанъ кожевенный и пр. Позднѣе въ соху на посадѣ клалась опредѣленное количество дворовъ. Это должно было повести къ обособленію посадскихъ людей отъ земледѣльческаго населенія. Второй Судебникъ итннѣ часть посадскаго и торговаго человѣка въ пять разъ выше чести крестьянина. Но обособленіе идетъ не глубоко, такъ какъ этому препятствовала трудность сосредоточить владѣніе посадскимъ тяглымъ имуществомъ въ рукахъ посадскихъ людей и поминать постоянному перемѣщенію уѣздныхъ людей на посады и обратно. При свободѣ распоряженія налич-

нымъ имуществомъ посадскіе дворы и лавки нерѣдко переходили въ руки не посадскихъ и даже не тяглыхъ людей. Сначала, до возникновенія сословныхъ различій, въ такихъ случаяхъ примѣнялось правило, что тягло взимается съ наличнаго владѣльца; но въ послѣдствіи такая практика вызывала протесты, особенно со стороны служилыхъ людей, которые стремятся облить свои дворы и обыкновенно этого добиваются. Тяглые, въ свою очередь, жалуются на выходъ посадскаго имущества изъ тягла, такъ какъ отъ этого возрастало податное бремя остальныхъ. Вслѣдствіе этого правительство устанавливаетъ новое правило, по которому бѣломѣстамъ запрещалось приобретать тяглыя имущества. Это правило постоянно нарушалось, и правительство неоднократно возвращалось къ примѣненію стараго порядка. Такая двойственность политики наблюдается до конца періода. Второе затрудненіе при обособленіи посадскихъ людей отъ уѣздныхъ объясняется тѣмъ, что торговля и промыслы вовсе не составляли исключительнаго права посадскихъ людей. Около городовъ, на посадской и частновладѣльческой землѣ, существовали слободы, населенныя крестьянами и разными прихожими людьми, которые занимались торговлею и промыслами, но съ посадскими людьми тягла не тянули и податей никакихъ не платили. Особенно много такихъ слободъ заводили монастыри. Столь неравные условія конкуренціи, тяжесть тягла и рядъ другихъ причинъ вынуждали посадскихъ людей покидать насиженные мѣста и искать на новыхъ мѣстахъ лучшихъ условій жизни. Правительство борется съ этимъ явленіемъ, издавая рядъ частныхъ мѣръ о прикрѣпленіи къ тяглу, о чемъ имѣются свѣдѣнія начиная съ половины XVI в. Не смотря на это, во второй половинѣ вѣка посады сильно пустѣютъ. Послѣ смутнаго времени принимается рядъ энергическихъ мѣръ къ водворенію на прежнія мѣста ушедшихъ тягловцевъ. Но старое зло посадскаго быта было ослаблено лишь правилами Уложенія, по которому всѣ примыкающія къ посадамъ слободы, на какой-бы землѣ онѣ ни находились, должны быть приписаны къ посадамъ, со всѣмъ ихъ населеніемъ, и запрещено было впредь кому-бы то ни было заводить при посадахъ слободы. Вмѣстѣ съ тѣмъ Уложеніе еще разъ категорически подтвердило правило о прикрѣпленіи тяглыхъ людей къ посадамъ. И эти мѣры, однако, не провели точной грани между посадскими и уѣздными людьми. Тѣ и другіе въ одномъ отношеніи даже сблизились, когда для посадовъ и уѣздовъ была введена общая окладная единица—тяглый дворъ. Вся совокупность посадскаго населенія не представляла однородной массы. Помимо обычнаго раздѣленія на лучшихъ, среднихъ и молодшихъ, изъ его среды выдѣляются *юсти* и торговые люди *гостиной* и *сукойной сотенъ*. Это были званія или чины, въ которые возводились лучшіе торговые люди, какъ-бы въ вознагражденіе за трудную и отвѣтственную службу въ сферѣ финансоваго управленія. Монопольная продажа питей, торговля мѣхами, сборъ торговыхъ пошлинъ и т. п. требо-

вали спеціальной опытности, какой не могли имѣть приказные и служилые люди. Поэтому правительство привлекло къ этой финансовой службѣ людей изъ высшаго кучества: ихъ имущественная состоятельность являлась лучшей гарантіей казенныхъ интересовъ. Служба эта называлась *второй* (присяжной) и ничѣмъ не оплачивалась, кромѣ финансовыхъ и судебныхъ льготъ. *Уѣздные люди* или *крестьяне* составляютъ вторую группу тяглаго населенія, разбиваясь на нѣсколько разрядовъ. Смотря по тому, на какой землѣ поселился крестьянинъ, различались крестьяне владѣльческіе (вотчинниковы, помѣщичьи и монастырскіе), дворцовые и черныхъ тяглыхъ волостей. Въ XIV и XV вв. они пользовались полной свободой передвиженія. Князья запрещаютъ землевладѣльцамъ пересылать изъ своихъ владѣній тяглыхъ, вытнхъ людей: это значитъ, что они не рѣшаются запретить переходъ непосредственно, такъ какъ отъ князя, запретившаго переходъ, всѣ крестьяне ушли бы въ другое княженіе. Но отъ половины XV в. имѣются свѣдѣтельства грамотъ о стѣсненіи перехода въ троякомъ отношеніи: 1) переходъ ограниченъ однимъ срокомъ въ году (Юрьевъ день осенній); 2) запрещено отказываться серебрянникамъ (должникамъ), пока они не заплатили долга; 3) вѣкоторымъ землевладѣльцамъ разрѣшено совсѣмъ не выпускать крестьянъ. Въ Судебникахъ обобщено только первое ограниченіе: уходъ разрѣшенъ однажды въ году (недѣля до Юрьева дня и недѣля спустя). Къ этому прибавлено правило объ уплатѣ пожилого за пользование дворомъ. Во второмъ Судебникѣ къ этому присоединена плата за повозъ, т. е. за каждый возъ крестьянскаго имущества. Ни о какихъ другихъ ограниченіяхъ Судебники не говорятъ и ничѣмъ не угрожаютъ за нарушеніе правила о переходѣ. Отъ второй половины XVI в. сохранились, однако, рядъ извѣстій о водвореніи на прежнія мѣста жительства не однихъ только вышедшихъ съ нарушеніемъ правилъ Судебниковъ, т. е. не въ срокъ и безъ уплаты пожилого; возвращенію подлежали также тяглые люди и старожилцы. Общаго указа, запрещающаго выходъ этимъ категориямъ лицъ, не было издано; тѣмъ не менѣе въ цѣломъ рядъ грамотъ правительство предписываетъ вернуть назадъ ушедшихъ тягловцевъ. Исключеніемъ являются случаи, когда уходящіе оставляли взаимно себя другихъ жильцовъ. О старожилцахъ ведутся споры между владѣльцами и тяглыми общинами, спорить о томъ, чей кто старожилецъ, а не о томъ, перешелъ ли онъ съ соблюденіемъ правилъ Судебника. Закрѣпленія тяглыхъ людей требовали интересы фиска. Закрѣпленіе старожилцевъ объяснить труднѣе: вѣроятно, оно возникло на почвѣ крестьянской задолженности, такъ какъ должникъ фактически лишень былъ возможности воспользоваться правомъ перехода. Такъ постепенно подготовлялась почва для указа 1597 г., установившаго платитѣльную давность для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ (см. Крестьяне, XVI, 677). Отъ конца XVI в. сохранились сдѣлки на крестьянъ съ землею и безъ земли: такъ далеко

зашло уже въ то время фактическое закрѣпощеніе крестьянъ. Въ первой половинѣ XVII в. крѣпостное право развивается дальше на началахъ, ранѣе заложенныхъ. Для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ существуютъ урочные годы, сначала въ пять лѣтъ, потомъ въ 10 и 15; но тяглыхъ людей и старинныхъ крестьянъ, записанныхъ въ писцовыхъ книгахъ, возвращаютъ, повидимому, безъ срока. За пріемъ бѣглыхъ взыскиваются пеня и подати по расчету. Всякаго рода сдѣлки на крестьянъ составляютъ повседневное явленіе: прикрѣпленіе уже съ самаго начала носило характеръ личной крѣпости, а не прикрѣпленія къ землѣ (за исключеніемъ, отчасти, крестьянъ черныхъ и дворовыхъ волостей). Наконецъ, вырабатывается правило о крѣпости дѣтей по отцамъ. Всѣ эти правила наши болѣе или менѣе полное выраженіе въ Уложеніи, которое не внесло никакихъ новшествъ въ положеніе крѣпостныхъ. Параллельно съ возникновеніемъ и развитіемъ крѣпостной зависимости, видоизмѣняется и характеръ крестьянскаго порядка, т. е. условій поселенія крестьянъ на владѣльческой землѣ. Въ XVI вѣкѣ порядки договариваются объ участкѣ земли, о податяхъ, оброкѣ и здѣлѣ, беретъ подмогу или ссуду съ обязательствомъ произвести на участкѣ тѣ или иные хозяйственные улучшенія или новыя постройки, или же обязуется взятое вернуть. О срокѣ поряда обыкновенно въ порядныхъ не упоминается. За нарушеніе условій поряда назначается неустойка. Съ самаго начала XVII в. вносится новое условіе — о вѣчномъ жительствѣ за владѣльцемъ или о невыходѣ изъ-за него, съ предоставленіемъ землевладѣльцу права вернуть ушедшаго. Вслѣдствіе необходимости выдава въ ссуду каждому новому поселенцу, обусловленной крайнею бѣдностью порядчиковъ, порядная запись стала называться ссудной; порядчикъ беретъ въ ссуду столько-то рублей и за тѣ деньги обязуется жить въ крестьянахъ за такимъ-то владѣльцемъ; ссуда не подлежала возвращенію, пока порядчикъ жилъ за владѣльцемъ. Это сближало ссудную крестьянскую запись съ записью въ кабальное холопство, такъ какъ и по той, и по другой возникала обязанность жить за долгъ — въ одномъ случаѣ на память, въ другомъ во дворѣ господина. Между крестьяниномъ и кабальнымъ холопомъ осталось одно существенное различіе: первый былъ тягломъ, а второй тягла не платилъ. Но и эта разниа скоро отпала. Въ XVII вѣкѣ интересы фиска вызвали рядъ правительственныхъ мѣръ къ пополненію тяглой массы населенія. Когда попытки къ розысканію укрывавшихся тягловцевъ не привели къ ожидаемымъ результатамъ, признано было необходимымъ включить въ тягло до тѣхъ поръ нетяглыхъ бобылей, что и было достигнуто введеніемъ новой окладной единицы — живущей четверти, обнимавшей извѣстное число крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, при чемъ бобыльскій дворъ приравненъ половинѣ крестьянскаго. Эта реформа осуществлена въ 1624 — 31 гг. Послѣ переписи 1677 — 79 гг. окладной единицей становится жилой дворъ;

зачислены въ тягло были не только крестьяне и бобыли, но также задворные люди и дѣшковые, если они проживали не въ господскихъ, а въ особыхъ дворахъ, и разныхъ чиновъ монастырскіе люди (дѣтеныши, служки, служебники и т. п.). Въ составѣ задворныхъ людей числилось значительное количество полныхъ и кабальныхъ холоповъ, которые такимъ образомъ попали въ тягло и совершенно смѣшались съ крестьянствомъ. Позже можно различать только тяглыхъ людей отъ дворовыхъ, которые тягла не несутъ. *Несвободное населеніе.* Институтъ холопства продолжаетъ существовать и въ московскомъ правѣ, но смягчается въ своихъ юридическихъ признакахъ и сокращается въ объемѣ: нѣкоторые источники возникновенія холопства оказываются менѣе обильными (плѣнь), а другіе совсѣмъ закрываются (несостоятельность влечетъ выдачу должника головою до искупа; самопродажа въ Уложеніи не упоминается, хотя извѣстна Судебнику 2-му). Въ XVII в. полное холопство совершенно заслоняется новымъ видомъ холопства — *кабальнымъ*. Упоминаемые съ конца XV в. кабальные люди — сначала только должники, взятые уплаты процентовъ (за ростъ) работающие во дворѣ кредитора до уплаты долга. Юридически отношеніе прекращается уплатой долга. Но фактически освободиться «изъ кабалы» было почти невозможно; только милость кредитора могла прекратить зависимость. Въ завѣщаніяхъ нерѣдко господа отпускаютъ на волю своихъ кабальныхъ, прощая имъ долги; значитъ, они не считали ихъ свободными. Судебникъ 2-й, установившій впервые нѣкоторые правила о служилыхъ кабакахъ, въ отличіе отъ ростовыхъ, не называетъ кабальныхъ людей холопами. Только указы 1586 и 1597 гг. превратили кабальныхъ людей въ пожизненныхъ холоповъ ихъ кредиторовъ, запретивъ принимать отъ нихъ уплату долга и предписавъ имъ служить до смерти господъ. Последнее обязательство распространено также на добровольныхъ слугъ, прослужившихъ у господъ не менѣе полугода. Служба за ростъ превратилась въ службу за долгъ съ процентами, хотя форма служилой кабалы осталась прежняя. Временный характеръ кабальной неволи сообщи́лъ этому виду холопства совершенно личный характеръ: кабалу можно было дать только одному лицу, у господина не было права распоряженія личностью холопа. Однако, практика въ XVII в. нерѣдко отступала отъ этихъ началъ. Кабальные живутъ не только во дворѣ господина, но за дворовъ, на память; въ числѣ задворныхъ людей было значительное количество кабальныхъ. Кабалы на имя отца и дѣтей, вопреки запрещенію, пишутся нерѣдко, иногда даже съ прибавленіемъ обязательства «служити вѣчно». Наконецъ, извѣстны и сдѣлки на кабальныхъ, напр. поступныя. Въ практикѣ, такимъ образомъ, господскія права на кабальныхъ сближались съ правами на крестьянъ. Послѣ реформы 1679 — 80 гг. значительный контингентъ кабальныхъ совершенно слился съ крестьянствомъ. Какъ разъ въ это время измѣнился и видъ служилой кабалы: она стала писаться

въ формѣ простого челобитья о службѣ во дворѣ. Кабальное холопство просуществовало до Петровскихъ указовъ о ревизии. *Государственная власть.* Изъ трехъ элементовъ власти власть князя получаетъ преимущественное развитие. Причины ея возрастанія многообразны; соотношеніе между ними еще не установлено. Отношеніе князя къ его наследственной территории определяется, прежде всего, терминомъ «вотчина», отчего и политическій бытъ XIII и XIV вв. нерѣдко называется вотчиннымъ. Характернымъ его признакомъ является слитіе частнаго права съ публичнымъ: княженіе является какъ-бы наследственной собственностью князя, которую онъ завѣщаетъ сыновьямъ, женамъ и родственникамъ. По отношенію къ свободнымъ князь—господинъ, по отношенію къ несвободнымъ—государь. Понятія о подданствѣ не существуютъ. Князь—больше хозяинъ, чѣмъ государь въ смыслѣ представителя государственной власти. На этой почвѣ выросло Московское царство. Ростъ власти князя идетъ параллельно расширенію его владѣній. Новая теорія власти создавалась главнымъ образомъ усиліями духовенства, воспитаннаго на византийскихъ государственныхъ образахъ. Ея укорененію способствовало женитбо Ивана III на Софіи Палеологъ и сверженіе татарскаго ига. Великіе князья титуловались государями, царями и самодержцами. Послѣдній предикатъ обозначалъ сначала внѣшнюю политическую независимость представителя власти, но затѣмъ самодержавіе понимается въ смыслѣ полноты и неограниченности власти въ сферѣ внутреннихъ отношеній. Такое толкованіе термина, извѣстное уже Грозному, стало возможно послѣ того, какъ Іосифомъ Волоцкимъ формулирована была теорія власти московскаго государя, который равенъ людямъ только естествомъ, «властью же сана яко Богъ», и которому подчинено все церковное и монастырское. Проведеніе въ жизнь этой доктрины встрѣтило оппозицію со стороны духовенства и боярства. Уже іосифлянская теорія заключала существенную оговорку о неправовѣрномъ царѣ, который названъ слугою дьявола, и которому запрещалось повиноваться; только правосвѣріе дѣлало царя истиннымъ представителемъ власти; истолкователемъ истинъ вѣры являлось духовенство. Отсюда руководящая роль послѣдняго. Одновременно къ намъ проникаетъ чисто католическая доктрина о преимуществѣ духовнаго авторитета надъ свѣтскимъ, согласно теоріи двухъ мечей и двухъ свѣтилъ. Пока государи шли объ руку съ видѣвшимися представителями іосифлянскаго духовенства, не было повода къ столкновеніямъ; но попытка Николая примѣнить доктрину къ жизни вызвала серьезныя государственныйя замѣшательства и имѣла своимъ слѣдствіемъ уничтоженіе патриаршества при Петрѣ. Боярская оппозиція, въ противовѣстъ теоріи іосифлянъ, защищала необходимость сиклитскаго совѣта, въ которомъ цари совѣщались-бы съ своими «близкими пріятелями», съ князьями и боярами, о всѣхъ дѣлахъ міра, устранили-бы изъ совѣта пноковъ и отняли-бы у нихъ волости съ кре-

стяминами. Нѣкоторые прибавляли къ этому требованію объ учрежденіи вселенскаго совѣта изъ людей всякихъ мѣръ, т. е. земскаго собора. При династіи Рюриковичей никто не указалъ, какими мѣрами надлежитъ обезпечить это право совѣта за боярами и простымъ все-народствомъ. Лишь съ пресѣченіемъ династіи предпринятъ былъ рядъ попытокъ ограничить власть государя: предполагалось ограничить Бориса и королевича Владислава; Шуйскій и царь Михайлъ при избраніи были ограничены. Эта практика не пустила, однако, глубокихъ корней. Впервые законодательную формулировку самодержавіе получило при Петрѣ.

Боярская дума является продолженіемъ думы княжеской. Соответственно измѣнявшемуся составу служилыхъ людей, теперь въ думу входятъ чиновные люди, которымъ сказано боярство введенное или околичничество, или дѣти боярскія, которымъ велѣно «жить въ думѣ» и которые позднѣе стали называться думными дворянами. Къ этимъ важѣйшимъ думнымъ чинамъ слѣдуетъ присоединить еще думныхъ дьяковъ. Не всѣ, однако, думные чины принимаютъ участіе въ засѣданіяхъ думы. Съ другой стороны, царь можетъ пригласить на совѣтъ и не думнаго человѣка: извѣстны совѣщанія государя съ дворецкими и дьяками «самъ третей у постели». Не смотря на непостоянство состава, дума—учрежденіе постоянное, дѣйствующее ежедневно; безъ нея не обходится ни одинъ государь, не исключая и Грознаго. Самостоятельнаго вѣдомства дума не имѣетъ и самостоятельной роли не играетъ; она всегда дѣйствуетъ или вмѣстѣ съ государемъ, или по его почину и уполномочію. Трудно, поэтому, отдѣлить государя отъ его боярскаго совѣта: они составляютъ какъ-бы единое цѣлое, одну верховную власть. Это единство всего отчетливѣе проявляется въ дѣлахъ законодательства и въ международныхъ сношеніяхъ. Законодательство, еще не отдѣленное отъ управленія и суда, составляетъ главную функцію думской и государственной власти. Въ думу восходятъ и ея рѣшаются всѣ дѣла, не разрѣшенныя подчиненными органами управленія, какъ по недостатку указныхъ нормъ, такъ и по неумѣнью или нерѣшительности. По всѣмъ такимъ дѣламъ постановлялось рѣшеніе въ слѣдующей формѣ: «государь указалъ и бояре приговорили», или «по государеву указу бояре приговорили». Эта формула остается неизмѣнной, начиная съ Судебника 1-го и кончая послѣдними указами конца XVII в. Такой порядокъ довольно рано получилъ и законодательную санкцію: онъ указанъ во 2-мъ Судебникѣ. Поступаютъ дѣла въ думу по распоряженію государя, по докладамъ изъ приказовъ и по челобитьямъ частныхъ лицъ. Рѣшенія думы, кратко сформулированныя думнымъ дьякомъ, передавались въ соответственные приказы для окончательной редакціи и исполненія, при чемъ окончательная редакція еще разъ докладывалась въ думѣ. По нѣкоторымъ дѣламъ дума выдѣляла изъ своей среды комиссіи: 1) отвѣтную, для переговоровъ съ послами, 2) для разбора мѣстныхъ споровъ и 3) судебную, для пере-

смотра судебных рѣшеній. Последняя въ XVII в. превращается въ постоянное учрежденіе, подъ именемъ расправной палаты. Дума просуществовала до начала XVIII в., когда преобразуется въ боярскую консилію, засѣдающую въ ближней канцеляріи; консилія же преобразуется въ сенатъ. *Земскій соборъ* (XII, 499) представляетъ собою демократическій элементъ въ составѣ верховной власти, какъ дума — элементъ аристократическій. Черезъ посредство земскаго собора народъ принимаетъ участіе въ государственномъ правленіи, но не непосредственно, какъ на вѣчахъ, а чрезъ представителей, естественныхъ или выборныхъ. Сначала на соборы созываются органы духовной и свѣтской администраціи, столичное дворянство и купечество. Это было представительство не по довѣрію избирателей, а по призыву правительства. Лишь на избирательномъ соборѣ 1598 г. впервые появляется выборный элементъ, разившійся и упрочившійся въ эпоху смуты, когда земскій соборъ пріобрѣлъ рѣшающее значеніе и политическій авторитетъ. Такой путь развитія объясняетъ и двоякій типъ земскихъ соборовъ: одни созывались для постановки рѣшенія, другіе только для подачи мѣтвъ. Первый типъ преобладаетъ въ первой, послѣдній — во второй половинѣ XVII в., когда дѣятельность соборовъ постепенно замираетъ: окрѣпшее правительство перестаетъ ихъ созывать, не надѣясь найти въ нихъ поддержку въ преобразовательной дѣятельности. Земские соборы прекратились также, какъ и возникли: по доброй волѣ правительства. Ихъ исчезновеніе нельзя, однако, объяснять ихъ ненадобностью или негодностью; услуги, оказанныя соборами правительству, не допускаютъ такого заключенія. Способствовала ихъ упадку слабость экономическая и политическая выборнаго представительства. *Управленіе.* Возрастающій объемъ территории и новыя задачи управленія вызываютъ болѣе сложную систему правительственной организаци. Въ Московскомъ государствѣ впервые появляется раздѣленіе органовъ управленія на центральные и мѣстные; въ связи съ этимъ возникаютъ инстанціи. Центральныя учрежденія — приказы — носятъ на себѣ слѣды происхожденія изъ личныхъ порученій, для заведыванія каждымъ вновь обозначившимся кругомъ дѣлъ. Возникновеніе ихъ во время значительнаго господства вотчинныхъ интересовъ въ управленіи объясняетъ замѣтное преобладаніе сначала приказовъ придворно-хозяйственныхъ, изъ которыхъ и рядомъ съ которыми возникаютъ постепенно чисто государственные приказы. Открываемые по мѣрѣ практическихъ потребностей, приказы отличаются большимъ непостоянствомъ и спутанностью вѣдомствъ. Компетенція ихъ опредѣляется отчасти началомъ областнымъ, отчасти сословнымъ, отчасти родомъ дѣлъ, при чемъ ихъ одно начало не проведено во всей полнотѣ. Организациа приказовъ также была не одинакова: то приказами управляютъ отдѣльныя лица, по именамъ которыхъ приказы и называются; то они находятся въ вѣдѣніи цѣлаго присутствія изъ 3—6 лицъ, рѣшающихъ дѣла по принципу

единогласія. По инстанціонному положенію приказы стоятъ между мѣстными органами и думой: это — органы центрального управленія. Но даже и эта черта не выдержана вполнѣ: нѣкоторые приказы, являясь учрежденіями 2-й инстанціи для всѣхъ или нѣсколькихъ областей государства, оставались мѣстными органами для г. Москвы съ вѣдомъ. Приказы просуществовали до учрежденія коллегій; съ конца XVII в. значительно измѣнилось распредѣленіе между ними дѣлъ, вслѣдствіе открытія цѣлаго ряда новыхъ приказовъ. *Мѣстное управленіе* пережило рядъ существенно различныхъ организаци. Первымъ типомъ является система кормленій. Преемники посадниковъ — намѣстники и волостели — вѣдаютъ городами и волостями въ видѣ пожалованій за службу или за выѣздъ. Они получаютъ съ населенія кормъ по уставной грамотѣ, судятъ, взимая въ свою пользу пошлины. Судъ — ихъ главная обязанность, соотвѣствующая обязанности населенія «даваться подъ судъ» кормленщиковъ; исключеніе составляли только имѣнія крупныхъ вотчинниковъ, получившихъ, по пожалованнымъ грамотамъ, право иммунитета. Съ усложненіемъ задачъ управленія даже судъ оказался не по силамъ кормленщиковъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ сталъ намѣщаться сыскъ, какъ особая форма процесса. У кормленщиковъ не было ни достаточныхъ средствъ, ни серьезныхъ побужденій къ сыску лихихъ людей. Эти дѣла и были прежде всего по челобитнымъ населенія изъяты изъ вѣдомства намѣстниковъ и переданы въ вѣдѣніе губныхъ учреждений — выборныхъ старостъ и дѣловальниковъ. Это были единственные общеземскіе органы: въ выборѣ ихъ принимало участіе все населеніе даннаго округа, не раздѣляясь на сословныя группы. Общественная группировка сказалась лишь въ томъ, что во главѣ стояли представители служилого класса, при томъ неимѣнно грамотные, а ихъ помощниками были выборные изъ среды тяглыхъ людей. Они должны были, при содѣйствіи населенія губы, сыскивать и казнить лихихъ людей. Дальнѣйшее развитіе этой организации происходило при неблагоприятныхъ условіяхъ: интересы государственной службы стояли выше земскихъ интересовъ, а потому въ губные старосты разрѣшалось избирать лишь служилыхъ людей, негодныхъ къ службѣ; земскій характеръ учреждений постепенно исчезалъ, и они превращались въ правительственные органы, осуществляющіе текущія задачи управленія силами мѣстнаго населенія. Въ этомъ видѣ губныя учрежденія просуществовали, съ временными перерывами, до начала XVIII в. Последній ударъ управленію намѣстниковъ былъ нанесенъ въ половинѣ XVI в., когда специальнымъ указомъ было возвѣщено объ отмѣнѣ кормленій, о передачѣ всѣхъ дѣлъ, оставшихся въ вѣдѣніи кормленщиковъ, изболбленнымъ или земскимъ старостамъ и судьямъ и о замѣнѣ корма денежнымъ оброкомъ. Новыя земскія учрежденія, съ компетенціею судебною, полицейскою и финансовою, тяжело легли на тяглое населеніе, такъ какъ сопровождалось введеніемъ новой подати и пополю-

нялись выборами из среды тяглых людей. Этимъ въ значительной мѣрѣ предопредѣлилась ихъ дальнѣйшая судьба. Съ одной стороны, увеличеніе податнаго бремени, вызвавшееся введеніемъ новыхъ учреждений, привело къ тому, что по мѣстамъ намѣстники продолжаютъ существовать до конца XVI в.; съ другой стороны постепенное прикрѣпленіе тяглаго населенія все болѣе подрывало значеніе земскихъ учреждений. Ихъ число сокращается въ теченіе всего XVII в., хотя въ поморскихъ городахъ и уѣздахъ они просуществовали до учрежденія бурмистерскихъ палатъ. Третьимъ типомъ организаціи мѣстнаго управленія является должность воеводы. Существовавшая въ пограничныхъ уѣздахъ еще въ XVI в., она становится повсемѣстной съ начала XVII в.: интересы общественной безопасности требовали, въ распатанномъ смутною государствѣ, сильной правительственной власти для каждаго уѣзда. Самою подходящею для этой цѣли оказалась власть военачальника. Но воевода, въ качествѣ мѣстнаго правителя — гораздо болѣе приказный, чѣмъ военный человѣкъ. Онъ управляетъ въ интересахъ государственныхъ, тогда какъ намѣстникъ управлялъ гораздо больше въ собственныхъ интересахъ. Отсюда различіе въ ихъ правительственномъ положеніи. Вѣдомство воеводы обнимаетъ весь кругъ задачъ мѣстнаго управленія и суда, но не всѣ задачи осуществляются имъ лично; нѣкоторые изъ нихъ, напр. сборъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, поручены особымъ выборнымъ органамъ (вѣрные головы и дѣловальники, посадскіе и волостные старосты), по отношенію къ которымъ воеводы являются только наблюдающей и контролирующей инстанціей. Воевода долженъ руководиться выдаваемымъ ему наказомъ, государственными указами и наказами своихъ предшественниковъ. Въ случаѣ неполноты этихъ источниковъ, ему предоставлено было право дѣйствовать, «смотря по тамошнему дѣлу и по своему высмотру», лишьбы при этомъ не причинился ущербъ государственной казнѣ. Такой просторъ личнаго усмотрѣнія открывалъ широкій путь къ всевозможнымъ злоупотребленіямъ, съ которыми центральное правительство ведетъ упорную, но мало успѣшную борьбу. Главнѣйшимъ средствомъ въ этой борьбѣ являлся правительственный контроль, при сравнительно частой смѣнѣ воеводъ; но онъ касался почти исключительно охраны казенныхъ интересовъ, а отнюдь не огражденія частныхъ правъ. Въ интересахъ послѣднихъ хотя и изданъ рядъ мелкихъ предписаній, но для проведенія ихъ въ жизнь у правительства было также мало средствъ, какъ и для точнаго выполненія гораздо болѣе важныхъ, съ точки зрѣнія правительства, указовъ. Выведенное изъ терпѣнія постоянными жалобами на воеводъ, правительство въ концѣ XVII в. рѣшилось на крайнюю мѣру: для Сибири, гдѣ злоупотребленія воеводъ были особенно вопіющими, предписано изъ указовъ и указовъ выписать статьи, разослать ихъ во всѣ земскія избы и предписать мѣстнымъ жителямъ: «будетъ который воевода учнетъ что дѣлать чрезъ тѣ

ему данныя статьи, и имъ земскимъ всякого чина людямъ его въ томъ не слушать». Такимъ воплемъ отчаянія завершается борьба правительства съ злоупотребленіями мѣстной власти въ московскомъ періодѣ. Самыя задачи управленія значительно разрастаются и усложняются. Первенствующую роль среди нихъ по прежнему занимаетъ, кромѣ правосудія, военное и финансовое управленіе. Охрана все болѣе удлиняющихся границъ требовала все большаго напряженія военныхъ силъ. Соотвѣтственно этому усложнялась и организація войска (см. Вооруженныя силы Россіи, XXVII, 171 — 2). Военные расходы по первымъ государственнымъ росписямъ конца XVII вѣка превышали половину бюджета. Возрастаніе государственныхъ нуждъ требуетъ постояннаго увеличенія государственныхъ доходовъ (см. Финансы Россіи, XXVII, 185—6).

2) Очеркъ развитія общихъ понятій о преступленіи и наказаніи по древнему русскому праву. Исторія русскаго уголовного права обыкновенно разсматривается по тремъ періодамъ, соотвѣтственно основному различію въ типахъ наказаній, господствовавшихъ въ каждый изъ этихъ періодовъ. Въ связи съ измѣненіемъ характера наказаній измѣнялись и принципиальныя воззрѣнія на преступленіе. Первый древнѣйшій періодъ характеризуется господствомъ мести и смѣнившей ее системой выкуповъ. Местъ — первичная форма наказанія, осуществляемая потерпѣвшимъ и его близкими. Сначала она крайне неравновѣрна, такъ какъ опредѣляется степенью разгнѣваннаго чувства и силами пострадавшихъ. Въ историческое время она подлежитъ различнымъ ограниченіямъ, благодаря которымъ пріобрѣтаетъ публичный характеръ, потому что подлежитъ контролю общественной власти. Ограниченія мести сводятся: 1) къ сокращенію числа преступленій, за которыя допускается мечь; 2) къ установленію срока, въ теченіе котораго можно мстить, и 3) къ суженію круга мстителей. Древнѣйшая Русская правда знаетъ мечь за убійство, увѣчья, кровавыя и синія раны, даже простой ударъ рукой или какимъ-либо не воинскимъ орудіемъ, а также за кражу. За увѣчья мщать дѣти; за раны и побои можетъ мстить лишь самъ потерпѣвшій, и притомъ лишь вслѣдъ за нанесеніемъ удара. Пространная Правда упоминаетъ только о мести за убійство и кражу и не облагаетъ наказаніемъ того, кто ткнетъ мечемъ за причиненный ударъ. Всѣ случаи правонарушеній изъ мести могутъ подлежать судебной оцѣнкѣ; судъ провѣряетъ, соблюдены ли правила мести. Помимо этого самъ судъ можетъ присудить мечь. Намекъ на послѣдующую мечь содержится въ краткой Правдѣ и въ лѣтописномъ разсказѣ о судѣ надъ суздальскими кудесниками. Помимо указанныхъ ограниченій, важную роль въ смягченіи мести играетъ право убѣжища. Мѣстами убѣжище прежде всего являлись церкви, о чѣмъ сохранилось нѣсколько лѣтописныхъ указаній. Русская Правда въ одномъ случаѣ упоминаетъ объ убѣжищѣ въ частномъ домѣ: холопъ, ударившій свободнаго, могъ

укрыться въ хоромахъ, и господинъ могъ его не выдать. Въ видѣ переживанія, неприкосновенность частнаго жилища воспоминается даже въ одномъ сѣверномъ памятникѣ московскаго періода. Постепенно ограничиваемая месть все болѣе и болѣе вытѣсняется системой выкупа. Выкупъ—это денежное вознагражденіе, уплачиваемое правонарушителемъ и его родственниками потерпѣвшему и его близкимъ, подъ условіемъ отказа ихъ отъ мести. Такая замѣна одного обычая другимъ, по существу столь противоположнымъ, могла произойти лишь постепенно; отказъ отъ мести сопровождался, притомъ, обрядами, устраивавшимися всякое подозрѣніе въ трусости передъ противникомъ. Таковы различныя формы актовъ примиренія у германцевъ и западныхъ славянъ (см. Покора); наши памятники не сохранили подобныхъ указаній, но существованіе актовъ примиренія необходимо предположить и у насъ. Разъ упрочившись, выкупы слагаются въ довольно сложную систему правилъ. Размѣры выкупа, опредѣляемые сначала соглашеніемъ сторонъ, мало-по-малу фиксируются соотвѣстственно причиненнымъ ущербамъ. Вмѣстительство общественной власти въ дѣла этого рода вызываетъ установленіе штрафовъ и въ пользу власти. Такъ возникаютъ: 1) вира—штрафъ за убійство, поступающая въ пользу князя; 2) плата за голову, головщина или головничество, поступающая въ пользу родственниковъ убитаго; 3) продажа—штрафъ за другія правонарушенія, кромѣ убійства и увѣчья (за увѣчие взибалось полувиру), также взимаемый въ пользу князя. Въ пользу потерпѣвшихъ отъ другихъ преступленій, помимо убійства, уплачивается урокъ, проторъ, пагуба, или это вознагражденіе обозначается описательно: «за обиду», «за соромъ», «за муку» и т. п. Система выкуповъ—господствующая форма наказанія по Русской Правдѣ и современнымъ ей памятникамъ, но не единственная. Въ Русской Правдѣ, помимо мести, упоминается еще наказаніе, назначаемое за убійство въ разбоѣ, поджогъ и конокрадство—именно потокъ и разграбленіе. Разграбленіе означаетъ насильственное отнятіе имущества, потокъ же обнималъ разныя формы личныхъ наказаній: изгнаніе, обращеніе въ рабство и даже убійство. Отсюда могли развиться такія формы наказаній, какъ смертная казнь, тѣлесныя наказанія и лишеніе свободы, извѣстныя у насъ по византийскимъ образцамъ вслѣдъ за принятіемъ христіанства. Уже Владимиру св. снископы совѣтовали казнить разбойниковъ, хотя потомъ они-же предложили возстановить старыя порядки взиманія виръ. Высказана вѣроятная догадка, что и при Ярославлѣ смертная казнь примѣнялась и что постановленіе Ярославичей объ отложениіи убійства за голову слѣдуетъ понимать въ смыслѣ вторичной замѣны смертной казни вирами. Владиміръ Мономахъ поучаетъ дѣтей: «не убивайте и не повелѣвайте убить, аще будетъ повиненъ смерти». Есть указаніе, что осужденные на смерть могли отъ нея откупиться. Въ законодательныхъ сборникахъ смертная казнь впервые упоминается въ Псковской грамотѣ.

Холопа, ударившаго свободнаго мужа, по уставу Ярославичей, предписано «любо бити и розвязавше». Изъ сопоставленія этого мѣста съ словами Даниила Заточника: «а безумнаго аще и кнутомъ бьеша, розвязавъ на санѣхъ, не отымеши безумія его», явствуетъ, что и Русской Правдѣ было извѣстно тѣлесное наказаніе кнутомъ. Наконецъ, дѣтописи упоминаютъ о примѣненіи въ особыхъ случаяхъ членовредительныхъ наказаній въ XI и XII вв. Не смотря, однако, на все болѣе упроченіе въ практикѣ послѣднихъ видовъ кары, наказанія, вытекающія изъ саморасправы или примиренія потерпѣвшихъ съ нарушителями, занимаютъ въ первомъ періодѣ первенствующее мѣсто. Въ связи съ этимъ стоитъ и господствующее воззрѣніе древности на преступленіе. Это—не нарушеніе юридическихъ нормъ, грозящее безопасности государства или общества, а нарушеніе частныхъ интересовъ. Самый терминъ «преступленіе» неизвѣстенъ древности. Вмѣсто него употребляются выраженія: обиды, соромъ, пагуба, проторъ. Обида вовсе не обозначала оскорбленія чести; такъ называли и убійство, и неплатежъ долга. Во всѣхъ приведенныхъ выраженіяхъ на первомъ планѣ стоитъ понятіе вреда, причиненнаго частному лицу или группѣ лицъ. Матеріальная сторона преступленія имѣла, такимъ образомъ, преобладающее значеніе; главное вниманіе обращалось на матеріальный ущербъ, причиняемый преступленіемъ, а не на грозящую отъ злой воли опасность. Въ эпоху Русской Правды отъ этой чисто матеріальной точки зрѣнія можно отмѣтить уже цѣлый рядъ отступленій: въ рядѣ статей обращается вниманіе на степень проявленія злой воли. Такъ, убійство на пиру въ свадѣ, совершенное явно, влечетъ болѣе мягкія послѣдствія, чѣмъ убійство въ разбоѣ; отвѣтственность купца за утрату чужихъ денегъ или товара видоизмѣняется въ зависимости отъ того, случилась ли такая пагуба отъ Бога или по винѣ самого купца; за истребленіе скота пакошами взыскивается болѣе болѣе штрафы, чѣмъ за кражу скота; послѣдняя наказуется строже, если скотъ украденъ изъ хлѣва и клѣти, чѣмъ въ случаѣ кражи скота съ поля. Но оцѣнка внутренней стороны преступнаго дѣянія не идетъ глубоко; такъ, всѣ соучастники въ преступленіи наказуются одинаково, хотя виновность ихъ могла быть весьма различна. При взглядѣ на преступленіе, какъ на причиненіе вреда частнымъ лицамъ, и при слабомъ развитіи государственныхъ началъ, древнее право не знаетъ преступленій противъ государства и общества. Даже Русская Правда позднѣйшей редакціи перечисляетъ только преступленія противъ жизни, здоровья, тѣлесной неприкосновенности и имущественныхъ правъ частныхъ лицъ. Въ связи съ этимъ стоитъ и другое явленіе: преслѣдованіе преступника въ древности было дѣломъ отнюдь не государственнымъ, а частныхъ пострадавшихъ. Въ эпоху Русской Правды, подъ влияніемъ духовенства, появляется и иное воззрѣніе на преступленіе, какъ на нарушеніе правилъ и предписаній, касающихся, главнымъ образомъ, религіозной и семейной

жизни. Въ церковныхъ уставахъ перечисляются пѣлый рядъ дѣяній, нарушающихъ установленныя правила о брачномъ союзѣ и о соблюденіи обрядовъ православной вѣры, хотя бы эти дѣянія и не причиняли никому прямого вреда; такъ, подлежали наказанію тѣ, «кто молится подъ овиномъ или въ рошеніи или у воды», «кто ѣсть и пьетъ съ иноязычниками и некрещеными» и т. п. Подъ этими же вліяніями начинается слѣдствіе и понятіе о преступленіяхъ государственныхъ. Изъ новгородской исторіи XII в. извѣстны случаи казни за измѣну. Псковская грамота назначаетъ смертную казнь за перевѣтъ. Тамъ же впервые формулируются и нѣкоторыя преступленія противъ порядка суда.

Во *второмъ* періодѣ основныя воззрѣнія на наказаніе и преступленіе существенно измѣняются, въ связи съ постепеннымъ усиленіемъ государственной власти, берущей въ свои руки какъ оцѣнку преступныхъ дѣяній, такъ и опредѣленіе за нихъ наказанія. На этой почвѣ она медленно, путемъ практики, проводитъ мысль, которую духовенство неоднократно выражало еще въ первомъ періодѣ: что власти установлены Богомъ «въ отщепеніе злодѣямъ и въ похвалу благотворящимъ, чтобы люди, если презрять страхъ Божій, вспомнили бы страхъ владыкелъ земныхъ». Страхъ передъ властью долженъ поддерживаться страхомъ наказаній. Еще въ XI в. одинъ каноническій памятникъ рекомендовалъ «яро казнити на возбращеніе злу». Эта новая точка зрѣнія на наказаніе не вытѣсняетъ вполне стараго начала возмездія или воздаянія зломъ за зло, свойственнаго мести. На эту почву прежде всего становится и государственный судъ; еще въ Петровскомъ законодательствѣ она находитъ яркое выраженіе: «кто кого убьетъ, онаго кровь паки отомститъ». Въ законодательныхъ памятникахъ среднихъ вѣковъ пѣлый рядъ наказаній назначается по принципу матеріальнаго таліона, т. е. въ составѣ наказанія воспроизводится составъ преступленія: за поджогъ назначается сожженіе, за увѣчья — изувѣчивающія наказанія и т. п. Утилитарныя наказанія занимаютъ, однако, первенствующее мѣсто. Цѣли, намѣчаемыя наказаніемъ, опредѣляются исключительно государственными и общественными интересами, въ угоду которымъ преступникъ всецѣло приносится въ жертву. Онѣ могутъ быть сведены къ слѣдующимъ: 1) огражденіе общества отъ преступниковъ полнымъ ихъ истребленіемъ («чтобъ лихихъ людей извести»), или изувѣченіемъ ихъ, чтобы предупредить возможность совершенія ими новыхъ преступленій (напр., виновнымъ въ поддѣлкахъ подьячимъ отсѣкали пальцы, «чтобы впредь къ писму были непотребны»), или, наконецъ, изытіемъ преступниковъ изъ среды общества въ тюрьму или въ ссылку. 2) Устрашеніе преступниковъ и всѣхъ гражданъ отъ совершенія преступныхъ дѣяній тяжестью и жестокостью наказаній: «да и прочіе страхъ примутъ таковаго не творити», «чтобы на то смотря другимъ не повадно было такъ чинить». 3) Извлеченіе матеріальныхъ выгодъ изъ имущества и личныхъ силъ преступника — конфискаціи,

денежныя пени и эксплуатація труда преступниковъ со времени введенія у насъ каторжныхъ работъ при Петрѣ. Первая двѣ цѣли по существу требовали самыхъ жестокихъ наказаній, которыя и процвѣтали въ московскомъ и Петровскомъ законодательствѣ. Уложеніе въ 60 статей, Воинскій Уставъ — въ 122 назначаютъ смертную казнь; отдѣльные указы угрожаютъ смертною казнью за самыя ничтожныя проступки, напр., за хитрость и нерадѣнье, за покленныя искы и пр. Несомнѣнно, что во многихъ указанныхъ случаяхъ имѣлась въ виду только угроза. Кромѣ смертной казни, рядъ изувѣчивающихъ наказаній и наказаніе кнутомъ (такъ наз. торговая казнь), назначаемое по Уложенію въ 140 случаяхъ и равносильное нерѣдко киадифицированной смертной казни, достаточно обрисовываютъ, какими способами предполагалось достигнуть цѣли устрашенія. Особенности карательной системы московской эпохи и Петровскаго законодательства обнаруживаются еще и въ формахъ уголовной санкціи. Господствующей была неопредѣленная санкція: не опредѣляется видъ наказанія, или, когда видъ указать, не опредѣленъ размѣръ наказанія. Напр.: «учинитъ наказаніе, что государь укажетъ»; или «учинитъ наказанье, смотря по винѣ»; или же: «взять пеню, что государь укажетъ», «посадить въ тюрьму до государева указа». Рядомъ съ этимъ существовали санкціи по формѣ безусловно опредѣленной, но въ практическомъ примѣненіи столь же неопредѣленной, какъ и вышеуказанныя, и имѣвшія лишь характеръ угрозы, (напр. въ пѣломъ рядѣ случаевъ относительно смертной казни). Вслѣдствіе этого, участь преступника нерѣдко совершенно зависѣла отъ произвола правительства. Происходившая отсюда неравномѣрность наказаній еще болѣе усиливалась вслѣдствіе все болѣе упорчивагося начала сословности. Наконецъ, къ числу особенностей карательной системы въ разсматриваемую эпоху слѣдуетъ отнести отсутствіе принципа индивидуальности наказаній. Какъ въ эпоху мести нерѣдко страдали невинные родственники, такъ и позднѣе подвергались наказанію невинные члены семьи: жена при мужѣ, дѣти при отцѣ. Подобныя мѣры особенно широко примѣнялись въ оферѣ политическихъ преступленій и преслѣдованій, при Грозномъ и Годуновѣ. Потому-то боярство, немало потерпѣвшее отъ такихъ порядковъ, и внесло въ ограничительную записку Шуйскаго условіе: «отецъ виноватъ, и надъ сыномъ ничего не сдѣлати; а будетъ сынъ виноватъ, отецъ того не вѣдаетъ, и отцу никакого дурна не сдѣлати». Та же мысль выражена и въ Уложеніи: «А будетъ которая жена про измѣну мужа своего или дѣти про измѣну отца своего не вѣдали... и ихъ за то не казнити и никакого наказанія имъ не чинити». Практика и даже указы Петровской эпохи нерѣдко, однако, отступали отъ этого правила. Понятіе о преступленіи также постепенно измѣняется. Оно начинаетъ считаться дѣяніемъ не только причиняющимъ вредъ отдѣльнымъ лицамъ, но грозящимъ опасностью государству и обществу, а потому перестаетъ

быть дѣломъ личнымъ или семейно-родовымъ и становится дѣломъ государевымъ и земскимъ. Преслѣдованіе преступлений, зависѣвшее раньше отъ инициативы частныхъ лицъ, теперь становится обязанностью органовъ государства. Сначала государство преслѣдуетъ небольшой кругъ дѣяній, признаваемыхъ болѣе важными; это «лихія дѣла» — душегубство, разбой, кража съ поличнымъ, — совершаемыя «лихими людьми» или профессиональными преступниками. Въ этихъ названіяхъ сказывается еще матеріальный взглядъ на преступленіе и преступника; но затѣмъ все болѣе и болѣе преобладающее значеніе получаетъ чисто формальный взглядъ на преступленіе, возникшій и упрочившійся подъ влияніемъ церковныхъ ученій. Въ преступленіи церковь видѣла прежде всего грѣхъ, нарушение Божественнаго закона, и называла преступниковъ «забывателями страха Божія». Отсюда естественно вытекало понятіе о преступленіи, какъ о нарушении закона свѣтскаго, который, прежде всего, долженъ служить поддержкой церковнаго ученія церкви. Вина преступника оказывалась, такимъ образомъ, двойственной: передъ Богомъ и передъ властью. Уложеніе и выражается о преступникахъ такъ: «кто забывъ страхъ Божій и презрѣвъ царское повелѣніе» учинить то-то. Нарушеніе вѣлній власти — признакъ хотя и вѣншій, но опредѣленный, если эти вѣлнія известны подданнымъ. Но принципъ: *nul-lum crimen sine lege* — не былъ извѣстенъ праву разсматриваемой эпохи; власть не стѣснялась облагать наказаніемъ дѣянія не запрещенныя указами. Такъ, Уложеніе не упоминаетъ въ числѣ преступлений противъ величества оскорбленіе государя словомъ или порицаніе его дѣйствій; между тѣмъ, эти дѣянія подлежали наказанію не только въ эпоху Уложенія, но и болѣе чѣмъ за сто лѣтъ передъ тѣмъ: Иванъ Грозный, будучи 14-ти лѣтъ отъ роду, приказалъ отрубать Бугурдину языкъ за невѣжливыя слова противъ государя. Уже Судебники различаютъ безхитростныя дѣянія, противопологаемыя умысленнымъ, но признають различіе не указываютъ. Умысленныя дѣянія, въ свою очередь, различаются въ зависимости отъ того, кѣмъ они совершены: вѣдомыми лихими людьми или лицами въ обыскахъ не облюбованными. Въ Уложеніи обособляются дѣянія, совершенныя по злему умыслу, по небреженію и безъ умысленія или безъ хитрости, т. е. умысленныя, неосторожныя и случайныя. Это различіе не всегда выдерживается, между прочимъ и по строгости наказанія; разграниченіе между неосторожными и случайными дѣяніями еще очень шатко. Весьма мало привносить въ этотъ вопросъ и Воинскій Уставъ. Вопросъ о вѣншеніи стоитъ въ зависимости еще отъ нѣкоторыхъ спеціальныхъ условий, вѣншнихъ и субъективныхъ. Къ числу первыхъ относятся необходимая оборона и крайняя необходимость. Обѣ оборонѣ впервые упоминаютъ памятники XVII в., заимствуя это понятіе, вѣроятно, изъ Литовскаго статута. Право обороны понималось очень широко: можно было защищать себя и другихъ отъ всякаго незаконнаго нападе-

нія; способы защиты были почти ничѣмъ не ограничены. Въ Воинскомъ Уставѣ оборона значительно ограничивается. Имя впервые вводится понятіе о крайней необходимости, примѣнительно къ незначительнымъ кражамъ «изъ крайней голодной нужды»; наказаніе въ такихъ случаяхъ или совсѣмъ не примѣняется, или уменьшается. Къ числу субъективныхъ условий вѣншенія, извѣстныхъ московскому праву изъ Градскихъ законовъ, относятся малолѣтство (аще 7 лѣтъ отрокъ) и явно болѣзненное психическое состояніе (бѣсныя), устраняющія наказаніе даже при убійствѣ. Воинскій Уставъ упоминаетъ еще о состояніи аффекта и служебной ревности, какъ объ обстоятельствахъ, смягчающихъ наказаніе. Проявленіе воли во вѣншеніи дѣйствія начинается различаться только Уложеніемъ, которое знаетъ обнаруженный умыселъ, покушеніе и совершенное дѣяніе. Умыселъ на государево здоровье наказуется наравнѣ съ оконченнымъ дѣяніемъ, умыселъ на жизнь господина — наравнѣ съ покушеніемъ. Воинскій Уставъ расширяетъ наказаніе за умыселъ въ преступленіяхъ противъ Величества; Морской Уставъ распространяетъ это правило и на общія преступленія: «всѣ убійцы и намѣренныя къ тому будутъ казнены смертію». Покушеніе на госуд. преступленіе наказуется по Уложенію какъ совершеніе, при нѣкоторыхъ общихъ преступленіяхъ — снисходительнѣе. Воинскій Уставъ различаетъ покушенія оконченныя и неоконченныя, смягчая наказанія за послѣднія, если дѣяніе доведено до конца по желанію самого преступника. Что касается до соучастія въ преступленіи, то Уложеніе различаетъ: 1) главныхъ виновниковъ, интеллектуальныхъ и физическихъ, при чемъ послѣдніе наказывались иногда легче (холопы, дѣйствовавшіе по наученію господъ), иногда строже (подъячій — строже дьяка за составленіе невѣрнаго суднаго списка), иногда одинаково; 2) пособниковъ — «товарищей», которымъ назначается то меньшее наказаніе, то одинаковое съ главными виновниками («подводъ» и «поторовка»), и 3) прикосновенныхъ лицъ, которые подлежатъ также весьма различнымъ наказаніямъ: пристанодержательство («станъ» и «прѣздъ») наказуется какъ разбой; покушка и храненіе краденаго («поклажея») — тюрьмой или только отдачей на поруки; неоказаніе помощи въ случаѣ опасности отъ преступниковъ — кнутомъ; отказъ отъ ловли преступниковъ — пеней; недонесеніе играетъ важную роль при государственныхъ преступленіяхъ, всѣ соучастники подлежатъ наказанію наравнѣ съ главными виновниками, при чемъ не только не проводится различія между посторонними и членами семьи, но послѣдніе даже предполагаются соучастниками, если не докажутъ противнаго. Воинскій Уставъ также знаетъ всѣ эти формы участія, но въ большинствѣ случаевъ устанавливаетъ одинаковыя наказанія для разныхъ соучастниковъ. Въ связи съ измѣненіемъ общихъ воззрѣній на наказаніе и преступленіе, иное значеніе получаютъ и отдѣльныя виды преступленій. Въ противоположность первому періоду, постепенно вы-

двигаются на первый план дѣянія, направленные противъ церкви и государства. Эта перемѣна не замѣтна еще въ Судебникахъ, но только потому, что они чрезвычайно блѣдно отражаютъ современную имъ практику. Въ нихъ упомянуты только коромольникъ и градской сдѣвецъ, какъ государственные преступники, неправосудіе, взяточничество и подлогъ, какъ служебныя преступленія, и церковная тѣбѣ, какъ единственное преступленіе противъ церкви. Между тѣмъ въ дѣйствительности встрѣчались и преслѣдованія еретиковъ, и казни за «невѣжливыя слова» про государя, за поддѣлку монеты и пр. Уложеніе и Воинскій Уставъ ставятъ на первое мѣсто преступленія противъ вѣры и церкви. Далѣе слѣдуютъ преступленія политическія, особенно подробно перечисленные въ Воинскомъ Уставѣ, преступленія по службѣ, противъ порядка управленія и т. д. Преступленія противъ частныхъ лицъ стоятъ на самомъ послѣднемъ мѣстѣ. Крутой переворотъ въ понятіяхъ о преступленіи и наказаніи вноситъ Наказъ Екатерины. Въ Наказѣ буквально передается мысль Беккариа, что «законы суть условія, посредствомъ коихъ независимыя и одинокія личности, утомленные постоянною взаимною борьбою и пользованіемъ свободою, соединились въ общества». На этомъ положеніи зиждется и право наказанія, такъ какъ недостаточно установить залоги безопасности, т. е. законы; необходимо ихъ предохранять, установивъ наказанія для ихъ нарушителей. Ни судьи, ни правители не могутъ налагать на членовъ общества наказанія, точно не указанныя въ законѣ. Цѣли карательной дѣятельности государства опредѣляются двояко: необходимо воспрепятствовать виновному впредь вредить обществу, но вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ отратить гражданъ отъ содѣянія подобныхъ преступленій. Вся дѣйствовавшая система наказаній, основанная на одномъ устрашеніи, подвергнута рѣзкому осужденію, съ одной стороны за ея безчеловѣчность, такъ какъ смыслъ наказанія заключается вовсе не въ томъ, «чтобы мучить тварь чувствами одаренную»; съ другой—за безполезность, такъ какъ «страны и времена, въ которыхъ казни были самыя лютейшія въ употребленіи, суть тѣ, въ которыхъ содѣвались беззаконія самыя безчеловѣчныя». Но такъ какъ въ каждомъ наказаніи заключаются извѣстное страданіе, то размѣръ послѣдняго долженъ лишь превосходить выгоды, извлекаемыя изъ преступленій; «всякая строгость, превосходящая сіи предѣлы, бесполезна и слѣдовательно мучительна». Прежде всего должна быть достигнута неизбѣжность наказанія, потому что «извѣстность и о маломъ, но неизбѣжномъ наказаніи сильнѣе впечатлѣтся въ сердцахъ, нежели страхъ жестокой казни, совокупленный съ надеждою избѣйти отъ оныхъ». Наказаніе, далѣе, должно возможно быстрѣе слѣдовать за преступленіемъ, какъ въ виду того, чтобы преступленіе считалось причиною наказанія, такъ и въ интересахъ подсудимаго, чтобы избавить его отъ изнѣнчивыхъ мученій неизвѣстности. Наконецъ, необходимо установить извѣстную соразмѣрность между наказаніями и

преступленіями, такъ какъ весьма важно, чтобы преступленія совершались тѣмъ рѣже, чѣмъ больше вреда они причиняютъ, и слѣдовательно препятствія, сдерживающія отъ совершения преступленій, должны быть соотвѣстственно сильнѣе. Этимъ требованіемъ положено было основаніе лѣстницѣ наказаній и классификаціи преступленій по ихъ важности съ точки зрѣнія вреда, причиняемаго обществу. Въ понятіе о преступленіи Наказъ также вноситъ существенныя измѣненія. «Ничего не должно воспрещать законами кромѣ того, что можетъ быть вредно или каждому особенному, или всему обществу; всѣ дѣйствія ничего такого въ себѣ не заключающія, ни мало не подлежатъ законамъ». Вѣнѣе предупреждать преступленія, чѣмъ ихъ наказывать; отсюда высокое значеніе, которое Екатерина придавала воспитанію. Наказъ различаетъ голый умыселъ, приготовленіе, покушеніе и совершеніе, при чемъ весьма подробно защищаетъ положеніе о ненаказуемости голаго умысла, ибо «законы не могутъ наказывать намѣренія». Особенно важно, что это правило вполне примѣнено и къ преступленіямъ противъ Величества: «слова не вѣнчаются никогда въ преступленіе, развѣ оныя приготовляютъ или соединяются или послѣдуютъ дѣйствию беззаконному». Съ указаннымъ ограниченіемъ даже и письма не считаются дѣйствіями, направленными противъ Величества. Приготовленіе и покушеніе должны обогатиться наказаніями, но въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ совершенныя дѣянія. По тѣмъ же мотивамъ рекомендуется наказывать менѣе строго соучастниковъ въ преступленіи, «которые не суть непосредственными оного исполнителями». Классифицируются преступленія въ Наказѣ по степени ихъ важности: самыя тяжкими является то, которое грозитъ окончательнымъ разрушеніемъ общества, самыя легкимъ—малѣйшее раздраженіе, причиненное частному человѣку. Особо и независимо отъ этихъ указаній предлагается схема преступленій, заимствованная у Монтескье и различающая преступленія: 1) противъ вѣры; 2) противъ нравственности; 3) противъ тишины и спокойствія и 4) противъ общественной безопасности. Только послѣдняя категорія подлежитъ уголовнымъ наказаніямъ въ собственномъ смыслѣ. Провозглашенныя Наказомъ въ сферѣ уголовного права новшества проникли въ жизнь съ чрезвычайной медленностью; не все намѣченное Наказомъ осуществлено даже нашими дѣйствующимъ правомъ. Этимъ, однако, нисколько не колеблется то положеніе, что Наказомъ открывается новая эпоха въ исторіи русскаго уголовного права.

М. Дяконовъ.

В. Русское гражданское право какъ въ своемъ историческомъ развитіи, такъ и современномъ состояніи, въ противоположность римскому и новому западно-европейскому, характеризуется неопредѣленностью формъ гражданско-правовыхъ отношеній и, особенно, невыработанностью отдѣльныхъ правомочій и обязанности, связываемыхъ, для отдѣльныхъ лицъ, съ наличностью между ними того или другого отношенія (субъективныхъ правъ и обязанно-

стей, какъ говорятъ юристы). Это стоитъ въ прямой связи съ историческимъ складомъ русскаго гражданскаго общества и отношеніемъ его къ власти, опредѣлявшей и опредѣляющей теперь формы проявленія правовой жизни (источники права).

Въ русскомъ гражданскомъ обществѣ только группы или классы, представляющіе собою опредѣленный социально-экономическій интересъ, отличались рѣзкою замкнутостью и далѣе не всегда въ состояніи были подчинить себѣ остальную массу; поскольку эти подчиненіе достигалось, оно не вызывало активнаго противодѣйствія массы, вслѣдствіе ея неорганизованности и ви́шнихъ условій, отдававшихъ ее во власть господствующей группы. Главнымъ интересомъ правящихъ классовъ древняго періода русской исторіи была ви́шняя торговля. Онъ проявляется въ нормахъ гражданскаго права, но не соединяетъ всѣхъ торговцевъ въ однообразное цѣлое, въ виду различія въ способахъ добыванія объектовъ торговли (товара). Одни добываютъ ихъ путемъ обложенія данью охотничьихъ, звѣриловыхъ и земледѣльческихъ племенъ, населяющихъ Русь; другіе ведутъ самостоятельное земельное хозяйство, завязывая особые связи съ населеніемъ; третьи организуютъ самостоятельные лѣсные и иные промыслы, а отчасти и ремесла. Центръ внутреннихъ торговыхъ сношеній и отправный пунктъ торговли ви́шней—городъ—не представляетъ, поэтому, однообразнаго населенія и права. Съ конца XII в., съ перенесеніемъ центра государственной жизни съ Ю и СВ на СВ, господствующимъ становится интересъ земледѣльческой, опредѣляемый интересами сельскаго хозяйства. Онъ также обнимаетъ собою различные классы общества: князя съ дружиной, духовенство, старыхъ купцовъ, мѣстныхъ промышленниковъ; всѣ они захватываютъ постепенно земли и обрабатываютъ ее при помощи рабовъ (холоповъ, челяди) или волнонаемныхъ крестьянъ. Вслѣдствіе политическихъ, географическихъ и топографическихъ условій и этому интересу не удастся слитить въ одно цѣлое русскихъ земледѣльцевъ XIII—XV вв. и безусловно подчинить себѣ переходящихъ крестьянъ. Другіе интересы духовенства (высшаго и монастырей) и князя съ дружиной часто противоположны между собою; крестьяне стремятся пользоваться свободой, не смотря на лежащую на нихъ обязательность; дружинники-землевладѣльцы, а отчасти и князья переплетаются другъ съ другомъ и особенно съ духовенствомъ тѣсной связью долговыхъ отношеній, въ одно и то же время и связывающихъ, и вызывающихъ антагонизмъ. Въ *Московский періодъ* развитія взаимное отношеніе различныхъ группъ русскаго общества становится болѣе опредѣленнымъ. Господствующимъ классомъ является помѣстное, служилое дворянство, которому удается, въ концѣ концовъ, подчинить себѣ крѣпостную теперь крестьянскую массу; купеческій, торговый элементъ населенія отходить на задній планъ и, получивъ новую тягловую организацію, не способенъ уже оказывать какое-либо вліяніе на развитіе права. Но и служилое дворянство, утративъ само-

стоятельное значеніе, не сплачивается въ опредѣленный классъ, члены котораго были бы солидарны другъ съ другомъ и по отношенію къ правительству. Среди помѣщиковъ и вотчинниковъ идетъ мелкая борьба изъ-за большаго или меньшаго количества оклада, отдѣльные члены класса отыскиваютъ себѣ земли, часто отнимая ихъ у другихъ служилыхъ людей. Въ средоточіи этой борьбы стоитъ московское правительство, отъ милостей котораго зависитъ служилое положеніе чловѣка. Съ эпохи Петра до начала XIX столѣтія идетъ процессъ сложенія русскаго гражданскаго общества въ сословія, но среди отдѣльныхъ группъ одного и того же класса господствуетъ антагонизмъ интересовъ (крупное и мелкое, дворянское, купеческое и крестьянское землевладѣніе), не дающій возможности выдвинуть интересы обладанія на первый планъ сравнительно съ интересами оборота и неспособный парализовать развитіе послѣдняго. Рѣзкія различія въ культурномъ и экономическомъ составѣ общества препятствуютъ сложенію одинаковыхъ идеаловъ семейнаго, личнаго и имущественнаго права и установленію въ жизни послѣдовательной системы гражданско-правовыхъ нормъ.

Исторія источниковъ русскаго гражданскаго права соответствуетъ составу русскаго гражданскаго общества. Характернымъ ея отличіемъ является недостатокъ выработокъ самостоятельныхъ классовыхъ нормъ «обычнаго права», способнаго служить опорой законодательства. «Старина», «пошлина» и «обычай» захватываютъ и въ древней Руси, несомнѣнно, многія группы отношеній и складываютъ такъ или иначе внутренний бытъ ея отдѣльныхъ частей. Но они не создаютъ *общихъ* нормъ гражданскаго права, дающихъ возможность говорить о народномъ «правосознаніи». Отсюда легкость воздѣйствія княжескаго и царскаго «указа» на юридическую организацію быта и привычки искать правовыя нормы не въ примененіи интересовъ, а въ указахъ правительства. Въ памятникахъ перваго періода—Русской Правдѣ и Псковской судной грамотѣ замѣтны еще слѣды нѣкотораго общественнаго порядка, различнаго для отдѣльныхъ классовъ, но опирающагося на сложившіяся представленія о правѣ и неправдѣ. Позднѣйшіе памятники удѣльнаго періода и начала царскаго (уставныя грамоты и судебники) заняты по преимуществу устройствомъ ви́шняго порядка отношеній, установленіемъ власти наместниковъ и волостей, пространства суда и пошлинъ. Внутренній бытъ отдѣльныхъ группъ населенія, родовыхъ, семейныхъ, товарищескихъ и общинныхъ союзовъ опредѣляется почти исключительно волей главствующихъ ихъ членовъ, а поземельныя и договорныя зависимости отношенія между отдѣльными лицами — частнымъ соглашеніемъ (договоромъ), на всей волѣ стороны, лучше поставленной экономически въ моментъ заключенія договора. Отсюда разнообразіе формъ и условій и почти полное отсутствіе какихъ-либо *общихъ* нормъ. Въ *Судебникахъ* встрѣчаются лишь нѣкоторыя ограничительныя постановленія, обязанныя своимъ происхожде-

нiемъ правительственной политикѣ: о выкупѣ родовыхъ имуществъ, о займахъ, о переходѣ крестьянъ. Укрѣпившіяся къ этому времени нормы византийскаго права (см. Кормчая книга) обнимали лишь нѣкоторые отношенія семейнаго права. *Московское законодательство*, начиная съ конца XV вѣка, обращаетъ серьезное вниманіе на поземельныя отношенія, но лишь въ интересахъ государственной службы. Огромное количество челобитныхъ и данныхъ по ихъ поводу указовъ касаются именно поземельныхъ отношеній. Законодательство идетъ сбивчивыми путями рѣшенія отдѣльныхъ случаевъ, часто противорѣча само себѣ. По словамъ профессора Сергѣевича, «челобитныя подаются небольшими сравнительно группами лицъ, имѣющихъ какіе-либо общіе интересы и недовольныхъ тѣми или другими порядками. *Челобитники дѣйствуютъ во имя частныхъ своихъ интересовъ*. Въ нихъ именно видѣть представителей не только всего Московскаго государства или какого-либо изъ его сословій: они не всегда представляютъ даже мнѣніе всего того разряда лицъ данной мѣстности, къ которому принадлежать сами. Въ той средѣ, изъ которой выдѣлились челобитчики, почти всегда остаются иначе думающіе, которые къ челобитію не присоединяются... Правительство, получивъ челобитную, не ставитъ себѣ задачей выяснить разнообразныя и взаимно сталкивающіеся интересы, путемъ приглашенія сторонниковъ разныхъ мнѣній къ общему своимъ мыслямъ. Оно избираетъ ближайшій, но очень ненадежный путь, склоняясь къ челобитію то той, то другой стороны. Результатомъ этого является крайняя неустойчивость московскихъ порядковъ». Когда нѣтъ челобитной, и судному или иному приказу приходится самому найти норму, ея ищутъ въ иностранномъ источникѣ, главнымъ образомъ въ *Литовскомъ статутѣ*, а при его посредствѣ — въ римскомъ правѣ, греческомъ прохиронѣ и др. *Уложеніе царя Алексѣя* полно такихъ заимствованій; имъ по преимуществу обязана своимъ составомъ X-я глава, наиболѣе важная съ точки зрѣнія гражданскаго права. Со времени *Уложенія* исторія *кодификаціи* (см. XV, 549) подчеркиваетъ ту же общую черту развитія источниковъ права: недостатокъ опоры въ народномъ правосознаніи и поиски въ иностранныхъ источникахъ. Въ теченіе XVIII в. петербургское правительство дѣлаетъ энергическія законодательныя попытки слѣпить неорганизованную массу русскаго населенія въ опредѣленные группы въ интересахъ службы и развитія народнаго благосостоянія. Но и эти попытки опираются не на готовыя силы въ странѣ, а на теоретическія соображенія и западно-европейскіе образцы, взятые безъ соображенія съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ въ странѣ (напр. знаменитый указъ объ единосудбѣ). О составѣ «обычно-правовыхъ» воззрѣній населенія въ XVIII в. мы, къ сожалѣнію, не можемъ судить. Наказы депутатамъ Екатерининской комиссіи показываютъ, что «обычно-правовое» сознаніе было слабо развито. Раскрывая множество неустройствъ въ русской гражданско-правовой

жизни—почти полную неурядицу въ распредѣленіи правъ и обязанностей по землевладѣнію, отсутствіе детальнаго юридическаго нормъ, опредѣляющихъ семейно-имущественныя отношенія, опеку, границы свободы и способы составленія завѣщаній, порядокъ наслѣдованія по закону, организацию кредита и связанныхъ съ нимъ обязательственныхъ сдѣлокъ и т. д.,—они предлагаютъ лишь отдѣльныя пожеланія, соображенія и субъективныя воззрѣнія, разрастающіяся иногда въ цѣлыя проекты. Выставляются на видъ лишь отдѣльныя нужды, а детальная разработка нормъ представляется усмотрѣнію правительства, которое, между тѣмъ, желало получить отъ общества именно указанія на основы и детали его юридическаго быта. Сплоченность интересовъ видна лишь въ области сохраненія привилегій и въ борьбѣ за главные источники дохода—землю и крѣпостныхъ людей, исключительное обладаніе которыми отстаиваютъ за собою дворяне. При такомъ состояніи «правосознанія» дѣйствительная русская гражданско-правовая жизнь направляется и въ XVIII в., поскольку ея не захватываетъ императорскій указъ, частной волей, т. е. *юридической дѣлкой*. Законъ опредѣляетъ лишь формальныя ограниченія сдѣлки, въ видахъ точности ея исполненія и въ интересахъ судей, освобождая ихъ отъ необходимости обѣнять ея внутреннее существо. Формально-правильная воля отдастъ во многихъ случаяхъ одного контрагента во власть другого, обезпечиваетъ множество способовъ обхода и безъ того недостаточныхъ законовъ и ведетъ, въ концѣ концовъ, къ господству безправія. Плачевное состояніе суда еще болѣе обезпечиваетъ это господство безграничной частной воли. Русскіе судьи, вступившіе въ отправление своихъ обязанностей на основаніи судебныхъ уставовъ императора Александра II, должны были безъ всякой другой опоры, кромѣ «интерпретаціи», ввести частную волю въ законныя границы. Устанавливая, взаимѣ произвольныхъ, судебныя нормы дѣятельности частныхъ лицъ, согласныя съ общимъ стремленіемъ и задачами современнаго гражданскаго общества, эти судьи создаютъ первую съ возникновенія Руси *систему дѣйствующаго гражданскаго права*, не достигшую еще, однако, такой прочности, при которой можно говорить и о благоустроенномъ гражданско-правовомъ бытѣ. Многія узаконенія гражданскихъ законовъ, основанныя на прежнихъ условіяхъ быта, тормозятъ развитіе жизни и сдерживаютъ просвѣтительную дѣятельность суда.

Исторія личнаго права совершенно соответствуетъ составу русскаго гражданскаго общества и его отношеніямъ къ власти. Первоначально личность пользуется значительнымъ просторомъ; договоръ имѣетъ юридическую силу независимо отъ какихъ-бы то ни было ограниченій со стороны гражданско-правовой власти. Нѣтъ, однако, опредѣленныхъ указаній на то, кто собственно по древнему праву считается полноправнымъ субъектомъ юридическихъ отношеній. «Въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ — говоритъ проф. Владимірскій—

Будановъ — отсутствіе понятія о лицѣ видно изъ отсутствія терминовъ, его выражающихъ. Правда, въ литературныхъ и законодательныхъ памятникахъ съ древнѣйшихъ временъ встрѣчаются переводные термины: «лицо» (съ греч. *πρόσωπον*) и «особа» (съ лат. *persona*); но изъ нихъ первый означаетъ не лицо въ нашемъ смыслѣ, а напротивъ—отрицаніе достоинства лица, именно одинъ изъ видовъ рабства. Отчасти въ Русской Правдѣ, еще болѣе въ псковской и новгород. судныхъ грамотахъ видно, впрочемъ, сознание свободными людьми своихъ субъективныхъ правъ. Общ. грамоты излагаютъ свои нормы съ точки зрѣнія личности, обладающей правами, а не въ видѣ предписаній со стороны законодателя. До извѣстной степени справедливы слова проф. Дювернуа, относящіяся къ общимъ грамотамъ: «Не легко въ исторіи новоевропейскаго права найти, въ столь ранней эпохѣ, другой примѣръ такого сочетанія зрѣлости формъ выраженія правосознанія съ одной стороны, и съ другой — живой наличности всѣхъ факторовъ, на коихъ зиждется юридическій бытъ народа, общей воли, общаго согласія всѣхъ составныхъ частей волости, чувства вѣры, которымъ скрѣпляется для суда, для сторонъ сила этихъ нормъ, наконецъ, энергии личнаго сознанія права, которая такъ видна въ готовности сторонъ и послуховъ идти на бой за правое дѣло». Уровень юридическаго развитія Пскова и Новгорода не былъ, однако, общимъ уровнемъ юридическаго развитія Россіи, а затѣмъ и «личная энергія», о которой идетъ рѣчь въ цитатѣ — столько же проявленіе «правосознанія», сколько и произвола, свойственнаго раннему быту и основаннаго на сознаніи силы, опирающейся на единомыслие и друзей (послуховъ). Для послѣдующаго развитія русскаго права уровень личнаго правосознанія, достигнутого въ Новгородѣ и Псковѣ, не составляетъ, во всякомъ случаѣ, исходнаго пункта. Говоря о московской эпохѣ вплоть до Уложенія, проф. Дювернуа самъ пишетъ: «Чтобы опредѣлить, насколько въ эту пору и позже государство поглощало личность, насколько *salus rei publicae* преобладала надъ всѣмъ и прежде всего надъ интересомъ отдѣльныхъ лицъ, мы возьмемъ... положеніе лица по законодательнымъ памятникамъ этой эпохи. Иной оффиціи достоинства личнаго, кромѣ государственной, Уложеніе 1649 г. не знаетъ, и попробуйте всего то, что этотъ единственный для всѣхъ критерій обнимаетъ не свѣтскихъ только, а и духовнаго чина людей. Критерій этотъ и тутъ, и тамъ одинъ—степень близости къ власти не только въ смыслѣ іерархическомъ, но прямо въ смыслѣ фактической близости, которая, конечно, каждую минуту можетъ измѣниться. Никакихъ опредѣленій для лицъ, терпящихъ и напосланихъ бесчестію, нѣтъ. Отлученныхъ, такъ сказать, чиселъ вовсе нѣтъ; есть только именованныя» (бояринъ, окольничій, стрѣлецъ, пушкаръ, монастырскій слуга и т. д.). Для понятія о лицѣ въ XVIII в. знаменателенъ извѣстный указъ Петра объ освидѣтельствованіи *дураковъ* въ сенатѣ: «понеже какъ послѣ выпынанъ, такъ и нижнихъ чиновъ людей, движимое и недвижимое иму-

щество дають въ наслѣдіе дѣтямъ ихъ, такимъ *дуракамъ, что ни въ какую науку и службу не годятся*, а другіе, не смотря на ихъ дурачество, но для богатства, отдаютъ за оныхъ дочерей своихъ и свойственниковъ замужу, отъ которыхъ добраго наслѣдія къ государственной пользѣ надѣяться не можно... того ради» и проч. «Здѣсь, говоритъ проф. Дювернуа, характеръ забота власти не о лицѣ и его правѣ въ особенности, а объ интересахъ государства. Имущества движимыя и недвижимыя должно принадлежать тому, кто способенъ нести тягость личной службы государству». На Западѣ въ аналогичныя эпохи госуд. признанія правъ личности охранителемъ ея интересовъ выступалъ *союзъ*, къ которому она принадлежала — корпорация, цехъ и т. д. Въ Р. и союзный строй не являлся охранителемъ правъ личности. Община, напр., была неспособна противостоять внѣшнимъ воздѣйствіямъ ни со стороны землевладѣльцевъ, ни со стороны княжеской и царской власти. Остальные союзы какъ древней, такъ и новой Руси не были самопроизвольными образованиями. Родовые союзы московскаго періода служили средствомъ удержанія земли въ рукахъ опредѣленнаго круга родичей (родовой выкупъ) и въ тоже время удобнымъ способомъ политическаго воздѣйствія со стороны государства (родичи обязаны были одинъ за другого нести службу, могли быть привлечены къ отвѣту на судѣ). Мы не знаемъ примѣровъ, гдѣ-бы родовой союзъ служилъ опорой противъ царской опалы или защиты личности въ другихъ отношеніяхъ. Изъ законодательныхъ памятниковъ древней Руси лишь искоская судная грамота говоритъ о товариществахъ или сибровыхъ союзахъ; остальные памятники не только московской, но и петербургской эпохи почти не содержатъ указаній на свободные союзы, имѣющие серьезное гражданско-правовое значеніе. Артили имѣютъ очень ограниченную сферу примѣненія и совершенно крѣпостную или семейную организацію (съ правами старости, какъ большака семья). Есть отдѣльныя указанія на существованіе торговыхъ товариществъ въ XVII в., но ни о ихъ структурѣ, ни о политическомъ или по крайней мѣрѣ экономическомъ значеніи мы не имѣемъ свѣдѣній. Въ XVIII в. правительство стремится вызвать къ жизни промышленныя компаніи, надѣляетъ ихъ привилегіями, но въ тоже время парализуетъ ихъ дѣятельность, подчиняя ее интересамъ казны больше, чѣмъ интересамъ промышленности. Самая юридическая организація компаній представляется совершенно неясною. Есть свѣдѣнія и объ артеляхъ XVIII в., но «какія это артели? Довольно однихъ наименованій: Мейфова, Томсона, Стюартова, Непорова, Шилинская, Кокорина и другія подобныя, чтобы понять, въ какомъ отношеніи находились въ эти артели къ вопросу о свободномъ союзѣ и правѣ лицъ. Одно изъ существенныхъ условий поступленія въ артель составляетъ *отказъ поступившаго отъ права разбираться съ артелю судомъ*; при этомъ въ нѣкоторыхъ артеляхъ удерживается наказаніе провинившихся членовъ не только штрафомъ, но и тѣлесно» (Дювернуа). Лишь во

второй половинѣ XIX в. начинается серьезная юридическая разработка правъ союзовъ, но и теперь она во многомъ еще несовершенна и далеко не стоитъ на уровнѣ западно-европейскаго развитія. Представляются юридически крайне неразвитыми не только активныя союзныя формы промышленности, но и пассивнаго обладанія. Тамъ, гдѣ по условіямъ обладанія оно было общимъ (напр. обладаніе такъ называемыми гостинными дворами въ городахъ), отношеніе этого обладанія къ правамъ города и свойство правъ обладателей на лавки, землю подъ ними и проходы оставалось неопредѣленнымъ до конца XIX в.

Современное русское право лицъ, какъ индивидуальныхъ, такъ и коллективныхъ, оставляетъ желать еще весьма многого. Понятіе граждански-правоспособной личности далеко не обнимаетъ еще всѣхъ классовъ русскихъ гражданъ. *Личность* крестьянина подчинена въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ обычному праву, отличному отъ общаго, запрещенія раздѣловъ, общинное землевладеніе съ его фискальной стороны, зависимость отъ полицейской власти, неравноправность судебная. Отдѣльные инородцы (евреи, поляки, иностранцы) ограничены въ средствахъ пріобрѣтенія недвижимостей, а евреи—и въ свободѣ передвиженія. Религія налагаетъ ограниченія на брачное и семейное право. Существуетъ неравенство половъ въ наслѣдованіи. Дурная организація опеки отражается на гражданско-правовомъ положеніи несовершеннолѣтнихъ и умалишенныхъ. Отсутствие ограниченій родительской опеки отражается на гражданско-правовомъ положеніи несовершеннолѣтнихъ и умалишенныхъ. Отсутствие ограниченій родительской опеки оставляетъ дѣтей на произволъ родителей. Отсутствие общественной организаціи отдѣльныхъ классовъ и сословныхъ группъ, хотя различіе между ними имѣетъ еще мѣсто въ правѣ (опека, усыновленіе), не даетъ членамъ этихъ классовъ и сословій надежней охраны ихъ правъ, тамъ, гдѣ они не защищены государственными законами. Русскіе гражданскіе законы совсѣмъ почти не даютъ предписаній относительно юридической организаціи коллективныхъ лицъ; постановленія о товариществахъ и акціонерныхъ компаніяхъ крайне устарѣли. Публично-правовые союзы (земства, города, дворянскія, крестьянскія, купеческія и иныя общества) руководствуются въ своей гражданско-правовой дѣятельности отдѣльными положеніями, часто мѣняющимися, а частныя союзы, сильно стѣсненные полицейскимъ надзоромъ—своими особыми уставами. Юридическое понятіе личности индивидуальной и коллективной тѣмъ не менѣе достаточно разработано уже теоріей и служитъ руководствомъ для судебной практики. Препятствія къ развитію современнаго русскаго личнаго права заключаются, поэтому, уже не въ недостаткѣ «правосознанія», а въ условіяхъ, о которыхъ упомянуто выше, въ очеркѣ русскаго гражданскаго общества.

Исторія отдѣльныхъ институтовъ русскаго гражданскаго права. Неустойчивость факторовъ русскаго правообразованія, недостаточная развитость отдѣльныхъ правоотношеній между членами русскаго гражданскаго общества, зависящая отъ неопредѣленности положенія личности въ обществѣ и особенно го-

сударствѣ, не лишаетъ, однако, возможности прослѣдить развитіе отдѣльныхъ институтовъ гражданскаго права, если не въ деталяхъ, то въ основныхъ ихъ чертахъ и главныхъ пѣялахъ, служить которымъ они были призваны. Въ этомъ отношеніи исторія русскаго гражданскаго права раздѣляется на 4-ре періода.

1. *Періодъ торгово-городскаго права Кіева, Пскова и Новгорода* обнимаетъ хронологически большой промежутокъ времени (съ древнѣйшихъ временъ до конца XV в.) и заключается въ себѣ опредѣленный процессъ развитія, вышшимъ образомъ отмѣченный различіемъ ранняго городскаго права Русской Правды и позднѣйшаго—псковской судной грамоты. Особенности этого права противопоставляютъ его праву *земскаго періода*, начавшагося лишь нѣсколько позднѣе кіевскаго, но послужившаго основой позднѣйшаго московскаго права *). Главное вниманіе Русской Правды обращается на защиту личности и имущества отъ правонарушеній уголовного и деликтнаго характера. Въ псковской судной грамотѣ виденъ уже установившійся вышній порядокъ отношеній, позволяющій обратить преимущественно вниманіе на заботы по организаціи внутренняго, гражданско-правового быта. На первомъ мѣстѣ во Псковѣ, какъ въ торговомъ городѣ, стоятъ *защита обладанія движимостію и долговыя отношенія*. Купленное на торгу, въ присутствіи свидѣтелей или особаго рыночнаго чиновника (мытника), переходитъ въ собственность покупателя и гарантируется его отъ претензій со стороны лица, у котораго проданныя вещи, по его заявленію, были украдены. Псковская судная грамота уничтожаетъ также силу сдѣлки, заключенной при ненормальномъ состояніи контрагентовъ (пьянство) или на объектъ, оказавшійся негоднымъ (больная корова), и регулируетъ отношенія, возникающія по вопросу о плодахъ проданной вещи (приплодъ отъ коровы). Это указываетъ на относительную высоту юридическаго развитія. Обширнаго развитія достигли уже какъ въ Кіевѣ, такъ въ Псковѣ и Новгородѣ, *долговыя отношенія*. Между обыкновенными горожанами, по Русской Правдѣ, заемъ долженъ быть заключенъ передъ свидѣтелями; псковская судная грамота для займа свыше рубля не удовлетворяется ни свидѣтелями, ни старымъ способомъ доказательства—*досками* (бирками), но требуетъ заклада и *записи*. Купеческій заемъ, наоборотъ, можетъ быть доказываемъ этими способами, и лишь для доказательства уплаты требуется росписка, копія которой должна храниться въ ларѣ св. Троицы. Отвѣтственность по купеческому займу легче, чѣмъ по простому. По Русской Правдѣ, купецъ, взявшій товары и деньги въ кредитъ и потерявшій ихъ вслѣдствіе кораблекрушенія, нападенія враговъ или пожара, не подлежитъ обычнымъ для того времени способамъ взысканія—продажѣ въ рабство или какому-либо иному насилію со стороны кредиторовъ, а, въ

* По отношенію къ древнѣйшей эпохѣ мы говоримъ такимъ образомъ о двухъ періодахъ не въ смыслѣ опредѣленнаго хронологическаго преемства, а въ смыслѣ особыхъ процессовъ правообразованія.

качества потерпѣвшего по волѣ Божіей, освобождается отъ отвѣтственности. Регулируется уплата $\frac{1}{2}\%$, что также указываетъ на нѣкоторое развитіе общественной власти. Обычный ростъ является вообще очень высокимъ — отъ 50 до 200%, и размеры его опредѣляются соглашеніемъ самихъ контрагентовъ передъ свидѣтелями. Русская Правда борется съ $\frac{1}{2}\%$, по мѣсяцамъ для долгосрочныхъ договоровъ, а Уставъ Владиміра Мономаха, дополняющій ея статьи, позволяетъ брать 50% роста лишь въ теченіе трехъ лѣтъ, при чемъ уже пѣдлы отыскивать капитала. Псковская судная грамота ставить уплату $\frac{1}{2}\%$ въ зависимость отъ истечения срока займа. Оба памятника регулируютъ и другой, важный въ первоначальномъ быту и при торговыхъ сношеніяхъ договоръ *поклажи*, съ опредѣленіемъ отвѣтственности по договору, способовъ его заключенія и доказательства и съ различіемъ *depositum regulare* и *miserabile*. Существенное различіе между древнѣйшими и позднѣйшими памятниками состоитъ въ томъ, что Русская Правда оставляетъ совсѣмъ въ сторонѣ отношенія по недвижимостямъ, хотя объектомъ гражданского оборота, кромѣ рабовъ (человѣкъ), въ ней служатъ продукты звѣроловнаго, лѣсного и земледѣльческаго промысла. Скотъ, домашняя птица, бобы, охотничьи птицы, медъ, жито упоминаются какъ постоянные объекты сдѣлокъ. Охрана обладанія распространяется на вѣсы сына, дрова, лодки рѣчные и морскія. Упоминаются въ Рус. Правдѣ зависимыя отношенія землевладѣльца и «роуслйнаго закупка», но не въ смыслѣ отношеній по землѣ, а лишь въ смыслѣ личной охраны закупка и ввѣренныхъ ему господиномъ движимыхъ вещей. Повидимому, и въ области *семеиныхъ отношеній* и *наследованія* Русская Правда имѣетъ въ виду гораздо болѣе городскія отношенія, чѣмъ сельскія, хотя говоритъ о семѣхъ и наследствѣ смерда, князя, боярина. Она знаетъ *малую семю*, состоящую изъ отца, матери и дѣтей. Хозяинъ семейнаго имущества—отецъ; при смерти онъ назначаетъ доли дѣтямъ и женѣ; жена—полная собственница своего имущества и можетъ надѣлать имъ того изъ дѣтей или дочерей, кто къ ней ближе отослался. Къ ней переходитъ власть въ домѣ по смерти мужа, если она пожелаетъ жить вмѣстѣ съ дѣтьми; желаніе дѣтей о раздѣлѣ въ такомъ случаѣ не удовлетворяется. Бездѣтная семья есть семья выморочная. Наслѣдство бесыновняго смерда идетъ князю; у бесыновнихъ бояръ наследуютъ ихъ дочери, а о дальнѣйшемъ переходѣ Правда ничего не говоритъ. Ближній родственникъ выступаетъ лишь, какъ опекунъ, но не наследникъ. Объектами наследованія и опеки называются дворъ (городской?), достояніи младшему сыну, движимое имущество и пушканный въ оборотѣ «товарь». Подчиненность дѣтей родительской волѣ полная: должникъ продается съ женою и дѣтьми; послѣдніе по смерти отвѣчаютъ за долги отца своими долями. Въ псковской судной грамотѣ регулируются съ значительной обстоятельностью и поземельныя отношенія, но также, повидимому, по преимуществу городскія и пригородныя. Въ числѣ объектовъ обладанія псковская

судная грамота знаетъ «село», принадлежавшее господину и обрабатываемое по найму «изорникомъ», землю, обрабатываемую «огородникомъ», и воду, въ которой рыбу ловитъ «коучетникъ»—крестьяне, стоящіе въ зависимыхъ отношеніяхъ къ «господину». Упоминается также церковная земля, но главнымъ объектомъ является *городской дворъ*—свободная собственность горожанина. *Формы обладанія* представляются уже достаточно выработанными. Во главѣ стоятъ *отчина*, наследственное владѣніе, считающееся, повидимому, достояніемъ рода: оно переходитъ отъ мужа къ женѣ и обратно лишь въ качествѣ «кормли» (пожизненное владѣніе). Переходъ по завѣщанію къ одному изъ членовъ рода («племяннику») свободенъ; при отчужденіяхъ чужероднымъ «ближнему племя» имѣло право выкупа. Однако, признаковъ общаго родового владѣнія земель въ грамотѣ нѣтъ. Возможно общесемейное имущество живущихъ вмѣстѣ послѣ смерти отца братьевъ, но съ опредѣленіемъ доли каждого и постоянной возможностью раздѣла. Отсюда слѣдуетъ, что и въ Псковѣ, какъ и въ раннемъ Киевѣ, основной общественной единицей является малая семья; родовый кругъ («ближнее племя») обнимаетъ, повидимому, братьевъ и сестеръ съ ихъ дѣтьми; по крайней мѣрѣ въ такомъ видѣ выступаетъ этотъ союзъ при наследованіи движимаго имущества (платя) послѣ супруговъ: одежда жены идетъ матери, сестрамъ и ихъ нисходящимъ женскаго рода, а мужа—отцу и братьямъ. Вмѣсто родового союза Псковъ, какъ и Новгородъ, знаютъ союзъ товарищескій (сырбовой), земледѣльческій (владѣльцы въ одной междѣ, сообща защищающіе свое обладаніе) и промышленный (торговцы, промышленныя и охотничьи товарищества), построенный по началамъ долевого владѣнія или старыхъ формъ общей собственности. Псковская судная грамота ясно различаетъ *собственность отъ отчины*; нарушение послѣдняго приравнивается къ грабежу, споръ о собственности отдѣляется отъ спора о владѣніи, владѣніе временное и скоропроходящее—отъ безспорнаго и непрерывнаго, соединеннаго съ постоянными заботами объ объектѣ собственности и обращающагося по истеченіи 4 или 5 лѣтъ въ давностное, въ собственность. Эти постановленія говорятъ о высокомъ уровнѣ правосознанія, хотя короткий срокъ давности и указываетъ еще на недостаточную прочность обладанія и болѣе покровительство обороту, чѣмъ обладанію. На рубежѣ между сдѣлками обязательственнаго и вещнаго права стоятъ отношенія найма. Обязавшійся совершить опредѣленную работу можетъ требовать платы лишь по ея окончанію, но въ послѣднемъ случаѣ законъ строго выступаетъ за наймита. Отношенія къ изорнику и другимъ видамъ земледѣльческихъ рабочихъ обнимаютъ собою заразъ наемъ вещи, наемъ личный и договоръ ссуды. Сходъ изорника съ земли ведетъ не къ возврату его на прежнее мѣсто жительства, а лишь къ имущественной его отвѣтственности; на господина возлагается обязанность не стоять изорника до филиппова заговѣнья. Отношенія поземельныя приближаются, въ общемъ, къ тому порядку, который сложился внутри

страны, въ земскомъ правѣ, но они, повидимому, не влекли за собой тѣхъ послѣдствій зависимости и крѣпости, которая образовалась въ послѣднемъ. Сдѣлки по землѣ съ крестьянами, основанныя на выдачѣ имъ «покрыты», и залоговыя отношенія между горожанами и землевладѣльцами занимаютъ, тѣмъ не менѣе, видное мѣсто въ постановленіяхъ грамоты.

2. *Періодъ земскаго права* (XII—XV вв.) переноситъ центр тяжести правообразования на недвижимость. Въ послѣдующей исторіи русскаго гражданскаго права надолго исчезаетъ законодательная нормировка обладанія движимостью и связаннаго съ нею гражданскаго оборота; трудно возстановить даже бытовыя черты этого оборота. Полное господство натуральнаго хозяйства, интересъ въ обладаніи землею и обезпеченія ея обработки надежными, крѣпкими землѣ рабочими определяютъ русскую исторію права вплоть до конца XVIII в.

Формы обладанія. Ранняя исторія обладанія недвижимостью на Руси не можетъ быть возстановлена за полнымъ отсутствіемъ данныхъ. Сколько-нибудь достоверныя извѣстія застаютъ на Руси уже полное господство частнаго обладанія князей, бояръ, монастырей, разнаго рода служилыхъ людей и крестьянъ. Послѣдніе быстро переходятъ въ разрядъ зависимыхъ наемателей опредѣленныхъ участковъ («посилья») на чужихъ земляхъ. Свободное крестьянское землевладѣніе сохраняется лишь на сѣверѣ, и если по его организаціи можно судить о первоначальномъ строѣ землевладѣнія, то и послѣдній носилъ гораздо болѣе индивидуальный, чѣмъ общинный характеръ. Основой обладанія является участокъ, принадлежащій крестьянской семьѣ, большой или малой, независимо отъ другихъ сосѣднихъ владѣльцевъ или въ общей связи съ ними, если земля занята сразу нѣсколькими семьями и подѣлена между ними, или если семья разрослась изъ одной, сохранивъ поземельную связь. Эта связь выражается обыкновенно въ отвѣтственности за подати и оброки, лежащія на землѣ, и въ охранѣ общаго обладанія отъ захватовъ лишь, не принадлежащихъ къ группѣ первоначальныхъ займщиковъ или къ ихъ племени (борьба крестьянъ за землю съ основателями монастырей и съ захватами со стороны сильныхъ людей). Дареніе участковъ, отдача ихъ по дѣлѣ въ монастырь, залогъ, продажа, завѣщаніе вполне свободны, при чемъ трудно сказать, въ какой мѣрѣ считается правомъ притязаніе на выкупъ со стороны родичей или совладѣльцевъ. Права общины и родственники въ возстановляются только по отношенію къ заступившему участку, который необходимо дать во владѣніе другому лицу въ видахъ исправной уплаты податей. Въ остальныхъ мѣстностяхъ Р., начиная съ XII в., вездѣ видно господство частной собственности, по преимуществу князей, монастырей, бояръ и другихъ служилыхъ людей, но также и разнаго рода мелкихъ владѣльцевъ. Монастырское, княжеское и боярское землевладѣніе растетъ на счетъ остальныхъ, благодаря свободному обмѣну, куплѣ,

залогу, завѣщанію, а главнымъ образомъ — благодаря привилегированному положенію крупныхъ собственниковъ. При отсутствіи административно-судебной защиты и при обремененности населенія податями или служебными повинностями, сколько-нибудь спокойное обладаніе и возможность обработки земли при помощи сельскохозяйственнаго инвентаря могли имѣть лишь сильные владѣльцы или тѣ изъ мелкихъ, которые встали подъ ихъ защиту. Въ связи съ этимъ стоитъ стремленіе мелкихъ владѣльцевъ передать землю монастырямъ или «окняжить» и «обоярить» ее, т. е. признать юридическими собственниками ея монастырь, князя или боярина, а самимъ владѣть въ качествѣ зависимыхъ владѣльцевъ. *Зависимое владѣніе* становится, такимъ образомъ, рядомъ съ собственностью, какъ самостоятельная форма обладанія. Господствующимъ его видомъ является *посильное владѣніе*, при которомъ владѣлецъ выговариваетъ себѣ право владѣнія землею до конца своей жизни; затѣмъ участокъ земли долженъ перейти въ верховному собственнику уже въ исключительное обладаніе (согласенію съ монастырями). Но встрѣчается также и *родимое владѣніе* «докоплъ родъ изведетца», *временное зависимое владѣніе*, пока продолжается служба владѣльца (позднѣйшее помѣстье) и т. д. *Главная изъ древнихъ формъ залога* — передача земли во владѣніе кредитора земли до выкупа — настолько сближается съ передачей полной собственности, что историкъ права не различаетъ залога отъ продажи, доказывая, что старая купля всегда была куплей съ правомъ выкупа. На самомъ дѣлѣ условія, при которыхъ приходилось закладывать землю, были таковы, что должнику, кажется, безразлично было, какъ назвать сдѣлку — куплей съ правомъ выкупа (залогъ) или куплей «впрок», «вдѣрн», безъ выкупа. Гражданское право разсматриваемого періода не знаетъ защиты обладанія опредѣленнымъ способомъ пріобрѣтенія и укрѣпленія правъ на недвижимость. Простой фактъ болѣе или менѣе продолжительнаго владѣнія, удостоверяемый свидѣтельскими показаніями, а при разногласіи послѣднихъ — поединкомъ, служилъ главной опорой судебныхъ рѣшеній. До судебного способа укрѣпленія, подобнаго германской *Gerichtliche Auflassung* и римской *in jure cessio* (фигурный процессъ о собственности съ цѣлью ея передачи), на Руси не додумались. Письменные памяти (купчія, межевыя, поступныя и иныя *грамоты*, см.) долго имѣютъ значеніе второстепенныхъ доказательствъ и только въ концѣ періода пріобрѣтаютъ нѣкоторый официальный характеръ. Мелкіе владѣльцы, въ интересахъ защиты отъ сильныхъ людей, начинаютъ призывать землю княжеской собственностью и каждую сдѣлку освѣчаютъ докладомъ князю, съ просьбой о выдачѣ жалованной грамоты или утвержденіи купчей. Такимъ образомъ частныя документы обращаются въ официальные акты укрѣпленія, обязательные для княжескихъ судей данной мѣстности предпочтительно передъ данностью владѣнія. Необходимости исполненія санкціи князя на пріобрѣтеніе земли въ его владѣніяхъ развивается и въ силу междукняже-

ских договоров, по которым запрещалось приобретение земли служилыми людьми чужого князя без согласия местного князя. Мало по малу переходя земли из рук в руки подчиняется княжескому надзору, укрѣпляющему обладание, но вмѣстѣ съ тѣмъ развивающему представлеіе, что вся земля во владѣніяхъ князя принадлежитъ ему, какъ верховному собственнику, а частные владѣльцы обладаютъ ею лишь съ его согласіи; крестьянскія «черныя» земли считаются уже прямо собственностью князя, хотя эта собственность и отличается отъ его собственности на дворянскія земли. Это измѣненіе въ *правосозерцаніи* не измѣняетъ сильной мобилизаціи недвижимой собственности, такъ какъ продажа земельныхъ участковъ, находящихся въ владѣніи, свободна. Сильная мобилизація недвижимости собственности объясняется тяжелымъ экономическимъ положеніемъ служилыхъ людей и всего населенія. Военная служба требовала большихъ расходовъ на дорожное вооруженіе, коней, провіантъ во время похода. Изъ духовныхъ грамотъ не только простыхъ дружинниковъ, но и высшихъ бояръ и самихъ князей видно, до какой степени доходила ихъ задолженность, особенно монастырямъ, игравшимъ роль банкировъ и ростовщиковъ; у нихъ можно было получить и деньги, и оружіе, и платье, даже женское, и заложить не только землю, но и движимое имущество. Основными сдѣлками тогдашняго гражданскаго оборота, поэтому, являются продажа земли и, еще чаще, близкій къ продажѣ залогъ, сопровождавшійся передачей владѣнія кредитору, и *личное долговое обязательство* (кабала), приводившее, въ случаѣ неуплаты денегъ въ срокъ, къ личному рабству должника кредитору или къ уплатѣ долга путемъ личной службы кредитору. Отсюда древніе *закаты* (см.) и *закладки* (см.) или закладники XIII и XIV в. Нѣсколько позднѣе образуется болѣе тяжелая форма личного обязательства, сопровождающаяся немедленнымъ обращеніемъ въ холопы—«кабала за ростъ служить», т. е. обязательство отработывать съ момента займа проценты на занятую сумму. Общей формой для всѣхъ сдѣлокъ гражданскаго права становится *кабала*—формальное письменное обязательство, сообщавшее кредитору безусловную власть надъ отданною въ кабалу вещью или личностью, съ правомъ кредитора обратиться на нее взысканіе и осуществить свое право гдѣбы онъ ни нашелъ кабальное лицо или вещь. Кабалы *закладныя* и *служилыя* являются главными видами обязательственныхъ отношеній этого періода. Характерными особенностями кабалы этого періода является условность зависимости: при уплатѣ занятой суммы земля возвращается прежнему владѣльцу, а личность вновь дѣлается свободной. Тѣмъ не менѣе, кабала носитъ вещный характеръ: она сообщаетъ власть надъ вещью и лицомъ, и кредиторъ имѣетъ право передачи кабалы третьему лицу, со всѣми значащимися въ ней правами. Кабала считается дѣйствительной, хотя-бы и не была доказана наличность долговыхъ отношеній; крѣпость создается самой грамотой. Рядомъ съ долговыми сдѣлками

стоятъ сдѣлки *личною найма на сельскія работы* (порядныя), устанавливавшія отношенія между землевладѣльцами и крестьянами. Порядокная есть договоръ о наймѣ земли, соединенный съ установленіемъ нѣкоторой личной зависимости крестьянина отъ землевладѣльца (обязательство совершать въ пользу землевладѣльца выговоренныя имъ или отъ его воли зависящія услуги). Характерная особенность порядокной въ этотъ періодъ—личная свобода нанявшагося и отсутствіе права воздѣйствія на его личность въ случаѣ неисполненія обязательства. Но крестьянская порядокная никогда почти не выступаетъ одна: она сопровождается обыкновенно выдачей *судной кабалы* или сама содержитъ въ себѣ *судную кабалу*, заключающуюся въ обязательствѣ уплатить, при окончаніи срока найма или отказа отъ него, деньги, хлѣбъ и другія вещи, данныя крестьянину при порядѣ; эта ссуда отличается отъ *подмоти*, обыкновенно не взыскиваемой обратно, и составляетъ обычное долговое обязательство. Было-ли такое обязательство, по своимъ послѣдствіямъ, схожее съ судною кабалой или нѣтъ—для земскаго періода неясно. Позднѣе судная записъ и служилая кабала различались одна отъ другой. Не исчерпывая всѣхъ обязательственныхъ отношеній земскаго періода (ему извѣстны также и неформальныя обязательства—«безкабальная ссуда», простой словесный долгъ безъ рабства и службы, а также и безъ заклада), указанныя формы, вмѣстѣ съ строемъ обладанія недвижимостями, вскрываютъ съ достаточной ясностью главные черты быта, изъ котораго онѣ выросли. Въ основѣ этого быта лежала полная свобода личности, доходившая до права распоряжаться собой и своимъ имуществомъ на условіяхъ, определяемыхъ лишь ея усмотрѣніемъ и положеніемъ въ обществѣ. Отсюда свобода продажи въ рабство и вступленія въ долговыя отношенія на самыхъ разнообразныхъ условіяхъ; отсюда-же различныя формы зависимаго владѣнія землею. Эта свобода приводитъ постепенно къ установленію какъ личной, такъ и поземельной зависимости между политически и экономически сильными и слабыми представителями землевладѣнія и оборота—зависимости, существующей, однако, лишь до момента погашенія долга. Далеко не съ такой точностью могутъ быть определены за этотъ періодъ отношенія *семейныя и наслѣдственныя*. Памятники говорятъ болѣе всего о малой семьѣ, состоящей изъ отца, жены и дѣтей; сдѣлки на имущество совершаются или однимъ лицомъ семьи, или мужемъ и женой вмѣстѣ, или отцомъ съ дѣтми. Послѣ смерти отца совершается раздѣлъ имущества между дѣтми, женой и другими лицами. Раздѣлы крестьянскихъ семей, состоящихъ изъ нѣсколькихъ поколѣній, очень часты, что свидѣтельствуется о разложеніи большой семьи; послѣдняя сохраняется лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на сѣверѣ, гдѣ нераздѣльно владѣютъ землей цѣлыя поколѣнія, хотя и съ опредѣленіемъ наслѣдственныхъ долей. Личныя отношенія мужа къ женѣ и отца къ дѣтямъ съ юридической стороны не

были определены совѣмъ; произволу отца и мужа не противопоставляется никакихъ ограничений. Имущественныя отношенія мужа къ женѣ построены, по крайней мѣрѣ по отношенію къ приданому имуществу, на началѣ общности пользованія и распоряженія. Полная общность имущества у отца и дѣтей, съ главенствомъ перваго, можетъ считаться несомнѣнной; лишь раздѣлъ или выходъ сына на самостоятельное хозяйство основывалъ для него самостоятельныя имущественныя права. Наслѣдованіе по закону боковыхъ родственниковъ въ этотъ періодъ ничѣмъ не подтверждается, по крайней мѣрѣ дальше братьевъ и сестеръ. Полная свобода завѣщанія также, повидимому, не подлежитъ сомнѣнію. Бракъ подчиненъ уже церковному праву, хотя обрученіе (сговоръ) имѣеть рѣшающее значеніе.

3. *Періодъ Московскаго государства* (XVI—XVII вв.) и въ гражданско-правовомъ отношеніи проявляетъ свойственныя ему характеристическія черты: усилившееся вліяніе государственной самодержавной власти и начало крѣпости, вносимое ею въ общественныя отношенія. Княжескія и боярскія отчины облагаются обязательствомъ государственной службы и подчиняются ей интересамъ. Ко времени Ивана IV эти отчины не могутъ переходить по наслѣдству безъ разрѣшенія государя ни къ кому, кромѣ дѣтей мужского пола, не могутъ быть также проданы инородцамъ или отданы по душѣ. Отъ государя зависѣло, отдать ли вотчину брату, племяннику или *внуку* умершаго, или взять вотчину на себя. Въ то же время возникаетъ *помѣстье*—временное земельное владѣніе, связанное съ службой. Свободное землеуладѣніе (собственность) земскаго періода превращается въ зависимое отъ государей помѣстное владѣніе. Старыя вотчинныя права отчасти сохранили лишь вотчины *купленные*, подлежавшія свободному обороту и переходившія, послѣ смерти вотчинника, кромѣ дѣтей, и къ *женѣ*; но послѣ смерти жены и дѣтей и эти вотчины переходили на государя, съ обязательствомъ казны дать часть ихъ денежной стоимости въ монастырь по душѣ и раздать другую часть «ближнему племени» (братьямъ и сестрамъ). Не смотря на обиліе незанятой земли и лѣсовъ въ Московскомъ государствѣ, ея не хватило на надѣленіе служилыхъ людей помѣстьями. Судебникъ 1550 г. узаконяетъ, поэтому, *право выкупа* для родственниковъ служилыхъ людей проданныхъ ими вотчинъ, чѣмъ значительно сокращаются размыры свободныхъ купленныхъ вотчинъ, и цѣлый классъ служилыхъ людей обезпечивается землей, на которую онъ получаетъ право въ силу родства. Количество *родовыхъ отчинъ* такимъ образомъ возрастаетъ. Затѣмъ слѣдуютъ запрещенія отдавать отчины по душѣ въ богатые монастыри и, наконецъ, полное запрещеніе такой отдачи безъ государева дозволенія. Съ теченіемъ времени помѣстное владѣніе становится *наслѣдственнымъ* и *отчуждаемымъ*. Въ XVII в. разрѣшена была и продажа помѣстій за долги. Къ концу вѣка они по праву распоряженія уравниваются съ вотчинами, на которыхъ также де-

жала обязанность службы; что касается до правъ пользованія, то они были съ самаго начала одинаковы какъ для вотчинниковъ, такъ и для помѣщиковъ. Иными словами, изъ разнообразныхъ формъ поземельныхъ отношеній въ концѣ XVII в. создается одна: зависимое отъ государства земельное владѣніе, съ правами частнаго пользованія и распоряженія, отличающееся отъ современной собственности лишь обязанностью службы. Зависимые служилые люди съ зависимыми земельными владѣніями оставались только у монастырей и архіереевъ (архіерейскія и монастырскія дѣти боярскія); но во второй половинѣ XVII в. и эти дѣти боярскія, владѣвшіе вотчинами, записаны въ государеву службу и выведены были изъ зависимыхъ отношеній къ архіереямъ и монастырямъ. Городскіе дворы получаютъ въ этотъ періодъ, какъ уже было замѣчено, тягловую организацію, подобную той, которую имѣло крестьянское земледѣліе на черныхъ земляхъ. Обложивъ эти дворы податью съ круговой порукой, правительство сильно стѣснило право распоряженія горожанъ своей, прежде свободной собственностью. Установленіе болѣе правильнаго судебнаго порядка защиты имущественнаго обладанія побуждаетъ владѣльцевъ озабочиваться приобрѣтеніемъ прочныхъ доказательствъ обладанія землею. Грамоты на земли, поэтому, не только составляются отъ лица продавца, вручаются покупателю и подписываются свидѣтелями, но пишутся специальными площадными подъячими и записываются у воеводъ въ книги. При составленіи писцовыхъ книгъ грамоты предъявляются писцамъ, которые на основаніи ихъ дѣлаютъ свои записи, сообщая этимъ доказательную силу и самымъ книгамъ. Раздача помѣстей и вотчинъ въ интересахъ службы потребовала «правильной» регистраціи всѣхъ земель, находившихся въ частномъ обладаніи *помѣстнаго приказа*. Запись въ книги въ XVII в. дѣлается основнымъ моментомъ приобрѣтенія (укрѣпленія) обладанія землею. Чтобы прочно, безъ спора и опасенія отобранія, владѣть землею, необходимо было получить *приказную справку* земли за собой, т. е. записать ее въ приказъ и получить изъ него *отказныя грамоты*. Правительство собирало при совершеніи записи пошлины, заставлявшія владѣльцевъ уклоняться отъ нея. Однако, выгоды записи были настолько велики, что огромная масса земель была записана. Къ записи прибѣгали и владѣльцы по давности, потерявшіе или вовсе не имѣвшіе въ рукахъ грамотъ, устанавливающихся ихъ права владѣнія. Въ XVII в. правительство признавало силу давностнаго владѣнія лишь за этой записью; въ судебныхъ спорахъ требовалось непременно доказательство грамотами и записью. Обязанность записи распространялась не только на купчія, сдаточныя, мѣновныя и иныя грамоты отчужденія, но, повидимому, и на *залоговыя*; просроченная закладная, обращавшаяся въ купчую, во всякомъ случаѣ должна была быть записана въ приказъ. Незаписанныя имѣнія могли быть объявлены порожними и управлены за искателями помѣстей въ качествѣ жа-

лованія за службу. Публичные формы укрѣпленія имущества гарантировали земельный кредитъ, имѣвшій и въ это время огромное развитіе (см. ниже). Существовавшія съ Ивана IV «писцовыя межевыя» или просто «межевые книги», содержа описаніе междъ, не удовлетворяли своему назначенію въ виду несовершенства техники (см. Генеральное межеваніе). Въ теченіе всего XVII в. мы встрѣчаемся съ царскими указами о межеваніи земель. Въ концѣ XVII в. дѣлается, хотя и неудачно, попытка общаго межеванія (см.). Система сервитутовъ и сосѣдскихъ правъ являлись совсѣмъ неразработанной, хотя частными сдѣлками сервитутныя отношенія устанавливались еще въ XIV—XV вѣкахъ. Упоминаемые въ Уложении сервитуты,—тѣ же, которые вошли и въ современное право,—повидимому, не нормы, выросшія изъ жизни, а заимствованныя постановленія. Система раздачи угодій въ чужихъ и казенныхъ имуществѣхъ столько же нарушала права и отношенія частныхъ землевладѣльцевъ, сколько и спутывала отношенія частнаго землевладѣнія къ государственному. Къ концу XVII в. неудобство этого положенія дѣла ощущается съ достаточною ясностью; законодательство царей Алексѣя и Феодора стремится положить ему предѣлы, но въ этой сферѣ не удается создать что-нибудь прочное. Недостаточно была и юридическая организація поземельнаго кредита. Нѣкоторые законодательные постановленія въ области залога *недоимчивыхъ имуществъ* мы имѣемъ отъ первой половины разсматриваемаго періода. Въ 1557 г. право заимодавца — залогодержателя пахать землю за ростъ было ограничено пятилѣтнимъ срокомъ, по истеченіи котораго должникъ могъ взять отчину себѣ, съ уплатой въпредъ одной пятой части долга ежегодно и съ ограниченіемъ права распоряженія; въ случаѣ нарушенія этихъ условій, земля снова переходила къ кредитору. Ко времени Уложенія право владѣнія кредитора заложеной отчиной—но, кажется, не за ростъ, который былъ запрещенъ Уложеніемъ, а вмѣсто уплаты должныхъ денегъ,—остается въ силѣ. При неисправности залогодателя закладная кабала по прежнему превращалась въ купчую безъ всякой доплаты, а заложенное имущество, послѣ справокъ о неуплатѣ денегъ, записывалось въ помѣстномъ приказѣ за кредиторомъ.

Гражданскій оборотъ. Въ области *обязательнаго права* московскаго періода господствующій интересъ по прежнему представляли *долговые отношенія*. Усиленные требованія, предъявляемыя московскимъ государствомъ къ служилымъ людямъ, еще болѣе увеличили ихъ задолженность. Указомъ 25 дек. 1557 г. служилые люди, а вмѣстѣ съ ними и остальное населеніе, были освобождены отъ уплаты процентовъ по долговымъ обязательствамъ, и погашеніе долговъ заимодавцамъ изъ частныхъ лицъ было розсрочено на 5 лѣтъ. На будущее время установленъ былъ законный ростъ въ 10% съ суммы долга, взамѣнъ прежнихъ 20%. Вплоть до Уложенія возможно было заключеніе долговыхъ обязательствъ словес-

ныхъ или обложенныхъ въ простую письменную форму «записи» или «памяти». Господствующей формой, наиболѣе обезпечивающей строгость взысканія, является, однако, старая *закладная кабала*, получающая дальнѣйшую законодательную разработку. Она должна быть написана площадными подъячими и скрѣплена, смотря по суммѣ, 2—6 свидѣтелями. Написанная собственноручно или своимъ челоувѣкомъ по приказу господина и подписанная кабала имѣла силу одинаковую съ написанной площадными подъячими. Для актовъ ниже 10 рублей были установлены обложенныя формы. Результатомъ неисправности по кабаламъ было принудительное взысканіе въ видѣ *правовка* (см.), повидимому, неизвѣстнаго раннему праву, и «выдачи головою до искупа» (см.), обращающей всѣхъ должниковъ, за исключеніемъ служилыхъ людей, въ кабалныхъ холоповъ на время уплаты долга. По «кабаламъ за ростъ служилыхъ» характерно для Моск. періода прекращеніе права должниковъ возвращать занятыя деньги и тѣмъ освободиться отъ кабалы или перемѣнить кабалу одного лица на кабалу у другого. Кабалный холопъ сталъ крѣпокъ лично заимодавцу сперва одинъ, а потомъ и съ дѣтми. Въ XVII в. служилая кабала за ростъ вырождается въ фиктивную формальную сдѣлку, не сопровождавшуюся дѣйствительнымъ займомъ и имѣвшую цѣлью обратить свободнаго челоувѣка въ холопа. Въ концѣ вѣка такая фиктивная кабала замѣняется *житнейской записью*. Въ томъ же смыслѣ измѣняются отношенія *личнаго найма* и, въ частности, *найма въ крестьяне*. Указъ 1597 г. всякое личное услуженіе, длившееся болѣе полугода, обращать въ источникъ кабалнаго холопства. Царь Василій Шуйскій въ 1608 г. безъ согласія п совѣта боярской думы отменялъ постановленіе 1597 г. и запретилъ выдавать обязательныя кабалы на такихъ вольныхъ слугъ; но въ слѣдующемъ году боярская дума собственной властью отменяла этотъ указъ царя и возстановила дѣйствіе закона 1597 г. Уложеніе еще болѣе сократило срокъ свободной службы: давность полугодона была уменьшена до трехъ мѣсяцевъ. Характерной особенностью *крестьянскихъ порядковъ* второй половины XVI и XVII вв. составляетъ вещный характеръ устанавливаемого ими отношенія: прежде неисполненіе условій договора влекло за собою имущественную отвѣтственность, въ видѣ взысканія неустойки или убытковъ; теперь практикуется возвращеніе крестьянина на прежнее мѣсто. Крестьянскія порядки и ссудныя записи постепенно сближаются съ служилой кабалой, хотя отношенія господина къ кабалному (временному и личному) холопу были мягче, чѣмъ отношенія господина къ крестьянину, ставшему потомственно-крѣпкимъ господну челоувѣкомъ. Продажа нѣкоторыхъ предметовъ, особенно важныхъ въ государственной и сельскомъ хозяйствѣ—напр. лошадей—была подчинена правительственному надзору. Лошадь подлежитъ пятненію, при участіи особыхъ пятельщиковъ и съ записью въ книгу у дѣловальниковъ.

Семейныя отношенія въ Московскомъ государствѣ выясняются съ большей опредѣленностью, чѣмъ въ предыдущемъ періодѣ. Малая семья и здѣсь является господствующей, но въ крестьянскомъ быту—въслѣдствіе прикрѣпленія къ землѣ, а въ служиломъ—въслѣдствіе условій помѣстнаго землевладѣнія, она иногда разрастается въ большую, съ совмѣстными владѣніемъ землей въ опредѣленныхъ доляхъ. Не образуется, однако, союза болѣе широкаго въ юридическомъ смыслѣ, чѣмъ индивидуальная семья; родъ получаетъ лишь нѣкоторые права по выкупу и наслѣдованію имуществъ, а также по приобрѣтенію помѣстныхъ земель. Бытовыя отношенія главы семьи къ ея членамъ опредѣлены съ достаточной ясностью «Домостроемъ». Въ юридическомъ быту на первый планъ выступаетъ общность имущества мужа и жены, устанавливаемая обыкновенно родными записями, составляемыми при заключеніи брака. Существованіе общности видно и изъ предпочтительнаго права жены на вотчины, прибрѣтенныя во время существованія брака. Дѣти въ имущественномъ отношеніи подчинены отцу: они не имѣютъ права выкупа имущества, проданнаго отцомъ, ибо обязаны уважать его волю; они отвѣчаютъ своей личностью и имуществомъ за долги отца. Жена и дѣти до конца XVII в. отдаются головой до искупа вмѣстѣ съ дѣтьми; мужъ ищетъ въ кабаду съ женою и дѣтьми. *Личныя отношенія* мужа и жены, а также *родителей и отцевъ* законодательствомъ, кромѣ церковнаго, не регулируются. Памятники говорятъ о правѣ мужей и отцовъ на закладъ и отдачу въ услуженіе своихъ женъ и дѣтей; наказывается, въ концѣ XVII в., лишь убійство женъ и дѣтей, при чемъ убійство дѣтей влечетъ за собою кару лишь въ легкой сравнительно формѣ. Памятники полны свѣдѣніями о жестокости мужей и отцовъ и говорить лишь объ одной формѣ защиты: въ родныхъ записяхъ и сговорныхъ договорахъ, а также и особыхъ актахъ (поручныхъ), родственники выговариваютъ иногда обязательство мужа: «смирять жена своя повины и людски, а не безвѣчьемъ». За нарушение этихъ договоровъ судъ взыскиваетъ на виновномъ и его поручителяхъ. Есть указанія и на вмѣшательство духовной власти въ семейныя отношенія. Главной заботою послѣдней было принудить населеніе совершать церковный бракъ. Масса населенія долго ограничивалась въ установленіи брака обрученіемъ жены и своими свадебными обрядами, не прибѣгая къ вѣчанію. Этому способствовала, можетъ быть, сложность требованій, установленныхъ русскою церковью въ московскій періодъ для заключенія брака, особенно необходимостью получить «вѣчную память» отъ архіерея и уплатить много брачныхъ сборовъ. Правила о разводѣ свидѣлствуютъ о преобладающемъ положеніи мужа сравнительно съ женою.

Наслѣдственное право московскаго періода богаче нормами, чѣмъ другіе отдѣлы. Оно проводитъ послѣдовательно право дочерей на наслѣдство въ случаѣ отсутствія сыновей, предпочтительно передъ братьями наслѣдодателя. Въ жалованныхъ отчинахъ и помѣстьяхъ

прожиточныя части дочерей и женъ приближаются къ наслѣдственнымъ. Однако, наслѣдованіе женщинъ не дѣлаетъ ихъ собственницами имущества; послѣ нихъ оно идетъ въ родъ ихъ отца, если они не оставили нисходящихъ. Кругъ *бокового родства* («ближняго рода») расширяется сперва до четвертой степени, а затѣмъ и далѣе (указъ 1560 г.); но изъ постановленій послѣдней четверти вѣка (новоук. ст. 1676 г.) видно, что и послѣ этого указа боковое наслѣдованіе было ограничено. Особенно важнымъ является ограниченіе наслѣдственнаго права женщинъ: сестры при братьяхъ не наслѣдуютъ. При наслѣдникахъ-мужчинахъ разныхъ поколѣній и степеней всѣ имѣютъ одинаковое право наслѣдованія. Боковые родственники наслѣдуютъ въ *родовыхъ вотчинахъ*. Вотчины, купленные изъ казны, поступаютъ въ собственность женъ, какъ общее прибрѣтеніе во время замужества. Отчины, пожалованныя за службу, даются вдовамъ въ пожизненное владѣніе, во многихъ случаяхъ уравнивавшееся съ собственностью, такъ какъ вдовамъ часто представлялось право продажи, залога и отдачи такихъ вотчинъ по душѣ. Указъ 1627 г. далъ выслуженнымъ вотчинамъ значеніе родовыхъ, такъ что послѣ его изданія жены наслѣдовали лишь *купле*. Значеніе *завѣщанія*, въ виду опредѣленія правъ на отчины, за исключеніемъ купленныхъ, въ интересахъ службы, сильно сокращается.

4. *Петербургскій періодъ* выступаетъ съ цѣлымъ рядомъ новыхъ принциповъ гражданскаго права, появленіе которыхъ обусловливается, прежде всего, коренными измѣненіями въ строй государственной службы и землевладѣнія, установленіемъ сословнаго начала, проникнутаго крѣпостными тенденціями, измѣненіемъ и развитіемъ формъ промышленности, постепеннымъ освобожденіемъ частной жизни отъ государственной опеки, съ одной стороны, и возрастающей заботой законодательства о нѣкоторыхъ сторонахъ гражданско-правовой жизни—съ другой.

Формы обладанія. Образовавшіяся въ XVII вѣкѣ два направленія, стремившіяся каждое подчинить своему исключительному вліянію развитіе поземельнаго обладанія: государственное и частно-владѣческое—вступаютъ между собою въ рѣзкую борьбу въ XVIII стол. подъ вліяніемъ политическихъ, финансовыхъ, военныхъ и экономическихъ условий. Указъ объ единонаслѣдіи 1714 г. окончательно уравниваетъ помѣстья и вотчины, утверждая ихъ наслѣдственность въ опредѣленныхъ родахъ и исключая доступъ къ однажды розданнымъ помѣстьямъ новыхъ служилыхъ людей. Съ другой стороны онъ удерживаетъ обязанность государственной службѣ, уже не только военной, но и гражданской, для всѣхъ дворянъ, независимо отъ того, владѣютъ они или нѣтъ помѣстьями и отчинами. Предписанія оставляя недвижимыя имѣнія только одному наслѣднику, Петръ дѣлаетъ это въ интересахъ побужденія обезземеленныхъ дворянъ къ службѣ. За этой общей мѣрой слѣдуетъ рядъ другихъ, имѣющихъ цѣлью распространить права государства на отдѣльные объекты частнаго земельного обладанія. Въ началѣ XVIII в. издается

рядъ указовъ, ограничивающихъ для помѣщиковъ и вотчинниковъ право пользованія лѣсами, примѣнительно къ нуждамъ кораблестроенія. Ограниченія касались не только рубки лѣса, но и пользования имъ въ другихъ отношеніяхъ, напр., какъ выгономъ. Помѣщики принуждались къ искусственному древонасажденію (посѣвъ дубовыхъ рощъ). Правительство поддерживаетъ свое право вѣзда въ частные лѣса и предоставленія его другимъ лицамъ, существовавшее еще въ Московскомъ государствѣ. Кроме установленія особыхъ заповѣдныхъ лѣсовъ, Петръ даетъ право соотвѣствующимъ вѣдомствамъ рубить лѣсъ для ихъ нуждъ вездѣ, гдѣ они найдутъ подходящій, не различая частныхъ и казенныхъ имѣній. Въ виду дороговизны дровъ въ Петербургѣ Петръ въ 1719 г. разрѣшаетъ свободную рубку дровъ около Петербурга въ частныхъ владѣніяхъ. Ограничиваются также права частныхъ владѣльцевъ на нѣдра земли: каждому предоставляется право искать руду какъ на казенныхъ (свободныхъ), такъ и на частныхъ земляхъ; при нахожденіи руды частныя земли могли быть экспропрированы въ интересахъ рудопромышленника. Ограниченіемъ подвергается, далѣе, ловля жемчуга, пользование разнаго рода угодьями (въ частности—рыбной ловлей), постройка мельницъ и постоянныхъ дворовъ, охота и т. д. Большая часть подобныхъ мѣръ не имѣла серьезнаго успѣха, но, вмѣстѣ съ конфискаціями, съ постояннымъ отнятіемъ у служилыхъ людей ихъ владѣній за проступки по службѣ или для казенныхъ надобностей, онѣ приучили населеніе къ мысли о возможности всякаго рода нарушеній частной собственности. «Правосознаніе» XVIII в. въ этомъ отношеніи является очень смутнымъ. Въ разныхъ ходатайствахъ о льготѣхъ, напр. въ наказахъ депутатамъ Екатерининской комиссіи, постоянно встрѣчаются просьбы объ отобраніи земель для расширенія дворовъ, о закрытіи фабрикъ и заводовъ, истребляющихъ лѣсъ и потому поднимających на него цѣну, объ обязательствѣ покупать лѣсъ не въ окрестностяхъ городовъ, а въ другихъ болѣе отдаленныхъ пунктахъ и т. д. Не смотря на это, XVIII в. долженъ быть признанъ создателемъ современнаго понятія о *частной собственности, какъ основной формѣ обладанія*. Необходимое, въ видахъ увеличенія госуд. доходовъ, правильное веденіе земледѣльческаго хозяйства, подъ руководствомъ помѣщиковъ—этихъ «ста тысячъ даровыхъ полицеймейстеровъ»—требовало установленія болѣе постоянныхъ и опредѣленныхъ ихъ отношеній къ землѣ, къ правительству, къ сосѣдямъ, т. е. юридической организаціи землевладѣній, совершенно парализованной тѣми попытками вѣшатства, которыя предпринималъ Петръ. При Анніѣ Иоанновнѣ отменяется указъ объ единонаслѣдіи; Екатерина II предоставляетъ охраненіе лѣсовъ самимъ помѣщикамъ, уничтожаетъ свободную рубку дровъ подъ Петербургомъ и возстановляетъ право помѣщиковъ на нѣдра земли. Неурядица въ пограничныхъ отношеніяхъ помѣщиковъ между собою съ казною вызываетъ несравненно лучшую, чѣмъ въ XVII вѣкѣ, организацію

государственнаго межеванія. Заботы правительства о путяхъ сообщенія, въ связи съ межеваніемъ, содѣйствуютъ разграниченію частнаго обладанія отъ общаго, установленіемъ большихъ и малыхъ публичныхъ дорогъ, частныхъ дорожныхъ легальныхъ сервитутовъ, безчерниковъ и т. д. Освобожденіе дворянъ отъ службы окончательно укрѣпляетъ понятіе частной собственности, или, вѣрнѣе, пока еще словнаго «недвижимаго населеннаго имѣнія», рядомъ съ которымъ существуетъ свободная городская собственность на дворы, а также нѣкоторыя виды условныхъ владѣній (поземельные надѣлы мелкихъ служилыхъ людей, госуд. крестьянъ, казаковъ, солдатъ и инородцевъ). Тогда же устанавливается и современное дѣленіе недвижимыхъ имуществъ на родовыя и благопріобрѣтенныя, являющіяся компромиссомъ между старой связанностью имуществъ и потребностями свободнаго оборота. Особныя формы землевладѣнія создаются на пустыхъ земляхъ Малороссіи и Новороссіи и переходятъ къ намъ вмѣстѣ съ землями, пріобрѣтенными отъ Польши (см. Чиншевое право). Не заинтересованное болѣе въ правильномъ переходѣ изъ рукъ въ руки недвижимыхъ имуществъ, ставшемъ дѣломъ частнаго соглашенія, государство устраняетъ прежнее значеніе *справки* имѣнія за пріобрѣтателями и ограничивается формальной повѣркой актовъ пріобрѣтенія и сборомъ крѣпостныхъ пошлинъ. Акты на имѣнія составлялись на мѣстахъ, а записка ихъ и повѣрка принадлежала вотчинной коллегіи. Съ 1714 г. къ мѣстнымъ крѣпостнымъ дѣламъ было пріурочено и взысканіе пошлинъ. Такимъ образомъ процессъ совершенія актовъ и ихъ повѣрки отделился отъ процесса ихъ укрѣпленія; стороны, опасаясь хлопотъ и расходовъ, стараются избѣгать послѣдняго акта или пользуются имъ ради противоправныхъ цѣлей. По словамъ одного изъ наказовъ Екатерининской комиссіи, «ино лице, зная, что данное имѣніе уже продано, вводитъ въ службу съ продавцомъ, совершаетъ вторую купчую и немедленно отправляетъ записку ея въ книгу вотчинной коллегіи; первый же покупатель, не зная объ этомъ за дальностью своего жительства отъ Москвы, представляетъ купчую же явкъ уже послѣ той записки и, согласно правиламъ уложенія, то имущество справляется не за нимъ, а за тѣмъ, кто предьявилъ купчую раньше» (Наказамъ). Другія слабыя стороны организаціи обладанія недвижимостями тоже выясняются изъ Наказовъ. Недостаетъ, прежде всего, правильной защиты *владѣній*. Указы первой половины вѣка борются съ нарушителями чужого обладанія и запрещаютъ всякое самоуправство, но не отдѣляютъ защиты владѣній отъ защиты собственности. Наказы богаты подробностями о насиліяхъ и захватахъ, чинимыхъ сильными людьми по отношенію къ землямъ болѣе слабымъ и мелкимъ помѣщиковъ. Липш со второй половины вѣка посессорная защита отдѣляется отъ петиторной, но послѣдовательнаго и детальнаго развитія института владѣнія русское законодательство не даетъ даже и въ современныхъ гражданскихъ законахъ. Крайняя чрезвычайность, происхо-

дающая отъ дробленія имуществъ при наслѣдованіи, отсутствіи системы сервитутовъ, особенно дорожныхъ, недостаточное отдѣленіе индивидуальнаго обладанія отъ общаго по отношенію къ лѣсамъ, водамъ и нѣдрамъ земли содѣйствуютъ неясности вещныхъ правъ на землю. Давность, вмѣсто того чтобы служить къ укрѣпленію обладанія, является новымъ стимуломъ къ захватамъ, сравнительно легкимъ при неустроенной системѣ приобритенія собственности.

Область *гражданскаго оборота* въ XVIII стол., какъ и въ Московскомъ государствѣ, меньше другихъ интересовала законодательство, но и въ ней можно прослѣдить тѣже два основныхъ теченія, которыя характеризуютъ развитіе формъ обладанія. Первое стремится поставить подъ строгій надзоръ закона частную волю, проявляющуюся въ юридическихъ сдѣлкахъ, направляя ее къ интересамъ государственной казны и препятствуя достиженію цѣлей, которыя шли-бы въ разрѣзъ съ мѣропріятіями правительства по отношенію къ имуществамъ частныхъ лицъ. Отсюда крайнее стѣсненіе гражданскаго оборота, въ отношеніи лицъ, предметовъ и формъ. Въ половинѣ вѣка было издано распоряженіе, ограничивавшее обязательственные права всѣхъ провинціальныхъ, уѣздныхъ и городскихъ администраторовъ въ области сдѣлокъ, совершаемыхъ ими въ мѣстахъ ихъ службы; они имѣли право лишь покупать дома для жительства, а не для иныхъ, промышленныхъ или спекулятивныхъ цѣлей. Требованіе наличности въ обязательствѣ, кромѣ свободной воли, еще и «побудительной причины», переходило въ XVIII ст. въ требованіе указанія въ сдѣлкѣ *мотивовъ* ея совершенія. Злоупотребленія, связанныя съ такимъ требованіемъ, еще въ 1729 г. побудили къ его отміну. Главнымъ общимъ стѣсненіемъ оборота было требованіе *крѣпостнаго порядка* совершенія *всякаго рода актовъ*, установленное Петромъ I въ фискальныхъ сдѣлкахъ,—требованіе, исполненіе котораго вело къ тѣлому ряду формальностей, часто превосходившихъ цѣну сдѣлки или налагавшихъ на контрагентовъ несоотвѣтствующія этой цѣнѣ жертвы. Всѣ эти ограниченія вызывали со стороны частныхъ лицъ, противодѣйствіе, выражавшееся во всевозможныхъ обходахъ законныхъ предписаній и парализовались мѣрами самого правительства, стремившигоса къ развитію торговли и промышленности. По воинскому уставу, напр., къ числу письменныхъ доказательствъ отнесены были (съ силой полковнаго доказательства) и домашніе акты—купеческія книги и письма, духовныя завѣщанія и договоры; военные люди могли, поэтому, не совершать нѣкоторыхъ актовъ у крѣпостныхъ дѣлъ. Регламентомъ главному магистрату Петръ I установилъ во всѣхъ большихъ городахъ институтъ маклеровъ, на обязанности которыхъ лежало участіе во всѣхъ торговыхъ договорахъ; ихъ журналы имѣли значеніе, равное судебнымъ протоколамъ. Въ 1729—31 г. было разрѣшено составлять на дому духовныя завѣщанія и приданыя росписи. Уставъ о векселяхъ 1729 г. дозволялъ писаніе векселей

въ домахъ и даже безъ свидѣтелей, чѣмъ были въ значительной степени вытѣснены изъ оборота крѣпостныя заемныя письма безъ заклада и залога. При Екатеринѣ II и въ области обязательственнаго права замѣтенъ явный поворотъ къ освобожденію частныхъ сдѣлокъ отъ стараго стѣснительнаго правительственнаго контроля. Совершеніе крѣпостныхъ актовъ осталось обязательнымъ лишь для оборота недвижимостей; для прочихъ актовъ созданы нотаріальный (маклерскій) и явочный порядки, отличающіеся отъ теперешнихъ лишь большими формальностями; нѣкоторые явочные акты (духовныя завѣщанія, вѣрующія письма, отпуски и др.) должны были обязательно являться въ мѣстахъ, вѣдавшихъ крѣпостныя дѣла. Признавъ необходимость отдѣленія сферъ частной и государственной дѣятельности, законодательство не нашло возможнымъ взять въ свои руки иного рода надзоръ за оборотомъ—выработку юридическихъ формъ его, дополняющихъ частную волю или направляющихъ ее согласно требованіямъ общаго блага и интересамъ третьихъ лицъ. Въ теченіе XVIII и въ первой половинѣ XIX в. тщетно было-бы искать въ русскомъ правѣ разработанной системы отдѣльныхъ обязательствъ, съ точнымъ распредѣленіемъ между контрагентами субъективныхъ правъ и обязанностей. Были приняты только отдѣльные мѣры относительно отвѣтственности по закладнымъ, продажи заложенныхъ имуществъ, найма имуществъ и личнаго, отдача на сохраненіе. Гражданскій оборотъ не былъ обширенъ и съ трудомъ отливался въ новыя гражданско-правовыя формы, о чемъ можно судить по двумъ примѣрамъ. Стремясь регулировать залоговыя отношенія, законодательство въ 1737 г. уничтожаетъ старое правило объ обращеніи закладной въ купчую при неуплатѣ долга и замѣняетъ этотъ порядокъ публичными торгами, съ цѣлымъ рядомъ предварительныхъ мѣръ. Въ 1744 г. пришлось, однако, восстановить старое правило объ обращеніи закладной въ купчую, ибо публичные торги оказались еще менѣе пригодными. Только банкротскій уставъ 1800 г. установилъ новый порядокъ окончательно. Введеніе векселей, обезпечивавшихъ и въ тоже время обогатившихъ оборотъ, долго не прививалось къ русской жизни. Строгость взысканія, дававшая векселю предпочтеніе передъ долгами обезпеченными залогомъ, нарушала права залогопринимателей, и дворяне просягъ Екатерининскую комиссію объ измѣненіи этого порядка; въ ту же комиссію поступило ходатайство купцовъ, жаловавшихся, что выдача векселей безъ обезпеченія имуществомъ и явки векселей въ городскія управленія для наложенія запрещеній на имущества вѣдетъ къ массѣ злоупотребленій. Оборотъ могъ двигаться въ формѣ тяжелаго реального кредита, но не личнаго, даже для купцовъ.

Въ области *семейнаго права* петербургскій періодъ продолжаетъ заботиться о правильныхъ формахъ заключенія брака. Петръ борется съ принужденіемъ ко вступленію въ бракъ, отмѣняетъ обязательную силу обрученія, лишаетъ юридическаго значенія брачныя неустойки

(заряды), разрѣшаетъ смѣшанные браки, устанавливаетъ нѣкоторыя другія формальности, но въ то же время пользуется брачнымъ законодательствомъ для политическихъ цѣлей (запрещеніе брака «дуракамъ» и неграмотнымъ дворянамъ). Меньше всего обращалось вниманія на личныя имущественныя отношенія супруговъ. Въ концѣ вѣка порывы были опредѣлены въ уставѣ благочинія моральными сентенціями, вошедшими въ современные законы гражданскіе. Форма имущественныхъ отношеній оставалась неопредѣленной: рядомъ съ указами, устанавливавшими полную дѣеспособность женъ въ распоряженіи своими личнымъ и приданымъ имуществомъ, идетъ практика, не разрѣшавшая женамъ безъ дозволенія мужей писать купчихъ и закладныя, а также договоры о приданомъ (рядныя записки), писавшіяся на имя мужа и какъ-бы передававшіе имущество жены въ его собственность. И въ самомъ законодательствѣ не разъ высказывалась мысль объ общности имущества у супруговъ (признаніе недействительными купчихъ и закладныхъ между супругами въ 1780 г. и др.). Законъ о раздѣльности имущества, дѣйствующій теперь, создался случайнымъ образомъ и не можетъ считаться продуктомъ историческаго развитія. Столь же неопредѣленны личныя и имущественныя отношенія родителей и дѣтей. И по отношенію къ дѣтямъ уставъ благочинія довольствуется нравственными сентенціями, вмѣсто точнаго опредѣленія правъ отца и ихъ ограниченій, а учебники гражд. права конца вѣка опредѣляютъ эти отношенія положеніями катихизиса. Имущественная самостоятельность была признана за «отдѣленными» дѣтьми, но понятіе послѣднихъ и ихъ отличія отъ неотдѣленныхъ не были точно установлены, и эта неясность перешла въ современное право. Большіимъ прогрессомъ должна быть признана организація опеки (при Екатеринѣ II), до тѣхъ поръ почти нетронутой законодательствомъ. *Наслѣдственное право* стоитъ въ тѣсной связи съ одной стороны съ новыми законами о формахъ обладанія, съ другой — съ старыми порядками перехода имущества, обязанныхъ государственной службой. Современный русскій порядокъ наслѣдованія стоитъ въ тѣсной исторической связи съ постановленіями XVIII в.; ими объясняются его противорѣчія, несообразности и недостатки (см. ниже).

5. *Современное русское гражданское право* по составу своего главнаго источника—т. X ч. 1-й Свода Законовъ—непосредственно примыкаетъ къ только что описанному историческому развитію, отражая на себѣ всѣ его недостатки и пробѣлы, не смотря на то, что по своей формѣ сводъ гражд. законовъ является заимствованіемъ изъ иностранныхъ кодексовъ конца XVIII и начала XIX вв. Новые законы и уставы, появившіеся съ конца 50-хъ гг., и судебная практика, выросшая при дѣйствіи «Судебныхъ уставовъ императора Александра II», въ значительной степени преобразовали старое право и создали, отчасти, новую систему, далеко, впрочемъ, не свободную отъ недостатковъ. Судебная практика могла восполнить многіе пробѣлы закона въ

составѣ и разработкѣ юридическихъ нормъ, но она не могла ни создать *учрежденій*, необходимыхъ для правильной организаціи юридическаго быта, ни придать опредѣленность юридическимъ формамъ обладанія и оборота тамъ, гдѣ сама жизнь противодействовала этой опредѣленности. Не могла, далѣе, судебная практика сдѣлать въ одно цѣлое двѣ разрозненныя группы русскаго гражданскаго общества: крестьянскую, руководствующуюся обычнымъ правомъ, и привилегированную, для которой прежде всего и была составлена 1-я часть X-го тома. Въ концѣ 1880-хъ гг., къ тому же, совершенно былъ огромный шагъ назадъ въ развитіи права, путемъ раздѣленія судебной практики на два теченія: одно, совершающееся въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ и имѣющее послѣднимъ источникомъ правительствующій сенатъ, и другое, основаніе котораго являются земскіе начальники, съ верховной инстанціей въ видѣ губернскихъ присутствій.

Формы обладанія. Признавая основною формой обладанія индивидуальную собственность, русское законодательство не даетъ этому институту детальнаго развитія ни въ смыслѣ точнаго опредѣленія правомочій собственника, ни въ смыслѣ созданія и послѣдовательной разработки сосѣдскихъ правъ и сервитутовъ, ни въ смыслѣ точнаго опредѣленія объекта собственности, способовъ ея приобретенія и укрѣпленія, а также и ея защиты путемъ прямыхъ исковъ и особенно путемъ детальнаго развитія института владѣнія. Опредѣляя собственность какъ полное и исключительное обладаніе вещью, русскіе гражданскіе законы не содержатъ, однако, нормъ, ясно отдѣляющихъ это исключительное обладаніе лица отъ объектовъ *права пользованія общимъ* (см.) и сами называютъ право собственности, такъ или иначе, соприкасающееся съ этими правами, правомъ собственности неполной. Изъ формъ записаннаго владѣнія русская жизнь знаетъ, въ сущности, лишь одну — *чистое владѣніе*, признанное закономъ 1889 г. подлежащимъ уничтоженію въ главныхъ мѣстахъ его распространенія (въ Юго-западномъ краѣ), какъ не соответствующее современному экономическому быту. Государство, однако, само устанавливаетъ условное вѣчно-наслѣдственное пользованіе или владѣніе разнаго рода поселенцевъ, въ видахъ обезпеченія ихъ участіи или заселенія участковъ пустой земли. У насъ, поэтому, представляется еще невозможнымъ установить въ полной силѣ правило, по которому индивидуальная собственность можетъ терпѣть рядомъ съ собою только сервитуты. Наши законы даютъ примѣрное перечисленіе нѣкоторыхъ сервитутовъ, подъ видомъ правъ *участія частнаго и удобій въ чужихъ имуществѣхъ*, но ничего не говорятъ о томъ, до какихъ предѣловъ возможно обремененіе частныхъ имѣній договорными сервитутами, и молчатъ даже о способахъ ихъ установленія и прекращенія. На практикѣ встрѣчаются, поэтому, сервитуты, установленные нотаріальнымъ и крѣпостнымъ порядкомъ, идущіе въ предоставленныхъ имъ правомочіяхъ далѣе нормальнаго понятія

сервитута и стѣсняющіе права всѣхъ послѣдующихъ обладателей имѣнія. Русское индивидуальное обладаніе не охранено также достаточнымъ образомъ по отношенію къ ближайшимъ сосѣдямъ. Лишь нѣкоторые виды *сосѣдскихъ правъ* установлены закономъ; многіе другіе, особенно отношенія, регулируемыя на Западѣ *воднымъ правомъ* (см. Водовладѣніе, VI, 760), почти совсѣмъ не затронуты законодательствомъ. Полному проведенію въ жизнь современныхъ понятій объ индивидуальной собственности на недвижимость препятствуетъ сохранившееся до сихъ поръ дѣльное имѣніе на *родовыя и благопріобрѣтенныя*, затрудняющее обращеніе имѣній и часто заставляющее пріобрѣтать къ фиктивнымъ сдѣлкамъ. Наконецъ, русское право сохраняетъ видъ обладанія имуществомъ, противоположный индивидуальному обладанію—*общинное землевладѣніе* крестьянъ, весьма неопредѣленное по своей организаціи. Борьба различныхъ жизненныхъ теченій, направляющая русскую поземельную политику, ведетъ не только къ сохраненію заповѣдныхъ имѣній, но и къ установленію вновь (закономъ 1899 г.) имѣній временно-заповѣдныхъ. Многія формы обладанія, напр. пользованіе, остаются совсѣмъ нетронутыми законодательствомъ; одной для судебной практики по отношенію къ пользованію должны служить спеціальныя постановленія со пожизненнымъ владѣніемъ родовымъ имѣніемъ, предоставленнымъ однимъ супругомъ другому по духовному завѣщанію. Редакціонная коммиссія по составленію новаго гражд. уложенія, издавшая въ 1893 г. проектъ вотчиннаго устава, признаетъ существующій порядокъ пріобрѣтенія и укрѣпленія правъ на недвижимое имущество одною изъ слабыхъ сторонъ нашихъ дѣствующихъ законовъ; начиная съ 50-хъ годовъ вопросъ о преобразованіи этой части законодательства путемъ введенія правильной вотчинной системы является предметомъ непрерывныхъ заботъ законодательной власти, но онъ не увѣнчался успѣхомъ: вышеупомянутый проектъ остается до сихъ поръ не утвержденнымъ. Недостатки существующей системы, по словамъ той же коммиссіи, «заключаются частью въ отсутствіи надлежащимъ образомъ организованной гласности земельныхъ правъ и въ сложности и дороговизнѣ производства по совершенно сдѣлокъ о недвижимомъ имуществѣ, частью же затрываютъ самое существо земельныхъ правоотношеній, выражаясь въ юридической неопредѣленности и непрочности правъ, также въ излишнихъ стѣсненіяхъ относительно распоряженія ими». *Вводъ во владѣніе*, въ смыслѣ окончательнаго реальнаго укрѣпленія правъ на недвижимость, потерялъ практическое значеніе; новый пріобрѣтатель всегда рискуетъ встрѣтить владѣльца по давности, претендующаго на все или часть имѣнія. *Объектъ недвижимой собственности*, вслѣдствіе недостатковъ и устарѣлости генеральнаго и спеціальнаго *межеванія* и отсутствія кадастра, у насъ также неопредѣленъ точно, и акты, хранящіеся у старшаго нотаріуса, не гарантируютъ дѣйствительнаго состава обладанія. *Виндикаціонный искъ*, раз-

работанный гражданскими законами въ деталяхъ по отношенію къ ответственности добросовѣстнаго и недобросовѣстнаго владѣльца, является у насъ ничѣмъ не ограниченнымъ, кромѣ давности срока, и пріобрѣтатель всегда рискуетъ быть вовлеченнымъ въ споръ. Кредиторъ, дающій деньги подъ залогъ имѣнія, не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что имѣетъ дѣло съ дѣйствительнымъ собственникомъ имѣнія и, слѣдовательно, рискуетъ дѣйствительностью сдѣлки. Самая организація *залоговыхъ отношеній* также полна недостатковъ. Проектъ новаго вотчиннаго устава желаетъ введенія у насъ западноевропейскихъ началъ т. наз. ипотечной системы, но со многими ограниченіями. Болѣе рѣшительныя реформы встрѣчаютъ препятствіе въ неподготовленности къ нимъ русскаго землевладѣнія и невозможности предпринять теперь же необходимые подготовительныя мѣры въ видѣ кадастра, принудительныя записи всѣхъ имѣній и т. п. *Защиту владѣнія* судебные уставы предоставили мировому суду, а затѣмъ она перешла къ органамъ, его замѣнявшихъ. Но въ гражданскихъ законахъ теорія владѣнія совершенно неразработана. Нельзя сказать съ достовѣрностью защищать ли русскій гражданскій законъ владѣніе движимостью рядомъ съ владѣніемъ недвижимостью? защищать ли онъ только владѣніе въ видѣ собственности или и держаніе *alioquin nomine* (напр. арендатора)? Имъ не опредѣлено съ точностью, въ чемъ состоитъ нарушеніе владѣнія, подлежащее защитѣ.

Защита обладанія *движимостью* устанавливается закономъ, гласящимъ, что «движимыя вещи считаются собственностью того, кто ими владѣетъ, доколѣ противное не будетъ доказано». Затѣмъ существуетъ рядъ постановленій о правѣ *полнаго и неполнаго пользованія* движимыми вещами, какъ видахъ *вещнаго права*, и объ «особыхъ видахъ» этого пользованія. Не смотря на неопредѣленность и неполноту закона, изъ толкованій сената возникла послѣдовательная система нормъ обладанія, которую и руководствуются теперь суды. По отношенію къ *собственности* проведены послѣдовательно начала полноты и исключительности обладанія; право собственности рѣзко отграничено отъ чиншеваго права и другихъ видовъ временнаго и наслѣдственнаго владѣнія. *Владѣніе, отдѣльное отъ права собственности*, сдѣлалось въ толкованіи сената, и совершенно правильно, лишь *вещнымъ правомъ* пользованія, а *право распоряженія, отдѣльное отъ права собственности*, стало или правомъ управленія по законному или договорному правомочію (опека, доверенность), или сдѣлось съ ограниченіемъ права распоряженія, обусловленными запрещеніями, лежащими на имѣніи. Въ то же время выдвинуто и понятіе *неполной, ограниченной условіями собственности*, находящейся въ рукахъ *поссессионныхъ владѣльцевъ*, государственныхъ крестьянъ и другихъ владѣльцевъ, такъ какъ подведеніе ихъ подъ простое пользованіе было-бы нарушеніемъ правъ владѣльцевъ. Далѣе, сенатъ точнѣе опредѣляетъ право пользованія общаго, а другіе виды общаго обладанія частныхъ лицъ сводитъ къ

различію собственности и сервитута, создавая сельскіе сервитуты пастьбы скота, водопоя и др. Устраняя давностное пріобрѣтеніе сервитутовъ и проводя начало исключительнаго законнаго и договорнаго ихъ установленія, съ уврѣпленіемъ ихъ одинаковымъ съ собственностью порядкомъ, сенатъ подчиняетъ этимъ самымъ возникновеніе правъ въ чужой вещи контролю государственной власти и суда, чѣмъ въ значительной степени пресѣкается возможность установленія, подъ видомъ «правъ участія частнаго» и «угодій въ чужихъ имуществахъ», такихъ вещныхъ правъ, которыя искажаютъ самое право собственности. Недостатки въ организаціи современной системы укрѣпленія парализуютъ, впрочемъ, въ значительной степени старанія суда, такъ какъ старшіе нотаріусы иногда укрѣпляютъ именно такіа права подъ видомъ сервитутовъ. Къ заслугамъ нашей судебной практики въ области сервитутнаго права принадлежитъ также признаніе извѣстнаго европейскимъ кодексамъ сервитута, установленнаго волей стараго собственника строенія (сервитутъ оконъ въ домахъ, построенныхъ на одномъ дворѣ и потомъ проданныхъ врозь). Не дозволяя установленія сервитутовъ по давности, сенатъ признаетъ, однако, давностное прекращеніе сервитутовъ, въ чемъ опять видна тенденція ограничить права этого рода. Наоборотъ, по отношенію къ дозволимымъ сервитутамъ проводится возможная широта возвращенія (сервитутъ свѣта; рѣш. № 64, 1895 г.). Въ области *сосѣдскихъ правъ* сенатомъ подробно разработанъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ имѣній по поводу пониженія и повышенія уровня проточныхъ водъ и связаннаго съ ними подтопа прибрежной земли, права прохода и проѣзда, возведенія строеній на межахъ и др., но оставленъ безъ разработки рядъ другихъ (рытье ямъ, вредящихъ сосѣду, отношенія по стоящимъ на межахъ деревьямъ и т. п.). Толкуя раздѣленіе имуществъ на родовыя и благопріобрѣтенныя, судебная практика стремится установить понятіе родового имѣнія согласно точному смыслу закона, не придавая ему распространительнаго толкованія; она признаетъ, напр., благопріобрѣтеннымъ имѣніе, подаренное члену рода, исключая изъ понятія родового имущества всѣ объекты, кромѣ земель и домовъ на собственной землѣ и сильно и колеблется по вопросу о признаніи родовыми имуществъ, перешедшихъ по выдѣлу и даннымъ въ приданое. По отношенію къ крестьянскому имуществу, судебная практика не признаетъ *общей семейной собственности на крестьянскій дворъ*, считая домохозяйна единственнымъ распорядителемъ, а *общинное владѣніе* стремится утвердить на понятіи юридическаго лица. Не обладая правомъ измѣнять учрежденія и не имѣя косвенныхъ къ тому средствъ, судебная практика въ области порядка укрѣпленія вещныхъ правъ стремилась установить однообразный порядокъ оценки различныхъ актовъ и дѣйствій, входящихъ въ составъ современной системы, и выяснить соотношенія договорнаго (пріобрѣтательнаго) и укрѣпительнаго элементовъ, значеніе акта традиціи и ввода во владѣніе. Послѣ попытокъ примирить юридиче-

ское значеніе послѣдняго съ силою утвержденныхъ и отмѣченныхъ въ реестрѣ крѣпостныхъ дѣлъ купчихъ и др. актовъ, практика пришла къ убѣжденію, что центромъ тяжести въ укрѣпительномъ процессѣ должно быть внесеніе актовъ въ реестръ крѣпостныхъ дѣлъ, чѣмъ была отмѣнена юридическая сила ввода во владѣніе. Въ области *залоговыхъ отношеній* заслугою практики является признаніе законности совершенія нѣсколькихъ закладныхъ на одно и тоже имущество, что необходимо по условіямъ современнаго оборота. Въ области защиты владѣнія судебной практикой принадлежитъ установленіе опредѣленныхъ точекъ зрѣнія на всѣ почти вопросы, связанныя съ догмой владѣнія. Особенно слѣдуетъ отмѣтить здѣсь защиту, рядомъ съ собственникомъ, и арендатора, отказъ въ защитѣ владѣнія движимости посессорными исками, установленіе состава нарушенія владѣнія. Въ защитѣ *обладанія движимостію* сенатъ также становится на точку зрѣнія современнаго оборота, сперва изымая отъ виндикаціоннаго иска нѣдаго ряда объектовъ движимаго обладанія, а затѣмъ и проведеніемъ того взгляда, что лишь недобросовѣстное пріобрѣтеніе движимости даетъ право на виндикаціонный искъ, добросовѣстный же владѣлецъ имѣетъ предпочтительную передъ собственникомъ защиту.

Гражданскій оборотъ въ теченіе XIX в., особенно второй его половины, необыкновенно возросъ сравнительно съ XVIII в. Между тѣмъ юридическимъ его руководителемъ до сихъ поръ остаются постановленія объ обязательствахъ, основанныя на старыхъ указахъ XVIII в. и полныя пробѣловъ въ самыхъ существенныхъ чертахъ. Въ напечатанномъ недавно (въ «Вѣстникѣ Права») проектѣ постановленій объ обязательствахъ, какъ составной части будущаго гражданскаго уложенія, составители его такъ характеризуютъ старыя русскія нормы объ этомъ предметѣ: «въ т. X ч. I-й почти нѣтъ общихъ положеній по обязательственному праву: составленію, совершенію, исполненію и прекращенію договоровъ посвящено всего 26 статей, тогда какъ въ законахъ губерній Царства Польскаго этотъ отдѣлъ заключаетъ въ себѣ болѣе 300 статей, а въ законахъ губерній Прибалтійскихъ—около 700 статей... Постановленія, относящіяся къ наиболѣе распространеннымъ договорамъ, напр. къ продажѣ, личному и имущественному найму, подряду, довѣренности, не содержатъ въ себѣ разрѣшенія самыхъ обыденныхъ вопросовъ. Наконецъ, по нѣкоторымъ договорамъ, напр. перевозкѣ, простому товариществу, страхованію, пожизненной рентѣ, комиссіи, мировой сдѣлкѣ, законы гражданскіе не содержатъ въ себѣ никакихъ правилъ. То же должно сказать о веденіи чужихъ дѣлъ безъ порученія, о незаконномъ обогащеніи, о бумагахъ на предьявителя и проч. Вообще, ни въ одномъ отдѣлѣ нашихъ гражданскихъ законовъ не встрѣчается такъ много пробѣловъ, какъ въ обязательномъ правѣ». При такомъ положеніи дѣла, русской судебной практикой предстала трудная задача создать изъ ничего цѣлую систему обязательственнаго права, въ виду сильнаго развитія обязательственныхъ

сдѣлокъ въ оборотѣ. До какой степени успѣшна была эта работа, можно судить по слѣдующимъ словамъ составителей новаго проекта: «проектъ широко воспользовался весьма цѣннымъ матеріаломъ, заключающимся въ рѣшеніяхъ гражданскаго кассационнаго департамента правительствующаго сената. Многія правила, установленныя правительствующимъ сенатомъ въ разъясненіе и дополненіе дѣйствующаго закона, почти цѣликомъ восприняты проектомъ, какъ напр. правила о значеніи обмана и существенной ошибки при заключеніи договоровъ, объ условіяхъ, о договорахъ въ пользу третьихъ лицъ, о силѣ договора для участвующихъ въ немъ лицъ, о дѣленіи договоровъ на *contractus nominati* и *innominati*, объ *exceptio non adimpleti contractus*, объ уступкѣ требованій, объ очисткѣ при возмездныхъ договорахъ и мн. друг.» Тѣмъ не менѣе, судебная практика не могла охватить всѣхъ проявленій обязательственнаго права общими нормами, будучи принуждена ограничиваться разрѣшеніемъ отдѣльных случаевъ, примѣнительно къ ихъ особенностямъ. Отсюда справедливость отдѣльных рѣшеній, но отсюда же и множество противорѣчій, колебаній и неточностей въ формулировкѣ руководящихъ началъ. Основныя начала западно-европейскаго гражданскаго оборота—принципальное признаніе дѣйствительности договора въ силу простого непротивозаконнаго соглашенія сторонъ и оцѣнка отношеній по доброй совѣсти—долго не могли быть проведенны русской судебной практикой въ жизнь съ желательною послѣдовательностью: быстрый переходъ отъ стараго формальнаго правосудія къ новому, основанному на доброй совѣсти, былъ невозможенъ столько же по привычкамъ судей, сколько и по условіямъ жизни. Насадить начала доброй совѣсти, честности и аккуратности въ сдѣлкахъ можно было столько же путемъ покровительства словеснымъ соглашеніямъ, сколько и уваженіемъ къ законности—къ формамъ, гарантирующимъ одного контрагента отъ злоупотребленій другого. Русскіе законы, вслѣдствіе обилія формальныхъ требованій, предъявляемыхъ къ сдѣлкамъ и отдѣльнымъ ихъ частямъ, затрудняли установленіе разумной середины между указанными цѣлями правосудія. Опираясь на законы ради покровительства законности, судебная практика невольно должна была сразу ввести въ свою дѣятельность излишній формализмъ, который и послужилъ основаніемъ многочисленныхъ по ей адресу упрековъ (Оршанскій въ обзорѣхъ касс. практики, Побѣдоносцевъ § 8 III-го т. «Курса»). Постепенно, однако, судебная практика освобождается отъ этого недостатка и оказываетъ покровительство свободному соглашенію каждый разъ, гдѣ это по условіямъ отдѣльных случаевъ представляется желательнымъ. Въ настоящее время дѣйствительными признаются всѣ словесныя соглашенія, кромѣ договоровъ, для дѣйствительности которыхъ безусловно предписана форма; но и въ послѣднемъ случаѣ не всѣ договоры считаются недействительными по формальнымъ недостаткамъ, а лишь тѣ, въ которыхъ форма тѣсно сливается съ существомъ сдѣ-

ки (договоры о переходѣ недвижимостей, векселя, завѣщанія). Сенатъ не даетъ никакой обязательной схемы договоровъ, признавая дѣйствительнымъ всякій договоръ, законный по цѣли, хотя-бы онъ и не имѣлъ опредѣленнаго наименованія или былъ заключенъ подъ видомъ другого. Поскольку требуется письменность сдѣлокъ, ей дается широкое пониманіе: не только законные акты—крѣпостные, нотаріальные, явные и домашніе—имѣютъ силу доказательствъ, но и письма, телеграммы и т. д. Въ борьбѣ съ сдѣлками противозаконными, безнравственными, фиктивными или противорѣчащими современнымъ основамъ оборота—свободѣ собственности и личности,—опорой сената сдѣлались ст. 1529-ая т. X, ч. 1, путемъ широкаго толкованія который онъ осуществлялъ контроль надъ частной волей, вводя ее въ законныя границы. И здѣсь, впрочемъ, замѣтны колебанія по отдѣльнымъ вопросамъ: иногда волѣ дается больше, чѣмъ слѣдуетъ, пристрастна, иногда она чрезмерно ограничивается. Во всякомъ случаѣ, оцѣнка сдѣлокъ по ихъ внутреннему содержанію проводится практикой послѣдовательно, а отнесеніе многихъ вопросовъ, съ ней связанныхъ, къ фактической обстановкѣ сдѣлки, не подлежащей контролю сената, значительно расширяетъ свободу суда для борьбы съ гражданскою неправдой. По отношенію къ отдѣльнымъ договорамъ слѣдуетъ указать на заслуги русской судебной практики въ разработкѣ юридической природы долговыхъ отношеній, деталей купли-продажи и имущественнаго найма согласно условіямъ современнаго оборота. Сенатъ покровительствуетъ покупателямъ противъ обмановъ продавцовъ, квартиронанимателямъ противъ эксплуатаціи домовладѣльцевъ, арендаторамъ противъ нарушеній ихъ правъ. Въ области такъ называемыхъ реальныхъ контрактовъ (суду, поклада и др.), какъ чисто бытовыхъ сдѣлокъ, практика сената даетъ меньше устойчивыхъ рѣшеній; различіе суды и займа, фиктивные сдѣлки, совершенныя подъ видомъ поклада, отдѣльныя правомочія сторонъ не находятъ иногда должной квалифікаціи. И здѣсь причиной этому является не столько незнакомство съ теоріей права и непослѣдовательность воззрѣній, сколько разнообразіе бытовыхъ условій, при которыхъ эти договоры видоизмѣняются отъ дружеской услуги до оборотнаго консенсуальнаго контракта. Наиболее слабо поставленной въ практикѣ является отвѣтственность за вредъ и убытки. Разсчетъ убытковъ особенно труденъ; сенатъ не допускаетъ оцѣнки ихъ по убѣжденію судьи и требуетъ доказательства каждаго молочнаго факта, какъ-бы ни была, по убѣжденію суда, незначительна и умѣренна претензія истца. Это отмигаютъ и составители проекта гражд. уложенія, приводя рядъ литературныхъ мнѣній относительно крайней затруднительности у насъ процесса объ убыткахъ. Новый проектъ ставитъ себѣ задачу расширенія свободы судьи въ этомъ отношеніи. Пробѣды практики объясняются и здѣсь неразвитостью русской экономической жизни. Широкая отвѣтственность за правонарушенія возможна при такомъ состояніи оборота, когда

создались точныя мѣрки ущербовъ и масштабы вины и ответственности. Въ пропесахъ объ отвѣтственности за вредъ, причиненный желѣзными дорогами и другими общественными предпріятіями, взгляды практики шире, пріемы опѣнки свободѣе, суммы убытковъ крупнѣе. О новомъ проектѣ обязательственнаго права см. Уложеніе гражданское.

Въ действующемъ *семейномъ* правѣ точно установлены формы церковнаго заключенія брака, ограниченъ до крайнихъ предѣловъ разводъ, опредѣлены права незаконнорожденныхъ дѣтей; лишь въ 1891 г. изданы новыя правила объ узаконеніи этихъ дѣтей черезъ послѣдующій бракъ. Обеспеченная такимъ образомъ съ внѣшней стороны, семья совсѣмъ не регулирована со стороны внутреннихъ отношеній и особенно со стороны защиты слабо поставленныхъ ея членовъ. Строгая, «неограниченная» личная супружеская власть находитъ себѣ противовѣсъ лишь въ уголовныхъ законахъ, а не въ гражданско-правовой защитѣ личности жены, и въ тоже время стоитъ въ полномъ противорѣчій съ имущественной равноправностью жены, несомнѣнно устанавливаемой гражданскими законами, хотя ей и противорѣчатъ нѣкоторыя статьи торговаго права. Подробности личныхъ отношеній замѣнены моральными сентенціями, которыми пользуется судъ для смягченія участи женъ, при злоупотребленіи правами мужа. Неразрѣшенъ вопросъ о средствахъ понужденія супруговъ къ совместной жизни. Благодаря этому молчанію судебная практика отказывается во всякомъ иномъ понужденіи, кромѣ признанія ушедшей жены не имѣющей права на содержаніе отъ мужа, а мужа, оставившаго жену—обязаннымъ къ выдачѣ ей содержанія. Личныя отношенія родителей и дѣтей находятся въ такомъ же положеніи. Пожизненная и неограниченная родительская власть по закону есть власть *въ интересахъ отца*, а не дѣтей; ограниченъ ея въ смыслѣ правительственной (опекунской) защиты дѣтей отъ злоупотребленій не существуетъ; мѣсто ихъ снова занимаютъ моральныя сентенціи. Судъ иногда восполняетъ эти пробѣлы, липпа родителей ихъ власти и оставляя дѣтей на попеченіи постороннихъ лицъ. У насъ нѣтъ *учрежденій*, способныхъ оказывать защиту дѣтямъ, и неудовлетворительно организована *опека*, задача которой, въ ея современной формѣ—быть заминой родительской власти не только для сиротъ, но и для дѣтей дурныхъ родителей. Отсутствие у родителей права пользования имуществомъ дѣтей гарантируетъ права состоятельныхъ дѣтей, но и здѣсь дурная организация опеки часто препятствуетъ осуществленію благихъ намѣреній законодателя. О дѣйствительномъ строй семейныхъ отношеній въ Р. гражданскіе законы, во всякомъ случаѣ, не даютъ никакого представленія. Въ жизни эти отношенія крайне разнообразны, начиная отъ большой крестьянской семьи, поглощающей личность жены и дѣтей, до малой интеллигентной семьи, построенной на началахъ полной равноправности сторонъ и представленія о родительской власти, какъ власти въ интересахъ дѣтей. Такое разнообразіе семейныхъ

отношеній—одна изъ причинъ неуспѣха реформъ въ этой области, но еще важнѣе—кромѣ указаннаго выше отсутствія учреждений и органовъ, способныхъ взять въ свои руки защиту нуждающихся въ ней членовъ семьи—связь русскаго семейнаго права съ правомъ церковнымъ въ установленіи и прекращеніи брака.

Наслѣдственное право. Порядокъ законнаго наслѣдованія опирается до сихъ поръ на старые законы и указы, возникшіе еще при обязательной службѣ дворянъ съ помѣстій и отчинъ. Сюда относится ограниченіе наслѣдованія женщинъ въ нисходящей линіи, полное устраненіе ихъ въ боковыхъ, когда есть на лицо наслѣдники-мужчины той же линіи и степени, исключеніе отъ наслѣдованія восходящихъ и замѣна его отдачей имѣнія въ ихъ пожизненное владѣніе, ограниченія въ наслѣдованіи супруговъ. Наиболѣе характерными историческими остаткомъ въ русскомъ наслѣдственномъ правѣ является наслѣдованіе зятя и невестки въ имущество тещи и свекра (ст. 1151—1153), восходящее къ началамъ совместнаго владѣнія отца и «припущенныхъ» къ его помѣстью дѣтей; право невестки опредѣлялось здѣсь правомъ ея на прожиточную часть изъ имѣнія своего мужа, находившагося въ совместномъ владѣніи съ отцомъ. Право мужа на имущество свекра возникло позднѣе, искусственно, въ интересахъ уравниванія правъ мужа съ женою. Свобода завѣщанія не ограничена обязательной долей прямыхъ наслѣдниковъ; наслѣдники не раздѣлены на наслѣдниковъ въ собственномъ-смыслѣ и легатаріевъ (см. Легаты). Отвѣтственность наслѣдниковъ за долги наслѣдодателя отличается большою строгостью. Русское право не знаетъ ни *beneficium inventarii*, ни, тѣмъ болѣе, ограниченія отвѣтственности полученнымъ имуществомъ. Объясненіемъ этому служатъ съ одной стороны старые взгляды на отношенія наслѣдодателя и наслѣдниковъ (прежде всего отца и дѣтей; послѣдніе отвѣчали безусловно за кабалыя долги отца своей личностью и имуществомъ), съ другой—неустойчивость обладанія, неразвитость оборота, отсутствіе ипотечной системы и гласнаго кредита и связанная съ этимъ затруднительность учета долговъ и стоимости наслѣдственнаго имущества. Постановленія русскихъ гражданскихъ законовъ о наслѣдованіи вообще преслѣдуютъ только одну цѣль—распределеніе наслѣдственнаго имущества между наслѣдниками и установленіе общаго правила объ отвѣтственности ихъ за долги. У насъ нѣтъ постановленій гарантирующихъ интересы кредиторовъ въ случаѣ отказа наслѣдника отъ наслѣдства въ вредъ кредиторамъ: нѣтъ, вообще, детальныхъ правилъ, опредѣляющихъ отношенія наслѣдниковъ, кредиторовъ и легатаріевъ, чѣмъ еще болѣе подчеркивается господство строгата начала универсальнаго преемства въ наслѣдованіи и безусловной отвѣтственности за долги наслѣдодателя.

Положеніе русской судебной практики въ области наслѣдственнаго права болѣе затруднительно, чѣмъ въ другихъ отбѣлахъ. Будучи совершенно устарѣлыми, гражданскіе законы

въ этомъ отдѣлѣ даютъ опредѣленные и ясные принципы. Связанный этими нормами, судъ съ большимъ трудомъ можетъ проводить въ жизнь начала справедливости, согласуя старыя законы съ новыми потребностями быта. Низшіе суды старались-было и здѣсь выступить на защиту новыхъ условій жизни: они пытались поколебать принципъ исключенія женщинъ отъ наслѣдованія въ боковыхъ линияхъ, установивъ равенство обоихъ половъ во второй, третьей и т. д. линияхъ на основаніи молчанія закона; старались придти на помощь наслѣдникамъ, устанавливая сроки для пріема наслѣдства въ интересахъ ознакомленія съ нимъ, облегчить отвѣтственность за долги, согласовать по возможности интересы наслѣдниковъ, легатаріевъ и кредиторовъ и т. д. Сенатъ, въ качествѣ блюстителя закона, отвергъ многія изъ этихъ попытокъ и, создавъ сравнительно стройную логическую догму наслѣдственныхъ отношеній, уклонился въ этомъ отдѣлѣ отъ требованій справедливости дальше чѣмъ во всѣхъ другихъ. Заслуги сената заключаются, однако, въ установленіи многочисленныхъ частныхъ нормъ, по возможности устраняющихъ рѣзкость нормъ дѣйствующаго права. Таково, напр., ограниченіе права наслѣдника отречься отъ наслѣдства въ ущербъ кредиторамъ, разграниченіе между формальнымъ отреченіемъ отъ наслѣдства и дѣйствительнымъ его принятіемъ, распределеніе долей отвѣтственности наслѣдниковъ, установленіе состава лицъ, отвѣчающихъ за долги, распределеніе имущества между кредиторами наслѣдодателя и наслѣдника, а также многочисленныя, хотя и не всегда послѣдовательныя правила о пріобрѣтеніи наслѣдства, утвержденіе въ правахъ наслѣдства, толкованіе завѣщательныхъ распоряженій и т. д.

Литература по исторіи русскаго гражданскаго права. Невольнѣ, «Исторія россійскихъ гражданскихъ законовъ»; Владимірскій-Будановъ, «Пособіе при изученіи исторіи русскаго права»; Сергѣевичъ, «Лекція и изслѣдованія»; Пахманъ, «Исторія кодификаціи гражданскаго права»; Ангельманъ, «О пріобрѣтеніи права собственности на землю по русскому праву»; его же, «О давности по русскому праву»; Дювернуа, «Источники права и судъ въ древней Руси»; Ключевскій, «Происхожденіе крѣпостнаго права» («Русск. Мысль», 1885); Дяконовъ, «Очерки по исторіи сельскаго населенія Россіи» (СПб., 1898); Рождественскій, «Служилое землевладѣніе»; Латкинъ, «Лекціи по исторіи права XVIII в.» (СПб., 1899). — *Современное право:* Мейеръ, «Русское гражданское право» (СПб., 1897); Побѣдоносцевъ, «Курсъ гражданскаго права» (3 тома, СПб., 1896); Щершеневичъ, «Учебникъ русскаго гражданскаго права» (Казань, 1896); Анненковъ, «Система русскаго гражданскаго права» (3 тома, СПб., 1894—8); Дювернуа, «Чтенія по гражданскому праву» (СПб., 1898—9). Монографическая литература—у Поворинскаго, «Указатель литературы по русскому гражданскому праву» (СПб., 1885). Обзоры судебной практики въ «Курсѣ» Побѣдоносцева, у Оршанскаго (см.), въ юридическихъ журналахъ. Систематическая обработка рѣшеній примѣ-

нительно къ статьямъ Свода—въ изданіяхъ Боровиковскаго и Гаугера, систематическій сборникъ положеній въ изд. Г. Верболевскаго; указатели: старый—Москальскаго и новый—Бриллианта и Шклявера (СПб., 1899).

В. Нечаевъ.

С. Русское крестьянское обычное право сдѣлалось предметомъ внимательнаго изученія русскихъ этнологовъ и юристовъ со времени освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Этологи нашли въ немъ новый драгоценный матеріалъ для изученія древнѣйшихъ ступеней общественнаго развитія. Изъ юристовъ одни видѣли въ немъ выраженіе не искаженныхъ случайностями историческаго процесса народныхъ возрѣній на основные устои общественной жизни (Кавелинъ, Якушкинъ, Ефименко, Оршанскій), другіе (Пахманъ, Гольмстенъ) стремились свести нормы обычнаго права къ тѣмъ же началамъ гражданскаго права, какія господствуютъ и въ официальномъ русскомъ правѣ, а отклоненія отъ этого послѣдняго объяснить особенностями политико-экономическаго строя крестьянской жизни. Взгляды на обычное право, какъ на продуктъ дикаго произвола и невѣжества, никогда не получалъ сколько-нибудь серьезнаго научнаго обоснованія. Результаты изученія русскаго обычнаго права, пока не могутъ быть сведены къ одному дѣльному возрѣнію. Можно, однако, считать выясненнымъ, что обычное право русскихъ крестьянъ, находящееся въ настоящее время подъ воздѣйствіемъ многихъ неблагоприятныхъ факторовъ, не представляетъ собою особой по духу и складу системы, основанной на «трудовомъ началѣ»; только иногда, при благоприятныхъ условіяхъ, въ немъ замѣтно проявленіе и дѣйствіе началъ равенства и справедливости. Сужденія о значеніи нормъ обычнаго права часто расходятся уже потому, что различно смотрятъ на составъ источниковъ обычнаго права. Примишлявая этнографическую сторону дѣла къ юридической, изслѣдователи часто подъ обычномъ правомъ понимаютъ черты нравовъ и быта, которыя носятъ названіе обычаявъ, но не составляютъ обычнаго права. Къ этимъ обычаямъ присоединяютъ иногда представленія о крестьянскихъ идеалахъ правового строя, образовавшихся у отдѣльныхъ группъ или личностей; наконецъ, не различаютъ санкціи нормъ обычнаго права въ глазахъ крестьянъ отъ дѣйствительныхъ причинъ ихъ образованія. Изслѣдуя крестьянское обычное право, т. е. дѣйствительно существующій порядокъ отношеній между крестьянами, стараются объяснить не этотъ порядокъ, а заключающееся въ немъ правосозерцаніе крестьянства, т. е. проводятъ взгляды Пухты на обычное право (см. XXIV, 910), какъ на явленіе, имѣющее источникъ въ народно-правовомъ убѣжденіи. Поэтому часто исключаютъ изъ состава права дѣйствительныя нормы, на основаніи которыхъ рѣшаются столкновенія изъ-за права, противопоставляютъ имъ черты быта, характеризующія мирное состояніе отношеній; отдѣльныя судебныя рѣшенія оспариваютъ на основаніи идеаловъ справедливости, выраженныхъ въ возрѣніяхъ одной изъ сторонъ или

почерпнутых из бесѣды съ крестьянами. Съ этой точки зрѣнія часто подвергается рѣзкой критикѣ основной источникъ нашихъ свѣдѣній объ обычномъ правѣ крестьянъ: «Труды комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ» (1873—74), въ которыхъ собраны рѣшенія крестьянскихъ судовъ ряда губерній, вмѣстѣ съ отвѣтами крестьянъ на вопросы о существованіи у нихъ тѣхъ или иныхъ обычаевъ. По отношенію ко многимъ рѣшеніямъ указываютъ на вѣдѣнія вліянія (волостного писаря, волостного и высшаго начальства), на приговоры, искажающіе крестьянскую правду въ тѣхъ или иныхъ интересахъ или просто по невѣжеству. Не можетъ, однако, подлежать сомнѣнію, что сила правового сознанія и крѣпость обычно-правового строя, если онъ существуетъ въ качествѣ прочнаго и постоянного порядка отношеній, могутъ быть парализованы лишь въ отдѣльных случаяхъ. Рядъ изслѣдователей и юристовъ (Оршанскій, Пахманъ, Мухинъ, Духовской и др.) кладутъ на этомъ основаніи въ основаніе своихъ изслѣдованій именно матеріалъ, заключающійся въ Трудахъ комиссіи, лишь восполняя его данными, собранными въ этнографическихъ изслѣдованіяхъ. Серьезное значеніе этого матеріала не отрицаетъ, не смотря на его недостатки, и г. Якушкинъ. Чего нибудь въ родѣ свода юридическихъ обычаевъ для отдѣльных мѣстностей нѣтъ; существуютъ лишь частные сборники обычаевъ, составленные любителями-этнографами (сводъ этихъ сборниковъ см. въ книгѣ Е. И. Якушкина). Субъективные воззрѣнія изслѣдователей, какъ и этнографическія данныя, не отдѣлены здѣсь отъ дѣйствительнаго правопорядка. Недостаточно изучена связь современнаго обычнаго права съ историческимъ складомъ правоотношеній, хотя отдѣльные сопоставленія и указали на близкое сходство нѣкоторыхъ нормъ съ древнѣйшими правилами русской жизни, временъ Русской Правды, Грамотъ, Судебниковъ. Съ болѣе широкой точкѣ зрѣнія изслѣдованы семейныя отношенія, особенно брачное право.

Содержаніе обычно-правовыхъ нормъ крестьянъ въ области гражданскаго права опредѣляется совокупностью многихъ вѣдѣніяхъ и внутреннихъ факторовъ, которые не могутъ быть сведены къ одному неопредѣленному понятію «народной правды». Среди нихъ главную роль играютъ вліянія, подъ которыми складывается *строй крестьянскаго землевладѣнія*. Право владѣнія, основанное на трудѣ («трудоуе начало»), является формой, приложимой лишь къ такому общественному состоянію, при которомъ нѣтъ столкновенія претендентовъ на обработку земли, по причинѣ ея обилія. Юридическія формы владѣнія возникаютъ именно въ видахъ опредѣленія правъ претендентовъ по какому-либо признаку, напр. по началу приоритета захвата. При распредѣленіи владѣній между лицами, обработавшими своимъ трудомъ опредѣленные участки, въ случаѣ ихъ столкновенія между собою изъ-за мало-земелья, пришлось-бы или прибѣгнуть къ тому же началу, или создать особая формы общаго владѣнія, при которыхъ возможенъ былъ-бы для всѣхъ желающихъ доступъ къ обработкѣ

и пользованію землей. Въ первомъ случаѣ получились-бы права, ничѣмъ не отличающіяся отъ современныхъ формъ индивидуальнаго владѣнія. Что касается до формъ общаго владѣнія, то теперь, кажется, не можетъ подлежать сомнѣнію, что представленія крестьянъ объ этихъ формахъ вовсе не такъ чисты и опредѣлены, какъ думаютъ защитники общиннаго землевладѣнія. Если оставить въ сторонѣ неопредѣленные мечтанія о «черномъ передѣлѣ», когда вся земля будетъ раздѣлена по числу работниковъ, прилагающихъ къ ней свой трудъ, и будетъ передѣляться по мѣрѣ возрастанія народонаселенія, то мы не найдемъ въ крестьянскомъ «справозазрѣніи» представленія о такой формѣ, гдѣ приложеніе труда къ землѣ совмѣщается съ общимъ владѣніемъ, обработкой и раздѣломъ продукта, — т. е. формѣ владѣнія, соответствующей современному понятію «юридическаго лица». Опѣивая съ идеальной точки зрѣнія общинное землевладѣніе, изслѣдователи обыкновенно имѣютъ въ виду кажущуюся справедливость раздѣла земли и отдѣльных подробностей его, выражающуюся въ точномъ равеніи качествъ земли, долей, кусковъ, клѣньевъ и т. д. Но всѣ эти свойства раздѣла — результатъ опасенія каждаго домохозяина быть обдѣленнымъ и неспособности его возвыситься до дѣйствительно общаго владѣнія, при которомъ заботятся болѣе о доходности земли и о справедливости *распредѣленія* продукта, а не о равенствѣ владѣнія объектомъ. У крестьянъ часто устанавливается система строго разграниченнаго отъ сосѣдей и постороннихъ лицъ владѣнія; волостной судъ устанавливаетъ сервитутныя и сосѣдскія права, существующія и при порядкѣ частной собственности (право проѣзда, прогона скота къ водоюу, пользованія водою изъ колодца, право рубки вѣтвей, спускающихся на сторону сосѣда, подтопа), и допускаетъ рядъ договорныхъ сервитутовъ. Господство трудового начала и непризнаніе формъ владѣнія, устанавливаемыхъ официальнымъ правомъ, видятъ иногда въ томъ, что крестьяне не признаютъ права частнаго владѣнія на объекты, къ которымъ такъ или иначе не приложенъ трудъ обладателя, и которые, поэтому, считаются ничими, «божьими» (наприм. лѣсъ, невоздѣльные дуга и пастбища, воды); только объекты труда, добытые на божьихъ земляхъ, считаются неприкосновенною собственностью (скота скошеннаго сѣна, нарубленный лѣсъ, пойманная въ капканъ или силки дичь и т. д.). Но это воззрѣніе обусловлено съ одной стороны старыми привычками къ обширнымъ, пустымъ и никѣмъ не занятымъ землямъ, съ другой — крайней обдѣленностью крестьянъ въ настоящее время лѣсомъ, дугами и другими угодьями. Крестьянское обычное право, съ этой точки зрѣнія, ничѣмъ не отличается отъ права древнихъ и современныхъ некультурныхъ народовъ. *Крестьянская семья* — второй основной устой современнаго крестьянскаго быта — является продуктомъ бытового и нравственнаго крестьянскаго воззрѣнія на существо отношеній старшихъ къ младшимъ, отца и мужа — къ дѣтямъ и женѣ, а также вѣдѣніяхъ, связанныхъ съ положеніемъ

крестьянина, какъ платежной силы, стоящей въ личной и поземельной зависимости отъ общины и поставленной подъ властный контроль администраціи. Различаютъ три формы крестьянской семьи: *патріархальную большую семью*, съ отцомъ-патріархомъ во главѣ и съ подчиненными ему взрослыми, женатыми и неженатыми дѣтьми съ ихъ потомствомъ; *семью артельного типа*, составленную изъ нѣсколькихъ нераздѣлившихся послѣ смерти отца братьевъ, съ ихъ потомствомъ, или и изъ постороннихъ другъ другу лицъ (складчиковъ или сябровъ—форма, известная еще псковской судной грамотѣ), подъ главенствомъ старшаго или выборнаго большака-домохозяина; *малую семью*, состоящую изъ мужа, жены и дѣтей. Общими чертами всѣхъ трехъ типовъ признается крѣпкая личная власть домохозяина надъ подчиненными членами и обще-семейный характеръ имущества; въ этомъ видятъ уваженіе къ нравственному авторитету старшаго въ родѣ и справедливое, основанное на трудовомъ началѣ ограниченіе его безусловныхъ правъ въ имущественномъ отношеніи, создающее въ малой семьѣ и самостоятельность женщины. Существованіе трехъ формъ семьи указываетъ, однако, на то, что ея организація не можетъ быть объяснена только этими чертами «правовозврътій». Сохраненіе большой семьи объясняется, прежде всего, строемъ крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства, при которомъ большое количество рабочихъ рукъ, мужскихъ и женскихъ, обезпечиваетъ въ одно и тоже время и большій участокъ земли, и успѣшность его обработки, и возможность полученія постороннихъ доходовъ путемъ отхожихъ промысловъ нѣкоторыхъ членовъ семьи. Польза этой организаціи въ хозяйственномъ отношеніи, а слѣдовательно и для исправнаго отбыванія повинностей, настолько ясно сознается и крестьянами, и правительствомъ, что съ обѣихъ сторонъ употребляются всевозможныя мѣры къ охраненію большой семьи отъ распаденія. Волостные суды поддерживаютъ власть домохозяина, не допуская жалобъ на него со стороны подвластныхъ по поводу *личныхъ семейныхъ отношеній*. Если суды вмѣшиваются иногда въ отношенія мужа и жены, свекра и невестки, отца и дѣтей, то лишь по собственному усмотрѣнію или по указанію постороннихъ лицъ. Наказаніе, налагаемое на главу дома, сопровождается при этомъ обращеніемъ къ подвластнымъ съ увѣщаніемъ почитать старшихъ, а иногда и совместнаго ихъ съ отцомъ наказаніемъ. Крестьянское обычное право, какъ и законъ, не допускаютъ раздѣловъ семьи или выдѣла отдѣльныхъ членовъ безъ согласія главы семьи, если подати уплачиваются исправно; наоборотъ, оно допускаетъ принудительный выдѣлъ, если совместная жизнь отца и дѣтей грозитъ упадкомъ хозяйства. Въ интересахъ хозяйственнаго благосостоянія судъ лишаетъ даже отца родительской власти, передавая «большину» въ семью одному изъ сыновей, если отецъ разстраиваетъ хозяйство своимъ поведеніемъ. Но всѣ эти ограниченія дѣлаются въ интересахъ хозяйства и общины, а не въ интересахъ дѣтей, чѣмъ суще-

ственно отличаются крестьянскія ограниченія родительской власти отъ ограниченій ея въ современныхъ культурныхъ государствахъ. Административно-хозяйственными мотивами, а не принципиальнымъ уваженіемъ къ трудовому началу и общей семейной собственности, объясняется и постоянное вмѣшательство «мира» и суда въ имущественныя распоряженія главы семьи, выражающееся въ запрещеніи произвольныхъ завѣщаній, чрезмѣрно неравныхъ раздѣловъ его между дѣтьми при жизни отца (самое же право дѣлить дѣтей по усмотрѣнію за отцомъ безусловно признается) и произвольнаго, неосмотрительнаго отчужденія его въ чужія руки. Каждый членъ семьи признается при этомъ имѣющимъ право на отцовскій имущественный надѣлъ, потому что онъ будущій полноправный членъ общины, имѣющій право на надѣлъ и *обязанный взять его* для отбыванія повинностей, которое невозможно безъ имущественнаго инвентаря. Этимъ же положеніемъ членовъ общины и цѣнностью рабочихъ рукъ объясняется въ значительной степени признаніе семейныхъ и имущественныхъ правъ за незаконнорожденными, приѣмами и усыновляемыми, не смотря на презрѣніе къ ихъ происхожденію, выражающееся въ позорящихъ прозвищахъ. По отношенію къ интересамъ подвластныхъ членовъ большая семья не даетъ никакихъ гарантій ни личныхъ, ни имущественныхъ. Въ личныхъ отношеніяхъ члены семьи безправны, въ имущественныхъ они зависимы отъ отца и домохозяина. Весь ихъ заработокъ земледѣльческій и отхожий идетъ въ семью и расходуется на общія нужды, независимо отъ числа членовъ семьи. Сынъ, добывающій на сторонѣ большія деньги и имѣющій мало дѣтей, живущихъ въ семьѣ, работаетъ, такимъ образомъ, на многосемейныхъ братьевъ, остающихся въ деревнѣ. При общемъ земледѣльческомъ хозяйствѣ неравномѣрное участіе въ его тяготахъ всѣхъ членовъ не такъ замѣтно, какъ при заработкахъ на сторонѣ. Отсюда, въ послѣднемъ случаѣ, стремленіе къ раздѣлу, въ современномъ быту тѣмъ болѣе частое, что отхожие промыслы все болѣе и болѣе растутъ. Артельная семья, какъ основанная на добровольной, а не на принудительной связи, все болѣе и болѣе исчезаетъ, вмѣстѣ съ прекращеніемъ связанныхъ съ ея существованіемъ выгодъ. Малая семья, образовавшаяся послѣ раздѣла, тернеть и тѣ выгоды большой, которыя связаны съ контролемъ надъ домохозяиномъ со стороны общины. За невозможностью передачи «большины» кому-либо изъ подвластныхъ, дѣти и жена остаются въ полной власти главы семьи; право его на распоряженіе имуществомъ является неограниченнымъ, такъ какъ ни подвластная жена, ни малолѣтнія дѣти не въ состояніи контролировать его дѣйствія. Передача хозяйства женѣ—рѣдкое исключеніе. *Наслѣдственное право* крестьянъ тѣсно связано съ организаціей только что указанныхъ типовъ семьи. Большая крестьянская семья—крѣпостная хозяйственная единица, стоящая рядомъ съ другими подобными единицами, но не связанная съ ними никакими узами. Наслѣдниками являются, по-

этому, члены семьи, т. е. прежде всего сыновья и другие правоспособные члены семьи, имѣющие сдѣлаться самостоятельными членами-плательщиками въ общинѣ. Доли сыновей и другихъ членовъ семьи часто опредѣляются предсмертными распоряженіями домохозяина, чѣмъ подчеркивается его преимущественное право на имущество, а не семейный характеръ послѣдняго. При отсутствіи раздѣла, совершеннаго отцомъ, сыновья и управомоченные члены семьи получаютъ равныя доли. Раздѣлъ идетъ «по отцамъ», т. е. къ наслѣдству призываются и получаютъ его лишь ближайшіе самостоятельные члены, главы семействъ, на которыхъ распалась большая семья, если не будетъ жить на артельномъ началѣ. Выдѣленные дѣти и члены семьи не наслѣдуютъ. При распаденіи артельной семьи за смертью ея большака наслѣдованіе въ собственномъ смыслѣ слова не происходитъ, а имущество дѣлится по наслѣдственнымъ отцовскимъ долямъ правоспособныхъ членовъ семьи, составившихъ общій хозяйственный союзъ. Здѣсь, поэтому, наслѣдуютъ и женщины, вдовы и дочери, если въ ихъ линіи и колѣнѣ нѣтъ мужчинъ; въ патриархальной же семьѣ дочери наслѣдуютъ только тогда, когда по смерти отца не осталось наслѣдниковъ мужского пола, способныхъ вести хозяйство. На послѣднихъ, если они остались, лежитъ обязанность выдать дочерей замужъ и наградить по своей волѣ—постановленіи, восходящія къ эпохѣ Русской Правды и знаменующія связь временнаго экономическаго быта крестьянъ съ древнимъ. Въслѣдствіе изолированности хозяйства семьи, перехода земли къ міру послѣ выморочности семьи и незначительности движимаго имущества, боковое наслѣдованіе наступаетъ лишь при отсутствіи не только сыновей и дочерей, но и жены, которая наслѣдуетъ въ малой семьѣ предпочтительно передъ боковыми родственниками; въ противномъ случаѣ, не имѣя другого обезпеченія, за уничтоженіемъ связи съ своею родною семьей, она осталась бы на попеченіи міра, на обязанности котораго лежитъ вообще забота о сиротахъ. И здѣсь, такимъ образомъ, дѣло идетъ объ интересахъ міра больше, чѣмъ объ имущественной самостоятельности женщины. Обязательственныя отношенія у крестьянъ, по причинѣ ограниченности ихъ гражданскаго оборота, не представляютъ разнообразія формъ. Купля—продажа, наемъ личный и имущественный, заемъ, ссуда, поклада, довѣренность въ ихъ простѣйшихъ выраженіяхъ исчерпываютъ кругъ договорныхъ отношеній, общихъ officialному и обычному праву, хотя въ послѣднемъ опредѣляются гораздо детальнѣе. Но рядомъ съ ними существуютъ и другія договорныя отношенія, отличающіяся, несомнѣнно, своеобразіемъ возрѣній на силу и пространство договорнаго права. Признавая ненарушимыми только тѣ формы быта, которыя связаны съ положеніемъ владѣльцевъ общественной земли и плательщиковъ, обычное крестьянское право, подобно древнему, допускаетъ свободное дѣйствіе договора во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ, хотя-бы имъ затро-

гивались основные институты гражданскаго быта. Г. Якушкинъ, напр., приводитъ слѣдующій договоръ: «Въ 1884 г. крестьянинъ К., Купянского у., заключилъ договоръ о бракѣ со вдовой солдаткой А. По смыслу этого договора, А. поступаетъ въ домъ крестьянина Б., какъ жена и хозяйка. Даже въ томъ случаѣ, если-бы вернулась ушедшая отъ К. его жена, хозяйкой въ домѣ и женой должна оставаться А. Договоръ этотъ заключенъ съ согласія отца К. и его двухъ родныхъ дядей, подписавшихъ подъ договоромъ въ числѣ двухъ свидѣтелей. При заключеніи договора присутствовалъ сельскій староста, подписавшій его и приложившій свою печать». Свобода условій договора выражается и въ многочисленныхъ сдѣлкахъ усыновленія, принятія въ семью постороннихъ членовъ съ правами наслѣдованія, обязанности прокорма стариковъ и т. д., а также въ недопускаемыхъ закономъ мировыхъ сдѣлкахъ по поводу проступковъ и преступленій, считающихся у крестьянъ, вопреки officialному праву, частнымъ дѣломъ (что свидѣтельствуется о неразвитости представленій политическихъ и общественныхъ). Съ другой стороны, тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ имущественныхъ распоряженіяхъ, затрагивающихъ интересы семьи, а слѣд. и общины, судъ не признаетъ силы договоровъ, хотя-бы и правильно составленныхъ, входя въ повѣрку выгоды условій и противодѣйствуя безправствому, хотя и легальному обогащенію одного контрагента на счетъ другого. Понятіе основанія обязательства у крестьянъ, такимъ образомъ, шире законнаго. Въ связи съ этимъ стоятъ взгляды крестьянъ на отвѣтственность за убытки, опредѣляемые по совѣсти и условіямъ крестьянской жизни на началахъ мировой сдѣлки (опять черта, аналогичная древнему праву), на разсрочку и отсрочку уплаты долговъ и т. д. Поскольку интересъ общины договоромъ не затрагивается, договоръ имѣетъ безусловную силу, и подлежитъ исполненію, а неисполненіе его ведетъ къ уплатѣ убытковъ и часто къ наказанію виновнаго розгами. Моментъ заключенія договора пріурочивается или къ реальному, полному или частичному исполненію съ одной стороны, или къ дачѣ задатка, или къ совершенно символическимъ дѣйствіямъ (битые по рукамъ, передача изъ полы въ полу, литки и монгарчи, замолитованіе, передача знаковъ и т. д.). Положеніе договаривающихся сторонъ часто неравно; нѣкоторыя обязанности разсматриваются какъ актъ милости контрагента; въ личномъ наймѣ выступаетъ начало личнаго подчиненія. Очень распространены обязательства изъ неправомерныхъ дѣйствій, особенно касающихся имущества. Вѣднѣе заставляетъ дорожить каждою мелочью, а возможность получить вознагражденіе при наличности повода поощряетъ корысть. Отсюда затруднительность опредѣленія убытка, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ онъ опредѣляется цѣною поврежденной вещи, и необходимости «судить по человѣку», рѣшать дѣло мировой, дѣлить «грѣхъ пополамъ». Къ числу обычныхъ договоровъ принадлежитъ у крестьянъ, несомнѣнно, и *бракъ* (часто формаль-

ный контрактъ купли продажи), какъ это видно изъ уплаты убытковъ при неисполненіи соглашенія.

Уголовное право крестьянъ, поскольку оно существуетъ не смотря на существованіе закона, носить на себѣ слѣды грубости правовъ, стоящей въ связи съ изолированностью крестьянъ отъ общественной и государственной жизни. Уголовное преступленіе—частное дѣло, касающееся лишь интересовъ потерпѣвшаго или его родныхъ, могущее окончиться примиреніемъ, наложеніемъ пени или вызывающее мѣсть обиженныхъ: таково народное воззрѣніе на преступленіе. Мировая сдѣлка, уплата убытковъ и самоуправство являются, поэтому, послѣдствіемъ преступленія. Самоуправство, самосудъ и мѣсть проявляются въ разнообразныхъ формахъ, но по отношенію къ нѣкоторымъ преступленіямъ выработаны опредѣленные виды наказаній. Воровъ и конокрадовъ жестоко бьютъ; за легкія преступленія и обиды полагается *напой* (выставка виноватымъ вина для распитія вмѣстѣ съ обиженнымъ и посредниками); въ большемъ ходу *посрамленіе*, соединяемое съ наказаніемъ розгами. Краденая вещь привязывается на шею вору, и онъ проводится по селенію передъ издѣвающейся толпой; иногда воровъ, особенно женщинъ, раздѣваютъ до-нага, запрягаютъ въ телегу рядомъ съ лошадыю или вмѣсто нея и употребляютъ другія издѣвательства.

Литература. Кавелинъ, рецензія на «Бытъ русскаго народа», Терешеники («Соч.», IV, М., 1859); Оршанскій, «Народный судъ и народное право» (въ «Изслѣд. по русскому праву обычному и брачному», СПб., 1879); Пахманъ, «Обычное гражданское право Россіи» (СПб., 1877, 2 т.); А. Ефименко, «Изслѣдованія народной жизни» (I, М., 1884); Мухинъ, «Обычный порядокъ наслѣдованія у крестьянъ» (СПб., 1888); Е. Якушкинъ, «Обычное право. Матеріалы для бібліографіи» (2 вып., Ярославль, 1865 и 1896 гг.), гдѣ и остальная литература. В. Нечаевъ.

Д. Гражданское судопроизводство. Петръ Великій не былъ склоненъ отрѣшиться отъ выработавшагося въ московскую эпоху преобладанія въ частномъ правѣ элементовъ публичнаго свойства. Слѣдственное начало сначала было имъ даже усилено: указомъ 1716 г. во всѣхъ гражданскихъ дѣлахъ былъ введенъ розыскъ. Позже, однако, въ дѣятельности Петра замѣчается поворотъ въ противоположную сторону: указомъ 1723 г. вводится «судъ по формѣ», скорый, устраняющій господство письменности, состязательный по принципу. Но указъ этотъ былъ слишкомъ кратокъ и не могъ замѣнить собою всего исторически накопившагося матеріала судебной практики. Съ другой стороны, вводя два порядка, законодатель недостаточно ясно ихъ разграничилъ. Какъ слабо состязательное начало утверждалось въ практикѣ судовъ, видно изъ одного указа Анны Іоанновны, который свидѣлствуетъ, что «не точій въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ и въ самыхъ нижнихъ судахъ, какъ на Москвѣ, такъ и въ городахъ воеводы, и въ ратушахъ бурмистры, спорныя дѣла слушаютъ безъ истцовъ и отвѣтчиковъ, и во время того

слушанія, въ тѣ палаты, гдѣ судьи присутствуютъ, ихъ не впускаютъ». Только ошупью дѣловая практика XVIII стол. добиралась до различія дѣлъ частныхъ и публичныхъ: первыя именуются «челобитчиковыми», вторыя—«народными», «интересными» (сопряженными съ интересомъ казны), «криминальными». Учрежденіемъ о губерніяхъ 1775 г. письменное производство было удержано и даже усилено, соответственно большому числу судебныхъ инстанцій и возрастанію вліянія канцелярій въ судахъ съ сословнымъ выборнымъ составомъ. Сводомъ Законовъ, кромѣ дѣленія взысканій на безспорныя и спорныя, установлены были 4 главныхъ и 18 особенныхъ порядковъ гражданского судопроизводства, да сверхъ того еще примирительное разбирательство и особыя изысканія для разныхъ губерній Россіи и Сибири. Сохранилась въ Сводѣ и примѣсъ слѣдственного начала; такъ, напр., судебныя мѣста обязаны были, не довольствуясь доказательствами, приведенными истцомъ и отвѣтчикомъ, разяснять дѣло всѣми потребными обязательствами, собирать справки, требовать свѣдѣній изъ другихъ присутственныхъ мѣстъ и т. д. Многія дѣла, соединенныя съ общественнымъ интересомъ, переходили на ревизію изъ низшихъ инстанцій въ высшія безъ жалобъ сторонъ. Бывали случаи, что и самое дѣло заводилось въ судѣ безъ исковой просьбы, а вслѣдствіе того только, что полиція, пристановивъ взысканіе вслѣдствіе возбужденнаго противъ него спора, препровождала дѣло въ надлежащій судъ. Основаніемъ для рѣшенія служила «докладная записка изъ дѣла», составленная въ канцеляріи. Въ судопроизводствѣ, не смотря на допущеніе рукоприкладства, господствовала тайна, что, въ связи съ рѣшительнымъ преобладаніемъ канцелярій, собираніемъ справокъ и пересылкою дѣла на ревизію или пересмотръ по жалобамъ черезъ длинный рядъ инстанцій, приводило къ многочисленнымъ злоупотребленіямъ, безконечной волокитѣ и сутяжничеству. Тщетно боролся съ этимъ законодатель, устанавливая штрафы за неправо иски и апелліаціи и опредѣляя особые страшихи казенныхъ дѣлъ, обязанныхъ наблюдать за скорѣйшимъ окончаніемъ дѣлъ, соединенныхъ съ государственными интересомъ: медленность составляла естественное послѣдствіе всего строя нашего дореформеннаго процесса. Судебную реформою 1864 г. въ основаніе гражданского судопроизводства положены начала устности, гласности, состязательности, болѣе свободной оцѣнки доказательствъ судомъ и разрѣшенія дѣлъ, на основаніи закона, согласно внутреннему убѣжденію судей. Судебные сроки сокращены; вмѣсто прежнихъ разнообразныхъ формъ процесса установлены болѣе общія и естественныя дѣленія порядковъ судопроизводства. Все это, въ связи съ главными началами судостройства—ограниченнымъ числомъ инстанцій, выдѣленіемъ дѣлъ маловажныхъ въ вѣдомство мировой юстиціи, отдѣленіемъ судебной власти отъ законодательной и административной, независимымъ и почетнымъ положеніемъ судей и присяжной адвокатуры, сосредоточеніемъ над-

зора за правильным течением судебных дѣлъ въ самихъ же судебныхъ мѣстахъ—вдохновенно совершенно новую жизнь въ дѣло гражданской юстиціи. Въслѣдъ за уставомъ гражданского судопроизводства издано было нотаріальное положеніе, задачей котораго было предотвращеніе тяжбъ путемъ упорядоченія самого совершенія гражданскихъ сдѣлокъ. Частью въ дополненіе, частью въ измѣненіе устава гражданского судопроизводства изданъ рядъ узаконеній, которыя и вошли въ составъ (или приложенія) устава по изд. 1892 г. (Св. Зак. т. XVI ч. I; продолж. 1893 г.). Сюда относятся: положеніе объ охранительномъ судопроизводствѣ 14 апр. 1866 г., которое впоследствии восполнено было закономъ 12 марта 1891 г. о порядкѣ узаконенія дѣтей и объ усыновленіи; законъ 16 янв. 1868 г. о судебно-межевомъ разбирательствѣ; законъ 1 іюля 1868 г., установившій кассационные залогов; законъ 1 іюля 1868 г. о судопроизводствѣ по дѣламъ о несостоятельности и примыкающій къ нему законъ 7 марта 1879 г., ограничившій личное задержаніе, какъ способъ взысканія долговъ, самими тѣсными предѣлами; законъ 10 мая 1877 г., введшій судебныя пошлины въ сферу мировой юстиціи, которая Судебными Уставами предполагалась безвозмездною; законъ 9 іюля 1889 г., введшій у насъ институтъ обезпеченія доказательствъ; законъ 12 іюня 1890 г., допустившій какъ разсмотрѣніе дѣлъ въ отсутствіи истца, такъ и предварительное исполненіе заочныхъ рѣшеній; законъ 3 іюня 1891 г., введшій упрощенный порядокъ судопроизводства и нѣкоторыя существенныя измѣненія въ сокращенное судопроизводство; законъ 8 іюня 1893 г., ограждающій, на время кассационнаго производства, имущественные интересы лицъ, противъ которыхъ постановлено рѣшеніе и др. При распространеніи судебныхъ уставовъ на окраины допущены были изыятія изъ общихъ правилъ гражд. судопроизводства, вызванныя или мѣстными условіями (распространеніе компетенціи мировой юстиціи на искъ дѣною до 2000 руб., со включеніемъ и исковъ о недвижимостяхъ, передача кассационныхъ функций по дѣламъ мировой юстиціи второй инстанціи общихъ судебныхъ мѣстъ—при введеніи Судебныхъ Уставовъ въ Закавказьѣ въ 1866 г. и въ Сибири и сѣверныхъ и восточныхъ окраинахъ въ 1894—96 гг.), или же необходимою согласовать процессуальныя правила съ мѣстнымъ матеріальнымъ правомъ (при введеніи Судебныхъ Уставовъ въ губерніяхъ Царства Польскаго, въ 1875 г., и въ губерніяхъ Прибалтійскихъ, въ 1889 г.). Кореннымъ образомъ измѣнилось судопроизводство по маловажнымъ дѣламъ съ замѣтой въ 1889 г. въ большинствѣ губерній Европейской Россіи мировыхъ судей земскими начальниками и городскими судьями. Изъ вѣдѣній судовъ изытаты такіа имущественныя требованія пріусловительныхъ мѣстъ, должностныхъ лицъ и общественныхъ учреждений, въ основаніи которыхъ лежатъ отношенія публичнаго права, напр. требованія податей, налоговъ, штрафовъ, вычеты изъ жалованья и т. п. Требованія частныхъ лицъ къ

государству не подлежатъ вѣдѣнію судебныхъ мѣстъ, когда ихъ предметомъ служитъ какое-либо не прекратившееся еще отношеніе публичнаго свойства (напр. требованіе о возвратѣ излишне взысканной подати). Имущественныя требованія частныхъ лицъ къ казнѣ, имѣющимъ въ своемъ основаніи отношенія частнаго свойства, всегда подлежатъ разсмотрѣнію судебныхъ мѣстъ, при чемъ, однако, во избѣжаніе столкновенія властей, истцамъ, основывающимъ свои требованія на договорѣхъ подряда, поставки и содержанія оброчныхъ статей, предоставляется избрать или путь судебной защиты, или же обращеніе съ жалобой по начальству; одинъ изъ этихъ путей исключаетъ другой. Наконецъ, вѣдѣнію судебной власти не подлежатъ такіа дѣла, которыя хотя и представляютъ собою споръ о правѣ гражданскомъ, но разрѣшеніе которыхъ предоставлено духовной власти (дѣла о расторженіи браковъ). Всецѣло основанный на началѣ состязательности, уставъ гражд. судопроизводства безусловно запрещаетъ суду самому собирать доказательства или справки. Свои рѣшенія судъ основываетъ исключительно на доказательствахъ, представленныхъ сторонами; но если онъ найдетъ, что нѣкоторыя изъ приведенныхъ сторонами обстоятельства, существующихъ для разрѣшенія дѣла, недостаточно выяснены, то объявляетъ объ этомъ тяжущимся и назначаетъ срокъ для представленія соответствующихъ разъясненій и доказательствъ. Вообще судъ, не возбуждая самъ новыхъ требованій, не выдвигая возраженій фактическаго свойства, управляетъ ходомъ процесса, производитъ разныя дѣйствія, направленныя къ пособію тяжущимся въ представленіи доказательствъ (вызовъ свидѣтелей, содѣйствіе полученію документовъ изъ пріусловительныхъ мѣстъ и т. п.), принимаетъ охранительныя мѣры (обезпеченіе иска), руководитъ ходомъ состязанія, направляя его къ разъясненію дѣла. Съ устраненіемъ слѣдственнаго начала, отпало и активное участіе прокурорской власти въ гражданскомъ процессѣ; только по нѣкоторымъ дѣламъ, сопряженнымъ съ общественнымъ и государственнымъ интересомъ, судъ выслушиваетъ заключеніе прокурора. Нѣсколько болѣе активное участіе принадлежитъ прокурору въ дѣлахъ, сопряженныхъ съ интересомъ казенныхъ управленій, но и здѣсь оно не идетъ далѣе права подавать просьбы объ отміяніи судебныхъ рѣшеній. Законъ 1891 г. объ узаконеніи дѣтей и объ усыновленіи предоставилъ прокурору право подавать частныя жалобы на опредѣленія по этому предмету окружныхъ судовъ. Лишь въ исключительныхъ случаяхъ—именно по дѣламъ брачнымъ, въ которыхъ нѣтъ отвѣтника, прокуроръ всецѣло вступаетъ въ роль стороны. Въ кассационныхъ департаментахъ сената заключеніе оберъ-прокуратуры обязательно выслушивается по всѣмъ дѣламъ, но здѣсь она выступаетъ въ роли хранителя законовъ, а не защитника тѣхъ или другихъ интересовъ.—Предоставивъ суду рѣшать дѣла по внутреннему убѣжденію и по точному разуму дѣйствующихъ законовъ, уставъ гражд. судопр. въ ст. 9 указываетъ, что въ случаѣ

неполноты, неясности, недостатка или противоречія въ законахъ рѣшеніе должно быть основано на общемъ смыслѣ законовъ. Этимъ положенъ конецъ практиковавшемуся въ дореформенныхъ судахъ обычаю «требовать указа на указъ». Обыкновенный порядокъ производства дѣла въ окружномъ судѣ, съ общимъ составительныхъ бумагъ между сторонами (исковое прошеніе, отвѣтъ, возраженіе и опроверженіе), отличается нѣкоторою медленностью и разсчитанъ на то, чтобы стороны и судъ имѣли достаточно времени для основательной подготовки къ процессуальнымъ дѣйствіямъ. На практикѣ многосложныя дѣла, требующія такой подготовки, встрѣчаются рѣдко; поэтому установлены два суммарныхъ порядка процесса: сокращенное судопроизводство и упрощенное судопроизводство. Въ порядкѣ *сокращеннаго* судопроизводства (см.) могутъ производиться всѣ дѣла, если тяжущіеся на это согласятся и судъ съ своей стороны не встрѣтитъ къ тому препятствій. Нѣкоторыя дѣла, особенно объ исполненіи договоровъ и обязательствъ, обязательно производятся сокращеннымъ порядкомъ. Въ порядкѣ *упрощеннаго* судопроизводства (см.) дѣла разбираются единолично однимъ изъ членовъ окружнаго суда, по назначенію общаго собранія суда, или уѣзднымъ членомъ окружнаго суда. Упрощенный порядокъ примѣняется, по особой просьбѣ истца, лишь къ искамъ о платежѣ денегъ по письменнымъ обязательствамъ и по договорамъ о наймѣ недвижимаго имущества, а равно къ искамъ о сдачѣ, за истеченіемъ договорнаго срока, состоявшаго въ наймѣ имущества. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ (иски о возвратѣ доходовъ, о вознагражденіи за убытки и судебныя издержки, о представленіи отчетности) судъ можетъ ограничиться рѣшеніемъ вопроса о правѣ на искъ, и тогда опредѣленіе количества взысканія производится отдѣльно, путемъ назв. *исполнительнаго производства* (XIII, 452). Особые порядки гражданскаго судопроизводства (XXII, 297) установлены: 1) для дѣлъ казеннаго управленія, 2) для исковъ о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные распоряженіями должностныхъ лицъ, 3) для дѣлъ брачныхъ (о личныхъ и по имуществу и правахъ супруговъ) и о законности рожденія, 4) для примирительнаго разбирательства, т. е. для окончанія процесса мировою сдѣлкой и разрѣшенія споровъ третейскимъ судомъ. Вопросы процессуальнаго характера, возбуждаемые сторонами въ теченіе процесса, являются предметамъ *частныхъ производствъ* (см.), отдѣльныхъ отъ разсмотрѣнія существа иска. Сюда относятся отводы, просьбы объ обезпеченіи иска, о привлеченіи третьяго лица къ дѣлу, о вступленіи третьяго лица въ дѣло, устраненіе судей и прокуроровъ, приостановленіе, возобновленіе и уничтоженіе судебного производства. Наряду съ формами искового судопроизводства существуетъ еще въ окружныхъ судахъ охранительное судопроизводство дѣла о раздѣлѣ наслѣдства, о вводѣ во владѣніе недвижимымъ имуществомъ, о выкупѣ родовыхъ имуществъ, объ удостовѣреніи въ безвѣстномъ отсутствіи,

объ узаконеніи дѣтей и объ усыновленіи). На всякое рѣшеніе окружнаго суда по существу дѣла (кромя рѣшеній, постановленныхъ въ порядкѣ упрощеннаго судопроизводства) тяжущіеся имѣютъ право приносить апелляціонную жалобу. Отъ апелляціонныхъ жалобъ отличаются *частныя* (см.), допускаемыя отдѣльно отъ апелліи лишь въ случаяхъ положительно указанныхъ закономъ. На всѣ рѣшенія судебной палаты допускаются кассационныя жалобы. Рѣшенія окружныхъ судовъ вступаютъ въ силу по истеченіи срока на подачу апелляціонной жалобы, но въ извѣстныхъ случаяхъ допускается предварительное ихъ исполненіе. Рѣшенія судебныхъ палатъ считаются окончательными, но, по просьбѣ ответчика, могутъ быть приняты мѣры для обезпеченія его интересовъ впредь до разрѣшенія кассационной жалобы. Рѣшенія, вступившія въ законную силу, могутъ быть отменены, помимо кассации, еще вслѣдствіе просьбы о пересмотрѣ рѣшеній и вслѣдствіе просьбы не участвовавшихъ въ дѣлѣ третьихъ лицъ (см. Возобновленіе судебныхъ дѣлъ). Для приведенія рѣшенія въ исполненіе (а также для обезпеченія иска, ввода во владѣніе) выдается судомъ исполнительный листъ (см. Исполненіе рѣшенія).

Порядокъ производства въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ вообще представляется собою суммарный порядокъ судопроизводства. Искъ можетъ быть заявленъ словесно. Производство дѣла чисто словесное, письменная подготовка не требуется, веденіе протоколовъ для мирового судьи не обязательно. Къ постановленію рѣшенія мировой судьи приступаетъ лишь въ случаѣ неудача попытокъ склонить стороны къ прекращенію дѣла миромъ. Рѣшенія мировыхъ судей на сумму не свыше 30 руб. считаются окончательными и могутъ быть обжалованы лишь въ кассационномъ порядкѣ; на прочія рѣшенія мировыхъ судей допускается апелляціонная жалоба въ сѣздъ мировыхъ судей. Рѣшенія мировыхъ учреждений могутъ быть приведены въ исполненіе не только судебными приставами, состоящими при мировыхъ сѣздахъ, но и полицейскими чинами, и волостными и сельскими властями. Мировой судья можетъ разсрочить уплату присужденной суммы на опредѣленные сроки, сообразно платежеспособности должника. Въ области охранительнаго судопроизводства специально на мировыхъ судей возложено принятіе мѣръ по вызову наслѣдниковъ умершаго и по охраненію его имущества. Правила производства дѣлъ у земскихъ начальниковъ и городскихъ судей представляютъ слѣдующія главнѣйшія отличія отъ правилъ, примѣняемыхъ мировыми судьями: подтвержденіе свидѣтельскихъ показаній присягою допускается только въ случаяхъ болѣе важныхъ, и то по усмотрѣнію земскаго начальника или городского судьи; по многимъ дѣламъ подсудность сокращена до 300 руб.; кассационное производство передано губернскимъ присутствіямъ, которымъ по отношенію къ поводамъ кассации предоставлена широкая дискретціонная власть (см. Земскіе начальники, XII, 510).

Е. Торговое право и судопроизводство. Въ до-Петровской Руси не было условий для различія элементовъ торговаго и гражданскаго права. Торговля сносенія не были развиты; торговля, какъ посредничество между производителями и потребителями, мало отличалась отъ простой продажи продуктовъ производства. Не было и торговаго сословія, которое могло-бы путемъ обычая вырабатывать нормы для регулированія отношеній, ему одному свойственныхъ; торговля была одною изъ формъ службы государству. Нѣкоторыя нормы, созданныя торговымъ оборотомъ (напр. слѣды конкурснаго процесса), нашли себѣ выраженіе въ Русской Правдѣ и проникли въ Уложеніе 1649 г., но онѣ имѣли характеръ общегражданскій, примѣнялись ко всѣмъ классамъ населенія, а не къ однимъ только торговымъ людямъ. Новоторговый уставъ 1667 г. содержитъ въ себѣ лишь постановленія полицейскія и финансовыя. Не было почвы для выдѣленія торговаго права изъ обще-гражданскаго и въ XVIII стол. Стремленія Петра Вел. организовать торговый классъ на началахъ автономіи встрѣчали отпоръ со стороны самого этого класса. Въ то же время, настаивая на самоуправленіи купечества, предоставляя ему право собственнаго суда, законодатель обязывалъ послѣдній руководиться уложеніями, указами, уставами и другими нормами общаго права и отрицалъ силу обычая. Эта законодательная политика, проходившая черезъ всѣ реформы XVIII в., претраждала путь къ возникновенію и развитію торговыхъ обычаевъ, игравшихъ такую значительную роль въ исторіи торговаго права Западной Европы. При такихъ условіяхъ ни русская жизнь, ни судебная практика не выработали матеріала для торговаго уложенія; проектъ такого уложенія, составленный въ 1814 г., отличался неполнотою и представлялъ собою сколокъ съ французскаго *Code de commerce*. Сперанскій, приступая къ составленію Свода Законовъ, призналъ, что гражданскіе законы должны обнимать собою и все то, что въ иностранныхъ законодательствахъ составляетъ предметъ торговаго уложенія. Если, тѣмъ не менѣе въ составъ Свода (т. XI) были включены особые «Учрежденія и уставы торговые», то это объясняется тѣмъ, что уставъ торговый, являясь, по мысли Сперанскаго, однимъ изъ уставовъ государственнаго благоустройства, вмѣстѣ съ тѣмъ отнесенъ къ особымъ законамъ объ имуществахъ. Это—сводъ постановленій преимущественно торгово-публичнаго права («государственной экономіи»), въ который постановленія торгово-частнаго права включены, между прочимъ, въ виду сословнаго характера обязательствъ и договоровъ «торговыхъ свойственныхъ», который рѣшительно преобладалъ въ первоначальной редакціи устава торговаго и могъ въ свою очередь препятствовать включенію торгово-частныхъ законовъ въ «общіе законы объ имуществахъ». Въ изданіи 1887 г. уставъ торговый подвергнутъ былъ существенной переработкѣ. Изъ него выдѣлены были въ самостоятельныя уставы постановленія о векселяхъ, правила судопроизводства торговаго и постановленія

о консульствахъ. Это не только сократило число статей устава торговаго почти на двѣ трети, но повліяло и на внутреннее его содержаніе. Во-первыхъ, уставъ пересталъ быть сословно-купеческимъ закономъ: право на торговлю не есть болѣе право купеческаго сословія, какъ одно изъ его правъ состоянія, а принадлежитъ всѣмъ и каждому. Во-вторыхъ, уставъ отрѣшенъ отъ формальной связи съ особенностями производства въ коммерческихъ судахъ; не только торговые законы, но и торговые обычаи получаютъ теперь примѣненіе во всѣхъ судахъ, а не въ однихъ лишь судахъ коммерческихъ. Тѣмъ не менѣе уставъ торговый, въ изд. 1887 и 1893 г., крайне бѣденъ юридическимъ содержаніемъ; его постановленія болѣею частью устарѣли, и между ними полицейскія преобладаютъ надъ частно-правовыми. Въ своей новой редакціи уставъ торговый раздѣляется на три книги. Въ первой книгѣ два раздѣла, изъ которыхъ первый трактуетъ о наймѣ приказчиковъ и о торговыхъ порученіяхъ, а второй—о торговыхъ товариществахъ. Постановленія перваго раздѣла заимствованы изъ таможеннаго устава 1755 г., цеховаго устава 1799 г. и Положенія о пошлинахъ за право торговли 1865 г., причѣмъ редакція 1887 г. ввела нѣкоторыя общенія. Постановленія о товариществахъ основаны на манифестѣ 1 янв. 1807 г., а также на положеніи 6 дек. 1836 г. объ акціонерныхъ компаніяхъ, но послѣднее положеніе введено въ составъ обще-гражданскихъ законовъ, а не торговыхъ. Книга II устава торговаго содержитъ русское морское право; это—одна изъ наиболѣе разработанныхъ частей нашего торговаго права, но, основываясь, главнымъ образомъ, на уставѣ о купеческомъ водоходствѣ 1781 г., она представляетъ морское дѣло такъ, какъ оно было организовано сго лѣтъ тому назадъ; многія постановленія ея—техническаго и полицейскаго содержанія и никакого отношенія къ частному морскому праву не имѣютъ. Книга III въ четырехъ раздѣлахъ трактуетъ: о биржахъ и ярмаркахъ, о купеческихъ и маклерскихъ книгкахъ, о торговыхъ мѣрахъ и вѣсахъ и о товарныхъ складахъ, учрежденіе которыхъ издано въ 1888 г. Такимъ образомъ юридическое содержаніе нашего торговаго устава сводится къ устарѣвшимъ постановленіямъ морского права съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ опредѣленій объ отношеніяхъ между хозяйномъ и приказнымъ, о товариществахъ, о торговыхъ книгкахъ, да о товарныхъ складахъ съ выдачею складочныхъ свидѣтельствъ (см. *Варантъ*, V, 540). Совершенно отсутствуютъ въ нашемъ торговомъ уставѣ постановленія о торговыхъ сдѣлкахъ, составляющія существеннѣйшую часть западно-европейскихъ торговыхъ уложеній. Для восполненія этого пробѣла приходится обращаться къ обще-гражданскимъ законамъ, преимущественно къ той части т. X ч. I, которая трактуетъ объ обязательствахъ; но постановленія ея совершенно не приспособлены къ особенностямъ торговаго оборота. Съ другой стороны, въ т. X ч. I имѣются нѣкоторыя постановленія, специально относящіяся къ области торговаго права; таково, напр., прило-

женіе къ ст. 1238 объ открытіи и принятіи наслѣдства послѣ лицъ, производившихъ торговлю. Въ другихъ частяхъ Св. Зак. также имѣются постановленія, относящіеся до торгового права. Въ уставѣ о промышленности (Св. Зак. т. XI ч. 2) вошли законоположенія о товарныхъ знакахъ и о привилегіяхъ на открытія и изобрѣтенія; положеніе о государственномъ промысловомъ налогѣ 8 іюня 1898 г. даетъ матеріалъ для выясненія понятія торговаго предпріятія по нашему законодательству. Въ случаѣ недостатка законовъ, права и обязанности, проистекающія изъ сдѣлокъ и отношеній, торговлѣ свойственныхъ, опредѣляются принятыми въ торговлѣ обычаями (ст. 2 Уст. Торг. и ст. 352 Уст. судопр. торг.); но они мало извѣстны судебной практикѣ. Еще въ мартѣ 1882 г. сенатору Н. А. Туру Высочайше поручено было составить проектъ торговаго уложенія, но въ 1884 г. редакціонная коммиссія по составленію гражданскаго уложенія рѣшила включить матеріалъ торговаго права въ гражданское уложеніе. Еще ранѣе возбужденъ былъ вопросъ объ изданіи новаго устава о векселяхъ (V, 737), который съ распространеніемъ въ 1863 г. векселеспособности на всѣхъ лицъ, могущихъ вступать въ долговія обязательства, также утратилъ сословный свой характеръ. Съ повсемѣстнымъ введеніемъ Судебныхъ Уставовъ совершенно отпалъ опредѣленный уставомъ о векселяхъ безспорный порядокъ взысканія по векселямъ черезъ полицію. Въ коммерческихъ судахъ дѣла о взысканіи по векселямъ (на сумму свыше 500 руб.) разсматриваются единолично членомъ суда, по назначенію предсѣдателя, на основаніи правилъ упрощеннаго судопроизводства и устава гражд. судопроизводства, изъ которыхъ для коммерческихъ судовъ сдѣлано только одно изъятіе: частная жалоба на постановленіе объ отмівѣ принятой мѣры обезпеченія останавливаетъ исполненіе этого постановленія. Въ случаѣ обращенія вексельнаго дѣла къ производству въ общемъ порядкѣ коммерческіе суды руководствуются правилами торговаго судопроизводства. Въ губерніяхъ Царства Польскаго дѣйствуетъ французскій Code de Commerce.

Уставъ торговаго судопроизводства въ сущности распадается на два устава: 1) учрежденіе коммерческихъ судовъ и правила судопроизводства въ нихъ и 2) правила о производствѣ дѣлъ о торговой несостоятельности. Коммерческіе суды, впервые появившіеся въ Р. въ началѣ текущаго столѣтія (если не считать торговыхъ словесныхъ судовъ, сохранившихся въ нѣкоторыхъ городскихъ поселеніяхъ до 1888 г.), въ настоящее время существуютъ въ столицахъ, въ Одессѣ, Таганрогѣ, Керчи, Кашинѣ и Архангельскѣ. Лица, входящія въ ихъ составъ, частью назначаются Высоч. властью изъ кандидатовъ, выбранныхъ купечествомъ, частью непосредственно избираются купечествомъ, частью опредѣляются министромъ юстиціи. Апелляціонною инстанціей для коммерческихъ судовъ служитъ судебный департаментъ правительствующаго сената. Кругъ вѣдомства коммерческихъ судовъ простирается только на тотъ городъ и уѣздъ, для

котораго они учреждены; въ прочихъ мѣстностяхъ торговыя дѣла разсматриваются общегражданскими судами, на основаніи устава гражданскаго судопроизводства или правилъ о производствѣ дѣлъ у земскихъ начальниковъ и городскихъ судовъ. Въ коммерческихъ судахъ существуютъ два порядка судопроизводства: словесная расправа и письменное производство. Первая составляетъ общее правило, второе является исключеніемъ, допускаемымъ только особымъ опредѣленіемъ суда, по собственному его усмотрѣнію или по просьбѣ одной изъ сторонъ. При словесной расправѣ всѣ устные объясненія сторонъ записываются въ протоколъ или излагаются сторонами въ особыхъ запискахъ, прочитываются въ засѣданіяхъ суда и прилагаются къ протоколу. Каждая сторона имѣетъ право представлять такіе записки для приложенія къ протоколу, а въ дѣлахъ важнѣйшихъ судъ можетъ требовать ихъ, выбѣго записи словесныхъ объясненій текущихся въ протоколѣ. Письменное производство сопряжено съ обмѣннымъ составительныхъ бумагъ между сторонами (не болѣе двухъ съ каждой стороны). Бумаги докладываются суду; присутствіе сторонъ при этомъ не требуется, но если онѣ объ находятся на лицѣ, то допускаются къ словеснымъ объясненіямъ, которыя, впрочемъ, не могутъ содержать новыхъ доказательствъ или опроверженій, въ бумагахъ не означенныхъ. По окончаніи письменнаго состязанія въ канцеляріи суда составляется докладная записка, которая сообщается сторонамъ для прочтенія и рукоприкладства и служитъ основаніемъ для рѣшенія дѣла. Впрочемъ, на практикѣ письменное производство почти совершенно вытѣснено нынѣ словесною расправою, которая отличается отъ перваго и тѣмъ, что при ней исковыя пошлыны не взыскиваются. Въ основѣ производства въ коммерческихъ судахъ положены вообще начала устности, гласности и состязательности, но въ немъ сохранились характерные слѣды до реформеннаго процесса, напр. штрафы за неправые искъ и апелліаціи, залогъ правой апелліаціи, широкое примѣненіе присяги (см. Коммерческіе суды, XV, 860).

Правила о производствѣ дѣлъ о торговой несостоятельности, обнимающія все наше конкурсное право (за исключеніемъ лишь правилъ 22 мая 1884 г. о ликвидаціи дѣлъ частныхъ и общественныхъ установленій краткосрочнаго кредита, вошедшихъ въ составъ устава кредитнаго), трактуютъ какъ о конкурсахъ, такъ и объ администраціяхъ по дѣламъ торговымъ (см. Конкурсъ, XVI, 3) и примѣняются не только коммерческими судами, но, съ извѣстными измѣненіями, и общими судебными мѣстами. Проектъ новаго устава о несостоятельности, составленный сенаторомъ Н. А. Туромъ, былъ въ 1889 г. препровожденъ на заключеніе судебныхъ учреждений, совѣщательныхъ по части торговли и промышленности установленій, университетовъ и состоящихъ при нихъ юридическихъ обществъ. Новая редакція проекта, исправленная на основаніи поступившихъ отзывовъ, напечатана въ 1896 г.

А. Яновскій.

Ф. Русское уголовное право и судопроизводство въ XVIII и XIX вв, 1) *Исторический очеркъ уголовного законодательства*. Первоисточникомъ дѣйствующаго уголовного законодательства является Уложение царя Алексѣя Михайловича 1649 г. Ко времени вступленія на престолъ Петра Великаго Уложение 1649 г. значительно устарѣло. Еще въ 1695 г. приказомъ было поручено составить проектъ дополнительныхъ статей къ Уложению и новоуказнымъ статьямъ, а въ 1700 г. была образована «Палата объ Уложении», которая черезъ два года составила проектъ «Новоуложенной книги», не получившій, однако, утвержденія. Въ 1714 г. съ тою же цѣлью была учреждена коммиссія при сенатѣ. Работы ея продолжали канцелярія земскихъ дѣлъ и помѣстныхъ приказъ. Къ 1718 г. было составлено 10 главъ Своднаго уложенія, но окончено оно не было, такъ какъ коллегіямъ было поручено «учинить сводъ российскихъ законовъ со шведскими», а въ 1720 г. для этого была учреждена новая коммиссія, работавшая до самой смерти Петра Великаго. 30 марта 1716 г. былъ изданъ для сухопутной арміи Воинскій Уставъ, въ составѣ котораго къ уголовнымъ законамъ отнесены патентъ о поединкахъ, артикулъ воинскій и краткое изображеніе процессовъ или судебныхъ тяжбъ. Въ основу Воинскаго Артикула были положены шведскій артикулъ Густава Адольфа, въ позднѣйшей его обработкѣ при Карлѣ XI, съ многочисленными измѣненіями и дополненіями по лучшимъ европейскимъ военнымъ законодательствамъ того времени. Въ 1720 г. для флота былъ изданъ Морской Уставъ, постановленія котораго, относящіеся къ уголовному законодательству, въ существенныхъ чертахъ были аналогичны съ постановленіями Артикула воинскаго. Такъ какъ Воинскій Артикулъ былъ полнѣе и современнѣе Уложенія 1649 г., то указомъ 10 апрѣля 1716 г. было повелѣно примѣнять его не только военнымъ, но и общимъ судамъ, при чемъ Воинскій Артикулъ не отмѣнялъ собою Уложение 1649 г., а долженъ былъ служить дополненіемъ къ нему. При преемникахъ Петра Великаго продолжались попытки кодификаціи и пересмотра уголовныхъ законовъ, при чемъ предполагалось то согласовать Уложение 1649 г. съ позднѣйшими узаконеніями, то составить новое Уложение. При имп. Елизаветѣ въ 1741 г. изъ нѣсколькихъ сенаторовъ была составлена коммиссія для пересмотра указовъ и составленія реестра тѣмъ изъ нихъ, которые должны быть отмѣнены какъ съ состояніемъ настоящаго времени несходные и пользы государственной противные». Работы этой коммиссіи не привели ни къ какимъ результатамъ. Въ 1754 г. при сенатѣ была учреждена новая коммиссія, съ участіемъ депутатовъ отъ городовъ и провинцій; она составила планъ новаго Уложенія, утвержденный сенатомъ, а затѣмъ и проектъ первыхъ двухъ частей Уложенія — судной и криминальной. Онъ не былъ утвержденъ императрицей, повидимому, потому, что составители проекта не только не смягчили суровость карательной системы, но даже усилили примѣненіе смертной казни. Манифестомъ

14 декабря 1766 г. имп. Екатерина II призвала всѣ сословія Имперіи, кромѣ духовенства, къ составленію новаго Уложенія по всѣмъ частямъ законодательства, при чемъ въ руководство коммиссіи былъ данъ написанный императрицею «Наказъ» (см.), проникнутый гуманными воззрѣніями на уголовное право. Хотя коммиссія депутатовъ не выполнила возложеннаго на нее дѣла, но идеи «Наказа» отразились отчасти на позднѣйшихъ мѣропріятіяхъ. При Александрѣ I, въ 1810 г. составленіе проекта уголовного уложенія было поручено бывшему профессору въ Галле, Якову, который въ 1812 г. окончилъ свой проектъ, представлявшій передѣлку баварскаго уголовного уложенія. Въ 1813—14 г. новый проектъ уголовного уложенія, разработанный коммиссіей составленія законовъ, былъ разсмотрѣнъ департаментомъ законовъ госуд. совѣта, но на разсмотрѣніе общаго собранія государственнаго совѣта былъ внесенъ только въ 1824 г. и, за смертью имп. Александра I, утвержденъ не былъ. XV-й т. составленнаго при имп. Николаѣ I Свода Законовъ былъ посвященъ специально законамъ уголовнымъ, материальнымъ и формальнымъ, но многія уголовныя постановленія были разбросаны въ другихъ томахъ, преимущественно въ XI-мъ и XIV-мъ. Материальные уголовныя законы, вошедшіе въ составъ XV тома, представляли весьма существенныя недостатки: не было установлено ястищны наказаній, не были опредѣлены свойства отдѣльныхъ наказаній, въ нѣкоторыхъ постановленіяхъ была даже сохранена неопредѣленная санкція (напр. наказать яко ослушника законовъ). Въ виду этого 29 декабря 1836 г. было повелѣно приступить къ систематическому пересмотру уголовныхъ законовъ подъ руководствомъ министра юстиціи и гр. Сперанскаго, а за секретъ этихъ лицъ заведываніе работами было возложено на главноуправляющаго II отдѣленіемъ Собственной Его Вел. канцеляріи, гр. Влудова. Уложение о наказанияхъ уголовныхъ и исправительныхъ 15 августа 1845 г. получило Высочайшее утвержденіе и при новомъ изданіи Свода Законовъ, въ 1857 г., было введено въ XV томъ Свода, какъ 1-я его книга. Почти одновременно съ составленіемъ проекта уложенія о наказанияхъ начались подготовительныя работы по пересмотру формальныхъ уголовныхъ законовъ: въ 1843 г. гр. Влудовъ затребовалъ отъ чиновъ судебного вѣдомства замѣчаній о недостаткахъ практикой недостаткахъ дѣйствовавшаго порядка, въ 1850 г. учрежденъ при II отдѣленіи комитетъ для составленія проекта устава уголовного судопроизводства. Съ 1857 по сентябрь 1861 г. гр. Влудовымъ были внесены въ госуд. совѣтъ 4 проекта по уголовному судопроизводству; но болѣе коренной характеръ реформы былъ предпринятъ «Основными положеніями преобразованія по судобной части», Высочайше утвержденными 29 сентября 1862 г., и новый уставъ уголовного судопроизводства, вмѣстѣ съ другими судебными уставами, былъ обнародованъ 20 ноября 1864 г. Реформы царствованія имп. Александра II (освобожденіе крестьянъ, от-

мѣна тѣлесныхъ наказаній, судебная реформа) потребовали пересмотра Уложения о наказаніяхъ: 27 декабря 1865 г. было повелѣно согласовать его съ Уставомъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, и въ 1866 г. послѣдовало новое (3-е) изданіе Уложения о наказаніяхъ. Въ 1885 г. Уложение о наказаніяхъ и Уставъ о наказаніяхъ налагаемыхъ мировыми судьями были изданы, въ составѣ XV тома Свода Законовъ, новымъ изданіемъ, которое, вмѣстѣ съ своднымъ продолженіемъ къ нему 1895 г., составляетъ въ настоящее время дѣйствующій законъ. Въ настоящее время дѣйствующее уголовное законодательство находится въ періодѣ коренной реформы. Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ госуд. совѣта 11 декабря 1879 г. установлены основныя положенія для руководства при преобразованіи тюремной части и при пересмотрѣ Уложения о наказаніяхъ, а Высочайшимъ повелѣніемъ 30 апрѣля 1881 г., для составленія проекта новаго уголовного уложенія, были учреждены особый комитетъ, изъ состава котораго для выработки первоначальнаго проекта и объяснительной записки была образована редакціонная коммиссія. Законченная ею работа находится въ настоящее время на разсмотрѣніи госуд. совѣта. Въ 1894 г. для пересмотра законоположеній по судебной части была учреждена, подъ предсѣдательствомъ министра юстиціи, особая коммиссія. Въ 1899 г. она закончила свои работы, составленные ею проекты переданы на заключеніе подлежащихъ вѣдомствъ и въ 1900 г. будутъ внесены на обсужденіе государственнаго совѣта.

А. С. Лыкошинъ.

2) *Основныя черты современнаго русскаго уголовного права.* Источники дѣйствующаго матеріальнаго уголовного права въ Р. суть: уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ (изд. 1845 г.), уставъ о наказаніяхъ налагаемыхъ мировыми судьями, уставъ о ссыльных, уставъ о содержащихся подъ стражею, воинскій и военно-морской уставы о наказаніяхъ и уставъ сельско-судебный. Кромѣ того, карательныя постановленія содержатъ въ себѣ нѣкоторые уставы казенныхъ управленій и промышленности—таможенный, акцизный и др. Карательныя церковныя законы, примѣняемые церковно-судебной властью, заключаются въ уставѣ духовныхъ консисторій, въ Кормчей книгѣ и въ духовномъ регламентѣ. Основная характерная особенность *уложенія о наказаніяхъ* состоитъ въ томъ, что оно въ сущности есть не уложеніе, а сводъ. Редакторы его, по собственнымъ ихъ словамъ (объяснительная записка къ проекту 1844 г.), «постоянно имѣли въ виду всѣ соответствующія постановленія свода законовъ уголовныхъ и не прежде составляли новыя опредѣленія или правила, какъ удостовѣрясь, что въ существующихъ законахъ нѣтъ такихъ, которыя можно-бы было признать достаточными и удовлетворительными». Поэтому уложеніе, прежде всего, заключается въ себѣ тѣ недостатки, которые присущи своду. Эти недостатки Н. С. Тагацѣвъ («Журналъ Гражданинъ и Уголовн. Права», 1873 г., № 1) сводитъ къ тремъ: полная рознь принциповъ

между отдѣлами уложенія и различія въ самихъ взглядахъ на понятіе о преступленіи и на существенныя условія наказуемости; отсутствіе послѣдовательно проведеннаго критерія для сравнительной оѣнки преступныхъ дѣяній; отсутствіе началъ, дѣйствительно общихъ всему уложенію, и потому формальное противорѣчіе отдѣльныхъ его постановленій. Послѣдовательно проведенъ въ уложеніи только принципъ недозволя къ судьямъ и стремленіе ограничить область судейскаго усмотрѣнія, съ помощью дѣйствичной системы наказаній, при которой дѣятельность судьи сводится къ простымъ ариметическимъ выкладкамъ. Эта система, однако, оказалась стройной только на бумагѣ и совершенно непригодной на практикѣ. Она выразилась въ отсутствіи обобщеній, въ казуистичности, многостатейности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, неполнотѣ уложенія. Къ характернымъ чертамъ уложенія можно отнести еще механическое заимствование нѣкоторыхъ положеній изъ иностранныхъ кодексовъ и крайнюю невыработанность терминологіи. Еще сильнѣе, чѣмъ всѣ эти недостатки, чувствуется устарѣлость уложенія. По мѣткому замѣчанію Геринга, ни одна область права не отражаетъ на себѣ въ такой степени переживаемую эпоху, какъ область права уголовного. Естественно, что уложеніе, изданное въ 1845 г. и подвергшееся лишь частичному исправленію въ 1866 г., не удовлетворяетъ своему назначенію теперь, послѣ освобожденія крестьянъ, послѣ судебной и другихъ коренныхъ реформъ царствованія Александра II. Весь матеріалъ, составляющій содержаніе уложенія, распадается на XII раздѣловъ (и 1711 статей); первый раздѣлъ заключаетъ въ себѣ общую часть, остальные—особенную. Понятія преступнаго дѣянія уложеніе не опредѣляетъ. Дѣянія наказуемыхъ дѣяній по тяжести наказанія нѣтъ; хотя уложенію и извѣстны два термина—преступленіе и проступокъ,—но техническаго значенія они не имѣютъ. Причины, устраняющія вѣняемость, перечислены ограничительно. Право обороны стоитъ въ зависимости отъ важности блага, на которое было направлено посягательство. Состояніе крайней необходимости не отлчено отъ психическаго принужденія. Съ внутренней стороны дѣянія различается зло случайное, дѣяніе неосторожное и умывленное, со стороны внѣшней—обнаруженіе умысла (въ общемъ правилѣ не наказуемое, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ—преступленіе государственныя—обложенное даже смертной казнью), приготовленіе, покушеніе и совершеніе. Покушеніе, остановленное по собственной волѣ покушившагося, если содѣянное само по себѣ не преступно, не наказуемо; остановленное не собственной волей влечетъ наказаніе, положенное за оконченное дѣяніе, съ пониженіемъ въ степени. Уложенію извѣстны три формы участія въ преступленіи: безъ предварительнаго согласенія (скупъ), по предварительному согласенію (заговоръ) и шайка. Въ первомъ случаѣ различаются главныя виновныя и участники, во второмъ—зачинщики, сообщники, подговорщики или подстрекатели и пособни-

ки. Прибосновенными къ дѣлу признаются попустители, укрыватели и недоносители. Для каждой категоріи совзновниковъ опредѣлена особая мѣра ответственности, отправною точкою которой служитъ наказаніе, положенное за содѣянное; только за недоносеніе о совершенномъ преступленіи назначаются спеціально положенныя наказанія. Образование пайки разсматривается и наказывается какъ *delictum sui generis*. Въ основѣ карательной системы лежитъ лѣстница наказаній въ техническомъ смыслѣ этого слова, т. е. такая система, при которой всѣ роды наказаній, подѣленные на виды и степени, располагаются въ послѣдовательномъ порядкѣ степеней и отношеніе между двумя рядомъ стоящими степенями признается всегда одинаковымъ, все равно, принадлежатъ ли они къ одному виду и роду или нѣтъ (см. таблицу, т. XVIII, 178). По тяжести, наказанія дѣлятся на уголовныя, влекуція за собой лишеніе всѣхъ правъ состоянія, и исправительныя. Уголовныя наказанія: смертная казнь, ссылка въ каторжныя работы, ссылка на поселеніе въ Сибирь и ссылка на поселеніе въ Закавказье. Последнее наказаніе — исключительное, стоящее вѣдѣ лѣстницы и назначаемое лишь въ особо указанныхъ случаяхъ. Уголовныя наказанія для всѣхъ одинаковы; но въ отношеніи наказаній исправительныхъ, уложеніе раздѣляетъ всѣхъ преступниковъ на двѣ главныя категоріи: изыятыхъ и неизыятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній. Исправительныя наказанія: ссылка на житье, исправительныя арестантскія отдѣленія, крѣпость, тюрьма, арестъ, выговоры, замѣчанія и внушенія, денежныя взыскація. Параллельно съ лѣстницей общихъ наказаній стоятъ наказанія особенныя (исключеніе изъ службы, отрѣшеніе отъ должности и др.), назначаемыя за преступныя дѣянія по службѣ. Кромѣ главныхъ наказаній установлены дополнителныя: конфискація имущества, церковное покаяніе, отдача подъ особый надзоръ полиціи и др. Виды пораженія правъ: а) лишеніе всѣхъ правъ состоянія — разрушаетъ права сословныя, семейственныя и имущественныя; б) лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, лично и по состоянію осужденнаго присвоенныхъ — поражаетъ права сословныя и служебно-политическія и в) лишеніе нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ — влечетъ за собою лишеніе права вступать на госуд. службу, быть избирателемъ и избираемымъ на почетныя и соединенныя съ властью должности. Судъ не можетъ опредѣлить иного наказанія, кромѣ того, которое въ законахъ за судимое имъ преступленіе именно предназначено. Когда за дѣяніе положено нѣсколько различныхъ степеней или даже родовъ наказаній, судъ свободно выбираетъ родъ и степень. Избраніе мѣры въ предѣлахъ степени всегда предоставляется усмотрѣнію суда, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда законъ особо указываетъ, что должна быть назначена высшая или низшая мѣра. При наличности въ дѣлѣ обстоятельствъ, увеличивающихъ или уменьшающихъ вину, судъ переходитъ отъ одной степени лѣстницы къ другой вверхъ или внизъ,

съ нѣкоторыми установленными въ ст. 150 ограниченіями. Въ случаяхъ рецидива или совокупности преступныхъ дѣяній, наказаніе назначается на основаніи особыхъ правилъ. Уложеніе допускаетъ назначеніе наказанія и по аналогіи, «если въ законѣ за подлежащее разсмотрѣнію суда преступное дѣяніе нѣтъ опредѣленнаго наказанія» (ст. 151). Правила замѣны наказанія, какъ по причинамъ юридическимъ, такъ и по фактической невозможности примѣнить въ данномъ случаѣ данное наказаніе, отличаются особенной сложностью. Наказаніе отменяется: за смертью преступника, за примиреніемъ съ обиженнымъ, за давностью и вслѣдствіе помилованія. Сроки давности, отъ 6 мѣс. до 10 лѣтъ, поставлены въ связь съ сравнительной тяжестью наказанія. Давность не распространяется на преступления государственныя и дліяющіяся и на умышленное убійство родителей. Сравнительно съ уложеніемъ, *уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями*, по своей технической обработкѣ, стоитъ значительно выше: въ немъ нѣтъ казуистики, больше обобщеній, лѣстничной системы онъ не придерживается — но самый фактъ одновременнаго существованія двухъ кодексовъ ведетъ къ путаницѣ понятій, неурядицъ, колебаніямъ практики. По общему правилу, уставъ примѣняется судебными мѣстами низшей подсудности — мировыми судьями, земскими начальниками и т. п.; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр. при совокупности преступныхъ дѣяній, его обязаны примѣнять и общія судебныя установленія. За проступки, означенные въ уставѣ, назначаются выговоры, замѣчанія и внушенія, денежныя взыскація до 300 руб., арестъ до 3 мѣс. и заключеніе въ тюрьму до 1 года 6 мѣс. Въ отличіе отъ уложенія, уставъ даетъ не исчерпывающій, а лишь примѣрный переченьъ увеличивающихъ и уменьшающихъ вину обстоятельствъ. *Уставъ о ссыльныхъ* первоначально былъ изданъ въ 1822 г.; въ 1832 г. онъ былъ введенъ въ XIV т. Свода Законовъ; въ 1855 г. система наказаній его была изменена и приспособлена къ уложенію. Главное содержаніе устава — правила о порядкѣ отправленія и слѣдованія ссыльныхъ, управленія ими и надзора за ними. Въ рядъ этихъ правилъ имѣются постановленія «о наказаніяхъ за преступленія и проступки ссыльныхъ». Основные виды наказаній для ссыльныхъ: плети, розги, прикованіе къ телѣжкѣ, увеличеніе срока работъ, переводъ изъ разряда исправляющихся въ разрядъ испытующихъ, переводъ съ поселенія въ каторжныя работы. Изъ преступныхъ дѣяній спеціально предостроены побѣгъ съ мѣста водворенія или работъ или съ дороги и обмѣнъ именъ и фамилій. Кромѣ суда, наказанія ссыльнымъ могутъ быть опредѣляемы въ весьма широкихъ предѣлахъ мѣстной административной властью, «по собственному удостовѣренію въ учиненной винѣ, или же по формальному полицейскому изслѣдованію». *Уставъ о содержащихся подъ стражей* обнимаетъ собою учрежденіе мѣстъ заключенія, порядокъ управленія ими и порядокъ содержанія заключенныхъ. Изъ мѣръ дисциплинарныхъ здѣсь упо-

минаются выговоры, арестъ, лишеніе горячей пищи, наказаніе розгами, битье половины головы и закованіе въ кандалы. *Воинскій уставъ о наказаніяхъ* — специальный кодексъ нарушеній военного правопорядка и сборникъ изъятій, съ соблюденіемъ которыхъ къ военнослужащимъ примѣняются общіе уголовные законы *). Онъ изданъ впервые въ 1868 г., взявшимъ военно-уголовнаго устава 1839 г., державшагося системы формальной обособленности военно-уголовнаго законодательства отъ общаго. Нынѣ дѣйствуетъ второе изданіе, 1875 г. Примѣняется уставъ не только военными судами, но и общими, когда дѣла о военнослужащихъ подлежатъ ихъ разсмотрѣнію (напр. при соучастіи въ совершеніи общаго преступнаго дѣянія). Главныя изъятія въ постановленіяхъ о преступномъ дѣяніи касаются причинъ невмѣненія — приказа, необходимой обороны и состоянія крайней необходимости. Кромѣ общихъ уголовныхъ наказаній, уставу извѣстны еще смертная казнь, не сопровождающаяся лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, и заточеніе въ крѣпости. Изъ наказаній исправительныхъ къ военнослужащимъ примѣняются на основаніи уложенія лишь высшія, влекуція лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, низшія же замѣняются особыми видами лишенія свободы: заключеніемъ въ крѣпости и содержаніемъ на гаушвахъ — для офицеровъ, отдачей въ дисциплинарные батальоны и военной тюрьмой — для нижнихъ чиновъ, а равно дисциплинарными взысканіями. Большее развитіе сравнительно съ уложеніемъ, имѣетъ система особенныхъ наказаній. Специальные виды пораженій правъ — ограниченіе нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ по службѣ и переводъ въ разрядъ штрафованныхъ (для нижнихъ чиновъ). Переведенные въ этотъ разрядъ могутъ быть подвергаемы, въ дисциплинарномъ порядкѣ или взявшимъ заключенію въ военной тюрьмѣ, тѣлесному наказанію. Уставомъ преподаны особыя правила о наказаніи по мѣрѣ участія въ преступленіи, объ обстоятельствахъ, увеличивающихъ и уменьшающихъ вину, о повтореніи и о совокупности. Во многихъ случаяхъ положены наказанія двойкаго рода: для мирнаго времени и для военнаго. Основныя группы воинскихъ преступныхъ дѣяній: нарушенія подчиненности и чинопочитанія, уклоненіе отъ службы, нарушенія обязанностей караульной службы, нарушеніе воинскаго благочинія, нарушеніе обязанностей службы во время военныхъ дѣйствій. *Сельско-судебный уставъ* былъ изданъ въ 1839 г. для государственныхъ крестьянъ, но положеніемъ 19 февраля 1861 г. дѣйствіе его распространено на всѣхъ лишь крестьянскаго сословія. Примѣняется исключительно крестьянскими судами, параллельно съ общими положеніемъ и мѣстными обычаями, на слѣдующихъ основаніяхъ: дѣяніе должно быть учинено въ предѣлахъ волости (учиненное въ городѣ или мѣстечкѣ наказывается

по общимъ законамъ), крестьяниномъ противъ крестьянина-же, должно быть маловажнымъ и не должно находиться въ связи съ преступленіями или проступками, подлежащими разсмотрѣнію общихъ судебныхъ мѣстъ. Въ мѣстностяхъ, гдѣ введено въ дѣйствіе положеніе о земскихъ начальникахъ, волостные суды руководствуются, при опредѣленіи наказаній за проступки, временными правилами о волостномъ судѣ. Высочайше утвержденными 12 іюля 1889 г.

Литература. Богдановскій, «Развитіе понятій о преступленіи и наказаніи въ русскомъ правѣ» (1857); Сергѣевскій, «Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII в.» (1888); его же, «Проекты уголовного уложенія 1754—56 гг.» (1882); Н. Таганцевъ, «Лекціи по русскому уголовному праву» (1887—1892); его же, «Курсъ русскаго уголовного права» (1874—1878); Н. Неклюдовъ, «Переводъ учебника Бернера» (1865); его же, «Руководство къ особенной части русскаго уголовного права» (1876—1880); его же, «Руководство для мировыхъ судей» (1874); Владиміровъ, «Учебникъ русскаго уголовного права» (1889); Есиповъ, «Очеркъ русскаго уголовного права» (1894); Лохвицкій, «Курсъ русскаго уголовного права» (1867—1871); Сергѣевскій, «Русское уголовное право» (1896); Фойницкій, «Ученіе о наказ. въ связи съ тюрьмовѣдѣніемъ» (1889); его же, «Курсъ уголовн. права, часть особенная» (1893); Кузьминъ-Караваевъ, «Военно-угол. право» (1895); его же, «Характеристика уложенія и воинскій уставъ о наказаніяхъ» (1890).

К.-К.

3) *Уголовный процессъ въ XVIII и XIX вв.* Распространеніе розыскаго процесса въ ущербъ обвинительному, начавшееся еще въ XVI в., продолжалось при Петрѣ Великомъ. Въ 1697 г. было предписано «суду и очнымъ ставкамъ не быть, а вѣдать всѣ дѣла розыскамъ». Въ 1716 г. было издано «краткое изображеніе процессовъ» (приложеніе къ Воинскому уставу), заимствованное изъ нѣмецкихъ источниковъ и вводящее слѣдственный (инквизиціонный) процессъ. Собственное признаніе разматривается какъ «лучшее свидѣтельство всего свѣта», почему для исторженія у обвиняемаго признанія въ большихъ размѣрахъ продолжаетъ примѣняться пытка. Въ то же время былъ введенъ ревизіонный порядокъ разсмотрѣнія дѣлъ и учреждены особыя должностныя лица, наблюдавшія за ходомъ важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ или собиравшихъ необходимыя доказательства. Указъ «о формѣ суда», изданный въ 1723 г., долженъ былъ примѣняться и къ дѣламъ уголовнымъ, за нѣкоторыми изъятіями; но въ дѣйствительности «судъ по формѣ» для уголовныхъ дѣлъ не имѣлъ почти никакого значенія. При составленіи Свода Законовъ судопроизводственные законоположенія временъ Петра I и Екатерины II, измѣненныя ихъ преемниками, вошли въ 2 кн. XV т. Свода. По Своду уголовный процессъ дѣлился на три части: слѣдствіе, судъ и исполненіе приговора. Слѣдствіе и исполненіе принадлежали полиціи, которая производила также и судъ по маловажнымъ проступкамъ. Слѣдствіе распадалось на предварительное и формальное. Судъ, получивъ

*) Уставъ военно-морской о наказаніяхъ (XVI кн. св. морск. пост.) есть сколокъ съ устава воинскаго, дополненный лишь постановленіями о нарушеніяхъ военно-морской службы.

сѣдствіе, разсматривать, правильно ли оно произведено; въ случаѣ необходимости подвергать обвиняемаго вторичнымъ допросамъ, и заѣмъ, на основаніи собраннаго сѣдствіемъ писменнаго матеріала и въ отсутствіе подсудимаго, постановлять приговоръ или мѣрныя, руководствуясь указанными въ законѣ правилами о силѣ доказательствъ, которыя дѣлились на совершенныя и несовершенныя. Одною совершеннаго доказательства было достаточно для признанія осужденія несомнительнымъ; несовершенныя доказательства лишь въ совокупности могли составить совершенное доказательство. Если противъ подсудимаго имѣлись нѣкоторые улики, а полныхъ доказательствъ виновности не было добыто, то подсудимый или оставался въ подозрѣніи—и тогда при открытіи новыхъ уликъ могъ быть вновь привлеченъ къ суду,—или отдавался подъ поручительство, также съ оставленіемъ въ подозрѣніи, или приносилъ очистительную присягу. Право обжалованія было до крайности стѣснено и замѣнено, въ извѣстныхъ предѣлахъ, ревизіей дѣла въ высшей инстанціи, или по требованію закона, или по разогласію между судомъ и начальникомъ губерніи. Въ 1860 г. были учреждены судебные сѣдователи для производства предварительныхъ сѣдствій. Судебные уставы 1864 г. ввели въ уголовный процессъ двѣ стороны—обвиненіе и защиту, дѣйствующія отдѣльно и независимо отъ суда, и состязаніе между ними; предварительное сѣдствіе, впрочемъ, сохранило розыскной характеръ; въ мировомъ производствѣ требованіе устности выдержано въ болѣе степені, чѣмъ въ общихъ судахъ; введена гласность судебного сѣдствія; установлено участіе общества въ отравленіи правосудія, въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей и сословныхъ представителей. Разсмотрѣніе дѣла по существу ограничено двумя инстанціями; учреждено особое кассационное производство по отбѣнъ приговорамъ (см. выше, Судостроительство). Позднѣйшими законами уставъ угол. судопр. во многомъ дополненъ и измѣненъ, отступленіемъ отъ коренныхъ началъ судебной реформы. Въ 1871 г. изданы правила о порядкѣ дѣйствія корпуса жандармовъ по изслѣдованію преступленій. Въ 1872 г. измѣненъ порядокъ судопроизводства по дѣламъ о преступленіяхъ государственныхъ, для сужденія которыхъ образовано особое присутствіе сената. Въ 1878 г. нѣкоторыя преступленія противъ порядка управленія изъяты изъ вѣдѣнія присяжныхъ засѣдателей и переданы суду судебной палаты, съ участіемъ сословныхъ представителей. Въ 1882 г. расширена карательная власть мировыхъ судей, которымъ по нѣкоторымъ преступленіямъ предоставлено право заключать въ тюрьму на время до 1 года и 6 мѣс. Въ 1887 г. ограничена гласность судебного разбирательства. Въ 1889 г. вновь уменьшено число дѣлъ, подвѣдомственныхъ суду присяжныхъ. Вслѣдъ за обнародованіемъ въ томъ же году положенія о земскихъ начальникахъ изданы правила о производствѣ дѣлъ въ судово-административныхъ учрежденіяхъ. По закону 1896 г. ходатайство о вызовѣ въ судъ

новыхъ свидѣтелей, не вызывавшихся на предварительномъ сѣдствіи, разрѣшается судомъ, который принимаетъ въ соображеніе важность тѣхъ обстоятельствъ, подлежащихъ разъясненію показаніями этихъ свидѣтелей. Въ 1897 г. измѣнены формы и обряды судопроизводства по дѣламъ о преступныхъ дѣяніяхъ малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ, въ возрастѣ отъ 10 до 17 лѣтъ. По общимъ положеніямъ нашего устава уголовного судопроизводства, никто не можетъ подлежать судебному преслѣдованію за преступленіе или проступокъ, не бывъ привлеченъ къ отвѣтственности въ опредѣленномъ уставомъ порядкѣ. Судебное преслѣдованіе можетъ быть возбуждено какъ должностными лицами (прокуратура, полиція, административныя и казенныя учрежденія, органы судебной власти), такъ и частными лицами. Обличеніе обвиняемыхъ передъ судомъ предоставлено въ мировыхъ установленныхъ полиціейскимъ и административнымъ властямъ и частнымъ лицамъ, потерпѣвшимъ отъ преступленія, а въ общихъ судебныхъ установленіяхъ возложено на прокуратуру, кромѣ тѣхъ уголовныхъ дѣлъ, которыя могутъ быть возбуждены только по жалобѣ потерпѣвшаго и прекращены примиреніемъ: въ этомъ случаѣ обличеніе предъ судомъ предоставлено частнымъ обвинителямъ. Дѣла, изъятые изъ вѣдѣнія мировыхъ судей (или должностныхъ лицъ, ихъ замѣнившихъ), подсудны окружнымъ судамъ съ присяжными засѣдателями, если за преступленіе, составляющее предметъ дѣла, положено наказаніе, соединенное съ лишеніемъ всѣхъ правъ или всѣхъ особенныхъ правъ; въ противномъ случаѣ дѣло подсудно окружному суду безъ присяжныхъ засѣдателей, кромѣ преступленій, подсудныхъ судебнымъ палатамъ и сенату съ участіемъ сословныхъ представителей. Всякое преступное дѣяніе судится по общему правилу, въ томъ судѣ, которому подвѣдомственна мѣстность, гдѣ преступленіе учинено. По преступленіямъ, подвѣдомственнымъ общимъ судебнымъ мѣстамъ, производится предварительное сѣдствіе; но по дѣламъ о преступленіяхъ, не влекущихъ за собою лишенія всѣхъ правъ состоянія или всѣхъ особенныхъ правъ, къ судебному производству можетъ быть приступлено и безъ предварительнаго сѣдствія, если прокуроръ, по имѣющимся у него свѣдѣніямъ, признаетъ возможнымъ предложить суду обвинительный актъ; безъ предварительнаго сѣдствія могутъ также разсматриваться дѣла, производимыя въ порядкѣ частнаго обвиненія и рѣшасмыя безъ участія присяжныхъ засѣдателей. Дознаніе производится полиціей, предварительное сѣдствіе судебнымъ сѣдствіемъ, подъ наблюдѣніемъ прокурорскаго надзора и при сѣдствіи чиновъ полиціи. Для воспрепятствованія обвиняемому уклоненію отъ суда и сѣдствія принимаются слѣдующія мѣры: отобраніе вида на жительство или obligatio подпискою о явкѣ въ сѣдствію и неотлучекъ съ мѣста жительства, отдача подъ особый надзоръ полиціи, отдача на поруки, взятіе залогомъ, домашній арестъ и взятіе подъ стражу. На всякое дѣйствіе сѣдствателя допускается жалоба

въ окружный судъ. По заключеніи слѣдствія все производство отсылается прокурору окружнаго суда или его товарищу. Заключение прокурора о преданіи обвиняемаго суду излагается въ формѣ обвинительнаго акта, представляемаго прокурору судебной палаты, если дѣло касается преступленія, влекущаго за собою лишеніе всѣхъ правъ или всѣхъ особенныхъ правъ, а въ остальныхъ случаяхъ предлагаемаго окружному суду. Заключение о прекращеніи или приостановленіи уголовного преслѣдованія прокуроръ предлагаетъ окружному суду, который при несогласіи съ мнѣніемъ прокурора представляетъ вопросъ о прекращеніи дѣла на разрѣшеніе палаты. Палата, получивъ обвинительный актъ или заключение о прекращеніи дѣла, постановляетъ опредѣленіе о преданіи суду или о прекращеніи дѣла. По дѣламъ, производящимся въ порядкѣ частнаго обвиненія, обвинительный актъ замѣняется жалобой частнаго обвинителя. При разсмотрѣніи дѣла по существу въ судебномъ засѣданіи должны присутствовать: не менѣе трехъ судей, прокуроръ или его товарищъ и секретарь или его помощникъ. Каждый періодъ засѣданій съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей открывается особымъ публичнымъ судебнымъ засѣданіемъ для прівода присяжныхъ засѣдателей къ присягѣ и объясненія имъ ихъ правъ, обязанностей и отвѣтственности. Прокуроръ или частный обвинитель и подсудимый имѣютъ право отвѣсти, безъ объясненія причинъ, по 3 присяжныхъ засѣдателя. Изъ числа неотведенныхъ лицъ, если ихъ не менѣе 18, назначаются по жребію 12 комплектныхъ и 2 запасныхъ присяжныхъ засѣдателя. По исполненіи обрядовъ открытія судебного засѣданія читается обвинительный актъ или частная жалоба; затѣмъ председатель спрашиваетъ подсудимаго, признаетъ-ли онъ себя виновнымъ; если подсудимый признаетъ себя виновнымъ и это не возбуждаетъ никакого сомнѣнія, то судъ можетъ прямо перейти къ заключительнымъ преніямъ; при отрицательномъ отвѣтѣ подсудимаго судъ приступаетъ къ судебному слѣдствію, т. е. къ разсмотрѣнію и повѣркѣ доказательствъ. Молчаніе подсудимаго не признается доказательствомъ его виновности. По окончаніи судебного слѣдствія происходятъ судебныя пренія; право послѣдняго слова принадлежитъ во всякомъ случаѣ подсудимому или его защитнику. Затѣмъ судъ приступаетъ къ постановленію вопроса о виновности, а по дѣламъ безъ участія присяжныхъ—и вопросовъ о наказаніи; вопросы исправляются и дополняются по замѣчаніямъ сторонъ и присяжныхъ. Въ дѣлахъ съ присяжными засѣдателями председатель, вручивъ старшинѣ вопросы пункты, резюмируетъ обстоятельства дѣла, разъясняетъ законы и общія юридическія основанія къ сужденію о силѣ доказательствъ. Для совѣщанія присяжные удаляются въ особую комнату, входъ въ которую охраняется стражей. По возвращеніи въ залу засѣданій отвѣты присяжныхъ прочтываются старшиной вслухъ; въ случаѣ обвинительнаго рѣшенія судъ ставитъ и разрѣшаетъ вопросъ о наказаніи. Приговоры окружныхъ судовъ, съ участіемъ присяжныхъ

засѣдателей, а также судебныхъ палатъ, съ участіемъ сословныхъ представителей, считаются окончательными; противъ приговоровъ первой инстанціи, постановленныхъ безъ участія присяжныхъ, допускаются апелляціонныя отзывы подсудимыхъ, частныхъ обвинителей и гражданскихъ истцовъ, равно какъ и протесты лицъ прокурорскаго надзора. Жалобы и протесты въ кассационномъ порядкѣ допускаются только противъ окончательныхъ приговоровъ, которые не могутъ быть обжалованы въ апелляціонномъ порядкѣ. На рѣшенія кассацион. д-та сената жалобы ни въ какомъ случаѣ не допускаются и никѣмъ не могутъ быть принимаемы. Дѣло, по которому приговоръ отмененъ, обращается для новаго производства или въ судъ, постановившій приговоръ (въ другомъ составѣ присутствія), или въ другой судъ равной степени. По дѣламъ, приговоры по которымъ вошли въ законную силу, могутъ быть, въ опредѣленныхъ законахъ случаяхъ, подаваемы прокуратурой и осужденными или ихъ родственниками въ уголовный кассационный департаментъ сената просьбы о возобновленіи дѣла (VI, 903). Изъ общаго порядка уголовного судопроизводства установлены изыятія: 1) по преступленіямъ государственными, которыя вѣдаются судебными палатами, съ сословными представителями, или, по Высочайшему повелѣнію, особымъ присутствіемъ сената, также съ участіемъ сословныхъ представителей, если за преступленіе назначено лишеніе или ограниченіе правъ, или верховнымъ уголовнымъ судомъ; 2) дѣла по преступленіямъ должности, которыя разсматриваются окружнымъ судомъ, судебной палатой, кассационнымъ департаментомъ сената или верховнымъ уголовнымъ судомъ, смотря по должности, занимаемой обвиняемымъ, въ извѣстныхъ случаяхъ—съ участіемъ сословныхъ представителей. Особые правила установлены также для дѣлъ о преступленіяхъ противъ вѣры, а также о преступленіяхъ и проступкахъ, относящихся до разныхъ частей административнаго управленія. Производство дѣлъ въ мировыхъ судахъ является болѣе упрощеннымъ, чѣмъ въ общихъ судахъ. Предварительное слѣдствіе отсутствуетъ; лишь по усмотрѣніемъ лично судей преступнымъ дѣйствіямъ онъ можетъ поручить полиціи произвести предварительное розысканіе. Приговоръ мирового судьи считается окончательнымъ, когда имъ опредѣляется: вѣнчаніе, замѣчаніе, выговоръ, денежное взысканіе не свыше 15 руб., арестъ не свыше 3 дней и когда вознагражденіе за вредъ и убытки не превышаетъ 30 руб.; въ этихъ случаяхъ допускается кассационная жалоба въ мировомъ слѣздѣ. На неокончательные приговоры стороны могутъ приносить отзывы въ мировой слѣздѣ. Приговоры мирового слѣзда считаются окончательными; жалобы и протесты противъ нихъ приносятся въ кассационномъ порядкѣ въ сенатъ. Въ мѣстностяхъ, гдѣ введены судебно-административныя учрежденія 1889 г., земскіе начальники и городскіе судьи руководствуются правилами о производствѣ судебныхъ дѣлъ, изданными 29 дек. 1889 г. Вѣдомству земскаго началь-

ника или городского судьи подлежат, по общему правилу проступки, предусмотренные в Уставѣ о наказаніяхъ налаг. миров. суд., если убытки или взысканіе превышаютъ 300 руб. Производство дѣлъ у земск. начальниковъ и город. судей почти тождественно съ производствомъ у мировыхъ судей. Жалобы на неокончательныя рѣшенія земск. начальниковъ и городскихъ судей приносятся въ уѣздный сѣздъ, приговоры котораго окончательны и апелляціи не подлежатъ. На окончательные приговоры земскаго начальника и городского судьи и на приговоры уѣздныхъ сѣздовъ допускаются жалобы сторонъ и протесты товарища прокурора въ случаѣ постановленія приговора по дѣлу, изъянному изъ вѣдомства земскихъ начальниковъ, городскихъ судей и волостныхъ судовъ, и въ случаѣ допущенія, при производствѣ или рѣшеніи дѣла, столь существеннаго нарушенія закона, что приговоръ невозможно признать въ силѣ судебного рѣшенія. Жалобы и протесты на окончательные приговоры земскаго начальника и городского судьи вносятся въ сѣздъ, а на приговоры сѣзда—въ губерскаго присутствіе. Дѣла по проступкамъ, вызывающимъ гражданскій искъ въ размѣрахъ отъ 300 до 500 р., и дѣла по нарушенію ст. 170¹ Уст. о нак. (кражи со взломомъ) подлежатъ вѣдѣнію уѣздныхъ членовъ окружнаго суда.

4) *Военно-уголовное судопроизводство.* Какъ для дореформеннаго, такъ и для современнаго военнаго процесса въ Россіи типичнымъ образомъ служили и служатъ процессы уголовныя общія. Главное отличие прежняго военнаго процесса состояло въ томъ, что военный судъ вовсе лишенъ былъ самостоятельности; судебная власть всецѣло сосредоточивалась въ рукахъ военнаго начальства, которому исключительно принадлежало право возбужденія преслѣдованія, производства слѣдствія, «аріада» суда и утвержденія приговоровъ. Нынешній военный процессъ, подобно общему, построенъ на началахъ устности, гласности, состязательности и равноправности сторонъ; но всѣ эти начала приняты лишь принципиально и окружены множествомъ самыхъ существенныхъ ограниченій. Кромѣ того, въ военномъ вѣдомствѣ рядъ судебныхъ функцій сохраненъ за военными начальниками—возбужденіе судебного преслѣдованія, преданіе суду и, въ отношеніи судовъ низшей подсудности (полковыхъ), даже утвержденіе приговоровъ. Институтъ присяжныхъ засѣдателей военному процессу неизвѣстенъ вовсе. Военно-судебная реформа совершена была въ 1867 г., когда были изданы военно-судебный уставъ для сухопутной арміи и военно-морской судебный—для флота. Послѣдній безъ коренныхъ измѣненій сохранялъ свою силу и до настоящаго времени, первый же въ 1883—1885 гг. былъ подвергнутъ полному пересмотру, при чемъ законодательство пошло еще далѣе по пути ограниченія основныхъ началъ и смѣшенія судебной власти съ административною. — Военные суды суть: полковые, военно-окружные и главный военный судъ (кассационная инстанція). Соответственные судебные органы

во флотѣ: экипажные суды, военно-морскіе и главный военно-морской. Полковые суды учреждаются при каждой отдѣльной части войскъ изъ строевыхъ офицеровъ, назначаемыхъ на срокъ: предсѣдатель—на 1 годъ, члены (два)—на 6 мѣсяцевъ. Вѣдомству полковыхъ судовъ подлежатъ дѣла только о нижнихъ чинахъ, въ предѣлахъ, близкихъ къ предѣламъ вѣдомства мировыхъ судебныхъ установленій. Военно-окружные суды состоятъ изъ постоянныхъ членовъ и временныхъ. Постоянные члены (предсѣдатель и военные судьи) назначаются изъ чиновъ военно-судебнаго вѣдомства, временные—изъ строевыхъ офицеровъ, на 4 мѣсячный срокъ. Предварительное слѣдствіе производится или судебными (по общимъ прест. дѣланіямъ), или военными слѣдователями (по воинскимъ а въ нѣкотор. случаяхъ—и по общимъ дѣланіямъ). Обвиненіе на судъ принадлежитъ военной прокуратурѣ. Для защиты подсудимыхъ назначаются кандидаты на военно-суд. должности или прикомандированные къ суду офицеры; по дѣламъ о преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ общими угол. законами, могутъ быть назначаемы также присяжные повѣренные, или же защитники могутъ быть избираемы самими подсудимыми. Въ судахъ полковыхъ нѣтъ представителей публиканнаго обвиненія и защитники не допускаются. Судебное преслѣдованіе возбуждается военными начальниками, имѣющими права командира отдѣльной части. Имъ же подаются жалобы по дѣламъ уголовно-частнымъ; ими же производится примирительное разбирательство. По общему правилу, военная подсудность распространяется только на военнослужащихъ, но въ порядкѣ изъятій она имѣетъ весьма широкое примѣненіе и къ лицамъ невоеннымъ (см. Подсудность военная, XXIV, 120). Производство каждого дѣла начинается съ дознанія, которымъ и исчерпывается предварительное изслѣдованіе по дѣламъ, подсуднымъ полковому суду. По дѣламъ, подсуднымъ военно-окружн. суду, дознаніе передается военнымъ начальникомъ военному или судебному слѣдователю, для производства предварительнаго слѣдствія; но по дѣламъ о преступленіяхъ воинскихъ, разясненныхъ дознаніемъ съ достаточной полнотой, виновные могутъ быть предаваемы суду и безъ производства слѣдствія. Полковой судъ разбираетъ дѣла устно. Двери засѣданія закрываются, кромѣ случаевъ, предусмотрѣнныхъ въ общихъ уголовныхъ законахъ, еще и въ слѣдующихъ: по дѣламъ о нарушеніяхъ воинской дисциплины и по всѣмъ прочимъ, когда признаетъ это необходимымъ начальникъ, предавший обвиняемаго суду. Приговоръ представляется на утвержденіе командира полка, который можетъ, утверждая его, смягчить наказаніе до двухъ степеней, а при несогласіи съ приговоромъ представляеть дѣло въ военно-окружный судъ. Обжалованіе утвержденнаго приговора подсудимымъ не допускается. Предварительное слѣдствіе производится, въ общемъ, на началахъ устава угол. судопроизводства, но право привлеченія лица въ качествѣ обвиняемаго принадлежитъ не слѣдователю, а начальству. Въ отношеніи военно-

служащих мѣрами пресѣченія могутъ быть избираемы: отчада подъ ближайшій надзоръ начальства, домашній арестъ и арестъ въ мѣстахъ заключенія. Оконченное слѣдствіе поступаетъ къ военному прокурору, обязанному въ теченіе 7 дней рассмотреть его и отправить къ начальнику, отъ власти котораго зависить преданіе суду или которымъ было возбуждено слѣдствіе, съ заключеніемъ о преданіи обвиняемаго суду, или о возможности ограничиться дисциплинарнымъ взысканіемъ, или о прекращеніи слѣдствія, или о неподсудности дѣла. Нижнихъ чиновъ предають суду начальники, пользующіеся правами командира полка, офицеровъ—высшія начальствующія лица; генералы предаются суду Высочайшей властью. По дѣламъ о нарушеніи подчиненности и чинопочитанія, на время допроса потерпѣвшихъ начальниковъ офицерскаго званія, изъ залы суда удаляются постороннія лица и подсудимый, которому потомъ предсѣдательствующій сообщаетъ сущность показанія потерпѣвшаго. Вопросы ставятся судомъ на свое разрѣшеніе въ совѣщательной комнатѣ, безъ участія сторонъ. Всѣ приговоры военно-окружныхъ и замѣняющихъ ихъ временныхъ военныхъ судовъ почитаются окончательными и подлежатъ обжалованію только въ кассационномъ порядкѣ—въ главный военный судъ. Поводы возобновленія дѣлъ—тѣ же, что и въ общемъ процессѣ. Изъ общаго порядка военно-уголовнаго судопроизводства установлены изыятія по уголовнымъ дѣламъ, производимымъ съ участіемъ духовнаго вѣдомства, по преступленіямъ по должности лицъ военно-судебнаго вѣдомства, по дѣламъ, относящимся до разныхъ частей административнаго управленія, по дѣламъ смѣшанной подсудности и по дѣламъ о нарушеніи законовъ о печати. Въ военное время военные суды функционируютъ на особыхъ началахъ (воен.-суд. уст., раздѣлъ IV).

К. К.

Г. Сводъ Законовъ. Вся масса русскаго законодательства собрана въ трехъ *Полныхъ Собраніяхъ законовъ Россійской Имперіи*, изъ которыхъ первое охватываетъ время съ 1649 г. по 12 дек. 1825 г., второе—время съ 12 дек. 1825 г. по 29 февр. 1881 г., а третье начинается съ 1 марта 1881 г. Для обнародованія законовъ съ 1863 г. служатъ *Собраніе узаконеній и распоряженій правительства*, издаваемое правит. сенатомъ. Для руководства гражданскихъ правительственныхъ мѣстъ изданъ *Сводъ Законовъ въ XV томахъ*, являющийся извлеченіемъ изъ Полнаго Собранія Законовъ. Первое изданіе Свода состоялось въ 1832 г., второе въ 1842 г., третье въ 1857 г. Въ 1876 г. приступлено къ новому изданію Свода, но оно осталось незаконченнымъ; въ 1885—97 гг. большинство томовъ изданія 1876 г. замѣнены новыми, при чемъ въ составъ Свода (т. XI) вновь введены уставы ученыхъ учреждений и учебныхъ заведеній и вновь образованъ XVI томъ. Такимъ образомъ нынѣ дѣйствующій Св. Зак. состоитъ изъ 16 томовъ, изъ которыхъ одни (т. IV, т. VIII, ч. 2 и т. XII ч. 1) изданы въ 1857 г., другіе (т. IX)—въ 1876 г., третьи—въ теченіе 1887—95 гг.; къ ранѣе изданнымъ томамъ существуютъ сводныя продолженія

1890, 1891, 1893 и 1895 гг. Согласно схемѣ, начертанной гр. Сперанскимъ, Сводъ Законовъ распадается на 8 главныхъ отдѣловъ: 1) законы основныя, учрежденія установленій центральныхъ, мѣстныхъ, общественныхъ и законы о порядкѣ службъ гражданской (т. I—III); 2) уставы о повинностяхъ (т. IV); 3) уставы казеннаго управленія (т. V—VIII); 4) законы о состояніяхъ (т. IX); 5) законы гражданскіе и межевые (т. X); 6) уставы государственнаго благоустройства (государственное хозяйство, т. XI—XII); 7) уставы благочинія (т. XIII и XIV); 8) законы уголовныя (т. XV). Вновь образованный въ 1892 г. XVI томъ охватываетъ судопроизводство и судопроизводство. Схема эта въ основныхъ своихъ чертахъ сохранилась понинѣ, хотя реформы имп. Александра II и общій ходъ законодательства за последнее полстолѣтіе сильно поколебали соображенія, положенныя въ основаніе распредѣленія содержанія Свода. Въ составъ Свода Законовъ не входятъ законоположенія по части вѣдомствъ военнаго и военно-морского, для которыхъ составлены особые своды (см. ниже), равно какъ законы и положенія, относящіеся до вѣдомства православнаго исповѣданія, и значительнѣйшая часть постановленій по вѣдомству министерствъ Императорскаго Двора и иностранныхъ дѣлъ. Не введены въ составъ Свода мѣстные гражданскіе законы губерній прибалтійскихъ, Царства Польскаго, Бессарабіи, для которыхъ существуютъ особые сборники.

Н. Законодательство военное впервые появилось въ Р. отдѣльно отъ общаго при Петрѣ Великомъ, когда были изданы Воинскій (1716) и Морской (1720) Уставы. Затѣмъ въ царствованіе Петра и его преемниковъ изданъ рядъ законоположеній, опредѣлявшихъ разныя отрасли организациіи вооруженныхъ силъ, управленія ими и довольства ихъ. До царствованія имп. Николая I весь этотъ законодательный матеріалъ не былъ кодифицированъ. Въ 1835 г. было начато составленіе Свода Военныхъ Постановленій, вступившаго въ силу 1 января 1840 г. Второе изданіе Свода состоялось въ 1859 г. Въ 1869 г. начато третье изданіе, которое до сихъ поръ не закончено; изъ 24 книгъ, на которыя раздѣленъ Сводъ 1869 г. не изданы IX, X, XI, XIX и XXI. Кромѣ того, многія узаконенія, изданныя въ отмѣну и измѣненіе постановленій Свода 1869 г., не введены въ соответствующія книги Свода (напр. положеніе о полковомъ управленіи войскъ въ военное время, уставы дисциплинарный и военно-судебный и др.). Къ Своду Военныхъ Постановленій 1869 г. изданы въ 1874, 1879 и 1887 гг. три продолженія, заключающія въ себѣ узаконенія, послѣдовавшія по 1 іюля 1886 г. Кромѣ того, въ 1888 г. отдѣльной книгой изданы Постановленія о довольствіи войскъ, замѣнившія собою кн. 3 части IV Свода 1859 г. Штаты военно-сухопутнаго вѣдомства собраны въ особомъ сводѣ (1893 г.); таблицы по довольствію войскъ также изданы отдѣльными сборниками; строевые же уставы, наставленія и инструкціи, по мѣрѣ ихъ утвержденія издаются отдѣльными книжками. Законодательный матеріалъ, заклю-

чающийся въ приказахъ по военному вѣдомству (гдѣ объявляются Высочайше утвержденныя положенія военного совѣта), систематизировать въ неофициальномъ сборникѣ ген.-лейт. Косинскаго (послѣднее изданіе 1896 г.). Такимъ образомъ въ настоящее время дѣйствующее военное законодательство составляютъ: 1) Сводъ Военныхъ Постановленій 1869 г., 2) тѣ статьи Свода 1859 г., которыя не отмѣнены и не замѣнены соответствующими книгами Свода 1869 г., 3) рядъ уставовъ, инструкцій и наставленій, не включенныхъ въ Сводъ 1869 г. и 4) узаконенія, объявленные въ приказахъ по военному вѣдомству со времени изданія соответствующихъ книгъ Свода Военныхъ Постановленій. А. С. Лыкошинъ.

Кодификація военно-морскихъ законовъ произведена значительно позже — въ 1886 г., когда впервые былъ изданъ Сводъ Морскихъ Постановленій, состоящій изъ 18 книгъ, сгруппированныхъ въ 5 частей. Съ 1886 г. къ Своду Морск. Постановленій изданы три продолженія — въ 1892, 1895 и 1898 гг. Въ послѣднее вошли узаконенія по 31 дек. 1897 г.

Х. Русский языкъ и Русская литература. А. Русский языкъ — терминъ, употребляемый въ двухъ значеніяхъ. Онъ обозначаетъ: I) совокупность нарѣчій великорусскихъ, белорусскихъ и малорусскихъ; II) современный литературный языкъ Р., представляющійся въ своемъ основаніи однимъ изъ великорусскихъ нарѣчій.

I) *Русскій языкъ* — это совокупность тѣхъ говоровъ, поднарѣчій и нарѣчій, на которыхъ говорить русскій народъ, т. е. извѣстныя племена и народности, объединенныя общностью нравовъ, вѣрованій, преданій и самого языка. Языкъ — это одинъ изъ наиболѣе существенныхъ признаковъ, характеризующихъ народность въ смыслѣ культурнаго облика того или другого племени. Какъ всякій другой элементъ культуры, принадлежавшей болѣе или менѣе обширному племени, языкъ разнообразится въ зависимости отъ различныхъ общественныхъ, географическихъ и прежде всего историческихъ условий. Эти разнообразныя отгѣнки языка, состоящіе въ различномъ произношеніи звуковъ, въ замѣнѣ однихъ звуковъ другими, въ измѣненіи грамматическихъ формъ и синтаксическихъ оборотовъ, называются нарѣчьями, поднарѣчьями, говорами. Различіе между этими терминами вполнѣ относительное: о нарѣчьяхъ говорятъ тамъ, гдѣ имѣется въ виду противопоставить имъ языкъ, характеризующій болѣе или менѣе значительную народность въ ея настоящемъ или прошедшемъ; о поднарѣчьяхъ — тамъ, гдѣ требуется указать, что они, какъ части, связаны съ цѣлымъ, опредѣляемымъ какъ нарѣчіе, въ противоположеніи къ еще болѣе обширному цѣлому, называемому языкомъ и т. д. Строго говоря, каждая мелкая общественная группа имѣетъ свой «языкъ»: его можно назвать языкомъ, когда о немъ говорятъ безотносительно; его назовутъ говоромъ, поднарѣчіемъ, нарѣчіемъ, если потребуется опредѣлить его отношеніе къ языку тѣхъ болѣе крупныхъ единицъ, въ составъ которыхъ входитъ эта общественная группа.

Сравненіе русскаго языка съ церковно-славянскимъ, сербскимъ, польскимъ, чешскимъ и др. показываетъ, что онъ восходитъ вмѣстѣ съ ними къ одному общему, не дошедшему до насъ въ письменныхъ памятникахъ, языку; такой выводъ стоитъ въ связи съ цѣлымъ рядомъ историческихъ свидѣтельствъ, доказывающихъ происхожденіе всѣхъ славянскихъ народовъ отъ одной общей племенной группы. Русскій языкъ, какъ и русскій народъ, можно назвать славянскимъ нарѣчіемъ, славянскимъ племенемъ, имѣя въ виду, что этотъ народъ и его языкъ входили нѣкогда въ составъ того предполагаемаго цѣлага, которое впоследствии распалось на отдѣльныя, дожившія до настоящаго времени славянскія племена и нарѣчья. Языкъ этого общаго предка всѣхъ славянъ принято называть въ наукѣ общеславянскимъ; въ свою очередь, онъ восходитъ къ индоевропейскому праязыку, отъ котораго произошли литовскій, германскіе, латинскій, греческій, древнеиндійскій и др. языки. Славянское племя, еще до своего распада на нѣсколько племенъ, не могло сохранить полнаго единства въ нравахъ и языкѣ вслѣдствіе расцѣленія на болѣе или менѣе обширныя пространства. Такимъ образомъ еще въ общеславянскую эпоху различались отдѣльныя славянскія нарѣчья и говоры, отличавшіеся между собою болѣе или менѣе значительными звуковыми и другими особенностями. Но намъ остается неизвѣстными, какія это были нарѣчья, какъ именно они группировались и соответствовали ли они хоть отчасти современнымъ разновидностямъ славянской семьи. Исторія отдѣльныхъ славянскихъ нарѣчій и между прочимъ русскаго начинается со времени распада общеславянской семьи. Вмѣсто одного языка, явились три диалектическія группы — *южнославянская, западнославянская* и, наконецъ, *восточнославянская*, объединившіяся впоследствии подъ общимъ именемъ *русской*. Ближайшаго родства между русской группой и которой-либо изъ двухъ другихъ группъ доказать нельзя. Сравнительное изученіе отдѣльныхъ русскихъ нарѣчій приводитъ къ восстановленію языка, общаго нѣкогда всему русскому народу, но уже съ самаго начала, съ эпохи отдѣленія отъ языка общеславянскаго, распавшагося на отдѣльные нарѣчья и говоры, неизвѣстныя намъ, впрочемъ, во взаимныхъ ихъ отношеніяхъ. Въ теченіе отдѣльной своей жизни русскій языкъ успѣлъ значительно измѣниться сравнительно съ языкомъ общеславянскимъ: эти измѣненія, отразившіяся во всѣхъ русскихъ нарѣчьяхъ, сближаютъ ихъ между собой, отличая вмѣстѣ съ тѣмъ отъ всѣхъ прочихъ славянскихъ языковъ. Таковы, напр., явленія полногласія: произношеніе «борода» вм. общеславянскаго «борда» характеризуетъ всѣ русскія нарѣчья, между тѣмъ какъ въ другихъ славянскихъ языкахъ находятъ «brada» (церк.-слав. брада, сербск. брада, чешск. brada), «brōda» (польск. и верхне-лужицк. broda). Точно также общеславянскіе звуки *tj*, *dj* въ русскомъ языкѣ, во всемъ составѣ его говоровъ и нарѣчій, перешли въ *ч* и *ж* (хочешь, межа), между тѣмъ какъ въ остальныхъ славянскихъ язы-

ках находим *ит* и *жд* (перк.-слав. хоштеши, межда), *с* и *з* или *дз* (польск. *chcesz, niedza*) и др. Съ теченіемъ времени общерусскій языкъ распался на нѣсколько нарѣчій, диалектическихъ группъ. Сравнительное изученіе современныхъ нарѣчій даетъ возможность возстановить число этихъ группъ и охарактеризовать ихъ взаимныя отношенія. Дѣленіе русскихъ говоровъ на великорусское, белорусское и малорусское нарѣчіе не можетъ быть признано древнимъ. Образование этихъ нарѣчій стоять въ тѣсной связи съ образованіемъ трехъ великихъ народностей, на которыя распалось русское племя. Не подлежитъ сомнѣнію, что народности эти сложились на памяти исторіи; нельзя говорить о белоруссахъ, малоруссахъ, великоруссахъ въ *X* или *XI* в.; но вмѣстѣ съ тѣмъ трудно сомнѣваться и въ томъ, чтобы между древнерусскими племенами, о которыхъ повѣствуютъ летописцы, не слѣдовало различать болѣе или менѣе обширныхъ группъ, объединившихся, по своему географическому сосѣдству, въ языкъ и обычаи. При этомъ весьма вѣроятно и то, что первоначальная группировка русскихъ племенъ не соответствовала современной группировкѣ русскихъ говоровъ; сравнительное изученіе великорусскихъ и белорусскихъ говоровъ приводитъ къ убѣжденію, что великорусское нарѣчіе соединило говоры, принадлежавшіе нѣкогда къ разнымъ диалектическимъ группамъ. Въ этомъ нарѣчіи различаются южное и сѣверное поднарѣчія. Въ первомъ изъ нихъ неударяемые *о*, *е* принимаютъ окраску звуковъ *а* и *и* (*и*), при извѣстныхъ же условіяхъ переходятъ въ *а* (*и*), напр. вада, сяло; звукъ *и* произносится какъ звонкая придыхательная согласная, сходно съ малорусскимъ *и*; звукъ *о* склоненъ къ переходу въ *у* (городъ вм. городѣвъ); звукъ *т* въ 3 л. обоехъ чиселъ не отверждаетъ (хѣтитъ, берѣтъ). Во второмъ, сѣверновеликорусскомъ, поднарѣчии *о* неударяемое остается безъ измѣненія, *е* неударяемое склонно къ переходу въ *о* (сѣло), звукъ *и* произносится какъ звонкая мгновенная согласная (какъ латинское *g*), звукъ *е* не переходитъ въ *у* (городѣкъ вм. городѣвъ); звукъ *т* въ 3 лицъ обоехъ чиселъ отверждаетъ (хѣдитъ, берѣтъ). Указанные здѣсь признаки южновеликорусскаго поднарѣчія, рѣзко отличающіе его отъ сѣверновеликорусскаго, родятъ его самымъ рѣшительнымъ образомъ съ белорусскимъ нарѣчіемъ: они прямо указываютъ на то, что южно-великорусскіе и белорусскіе говоры принадлежали раньше къ одной диалектической группѣ, отличавшейся отъ той, которая соответствовала современному сѣверновеликорусскому поднарѣчію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, можно указать на нѣкоторыя черты языка, общія обоимъ великорусскимъ поднарѣчіямъ и чуждыя говорамъ белорусскимъ: такъ, напр., переходъ *и* въ *о* передъ *и* (мою вм. мою; простой и прастой вм. простый) или образование именит. множеств. на *а* вм. *ы* (городѣ, домѣ). Вотъ почему надо признать, что нѣкогда южновеликорусскіе и белорусскіе говоры составляли одну диалектическую группу, но, до ея распадѣнія, одна часть ея обра-

зовала белорусское нарѣчіе, а другая, примкнувъ къ сѣвернорусской группѣ, составила, вмѣстѣ съ нею, нарѣчіе великорусское. Различіе между малорусскимъ нарѣчіемъ, съ одной стороны, великорусскимъ и белорусскимъ—съ другой, гораздо значительнѣе, чѣмъ различіе между великорусскими и белорусскими говорами: ясно, что древнерусскіе говоры, соответствующіе малорусскому нарѣчію, составляли особую диалектическую группу. Имѣя въ виду, что исторія русскаго народа не свидѣтельствуетъ о слишкомъ значительныхъ передвиженіяхъ русскихъ племенъ въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ ихъ застаютъ IX—X вв., можно съ увѣренностью утверждать, что первоначально русскій языкъ распался на три большія диалектическія группы: южную, сидѣвшую на юго-западѣ Европ. Р., среднюю, занимавшую среднюю ея часть, и сѣверную, заселявшую сѣверъ. Памятники языка удостоверяютъ, что уже въ *XI* и *XII* вв. выступали наружу тѣ звуковыя особенности, которыя въ настоящее время характеризуютъ русскія нарѣчія: *мѣна ч* и *и*, столь обычная и теперь на сѣверѣ, встрѣчается уже въ древнѣйшихъ рукописяхъ Новгородской и соседнихъ областей; переходъ *и* въ *и*, смѣшеніе *и* и *и*—черты, свойственныя современнымъ малорусскимъ говорамъ—встрѣчаются уже въ памятникахъ *XII* в., писанныхъ въ Кіевской и Волынской земляхъ; въ самомъ началѣ *XIV* в. мы встрѣчаемъ въ одномъ изъ говоровъ средней диалектической группы сильное аканье, т. е. переходъ *о* въ *а* и *е* въ *я*. Такимъ образомъ, на основаніи свидѣтельства древнѣйшихъ письменныхъ памятниковъ, можно предполагать исконное дѣленіе русскаго языка на три диалектическія группы. Исторія народа подтверждаетъ такое дѣленіе: южные племена, соответствующія современнымъ малорусскимъ, начиная съ конца *XII* ст., живутъ отдѣльно отъ остальныхъ русскихъ племенъ жизнью; сѣверныя племена, вмѣстѣ съ восточною отраслю племенъ среднерусскихъ, образуютъ, съ теченіемъ времени, Московское государство, а западная отрасль послѣднихъ племенъ входитъ въ составъ государства Литовско-русскаго. Усиленіе политическихъ центровъ въ средней Р.—на востокъ въ бассейнѣ Оки, на западъ въ бассейнѣ Западной Двины,—стоитъ въ тѣсной связи съ распадѣніемъ политическаго союза, объединившаго, подъ руководствомъ князей Рюриковичей, всѣ земли, занятыя русскими племенами. Результатомъ паденія Кіева, вызваннаго не столько внѣшними, сколько внутренними причинами, было тяготѣніе среднерусскихъ племенъ къ двумъ противоположнымъ центрамъ новой областной жизни, смѣнившей прежній племенной бытъ. Сначала только нѣкоторыя, а впослѣдствіи, въ силу историческихъ условій, всѣ восточныя племена среднерусской группы потянули къ Владиміру и Москвѣ, между тѣмъ какъ западныя племена этой группы примкнули къ Полоцкой землѣ, гдѣ уже издавна, вслѣдствіе благоприятныхъ условій, были заложены основанія новой, чуждой древней Руси, государственной жизни. — Москвѣ, вокругъ которой сосредоточились сначала лишь нѣкоторыя сѣ-

верныя и среднерусскія племена, удалось— благодаря естественному тяготѣнію другихъ родственныхъ племенъ къ центру, имѣвшему сначала областной, а потомъ и государственный характеръ,—объединить всю страну, занятую сѣвѣрной группой и восточной отраслью среднерусской группы. Въ самой Москвѣ образовалось новое нарѣчіе, совмѣщавшее особенности среднерусскихъ и сѣверныхъ говоровъ: отъ первыхъ оно заимствовало гласныя (аканіе), отъ вторыхъ согласныя (напр. —лат. *g*). Въ бассейнѣ Оки, сначала вокругъ Владимира, а потомъ Москвы, стала образовываться великорусская народность, при чемъ и языкъ обихихъ, нѣкогда обособленныхъ, диалектическихъ группъ началъ переживать общія явленія: въ цѣломъ рядъ пограничныхъ мѣстностей, а также въ областяхъ вновь колонизованныхъ, стали образовываться смѣшанные говоры, между тѣмъ какъ особенности московскаго нарѣчія проникали, благодаря культурнымъ влияніямъ, въ города и областные центры. Въ результатъ, въ области, занятой великорусской народностью, получилась довольно пестрая смѣсь различныхъ говоровъ; понять ее возможно только при историческомъ изученіи каждой мѣстности. Полоцкая область, объединившая среднерусскія племена съ нѣкоторыми сѣверными и южными русскими племенами въ бассейнахъ Березины и Припяти, уже по самой разноплеменности этнографическаго своего состава, была призвана къ политической жизни; тѣсный союзъ русскаго ея населенія съ Литвой обезпечилъ ростъ новаго государства. Благодаря ему окрѣпла белорусская народность; западныя вѣтви среднерусскаго племени получили при этомъ полный перевѣсъ надъ другими элементами и расширили свое влияние къ сѣверу (Псковская обл.). Центръ древнерусскаго племеннаго союза, Кіевъ, послѣ распада союза не скоро получилъ возможность стать областнымъ и государственнымъ центромъ: для этого потребовалось литовское завоеваніе. Центрами областной жизни южной Руси стали Галичъ и Владимиръ-Волынский: эти города были, повидимому, мѣстомъ столкновенія двухъ главныхъ племенъ южнорусскихъ—сѣверныхъ и южныхъ; отсюда ихъ областное (а не только племенное) значеніе и ихъ политическій ростъ. Современный малорусскій языкъ сохранилъ ясныя указанія на двойственность главныхъ элементовъ, которые отразились въ его нарѣчіяхъ и говорахъ: рядомъ съ сѣверномалорусскимъ нарѣчіемъ мы находимъ украинско-галицкое нарѣчіе, имѣющее нѣсколько значительныхъ разновидностей. Наиболѣе рѣзко отличается отъ прочихъ разновидностей восточнорусскаго нарѣчія, въ которомъ меньше всего точекъ соприкосновенія съ сѣверномалорусскими говорами (ср. *і* изъ *о*, постоянно сличающее согласныя; средний звукъ между *ы* и *и*; мягкое *р*; мягкое *т* въ 3 л. ед. и мн. др.). Имѣя въ виду, что населеніе современной Подляны и слободской Украины, вѣроятно, пришло главнымъ образомъ изъ такъ называемого Побережья, т. е. изъ мѣстности между Днѣстромъ и Бугомъ, до сихъ поръ весьма населенной, восточнорусскіе говоры мож-

но признать наиболѣе характерными представителями южнорусскаго нарѣчія. Западноукраинскіе и галицкіе говоры представляютъ своеобразныя сочетанія южнорусскихъ звуковыхъ чертъ съ сѣверномалорусскими. Соображая все это, слѣдуетъ заключить, что современные малорусскіе говоры восходятъ къ двумъ древнимъ малорусскимъ нарѣчіямъ—сѣверному и южному; отражая эти нарѣчія лишь частью въ первоначальной чистотѣ, большая часть малорусскихъ говоровъ представляетъ смѣшеніе обоихъ типовъ, съ явнымъ, впрочемъ, преобладаніемъ южнаго типа. Смѣшанное населеніе положило основаніе малорусской народности, подобно тому, какъ великорусская народность явилась результатомъ столкновенія нѣсколькихъ среднерусскихъ и сѣверныхъ племенъ. Какъ великорусская народность образовывалась въ связи съ политическимъ ростомъ государства въ бассейнѣ Оки, такъ точно начало развитія народности малорусской стоитъ въ тѣсной связи съ государственной дѣятельностью Даниила и его преемниковъ: при нихъ начало осѣдаль населеніе, пришедшее въ броженіе вслѣдствіе татарскаго нашествія.

Современный составъ русскихъ говоровъ въ значительной еще степени отражаетъ судьбу отдѣльныхъ областей древней Руси. Какъ указано выше, великорусское нарѣчіе дѣлится на два главныхъ поднарѣчія—сѣверное и южное.

Сѣверно-великорусское нарѣчіе слышится въ областяхъ, частью издавна населенныхъ новгородскими славянами и родственными имъ кривичами, частью уже въ историческое время колонизованныхъ тѣми же племенами. Въ Европ. Р. сюда относятся губерніи Новгородская, С.-Петербургская, Олонецкая, Архангельская, Вологодская, Костромская, Ярославская, Владимирская, Вятская и Пермская. На этомъ громадномъ пространствѣ рѣзко выделяется цѣлый рядъ мѣстныхъ говоровъ, но до сихъ поръ ихъ не удалось сгруппировать въ болѣе или менѣе обширныя дѣленія. Попытка Дала различить въ сѣверно-великорусскомъ нарѣчій вост. и зап. поднарѣчія встрѣтила серьезныя затрудненія въ звуковыхъ данныхъ; это обстоятельство стоитъ, конечно, въ связи съ тѣмъ, что новгородская колонизація долгое время шла на С и В почти безпрерывно. Къ Ю отъ указаннаго пространства тянутся съ одной стороны области, гдѣ проходитъ древняя граница между сѣб. и среднерусскими говорами, а съ другой—области, сравнительно недавно колонизованныя Владимірскимъ и затѣмъ Московскимъ государствомъ, а потому до сихъ поръ представляющія пеструю смѣсь обихихъ элементовъ, образовавшихъ Владиміръ и Москву: сѣвернаго (сѣверно-великорусскаго) и среднерусскаго (южно-великорусскаго). Къ областямъ, гдѣ издавна проходила граница между обоими русскими нарѣчіями, принадлежатъ современныя губерніи Псковская, Тверская и Московская. Псковская губ. только въ сѣв. своей части принадлежитъ къ области сѣверно-великорусскаго нарѣчія. Опакъ (говорятъ на о), кажется, только въ Порховскомъ у.; въ Псков-

(комъ и Островскомъ уѣздахъ замѣчается смѣшеніе сѣверно-русскихъ и среднерусскихъ бѣлорусскихъ) особенностей: здѣсь акаютъ и якаютъ (вадѣ, вяду), смѣшиваютъ *и* и *у*, измѣняютъ *и* въ концѣ словъ на *а* (парохъ вм. порохъ, Псковъ), произносятся *э* вм. *ы* (мѣю, Остр.), употребляютъ мягкое *т* въ 3 л. ед. и мн. (работаютъ), но рядомъ со всѣми этими среднерусскими чертами наблюдаются и сѣверно-русскія: *и* произносится какъ лат. *g* (а въ Островскомъ *у*, оно переходитъ въ концѣ словъ въ *к*: сапокъ), въ род. ед. вм. *ого* говорятъ *ога*, *ога* (явѣ, худѣва), вм. *ч* употребляютъ твердое *ч* (покаютъ). Говоры южн. уѣздовъ—Великолудскаго, Опочецкаго, Холмскаго, Торопецкаго можно причислить къ бѣлорусскимъ, хотя и здѣсь встрѣчаются черты, заимствованныя изъ сѣверно-великорусскаго нарѣчія: цоканіе, произношеніе *и* какъ лат. *g*. Исторія Псковской земли объясняетъ все разнообразіе ея говоровъ: здѣсь происходила борьба новгородскаго вліянія съ вліяніемъ Литовско-русскаго государства. Сначала, Псковъ — пригородъ Новгорода Великаго, но частью уже съ XIII вѣка и постоянно съ начала XIV в. онъ принимаетъ къ себѣ князей литовскихъ. Вѣроятно, что эта борьба была слѣдствіемъ столкновенья между двумя русскими племенами—древними поселенцами Псковскаго края, кривичами, и населеніемъ, двигавшимся съ Ю, изъ Полоцкой земли. Только такое предположеніе объяснить тѣ рѣзкія отличія псковскаго говора отъ новгородскаго, который уже для XIV в. указаны Соболевскимъ. Въ самой Новгородской области происходило столкновенье между обоими народностями: въ XV в. населеніе юго-зап. ея окраины тянуло къ Литовско-русскому князевству и смѣсной судъ новгородскаго и литовскаго тянуло для Великихъ Лукъ былъ обезличиваемъ договорами. Сосѣднія съ Псковской Тверская губ. представляютъ такой же пестрый составъ русскаго населенія. Сѣв.-зап. ея уѣзды (Вышневолоцкій, Осташковскій, Старицкій, Тверской) акаютъ, а юго-зап. (Зубовскій и въ особенности Ржевскій) имѣютъ рядъ типическихъ бѣлорусскихъ особенностей (здѣсь, между прочимъ, дзекать, т. е. произносить *т* и *д* какъ *и* и *да*). Напротивъ, сѣв. и вост. уѣзды (Бѣжецкій, Калезинскій, Корчевской, Кашиинскій) принадлежатъ къ области сѣверновеликорусскаго нарѣчія. Область, занимаемая Тверской губ., соответствуетъ области древняго Тверскаго княжества: образованіе его относится къ XIII в., а наибольшій политическій ростъ—къ слѣдующему XIV вѣку. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь произошло столкновенье древнихъ поселенцевъ—кривичей (занимавшихъ не только верховья Волги, но также бассейны верхнихъ ея притоковъ—Мологи и Шексны)—съ новыми поселенцами, шедшими съ З и ЮЗ. Появленіе этихъ элементовъ у верховьевъ Волги стоитъ въ тѣсной связи съ броженіемъ среднерусскихъ племенъ, которое было вызвано нашествіемъ татаръ; усиливъ древнее населеніе этихъ мѣстностей, новые пришельцы содѣйствовали образованію самаго Тверскаго княжества, которое, вскорѣ послѣ татарскаго

нашествія, получаетъ преобладающее значеніе въ сѣверо-восточной Руси. Въ Московской губ. издавна сходились поселенія сѣвернорусскія (съ С и В) и среднерусскія (съ Ю и З). Въ настоящее время среднерусскіе акающие говоры въ значительной степени расширились на счетъ сѣвернорусскихъ окающихъ, въ сѣв. части Московской губ.: въ Волоколамскѣ—этой древней новгородской колоніи—акаютъ; новгородскіе выходцы, вѣроятно, ассимилировались тѣмъ самымъ новымъ поселенцамъ, которые въ Тверской землѣ съ Ю и З потѣснили кривичей. Граница южно-великорусскаго и сѣверно-великорусскаго нарѣчій проходитъ теперь на В отъ Москвы: наблюдатели указываютъ, что въ самомъ Московскомъ у. по Ярославскій дорогѣ населеніе еще не такъ давно говорило на *о*; въ Дмитровскомъ и Вогородскомъ уу. окающие говоры имѣютъ до сихъ поръ значительное распространеніе. Сама Москва до сихъ поръ оказывается на границѣ двухъ или нѣсколькихъ русскихъ племенъ: на В отъ Москвы окаютъ, на ЮВ и З господствуютъ весьма отличныя другъ отъ друга, хотя и одинаково акающія нарѣчія. Являясь естественнымъ центромъ, Москва не навязывала своего языка и народности примкнувшимъ къ ней областямъ; напротивъ, она восприняла ихъ говоры и племенные черты. Въ результатѣ Москва образовала свое особенное нарѣчіе, соединившее звуковыя черты тѣхъ главныхъ нарѣчій, которыя сталкивались у ея стѣнъ; заимствовалъ изъ среднерусскаго нарѣчія вокализмъ (гласныя), московское нарѣчіе получило свой консонантизмъ (согласныя) отъ сѣверно-русскаго нарѣчія: въ Москвѣ акаютъ, но *и* произносятся какъ латинское *g* (а въ концѣ слова какъ *к*), измѣняютъ *и* въ *э* въ род. ед. мѣстоименій и прилагательныхъ, не смѣшиваютъ *и* и *э*, имѣютъ твердое *т* въ 3 лицѣ единств. и множ. и т. д. Итакъ, московскій говоръ трудно признать среднерусскимъ или сѣверно-русскимъ. Это—говоръ великорусскаго нарѣчія, главный и типическій его представитель. Москва стала центромъ новой народности—великорусской; содѣйствовавъ сближенію нарѣчій среднерусскаго и сѣверно-русскаго, она положила основанія государственнаго и общаго литературнаго языка. Предѣлы сѣверно-русскаго нарѣчій простирались нѣкогда южнѣе, чѣмъ теперь. Лѣтописи сохранили указаніе на то, что Муромъ примыкалъ къ союзу сѣверно-русскихъ племенъ, называвшихъ князей. Дѣйствительно и въ настоящее время Муромскій у. Владимірской губ. принадлежитъ къ области сѣверно-великорусскаго нарѣчій; но политически онъ въ удѣльный періодъ тянулъ къ Рязани. Это явленіе указываетъ, вѣроятно, на то, что Ока была нѣкогда границей сѣв. и среднерусской колонизаціи, но среднеруссы, вслѣдствіе благоприятныхъ политическихъ условий, перешли мѣстами и за нее. Это особенно ясно при изученіи говоровъязовской части Касимовскаго у., гдѣ проф. Будде обнаружилъ существованіе сѣверно-русскаго нарѣчія, испытывающа на себѣ среднерусское (южно-великорусское) вліяніе: очевидно, что

древніе поселенцы ассимилировались новому притоку русского населения, шедшего съ Ю или З. Среднее Поволжье (современныя губерніи Нижегородская, Казанская, Симбирская) было колонизовано подъ охраной сначала Владимірскаго, а потомъ Московскаго великаго княжества и царства. Составъ новыхъ поселенцевъ, среди которыхъ находимъ представителей обоихъ племенъ, образовавшихъ великорусскую народность, показываетъ, откуда шла колонизація. Въ названныхъ губерніяхъ встрѣчаются частью акающіе, частью акающіе говоры; тамъ же образовались смѣшанные говоры, соединившіе различныя сѣверно-русскія и среднерусскія черты (напр., аканіе, но при этомъ произношеніе *а* какъ латинскаго *g*, твердое *т* въ *З* л., стяженіе *ae* въ *a*). Такіе же разнообразные говоры представляютъ мѣстности къ Ю отъ этихъ губерній—Пензенская, Саратовская и сосѣднія съ ними съ В губерніи.

Южновеликорусское нарѣчіе обнимаетъ современныя губерніи Рязанскую, Тамбовскую, Тульскую, Орловскую, Калужскую, нѣкоторыя части Смоленской, Курской и Черниговской; кромѣ того, южновеликорусскіе говоры, какъ мы видѣли, занимаютъ значительную часть Московской и Тверской губ.; равнымъ образомъ они распространены въ губерніяхъ, колонизованныхъ южновеликоруссами одновременно съ сѣверноруссами (см. выше). Колонизація южныхъ окраинъ Московскаго государства шла изъ пограничныхъ съ степью мѣстностей: вотъ почему въ Воронежской губ., въ Области Войска Донскаго, наконецъ въ Новороссіи, мы встрѣчаемъ населеніе, говорящее по-южновеликорусски. Весьма трудно установить зап. границу южновеликорусскаго нарѣчія, такъ какъ на З оно сосѣдитъ здѣсь съ родственными по происхожденію нарѣчіемъ бѣлорусскимъ: отличительными признаками бѣлорусскихъ говоровъ слѣдуетъ признавать только дзеканіе и отвердѣніе *р*. Разсмотримъ затѣмъ отдѣльно нѣкоторыя окраины южновеликорусскаго нарѣчія. Рязанская земля представляется заселенной уже въ XI в.: это удѣлъ младшей линіи черниговскихъ князей. Весьма вѣроятно, что они послѣдовали въ эту страну за русскимъ населеніемъ, оставшимъ среди финскаго племени; слѣдовательно, Рязань колонизована тѣмъ русскимъ племенемъ, которому принадлежали и Курскъ, и Елецъ, т. е. племенемъ, сидѣвшимъ въ княжествахъ Новгородъ-Сѣверскомъ и Черниговскомъ. Трудно допустить, чтобы заселеніе Рязани шло только съ З и СЗ, изъ губерній Тульской и Калужской. Въ концѣ XI в. земли по верхнему теченію Оки еще не были вполне покорены русскимъ князьямъ; сохраняя свою племенную обособленность, вятичи впродолженіи могли пуститься въ колонизаціонное движеніе и остановить—по крайней мѣрѣ собственными силами, безъ содѣйствія сѣверянъ—распространеніе сѣверноруссовъ, уже въ IX в. дошедшихъ до нижняго теченія Оки (Муромъ). Во всякомъ случаѣ господствующимъ русскимъ племенемъ въ Рязани были среднеруссы: языкъ до сихъ поръ родитъ рязанцевъ съ туляками, калу-

жанами и бѣлоруссами, свидѣтельствуя объ ихъ одноплемениности. Позднѣйшая судьба раздѣлила эти части среднерусскаго племени, но рѣзкія звуковыя отличія, напр., аканіе, до сихъ поръ свидѣлствуютъ о ихъ бывшемъ единствѣ. Большая часть Тульской губ. (кромѣ южныхъ ея уѣздовъ), Калужская губ. и сѣв. часть Орловской губ. были въ древности заселены упомянутыми выше вятичами. Это племя, вмѣстѣ съ радимичами и вѣроятно также дреговичами (сидѣвшими на З отъ радимичей), въ древности, на мѣстахъ своихъ первоначальныхъ поселеній, примыкало, повидимому, къ польскимъ говорамъ, съ которыми пережило нѣкоторыя общія фонетическія явленія (дзеканіе): намекъ на это находимъ у лѣтописца, который выводилъ родоначальниковъ вятичей и радимичей—Вятка и Радима—отъ яховъ. Впослѣдствіи эта звуковая черта, подъ вліяніемъ сосѣднихъ говоровъ (сѣверянъ, граничившихъ съ вятичами съ Ю и В), почти совсѣмъ исчезла, оставивъ слабые слѣды, напр., въ Мещовскомъ у., гдѣ до сихъ поръ извѣстно произношеніе зля вм. дѣя. Смѣшанный характеръ современныхъ калужскихъ говоровъ сказывается и въ другихъ чертахъ: рядомъ съ сохраненіемъ *в* въ мыло, рыю или переходомъ его въ *э* (мяю, рѣю) извѣстно произношеніе *ой* вм. *ый* въ им. ед. муж. р. именъ прилагательныхъ (прстой, сляпой); это *ой*, очевидно, заимствовано изъ другихъ говоровъ. Тѣмъ не менѣе, отсутствіе дзеканія прямо указываетъ, что населеніе указанныхъ губерній было втянуто въ сферу вліянія говоровъ, образовавшихъ южновеликорусское нарѣчіе. Въ Черниговской, Курской и части Орловской губ. сохранились древніе сѣверскіе говоры, въ первой—въ смѣшеніи, а во второй—въ сосѣдствѣ съ говорами малорусскими: разрѣженное поселеніе татарскаго нашествія населеніе Сѣверской земли должно было раздѣлить свои земли съ новыми колонистами, шедшими сначала изъ Полтвы, а впослѣдствіи потянувшими съ ЮЗ. Наплывъ этихъ новыхъ элементовъ начался въ эпоху литовско-русскаго владычества надъ этими землями. На время почти всѣ земли родственныя между собой вятичей, радимичей и дреговичей были соединены въ одно политическое тѣло: рука литовско-русскихъ князей доходила и до Ельды, но въ скоромъ времени Одоевскіе, Новосильскіе, Мценскіе, Мезенскіе (Мещовскіе), Мосальскіе князья принуждены были покориться Московскому государству. Въ Смоленской землѣ сходялись вѣтъюгда сѣвернорусскія и среднерусскія поселенія: это видно какъ изъ того, что самъ Смоленскъ признается въ лѣтописи кривичскимъ (сѣвернорусскимъ) городомъ, такъ и въ особеннсти изъ того, что сѣв. уѣзды Смоленской губ. (Порѣцкій, Бѣльскій, Духовщинскій) сохранили до сихъ поръ въ своемъ говорѣ сѣвернорусскую черту—цоканіе. Среднеруссы южной и восточной части Смоленской земли рано подпали подъ вліяніе восточныхъ (сѣверскихъ) говоровъ и утратили нѣкоторыя типическія черты въ своемъ языкѣ; напротивъ, въ зап. части сохранились дзеканіе и твердое *р*, что и заставляетъ дѣлать Смоленскую

губ. между бѣлоруссами и южновеликоруссами.

Бѣлорусское нарѣчіе — это прямой потокъ той вѣтви среднерусскаго нарѣчія, которая, какъ мы видѣли, сосѣдила издавна съ польскими говорами и пережила вмѣстѣ съ ними нѣкоторыя общія звуковыя явленія (дзеканіе). Восточные говоры среднерусской семьи рано отошли въ сферу вліянія вост. вѣтви среднерусскаго нарѣчія; напротивъ, зап. племена (дреговичи, радимичи и часть вятичей), пользуясь, вѣроятно, приливомъ населенія изъ опустошенной татарами Сѣверщины, образовали, въ союзѣ съ Литвой, особое государство и сложили въ одну народность. Одно время бѣлоруссы могли начать поступательное движеніе къ С и СВ: они поглотили полоцкихъ кривичей, о которыхъ свидѣлствуютъ покающіе говоры Себежскаго, Велижскаго, Витебскаго и Городокскаго у. Витебской губ. и отгѣснили кривичей въ Псковской и Тверской землѣ (см. выше). Только нын. Могилевская губ. (земля радимичей, жившихъ между Днѣпромъ и Сожемъ) не сохранила слѣдовъ столкновенія различныхъ русскихъ племенъ (исключеніе составляетъ южн. часть Гомельскаго у., куда проникли малорусскія особенности). Въ нын. Минской губ., составлявшей вѣкогда южную часть Полоцкаго и сѣв. часть Кіевскаго княжествъ, проходитъ до сихъ поръ диалектическая граница среднеруссовъ и южноруссовъ. Теперь она уже не такъ рѣзко выражена: въ древности среднее и нижнее теченія Березины и нижнее теченіе Свислочи составляли границу Полоцкаго и Кіевскаго княжествъ; а въ настоящее время мы встрѣчаемъ рядъ переходныхъ говоровъ отъ бѣлорусскихъ къ сѣверномалорусскимъ въ серединѣ Минской губ., а именно въ южной части Минскаго у., въ уѣздахъ Слуцкомъ, Игуменскомъ, Бобруйскомъ и Мозырскомъ (Соболевскій, «Опытъ диалектологіи»). Говоры южной части Мозырскаго у. (по правую сторону р. Припяти) можно относить уже къ сѣверномалорусскому нарѣчію. Въ Пинскомъ у. бѣлоруссы столкнулись не только съ сѣверными, но и съ южными малоруссами. Въ нын. Гродненской губ., наконецъ, бѣлоруссы встрѣтились какъ съ мазовецкими говорами, оказавшими вліяніе на ихъ языкъ, напр. въ Волковыскомъ у., такъ и съ сѣверномалорусскими, оказавшими на нихъ рѣшительное вліяніе: ср. малорусскіе дифтонги въ бѣлорусскихъ (акающихъ) говорахъ Слонимскаго, Волковыскаго, Соколкаго и др. уу. Въ виду указаннаго выше предположенія объ истонномъ сосѣдствѣ зап. вѣтви среднерусскаго племени съ полскими говорами, я думаю, что появленіе южноруссовъ въ бассейнѣ Нѣмана сравнительно новаго происхожденія: впрочемъ, оно во всякомъ случаѣ имѣло мѣсто уже въ XI и XII ст., такъ какъ иначе непонятно совпаденіе границъ кіевскаго (южнорусскаго) княжества съ диалектическими границами среднерусскаго (бѣлорусскаго) и малорусскаго нарѣчій.

Малорусское нарѣчіе дѣлилось вѣкогда, какъ указано выше, на два главныя поднарѣчія — сѣверное и южное. Вторженіе южныхъ малоруссовъ въ область, занятую сѣверными, ото-

двинуло границы малорусскихъ поселеній къ С: сѣверные малоруссы заняли Подлясье (губ. Сѣдлецкая и часть Гродненской) и углубились въ Полѣсье, перейдя за Припять. Этимъ ихъ движеніемъ раздвигались границы Кіевского княжества, доходившія до середины современной Минской губерніи. Западная вѣтвь сѣверныхъ малоруссовъ была откинута вторженіемъ южныхъ малоруссовъ къ З, и Угорская Русь едва-ли не представляетъ остатки сѣверномалорусскихъ племенъ, отступившихъ передъ напоромъ южномалоруссовъ — вольнянъ: по крайней мѣрѣ можно указать нѣсколько звуковыхъ чертъ, сближающихъ *угорское нарѣчіе* съ сѣверномалорусскимъ (напр. измѣненіе долгаго о не въ і, а въ у, а также въ уі. Къ В отъ этого поднарѣчія расположены *галицкое* и *подольско-холмское* поднарѣчія: первое изъ нихъ принадлежитъ несомнѣнно южно-малорусской семьѣ, но оно восприняло не мало чертъ первоначальныхъ жителей этой мѣстности, сѣверно-малоруссовъ, ассимилировавшихся позднѣйшими поселенцами — южанами; таковы, напримѣръ: переходъ звука а послѣ мягкихъ свистящихъ, шипящихъ и ж въ смятающее предшествующую согласную е: произношеніе шестья и шесте, держать, вѣзъ, вм. шестья, держать, вѣзъ, обще подлянскому и галицкому поднарѣчіямъ. Второе поднарѣчіе, подольско-холмское, еще ближе къ чистому типу южно-малорусскаго нарѣчія: мало отличающъ отъ украинскаго нарѣчія, занимающаго обширныя пространства къ востоку, оно сближается съ *западно-украинскимъ* поднарѣчіемъ, простирающимся на востокъ до Днѣпра, тѣмъ, что приняло нѣсколько сѣверно-малорусскихъ чертъ. Присутствіе въ западно-украинскомъ этихъ наносныхъ звуковыхъ особенностей (напримѣръ отверднѣе р, т твердое въ З лицѣ, произношеніе и какъ ы) отличаетъ его отъ *восточно-украинскаго* поднарѣчія, чуждаго какому-бы то ни было вліянію со стороны сѣверно-малорусскихъ говоровъ: это поднарѣчіе занимаетъ нын. губ. Полтавскую, Харьковскую, Воронежскую и Новороссійскія. Очевидно, восточные украинцы никогда не сосѣдили съ сѣверными малоруссами: вотъ почему правильнѣе всего выводить ихъ пазъ южной части заднѣпровской Украины (южной части нын. Подольской губ.). Въ сѣверозападной части нын. Полтавской губ. и южной части Черниговской восточно-украинскіе говоры подверглись вліянію сѣверно-малорусскаго говора Подесеня и образовали особое поднарѣчіе — *сѣверно-украинское* или *нѣжинско-ниженскае*. Сѣверные малоруссы перешли за Днѣпръ, гдѣ смѣшались съ остатками сѣверянъ, сравнительно поздно, очевидно — подъ охраной литовско-русской государственной власти. Древнія поселенія ихъ, какъ и всего малорусскаго племени, не переходили за Днѣпръ. Теперь мы застаемъ *сѣверно-малорусское* нарѣчіе, съ одной стороны, на крайнемъ западѣ, на границахъ съ Польшей — это *подлянское* поднарѣчіе, занимающее Сѣдлецкую губ., а въ Гродненской — уу. Врестъ-Литовскій и части Бѣльскаго, Кобринскаго и Пружанскаго уу. Съ другой стороны, на востокъ

къ *политическое* поднаръчье занимаетъ въ Киевской губ. сѣв. части Киевскаго и Радомысльскаго уу., въ Волынской—Овручскій и прилегающія части сосѣднихъ уѣздовъ. Восьма вѣроятно, что раньше сѣверно-малорусскія поселенія простирались нѣсколько южнѣе: къ сѣверу они оттѣснены частью вторженіемъ южныхъ малоруссовъ (см. выше), частью татарскимъ погромомъ, превратившимъ Кіевчину въ Украину. Такимъ образомъ современная группировка малорусскихъ говоровъ по ту сторону Днѣпра ясно отражаетъ судьбы южнорусской народности, какъ онѣ сложились частью въ первые вѣка нашей исторіи, частью уже послѣ татарскаго нашествія. Лѣтопись сохранила воспоминаніе о движеніи южныхъ племенъ на сѣверъ: она говоритъ о вторженіи волянянъ въ область дуббровъ и о потерѣ угличами и тверцами южныхъ поселеній, доходившихъ до Чернаго моря и Дуная. Южные малоруссы потѣснили къ сѣверу сѣверныхъ малоруссовъ; эти послѣдніе потѣснили средне-русскія племена въ бассейны Припяти. Татарское нашествіе открыло южнымъ малоруссамъ новые колонизаціонные пути черезъ Кіевъ, въ опустошенное Заднѣпровье, въ степи, нѣкогда охраняемые и частью заселенныя средне-русскимъ племенемъ—сѣверянами.

Краткій очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка. Въ теченіе многовѣкового существованія русскаго языка, его звуки и формы, его синтаксическій строй и лексическій составъ подверглись значительному измѣненію. Прослѣдить эти измѣненія и связать настоящее русскаго языка, во всѣхъ разнообразныхъ говорахъ, съ его прошлымъ составляетъ задачу исторической грамматики. Исследователь располагаетъ самыми разнообразными средствами для восстановленія различныхъ эпохъ, которыя переживалъ русскій языкъ въ своемъ историческомъ развитіи. Съ одной стороны, сравнительное изученіе современныхъ русскихъ говоровъ свидѣтельствуетъ о болѣе или менѣе отдаленныхъ эпохахъ, когда эти говоры еще не успѣли обособиться и составляли одно цѣлое, возстановляемое въ своихъ звукахъ и формахъ на основаніи данныхъ настоящаго. Съ другой стороны, сравнительное изученіе славянскихъ языковъ, въ связи съ изученіемъ родственныхъ языковъ индо-европейскихъ, возстановляетъ составъ языка общеславянскаго и такимъ образомъ даетъ возможность съ увѣренностью говорить о той древнѣйшей эпохѣ жизни русскаго языка, въ которой онъ переживалъ явленія, впервые обособившія его отъ другихъ членовъ славянской семьи. Наконецъ, изученіе письменныхъ памятниковъ на протяжении восьми вѣковъ (XI—XVIII) даетъ матеріалъ, получающій значеніе живого свидѣтельства въ трудѣ исследователя, ставящаго его въ связь съ данными современныхъ живыхъ говоровъ. Древнѣйшую эпоху обособленія жизни русскаго языка можно назвать эпохой общерусскою, такъ какъ въ это время, несмотря на возникновеніе мѣстныхъ говоровъ, русскій языкъ еще не распался на отдѣльныя части и на всемъ своемъ протя-

женіи переживалъ общія явленія. За эту эпоху слѣдовала эпоха распаденія русскаго языка на три главныхъ нарѣчія—сѣверное, среднее и южное; распаденіе это произошло не сразу, а подготовлялось постепенно историческими событиями IX—XI вв. Начиная съ XII в., исторія русскаго языка распадается на исторіи отдѣльныхъ его нарѣчій: но взаимная связь между отдѣльными членами русскаго языка долго еще не утрачивается, да не утрачена она и до сихъ поръ; она поддерживается столкновеніями племенъ и колонизаціонными движеніями населенія. Тѣмъ не менѣе, начиная съ XII в., нельзя доказывать существованія въ языкѣ явленій общерусскихъ; вмѣсто нихъ выступаютъ явленія, или свойственныя одному только нарѣчью, или общія лишь нѣкоторымъ изъ нихъ. Въ виду всего вышесказаннаго, настоящій очеркъ распадается на три отдѣла: въ 1-мъ дается характеристика эпохи общерусской; во 2-мъ указаны главнѣйшія явленія, предшествовавшія распаденію русскаго языка на три главныхъ его нарѣчій, при чемъ различены явленія, общія всему языку, и явленія диалектискія; въ 3-мъ отдѣлѣ изложена въ самыхъ общихъ чертахъ судьба звуковъ и формъ общерусскаго языка въ его нарѣчьяхъ: сѣверномъ (сѣверно-великорусскомъ), среднемъ (распавшемся на блжорусское и южно-великорусское) и южномъ (малорусскомъ).

1. Въ общерусскій языкъ перешли звуки и формы общеславянскаго языка, принадлежавшіе этому языку частью въ цѣломъ его составѣ, частью лишь въ отдѣльныхъ его диалектахъ. Къ числу общеславянскихъ звуковъ, оставшихся въ общерусскомъ языкѣ безъ измѣненія, относятся: гласныя *а, у* (въ слоговомъ и неслоговомъ употребленіи, т. е. *ю*), *и* (полнаго и неполнаго—передъ неслоговымъ *и*—образованія), *и* (полнаго и неполнаго—передъ неслоговымъ *и*—образованія, а также въ неслоговомъ употребленіи, т. е. *и*); дифтонгическое сочетаніе *иѣ* (*ѣ*); *ѣ* (т. е. нѣмечскій звукъ *ä*), являвшееся въ общеславянскомъ языкѣ диалектически послѣ смягченныхъ согласныхъ передъ слогомъ съ гласными *и, е* (*иѣ*); звуки *з* и *с*, т. е. весьма краткія и неопредѣленныя (глухія) *у* и *и* (*у* и *и* ирраціональныя), бывшія въ одномъ положеніи болѣе сильными, въ другомъ—болѣе слабыми; согласныя—задненебныя, при чемъ при *г*—лат. *g* въ русскій языкъ перешло и *г* приблизительно=лат. *h* (условно обозначаю это второе *г* буквою *h*); смягченныя: *р, л, н, ж, ш, ѣ* (изъ *к*), *з* при диалектическомъ *дз* (изъ *т*), *с* (изъ *х*); смягченныя губныя передъ смягченными *л* (общеславянская диалектическая группа губная + *г* не перешла въ русскій языкъ); средненебная согласная *д*, чередовавшаяся, при извѣстныхъ условіяхъ, съ *н*. Въ числѣ группъ согласныхъ звуковъ обращаетъ на себя вниманіе отсутствіе группъ *дл* и *тл*, диалектически уже въ общеславянскомъ языкѣ измѣнившихся въ *л*, а также отсутствіе группъ *кѣ, гѣ, шѣ*, вмѣсто которыхъ общерусскій языкъ сохранилъ общеславянскія диалектискія *кѣ, гѣ, шѣ* (напр. въ словѣ *шюды*).—Остальные гласныя и согласныя

подверглись въ общерусскомъ языкѣ болѣе или менѣе значительнымъ измѣненіямъ. Среднѣеотсящихъ сюда явленій отмѣтимъ слѣдующія: а) Переходъ группъ *ч'т'* (*ч* мягкое и *т*. мягкое) и *дж'д'* при *ж'д'* въ *ч'* и *ж'*: общеслав. *свѣч'т'а*, *медж'д'а* измѣнились въ *свѣта*, *межа* (ср. старослав. свѣшта, межа).— б) Переходъ начального *а* (общеслав. диалект. *вм. је*) въ *о* и далѣе въ *о* (ср. переходъ начальныхъ *е*, *а* въ *о* въ словахъ, заимствованныхъ въ позднѣйшую эпоху): *адичъ* перешло въ *одинъ*, *осетръ* въ *осетръ* и т. д.— в) Взаимное сближеніе между гласными п согласными, вызвавшее появленіе новыхъ рядовъ согласныхъ (смягченныхъ и лабиализованныхъ) и измѣненіе нѣкоторыхъ гласныхъ въ направленіи къ *и* (палатализация) и къ *у* (лабиализация). А именно, въ общерусскомъ языкѣ сталъ дѣйствовать законъ полной ассимиляціи согласныхъ слѣдующимъ гласнымъ по органамъ произношенія: передъ гласными передняго ряда (*е*, *е* носовымъ, *ю*, *у*, *ю*) согласныя палатализировались, а передъ гласными задняго ряда (*о*, *о* носовымъ, *у*, *у*) онѣ лабиализировались. Должно отмѣтить при этомъ, что степень палатализаціи и лабиализаціи зависѣла отъ слѣдующей гласной: такъ передъ *и* согласныя становились мягкими, а передъ *е*—полумягкими. Вновь возникшія сочетанія звуковъ могли подвергаться дальнѣйшимъ измѣненіямъ: между тѣмъ какъ сочетанія «согласная мягкая + *и* (*ю*)» оставались безъ измѣненія, вѣдѣніе однородности составныхъ элементовъ, въ сочетаніяхъ «полумягкая согласная + *е* (простое или носовое) или *ю* (болѣе сильное)» измѣненію подверглись сначала полумягкія согласныя, становившіяся все болѣе палатальными, т. е. переходившія въ мягкія, а потомъ и гласныя, одновременно съ этимъ стремившіяся къ утратѣ или уменьшенію палатальнаго своего характера. При этомъ *е* измѣнялось въ болѣе открытое *я*: общеслав. *jestъ* измѣнилось въ общерусск. *jest'а*. Но тамъ, гдѣ за *е* слѣдовала палатализованная согласная, оно переходило въ *е* закрытое, склонное къ *и* (общерусск. *м'елютъ* съ закрытымъ *е*); напротивъ, гдѣ за *е* слѣдовала согласная лабиализованная, тамъ оно переходило въ *о* (нѣмец. *о*, франц. *eu*, но съ болѣе открытымъ произношеніемъ), ассимилируясь этой согласной (общерусск. *м'оду* *вм.* общеслав. *меду*). Носовое *е*, теряя палатальный характеръ, переходило въ носовое *а*: общерусск. *н'атъ* съ носовымъ *а* (см. ниже) *вм.* общеслав. *н'етъ* съ носовымъ *е*. Болѣе сильное *ю*, послѣ мягкой согласной, становилось болѣе закрытымъ передъ палатальною согласною (*д'юи'*),—переходило въ *ю* (нѣмецкое *iu*, французское *u*) иррациональное передъ согласною лабиализованною (*д'юнкъ*, откуда впоследствии *дѣнкъ*). Что касается болѣе слабого *е*, то полумягкія согласныя передъ нимъ не приобретали полной мягкости, если только этому не содѣйствовала какая-нибудь аналогія: *несетъ* съ полумягкимъ *т*, но *костъ* съ мягкимъ *т*, подъ вліяніемъ мягкаго *т* въ *костѣ*. Такъ возникли въ общерусскомъ языкѣ мягкія согласныя: губныя (извѣстныя въ общеслав. только передъ мягкимъ *л*) и зубныя (*т*, *д*,

с, *з*, *р*, *л*, *н*); новыя гласныя: *я* (въ конечномъ открытомъ слогѣ), *ю*, *е* закрытое, *а* носовое, *ю* закрытое, *и* иррациональное. Лабиализація согласныхъ приняла въ общерусскомъ языкѣ широкіе размѣры: изъ общеслав. лабиализованными были получены задненѣбныя согласныя, а также, повидимому, согласная *е*; въ самомъ общерусскомъ языкѣ лабиализованныя согласныя возникали передъ лабиализованными гласными, но впоследствии, отчасти, можетъ быть, подъ вліяніемъ древняго лабиализованнаго ряда задненѣбныхъ согласныхъ, они вытѣснили нелабиализованныя согласныя передъ всѣми непалатализованными гласными. Доказательствомъ этого служатъ распространеніе въ общерусскомъ языкѣ звука *б*, замѣнившего *е* не только въ слогѣ передъ слогомъ съ лабиализованною гласною, но вообще въ слогѣ передъ слогомъ съ гласною непалатализованною: не только *м'оду*, но и *с'ола*. Равнымъ образомъ это доказывается вытѣсненіемъ звука *г* звукомъ *л* (*л*), по происхожденію своему представляющимъ согласную лабиализованную. Распространеніе звука *б* послѣ мягкихъ согласныхъ передъ слѣдующей твердой согласной имѣло слѣдствіемъ вытѣсненіе звука *е* послѣ издревле смягченныхъ согласныхъ (*ж*, *ж*, *ш* и т. д.): *жемъ*, *чего*, *жены* переходили въ *جومъ*, *чѣго*, *жѣны*; вытѣсненіе же *е* послѣ издревле смягченныхъ согласныхъ звукомъ *б* передъ твердой согласной повлекло вытѣсненіе звука *е* звукомъ *б* и въ конечномъ открытомъ слогѣ: зв. ед. *божѣ*, им. ед. *любѣ*, *тожѣ*, *вашѣ* и т. д. Неизмѣненными оставался звукъ *е* только въ положеніи послѣ неслогового и въ конечномъ открытомъ слогѣ: *добрѣе листіе*.—г) Переходъ *л* въ *л* (*л*) повлекъ за собой измѣненіе предшествующихъ *б* (изъ *е*), *и* (изъ *ю*)—въ *о* и *з*, тамъ, гдѣ звукомъ *л* замыкался слогъ: *м'олко* переходило въ *молокѣ* (ср. позже *молокѣ*), *в'ылкѣ* (изъ *вылкѣ*) переходило въ *вылкѣ* (*волкѣ*).—д) Носовыя гласныя *о*, *б* (въ нѣкоторыхъ грамматическихъ окончаніяхъ), *а* (изъ *е* носового, согласно преддущему) потеряли въ общерусскомъ языкѣ свое носовое свойство: при этомъ *о* носовое перешло въ *у* (цуть, воду), *б* носовое въ *н* (р. ед. *земль*, *вин. мн. мужь*), *а* носовое въ *я* съ предшествующей мягкой или твердой согласной: *н'атъ*, *годъ*, *ида* (*вм. нды*, подъ вліяніемъ аналогій).—е) Долгія *р* и *л* въ положеніи послѣ гласныхъ *о* и *е* и передъ согласными перешли въ общерусскомъ языкѣ въ группы *рр* и *лл*, гдѣ первыя *р* и *л* были неслоговыми, а вторыя *р* и *л*—слоговыми звуками: *воррпа*, *коллава* *вм.* общеслав. *ворпа*, *кола* съ долгими *р* и *л*.—ж) Позже общерусскій языкъ, утратившій *р* и *л* чистыя, замѣнилъ и слоговыя *р* и *л* (какъ древняго, такъ и новаго, только что указаннаго происхожденія) соответствующими лабиализованными и палатализованными согласными, неизвѣстными въ слоговомъ употребленіи, т. е. неслоговыми звуками; но вслѣдствіе этого предшествующіе болѣе слабыя звуки *з*, *в* переходили въ болѣе сильныя: *мзла*, *врхъ*, *дѣръ* съ неслоговыми *л*, *р* и сильными *з*, *в*, причѣмъ *е* переходило передъ *л* въ *г* (*взлгъ*), передъ лабиализованнымъ *р* въ *й* иррац. (*дѣръ*), а передъ палатализованнымъ — въ закрытое *в* (*врхъ*).

Группы же согласных *pp, ll*, въ своемъ стремленіи вокализировать второй элементъ (ср. болѣе ранній переходъ долгихъ *p* и *l* неслоговыхъ въ слоговыя), превращали его въ гласную: въ *o*, когда предшествующія *p, l* были тверды, въ *e*, когда они были мягки. Такъ, вмѣсто общеслав. *беръ* явился *бѣрегъ* (непосредственно изъ *ber'rg*), вмѣсто общеслав. *ворна—вордна*, вмѣсто *шелмъ—шѣлмъ* (непосредственно изъ *shelmъ*). Явленіе это называютъ полногласіемъ: формы какъ *лава, гласъ, время, древо, чрево* и т. д. оказываются въ русскомъ языкѣ заимствованными изъ языка церковнославянскаго. — 3) Дифтонгическое сочетание *n (ie)* подверглось измѣненіямъ въ нѣкоторыхъ положеніяхъ еще въ общерусскую эпоху, а именно: въ неудараемомъ слогѣ, предъ слогомъ съ ударяемымъ *и*, оно перешло въ *и*; ср. общерусск. *сидѣть* вм. *спѣдѣть*, *дѣтина* вм. *дѣтина*, *мѣзинскій* вм. *мѣзинскій*; въ положеніи передъ звукомъ *а, н*, ассимилируясь ему, оно переходило въ *а*, смягчающее предшествующую согласную: *несага, благу* вм. *несага, благу*. — и) Въ имперфектѣ *aa, ja* стянулись въ одно *a*, повидимому, еще въ общерусскую эпоху: *несаху, нечае, хожасагъ*. Большая часть формъ склоненія и спряженія общеслав. языка продолжала жить и въ общерусскомъ языкѣ. Впрочемъ, еще въ общерусскую эпоху утраченъ рядъ формъ сложнаго склоненія прилагательныхъ: а именно въ тѣхъ сложенихъ, гдѣ сохранились въ окончаніи мѣстоименныя формы, начинавшіяся съ основы *je*, вмѣсто надежной формы прилагательнаго, въ первой части сложения являлась основа на-о: *доброга, добруему, добротѣ* замѣнялись черезъ *доброга, доброму, доброма*, можетъ быть, по образцу *моего, твоему, коему*; отсюда, съ замѣной полныхъ формъ мѣстоименія энклитическими—*доброга, доброму, доброма* (ср. діалект. общерусск. *моего, твоему*). Въ спряженіи общерусскій языкъ утратилъ сигматическій аористъ (напр. *ст-слав. нѣсъ, рѣхъ*). Равнымъ образомъ утрачены формы *бимъ, би* и т. д., служившія въ общеслав. языкѣ для образованія описательной формы сослагательнаго наклоненія. Кромѣ того, общерусскій языкъ утратилъ почти всѣ образованія настоящаго времени безъ соединительной гласной: сохранивъ образованія съ согласными основами, какъ *есмъ, дамъ, нмѣ, аъмъ* и изъ гласныхъ основъ *имамъ, побѣ*, общерусскій языкъ вытѣснилъ образованія, подобные *дѣлаамъ, знаамъ* и т. д.—образованія, восходящія, по свидѣтельству большинства слав. языковъ, къ общеславянской эпохѣ (карпаторусск. *снѣамъ* и т. п. явились подъ вліяніемъ польск. и словацк. говоровъ). Личное окончаніе *тъ* 3 л. един. и множ. перенесилось въ наст. вр. въ формы имперфекта: *играшеть, бѣхуть* вм. общеслав. *играше, бѣху*. Окончаніе *имъ* во 2 л. ед. ч. наст. вр. уже въ общерусскую эпоху начало вытѣсняться окончаніемъ *шь* (оба окончанія восходятъ къ общеслав. языку), а подъ вліяніемъ этого, и *хочи* (2 л. ед.) переходило въ *хочъ*.

2. Въ эпоху, непосредственно предшествовавшую распаденію русскаго языка, имѣло мѣсто рядъ звуковыхъ явленій, частью общихъ всему языку, частью же коснувшихся только

отдѣльныхъ его діалектовъ. Къ общимъ явленіямъ относятся: а) исчезновеніе изъ произношенія слабыхъ *з, ѣ*, слабо-ирраціональных *ы* (въ положеніи передъ неслоговымъ *и*) и *и* (въ такомъ же положеніи); слабыми и неслоговыми (несоставляющими слогъ) эти звуки были 1) тамъ, гдѣ на нихъ не падало удареніе (удержавшееся, впрочемъ, только въ первомъ слогѣ слова), и 2) тамъ, гдѣ за ними не слѣдовало слога съ слабымъ же и неслоговымъ звукомъ. Такимъ образомъ, общерусскія *князь, далъ, гнати, конца, дѣска, тѣсти* (д. ед. отъ *тѣсти*) и т. д. перешли въ *князъ, далъ, гнати, конца, дѣска, тѣсти* (цм). Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что языкъ не стѣснялся появленіемъ необычныхъ группъ согласныхъ, возникавшихъ послѣ выпаденія *з, ѣ*; его не затрудняли даже такіе группы, гдѣ *р, л* оказывались между согласными: *крестни* (откуда *крестни*), *лѣсков* (откуда *лѣсковъ*), *кравъ* (др.-русск. *кравъ*). По аналогіи родственныхъ образованій часто требовала восстановленія исчезнуващаго звука, и такимъ образомъ вм. *з, ѣ* появлялись слышно ирраціональныя *ы, и*: общерусск. *кравъ, бляха, дрыжати* съ сильными иррад. *и, тривога, слиза* съ сильными иррад. *и*. Совершенно также *умѣемъ* (съ болѣе слабымъ ирраціональнымъ *ы*, въ противоположность *мѣемъ* съ сильнымъ ирраціональнымъ *ы*), *людийе* (съ слабымъ ирраціональнымъ *и*, въ противоположность *людий* съ сильнымъ иррад. *и*), *листійе* и т. п. переходили въ *умѣемъ, людье, листье*. — б) Сильныя *з, ѣ, и* перешли въ эту же эпоху въ *о, е, ѣ*: *вѣкъ, санъ, дѣску, днь, пѣсь* лѣтъ измѣнились въ *вокъ, сонъ, доску, денъ* пѣсь, лѣтъ; между тѣмъ болѣе сильныя ирраціональныя *ы, и* оставались безъ измѣненія, исключая случаевъ, гдѣ они, подъ вліяніемъ аналогіи, были замѣнены сильными *з, ѣ* (откуда *о, е*): ср. *жеревый* (вм. *жеревый*, подъ вліяніемъ *жеревъ*), откуда *жеревей* (др.-бѣлор. *жеревей*, малор. *соловей*); *гусей* (род. мн. вм. *гусей*, подъ вліяніемъ *гусьмъ, гуськъ*), откуда *гусей* (ср. малор. *гусей*, бѣлор. *гусей*). — в) Конечныя открытыя неудараемыя гласныя *и, ѣ, е, о*, находясь въ чередованіи съ такими же ударяемыми гласными въ родственныхъ формахъ и образованіяхъ, переходили въ слабыя ирраціональныя *ы, ѣ*, слабыя *е, з*, которыя, въ силу общаго закона, затѣмъ отпадали: *будъ* вм. *буди* (ср. *иди*; великор. и малор. *будъ*), *ходимъ* вм. *ходимы* (ср. *нестъ*; великор. *ходитъ*, бѣлор. *хадзицъ*, малор. діалект. *ходитъ*); *нестъ* вм. *несте* (2 л. мн. повел. ср. *спитѣ*; малор. *несімъ*); ср. еще *тамъ, такъ* вм. *тамо, тако*; малор. *тудъ* вм. *туди* и др.—г) Звукъ *е*, въ положеніи послѣ группы «смысленная согласная + неслоговое *и*», переходилъ въ открытомъ конечномъ слогѣ въ *ѣ*, подобно тому какъ всякое *е* звучало какъ *ѣ* въ томъ же положеніи послѣ смысленной согласной: *людѣй, листѣй* вм. *людье, листье* (изъ *людийе, листийе*). — д) Неслоговое *и* въ положеніи послѣ согласной вскорѣ обратилось въ *і*: *людѣй, листѣй, братѣй* и т. д. въ положеніи же передъ *и* оно исчезло совсѣмъ: *козий* (вм. *козий*), *птичий, третій*. — е) Подумаякія согласныя, возникавшія еще въ общерусскую эпоху въ положеніи передъ слабымъ

а, оказавшись, послѣ исчезновенія такого *е*, безъ защиты, отвердѣвали въ конечномъ слогѣ, если этому не препятствовала какая-нибудь аналогія: твор. ед. *народом* вм. *народом'*, мѣст. ед. *въ том* вм. *въ том'*, но *голуб'*, *сем'* подъ влияніемъ *голуби*, *семи*; 3-е лицо въ сѣверновеликор. и сѣверномалор. имѣетъ твердое *т* изъ *т* полумягкого (*говорить* и т. п., въ сѣвернорусскихъ памятникахъ уже въ XIII в.), а что касается мягкого *т* въ южно-велик., бѣлор. и южномалор., то всего вѣроятнѣе объяснять его влияніемъ древнихъ формъ на *ты* (фонетически вм. *тъ* передъ вин. мѣстоименія *и*): *любить* (*и*), *полюбить* (*и*) и т. п. Равнымъ образомъ мягкое *т* въ сѣверновеликор. есть объясняется влияніемъ формъ какъ *есте*, *ести* для 3 л. ед.—ж) Въслѣдствіе выпаденія *ъ* и *ь*, въ языкѣ появился рядъ группъ, гдѣ происходила встрѣча неоднородныхъ по мягкости согласныхъ: въ устраненіе подобныхъ встрѣчъ, предшествующія твердыя согласныя, ассимилируясь слѣдующимъ мягкимъ, переходили въ мягкія: *слю* (изъ *слюю*) переходило въ *с'лю* (откуда *шлю*), *лече* (изъ *лече*)—въ *леч'е* и т. д.—з) Группа *чи* перешла въ *ин*: ср. малор. *смаиный*, бѣлор. *памоникъ*, великор. *наиной*.—и) Согласно предыдущему, общерусскій языкъ имѣлъ звукъ *й* въ положеніи послѣ *й* въ конечномъ открытотъ слогѣ вм. болѣе древняго *е*; тотъ же звукъ въ извѣстномъ положеніи былъ извѣстенъ послѣ *ж*, *ч*, *ш* въ серединѣ слова (диалект. *жэйшо*, *жэйшэ*, *пэйициш*). Звукъ *б* замѣнилъ *е* въ положеніи передъ твердыми согласными, а послѣ *й*, *ж*, *ч*, *ш*, *и* и т. п.—въ конечномъ открытотъ слогѣ. Наконецъ, однородный звукъ *й* былъ полученъ изъ общеслав. языка въ положеніи послѣ общеслав. смягченныхъ согласныхъ (*мужей*, *любить* и т. д.). Всѣ три звука *й*, *б*, *й* измѣнились въ эпоху, предшествовавшую распаденію русскаго языка, въ *а*, *о*, *у* въ положеніи послѣ издревле смягченныхъ согласныхъ, неизвѣстныхъ въ языкѣ въ твердомъ видѣ (т. е. послѣ *й*, *ж*, *ч*, *ш*, *и* и т. п.); такъ явились: *коля* (им. ед. вм. *коляй* изъ *колийе*), *людя* (им. мн.), диалект. *жэашо* (сѣверновеликор. *жэашо*, малор. *жэашо*); кня-*жо* (зв. ед.), *жэа*, *пшоа*, *чотыре*, *мужу*, *нош*, *лиш*, *шучу* и т. п.—и) Повидимому, еще до распаденія своего, русскій языкъ утратилъ древнія отношенія въ количествѣ и удареніи гласныхъ; долгія гласныя исчезли изъ языка, а въ связи съ этимъ исчезли и разныя виды ударенія на долгихъ гласныхъ.—Къ диалектическимъ явленіямъ этой эпохи въ области звуковъ относятся: а) появленіе сочетаній *ки*, *и*, *ш* вм. *кы*, *ы*, *аы*. Въ разныхъ говорахъ древнерусскаго языка сказалось стремленіе къ еще болѣе тѣсному сближенію согласныхъ съ слѣдующими гласными (это стремленіе, какъ мы видѣли, началось еще въ общерусскую эпоху); въслѣдствіе этого лабиализованныя задненѣбныя согласныя не могли сочетаться съ слѣдующимъ *ы* (звукомъ средненѣбнымъ); утративъ лабиализацію, задненѣбныя согласныя передъ *ы* переходили въ согласныя средненѣбныя, но языкъ, допускавшій въ то время только аффригированное произношеніе согласныхъ (съ палатализацией

или лабиализацией), замѣнилъ твердыя средненѣбныя согласныя мягкими (палатализованными); послѣднія появлялись на измѣненіе слѣдующаго *ы* въ *и*: такъ, уже въ памятникахъ XII в. находимъ *великии*, *пакы* вм. *велигий*, *пакы*. Но диалектически *кы*, *ы*, *аы* держались до XV—XVI въ великорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ.—б) Благодаря лабиализованному своему характеру, звукъ *е* во многихъ древнерусскихъ говорахъ переходилъ въ *у* неслоговое, а это отразилось, между прочимъ, на смѣненіи предлоговъ *у* и *е*; до сихъ поръ не только въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ, но и въ великорусскихъ нарѣчіяхъ—сѣверномъ и южномъ—мы находимъ говоры, смѣшавшіе предлоги *у* и *е* и произносящіе какъ неслоговое *у*.—г) Диалектический переходъ *л* въ *у* неслоговое также относится къ глубокой древности.—д) Ассимиляция *й* предшествующей согласной, столь распространенная въ малорусскомъ, бѣлорусскомъ и западныхъ говорахъ южновеликорусскаго нарѣчія, должна быть признава весьма древнимъ диалектическимъ явленіемъ, въ виду единичныхъ случаевъ такой ассимиляціи въ сѣверновеликор. говорахъ: *треттня*, *платше*.—е) Къ весьма древнимъ диалектическимъ явленіямъ можно отнести переходъ *а* въ положеніи между двумя смягченными согласными въ *е* закрытое (сѣверновеликор. *пете*, *дѣда*, южновеликор. *грезэ*, *пурааэлы*). Въ нѣкоторыхъ говорахъ *а* и *о* переходили въ *е* закрытое послѣ мягкой согласной даже передъ слѣдующею твердою согласною, при условіи неударенности этихъ гласныхъ (ср. сѣверновеликор. *взэлэ*, *песу*).—ж) Звонкія согласныя въ конечномъ слогѣ и въ положеніи передъ глухими согласными перешли диалектически въ соответствующія глухія уже въ очень отдаленную эпоху жизни русскаго языка: ср. великорусское, бѣлорусское и западномалорусское произношеніе *сут* вм. *суд*; диалектически же звонкія согласныя сохраняются до сихъ поръ въ разныхъ русскихъ нарѣчіяхъ (но преимущественно въ украинскомъ).—Въ области формъ для эпохи, предшествующей распаденію русскаго языка, отмѣтимъ слѣдующія явленія: форма им. мн. муж. р. замѣняется формою вин. мн., очевидно—подъ влияніемъ совпаденія этихъ формъ въ именахъ женск. и средн. р.: ср. малор. *паны*, *коні*, *вітич*, великор. *стола*, *сады*; им. мн. прилаг. великор. *добры* (вм. *добрич*) и т. д. Въ прилагательныхъ и мѣстоименіяхъ окончаніе им. вин. мн. ср. на *а*, *ая* замѣняется окончаніями соответственныхъ образованій *ж* и *и* м. р.: *добрыж* вм. *дображ*, *ты* вм. *та*. Въ именахъ муж. и ср. р. формы дат. мн. омѣ, мѣстн. мн. *пѣж* и тв. мн. *ы* замѣняются формами *амѣ*, *атѣ*, *амы*, замѣствованными отъ именъ жен. р., при чемъ это произошло, вѣроятно, не безъ влияния им. мн. ср. р. на древнее *ъ* (а) рано вытѣсняется формой на *овѣ* (*евѣ*), замѣствованною отъ основъ на *у*: ср. совр. малор. *панів*, великор. *савовѣ*; кромѣ того, форма на *ы* вытѣсняется окончаніемъ *ий* изъ основъ на древнее *и* краткое: совр. малор.

коній, великор. *кнзей*. Въ связи съ распространіемъ окончаній основъ на *у* и *и* въ склоненіи другихъ основъ, стоитъ смѣненіе ихъ съ основами на *о*: *вм. сыну* рано является *сына* (р. ед.), *вм. юсти—юстя* (р. ед.). Между прочимъ, изъ основъ на *у* заимствуется въ основы на *о* окончаніе мѣстн. ед. *у*, вытѣснявшее *ъ* въ особенности въ основахъ на согласныя задненбныя (въ древнерусск. яз. ср. мѣстн. ед. *торжску*, совр. малор. *чоловіку*, бѣлор. *жырабенку*, на *гвоздику*); кромѣ того *у* вытѣснило въ словахъ съ подвижнымъ удареніемъ окончаніе *ъ* (ударяемое), вслѣдствіе чего уже въ древнемъ языкѣ *ъ* мѣстн. ед. въ словахъ съ подвижн. удареніемъ было всегда неударяемо: на *низѣ*, на *дубѣ*. Далѣе изъ основъ на *у* взяты окончания: *им. мн.—ове* (малор. *панове*, древнерусск. *полове*, сѣвернорусск. діалект. *столове*); р. ед.—*у*, особенно распространяющееся въ склоненіи именъ неодушевленныхъ и др. Сходно съ этимъ объединяются склоненія основъ ср. рода: основы на *е* почти совсѣмъ исчезаютъ, замѣняясь основами на *о*: *неба* *вм. небесе*. Окончанія основъ на твердыя согласныя сближаются съ окончаниями мягкихъ основъ: такъ, подъ влияніемъ *овъ* въ мягкихъ основахъ является *евъ* (*ко-негъ*), подъ влияніемъ *ови* — *еви* (*маластырси*); *вм. ъ* въ р. ед. и *им. вин. мн. ж. р.* рано является *и*, подъ влияніемъ окончанія *ы* въ твердыхъ основахъ (*братимъ*, *дучимъ*, *ови*) и т. д.—Среди явленій синтактическихъ обращающаго на себя вниманіе: окончательное вытѣсненіе въ именахъ м. р., означающихъ предметы одушевленные, формы *вин. ед.*, тожественной съ *им. ед.*—вытѣсненіе, повлекшее за собою замѣну *вин. мн.* формою род. *мн.* въ склоненіи именъ, означавшихъ лица муж. р. и утрату формы *вин. п. ед. м. р. и* (вмѣсто чего и для неодушевленныхъ въ поздн. языкѣ употребляется род. *его*). Къ тому же времени относится начало утраты двойственного числа въ формахъ склоненія и спряженія; вмѣсто него появляется множ. ч. Въ ту же отдаленную эпоху начинается утрата аориста и имперфекта: они замѣняются формами прошедшаго сложнаго (пртч. на *лз* съ формами наст. или аориста отъ *быти*, *вм. котораго* впоследствии формы *была*, *была*, *были*). Уже въ общеслав. языкѣ, повидимому, при сложномъ прошедшемъ могла опускаться форма 3 л. ед. естъ: *аодилъ* *вм. годилъ естъ*; въ русскомъ языкѣ стали опускаться и формы прочихъ лицъ и чиселъ, по крайней мѣрѣ при ясно выраженномъ подлежащемъ. Отмѣтимъ появленіе оборотовъ, какъ *бывало годилъ*, *бывало читаю* (великор. и малор.). Опущеніе наст. вр. впомог. глагола въ сложномъ прошедшемъ стоитъ въ связи съ общимъ исчезновеніемъ его (какъ связки) въ языкѣ. Весьма рано конструкция числительныхъ, начиная съ *пяти*, распространилась на числительныя *два*, *три*, *четыре*; этимъ объясняется появленіе оборотовъ какъ *прошло два лѣта*, *летѣло два лебеда* (великор. и бѣлор.), ср. сербск. *пје вино тридесет џунака*; равнымъ образомъ это повляло на появленіе р. *мн.* въ опредѣленіяхъ при именахъ, стоящихъ (въ *им. или вин. мн.*) послѣ названныхъ числительныхъ: древнерусск. *по*

два гроши полскихъ, совр. малор. *три дощчѣ добрихъ*, великор. *два красивыхъ стола*.

3. Прежде чѣмъ остановиться на позднѣйшихъ явленіяхъ, слѣдовавшихъ за распаденіемъ единства русскаго языка, мы рассмотримъ нѣсколько звуковыхъ явленій, пережитыхъ отдѣльными нарѣчіями въ очень древнее время, когда еще не утратилось единство языка и когда эти нарѣчія еще переживали, рядомъ съ явленіями мѣстными, явленія общія всему языку. Къ такимъ явленіямъ относятся: въ *южнорусскихъ* говорахъ измѣненіе долгихъ *о*, *ѡ*, *е* въ дифтонгическія сочетанія *уо*, *ѡѡ*, *іе*; переходъ этихъ долгихъ гласныхъ въ дифтонги, очевидно, предшествовалъ потерѣ долготы въ гласныхъ, а потерю эту слѣдуетъ признать явленіемъ общерусскимъ, хотя и позднимъ сравнительно съ другими явленіями. Долгія *о*, *ѡ*, *е* были получены общерусскимъ языкомъ изъ общеслав. *о*, *е* долгихъ, а здѣсь они замѣняли краткія *о*, *е* вслѣдствіе перехода звуковъ *ъ* и *ь* въ сосѣднемъ слогѣ въ слабыя и неслоговыгласныя. Такъ явились южнорусск. *дуюмъ*, *мѡѡѡ* (*ѡ* въ *мѡѡѡ* изъ *е* по указанной выше причинѣ), *течи*. Памятники XII в. доказываютъ, что къ тому времени разсматриваемое явленіе уже совершилось, такъ какъ они передаютъ однимъ общимъ знакомъ гласныя звуки въ словахъ какъ *печь*, *шесть*, *камень* и въ *дти*, *стсти*, *горти*, гдѣ *ъ* надо читать, конечно, какъ *и*. Въ *сѣвернорусскихъ* говорахъ къ древнѣйшимъ мѣстнымъ звуковымъ явленіямъ относится такъ называемое «аканіе»—явленіе, тѣснымъ образомъ связанное съ судьбой ударенія. Удареніе въ этихъ говорахъ значительно усилилось, сравнительно съ удареніемъ общерусскаго языка и другихъ русскихъ говоровъ; это усиленіе повліяло на ослабленіе неударяемыхъ слоговъ слова, при чемъ гласныя не вполне закрытыя (заковы *и*, *у*, *ы*) переходили въ этихъ слогахъ въ гласныя неполнаго образованія, которыя обозначимъ черезъ *ѡ* (изъ *а*, *о*) и *ѣ* (изъ *е*, *ѡ*, *ѡ*); такъ явились въ сѣвернорусскихъ говорахъ: *ѡѡді*, *сѣлѡ*, *пѣстни*, *пѣсѣтъ*; *пѣстухѣ*, *пѣтухѣ*; *ѡбрѡѡ*, *ѡмрѣѡ* и т. п. Полученныя отношенія между неударяемыми и ударяемыми слогами могли сохраняться только тамъ, гдѣ въ словѣ не оказывалось рядомъ нѣсколькихъ неударяемыхъ слоговъ съ гласными неполнаго образованія, такъ какъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ изъ двухъ рядомъ стоящихъ передъ удареніемъ слоговъ слогъ, ближайшій къ ударенію, долженъ былъ усилиться: въ связи съ этимъ усиленіемъ стоялъ переходъ гласной неполнаго образованія въ гласную полнаго образованія, при чемъ *ѡ* и *ѣ* безразлично переходили въ *а*; такъ, рядомъ съ *ѡѡді*, *ѡѡді* явились *ѡбрѡді*, *пѣѡѡді*, *ѡѡѡѡѡ*; рядомъ съ *сѣлѡ*, *ѡсѣлѡ*—*ѡсѣлѡ*, *сѣрѡѡбрѡ* и т. д. Понятно, что въ скоромъ времени гласная *а* переходила въ начальныя неударяемые слоги: *вм. ѡѡді*, *сѣлѡ* появлялись *ѡѡді*, *сѣлѡ*; обратное явленіе также не замедлило сказаться: *вм. ѡбрѡді*, *ѡсѣлѡ* появились *ѡбрѡді*, *ѡсѣлѡ*. Разграниченіе въ употребленія, съ одной стороны, *ѡ*, *ѣ*, а съ другой—*а*, принадлежитъ уже позднѣйшей эпохѣ и произошло въ отдѣльных сѣвернорусскихъ говорахъ. За удареніемъ, изъ двухъ рядомъ стоящихъ слоговъ перевѣсъ полу-

въ бѣлор., и въ великор. говорахъ уступало мѣсто звуку *ы* полного образованія, заимствованному изъ именного склоненія; впрочемъ, въ бѣлор. извѣстны диалект. *нашняя, тилезя* и т. п. Общимъ для великор. и бѣлор. говоровъ оказывается смѣшеніе тв. и мѣстн. ед. въ склоненіи мѣстоименій и прилагательныхъ: бѣлорусс. мѣстн. ед. *тѣмъ, на свѣмъ, у друімъ, великор. в тѣм, в такимъ случѣтъ, но с нѣмъ*. Окончаніе *е* въ им. вин. ср. р., существовавшее въ общерусс. языкѣ послѣ *и* (тогда какъ послѣ *і* звукъ *е* измѣнился въ *о*), которому предшествовала гласная, т. е. въ случаяхъ какъ *моё, доброе* (ср. малор. *мое, доброе*), въ великор. и бѣлор. замѣнено окончаніемъ *ѣ*, заимствованнымъ изъ именъ какъ *лицо, плечо*: ср. великор. и бѣлор. *моё (маё)* при диалект. бѣлор. *моё, таё*; вытѣсненіе формъ *моё, своё* черезъ *моё, своё* вызвало въ великор. говорахъ *моёе, своёе* вм. *моёе, своёе* въ р. ед. ж. р. Равнымъ образомъ великор. и бѣлор. говоры вытѣснили ударяемое окончаніе *я* въ им. вин. ед. именъ ср. р.: диалект. общерусс. *житилъ* (малор. *житилъ*), *рытлѣ* (др.-малор. *вырытлѣ*) перешли въ великор. и бѣлор. въ *житѣлѣ (житилѣ), рытѣлѣ*, подъ вліяніемъ именъ какъ *плечо, яіко*; при этомъ вытѣсненіе *я* черезъ *ѣ* вызвало появленіе бѣлор. формъ какъ *мужѣе, зварѣю, жардѣе* и т. п., великор. диалект. *кумоѣе* при *кумовѣ*. Въ глагольныхъ образованіяхъ отиѣтимъ распространеніе основъ на *ива, ива* для значеній несовершеннаго и многор. видовъ, при чемъ коренное *о* ударяемое замѣняется (хотя далеко не постоянно) черезъ *а*, въ противоположность малор. говорамъ, гдѣ подобное *а* почти неизвѣстно, при чемъ вм. *ива, ива* находимъ *ува, юва*: великор. *занѣмчивать, позѣживать, отморѣживать*, бѣлор. *заѣмчивать, загирывивать, удамлививать* (малор. *приговарививать* обязано бѣлорусскому вліянію). Укажемъ еще на возможность появленія формъ съ *ѣ*, в им. ж. въ наст. вр.: великор. *лѣкѣтъ (лѣкети)*, бѣлор. *лѣкѣтъ*.—Въ области синтаксиса отиѣтимъ потерю сравнительно степеню формъ рода и падежей и появленіе вмѣсто нихъ нарѣчій, употребляемыхъ и въ качествѣ прилаг.-сказ.: *она добре (добрѣ) мужа*.

в) Явленія, общія сѣвернорусскимъ и восточно-среднерусскимъ (т. е. южно-великорусскимъ) говорамъ. Въ области звуковъ: а) переходъ *ѣ* (изъ *ы*) въ *о*; выше было указано, что переходъ *мыю* въ *мою* принадлежитъ какъ сѣвернорусскимъ, такъ и всѣмъ среднерусскимъ говорамъ (въ западныхъ лишь диалектически сохранялось *ы*); но дальнѣйшій переходъ *мою* въ *моу* характеризуетъ именно эпоху общей жизни сѣверной и восточно-среднер. говоровъ; ср. сѣверновеликор. *доброу, сильной*, южно-великор. *мухой, кроу* и т. д.; б) переходъ сильно-иррац. и передъ неслоговыми и въ *е* (ср. болѣе древній переходъ *ый въ ой*): *ней, шей*; в) переходъ сильно-иррац. *ы* и *и*, замѣнившихъ древнія *ѣ* и *ѣ* въ группахъ согласныхъ, въ *о* и *е* (въ противоположность малор. и бѣлор., гдѣ вмѣсто этого — *ы* и *и* полного образованія): *блота, дрожать, крошитъ, гремѣть, трезвонъ*; г) отверднѣе *ж* и *ш* (не повсемѣстное), при чемъ предшествующее *е* можетъ измѣняться въ *ѣ*: *лѣжа, одѣжа* (бѣлор.

аджежа); болѣе позднее отверднѣе *ч* (также не повсемѣстное): *конеч, отец*; сохраненіе *ч* мягкаго (только въ единичныхъ діалектахъ *ч* отвердѣло); д) диалектическое, но весьма распространенное смягченіе задненѣбныхъ согласныхъ послѣ предшествующихъ мягкихъ звуковъ: *чайко, ручка* въ губ. Ярославской, Вологодской, Костромской, Вятской, Новгородской, Калужской, Тульской, Орловской и др.; е) смягченіе губныхъ передъ мягкими задненѣбными согласными: *лапки, шапки* и др. Относительно ударенія можно отмѣтить переносъ его на *ся* въ прич. на *мѣя* подъ вліяніемъ формъ ж. и ср. р.: *взялся* вм. *взялся*; также *взялись* вм. *взялись* и т. п.—Въ области формъ: а) полное сближеніе твердыхъ и мягкихъ основъ, вызывавшее, напр., утрату мѣстн. ед. на *и* (и *ю*) въ мѣст. ед. отъ мягкихъ основъ (ср. бѣлор. на *коніи, у полю, на кораблѣ, при цару*): на *контѣ, въ литѣ, при концѣ* (лишь въ словахъ на *ѣ* сохранилось *и*: *въ забыты*); вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторыя изъ окончаній мягкихъ основъ переходятъ въ твердыя: *у сестрѣ*, при чемъ этому содѣйствуетъ тожество окончаній родит., дат. и мѣстн. ж. рода въ именахъ прилагательныхъ, тожество извѣстное и въ болѣе древнюю эпоху, когда при древнемъ *землѣ* (р. ед.) явилось новое *землѣ* (дат. и мѣстн.); б) исчезновеніе древнихъ формъ склоненія основъ на задненѣбную согласную, гдѣ вм. *и, ѣ, ѣ* стояли *з, ч, с*; ср. новообразованія: *рутъ, дороту, ѣхъ, лѣхъ* и т. д.; в) равнымъ образомъ средненѣбныя согласныя замѣнили указанные звуки въ формахъ повелительнаго наклоненія: *пекѣ, беретѣ* вм. *печи, березѣ* (бѣлор. и малор. *печи, стержни*); г) формы дв. числа м. р. на *а* получаютъ значеніе множественнаго, когда отличающія удареніемъ отъ формы родит. п.: *городѣ, парусѣ, глазѣ, рога* (исключенія какъ *рукавъ рѣдкі*); въ связи съ этимъ, за окончаніемъ *а* (я) именъ собирательныхъ, восходящимъ частью къ древнему *а* въ словахъ женск. р. (*братѣя, вѣснѣда, зятѣя*), частью къ древнему *е* въ словахъ средн. рода (*листвѣ, колянѣ*), укрѣпляется значеніе окончанія им. мн. м. р., и слова эти начинаютъ склоняться во множ. ч. (*друзѣя* вм. *друзья*, подъ вліяніемъ *друзи*, и далѣе *друзьямъ, друзей*), тѣмъ болѣе, что и въ именахъ мужск. р. было уже извѣстно окончаніе *я* въ им. мн. изъ *е*: *людыя, юстыя* (въ болѣе древнюю эпоху), *дворяня, татаровѣя* (въ болѣе новую), откуда, подъ вліяніемъ косвенныхъ падежей, и *а*: *боляра, мѣшана*. Неударяемое окончаніе *я* съ теченіемъ времени исчезло въ большинствѣ великор. говоровъ, замѣнившись окончаніемъ *ѣя*: *смыѣя* перешло въ *смыѣѣя* подъ вліяніемъ *мѣя*: *князѣя* (ср. *смыѣѣмъ* и древнее *князѣмъ; смыѣѣѣмъ* и древнее *зятѣѣмъ*). Напротивъ, ударяемое *а*, я распространеніе даже на имена ж. р.: *старѣста, жалѣста, грѣѣста, податѣя, велѣѣя, озимѣя, вѣѣѣя*; д) въ склоненіи числительныхъ вм. *мѣ* (подъ вліяніемъ *ми*) являются *мѣя*: *двѣмѣя, четѣмѣя*; диалектически (сѣвернор.) *мѣя* переходить и въ мѣстоименія; е) дѣепричастіе на *я* получаетъ особенное распространеніе и образуется также отъ глаголовъ въ совершенномъ видѣ (съ значеніемъ прош. вр.): *увидѣя, унесѣя, спустѣя*; ж) формы зват. падежа исчезли окон-

чательно. — Среди синтаксических явлений укажем на появленіе форм дв. ч. м. р. на *a* не только при *два*, но и при числительных *три*, *четыре*: *три брата*, *вм. братья*; при этомъ формы дв. числа теряли свое древнее мѣсто ударенія (если оно приходилось на окончаніи) и получали удареніе, сходное съ род. ед.: *два глаза* *вм. глаза*, *два рѣка* и т. д.; подъ влияніемъ этого, форма род. ед. послѣ названныхъ числительныхъ замѣняла формы им. вин. мн. въ именахъ женск. и ср. рода: *два села* (а не *сѣла*), *три версты* (а не *вѣрсты*). Діалектически то же самое распространялось на имена прилагательныхъ, употребленныхъ въ значеніи существительныхъ: *два малаго* *вм. двое малыхъ*. Описательная форма будущаго времени образуется только посредствомъ соединенія *буду* съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ глагола несовершеннаго вида. Всѣ одушевленные муж. и женск. р. во множ. числѣ употребляютъ форму род. пад. *вм. вин.*: *ѣ дождь ведутъ трезъ лошадей*, *деуъ коровъ*; діалектически можетъ сохраняться и форма *вин. мн.* При глаголѣ *болѣть* лицо обозначается не *вин. пад.* (какъ въ малор. и бѣлор.), а, предположъ *у* съ род.: *у меня болѣтъ голова* и др. Дѣепричастіе прош. вр. употребляется въ значеніи прош. вр.: *церковь спорили давно*, *староста еще не утѣшилъ*. Также въ значеніи прош. вр. отъ глаголовъ возвратныхъ (на *ся*): *лошади запряжались, я занималъ, мостъ строили*.

Не смотря на взаимныя столкновенія русскихъ нарѣчій, въ результатѣ коихъ нѣкоторые изъ нихъ переживали общія, отмѣченныя выше явленія, новая группировка говоровъ не уничтожила того дѣленія языка на три области, которое восходитъ къ глубокой древности: области южнорусскихъ (малорусскихъ), среднерусскихъ и сѣвернорусскихъ (сѣверновеликорусскихъ) говоровъ. Впрочемъ, общая жизнь западной и восточной половины среднерусскихъ говоровъ была порвана, и въ области среднерусскихъ говоровъ обозначаются двѣ новыя группы говоровъ, которыя, сообразно съ названіемъ двухъ новыхъ народностей, называютъ бѣлорусскою и южновеликорусскою. Но связь между обѣими группами продолжается до сихъ поръ: это зависитъ частью отъ того, что въ южновеликорусской области находятся говоры, издавна тянувшіе къ западной половинѣ, частью же отъ того, что политическія и культурныя условія способствовали проникновенію вліянія южновеликорусскихъ говоровъ далеко на западъ. Ниже мы укажемъ на данныя, свидѣтельствующія о взаимномъ вліяніи бѣлорусскихъ и южновеликорусскихъ говоровъ. Указывая на малорусскія, сѣверновеликорусскія, бѣлорусскія и проч. явленія, мы оставимъ въ сторонѣ тѣ изъ нихъ, о которыхъ было уже говорено выше.

Малорусское нарѣчіе рѣзко стало отличаться отъ другихъ русскихъ нарѣчій послѣ перехода звукомъ *и*, *е* (а также *ѣ*, *ѐ*) въ средненѣбныя гласныя, передъ которыми должны были отвердѣть (въ силу ассимиляціи) мягкія согласныя; *и* перешло въ звукъ близкій къ *ы*, что повело въ однихъ говорахъ къ смѣшенію древнихъ *и* къ *ы* въ одномъ общемъ звукѣ—и

средненѣбномъ, а въ другихъ къ смѣшенію ихъ въ одномъ звукѣ—*ѣ*: *сила и сила* (съ средненѣбн. *и*); звуки *е*, *ѣ*, *ѐ* совпали въ одномъ звукѣ *е* средненѣбномъ, переходившемъ затѣмъ въ *е* (несмягчающее предшествующей согласной), а діалектически, въ неударенныхъ слогахъ—въ *и* средненѣбное: *бѣрегі, выхлѣ*. Но тамъ, гдѣ согласная не могла отвердѣть подъ вліяніемъ аналогичныхъ образований, *ѐ* переходило въ *о* (*ѣон—ѣна*), а *и* сохранялся безъ измѣненій: *козиль* (съ мягкимъ *з*). Повидимому, рассматриваемое явленіе началось въ южномалорусскихъ говорахъ и уже отсюда передавалось въ остальные, вообще болѣе склонные къ консерватизму. Съ юга же шла измѣненіе дифтонговъ *иѣ*, *уѣ*, *ѣѣ* въ *и*, и до сихъ поръ еще не охватившее всей малорусской области: *тисто, дим* (изъ *дуом* черезъ посредство *дубим, дѣйм, дѣйм*), *тис* (т. е. *нѣсъ* изъ *нѣбѣ* черезъ посредство *нѣс*). Напротивъ, съ сѣвера идетъ отвердѣніе *р*, заходящее довольно далеко на югъ Украины и охватившее Галицію; отсюда же идетъ развитіе дифтонгическихъ сочетаній *вм. группъ* «мягкая согласная + слѣдующее *а*»: *сѣаду* *вм. сѣаду*; *ѣа* переходило въ *е*, а при извѣстныхъ условіяхъ—въ *и*: *сѣду, жѣиль, чѣс* въ сѣверномалорусскихъ и угорорусскихъ говорахъ. Общимъ всему малорусскому нарѣчію оказывается подобное измѣненіе сочетаній мягкая губная + *а*: *пѣать, вѣану*. Діалектически имѣло мѣсто стяженіе *оа*, *ое* и др., послѣ выпаденія между этими гласными неслогового *и*, въ *а*, *е* и т. д.: *ма* *вм. моя*, *мѣ* *вм. мое*, *добра, добръ, добри* (им. мн.) и т. д. Въ словахъ *жен. р. вѣм. вин. мн.* на *и* стало притягивать за себя удареніе: *жинокі, молитви* и др. Чередованіе *добрѣ* и *добро* вызывало, съ одной стороны, по явленію *добрѣ*, а съ другой—формъ какъ *добрѣ, силнѣ, самѣ, хорошѣ*, въ значеніи нарѣчій.—Въ синтаксическомъ отношеніи любопытно употребленіе дат. пад. вмѣсто мѣстнаго послѣ предлоговъ *е*, на, об, по, при: *при ѣму, у нашому роду* и т. п. Можетъ быть, подобное смѣшеніе падежей объяснить, почему древнее окончаніе дат. *ови* перешло въ *овѣ* (ср. мѣстн. ед. на *ѣ*); совр. *симвови, вѣм. ожд. симвови*.

Сѣвернорусское нарѣчіе пережило рядъ явлений послѣ окончательнаго распада русскаго языка. Такъ, древнее *г=h*, являвшееся въ окончаніи род. ед. мѣстоименнаго склоненія (*ого, его*), а также еще въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, исчезало въ большинствѣ сѣверновеликорусскихъ говоровъ между гласными, при чемъ *оо* (а подъ вліяніемъ этого и *ео*) переходило въ *ово* (*ево*): *тово, доброво, мовео* *вм. общер. тоѣо, доброѣо, мѣѣо*. Что касается діалектич. *ово* въ южновеликор. говорахъ, то, конечно, оно заимствовано ими изъ говоровъ сѣв.-русскихъ. Во многихъ говорахъ имѣла мѣсто замѣна конечнаго *я* черезъ *ѣ* по причинѣ вышеуказанной: ср. діалект. *дружѣѣ, ситѣѣ, застрѣѣ, натиѣѣ* (напислѣ), *колѣѣ, колосѣѣ*; *ѣ* замѣняетъ діалектически и *е* на мѣстѣ ударяемаго *ѣ*: *телѣѣ, колѣѣно, крѣѣсла*; въ окончаніи *им. вин. ср. р. ѣ* *вм. я* явилось не фонетическимъ путемъ, подъ вліяніемъ окончанія *о*: *селѣѣя* перешло въ *селѣѣѣ*. Весьма распространено выпаденіе неслогового *и* меж-

ду гласными: диалект. *дплатъ, шраамъ, доб-
раа*. Во многих говорахъ группы гласныхъ
подверглись ассимиляции и стяжению: *шраатъ*
шратъ (съ долгимъ *а*), *добра* (съ долгимъ *а*),
уметъ (вм. *умѣетъ* съ долгимъ *е*), *хозяйва*.
Диалектически находимъ замѣну неудараема-
го *а* черезъ *о*: *травѣ*.—Въ области формъ
отмѣтимъ: замѣну окончанія *ми* въ тв. мн.
сущест. черезъ *м* и *мы*: *ногамъ, рукамъ, съ-
любимы* (въ бѣлор. говоры *м*, повидимому,
проникло изъ сѣвернорусскихъ); замѣну окон-
чанія *ми* въ тв. мн. прилаг. и мѣстоименій
черезъ *ма*: *слезамъ горючимъ*; очевидно, *ма*—
изъ дв. ч.; смѣшеніе дат. съ твор. мн. также
подъ вліяніемъ дв. ч., гдѣ оба падежа имѣютъ
одну форму. Во многихъ говорахъ окончаніе
ы (р. ед.) переносится въ дат. и мѣстн. (ср.
сказанное выше о сходныхъ явленіяхъ): *на*
травы, к воды. Сравн. степень принимаетъ
окончаніе *ля* и *не* вм. *те*, при чемъ, повиди-
мому, это объясняется вліяніемъ дѣеприча-
стій на *ая*, *яя*: *полная, скорая* (ср. южновелик.
лпелючи, спрпючи, подъ вліяніемъ дѣепр. на
уи).—Весьма распространено въ говорахъ
употребленіе члена: указат. мѣст. *тѣ* получаетъ
мѣсто за словомъ: *домо-тѣ, баба-та, глаза-тѣ*.
Важно отмѣтить описательный оборотъ съ
прич. страд. для выраженія прош. вр., при
чемъ лицо выражается предлогомъ *у* съ род.
п.: *у отца на другой жененось, у вѣсѣхъ утѣ-
сно изъ дому, у меня вѣсѣхъ работывано, у ёго*
съ наймити было наплатосъ. Въ виду возмоз-
ности замѣны прич. страд. прош. дѣеприча-
стиемъ на *вши*, возможны обороты какъ: *у нѣго*
за коньми ушетици.

Бѣлорусская группа говоровъ находилась,
какъ указано выше, подъ сильнымъ вліяніемъ
говоровъ малорусскихъ: вотъ почему цѣлый
рядъ бѣлорусскихъ явленій уже разсмотрѣнъ
нами въ предыдущемъ отдѣлѣ. Среди спе-
ціально бѣлорусскихъ (и притомъ сравнительно
новѣйшаго происхожденія), звуковыхъ яв-
леній вниманіе изслѣдователя останавливается
между прочимъ на диалектическомъ распро-
страненіи звуковъ *ѣ, ѓ* (такъ мы обозначаемъ
звуки неполнаго образованія, являвшіеся въ
словахъ неудараемыхъ вмѣсто *о, а, е, ѣ* и т. д.,
см. выше) на счетъ звука *а* (*я*) и на пере-
ходъ этихъ звуковъ въ *и, у*. Во многихъ бѣ-
лорусскихъ говорахъ вытѣсненіе *а* (*я*) зву-
ками *и, у* происходитъ только при налично-
сти нѣкоторыхъ благопріятныхъ звуковыхъ
условій, а именно: *и* и *у* вытѣсняютъ *а* въ
слогѣ передъ удареніемъ, если въ ударяемомъ
слогѣ находится *а*: *вѣда, дѣчка, гымыѣ* (при
вѣдѣ, дѣчкѣ); *лыса, нисла, рыка* (при *у* *лысу,*
нысли, рыку); такое *и* послѣ губныхъ соглас-
ныхъ, а также послѣ слога съ гласною *у*, пе-
реходитъ въ *у*: *тупѣ* (но *пупѣ*), *дурѣка, русѣка*.
Въ склоненіи весьма распространенна въ бѣ-
лорусскихъ говорахъ потеря различія между
удареніемъ вин. и им. пад. словъ женск. р.
съ подвижнымъ удареніемъ: *вадѣ, душѣ, замѣю,*
на гарѣ и т. п. Подъ вліяніемъ чередованія
въ диалектахъ *и* и *ѣ* въ окончаніяхъ именъ при-
лагательныхъ, какъ *маладѣй* и *маладѣй, напіня*
и напінчи, портнѣя и *портнѣчи*, звукъ *ѣ* вытѣ-
сняетъ диалектич. *и* и въ окончаніяхъ именъ су-
ществительныхъ: *воз травѣ*, имен. мн. *валѣ*,

дворѣ. Весьма характерны новообразованія
въ формахъ зв. пад. словъ ж. р., въ которыхъ
отбрасывается окончаніе *о*: *мам, баб, мала-
дух, тѣт*. Вм. *ишеици, ишеать* и т. д. упо-
требляются сокращенныя формы на *аеть, уетъ*:
абарачаица, вывоаруешъ, спрашуи и нѣк. др.
Бѣлорусскіе говоры на востокъ все болѣе и бо-
лѣе подвергаются вліянію говоровъ южнове-
ликорусскихъ: они утрачиваютъ здѣсь харак-
терныя цеканіе и дзеканіе, проникаясь и дру-
гими звуковыми, формальными и синтакти-
ческими особенностями, восходящими от-
части къ сѣвернорусскому вліянію на южно-
великорусскіе говоры. Такъ, въ дзеканющихъ
говорахъ Смоленской губ. является окончаніе
ой вм. и при *ѣй* и *ѣй* въ им. ед. прилагат.: *су-
хой, кривой, сѣдой, акой*; тамъ же возможно
появленіе в вм. *и*: *прежняя, майво, сяводни* и
т. д. Восточнѣе бѣлорусскіе говоры принима-
ютъ еще болѣе великорусскую окраску, но
бѣлорусское происхожденіе нѣкоторыхъ изъ
этихъ говоровъ выдаютъ такіе звуковыя яв-
ленія, какъ *статля, свиня* или *пакрый, пѣ-
мнося* (Мосальскій и Жиздринскій уу. Калуж-
ской губ.); любовно-также сохраненіе въ
нихъ формъ мѣстн. ед. какъ *у сараю, на болы-
шаку*, им. мн. какъ *рукавы, мѣи, поводѣ*; рядомъ
съ этимъ извѣстны и формы на *а* (*мѣи*),
проникшія въ соединенія съ числительными
два, три, четыре, но, вопреки великорусскому
и сходно съ бѣлорусскимъ, не всегда утра-
тившія удареніе мн. ч.: *два барскія домѣ, я*
то училъ чадѣ три.

Южновеликорусскіе говоры испытали на себѣ
вліаніе сѣвернорусскихъ, говоровъ и до сихъ
поръ, благодаря въ особенности культурному
значенію Москвы, вліаніе это продолжается.
Выше было указано, какія явленія можно при-
знать общевеликорусскими; отмѣтимъ здѣсь
распространеніе в вм. *и* въ род. ед. въ южно-
великорусскихъ говорахъ, появленіе *и = ѣ*
вм. *и = ѣ* (рядомъ съ *а* въ концѣ слова: *друа,*
но *друа*), *т* твердаго въ 3 лицѣ ед. и множ.
и нѣкоторыхъ другихъ сѣвернорусскихъ зву-
ковыхъ особенностей. Къ собственно южно-
великорусскимъ явленіямъ, проникшимъ и
въ бѣлорусскіе говоры, а отчасти и въ сѣвер-
новеликорусскіе, слѣдуетъ, кажется, отнести
появленіе *миш* вм. *виш* въ дѣеприч. прош.
вр.: *вытмиши, утѣсамши*; вѣроятно, *миш* надо
объяснять изъ *виш* не фонетическимъ путемъ,
а какъ аналогичное образованіе (Соболевскій
указываетъ на вліаніе *вземши*). Появленіе въ
южновеликорусской области говоровъ, весьма
сходныхъ съ бѣлорусскими, объясняется, какъ
указано выше, тѣмъ, что древними колониза-
торами при-Окской области были не только
восточные, но и западные среднерусскіе: ср.
распространеніе здѣсь окончанія *ѣй* вм. *ой* въ
род., дат., мѣстн. прилагательныхъ и мѣсто-
именій, появленіе удареній *вадѣ, галадѣ*, еди-
ничные случаи, какъ *свиня, судя* даже въ ря-
занскихъ говорахъ, и мн. др.

П. Одновременно съ принятіемъ и распро-
страненіемъ христіанства начинается русская
письменность и кладутся основанія русскаго
литературнаго языка. Первые попытки писать
по-церковнославянски были сдѣланы, конечно,
въ Кіевѣ; родоначальникомъ письменнаго

русского языка слѣдуетъ признать церковно-славянской, который, вмѣстѣ съ духовенствомъ и священными книгами, былъ перенесенъ къ намъ изъ Болгаріи. Но подъ инославянской оболочкой рано началъ пробиваться живой языкъ народа: церковнославянскія буквы стали изображать русскіе звуки, и книжный языкъ сталъ отражать живое произношеніе. До сихъ поръ еще нашъ церковнославянской языкъ, даже перейдя изъ кievскаго юга на сѣверъ и востокъ, сохранилъ слѣды своего первоначальнаго произношенія на Руси: напр. слово Господь мы произносимъ съ южнорусскимъ *ѣ*, чуждымъ сѣверновеликорусскому и московскому нарѣчію. Если въ церковномъ языкѣ не сохранилось еще большаго количества южнорусскихъ особенностей, то это въ значительной степени объясняется тѣмъ, что въ самомъ Кіевѣ съ теченіемъ времени сложилось особое нарѣчіе, чуждое диалектической пестроты окружавшихъ его говоровъ. Кіевъ былъ центромъ общерусскаго племенного союза: смѣшанное населеніе его, постоянный притокъ иноземныхъ элементовъ и въ особенности близкое содѣйствіе съ Переяславщиной, гдѣ слышалось уже совершенно иное нарѣчіе (сѣверское, отразившееся въ современномъ южновеликорусскомъ), — все это содѣйствовало образованію здѣсь языка, который сталъ бы общерусскимъ, если бы Кіевъ сохранилъ свое общерусское значеніе. Мы имѣемъ нѣкоторыя указанія на то, что и подборъ словъ въ кievской рѣчи обличалъ ея смѣшанный характеръ: Владиміръ Мономахъ или лѣтописецъ, вложившій въ его уста рѣчь на Долобскомъ сѣздѣ, употребляетъ слово «лошадъ», въ такой формѣ известное только въ великорус. говорахъ. Въ скоромъ времени русскій языкъ получилъ доступъ и въ самостоятельную, зародившуюся въ центрѣ русской земли письменность: лѣтописи, историческія сказанія и юридическіе акты пишутся языкомъ, близкимъ къ живой рѣчи и только въ подборѣ словъ и синтаксическихъ оборотовъ обличающимъ свою зависимость отъ церковной письменности. Когда роль Кіева для известной части русской земли перешла ко Владиміру, а затѣмъ, со второй четверти XIV в., къ Москвѣ, туда перенеслись и памятники кievской литературы, а также, вѣроятно, тотъ городской языкъ, которымъ въ Кіевѣ говорили духовенство и дружинники. Но съ теченіемъ времени въ новыхъ центрахъ русской земли образуется, при содѣйствіи тѣхъ элементовъ, которые тянули къ этимъ центрамъ, особое нарѣчіе, получающее общеобластное значеніе. Сложившееся въ Москвѣ нарѣчіе можно назвать великорусскимъ по преимуществу, именно въ виду того, что образованіе его стоитъ въ тѣсной связи съ ростомъ Московскаго государства и образованіемъ великорусской народности. Оно, какъ мы видѣли, отражаетъ въ стройномъ цѣломъ по крайней мѣрѣ два племенные нарѣчія, сталкивавшіяся въ бассейнѣ Оки: среднерусское, отъ котораго москвичи унаслѣдовали аканіе, и сѣвернорусское, повліявшее на произношеніе согласныхъ *е*, *ѣ*, на измѣненіе придыхательнаго *ъ* въ *е* въ род. пад. мѣстоименнаго склоненія

(таво, прастѡва), на отвердѣніе *т* въ *з* л. ед. и мн. Борьба между сѣвернорусскими и среднерусскими элементами не окончилась еще и въ XVIII в., который, напр., знаетъ еще сѣвернорусское *яе* (бѣлье, темныя), уступившее впоследствии мѣсто среднерусскому *яе* (бѣлье, темныя). Это, по происхожденію своему, городское нарѣчіе въ скоромъ времени проникаетъ и въ письменность: все дѣлопроизводство дѣяковъ и приказовъ, равно какъ вся свѣтская литература Московскаго государства отражаютъ языкъ столичнаго города. Немного соперничаютъ съ нимъ мѣстные нарѣчія Новгорода, Твери и Рязани, гдѣ въ разное время зарождается письменность, не чуждавшаяся, по крайней мѣрѣ въ Новгородѣ, языка народнаго. Уже въ XVI в. мы видимъ въ великорусской письменности полное и, пожалуй, условное единообразіе: между письменными знаками и живыми звуками устанавливается известное соглашеніе; въ основаніе книжнаго языка кладется живое произношеніе московскаго нарѣчія; въ памятникахъ рѣдко отражается его аканіе, но за то еще рѣже пробиваются въ нихъ звуковыя особенности другихъ диалектовъ. До XVIII в. письменный языкъ московскій имѣетъ постояннаго соперника въ языкѣ церковнославянскомъ: нѣкоторыя отрасли литературы принадлежатъ исключительно языку церкви, который устойчиво сохраняетъ унаслѣдованное изъ Кіевской Руси произношеніе (такъ до сихъ поръ въ род. пад. мѣстоименнаго склоненія слышится придыхательное *ѣ*, чуждое московскому нарѣчію). Въ XVIII в., благодаря свѣтскому характеру, который приняли ученость и образованность, произошло, на почвѣ расширявшейся своей задачи письменности, сліяніе обоихъ языковъ—приказнаго московскаго и церковно-славянскаго; оставаясь въ основѣ своей народнымъ, литературный языкъ обогащается неистощимымъ запасомъ церковно-славянскихъ словъ. Сначала онъ съ трудомъ справляется съ этимъ напыломъ церковно-славянскихъ элементовъ, а также иноземныхъ словъ и терминовъ, неудержимымъ потокомъ хлынувшихъ съ Запада. Но уже во второй половинѣ XVIII стол. мы видимъ образцы чистаго языка, который, не покидая родной почвы, сознательно пользуется церковно-славянскими и западно-европейскими заимствованиями. Съ этого времени литературный языкъ получаетъ то направленіе, благодаря которому онъ въ поэзіи и прозѣ Пушкина достигаетъ одного изъ высшихъ моментовъ своего развитія. Языкъ городского населенія въ Великороссіи въ значительной степени близокъ къ языку письменному: московское вліяніе проникало во всю русскую землю черезъ города, распространялись московскіе нравы, культуру и языкъ. Объединеніе русской земли въ XVII и XVIII ст. подъ одной общей госуд. властью указало языку великорусскому новыя задачи: онъ долженъ былъ стать языкомъ общимъ для всей Р., органомъ литературы и государственной жизни, но, конечно, общность языка и литературы для Великороссіи и Малороссіи, долгое время жившей отдѣльною культурною жизнью, можетъ быть обезпечена только на

почвѣ свободного развитія и свободного соперничества. Вплоть естественно, что въ Малороссіи образовался свой литературный языкъ: его будущая судьба и отношеніе къ великорусскому литературному языку не могутъ быть опредѣлены теперь, когда взаимныя отношенія малорусскаго и великорусскаго нарѣчій регулируются не жизнью, а административными распоряженіями и въ значительной степени ими вызваннымъ украинофильствомъ.

Историческое изученіе русскаго языка началось лишь очень недавно. Главные труды принадлежатъ Буслаеву, Срезневскому, Далю, Колосову, Потебнѣ и Соболевскому. Основанія исторической грамматики заложены О. И. Буслаевымъ въ его книгѣ «О преподаваніи отечественнаго языка» (М., 1844). Ему же принадлежитъ «Опытъ исторической грамматики русскаго языка» (М., 1858), который съ 3-го изд. носить загл.: «Историческая грамматика русскаго языка». И. И. Срезневскій далъ общій очеркъ развитія русскаго языка сравнительно съ другими славянскими языками, въ «Мысляхъ объ исторіи русскаго языка» (СПб., 1849). В. И. Даль, въ своей статьѣ «О нарѣчій русскаго языка» (СПб., 1852) и въ составленномъ имъ «Толковомъ словарѣ живаго великорусскаго языка» (М., 1863), далъ замѣчательное по полнотѣ и точности описаніе современныхъ великорусскихъ говоровъ, въ ихъ грамматическомъ и лексическомъ составѣ. М. А. Колосовъ, въ «Очеркѣ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVI ст.» (1872) и въ «Обзорѣ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка» (Варш., 1878), далъ сводъ того, что въ его время знали о древнерусскомъ языкѣ и о современныхъ великорусскихъ говорахъ. А. А. Потебня первый попытался опредѣлить составъ языка минувшихъ временъ на основаніи изученія современныхъ нарѣчій русскаго языка. Его трудъ: «Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка» (Воронежъ, 1866) до сихъ поръ не потерялъ въ этомъ отношеніи своего значенія. Звуковая сторона русскаго языка нашла истолкованіе въ дѣломъ рядѣ изслѣдованій Потебни, озглавленныхъ: «Къ исторіи звуковъ русскаго языка» (Воронежъ, 1876—83); ему же принадлежатъ капитальныя работы по историческому синтаксису русскаго языка: «Изъ записокъ по русской грамматикѣ» (1874; второе изданіе, 1888). Соболевскій, въ «Очеркахъ изъ исторіи русскаго языка» (Кіевъ, 1884), доказывалъ, что уже въ XII в. южнорусскіе говоры содержали черты современнаго малорусскаго нарѣчія, т. е. что это нарѣчіе—прямой потомокъ тѣхъ древнихъ говоровъ, которыми говорили тѣхъ Галичѣ и на Волыни (и, конечно, также въ Кіевщинѣ). Его «Лекціи по исторіи русскаго языка» (Кіевъ, 1888; 2-е изд. СПб., 1891) даютъ очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка до новѣйшаго времени, а «Очеркъ русско-діалектологіи» (СПб., 1892) содержитъ полный обзоръ тѣхъ свѣдѣній о современныхъ русскихъ говорахъ, которыми располагаетъ наука. Достойны вниманія труды проф. Е. О. Будде, даващаго рядъ обстоятельныхъ очерковъ современныхъ говоровъ Рязанской, Курской и

Тульской губ. Весьма цѣнно Б. М. Ляпунова. «Изслѣдованіе о языкѣ Синод. списка 1-й Новгород. лѣтописи» (1899). Важнѣйшіе изслѣдованія по бѣлорусскому языку принадлежатъ проф. Е. О. Карскому («Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи», М., 1886, и др.). Малорусск. языкъ разработанъ въ трудахъ Потебни (кроме вышеуказанныхъ, отмѣтимъ «Замѣтки о малорусскомъ языкѣ»), Ягича («Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія», 1876; «Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII вв.», 1889), Огоновскаго («Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache») и друг. Вопросъ о взаимномъ отношеніи русскихъ нарѣчій обстоятельно рассмотрѣнъ Соболевскимъ, Ягичемъ въ «Критическихъ замѣткахъ по исторіи русскаго языка» и въ «Критико-палеографическихъ статьяхъ», въ новѣйшее же время въ «Archiv f. sl. Philologie» (т. XX, «Einige Streitfragen»), Ципинымъ, въ его «Исторіи русской этнографіи», а также въ ст. «Споръ между южанами и сѣверянами» («Вѣстникъ Европы», 1886, апр.), наконецъ, недавно А. Крымскимъ. Отмѣтимъ еще трудъ П. Н. Милокова, «Очерки по исторіи русской культуры» (ч. I), и его статью: «Колонизація Р.» въ этомъ Словарѣ.

А. Шахматов.

В. Исторія русской литературы. Исторія русской литературы, для удобства обозрѣнія основныхъ явленій ея развитія, можетъ быть раздѣлена на три періода: I—отъ первыхъ памятниковъ до татарскаго ига; II—до конца XVII вѣка; III—до нашего времени. Въ дѣйствительности, эти періоды рѣзко не раздѣлены и переходятъ одинъ въ другой, какъ старое отзывается въ новомъ, но основныя ихъ черты различны.

I. Если въ понятіе литературы внести широкое понятіе художественнаго творчества народа въ словѣ (а не только въ письмѣ), то первымъ фактомъ такой исторіи должно стать изложеніе народной словесности, существовавшей искони до письма. Такъ обыкновенно начинаютъ исторію. Это естественно тамъ, гдѣ затѣмъ письменность развивалась изъ этого основанія. У насъ этого не было: народная поэзія, при самомъ началѣ письменности, подверглась гоненію книжниковъ и существовала въ устномъ преданіи до первыхъ записей въ XVII вѣкѣ, лишь отрывочно и случайно отражаясь въ памятникахъ письменности. Въ устномъ преданіи она дошла до нашего времени, переживъ историческую судьбу народа, многое совсѣмъ утративъ, а многое сохранивъ въ очень измѣненной формѣ (см. Народная поэзія). Русская письменность начинается съ христіанства. Первые книги и грамота явились въ церковной жизни, вѣроятно, еще до Владиміра Святого, такъ какъ уже были написаны договоры Олега и Игоря съ греками. Первые книги были богослужебныя и церковно-учительныя, взятые у предрелигиозныхъ русскихъ народъ въ христіанствѣ болгаръ (и моравянъ?) и писанныя на старославянскомъ языкѣ, ставшемъ церковнымъ. Этимъ опредѣлилась первая форма литературнаго языка русской письменности. Первые книжники были служители церкви, которыми гра-

мота была необходима для исполненія ихъ служенія. Ихъ первая писанія направлялись въ особенности на церковное поученіе, почему въ этой области письменности надолго, частью даже донинѣ, утвердилось господство церковно-славянскаго языка. Но этотъ языкъ, хотя близкій, былъ все-таки чужимъ нарѣчіемъ, и въ письменномъ употребленіи у русскихъ съ первыхъ же шаговъ сказалось и вліяніе родной рѣчи: переписывая южнославянскія (и моравскія ?) книги, русскій писецъ невольно (а иногда и намѣренно, чтобы быть болѣе понятнымъ своему русскому читателю) видоизмѣнялъ церковно-славянскую фонетику и грамматическія формы на русскія, замѣняя и самыя слова русскими. Съ другой стороны, грамота нашла примѣненіе въ дѣлахъ правленія и во всемъ томъ, что требовали записи: слово «грамота» (съ греческаго) стало названіемъ правительственнаго распоряженія, частной сдѣлки, въ народномъ языкѣ (и донинѣ) — названіемъ письма. Грамота стала средствомъ письменности не только церковной, но свѣтской, гражданской, стала средствомъ литературы. Распространеніе грамоты съ самаго начала было предметомъ заботы князей. Владиміръ Святой основалъ первую школу. Не видно, чтобы потомъ школьное дѣло получило правильную постановку, оно оставалось предметомъ лишь отрывочныхъ попеченій князей, епископовъ, монастырей; ученіе шло и частное. Вѣроятно, съ этой поры установилось обученіе по букварю, часослову и псалтыри, удержавшееся до нашихъ дней. Вспослѣдствіи упоминаются спеціалісты обученія — «мастера» (въ Новгородѣ). Во всякомъ случаѣ грамотность расла; книги были нужны для умножавшихся церквей и монастырей, для дѣлъ правленія, наконецъ для частныхъ дѣлъ и любознательности. Были ревнители книжнаго дѣла не только между князьями, но и между княгинями; уже въ первые вѣка собирались библиотеки. Такимъ образомъ, первой основой просвѣщенія было христіанство. Источникомъ новой вѣры, знаній, умственныхъ и нравственныхъ возбудженій была Византия, какъ прямо, такъ и посредственно: прямо, потому что русская церковь въ первые вѣка была подчинена константинопольской патриарху и первые митрополиты были греки, приходившіе, безъ сомнѣній, съ греческой свитой и клириками (частью, вѣроятно, также южно-славянскими); посредственно, потому что первыя церковныя книги, послужившія основаніемъ русской грамоты и литературы, были южно-славянскіе и моравскіе переводы съ греческаго, начиная съ переводовъ Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ св. Кирилла и Меѳодія. Съ теченіемъ времени количество этихъ произведеній все возрастало: въ древнюю Русь приходили новыя труды письменности южно-славянской, затѣмъ появляются и собственные труды. Воздѣйствіе южнаго славянства продолжалось въ теченіе всего древняго періода и до половины средняго; послѣдніе его факты принадлежать XV-му столѣтію. Русскіе книжники также переводили съ греческаго, учась языку отъ пріѣзжихъ грековъ; при чрезвычайномъ распространеніи набожничества,

книжники бывали въ Константинополь, на Аѳонѣ, приносили книги, а также и легенды. Такъ собралась обширная литература церковнаго содержанія, составляющая наибольшую долю древней русской письменности: книги Св. Писанія и толкованія къ нимъ, церковныя уставы, книги богослужебныя, творенія св. отецъ догматическія и учительныя, житія святыхъ, въ отдѣльности и цѣлыми собраніями (Патерики, Прологи), переводы греческихъ лѣтописцевъ (Аматоръ, Мала-ла, Манассія), сборники мудрыхъ изреченій и т. д. Эта литература имѣла видное историческое значеніе. При слабости развитія школы и другихъ сторонъ литературной дѣятельности, церковная письменность оставалась, въ теченіе вѣковъ, главной, почти единственной пищей, нравственной и умственной, для русскихъ книжниковъ, а при ихъ посредствѣ — и для самаго народа, когда послѣ известнаго періода «двоевѣрія» христіанство, хотя въ популярной формѣ, возобладало надъ умами. Церковное мировоззрѣніе, на разныхъ ступеняхъ пониманія и чувства, стало всеобщимъ и, рядомъ съ непосредственнымъ вліяніемъ церкви, сильно содѣйствовало образованію народнаго характера. Народъ сталъ понимать себя какъ «святую Русь». Это предствленіе уже съ первыхъ вѣковъ нашей исторіи возымѣло великое значеніе и въ международныхъ столкновеніяхъ съ Востокомъ, и въ самое время татарскаго ига, внушая русскому народу, при всѣхъ бѣдствіяхъ, чувство превосходства надъ всѣми «погаными» и «неверными» и давая ему нравственную силу въ тяжелыхъ историческихъ испытаніяхъ. Здѣсь развивался и нравственный мотивъ для основателя русскаго царства. Была и обратная сторона: какъ церковное благочестіе, такъ и эта письменность, не просвѣщенная и не уравновѣшенная школой, впадала въ брадурную вышность, крайнюю исключительность, которыя, въ послѣдствіи, въ московскомъ періодѣ, развившись въ нетерпимость, мѣшавшую самымъ успѣхамъ образованія. Съ другой стороны, церковная письменность получала значеніе между-славянское: въ ней собралось почти все содержаніе южно-славянской православной письменности, болгарской и сербской. Послѣ паденія южно-славянскихъ царствъ, въ концѣ XIV вѣка, ихъ литературная дѣятельность стала падать и наконецъ совсѣмъ заглохла, такъ что ихъ древнее наслѣдіе сохранилось только въ письменности русской. Какъ, съ возвышеніемъ московскаго царства, сюда стали направляться политическія ожиданія православнаго Востока, а также славянскаго юга, такъ послѣдній находилъ въ единствѣ церковной письменности залогъ общенія. Наконецъ, эта письменность послужила школой для русскихъ писателей: изъ Св. Писанія, отцовъ церкви, житій святыхъ они почерпали и содержаніе, и форму, и стиль своихъ произведеній. Славные учителя, Василій Великій, Григорій Богословъ, Златоустъ были великими образцами и авторитетами въ церковномъ поученіи; житія и легенды дали образецъ душевнаго спасенія; въ разказѣ лѣтописи неизмѣнно приводятся примѣры и

поучения изъ Писанія, отцовъ церкви, византийскаго хронографа; сама исторія представляется исполненіемъ божественной воли, въ благополучіи — Божіей милостію, свѣдѣніемъ молитвы и заступничества святыхъ угодниковъ, въ бѣдѣ — наказаніемъ за грѣхи. Въ такихъ условіяхъ начиналась литература.

Какъ во главѣ русской іерархіи стояли первые митрополиты-греки, такъ они стоятъ въ ряду первыхъ русскихъ писателей, въ переводахъ. Таковы были въ XI вѣкѣ Леонтій, Георгій (около 1065—79), Іоаннъ II (1080—89), въ началѣ XII-го — Никифоръ (1104—1121). Съ половины XI вѣка являлись и первые русскіе писатели, изъ церковнаго круга и въ томъ направленіи, которое опредѣлялось церковнымъ служеніемъ. Это были Лука Жидата, новгородскій архіепископъ (1035—59), первый поставленный изъ русскихъ, по волѣ великаго князя Ярослава, авторъ краткаго поученія о христіанской нравственности, и первый митрополитъ изъ русскихъ, поставленный по волѣ того же Ярослава, Иларіонъ (около 1051—54), авторъ поученій и похвалъ князю Владимиру. Жизнь и школа древнихъ писателей русскихъ обыкновенно мало извѣстна; нѣкоторые изъ нихъ въ это первое время обнаруживаютъ, вмѣстѣ съ дарованіемъ, и большое искусство стили. Таковъ былъ Иларіонъ: онъ воспитался на византийскихъ образцахъ, но достигалъ истиннаго одушевленія и краснорѣчія. Кіево-печерскій игуменъ Феодосій (1062—74) былъ авторомъ нѣсколькихъ поученій, посланій (къ вел. князю Изяславу) и молитвъ; указаны греческіе образцы нѣкоторыхъ поученій, носящихъ въ рукописяхъ его имя. Рядомъ съ поученіями общаго церковнаго характера, въ XI-мъ вѣкѣ мысль писателей обращается къ самой русской жизни, въ формѣ жизнеописанія святыхъ подвижниковъ и въ опытахъ исторіи. Таковы были писанія Іакова Мниха, которому принадлежатъ житіе и похвала князю русскому Володиміру и житіе святыхъ страстотерпцевъ Бориса и Глѣба, и писанія знаменитаго Нестора Лѣтописца (род. 1056, ум. около 1114), который составилъ другое житіе Бориса и Глѣба, житіе Феодосія Печерскаго и сказаніе о перенесеніи его мощей; ему же приписывалось написаніе «Повѣсти временныхъ лѣтъ». Въ Кіево-печерскомъ Патерикѣ, заключающемъ житія печерскихъ подвижниковъ, упоминаютъ именнo «Несторъ, иже написа лѣтописецъ»: въ Патерикѣ вошли его сказанія о печерскихъ подвижникахъ, какъ и въ лѣтописи, но самая Повѣсть, какъ теперь вообще полагаютъ, въ ея нынѣ извѣстномъ объемѣ, составлена не имъ. Князь Владиміръ, удивившій русское христіанство, былъ уже ближайшимъ покровителемъ понять какъ великое историческое лицо и послужилъ предметомъ нѣсколькихъ житій и восхваленій: лѣтопись сообщила и сказанія, получавшія уже легендарный характеръ, о самомъ крещеніи князя Владиміра и русскаго народа. Для потомства князь Владиміръ сталъ святымъ и равноапостольнымъ, для народнои поэзіи — ласковымъ княземъ и краснымъ солнышкомъ, средоточіемъ богатырской былинны. На рубежѣ двухъ

столѣтій стоитъ писатель — князь Владиміръ Мономахъ (1053—1125). Въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи, подъ заглавіемъ «Поученіе», соединены три сочиненія Мономаха: Поученіе дѣтямъ, Посланіе къ князю Олегу Свято-славичу и молитва. Поученіе въ высокой степени любопытно, какъ произведеніе древняго русскаго князя, игравшаго дѣятельную историческую роль; здѣсь отразились и его нравственные начала, и черты княжескаго быта; поученіе замѣчательно и живыми языкомъ, свободнымъ отъ церковной книжности. Въ половинѣ XII столѣтія дѣйствовалъ Климентъ Смолитичъ, кіевскій митрополитъ, избранный безъ сношенія съ константинопольскимъ патріархомъ (и потому не признанный нѣкоторыми князьями и епископами). Древняя лѣтопись говорила о немъ, какъ о философѣ и книжникѣ, какого еще не бывало въ русской землѣ; имя его, однако, было потомъ мало извѣстно. Въ послѣднее время издано его Посланіе къ смоленскому пресвитеру Оумѣ, посвященное толкованію писанія. По наклонности къ притчамъ и прообразамъ, онъ считается предшественникомъ Кирилла Туровскаго, какъ-бы представителемъ особой литературной школы, а по формѣ посланіе является началомъ тѣхъ вопросовъ-отвѣтныхъ произведеній, которыхъ образчикомъ была чрезвычайно потомъ распространенная «Бесѣда трехъ святителей». Сочиненія Кирилла, епископа туровскаго (жившаго около 1130—82 гг.), своими особыми достоинствами могутъ дѣйствительно внушать мысль о литературной школѣ. Уроженецъ города Турова и сынъ богатыхъ родителей, онъ принялъ постриженіе и святою жизнью приобрѣлъ великое уваженіе; онъ заключался даже въ «столѣтъ», куда перенесъ и свои книги. Кіевскій митрополитъ, по просьбѣ князя туровскаго и жителей, поставилъ его епископомъ Турова. Его писанія состоятъ изъ молитвъ, сочиненій объ иноческой жизни и словъ (съ достовѣрностію считають принадлежащими ему восемь или девять словъ). Слова Кирилла Туровскаго, еще болѣе нежели поученія Иларіона, представляютъ чрезвычайно замѣчательное, даже единичное явленіе въ древней письменности по ихъ высокой литературной обработкѣ. Старые книжники съ этой поры и послѣ, вообще близко держались греческихъ (переводныхъ) образцовъ. Но Кирилль, хотя также отчасти съ ними связанный, является самостоятельнымъ писателемъ крупнаго дарованія: это — ораторъ, знакомый съ приемами искусства. Новѣйшимъ исследователями древняго періода онъ кажется почти загадкой или явленіемъ исключительнымъ: это — ученикъ византийскихъ церковныхъ ораторовъ, но вообще онъ своихъ образцовъ не повторялъ. Едва-ли кто изъ послѣдующихъ церковныхъ ораторовъ можетъ сравниться съ Кирилломъ по изяществу рѣчи, принимающей иногда и поэтическіе оттѣнки. Древнему періоду принадлежатъ еще нѣсколько другихъ произведеній замѣчательнаго достоинства: они свидѣтельствуютъ о живомъ поэтическомъ творствѣ, еще не подавленномъ церковно-аскетическими запрещеніями, и о разнообразныхъ литературно-народныхъ ин-

тересахъ. Таково, во-первыхъ, знаменитое «Слово о Полку Игоревѣ», повѣствующее, какъ настоящая поэма, о походѣ князя Игоря противъ половцевъ, въ концѣ XII вѣка. Это—произведеніе единственное въ своемъ родѣ во всей до-Петровской письменности, произведеніе высокаго достоинства, къ удивленію—не оставившее никакой поэтической традиціи: въ древней письменности мало слѣдовъ его вліянія. Найденное случайно въ концѣ XVIII вѣка гр. А. И. Мусинимъ-Пушкинымъ въ рукописи XV—XVI вѣка, сгорѣвшей потомъ въ пожарѣ 1812 г., «Слово было издано весьма неумѣло. Съ тѣхъ поръ оно вызвало множество изданій и комментариевъ; послѣдніе приобрѣтаютъ вѣкторую почву только теперь, съ развитіемъ изученія народной поэзіи, къ которой «Слово» различнымъ образомъ примыкаетъ. Оно открывается обращеніемъ къ «соловю старому времени», вѣщему Бояну, и даетъ намъ красивый, хотя неясный, намекъ на старое народно-дружиннаго пѣвца. Разсказъ о походѣ, о битвѣ, о скорби покинутой Ярославны исполненъ поэтическими чертами рѣдкой красоты, параллели которыхъ отыскиваются теперь въ народно-поэтическомъ преданіи. «Слово» было написано книжникомъ, надъ которымъ, однако, еще владычествовала народно-поэтическая стихія, почему рядомъ съ «Богородицей Пирогошей» являются на сценѣ Дажь-богъ, Хорьсъ, оборотень Всеславъ, народное причитаніе, призывы силъ природы и т. д. Авторъ «Слова»—вмѣстѣ съ тѣмъ горячій патриотъ: онъ съ гордой радостью воспоминаетъ имена князей, прославлявшихъ русскую землю, и, разсказывая о пораженіи и плѣнѣ князя, скорбитъ о раздорахъ, которые дѣлали русскую землю и отдаютъ ее насилію поганыхъ. Во всей поэмѣ неизмѣнно господствуетъ тонъ высокаго одушевленія. Огрызочный остатокъ княжеской литературы древняго періода представляетъ «Слово» или «Моленіе» Данила Заточника, обращенное къ князю Ярославу Всеволодовичу, вѣроятно, въ первой четверти XIII вѣка. Это—моленіе провинившагося дружинника, сосланнаго на озеро Лаче; но Данилъ былъ человѣкъ книжный, и свое моленіе обставилъ нравоучительными текстами изъ Писанія, народною мудростью и замысловатымъ остроуміемъ, вслѣдствіе чего личное посланіе стало весьма распространеннымъ памятникомъ литературы нравоучительныхъ изреченій. Къ началу XII-го столѣтія относится замѣчательный памятникъ древней письменности—«Хожденіе» Данила игумена, ходившаго въ Іерусалимъ въ 1106—1108 годахъ. Паломничество стало распространяться съ первыхъ вѣковъ русскаго христіанства, и до такой степени, что церковная власть нашла нужнымъ воздерживать странниковъ (чтобы противодѣйствовать бродяжеству), объясняя, что душу можно спасти и дома доброю жизнью (такъ—въ «Вопросахъ Кирика» къ арх. Нифонту). Паломники, какъ особый разрядъ людей, подлежали церковному вѣдѣнію и суду «Хожденіе» Данила, въ послѣдствіи самый распространенный памятникъ паломнической литературы, занимаетъ въ ней первое мѣсто и по своему литературному

достоинству. Оно проникнуто благочестивымъ настроеніемъ, написано «вѣрныхъ ради чело-вѣкъ», чтобы, слышавъ о святыхъ мѣстахъ, о нихъ поскорѣли и получили равную мзду съ тѣми, кто доходилъ до нихъ. Авторъ прибавляетъ, однако, что большую мзду можно получить, оставаясь дома добрыми людьми. Въ Св. землѣ у Гроба Господня, Данилъ молится за русскую землю и русскихъ князей. Разсказъ его отличается точностью описаній и полною вѣрой въ легендарныя сказанія, какія онъ раньше зналъ и здѣсь слышалъ и въ которыхъ, какъ въ то же время въ лѣтописи, мы имѣемъ первый свѣдѣтельства о широко распространенной потомъ апокрифической литературѣ. Около 1200 г. странствовалъ въ Царьградъ новгородскій архіепископъ Антоній, въ мірѣ Добрыня Ядрѣйковичъ (Андрейковичъ). Антоній видѣлъ въ Царьградѣ только нескончаемое множество святыхъ, великолѣпные храмы, наполненные священными предметами библейской и евангельской исторіи, мощами святыхъ и мучениковъ и пр.—и хожденіе его опять сполна принадлежитъ области легенды и апокрифическаго сказанія. Кромѣ историческаго значенія въ судьбахъ русской древней письменности Хожденіе Данила имѣетъ большое значеніе для изслѣдованій палестинской топографіи и археологіи, а хожденіе Антонія доставляетъ важныя указанія для археологіи Царьграда. Изъ этого періода сохранилась еще любопытная лѣтописная запись отъ 1163 года (съ продолженіемъ отъ 1329 г.), какъ въ томъ году изъ Великаго Новгорода отъ святой Софіи ходили 40 мужей-каликъ ко граду Іерусалиму, ко гробу Господню, какъ они гробъ Господень пѣловали и рады были, взявъ у патриарха благословеніе и святыхъ мощи, и принесли ихъ въ Новгородъ; невольно вспоминаются при этомъ сорокъ каликъ въ былинѣ.

Наконецъ, замѣчательнымъ памятникомъ древняго періода была лѣтопись. Основаніемъ ея была знаменитая «Повѣсть временныхъ лѣтъ, откуда есть пошла русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити и откуда русская земля стала есть». По новымъ изслѣдованіямъ, «Повѣсть» не была первымъ началомъ лѣтописанія; ей предшествовали сводъ извѣстій, составленный въ Кіевѣ въ половинѣ XI столѣтія, на основаніи русскихъ записей и греческихъ пѣточниковъ. Вслѣдствіи «Повѣсти», пѣтывшая на одну редакцію, стала обычнымъ началомъ лѣтописи, въ ея различныхъ мѣстныхъ развитіяхъ. Гдѣ было начало лѣтописи, кто были лѣтописцы? Эти вопросы вызвали разныя рѣшенія; писцами, которые нѣсколько разъ себя назвали, были духовныя лица, отъ игумена до пономаря; классическимъ древнимъ лѣтописцемъ представляется монахъ Несторъ, какъ въ поэтической ретарвации Пушкина—монахъ Пименъ; древнимъ сродоточіемъ лѣтописанія является монастырь, но въ томъ его значеніи (особливо Печерскаго монастыря въ Кіевѣ), какое имѣлъ онъ въ кіевскомъ періодѣ: монастырь былъ уже ознаменованъ святостью подвижниковъ, онъ былъ близокъ къ князю какъ нравственный, затѣмъ и политическій авторитетъ; въ немъ собраны были ученые

книжники, въ немъ стекались извѣстія. Нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ, что по живости политическихъ интересовъ лѣтописи можетъ считаться именно дѣломъ самихъ городовъ. Какъ-бы то ни было, древнѣйшая лѣтопись свидѣтельствовала о живой литературной дѣятельности и широкихъ интересахъ. Лѣтописецъ, почти единственный разъ въ древней письменности, хотѣлъ дать понятіе о дѣломъ славянскомъ племени; онъ исчислялъ русскія племена, съ любовью собираетъ преданія о древнихъ князьяхъ, приводитъ документы княжескаго архива (договоры Олега и Игоря), рассказываетъ о печерскихъ подвижникахъ, даетъ нерѣдко живой рассказъ о событіяхъ текущихъ. Все это освѣщено благочестивымъ настроеніемъ. Исторія начинается съ библейскаго рассказа о сотвореніи міра; послѣ Вавилонскаго столпотворенія, когда языки раздѣлились, въ Іафетовомъ племени выдѣлилось славянство, и среди его племень—русскій народъ. Вся исторія совершается по волѣ Божіей: князьями и народъ держится милосердіемъ Божіимъ и молитвою; за грѣхи Богъ казнитъ всѣми бѣдствіями—голодомъ, моромъ, трусомъ и нашествіемъ иноплеменихъ. Лѣтописецъ восхваляетъ князей благочестивыхъ и книжныхъ. Старѣйшая лѣтопись, веденная въ Кіевѣ, и лѣтопись галицко-волынская отличаются отъ позднѣйшаго лѣтописанія своею народною свѣжестью. Какъ христіанинъ, и вѣроятно лицо духовное, лѣтописецъ не даетъ вниманія тому народному быту, въ которомъ хранились еще остатки язычества, но онъ съ любовью рассказываетъ преданія историческія о первыхъ князьяхъ, о борьбѣ съ иноплемениками, о первыхъ святыхъ подвижникахъ; у него еще хранится память о дѣломъ славянствѣ, къ которому принадлежитъ русскій народъ; онъ рассказываетъ о началѣ славянской грамоты и, раньше, о посѣщеніи русской земли ап. Андреемъ, предсказавшимъ величіе Кіева, матери русскихъ городовъ, и будущій свѣтъ христіанства въ русской землѣ. Лѣтописи галицко-волынская своимъ оживленнымъ, иногда поэтическимъ рассказомъ напоминаетъ въ нѣкоторыхъ чертахъ Слово о Полку Игоревѣ...

Съ первыхъ вѣковъ своего христіанства русская земля имѣла святыхъ подвижниковъ, какъ Антоній и Феодосій Печерскіе, какъ еще раньше, два мученика варяга, какъ мученики-князья св. Борисъ и Глѣбъ; доходили даже сказанія о святыхъ западно-славянскихъ, какъ, чешскіе Вячеславъ и Людмила. Почитаніе памяти святыхъ людей еще въ древнемъ періодѣ положило начало литературѣ житій, весьма распространеннейшей въ послѣдствіи: житія давали исторію, но вмѣстѣ и легенду, такъ какъ сказанія о святыхъ иногда еще при ихъ жизни получали въ народной фантазіи поэтическую окраску въ церковномъ направленіи. Святость обыкновенно проявлялась чудесами, такъ что обычнымъ заглавіемъ такихъ жизнеописаній было «Житіе и чудеса». Съ укрѣпленіемъ христіанства, при сильномъ возбуденіи релігіознаго чувства, область житій—агіографія—распространилась по всей

русской землѣ: каждый большой городъ имѣлъ свою святыню, въ видѣ мѣстнаго святого, чудотворной иконы, знаменитаго храма (какъ св. Софія, кіевская и новгородская, св. Троица псковская, Богородица владимірская) и т. п. Въ древнемъ періодѣ возникла и мысль о собраніи въ цѣлое такихъ сказаній, результатомъ чего былъ знаменитый «Патерикъ Печерскій», сборникъ житій печерскихъ подвижниковъ, составившійся изъ трудовъ Симона, перваго епископа во Владимірѣ (ум. 1226), и монаха Поликарпа: въ послѣдствіи онъ былъ распространенъ въ чтеніи и подвергся различнымъ редакціямъ.

Древній періодъ русской письменности, какъ и жизни, носитъ вообще своеобразный характеръ, котораго уже не встрѣчаемъ потомъ въ народной жизни и письменности. Это была пора свѣжей непосредственности, дѣятельной боевой жизни, оставившей слѣды въ поэтическихъ преданіяхъ народа; даже международнаго общенія, еще не возбуждавшего вѣроисповѣднхъ опасеній; пора оживленной и разнообразной письменной дѣятельности, создавшей типы литературнаго труда для послѣдующихъ вѣковъ (лѣтописи, житіе, учительное слово, хожденіе), которые, однако, не умѣли развитъ поэтическаго наслѣдія древней Руси (такова одиночество Слова о Полку Игоревѣ). Владиміръ Святый, Ярославъ и другіе князья заботились о школѣ; лѣтописи упоминаютъ князей книголюбцевъ; князь Всеволодъ зналъ пять языковъ; творенія такихъ писателей, какъ Іларіонъ и Кириллъ Туровскій, указываютъ, повидимому, на правильное изученіе словеснаго искусства (по византійскимъ образцамъ); Владиміръ Мономахъ оставилъ чрезвычайно любопытную автобіографію; Слово о Полку Игоревѣ свидѣтельствуетъ о высокомъ поэтическомъ настроеніи писателя-патріота. Удѣльная форма государства стала источникомъ политической слабости цѣлаго, но удѣлы, располагавшіеся по естественнымъ областямъ «земель», открывали возможность мѣстнаго развитія. Древняя Русь имѣла уже нѣсколько центровъ политическихъ, которые становились и культурными: Кіевъ, Галичъ, Новгородъ, Ростовъ, Тверь, наконецъ, Москва. Древній періодъ представляетъ и примѣры живого общенія съ Западомъ: любопытные намеки Слова о Полку Игоревѣ о нѣмцахъ и венецианцахъ, грекахъ и Моравѣ, поющихъ славу Святослава, имѣютъ параллель въ вліяніи западнаго искусства, доходившемъ до отдаленнаго Владиміра. Не выясненъ вопросъ о частныхъ свойствахъ племени, игравшаго наиболѣе дѣятельную роль въ Кіевѣ. Нѣкоторые изслѣдователи предполагаютъ, что это племя были тѣже великоруссы, отступившіе въ послѣдующіе вѣка—и упомянутыя особенности культурнаго характера древняго періода подкрѣпляютъ это предположеніе. Политическая несостоятельность удѣльно-вѣчевой формы, изъ которой не выработалась федерація, движеніе народной колонизаціи на сѣверо-востокъ, частью

по условиям первобытного экономического бытия, вследствие частью необходимости ограничить финно-тюркских инородцев, частью по внушениям богатырского удалства, — еще съ XII вѣка намѣтили новую политическую систему, которая и стала мало-по-малу утверждаться на сѣверо-востокѣ, гдѣ не были такъ сильны удѣльно-вѣчевыя преданія. Это было зарождавшееся стремленіе къ сосредоточенію, къ утверженію земли во власти одного княжескаго рода. Оно едва возникало, когда совершилось нашествіе монголо-татаръ, навремя подѣйствовавшее оглушающимъ образомъ. Въ концѣ концовъ, подъ татарскимъ игомъ процессъ завершился возвышеніемъ Москвы, которая положила конецъ и самому игу.

II. Съ татарскаго нашествія начинается и новый періодъ политической жизни древней Руси, и новый періодъ письменности. По мнѣнію Соловьева, татарское иго не измѣнило основнаго процесса государственности; но во всякомъ случаѣ въ этотъ процессъ вошелъ чужой, вообще мало благоприятный элементъ униженія передъ ордой и татарскаго насилия. Татарское иго способствовало и расколу русскаго плѣба на Русь восточную и западную. Въ культурномъ отношеніи, въ исторіи образованія національнаго характера, татарское иго было великимъ бѣдствіемъ. Кромѣ матеріальнаго разрушенія, было разрушеніе нравственное. Погибло много національной старины, которая составляетъ нравственный капиталъ народа; національная жизнь надолго поглощена была одной заботой самосохраненія и, когда благодаря запасу силы, оно было достигнуто, утверженіе государственности въ Москвѣ совершилось съ немалымъ ущербомъ нравственнымъ. Современные лѣтописцы, рассказывая о первыхъ путешествіяхъ князей въ орду на поклонъ, говорятъ о страхахъ и «обидѣ» — т. е. обидѣ для плѣба народнаго чувства; но мало по малу, терпя насилие, приучались и сами къ насилию, и огрубѣніе нравовъ, шедшее изъ этого источника, едва ли подлежало сомнѣнію. Сами по себѣ, татары не могли имѣть прямого вліянія на русскихъ. При первомъ пораженіи русскій чувствовалъ себя выше побѣдителя, который былъ въ его глазахъ и на вѣка остался «злымъ» и «поганымъ». Вскорѣ оказалось вліяніе болѣе высокой культуры; татары перебѣжали жить на Русь, принимали христіанство; въ числѣ русскіхъ святыхъ уже въ XIII—XIV столѣтіи является Петръ, царевичъ ордынскій. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе подобные факты умножались, — но радомъ продолжались и факты насилия, и татарскіе князья и мурзы, вступавшіе въ русскую службу, вторяно долго сохраняли свою первобытную природу. Въ виду опасности для государственнаго бытія, вся политика князей была направлена на усиленіе національнаго самосохраненія; среди заботъ о сосредоточеніи силъ забывали думать о просвѣщеніи. Школа и книжность упали, не обновлялись новымъ содержаніемъ. Русь Литовскіи загородила Москву отъ сношеній съ Западомъ; народное чувство все болѣе укрѣплялось въ противопоставленіи святой Руси поганому Востоку, но въ своемъ культурномъ одиночествѣ

перешло въ крайнее самомнѣніе, враждебно относившееся не только къ восточному вліянію, но и къ западному, и къ послѣднему, быть можетъ, еще болѣе, такъ какъ здѣсь проявлялась давно внушенная греками ненависть къ латинству. Вѣка татарскаго владычества скудны памятниками литературы. Въ эпоху тяжелаго вѣшнѣаго гнета съ особенною силою развивается религиозное настроеніе; при отсутствіи просвѣщенія и культурнаго развитія нравственныя силы уходятъ въ аскетизмъ. Это было время чрезвычайнаго разномыслія монастырей, особливо на сѣверѣ. Суровые аскеты удалялись въ пустыни, строили тамъ келіи; слава подвижничества привлекала учениковъ; въ пустынь основывался монастырь, богатѣлъ вклады, становился землевладельцемъ и центромъ монашеской книжности. Среди такихъ основателей бывали сильныя характеры, которые содѣйствовали укрѣпленію монашескаго идеала и вліянія какъ въ жизни, такъ и въ литературѣ. Игумены монастырей имѣли нерѣдко значительное политическое значеніе, какъ совѣтники князей; изъ ихъ среды выходили іерархи. Какъ нѣкогда митр. Петръ оказалъ великую услугу московскому князю, перенеся митрополичій престолъ въ Москву, такъ игумены монастырей (Пафнуцій Боровскій, Іосифъ Волоцкій и др.) были приверженцами Москвы и не мало послужили московскому авторитету. Преп. Сергій благословилъ Дмитрія на борьбу съ Мамаемъ; митр. Геронтій съ «соборомъ», архіеп. Вассіанъ возбуждали Ивана III къ борьбѣ съ Ахматомъ. Іерархи и игумены обращались, по древнему обычаю, съ учительными посланіями къ князьямъ. Князю былъ важенъ союзъ съ іерархіей и для душевнаго спасенія, и для цѣлей политическихъ. Въ концѣ концовъ митрополитъ вѣнчалъ великаго князя московскаго на царство и освящалъ его власть церковнымъ благословеніемъ. Окруженные славою подвижниковъ и легендой, монастыри становились народной святыней; къ нимъ устремлялось паломничество (особенно когда, послѣ взятія Константинополя турками, былъ почти загражденъ путь въ Палестину). Въ смутныя военныя времена монастыри дѣлались и пунктами военной обороны (Псково-печерскій монастырь во время Батарія, Троицкая лавра въ междоусобицѣ), и это умножало ихъ авторитетъ. Наконецъ, въ монастыряхъ сосредоточивалось церковное книжничество. Литературная дѣятельность за эти вѣка не была обильна. Въ XIII вѣкѣ, отъ епископа владимірскаго Серапіона осталось иѣсколько поученій, изображающихъ, между прочимъ, «томленіе и мучу» отъ нашествія немилостивыхъ иноплемениниковъ. Серапіонъ укоряетъ паству за нехристіанскія суевѣрія (вѣра въ волхвовъ и пр.) и объясняетъ, что за грѣхъ Богъ и посылаетъ на людей казни, голодъ и моръ, трясеніе земли и самое нашествіе. Къ первымъ временамъ ига долженъ относиться памятникъ, отъ котораго недавно только отыскано любопытное начало — «Слово о погибели русскіхъ земли». На первыхъ страницахъ описывается бѣвало, при старыхъ князьяхъ, могущество и процвѣтаніе русской земли. и толь-

ко въ послѣднихъ сохранившихся строчкахъ говорится не ясно, о «болѣзни» христанъ во времена автора, т. е. вѣроятно болѣзни отъ татарскаго нашествія. Цѣлый составъ памятника остается неизвѣстнымъ; можно только сказать, что картина прежняго могущества Руси изображается широкими чертами, напомнимъ о «Словѣ о Полку Игоревѣ»; есть намеки на стиль народной поэзіи, но больше, чѣмъ въ старомъ Словѣ, книжныхъ риторическихъ украшеній. Ко второй половинѣ XIII в. относится «Правило» митр. Кирилла II «поученіе къ попомъ». «Правило», составленное на соборѣ съ епископами, опять указываетъ на грѣхи, вынудившіе отъ Бога наказаніе, и даетъ наставленія оцерковномъ благоустройствѣ; оно возстаётъ противъ «бѣсовскихъ игрищъ», кулачныхъ боевъ. Поученіе къ попамъ состоитъ въ объясненіи ихъ высокихъ церковныхъ обязанностей. Къ этому времени относятся также нѣсколько поученій, принадлежащихъ неизвѣстнымъ писателямъ и направленныхъ въ особенности противъ остатковъ язычества—того, что называли тогда «двоевѣріемъ»: замѣчательно въ особенности «Словѣ нѣкоего Христолюбца и ревнителя по правой вѣрѣ». Въ XIV в. продолжается литература церковнаго поученія или поучительнаго посланія. Таковы были труды московскихъ митрополитовъ Петра (родомъ съ Волыни), Алексія (сына черниговскаго боярина), епископа сарайскаго Матвея, митр. Кириана (пришельца, южнаго славянина), Кирилла Бѣлозерскаго. Ихъ общая тема—осужденіе грѣховной жизни, иногда лишь съ нѣкоторыми чертами современнаго быта, и призывы къ благочестію, съ угрозами Божіа гнѣва. Въ посланіяхъ Кириана (митрополита кievскаго, потомъ московскаго, 1376—1406) любопытна увѣренность въ близкомъ концѣ міра: «нынѣ послѣднее время и лѣтамъ скончаніе приходитъ и конецъ вѣку сему; бѣсъ же вельми рыкаетъ, хотя всѣхъ поглотитъ». Онъ былъ противникомъ монастырскихъ имѣній: отрехшись отъ міра, не должно обязываться мірскими дѣлами и снова строить то, что разорилъ. Кирианъ былъ большой труженикъ, занимался переводами учительныхъ книгъ и особенно заботился объ исправленіи богослужебныхъ книгъ. Книжная дѣятельность митрополита Кириана имѣетъ то особенное значеніе, что онъ былъ начинателемъ южно-славянскихъ воздѣйствій въ нашей старой письменности. Кириллъ Бѣлозерскій (1337 — 1427)—одинъ изъ знаменитѣйшихъ и типическихъ подвизниковъ средняго періода, юношей принялъ постриженіе въ Москвѣ; шестидесяти лѣтъ онъ удалился въ пустынное житіе и поселился въ пещерѣ; слава святости привлекла ему учениковъ, и онъ сталъ основателемъ монастыря, который вскорѣ пріобрѣлъ великую славу, былъ любимъ московскими князьями и царями, сталъ однимъ изъ богатѣйшихъ землевладѣльцевъ (ему принадлежало до 20000 крестьянъ) и былъ школой и пріютомъ «бѣлозерскихъ старцевъ», игравшихъ роль въ XV в. Въ своихъ посланіяхъ къ князьямъ Кириллъ былъ обычнымъ моралистомъ и примирителемъ. Онъ совѣтовалъ заботиться о правосудіи, объ исправленіи

народныхъ нравовъ («великая пагуба душамъ—крестьяне пропиваются, а души гибнутъ»), просилъ князя унимать подвластныхъ ему людей «отъ скверныхъ словъ и отъ лаянія, понеже все отъ протгвѣваетъ Бога». Въ томъ же вѣкѣ архіепископъ новгородскій (1331—1352) св. Василій написалъ тверскому епископу Θεодору посланіе, гдѣ объяснялъ вопросъ о раѣ и адѣ: объ этомъ много говорили въ Твери, и Θεодоръ училъ свою паству, что рай, гдѣ жилъ Адамъ, боже не существуетъ, а есть только рай мысленный. Василій опровергаетъ его указанія на (апокрифическія) сказанія о раѣ на востокѣ (пустынникъ Макарій жилъ въ двадцати поприщахъ отъ рая, Евфросинъ принесъ оттуда три цѣлебныхъ яблока), и приводитъ рассказы «своихъ дѣтей новгородцевъ», которые видѣли адъ «на дышущемъ морѣ» и рай за горою, гдѣ «написанъ былъ Деисусъ лазоремъ чуднымъ» (икона, изображающая Спасителя съ Богородицей и Іоанномъ Крестителемъ); за горою былъ свѣтъ великій и слышались голоса ликованія. Какъ выяснено теперь, рассказъ новгородцевъ есть легенда, въ тоже время распространенная на Западѣ. Съ татарскими нашествіями, повидимому, не прервались паломничества къ святымъ мѣстамъ, но они были несомнѣнно затруднены, и памятники рѣдки. XIV-му вѣку принадлежить, вѣроятно, «Бесѣда о святыхъ Царяграда», недавно отысканная и еще не вполне исследованная, какъ думаютъ нѣкоторые — составленная упомянутымъ арх. новгородскимъ Василіемъ; сказаніе Стефана Новгородца, ходившаго около половины XIV в. въ Царьградъ и дивившагося его святынямъ и великолѣпію, такъ что и «умъ сказать не можетъ», и въ Царьградѣ какъ въ дубову войти»; хожденіе нѣкоего архимандрита Агребенія, описывавшаго святые мѣста Палестины; хожденіе смоленскаго дьякона Игнатія, который въ 1387 г. сопровождалъ митрополита Пимена въ Царьградъ, а потомъ былъ въ Іерусалимѣ; сказаніе дьяка Александра, бывшаго въ Царьградѣ по торговымъ дѣламъ. Тому же вѣку принадлежитъ опытъ эпическаго рассказа—«Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ», принадлежащее рязанскому іерею Софонію или Софронію; дальнѣйшая обработка того же сюжета, «Задонщина», относится уже къ XV в. Отдѣльными историческія повѣсти объ особенно замѣчательныхъ событіяхъ возникли еще въ древнемъ періодѣ; вѣослѣдствіи онѣ разноточаются, и въ XIV—XV вв. находимъ цѣлый рядъ повѣстей (о житіи и храбрости Александра Невскаго, о благовѣрномъ князѣ Довмонтѣ, о нашествіи Батты на русскую землю, о убіеніи кн. Михаила Черниговскаго въ ордѣ, о убіеніи кн. Михаила Тверскаго, Рукописаніе Магнуса короля Свѣйскаго и т. д.): эти повѣсти заносились иногда въ лѣтописи, но обращались въ рукописяхъ и отдѣльными статьями. Сюда относится и Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ; оно отличается отъ другихъ повѣстей тѣмъ, что авторъ старался украсить свое повѣствованіе поэтическими чертами, для чего воспользовался «Словомъ о Полку Игоревѣ» какъ образцомъ «Задонщина», писанная менѣе натянутымъ книжнымъ язы-

комъ, также преисполнена подражаниями «Слову»—но именно на этомъ и сказалась великая разница литературныхъ періодовъ. То, что было въ «Словѣ» непосредственнымъ внушеніемъ поэтической фантазіи и чувства, въ сказаніяхъ XIV—XV в. становится безличнейшею фразой: позднѣйшіе книжники часто совсѣмъ не понимали поэтического образа, примѣняли его нескладно или фальшиво, вѣщій Боянъ «Слова» превратился въ «вѣщаннаго боярина, горазнаго пѣвца въ Кіевѣ»; слова: «о Русь, за шеломянемъ еси» (за горой) получили слѣдующій видъ: «русская земля, то первое еси какъ за царемъ за Соломономъ побывала», т. е. совершенно потеряли смыслъ.

XV-й вѣкъ былъ эпохой уже опредѣляшагося окончательно историческаго процесса, въ результатъ котораго Москва объединила удѣлы; великій князь московскій былъ уже безспорнымъ властителемъ, удѣльные князья становились его придворными; самый Новгородъ потерялъ свою независимость. Политическое возвышеніе Москвы долго не сопровождалось возвышеніемъ ея книжнаго просвѣщенія; до XV в. она была, по выраженію Буслаева, татарскимъ лагеремъ, проводила анти-національныя начала, въ книжности уступала Кіеву и Новгороду XII в. Книжные интересы были гораздо сильнѣе въ Новгородѣ и другихъ прежнихъ центрахъ. Составитель лѣтописнаго сборника въ первой половинѣ XVI в. (Тверская лѣтопись) извинялъ недостатки своего труда тѣмъ, что онъ—не кіевлянинъ, не новгородецъ, не владимірецъ, а ростовскій человекъ, конечно указывая тѣмъ центры книжной дѣятельности; Москву онъ не называлъ вовсе. Въ прежнихъ центрахъ книжность заявляла себя преимущественно обиліемъ мѣстныхъ сказаній историческихкихъ и житейныхъ: легенда развивалась въ Черниговѣ, Владимірѣ, Ростовѣ, Смоленскѣ, Муромѣ, но въ особенности въ Новгородѣ, между прочимъ отражая враждебныя отношенія его къ Москвѣ (напр. поставленій изъ Москвы архіепископъ чудесно наказывается за неуваженіе къ новгородской святинѣ). Въ концѣ концовъ политическое преобладаніе, обратившееся въ господство, должно было внушить мысль о необходимости просвѣщенія и развитія книжн. дѣятельности. На первый разъ явилась чужая помощь: въ Москвѣ водворается вліяніе южно-славянское. Выше названъ, какъ его первый представитель, митрополитъ Кипріанъ. Въ концѣ XIV вѣка пали оба южно-славянскія царства, сербское и болгарское: предъ паденіемъ въ нихъ оживилась книжная дѣятельность, нѣкоторое время державшаяся и подъ турецкимъ игомъ, пока, наконецъ, взятіе Константинополя не подорвало послѣднія силы южнаго славянства. Въ Москву приходятъ дѣятели этой послѣдней поры южно-славянскія книжности. Ихъ школа была византийская, риторическая, какой не знали на Руси, особенно въ Москвѣ,—и здѣсь для подобныхъ риторикъ представлялось широкое поприще. Въ началѣ XV в. дѣйствовали въ русской книжности два иноземца. Одинъ былъ грекъ, митрополитъ Фотій, въ Москвѣ (1410—

1431 г.), не вполне владѣвшій славяно-русскимъ языкомъ, витиеватый моралистъ, по отзыву митрополита Макарія, вялый и скучный: поученія его не имѣли почти никакого отношенія къ русской жизни, но между прочимъ и онъ ожидалъ близкой кончины міра: «грядетъ ночь, житія нашего престаіе». Другой былъ южный славянинъ, вызванный митрополитомъ Кипріаномъ, Григорій Намблэкъ, одно время митрополитъ кіевскій (1416), авторъ многочисленныхъ поученій и сказаній, большой ораторъ, не столько моралистъ, сколько догматикъ, защищавшій православіе противъ латинства: сочиненія его были очень распространены между русскими читателями. Еще одинъ пришелецъ, много работавшій на Руси въ половинѣ XV в., былъ сербъ Пахомій Логоеетъ: это былъ представитель южно-славянскіи учености и риторскаго искусства, по словамъ русскихъ книжниковъ, «отъ юности усовершенствовавшійся въ писаніи и во всѣхъ философіяхъ, превзошедшій всѣхъ книжниковъ разумомъ и мудростію». «Всѣ философіи» Пахомія примѣнены были на Руси къ одному дѣлу, которое считалось настоятельнымъ: по порученію вел. князя и митрополита съ соборомъ, Пахомій писалъ каноны, похвальные слова святымъ, сказанія и особливо житія; послѣднія, впрочемъ, состояли, болѣею частью, только въ новыхъ редакціяхъ уже существовавшихъ житій. Дѣло въ томъ, что никто въ Р. не могъ тогда сравняться съ Пахоміемъ въ витійствѣ: онъ вложилъ въ свои писанія вынесенныя съ славянскаго юга и Афона «добрословіе» и «плетеніе словесъ», изумлявшія русскихъ книжниковъ. Пахомій сталъ для послѣднихъ высокимъ образцомъ; плетеніе словесъ, мало заботившееся объ исторической точности и стиравшее въ первоначальныхъ простыхъ занесшихъ живыя черты жизни и исторіи, стало обычнымъ стилемъ церковно-историческихъ писаній. Къ южно-славянскому книжному искусству обращались и въ XVI в. Такъ, соловенская братія послала монаха Богдана на югъ найти искусника для новаго изложенія житій своихъ святыхъ, и Богданъ вернулся съ двумя похвальными словами св. Зосимъ и Савватію, написанными инокомъ Львомъ Филологомъ. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ, Пахомій Логоеетъ былъ авторомъ еще одного произведенія, которое надолго стало весьма распространеннымъ образовательнымъ чтеніемъ въ древней Руси: это былъ знаменитый «Хронографъ», единственная книга до всеобщей исторіи, въ послѣдствіи распространявшаяся въ различныхъ новыхъ редакціяхъ. Риторическая школа Пахомія наша послѣдователей и между русскими книжниками: такъ, въ числѣ списателей житій славится Елифаній, молчуншій за свое добрословіе прозваніе «Премудраго». Это становилось обычнымъ стилемъ для житія и вообще для изложенія возвышенныхъ предметовъ: въ первой половинѣ XVII в. мы встрѣчаемся съ нимъ у историковъ междуцарствія въ формѣ, доходящей до уродливости; во второй половинѣ XVII в. къ нему присоединилась, или пришла на смѣну, схоластическая риторика кіевской школы. На пе-

реходѣ отъ XV в. къ XVI-му в. совершалась дѣятельность новгородскаго архіепископа Геннадія (1485—1504) и его союзника Іосифа игумена Волоцкаго (1440—1515). Новгородъ издавна велъ обособленную жизнь, сохраняя до послѣдняго столкновенія съ Москвой вѣчевую жизнь, поддерживая торговыя сношенія съ нѣмецкими Западомъ, которая сопровождалась известными культурными влияніями, имѣя свою лѣтопись, легенду, эпическое преданіе. Новгородская легенда и эпосъ отличались—какъ можно судить по письменнымъ памятникамъ и пѣсеннымъ остаткамъ,—широкими размахомъ фантазій, силой образовъ (легенды объ Антоніи Римлянинѣ, Іоаннѣ Новгородскомъ, Варлаамѣ Хутынскомъ, Знамени, сказаніи архіеп. Василія объ адѣ и раѣ, былины о Васильѣ Буслаевѣ, гостѣ Садкѣ); новгородская колонизація провела энергическое населеніе на сѣверъ, гдѣ сохранилось въ послѣдствіи богатое эпическое преданіе (Олонекскій и Архангельскій край). Повидимому, здѣсь шла и дѣятельная религиозная жизнь; не останавливаясь на внѣшнемъ обрядовомъ благочестіи, здѣсь ставили вопросы по существу церковной жизни, и свободомысліе выразилось возникновеніемъ ересей. Въ половинѣ XIV в. церковныя власти были встревожены появленіемъ «стригольниковъ». Историки еще не установились на одномъ объясненіи происхожденія этой секты: одни приписываютъ ей источникъ богомильскій, другіе, съ болѣею вѣроятностію, думаютъ, что она была занесена въ Новгородъ изъ Германіи, гдѣ, послѣ страшной Черной смерти, возникла секта бичующихся (гейслеровъ, флагеллантовъ), пропаганда которой, быть можетъ, достигла и Новгорода. Стригольники отвергали священство, такъ какъ оно поставляется «на мзѣ», и самыя таинства; будучи, повидимому, тѣмъ-то въ родѣ духовныхъ христіанъ, они сами становились толкователями Писанія и уважали въ особенности евангеліе. Повидимому, дальнѣйшимъ развитіемъ стригольничества была ересь жидовствующихъ, явившаяся также въ Новгородѣ во второй половинѣ XV вѣка: начало ей связываютъ съ пріѣздомъ въ Новгородъ изъ западной Руси князя Михаила Олельковича (1471 г.), съ которымъ пришло нѣсколько евреевъ, и особенно ученый Схарія, по словамъ обличителя секты, Іосифа Волоцкаго, «діаволовъ сосудъ и изученъ всякому злодѣйству изобрѣтенію, чародѣйству и черноколѣнію, звѣздозаконію и астрологіи». Въ тогдашнемъ отсутствіи какихъ-либо школьныхъ знаній всякая наука представлялась чародѣйствомъ, и тѣмъ болѣе у человека, поучавшаго церковнымъ ересямъ. Въ чемъ именно заключалась ересь, опять не ясно: есть обвиненіе въ прямомъ жидовствѣ, ставится въ преступленіе погубительная ученость; была, повидимому, наклонность къ рационализму; было, наконецъ, у фанатиковъ, грубое оскорбленіе святыни. Съ другой стороны, между еретиками были люди книжные и благочестивые; великій князь Иванъ Васильевичъ взявъ въ Москву поповъ Дениса и Алексѣя, зараженныхъ ересью, и ересь стала распространяться въ Москвѣ, при самомъ дворѣ великаго князя. Архіеп. Геннадій выступилъ

непримиримымъ гонителемъ ереси. Вообще, это былъ человекъ энергическій: въ исторіи русской письменности онъ извѣстенъ своимъ опытомъ собрать полный текстъ библейскихъ книгъ, при чемъ книги, не отыскавшіяся въ рукописяхъ, онъ велѣлъ перевести. вновь, между прочимъ—съ Вульгаты и съ еврейскаго языка. Геннадій требовалъ отъ князя казни еретиковъ, ссылался, между прочимъ, на испанскую инквизицію, о которой слышалъ отъ цесарскаго посла, проѣзжавшаго черезъ Новгородъ. Отчасти онъ и пустилъ въ ходъ инквизиторскіе приемы надъ еретиками, осужденными въ Москвѣ и присланными въ его распоряженіе. Не менѣе ревностнымъ и ожесточеннымъ преслѣдователемъ ереси въ своихъ писаніяхъ былъ игуменъ Волоколамскаго м-ря Іосифъ. Первымъ средствомъ, которое предлагалъ Геннадій противъ еретиковъ, было не убѣждать, а «жечи да вѣшати»; съ этимъ соглашался и игуменъ волоколамскій. Іосифъ написалъ противъ ереси нѣсколько посланій, изъ которыхъ составилъ обширный сборникъ «Просвѣтитель». Сообщивъ нѣсколько историческихъ свѣдѣній объ ереси (онъ считалъ въ числѣ еретиковъ и тогдашняго московскаго митрополита Зосиму), Іосифъ даетъ систематическое опроверженіе жезученій и вмѣстѣ памфлетъ, исполненный церковно-славянскими ругательствами. Строгій ревнитель православія, для охраны котораго онъ не останавливался ни передъ какими средствами истребленія, допуская и «богопреудостное коварство», т. е. обманъ, Іосифъ былъ и типическій книжникъ своего времени. Читеніемъ онъ приобрѣлъ большое знаніе церковной литературы; на каждомъ шагу онъ цитируетъ Писаніе и отцовъ церкви, собирая изъ нихъ аргументы за безпощадное истребленіе еретиковъ. Но это былъ только начетчикъ, чуждый критики; онъ ставитъ рядомъ законъ Моисея и ученіе Христа, не сомнѣвается черпать свои доказательства изъ сочиненій апокрифическихъ, гражданскія постановленія византійскихъ императоровъ ставитъ рядомъ съ соборными правилами и т. п. Дѣятельность Іосифа Волоцкаго совпадаетъ съ окончательнымъ паденіемъ удѣльной системы и установленіемъ московскаго единодержавія. Онъ стоитъ вполнѣ на сторонѣ новаго политическаго строя, защищая, вмѣстѣ съ тѣмъ, монастырское землевладѣніе и монастырское богатство, какъ источникъ политическаго вліянія. Это яркій представитель обрядоваго благочестія и вообще древне-русскаго просвѣщенія, господствовавшаго потомъ до временъ Петра Великаго. Этотъ результатъ среднихъ вѣковъ русской жизни производилъ-бы удручающее впечатлѣніе, если-бы крайность не вызвала въ то самое время противодѣйствія отъ людей иного нравственнаго склада, во главѣ которыхъ стоялъ Нилъ Сорскій (1433—1508), «великій отецъ церкви русской», по выраженію архіеп. Филарета. Это былъ инокъ изъ школы Кирилло-Бѣлозерскаго м-ря, владѣвшій одною изъ самыхъ богатыхъ тогда библиотекъ; но главнымъ образомъ, повидимому, онъ выработалъ свои церковныя взгляды во время довольно продолжительнаго пребыванія на Аео-

нѣ. Это было аскетическо-созерцательное направление, воспринятое съ великою искренностію и силою характера. Нилъ основалъ себѣ уединенное пустынножительство, удалаясь отъ міра, корысти и бессловесныхъ (неразумныхъ) попеченій». Въ дѣлахъ церковно-общественныхъ онъ принималъ участіе только тогда, когда былъ къ нимъ прямо призываемъ. Это была во всемъ рѣзкая противоположность Іосифу Волоцкому: вѣсто обрядоваго благочестія, властолюбія, кровавой нѣтерпимости, слѣпой вѣры въ букву, отсутствія критики—религіозное созерцаніе, мягкое снисхожденіе къ ошибкамъ, свобода «разсмотрѣнія» писаній, отдѣленіе истиннаго отъ сомнительнаго. На соборѣ 1508 г., созванномъ для рѣшенія церковныхъ вопросовъ, Нилъ возсталъ противъ монастырскаго землевладѣнія, за которое стоялъ Іосифъ. Они совершенно расходились и въ вопросѣ о томъ, какъ поступать съ еретиками. Словомъ, оказалось въ церковныхъ идеяхъ и въ жизни два совершенно противоположныхъ теченія, представителями которыхъ были, съ одной стороны, «іосифляне», съ другой—«бѣлозерскіе старцы», съ Ниломъ Сорскимъ во главѣ. Нилъ Сорскій былъ высокій идеалистъ; его преданіе сказывалось потомъ въ идеалистическихъ стремленіяхъ русской церковной жизни, создавая настроенія братолубія и самоотверженія. Практически, однако, оказалась сильнѣе другая сторона. Историки замѣчаютъ, что на политическихъ взглядахъ Іосифа Волоцкаго воспитался Иванъ Грозный; строгое ученіе Іосифа стало достояніемъ той массы книжниковъ, которая полтора вѣка спустя возсталъ противъ нововведеній Никона: читая Іосифа Волоцкаго, приготовляясь къ писаніямъ протопопа Аввакума.

Паломничество продолжалось, но чѣмъ дальше, тѣмъ больше измѣнялись условія странствованія. Троицкій іеромонахъ Зосима (около 1420 г.) еще засталъ Константинополь христіанскимъ, былъ на Аѳонѣ и только «съ нужею» дошелъ до святаго града Іерусалима, «злыхъ ради араповъ»: въ святомъ градѣ святѣны были въ рукахъ окаянныхъ сарацинъ, и имъ надо было платить за поклоненіе. Зосима повторялъ обычные легендарные рассказы, но описывалъ и личныя невзгоды: на обратномъ пути ихъ корабль былъ ограбленъ морскими разбойниками, они скакали по кораблю какъ дикіе звѣри, блистая мечами и кошками, «яко воздуху устранились отъ нихъ». Въ 1465—66 г. странствовалъ ко святымъ мѣстамъ гость Василій—новымъ путемъ: описаніе начинается съ Бруссы, откуда онъ шелъ въ Іерусалимъ черезъ Малую Азію; рассказъ—обычное перечисленіе святынь, съ апокрифическими подробностями, но было и купеческое любопытство: отмѣчались большіе торги и кермасеран (караванъ-саран). Далѣе, два путешественія совершилъ священноинокъ Варсонофій (1456 и 1461—62): оба раза онъ былъ въ Іерусалимѣ, а во второй разъ—и въ Египтѣ, и первый изъ русскихъ паломниковъ посѣтилъ и описалъ Синайскую гору. Его хожденіе повторяетъ обычные рассказы, но не лишено своеобразныхъ личныхъ впе-

чатлѣйшій, а кромѣ того сохранило важныя указанія для топографіи святыхъ мѣстъ въ XV вѣкѣ. Къ тому же времени относятся два особенныхъ путешествія, которые были первыми въ своемъ родѣ. Суздальскій іеромонахъ Симеонъ былъ однимъ изъ спутниковъ митр. Исидора въ путешествіи на флорентинскій соборъ: проѣзжая черезъ Германію, Тироль, Сѣверную Италію, онъ пораженъ невиданными великолѣпнѣе городовъ, на югѣ—чудесами природы: каждый встрѣченный большой городъ казался ему столь великолѣпнымъ, что выше не можетъ ничего быть, но потомъ онъ видѣлъ города еще болѣе удивительные—и каждый разъ онъ отмѣчаетъ: «градъ камень», потому что дома зная только деревянные. Другой спутникъ Исидора, епископъ суздальскій Авраамій, далъ описаніе мистеріи, представленіе которой онъ видѣлъ въ одномъ флорентинскомъ монастырѣ и которая произвела на него чрезвычайное впечатлѣніе: «по всему видѣти подобіемъ яко самую пречистую Дѣву Марію», и вообще «великое то видѣніе чудно и радостно и отнюдь не сказанно» (т. е. невыразимое никакими словами). Тверской купецъ Аванасій Никитинъ присоединился въ 1466 г. къ посольству, отправлявшемуся въ Шемаху, потомъ черезъ Персію отправился въ Индію, прожилъ тамъ три года, въ 1472 г. вернулся, но умеръ на дорогѣ въ Смоленскѣ. Путешествіе его любопытно, хотя рассказы не всегда ясны: факты онъ мѣшаетъ съ фантастикой, иногда не умѣетъ понимать ихъ. Первый комментаторъ Никитина, Срезневскій, ставилъ его очень высоко и заключалъ, что изъ современныхъ ему путешественниковъ могутъ сравниться съ нимъ только рассказы ди-Конти и Васко-ди-Гамы; но была та разница, что писанія нашего путешественника остались для русскихъ читателей открытыми и даже малораспространеннымъ рассказомъ приключеній и не способствовали расширенію географическихъ знаній.

Наступалъ XVI вѣкъ. Чтобы составить себѣ болѣе точное представленіе о складѣ литературы и положеніи вещей въ томъ вѣкѣ, когда установился складъ русской народности въ московскомъ царствѣ, необходимо дать себѣ отчетъ въ образовательныхъ средствахъ средняго періода и характерѣ слагавшагося міровоззрѣнія. Послѣ первыхъ начинаній школы въ древнемъ періодѣ, мы не имѣемъ свѣдѣній о какой-либо школѣ выше первоначальной. Нѣтъ сомнѣній, что были школы, поддерживавшія церковную и приказную грамотность, но упадокъ книжнаго обученія можно видѣть уже изъ малочисленности литературныхъ памятниковъ за первые вѣка татарскаго ига; даже въ болѣе позднее время, въ XVI и началѣ XVII в., есть указанія, что даже въ средѣ боярскаго сословія «грамотѣ не умѣютъ». Съ конца XIV в. понадобилась книжная помощь отъ южно-славянскихъ единоплемениковъ; въ первой половинѣ XVI в. опять искали ученаго иноземца для настоятельныхъ церковныхъ трудовъ, и вызванъ былъ съ Аѳона Максимъ Грекъ. Въ то время, когда на Западѣ блистали ученые силы вѣка Возрожденія и Реформации, когда дѣлались великія научныя

открытія, Московская Русь оставалась въ густомъ мракѣ среднихъ вѣковъ. Упомянутая выше оторванность Руси отъ Запада, огрубѣніе нравовъ подъ татарскимъ игомъ, поглощеніе національной силы борьбой за восстановление государственнаго національнаго единства не давали возможности предпринять образовательную дѣятельность. Единственно умственной пищей оставалось то «книжное почитаніе», которое унаслѣдовано было отъ стараго періода и исполнялось потомъ, отчасти, скуднымъ вкладомъ собственныхъ трудовъ, гораздо болѣе — переводами произведений византийской литературы, частью только собственными и въ особенности приходившими со славянскаго юга. Составомъ этой литературы исчерпывались все образовательныя средства нашихъ среднихъ вѣковъ. Господствующее мѣсто занимали въ ней многочисленные переводы изъ твореній святыхъ отецъ — слова, поученія, толкованія Священнаго Писанія, житія святыхъ, въ Прологахъ и Минеяхъ и въ отдѣльныхъ сказаніяхъ. Сборники учительнаго содержанія, изъ твореній св. отецъ, въ особенности изъ Златоуста, появившіеся еще съ древняго періода и позднѣе, какъ знаменитый Святославовъ Сборникъ, Златогруй, Маргаритъ, Измарагдъ, Златая Цѣль, Матица, достигали въ обращеніи до самаго московскаго періода. Исторію твореній представлялъ древній «Шестодневъ» Іоанна, эскизъ болгарскаго; ветхозавѣтную исторію излагала древняя Палей, гдѣ къ свѣдѣніямъ библейскимъ прилагались апокрифическія сказанія. Астрономію и физическую географію излагала (переведенная, повидимому, въ XIV в.) книга визант. купца, потомъ монаха VI в. Козьмы Идикоплова, который опровергалъ систему Птолемея, какъ противурѣчивую Писанію, и представлялъ землю какъ плоскій, продолговатый отъ востока къ западу четырехъ угольникъ, покрытый небомъ какъ сводомъ; обитаемая земля окружена океаномъ, по краю возвышается стѣна и край земли сходится съ краемъ неба; земля стоитъ на тверди и подъ нею ничего нѣтъ; ученіе объ антиподахъ бессмысленно и противорѣчитъ Писанію и т. д. Описаніе произведеній природы давала переведенная въ концѣ XIV в. византийская поэма VII в. Георгія Писиды — но переведенная дурно, такъ что многія мѣста остаются невразумительны. Другой источникъ познаній о природѣ представлялъ «Физиологъ», сборное произведеніе II—III в., описаніе животныхъ, птицъ, рыбъ, камней и т. д., эпизоды котораго переходили въ средне-вѣковую народную миеологию и христіанскую символику. Первоначальная редакція нашего «Физиолога» была южно-славянская, восходящая ко врѣмени до XIII в. Таковы были почти все свѣдѣнія о строеніи міра и природы, какія были въ рукахъ древняго книжника. Въ XV—XVI в. къ нимъ прибавляются въ сборникахъ отдѣльныя статьи, опытъ переводнаго происхожденія, съ попытками болѣе правильнаго объясненія, напр. о шарообразности земли, о свойствѣ грома и молніи и т. п.; но русскій книжникъ долженъ былъ недоумѣвать между этими свѣдѣніями и чистой фантастикой,

подкрѣпляемой ссылками на Писаніе... Историческія свѣдѣнія мало подвинулись съ тѣхъ поръ, какъ еще въ древности получены были переводы византийскихъ хронистовъ — Амартола, Малалы, позднѣе Манассія и др. Во второй половинѣ XV в. возникаетъ «Хронографъ», который пытается дать историческія свѣдѣніямъ нѣкоторую систему. Исходя, въ основѣ, изъ тѣхъ же источниковъ, онъ присоединяетъ къ нимъ, довольно отрывочно, свѣдѣнія о болгарской и сербской исторіи, вноситъ русскія извѣстія, въ дальнѣйшихъ редакціяхъ пользуется польскими хрониками и «Космографіей». И въ позднѣйшихъ обработкахъ, сильно расширившихъ его первоначальное содержаніе, «Хронографъ» остается, однако, весьма архаическимъ собраніемъ историческихъ свѣдѣній, отрывочнымъ и запоздалымъ.

Наконечъ, въ образованіи древне-русскаго міровоззрѣнія заняла важное мѣсто легенда, въ самомъ широкомъ смыслѣ и разнообразныхъ развитіяхъ. Первобитное язычество было наполнено вѣрой въ чудесное: миеологія была стремленіемъ объяснить чудесными силами явленія природы и человѣческой жизни, олицетворяя ихъ въ сверхъестественныхъ существахъ, которые становились высшими и низшими божествами. Введеніе христіанства должно было устранить эту миеологию, замѣняя ее цѣльной библейской космогоніей, и устраняя первобытныя обычаи высокими нравственнымъ ученіемъ и церковными установленіями. Смѣна стараго новымъ произошла не вдругъ — и это не могло быть иначе, такъ какъ приходилось дѣйствовать на обширную народную массу, съ твердо укоренившимися вѣковыми міровоззрѣніемъ, когда, притомъ, на первое время было очень невелико и число учащихся. Психологическая почва оставалась, и на ней, повидимому, уже вскорѣ стало утверждаться новое вѣроученіе, также исполненное чудеснаго. Періодъ «двоевѣрія» былъ очень продолжителенъ: многое изъ первобытнаго преданія, имѣвшаго языческій источникъ, сохранилось въ народной вѣрѣ до сихъ поръ, даже у народовъ съ высокими уровнемъ цивилизаціи; тѣмъ болѣе двоевѣріе должно было крѣпко держаться въ тѣ вѣка русскаго жизни, когда школа почти отсутствовала. Тѣмъ болѣе успѣха среди народныхъ читателей должна была имѣть та доля новой христіанской литературы, которая состоитъ въ книгахъ апокрифическихъ (въ старомъ русскомъ наименованіи: отреченныхъ, ложныхъ). Подъ именемъ книгъ апокрифическихъ разумѣются тѣ, которыя не вошли въ узаконенный церковный канонъ, т. е. въ списокъ книгъ Священнаго Писанія — книги неканоническія. Есть апокрифы ветхозавѣтные, до-христіанскіе, и еще большее число новозавѣтныхъ. Это были, прежде всего, пѣтый рядъ евангелій (до тридцати), возникшихъ еще въ первые вѣка христіанства, но во время составленія канона не признанныхъ достовѣрными, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ ихъ сказанія повторяемы были и отцами церкви (напр., изъ первоэвангелія Іакова); далѣе, нѣсколько апокалипсисовъ, исторія

апостоловъ; отдѣльныя легенды о Христѣ и Богоматери; сказанія о святыхъ и мученикахъ; писанія, которыя считались еретическими. и т. д. Словомъ, это была обширная легенда на темы Вѣтхого и Новаго Завѣта и церковной истории. исполненная чудеснаго. Нѣкогда она была, такъ сказать, популярнымъ распространениемъ, а также реальнымъ примѣненіемъ состава вѣроученія; впоследствии она распространилась по всему христіанскому міру, восточному и западному, принимаемая съ полною вѣрою не только въ народныхъ массахъ, но и среди самого клира. Апокрифическія сказанія были тѣмъ болѣе завлекательны, что очень часто они дополняли недосказанное книгами каноническими, раскрывали таинственное, отличались настоящею поэзіею (напр. многія сказанія о Христѣ и Богоматери), наконецъ, обильно питали ту потребность чудеснаго, какаѣ свойственна народній религіи. Эти отреченныя, ложныя книги стали проникать въ нашу письменность съ первыми памятниками христіанской литературы, изъ южно-славянскаго источника. Апокрифическія черты находятся въ дѣтнописномъ изложеніи христіанскаго вѣроученія и въ другихъ эпизодахъ дѣтписанаго разсказа; сохранились списки нѣкоторыхъ апокрифовъ отъ первыхъ вѣковъ нашей письменности; не смотря на то, что на «ложныхъ» книгахъ лежало церковное запрещеніе, сами іерархи увлекались ими и давали имъ мѣсто въ своихъ писаніяхъ (новгородскій архіеп. Василій, даже Іосифъ Волоцкій и др.). Церковныя запрещенія противъ апокрифическихъ книгъ были помѣщены въ постановленіяхъ апостольскихъ, рано перешли въ письменность славянскую, и затѣмъ, вмѣстѣ съ церковными книгами, въ русскую. На славянской почвѣ списокъ ложныхъ книгъ былъ дополненъ, напр., включеніемъ книгъ богомилскихъ, и въ русской письменности образовалась, наконецъ, обширная статья о книгахъ истинныхъ и ложныхъ, гдѣ, за перечисленіемъ книгъ, которыя подобаетъ честь, слѣдуетъ списокъ отреченныхъ, чтеніе которыхъ навлекаетъ пагубу душамъ и церковное наказаніе, а самыя книги должны быть сжигаемы на тѣлѣ читавшаго. Въ старой русской письменности были извѣстны: по исторіи вѣтозавѣтной — ложныя сказанія о міротвореніи (Богомъ и діаволомъ), объ Адамѣ и Евѣ и въ связи съ этимъ о крестномъ древѣ, о Еnochъ, о потопѣ и Ноѣ, Авраамѣ, Завѣтѣ двѣнадцати патриарховъ, сказанія о Соломонѣ; по исторіи повозавѣтной — сказаніе Афродитана персина о Рождествѣ Христовѣ, первоевангеліе Іакова, Евангеліе Фомы, Евангеліе Никодимово, Преніе Христа съ діаволомъ, ложныя сказанія о Христѣ, приписываемыя болгарскому попу Іереміи (какъ Христа въ попы ставили, какъ Христосъ пагубомъ оралъ и пр.), Слово Адама во адѣ къ Лазарю, Хожденіе Богородицы по мукамъ, Слово о видѣніи апостола Павла, Вопросы Іоанна Богослова къ Господу на Оаворской горѣ, Вопросы его же къ Аврааму; далѣе, апокрифы позднѣйшіе, связанныя съ именами отцовъ церкви, святыхъ, мучениковъ, предвѣщанія, суевѣрныя молитвы и за-

клинанія и пр.—Бесѣда трехъ святителей Василия Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста; Слово Меодіа Патарскаго о царствіи языкъ послѣднихъ временъ (о концѣ міра), Епистоля о недѣлѣ (о почтеніи воскреснаго дня), сказаніе о мученіи св. Георгія, сказаніе объ инокѣ Макаріи римлянинѣ, жившемъ въ двадцати поприщахъ отъ радъ, сказаніе о двѣнадцати пятицахъ, ложныя молитвы, сказаніе о трисавицахъ (лихорадкахъ) дочеряхъ Иродовыхъ; суевѣрныя и гадательныя книги, какъ Громникъ, Молніянникъ, Колядникъ, Зелейникъ, Тресетникъ, Путникъ, Сносудецъ, Чаровникъ, Рафли, Аристотелевы Врата, Луцидаріусъ (книга, переведенная въ XVI в. съ нѣмецкаго, разговоръ между ученикомъ и учителемъ—о разныхъ предметахъ природы, на основаніи апокрифическихъ книгъ, средневѣковыхъ преданій и т. д.). Это была цѣлая литература легенды, въ большинствѣ завлекательной и доступной для массы. Въ средневѣковой западной литературѣ апокрифъ былъ не менѣе, если не болѣе извѣстенъ и многообразно обработанъ въ поэзи и въ искусствѣ, но у насъ положеніе его было иное. Въ западной жизни легенда издавна имѣла свой противовѣсъ въ начаткахъ науки; эпоха Возрожденія выдвинула античныя идеи, которыя стали во главѣ новаго литературнаго развитія. У насъ легенда господствовала безраздѣльно въ теченіе вѣковъ, и религіозное настроеніе приняло, подъ ея вліяніемъ, особую складку—уборство и неподвижность суевѣрія. Множество рукописей болѣе популярныхъ апокрифовъ (какъ Бесѣда трехъ святителей, сказаніе о крестномъ дрѣвѣ, Хожденіе Богородицы по мукамъ, Двѣнадцать пятицъ, сказаніе о трисавицахъ и т. д.) указываютъ на распространеніе ихъ въ массѣ. Понятно, что они отразились, наконецъ, въ народной поэзи, именно въ духовныхъ стихахъ, начиная съ знаменитаго стиха о Голубиной книгѣ.

Когда все болѣе возрастала власть Москвы и іерархія становилась на сторону единовластиа и самодержавія, въ союзъ съ ними слагалась легенда, говорившая о московскомъ «царствѣ». Повидимому, гораздо ранѣе его осуществленія она давала уже образное представленіе преемства, переносившаго на Москву древнее политическое и церковное значеніе Царяграда и дѣлаваго московскихъ государей единственными и законными продолжателями византійскихъ императоровъ. Легенда слагалась изъ нѣсколькихъ мотивовъ. Была византійская сказка (о Вавилонскомъ царствѣ), очень распространенная у насъ въ разныхъ редакціяхъ, извѣстная и на Западѣ.—о томъ, какъ греч. царь Левъ (Василій) отравилъ въ градъ Вавилонъ пословъ, чтобы «взять знаменіе» отъ святыхъ трехъ отроковъ, невредимыхъ въ печи вавилонской, и добыть вещи, принадлежавшія нѣкогда царю Панахондосору. Великій чудовищный змій облегалъ весь градъ Вавилонъ, но послы, претерпѣвъ разные ужасы, достигли цѣли: въ числѣ драгоценностей былъ царскій капиטרъ и «шапка Мономаха». Въ дальнѣйшихъ варіантахъ сказки роль императора Льва прямо занимаетъ Иванъ

Грозный. Далѣе, было другое сказаніе, гдѣ, начиная съ Ноя, передается исторія великихъ владодержцевъ, какіе бывали на землѣ, отъ царей египетскихъ до римскаго царя Августа,—и отъ сродника его Пруса, по имени котораго назвалась Прусская земля, производился Юриксъ, призванный новгородцами по совѣту Гостомысла. Потомокъ Юрика, Владимиръ, устранивъ войной греческаго императора, получилъ отъ Константина Мономаха драгоцѣнные дары—часть животворящаго древа, царскій вѣнецъ и «крабицу сердоликовую, изъ нея же Августъ кесарь веселился». Прежде думали, что эта генеалогія отъ Августа кесаря составила подъ влияніемъ польскихъ «ученыхъ» баснословіе; но съ болѣе вѣроятностію полагаютъ теперь, что здѣсь опять дѣйствовало влияніе южно-славянское. У южныхъ славянъ давно велась борьба противъ церковныхъ и политическихъ притязаній грековъ; болгарскіе и сербскіе вѣласти брали себѣ высокіе титулы, и мысль о «царствѣ» предполагала полную независимость. Именно при митр. Кипріянѣ было отмѣнено въ Москвѣ церковное поминаніе визант. императоровъ, что произвело большое неудовольствіе въ Константинополѣ: патріархъ прислалъ князю наставленіе, что какъ есть одна православная церковь, такъ есть только одинъ «каеоліическій царь». Сербинъ Пахомій называлъ въ своихъ писаніяхъ вел. князя Василія Василевича «богочичиннымъ царемъ»—и эта мысль начинаетъ все болѣе укрѣпляться въ умахъ русскихъ людей. О паденіи царствъ южно-славянскихъ у насъ слышали мало, но сильное впечатлѣніе должно было произвести паденіе Константинополя. Съ этимъ являлся новый и самый сильный мотивъ говорить о преемствѣ, когда, притомъ, греческая царевна стала московской великой княгиней. Въ писаніяхъ старца псковскаго Елеазарова монастыря, Филовея, въ двадцатыхъ годахъ XVI вѣка, говорилось положительно: «Всѣ христіанскія царства преидоша въ конецъ и снидошася во едино царство нашего государя, по пророческимъ книгамъ, то есть российское царство; два убо Рима падоша, а третій стоитъ, а четвертому не быти». Въ концѣ столѣтія, при учрежденіи русскаго патріаршества, почти тѣже слова сказалъ константинопольскій патріархъ Іеремія царю Ѳеодору Ивановичу. Степенная книга, трудъ митр. Макарія при Грозномъ, такъ сказалъ официально установила упомянутую легенду о преемствѣ царскаго достоинства. Разказавъ о томъ, какъ Владимиръ принялъ богатые дары и царскій вѣнецъ отъ Константина Мономаха, она замѣчаетъ, что Владимиръ принялъ ихъ «мужества ради своего и благочестія—и не просто рещи таковому дарованію не отъ человѣкъ, но (по) божиимъ судьбамъ неизреченнымъ претворяюще и преводяще славу греческаго царства на российскаго царя». При Иванѣ Грозномъ установилось, наконецъ, могущественное московское царство, ставшее единственнымъ православнымъ царствомъ: оно осуществляло давнія національныя стремленія, становилось пріближеннымъ для гонимаго восточнаго христіанства, стремилось установить и внутри

быть, отвѣчающій церковному православію и достоинству великаго государства. Въ наслѣдіе отъ прежнихъ вѣковъ остались великія неустройства. Не говоря о политическихъ затрудненіяхъ отъ остатковъ старыхъ княжескихъ и боярскихъ притязаній, внутренний бытъ не отвѣчалъ требованіямъ церковнаго благоустройства: еще Геннадій жаловался на нечѣстество духовенства, церковныя книги были испорчены, возникали ереси, въ народѣ жили старыя языческія суевѣрія. Еще въ началѣ вѣка вызванъ былъ съ Афона ученый грекъ Максимъ, для дѣла, которое считалось неотложнымъ: нужно было, на первый разъ, перевести Толковую Псалтырь, и въ Москвѣ не было человѣка, способнаго на такую работу. Максимъ Грекъ (род. около 1480 г. въ Албаніи, ум. въ Москвѣ, 1556) учился въ Греціи и Италіи, жилъ во Флоренціи во времена Савонаролы, которому удивлялся—и обладалъ большою церковною ученостію. Прибывъ въ Москву, онъ, еще не зная славянскаго языка и работавъ съ помощью переводчика (Дмитрія Герасимова), исполнилъ данную ему работу, которая была высоко одобрена соборомъ; ему даны были другія подобныя порученія, но вскорѣ его положеніе стало крайне трудно. Нечѣстивые писцы, ему служившіе и выросшіе въ суевѣрномъ страхѣ передъ буквою, стали обвинять его въ нарушеніи догматовъ, когда онъ исправлялъ нечѣстивые прежніе переводы; говорили, что этимъ онъ порочитъ русскихъ чудотворцевъ, спасавшихся по старымъ книгамъ—и церковныя власти принимали эти обвиненія. Онъ не сходилъ съ властями и въ другихъ случаяхъ: онъ рѣзко говорилъ противъ господствующаго нечѣстия, противъ монастырскаго землевладѣнія (когда во власти были ученики Іосифа Волоцкаго), о несправильности устраниенія власти константинопольскаго патріарха въ дѣлахъ русской церкви; наконецъ, онъ оставался греческимъ патріотомъ, и были заподозрѣны его сношенія съ грекомъ Скиндеромъ, который былъ въ Москвѣ посломъ турецкаго султана. Въ концѣ концовъ онъ подвергся ссылкѣ, обвиненъ въ неправоулавленіи, даже въ волхованіи противъ великаго князя, посаженъ въ тюрьму, лишенъ (на десятии лѣтъ) причастія; тщетно онъ просилъ отпустить его на Афонъ, тщетно просили объ этомъ восточные патріархи... Труды Максима Грека состоятъ, главнымъ образомъ, изъ толкованій Св. Писанія; далѣе, это—сочиненія догматико-полемическія (противъ іудеевъ, магометанъ, католиковъ, лютеранъ, армянъ), правоучительныя и обличительныя, по поводу исправленія книгъ, противъ суевѣрій и апокрифическихъ книгъ, противъ упадка нравовъ; онъ настойчиво говоритъ о необходимости ученія, восхваляетъ западныя школы (тогдашесъ оговаривался, что хвалитъ не латинство, а науку); послѣ него остались замѣтки историческія и филологическія. Какъ переводчикъ и толкователь Писанія, Максимъ первый является у насъ вооруженнымъ пріемами критическаго знанія, въ которыхъ видна школа западнаго, именнѣ итальянскаго Возрожденія. Личная судьба его отражала все положеніе

тогдашней русской жизни въ дѣлѣ просвѣщенія: она была въ состояніи застоя, обрядоваго формализма, и при первой встрѣчѣ съ требованіями христіанскаго достоинства и книжнаго знанія стала къ ихъ предвзято въ крайнюю вражду. Чрезвычайно характерны слова, писанныя ему митроп. Макаріемъ: «узы твои цѣдуютъ, яко единого отъ святыхъ, пособити же тебѣ не можемъ» (онъ посылалъ ему только «денежное благословеніе»). Только въ послѣдніе годы жизни участь его была облегчена; онъ поселился въ Троицкій лаврѣ, гдѣ постытилъ его царь Иванъ Васильевичъ. Сочиненія Максима пользовались великимъ уваженіемъ; великими почитателями его былъ Курбскій, ревнитель православія Зиновій Отенскій; въ XVII в. его трудами пользуются Захарій Копыстенскій, Смотрицкій; патриархъ Адрианъ ставилъ переводы его въ примѣръ какъ образцовые. Еще при жизни Максима въ церковной жизни начались новыя волненія. Башкинъ возмѣшалъ недоумѣнія, съ которыми обратился къ духовному отцу, т. е. искалъ поученія; духовный отецъ не сумѣлъ дать поученія и донесъ властямъ; началось слѣдствіе; на соборномъ судѣ Башкинъ проговорился, что его мысли одобрялись «заволжскими старцами» (школой Нила Сорскаго); привлечены были къ суду бывшій троицкій игуменъ Артемій, почитатель Максима Грека, Феодосій Косой, даже святой впастьствіи Феодоритъ, просвѣтитель лопарей и обличитель дурныхъ монаховъ. Башкинъ и Феодосій считались главными ересархами. У перваго было сомнѣніе въ многихъ догматахъ и обрядахъ, недобрыя къ святоотеческимъ писаніямъ, изъ которыхъ могла быть почерпнута защита отвергаемаго имъ монастырскаго землевладѣнія; самъ онъ отступилъ на волю своихъ холоповъ, потому что «Христосъ всѣхъ братьями нарицаеть, а мы держимъ рабовъ». Въ 1554 г. Максимъ Грекъ былъ приглашенъ на соборъ, суившій Башкина, но отказался, думая что и его привлекутъ къ этому дѣлу. Личность Феодосія Косого до сихъ поръ не выяснена. Холопъ моск. боярина, онъ бѣжалъ въ бѣлозерскій край и принялъ монашество, что избавляло отъ преслѣдованія; въ монастырѣ ему «во множествѣ бѣ угодная господинъ его». Думаютъ, что онъ увлекся ученіемъ заволжскихъ старцевъ, которое оказалось ему не по силамъ; преданный суду, онъ содержался въ одномъ изъ московскихъ монастырей, успѣлъ ѣхать, пробрался въ Литву, нашелъ здѣсь покровителей, женился и сталъ развивать свое ученіе въ еще болѣе отпратительномъ направленіи. Дальнѣйшая судьба его неизвѣстна. Обличенію его ереси посвященъ обширный трудъ иноки Отенскаго монастыря Зиновія (ум. въ 1568 г.): «Истинны показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи». Зиновія называютъ ученикомъ Максима Грека, но онъ расходился съ учителемъ въ весьма важныхъ вопросахъ, напр. о монастырскихъ имѣніяхъ, о церковной обрядности, исключительности которой Максимъ осуждалъ. Книга Зиновія — очень многословная; изложеніе — книжное, но иногда живое и образное. Церковные историки отмѣчаютъ у него новую, важную черту: вопреки обычаю

русскихъ книжниковъ говорить только «отъ писанія», накопленіемъ выписокъ, Зиновій вводитъ логическое разсужденіе, рациональное объясненіе церковныхъ истинъ. Ученикомъ Нила Сорскаго, потомъ ученикомъ и другомъ Максима Грека былъ князь-инокъ Вассіанъ Патрикѣвъ: человекъ упорный, нерѣдко необузданный, онъ вмѣшался въ борьбу іосифлянъ съ «заволжскими старцами» и продолжалъ преданія Нила Сорскаго въ вопросѣ о монастырскихъ имѣніяхъ и исправленіи книгъ. Іосифляне взяли верхъ; на соборѣ Вассіанъ былъ осужденъ и сосланъ въ Волоколамскій монастырь, гдѣ прежде заключенъ былъ Максимъ Грекъ: это было именно тѣмъ врагомъ, и, по словамъ Курбскаго, иноки «уморили» Вассіана. Въ той же борьбѣ явилась, на помочь идущимъ Нила, Максима Грека и Вассіана Патрикѣва, мнимая «Бесѣда Валаамскихъ чудотворцевъ Сергія и Германа» — рѣзкое, но мало искусное нападеніе на владѣнныя монастырей землями «со христіанъ», на монастырскую роскошь, на вмѣшательство иноковъ въ дѣла правленія, между тѣмъ какъ они должны трудомъ свискивать свое пропитаніе и спасать души. Авторъ «Бесѣды» скорбитъ, что Богъ гнѣвается на всю землю за иноческія грѣхи и за «царскую простоту». Основаніе московскаго царства повело къ особому возбужденію литературной дѣятельности въ прежнемъ архаическомъ направленіи, но съ большою силой. Ему уже предшествовала легенда, указывавшая его путь: это было царство православное; оно должно было охранить чистоту вѣры, на ней основать народную жизнь; царь — единоправявній властитель, дѣйствующій съ благословенія церкви и въ союзѣ съ нею; онъ грозенъ врагамъ, но и своимъ подданнымъ. Потому что отъ Бога власть миловать и казнить, никому, кромѣ Бога, не давая отчета. Идеаль былъ византийскаго стиля, но, по мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ, осложненный воспоминаніями о власти татарской, когда ханъ въ теченіе двухъ вѣковъ былъ властителемъ и даже называемъ былъ царемъ. Половина XVI в. была ознаменована церковнымъ вѣнчаніемъ перваго царя. Вѣнчаніе было совершенно со всѣмъ торжествомъ, тѣмъ болѣе, что юный царь, самъ риторъ, любилъ вѣнчанные эффекты. Близайшимъ совѣтникомъ былъ митроп. Макарій (1542—1563). Нужно было думать о благоустройствѣ царства; въ то время, настоянія Максима Грека побуждали разсмотрѣть состояніе церкви и народной жизни. Соборы были, въ присутствіи и съ участіемъ царя, соборы, постановленія котораго были редактированы, какъ полагаютъ, Макаріемъ. въ извѣстномъ «Стоглавіи»; результатъ былъ, однако, сомнительный. Все настроеніе было консервативное: полагалось, что задача состоитъ именно въ поддержаніи «измѣтавшейся» старины, которая была благочестива, не знала ересей и т. д. Соборъ обратилъ вниманіе на порчу церковныхъ книгъ, повѣдѣлъ держать только исправленные, но не думалъ о томъ, что исправлять было некому; онъ издавалъ запрещенія противъ грубыхъ языческихъ суевѣрій, апокрифическихъ книгъ и т. п. — но для народной массы это была

также старина и всеобщій обычай. Соборъ утверждалъ нѣкоторые церковные обычаи, перемѣшшіе отъ старины—но въ послѣдствіи, въ XVII в., они были признаны самою церковною властью неправильными, такъ что Стоглавъ сталъ авторитетомъ для старообрядства. Далѣе, объединяя русскую землю и царство въ господствующемъ церковномъ строеніи, естественно пришли къ мысли объединить и народныя святыни. Нѣкогда отдѣльныя земли и княженія имѣли свои мѣстныя святыни: рѣшено было сдѣлать ихъ предметомъ общаго почитанія для русскаго народа, и въ 1547 и 1549 гг. произведена канонизація старыхъ мѣстныхъ и нѣкоторыхъ новыхъ святынь, а также необходимое для канонизаціи составленіе житій. Далѣе, новымъ объединительнымъ трудомъ митроп. Макарія было составленіе громадныхъ «Четихъ Миней», гдѣ, въ порядкѣ святцевъ, онъ хотѣлъ собрать все содержаніе русской церковной письменности, включая и книги Св. Писанія; такъ, напр., въ день пророка Іереміи (мая 1) помѣщены книги его пророчества, въ день праведнаго Іова (мая 6)—книга Іова, въ день св. Іоанна Богослова (сент. 26)—его Евангеліе и Апостолы и пр. Въ Минейскій митроп. Макарія помѣщены, затѣмъ, памятники разныхъ отдѣловъ древней русской письменности, между прочимъ житія святыхъ русскихъ, отчасти составленныя именно для сборника Макарія. Двѣнадцать книгъ Миней первой редакціи Макарій положилъ у св. Софіи въ Новгородѣ, въ 1541 г., на поминъ родителей; въ Москвѣ онъ продолжалъ работу и въ 1552 г. окончилъ вторую редакцію, экземпляры которой положилъ въ Успенскій соборъ и поднесъ царю. Другимъ, также характернымъ трудомъ Макарія была «Степенная книга», впервые начатая, какъ думаютъ, митр. Кипріаномъ. Это былъ первый опытъ послѣдовательной исторіи: названіе ея происходитъ изъ того, что авторъ хотѣлъ провести исторію по генеалогическимъ «степенямъ» отъ перваго православнаго князя Владиміра до царя московскаго; въ началѣ приведена и официальная теперь генеалогія отъ Пруса и Августа Кесаря... Въ параллель этимъ произведеніямъ московской литературы становится «Домострой», соединяемый съ именемъ извѣстнаго попа Сильвестра. Это былъ сборникъ житейскихъ и нравственныхъ наставленій, картина нравовъ и вмѣстѣ общественный идеалъ приверженцевъ старины, тогда именно стоявшихъ во главѣ общества. Его названіе стало какъ-бы техническимъ для обозначенія системы воспитанія и быта, гдѣ за вѣншимъ порядкомъ и суровымъ патриархальнымъ домостроительствомъ, основаннымъ на страхѣ, не было мѣста для умственного и общественнаго интереса. Вся указанная литература старалась, такимъ образомъ, собрать и привести въ порядокъ данныя національной жизни, какъ подобаетъ царству, и закрѣпить ихъ на будущее, для котораго не полагалось никакого иного направленія. Но что уже настоящее начинало искать иныхъ путей, оказалось въ это же первое царствованіе въ дѣятельности писателя, который возсталъ и

противъ политическихъ принциповъ новаго царства, и противъ той скудости просвѣщенія, какою оно довольствовалось. Это былъ знаменитый князь А. М. Курбскій (род. около 1528, ум. 1583). Переписка его съ Иваномъ Грознымъ осталась въ нашей литературѣ единственнымъ памятникомъ своего рода. Царственность была еще недавняя, и Грозный не могъ воздержаться отъ злостныхъ нападеній на непокорнаго, который называлъ себя потомкомъ древнихъ ярославскихъ князей; но Курбскій высказывалъ п нѣчто другое—онъ не признавалъ ни разумности, ни благочестивости царства, которое видитъ свое право и величіе въ безчеловѣчныхъ жестокостяхъ. Изображенію характера и дѣяній Грознаго Курбскій посвящаетъ цѣлую «Исторію великаго князя московскаго о дѣлѣхъ, яже слышахомъ у достовѣрныхъ мужей и яже видѣхомъ очима нашими»—первый, вѣдѣтиса, опытъ настоящей исторіи, съ опредѣленною темой, съ опредѣленнымъ личнымъ взглядомъ; здѣсь опять высказалось его враждебное отношеніе и къ личности, и къ политикѣ Ивана Грознаго. Была, затѣмъ, другая сторона дѣятельности Курбскаго, въ которой сказались ученіи и почитаніе Максима Грека. Курбскій радуется благочестію русскаго народа: «вся наша земля русская, отъ края и до края, яко пшеница чистая, вѣрою божіею обрѣтается; храмы божіи на липѣ ея водружены, подобно частымъ звѣздамъ небеснымъ»; но онъ скорбитъ, что въ ней нѣтъ просвѣщенія: «мы, какъ аспиды, затыкаемъ уши отъ божіихъ словесъ и прельщаемся славою сего мѣла, ведущаго насъ по пространному пути въ погибель». Нѣкогда храбрый воевода въ царскомъ войнѣ, онъ бѣжалъ въ Литву, спасаясь отъ грозившаго преслѣдованія и казни. Живя на Литвѣ, въ трудныхъ условіяхъ, онъ сталъ учиться; помня сожалѣніе Максима Грека, что многія книги великихъ учителей еще не переведены на славянскій языкъ, а между тѣмъ, послѣ взятія Константинополя, переведены уже на латинскій, онъ выучился по-латыни и принялся переводить книги отеческія и ученныя, трудясь надъ защитой православія въ зап. Руси, обуреваемой тогда религиозными военіями. Личность и дѣятельность Курбскаго вызывали противорѣчивыя сужденія историковъ: одни осуждали его себялюбивую боярскую тенденцію, его невѣрныя показанія въ «Исторіи» Грознаго, его личные недостатки; другіе находили для него оправданіе въ условіяхъ времени и, не защищая частныхъ ошибокъ, высоко цѣнили это сознаніе личнаго достоинства, возмущенное безумнымъ тиранствомъ, это сознаніе ничтожества тогдашней книжности, исполненной, однако, самодовольства, это стремленіе къ просвѣщенію, побуждавшее учиться въ преклонныхъ лѣтахъ, — наконецъ, ревностную защиту православія, тѣснимаго въ родственной западной Руси. Курбскій былъ самымъ энергическимъ и характернымъ представителемъ просвѣдительнаго движенія среди общества, государства и церкви, полагавшихъ, что достигнутъ уже верхъ славы, могущества и истины. Курбскій продолжалъ тоже дѣло которое, въ другихъ формахъ, начинали Нилъ

Сорскій и Максимъ Грекъ; но это были еще немногія, разрозненные силы, и отъ господствующей среды имъ предстояло только преслѣдованіе. Нилъ Сорскій поддадалъ уже подозрѣнію въ ереси; Максимъ Грекъ, попавъ въ Москву, половину жизни провелъ въ монастырскихъ тюрьмахъ; Вассіанъ Патрикѣевъ обвиненъ въ ереси и заточенъ. Такому же обвиненію подвергся еще одинъ изъ среды «завоевскихъ старцевъ», Артемій: по своему благочестію и книжному знанію поставленный тропикимъ игуменомъ, потомъ обвиненный въ ереси и заточенный, онъ бѣжалъ въ Литву, гдѣ, вмѣстѣ съ княземъ Курбскимъ, былъ защитникомъ православія. Всѣмъ этимъ ревнителямъ, искавшимъ исправленія русской религиозной жизни, не удалось помочь дѣлу. Видимо возбужденные, они не умѣли сдерживаться и давали противъ себя оружіе: люди, преданные вѣрѣ и отечеству, обвинялись какъ враги вѣры и отечества, а спасителями являлись приверженцы застоя, въ которомъ крылась причина многихъ настоящихъ и послѣдующихъ бѣдствій.

Семинадцатый вѣкъ наступалъ въ буряхъ междоусерствія. Литературный трудъ высказался только въ политическихъ посланіяхъ и исторіяхъ того времени, составленныхъ частью въ теченіе событий, но обыкновенно редактированныхъ поздно. Большею частью, это обычный книжный стиль лѣтописи и житій, иногда доведенный до уродливости «добрословіемъ», въ которомъ полагалось краснорѣчіе, но не считалась обязательной историческая точность. Какъ видно изъ любопытнѣйшихъ пѣсень, сохранныхъ англійскимъ бакалавромъ Ричардомъ Джемсомъ, который жилъ въ Россіи въ 1619—20 г., народная поэзія не осталась чужда тогдашнимъ событіямъ: въ пѣсняхъ Джемса есть образчики самой настоящей и трогательной поэзіи, но книга только одинъ разъ воспользовалась народнымъ творчествомъ—въ сказаніи о Скопинѣ Шуйскомъ. Национальная жизнь вращалась на двухъ интересахъ—царства и церковной жизни. Воздореніе новой династіи не встрѣтило затрудненій: было много неурядицъ и потерь, которыя предстояло исправлять и вознаграждать, но самая идея царской власти была несокрушима. Она воспитывалась еще съ конца XV в., и въ эпоху междоусерствія даже ложная тѣнь царственности могла привлечь самозванцамъ приверженцевъ. Въ церковномъ отношеніи, національное чувство было поднято тѣмъ, что съ послѣднихъ годовъ XVI в. русская церковь имѣла своего патріарха. Среди заботъ возстановленія ущерба, нанесеннаго смутнымъ временемъ, параллельно съ ростомъ царскаго авторитета и политическаго вліянія Р. на югъ и востокъ, жизнь церковная тянулась тѣмъ же старымъ порядкомъ, въ формахъ обрядоваго благочестія, въ неподвижной приверженности къ старинѣ. Заветы Нила Сорскаго и Максима Грека, убѣжденія Курбскаго оставались втунѣ, и въ замѣнъ все возрастало національное и церковное самоимѣніе. «Третій Римъ» осуществлялся. Югъ и восточныя церкви Востока и самые высшіе вост. іерархи присылали въ

Москву посланцевъ съ просьбами о «милостивѣхъ» и съ восхваленіями русскаго благочестія, когда, притомъ, въ Москвѣ замѣчали, что на Востокъ есть разница въ обрядѣ противъ московскаго, русскіе люди убѣдились, что истинное благочестіе находится только у нихъ, что греческая вѣра подъ игомъ поганныхъ испортилась и упала. Но этому самонитно пришлось наконецъ понести тяжелыя испытанія. Еще въ началѣ столѣтія стали сказываться церковныя недоумѣнія, при встрѣчахъ съ южнорусскими богословами, имѣвшими свою ученую школу (вопросъ о Катиизисѣ Лаврентія Зизанія), при печатаніи священныхъ книгъ. При патрѣ Михаилѣ повторилась безобразная обвиненія за мнимую порчу книгъ, какъ нѣкогда противъ Максима Грека, и только заступничество іерусалимскаго патріарха Теофана, бывшаго въ Москвѣ, побудило къ оправданію обвиненныхъ «справщиковъ» (редакторовъ изданій). Тоже повторилось при патрѣ Алексѣ. Іерусал. патріархъ Пансій, бывши въ Москвѣ, замѣтилъ въ русскомъ обрядѣ и вѣроученіи нѣкоторыя неисправности и указывалъ на нихъ царю и московскому патріарху. Въ средѣ самаго духовенства, приближеннаго къ царю (духовникъ царскій Вонифатевъ и его друзья), были люди, видѣвшіе необходимость болѣе правильнаго установленія церковной жизни, и въ этомъ кругу составлена была «Книга о вѣрѣ», гдѣ, между прочимъ, именно проверялось столь распространенное въ Москвѣ понятіе объ упадкѣ греческой вѣры. Рѣшено было послать на Востокъ опытнаго человѣка, строителя Богоявленскаго монастыря въ Кремлѣ, Арсенія Суханова. Онъ нѣсколько разъ ѣздилъ на Востокъ и ему принадлежатъ два труда, знаменательныхъ для исторіи тогдашнихъ церковныхъ понятій и тогдашней литературы, весь интерес которой заключался именно въ церковныхъ спорахъ. Изъ перваго путешествія къ грекамъ Сухановъ вывезъ «Пренія о вѣрѣ» (съ греками, въ Молдавіи): увидѣвъ у грековъ разныя мелкія обрядовыя отличія отъ московскихъ, онъ убѣдился, что греческая вѣра испорчена и что настоящая вѣра находится въ Москвѣ; когда ему приводили ученые богословскіе объясненія, онъ отвергалъ «высокую науку», которой не зналъ, и утверждалъ, что это — наука «езуитская». Грекамъ онъ противопоставлялъ московскіе ученія и обряды, именно ту старую вѣру, которую утверждали книжники XV—XVI в. и которую тщетно старались очистить Нилъ Сорскій, Максимъ Грекъ, Курбскій и пр. По мнѣнію Суханова, у грековъ отъ настоящей вѣры только «слѣдъ остался». Свои укороны онъ довелъ до послѣдняго предѣла: греки наказаны за свою гордость, царство ихъ отдано басурманамъ, сами они должны обращаться въ басурманство, церкви ихъ превращены въ мечети, своихъ патріарховъ они сами удаляютъ и сажаютъ въ воду (факты послѣдняго рода дѣйствительно были въ то самое время). Русское православіе стоитъ превыше всего и русскіе могутъ не обращать вниманія на наставленія и «зазіранія» грековъ. «Пренія» Суханова произвели въ Москвѣ неблаго-

приятное впечатлѣніе: Вскорѣ его опять послали на Востокъ, въ Египетъ и Іерусалимъ, изучить церковные обряды и обычаи на мѣстѣ, но ему сказано было отъ имени царя, чтобы онъ писалъ правду «безъ прикладу». Онъ дѣйствительно отложилъ «прикладъ», т. е. собственные разсужденія, описалъ обстоятельно видѣнную церковную жизнь на Востокѣ, но и не «прикрывалъ» наготы слабости человѣческой». Наконецъ, еще разъ, при Никонѣ, Суханова послали на Афонъ за греч. рукописями, которые были нужны для исправленія книгъ. Впослѣдствіи Сухановъ не настаивалъ на своихъ мысляхъ, можетъ быть измѣнилъ ихъ, принимая участіе въ самомъ исправленіи книгъ; но его писанія стали авторитетомъ для старообрядства и неудобнымъ пунктомъ для нѣкоторыхъ церковныхъ историковъ. Вопросъ объ исправленіи церковныхъ книгъ принадлежитъ, въ его подробностяхъ, церковной исторіи; сущность его характера, какъ свѣдѣтельство о состояніи книжнаго знанія. При отсутствіи школъ, оно было крайне скудно, и съ теченіемъ времени, отъ переписыванія книгъ неумѣлыми писцами, выросло множество ошибокъ въ изложеніе догматовъ, молитвъ и обрядовъ. Церковная власть давно это видѣла: на Стоглавомъ соборѣ это стало цѣлымъ государственно-церковнымъ вопросомъ — но какъ исправить книги по всему царству и кто исправитъ ихъ вѣрно? При Иванѣ Грозномъ основана была первая типографія въ Москвѣ, — тѣмъ черезъ сто по изобрѣтеніи книгопечатанія, — но одичаніе было такъ велико, что суевѣрная толпа разрушила типографію. Печатаніе книгъ, однако, началось; оно было правительственно-церковнымъ дѣломъ и направилось на первое время исключительно на книги церковныя, особливо богослужебныя: работали справщики подъ вѣзью и по благословенію митрополита и освященного собора, потомъ патриарха; книга становилась авторитетомъ. Въ концѣ концовъ, авторитетъ дѣлался фатальнымъ: при недостаткѣ школы и невѣжествѣ, развивалось грубое пониманіе самой вѣры, внѣшнее обрядовое благочестіе въ ущербъ духовному и нравственному, съ увеличеніемъ значенія обряда (который и долго послѣ того смѣшивался съ «догматомъ»); явилось и суевѣрное превеличеніе буквы. Но гдѣ взять правильные тексты? Справщики употребляли всѣ усилія къ тому, чтобы ихъ тексты были правильны, но у нихъ не было средствъ дрискаться правильности, потому что могли быть ошибки и въ старыхъ переводахъ, которыми они пользовались, а затѣмъ, поправка, ими сдѣланная, опять могла, у невѣжественныхъ приверженцевъ старой буквы, показаться ересью: что было въ первой половинѣ XVI в. съ Максимомъ Грекомъ, то повторилось теперь со справщикомъ Діонисіемъ. Кончилось тѣмъ, что книги, которые были напечатаны при патриархѣ Іосифѣ и въ которыхъ найдено было необходимымъ сдѣлать исправленія при Никонѣ, стали именно авторитетными въ расколѣ: онъ основательно, по видимому, могъ утверждать, что стоитъ за старую вѣру. Исправленіе книгъ, о которомъ говорили еще на Стоглавомъ соборѣ, а

затѣмъ исправленіе обряда, стало, наконецъ, неотложной необходимостью, такъ какъ изъ-за него поднимались уже внутренніе раздоры, и вмѣстѣ съ тѣмъ вопросомъ національнаго достоинства: московскіе люди съ пренебреженіемъ говорили о вѣрѣ грековъ, а между тѣмъ авторитетные люди указывали немало грубыхъ ошибокъ въ московскихъ книгахъ и обрядѣ. Но людей, которые могли-бы исправить недостатки, не было — и съ половины XVII в. начинается вызовъ въ Москву ученыхъ кіевлянъ. Русь южная и западная, уже нѣсколько вѣковъ оторванная отъ политической связи съ восточною, вели свою культурную жизнь въ тяжелыхъ условіяхъ политической зависимости отъ Польши и религіозной опасности отъ захватовъ католицизма. Вліяніе обихъ силъ было настоящимъ, и русская народность теряла многое: высшій классъ мало-по-малу отрывался отъ народа, принимая польскіе обычаи и языкъ; унія, придуманная какъ переходная ступень къ католицизму, раздѣлила и народную массу въ религіозномъ отношеніи. Но опасность вызвала противодѣйствіе: началась борьба; какъ средство защиты, явилась забота о школѣ и типографіи; для сосредоточенія силъ основались братства. Эта церковно-народная дѣятельность находила опору въ сношеніяхъ съ константинопольскою патриархіей. Необходимость борьбы съ католицизмомъ привела къ основанію училищъ съ тѣми же школьными приемами, какими дѣйствовала противная сторона. Южныя и западныя русскія братства, школы, типографіи составили нравственную силу, какой не знала Москва: эта сила, организованная и общественная, принимала средства наличной науки, давала мѣсто самодѣятельности. Здѣсь не было того подавленного состоянія мысли, которымъ создавалось въ Москвѣ подчиненіе буквѣ и обряду, и боязнъ «мнѣнія», т. е. критической мысли, наконецъ полное безсиліе въ элементарномъ вопросѣ исправленія книгъ. При всѣхъ внѣшнихъ трудностяхъ политическаго и церковнаго положенія, въ юго-зап. Руси достигнуты были великіе результаты: кн. Константинъ Острожскій въ первый разъ издалъ церковно-славянскую Библию (1580—81); Петръ Могила окончательное установилъ въ Кіевѣ высшую школу, коллегію (1631), изъ которой образовалась позднѣе академія. Борьба съ католицизмомъ хотя и не обходилась безъ потерь, безъ отпаденій, но приносила и благіе плоды: воспитывала сознательную ревность къ народному дѣлу, создавала научную школу, гдѣ въ первый разъ въ русскую жизнь проникли воздѣйствія западнаго просвѣщенія, хотя еще только въ схоластической формѣ. Вліяніе этой школы сказалось потомъ въ общей русской умственной и церковной жизни съ половины XVII вѣка и простиралось до половины XVIII столѣтія. Въ Москвѣ почувствовали, наконецъ, необходимость обратиться къ юго-западной школѣ. Это былъ характерный историческій моментъ, съ котораго начинается переломъ. Царь Алексѣй Михайловичъ, патриархъ Никонъ, старые московскіе книжники и справщики, призванные кіевскіе ученые и

справщики, ученые греки (какъ Арсеній) были дѣйствующія лица исторической драмы, которую продолжали потомъ другія лица, и въ финалѣ которой были съ одной стороны Расколь, съ другой — Реформа. Патріархъ Никонъ, въ вопросѣ о преимуществѣ русской или греческой вѣры и обряда, принималъ сторону греческую и, какъ человекъ характера до грубости сурового, повелѣ дѣло рѣшительно и круто: отминая нѣкоторые церковные обычаи (какъ, напр., нескладное пѣніе), устранилъ прежнихъ справщиковъ и поручилъ дѣло исправленія ученымъ людямъ, киевлянину Елифанію Славиненкому и Арсенію Греку. Елифаній (ум. 1675 г.) послѣ киевской школы учился и за границей, и по возвращеніи назначенъ былъ учителемъ киевской братской школы. Въ Москвѣ онъ былъ во главѣ ученаго братства, вызваннаго изъ Кіева любителемъ просвѣщенія, бояриномъ Ртищевымъ. Занимаясь исправленіемъ книгъ въ качествѣ справщика, Елифаній много работалъ также надъ переводомъ твореній отцовъ церкви, что продолжалъ ученикъ его, чудовскій монахъ Евѣимій, фанатическій врагъ Симеона Полоцкаго и Сильвестра Медвѣдова. Елифаній былъ ревнителемъ греческаго ученія, хотя въ его писаніяхъ, напр. многочисленныхъ поученіяхъ, господствуетъ схоластическая превеличавшая риторика киевской школы. Онъ писалъ и противъ раскола, причину котораго видѣлъ въ крайнемъ невѣжествѣ: раскольники — «слабые невѣжды, едва письма слагати навѣкише, грамматическія же хитрости ниже наченіе вѣдати». Какъ приверженецъ греч. ученія, Елифаній жилъ въ Москвѣ мирно; великій келейный трудолюбецъ, онъ не мѣшался въ начинавшіяся распри. Но не таково было вообще положеніе киевлянъ, привоившихъ въ Москву латинскую ученость, непривычную московскимъ людямъ. Кіевскіе богословы не пользовались довѣріемъ у московскихъ людей стараго закала: въ ихъ учености, мало разумительной москвичамъ, подозрѣвали латинство; старые справщики, лично оскорбленные, видѣли въ новоисправляемыхъ книгахъ порчу вѣры и вскорѣ стали во главѣ раскола. Ссора между царемъ и властолюбивымъ патріархомъ, судъ вселенскихъ патріарховъ надъ Никономъ, умножали волненіе. Ссыла главѣйшихъ предводителей раскола, поднимавшихъ настоящее церковное возстаніе, только разжигала религиозныя страсти; гонимые расколуучители становились страдальцами за вѣру и пріобрѣтали тѣмъ больше прозелитовъ, и ихъ религиозная ревность вскорѣ перешла въ страшный фанатизмъ. Царь былъ безсиленъ средѣ этого раздора: онъ долженъ былъ поддерживать постановленія церковной власти, и въ тоже время сочувствовалъ втайнѣ ревнителямъ вѣры, которые были нѣкогда почитаемы въ его семьѣ. Раздоръ перешелъ въ литературу, по крайней мѣрѣ, рукописную. Защитники старой вѣры не оставили «новшествовъ» безъ отвѣта: въ посланіяхъ къ единомышленникамъ, въ особѣхъ трактатахъ они писали озлобленныя обвиненія, осипавшія проклятіями своихъ про-

тивниковъ, и, не перенося нарушенія священной старины, которая одна, по ихъ мнѣнію, давала душевное спасеніе, не умѣя объяснить себѣ страшнаго дѣла (на сторону котораго становился и самъ царь), и рѣшали, что приходятъ послѣднія времена и антихристъ уже явился въ лицѣ Никона. Противъ исправленія книгъ, противъ преслѣдованія, противъ обвиненій, какія издавала церковная власть, со стороны раскола явилась обширная литература. Она заключаетъ въ себѣ догматическія и обрядовыя опроверженія новой вѣры, посланія, историческіе разсказы. Въ эту первую пору самымъ сильнымъ и оригинальнымъ писателемъ раскола былъ знаменитый протопопъ Аввакумъ. Типическій представитель старой вѣры, богатая натура физически и нравственно, онъ перенесъ заточенія, тюрьмы, пытки, ничего не уступивъ изъ своихъ убѣжденій, и пользовался великимъ авторитетомъ въ своей средѣ. Изъ своего заточенія въ Пустозерскъ онъ продолжалъ свои обвиненія и, наконецъ, «за великія на царскій домъ хулы», былъ сожженъ (въ 1681 г.). Онъ былъ сурово благочестивъ по старой вѣрѣ, не останавливался предъ обвиненіемъ сильныхъ людей, строго поучалъ, даже билъ за грѣхи своихъ прихожанъ. Этому отвѣчая и языкъ его писаній — рѣзкій, образный, своеобразно соединившій церковную терминологию съ чисто народною рѣчью. Таковы его посланія, такова его автобіографія, чрезвычайнаго любопытнѣ по содержанію и по выразительному языку. Писанія Аввакума остались единственными въ своемъ родѣ. Развитие раскола произвело дѣльную литературу, до сихъ поръ не вполне изслѣдованную. Расколуучители дѣйствовали посланіями, какъ протопопъ Аввакумъ и діаконъ Феоdorfъ, защищали свое дѣло «челобитными», обращенными къ правительству, какъ напр. суздальскій священникъ Никита Добрынинъ, прозванный Пустосвятомъ, романовскій священникъ Лазарь, челобитная соловецкая, позднѣе, писанія братьевъ Денисовыхъ и т. д. Далѣе, расколь имѣлъ своихъ историковъ, какъ Филиповъ, написавшій исторію Выговской пустыни. Когда фанатизмъ раскола, еще при жизни Аввакума, дошелъ до цѣлаго ученія о самопожженіи, послѣдователи котораго сожигались сотнями и тысячами, это вызвало въ средѣ самого раскола «Отрастительное писаніе», единственное въ своемъ родѣ по страшнымъ картинамъ самопожженія. Съ другой стороны, съ конца XVII в. начинается обширная литература обвиненій раскола: «Жезлъ правленія» Симеона Полоцкаго, «Увѣщъ духовный», съ именемъ патріарха Іоакима. Опроверженіе Соловецкой челобитной Юрія Крижанскаго «Розыскъ о раскольниковъ брынской вѣрѣ», Дмитрія Ростовскаго, окружныя посланія сибирскаго митрополита Игнатія и т. д. Эти обвиненія настаивали на невѣжествѣ послѣдователей раскола, отличаютъ обыкновенно крайней нетерпимостью; рядомъ съ ними шли суровыя административныя преслѣдованія. Въ томъ же тонѣ они продолжались и потомъ: безпристрастное научное изслѣдованіе раскола и вмѣстѣ съ нимъ болѣе гуманное и справедливое отно-

шеніе къ расколу началось только въ новѣйшее время, съ конца пятидесятихъ годовъ. Между тѣмъ кіевское направление приобретало новыхъ дѣятелей. Въ Москвѣ поселился Симеонъ Полоцкій (1629—80), бѣлорусецъ, довершившій свое ученое образованіе въ кіевской коллегіи, гдѣ онъ овладѣлъ всѣми приемами латинской схоластики и риторства. Симеонъ сдѣлался извѣстенъ царю Алексѣю въ 1656 г., когда, въ одинъ изъ пріѣздовъ царя въ Полоцкъ, поднесъ ему пріивѣтственные «метры». Около 1663—64 г., когда въ Полоцкѣ, занятомъ поляками, становилось небезопаснымъ пребываніе приверженцевъ русской власти, Симеонъ переселился въ Москву, имѣя отъ своего учителя, Лазаря Барановича, рекомендацію къ жиющему тогда въ Москвѣ газскому митрополиту, ученому Пансію Лигариду. Здѣсь онъ нашелъ новыхъ покровителей въ двухъ восточныхъ патріархахъ, прибывшихъ въ Москву по дѣлу Никона, и положеніе его установилось прочно: ему поручили устроить школу въ Спасскомъ монастырѣ за Иконнымъ рядомъ (будущая Заиконоспасская академія), онъ назначенъ былъ учителемъ парскихъ дѣтей, по порученію собора написалъ книгу противъ раскола («Жезель правленія», 1666), сталъ придворнымъ проповѣдникомъ (при чемъ настаивалъ особенно на необходимости школьнаго ученія) и стихотворцемъ на разные случаи. Его многочисленныя проповѣди, въ двухъ сборникахъ, изданы были послѣ его смерти: «Обѣдъ душевный» и «Вечера душевная» (1681—1683). Его плодотворное стихотворство собрано въ «Вертоградъ Многоцвѣтной» и «Римологіонтъ». Наконецъ, онъ писалъ и драматическія произведенія: «Комедія о Наукодоносорѣ царѣ» и «Комедія притчи о Будномъ сынѣ»; послѣдняя издана была съ многочисленными картинками въ 1685 г. Симеонъ Полоцкій былъ типичный писатель кіевской школы; въ Кіевѣ онъ не былъ-бы ничѣмъ исключительнымъ, но его историческое значеніе въ томъ, что онъ явился представителемъ этой школы въ Москвѣ, въ средѣ книжниковъ старато закала. Онъ былъ ученый богословъ-схоластикъ, но и убѣжденный защитникъ «вызвленныхъ наукъ» (*artes liberales*), школы и свѣтской книжности; съ нимъ начинается, хотя еще въ грубомъ зародышѣ, поворотъ литеатурной жизни, иснаніе новаго содержанія и новой формы; по образовательнымъ стремленіямъ онъ былъ предшественникомъ другихъ кіевлянъ, которые стали потомъ ревностными сотрудниками реформы. Ближайшимъ ученикомъ Симеона былъ Сильвестръ Медвѣдевъ (род. 1641, казненъ въ 1691 г., за мнимое участіе въ заговорѣ Шакловитого), наслѣдовавшій отъ него ученость, но не осторожность. Симеонъ не былъ любимъ московской іерархіей; въ немъ, какъ вообще въ кіевлянахъ, подозрѣвали наклонность къ латинству, но его спасала близость ко двору; теперь враги называли Медвѣдева ученикомъ іезуита. Медвѣдеву принадлежатъ нѣсколько пѣнныхъ трудовъ (въ нѣкоторыхъ случаяхъ его авторство оспаривалось, но безъ достаточныхъ доказательствъ): «Оглавленіе книги, кто ихъ сложилъ»—первый опытъ рус-

ской библіографіи; «Извѣстіе истинное» и пр.—исторія исправленія книгъ; «Созерцаніе краткое» и пр.—извѣстія о стрѣльцкомъ бунтѣ 1682 г. Затѣмъ онъ вмѣшался въ догматическій споръ (о пресуществленіи св. даровъ на литургіи); обвиненъ былъ въ латинствѣ, навлекъ на себя ненависть патр. Іоакима (о немъ Медвѣдевъ даже на пыткѣ не усомнился сказать, что патріархъ—изъ военныхъ людей—«учился мало и рѣчей богословскихъ не знаетъ»), привлеченъ былъ къ розыску о Шакловитомъ и погибъ. Догматическій споръ о пресуществленіи хлѣба и вина на литургіи прикрывалъ борьбу двухъ партій. Почва борьбы была опять церковная; расколъ былъ вышнимъ образомъ подавленъ, но теперь шелъ споръ латинскаго схоластическаго ученія, которое представлялъ Медвѣдевъ, и греческаго ученія, которое защищали монахи чудовскій Евсеій, ученикъ Епифанія Славинскаго, и ученые греки, братья Лихуды (Іоанніи, ум. 1717, Софроній, ум. 1730), пріѣхавшіе въ Москву въ 1685 г., съ рекомендаціями константинопольскаго патріарха, и здѣсь ставшіе приверженцами патр. Іоакима. Послѣдній былъ упрямый приверженецъ старины, врагъ царевны Софьи; Медвѣдевъ, напротивъ, былъ ея почитателемъ, ожидая отъ ея партіи успѣховъ просвѣщенія, и противникомъ грековъ, которые, въ лицѣ Лихудовъ, были слугами обскурантизма, ссылаясь, однако, на свои науки. Медвѣдевъ укорялъ своихъ противниковъ за слѣбую вѣру въ грековъ, «яко младенцы и яко обезьяна челоуѣку послѣдствующе», и указывалъ необходимость собственнаго просвѣщенія. Роль Лихудовъ была здѣсь не изъ лучшихъ; но въ послѣдствіи они сами подвергались гоненію, а затѣмъ, при Петрѣ Вел., когда обстоятельства измѣнились и не было почвы для полемическихъ услугъ, они много работали въ духовныхъ школахъ, составляли учебники и т. п., все въ томъ же схоластическомъ направленіи, какому принадлежала ихъ собственная ученость. Въ сторонѣ отъ политическихъ и церковныхъ волненій держался Димитрій Туптало, въ послѣдствіи митр. Ростовскій, питомецъ той же кіевской школы (1651—1709); главнымъ трудомъ его было составленіе обширныхъ Четиихъ-Миней, на основаніи труда митр. Макарія, греческихъ и латинскихъ источниковъ; извѣстенъ, затѣмъ, его «Розыскъ о расколыничей брынской вѣрѣ». Димитрій былъ челоуѣкъ мягкаго нрава и совершенно свободный отъ московскаго изуверства, но былъ суровымъ врагомъ раскола, который былъ, въ его глазахъ, плодомъ грубаго невѣжества. Въ Ростовѣ онъ основалъ школу, которою съ любовью занимался; онъ хорошо зналъ классиковъ, сѣдѣлъ за ученой латинскою литературой и ужасался невѣжеству духовенства въ своей епархіи. Ко второй половинѣ XVII в. принадлежатъ еще одна книга, которая, какъ въ концѣ XVI стол. писанія Курбскаго, открывала среди умственного тумана просвѣтъ общественнаго самосознанія. По условіямъ старой литературы, которая все еще была письменностью, литературный трудъ не всегда доходилъ до массы общества. Случайности,

какъ заграничная жизнь Курбскаго, могли затруднить распространение книги; сочинение Гргорія Котошихина было совсѣмъ неизвестно современникамъ. Котошихинъ (род. около 1630, ум. 1667), подъячій посольскаго приказа, бѣжавшій изъ Россіи, поступившій на службу въ Польшу, потомъ въ Швецію и казенный тамъ за убійство, остался бы безвѣстнымъ перебѣжникомъ, о которомъ сохранилась строчка въ бумагахъ посольскаго приказа: «И въ прошломъ въ 172 (1664) Гришка своровалъ, измѣнилъ, отъѣхалъ въ Польшу», — если бы въ 1837—38 гг. профессоръ гельсингфорскаго университета С. В. Соловьевъ не нашелъ въ шведскихъ архивахъ сочиненія Котошихина въ шведскомъ переводѣ, а потомъ, въ библиотекѣ упальскаго университета и въ русскомъ подлинникѣ. Сочиненіе Котошихина является однимъ изъ важнѣйшихъ и въ своемъ родѣ единственнымъ источникомъ для изображенія внутренней жизни московскаго государства въ половинѣ XVII стол. Сочиненіе написано послѣ бѣгства и закончено въ Швеції. Авторъ былъ человекъ умный и наблюдательный; ingenio incomparabili, какъ говорилъ его шведскій биографъ. Открытіе сочиненія Котошихина важно потому, что книга представила новый богатый источникъ свѣдѣній о старомъ русскомъ бытѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ является случайно сохранившимся отголоскомъ неяснаго движенія въ пользу новаго образованія. Котошихинъ относится отрицательно къ московскому быту, осуждаетъ грубость нравовъ, недостатокъ просвѣщенія — и это было именно предчувствіе иного порядка вещей, инстинктъ общественнаго сознанія, подготовлявшій новый періодъ общественной жизни и образованія. Среди самихъ московскихъ людей созрѣвало сознаніе своей культурной отсталости и въ этомъ сознаніи былъ уже шагъ къ заботамъ о просвѣщеніи. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича явился братъ-славянинъ изъ далекой Хорватіи, католическій священникъ Юрій Крижаничъ, съ цѣлыми планами политическими и просвѣдательными, исполненіе которыхъ должно было возвести единственное свободное славянское государство, надежду всего славянства. Онъ писалъ ученые трактаты (о славянскомъ языкѣ), высказывался по русскимъ церковнымъ вопросамъ (опроверженіе раскольничьей Соловецкой Челобитной, сочиненіе объ обрядѣ крещенія и др.) и, главное, написалъ обширный трудъ о русскомъ государствѣ, которое нуждалось въ просвѣщеніи и сознаніи своего политическаго значенія. Но проповѣднику просвѣщенія и возрожденія славянства не посчастливилось въ Москвѣ: онъ пріѣхалъ туда въ концѣ 1659 г., а въ январѣ 1661 г. былъ уже посланъ въ Сибирь. Какъ было съ Котошихинымъ, такъ случилось и съ Крижаничемъ: ихъ труды остались безплодны для ихъ современниковъ; они разысканы только новѣйшей археографіей, въ единственныхъ экземплярахъ — ихъ собственныхъ рукописяхъ. Они не вошли въ свое время въ литературу и стали только историческимъ свѣдѣтельствомъ о движеніи умовъ той эпохи.

Заканчивая обзоръ древняго періода русской письменности, должно остановиться на одномъ ея отдѣлѣ, который стоить особнякомъ, только въ отдѣльных случаяхъ вмѣшиваясь въ ея общее теченіе, и въ цѣломъ представляя въ ней элементъ эпической фантазіи. Христіанская письменность отнеслась враждебно къ подлиннымъ элементамъ эпоса и лирики въ народной поэзіи, но уже съ древняго періода появляются переводныя произведенія поэтическаго характера, приходившія на первый разъ изъ византійскаго и латино-романскаго источника, черезъ южно-славянское посредство. Такова была *Александрида*, баснословная исторія Александра Македонскаго, чрезвычайно распространенная между книжниками въ редакціяхъ болгарской, сербской и позднѣйшихъ. Основа псевдо-Каллисена, возникшая въ Александріи, была потомъ распространена на славянской и на русской почвѣ; въ концѣ концовъ македонскій герой былъ христіанизованъ, къ нему приурочены апокрифическія сказанія (Меоодій Патарскій, Макарій римскій и пр.). *Троянскія сказанія* извѣстны были въ древнемъ періодѣ въ видѣ «Притчи о краляхъ»: она имѣла латино-романскій источникъ, переведена была первоначально, повидимому, въ западно-сербскихъ краяхъ (въ Далматіи или Босніи) и перешла на славянской Востокъ; въ сокращенномъ и значительно обрусѣвшемъ видѣ, она была очень распространена въ хронографахъ, а также отдѣльно, подъ назв. «Повѣсти о созданиіи и о плѣненіи Тройскомъ». Позднѣе явился переводъ еще одной латинской исторіи о Троѣ, Гвидона де-Колумны, которая была въ числѣ первыхъ печатныхъ книгъ Петровскаго времени. Въ томъ сборникѣ, гдѣ найдено было «Слово о Полку Игоревѣ», находилось *Девгениево Дѣланіе*, отысканное потомъ въ двухъ болѣе позднихъ рукописяхъ; позднѣе, найденъ былъ и греческій первообразъ «Девгенія»: — византійскій героическій эпосъ X-го вѣка изъ борьбы византійцевъ съ сарацинами. Какъ можно судить по сличенію славяно-русской повѣсти съ византійскими редакціями, въ первой стерлись черты историческія и любовныя, и взамѣнъ усиленъ элементъ религіозный, выдвинута на первый планъ борьба православныхъ съ поганами. Къ тому же циклу относится очень любимая въ старину повѣсть о царѣ *Синаритѣ* (Синографѣ) и его мудромъ совѣтникѣ *Акирѣ* (Акирѣ), также византійскаго происхожденія, основана на чрезвычайно распространенномъ мотивѣ состязанія въ мудрости, задачами и загадками. Далѣе идетъ знаменитое въ средніе вѣка сказаніе объ *Индійскомъ царствѣ* или царствѣ пресвитера Іоанна, заключающемъ необыкновенныя богатства и чудеса природы: сказаніе переведено съ латинскаго, быть можетъ, еще въ XIII или XIV вв., и, вѣроятно, въ той же западно-сербской области, откуда вышла Троянская притча и сербская редакція *Александриды*. Къ XIV и XV вв. относятся старѣйшіе списки знаменитой повѣсти о *Варлаамѣ и Іосафатѣ*: греческая передѣлка сказанія о жизни Будды, составленная въ половинѣ VII в., получила христіанскій догматическій и

нравоучительный характеръ и великую славу въ среднѣ вѣка, на Западѣ и на Востоку; она дважды была напечатана у насъ въ XVII в. Притчи Варлаама, которыми онъ поучалъ царевича о тщетѣ мірской суеты, были очень любимы; имя царевича Іоасафа стало священо въ народной поэзіи, — съ нимъ соединенъ извѣстный духовный стихъ, воспѣвающий красоты пустыни и спасительность пустынного житія. Повѣсть о *Стефанитѣ и Ижидатѣ* опять имѣетъ первый источникъ въ Индіи, въ Панчатантрѣ, переведенной въ VI в. на пеглевійскій языкъ, подъ именемъ Калилы-ва-Димны (Прямодушный и Лукавый, имена двухъ шакаловъ, рассказывающихъ аполлогах); отсюда повѣть перешла во всѣ литературы средневѣковаго Востока и Запада, и съ греческаго источника былъ сдѣланъ южно-славянскій переводъ, повидимому, не позже XIII в. Многочисленныя повѣсти о *царѣ Соломонѣ* были вмѣстѣ съ тѣмъ и «отреченныя книги», упомянутыя уже въ старѣйшихъ редакціяхъ статьи о ложныхъ книгахъ. Эти «отреченныя» сказанія говорятъ о царѣ Давидѣ, завѣщавшемъ Соломону строеніе храма, объ этомъ строеніи, на которое были употреблены безчисленныя богатства, о власти Соломона надъ демонами, о приходѣ царицы Савской, спорившей съ Соломономъ мудрыми загадками: о Соломоновыхъ судахъ, о Соломонѣ и Китоврасѣ. Виблейская исторія представляетъ уже Соломона въ ореолѣ особеннаго величія, какъ мудраго царя и боговдохновеннаго писателя; апокрифъ еще возвеличиваетъ его мудрость до власти надъ демонами, а съ другой стороны повѣсть о Соломонѣ и Китоврасѣ переходитъ въ романтическую сказку. Сказанія о дѣтствѣ Соломона принимаютъ, наконецъ, народный стиль, а споръ съ Китоврасомъ вошелъ въ бытину у Василья Окуловича. Впрочемъ, подъ влияніемъ сказаній о мудрыхъ загадкахъ составлена была и русская старая повѣсть о *кутѣ Басарѣ и сынѣ его Добромыслѣ*. Въ среднемъ періодѣ горизонтъ повѣстей расширяется. Впрочемъ въ концѣ XV в. написана была полу-историческая повѣсть о мутынскомъ (модавскомъ) воеводѣ *Дракулѣ* — историческомъ лицѣ, извѣстномъ своею жестокостію. Къ концу XVI в. относятся «повѣсть о Динарѣ царѣ» — грузинскій Тамарѣ, XII—XIII столѣтія: повѣсть, рассказывающая подвиги ея въ войнѣ съ персидскимъ царемъ, была переведена на русскій съ греческаго (стихотворнаго) подлинника. Къ временамъ Грознаго относятся полу-историческія повѣсти о туркомъ царѣ *Махметѣ* и волошскомъ воеводѣ *Петрѣ*, подъ именемъ нѣкоего Ивана Пересвѣтова (очевидно — псевдонимъ), съ намеками на московское царство. Мораль была не особенно глубокая; думаютъ, что повѣсть должна была представить оправданіе жестокостей Грознаго. Турскій царь говорилъ: «аще не такою грозою великій народъ угрозити, ино и правды въ землю не ввѣсти... и какъ конь подъ человѣкомъ безъ узды, такъ и царство подъ царемъ безъ грозы». Волошскій воевода восхвалялъ московское царство, но вычиталъ въ своихъ мудрыхъ книгахъ, что будетъ на царя «ловленіе отъ ворожебъ и

отъ кудесъ, отъ людей ближнихъ», — этимъ Иванъ Васильевичъ и оправдывалъ свои злодѣйства. Наконецъ, «повѣсть нѣкоего боголюбиваго мужа», изъ того же времени, предостерегала нѣкоего царя отъ чаръ и волшебствъ коварныхъ синклитовъ. Далѣе, были повѣсти неяснаго восточнаго происхожденія: сказаніе о *дѣтиадати снахъ* царя *Шахачи*, предвѣстительнаго, эсхатологическаго содержанія; знаменитый *Шемахитъ Судъ*, восточный рассказъ, имѣвшій длинную литературную исторію и странно приуроченный у насъ къ князю XV вѣка Дмитрію Шемакѣ; сказка о *Ерусалѣ Лазаревичѣ*, съ сюжетомъ изъ персидской Шахъ-наме. — Болѣе поздній слой нашей старой повѣсти отмѣченъ западнымъ влияніемъ, проводникомъ котораго были Польша и Западная Русь. Этимъ путемъ шли особенно западно-европейская повѣсть, средневѣковые сказочные сборники, рыцарскіе романы, шутивые рассказы и т. п. Однимъ изъ старѣйшихъ, если не самымъ старымъ памятникомъ этого рода были *Бова Королевичъ* и рядомъ съ нимъ *Тристанъ*, два рыцарскіе романа, изъ которыхъ одинъ сталъ знаменитъ, какъ народная сказка, другой — извѣстенъ пока лишь въ единственной старой рукописи, указывающей путь ихъ прихода въ русскую письменность. Старѣйшая форма «Бовы» и «Тристана» сохранились въ бѣлорусскомъ сборникѣ повѣстей XVI вѣка; въ бѣлорусскомъ текстѣ указано, что онъ взятъ изъ «сербскихъ книгъ», а послѣдніе несомнѣнно переведены съ итальянскаго, котораго слѣдъ замѣтенъ во многихъ словахъ и оборотахъ. Сербскій переводъ итальянскаго романа указываетъ опять на ту же область западныхъ влияній, изъ которой вышла Троянская притча и сербская редакція «Александриа». Въ той же бѣлорусской рукописи находится повѣсть *объ Атылѣ*, королѣ угорскомъ, легендарная исторія Атилы. Встрѣчаются также рыцарскія или чудесныя повѣсти чешскаго происхожденія: исторія о *королевѣчѣ Брунчикѣ*, наполненная чудесными приключеніями въ невѣдомыхъ сказочныхъ странахъ, исторія о *Василии королевѣчѣ Златовласомъ*, сказка о разбойничьей невѣстѣ, имѣющая много параллелей въ народныхъ сказкахъ и въ литературѣ. Изъ польскаго источника пришла одна изъ знаменитѣйшихъ (средневѣковыхъ книгъ — *Римскія Дѣянія*, сборникъ разнородныхъ исторій, составившійся путемъ постепеннаго накопленія рассказовъ, сначала на латинскомъ языкѣ и обошедшій всѣ европейскія литературы. Другой сборникъ, занятый специально назидательными повѣствованіями — *Великое Зерцало*, названіе котораго объясняется его громадностью: въ русскихъ редакціяхъ число повѣстей простирается до девяти сотъ. Первымъ началомъ сборника было средневѣковое *Speculum exemplorum*, собраніе повѣстей, служившее для назидательнаго чтенія и какъ матеріалъ для проповѣдей. Въ XVII столѣтіи оно было расширено въ громадную книгу іезуитомъ Майеромъ: рассказы распределены по рубрикамъ, снабжены указаніемъ источниковъ и объясненіями, изобилуютъ чудесами; мораль отличается обыкновенно аскетизмомъ,

а также особым духомъ іезуитскаго ханжества. Русский переводъ книги, съ польскаго, сдѣланъ былъ по желанію царя Алексѣя Михайловича, и былъ очень распространенъ въ старыхъ бібліотекахъ, въ полномъ составѣ или въ отдѣльныхъ статьяхъ. Далѣе, съ польскаго взята знаменитая повѣсть о *Семи мудрецахъ*, также индѣйскаго корня; она распространилась по всѣмъ литературамъ Востока и Запада, испытала разные видоизмѣненія, и уже въ концѣ своего литературнаго поприща явилась на русскомъ языкѣ. Во второй половинѣ XVII вѣка идетъ новый притокъ западнаго чтенія, главнымъ образомъ, если не исключительно, черезъ польскую литературу. За началомъ, которое дали раніе Бова и Гривантъ, слѣдовали теперь: *«Исторія о Мелюзинѣ»*, *«Петръ Золотые Ключи»*, *«Повѣсть о преславномъ римскомъ кесарѣ Октавіанѣ»*, объ *«Аполлонѣ королѣ турецкомъ»*, повѣсти шуточные, какъ напр. *«Смѣхотворныя повѣсти»*, не яснаго происхожденія повѣсти, съ легендарными и апокрифическими отголосками, о травѣ табакѣ, о высокоумномъ хмѣлѣ. Къ старымъ рукописямъ восходятъ *«Судное дѣло у леща съ ершомъ»*, повѣсть *«о курѣ и лѣтвой лисѣ»* и т. д. Являются, наконецъ, попытки бытовой повѣсти. Начало ее можно видѣть, въ другой литературной формѣ, въ старыхъ житіяхъ, напр. житіи Петра и Февроніи. Въ *«чудесахъ»* славныхъ иконъ или особенно чтимыхъ святыхъ приводились рассказы, составлявшіе своеобразную повѣсть, какъ напр. исторію о *«блгочестивой женѣ Соломонѣ»* въ чудесахъ св. Прокопія и Іоанна устюжскихъ. Въѣ области житій, но близко къ этой, послѣдней исторіи, является повѣсть о *«Савѣ Грудыницѣ»*, съ бытовою основой и правдоподобно-легендарными потребностями: дѣйствіе происходитъ во времена царя Михаила. Повидимому, концу XVII вѣка принадлежатъ и *«Исторія о російскомъ дворянѣ Фролѣ Скобцовѣ и столичной дочери Нардина-Намокина Андришкѣ»* — настоящая бытовая повѣсть, съ живыми чертами нравовъ и съ отбѣнкомъ народнаго юмора, хотя нравы первобытны и настоящаго романическаго элемента нѣтъ. Къ концу XVIII вѣка можно отнести, наконецъ, одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній старой поэзіи, гдѣ легендарные мотивы народнаго мировоззрѣнія и черты реальнаго быта нашли выраженіе въ формѣ чрезвычайно свѣжаго народнаго стиха; это — *«Повѣсть о Горь-Злочастіи и какъ Горь-Злочастіе довелъ молодца во иноческій чинъ»*. Старая повѣсть незамѣтно переходитъ въ новый слой повѣсти Петровскаго времени и вообще первой половины XVIII вѣка. Переводная дѣятельность, начавшаяся въ XVII столѣтіи, продолжаетъ разрастаться, когда увеличивается знаніе иностранныхъ языковъ. Литература повѣсти по прежнему живетъ въ рукописяхъ; за первую половину XVIII вѣка существуетъ большая масса разнообразной рукописной повѣсти, гдѣ продолжаютъ обращаться старые пестры, вмѣстѣ съ болѣе поздними: къ рыцарскимъ исторіямъ присоединяются исторіи любовныхъ приключеній, настоящіе романы, иногда огромнаго объема; являются переводы

знаменитыхъ произведеній европейской литературы, какъ *«Потерянный рай»* Мильтона, *«Телемакъ»* Фенелона (переведенный еще до Тредьяковского) и др., и, наконецъ, русскіе опыты, подъ влияніемъ переводныхъ исторій, съ любопытными отголосками броженія въ русскіхъ нравахъ. Эта рукописная повѣсть опять незамѣтно сливается съ печатной литературой. При Петрѣ напечатана была старая популярная Троянская исторія; въ шестидесятихъ годахъ XVIII в. стала впервые распространяться литература переводнаго романа, и въ томъ числѣ явились въ печати многія вещи, ходившія въ первой половинѣ столѣтія въ рукописяхъ. Наконецъ, стала искать своего права въ письменности чисто народная поэзія. Древнѣйшіе книжники, съ вновь приобретенной христіанской точки зрѣнія, презирали и осуждали эту поэзію вмѣстѣ съ народнымъ обычаемъ какъ остатокъ язычества и потому дѣло бѣсовское и грѣховное. Съ одинадцатаго вѣка до конца семнадцатаго не прекращаются эти осужденія въ церковныхъ поученіяхъ, въ посланіяхъ іерарховъ, въ постановленіяхъ соборовъ, въ парскихъ грамотахъ; но все это оказывало мало дѣйствія въ народномъ быту, особливо сельскомъ, гдѣ народная пѣсня, бытовое обрядъ, игра составляли единственную поэтическую пищу и веселье. Народная пѣсня продолжала существовать, только не въ книгѣ: высокоумный книжникъ считалъ ее ниже своего благочестія и достоинства. *«Слово о Полку Игоревѣ»* осталось единственнымъ памятникомъ своего рода, и затѣмъ только въ единичныхъ случаяхъ отголосокъ народный проникалъ въ книгу; но въ народѣ поэзія продолжала жить и развиваться. За отсутствіемъ данныхъ, трудно судить о процессѣ этого развитія; но сохранившаяся донынѣ былина указываетъ, что народный эпосъ оберегъ нерѣдко весьма древніе эпические мотивы (былины Владимірова пика), что затѣмъ онъ еще живо дѣйствовалъ въ наши средніе вѣка, внося въ свой составъ новые сюжеты (эпосъ новгородскій, былины южнорусскія) и даже заимствуя свой матеріалъ изъ книжныхъ источниковъ (былины на темы изъ сказаній о царѣ Соломонѣ). Заѣзскій англичанинъ, бакалавръ Ричардъ Джемсъ, сохранилъ отъ начала XVII в. записи современныхъ ему пѣсень (о Ксеніи Годуновой). Вѣроятно, съ древнѣйшихъ временъ, а въ средніе вѣка несомнѣнно, народная пѣсня, особливо эпическая и шуточная, имѣла своихъ спеціальныхъ носителей: это были скomorохи, народные увеселители, пѣвцы, фокусники и актеры. Власть, наконецъ, принимала противъ нихъ мѣры; они ходили многолюдными ватагами, челоуѣкъ во сто, и совершали насилія; самыя пѣсни и «главы» ихъ были «бѣсовскіе». Въ концѣ концовъ, когда грамотность становилась гораздо шире, чѣмъ прежде, нашлись любители пѣсень, которые стали записывать ихъ: записей отъ XVII в., можетъ быть конца XVI-го, сохранилось немного—это обыкновенно былины. Къ началу XVIII в. относится записъ Кириши Данилова, безъ сомнѣнія продолжающая тотъ же старинный интересъ къ пѣснѣ: его сборникъ—также

почти исключительно эпический. Производительность пѣсни продолжалась и въ XVIII в. (пѣсни о Петрѣ Великомъ, военныхъ событіяхъ и т. п.). Далѣе, продолжала существовать, кромѣ эпоса, другая, еще болѣе богатая область народной поэзіи—обрядовая и бытовая лирика и такъ называемыя мелкія эпическія пѣсни. Здѣсь, даже еще въ болѣе степени, чѣмъ въ эпосѣ, сохранилась далекая древность, съ намеками на языческій бытъ и обрядъ: они хранились консервативными народными обычаями, теряя первоначальное, прямо мифическое значеніе и оставаясь поэтическимъ символомъ или увеселеніемъ въ годовомъ календарномъ обиходѣ народной жизни, особливо сельской. Этой памятью обычая пѣсня сберегалась не только въ сельскомъ, но и купеческомъ, наконецъ, дворянскомъ помѣщичьемъ, связанномъ съ деревней, быту до второй половины XVIII в., когда она въ первый разъ была закрѣплена въ печатныхъ «Пѣсенникахъ». Но жизнь народной поэзіи была не только пассивнымъ сбереганіемъ, а также забвеніемъ и измѣненіемъ старины: совершалось и новое творчество. Такъ развивалась былина послѣ кievскаго цикла. Въ народной поэзіи выразилось и то среднѣвѣковое міровоззрѣніе, которое, послѣ водворенія христіанства, стало складываться въ умахъ народной массы въ формѣ «двоевѣрія». Здѣсь все болѣе занимала мѣста легенда, особенно апокрифическая, такъ какъ самый апокрифъ часто имѣлъ именно популярное происхожденіе. Въ этомъ народномъ міровоззрѣніи имѣли свой источникъ *духовныя стихи*. Ихъ основа—книжная, но разрабатанная въ смыслѣ религиозной фантастики: ихъ матеріалъ данъ евангельской исторіей (Христосъ, Богородица, Лазарь, Страшный судъ), житіями святыхъ (св. Георгій, Алексій Божій челоувѣкъ, Федоръ Тиронъ), сказаніями космогоническими («Голубиная книга»), благочестивыми повѣстями (стихъ о царевичѣ Іоасафѣ) и т. д.

III. Въ прежнее время существовало убѣжденіе, а въ обычныхъ понятіяхъ и теперь сохраняется мнѣніе, что новый поворотъ русской государственной и общественной жизни съ восемнадцатаго вѣка былъ исключительно результатомъ личной дѣятельности Петра Великаго. Для однихъ это было великимъ дѣломъ, давшимъ русскому народу и государству новую широкую историческую роль на почвѣ европейскаго просвѣщенія, для другихъ—почти революціоннымъ переворотомъ, настоящимъ преступленіемъ, потому что Петръ измѣнилъ началамъ русской народности и далъ исторіи русскаго народа ложное и зловерное направленіе. Споръ объ этомъ не кончился, въ сущности, и до сихъ поръ въ области публицистики; но онъ долженъ считаться конченнымъ въ области историческаго изслѣдованія, которое, главнымъ образомъ со времени Соловьева, объясняетъ реформу Петра какъ естественный и неизбежный выводъ изъ предыдущаго развитія. Сообразно съ этимъ, начало новаго періода въ исторіи русской литературы должно считать не со времени Петра, а ранѣе, приблизительно съ половины XVII вѣка, когда особенно ярко стали ска-

зываться первые признаки ослабленія московской старины. XV—XVI вѣка и весьма неяснаго на первый разъ стремленія къ европейской наукѣ. Давно указано, что первые признаки потребности дополнить скудную домашнюю знанія съ помощью иноземцевъ восходятъ еще къ XV вѣку; чѣмъ далѣе, тѣмъ все размножаются вызовы иноземцевъ, составившихъ, наконецъ, подъ Москвой цѣлую колонію—«Нѣмецкую слободу». Иноземцы исполняли всякаго рода техническія работы для двора и для государства, работы необходимыя, но для которыхъ у русскихъ просто не было знанія; съ простыми техниками приходили, наконецъ, болѣе или менѣе ученые люди, и русскіе на первый разъ съ немалымъ страхомъ видѣли опыты естественнo-историческаго знанія. Въ Нѣмецкой слободѣ цари Михаилъ и Алексій имѣли не только знающихъ техниковъ, но и специалистовъ военнаго дѣла; въ той же слободѣ царь Алексій нанялъ опытныхъ людей, устроившихъ для него первый театръ, который, какъ извѣстно, привелъ его въ великое восхищеніе. Въ тоже время, особливо со второй половины XVII вѣка, въ письменности, еще хранившую церковно-славянское одѣяніе, все болѣе проникаютъ переводы книгъ, болѣе или менѣе научнаго характера, съ западно-европейскихъ языковъ. Для безпристрастнаго взгляда не подлежитъ спору, что это было уже движеніе въ духѣ позднѣйшей реформы. Рядомъ съ этимъ шло другое, столь же знаменательное явленіе, указывавшее, что старая Русь временъ Стоглава отживала свое время: это было исправленіе книгъ. Этотъ трудъ, необходимость котораго еще въ началѣ XVI в. указывалъ Максимъ Грекъ, и въ половинѣ XVII в. былъ усиленъ московскимъ книжникомъ; но по крайней мѣрѣ эту необходимость поняли сполна и, сознавъ недостаточность своихъ средствъ, обратились за помощью къ той наукѣ, которая въ XVI и XVII вѣкѣ успѣла зародиться на родинѣ, хотя исторически давно разсѣденной почвѣ—въ южной и западной Руси. Сила вещей привела не только къ исправленію книгъ, но и къ подрыву цѣлаго стараго міросозерцанія, какимъ жили люди стараго вѣка: вѣра въ букву писанія, вѣтшнее обрядовое благочестіе, цѣлый запасъ фантастическихъ понятій, выросшихъ на старой почвѣ, должны были отступать передъ требованіями знанія, хотя бы на первый разъ тяжело схоластическаго. Защитники старины чуяли въ этихъ нововведеніяхъ что-то «латинское»—и до извѣстной степени были правы: кievская наука устанавливалась по образцамъ латинскихъ школъ и люди стараго вѣка въ Москвѣ не могли понять, чтобы средствами схоластической науки могло быть защищено православіе. Обѣ стороны совѣсть не понимали другъ друга, и въ результатѣ совершился *расколъ*—дѣйствительное распадѣніе между первобытной «старой» вѣрой и новымъ церковнымъ ученіемъ, которое стремилось основать по возможности научное богословіе и исправить церковную жизнь. Протопопъ Аввакумъ, чистѣйшій питомецъ старой Руси, съ вѣрнымъ инстинктомъ говорилъ, что

въ ихъ ученіи была «послѣдняя Русь», и по своему объяснялъ, съ какой поры началась гибель этой Руси, говоря, что видѣлъ въ аду «миленкаго» царя Алексѣя. Дѣйствительно, при царѣ Алексѣѣ началось паденіе этой старой Руси и наступилъ новый періодъ русской жизни. Наплывъ кievской учености въ Москву былъ началомъ новой литературы. Правда, кievская наука была специально церковная и схоластическая, но это была во всякомъ случаѣ черта науки европейской: въ схоластикѣ, до Кіева доходилъ отголосокъ Возрожденія, извѣстное знакомство съ классиками, даже вкусъ къ нимъ. Приходила впервые риторика и пѣтика, т. е. теорія какой-то новой литературы: этой литературы еще не было на русскомъ языкѣ, но она заявляла уже о своемъ будущемъ водвореніи. Питемъ кievской школы Симеонъ Полоцкій былъ, собственно говоря, первымъ русскимъ псевдо-классикомъ — въ той же формѣ, какую потомъ примѣнялъ Кантемиръ: въ неуклюжихъ стихахъ Симеона Полоцкаго шла уже новая литературная струя, чуждая прежней письменности, какъ въ тоже время она пробивалась въ драматическихъ опытахъ пастора Грегори. Эти начинанія по-являются задолго до дѣятельности Петра; въ его время приемы литературы остаются тѣже, и главными литературными дѣятелями являются по-прежнему ученые кievской школы — Стефанъ Яворскій, Теофанъ Прокоповичъ, Гавриилъ Бужинскій и другіе. Новая литература, отмѣченная специально возбужденіями реформы, — дѣятельность Кантемира, Тредьяковскаго, Сумарокова, особенно Ломоносова, — наступила уже послѣ Петра, главнымъ образомъ съ половины XVIII столѣтія. Но если въ специально литературномъ отношеніи реформа не была началомъ новаго направленія, то личность и дѣятельность Петра стали, однако, могущественной опорой новаго направленія и создали для дальнѣйшаго времени нравственное и умственное возбужденіе такой силы, какого русская жизнь не испытывала ни раньше, ни позже, и которое дѣйствуетъ даже до сихъ поръ, черезъ два вѣка послѣдующей исторіи. Въ русской жизни явился человекъ исполненной силы характера и замысловъ, который какъ-бы по исторической необходимости хотѣлъ восполнить то, что было потеряно вѣками застоя, невольнаго и вольнаго, и спѣшилъ установить новую политическую и умственную жизнь русскаго народа. Совершенно понятно, что свои главные усилія онъ направилъ на политическое укрѣпленіе государства: войско, флотъ, техническая школа, фабрика и заводъ, администрація были главными предметами его заботы; онъ былъ довольно равнодушенъ къ тѣмъ специально церковнымъ вопросамъ, которые одни поглощали все вниманіе прежняго времени и его ближайшихъ предшественниковъ; онъ не строилъ никакихъ теорій, но самъ «на тронѣ вѣчныхъ былъ работникъ» и строго требовалъ такой же работы отъ другихъ. При всѣхъ тяготахъ его времени его имъ осталось символомъ неутомимаго труда и высокаго самоотверженія на пользу государства, въ которомъ олицетворялась для него

вся народная жизнь. Эта энергія, источникомъ которой была по истинѣ безавытная любовь къ родинѣ, и необычайные результаты, приобретенные цѣною гениально-разносторонняго труда, послужили тѣмъ нравственно-общественнымъ стимуломъ, который создалъ великое историческое значеніе Петровской реформы. Петръ не могъ остаться чуждымъ литературѣ или книжному дѣлу. Съ его именемъ и дѣятельностью связываются черты, неизвѣстныя старой письменности и ставшія потомъ неизмѣнной принадлежностью литературной жизни. Чуждый старымъ церковнымъ интересамъ, онъ старался дать литературѣ свѣтскій, т. е. реально-жизненный и общественный характеръ. Измѣнилась самая внѣшность книги. Такъ называемая гражданская азбука отбѣдила свѣтскую книгу отъ церковной. Въ прежнее время книга была почти только церковная и издавалась «по благословенію церковной власти»; теперь книга хотя и оставалась дѣломъ по преимуществу официальнымъ, но могла издаваться только «повелѣніемъ царскаго Величества». Содержаніе книги нерѣдко бывало совсемъ невиданное. Цѣль Петра была двоякая: съ одной стороны, онъ хотѣлъ дать книги съ учебнымъ матеріаломъ и техническими свѣдѣніями; съ другой, онъ усиленно, и опять впервые заботился о томъ, чтобы ввести общество и самый народъ въ свои планы, объяснить необходимость и пользу преобразованія, приобщить народъ къ своему дѣлу, найти сознательныхъ исполнителей. Отсюда печатаніе во всеобщее свѣдѣніе «реляцій», основаніе первыхъ «вѣдомостей», цѣлыя сочиненія для объясненія политическихъ мѣръ и событий, шумныя празднованія побѣдъ, съ иллюминаціями, фейерверками, аллегорическими картинами и т. п. Печатались книги по исторіи, географіи, міеологіи, чтобы ввести читателя въ содержаніе европейской литературы. Въ книгахъ историческихъ, переводимыхъ съ иностранныхъ языковъ, Петръ настаивалъ, чтобы сохранялись неизмѣнно отзывы о Р., хотя бы неблагопріятные. Наконецъ, онъ принималъ непосредственное участіе въ самомъ изданіи книги: собиралъ свѣдѣнія, указывалъ, что должно перевести, заботился о приготовленіи переводчиковъ, самъ просматривалъ и правилъ переводы и корректуры, иногда занимаясь этимъ на походѣ. Ближайшіе сотрудники его въ этомъ дѣлѣ были люди церковные, но среди которыхъ находились ревностные слуги реформы. Таковъ былъ въ началѣ Стефанъ Яворскій (1658 — 1722); ему Петръ поручилъ «мѣстоблюстительство» патріаршаго престола, закрытаго съ тѣхъ поръ какъ въ обоихъ послѣднихъ патріархахъ Петръ видѣлъ только враговъ своего. Позднѣе въ Яворскомъ сказалось іерархическое властолюбіе, и Петръ разошелся съ нимъ, хотя снисходялъ къ нему. Самымъ ревностнымъ сотрудникомъ Петра былъ Теофанъ Прокоповичъ (1681 — 1736). Теофанъ былъ въ жизни тогдашняго русскаго общества явленіемъ исключительнымъ, но весьма характернымъ: человекъ сильнаго ума, ученый богословъ, вліятельный іерархъ и участникъ въ законодательствѣ, онъ былъ въ свое время наибо-

лѣе образованнымъ человѣкомъ въ русскомъ обществѣ. Это была именно такая сила, какая нужна была Петру: человѣкъ съ умомъ именно критическимъ, онъ, какъ и самъ Петръ, былъ чуждъ всякому фанатизму и хотѣлъ опираться только на здравый смыслъ. Когда, уже послѣ смерти Петра, съѣхались въ Петербургъ нѣмецкіе ученые въ только-что открытую академію, Теофанъ сталъ съ ними въ самыя дружескія отношенія; по его смерти одинъ изъ нихъ, Байеръ, оставилъ самыя восторженные отзывы о великомъ его умѣ и учености. Такими же питомцами кievской школы были другіе сотрудники Петра, переводчики и проповѣдники Теофилактъ Лопатинскій, Бузинскій и др. Подъ крыломъ Теофана установилась литературная дѣятельность князя Антіоха Кантемира (1708—1744): сынъ молдавскаго господаря, учившійся въ Россіи, по рожденію и школѣ чуждый старому преданію, онъ вооружался противъ старины именно потому, что видѣлъ въ ней вражду къ новому образованію, которое понималъ какъ жизненную необходимость. Его ставитъ обыкновенно во главѣ новой литературы, какъ сатирика, восставшаго на идеяхъ реформы. Фактически это не вполне точно, такъ какъ сатиры его были изданы въ первый разъ долго спустя послѣ его смерти, когда въ литературѣ проходилъ уже Ломоносовъ, а его стихотворная форма — силлабическій стихъ, наслѣдіе отъ временъ Симеона Полозкаго — въ это время давно устарѣла. Время Петра начинало создавать своихъ людей. Любопытны, прежде всего, путешествія Петровскаго времени — боярина Б. П. Шереметева, стольника П. А. Толстого, кн. В. Ив. Куракина, гр. А. А. Матвѣева, Ив. Ив. Неплюева и др., — гдѣ наглядно и нерѣдко чрезвычайно характерно отражается столкновение двухъ вѣковъ и двухъ ступеней развитія, и новое міросозерцаніе видимо начинаетъ брать верхъ новостью и богатствомъ своего содержания. Правильной школы все еще не было, но широкій горизонтъ новой жизни увлекалъ людей серьезнаго ума, которые, помня завѣты старины, кровно съ нею связанные, становились, однако, ревностными поборниками преобразованій. Таковъ былъ крестьянинъ Иванъ Тихоновичъ Посошковъ (род. около 1670, ум. 1726), самоучка стараго вѣка, который здравымъ смысломъ и наблюденіемъ приходилъ къ убѣжденію въ необходимости просвѣщенія и преобразованій. Не менѣе, если не болѣе замѣчательнъ питомецъ Петровскаго времени В. Н. Татищевъ (1685 — 1750). Онъ учился только въ технической школѣ, былъ самоучкой въ вопросахъ философской и исторической науки, которые, однако, очень сильно его интересовали. Онъ познакомился, сколько могъ, съ тогдашнимъ положеніемъ исторической науки, былъ знакомъ съ скептическими взглядами Бейля и въ своихъ историческихъ трудахъ былъ склоненъ къ сомнѣнію и рационализму. Понятно, что онъ былъ настоящимъ защитникомъ науки («Разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ»); это было уже самостоятельно выработанное убѣжденіе, какъ самостоятельно возникла у него и мысль написать русскую

исторію. Татищевъ засталъ это дѣло почти на той ступени, какую представляли собой «Степенная книга» и «Хронографъ». Попытка дать нѣчто систематическое вызвала во второй половинѣ XVII в. «Синописи» Иннокентія Гизеля, нескладную книгу съ историческими баснословіемъ и скудными данными о Р. московскаго періода. Въ 1715 г. секретарь русскаго резидента въ Швеціи, кн. Хилкова, Манкиевъ, жившій вмѣстѣ съ нимъ въ плѣну, опять человѣкъ малороссійской школы, составилъ замѣчательное по времени и по личнымъ условіямъ автора обзорѣе русской исторіи до времени Петра (до 1712 г.); но его книга оставалась въ рукописи до 1770, г., когда была напечатана Миллеромъ. Трудъ Татищева не имѣлъ никакой помощи въ этихъ предшественникахъ; нѣкоторое руководство доставили ему только нѣмецкіе ученые академики, начавшіе тогда заниматься вопросами древней русской исторіи; въ цѣлой работѣ онъ былъ предоставленъ самому себѣ и приступилъ къ ней весьма рационально, стараясь прежде всего собрать документальныя свидѣтельства древнихъ лѣтописей. Онъ дѣлалъ сводъ этихъ извѣстій и сопровождалъ ихъ обширными комментаріями, гдѣ много любопытныхъ опытовъ исторической критики. Татищевъ также принадлежалъ къ тѣсному ученому кружку Теофана, хотя имѣлъ репутацию большаго вольнодумца. Историческій трудъ Татищева въ свое время также остался неизданнымъ. — Бурныя событія и крутыя мѣры реформы не могли не возбуждать недовольства между приверженцами стараго порядка. Въ литературѣ это выразилось только отрывочно, и конечно не въ печати, которая была дѣломъ еще только правительственнымъ и церковнымъ, а въ рукописныхъ памфлетахъ, авторы которыхъ иногда рѣшались даже заявлять ихъ официально. Въ числѣ такихъ противниковъ реформы былъ М. П. Аврамовъ (1681—1752), при Петрѣ директоръ типографіи, близкій къ самому царю, потомъ впаавшій въ ханжество и увидѣвшій въ реформѣ дѣло, опасное вѣрѣ. Онъ сдружился съ врагами Теофана, подавалъ свои проекты всѣмъ правительствомъ, отъ Петра до Елизаветы; его заточали въ монастырь, ссылали въ Охотскій острогъ, но онъ продолжалъ возставать противъ новшаго вольнодумства, наконецъ, грозилъ даже тѣмъ, кто «діадиму на себѣ носить», и кончилъ жизнь въ «безвѣстномъ» отдѣленіи тайной канцеляріи. Рядомъ Аврамова, книгописецъ Григорій Талицкій написалъ (въ 1700 г.) «тетрадки», гдѣ говорилось о прішествіи въ міръ Антихриста, и по вычисленіямъ выходило, что Петръ и есть Антихристъ; «тетрадки» встрѣчены были съ большимъ сочувствіемъ не только въ народѣ, но и въ средѣ высшаго духовенства. Талицкій хотѣлъ вырѣзать свои тетрадки на деревѣ для большаго распространенія, но былъ схваченъ и сожженъ, вмѣстѣ съ его другомъ Савиннымъ. По этому поводу Стефанъ Яворскій написалъ книгу: «Знаменія прішествія Антихристового и кончины вѣка, отъ писаній божественныхъ явленна» (1703). Но убѣжденіе, что Петръ — Антихристъ, крѣпко держалось въ расколѣ:

въ одной расколынической лицевой (г. е. иллюстрированной) рукописи Толковаго (т. е. съ толкованіями) Апокалипсиса Петръ изображенъ Антихристомъ, а антихристово воинство представлено солдатами въ военной формѣ Петровскаго образца. Изъ расколынической среды вышла также извѣстная народная картинка: «Мыши кота погребаютъ», въ которой несомнѣнно заключается сатира на Петра и его обстановку. Вражда къ Петру между приверженцами старины и въ расколѣ не была, однако, мнѣніемъ цѣлой народной массы: напротивъ, при всѣхъ тяготахъ, падавшихъ на народъ въ его время, народный инстинктъ угадывалъ въ Петрѣ великую силу и понималъ его подвиги на пользу государства: историческія пѣсни его времени относятся къ нему сочувственно.

Литературная жизнь новаго, «послѣ-Петровскаго» характера стала складываться только въ половинѣ столѣтія. Все еще было слишкомъ мало средствъ школьнаго образованія; немногія наличныя школы были очень разнообразныя и несогласованныя (см. выше, Образование). Знаніе иностранныхъ языковъ внушало, однако, интересъ къ иностранной литературѣ; мало по малу развивается тотъ книжный интересъ, съ котораго начинается литературная дѣятельность. Люди, затронутые этимъ интересомъ, были на первый разъ немногочисленны; всѣ они были на счету и происходили изъ самыхъ различныхъ слоевъ общества. Такъ, изъ Астрахани былъ родомъ поповичъ Трепьяковскій; изъ Архангельска происходилъ крестьянинъ Ломоносовъ; къ дворянскому сословію принадлежалъ учившійся въ кадетскомъ корпусѣ Сумароковъ. В. К. Трепьяковскій (1703—1769) началъ свое ученіе въ Астрахани у капуцинскихъ монаховъ, былъ года два въ славяно-греко-латинской академіи, затѣмъ «убѣжалъ» изъ Москвы и отправился въ Голландію, гдѣ его пріютилъ русскій посланникъ графъ Головкинъ; но его тянуло дальше и, «шедши пѣшкомъ», онъ добрался до Парижа, который его окончательно очаровалъ, какъ и французская литература. Вернувшись въ Р., онъ былъ переводчикомъ при академіи наукъ, потомъ профессоромъ элоквенціи и сталъ чрезвычайно плодовитымъ писателемъ и переводчикомъ. Изъ своей учености и увлеченія французской литературой онъ построилъ литературную теорію, которая была у насъ первою формальною программой псевдо-классицизма. Его собственные опыты въ стихотворствѣ стали надолго знамениты своею неуловимостью; тѣмъ не менѣе, большой заслугой его было то, что онъ впервые поставилъ вопросъ о правильномъ русскомъ стихосложеніи: онъ началъ, по старому обычаю, силлабическими стихами, но скоро понялъ, что настоящей формы русскаго стиха надо искать въ нашей народной поэзіи. Его представленіе объ исторіи поэзіи было совершенно псевдо-классическое. Величій образцы всѣхъ родовъ поэзіи дали греки и римляне; затѣмъ была варварства; поэзія возродилась у новыхъ европейскихъ народовъ по тѣмъ же древнимъ образцамъ, которые, поэтому, обязательны и для насъ. Чтобы основать

литературу, достаточно слѣдовать этимъ образцамъ. Объясняя свойства эпоса, лирики, драмы, Трепьяковскій самъ пытался писать разнообразныя стихотворныя произведенія, даже трагедіи, перевелъ наставленіе о поэзіи Горация (прозой) и Буало (стихами), и стихами перевелъ даже написаннаго прозой Телемака. Біографія М. В. Ломоносова (1711—1755) извѣстна. Какой-то необычайный инстинктъ тянулъ сына поморскаго рыбака къ школѣ; уже взрослымъ юношей онъ находилъ эту школу въ Москвѣ, потомъ въ Петербургѣ, наконецъ, за границей. Въ Москвѣ его школа была церковно-схоластическая, за границей—научно-техническая (металлургія); но сила собственнаго ума и возможность шире взглянуть на область науки въ Германіи (подъ руководствомъ Христиана Вольфа) создали его широкое научное мировоззрѣніе и вмѣстѣ потребность литературной дѣятельности. Пушкинъ называлъ Ломоносова первымъ нашимъ университетомъ, и названіе это вѣрно по многосторонности его дарованія и знаній, въ которой онъ не имѣлъ тогда равнаго: не мудрено, что онъ сталъ въ литературѣ предметомъ поклоненія, которое удержалось неизмѣнно до начала нынѣшняго столѣтія. Его считали великимъ ученымъ и великимъ поэтомъ. Дѣйствительно, въ то время не было другого русскаго ученаго, который вполне стоялъ бы на уровнѣ европейской науки; въ первый разъ на русскомъ языкѣ высокіе предметы науки излагались съ такой ясностью и изящной простотой, какъ у Ломоносова; великое, почти религиозное уваженіе къ наукѣ было господствующей чертой его мировоззрѣнія. По обычаю времени, онъ писалъ оды и похвальные слова, но въ этихъ произведеніяхъ всегда бывала серьезная мысль или цѣлые трактаты научно-общественнаго содержанія. Въ его взглядахъ на русскую жизнь неизмѣнною мыслью была первостепенная важность знанія; величайшимъ и единственнымъ героемъ его былъ Петръ Великій. Поэтомъ Ломоносовъ, собственно говоря, не былъ; у него не было свободнаго лирическаго вдохновенія, но онъ находилъ настоящее поэтическое одушевленіе въ тѣхъ возвышенныхъ идеяхъ научныхъ и патристическихъ, какія имъ владѣли, и его одушевленіе захватывало читателей. Позднѣйшему читателю и критику его поэтическія творенія могутъ казаться слишкомъ высокопарными, преувеличенными, неестественными; но должно вспомнить, что образованное русское общество того времени еще переживало отголоски временъ Петра, и Ломоносовъ отвѣчалъ тому общественному чувству, которое радовалось новымъ успехомъ и новой славѣ Р.; еще не было такого художественнаго вкуса и нѣсколько рѣзкіе тоны панегирика не бросались въ глаза. Въ академіи Ломоносовъ всегда горячо стоялъ за интересы русскаго науки и поэзіи русскаго народа и не однажды съ раздраженіемъ, перекладывая даже мѣру справедливости, возставаъ противъ всего, въ чемъ видѣлся ему ущербъ славѣ и пользѣмъ русской націи. По своимъ научнымъ изученіямъ онъ былъ естественникъ; но начинающаяся литера-

тура требовала много трудовъ, для которыхъ еще не было дѣлателей, и Ломоносовъ становится не только поштомъ, но историкомъ, изслѣдователемъ языка, техникомъ, занимается вопросами народнаго хозяйства и быта и т. д. Третій знаменитый писатель того времени былъ А. П. Сумароковъ (1718—1777): онъ былъ прославляемъ современниками и ближайшимъ потомствомъ какъ одно изъ свѣтилъ русскаго Парнасса, и эта слава можетъ дать понятіе о положеніи тогдашней литературы. У него было извѣстное легкое дарованіе, весьма плодovitое, но весьма поверхностное. Онъ очень рано выступилъ на литературное поприще, и первые успѣхи его трагедій, на придворной сценѣ, передъ слушателями очень мало избалованными, исполнили его величайшей самонадѣянности. Чрезвычайно самолюбивый, онъ вообразилъ себя создателемъ и главою русской литературы. Его школа была невелика и состояла изъ нѣкоторой начитанности во французской литературѣ; законодателемъ литературы былъ для него Буало, предѣломъ совершенства—Расинъ, Корнель, Мольеръ и особенно Вольтеръ, радомъ съ которымъ ему нравилось ставить свое имя, такъ какъ онъ былъ писателемъ во всѣхъ родахъ и думалъ, что во всѣхъ родахъ даетъ образцы русскимъ писателямъ. Но его трагедіи, въ которыхъ онъ любилъ брать и русскіе сюжеты, были неумѣлыми копіями съ французскихъ, драматическіе эффекты не разъ выходили у него простой нелѣзюстью; его комедіи—обыкновенно грубоватыя фарсы на однообразныя темы. Наиболѣе живыми изъ его произведеній остаются тѣ, гдѣ проходятъ сатирическія картинки русскаго быта; его злѣйшими врагами и предметомъ его усерднѣйшихъ обличеній были подьячье. Дѣятельность трехъ названныхъ писателей совершалась главнымъ образомъ во времена императрицы Елизаветы; это были извѣстнѣйшія имена тогдашней литературы. Времена Екатерины II открывали для литературы новый просторъ и вызвали новыхъ людей. Сама императрица давно увлечена была «философскими» идеями и, вступивъ на престолъ, нашла не только литературный, но и практическій путь для ихъ развитія: быть представительницей «просвѣщенія» отвѣчало и ея личнымъ вкусамъ и самолюбію, и политическимъ соображеніямъ, такъ какъ нужно было привлечь общество на свою сторону и, заставивъ забыть прошлое, начать славное царствованіе. Она сама вскорѣ предалась литературнымъ трудамъ, переводила «Велизарія» Мармонтеля, вмѣстѣ съ приближенными, во время путешествія по Волгѣ, работала надъ знаменитымъ «Наказомъ», который надолго остался авторитетнымъ собраніемъ идей эпохи просвѣщенія о различныхъ предметахъ управленія (главнѣйшимъ его источникомъ послужилъ Монтескьё). Въ то же время она приняла участіе въ легкой правоописательной и сатирической журналистикѣ, позднѣе написала длинный рядъ драматическихъ пьесъ, особливо комедій. Наконецъ, она вела обширную (французскую) переписку съ европейскими философами, какъ Вольтеръ, Дидро, Циммерманъ, и представи-

телями литературныхъ круговъ, какъ-же Жюффрэнъ и въ особенности Мельхiorъ Гриммъ. Въ 1783 г. при ея ближайшемъ интересѣ, учреждена Россійская академія, президентомъ которой была княгиня Дашкова и въ трудахъ которой Екатерина принимала также живѣйшее участіе (здѣсь печатались ея «Записки» по русской исторіи, а также «Были и Небылицы»). Важной мѣрой для развитія книжнаго дѣла было разрѣшеніе вольныхъ (т. е. частныхъ) типографій. Въ концѣ царствованія открылась систематическая, хотя по размѣрамъ ограниченная дѣятельность по учрежденію народныхъ училищъ. Въ другомъ отношеніи важнымъ фактомъ было основаніе Вольнаго (т. е. опять частнаго) Экономическаго общества, какъ поощреніе общественной инициативы. При тогдашнемъ складѣ русскаго общества личные вкусы императрицы были ободряющимъ примѣромъ; литературная производительность съ шестидесятихъ годовъ XVIII в., сравнительно съ прежнимъ, чрезвычайно возрасла. Первые годы царствованія Екатерины II подавали самыя свѣтлыя надежды. Особенно сильное впечатлѣніе произвелъ созывъ депутатовъ въ комиссію о составленіи новаго уложенія; сама она гордилась «Наказомъ». Въ кругу образованныхъ людей должны были съ удовольствіемъ увидѣть ея особенный вкусъ къ литературѣ—дѣло небывалое, тѣмъ болѣе, что этотъ вкусъ былъ настроенъ въ просвѣдительною и гуманномъ направленіи. Въ эпоху «Наказа» сказалось особенное оживленіе въ литературѣ: появилось вдругъ нѣсколько небольшихъ журналовъ, которые намѣревались давать правоучительное и правоописательное чтеніе. Главными изъ нихъ были два: «Всякая Всячина», Козницкаго, гдѣ участвовала своими трудами сама императрица, и «Трутенъ», Новикова (другіе: «Адская почта» Енина; «И то, и сію», «Парнасскій Цепетильникъ» Чулкова; «Смѣсъ»; «Поденщина»—Тузова и т. д.). Образцомъ служили иностранныя изданія подобнаго рода, особенно знаменитый «Spectator» Аддисона, изъ котораго русскіе правоописатели брали иногда цѣлкомъ. Всѣ эти изданія существовали недолго (1769—1770), и въ ихъ исторіи любопытно столкновение мнѣній между журналами Козницкаго (статьи имп. Екатерины) и Новикова. «Всякая Всячина» настаивала на умѣренномъ изображеніи пороковъ; «Трутенъ» искалъ суроваго изобличенія. Повидимому, это послѣднее вызвало недовольство императрицы, но въ 1772 г. Новиковъ началъ въ томъ же духѣ изданіе «Живописца», имѣвшаго большіе успѣхъ. На этотъ разъ Новиковъ хотѣлъ найти опору своей сатирѣ въ произведеніяхъ самой императрицы, посвящая свое изданіе автору комедій «О Время». Предметъ сатиры Новикова былъ частью давно уже намѣченъ—легкомысленное пристрастіе ко всему иностранному, взятки и казнокрадство; но было много новаго и сильнаго въ его живой сатирѣ, и если она часто не договаривала, ея сдержанность была видимо вынужденная. Онъ пріямѣ, чѣмъ кто-либо изъ тогдашнихъ писателей, возстаетъ противъ безобразій крѣпостнаго права и изображаетъ тяжелое положеніе крестьянъ; отъ

современной испорченности онъ обращается съ сочувствіемъ къ старинѣ и стариннымъ добродѣтелямъ. Первая комедія императрицы: «О время» и «Именины госпожи Ворчалкиной» (1772) имѣли большой успѣхъ, и это возбудило въ Екатеринѣ пристрастіе къ драматической формѣ, особливо къ комедіи. Ею написано до тридцати пьесъ, которыя не всѣ напечатаны: кромѣ комедій, это были оперы, послловицы и драматическія хроники изъ древней русской исторіи, въ подражаніе «Шакеспиру», которое, впрочемъ состояло только въ томъ, что пьесы писались «безъ соблюденія театральныя правила». Три комедіи, «Шаманъ сибирскій», «Обманщикъ» и «Обольщенный», направлены были противъ начинавшаго распространяться мистицизма и масонства; другія комедіи представляютъ довольно безобидную сатиру на нравовъ, востоящую противъ суевѣрія, ханжества, невѣжества и т. п. Пьесы не имѣли художественнаго значенія, но любопытны чертами быта и нравовъ. Затѣмъ императрица писала аллегорическія сказки—о царевичѣ Феѳѣ и царевичѣ Хлорѣ; собирала «выборныя россійскія пословицы»; составляла педагогическія книжки, «Были и небылицы»; писала «Записки» по древней русской исторіи, которую изображала оптимистически. Къ концу царствованія, настроеніе императрицы совершенно измѣнилось. Съ одной стороны, съ лѣтами остывалъ прежній философскій ея идеализмъ, съ другой, она была испугана взрывомъ французской революціи: тогда господствовало мнѣніе, что истиннымъ революціи была именно свободомыслиющая философія, которую нѣкогда императрица такъ ревностно поощряла. Это увеличило ея нетерпимость ко всякой свободной мысли. Не то мы видимъ въ началѣ правленія, когда, какъ сказано выше, ея великодушныя идеи, ея стремленія къ просвѣщенію и справедливости, въ болѣе образованномъ кругу оказали значительное и благотворное дѣйствіе на умы, что и обнаружилось небывалымъ прежде оживленіемъ литературы. Правда, основной фондъ литературнаго содержанія не былъ великъ; общество, которое до тѣхъ поръ жило только по официальнымъ указаніямъ, не могло вдругъ приобрести самостоятельности (хотя иногда думало, что имѣетъ ее), необходимому для нормальнаго развитія литературы; но во всякомъ случаѣ въ тѣсномъ кругѣ тогдашняго образованнаго общества началось извѣстное возбужденіе, и въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій XVIII вѣка успѣли даже выразиться нѣкоторыя особенныя направленія общественной мысли. Самымъ крупнымъ лицомъ въ области поэзіи былъ Г. Р. Державинъ (1743—1816), прославленный пѣвецъ Фелицы, поэзія котораго была предметомъ безусловнаго удивленія до временъ Пушкина, впервые ограничившаго прежнюю ея оцѣнку. Державинъ не сомнѣнно владѣлъ крупнымъ и оригинальнымъ талантомъ, который въ особенности подходилъ къ его задачѣ—превозносить боготворяемую имъ повелительницу, подвиги ея воинновъ, мудрость правленія,—а вмѣстѣ выказать свою нравственную философію, во вкусѣ вѣка, слегка скептическую, но не

весьма опредѣленную. Его дарованіе умѣло стать выше прежней, рутинной оды, какія писали его предшественники и продолжали писать современники: онъ внесъ въ оду извѣстную, конечно все-таки искусственную, простоту, которую приняли тогда за подлинную и которую онъ хотѣлъ дать натянутаго строю оды нѣкоторую естественность и реализмъ. Фантазія Державина была широкая и бурная, но слишкомъ часто ему вредилъ недостатокъ чувства мѣры; возвышенный тонъ переходилъ легко въ высокопарность и напыщенность. Знаменитая ода «Вотъ» казалась современникамъ вершиною поэзіи; въ дѣйствительности, въ ней слишкомъ много этой отвлеченной высокопарности и, можетъ быть, мало настоящего религиознаго чувства. Его философія была житейская философія вѣка: надо быть справедливымъ, честнымъ, но не очень заботиться о мудреныхъ вопросахъ и спѣшить пользоваться благами жизни. Какъ человѣкъ, онъ могъ внушать уваженіе, потому что въ разныхъ высокихъ положеніяхъ, какія онъ занималъ, онъ хотѣлъ стоять за правду, впрочемъ, портя эту заслугу неуживчивымъ самолюбіемъ. Свою поэзію онъ ставилъ очень высоко, но вмѣстѣ и крайне тѣсно и односторонне. Основа его теории была, по тогдашнему обычаю, псевдо-классическая, хотя смягченная нѣкоторыми новыми литературными вѣяніями: онъ обращался къ самымъ древнимъ классикамъ, зналъ нѣмецкихъ поэтовъ, увлекался Оссианомъ и подъ его влияніемъ находилъ «бардовъ у древнихъ славянъ». Но поэзія, въ его глазахъ, не есть независимая сила и творчество человѣческаго духа. Его предшественникъ Тредьяковскій изображалъ нѣкогда поэзію какъ пріятную забаву, которая можетъ служить въ литературѣ «фруктами и конфектами на богатый столъ по твердымъ кушаніямъ»; Державинъ восхвалялъ Фелицу за то, что поэзія любезна ей, «какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ». При этомъ несложномъ взглядѣ Державинъ не затруднялся «пріобрѣтать къ своему таланту», когда нужно было достигнуть какихъ-нибудь личныхъ выгодъ хвалебной одой сильному человѣку. Такъ, рассказываютъ онъ самъ въ своихъ запискахъ, изъ которыхъ мы узнаемъ, что Екатерина была очень довольна изображеніями Фелицы, написанными тогда, когда Державинъ былъ еще далекъ отъ двора. Въспомогдствію, когда онъ находился уже въ ея ближайшей обстановкѣ, она «неоднократно, такъ сказать, прашивала его, чтобы онъ писалъ въродѣ оды Фелицы», но онъ не написалъ, потому что не было уже «воспламененія», когда онъ ближе узналъ характеръ и факты правленія. Недостатокъ вкуса сказзлся у Державина особенно въспомогдствію, когда онъ, въ старые годы, писалъ свои нескладныя драматическія произведенія. Во времена Екатерины, когда дѣйствительно совершались громкія военныя и политическія дѣла, ода могла еще сохранять свой смыслъ не только какъ придворное привѣтствіе, но и какъ популярное истолкованіе событій, и оды писали почти всѣ сколько нибудь замѣтные писатели, даже тотъ И. И. Дмитріевъ (1760—1837), который въ сатирѣ «Чужой

толкъ», составившей ему великую славу, осмѣивала одонисцевъ. Едва-ли не самыми нелѣпыми, по уродливой напыщенности, были оды также славнаго въ свое время стихотворца В. П. Петрова (1735—1799). Какъ образецъ легкой шутливой поэзіи славилась «Душенька», поэма И. Ѳ. Богдановича (1743—1803), которую восхвалялъ еще и Карамзинъ: это была передѣлка старинной повѣсти Лафонтена, взятая изъ Апулея. Поэма Богдановича написана тяжело, ея остроуміе грубовато, и успѣхъ ея доказываетъ только, какъ мало еще былъ развитъ вообще художественный вкусъ: немногое было нужно, чтобы понравилась новинка, покинувшая напыщенную риторикѣ обыкновеннаго стихотворства для шутки и забавы. Въ первые годы царствованія Екатерины выступилъ писатель, получившій крупное значеніе въ русской литературѣ—Д. И. Фонъ-Визинъ (1744—1792), въ особенности оригинальный въ двухъ своихъ комедіяхъ: «Вригадиръ» и «Недоросль». Это были первая комедія съ настоящимъ русскимъ бытовымъ содержаніемъ и живымъ, реальнымъ языкомъ. Какъ вообще литературныя формы того времени были скопированы главнымъ образомъ съ французскихъ, такъ и въ комедіяхъ Фонъ-Визина очевидно вліяніе французскихъ образцовъ, не только въ приемахъ постановки, но и въ подробностяхъ (такъ напримѣръ съ французскаго взято извѣстное, повидимому, чисто-русское разсужденіе г-жи Простаковой о географіи); но въ нихъ были, однако, и подлинныя русскія черты, что и доставило имъ въ свое время великій успѣхъ. Фонъ-Визинъ хотѣлъ быть не только комикомъ, но и моралистомъ; самую слабую часть его комедій составляютъ разсужденія добродѣтельныхъ лицъ, но и тѣ въ свое время нравились, потому что это были начатки сужденій объ общественной нравственности и XVIII в. любилъ вообще разсуждать о морали. Фонъ-Визинъ осуждалъ дурное воспитаніе, но оставались неясны средства воспитанія хорошаго; онъ осуждалъ пристрастіе къ французскому языку и перениманіе французскихъ обычаевъ, но причины этой подражательности опять не видны. Нѣсколько разъ онъ былъ за границей и съ великимъ сомнѣніемъ и грубыми насмѣлками говорилъ о французскомъ обществѣ, нравахъ, даже литературѣ (забывая, сколько самъ былъ послѣдней обязанъ): это не лучшая черта его литературной дѣятельности. Ко второй половинѣ царствованія Екатерины драматическая литература очень развилась. Еще дѣйствовали Сумароковъ; его продолжателемъ въ драмѣ явился Я. Б. Книжничъ (1742—1791), «перемичивый», по вѣрному замѣчанію Пушкина, усердно слѣдовавшій псевдо-классическимъ образцамъ; его трагедіи («Дидона», «Дрополкъ и Владимиръ», «Владисавъ», «Титово милосердіе»), составившія его славу у современниковъ, повторяли, даже просто переводили Расина, Корнея, Вольтера, Метастазія и пр.; не болѣе самостоятельны были его комедіи—передѣлки съ чужихъ образцовъ, которые, впрочемъ, Книжничъ старался приноровлять къ русскимъ нравамъ, хотя все-таки не умѣлъ удалять условностей французской комедіи (интриганъ-слуга

и т. п.). Нелѣпость простаго повторенія французской комедіи, какъ это бывало у Сумарокова, давно уже указывалъ В. И. Лукинъ (1737—1794), который въ своихъ комедіяхъ, все-таки заимствованныхъ съ французскаго, дѣлалъ опыты такихъ переложеній на русскіе нравы. За псевдо-классической комедіей перешла теперь и «мѣщанская комедія»: еще при жизни Сумарокова была переведена «Евгенія» Бомарше, и хранитель «русскаго Парнасса» съ великимъ негодованіемъ обрушился на этотъ новый «пакостный родъ слезныхъ комедій». Тѣмъ не менѣе онъ утвердился и даже сталъ модой, потому что, вмѣстѣ съ «комической оперой», все-таки расширялъ область драмы и давалъ мѣсто изображеніямъ народной жизни. Къ этому роду принадлежатъ нѣкоторые пьесы имп. Екатерины, «Анюта» Михаила Попова (1772), пьесы М. Матинскаго, «Мельникъ» А. О. Аблесимова (1742—1783), Прокудина-Горскаго; «Яга-Баба» и «Калифъ на часъ», кн. Д. Горчакова. Въ концѣ столѣтія пользовались большою извѣстностью пьесы М. И. Веревкина (1733—1795), у котораго есть черты настоящаго комизма и вѣрнаго изображенія нравовъ, Д. В. Ефимьева (1768—1804), А. И. Клушина (1780—1804), издававшій сатирическій журналъ «С.-Петербургскій Меркурій», П. А. Плавильщикова (1759—1812), знаменитаго въ свое время актера, а также образованнаго писателя. Въ смыслѣ общественномъ, единственнымъ послѣ Фонъ-Визина крупнымъ произведеніемъ тогдашней комедіи была «Ябеда», въ стихахъ, В. Я. Капниста (1757—1824). Это былъ по своему времени весьма образованный и остроумный человѣкъ, съ общественными интересами, любитель латинской поэзіи, другъ Державина. Его «Ода на рабство» (противъ рабства) могла быть напечатана только въ 1806 г., въ его «Лирическихъ стихотвореніяхъ». «Ябеда», то разрѣшаемая, то запрещаемая при имп. Павлѣ, была представлена въ первый разъ въ 1798 и потомъ явилась вновь на сценѣ уже при Александрѣ I. Это—весьма яркая и желчная картина старинной, общепринятой судейской продажности и крючкотворства. Въ подражаніе «Ябедѣ» написана была комедія Судовщикова, «Неслыханное диво, или честный секретарь». Также потребность ввести въ литературу изображеніе русскаго быта вынудила Василю Майкову (1728—78) комическую поэму «Елисей или раздраженный Вахъ»: изображенія весьма грубоваты, но многое изъ народнаго быта и языка схвачено удачно. Нѣкоторымъ изслѣдователямъ казалось, что подобныя произведенія представляютъ особое народное направленіе въ литературѣ временъ Екатерины, въ отличіе отъ подражательнаго: въ дѣйствительности этого не было, потому что нерѣдко одни и тѣже писатели могли быть причислены къ обоимъ направленіямъ. Вниманіе къ народной жизни, заботы о введеніи въ литературу національнаго элемента начинаются, притомъ, съ первыхъ шаговъ новой литературы: Тредьяковскій указываетъ основу для правительнаго русскаго стихосложенія въ народной поэзіи; Сумароковъ, при всемъ желаніи быть русскимъ, Расиномъ и Вольтеромъ, усиливается писать

пѣсни въ народномъ стилѣ; Ломоносовъ болѣе серьезно ставилъ вопросъ о народной жизни въ «Запискѣхъ о разномысліи русскаго народа»; въ сатирическихъ журналахъ конца шестидесятихъ и начала семидесятихъ годовъ («Трутенъ» и «Живописецъ» Новикова) находятся эпизоды, которые говорятъ объ интересѣ къ народной жизни и вѣрномъ ея пониманіи и т. д. Однимъ изъ любознѣйшихъ свидѣтельствъ этого интереса къ народности являются съ конца семидесятихъ годовъ многочисленные пѣсенники, начиная въ особенности съ знаменитаго пѣсенника Чулкова (позднѣе, Новиковскій). Въ дѣйствительности народная пѣсня продолжала жить даже въ быту высшихъ классовъ, повидимому, безъ перерыва отъ временъ московской старины: простота нравовъ, жизнь въ помѣстьяхъ среди народа, недостатокъ другихъ развлеченій дѣлали народную пѣсню въ ея живомъ подлинномъ видѣ весьма любимымъ удовольствіемъ, которое приносилось и въ барскій бытъ въ столицахъ. При дворѣ имп. Елизаветы бывали официальные пѣсенники, были даже придворный малорусскій бандуристъ; въ среднемъ кругу это было также любимое удовольствіе. По всей вѣроятности, существовали издавна письменные сборники; такимъ былъ, въ первой половинѣ столѣтія, знаменитый сборникъ Кирши Данилова. Сборникъ Чулкова, гдѣ, рядомъ съ русскими, помѣщены и малороссійскія пѣсни, повидимому имѣлъ въ основѣ сборникъ рукописный. Искусный стихотворецъ въ ложно-классическомъ родѣ, И. И. Дмитриевъ, издалъ также сборникъ народныхъ пѣсень, постаравшись, впрочемъ, выгладить (т. е. испортить) ихъ по книжному стилю; въ 1790 г. явился извѣстный сборникъ пѣсень Праща, гдѣ онѣ были положены на музыку; на народный стиль покушались даже Державинъ. Очевидно, въ этомъ вкусѣ, для котораго не могло быть иностранныхъ образцовъ, сказывалось инстинктивное влеченіе къ народнымъ элементамъ поэзіи; въ періодъ предполагаемой «оторванности отъ народа» онъ былъ прямымъ ея опроверженіемъ. Эти влеченія къ народному вообще не были тогда формулированы, но они представляли постоянно дѣйствовавшую силу, которая, съ успѣхами науки и литературы, расширялась и въ началѣ новаго вѣка стала определенной и сознательной. Какъ историческая наука съ восемнадцатаго вѣка возстановляла древность, забывая въ московскомъ періодѣ, такъ этотъ интересъ къ народности собиралъ изъ устъ народа и мало по малу вводилъ въ литературу ту народную поэзію, которая въ старомъ періодѣ, съ ХІ в. и до второй половины ХVІІ в., даже во времена тишайшаго царя Алексѣя Михайловича, предавалась только проклятію и истребленію.— Въ числѣ общественныхъ и литературныхъ явленій, вызванныхъ упомянутымъ умственнымъ возбужденіемъ въ правленіе Екатерины, особенно выдвинулось движеніе масонское. Такъ называемый масонскій «орденъ» возникъ, какъ дѣятельное общественное явленіе, въ началѣ ХVІІІ в. въ Англіи. Каково-бы ни было его происхожденіе, онъ пріобрѣлъ тогда характеръ замкнутого общества, принявшаго своимъ принципомъ лич-

ное нравственное совершенствованіе, помощь братьямъ, христіанское благочестіе, но съ полною терпимостью ко всѣмъ христіанскимъ исповѣданіямъ. Общество настаивало на глубокой тайнѣ своихъ ученій и обрядовъ; члены общества узнавали другъ друга по особымъ знакамъ; въ собраніяхъ—«ложахъ»—совершались символическіе обряды. Орденъ, имѣвшій форму собранія рабочихъ каменщиковъ, возродить свое начало къ строенію Соломонова храма, отъ временъ котораго велось, будто бы, прданіе масонскаго ученія и символическаго обряда. Изъ Англіи масонство мало по малу распространилось, въ видѣ тайныхъ обществъ, по всѣмъ странамъ Европы, вездѣ удерживая свою таинственность, тѣсную солидарность «братьевъ», но въ концѣ концовъ видоизмѣняя свои ученія. Такъ называемое «англійское» масонство всего болѣе сохранило первоначальную простоту; нѣсколько болѣе сложно было «шотландское»; въ своихъ дальнѣйшихъ развитіяхъ на материкѣ масонство все болѣе осложнялось новыми прибавками, т. е. выдумками въ ученіи и обрядахъ. Для выдумокъ было достаточно поводовъ уже въ предполагаемой библейской древности ордена: развивалась съ одной стороны обрядность, придумывались новые высокочерные титулы начальствующихъ «братьевъ»; преданіе о сохраненіи ордена со временъ Соломонова храма разрабатывалось привлеченіемъ сюда же таинствъ египетскихъ, халдейскихъ, греческихъ и т. д.; принято было, что хранителями орденовой тайны были въ средніе вѣка рыцари храма (отсюда масонское «тампьерство») и пр. Такъ какъ религіозное ученіе ордена отдалялось отъ официальной церкви, допуская напримѣръ, полную терпимость, не придавая значенія церковной обрядности и противопоставляя ей свою собственную, то являлся также большой просторъ для развитія символизма и мистики. Наконецъ, въ число хранителей орденовой тайны были включены средневѣковые мистики и алхимики, и во второй половинѣ ХVІІІ стол., всего больше въ Германіи, развилась особая форма масонства, подъ названіемъ «розенкрейцера» или братства Розоваго креста (Rosenkreuzer, Rose-Croix).. Начало русскаго масонства, по преданію, относится къ временамъ Петра Великаго; болѣе достоверны извѣстія о русскаихъ масонахъ при имп. Анніи и Елизаветѣ; но главнымъ образомъ распространеніе масонскихъ ложъ, и весьма значительное, относится ко временамъ Екатерины ІІ. Первымъ ревностнымъ ихъ адептомъ сталъ извѣстный кабинетъ-секретарь и частью литературный сотрудникъ императрицы И. П. Елагинъ, который вступилъ въ сношенія съ главнѣйшей англійской ложей въ Лондонѣ и получалъ отъ нея титулъ гротмейстера русскаго провинціальной ложи. Подъ его управленіемъ ложи стали размножаться, особенно въ Петербургѣ и въ Москвѣ; самъ онъ ревностно предавался дѣлу, старался собрать свѣдѣнія объ ученіяхъ ордена, о существующихъ «системахъ», которыхъ было тогда уже много, наконецъ, усиливая объединить свои познанія въ цѣлое и составилъ большое сочиненіе объ исторіи ор-

дена, которая должна была вмѣстѣ дать его вѣрученіе. Работа предназначалась, конечно, только для «братевъ», составляла тайну и не могла быть издана. Это—наивная комплиция всякой таинственной премудрости, символики и мистицизма, какую Елагинъ могъ набрать изъ книжныхъ и рукописныхъ масонскихъ источниковъ, особенно, кажется, французскихъ. Въ разгаръ движенія, когда уможалась ложь и въ нихъ проникали разные «спстемы», когда русскіе «братья» ревностно заботились о прочномъ установленіи ордена на русской почвѣ, онъ усиленно старался привлечь въ свой кругъ даровитаго человѣка, на котораго видимо возлагали большія надежды для своего дѣла. Это былъ Н. И. Новиковъ (1744—1818). Съ обычнымъ скуднымъ образованіемъ того времени, но съ живымъ дѣльнымъ умомъ, Новиковъ рано обратилъ на себя вниманіе, работалъ при комиссіи о составленіи Уложенія и былъ великимъ поклонникомъ либеральныхъ начинаній императрицы. Въ 1769—1770 г. онъ издавалъ сатирическій журналъ «Трутевь», въ 1772—1773 г.—«Живописецъ», и въ скромныхъ рамкахъ тогдашней сатиры успѣлъ высказать серьезное пониманіе положенія русской жизни, не всегда сходное съ господствовавшимъ тогда панегирикомъ, къ которому императрица успѣла привыкнуть. Эти изданія Новикова прекратились, вѣроятно, не по его доброй волѣ. Въ семидесятыхъ годахъ онъ предпринялъ сложныя и дорогостоящія изданія матеріаловъ для русской исторіи («Древняя Россійская Виллоенка» и др.), издалъ «Опытъ историческаго словаря о Россійскихъ писателяхъ», первый нѣсколько обширный опытъ исторіи литературы. Въ тѣ же годы онъ задумалъ учрежденіе народныхъ школъ на частныя средства и успѣлъ привлечь къ этому дѣлу участіе общества. Этотъ ученый по тогдашнему человѣкъ, любитель просвѣщенія, филантропъ и организаторъ казался необходимымъ для масонскаго дѣла, и Новиковъ дѣйствительно былъ привлеченъ въ орденъ. Въ началѣ онъ отнесся къ дѣлу очень осторожно, но потомъ ревностно предался ему, встрѣтивъ людей, раздѣлявшихъ его просвѣтительные взгляды. Въ 1779 г. онъ перѣѣхалъ въ Москву и развивъ здѣсь обширную издательскую и образовательную дѣятельность. Дружба съ И. Е. Шварцемъ (ум. въ 1784 г.), профессоромъ московскаго университета и мистическимъ идеалистомъ, окончательно увлекла Новикова въ это направленіе. Вмѣстѣ они учредили «Дружеское общество», къ которому примкнуло много вліятельныхъ масоновъ и которое, кромѣ изданія книгъ, брало на себя задачи воспитанія: въ молодомъ кружкѣ, который учился и работалъ подъ руководствомъ Дружескаго общества, былъ одно время Карамзинъ и рано умершій другъ его, А. А. Петровъ. Эта дѣятельность Новикова возбудила крайнюю подозрительность имп. Екатерины. По складу своего ума она не понимала ничего идеальнаго и мистическаго; кромѣ того ей не нравилась самостоятельная мысль и дѣятельность, ускользавшая отъ контроля; въ предпріятіяхъ Новикова она осуждала (серьезно или не серьезно)

аферу, а главное—подозрѣвала политическіе замыслы, которыхъ не было. Предпріятія Новикова были уничтожены, имущество основанной имъ Типографической компаніи конфисковано, онъ самъ заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, изъ которой былъ освобожденъ лишь при вступленіи на престолъ имп. Павла. Къ кругу Новикова принадлежалъ въ Москвѣ писатель нѣсколько стараго поколѣнія, М. М. Херасковъ (1733—1807), въ тѣ времена кураторъ московскаго университета. Это былъ плодовитый стихотворецъ, лирикъ, драматургъ и эпикъ. Знамениты были у современниковъ его поэмы «Россіада», воспѣвавшая завоеваніе Казани Іоанномъ Грознымъ, и «Владимиръ», изображавшая крещеніе Руси. Въ своихъ фантастико-историческихъ повѣстяхъ, какъ «Нума Помпилій или процвѣтающій Римъ» (1768), онъ изображаетъ господство разума и добродѣтели въ идеальномъ государствѣ; защищая внутреннюю религію отъ ханжества, онъ обличается со взглядами масонства, къ которому впослѣдствіи прислалъ. Это былъ лично достойный человѣкъ, немного простодушный любитель литературы, одобрявшій первые опыты Фонъ-Визина и Державина, а потомъ Карамзина и Жуковскаго. Тѣмъ же философско-правовучительнымъ характеромъ отличается недавно изданное фантастическое «Путешествіе въ землю Офриску» князя М. М. Щербатова (1733—90). Главнымъ трудомъ этого писателя была многотомная «Исторія Россійская», только недавно правильно оцененная: она написана тяжело, но, по признацію новѣйшей критики, была въ значительной мѣрѣ опорой для «Исторіи» Карамзина. Щербатовъ держался своеобразнаго взгляда: въ разсужденіи «О поврежденіи нравовъ въ Россіи»,—изданномъ также только въ новѣйшее время,—онъ является противникомъ крутой реформы Петра, и ея измѣненіемъ приписываетъ поврежденіе нравовъ своего времени; но этотъ любитель благочестивой старины былъ также человѣкъ французскаго образованія и въ извѣстной мѣрѣ свободомыслящій. Въ «Путешествіи» онъ даетъ картину идеальнаго государства, которая была, вмѣстѣ съ тѣмъ, критикой государства наличнаго: религія Офриску земли—деистическая; духовной касты нѣтъ; нравы—простыя и строгіе, законъ свято соблюдается; императоръ не чуждается простыхъ людей и всегда можетъ знать объ истинномъ положеніи государства. Судьба, подобная судьбѣ Новикова, постигла другого оригинальнаго писателя той эпохи, А. Н. Радищева (1749—1802). Получивъ высшее образованіе за границей, въ лейпцигскомъ унив., Радищевъ былъ охваченъ тѣмъ разнообразнымъ броженіемъ, какое отличало европ. литературу конца вѣка. Въ своей книгѣ: «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» (1790) онъ примѣнялъ къ русской жизни философскія идеи объ общественной справедливости, о человѣческомъ правѣ и достоинствѣ и т. п., и рядомъ съ теоретическими разсужденіями помѣстилъ рядъ картинъ изъ русскаго народнаго быта, гдѣ, между прочимъ, обличалъ ужасы крѣпостнаго права. Екатерина II, въ концѣ царство-

ванія встревоженная событіями французской революціи, увидѣла въ книгѣ Радицева настоящую опасность для государства: онъ «хуже Франклина», писала она; она сравнивала его съ Пугачевымъ, сама занялась обличеніемъ его преступленій и передала его въ распоряженіе извѣстнаго слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ Шешковскаго, а затѣмъ суду. Судъ приговорилъ Радицева къ смертной казни, замѣненной ссылкой въ Сибирь. Возвращенный при имп. Павлѣ и снова поступивъ на службу при Александрѣ I, онъ сталъ опять опасаться преслѣдованія и отравился. Вступленіе на престолъ Александра I встрѣчено было съ величайшимъ энтузіазмомъ. Послѣ только что пережитыхъ тяжелыхъ послѣдствій лѣтъ личності новаго императора, исполненнаго вѣрующими наміреніями, подавала самыя широкія надежды. Дѣйствительно, первые годы принесли не мало правительственныхъ мѣръ, производившихъ отрадное впечатлѣніе на общество. Позже это впечатлѣніе нѣсколько охладѣло, но война двѣнадцатого года и затѣмъ войны за освобожденіе Европы создали необычайное возбужденіе, которое различными образомъ отразилось на литературѣ. Европейская реакція, наступившая послѣ вѣнскаго конгресса и установленія священнаго союза и отразившаяся у насъ господствомъ Аракчеева и обскурантовъ, опять подѣйствовала гнетущимъ образомъ, но прежнія патріотическія возбужденія въ публичномъ кругѣ общества еще усилились подъ впечатлѣніемъ либеральныхъ движеній въ Европѣ. Около 1820 г. въ русскомъ обществѣ, какъ никогда прежде, стали распространяться идеи западнаго либерализма, и такъ какъ онѣ не могли найти выраженія въ литературѣ и общественной дѣятельности, то стали искать пріюта въ тайныхъ обществахъ («Союзъ благоденствія»). Это возбужденіе отразилось потомъ въ первыхъ произведеніяхъ Пушкина.

На переходѣ отъ XVIII в. къ XIX-му самымъ крупнымъ лицомъ литературы былъ Н. М. Карамзинъ (1766—1826). Въ своей ранней молодости онъ провелъ нѣсколько лѣтъ подъ вліяніемъ «Дружескаго общества», гдѣ, въ дружбѣ съ упомянутымъ выше Петровымъ, приобрѣлъ значительное литературное образованіе и интересовался нравственными вопросами. Сентиментальное направленіе было воспринято имъ какъ готовое внушеніе западной литературы. Задатки его давала уже мистическая философія круга Новикова: въ этой мистикѣ была наклонность къ деизму, къ угадыванію законовъ «натуры», къ самоуглубленію, къ внутренней жизни души. Затѣмъ открывалось обширное вліяніе западной литературы — Руссо и его послѣдователей французскихъ и нѣмецкихъ, англійскаго романа Ричардсона, юмора Стерна. Карамзинъ, по природѣ склонный къ чувствительности и меланхолиі, жадно воспринималъ эти вліянія. Первымъ крупнымъ произведеніемъ его были «Письма русскаго путешественника». Свое путешествие онъ совершалъ въ 1789—90 г.; онъ проѣхалъ Германію, Швейцарію, Францію и Англію и, живя въ Парижѣ, видѣлъ

первые волненія революціи. Тонъ «Путешествія» — сентиментальный, иногда съ легкой шуткой, но въкусъ Стерна; авторъ съ увлеченіемъ описываетъ красоты природы, съ любознательностью присматривается къ правамъ. Интересъ книги возвышался особенно разсказами о литературной жизни Европы. Карамзинъ считалъ долгомъ посѣщать знаменитыхъ писателей и въ первый разъ въ русской литературѣ давалъ живыя свѣдѣнія о дѣйствующихъ лицахъ европейскаго просвѣщенія. Не менѣйшій успѣхъ имѣли сентиментальныя повѣсти Карамзина, какъ знаменитая «Бѣдная Лиза», и повѣсти историческія, въ которыхъ проявляется уже сентиментальная риторика будущей «Исторіи». Конечъ вѣка въ западной литературѣ наполненъ былъ реакціей противъ сухой разсудочной философіи. Возникла потребность въ идеализмѣ, въ узаконеніи непосредственной жизни сердца, въ мечтательномъ общеніи съ «натурой»; простая дѣйствительность забывалась, и Карамзинъ, въ своихъ увлеченіяхъ, воображалъ себя «республиканцемъ»; на самомъ дѣлѣ въ общественныхъ и политическихъ вопросахъ онъ былъ въ полной мѣрѣ консерваторомъ. Онъ былъ самымъ даровитымъ представителемъ сентиментальнаго направленія и сталъ у насъ главою школы, гдѣ, рядомъ съ нимъ, стоятъ еще Дмитриева и Озерова. Было много второстепенныхъ писателей этого направленія: В. С. Подшиваловъ (1765—1813), питомецъ Дружескаго Общества; В. В. Измайловъ (1773—1830), поклонникъ Руссо, издатель «Вѣстника Европы» и «Россійскаго Музеума», гдѣ появлялись первыя стихотворенія Пушкина; кн. П. И. Шаликовъ (1768—1852), доводившій чувствительность до каррикатуры, дѣлавшей смѣшнымъ все направленіе; В. Л. Пушкинъ (1770—1830), дядя поэта, великій поклонникъ Карамзина, лопавшій за него копыя противъ Шишкова, авторъ очень извѣстнаго въ свое время «Опаснаго соѣда». Въ свое время очень цѣнили А. П. Беницкого (1780—1809), образованнаго, остроумнаго писателя и прекраснаго стилиста. А. Е. Измайловъ (1779—1831), сначала сентиментальный повѣствователь, извѣстенъ былъ потомъ какъ издатель журнала «Благонамѣренный» и какъ баснописецъ, не безъ остроумія, впрочемъ, грубоваго. Старомодный поэтъ, кн. Ив. М. Долгорукий (1764—1823; «Бытіе сердца моего», «Канище моего сердца») былъ противникомъ сентиментальнаго направленія. Немалой заслугой Карамзина были его журналы («Московский Вѣстникъ», «Вѣстникъ Европы») по разнообразію содержанія, въ которое онъ вносилъ и вопросы политическіе. Наконецъ, онъ совсѣмъ устранился отъ литературной дѣятельности, отдавшись новому труду, который составилъ его главную славу. Первые восемь томовъ «Исторіи Государства Россійскаго», вышедшіе въ 1816 г., были рѣдкимъ событіемъ въ исторіи нашей литературы. Въ первый разъ русская исторія излагалась талантливымъ, уже знаменитымъ писателемъ, вооруженная многосторонними изслѣдованіями, но вмѣстѣ въ красивой, общедоступной формѣ, въ тонѣ національной гордости и съ сенти-

ментальным краснорѣчіемъ, которое должно было особенно дѣйствовать въ популярномъ чтеніи (въ цѣломъ «Исторія» доведена до 1611 г.; двѣнадцатый томъ ея, по смерти автора, былъ изданъ Влудовымъ). Успѣхъ книги былъ необычайный: «Исторія» была настоящимъ отравленіемъ для массы общества, которая не знала прежнихъ, нерѣдко тяжелыхъ изслѣдованій и всю постройку историческаго зданія приписывала одному Карамзину. Еще при жизни его, однако, началась критика (Арцыбашевъ, Полевой, Лелевель и др.), а молодой либеральный кругъ находилъ исторію слишкомъ консервативною и неправильно представлявшей происхождение русскаго государства. Нѣсколько позднѣе Н. Полевой издалъ нѣсколько томовъ «Исторіи русскаго народа», какъ-бы въ противовѣсъ точки зрѣнія Карамзина. Гораздо позже стала извѣстна «Записка о древней и новой Р.», важная для опредѣленія политическихъ взглядовъ Карамзина: онъ осуждалъ реформу Петра Великаго и либеральныя начинанія имп. Александра I. Новѣйшая критика указала, въ какой большой степени Карамзинъ опирался на своихъ предшественниковъ: нѣмецкихъ, какъ Байеръ, Шлѣцеръ, Стриттеръ, Миллеръ, и русскихъ, какъ Татищевъ, Болтинъ и особенно князь Щербатовъ. Карамзинъ имѣлъ большое значеніе и какъ преобразователь литературнаго языка. Здѣсь онъ встрѣтилъ ожесточеннаго противника въ адмиралѣ А. С. Шишковѣ (1754—1841). Этого авторъ «Разсужденія о старомъ и новомъ слоgѣ русскаго языка» былъ великій приверженецъ «старого», т. е. церковно-славянскаго слога. Онъ обвинялъ Карамзина и его послѣдователей въ порчѣ языка, въ нарушеніи завета отцовъ и даже въ недостаткѣ патриотизма, когда они хотѣли приблизить литературный языкъ къ разговорной рѣчи, избѣгали тяжелой славянщины, не пугались словъ иностранныхъ и стремились сообщить языку изящество и легкость. Нападенія Шишкова породили цѣлую литературу. Самъ Карамзинъ не мѣшался въ полемику, которую повели его приверженцы, въ особенности П. И. Макаровъ (1765—1804) и Д. В. Дашковъ (1788—1839). Отразить нападенія даже въ то время было не особенно трудно. Шишковъ предполагалъ, что церковно-славянской и русской—одинъ языкъ, и не понималъ, что языкъ необходимо измѣняется съ ходомъ исторіи и распространеніемъ новыхъ понятій. Партіи выдѣлились въ два кружка: «Бесѣды любителей русскаго слова» и русскаго академіи, гдѣ Шишковъ былъ президентомъ и гдѣ исповѣдывалось его ученіе, и образовавшагося нѣсколько позднѣе «Арзамаса», гдѣ собралось новое поколѣніе писателей и предметомъ почитанія былъ Карамзинъ (участниками были Жуковский, Батюшковъ, Дашковъ, А. Тургеневъ, Влудовъ, кн. Вяземскій и др., подъ конецъ и юный Пушкинъ). Споръ о старомъ и новомъ слоgѣ былъ послѣдней стадіей въ установленіи независимости русскаго литературнаго языка: въ литературѣ послѣ-Петровской, которая впервые становилась свѣтскою, самъ собою возникалъ вопросъ о правѣ русскаго литера-

турнаго языка и объ его отношеніяхъ къ церковно-славянскому. Рѣшеніе, въ первый разъ данное Ломоносовымъ, завершилось Карамзинымъ и его товарищами и получило фактическую силу въ произведеніяхъ новаго поколѣнія писателей: во главѣ его стоялъ Пушкинъ. Впослѣдствіи, впрочемъ, Шишковъ помирился съ Карамзинымъ: Россійская академія присудила послѣднему золотую медаль за его «Исторію». Арханизмъ Шишкова привлекалъ немногихъ; къ нему примыкали писатели стараго классическаго направленія и противники литературныхъ нововведеній. Таковы были, напр., кн. Д. П. Горчаковъ (1758—1824), извѣстный своими сатирами, Н. М. Шатовъ (1765—1841), кн. С. А. Ширинскій-Шихматовъ (въ монашествѣ Аникита, 1783—1837). Въ старомъ классическомъ складѣ писали сатирики А. Н. Нахимовъ (1782—1815) и М. В. Милоновъ (1792—1821); въ началѣ своей дѣятельности былъ послѣдователемъ Шишкова и противникомъ Карамзина и плодотворный драматургъ кн. А. А. Шаховской (1777—1846), впослѣдствіи обратившійся къ романтизму.

Школа Карамзина была недолговѣчна: стали бросаться въ глаза смѣшныя стороны чувствительности, не имѣвшей, притомъ, ни цѣннаго поэтическаго, ни общественнаго содержанія; а главное—въ поэзіи явились гораздо болѣе значительныя силы и съ болѣе жизненнымъ направленіемъ. Въ началѣ столѣтія открылась поэтическая дѣятельность В. А. Жуковскаго (1783—1852). Его первое литературное образованіе проходило въ Благородномъ пансіонѣ при московскомъ университетѣ, который по своему воспитательному складу былъ продолженіемъ «Дружескаго общества». Въ университетѣ и пансіонѣ дѣйствовали еще личные друзья и послѣдователи Новикова (И. П. Тургеневъ—отецъ Николай и Александръ Тургеневы, М. М. Херасковъ, А. А. Прокоповичъ-Автонскій и др.). Атмосфера была нравственно-философская и литературная; здѣсь образовались, отчасти по врожденнымъ наклонностямъ характера, отчасти по литературнымъ влияніямъ, мечтательно-романтическіе вкусы, которымъ Жуковский остался вѣренъ на всю жизнь. Его первыя стихотворенія, гдѣ онъ уже черпалъ изъ западноевропейской романтики, обратили на себя вниманіе тонкостью чувства и «сладостью стиха». Его имя стало знаменитымъ, когда въ двѣнадцатомъ году былъ написанъ «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ», исполненный патристическимъ одушевленіемъ. Современники не замѣчали странности формы, гдѣ русскіе воины являлись въ классическихъ вооруженіяхъ и въ романтическомъ освѣщеніи: классическая условность еще не была забыта, къ романтической начинали привыкать. «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ» и другое подобное стихотвореніе изъ той же поры, а также стихотвореніе по поводу взятія Варшавы, были почти единственными отзывами поэзіи Жуковскаго на современную жизнь; она витала обыкновенно только въ мірѣ личнаго чувства, въ меланхолическихъ мечтахъ. Очень много поэтическаго труда Жуковский положилъ на усвоеніе русской лите-

ратурѣ западнаго романтизма. Подъ конецъ жизни онъ перевелъ Одиссею, по изгнѣнному для него нѣмецкому подстрочному переводу. Его поэзія отвѣчала личнѣй характеръ, мягкій и доброжелательный; нѣжное чувство притягивало его къ Пушкину, которому онъ оказывалъ немалыя услуги. Последніе годы жизни онъ провелъ за границей; религиозно-мистическое настроеніе сближало его съ Гоголемъ. Отъ новѣйшаго литературнаго круга онъ былъ далекъ. Въ ходѣ литературнаго развитія Жуковский, кромѣ переводныхъ трудовъ, всегда изящныхъ и расширявшихъ горизонтъ русской поэзіи, имѣлъ еще заслугу высокаго пониманія сущности поэзіи. Его опредѣленіе поэзіи отвѣдало всему его міровоззрѣнію; его религиозное чувство было всегда окрашено мистической мечтательностью; онъ сливалъ жизнь земную и загробную—тамъ откровеніе тайны, отсюда идутъ высокія внушенія. Поэзія «есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли», и съ другой стороны «поэзія есть добродѣтель». Опредѣленіе было слишкомъ личное, но во всякомъ случаѣ ставившее поэзію въ самыя высокія сферы нравственной жизни. Младшимъ современникомъ Жуковского былъ К. Н. Вятковъ (1787—1855), но его литературное поприще было прервано слишкомъ рано и печально душевной болѣзью, въ которой онъ прожилъ послѣдніе десятии лѣтъ своей жизни. Это было живое и разнообразное дарованіе, не успѣвшее развиться до полной самобытности. Въ своей поэзіи онъ все еще находится въ зависимости отъ европейскихъ образцовъ, старыхъ и новыхъ; но онъ вдмывался въ чужую поэзію, самъ увлекался ею и то, что было бы раньше простымъ подражаніемъ, становилось его искреннимъ, иногда глубокимъ увлеченіемъ. Была у него особенность и въ выработкѣ стиха; здѣсь, вмѣстѣ съ Жуковскимъ, онъ былъ непосредственнымъ предшественникомъ Пушкина. Болѣе свѣжая атмосфера общественной жизни въ царствованіе Александра I, хотя испорченная, позднѣе, возвратомъ реакціи, отозвалась большимъ оживленіемъ литературныхъ интересовъ. Въ это время составили свою славу И. А. Крыловъ (1768—1844). Онъ началъ свое литературное поприще еще во времена Екатерины комедіями и сатирическимъ журналомъ, средняго достоинства и успѣха, и лишь въ зрѣлыя годы остановился на томъ родѣ, который именно отвѣчалъ его таланту. Частію онъ пересказывалъ традиціонныя сюжеты басенъ, но много также написалъ оригинальныхъ и съ первыхъ шаговъ на этой дорогѣ превзошелъ своихъ предшественниковъ, Хемницера и Дмитріева. У него остается еще ложно-классическая манера, но вмѣстѣ съ тѣмъ много живого остроумія, знанія русскаго быта и языка. По общему складу міровоззрѣнія это, былъ человѣкъ разсудка, довольно равнодушный къ волненіямъ жизни, какія совершались вокругъ него, недѣловчивый къ увлеченіямъ, было ли ихъ предметомъ общественное благо, наука и т. п.; это была умѣренность, но и скептицизмъ, который въ концѣ концовъ не внушаетъ сочувствія. Другимъ весьма извѣстнымъ и почи-

таемымъ писателемъ того времени былъ Н. И. Гнѣдичъ (1784—1833), главнѣйшимъ трудомъ котораго былъ переводъ Иліады: онъ положилъ многіе годы на совершеніе этого труда, возбуждавшаго удивленіе современниковъ, — что указывало, между прочимъ, какъ еще мало было людей, способныхъ на серьезныя предпріятія подобнаго рода. Въ переводѣ Гнѣдича видна серьезная работа надъ Гомеромъ, но, по старому пристрастію къ ложно-классической высокопарности, Гнѣдичъ далъ слишкомъ много мѣста церковно-славянскимъ элементамъ языка, употребляя иногда слова совсѣмъ неизвѣстныя въ обычной рѣчи. Въ области драмы въ началѣ столѣтія прославленнымъ именемъ былъ В. А. Озеровъ (1770—1816): его трагедіи были подновленными повтореніемъ ложно-классической трагедіи, съ болѣею легкостью стиха и искренностью чувства, а иногда и съ отвѣткомъ новѣйшей чувствительности. Въ пѣломъ онъ искусственны и натянуты; но публика того времени не знала лучшаго и трагедіи Озерова имѣли громадный успѣхъ, особливо «Дмитрій Донской», вызывавшій патристическое одушевленіе. Кн. Вяземскій, великій почитатель Озерова, огорчался тѣмъ, что Озерова не любилъ Пушкинъ, котораго конечно отталкивала его напыщенная искусственность. Самъ кн. П. А. Вяземскій (1792—1878), родственникъ и другъ Карамзина, близко связанный съ литературными кругами двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, поддерживавшій Н. А. Полевого въ первые годы изданія «Телеграфа», впоследствии совершенно разошелся съ новымъ литературнымъ движеніемъ и не оставилъ прочныхъ слѣдовъ въ области поэзіи, хотя былъ плодовитымъ стихотворцемъ; въ свое время обратилъ на себя вниманіе только его книга о Фонъ-Визинѣ (1848), не потерявшая интереса и до сихъ поръ. При Александрѣ I-мъ долго не было ни одного яркаго дарованія, которое могло-бы овладѣть умами силою творчества. Такимъ дарованіемъ во второмъ десятилітіи вѣка явился совсѣмъ юный тогда Пушкинъ. Историческое значеніе А. С. Пушкина (1799—1837) опредѣляется тѣмъ, что онъ составляетъ центральное явленіе въ развитіи нашей новѣйшей литературы. Онъ тѣсно связалъ съ прошлымъ, но и завершаетъ его: вмѣстѣ съ тѣмъ онъ первый, отъ кого идутъ корни послѣдующей литературы. Его сила была геніальная: на послѣднихъ Пушкинскихъ торжествахъ одинъ изъ ораторовъ, авторитетный (хотя иногда парадоксальный) историкъ, не безъ основанія сказалъ, что два историческихъ человѣка имѣли громадное вліяніе на развитіе русскаго общества—Петръ Великій и Пушкинъ. Какъ у того, такъ у другого это вліяніе было глубокое и разностороннее. Прежде всего Пушкинъ, какъ никто изъ предшественниковъ, высоко ставилъ значеніе самой поэзіи: она создаетъ только вдохновеніемъ, ей принадлежитъ царственная свобода, она не ищетъ одобреній и не боится хулы черни; она призвана создавать сладкіе звуки, но и жечь сердца людей. Этими создано было, въ принципѣ, самостоятельное значеніе художественнаго творчества, а затѣмъ и всей литературы,

какъ выраженія свободной общественной мысли. Далѣе, это была избранная натура, но онъ былъ и представитель общества; требуя себѣ свободы во имя поэзіи, онъ требовалъ ея и въ смыслѣ общественномъ, во имя человѣческаго достоинства. Отсюда вражда и подозрѣніе, какія преслѣдовали его всю жизнь со стороны извѣстныхъ круговъ; отсюда великая любовь и слава, которыя встрѣтили его, еще юношу. Съ этими задатками гениальнаго дарованія, охватывавшаго громадный поэтический горизонтъ, и съ свободой общественнаго чувства, Пушкинъ сталъ первымъ истинно-національнымъ поэтомъ. Въ сравненіи съ нимъ кажутся чрезвычайно тѣсными и односторонними всѣ прежніе опыты русской поэзіи, и даже въ послѣдствіи никто изъ русскихъ поэтовъ не былъ способенъ къ этой великой многосторонности, которую Достоевскій называлъ всечелоювѣчностью. Вліяніе Байрона было только переходящее; надъ нимъ возобладало спокойное поэтическое содержаніе, которое давало ему силу возсоздавать далекую и чуждую жизнь, съ ея нравами и настроеніемъ, и тѣмъ могущественнѣе изображалъ картины русской жизни, старой и современной, общественной и народной. Передъ нимъ блекнутъ всѣ предшествующіе опыты коснуться русской народности. Его барское воспитаніе тѣхъ временъ, не отъ него зависѣвшее, шло на французскомъ языкѣ и литературѣ, но въ послѣдствіи онъ со страстью погрузился въ народную поэзію, чтобы исправить недостатки своего «проклятаго» воспитанія. Постоянная жизнь была для него предметомъ постоянного изученія, въ ея настоящемъ и прошломъ, въ языкѣ и обычаяхъ; отсюда становились возможны блестящія и разнообразныя картины, отъ «Руслана и Людмилы», отъ «Русалки» и «Сказокъ» до «Вѣщаго Олега», «Бориса Годунова», «Капитанской дочки» и т. д. Съ другой стороны, ему были близки и его тревожили волненія современной жизни. Въ молодые годы его увлекаютъ мечты общественной и народной свободы, дружеская связь соединяетъ его съ вожаками либеральнаго движенія; позднѣе опыты личной жизни и событій охладили его, но и теперь онъ продолжаетъ искать путей для служенія общественному прогрессу, хочетъ быть не только поэтомъ, но и публицистомъ, и не забываетъ прежнихъ друзей, которымъ шлетъ привѣты «во глубины сибирскихъ рудъ»... Вліяніе Пушкина на дальнѣйшее развитіе литературы было весьма обширно, не столько, однако, въ непосредственныхъ, частныхъ воздѣйствіяхъ, сколько въ широкомъ общественно-поэтическомъ внушеніи. Его ближайшая школа, даже крупнѣшій дарованія его круга, какъ Е. А. Баратынскій (1800—44) и Н. М. Языковъ (1803—46), не развили дальшаго его наслѣдія; баронъ А. А. Дельвигъ, К. Ф. Рылѣевъ кончили свое поприще раньше; Д. В. Веневитиновъ (1805—27) умеръ слишкомъ юнымъ и развивался независимо, какъ и кн. В. О. Одоевскій (1803—69). А. А. Бестужевъ-Марлинскій (1795—1837) увлекся въ крайности романтизма и на время имѣлъ большой успѣхъ, но затѣмъ былъ совершенно забытъ. Повидимому,

великій примѣръ Пушкина мало подѣйствовалъ на ближайшихъ современниковъ; тѣмъ не менѣе только послѣ него расширилась область поэзіи, началось развитіе русской повѣсти (въ исторической драмѣ онъ остался непревзойденнымъ), установился созданный имъ стиль и языкъ. Когда потомъ являлись новыя высочайшія созданія русской литературы, можно было видѣть, что почва для нихъ приготовлена была Пушкинымъ. Еще ранѣе, чѣмъ завершилась дѣятельность Пушкина, въ русской литературѣ прошелъ свое краткое поприще писатель отъ него независимый, который произвелъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе, но донынѣ какъ будто остался одинокомъ — А. С. Грибоѣдовъ (1795—1829). Онъ получилъ по тогдашнему серьезное образованіе (между прочимъ, его руководителями былъ проф. моск. унив., классикъ и эстетикъ Буле), рано поступилъ въ военную службу, гдѣ велъ вѣбаль-мошную жизнь, потомъ жилъ въ Петербургѣ, увлекался театромъ и театральнымъ міромъ; наконецъ, по службѣ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ жилъ на Кавказѣ, съ пріздами въ Петербургъ, и, въ качествѣ русскаго посланника въ Персію, былъ убитъ въ Тегеранѣ во время бунта персидской черни. Его литературное образованіе и вкусы сложились независимо отъ того, что дѣлалось въ кругу Пушкина, хотя, конечно, были точки соприкосновенія; между прочимъ, Грибоѣдова занимали вопросы русской исторіи, въ которыхъ кругъ Пушкина (не онъ самъ) былъ равнодушенъ. У Грибоѣдова была сильная наблюдательность, направленная именно на современное общество; онъ не остался равнодушнымъ къ либеральному движенію двадцатыхъ годовъ. Это была живая, страстная натура, но способная и къ холодному, серьезному размышленію. Его комедія, знаменитое «Горѣ отъ ума», осталась въ радѣ его произведеній единственными, гдѣ сказалося во всей силѣ его блестящій талантъ; она осталась единственной общественной сатирой, съ которой послѣ ничто не сравнилось въ русской драмѣ. Комедія вызвала весьма разнообразныя сужденія относительно ея художественнаго значенія и ея общественнаго смысла; ставились вопросы, отвѣчала ли она установленнымъ формуламъ комедіи или не сохраняла ихъ и обращалась въ сатиру, куда направлялись общественные идеалы писателя, какъ мирился въ немъ либерализмъ съ пристрастіями къ старинѣ. Относительно перваго критика примирилась съ нарушеніемъ драматическаго формализма ради широкой картины правды; относительно втораго она убѣждалась, что къ Грибоѣдову нельзя было бы примѣнять тѣхъ общественныхъ теорій, какія сложились въ послѣдствіи (въ видѣ «славянофильства» или «западничества»); его общественные идеалы—какъ это было и въ кругу такъ наз. декабристовъ—были тѣмъ броженіемъ общественной мысли, которое только нѣсколько позднѣе развилось въ болѣе опредѣленные частныя направленія. Еще на глазахъ Пушкина развилась великая литературная сила, которой вскорѣ суждено было возымѣть въ литературѣ обширное вліяніе. Это

былъ Н. В. Гоголь (1809—1852). Чистый малоросс по происхожденію, проведеній юность подъ впечатлѣніями малорусской среды, мелкопомѣстной дворянской и сельской народной, онъ началъ «Вечерами на хуторѣ близъ Дикавки», которые сразу доставили ему извѣстность невиданной оригинальностью разсказа и шутливого юмора. Поселившись въ Петербургѣ, гдѣ онъ вскорѣ попалъ въ кружокъ Пушкина и испыталъ вліяніе личности великаго поэта, Гоголь сильно расширилъ и углубилъ содержаніе своихъ жизненныхъ наблюдений: «Вечера» были какъ будто только игрой своеобразнаго дарованія, въ послѣдующихъ его произведеніяхъ чувствуется высокий подъемъ художественныхъ и общественныхъ замысловъ. Таковы были его такъ называемыя петербургскія повѣсти и рядъ драматическихъ пьесъ, съ «Ревизоромъ» во главѣ. Эта комедія произвела чрезвычайное впечатлѣніе, съ которымъ могло равняться только впечатлѣніе «Горя отъ ума» (которое, впрочемъ, долго не могло завоевать себѣ мѣсто на сценѣ и въ полномъ текстѣ стало извѣстно только около шестидесятихъ годовъ). Разница двухъ комедій—въ томъ, что Грибодовъ изображалъ чуждость высшаго круга общества и отсутствіе идеаловъ, а Гоголь взялъ прямо реальную жизнь, въ ея далекихъ, невидныхъ захолустьяхъ, и указалъ на ней глубокую внутреннюю порчу нравовъ и управленія, восходившую, очевидно, и до высшихъ слоевъ общества. Въмѣстѣ съ тѣмъ, онъ изобразилъ эту мелкую жизнь съ глубиной психологическаго анализа, такъ что въ цѣломъ комедія, построенная на фактѣ провинціальнаго простодушія, получала для внимательнаго наблюдателя настоящій трагическій смыслъ. Рядомъ съ этимъ производила сильное впечатлѣніе повѣсти Гоголя («Портретъ», «Невскій проспектъ», «Записки сумасшедшаго», «Старосвѣтскіе помѣщики», «Тарасъ Бульба», «Вій», «Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ», «Шинель», «Носъ», «Коляска»). Эти разнообразныя сюжеты, шутливыя, историческія, народно-фантастическія, нравоописательныя, свидѣтельствовали о великомъ разнообразіи таланта и широкой наблюдательности, а вмѣстѣ затрогивали общественныя вопросы и нравственное чувство въ такой мѣрѣ, какъ этого еще не бывало въ нашей литературѣ. Наконецъ, самымъ сильнымъ изъ произведеній Гоголя были «Мертвыя Души». Но въ самомъ расцвѣтѣ таланта Гоголя это стало подтачивать мистическое настроеніе. Корни этого настроенія лежали въ Гоголѣ издавна и не были вынесены широкимъ образованіемъ, такого Гоголь не имѣлъ; оно усиливалось физической болѣзненностью, а также и самомнѣніемъ. Въ школѣ Пушкина у Гоголя развилось возвышенное представленіе объ искусствѣ; теперь понятіе его о служеніи искусству приняло религіозно-мистическій характеръ. Представленіе о «пророкѣ», какъ жреціи искусства, стало у Гоголя представленіемъ о художникѣ-аскетѣ; дѣйствіе искусства становилось дѣломъ душевнаго спасенія. Это настроеніе, замѣтное уже въ первомъ томѣ

«Мертвыхъ душъ», развилось въ особенности въ половинѣ сороковыхъ годовъ. Гоголь увѣрился, что его художественное призваніе есть именно душеспасительное, и не усумнился издать наполненную его новыми мыслями книгу: «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями». Книга привела его поклонниковъ въ ужасъ и негодованіе. Гоголь порицалъ въ ней прѣжнія произведенія, создавшія его славу, отвергалъ ихъ дѣйствіе, которое одно и было его исторической заслугой. Второй томъ «Мертвыхъ Душъ», написанный въ этомъ новомъ настроеніи и изданный уже послѣ смерти Гоголя, свидѣтельствуетъ объ упадкѣ таланта, подавленнаго мистико-нравоучительной тенденціей. Въмѣстѣ съ Пушкинымъ, Гоголю принадлежитъ созданіе новѣйшей русской литературы. Пушкинъ положилъ ея первую основу—идею свободной дѣятельности искусства, составляющей независимое проявленіе высшихъ силъ человѣческаго духа, и вмѣстѣ идею нравственнаго долга, лежащаго на литературѣ. Это содержаніе Пушкинъ выразилъ и подкрѣпилъ рядомъ гениальныхъ поэтическихъ произведеній. Къ этому общему содержанію Гоголь присоединилъ изображеніе русской дѣятельности, исполненное первостепеннаго художественнаго реализма, глубиной психологической наблюдательности и юмора, вызванное полусознаваемымъ чувствомъ упомянутаго общественнаго долга литературы и вызвавшее въ обществѣ самыя одушевленные сочувствія. Это было то, чего давно жаждало русское общество; сочиненія Гоголя, поражающія своимъ художественнымъ богатствомъ, стали съ тѣмъ вмѣстѣ могущественнымъ орудіемъ общественнаго сознанія. Результаты дѣятельности Пушкина усвоены были въ общемъ художественномъ подъемѣ, въ усовершенствованіи формы и стиля; произведенія Гоголя возбудили общественное чувство, расширили литературное изображеніе на всѣ слои общества—и это изображеніе руководилось уже не одними художественными интересами, но и чувствомъ общественной правды и человѣчности. Со временъ Гоголя русская повѣсть и романъ развились до господствующаго положенія: на его основѣ съ конца сороковыхъ годовъ дѣйствовала плеяда тѣхъ новѣйшихъ писателей, которымъ принадлежитъ окончательное установленіе русской литературы, занявшей въ наше время почетное мѣсто въ международной литературѣ европейской. Первые начатки русской повѣсти, какъ выше указано, восходятъ ко временамъ до-Петровскимъ; конецъ XVII и первая половина XVIII в. представляютъ массу переводныхъ повѣстей, составившихъ переходъ отъ старой «письменности» къ новѣйшей печатной литературѣ; большая масса переводныхъ романовъ идетъ съ шестидесятихъ годовъ XVIII стол. и ихъ количество указываетъ, какъ выросла въ обществѣ любовь къ этой литературѣ, затрогивавшей (хотя еще въ слабой степени) дѣятельную жизнь и особенно жизнь чувства. Въ концѣ вѣка появляются оригинальныя русскіе опыты: Карамзинъ даетъ повѣсть sentimentalную и начатки повѣсти исторической; пе-

редъ тѣмъ въ другой формѣ — напимѣрь въ мелкихъ разсказахъ сатирическихъ журналовъ, въ сатирическихъ поэмахъ, комедіяхъ и комическихъ операхъ, въ «Путешествіи» Радищева — затрогиваются черты народнаго быта, которымъ, впрочемъ, еще долго не пришлось получить болѣе прочное мѣсто въ литературѣ; въ формѣ повѣстей изъ древняго міра или странъ фантастическихъ (въ формѣ, прямо заимствованной изъ западной литературы) дѣлаются намеки на современный строй общества, какъ у Хераскова или кн. Щербатова. Сентиментальная повѣсть Карамзина имѣла подражателей, но не надолго: слаская ея неестественность слишкомъ бросалась въ глаза. Ее смѣнили романтическія поэмы, а затѣмъ романтическія повѣсти: романтическихъ повѣствователей было очень много; наиболѣе извѣстными именами были здѣсь Н. А. Полевой и Вестужевъ-Марлинскій. Опыты правописанія давали повѣсти Булгарина (надъ которыми смѣялся Пушкинъ). Вѣгичева, Калашникова, Погодина. Съ конца шестидесятихъ годовъ въ историческомъ романѣ сталъ образцомъ популярный въ всей Европѣ Валтеръ-Скоттъ: громадный успѣхъ имѣлъ написанный по этому образцу «Юрій Милославскій» Загоскина, гдѣ, впрочемъ, прибавилась еще историческая сентиментальность Карамзина; другіе романы Загоскина были слабѣе. Не лишены достоинствъ историческія повѣсти Полевого. Особнякомъ стояли повѣсти кн. В. О. Одоевскаго, отчасти изъ аристократическаго быта, отчасти фантастическія во вкусѣ Гофмана. Повѣсти Пушкина давали высокіе художественные образцы, но остались безъ особеннаго дѣйствія въ смыслѣ общественномъ; рѣшительное вліяніе возымѣли здѣсь произведенія Гоголя. Въ дальнѣйшемъ развитіи русской повѣсти и вообще всей новой литературы дѣйствовали, кромѣ этихъ общихъ основъ, еще другіе элементы, если не совершенно новые, то не достигавшіе раніше той степени вліянія, съ какою мы встречаемъ ихъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ. Это было, прежде всего, значительное расширеніе научныхъ интересовъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ впервые открылась внутренняя жизнь университетовъ, съ притокомъ новыхъ силъ въ лицъ новаго поколѣнія профессоровъ, довершившихъ свое научное воспитаніе за границей, подъ непосредственнымъ вліяніемъ европейской науки. Здѣсь было начало дѣятельности такихъ профессоровъ какъ Грановскій (наиболѣе типичный представитель этого научно-гуманитарнаго направленія), Рѣдкинъ, Крюковъ, нѣсколько позднѣе Кудрявцевъ и др. Независимо отъ этого оживленія университетской науки, и даже ранѣе, открылось сильное вліяніе нѣмецкой философіи, которая, особливо въ ученіяхъ Шеллинга и Гегеля, сильно увлекала наиболѣе живые и возбужденные умы молодыхъ поколѣній и была своего рода школой: она впервые ставила въ русскомъ обществѣ общій вопросъ о философскомъ опредѣленіи нѣлаго міросозерцанія, обнимаващаго идеи нравственныя, общественныя, художественныя и ставившагося сознательнымъ руководствомъ

въ жизни личной и общественной. Чрезвычайно характерно, что Пушкинъ, достигшій своего возвышеннаго предствленія объ искусствѣ силою своего гениальнаго инстинкта, сочувственно встрѣтился съ тѣми же предствленіями, которыя у молодыхъ любителей философіи построены были путемъ теоретическихъ изученій. Таковъ былъ сначала философскій кружокъ кн. В. О. Одоевскаго и Д. В. Веневитинова, потомъ, въ тридцатыхъ годахъ, кружокъ Н. В. Станкевича, непосредственнымъ питомцемъ котораго были знаменитый В. Г. Бѣлинскій, въ своей критикѣ (1834—1848) первый сознательный и восторженный истолкователь Пушкина и Гоголя. Изъ философскихъ основаній вышло, въ концѣ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ, и обособленіе двухъ главныхъ литературныхъ лагерей того времени, такъ называемыхъ западниковъ и славянофиловъ (съ одной стороны Бѣлинскій, А. И. Герценъ, Т. Н. Грановскій, В. П. Воткинъ, И. С. Тургеневъ, Н. А. Некрасовъ и др., съ другой А. С. Хомяковъ, И. В. и П. В. Кирѣевскіе, К. С. и позднѣе И. С. Аксаковы, косвенно М. П. Погодинъ, С. П. Шевыревъ и др.). Различіе между ними заключалось въ самыхъ основныхъ нравственныхъ идеяхъ, которыя, впрочемъ (какъ, напимѣрь, церковныя идеи славянофиловъ), не могли быть въ то время высказаны съ нѣкоторой ясностью, — но въ литературѣ выразилось, хотя опять неполно, въ тѣхъ вопросахъ, какіе были ей доступны, именно философско-историческихъ. Славянофилы извлекли изъ философскихъ теорій предствленіе объ историческомъ предназначеніи русскаго народа и видѣли законъ его исторической жизни въ свободномъ и безпримѣсномъ развитіи національныхъ данныхъ: реформа Петра являлась нарушеніемъ этого нормальнаго развитія, порчею русской исторіи, измѣною русской народности. Ихъ противники думали какъ разъ наоборотъ: отрицая мистическое предназначеніе, они полагали, что народъ развивается исторіей, и реформу Петра считали великимъ актомъ въ русской исторіи, хотя, быть можетъ, и тяжелымъ, но неизбѣжнымъ и въ результатахъ благотворнымъ выходомъ русскаго народа изъ патріархальнаго быта на широкое общечеловѣческое попріе. Въ высшей степени важнымъ приобритеніемъ этого философско-литературнаго спора было стремленіе выяснить историческую судьбу народа. Отсюда естественно вытекала мысль о настоящемъ положеніи народа и, при философской постановкѣ вопросовъ нравственныхъ, естественно развивалась, хотя въ то время, по внѣшнимъ условіямъ литературы, умалчивалась въ печати, мысль о необходимости освобожденія крестьянъ, однаково горячо принимаемая обоими враждующими литературными лагерями. Эти два круга предствляли цвѣтъ русской общественной мысли того времени, высоко стоявшей надъ уровнемъ большинства... Интересъ къ народу и народности развивался и независимо отъ указанныхъ литературныхъ теченій, какъ продолженіе того естественнаго, инстинктивнаго чувства къ своему народному, какое ска-

зилось уже въ восемнадцатомъ вѣкѣ среди ученическаго преклоненія передъ ложнымъ классицизмомъ, отвергавшимъ народное, какъ вульгарное. Съ конца XVIII в. этотъ интересъ продолжалъ развиваться и въ XIX-мъ получилъ сильную опору съ двухъ сторонъ: во-первыхъ, въ художественной реставраціи, которая была узаконена Пушкинымъ и частью Гоголемъ (въ малороссійскихъ повѣстяхъ), во-вторыхъ—въ успѣхахъ научной этнографіи. Въ этой послѣдней сошлись разныя теченія: прежній непосредственный интересъ; новыя открытія, напр. «Слова о Полку Игоревѣ», потомъ «древнихъ россійскихъ стихотвореній» Кириши Данилова; внимательство научныхъ изслѣдованій; наконецъ, сознательный интересъ къ судьбамъ народа, и въ упомянутомъ философско-историческомъ смыслѣ, и въ смыслѣ чисто-общественномъ. Этнографическая любознательность, даже инстинктивная, мало освѣщенная научнымъ пониманіемъ (какъ напримѣръ въ трудахъ И. П. Сахарова), находила сочувствіе и въ людяхъ болѣе вооруженныхъ въ научномъ отношеніи. Въ концѣ концовъ явилась потребность поставить сознательно и научно изслѣдованія народа и народнаго быта. Въ 1845 г. выраженіемъ этой потребности стало основаніе Русскаго Географическаго Общества. Почти одновременно съ этимъ начинается обильная и плодотворная дѣятельность цѣлаго рода замѣчательныхъ ученыхъ, историковъ, этнографовъ, археологовъ, наконецъ беллетристовъ—описателей народнаго быта. С. М. Соловьевъ, К. Д. Кавелинъ, Ѳ. И. Буслаевъ, А. Н. Аванасевъ, М. А. Максимовичъ, И. И. Срезневскій, И. Е. Забѣлинъ, Н. И. Костомаровъ, В. И. Даль и много другихъ усердныхъ работниковъ на этомъ поприщѣ положили много труда на то, чтобы раскрыть прошедшія судьбы народной жизни и современное богатство народнаго преданія и поэзіи, оставшееся наслѣдіемъ отъ древнихъ вѣковъ народной мысли и фантазіи, изслѣдовать народный обычай, въ которомъ сохранились не только слѣды древняго народнаго быта, но и практический бытовой смыслъ и т. д. Ревностное изученіе было не только холоднымъ научнымъ разьясненіемъ предмета; оно внушалось любящимъ гуманнымъ чувствомъ, и само его внушало. Въ тѣ же годы, когда организовалось въ Географическомъ Обществѣ изученіе народной жизни, основано было, особливо трудами князя В. Ѳ. Одоевскаго, общество посѣщенія бѣдныхъ, общественный смыслъ котораго выражался его названіемъ... Такими интересами наполнялось общественное настроеніе, при всѣхъ стѣсненіяхъ, какія внѣшнимъ образомъ подавали литературу. Естественно, что присоединилось, наконецъ, вліяніе литературы европейской. Эта давняя стихія нашего литературнаго развитія дѣйствовала теперь въ новомъ направленіи; изъ разнообразныхъ теченій литературы европейской наша литература выбирала тѣ, которыя отвѣчали возникавшимъ въ ея собственной средѣ стремленіямъ и надеждамъ. Теперь эту роль играла литература, одушевляемая вопросами общественнаго характера и въ частности

соціализмомъ. Въ тридцатыхъ годахъ такъ названіемъ привлекалъ уже молодая поколѣнія: имъ увлекался Герценъ, и это было рѣзкое различіе его тогдашняго кружка съ кружкомъ Станкевича и Бѣлинскаго, которые въ то время увлекались метафизическими вопросами по Гегелю, что въ общественномъ смыслѣ дѣлало ихъ консервативными и прямо равнодушными къ вопросу соціальному. Одно время заняты были социализмомъ и В. П. Боткинъ, потомъ одинъ изъ ближайшихъ друзей Бѣлинскаго. Въ послѣдствіи упомянутое разногласіе между Герценомъ и Бѣлинскимъ совершенно изгладилось: послѣдній отвергъ свою прежнюю точку зрѣнія, какъ грубое заблужденіе, съ обычною горячностью увлекся именно общественными вопросами и въ литературѣ искалъ орудія для нравственнаго воздѣйствія на общество въ соціальномъ смыслѣ. Въ послѣдніе годы жизни его интересовали писатели французскаго социализма; съ другой стороны, онъ сталъ относиться менѣе враждебно къ московскимъ славянофиламъ, у которыхъ въ извѣстной мѣрѣ могли быть ему сочувственны указанія на идею народнаго права и достоинства. Уже изъ этого понятно, что «соціализмъ» сороковыхъ годовъ вовсе не былъ тѣмъ страшнымъ разрушительнымъ ученіемъ, какимъ считали его, напримѣръ, во время процесса Петрашевскаго и какимъ многие считали его еще десятки лѣтъ спустя. Это была извѣстная форма идеализма, направленнаго на улучшеніе общественныхъ отношеній, несомнѣнно въ улучшеніи нуждавшихся: на первомъ планѣ стояли мечты объ освобожденіи крестьянъ. Это настроеніе молодыхъ образованныхъ поколѣній именно и объясняетъ, почему въ концѣ пятидесятыхъ годовъ первое заявленіе о крестьянской реформѣ встрѣчено было въ лучшей части общества съ такимъ энтузіазмомъ и почему для великаго и труднаго дѣла тотчасъ нашлось столько ревностныхъ и искреннихъ исполнителей. Въ западной литературѣ, кромѣ теоретиковъ социализма, въ томъ же направленіи дѣйствовала обширная область романа и драмы: великой популярностью пользовались тогда романы Евгенія Сю, Жоржъ Занда, Диккенса, въ которыхъ высказалось общественное броженіе, искавшее новыхъ формъ соціальныхъ отношеній. Все это отразилось на развитіи русской повѣсти послѣ Пушкина и Гоголя. Ея господствующей чертой является, во-первыхъ, глубокий реализмъ, выработанный, на основѣ Пушкина и Гоголя, собственными силами русскихъ писателей и въ послѣдствіи произведшій такое сильное впечатлѣніе въ литературѣ европейской, когда, наконецъ, она познакомилась съ писателями новѣйшаго періода нашей литературы. Во-вторыхъ, это былъ психологическій анализъ, разлапавшій, между прочимъ, ту сложную, раздвоенную внутреннюю жизнь, кака я создавалась идеальными запросами и невозможностью найти для нихъ мѣсто въ суровой, часто мрачной дѣйствительности. Нѣкогда образчикъ этого раздвоенія изображалъ Пушкинъ въ «Евгеніи Онегинѣ»; теперь непримиримый разладъ идеала и дѣйствительности изображала вся могущественная поэзія

Лермонтова, которая внесла въ русскую повесть и романъ долю сильнаго, до сихъ поръ не вполне выясненнаго вліянія. Наконецъ, третью, опять широко распространившуюся, почти господствующую черту новѣйшей повѣсти составилъ ея направленіе общественное: стремленіе проникнуть въ судьбу той обездоленной части общества и цѣлаго народа, которая несетъ на себѣ непосильную тяжесть ненормальныхъ общественныхъ отношеній. Какъ ни велики были завѣты, оставленные Пушкинымъ и Гоголемъ, новая литература приносила черты содержанія имъ неизвѣстныя; напримѣръ, Гоголь, въ одиночествѣ своего тѣснаго круга и личной замкнутости, остался совершенно чуждъ тому возбужденію, какое господствовало среди лучшихъ людей сороковыхъ годовъ. Его преемники, подъ всѣми упомянутыми вліяніями, создавали ту новую повесть, которая за послѣднее время создала славу русской литературы и въ которой чисто русское содержаніе приобрѣтало высоту общечеловѣческаго значенія. Эти сложныя возбужденія тридцатыхъ и особливо сороковыхъ годовъ принесли съ собою то высокоэстетическое настроеніе, простоту и правдивость, какими удивлялась потомъ западно-европейская критика. Русская повесть еще недостаточно испытана въ этихъ ея источникахъ, но ихъ разнообразіе, воспринятіе и развитіе богатствомъ личныхъ талантовъ, дадо ей разнообразное и глубоководное содержаніе. «Записки Охотника» Тургенева, первыя произведенія Григоровича, Достоевскаго, Писемскаго, Некрасова, Салтыкова, затѣмъ послѣдующая литература расказовъ изъ народной жизни, были результатомъ этого новаго возбужденія: нерѣдко здѣсь явно слышится вліяніе Гоголя (какъ напримѣръ въ «Вѣднхъ людяхъ» отразилась «Шинель»), мечты объ освобожденіи крестьянъ («Записки Охотника»), которыя съ сочувствіемъ были пріивѣтствуемы и славянофилами; «Деревня» и «Антонъ Горемыка»), «сельская идиллія» Жоржа Занда («Рыбаки» Григоровича), отголоски социалистическаго романа (у Достоевскаго), проявленія народно-поэтическихъ элементовъ («Пѣсня о царѣ Иванѣ Васильевичѣ» Лермонтова, поэзія Кольцова), изображенія внутренняго нравственнаго разлада, отражавшаго и разладъ общественный («лишніе люди» у Тургенева и другихъ, какъ продолженіе Онѣгина и Печорина) и т. д. Какъ выше замѣчено, вѣнныя условія литературы были таковы, и это нерѣдко отзывалось болѣе или менѣе жестоко на личной судьбѣ писателей («осужденіе Достоевскаго и Пшечева, ссылка Салтыкова, эмиграція Герцена, арестъ и ссылка Тургенева, постоянныя цензурныя притѣсненія») но это не уменьшало силы движенія, и дѣло литературы оставалось священнымъ нравственнымъ долгомъ. Въ этомъ внутреннемъ одушевленіи былъ источникъ той простоты, задушевности и человѣчной вдумчивости, которыя потомъ удивляли европейскихъ читателей. Когда въ наше время французскіе критики, недовольные успѣхомъ русской литературы во Франціи, утверждали, что эта литература (Тургеневъ, Достоевскій, Григоровичъ и т. д.) сама воспиталась на французскихъ идеяхъ и образахъ, то въ этой вѣщности національнаго самолюбія была доля правды—но только доля. Изъ французской литературы дѣйствовали у насъ общественныя идеи, но и это вліяніе было уже второстепеннымъ факторомъ, потому что основное въ этомъ направленіи было самостоятельно создано въ произведеніяхъ Гоголя и подкрѣплено общимъ подъемомъ общественной мысли. Въ литературной формѣ русская повесть, при всемъ интересѣ къ повѣсти западной, осталась самобытна. Отъ ошибокъ и преувеличеній романтической школы предохранялъ здоровый реализмъ, основанный Пушкинымъ и Гоголемъ. Изображенія народной среды никогда не достигали у европейскихъ писателей той выразительности и простоты, которыя такъ легко давались русскимъ писателямъ. Не смотря на весь гнетъ крѣпостного права и чиновническаго самоуправства, они не оставили въ общемъ тонѣ жизни того осадка пренебреженія къ народу и мѣщанской мелочности, какой въ западной жизни, при всемъ развитіи новѣйшей демократіи, до сихъ поръ уцѣлѣлъ отъ средневѣковаго феодализма и шитается современнымъ господствомъ буржуазіи. Сила русской повѣсти и романа была выработана собственнымъ трудомъ общественнаго сознанія, волненіями нравственнаго чувства и искреннимъ стремленіемъ къ общественному благу въ единеніи съ народомъ. Отсутствие политической жизни заставляло сосредоточиваться, и здѣсь была основа сильнаго художественнаго и общественнаго дѣйствія. Въ большой мѣрѣ именно вліяніемъ литературы была обязана своимъ успѣхомъ эпоха великихъ реформъ».

Литература. Общія сочиненія. Начатки литературной исторіи, списки писателей. *Johannis Petri Kohlii, «Introductio in historiam et rem litterariam Slavorum»* (Алтона, 1729); *Backmeister, «Russische Bibliothek»* (Рига и Лпц., 1772—87); «Извѣстіе о нѣкоторыхъ русс. писателяхъ», Дмитревскаго (изд. по-нѣмцки въ Лейпцигѣ, по-французски въ Ливорно въ 1771 г. и т. д., а также въ книгѣ П. Ефремова: «Матеріалы для исторіи русс. литературы», СПб., 1867); «Опытъ историческаго словаря о русскихъ писателяхъ» Ник. Новикова (СПб., 1772; переизданъ въ «Матеріалахъ» Ефремова); епископъ Дамаскинъ (1737—1795); «Краткое описаніе российской ученой исторіи» (издано въ 1 т. «Исторіи Росс. Академіи», М. Сухомлинова) и «Библіотека российская или свѣдѣніе о всѣхъ книгахъ, въ Р. съ начала типографіи на свѣтъ вышедшихъ»; Шторхъ и Ф. Адельунгъ, «Систематическое обозрѣніе лигатуръ въ Р. въ теченіе пятилѣтій, съ 1801 по 1806» (СПб., 1810); В. В. Сопиковъ, «Опытъ российской библіографіи» (СПб., 1783—1821); «Росписъ российскимъ книгамъ изъ библіотеки Смардина» (СПб., 1828; 4 прибавленія, СПб., 1829—56); Н. Гречъ, «Опытъ исторіи русской литературы» (СПб., 1822) и, въ передѣланномъ видѣ: «Учебная книга русской словесности» (СПб., 1830); митрополитъ Евгеній, «Словарь историч. о бывшихъ въ Р.

писателяхъ духовнаго чина» (1818; 2 изд., СПб., 1827); его же, «Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, отечественныхъ и чужестранцевъ, писавшихъ въ Р.» (1838; 2 изд., М., 1845); М. А. Максимовичъ, «Исторія древней русс. словесности» (кн. I, Киевъ, 1839); А. В. Никитенко, «Опытъ исторіи русской литературы» (кн. I, введение, СПб., 1845); В. Г. Вѣлиинскій, «Сочиненія» (въ статьяхъ о Пушкинѣ установлена исторія новой русской литературы съ художественной точки зрѣнія); А. П. Милюковъ, «Очеркъ исторіи русской поэзіи» (СПб., 1847; 3 изд., 1864); С. П. Шевыревъ, «Исторія русской словесности преимущественно древней» (М., 1858—1860); А. Д. Галаховъ, «Исторія русской словесности древней и новой» (СПб., 1863 — 68 и 1875, со включеніемъ статей А. Н. Веселовскаго, А. И. Кирпичникова, О. Ѳ. Миллера и П. О. Морозова по древней литературѣ); Ор. Ѳ. Миллеръ, «Опытъ историческаго обзорѣнія русс. словесности съ хрестоматіею, расположенною по эпохамъ» (2 изд., СПб., 1865—66); И. Порфирьевъ, «Исторія русс. словесности» (ч. I: «Древній періодъ», 5 изд., Казань, 1891; ч. II: «Новый періодъ», отд. I, изд. 2, 1896; отд. II, изд. 2, 1888; отд. III, 1891); П. В. Владиміровъ, «Введеніе въ исторію русс. словесности» (Кіевъ, 1896); А. Н. Пыпинъ, «Исторія русс. литературы» (СПб., 1898—99); арх. Филаретъ, «Обзоръ русс. духовной литературы» (1, 862—1720, II, 1720—1858, Харьковъ, 1873; изд. 3, СПб., 1884); Г. Геннадіи, «Справочный словарь о русс. писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX стол.» (т. I, А—Е, Берд., 1876; т. II, Ж—М; съ дополн. Н. Сокоб., 1880); С. А. Венгеровъ, «Критико-біографическій словарь русс. писателей и ученыхъ» (СПб., 1886—98; вышло 5 т. А, Б, В); кн. Н. Н. Голицынъ, «Библиографическій словарь русс. писательницъ» (СПб. 1889). Библиографическія пособія: В. И. Межовъ, «Исторія русск. и всеобщей словесности. Библиографическіе матеріалы, съ 1855—70 г.» (СПб., 1872); его же, «Русская историческая бібліографія за 1865—1876 г.»; А. Н. Неустровъ, «Историческое розысканіе о русс. повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 г.» (СПб., 1875); его же, «Указатель къ русс. повременнымъ изданіямъ и сборникамъ за 1703—1802 г. и къ историческому розысканію о немъ» (СПб., 1893); Н. В. Губерти, «Матеріалы для русс. бібліографіи. Хронологическое обзорѣніе рѣдкихъ и замѣчательныхъ русс. книгъ XVIII стол.» (3 вып., изъ «Чтеній моск. общ. ист. и древн. росс.», М., 1878—1891); С. А. Венгеровъ, «Русская поэзія. Собраніе произведеній русс. поэтовъ, частью въ полномъ составѣ, частью въ извлеченіяхъ, съ важнѣйшими критико-біографическими статьями и бібліографическими примѣчаніями и портретами» (вышелъ I т., СПб., 1898, XVIII вѣкъ); его же, «Русскія книги, съ біографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ» (СПб., 1896—1899, 3 т. А—Б). Описанія рукописей: древнѣйшее обстоятельное описаніе рукописей Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря въ XV в. издано Н. К. Никольскимъ: «Описаніе рукопи-

сей Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря XV в.» (СПб., 1897, изданіе Общества любителей древней письменности). Новѣйшія ученія описанія: собранія гр. Ѳ. А. Толстого (составлено К. Калайдовичемъ и П. Строевымъ, 1825—27); «Собранія Царскаго и Библіотеки моск. общ. исторіи и древн., Стрѣова; А. Х. Востоковъ, «Описаніе русскихъ и славянскихъ рукописей Румянцевскаго музея» (СПб., 1842); А. В. Горскій и К. И. Неустровъ, «Описаніе рукописей синодальной бібліотеки» (М., 1855—1869); Викторъ, «Славяно-русс. рукописи В. М. Ундольскаго» (М., 1870); Андрей Поповъ, «Описаніе рукописей и каталогъ книгъ церковной печатной бібліотеки А. И. Хлудова» (М., 1872; первое прибавленіе, 1875); Н. Петровъ, «Описаніе рукописей церковно-археологическаго музея при кіевской духовной академіи» (Кіевъ, 1875—1879); Арсеній, «Описаніе рукописей Троицко-Сергіевой Лавры» («Чтенія въ общ. исторіи и древн. росс.», 1878 и 1879); «Описаніе рукописей Соловецкаго монастыря» (Казань, 1881—1886); Ф. Добрянскій, «Описаніе рукописей виленьской публичной бібліотеки» (Вильна, 1882); Н. Барсуковъ, «Рукописи археографической комиссіи» (СПб., 1882); А. Ѳ. Бычковъ, «Описаніе церковно-славянскихъ и русскихъ рукописныхъ сборниковъ Имп. публичной бібліотеки» (СПб., 1882); А. Викторъ, «Описи рукописныхъ собраній въ книгохранилищахъ Сѣверной Р.» (СПб., 1890); М. Сперанскій, «Рукописи тверскаго музея» (М., 1890); П. Строевъ, «Описаніе рукописей монастырей Боголюбскаго, Новогіерусалимъ, Саввина-Сторожевскаго» (СПб., 1891; изд. общества любителей древней письменности); Лопаревъ, «Описаніе рукописей Имп. общества любителей древней письменности» (I—II, СПб., 1891—93); А. Титовъ, «Рукописи славянскихъ и русскихъ, принадлежащія И. Вахрамѣеву» (1888—1892); А. Родосскій, «Описаніе 432-хъ рукописей сб. духовной академіи» (СПб., 1893); А. Титовъ, «Описаніе славяно-русскихъ рукописей, находящихся въ собраніи А. Титова» (СПб., 1893); А. И. Якимирскій, «Описъ старинныхъ славянскихъ и русскихъ рукописей собранія П. И. Щукина» (М., 1896); арх. Леонидъ, «Систематическое описаніе славяно-россійскихъ рукописей собранія гр. А. С. Уварова» (М., 1893—94). Литература переводная. а) *Св. Писаніе*. Полная перевѣда Библия на Руси до XV в. не существовала; переведены были только избраннѣйшія мѣста, употреблявшіяся при богослуженіи. Это разъяснено А. Горскимъ и К. И. Неустровымъ въ «Описаніи Синодальной бібліотеки». См. еще Вич. Срезневскій, «Древній славянскій переводъ Псалтири» (СПб., 1877); Гр. Воскресенскій, «О переводѣ Апостоловъ» (Москва, 1879); «О переводѣ Евангелія» (въ «Трудахъ VI археол. съѣзда», Одесса, 1886); «О Евангеліи отъ Марка» (Сергіевъ Посадъ, 1894; въ «Чтеніяхъ Моск. общ. ист. и др.», 1896); Ив. Рождественскій, «О книгѣ Эсепрь» (СПб., 1885); Вас. Лебедевъ, «О книгѣ Іисуса Навина» (СПб., 1890); Ив. Евсѣевъ, «О книгѣ прор. Ісаіи» (СПб., 1897); П. В. Владиміровъ, «Докторъ Фран-

писк Скорина. Его переводы, печатные издания и языки» (СПб., 1888; изд. общ. любит. древн. письм.); С. Булич; «Церковно-славянские элементы в современ. литер. и народном рус. языкѣ» (СПб., 1893). б) *Учительная литература*. Въ «Исторіи Церкви» Голубинскаго (т. I, пол. 1, 715—757) представлен библиографическій обзоръ существовавшей у насъ въ періодъ домонгольскій переводной и вообще заимствованной письменности. См. еще П. В. Владиміровъ, «Обзоръ южно-русскихъ и западно-рус. памятниковъ письменности отъ XI до XVII стол.» («Чтенія Истор. Общ. Нестора Лѣтописца», Киевъ, 1890, кн IV, 101—142 и отд.); А. Соболевскій, «Западное вліяніе на литературу Моск. Руси XV—XVII вв.» (въ VI кн. «Вѣстника Археологіи и Исторіи» и отд., СПб., 1899); А. С. Архангельскій, «Творенія отцовъ церкви въ древне-рус. письменности. Обзоръ рукописнаго матеріала» (СПб., 1888); его же, «Творенія отцовъ церкви. Извлеченія изъ рукописей и опыты историко-литературныхъ изученій» (Казань, 1889—1890; обстоятельныя рецензіи П. В. Владимірова въ «Кіевск. Университетскихъ Извѣстіяхъ», 1891, и И. Н. Жданова, въ «Отчетъ о 34 присужденіи наградъ Уварова», «Записки Имп. Академіи Н.», т. 71, СПб., 1893); В. Малининъ, «Исслѣдованіе Златоустра по рукописи XII в. Публичной Библ.» (Кіевъ, 1878); В. Яковлевъ, «Къ литературной исторіи древне-русскихъ сборниковъ. Опытъ изслѣдованія «Измарагда» (Одесса, 1893); Н. Петровъ, «О происхожденіи и составѣ славяно-русскаго пролога» (внешн. источники, Киевъ, 1875); А. И. Пономаревъ, «Славяно-русскій прологъ въ его церковно-просвѣтител. и народно-литературномъ значеніи» (СПб., 1890; отдѣльныя поученія изъ Пролога изданы во II вып. «Памятниковъ древне-русской церковно-учительн. литературы» А. И. Пономарева); еп. Антоній (нынѣ митр. спб., въ мірѣ А. Вадковскій), «Изъ исторіи христіанск. проповѣдй. Очерки и изслѣдованія» (СПб., 1892); Е. В. Пѣтуховъ, «Матеріалы и замѣтки по древн. рус. литературѣ» (Кіевъ, 1893; о «Златѣ цѣпи»); Сухомлиновъ, «О сборникахъ подъ назв. Пчела» («Изв. Акад. Наукъ», 1853, т. II); Безсоновъ, «Книга Пчела» («Временникъ Моск. Общ. Ист. и Др. Росс.», 1857, кн. 25); В. Семеновъ, «Древне-русская Пчела по пергаменному списку» (СПб., 1893, «Сборникъ» рус. отд. яз. Акад. Наукъ, т. LIV); статьи о Пчелѣ въ «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1892, № 4, и 1893, № 7; «Матеріалы для литерат. исторіи русскихъ Пчелъ» (М., 1895); «Шестодневъ», составленный Іоанномъ, ексархомъ болгарскимъ, по харатейному списку Моск. Синодальной Библиотеки 1263, слово въ слово и буква въ букву (М., 1879, изъ «Чтеній» 1873, кн. III; трудъ Бодянского и Андрея Попова); «Книга глаголемая Козмы Индикоплова» (СПб., 1886; изд. общ. любителей древней письменности); «Шестодневъ Георгія Писиды» (И. А. Шляпкина (СПб., 1882, въ «Памятн. древн. письменности»); А. Карѣевъ, «Матеріалы и замѣтки по литературной исторіи Физіолога» (СПб., 1890; изд. общ. любит. древн. письменности); Ал. Александровъ, «Физіологъ» (Казань, 1893; сербскій текстъ по рукоп. XVI в.); Г. Поливка, «Zur Geschichte des Physiologus in der slavischen Literaturen», «Archiv f. slav. Philologie» (т. XV, 246; т. XVIII, 523); Андрей Поповъ, «Обзоръ Хронографовъ рус. редакціи» (М., 1866—1869); къ нему «Изборникъ славянскихъ и русскихъ сочиненій и статей, внесенныхъ въ Хронографы русской редакціи» (М., 1869); М. Сперанскій, «Сербскіе хронографы и русскій первый редакціи» (Варшава, 1896; изъ «Рус. Филол. Вѣстника»); В. Истринъ, «Хронографы въ рус. литер.» (СПб., 1898; изъ «Визант. Вр.»); П. Милуковъ, «Очерки по исторіи рус. культуры» (СПб., 1897; цѣльный, хотя сжатый обзоръ древняго круга свѣдѣній). в) *Апокрифы*. Изданія: А. Пыпинъ, «Памятн. стар. рус. литер.» (СПб., 1862); Н. Тихоновъ, «Памятн. рус. отречен. литературы» (1863); Порфирьевъ, «Апокрифич. сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ» (СПб., 1877) и «Апокр. сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ» (СПб., 1890); Поповъ, «Лѣтогр. матеріалы»; «Палея историческая», издана А. Поповымъ въ «Чтен. Общ. Ист. и Др. Рос.» (1881, кн. 1); «Палея толковая», издана учениками Тихонова (М. 1890—1897); И. Франко, «Памятники украинско-русской мови і літератури. Т. I. Апокрифи старозавітні» (Львовъ, 1896; изд. Общества Шевченка). г) *Изслѣдованія*: А. Пыпинъ, «Для объясненія статьи о ложныхъ книгахъ» («Лѣтоп. Археогр. Коммиссіи», 1860, I вып. «Лѣтоп. Археогр. Коммиссіи»); его же статья объ апокрифахъ («Русское Слово», 1862, № 1—2); Порфирьевъ, «Апокрифич. сказанія о ветхозавѣтныхъ событіяхъ» (Казань, 1872); Тихоновъ, «Отреченныя книги древн. Руси» («Сочин.», т. I); Успенскій, «Толковая Палея» (Казань, 1876); И. Ждановъ, «Палея» («Унив. Извѣстія», Кіевъ, 1881); В. Истринъ, «Замѣчанія о составѣ Толковой Палеи въ «Изв. II отд. Академіи Наукъ», 1897—1898; Веселовскій, «Опыты по исторіи христіанской легенды» («Ж. Мин. Нар. Просв.», 1875, № 4); Веселовскій, «Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ» (СПб., 1872); М. Соколовъ, «Матеріалы и замѣтки по старин. литер.» (М. 1888); М. Сперанскій, «Апокрифическіе евангелія» (М., 1895) и «Изъ исторіи отречен. литературы. I. Гаданія по Псалтири. II. Трѣпетники» (СПб., 1899, въ «Памят. древн. письм.»); В. Сахаровъ, «Эсхатологич. соч. сказанія» (Тула, 1879); А. Шелевичъ, «Этюды о Данте. Видѣніе св. Павла» (Харьк., 1891—92); Истринъ, «Откровеніе Меодія Патарскаго и апокрифич. видѣніе Даніила» (М. 1897; изъ «Чтеній» Моск. общ. ист. и древн.); Порфирьевъ, «Апокрифич. молитвы» («Труды IV археолог. съѣзда», Казань, 1891, т. II); Красносельцевъ, «Къ вопросу о греческихъ источникахъ. Бѣсѣды трехъ святителей» (Одесса, 1890); И. Ждановъ, «Бѣсѣды трехъ святителей и Јоса топашогимъ» («Жур. Мин. Народа. Просв.», 1892, № 1); А. Васильевъ, «Anecdota graeco-byzantina» (Москва, 1893). Древній періодъ. а) Обзоръ литературныхъ явленій домонгольскаго періода у Е. Голубинскаго: «Исторія русской церкви» (М., 1880).

Равѣ И. И. Срезневскій издалъ обширный трудъ: «Древнѣе памятники русскаго письма и языка XI—XIV в.» Общее повременное съ выписками, въ «Извѣстіяхъ Академіи Наукъ», т. X, 1861 — 1863, и отд., СПб., 1863; 2-ое изданіе 1882, безъ выписокъ; «Свѣдѣнія и замѣтки о мало-извѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ», № I — XCI, СПб., 1867 — 1881; см. также Н. В. Волковъ, «Статистическія свѣдѣнія о сохранившихся древнерусскихъ книгахъ XI — XIV в. и ихъ указатель» (СПб., 1898). Указанія на сочиненія анонимныя, сохранившіяся въ позднихъ спискахъ или извѣстныя только по упоминаемымъ — см. въ «Исторіяхъ церкви» Макарія (II, 138, 164, 169; III, 142, 168) и Голубинскаго (т. I). Далѣе, М. И. Сухомлиновъ, «О псевдонимахъ въ древней русской словесности» (СПб., 1855); Е. Пятуховъ, «Къ вопросу о Кириллахъ авторахъ въ древн. рус. литературѣ» (въ «Сборникъ отд. рус. яз. Академіи Наукъ», т. XLII, 1887). б) *Поученія*. Первые писатели изъ грековъ оставили полемическія сочиненія противъ латинянъ: митрополитъ Левъ (992—1008), Георгій (1065—1079), Іоаннъ II (1080—1089), Никифоръ (1104—21); см. Андрей Поповъ, «Историко-литературный обзоръ древнерусскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ» (XI—XV в.; М., 1875). Необходимое дополненіе къ этому—разборъ А. С. Павлова въ 19-мъ отчетѣ объ Уваровскихъ преміяхъ и отд. «Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемикѣ противъ латинянъ» (СПб. 1878). «Поученіе еп. Новгородскаго Луки Жидята» (1035—1059; издано въ «Русскихъ достопамятиностяхъ», М., 1815, въ «Исторіи церкви» м. Макарія, т. I, въ «Исторической христоматіи» О. Буслаяна, М. 1861, и въ «Памятникахъ древне-рус. литературы» А. И. Пономарева, в. I, со статей о Лукѣ); «Слово о законѣ и благодати и похвала Владиміру», митр. Іларіона (въ «Прибавл. къ Твореніямъ святыхъ отецъ въ рус. переводѣ», М., 1844; въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ», 1848, кн. 7; въ «Извѣстіяхъ II отд. Академіи Наукъ», т. V; въ «Памятникахъ древне-рус. литературы» Пономарева, вып. I, со статей объ Ил.); «Поученіе преп. Θεοδοσία Печерскаго» изданы митр. Макаріемъ въ «Ученыхъ Запискахъ Академіи Наукъ» (1856, кн. II), въ «Исторіи церкви», т. II, и въ «Памятникахъ древне-рус. литературы» Пономарева, вып. I. Срезневскій указалъ на Златоструй, какъ на источникъ поученія о казаняхъ Божіихъ («Свѣдѣнія и замѣтки», XXIV, 1866—1867). Митр. Антоній (Вадковскій), въ книгѣ «Изъ исторіи христіанской проповѣди» (СПб., 1892, 313—336), оспариваетъ принадлежность Θεοδοсію этого поученія и поученія о чашахъ (ср. «Исторію церкви» Голубинскаго, I, 672—677). Поученіе Владиміра Мономаха издано въ первый разъ гр. Мусинимъ-Пушкинымъ съ помощью Болтина, подъ заглавіемъ «Духовная вел. кн. Владиміра Мономаха» (СПб., 1793); потомъ «Полн. Собр. Лѣтоп.», I, стр. 107, и въ «Лѣтописи по Лаврентьевскому списку» (СПб., 1897, стр. 232—247 и прилож. стр. 41); см. Погодинъ, «Исслѣдованіе о жизни и дѣлахъ Владиміра Мономаха»

(«Ученые Записки II отд. Академіи», 1863, кн. VII, вып. 2); С. Протопоповъ, «Поученіе Владиміра Мономаха, какъ памятникъ религіозно-нравственныхъ воззрѣній и жизни на Руси въ до-татарскую эпоху» («Ж. М. Н. Пр.», 1874, кн. 2); В. А. Воскресенскій, «Поученіе дѣтямъ Владиміра Мономаха» («Учебная бібліотека», СПб., 1893); Соловьевъ, о личности Владиміра Мономаха въ «Исторіи Р.» (1894, кн. I, стр. 315 и сл.) и Лопшикову («Кіевск. Унив. Извѣстія», 1873, ноябрь, 1—44 стр.); замѣчанія о Поученіи находимъ въ рецензіи И. Н. Жданова на «Творенія отцовъ церкви», Архангельскаго въ «Отчетѣ о 24 присужденіи Уваровскихъ премій», стр. 122—124, въ рец. Е. Будде на изданіе Лаврентьевской лѣтописи въ «Рус. Филолог. Вѣстн.», 1898, № 1—2, въ книгѣ М. Сперанскаго, «Изъ исторіи отреченныхъ книгъ». «Гаданія по Псалтири» (СПб., 1899, стр. 5, 55 и дал.). О Климентѣ Смолятичѣ XII в.—Х. Лопаревъ, «Посланіе митрополита Климента къ смоленскому пресвитеру Θомѣ» (СПб., 1892; «Памятники древн. письменности») и особенно Н. К. Никольскій: «О литературныхъ трудахъ митроп. Климента Смолятича» (СПб., 1892). Сочиненія Кирилла, еп. турскаго (1130—82), у Сухомлинова, «Рукописи гр. Уварова» (т. II, СПб., 1858) и А. Пономарева, «Памятники древне-рус. церковно-учительной литературы» (т. I, СПб., 1894). О заимствованіяхъ Кирилла изъ древне-греческихъ образцовъ у Никольскаго, «Климентъ Смолятичъ», стр. 87. О Θεοδοσίи-грекѣ, монахѣ XII в., оставившемъ переводъ посланія папы Льва I къ патриарху Флавіану о четвертомъ вселенскомъ соборѣ, см. въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. Исторіи и Древностей», 1848, № 7 (здѣсь изданъ самый переводъ) и у Голубинскаго (т. I, полов. I, стр. 699—700). въ *Памятникахъ историческихъ*. Іаковъ мнихъ, въ XI в., написалъ два сказанія: о Владимірѣ св. и св. Ольгѣ и о первыхъ мученикахъ русскихъ Борисѣ и Глѣбѣ. Второе издало Срезневскимъ, въ «Сказаніяхъ о Борисѣ и Глѣбѣ» (СПб., 1860, въ литографическомъ снимкѣ и въ чтеніи), О. Бодянскимъ по списку XII в. въ «Чтеніяхъ», 1870, кн. I. «Память и житіе Владиміра» издано въ «Христіанск. Чтеніи», 1849. О Іаковѣ см. въ «Исторіяхъ церкви» Макарія (т. II) и Голубинскаго (т. I, полов. I, стр. 615—619). Преп. Несторъ (род. въ 1056 г., ум. ок. 1114) оставилъ другое сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ (у Срезневскаго въ «Сказаніяхъ», СПб., 1860) и житіе Θεοδοσία Печерскаго (у Бодянскаго въ «Чтеніяхъ», 1858, кн. 3, по рукописи XII вѣка). Въ настоящее время только очень немногіе признаютъ Нестора авторомъ первоначальной лѣтописи. О Печерскомъ Патерикѣ, составленномъ въ началѣ XIII в. изъ біографическихъ трудовъ преп. Нестора, еп. владимірскаго Симона и печерскаго янока Поликарпа см. Кубаревъ, въ «Журн. Мин. Пр.», 1838, № 10, и въ «Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. Росс.», 1847, кн. 9, и 1858, кн. 3; В. Яковлевъ, «Древне-кіевскія религіозныя сказанія» (Варшава, 1875); М. Викторовъ, «Составители Кіево-Печерскаго Патерика и позднѣйшая его судьба» (Воронежъ, 1871); Голубинскій,

«Исторія церкви» (I, 1, стр. 628 — 640); А. Шахматовъ, «Житіе Антонія и Печерская лѣтопись» («Журн. Мин. Нар. Просв.» 1880, № 3). Объ историческія повѣстанія—И. Срезневскій, «Памятники X в. до Владимира св.» въ («Изв. Акад. Наукъ», т. III, 1854, и въ «Историч. Чтеніяхъ», СПб., 1855, стр. 1—26); И. П. Хрущовъ «О древне-русскихъ историческихъ повѣстаніяхъ и сказаніяхъ XI—XII ст.» (Кіевъ, 1878). г) *О лѣтописи*: Кубаревъ, въ «Историч. Сборникъ» (М., 1842, т. IV); Сухоминовъ, «О древней рус. лѣтописи какъ памятникъ литературномъ» (въ «Ученыхъ Зап. П. отд. Акад. Наукъ», кн. III, 1856); Срезневскій, «Исслѣдованія о лѣтописяхъ новгородскихъ» (въ «Извѣстіяхъ», т. II); «Чтенія о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ» (СПб., 1862, изъ «Записокъ»); Костомаровъ, «Лекція по рус. исторіи» (СПб., 1861); К. Н. Бестужев-Рюминъ, «О составѣ рус. лѣтописей до конца XIV в.» (СПб., 1868; изъ вып. IV «Лѣтописи занятій Археогр. Комиссіи»); А. Марквичъ, «О лѣтописяхъ» (Одесса, 1883—85); И. Тихомировъ, «О лѣтописяхъ Тверской, Псковской и Лаврентьевской» («Ж. М. Н. Пр.», 1876, № 2; 1883, № 10; 1884, № 10); И. Селигъ, «О новгородскихъ лѣтописяхъ и о рос. исторіи В. Татищева», въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Древн.» (1887, кн. IV и отд., М., 1888); А. Шахматовъ, «Хронологія древнѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ» («Ж. М. Н. Пр.», 1897, № 4); «О начальномъ Киевскомъ лѣтописномъ сводѣ. Исслѣдованіе» (I—III, М., 1897).—Древнѣйшіе списки лѣтописи изданы Археогр. комиссіей въ «Поли. Собр. Рос. Лѣтописей»; отдѣльно—«Лѣтоп. по Ипатскому списку» (СПб., 1871); «Лѣтоп. по Лаврентьевскому списку» (изд. 3, СПб., 1897). д) *Паломники*: Даниилъ игуменъ, ходившій въ Св. Землю въ 1106—1108 г. Изданія: 1) подъ ред. А. С. Норова, СПб., 1864 г. 2) наиболѣе полное—М. Веновитина въ «Правосл. Палест. Сборникъ», вып. 3 и 9, СПб., 1883—85). Путешествіе Даниила переведено на франц. яз. Норовымъ (СПб., 1864), на греч. Епифаніемъ Маттеи (СПб., 1867), на нѣм. А. Лескинымъ (Лпц., 1884). «Путешествіе новгородск. архіеп. Антонія въ Царьградъ въ концѣ XII ст.», съ предислов. и примѣчаніями П. Саввантова, изд. Археогр. комм. (СПб., 1872). Позже найдено нѣсколько новыхъ списковъ (копенгагенскій изданъ Срезневскимъ въ «Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ», LX, СПб., 1876, 340—352; другіе найдены В. М. Истоминымъ, Х. М. Лопаревымъ; готовится палестинскимъ обществомъ новое изданіе по всѣмъ спискамъ. е) Свидѣтельства о древней поэзіи собраны въ книгѣ И. Н. Жданова: «Рус. поэзія въ до-монгольскую эпоху» («Кіев. Унив. Извѣстія», 1879 и отд.). Литература о «Словѣ о Полку Игоревѣ» чрезвычайно обширна. Оно издано въ первый разъ Гр. Мусинымъ-Пушкинымъ при сотрудничествѣ Малиновскаго и Бантишъ-Каменскаго въ 1800 г., подъ заглав. «Ироническая пѣсня о походѣ на половцевъ князя новгородъ-сѣверскаго Игоря Святославича, писанная стариннымъ рус. языкомъ въ исходѣ XII ст., съ переложеніемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе». Другія изданія: Н. Тихонравовъ, «Слово» и пр. для учащихся (2 изд., М., 1868); А. Потебня, «Слово и пр. Текстъ и примѣчанія» (Воронежъ, 1878). Исслѣдованія: Вс. Миллеръ, «Взглядъ на Слово о Полку Игоревѣ» (М., 1877, разборъ А. Н. Веселовскаго въ «Ж. М. Н. Пр.», 1877, № 3); Е. Барсовъ, «Слово и пр., какъ художественный памятникъ кievской дружинной Руси» (М., 1887—90, 3 т., не окончено). Обзоры литературы: А. Смирновъ, «Литература Слова со времени открытія его до 1876 г.» (изъ «Филолог. Записокъ», Воронежъ, 1877); И. Ждановъ, «Литература Слова о Полку Игоревѣ» (Кіевъ, 1880; изъ «Унив. Извѣстій»); П. Владимировъ, «Слово о Полку Игоревѣ» (вып. I, Кіевъ, 1894, изъ «Унив. Извѣстій»). «Слово» или «Моленіе Даниила Заточника» (начала XIII в.) издано И. А. Шапкинскимъ въ «Пам. древней писм.» (СПб., 1889, въ предисловіи обзоръ литературы); исслѣдованіе А. Лященки: «О моленіи Даниила Заточника» (СПб., 1896). Средній періодъ, татарскій и московскій. а) *Поученія*. Е. Пѣтуховъ, «Серапіонъ Владимірскій, русскій проповѣдникъ XIII в.» (СПб., 1888); «Правило митр. Кирилла, почти по современной рукописи», въ «Р. Достопамятностяхъ» (М., 1815, I, 106 — 118; дополненія у Востокова, «Опис. рук. Рум. муз.», 302, 321, «Русс. Истор. Библ.», VI, 84—102). «Поученія митр. Петра»—въ Прибавл. къ Твор. св. отецъ» (1844) и въ «Памятн. др.-рус. каноническаго права» А. Павлова, т. I. «Поученія митр. Алексія» въ «Прибавл. къ Твор. св. отцовъ» (1849); приписываемый ему переводъ Евангелія изданъ митр. Леонтіемъ (М., 1892). «Поученіе еписк. Сарайскаго Матвея»—см. «Исторія рус. церкви», Макарія, т. V. И. Д. Мансметовъ, «Митр. Киприанъ въ его литургическомъ дѣятельности» (М., 1882); «Посланія Киприана»—въ «Памятн. древне-рус. каноническаго права», Павлова, т. I; о Киприанѣ и Епифаніи у Шевырева, «Ист. рус. слов.», III. Ключевскаго, «Др.-рус. житія святыхъ» (М. 1871, стр. 78—112). Кириллъ игуменъ Вѣлосерскій—его Посланія въ «Актахъ Истор.» т. I, № 12, 16, 27; въ «Христом.» Вуслаева, стр. 927—932, у Никольскаго: «Кирилло-Вѣлосерскій монастырь» (СПб., 1898). Николаевскій, «Русская проповѣдь въ XV и XVI в.» («Журн. Мин. Нар. Просв.», 1868); митр. Фотій (1410—1431) — въ «Исторіи церкви» Макарія т. V; Павловъ, «Памятники древне-русскаго каноническаго права» (СПб., 1880, «Русс. Истор. библиот.», т. VI); А. Вадковскій (митр. Антоній), «Исслѣдованіе о поученіяхъ митр. Фотіа» («Прав. Собес.», 1875, мартъ, сентябрь; перепеч. въ его книгѣ: «Изъ исторіи христіанской проповѣди»). Григорій Памвѣлахъ—Шевырева, «Исторія русской словесн.», IV; Макарія, «Ист. рус. церкви, т. V; П. А. Сырку, въ «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1884, № 11; еп. Мельхисидека, «Жизнь и сочиненія Григорія Памвѣла» (Бухарестъ, 1884, на румынск. яз.). б) *XVII ст.* Геннадій, архіеп. Новгородскій—Грандицкій, «Правосл. Обзорніе», 1878, сент.; 1880, августъ; въ «Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ», Костомарова (СПб., 1874, стр. 311 и др.). Объ сresi живущихъ: Ник. Руд-

невъ, «Разсужденіе о ересяхъ и расколахъ, бывшихъ въ русс. церкви со времени Владимира св. до Іоанна Грознаго» (М., 1838); «Исторія» Соловьева, т. V; «Исторія церкви» Макарія и Филарета; Панова; «Ересь жидовствующихъ» («Журн. Мин. Нар. Просв.», 1877, № 1—3); Сервицкій, «Опытъ» («Прав. Обзор.», 1862, № 6—8). Іосифа Волоколамскаго «Просвѣтитель» изданъ въ «Правосл. Собесѣдникѣ» (1859); см. И. П. Хрущовъ, «Исслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина, игумена Волоцкаго» (СПб., 1868); О Нилѣ Сорскомъ, Вассіанѣ Патрикѣевѣ: А. Правдинъ, «Нилъ Сорскій и уставъ его скитской жизни, въ «Христ. Чтеніи» (1877, январь); А. С. Архангельскій, «Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ, ихъ литературные труды и идеи въ древней Руси» (СПб., 1882, ч. I, «Пам. древн. письменности»); «Судное дѣло Вассіана», въ «Чтеніяхъ» моск. общ., 1847, № 9. Полемич. сочиненія Вассіана изданы А. С. Павловымъ въ «Правосл. Собес.», 1863. См. еще Хрущовъ, «Князь-инокъ В. Патрикѣевъ» («Др. и Нов. Россія», 1875, № 3). Вопросы о нестяжаніи касались А. С. Павловъ въ ст. «Земское направленіе русс. духовн. письменности» («Прав. Собесѣдникъ», 1863, кн. 1) и въ «Ист. очеркъ секуляризации церк. земель» (Одесса, 1871). «Бесѣда преп. Сергія и Германа» изд. Археограф. комиссіей подъ ред. В. I. Дружинина и М. Дьяконова (СПб., 1889). Четія-Минеи митр. Макарія: оглавленіе, составленное въ XVII в. справщикомъ инокомъ Евیمیемъ, издано В. Ундольскимъ въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Др.», 1847, кн. 4; архим. Іосифъ, «Подробное оглавленіе великихъ Четихъ-Миней митр. Макарія, хранящихся въ Моск. Патриаршей (нынѣ Синодальной) библиотекѣ» (М., 1892); Ключевскій, «Древне-русскія житія святыхъ» (М., 1892); Н. Лебедевъ, «Макарій митр. всероссійскій» (въ «Чтеніяхъ» общ. любит. дух. просв., 1877, ч. II; 1878, ч. I); Р. Заусинскій, «Макарій, митр. всея Россіи» (въ «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1881, № 10 и 11). Великія Четія-Минеи издаются Археогр. комиссіей (вышли пока сентябрь, октябрь и треть ноября). Сочиненія Максима Грека изданы казанской духовн. акад. (Казань, 1859—62); [А. Горскій, «Максимъ Грекъ, святигорецъ», (въ «Прибавл. къ творен. св. отецъ», М., 1859, ч. XVIII); В. Иконниковъ, «Максимъ Грекъ» (Кіевъ, 1865 — 66); Ѳ. Калутинъ, «Зиновій, инокъ Отенскій» (СПб., 1894); Емельяновъ, «Ересь Башкина и Феодосія Косого» (въ «Труд. Кіевск. Дух. Академіи», 1862, II); Н. Костомаровъ, «Историч. монографіи» (т. I, «Великорусскіе религиозные воззрѣнія въ XVI в.»); Жмакинъ, «Митр. Данилъ и его сочиненія» (М., 1881, изъ «Чтеній Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс.»). «Стоглавъ» изданъ въ «Правосл. Собес.», 1862; другое изд. «Стоглава» (СПб. 1863, Кожанчикова), по сокращ. редакціи О значеніи Стоглава см. въ «Истор. русс. церкви», Макарія. См. Добротворскій, ст. о Стоглавѣ въ «Прав. Собесѣдникѣ», 1862; И. Ждановъ, «Матеріалы для исторіи стоглаваго собора» («Ж. Мин. Нар. Просв.», 1876, № 7 и 8); Н. Лебедевъ, «Стоглавыи соборъ 1551 г. Опытъ изложенія его внутрен. исторіи» (вып.

I, М., 1882); см. также «Исторію канонизаціи святыхъ», В. Васильева (М., 1893), и Е. Голубинскаго (Сергіевъ Пос. 1894). Изданія «Домостроя»: Д. Голохвастова въ «Временникѣ» моск. общ. исторіи и древн., 1849, кн. I (съ 64-ой гл.), В. Яковлева (СПб., 1897, безъ 64 гл.), В. Яковлева (Одесса, 1887; здѣсь собраны всѣ редакціи «Домостроя»), А. Попова, съ предислов. Забѣлина (М., 1882, изъ «Чтеній»; старѣйшая редакція «Домостроя»; см. И. Некрасовъ, «Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія о происхожденіи др.-русс. Домостроя» (М., 1873, изъ «Чтеній»); арх. Леонидъ, «Благовѣщенскій іерей Сильвестръ» (въ «Чтеніяхъ» Моск. Общ. Исторіи и Др., 1874, кн. I); А. Михайловъ, «Къ вопросу о редакціяхъ Домостроя, его составѣ и происхожденіи» («Журн. Мин. Нар. Пр.», 1889, февраль, мартъ, разборъ соч. Некрасова; послѣдній отвѣчалъ тамъ же, июнь, стр. 372—390; отвѣтъ Михайлова—«Еще къ вопросу о Домостроѣ»—тамъ же, 1890, августъ). в) *Полемич. и трітестественники*. «Посланіе архіеп. Новгород. Василія къ еписк. Тверскому о земномъ раѣ»—(въ «Полн. Собр. Лѣтоп.» VI, 87 — 89, подъ 1347 г.). Ему Д. Ѳ. Кобеко («Опытъ исправленія текста о святыхъ Царяграда», въ «Извѣстіяхъ Акад. Наукъ», т. II, 1897, кн. 3 и 4) приписываетъ «Бесѣду о святыхъ Царяграда», изданную Л. Н. Майковымъ въ «Матер. и изслѣдов. по старин. русс. литер.» (вып. I, СПб., 1890). «Хожденіе Стефана Новгородца» (въ «Сказаніяхъ русс. народа» Сахарова, т. II). «Хожденіе Епифанія» (бытьможетъ Епифанія Премудраго, XIV в.) изд. архим. Леонидомъ въ «Правосл. Палест. Сборникъ», т. XVI, вып. 3 (СПб., 1896). «Хожденіе Игнатія Смоляннина» 1389 — 1455 изд. подъ ред. С. В. Арсенева въ «Правосл. Палест. Сборн.», в. 12 (СПб., 1887). «Хожденіе дьяка Александра»—у Сахарова («Сказанія», т. II). «Хожденіе инока Зосимы» (1419—1422) издано, подъ ред. Х. М. Лопарева, въ «Правосл. Палестинскомъ Сборникѣ» (вып. 24, СПб., 1889). «Хожденіе гостя Василія» (конца XV в.) издано въ «Палестинск. Сборникѣ» архим. Леонидомъ. «Хожденіе священноинока Варсонофія ко святому граду Іерусалиму въ 1456 и 1461—1462», открытое Н. С. Тихонравовымъ, издано подъ ред. С. Долгова (М., 1896). «Палест. Сборникъ», т. XV, вып. 3). «Путешествіе Симеона Суздальца»—въ «Сказаніяхъ русс. народа» Сахарова, т. II. «Разсказъ Авраамія» изданъ по списку XVI в. у Андрея Попова, «Историко-литер. обзоръ древне-русс. полемич. сочиненій противъ латинянъ» (М., 1875, прилож., стр. 399—406). «Разсказъ о мистеріи Вознесенія»—у Н. С. Тихонравова (въ «Вѣстн. общ. древне-русс. искусства», Москва, 1874—75). См. А. Н. Веселовскій, «Italienische Mythen in einem russisch. Reisebericht des XV Jahrh.» (въ «Russische Revue», 1876, т. X, 425 и д.); Срезневскій, «Хожденіе изъ моря Анастасія Никитина» (въ 1466—72, СПб., 1857, изъ «Ученыхъ зап. II отд. Академіи Наукъ», кн. II); «Хожденіе Понзюкова»—И. Е. Забѣлинъ въ «Чтеніяхъ» (1884), Х. Лопаревъ, въ «Палест. Сборн.» (вып. 18,

СПб., 1887). «Хожденіе Трифона Коробейникова» — С. О. Долговъ въ «Чтеніяхъ» (1887, кн. I), Лопаревъ въ «Палестин. Сборникъ» (вып. 27, СПб., 1888). «Житіе и хожденіе въ Іерусалимъ и Египетъ казанца Василия Яковлева Гагари 1634—37» — въ «Палест. Сборникъ» (вып. 33, 1891, подъ редакціей С. О. Долгова). «Хожденіе діакона Іоны Маленькаго» издано архим. Леонидомъ въ «Пам. древн. писмен.» (СПб., 1882) и С. О. Долговымъ въ «Палестинск. Сборникъ» (вып. 42, 1895). «Проскитарій» Арсенія Суханова (изданъ Н. И. Ивановскимъ въ прилож. къ «Правосл. Собес.», 1880, и въ «Палестин. Сборникъ», т. VII, СПб., 1889). г) *Расколъ*. Общие обзоры литературы — А. С. Пругавинъ, «Расколъ — сектанство. Вып. 1. Библиографія старообрядчества и его развитій» (М., 1887); Сахаровъ, «Указатель литературы о расколѣ» (1887—88). Исторія: Н. Рудневъ, «Разсужденіе о ересь и расколахъ» (М., 1838); Н. Субботинъ, «Матер. для ист. раскола за первое время его существованія» (М., 1875—1888); пр. Макарій, «Исторія русс. церкви» (т. XII и нач. XIII, СПб., 1883); Н. Гиббонетъ, «Историческое изслѣдованіе дѣла патр. Никона» (СПб., 1882—1884); Н. Калтеревъ, «Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку въ XVI и XVII стол.» (М., 1885); «Патріархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ обрядовъ. Вып. 1. Время патр. Іосифа» (М., 1887, изъ «Правосл. Обзор.»); С. Бѣлокуровъ, «Арсеній Сухановъ» (М., 1891—1897, изъ «Чтеній»); А. Шаловъ, «Русскій расколъ старообрядчества» (Казань, 1859); П. Мельниковъ, «Историч. очерки поповщины» (ч. I, М., 1864; продолженіе въ «Русск. Вѣстн.», 1864, № 5; 1866, № 5, 9; 1867, № 2); А. Бороздинъ, «Протопопъ Аввакумъ» (СПб., 1898); П. Смирновъ, «Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII в.» (СПб., 1898). д) *Писатели кievской школы*. С. Голубевъ, «Кievскій митр. Петръ Могила и его сподвижники» (I т., Кіевъ, 1883, т. II, Кіевъ, 1898); Пекарскій, «Представители кievской учености въ половинѣ XVII стол.» (Отеч. Записки», 1862, кн. 2, 3, 4); С. Любимовъ, «Борьба между представителями великорусскаго и малорос. направленія въ концѣ XVII и нач. XVIII в.» («Журн. Мин. Нар. Просв.», 1875, авг., сент.); Н. Сумцовъ, «Іоаннскій Галатовскій и Лазарь Барановичъ» (Харьковъ, 1885); А. Архангельскій, «Борьба съ католичествомъ и умственное пробужденіе Южн. Руси къ концу XVI в.» (Кіевъ, 1886); П. Владиміровъ, «Д-ръ Францискъ Скорина» (СПб., 1888); В. Завитневичъ, «Палинодія Захарія Копытскаго» (Варшава, 1883); М. Марковский, «Антоній Радзивилоскій, южно-русс. проповѣдникъ XVII в.» (Кіевъ, 1894); В. Эйнгортъ, «Книги Кіевской и Львовской печати въ Москвѣ въ 1670 г.» (М., 1895, изъ «Чтеній», 1895, IV); «О сношеніяхъ малороссійскаго духовенства съ московскимъ правительствомъ въ царствованіе Алексѣя Мих.» («Чтенія», 1893—94); Л. Майковъ, «Симеонъ Полоцкій» (въ «Древн. и Нов. Россіи», 1875, 2 изд. дополн., въ «Очеркахъ изъ ист. русс. литер.», СПб., 1889); В. По-

повъ, «Симеонъ Полоцкій какъ проповѣдникъ» (М., 1886); I. Татарскій, «Симеонъ Полоцкій, его жизнь и дѣятельность» (М., 1886); А. Прозоровскій, «Сильвестръ Медвѣдевъ. Его жизнь и дѣятельность» (М., изъ «Чтеній», 1896). Изъ соч. Сильвестра Медвѣдева, «Извѣстіе истинное» издано С. Бѣлокуровымъ въ «Чтеніяхъ» (М., 1885, кн. 4). «Созерцаніе краткое лѣтъ 7190, 7191, 7192» — А. Прозоровскимъ въ «Чтеніяхъ» (М., 1894, кн. 4). Свящ. П. Смирновъ, «Іоакимъ, патр. московскій» (М., 1881); И. А. Шляпкины, «Дмитрій Ростовскій и его время» (СПб., 1891); Пѣвницкій, «Епифаній Славинскій» (въ «Трудахъ Кіевской Дух. Акад.», 1861, кн. 2—3); С. Н. Брайловскій, «Каріонъ Истоминъ» (въ «Чтеніяхъ въ общ. любит. духовн. просв.», 1889, апрѣль, май, іюнь); «Очерки изъ исторіи просвѣщенія въ Моск. Руси въ XVII в. Чудовскій іакетъ Евсеимій» (въ «Чтеніяхъ въ общ. любит. дух. просв.», 1889). е) *Житія и сказанія*. Θ. И. Буслаевъ, «Историческіе очерки русс. народной словесности и искусства» (СПб., 1861); Ив. Некрасовъ, «Зарожденіе національной литературы въ свѣт. Руси» (Одесса, 1870); В. Ключевскій, «Древне-русскія житія святыхъ какъ историческій источникъ» (М., 1871); В. Васильевъ, «Исторія канонизаціи русс. святыхъ» (М., 1893, изъ «Чтеній Моск. Общ.»); Е. Голубинскій, «Исторія канонизаціи святыхъ въ русс. церкви» (Сергіевъ Посадъ, 1894); Е. Голубинскій, «Преп. Сергій Радонежскій и созданная имъ Троицкая лавра» (Серг. Посадъ, 1892); Ив. Некрасовъ, «Пахомій Сербъ, писатель XV в.» (въ Записк. Новорос. Univ., VI, стр. 1—99, Одесса, 1871); Ив. Яхонтовъ, «Житія св. сѣвернорусскихъ подвижниковъ Поморскаго края, какъ историч. источникъ» (Казань, 1882); Н. П. Барсуковъ, «Источники русс. агиографіи» (СПб., 1882, изданіе общ. любит. древн. письменности; указаны рукописи и изданія обширной древнерусской житійной литературы). Нѣсколько новгородскихъ житій у Костомарова въ «Памятникахъ старинной русс. литературы» (вып. IV, СПб., 1862). А. Кадлубовскій, важныя изслѣдованія о старыхъ житіяхъ въ «Р. Филол. Вѣстникъ» (1897—98); свящ. І. Ковалевскій, «Юродство во Христѣ» (М., 1895).

ж) *Лѣтописи и историческіе труды*: «Новгородская лѣтопись по Синодальному харатейному списку» (изд. Археогр. комиссіи, СПб., 1888); Новгородскія лѣтописи (такъ называемая Новгородская вторая и Новгородская третья), изд. Археогр. ком. (СПб., 1879); Псковскія лѣтописи (1—ая и 2—ая) въ «Полн. Собр. Русс. Лѣтописей» (т. IV—V); Лѣтописи Софійская и Русская, тамъ же, т. V—VI; Лѣтопись Воскресенская, тамъ же, т. VII и VIII; Никоновская лѣтопись, тамъ же, т. IX и XI; Тверская лѣтопись, тамъ же, т. XV; «Лѣтописный сборникъ Авраамки», тамъ же, т. XVI; И. А. Тихомировъ, «Обозрѣніе состава Московскихъ лѣтописныхъ сводовъ» (Воскресенскаго, Никоновской лѣтописей, ея продолженій, двухъ Софійскихъ и четвертой Новгородской, въ «Лѣтописи занятій Археогр. Комиссіи», вып. X, СПб., 1895); А. Прѣслковъ, «Царственная книга,

ея составъ и происхожденіе» (СПб., 1893); Буслаевъ, о Царственной книгѣ въ «Историч. Очеркахъ», т. II, 308 и д.; «Книга Степенная Царскаго родословія» издана Гер. Миллеромъ (М. 1775, 2 ч.); Устряловъ, «Сказанія кн. Курбскаго» (СПб., 1833 и др. изд.); М. П.—скій, «Кн. Курбскій. Историко-библиогр. замѣтки по поводу послѣдняго изд. его Сказаній» (въ «Учен. Запискахъ Казанск. Univ.», 1873 и отд., Каз., 1873); А. Н. Ясинскій, «Сказанія кн. Курбскаго, какъ историч. матеріалъ» (Кіевъ, 1889); Н. К. Михайловскій, «Критическіе опыты. III. Иванъ Грозный въ русской литературѣ» (СПб., 1895 и 1897, т. VI); «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича» (изд. 3 Археогр. комиссіи съ предисл. А. А. Куняка, СПб., 1884); Ал. И. Маркевичъ, «Григорій Карповъ Котошихинъ и его соч. о Моск. государствѣ» (Одесса, 1895). О «Синописѣ» Иннокентія Гизеля у П. Милокова, «Главные течения русс. историч. мысли» (М., 1897, с. 5—12). Дьякъ Ѳеодоръ Грибѣдовъ, «Исторія о царяхъ и вел. князяхъ земли русской, съ предисл. С. Ѳ. Платонова» (СПб., 1896, «Памятн. древн. писм.»); Манкиевъ, «Ядро Росс. исторіи» (изд. Миллеромъ, М., 1770, 3 изд., М., 1791).

з) *Историческія повѣсти и сказанія*. Сказанія о началѣ Москвы—Карамзинъ, «Исторія Государства Россіи» (II, примѣч. 301); Ѳ. И. Буслаевъ, «Мѣстныя сказанія владимірскія, московскія и новгородскія» (въ «Лѣтоп. русск. литер. и древн.», т. IV); И. Забѣлинъ, «Древности Москвы и ихъ изслѣдованія» («Вѣстникъ Европы», 1867, мартъ, июнь); М. Дьяконовъ, «Власть моск. государей» (СПб., 1889, обзоръ сказаній и публицистическихъ сочиненій о роли Московскаго царства); В. Яковлевъ, «Сказанія о Царьградѣ по древнимъ рукописямъ» (СПб., 1868). «Повѣсть о Царьградѣ» (его основаніи и взятіи турками въ 1453 г.) Нестора—Искандера, XV в., сообщ. архим. Леонидъ (СПб., 1886, «Памятники древн. писм.»); разборъ Г. Дестуниса въ «Ж. Мин. Нар. Пр.», 1887, февр.). Сказаніе о смутной эпохѣ подробно изучены С. Ѳ. Платоновымъ: «Сказанія и повѣсти о смутномъ времени» (СПб., 1888); самые памятники изданы имъ въ «Русс. Историч. Библіотекѣ» (т. XIII, СПб., 1891).

и) *Литература святская*. «Слово о погребѣи русской земли» (XIII в.) издано Х. М. Лопаревымъ (СПб., 1892; «Памятники древней письменности, LXXXIV»). Объ этомъ Ждановъ, «Русскій былевой эпосъ» (СПб., 1895, стр. 96). «Сказанія о Мамаевомъ побоищѣ»: разборъ ихъ у С. П. Тимофеева, «Сказаніе о Куликовской битвѣ» («Журн. Мин. Нар. Пр.», 1885, августъ и сентябрь). «Повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ» изданы Тихонравовымъ въ «Лѣтопис. русс. литер. и древн.» (1859, т. I, кн. I; 1859—60, т. III, кн. 5); А. Н. Веселовскій, «Отрывки византийскаго эпоса въ русскомъ» («Славян. сборникъ», СПб., 1876, стр. 122—165); «Ист. русс. словесн.» Галахова (1880, т. I, 409 сл.); И. Н. Ждановъ, «Повѣсти о Вавилонѣ и сказанія о князьяхъ Владимірскихъ», «Русс. былевой эпосъ» (СПб., 1895, стр. 1—151); А. Н. Пыпинъ,

«Очеркъ литер. исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ» (СПб., 1857); А. Веселовскій, «Памятники литературы повѣствовательной» (глава въ I т. «Исторіи русской словесности», А. Галахова, изд. 2, стр. 394—517); его же, «Къ вопросу объ источникахъ сербской *Александрии*» («Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія», 1884, июнь, сент.; 1885, окт.); «Изъ исторіи романа и повѣсти» (СПб., 1886—1888); «Новыя данныя для исторіи романа объ *Александрѣ*» (СПб., 1893); В. Истринь, «Александрія русскихъ хронографовъ» (Москва, 1893, изъ «Чтеній»); «Александрия» (СПб., 1880—1887; автографическое изданіе лицевой рукописи XVII в., общ. любит. древн. письменности); А. Веселовскій, «Южно-славянская *повѣсть о Тронѣ*» («Изъ исторіи романа и повѣсти», II, 25—121); «Повѣсти о царѣ *Синагритѣ* и *Ахирѣ Премудромъ*»—«Памятникистаринн. рус. литер.» (СПб., 1860—62, т. II, 359—373); А. Веселовскій, «Новыя отношенія муромской легенды о *Петрѣ и Февроніи*» («Журн. Мин. Нар. Просв.», 1871, апрѣль; въ «Исторіи словесн.», Галахова, I, 415 и дал.). «Сказаніе о *Дигенисѣ*»: А. Н. Пыпинъ, «Очеркъ» (1857); А. Веселовскій, «Отрывки византийскаго эпоса въ русскомъ. Поэма о *Дигенисѣ*» («Вѣстн. Европы», 1876, апр.); Н. Баталинъ, «Сказаніе объ индійскомъ *царствѣ*» (Воронежъ, 1879, изъ «Филолог. Записокъ»); В. Истринь, «Сказаніе объ индійскомъ царствѣ» (Москва, 1893); А. Кирпичниковъ, «Греческіе романы въ новой литературѣ. Повѣсть о *Варлаамѣ* и *Иоасафѣ*» (Харьковъ, 1876; разборъ А. Веселовскаго «Журн. Мин. Нар. Пр.», 1877, июль); «Житіе Варлаама и Иоасафа» (СПб., 1886, изд. общ. любит. древн. писм.); Ив. Франко, «Варлаамъ и Иоасафъ», въ «Записк. товариства имени Шевченка» (Львовъ, 1895—96). *Стефанитъ* и *Ихтиматъ* (съ предисл. и примѣчаніями Ѳ. И. Вулакова. СПб., 1877; изд. общ. любит. древн. писм.) и съ предисл. и подъ ред. А. Е. Викторова, въ «Пам. древн. писм.», М. 1881); С. Смирновъ въ «Филологическихъ Запискахъ», 1879, вып. III. *Сказанія о Соломонѣ*: изданы Тихонравовымъ въ «Лѣтоп. русс. литер. и древн.» (т. IV, Москва, 1862, стр. 112—153) и въ «Памятникахъ отреченной русс. литер.» (М. 1863, т. I, стр. 254—272); А. Веселовскій. «Изъ исторіи литер. общенія Востока и Запада. Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китовраствѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ» (СПб., 1872). *Повѣсть о Дракулѣ*—у А. Пыпина («Очеркъ ст. повѣстей», 215—218, 344—349—текстъ). Изслѣдованіе о ней І. Богдана на румын. яз. съ изданіемъ текста русс. повѣстей вызвало рецензію А. Яцимирскаго, въ «Извѣстіяхъ русс. отдѣл. акад. наукъ» (1897, кн. II). *Сказаніе Ио. Пересеттова о турецкомъ царѣ Мааметѣ*, изд. П. М. Добровольскимъ въ «Ученыхъ Записк. Казанск. Univ.» (1865, I, вып. 1), А. Поповымъ въ «Изборникѣ хронографовъ» (М. 1869, стр. 165—167); «Повѣсть нѣкоего богъ побѣди мужа»—въ «Москвитинѣ» 1844 и въ «Ист. Христ.» Вулаева (1861, стр. 877—883). О ней А. Веселовскій въ «Истор. русс. слов.» Галахова (I, 506—507). О *Двенадцати снахъ царя Ша-*

жанин—А. Веселовский, в «Ист. русс. слов.» Галахова, I, стр. 431. С. О. Ольденбург, «Къ вопросу объ источникахъ. Слово о 12 снахъ Шахаша» («Журн. Мин. Нар. Просв.», 1892, т. 284, стр. 135—140). *Шемякинъ Судъ*: А. Пыпинъ, в «Архивъ Калачова» (СПб., 1859, кн. IV, стр. 1—10); Аванасьева, «Русс. народн. сказки» (Москва, 1897, II, 276—279); Сухомлиновъ, «Повѣсть о судѣ Шемаки» в «Сборникъ II отд. Академіи» (1873, т. X); «Повѣсть о судѣ Шемаки», изд. общ. люб. древн. писем., съ предисл. О. Булгакова 1879; Д. Ровинский, «Русскія народныя картинки» (СПб., 1881, I, 189; IV, 166—176; V, 99, 148—150); С. Ольденбург, «Библиогр. указанія о Шемакинскомъ судѣ въ русской и иностранной литературѣ» в «Жив. Стар.» (1891, вып. III). *Ерусалъ Лаваревичъ*: Аванасьева, «Русскія народныя сказки» (Москва, 1897, II, 441—445); Н. Тихоновъ (текстъ сказки, XVIII в. и примѣч.) в «Лѣтоп. русск. литер. и древн.» 1859, т. II, кн. 4; Костомаровъ, «Памятники стар. русск. литер.» (СПб., 1860, стр. 325—339, текстъ по рукоп. XVII в.); В. Стасовъ, «О происхожденіи русскихъ былинъ» («Собр. соч.», III, 1894, стр. 948 и др.); Веселовский, «Мелкія замѣтки къ былинамъ» («Журн. Мин. Нар. Просв.», 1890, № 3, гл. XIV).—*Бова Королевичъ*: Веселовский, «Изъ исторіи романа и повѣсти» (II, СПб., 1888, стр. 229—305; прил. стр. 129—172 и 237—262). *Тристанъ*: Веселовский, «Изъ исторіи русскаго романа» (II, 1888, стр. 132—228; в прил. 1—127 текстъ романа). *Аттила*—тамъ же, стр. 307—330; прил. 175—236. *Исторія о Бруннѣ* издана М. Петровскимъ в «Памятн. древн. писмен.» (СПб., 1888); см. Поливка, «Kronika o Brunnikovu» (Прага, 1892). *Васильи Златовласый*—изданіе И. Шляпкина, в «Памятн. древн. писмен.», 1882; о немъ Веселовский, в «Замѣткахъ по литературѣ и народн. словесности» (СПб., 1886, стр. 62—80). *Римскія дѣянія*: изданіе общ. любит. древн. писем. 2 вып., СПб., 1877—1878; С. Л. Пташницій, «Средневѣковыя зап.-европ. повѣсти въ русс. и славянск. литературахъ». *Исторія «Римскихъ дѣяній»* в «Историч. Обзорніи» (СПб., т. VI и IX и отд. СПб., 1893, съ подробнымъ сличеніемъ состава русскихъ списковъ съ польскимъ подлинникомъ). *Великое зерцало*: П. Владимировъ, в «Чтеніяхъ» (Москва, 1883—1884 и отд.); «Къ изслѣдованію о Великому Зерпалѣ» (Казань, 1885, изъ «Учен. Записокъ Казанск. Univ.»); Е. Пѣтуховъ, «Очерки изъ литературной исторіи *Синодика*» (СПб., 1895); нѣсколько синодиковъ издано обществомъ любит. древн. писем. *Исторія о семи мудрецахъ* (изд. обществомъ любит. древн. писем. 2 вып., съ предисл. О. Булгакова СПб., 1878); М. Мурко, «Die Geschichte von den Sieben Weiden bei den Slaven» (Вѣна, 1890, в «Sitzungsberichte» вѣнскаго акад., т. CXII). *Исторія о Мелюзинѣ* издана обществомъ любит. древн. писем. (2 вып., СПб., 1879—1880). *Исторія о рыцарѣ Петрѣ — золотыхъ ключахъ* в «Очеркѣ» А. Пыпина (стр. 233—237). *Повѣсть объ Аполлонѣ Тирскомъ*: Тихоновъ, в «Лѣтоп. русск. литер. и древности» (М.,

1859, т. I); М. Мурко, «Die russische Uebersetzung des Apollonius von Tyrus und d. Gesta Romanorum» (въ «Archiv f. slav. Phil.», т. XIV). *Повѣсти о злыхъ женахъ* изданы в «Очеркѣ» Пыпина (262—278) и в «Памятникахъ» стар. русск. литер. Костомарова (II, 453, 461); см. также в «Русск. народн. картинкахъ» Д. Ровинскаго (III, 169—170). *О повѣсти о табаку о змѣяхъ*: Костомаровъ, «Памятники стар. русск. литер.» (II, 447—449); Ровинскій, «Русс. народн. картинки». *Повѣсть о Салтѣ Грудимѣ* в «Лѣт. русск. литер.» Тихоновъ (II, кн. 4, 61—80); Костомаровъ, «Памятники» (I, 169—192). *Преніе живота и смерти*: Костомаровъ, «Памятники» (II, 439—443); Веселовский, «Отрывки византийскаго эпоса въ русскомъ», («Вѣстникъ Европы», 1875; «Russische Revue», т. IV; в «Ист. слов.» Галахова, т. I, 493—496); О. Д. Ватушковъ, «Споръ души съ тѣломъ въ памятникахъ средне-вѣковой литературы» (СПб., 1891). *Повѣсть о Горѣ Злосчастіи* найдена А. Н. Пыпинымъ («Очеркъ», стр. 293), изд. Костомаровымъ, «Соврем.», 1856, мартъ, и въ «Памятникахъ стар. русск. литер. I; о ней Веселовскій в «Ист. слов.» Галахова (I, 474—480) и в «Разысканіяхъ въ области русск. дух. стиха», гл. XIII (и въ «Сборн. отд. русск. яз.», т. XLVI). *Повѣсть о Фролѣ Скобеевѣ*—«Москвитинъ» (1853, т. I).

Народная поэзія. Обзорніе изученія былъ эпоса сдѣлано въ книгѣ А. М. Лободы: «Русскій богатырскій эпосъ» (Кіевъ, 1896); Dr. I. Machal, «O bohatyrském epose, slovan-skem» (Прага, 1894).—*Изданія былинъ*: «Древняя русскія стихотворенія, собранныя Киршемъ Даниловымъ» (М., 1818, подъ редакцію К. Калайдовича), переизданы въ 1878 г. въ Москвѣ, поздне въ СПб. въ «Дешевой Библиотекѣ» Суворина. Скоро выйдетъ изъ печати новое изданіе Кирши (академіи наукъ) подъ редакцію П. Н. Шеффера, дополненное и изрѣченное по рукописи. «Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣвскимъ и изданія П. А. Безсоновымъ» (М., 1860—1870, вып. 1—4: былины Владимірова цикла; вып. 5—новгородскія и княжескія); «Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ» (вып. I и II, М., 1861—1862, подъ редакціей Безсонова; вып. III, Петрозаводскъ, 1864, вып. IV, СПб., 1867, подъ ред. О. О. Миллера); «Онежскія былины, записанныя А. О. Гильфердингомъ въ 1871 г.» (СПб., 1873; переиздаются Имп. академіей наукъ, т. I и II); «Русскія былины старой и новой записи, подъ ред. Н. С. Тихоновъ и В. О. Миллера» (М., 1894).—*Изслѣдованія*: Е. С. Аксаковъ, «Богатыри времени кн. Владиміра» («Русская Вѣсѣда», 1856, кн. IV); О. Буслаевъ, «Историческіе очерки русск. народно-словесности и искусства» (СПб., 1861); О. И. Буслаевъ, «Русск. богатырскій эпосъ» («Русскій Вѣстникъ», 1862, № 3, 9 и 10; перепеч. въ книгѣ «Народная поэзія», СПб., 1887); Л. Н. Майковъ, «О былинахъ Владимірова цикла» (СПб., 1863); Квашинъ-Самаринъ, «Русск. былины въ историко-географ. отношеніи» («Вѣсѣда», 1871, и «Русскій Вѣстникъ», 1874); Ор. О. Миллеръ, «Илья Муромецъ и Богатырство

Киевское. Сравнительно критическія наблюденія надъ словеснымъ составомъ русск. народнаго эпоса» (СПб., 1870); В. В. Стасовъ, «Происхожденіе русск. былинъ» («Вѣстникъ Европы», 1868 и въ «Собр. сочиненій»); А. Н. Веселовскій, «Южно-русскія былинны» (СПб., 1881); «Былины о Садкѣ Новгородскомъ» («Журн. Мин. Нар. Пр.», 1886, декабрь; другія сочин. Веселовскаго о былинахъ см. въ «Указателѣ» къ трудамъ его, изд. 2, СПб., 1896); М. Халанскій, «Великорусскія былинны киевск. цикла» (Варшава, 1885); «Южно-славянскія сказанія о кравеичѣ Маркѣ въ связи съ произведеніями русск. былагого эпоса» (Варшава, 1893—95); Н. П. Дашкевичъ, «Былины объ Алешѣ Поповичѣ» («Унив. Извѣстія», 1883); И. Н. Ждановъ, «Къ литературной исторіи русск. былагой поэзіи» (Кіевъ, 1881); «Русскій былагой эпосъ» (СПб., 1895); В. О. Миллеръ, «Экскурсы въ область русск. народнаго эпоса» (М., 1892); «Очерки русск. народной словесности. Былинны» (М., 1897), *Писки*: Сахаровъ, «Сказанія русск. народа» (СПб., 1838—39); Шейнъ, «Русскія народныя пѣсни» (М., 187); «Великорусскія въ своихъ пѣсняхъ, обрядѣхъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ, легендахъ и т. п.» (т. I, вып. 1, СПб., 1898); А. И. Соболевскій, «Великорусскія народныя пѣсни» (СПб., 1895—1899); Е. Барсовъ, «Причитанія Сѣв. края» (М., 1872); Л. Майковъ, «Великорусскія заклинанія» (СПб., 1869); Д. Садовниковъ, «Загадки рус. народа» (СПб., 1876); В. Даль, «Пословицы русск. народа» (1861, 2 изд., 1879). *Писки историческія* собраны у Рыбникова, Кирѣвскаго (вып. 6—пѣсни о Грозномъ царѣ; вып. 7—отъ Ивана IV до Петра I; вып. 8—пѣсни о Петрѣ; вып. 9—XVIII в. въ историч. пѣсняхъ послѣ Петра; вып. 10—«Нашъ вѣкъ въ русск. истор. пѣсняхъ»); П. И. Вейнбергъ, «Русск. народныя пѣсни объ Иванѣ Грозномъ» (Варшава, 1872; разборъ Веселовскаго въ «Вѣстн. Европы», 1872, августъ); А. Веселовскій, «Сказки объ Иванѣ Грозномъ» («Древняя и Новая Россія», 1876, № 4); О. И. Буслаевъ, «Русская поэзія XVII в.» въ «Очеркахъ нар. слов.» (т. I, 517—547); Н. Я. Аристовъ, «Объ историческомъ значеніи русск. разбойничьихъ пѣсней» («Филол. Зап.», 1874—1875 и отд., Воронежъ, 1875). *Изсѣдованія о нар. поэзіи* (особливо обрядовой): И. Снегиревъ, «Русскіе просто-народные праздники» (М., 1837); А. Терещенко, «Быть русскаго народа» (СПб. 1848); Афанасьевъ, «Поэтическая воззрѣнія славянъ на природу» (1865—1869); Н. Крушевскій, «Заговоры какъ видъ русск. нар. поэзіи» (Варшава, 1876); А. Веселовскій, «Розысканія въ области духовн. стиховъ», VI—X (СПб. 1883; изсѣдованія о колядскихъ пѣсняхъ); Н. Сумцовъ, «О свадебныхъ обрядѣхъ, преимущественно русскіхъ» (Харьковъ, 1881); его же, «Заговоры» (библіогр. указатель, Харьковъ, 1896); А. Потебня, «О мнѣеискомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и поѣвій» (1867); «Разборъ сборника пѣсней Голованскаго» (СПб., 1880); «Объясненія малорусск. и среднорусск. народныхъ пѣсней» (1883—87); Вестфаль, «О русск. народной пѣснѣ» («Рус. Вѣстникъ», 1879, сентябрь); О. Миллеръ, «Опытъ истор. обзор. русск. словесности» ч. I; Machal, «Nakres slovanského bájesloví» (Прага, 1891); П. Владиміровъ, «Введеніе въ ист. русск. словесности» (Кіевъ, 1896). *О типѣ новаго образа*: Михневичъ, «Извращеніе народнаго пѣснотворчества», «Ист. Вѣстн.» 1880, т. III, декабрь; Гл. Успенскій, «Новыя народныя стихи» (Соч. т. III, СПб., 1891, 650—652); И. Львовъ, «Новое время—новыя пѣсни» (Устюгъ, 1891); Н. Позняковъ, «Къ вопросу объ упадкѣ народнаго творчества» (М. 1897; изъ «Вѣстн. воспитанія»). *Сказки*: Афанасьевъ, «Народныя русск. сказки» (М. 1855; 3 изд. 2 т., М., 1897); Худяковъ, «Великорусскія сказки» (СПб., 1860—63); «Матеріалы для изученія народн. словесности» (СПб. 1863); Д. Садовниковъ, «Сказки и преданія Самарскаго края» (СПб., 1884); Д. А. Ровинскій, «Русск. народныя картинки» (СПб., 1881, 5 томовъ въ атласѣ). *Духовные стихи*: Кирѣвскій, «Дух. стихи» («Чтенія Общ. ист. и др.», 1848, № 9); Безсоновъ, «Катки переходные» (1861—64); Варенцовъ, «Духовные стихи» (1860); В. Мочульскій, «Историко-литерат. анализъ стиха о Голубиной книгѣ» (Варш. 1887); А. Кирпичниковъ, «Св. Георгій и Егорій храбрый. Изсѣдованія литерат. исторіи христіанской легенды» (СПб., 1879); А. Веселовскій, «Розысканія въ области русск. духовнаго стиха» (СПб., 1879—1891; подробное содержаніе см. въ «Указателѣ» къ трудамъ Веселовскаго, 2 изд., СПб. 1898).

Время Петра Великаго. Е. Шмурло, «Петръ Великій въ русск. литературѣ» (СПб., 1888); *Академія наукъ*. Пекарскій, «Наука и литература при Петрѣ Вел.» (СПб., 1862); Миллюковъ, «Очерки по исторіи русской культуры» (СПб., 1897, гл. IV); Д. Ровинскій, «Русскія народн. картинки» (т. IV, стр. 256—269; т. V, стр. 155—163); «Пѣсни Кирѣвскаго» (вып. 8, М., 1870); Е. Барсовъ, «П. В. въ народн. преданіяхъ Сѣв. края» («Вѣстн.», 1872, V); о Петрѣ какъ Антихристѣ см. у Мельникова, «Историч. очерки поповщины» (М., 1864; прод. въ «Рус. Вѣстникѣ», 1864, 1866, 1867); В. Щепкинъ, «Два лицевыхъ сборника Историческаго Музея» (М., 1897. изъ «Археол. изв. и зам.»). *Стефанъ Яворскій*: «Проповѣди» (М., 1804—1805). Незаданныя проповѣди Ст. Яворскаго и ст. Чистовича (въ «Христ. Чтеніи» 1867 и отд. СПб., 1867); Ю. Самаринъ, «Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ» (М., 1844; полнѣе въ V т. «Соч. Самарина», М., 1880); Ф. Терновскій, въ «Труд. Кіев. дух. Акад.» (1864) и въ «Древней и Новой Р.» (1879, № 8); И. Чистовичъ, «Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время» (СПб., 1868); Н. Тихонравовъ, «Московск. вольнодумцы начала XVIII в. и Стефанъ Яворскій», «Сочиненія» (Москва, 1898, т. II); П. Морозовъ, «Ѳеофанъ Прокоповичъ какъ писатель» (СПб., 1880). *Посидки*: А. Брикнеръ, въ «Журн. Мин. Нар. Пр.», 1874—1879; «Забытые отеческое» (изд. Е. М. Пращаева, СПб., 1893); Н. П. Павловъ-Сильванскій, «Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Вел.» (СПб., 1897); И. Моршкінъ, «Ѳеофилактъ Лопатинскій» («Рус.

Старина», 1886); «Собрание словъ Гавріила Бу-
жинскаго» (Гер.-Фр. Миллера, М., 1784);
Ев. Пѣтуховъ, «Пр. Буж., и изслѣд.» (Юрьевъ,
1898); Ф. Терновскій, «Русское проповѣдни-
чество при Петрѣ Вел.» въ «Руководствѣ для
сельскихъ пастырей» (1870); П. Знаменскій,
«Духовныя школы въ Р. до реформы 1808 г.»
(Казань, 1881). Въ книгѣ Пекарскаго «Наука
и литература при Петрѣ Вел.» данъ истори-
ческій обзоръ литерат. явленій (I т.) и би-
блиографическое описаніе книгъ Петровскаго
времени (т. II). Дополненіе къ ней А. О.
Бычкова, «Каталогъ хранящихся въ Имп.
Публ. Библиот. изданій, напечатанныхъ граж-
данскимъ шрифтомъ при Петрѣ» (СПб., 1867).
Путешествіа при Петрѣ; М. А. Веневитиновъ,
«Русскіе въ Голландіи» (М., 1897; первое
путешествіе самого Петра). Путешествіе
стольника П. А. Толстого издано въ «Р. Ар-
хивѣ», 1888; Путешествіе Б. П. Шереметева
или «Статейный списокъ посольства ближняго
боярина и намѣстника вятскаго В. П. Ш.—ва»
издано, съ гравюрами, М., 1773, потомъ въ
«Древней Рос. Виблюиокъ», изд. 2, М., 1788,
ч. V, стр. 252—432; Дневникъ неизвѣстнаго
бывшаго въ Голландіи, Германіи и Италіи въ
1697—98 г. и «Записная книжка любопыт-
ныхъ замѣчаній великой особы, странство-
вавшего подъ именемъ дворянина росс. по-
сольства въ 1697 и 1698 гг.» (СПб., 1788; въ
«Моск. Вѣстн.», 1830, ч. VI; въ «Отеч. Зап.»,
1846, № 8); Пекарскій «Наука и литература»
(т. I, 148—150); Дневникъ неизвѣстнаго, въ
1714—1717 гг. посѣтившаго Голландію, Испа-
нію, Италію и Францію, приписываемый Пе-
карскимъ одному изъ Нарышкиныхъ («Наука
и литер.», I, 145, 152—154); Статейный спи-
сокъ посольства А. А. Матвѣева во Францію
въ 1705 г. изложень Пекарскимъ въ «Совре-
менникѣ» (1856, № 6, стр. 39—66); Дневники
и путевыя замѣтки кн. Б. Ив. Куракина—въ
«Архивѣ кн. О. А. Куракина» (т. I и сл.,
СПб., 1890).

Новый, послѣ-Петровскій, періодъ ли-
тературы.—*Антологъ Кантемиръ*: «Сочиненія,
письма и избранные переводы, со статіею
о Кантемирѣ и примѣчаніями В. Стоюнина»
(редакція изданія П. А. Ефремова, СПб.,
1867—68, 2 т.); стихотворенія, въ «Русской по-
эзіи» С. А. Венгерова (т. I); И. И. Шимко,
«Новыя данныя для біографіи Кантемира»
(СПб., 1891, изъ «Ж. М. Нар. Пр.»); *В. Н. Та-
тищевъ*, «Исторія Россійская съ самыхъ древ-
нѣйшихъ временъ» (кн. I—IV, 1768—1784;
У. М., 1847—48, «Чтенія Общ. ист. и древн.»);
Н. А. Поповъ, «Татищевъ и его время»
(М., 1861); Бестужевъ-Рюминъ, «Біографія и
характеристики» (СПб., 1882; стр. 1—174);
Анд. Островскій, «Дѣтство В. Н. Татищева»
(Казань, 1885); Н. А. Поповъ, «Ученые и
литературные труды Татищева» (СПб., 1886;
изъ «Журн. Мин. Нар. Пр.»); «Разговоры о
пользѣ наукъ и училищъ Татищева» (М., 1887;
изъ «Чтеній», 1887, кн. I). *Полнѣе переложеніа
времени XVII и первой половины XVIII в.*
указаны А. Н. Пыпинъ въ «Сборникѣ Об-
щества люб. росс. слов.» (М., 1891); «Для лю-
бителей книжной старины. Библиографическій
списокъ рукописн. романовъ, повѣстей, ска-

зокъ, поэмъ и проч.» и отд. (М., 1888); «Изъ
исторіи народн. повѣсти. Исторія о гопшан-
скомъ шляхтичѣ Долторнѣ, какъ вѣроятный
источникъ повѣсти о русскій. матросѣ Ва-
силіи» (СПб., 1887; текстъ и введеніе);
Л. Н. Майковъ, «Одна изъ русск. повѣстей
Петровскаго времени», въ его «Очеркахъ изъ
ист. русс. литер.» (СПб., 1889). *Театръ*;
Н. Тихонравовъ, «Первое пятидесятилѣтіе
русск. театра» (М., 1872); «Русс. драматиче-
скія произведенія 1672—1725 г.» (СПб., 1874);
П. Морозовъ, «Исторія русс. театра до полов.
XVIII ст.» (СПб., 1889); П. Пекарскій,
«Исторія Имп. Акад. Наукъ» (СПб. 1870—73;
во II томѣ подробныя біографіи Тредьяковскаго
и Ломоносова); А. Куникъ, «Сборникъ матери-
аловъ для исторіи Акад. Наукъ въ XVIII в.»
(СПб., 1865); «Матеріалы для исторіи Имп.
Акад. Наукъ подъ ред. М. Сухомлинова»
(СПб., 1885—1898). *Тредьяковскій*: «Сочине-
нія» переизданы Смирдинымъ (СПб., 1849);
Перевальскій, «Избранныя сочиненія» (М.,
1849, съ біограф. и обзоромъ литературы);
стихотворенія Тредьяковскаго переизданы
въ I т. «Русской поэзіи» Венгерова; М. Пе-
тровскій, «Библиогр. замѣтки о нѣкоторыхъ
трудахъ Тредьяковскаго. Страница изъ исто-
ріи русскаго стихосложенія» (Казань, 1890).
Сумароковъ: «Сочиненія» Сумарокова въ 10
том. изданы Новиковымъ (М., 1781; 2 изд.,
1787); стихотворенія вошли въ I т. «Русской
поэзіи» Венгерова; Н. Буличъ, «Сумароковъ
и современная ему критика» (СПб., 1854);
В. Стоюнинъ, «А. П. Сумароковъ» (СПб.,
1856); Н. Лонгиновъ, «Русск. театръ въ СПб. и
Москвѣ, 1749—1772» (СПб., 1870; изъ XI т.
«Сборника» II отд. Акад. Наукъ). *Ломоносовъ*:
самое полное изданіе соч. Ломоносова на-
зачаго Академіей наукъ, подъ редакціей М. И.
Сухомлинова (СПб., 1891—1898). Обзоры
литературы о Ломоносовѣ у В. Межова;
«Юбилей Лом., Карамзина и Крылова» (СПб.,
1871); С. И. Пономаревъ, «Матеріалы для
біографіи литер. о Ломоносовѣ»; С. Вен-
геровъ, «Русская поэзія» (т. I, Ломоносовъ).
Подробная біографія въ книгѣ Пекарскаго,
«Ист. Акад. Наукъ»; А. Куникъ, «Сбор-
никъ матеріаловъ для исторіи Акад. Наукъ
въ XVIII в.» (СПб., 1865); П. Виларскій,
«Матеріалы для біографіи Ломоносова» (СПб.,
1865); В. И. Ламанскій, «Лом. и петербург-
ская Академія Наукъ. Матеріалы» (М., 1865;
изъ «Чтеній»); «Ломоносовъ» (біографиче-
скій очеркъ, СПб., 1864); «Празднованіе сто-
лѣтней годовщины Ломоносова московскимъ
университетомъ» (М., 1865); «Памяти Ломоно-
сова» (Харьковъ, 1865); А. Будиловичъ, «Ло-
моносовъ какъ натуралистъ и филологъ» (СПб.,
1869); А. Будиловичъ, «Ломоносовъ какъ пи-
сатель. Сборникъ матеріаловъ для разсмот-
рѣнія авторской дѣятельности» (СПб., 1871);
Е. Будде, «Нѣсколько замѣтокъ изъ исто-
ріи русск. языка по поводу новаго академиче-
скаго изданія сочин. Ломоносова» («Журн.
Мин. Нар. Пр.», 1898, № 3); В. Истоминъ,
«Главн. особенности языка и слога произведе-
ній Ломоносова» (въ «Русск. Филолог. Вѣстн.»,
1896). «Душенька» *Богдановича*; много изда-
ній съ 1783; послѣд. въ I т. «Русск. поэзіи»

Венгерева. «Сочинения и письма» Хемлингера (СПб., 1873; лучшее издание с биограф. статьею и примечаниями Я. К. Грота). «Собрание сочинений» Я. Б. Княжнина (5 ч., СПб., 1817—18, изд. Смирдина, СПб., 1847—48); Стих. Княжнина съ обзором литературы въ I т. «Русск. поэзии». О В. И. Лукине см. А. Н. Пыпинъ, въ «Соч. и переводахъ Лукина и В. Е. Ельчанинова» (СПб., 1868). Костровъ: «Полное собр. всехъ сочин. и переводовъ въ стихахъ» (СПб., 1802; изд. Смирдина СПб., 1849) и въ I т. «Русск. поэзии» Венгерева, со ст. П. Морозова. — В. П. Петровъ: собр. стих. въ I т. «Русск. поэзии» Венгерева (со статьей И. Шляпкина). — М. М. Херасковъ: «Творения» (въ 12 частяхъ; 2 изд., М., 1807—1812); «Эпическія творения» (3 изд., М., 1820); отд. «Бахаріана или Неизвѣстный, волшебная повѣсть, почерпнутая изъ рус. сказокъ» (М., 1803); въ I т. «Русской поэзии» «Россиада» (съ биографіей, М. Хмырова). — В. И. Майковъ: «Соч.» (СПб., 1867, со статьей Л. Н. Майкова, также въ «Оч. русской литер.», СПб., 1889 и въ I т. «Русской поэзии»). Держанинъ: «Сочинения» (изд. Акад. наукъ, съ обширными примѣч. Я. К. Грота, въ 7 том., СПб., 1864—1873; въ VIII т. «Жизнь Державина»; въ IX — дополненія и полная библиографія, СПб., 1880; избранныя стих. въ I т. «Русской поэзии»). Фонъ-Визинъ: наиболѣе полное издание П. А. Ефремова: «Сочинения; письма и избранныя переводы Фонъ-Визина, съ примѣч. и статьей П. А. Пятковского» (СПб., 1866); «Материалы для полного собранія соч. Фонъ-Визина», Н. С. Тихонова (СПб., 1894); кн. А. П. Вяземскій, «Фонъ-Визинъ» (СПб., 1848, въ «Соч.» Вяземскаго, т. V, 1880). Импер. Екатерина II: «Сочинения» собраны въ первый разъ въ новомъ изданіи Смирдина (СПб., 1849; подъ ред. В. О. Солнцева, СПб., 1893, 3 тома; новое изданіе «Наказа», Л. Пантелѣева, подъ ред. И. Безгина, СПб., 1893); литература объ имп. Екатеринѣ, съ перечисленіемъ ея переписки, въ «Словарѣ русскихъ писательницъ» кн. Н. Голицына (СПб., 1889); Пекарскій, «Материалы для исторіи журн. и лит. дѣятельности Екатерины», въ прилож. къ III т. «Зап. Акад. Наукъ», 1863; Добролюбовъ, «Русская сатира въ вѣкъ Екатерины»; «Собѣдникъ любителей русскаго слова»: общ. статьи въ «Современникѣ» и въ I т. «Сочиненій» Д.—ва, 1861; В. Солдатовъ, «Всякая Всячина» и «Спектаторъ» (СПб., 1892; изъ «Журн. Мин. Нар. Пр.»); В. Стоюнинъ, «Педагог. сочиненія» (СПб., 1892, стр. 98—188, «Развитіе педагогич. идей въ Россіи въ XVIII ст.»); М. Лонгиновъ, «О драматич. сочиненіяхъ имп. Екатерины» (въ «Молвѣ» 1857; дополненія къ этой статьѣ Г. Геннади, въ «Библи. Зап.» 1858, т. I, 498—508); П. Безосновъ, «О вліяніи народнаго творчества на драмы Екатерины» («Заря», 1870, № 4); А. Брикнеръ, О компч. оперѣ «Горе-богатырь» (въ «Журн. Мин. Нар. Пр.», 1870, № 12). А. О. Аблесимовъ: «Соч.» изд. Смирдина (СПб., 1849); «Мельникъ Аблесимова въ «Дешев. Библ.» Суворина. О Аблесимовѣ въ «Словарѣ» Венгерева и въ I т. «Русской поэзии». М. И.

Вережкинъ: Н. М. Тупиновъ, «Ист.-лит. очеркъ» (1895; изъ «Ежегодника Имп. театровъ» за 1893—94). В. Я. Калитистъ: «Соч.» (изд. Смирдина, СПб., 1849); «Ябеда» въ «Дешев. библ.» Суворина; избранныя стих. Калитиста въ «Русской поэзии» (со статьей В. И. Саптова); А. И. Незеленовъ, «Литератур. направленія въ Екатерининскую эпоху» (СПб., 1889). Мистическое и масонское движеніе: М. Лонгиновъ, «Новиковъ и московскіе мартинисты» (М., 1867); А. Пыпинъ, по поводу книги Лонгинова («Вѣстникъ Европы», 1867, т. II—IV), «Русское масонство до Новикова» (тамъ же, 1868, июнь, июль); «Материалы для ист. масонскихъ ложъ» (тамъ же, 1872, январь, февраль, июль, ноябрь); «Хронологическій указатель русскихъ ложъ 1731—1822» (СПб., 1873); Пекарскій, «Дополненія къ исторіи масонства въ Россіи» (СПб., 1869); А. И. Незеленовъ, «Новиковъ, издатель журналовъ. 1769—1785» (СПб., 1875); Н. Тихонова, «Сочин.» (т. III, ч. I, М., 1898; о Новиковѣ и Шварцѣ); Ф. Терновскій, «Русское вольнодумство при Екатеринѣ II» (въ «Трудахъ Кіев. дух. Акад.», 1868, № 3, 7); И. Наумовъ, «Вольтерянство русскихъ писателей Екатеринин. временъ» (СПб., 1876). — Подробный обзоръ нашей историографіи XVIII в. въ книгѣ П. Н. Милокова, «Главн. теченія русской историч. мысли» (М., 1897, 2 изд., 1898); «Сочинения» Щербатова подъ ред. И. Хрущева (т. I, 1896, т. II, 1898); А. Пыпинъ, «Крыловъ и Радищевъ» («Вѣстн. Европы», 1868, май); В. Якушкинъ, «Судъ надъ русскимъ писателемъ въ XVIII в. къ биографіи Радищева» («Рус. Стар.» 1882, сент.); М. Сухомлиновъ, «Радищевъ» (въ «Сборникѣ русскаго отд. Акад.» т. XXXIII, СПб., 1883, и въ его «Исслѣдованіяхъ и статьяхъ по русской литер.», СПб., 1889, т. II); В. Якушкинъ, «Радищевъ и Пушкинъ» (въ «Чтеніяхъ», 1886, кн. 2, и въ книгѣ «О Пушкинѣ», СПб., 1899). Мемуары XVIII в.: кн. Я. П. Шаховской, «Записки» (М., 1810 2 изд., СПб., 1821); В. А. Напокинъ, «Записки» (изд. Д. И. Языковымъ, СПб. 1842); кн. Нат. Бор. Долгорукова, «Записки» (въ «Русскомъ Архивѣ», 1867; изд. Суворина, съ биографіей С. Н. Шубинскаго); М. В. Даниловъ, «Записки артиллеріи майора Данилова» (М., 1842, въ «Русскомъ Архивѣ», 1888); А. Т. Болотовъ, «Жизнь и приключенія Болотова» (СПб., 1870—73, доведены до 1795); его же, «Памятникъ протекшихъ временъ» (М., 1875); С. А. Порошинъ, «Записки, служащія къ исторіи вел. кн. Павла Петровича» (СПб., 1844; полное изданіе въ «Рус. Старинѣ», 1881); Г. Р. Державинъ, «Записки», въ «Собраніи сочин.» (т. VI); кн. Ек. Р. Дашкова—лучшее изданіе ея записокъ на фр. яз. «Mon histoire», въ «Архивѣ вн. Воронцова», т. XXI; русскій переводъ «Русскаго Старина» 1874 (отрывки); А. В. Храповицкій, «Дневникъ» (изд. М. Варсукowymъ, СПб., 1874); «Истинное повѣствованіе» и пр. Г. И. Добрынина («Русская Старина», 1871); М. Гарновскій, «Дворъ имп. Екатерины въ 1783—1788 г. (тамъ же, 1876); А. М. Грибовскій, «Записки объ имп. Екатеринѣ», 1766—1833 (М., 1864; изданіе поподлинной рук. въ «Русскомъ Архивѣ»

1899); Г. С. Винский, «Записки» (въ «Русскомъ Архивѣ», 1877). *Карамзинъ*. С. Пономаревъ, «Матеріалы для бібліографіи литературы о Карамзинѣ въ Зап. Акад. наукъ», т. XLV, 1880; Сочиненія Карамзина изд. 4, СПб., 1834, въ 9 том.; изд. 5 (Смирдина) въ 3 т., СПб., 1848; переводы К. изд. 4, СПб., 1833—35, 4 т. «Повѣсти» Карамзина и «Письма рус. путешественника» переизданы въ «Дешевой Библиотекѣ» Суворина; лучшее изданіе «Исторіи Госуд. Россійскаго», Эйнерлинга, въ 3 книгахъ (СПб., 1842—43; къ нему «Ключъ» или алфавитный указатель П. Строева, СПб., 1844); «Неизданныя сочиненія и переписка Карамзина» (СПб., 1862); «Письма Карамзина къ Дмитріеву» (СПб., 1866); М. Погодинъ, «Карамзинъ въ его сочиненіяхъ, письмахъ и отзывахъ современниковъ» (М., 1866); Н. Тихонравовъ, «Четыре года изъ жизни Карамзина. 1785—88» (въ «Рус. Вѣстникѣ» и въ «Сочиненіяхъ», т. III, ч. I, М., 1898); А. Пылинъ, «Общественное движеніе при Александрѣ I» (2 изд., СПб., 1885, стр. 183—260; о Карамзинѣ, какъ о публицистѣ и авторѣ «Записки о древней и новой Р.»); В. Сиповскій, «Карамзинъ, авторъ Писемъ рус. путешественника» (СПб., 1899). *Жуковский*. Лучшее изданіе «Сочиненій» Жуковского, подъ ред. П. Ефремова; въ VI т. письма Жуковского; Ив. Вычковъ, «Бумаги Жуковского, поступившія въ Имп. Пуб. Библ., въ 1884 г.» (СПб., 1887; изъ «Отчета за 1884); письма Жуковского къ А. И. Тургеневу, въ «Рус. Архивѣ», 1895; «Библіографическія замѣтки о Жуковскомъ», Лѣтописца Дмитрія, въ «Библ. Зап.» (1892, № 4, стр. 281—283, и № 7, 498—499); К. Зейдлицъ, «Жизнь и поэзія Жуковского по личнымъ воспоминаніямъ и неизданнымъ источникамъ» (СПб., 1883); Загаринъ, «Жуковский и его произведенія» (2 изд., М., 1883, разборъ въ «Сочиненіяхъ» Н. Тихонравова, т. III); «В. А. Жуковский, чествованіе его памяти въ СПб. въ 1883 г.» (изд. Н. Стояновскаго, СПб., 1883). *Мисс. Никит.* *Мирягова*: «Полное собраніе сочиненій» (СПб., 1819—20, въ изд. Смирдина, СПб., 1847, 1856). О немъ В. Сантовъ въ примѣч. къ «Сочиненіямъ Батюшкова» (СПб., 1837). Е. Пѣтуховъ, въ «Журн. Мин. Народ. Просв.» (1894, августъ). *А. С. Шишкова*: «Собраніе сочиненій» (изд. Рос. Академіи, СПб., 1819—39); «Записки, мѣтныя и переписка Шишкова», изд. Н. Киселева и Ю. Самарина (В., 1870); В. Стоюнинъ, «А. С. Шишкова» (СПб., 1880); Щебальскій, «Шишкова, его союзники и противники» («Русскій Вѣстникъ», 1870, № 11). *Ив. Дм. Дмитріевъ*: «Сочиненія» (много изданій; въ изд., СПб., 1823, находится «Извѣстіе о его жизни и стих. кн. П. А. Вяземскаго»; «Взглядъ на мою жизнь» (Москва, 1866). Наиболее полное изданіе Дмитріева подъ ред. А. А. Флоридова (СПб., 1893; прил. къ журн. «Сѣверъ»). *В. А. Озеровъ*: «Сочиненія» (5 изд., СПб., 1828; два изд. Смирдина, 1846 и 1847; изд. Волфа, 1856). О немъ статьи кн. П. Вяземскаго въ I т. его «Сочиненій», СПб., 1876; Седня, «Значеніе Озерова въ русс. литературѣ» («Кіев. Унив. Изв.», 1870, октябрь); Л. Майковъ, «Кн. Вяземскій и Пуп-

кинъ объ Озеровѣ» (въ «Пушкинѣ», СПб., 1899).—*Н. И. Гнѣдичъ*: «Полное собр. сочиненій» подъ ред. Виленкина-Минскаго (СПб., 1884; объ этомъ Галаховъ въ «Журн. мин. нар. просв.», 1884, ч. ССXXXIII); изд. «Илиады» въ «Дешевой Библиот. Суворина»; «Н. Гнѣдичъ. Нѣсколько данныхъ для его біографіи, по неизд. источникамъ», сообщ. П. Н. Тихановъ (СПб., 1884); С. Пономаревъ, въ «Русск. Старинѣ», 1884, т. XLIII, и въ «Сборникъ русск. отд. Академіи Наукъ» т. XXXVIII (поправки къ тексту Илиады). *И. А. Крылова*: первое изд. басенъ вышло въ 1809 г. (23 басни) и съ тѣхъ поръ повторилось множество разъ. Полное собр. соч.; съ біографіей, написанною Плетневымъ (СПб., 1847; 2 изд., 1895; VI т. «Сборника рус. отд. Акад. Наукъ», СПб., 1869, весь посвященъ «Чтеніямъ» 2 февраля 1863 г. въ память И. А. Крылова—статьи Грота, Никитенки, Срезневскаго, Вычкова, Макарія, В. Кеневича); «Библиогр. и историч. приращенія о басняхъ Крылова», В. Кеневича (2 изд., СПб., 1878, стр. 261—296; «Указатель статей о Крыловѣ и его сочиненіяхъ, съ 1808 по 1871 г.»); Л. Майковъ, «Первые шаги Крылова на литературномъ поприщѣ», «Историко-литер. очерки» (СПб., 1895); К. Арабакинъ, «Биограф. очеркъ Крылова» (при 2 иллюстр. изд. «Басень» Крылова, спб. комитета грамотности, 1895). *А. Ѳ. Мерзляковъ*: «Сочиненія» издан. общ. люб. рос. словесн., подъ ред. М. Полуденскаго (М., 1867). О немъ въ «Биограф. словарѣ проф. Моск. унив.» (М. 1855). «Сочиненія Ватюшкова», подъ ред. Л. Майкова, т. II; *Ю. А. Нелединскій-Мележкій*: «Сочиненія» въ собраніи Смирдина (въ одной книжкѣ съ соч. Дельвига, СПб., 1850; бодѣе полное изд. СПб., 1876); о немъ въ «Хроникѣ недавней старины» (СПб., 1876); «Соч. Ватюшкова», подъ ред. Л. Майкова (т. II). *Ѳ. Н. Глинка*: о немъ Н. В. Путьга (въ «Вѣсѣдахъ Общ. люб. русск. слов.», М., 1867, вып. I); А. А. Котляревскій, «Объ археолог. трудахъ Глинки» (тамъ-же); А. Живневскій, «Ѳ. Н. Глинка» (Тверь, 1890); А. Милуковъ, біографія Глинки, въ «Истор. Вѣстн.», 1880, т. II. *С. Н. Глинки*: въ «Справоч. словарѣ» Геннади: «Записки» (СПб., 1895). *Д. П. Гиршиковъ*: «Сочиненія» (М., 1890). О немъ С. П. Брайловскій, въ «Филол. Записк.» (1892, вып. 3—4). *Н. П. Николетъ*: о немъ А. А. Чебышевъ, въ «Филол. Запискахъ», 1891, и въ «Рус. поэзіи» Венгеровъ (т. I). *Кн. И. М. Долгорукий*: «Бытіе сердца моего» (1-е изд., 1803; 4-е изд. Смирдина, 1849); «Капище моего сердца» въ «Чтеніяхъ» (М., 1873—73; потомъ въ «Рус. Архивѣ», 1890). О немъ М. Дмитріевъ: «Кн. И. М. Долгорукий и его сочиненія» (2 изд., М. 1863); Л. Майковъ, въ «Соч. В. Пшчкова», т. II. *А. Н. Никитинъ*: «Сочиненія» изд. 1815 г., изд. Смирдина (вмѣстѣ съ соч. Милонова и Судовщикова) 1849, 1852; о немъ и неизданныхъ сочиненіяхъ Р. С. Чириковъ въ «Русск. Старинѣ», 1880, № 11 и 12. *М. М. Милоновъ*: «Сатиры, посланія и др. мелкія стихотворенія» (СПб., 1819; изд. Смирдина 1849, 1852). О немъ Галаховъ, «Историч. Христо-матія» (т. II); «Библ. Зап.», 1893, № 12, стр.

878—879; М. Мазаевъ, «По поводу столѣтія со времени рожденія Милонова» («Библиографъ», 1893, № 1). А. Ѳ. Воейковъ: о немъ «Справоч. Словарь» Геннади; Е. Колбасинъ, «Литер. дѣятель прошлаго времени» (СПб., 1859); Ефремовъ, «Домъ сумасшедшихъ» въ «Русск. Стар.», 1874, т. IX; 1875, т. XII; въ «Соч. Батюшкова». А. Е. Измайловъ: «Полное собр. соч.» (М., 1891). О немъ А. Галаховъ, «Соврем.», 1849—50; П. А. Измайловъ, въ «Русск. Старинѣ», 1875, т. XIV; Эртауловъ, «Литературная характеристика», въ «Дѣлѣ», 1879, № 4; С. Н. Брайловскій, въ «Филолог. Запискахъ», 1891, вып. VI. К. Н. Батюшковъ: обстоятельная біографія Л. Н. Майкова, при изд. «Сочиненій» Батюшкова (СПб., 1887); въ примѣчаніяхъ Майкова и Саитова подробныя указанія о дѣятельности писателей времени Александра I; Л. Майковъ, «Батюшковъ, его жизнь и сочиненія» (изд. 2, СПб., 1896—одна біографія и характеристика). А. С. Грибоедовъ: «Полное собраніе сочиненій», подъ ред. И. А. Шляпкина (т. I: прозаическія статьи и переписка; т. II—поэзія, СПб., 1889); «Библиогр. указатель литературы о Грибоедовѣ», подъ ред. Н. Лисовскаго. О немъ «Сочиненія Вѣлинскаго» (т. III); И. А. Гончаровъ, «Милльонъ терзаний», въ «Вѣстн. Евр.», 1872, № 3 и въ «Собр. сочиненій»; Алексѣй Веселовскій, «Этюды и характеристики» (М., 1894); «Горе отъ ума» изд. А. Суворина (СПб., 1886, съ предисловіемъ издателя: «Горе отъ ума и его критики»); А. И. Смирновъ, «Грибоедовъ и его жизненная борьба и судьба комедій его», въ «Варш. Унив. Изв.», 1895, т. VI, и отд.; В. Боцяновскій, «А. С. Грибоедовъ, по поводу столѣтія со дня его рожденія» (СПб., 1895); изъ «Ежегодника Импер. театровъ». Сезонъ 1893—94). Кн. А. А. Шаховской: о немъ С. Т. Аксаковъ въ его «Разныхъ сочиненіяхъ» (М., 1858); Лонгиновъ, въ «Библиогр. Запискахъ», «Современникъ» 1856, іюль и ноябрь. М. Н. Залозский: біографія при Г. т. «Собранія сочиненій» (СПб., 1898); С. Аксаковъ, въ «Москвитян.», 1858 и въ «Собр. соч.». — Кокошкинъ: о немъ въ «Соч. Батюшкова» подъ ред. Л. Майкова, т. III, стр. 390—292. Н. И. Хмѣльницкій: «Сочин.» (изд. Смирдина, СПб., 1849, съ біографіей Хмѣльникова, С. Дурова); о немъ Н. А. Добротворскій, «Истор. Вѣстникъ» 1889, № 12. П. А. Катенинъ, «Сочиненія и переводы въ стихахъ» (СПб., 1832). О немъ Е. Пѣтуховъ, въ «Истор. Вѣстн.», 1888, № 9. О театральн. жизни начала XIX в.: «Записки» С. П. Жихарева: «Отч. Записки» 1854—55, отд. СПб. 1859;—новое изданіе «Записокъ» (М. 1890); С. Т. Аксаковъ, «Разныя сочиненія» (М., 1858); П. Араповъ, «Лѣтописи русск. театра» (СПб., 1861); Р. Зотовъ, «Театральныя воспоминанія» (СПб., 1859). А. С. Пушкинъ. Библиограф. свѣдѣнія. В. И. Межовъ, «Puschkiniana. Библиогр., указатель статей о жизни А. С. Пушкина, его сочиненій и вызванныхъ ими произведеній литер. и искусства» (СПб., 1886); В. Зелинскій, «Русск. критич. литература о произвѣд. Пушкина» (М., 1887); С. Либровичъ, «Пушкинъ въ портретахъ» (СПб., 1890); «Альбомъ москов-

ской Пушкинской выставки 1880 г.» подъ ред. Л. Поливанова (М., 1882).—Изданія: посмертное изд. соч. Пушкина въ 11 т. (СПб., 1838—41); П. Анненкова, 6 томовъ (СПб., 1855; 7-ой дополнительный томъ, СПб., 1857); нѣсколько изданій подъ ред. П. А. Ефремова; изд. Общества для пособія нуждающимся литер. и учен. подъ ред. П. О. Морозова, СПб., 1887, въ 7 томахъ; академическое изданіе подъ ред. Л. Н. Майкова; вышло въ СПб., 1899, I т., заключающей въ себѣ «лицейскія стихотворенія»; описаніе рукописей Пушкина, поступившихъ въ Румянцовскій музей, дано В. Якушкинымъ въ «Русской Старинѣ» 1884 г.—Биографія и критика: П. В. Анненковъ, «Матеріалы для біографіи Пушкина» (СПб., 1873); «Пушкинъ въ Александровскую эпоху» (СПб., 1874); «Воспоминанія и критическіе очерки» (III, СПб., 1881, стр. 225—267); «Общественные идеалы Пушкина»; П. Бартеневъ, «Родъ и дѣтство Пушкина» (въ «Отч. Запискахъ», 1853); «Матеріалы для біографіи Пушкина» (М., 1855, изд. «Моск. Вѣдомостей»); «Пушкинъ въ южн. Р.» (М., 1862 и «Русск. Архивъ», 1866); «А. С. Пушкинъ, его жизнь и сочиненія» (съ портретомъ, СПб., 1856; 2 изд., 1865, Н. Г. Чернышевскаго); В. Стоюнинъ, «А. С. Пушкинъ» (СПб., 1881); «Вѣнокъ на памятникъ Пушкину. Пушкинскіе дни въ Петербургѣ, Москвѣ и провинціи» (СПб., 1881); рѣчь Достоевскаго въ «Дневн. Писателя», 1880 г. и «Собр. сочин.» (о ней ст. А. Градовскаго въ «Голосѣ», 1880, № 174, и письмо Кавелина, въ «Вѣстн. Европы», 1880, ноябрь); Рѣчь Тихонравова въ «Вѣстн. Европы», 1880, и въ III т. «Соч.»; Л. Майковъ, «Пушкинъ. Біографическіе матеріалы и историко-литературные очерки» (СПб., 1899); В. Якушкинъ, «О Пушкинѣ» (М., 1899); «Соч. Вѣлинскаго», особенно т. VIII; Н. Чернышевскій, «Сочиненія Пушкина», въ «Соврем.», 1855; повторено въ «Критическихъ очеркахъ» (СПб., 1893); А. Пыпинъ, «Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ» (изд. 2, СПб., 1890, стр. 38—92). *Сверстники Пушкина:* Бар. А. А. Дельвижъ, «Соч.» подъ ред. В. В. Майкова (СПб., 1893, приложеніе къ «Сѣверу»); біографія В. П. Гаевского, «Соврем.», 1853—1854 г. (объ этомъ у Тихонравова, «Соч.», т. III, ч. 2, стр. 169—181).—К. Ѳ. Рытѣевъ, «Соч. и переписка», изд. его дочери, подъ ред. П. Ефремова (СПб., 1872, 2 изд., 1874); Соч. Рытѣева подъ ред. М. Мазаева (СПб., 1893 г., прилож. къ «Сѣверу»). А. Бестужевъ-Марлинскій, «Полное собраніе соч.» въ 12 ч., 4-е изд., СПб., 1847; нѣкоторыя повѣсти переизданы въ «Дешевой Библіотекѣ» Суворина. Біографія въ «Словарѣ» Венгеровъ (т. III).—Кн. П. А. Вяземскій: біографическія указанія С. Пономарева въ XX т. «Сборника русск. отд. Акад. Наукъ», СПб., 1880, стр. 59—178; продолженіе ихъ является работа Д. Языкова: «Вяземскій въ русск. литературѣ», въ «Библ. Зап.» 1892, № 6; рѣчь о Вяземскомъ М. Сухомлинова, тамъ же, стр. 32—52; В. Спасовичъ, «Вяземскій, его польскія отношенія, знакомства» (въ «Сочин.», т. VIII, СПб., 1896); «Остафьевскій

архивъ князей Вяземскихъ. I. Переписка кн. П. А. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ 1812—19 г. (изд. гр. Шереметева, подъ ред. В. Саитова, СПб., 1899). II. А. Плетнево, «Соч. и переписка» (СПб., 1885); «Переписка Я. К. Грота съ Плетневымъ» (СПб., 1896); «П. А. Плетневъ». Биографическій очеркъ А. Скабичевскаго, въ «Вѣстн. Евр.», 1885, № 11. Е. А. Баратынскій: «Сочиненія, съ портретомъ автора, его письмами и биографическими о немъ свѣдѣніями» (Казань, 1885); «Словари» Венгерова, т. II; Н. Котляревскій, «Памяти Баратынскаго» («Вѣстн. Европы», 1895, № 7); Н. Стороженко, «Поэтъ-мыслитель», въ сборникѣ Моск. Общ. любит. русс. слов. «Починъ», т. I. Д. В. Веневитиновъ: «Полное собраніе соч.», подъ ред. А. П. Пятковскаго (СПб., 1862); М. Веневитиновъ, «Къ біографіи Д. Веневитинова» («Истор. Вѣстн.», 1884, т. XVII; также въ «Русс. Архивъ», 1885); «Жизнь и труды Погодина», Н. Варсуква (СПб., 1888, т. II). Кн. В. Ѳ. Одоевскій: брошюра Пятковскаго (СПб., 1870); Н. Сумцова (Харьковъ, 1884); А. Ѳ. Кони, въ настоящемъ «Энциклоп. Словарѣ». Кн. А. И. Одоевскій: «Полное собраніе стихотвореній». Собралъ бар. Е. А. Розень (СПб., 1883); «Сочин. кн. А. И. Одоевскаго, съ біографич. очеркомъ и пр. М. Н. Мазаева (СПб., 1893, прилож. къ «Сѣверу»); А. Сироткинъ, въ «Истор. Вѣстн.», 1883, № 5. Н. М. Языковъ: «Стихотворенія»; при нихъ приложены его портреты, facsimile, свѣдѣнія о его жизни и написанное о немъ въ разныхъ періодическихъ и иныхъ изданіяхъ (изд. приготовлено П. Перевѣльскимъ, СПб., 1858, М., 1887); В. Шеврокъ, «Языковъ, біографическій очеркъ, по неизданнымъ матеріаламъ» («Вѣстн. Европы», 1897, № 11 и 12). И. И. Козловъ: «Стихотворенія» (СПб., 1833, 1834; 1840; въ 1855 изд. Смирдина). Наиболѣе полное изд. подъ ред. А. И. Введенскаго, СПб., 1892. Н. Полевой о поэмѣ Козлова «Кн. Долгорукая», въ его «Очеркахъ русс. литер.» (1839, I). Н. А. Полевой: «Драматическія соч. и переводы» (СПб., 1842—43), «Очерки русс. литерат.» (СПб., 1839), «Исторія русс. народа» (М., 1829—33), Повѣсти въ «Телеграфѣ» и въ отдѣльных изданіяхъ; о немъ Вѣлинскій, «Соч.», т. I, V и XII; И. З. Крыловъ, «Очеркъ жизни и литерат. трудовъ Полевого» (М., 1849); Н. Чернышевскій, въ «Очеркахъ Гоголевскаго періода», въ «Соврем.», 1855, и въ отд. изд. СПб., 1892; С. Ставринъ, Полевой и «Моск. Телеграфъ», въ «Дѣлѣ», 1875, № 5 и 7; Панаевъ, «Литературныя воспоминанія» (СПб., 1876); «Воспоминанія Ксеноф. Полевого» (СПб., 1888); М. Сухомлиновъ, «Исслѣдованія и статьи по русс. литерат.» (СПб., 1889, II, стр. 365—431; «Полевой и его журн. «Моск. Телеграфъ»); «Дневникъ Н. Полевого» въ «Истор. Вѣстникѣ», 1888, № 3 и 4; А. Бороздинъ, «Журналистъ двадцатыхъ годовъ», въ «Истор. Вѣстн.» 1896, № 3; В. Боцяновскій, «Полевой какъ драматургъ», въ «Ежегодникѣ Имп. театровъ», сезонъ 1894—95; П. Милуковъ, «Главныя теченія русс. исторической мысли» (М., 1897, I, стр. 239—240, 263—276). М. Ю. Лермонтовъ. Лучшія изданія: «Первое полное собраніе сочин. Лермонтова»

подъ ред. П. Висковатова (6 томовъ, М., 1891; въ VI т. біографія); «Полное собраніе соч.» подъ ред. Арс. Введенскаго (СПб., 1891, 4 т.; прилож. къ «Нови»). О немъ: В. Зелинскій, «Сборникъ критическихъ статей о соч. Лермонтова»; «Къ бібліографіи о Лермонтовѣ» («Библіографъ», 1891, № 7—8, стр. 106—110); объ юбилейныхъ изданіяхъ его сочиненій статьи въ «Библіогр. Зап.» (1892, № 1, 48—50; № 5, 374—375); «Лермонтовская литература въ 1891 г.» («Вѣстн. Европы», 1891, № 9); Арс. Введенскій, «Лермонтовъ въ изданіяхъ 1891 г.» («Историч. Вѣстникъ», 1891, № 10); В. Острогорскій, «Мотивы Лермонтовской поэзіи» («Русс. Мысль», 1891, № 1 и 2); Н. Котляревскій, «М. Ю. Лермонтовъ» (СПб., 1891). А. В. Кольцовъ: первое изд., М., 1835; «Стих. Кольцова», съ портретомъ и статью о его жизни и сочин., писанною В. Вѣлинскимъ (СПб., 1846), и другія изданія. Новыя юбилейныя изданія: подъ ред. А. I. Ляпенка, СПб., 1893 (гдѣ въ первый разъ собраны письма Кольцова); изд. подъ ред. Арс. Введенскаго, СПб., 1894 (изд. Маркса). Самая полная біографія Кольцова составлена М. Де-Пуле: «А. В. Кольцовъ» (СПб., 1878); Огарковъ, «Кольцовъ, его жизнь и литературная дѣятельность» (СПб., 1891; біографическая бібліотека Павленкова). В. Водовозовъ, «Кольцовъ, какъ народный поэтъ» («Журн. Мин. Нар. Пр.», 1861, кн. 10 и 11); Е. Сталинскій, «Кольцовъ и Сребрянскій» (Воронежъ, 1868, изд. газ. «Донъ»); П. Владиміровъ, «Кольцовъ какъ человекъ и какъ поэтъ» (Кіевъ, 1894). Н. В. Гоголь. Обзоры литер. о Гоголѣ: Геннадіи, «Справочный словарь» (т. I); С. Пономаревъ, въ Изв. Нѣжинскаго Института, 1882; Горожанскій, «Библіографич. указатель съ 1829 по 1882», въ прилож. къ «Русс. Мысли», 1883; Д. Языковъ, «Гоголь въ русс. литер. съ 1833 по 1892 г.», въ «Библ. Зап.», 1892, № 2 (къ этому дополненія Горожанскаго, Майкова и Н. Буковского, тамъ же, № 5, 7 и 8); «Критическая литература о произведеніяхъ Гоголя», составилъ В. Зелинскій. «Сочиненія и письма Гоголя», изд. Кулиша, въ 6 т., СПб., 1857; 2 послѣдніе тома (письма) не повторились (къ этому необходимъ «Указатель къ письмамъ Гоголя», сост. В. Шенрокомъ, 2-е изд. М., 1888); критическое изданіе (10-е) «Сочин. Гоголя» подъ ред. Н. С. Тихонравова, т. I—V, М., 1889—1890; т. VI—VII, ред. В. Шенрока, СПб., 1896; общедоступное изданіе А. Маркса, въ 5 томахъ.—Біографія и критика: отзывы Вѣлинскаго (въ «Литер. мечтаніяхъ»), въ статьѣ «О русс. повѣсти и повѣстяхъ Гоголя», о «Мертвыхъ душахъ», о «Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки» и др.); Н. Чернышевскій, «Очерки Гоголевскаго періода» (СПб., 1892; извъ «Соврем.», 1855—57); В. И. Шенрокъ, «Матеріалы для біографіи Гоголя» (М., 1892—98); А. Н. Пыпинъ, «Характеристики литер. мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятихъ годовъ» (2 изд., СПб., 1890); Алексій Веселовскій, «Этюды и характеристики» (М., 1894, стр. 550—609); и «Гоголь и Чаадаевъ» («Вѣстн. Европы», 1895, № 9); Н. В. Волковъ, «Къ исторіи русс. комедіи. I. Зависимость «Ревизора» Гоголя отъ комедіи Квйтки

«Пріѣзжіи изъ столицы» (СПб., 1899). Другое объясненіе въ ст. Александровскаго: «Этюдъ по психологіи художественнаго творчества. Ревизоръ» Гоголя» (въ «Ежегодникъ коллегіи П. Галагана», 1897—98, Киевъ, 1898).

А. Н. Пытинъ.

IV. Новѣйшій періодъ. *Последніе годы дореформенной эпохи (1848—1855)*. Съ 1848 г. наступилъ литературно-политическое безвременье, дѣящееся до 1855 г. Это семилѣтіе можно назвать одною изъ самыхъ темныхъ полосъ въ исторіи русской мысли. Она была вызвана ни на чемъ не основанною боязнью, что европейское революціонное возбуденіе можетъ распространиться и на Россію. Литература и наука, при полномъ отсутствіи общественной жизни, были единственными поприщами, на которыхъ сколько-нибудь замѣтно могли сказаться вліянія европейскіхъ настроеній; на нихъ, поэтому, пала вся тяжесть реакціи. Цензурныя стѣсненія уравнили всѣ партіи и направленія. Передовой «Современникъ» и кѣснкой патриотъ Погодинъ, сочиненія Гоголя и Пушкина, славянофилы, побиенцы царской семьи Жуковский и даже Булгакинъ—всѣ подвергались самымъ несправедливымъ цензурнымъ придиркамъ. Въ официальной докладной запискѣ, написанной по наступленіи другой эпохи, дѣятельность цензуры въ 1848—1855 гг. была названа «эпохою цензурнаго террора». Небывало строгія мѣры были направлены противъ личности писателей. Первымъ пострадалъ Салтыковъ. Вина его состояла въ томъ, что въ мартовской книжкѣ «Отечеств. Зап.» за 1848 г.—первой, которая вышла послѣ революціонныхъ событій на Западѣ—была напечатана его повѣсть: «Запутанное дѣло». Какъ и во многихъ молодыхъ людяхъ конца сороковыхъ годовъ, въ Салтыковѣ бродилъ тотъ же неопредѣленный и туманный «социализмъ», который сказался и въ литературной дѣятельности его сверстниковъ: въ Достоевскомъ—привлеченіемъ сочувствія къ ничтожной по своему социальному положенію личности Дѣдушкина, въ Григорovichъ—возбужденіемъ жалости къ Антону Горемыкѣ, въ Тургеневъ—отыскиваніемъ высокихъ душевныхъ свойствъ въ крѣпостномъ крестьянинѣ, въ Некрасовѣ и Плещеевѣ—призывами къ добру, правдѣ и справедливости, въ разныхъ мелкихъ представителяхъ «натуральной школы» (Бутковъ и др.)—описаніемъ петербургской нищеты и т. д. Въ «Запутанномъ дѣлѣ» «социалистическая» или, какъ называетъ ее Тургеневъ, «теплая демократическая струйка» оказалась явственнѣе только потому, что здѣсь большое мѣсто занимаютъ авторскіе разсужденія. Въ апрѣлѣ 1849 г. послѣдовалъ арестъ членовъ будто-бы революціоннаго «общества» Петрашевцевъ, къ числу которыхъ принадлежали многіе писатели и ученые: кромѣ самого Петрашевскаго (1822—67), издаваемаго, подъ псевдонимомъ *Кирилова*, замѣчательный «Словарь иностранныхъ словъ»—братъ Достоевскіе, Плещеевъ, Пальмъ, поэтъ С. О. Дуровъ, лексикографъ и беллетристъ Ф. Толь, химикъ О. Львовъ, гигиенистъ Д. Д. Ахшарумовъ. Кромѣ кружка Петрашевскаго, было много

другихъ, гдѣ разсуждали совершенно въ томъ же духѣ о строгостяхъ цензуры, о безобразіи крѣпостнаго права, о продажности чиновничества, съ огромнымъ интересомъ читали сочиненія Кабе, Фурье, Прудона, съ восторгомъ слушали письмо Бѣлинскаго къ Гоголю. Таковъ былъ, напримѣръ, кружокъ извѣстнаго педагога и переводчика Принарга Введенскаго, къ которому принадлежали молодые литераторы и студенты Г. Е. Благосвѣтловъ, А. П. Миллюковъ, Н. Г. Чернышевскій. По случайнымъ лишь причинамъ избѣгъ преслѣдованія за участіе въ «заговорѣ» Петрашевскаго извѣстный теоретикъ позднѣйшаго славянофильства Н. Я. Данилевскій, политически пострадавшій по другому, столь же неосновательному поводу. Наконецъ, только смерть избавила отъ преслѣдованій Валеріана Майкова, какъ сотрудника «Словаря иностранныхъ словъ» Кириллова, и Бѣлинскаго, какъ автора письма къ Гоголю. Въ дѣйствительности, весь «заговоръ» Петрашевцевъ сводился къ *преніямъ* по тремъ главнымъ вопросамъ: необходимости освобожденія крестьянъ, реформы судопроизводства и смягченія цензуры, т. е. къ тѣмъ реформамъ, которыя чрезъ нѣсколько лѣтъ были провозглашены съ высоты трона. Единственнымъ вѣрнымъ «обвиненіемъ» было увлеченіе «фурьеризмомъ». Всѣ Петрашевцы несомнѣнно увлекались идеями французскихъ социальныхъ реформаторовъ; но въ этихъ увлеченіяхъ не было ничего опаснаго. Изъ социальныхъ системъ тогдашняго передоваго молодежь черпала только общегуманную подкладку, стремленіе положить общее благо, правду и справедливость въ основу общественной жизни. Неприятности коснулись и Островскаго, хотя онъ принадлежалъ къ такъ наз. «молодой редакціи Москвитинна», воевавшей съ «западниками» во имя «истинно-русскаго», патриархальнаго склада жизни. Въ 1850 г. не только было запрещено поставить на сцену комедію Островскаго: «Свои люди сочтемся», но даже писать о ней рецензіи, а самъ авторъ былъ отданъ за нее подъ надзоръ полиціи. За восторженный некрологъ Гоголя Тургеневъ былъ водворенъ на мѣсяцъ на Свѣзжую, а затѣмъ высланъ изъ столицы. Приказано было строго цензуровать все, что пишется о Гоголѣ; затѣмъ объявлено было совершенное запрещеніе говорить о немъ. Понадобилось три года хлопотъ и усилій, чтобы осуществить, съ помощью вел. кн. Константина Николаевича, изданіе полного собранія сочиненій Гоголя, при чемъ заглавіе «Мертвыя души» было замѣнено другимъ: «Похожденія Чичикова». Когда московскіе славянофилы, въ 1853 г., представили въ цензуру 2-й томъ «Москов. Сборника», онъ былъ запрещенъ, а всѣ его сотрудники отданы подъ надзоръ полиціи. «Кириевскій и Черкасскій», писавъ по этому поводу Хомяковъ, «въ большомъ негодованіи, особенно Кириевскій. Богомольный монархистъ, ему и не снилось, чтобы его въ чемъ-нибудь заподозрѣли, и онъ считаетъ себя сильно оскорбленнымъ. Мысль и ея движеніе теперь подозрительны, какое-бы ни было ея направленіе». Всего опаснѣе казался Хомяковъ, хотя о немъ благосклонно отзывался

самъ императоръ. «Когда бѣднаго Павлова схватили» — рассказываетъ Хомяковъ Гильфердингу — «свѣтло было прежде всего искать моихъ писемъ» (Н. Ф. Павловъ былъ сосланъ въ Пермь за то, что у него нашли «запрещенныя книги», и притомъ самой невинной категоріи — на иностранныхъ языкахъ). Безнадѣжное уныніе овладѣло всѣми, кто еще недавно бодро и смѣло глядѣлъ въ будущее. «Есть съ чего съ ума сойти», писалъ (въ 1850 г.) Грановскій; «положеніе становится нестерпимѣе день ото дня. *Благо Бѣлинскому, умершему во время.* Много порядочныхъ людей впало въ отчаяніе и съ тупымъ спокойствіемъ смотрятъ на происходящее — *когда же разалится этотъ міръ?*». Въ одинъ-два года какъ личный составъ литературы, такъ и общая литературная фizioномія эпохи измѣняются существеннѣйшимъ образомъ. Особенно велики перемѣны въ области теоретической мысли, сразу лишившейся вождей въ лицѣ «во время умершаго» Бѣлинскаго и во время ушедшаго за границу Герцена (въ теченіе всего 1848 г. онъ еще имѣлъ возможность вернуться изъ своей легальной побѣдки, но въ 1849—50 гг., подъ вліяніемъ вѣстей изъ Россіи, онъ окончательно сжигаетъ за собою корабли, напечатавъ «Съ того берега» и др.). Изъ рядовъ дѣятелей художественной литературы выбываетъ Достоевскій, въ томительные годы пребыванія въ Мертвовъ домѣ не написавшій ни одной строчки. Салтыковъ промолчалъ до наступленія новаго царствованія. Поэзіи Плещеева невзгода сообщила навсегда исключительно-грустный характеръ. Въ произведеніяхъ Тургенева меланхолическій оттѣнокъ никогда не проявлялся съ такою силою, какъ въ разсматриваемые годы: именно тогда имъ былъ созданъ типъ «лишняго человѣка». Герой «Переписки» съ ужасомъ восклицаетъ, что «у насъ русскихъ нѣтъ другой жизненной задачи, какъ разработка нашей личности». Въ жизни Некрасова разгромъ передовыхъ кружковъ выразился даже въ чисто-количественномъ отношеніи: онъ крайне вяло работалъ въ эти тяжелые годы. Въ томъ фактѣ, что онъ не постигнулся подписать свое имя подъ почти-глубочными романами: «Три страны свѣта» и «Мертвое озеро», ярко сказалась одна изъ характернѣйшихъ чертъ эпохи — общее пониженіе литературнаго тона. Главный органъ литературной жизни — ежемѣсячная журналистика — въ 1848—55 гг. много потеряла и въ опредѣленности «стремленій», и въ чувствѣ собственнаго достоинства. Замолкли западники, замолкли и славянофилы; у славянофиловъ даже постоянного органа своего не было. Когда въ 1852 г. они издали «Московский Сборникъ», онъ вызвалъ только нѣсколько мимолетныхъ рецензій, потому что въ литературныхъ кружкахъ было извѣстно о цензурной невзгодѣ, постигшей издателей. Но, помимо безгласности, были тутъ соображенія и менѣе высокаго свойства. Хотя и опальное, славянофильство было сравнительно благонадежно во мнѣніи властныхъ сферъ, и сражаться съ нимъ было не безопасно. Практическій Некрасовъ, какъ издатель «Современ-

ника», очень скоро это понялъ — и вотъ, въ главномъ органѣ западничества, въ объявленіи о подпискѣ на 1849 г., попадаются такія фразы: «Въ настоящую минуту уже стало очевидно, что міръ славяно-русскій и міръ романо-германскій — два совершенно особенные міра. У насъ свое дѣло, своя задача, своя цѣль, свое назначеніе, а потому и своя особенная дорога, свои особенныя средства. Чувства народной самобытности теперь получили у насъ окончательно право гражданства и т. д.». Это были языки Хомякова и Кирѣевскаго, и можно было-бы тутъ усмотрѣть полный отказъ отъ западнической программы, если-бы не было ясно, что все это пишется ради цензуры. Современники не могли не замѣтить такого капитальнаго явленія, какъ исчезновеніе журнальныхъ оттѣнковъ. «Всѣдствие отсутствія строго-раздѣленныхъ партій въ нашемъ обществѣ и въ нашей литературѣ», — говорились въ одномъ изъ журнальныхъ обзорѣй 1851 г., — «и самые журналы не представляютъ рѣзкихъ между собою отличій, а могутъ быть раздѣляемы только по нѣкоторымъ и болѣею частью весьма слабымъ оттѣнкамъ». Множество писателей теперь одновременно участвовали въ разныхъ журналахъ: Григоровичъ, Писемскій, Полонскій, Фетъ, Щербина, Потѣхинъ, Михайловъ помѣщали свои произведенія въ одно и то же время въ «Современникѣ», «Отечеств. Зап.» и «Москвитинѣ». Дружининъ одновременно сотрудничалъ въ «Современникѣ» и въ «Библ. для Чтенія» Сенковского; въ послѣднюю онъ даже перенесъ свои «Письма иностраннаго подписчика», когда разошелся на нѣкоторое время съ «Современникомъ». Нѣсколькими годами раньше такое явленіе было-бы совершенно немыслимо. Исчезла, однако, только идеяная полемика: полемика въ смыслѣ руготни и личной перебранки распустилась, на оборотъ, пышнымъ цвѣтомъ, и къ соблазну читающей публики, приняла грубый характеръ званія къ себѣ подписчиковъ. Вражда между первенствующими журналами — «Отеч. Зап.» и «Современникомъ» — началась еще съ 1846 г., когда болѣшая часть кружка Бѣлинскаго вѣсть съ нимъ ушла отъ Краевского въ купленный у Плетнева Некрасовымъ и Панаевымъ «Современникъ»; но она не выходила за предѣлы частныхъ отношеній. Только теперь, когда журналистика сошла съ высоты, на которую ее поставила нравственная сила лучшихъ людей сороковыхъ годовъ, когда журналисты изъ знаменосцевъ превратились въ поставщиковъ занимательнаго чтенія, мелкія страсти могли безпрепятственно выйти наружу. Перебранка между журналами длилась вплоть до наступленія новыхъ временъ, когда стало возможно говорить о серьезныхъ интересахъ общественной жизни. Вмѣстѣ съ утратой опредѣленности направленія и чувства собственнаго достоинства, журналистика переходнаго времени потеряла также живость и отзывчивость. Въ всенскихъ журнальныхъ книжкахъ 1848 г. говорилось о новостяхъ парижскихъ театровъ и ни единымъ словомъ не упоминалось о событіяхъ политическихъ — а еще за годъ до того Александровскія «Письма изъ Avenue Marigny» и «Парижскія пись-

ма» Анненкова знакомили публику съ предреволюционнымъ общественнымъ возбужденіемъ. Когда, въ май 1848 г., умеръ Вѣлинскій. «Современникъ» посвятилъ ему десять строкъ, «Отечественныя Записки» — около двадцати. Журналы начинаютъ наполнять свои страницы статьями; ясно отражающими глубокой застой умственной жизни. Въ отдѣлѣ «наукъ» помѣщаются тяжеловѣснѣйшіе ученые трактаты, съ цифрами, таблицами, спеціальными рисунками, напр. обширное руководство къ приготовленію торфа, исторія тонкоруннаго овцеводства, трактатъ о рыбобоводствѣ. Въ сферѣ литературной ослабленіе журнальной отзывчивости ярко сказалось въ упадкѣ критики, во главѣ которой теперь сталъ А. В. Дружининъ, писатель не безъ достоинствъ, но совершенно несоотвѣтствовавшій тому понятію о «первомъ критикѣ», о вождѣ поколѣнія и влестителѣ думъ, которое было создано Вѣлинскимъ. Дружининъ — заимательный рецензентъ, не больше. Какъ беллетристъ, Дружининъ, начавшій «Поленьюй Саксъ» — блестящій повѣстью на тему о семейныхъ отношеніяхъ, отразившей общее стремленіе молодой литературы пересмотрѣть установившіяся общественно — политическія взгляды, — теперь совсѣмъ захирѣлъ. Онъ пишетъ рядъ ничтожныхъ повѣстей и романовъ, не оставившихъ никакого слѣда въ литературѣ. Несоразмѣрно своимъ литературнымъ силамъ выдвинулся П. В. Анненковъ. Онъ имѣетъ безспорныя заслуги какъ издатель перваго полнаго собранія сочиненій Пушкина и какъ авторъ воспоминаній о писателяхъ 1840-хъ годовъ; но его вялый писательскій темпераментъ дѣлалъ его еще менѣе пригоднымъ, чѣмъ Дружининъ, для первенствующаго положенія въ литературѣ. Разсматриваемые годы богаты только статьями о старо-русской литературѣ, для которыхъ дало внѣшній поводъ выходявшее тогда Смирдинское «Собраніе русскихъ авторовъ». Это было ничѣмъ инымъ, какъ направленіемъ силъ въ сторону наименьшаго сопротивленія; его навязала журналистикѣ реакціоннаго періода трудность касаться болѣе живыхъ явленій. Статья Галахова о Богдановичѣ вызвала, однако, цензурное гоненіе, потому что стили и приемы статьи напоминали, по мнѣнію цензуры, «духъ прежней туманной философіи и, если позволено такъ выразиться, напыщенной галиматіи (!), дававшей преднамѣренную неясностью идей и наборомъ словъ широкое поле къ произвольнымъ разсужденіямъ и примѣненіямъ». Приходилось, такимъ образомъ, отдать отдѣлу критики предметамъ еще болѣе безобиднымъ и уже ничего общаго съ современностью не имѣющимъ. И вотъ, наступаетъ въ «критическомъ» отдѣлѣ періодъ самаго мелочнаго крохоборства. «Гдѣ первоначально были помѣщены такіе-то стихи, какія въ нихъ были опечатки, какъ они измѣнены при послѣднихъ изданіяхъ, кому принадлежатъ подписи А или В въ такомъ-то журналѣ или альманахѣ, въ какомъ домѣ бывалъ извѣстный писатель, съ кѣмъ онъ встрѣчался, какой табакъ курилъ, какіе носилъ сапоги, какія книги переводилъ по заказу книгопрода-

вецъ, на которомъ году написали первое стихотвореніе» — вотъ какъ характеризовалъ Добролюбовъ задачи непосредственно предшествовавшей ему критики. Было въ ней, однако, одно исключеніе: именно въ началѣ 50-хъ годовъ опредѣлялось вполнѣ одно изъ серьезнѣйшихъ дарованій русской критики — Аполлонъ Григорьевъ (1832—1864). Дѣятельность его связана съ такъ называемой «молодой редакціей» «Москвитянина», въ составъ которой входили Островскій, Писемскій, остроумный поэтъ-пародистъ Б. Н. Алмазовъ, немного тяжеловѣсный, но образованный критикъ-эстетикъ Е. Н. Эдельсонъ, Алексѣй Потѣхинъ, Печерскій-Мельниковъ, талантливыя бытописатели московскаго мѣщанства И. Т. Кокоревъ, Мей, Т. И. Филипповъ, этнографъ С. Б. Максимовъ, талантливый разскащикъ и самъ авторъ превосходныхъ сценъ изъ народнаго быта И. О. Горбуновъ и др. Это не былъ кружокъ однородный; съ наступленіемъ новаго періода онъ разбѣлся по самымъ разнообразнымъ изданіямъ. Теперь его спланивалъ по преимуществу глубокой упадокъ западническаго лагера, который, прекративъ всякую серьезную идейную полемику съ славянофильствомъ, въ рядѣ мелкихъ выходокъ продолжалъ сектантски-враждебно относиться ко всему, что исходило изъ славянофильскаго лагеря. Изъ-за внѣшней связи «молодой редакціи» съ Погодинымъ тогдашніе западники проглядѣли, что новое «русское» направленіе находилось въ прямой связи съ завѣтомъ Гоголя изображать дѣйствительную жизнь. Островскій создавалъ бытовую комедію и открывалъ русскому искусству совершенно неизвѣстный ему до тѣхъ поръ міръ купечества; Писемскій какъ никто другой зналъ провинціальную жизнь; Мельниковъ — несомнѣнно самый колоритный и выдающійся изъ всѣхъ нашихъ писателей-этнографовъ. Въ общемъ все это дѣйствительно составляло «новое слово», и не напрасно говорилъ о немъ знаменосецъ и теоретикъ «молодой редакціи», Аполлонъ Григорьевъ. Если-бы критика западническаго лагеря стояла тогда на высотѣ своего призванія, она постаралась-бы съ своей точки зрѣнія освѣтити новый матеріалъ, данный московскимъ кружкомъ. Если очистити міросозерцаніе Григорьева, которое онъ самъ называлъ «органическимъ», отъ мистическаго жаргона и туманнѣйшихъ вѣщаній, то «органическая» критика сводится къ требованіямъ вполнѣ безспорнымъ. За десять лѣтъ до Тѣна Григорьевъ доказывалъ, что каждый писатель — не только органическій продуктъ своего народа и времени, но даже той мѣстности, гдѣ онъ родился. Отсюда вытекало и то требованіе самобытности, которое онъ предъявлялъ къ каждому литературному произведенію, и тотъ восторгъ, въ который онъ пришелъ, когда въ произведеніяхъ Островскаго увидѣлъ полное осуществленіе своихъ мечтаній о бытовой окраскѣ литературы. Стройно и опредѣленно формулировать свое міросозерцаніе ему не удалось; онъ вѣчно отклонялся въ сторону и изъ-за полемическихъ экскурсовъ забывалъ главное. И такъ какъ безпорядочность и неясность изложенія за-

трудняли чтеніе его статей, то публика знала его преимущественно по экстравагантным выходкам, которыхъ всегда было много въ его писаніяхъ и которыя враждебная ему печать выставяла на видъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Онъ прошелъ, поэтому, безслѣдно и не поднялъ уровня эпохи.

Начальные годы «эпохи великихъ реформъ» (1855—1862). 1855-й годъ есть рубежъ между старою и новою Россіей. Литература въ Россіи, въ силу слабого развитія общественной жизни, болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь служитъ выразительницей духовныхъ силъ страны. Во второй половинѣ пятидесятихъ годовъ она ярко отражаетъ новое течение русской государственной жизни; ею овладѣваетъ страстное возбужденіе, подъ вліяніемъ котораго журналистика становится могущественнымъ факторомъ общественной жизни. Съ небывалымъ воодушевленіемъ выдвигается понятіе о *гражданствѣ*, о его правахъ и обязанностяхъ. Наступаетъ единственный въ новѣйшей исторіи русской мысли періодъ, когда почти не существовало никакихъ партійныхъ разногласій. Основные его черты — безграничное, полное самыхъ свѣтлыхъ надеждъ умиленіе и радостная суетливость, съ которою русский человѣкъ принялся нагонять потерянные годы. Оскорбленное исходомъ войны патристическое чувство видѣло главную причину неудачи въ результатахъ отсутствія общественнаго контроля — въ казнокрадствѣ и всяческихъ злоупотребленіяхъ, достигшихъ во время войны неслыханныхъ размѣровъ. Обличеніе этихъ золь раздается какъ въ публицистикѣ, такъ и въ беллетристикѣ. Весеннія вліянія эпохи были настолько сильны, что ихъ вліяніе испыталъ даже Герценъ, только что основавшій въ Лондонѣ «вольный» органъ русской печати, «Колоколъ». Когда появилась первая вѣсть грядущаго освобожденія крестьянъ — рескриптъ 20 ноября 1857 г. — онъ написанъ восторженнымъ привѣтъ импер. Александру II, начинавшійся словами: «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!». Въ концѣ 50-хъ годовъ значеніе «Колокола» достигло своего апогея; членамъ редакціонныхъ комиссій по крестьянскому дѣлу официально раздавали нѣкоторые №№ «Колокола» со статьями по крестьянскому вопросу. Свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Р. Герценъ всегда имѣлъ точныя; доставляя ему ихъ люди самаго разнообразнаго душевнаго склада: въ числѣ его корреспондентовъ былъ, напр., такой принципиальный противникъ всего революціоннаго, какъ Иванъ Аксаковъ. «Колоколъ» являлся своего рода высшей инстанціей; «представители администраціи боялись стать предметомъ его обличеній. Въ общемъ, тогдашній «Колоколъ» гораздо больше напоминаетъ позднѣйшія безцензурныя газеты, чѣмъ эмигрантскій органъ. Источникъ умѣренности его лежалъ въ общемъ оптимистическомъ настроеніи эпохи, въ искреннемъ убѣжденіи, что все будетъ исправлено благодаря гласности и добрымъ намѣреніямъ руководящихъ сферъ. Это убѣжденіе сказалось рельефно въ небываломъ количествѣ частныхъ записокъ и проектовъ, которые въ то время подавались на имя государя и администраци-

ныхъ учреждений. Когда въ 1857 г. открылся комитетъ по крестьянскому дѣлу, туда на первыхъ же порахъ поступило до 100 разныхъ проектовъ. Изъ записокъ, касавшихся общей постановки внутренней политики, многія исходили отъ представителей литературы и науки — Кавелина, Кошелева, Юрія Самарина, Хомякова, Тютчева, Константина Аксакова. Даже Тургеневъ, во всю свою жизнь не написавшій ни одной «дѣловой» строчки, въ концѣ 50-хъ годовъ подалъ записку о введеніи всеобщаго обязательнаго обученія. Особенный интересъ для исторіи литературы имѣютъ записки славянофиловъ, представляющія одинъ изъ важѣйшихъ матеріаловъ для изученія ихъ міросозерцанія. Въ 40-хъ годахъ тѣ стороны славянофильскаго ученія, которыя направлены противъ темныхъ сторонъ стараго порядка, не могли стать предметомъ гласнаго обсужденія; свободны славянофилы были только въ словословныхъ частяхъ своего освѣщенія русской государственной жизни. Этимъ и объясняется вражда къ нимъ западниковъ, также не имѣвшихъ возможности сколько-нибудь полно высказаться, но молчаніемъ отъявлявшихъ свое отношеніе къ ходу событій. Съ наступленіемъ эпохи реформъ въ дѣятельности славянофильства на первый планъ выдвигается та глубокая потребность народною благо, которая заставила Герцена сказать, что западники и славянофилы, подобно Янусу, смотрѣли въ разныя стороны, но сердцемъ у нихъ билось одно. Въ эпоху реформъ славянофилы энергически защищали крестьянскую реформу въ наиболѣе ея широкихъ предположеніяхъ и горячо поддерживаютъ гласный судъ, самоуправленіе, свободу слова и печати. Особенно широко ставилъ вопросы Константинъ Аксаковъ. Въ своей докладной запискѣ, поданной молодому государю въ 1856 г., онъ, опираясь на примѣры московской Руси, предлагалъ созвать земскій соборъ. Литературнымъ центромъ всеобщаго оживленія на первыхъ порахъ становится возникшій въ 1856 г. журналъ М. Н. Каткова, «Русскій Вѣстникъ». Онъ энергично всталъ какъ за критику старыхъ порядковъ, такъ и за указаніе путей созиданія новыхъ условий общественной жизни. Въ пѣломъ рядѣ научно-публицистическихъ статей Бунге, Головачева, Унковскаго, Заруднаго, Лохвицкаго, Бориса Утина, Побѣдоносцева и др. говорилось о необходимости преобразованій въ области судебной, о вредѣ сословныхъ преимуществъ, объ основахъ будущей крестьянской реформы, о благотѣльности самоуправленія и др. Чрезвычайную сенсацию произвели обличительныя статьи С. Громеки о полиціи, ея взяткахъ и вымогательствахъ. Особенно ярко сказывалось направленіе журнала въ отдѣлѣ «Современной лѣтописи», главнымъ сотрудникомъ которой былъ самъ Катковъ, впервые здѣсь развернувшій свой блестящій публицистическій талантъ. Онъ выступилъ убѣжденнымъ англоманомъ - конституціоналистомъ, съ нѣсколько аристократическимъ оттѣнкомъ, и горячо проповѣдывалъ необходимость пересадить въ Р. установившуюся въ Англіи не-

поколебимую законность, свободу личности и общественной инициативы. Весьма знаменательным признакомъ времени является то, что не только измѣнилось общее направленіе цензурнаго вѣдомства, но встрѣчались отдѣльные цензора, которые, изъ-за сочувствія къ свободному слову, рисковали своею служебною карьерою. «Рус. Вѣстникъ» имѣлъ такого цензора-друга въ лицѣ Н. О. Крузе. «Русскій Вѣстникъ» становится и центромъ «обличительной» беллетристики, начало которой положилъ именно здѣсь; въ 1856 г., Салтыковъ-Щедринъ, своими «Губернскими очерками», сразу выдвинувшими автора въ первые ряды литературы. Чтобы понять то глубокое наслажденіе, съ которымъ читались тогда «Губернскіе очерки», надо вспомнить всю безмірность злоупотребленій дореформенной эпохи — и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣть въ виду, что въ возможности гласнаго обличенія этихъ злоупотребленій всѣ радостно усматривали похороны старыхъ порядковъ и стараго безправія. Необычайный успѣхъ «Губернскихъ очерковъ» создалъ цѣлый рядъ повѣстей въ «Щедринскомъ» родѣ. Изъ нихъ наибольшее вниманіе обратили на себя «Старые годы» Мельникова-Печерскаго, «Откупное дѣло» Елагина, и разсказы Н. В. Селиванова. Выработался даже оригинальный типъ «литератора-обличителя», исключительно въ «гражданскихъ» цѣляхъ публикующаго результаты своихъ наблюденій. То же стремленіе не столько доставить эстетическое удовольствіе, сколько принести «пользу», легло въ основу такъ назыв. «гражданскихъ мотивовъ», постепенно завладѣвающихъ стихотворнымъ отдѣломъ журналистики и имѣющихъ затѣмъ большой успѣхъ въ отдѣльных изданіяхъ. Характерною стороною «гражданской» поэзіи второй половины 50-хъ годовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ яркимъ выраженіемъ однородности настроенія эпохи служить то, что наиболѣе замѣтными представителями ея были отнюдь не «либералы». Первыми отозвались въ стихахъ на новое настроеніе Розенгеймъ и Бенедиктовъ, оба совершенно чуждые какихъ-бы то ни было связей съ передовымъ лагеремъ. Причислять къ «гражданской» поэзіи Некрасова (какъ это дѣлается иногда) — большая ошибка; по источникамъ вдохновенія «муза мести и печали» не имѣла ничего общаго съ банальными стихотвореніями Бенедиктова и Розенгейма. Суровая поэзія Некрасова была выраженіемъ того глубокаго стремленія къ созданію новаго строя жизни и духа, который охватилъ дѣшніе наши кружки начиная съ 40-хъ годовъ, между тѣмъ какъ Бенедиктовъ, Розенгеймъ и другіе «обличали» и взывали къ «гражданскимъ» чувствамъ потому, что это было разрѣшено и даже официально одобрено. Пустозвонностью отзывался въ значительной степени и обличительный театръ конца 50-хъ годовъ; исключеніе и тутъ приходится сдѣлать для крупнаго писателя — Островскаго («Доходное мѣсто»). «Чinovникъ» гр. Соллогуба, въ которомъ герой патетически восклицаетъ: «крикнемъ на всю Русь, что пришла пора вырвать зло съ корнями», имѣлъ шумный успѣхъ на сценѣ; но это свидѣтельствовало только о

настроеніи общества, жадно ловившаго всякій намекъ на обновленіе отжившаго строя. Люди, умѣвшіе разбираться въ литературныхъ явленіяхъ, тогда же видѣли внутреннюю фальшь и фразерство «Чinovника»; Н. Ф. Павловъ помѣстилъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» блестящую и вѣдную критическую статью о пьесѣ гр. Соллогуба. Изъ другихъ драматурговъ обличительной эпохи имѣли еще успѣхъ Н. М. Львовъ, авторъ комедіи «Свѣтъ не безъ добрыхъ людей», и особенно Алексѣй Потѣхинъ, обратившій на себя вниманіе также романами и повѣстями, изображавшими борьбу старыхъ и новыхъ понятій. Общее оживленіе охватило и сферы, съ идейными возбужденіями обыкновенно ничего общаго не имѣющія. Къ числу самыхъ чуткихъ журналовъ того времени принадлежалъ «Морской Сборникъ». Объясняется это тѣмъ, что стоявшій во главѣ морского вѣдомства великій князь Константинъ Николаевичъ былъ однимъ изъ наиболѣе горячихъ поборниковъ реформъ, и такъ какъ общей цензурѣ «Морской Сборникъ» не подлежалъ, то онъ и пользовался гораздо болѣею свободой, чѣмъ другіе органы печати. Первые обличенія злоупотребленій, обнаружившихся во время войны, появились въ «Морскомъ Сборникѣ»; здѣсь же были напечатаны первыя статьи о судебной реформѣ. Наибольшее впечатлѣніе произвели «Вопросы Жизни» Пирогова, появившіеся на страницахъ «Морского Сборника» въ 1856 г. Пироговъ возставалъ противъ обычая ссызлама приготавливать ребенка къ спеціальной дѣятельности: истинная задача педагогіи — воспитать *человѣка*, который, усвоивъ себѣ основы общечеловѣческой культуры, пусть и избираетъ самъ, по желанію и способности, ту или другую спеціальность. Въ томъ же «Морск. Сборникѣ» появляется рядъ статей о воспитаніи — Бама, Даля, пастора Зедегольца, встрѣтившихъ самый сочувственный откликъ въ друг. журналахъ. Все это привело къ большому оживленію въ учебномъ дѣлѣ. Университеты широко раскрываютъ двери всѣмъ желающимъ, не исключая и женщинъ; профессоръ читаетъ публичныя лекціи, привлекающія множество слушателей; въ студенчествѣ пробуждается страстный интересъ къ общественной жизни.

Система довѣрія къ общественнымъ силамъ и совпадающій съ нею періодъ общественнаго единодушія въ стремленіи къ реформамъ длится, однако, очень недолго. Послѣ появленія въ 1857 г. рескрипта на имя вѣленскаго ген.-губернатора, возмѣщавшаго близость уничтоженія крѣпостнаго права, появляются стремленія затормозить реформу или слѣзуть ея рамки. Сторонники этихъ стремленій не имѣли сколько-нибудь серьезнаго представительства въ литературѣ, но были сильны своими связями и по временамъ достигали того, что печатъ былъ стѣсняемъ въ обсужденія реформы. Эти неожиданныя стѣсненія, которыя какъ-бы указывали на колебаніе въ реформаторскомъ настроеніи, заставляли тѣснѣе сплываться людей, не знавшихъ колебанія. Вотъ почему уже въ концѣ 50-хъ годовъ обозначаются первые признаки борьбы міросозерца-

ний и поколѣній. Это былъ органическій процессъ, вызванный не однимъ только измѣненіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Какъ во всякую эпоху коренныхъ переделовъ, изъ общаго хора первоначально умѣренныхъ требованій начинаютъ выдѣляться болѣе рѣшительныя стремленія. Открытой борьбы между умѣренными и радикальными элементами еще нѣтъ, но радикальное настроеніе растетъ. Усиливаются розни между умѣренно-прогрессивными «отцами», людьми сороковыхъ годовъ, помнящими суровость только-что завершившейся эпохи и потому довольствующимися сравнительно немногимъ—и бурно отрицающими все старое «дѣтми», которые о прошедшемъ судятъ не по непосредственному впечатлѣнію, а болѣе по разсказамъ. Центромъ радикальнаго настроенія въ концѣ пятидесятыхъ годовъ становится «Современникъ», въ лицѣ главныхъ своихъ теоретиковъ—Чернышевскаго и Добролюбова. Н. Г. Чернышевскій (1828—89) былъ человѣкъ чрезвычайно разнообразныхъ знаний. Онъ оставилъ яркій слѣдъ въ критикѣ, философій, публицистикѣ, политической экономіи. Какъ мыслитель, онъ былъ врагъ всего неяснаго и болѣе всѣхъ содѣйствовалъ переходу отъ туманной философій 40-хъ годовъ къ научно-позитивному миропониманію. Какъ политико-экономъ, онъ укрѣпилъ и обострилъ то отрицательное отношеніе къ буржуазному строю, которое началось еще въ 40-хъ годахъ, но затѣмъ замерло подъ влияніемъ реакціи. Какъ публицистъ и полемистъ, онъ выработалъ тотъ особый типъ журнальныхъ статей, который состоитъ въ томъ, что научно-философскія темы берутся не какъ предметъ спеціальнаго изслѣдованія, а только въ общихъ своихъ очертаніяхъ, съ непосредственнымъ приложеніемъ къ вопросамъ времени. Какъ критикъ и эстетикъ, Чернышевскій въ своей диссертациі: «Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности» (1855) выдвинулъ теорію подчиненія искусства требованіямъ жизни. Этотъ утилитарный взглядъ былъ не продолженіемъ, а отклоненіемъ отъ традицій Бѣлинскаго, хотя именно Чернышевскій и положилъ начало культъ великаго искателя истины, своими извѣстными статьями о «Гоголевскомъ періодѣ русской литературы». Непреклоннымъ ригористомъ, какъ и Чернышевскій, былъ Н. А. Добролюбовъ (1836—61), скоро ставшій во главѣ критическаго отдѣла «Современника». Подобно чрезвычайно-мягкому въ личной жизни Чернышевскому, и Добролюбовъ тайлъ въ своей душѣ неисчерпаемый запасъ нѣжности и мягкости, ярко выступающій въ его интимной жизни; но въ общественной дѣятельности онъ былъ безпощаденъ и рѣзокъ. Глубоко преданный идеѣ дѣйствительнаго прогресса, онъ не выносилъ парадированія прогрессивностию; бачальныя «вопи о правдѣ, гласности, взяткахъ, свободѣ торговли, вредѣ откуповъ, гнусности угнетенія и проч.» его крайне раздражали. Въ «Свистѣ»—сатирическомъ приложеніи къ «Современнику»—онъ далъ полную волю своему тонкому остроумію и провѣлъ рѣзкую демаркаціонную линію между

людьми либеральничавшими, потому что это дозволено, и людьми, для которыхъ свобода общественной жизни составляетъ лозунгъ всѣхъ духовныхъ стремленій. Совершенно невѣрно представленіе о Добролюбовѣ, какъ о разрушителѣ по преимуществу. Кто, какъ не онъ, создалъ Островскому настоящую, всероссійскую славу, которую были безсилны ему доставить ближайшіе литературные друзья изъ «Москвитинна»? Кто краснорѣчивѣе его комментировалъ «Обломова»? Несправедливо также усматриваютъ въ Добролюбовѣ «разрушителя эстетикі» и упразднятеля искусства. Онъ является не провозвѣстникомъ публицистическаго искусства, а основателемъ *публицистической критикі*. Съ него начинается та полоса русской критикі, не закончившаяся и понынѣ, когда литературное произведеніе оцѣнивается по преимуществу какъ факторъ прогресса или регресса. Статьи Добролюбова какъ будто трактовали о Тургеневѣ, Островскомъ, Гончаровѣ, а на самомъ дѣлѣ это были лирическіе манифесты новаго міросозерцанія. Въ исторіи русской литературы нѣтъ періода, равнаго по интенсивности творчества концу 50-хъ и началу 60-хъ годовъ. Помимо появленія въ свѣтъ лучшихъ произведеній С. Т. Аксакова («Семейная Хроника» и «Воспоминанія»), по возрасту и развитію принадлежащаго къ другой эпохѣ, къ этому времени относится созрѣваніе, а отчасти и народженіе цѣлой фаланги великихъ талантовъ. «Рудинъ», «Дворянское Гнѣздо», «Наканунѣ», «Отцы и дѣти», «Обломовъ», «Гроза», «Губернскіе очерки», «Тысяча душъ», «Горькая судьбина», «Записки изъ Мертваго дома», «Севастопольскіе разсказы»—весь этотъ фундаментъ храма славы новѣйшаго русскаго романа и русской драмы созданъ въ первые годы новой эпохи. Замечательно, что даже въ жизни представителей такъ наз. «чистой» поэзіи—Майкова, Полонскаго, Фета—конецъ 50-хъ годовъ былъ эпохой расцвѣта таланта. Некрасовъ изъ автора нѣсколькихъ хорошихъ стихотвореній превращается въ крупнаго поэта, вѣщее слово котораго воспитываетъ рядъ поколѣній въ любви къ обездоленнымъ и неимущимъ. Въ общемъ получается картина небывалаго литературнаго оживленія. Тѣсная связь его съ оживленіемъ общественно-политическимъ всего ярче, однако, сказывается не въ появленіи цѣлаго ряда высоко-талантливыхъ произведеній, а въ той по преимуществу общественной окраскѣ, которая отнынѣ становится одною изъ основныхъ чертъ нашей литературы. Если и прежде наша литература не замыкалась въ сферѣ чисто художественныхъ интересовъ и всегда была каеодрой, съ которой раздавалось учительное слово, то отнынѣ всѣ крупныя ея дѣятели въ той или другой формѣ отзываются на потребности времени и становятся художниками-проповѣдниками. Ярче другихъ думы и ожиданія начальныхъ лѣтъ эпохи реформъ отразилъ самый крупный писатель того времени, И. С. Тургеневъ (1818—83), въ талантѣ котораго чуткость къ колебаніямъ общественной атмосферы является наиболее характерною чертою. Одинъ изъ самыхъ тон-

ких художников всемирной литературы, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ собою образецъ самаго тѣснаго взаимодѣйствія литературы и общественной жизни. Въ общеніи съ Бѣлинскимъ онъ выработалъ себѣ весьма определенное общественное міросозерцаніе. Въ «Запискахъ охотника» онъ выполнялъ Анябаловскую клятву своей молодости—бороться съ крѣпостнымъ правомъ; въ melancholическихъ произведеніяхъ первой половины 50-хъ гг. онъ отразилъ общую подавленность тяжелой эпохи; теперь онъ возбужденно отдается воплощенію въ художественныхъ образахъ новыхъ общественныхъ настроеній и теченій. Творческое чутье тянетъ его къ подведенію итоговъ прошлаго поколѣнія и къ гаданію о близкомъ будущемъ. Олиетвореніе вынужденной бездѣятельности 40-хъ годовъ, Рудинъ («Рудинъ», 1856), умираетъ за чужое дѣло; неспособный къ активной роли въ жизни Лаврецькій («Дворянское гнѣздо», 1859) добровольно оцпщаетъ мѣсто и съ грустью, но безъ горечи, благословляетъ молодя, грядущія силы. Въ «Накаунтѣ» (1860) эти молодыя силы впервые выступаютъ на арену общественной жизни, а въ «Отцахъ и дѣтяхъ» (1862) начинается пора открытой борьбы двухъ поколѣній. Названныя четыре произведенія, образующія, вмѣстѣ съ отразившими настроеніе сороковыхъ годовъ «Записками Охотника», основаніе значенія Тургенева, представляютъ собою наиболѣе яркое проявленіе одной изъ самыхъ характерныхъ особенностей новѣйшей русской литературы—сближенія литературы и жизни. Вслѣдствіе удивительной способности придавать еще неопредѣлившемуся опредѣленные очертанія, едва зарождающееся кристаллизуетъ въ ясныхъ художественныхъ образахъ, произведенія Тургенева являлись могущественнымъ факторомъ выработки новыхъ общественныхъ теченій. Романы Тургенева не только зачитывались—его героямъ и героинямъ подражали въ жизни: всякая дѣвушка воображала себя Еленой, поль-поколѣнія захотѣло стать Базаровыми. Не менѣе крупную роль, хотя совершенно иного свойства, сыграло другое подведеніе итоговъ—«Обломовъ» (1859), И. А. Гончарова (1812—91). Для насъ въ знаменитомъ романѣ больше всего интересна бытовая сторона его—изображеніе жизни въ Обломовѣ и другія картины «нравовъ»; но въ моментъ появленія «Обломова» тайна его колоссальнаго успѣха лежала не въ эпическихъ его достоинствахъ. Нужна была кличка для обозначенія дореформенной инертности и косности—и она быстро вошла во всеобщій обиходъ, какъ только Добролюбовъ ее формулировалъ въ своей знаменитой статьѣ: «Что такое Обломовщина». По свидѣтельству современниковъ, всякій усматривалъ въ себѣ элементы «Обломовщины»; всѣмъ казалось, что найдено объясненіе несовершенству нашего общественного строя. Такимъ-то образомъ приобрѣлъ широкую популяриность писатель, по общему складу своего духовнаго существа всего менѣе склонный къ тому, чтобы стать писателемъ-проповѣдникомъ. Онъ уловилъ «моментъ»—и его произведеніе явилось, помимо

его творческихъ наклонностей, однимъ изъ сильнѣйшихъ ферментовъ новаго настроенія. Въ эти же послѣдніе дни мира достигъ высшей точки своей извѣстности А. Ө. Писемскій (1820—81), напечатавшій въ 1858 и 1859 гг. лучшія свои вещи—романъ «Тысячу душъ» и драму «Горькая судьбина». Въ «Тысячѣ душъ» Писемскій, въ лицѣ Калиновича, вывелъ администратора новаго типа, искренно задающагося цѣлью содѣйствовать искорененію старыхъ не порядковъ. Герой Писемскаго кушлъ свою порядочность дорогою цѣною тяжелыхъ страданій и внутренняго перерожденія. Чисто-литературный интересъ произведенія—въ томъ, что перерожденіе это психологически вполне подготовлено и потому художественно правдиво. «Тысячѣ душъ» Писемскій занялъ одно изъ крупныхъ мѣстъ въ исторіи русскаго общественнаго романа—и это особенно характерно, такъ какъ до тѣхъ поръ онъ считался человѣкомъ чисто физиологическаго таланта, творившаго, не задаваясь никакими идейными проблемами. Еще менѣе, казалось бы, подходилъ къ роли выразителя новыхъ общественныхъ теченій недавній столпъ полу-свадьнофильской «молодой редакціи Москвитина», крупнѣйшій драматургъ новѣйшей русской литературы—А. Н. Островскій (1823—86). А между тѣмъ въ какой яркой формѣ выразилась эта перемѣна! Онъ пишетъ «Доходное мѣсто» (1856), «Воспитанницу» (1859), «Грозу» (1860), которыя, помимо всякихъ комментариевъ, совершенно определенно примыкаютъ къ новымъ вѣяніямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ вся его предыдущая дѣятельность получаетъ совершенно новое толкованіе: его дашъ Добролюбовъ, въ одной изъ тѣхъ составляющихъ эпоху статей, которыя сразу и навсегда устанавливаютъ значеніе и смыслъ дѣятельности того или другаго писателя. Въ «Темномъ Царствѣ» Добролюбова выяснено значеніе Островскаго какъ писателя исключительно гуманнаго, гуманнаго безъ всякихъ заднихъ мыслей, безъ всякаго тенденціознаго желанія прославлять «истинно-русскія» начала жизни, будто-бы сохранившіяся въ патриархальномъ быту московскаго купечества. И въ появившемся послѣ «Темнаго Царства» лучшемъ произведеніи Островскаго—«Грозѣ»—всѣ уже единодушно усмотрѣли только одну потрясающую картину дикаго самодурства, хотя и въ достаточной степени «истинно-русскую». Изъ второстепенныхъ выразителей общественнаго «момента» второй половины 50-хъ годовъ большой успѣхъ выпалъ на долю М. В. Авдѣева (1821—1876). Въ воздухѣ носились новыя представленія о семейныхъ отношеніяхъ, въ крайнемъ своемъ развитіи создавшія въ 60-хъ годахъ теорію такъ называемаго «гражданскаго брака». Ихъ и отразилъ, отчасти, Авдѣевъ, въ своемъ романѣ «Подводный камень» (1860). Благоутворно поддѣйствовалъ общій подъемъ русской жизни и на талантѣ лучшихъ представителей поэзіи. О какомъ-бы то ни было гоненіи на поэзію тогда не было еще и рѣчи. Хотя Чернышевскій и провозгласилъ уже теорію подчиненія искусства жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ въ высшей степени почтительно относился къ воплощенію русской по-

эзи—Пушкину. Добролюбовъ не только тонко понималъ поэзію, но и самъ былъ человѣкъ съ истинно поэтическою жилкой; кромѣ цѣлаго ряда остроумныхъ шестъ въ «Свисткѣ», онъ написалъ нѣсколько прекрасныхъ лирическихъ стихотвореній. «Гражданскую» поэзію Розенгеймовъ и Бенедиктовыхъ онъ подынял на смѣхъ столькоже, какъ за ея мелкоту, сколько за праязничность. При такомъ настроеніи вождей движенія въ полномъ душевномъ равновѣсіи доживаетъ послѣдніе дни почета поэтической плеяды, на которую чрезъ нѣсколько лѣтъ посылется цѣлый градъ насмѣшекъ и оскорбленій; но въ свою очередь и она еще не посвящаетъ себя всецѣло «чистому» искусству. Въ дѣятельности А. Н. Майкова (1821—97) начало эпохи великихъ реформъ является временемъ и очень напряженного творчества, и высшаго признанія. Публика съ необычайной для Майкова горячностью привѣтствовала его теперь, когда онъ, на вошедшихъ въ моду литературныхъ вечерахъ, выступалъ съ новѣйшими произведеніями своей раньше столь строго-античной и безстрастной музыки. Въ его творчествѣ господствуетъ полоса преклоненія предъ такими людьми, какъ Гусь и Савонарола; изъ трехъ римлянъ, дѣйствующихъ въ «Трехъ смертяхъ» (поэма начата еще въ 1841 г., но въ окончательномъ видѣ появилась въ 1857 г.), самый безпокойный, самый нервный—это поэтъ Луканъ. Когда Майковъ выступалъ на литературное поприще, поэтъ рисовался ему въ видѣ грека-пастуха, который, сдѣлавъ себѣ изъ тростника свирѣль, оживилъ лѣсъ и доли сладкими звуками («Искусство»). А теперь тоже представитель античнаго міра, Луканъ, такъ рисуетъ задачу «дара пѣсенъ»: «Народовъ мысли—образъ дать, ихъ чувство—слово громовое, вселенной душу обнимать и говорить за все живое—вотъ мой удѣлъ! вотъ власть моя». Луканъ гордится тѣмъ, что возбудилъ противъ себя «злону мрачныхъ изувѣровъ, ханжей, фигаляровъ, лицемѣровъ, съ которыхъ маски онъ сбивалъ». Даже чисто-автологическая картинка, въ родѣ вошедшей во всѣ дѣтскія книжки «Нивы», заканчивается молениемъ «о духовномъ хлѣбѣ», о томъ, чтобы «повѣяло весной» и чтобы пустила «свѣжіе ростки» «мысли сѣмена». Несомнѣнно хорошо чувствовалъ себя въ эти годы всеобщаго міра и другой виднѣйшій представитель старой поэтической школы—Я. П. Полонскій (1820—98). Нельзя считать простою случайностью, что наивно-поэтическое дарованіе Полонскаго именно теперь создало самое выдержанное, самое художественно-цѣльное произведение свое—предестную поэму «Кузнечикъ-Музыкантъ». Очевидно, поэтъ чувствовалъ возможность вполне отдаться своему настроенію: идиллическій сюжетъ никому не казался мало достойнымъ и недостаточно «серьезнымъ». Третій поэтъ-хранитель Пушкинскихъ традицій, представитель поэзіи, отрѣшенной отъ условій мѣста и времени—А. А. Фетъ-Шеншинъ (1820—92),—имя котораго скоро должно было стать, и стать надолго, синонимомъ безцѣльнаго творчества, въ то время былъ еще близокъ къ «Современнику», гдѣ печатались

его стихотворенія и письма изъ-за границы. Безспорнымъ признаніемъ пользовалось въ это время и дарованіе Ѳ. И. Тютчева, современника и послѣдователя Пушкина. Продолжали въ полномъ спокойствіи свою дѣятельность и два поэта небольшого, но изящнаго таланта—Мей и Щербина,—выступившіе въ началѣ 50-хъ годовъ и въ эпоху писаревскаго гоненія на поэзію тоже причисленные къ школѣ «чистаго искусства». Это до извѣстной степени правильно по отношенію къ незлобивому Мей, но далеко не точно по отношенію къ Щербину. Залечатлѣвъ память о себѣ въ исторіи русской поэзіи «Греческими мелодіями» (1850), посвященными культу античной красоты, онъ является вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ самыхъ злыхъ и жесткихъ эпиграмматистовъ нашихъ. Большая часть его эпиграммъ направлена противъ радикальныхъ стремленій; но жертвою его язвительнаго остроумія часто являлись и люди того лагеря, къ которому онъ самъ принадлежалъ. Изъ другихъ поэтовъ школы «чистаго искусства» во второй половинѣ 50-хъ годовъ получаетъ известность гр. Алексѣй Толстой (1817—75). Расцвѣтъ его дѣятельности падаетъ на 60-е годы, когда онъ написалъ свою драматическую трилогію и историческій романъ «Князь Серебряный». Трилогія отводитъ Толстому одно изъ первыхъ мѣстъ въ русской исторической драмѣ; романъ его богатъ только внѣшнимъ интересомъ. На значеніе Толстого какъ лирика и эпика (историческія баллады въ старорусскомъ стилѣ) существуютъ два взгляда: однимъ онъ кажется поэтомъ очень большой силы, другіе находятъ его вычурнымъ и неестественно-наряднымъ. Всецѣло принадлежитъ второй половинѣ 50-хъ годовъ безотрадная поэзія И. С. Никитина (1824—61). Въ противоположность мажорному тону его знаменитаго земляка, Кольцова, лира Никитина настроена очень минорно: онъ рисуетъ грубость, невѣжество, эксплуатацію сильнымъ слабого. И это не было въ немъ результатомъ напускныхъ «гражданскихъ» чувствъ, а вѣрнымъ отраженіемъ его собственныхъ наблюденій. Въ грусти его нѣтъ ничего ходульнаго; знаменитая элегія: «Вырита заступомъ яма глубокая» принадлежитъ къ трогательнѣйшимъ стихотвореніямъ всей русской поэзіи. Искренность чувства доставила теперь успѣхъ и поэзіи Ю. Жадовской, въ сороковыхъ годахъ довольно сурово встрѣченной Бѣлинскимъ. Къ разсматриваемой эпохѣ относится также появленіе цѣлаго ряда поэтовъ-юмористовъ и представителей легкой сатиры. Собственно родоначальникомъ юмористическаго стихотворства слѣдуетъ считать коллективное поэтическое лицо Кузмы Пруткова, стихотворенія котораго относятся къ концу дореформенной эпохи («Современникъ», 1854). Нѣкоторые участіе принимали въ ихъ сочиненіи Некрасовъ и Алексѣй Толстой, главное—В. и А. М. Жемчужниковы, изъ которыхъ послѣдній до сихъ поръ является бодрымъ поэтомъ-гражданиномъ. Изъ выступающихъ въ концѣ 50-хъ годовъ поэтовъ-юмористовъ особенно выдается переводчикъ Беранже и основатель сатирической газеты «Искра» (1859), В. С. Курочкинъ. «Искра» зорко

сдѣлала за общественной жизнью и неумолимо обличала всякую пошлость. Изъ ея сотрудниковъ Д. Д. Минаевъ обладалъ легкимъ и бойкимъ стихомъ, а П. И. Вейнбергеръ составилъ себѣ въослѣдствіи почтенную извѣстность какъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ переводчиковъ иностранныхъ поэтовъ—Гейне, Шекспира и многихъ другихъ. Высоко-литературными достоинствами обладаютъ также переводы М. И. Михайлова, въ 1862 г. арестованнаго за составленіе прокламаціи и вскорѣ умершаго въ Сибирь.

Реакція и эпоха «нигилизма». Распространеніе радикальных стремленій въ молодежи, въ связи съ польскимъ возстаніемъ и петербургскими пожарами 1862 г., произвело сильное впечатленіе какъ на руководящія сферы, такъ и на часть общества. Начинается реакція; появляется желаніе затормозить дѣло реформъ. Катковъ отказывается отъ либеральной программы и становится глашатаемъ обузданія и подавленія прогрессивныхъ стремленій. Въ средѣ молодежи господство получаетъ не серьезный радикализмъ «Современника», а поверхностный, кричащій, витѣйный радикализмъ «Русскаго Слова». Центральной фигурой является теперь Д. И. Писаревъ (1841—68), благодаря несравненному блеску его стиля и необыкновенной легкости его литературной манеры. Въ 3—4 года напряженной дѣятельности онъ подвергъ смѣлому анализу весь строй старыхъ понятій. Пересмотрѣвъ кодексъ старой морали, старой эстетики и старой науки, онъ пришелъ къ полному разрушенію прежняго «идеалистическаго» міросозерпанія и старался замѣнить его міросозерпаніемъ «трезвымъ», достойнымъ «развитой личности» и «мыслящаго реализма». Онъ не боялся послануть на слазу величайшаго русскаго поэта, отлично сознавая, что создастъ себѣ репутацію вандала. Искусство онъ отрицалъ, однако, не вопіюще: онъ только не хотѣлъ признавать за нимъ первостепеннаго значенія. Главнымъ образомъ надо «полезное дѣло» дѣлать, а какъ отдыхъ можно себѣ позволить и искусствомъ позабавиться. На мѣсто искусства Писаревъ ставилъ науку, но не всѣ ея отдѣлы, а исключительно естествознаніе. Боясь чаръ «идеализма», онъ даже Грановскаго причислялъ къ «сиренамъ», сладкій гласъ которыхъ можетъ сбить съ пути истиннаго реализма. Однако, его проповѣдь «разумнаго эгоизма» не только не привилась, но подколола все зданіе утилитаризма—подколола именно своею *красотвенною* несостоятельностью. Одни взгляды на искусство не въ состояніи никою дискредитировать: Левъ Толстой еще съ гораздо большею рѣзкостью уничтожаетъ эстетику, всю изящную литературу и въ частности Пушкина—и это нисколько не ослабляетъ «толстовщину». «Писаревщина» пала потому, что въ основѣ ея «разумнаго эгоизма» лежало не общественное благо, не самопожертвованіе, а принципъ индивидуальнаго благополучія. Тотъ же принципъ масса читающей публики находила и въ романѣ Чернышевскаго: «Что дѣлать». Суровая фигура аскета Рахметова и великодушный поступокъ Лопухова, покидающаго родину, чтобы дать возможность любимой имъ женѣ сойтись съ чело-

вѣкомъ, котораго она полюбила, казалось, ясно говорили о первостепенномъ значеніи самопожертвованія въ общественной и личной жизни; но вниманіе большинства читателей сосредоточилось по преимуществу на героинѣ романа, Вѣрѣ Павловнѣ, съ легкимъ сердцемъ принимающей приносимыя для нея жертвы и видящей рядъ розовыхъ сновъ. Отсюда весьма кратковременное, но очень яркое отклоненіе отъ идеаловъ Добролюбова и Чернышевскаго-публициста, которое чаще всего характеризуется тургеневской кличкой «нигилизмъ». У Тургенева, однако, воплощеніе ниализма, Базаровъ—человѣкъ во всякомъ случаѣ крупный, весьма мало напоминающій тѣхъ крикливыхъ адептовъ «новыхъ идей», радикализмъ которыхъ, главнымъ образомъ, въ томъ и выражался, что мужчины носили длинные волосы, а женщины ихъ стригли. Фальшь многочисленныхъ «противонигилистическихъ» романовъ и повѣстей, появившихся въ срединѣ и концѣ 60-хъ гг., заключается не въ томъ, что лохматые, нечесанные, грязные мужчины и утратившія всякую женственность дѣвицы выдуманы: они несомнѣнно были и несомнѣнно оскорбляли тонко чувствующихъ людей—но надо было понять, что ко всякому масовому движенію примѣшиваются умственные и нравственные поддоны, имѣющие слишкомъ мало общаго съ истинными выразителями движенія. Базаровымъ ниализма въ литературѣ былъ Писаревъ: ниализмъ вульгарный, витѣйно-крикливый и неглубокій выразился въ другихъ дѣятеляхъ «Рус. Слова». Самая характерная фигура между ними—Г. Е. Благовѣстовъ, редактировавшій журналъ до его закрытія въ 1866 г., а затѣмъ основавшій «Дѣло». Умственнымъ созданіемъ его былъ В. Зайцевъ, часто заставлявшій о себѣ говорить рѣзкими выходками и яростнымъ ниспроверженіемъ всѣхъ авторитетовъ. Это онъ сказалъ, что «юнкерская» поэзія Лермонтова пригодна только для чахоточныхъ барышень. Цѣлый рядъ подобныхъ выходокъ былъ высказанъ въ редакціонныхъ собраніяхъ Благовѣстовымъ, а Зайцевъ ихъ только изложилъ на бумагѣ. Такимъ же разрушителемъ былъ полковникъ Н. В. Соколовъ (умеръ эмигрантомъ въ 1880-хъ годахъ), помѣщавшій въ «Русскомъ Словѣ» статьи политико-экономическаго характера. Серьезное противодѣйствіе поверхностному радикализму «Русск. Слова» нападки консервативныхъ и умѣренныхъ органовъ оказать не могли: онъ только обострялъ отрицательное направленіе. «Современникъ» попытался образумить Писарева и другихъ дѣятелей «Рус. Слова», доказывая, что они только вредятъ успѣху того міросозерпанія, во имя котораго ополчаются, что они не реалисты, а даже-реалисты, что они ополчаются противъ метафизической философіи, не зная ее и потому не умѣя указать ея дѣйствительною слабую сторону, и т. д. Но «Современникъ» не вышелъ побѣдителемъ изъ этого спора, потому что не могъ выставить бойца, равнаго Писареву. Добролюбовъ умеръ. Чернышевскій, въ 1862 г. арестованный и въ 1864 г. осужденный, выбылъ изъ рядовъ дѣйствующей литературы, а замѣнившій его и

Добролюбова М. А. Антонович не стоялъ на высотѣ положенія. Онъ былъ сухъ и разсудоченъ, а надо было покорять не столько умъ, сколько сердце. Еще важнѣе то, что онъ самъ былъ такой же «разноситель», какъ и сотрудники «Русскаго Слова». Когда появились «Отцы и Дѣти», онъ выступилъ противъ Тургенева со статьей: «Асмодей нашего времени», въ которой приравнивалъ перваго писателя своего времени къ обскуранту Аскоченскому и доказывалъ, что Базаровъ есть злостная клевета на молодое поколѣнiе. Позднѣе (1868) Антоновичъ написалъ неслыханнорѣзкій памфлетъ противъ Некрасова. Въ полемикѣ противъ «Рус. Слова», которую велъ Антоновичъ въ 1864 и 65 гг. подъ псевдонимомъ «Посторонняго сатирика», онъ былъ правъ по существу, но на публику потокъ ругательствъ и взаимныхъ изобличеній произвѣдъ крайне тягостное впечатлѣнiе и не могъ не уронить престижа обоихъ журналовъ. Больше всего «расколъ между нигилистами» доставлялъ удовольствiе многочисленнымъ уже тогда врагамъ новыхъ стремленiй и молодого поколѣнiя. Отъ недавняго единодушiя теперь не оставалось уже ни малѣйшаго слѣда; литературно-общественная мысль распалась на рядъ партiй и фракцiй. Крайнюю правую составляли обскурантская «Домашняя Бесѣда» В. И. Аскоченскаго и крѣпостническая «Вѣсть» Скарятина. «Домашняя Бесѣда» была болѣе забавна, чѣмъ сердита, и ее только вышучивали, но за «Вѣстью» стояла опасная по своимъ связямъ общественная группа, и съ нею надо было полемизировать серьезно. Самымъ опаснымъ врагомъ прогрессивныхъ теченiй являлись «Московскiя Вѣдомости», съ 1863 г. перешедшия къ Каткову и подъ его талантливымъ редакторствомъ (при значительномъ содѣйствiи П. М. Леонтьева) превратившияся въ органъ первостепенной политической важности и огромнаго влiянiя. Когда польское возстанiе было подавлено, онъ начинають создавать рядъ новыхъ опасностей, причисляя къ нимъ, одну за другою, всѣ великiя реформы императора Александра II. Другой органъ Каткова—«Русскiй Вѣстникъ», совершенно утративъ свой прежнiй характеръ, становится главнымъ прiютомъ «противоинициативической» беллетристики. Начавъ съ обличенныхъ во всѣ формы уваженiя къ противнику «Отцовъ и Дѣтей», «Русскiй Вѣстникъ» даетъ своимъ читателямъ «Взбалмученное море» Писемскаго, «Марево» В. П. Ключникова, рядъ романовъ Лѣскова-Стебницкаго и Всеволода Крестовскаго, гдѣ «нигилисты» — въ лучшемъ случаѣ дурачки, а болѣею частью — воры, мошенники, грабители, убiйцы и поджигатели. Особенное положенiе въ ряду литературно-общественныхъ партiй первой половины 60-хъ годовъ занимали такъ называемые «почвенники», сгруппировавшiеся около журнала «Время». Главными сотрудниками его были Аполлонъ Григорьевъ, Достоевскiй и Страховъ. Уже одно присутствiе Аполлона Григорьева въ роли перваго критика дѣлало журналъ какъ-бы продолженiемъ «молодой редакцiи Москвитина»: дозвунгъ близости къ народной «поч-

вѣ» прямо вытекалъ изъ «органической» критики Григорьева. Въ политическомъ отношенiи «Время» держало себя солидарно съ лучшими органами прогрессивной мысли, горячо поддерживая всѣ начинанiя эпохи реформъ; вотъ почему было возможно появленiе во «Времени» нѣсколькихъ стихотворенiй Некрасова и очерковъ Щедрина. Но журналъ кореннымъ образомъ расходился съ духомъ эпохи по вопросу о народности, которую онъ понималъ какъ полнѣйшее подчиненiе народному мировоззрѣнiю. Столь же кореннымъ образомъ онъ расходился съ тою «сблазнительною ясностью», которую эпоха, на основѣ естественнаго, вносила въ вопросы сверхчувственного бытiя. Главный полемистъ «Времени», Н. Н. Страховъ (Косица), въ своей позднѣйшей дѣятельности все тѣснѣе примыкалъ къ тону «Рус. Вѣстника». У Страхова есть горячiе поклонники, ставящие его очень высоко. Несомнѣнно, это былъ критикъ и публицистъ очень образованный, любившiй литературу и сдѣлавшiй многiя интересныя поясненiя къ нашимъ писателямъ. Съ его именемъ не связано, однако, ни одно прочно установившееся толкованiе, которое могло-бы считаться его неприкосновеннымъ вкладомъ въ исторiю русской критической мысли. Почти всю свою жизнь Страховъ считалъ себя лучшимъ истолкователемъ Толстого, но какъ же онъ понималъ его? Какъ философа смиренномудрiя, какъ проповѣдника идеаловъ скромнаго семейнаго счастья и вообще какъ рѣшительнаго врага всего того, что выработано радикальнымъ русскою мышлю. Это толкованiе теперь рухнуло безслѣдно. Съ конца 70-хъ гг. Толстой становится предметомъ вражды для людей того направленiя, котораго держался Страховъ; выясняется, притомъ, что основныя позднѣйшаго духовнаго облика Толстого заключались уже въ первыхъ его произведенiяхъ.

Оригинальнымъ проявленiемъ уравнилельныхъ теченiй эпохи реформъ было выступленiе на литературное поприще такъ называемаго «разночинца». Литература первой половины вѣка, даже въ такихъ радикальныхъ выразителяхъ своихъ, какъ Бакунинъ и Герцель, была, за самыми малыми исключенiями, дворянская. Теперь же и вожди теоретической мысли, и рядъ новыхъ беллетристовъ по происхожденiю принадлежать либо къ духовенству, либо къ мелкому чиновничеству. Самое крупное дарованiе въ ряду послѣднихъ — Н. Г. Помяловскiй, авторъ преносходнѣйшей картины отжившаго педагогическаго быта — «Очерковъ Бурсы» — и двухъ замѣчательныхъ романовъ, «Мысленное счастье» и «Молодцовъ», въ которыхъ звучитъ насмѣшливая нота по отношенiю къ личному благополучiю, хотя-бы и достигнутому непродолжительными путями. Другiе беллетристы-разночинцы 60-хъ гг. — Николай Успенскiй, Левитовъ, Вороновъ и въ особенности Ф. М. Рѣшетниковъ — оставили яркiй слѣдъ въ сферѣ повѣстей и разсказовъ изъ народной жизни. Послѣ ихъ «трезвой правды» (выраженiе Тургенева по отношенiю къ Рѣшетникову) прежнее барски-собоиѣзжающее, смягченное и приподнятое изображенiе народной

жизни исчезает навсегда, хотя лишь нѣсколькими годами раньше большой успѣхъ имѣли рассказы изъ народной жизни Марко-Вовчка (псевд. М. А. Марковичъ), талантливые и поэтические, но сентиментальные. Въ томъ же родѣ писала свои рассказы изъ простой жизни Кохановская - Соханская, подкрашенные, притомъ, славянофильско-утрированными преклоненіемъ предъ старinou. Этой сентиментальности у писателей разночинцевъ вѣтъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ (въ особенности Левитовъ) неужды и идеализации народа. Чисто-мужицкія стороны народной жизни, то что *только* крестьянину свойственно, въ литературѣ прежняго времени отраженія не находили; напротивъ того, въ произведеніяхъ народниковъ - разночинцевъ онѣ выразились очень замѣтно. Рассказы изъ народной жизни писать въ 60-хъ годахъ еще В. А. Сѣтцовъ, лучшимъ произведеніемъ котораго, впрочемъ, является повѣсть «Трудное время». Здѣсь еще сильнѣе, чѣмъ у Помяловскаго, осмѣнно стремленіе къ личному благополучію въ буржуазномъ стилѣ.

Старое славянофильство было представлено въ первой половинѣ шестидесяти годовъ «Днемъ» Ивана Аксакова. Неопредѣленное положеніе занимали «Отечественныя Записки», гдѣ тогда главными дѣятелями являлись суховатый критикъ С. С. Дудышкинъ, публицистъ Н. В. Албертини, туманный эстетикъ Николай Соловьевъ, — а также «Библиотека для Чтенія» П. Д. Боборыкина. Оба эти журнала, мало привлекавшіе читающую публику, то выступали какъ представители западнически-прогрессивныхъ традицій сороковыхъ годовъ, то разными выходками противъ молодого поколѣнія приближались къ реакціонной печати. Не имѣла также успѣха утѣренно-прогрессивная «Русс. Рѣчь», основанная въ 1861 г. графиней Е. В. Салъсъ (псевд. Евгенія Туръ), въ 1849 г. очень удачно дебютировавшей романомъ «Шлемяннина», но давшей своей дѣятельности возлагавшихся на нее надеждъ не оправдавшей.

Эпоха высшаго развитія альтруизма въ русскомъ обществѣ (семидесятые годы). Несостоятельность утилитаризма скоро выяснилась для лучшихъ элементовъ русскаго общества. Крѣпнѣетъ сознаніе, что однимъ разрушеніемъ стараго и стремленіемъ къ матеріальной «пользѣ» не проживешь. Возникаетъ потребность въ выработкѣ идеаловъ положительныхъ. Окраску эпохи даетъ теперь не грубоватый «разночинецъ», а «кающійся дворянинъ», желающій искупить и загладить вину своего сословія передъ народомъ. вмѣсто идеала личнаго усовершенствованія выдвигаются принципы общественнаго блага. Отсюда интересъ къ общественнымъ наукамъ и мистическое преклоненіе предъ народомъ. Изъ теоретиковъ Н. К. Михайловскій удовлетворяетъ жаждѣ изученія общественныхъ наукъ и становится однимъ изъ главарей движенія. Публицистика заполняется изслѣдованіемъ экономическаго быта народа; въ сферѣ художественнаго творчества «мужицкая беллетристика» занимаетъ первенствующее положеніе. Какъ особая фракція

альтруистически - демократическаго настроенія, возникаетъ прогрессивное «народничество», имѣющее то общее съ славянофильствомъ, что оно тоже провозглашаетъ принципъ «особенности» русскаго народа, но усматриваетъ ее исключительно въ общинно-артельныхъ «устояхъ» русской народной жизни. Всѣ фракціи прогрессивной мысли сливаются въ стремленіи отдать себя служенію народу, жертвуя для этого личными и даже культурными интересами. Такой историческій моментъ не могъ всецѣло воплотиться въ литературѣ; писателей, *вполнѣ* стоящихъ на его высотѣ, онъ не далъ. Но если семидесятые годы оказались неблагоприятными для *сознанія* первостепенныхъ талантовъ, то они оказались чрезвычайно благоприятными для *развитія* трехъ великихъ писателей — Салтыкова, Достоевскаго и Толстого, унаследованныхъ русскою литературою отъ эпохъ предыдущихъ. Созрѣвшее дарованіе Салтыкова доходило по временамъ до истинно-свифтовской силы. Чѣмъ круче становились времена, тѣмъ опредѣленнѣе становилось его міросозерцаніе, тѣмъ цѣльнѣе его творчество. Съ 70-хъ гг. въ его произведеніяхъ слышится уже не холодный юморъ, а глубокая иронія; властно предъявляются требованія набойтывающаго сердца. Символически резюмируетъ всю дѣятельность Щедринъ въ послѣднія 20 лѣтъ его жизни діалогъ «торжествующей свиньи» съ правдой. Сатирикъ проникнутъ несокрушимой твердостью человѣка, котораго стихійной силой пригнуло къ землѣ, но который тѣмъ не менѣе сохранилъ въ себѣ гордое стремленіе къ небу. Связь Достоевскаго съ настроеніемъ 70-хъ годовъ для многихъ въ свое время была неясна; ихъ даже пугалъ апогей славы Достоевскаго, который относится къ срединѣ и концу 70-хъ годовъ и получилъ такое грандіозное выраженіе въ похоронахъ, ему устроенныхъ (1881). Но именно эти похороны, на которыхъ было такое огромное количество молодежи, ясно показали, что въ успѣхѣ Достоевскаго надо было разобратъ. Достоевскій въ одно и то же время совмѣщалъ въ себѣ противоположные элементы. Никто не могъ быть такимъ злымъ и жестокимъ, но никто также не могъ доходить до такой всепроникающей любви къ униженнымъ и оскорбленнымъ. И вотъ это-то и было оцѣнено теперь, между тѣмъ какъ въ 60-хъ годахъ изъ-за выходокъ противъ либерализма къ великому дарованію автора «Записокъ изъ Мертваго дома» и «Преступленія и Наказанія» относились холодно. Въ семидесятихъ годахъ Достоевскій былъ вождь не умственный, а нравственный; никто не учился у него, *что* любить, но учились самой любви, проникались силою ея и страстностью. Еще менѣе сознавалась въ свое время тѣснѣйшая связь между альтруистическими теченіями 70-хъ годовъ и Львомъ Толстымъ. Критика, признавая его великій талантъ, относилась къ нему холодно и внутренняго смысла его произведеній не понимала. Достаточно сказать, что въ «Аннѣ Карениной» усмотрѣли тогда апофеозъ великосвѣтскихъ амуровъ. Когда на рубежѣ 70-хъ и 80-хъ годовъ стали обращаться въ публикѣ списки толсто-

вской «Исповѣди», а затѣмъ посѣдовалъ рядъ нравственно-философскихъ трактатовъ и разсказовъ, поразившихъ необыкновенною рѣзкостью своей критики, въ этомъ усмотрѣли «переворотъ». Самъ великій писатель земли русской тоже признавалъ себя перерожденнымъ и съ пренебреженіемъ говорилъ о томъ періодѣ своей жизни, когда онъ писалъ «только» романы. Однако, начинающееся теперь усердное изученіе его литературной дѣятельности совершенно твердо устанавливаетъ тотъ фактъ, что нѣтъ «новаго» Толстого, что на всемъ протяжении его 50-лѣтней дѣятельности и черезъ всѣ его великія произведенія проходитъ одна и таже красная нить — исканіе смысла жизни и желаніе добиться правды. Толстого нельзя, поэтому, приурочить ни къ одной эпохѣ: великій гений, онъ стоитъ какъ бы внѣ времени и пространства. Воплоти свободны отъ отпечатка своего времени не могутъ быть, однако, и гении — и всего ближе Толстой подходитъ именно къ семидесятымъ годамъ, съ которыми его органически роднитъ сила и жгучесть овладѣвашаго имъ погуба. Изъ менѣе крупныхъ дарованій къ 70-мъ годамъ относятся расцвѣтъ таланта самой замѣчательной изъ русскихъ писательницъ, Н. Д. Хвощинской-Заиончиковской (1825—1889), подписывавшей свои произведенія: «Крестовскій-псевдонимъ». Она начала писать въ 50-хъ гг. и составила себѣ серьезное литературное положеніе своими романами изъ провинціальной жизни; но лучшія ея вещи — «Большая медвѣдѣца», «Альбомъ», «Первая борьба» и др. — относятся къ 70-мъ годамъ. Она теперь чрезвычайно вырастаетъ и въ художественномъ, и въ общественномъ смыслѣ, освобождается отъ прежней идеализаціи забытыхъ женскихъ фигуръ и съ большою энергіею выводитъ на чистую воду пошлые элементы жизни.

Установить точныя хронологическія границы «семидесятыхъ» годовъ трудно. Приблизительно начало ихъ можно отнести къ 1866—70 гг. Вѣхами могутъ служить прекращеніе «Современника» и «Русскаго Слова» (1866), «Историч. письма» Миртова (1868—70), первая статья Н. К. Михайловскаго. Перешедшія въ 1868 г. къ Некрасову, Салтыкову и Елисѣеву, «Отеч. Записки» становятся центральнымъ органомъ новаго фазиса литературно-общественной мысли. «Отеч. Зап.» начали съ констатирования ошибокъ только-что умершаго Писарева, а главное — съ научной выработки блестящимъ социологомъ и критикомъ Н. К. Михайловскимъ новаго идеала, общественнаго по преимуществу. Во взглядахъ его на прогрессъ былъ данъ новый лозунгъ, устранившій опасность Писаревского утилитарнаго эгоизма и индивидуализма. Рядомъ съ этимъ Михайловскій высоко ставилъ и значеніе личности, но только давалъ ей другое назначеніе. Признаніемъ «субъективнаго метода» въ социологіи онъ старался показать, что въ исторической жизни идеалъ, элементъ *желательнаго*, имѣетъ огромное практическое значеніе. Изъ другихъ дѣятелей «Отечественныхъ Записокъ» видную роль играли умный «внутренній обозрѣватель» Г. З. Елисѣевъ, талантливый публицистъ Де-

мертъ, философъ-позитивистъ В. В. Лесевичъ, критики Добролюбовской школы А. М. Скабичевскій, М. К. Цебрикова, М. А. Протопоповъ, позднѣе публицисты С. Н. Кривенко, В. П. Воронцовъ и С. Н. Южаковъ. Въ беллетристическомъ отдѣлѣ «Отечеств. Записки» становятся центромъ «мужицкой беллетристики». Это была въ болѣе стѣни публицистика, чѣмъ беллетристика. Она скоро раскололась на два теченія — идеализирующее и пессимистическое. Во главѣ перваго стоялъ Н. Н. Златовратскій. Въ его произведеніяхъ сѣреній мужичокъ сплошь да рядомъ превращается въ эпическаго Микуду — Селяниновича, который подчасъ даже говоритъ былиннымъ складомъ и почти бѣлыми стихами. Въ такихъ же эпическихъ очертаніяхъ рисовалъ сибирскіе народныя типы Н. И. Наумовъ. Деревенскіихъ Лассалей выводилъ въ своихъ произведеніяхъ П. В. Засодимскій (Вологдинъ). Сюда же примыкалъ Ф. Д. Нефедовъ. Среднее положеніе занимаетъ Н. Е. Петропавловскій-Каронинъ, чуждый сентиментальнаго преувеличенія доблестей мужика, но вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко вѣрующій въ его болѣе внутреннія силы. Съ перенесеніемъ всѣхъ источниковъ бѣдности и другихъ народныхъ невзгодъ внѣ мужика не могъ согласиться крупнѣйшій талантъ 70-хъ годовъ — Глѣбъ Успенскій. Въ своихъ полубеллетристическихъ, полупублицистическихъ очеркахъ народной жизни Успенскій съ глубокою душевною болью, но все же прямо и опредѣленно показывалъ, что мужикъ — не только представитель стихійно-величественныхъ «устоевъ», что онъ грубъ, жестокъ, корыстолюбивъ, что опозорившее идеализаторами народа общинное чувство часто переходитъ въ мелочное желаніе не дать сосѣду воспользоваться самыми крошечными лишнимъ кускомъ, что всѣ будто-бы вѣковые правдивыя народныя «устоя» мгновенно исчезаютъ при столкновении съ городской жизнью и т. д. Въ конечномъ результатѣ пессимистическое отношеніе Успенскаго къ душевнымъ качествамъ народа не только не ослабляло стремленія придти къ нему на помощь, но углубляло сознаніе, что интеллигенція должна ввести свѣтъ въ тьму народнаго невѣжества. Этотъ же призывъ идти на помощь мужику, «сѣсть на землю», доставилъ большое значеніе появившимся въ «Отечественныхъ Запискахъ» «Письмамъ изъ деревни» А. Н. Энгельгардта. Внѣ сферы «мужицкой беллетристики» въ «Отеч. Зап.» впервые приобрѣлъ широкую извѣстность П. Д. Боборыкинъ. Этому талантливому и образованному писателю предстояло занять серьезное мѣсто въ исторіи русскаго общественнаго романа, благодаря большой отзывчивости его на вѣянія времени. Онъ отразилъ въ многочисленныхъ романахъ цѣлый рядъ общественныхъ «моментовъ», но не шелъ, болѣею частью, дальше общихъ ихъ контуровъ и не углублялся въ самую сущность разнородныхъ теченій. Много общаго русскому общественному роману дебютировавшимъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» Кушевскій и С. И. Смирновъ; но Кушевскій послѣ своего «Николая Негорева» вскорѣ умеръ, а Смирнова не пошла

дальше опытов своей ранней молодости — «Огонька», «Силы характера», «Попечители учебного округа». Большие ожидания возбудило появившееся в «Отеч. Зап. 1868 г. начало романа Д. К. Гирса († 1886) «Старая и Новая Россия», но дальше первой части романъ не пошелъ, а все остальное, написанное Гирсомъ, не возвышается надъ уровнемъ посредственности. На рубежѣ 80-хъ годовъ въ «Отечеств. Зап.» появляются талантливые очерки С. Н. Терпигорева (болѣе извѣстенъ подъ псевдонимомъ Сергій Атава, † 1895): «Оскуднѣе», въ которыхъ правдиво изображено неумѣнье деревенскаго дворянства принаровиться къ новымъ формамъ жизни послѣ крестьянской реформы. Бытописателемъ новыхъ, тяжелыхъ условий деревенской жизни, гдѣ рѣшающее значеніе получаютъ теперь «пачки», всякаго рода кулаки, мірошды и «кушники» дворянскихъ имѣній, выступилъ И. А. Саловъ. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» заявило себя яркое дарованіе В. М. Гаршина († 1888). Въ его меланхолическомъ творчествѣ особенно ясно сказались тотъ душевный разладъ, который, наряду съ самопожертвованіемъ, составляетъ одну изъ наиболее характеристичныхъ чертъ литературнаго поколѣнія семидесятыхъ годовъ. Разладъ былъ вызванъ тѣмъ, что рядомъ съ глубокой потребностью въ дѣятельной борьбѣ со зломъ не было увѣренности въ торжествѣ добра, да и самая борьба противорѣчила столь же глубокому и всепроникающему чувству гуманности. Изъ старыхъ писателей этотъ разладъ отчасти изобразилъ Тургеневъ въ фигурѣ Нежданова («Новь»). Въ творчествѣ другого блестящаго представителя поколѣнія 70-хъ годовъ, В. Г. Короленко, разладъ чувствовался недолго; личные условия жизни, занесшія его въ сибирскую тайгу, отбросили его отъ литературной дѣятельности, а когда онъ вернулся къ ней, въ восьмидесятыхъ годахъ, борьбы уже никакой не было. Теперь онъ всецѣло отдается основному настроенію своей души — глубокой любви къ людямъ и стремленію доскисаться лучшихъ сторонъ человѣческаго духа, подъ какой-бы непроницаемой корой наносной лилейской грязи онъ ни скрывался. Этой любви было гораздо меньше въ подававшемъ большія надежды, но загубленномъ нуждою А. О. Осиповичѣ-Новодворскомъ († 1882). Въ поэтической формѣ разладъ между требованіями чуждой совѣсти и нежеланіемъ активно противодействовать злу выразился въ первомъ періодѣ дѣятельности Н. М. Вилепкина-Минскаго. Въостодствіи онъ сдѣлался проповѣдникомъ отрѣшенной отъ условий времени и мѣста «чистой красоты» и теоретикомъ эгоистически-индивидуалистическаго символизма («При свѣтѣ совѣсти»), но въ семидесятыхъ годахъ онъ приобрѣлъ широкую извѣстность какъ пѣвецъ общественныхъ порывовъ и настроеній. И младшій сверстникъ Минскаго — С. Я. Надсонъ († 1887) — отразилъ ту же борьбу противоположныхъ теченій. Онъ не могъ стать поклонникомъ объективнаго и «чистаго искусства», но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжная и хрупкая душевная организація мѣшала ему быть борцомъ; и въ общемъ лирика его болѣе скло-

няется къ жалобамъ, чѣмъ къ протесту. Въ обществѣнныхъ теченіяхъ развивалось изниное. но холодное дарованіе гр. А. А. Голенничева-Кутузова, поэта интимныхъ настроеній, пѣвца красоты природы и стремленія къ безначальному успокоенію. Тоже въ тѣсной связи съ общественными настроеніями приобрѣлъ извѣстность въ 70-хъ годахъ симпатичный поэтъ изъ народа И. З. Суриковъ († 1880), котораго тяжелая жизнь настроила очень печально. Гораздо болѣе смотритъ на жизнь другой поэтъ-крестьянинъ С. Д. Дрожжинъ, начавшій писать въ 70-хъ годахъ, но получившій извѣстность позднѣе. Изъ другихъ молодыхъ талантовъ на рубежѣ 70-хъ и 80-хъ годовъ выдвинулись М. Н. Альбовъ — авторъ скорѣе психическихъ, чѣмъ психологическихъ этюдовъ. К. С. Баранцевичъ — бытописатель жизни людей, прозябавшихъ подъ гнетомъ срой дѣйствительности, но ею, однако, не задавленныхъ, и А. И. Эртель — авторъ разсказовъ изъ народнаго быта и романовъ изъ жизни болѣющей «проклятыми вопросами» интеллигенціи. Плодовитый романистъ И. Н. Потапенко выступилъ только въ восьмидесятыхъ годахъ, но основныя настроенія свои онъ получилъ въ семидесятыхъ годахъ и въ лучшихъ своихъ вещахъ является талантливымъ выразителемъ того же альтруистическаго теченія, которымъ опредѣляется значеніе Гаршина и Короленко. Сюда же примыкаетъ симпатичное дарованіе Д. Н. Мамина-Сибиряка, обратившаго на себя вниманіе талантливыми разсказами и романами изъ уральской жизни. І. І. Янинскій (Максимъ Бѣлинскій) началъ свою литературную дѣятельность въ «Словѣ» и «Отечеств. Зап.», повѣстями, вѣрно изображавшими внутреннюю жизнь тѣхъ кружковъ, которые жили исключительно общественно-народными интересами, но, позднѣе, въ 80-хъ годахъ, примкнувъ къ теченіямъ, враждебно и насмѣшливо относившимся къ движенію 70-хъ годовъ. Г. А. Мачетъ остался горячимъ приверженцемъ народолюбивыхъ идей этого десятилѣтія.

Не закончилась еще полною и полоса 60-хъ годовъ. Могикане «мыслящаго реализма» еще нѣкоторое время съ успѣхомъ подвизаются въ «Дѣлѣ». Здѣсь расцвѣтаетъ крайне тенденціозная беллетристика, посвященная прославленію «новыхъ людей». Главные представители ея — А. К. Михайловъ-Шеллеръ, Н. Ф. Бажкинъ, И. В. Федоровъ-Омулевскій. отчасти К. М. Станюковичъ; послѣдній, впрочемъ, болѣе всего обязанъ своею извѣстностью появившимся позднѣе «Морскимъ разсказамъ», написаннымъ очень жизненно и тепло. Изъ публицистовъ «Дѣла» пользовались извѣстностью рѣзкій критикъ П. Н. Ткачевъ, плодовитый комментаторъ С. С. Шашковъ, талантливый, но чрезчуръ увлекавшійся эффектами перспективами популяризаторъ В. О. Португальовъ, критикъ-публицистъ Н. В. Шелгуновъ. Лучшая часть дѣятельности послѣдняго — та, когда онъ, ведя «Очерки русской жизни» въ «Русс. Мысли» 80-хъ годовъ, совершенно отрѣшился отъ Благосвѣтловскихъ способностей обсуждать литературно-общественныя явленія и далъ просторъ благотворѣй-

шимъ сторонамъ своей духовной личности. Изъ другихъ органовъ прогрессивной печати «Недѣля» П. А. Гайдебурова съ середины 70-хъ годовъ становится центромъ односторонняго «народничества» (статьи П. П. Червинскаго о «деревнѣ», дѣятельность О. И. Каблина-Юзова). Умѣренно-прогрессивная общественная мысль имѣла своими органами «Вѣстникъ Европы» М. Стасюлевича, «СПб. Вѣдомости» В. Ф. Корша, «Голосъ» А. Краевского и В. Вильбасова. «Вѣстн. Европы» 70-хъ годовъ въ беллетристическомъ своемъ отдѣлѣ былъ по преимуществу органомъ литературныхъ корифеевъ (Гурженевъ, Гончаровъ, Алексѣй Толстой, Крестовскій-псевдонимъ, отчасти Островскій). Черезъ научно-публицистическій отдѣлъ журнала прошла вся многополезная работа лучшаго историка русской общественности—А. Н. Пылина, критическая и публицистическая дѣятельность К. К. Арсеньева, В. Д. Спасовича и Е. И. Утина, послѣдніе отголоски теоретической мысли сороковыхъ годовъ въ статьяхъ Кавелина. Веденіе «Внутреннихъ Обозрѣній» Л. А. Полонскимъ давало журналу отъносно буржуазнаго либерализма, который исчезъ, когда Полонскій въ 1880 г. оставилъ «Вѣстн. Европы». «С.-Пет. Вѣдомости» Коршевской редакціи (1863—74) далеко ушедшимъ въ своихъ идеалахъ кружкамъ казались чересчуръ смиренномудрыми (по выраженію Салтыкова — «пѣткоснимателями либерализма»); но недобровольное удаленіе изъ газеты В. Ф. Корша и всѣхъ главныхъ сотрудниковъ доказало, что при томъ обратномъ ходѣ, которымъ тогда пошла внутренняя политика, роль газеты не имѣла ничего комическаго. Въ общемъ «С.-Пет. Вѣд.» были однимъ изъ наиболѣе видныхъ проявленій новой литературной силы — ежедневной печати, развитію которой много способствовалъ законъ о печати 1865 г. Въ газетахъ начинаютъ теперь сосредоточиваться значительная часть литературныхъ силъ. Главными дѣятелями Коршевскихъ «С.-Пет. Вѣд.» явились: выдающійся защитникъ принциповъ самоуправленія кн. А. И. Васильчиковъ, К. К. Арсеньевъ, публицисты Н. П. Колупановъ и Ф. Ф. Воропоновъ, Э. К. Ватсонъ, представители позитивной философіи Вырубовъ и Де-Роберты, П. Д. Боборыкинъ, пламенный провозвѣстникъ новаго русскаго искусства В. В. Стасовъ, «музыкальный нигилистъ» Ц. А. Кюи и въ особенности фельетонисты А. С. Суворинъ и В. П. Буренинъ. Блестящій талантъ А. С. Суворина далъ значеніе прежде ничтожному воскресному фельетону, а язвительный юморъ литературнаго обозрѣвателя В. П. Буренина, тогда по преимуществу направленный противъ консервативной печати, сдѣлалъ его однимъ изъ наиболѣе ненавидимыхъ въ извѣстныхъ кругахъ застрѣльщиковъ либеральнаго лагеря. Во второй половинѣ 70-хъ годовъ съ этими литературными дискурсами происходитъ рѣшительная метаморфоза: приобрѣтенная А. С. Суворинымъ газета «Новое Время» становится центромъ націонализма и рѣзкихъ нападокъ на прогрессивную мысль. Соперничавшій съ «СПб. Вѣдомостями» «Голосъ» сначала

былъ представителемъ умѣреннаго консерватизма, но позднѣе дѣляется органомъ буржуазнаго либерализма. Главными его сотрудниками были Л. Панютинъ (Нилъ Адмиралъ), Е. Л. Марковъ, Г. К. Градовскій, проф. А. Д. Градовскій, проф. В. И. Модестовъ, акад. В. П. Безобразовъ. Консервативная мысль имѣла своими органами дворянско-землевладельческую, въ стилѣ англійскаго торизма, газету «Русскій Миръ», главнымъ дѣятелемъ которой былъ извѣстный консервативный публицистъ, генералъ Р. А. Фадѣевъ. Ретроградный «Гражданинъ» кн. В. Мецкерскаго требовалъ, чтобы къ реформамъ была «поставлена точка» и дворянству возвращена его руководящая роль; но въ романахъ самаго кн. Мецкерскаго петербургскій большой свѣтъ былъ подтвержденъ жестокому осмѣянію. Въ «Русскомъ Вѣстникѣ», въ началѣ 70-хъ гг., выступаютъ романисты Б. М. Марквичъ и В. Г. Авсеенко и драматургъ Д. В. Аверкиевъ, рядомъ съ изобиліемъ нигилизма пытающіеся создать положительныхъ героевъ, изъ среды представителей большого свѣта и древне-русской жизни; В. Г. Авсеенко предпринималъ также критическій походъ противъ «петербургской» журналистики. Въ сферы воинствующей беллетристики «Русск. Вѣстникъ» далъ двѣ замѣчательныя эпопеи изъ раскольничьей жизни Мельникова-Печерскаго: «Въ лѣсахъ» и «На горахъ», принадлежащія къ самымъ увлекательнымъ книгамъ русской литературы. Къ изображенію этого же міра «древляго благочестія» и вообще къ этнографической беллетристикѣ переходить во второй половинѣ 70-хъ годовъ недавній обличитель нигилизма—Лѣсковъ. Яркій талантъ, прозябшій имъ здѣсь на почвѣ вполне нейтральной, примиряетъ съ нимъ публику, да и самъ онъ мало-по-малу отходитъ отъ прежнихъ единомышленниковъ и подъ конецъ жизни даже печатаетъ въ «Вѣстн. Европы» рассказы, высмѣивающіе клерикальное святотѣство. На поприщѣ этнографической беллетристики въ 70-хъ годахъ дебютировали также авторъ боющихъ на вѣшніе эффекты повѣстей и рассказовъ изъ средне-азиатской жизни Н. Н. Каразинъ и талантливый беллетристъ-путешественникъ Вас. Немировичъ-Данченко. Значительное развитіе получаетъ въ 70-хъ гг. историческій романъ. Отчасти это было результатомъ ложно понятаго успѣха «Войны и Мира», гдѣ историческія рамки играютъ второстепенную роль, отчасти—удовлетвореніемъ вкуса тѣхъ непритомливыхъ слоевъ публики, которые еще только начинаютъ читать и на первыхъ порахъ больше всего цѣнятъ «заманчивость». Вотъ почему изъ историческихъ романовъ наибольшій успѣхъ имѣлъ наименѣе удовлетворяющій литературнымъ требованіямъ Всеволодъ Серг. Соловьевъ. Гораздо выше по художественнымъ достоинствамъ историческіе романы гр. Е. В. Салтыкова и Г. П. Данилевскаго, но и въ нихъ требованія «заманчивости» стоятъ на первомъ планѣ. Къ историческому роману перешелъ теперь и Д. Л. Мордовцевъ, до тѣхъ поръ извѣстный какъ историкъ народныхъ движеній и публицистъ.

Эпоха разброда и исканія новыхъ идеаловъ (восемидесятые и девяностые годы). Эпоха, нами переживаемая и начинающаяся съ восьмидесятихъ годовъ еще не завершилась и потому намѣчены могутъ быть только ея общіе контуры. Никогда противодѣйствіе духу эпохи великихъ реформъ не было такъ сильно, какъ въ 80-хъ годахъ. Этому содѣйствовало то обстоятельство, что численно выросъ тотъ малокультурный слой общества, который (Салтыковъ называлъ «улицей»). Отсюда небывалый успѣхъ молкой и шовинистической прессы. Въ слояхъ культурныхъ русскихъ идеализмъ направляется на новый путь. Огромный успѣхъ имѣетъ толстовское учение о непротівленіи злу насиліемъ. Утилитаризмъ и материализмъ еще больше, чѣмъ въ 70-хъ годахъ, теряютъ приверженцевъ; на первый планъ, подъ вліяніемъ Л. Толстого, выступаетъ интересъ къ вопросамъ философско-религіознаго характера. Появляется новая форма превращенія въ мужиковъ, безъ всякой протестующей подкладки. «Опрошчиваются» теперь не съ тѣмъ, чтобы вліять на народъ, а для того, чтобы отряхнуть съ собственныхъ ногъ пылъ цивилизаціи и зажить жизнью первобытной близости къ природѣ. Въ литературѣ исчезаетъ прежняя прямолинейность; партійные оттѣнки прогрессивнаго лагеря сглаживаются. Недобровольно исчезаютъ главные органы прежняго радикализма — «Отеч. Зап.» и «Дѣло». Изъ писателей, выступившихъ въ 70-хъ годахъ, идеализаторы народа умолкаютъ, чувствуя, что нѣтъ аудиторіи, сочувствіе которой поддерживало-бы ихъ повышенное настроеніе. Появляющийся на литературномъ попріщѣ А. П. Чеховъ чуждъ восторга и увлеченія, но дарованіе его очень крупно и можетъ многое дать русской литературѣ. Ослабленіе общественныхъ стремленій создаетъ почву, на которой опять возникаетъ теорія «чистаго» искусства. Выразителями этого настроенія, кромѣ отбѣгающаго отъ прежняго направленія, Минскаго, являются нѣсколько поэтовъ, получающихъ извѣстность въ 80-хъ годахъ. Талантливѣйшій изъ нихъ — К. М. Фофановъ, въ почти-безсознательномъ творчествѣ котораго перлы истинной поэзіи перемѣшаны съ огромнымъ количествомъ не имѣющихъ никакой цѣны рѣчманныхъ строкъ. Изящный судебный ораторъ и красиво оформившій литературныя явленія критикъ, С. А. Андреевскій, выступаетъ съ рядомъ стихотвореній и поэмъ, въ которыхъ «красота и меланхолія» объявляется «единственно-законною» областю поэзіи. Чуждается также жизни князь Д. Н. Чертевевъ, какъ публицистъ примыкающій къ «Московск. Вѣдомостямъ». Интересъ къ безпечальному искусству создаетъ теперь успѣхъ А. Н. Апухтина († 1893), начавшему писать еще въ шестидесятыхъ годахъ, но затѣмъ замолкшему. Возобновляютъ также свою поэтическую дѣятельность осмѣянные въ шестидесятыхъ годахъ К. К. Случевскій и П. А. Кусковъ. Въ связи съ общерусскою жизнью выступаетъ талантливый поэтъ еврейства, С. Г. Фругъ. Въ сферѣ беллетристики 1880-ые и 1890-ые годы характеризуются появленіемъ ряда писателей не ли-

шенныхъ таланта, чуждыхъ тенденціозности, но не оставляющихъ въ читателѣ опредѣленнаго и яркаго впечатлѣнія. Получаетъ извѣстность рядъ женщинъ писательницъ — Ольга Шапиръ, М. В. Крестовская, А. М. Шабельская, Мердеръ (Северинъ), Вларамбергъ (Ардовъ), А. А. Винникая, В. І. Дмитріева, Л. И. Миклутичъ-Веселицкая. Вниманіемъ читающей публики пользуются А. А. Тихоновъ-Дуговой, братъ его В. А. Тихоновъ, кн. Голицынъ (Муравлинъ), Гаришъ (Н. Г. Михайловскій), П. П. Гнѣдичъ, А. Бжежскій, Щеголовъ-Леонтьевъ, В. Л. Киянъ (Дѣловъ и др.). Особую группу составляютъ въ 80 и 90-хъ годахъ нѣсколько публицистовъ (изъ «Русскаго Вѣстника», «Рус. Обзоръ», «Моск. Вѣд.» и «Нов. Врем.») которые въ 70-хъ гг. принимали активное участіе въ анти-государственной дѣятельности. Изъ нихъ Ю. Н. Говоруха-Отрокъ († 1896) обладалъ недюжиннымъ критическимъ талантомъ, А. А. Дьяковъ-Незлобинъ († 1895) — беллетристическимъ и фелетоннымъ. Исключительно съ точки зрѣнія вновь усвоенныхъ имъ идей разсматривая явленія общественной жизни Л. Тихомировъ. Однимъ изъ главныхъ вдохновителей этой группы являлся беллетристъ и публицистъ К. Н. Леонтьевъ († 1891), мрачное византизмъ котораго принимаетъ по временамъ характеръ прямого изувѣрства. Гораздо болѣеимъ безпристрастѣмъ отличается консервативный публицистъ, критикъ и романистъ К. Θ. Головинъ (псевд. Орловскій).

Если настроеніе семидесятыхъ годовъ и слабѣетъ, то многіе остаются безусловно вѣрными старымъ идеаламъ. Взаимъ «Отеч. Зап.» и «Дѣла» пропѣваетъ «Русск. Мысль» (главный дѣятель — публицистъ и критикъ В. А. Гольцевъ), возникаетъ «Сѣв. Вѣстникъ» А. М. Евреиновой; съ начала 90-хъ гг. преобразовывается «Рус. Богатство», постепенно занимающее такое-же положеніе, какъ нѣкогда «Отеч. Зап.». Во главѣ съ Михайловскимъ и Короленко, здѣсь сосредоточивается все литературное теченіе 70-хъ годовъ. Изъ новыхъ талантовъ «старого стиля» здѣсь выдвигается Л. Мельшинъ (псевдонимъ) — авторъ замѣчательныхъ очерковъ «Миръ отверженныхъ» (личныя наблюденія автора на каютѣ) и поэтъ, подписывающій свои стихотворенія инициалами П. Я. Изъ старыхъ журналовъ усиливающаяся реакція отбѣляетъ стойкость «Вѣстн. Евр.». Сюда переселяется Салтыковъ послѣ закрытія «Отеч. Зап.»; здѣсь же освободительныя стремленія русскаго общества пріобрѣтаютъ замѣчательнаго союзника въ лицѣ даровитаго философа и публициста, отчасти поэта — Владимира Соловьева, пріобрѣтаютъ именно союзника, а не выразителя, потому что самъ по себѣ Соловьевъ — чело-вѣкъ метафизическаго міросозерцанія. Сила ударовъ, которые онъ наноситъ рыцаринъ мрака и угнетенія, въ томъ, отчасти, и заключается, что онъ говоритъ отъ имени вполнѣ ортодоксальныхъ воззрѣній. Укомомъ націонализму и стѣсненію свободы совѣсти и слова онъ противопоставляетъ правильно понятое христіанство. Одинъ изъ самыхъ блестящихъ полемистовъ нашихъ, Соловьевъ нанесъ рѣши-

тельные удары теории представителя неославянофильства, Николая Данилевскаго, который теорию богоизбранности русско-славянского мира пытался обосновать на объективно-научных данных, а также В. В. Розанову, критику и публицисту безусловно талантливому и подчас даже глубокомысленному, но доходившему весьма часто до болѣзненно-страннаго обскурантизма и панической темноты мышления. Изъ публицистовъ, борющихся противъ обскурантизма и человеконенавистничества во имя христіанской морали, выдается еще сотрудникъ «Недѣли», союзникъ и почитатель Л. Толстого—М. О. Меньшиковъ.

Въ 90-хъ годахъ кризисъ, переживаемый старымъ демократизмомъ не только въ Р., но и въ Европѣ, создаетъ почву, на которой вырастаетъ пустоцвѣтъ декадентскаго равнодушія къ истинѣ и презрѣнія къ самопожертвованію. Изъ иностранныхъ писателей особенный успѣхъ имѣетъ Ибсенъ, съ его пересмотромъ всего того, что демократическій духъ XIX в. признавалъ за благо. Въ сферѣ теоретической мысли наибольшій интересъ возбуждаетъ Ницше, съ его желаніемъ «стать по ту сторону добра и зла» и создать религію обожающей себя личности. Проникаютъ къ намъ и благерствующее французское декадентство и символизмъ, съ ихъ афектированными презрѣніями къ нравственнымъ задачамъ искусства и поклоненіемъ извращенности во всѣхъ ея видахъ. Все это ослабляетъ альтруистическое теченіе въ самой чуткой части русскаго общества—учащейся молодежи. Это дѣлается, однако, недолго. Въ литературѣ проповѣдь эгоизма и извращенныхъ вкусовъ идетъ только отъ нѣсколькихъ второстепенныхъ дарованій. Изъ нихъ наибольшую извѣстность пріобрѣтаютъ образованный, но гонящійся за всякою поэзіею поэтъ, романистъ и критикъ Д. С. Мережковский; его жена—З. Н. Гиппиусъ-Мережковская, несомнѣнный талантъ которой не даетъ ничего дѣянаго въ изысканной погонѣ за «новой красотой»; романистъ и поэтъ Феодоръ Сологубъ (псевдонимъ), талантъ котораго принялъ болѣзненное направленіе; поэтъ К. Д. Бальмонтъ, больше всего, впрочемъ, извѣстный какъ переводчикъ Шелли, Байрона, Гёте. Къ «новому» теченію примыкаетъ яростное нападеніе мнимаго «идеализма» (ст. А. Волынскаго въ измѣнившемся «Сѣв. Вѣстникѣ») на все созданное демократическою русской мыслью. Это окончательно раскрываетъ глаза на «новое теченіе» и дискредитируетъ его въ глазахъ людей, искренно прислушивающихся къ каждому «новому слову». Въ срединѣ 90-хъ годовъ возникаетъ новое умственное теченіе, получающее названіе «марксизма» или «неомарксизма» и вступающее въ борьбу съ «народниками» 70-хъ годовъ и вообще съ старымъ демократизмомъ. Русскій марксизмъ (главные теоретики—П. Б. Струве, М. И. Туганъ-Барановскій, Вельтовъ) идетъ рука объ руку съ теоріею экономическаго материализма, но которому важнѣйшимъ факторомъ исторіи являются исключительно экономическія причины, борьба классовъ и интересовъ. Какъ ни смѣлѣть на марксизмъ по существу, появленіе его доказываетъ несомнѣнно, что атакія, овла-

дѣвшая обществомъ подъ влияніемъ реакціи 80-хъ гг. и нашедшая крайнее выраженіе въ индифферентизмѣ и декадентствѣ, прошла. Въ формѣ художественной марксизмъ еще не успѣлъ проявиться, но марксисты не безъ основанія гордятся свѣжимъ дарованіемъ Максима Горькаго (псевдонимъ А. Пѣшкова), даващаго рядъ яркихъ картинъ изъ жизни городскаго пролетаріата.

Новѣйшій русскій театръ послѣ Островскаго и Алексѣя Толстого далъ только одно высокое явленіе—«Власть тьмы» Льва Толстого. А. В. Сухово-Кобылинъ не пошелъ дальше извѣстной пьесы своей «Свадьба Кречинскаго» (1855), Н. Е. Чернышевъ имѣлъ успѣхъ съ затрагивавшей женскій вопросъ «Испорченной жизни» (1861), Николай Потѣхинъ—съ своими сценическими пьесами «Злоба дня» и «Мертвая петля»; А. И. Пальмъ въ «Старомъ баринѣ» (1873) вѣрно обрисовалъ изломаннаго, неприспособленнаго къ требованіямъ новой трудовой жизни представителя барства со-роковыхъ годовъ; В. А. Крыловъ написалъ нѣсколько интересныхъ пьесъ, касающихся вопросовъ дня, но огромная часть пьесъ имъ написанныхъ и передѣланныхъ съ иностранныхъ языковъ (больше 100) имѣютъ цѣли исключительно сценическія. Сценическими достоинствами завоевали себѣ также успѣхъ В. А. Дьяченко, Л. Н. Антроповъ, П. П. Гнѣдичъ, Е. П. Карповъ (пьесы изъ народной жизни), Невѣжинъ, Н. Я. Соловьевъ, кн. А. И. Сумбатовъ, В. А. Тихоновъ, И. В. Шпажинскій, И. Л. Щеголь-Леонтьевъ и др. Въ послѣднее время выдѣляются чисто-литературными достоинствами вдумчивыя пьесы Владимира Невмировича-Данченко. Умно-задуманныя пьесы П. Д. Боборыкина мало сценичны. Историческая драма представлена приподнятыми пьесами Д. В. Аверкіева и Чаева.

Литература, посвященная систематической разработкѣ исторіи новѣйшаго періода, очень незначительна. Кромѣ популярной, болѣе биогрѣфической, чѣмъ систематической «Исторіи новѣйшей русской литературы» А. М. Скабичевскаго (3 изд. СПб., 1897), можно указать только послѣднія главы нѣм. «Geschichte d. rus. Litteratur» А. А. Рейнгольда (Лейпцигъ 1886) и крайне-безтолковую «Исторію русской литературы» К. Петрова (8 изд., СПб., 1892). Для исторіи новѣйшаго романа представляетъ интересъ «Русскій романъ» К. Головина (СПб., 1897) и отчасти «Le roman russe» Мельхиора де-Вогюе; для исторіи новѣйшей критики—IV часть «Исторіи русской критики» И. И. Иванова (СПб., 1900). Съ чрезвычайною осторожностью слѣдуетъ пользоваться тенденціозною книгою А. Л. Волынскаго: «Русскіе критики» (СПб., 1896). Для изученія отдѣльных писателей и литературныхъ настроеній обширный матеріалъ даютъ собранія сочиненій Аполона Григорьева, Анненкова, Дружинина, Добролюбова, Чернышевскаго, Сабарева, Михайловскаго, Скабичевскаго, сборники статей Арсеньева, Протопопова, Буренина, Страхова, Ник. Соловьева, «Русскіе писатели послѣ Гоголя» Ор. Миллера (4 изд., 1890) и др. Рядъ отдѣльных характеристикъ даетъ «Критико-биографическій

словарь» Венгерова, а также настоящий Словарь. *С. Венгеровъ.*

XI. Русское искусство. I. Архитектура, живопись и гравированіе. Исторія искусства въ Р., точно такъ же, какъ и исторія русской культуры вообще, распадается на два неравные, рѣзко разграниченные періода: *древній*, простирающійся съ незапамятныхъ временъ до эпохи преобразованій Петра Великаго, и *новый*, обнимающій собою два послѣднія столѣтія. Въ теченіе перваго періода, изъ элементовъ, заимствованныхъ отъ Византіи, занесенныхъ къ намъ съ Востока и отчасти Запада, равно какъ и коренившихся въ духъ и бытъ народа и слившихся съ нимъ племенъ, медленно, но непрерывно, вырабатывался оригинальный типъ искусства, обшавшій достигнуть высокаго совершенства, но вдругъ остановленный въ своемъ развитіи Петровскими реформами. Второй періодъ ознаменованъ пересадкою къ намъ западно-европейскаго искусства и, такъ сказать, тепличнымъ его существованіемъ, продолжавшимся до той недавней поры, когда передовые наши художники, подъ вліяніемъ пробудившагося въ русскомъ обществѣ національнаго самосознанія, стали гнущаться академическою рутиню и устремились отъ подражательности чужестраннымъ образцамъ къ непосредственному воспріимчивому дѣйствительности и къ изученію родной художественной старины, съ цѣлью положить ее въ основу своего творчества.

Еще въ глубочайшей древности славянскія племена, изъ которыхъ образовалось русское государство, не были совершенно лишены художественнаго инстинкта и, подобно другимъ младенческимъ народамъ, искали въ своихъ издѣліяхъ удовлетворенія не только матеріальныхъ потребностей жизни, но и чувства изящнаго. Они строили для себя жилища, конечно, весьма незатѣйливыя, но уже имѣвшія нѣкоторую форму и требовавшія нѣкотораго знакомства со строительнымъ дѣломъ. Быть можетъ, у нихъ имѣлись болѣе обширныя сооруженія для чествованія божествъ, хотя существованіе такихъ капищъ составляетъ спорный вопросъ въ средѣ ученыхъ. Материаломъ для построекъ у доисторическихъ нашихъ предковъ служило дерево, въ огромномъ количествѣ распространенное повсюду въ мѣстахъ ихъ обитанія. Свои орудія они пытались обдѣлывать въ видѣ фигуръ животныхъ, а сосуды и другую утварь украшать узорами. Движимые религиознымъ чувствомъ, они вырубали изображенія своихъ боговъ, пользуясь при этомъ какъ деревомъ, такъ и камнемъ, а въ память своихъ покойниковъ ставили ихъ истуканы, такъ называемыя «каменные бабы», на могильныхъ курганахъ. Произведенія этого примитивнаго искусства, сдѣланныя изъ дерева, исчезли безслѣдно, и объ ихъ существованіи мы знаемъ только изъ скудныхъ свидѣтельствъ старинныхъ путешественниковъ; каменныхъ же, глиняныхъ и металлическихъ издѣлій собрано археологами весьма много, но для приуроченія ихъ къ болѣе или менѣе раннему времени, равно какъ и для опредѣленія ихъ при-

надлежности тому или другому племени, нѣтъ достаточно прочныхъ основаній. Всѣ они походятъ на подобныя имъ произведенія вообще народовъ, не вышедшихъ изъ дѣтства.

Достовѣрная исторія русскаго искусства начинается только съ принятія св. Владиміромъ христіанства. Еще задолго до этого великаго событія, наши предки были знакомы съ художественными произведеніями Византіи, то дѣла воинственные набѣги на нее, то вступающія съ нею въ мирные договоры и торговые сношенія. Когда же православіе сдѣлалось государственною религіею Руси, явилась на ней надобность имѣть для богослуженія храмы, устроенные и убранные на подобіе константинопольскихъ церквей, а благовѣрнымъ князьямъ жить въ палатахъ и среди обстановки, напоминающихъ образъ жизни восточныхъ императоровъ. Удовлетворить этой потребности могли только греки, на долю которыхъ выпало быть просвѣтителями Руси и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Точтасъ по своему крещеніи, Владиміръ вызываетъ изъ Царяграда зодчихъ, каменщиковъ, живописцевъ, мозаичистовъ; въ Кіевѣ и сосѣднихъ мѣстахъ воздвигаются церкви, украшенные иконами, мозаикою, рѣзбою. Всѣ эти работы исполняются византійскими руками и въ византійскомъ стилѣ. То же самое происходитъ и при ближайшихъ преемникахъ Владиміра, хотя въ это время начинаютъ дѣйствовать и туземные мастера, выученные греками. Такимъ образомъ русская архитектура и прочія художественныя отрасли въ самомъ своемъ началѣ получаютъ совершенно византійскій характеръ, черты котораго не утрачиваются ими и впоследствии, при заимствованіяхъ изъ другихъ источниковъ. Важнѣйшія произведенія этого зодчества явились прежде всего въ великокняжеской столицѣ, Кіевѣ. Первою каменною церковью, сооруженною здѣсь Владиміромъ, была Васильевская, названная такъ въ честь святаго, имя котораго было дано ему при крещеніи. Она была построена на томъ мѣстѣ, гдѣ незадолго предъ тѣмъ стоялъ кумиръ Перуна. Отъ нея дошли до насъ лишь жалкіе остатки, позволяющіе, однако, получить понятіе объ ея планѣ и способѣ кладки. Не сохранилось также и другой кіевской церкви, заложеной почти одновременно съ Васильевскою, во имя Успенія Богородицы, и извѣстной подъ названіемъ Десятинной въслѣдствіе того, что великій князь постановилъ отдавать въ ея пользу десятую часть своихъ доходовъ съ городовъ и имѣній. Она была отдѣлана съ величѣіемъ по тому времени роскошью, мраморомъ, яшмою, мозаикою, живописью, надѣлена драгоценною утварью и служила усыпальницею Владиміра и его супруги, великой княгини Анны. Въ половинѣ XVIII стол., при нашествіи Батыя на Кіевъ, Десятинная церковь была ограблена и превратилась въ развалины, частью которыхъ, въ XII стол., воспользовался митрополитъ Петръ Могила для постройки на ея мѣстѣ скромной церкви Рождества Богородицы. Въслѣдствіи, когда эта полукаменная, полудеревянная церковь пришла въ ветхость, ее срыли до основанія. Теперь на ея мѣстѣ стоитъ новый обширный храмъ, не

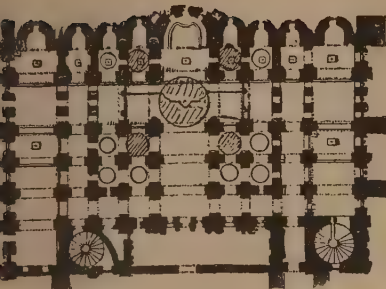
имѣющій ничего общаго съ первоначальною Десятинною церковью, кромѣ названія. Обѣ древнія церкви, Васильевская и Десятинная, были почти одинаковой величины и, представляя въ планѣ продолговатый четырехугольникъ съ тремя выступающими изъ восточной стороны полукруглыми абсидами, вполнѣ подходили къ общему типу византийскихъ храмовъ X вѣка. Сложены онѣ были изъ большихъ неотесанныхъ камней и кирпичныхъ плитъ, соединенныхъ толстыми слоємъ пемента. Самый замѣчательный архитектурный памятникъ разсматриваемой эпохи въ Киевѣ—Софійскій соборъ, заложенный Ярославомъ Мудрымъ въ 1037 г., въ память его побѣды надъ печенѣгами. Въ теченіе почти девяти столѣтій своего существованія, храмъ этотъ часто подвергался грабежамъ и опустошеніямъ, былъ близокъ къ разрушенію, а потому искаженъ пристройками и надстройками. Внѣшность его сдѣлалась нисколько не похожа на прежнюю, но въ его внутренности сохранилось многое отъ первоначальнаго сооруженія и древнихъ украшеній. Въ своемъ планѣ, онъ представлялъ четырехугольникъ, почти квадратъ, раздѣленный столбами на пять кораблей, изъ которыхъ средній шире остальныхъ. Каждый корабль оканчивается съ востока полукруглою абсидою, и всѣ корабли пересѣкаются трансептомъ, отдѣленнымъ отъ крайнихъ изъ нихъ парамъ колоннъ. Надъ западнымъ концомъ четырехугольника устроена верхняя галлерея (хоры). Все зданіе увѣнчивалось большимъ куполомъ на барабанѣ надъ среднимъ пространствомъ и двѣнадцатью меньшими главами надъ западною и восточною частями. Къ сѣверо-западному углу собора примыкаетъ башня, заключающая въ себѣ лѣстницу, ведущую на хоры; вѣроятно, она сообщалась со стоявшимъ не-далеко великокняжескимъ дворцомъ. Другая башня у юго-западнаго угла, также съ лѣстницею, составляетъ, повидимому, пристройку XII в. Всего любопытнѣе въ Києво-Софійскомъ соборѣ—древнія мозаики и фрески, уцѣлѣвшія на его стѣнахъ. Въ абсидѣ главнаго алтаря, въ верхней части полусферическаго свода, изображенъ мозаичною работою на золотомъ фонѣ колоссальный образъ Богоматери во весь ростъ, стоящей на четырехугольномъ, украшенномъ жемчугомъ и драгоценными камнями помостѣ и молитвенно воздвигшей свои руки. Это изображеніе, извѣстное въ народѣ подъ названіемъ «Перушимой Стѣны», окаймлено орнаментомъ поздне-византийскаго стиля и надписью на греческомъ языкѣ. Подъ нимъ тянется, въ видѣ фриза, мозаичная же картина, символически представляющая таинство Евхаристіи: въ срединѣ—церковный престолъ, оѣненный киворіемъ; подлѣ него, справа и слева, стоятъ по ангелу съ рипидою въ рукахъ; изображенный дважды Спаситель, отступивъ отъ престола, въ правой части картины преподаетъ шестерымъ подходящимъ къ нему апостоламъ Пречистую Кровь, а въ лѣвой части, другимъ шести апостоламъ—Пречистое Тѣло. На золотомъ фонѣ этого фриза, вверху, начертаны слова Спасителя, устанавливающія таинство причащенія. Еще ниже, помѣщены

колоссальныя фигуры святыхъ, во весь ростъ, сохранившіяся только по плечи или по поясъ. Кромѣ главной абсиды, мозаиками были украшены и другія мѣста храма: главный куполь—пояснымъ изображеніемъ Христа-Вседержителя и четырьмя фигурами ангеловъ, барабанъ купола—ликами апостоловъ, такъ назыв. триумфальная арка—иконами Христа, Богородицы и Іоанна Крестителя (Деисусъ) въ медальонахъ, столбы этой арки—«Благовѣщеніемъ» и т. д. Нѣкоторыя изъ этихъ мозаикъ осыпались, другія уцѣлѣли только отчасти и вполнѣ реставрированы масляною краскою, но доселѣ свидѣлствуютъ о быломъ великолѣпіи собора. Сочиненіе, рисункъ, типы, краски, техника набора и самое размѣшеніе этихъ изображеній по храму—чисто византийскіе, наглядно доказывающіе, что исполнены они прѣжними греками, которые даже снабдили ихъ надписями на своемъ языкѣ. То же самое должно сказать и фрескахъ, въ изобиліи покрывавшихъ стѣны собора, долго скрывавшихся подъ слоємъ штукатурки и лишь недавно очищенныхъ отъ нея и отъ неискусныхъ записей. Они изображаютъ эпизоды житія Богородицы и земной жизни Спасителя, дѣянія св. апостоловъ и великомученика Георгія, ветхозавѣтныя сцены и фигуры (въ ростѣ или по груди) пророковъ и другихъ святыхъ. Особенно интересны фрески, покрывающія собою стѣны и столбы обѣихъ лѣстницъ, ведущихъ на хоры; здѣсь изображены охота на разныхъ звѣрей, представленія въ гипподромѣ, праздничныя увеселенія восточныхъ императоровъ—сцены, знакомящія насъ со многими частностями константинопольской придворной жизни. Кромѣ Софійскаго собора, въ Киевѣ есть еще нѣсколько церквей, основанныхъ въ XI и XII вв., но ни одна изъ нихъ не дошла до насъ въ первоначальномъ видѣ. Отъ Успенскаго храма въ Печерской лаврѣ (XI в.), нѣкогда блиставшаго «золотомъ и мусіей», остались только голыя стѣны, составляющія центральную часть собора новѣйшей постройки. Въ церкви Михайловскаго Златоверхаго монастыря, выстроеннаго въ XII в., этому времени принадлежатъ лишь стѣны до нѣкоторой высоты, три алтарныя абсиды и главный куполь; отъ всего ея древняго убранства сохранились частями мозаики средней алтарной ниши, изъ которыхъ меньше прочихъ повреждена изображающая таинство Евхаристіи—близкое подраженіе мозаикѣ того же содержанія въ Софійскомъ соборѣ; въ отношеніи стиля и техническаго исполненія, она гораздо хуже этой послѣдней, что, вмѣстѣ съ сопровождающими ее уже не греческими, но славянскими надписями, даетъ поводъ предполагать, что она—произведеніе не византийскихъ мастеровъ, а ихъ русскихъ учениковъ. Въ церкви упраздненнаго Кирилловскаго монастыря уцѣлѣли стѣны до сводовъ и основаніе барабана подъ главнымъ куполомъ, а также фрески, писанныя также русскими художниками, которые видимо уже до нѣкоторой степени освободились отъ рабскаго подражанія своимъ византийскимъ наставникамъ и вносили въ искусство свои личныя наблюденія надъ дѣйствительностью. Въ та-

комъ же родѣ, какъ въ Киевѣ, строились первыя каменные церкви и въ городахъ соседнихъ съ ними областей (напр. Спасскій соборъ въ Черниговѣ, Софійскій соборъ въ Полоцкѣ и др.). Въ основаніи онѣ постоянно имѣли прямоугольникъ, болѣе или менѣе близкій къ квадрату, и возвышались въ видѣ кубической массы, изъ которой, съ востока, выступали наружу три или одна полукруглая или трехгранная абсиды; надъ среднюю часть здания помѣщалась глава, состоящая изъ барабана, прорѣзаннаго нѣсколькими узкими окнами, и изъ полусферическаго купола съ крестою византійской формы. Четыре массивныхъ столба внутри церкви, соединенные арками, поддерживали барабанъ. Наружныя стѣны, за исключеніемъ восточной, раздѣлялись пилястрами каждая на три части, соответственно числу внутреннихъ кораблей; два яруса узкихъ и длинныхъ оконъ съ закругленнымъ верхомъ выпускали свѣтъ въ зданіе; иногда эти окна группировались по три. Бывали, впрочемъ, отступленія отъ этого типа, вызванные желаніемъ дать сооруженію болѣе величавый видъ и увеличить его вмѣстительность; такъ, кубическая форма церкви иногда удлинняется чрезъ устройство трапезы съ западной стороны; вмѣсто трехъ абсидъ являются пять; большая, средняя глава окружается четырьмя меньшими и т. п. Вообще же строители этихъ церквей держались византійской центрально-купольной системы, какъ примѣнялась она въ небольшихъ церквяхъ Пелопоннеса и греческаго архипелага (см. Византійское искусство, т. VI, стр. 273).

Нѣсколько иной характеръ имѣютъ древнія церкви сѣверной Руси, въ Новгородѣ, Псковѣ и ихъ областяхъ, гдѣ каменное зодчество распространилось позже, чѣмъ на югѣ. Самая значительная изъ этихъ церквей—соборъ св. Софіи въ новгородскомъ кремлѣ. Онъ заложенъ въ 1045 г. вел. кн. Владиміромъ Ярославичемъ и освященъ въ 1052 г. Для его сооруженія и украшенія были выписаны греческіе мастера. Какъ почти всѣ старинныя храмы въ Р., новгородская св. Софія сильно измѣнена позднѣйшими передѣлками и пристройками, которыя въ настоящее время загораживаютъ первоначальное зданіе со всѣхъ сторонъ, заисключеніемъ восточной. По своимъ размѣрамъ и отдѣлкѣ, оно было гораздо скромнѣе Киевскаго Софійскаго собора, хотя представляло собою подражаніе ему. Храмъ былъ весь сооруженъ изъ мѣстнаго сѣраго, слегка желтоватаго камня кремнистой породы, проложеннаго рядами тонкихъ, слабо-обожженныхъ кирпичныхъ плитъ красно-бурнаго цвѣта, такъ что, оставаясь снаружи не отштукатуреннымъ, казался сѣрымъ, покрытымъ горизонтальными красными полосками. Сначала онъ имѣлъ лишь одну главу, но впоследствии, вѣроятно послѣ пожара, постигшаго его въ 1403 г., были пристроены еще четыре главы вокругъ прежней; позднѣйшему пристроенію должно считать также башню у юго-зап. угла собора, которой уличена особую главою и заключать въ себѣ лѣстницу, ведущую на хоры. Форма кровлей надъ главами, имѣющая теперь видъ групи, была вначалѣ безъ всякаго со-

мѣнныя, полусферическая. Главный придѣлъ во имя Рождества Богородицы — наименѣе измѣнившійся. Въ немъ удѣлялъ старинный иконостасъ, и входъ въ него запирается мѣдными вратами романскаго стиля, привезенными изъ набѣга новгородцевъ на Сигунту, въ Швецію (отсюда ихъ названіе — Сигунтскія врата). Другія врата, также мѣдныя, находятся при входѣ въ соборъ и зовутся Корсунскими (Херсонскими), хотя они чисто-нѣмецкой работы. Внутренность новгородской св. Софіи была украшена живописью, которая, въ главной абсидѣ, содержаніемъ и распределеніемъ походила на росписи киевскаго собора. Живопись эта, не разъ подновленная, утратила свой первоначальный видъ и мѣстами совершенно исчезла. Особенно любопытна, въ срединѣ свода главнаго купола, колоссальная поясная фигура Христа, о которой существуетъ мѣстная легенда. Преданіе гласитъ, что живописцы хотѣли изобразить правую руку Христа благословляющую, но что на другой день послѣ того, какъ была она написана, находили ея пальцы сжатыми вмѣстѣ; они переписали ее, но за-ночь она снова сжалась. То же чудо повторилось еще разъ; наконецъ, раздался небесный гласъ, повелѣвающій оставить десницу Спасителя сжатою, ибо она держитъ въ себѣ судьбу Новгорода и, когда раскроется, то наступитъ ему конецъ. Въ настоящее время, послѣ многократныхъ поповленій, рука Христа представляется раскрытою или, вѣрнѣе, сложенною для благословенія, но нарисованною очень неправильно. Св. Софія послужила, болѣе или менѣе, прототипомъ для другихъ древнѣйшихъ церквей Новгорода. Всѣ онѣ меньше, чѣмъ она. Ихъ фасады, въ общихъ чертахъ, напоминали собою аѳинскій Католиконтъ и другіе южно-византійскіе храмы, съ тою лишь разницею, что каждая сторона храма, вмѣсто того, чтобы представлять какъ-бы мезонинъ надъ среднюю часть и болѣе низкія стѣны съ ея боковъ, образуетъ вверхъ, надъ всѣмъ своимъ протяженіемъ, трехугольный фронтонъ, и церкви покрыта одною, общою крышею съ всею крутыми скатами. Какъ на примѣръ такихъ фасадовъ, можно указать на новгородскія церкви Преображенія, Іоанна Богослова, Петра и Павла, Дмитрія Солунскаго и нѣкот. др. Подобное устройство крышъ явилось какъ болѣе соответствующее, чѣмъ отлогое покрытіе по сводамъ, условіямъ мѣстнаго климата, обильнаго дождями и снѣгомъ. Такой же типъ, съ нѣкоторыми вариациями, представляютъ и церкви всего сѣв. края, т. е. ладожскія, псковскія и пр. Ихъ абсиды, многогранныя снаружи и круглыя внутри, имѣютъ два яруса узенькихъ оконъ, обрамленныхъ арочками на колонкахъ, полувыступающихъ изъ стѣны; грани абсидъ обдѣланы также тонкими и длинными полуколонками или пилястрами. На каждой сторонѣ самаго корпуса церкви, первоначальное византійское расчлененіе стѣны на три части (средняя, болѣе высокая часть, соответствующая концу основнаго греческаго креста въ планѣ, или та, которая завершается мезониномъ; подѣлъ этой части, справа и слева, по болѣе низкому компартименту

1. Планъ собора Св. Софїи въ Кіевѣ.

2. Церковь Іоанна Богослова въ Новгородѣ.

3. Церковь Покрова на Нерли во Владимірѣ на Клязьмѣ.

4. Дмитровскій соборъ во Владимірѣ на Клязьмѣ.

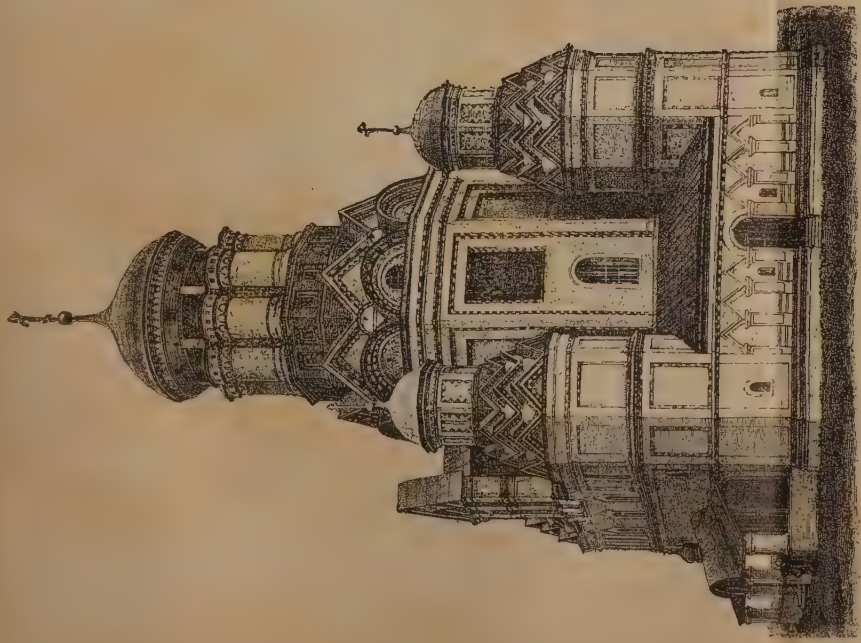
1. Нерушимая стѣна, мозаика въ Софійскомъ соборѣ въ Кіевѣ.

2. Часть фрески Дмитріевскаго собора во Владимірѣ на Клязьмѣ.

3. Лѣвая часть изображенія Тайной вечери (мозаика въ Софійскомъ соборѣ въ Кіевѣ)

1. Церковь Иоанна Претечи въ селѣ Дьяковѣ.

2. Покровский соборъ (Василія Блаженнаго перковь) въ Москвѣ.

1. Церковь Грузинской Богородицы въ Москвѣ.

Бронзастъ и Ефронъ. „Эпика. Словъ.“

2. Соборъ Пресв. Богородицы въ Нижнѣмъ Новгородѣ.

Слѣбъ. Титъ. Ефронъ.

Церковь Рождества Богородицы въ Путинкахъ въ Москвѣ.

1. Исаакиевскій соборъ въ СПб.

2. Соборъ Воскресенія Христова въ Смоленскомъ м-рѣ (СПб.).

1. Храм Христа Спасителя въ Москвѣ.

2. Казанскій соборъ въ Спб.

стѣны), превратилось въ одинъ общій фасадъ, раздѣленный на три плоскости небольшими вертикальными выступами, образующими вверху трехдужную или двухдужную фальшивую арку—мотивъ, происхождение котораго можно искать въ являвшихся на этихъ мѣстахъ у византийцевъ трехлопастныхъ или двухлопастныхъ окнахъ. Барабаны подъ куполами (всегда полусферическими, но въ позднѣйшее время превратившимися въ грушевидные или луковидевидные) довольно высоки; они круглые, съ узкими, рѣдкими окнами и опоясаны вверху карнизомъ въ видѣ зигзаговъ или же маленькихъ арочекъ, иногда даже стрѣльчатыхъ и вообще свѣдѣтельствующихъ о сильномъ романскомъ влияніи, которое все болѣе и болѣе проникало въ страну, благодаря ея торговымъ сношеніямъ съ Зап. Европою. Иногда на церковномъ фасадѣ являются небольшіе рельефные кресты, въ большинствѣ случаевъ помѣщенные безъ всякой симметріи. Такъ какъ бассейны оз. Ильменя и берега Волхова богаты сѣрымъ известковымъ плитнякомъ, то для постройки новгородскихъ церквей служилъ преимущественно этотъ матеріалъ, съ прибавкою краснаго песчаника и кирпича. Камни трудно поддавались правильной отескѣ и потому шли въ дѣло едва обработанными. Вслѣдствіе этого, кладка стѣнъ зданія не отличалась правильностью, и всѣ линіи его идутъ вкривь и вкосы; небрежность постройки во многихъ случаяхъ простирается до того, что самый планъ не имѣетъ геометрической правильности, представляя напр. одно крыло греческаго креста ниже или длиннѣе другого, съ нестрога прямыми углами, или внутреннѣе столбы неодинаковой величины; то же самое должно сказать и о фасадахъ, въ которыхъ замѣтна наклоненность стѣнъ то внутрь, то наружу, кривизна фронтоновъ, неправильные формы и расположенія оконъ и т. д. Последнія вообще очень малы, узки, съ дугобразнымъ верхомъ или же, въ болѣе позднихъ постройкахъ, оканчиваются вверху стрѣлкой, которая иногда образуетъ только двумя кирпичами, поставленными наклонно одинъ къ другому. Въ нѣкоторыхъ церквахъ сохранились паличники надъ окнами и дверями, представляющіе византийскій деппикулъ, грубо выдѣланный при помощи кирпичей, выступающихъ изъ стѣнъ.

Третій районъ древней Руси, въ которомъ византийское зодчество приняло особый характеръ, и притомъ болѣе изящный, чѣмъ на Ю и на С страны, была Владиміро-Суздальская область. Въ XII в., послѣ того, какъ Кіевъ уступилъ свое первенство Владиміру, и суздальскіе князья перенесли велико-княжескій престолъ съ береговъ Днѣпра на Клязьму, при Юріи Долгорукомъ, особенно же при Андрѣй Боголюбскомъ и Всеволодѣ Большое Гнѣздѣ, въ ихъ родовомъ владѣніи возникли цѣлѣнные города и стали возводиться бѣлокаменные храмы. Последнихъ насчитывается тамъ до десяти. Всѣ они новелики, одноглавые и имѣютъ много общаго между собою. Матеріаломъ для ихъ постройки служилъ известковый камень, привозившійся, какъ полагаютъ, изъ Волжской Болгаріи. Планъ ихъ — такой же,

какъ и кіевскихъ церквей: прямоугольникъ съ тремя алтарными абсидами. Но стѣны ихъ выше, пропорціи стройнѣе, архитектурная отдѣлка красивѣе. Въ послѣдней, при всей ея своеобразности, явственно видно отраженіе западнаго, романскаго искусства. Какъ на образецъ владиміро-суздальскаго зодчества, укажемъ на церковь Покрова Богородицы на Нерли, близъ Боголюбова, построенную въ 1166 г. и лучше другихъ сохранившуюся. Сѣверный, зап. и южный ея фасады раздѣляются, въ вертикальномъ направленіи, на три пространства, которыя, однако, не образуютъ вверху одного общаго фронтона, а оканчиваются каждый въ видѣ полукружія; каждое пространство отдѣлено отъ сосѣдняго выступомъ во всю вышину стѣны, обдѣланнымъ въ видѣ длинной колонны. На половинѣ высоты церкви проходитъ по этимъ фасадамъ карнизъ, состоящій изъ арочекъ, подпираемыхъ полуколонками, стоящими на кронштейнахъ. Въ верхней части каждаго отдѣленія фасада, въ срединѣ, находится высокое и длинное окно съ закругленнымъ верхомъ, а въ среднемъ отдѣленіи, внизу, входная дверь, имѣющая совершенно романскій характеръ: она углубляется въ толщу стѣны въ видѣ постепенно уменьшающейся арки и обрамлена рядомъ concentрическихъ, орнаментированныхъ валавъ и подпирающихъ ихъ полуколоннъ. Вверху абсидныхъ стѣнъ находится такой же карнизъ, какъ и опоясывающій фасады; но короткія полуколонки подъ его аркадугою чередуются съ длинными, тянущимися до самаго фундамента зданія. Поверхъ церкви, крыша которой изгибается криволинейно по сводамъ и краямъ стѣнъ, висится глава съ цилиндрическимъ, высокимъ барабаномъ, орнаментированнымъ также арками на полуколоннахъ и опоясаннымъ въ вершинѣ бордюромъ изъ ряда маленькихъ арокъ и ряда зигзаговъ. Между арками барабана, чрезъ одну, продѣланы окна такой же формы, какъ и въ фасадахъ. По подобному же окну находится и въ каждой абсидѣ. Очень близкое сходство съ церковью Покрова на Нерли имѣетъ Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ — самый замѣчательный въ краѣ храмъ какъ по красотѣ архитектурныхъ формъ, такъ и по декоративной отдѣлкѣ. Онъ выстроенъ между 1193 и 1197 гг. Всеволодомъ Юрьевичемъ, при его дворѣ, и посвященъ патрону его новорожденнаго сына, св. Дмитрію Солунскому. Видимо, великій князь хотѣлъ придать своей придворной церкви возможное изящество. Для ея постройки, какъ гласитъ преданіе, былъ присланъ къ нему нѣмецкимъ императоромъ искусный зодчій, который, однако, не посмѣлъ отступить отъ типа церквей, укоренившихся въ разсматриваемыхъ мѣстностяхъ, а только сообщилъ ему болѣшую гармоничность формъ и богату орнаментацией. Особенно любопытны вырубленные на камнѣ рельефныя изображенія Христа и святыхъ, фантастическихъ звѣрей и птицъ, растеній и пр., покрывающія сплошь верхнія части трехъ фасадовъ собора до опоясывающаго его средняго карниза, а также рельефныя фигуры и орнаменты, помѣщенные между колонками этого карниза, на ихъ кронштейнахъ и на подкуполномъ ба-

рабанѣ. Эти изображенія имѣютъ въ себѣ мало византийскаго и представляють, очевидно, нѣмецкую передѣлку устарѣлыхъ римскихъ образцовъ, съ примѣсю элементовъ, занесенныхъ съ Востока. Подобными рельефами, но въ меньшемъ количествѣ, украшены фасады церкви Покрова на Нерли, и въ гораздо большемъ—стѣны Георгіевской церкви въ Юрьевѣ Польскомъ, построенной въ 1152 г. и возобновленной въ 1234 г. Внутри Димитріевскаго собора замѣчательна стѣнная живопись, открытая при его реставраціи въ 1830-хъ годахъ. Она лучше всего сохранилась на западной стѣнѣ, подъ хорами, гдѣ представлены Страшный Судъ и Небесное Царство. Особенно мило по своей наивности изображеніе Богородицы, сидящей на престолѣ, между двумя колѣнопреклоненными ангелами, и трехъ ветхозавѣтныхъ патріарховъ, окруженныхъ душами праведниковъ, изъ которыхъ одна (душа бѣднаго Лазаря) сидитъ на лонѣ средняго изъ патріарховъ, Авраама. Престолъ Богоматери осыненъ трельяжемъ съ вьющимися по немъ фантастическими растеніями; небывалыя, причудливыя по формамъ деревья высются позади патріарховъ; на вѣтвяхъ этихъ деревьевъ сидятъ и порхаютъ райскія птицы. Въ другой части фрески изображенъ ап. Петръ, ведущій праведниковъ въ Рай, и ангелы, вызывающіе трубнымъ гласомъ умершихъ изъ земли и изъ моря. Росписи Димитріевскаго собора исполнены, повидимому, гораздо позже его отстройки; во всякомъ случаѣ, она—одна изъ древнѣйшихъ и притомъ интереснѣйшихъ памятниковъ древне-русской монументальной живописи, въ которомъ византийскій стиль, подъ кистью владимірскаго художника, уже значительно измѣнился и принялъ въ себя многія черты нашей иконописи. Прочія церкви Владимірско-Суздальской области въ большей или меньшей степени утратили свой первоначальный видъ. Изъ нихъ, укажемъ на Успенскій соборъ во Владимірѣ—нѣкогда самый великолѣпный храмъ средней Руси, послужившій, вмѣстѣ съ Димитріевскимъ соборомъ, образцомъ для главнаго храма первопрестольной Москвы, ея Успенскаго собора. Владимірскій Успенскій соборъ сооруженъ Андреемъ Боголюбскимъ, въ 1158—60 гг., но въ 1185 г. сильно пострадалъ отъ пожара и вслѣдъ затѣмъ перестроенъ Всеволодомъ Юрьевичемъ, окружившимъ его съ трехъ сторонъ новыми стѣнами, проломавшимъ большія отверстія въ прежнихъ наружныхъ стѣнахъ, такъ что онъ превратился во внутренне столбы и получился какъ-бы новый, болѣе обширный храмъ, скрывшій въ себѣ первоначальное зданіе, причѣмъ, на углахъ пристройки, были возведены четыре главы, и соборъ сдѣлался изъ одноглаваго пятиглавымъ. Затѣмъ, онъ еще не разъ испыталъ несчастія и подвергался исправленіямъ, совершенно отнявшимъ отъ него прежній видъ. Только недавно, въ царствованіе Александра III, реставрировали его, насколько представлялось возможнымъ, согласно изслѣдованіямъ, произведеннымъ въ немъ археологами. Укажемъ еще на церковь Рождества Богородицы въ Боголюбскомъ монастырѣ, въ 11 верстахъ отъ Владиміра, бывшую

нѣкогда дворцовымъ храмомъ кн. Андрея. Сама по себѣ, она нисколько не интересна, такъ какъ, послѣ многихъ передѣлокъ, получила видъ заурядныхъ церквей XVIII столѣтія; но при ней сохранилась часть княжескихъ бѣлокаменныхъ палатъ—единственный, дошедшій до насъ памятникъ гражданскаго зодчества разсматриваемыхъ временъ. Этотъ остатокъ древней постройки, примыкающій къ церкви, и надъ которымъ возведена ея нынѣшняя, кирпичная колокольня, представлялъ, въ своей наружности, тѣ же архитектурныя детали, какія мы видимъ въ Димитріевскомъ соборѣ и другихъ владимірскихъ церквяхъ: фасады оканчиваются вверху въ видѣ полукружій, они отдѣлены одинъ отъ другого длинными колоннами, ихъ перерѣзываетъ горизонтально на двѣ части карнизъ, состоящій изъ арочекъ, подпираемыхъ короткими колонками на крошечныхъ, и т. д.

Въ Кіевской, Новгородской, Псковской, Владимірско-Суздальской и др. областяхъ, каменные храмы воздвигались исключительно въ княжескимъ резиденціяхъ, большихъ городахъ и богатыхъ монастыряхъ: на ряду съ ними существовали—и притомъ еще въ большемъ количествѣ—скромныя деревянныя церкви, постройки которыхъ и была единственно возможна для сель и мѣстечекъ. Такихъ церквей, конечно, не сохранилось до нашего времени ни одной, и мы можемъ только, догадываясь о томъ, каковы онѣ были. Основаніемъ для нашихъ заключеній по этому предмету служатъ, съ одной стороны, изображенія подобныхъ церквей на древнихъ иконахъ и рисункахъ, а съ другой—уцѣлѣвшія деревянныя церкви XIV стол. и позднѣйшаго времени, въ которыхъ, зная приверженность русскаго народа къ преданіямъ и однажды установившимся обычаямъ, должно видѣть подражаніе образцамъ болѣе ранней эпохи. Вслѣдствіе свойства своего строительнаго матеріала, деревянныя церкви, и по плану, и по наружности, существенно отличались отъ каменныхъ, византийскаго типа. Въ простѣйшемъ своемъ видѣ, онѣ представляли четырехугольный срубъ съ двускатною, какъ у нынѣшнихъ крестьянскихъ избъ, или чѣтъ рѣже—съ четырехскатною кровлей, съ крестомъ или небольшою главкой наверху. Эта примитивная форма въ большинствѣ случаевъ усложнялась приставкою къ срубъ, съ восточной стороны, небольшого помѣщенія для алтаря, а съ западной—еще срубъ, для трапезы, и крытая крыльца (паперти) передъ нею. Нерѣдко средняя часть дѣлалась выше алтарной и трапезной, а вокругъ церкви устраивались на выступающихъ изъ ея корпуса бревнахъ, или на особомъ срубѣ, или же на столбахъ, галлерей, въ которыхъ собирались нищіе (отсюда ихъ названіе—нищенники), сидѣли пришедшіе на богослуженіе въ ожиданіи его начала или стояли богомольцы, слушающія его, когда въ самой церкви было слишкомъ тѣсно, и т. д. Варіацію этого простаго типа представляли церкви, въ которыхъ, для приданія имъ величественности, на среднемъ срубѣ помѣщался другой, шестигранный или восьмигранный, и уже надъ нимъ, поверхъ

крыши со столькими же скатами, ставилась глава на цилиндрической или многогранной призматической шейке. Были также церкви, имѣвшія въ планѣ не три прямоугольника, а соединеніе трехъ шести- или восьмиугольниковъ, расположенныхъ въ рядѣ от 3 къ 6, при чемъ каждый изъ нихъ получалъ видъ башни, образуемой двумя или тремя срубами, поставленными одинъ на другой и изъ которыхъ верхній, меньшій въ сравненіи съ среднимъ и низшимъ, кончался крутою, такъ наз. паторовою крышею и небольшою главою. Наконецъ, основные срубы, прямоугольные или многогранные въ планѣ, ставились, съ ихъ увѣличаніемъ, не по одной линіи, а крестообразно, и церковь получала видъ пяти башенъ, соединенныхъ въ одно цѣлое, къ которому иногда прибавлялись еще четыре меньшія башни на пристройкахъ между крылами креста. Не останавливаясь на различныхъ видоизмѣненіяхъ въ означенныхъ типахъ церквей, вообще замѣтимъ, что наши древніе зодчіе, строя изъ дерева, не были стѣннымию обязанностью подражать образцамъ византийской религиозной архитектуры и могли свободно пользоваться принципами и приемами, выработанными народомъ при постройкѣ его жилищъ, барскихъ хоромъ и княжескихъ дворовъ. Такимъ образомъ, подобно общимъ, весьма разнообразнымъ формамъ деревянныхъ церквей, ихъ декоративныя детали: чешуйчатые крыши, рѣзные подзоры подъ ними, фронтоны въ видѣ такъ назыв. бочекъ или кокошниковъ, обдѣлка оконъ фигурными наличниками, точеные столбы крылецъ и галлерей, баласыны рѣшетокъ—все было продуктомъ чисто-народной изобрѣтательности, искони изощрявшейся на постройкахъ изъ дерева.

Суздальско-Владимирское княжество процвѣтало недолго и въ началѣ XIV ст. уступило первенство своему бывшему удѣлу, Москвѣ, которая стала пріобрѣтать все большее и большее политическое значеніе и вскорѣ сдѣлалась объединительницею всей Руси. Московскіе великіе князья, обстраивая свою столицу, хотѣли, чтобы она не уступала во внѣшнемъ блескѣ Владиміру, и на первыхъ порахъ брали отсюда мастеровъ для сооруженія въ ней церквей, монастырей и другихъ зданій. Первые храмы, возведенные въ Москвѣ и ея окрестностяхъ этими мастерами, а также призванными изъ Новгорода и Пскова,—Спасская-Бору, первоначальные кремлевскіе соборы Успенскій, Архангельскій и Благовѣщенскій, Успенскій соборъ въ Звенигородѣ, Рождественская церковь въ Саввинскомъ монастырѣ, тамъ же, соборъ Троицко-Сергіевой лавры и пр.—были вполнѣ владимирско-суздальскаго типа и строились также изъ бѣлаго камня, но вообще такъ неискусно, что нѣкоторые изъ нихъ рушились прежде своего окончанія или вскорѣ послѣ него,—доказательство упадка техники того времени. Насколько возможно судить по тому, что сохранилось отъ нихъ послѣ передѣлокъ и перестроекъ, въ отношеніи внѣшней отдѣлки они были прочею своихъ владимирскихъ образцовъ: скульптурныя украшенія на поляхъ фасадовъ исчезли; поясъ аркатуры, горизонтально пере-

рѣзывающій фасады, сдѣлался менѣе богатымъ или же замѣнился полосою незатѣйливаго орнамента; вмѣстѣ съ тѣмъ появились нѣкоторыя новыя архитектурныя формы, изъ которыхъ важнѣйшая—луковичныя главы пока еще умѣреннаго размѣра, смѣнившія собою шаровидныя византийскія покрытія XI в., какъ въ Кіевской св. Софіи, и шлемообразныя XII в., какъ во владимирскомъ Дмитріевскомъ соборѣ. Эта форма главъ, равно какъ и стрѣлочное очертаніе арокъ и порталовъ, съ заостреніемъ въ вершинѣ, образуемымъ изогнутостью дугъ вовнутрь (напоминающее килевидную арку мусульманской архитектуры), заимствована къ намъ очевидно съ Востока и составляетъ характерную особенность ранняго московскаго зодчества. Послѣднее, кромѣ того, стало пробовать примѣнять въ каменныхъ сооруженіяхъ мотивы, свойственные деревяннымъ постройкамъ, каковы напр. вышуклые пояса на срединѣ колоннъ у дверей и въ аркатурахъ, кокошники при основаніи главъ и вверху стѣнныхъ фронтоновъ, какъ бы точеные столбы у крылецъ и т. п.

Со вступленія на великокняжескій престолъ Іоанна III начинается эпоха самодержавнаго могущества московскихъ государей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наступаетъ расцвѣтъ русскаго искусства. Присоединивъ къ своей отчизнѣ обширныя земли, переставъ быть ханскимъ данникомъ и женившись на греческой принцессѣ, отпрыскъ византийскихъ императоровъ Іоаннъ считалъ необходимымъ окружить себя подобающимъ величіемъ и украсить свою резиденцію на славу. Прежде всего его вниманіе обратило на себя кремлевскія святыни. Успенскій соборъ, построенный еще при Іоаннѣ Калитѣ, сталъ слишкомъ тѣсенъ при увеличившемся населеніи Москвы, обветшалъ и грозилъ паденіемъ; надо было соорудить, вмѣсто него, новый, болѣе роскошный храмъ. Исполненіе этого предпріятія было возложено на московскихъ мастеровъ Ив. Кривоша и Мышкина; но они оказались несостоятельными: едва довели они постройку до сводовъ, часть ея обрушилась. Чтобы пособить бѣдѣ, приглашены были псковскіе зодчіе, но они не рѣшились взяться за исправленіе. Тогда великій князь, вѣроятно по совету своей супруги, воспитанной въ Италіи, вызвалъ изъ этой страны архитектора Фьоравенти, уроженца Болоньи, прозваннаго за свое искусство Аристотелемъ. Этому артисту, привезшему съ собою въ Москву своего сына, Андрея, и ученика, Петра, было поручено, если возможно, поправить и довершить работу московскихъ мастеровъ, а не то строить сызнова, при чемъ указано взять за образецъ владимирскій Успенскій соборъ, продолжавшій считаться верховомъ совершенства. Осмотрѣвъ этотъ послѣдній, Фьоравенти разбилъ до основанія остатки сооруженія Кривоша и Мышкина и въ 1475 г. приступилъ къ постройкѣ новаго храма, съ искусствомъ и знаніемъ, которыми, по словамъ летописца, дивились тогдашніе москвичи. Черезъ три года московскій Успенскій соборъ былъ оконченъ и освященъ. Онъ вышелъ «чуденъ велимъ величествомъ, и высокою и свѣтлостью; такого же прежде не бывало

на Руси». После того, въ разные времена, онъ подвергался многимъ исправленіямъ, перестройкамъ и передѣлкамъ, такъ что не дошелъ до насъ въ первоначальномъ видѣ; тѣмъ не менѣе, основныя черты его сохранились. Придерживался вообще типа владимірскихъ церквей, Фьоранте сдѣлалъ нѣкоторыя отступленія отъ него: удлинилъ зданіе на одну треть; вмѣсто трехъ абсидъ устроилъ пять, обозначавшихся спаружи лишь незначительными выступами изъ восточной стѣны; четыремъ столбамъ, подпирающимъ своды внутри собора, далъ не четырехугольную, а круглую форму и поставилъ ихъ на высокіе пьедесталы; вмѣсто дубовыхъ связей, дотогѣ употреблявшихся на Руси при кладкѣ стѣнъ, скрѣпилъ послѣднія желѣзными; наконецъ, измѣнилъ соотношенія между нѣкоторыми частями зданія съ цѣлью гармоніи и большей прочности. Галльское вліяніе сильнѣе всего выразилось въ наружности собора. Его фасады были также описаны полосой аркатуръ на колоннахъ и раздѣлены пилястрами на компартименты съ дугообразнымъ верхомъ; барабаны пяти главъ были украшены полуколонками между окнами и узорчатыми карнизами, теперь не существующими. Другой кремлевскій соборъ, Архангельскій, выстроенъ въ 1504—1509 гг. приглашеннымъ изъ Италіи «стѣннымъ и позанымъ мастеромъ» миланцемъ Алевизомъ, на мѣстѣ разобранной церкви того же имени, существовавшей со временъ Іоанна Калиты. Если мысленно откинуть отъ этого храма всѣ позднѣйшія пристройки, то онъ окажется очень похожимъ по плану на Успенскій соборъ; но его внѣшность представляла, какъ представлялъ и теперь, смѣсь русскаго съ итальянскимъ. Тогда какъ Успенскій соборъ имѣлъ обликъ изъ благаго камня, Архангельскій соборъ первоначально былъ двучѣтный: нештукатуренныя его стѣны были красныя, кирпичныя, пилястры же съ ихъ капителями, карнизы, тяги и прочія украшенія—бѣлокаменные. Формы и орнаментация этихъ деталей—чисто итальянскія. Таковы напр. скульптурныя раковины, заполняющія собою полукруглыя верхи компартиментовъ на фасадахъ, и родъ пальметокъ, стоящихъ надъ каждымъ изъ этихъ полукруглѣй, поверхъ кровли. Третій соборъ Кремля, Благовѣщенскій, сооруженъ въ 1484—1489 гг. Онъ весьма новеліе и въначалѣ имѣлъ обычный планъ владимірскихъ церквей—квадратъ съ тремя абсидальными выступами и четырьмя столбами внутри. Въослѣдствіи была пристроена съ трехъ сторонъ болѣе низкая, чѣмъ онъ, галлерея съ четырьмя башнями по угламъ, возвышающимися до самой его крыши и оканчивающимися вверху рядомъ кокошниковъ. Надъ башнями поставлено по такой же главѣ, какъ и меньшія главы самого собора, такъ что изъ пятиглаваго онъ превратился въ девятиглавый. Отъ первоначальной его наружности остались открытыми только абсиды, верхнія части фасадовъ, ограниченные вверху кокошниками, и пять старыхъ главъ, изъ которыхъ средняя имѣетъ въ основаніи также кокошники. Послѣдняя частію, равно какъ и близость архитектуры этой церкви къ владимірскому

стилю, объясняются тѣмъ, что ее строили не иностранцы, а псковскіе мастера. Только-что рассмотрѣннымъ нами храмамъ почти современенъ Архангельскій соборъ въ Чудовѣ монастырѣ. Подобно имъ, онъ очень измѣнился вслѣдствіе позднѣйшихъ передѣлокъ (въ XVII, XVIII и XIX вѣк.), однако, не настолько, чтобы нельзя было признать его близкимъ подражаніемъ одиоглавымъ владимірскимъ церквямъ.

Искусствомъ итал. мастеровъ Іоаннъ III пользовался для сооруженія не однихъ только церквей, но и зданій гражд. характера. Фрязинъ Марко Руфъ, въ 1484 г., строилъ въ Кремлѣ, между Архангельскимъ и Благовѣщенскимъ соборами, каменную (кирпичную) палату для государственной казны (прозывавшуюся поэтому «казеннымъ дворомъ») и другую «набережную палату», на Зап. отъ Благовѣщенскаго собора, для самого великаго князя и его княгини. Тотъ же Руфъ, вмѣстѣ съ Петромъ-Антоніемъ Соларіо, воздвигаетъ въ 1491 г. Грановитую палату. Миланецъ Алевизъ, о которомъ было говорено выше, сооружаетъ въ 1499—1508 г. новый дворецъ, составляющій нынѣ низъ кремлевскихъ теремовъ (верхніе ихъ этажи относятся къ царствованію Михаила Ѳеодоровича). Наконецъ, кремлевскія стѣны съ ихъ башнями и съ перекинутыми чрезъ рѣку Москву и рѣчку Неглинную мостами (изъ нихъ сохранился только одинъ, передъ Троицкими воротами)—произведеніе упомянутаго Соларіо и его соотечественниковъ. При всѣхъ этихъ пристройкахъ, итальянскіе зодчіе были менѣе стѣснены предъявленными имъ требованіями, чѣмъ при церковныхъ сооруженіяхъ, и могли свободнѣе проявлять свою самостоятельность, соображаясь, однако, съ мѣстными обычаями и вкусомъ. Въ заслугу имъ должно быть поставлено то, что они научили русскихъ мастеровъ болѣе совершенной техники и познакомили ихъ съ архитектурными мотивами, которые, будучи умѣсто примѣняемы къ дѣлу и разрабатываемы въ русскомъ духѣ, внесли обновленіе и разнообразіе въ наше искусство. Замѣчательно, что съ приходомъ въ намъ итальянцевъ, въ русское зодчество происходитъ важнѣйшій переворотъ: оно перестаетъ въ каменныхъ постройкахъ болѣе или менѣе близко держаться исключительно византійскихъ образцовъ и предаетъ необычайной изобрѣтательности. Причину тому нельзя, однако, считать одно итальянское вліяніе; она кроется глубже—въ пробужденіи народнаго самосознанія по прекращеніи княжескихъ междоусобій, сверженіи татарскаго ига, объединеніи Руси подъ твердымъ скипетромъ наследниковъ Калиты и возвышеніи Москвы, привлекавшей въ себя художественныя силы изъ другихъ городовъ; итальянцы же своимъ вліяніемъ только содѣйствовали этому перевороту, обогативъ русскихъ мастеровъ техническими познаніями и указавъ имъ на возможность идти самостоятельнымъ путемъ. Храмы византійскаго типа, въ родѣ Кремлевскихъ соборовъ, еще строились въ XVI, въ XVII и даже въ XVIII стол., но въ половинѣ XVI вѣка начинаютъ появляться каменные церкви совсѣмъ новыхъ формъ. Какъ въ

одну из первых между такими церквями, можно указать на церковь Вознесения Господня въ подмосковномъ селѣ Коломенскомъ, построенную въ 1521 г. Она имѣетъ въ планѣ равноконечный крестъ, ограниченный 12-ью стѣнками. Эти стѣнки образуютъ башню, которая, на нѣкоторой высотѣ, переходитъ, посредствомъ кокошниковъ, въ восьмигранный барабанъ съ окнами, оканчивающійся сверху кокошниками, по два на каждой грани, и высокимъ шатромъ въ видѣ восьмигранной усѣченной пирамиды, съ небольшою башенкой на верхнемъ основаніи. Церковь окружена со всѣхъ сторонъ двухъярусной галлереей, нижній этажъ которой представляетъ рядъ арокъ, а верхній, освѣщенный теперь крышею на столбахъ, первоначально былъ открытый. Три широкия, свободно раскинувшіяся крыльца ведутъ на этотъ этажъ. Очевидно, общая форма этого зданія заимствована отъ деревянныхъ башнеобразныхъ церквей, какія уже давно строились на Руси; къ тому же и раздѣлка стѣнъ, лопатки по угламъ, косыя тяги напоминаютъ деревянные раскосы, а полосы, украшающія шатеръ, похожи на систему стропилъ, хотя въ карнизахъ, капителяхъ и нѣкоторыхъ другихъ деталяхъ замѣтно отраженіе итальянскаго вліянія. Не менѣе интересна церковь Успіенія главы Іоанна Предтечи въ селѣ Дьяковѣ, лежащемъ подлѣ Коломенскаго, выстроенная въ 1529 г. Она состоитъ изъ средней восьмигранной башни, къ которой съ Востока примыкаетъ полукруглая алтарная часть, и изъ четырехъ меньшихъ, также восьмигранныхъ башенъ, соединенныхъ снаружы одна съ другою (съ сѣверн., западн. и южн. сторонъ) прямыми стѣнками, такъ что между ними образуются три галереи. Каждая галерея имѣетъ въ срединѣ дверь и прежде имѣла по бокамъ этихъ дверей теперь задыранные пролеты въ родѣ оконъ. Средняя башня значительно выше остальныхъ. Ея восьмигранникъ заканчивается сверху карнизомъ, надъ которымъ стоятъ рядъ кокошниковъ и, выше этихъ послѣднихъ, рядъ трехугольных фронтончиковъ, упирающихся на меньшіе кокошники, находящіеся въ промежуткахъ между большими. Надъ этимъ основаніемъ поднимается второй восьмигранникъ; на каждомъ изъ его угловъ помѣщено по полукруглому выступу, примыкающему къ цилиндрическому барабану, который окаймленъ сверху сильными карнизомъ и увѣнчанъ полусферическою главою съ острыми подвышеніемъ, на которомъ утверждены крестъ и яблоко подлѣ нимъ. Меньшія башни состоятъ также изъ двухъ восьмигранниковъ, помѣщенныхъ одинъ надъ другимъ и раздѣленныхъ другъ отъ друга тремя рядами трехугольных фронтончиковъ; верхніе, болѣе узкіе осьмигранники служатъ шейками главъ и снабжены лопатками по угламъ; верху ихъ идетъ карнизъ, надъ которымъ лежатъ главы такого же очертанія, какъ и глава средней башни. Надъ западнымъ фасадомъ церкви стоитъ звонница; но она, повидимому, устроена въ позднѣйшее время. Довольно взглянуть бѣгло на планъ и общую форму этой церкви, чтобы убѣдиться въ происхожденіи ея архитектуры отъ архитекту-

ры деревянныхъ башенныхъ церквей, мотивы которой разыграны здѣсь чрезвычайно талантливо и оригинально. Церковь эта любима въ особенности потому, что послужила прототипомъ для еще болѣе своеобразнаго памятника русскаго зодчества—для Покровскаго собора въ Москвѣ, извѣстнаго преимущественно подъ названіемъ церкви Василія Блаженнаго. Не вдаемся въ подробное описаніе этого храма, необычайностью своихъ формъ и затѣйливостью вышнихъ украшеній возбуждающаго удивленіе иностранцевъ: большинству нашихъ читателей, безъ сомнѣнія, онъ достаточно извѣстенъ, тѣ же изъ нихъ, которые не видали его въ натурѣ, могутъ составить себѣ представленіе о немъ по рисунку, помѣщенному на одной изъ прилагаемыхъ таблицъ. Скажемъ только, что Покровский соборъ выстроенъ при Іоаннѣ Грозномъ (въ 1555 г.), въ память покоренія имъ Казанскаго царства и, на своемъ вѣку, много разъ исправлялся и передѣлывался, но, не смотря на то, донынѣ сохранилъ главные черты своей первоначальной фizioноміи. Это—скорѣе не одинъ храмъ, а группа храмовъ, стоящихъ на одномъ общемъ основаніи, родственныхъ по характеру и сообщающихся между собою. Въ планѣ собора, равно какъ и въ наружности, есть много общаго съ Дьяковскою церквью. Подобно ей, онъ представляетъ среднюю башню и расположенныя вокругъ нея, крестъ-накрестъ, четыре менѣе высокія башни; но между этими послѣдними архитекторъ (имя котораго, къ сожалѣнію, остается неизвѣстнымъ) помѣстилъ еще по башнѣ, такъ что всѣхъ башенъ получилось не пять, а девять. Средняя башня, оканчивающаяся сверху пирамидальною, своимъ складомъ рѣзко отличается отъ остальныхъ, которыя всѣ увѣнчаны луковичными главами, причудливо орнаментированными различными образомъ, и имѣютъ каждая свои архитектурныя детали. Съ восточной стороны, къ собору пристроенъ царемъ Феодоромъ Іоанновичемъ прилѣвъ во имя Василія Блаженнаго, увѣнчанный невысокою главою. Шатровая колокольня, также какъ и галерея вокругъ всего зданія,—сравнительно поздней постройки.

Послѣ первыхъ опытовъ перенесенія въ каменное храмовоздѣтельство формъ и приемовъ деревянныхъ сооружений—опытовъ, которыми надо считать Вознесенскую церковь с. Коломенскаго и Предтеченскую с. Дьякова, русское зодчество смѣло пошло по открытому такимъ образомъ пути, съ удивительною находчивостью разрабатывая и—можно сказать—до безконечности варьируя свои мотивы и ихъ комбинацію. До высшаго, самаго блестящаго развитія оно достигло въ XVII столѣтіи. Въ это время въ Москвѣ и центральной Р. являются церкви весьма разнообразныя по конструкции и деталямъ, оригинальность своего стиля, гармоничностью своихъ частей и нерѣдко красотою свидѣтельствующія о богатой фантазій и вкусѣ тогдашнихъ русскихъ архитекторовъ, мастерски умѣвшихъ съ основными, національными элементами присоединять то, что подходило изъ занесеннаго къ намъ и съ Запада, и съ Востока. Не смотря на всѣ частныя отличія церквей этой цвѣтущей поры

нашего искусства, их можно — раздѣлить на три рода. Однѣ изъ нихъ, каковы напр. находящіеся въ подмосковныхъ селахъ Медвѣдковъ и Спасскомъ, Архангельскій соборъ въ Нижнемъ Новогородѣ, въ с. Елизаровѣ, Переяславскаго уѣзда, и проч., представляютъ, въ главной своей массѣ, шатровыя башни, т. е. вѣнчающіяся пирамидальнымъ верхомъ. Другія (напр. церкви с. Троицкаго-Голенищева, близъ Москвы, Рождества-въ-Путинкахъ, въ самой Москвѣ, приведшая въ оборотъ французскаго архитектора Вольле-де-Дюка, Воскресенія-въ-Гончарахъ, также въ Москвѣ, и др.) имѣютъ главный корпусъ въ видѣ продолговатаго параллелепипеда, къ которому, съ одной изъ его длинныхъ граней, пристроены болѣе низкіе, чѣмъ онъ, алтарь, а съ другой — также менѣе высокая трапеза, при чемъ на главномъ корпусѣ высатся два или три шатра. Церкви третьяго, особенно распространеннаго рода — кубическія, съ пятью главами, состоящими на двухъ, трехъ и болѣе рядахъ колошниковъ, постепенно сокращающихся къ основанію главъ и имѣющими довольно тонкія, не открывающіяся вовнутрь шейки и увѣнчаныя въ видѣ луковичъ (московск. церкви Рождества-въ-Бутырькахъ, Грузинской Богородицы, Николы въ Хамовникахъ, Николы на Столпахъ, подмосковныя с. Останкина и с. Тайницкаго, многія церкви въ Ярославлѣ, Суздаль, Костромѣ и др. мѣстахъ). Во многихъ случаяхъ основная масса храма усложняется пристройкою придѣловъ, крылецъ, папертей, галлерей и колоколенъ, которыя, какъ указано нами въ яномъ мѣстѣ (см. Колокольная, т. XV, стр. 726), съ XVII в. начинаютъ воздвигаться не отдѣльно отъ церквей, а въ связи съ ними. При этомъ шатеръ становится любимомъ формою покрывъ для колоколенъ и, употребляясь какъ таковое, по большей части прорѣзывается рядами слуховыхъ оконъ, однимъ надъ другимъ. Многое изъ того, что древне-русское зодчество выработало для церквей, было, въ его блестящую пору, примѣняемо и къ сооруженіямъ гражданскаго характера. Эти послѣднія — за исключеніемъ городскихъ укрѣпленій съ ихъ башнями — были по большей части деревянные. Не только люди средняго класса, но и бояре, и цари, предпочитали жить въ деревянныхъ хоромахъ и дворцахъ, обыкновенно состоявшихся изъ многихъ отдѣльных построекъ, расположенныхъ безъ всякой симметріи и соединенныхъ между собою переходами и сѣнями. Какъ на примѣръ подобныхъ сооружений, можно указать на дворецъ, выстроенный въ 1667 г. Алексѣемъ Михайловичемъ въ с. Коломенскомъ. Дворецъ этотъ уже не существуетъ, но его модель донинѣ хранится въ московской Оружейной Палатѣ. Это былъ неправильный, но вообще красивый конгломератъ двухэтажныхъ корпусовъ и многоэтажныхъ башенъ, съ причудливыми крышами, крыльцами, лѣстницами, вышками. Нижний этажъ былъ занятъ царскою мыльнею, кухней, складомъ хозяйственныхъ принадлежностей и помѣщеніями для слугъ;верху находились покои царя, царицы и ихъ дѣтей. Дворецъ былъ раскрашенъ въ разные цвѣта

и отдѣланъ съ большою роскошью какъ внутри, такъ и снаружи. Въ московскомъ Кремлѣ не существовало каменныхъ дворцовыхъ зданій, кромѣ палатъ временъ еще Іоанна III. При Михаилѣ Федоровичѣ впервые были выстроены каменные жилые царскіе апартаменты надъ палатами, возведенными Алексѣемъ, нынѣ извѣстные подъ названіемъ «Теремовъ». Алексѣй Михайловичъ подновилъ, расширилъ и украсилъ дворецъ своего отца. Работы по этой части произведены русскими мастерами съ участіемъ нѣмецкихъ и польскихъ художниковъ, которыхъ въ то время было довольно много въ Москвѣ. Каменные царскіе дворцы имѣлись также въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, напр. въ Ипатьевскомъ, близъ Костромы, и въ Саввинскомъ Звенигородскомъ.

Въ концѣ XVII столѣтія русскій архитектурный стиль начинаетъ портиться отъ излишнихъ и нерациональных заимствованій изъ западно-европейскаго искусства, которое, какъ извѣстно, переживало тогда вѣкъ жеманства и вычурности. Строющіеся въ это время церкви вообще сохраняютъ тотъ или другой установившійся передъ тѣмъ типъ, но въ отдѣлку сильно примѣшиваются западныя детали, примѣненныя въ дисгармоніи съ другими архитектурными мотивами и въ искаженномъ видѣ: являются разорванные фронтоны, надкарнизныя и надоконныя украшенія, получившія названіе пѣтушійхъ гребешковъ, длинныя колонны съ капителями въ родѣ коринтскихъ и т. п. Образчиками такихъ сооружений могутъ служить церкви Владимірскаго Богоматери на Никольской улицѣ, Воздвиженія Честнаго Креста, на Воздвиженкѣ, прк. въ Богоявленскомъ монастырѣ, въ Москвѣ, прк. въ с. Филахѣ, въ Петровскомъ-Разумовскомъ, и мн. др.

Сравнительно съ архитектурой, *живопись* въ древней Руси отличалась гораздо меншею самостоятельностью. Иначе и быть не могло при тогдашнихъ воззрѣніяхъ и потребностяхъ народа. Принесенная къ намъ византийцами, какъ пособіеца религіи, эта отрасль искусства долго имѣла у насъ почти исключительно назначеніемъ служить церкви, оставалась строго подчиненною ея уставамъ, не смѣла отступать отъ греческихъ образцовъ. Производными ея изображенія угодниковъ Божіихъ и библейскихъ событий были, въ глазахъ народа, не картинами, а священными предметами, и только тогда допускались въ дома и храмы, когда вопіи въ удовлетвореніи правилами, освещеннымъ преданіемъ. Это осуждало нашу живопись на неподвижность, мѣшало ей свободно развиваться и принимать оригинальныя черты. Въ статьѣ «Иконописаніе» (т. XII, стр. 902) мы уже очертили вкратцѣ общій характеръ и исторію старинной русской живописи на доскахъ; въ изложенному тамъ можемъ только прибавить, что тѣ же правила композиціи, тотъ же пошлый рисунокъ, тѣ же краски, тѣ же технические приемы, которые употреблялись при писаніи станковыхъ образовъ, примѣнялись и при монументальныхъ работахъ, при росписи стѣнъ внутри храмовъ. Древнерусскіе соборы и другія значительныя церкви почти всегда

украшались стѣною живописью, которая была подражаніемъ греческой въ отношеніи не только выбора сюжетовъ и способа ихъ трактованія, но и распредѣленія по мѣстамъ. Въ алтарной апсидѣ, надъ горнимъ мѣстомъ, чаще всего изображались колоссальная фигура Богоматери или Христосъ, сидящій на престолѣ, съ Богородицею и Іоанномъ Предтечею по бокамъ, а ниже—сцена установленія таинства Евхаристіи и фигуры отцовъ церкви и святыхъ іерарховъ. Противоположная алтарю западная стѣна обыкновенно бывала занята обширною картиною второго пришествія Христова, Страшнаго Суда, блаженства праведниковъ въ раю и мученія грѣшниковъ въ гнѣнъ огненной. На сводѣ главнаго купола помѣщался громадный ликъ благославляющаго Вседержителя, а подъ нимъ, въ барабанѣ купола, между окнами, также весьма крупныя фигуры апостоловъ. Остальныя стѣны церкви, даже столбы, если они въ ней имѣлись, сплошь покрывались изображеніями святыхъ, представленныхъ во весь ростъ или въ погрудныхъ медальонахъ, и картинами евангельскихъ и ветхозавѣтныхъ событий. Памятники очень старинной русской стѣнописи сохранилось крайне мало, да и тѣ, которые дошли до настоящаго времени, сильно искажены позднѣйшею многократно реставраціей, такъ что мы можемъ составить себѣ лишь слабое понятіе о томъ, каковы они нѣкогда были. На наиболее любопытные изъ нихъ мы указали выше, говоря о кievскомъ и новгородскомъ соборахъ св. Софіи, Михайловскомъ Златоверхомъ и Кирилловскомъ монастыряхъ, въ Кіевѣ, и Дмитріевскомъ соборѣ во Владимірѣ; къ нимъ слѣдуетъ еще прибавить недавно расчищенную и восстановленную роспись Благовѣщенскаго собора въ Москвѣ, исполненную славившимся въ XV вѣкѣ мастеромъ Андреемъ Рублевымъ въ сотрудничествѣ съ грекомъ Теофаномъ и старцемъ Прохоромъ. Вѣрность свою византийскимъ преданіямъ русская живопись сохраняла вплоть до половины XVII ст. Съ этого времени, рядомъ съ прежнимъ иконнымъ письмомъ, заводится у насъ живопись въ западно-европейскомъ духѣ. То и дѣло стали являться въ Москву, на царскую службу, иностранные живописцы, хотя и не важные мастера своего дѣла, однако, достаточно способные удовлетворять мало развитому вкусу нашихъ предковъ. Кромѣ того, чрезъ Польшу и Украину, стали проникать къ намъ въ изрядномъ количествѣ гравюры какъ религіознаго, такъ и свѣтскаго содержанія. Подъ руководствомъ пріѣзжихъ иноземцевъ и подъ влияніемъ привозныхъ эстамповъ, молодое поколѣніе русскихъ изографовъ научилось писать новымъ, такъ называвшимся тогда фряжскимъ пошибомъ, любовью къ которому значительно распространилась если не въ массѣ народа, то въ высшей сферѣ общества. Первымъ учителемъ этого пошиба былъ голландскій художникъ Янъ Диттерсонъ, вызванный въ Москву Михаиломъ Теодоровичемъ, въ 1643 г., и состоявшій до конца своей жизни при посольскомъ приказѣ. Ему дано было въ обученіе нѣсколько юношей, имена кото-

рыхъ, однако, намъ неизвѣстны. Самъ Диттерсонъ писалъ портреты царя, царицы, наследника престола и нѣкоторыхъ изъ русскихъ сановниковъ. Мѣсто этого художника, умершаго въ 1655 или 1656 г., занялъ при дворѣ Алексѣя Михайловича шляхтичъ Станиславъ Лопуцкій, плохой комнатный декоративный живописецъ, выдававшій себя за великаго мастера и смѣло бравшійся за исполненіе портретовъ, за изображенія животныхъ и растений и за всякія другія художественныя работы. По уловненіи его отъ царской службы, былъ принятъ на нее, въ 1667 г., искусный голландскій живописецъ Даниѣль Воутерсъ, къ которому перешли ученики Лопуцкаго, въ томъ числѣ талантливые Дороевъ Ермолинъ и Иванъ Безмянъ, пользовавшіеся потомъ благорасположеніемъ двора и знати, но не подписывавшіе своихъ произведеній, изъ которыхъ нѣкоторыя, быть можетъ, и сохранились, но остаются неизвѣстными для насъ. Вообще, въ послѣднихъ годахъ XVII столѣтія, Москва была уже богата живописцами; кромѣ Ермолина и Безмяна, въ ней трудились В. Познанскій, К. Умбрановскій, Л. Смоляниновъ, С. Лисицкій, Б. Давыдовъ, М. Чоголовъ, А. Филипповъ, М. Селиверстовъ, Л. Чулковъ, П. Топоровъ, братья Гр. и И. Одолѣскіе, Симеонъ Ушаковъ и др. Всѣ эти художники писали преимущественно портреты, запросъ на которые усилился не только въ придворномъ кругу, но и со стороны богатыхъ людей всѣхъ классовъ и даже среди духовенства. Между портретами духовныхъ лицъ, принадлежавшими этому времени, встрѣчается, однако, немало такихъ, которые имѣютъ иконописный характеръ и исполнены, видимо, ремесленниками или монахами, тщетно старавшимися сравняться съ живописцами, прошедшими школу непосредственнаго изученія натуры. Мало-по-малу, влияние иностранныхъ художниковъ пробралось и въ религіозную живопись, такъ что благочестивые люди и само духовенство стали охотно принимать въ дома и церкви образа, исполненные въ новомъ родѣ, и приверженность къ прежней иконописи упорно хранили одни лишь старообрядцы.

Скульптуры въ до-Петровской Руси, собственно говоря, не существовало. По древнему постановленію православной церкви, статуи и рельефы на лицевыхъ изображеніяхъ не допускаются въ число священныхъ предметовъ, и это постановленіе соблюдалось у насъ встарину гораздо строже, чѣмъ теперь. Такими образомъ, явленіе было исключено изъ области религіознаго искусства—той области, которая на Западѣ Европы была широко открыта для него и особенно благоприятна для его развитія. Правда, въ XVI и XVII столѣтіяхъ, въ нашихъ храмахъ, вопреки означенному постановленію, встрѣчались рѣзанные изъ дерева и расписанные расписныя и фигуры святыхъ; но это было не болѣе какъ злоупотребленіе, проникшее на Русь чрезъ ея сношенія съ ганзейскими городами и Польшею и распространенное далеко не всюду (преимущественно въ земляхъ Новгородской пятины и на юго-западной окраинѣ).

Вообще же задача ваяния ограничивалась второстепенными, декоративными работами: изготовлением архитектурных орнаментов, выбиванием из металла накладок для образов, литыми тѣлниками и складней, рѣзбою изъ дерева иконостасовъ и надпрестольныхъ стѣнъ, различными подѣлками изъ кости и камня для украшенія домашней утвари и т. п. Въ дошедшихъ до насъ произведеніяхъ подобнаго рода мы видимъ, рядомъ съ дѣтскою неумѣlostію ихъ исполнителей въ рисункѣ, когда приходилось передавать живую натуру, тщательную и мелкую работу, значительную ремесленную ловкость и умѣнье своеобразно комбинировать орнаментальные мотивы, заимствованные съ разныхъ сторонъ.

Русскіе орнаменты, какъ свидѣтельствуется о томъ уплывшіе его образцы и археологическія находки, до XII в. были почти рабскими подражаніемъ византийскому; но съ этого времени стали все болѣе и болѣе притекать въ него элементы западно-европейскіе (романскіе и итальянскаго Возрожденія) и азіатскіе (персидскіе, индійскіе, туранскіе и монгольскіе), которые, сливаясь съ византийскою основою и съ мѣстными народными элементами (славянскими и финскими), наконецъ, въ XVI и XVII стол., образовали особый стиль, поражающій своею оригинальною, разнообразіемъ и красотою. Какъ и во всякой другой орнаментистикѣ, въ него входятъ геометрическій узоръ и офантазированныя формы растительнаго и животнаго царствъ; но эти составныя части, и по очертанію, и по роли, играемой ими въ общей композиціи, существенно отличаются отъ того, какими онѣ являются у другихъ народовъ. Замѣчательна изобрѣтательность нашихъ старинныхъ орнаментистовъ въ сочетаніи этихъ частей, равно какъ и осмысленность, съ которою они соображались съ назначеніемъ своихъ изобрѣтеній: орнаментъ, сочиненный для рукописныхъ заставки или инициала, совсѣмъ иного рода, чѣмъ придуманный для вышивки, ювелирнаго издѣлья, рѣзбы изъ дерева, стѣнописи и т. д. Въ большинствѣ случаевъ, соблюдается симметричность, но иногда, тамъ, гдѣ это умѣстно или требуется условіями орнаментируемаго пространства, допускается по большой части небросающееся въ глаза отступленіе отъ симметріи. Къ числу наиболѣе характерныхъ русскихъ орнаментовъ принадлежатъ силетіе лентообразныхъ полосъ, то расширяющихся, то суживающихся, ломающихся подъ разными углами, изгибающихся, перепутывающихся между собою и переходящихъ въ подобія листьевъ и въ фигуры грифоновъ, птицъ и другихъ небывалыхъ животныхъ, рѣже въ человѣческіе обликъ. Весьма часто орнаментъ состоитъ изъ завитковъ, образуемыхъ стеблями выходящихъ растений, какъ-бы винограда или хмѣля, и закручивающихся въ своей срединѣ нѣчто въ родѣ вѣтвистой распушки, грозди, аналогнаго плода или шишки хвойнаго дерева. Иногда, преимущественно въ отдалѣ большихъ плоскихъ пространствъ, напр. въ иконостасахъ, орнаментъ получаетъ видъ тонкой филигранной работы, узорнообразенной розетами и бу-

сами. Лишь въ исключительныхъ случаяхъ, орнаментъ оставляется монохромнымъ; почти всегда онъ оживляетъ раскраскою, съ участіемъ позолоты и серебренья. Въ этой раскраскѣ главную роль играютъ чистые, яркіе цвѣта—красный, голубой, желтый и зеленый, рѣдко приведенные въ гармонію, но тѣмъ не менѣе производящіе своимъ сочетаніемъ весьма сильный и живописный эффектъ.

Крутой переворотъ во внутренней и вѣншей жизни Р., ознаменовавшій собою начало XVIII стол., нарушилъ естественное теченіе ея исконнаго русскаго искусства. Всесторонне обновляя наше отечество и вводя его въ семью просвѣщенныхъ государствъ Европы, Петръ Великій старался завести въ немъ, рядомъ съ европейскою наукою, и европейское искусство, въ увѣренности, что оно не замедлитъ акклиматизироваться на русскою почву и принести обильные плоды. Однако, между Русью до-Петровскаго времени и Р. обновленною была столь огромная разниа, а превращеніе первой во вторую совершилось столь насильственно и быстро, что пересаженные къ намъ отпрыски западныхъ художествъ, вмѣсто того, чтобы притѣкаться къ уже существовавшему мѣстному корню, принялись особнякомъ и долго оставались блѣднымъ и чахлыми растеніемъ, несвойственнымъ странѣ и чуждымъ народу. Виною тому были не столько самъ Петръ, сколько ближайшіе его преемники, не имѣвшіе ни его генія и энергіи, ни его любви къ отечеству, и не умѣвшіе дѣйствовать въ его духѣ. Разматриваемый фактъ въ значительной степени зависѣлъ также отъ тогдашняго состоянія художественныхъ школъ въ Европѣ, находившихся въ упадкѣ, впадшихъ въ изысканность и жеманство и потому неспособныхъ благотворно вліять на искусство, стоявшее предъ тѣмъ въ сторонѣ отъ нихъ.

Преобразователь Р., во всѣхъ своихъ начинаніяхъ побуждаемый намѣреніемъ надбѣить ее прежде всего практическіи-полезными плодами западной цивилизаціи, руководствовался тою же идеею и въ отношеніи искусства. Онъ не столько любилъ его, сколько считалъ нужнымъ для того, чтобы новая жизнь, къ которой повелъ онъ наше отечество, получила вполнѣ европейскій колоритъ. Кромѣ того, искусство представлялось ему необходимымъ какъ пособіе при различныхъ его предпріятіяхъ, каковы были сооруженіе и украшеніе новой столицы, постройка крѣпостей, верфей, кораблей, устройство машинъ, печатаніе книгъ съ гравюрами и т. п. Наличные русскіе художники, ни по своему направленію, ни по своимъ познаніямъ, не соответствовали такимъ задачамъ, для исполненія которыхъ приходилось обзавестись новыми художественными силами. Къ достиженію этой цѣли Петръ стремился всѣми мѣрами. Нѣсколько молодыхъ людей, выказавшихъ способность или охоту къ искусству, были отправлены, для его изученія, одни въ Италію (живописцы И. и Р. Никитины и Захаровъ и архитекторы Еропкинъ и Исаковъ), другіе въ Голландію (живописецъ А. Матвѣевъ и архитекторы Устиновъ и Коробовъ) или въ Парижъ (гравёръ Коровинъ).

При с.-петербургской типографіи заведена школа рисованія, въ которую на первый разъ переведены рисовальщики, состоявшіе при московскомъ Оружейной палатѣ, а затѣмъ послыались въ ученые люди даже немолодыхъ лѣтъ. Самъ Государь зорко слѣдилъ за успѣхами этой школы и нерѣдко посѣщалъ ее. Во время своихъ заграничныхъ поѣздокъ онъ приобреталъ картины, статуи, собранія медалей и всякія рѣдкости, долженствовавшія способствовать развитію артистическаго вкуса въ обществѣ и служить образцами для работы русскихъ художниковъ. Не довольствуясь этимъ, онъ задумалъ основать академію наукъ, открытую уже послѣ его кончины, при чемъ ставилъ ей въ обязанность не только воздѣлывать науки, но и «производить художества». Однако, всѣ эти мѣры могли принести результаты только въ будущемъ, а пылкій гоній Петра не терпѣлъ отлагательства: оно, впрочемъ, было и невозможно, потому что, при множествѣ разнообразныхъ новыхъ предприятий, къ помощи искусства требовалось прибѣгать на каждомъ шагѣ. Особенная нужда чувствовалась въ архитекторахъ, для сооруженія въ Петербургѣ дворцовъ, церквей, коллегій, укрѣпленій и другихъ зданій. Съ этою цѣлью вызванъ въ Р. цѣлый рядъ иностранцевъ. Леблонъ, Трезини, Микетти, Швертфегеръ, Ферстеръ, Брандтъ, Панови, Гаманъ, Гербель, Минихъ — всѣ напши себѣ въ невольской столицѣ довольно занятій и производили въ ней и ея окрестностяхъ наиболѣе важныя постройки. Кромѣ этихъ зодчихъ, выписаны были изъ чужихъ краевъ художники другихъ специальностей. Графъ К. В. Растрелли-отецъ изготовлялъ, по порученію Государя, статуи для его Лѣтнаго сада. Живописцы Тангаверъ, Каравакъ, Гельсъ съ женою Маріею-Дорогеей удовлетворяли тогдашней потребности у насъ въ произведеніяхъ кисти, обращенной почти исключительно на портреты, плафоны и миниатюры, потому что картины другого рода не играли еще значительной роли въ убогостѣ дворцовъ и богатыхъ домовъ, и притомъ привозились по большей части изъ-за границы. Церковная же живопись, во избѣжаніе соблазна въ народѣ, если бы ее производили люди, незнакомые съ нашимъ вѣроисповѣданіемъ, исполнялась, до возвращенія Матвѣева и Никитинныхъ изъ путешествія, московскими мастерами. Въ кругъ обязанностей, принятыхъ на себя иностранцами, почти постоянно входило обученіе русскихъ своимъ мастерствамъ; но это исполнялось лишь настолько, насколько позволяло время, оставшаеся у этихъ художниковъ свободнымъ отъ ихъ собственныхъ работъ; сверхъ того, успѣшности обученія въ немалой степени мѣшало незнаніе учителями русскаго языка и надменное отношеніе ихъ ко всему русскому. Несомнѣнно большую пользу, чѣмъ выписные иностранцы, могли-бы принести петровскіе пенсіонеры, вернувшіеся изъ путешествія; но, во-первыхъ, ихъ было очень немного, а во-вторыхъ, со смертію Петра, они очутились въ печальныхъ условіяхъ. Призывая иностранцевъ въ Р., Петръ смотрѣлъ на нихъ только какъ на проводниковъ въ нее евро-

пейской культуры; онъ вѣрилъ въ способности своего народа и желалъ вызвать его къ самостоятельности. Въ слѣдовавшія послѣ Петра четыре царствованія забота о томъ была брошена и, вмѣстѣ старанія о развитіи народныхъ силъ, наступило совершенное подчиненіе ихъ господству иноземцевъ. При дворѣ и въ правительствѣ, все чужое пользовалось почетомъ и кредитомъ, все русское пренебрегалось и отбрасывалось на задній планъ. По части искусства, пользовались уваженіемъ только произведенія сначала голландцевъ и италіянцевъ, а потомъ итальянцевъ. Русскіе же художники, образовавшіеся при Петрѣ Великомъ, были въ загоны, и для полученія новыхъ отечественныхъ артистовъ принимались лишь слабыя мѣры. На самое искусство смотрѣли не какъ на дѣло, нужное для общества и народа, а какъ на предметъ, назначенный служить для утѣхи двора и для сообщенія ему европейской вишности. Правда, въ новооткрытой академіи наукъ, согласно петровскому завѣту, устроено было особое художественное отдѣленіе, куда преподавателями поступили Гзелъ съ женою, скульпторъ Осперъ и архитекторъ Марцеліусъ; но они вели свое дѣло далеко не блестяще, и изъ всѣхъ учениковъ академической школы усвоили себѣ нѣкоторое мастерство только двое или трое. Дѣятельность отдѣленія почти всецѣло поглощалась сочиненіемъ проектовъ для иллюминацій, фейерверковъ, триумфальныхъ арокъ, театральныхъ декораций, разныхъ аллегорій по случаю придворныхъ празднествъ, гравированіемъ на мѣди въ такъ называвшейся «фигурной палатѣ» портретовъ, видовъ, ландшафтовъ, плановъ, чертежей къ академическимъ изданіямъ и другимъ полуремесленнымъ работамъ.

Возраженіе императрицы Елизаветы Петровны предвозвѣстило наступленіе лучшаго времени для русскаго искусства. Дочь Петра Велика была въ дуэи патриотка, любила блескъ и роскошь и своимъ примѣромъ внушала знати вкусъ къ изящному. При ней Петербургъ украсился многими красивыми зданіями; ея дворцы стали наполняться художественными предметами, которые начали дѣлаться необходимыми и въ обстановкѣ богатыхъ частныхъ домовъ. Потребность въ художникахъ усилилась; но такъ какъ своихъ, русскихъ, было мало налицо, а иностранцы, уже находившіеся въ Р., были по большей части неудовлетворительны и не особенно многочисленны, то пришлось снова прибѣгнуть къ вызовамъ изъ чужихъ краевъ. Такимъ образомъ явились къ намъ портретистъ гр. де-Ротари, писавшій также историческія и аллегорическія картины, плафонный живописецъ Фонтбассо, портретисты Л. Токкѣ и Г. Гротъ, братъ послѣдняго Іоганнъ, живописецъ животныхъ, декораторы Дж. Валерьяни и А. Перезинотти, Гарсія, Джузеппе и Джироламо Бони и др. По части архитектуры, главнымъ дѣятелемъ явился гр. Растрелли Младшій, надѣланный Р. многими замѣчательными зданіями (Смоленскій монастырь, Зимній и Царскосельскій дворцы, Пажескій корпусъ, соборъ Сергіевской пустыни близъ Стрѣльни, Андреевскій соборъ въ Кіевѣ и др.). Кромѣ гр. Растрелли-

отца, порядочных скульпторов не было. За то гравирование, при измѣнившихся требованіяхъ отъ него, сдѣлалось болѣе художественнымъ. О немъ мы будемъ говорить впоследствии, а теперь замѣтимъ только, что гравюра была единственная отрасль художественной дѣятельности, въ которой русскіе преобладали надъ иностранцами если не въ отношеніи мастерства, то по крайней мѣрѣ своею численностью. Изъ отечественныхъ художниковъ елизаветинскаго времени, посвятившихъ себя прочимъ специальностямъ, выдаются лишь живописцы А. Антроповъ, И. Бѣльскій, И. Вишняковъ и только-что начавшіе свою карьеру ученики Валериани, Г. Козловъ и Д. Левицкий, рисовальщики перспективныхъ видовъ Махаевъ и даровитый архитекторъ С. Чевакинскій (строитель изящнаго собора Николы Морского въ СПб.). Вообще въ русскихъ художникахъ того времени иногда обнаруживался значительный талантъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, сказывались недостатки основательной подготовки, особенно по части рисунка, и отсутствіе оригинальности. Заведенія, существовавшія при академіи наукъ и при копторѣ строенія дворцовъ и садовъ Ея Величества, единственные тогдашніе разсадники художественнаго образованія, не имѣли ни правильной организаціи, ни достаточныхъ матеріальныхъ средствъ, и преслѣдовали каждое свою особую цѣль, состоявшую для перваго изъ этихъ заведеній въ приготовленіи рисовальщиковъ и гравировъ, а для втораго — въ доставленіи мастеровъ для дворцовыхъ убранствъ и построекъ. Объемъ преподаванія въ обоихъ училищахъ былъ ограниченъ и зависѣлъ отъ разныхъ случайностей, среди которыхъ большая или меньшая надобность въ мастерахъ для опредѣленныхъ работъ занимала первое мѣсто. Такое положеніе дѣла не могло не остановить на себѣ вниманія передовыхъ людей того времени, въ кругу которыхъ зародилась мысль объ учрежденіи въ Р. спеціального художественнаго училища по образцу европейскихъ академій искусства. Еще въ 1746 г., профессоръ Стубе-де-Пирмонтъ, исполнявшій должность непрѣмннаго секретаря академіи наукъ, подавалъ правительству записку о необходимости основать такую академию, но его проектъ остался безъ движенія, оттого ли, что былъ неудовлетворителенъ, или оттого, что его составитель не нашелъ поддержки ни у кого изъ любимцевъ императрицы. Затѣмъ, одинадцать лѣтъ спустя, основатель и первый кураторъ московскаго университета, И. И. Шуваловъ, вошелъ съ докладомъ въ сенатъ, испрашивая разрѣшенія завести особую «трехъ знатнѣйшихъ художествъ академию». Любопытно, что мотивами этой мѣры онъ выставилъ не столько необходимость развить въ русскомъ обществѣ вкусъ къ изящному и имѣть національное искусство, сколько славу, которую новое учрежденіе можетъ принести нашему правительству въ Европѣ, и экономію, какая произойдетъ отъ того, что впредь не надо будетъ выписывать къ намъ дорого-стоющихъ иностранцевъ. Докладъ Шувалова былъ утвержденъ сенатскимъ указомъ 6 ноября 1757 г. Въ этомъ указѣ

куратору московскаго университета давалось полномочіе открыть академію при семь университетѣ, и на ея содержаніе ассигновалось по 6000 въ годъ. Приступивъ къ осуществленію своего плана, Шуваловъ прежде всего озабочился выборомъ профессоровъ для новаго учреждаемаго училища. Взять ихъ изъ числа художниковъ, имѣвшихся у насъ въ эту пору, значило бы только взять старое вино въ новые мѣха. Надо было запастись свѣжими дѣтелями, способными вести и упрочить преподаваніе искусствъ на новыхъ началахъ. Замѣстовать такихъ дѣтелей казалось всего удобнѣе изъ Франціи, бывшей въ ту пору всеобщей законодательницею вкуса. Поэтому Шуваловъ обратился въ парижскую академию съ просьбою указать ему нѣсколькихъ французскихъ художниковъ, соответствующихъ его желаніямъ, и пригласить ихъ на русскую службу. Среди самыхъ членовъ парижской академіи нашелся одинъ, Л.-Ж. Лелорренъ, который согласился отправиться въ Россію и быть первымъ насадителемъ въ ней академической живописи. Вмѣстѣ съ нимъ прибыли въ Петербургъ рисовальщикъ, впоследствии знаменитый, Ж.-М. Морё, архитекторъ Валленъ-де-ла-Мотъ и скульпторъ Н.-Фр. Жилле. Для гравернаго класса были выписаны искусный берлинскій мастеръ Г.-Фр. Шмидтъ. Изъ русскихъ, въ личный составъ академіи попали одинъ лишь С. Чевакинскій, въ качествѣ преподавателя черченія. Помѣститъ академію предполагалось въ Москвѣ, такъ какъ она должна была составлять лишь отдѣленіе тамошняго университета; но приглашенные изъ-за границы профессора рѣшительно отказались ѣхать въ такую глубь дикой, по ихъ мнѣнію, страны и жить вдали отъ двора и его антуража. Вслѣдствіе этого Шувалову пришлось измѣнить свое первоначальное намѣреніе и открыть академию въ Петровской столицѣ. Одновременно съ вызовомъ профессоровъ были составлены первый контингентъ академическихъ учениковъ. Въ него вошли 16 молодыхъ людей, признанныхъ наиболѣе склонными къ искусству между воспитанниками московскаго университета, и 22 мальчика изъ солдатскихъ дѣтей, набранныхъ въ Петербургѣ. Въ первые мѣсяцы 1758 г. было приступлено къ преподаванію въ академіи, чѣмъ и началось ея фактическое существованіе. Съ этого времени, исторія русскаго искусства, можно сказать, сливается съ исторіей академіи. Въ теченіе цѣлаго столѣтія академія является не только единственнымъ въ Р. питомникомъ, надбѣляющимъ ее художниками всѣхъ специальностей, но и центромъ, изъ котораго искусство проникаетъ въ общество и около котораго группируется все важное, что только предпринимается по художественной части. Направленіе ея дѣятельности, проповѣдуемые ею эстетическіе принципы, становятся направленіемъ и принципами всего русскаго искусства. Но возникнувъ не вследствие потребности, ощущавшейся въ народѣ, а по мысли сильныхъ міра, вкусившихъ отъ европейской цивилизаціи, въ подражаніе иностраннымъ заведеніямъ подобнаго рода, и будучи при самомъ основаніи своею снабжена профессорами-

французами, академія сразу приняла характеръ подражательный. Его сохранила она и тогда, когда ея педагогическій персоналъ сталъ все болѣе и болѣе наполняться природными русскими, учениками иностранцевъ; его надолго закрѣпили за нею безучастіе массы общества къ отечественнымъ художникамъ, существовавшимъ почти одними правительственными заказами, и та система воспитанія, которой постоянно держалась она до 50-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, не смотря на неоднократное измѣненіе ея устава. Контингентъ ея воспитанниковъ составлялся изъ мальчиковъ, наудачу взятыхъ изъ толпы преимущественно безродныхъ дѣтей и простолудныхъ; послѣ долгой дрессировки въ академической школѣ, подъ ферулою псевдо-классицизма, большинство этихъ мальчиковъ пропадало безслѣдно, и только немногимъ изъ нихъ, наиболѣе способнымъ и трудолюбивымъ, удавалось сдѣлаться настоящими художниками, но талантами, которые, не получивъ солиднаго общаго образованія и не чувствуя подъ ногами національной почвы, владѣли лишь техническимъ мастерствомъ и проявляли свое дарованіе лишь въ благоулыбномъ подражаніи знаменитымъ корифеямъ итальянскаго и французскаго искусства. Шестилѣтнее пребываніе въ чужихъ краяхъ, куда отправлялись лучшие питомцы академіи тотчасъ по выпускѣ своемъ изъ нея, не приводило этихъ малоразвитыхъ юношей къ самостоятельности, а, напротивъ того, способствовало имъ еще болѣе обезличиваться.

Оставляя въ сторонѣ русскую скульптуру, исторія которой по основаніи академіи очерчена съ достаточною подробностью въ статьѣ «Ваяніе» (т. V, стр. 668—70), бросимъ бѣглый взглядъ на движеніе у насъ съ этой поры другихъ отраслей искусства.

По архитектурѣ, первые видные художники не изъ иностранцевъ выступили на сцену въ царствованіе Екатерины II. То были: А. Кокориновъ, талантливый ученикъ гр. Растрелли, занимавшій постъ директора академіи, много способствовавшій разумной постановкѣ преподаванія въ ней на первыхъ порахъ и прославившійся проектомъ ея грандіознаго, нынѣ существующаго зданія, построеннаго, однако, не имъ, а Ю. Фельтеномъ; В. Баженовъ, ученикъ академіи, извѣстный своими проектами Екатерининскаго дворца въ СПб., грандіознаго дворца, должествовавшаго охватывать собою весь моск. Кремль, и дворца въ Царицынѣ, близъ Москвы (оставшагося неоконченнымъ), соорудитель зданій арсенала и сената въ Москвѣ, арсенала въ СПб., Михайловскаго замка, построеннаго итальянцемъ Бренною, и мн. др. построекъ въ обѣихъ столицахъ, въ Гатчинѣ и Павловскѣ; И. Старовъ, ученикъ Кокоринова въ академіи, строитель Таврическаго дворца въ СПб. и Троицкаго собора въ Александро-Невской лаврѣ. Всѣ трое, какъ свидѣлствуютъ о томъ ихъ произведенія, прекрасно изучивъ стили антично-римскій и цвѣтущей эпохи Возрожденія, болѣе или менѣе удачно примѣняли къ дѣлу ихъ формы, и только Баженовъ поощривалъ придавать царинскому дворцу готическій характеръ. Ничего оригинальнаго не было и въ со-

чиненіяхъ вышеупомянутаго Фельтена, которому принадлежатъ, между прочимъ, зданіе Старо-Армитажа, лютеранскія церкви св. Екатерины и св. Анны и армянская церковь на Невскомъ просп., въ СПб. Важнѣйшимъ архитектурнымъ предпріятіемъ въ первые годы царствованія Александра I была постройка Казанскаго собора въ нашей сѣверной столицѣ. Соорудитель этого зданія, А. Воронихинъ, взялъ для него за образецъ римскій соборъ св. Петра, съ его двукрылою колоннадою; но будучи стѣсненъ и мѣстомъ, и средствами для этой постройки, создалъ лишь сравнительно-скромное подобіе ватиканскаго храма, составляющее, однако, и донынѣ одинъ изъ лучшихъ памятниковъ новѣйшаго церковнаго зодчества въ Р. Около времени постройки Казанскаго собора распространился по всей Европѣ архитектурный стиль, порожденный во Франціи стремленіемъ Наполеона I сравняться величіемъ съ древними римскими цезарями и воскресить вокругъ себя холодный, суровый блескъ ихъ эпохи. Стиль этотъ, извѣстный подъ названіемъ стиля Имперіи, едва ли не сильнѣе всего привился у насъ, благодаря пристрастію нашего высшаго общества ко всему французскому, хотя плохо соотвѣтствовалъ нашимъ условіямъ жизни и климату. На каждомъ шагу, въ Петербургѣ и Москвѣ, стали являться древнеримскіе портики, фронтоны, ряды колоннъ или полуколоннъ на фасадахъ, огромныя арки, подражанія античнымъ ротондамъ, храмамъ, базиликамъ. Какъ на особенно характерный образчикъ подобной архитектуры, укажемъ на зданіе слѣб. биржи, произведеніе француза Т. де-Томона, которому принадлежалъ также недавно уничтоженный Большой театръ въ СПб. Подчиняясь господствующему вкусу, въ стилѣ имперіи работали и многіе изъ русскихъ зодчихъ того времени, въ томъ числѣ академическіе профессора А. Мельниковъ и братья Алекс. и Анд. Михайловы. Въ этомъ же стилѣ были сочинены несчастнымъ К. Витбергомъ его грандіозно-техническій проектъ Храма Спасителя, въслѣдствіи брошенный въслѣдствіе своей неосуществимости. Въ 1820-хъ и 1830-хъ годахъ пользовался большимъ уваженіемъ архитекторъ Вас. Стасовъ, въ своихъ церковныхъ постройкахъ (Троицкомъ соборѣ въ Измайл. полку, Преображенск. соборѣ, Конюшенской и Знаменск. церквяхъ въ СПб.) соединявшій форму латинскаго креста въ планахъ и обработку внѣшности сооруженій въ стилѣ имперіи съ пятиглавыми ихъ увѣнчаніемъ, до нѣкоторой степени напоминающимъ одинъ изъ наиболѣе обычныхъ типовъ старинныхъ русскихъ церквей. Талантливый Росси надбѣдилъ Петербургъ великолѣпнымъ Михайловскимъ дворцомъ (нынѣ музей имп. Александра III), зданіемъ Главнаго Штаба и Александринскимъ театромъ со служащими для него фоновыми домами министерства внутр. дѣлъ и театральной дирекціи и красноречиво перспективную ихъ корпусовъ, выходившихъ на Театральную улицу. Царствованіе имп. Николая I, особенно во второй своей половинѣ, было эпохою веселой оживленной архитектурной дѣятельности. Этотъ монархъ, великій любитель искусства,

считалъ необходимымъ, чтобы его пропѣваніе въ Р. соответствовало высокому положенію, занимаему ею среди прочихъ государствъ Европы. Онъ придумывалъ одно за другимъ крупныя художественныя предпріятія, самъ сдѣлалъ за ихъ исполненіемъ, поощрять художниковъ своимъ милостивымъ вниманіемъ и, занимая лучшихъ изъ нихъ крупными, хорошо оплачиваемыми заказами, лично преподавалъ имъ указанія и совѣты. Но столь непосредственное попеченіе Государя о русскомъ искусствѣ, благотворное во многихъ отношеніяхъ, имѣло и невыгодныя послѣдствія: оно стѣсняло свободу художественнаго творчества, мѣшало художникамъ идти тѣмъ путемъ, на который ихъ влекли духъ времени и стремленія, пробудившіяся въ обществѣ, а вело по направленію, зависѣвшему отъ личнаго вкуса Государя, дѣлало искусство чрезвѣщью официальнымъ. Между многочисленными архитектурными предпріятіями Николаевской эпохи важнѣйшими были постройки Исаакиевскаго собора въ СПб. и московскаго Храма Спасителя, тянувшіяся во все продолженіе этой эпохи и доставившіе работу цѣлой толпѣ художниковъ всѣхъ специальностей. Исаакиевскій соборъ, созданіе француза О. де-Монферрана, при всей своей громадности, дорогой мраморной облицовкѣ, множествѣ своихъ гигантскихъ монолитныхъ колоннъ, роскоши внѣшняго скульптурнаго убранства и внутренней отделки, лишены оригинальности, представляетъ повтореніе весьма ординарныхъ формъ стиля Возрожденія и мало походить на православную церковь. Еще болѣе колоссальный Храмъ Спасителя, произведеніе К. Тона, питомца нашей академіи и потомъ ея вліятельнаго профессора, составляетъ полное выраженіе типа церковныхъ построекъ, изобрѣтеннаго этимъ художникомъ, который старался возвратиться въ немъ къ типу древнерусскихъ соборовъ съ пятиглавымъ увѣнчаніемъ и усовершенствовать этотъ типъ при помощи новѣйшей техники, но, по недостатку основательнаго знакомства съ русскою художественною археологіей (она находилась только въ зачаткѣ въ его пору), впаавшій въ произволъ и многія погрѣшности. Тѣмъ не менѣе, изобрѣтеніе Тона до такой степени понравилось Государю, что въ Петербургѣ, въ его окрестностяхъ и въ нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ явились церкви болѣе или менѣе близкія по типу къ храму Спасителя, построенныя или самими Тономъ, или его учениками (перковы св. Екатерины, въ Нарвской части, Введенская въ Семеновскомъ полку, Благовѣщенская въ Конюгвардйскомъ, св. Миронія въ Измайловскомъ, Царскосельскій, Гатчинскій, Петергофскій соборы и проч.); мало того, было предписано впредь, при постройкѣ церквей, держаться этого типа, какъ образцаго. Въ русскомъ стилѣ, какъ понималъ его Тонъ, сооружены имъ также большой Кремлевскій дворецъ въ Москвѣ, замѣчательный обширностью и роскошью главныхъ своихъ залъ. Не смотря на несовершенство произведеній Тона, ему должно быть поставлено въ заслугу, что онъ открылъ русскимъ зодчимъ глаза на наше древнее искусство и первый

сдѣлалъ попытку воскресить его въ новѣйшей отечественной архитектурѣ. Важнѣйшія казенныя и общественныя постройки въ концѣ царствованія Николая I, кромѣ Тона, поручались главнымъ образомъ А. Брюлову (реставрація Зимняго дворца послѣ пожара, Пулковская обсерваторія, лютеранская церковь св. Петра въ СПб. и готическая православная церковь въ Парголово), Н. Бенуа (придворный конюшенный зданія въ Петергофѣ, желѣзнодорожный вокзалъ, тамъ же, и проч.) и А. Штакеншнейдеру, привилегированному, такъ сказать, соорудителю дворцовъ для особъ Августѣйшей Фамиліи (дворцы вел. кн. Маріи Николаевны, импѣр. зданіе государственнаго совѣта; вел. кн. Николая Николаевича, нынѣ Ксеніевскій институтъ; дворцы Знаменской и Михайловской мызъ близъ Петергофа и пр.). Что касается до частныхъ построекъ, то надъ ними былъ установленъ правительственный контроль, и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ дозволялось придавать имъ неординарную физиономію.

Съ востшествіемъ Александра II на престолъ, условія, въ которыхъ находилось наше искусство, перемѣнились несравненно къ лучшему, какъ перемѣнились условія и всей вообще духовной и матеріальной жизни Р. Великія реформы этого Государя, открывшія широкое поле для самодѣятельности его подданныхъ и поднявшія народное самосознаніе, духъ свободы и прогресса, появившія свѣдѣнностью во всѣхъ сферахъ дѣятельности, возбудили аналогичныя явленія въ области искусства; выйдя изъ подъ вліянія правительственной опеки, оно стало отзывчивымъ на вопросы, занимавшія общество, стремящимся удовлетворять новымъ, возникшимъ въ немъ потребностямъ. Архитектура, какъ художественная отрасль, ближайшимъ образомъ соприскасающаяся съ интересами жизни, получила множество разнообразныхъ задачъ. Стѣли желѣзныя дороги, быстро покрывавшія Россію, устройство судовъ на новыхъ началахъ, открытіе новыхъ и коренное преобразование многихъ изъ прежнихъ правительственныхъ учреждений, размноженіе банковъ, акціонерныхъ обществъ и другихъ коммерческихъ, финансовыхъ и промышленныхъ предпріятій—все это вело къ постройкѣ или къ перестройкѣ зданій, приспособленныхъ къ той или иной опредѣленной цѣли, все задавало архитектору какъ кипучую работу, на которой они могли изощрять свою изобрѣтательность. Съ другой стороны, усилившееся движеніе капитализма въ частныхъ рукахъ и нѣрѣдкое обращеніе ихъ въ недвижимую собственность, въ доходные дома, призвало зодчихъ къ практической дѣятельности, возбуждало полезное соревнованіе между ними и пріучало ихъ подчиняться не одной своей фантазіи, но и желаніямъ заказчиковъ. Независимо отъ этихъ обстоятельствъ, успѣхи, сдѣланные русскою архитектурой со средины 1850-хъ годовъ, въ значительной степени зависѣли отъ того, что преподаваніе этого искусства и прикладныхъ къ нему знаний въ академіи улучшилось, образовался новый разрядъ дѣльныхъ архитекторовъ въ преобразованномъ строи-

тѣлпомъ училищѣ (нынѣ Николаевскій институтъ гражданск. инженеровъ) и установилась болѣе тѣсная товарищеская связь между зодчими въ основанномъ ими архитектурномъ обществѣ. Два главныхъ стремленія явственно обозначаются въ новѣйшей русской архитектурѣ: во-первыхъ, забота ея представителей придавать постройкамъ полное соответствие ихъ назначенію, съ береженіемъ при этомъ матеріала и полезнаго пространства,—забота, мало смущавшая прежнихъ зодчихъ; во-вторыхъ, желаніе сообщать зданіямъ, независимо отъ прочности и удобства, красивую отдѣлку, со строгою выдержанностью ихъ въ стилѣ, вполнѣ подходящимъ къ ихъ характеру. Въ послѣднемъ отношеніи, особеннаго вниманія заслуживаютъ опыты вернуться къ элементамъ византийской и древнерусской архитектуры, возродить ихъ, очистить и примѣнять какъ въ крупныхъ церковныхъ и публичныхъ сооруженіяхъ, такъ и въ менѣе важныхъ, частныхъ постройкахъ. Эти опыты, начатые, какъ сказано выше, К. Тономъ, продолжали его ученики и продолжаютъ съ возрастающимъ успѣхомъ многие изъ современныхъ художниковъ, принявшіе болѣе обстоятельно изучать памятники старины, разсыянные въ разныхъ концахъ Имперіи. Между двигателями нашего зодчества по этому новому пути, болѣе всѣхъ заслуживаютъ признательности знатоки византийской архитектуры Д. Гримъ, А. Горностаевъ и Р. Кузьминъ и разработыватели собственно-русского стиля въ архитектурѣ и орнаментикѣ, уже сошедшіе въ могилу Ѳ. Рихтеръ, А. Монигетти, Л. Даль, В. Гартманъ, В. Шервудъ, А. Павлиновъ и донынѣ трудящіеся В. Сусловъ, И. Ропетъ, Н. Султановъ, Л. Бенуа и А. Померанцевъ. Изъ ряда прочихъ русскихъ архитекторовъ послѣдняго времени выдаются, по количеству, важности, талантливости или техническому достоинству своихъ произведеній покойные А. Кракау, И. Штромъ, К. Рахау, Р. Бергардъ, В. Львовъ, М. Макаровъ, А. Резановъ и еще здравствующіе В. Шрейберъ, М. Месмахеръ, А. Томишко, И. Стефанидъ и нѣк. др.

Выше было сказано, что живопись въ западно-европейскомъ родѣ завелась у насъ еще до Петра Вел. и какъ бы при этомъ государѣ, такъ и при его ближайшихъ преемникахъ Р. уже имѣла своихъ художниковъ по ея части. Однако, то были отбѣльные личности, не связанные между собою одинаковою образованіемъ и стремленіемъ. Русская школа живописи начинается собственно съ А. Лосенка. Ученикъ сперва скромнаго доморожденнаго живописца, а потомъ Лелоррена и гр. де-Ротари, этотъ художникъ довершилъ свое развитіе въ Парижѣ, подъ руководствомъ корифеевъ тамошней академіи, и затѣмъ изучалъ въ Италіи ея великихъ мастеровъ. Такимъ образомъ онъ усвоилъ себѣ манеру тогдашнихъ французскихъ академистовъ, нѣсколько очищенную заимствованіями отъ болѣе строгихъ рисовальщиковъ старыхъ итальянскихъ школъ и отъ антиковъ. Сдѣлавшись профессоромъ и потомъ директоромъ петербургской академіи, Лосенко положилъ основаніе направленію, которое надолго

приняла наша живопись. Отличительною чертою этого направленія была строгость рисунку, держащаяся не столько натуры, сколько формъ античной скульптуры и итальянскаго искусства эпохи эклектики. Бѣдность фантазіи, слѣдованіе въ композиціи опредѣленнымъ, рутиннымъ правиламъ, условность колорита и вообще подражательность составляли слабыя стороны живописцевъ, выходившихъ изъ академіи.

Чтобы удобнѣе было очертить ходъ развитія нашей живописи со времени основанія академіи, остановимся прежде всего на историческомъ родѣ этого искусства, считавшемся, по эстетикѣ прошлаго вѣка, высшимъ, наиболѣе способнымъ возбуждать благородныя чувства и мысли. Черпая для себя темы изъ священной исторіи, античнаго міра, мифологіи и аллегорій, образовавшіеся въ академіи историческіе живописцы трактовали ихъ совершенно въ томъ же духѣ, какъ современные имъ французы и итальянцы, и сравнительно рѣдко обращались за сюжетами къ отечественной исторіи, если же брались за воспроизведеніе ея эпизодовъ, то она являлась у нихъ до такой степени искаженною стараніемъ держаться степенныхъ образцовъ и способности академическія условія, что въ изображенномъ трудно найти что-либо русское, кромѣ названія. Это отсутствіе національности и оригинальности сдѣлалось грѣхомъ, общимъ для историческихъ живописцевъ, слѣдовавшихъ за Лосенкомъ. Изъ нихъ, послѣ его смерти, пользовались извѣстностью Г. Козловъ, еще прежде него вступившій въ число академическихъ преподавателей, П. Соколовъ, рано умершій ученикъ Натуара и П. Баттони въ Римѣ, и И. Акимовъ, ближайшій слѣдователь Лосенка, въ особенности способствовавшій упроченію его направленія въ академической школѣ. Кромѣ Акимова, въ концѣ прошедшаго столѣтія на поприщѣ исторической живописи трудились И. Тупиловъ, Е. Мошковъ, Ѳ. Яненко, А. Волковъ и нѣк. др. Но первое мѣсто на немъ занималъ Г. Угрюмовъ, исполнившій массу картинъ религіознаго и историческаго содержанія и прекрасно писавшій также портреты. Онъ явился сильнымъ соперникомъ иностранцевъ, нахлынувшихъ въ Петербургъ послѣ французской революціи, и поддержалъ въ глазахъ императора Павла I репутацію русскихъ художниковъ и самое существованіе академіи. Подъ его руководствомъ образовалась группа живописцевъ, доведшихъ рисунокъ до удивительнаго мастерства и славившихся въ царствованіе Александра I и въ началѣ Николаевской эпохи, въ томъ числѣ столпы академической школы А. Егоровъ, В. Шебуевъ и Анд. Ивановъ. Первый, занимавшій почти исключительно религіозною живописью, подражалъ старымъ итальянцамъ, преимущественно Рафаэлю. Второй питалъ пристрастіе къ Пуссену и работалъ по болѣе части также для церквей, лишь иногда принимаясь за ту или другую тему русской исторіи и мифологіи. Анд. Ивановъ былъ скромнымъ и добросовѣстнымъ труженикомъ, искусный рисовальщикъ, не оставившій по себѣ ни одного произведенія, которое выходило-бы изъ уров-

ня ординарности; его имя не забудется въ исторіи главнымъ образомъ потому, что онъ былъ учителемъ К. Брюллова и первымъ наставникомъ своего знаменитаго сына, Алекс. Иванова, и своею многолѣтнею педагогическою дѣятельностью способствовать образованію не одного поколѣнія другихъ художниковъ. Еще не сошли со сцены ученики Угрюмова, еще академическій классицизмъ, настоячиво поддерживаемый ими, царилъ въ русской живописи, когда прибыла въ Россію, предшествоваемая восторженными хвалами, картина К. Брюллова: «Послѣдній день Помпеи». Она поразила всѣхъ и каждого. Ея творецъ былъ сразу признанъ мировымъ гениемъ, равнымъ съ величайшими живописцами всѣхъ временъ и народовъ. Маститые вожди нашей школы иреклонились предъ нимъ, какъ предъ болѣе сильнымъ мастеромъ, молодые художники приняли его за пророка новаго искусства. На самомъ дѣлѣ, при тогдашнемъ состояніи русской живописи, «Помпеи» должна была показаться созданіемъ необычайнымъ, хотя, въ сущности, она представляла собою соединеніе академическаго классицизма съ уже возникшимъ тогда на Западѣ романтизмомъ, есть не болѣе какъ театральная живая картина мелодраматическаго характера, монтированная въ эффектной декорации, при эффектномъ бенгальскомъ освѣщеніи. Но своимъ колоссальнымъ размѣромъ, новизною сюжета, сложностью живописно-раскинутой композиціи, блескомъ и гармоніей красокъ и виртуозностью исполненія она представляла поразительный контрастъ съ сравнительно небольшими, шаблонно-однообразными и тусклыми произведеніями тогдашнихъ русскихъ живописцевъ. Брюлловъ первый изъ нихъ сбросилъ съ себя оковы академической рутины и выступилъ на путь свободнаго творчества; кромѣ того, въ заслугу ему должно быть поставлено то обстоятельство, что своими блестящими работами онъ возбудилъ въ публикѣ живой интересъ къ искусству и поднѣлъ въ ея глазахъ значеніе художника. Слава Брюллова не помѣшала войти еще при его жизни въ извѣстность двумъ его товарищамъ по воспитанію, П. Васину и Ѳ. Бруни, которые, вмѣстѣ съ нимъ, составляли въ 1840-хъ гг. триумvirатъ, главенствовавшій въ академіи, пользовавшійся особеннымъ благоволеніемъ Николая I и получавшій самые важные правительственные заказы. Послѣдніе въ достаточномъ количествѣ доставались также на долю нѣсколькихъ живописцевъ менѣе значительнаго таланта, трудившихся въ это время и позже, каковы А. Марковъ, С. Живаго, Ѳ. Завьяловъ, Ѳ. Брюлло, Н. Тихообразовъ, Н. Майковъ, П. Шаминъ и др., частью державшіеся старыхъ академическихъ принциповъ, частью слѣдовавшіе по стопамъ Брюллова. Большинство ихъ было занято работами для Исаакіевского собора, въ украшеніи котораго видное участіе принимали также иностранные живописцы К. Штейбенъ, К. Лузи, Ч. Муссини, І. Дорнеръ, Е. Шюмаръ и Т. Неффъ. Въ началѣ эпохи имп. Александра II, явился къ намъ изъ Италіи двѣ картины русскихъ живописцевъ, написанныя, по примѣру Брюлловской «Помпеи», въ колос-

сальномъ размѣрѣ, — произведенія, исполненныя еще въ Николаевское время: «Проповѣдь ап. Іоанна на островѣ Патмосѣ» Ѳ. Моллера и «Явленіе Мессіи народу» Ал. Иванова. Первая изъ этихъ картинъ была встрѣчена публикою равнодушно, какъ неудачный трудъ художника, взявшагося за задачу не по своимъ силамъ и чрезчуръ увлекшагося принципами гнѣздившейся въ Римѣ гучки нѣмецкихъ артистовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «назареевъ». Противъ того, картина Иванова, плодъ тридцатилѣтней борьбы ея автора съ трудностями передать глубокую идею композиціею и техникою, чуждыми всякой условности, всякихъ школьныхъ преданій, въ формахъ непосредственно взятыхъ изъ реального міра, возбудила энтузіазмъ въ большинствѣ образованнаго общества, но не оказала того вліянія на русскую живопись, какое несомнѣнно имѣла бы, если бы явилась многими годами раньше: наши художники познакомились съ нею уже тогда, когда духъ времени влекъ ихъ изъ области мировыхъ, общечеловѣческихъ идей на почву близкой дѣятельности и народныхъ интересовъ, и если научились чему-либо отъ Иванова, то лишь вдумчивости и настойчивости, съ какими должно добиваться намѣченной цѣли. «Явленіе Мессіи», вмѣстѣ съ тѣмъ, было у насъ послѣднимъ монументальнымъ произведеніемъ, религиозной и исторической живописи, которая, послѣ него, вошла въ прежнюю колею академической рутинѣ и подражательности, или приняла отбѣнокъ бытовой живописи и размѣнилась на мелкія, несложныя задачи. «Содома» К. Вентца выказываетъ только его приверженность къ Рафаэлю и другимъ итальянскимъ классикамъ; «Мученики» К. Флавицкаго — попытка поддѣлаться подъ Брюллова; «Тайная Вечера» Н. Ге — пороженіе не искренняго религиознаго чувства и исканія исторической правды, а увлеченія фантастическою «Жизнью Іисуса» Ренава. «Свѣточи Церова», «Фрина» и другія большія полотна Г. Семпрадского — прекрасно написанныя сцены изъ древне-римскаго и греческаго быта, полныя свѣта и воздуха, но разыгрываемыя неопытными или равнодушными къ своимъ ролямъ актерами, разодѣтыми въ археологически-вѣрные костюмы. Въ нашей церковной живописи, напрасно кн. Г. Гагаринъ, въ бытность свокъ вице-президентомъ академіи (1859—72), противодействовалъ рутинѣ проповѣдью обращенія къ начальному источнику нашего искусства — къ византизскому искусству: никто изъ художниковъ, за исключеніемъ А. Бейдемана, не тронулся этою проповѣдью, и отдѣливавшійся тогда Московскій Храмъ Спасителя наполнился разнакошерною живописью, то шаблонно-академическою, то эффектно-кричащею, то смазывающею на жаръ. Только въ послѣдніе годы, въ лицѣ В. Васнецова, украсившаго иконами и стѣнною росписью Владимірскій соборъ въ Кіевѣ, наша религиозная живопись получила мастера, отличающагося оригинальностью и поэтичностью концепціи, искренностью выражаемаго въ нихъ благочестиваго чувства и вполнѣ православнымъ духомъ. Гораздо удачнѣе выхо-

длин картины наших новѣйшихъ живописцевъ, когда они брались за темы не изъ священной и всеобщей исторіи, а изъ отечественнаго прошлаго, и, держась реалистическаго направленія, а также пользуясь разнообразившимися въ литературѣ изслѣдованіями о русской старинѣ, трактовали изображаемые эпизоды просто и естественно, какъ происшествія дня, со стараніемъ воскресить кистью не только давноисчезнувшія лица, но и всю окружающую ихъ обстановку. Начало этому роду живописи, который можно назвать національно-историческимъ жанромъ, положили молодые художники, окончившіе академическій курсъ въ 1860-хъ годахъ, и съ того времени онъ сдѣлался однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ въ нашемъ искусствѣ, почти совершенно вытѣснившимъ изъ него античныхъ боговъ и героевъ. Къ числу живописцевъ, особенно отличившихся на поприщѣ историческаго жанра, принадлежатъ: П. Чистиковъ («Софья Витовтовна на свадьбѣ Василія Темнаго»), Г. Мясоедовъ («Бѣгство Острельва изъ литовской тюрьмы») и «Дѣдушка русскаго флота»), Н. Пустовъ («Іоаннъ III раздираетъ хваскую грамоту»), К. Флавицкій («Княжна Тараканова»), А. Литовченко («Іоаннъ Грозный показываетъ свои сокровища Горсею»), К. Маковский («Дѣти Бориса Годунова»), В. Шварцъ (небольшія сцены московскаго царскаго бѣга), Н. Ге («Петръ Великій, допрашивающій царевича Алексѣя»), В. Якоби (сцены временъ Анны Іоанновны), В. Перовъ («Пугачовщина») и «Никита Пустовойтъ»), И. Рѣпинъ («Іоаннъ Грозный и его сынъ»), Н. Невревъ («Романъ Галицкій»), В. Суриковъ («Боярыня Морозова») и «Казнь стрѣльцовъ») и нѣк. др.

Если принять въ соображеніе состояніе русскаго общества въ XVIII столѣтіи, то легко догадаться, что изъ всѣхъ родовъ живописи больше другихъ долженъ былъ пользоваться въ немъ почетомъ портретный родъ. Въ вѣкъ быстро выросшавшихъ величій и богатства и столь же быстрого паденія въ ничтожество, когда тщеславіе, гордость предъ низшими и работѣ предъ высшими составляли изву не только людей близкихъ къ трону, но и простыхъ смертныхъ, каждый, кому улыбалась Фортуна, хотѣлъ имѣть свое изображеніе, чтобы оставить потомству память о своей важности, о своемъ щегольствѣ роскошнымъ парикомъ, блестящимъ костюмомъ, золотымъ шитьемъ, кружевами, орденами и брилліантами, или же изображеніе своего милостивца, дабы выказать предъ нимъ почтеніе и преданность. Отсюда происходило, что въ ту пору, когда вкусъ къ искусству вообще былъ развитъ у насъ еще въ ничтожной степени, портреты были распространены въ значительномъ количествѣ. Удовлетворяя запросу на нихъ, Лосенко, Козловъ, Анимовъ, Угрюмовъ и другіе историческіе живописцы отрывались отъ возвышенныхъ сюжетовъ, чтобы увѣковѣчить на полотнѣ фizioноміи своихъ современниковъ; но, кромѣ нихъ, мы находимъ въ прошломъ столѣтіи рядъ художниковъ, пользовавшихся нѣвѣстностью преимущественно въ

качествѣ портретистовъ. Первымъ въ этомъ ряду, послѣ живописцевъ Петровской эпохи, долженъ быть упомянутъ А. Аргуновъ, ученикъ иностранцевъ, которому завѣдываніе школою иконописанія, заведенною И. Шуваловымъ при св. синодѣ, не мѣшало добросовѣстно исполнять очень схожіе портреты. Затѣмъ слѣдуетъ назвать учениковъ этого художника, К. Головачевскаго и И. Саблукова. Изъ портретистовъ, получившихъ образованіе въ академіи, первый выдающийся — О. Рокотовъ, ученикъ Лагрене, въ послѣдствіи подвергшійся вліянію гостившаго въ Петербургѣ шведа Эрикссена. Обладая весьма развитою техникою и пріятнымъ, хотя и нѣсколько изысканнымъ колоритомъ, онъ былъ особенно искусенъ въ женскихъ портретахъ. Но превосходство надъ этими мастерами принадлежало Д. Левицкому и В. Боровиковскому, которые по всей справедливости считаются замѣчательнѣйшими портретистами Екатерининскаго времени. Явившись сильными соперниками гр. де-Ротари, Делабарта, Лампи отца и сына, Бромптона и другихъ иностранцевъ, привлеченныхъ въ Россію болѣе чѣмъ требованіемъ въ ней на портреты, они неоднократно изображали императрицу и особъ августѣйшей фамиліи, и въ свою долгую жизнь перенесли портреты почти всѣхъ слѣдующихъ Екатерины и многихъ изъ дѣятелей временъ Павла и Александра Благословеннаго. Подъ руководствомъ Левицкаго образовалось нѣсколько искусныхъ портретистовъ, изъ которыхъ, какъ на талантливѣйшихъ, должно указать на Шабанова, Новикова, Мельникова и особенно на С. Щукина. Тревожное состояніе Европы въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX стол. загнало въ наше отечество множество французскихъ эмигрантовъ и выходцевъ изъ другихъ странъ, въ томъ числѣ и художниковъ. Не смотря на то, что это были по большей части люди дюжиннаго дарованія, они нашли у насъ благодарныхъ для себя занятій и нерѣдко отбѣсали русскіе отъ дѣла. Такъ было и въ отношеніи портретной живописи, модными исполнителями которой сдѣлались Лемонье, Куртейль, Вуаль, Ромбауръ, Кюгельхенъ, Тиббейсъ и нѣкоторые другіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ вліяніемъ социальнаго переворота, произведеннаго во Франціи великою революціею, вкусъ времени измѣнился: парадные, шеголяющіе всякою роскошью, изобилующіе аксессуарами портреты предшествовавшей эпохи уступили мѣсто болѣе скромнымъ изображеніямъ, съ простыми, однотоннымъ фонами, съ безцвѣтными и некрасивыми костюмами. Этими двумя обстоятельствами, наплывомъ неважныхъ иностранныхъ художниковъ и упрощеніемъ требованій отъ портретной живописи, объясняется, почему многіе изъ портретовъ, писанныхъ въ первые годы царствованія Александра I, уступаютъ портретамъ екатерининскихъ временъ. Позже, уже послѣ паденія Наполеона, явился къ намъ англійскій портретистъ Дау, оставившій въ Россіи массу своихъ произведеній, изображенныхъ по эффектности и силѣ красокъ, по смѣлому и широкому пріему письма, каковы напримѣръ портреты героевъ отече-

ственной войны, украшающие собою одну из залъ Зимняго дворца. Между двумя, къ этому времени выступили на сцену два русскихъ портретиста, могущіе соперничать съ лучшими изъ прѣзжихъ иностранцевъ — А. Варнекъ и О. Кипренскій. Первый рисовалъ очень вѣрно, прекрасно владѣлъ свѣтотѣнью и воздушною перспективою, но не отличался большою естественностію и силою колорита. Второй, напротивъ того, былъ не особенно строгій рисовальщикъ; за то его кисти была чрезвычайно изящна, краски сильны и блестящи, а умѣнье живописно ставить и освѣщать изображаемую натуру сообщало его портретамъ картинность, за которую современники звали его русскимъ ванъ-Дейкомъ. Кромѣ Варнека и Кипренскаго, въ 1820—30 гг. имѣли репутацію искусныхъ портретистовъ П. Васильевъ, тогда еще молодой художникъ, усвоившій многое изъ манеры Дау, В. Тропининъ, трудившійся въ Москвѣ, старавшійся подходить то на Рембрандта, то на Грѣза, и нерѣдко приближавшійся къ нимъ, и А. Венеціановъ, не щеголявшій эффектами и сѣроватымъ въ колоритѣ, но отличнѣйшій знатокъ перспективы и свѣтотѣни, уважавшійся сверхъ того за точность передачи природы и за добросовѣстную законченность пьесма, перенятую имъ отъ его учителя, Боровиковскаго. Возвращеніе К. Брюллова на родину затмило извѣстность этихъ художниковъ. Еще живя въ Италіи, авторъ «Помпей» выказалъ себя великолѣпнымъ портретистомъ, поселившись же въ Петербургѣ, еще болѣе прославился въ качествѣ такового. Между портретами, вышедшими изъ-подъ кисти Брюллова, есть много неоконченныхъ или исполненныхъ небрежно, но вообще можно сказать, что въ нихъ его талантъ проявлялся ярче и сильнѣе, чѣмъ въ прочихъ родахъ живописи: изображаемые персонажи не только отражались у него на полотнѣ, какъ въ зеркалѣ, со всѣми своими внѣшними чертами, но и получали болѣе интенсивную жизнь, благодаря способности художника глубоко вникать въ ихъ нравственный характеръ и находить для каждаго лица наиболѣе подходящую позу, обстановку, освѣщеніе. Мастерская техника усиливала поразительность этихъ портретовъ. Было весьма естественно, что молодое поколѣніе художниковъ пустилось въ своихъ портретныхъ работахъ подражать Брюллову; но и тутъ, также какъ въ исторической живописи, онъ не породилъ мало-мальски достойныхъ себя подражателей, за исключеніемъ одного лишь блестящаго на минуту А. Тыранова. По смерти Брюллова, пальму первенства въ портретѣ раздѣляли между собою два художника, разившіеся почти совсѣмъ въ сторонѣ отъ его вліянія: С. Зарянко, неожиданно превратившійся изъ перспективнаго живописца въ портретиста и приводившій публику въ восторгъ удивительно рельефною дѣлкою головъ и натуральнымъ, до оптической обманчивости, воспроизведеніемъ аксессуаровъ, и И. Макаровъ, любимый живописецъ дамъ, молодыхъ дѣвушекъ и дѣтей, который, подог его изящною, плавною, но несильною въ колоритномъ отношеніи кистью превращались въ очаровательныя со-

зданія. Въ 1860—70 гг. этихъ художниковъ смѣнили новые таланты, внесшіе въ портретную живопись еще большее разнообразіе. При этомъ рѣдко кто изъ нихъ занимался ею исключительно, тогда какъ почти не было жанриста или историческаго живописца, который не производилъ-бы портретовъ. Ограничиваясь указаніемъ на особенно отличившихся по этой части, назовемъ И. Келлера, В. Перова, И. Крамской, К. и В. Маковскихъ, А. Литовченка, А. Харламова и Н. Ярошенка. Вообще въ нашей портретной живописи за послѣднее время наблюдались два главныхъ направленія: одно, виднымъ представителемъ котораго былъ И. Крамской, состояло въ точной, ничѣмъ неприкрашенной характеристикѣ лицъ не только съ внѣшней, но и съ внутренней, духовной стороны; другое, выражающееся особенно въ произведеніяхъ К. Маковскаго и Харламова, стремилось прежде всего къ пріятности красокъ, къ эффектной освѣщенію, къ картинности въ постановкѣ натуры и въ подборѣ аксессуаровъ. Воплотить оба направленія воедино не удалось никому изъ упомянутыхъ выше художниковъ. Не удается это и нынѣ трудящимся портретистамъ, въ ряду которыхъ самыми талантливыми надо признать И. Рѣпина и В. Сѣрова.

Жанръ, въ наши дни столь усердно воздѣлываемый повсюду, считался въ былые времена второстепенною, побочною отраслью живописи. Особенно въ нашемъ искусствѣ, долго служившемъ для улады лишь выспаго общества и подчинявшемся академической рутинѣ, изображеніе повседневной жизни и народнаго быта считалось дѣломъ неважнымъ—забавой, которою художникамъ позволялось развлекаться въ видѣ отдыха отъ другихъ, болѣе серьезныхъ трудовъ. Жанровыя картины въ прошломъ столѣтіи и въ началѣ нынѣшняго выходили по болѣе части изъ-подъ кисти историческихъ живописцевъ, которые, исполняя ихъ, не могли отрѣшиться отъ условности и подражательности, усвоенныхъ ими еще на школьной скамьѣ. Жизнь простыхъ смертныхъ, съ ея типами, нравами, обычаями, воспроизводилась лишь съ малыми отступленіями отъ правилъ, узаконенныхъ для такъ назыв. высокихъ, благородныхъ сюжетовъ. Хотя академія не разъ задавала своимъ ученикамъ, для конкурса на медали, программы въ родѣ «посидѣлокъ», «сѣнокоса въ деревнѣ» и «пастуховъ со стадами», хотя зрѣлые художники, каковы напр. И. Танковъ, Ф. Яненко, П. Акимовъ, брались изображать праздники въ провинціальныхъ городахъ, путешествіи, застигнутыхъ бурей, проводы ратниковъ на войну и т. п., однако, картины на подобныхъ темы представляли не живыя лица и сцены, а манекены, сгруппированные согласно академическимъ правиламъ композиціи, поставленные въ принужденныя позы, съ надлежащими образомъ придуманными жестами, съ условно-схематическимъ выраженіемъ на лицахъ, съ костюмами и околѣностями, свѣдѣтельными о слабо развитой наблюдательности исполнителей этихъ картинъ или объ ихъ стараніи облагородить дѣйствительность. Подъ названіемъ русскихъ простолую-

диновъ выводились на сцену актеры, вышшіе играть роли то античныхъ героевъ, то французскихъ пейзазовъ. Очень мало дѣйствительно русскаго было также въ картинахъ и рисункахъ на сюжеты изъ нашего народнаго быта, доставившихъ извѣстность полкаку А. Орловскому, въ 1810—30 гг. Родоначальникомъ національныхъ нашихъ жанристовъ надо признать А. Венеціанова. Онъ жилъ среди простаго народа, отлично зналъ и любилъ его; благодаря же артистическому образованію, полученному имъ не подь академическою ферулою, между его врожденною наблюдательностью и природою не стояло никакихъ ширмъ, которыя мѣшали-бы ему видѣть дѣйствительность правильно и воспроизводить ее всецѣло, не съ прибавками или убавками, общеринятыми въ тогдашней живописи. Однако, онъ не точнѣе же увлекъ на свой путь другихъ художниковъ какъ потому, что почва для народнаго жанра была еще недостаточно подготовлена, такъ и потому, что въ своихъ работахъ онъ не шелъ дальше добросовѣстной передачи случайно попадавшихъ типовъ и сочиненія дехитрыхъ идиллическихъ сценъ. Послѣ картинокъ Венеціанова, съ этикетомъ жанровъ стали являться у насъ, подь вліяніемъ Брюллова, изображенія итальянскаго и восточнаго быта, или же хотя и русскія по сюжету, но задуманныя съ цѣлю щегольнуть эффектностью, подчасъ и поласкать чувственность зрителя, а не съ тѣмъ, чтобы выставить въ вѣрномъ свѣтѣ ту или другую сторону народной жизни (фигуры разныхъ итальянокъ М. Скотти и Н. Тихообразова, «Турчанка въ банѣ» С. Деладвеза, «Крестынка, ставящая свѣчу передъ образомъ» Г. Михайлова, «Попѣлудъ» Ф. Моллера и т. д.). Между тѣмъ, въ русскомъ обществѣ уже зрѣли національныя идеи и возникали стремленія, охватившія его въ началѣ царствованія Александра II и нашедшія себѣ осуществленіе въ великихъ реформахъ этой эпохи. Литература, какъ вѣрное зеркало общественнаго настроенія, уже отражала въ себѣ эти идеи и стремленія, тогда какъ изобразительныя искусства еще оставались равнодушными къ нимъ. Первый изъ художниковъ, кто откликнулся на общественные вопросы, затрогиваемые литературою, былъ П. Федотовъ—скорѣе диллетантъ, чѣмъ настоящій живописецъ, произведшій лишь нѣсколько картинъ, но явившійся въ нихъ, равно какъ и въ своихъ рисункахъ, тонкимъ наблюдателемъ и остроумнымъ сатирикомъ, рельефно выставляющимъ на видъ грустныя или смѣшныя черты современной отечественной жизни. Однако путь, открытый для жанристовъ Федотовымъ, нѣкоторое время оставался пустымъ—до тѣхъ поръ, пока Р., отрезвленная неудачею крымской кампаніи, не пробудилась отъ самодовольнаго уснушенія и, подь скипетромъ царя-Освободителя, не двинулась къ всестороннему прогрессу. Лишь только въ русскомъ обществѣ оживилось національное чувство, проснулось сознаніе собственныхъ достоинствъ и недостатковъ, закипѣла работа надъ обновленіемъ жизненнаго строя и все это стало выражаться въ литературѣ, получившей нѣкоторую свободу,

живописи, уже подготовленная къ тому Федотовымъ, пустилась звучно вторить голосу общественного мѣтнія и печати. Поднимали-ли они вопросы о положеніи крестьянъ и меньшихъ братій, о несостоятельности прежнихъ административныхъ порядковъ, о сословныхъ порокахъ, объ искорененіи въ народѣ пьянства, о необходимости широкаго распространенія въ немъ грамотности и т. п.,—на все это немедленно откликалась кисть нашихъ живописцевъ, то ограничиваясь прямою иллюстраціею литературныхъ произведеній, то избрѣтая свои сюжеты подь вліяніемъ навѣянныхъ ими мыслей и впечатлѣній. Такимъ образомъ, русскій жанръ принялъ публицистическій характеръ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предался полному реализму, безъ котораго его цѣль—обличеніе и исправленіе социальныхъ недостатковъ—была бы недостижима. Увлекаясь этою цѣлю, большинство новѣйшихъ жанристовъ пренебрегало изображеніемъ отрадныхъ явленій, которыя, при всей несприятельности народной русской жизни, все-таки нерѣдки въ ней. Стараніе дѣйствовать больше на умъ, чѣмъ на чувство зрителя, слишкомъ прямая проповѣдь морали въ ущербъ художественному впечатлѣнію, тенденціозность, перессоленный сарказмъ или юморъ, составляють недостатки, общіе многочисленнымъ художникамъ, трудившимся въ указанномъ направленіи. Поощряемые интересомъ, съ которымъ публика встрѣчала ихъ произведенія, они продолжали идти по тому же пути и тогда, когда вопросы, волновавшіе общество въ періодъ государственныхъ реформъ, утратили прежнее значеніе. Обличительный и тенденціозный характеръ бытовай живописи особенно упорно сохраняла въ группѣ артистовъ, образовавшихся въ 1872 г. товарищество передвижныхъ художественныхъ выставокъ или примкнувшихъ къ нему впоследствии. Наиболѣе выдающіеся жанристы этой группы—бар. М. П. Клодтъ, Г. Мясоедовъ, К. Савицкій, И. Прянишниковъ, Н. Неиревъ, В. Максимовъ, В. Маковский, И. Рѣпинъ, И. Ярошенко и высокодаровитый В. Перовъ. Изъ бытовыхъ живописцевъ, не принадлежащихъ къ названному товариществу, заслуживаютъ быть упомянутыми И. Соколовъ, К. Трутовскій, В. Якобій, Ф. Журавлевъ, А. Корзухинъ и А. Волковъ. Въ послѣднее время, «идейныя» жанровыя картины стали все рѣже и рѣже являться на выставки; да и вообще бытовай живопись перестала быть отраслью, усердно воздѣлываемою въ нашемъ искусствѣ; ее вытѣснилъ изъ него пейзажъ.

Баталистическій родъ живописи, близко соприкасающійся теперь съ жанромъ, въ прежнее время стоялъ отдѣльно отъ него. Подходя съ одной стороны къ пейзажу, а съ другой къ исторической живописи, онъ подчинялся тѣмъ же условіямъ, какъ и они. Въ картинахъ этого рода, мѣсто дѣйствія, воздухъ и освѣщеніе изображались съ соблюденіемъ тѣхъ же правилъ красоты линій и распределенія свѣтлыхъ и темныхъ пятенъ, какия были установлены тогда для ландшафтовъ; отъ фигуръ выведенныхъ на сцену людей и животныхъ требовались академическая

строгость рисунка и условное благородство экспрессии и движения. Индивидуальность человека, личность отдельного солдата, ступившая в общей массе фигур, а если и выступала наружу, то принимала дѣланное, принужденное выражение. Такъ изображались сраженія и другія военные сцены въ картинахъ живописцевъ конца прошлаго столѣтїя, между которыми первенствовали М. Ивановъ и Сем. Щедринъ, болѣе извѣстные, однако, въ качествѣ пейзажистовъ. При Александрѣ I, русская школа была очень бѣдна баталистами, и только одинъ изъ нихъ, В. Мошковъ, могъ соперничать съ эльзасцемъ Ж.-Ф. Свебахомъ-де-Фонтеномъ, парижаниномъ О. Дезарнъ и вышеупомянутымъ польскимъ художникомъ А. Орловскимъ, которымъ доставалось большинство заказовъ по воспроизведенію военного быта. Дезарнъ и Орловскій продолжали работать и въ первые годы царствованія Николая I. Этотъ государь особенно любилъ и поощрялъ батальную живопись, вслѣдствіе чего она привлекала къ себѣ при немъ очень многихъ художниковъ, въ ряду которыхъ главными были А. Зауервейдъ, К. Пиратскій и Б. Виллевалдъ. Характеръ изображеній военной жизни оставался вообще такимъ же, какъ и прежде, самымъ же необходимымъ въ нихъ считалось точное воспроизведеніе формъ одежды, амуниціи и всяческихъ отличій полковъ и родовъ оружія. Но наступили другія времена; вмѣстѣ съ духомъ военного сословія существенно измѣнился взглядъ на его призваніе, и баталическая живопись получила иное, болѣе жизненное направленіе: подъ солдатскимъ мундиромъ художники стали видѣть прежде всего человека, на солдатскій бытъ смотрѣть какъ на бытъ прочихъ смертныхъ, и военныя событія воспроизводить такъ, какъ они происходятъ въ действительности, безъ скрѣпы ея печальныхъ подробностей, безъ приправки къ ней вымышленныхъ эпизодовъ геройства, — словомъ, стали относиться къ баталическимъ сюжетамъ, какъ къ жанровымъ. Представителями этого направленія явились В. Тимъ, К. Филипповъ, А. Коцебу, Н. Сверчковъ, А. Шарлеманъ и нѣк. др. Въ томъ же духѣ трудились выступившіе позже нихъ баталисты П. Грузинскій, О. Козаевскій, Н. Дмитріевъ-Оренбургскій и А. Кившенко. Особнякомъ отъ этихъ послѣднихъ долженъ быть упомянутъ В. В. Верещагинъ, какъ не простой иллюстраторъ военной исторїи, а оригинальный художникъ, своими отдельными баталическими картинами и цѣлыми ихъ серіями краснорѣчиво протестующій противъ войны и проповѣдующій идею мира.

Пейзажная живопись, входя въ программу нашей академіи художествъ съ самаго ея учрежденія, долго не шла въ ея школѣ дальше болто или менѣе искуснаго подражанія иностраннымъ образцамъ. Русскіе ландшафтисты XVIII стол. подчинились въ своей дѣятельности тѣмъ же принципамъ, которые въ Западной Европѣ имѣли тогда силу закона для ихъ художественной отрасли благодаря эстетическому ученію Лоренса и произведеніямъ знаменитыхъ Пуссена и К. Лоррена. И они, подобно пейзажистамъ Франціи, Германіи и

др. странъ, считали недостойнымъ истиннаго художника изображать природу такую, какова она есть, но стремились облагораживать ее въ своихъ картинахъ и для того устранили въ нихъ все ея случайности и несовершенства, видоизмѣняли ея формы и краски и оживляли ее фигурами, могущими, по тогдашнимъ понятіямъ, возвысить ея красоту и смыслъ. Рядъ пейзажистовъ русской школы открывается Сем. Щедринымъ, выпущеннымъ изъ академіи вскорѣ послѣ ея открытія, довершившимъ свое образованіе въ Парижѣ, подъ руководствомъ Казанова, а затѣмъ работавшимъ нѣкоторое время въ Римѣ. Онъ пользовался благоволеніемъ имп. Павла I, по порученію котораго написалъ цѣлую серію видовъ Гатчины и другихъ загородныхъ дворцовъ и парковъ. Для размноженія этихъ видовъ посредствомъ гравюры, были устроены при академіи особый классъ, вѣтренный надзору Щедрина. Послѣдовательно проходили должности преподавателя, профессора, адъюнкта-ректора и, наконецъ, директора академіи, этого художникъ образовалъ многихъ пейзажистовъ, въ томъ числѣ В. Причтенниковъ, В. Петрова, Я. Филимонова, А. Мартынова и С. Галактикова — людей болѣе или менѣе даровитыхъ, но которымъ духъ времени не позволялъ освободиться отъ подражательности. Почти одновременно съ Щедринымъ, дѣйтелемъ на поприщѣ пейзажа выступилъ М. Ивановъ, о которомъ мы уже упоминали, говоря о баталистахъ. Ученикъ академіи, онъ совершенствовался въ Парижѣ у Лепренса и въ Римѣ у Гаккерта, ѣздилъ, кромѣ Франціи и Италіи, въ Грузію и Арменію, находился при Потемкинѣ въ его крымскихъ походахъ и произвелъ множество видовъ (преимущественно акварелью и карандашомъ) поштенныхъ имъ мѣстностей. Гаккерту были обязаны своимъ окончательнымъ развитіемъ и третій значительный русскій пейзажистъ, славившійся въ началѣ нынѣшняго столѣтїя, — О. Матвѣевъ, проведшій большую часть своей жизни въ Италіи и въ изображеніяхъ этой страны соединившій стиль названнаго художника съ манерою Ж. Верне. Но никто изъ нашихъ пейзажистовъ этого времени не пользовался извѣстностью столь заслуженною, какъ О. Алексѣевъ, специальность котораго составляли перспективные виды городовъ, но который былъ искусенъ и въ прочихъ ландшафтныхъ сюжетахъ. Современники называли его русскимъ Каналеттомъ. Дѣйствительно, въ своихъ многочисленныхъ видахъ Петербурга, Москвы, Тавриды и др. мѣстностей, Алексѣевъ приближался къ знаменитому италическому въ отношеніи передачи эффектовъ освѣщенія, глубины воздуха, теплоты и блеска красокъ, точности рисунка и мастерскаго приема кисти. Изъ пейзажистовъ слѣдовавшаго затѣмъ поколѣнія особенно выдаются М. Воробьевъ и Сильв. Щедринъ. Первый былъ прямо продолжателемъ направленія своего наставника, Алексѣева, подобно ему въ совершенствѣ зналъ перспективу и писалъ преимущественно картины, въ которыхъ можно было выказать это знаніе. Многочисленные его пейзажи, отзывавшіеся вліяніемъ К. Лоррена и

Ж. Вернѣ, изображаютъ мѣста, посѣщенные имъ при двукратной поездкѣ его въ Европу. Турцію и Палестину, а также виды Москвы, Петербурга и его окрестностей. Особенно уважались его пейзажи, передающіе полусвѣтъ блѣдыхъ ночей петербургской весны или борьбу луныхъ лучей съ огненнымъ освѣщеніемъ. Умъ, познанія и сердечное отношеніе Воробьева къ молодымъ художникамъ привлекали къ нему этихъ послѣднихъ и сдѣлали его главою школы, изъ которой вышли почти всѣ петербургскіе пейзажисты недавняго времени. Сильв. Шедринъ, ученикъ сперва своего дяди, Сем. Шедрина, а потомъ М. Иванова, вначалѣ обратилъ на себя вниманіе любителей искусства видами Петербурга, еще не чуждыми манерности, но, очутившись въ Италіи, измѣнилъ свое направленіе, сталъ отдѣлываться отъ всякихъ условностей и воспроизводитъ вполнѣ правдою красивые пункты Рима и береговъ Неаполитанскаго залива; кисть его получила свободу и сочность, краски блескъ и естественность. Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ имѣлъ въ важное вліяніе на развитіе у насъ пейзажа, какъ проводникъ въ него реализма, если-бы трудился на родинѣ, а не въ Италіи, и не сошелъ бы слишкомъ рано въ могилу. Подъ руководствомъ М. Иванова образовался въ академіи еще одинъ пейзажистъ, имя котораго сохраняется въ исторіи русскаго искусства, а именно К. Рабустъ—художникъ, не обладавшій особенно яркимъ талантомъ, но очень образованный, много путешествовавшій, добрый и участливый къ юности. Онъ былъ для Москвы тѣмъ же, чѣмъ Воробьевъ для Петербурга,—отличнымъ учителемъ, которому обязаны своимъ образованіемъ рѣшительно всѣ пейзажисты, выпущенные до 1857 г. моск. училищнымъ живописи и ваянія. Въ 1830-хъ гг. выступаютъ на сцену ландшафтисты школы Воробьева: высокодаровитый М. Лебедевъ, подававшій надежду превратиться въ первокласснаго мастера, но умершій во цвѣтѣ лѣтъ; трудолюбивые братья Г. и Н. Чернецовы, С. Воробьевъ-сынъ, М. Эльсонъ, Л. Фрикке, Дороговъ, А. Жаметь, художникъ-любитель гр. А. Мордвиновъ и др. Около того же времени началъ свою карьеру И. Айвазовскій, въ лицѣ котораго русское искусство уже болѣе 50 лѣтъ владѣетъ достойнымъ соперникомъ лучшихъ маринистовъ въ цѣлой Европѣ. Въ произведеніяхъ названныхъ художниковъ, пейзажъ мало-по-малу освобождался отъ условностей и рутинъ, но еще былъ далекъ отъ того цвѣтущаго состоянія, котораго онъ достигъ на нашихъ глазахъ, благодаря общему оживленію русскаго искусства по вступленіи на престолъ Александра II. Молодые пейзажисты, только-что окончившіе тогда курсъ академіи и совершенствовавшіеся въ чужихъ краяхъ, съ одной стороны болѣе сильно, чѣмъ ихъ предшественники, прониклись убѣжденіемъ, что природа прекрасна во всей своей реальности, что нѣтъ нужды, изображая ее, отступать отъ дѣйствительности для того, чтобы возбуждать художественное чувство въ зрителѣ, съ другой—стали зорче присматриваться и примыкать къ новымъ движеніямъ

ландшафтной живописи въ Европѣ. Явилось большое разнообразіе и въ выборѣ сюжетовъ, и въ приемахъ ихъ обработки. Одни, какъ напр. М. Эрасси и А. Мещерскій, писали красивые горные виды во вкусѣ женеваца Калама; другіе, какъ напр. Э. Дюкерь и А. Боголюбовъ, усвоили себѣ взгляды на натуру и технику дуссельдорфца А. Ахенбаха; третьи, какъ напр. Л. Лагоріо, образовались изученіемъ лучшихъ франц. и др. мастеровъ. Но большинство нашихъ молодыхъ пейзажистовъ стало стремиться къ самостоятельности, работаетъ подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ природы, прискиваетъ собственные приемы для ея воспроизведенія и беретъ для своего творчества предпочтительно не отечественные сюжеты. Выдающіеся представители этого большинства: И. Шишкинъ, сдѣлавшійся единственнымъ въ своемъ родѣ живописцемъ русскихъ лѣсовъ, удивительный рисовальщикъ, которому, однако, лишь рѣдко удавалось отдѣлаться отъ тяжеловѣстости и тусклости колорита; бар. М. К. Клодтъ, въ своихъ деревенскихъ видахъ искавшій дѣйствовать на зрителя болѣе всего силою красоты и вѣрностью ихъ градаціи на разныхъ планахъ при томъ или другомъ освѣщеніи; В. Орловскій, плодовитый изобразитель сущи и моря, полей и дубравъ, очень искусный въ техникѣ, но довольно равнодушный къ поэзии природы; Ю. Клеверъ, любитель то яркихъ эффектовъ зимняго солнца въ минуты его восхода или заката, то сѣраго сумрака ненастныхъ дней сѣверной осени. Кромѣ этихъ художниковъ, въ 1860—80-хъ гг., по части пейзажа трудящихся съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ: чрезвычайно даровитый, но слишкомъ рано умершій Э. Васильевъ, А. Куинджи, маринисты А. Бегровъ и Р. Судковскій, С. Аммосовъ, Л. Каменевъ, А. Саврасовъ, А. Киселевъ и мн. др. Публика встрѣчала ихъ произведенія съ живымъ интересомъ, что подстрекало ихъ младшихъ собратьевъ къ соревнованію съ ними и было причиною того, что пейзажная живопись сдѣлалась самою распространенною, наиболѣе воздѣлываемою отраслю въ русскомъ искусствѣ. Въ ряду современныхъ намъ пейзажистовъ болѣе другихъ получили извѣстность Е. Волковъ, Н. Дубовской, І. Крачковскій, К. Крыжицкій, А. Бенуа (акварелистъ), недавно умершій И. Ендогоровъ и И. Левитанъ. Замѣтимъ въ заключеніе, что возникновеніе на Западѣ Европы импрессионизма и декадентства не прошло безслѣдно для русскаго искусства, и что въ послѣднее время нѣкоторые изъ нашихъ молодыхъ пейзажистовъ, въ погонѣ за новизною, видимо увлекаются этими направленіями.

Гравированіе заведось на Руси одновременно съ книгопечатаніемъ, во второй половинѣ XVI ст., притомъ сначала какъ рѣзба деревянныхъ эстампныхъ досокъ (ксилографія). Оно служило дополненіемъ къ типографскому дѣлу, производа картинки для помѣщенія въ богослужебныхъ и душеспасительныхъ книгахъ. Отдѣльные ксилографически-гравированные листы, названные для обращенія въ народѣ, появились гораздо позже, въ концѣ XVII или въ началѣ XVIII ст. Старинныхъ

русских ксилографов можно раздѣлить на двѣ школы, представляющія значительныя отличія одна съ другой. Граверы, работавшіе для юго-западныхъ типографій (киевской, львовской, черниговской, новгородъ-сѣверской), почти вполнѣ подчинялись западно-европейскому вліянію, дѣйствомъ копировали нѣмецкіе оригиналы и повторяли работы другъ друга. Московскіе ксилографы выказали больше самостоятельности; въ крупныхъ изображеніяхъ они держались преимущественно русско-византійскаго рисовальнаго пошиба, въ мелкихъ же картинкахъ, заставкахъ и другихъ книжныхъ украшеніяхъ подражали западнымъ образцамъ на ряду съ граверами юго-западныхъ типографій. Какъ въ той, такъ и другой школѣ гравюры нерѣдко исполнялись самими типографами. Въ художественномъ отношеніи работы обѣихъ школъ очень плохи: ни юго-западныхъ типографій, ни московская, во все продолженіе своего существованія, не внесли ни малѣйшихъ улучшеній въ гравированіе на деревѣ, не выставили ни одного искуснаго въ немъ мастера, не выпустили ни одного дѣйствительно художественнаго произведенія, и въ XVIII стол. низвели русскую ксилографію на степень фабричнаго ремесла. Другой родъ гравированія, рѣзба и вытравленіе рисунковъ на металлѣ (серебрѣ и мѣди), существовалъ у насъ, насколько извѣстно, еще въ XIV в., но сперва служилъ не для размноженія изображеній посредствомъ печатанія, а для украшенія переплетовъ евангелій, окладовъ иконъ и различныхъ предметовъ какъ церковной, такъ и домашней утвари, съ заполненіемъ выгравированнаго чернотю, или безъ употребленія этой послѣдней. Образцы гравированія на мѣдныхъ доскахъ собственно для эстамповъ появляются только въ половинѣ XVII стол. Первыми мастерами этого искусства въ Москвѣ были знаменщики и рисовальщики Серебряной палаты (составлявшей отдѣленіе Оружейной), главную обязанность которыхъ составляло вырѣзываніе «гравъ», орнаментовъ и надписей на государственной посудѣ. Изъ нихъ, впереди прочихъ долженъ быть поставленъ знаменитый парскій иконописецъ Симонъ Ушаковъ, гравировавшій крѣпкою водкою, между прочимъ, «Троицу» и «Семь смертныхъ грѣховъ» (1663). За нимъ слѣдуютъ уже спеціальныя граверы: Л. Буинъ (сюита «Страстей Христовыхъ», съ голландскаго оргинала, цѣлый Букварь 1693 г.) и множество листовъ для Синодима 1702 г.), А. Трухменскій и его ученикъ, В. Андреевъ. У кого именно учились эти граверы—неизвѣстно, но можно съ увѣренностью сказать, что они переняли свое дѣло отъ кого-нибудь изъ иностранныхъ художниковъ, которые постоянно привлекались на службу при Оружейной палатѣ. Кромѣ Москвы, граверы на мѣди имѣлись въ это время въ Кіевѣ и Черниговѣ. Ихъ работы, сравнительно съ произведеніями московскихъ серебренниковъ, были смѣлѣе и художественнѣе по исполненію, но менѣе оригинальны, представляя почти рабское подражаніе иностраннымъ образцамъ и техническимъ приѣмамъ. Лучшій изъ этихъ юго-запад-

ныхъ мастеровъ, Л. Тарасевичъ, ученикъ братьевъ Кіліановъ въ Аугсбургѣ, извѣстенъ въ особенности своими картинками къ пещерскому Патерику, изданному въ Кіевѣ, въ 1702 г., и награвированнымъ въ Москвѣ, по порученію Шакловитаго, портретомъ царевны Софіи Алексѣевны, экземпляры котораго, по приказанію Петра Великаго, разсыкивались и уничтожались до такой степени усердно, что ни одного изъ нихъ не дошло до насъ. Когда Петръ сдѣлался единодержавнымъ властителемъ Р., гравированіе находилось въ Москвѣ въ совершенномъ упадкѣ. Между тѣмъ государи, гордясь своими побѣдами, устраивая по ихъ случаю пышныя торжества и любя всякаго рода праздники, желалъ видѣть свои подвиги и забавы воспроеизводимыми въ эстампахъ, дабы знали о нихъ современники и потомство; сверхъ того, граверы были нужны ему для изданія географическихъ картъ, инженерныхъ плановъ, техническихъ чертежей и т. п. Поэтому были приглашены въ Москву голландскіе мастера А. Схонебекъ (въ 1698 г.) и П. Пикартъ (въ 1702 г.). Первый до самой своей смерти состоялъ при Оружейной палатѣ; второй, въ 1714 г., былъ переведенъ въ Петербургъ, гдѣ до 1727 г. работалъ при государственной типографіи. Эти художники произвели массу листовъ, изображающихъ портреты, аллегоріи, виды Москвы и Петербурга, придворныя увеселенія и пр. Подъ ихъ руководствомъ образовалось нѣсколько русскихъ граверовъ, изъ которыхъ наиболѣе искусными должно признать А. и И. Zubовыхъ и А. Ростовцева. Кромѣ Схонебека и Пикарта, при Петрѣ Великомъ работали въ Р., но недолго, голландскіе же граверы І. Бликландтъ и Г. де-Виттъ. Вызовъ чужеземныхъ мастеровъ продолжался и по кончинѣ Петра. Такъ, въ 1726 г. былъ приглашенъ изъ Амстердама въ Петербургъ, для гравированія чертежей къ Комментаріямъ новоучрежденной академіи наукъ, Отт. Элигеръ, не успѣвшій, однако, оказать какого-либо вліянія на образованіе русскихъ граверовъ, а затѣмъ, при Петрѣ II, хорошій нѣмецкій мастеръ Х.-А. Вортманъ, который, будучи поддерживаемъ директоромъ «гравировальнаго» департамента академіи наукъ, профессоромъ аллегоріи Штелиномъ, положилъ основаніе школѣ граверовъ, процвѣтавшей почти тридцать лѣтъ и произведшей огромное количество портретовъ, видовъ, книжныхъ иллюстрацій и цѣлыхъ серій эстамповъ. Лучшіе граверы, вышедшіе изъ этой школы,—И. Соколовъ, который, по увольненіи Вортмана въ отставку (въ 1747 г.), занялъ мѣсто него должностію главнаго мастера при департаментѣ. А. Грековъ, Г. Качаловъ, Е. Виноградовъ и трудолюбивый исполнитель огромныхъ перспективныхъ видовъ М. Махаевъ—выказали себя граверами, могущими выдержать сравненіе съ опытнѣйшими иностранными мастерами того времени. Еще болѣе успѣшно пошло дѣло послѣ того, какъ въ руководители граверовъ департамента, на мѣсто умершаго Соколова, былъ приглашенъ (въ 1757 г.) знаменитый берлинскій художникъ Г.-Ф. Шмидтъ, который вскорѣ послѣ того взялся быть пре-

подавателемъ и въ новоучрежденной академіи художествъ. Проведя въ Петербургѣ всего пять лѣтъ, онъ, тѣмъ не менѣе, оказалъ огромное влияние на улучшение русскаго гравирования. Поступившіе подъ его наблюдение бывшіе ученики и сотрудники Соколова, Грекова и Виноградова, а еще болѣе его собственные ученики, Н. Колпаковъ, Д. Герасимовъ и Я. Васильевъ, въ значительной степени усвоили себѣ приемы его блестящаго, свободнаго рѣзка и произвели нѣсколько отличныхъ портретовъ и др. эстамповъ, донынѣ цѣнимыхъ любителями искусства. Но самый талантливый изъ учениковъ Шмидта былъ Е. Чесесовъ, умершій всего 28-ми лѣтъ отъ роду, но своими немногими произведеніями (портреты Гр. Орлова, съ гр. де-Ротари, Елизаветы Петровны въ черной мастильѣ, съ него же, фельдмаршала Миниха и пр.), исполненными съ рѣдкимъ вкусомъ и ловкостью рѣзка и превосходящими въ отношеніи рисунка Шмидтовскія работы, заслужившій право считаться лучшимъ русскимъ граверомъ XVIII стол. По отъѣздѣ Шмидта обратно въ Берлинъ, Чесесовъ раздѣлялъ, вмѣстѣ съ вѣнскимъ художникомъ Гейхеромъ, завѣдываніе гравировальнымъ классомъ въ новой академіи, но вскоре вышелъ изъ нея. Преподаваніе въ сказанномъ классѣ было поручено бездарному С. Иванову и французу А. Радигу, мастеру очень искусному, но лѣнивому. Поэтому, академія въ первое время своего существованія принесла очень мало пользы для развитія у насъ гравюры. Царствование Екатерины II образовало только двухъ замѣчательныхъ граверовъ: И. Берсенева, совершенствовавшагося потомъ въ Парижѣ, подъ руководствомъ Бервика и умершаго тамъ въ молодыхъ лѣтахъ (его работы—превосходный портретъ Гр. Орлова, «Магдалена» съ А. ванъ-деръ-Ворфа, «Св. Андрей Первозванный», съ Лосенка и др.), и Г. Скородумова, который сначала работалъ рѣзцемъ, но, будучи посланъ для доверенія своего образованія въ Лондонъ, пристрастился тамъ, подъ руководствомъ Бартолоцци, къ гравированію пунктирной манерой, достигъ въ ней большого совершенства (портреты Екатерины II en-face, съ Рокотова, ея же въ профиль, съ Шубина, вел. кн. Александра и Константина Павловичей, Михельсона, гр. Румянцева и мн. др.). Въ 1787—1801 гг. работалъ въ Петербургѣ отличный англ. граверъ черной манерой Дж. Уокеръ, но у него не было русскихъ учениковъ, кромѣ И. Селиванова, исполнившаго всего 4 портрета. Въ 1796 г. должность проф. академіи художествъ занялъ извѣстный въ то время граверъ И.-С. Клауберъ, приглашенный изъ Аугсбурга. Уступая въ талантѣ Шмидту, но трудолюбивый и добросовѣстный, онъ тотчасъ же поднялъ русское гравированіе на такую высоту, на которой оно никогда не стояло. Вокругъ него собралась толпа учениковъ, къ чему до нѣкоторой степени способствовало учрежденіе, по волѣ имп. Павла I, особаго гравировальнаго ландшафтного класса, просуществовавшаго, впрочемъ, недолго. Благодаря Клауберу, въ началѣ нынѣшняго столѣтія явился у насъ рядъ худож-

никовъ, искусно гравировавшихъ одновременно портреты, историческіе сюжеты, ландшафты и виньетки. Изъ нихъ Е. Скотниковъ, П. Масловскій и Н. Плавовъ отличались преимущественно въ портретномъ родѣ; между граверами пейзажей, первое мѣсто принадлежитъ С. Галактионову (лучшіе эстампы—«Болото», съ Я. Рюисдала, и «Павель и Виргинія», съ Ж. Вернѣ), а за нимъ заслуживаютъ быть упомянутыми А. Ухтомскій, И. Телѣгинъ и братья К. и И. Чесскіе. Галактионовъ, Скотниковъ, И. Чесскій и М. Ивановъ гравировали весьма милыя иллюстраціи для разныхъ изданій (между прочимъ, для басней Крылова изд. 1817 и 1825 г.). Но главная заслуга Клаубера состоитъ въ томъ, что онъ приготовилъ, въ лицѣ Уткина, одного изъ первоклассныхъ европейско-знаменитыхъ граверовъ. Этотъ художникъ, окончившій свое образованіе въ Парижѣ, у Бервика, былъ особенно искусенъ въ портретахъ (лучшія его работы въ этомъ родѣ—портреты Н. А. Муравьева, съ Панова, митроп. Михаила Доснипскаго, съ П. Соколова, Суворова, съ пастели Шмидта, гр. Уварова, съ Голике, Екатерины II на прогулкѣ въ Царскосельск. паркѣ, съ Боровиковскаго, и нѣк. др.), но оставилъ также нѣсколько замѣчательныхъ гравюръ съ историческихъ картинъ («Юанъ Креститель» съ Р. Менгса, «Эней спасаетъ своего отца изъ пылающей Трои», съ Доменикино, «Св. Василий Великій», съ Шебуева, и пр.). Въ продолженіе 35 лѣтъ управляя гравировальнымъ классомъ, Уткинъ образовалъ многихъ учениковъ, изъ которыхъ наиболѣе даровитые—К. Аванасьевъ, начавшій впервые гравировать у насъ на стали, А. Олещинскій, перебравшійся потомъ въ Парижъ, Д. Андрусскій (портретъ Петра Великаго, съ предполагаемаго оригинала Матвѣева), А. Пицалкинъ («Мадонна съ безбородымъ Іосифомъ», съ Рафаэля, и «Взятіе Богородицы на небо», съ К. Брюллова) и Θ. Иорданъ, извѣстный своими пятнадцатилѣтнимъ трудомъ—огромнымъ эстампомъ съ «Преображеніемъ» Рафаэля, произведшій массу портретовъ и друг. гравюръ и до глубокой старости не покидавшій своего опытнаго, но нѣсколько холоднаго и сухого рѣзка. Иорданъ, принявшій отъ Уткина должность преподавателя гравюры въ академическомъ классѣ и занимавшій ее много лѣтъ, образовалъ, однако, только двухъ учениковъ, не лишенныхъ таланта: И. Пожалости-на («Несеніе креста», съ А. Карраччи, «Охотники», съ Перова, «Янъ Усмовецъ», съ Угрюмова, портреты К. Брюллова и друг.) и П. Константинова («Несеніе Креста», съ С. дель Пьомбо). Этихъ художниковъ можно назвать послѣдними у насъ могоканами классической гравюры на мѣди. Еще Уткину, на склонѣ его жизни, суждено было видѣть начало повсемѣстнаго вымирания этой художественной отрасли. Первый ударъ нанесла ей литографія, удешевившая популяризацію произведеній искусства. Затѣмъ, гравированіе на деревѣ, воскресшее въ новомъ видѣ и съ новыми техническими приемами, отняло отъ металлической гравюры ту область, въ которой она находила значительное примѣненіе,

а именно иллюстрирование книг и журналов. Наконец, изобретение фотографии и основанных на ней автоматических способов воспроизведения рисунков и натуре сдѣлало для большинства публики ненужными сравнительно-дорогие оттиски съ металлических досокъ, гравированныхъ отъ руки. Сами граверы, вмѣсто того, чтобы гордиться, какъ прежде, употребленіемъ исключительно рѣза, развѣ лишь съ предварительною прокладкою штриховъ помощью травленья, стали прибѣгать въ своихъ работахъ ко всяческимъ облегчительнымъ средствамъ — къ рулеткамъ, линеальнымъ машинкамъ, гильошированию, фотогравюрѣ и пр. Упадокъ гравюры замѣненъ въ нашемъ отечествѣ сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Наши профессиональные граверы или сидятъ безъ дѣла, или списываютъ себѣ кусокъ хлѣба чисто-ремесленными работами. Не умеръ одинъ лишь офортъ, какъ способъ гравированія, не требующій долгой специальной подготовки, доступный каждому художнику, позволяющій ему передавать свой замыселъ непосредственно, ярко отражающій его индивидуальность и поэтому заманчивый для живописцевъ. Очень естественно, что многіе изъ этихъ послѣднихъ еще въ старые годы, какъ напр. Боровиковскій, Шебуевъ, Егоровъ, Кипренскій, Варнекъ и Вруни, упражнялись въ офортѣ; но они смотрѣли на него скорѣе какъ на забаву, на отдыхъ отъ главныхъ своихъ трудовъ, чѣмъ на серьезное дѣло. Послѣ нихъ, съ успѣхомъ гравировали крѣпкою водкою извѣстный малороссійскій поэтъ-художникъ Т. Шевченко и рисовальщикъ-дилеттантъ Л. Жемчужниковъ. Живой интересъ къ офорту возбудили въ кругу нашихъ художниковъ лѣтъ 30 тому назадъ, послѣ того, какъ любовь къ нему усилилась и въ Зап. Европѣ. Съ этого времени явился рядъ русскихъ авфортистовъ, между которыми есть нѣсколько такихъ, которые могутъ соперничать съ современными иностранцами. Къ ихъ числу принадлежатъ Н. Мосоловъ (серія гравюръ съ избранныхъ эрмитажныхъ картинъ Рембрандта и др. мастеровъ), И. Шишкинъ (большое количество превосходныхъ пейзажныхъ эстамповъ, исполненныхъ по собственнымъ этюдамъ художника), И. Крамской (огромный портретъ имп. Александра II), В. Бобровъ (портреты разныхъ лицъ и этюды женскихъ фигуръ), В. Маковский (альбомъ жанровыхъ сценъ собственной композиціи) и нынѣшній профессоръ академіи художествъ В. Матѣ «Голова Спасителя», съ В. Васнецова, «Даная», съ Рембрандта, портреты П. Третьякова, В. В. Верещагина и др.).

Чтобы предложенный выше очеркъ новѣйшихъ движеній въ нашемъ искусствѣ былъ достаточно полнымъ, мы должны были-бы остановиться на русской литографіи; но свѣдѣнія о ней уже приведены въ другомъ мѣстѣ настоящаго изданія (т. XVII, стр. 834). Необходимо также сказать нѣсколько словъ о другомъ графическомъ искусствѣ, отънесенномъ гравированію на мѣди отъ многихъ задачъ, принадлежавшихъ ему предъ тѣмъ нераздѣльно — о ксилографіи. Послѣ крайняго

упадка гравюры на деревѣ въ XVIII стол., она возродилась у насъ въ 1840-хъ годахъ и, ставшая все болѣе и болѣе художественною, получила обширное примѣненіе къ иллюстрированію періодическихъ изданій, произведеній belletrистики и книгъ научнаго содержанія. Главнымъ виновникомъ ея пробужденія отъ летаргіи былъ бар. Л. Майдель, ученикъ Унцельмана въ Берлинѣ, открывшій въ 1837 г. ксилографическую мастерскую въ Дерптѣ, изъ которой было выпущено немалое количество политипажныхъ рисунковъ, какъ для нѣмецкихъ, такъ и для русскихъ изданій, и вышелъ, кромѣ другихъ учениковъ, самого бар. Майделя и его помощника Шмидта. А. Даугель, старшій изъ наличныхъ петербургскихъ гравюровъ на деревѣ. Почти одновременно съ бар. Майделемъ, бар. К. Клодтъ основалъ подобное же заведеніе въ Петербургѣ, существовавшее очень недолго, но тѣмъ не менѣе успѣвшее подготовить нѣсколько искусныхъ ксилографовъ, въ томъ числѣ Бернадского, Дерикера и Гогенфельдена. Эти первые русскіе ксилографы, въ свою очередь, образовали рядъ мастеровъ, едва успѣвавшихъ исполнять заказы издателей расплодившихся иллюстрированныхъ журналовъ и книгъ, что было причиною переселенія на берега Невы многихъ мастеровъ изъ Варшавы и чужихъ краевъ. Петербургъ былъ главнымъ центромъ дѣятельности ксилографовъ Россіи; въ остальныхъ городахъ запросъ на ихъ трудъ оставался незначительнымъ. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока антиотиническіе цинковые клише не явились на смѣну политипажныхъ деревяшекъ ручной работы. Представителемъ самаго пѣвучаго состоянія русской ксилографіи, бесспорно, долженъ считаться Л. Сѣряковъ, иллюстрація котораго къ сказкѣ объ Ильѣ Муромцѣ, огромный снимокъ съ картины Рембрандта «Арендаторы» и многочисленные мелкіе политипажи принадлежатъ къ лучшимъ произведеніямъ одного съ ними рода, явившимся за послѣднее время въ Европѣ. Многое изъ живописной манеры Сѣрякова усвоилъ себѣ его ученикъ В. Матѣ, гравирующій на деревѣ едва-ли не лучше, чѣмъ офортномъ.

Какъ мы видѣли, всѣ отрасли искусства, за исключеніемъ гравированія, съ достопамятной эпохи Александра II и въ зависимости отъ великихъ реформъ этого государя, двинулись впередъ по пути къ свободѣ, національности и прогрессу. Большинству нашихъ художниковъ опротивѣлъ академическій классицизмъ, съ его условностями и рутинно; они принялись съ любовью за изученіе своей родной старины, своей родной природы, своего народнаго быта, и положили себѣ дѣлю не угожденіе тѣсному кругу богатыхъ и знатныхъ людей, а свое сближеніе со всѣмъ образованнымъ обществомъ. Общество, съ своей стороны, стало относиться къ трудамъ художниковъ съ большимъ интересомъ и само дѣлаться болѣе художественнымъ. Доказательствомъ послѣдняго могутъ служить увеличивающееся число художественныхъ выставокъ, устраиваемыхъ не только въ Петербургѣ и Москвѣ, но и во многихъ провинціальныхъ городахъ, и возра-

стающее количество посѣтителей этихъ выставокъ, а также слѣдующее одно за другимъ открытіе рисовальныхъ и художественно-промышленныхъ школъ въ главныхъ пунктахъ Имперіи—заведеній, переполненныхъ учащимся, въ число которыхъ стремятся толпою попасть молодая дѣвушка и женщины. Все показываетъ, что русское искусство въ наши дни, не смотря на бѣдность его первоклассными талантами и на дѣлаемые имъ порою робкіе и фальшивые шаги, далеко ушло впередъ отъ того блестящаго на видъ, но безличнаго состоянія, въ которомъ оно находилось до второй половины оканчивающагося вѣка.

Литература А. Павлиновъ, «Исторія русской архитектуры» (М., 1894); А. Мартановъ и И. Снегиревъ, «Русская старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества» (М., 1851—57); В. Прохоровъ, «Русскія древности» (2 т., СПб., 1871—77); В. Сусловъ, «Матеріалы къ исторіи новгородско-псковской архитектуры» (въ «Трудахъ» І. Археол. Съезда въ Москвѣ); А. Павлиновъ, «Древности ярославскія и ростовскія» (М., 1892); гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ, «Русскія древности въ памятникахъ искусства» (вып. IV и посл.); А. Праховъ, «Кіевскіе памятники византийскаго-русскаго искусства» (въ «Древностяхъ», изд. Моск. археол. общ., М., 1887); E. Viollot-de-Duc, «L'Art russe» (Пар., 1877; въ переводѣ на русск. яз. Н. Султанова, М., 1879); П. Петровъ, «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Имп. академіи художествъ» (СПб., 1864—1866, 3 т.); J. Hasselblatt, «Historischer Ueberblick der Entwicklung der Kaiserlich Russischen Akademie der Künste» (СПб., 1886); Д. Ровинскій, «Исторія русскихъ школъ иконописанія до конца XVII в.» (СПб., 1856); его же, «Русскіе граверы и ихъ произведенія» (М., 1870); его же, «Подробный словарь русскихъ гравировъ XVI—XIX вв.» (СПб., 1895, 2 т.); Ѳ. Булгаковъ, «Наши художники» (СПб., 1890); статьи и монографіи В. Суслова, А. Павлинова, В. Григоровича, Н. Рамазанова, П. Петрова, В. Стасова, Н. Собока, А. Сомова и др., разбѣяныя въ разныхъ сборникахъ и журналахъ. А. С—а.

В. Музыка. Допсторическій и древній періодъ. 1) *Стетская музыка*. Нѣтъ сомнѣнія, что вокальная и инструментальная музыка (послѣдняя, вѣроятно, чаще всего какъ сопровожденіе, а затѣмъ уже и какъ замѣна первой) были извѣстны русскимъ славянамъ уже въ глубокой древности. На это указываютъ многочисленныя русскія обрядовыя пѣсни, несомнѣнно ведущія свое начало изъ языческой старины, п свѣдѣтельства, разсыяныя въ сказкахъ и другихъ произведеніяхъ народной поэзіи. Въ сказкахъ упоминаются чудесные рога, вызывающіе своими звуками многочисленную рать, гуси-самогуды, заставляющіе плясать лѣса и горы и наводящіе волшебный сонъ, обличительница дудка-желейка, сдѣланная изъ надмогильнаго тростника или изъ кости злодѣйски-убитыхъ юноши или дѣвушки, и т. д. Въ былинахъ также упоминаются гуси-звончаты, игрой на которыхъ занимаются не только гости богатые въ родѣ Садко, но и богатыри, какъ До-

брыня Никитичъ, Чурила Пленковичъ, Соловей Будимировичъ, Ставръ Гоудиновичъ; говорится и о профессиональныхъ музыкантахъ—инструменталистахъ, гусельникахъ, гусельщикахъ и загусельщикахъ, игрокахъ, гудочникахъ, о мастерахъ—пѣвцахъ, въ родѣ Василья Буслаевича. Эти зачатки вокальной и инструментальной музыки не были самостоятельными пріобрѣтеніемъ нашихъ предковъ, но представляли собой наслѣдіе, вынесенное ими изъ еще болѣе древней, общеславянской или праславянской эпохи. Доказательствомъ этому служить тожество извѣстныхъ природныхъ (не заимствованныхъ) музыкальныхъ терминовъ въ славянскихъ языкахъ: глаголь *тътъ* и разныя производныя образованія отъ его корня (*тъсна, тѣтелъ* и т. п.) свойственны всѣмъ или почти всѣмъ отдѣльнымъ славянскимъ языкамъ. О существованіи у праславянъ инструментальной музыки свидѣтельствуетъ также рядъ общеславянскихъ названій музыкальныхъ инструментовъ: *свирѣль, сопѣлка, тѣпѣль, дуда, труба, гусѣль, струна, смычекъ* (ср. Будимовичъ, «Первобытные славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ по даннымъ лексикальнымъ», ч. II, вып. I, Кіевъ, 1882, стр. 150—153). Это наслѣдіе общеславянской эпохи могло, въ древнѣйшемъ періодѣ самостоятельной жизни русскаго племени, и развиваться независимо, и подвергаться разнымъ вѣбнымъ вліяніямъ, напр. со стороны финновъ и тюрковъ. Для надлежащаго освѣщенія этихъ вопросовъ пока не хватаетъ матеріала. Нѣтъ подготовительныхъ работъ въ видѣ специальныхъ изслѣдованій музыки русскихъ инородцевъ, самое собраніе образовъ которой только еще начинается (С. Рыбаковъ, «Музыка и пѣсни уральскихъ мусульманъ», СПб., 1897; его же записи киргизскихъ пѣсень и инструментальныхъ мелодій; Мошковъ, «Матеріалы для характеристики музыкальнаго творчества инородцевъ Вожако-Камскаго края. I. Мелодіи чувашскихъ пѣсень», въ «Извѣстіяхъ общества археологій, исторіи и этнографіи при казанскомъ унив.», 1893; его же, «Мелодіи оренбургскихъ и ногайскихъ татаръ», тамъ же, 1894; библиографія, неполная, въ первомъ изъ цитированныхъ трудовъ); нѣтъ попытокъ изученія русской народной музыки сравнительно съ инородческой; нѣтъ работъ, опредѣляющихъ общія основныя черты славянской музыки, путемъ сравнительнаго изученія музыки отдѣльныхъ славянскихъ народностей; не установлено, наконецъ, какія основныя особенности русской народной музыки восходятъ къ общеславянскому и даже индоевропейскому періодамъ (попытки разрѣшить этотъ вопросъ см. у В. И. Петра, «О мелодическомъ складѣ арійской пѣсни», въ «Русской Музык. Газетѣ» 1897—98 гг., и у покойнаго А. С. Фаминцина. «Древняя индо-китайская гамма въ Азіи и Европѣ», СПб., 1889). Насколько современная русская пѣсня (см. ея музыкальную характеристику въ ст. «Русская пѣсня») сохранила свой древній обликъ, не является ли она въ значительной своей части продуктомъ сравнительно недавняго времени (можетъ быть не старше XVI—XVII в.), вытѣсненнымъ болѣе

древнюю пѣсню — это вопросы первой важности, на которые историкъ русской музыки не можетъ, пока, дать отвѣта. Между тѣмъ есть основаніе сомнѣваться въ возможности опредѣленія особенностей древней русской музыки по характернымъ чертамъ народной музыки дошедшей до нашихъ дней. Въ цитированной выше книгѣ г. Рыбкова приведены весьма интересные факты, говорящіе о недолговѣчности лирической инородческой пѣсни, легко приходящей въ забвеніе, при сравнительной живучести и прочности пѣсни эпической. То же замѣчается и у насъ: старая лирическая пѣсня забывается молодыми поколѣніями, тогда какъ обрядовая, связанная съ тѣмъ или другимъ обычаемъ или культомъ, и эпическая представляются болѣе устойчивыми и архаичными. Совсѣмъ не выясненъ, далѣе, вопросъ объ отношеніи нашей народной свѣтской пѣсни (въ музыкальномъ отношеніи) къ древнему русскому церковному напѣву, сохранившемуся въ рукописяхъ такъ назыв. «знаменнаго писма». Многое въ мелодическомъ и ритмическомъ строѣ этого напѣва и его гармонической основѣ роднитъ его съ нашей народной пѣсней и какъ-бы указываетъ на общій источникъ творчества, но историческая связь между ними совершенно темна. Немногое, что намъ извѣстно о древней русской свѣтской музыкѣ, имѣетъ, главнымъ образомъ, культурно-историческое значеніе, рисуя вѣщныя общественныя условія, въ которыхъ совершалось развитіе музыкальнаго искусства; самое его содержаніе и форма въ значительной степени ускользаютъ отъ точнаго изслѣдованія. Съ начала нашей исторіи до середины XVII в. профессиональными представителями свѣтскаго музыкальнаго искусства являются у насъ «веселые молодцы, люди вѣжливые, очестливые, веселые ребята скоморохи». Откуда явились на Руси эти бродячие «умѣльцы», часто бывшіе въ одно и то же время и пѣвцами, и музыкантами, и мимами, и танцорами, и клоунами, и авторами-импровизаторами исполняемыхъ произведеній — до сихъ поръ еще не выяснено; самая этимологія слова загадочна. Одно изъ его объясненій указываетъ на византийское происхожденіе скомороховъ, не общедошедшее, конечно, безъ южнославянскаго посредства. Въ Византии были цѣлыя дружины актеровъ, танцовщиковъ, придворныхъ пѣвчихъ, которые во время торжественной царской трапезы (напр. во время пріема русской княгини Ольги) занимали и потѣшали пирующихъ. Существуетъ даже извѣстіе, что во времена византийскаго императора Константина Багрянороднаго (X в.) придворными музыкантами служили славяне, любовь которыхъ къ музыкѣ отмѣчается греческими лѣтописцами еще въ VI в. Возможно, что и съ Запада рано попадали къ намъ изрѣдка тамошніе скоморохи—жонглеры и пѣльманы (послѣднее слово встречается уже въ памятникахъ XIII в.; передѣлкой его является русское *шпиль*—насмѣшникъ, балагуръ, шутъ, слѣпной цыпъ—пѣвецъ, откуда *шпильникъ*—насмѣхатель, язвитель, бранитель). Этими, быть можетъ, объясняется сходство скоморошескаго платья съ

латинскимъ, т. е. западно-европейскимъ, отмѣчаемое въ XIII в. лѣтописцемъ Переславля Суздальскаго. Случайныя западныя вліянія едва ли, однако, могли равняться по силѣ болѣе широкимъ и постояннымъ византийскимъ. Древнѣйшій образъ, въ которомъ являются у насъ скоморохи—это «гусельники», играющіе на своихъ «звончатыхъ» или «яровчатыхъ» (т. е. яворовыхъ) гусляхъ, поющіе пѣсни, а иногда и пляшущіе, одѣтые въ особое скоморошье платье и ходящіе по одиночкѣ или цѣлыми толпами-товариществами. Они—желанные гости на свадьбахъ, народныхъ праздникахъ и сборникахъ, пирахъ княжескихъ и частныхъ; ихъ охотно зазываютъ къ себѣ въ домъ любители ихъ искусства, не смотря на поученія и запрещенія духовныхъ пастырей. Древнѣйшее историческое свидѣтельство о гусельной игрѣ на княжескихъ пирахъ встрѣчается въ лѣтописи подъ 1015 г. Тамъ же (въ житіи Θεодосія Печерскаго) находимъ описаніе пира у великаго князя кievскаго Святополка Ярославича, гдѣ ягумень Θεодосій увидѣлъ многихъ «игрецовъ». «овы гуслями гласы испускающе», «органичныя гласы поюще», «внѣшъ замарыныя шски гласящемъ и тако всѣмъ играющемъ и веселящемъ, якоже обычай есть предъ княземъ». Замѣчаніе Θεодосія: «будетъ ли такъ на томъ свѣтѣ?» заставляетъ князя прекратить веселіе. Очевидно, что въ XI в. «игра», т. е. музыка и пѣніе, были «обычной» принадлежностью княжескаго двора на Руси, какъ и тогдашняго сербскаго царскаго двора. На старинной фрескѣ Софійскаго кievскаго собора, относимой къ XI-му в., есть изображенія такихъ «игрецовъ» на флейтѣ, на динныхъ трубахъ, на струнныхъ инструментахъ, въ родѣ арфы и гитары, и на тарелкахъ, причѣмъ флейтистъ и тарелочники изображены въ то же время и пляшущими. Есть въ лѣтописи и данныя о существованіи военной музыки: во время похода Святослава въ Болгарію «пойде полкъ по полцѣ бѣюще въ бубны, и въ трубы, и въ софѣли»; въ «Сказаніи о Мамасовомъ побойшѣ» разсказывается, что передъ началомъ битвы «начаша гласы трубные отъ обоихъ странъ сниматися». Повидимому, количество музыкальныхъ инструментовъ находилось въ извѣстномъ отношеніи къ численности войска. Такъ, въ лѣтописи количество войска у князя Юрія Владиміровича опредѣляется числомъ знаменъ (30), трубъ и бубновъ (140). Въ описаніи междоусобицы Новгорода съ Владиміромъ (1216) указывается, что первый выставилъ въ поле 60 трубъ, а второй 40 трубъ и 40 бубновъ. Какова, однако, была и та, и другая музыка, остается неизвѣстнымъ: свѣтское искусство занимало въ общественномъ представленіи такое низменное, служебное положеніе, что о сохраненіи его никто и не помышлялъ. Отсюда отсутствіе нотации его и музыкально-теоретическихъ трактатовъ, уже возникающихъ въ то время на Западѣ.—Несочувственное и даже враждебное отношеніе церкви къ свѣтской музыкѣ, носящее сначала характеръ моральнаго осужденія, выражается, позднѣе, въ видѣ государственныхъ мѣропріятій. Причины

этого враждебнаго отношенія довольно сложны. Съ одной стороны здѣсь сказывался общій византийско-христіанскій аскетическій взглядъ, осуждавшій всякія мірскія забавы; съ другой стороны, пѣсни и пляски скомороховъ часто имѣли грубо-циничный и безнравственный характеръ; наконецъ, нравственность скомороховъ и въѣтъ отравленія ихъ ремесла была нерѣдко весьма сомнительнаго свойства, такъ что и въ то дикое и грубое время они являлись ненадежнымъ или даже опаснымъ общественнымъ элементомъ. Позднѣе, когда московское строеніе государства приняло болѣе сознательный характеръ, скоморохи, со своей свободной сатирой на общественныя и классовыя отношенія, нерѣдко выражавшей протестъ противъ угнетенія голытьбы «жирными» боярами и купцами и изображавшей торжество первой надъ послѣдними (см. Михневичъ, «Очеркъ исторіи музыки въ Россіи», 1879, стр. 81—82), могли казаться опасными и въ смыслѣ политическомъ. Укротить скоморошеское безчиніе было, однако, не легко; слышномъ много было у скоморошества корней въ окружающей жизни и въ нравахъ общества. Музыка (исполнявшаяся, конечно, скоморохами) долго была непременной принадлежностью царскаго двора, особенно на свадьбахъ. На свадьбѣ Михаила Ѳеодоровича, какъ «государь пошелъ въ мыльню, во весь день и съ вечера и въ ночи на дворѣ играли въ сурны и въ трубы и били по накрамъ» («Дворцов. разр.», I). Котошихинъ свидѣтельствуетъ (въ 60-хъ гг. XVII в.), что на царскихъ свадьбахъ, «на царскомъ дворѣ и по сѣнямъ, играютъ въ трубы и въ суренки и бьютъ въ литавры». Алексѣй Михайловичъ первый отказался отъ этого обычая, соблюдавшагося «на прежнихъ государскихъ радостяхъ», и «накрамъ и трубы быти не изволилъ, а велѣлъ государь въ свои государскіе столы, вмѣсто трубъ и органовъ и всякихъ свадебныхъ потѣхъ, пѣть своимъ государевымъ пѣвчимъ дьякамъ... строчные и дѣмественные большіе стихи». Это на строеніе не было продолжительно; музыка опять является при дворѣ, и ей отводится широкое мѣсто въ ряду прочихъ увеселеній. Такъ, въ сентябрѣ 1674 г. былъ при дворѣ большой пиръ, на которомъ «великаго государя тѣшили и въ органы играли, а играли въ органы нѣмчинъ, и въ сурны и въ трубы трубили и въ суренки играли, и по накрамъ, и по литаврамъ били во всё». Бояре также заводили у себя скомороховъ. Скоморошескія забавы нерѣдко примѣшивались и къ церковнымъ обрядамъ. Въ опредѣленіяхъ Стоглава (1551) указывается на участіе въ «мирскихъ свадьбахъ» «глумотворцевъ и органныхъ и гусельниковъ и смѣхотворцевъ», поющихъ «бѣсовскія пѣсни». Вслѣдствіе этого соборъ запрещалъ «скомрахомъ и глумномъ» ходитъ «къ вѣнчанію ко святымъ церквамъ». Участники «пещного дѣйства»—«сказденъ»—на улицахъ вели себя какъ скоморохи. Митроп. Даниилъ въ своемъ поученіи (въ полов. XVI в.) говоритъ, что «суть вѣдцы отъ священныхъ, иже гутъ сіи пресвитери и діакони, иподіакона, и чтецы и пѣвцы, глумяся, *играть на гусляхъ, о домры, о смѣхъ*». Съ середины XVII в. скоморошество

благодаря разнымъ законодательнымъ мѣрамъ стало падать: бродячіе скоморохи постепенно исчезаютъ, а осыдлые превращаются въ музыкантовъ, актеровъ, балетныхъ танцоровъ и т. д. Пережитки бродячихъ и добровольцевъ скомороховъ продолжаютъ, впрочемъ, существовать и донинѣ въ видѣ сказителей былинъ на сѣверѣ, кобзарей-бандуристовъ на югѣ, народныхъ дударей, гудочниковъ-скрипачей (у блоруссовъ сельскій скрипачъ и теперь еще называется «скоморохой»), баладачниковъ, лириковъ и др. Древнѣйшимъ музыкальнымъ инструментомъ скомороховъ является *гусли*—струнный инструментъ, родственнѣйш. Hackebrett, цитръ и т. п. Въ позднѣйшее время (XIV—XV в.) гуслими назывался аналогичный струнный инструментъ, близкій къ древнему *псалтирю* или *псалтеру* и, вѣроятно, заимствованный съ Востока или изъ Византии, а еще позже (въ XVIII в.)—клавирообразные многострунные цимбалы, до сихъ поръ еще изрѣдка встрѣчающіеся въ захолустныхъ уголкахъ (см. А. Фаминцынъ, «Гусли, русскій народный музыкальный инструментъ», СПб., 1890). Въ началѣ XVII в. появляются у насъ указанія на употребленіе *цимбалъ*. Затѣмъ въ старинныхъ пѣсняхъ и памятникахъ упоминаются *трубы* (по всей вѣроятности прямые, какъ на кievской фрескѣ XI в.), *бубны* (старинные *бубны*, кажется, отличались отъ современнаго бубна и были близки къ позднѣйшимъ *тикрамъ*) и *сопѣли*. Впервые мы находимъ упоминаніе объ этихъ трехъ инструментахъ въ приведенномъ выше лѣтописномъ извѣстіи о военной музыкѣ князя Святослава въ его болгарскомъ походѣ. Бубны упоминаются также въ житіи Ѳеодосія (XI в.) и въ «Словѣ о Задонцѣ». Нѣсколько позже (XV в.) встрѣчаются указанія на существованіе *волинки*; другое ея названіе—*коза* или (болѣе древнее) *кощца*. Иностранцы путешественники по Россіи прошлаго вѣка называютъ ее въ числѣ обычныхъ нашихъ музыкальныхъ инструментовъ. Теперь она почти совсѣмъ выпала изъ употребленія. Вблизи къ Востоку, а можетъ быть и татарскому игу, мы обязаны появленіемъ у насъ *сурны* или *зурны* (персид. зурна, туркест. сурнай)—духового деревяннаго инструмента въ родѣ гобоя, упоминаемаго уже Герберштейномъ, а также *нахръ* и *набатокъ*—ударныхъ инструментовъ типа литавръ (*набатъ* отличался огромными размѣрами; его возили на лошадахъ и въ него било восемь человѣкъ), упоминаемыхъ въ XVI в. О литаврахъ говорится во второй половинѣ XVIII в. (у Котошихина и въ дворцовыхъ разрядахъ). Восточнаго же происхожденія струнный лютеобразный инструментъ *домра* (см. Фаминцынъ, «Домра и родные ей музыкальные инструменты русскаго народа: балайка, кобза, бандура, торбанъ, гитара», СПб., 1891), часто упоминаемая только съ начала XVII в., хотя есть нѣкоторые указанія, что она существовала еще въ XVI в. Она строилась въ нѣсколькихъ размѣрахъ (въ 1690 г. въ описи вещей кн. Голицына упоминается домра «большая басистая»). До насъ дошло только одно плохое изображеніе домры (у Олеарія), на которомъ струнъ раз-

личить нельзя. Въ XVIII в. домра исчезаетъ, вытѣсненная *балабайкой* (первично — двух-струнной), которая вѣроятно представляетъ собой нѣкоторое видоизмѣненіе малой домры. Впервые балабайка упоминается въ 1715 г., въ описаніи шутовской свадьбы князя-папы. Штеллинъ («Nachrichten v. der Musik in Russland», въ «Haygold's Beylagen zum Neuveränderten Russland», 1770, II, стр. 67) называетъ ее уже «всенароднѣйшимъ» русскимъ инструментомъ (по исторіи балабайки, кроме книги Фаминина, см. Бабкинъ, «Балабайка», въ «Русской Бесѣдѣ», 1896; перепечат. въ «Русск. Музык. Газетѣ», 1896, № 6, 7, 9). Такое же восточное происхожденіе имѣетъ болѣе древняя малорусская *кобза*. У малоруссовъ она упоминается (польскими писателями) съ 1584 г. но въ XVII в. уступая мѣсто бандурѣ, которая впоследствии часто тоже называется кобзой, откуда синонимъ кобзарь — бандуристъ. Великоруссами кобза едва-ли когда-либо употреблялась. *Бандура*, вытѣснившая кобзу, имѣетъ западное происхожденіе; прототипъ ея — англійская *бандора*, попавшая къ малоруссамъ, вѣроятно, отъ поляковъ (въ XVII в.). Изъ Малороссіи бандуристы перешли и къ намъ, въ началѣ XVIII в., а можетъ быть нѣсколько раньше. Ихъ держали при дворѣ Петра I, родственникъ ему принцессъ (напр. Мекленбургской), Анны Иоанновны; они входили также въ составъ челяди тогдашнихъ вельможъ, пословъ и т. д. Во второй половинѣ XVIII в., по свидѣтельству Штеллина (1769 г.), бандуры стали вытѣснять клавиръ, скрипка, флейта и валторна. Родственный бандурѣ *торбанъ* — большая басовая лютня, также западнаго происхожденія, принадлежитъ уже къ позднѣйшимъ нашимъ пріобрѣтеніямъ (въ началѣ этого вѣка). У богатыхъ польскихъ помѣщиковъ торбаннсты встрѣчались въ составѣ домашней челяди еще въ 30-хъ гг. этого вѣка. Къ позднимъ струннымъ инструментамъ того же типа и западнаго происхожденія принадлежитъ *гитара*, завезенная къ намъ, вмѣстѣ съ *мандолиной*, въ царствованіе Елизаветы Петровны, итальянскими заѣзжими музыкантами. Смычковые струнные инструменты — также частью древняго, частью новаго происхожденія. Возможно, что нашъ примитивный смычковый трехструнный инструментъ *гудокъ* (или его еще болѣе древній и простой прототипъ) восходитъ еще къ праславянской эпохѣ. Въ народной русской пѣснѣ *гудокъ* является въ такой же обстановкѣ, какъ и *гусли*. «Гудосъники», которые «все въ гудки играютъ», упоминаются въ былинахъ; существуетъ пѣсня, гдѣ идетъ рѣчь о срѣзаніи трехъ березовыхъ прутьевъ прохожими скomorохами съ пѣлью сдѣлать изъ нихъ три гудка. Родственный мотивъ находимъ въ пѣсняхъ западныхъ славянъ. Рядомъ мы встрѣчаемъ другой терминъ для обозначенія смычковаго инструмента — старославянское *смыкъ* (скрипка, гудокъ). У насъ *смычки*, въ значеніи смычковаго инструмента, упоминаются не раньше XVI в., въ поученіи митрополита Даниила и въ «Стоглавѣ» («и гусли, и смычки, и сопѣли, и всякое гудснѣ»). Изображеніе скomorоха, играющаго на гудкѣ, находимъ у Олеарія. Въ

началѣ XVII в. встрѣчаются указанія и на существованіе скрипки, очевидно, принесенной съ Запада. Въ началѣ XVII в. находимъ указанія и на употребленіе у насъ на пирахъ теперешней малорусской *лиры*. Измѣненное у насъ имя лиры было *рыль* (*рыль*), *рыльи*, *реки*. Остальные смычковые инструменты явились у насъ въ XVIII в., и къ древнерусскимъ инструментамъ не могутъ быть отнесены. Къ числу второстепенныхъ древнерусскихъ инструментовъ принадлежали также: *варганъ* — полудуховой, полудударный инструментъ, въ который дули ртомъ и ударили пальцемъ, и *ложки* — мѣдный ударный инструментъ, имѣющій форму обыкновенныхъ ложекъ, рукоятки которыхъ увѣшаны бубенчиками. Кроме перечисленныхъ выше инструментовъ, употреблявшихся главнымъ образомъ профессиональными музыкантами (скomorохами, военными и дворовыми «игрецами»), предки наши обладали рядомъ домашнихъ или сельскихъ духовыхъ инструментовъ, сохраняющихся въ употребленіи и доселѣ. Таковы: *дудка* или *свирѣль* (изъ полога ствола какого-нибудь растенія или древесной коры), пастушескій *рожокъ* разной величины (изъ бересты или дерева, обмотаннаго берестой, теперь нѣрѣдко изъ жести), двойная дудка *железка* или *ситовка* (последнее имя носила также введенная у насъ Дмитріемъ Самозванцемъ флейточка-пикколо), родъ греческой свирѣли или флейты Пана, сохранившійся въ видѣ курскихъ *смушечекъ* и др. (о русскихъ музыкальныхъ инструментахъ см., кроме цитированныхъ выше изслѣдованій Фаминина: Владимірскаго, «О національныхъ музык. инструментахъ», въ «Сборникѣ антроп. и этнограф. свѣдѣній о Р.» Дашкова, М. 1868; Величкова, «О древности русск. музык. нар. инструментовъ», въ «Жив. Обзоръ», 1874, № 30; Разумовскаго, «Народное мірсное пѣніе и собственно музыка», въ «Трудахъ Археолог. Съѣзда въ Москвѣ», 1871; Пѣтуховъ, «Народные муз. инструменты музея спб. консерваторіи», СПб., 1884; его же, «Опытъ систематич. каталога инструментальнаго музея спб. консерваторіи», СПб., 1893; Сумцовъ, «Культурная переживанія», въ «Кіев. Старинѣ», 1889, № 9; Боржковского, «Лирники», тамъ же; «Краткій словарь народныхъ музык. инструментовъ въ Р.», въ «Музык. календарѣ-альманахѣ» на 1896 г.). Изъ приведеннаго обзора нашихъ старинныхъ музыкальныхъ инструментовъ видно, что восточное вліяніе на нашу инструментальную музыку сказало сильнѣе въ Московской Руси, западное — въ Малороссіи; въ послѣдней, за то, восточное вліяніе отразилось, быть можетъ, и въ самой музыкѣ (характерные восточные звукооруды въ музыкѣ кобзарей-бандуристовъ). Перечисленные инструменты употреблялись и для сольной игры (кромя нѣкоторыхъ ударныхъ и др.), и для совмѣстной, но до образованія настоящаго, хотя бы и «великорусскаго» оркестра дѣло не доходило. Существованіи скудныхъ и мало надежныхъ данныхъ, разбѣянныхъ въ древнерусскихъ историческихъ памятникахъ, указываютъ на весьма ограниченный и случайный составъ нашихъ древнихъ инструментальныхъ ансамблей. Отсюда очевидна безспорность современныхъ quasi-патріоти-

ческих попытокъ возстановить «древній великорусскій» оркестръ изъ *азиатскій* домръ-баладакъ *новѣйшей* постройки и конструкціи. Напротивъ, есть указанія на то, что наши древніе «оркестры» преимущественно были духовые. Рейтенфельсъ («De rebus Moscho-viticis», 1680, III, гл. 13) говоритъ, что «Московиты» «въ весьма пріятномъ согласіи» исполняютъ музыку на духовыхъ инструментахъ (трубахъ, бубнахъ, сурнахъ, сопляхъ и волынкахъ) и, наоборотъ, ненавидятъ «всякое созвучіе голоса и струнныхъ инструментовъ, это согласное разногласіе» («concordem discordiam»). Во французскомъ собраніи путешествій («Voyages historiques de l'Europe par M. de B. F., Moscovie», первое изд. 1698 г.) говорится, что музыка русскихъ состоитъ изъ гобоевъ (суръ) и волынокъ (de hautbois et de cornemuses). О качествѣ исполнявшейся на этихъ инструментахъ музыки судить весьма трудно, по скудости и разорѣчю свидѣній. Въ то время, какъ Рейтенфельсъ свидѣтельствуеетъ о «весьма пріятномъ согласіи» нашего духового «оркестра», Корбъ, слышавшій нашу военную музыку въ концѣ XVII стол., уже во времена Петровскихъ нововведеній, говоритъ, что музыканты играли пѣсни «болѣе похожая на погребальныя, чѣмъ на воинскія», и скорѣе наводили тоску, чѣмъ воинственное оудушеніе, «не умѣя примѣнить музыку къ болѣе благодарнымъ побужденіямъ». Беръ, описывающій свадьбу самозванца, говоритъ, что послѣ вѣнца московскіе музыканты, стоявшіе надворъ, производили «страшный громъ и трескъ» своими трубами и барабанами. Едва-ли мы сильно ошибемся, предположивъ, что художественность и музыкальное содержаніе оркестровой музыки нашихъ предковъ стояли немногимъ выше, чѣмъ оркестровое исполненіе какихъ-нибудь бухарскихъ или хивинскихъ туземныхъ придворныхъ оркестровъ, состоявшихъ до недавняго времени изъ такихъ же сурначевъ, трубачей и накрачевъ, какіе входили въ составъ старинныхъ московскихъ оркестровъ. Если и были здѣсь какіе-нибудь самобытные начатки гармоніи и контрапункта, то они ничѣмъ существенно не отличались отъ подобныхъ же зачатковъ, наблюдаемыхъ въ исполненіи современныхъ хоровъ рожечниковъ или въ хоровомъ пѣніи русскаго народа. Самостоятельное развитіе этихъ зародышей инструментальной музыки, едва-ли и возможное при совокупности условій духовнаго развитія въ древней, до-Петровской Руси, остановилось въ самомъ началѣ, прерванное вторженіемъ къ намъ въ XVIII в. готовыхъ западно-европейскихъ формъ и средствъ инструментальной музыки. Проникать къ намъ, впрочемъ, они начали еще раньше. Еще въ 1490 г. ко двору Іоанна III былъ выписанъ «органный игрецъ». При Іоаннѣ Грозномъ въ Москвѣ жили нѣмцѣе музыканты. Царю Ѳеодору Іоанновичу англійскій посолъ Горсей привезъ въ подарокъ отъ своей государыни органы и клавиорды, вмѣстѣ съ музыкантами, умѣвшими на нихъ играть. Народъ толпился тысячами около дворца, желая ихъ послушать. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ выписы-

ваются нѣмцы Ансъ и Мелкартъ: Луны, органный дѣла мастера, привезшіе съ собою «стременинъ на органное дѣло», который они въ Москвѣ «доудѣляли». Царю такъ понравилась эта заморская выдумка, что онъ поручилъ Лунамъ, прожившимъ въ Москвѣ 8 лѣтъ, обучить органному дѣлу и русскихъ учениковъ. Русскіе ученики Луновъ настолько научились органному мастерству, что Михаилъ Ѳеодоровичъ могъ послать одинъ изъ органовъ ихъ работы въ Персію, шаху. Органы заводили и бояре. При комедійныхъ дѣйствахъ царя Алексѣя Михайловича (1674 г.) «на арнахахъ играли нѣмцы да люди дворовые боярина Артемона Серг. Матвѣева», который въ 1673 г. завелъ даже особую школу (первую русскую «консерваторію»), гдѣ обучались музыкѣ и сценическому искусству русскіе ученики. Въ числѣ вещей кн. Голицыныхъ, взятыхъ въ казну въ 1690 г., показана цѣлая коллекція музыкальных инструментовъ и въ томъ числѣ органовъ (см. ст. В. Стасова: «Нѣмцѣе органы у русскихъ любителей», «Истор. Вѣстникъ», 1890, № 11). Въ 1672 г. въ Москву прибыла странствующая нѣмецкая труппа, которой было позволено дать во дворцѣ представленіе. Не только зрѣлище, но и сопровождаящая его музыка произвели, по свидѣтельству Рейтенфельса, большое впечатлѣніе на московскую публику. Сначала царь былъ противъ музыкальной стороны этихъ представленій, считая музыку дѣломъ языческимъ; но когда ему сказали, что музыка необходима для танцевъ, онъ пересталъ противиться. До насъ дошелъ отрывокъ изъ музыки къ одному изъ «кседійныхъ дѣйствъ»—«Іудіонъ» (см. Шляшкинъ: «Царевна Наталья Алексѣевна и театръ ея времени», СПб. 1898, стр. V—VI). Это—часть пѣсни еврея Амареала въ осажденной Веуулѣ, мѣстами обнаруживающая вліяніе европ. музыки (каденція въ концѣ отрывка), мѣстами напоминающая наше обычное церковное пѣніе, отъ котораго она отличается хроматизмомъ (весьма умѣреннымъ) и присутствіемъ модуляцій въ другіе тоны (насколько можно судить по одной части дѣйствія). Сопровожденіе этой музыки не дошло до насъ, хотя нѣкоторые мѣста мелодіи заставляютъ думать, что оно существовало. Отношеніе этой музыки къ музыкѣ М. Левенгерна, написанной для драмы Мартина Опица: «Judith» (Ростокъ, 1646), еще не выяснено. Спектакли съ музыкаю сдѣлались любимымъ и обычнымъ увеселеніемъ при дворѣ царя Алексѣя Михайловича. Все это подготовляло почву для воспріятія той струи западно-европейскаго музыкальнаго вліянія, которая хлынула къ намъ въ XVIII в.

2) *Церковная музыка.* Православная русская церковь, какъ и греческая, искони допускала въ богослуженіи только вокальную музыку—пѣніе. Отсюда отсутствіе у насъ инструментальной церковной музыки. Начало нашего церковнаго пѣнія, первично—только мелодическаго, однородно съ началомъ христіанства на Руси. Владиміръ Равноапостольный, послѣ своего крещенія въ Корсуні, привезъ съ собой въ Кіевъ дѣстевенниковъ (т. е. пѣвцовъ) «отъ славянъ» (конечно—болгаръ), присланныхъ ему византійскими императорами.

ромъ и патриархомъ. Съ царицей Анной при-
были въ Кіевъ греческіе пѣвцы, прозванные
«царицынями». Наше древнѣйшее церковное
пѣніе явилось къ намъ, такимъ образомъ,
вполнѣ готовымъ и было византийскаго про-
исхожденія. Въ XI вѣкѣ греческіе пѣвцы-
учители насаждаютъ у насъ «изрядное осмо-
гласіе» (т. е. систему восьми греческихъ
гласовъ или напѣвовъ, положенныхъ въ ос-
нову нашего богослужебнаго пѣнія). Возни-
каютъ школы пѣнія въ Смоленскѣ, Новгоро-
дѣ, во Владимірѣ, а также «крылосы», т. е.
пѣвческіе хоры въ разныхъ городахъ. Со-
хранились извѣстія и о «гораздыхъ» (свѣду-
щихъ, опытныхъ) пѣвцахъ, прославленныхъ
современниками за ихъ искусство (можетъ
быть, не только пѣвческое, но и композитор-
ское). Церковное пѣніе знали и любили и
свѣтскіе люди: лѣтопись сообщаетъ, что князь
Борисъ псалмы передъ своею кончиной;
кн. Михайлъ Тверской «бѣ зѣло любий цер-
ковное пѣніе». Есть указанія, что и народъ
иногда принималъ участіе въ церковномъ пѣ-
ніи, напр. при перенесеніи мощей свв. кн.
Бориса и Глѣба. Соборъ 1274 г. выразилъ
желаніе, чтобы церковное чтеніе и пѣніе
производилось людьми особо для того по-
священными. Въ XI и XII вв. начинаютъ за-
мѣчаться у насъ и самостоятельныя попыт-
ки если не композиторства, то по крайней
мѣрѣ «распѣва» новыхъ текстовъ на извѣст-
ныя уже мелодіи, что, во всякомъ случаѣ, тре-
бовало извѣстной сноровки и музыкальности.
Стихиры на перенесеніи мощей св. Николая
въ Баръ-градъ (1087), Θεοδοію Печерскому
(1095), въ честь св. кн. Бориса и Глѣба (1108)
составлены русскими пѣвцами и встрѣчаются
уже въ древнѣйшихъ нашихъ пѣвческихъ кни-
гахъ XII в. Первоначальныя наши нотныя
книжки представляли два текста: греческій и
славянскій. Послѣднему отводилось главное
мѣсто, но греческій текстъ держался долго,
еще въ половинѣ XIII в., въ виду плохого
знанія славянскаго языка первыми іерарха-
ми-греками. Нерѣдко одинъ клиросъ пѣлъ по-
гречески, а другой по-славянски. Нотація на-
шихъ древнихъ пѣвческихъ книгъ состояла
изъ особыхъ знаковъ, называвшихся *знаме-
нами*, *столами*, позже *крылками* или *крыко-
выми знаменами* и ставившихся прямо надъ
текстомъ, безъ всякихъ линеекъ, какъ древ-
негреческіе нотные знаки и средневѣковыя
европейскія невмы. Это обстоятельство по-
зволяетъ предполагать генетическую связь
между всѣми этими родами нотаціи. Древнѣй-
шій видъ этой нотаціи, употреблявшійся съ
XI по XIII в. въ такъ называемыхъ «конда-
карныхъ», носитъ названіе «кондакарнаго зна-
мени»; ключа къ его пониманію мы до сихъ
поръ не имѣемъ, что лишаетъ насъ древнѣй-
шаго и потому въ высшей степени важнаго въ
научномъ отношеніи историческаго матеріала.
Рядомъ съ кондакарнымъ знаменемъ нахо-
димъ и «столовое» знамена, которая во-
слѣдствіемъ совсѣмъ вытѣснила кондакарную
нотацію. Терминъ «столовое» знамя, пови-
димому, происходилъ оттого, что имъ изобра-
жалось «осмогласное» богослужебное пѣніе,
порядокъ же послѣдованія гласовъ назывался

«столопомъ». И та, и другая нотаціи едва-ли
опредѣляли точно не только ритмическое зна-
ченіе тоновъ, но и ихъ относительную вы-
соту: скорѣе это были мнемоничскіе знаки,
долженствовавшіе напоминать пѣвцу мелодію,
знаніе которой приобрѣталось путемъ прак-
тическаго обученія въ школахъ, частью исклю-
чительно пѣвческихъ, частью общеобразова-
тельныхъ. Древнѣйшіе памятники «столо-
вого», «знаменнаго» или «крыковаго» пѣнія
не восходятъ далѣе XII в. («стихирарь»
1152 г.). Сохранившійся въ этихъ памятникахъ
«столовой» или «знаменный» распѣвъ яв-
ляется самымъ древнимъ и основнымъ изъ
всѣхъ прочихъ нашихъ церковныхъ распѣ-
вовъ (ново-греческаго, болгарскаго, кievскаго,
разныхъ мѣстныхъ и т. д.). О. Разумовскій
 («Церковн. пѣніе въ Р.», стр. 155) считаетъ
знаменный распѣвъ «греко-славянскимъ», об-
разовавшимся изъ древнегреческаго пѣнія въ
славянскихъ земляхъ и получившимъ тамъ и
свою особую нотацію. Это предположеніе под-
тверждается рядомъ пѣвческихъ терминовъ
болгарскаго и греческаго происхожденія. По
общераспространенному взгляду историковъ
нашего церковнаго пѣнія, знаменный распѣвъ
за время съ XII по XIV в. не измѣнился
существенно ни въ мелодическомъ отношеніи,
ни въ способѣ изображенія и видѣ «знаменъ».
Въ концѣ XIV в. древнее столовое знамя
дѣлается скорписнымъ и менѣе каллиграфич-
ескимъ, но еще въ началѣ XVI в. мелодія
его и число самыхъ письменныхъ знаковъ
или знаменъ остаются тѣ же, какъ и въ XII
в. Изученіе знаменнаго пѣнія совершалось
сначала безъ помощи какихъ-либо письмен-
ныхъ руководствъ; единственнымъ пособіемъ
служили «разводы», т. е. изображенія «много-
степенныхъ» знаменъ (гдѣ одна фигура изо-
бражала нѣсколько нотъ) съ помощію «едино-
степенныхъ» знаменъ, появлявшихся въ кон-
цѣ XIV и началѣ XV в. Только со второй
половины XV в. являются настоящіе руко-
водства къ чтенію знаменъ, въ формѣ особыхъ
приложеній къ разнымъ нотнымъ книгамъ,
преимущественно къ ірмологамъ и стихирарямъ.
Въ концѣ XV в. начинаются измѣненія и въ
самой мелодіи знаменнаго распѣва, подверг-
шейся расширенію посредствомъ варіантъ и
особыхъ вставныхъ пространныхъ мелодій
(такъ называемыхъ *лима* и *вѣты*), а частью и
искаженію, происходившему отъ упадка школъ
и вообще духовной культуры Руси подъ влі-
аніемъ татарскаго ига. Менѣе пострадала
отъ татаръ сѣверная Русь—и въ Новгородѣ
еще въ началѣ XV в. были хорошіе пѣвцы
(нонтородскіе крылошане). Уже въ концѣ
XV в., однако, встрѣчаются жалобы архіепис-
копа Геннадія на то, что въ Новгородѣ
«подъяки — ребята глуые и озорные; мужи-
ки озорные на клиросѣ поють». Школы того
времени ничего не могли сдѣлать для пра-
вильной подготовки пѣвцовъ. Къ ошибкамъ и
искаженіямъ мелодіи, происходившимъ отъ
невѣжества, присоединилось еще измѣненіе
самаго текста знаменныхъ пѣснопѣій, вы-
званное стремленіемъ сохранить самый на-
пѣвъ въ древнемъ его видѣ неприкосновен-
но. Церковныя пѣснопѣнія распѣты были

знаменнымъ распѣвомъ еще въ то время, когда *з* и *и* произносились если не во всѣхъ, то по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ положеніяхъ въ словѣ. Въ древнѣйшихъ памятникахъ знаменнаго пѣнія мы находимъ нѣрѣдко одинаковое положеніе на ноты какъ слоговъ съ гласными *а, о, у, и* и т. д., такъ и слоговъ съ гласными *з* и *и*. Когда въ древнерусскомъ языкѣ гласные *з* и *и* совершенно исчезли въ открытыхъ слогахъ, а въ закрытыхъ превратились въ *о* и *е*, ноты знаменной мелодіи во многихъ мѣстахъ пришлось уже на согласные звуки, вслѣдствіе чего нѣкоторые ноты оказывались какъ-бы лишними, ненужными. Чтобы сохранить ихъ въ неприкосновенности, на мѣсто исчезнувшихъ *з* и *и* подставлены были въ текстѣ гласные *о* и *е*, развивавшіеся изъ этихъ звуковъ только въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ положеніяхъ. Переходъ гласныхъ *з* и *и* въ *о* и *е* при указанныхъ условіяхъ произошелъ уже къ XIII в.; между тѣмъ въ нотныхъ книгахъ замѣна *з* и *и* посредствомъ *о* и *е* сказывается лишь въ началѣ XIV в., а измѣненіе текста нотныхъ книгъ въ указанномъ направленіи происходитъ еще позднѣе—въ концѣ XIV и началѣ XV в. Измѣненіе это коснулось только текстовъ для пѣнія; тексты для чтенія ему не подверглись. Отсюда сильная разница между текстами для пѣнія и текстами для чтенія, получившая имя «раздѣльнорѣчія». Образчикомъ такого «раздѣльнорѣчія» можетъ служить слѣдующій отрывокъ: старый текстъ («старое истиннорѣчіе») — *спръхнхъомо, беззаконоваго, не оправдихомъ предъ тобою, ни соблюдохомъ, ни сотворихомъ, якоже заповѣда намъ, но не предаждь насъ до конца отеческии Божие*; новый текстъ (1515 г., «раздѣльнорѣчіе») — *согръхнхъомо и беззаконоваго, не оправдихомъ передо тобою, ни соблюдохомъ, ни сотворихомъ, якоже заповѣда намъ, но не предаждь насъ до конца отеческии Божие*. Благодаря часто встрѣчающемуся слогу *гомо*, въ народѣ такое исполненіе богослужебнаго пѣнія стали звать *гомовымъ* пѣніемъ; отсюда грецизованная форма *гомони*. Въ связи съ этимъ явленіемъ въ исторіи одноголоснаго духовнаго пѣнія Р. различаются три періода: 1) *старога истиннорѣчія* или *праворѣчія* (съ XI до XIV в.), 2) *раздѣльнорѣчія* или *гомони* (съ XIV в. до второй половины XVII в., когда приняты были мѣры къ исправленію текста) и 3) *нового истиннорѣчія* (со времени исправленія текста до сихъ поръ). Въ началѣ XVI в. мы находимъ повсемѣстное настроеніе и безурядицу въ церковномъ пѣніи, рядомъ съ усиленіемъ *гомони*, особенно рѣзко разошедшейся къ этому времени съ живой разговорной рѣчью и церковнымъ чтеніемъ. «Знаменное» письмо къ началу XVI в. также усложнилось; число крюковыхъ знаменъ увеличилось (явилось немало новыхъ варіантѣ уже прежде извѣстныхъ знаменъ). Въ текстѣ являлись различныя вставки, не имѣющія никакого отношенія къ тексту и вводившіяся только для большаго протяженія напѣва и приданія ему вѣщей торжественности. Таково, напр., болгарское слово *хубово* («красиво, хорошо») или *хабува*. Сначала оно писалось въ

сокращеніи на поляхъ нотныхъ книгъ; въ началѣ XV в. оно уже выписывается вполнѣ, а въ концѣ XV в. и началѣ XVI в. вносится въ текстъ и поется вмѣстѣ съ нимъ. Подобныя вставки назывались «попѣвками» и встрѣчаются себѣ параллель въ греческихъ «кратиматахъ», употребительныхъ и донынѣ у болгаръ и грековъ (на Аѳонѣ, въ Пантелеймоновскомъ монастырѣ), напр. въ видѣ припѣва «терирѣмъ, те терирѣмъ, терирѣмъ». «Попѣвки» эти расправлялись съ терирѣмъ времени все больше и больше на счетъ текста, нѣрѣдко достигая чудовищныхъ размѣровъ (см. С. В. Смоленскаго, «О собраніи русс. древнепѣвческихъ рукописей въ Моск. Синод. училищѣ перс. пѣнія», «Рус. Музык. Газета», 1899). Въ старообрядческомъ современномъ пѣніи сохранилась попѣвка «аненайка». Наконецъ, въ первой половинѣ XVI в. явилось совмѣстное пѣніе въ два и три голоса нѣсколькихъ пѣснопѣйныхъ съ разными текстомъ, вытекавшее изъ желанія сократить продолжительность службы, не погрѣшая противъ устава, требовавшего исполненія всѣхъ показанныхъ пѣснопѣйныхъ. Всѣ эти неурядицы церковнаго пѣнія начинаютъ обращать на себя вниманіе правительства и высшаго духовенства. Въ 1503 г. издается распоряженіе о пополеніи «клериковъ» опытныхъ пѣвцами изъ вдовыхъ священниковъ и діаконовъ. Была сдѣлана даже неудавшаяся, изъ-за вражды съ Ливонскимъ орденомъ, попытка выписать изъ-за границы опытныхъ въ церковномъ пѣніи лицъ. Іоаннъ Грозный, самъ большой любитель церковнаго пѣнія и даже композиторъ стихиръ русскимъ святымъ (хранятся въ бібліотекѣ Троицко-Сергіевской лавры), обратилъ вниманіе Стоглаваго собора (1551) на укоренившіеся въ церковномъ пѣніи безпорядки. Соборъ устранилъ совмѣстное пѣніе нѣсколькихъ текстовъ и положилъ начало «книжнымъ училищамъ», гдѣ должно было изучаться, между прочимъ, пѣніе. Благодаря этому явилось много знающихъ и талантливыхъ мастеровъ церковнаго пѣнія, отъ которыхъ, впрочемъ, до насъ дошли только имена. Въ разныхъ мѣстахъ Р. духовные композиторы полагаютъ на ноты разные еще не «роспѣтыя» пѣснопѣнія. Средоточіемъ этой дѣятельности служилъ Москва, гдѣ славились хоръ царя Іоанна Грознаго. Новыя мелодіи эти получаютъ разные обозначенія, отличающиеся другъ отъ друга не характеромъ, а большей или меньшей широтою развитія извѣстной мелодической основы: «*малое знамя, ино знамя, иго растѣе, иго переводо, большое знамя, большой растѣе, тутъ*» и т. д. «Малое знамя» отличалось краткимъ изложеніемъ мелодической основы, «ино знамя» представляло уже большую распространенность напѣва, а «путевой распѣвъ» былъ самымъ расширеннымъ и цвѣтистымъ видомъ знаменной мелодіи, въ свою очередь представляя извѣстныя разновидности: *путь прибыльный, путь монастырскій, къ путю прикладъ* и т. д. Знаменныя мелодіи, разнившіяся въ частностяхъ, получали названія разныхъ «переводовъ»: средній, большой, новгородскій, псковскій и т. д. Особое распространеніе и употребленіе получили эти «переводы» въ XVII в., послѣ

учреждения патриаршества (въ 1589 г.), требовавшая большей торжественности служения. При всем своем разнообразии, знаменныя мелодіи все-таки сохраняли основной характер того или другого церковнаго гласа, подвергая только его мелодическую основу широкой вариации и расширенію. Мелодіи, слишкомъ удалявшіяся отъ этой основы, получали названіе «произволь». «Произвольнымъ» распѣвкомъ были, напр., головчикъ Троихи-Сергіевской лавры Логинъ († 1635), о которомъ архим. Діонисій говорить, что онъ «знамя пѣню полагаетъ какъ хочеть». Въ XVII в. явились у насъ и другіе распѣвы (греческій, болгарскій, кievскій), которые, однако, не были въ состояніи вытѣснить знаменный. Знаменный распѣвъ сохранился и до нашего времени, какъ въ древнихъ крюковыхъ рукописяхъ, такъ и въ печатныхъ линейныхъ нотныхъ книгахъ, издающихся Синодомъ съ 1772 г. Онъ представляетъ три главныхъ вида: *распространенный* или *большой*, отличающійся особой пространностью и цвѣстностью мелодіи и употребляемый по большимъ праздникамъ; *средній* или *обычный большой*, менѣе пространный и цвѣстистый, употребляемый по воскреснымъ днямъ; *малый*, состоящій изъ сжатыхъ и краткихъ напѣвовъ, употребляемыхъ въ торжественнаго богослужения. Первый видъ представленъ сборникомъ «Праздники нотнаго пѣнія», обычнй большой — Октоихомъ, а малый — «самогласнымъ» стихирами и подобаи Октоиха. Малый распѣвъ сложился у насъ къ концу XVI в. и представляется частью сокращеніемъ, частью кореннымъ измѣненіемъ мелодіи большого распѣва, съ сохраненіемъ, однако, его основнаго лада и законовъ строенія. Средній распѣвъ имѣетъ болѣе древнее начало (см. Вознесенскій, «О церковномъ пѣніи правос. греко-россійской церкви. Большой и малый знам. распѣвъ», вып. I, изд. 2, Рига, 1890; вып. II: «Нотныя приложенія», Рига, 1889). Кромѣ главныхъ видовъ знаменнаго распѣва, у насъ существовали и другіе полные мѣстные распѣвы, родственные знаменному: южно-русскій распѣвъ, московскаго большого Успенскаго собора и др. Развитие и усложненіе знаменной мелодіи отозвалось и на знаменной нотации. Въ XVI в., особенно въ концѣ его, и въ началѣ XVII в. число знаменныхъ знаковь сильно увеличилось и они получили различное изображение и звуковое значеніе. Разные «мастера» пытаются примѣнить особа «помѣты» (писавшіяся киновою) или «помѣтныя буквы» для точнаго указанія высоты звука, но только новгородцу Ивану Акимовичу Шайдурову удалось (въ концѣ XVI в.) дать такую систему «красныхъ» помѣтъ, которая получила всеобщее признаніе и употребленіе; она была изложена имъ въ особой «грамматикѣ». Здѣсь впервые излагается ученіе о «триестествогласіи» или трезвучіи, даются правила гармоніи и указываются предѣлы для мелодическихъ скачковъ голоса (не болѣе чѣмъ на кварту). Въ XVI в. входитъ въ употребленіе особая нотация и для дѣмественнаго распѣва, явившагося у насъ еще при Ярославѣ. Знаки этой нотации взяты изъ знаменной, но имъ

приданы другое значеніе и комбинаціи. Дѣмественный распѣвъ отличался болѣею свободой и разнообразіемъ, чѣмъ знаменный, такъ какъ не былъ связанъ системою восьми «гласовъ». Въ концѣ XVI в. дѣмественное пѣніе употреблялось иногда, въ торжественныхъ случаяхъ, и въ церковной службѣ (величанія, праздничныя стихиры, многолѣтія и т. п.). Во второй половинѣ XVII в. оно вывелось изъ церковной службы, а въ домашнемъ быту было замѣнено пѣніемъ «исальмъ». Во второй половинѣ XVI в. явилась еще одна новая нотация — такъ назыв. *казанское* знамя (въ честь взятія Казани), изобрѣтенное пѣвчими дяками Іоанна Грознаго и представившее собою смѣсь знаковь знаменной нотации съ знаками дѣмественной. Въ послѣдствіи оно стало употребляться наравнѣ съ знаменной системою. Въ началѣ XVII в. появляются руководства для изученія и той, и другой системы, какъ напр. «Книга, глаголемая кокизы (примѣры, парадигмы), сиречь ключъ столповому и казанскому знаменю». Существовали и другія нотации, не получившія большого пространства — *знамя путевое*, *буквенная нотация* и др. Знаменная нотация второй половины XVII в. значительно развилась отъ древнѣйшей во внѣшнемъ отношеніи: почеркъ письма становится болѣе каллиграфическимъ и изысканнымъ, сравнительно съ болѣе раннимъ скорописнымъ. Послѣдняя реформа, которой подверглась знаменная или крюковая нотация — приспособленіе ея къ печатанію типографскимъ способомъ. Реформа эта совпала съ исправленіемъ «хомоваго» текста нотныхъ книгъ «на рѣчь», т. е. сближеніемъ пѣвшагося текста съ формами живой рѣчи и церковнаго чтенія. Непорядки церковнаго пѣнія все еще продолжали держаться. Совмѣстное пѣніе и чтеніе въ два, три, четыре, «а индѣ въ пять и шесть» голосовъ вызвало осужденія патріарховъ Гермогена и Іоасафа. Частныя попытки устранить «хомонію» начинаются еще въ началѣ XVII в. Въ нотныхъ книгахъ временъ Михаила Ѳеодоровича можно встрѣтить отмѣтки: «на рѣчь» или «до тѣхъ мѣстъ справишь» и т. д. Но попытки эти велись неуспѣшно, каждымъ «мастеромъ» по своему собственному почину и на своей собственности лады, что еще болѣе портило дѣло. Къ старымъ неурядицамъ присоединилась еще и недобросовѣстность «мастеровъ» пѣнія, учившихъ пѣти по перепорченныямъ и не съ прилежаніемъ, дабы кто изъ учениковъ ихъ не былъ гораздѣе ихъ». Среди самихъ иерарховъ тоже было немалое «разгласіе». Когда Никонъ сталъ у себя въ новгородской митрополіи править пѣвческіе тексты «на рѣчь», онъ встрѣтилъ противодѣйствіе патріарха Іосифа. Въ 1668 г. учреждена была коммиссія изъ шести человѣкъ, во главѣ которой сталъ справщикъ моск. печатнаго двора, извѣстный знатокъ крюковаго пѣнія, старецъ Александръ Мезенцевъ. Коммиссія собрала древнія нотныя рукописи за 400 и болѣе лѣтъ и по нимъ выправила «на рѣчь» хомовыя пѣвческія книги. Чтобы окончательно закрѣпить результатъ работъ коммиссіи, рѣшено было отпечатать правленныя книги крюковой нотацией. Рѣ-

женіе это встрѣтилось съ технической типографской трудностью печатанья рядомъ черныхъ тушевыхъ знаменъ и красныхъ киноварныхъ помѣтъ, введенныхъ Шайдуровымъ. Пришлось пожертвовать послѣдними, замѣнивъ ихъ черными же тушевымъ «призначными помѣтками» или «признаками». Все уже было готово, но осуществить составленный планъ не удалось, вслѣдствіе возникшаго спора о преимуществахъ киноварныхъ помѣтокъ и черныхъ признаковъ, а также упреждающаго и тѣ, и другіе быстрого распространенія пятилинейной нотной системы (съ квадратными нотами), заимствованной нами изъ юго-западной Руси (такъ назыв. «кѣвское знамя»). Особенности крюковой или безлинейной нотации, въ ея окончательно сложившемся къ концу XVII в. видѣ, изложены въ «Азбукѣ знаменнаго пѣнія» («Извѣщеніе о согласнѣйшихъ помѣтахъ») старца Александра Мезенца (изд. С. В. Смоленскій, Казань, 1888, съ обширными и цѣнными введеніями). Крюковая нотация держится еще у единоутрѣбъ, безпоповцевъ и поповцевъ. Въ православной церкви она почти совсѣмъ вытѣснена пятилинейной квадратной (кѣвской) и круглой (европейской) нотацией. Возвращеніе къ ея употребленію, какъ мечтаютъ нѣкоторые энтузіасты-археологи, едва-ли осуществимо. Пятилинейная квадратная нотация введена у насъ впервые Никономъ въ бытность его архіепископомъ новгородскимъ (первыя линейныя рукописи, 1652 г., сохраняются въ бібліотекѣ основаннаго Никономъ Воскресенскаго или Ново-Іерусалимскаго монастыря). Сдѣлавшись патриархомъ, онъ всесильно старался распространить ея въ Р. Рядомъ съ линейной нотацией нерѣдко употребляли и крюковую, часто даже одну надъ другой. Борьбѣ съ линейной нотацией крюковая, однако, не могла: простота и опредѣленность первой давали ей громадное преимущество. При Петрѣ Вел. она получила полное господство. Напротивъ, крюковая нотация начинаетъ приходить въ забвеніе, такъ что уже въ концѣ XVII в. являются ключи къ безлинейнымъ нотамъ, столбованнымъ линейными, какъ напр. «Сказаніе о нотномъ гласобѣжаніи и о патерныхъ знаменныхъ помѣтахъ и о знаменіи нотномъ», монаха Тихона Макарьевского, бывшаго до 1691 г. келаремъ патриарха Адріана (полныя экземпляры рукописи—въ бібліотекахъ Моск. и Спб. духовныхъ академій). Изъ другихъ, кромя знаменнаго, получившихъ общее употребленіе сносгласныхъ полныхъ распѣвъ особое значеніе имѣютъ *кѣвскій, греческій и болгарскій*. Первый образовался изъ знаменнаго распѣва въ Галиціи и на Волыни, еще до соединенія юго-западной Руси съ сѣверо-восточной, и обработанъ гармонически главнымъ образомъ православными юго-западными братствами въ концѣ XVI и началѣ XVII в. Онъ черпалъ также матеріалы изъ распѣвъ греческаго, южно-русскаго и болгарскаго. Въ Москвѣ кѣвскій распѣвъ сдѣлался извѣстенъ около середины XVII в. и отсюда распространился по всей Россіи. По количеству пѣснопѣній, распѣтыхъ имъ, онъ слѣдуетъ за знаменнымъ и до сихъ поръ въ болѣе

употреблении. Киевские напѣвы кратки, просты и удобоспоплыми во всякаго рода богослужении (см. Вознесенскій, «Осмогласные роспѣвы трехъ послѣднихъ вѣковъ православной русской церкви. I. Киевскій роспѣвъ», Киевъ, 1888). Греческій роспѣвъ занесенъ въ Россію изъ Греціи во второй половинѣ XVI в. и въ первой половинѣ XVII в., частью черезъ южныхъ славянъ и югозападныхъ братства, сносившіяся съ греками, частью прямо изъ греческихъ нотныхъ книгъ, собиравшихся Никономъ, и отъ греческихъ выходцевъ и пѣвцовъ, попадавшихъ въ Москву вмѣстѣ съ восточными патріархами. Въ концѣ XVII в. греческій роспѣвъ, вмѣстѣ съ кѣвскимъ, получили у насъ всеобщее употребленіе. Изображались мелодіи греческаго распѣва частью нашей крюковой нотацией, частью линейной кѣвской, и нотированы были, очевидно, уже у насъ въ Москвѣ, вѣроятно—непосредственно, съ голоса греческихъ пѣвцовъ. Греческій роспѣвъ примѣненъ главнымъ образомъ къ пѣнію *тропарей* и *кондаковъ*, частью *ирмосовъ* воскресныхъ, а также и вообще къ торжественному праздничному пѣнію (пасхальному и др.). Онъ пользовался любовью Петра Великаго, который принималъ личное участіе въ исполненіи греческихъ напѣвовъ. Систематическихъ сборниковъ пѣснопѣй греч. распѣва нѣтъ; напѣвы его разсыпаны въ разныхъ крюковыхъ и линейныхъ рукописяхъ XVII и XVIII вв., а впоследствии—въ разныхъ печатныхъ нотныхъ книгахъ (синодальномъ «Обиходѣ» съ 1772 г., «Ирмолотѣ и др.). При заимствованіи греческіе подлинныя напѣвы подвергались и пропущенію, и передѣлкѣ, сообразно съ привычками, пріемами, вкусамъ и музыкальными знаніями нашихъ пѣвцовъ (см. Вознесенскій, «Осмогласные роспѣвы трехъ послѣднихъ вѣковъ православной русской церкви. III. Греческій роспѣвъ въ Россіи», Киевъ, 1893). Болгарскій роспѣвъ не имѣетъ ничего общаго съ настоящимъ древнеболгарскимъ распѣвомъ; онъ принесенъ въ Москву пѣвцами юго-западныхъ братствъ и другими переселенцами изъ юго-западной Руси, гдѣ онъ становится извѣстнымъ лишь въ XVII в. У насъ онъ довольно скоро распространился и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ получалъ широкое употребленіе, особенно въ хоровомъ клиросномъ пѣніи. У одноголосныхъ клиросныхъ пѣвцовъ онъ не привился и скоро былъ вытѣсненъ греческимъ распѣвомъ. Своимъ довольно искусственнымъ построеніемъ и характеромъ мелодіи, пространной и съ оригинальными оборотами (можетъ быть, родственными народно́й славянской пѣснѣ), болгарскій роспѣвъ рѣзко отличается отъ другихъ нашихъ распѣвовъ и хотя и основанъ на системѣ византийскаго осмогласія, но не представляетъ ближайшаго сходаства съ византийскими гласовыми напѣвами. Характерной особенностью его является симметричность ритма и такта, укладывающихся почти всегда въ $\frac{4}{4}$ размѣръ, а также и ясно проглядывающая мѣстами гармоническая основа мелодіи, указывающая на вліяніе западной европейской гармонизаціи, вплоть возможное на юго-западѣ Россіи. Этими сторонами онъ близко напоминаетъ поздніе сербско-болгар-

скіе напѣвы, изданные Корниліемъ Станковичемъ. Сходные съ болгарскими напѣвы были отмѣчены Барскимъ въ началѣ XVIII в. на Авонѣ. Болгарскій распѣвъ нерѣдко именуется распѣвомъ Кіево-Печерской лавры, кіевскимъ или южно-русскимъ. Весьма вѣроятно, что наша редакція болгарскаго распѣва настолько же упрощена и измѣнена, какъ и употребительная у насъ редакція такъ назыв. греческаго распѣва; по крайней мѣрѣ аеонское праздничное пѣніе болгарскихъ монаховъ отличается еще болѣею искусственностью и цвѣтностью. Записанъ былъ болгарскій распѣвъ на юго-западѣ Р. кіевской линейной нотацией, вѣроятно—прямо съ голоса аеонскихъ и болгарскихъ выходцевъ, а потому переведился у насъ и на крюковыя знамена. Кромѣ старыхъ рукописей, имѣющихся въ частныхъ бібліотекахъ, источникомъ для изученія болгарскаго распѣва служатъ юго-западные линейные ирмологи XVII и начала XVIII в., гдѣ онъ встрѣчается рядомъ съ греческимъ и кіевскимъ распѣвами. Въ «Обиходѣ» синодальнаго изданія имѣются лишь немногіе напѣвы этого распѣва. Болгарскій распѣвъ представляетъ два вида: пространный и цвѣтистый *недѣльный*, т. е. воскресный, и болѣе простой, близкій къ речитативу *дневный*, т. е. будничныи. Вообще пѣснопѣіи этого распѣва въ современномъ церковномъ употребленіи остались очень немногіе; образчикомъ можетъ служить пѣснопѣіе «Благообразный Іосифъ», имѣющееся въ прекрасной гармонизаціи Е. С. Азѣва (см. Вознесенскій, «Осмилгласные распѣвы и т. д. II. Болгарскій распѣвъ», Кіевъ, 1891). Всѣ три послѣднихъ распѣва отвергаются нашими старообрядцами, какъ иновѣрные и еретическія новшества патріарха Никона. Кромѣ перечисленныхъ распѣвовъ, у насъ употреблялись и употребляются еще множество разныхъ другихъ неосмогласныхъ и неполныхъ распѣвовъ, ведущихъ свое начало изъ XVI, XVII и даже XVIII вв. Они образуютъ самостоятельныя группы мелодій, которыя, однако, по своей отрывочности не могутъ дать яснаго представления о распѣвахъ, къ которымъ онѣ принадлежали. Нѣкоторыя изъ нихъ носятъ названія по примѣненію ихъ въ богослуженіи (*переносъ поспѣтый, аіосъ надиробный* и т. д.), другія—по особенностямъ напѣва, какъ напр. *Алелуя скогъ, Святый Боже голыка зовока* (и теперь въ церквахъ можно слышать напр. Отче нашъ *съ тичкой*) и т. д., третья—по имени ихъ творцовъ или мѣстностей, гдѣ они употреблялись (напр. распѣвъ Григорія Цамвлаха, митрополита кіевскаго; см. о немъ, какъ о композиторѣ, Филаретъ, «Обзоръ русской духовной литературы», стр. 128—30) (см. Разумовскій, «Церковное пѣніе въ Р.», II, 189). Къ распѣвамъ позднѣйшаго происхожденія, не положеннымъ на старыя знаменныя ноты и потому носящимъ названіе *незнаменныя*, принадлежитъ рядъ обычныхъ напѣвовъ, не представляющихъ стройной самостоятельной системы, но являющихся смѣсю разныхъ распѣвовъ. Строеніе ихъ мелодій—болѣею частью упрощенное и сокращенное, въ зависимости отъ способа усвоенія этихъ

напѣвовъ (болѣею частью устнаго, по памяти и наслышкѣ, безъ помощи нотации, которой они подверглись въ сравнительно недавнее время) и ихъ назначенія для обычнаго клироснаго пѣнія. Къ обычнымъ распѣвамъ принадлежатъ: 1) *петербургскій придворный* (въ «Обиходахъ», гармонизованныхъ Львовымъ и Бахметевымъ); 2) *московскій обычный* (въ «Кругѣ церковныхъ пѣснопѣій обычнаго напѣва московской епархіи»); 3) *киевскій обычный* (въ «Кругѣ обычнаго правосл. церк. пѣнія», собранномъ свящ. Д. Абламскимъ). Многое въ исторіи перечисленныхъ распѣвовъ и ихъ взаимномъ отношеніи представляется неяснымъ или совсѣмъ темнымъ. Труды нашихъ лучшихъ музыкальных археологовъ—кн. Одолевскаго, Сахарова, Ундольскаго, Потулова, о. Разумовскаго, о. Вознесенскаго, Ю. Арнольда, С. Смоленскаго, о. Металлова и др.—только частныя изслѣдованія и этюды, иногда собранія довольно сырого и неполнаго матеріала; даже взятые въ совокупности, они не даютъ полной и всесторонней исторіи нашей древней церковной музыки. Памятники этой отрасли нашего искусства только теперь начинаютъ приводиться въ порядокъ и извѣстность. Многое безвозвратно погибло, частью отъ легкомысленнаго и невѣжественнаго отношенія къ родной старинѣ, частью во время гоненій, воздвигавшихся на нашихъ старообрядцевъ; многое разбросано по частнымъ рукамъ и разнымъ захолустьямъ, но уже и того, что въ настоящее время собрано (напр. въ бібліотекѣ московскаго синодальнаго училища церковнаго пѣнія) достаточно, чтобы, при падающей научной обработкѣ, освѣтитъ неясныя вопросы и дать исторіку русской музыки массу новыхъ фактическихъ данныхъ. Собраніе московскаго синодальнаго училища (см. «Краткое предварительное сообщеніе» о немъ г. Смоленскаго, въ «Русской Муз. Газетѣ» 1899 г.) особенно богато массой «обиходныхъ» знаменитыхъ напѣвовъ (изъ которыхъ въ «Пространный синодальный обиходъ» попала только весьма незначительная часть), пѣвческими сборниками самаго разнообразнаго содержанія, рукописями такъ наз. «трезвонныхъ», т. е. праздничныхъ службъ разнымъ святымъ мѣстнымъ и общимъ (одногласныхъ и хоровыхъ) и болѣе всего «партескими» композиціями конца XVII и начала XVIII в., очень важными въ историческомъ отношеніи.

Начало у насъ гармоническаго или партеснаго пѣнія относится къ XVII в. Родиной его была юго-западная Русь, гдѣ его вызвало къ жизни зап.-европейское вліяніе. Борьба съ унией и католичествомъ, на сторонѣ которыхъ былъ перевѣсъ не только физическій, но и культурной силы, заставляла противодѣйствовать имъ тѣми же средствами, какія употребляли они для привлеченія на свою сторону православныхъ. Отсюда, между прочимъ, юго-западное партесное пѣніе, которое противопоставлено «органному гуденію» католическаго ритуала. Полнотѣ и гармоничности католической органной музыки православная церковь могла противопоставить только «многоголосныя составленія музыкаскія». Православныя юго-западныя братства начинаютъ

заводить при монастырях школы, где учили и церковному пению. Ученики этих школ, вместе с любителями пения, образуют при православных церквях хоры. Отсутствие в церковном уставе прямого запрещения многоголосной музыки и разбильные грамоты греческих патриархов позволили братским хорам воспринять зап.-европейскую гармоническую систему и примыкать ее к хоровой обработке местных («киевских») и заимствованных от греков или южных славян одноголосных напевов. Во то же время юго-западные певцы поддерживали жизненные сношения с южными славянами, румынами и афонскими славянскими монастырями, как хранилищами истинного православия. После брестской унии (1596) эти сношения особенно усилились. Очевидное влияние афонского монастырского пения обнаруживают юго-западные линейные ирмологи XVII—XVIII вв., содержащие в себя такие песнопения, распеты болгарским напевом, которых поются только в афонских монастырях и посвящен афонским местным храмовым праздникам. Из соединения западных и греко-славянских элементов (сохранившегося, быть может, в традиционной гармонизации местных напевов, напр. напевов Киево-Печерской лавры, записанных и изданных г. Малашкиным), а частью и из прямой пересадки западного хорового стиля на почву юго-западной Руси возникло, вероятно еще в конце XVI в. и несомненно к началу XVII в., юго-западное «партезное» пение на 4, 6 и 8 голосов. Гербиний, посетивший Киев в XVII в. (описание его путешествия изд. в Иенѣ, в 1675 г.), пишет, что «грекороссіеяе гораздо святѣе и величественнѣе прославляютъ Бога, чѣмъ римляне», ибо у первых священныя песнопѣнія «ежедневно возглашаются въ храмахъ съ припѣваніемъ народа, на языкѣ родномъ, по правиламъ музыкальнаго искусства. Въ самой зрѣлой и звучной гармоніи слышатся раздѣльно дискантъ, альтъ, теноръ и басъ». Если киево-печерская традиционная гармонизация местных напевов, обличающая несомненно западное влияние, есть пережиток еще со времени Гербинія, сохранившійся въ неприкосновенности, то приходится признать, что чистота и правильность голосоведенія въ юго-западных партесных произведеніях оставляли желать очень многого. Вообще партесныя произведенія юго-западной Руси не дошли до насъ. Даже въ вышеупомянутомъ собраніи московскаго синодальнаго училища юго-западные партесы представлены очень скудно (о церковномъ пѣніи юго-зап. Руси см. изслѣдованіе о. І. Вознесенскаго, «Церковное пѣніе юго-зап. Руси по ирмологамъ XVII и XVIII вв. Вып. I: Составъ, свойства и достоинство напѣвовъ, помѣщенныхъ въ юго-западныхъ ирмологахъ», 2 изд., М., 1898; вып. II: «Сравнительное обозрѣніе церковныхъ пѣснопѣій и напѣва старой юго-западной Руси», М., 1898; вып. III: «Ирмологъ Гавріила Головини 1752 г.», — а также «Кругъ церковныхъ пѣснопѣій по напѣву Киево-Печерской лавры, на 4 голоса», Л. Д. Малашка, М., 1898).

вѣзъ юго-зап. Руса партесное пѣніе перешло и въ московскую. Раньше здѣсь имѣлось только такъ назыв. «строчное» и «трострочное» безлинейное пѣніе, упоминаемое уже во второй половинѣ XVI в. Мнѣніе о существованіи у насъ еще въ XI в. дѣмественнаго пѣнія съ зародышами гармоніи высказано было Сахаровымъ («О русскомъ церковномъ пѣніи», «Журн. Мин. Нар. Пр.», 1849), но источники этого мнѣнія неизвѣстны, и въ статьѣ Сахарова, который не получилъ настоящаго музыкальнаго образованія, вообще не мало ошибокъ. «Строчное» наше пѣніе писалось сначала *казанскимъ знаменемъ* (см. выше), въ видѣ партитуры (въ 2, 3, 4 строки разнаго цвѣта) надъ текстомъ. Трехстрочное пѣніе «единымъ гласомъ» (тоникомъ) наченшеса слогомъ въ трехъ степеняхъ (терція) и пятихъ (квинта), тѣмъ же и гласовъ имѣло три: низъ, путь, верхъ, свой койждо гласъ имущій и во едино согласующійся. Въ зависимости отъ названій «трехъ гласовъ» пѣвцы такого хора назывались: *вершники, нижники, путники*. При четырехстрочномъ пѣніи къ этимъ гласамъ прибавлялись еще *дѣмественики*. Опытный пѣвецъ могъ спѣть каждый изъ названныхъ четырехъ голосовъ. Движеніе мелодіи совершалось во всѣхъ голосахъ въ предѣлахъ одного и того же диатоническаго звукорада. Гармонія, вслѣдствіе упрощенія однихъ мужскихъ голосовъ, имѣла очень тѣсное расположеніе. Основная, обыкновенно знаменная мелодія («*Cantus firmus*») находилась въ среднемъ или нижнемъ голосѣ; остальные голоса только сопровождали ее. Гармонія *строчного* пѣнія, какъ свидѣлствуютъ Шайдуровъ и позднѣйшіе теоретики, Тихонъ Макаревскій и Александръ Мезенцевъ, основывалась на «трѣстествогласіи», т. е. чистомъ трезвучіи въ разныхъ положеніяхъ и обращеніяхъ (примѣръ строчного пѣнія см. у Разумовскаго, «Церк. пѣніе въ Р.», 215—218). Гармоническая сторона этого пѣнія представляется съ современной точки зрѣнія, частію неправильности и ошибки; въ трострочныхъ дѣмественикахъ встрѣчались запрещенныя послѣдовательности квинтъ, октавъ и даже секундъ. Можетъ быть, слухъ современниковъ чувствовалъ эти недостатки, что и сказалось въ отрицательныхъ ихъ отзывахъ объ этомъ пѣніи, представлявшемъ-де собой «несогласное трехгласіе, шумъ и звукъ издающее, и токмо несвѣдущимъ благо мнится, свѣдущимъ же неисправлено быти разумѣется», такъ какъ въ немъ «подоболѣннаго гласу нѣсть, нѣсть и чину гласовнаго (т. е. затемнялся осмогласный напѣвъ), ничтоже есть въ немъ согласно». Другимъ, однако, эта примитивная гармонія правилась, и они называли ее «мусикійскимъ, красногласнымъ составленіемъ, премудрѣйшимъ и спорѣйшимъ». Строчное пѣніе держалось на клиросахъ до начала XVIII в., но затѣмъ, повидимому, очень скорошло въ забвеніе, какъ это видно изъ отзыва о немъ Вортянскаго (не изданная рукопись о трострочномъ пѣніи въ Имп. Публ. Библ.), свидѣтельствующаго, что «рукониси онаго еще существуютъ, но производить онаго и самыя хорошіе старообрядческіе знатоки

не могут». Въ концѣ XVII в. строчное пѣние начинаетъ перелagаться на линейную нотацию. Замѣчательное собраніе демественныхъ партитуръ на два, три и четыре голоса (не старше первой половины XVII в.) имѣется въ библіотекѣ московскаго синодальнаго училища. Матеріальнъ этотъ еще не тронутъ научнымъ изслѣдованіемъ; самое чтеніе этихъ партитуръ крайне трудно. Трудно, также, опредѣлить, имѣется ли какая-нибудь связь между этими начатками гармоническаго пѣнія и позднѣйшими настоящими «партесными» пѣніемъ, явившимся у насъ впервые въ Новгородѣ подъ покровительствомъ Никона. Поморецъ Андрей Денисовъ, называющій его «партеснымъ и многоуугубленнымъ», сообщаетъ, что патриархъ Іосифъ былъ недоволенъ этимъ нововведеніемъ и запрещалъ его («О хомовомъ пѣніи», Псковъ, 1879, стр. 63). Партесное польское пѣніе латинскаго церкви исполнялось еще раньше въ Москвѣ, въ польское костелъ; его слышатъ патриархъ Гермогенъ, оговзавшійся о немъ такъ: «слышати латинскаго пѣнія не могу». Сдѣлавшись патриархомъ, Никонъ такъ же рѣшительно повелъ реформу церковнаго пѣнія, какъ и другихъ сторонъ нашего церковнаго устройства. Онъ пользовался при этомъ покровительствомъ царя Алексѣя Михайловича, въ 1652 г. приказавшаго править текстъ пѣснопѣній и вызвать изъ Кіева пѣвчихъ, свѣдущихъ въ «строчномъ» партесномъ пѣніи. Другіе южнорусскіе пѣвчіе сами отправлялись въ Московское государство, «не хотя своея христіанскія вѣры порушити отъ польскаго гоненія». Партесное пѣніе продолжало встрѣчать осужденіе приверженцевъ старины, находившихъ, что «теперь поютъ многіе стихи ни по-гречески, ни по-славянски, *согласіемъ органнымъ*». Послѣ удаленія Никона соборъ 1666—67 г. постановилъ «церковное все Божіе словословіе, чинно и нематемно и *единогласно* и гласное пѣніе пѣти на рѣчь». Тѣмъ не менѣе въ томъ же году, 7 марта, патриаршіе пѣвчіе исполняютъ на обоихъ клиросахъ трехстрочную «Взбранной воеводѣ». Въ послѣдней четверти XVII в. мы имѣемъ уже на Москвѣ собственныхъ теоретиковъ и композиторовъ партеснаго пѣнія. Таковы были діаконъ Іоанникій Кореневъ, авторъ теоретическаго трактата «Музикія», дополненнаго въ 1681 г. юго-западнымъ теоретикомъ Н. П. Дилецкимъ; іеромонахъ Тихонъ Макарьевскій, написавшій упомянутый выше «ключъ», вторая часть котораго, озаглавленная «Первое ученіе мусикійскихъ согласій» (изд. въ 1877 г. Общ. люб. др. писем., № VI) или «мусикійское ученіе», также вѣроятно принадлежить Дилецкому (см. Металловъ, «Старинный трактатъ по теоріи музыки, составленный киевляниномъ Николаемъ Дилецкимъ», въ «Рус. Муз. Газ.», 1897 г., № 12); Василій Титовъ, государевъ пѣвчій дыкъ, прожившій на музыку стихотв. псалтырь Симеона Полоцкаго, стесиглоусную службу и большое многолѣтіе, исполняемое и теперь,—и др. Дилецкій, почитатель и послѣдователь польскихъ композиторовъ, перевелъ (1679 г.) съ польскаго «на словенскій діалектъ» свою «Идею грамматики мусикійской», представля-

ющую сокращеніе болѣе ранняго его труда: «Грамматика пѣнія мусикійскаго» (Смоленскъ, 1677). «Грамматика» эта была единственнымъ русскимъ учебникомъ теоріи композиціи въ концѣ XVII и болѣе части XVIII в. Дилецкій былъ также композиторомъ многоголосныхъ церковныхъ произведеній. Отъ его земляковъ Колелды, Заславскаго, Закушевича и другихъ осталась громадная масса хоровыхъ сочиненій. Въ библіотекѣ моск. синод. училища въ концѣ 1898 г. было зарегистрировано: 3-хъ голосныхъ сочиненій—258 концертовъ и 6 полныхъ литургій; 4-хъ голосныхъ, только изъ 3-хъ сборниковъ (а всѣхъ ихъ 15)—579 №№; 8-ми голосныхъ—84 концерта и 14 полныхъ литургій; 16-ти голосныхъ — 9 концертовъ, 12 богослужебныхъ пѣснопѣній и 1 литургія; 24-хъ голосныхъ—16 концертовъ, литургій 2 и отдѣльныхъ богослужебныхъ пѣснопѣній 6. Особенно любимое сочетаніе голосовъ—три хора по 4 голоса или 12 голосовъ (33 полныхъ литургій и 477 концертовъ). Сомнительно, чтобы среди этого моря многоголосныхъ композицій нашлось много произведеній, обладающихъ серьезными художественными достоинствами; но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, по свидѣтельству г. Смоленскаго, проглядываетъ несомнѣнный талантъ и хорошая школа. Рядомъ отмѣчается вычурность мелодій, крикливость, безсодержательность имитаций, служащихъ, повидимому, только предлогомъ для щегольства сложностью техники. Наиболѣе обыкновенный типъ четырехголосной гармонизаціи древнихъ распѣвовъ этого времени представлялъ основной напѣвъ въ тенорѣ, позже и въ альтѣ; прочіе голоса давали къ нему самую простую гармонію, при чемъ басъ иногда выдаивалъ быстрые и замысловатые ходы, носившіе заимствованное изъ латинско-польской терминологіи названіе «*эксцеллентованія*» (*excellenter canere*). Иногда это «*эксцеллентованіе*» приводило къ соединенію совсѣмъ несродныхъ гармоній, имѣя, такимъ образомъ, чисто механическій характеръ. Церковная мелодія иногда передавалась и верхними голосами въ секстахъ (любимый пріемъ Борнянскаго и другихъ итальянствующихъ нашихъ церковныхъ композиторовъ) или средними въ терціяхъ. Въ діатонической мелодіи церковнаго напѣва и ея сопровожденіи иногда являлись хроматическіе ходы, нарушавшіе діатоническій характеръ. Въ голосоведеніи не рѣдкою были запретныя послѣдовательности квинтъ и октавъ. Басъ, вслѣдствіе игривости своей, не имѣлъ иногда гармоническаго вѣса, а церковный *cantus firmus* средняго голоса заглушался верхними голосами, такъ что на средній голосъ приходилось ставить болѣе пѣвчихъ. Въ этомъ видѣ неоднократно были гармонизованы почти всѣ русскія пѣвчія книги и почти всѣ обиходные кіевскіе и греческіе напѣвы, а также написана наибольшая часть четырехголосныхъ сочиненій на тексты всенощной и литургій, часть которыхъ уцѣлела до сихъ поръ въ исполненіи. Изученіе этихъ произведеній можетъ раскрыть происхожденіе разныхъ мѣстныхъ анонимныхъ церковныхъ композицій (херувимскихъ, «Милость мира» и т. д.), ко-

сящихъ названія въ родѣ «Старо-Симоновской», «Ипатьевской», «Московской» и т. д. Многія изъ нихъ носятъ разныя оригинальныя прозвища (по особенностямъ пѣнѣва), въ родѣ «херувимская веселаго распѣва» (или умилительнаго), съ «выходами», «птица», «струба», «валторна», «съ чердака», «слеза», «съ переговоркою», «съ отъѣномъ», «струтъ» и т. п. Прозвища эти до нѣкоторой степени напоминаютъ вычурныя названія пѣнѣвъ у нѣмецкихъ мастерзингеровъ. — Вся масса музыкальныхъ произведеній переписывалась особыми переписчиками, имена которыхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ дошли до насъ. О слабой ихъ подготовкѣ свидѣлствуютъ многочисленныя ошибки, нерѣдко искажающія произведеніе. Обозначенія отъѣнковъ и тактовыя черты еще отсутствуютъ. Замѣтательнымъ образчикомъ перенесенія выработанаго партеснаго стиля на свѣтскую музыку является «мірская пѣсня, написанная на 8 гласовъ крюками и киноварными помѣтками», о которой см. статью кн. Одоевскаго въ «Трудахъ Археолог. Съѣзда въ Москвѣ» (1871). При царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ начинаютъ распространяться польскіе духовные стихи, канты и псалмы, вытѣснившіе, мало-по-малу, старое дѣшевное пѣніе. Въ описанномъ видѣ партесное и концертное пѣніе это перешло изъ XVII в. въ XVIII-й и продолжало держаться до конца царствованія Петра Великаго, который самъ пѣвалъ въ хорѣ (басовую, а иногда и теноровую партію). Въ половинѣ XVIII в. мѣсто югозападныхъ теоретиковъ и учителей начинаютъ заспывать пріѣзжіе итальянцы, и наше партесное пѣніе отъѣняется на задній планъ концертными композиціями итальянскихъ маэстро и ихъ русскихъ послѣдователей. Переходъ былъ тѣмъ менѣе чувствителенъ, что польскій многоголосный стиль былъ отпрыскомъ и сколомъ итальянскаго католическаго хорового стиля. Оживленіе нашего церковнаго пѣнія, изображенное выше, вызвало возникновеніе многочисленныхъ хоровъ. Епископы, митрополиты, монастыри, многія церкви держали свои хоры. Особенно славились царскіе и патриаршіе (впослѣдствіи синодалные) пѣвчіе (см. Пѣвчіе и Государевы пѣвчіе дяки).

Литература по исторіи древняго церковнаго пѣнія (кромѣ цитир. выше и общихъ сочиненій): Артамоновъ (†1756), «О хомовомъ пѣніи» (въ «Труд. Киевск. Дух. Акад.», 1876; отд. Киевъ и Псковъ); Евгеній Волховитиновъ, «Историч. разсужденіе вообще о древнемъ христіанскомъ богослужебномъ пѣніи и особенно о пѣніи Россійскія церкви» (Воронежъ, 1799, 2 изд., СПб., 1804, переп. въ «Рус. Муз. Газетѣ», 1897, июль—августъ); его же, «О русскомъ церковномъ пѣніи» («Отеч. Зап.», 1821 и «Страничкѣ», 1871, т. IV. въ биогр. Евгенія); Н. Горчаковъ, «Опытъ вокальной или пѣвческой музыки въ Россіи, отъ древнихъ временъ до нынѣшняго усовершенствованія сего искусства», съ 2-мя гравир. фигурами старинныхъ пѣвческихъ нотъ (М., 1808); Ѳ. П. Львовъ, «О пѣніи въ Россіи» (СПб., 1834); Н. Горчаковъ, «Объ уставномъ и партесномъ церковномъ пѣніи въ Россіи» («Москвитинъ», 1841, ч. V.); В. Ундольскій, «Замѣча-

нія для исторіи церковнаго пѣнія въ Россіи» («Чтенія Общ. Исторіи и Др. Росс.», М., 1846, № 3 и отд.); А. Ѳ. Львовъ, «О свободномъ или несимметричнѣмъ ритмѣ» (СПб., 1858); prince N. Joussouppoff, «Histoire de la musique en Russie. I. Musique sacrée, suivie d'un choix de morceaux de chants d'église anciens et modernes» (П., 1862); В. Стасовъ, «Что такое прекрасное дѣшевное пѣніе» («Извѣстія Имп. Археолог. Общ.», 1863, т. V); «О вліяніи югозападныхъ братствъ на церковное пѣніе въ Россіи» («Правосл. Собесѣдн.», 1864, сентябрь); П. Везсоновъ, «Судьба нотныхъ пѣвческихъ книгъ» («Православное Обзорѣніе», 1864 г., № 5, 6); А. Рязскій, «О происхожденіи русскаго церковнаго пѣнія» («Правосл. Обзорѣніе», 1866, № 9, 10, 11); о. Разумовскій, «О нотныхъ безлинейныхъ рукописныхъ церковнаго знаменнаго пѣнія» («Чтенія въ обществѣ любителей духовн. просвѣщенія», 1863, кн. I.); его же, «Объ основаніяхъ началъ богослужебнаго пѣнія православной Греко-Россійской церкви» («Сборникъ на 1866 г., изд. общ. древне-русс. искусства»); его же, «Церковно-русское пѣніе» («Труды I-го Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ», М., 1871); его же, «Церковное пѣніе въ Россіи» (I—III, М., 1867—69); его же, «Исцѣлдованіе о знаменномъ пѣніи» (предисловіе къ «Кругу древняго церковнаго пѣнія знаменнаго распѣва», изд. 1884 г. общ. любит. др. письменности); его же, «Богослужебное пѣніе православной Греко-Россійской церкви. I. Теорія и практика церковнаго пѣнія» (М., 1886); кн. В. Ѳ. Одоевскій, «Къ вопросу о древне-русскомъ пѣснопѣніи» (газета «День», 1864, № 17 и отд., М., 1864); его же, «О пѣніи въ приходскихъ церквяхъ» (историческія свѣдѣнія о нашемъ церковномъ пѣснопѣніи, «Домаш. Бесѣда», 1866, вып. XXVI и отд.); его же, «Опытъ въ предѣлахъ погласицы древнерусскихъ тетрахордовъ» (М., 1869); его же, «Краткія замѣтки о характеристикѣ русскаго церковнаго православнаго пѣнія» («Труды I-го Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ», М., 1871); его же, «Письма о древне-русской музыкѣ» («Искусство», 1883, № 17); его же, «Объ исконной великорусской музыкѣ» (о крюковой нотации и т. д.)—предисловіе къ вып. 5 ч. II «Каликъ переходящихъ» Везсонова (1861—64); Н. М. Потулзовъ, «Руководство къ практическому изученію древняго богослужебнаго пѣнія православной руссійской церкви» (М., 1872, 1874, 1875, 1884, нѣсколько изданій); П. М. Ворониковъ, «Замѣтки по поводу разсужденій о гармонизаціи церковно-русскаго мелодіи» («Труды I-го Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ», 1871, т. II, 474); В. Комаровъ, «Двѣ публичныя лекціи о древнемъ церковномъ пѣніи» («Православное Обзорѣніе», 1873, кн. 1, 3); Ю. Арнольдъ, «О теоретическихъ основаніяхъ древне-русскаго церковнаго и народнаго пѣнія» (въ «Правосл. Обзорѣніи», 1873, апрѣль); его же, «Древніе церковныя гласы» («Правосл. Обзорѣніе», 1878, 3); его же, «Теорія древне-русскаго церковнаго и народнаго пѣнія, на основаніи автентическихъ трактатовъ и акустическаго анализа. Вып. I. Теорія православно. церк. пѣнія вообще по

ученію эллинск. и визант. писателей» (М., 1880, прилож. къ «Правосл. Обзор.» и отд.); его же, «Гармонизація древнерусскаго церк. пѣнія» (М., 1886); «Древнерусскій церковный напѣвъ и придворная капелла» («Древняя и Новая Россія», 1877, т. I); De Castro, «Methodus capetus Ecclesiastici Graeco-Slavici» (Римъ, 1881; рус. перев. I. Вознесенскаго, М., 1899); Орловскій, «Краткій очеркъ исторіи духовнаго одноголоснаго пѣнія въ Россіи» (Харьковъ, 1884); Смоленскій, «Общій очеркъ истор. и муз. значенія пѣвчихъ рукописей соловецк. библиотеки и азбуки пѣвчей Александра Мезенца» («Правосл. Собесѣдн.», 1887, февр.); его же, «Краткое описаніе древняго (XI—XII в.) знаменнаго осмолога, принадлежащаго Воскресенскому, «Новый Іерусалимъ» именуемому, монастырю» (Казань, 1887); его же (безъ имени автора), «Обзоръ историч. концертовъ Синодальнаго училища церковнаго пѣнія въ 1895 г.» (М., 1895); Коневскій, «Краткая исторія церковнаго пѣнія въ церкви вселенской и мелодич. пѣнія въ церкви русской» (Нижній Новгородъ, 1888, 2 изд., М., 1897); его же, «Исторія гармоническаго пѣнія въ русской церкви съ прибавленіемъ краткихъ свѣдѣній объ организаціи пѣвчихъ хоровъ» (Нижній Новгородъ, 1888, 2 изд., М., 1897); монахъ Иннокентій, «Древнерусское знаменное пѣніе и о разумномъ его исполненіи» (СПб., 1890); Вознесенскій, «Образцы осмогласія роспѣвъ въ Киевскомъ, Болгарскомъ и Греческомъ» (Рига, 1893, IV выпускъ къ четыр. выше отдѣльнымъ выпускамъ о названныхъ роспѣвахъ); Покровскій, «Знаменный роспѣвъ (большой)» (Новгородъ, 1897); его же, «Церковное осмогласіе и его теоретическое основаніе» (Новгородъ, 1897); А. Преображенскій, «По церковному пѣнію. Указатель книгъ, брошюръ и журнальныхъ статей» (1793—1896 г., Екатеринбургъ, 1897). Историческихъ памятниковъ у насъ издано очень немного. Можно указать лишь на изданія общества любит. древн. писемъ, гдѣ находимъ слѣдующія факсимильныя изданія: за 1877 г., № XV—«Сборникъ съ лицевыми изображеніями и съ крюковыми помѣтами: «Нарѣкахъ Вавилонскихъ»; за тотъ же годъ, № VI—«Муз. теорет. трактатъ, принадлежащій, вѣроятно, Дилекому: «Мудрость четвертая: музыка»; за 1880 г., т. II—«Знаменія осмогласнаго пѣнія съ литерными помѣтами и линейными нотами», иначе «Мусикійское ученіе»; изд. въ 1884 г. подъ ред. о. Разумовскаго «Кругъ древняго церковнаго пѣнія знаменнаго распѣва» (3 т.). Въ протоколахъ этого общества (прот. 25 апрѣля 1878 г.) напечатаны также приписываемыя Бортнянскому «Проектъ объ отпечатаніи древняго русскаго крюковаго пѣнія» и докладная записка князи П. П. Вяземскаго «О русскихъ рукописяхъ по древн. музыкѣ» (см. также «Отчетъ о дѣятельности общ. люб. др. писемъ. за 1878 г.»).

XVIII вѣкъ. *Музыка сотская.* XVIII вѣкъ имѣетъ значеніе переходнаго періода въ исторіи нашей музыки. Въ до-Петровской Руси, сковаанной невѣжествомъ, предрасудками, тяжелыми и косными общественнымъ и государственнымъ строемъ, не было мѣста

внутренней свободѣ художественнаго развитія. Всѣ почти сѣмена (кромѣ элементовъ нашей церковной музыки, заимствованныхъ извнѣ, но получившихъ своеобразное развитіе на нашей почвѣ), попадавшія къ намъ и на Западъ, имѣли здѣсь и тамъ разную судьбу. Восточный древній примитивный тамбуръ превратился на западъ въ многострунную лиuto или теорбу, а у насъ остался почти такой же бѣдной двухъ-или трехструнной домрой-балалайкой. Бѣдный струнами восточный ребабъ на Западъ превращается въ семью многочисленныхъ смычковыхъ инструментовъ, соперничающихъ по богатству выраженія съ человѣческими голосомъ—а у насъ долгое время влечитъ существованіе въ видѣ убогаго «гудка». Близкій къ нашимъ гуслимъ Haskrebrett (родъ цимбала) породилъ на 3 клавикуды, спиннетъ, фортепиано—а у насъ гусли такъ и застыли на своей первобытной стадіи развитія. Отсутствие условій для свободнаго духовнаго развитія дѣлало невозможной и правильную преемственность результатовъ труда отъ поколѣнія къ поколѣнію. Все это даетъ себя знать и въ XVIII в., напр. въ смѣнѣ юго-зап. партескаго пѣнія итальянскимъ концертнымъ: одинъ типъ многоголосной музыки безъ борьбы уступаетъ мѣсто другому, не вырабатываясь въ нѣчто болѣе совершенное, высшее. Попытки созданія національной оперы въ XVIII в. (Омина и др.) въ сущности ничѣмъ не связаны ни съ аналогичными попытками Верстовскаго, ни съ гениальными созданіями Глинки. Только въ XIX в., съ Глинки, играющаго ту же роль въ исторіи нашей музыки, какую занимала Пушкинъ въ нашей литературѣ, начинается настоящее органическое, послѣдовательное развитіе нашего музыкальнаго искусства. Это развитіе, однако, сдѣлалось возможнымъ только благодаря петровской реформѣ: ея результаты обязаны мы тѣмъ, что впоследствии научились пѣнить свои національные, способные къ дальнѣйшему развитію элементы искусства. Петровская реформа разрыла оковы и путы, связывавшія свободу личности, и дала ей возможность безпрепятственно развиваться, хотя бы только въ нѣкоторыхъ общественныхъ властяхъ и условіяхъ. На первыхъ порахъ эта свобода не могла еще проявить себя творческой работой въ занимающей насъ области. Въ царствованіи Петра I и его ближайшихъ преемниковъ музыка продолжаетъ служить такой же «потѣхой» двора и высшаго общества, какъ и при Алексѣ Михайловичѣ. Для Петра музыка была только средствомъ внесенія въ общественную жизнь большаго блеска, оживленія и разнообразія. Балы, ассамблеи, парады, шутковскія и торжественныя процессіи сопровождались звуками музыки, которая сводилась на степень вышшаго, шумнаго аксессуара. Самъ Петръ обнаруживалъ вкусъ только къ церковному пѣнію. На пріемѣ у курфюрстины ганноверской Софіи-Шарлотты, во время перваго своего заграничнаго путешествія, Петръ слушалъ за ужиномъ итальянскихъ пѣвцовъ съ «замѣтнымъ удовольствіемъ», но тѣмъ не менѣе заявлялъ, что къ такой музыкѣ «большой охоты не имѣетъ». Ф. Веберъ сообщаетъ, что Петръ «такъ же мало находилъ удовольствія

въ операхъ и комедіяхъ, «какъ и въ охотѣ». То же говорить и Берхгольцъ. Когда Петръ въ 1717 г. былъ въ Парижѣ, нѣкоторые музыканты и пѣвцы парижской оперы просили къ нему на службу, но онъ отклонилъ ихъ предложеніе. Онъ отлично игралъ на барабанѣ и иногда въ веселой компаніи показывалъ свое искусство, которому научился еще въ дѣтствѣ, исполняя роль барабанщика въ своихъ «потѣшныхъ» полкахъ. Оркестры изъ заграничныхъ, главнымъ образомъ нѣмецкихъ музыкантовъ начинаютъ появляться въ концѣ XVIII в. не только у иноземныхъ пословъ, но и у русскихъ бояръ. По словамъ Корба, въ 1698 г. музыка составляла необходимую принадлежность разныхъ праздниковъ «въ домахъ всѣхъ купцовъ и богатѣйшихъ москвитянъ и нѣмецкихъ офицеровъ». Для театра, основаннаго въ 1702 г. въ Москвѣ, выписываются музыканты изъ Гамбурга. Пѣнясь «музыкальнымъ согласіемъ», русскіе, по словамъ Корба, считали музыку, однако, пустой забавой; они «ни за что не соглашались покушать удовольствіе, продолжающееся только нѣсколько часовъ, на годичные расходы». Къ пріѣзжимъ музыкантамъ отдавали въ выучку и природныхъ русскихъ—крѣпостныхъ. При этомъ обученіи, какъ свидѣтельствуется Веберъ, нерѣдко примѣнялись батоги, пока ученикъ «не научится и не станетъ играть». Неудивительно, если обученные такимъ образомъ русскіе артисты, вербовавшіеся изъ крѣпостныхъ или другихъ низшихъ сословій, нерѣдко обнаруживали большую грубость нравовъ. О дикихъ поощахъ придворныхъ пѣвчихъ сообщаетъ Веберъ; онъ же говоритъ, что русскіе музыканты играли «безъ всякаго искусства». Оркестры Петровскихъ временъ состояли изъ небольшого числа музыкантовъ; даже въ придворномъ оркестрѣ числилось всего 20 чел.; преобладали мѣдные духовые инструменты. Въ особо торжественныхъ случаяхъ составлялись и болѣе обширные, сборные оркестры; такъ, во время коронаціи императрицы Екатерины (супруги Петра Вел.) въ Москвѣ былъ собранъ оркестръ изъ 60 чел. императорскихъ, герцогскихъ и другихъ музыкантовъ. По примѣру двора, и придворные — кн. Мельшиковъ, канцлеръ Головкинъ и др.,—а также Теофанъ Прокоповичъ, заводили свои оркестры. Иноземные послы часто возили съ собою свою музыку и отправляясь въ гости; нѣкоторые изъ нихъ—напр. прусскій посолъ, баронъ Мардефельдъ—сами выступала изъ качествъ виртуозовъ или пѣвцовъ. Вообще музыкальныя забавы этого времени имѣли мало художественный характеръ. То являлся какой-нибудь виртуозъ въ родѣ «часового мастера Егистера», тѣшившаго Екатерину I своей игрой на «хрустальныхъ колоколахъ», то пажъ шведскаго посла, обладавшій «соловьинымъ голосомъ», показывалъ передъ ней свое искусство и т. п. Были, однако, дамы, умѣвшія играть на клавиеснѣ (княгиня Кантемиръ и Черкасская, графиня Головинны, воспитанная въ Шведіи). Болѣе серьезнымъ, повидимому, вкусомъ, отличался Ягужинскій. По его инициативѣ устроились первые регулярные концерты, проис-

ходившіе еженедѣльно по средамъ (съ 1722 г. до смерти Петра) въ домѣ Бассевина, тайнаго совѣтника голштинскаго двора, при участіи голштинскаго придворнаго оркестра. Возникновенію у насъ многочисленныхъ оркестровъ, частныхъ и казенныхъ, напр. военныхъ, способствовала и шведская война. Послѣ одной Полтавской битвы въ Москву въ 1709 г. приведено были 121 человекъ разныхъ пѣльныхъ шведскихъ армейскихъ музыкантовъ, да изъ «королевской домовой роты» 4 трубача и 4 литавщика. Многие изъ этихъ пѣльныхъ музыкантовъ остались въ Россіи. Военная музыка была организована у насъ раньше. Еще въ 1704 г., по проекту фельдмаршала Огильви, однихъ барабанщиковъ полагалось на пѣхотный полкъ по 30 и на конный по 12. Уже къ этому времени, вѣроятно, къ намъ былъ занесенъ изъ Европы весь инструментальный составъ тогдашняго оркестра. Въ царствованіе Петра впервые появляется участіе музыки въ похоронныхъ процессіяхъ. Народная пѣсня только изрѣдка слышалась при дворѣ. Казаки-бандуристы тѣшили своей игрой и пѣніемъ не только нѣкоторыхъ любителей, державшихъ ихъ при себѣ, но и высокопоставленныхъ особъ, напр. герцогиню Мекленбургскую и императрицу Екатерину. Въ 1722 г. при царскомъ дворѣ состояло двое бандуристовъ. Пѣніе ихъ нравилось иностранцамъ, которые перенимали отъ нихъ нѣкоторыя «веселыя пѣсни». Репертуаръ ихъ, вѣроятно, болѣею частью состоялъ изъ народныхъ пѣсенъ, иногда не совсѣмъ пристойныхъ, какъ можно судить по свидѣтельству Берхгольца. Интересъ къ бандуристамъ и ихъ музыкѣ свидѣтельствуется о невзыскательности музыкальныхъ вкусовъ того времени, а также о томъ, что нѣмецкая оркестровая музыка не вполне ихъ удовлетворяла, частью по своей сложности, частью по чуждому содержанию. Важное значеніе для сохранения народнаго искусства имѣлъ указъ 1722 г., которыми разрѣшались «въ храмовые праздники при монастыряхъ и знатныхъ приходяхъ, по совершеніи литургіи и крестнаго хожденія» запрещенныя при предшественникахъ Петра I народныя забавы, «для народнаго полированія, а не для какого безобразія». При Петрѣ II непремѣнной принадлежностью придворныхъ празднествъ являлись концерты. При обрученіи Петра II съ княжною Долгорукою вслѣдъ за пріѣздомъ невѣсты были «учинены избранный концерты», послѣ чего явился и государь «при боѣ на литаврахъ и играніи на трубахъ». При Аннѣ Іоанновнѣ въ первый разъ появилась въ Россіи итальянская опера. Событіе это относится къ 1735 г. (не 1736 и 1737 г., какъ ошибочно думали многие изслѣдователи). Въ спискѣ оперъ, игравшихся въ Россіи съ прошлаго вѣка, составленномъ В. В. Стасовымъ («Русск. Муз. Газета», 1898, январь, февр., мартъ), первой исполненной у насъ оперой является «Сила любви и ненависти» («La forza dell'amore e dell'odio»), текстъ К. Ф. П. (русскій перев. Тредьяковскаго), музыка итальянскаго композитора Франческо Арайи, придворнаго капельмейстера Анны Іоанновны. Эта опера,

по имени ея героя, носила также название «Abiasage», вѣрнѣе «Albiazage» (по русски—«Абиапаръ»). Еще раньше, въ 1730 г., ко дню коронаціи Анны Іоанновны было прислано польскимъ корол. Августомъ изъ Дрездена нѣсколько извѣстныхъ актеровъ, пѣвцовъ и музыкантовъ, для исполненія «итальянскихъ интермедій». Капельмейстеръ Гюбнеръ далъ правильное устройство придворному театру, организовать придворный «камерный» оркестръ (изъ нѣмцевъ), а для балнаго набралъ 20 русскихъ мальчиковъ. Въ исполненіи «Albiazage» участвовали въ 1737 г., огромный придворный хоръ пѣвчихъ, оперный оркестръ въ 40 чел. и четыре военныхъ оркестра. Обязанности Арайи было управлять придворнымъ опернымъ театромъ и музыкой, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сочинять новыя оперы для постановки на придворной сценѣ, какъ это было въ обычаѣ того времени. Въ вышеупомянутомъ списокѣ оперъ, исполненныхъ въ Россіи, значатся цѣлыхъ 17 оперъ, принадлежащихъ перу Арайи и представленныхъ на протяженіи 28 лѣтъ (1735—63). Шумъ, поднятый «Albiazage», совсѣмъ заглушилъ другое важное событіе, совершившееся за годъ до ея постановки—первое исполненіе «драммы на музыкѣ въ трехъ дѣйствіяхъ», «Силы любви и ненависти», переведенной съ итальянскаго и представленной русскими тѣнцами и горомъ «на Новомъ Императорскомъ театрѣ въ Санктпетербургѣ», по указу императрицы. Солисты и хоръ были взяты изъ придворной капеллы. Это представленіе можетъ считаться, въ известномъ смыслѣ, началомъ русской оперы, точнѣе—началомъ оперныхъ представленій на русскомъ языкѣ. Анна Іоанновна третила большія, по тогдашнему, суммы на содержаніе итальянскихъ пѣвцовъ и блестящую постановку оперъ, но музыки не любила и завела оперу только по примѣру другихъ европейскихъ дворцовъ. Рядомъ съ итальянской оперой мы видимъ при Аннѣ Іоанновнѣ и народную пѣсню, въ качествѣ дворцовой забавы. Фрейлины императрицы набирались изъ одаренныхъ хорошими голосами дѣвицъ и должны были въ обычное время находиться въ комнатахъ рядомъ съ спальной государыни. Соскучившись, Анна Іоанновна отворяла къ нимъ дверь и приказывала: «ну, дѣвки, пойте!» Пѣніе должно было продолжаться, пока государыня не скажетъ: «довольно». По примѣру своихъ предшественниковъ, Анна Іоанновна держала и дворцоваго бандуриста, учившагося въ Дрезденѣ у знаменитаго лютиста Вейса. На шутовской свадьбѣ князя Голицына, праздновавшейся въ «Ледяномъ домѣ», представители разныхъ народовъ имперіи участвовали «съ принадлежащею каждому роду музыкаліею», что напоминаетъ до известной степени шутовскія процессіи Петра Великаго и свидѣлствуется о мало измѣнившемся съ тѣхъ поръ уровнѣ музыкальнаго развитія. Въ царствованіе Елизаветы Петровны итальянская опера достигла особаго блеска. Оркестръ усиленъ до 80 чел., въ труппу приглашены первоклассные пѣвцы; являются и русскіе пѣвцы (Полторацкій, впоследствии директоръ капеллы, Бере-

зовскій, прославившійся какъ церковный композиторъ). Во главѣ оперы стоялъ тотъ же Арайя, написавшій впервые музыку на оригинальный русскій текстъ Сумарокова: «Цефаль и Прокрисъ». Опера эта была исполнена (1755) на придворномъ театрѣ русскими пѣвцами. Въ этой «первой русской оперѣ» ни сюжетъ, ни музыка не имѣли ничего національнаго. Настоящая первая русская опера *) была исполнена лишь въ слѣдующемъ году, 27 ноября 1756 г. Это была «Танюша, или счастливая встрѣча», текстъ который принадлежалъ И. А. Дмитревскому, а музыка—основателю русскаго театра, актеру Ѳ. Г. Волкову, являющемуся, такимъ образомъ, и первымъ русскимъ опернымъ композиторомъ. Отсутствие подробныхъ свѣдѣній объ исполненіи этой оперы указываетъ на слабое впечатлѣніе, произведенное ею, быть можетъ—въ силу ея неудовлетворительности, а также и соперничества болѣе блестящей и модной итальянской оперы. Въ томъ же году учрежденъ въ Петербургѣ постоянный русскій театръ (на Парицкомъ лугу), на которомъ шли и оперы. Оперные артисты играли и драматическія роли, и обратно; знаменитый Дмитревскій, напр., участвовалъ и въ операхъ. Въ 1760 г. былъ выстроенъ и въ Москвѣ театръ для русскихъ комедій, трагедій и оперъ. Труппа была составлена болѣею частью изъ дворянскихъ людей и подъячыхъ, къ которымъ присоединилось нѣсколько спавшихъ съ голоса придворныхъ пѣвчихъ. Во всякомъ случаѣ, въ оперѣ Волкова и учрежденіи русскаго театра сказалось то національное теченіе въ общественной жизни, которое доволно ярко проявилось въ царствованіе Елизаветы Петровны, какъ реакція противъ биронновщины и вообще нѣмецкой тираніи при ея предшественникахъ. Сама императрица по воспитанію и привычкамъ была ближе къ русской жизни, чѣмъ къ западной. Любимецъ императрицы, А. К. Разумовскій, прежде пѣвчій, потомъ придворный бандуристъ, былъ музыкальнымъ меценатомъ. Благодаря его страсти къ музыкѣ, петербургская итальянская опера была одной изъ самыхъ лучшихъ во всей Европѣ. Покровительствомъ Разумовскаго пользовалась народная, особенно малороссійская музыка. Въ его штатѣ постоянно находилось нѣсколько бандуристовъ, «бандурищъ» и даже нѣкая «Малороссійнка воспитательница». Подъ вліяніемъ двора, итальянскіе композиторы принялись сочинять пьесы на русскія темы. Скрипачъ Мадонисъ сочинилъ скиту на народные мотивы и двѣ симфоніи въ томъ же родѣ. За нимъ сталъ писать на малороссійскія народныя темы Арайя. Балетмейстеръ Фузано ввелъ русскую пляску въ балетъ и самъ сочинялъ контрадансы на

*) Сохранились свѣдѣнія и о другихъ, болѣе раннихъ произведеніяхъ съ пѣніемъ и танцами. Такъ, въ 1743 г. была поставлена на придворной сценѣ старинная русская балета «Роза безъ шиповъ». Въ 40-хъ годахъ XVIII в. шла на придворной сценѣ комедія на музыкѣ съ пѣніемъ и танцами, взятая «изъ древнихъ русскихъ сказокъ» А. И. Колычевымъ: «Храбрый и смѣлый богатырь Сила Боберъ». Произведеніи эти, вѣроятно, имѣли характеръ водевилей и во всякомъ случаѣ не носили названія «оперы».

русскія темы. Такимъ образомъ въ царствованіе Елизаветы Петровны впервые появляется и инструментальная музыка, представляющая попытки искусственной обработки русских народныхъ темъ и положившая начало тому русско-итальянскому стилю, который мы встречаемъ много спустя и у собирателей народныхъ пѣсенъ, вроде Д. Кашина, и у русскихъ композиторовъ, вроде Алябьева, Варламова и др. Новая національная струя не была въ состояніи бороться съ могущественной и блестящей итальянщиной, поддержанной примѣромъ европейскихъ дворовъ XVIII в. Итальянская музыка и пѣніе являлись неумѣнною принадлежностью всякихъ баловъ, торжественныхъ обѣдовъ и тому подобнаго. Русскіе вельможи начинаютъ заводить собственные домашніе театры и ставятъ оперы, съ пѣвцами и актерами крѣпостными. Нѣкоторые даже содержали на свой счетъ итальянскія оперныя труппы. Частная итальянская оперная (буффъ) и балетная труппа Локателли, образовавшаяся въ 1757 г., сначала выдерживаетъ, благодаря казенной субсидіи и даровому помѣщенію, конкуренцію съ придворной оперой (разъ въ недѣлю Локателли обязанъ былъ давать безплатный спектакль и при дворѣ); но когда антрепренеръ вздумалъ завести первый «большой оперный домъ и въ Москвѣ» (1759), московская публика, сначала повалившая смотрѣть диковинную новинку, скоро охладѣла къ оперѣ. То же произошло затѣмъ и въ Петербургѣ, не смотря на хорошей составъ труппы и доступность цѣнъ. Дѣла пошли плохо, и Локателли, распустивъ труппу, уѣхалъ изъ Петербурга. Исторія его фiasco показала, какъ мало еще имѣло корней въ русскомъ обществѣ увлеченіе итальянской оперой. Перенесенная въ общедоступный театр, не различавшій ни званий, ни сословій, она скоро растеряла слушателей, у которыхъ не было еще настоящихъ художественныхъ интересовъ и потребностей. Да и при дворѣ приходилось чуть не насильно загонять слушателей въ оперу. Кромѣ Араיה, въ царствованіе Елизаветы Петровны у насъ писали и ставили оперы и кантаты нѣмцы Раупахъ, авторъ второй «русской» оперы «Альпеста», на текстъ Сумарокова (исполнена въ 1758 г., съ двѣнадцатилѣтнимъ Бортиянскимъ въ главной роли), Мадонисъ (кантата на восшествіе Елизаветы: «Р. по печали паки обрадованная», 1742), Сартти («Соединеніе любви и брака», на бракосочетаніе вел. кн. Петра Федоровича, 1745), Поппишъ («Вологезъ», 1752?), Манфредини, считавшійся придворнымъ композиторомъ вел. кн. Петра Федоровича (оперы его ставились преимущественно въ Ораніенбаумѣ, гдѣ для этого въ 1756 г. вел. князь построилъ большую концертную залу). Въ царствованіе Елизаветы Петровны кромѣ того ставились оперы Гассе, Глука, Паззіелло, Монсини и Брюлля. Въ послѣдній годъ царствованія Елизаветы Петровны (1761) театральныя представленія были закрыты. При Елизаветѣ Петровнѣ вошла въ употребленіе такъ называемая роговая, охотничья или полевая музыка, изобрѣтенная чехомъ Іоанномъ-Антономъ Марешемъ (1719 — 1794).

Какъ отличный валторнистъ, Марешъ былъ приглашенъ въ Р. Вестужевымъ (1748), поправивъ императрицѣ своей игрой и былъ взятъ въ камеръ-музыканты. Гофмаршалъ Нарышкинъ поручилъ ему исправленіе грубыхъ охотничьихъ роговъ. Изъ этихъ инструментовъ, дававшихъ только по одному звуку, Марешъ организовалъ (1751 г.) роговой оркестръ, разгнѣвавшій цѣлыя симфоніи и увертюры, къ удивленію иностранцевъ, одинъ изъ которыхъ (Массонъ, «Mémoires sur la Russie», 1802) сдѣлалъ, однако, извѣстное замѣчаніе, что подобная музыка «могла быть организована только въ такой странѣ, гдѣ существуетъ рабство». Марешъ оставилъ трактатъ о роговой музыкѣ, послѣдствіемъ изданій его біографомъ (I. Ch. Hinrichs, «Entstehung, Fortgang, jetzige Beschaffenheit der russischen Jagdmusik», СПб., 1796; русскій переводъ— «Начало, успѣхи и нынѣшнее состояніе роговой музыки» СПб., 1796. На этой книгѣ основана статья Карновича, «Роговая музыка въ Р.», въ «Древн. и Нов. Р.», 1880, августъ, и замѣтка подъ тѣмъ же заглавіемъ въ «Русской Музыкальной Газетѣ», 1896 г. № 7). Во второй половинѣ XVIII в. роговая музыка очень распространилась въ Р.; въ самое послѣднее время она реставрирована въ придворномъ оркестрѣ и фигурировала на торжествахъ послѣдней коронаціи. Царствованіе Петра III, страстно любившаго музыку, ничѣмъ не успѣло отозваться на состояніи музыки въ Р., хотя онъ и питалъ широкіе музыкальные планы. Еще будучи вел. княземъ, не смотря на ограниченность своихъ средствъ, онъ держалъ въ своемъ штатѣ дорогихъ нѣмцевъ и итальянскихъ артистовъ, устраивалъ у себя концерты и оперы и собралъ прекрасную коллекцію скрипокъ. Въ его полудоблительскомъ оркестрѣ (до 40 ч.), въ которомъ онъ держалъ первую скрипку, принимали участіе и офицеры свѣты, умѣвшіе на чемъ-нибудь играть. Вступивъ на престолъ, Петръ III по прежнему продолжалъ заниматься игрой на скрипкѣ. Проживая въ Ораніенбаумѣ, онъ устроилъ музыкальную школу для дѣтей придворныхъ садовниковъ. Екатерина II была, по словамъ Сегора, «нечувствительна къ музыкѣ». Огромныя траты на оперу должны были, въ ея глазахъ, служить показателемъ богатства и могущества имперіи. Съ другой стороны, она была убѣждена, что «народъ, который поетъ и пляшетъ, зла не думаетъ». Разумѣется, подъ словомъ «народъ» здѣсь можно было разумѣть только тѣ партіи высшихъ классовъ, которыя занимались дворцовыми интригами и переворотами въ предшествующія царствованія: русскому «народу» итальянская опера была такъ же чужда въ тѣ времена, какъ и нынѣ. По свидѣтельству А. Н. Энгельгардта («Записки», 49), Екатерина II встрѣсь всѣхъ театральныхъ зрѣлищъ болѣе всего жаловала итальянскую оперу-буффъ. Немалую долю въ этомъ увлеченіи оперой-буффъ надо отнести и на счетъ вліянія такихъ придворныхъ «меломановъ», какъ кн. Потемкинъ, гр. Безбородко и др., для которыхъ итальянскія примадонны были интересны и съ совсѣмъ другой, не-музыкальной стороны. Такъ, по словамъ Сегора, знаменитая и страшно дорогая

пѣвица Тоди была выписана для князя Потемкина. Знатныя дамы «безумно», въ свою очередь, увлекались пѣвцами. Въ концѣ своего царствования даже сама императрица признавала (въ разговорѣ съ Храповицкимъ), что «опера-буффъ всѣхъ переокверкала». Въ 1772 г. возникъ какой-то «музыкальный клубъ» (въ домѣ гр. Чернышева), гдѣ еженедѣльно давались концерты. Первое мѣсто среди придворныхъ театралныхъ увеселеній занимала итальянская опера, въ которую приглашали знаменитѣйшихъ пѣвцовъ и композиторовъ, послѣднихъ — въ качествѣ дирижеровъ и поставщиковъ новыхъ оперъ для придворной сцены. Спектакли итальянской оперы открылись осенью 1762 г. оперой Манфредини «Олимпіада», написанной на восточные императрицы на престолѣ. Этому композитору принадлежатъ еще нѣсколько оперъ и кантатъ, исполненныхъ въ царствованіе Екатерины II. Преемникомъ его былъ маэстро венеціанской школы Балтазаръ Галуппи; онъ написалъ нѣсколько оперъ, завелъ при дворѣ еженедѣльные концерты и занимался преподаваніемъ композиціи (Бортнянскій былъ его ученикомъ и въ Петербургѣ, и потомъ въ Италиі); ему же принадлежатъ нѣсколько церковныхъ сочиненій для придворнаго хора. Особый успѣхъ имѣли его «Дидона» и «Ифигенія». Одновременно съ Галуппи служилъ балетмейстеръ и композиторъ Анжоліни, прибывшій въ Россію въ 1766 г. и пошедшій по стопамъ Фузано въ сочиненіи балетовъ *à la russe*. Въ 1767 г. онъ сочинилъ огромный въ русскомъ вкусѣ балетъ, и, вмѣстѣ съ музыку онаго русскія мелодіи, симъ новымъ ума своего произведеніемъ удивилъ всѣхъ и приобрѣлъ всеобщую себѣ похвалу». Мѣсто Галуппи занялъ неаполитанскій маэстро Томасо Траятта, поставившій въ Петербургѣ пять оперъ и балетовъ своего сочиненія; затѣмъ былъ приглашенъ извѣстный Паззіелло (въ СПб. съ 1776 по 1784 г.), учитель музыки императрицы Маріи Ѳеодоровны. Въ списокъ оперъ Стасова значатся 22 его оперъ и балетовъ, изъ которыхъ въ царствованіе Екатерины II поставлено около 14. По уходѣ Паззіелло приглашенъ былъ Сарті, уѣхавшій, однако, скоро на югъ Р., гдѣ, по его мысли, Потемкинъ устроилъ-было въ Екатеринославѣ первую музыкальную консерваторію, просуществовавшую весьма недолго. По смерти Потемкина, Сарті вернулся въ Петербургъ и занималъ мѣсто придворнаго капельмейстера до конца царствования Павла I. Кромѣ нѣсколькихъ оперъ, написанныхъ и поставленныхъ въ Россіи (у Стасова приводятся 4 его оперы; кромѣ того, одна опера — «Начальное управленіе Олега», на текстъ императрицы, — написана имъ вмѣстѣ съ Канобіо и Пашкевичемъ), Сарті написалъ нѣсколько духовно-музыкальныхъ произведеній для православнаго богослуженія и былъ учителемъ церковныхъ композиторовъ Веделя, Дехтерева и Давыдова, собирателя народныхъ пѣсень и композитора Д. Н. Кашина и др. Онъ писалъ музыку и въ русскомъ вкусѣ; одинъ изъ романсовъ этого рода: «Я не знала ни о чемъ въ свѣтѣ тужить» сдѣлался даже народной пѣсней. Испанецъ Мартини

или Мартинъ поставилъ длинный рядъ своихъ оперъ и балетовъ (у Стасова 14 названий). Особымъ успѣхомъ пользовались его оперы «Діанино дерево» и «Рѣдная вещь» («Cosa gara»), славившіяся и въ Европѣ. Съ 1789 по 1792 г. жилъ въ Россіи и знаменитый Чимароза (въ списокъ Стасова значатся 12 его оперъ). Изъ другихъ иностранныхъ композиторовъ, работавшихъ въ Петербургѣ, выдаются баронъ Ванжуръ, авторъ двухъ оперъ на текстъ самой императрицы («Храбрый и смѣлый витязь Ахридѣичъ» и «Иванъ Царевичъ», обѣ 1787 г.), и французъ Бюланъ, авторъ многочисленныхъ оперъ (въ списокъ Стасова — 15), изъ которыхъ нѣкоторыя написаны на русскіе тексты *). По числу композиторовъ, оперы которыхъ исполнялись въ С.-Петербургѣ, первое мѣсто принадлежало итальянцамъ; затѣмъ слѣдовали французы и послѣ всѣхъ нѣмцы. Въ 1766 г. на оперу и камерную музыку шло 37400 руб., на постановку новыхъ оперъ 6000 р., на придворный балетный оркестръ 9200 р. Когда, въ видахъ доставленія народу «зрѣлищъ», разрѣшено было «всякому заводить благопристойныя для публики заавы», отсюда была изъята итальянская опера, составлявшая привилегію двора. Въ 1762 г., для устройства духовныхъ придворныхъ концертовъ въ великомъ посту, выписанъ былъ изъ Вѣны чехъ, концертмейстеръ Старперъ. Концерты его имѣли весьма ограниченный кругъ слушателей и не оставили никакихъ прочныхъ слѣдовъ въ исторіи нашей музыки. Въ 1764 г. явился франц. комическая опера, но, не смотря на успѣшное исполненіе своего репертуара, она не могла соперничать съ итальянской оперой. Когда контрактъ съ казною окончился, французы попробовали было продолжать свои спектакли, но, не имѣя успѣха, принуждены были примкнуть къ нѣмецкой труппѣ, а затѣмъ и совсѣмъ оставить Р. Замѣчательно, однако, что господство итальянской оперы (о музыкальномъ вкусѣ тогдашней петербургской публики можно получить представленіе изъ собранія наиболѣе популярныхъ мѣстъ изъ итальянскихъ оперъ того времени, изданнаго въ 1796 г. подъ заглавіемъ «Giornale musicale del Teatro italiano di S. Pietroburgo») шло рука объ руку съ подъѣмомъ національнаго направленія, отразившагося въ рядѣ оперъ съ сюжетами изъ русской жизни и исторіи, музыка которыхъ принадлежала русскимъ композиторамъ, и въ появленіи довольно многочисленныхъ русскихъ музыкантовъ — композиторовъ, виртуозовъ и пѣвцовъ. Народная пѣсня, неприсохлявшая самодѣльная инструментальная музыка съ дѣтства окружали русскаго ребенка и юношу; попавъ въ столицу, онъ не могъ отрѣшиться отъ впечатлѣній дѣтства. Любовь къ родной пѣснѣ, поэтому, не выводилась. На арміатаныхъ вечерахъ, по словамъ П. И. Сумарокова, «иногда... пѣли хоромъ подблюдныя пѣсни»... Между близкими къ императрицѣ людьми

*) Итальянскія оперы въ царствованіе Екатерины писали и наши церковные композиторы, Верезовскій и Бортнянскій, въ бытность свою въ Италиі; но для Р. эта дѣятельность ихъ осталась совершенно неизвѣстной и прошла безслѣдно.

были такіе чисто русскіе люди, какъ графъ Алексій Орловъ, любившій, по словамъ Державина, «простую русскую жизнь, пѣсни, пляски и всѣ другія забавы простонародныя». Благодаря всему этому въ музыкѣ является рядъ самородковъ, вышедшихъ, болѣею частью, изъ народной массы. Таковы были Евстигней Ооминъ, капельмейстеръ театра Медока въ Москвѣ, написавшій около 30 русскихъ оперъ, на тексты самой императрицы, Аблесимова, Княжнина, И. А. Дмитревскаго, И. А. Крылова, Капниста и др. Одна изъ первыхъ его оперъ этого рода, «Анюта», была поставлена въ 1772 г. въ Царскомъ Селѣ и имѣла большой успѣхъ среди придворной публики. Въ томъ же году въ Москвѣ шла опера неизвѣстныхъ авторовъ: «Любовники-колдунъ», текстъ и музыка которой взяты изъ русскихъ пѣсень (она тождественна, можетъ быть, съ одинаковой по названію оперой Булана и Николаева, шедшей въ Петербургѣ тоже въ 1772 г.). Оперы писалъ также капельмейстеръ Матинскій, крѣпостной, получившій образованіе на счетъ своего господина, графа Ягужинскаго, въ Россіи и Италіи. Изъ нихъ особенный успѣхъ имѣлъ «Гостинный Дворъ», текстъ которой также принадлежалъ Матинскому. Самый большой успѣхъ имѣла опера Оомина на текстъ Аблесимова: «Мельникъ колдунъ, обманщикъ и свать», поставленная въ 1779 г. въ Москвѣ, а затѣмъ и въ Петербургѣ, на придворномъ театрѣ; но здѣсь она была найдена слишкомъ вульгарной по содержанію и снята съ репертуара. Камеръ-музыкантъ Паскевичъ или Пашкевичъ написалъ нѣсколько оперъ въ народномъ духѣ, пользуясь народными мотивами; ему поручались также тѣ нумера оперъ, сочинявшихся иностранными композиторами, которые должны были имѣть національный характеръ. Такъ, въ операхъ на текстъ Екатерины: «Начальное управленіе Олега» и «Федулъ съ дѣтми» Пашкевичемъ написаны всѣ народные хоры. Русскія оперы еще писали: Буланъ, котораго «Обитенщикъ» (1789, текстъ Княжнина) имѣлъ успѣхъ одинаковый съ успѣхомъ «Мельника», Керцелли, кн. Вѣлосельскій, Бриксъ, Фрейлихъ, Поморскій и др. Кромѣ того, иностранныя оперы обыкновенно переводились и переходили на русскую сцену, гдѣ исполнялись русскими пѣвцами. Русская оперная группа по прежнему не была отдѣлена отъ драматической; только нѣкоторые пѣвцы съ выдающимися голосами составляли исключеніе, участвуя въ одной оперѣ. Оркестръ придворной русской оперы былъ тотъ же, что и въ итальянской. Хоры и здѣсь, и тамъ исполнялись придворными пѣвчими. Всѣ перечисленные выше національныя оперы Екатерининской эпохи были весьма незатѣливы. Арія имѣла болѣею частью куплетную форму; речитативъ замѣнялся діалогомъ, какъ во французской опереттѣ или нѣмецкомъ Singspiel; ансамбли были сравнительно рѣдки. Инструментовка главнымъ образомъ основана была на струнномъ квинтетѣ, къ которому иногда присоединялись духовые (гобой, фоготъ, валторна, въ фортиссимо — трубы). Поползновенія на драматическую харак-

теристику и развитіе сюжета не выходили изъ самыхъ скромныхъ предѣловъ. Национальный характеръ музыки имѣлъ условный оттънокъ, не выходя изъ рамокъ пользованія народными мелодіями въ итальянизированномъ ихъ изложеніи или слабыхъ попытокъ подражанія имъ. Тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ случаяхъ и здѣсь замѣтны проблески таланта и извѣстное техническое умѣнье. Во всякомъ случаѣ эти произведенія вполне были по плечу тогдашней публикѣ и находили постоянныхъ и многочисленныхъ слушателей. Давались русскія оперы въ Петербургѣ, кромѣ придворнаго театра, и въ нѣсколькихъ другихъ. Много было домашнихъ сценъ, содержимыхъ вельможами и богатыми помѣщиками. Крѣпостные пѣвцы и пѣвицы, оркестровые музыканты и даже композиторы подвизались на этихъ частныхъ сценахъ. Князь Потемкинъ въ своихъ походахъ на югъ Россіи возилъ съ собою итальянскихъ пѣвцовъ, великолѣпный оркестръ и огромный хоръ пѣвчихъ. Инструментальная музыка стояла на заднемъ планѣ: музыкальное развитіе публики находилось еще на слишкомъ низкомъ уровнѣ, чтобы она могла интересоваться симфонической музыкой. Оркестровая музыка по прежнему являлась шумной принадлежностью роскоши, блеска и тщеславія на балахъ, пирахъ, прогулкахъ по водѣ и т. д. Въ игрѣ на отдѣльных инструментахъ интересовала прежде всего виртуозная сторона, вкусъ къ которой поддерживался и заѣзжими вокальными виртуозами. Лучшимъ оркестромъ былъ придворный оперный, состоявшій, по штату 1766 г., изъ 35 человѣкъ и насчитывавшій въ своей средѣ первоклассныхъ артистовъ, особенно во второй половинѣ царствованія Екатерины. По штатамъ 1766 г. въ оркестрѣ было 16 скрипачей, 4 альтиста, по два виолончелиста, контрбасиста, фаготиста, флейтиста, гобойста, валторниста и трубача и 1 литавристъ. Въ составѣ оркестра были и русскіе виртуозы, напр. скрипачъ Антонъ Хандошкинъ († 1804), сынъ бѣднаго петербургскаго портного, первоклассный виртуозъ и плодовитый композиторъ для скрипки (сонаты, концерты, варіаціи на народные пѣсни), въ томъ же національномъ направленіи, въ какомъ писали Ооминъ, Пашкевичъ, Матинскій. Особое распространеніе при Екатеринѣ получила роговая музыка: роговые оркестры (изъ крѣпостныхъ) держали, между прочимъ, Григорій Орловъ и Потемкинъ, имѣвшій у себя также хоры модаванъ, венгерскихъ и еврейскихъ музыкантовъ. Мода на музыку отразилась и на военныхъ оркестрахъ; нѣкоторые изъ нихъ доходили до 100 чел. и болѣе. Многие полки держали свои пѣвческіе хоры. Изъ инструментальныхъ композиторовъ Екатерининскаго времени выдавался своими полонезами («Громъ побѣды раздавался» и «Русскими летитъ странами на златыхъ крылахъ молва», на слова Державина) О. А. Козловскій, родомъ полякъ († 1831), и его землякъ графъ М. Огинскій, полонезы котораго, невсыкой музыкальной цѣнности, въ свое время были очень популярны. Симфоническихъ русскихъ произведеній, въ это

время, еще не было. Къ Екатерининской же эпохѣ относится возникновеніе искусственной русской пѣсни и романса, нерѣдко входившихъ затѣмъ въ народное употребленіе. Тексты къ нимъ писали Богдановичъ, Калининъ, Державинъ, Дмитріевъ, М. Поповъ, Сумароковъ, князь Горчаковъ; особенной популярностью пользовались произведенія Нелединскаго-Мелецкаго. Музыку къ нимъ сочиняли Сарти, Дидъ, Козловскій и др. Кое-что вошло въ народную пѣсню и изъ популярныхъ итальянскихъ оперъ Паззиелло и другихъ. Распространенію вкуса къ музыкѣ служило при Екатеринѣ и воспитаніе. Хотя сама императрица и высказала (въ учебной инструкціи воспитателю великихъ князей, кн. Салтыкову) довольно пренебрежительный взглядъ на воспитательное значеніе музыки, тѣмъ не менѣе преподаваніе музыки было введено при ней въ учебныя заведенія, главнымъ образомъ женскія. Бѣцкій предписывалъ изъ питомцевъ воспитательнаго дома «у кого проявится способность къ пѣнію и музыкѣ — избирать учителей музыки». Въ 1779 г. воспитательный домъ заключилъ контрактъ съ антрепренеромъ Карломъ Клипперомъ, державшимъ театральную-музыкальную школу, по которому тотъ долженъ былъ въ теченіе 3-хъ лѣтъ обучать музыкѣ и сценическому искусству 50 воспитанниковъ дома обоего пола, а потомъ предоставить имъ оплачиваемыя мѣста въ своемъ театрѣ. Въ томъ же году основана первая у насъ спеціальная школа сценическаго и музыкальнаго искусства—театральное училище. Въ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ кадеты обучались пѣнію и игрѣ на разныхъ инструментахъ; пѣвческій хоръ корпуса славился въ городѣ; для занятій съ нимъ приглашенъ былъ Бортянскій. Въ Смольномъ институтѣ, воспитательномъ домѣ, московскомъ университетѣ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ также устраивались воспитанниками концерты. Наслѣдникъ престола, вел. князь Павелъ Петровичъ, учился играть на клавикордахъ. Распространеніе музыкальнаго образованія (хотя бы и очень легкаго и поверхностнаго) въ широкой массѣ общества вызвало появленіе ряда переводныхъ руководствъ, въ томъ числѣ первато у насъ «Вѣрнаго наставленія въ сочиненіи генералъ-баса» (соч. Келнера, пер. съ нѣм. Зубрилова, М., 1791). Плодомъ вышеизображеннаго широкаго насажденія музыкальнаго «художества» является музыкальный дилеттантизмъ, наложившій свой отпечатокъ на исторію нашей музыки и въ текущемъ столѣтіи, но служившій хорошей подготовительной ступенью для болѣе серьезныхъ занятій искусствомъ. Явились недурные пѣвцы и пѣвицы дилеттанты, хорошия любительницы-музыкантши въ родѣ кн. Дашковой, дилеттанты-композиторы въ родѣ кн. Бѣлосельскаго и Горчакова. Возникаетъ довольно многочисленная литература музыкальных альманаховъ, образчикомъ которой могутъ служить: «Музыкальные увеселенія, содержащія въ себѣ оды, пѣсни Россійскія, какъ духовныя, такъ и свѣтскія, аріи, дуэты польскіе и пр.» (см. объ этой литературѣ брошюру г. Лисовскаго: «Музыкальные альманахи

XVIII стол.», СПб., 1882). Появляется, вмѣстѣ съ интересомъ къ народной жизни, быту, преданіямъ и рядъ сборниковъ народныхъ пѣсень, между которыми самое видное мѣсто занимаетъ сборникъ Лъвова и Прача («Собраніе народныхъ русскихъ пѣсень съ ихъ голосами», СПб., 1790; 2 изд. исправл. и доп., 1805, 3-е—1815, 4-е—1897). Въ это же время начинаютъ появляться и обработки малорусскихъ пѣсень («Малороссійская пѣсня: на бережку уставка», М., 1794). Царствованіе Павла I не внесло ничего новаго въ исторію нашей музыки. Самъ императоръ былъ довольно равнодушенъ къ музыкѣ. Замѣтивъ «превеликую толпу» музыкантовъ преобразеннаго полка, Павелъ отобралъ изъ нихъ по два лучшихъ валторниста и кларнетиста и одного лучшаго фэготиста, приказавъ на будущее время ограничить этимъ составъ полковаго оркестра, остальныхъ же музыкантовъ перечислить въ строевые солдаты. Вслѣдъ за этимъ изданъ былъ приказъ, чтобы полковые оркестры не превышали числомъ 5 чел.; на всю артиллерію оставлялось только 7 чел. музыкантовъ. Въ театрахъ при Павлѣ продолжала господствовать иностранная опера, итальянская и французская, при чемъ замѣтно ослабленіе первой и усиленіе второй. Въ репертуарѣ большой разницы съ временемъ Екатеринѣ не замѣчается: новыя произведенія итальянской школы принадлежали почти тѣмъ же композиторамъ, пьесы которыхъ ставились въ предъидущее царствованіе; изъ французскихъ болѣе, чѣмъ при Екатеринѣ, поставлено оперъ Гретри и Делейрака; изъ нѣмцевскихъ находимъ двѣ оперы Моцарта и одну Гаука—композиторовъ, совершенно отсутствовавшихъ въ Екатерининскомъ репертуарѣ: вообще репертуаръ имѣетъ нѣсколько болѣе серьезный характеръ. При имп. Павлѣ запрещенъ былъ ввозъ нотъ изъ-за границы и отмѣнено обученіе музыкѣ въ тѣхъ институтахъ, гдѣ учились дѣвушки не-дворянскаго происхожденія. Послѣдняя мѣра исходила отъ императрицы Маріи Феодоровны, высказавшей въ 1797 г. мысль, что обученіе музыкѣ и танцамъ «будучи существеннымъ требованіемъ въ воспитаніи дѣвicy благородной, становится не только вреднымъ, но даже гибельнымъ для мѣшанки и можетъ увечь ее въ общества, опасныя для добродѣтели».

Литература. Ѳ. Коня, «Начало драмы, оперы и балета въ Россіи» («Памятникъ», 1847); Г. Геннади, «Библиографическія указанія объ операхъ въ Р. въ XVIII в.» («Русская Спана», 1865, № 4, 5); Михневичъ, «Историческіе вѣтды русской жизни. Т. I. Очеркъ исторіи музыки въ Р. въ культурно-историческомъ отношеніи» (СПб., 1879); Тантѣвъ, «Публичныя концерты и балы въ столицахъ» («Русскій Архивъ», 1885, т. II, 442—446); Свѣтловъ, «Русская опера въ XVIII стол.» (2-я кн. «приложеній» къ «Ежегоднику Императорскихъ Театровъ», 1897—98). Новыя изданія русскихъ оперъ прошлаго вѣка сдѣланы Юргенсономъ (М., 1895). Изъ старыхъ изданій имѣется еще: «Музыка оперы комической Горѣ Богатыря Косометовича (sic), соч. Мартина, для клавиръ съ голосами, переложенъ

ная Прачезъ» (СПб., 1789). Ср. «Каталогъ» Смирдина, № 5416.

2) *Церковная музыка.* Въ то время, какъ исторія свѣтской музыки начинается въ XVIII в. съ полнаго господства изомежной музыки, иностранныхъ оркестровъ и композиторовъ и только во второй половинѣ столѣтія возникаютъ первыя попытки созданія національной музыки, наша церковная музыка, наоборотъ, въ началѣ вѣка представляетъ гораздо болѣе самостоятельности и самобытности, чѣмъ въ концѣ. Наблюдается поразительная напряженность работы, направленной на гармонизацію древнихъ и мѣстныхъ напѣвовъ, созданіе новыхъ пѣснопѣній и службъ мѣстнаго и спеціального характера и развитіе хоровой техники, напоминающей, своимъ пристрастіемъ къ чрезмѣрному многоголосію, отчасти техническія увлеченія нидерландскихъ контрапунктистовъ, отчасти (и гораздо болѣе) многохорныя сочиненія итальянскихъ композиторовъ XVII в. И тутъ, и тамъ сказывалось увлеченіе технической стороной, борьба и игра съ трудностями. Слабость нашей культуры, отсутствіе правильной систематической школы, не только музыкальной, но и общеобразовательной, простилавшее отсюда отсутствіе преемственности развитія дѣлали все это движеніе непрочнымъ. Со второй половины XVIII в. указанное движеніе въ области церковной музыки уступаетъ мѣсто—повидимому, безъ особой борьбы—новымъ видамъ итальянскаго партеснаго или концертнаго пѣнія, ведущимъ свое начало отъ произведеній итальянскихъ пріѣзжихъ маэстро—Галуппи, Сартти—и ихъ ближайшихъ учениковъ и послѣдователей. Многое въ исторіи этой смѣны одного направленія другимъ еще совсѣмъ темно. Мы очень мало знаемъ, гдѣ и какъ получали свои техническія знанія наши церковные композиторы Петровскаго времени. Неясно также, когда именно начинается вліяніе пріѣзжихъ итальянскихъ маэстро на нашу церковную музыку. Уже при Анніѣ Іоанновнѣ наши придворные пѣвчіе участвуютъ въ исполненіи итальянскихъ оперъ подъ управленіемъ итальянскихъ капельмейстеровъ, прывкая, такимъ образомъ, къ новому вокальному стилю. Митрополитъ Евгенийъ Болховитиновъ (въ разсужденіи «О древнемъ христіанскомъ богослужебномъ пѣніи») относитъ появленіе «чистой итальянской музыкальной гармоніи» въ «россійскомъ церковномъ пѣніи» къ царствованію Елизаветы Петровны, когда появились, будто-бы, и знаменитые регенты, какъ Рачинскій и Березовскій. На чемъ основано это мнѣніе, неизвѣстно; но его достоверность подорвана невѣрной ссылкой на Березовскаго, который при Елизаветѣ былъ простымъ придворнымъ пѣвчимъ и въ Италію былъ посланъ уже при Екатеринѣ II, когда ему было всего 20 лѣтъ. Вліяніе Цопписа (капельмейстера въ театрѣ Локателли въ царствованіе Елизаветы Петровны и преподавателя теории въ придворной пѣвческой капеллѣ) было, повидимому, невелико: онъ былъ первымъ учителемъ Березовскаго, который окончательно своимъ развитіемъ обязанъ былъ знаменитому болонскому теоретику, пад-

ре Мартини. Галуппи, своимъ примѣромъ, какъ композиторъ духовной музыки, и своимъ вліяніемъ на Боргинянскаго, бывшаго всецѣло его ученикомъ, является первымъ значительнымъ дѣятелемъ въ области нашей искусственной духовной музыки XVIII вѣка, рѣшительно и надолго направившимъ ее въ русло полнаго итальянизма. Настоящимъ церковнымъ композиторомъ, хотя-бы и въ итальянскомъ смыслѣ этого слова, Галуппи, выдающийся представитель итальянской комической оперы прошлаго вѣка, никогда не былъ; но его авторитетъ, какъ европейскаго знаменитости, довольно сильная техника и внѣшняя красивость музыки, вмѣстѣ съ придворнымъ его положеніемъ, создали ему такое вліяніе, съ которымъ бороться было невозможно. Съ него начинается упрочиваться въ нашей духовной музыкѣ тотъ славящійся сентиментально-игривый оперно-концертный итальянскій стиль, который до сихъ поръ господствуетъ въ ней, опредѣляя вкусы не только общества, но, отчасти, и духовенства, призваннаго блюсти чистоту и строгость церковнаго обряда. Сочиненія Галуппи (частью изданныя пѣвч. капеллою и Юргенсономъ въ Москвѣ, частью оставшіяся въ рукописяхъ) еще до сихъ поръ исполняются изрѣдка въ духовныхъ концертахъ. Рядомъ съ нимъ, по силѣ вліянія, долженъ быть поставленъ Сартти, учитель Веделя, Давидова и Дегтерева и композиторъ нѣсколькихъ духовныхъ произведеній. Его оперный стиль ставитъ себя чувствовать въ его духовныхъ композиціяхъ (разительный примѣръ—двухорное «Отче нашъ», изд. Юргенсономъ). Его произведенія, полныя внѣшняго блеска и опернаго паюса, нерѣдко разсчитанныя на грандіозныя и необычныя средства (въ родѣ известной ораторіи «Гебе Бога хвалимъ», исполненной въ 1789 г. въ главной квартирѣ кн. Потемкина, подъ Яссами, хоромъ пѣвчихъ въ 300 чел., оркестромъ, нѣсколькими хорами военной музыки, съ колокольнымъ звономъ и пушечной пальбой изъ 10 орудій), какъ нельзя лучше отвѣчали грандіозно-блестящему и въ то же время фривольно-чувственному вѣку Екатерины II. Самымъ раннимъ представителемъ новаго итальянскаго стиля изъ числа русскихъ церковныхъ композиторовъ былъ Березовскій (1745—77), вернувшійся изъ Италіи въ 1774 г. лавреатомъ болонской музыкальной академіи и не нашедшій на родинѣ никакого примѣненія своимъ знаніямъ и таланту, что, въ связи съ извѣстной обще-россійской слабостью, привело его къ трагическому концу. Наиболѣе серьезныя стороны своего таланта и композиторской техники Березовскій проявилъ въ своемъ 4-голосномъ концертѣ: «Не отвержи мене во время старости» (изд. Юргенсономъ). Остальные изданныя вещи его слабе. Многія другія сочиненія, имѣющіяся въ рукописяхъ, быть можетъ только приписываются ему. Въ отличіе отъ итальянцевъ, совсѣмъ не заботившихся о соответствіи музыки тексту въ сочиненіяхъ для нашего богослуженія (въ значительной степени—по незнанію языка), Березовскій стремился къ возможно строгому соответствію музыки и

словъ не только въ смыслѣ просодіи, но и въ смыслѣ истолкованія музыкию ихъ содержанія. Произведенія его имѣли вообще довольно слабое распространеніе. Счастливіе былъ другой талантливый представитель итальянскаго концертнаго стиля, Бортнянскій (1751—1825), учившійся у Галуппи сначала въ Петербургѣ, потомъ въ Италіи, гдѣ пробылъ до 1779 г. Вскорѣ по возвращеніи Бортнянскій былъ назначенъ «композиторомъ придворнаго пѣвческаго хора», а въ 1796 г. — директоромъ придворной пѣвческой капеллы. Превосходный техникъ, хотя и въ итальянскомъ духѣ, часто жертвующемъ благозвучію музыкальной характеристикой и мелодическій независимостью голосовъ (пристрастіе къ параллелизмамъ голосовъ, движущимся параллельными секстами или терциями, что влечетъ за собой въ концѣ концовъ монотонность и безцѣльность), Бортнянскій былъ весьма плодовитымъ духовнымъ композиторомъ, создавшимъ цѣлый рядъ образцовъ, которымъ слѣдовали и позднѣйшіе наши церковные композиторы (напр. форма «Херувимской», сдѣлавшаяся типичной). Ученики Сарті—Дегтерева (1766—1813), Веделъ (1770—1806 или 1810), Давыдовъ (1777—1825) —представляютъ еще болѣшую стѣну увлеченія итальянскимъ стилемъ. У Дегтерева и Веделя преобладаютъ элементъ сентиментально-слащавый, выраженный въ кудреватомъ, мелодическомъ по преимуществу стилѣ. Стройной полноты, гармоническаго равновѣсія между голосами хора произведенія Веделя и Дегтерева не представляютъ. Оба жертвуютъ цѣлѣмъ въ пользу красивыхъ мелодическихъ выходовъ въ отдѣльных голосахъ, обрекая другихъ на совершенно пассивную и безпѣвную роль. Достоинство обоихъ композиторовъ — стремленіе согласовать музыку съ текстомъ и выразить религиозное настроеніе, заключающееся въ словахъ послѣдняго. Это не всегда удавалось имъ, вслѣдствіе ограниченности дарованія, односторонности музыкальнаго развитія и вкуса. Къ чести Веделя нужно сказать, что онъ строго судилъ свои произведенія. Сочиненія обоихъ остались въ рукописи. Сочиненія Давыдова отражаютъ блестящую сторону композиторскаго дарованія его учителя, Сарті. Мы находимъ въ нихъ звучность, бойкость и разносторонность мелодическаго движенія голосовъ, болѣшую гармоническую полноту и болѣе рѣшительную модуляцію, чѣмъ у Веделя и Дегтерева; зато въ нихъ отсутствуетъ почти совершенно глубина и чистота религиознаго чувства и настроенія. И у Давыдова есть склонность къ ариознымъ, сольнымъ выходамъ въ итальянскомъ мелодическомъ вкусѣ, при болѣе, впрочемъ, уравниловкѣности отдѣльных голосовъ. Подвижный, отчетливый ритмъ придаетъ имъ какой-то маршеобразный характеръ, неумѣстный въ духовной музыкѣ. У всѣхъ трехъ мы находимъ отсутствіе самостоятельности и художественной свободы въ голосоведеніи, а также разнообразія и непринужденности модуляцій, присущихъ Бортнянскому, не смотря на указанные недостатки его стиля. Дѣятельность итальянскихъ мастеровъ и ихъ послѣдо-

вателей быстро распространила новый концертный стиль духовной музыки по всей Россіи; этому способствовало разномноженіе пѣвческихъ хоровъ и школъ для обученія церковному пѣнію. Лучшимъ хоромъ была придворная пѣвческая капелла, поставленная на замѣчательную высоту еще предшественниками Бортнянскаго. Въ 1767 г. въ ней было 100 человѣкъ, преимущественно малороссовъ. Бортнянскій, ставъ ея директоромъ, выбралъ для нея лучшіе голоса изъ архіерейскихъ хоровъ по всей Россіи, изгнавъ разныя дурныя пѣвческія привычки (крикъ и т. д.) и довелъ капеллу до высшаго совершенства. Въ 1769 г. синодъ постановилъ напечатать *Ирмологъ*, *Обиходъ*, *Остогъ* и *Псалтири* исправнаго знаменнаго распѣва (см. исторію этого печатанія у Безсонова, «Судьба нотныхъ пѣвческихъ книгъ», въ «Правосл. Обзорніи» 1864 г., май и іюнь, и «Знаменат. года въ исторіи Русскаго церковнаго пѣнія», въ «Православномъ Обзорніи» 1872 г. январь и февр.). Источниками для составленія печатныхъ нотныхъ книгъ служили линейныя рукописи 2-й половины XVIII в. Крюковыя рукописи, сохранившіяся въ употребленіи у старообрядцевъ, не были привлекаемы къ сравненію и составленію свода напѣвовъ. Самое дѣло свода, корректуры и печатанія было поручено простымъ иподіаконамъ и пѣвчимъ, но имѣвшимъ никакихъ музыкально-археологическихъ познаній и руководившихъ только практикой богослужебнаго пѣнія. Этимъ объясняется, почему въ нотныя книги, изданныя синодомъ, не вошла масса исконныхъ древнихъ напѣвовъ, только теперь дѣлающихся достояніемъ музыкальной археологіи, а исключены нѣкоторыя пѣснопѣнія въ родѣ «Взбранной воеводѣ» Жуковскаго распѣва. Въ 1778 г. напечатанъ «Сокращенный Обиходъ» нотнаго пѣнія, приспособленный для домашнего подготовленія къ церковному пѣнію неопытныхъ клириковъ и составленный по мѣстному обычному пѣнію новгородской епархіи. Печатныя нотныя книги оставили совсѣмъ въ сторонѣ *кондакарное*, неразобранное еще пѣніе, *дѣстевное*, неполныя *знаменныя* распѣвы и разныя мѣстные и частныя *переводы*, а также огромное большинство пѣснопѣній *знаменнаго путевого* распѣва. Кромѣ знаменнаго и обычнаго распѣвовъ, въ печатныя книги вошли новыя распѣвы—киевскій, греческій, частью болгарскій и очень немногo образцовъ герасимовскаго, знаменнаго путевого и знаменнаго «инога распѣва». Съ тѣхъ поръ нотныя пѣвческія книги постоянно перепечатываются новыми изданіями, безъ всякихъ измѣненій. — Успѣхъ итальянскихъ композиторовъ и ихъ русскихъ послѣдователей вызвалъ много второстепенныхъ и третепенныхъ композиторовъ-подражателей, пустившихся писать концерты, нерѣдко весьма вычурные, свѣсмѣ въ церковныя и даже на сочиненные, не-церковныя тексты. Концерты эти стали вытѣснять изъ богослуженія исконное церковное пѣніе, превращая церковь въ концертный залъ съ программой сомнительнаго вкуса. Это злоупотребленіе вызвало указъ императора Павла (10 мая 1797 г.), которымъ предписывалось концертовъ, вмѣсто

причастнаго стиха, не употреблять, но пѣть каноникъ или псаломъ. Тѣмъ не менѣе пѣніе концертовъ во время богослуженія этимъ указомъ не было искоренено, и запрещеніе его приходилось повторять и въ текущемъ столѣтіи.

Литература. Н. Лебедевъ, «Березовскій и Бортнянскій, какъ композиторы церковнаго пѣнія» (СПб., 1882); Никольскій, «По поводу сужденій о нотныхъ церковныхъ книгахъ синодальнаго изданія» («Церк. Вѣдом.», 1892, № 37); «Объ изданіи нотныхъ книгъ Св. Синодомъ» (тамъ же, 1888 г., 13); «Русскій композиторъ Веделевъ» («Русск. Инвал.», 1854, 94); «Арт. Лук. Веделъ» («Кіевлянинъ» 1868, 57, изъ книги Аскоченскаго «Кіевъ и т. д.»); «Арт. Лукьян. Веделъ» («Домашняя Бесѣда» Аскоченскаго, 1860, 19); «Духовные композиторы: Бортнянскій, Турчаниновъ» («Воскр. День», 1891); «Заслуги Бортнянскаго и Львова для церк. пѣнія» («Церковн. Вѣстн.», 1890); біографія М. С. Березовскаго въ біографич. Словарѣ митроп. Евгенія.

XIX вѣкъ. 1) *Светская музыка.* Въ началѣ царствованія имп. Александра I-го, вмѣстѣ съ общимъ подъемомъ общественной жизни, особенно оживилась совсѣмъ-было улавшая при Павлѣ русская опера. Главную роль въ этомъ оживленіи игралъ К. А. Кавосъ, прѣхавшій въ Россію въ 1798 г. Его неутомимый трудъ при разучиваніи новыхъ оперъ съ тогдашними русскими пѣвцами-самородками, рядъ реформъ опернаго дѣла, введенныхъ по его почину, его плодотворная композиторская дѣятельность подняли русскую оперу на такую высоту, которой въ XVIII вѣкѣ она не достигала. Въ 1803 г. русская оперная труппа была отдѣлена отъ драматической. При Александрѣ I на русской сценѣ поставлены были новыя русскія оперы слѣдующихъ композиторовъ (не считая Кавоса): Алябьева, Антонолина, Бюлана, Верстовскаго, Давыдова, Кашина, Козловскаго, Левашева, Ленгарда, Масловича, Маурера, Паскевича, А. Титова, С. Титова, Е. Фомина (послѣдняя его опера—«Золотое яблоко», 1804 г.). Большинство этихъ «оперъ» — не болѣе какъ незатѣйливыя оперетки-водевилы. Новымъ элементомъ являлись обиліе дилеттантскихъ произведеній (Алябьева, Верстовскаго, бр. Титовыхъ); композиторы Екатерининской эпохи были музыкантами-профессионалистами. Характерно и то, что первые наши «національные» композиторы прошлаго вѣка были люди плебейскаго или разночиннаго происхожденія, тогда какъ композиторы XIX в. принадлежать всѣ къ дворянской, купеческой или чиновной средѣ. Плеbei-композиторы прошлаго вѣка являлись продуктомъ того общественнаго строя, въ которомъ искусство, литература и наука играли подчиненную, служебную роль и были предоставлены низшему, «подлому» сословію. Музыканты-профессионалисты XVIII и первой половины XIX вѣка стояли на самой низкой ступени общественной лѣстницы. Наши театральные и прочіе мемуары, воспоминанія, записки полны примѣрами грубѣйшихъ оскорбленій, наносимыхъ русскимъ артистамъ и проискавшихъ не

только изъ отсутствія уваженія къ человѣческой личности вообще, но и изъ специально презрительнаго отношенія къ званію музыканта, пѣвца, актера. Съ начала нынѣшняго вѣка отношеніе это начинается постепенно, хотя и медленно, измѣняется. Талантливые люди, принадлежавшіе къ высшимъ классамъ, получаютъ мало по малу возможность если не развить вполне свои способности, то по крайней мѣрѣ приобрести вкусъ къ искусству и даже къ самостоятельному творчеству. Матеріальный достатокъ даетъ много досуга, который и посвящается любимому занятію. Сочиненія русскихъ композиторовъ-дилеттантовъ первой четверти XIX в. не были, однако, богаты музыкальными достоинствами. Выше ихъ стоятъ профессиональные музыканты Кавосъ, хотя дарованіе его и не отличалось оригинальностью: въ его операхъ часты заимствованія у Моцарта, Керубини, Чимарозы и др. Въ сущности это была такъ называемая капелмейстерская музыка, со всѣми ея достоинствами и недостатками. Отъ всякаго новаторства Кавосъ былъ далекъ; оперы его по формѣ не поднимались выше Singspiel—водевила съ куплетными аріями, очень рѣдкими ансамблями и диалогомъ вмѣсто речитатива. Только оркестровка Кавоса была звучнѣе и богаче, чѣмъ у его предшественниковъ (такъ, онъ первый сталъ у насъ употреблять тромбоны). Національный элементъ въ операхъ Кавоса не шелъ дальше, чѣмъ у предшествовавшихъ ему композиторовъ, и заключался частью въ употребленіи народныхъ мотивовъ, частью въ поддѣлкѣ подъ нихъ, въ установившемся уже quasi-русскомъ стилѣ, съ западной (итальянской) гармонизаціей и простекающими отсюда мелодическими уклоненіями. Большая часть оперъ его писана на тексты кн. Шаховскаго. Сюжеты въ большинствѣ случаевъ имѣютъ національный характеръ: попадаются сюжеты былинныя («Добрыня Никитичъ», «Илья богатырь»), историческіе («Соколъ кн. Ярославъ», «Юность Іоанна III», «Иванъ Сусанинъ»), сказочные («Жаръ Птица», «Князь Невидимка», «Свѣтлана»), бытовые («Откупщикъ Бражникинъ»). Нѣкоторыя оперы Кавоса имѣли особый успѣхъ, именно благодаря сюжету, напр. опера «Крестяныне», поставленная въ 1814 г. и изображавшая патрістическую готовность умереть за вѣру и царя. Такой же успѣхъ выпалъ и на долю «Ивана Сусанина», лучшей изъ оперъ Кавоса, хотя по музыкѣ нѣрѣдко обнаруживающей вліяніе «Водовоза» Керубини. Оперъ съ общеевропейскими сюжетами у Кавоса было немного. Какъ курьезъ, можетъ быть отмѣчено исполненіе на французской сценѣ (1806 г.) оперы А. Титова: «Tatiana ou la jeune paysanne des Montagnes de Vorobioff», на текстъ франц. пѣвца Клапареда. Замѣчается нѣкоторое усиленіе интереса къ нѣмецкой и французской музыкѣ, объясняющееся отчасти отсутствіемъ итальянской оперы, но все-таки свидѣтельствующее и о нѣкоторомъ развитіи музыкальнаго вкуса публики. Капельмейстерами, кромѣ Кавоса, въ русскихъ спектакляхъ были Антонолинъ и Л. Мауреръ (хорошій скрипачъ), во французской оперѣ (съ 1803 до 1811 г., когда она вышла изъ Рос-

си) — известный композитор Буальдѣ и Штейбельтъ. По окончании наполеоновскихъ войнъ французская опера опять возобновилась. Итальянская опера, при Павлѣ уничтоженная, была возобновлена въ 1801 г. и просуществовала до 1806 г.; открыта вновь она была лишь при Николаѣ I (1828). — Рядомъ съ давно укоренившейся оперной музыкой начинаеть развиваться у насъ въпервыя симфоническая и концертная. Въ 1802 г. основывается старѣйшее наше музыкально-благотворительное «Филармоническое общество», дѣлающееся надолго единственнымъ разсадникомъ серьезной концертной и симфонической музыки. Съ 1802 по 1819 г. концертами его дирижировалъ капельмейстеръ Парисъ, исполнявшій, между прочимъ, Гайдн, Моцарта, Генделя, Бетховена. Здѣсь же выступали такіе виртуозы какъ скрипачъ Роде и пианистъ Фальдъ, съ 1804 г. жившій въ Р. и образовавшій многихъ учениковъ, въ томъ числѣ Верстовскаго. Изъ прѣзжихъ пѣвцовъ славился Каталани. Въ началѣ этого вѣка въ Петербургѣ существовало еще «Музыкальное собрание» (музыкальный клубъ), членами котораго были самъ императоръ, его фамилія и вся знать. Кромѣ публичныхъ концертовъ за плату, богатые люди устраивали у себя домашніе концерты. Давались концерты и въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ, съ участіемъ воспитанниковъ. Въ нѣкоторыхъ частныхъ домахъ культивировалась серьезная музыка. Вообще музыкальность общества выросла особенно за это время. Изъ «Записокъ» Глинки можно видѣть, какъ много уже въ первую четверть этого столѣтія было любителей музыки и болѣе или менѣе порядочныхъ дилетантовъ-исполнителей. По даннымъ «Указателя Петербурга на 1822—23 г.», въ Петербургѣ было около 20 дипломированныхъ профессоровъ и учителей музыки, множество оркестровыхъ музыкантовъ, около 40 мастерскихъ и магазиновъ музыкальныхъ инструментовъ (въ томъ числѣ фортепیانно фабриканты Тишнеръ и Шредеръ), нѣсколько нотныхъ магазиновъ и издателей. Прочитали домашніе оркестры, игравшіе по праздничнымъ днямъ, въ окрестностяхъ Петербурга, на дачахъ разныхъ вельможъ. Среди крѣпостныхъ пѣвцовъ и музыкантовъ перидко попадались люди съ несомнѣнными способностями. Крѣпостному оркестру своего дяди обязанъ былъ Глинка своими первыми музыкальными впечатлѣніямъ; въ немъ же онъ прошелъ первую практическую школу инструментовки. Отрицательныхъ сторонъ въ крѣпостномъ музцированіи было, однако, гораздо больше, чѣмъ положительныхъ. Исполненіе большинства крѣпостныхъ артистовъ, выученныхъ изъ-подъ палки, стояло ниже всякой критики. Невѣжественны и эстетически нерадивы были иногда и богачи-менестыи, державшіе свои оркестры и оперы. Однимъ изъ любимѣйшихъ музыкальныхъ различій, особенно у свѣтской молодежи, были цыганскіе хоры, которые посѣщала и тогдашняя интеллигенція (Пушкинъ, Языковъ, воспитанный цыганку Таню, и т. д.). Въ театрѣ опера-водевилъ пользовалась, на ряду съ балетомъ, наибольшимъ успѣхомъ. Однимъ изъ любимыхъ

родовъ театральныхъ представлений являлись также дивертиссементы, состоявшіе изъ пѣнія, танцевъ, музыки и пантомимы. Вокальными въ нихъ нумерами были болѣею частью народныя пѣсни. Музыку къ этого рода произведеніямъ писали Кавось, Кашиинъ, Давыдовъ. Подъемъ патриотизма послѣ побѣды надъ Наполеономъ вызвалъ также появленіе первыхъ русскихъ ораторій: «Миниинъ и Пожарскій или освобожденіе Москвы», Дегтерева, и его же (неконченная) «Бѣгство Наполеона». Къ этому роду произведеній относится и кантата Вортянскаго на текстъ Жуковскаго: «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ» (съ акк. фортепیانно, 1813). Невысказанный вкусъ публики проявился и въ успѣхѣ известныхъ романсовъ Александровской эпохи. Самымъ любимымъ и популярнымъ композиторомъ русскихъ романсовъ конца царствования Александра I былъ Н. А. Титовъ (1800—1876), сынъ опернаго композитора А. Н. Титова, прозванный «дѣдушкой русскаго романса». такъ какъ онъ первый, будто-бы, началъ писать романсы съ русскимъ текстомъ. Это не совсѣмъ вѣрно: такіе романсы писались уже при Екаторіи П. Первый печатный романсъ Н. А. Титова, «Уединенная сосна» (1820), пользовался огромнымъ распространеніемъ и увѣковѣченъ Тургеневымъ въ одномъ изъ разказовъ «Записокъ охотника». (Гатяева Борисовна и ея племянникъ), гдѣ онъ ошибочно приписанъ Варламову. Къ концу царствования Александра I относится и первый, очень слабый романсъ М. И. Глинки «Моя арфа» (1824), написанный во вкусъ Титова. Романсы писали еще слѣпецъ-музыкантъ Жининъ («Малютка, племъ нося», на слова Мерзлякова, пользовался большою популярностію), Кашиинъ, Кавось, Верстовскій («Черная шаль», на слова Пушкина, «Бѣдный пѣвецъ», на слова Жуковскаго и др.). Особый успѣхъ выпалъ на долю только-что названныхъ романсовъ Верстовскаго, окрещенныхъ именемъ «кантаты» и исполнявшихся на сценѣ съ сопровожденіемъ оркестра и съ сценической обстановкой. «Черная шаль» и др. «кантаты» Верстовскаго вызвали въ «Вѣстн. Европы» (1824 г., янв., № 1) восторженную статью Одоевск. (кн. В. О. Одоевскаго). Молодой критикъ нашелъ, что Верстовскій «одухотворилъ своей гармоніею штицескія произведенія, имъ избранныя, далъ имъ новую жизнь, открылъ въ нихъ отгѣнки, совершенно потерянные» при чтеніи. Статья Одоевскаго вызвала цѣлую полемику съ нѣкимъ Н. Д. (иначе «Душицкимъ старикомъ»), сотрудникомъ того же «Вѣстника Европы», отрицавшимъ у этихъ произведеній Верстовскаго (и основательно) право называться кантатами. Одоевскій возражалъ цѣлой «серией» кантатъ, написанныхъ имъ издававшимся имъ тогда альманахѣ «Мнемозина» (1824—25); противникъ его отвѣчалъ насмѣшками надъ юнымъ возрастомъ критика, его ученостію и т. д. Приведенная полемика интересна, какъ образчикъ музыкальной критики Александровской эпохи. На самомъ дѣлѣ кантаты Верстовскаго были просто романсами довольно большого объема, съ нѣкоторыми попоэзовеніями къ музыкально-драматической

характеристикъ, но невыдержанными ни въ техническомъ, ни въ музыкально-драматическомъ отношеніяхъ: такъ напр. въ «Черной шали», съ ея мрачнымъ содержаніемъ, господствуетъ плясовой, вальсообразный ритмъ. Ростъ музыкальности въ обществѣ Александровской эпохи отражается и въ появленіи довольно большого числа руководствъ по теоріи музыки, школъ для разныхъ инструментовъ, музыкальных журналовъ и т. д. Въ 1805 г. вышло въ СПб. первое (переводное) руководство по гармоніи: «Правила гармоническія и мелодическія для обученія всей музыки», Винченцо Манфредини, пер. съ итал. Дехтирева. Къ 1816 г. относится другое подобное же руководство: «Грессета разсужденіе о гармоніи»; перев. съ франц. Дьяконовымъ (СПб.). Черезъ два года выходитъ «Теорія музыки» Гессъ де Кальве, пер. съ нѣмцаго Гонорскимъ (Харьковъ, 1818). Нѣсколько школъ для фортепіано указываютъ на распространеніе игры на этомъ инструментѣ. Кромѣ переводнаго «Новѣйшаго самоучителя» и т. д., Плейэля и Дюссэка (СПб., 1817), является и оригинальная «Полная школа для фортеп.» соч. И. Прача (СПб., 1816). Для скрипки выходятъ двѣ переводныя школы. На большое распространеніе гитары указываютъ рядъ школъ, журналовъ, сборниковъ пѣсень для этого инструмента, впервые у насъ появившагося лишь при Елизаветѣ Петровнѣ. Въ 1808 г. вышелъ «Русскій карманный пѣсенникъ для семиструнной гитары на 1808 г.» Альферова, въ 1810 г.—его же «Журналъ гитарный», въ 1819 г.—«Междудѣе, или собраніе образцовыхъ русскихъ и др. пѣснь для семиструнной гитары», Дмитревскаго (СПб.). Двѣ школы для гуслей указываютъ на извѣстное распространеніе этого инструмента. Растетъ и число музыкальных журналовъ: «Журналъ отечественной музыки на 1806 г.», изд. Д. Кашинымъ въ Москвѣ; «Журналъ для фортепіана на 1811 г.», содержавшій въ себѣ русскія пѣсни, съ вариациями, изд. Ѳ. Нерлихонъ; «Азіатскій музык. журналъ», изд. въ Астрахани въ 1816—18 г. И. Добровольскимъ и заключавшій въ себѣ, между прочимъ, записи разныхъ восточныхъ напѣвовъ. Русскія пѣсни, кромѣ второго изданія сборника Прача, издуются въ рядъ сборниковъ разныхъ наименованій.

Вторая четверть XIX столѣтія, столь знаменательная въ исторіи нашей литературы и искусства, и въ области музыки составляетъ также эпоху, характеризующуюся именемъ Глинки. Если принято говорить, что Пушкинъ создалъ русскую поэзію и литературу, а Ивановъ — русскую живопись, то съ еще большимъ правомъ можно сказать, что Глинка создалъ русскую музыку. Пушкинъ и Ивановъ имѣли замѣчательныхъ предшественниковъ и современниковъ; у Глинки ихъ не было. Верстовскій съ его слабой дилетантской техникой и наивнымъ, бессознательнымъ творчествомъ, съ его операми-водевилями, лишенными музыкально-драматическихъ характеровъ — пимей въ сравненіи съ Глинкой и его могучей музыкальной характеристикой, роскошью и яркостью музыкальных красокъ, гениальной легкостью техники, классической простотой

и вмѣстѣ съ тѣмъ поразительной новизной творчества. «Аскольдова могила» Верстовскаго уже потому не могла оказать никакого вліянія на Глинку, какъ на опернаго композитора, что послѣдній имѣлъ возможность ознакомиться съ нею лишь послѣ того, какъ «Жизнь за Царя» была если не поставлена, то написана. «Аскольдова могила» была поставлена въ Москвѣ 15 сент. 1835 г.; «Жизнь за Царя», начатая зимой 1834 г., писалась дѣломъ и зимой 1835 г., когда Глинка, только что женившійся, былъ прикованъ къ своей смоленской деревнѣ и Петербургу. Весною 1836 г. «Жизнь за Царя» была почти кончена и поставлена 27 ноября того же года, тогда какъ «Аскольдова могила» въ СПб. шла впервые только въ 1841 г. Национальный элементъ въ «Аскольдовой могилѣ» столь же, притомъ, условенъ, какъ у «русскихъ» композиторовъ прошлаго вѣка или у Кавоса. Форма оперъ Верстовскаго въ сущности даже ниже нѣмецкаго Singspiel и представляетъ собой рядъ пѣсень или романсовъ, исполняемыхъ то хоромъ, то солистами, т. е. очень недалеко отъ обыкновеннаго водевиля. Прогрессъ, не говоря о прирожденномъ мелодическомъ дарованіи Верстовскаго, заключается лишь въ болѣеи послѣдовательности и выдержанности, съ которою примѣненъ Верстовскимъ quasi-русскій стиль музыки. Точно также едва-ли на Глинку могли имѣть особое вліяніе оперы Кавоса. Мы знаемъ изъ «Записокъ» Глинки, что онъ находилъ музыку Кавоса въ «Иванѣ Сусанинѣ» удачной, но тутъ же онъ говоритъ, что опера эта написана «сгодато» — стало быть, едва-ли онъ часто ее слышалъ. Сюжетъ «Жизни за Царя» былъ предложенъ Глинкѣ Жуковскимъ и, сдѣлательно, даже въ выборѣ сюжета опера Кавоса могла имѣть на него только косвенное вліяніе. Особого уваженія къ музыкѣ Кавоса Глинка, кажется, не питалъ, какъ это можно заключить изъ его непочтительнаго обращенія съ одной изъ популярнѣйшихъ темъ Кавоса, приложенной имъ еще въ пансіонѣ къ смѣхотворному школьному «канту на подлинника Козмакова» («Записки», стр. 11). Правда, Глинка также не всегда, даже въ «Русланѣ», былъ свободенъ отъ обычнаго тогда полуитальянскаго, полурусскаго склада русской музыки; но рядомъ съ страницами, въ которыхъ онъ являлся сыномъ своей эпохи, идутъ другія, поражающія своей новизной, своимъ гениальнымъ прозрѣніемъ въ самую глубь народнаго творчества (хоры «Славься» и «Разливалася» въ «Жизни за Царя», многія мѣста «Руслана»). Какъ поэмы и драмы Пушкина ближе связаны духовно съ произведеніями Байрона, Шекспира, Шиллера, чѣмъ съ Богдановичемъ, Херасковымъ, Озеровымъ, такъ и оперы Глинки имѣютъ больше духовнаго родства съ операми Моцарта, Керубини, Вебера, чѣмъ съ произведеніями предшествовавшихъ ему русскихъ композиторовъ. Отъ великихъ европейскихъ мастеровъ Глинка усваивалъ не ту или другую внѣшнюю манеру выраженія (какъ это дѣлалъ Верстовскій, подражалъ Веберу), но самую основу ихъ творчества, самую тайну ихъ генія. Какъ Пушкинъ, Глинка былъ-бы

немыслимъ въ до-Петровской Руси, съ ея духовнымъ византийско-татарскимъ рабствомъ. Родство Глинки, *создателя самобытной русской музыки*, съ гениальными европейскими композиторами сказалось, между прочимъ, въ отношеніи къ его произведеніямъ русской большой публики и европейскихъ цѣнителей. Оперы Верстовскаго припили въполнѣ по плечу нашей тогдашней публикѣ, еще мало развитой въ эстетическомъ и специально-музыкальномъ отношеніяхъ; оперы Глинки, особенно «Русланъ», были оцѣнены по заслугамъ лишь небольшимъ числомъ лицъ, поднимавшихся надъ общимъ уровнемъ массы. Успѣху «Жизни за Царя» еще способствовали патриотическій и драматическій сюжетъ, превосходное исполненіе Петровымъ роли Сусанина, а также тѣ стороны музыки, которыя наименѣе удалялись отъ привычнаго итальяно-русскаго стиля; но гениальныя «Русланъ» большинствомъ публики и многими присяжными цѣнителями были признаны оперой сухой, ученой, неудачной, «нѣмецкой» и т. д. Даже такой по тогдашнему знатокъ музыки, какъ гр. М. Ю. Вяземскій, находилъ первую половину пятаго акта плохой музыкой («*Mon cher, c'est mauvais!*»), а всю оперу—неудачной («*un opéra manqué!*»). Истинное значеніе Глинки сознавалось развѣ кн. В. О. Одоевскимъ и еще очень немногими. Восторги и похвалы близкихъ пріятелей, какъ Кукольникъ и его компанія, имѣли обычный «пріятельскій» характеръ и были малоавторитетны. Только европейцы—Мериме, Листъ, Берліозъ, Дрезеке—вѣрно угадали значеніе Глинки. Берліозъ далъ первую оцѣнку музыкальнаго дарованія Глинки, правильно указавъ его характерныя черты («*Journal des Débats*», 16 апрѣля 1845). Съ появленіемъ Глинки заканчивается переходный періодъ въ исторіи нашей музыки. Хотя послѣ Верстовскаго и являются какъ-бы эпитомы quasi-русскаго стиля—Валъбоа, съ «Наташей», и Капперовъ, съ «Грозой»,—но по своей формѣ эти оперы все-таки принадлежатъ къ другому типу, чѣмъ оперы Верстовскаго, послѣдняя въ ряду нашихъ оперныхъ водевиллистовъ. Русское самобытное музыкальное искусство, усвоившее западные средства выраженія—извѣстные приемы тематической разработки, общія нормы гармоніи и контрапункта, богатый и яркій западный оркестръ,—отнынѣ ищетъ и находитъ въ своемъ собственномъ исконномъ запасѣ народнаго творчества законы истинно-національной мелодіи, гармоніи и контрапункта. Глинка первый угадываетъ эти законы, первый создаетъ неувядаемые образцы въполнѣ національной русской музыки.

Начало царствованія Николая I было особенно благопріятно для русской оперы, пользовавшейся болѣе широкимъ расположеніемъ публики и не встрѣчавшей опасной конкуренціи со стороны иноземныхъ труппъ. Правда, въ 1828 г. возобновилась итальянская опера, но она просуществовала только до 1830—31 г., вновь сформировалась въ 1832 г. и опять закрылась въ 1835 г. Одновременно съ нею была въ СПб. и прекрасная нѣмецкая

опера (съ 1832 по 1843 г.), но ихъ присутствіе не мѣшало русскимъ опернымъ спектаклямъ, шедшимъ въ Большомъ театрѣ. Въ составѣ петербургской русской оперной труппы особенно выдавались знаменитый басъ О. А. Петровъ (съ 1839 г.), сопрано М. М. Степанова, А. Я. Воробьева (по мужу Петрова, прекрасное контральто, создательница партіи Вани въ «Жизни за Царя»). Въ Москвѣ составъ труппы былъ слабѣе. Капельмейстерами русской оперы въ Петербургѣ были Альбрехтъ и Лядовъ, въ Москвѣ—Шольцъ и Кубишта. Въ 1843—44 г. вновь явилась въ Петербургѣ итальянская труппа, съ такими знаменитостями во главѣ, какъ Виадо-Гарсія, Рубини, Тамбурини (позже—Гриззи, Фрециolini, Альбони, Маріо, Лаблаши и др.), и перетянула на свою сторону симпатіи всей публики и высшаго общества, съ дворомъ во главѣ. Большой театръ былъ отданъ итальянцамъ; русская труппа частью была переведена въ Москву, частью почти распалась. Итальянскій театръ былъ закрытъ для произведеній русскихъ композиторовъ. Высочайшее повелѣніе по этому предмету вызвано было, правда, засужденнымъ фiasco оперы А. О. Львова «*Vinca e Gualtiero*» но изъ-за него и «Жизнь за Царя» не могла быть поставлена у итальянцевъ, не смотря на желаніе Фрециolini дать ее въ свой бенефисъ (см. «Записки» Глинки, стр. 171). Съ этихъ поръ итальянская опера свиваетъ себѣ прочное гнѣздо въ Петербургѣ, отвлекая публику отъ родного искусства; она была упразднена только въ 1885 г., и содержаніе ея въполнѣ резонно предоставлено частной антрепризѣ. Въ царствованіе Николая I на нашихъ сценахъ были поставлены новыя оригинальныя произведенія слѣдующихъ русскихъ или поселившихся въ Р. композиторовъ (кроме Глинки): Ю. Арнольда, М. Бернарда, Верстовскаго, Геншта, Даргомыжскаго («Эсмеральда», обнаруживающая еще сильное вліяніе Галевы и Обера), О. Дюпюа, Кавоса, А. О. Львова, Мундта, А. Рубинштейна («Куликовская битва», «Сибирскіе охотники», «Домка-дурачекъ», 1853), Савиенцы, Соливы, Струйскаго, Толстого, Шелехова. Преобладаніе итальянской оперы и ея вліяніе на вкусы публики вызвали появленіе композиторовъ подражателей, въ родѣ О. М. Толстого, писавшаго дилеттантскія оперы во вкусѣ Россини и Беллини. Этому вліянію поддавались и композиторы романсовъ (въ огромномъ большинствѣ—дилеттанты), которыхъ въ данную эпоху народилось безчисленное множество. Даровитый дилеттантъ А. А. Алябьевъ (1802—52) написалъ болѣе 100 романсовъ, обличающихъ несомнѣнную способность. Мелодическимъ дарованіемъ онъ не уступалъ Верстовскому и превосходилъ его гармоническимъ вкусомъ, хотя его талантъ остался недоразвитымъ, вслѣдствіе отсутствія серьезнаго музыкальнаго образованія и безпорядочной жизни. Какъ и Верстовскій, Алябьевъ стремился къ національности, приближаясь иногда къ народной пѣснѣ. Попытка его въ оперномъ родѣ: «Кавказскій пленникъ» обнаружила полную несостоятельность его таланта передъ болѣе обшир-

ной задачей. Не менѣ даровитый мелодистъ А. Е. Варламовъ (1801—1851) стоитъ ниже Алябьева, какъ гармонистъ, но плодovitостью превосходитъ его (болѣе 250 романсовъ). К. П. Вильбоа (1817—1882), также дилеттантъ, стремился подражать Глинкѣ. Романсы Мих. Ю. Вильгорскаго (1788—1856), немногочисленные, выдаются несомнѣннымъ вкусомъ и музыкальностью. Геништа, солидный музыкантъ, одинъ изъ первыхъ писавшій на тексты Пушкина («Черная шаль», «Шуми, шуми, послушное вѣтрило»). А. Гурилевъ, дилеттантъ-мелодистъ во вкусѣ Алябьева и Варламова, написалъ около сотни романсовъ. Ни одинъ изъ перечисленныхъ композиторовъ не можетъ, однако, считаться родоначальникомъ русскаго художественнаго романса; отцомъ его является только Глинка. У него перваго мы находимъ художественно законченную вишнюю форму, заключающую въ себѣ музыкально-поэтическое содержаніе. Уже ранніе его романсы, напр. «Разочарованье» (1828), превосходятъ свѣжестью музыки и художественной законченностью всѣ другіе современныя русскіе романсы. Национальный элементъ, хотя еще условный, начинаеъ сказываться въ нихъ съ первыхъ же шаговъ («Ахъ ты душечка», 1827; «Дѣдушка», 1828; «Ночь осенняя», 1829 и т. д.), но въ послѣдствіи встрѣчается все рѣже и рѣже. Большая часть романсовъ Глинки написана въ общеевропейскомъ стилѣ, ярко обнаруживая, однако, свою принадлежность къ совершенно особой школѣ европейскаго искусства, разными особенностями гармоническими, ритмическими и мелодическими (пагальныя каденціи, рѣдкіе размѣры, обороты мелодіи, близкіе къ народнымъ). Многіе романсы Глинки устарѣли, въ особенности изъ-за безвкусныхъ текстовъ, но нѣкоторые до сихъ поръ являются неуважаемыми образчиками русскаго художественнаго романса. Таковы, напр., гениальный по декламации и живописности сопровожденія «Ночной сморъ», «Пѣснь Маргариты», «Еврейская пѣсня», «Слышу-ли голосъ твой», «Ду-бравъ шумитъ», «Какъ сладко съ тобою мнѣ быть». Второе мѣсто по художественному значенію занимаютъ романсы А. С. Даргомыжскаго, написанные въ царствованіе Николая I. Они безусловно талантливые прочей тогдашней романсной литературы, но, за рѣдкими исключеніями («Влюбленъ я, двѣ красота» и др.), невыдержанны или блѣдны по музыкѣ и представляютъ главнымъ образомъ историко-біографическій интересъ. Фортепіанная музыка русскіхъ композиторовъ, получившая начало еще въ царствованіе Александра I (однимъ изъ первыхъ произведеній этого рода была фортепіанная соната Верстовскаго, посвященная имъ своему учителю Фильдѣ, а также раннія фортепіанныя сочиненія Глинки—болѣею частью вариации на темы изъ модныхъ оперъ, изданныя уже послѣ его смерти), насчитывала при Николаѣ I еще очень немного представителей. Небольшія салонныя пьесы, болѣею частью ничтожныя по содержанію и не имѣвшія въ себѣ ничего русскаго, издавались обыкновенно въ музыкальныхъ альманахахъ, въ ро-

дѣ: «Музык. альбома» (изд. Верстовскимъ въ 1827 и 1828 гг.) или «Подарка любителямъ танцевъ для ф. п.» (Москва, 1833). Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ болѣшимъ распространеніемъ пользовались салонныя композиціи московскаго композитора Фердинанда Лангера (фантазія, транскрипціи и т. п.), находившія себѣ восторженную хвалу въ музыкальныхъ рецензіяхъ В. П. Боткина. Многочисленныя сочиненія Ѳ. Ласковскаго († 1855)—мазурки, вальсы, вариации, экспромпты, пѣсни безъ словъ, этюды, ноктюрны, тарантеллы, сонаты,—въ настоящее время совсѣмъ позабытыя представляютъ менѣе разнообразное и виртуозное фортепіанное письмо, чѣмъ у Шопена, но отличающіяся мелодическимъ и гармоническимъ вкусомъ, искреннимъ и задушевымъ настроеніемъ и безусловно возвышаются надъ всѣмъ, что писалось въ то время для фортепіано, кромѣ очень немногихъ вещей Глинки («Баркаролла», «Souvenir d'une mazurka»). Глинка еще менѣе тяготеетъ къ фортепіанной музыкѣ, чѣмъ къ романсной, не будучи настоящимъ пианистомъ-виртуозомъ и обладая въ этомъ отношеніи довольно устарѣлымъ вкусомъ, заставлявшимъ его ставить Фильда, какъ пианиста, выше Листа. Фортепіанныя сочиненія занимаютъ въ его творчествѣ еще менѣе замѣтное мѣсто, чѣмъ романсы. Къ началу 50-хъ гг. относятся и первыя фортепіанныя произведенія А. Рубинштейна. Съ 1838 г. проживавшій въ Петербургѣ Гензельтъ, но его композиторская дѣятельность протекала совершенно независимо отъ нашей музыкальной жизни и не оказывала на нее никакого вліянія. Прочіе роды камерной музыки не получили еще законченнаго выраженія. Квартеты для смычковыхъ инструментовъ писали Глинка (квартетъ F-dur, 1830 г. въ Гайдновскомъ родѣ, слабѣе раннее произведеніе, изд. только много спустя послѣ смерти автора), Ласковскій, Мих. Ю. Вильгорскій и др. Ни одно изъ этихъ произведеній не составило эпохи въ исторіи нашей музыки. Тоже слѣдуетъ сказать и о другихъ сочиненіяхъ Глинки въ камерномъ родѣ, относящихся къ ранней эпохѣ его творчества. Многія изъ нихъ напечатаны лишь послѣ его смерти, въ качествѣ интереснаго біографическаго матеріала. Зато самобытная русская симфоническая музыка, какъ и оперная, восходитъ къ Глинкѣ. Все другое въ этомъ родѣ, что было написано до Глинки и въ его время (симфоніи гр. Мих. Ю. Вильгорскаго и Д. Рѣзанаго, концертныя увертюры Верстовскаго, симфоніи Л. Маурера, фантазія «Буря» Д. Струйскаго и др.), частью ordinarily и не имѣетъ ничего національнаго, частью крайне слабо. Какъ въ своей оперной музыкѣ, такъ и въ симфонической, Глинка не имѣлъ въ Р. предшественниковъ. При всемъ своемъ русскомъ характерѣ, увертюра «Русланъ» (увертюра «Жизни за Царя»—слабое произведеніе въ смыслѣ симфонической работы) коренится въ Моцартѣ и Бетховенѣ. Музыка къ «Князю Холмскому» обнаруживаетъ такое же духовное родство съ «Эгмонтомъ» Бетховена, какое имѣетъ, напр., «Борисъ Годуновъ» Пушкина съ хрониками и трагедіями Шекспира.

Одно из самых высоких произведений Глинки — «Арагонская хота» — представляет чисто Бетховенскую мощь тематической разработки. Юмор, каким исполнена «Камаринская», также не имѣлъ у насъ раньше музыкальнаго воплощенія; только въ симфоническихъ скерцо Бетховена Глинка могъ найти нѣчто подобное. Среди этихъ произведеній, къ которымъ еще нужно прибавить «Ночь въ Мадридѣ», съ ея контрастами жгучей нѣги и бодрого веселья, а также превосходные оперные антракты въ «Жизни за Царя» и особенно въ «Русланѣ», нѣтъ ни одной настоящей симфоніи въ общепринятой четырехчастной формѣ, но мы находимъ въ нихъ полнѣе готовый русскій симфоническій стиль, всѣ элементы симфоніи. — Концертная жизнь Петербурга въ царствованіе Николая I развивалась еще болѣе, чѣмъ въ предыдущее царствованіе. По серьезности программъ (до начала 50-хъ гг.) выше всѣхъ стояли концерты филармоническаго общества. Русскія произведенія исполнялись здѣсь рѣдко. Къ началу 50-хъ годовъ, подвліяніемъ увлеченія итальянской оперой, вкусы публики все болѣе и болѣе отвращаются отъ серьезной музыки; даже «Донъ Жуанъ» Моцарта (см. статьи Сѣрова) кажется тогдашней публикѣ ученой и скучной музыкой. Концерты филармоническаго общества начинаютъ падать; дирекція, идя на встрѣчу вкусамъ общества, рѣзко мѣняетъ характеръ своихъ программъ, привлекая къ участию въ своихъ концертахъ виртуозовъ и итальянскихъ пѣвцовъ. Хоры исполнялись придворными пѣвчими до 1849 г., когда директоры капеллы Львовъ основали особые концерты капеллы (см. ниже). Въ связи съ уходомъ хора находится и исчезновеніе изъ филармоническихъ концертовъ болѣе или менѣе хорошихъ произведеній. Нѣкоторые изъ этихъ концертовъ состоялись подъ управленіемъ Берліоза, исполнившаго въ нихъ рядъ своихъ произведеній, оцененныхъ весьма немногими. Незамѣченнымъ прошелъ пріѣздъ въ Россію Шумана (1844), хотя одна изъ его симфоній и струнный квартетъ были исполнены въ концертѣ, устроенномъ г. М. Ю. Вильгорскимъ. Изъ-за виртуозной славы его жены, Клары Шумаль, тогдашніе знатоки проглядѣли одного изъ величайшихъ композиторовъ XIX в. Зато Листъ, бывшій въ Россію въ 1843 г., встрѣтилъ самый восторженный пріемъ, благодаря своей виртуозной игрѣ (см. В. В. Стасовъ, «Листъ, Шуманъ и Берліозъ въ Россіи», «Сѣв. Вѣстн.», 1889, № 4 и 8; его же, «Листъ въ Россіи», въ «Русск. Музык. Газ.», 1896). Съ 1850 г. устраивались концерты въ залѣ пѣвческой капеллы, имѣвшіе преимущественно серьезно-классическій характеръ. Въ началѣ царствованія Николая I въ Петербургѣ недолго существовали два музыкальных хоровыхъ общества изъ любителей, принадлежавшихъ къ высшему обществу: «Музыкальная Академія» и «Академія пѣнія», первое подъ управленіемъ Львова, второе — г. М. Ю. Вильгорскаго. Здѣсь исполнялись хоры Генделя, Гайдна, Моцарта, Керубини и т. д. Изъ «Академіи пѣнія» образовалась теперешняя «Sing-Akademie». Музыкально-теоре-

тическая литература мало подвинулась за это время. Переводъ (сдѣланный Е. Вороновымъ) «Исторіи музыки» Штаффорда (СПб., 1838) была первой русской книгой по этому предмету; въ ней данъ очеркъ исторіи музыки въ Россіи. Музыкальной критикой занимались князь В. Ѳ. Одоевскій, Ѳ. М. Толстой (подъ псевдонимомъ «Ростислава»), Сѣровъ (съ начала 50-хъ годовъ), В. П. Боткинъ, М. Я. Раппопортъ и др. Изъ прочихъ тогдашнихъ писателей о музыкѣ необходимо упомянуть о А. Д. Улыбышевѣ (1795—1858) и В. Ленцѣ (1809—1883). Первый выпустилъ въ свѣтъ біографію Моцарта, пользовавшуюся большою извѣстностью и въ европейской музыкальной литературѣ («Nouvelle biographie de Mozart», 1843; русскій переводъ Чайковскаго, съ приложеніемъ статьи Лароша «О жизни и трудахъ Улыбышева», 1890—93), а второй — не менѣе извѣстное сочиненіе «Beethoven et ses trois styles» (СПб., 1852). Музыкальное образованіе все еще было представлено главнымъ образомъ частною почину. Только въ женскихъ институтахъ вѣдомства Имп. Маріи, со времени назначенія Гензельта инспекторомъ музыки, наблюдалось нѣкоторое стремленіе къ болѣе рациональному методу обученія музыкѣ, подъ которой разумѣлась игра на фортепіано. Специальную музыкально-теоретическую подготовку можно было получить только путемъ частныхъ занятій съ теоретикомъ-музыкантомъ въ родѣ Гунке, І. Г. Мюллера, Фукса и др. Учебныхъ заведеній, посвященныхъ преподаванію разныхъ отраслей музыки, все еще не было. Только въ пѣвческой капеллѣ да въ театральномъ училищѣ преподавалась теорія музыки, вмѣстѣ съ пѣніемъ или игрой на оркестровыхъ инструментахъ. Теорію музыки въ театральномъ училищѣ преподавалъ съ 1833 г. Солива.

Оживленіе общественной жизни, начавшееся съ воцаренія Александра II, отразилось и въ области музыки. Школа передвижниковъ въ нашей живописи и такъ называемая «могучая кучка» въ нашей музыкѣ въ одинаковой мѣрѣ являются результатомъ стремленія впередъ, охватившаго наше общество. Отсюда прогрессивный, нерѣдко доходившій до полнаго разрыва съ прошлымъ характеръ новыхъ художественныхъ направленій. Въ связи съ «народничествомъ» въ литературѣ и живописи, и наша новая музыкальная школа выставила своимъ девизомъ «народность», принимая въ этомъ отношеніи къ Глинкѣ и стараясь иногда еще болѣе и точнѣе усвоить себѣ стиль народной русской пѣсни. Рядомъ съ этой основной чертой замѣчается и сильно выраженное стремленіе къ реализму, съ которымъ связаны попытки преобразования оперной формы (въ основныхъ чертахъ родственныя оперной реформѣ Вагнера, но совершенно отъ нея независимая), созданіе особаго вокальнаго декламационнаго стиля, выборъ пѣлаго ряда поэтическихъ темъ, до тѣхъ поръ ускользавшихъ отъ воплощенія въ музыкальныхъ формахъ. Другія черты родятъ нашу новую музыку съ ново-европейскимъ музыкальнымъ движеніемъ, вліяніемъ котораго онѣ и были вызваны. Сюда надо отнести

стремление къ изобразительности, живописности музыки, замѣчавшееся уже у Глинки въ «Русалкѣ», но главнымъ образомъ свойственное западному музыкальному романтизму и неоромантизму (Бердіозъ, Шуманъ, Листъ, Вагнеръ), откуда оно и было усвоено нашей новой музыкальной школой. У насъ оно хорошо гармонировало съ стремленіемъ къ реализму и въ связи съ нимъ приняло нѣсколько иной характеръ, чѣмъ на Западѣ. Характерное для европейскаго музыкальнаго романтизма стремленіе расширить музыкальныя архитектурныя формы, сдѣлать ихъ болѣе гибкими и разнообразными, поставить ихъ въ зависимость отъ содержанія или требованій музыкальной характеристики или даже создать совсѣмъ новыя, небывалыя формы отразилось и у насъ, вмѣстѣ съ его чисто техническими особенностями: склонностью къ прыжностямъ и новизнѣ гармоніи, пестротѣ, богатству и яркой звучности инструментовъ, разнообразію и свободѣ ритма и т. п. Въ послѣднемъ отношеніи наша новая музыкальная школа въ равной мѣрѣ зависѣла и отъ европейскихъ музыкальных романтиковъ и неоромантиковъ (Бердіозъ, Шопенъ, Шуманъ, Листъ), и отъ своего родоначальника, Глинки. Въ связи съ указанными чертами музыкальнаго романтизма—кромѣ интереса къ фантастическому, принятому нашей музыкѣ, въ лицѣ Глинки, влияніемъ Вебера и его «Волшебнаго стрѣлка»—находится и наклонность къ экзотическимъ сюжетамъ. Отсюда испанскій, греческій, польскій, чешскій, сербскій, финскій, еврейскій, арабскій, грузинскій и вообще восточный мѣстный колоритъ, сдѣлавшійся одной изъ необходимыхъ принадлежностей нашей новой музыкальной школы. Вліяніе Вагнера сказалося только на немногихъ нашихъ композиторахъ (Скрябинъ, Чайковский, Глазуновъ), и то лишь отчасти.

Послѣ Глинки, новая русская музыкальная школа своими характерными особенностями болѣе всего обязана Даргомыжскому, ближайшему, преемнику и въ известномъ смыслѣ, послѣдователю Глинки. Главное художественное и историческое значеніе имѣютъ вокальныя произведенія Даргомыжскаго—оперы и романсы. Какъ и Глинка, Даргомыжскій не былъ профессиональнымъ музыкантомъ; музыкальное образованіе его было еще менѣе систематично и закончено, чѣмъ у Глинки. Отсюда сравнительная недостаточность композиторской техники Даргомыжскаго: известная слабость симфонической разработки, блѣдность и однообразие инструментовки, во времени нѣкоторая сухость и неловкость гармоніи, вообще оригинальной. Въ мелодическомъ отношеніи Даргомыжскій также былъ менѣе одаренъ, чѣмъ Глинка: его мелодіи нѣрѣдко блѣдны и даже банальны, обнаруживая большую зависимость отъ ходячихъ въ то время образцовъ оперной музыки, главнымъ образомъ французской. Въ одномъ отношеніи только Даргомыжскій не только равнялся съ Глинкой, но и превосходилъ его: въ отношеніи драматизма, способности переживать положеніе своихъ героевъ и передавать ихъ душевное состояніе взволнованной музыкаль-

ной рѣчью. Глинка въ своихъ операхъ являлся преимущественно лирикомъ и эпикомъ и ограничивается, болѣею частью, только общей характеристикой драматической ситуаціи; Даргомыжскій даетъ слушателю детальное изображеніе душевнаго состоянія своихъ героевъ, со всѣми изгибами и неожиданными поворотами настроенія. Въ 1856 г. (годъ постановки на сценѣ «Русалки»), Даргомыжскій писалъ: «большинство нашихъ любителей и газетныхъ писакъ не признаютъ во мнѣ вдохновенія. Рутинный взглядъ ихъ ищетъ лѣстныхъ для слуха «мелодій», за которыми я не гонюсь. Я не намѣренъ низводить для нихъ музыку до забавы. *Хочу, чтобы звуки прямо выражали слово. Хочу правды.* Они этого понять не умѣютъ». Въ правдивомъ, реалистичномъ выраженіи слова посредствомъ звуковъ и заключается главное значеніе Даргомыжскаго въ нашей музыкѣ. Въ связи съ нимъ находится и новый аріозно-мелодическій стиль речитатива, созданный Даргомыжскимъ въ лучшихъ мѣстахъ «Русалки», въ нѣкоторыхъ романахъ и въ «Каменномъ гостѣ» и болѣе или менѣе обратившійся въ образецъ для всѣхъ послѣдующихъ композиторовъ новой русской музыкальной школы. Нѣкоторые примѣры этого стиля встрѣчаются уже у Глинки (самый выдающійся—въ романсѣ «Ночной смотръ»), но Даргомыжскій почти независимъ въ этомъ отношеніи отъ своего великаго предшественника; его аріозно-мелодическій речитативъ, превосходный речитативъ Глинки гибкостью, точностью въ передачѣ интонацій рѣчи и драматической выразительностью, можетъ считаться его созданіемъ. Въ связи съ реализмомъ Даргомыжскаго находится и его реформа оперы, роднящая его, въ общемъ, съ Глюкомъ и Вагнеромъ, хотя и достигаемая иными средствами. Съ Вагнеромъ Даргомыжскій сходилъ лишь въ томъ, что допускалъ условныя оперныя формы—аріи, дуэты, терцеты и проч. ансамбли—только въ умѣренныхъ, позднѣе даже минимальныхъ размѣрахъ, только тамъ, гдѣ онъ не противорѣчили драматическому дѣйствию или прямо вытекали изъ него. Спеціальныя Вагнеровскія средства выраженія—въ родѣ лейтмотива, передачи всей музыкальной характеристики въ оркестръ и т. д.—у Даргомыжскаго отсутствуютъ. Лейтмотивъ встрѣчается у Даргомыжскаго, какъ и у Глинки, только въ зачаточномъ видѣ «реминисценціи», который находимъ уже у Моцарта, Вебера и др. Сопровожденіе оркестра къ мелодическому речитативу у Даргомыжскаго самостоятельныя и богаче въ смѣшанной и переходной «Русалкѣ», чѣмъ въ новаторскомъ «Каменномъ гостѣ», гдѣ оно доходитъ иногда до аскетической бѣдности, граничащей съ отсутствіемъ музыкальнаго содержанія и характеристики. Такимъ образомъ сближеніе Даргомыжскаго съ Вагнеромъ возможно только въ самомъ общемъ смыслѣ. Гораздо ближе типъ музыкальной драмы, созданный Даргомыжскимъ въ «Каменномъ гостѣ», подходитъ къ тому, который мы находимъ у мало известного въ Россіи вѣмцагого композитора Иосифа Губера (род. 1837 г.), современника и соперника Ваг-

нера, автора оперъ «Irene» и «Die Rose von Libanon». Даргомыжскій и Губеръ не знали друг друга, работая приблизительно въ одно и то же время, но известное формальное сходство между ихъ произведеніями безусловно существуетъ и представляетъ интересный примѣръ духовнаго совпаденія. «Каменный Гость» Даргомыжскаго вызвалъ въ свое время ожесточенные споры между его поклонниками и противниками, до сихъ поръ еще не приведшіе къ соглашенію. Одни считали и считаютъ его капитальнѣйшимъ произведеніемъ новой русской музыкальной школы, другіе отрицали и отрицаютъ въ немъ всякій элементъ вдохновенія, признавая его мертворожденнымъ курьезомъ, чисто головою, тенденціозной работой, насиліемъ надъ прирожденнымъ талантомъ въ угоду книжной, мертвой теоріи. Несомнѣнно одно: при послѣдовательно проведенномъ сплошномъ мелодическомъ речитативѣ, вокальные партіи не могли не сдѣлаться монотонными, не смотря на всю оригинальность, силу и выразительность музыкальной декламации. Наши новые композиторы, послѣдователи и единомышленники Даргомыжскаго, очевидно чувствовали это—и въ своихъ операхъ (сознательно или безсознательно) не пошли вполне по тому пути, которымъ шелъ Даргомыжскій въ «Каменномъ Гостѣ». Даже такой безусловный поклонникъ «Каменнаго Гостя», какъ Ц. Кюи (см. его «La musique en Russie», П., 1880), ни въ одной изъ своихъ оперъ не попытался вполне послѣдовательно осуществить систему мелодического речитатива на фонѣ блѣднаго, болѣею частью, оркестроваго сопровожденія, характеризующую музыку послѣдней оперы Даргомыжскаго. Какъ-бы то ни было, художественное и музыкально-историческое значеніе «Каменнаго Гостя» весьма значительно: положительныя достоинства яркой и выразительной музыкальной декламации, требующей всаки особаго таланта и вдохновенія, заставляють забывать блѣдность собственно музыкальнаго содержанія и дѣлають послѣднюю оперную партитуру Даргомыжскаго необходимымъ предметомъ изученія для каждаго русскаго вокальнаго композитора, желающаго усвоить себѣ свободный и выразительный вокальный стиль. Въ мелодическомъ речитативѣ всѣхъ выдающихся нашихъ оперныхъ композиторовъ разсматриваемаго періода замѣтны несомнѣнные, подчасъ глубокие слѣды вліянія мелодическаго речитатива Даргомыжскаго (особенно у Кюи и Мусоргскаго, въ меньшей степени—у Бородина, Римскаго-Корсакова и Чайковскаго, не говоря дальше того типа речитатива, который представляетъ «Русалка»). Въ связи съ реализмомъ Даргомыжскаго находится сильно развитое комическое его дорваніе. Въ этомъ отношеніи онъ также превосходилъ Глинку, юморъ котораго имѣетъ болѣе спокойный, эпическій отблѣск. Рядъ комическихъ романсовъ, такіе типы, какъ сватъ и Оляга въ «Русалкѣ», совсѣмъ новые въ нашей музыкѣ, нѣкоторыя мѣста «Каменнаго Гостя», симфоническая картина «Казачки» и т. д. живо свидѣтельствуютъ объ этой сторонѣ таланта

Даргомыжскаго, не оставшейся безъ вліянія и на послѣдующихъ композиторовъ, особенно на Мусоргскаго. Новаторскимъ и реалистическимъ стремленіемъ Даргомыжскаго въ области оперы пришлось испытать тотъ же пріемъ со стороны русскаго общества, какой въ свое время встрѣтилъ «Русланъ» Глинки, снятый съ репертуара на цѣлыя 15 лѣтъ времени первой постановки. «Русалка» Даргомыжскаго сначала не имѣла успѣха ни въ публикѣ, ни въ печати: исключеніе составилъ Сѣровъ, посвятившій новой оперѣ большую, сочувственную статью. Только въ концѣ 60-хъ гг. наступилъ поворотъ во мнѣніи публики, отчасти подъ вліяніемъ прекраснаго исполненія роли Наташи—Платоновой и мелника—Петровымъ. Вмѣстѣ съ «Жизнью за Царя» и «Русланомъ», «Русалка» дѣлается репертуарной оперой и начинаетъ нравиться публикѣ. Еще меньше успѣха имѣлъ «Каменный Гость», встрѣченный враждебно почти всей критикой и публикой (1872). Послѣ нѣсколькихъ представленій опера была снята съ репертуара и съ тѣхъ поръ появлялась только на частныхъ сценкахъ, съ исполнителями-любителями и съ сопровожденіемъ фортепиано. Въ романахъ Даргомыжскаго мы находимъ тѣ же основныя черты таланта, какъ и въ его лучшихъ операхъ. Среди его зрѣлыхъ произведеній этого рода имѣется нѣсколько превосходныхъ образчиковъ художественнаго русскаго романа: въ лирическомъ широкомъ мелодическомъ стилѣ, въ закругленной стройной формѣ («Я помню глубоко», «Я все еще его, безумная, люблю», «Не скажу никому», «Какъ часто слушаю», «Что въ имени тебѣ моемъ»), декламаторные, сильно драматическіе («Старый капралъ», «Паладинъ»), комическіе («Червякъ», «Титулярный совѣтникъ», «Мельникъ», «Охъ тѣхъ тѣхъ», «Лихорадушка» и т. д.), этюды мелодическаго речитатива («Ты вся полна очарованья» и превосходное «Мнѣ все равно»), свѣтліе и оригинальные восточные («О дѣва роза», «Ты рождена восславляеть») и т. д. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ и особое историческое значеніе, по новизнѣ поэтическихъ темъ (напр. комическіе) или пріемовъ (восточные, речитативные) и т. д. Какъ композиторъ романсовъ, Даргомыжскій является болѣе обдуманымъ и сознательнымъ мастеромъ, чѣмъ Глинка: онъ строже относится къ соотвѣстствію музыки и текста, къ музыкальной декламации и характеристикѣ, тоньше и гибче передаетъ смѣну настроеній и съ болѣе вѣрнымъ выбираетъ тексты. Симфоническія произведенія Даргомыжскаго, изъ которыхъ самыя удачныя—«Казачекъ» и «Чухонская фантазія», имѣютъ второстепенное значеніе. Существенно новыхъ элементовъ въ нашу симфоническую музыку, кромѣ известнаго угловатаго юмизма, иной разъ граничащаго съ карикатурой («Баба-яга или съ Волги пашь Riga»), они не внесли. Национальный элементъ у Даргомыжскаго блѣднѣе, чѣмъ у Глинки. Такихъ глубоко национальныхъ страницъ, какъ хоры «Разливалася» или «Славься» въ «Жизни за Царя», «Не лебедка блоснѣжная» или «Лель, таинственный» въ «Русланѣ», у Дар-

гомыжскаго нѣтъ. Хоры «Русалки» только въ 1-мъ дѣйствіи имѣютъ ясный національный отпечатокъ (особенно «Какъ на горѣ мы пиво варили» и «Залетіся»). Изъ романсовъ Даргомыжскаго только немногіе носятъ яркій національный отпечатокъ. Фантастическій элементъ, столь яркій у Глинки, у реалиста Даргомыжскаго блѣденъ и прозаиченъ (хоры русалокъ). Независимое положеніе въ нашей музыкѣ занималъ О. Дютишъ (1825—1863) — датчанинъ родомъ, талантливый авторъ оперы «Кротка» (1860) и довольно большого числа романсовъ, обнаруживающихъ изящный вкусъ, прекрасную технику, теплоту и искренность чувства, но малую оригинальность творчества, примыкающаго къ Мендельсону (въ романсахъ) и Мейерберу (въ оперѣ).

Меньшую степень независимости (отъ русской музыки) обнаруживаетъ композиторская дѣятельность А. Н. Сѣрова (1820—1871), автора трехъ оперъ: «Юдишъ» (1863), «Рогнѣда» (1865) и «Вражья Сила» (1871; закончена Н. Ѳ. Соловьевымъ). Широко образованный въ литературномъ отношеніи, разносторонне одаренный, Сѣровъ не получилъ систематическаго музыкальнаго образованія и выступилъ на композиторское поприще сравнительно поздно (болѣе 40 лѣтъ отъ роду). Драматическое чутье, литературное образованіе, природный умъ замаскировывали у него пробѣлы музыкальнаго таланта и техники и позволяли ему довольно успѣшно браться за крупныя задачи. Тѣмъ не менѣе отсутствіе крупнаго дарованія и опредѣленныхъ художественныхъ идеаловъ заставляло его постоянно мѣнять свой музыкальный стиль, примыкать то къ тому, то къ другому направленію. Мейербергъ, Моцартъ, Бетховенъ, Глинка, Вагнеръ, итальянцы поочередно овладѣвали имъ, уступая другъ другу мѣсто черезъ болѣе или менѣе продолжительное время. Отсюда невыдержанность музыки его оперъ, въ которой мѣста слабыя, дилеттантскія и неумѣлыя чередуются съ удачными и характерными нумерами. Всего сильнѣе сказались на Сѣровѣ вліяніе Вагнера, особенно въ «Юдишѣ», менѣе въ «Рогнѣдѣ». Вліяніе это, впрочемъ, отразилось не столько на музыкальномъ содержаніи оперъ Сѣрова, сколько на ихъ формѣ. Въ этомъ отношеніи Сѣровъ былъ далекъ отъ нашей новой музыкальной школы; образцомъ служили ему главнымъ образомъ оперы средней манеры Вагнера («Тангейзеръ», «Лоэнгринъ»), отъ которыхъ онъ заимствовалъ не только форму, но и нѣкоторые сценическія situacii (охота, хоры странниковъ въ «Рогнѣдѣ» и т. д.). Музыка Сѣрова не имѣетъ опредѣленной индивидуальности ни въ мелодическомъ, ни въ гармоническомъ отношеніи и носитъ отпечатокъ декоративности, но отличается нерѣдко эффектною, сценичною и драматизмомъ, выкупающими въ глазахъ публики отсутствіе глубины, оригинальности и тонкости музыкальнаго содержанія. Особенно слабы речитативы Сѣрова. Не смотря на свое увлеченіе Вагнеромъ и непрязненное отношеніе къ молодой русской музыкальной школѣ, группировавшейся около Даргомыжскаго и Балакирева

(онъ признавалъ изъ нея только Н. А. Римскаго-Корсакова), Сѣровъ въ своихъ операхъ все-таки обнаруживаетъ нѣкоторыя точки соприкосновенія съ основными принципами этой школы. Оставляя въ сторонѣ космополитическую «Юдишъ», въ которой обнаруживается вліяніе «Руслана» (противоположеніе еврейской, т. е., строго говоря, общеевропейской музыки ассирійскаго и индійскаго мѣстныхъ колоритовъ, хотя-бы и вполнѣ условныхъ), необходимо указать на народность не только сюжетовъ «Рогнѣды» и «Вражьей Силы», но и ихъ музыки (въ большинствѣ случаевъ). Правда, она не выдержана, впадая нерѣдко въ слащавый итальянонѣмекій тонъ (пляска сѣнныхъ дѣвушекъ, пѣсенка Изяслава въ «Рогнѣдѣ» и др.), но въ большинствѣ случаевъ схвачена удачно (охотничья пѣсня съ хоромъ, жертвенный хоръ въ «Рогнѣдѣ», многія мѣста «Вражьей Силы»), хотя и граничитъ иногда съ «простонародностью» (сказка и пѣсня дурака въ «Рогнѣдѣ»). Какъ Даргомыжскій и Мусоргскій, Сѣровъ въ своихъ операхъ является реалистомъ. Отсюда свобода его оперныхъ формъ, хотя и не совсѣмъ русскаго склада, и реалистическій, иногда чересчуръ, характеръ его музыки. Въ силу всего вышесказаннаго историческое значеніе Сѣрова, не смотря на средніе размѣры его дарованія, для извѣстнаго періода въ исторіи нашей оперы можетъ быть признано довольно крупнымъ. Не надо забывать, что «Юдишъ» и «Рогнѣда» были по счету четвертой и пятой русскими операми послѣ «Жизни за Царя», «Руслана» и «Русалки»; «Вильямъ Раткліффъ» Кюи (1869), «Псковитянка» Римскаго-Корсакова (1873) и «Борисъ Годуновъ» Мусоргскаго (1873) явились только послѣ названныхъ двухъ оперъ Сѣрова. Къ послѣдователямъ Сѣрова должно отнести Н. Ѳ. Соловьева*), автора двухъ оперъ «Кузнецъ Вакула» (1874) и «Корделія» (1885), симфоническаго произведенія «Русь и Монголы» и др. Новыя русскія оперы прочихъ композиторовъ, исполнявшіяся до начала 70-хъ годовъ — дилеттантскія произведенія, принадлежавшія любителямъ или мало талантливымъ композиторамъ. Таковы: «Чародѣй», комич. опера кн. Г. Вяземскаго (СПб., 1855), «Громобой», Верстовскаго (М., 1858), «Мазепа» бар. Фитингофа-Шеля (1859), «Наташа или Волжскіе разбойники», Вильбоа (1861), «Залороецъ за Дунаемъ», Артемьевскаго (1863), «Проза» Кашперова, Нижегородскаго Направника (1868; произведеніе солидное по фактурѣ, но мало оригинальное по формѣ и содержанію), «Воевода — юношеская опера Чайковскаго (1869), послѣ трехъ представлений снятая съ репертуара и уничтоженная авторомъ. Только начиная съ 70-хъ годовъ является рядъ новыхъ русскихъ оперъ, имѣющихъ крупное художественное и историческое значеніе и примыкающихъ къ произведеніямъ Глинки и Даргомыжскаго. Всѣ онѣ выходятъ изъ небольшого кружка талантливыхъ любителей музыки, не-профессиональ-

*) Въ виду участія Н. Ѳ. Соловьева въ редакціи настоящаго Словаря, оцѣнка его музыкальной дѣятельности здѣсь не приводится.

ных музыкантовъ, сгруппировавшагося около Даргомыжскаго и Балакирева и прозваннаго впоследствии «могучей кучкой». До 1869 г. «могучая кучка» успѣла занять себя рядомъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ симфоническихъ произведеній, романсовъ и фортепьянныхъ пѣсень; не доставало только оперы, основанной на тѣхъ же принципахъ. «Вильямъ Ратклиффъ», Ц. Кюи, наполнилъ этотъ пробѣлъ. Правда, ни по сюжету, ни по характеру музыки, обличавшей влияние Шумана, Шопена и отчасти Листа, «Ратклиффъ» не могъ считаться національной русской оперой; тѣмъ не менѣе ясно обнаруживалась его принадлежность къ русской музыкальной школѣ—вокальнымъ стилемъ, мелодическими речитативами и цѣлымъ рядомъ мелодическихъ, ритмическихъ и гармоническихъ приемовъ, выработанныхъ какъ-бы съобща вышеуказаннымъ кружкомъ композиторовъ. Музыка «Ратклиффа», проникнутая теплотой чувства, мягкой границей, иногда силою и глубокою выраженіемъ, и заключенная въ свободныхъ, гибкихъ формахъ, выпала изъ податки мелодраматическаго либретто. Слабую сторону оперы, кромѣ отсутствія національнаго шотландскаго колорита и неудавшихся комическихъ персонажей, составляетъ инструментовка. Опера, исполненіе которой было довольно слабо, въ публикѣ и печати не имѣла успѣха, какъ и всѣ почти русскія талантливыя оперы на первыхъ порахъ, и послѣ 8 представлений была снята со сцены; съ тѣхъ поръ она исполнялась только на домашнихъ любителейскихъ спектакляхъ. Раньше «Ратклиффа» Кюи написалъ двѣ оперы: одноактную комическую оперу «Сынъ Мандарина» (1859), исполнявшуюся только въ домашнемъ интимномъ кругу или на любителейскихъ сценахъ и имѣющую лишь биографическій и историческій интересъ, и «Кавказскій пѣтликъ» (1857—58), изъ котораго до 1883 г. исполнялись только увертюра и танцы для оркестра. Впослѣдствіи (1881—82) авторъ расширилъ и переработалъ послѣднюю изъ названныхъ оперъ, прибавивъ къ ней одинъ актъ. Въ такомъ видѣ она шла въ 1883 г., съ довольно хорошимъ успѣхомъ. Вслѣдъ за «Ратклиффомъ» въ 1870 г. является малоталантливая опера Н. Я. Алябьева (1821—1898) «Амалатъ-бекъ», не имѣвшая никакого успѣха. Въ 1873 г. поставлены были «Псковитянка» Н. А. Римскаго-Корсакова и «Ермакъ» Сантиса (заслуженно не имѣвшій никакого успѣха; опера скоро снята была со сцены). «Псковитянка» (по драмѣ Л. Мея), продолжавшаяся на сценѣ два года и снятая отчасти по пензурнымъ условіямъ, достойно примыкала къ національнымъ операмъ Глинки и Даргомыжскаго, даже превосходя «Русалку» вѣрностью и послѣдовательнымъ проведеніемъ національнаго колорита и не уступая въ этомъ отношеніи операмъ Глинки. Большія услуги нашимъ національнымъ композиторамъ въ этомъ смыслѣ оказалъ сборникъ народныхъ пѣсней Балакирева (1866), давшій имъ превосходные образчики народнаго творчества, въ безукоризненныхъ записяхъ и съ фортепьяннымъ сопровожденіемъ полнымъ вкуса, изящества и

вдохновенія. «Псковитянка» отражаетъ влияние этого сборника не столько заимствованными отсюда темами (ихъ всего три), сколько вѣрно схваченнымъ народнымъ характеромъ всѣхъ бытовыхъ и многихъ лирическихъ сценъ оперы. Здѣсь нѣтъ итальянизмовъ, которые встрѣчаются даже въ «Русалкѣ», не говоря уже о «Жизни за Царя» и «Русалкѣ». Не смотря на то, что эта опера является первой въ длинномъ ряду оперъ Римскаго-Корсакова, она принадлежитъ къ значительнѣйшимъ его произведеніямъ, лучше всѣхъ другихъ его оперъ отвѣдая идеалу музыкальной драмы и превосходя ихъ глубиной и силой драматизма. Широкая и могучая народная сцена—напр. весь второй актъ, изображающій псковское вѣче, или сцена ожиданія царскаго вѣзда въ Псковъ,—реально очерченные характеры, прелестныя бытовые сцены, красота и техническія достоинства музыки (въ гармоническомъ, контрапунктическомъ и оркестровомъ отношеніи) дѣлаютъ «Псковитянку» первокласснымъ произведеніемъ нашей національной музыки, не смотря на нѣкоторыя слабыя или менѣе удачныя второстепенныя детали. Оперная форма въ ней отличается свободой и гибкостью, подчиняясь почти вездѣ требованіямъ драмы, но не впадая въ крайности «Каменнаго Гостя». Впослѣдствіи авторъ подвергалъ оперу двукратно переработкѣ, очистивъ ее при этомъ отъ нѣкоторыхъ техническихъ недочетовъ и переинструментовавъ ее. Въ такомъ видѣ опера была возобновлена въ 1894 г. любителями—членами «Общества музыкальныхъ собраний», на частной сценѣ, и исполнялась также неоднократно московской частной оперной труппой Мамонтова въ Москвѣ и Петербургѣ. Въ 1874 г. является «Борисъ Годуновъ» Мусоргскаго (сюжетъ изъ трагедіи Пушкина). Не смотря на многочисленные крупные технические и формальные недочеты музыки, объясняющіеся недостаточностью музыкальнаго образования и развитіи автора-дилеттанта, «Борисъ Годуновъ», по силѣ драматизма, яркости музыкальной характеристики, смѣлости и реальности музыкальной декламации, правдивости національнаго колорита, оригинальности музыки долженъ быть поставленъ въ рядъ первоклассныхъ произведеній нашей новой музыкальной школы. Стоя ниже «Псковитянки» по художественной законченности фактуры, изяществу и безукоризненной красотѣ музыки. «Борисъ Годуновъ» не уступаетъ ей въ правдивости національнаго колорита и превосходитъ непосредственностью музыкальнаго творчества, силой и яркостью драматизма. Рядомъ съ народными сценами «Псковитянки», народные и бытовые сцены «Бориса» (первая сцена въ Кремлѣ, сцены въ лѣсу подъ Кромами, въ кельѣ Пимена и въ корчмѣ) принадлежатъ къ наиболѣе типичнымъ и характернымъ страницамъ новой русской музыки. Въ нихъ особенно сильно чувствуется влияние эпохи, смутной и неустановившейся, по крѣпкой жизни и стихійными порывами къ лучшему будущему. «Борисъ Годуновъ» даетъ также рядъ превосходныхъ сценъ драматическихъ (угрызенія совѣсти Бориса, его

смерть) и лирических (причитанія Ксенія, конецъ друга Дмитрія и Марины). Особенно ярко проявилась въ «Борисѣ» комическая сторона дарованія Мусоргскаго, не менѣе сильно развитая у него, чѣмъ у Даргомыжскаго. Сцена въ кормѣ, народная сцена въ началѣ оперы даютъ превосходные образчики національной комической музыки. Къ недостаткамъ оперы слѣдуетъ отнести неумѣлость инструментовъ, наклонность къ нагроможденію разныхъ побочныхъ сценъ, съ неуклюжимъ и грубоватымъ реализмомъ, нѣкоторую мелочность музыкальной декламации въ мелодическомъ речитативѣ, представляющемъ иногда слишкомъ прозаичное и обыденное воспроизведеніе разговорной интонаціи, а также рядъ гармоническихъ, мелодическихъ и ритмическихъ вычурностей и нескладичъ, нерѣдко предвѣстителей. Въ 90-хъ годахъ Н. А. Римскій-Корсаковъ подвергъ оперу Мусоргскаго нѣкоторой передѣлкѣ и ретушировкѣ, выбросивъ лишніе и малоудачные эпизоды, исправивъ гармоническія и прочія шероховатости и ошибки и переинструментовавъ всю оперу заново. Въ этомъ, болѣе музыкальномъ видѣ «Борисъ Годуновъ» былъ поставленъ въ 1896—97 г. «Обществомъ музыкальных собраний». На императорской сценѣ «Борисъ Годуновъ» со времени своей первой постановки не появлялся. Названный выше три первыхъ оперы Кюи, Римскаго-Корсакова и Мусоргскаго испытали одинаковую участь: музыкально неразвитое большинство публики и отсталая критика встрѣтили ихъ враждебно, осылая насмѣшками, превеличивая слабыя или отрицательныя стороны и совсѣмъ замалчивая достоинства. Въ одинъ годъ съ «Борисомъ Годуновымъ» въ Петербургѣ была поставлена первая изъ удержавшихся въ репертуарѣ опера Чайковскаго, «Опричникъ» (1874) — произведеніе, обличавшее свѣжій и симпатичный музыкальный талантъ, но невыдержанное по стилю, представившее смѣсъ приемовъ русской музыкальной школы съ оперными приемами Мейербера и Верди. Национальный колоритъ здѣсь не такъ характеренъ и правдивъ, какъ въ другихъ произведеніяхъ Чайковскаго, не говоря уже о выше названныхъ операхъ Корсакова и Мусоргскаго. Въ 1875 г. въ Петербургѣ является «Демонъ» А. Рубинштейна, обличающій вліяніе новой русской школы своими удачными и характерными нумерами въ восточномъ родѣ (танцы, хоры, романсы Синодала), а также сравнительно свободной оперной формой. Въ томъ же году шла опера А. Фаминцына «Сардапалъ», не имѣвшая успѣха. Болѣе поздняя опера того же автора: «Уриэль Акоста», написанная въ болѣе свободной формѣ и не лишняя музыкальных достоинствъ, шла только въ Германіи. Къ 1876 г. относятся «Анжели» Кюи и «Кузнецъ Вакула» Чайковскаго. Первая опера является послѣ «Каменнаго гостя» и «Бориса Годунова» наиболее послѣдовательнымъ воплощеніемъ принциповъ оперной формы, какъ ихъ опредѣлялъ и высказывалъ въ своихъ критическихъ статьяхъ самъ авторъ. Уступая, можетъ быть, въ непосредственной свѣжести музыкальнаго вдохновенія

«Ратклиффу», «Анжелю» превосходить его обдуманностью и послѣдовательностью музыкально-драматическихъ приемовъ, свободой и смѣлостью музыки, гармоническія пріятности и рѣзкости которой, однако, иногда переходятъ границу дозволеннаго. Мелодическому речитативу въ стилѣ «Каменнаго Гостя», но съ отпечаткомъ индивидуальности Кюи, отведено здѣсь широкое мѣсто, не исключяющее и лирическихъ нумеровъ въ болѣе или менѣе стройной формѣ, принадлежащихъ, какъ всегда у Кюи, къ лучшимъ страницамъ оперы. Не смотря на извѣстный успѣхъ «Анжели» и прекрасное исполненіе нѣкоторыхъ партій, эта опера не удержалась въ репертуарѣ Императорской сцены. Опера Чайковскаго «Кузнецъ Вакула», вполнѣ удовлетворенная и передѣланная имъ подѣ именемъ «Черевичекъ», обнаруживаетъ, сравнительно съ другими его операми, наибольшую близость къ оперному типу новой русской школы. Мелодическому речитативу здѣсь отведено болѣе широкое мѣсто, чѣмъ въ другихъ операхъ Чайковскаго, при чемъ оркестръ иногда интереснѣе вокальной партіи, какъ у Вагнера. Мало удачны комическія мѣста, совсѣмъ не свойственныя лирическому, мягкому и меланхолическому дарованію Чайковскаго. Персонажи блѣдны и мало разнятся другъ отъ друга въ музыкальномъ отношеніи. Национальный колоритъ имѣетъ общерусскій, не спеціально малорусскій характеръ, но правдивъ и характеренъ. Лучшія мѣста оперы — лирическія и симфоническія, гдѣ талантъ Чайковскаго, лирика и симфоническаго композитора по преимуществу, находился въ настоящей своей сферѣ. Особого успѣха опера не имѣла и въ Петербургѣ не возобновлялась, кромѣ одного исполненія на частной сценѣ. Въ Москвѣ «Черевички» шли еще недавно. Въ 1877 г. въ Петербургѣ ставится вторая опера А. Рубинштейна — «Маккавей», представляющая тѣ же достоинства, что и «Демонъ» и также несомнѣнно восточный колоритъ. Въ общемъ музыка здѣсь ровнѣе и выдержаннѣе, чѣмъ въ «Демонѣ», но, какъ всегда у Рубинштейна, представляеть длинноты и общія мѣста, рядомъ съ сравнительно удачными по музыкѣ нумерами. Въ противоположность «Демону», сдѣланному одной изъ любимыхъ оперъ «Маккавей» не приобрѣли популярности. Въ 1878 и 1879 гг. выходитъ въ свѣтъ опера Чайковскаго «Евгеній Онегинъ», написанная для консерваторскаго спектакля въ Москвѣ, поставленная затѣмъ въ Петербургѣ кружкомъ любителей, но на Императорскую сцену попавшая только въ 1883 г. Слабая, какъ музыкальная драма, но изящная и свѣжая по музыкѣ, написанной съ техническимъ мастерствомъ, мелодическимъ вдохновеніемъ и большою искренностью и теплотой чувства, опера эта скоро сдѣлалась необыкновенно популярной, благодаря отчасти поэтическому сюжету, отчасти — простотѣ и доступности стили. Съ операми новой русской школы въ формальномъ отношеніи она не имѣетъ почти ничего общаго, примыкая скорѣе къ формѣ современной французской оперы Гуно или Тома, съ закругленными аріями, дуэтами и многими ана-

самблями. Национальный колоритъ, если не считать плясового хора въ первомъ дѣйствіи и нѣкоторыхъ мѣстъ въ партіи няни, почти отсутствуетъ, но въ общемъ музыкальномъ стилѣ Чайковского, нѣкоторыхъ мелодическихъ и гармоническихъ приемахъ чувствуется его принадлежность къ русской музыкальной школѣ, въ той ея французо-итальяно-русской стадіи развитія, какую находимъ въ нѣкоторыхъ нумерахъ «Русалки» и романсахъ Даргомыжскаго. Вліяніе реалистическаго направленія, хотя и чисто внѣшнее, сказывается въ нѣкоторыхъ сценахъ, въ родѣ приговора варяны, въ музыкѣ, писанной на слова въ родѣ «Мой дядя самыхъ честныхъ правилъ»... «полна, кругла лицомъ она» и т. д. Мелодическіе речитативы, употребленные съ большою сдержанностью, не отличаются ни характерностью, ни особой выразительностью. Прелестная инструментовка, тонкая и изящная симфоническая отдѣлка сопровожденія, свѣжая, мастерская гармонія и богатый запасъ мелодическаго изобрѣтенія являются наиболѣе характерными признаками таланта Чайковского, какъ въ этой и другихъ его операхъ, такъ и въ прочихъ его произведенияхъ. Либретто оперы, сдѣланное очень неумѣло и съ отсутствіемъ необходимаго уваженія къ поэмѣ Пушкина, не возвышаетъ ея достоинствъ. Въ 1880 г. является опера Римскаго-Корсакова «Майская ночь». Поэтический сюжетъ вызвалъ не менѣе поэтическую музыку, дышащую ароматомъ и прелестью «украинской ночи»; тонкій и художественный юморъ Римскаго-Корсакова, сказавшійся до тѣхъ поръ только въ его оркестровой фантазіи «Садко» и немногихъ мѣстахъ «Псковитянки» и отличающійся отъ грубоваго, хотя и болѣе яркаго, комизма Мусоргскаго извѣстнымъ гуманнымъ, добродушнымъ и мягкимъ характеромъ, также нашелъ себѣ благодарную почву въ комическихъ характерахъ и ситуацияхъ Гоголевской повѣсти. Не менѣе благодарна оказалась для композитора фантастическая сторона повѣсти, для выраженія которой онъ нашелъ яркіе и колоритные звуки. Къ недостаткамъ оперы слѣдуетъ отнести нѣкоторые длиноты (въ хорахъ и пляскахъ русалокъ) и малую характерность собственно малорусскаго національнаго колорита, нерѣдко сбивающагося на великорусскій или общерусскій характеръ музыки, въ этомъ смыслѣ, однако, вѣрно и правдиво ссхваченный. Форма оперы въ «Майской ночи» начинаетъ приближаться къ обычной, традиціонной, хотя и въ меньшей степени, чѣмъ въ операхъ Чайковского и въ позднѣйшихъ операхъ самого Римскаго-Корсакова (напр. въ «Садко», съ его этнографическимъ концертомъ въ костюмахъ, исполняемымъ заморскими гостями). Вообще съ начала 80-хъ годовъ періодъ «бури и натиска», обнимающій собою два предыдущія десятилѣтія, смѣняется болѣе спокойствіемъ и нѣкоторой реакціей среди самыхъ передовыхъ нашихъ композиторовъ. Новаторскія стремленія ихъ, иной разъ приводившія къ увлеченіямъ, смѣняются болѣе заботой о техническомъ и формальномъ совершенствѣ и нѣкоторыми уступками господствующему вку-

су. Начинается періодъ упадка русской оперы, не смотря на провозглашеніе «чисто-русскихъ, самобытныхъ» началъ въ общественной и политической жизни Россіи. На Императорскихъ сценахъ русскія оперы ставятся все рѣже и рѣже, особенно со времени уничтоженія казенной итальянской оперы (1885 г.), изъ репертуара которой многое сдѣлалось обязательнымъ для русской сцены. Отсюда появленіе на русской сценѣ оперъ Бойто, Понкиелли, Леонкавалло, Маскани и др. Не ставятся талантливыя оперы лучшихъ нашихъ композиторовъ, замѣняемыя дилеттантскими произведеніями кн. Трубецкаго, барона Фитингофа, г. Кроткова или капельмейстерскими операми Направника и Кюнера. Изъ шедшихъ прежде русскихъ оперъ возобновляются только очень немногія, и то нерѣдко на одно или два представленія, не смотря на полныя постоянно сборы. Образцовая русская оперная сцена отказывается отъ постановки такого крупнаго и во многихъ отношеніяхъ замѣчательнаго произведенія, какъ опера «Садко» Н. А. Римскаго-Корсакова, и представляетъ честь первой его постановки частной антрепризѣ. Результатомъ такого положенія вещей неминуемо должно было явиться охлажденіе русскихъ композиторовъ къ оперѣ и сосредоточеніе ихъ творческой производительности на симфонической и камерной музыкѣ, которое и замѣчается съ наступленія 80-хъ годовъ. Впрочемъ, какъ-бы по инерціи, русскія оперы продолжаютъ еще появляться, отчасти въ разсчетъ на частныя сцены. Первое мѣсто продолжаютъ занимать композиторы, дѣятельность которыхъ началась въ лучшие времена русской оперы: Римскій-Корсаковъ, которому принадлежатъ: «Сибирючка» (1882), «Млада» (1892), «Ночь передъ Рождествомъ» (1895), «Садко», «Моцартъ и Сальери» и «Вѣра Шелога», продолжъ къ «Псковитянкѣ» (1898), «Царская невеста», (Москва, 1899); Кюи — «Флибустьеръ» (Парижъ, 1894) и «Сарацинъ» (СПб., 1899); Мусоргскій—посмертная «Хованщина» (1886, на частной сценѣ любительскаго кружка), идущая только на частныхъ сценахъ; Бородинъ—посмертный «Князь Игорь» (1890); Чайковский—«Орлеанская дѣва» (1881), «Мазепа» (1884), «Чародѣйка» (1887), «Пиковая дама» и «Юланта» (1890); А. Рубинштейнъ — «Купецъ Калашниковъ» (1880), «Неронъ» (написанъ въ 1877, но поставленъ въ СПб. только въ 1884 г.), «Ферморскъ» (написанъ еще раньше «Демона», но шелъ впервые въ СПб. только въ 1884 г., на любительской сценѣ «Музыкально-драматическаго Кружка»), «Горюха» (1889); Направникъ—«Гарольдъ» (1886) и «Дубровский» (1895); Фитингофъ-Шель—«Тамара» (1886) и «Донъ Жуанъ де Теноріо» (1888). Новыя выступили Кюнеръ—«Тарасъ Бульба» (1881), Ипполитовъ-Ивановъ—«Руеъ», исп. въ Тифлисѣ 1887 г., и «Азра», Аренскій—«Сонъ на Волгѣ», М., 1890, и «Рафаэль», СПб., 1895. Браунбергъ — «Марія Бургундская», М., 1888, «Гушницы», М., 1895, Казаченко — «Князь Серебряный», СПб., 1892, Корещенко—«Послѣдній день Вельскассура», М., 1892, Разманиновъ—«Алеко»,

М., 1893, СПб., 1899, С. И. Танеевъ—«Орестея», СПб., 1895, французъ Симонъ—«Ролла», М., 1892, и «Пѣснь торжествующей любви», 1898, Кротковъ—«Поэтъ», СПб., 1892, кн. Трубецкой—«Мелузина», М., 1895, Гартевельдъ—«Пѣснь торжествующей любви», Харьковъ, 1895, С. Юферовъ—«Юланда», СПб. 1893, В. С. Сѣрова—«Урлѣя Агоста», М., 1885, «Илья Муромецъ», М., 1899, Лисенко—«Риздвана нѣчь», Харьковъ, 1883, Ребиковъ—«Въ прозу», Одесса, 1894, и въ кот. др. Въ операхъ Римскаго-Корсакова, изъ которыхъ, по красотѣ музыки, впереди всѣхъ должна быть поставлена («Снѣгурочка», национальный колоритъ доведенъ до этнографической почти точности и разнообразія. На ряду съ ними стоитъ посмертная опера Бородина, «Князь Игорь», соперничающая съ «Русаломъ» Глинки широтою размаха, правдивостю и красотой національнаго колорита, которому противопоставляется яркій восточный (половецкій) колоритъ. Посмертная опера Мусоргскаго, приведенная въ порядокъ послѣ его смерти Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ, обладаетъ многими музыкальными красотою, хотя и уступаетъ «Борису Годунову». Нѣкоторыя сцены полны захватывающаго драматизма; превосходно изображена стихійная, не знающая удержа стрѣлчанка волынка, прекрасно задуманы рѣзкіе контрасты между древней Русью, олицетворяемой раскольниковъ и стрѣльцами, и новой, Петровской. «Флибустьеръ» Кюи уступаетъ «Ратклиффу» и «Анжелю», но представляетъ собой тонкую и изысканную партитуру, съ изыщной и выразительной декламацией въ стилѣ «Каменнаго Гостя» и красивыми лирическими эпизодами. Оперы Чайковскаго, уступающія музыкальными достоинствами «Евгенію Онѣггину» (особенно поздній, напр. «Юланта»), всею облачаютъ въ немъ опытнаго и талантливаго музыканта, но всею не драматическаго композитора. Изъ новыхъ оперныхъ композиторовъ особаго вниманія заслуживаютъ П. И. Вагнеръ, примыкающій со своими «Турпинцами» къ новой русской музыкальной школѣ и обнаруживающій симпатію, хотя и не очень крупное дарованіе; А. С. Аренскій, по характеру своей изыщной (съ технической стороны) музыки близкій частью къ новой русской школѣ, частью къ полувосточному стилю Чайковскаго; С. Р. Рахманиновъ, талантливый, но съ не опредѣленнымъ еще стилемъ. Дирижеромъ петербургской оперы, послѣ Б. Н. Лядова († 1868), состоитъ Э. Ф. Направникъ, дирижеромъ московской оперы—Альтани и Авранекъ. Съ половины шестидесятыхъ годовъ начинаютъ возникать частныя оперныя труппы въ провинціальныхъ городахъ, гдѣ поютъ болѣею частью питомцы петербургской и московской консерваторій. Со времени уничтоженія казенной итальянской оперы, въ Петербургѣ и Москвѣ являются частныя итальянскія оперныя труппы, съ разными знаменитостями во главѣ и плохимъ общимъ ансамблемъ; прѣзжаютъ также иногда оперныя труппы французская и нѣмецкая.

Въ области художественнаго русскаго *романса* выдаются, прежде всего, романсы Ба-

лакирева, написанные въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ, безупречные по формѣ, оригинальные и изящные въ мелодическомъ и гармоническомъ отношеніяхъ, съ разнообразными поэтическими фортепіанными сопровожденіями, представляющими иногда какъ бы самостоятельныя пьесы (напр. въ «Пѣснѣ золотой рыбки»). Нѣкоторые изъ этихъ романсовъ, напр. «Грузинская пѣсня» и «Пѣснь золотой рыбки», оказали сильное вліяніе на послѣдующихъ композиторовъ (такъ напр., восточныя фіоритуръ «Грузинской пѣсни» отражаются у Бородина въ фіоритурѣхъ Кончаковны изъ «Князя Игоря»). Въ 1896 г. къ этой серіи романсовъ прибавилась еще вторая. Главныя настроенія въ романсахъ Балакирева—чисто лирическія; сатира и комизмъ несвойственны глубоко-серьезному міровоззрѣнію автора, проникнутаго религиознымъ чувствомъ («Когда волнуется», «Nachtstück»). Национальный русскій колоритъ въ нихъ сравнительно рѣдокъ; лучшимъ образчикомъ его можно считать «Какъ наладили». Одновременно съ первыми романсами Балакирева появились первые романсы Кюи, но его индивидуальность сказывается особенно въ болѣе позднихъ его романсахъ, среди которыхъ есть шедевры интимной лирики («О чемъ въ тиши ночей», «Золотыя арфы», «Истомленная горемъ», «Люблю если тихо»). Все они отличаются соответствіемъ музыки и текста, сжатою, красивыми и разнообразными сопровожденіями, превосходной декламацией (примыкающей къ Даргомыжскому), богатой и изыщной мелодичностью, теплымъ чувствомъ и мягкой граціей. Какъ у другихъ нашихъ композиторовъ, и у Кюи въ его романсахъ нерѣдки попытки живописи звуками («Христосъ воскресъ», «Вечерняя заря», «Капля дождевая» въ 12 музык. картинкахъ и др.). Съ 80-хъ гг. Кюи пишетъ довольно много романсовъ на французскіе тексты, въ стилѣ французской новой школы, а въ 90-хъ издаетъ еще рядъ русскіхъ романсовъ. Национальный русскій колоритъ въ романсахъ Кюи почти отсутствуетъ. Ко второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ относятся первые романсы Римскаго-Корсакова, сразу опредѣлившіе его отличительныя черты—разборчивость въ выборѣ текста, соответствіе между нимъ и музыкой, богатую разработку сопровожденій. Съ особой любовью композиторъ останавливается на тѣхъ текстахъ, гдѣ есть возможность дать описательную, живописную музыку («Ель п пальма», «Южная ночь», «На холмахъ Грузіи», «Въ темной рощѣ», «Тихо вечеръ догораетъ»). Юморъ и комизмъ въ романсахъ Корсакова отсутствуютъ; преобладаютъ лирическія интимныя настроенія. Национальный русскій колоритъ, какъ и восточный, правдивы и вѣрны. Въ 1870—80 гг. Р.-Корсаковъ написалъ еще нѣсколько романсовъ, среди которыхъ выдается «Ночь». Новая серія его романсовъ, въ 90-хъ гг., нѣсколько уступаетъ прежнимъ въ свѣжести и яркости вдохновенія. Съ половины 60-хъ гг. являются наиболѣе оригинальные и крупныя романсы Мусоргскаго: «Савишна», «Семинаристъ», «Озорникъ», «Козелъ», «Погрибы», «Пирушка», «Стрекоутыня бѣлобока»,

«Еврейская пѣсня», «Классикъ», «Сиротка», «Колыбельная Еремюшки», «Раекъ», «Дѣтская», «Безъ солища», «Пѣсни и пляски смерти». Преобладающее содержаніе ихъ — юмористическое и комическое; пѣжные, интимныя настроенія почти не затрогиваются; по временамъ замѣтно преувеличенное стремленіе къ реализму. Национальному русскому колориту у Мусоргскаго отводится гораздо болѣе широкое мѣсто, чѣмъ у всѣхъ музыкальных его товарищей. Немногочисленные романсы Бородина въ смыслѣ формальномъ вносятъ мало новаго въ нашу романсную литературу, принадлежатъ, однако, въ музыкальномъ отношеніи къ лучшимъ образцамъ нашего новаго романса. Изъ романсовъ Лядова особенно хороши «Дѣтскія пѣсни», болѣею частью на народные тексты. Романсы Глазунова не принадлежатъ къ числу его лучшихъ произведеній. Многочисленные романсы Чайковскаго часто красивы и вдохновенны, но музыка ихъ не всегда соответствуетъ тексту, настроеніе довольно однообразное — уныло-алегрическое. Аккомпанименты разнообразны, превосходно сдѣланы въ техническомъ отношеніи, часто представляютъ самостоятельныя картины («Нѣтъ только тоть», «Вечеръ», «Зачѣмъ», и т. д.) и, въ общемъ, хорошо иллюстрируютъ содержаніе текста. Национальный русскій колоритъ въ романсахъ Чайковскаго встрѣчается рѣдко. По характеру музыки къ нимъ примыкаютъ романсы Аренскаго, отличающіеся болѣею разнообразіемъ настроеній, но менѣе оригинальные и значительные. Того же характера, только болѣе изысканные и нервные по музыкѣ, романсы Рахманинова. Романсы К. Ю. Давыдова напоминаютъ своимъ мягкимъ и эгегическимъ настроеніемъ Чайковскаго; они имѣютъ совершенно европейскій характеръ (исключеніе — «Ивушка», въ русскомъ вкусѣ). Среди весьма многочисленныхъ романсовъ Рубинштейна, написанныхъ главнымъ образомъ въ 60-хъ и 70 гг. и отличающихся обыкновенно эскизностью творчества, съ преобладаніемъ музыкальной фразеологіи, выдаются изяществомъ музыки, съ яркимъ восточнымъ характеромъ, «Перидскія пѣсни», на тексты Боденштедта («Мирза Шаффи»). Къ европейскому стилю примыкаютъ романсы Направника. Менѣе развита у насъ, чѣмъ романсы, литература хорошихъ пѣсней; въ творчествѣ лучшихъ композиторовъ новой школы эти пѣсни занимаютъ второстепенное мѣсто, за исключеніемъ развѣ хоровъ Мусоргскаго. Мало культивируется нашими композиторами и ораторія или концертная кантата, для хора, оркестра и солистовъ, что объясняется отсутствіемъ у насъ постоянныхъ и дисциплинированныхъ хоровъ. Не говоря объ ораторіяхъ А. Рубинштейна («Потерянный рай», «Бавилонское столотовереніе», «Моисей», «Христосъ»), имѣющихъ совершенно не русскій складъ и пошибъ, можно указать на кантату С. И. Танѣева «Іоаннъ Дамаскинъ», для хора и оркестра, кантату Н. А. Римскаго-Корсакова «Святязякъ», коронаціонныя кантаты Чайковскаго и Глазунова.

Особое развитіе въ разсматриваемый періодъ времени получила у насъ *симфоническая музыка*. Непосредственно примыкаетъ

къ Глинкѣ въ своихъ первыхъ оркестровыхъ вещахъ М. А. Балакиревъ, талантливая «Увертюра на три русскія темы» котораго явилась въ 1858 г. Въ его прекрасной музыкѣ къ «Королю Лиру» (1858—61) уже замѣчается вліяніе Листа и Берлиоза. Въ 1862 г. является его симфоническая поэма «1000 лѣтъ» (впослѣдствіи названная «Русь»), на народные темы, разработанныя со вкусомъ и талантомъ. За нею слѣдуетъ «Чешская увертюра на народныя чешскія темы» (1867). Въ симфонической поэмѣ «Тамара» (1882) Балакиревъ является вполне зрѣлымъ и самостоятельнымъ художникомъ. «Тамара» — превосходная программная музыка, не выпадающая въ педантическое изображеніе разныхъ второстепенныхъ деталей сюжета, но рисующая главнымъ образомъ общій фонъ картины и смѣну настроеній. «Увертюра на тему испанскаго марша» примыкаетъ къ «испанскимъ» увертюрамъ Глинки. Наконецъ, въ 1897 г. окончена Балакиревымъ симфонія (C-dur). Основныя черты симфонической музыки Балакирева — строгій критическій вкусъ, блѣднотенность лирическаго чувства, возвышенность и серьезность настроеній, яркость и правдивость мѣстнаго этнографическаго колорита, рядомъ съ поэтическимъ воображеніемъ и мастерской композиторской техникой. Къ 1861 г. относится одно изъ первыхъ произведеній Мусоргскаго — «Intermezzo symphonique in modo classico», гдѣ особенно выдается средняя часть, написанная на народную тему. Реализмъ, народный колоритъ, стремленіе къ программной, описательной музыкѣ, характерныя для Мусоргскаго, сказались и въ этомъ его произведеніи, изображающемъ, по словамъ автора, русскую деревенскую сцену (толпу мужиковъ, бредущую по глубокому сѣгу и идущую къ нимъ на встрѣчу по дорогѣ съ пѣснями кучку молодыхъ женщинъ). Еще раньше Мусоргскимъ написано было фортепианное скерцо, впослѣдствіи также инструментованное; затѣмъ ему принадлежитъ еще одна программная симфоническая картина: «Шабашъ вѣдьмъ», предназначавшаяся для неоконченной имъ оперы «Сорочинская ярмарка», послѣ смерти автора приведенная въ порядокъ Римскимъ-Корсаковымъ и изданная подъ названіемъ: «Ночь на Лысой горѣ». Въ этомъ видѣ это — одно изъ лучшихъ и оригинальнѣйшихъ программныхъ симфоническихъ произведеній новой русской музыки. Къ 1865 г. относится первая симфонія Римскаго-Корсакова, вполне примыкавшая къ направленію Глинки и Балакирева. За нею слѣдуютъ «Увертюра на русскія темы» (1866) и «Сербская фантазія», для оркестра (1867). Въ послѣднемъ произведеніи начинаются уже сказываться оригинальная индивидуальность автора, блестяще развернувшаяся въ оркестровой картинѣ «Садко» (1867), полной яркаго колорита, поэзіи и техническаго мастерства. Вторая симфонія Римскаго-Корсакова, написанная на программу и озаглавленная «Антаръ» — одно изъ лучшихъ и поэтичнѣйшихъ произведеній не только новой русской школы, но и вообще современной симфонической музыки. Въ 1873 г. является третья симфонія,

переделанная въ 1884 г., съ прекраснымъ скерцо, посящимъ фантастическій отпечатокъ. Въ 1880 г. написана «Сказка» для оркестра, программой которой служитъ извѣстный прологъ къ «Руслану и Людмилѣ», Пушкина. Къ 1885 г. принадлежитъ оркестровая переделка струннаго квартета, озаглавленная «Симфоніей», къ 1887 г.—блестяще инструментованное «Капричціо на испанскія темы», къ 1888 г.—симфоническая программная сюита «Шехеразада», достойно примыкающая къ «Антару», и оригинальная по замыслу и выполнению «Воскресная увертюра», основанная на церковныхъ обиходныхъ наѣвахъ, впервые получившихъ такую художественную ихъ обработку. Наибольше сильная сторона симфоническаго дарованія Римскаго-Корсакова — замѣчательная способность къ описательной, программной музыкѣ, идущая рука объ руку съ огромнымъ талантомъ инструментатора. Чисто симфоническія произведенія его сравнительно блѣдны; но тамъ, гдѣ онъ находится въ своей сферѣ, онъ долженъ быть признанъ однимъ изъ талантливейшихъ нашихъ симфонистовъ, расширившимъ музыкальную изобразительность и обогатившимъ симфоническую технику рядомъ остроумныхъ и изящныхъ оркестровыхъ эффектовъ и приемовъ разработки. Первая симфонія Бородина была исполнена въ 1867 г.; она отличается новыми и смѣлыми приемами гармонизаціи, блестящей и своеобразной инструментовкой. Еще крупнѣе вторая его симфонія (1877): по силѣ, размаху и широтѣ темъ, колоритной оркестровкѣ и бодрому жизненному настроенію она является превосходнымъ образчикомъ нашей новой симфонической музыки. Бородинъ не былъ профессиональнымъ музыкантомъ; его занятія искусствомъ носили характеръ дилеттантства, «забавы» въ часы досуга (его собственное выраженіе), которыхъ у него было немного. Тѣмъ удивительно необыкновенная легкость, съ которой онъ разрѣшалъ труднѣйшія техническія задачи. Къ 1880 г. относится его программная картина «Въ Средней Азіи», въ которой легко и непринужденно соединены азиатская («восточная») и русская народная темы. Къ последнему году жизни Бородина (1887) относятся двѣ части изъ неконченной третьей его симфоніи. Главныя черты дарованія Бородина—богатая тематическая изобрѣтательность, яркость и правдивость, національнаго колорита, какъ русскаго, такъ и восточнаго, колоритная и нерѣдко оригинальная инструментовка, большій даръ музыкальной характеристики, напоминая Глинку, богатѣйшій размахъ фантазіи, преимущественно эпической, не исключавшей, однако, и задушевнаго лиризма (Адапте симфоніи), а также яркаго юмора. Симфоническія произведенія Кюи принадлежатъ почти всѣ времени между половиной 70-хъ и половиной 80-хъ гг. («Тарантелла», двѣ сюиты, торжественный маршъ). Отличаясь обычными свойствами таланта Кюи, они страдаютъ нѣкоторой мелкостью темъ, болѣе пригодныхъ для кабинетной и интимной салонной фортепьянной музыки, чѣмъ для большихъ по размаху симфоническихъ сочиненій. Орке-

стровыя программныя произведенія Чайковского (увертюра «Ромео и Джульетта», фантазія «Буря», «Франческа да Римини») принадлежатъ къ числу лучшихъ образцовъ новой русской программной музыки. Отличительныя ихъ черты: свѣжесть и поэтичность музыкальнаго содержанія, мастерство фактуры, глубина психологической характеристики, выступающей, сравнительно съ элементомъ описательнымъ, на первый планъ—отношеніе обратное тому, которое свойственно программнымъ произведеніямъ Римскаго-Корсакова. Симфоніи Чайковскаго, за исключеніемъ шестой, и симфоническія его сюиты уступаютъ программнымъ его произведеніямъ. Особнякомъ стоятъ въ своихъ симфоническихъ произведеніяхъ А. Рубинштейнъ, примыкающій въ нихъ скорѣе къ Мендельсону и Шуману. Съ русской молодой школой они имѣютъ только немногія общія черты: программность (симфонія «Океанъ»), симфон. картины «Іоаннъ Грозный», «Фаустъ», «Донъ-Кихотъ», увертюра «Антоній и Клеопатра»), изрѣдка національный русскій колоритъ, хотя и условнаго характера (симфонія G-moll, отчасти «Іоаннъ Грозный»). Такой же характеръ носятъ и симфоническія произведенія К. Ю. Давыдова (сюита для оркестра, программная картина «Дары Терека»), свободныя даже отъ того условнаго русскаго колорита, который встрѣчается у А. Рубинштейна. Въ симфоническихъ произведеніяхъ Направника (увертюры, симфоніи, въ томъ числѣ одна программная—«Демонъ», народные танцы, сюита, симф. поэма «Востокъ») вліяніе новой русской школы чувствуется слабо (восточный колоритъ и программность въ «Демонѣ», 1874, и «Востокѣ», 1881). Изъ молодого поколѣнія русскихъ симфоническихъ композиторовъ первое мѣсто занимаетъ А. К. Глазуновъ, первая симфонія котораго (изъ 6) относится къ 1882 г. Рядомъ съ произведеніями, написанными въ обще-симфонической формѣ (третскія увертюры, симфоніи), мы встрѣчаемъ у него и многочисленныя программныя и полупрограммныя сочиненія: «Стенка Разія», «Лѣсъ», «Море», «Восточная рапсодія», «Кремль», «Карнавалъ», фантазія «Изъ мрака къ свѣту», «Памяти Героя», «Славянской праздникъ», «Характеристическая сюита» и др. Для Глазунова поэтическая идея менѣе важна, чѣмъ собственно музыкальное содержаніе: техническій интересъ разработки преобладаетъ у него надъ развитіемъ музыкально-психологическимъ. Отсюда главнымъ образомъ внѣшне-описательный характеръ его программной музыки. По характеру своему музыка Глазунова болѣею частью глубоко національна. Рядомъ съ Глазуновымъ, по серьезности дарованія, долженъ быть поставленъ С. М. Ляпуновъ (род. въ 1859 г.), оркестровыя произведенія котораго (симфонія, концертная увертюра, баллада) отличаются большимъ гармоническимъ и мелодическимъ вкусомъ, а также прекрасной техникой, служащей у него всегда средствомъ, а не цѣлью. По характеру творчества и приемамъ Ляпуновъ болѣе примыкаетъ къ Балакиреву и Листу, тогда какъ у Глазунова сильнѣе чувству-

ется влияние Бородина, Римского-Корсакова, а изъ иностранныхъ композиторовъ—Вагнера. Промежуточное положеніе между петербургской школой (Римского-Корсакова и др.) и московской (Чайковского) занимаетъ А. С. Аренскій, прекрасный технику и образованный музыкантъ, но композиторъ безъ особо яркой индивидуальности.

Въ 1859 г. изъ остатковъ ничѣмъ не выдававшегося «Симфоническаго общества любителей музыки» (учрежденнаго въ 1841 и зачехлаго въ 1851 г.) возникло «Русское музыкальное общество» (см. XXI, 623). Первымъ дирижеромъ его симфоническихъ концертовъ (до 1867 г.) былъ А. Г. Рубинштейнъ. Между его преемниками особенно выдавался Балакиревъ (1867—69), при которомъ стали появляться не только лучшіе образцы классической музыки, но и произведенія Листа, Шумана, Берліоза, Вагнера и нашихъ молодыхъ композиторовъ. Вообще концертная дѣятельность петербургскаго отдѣленія «Русскаго Музык. Общества» носила характеръ довольно рутинный; только въ послѣднее время въ этомъ отношеніи наблюдался нѣкоторый поворотъ къ лучшему. Нѣсколько живѣе и разнообразнѣе была концертная дѣятельность московск. отдѣленія, открывшаяся въ 1860 г.; первымъ дирижеромъ его былъ Н. Г. Рубинштейнъ. Изъ провинціальныхъ отдѣленій успѣшную концертную дѣятельность проявляли кievское и харьковское. Консервативное направленіе петербургскихъ симфоническихъ концертовъ Русскаго Музык. Общества скоро вызвало противовѣсъ въ видѣ концертовъ такъ наз. «Безплатной музыкальной школы», основанной Г. Я. Ломакинымъ и М. А. Балакиревымъ въ 1861 г. Особенное значеніе получали ея концерты подъ управленіемъ Балакирева (1869—72). Дѣятельность «Безплатной школы» является по истинѣ музыкальнымъ оазисомъ среди однообразной и унылой пустыни петербургской музыкальной жизни (см. В. Стасова, «Двадцатипятилѣтіе безплатной музыкальной школы», въ «Истор. Вѣстн.» 1887 г.). Другимъ такимъ оазисомъ являются «Русск. симфоническіе концерты» (съ 1884 г.) подъ управленіемъ Н. А. Римскаго-Корсакова, А. К. Глазунова, Г. О. Дютша, А. К. Лядова, иногда П. И. Чайковского. Своимъ возникновеніемъ эти концерты обязаны богатому коммерсанту М. П. Вѣляеву, задавшемуся цѣлью знакомить русское и европейское общество съ лучшими произведеніями русской музыки. Благодаря «Безплатной школѣ» и «Вѣляевскимъ концертамъ», наши композиторы получили возможность слышать свои произведенія, а немногочисленная, но постоянно растущая группа ихъ цѣнителей—возможность слѣдить за творчествомъ своихъ любимыхъ авторовъ. Стаившее музыкальное общество Петербурга—филармоническое—во второй половинѣ 80-хъ гг. и началѣ 90-хъ гг. почти совсѣмъ прекратило свою концертную дѣятельность; только въ послѣднее время нѣкоторые изъ его концертовъ представили нѣзлѣпный интересъ исполненіемъ произведеній, медшихъ впервые въ СПб. Изъ прочихъ симфоническихъ концертовъ Петербурга интересны по програм-

мамъ были концерты студенческаго оркестра, подъ управленіемъ Г. О. Дютша, въ серединѣ 80-хъ гг. Въ Москвѣ возникли, подъ управленіемъ П. А. Шостаковскаго, концерты «Московского Филармоническаго Общества», образовавшагося (1883) изъ прежняго «Общества любителей музыки и драматическаго искусства». Концерты эти довольно успѣшно соперничали съ концертами «русскаго музыкальнаго общества». Подъемъ музыкальныхъ вкусовъ публики сказанъ и въ дѣтнихъ Павловскихъ концертахъ, заставивъ ихъ дирекцію ввести разъ въ недѣлю «симфоническіе вечера» съ серьезными программами, а въ послѣдніе годы—и «русскіе симфоническіе вечера». Попытки поднять уровень музыкальнаго развитія въ большой публикѣ устройствомъ общедоступныхъ концертовъ были сдѣланы въ Москвѣ Н. Рубинштейномъ въ 1862—66 гг. Въ 1887 и 1890 гг. попытки эти были возобновлены, но не удалося. Въ Петербургѣ общедоступные концерты были устроены въ 1889 г., но предпріятіе скоро разладилось. Въ послѣдніе два года подобные концерты организованы графомъ Шереметевымъ, при его личномъ участіи и съ помощью его духовнаго оркестра. Публика, посѣщающая эти концерты, принадлежитъ къ среднему классу общества.

Камерная музыка, требующая для своего пониманія болѣе высокой степени музыкальнаго пониманія и болѣе строгаго вкуса, развиты у насъ сравнительно мало; постоянно она исполняется почти въ однѣхъ только столицахъ. Первымъ по времени композиторомъ нашимъ, введшимъ національный элементъ въ строгія рамки струннаго квартета, былъ Н. Я. Аванасьевъ. Его квартетъ «Волга» (1860), написанный на темы въ народномъ вкусѣ, представляетъ собой произведеніе неглубокое, но мѣстами не лишенное изящества и вкуса. Въ одно время съ Аванасьевымъ писалъ камерныя произведенія А. Рубинштейнъ, но они не носили отпечатка русской національной музыки. Прекрасные квартеты Чайковского, Бородина и Римскаго-Корсакова можно считать первыми художественными русскими квартетами. Затѣмъ выдаются еще квартеты Глазунова. Менѣе посчастливилось у насъ формѣ струннаго квинтета и секстета (Аванасьева, Рубинштейна, Глазунова, Чайковского). Небольша наша музыкальная литература и камерныя произведенія для фортепiano со смычковыми инструментами (трио А. Рубинштейна, Направника, Чайковского, Арнскаго, квартеты А. Рубинштейна, Ипполитова-Иванова и Направника, квинтеты Рубинштейна, Фаминцына и К. Ю. Давыдова, октетъ Рубинштейна, со струнными и духовыми). Немного у насъ и сонатъ для фортепiano и струнныхъ инструментовъ; большинство ихъ принадлежитъ Рубинштейну и не имѣетъ русскаго характера. Съ возникновеніемъ Импр. рус. муз. общества появились у насъ и камерные концерты въ Петербургѣ и Москвѣ. Высокой степени совершенства достигъ петербургскій квартетъ 70-хъ и 80-хъ годовъ, когда въ его составѣ находились Ауэръ, Пиккель, Вейкманъ и Давыдовъ. Камерные ве-

чера даетъ также «Слб. общество камерной музыки» (преобразов. въ 1878 г. изъ «Общества квартетной музыки»). Съ 1891 г. въ Петербургѣ существуетъ также «общество любителей-исполнителей камерной музыки»; подобное же общество имѣется и въ Москвѣ. Концертныя вещи для смычковыхъ инструментовъ съ оркестромъ писали Кюи, Римскій-Корсаковъ, Рубинштейнъ, Чайковский и др. Фортепианная музыка наша, до половины пятидесятихъ годовъ исчерпывавшаяся двумя-тремя пьесами Глинки и полудилетантскими вещами Ласковского, развилась и окрепла за послѣднія 45 лѣтъ, представляя немало оригинальныхъ и талантливыхъ произведений. Первымъ по времени нашимъ фортепианнымъ композиторомъ послѣ Глинки долженъ быть названъ А. Рубинштейнъ, среди многочисленныхъ фортепианныхъ произведений котораго лишь немногія носятъ русскій отпечатокъ. Несомнѣнное влияние на характерныя особенности нашей фортепианной музыки имѣли фортепианные вещи Балакирева, немногочисленные, но полныя вдохновенія и вкуса, свидѣтельствующія о превосходномъ знаніи инструмента, изъ котораго авторомъ извлекаются новыя и оригинальныя даже послѣ Листа эффекты. Такова, напр., превосходная фантазія «Исламей» (1869 г.). Его 30 русскихъ пѣсенъ въ 4 руки (1898 г.)—рядъ настоящихъ шедевровъ зрѣлаго мастерства, вкуса и вдохновенія. Къ половинѣ 60-хъ годовъ относится остроумная и тонкая четырехручная «Тарантелла» Даргомыжскаго. Чайковский написалъ въ разное время нѣсколько серий фортепианныхъ произведений, среди которыхъ довольно много интересныхъ и свѣжихъ страницъ; особенно выдается первый концертъ съ оркестромъ (1875). Въ фортепианныхъ пьесахъ Кюи мѣстами замѣтно влияние Шопена, рѣже Шумана и еще рѣже Листа, но довольно часто выступаетъ и индивидуальность самого автора; музыка большею частью бодрая и свѣтлая («Миниатюры»), подчасъ глубокая и страстная («Ténébres et lueurs») или грандіозная («Le Cèdre», «Le Rocher»). Нѣсколько фортепианныхъ пѣсень выпустилъ и Римскій-Корсаковъ, но онъ заниматься въ творествѣ его второстепенное мѣсто. Изъ фортепианныхъ пѣсень Мусоргскаго наиболѣе содержательны «Картинки съ выставки Гартмана» (1874). Пѣсень Бородина еще менѣе «фортепианныя», чѣмъ аналогичныя вещи Мусоргскаго, но гораздо выше ихъ по стройности формы, законченности и выдержанности музыки. Совершенно своеобразнымъ не только въ нашей, но и во всей фортепианной музыкѣ является коллективное произведение Бородина, Кюи, Римскаго-Корсакова и Лядова, озаглавленное «Парафразы» (1879) и представляющее рядъ вариаций и отдѣльныхъ пѣсень для 4-хъ рукъ на неизмѣнную постоянную тему такъ назыв. «котлетнаго» или «собачьяго» вальса. Въ «Парафразахъ», какъ и въ тарантеллѣ Даргомыжскаго, партнеромъ можетъ быть лицо, совсѣмъ не умѣющее играть и механически исполняющее одну и ту же музыкальную фигуру. А. К. Лядовымъ написано болѣе 70 фортепианныхъ пѣсень; онъ

является по преимуществу фортепианнымъ композиторомъ, находящимся главнымъ образомъ подъ влияніемъ Шопена, Шумана и отчасти Листа (въ тѣхъ его вещахъ, которыя также отражаютъ стиль Шопена), но при этомъ обнаруживающимъ и индивидуальныя черты. Превосходная техника, замѣчательная «красивость» музыки, отличная звучность въ фортепианномъ смыслѣ выдѣляютъ его произведенія изъ современной фортепианной литературы. Нѣкоторыя пѣсень (кое-что въ «Бирюлькахъ», нѣкоторыя мазурки, прелюдіи, баллада и т. д.) носятъ вполнѣ опредѣленный національный отпечатокъ (русскій или вообще славянскій). По психологическому содержанію фортепианныя сочиненія Лядова не выходятъ обыкновенно изъ круга интимныхъ, болѣею частью простодушно-идиллическихъ, иногда даже наивно-дѣтскихъ настроеній и чувствованій. Возвышеніе душевныхъ строй въ фортепианныхъ вещахъ С. М. Лядунова (концертъ, семь прелюдій), принадлежавшихъ къ лучшему, что создано въ этой отрасли искусства нашими молодыми композиторами. Какъ техника и гармонистъ, Лядуновъ не уступаетъ Лядову. Довольно много фортепианныхъ вещей написано Глазуновымъ и Аренскимъ. Изъ менѣ крупныхъ и самостоятельныхъ дарований выделяются Н. Шербачевъ и А. Скрябинъ. Во главѣ нашихъ виртуозовъ-пианистовъ за послѣдніе полвѣка должны быть поставлены братья Рубинштейны. Развитіе нашей музыкальной жизни тѣсно связано съ возникновеніемъ консерваторій, открытыхъ въ Петербургѣ (1862) и Москвѣ (1865), вслѣдъ за учрежденіемъ Русскаго музык. общества (см. Консерваторія). Въ области музыкальной критики выдающееся положеніе занялъ раньше всего А. Н. Сѣровъ, литературно образованный, остроумный и блестящій, но непостоянный и далеко не безпристрастный («Критическія статьи» его изданы въ СПб., въ 1892—95 гг.). П. А. Кюи, энергичный и настойчивый застрѣльщикъ новаго направленія, но менѣе блестящій и остроумный, чѣмъ Сѣровъ, также не былъ свободенъ отъ крайнихъ увлеченій (особенно въ первые годы своей критической дѣятельности; перечень его критическихъ статей изд. Н. Финдейзену, въ 1894 г.). Г. А. Ларошъ, представитель исторической критики и гансликианецъ, проводникъ консерваторскаго направленія, въ остроуміи и литературныхъ достоинствахъ не уступалъ ни Сѣрову, ни Кюи, но его музыкальные вкусы и взгляды не отличаются опредѣленностью. Въ Москвѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (1868—76) первое мѣсто въ музыкальной критикѣ занималъ Чайковский, являвшійся въ своихъ интересныхъ и живыхъ фельетонахъ такимъ же эклектикомъ, какъ и въ области композиціи, но, не смотря на свою мягкость, энергично возстававшій противъ всего, что онъ считалъ вреднымъ для родного искусства. Кромѣ того, музыкальной критикой занимались Бларамбергъ, Званцовъ (загнеристъ и приверженецъ Сѣрова), М. Ивановъ, Н. Карцевъ (издатель «Муз. Свѣта»), Н. Камкинъ, С. Кругликовъ (ревностный послѣдователь и защитникъ но-

вой русской музык. школы), Римский-Корсаковъ (статья о «Ратклиффѣ» Кюи), А. Рубинштейнъ (въ 60-хъ гг.), Саккетти (одинъ изъ наиболѣе объективныхъ и образованныхъ нашихъ музыкальныхъ критиковъ), Н. О. Соловьевъ, В. В. Стасовъ (горячій апостолъ новой русской музыки), В. С. Сѣрова, П. Трифоновъ, А. С. Фаминцынъ, Н. Финдейзенъ и др. О развитіи музыкально-издательскаго дѣла — см. XX, 145—146.

Литература. Перепелицынъ, «Исторія музыки въ Р. и т. д.» (СПб., 1889); Саккетти, «Очеркъ всеобщей исторіи музыки» (СПб., 2 изд., 1891; отд. V, гл. XLIX—LII — очеркъ исторіи музыки въ Р.); З. Дуровъ, «Очеркъ исторіи музыки въ Р.» въ «Руководствѣ къ изученію исторіи музыки» Доммера (М., 1884); Гродскій, «Очеркъ исторіи музыки въ Р.» (журн. «Муз. и Пѣніе», СПб., 1899); В. В. Березовскій, «Русская музыка» (СПб., 1898); Кюи, «La musique en Russie» (П., 1880; пересказъ въ «Отголоскахъ» 1881 г., № 22); G. Bertrand, «Les nationalités musicales» (П., 1872, гл. XII, «L'opéra national russe»); A. Soubies, «Précis de l'histoire de la musique russe» (П., 1893; переводъ съ франц. С. Халютина, подъ загл. «Французскій критикъ русской музыки», Минскъ, 1895); Lavignac, «La musique et les musiciens» (П., 1895, стр. 566—574); Морковъ, «Историческій очеркъ русской оперы съ самаго ея начала по 1892 г.» (СПб., 1862); Арнольдъ, «Die nationale Oper in Russland» («Neue Zeitschr. für Musik», 1863); его же, «Возможно-ли въ музыкальномъ искусствѣ установленіе характеристическо-самостоятельной русской національной школы и на какихъ данныхъ должна таковая основываться» («Баянъ», 1888, № 15—40 и 1889, № 13—14); его же, «Воспоминанія» (М., 1892—93); Сокальский, «О будущности русской музыки» («Баянъ», 1889, № 15—17); В. В. Стасовъ, «Наша музыка за послѣднія 25 лѣтъ» («Вѣстн. Европы», 1883, окт.); его же, «Тормазы русскаго искусства» («Вѣстн. Европы», 1885, № 5—6); Рубинштейнъ, «О музыкѣ въ Россіи» («Вѣкъ», 1861); Кюи, «Русскій романсъ» (СПб., 1896); Сѣровъ, «Судьбы оперы въ Россіи»; «Опера въ Россіи и русская опера» и др. (см. полное собраніе его критическихъ статей, СПб., 1892—95). Обильный матеріалъ для новой и новѣйшей исторіи музыки въ Р. разсыянъ въ собраніяхъ критическихъ статей Чайковского («Муз. фелетоны и замѣтки», М., 1898), Левенсона («Въ концертномъ залѣ», М., 1880—81 и «Изъ области музыки» М., 1885), Лароша («Музык. критич. статьи», СПб., 1894), въ музык. журналахъ: «Музык. Сезонъ» (1869—71), «Муз. Листокъ» (1872—77), «Музык. Обзорніе» (СПб., 1885—88), «Баянъ» (СПб., 1888—90), «Артистъ» (1889—95), «Русская Музык. Газета» (съ 1894), а также въ «Ежегодникѣ Имп. Театровъ» (изд. съ 1890 г.). «Музыкальная лѣтопись 1893 и 94 гг.» помещена въ «Муз. календарь-альманахъ на 1895 г.», а съ дек. 1894 по окт. 1895 г. — въ «Муз. календарь-альманахъ на 1896 г.». Очеркъ исторіи русской музыки (Н. Финдейзена) имѣетъ появиться въ выходящемъ въ свѣтъ русск. переводѣ «Иллюстр. исторіи музыки» Наумана.

2) **Церковная музыка.** Не смотря на то, что Павелъ I еще въ 1797 г. запретилъ исполненіе концертовъ во время богослуженія, оно продолжало держаться; исполнялись даже арранжировки оперныхъ арій или хоромъ изъ ораторій на священные тексты (въ родѣ «Тебе поемъ» на музыку басовой аріи жреца изъ «Весталки» Спонтини или «Херувимской» на музыку хора изъ «Сотворенія міра» Гайдна). Въ 1816 г. св. синодъ запретилъ употребленіе при богослуженіи концертовъ и рукописныхъ нотъ, разрѣшивъ исполненіе только произведеній самого Бортнянскаго или одобренныхъ имъ сочиненій другихъ авторовъ. Благодаря этой мѣрѣ и дѣятельности придворной пѣвческой капеллы, съ Бортнянскимъ во главѣ, пробуждается болѣе ясное представленіе о требованіяхъ, которымъ должна удовлетворять церковная музыка; композиторы стараются писать произведенія, болѣе отвѣчающія богослужебнымъ потребностямъ и силамъ обыкновенныхъ хоромъ. Правда, концерты все еще иногда исполняются при богослуженіи, такъ что въ 1850 г. опять приходится возобновлять ихъ запрещеніе; но все-же въ нашемъ церковномъ пѣніи наблюдается поворотъ къ лучшему, въ смыслѣ постепеннаго возвращенія къ богатому запасу древнихъ традиціонныхъ напѣвовъ. Бортнянскій первый ставъ на этотъ путь. Онъ мечталъ объ изданіи древнихъ крюковыхъ напѣвовъ въ ихъ подлинной нотаци (см. его проектъ этого изданія въ «Протоц. Общ. Люб. Др. Писм.» 1878) и желалъ положить ихъ въ основу самостоятельнаго «отечественнаго контрапункта»; онъ же началъ гармонизировать древнія мелодіи. Гармонизація эта, однако, носитъ западный характеръ. Древніе напѣвы, писанные на прозу и потому лишенные симметрическаго ритма, Бортнянскій подготавливалъ къ европейской симметрической ритмикѣ, что влекло за собою перфидо ошибки противъ просодіи; онъ подвергалъ измѣненію и самую мелодію, часто удерживая только ея общій рисунокъ. Переложенія Бортнянскаго представляли изъ себя, такимъ образомъ, скорѣе свободныя сочиненія въ духѣ того или другого древняго напѣва. Такой же характеръ имѣютъ и переложенія его ближайшихъ послѣдователей, напр. Грибовича. Ближе держался древнихъ напѣвовъ Турчаниновъ (1779—1856). Чтобы мелодія лучше выделялась изъ прочихъ голосовъ хора, онъ велъ сопровождающіе ее голоса параллельными съ нею терціями или секстами. Отсюда монотонность и извѣстная механичность переложеній Турчанинова. Гармонизація и у него имѣла западный характеръ. Какъ техникъ и композиторъ, Турчаниновъ стоялъ много ниже Бортнянскаго; его оригинальныя сочиненія не имѣютъ ни художественнаго, ни историческаго значенія. Переложенія его, разрѣшенные св. синодомъ къ употребленію при богослуженіи указомъ 18 мая 1831 г., до сихъ поръ принадлежатъ къ числу любимыхъ и распространенныхъ въ репертуарѣ нашихъ церковныхъ хоромъ. Какъ и Бортнянскій, Турчаниновъ принадлежалъ къ составу придворной пѣвческой капеллы. Въ сторонѣ отъ капеллы стояли іеромонахъ Викторъ (1791—

1871) и А. П. Есауловъ, представляющие собою крайнюю степень сентиментальнаго итальянствующаго направленія нашей церковной музыки. Первый оставилъ множество произведеній, очень невсѣихъ по техникѣ, но свидѣтельствующихъ о задушевномъ религиозномъ чувствѣ; второй, обладавшій гораздо лучшей техникой, написалъ нѣсколько сочиненій (изданы изъ нихъ немногія), очень далекихъ отъ истинно-церковнаго стиля по своей вычурной и театральнѣ манерѣ, съ драматическими диссонансами и безпокойной модуляціей. Духовныя сочиненія писали за это время также Алябьевъ, Варламовъ (херувимскія), Верстовскій (обѣдны, концерты), Л. Гуріевъ, Макаровъ, Мауреръ, Сашенца (концерты) и др. Послѣ смерти Бортнянскаго директоромъ пѣвческой капеллы сдѣлался Ѳ. Львовъ (1826—36), дѣятельность котораго носила характеръ административный (композиторомъ онъ не былъ). Мѣсто его занялъ сынъ его, А. Ѳ. Львовъ (1798—1870), авторъ народнаго гимна и отличнаго скрипача. Онъ поднялъ исполненіе капеллы до такого совершенства, которое привело въ восторгъ Берліоза и позволило ему поставить нашъ придворный хоръ выше всемірно-знаменитаго папскаго. Львову принадлежатъ рядъ церковныхъ сочиненій, обнаруживающихъ недурную технику, извѣстный вкусъ, сильное вліяніе нѣмецкой классической музыки, отсутствіе итальянской слащавости, но лишенныхъ истиннаго вдохновенія и самобытности творчества. Новымъ элементомъ въ сочиненіяхъ Львова и особенно въ его переложеніяхъ съ древнихъ напѣвовъ было стремленіе подчинить музыкальное содержаніе тексту и основнымъ требованіямъ богослуженія. Взгляды свои Львовъ изложилъ въ сочиненіи: «О свободномъ или несимметричномъ ритмѣ» (СПб. 1858). Онъ требовалъ «простоты и приличной гармоніи, при исполненіи которой всѣ голоса произносятъ рѣчь въ одно время и въ размѣрѣ тактовъ соотнобуются съ естественными удареніями словъ». Подчиненіе древнихъ напѣвовъ «правильному размѣру и опредѣленнымъ тактамъ» влечетъ за собой, по словамъ Львова, «отрѣшеніе пѣнія отъ молитвы» и разрушеніе тѣсной связи между словомъ и пѣніемъ. Онъ возстаетъ противъ разныхъ «натяжекъ», къ которымъ должны были прибѣгать композиторы, допускаяшіе, «для выполненія музыкальныхъ условій», «излишнее повтореніе словъ, неумѣстное протяженіе ихъ, а что хуже всего, неодновременное произношеніе ихъ пѣвчими, отчего рѣчь затемнялась, терялась не только сила, но исчезалъ нѣрѣдко и самый смыслъ ея». Требованія эти ограничивали свободу музыкальнаго творчества въ церковной музыкѣ; они исключали возможность сложнаго контрапунктискаго, особенно футурированнаго и вообще имитатіоннаго стиля. Изъ этихъ требованій вытекало также введеніе свободнаго, несимметричнаго ритма, который и встрѣчается довольно часто въ оригинальныхъ сочиненіяхъ и переложеніяхъ Львова. Въ своей композиторской практикѣ Львовъ, однако, не всегда самъ исполнялъ выставленные имъ требованія. Гармонизація Львова, имѣющая вполне европейскій,

главнымъ образомъ нѣмецкій характеръ (національный элементъ въ его духовной музыкѣ отсутствуетъ), вообще мужественнѣ и разнобразнѣ, чѣмъ у Бортнянскаго, но также не всегда отвѣчаетъ церковному стилю, представляя подчасъ употребленіе неприготовленныхъ диссонирующихъ сочетаній, въ родѣ большаго и малаго нонаккордовъ, уменьшеннаго септаккорда, увеличеннаго квинтсептаккорда и т. д. Чистота голосоведенія также не всегда отвѣчаетъ требованіямъ строгаго стиля. Львову принадлежитъ починъ въ дѣлѣ гармонизаціи обихода, законченной въ 1858 г. учителями капеллы Ломакимымъ (главнымъ образомъ) и Воротниковымъ. Эта гармонизація вызвала ожесточенную борьбу съ стороны разныхъ московскихъ практиковъ церковнаго пѣнія и дилеттантовъ-композиторовъ, въ родѣ архимандрита Ѳеофана и др., которымъ Львовъ отвѣчалъ брошюрой: «О церковныхъ хорахъ и нѣсколько словъ о правилахъ сочиненія гармоническаго пѣнія» (СПб., 1859). Дѣйствительный ударъ Львовскому обиходу и его приѣмамъ гармонизаціи былъ нанесенъ совсѣмъ съ другой стороны. Инициаторами его были Глинка и кн. В. Ѳ. Одоевскій. Первый началъ заниматься церковной музыкой, когда былъ приглашенъ въ капеллу капелмейстеромъ, слѣдъ за успѣхомъ «Жизни за Царя». За это время имъ написана его 6-голосная «Херувимская»—произведеніе высокой музыкальной цѣнности, но совсѣмъ не русское по своему характеру, что и заставило впоследствии Глинку считать его «всѣмъ неудачнымъ». Занятія Глинки въ капеллѣ были непродолжительны; къ церковной музыкѣ онъ вернулся только въ 1855 г., когда написалъ «ектению», «литургию» и тріо для мужскихъ голосовъ: «да исправится». Къ этимъ работамъ онъ пришелъ подъ вліяніемъ исполненія Шереметевскимъ хоромъ (подъ упр. Ломкина) произведеній западной церковной музыки. Исходя изъ убѣжденія, что гармонизація нашихъ древнихъ напѣвовъ и оригинальныя сочиненія, предназначенныя для церкви, должны основываться на старинныхъ церковныхъ ладахъ, а не на общевропейской мажорной или минорной гаммѣ, Глинка отправился къ Дену въ Берлинъ, чтобы работать вмѣстѣ съ нимъ надъ церковными ладами, но смерть помѣшала осуществленію его плановъ. Послѣднія церковныя произведенія Глинки, носившія строгаго діатоническаго характера и болѣе близкія къ истинному духу нашей самобытной церковной музыки, чѣмъ сочиненія Бортнянскаго, Львова и др., происходили изъ указаннаго выше убѣжденія, но все-таки не разрѣшили поставленной Глинкою задачи: создать истинно-національную церковную музыку, одинаково далекою отъ итальянской слащавости «Сахара Медовича Патокина», какъ Глинка въ шутку называлъ Бортнянскаго, и отъ нѣмецкой аккуратности Львова. Единомышленникомъ Глинки былъ кн. В. Ѳ. Одоевскій, выражавшій свои взгляды сначала въ бесѣдахъ съ Ломакимымъ, Глинкой, Потуловымъ, а потомъ и печатно («Груды 1-го археол. слѣзда въ Москвѣ», М., 1871). Одоевскій указывалъ, что наше обычное пѣніе только

напечатано «въ одинъ голосъ, но на клиросахъ мы всегда слышимъ гармоническія сочетанія, употребляющіяся по музыкальному гармоническому инстинкту русскаго народа и по преданію. Аккорды наши всегда консонансны. По свойству церковныхъ мелодій нѣтъ и мѣста для диссонансовъ, нѣтъ даже ни чисто мажорнаго, ни чисто минорнаго рода. Всякій диссонансъ, всякій хроматизмъ въ нашемъ церковномъ пѣніи былъ-бы величайшею ошибкою и исказилъ-бы всю самобытность нашихъ церковныхъ пѣнъ». Въ этомъ основномъ требованіи Глинка и Одоевскій кореннымъ образомъ расходились съ композиторскою практикою Лъвова и его послѣдователей, но сходились съ нею въ положеніи, что «главная цѣль нашего церковнаго пѣнія—отчетливо выговорить слова молитвы. Въ немъ не слова подчиняются мелодіи, но мелодія словамъ, до такой степени, что гдѣ оканчивается смыслъ словъ, тамъ оканчивается и музыкальная фраза. Допускается нѣсколько нотъ на одинъ слогъ, но никакое повтореніе словъ не допускается». Отсюда слѣдовала невозможность «прѣтѣстаго контрапункта»: «цѣль гармонизаціи церковнаго пѣнія состоитъ единственно въ томъ, чтобы, образуя правильное сочетаніе голосовъ, отнюдь не отвѣче благоговѣнное вниманіе отъ существеннаго, т. е. отъ словъ молитвы». Упомянутыми двумя направленіями: европейскимъ—Бортняскаго и Лъвова, и самобытно-національнымъ—Глинки и Одоевского, исчерпывается содержаніе нашей церковной музыки за всю вторую полов. XIX в. Главными представителями Лъвовскаго направленія являются П. М. Воротниковъ (1804—76), обладавшій хорошей техникой въ нѣмкомъ вкусѣ, еще болѣе опредѣленномъ, чѣмъ у Лъвова, но также лишенный истиннаго творчества и вдохновенія; отчасти Г. Я. Ломакинъ (1812—1885), слѣдовавшій за Лъвовымъ въ отношеніи соответствія текста и музыки, но примыкавшій къ Бортнянскому въ смыслѣ чисто музыкальныхъ (гармоническихъ, мелодическихъ и т. п.) приѣмовъ; Н. И. Бахметевъ (1807—1891), преемникъ Лъвова въ должностъ директора капеллы, не лишенный таланта, но слишкомъ свободно примѣнявшій приѣмы современной гармоніи къ церковному стилю (употребленіе диссонансовъ, хроматизмъ, энгармонизмъ, внезапныя модуляціи и т. п. эффекты), а также допускавшій черѣду повтореніе и неоднократное пропѣваніе словъ въ разныхъ голосахъ (въслѣдствіе употребленія имитацій); протоіерей М. А. Виноградовъ († 1888), находившійся въ своихъ оригинальныхъ произведеніяхъ подъ сильнымъ вліяніемъ Лъвова, но въ переложеніяхъ (болѣе позднихъ) примыкавшій къ направленію Одоевскаго-Потулова. Къ этому же типу принадлежали первыя переложения и сочиненія Г. Ѳ. Лъвовскаго (1830—1894), въслѣдствіе склонившагося къ національному направленію. Къ композиторамъ духовной музыки въ общерусскомъ стилѣ должны быть отнесены также Н. Я. Аванасьевъ («Литургія»), П. И. Чайковскій («Литургія», 1878), А. С. Арескинъ и А. Гречаниновъ («Литургія», 1898), который, однако, въ то же

время обнаруживается и вліяніе новаго національнаго направленія нашей церковной музыки. Менѣе богато представителями это послѣднее. Продолжателемъ Глинки явился Н. М. Потуловъ (1810—1873), осуществившій въ своихъ строгихъ и возвышенныхъ переложеніяхъ древнихъ пѣнъ воѣ идеи кн. Одоевскаго. У него древній пѣнъвъ остается въ полной неприкосновенности, ритмической и мелодической, и сопровождается строгою диатонической гармоніей изъ однихъ трезвучій (большихъ и малыхъ) и ихъ обращеній. Ни диссонансовъ, ни хроматизма, ни модуляцій Потуловъ не допускалъ. Недостаткомъ гармонизаціи Потулова является нѣкоторая тяжеловѣсность, простекавшая отъ стремленія понимать каждую почти ноту мелодіи какъ составную часть аккорда и снабжать ее особою гармоніей въ другихъ голосахъ. Отсюда также извѣстная блѣдность и однообразіе мелодическаго движенія въ другихъ голосахъ, какъ-бы связанныхъ верхнимъ голосомъ. Позднѣйшіе переаггегаты уклоняются отъ этихъ приѣмовъ и употребляютъ и такіе виды гармоническихъ сочетаній, которые строгимъ стилемъ не допускаются (септаккорды, доминантсептаккорды, съ ихъ обращеніями, квартсептаккорды и т. д.). Въ такомъ родѣ, напримѣръ, переложения древнихъ пѣнъвъ въ изданіяхъ сб. братства во имя Пресвятыя Богородицы (Д. Соловьева, И. Смирнова, П. Вейхенталя). Истинно художественнаго характера, однако, и эти переложения не имѣютъ. Къ Потулову ближе примыкаетъ то направленіе, которое проводилось придворной капеллой во время управленія ею М. А. Балакиревымъ (1883—1895). При немъ и его ближайшемъ сотрудникѣ, Н. А. Римскомъ-Корсаковѣ, дѣятельность этого учрежденія, упавшаго было при Бахметевѣ, опять поднялась (особенно въ смыслѣ музыкально-педагогическомъ) и приняла опредѣленное національное направленіе. Плодами ея является нѣсколько переложеній древнихъ пѣнъвъ, во главѣ которыхъ должно быть поставлено «Всенощное бдѣніе древнихъ пѣнъвъ» (1887), гармонизованное трудами дѣятелей капеллы. Стараясь дать простую и общедоступную гармонизацію древнихъ пѣнъвъ, составители означенныхъ переложеній не упускали изъ виду и художественной стороны. Гармонизаціи «всенощной» и нѣкоторыхъ другихъ богослужебныхъ пѣснобдѣній (тропари и кондаки св. князю Владимиру, св. Меводию и Кириллу, св. Нинѣ, архіерейское служеніе), изданныя капеллою за это время, имѣютъ строго-національный характеръ, удовлетворяя въ то же время всѣмъ требованіямъ истинно-церковнаго стиля. Такой же характеръ, съ болѣе широкимъ перевѣсомъ въ сторону художественности, имѣютъ оригинальныя сочиненія и особенно переложения Н. А. Римскаго-Корсакова. М. А. Балакиреву принадлежит лишь нѣсколько небольшихъ по объему переложеній (въ архіерейскомъ служеніи). Въ этомъ же духѣ работали Е. С. Азѣевъ, А. Копыловъ и В. Бирюковъ. Въ сторонѣ отъ этого направленія стоялъ покойный Ю. К. Арнольдъ, исходившій въ своихъ переложеніяхъ и собственныхъ композиціяхъ изъ положеній

византийскихъ музык. теоретиковъ («Теорія древле-русскаго церковнаго и пароднаго пѣнія», М. 1880). Къ нему въ недавнее время примкнулъ Д. Аллемановъ («Гармонизація древле-русскаго церковнаго пѣнія, знаменнаго распѣва, по христіанско-византийской теоріи и законамъ церковнаго осмогласія», М., 1898). Чайковский, въ своемъ «Всенощномъ бѣдніи» (1882), перешелъ отъ общаго европейскаго стиля къ строгому стилю церковныхъ ладовъ, болѣе всего близкому къ типу переложений Потулова. Еще болѣе національных чертъ можно замѣтить въ девяти отдѣльныхъ духовныхъ произведеніяхъ его, относящихся къ 1885 г. Объясняемою стоитъ В. П. Войденковъ (р. 1852), который, хотя и обнаруживаетъ вліяніе Потуловскаго направленія, но въ то же время представляетъ нѣкоторыя самостоятельныя черты, въ своихъ нѣсколько суровыхъ, аскетическихъ гармонизаціяхъ древнихъ напѣвовъ. Довольно своеобразенъ также стиль переложений о. В. М. Металлова (р. 1862 г.), въ первыхъ своихъ попыткахъ пѣшаго обычнаго путемъ, но потомъ примкнувшаго къ Потулову и къ направленію капеллы временъ Балакирева. Онъ выразилъ свои взгляды на гармонизацію древнихъ напѣвовъ въ теоретическомъ трудѣ: «Строгий стиль гармоніи. Опытъ изложенія основаній строгаго и строгоцерковнаго стиля гармоніи» (М., 1897). Постѣднее слово въ дѣлѣ гармонизаціи и художественной обработки древнихъ напѣвовъ принадлежитъ А. Д. Кастальскому (р. въ 1856 г.), помощнику регента въ московскомъ синодальномъ училищѣ церковнаго пѣнія. Рядъ его переложений (съ 1897 г. издано 20 №№) обнаруживаетъ въ немъ не только отличнаго техника, но и самобытнаго художника, сжившагося съ древними нашими напѣвами и сумѣвшаго претворить ихъ въ настоящія художественныя созданія, проникнутыя глубокимъ религиозно-поэтическимъ настроеніемъ, мастерскія по фактурѣ, въполнѣ современной и оригинальной, ярко національныя и колоритныя. Переложеніями въ тѣсномъ смыслѣ слова ихъ нельзя назвать, не смотря на неприкосновенность употребленныхъ въ нихъ мелодій; для обычнаго богослужебнаго употребленія они также не годятся, требуя прекрасно дисциплинированнаго и способнаго къ истинно художественному исполненію хора. Это скорѣе художественныя воссозданія на основѣ древняго напѣва.

Литература (кромя цитиров. выше): В. Аскокенскій, «Протоіерей Петръ Ив. Турчаниновъ» (СПб., 1863); Безсоновъ, «Знаменательные года и знаменитые представители послѣднихъ двухъ вѣковъ въ исторіи церковно-русскаго пѣнопѣнія» («Правосл. Обзоръ», 1872, янв. февр.); И. Вознесенскій, «О современныхъ намъ нуждахъ и задачахъ церковнаго пѣнія» (Рига, 1891); кн. Н. С. Голицынъ, «Современный вопросъ о преобразованіи церковнаго пѣнія въ Р.» (СПб., 1884); Ларошъ, «О нынѣшнемъ состояніи церковной музыки въ Р.» (Соврем. Лѣтопись, 1869, № 47); Металловъ, «Очеркъ исторіи правосл. церк. пѣнія въ Р.» (2 изд., М., 1896); В. Морковъ, «Прото-

іерей Петръ Ивановичъ Турчаниновъ» (СПб., 1862); «Объ объединеніи въ Р. мѣстныхъ церковныхъ напѣвовъ, о церковныхъ композиторахъ, о пѣніи партесномъ и общемъ» («Церковный Вѣстникъ», 1889); Д. В. Разумовскій, «Какое значеніе имѣетъ гармонія Потулова для пѣнія нашей правосл. церкви» («Труды 3-го Археол. Съѣзда въ Кіевѣ», т. 2); его же, статья о Потуловѣ во 2-мъ вып. VI т. «Древностей Моск. Археол. Общества»; С. В. Смоленскій, «Обзоръ исторіи концертовъ синодальнаго училища церк. пѣнія» (М., 1895; сжатый, но живой очеркъ исторіи церковнаго пѣнія, особенно въ нынѣшнемъ и прошломъ вѣкѣ); П. П. Сокальскій, «Исторія церк. пѣнія въ Р.» (Одесса, 1872); Д. Н. Соловьевъ, «Церковное пѣніе въ Валаамской обители» (СПб., 1889). См. также А. Преображенскаго, «Словарь русскаго церковнаго пѣнія» (1896) и «По Церковному пѣнію. Указатель книгъ, брошюръ и журнальныхъ статей» (Екатеринославъ, 1897). Библиографію духовной нашей музык. литературы см. во «Всеобщ. каталогѣ духовно-музык. сочиненій» (5 доп. изд., М., 1899, у П. Юргенсона), а также въ «Тематическомъ каталогѣ изданій придворной вѣвческой капеллы».

С. Б—чс.

С. Русскій театръ. — явленіе сравнительно новое: официально его существованіе признано лишь указомъ императрицы Елизаветы Петровны отъ 30 августа 1756 г. Его начало слѣдуетъ, однако, отнести къ царствованію Алексѣя Михайловича, а именно къ 1672 г. (17 октября), когда Іоаннъ Готфридъ Грегоръ впервые показалъ царю и боярамъ «Комедію объ Эсеири» или такъ назыв. «Артаксерксово дѣйство». Господствующую роль въ исторіи русскаго театра постоянно играли императорскіе театры, въ СПб. и въ Москвѣ. Съ упраздненіемъ театральн. монополіи (1882) значеніе Императорскихъ театровъ не пало, такъ какъ, обладая обширными средствами и не имѣя необходимости въ матеріальномъ успѣхѣ, они могутъ привлечь къ себѣ лучшихъ артистическихъ силы и лучшихъ изъ появляющихся новыхъ пьесъ. Въ настоящее время Императорскіе театры находятся въ вѣдомствѣ министерства двора и подчинены директору *Имп. театровъ*, при которомъ состоятъ чиновники особыхъ порученій. Инспекторская и хозяйственная часть и все дѣлопроизводство сосредоточено въ сиб. и моск. *контрорахъ Имп. театровъ*, которыя состоятъ въ завѣдываніи *управляющихъ контрорами*, непосредственно подчиненныхъ директору театровъ; на управляющаго московской конторой возложено также ближайшее руководство репертуарной частью московскихъ театровъ, подъ высшимъ наблюденіемъ директора. Каждая контора состоитъ изъ отдѣленій распорядительнаго, хозяйственнаго, счетнаго и монтажно-очнаго. Въ вѣдѣніи конторъ находятся всѣ театральныя зданія, состоящія въ ближайшемъ завѣдываніи полиціи-мейстеровъ театровъ, а также врачебная часть—шпательные врачи при пріемныхъ покояхъ, для приходящихъ больныхъ, и дежурные врачи (по 4 въ каждомъ театрѣ), и въ Петербургѣ, сверхъ того, ежиказное заведеніе, для развозки вос-

питаниковъ театрального училища, артистовъ и монтажничего инвентаря. Во главѣ каждой труппы стоятъ *главный режиссеръ*, и при немъ режиссеры съ помощниками; число труппъ — 7 (въ Петербургѣ — русская драматическая, оперная, балетная и французская драматическая; въ Москвѣ — русская драматическая, оперная и балетная). Персональ оркестровыхъ музыкантовъ находится въ вѣдѣніи *завѣдывающихъ оркестрами* (по одному въ Петербургѣ и Москвѣ); завѣдываніе собственно артистической частью каждого оркестра поручено капельмейстерамъ; число оркестровъ Имп. театровъ — 5 (3 въ Петербургѣ и 2 въ Москвѣ). При оркестровомъ управленіи спб. театровъ состоитъ главная музыкальная библиотека. Имп. театровъ въ Петербургѣ 3: Маринскій (открытый въ 1860 г., вмѣщаетъ 1625 чел.; опера и балетъ), Александринскій (открытый въ 1832 г., 1790 чел.; русская драма), и Михайловскій (откр. въ 1833 г., 1151 чел.; русская и французская драма); въ Москвѣ также 3 — Большой (въ настоящемъ видѣ открытій въ 1856 г., 1740 чел.; опера и балетъ), Малый (принадлежащій казѣ съ 1824 г., 1000 чел.; русская драма) и снятый въ аренду съ конца 1898 г. бывшій Шеллаутинскій театр, получившій названіе Нового (опера и драма). Званіе артистовъ Имп. театровъ имѣютъ: актеры, управляющіе труппами, режиссеры, капельмейстеры, балетмейстеры, дирижеры оркестровъ, танцовщики, музыканты, декораторы, машинисты, инспекторы освѣщенія и ихъ помощники, живописцы, главный костюмеръ, суфлеры, гардеробмейстеры, фехтмейстеры, театральные скульпторы, надзиратель нотной конторы, фигуранты, нотные писцы, пѣвцы и парикмахеры; всѣ эти лица считаются состоящими на государственн. службѣ и раздѣляются на три разряда, смотря по талантамъ и занимаемымъ ими амплу и должностямъ. Артисты первого и второго разряда Имп. театровъ (если они русскіе подданные), а равно и воспитанники театрального училища, не имѣющіе по происхожденію права на вступленіе въ гражданскую службу, получаютъ, за выслугу при театрахъ 15 лѣтъ, права канцелярскихъ служителей третьяго разряда; если они, оставляя театр, въ гражданскую службу не опредѣляются, то причисляются къ художникамъ, не имѣющимъ чиновъ; дѣти артистовъ пользуются правами своихъ отцовъ. Артисты третьяго разряда по окончаніи службы именуются отставными артистами Имп. театровъ третьяго разряда. Чиновники, желающіе поступить въ актеры, опредѣляются не иначе, какъ съ лишеніемъ чиновъ; по увольненіи ихъ вовсе изъ актерскаго званія, имъ возвращаются прежніе чины, но безъ всякаго старшинства за службу ихъ актерами (прим. къ ст. 32 уст. о службѣ по опред. отъ правит., Св. Зак. т. III, изд. 1896 г.). Въ петербургскихъ труппахъ въ сезонъ 1897—98 г. состояло: въ русской драматической труппѣ артистовъ 52, артистовъ 50; въ оперной труппѣ артистовъ 21, артистовъ 27, хористовъ 59, хористовъ 67; въ балетѣ артистовъ 136, артистовъ 81; во франц. драмѣ артистовъ 17 и артистовъ 21; оркестръ оперы и балета состоялъ изъ 125

музыкантовъ, въ оркестрахъ Александринскаго и Михайловскаго театровъ было по 42 музыканта. Въ Москвѣ: въ драматической труппѣ артистовъ 66, артистовъ 50; въ оперѣ артистовъ 23, артистовъ 26, хористовъ 60, хористовъ 57; въ балетѣ артистовъ 128, артистовъ 84; въ оркестрѣ оперы и балета 123 музыканта, въ оркестрѣ Малаго театра — 33 музыканта. При дирекціи Имп. театровъ состоитъ *театрально-литературный комитетъ*: онъ имѣетъ цѣлю обсужденіе и оцѣнку въ литературномъ и сценическомъ отношеніяхъ всѣхъ дозволенныхъ пензурою драматическихъ произведеній на русскомъ языкѣ, представляемыхъ авторами для постановки на сценѣ Имп. театровъ. Комитетъ состоитъ изъ отдѣленій петербургскаго и московскаго; въ каждомъ отдѣленіи по четыре лица, приглашаемыхъ на 4 года директоромъ театровъ, съ разрѣшенія министра; они избираютъ изъ своей среды председателя. Въ 1897—98 г. разсмотрѣны были комитетомъ 114 пьесъ (65 въ СПб. и 49 въ Москвѣ) и одобрены къ представленію 39 (32 въ СПб. и 7 въ Москвѣ). Самый выборъ пьесъ для репертуара принадлежитъ директору Имп. театровъ. Всего въ сезонъ 1897—98 г. было исполнено пьесъ въ С.-Петербургѣ: русскихъ драматическихъ произведеній 84 (46 большихъ и 38 небольшихъ), изъ нихъ 25 новыхъ; оперъ — 28, балетовъ — 15; французскихъ драматическихъ произведеній 60, изъ нихъ новыхъ 28. Въ Москвѣ исполнено: драматическихъ произведеній 87 (48 большихъ и 39 небольшихъ), изъ нихъ 19 новыхъ; оперъ 23, балетовъ 16. Въ СПб. дано спектаклей въ сезонъ 1897—98 г.: русскихъ драматическихъ 239, русскихъ оперныхъ 141, балетныхъ 48, французскихъ драматическихъ 146; они дали валового сбора 1029691 руб. (рус. драма 296 тыс. р., опера 435 тыс. руб., балетъ 121 тыс. р., франц. драма 177 тыс. р.). Въ Москвѣ дано спектаклей: драматическихъ 207, оперныхъ 112, балетныхъ 48, смѣшанныхъ (опера и балетъ) 3; они дали валового сбора 529264 руб. (драма 222 тыс. р., опера 237 тыс. р., балетъ 64 тыс. р.). За представленіе оригинальной пьесы на Имп. театрахъ авторъ получаетъ, въ видѣ проспектакльной платы, процентное вознагражденіе съ валового сбора отъ 2 до 10%, (за оперу — отъ 3 до 10%), смотря по количеству актовъ; за переводныя пьесы удѣливается не болѣе 1% за каждый актъ. Взаимнѣ проспектакльной платы, по соглашенію съ авторомъ, ему можетъ быть назначено одновременное вознагражденіе. Право на полученіе проспектакльной платы принадлежитъ по смерти автора его наследникамъ не болѣе 50 лѣтъ. При Имп. театрахъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ находятся императорскія *театральныя училища*, состоящая изъ балетнаго отдѣленія для мальчиковъ и дѣвочекъ (интерновъ и приходскихъ), съ пятилѣтнимъ курсомъ, и драматическихъ трехлѣтнихъ курсовъ для приходскихъ молодыхъ людей обою пола. Въ балетномъ отдѣленіи, кромѣ специальныхъ предметовъ, изучаются также и общеобразовательныя, въ объемѣ начальныхъ училищъ. Въ петербургскомъ училищѣ въ 1897—98 г. было

въ балетномъ отдѣленіи 136 учащихся (69 ученицъ и 67 учениковъ), изъ которыхъ окончило курсъ 17 (9 ученицъ и 8 учениковъ); на драматическихъ курсахъ—34 учащихся (19 ученицъ и 15 учениковъ), окончило курсъ 8 (4 ученицы и 4 ученика). Въ московскомъ училищѣ въ балетномъ отдѣленіи было 72 учащихся (43 ученицы и 29 учениковъ), окончило курсъ 15 (7 ученицъ и 8 учениковъ); на драматическихъ курсахъ 31 учащійся (14 ученицъ и 17 учениковъ), окончило курсъ 10 (5 учениковъ и 5 ученицъ). За два послѣднія десятилѣтія замѣчается довольно быстрый ростъ частныхъ театровъ. Лучшие всѣхъ обставлены частные театры въ столицахъ, а затѣмъ въ крупныхъ провинціальныхъ центрахъ—Варшавѣ, Одессѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Тифлисѣ, Ростовѣ на Дону, Казани и др. Во многихъ губернскихъ городахъ до сихъ поръ нѣтъ постоянныхъ театровъ. Главнѣйшій недостатокъ провинціальныхъ театровъ—отсутствіе постоянныхъ труппъ: большинство труппъ и въ настоящее время является кочующими. Быстрый ростъ театральнаго дѣла въ Россіи констатированъ былъ на происходившемъ весною 1898 г. въ Москвѣ первомъ всероссійскомъ съѣздѣ сценическихъ дѣятелей, обнаружившемъ и многие недочеты театральнаго дѣла въ провинціи. Нѣкоторые театры пользуются поддержкой со стороны правительства (въ Варшавѣ, Тифлисѣ и др.) и со стороны городскихъ общественныхъ управленій, къ вѣдомству которыхъ, по городскому положенію, отнесено и попеченіе объ устройствѣ театровъ. Народный театръ впервые былъ устроенъ въ Москвѣ въ 1872 г., во время политехнической выставки. Въ послѣдніе годы вновь поднятъ вопросъ о необходимости устройства народныхъ театровъ; нѣсколько такихъ театровъ для рабочихъ существуютъ въ СПб., благодаря поддержкѣ нѣкоторыхъ фабрикантовъ, а съ 1898 г.—и попечительства о народной трезвости. Общее число народныхъ театровъ въ Россіи незначительно. Всего увеселительныхъ заведеній числится въ Россіи 2134, въ томъ числѣ клубовъ 768, военныхъ и морскихъ собраний 272, собственно театровъ 216, концертныхъ залъ 42, цирковъ 32, обществъ драматическихъ, литературныхъ, разныхъ видовъ спорта и др. 612, садовъ съ платой за входъ 192. Первое мѣсто по числу увеселеній между губерніями принадлежитъ лифляндской (198 увеселительныхъ мѣстъ), затѣмъ слѣдуютъ губернія С.-Петербургская (154), Курляндская (125), Херсонская (81), Эстляндская (61), Кіевская (54), Таврическая (53) и др. Собственно театровъ имѣется въ Европейской Россіи 189, на Кавказѣ 15, въ Сибири 9, въ среднеазиатскихъ владѣніяхъ 3.—Театральныя представленія могутъ быть даваемы лишь съ разрѣшенія полиціи, которой принадлежитъ и цензура театральныя афишъ; съ ея же разрѣшенія назначается плата за входъ. Исключительное право на печатаніе афишъ о спектакляхъ и т. п. въ столицахъ принадлежитъ дирекціи императорскихъ театровъ. Публичные маскарады и зрѣлища (кромѣ драматическихъ представленій на иностранныхъ языкахъ) запрещаются 23, 24,

25 декабря, наканунѣ двенадцатыхъ праздниковъ и дня ускоренія главы Иоанна Предтечи, въ теченіе всего великаго поста, въ первые дни недѣли св. Пасхи, въ Успенскій постъ, въ день ускоренія главы Иоанна Предтечи и въ день Воздвиженія Креста Господня; впрочемъ, въ нѣкоторыхъ городахъ (напр. въ С.-Петербургѣ) въ послѣднее время давались разрѣшенія на русскіе спектакли и въ великомъ посту. Съ публичныхъ зрѣлищъ и увеселеній существуетъ уже съ 1763 г. особый сборъ въ пользу вѣдомства учреждений Императрицы Маріи, урегулированный закономъ 1892 г. По этому закону сборъ производится по всей Имперіи, за исключеніемъ губерній Царства Польскаго и великаго княжества Финляндскаго, и уплачивается посредствомъ наклеики на входныхъ билетахъ особыхъ марокъ 2—10 коп. достоинства. Сборъ взимается въ размѣрѣ 2—50 коп. съ каждого билета. Въ императорскихъ театрахъ взиманіе сбора производится дирекціей, при чемъ на билетахъ означается объ уплатѣ дополнительнаго сбора. Наблюденіе за наклеикой и погашеніемъ марокъ и возбужденіе уголовнаго преслѣдованія противъ лицъ, виновныхъ въ нарушеніи существующихъ по этому предмету правилъ, возложено на чиновъ полиціи. Цензура драматическихъ сочиненій производится состоящими для того при главномъ управленіи по дѣламъ печати особыми цензорами; для представленія на сценѣхъ въ Сѣверо- и Юго-западномъ краѣ сочиненій не на русскомъ языкѣ требуется, кромѣ того, разрѣшеніе генералъ-губернатора, а на представленіе драматическихъ вообще сочиненій на театрахъ Кавказскаго края—дозволеніе главноначальствующаго гражданской частью на Кавказѣ. Въ губерніяхъ Царства Польскаго разрѣшеніе представленій не на русскомъ языкѣ возлагается на варшавскій цензурный комитетъ. Разрѣшенная къ представленію пьеса вносится въ алфавитный реестръ, заведенный въ канцеляріи главнаго управленія по дѣламъ печати; печатные алфавитные списки пьесамъ, дозволеннымъ къ представленію безусловно, безъ всякихъ измѣненій и пропусковъ, высылаются, по распоряженію главнаго управленія, черезъ посредство губернаторовъ, всѣмъ содержателямъ театровъ; эти списки пополняются ежегодно, по возможности—еще чаще, и служатъ исключительнымъ руководствомъ при постановкѣ пьесъ на театрѣ, а равно и разрѣшенія печатанія афишъ. Запрещеннымъ пьесамъ ведется въ канцеляріи главнаго управленія особый реестръ, который сообщается для свѣдѣнія губернаторамъ. На сценѣхъ народныхъ театровъ или театровъ, посѣщаемыхъ, вслѣдствіе низкой платы за мѣста, преимущественно простолюдинами, могутъ быть исполняемы только тѣ изъ разрѣшенныхъ драматической цензурой пьесъ, которыя будутъ для того одобрены главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати, по особымъ ходатайствамъ содержателей театровъ или авторовъ и переводчиковъ.—Для постановки на сцену драматическаго или музыкальнаго произведенія требуется разрѣшеніе автора; представленіе безъ такого разрѣ-

шенія карается по ст. 1684 Уложенія. Для охраны правъ авторовъ существуетъ въ Москвѣ общество русскихъ драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ: оно разрѣшаетъ къ постановкѣ пьесы лицъ, состоящихъ членами общества, взимая за это съ содержателей частныхъ театровъ плату по количеству актовъ, въ размѣрѣ, определяемомъ комитетомъ общества; для наблюденія за репертуаромъ провинціальныхъ театровъ общество назначаетъ въ разныхъ городахъ своихъ агентовъ. Для защиты интересовъ русскихъ театральныхъ дѣятелей служить «Русское театральное общество»; оно имѣетъ цѣлю содѣйствіе всестороннему развитію театральнаго дѣла въ Россіи, для чего беретъ на себя посредничество по спросу и предложенію театально-артистическаго труда, полномочіе на защиту авторскихъ правъ, выдачу ссуды и пособій, содѣйствіе устройству частныхъ сценъ; при обществѣ состоятъ справочныя бюро въ СПб. и Москвѣ и убѣжище для престарѣлыхъ артистовъ въ С.-Петербургѣ. О развитіи драматическаго искусства въ Р. см. выше, Русская литература и Музыка, а также Русская драма и Театръ. Статистическія свѣдѣнія объ Имп. театрахъ въ СПб. и Москвѣ, даетъ издаваемый съ 1890 г., дирекціей Имп. театровъ «Ежегодникъ». *Ф. Я.*

XII. Русская наука *). — 1) Богословіе. Древняя Русь получала свои богословскія знанія изъ Византии. При первоначальномъ характерѣ всей нашей древней письменности, главную роль играли въ ней переводы твореній отцовъ церкви. Уже въ Святославовомъ сборникѣ (XI вѣкъ) встрѣчаются «Богословскіе вопросы и отвѣты» антіох. патріарха Анастасія Синаита† († 599) — родъ довольно обстоятельнаго катихизиса. «Точное изложеніе православной вѣры» св. Іоанна Дамаскина издревле пользовалось широкимъ распространеніемъ на Руси. Самостоятельными произведеніями русской богословской мысли были поученія, житія святыхъ, посланія пастырей и полемическія сочиненія. Богословской науки въ тѣсномъ смыслѣ не было, и за отсутствіемъ правильно организованнхъ школъ и быть не могло. Довольно полно изложены догматы вѣры въ «Просвѣтителѣ» Іосифа Волоцкаго и «Истинны показаніи» Зиновія Отенскаго (XVI в.). Первый написанъ противъ иудовствующихъ, второе — противъ ереси Феодосія Косого. Зиновій не ограничивается, подобно Іосифу, приведеніемъ цитатъ, но стремится къ раскрытію началъ христіанской философіи. Другія полемическія сочиненія назывались прѣзломъ представителей западнаго духовенства **). Потребность въ катихизисѣ особенно чувствовалась въ юго-западной Руси, которую историческія обстоя-

тельства привели въ постоянное и непосредственное соприкосновеніе съ католиками и протестантами Зап. Европы. За составленіе катихизиса взялся протоіерей Лаврентій Зпзаній (Куколю) который представилъ свой трудъ на разсмотрѣніе моск. патріарха Филарета; онъ былъ напечатанъ въ Москвѣ (въ 1627 г.), но въ обращеніе не былъ выпущенъ. Катихизисъ полоцкаго архіепископа Мелетія Смотрицкаго оказался латинскимъ, и самъ Мелетій перешелъ въ унию. Въ 1640 г. кievскій митрополитъ Петръ Могила представилъ на разсмотрѣніе кiev. собора катихизисъ, составленный игуменомъ Ісаіею Трофимовичемъ Козловскимъ, но извѣстный подъ именемъ «Православнаго Исповѣданія» Петра Могилы. Одобренный соборомъ, катихизисъ этотъ отправленъ былъ, для проверки и исправленія, константинопольскому патріарху Паренію. Пересмотрѣнный и дополненный на яскомъ соборѣ 1643 г., онъ былъ одобренъ Пареніемъ, но, вслѣдствіе смутъ въ константинопольскомъ патріархатѣ, напечатанъ былъ въ Амстердамѣ, на греч. языкѣ, лишь въ 1662 г. По отзыву архіеп. Филарета (Гумилевскаго), въ катихизисѣ этомъ «есть нѣсколько мнѣній схоластики, но очень удачныхъ, напр., о формѣ и матеріи таинства, о твореніи душъ». Краткій катихизисъ Петра Могилы: «Собораніе короткой науки о артикулахъ вѣры православной-каволической христіанской», появившійся сначала на польскомъ яз., потомъ на русскомъ (Кіевъ, 1648), предназначался, между прочимъ, для употребленія въ школахъ; въ 1649 г. этотъ катихизисъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, напечатанъ былъ, съ благословенія моск. патріарха Іосифа, въ Москвѣ. Въ 1696 г. пространное «Исповѣданіе» было съ амстердамскаго изданія переведено и издано въ Москвѣ; позднѣйшія изданія принадлежатъ протоіерею П. А. Алексѣеву (М., 1769 и 1781). «Православное Исповѣданіе» Петра Могилы явилось первою символическою книгою восточной церкви. Въ кievскую академию, учрежденную, въ 1681 г., стараниями Петра Могилы, цѣлкомъ перенесена была схоластика, господствовавшая еще тогда въ запад. богословскихъ школахъ. Въ готовыя формы зап. науки кievскіе богословы вставляли догматы правосл. церкви, при чемъ имъ не всегда удавалось отрѣшиться отъ католическихъ вліяній. Учебники, ими составляемые, имѣли видъ отдѣльныхъ трактатовъ, лишенныхъ внутренней связи. Каждый богословъ старался превзойти другихъ диалектическими тонкостями и безплодными подраздѣленіями; обращалось вниманіе не столько на силу аргументовъ, сколько на правильность ихъ расположенія и на ихъ количество; при полномъ отсутствіи критики, пользовались средневѣковыми сказаніями, апокрифами, свидѣтельствами свилъ и т. п. источниками. Въ учебникахъ преобладалъ духъ строгого полемизма; раскрытію ученія положительнаго отводилось мало мѣста. Наибольше сильными полемистами кievской академіи были Іоанниій Голытовскій и Адамъ Зерникавъ, оставившіе трактаты противъ латинянъ объ исхожденіи св. Духа. Кievская ученость въ перенесена была Симеонъ Полоцкимъ въ Мо-

*) Исторія науки въ Россіи до сихъ поръ не была лѣтѣмъ разработана полностью, а потому въ предлагаемыхъ очеркахъ, по необходимости краткихъ, могутъ встрѣтиться пробѣлы, которые, впрочемъ, отчасти пополняются біографіями отдѣльныхъ научныхъ дѣятелей.

**) Для выясненія уровня богословскихъ знаній въ Москвѣ въ первой половинѣ XVIII в. интересны изданіе А. Голубцовымъ «Памятнику преній о вѣрѣ, возникшихъ по дѣлу королевицы Вольдемара и царевны Ирины Михайловны» (М., 1892).

ску, но тамъ латинскій отънокъ кievскаго богословствованія вызвалъ протестъ и послужилъ источникомъ многолѣтнихъ споровъ. Противъ «Вѣда вѣры» Симеона Полоцкаго выступилъ Епифаній Славинскій, также кievскій ученый, но до-могилянскаго періода, когда въ юго-западныхъ братскихъ школахъ господствовало греч. образованіе. Въ видахъ противодѣйствія кievскому вліянію, во вновь учрежденной типографской школѣ (1679 г.) введено было греч. образованіе; такой же характеръ приданъ былъ открытой вслѣдъ затѣмъ законопасской академіи, въ которую приглашены были преподавателями греки—братья Лихуды. Эти ученые прибыли въ Москву въ 1685 г., когда велся ожесточенный споръ о времени пресуществленія даровъ ученикомъ Полоцкаго, Сильвестромъ Медвѣдевымъ, и Евимисомъ, ученикомъ Епифаніемъ. Лихуды приняли сторону послѣдняго; Сильвестръ написалъ противъ нихъ книгу: «Манна хлѣба животнаго», а Лихуды отвѣчали ему въ «Акосѣ или врачеваніи отъ угрызенія змѣиныхъ» и въ «Диалогахъ грека къ нѣкому иезуиту». Іезуиты, жившіе въ Москвѣ, поддерживали Сильвестра; послѣдній былъ осужденъ на соборѣ (1689 г.) и долженъ былъ отречься отъ своихъ мнѣній, а іезуиты изгнаны были изъ Москвы. На соборѣ 1690 г. «хлѣбопоклонническая» ересь предана проклятію и запрещено читать многія малоросс. книги, а также сочиненія Полоцкаго. При Петрѣ I распространителемъ кievской учености, болѣе разносторонней, чѣмъ московская, былъ Стефанъ Яворскій. Около того же времени въ самой кievской академіи произошла реакція противъ схоластики. Творцомъ новаго направленія явился Оеофанъ Прокоповичъ. Онъ ввелъ въ богословіе новый методъ протестантской науки, въ основу котораго положено филологическое и историческое изученіе Св. Писанія и первоисточниковъ древности. Оеофанъ первый отдѣлилъ догматику отъ нравственнаго богословія и положилъ твердое начало догматикѣ, какъ систематической наукѣ. Свою догматическую систему онъ дѣлитъ на двѣ части: въ первой излагается ученіе о Богѣ, единомъ по существу и троякомъ въ лицахъ, во второй—ученіе о Богѣ въ его дѣйствіяхъ. Трудъ Оеофана былъ законченъ, согласно его плану, кiev. митрополитомъ Самуиломъ Миславскимъ («Theophani Prokhorovitz theologia dogmatica», Лпц., 1782 и 1792). Катихизисъ Оеофана издалъ Георгій Конисскій съ прибавленіями («Христiанское ученіе о Богѣ, о Промыслѣ, о законѣ, Могилевъ, 1761»). Въ началѣ XVIII в. русская церковь вела борьбу противъ католицизма—съ одной, противъ протестантизма—съ другой стороны. Стефанъ, возражалъ протестантамъ, подпалъ подъ власть католическихъ авторитетовъ; Оеофанъ, ополчаясь на католицизмъ, поддался вліянію своихъ протестантскихъ руководителей. Важнѣйшій трудъ Стефана—«Камень вѣры» (М., 1728)—направленъ противъ протестантовъ, у которыхъ были послѣдователи среди ремесленныхъ людей и стрѣльцовъ. Вся полемическая часть книги отличается большими достоинствами. Іезуитская пропаганда распространяла сочиненіе Сте-

фана въ латинскомъ переводѣ (разумѣется, съ пропусками) по протестантскимъ землямъ. Положительная часть слабѣе и носитъ слѣды вліянія католическихъ писателей; статьи объ оправданіи, о благихъ дѣлахъ, о заслугахъ сверхъ-требуемыхъ, о необходимости смертной казни для еретиковъ заимствованы, съ немногими измѣненіями, изъ Беллармина, Бекана и др. іезуитскихъ богослововъ. Оеофанъ явился въ своей богословской системѣ блистательнымъ антагонистомъ католиковъ въ ученіи о преданіи, объ исхожденіи св. Духа и объ оправданіи добрыми дѣлами; но его статья о Св. Писаніи, въ предисловіи къ богословской системѣ, вся заимствована отъ протестантовъ. Въ церкви Оеофанъ видитъ только совокупность лицъ, соединившихся ради пользы; идея органическаго цѣлаго, духовнаго тѣла у него исчезаетъ. Цѣлые отрывки изъ писателей западныхъ, воспроизводимые въ «Камнѣ вѣры», въ системѣ Оеофана выставлены какъ *inertae opinionēs*; наоборотъ, въ «Камнѣ вѣры» мнѣнія Оеофана опровергаются какъ нареканія противниковъ православной церкви. Между обоими руководителями русской богословской науки возгорѣлась полемика. Въ 1729 г. Оеофанъ напечаталъ въ Іенѣ, подъ видомъ посланія протестантскаго богослова Буддея къ другу, въ Москву, критику на «Камень вѣры», въ которомъ Яворскій обвинялся въ католицизмѣ. Въ Россіи явился отвѣтъ на письмо Буддея, написанный доминиканцемъ Рибейроу, состоявшимъ при исп. послѣ въ Петербургѣ. Приверженецъ Яворскаго, Оеофилактъ Лопатинскій, написалъ Апокрисисъ на письмо Буддея. Въ «Молотѣ на Камень вѣры» Яворскій прямо называется іезуитомъ, поборникомъ папскаго духа въ Р. Противъ соч. Оеофана: «Распри Павла и Петра о игѣ неудобобосимомъ»—въ которомъ, по словамъ архіеп. чирниговскаго Филарета, «многое не договорено, что необходимо было сказать, чтобы не быть ученикомъ Лютера»,—Оеофилактъ написалъ книгу: «Объ игѣ Господнемъ благомъ». Въ преподаваніи богословія первоначально господствовало направленіе Яворскаго, упрощенное лекціями Оеофилакта Лопатинскаго въ моск. академіи. Опыты догматической науки составлялись въ духѣ умѣренно-схоластическомъ, безъ отдѣленія догматики отъ нравственнаго богословія. Таковы лекціи архимандрита Сильвестра Кулябки, читанныя въ кiev. академіи въ 1741—46 гг. («Compendium orthodoxae Theologiae doctrinae», Лпц., 1786), преподавателя колоссенской семинаріи Іакинфа Карпинскаго, проф. каз. акад. архим. Сильвестра Лебединскаго. Переходъ къ направленію Оеофана представляютъ собою еще не чуждыя схоластики лекціи Кирилла Флоринскаго въ моск. акад. (1739—1740): «Богословіе положительное и полемическое». Послѣ Флоринскаго система Оеофана получаетъ преобладаніе. Она служила для преподаванія въ академіяхъ еще въ первой половинѣ XIX в.; по ее образцу составлены лекціи Георгія Конисскаго (въ кievской академіи, 1751—55 гг.), Оеофилакта Горскаго (въ моск. акад., 1769—74 гг.), Иринѣя Фальковского (въ кiev. акад., 1795—1804 гг.),

впервые введенная въ составъ догматики статьи о церкви дозаконной и подзаконной, о церкви благодатной, о іерархіи, о соборахъ. Особенно важна система Горскаго, вводящая въ составъ догматики нѣкоторые предметы нравственнаго богословія. Составленная по Буддею и Шуберту, она не свободна отъ протестантскихъ воззрѣній. Крупнымъ событіемъ было появленіе догматическихъ системъ на русскомъ языкѣ, способствовавшее выработкѣ богословской терминологіи. Таковы «Сокращенная христіанская богословія» (СПб., 1765), митроп. Платона (Левшина); «Догматическая богословія» (СПб., 1783), архим. Макарія (Петровича); «Христіанская богословія» (М., 1806), іером. Ювеналія (Медвѣдскаго). Сочиненіе митроп. Платона состоитъ изъ трехъ частей; собственно догматикѣ посвящена вторая часть; первая трактуетъ о естественномъ богопознаніи, а третья содержитъ нравственное христіанское ученіе. Митроп. Платонъ составилъ также нѣсколько катихизисовъ, между прочимъ катихизисъ для священнослужителей (М., 1775). Въ богословіяхъ митроп. Платона и архим. Макарія замѣтно еще, отчасти, вліяніе протестантскихъ источниковъ; слѣды этого вліянія моск. митрополитъ Филаретъ находилъ и въ катихизисахъ Платона. Соч. св. Тихона: «О истинномъ христіанствѣ» отводитъ много мѣста общедоступному выясненію догматовъ вѣры; изъ ученій того же святителя св. синодъ составилъ «Наставленіе о собственныхъ каждого христіанина должностяхъ» (СПб., 1789), явившееся первымъ въ Р. опытомъ отдѣльнаго систематическаго изложенія нравственнаго богословія. Къ началу XIX ст. относится большой и малый катихизисы, составленные митроп. Филаретомъ и одобренные св. синодомъ. Въ послѣдующихъ изд. большого катихизиса исправлены мѣста объ источникахъ православнаго вѣроученія и нѣкот. др., возбуждавшія въ прежней своей редакціи подозрѣніе въ протест. тенденціи. Окончательное вытѣсненіе латыни изъ преподаванія богословія относится къ концу царствованія Александра I. Уставъ академій и семинарій 1814 г., вмѣстѣ съ ранѣе изданнымъ конспектомъ догматическихъ наукъ (1812 г.), стремились къ направленію русск. богословской науки на путь самостоятельнаго развитія. Ту же цѣль преслѣдовали правила касательно преподаванія семинарскихъ наукъ, изданныя св. синодомъ въ 1840 г. Подъ вліяніемъ этихъ мѣропріятій явились «Догматическое изложеніе ученія вѣры правосл. церкви», П. М. Терновскаго (М., 1828, 1839 и 1841) и «Догматическое богословіе православной католической восточной церкви, съ присовокупленіемъ общаго введенія въ курсъ богословскихъ наукъ», архим. Антонія (Кіевъ, 1848). Въ своемъ соч. «Православно-догматическое богословіе» (1849—53) митроп. Макарій совершенно выдѣлитъ изъ догматики предварительныя общія вопросы о началахъ богословія и посвятить имъ отдѣльное сочиненіе, подъ загл.: «Введеніе въ православное богословіе» (1855). Съ особенною полнотою изложены митр. Макаріемъ тѣ догматы, которые составляютъ отличительную

черту православнаго вѣроученія и отвергаются или иначе понимаются въ другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданіяхъ, напр. ученіе о вѣчномъ происхожденіи Св. Духа отъ Бога Отца, о семи таинствахъ церкви, о почитаніи и призваніи на помощь ангеловъ и святыхъ, о молитвѣ за умершихъ. Послѣ Макарія,—говоритъ архіеп. Иннокентій (Борисовъ),—«иностранный богословъ не можетъ сказать, что въ восточной церкви привычки вѣровать въ свои мнѣнія безотчетно». Другой виднѣйшій русскій догматистъ, архіеп. черниг. Филаретъ (Гумилевскій), стремился къ разработкѣ догматики съ точки зрѣнія запросовъ современной жизни. Его «Православное догматическое богословіе» (Черн. 1864), писано, по словамъ автора, «не безъ вниманія къ мнѣніямъ германскаго рационализма»; для борьбы съ послѣднимъ онъ считаетъ необходимымъ показать единство ученія Христова и ученія апостоловъ и непрерывность догмата, т. е. внести въ догматику элементъ исторической *). Другое нововведеніе догматики архіеп. Филарета касается вопроса о значеніи для догматиста богослова соображеній разума. Митроп. Макарій отводитъ имъ второстепенное мѣсто и не видитъ въ нихъ необходимости; архіеп. Филаретъ возлагаетъ на догматиста-богослова обязанность слѣдить за современнымъ развитіемъ естественныхъ наукъ и указывать, «что основательныя новѣйшія изслѣдованія согласны съ показаніями откровенія». Болѣе общую формулировку даетъ тѣмъ же взглядамъ третій выдающийся русск. догматистъ, еписк. казевскій Сильвестръ. Въ своемъ «Опытѣ православнаго догматическаго богословія, съ историч. изложеніемъ догматовъ» (Кіевъ, 1884—86) онъ стремится къ раскрытію субъективно-психологическаго значенія догматовъ. Для Макарія догматъ есть нѣчто, извнѣ на чело вѣка налагаемое; для епископа Сильвестра догматъ, сверхъ того,—нѣчто самимъ человекомъ желаемое, какъ согласное съ существенными требованіями его природы, какъ основа и норма религиозно-нравственной жизни. Задача догматиста, по словамъ еписк. Сильвестра,—выяснить духъ и силу догмата и выразить его въ формулѣ, соответствующей современнымъ представленіямъ. Въ выполненіи этой задачи руководителемъ его можетъ быть только «духъ истины, живо и непосредственно присущій религиозному сознанию вселенской церкви и всегда нераздѣльный съ его природою. Храпа сущность догматовъ, церковь въ каждый моментъ своего существованія понимаетъ ихъ наилучшимъ образомъ и представляетъ въ формѣ, самой пригодной для современныхъ условій жизни». Что касается системы догматики, то епископъ Сильвестръ, подобно архіепископу Филарету, возвращается къ дѣленію Теофанову и дѣлитъ догматику на ученіе о Богѣ въ Самомъ Себѣ и на ученіе о Богѣ въ явленіи Его тварямъ. Положительному ученію о Богѣ онъ, также подобно Теофану, предпосылаетъ, въ видѣ пред-

*) Импѣ дѣйствующій уставъ духовныхъ академій прямо требуетъ преподаванія догматики вмѣстѣ съ исторіей догматовъ.

варительныхъ догматическихъ истинъ, учение о бытіи Божіемъ и о Богопознаніи.

Помимо авторовъ трехъ названныхъ руководствъ, духовныя академіи въ теченіе XIX стол. насчитывали въ средѣ своихъ профессоровъ догматики нѣсколько выдающихся догматистовъ, лекціи которыхъ остались въ рукописи или напечатаны лишь въ отрывкахъ. Таковы, напр., архіеп. Иннокентій, который впервые ввелъ въ кiev. академіи исторію догматовъ; большой знатокъ какъ первоисточниковъ православнаго вѣроученія, такъ и западной богословской литературы, преимущественно протестантской, онъ любилъ проникать въ глубину христіанской и философской мистики и черпать отсюда матеріалы для своихъ религіозно-поэтическихъ мечтаній, за что и заподозрѣвъ былъ въ неологизмъ; архіеп. черниг. Филаретъ укоряетъ его въ «легкости мыслей», приведшей къ «самымъ страннымъ ошибкамъ, мѣтніямъ и догадкамъ, оскорбительнымъ для св. вѣры». Замѣчательны, далѣе, лекціи еп. смол. Іоанна (Соколова), читанныя имъ въ спб. и казан. академіяхъ; каждый предметъ онъ развивалъ сначала чисто-умозрительнымъ путемъ, а затѣмъ уже полученный результатъ прилагалъ къ откровенному ученію, указывая, что въ послѣднемъ нѣтъ ничего противнаго разуму. Ему предшествовалъ въ кiev. академіи на кафедрѣ догматическаго богословія архим. Феодоръ Бухаревъ, производившій сильное впечатлѣніе на своихъ слушателей пламенностью своей вѣры, мягкостью и сердечностью общаго своего міровоззрѣнія. Тѣмъ же нравственнымъ свойствомъ, съ огромною историческою и библиографическою ученостію отличаются лекціи догматическаго богословія (въ моск. академіи) А. В. Горскаго († 1875); онъ допускалъ въ извѣстной мѣрѣ понятіе развитія церковныхъ догматовъ. Преподаваніе богословія въ семинаріяхъ, университетахъ и др. высшихъ учебныхъ заведеніяхъ привело къ появленію краткихъ руководствъ и общихъ обзоровъ догматики, напр.: «Православно-христіанское вѣроученіе», еп. Іустина (Херс., 1884—87); «Правосл. догматическое богословіе», Малиновскаго (Харьк. 1895), «Правосл. догматическое богословіе», прот. А. Рудакова (СПб., 1876). Установленіе для профессоровъ академій обязательнаго представленія диссертаций вызвало рядъ монографій, относящихся главнымъ образомъ къ патристикѣ и исторіи догматовъ. Наиболѣе выдающіяся монографіи принадлежатъ Катанскому («Догматическое учение о семи церковныхъ таинствахъ въ твореніяхъ древнѣйшихъ отцовъ-писателей церкви до Оригена включ., СПб., 1877), Елеонскому («Ученіе Оригена о божествѣ Сына Божія и Духа Святаго», СПб., 1879), Вологову («Ученіе Оригена о св. Троицѣ», СПб., 1879), Глубоковскому («Блаж. Теодоритъ, еп. Кирскій», М., 1890; «Обращеніе Савла и евангеліе апостола Павла», СПб., 1896), Будригу (объ атитринитаріяхъ XVI в.), Иванцову-Платонову, Садову, Несмѣлову, Миросницкому, Мартынову. Множество догматическихъ разъясненій разсыяно въ словахъ и поученіяхъ митроп. моск. Филарета (ср. А. Городковъ, «Догматическое богословіе по со-

чиненіямъ Филарета, митр. моск.», Каз., 1887), архіеп. Иннокентія (Борисова), архіеп. Никанора (Бровковича) и др. Послѣдній особенно извѣстенъ своими апологетическими трудами, направленными къ огражденію истинъ, возвышеннымъ откровеніемъ, отъ нападокъ со стороны разныхъ философскихъ и естественно-научныхъ направленій. Тѣ же задачи преслѣдуютъ Ѳ. А. Голубинскій (лекціи по «Умозрительному богословію», 2 изд., М., 1886), и В. Д. Кудрявцевъ - Платоновъ («Исслѣдованія и статьи по естественному богословію», Сергіевъ-Посадъ, 1892 — 93). Соч. Голубинскаго: «Премудрость и благодать Божія въ судьбахъ міра и человѣка. О конечныхъ причинахъ» (нов. изд. М., 1894), не представляя собою системы догматики, даетъ довольно полное и цѣлостное изложеніе православнаго христіанскаго ученія. Аналогичный характеръ имѣетъ соч. А. Д. Вѣляева: «Любовь божественная. Опытъ раскрытія главнѣйшихъ христіанскихъ догматовъ изъ начала любви божественной». О руководствахъ и трудахъ по частнымъ богословскимъ наукамъ, входящимъ въ курсъ преподаванія духовныхъ академій, см. Правственное богословіе (XXI, 408), Обязательное (XXI, 520), Основное (XXII, 295), Пастырское богословіе (XXII, 946), Патристика (XXIII, 20), Литургика (XVII, 837), а также Виблейская археологія (III, 665), и исторія (III, 672), герменевтика (VIII, 536), гомилетика (IX, 161). Въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ существуетъ еще кафедра исторіи и обличенія русскаго раскола; Н. И. Ивановскимъ издано соотвѣтствующее «Руководство» (Казань, 1886—87). О церковной исторіи и церковномъ правѣ см. ниже.

Помимо официальной богословской науки, и свѣтскіе люди, не причастные къ духовнымъ академіямъ, писали у насъ по предметамъ богословскимъ. По времени первые опыты въ этомъ родѣ принадлежатъ раскольниковской литературѣ (XXVI, 308) и еретической мистической литературѣ начала XIX в. (Лавшинъ, Лопухинъ, Гамалѣя). Въ духѣ православія писали А. Стурдза («Учебная книга правосл. христіанна», Од., 1849) и А. Муравьевъ («Письма о богослуженіи Вост. кахол. церкви», СПб., 1836; «Изложеніе Символа Вѣры Правосл. Кахол. церкви», СПб., 1838 и мн. др.). Стурдза взялъ на себя задачу распространенія правильныхъ свѣдѣній о правосл. церкви въ Зап. Европѣ, но, по словамъ архіеп. черниг. Филарета, «ни одно сочиненіе столько не унизило правосл. церкви во мнѣніи Запада, какъ разсужденія непривзаннаго философа и полемиста». Сочиненія Муравьева были первыми на русскомъ языкѣ книгами духовнаго содержанія, получившими распространеніе среди высшаго русскаго общества, но научное значеніе ихъ весьма невелико. Большое значеніе имѣлъ А. С. Хомяковъ. Онъ исходилъ изъ того положенія, что церковь Христова, каеолическая, вселенская, едина, и что она обладаетъ истинною безо всякой лжи. «Церковь принадлежитъ всему міру, а не какой-либо мѣстности; ею святятся все чело-вѣчество, а не одинъ какой-нибудь народъ».

Церковь, по Хомякову, совпадает съ православіемъ, которое осуществляетъ всю полноту Христова ученія. Католичество, въ своемъ историческомъ развитіи, осуществляло единство церкви въ ущербъ индивидуальной свободѣ; протестанство развило индивидуальную свободу, но утратило всякое единство; въ православіи церковь является какъ «синтезъ единства и свободы въ любви». Въ связи съ Хомяковымъ слѣдуетъ отмѣтить Ю. О. Самарина и его замѣчат. соч. о Стефанѣ Яворскомъ и Феофанѣ Прокоповичѣ. Идея универсальнаго единства церкви, хотя и съ иными выводами, получила дальнѣйшее развитіе у Вл. С. Соловьева, который поставилъ также вопросъ о догматическомъ развитіи церкви (ст. Православіе, XXIV, 927). Онъ написалъ «Чтенія о Богочеловѣствѣ» («Православное Обзорніе», 1878—81 гг.), «Духовныя основы жизни» (3 изд. 1897) и др. Ср. Н. С., «Указатель русскихъ книгъ и брошюръ по богословскимъ наукамъ съ 1801 по 1883 г.» (М., 1891), и указатели, приведенные въ ст. Библиографія (III, 746).

2) Математика. Эпоха письменныхъ памятниковъ застаётъ въ Россіи употребленіе десятичной системы счисления въ предѣлахъ 1 — 10000 (тыся) и дробей двоячной системы вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими простѣйшими дробями въ родѣ $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{5}$ и ихъ подраздѣленіями по двоячной системѣ. Вмѣстѣ съ церковно-славянскимъ алфавитомъ русскіе получили отъ греко-болгарскаго духовенства письменное счисленіе по методу обозначенія кратныхъ единицъ разрядовъ особыми знаками въ тѣхъ же предѣлахъ 1—10000, которые имѣли и сами русскіе. Скоро затѣмъ не замедлила обнаружиться и національная склонность русскаго народа къ разработкѣ математики въ ариѳметич.-алгебраическомъ направленіи. Русскіе «числолюбцы» стали переходить въ развитіи счисления за предѣлы, устанавливаемые потребностями обыденной жизни. Новгородскій монахъ Кирикъ, написавшій въ 1134 г. сочиненіе о хронологическихъ и пасхальныхъ вычисленіяхъ, доводитъ подраздѣленія по пятиричной системѣ до единицы 7-го разряда, т. е. до дроби $\frac{1}{78125}$. Счисленіе въ XII в. распространилось до 10000000 и въ XIII—XVI вв. постепенно до единицы разрядовъ 13-го, 48-го, 49-го и, наконецъ, 50-го, а двоячныя дроби, употребляемыя въ до-Петровскую эпоху въ мѣрахъ земельныхъ и зерновыхъ хлѣбовъ, до единицы 10-го разряда, т. е. до дроби $\frac{1}{1024}$. Въ письменномъ счисленіи русскіе стали помѣщать знакъ соотвѣствующаго числа разряда единицы въ кружкахъ и фигурахъ различнаго вида, выражающихъ другіе разряды. Русская дѣятельность въ области науки чиселъ проявилась также въ рѣшеніи задачъ, съ древняго времени и до нашихъ дней находящихся въ общеніи между русскими крестьянами и принадлежавшихъ часто къ рѣшенію уравненій 1-й степени съ однимъ неизвѣстнымъ, или къ неопредѣленному анализу. Средствомъ рѣшенія этихъ и подобныхъ имъ задачъ былъ методъ попытокъ. Слѣды занятій русскихъ геометріею являются впервые въ рукописяхъ по землемѣрію XVI в. При-

емы опредѣленія площадей земельныхъ участковъ не шли выше дожнаго ученія о равенствѣ площадей фигуръ при равенствѣ ихъ периметровъ. Въ дальнѣйшемъ движеніи математическихъ знаній все вниманіе было обращено на ариѳметику, изъ геометріи же заимствовались только немногія свѣдѣнія, нужныя для землемѣрія. Начавъ съ пасхалии, хронологическихъ вычисленій и нужныхъ для нихъ частей ариѳметики, русскіе, наконецъ, достигли въ своихъ ариѳметическихъ рукописяхъ XVII в. полноты изложенія, одинаковой съ оригиналами, преимущественно германскими учебниками XV и XVI вв., при посредствѣ которыхъ также перешла въ Р. индусская система письменнаго счисления. Въ упомянутыхъ рукописяхъ разсматривались: нумерация, четыре основныя дѣйствія надъ цѣлыми числами, счетъ костями (въ Западной Европѣ счетными пфеннигами или жетонами), употребленіе счетовъ, русская и иностранная метрологія, дѣйствія надъ именованными числами, дроби и дѣйствія надъ ними, тройныя правила, дѣловая статья (пропорціональное дѣленіе), статья о ростѣ, мѣна, правило товарищества, правило смѣшенія, правила ложныхъ положеній и собраніе задачъ увеселительнаго характера. Предметомъ же геометрическихъ рукописей XVII в. было землемѣріе и его географическія приложенія въ смыслѣ проведенія границъ между государствами и даже частями свѣта, доставленія данныхъ для рѣшенія вопросовъ о сравнительной величинѣ различныхъ государствъ и измѣренія постоянной между городами. Введенія въ рукописи, посвященныя геометріи, занимались, поэтому, разсужденіями на географическія темы въ такой степени, что могли-бы быть приняты за заимствованныя изъ рукописей, занимающихся географіею или даже космографіею въ духѣ Козмы Индикоплова. Въ нѣкоторыхъ землемѣрныхъ рукописяхъ XVII в. находится уже точные способы вычисленія площадей прямоугольнаго треугольника и прямоугольной трапеціи. Другими важными заимствованиемъ у иностранцевъ было извлеченіе квадратнаго корня и его приложеніе къ рѣшенію различныхъ землемѣрныхъ задачъ. Къ землемѣрію присоединялись еще и нѣкоторые другіе вопросы практической геометріи (разстояніе между двумя мѣстами, разстояніе мѣста отъ наблюдателя, высота предмета, опредѣленіе численности войска по занимаемому имъ мѣсту) и практической стереометріи (объемъ житницы и вмѣстимость бочекъ). Способы ихъ рѣшенія не могутъ быть, однако, отнесены къ области научной геометріи. Заимствовано изъ западно-европейскихъ источниковъ также извлеченіе кубическаго корня. До начала XVIII в. занятія русскихъ математическими науками происходили безъ всякаго вмѣшательства государства и исполнѣ согласовались съ особенностями національнаго умственнаго склада. Въ учрежденной въ 1701 г. въ Москвѣ школѣ математическихъ и навигацкихъ наукъ и въ другихъ основанныхъ позднѣе школахъ того же типа русскіе должны были заниматься геометріею въ меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ и ариѳметикою. Въ русской

учебной литературы, наряду съ «Арифметикой, сирѣчь наукою числительною» (1703), учителя школы математическихъ и навигацкихъ наукъ Магницкаго, появляется въ 1708 г. «Геометрія славенски землемѣтріе» или «Пріемы циркуля и линіики...», учебникъ не выходившій изъ предѣловъ того, что требовалось для изученія практической геометріи. Догматическій методъ изложенія, требовавшій только заучиванія наизусть правилъ и схемъ ихъ приложеній къ частнымъ примѣрамъ, узко-практическія цѣли преподаванія и насильственное привлеченіе къ изученію наукъ множества лицъ, не имѣющихъ къ этому ни малѣйшей склонности, все это не могло приготовить способныхъ къ самостоятельности работниковъ въ области чистой науки. За то приготовленіе дѣятелей-практиковъ удалось исполнить школъ математическихъ и навигацкихъ наукъ. Наблюденія и измѣренія, произведенныя вышедшими изъ школы геодезистами и гидрографами, доставили матеріалы для изданія въ 1726—34 гг. первой «Генеральной карты» всей Р. и перваго русскаго атласа, озаглавленнаго «Atlas Imperii Russici etc.» или въ русскомъ переводѣ «Атласъ Россійскаго Имперіи», состоящій изъ 14 картъ. Онъ остался неоконченнымъ по истощенію денежныхъ средствъ у предприняшаго его изданіе частнаго лица, Ивана Кирилова. Въ 1725 г. явилась спб. академія наукъ. При ней учреждены университетъ, въ которомъ академики должны были читать лекціи въ званіи профессоръ, и гимназія, назначенная для приготовленія будущихъ студентовъ. Преподавателями въ ней были частью лица, постороннія академіи, частью же студенты академическаго университета и рѣже адъюнкты. На обязанности академиковъ лежала еще и разработка каждымъ вопросовъ своего спеціальнаго предмета, результаты которой должны были сообщаться въ ученыхъ собраніяхъ академіи или въ «конференціяхъ». Первыми приглашенными изъ-за границы академиками и профессорами математики были прибывшіе въ СПб. въ 1725 г. Германнъ, Николай II Бернулли, Гольдбахъ, Даниилъ Бернулли, Майеръ и въ 1727 г. Эйлеръ. Академиками и профессорами физики были Бюльфингеръ (1725), Мартини (1725) и Краффтъ (1728) и механики—Лейтманнъ (1726). Въ 1728 г. вышелъ въ свѣтъ относящійся къ 1726 г. первый томъ ученаго органа академіи «Commentarii Academiae Imperialis Scientiarum Petropolitanae». Одновременно съ нимъ также вышло на русскомъ языкѣ «Краткое описаніе комментаріевъ академіи наукъ, часть первая на 1726 г.». Въ русскомъ изданіи была сдѣлана первая попытка русской научной терминологіи въ высшихъ частяхъ математики не только въ видѣ заимствованія латинскихъ терминовъ, но и въ видѣ ихъ замѣны русскими словами, напр. «De calculo integrali» (Германна), «О цѣлѣ Интегральномъ или цѣлственномъ», «De integrationibus aequationum differentialium etc.» (Иоанна Бернулли), «О вѣдѣлоприведеніяхъ равненій разнственныхъ», «Principia dynamica» (Вольффа), «Начала вѣдѣстительная». Такія крупныя научныя силы,

какъ Бернулли и въ особенности Эйлеръ, очень скоро доставили юной академіи выдающееся значеніе. Однако, до появленія въ изданіи академіи работъ русскихъ ученыхъ оно, какъ и само учрежденіе академіи, было только дѣломъ мѣпената, удѣляющаго часть своихъ матеріальныхъ средствъ на развитіе общечеловѣческой науки, разрабатываемой иностранцами. Такое положеніе ученый органъ акад. занималъ въ теченіе періода 1726—46 гг. Слишкомъ треть всѣхъ мемуаровъ по чистой и прикладной математикѣ въ этой серіи была посвящена аналитической механикѣ. Изъ чистой математики наиболѣе разрабатывались: аналитическая геометрія, ученіе о рядахъ и интегральное исчисленіе (дифференціальныя уравненія). Значительно меньшее число мемуаровъ приходилось на долю теоріи чиселъ, алгебры и синтетической геометріи и самое незначительное—на долю тригонометріи, варіаціоннаго исчисленія и особенно теоріи вѣроятностей и разностнаго исчисленія (по одному мемуару). Первая серія академическаго изданія состояла изъ 14 томовъ, вторая, подъ заглавіемъ «Novi Commentarii Academiae scientiarum Imperialis Petropolitanae», состояла изъ 20 томовъ и обнимала періодъ 1747—75 гг. Какъ содержащая въ себѣ труды первыхъ русскихъ ученыхъ, воспитанныхъ академическимъ университетомъ, Ломоносова—по физикѣ, Попова, Румовскаго, Иноходькова и Исленева главнымъ образомъ—по астрономіи и Котельникова—по разнымъ предметамъ, она знакомитъ насъ съ первыми работами шагами представителей русской науки. Первыми и единственными во всей серіи двумя трудами русскихъ ученыхъ по предмету высшей математики были: посвященный дифференціальному исчисленію мемуаръ Румовскаго «Solutio problematis cujusdam ad maxima minima pertinentis» (т. VIII на 1760 и 1761 гг., стр. 189—194) и относящійся къ ученію о рядахъ мемуаръ Котельникова: «Demonstrationes seriei

4.6.10.14.18.22 (4n—10)

2.3.4.5.6.7. (n—1)

exhibitae in recensione VI. Tomi VII Commentariorum A. S. P. P.» (т. X, на 1764 г., стр. 199—204). Котельникову принадлежали также первые русскіе ученые труды по аналитической механикѣ: «De aequilibrio virium corporibus applicatarum commentatio» (т. VIII, на 1760 и 1761 годы, стр. 286—303) и «De comoda acus declinatoriae suspensione dissertatiuncula» (тамъ же, стр. 304—312). Изъ иностранныхъ почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ академіи во второй серіи ея ученаго органа помѣстили мемуары по математическимъ наукамъ: Эйлеръ, Эпинусъ, Сегнеръ, Краффтъ, Иоаннъ и Даниилъ Бернулли, Кратценштейнъ, Винштеймъ, Лексель и Цейгеръ и по физикѣ—Браунъ, Рихманнъ, Цейгеръ, Эпинусъ и Эйлеръ. Какъ и въ первой серіи, вниманіе авторовъ мемуаровъ болѣе всего привлекала аналитическая механика, которую занималась почти $\frac{1}{4}$ всѣхъ мемуаровъ по математическимъ наукамъ. Изъ предметовъ чистой математики первое мѣсто по

числу посвященных им мемуаров (34 по каждому) занимали интегральное исчисление и теория чисел. Все мемуары по этим двум предметам, за исключением 5 по первому и 3 по второму, принадлежали Эйлеру. Слѣдующее мѣсто занимали ряды, алгебра и аналитическая геометрія; ниже стояли синтетическая геометрія, вариационное исчисление, теорія вѣроятностей и тригонометрія. Последнее мѣсто занимало дифференціальное исчисление (3 мемуара). Изъ предметовъ прикладной математики, кромѣ аналитической механики, разрабатывались, хотя и въ значительно меньшихъ размѣрахъ, практическая механика (16 мемуаровъ) и небесная механика (14). Изъ вопросовъ, разрабатываемыхъ въ мемуарахъ по интегральному исчислению, главное мѣсто, какъ и прежде, занимали относящіеся къ учению о дифференціальныя уравненій. За ними слѣдовали: интегрированіе функций и геометрическія приложения. Третья серія ученаго органа академіи, выходившая подъ заглавіемъ: «Acta academiæ scientiarum Imperialis Petropolitanae», обнимала періодъ 1777—82 гг. и состояла изъ 12 частей. Въ этой серіи—только одинъ мемуаръ русскаго Румовскаго по интегральному исчислению (1781, р. prior, p. 147—154). Къ иностраннымъ ученымъ теперь присоединились въ области математическихъ наукъ Николай Фуссъ, Платимани и Кондорсе и въ области физики—Георги. По числу мемуаровъ между математическими науками первое мѣсто, какъ и прежде, занимала аналитическая механика, при чемъ большинство относящихся къ ней работъ принадлежало Эйлеру. За нею слѣдовало интегральное исчисление, въ которомъ къ вопросамъ, разрабатываемымъ въ прежнихъ серіяхъ, присоединились еще опредѣленные интегралы, занявшие при томъ довольно видное мѣсто. Изъ предметовъ прикладной математики слѣдующее мѣсто за аналитической механикою заняла теперь небесная механика, а уже за нею практическая. Четвертую серію ученаго органа академіи составляли «Nova Acta academiæ scientiarum Imperialis Petropolitanae», обнимавшіе періодъ 1783—1802 гг. и состоявшие изъ 15 томовъ. Изъ русскихъ математическихъ работъ помѣщены: Румовскаго по учению о рядахъ (т. VI) и по интегральному исчислению (т. XI и XII), Кононова по аналитической механикѣ «De motu coniplicis in altum sponte ascendenti» (т. VII), Гурьева по аналитической геометріи «Mémoire sur la résolution des principaux problèmes qu'on peut proposer dans les courbes dont les ordonnées partent d'un point fixe» (т. XII), по вариационному исчислению «Essai de démontrer rigoureusement un théorème fondamental des équations de condition de la différentielle des fonctions à plusieurs variables, et du calcul des variations» (т. XIII), по дифференціальному исчислению «Observations sur le théorème de Taylor, avec sa démonstration par la méthode des limites...» и приложения (т. XIV) и Висковатова «Essai d'une méthode générale pour réduire toutes sortes de séries en fractions continues» (т. XV). Смерть Эйлера въ 1783 г. и Данила Бернулли, не смотря даже

на то, что мемуары перваго продолжали появляться во всѣхъ томахъ четвертой серіи и пятой (XI томовъ), подъ заглавіемъ: «Mémoires de l'académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg» (периодъ 1803—22 гг.), низвели органъ академіи съ одного изъ первостепенныхъ мѣстъ до мѣста, не возвышающагося надъ среднимъ уровнемъ. Черты національнаго умственнаго склада сохранились и въ перечисленныхъ выше первыхъ трудахъ русскихъ ученыхъ по чистой математикѣ. Все они, какъ относящіеся къ анализу бесконечно-малыхъ и къ учению о рядахъ, принадлежали арифметическо-алгебраическому направлению. Самостоятельныя работы русскихъ ученыхъ въ области высшихъ частей геометріи начались съ аналитической геометріи, къ которой и относился названный выше мемуаръ Гурьева. Еще большее значеніе, въ смыслѣ выраженія начала самостоятельности русскихъ въ высшей геометріи, имѣлъ трудъ Гурьева: «Опытъ о усовершенніи элементовъ геометріи» (СПб., 1798). Особеннымъ вниманіемъ автора въ этомъ трудѣ пользовался методъ предѣловъ и его приложения къ геометріи. Почти одновременно съ Гурьевымъ и независимо отъ него занимался усовершенствованіемъ метода предѣловъ магистръ московскаго университета Александръ Барсовъ въ вышедшей въ 1797 г. книгѣ «Новая алгебра, содержащая въ себѣ не только простую аналитику, но также дифференціальное, интегральное и вариационное исчисленія» (Москва). До открытія академіи наукъ, кромѣ упомянутыхъ уже учебниковъ арифметики и геометріи, можно указать еще на одно сочиненіе того же рода именно на «Науку статическую или механику» (СПб., 1722) Скорнякова-Писарева. Первымъ изъ русскихъ переводчиковъ и компиляторовъ былъ Адоуровъ. Кромѣ переводовъ математическихъ мемуаровъ изъ перваго тома «Commentariolum» ему принадлежатъ переводы сочиненій Краффта: «Краткое руководство къ познанію простыхъ и сложныхъ машинъ» (СПб., 1738) и Эйлера «Руководство къ арифметикѣ. Часть первая» (СПб., 1740). Много переведенныхъ имъ же популярныхъ статей напечатаны въ издаваемыхъ академіею «Вѣдомостяхъ» и въ «Примѣчаніяхъ» къ нимъ. Лѣкаремъ Иваномъ Сатаровымъ были переведены на русскій языкъ «Эвклидовы элементы изъ двенадцати нефоновыхъ книгъ выбранныя, и въ осемь книгъ чрезъ профессора математикъ Андрея Фархварсона сокращенныя» (СПб., 1739) и «Архимедовы Теоремы, Андреемъ Таккетомъ еввитомъ выбранныя, и Георгіемъ Петромъ Доминіо сокращенныя» (СПб., 1745). Для распространенія въ русскомъ обществѣ знаній въ популярной формѣ академія предпринимала въ разное время, начиная съ 1723 г., отдѣльные періодическія изданія. Первымъ ихъ видомъ (по 1742 г.) были «Примѣчанія на Вѣдомости». Чистая математика представлялась въ нихъ только статьями историческаго характера. Замѣчательныя статьи Эйлера «О задачѣ Quadratura Circuli» (1729), «О тризвѣнн ангула» (тогда же) и «О дубликаціи, усугубленіи Кубуса» (тогда же). Значительное мѣсто занимала исто-

рія предмета по механикѣ: «О часахъ съ висѣющимъ маятникомъ» (1728, № VIII) и «О перпетуо мобилѣ, непремѣнномъ или непрестанномъ движеніи» (1729). Слѣдующими періодическими изданіями академіи того же рода были въ 1755—57 гг. «Ежемесячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащихъ», въ 1758—62 гг. «Сочиненія и переводы къ пользѣ и увеселенію служащихъ», въ 1763—64 гг. «Ежемесячныя сочиненія и извѣстія о ученыхъ дѣлахъ», въ 1779—81 гг. «Академическія Извѣстія» и въ 1786—96 гг. «Новыя ежемѣсячныя сочиненія». Математическимъ наукамъ въ этихъ изданіяхъ были посвящены статьи: «О пользѣ высшей математики въ общей жизни» Гришова и Пейгера (1757), «Исторія о Математикѣ» (1779—81), переводъ сочиненія Монтьюкла, сдѣланный П. Богдановичемъ и остановившійся на 5-й части III-й книги; «Объ Александрійскомъ училищѣ» П. Иноходцова (1787—88); «Письмо о изобрѣтеніи счета чиселъ» (1787). По механикѣ статьи: «О новоизобрѣтенной водяной машинѣ» (1759); «Описаніе пильной машины, дѣйствующей конской силою, сдѣланной въ Тобольскѣ О. И. Соймоновымъ» (1763) и «Разсужденіе о машинахъ», проф. Пейгера (1764). Съ 1774 г. популяризаціей знаній стали заниматься періодическія изданія частныхъ лицъ, не отличавшіяся, впрочемъ, продолжительностью существованія. Еще съ 1752 г. ушло изъ рукъ академіи первенствующее значеніе въ дѣлѣ составленія и изданія учебныхъ книгъ по математическимъ наукамъ. Новыми дѣятелями въ этой области явились частью лица, воспитавшіяся въ морскихъ и военныхъ школахъ, частью же въ новоучрежденномъ въ Москвѣ университетѣ. Первые учебники алгебры были «Начальное основаніе математики, сочиненное Николаемъ Муравьевымъ, капитанъ-поручикомъ отъ инженерова» (СПб., 1752) и «Универсальная ариметика» (1757) Николая Курганова «морского шляхетнаго кадетскаго корпуса подмастерья, ранга подпоруческаго». Кургановымъ были составлены также учебники по ариметикѣ и геометріи. Московскіе ученые: проф. московск. ун-в. Аничковъ и артиллерій штыкъ-юнкеръ Ефимъ Войтаховскій составили и многократно переиздали учебники по всѣмъ предметамъ элементарной математики: первый, начиная съ 1764 г., и второй — съ 1787 г. Первыми учебниками по анализу безконечно-малыхъ были «Сокращеніе вышней математики» учителя математики и физики въ учительской гимназіи Петра Гиларовскаго и упомянутая уже выше книга Барсова. Много популярныхъ статей помѣщалось въ періодическихъ изданіяхъ, произносили рѣчи профессора въ публичныхъ собраніяхъ моск. университета. Изъ воспитанниковъ учрежденной въ 1783 г. въ Петербургѣ учительской гимназіи самымъ выдающимся былъ Осиповскій (окончилъ курсъ въ 1786 г.). Имъ были переведены съ нѣм. языка «Электрическіе опыты» Адамса, изданные Войтаховскимъ съ собственными дополненіями въ 1793 г. «Растущій Виноградъ, ежемѣсячное сочиненіе, издаваемое отъ главнаго народнаго училища города Святаго Петра»

(1785—87) содержалъ математическія статьи Якова Малоземова.

Съ прекращеніемъ существованія академическаго университета въ послѣднихъ годахъ XVIII вѣка и академической гимназіи въ 1805 году дѣятельность академіи сдѣлалась исключительно ученою. Популяризованіе науки еще продолжалось, но оно сосредоточилось теперь частью въ издаваемыхъ академіею календаряхъ, главнымъ же образомъ въ періодическомъ изданіи, назначенномъ для распространенія практическихъ знаній и выходившемъ въ 1804—15 гг. подъ именемъ «Технологическаго Журнала, или собранія сочиненій и извѣстій, относящихся до технологии и приложенія учиненныхъ въ наукахъ открытій къ практическому употребленію» и подъ именемъ его «Продолженія» въ 1816—26 гг. Кромѣ упомянутой уже V-й серии своего ученаго періодическаго изданія, академія издавала для помѣщенія мемуаровъ на русскомъ языкѣ выходившія въ 1808—19 гг. «Умозрительныя изслѣдованія» (5 томовъ). Русскихъ мемуаровъ оказалось, однако же, недостаточно для наполненія этого изданія. Значительную его часть пришлось занять переводами мемуаровъ академиковъ-иностранцевъ. Не принадлежавшій къ академіи Рохмановъ (XXVII, 167) началъ свои самостоятельныя работы, по примѣру Барсова и Гурьева, съ усовершенствованія способа предѣловъ. Первымъ появившимся въ печати его ученымъ трудомъ была «Новая теорія содержанія и пропорцій геометрической соизмѣримыхъ и несоизмѣримыхъ количествъ, и въ послѣднемъ случаѣ основанная на способѣ предѣловъ» (М., 1803). Напечатать затѣмъ въ Вѣнѣ «Essai sur quelques usages de la Methode des limites» (1805), онъ перешелъ къ занятіямъ анализомъ безконечно-малыхъ и его аналитическими и геометрическими приложеніями. Упомянутый уже выше Осиповскій, съ 1803 г. проф. харьковскаго ун-в., написалъ рядъ мемуаровъ, частью въ печати не появившихся; мемуары эти были посвящены аналитической механикѣ, теоретической астрономіи и математической физикѣ. Послѣдней принадлежалъ, напр., напечатанный академіею наукъ на французскомъ яз., мемуаръ «Recherches sur les phénomènes lumineux qu'on aperçoit quelquefois au ciel dans des positions déterminées par rapport au soleil ou à la Lune» (СПб., 1828). Послѣ смерти академикомъ Висковатова въ 1812 г. и Гурьева въ 1813 г. между представителями математическихъ наукъ въ академіи не было ни одного русскаго ученаго. Такъ продолжалось до 1828 г., когда въ составъ членовъ академіи вошли по избранію Буняковскій и ученикъ Осиповскаго по харьковскому университету, Остроградскій (XXII, 361). Первый занимался главнымъ образомъ чистою математикою и въ частности теоріею чиселъ, второй—прикладною и въ частности аналитическою механикою. Замѣчательно движеніе, совершившееся въ то же время въ средѣ дѣятелей, независимыхъ отъ академіи и сгруппировавшихся теперь преимущественно около университетовъ. Ученымъ, представившимъ свою дѣятельность этотъ почти не-

ожиданный мощный прогресс русской въ-академической математической науки, были профессора казанскаго университета Н. И. Лобачевскій. Въ его геометрическихъ трудахъ общепризнаннаго въ настоящее время значенія геометрія впервые заняла въ русской наукѣ такое же положеніе, какое занимала до сихъ поръ наука чиселъ. Антагонизмъ между академіею и представителями независимой отъ нея русской науки, начавшійся, какъ было показано выше, съ самаго зарожденія послѣдней, выразился въ несправедливыхъ и рѣзкихъ отзывахъ Фурса и въ особенностяхъ Остроградскаго о трудахъ Лобачевскаго. Къ Буяковскому и Остроградскому присоедились, какъ члены академіи, въ 1853 г. Чебышевъ и въ 1862 г. Сомовъ. Не уступая въ научномъ значеніи трудовъ своимъ старшимъ товарищамъ и, можетъ быть, даже превосходя ихъ, они скоро заняли мѣсто въ ряду первоклассныхъ ученыхъ не только Р., но и Европы. Чебышевъ былъ избранъ въ иностранные члены парижской акад. наукъ.

В. В. Бобынинъ.

Исторія математическихъ наукъ въ русскихъ университетахъ. Математика, какъ и вообще всѣ другія науки, процвѣтавшая сначала въ академіи наукъ, потомъ, по мѣрѣ учрежденія въ Россіи университетовъ, сдѣлалась университетскою наукою, была преподаваема въ университетахъ и въ большей или меньшей степени разрабатывалась профессорами университетовъ. Здѣсь предлагается краткій очеркъ развитія преподаванія математики и самостоятельности русскихъ ученыхъ по университетамъ.

Московский университетъ, старѣйшій изъ русскихъ, существуя почти 150 лѣтъ, насчитываетъ много поколѣній дѣятелей по математикѣ. А. А. Барсовъ, первый преподаватель по математикѣ (съ 1755 г.), не былъ большимъ специалистомъ этого дѣла, и занялъ потомъ каведру краснорѣчія; трудъ преподаванія математики раздѣлялъ съ А. А. Барсовымъ иностранецъ И. А. Ростъ, съ 1761 недолго читалъ чистую математику С. Лобановъ, ученикъ Барсова, а Ростъ — прикладную (и физику). Почти постояннымъ преподавателемъ математики (и логики) былъ съ 1762 Д. С. Аничковъ, ученикъ Барсова и Ростъ. Всѣ они читали почти лишь одну начальную математику; тоже самое дѣлалъ и В. К. Аршеневскій, который вначалѣ (1789) не шелъ дальше тригонометріи и начальной алгебры и только въ первый годъ нынѣшняго столѣтія онъ началъ излагать коническія сѣченія, а въ 1805—6 г. перешелъ къ высшей геометріи, «въ которой показалъ употребленіе дифференціального исчисленія; онъ преподавалъ до 1808 г. Иностранецъ Иде былъ приглашенъ для изложенія началъ исчисленія безконечно малыхъ, но черезъ годъ скончался (1807). В. А. Загорскій началъ читать съ 1805 г. и постепенно повышалъ научность своего преподаванія, такъ что въ 1808 — 10 г. онъ читалъ высшую геометрію и курсъ дифференціального и интегральнаго исчисленія (по Безу и Лакроа). Онъ перевелъ на русскій яз. курсъ математики Безу (1798 — 1803). Т. И.

Перелоговъ собственнымъ трудомъ пополнить скудную математическую свѣдѣнія, переданныя ему Ростомъ, но политическія событія позволили ему только въ 1813 г. стать адъюнктомъ математики въ московскомъ унив. Онъ начиналъ курсъ съ рѣшенія высшихъ уравненій, излагалъ коническія сѣченія и, наконецъ, дифференціальное и интегральное исчисленія. Оставилъ унив. въ 1825 г. По смерти Ростъ, преподаваемаго физику и прикладную математику, М. И. Панкевичъ занималъ каведру съ 1791 по 1812 г., читая механику, оптику и астрономію. Афанасьевъ и Тростинъ излагали начальную математику. Съ 1810 до 1814 преподавалъ высшую математику также П. И. Суворовъ, «дѣйствительный магистръ наукъ оксфордскаго университета». Питомецъ московскаго университета, Ф. И. Чумаковъ, читалъ (1813—32) механику и переводилъ механику Пуассона (неиздана), издалъ переводъ курса математики Беллавена. П. С. Шепкинъ съ 1817 г. преподавалъ поочередно всѣ части чистой математики отъ начальной до дифференціального и интегральнаго исчисленія, слѣдуя Лагранжу въ изложеніи ихъ началъ; прекратилъ чтенія въ 1834 г. — Д. М. Перевощиковъ (XXIII, 189), питомецъ московскаго университета, въ 1818 г. преподавалъ трансцендентальную геометрію, а съ 1823 — проф. астрономіи, по которой вскорѣ издалъ свое сочиненіе; въ 1832—33 временно преподавалъ механику твердыхъ и жидкихъ тѣлъ, то-же по своему сочиненію. Въ 1851 г. избранъ въ академики и потому прекратилъ чтеніе лекцій. Издалъ нѣсколько курсовъ своихъ и переводныхъ и «Ручную математическую энциклопедію», въ 12 томахъ, и вообще выказалъ неутомимую научную дѣятельность. Н. Е. Зерновъ — изъ московскаго университета — въ 1834 г. началъ преподавать (послѣ Щенкина) чистую математику сначала по руководствамъ Перевощикова и Брахмана, а потомъ и самъ издалъ «Дифференціальное исчисленіе». Написалъ, кромѣ диссертцій, еще нѣсколько ученыхъ работъ. Н. Д. Брашманъ, вѣнскаго унив., сначала читалъ въ казанскомъ, а съ 1834 г. въ московскомъ университетѣ, написалъ нѣсколько курсовъ и специальныхъ работъ и много содѣйствовалъ подъему математическихъ знаній въ Россіи (IV, 627), въ особенности — механики; † 1866 г. А. Ю. Давидовъ, изъ моск. унив., съ 1850 г. сталъ преподавать сначала теоріи второстепеней, а потомъ механику и чистую математику (X, 1—2). Написалъ много работъ по механикѣ (теорія равновѣсія тѣлъ, погруженныхъ въ жидкость), чистой математикѣ (уравненія съ частными дифференціалами) и математической физикѣ (теорія капиллярныхъ явленій) и нѣсколько учебниковъ по начальной математикѣ. Н. В. Бугаевъ, слушатель предыдущихъ трехъ профессоровъ (IV, 827), а въ инженерной академіи — и Остроградскаго, съ 1866 г. докторъ чистой математики. Его изслѣдованія относятся преимущественно къ теоріи прерывныхъ функцій (такъ называемой теоріи чиселъ) и къ анализу (теоріи непрерывныхъ функцій); написалъ также нѣсколько начальныхъ учебниковъ. П. А. Не-

красовъ (XX, 861), бывший слушатель Бугаева, съ 1885 г. сталъ преподавать чистую математику, написалъ болѣе 40 ст. преимущественно по анализу, напечатанныхъ въ «Математическомъ Сборникѣ» на русскомъ яз., въ «Анналахъ» Клебша и Неймана, въ журналѣ Крелля.—**Ө. Е. Орловъ** (1843—92), воспитанникъ московскаго университета, былъ оставленъ профессоромъ чистой математики, но потомъ специализировался по механикѣ. Въ унив. устроилъ кабинетъ практической механики, сдѣлалъ много полезнаго для технического училища въ Москвѣ (XXII, 168), гдѣ онъ былъ профессоромъ съ 1872 г. **Н. Е. Жуковский**, питомецъ московскаго университета и профессоръ его съ 1886 г., одинъ изъ замѣчательныхъ нашихъ дѣятелей по механикѣ (XII, 47), написалъ множество статей, которыхъ разнообразіе здѣсь трудно показать («Упрощенное изложеніе Гауссова способа опредѣленія планетныхъ орбитъ», «Условія конечности интеграловъ одного уравненія», «Выводъ основныхъ формулъ теории упругости», «Объ упругой оси турбины Лавалая», 1899 и проч.). Особенно замѣчательны его труды по гидромеханикѣ. **В. Я. Цингеръ**, современникъ **А. Ю. Давидова**, читавшій до конца своей дѣятельности анал. геометрію и высшую алгебру и извѣстный какъ превосходный преподаватель и авторъ нѣсколькихъ ученыхъ трудовъ. **Ө. А. Слудскій**, профессоръ механики, извѣстный своими трудами по механикѣ и высшей геодези (ум. въ 1899 г.). **Б. К. Млодзѣвскій** и **Л. К. Лахтинъ**, проф. чистой математики, питомцы московск. унив. **В. В. Бобынинъ**, занимающійся исторіей математики.

Казанскій унив., основанный въ 1805 г., первымъ профессоромъ имѣлъ иностранца Бартеlesa, но скоро изъ питомцевъ университета образовался русскій преподаватель, знаменитый **Н. И. Лобачевскій**, начавшій чтеніе въ 1811 г. съ небесной механики и теоріи чиселъ. Главная научная дѣятельность его относится къ неевклидовой геометріи; его идеи были такъ оригинальны, что сначала не были признаны и поняты, напр., даже такимъ выдающимся математикомъ, каковъ былъ **Остроградскій** (XXII, 361), но теперь имя **Лобачевского** имѣетъ громкую славу. Ученикомъ и замѣстителемъ его былъ **А. Ө. Поповъ**, главные предметы занятій котораго были гидродинамика и гидростатика, но онъ оставилъ также и работы по чистой математикѣ и математической физикѣ (XXIV, 558). **Поповъ** умеръ въ 1879 г., оставя по себѣ заслуженную извѣстность. **П. И. Котельниковъ** (XVI, 428), въ продолженіе болѣе чѣмъ сорокалѣтней дѣятельности (1835—79), читалъ лекціи по многимъ отдѣламъ чистой и по прикладной математикѣ и принесъ огромную пользу унив. **Ф. М. Суворовъ**, заслуженный дѣятель по чистой математикѣ. **А. В. Васильевъ** (V, 605), спб. унив., съ 1875 г. началъ преподаваніе въ казанскомъ унив.; его ученые работы относятся преимущественно къ высшей алгебрѣ. **П. С. Назимовъ**, питомецъ московскаго унив., сначала проф. варшавскаго унив., а съ 1889—казанскаго; написалъ много работъ (инте-

грированіе уравненій, эллиптическія функціи, высшая алгебра).—По механикѣ: **А. Н. Котельниковъ** сынъ, **Г. Н. Шебуевъ**, перешедшій потомъ въ Москву, **Д. Н. Зейлигеръ** изъ Одессы и по чистой математикѣ **П. Н. Граве**, перешедшій въ Юрьевъ—одни были въ казанскомъ унив., другіе трудятся тамъ до настоящаго времени. **В. Г. Имшенецкій** также началъ свою дѣятельность въ казанскомъ унив.

Въ **харьковскомъ унив.** первымъ проф. прикладной математики былъ **Т. Ө. Осиповскій**, уже извѣстный тогда у насъ математикъ (XXII, 274); онъ началъ свои чтенія въ 1804 г., предварительно приготовивъ сочиненіе: «Курсъ аналитическихъ функцій и приложенія ихъ къ высшей геометріи». Лекціи его были прекрасно обрабатываемы и излагаемы и ему принадлежала заслуга образованъ въ математическомъ отношеніи **Остроградскаго**, впоследствии столь извѣстнаго въ математическомъ мірѣ дѣятеля. **Осиповскій** читалъ по временамъ и механику. Курсъ математики, написанный **Осиповскимъ**, не уступалъ современнымъ иностраннымъ сочиненіямъ того же рода. Съ 1808 г. приглашенъ по прикладной математикѣ профессоръ **И. И. Гутъ**, иностранный ученый, по специальности астрономъ, который оставался въ университетѣ по 1811 г., а въ 1813 г. поступилъ адъюнктомъ **Архангельскій**, преподававшій механику, весьма способный ученый, переводчикъ нѣсколькихъ крупныхъ математическихъ сочиненій, преподавалъ до тридцатыхъ годовъ. Такимъ образомъ преподаваніе математики съ самаго начала было поставлено удовлетворительно. Послѣ него изъ извѣстныхъ профессоровъ математики можно назвать **Н. А. Дьяченко**, читавшаго съ 1832 по 1839 г. сначала оптику, потомъ математику (XI, 322). Съ 1872 по 1882 г. профессоромъ харьковскаго унив. по анал. механикѣ былъ **В. Г. Имшенецкій**, извѣстный ученый, впоследствии академикъ († въ 1892 г.). О его трудахъ см. (XII, 35) и «Жизнь и научная дѣятельность **В. Г. Имшенецкаго**» **К. А. Андреева**, **П. А. Некрасова** и **Н. Е. Жуковского**. Математикой читали **Д. М. Деларю** и **Ф. М. Ковальскій**. **К. А. Андреевъ**, питомецъ московск. унив., съ 1870 г. началъ чтеніе лекцій въ харьков. унив.—специалистъ по геометріи («Курсъ анал. геометріи и мемуары по высшей геометріи»). Съ 1885 г. **А. М. Ляпуновъ**, спб. унив., началъ чтенія по механикѣ, написалъ нѣсколько замѣчательныхъ изслѣдованій по своей специальности («Общая задача объ устойчивости движенія», «О постоянныхъ винтовыхъ движеніяхъ твердаго тѣла въ жидкости» и друг.). **М. А. Тихомандрицкій** писалъ объ эллиптическихъ и абелевыхъ функціяхъ. **В. А. Стекловъ** съ большимъ успѣхомъ работает по чистой и прикладной математикѣ («О разложеніи данной функціи въ рядъ по гармоническимъ функціямъ», «Одинъ случай движенія вязкой несжимаемой жидкости» и мн. др.). **А. П. Шнеборскій**, **А. П. Грузинцевъ** и др.

Въ **дерптскомъ** (нынѣ юрьевскомъ) унив. физико-математическій факультетъ получилъ самостоятельность только съ 1850 г. До того времени были ученые, занимавшіеся преимущественно астрономіею, которые читали и нѣ-

которыя части математики; таковы были: Г. Гутъ (1812—18) и знаменитый впоследствии В. Струве (см.), затѣмъ І. Г. Медлеръ и Клаусенъ. По чистой математикѣ съ 1821 г. читалъ М. Баргельсъ и съ 1835 г. его ученикъ К. Э. Зенфъ, читавшій различныя части чистой и прикладной математики, занимавшій кафедру до 1842 г. Онъ оставилъ изслѣдованіе по математической физикѣ (двойное преломленіе). Въ 1854 г. явился новый математикъ П. Гельмгольцъ, занимавшійся специально интегральнымъ исчисленіемъ. (Съ 1838 г. чистую математику читаетъ Шуръ). Съ 1843 г. Ф. Миндингъ, профессоръ прикладной математики, сначала излагалъ нѣкоторыя части чистой математики (его дѣятельность продолжалась въ теченіе 40 лѣтъ). Его ученыя работы касались теоретической механики, основныхъ формулъ геодезіи, варіаціоннаго исчисленія, интегрированія дифференціальныя уравненій 1-й степени. Послѣ него проф. прикладной математики былъ сначала А. Линдшадтъ, затѣмъ О. Штауде, а съ 1889 г. и по настоящее время А. Кнезеръ. Съ 1892 г. университетъ, въ которомъ преподаваніе велось до тѣхъ поръ на нѣм. языкѣ, окончательно преобразовывается и преподаваніе ведется исключительно русскими учеными (сначала Лахтинъ, который въ 1898 г. перешелъ въ Москву, потомъ: В. Г. Алексѣевъ, П. П. Граве, Н. В. Верви).

Петербургскій университетъ, какъ учрежденный въ 1819 г., моложе московскаго, казанскаго и харьковскаго, если не считать и академическаго университета (см. выше) — при академіи наукъ. Но уже педагогическій институтъ (1804 г.), по обращеніи въ главный педагогическій институтъ (1816), имѣлъ факультетъ физическихъ и математическихъ наукъ, а въ 1819 г. былъ преобразованъ въ университетъ. Но въ началѣ какъ число слушателей, такъ и число преподавателей было очень ограничено. Кафедра чистой математики не была отдѣлена отъ кафедры механики. Д. С. Чижевъ, преподававшій съ 1811 г. въ педагогическомъ институтѣ чистую и прикладную математику, перешелъ профессоромъ и въ университетъ, и только подъ конецъ своей карьеры (кончилъ чтенія въ 1846 г.) читалъ теоретическую механику. Былъ очень хорошимъ преподавателемъ, но мало писалъ ученыхъ трудовъ. Другимъ преподавателемъ былъ старшій учитель Анкудовичъ, впоследствии профессоръ, остававшійся до 1847 г. читавшій дифференціальное, интегральное и варіаціонное исчисленія, конечныя разности и теорію вѣроятностей. Издалъ въ 1836 г. «Теорію баллистики». Тихомировъ съ 1826 г. читалъ высшую алгебру и приложения алгебры къ геометріи, умеръ 28-мъ лѣтъ. Замѣчательно, что съ 1829 г. въ петербургскомъ ун-в., какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, обучали ариметикѣ на сѣтахъ (Свободскаго), которые ускоряли первыя четыре дѣйствія, возвышеніе въ степень и извлеченіе корней. Тѣмъ не менѣе преподаваніе вообще шло довольно серьезно. Въ продолженіе немногихъ лѣтъ (1832 — 40) читалъ другой Чижевъ (Ө. В.), но только начертательную геометрію. Около того-же вре-

мени появились А. Н. Савичъ и О. И. Сомовъ, а вскорѣ къ нимъ присоединились В. Я. Буняковский и П. Л. Чебышевъ, и тогда началась блестящій періодъ математическаго факультета. О. И. Сомовъ въ началѣ (1841) читалъ высшую алгебру, аналитическую геометрію, но черезъ нѣсколько лѣтъ перешелъ къ дифференціальному исчисленію и аналитической механикѣ; послѣдняя сдѣлалась и осталась его специальностью до самой его смерти († 1875). Его ученые труды весьма многочисленны и почтенны; достаточно называть: «Основанія теоріи эллиптическихъ функций» (1850), «О распространеніи свѣтовыхъ волнъ въ срединѣхъ, не имѣющихъ двойного преломленія» (1847), «Курсъ математики» и т. д. Подробнѣе см. его біографію въ нашемъ Словарѣ. Курсы свои читалъ въ строгой системѣ и съ большимъ полнотой, и имѣлъ большое вліяніе на точное усвоеніе началъ аналитич. механики. Многие изъ его учениковъ стали потомъ профессорами, напр. сынъ его П. О. Сомовъ и Д. К. Бобылевъ. — Академикъ и проф. В. Я. Буняковский (V, стр. 1—2) сначала (1846—49) читалъ аналитическую механику, потомъ дифференціальное и интегральное исчисленія и теорію вѣроятностей, но, по слабости здоровья, оставилъ въ 1859 г. университетъ. Его лекціи были обработаны съ удивительною законченностью и были излагаемы съ изыскою точностью. Списокъ его сочиненій, отъ книгъ до статей, содержитъ болѣе 100 названій, изъ которыхъ назовемъ «Основанія математической теоріи вѣроятностей» (1846), «Лексиконъ чистой математики» (т. I, 1839). П. Л. Чебышевъ въ 1847 г. началъ чтенія въ университетѣ съ высшей алгебры и теоріи чиселъ, потомъ излагалъ аналитическую геометрію, интегрированіе уравненій, теорію эллиптическихъ функций, теорію вѣроятностей, исчисленіе конечныхъ разностей. Съ 1853 г. академикъ по прикладной математикѣ. Въ изданіяхъ спб. акад. и въ математическихъ журналахъ Креля и Ливуля помѣщены его труды, извѣстные всему математическому міру. Изъ отдѣльныхъ книгъ на русск. языкѣ изданы «Теорія сравненій», «Опытъ элементарнаго анализа теоріи вѣроятностей». Чебышевъ въ послѣдніе годы († 1894) занимался много изобрѣтеніемъ различныхъ механизмовъ, а въ числѣ ихъ такъ называемыми паралеллограммами. Вообще же онъ отличался изобрѣтеніемъ новыхъ методовъ рѣшеній многихъ трудныхъ математическихъ и механическихъ вопросовъ (см. его біографію въ настоящемъ Словарѣ). Память о немъ останется въ исторіи наукъ. О трудахъ П. Л. Чебышева см. «Биографическій словарь проф. спб. ун-в.». А. Н. Коркинъ (XVI, 262, 264), питомецъ петербургскаго университета, сталъ преподавать съ 1861 г. аналитическую геометрію, интегрированіе функций по выходѣ В. Я. Буняковского. Предметы чтенія мѣнялись по смерти О. И. Сомова и по оставленіи университета П. Чебышевымъ и А. Коркинъ оставался на интегрированіи уравненій и варіаціонномъ исчисленіи. Написалъ нѣсколько важныхъ трудовъ по интегрированію уравненій и теоріи чиселъ, нѣкоторые совместно съ

Е. И. Золотаревымъ (о квадратичныхъ формахъ). Списокъ его сочиненій см. въ «Биографическомъ словарѣ слоб. унив.». Н. С. Будаевъ (IV, 836), кончившій курсъ въ главномъ педагогическомъ инст., сталъ читать съ 1865 г. въ университетѣ по высшей геометріи и механикѣ. Е. И. Золотаревъ, питомецъ петербургскаго университета, талантливый ученый, безвремено погибшій, успѣлъ оставить по себѣ громкое научное имя преподаваніемъ и работами по чистой математикѣ (XII, 631—632). Читалъ въ 1868—78 г. различные части частой математики; адъюнктъ академіи наукъ. М. Ѳ. Окатовъ (XXI, 795) въ 1866—78 гг. читалъ по предметамъ практической механики и механическую теорію тепла; устроилъ въ унив. кабинетъ практич. механики. Напечаталъ 9 работъ. Д. К. Бобылевъ, сначала вольнослушатель слоб. унив., потомъ съ 1871 г. преподавалъ нѣкоторые части физики, а съ 1876 г.—механику. Написалъ около 30 сочиненій и статей по физикѣ и механикѣ (IV, 138, 139). Образовалъ нѣсколько учениковъ, изъ которыхъ Ляпуновъ—проф. въ харьковскомъ унив. и Сусловъ—въ кievскомъ унив. Ю. В. Сохоцкій, изъ петерб. унив., началъ чтеніе лекцій въ 1868 г.—«О функціяхъ отъ мнимой перемѣнной», о непрерывныхъ дробяхъ съ приложеніемъ къ интегрированію, а потомъ—высшую алгебру, которую излагаетъ и понынѣ. Издалъ свои сочиненія: «Высшая алгебра», «Теорія чиселъ», напечаталъ, кромѣ диссертаций, нѣсколько статей на русскомъ яз. К. А. Поссе, также петербургскаго унив., началъ чтеніе лекцій аналитической геометріею, а потомъ излагалъ дифференціальное и интегральное исчисленія до послѣдняго времени. Издалъ курсъ интегралн. исчисл., монографію о непрерывныхъ дробяхъ на франц. языкѣ и др.—А. А. Марковъ—петербургскаго унив.—профессоръ и академикъ, началъ читать въ унив. лекціи въ 1880 г. въ качествѣ приватъ-доцента. Написалъ много важныхъ и оригинальныхъ работъ по алгебрѣ, теоріи чиселъ, о наибольшихъ и наименьшихъ величинахъ и по другимъ частямъ математики. Перечень статей до 1895 г. можно найти въ «Библиографическомъ словарѣ слоб. унив.» (1896). И. Л. Пташицкій—петерб. унив.—съ 1882 г. началъ читать въ качествѣ приватъ-доцента; написалъ нѣсколько трудовъ по вопросамъ интегральнаго исчисления. Д. Ѳ. Селивановъ, ученикъ профессора Сохоцкаго, питомецъ слоб. унив., специалистъ по высшей алгебрѣ, читаетъ лекціи съ 1885 г. И. В. Мешерскій, ученикъ проф. Д. К. Бобылева, специализировался по механикѣ; допущенъ къ чтенію лекцій съ 1890 г. Д. А. Граве, ученикъ А. Н. Коркина, начавшій свою дѣятельность въ слоб. унив., а теперь перешедшій проф. харьковск. унив. (напеч. «Курсъ анал. геометріи» и нѣсколько специальныхъ статей). Слб. университетъ обладаетъ еще многими молодыми силами, посвятившими себя математикѣ и начинающими свою преподавательскую дѣятельность въ родномъ унив., таковы: И. И. Ивановъ, С. Е. Савичъ, Б. М. Кояловичъ, А. С. Домогаровъ.

Математика въ кievскомъ университетѣ. Съ

закрытіемъ виленскаго университета и основаніемъ, взаимѣнъ его, университета св. Владимира въ Кіевѣ первымъ профессоромъ въ этомъ послѣднемъ былъ С. С. Выжевскій, который читалъ (1834—37) не только дифференціальное, интегральное и варіаціонное исчисленіе и аналитическую геометрію, но и статистику съ динамикой. Печатныхъ трудовъ никакихъ не оставилъ. Послѣ него былъ Гречина (1834—38), вскорѣ перешедшій въ харьковскій унив. А. Н. Тихомандрицкій читалъ съ 1838 по 1843 г. нѣкоторые части чистой математики и механику, потомъ перешелъ на педагогическое поприще; написалъ «Рѣшеніе двучленныхъ уравненій», диссертацию на степень доктора и «Начальную алгебру». Архитекторъ Мѣховичъ, излагавшій начертательную геометрію, написалъ сочиненіе по теоріи машинъ на польскомъ языкѣ. Н. А. Дьяченко, читавшій съ 1832 г. въ харьковск. унив., былъ перемѣненъ въ 1839 г. въ кievскій унив., и сначала читалъ чистую и прикладную математику, но впоследствии—только чистую математику и провелъ болѣе 28 лѣтъ въ Кіевѣ. Печатныхъ трудовъ оставилъ немного († 1877). Каедрю же прикладной математики занялъ съ 1853 г. И. И. Рахманиновъ. Его главнѣйшія сочиненія относятся къ гидравлическимъ колесамъ, теоріи относительнаго движенія и нѣкоторымъ другимъ частямъ теоретической механики. П. В. Ромеръ, съ 1867 г. докторъ чистой математики, началъ чтеніе лекцій въ универ. уже съ 1861 г. Писалъ о методѣ кватернионовъ и особыхъ рѣшеніяхъ дифференціальныхъ уравненій. Съ 1863 г. М. Е. Ващенко-Захарченко, питомецъ кievскаго университета, послѣдовательно читалъ алгебраическій анализъ, аналитическую геометрію, теорію чиселъ и эллиптическихъ функцій, знакомъ слушателей съ новѣйшими методами, критически разбиралъ основы геометріи и излагалъ даже незнакомую геометрію. Онъ написалъ много разнообразныхъ математическихъ сочиненій (см. V, 658, 659) и въ томъ числѣ исторію математики и продолжаетъ до сихъ поръ свою дѣятельность. В. П. Ермаковъ—также питомецъ кievскаго университета—читаетъ съ 1874 г. попеременно интегрированіе дифференціальныхъ уравненій, варіаціонное и разностное исчисленія и теорію вѣроятностей. Написалъ нѣсколько оригинальныхъ работъ, поставившихъ его на ряду съ извѣстными русскими учеными (сходимость рядовъ, интегрированіе дифференціальныхъ уравненій, варіаціонное исчисленіе и др.; см. XI, 673). П. П. Покровскій и В. Я. Букрѣвъ извѣстны своими работами по эллип. и абелевымъ функціямъ. Г. К. Сусловъ, проф. механики, авторъ многочисленныхъ статей по этой отрасли науки. Изъ этого перечня видно, что кievскій университетъ, имѣвшій сначала лишь добросовѣстныхъ преподавателей математики, въ самое короткое время достигъ полной научной самостоятельности.

Гораздо моложе кievскаго унив. основанный въ 1865 г. *новороссійскій унив.* въ Одессѣ, выросшій изъ Риппельскаго лицей. При открытіи университета преподаваніе чистой математики не имѣло specialнаго представителя,

если не считать начинающего ученаго В. П. Алексѣева, читавшаго только одинъ годъ. Но въ 1866 г. Е. Θ. Сабининъ, тогда еще магистръ моск. унив., занялъ мѣсто сначала доцента, а потомъ, съ приобретіемъ докторской степени, и профессора. Главнѣйшіе труды этого ученаго посвящены разработкѣ варіаціоннаго исчисленія, наибольшимъ и наименьшимъ величинамъ определенныхъ многократныхъ интеграловъ и др. (см. Сабининъ). Въ 1867—69 г. читалъ также Коростелевъ, а въ 1869 по 1870 г. А. В. Бессель, преждевременно скончавшійся молодой ученый (III, 617), С. П. Ярошенко—уже питомецъ новороссійскаго университета—началъ преподаваніе съ 1870 г. Написалъ: «О розысканіи особенныхъ рѣшеній дифференціальныхъ уравненій», «Теорія опредѣлителей», «Высшую геометрію» и нѣк. др.; В. В. Преображенскій преподавалъ съ 1876—82 г. и снова съ 1890 г. понѣмъ. Изъ напечатанныхъ трудовъ назовемъ: «О логарифмическомъ потенциалѣ», «Интегрированіе уравненій съ частными производными» и нѣк. др. (XHV, 65); И. В. Слешинскій (съ 1889 г.); В. А. Циммерманъ, И. Ю. Тимченко (съ 1888 г.). По механикѣ первыми профессорами были И. Дм. Соловьевъ и К. И. Коростелевъ. Первый былъ проф. харьк. унив. и уже сдѣлавшійся заслуженнымъ проф. былъ приглашенъ въ Одессу. Коростелевъ былъ сначала профессоромъ въ Ришельевскомъ лицей; и тотъ, и другой написали нѣсколько работъ. В. Н. Лигинъ—питомецъ сначала лицея, а потомъ и новороссійскаго университета, проф. съ 1879 г. Написалъ болѣе 30 статей и замѣтокъ, не считая переводныхъ. Былъ какъ-бы родоначальникомъ школы русскихъ ученыхъ, занимающихся кинематикою и сродными съ ней науками. Изъ его трудовъ назовемъ: «Геометрическая теорія абсолютнаго движенія точки и неизмѣняемой системы», «Обобщеніе нѣкоторыхъ геометрическихъ свойствъ движенія системъ», «Кинематика» и др. (XVII, 660). Съ 1887 г. начинаетъ преподаваніе Х. И. Гохманъ, ученикъ Лигина, и немного позднѣе И. М. Занчевскій.

Варшавскій университетъ—одинъ изъ первыхъ самыхъ юныхъ; первыми проф. математики здѣсь были Н. Н. Алексѣевъ, впоследствии академикъ, М. А. Андріевскій, умершій въ восьмидесятихъ годахъ и Н. Я. Сонинъ, московскаго унив., проф. чистой математики, съ 1896 г. академикъ, написавшій цѣлый рядъ статей по теоріи опредѣл. интеграл. и приближенному ихъ вычисленію, и мн. др. Андріевскаго смѣнилъ доцентъ Зининъ. Доцентъ Васаковъ, ученикъ московскаго профессора Бугаева, читалъ очень недолго и умеръ. Съ 1884 г. В. А. Анисимовъ, также изъ бывшихъ слушателей Бугаева. Механику читалъ Т. К. Бабчинскій (уже умеръ). Въ настоящее время математику читаютъ въ этомъ унив.: Н. Н. Зининъ, В. А. Анисимовъ и Г. Θ. Вороной (изъ сб. унив.), а механику—П. О. Сомовъ, тоже изъ сб. унив.

Изъ этого перечня именъ русскихъ математиковъ и нѣкоторыхъ ихъ трудовъ и изъ болѣе подробной оцѣнки дѣятельности нашихъ математиковъ, сдѣланной въ ихъ біографіяхъ,

помѣщенныхъ въ настоящемъ словарѣ, можно вывести заключеніе, что математическія науки прочно развились въ Р., которая въ сравнительно короткое время произвела такихъ первоклассныхъ дѣятелей, какъ Лобачевскій, Чебышевъ, Остроградскій и значительное число другихъ, цѣнныхъ не только въ нашемъ отечествѣ, но и вообще въ ученomъ мірѣ. Труды русскихъ ученыхъ печатаются какъ на русскомъ языкѣ, въ специальныхъ журналахъ и запискахъ, издаваемыхъ нѣсколькими математическими обществами, и въ университетскихъ періодическихъ изданіяхъ, такъ и въ лучшихъ журналахъ на нѣм. и франц. языкѣ. Кромѣ работъ университетскихъ дѣятелей, заслуженною извѣстностью пользуются, особенно по прикладной математикѣ, работы профессоровъ, бывшихъ и настоящихъ, въ различныхъ специальныхъ школахъ, изъ которыхъ назовемъ Н. И. Маевскаго, Н. П. Петрова, П. А. Шиффа, Н. А. Забудскаго, В. Л. Киричева и др.

3) *Астрономія и геодезія.* До Петра Вел. русскими не было произведено научныхъ трудовъ по астрономіи. Петръ Вел., посѣщая обсерваторію въ Гриничѣ и Колентагенѣ, во второе посѣщеніе первой изъ нихъ, произвелъ самъ полное опредѣленіе положенія Венеры помощью стѣннаго круга.

Столѣтіе XVIII. Академическая обсерваторія. При учрежденной Петромъ академіи наукъ, въ 1725 г. построена обсерваторія, первыми астрономами которой были (съ 1726 г.) І. Н. Делиль и его братъ Делиль-де-ла-Кройеръ. Кромѣ нихъ, на обсерваторіи работали: Краффтъ, Винсгеймъ, Гейнзюсъ (съ 1736 г.), Трускотъ, Н. Поповъ и др., при чемъ наиболѣе важныя наблюденія сдѣланы І. Делилемъ (преимущественно затмѣнія спутниковъ Юпитера) и Гейнзюсомъ (наблюденія надъ источниками изъ ядра кометы 1744 г.). Послѣ пожара въ 1747 г. обсерваторія была возобновлена, хотя и недостаточно (въ 1748 г.) и на ней начаты были наблюденія Браунномъ и Н. Поповымъ. Съ 1751 по 1760 г. обсерваторія находилась въ завѣдываніи Гришова, который произвелъ, между прочимъ, наблюденія съ неизмѣннымъ маятникомъ и рядъ наблюденій луны (въ Аренсбургѣ) для опредѣленія ея параллакса. Приобрѣтенные въ 1760 г. болѣе или менѣе инструменты: стѣнной квадрантъ и полуденная труба, не были установлены ни Гришовымъ, ни его преемникомъ Румовскимъ (съ 1763 г.), а лишь послѣ 1796 г. аббатомъ Анри, который произвелъ съ этими инструментами лишь посредственные наблюденія. Румовскій и его сотрудники: Лексель, Иноходцевъ и Черный производили преимущественно наблюденія покрытій и затмѣній. Въ наблюденіяхъ прохожденія Венеры въ 1761 г. принимали участіе Браунъ, Красильниковъ и Кургановъ въ Петербургѣ, Поповъ въ Иркутскѣ и Румовскій въ Селенгинскѣ. Для наблюденія прохожденія Венеры въ 1769 г. были приглашены многіе русскіе и иностранные ученые и снаряжено нѣсколько экспедицій, снабженныхъ хорошими инструментами. Къ числу наиболѣе удачныхъ принадлежала экспедиція Румовскаго въ Колу. На академической обсерваторіи, до перехода

завѣдыванія ею отъ Румовскаго къ Шуберту въ 1803 г., по прежнему наблюдаемы были затмѣнія и покрытія. Теоретическія работы по астрономіи въ Р. въ XVIII стол. произведены были иностранными учеными: І. Делилемъ, Л. Эйлеромъ, Лекселемъ и др. Подобныя же работы Н. Попова и Румовскаго не были самостоятельными.

Геодезическая дѣятельность. Значительнѣйшая часть трудовъ русскихъ астрономовъ XVIII стол. посвящена была астрономо-географическимъ и картографическимъ работамъ. Геодезическія работы (описание береговъ морей и рѣкъ) были начаты, иногда при личномъ участіи Петра, еще въ концѣ XVII-го стол. Для подготовки моряковъ и геодезистовъ Петромъ учреждена навигаціонная школа, переименованная въ 1716 г. въ морскую академію, обученные въ которой геодезисты отправлялись въ 1717 г. въ различныя мѣста Р. и производили съемки по краткой, составленной Петромъ инструкціи. Съ 1726 по 1734 г. Кирилловъ печатаетъ атласъ, для точности котораго недостають опредѣленій долготъ, начатыхъ въ Р. лишь съ 1727—28 г. Въ цѣляхъ точной картографіи І. Делиль предлагаетъ покрыть Р. сѣтями треугольниковъ (предполагая воспользоваться ими также для градусныхъ измѣреній меридіановъ и параллелей) и производить астрономо-географическія экспедиціи. Послѣдній способъ, по настоянію Эйлера, принять академіей, организующей (до 1786 г.) многія экспедиціи, въ которыхъ принимаютъ участіе: братья Делили, Красильниковъ, Гришовъ, Румовскій, Крафтъ, Ловицъ, Иноходцевъ, Исленевъ, Х. Эйлеръ, Черный и др. Особенной точностью отличаются географическія опредѣленія Исленева и Красильникова. Академическими экспедиціями, къ 1786 г., опредѣляется положеніе 67 пунктовъ; — большаго числа такихъ пунктовъ не было въ то время опредѣнено ни въ одномъ изъ государствъ Зап. Европы. Съ 1786 г. и до начала XIX стол. астрономы академіи: Иноходцевъ и Шубертъ обучаютъ морскихъ офицеровъ астрономическому опредѣленію мѣстъ на морѣ и на сушѣ. Надъ составленіемъ картъ Р. въ XVIII стол., кромѣ Кириллова, трудились І. Делиль, Эйлеръ, Гензліусъ и Винсгеймъ. Двумя послѣдними изданъ въ 1745 г. атласъ, бывшій въ употребленіи до начала XIX стол.

Столѣтіе XIX. Исторія астрономіи и геодезіи въ Р. въ теченіе XIX стол. распадается на два періода: до и послѣ учрежденія Пулковской обсерваторіи. Въ началѣ перваго изъ этихъ періодовъ астрон. работы производятся, по прежнему, преимущественно астрономами академіи наукъ. Шубертъ и его помощники, улучшивъ нѣсколько академическую обсерваторію, проявляютъ напряженную астрон. дѣятельность. Шубертъ занятъ преимущественно теоретическими изслѣдованіями, составленіемъ руководствъ и преподаваніемъ астрономіи. Вишневскій производитъ разнообразныя и многочисленныя наблюденія большихъ и малыхъ планетъ, кометъ, покрытій и проч. Но устарѣлая академическая обсерваторія не соответствуетъ уже возрастающимъ требова-

ніямъ точности наблюденій и вскорѣ первенствующее положеніе между русскими обсерваторіями занимаетъ обсерваторія дерптскаго. ный юрьевскаго, университета, систематическія наблюденія на которой были начаты В. Струве (см.) въ 1814 г. Въмѣстѣ съ своими современниками, Гауссомъ и Бесселемъ. Струве является представителемъ существенно-новаго направленія въ астрономіи. Примѣняя къ изслѣдованію астрон. инструментами и къ методамъ наблюденій съ ними возможныя строгіе математическіе и физическіе приемы и Струве достигъ высокой степени точности въ своихъ наблюденіяхъ. Важнѣйшія изъ послѣднихъ состояли въ опредѣленіяхъ независимыхъ координатъ свѣтилъ и въ разскачаніи и точномъ измѣреніи большого числа двойныхъ и сложныхъ звѣздъ. Педагогическая дѣятельность Струве имѣла весьма важное значеніе для развитія астрономіи въ Р. Многочисленные ученики Струве (К. Кнорре, Прейссъ, Леммъ, Федоровъ, Савичъ, Саблеръ, Делленъ, О. Струве, Шидловскій, Вронченко, Обергъ, Васильевъ и мн. др.) произвели, какъ подъ руководствомъ Струве, такъ и самостоятельно, важныя научныя работы. Директоромъ дерптской обсерваторіи Струве былъ до 1839 г. Научно-астрон. дѣятельность въ московскомъ унив. была начата проф. Гольдбахомъ (1804—1810), производившимъ опредѣленіе географ. координатъ Москвы и окрестныхъ городовъ. Въ 1805 г. Гольдбахъ составилъ планъ постройки университетской обсерваторіи и приобрѣлъ для нея нѣкоторые инструменты (погибшіе въ 1812 г.). Проф. Перевощиковъ (1818—1851) постепенно устраивалъ обсерваторію, пользуясь ею для учебныхъ цѣлей. Первымъ проф. астрономіи казанскаго унив. былъ Литтровъ (1810—16), который построилъ небольшую обсерваторію. Ученики и сотрудникъ Литтрова—Симоновъ—выдавался своими талантами и познаніями; однако, его астрон. дѣятельность не была столь плодотворной, какъ можно было-бы ожидать. Тому причиной отчасти служили: астрон. путешествіе Симонова на шлюпѣ «Востокъ» (1819—21), занятія Симонова чистой математикой, физикой, метеорологій и магнетизмомъ и выполненіе административныхъ обязанностей въ университетѣ (съ 1845 г.). Астрон. обсерваторія кievскаго унив. была построена ученикомъ В. Струве—Федоровымъ, сдѣлавшимъ до своего назначенія въ Кіевъ двѣ важныя астрон.-географ. экспедиціи. Но въ Кіевѣ Федоровъ работалъ научно весьма мало, ограничиваясь наблюденіями немногихъ затмѣній и т. п. Въ петербургскомъ унив. первымъ проф. астрономіи былъ Вишневскій, о которомъ сказано выше. Послѣ него временно преподавалъ астрономію лейтенантъ Зеленый (1837—39). Въ 1827 г. была построена въ Николаевѣ морская обсерваторія, первымъ директоромъ которой былъ ученикъ Струве—К. Кнорре. Согласно специальному назначенію обсерваторіи, наблюденія, на ней производимыя, служили преимущественно для цѣлей географическихъ. Подъ руководствомъ и при участіи Кнорре производилась опись береговъ Чернаго, Азовскаго и Мраморнаго морей. Сверхъ

того, Кнорре производил многочисленныя чисто астрономическія наблюденія и работы (наблюденія кометъ и вычисленіе ихъ орбитъ и проч.), а также составилъ 5-ый листъ берлинской академической звѣздной карты. Въ харьковскомъ унив. проф. Гутъ (1808—11) произвелъ опредѣленіе широты и долготы Харькова и устроилъ въ 1810 г. небольшую обсерваторію, съ отъѣздомъ Гута уничтоженную. Съ 1811 по 1842 г. научно-астрономическая дѣятельность въ харьковскомъ унив. почти вовсе не проявляется. Виленскій унив. обладалъ обсерваторіей, устроенной еще въ 1753 г. и сгорѣвшей въ 1875 г. во время управления Смыслова. Директоры этой обсерваторіи: Почобутъ (до 1808 г.), Сняденцій и Славинскій, вмѣстѣ съ ихъ помощниками, производили большое число разнообразныхъ наблюденій, по характеру сходныхъ съ наблюденіями Вишневаго на академической обсерваторіи.

Геодезическая дѣятельность. Въ началѣ XIX стол. геодезическая дѣятельность въ Р. значительно усилилась. Вишевскій опредѣлилъ, съ 1806 по 1815 г., географ. координаты 250 пунктовъ въ Европ. Р. Подобныя же опредѣленія, но въ меньшемъ числѣ, произведены (до 1806 г.) Шубертами (отцомъ и сыномъ) и Теслевымъ въ Европ. и Азіатской Р. Чисто геодезическія работы начали сперва безъ общаго плана. По предложенію генер. Сухтелена, проф. Гольдбахъ началъ съ 1805 г. опредѣленіе географ. координатъ различныхъ пунктовъ въ окрестностяхъ Москвы и триангуляцію въ тѣхъ же мѣстностяхъ *), при участіи д-ра Панснера. Последнему вскорѣ было поручено генер. Опперманомъ производство триангуляціи СПб. губ. Въ 1816 г. начала Теннеромъ, ученикомъ Шуберта, первая большая триангуляція въ Виленской губ. Въ 1822 г. учрежденъ корпусъ военныхъ топографовъ, съ спеціальною цѣлью производства геодезическихъ работъ. Окончательное астрономо-геодезическое образованіе офицеры этого корпуса получали въ Дерптѣ, у В. Струве, геодезическія работы котораго отличались тою-же высокою степенью оригинальности и точности, какъ и чисто астрономическія. Съ 1816 по 1819 г. Струве произвелъ тригонометр. съемку Балтійскихъ губерній въ картографическихъ цѣляхъ. Затѣмъ, въ тѣхъ же губерніяхъ, Струве выполнилъ (къ 1827 г.) градусное измѣреніе, результаты котораго изложены въ классическомъ сочиненіи Струве: «Beschreibung der Breitengradmessung in den Ostseeprovinzen Russlands» (1831). Соединеніе триангуляціи Струве и Теннера, законченное къ 1831 г., увеличило измѣренную дугу меридіана до 8°25'. Въ томъ же году, по плану и подъ руководствомъ Струве, начаты были работы по продолженію сѣти треугольниковъ градуснаго измѣренія на сѣверѣ. гдѣ затѣмъ сѣтъ эта, при участіи финляндскихъ астрономовъ отъ 1835 по 1845 г. (см. Финляндія), была соединена съ шведско-норвежской сѣтью. Продолженіе градуснаго измѣренія на

югъ производилось подъ руководствомъ Теннера. Въ 1844 г. было постановлено продолжать это измѣреніе до Дуная. Всѣ работы по русско-скандинавскому градус. измѣренію были закончены въ 1855 г. и результаты измѣренія опубликованы въ 1860 г. въ сочиненіи Струве: «Arc du méridien de 25°20', entre le Danube et la mer Glaciale». Продолженіе этой дуги до Канди, составлявшее «любимую мысль» В. Струве, до сихъ поръ не произведено. Кромѣ упомянутыхъ геодезич. работъ дерптскихъ обсерваторіи, ученики Струве выполнили еще нѣсколько астрономо-геодезическихъ экспедицій, важнѣйшія изъ которыхъ: Федорова—въ Сибирь (1832—37), Савича, Саблера и Фусса въ сѣв. Кавказъ (1836—38) для опредѣленія разности уровней Чернаго и Каспійскаго морей.

Пулковская обсерваторія. Устроенная по мысли В. Струве, Николаевская главная обсерваторія (открыта въ 1839 г. XXI, стр. 589) предназначалась для производства постоянныхъ, возможно совершенныхъ астрономическихъ наблюденій и обязана была, сверхъ того, содѣйствовать всѣмъ мѣрами усовершенствованію практической астрономіи въ Р. Тщательное изслѣдованіе способовъ наблюденій, примѣненіе къ ихъ усовершенствованію открытой техники и строго научная обработка результатовъ наблюденій составляютъ неизмѣнную особенность всѣхъ производимыхъ Пулковской обсерваторіей работъ, признаваемыхъ поэтому повсюду за образцовыя. Первоначально, наблюденія Пулковской обсерваторіи служили для опредѣленія: 1) астрономическихъ постоянныхъ, 2) фундаментальныхъ положеній звѣздъ и 3) движеній въ звѣздныхъ системахъ. Вслѣдствіи введенія фотометрическихъ, астрофизическихъ и астрофотографическихъ наблюденій. Установленный въ 1884 г. 30-ти дюймовый рефракторъ позволилъ, сверхъ того, расширить программу микрометренныхъ и астрофизическихъ наблюденій. Въ 1898 г. построена въ Одессѣ вспомогательная обсерваторія для опредѣленія точки весенняго равноденствія и наклонности экватора къ эклиптикѣ. Программныя наблюденія Пулковской обсерваторіи (между которыми выдаются по количеству наблюденій, произведенныхъ однимъ и тѣмъ же лицомъ, наблюденія дв. звѣздъ О. Струве и меридіальныхъ наблюденій Ромберга) доставляютъ точнѣйшія фундаментальныя опредѣленія координатъ свѣтилъ. Изъ многихъ не-программныхъ работъ упомянемъ: о хронометрическихъ экспедиціяхъ между Пулковомъ и Альтоной и Альтоной и Гриничемъ и объ экспедиціяхъ для наблюденій прохожденія Венеры 1874 г. и солнечнаго затмѣнія 1896 г. По 1899 г. Пулковской обсерваторіей опубликовано 18 большихъ томовъ наблюденій и астрономами обсерваторіи начеатано, по августу 1898 г., 572 научныхъ сочиненія. Изъ этихъ последнихъ упомянемъ: объ опредѣленіяхъ постоянныхъ абберанціи, преломленія и нутаціи В. и О. Струве, Петерса и Нюрена; объ изслѣдованіяхъ о физическомъ строеніи кометъ Врехидина; о работахъ по теоріи Эиковой кометы—Астена, Баклунда и Витра-

*) При чемъ Гольдбахъ пролагалъ сѣти треугольниковъ по меридіану и параллели Москвы.

ма; по теории движения спутников планет—Астена, Дубяго и Г. Струве; по теории движения планет—Гюльдена, Дубяго, Баллунда, Жданова, Долгорукова, Гарпера; по фотометрии—Линдемана; по вопросу об изменчивости широты—Нюрена, Иванова, Костинского, Ковальского, Соколова; по астрофизикѣ и астрофотометрии—Гассельберга, Влопольского, Ренца и Костинского; по изслѣдованію способовъ телеграфнаго опредѣленія долготы—Смыслова, Кортаци и Цингера; по изслѣдованію личныхъ ошибокъ—О. Струве и Цингера; о новыхъ способахъ опредѣленія времени—Делена и Цингера. До 1889 г. 205 молодыхъ людей (въ томъ числѣ, 126 офицеровъ арміи и флота) получили въ Пулковѣ свое окончательное астрономическое образование или познакомились съ производствомъ тѣхъ или другихъ наблюдений. Послѣ 1889 г. учебная дѣятельность Пулковской обсерваторіи расширена и видоизмѣнена къ лучшему по отношенію къ воспитанникамъ русскихъ университетовъ. Должность директора Пулковской обсерваторіи занимали: В. Струве (1839—62), О. Струве (1862—89), Бредихинъ (1889—95) и Баллундъ (съ 1895 г.). Преемники Струве въ Дерптѣ: Медлеръ (важнѣйшіе труды: по селенографии и звѣздной астрономіи) и Клаузенъ (изслѣдованія по небесной механикѣ и математикѣ) сохранили въ общемъ прежній характеръ дѣятельности дерптской обсерваторіи (1840—1872). Но обсерваторія, составъ инструментовъ которой не обновлялся, начала постепенно терять свое выдающееся значеніе. Шварцъ (1872—94) и его сотрудники производили преимущественно меридианныя наблюденія звѣздъ зоны астр. общества (отъ $+70$ до $+75^\circ$ скл.), но не закончили этой работы. Сотрудники Шварца выполнили кромѣ того въ Юрьевѣ различныя теоретическія работы, изъ которыхъ упомянемъ объ изслѣдованіяхъ Баллунда и Линдштедта по небес. механикѣ и объ опредѣленіи постоянныхъ прецессіи и собственного движения солнечной системы Л. Струве. Преемникъ Шварца—Левинскій (съ 1894 г.) расширилъ нѣсколько программу дѣятельности юрьевской обсерваторіи, на которой производятся нынѣ, кромѣ наблюдений звѣздъ зоны астр. наблюдателемъ Покровскимъ, наблюденія солнечныхъ пятенъ и ихъ фотографированіе, наблюденія и изслѣдованія съ горизонтальными маятниками и проч. Въ московской обсерваторіи Драгуновъ съ 1851 по 1856 опредѣляетъ мерид. кругомъ положенія сѣвер. звѣздъ. Назначенный въ 1856 г. директоромъ московской обсерваторіи Швейцера (пулковскій ученикъ В. Струве), выполнившій передъ тѣмъ нѣсколько серьезныхъ работъ и открывшій 11 кометъ, также посвящаетъ дѣятельность обсерваторіи преимущественно меридианнымъ наблюденіямъ. Преемникъ Швейцера—Бредихинъ (1873—90) и его сотрудники (Громадскій, Цераскій, Влопольскій, Соколовъ, Костинскій и др.), кромѣ меридианныхъ наблюдений, производили многочисленные наблюденія кометъ, малыхъ планетъ, падающихъ звѣздъ и особенно много вниманія посвящали изученію физическаго строенія солнца, планетъ, кометъ, звѣздъ и

туманностей, для чего производили спектральныя, фотометрическія и фотографическія наблюденія. Теоретическія изысканія Бредихина дали замѣчательные результаты относительно физическаго строенія кометъ и происхожденія падающихъ звѣздъ. Часть упомянутыхъ работъ помѣщена въ 12-ти томахъ «Анналовъ» московской обсерваторіи, изданныхъ Бредихинымъ. Цераскій, преемникъ Бредихина, сохранивъ въ общемъ характеръ дѣятельности обсерваторіи и своихъ собственныхъ, (преимущественно фотометрическихъ) работъ, изобрѣтаетъ также многія полезныя приспособленія для астрономич. наблюдений. Обучавшійся въ Пулковѣ М. Ляпуновъ производить, съ начала 40-хъ годовъ, на казанской обсерваторіи опредѣленія положеній большихъ и малыхъ планетъ и кометъ, дѣлаетъ микрометрическія измѣренія (тралеція Оріона) и пр. Къ сожалѣнію, дѣятельность Ляпунова не продолжительно (былъ директоромъ обсерв. съ 1850 по 1854 г.). Ковальскій, имѣвшій еще до назначенія директоромъ обсерваторіи (1854—84) почетную научную извѣстность, какъ авторъ изысканія по теории движения Нептуна и опубликовавшій потомъ еще нѣсколько работъ по теоретическимъ астрономіи, небесной механикѣ, теории затмений и теории рефракціи, обращаетъ дѣятельность обсерваторіи преимущественно къ меридианнымъ наблюденіямъ около-полярныхъ звѣздъ и звѣздъ зоны астр. общ. отъ $+75$ до $+80^\circ$ скл. Эту послѣднюю работу закончилъ преемникъ Ковальскаго—Дубяго, который значительно увеличилъ программу дѣятельности обсерваторіи. Кромѣ мерид. наблюдений, Дубяго и его сотрудники (Порѣцкій, А. Ковальскій, Красновъ, Грачевъ и др.) производятъ опредѣленія измѣненій широты, опредѣленія силы тяжести и пр. Часть этихъ наблюдений помѣщена въ изданномъ Дубяго рядѣ «Трудовъ» каз. обсерваторіи. Киевскую обсерваторію Шидловскій (1856—68) нашелъ «въ крайне неудовлетворительномъ состояніи» и подвергнулъ ее значительнымъ перестройкамъ. Научная дѣятельность киевской обсерваторіи начала Хандриковымъ, издавшимъ 4 т. «Анналовъ», въ которыхъ помѣщены: мер. наблюденія сѣв. звѣздъ Фабриціуса, мер. наб. Хандрикова на московской обсерваторіи и опредѣленія долготы и широты обсерваторіи (Хандриковъ, Фабриціусъ, Диченко). Кромѣ того, профессорами Хандриковымъ и Фогелемъ и наблюдателемъ Фабриціусомъ опубликованы различныя наблюденія и теоретич. изслѣдованія. Савичъ, ученикъ В. Струве, назначенный профессоромъ петерб. ун-в. въ 1839 г., весьма много содѣйствовалъ распространенію астр. знаній въ Россіи своими, нѣсколько разъ переведенными на иностранныя языки, руководствами и преподаваніемъ въ университетѣ и академіяхъ генер. штаба и морской. Многіе изъ учениковъ Савича посвятили себя затѣмъ специальнымъ занятіямъ астрономіей и геодезіей. Теоретическая научная дѣятельность Савича была весьма разнообразна (способы опредѣленія орбитъ планетъ и ихъ спутниковъ, рефракція, задачи практ. астрон. и пр.). Сверхъ того Савичъ, вмѣстѣ съ Ленцомъ

и Смысловымъ, произвелъ рядъ опредѣлений ускоренія силы тяжести по близости отъ русско-скандинавской дуги меридиана. Преемникъ Савича—Глазенацъ (важнѣйшія работы о затмѣніяхъ спутниковъ Юпитера, способы вычисления орбитъ дв. звѣздъ, рефракція) устроилъ при спб. ун-в. небольшую обсерваторію, главнымъ инструментомъ которой—рефракторомъ—произвелъ нѣсколько рядовъ наблюдений двойныхъ звѣздъ въ Петербургѣ, Абастуманѣ, Гурзуфѣ и Домкинѣ. Учрежденіе въ спб. ун-в. второй профессуры по астрономіи, занимаемой Ждановымъ (главнѣйшія работы по небесной механикѣ и высшей геодезії: теорія промежуточныхъ орбитъ, частныхъ возмущеній, вычисленіе дуги параллели), дало возможность значительно усилить преподаваніе астрономіи въ спб. ун-в. Въ харьковскомъ универс. профессора Шидловскій (1843—56) и Федоренко (1857—79), составили, по указанію В. Струве, извѣстный каталогъ околополярныхъ звѣздъ, наблюдаемыхъ Лаландомъ; они производилилиш астрономо-географическія опредѣленія. Изъ учениковъ Федоренко выдавались: Версбуровъ (работы по небесной механикѣ и теорет. астрономіи) и Порфицій (меридианныя и др. наблюденія въ казанск. ун-в., работы по чистой математикѣ). Преемнику Федоренки, Левицкому, удалось постепенно устроить обсерваторію, снабженную нѣкоторыми новѣйшими инструментами и начать изданіе трудовъ обсерваторіи, въ которыхъ помѣщены: опредѣленія широты и долготы обсерваторіи, изслѣдов. способа опред. широты, наблюденія солнечн. пятенъ и выступовъ (протуберанцевъ—наблюд. Сикора), наблюденія горизонтальными маятниками и пр. Существенный недостатокъ обсерваторіи—отсутствіе помощника у директора—устраненъ Л. Струве (завѣдуетъ обсерв. съ 1894 г.; важнѣйшія работы, кромѣ упомянутой выше: меридианныя наблюденія въ Юрьевѣ, двойныя звѣзды, опредѣленіе луннаго діаметра изъ покрытій и пр.), который, сверхъ начатыхъ раньше наблюдений, производитъ систематич. наблюд. меридианнымъ кругомъ. — Обсерваторія варшавскаго универ. построена въ 1820—24 гг., но дѣятельность ея начала развиваться лишь съ 60-хъ г., благодаря трудамъ Ковальчика и Дейке. Наблюдаются (въ меридианѣ и микрометромъ) планеты и кометы. Затѣмъ Ковальчикъ опредѣляетъ положенія звѣздъ зоны отъ $-150'$ до $-710'$, напечатанные въ «Observations» В. обсерват. (часть I, 1892 г.) и, сверхъ того, производитъ рядъ теоретич. работъ (орбиты кометъ и мал. планетъ). Присутственно теоретическими-же работами занимаются директоры обсерваторіи: Барановскій (орб. ком. Вены), Востоковъ (теоретич. астроном., теорія возмущеній) и Красновъ (небесн. механика, особенно теорія луны). Дѣятельность виленской обсерваторіи при Фуссѣ (1847—54), вслѣдствіе его болѣзни, значительно ослабла. Саблеръ (ученикъ В. Струве; наблюдалъ въ Дерптѣ и Пулковѣ) поставилъ главной задачей обсерваторіи изученіе солнечной поверхности и фотометрію. За смертью Саблера (въ 1865 г.) упомянутыя наблюденія начаты Смы-

словымъ и продолжены до пожара обсерваторіи въ 1875 г., послѣ котораго она возобновлена не была. Дѣятельность К. Кнорре въ Николаевѣ продолжалась до 1871 г. Съ 1872 г. Кортацинъ производитъ наблюденія планетъ, кометъ, физик. наблюденія планетъ, опредѣленіе звѣздъ зоны отъ $+1^{\circ}$ до -2° скл., наблюденія горизонтальными маятникомъ, многочисленныя опредѣленія широты и долготы и проч.—Астр. обсерваторія ун-в. въ Одессѣ построена въ 1871 г. при проф. Беркевичѣ (главн. труды по небесн. мех.: орбиты малыхъ планетъ). Астрон.-наблюдатель обсерваторіи Блокъ произвелъ на ней многія наблюденія преимущественно кометъ и открылъ нѣкоторыя изъ нихъ. Кононовичъ (гл. труды: орбиты дв. звѣздъ, фотометр. изслѣдованія, спос. наим. квадратовъ), завѣдуя обсерваторіей съ 1881 г., ввелъ на ней астрофиз. наблюденія, часть которыхъ опубликована. Въ 1877 г. построена въ Ташкентѣ обсерваторія для производства астрономическихъ и геодезическихъ работъ, которыя и начаты съ 1880 г. Померанцевымъ (гл. работы: опред. долготъ, земельная рефракція, фигура геоида), производившимъ, кромѣ геодезическихъ экспедицій, весьма многочисленныя и разнообразныя наблюденія (кометъ, планетъ, паденія звѣздъ, звѣздъ сравненія на мерид. кругѣ, солнцн. пятенъ и проч.). Съ уходомъ Померанцева (1888) дѣятельность ташкентской обсерваторіи становится преимущественно геодезической. Однако, въ послѣднее время начаты снова часто астрономическія работы, между прочимъ помощью пріобрѣтеннаго въ 1894 г. для ташкентской обсерваторіи астрографа.

Геодезич. дѣятельность. Во второй половинѣ XIX ст. геодезическая дѣятельность въ Россіи чрезвычайно усиливается. Въ началѣ этого періода важнѣйшія астрономо-геодезическія работы производятся какъ военными геодезистами, такъ и астрономами Пулковской и университетскихъ обсерв. Послѣ учрежденія геодезическаго отдѣленія академіи генеральнаго штаба (первый выпускъ геодезистовъ въ 1858 г.) такія работы выполняются преимущественно военно-топографическимъ отдѣломъ. Университетскими астрономами выполняются главнымъ образомъ изслѣдованія силы тяжести и теоретическія работы по геодезії (изъ послѣднихъ важнѣйшія—труды проф. Саудскаго). Всѣ большія триангуляція въ Россіи также выполняются военными геодезистами и въ настоящее время сѣтъ треугольниковъ покрываетъ болѣе $\frac{2}{3}$ Евр. Россіи. Тѣми же геодезистами, подъ начальствомъ Лебедева, совершена замѣчательная триангуляція Болгаріи въ 1877—79 гг. Соединеніе нѣсколькихъ русскихъ и иностранныхъ сѣтей треугольниковъ доставило градусныя замѣренія по параллелямъ $47\frac{1}{4}^{\circ}$ (20° по долготѣ) и 52° с. ш. ($63^{\circ}41'$ по долг., изъ нихъ въ предѣлахъ Россіи $39^{\circ}24'$). Въ 1899 г. акад. наукъ отправила экспедицію изъ военныхъ и гражданскихъ геодезистовъ для производства градуснаго измѣренія на Шпицбергенѣ (руско-шведское град. изм.). Въ Азиатской Россіи усиленіе астрономо-геодезич. дѣятельности начинается съ учрежденія мѣстныхъ военно-топогр. от-

дѣловъ въ 1864 г., и затѣмъ съ постройкой Сибирской жел. дороги. Результаты производимыхъ военно-топографическимъ отдѣломъ работъ излагаются въ «Запискахъ» этого Отдѣла (56 томовъ до 1899 г.). Въ этомъ выдающемся научномъ изданіи помѣщены наблюденія и изслѣдованія Теннера, Шуберта, Вронченко, Ходзько, Форша, Стебницкаго, Штубендорфа, Корташи, Артамонова, Тилло, Лебедева, Бонсдорфа, Шарнгорста, Кульберга, Померанцева, Гедеонова, Витрама, Вятковского и мног. другихъ, труды которыхъ свидѣтельствуютъ о высокомъ развитіи теоріи и практики геодезій въ Россіи.

Въ 1890 г. учреждено русское астрономическое общество, имѣющее цѣлью содѣйствовать успѣхамъ астрономіи и высшей геодезій и распространенію этихъ знаній въ Россіи. Въ издаваемыхъ этимъ обществомъ «Извѣстіяхъ» помѣщены различные цѣнные труды по астрономіи, астрофизикѣ и проч. (Бредихина, Баклунда, Глазенаха, Кононовича, Корташи, Иванова, Витрама и др.). Сверхъ перечисленныхъ теоретическихъ работъ, важныя изслѣдованія по небесной механикѣ произведены профессоромъ харьк. унив. А. Ляпуновымъ и Софіей Ковалевской († 1891).

Небольшія и частныя обсерваторіи. Кромѣ упомянутыхъ обсерваторій, въ Россіи существовало и существуетъ еще нѣсколько обсерваторій спеціального характера (морскихъ, межевого института и пр.). Изъ подобныхъ обсерваторій нѣкоторую научную извѣстность въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія имѣла обсерваторія митавской гимназіи (наблюдатели: Бейтлеръ и Паукеръ). Также и частными лицами производились и производятся въ Россіи полезныя астрономическія наблюденія и изслѣдованія, какъ напр. Зандомъ и Кейслеромъ въ Ригѣ, Ламберти и Тремеромъ въ Дерптѣ, Еничемъ въ Москвѣ и др., въ началѣ этого столѣтія, и въ послѣднее время: Брунсомъ въ Симферополѣ, Каульбарсомъ въ Гельсингфорсѣ, г-жеи Фрейбергеръ въ Петербургѣ, Мирковичемъ въ Ярославлѣ, Воиновымъ въ Москвѣ и пр.

Г. Лесикій.

4) Физика. Исторія развитія физики въ Россіи, въ особенности въ нынѣшнемъ столѣтіи, тѣсно связана съ исторіей развитія преподаванія физики въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Всѣ выдающіеся представители этой науки такъ или иначе, какъ въ прошлыя времена, такъ и теперь, являлись и являются представителями и преподаванія физики. Въ прошломъ столѣтіи, когда наука физики, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, окончательно выдѣлилась изъ той обширной совокупности свѣдѣній по естествознанію, которую раньше называли «физикой», явились и первые представители этой науки въ Р.—именно академики задуманной въ 1720 г. Петромъ Великимъ и открытой въ 1725 г. Екатериной I Императорской академіи наукъ. Первые физики въ академіи (и вообще въ Р.) были иностранцы; вскорѣ изъ учениковъ ихъ выработались, правда, немногочисленные вначалѣ, представители этой науки изъ природныхъ

русскихъ. Точно также и первые физики въ университетахъ были почти всѣ иностранцы и только во второй четверти нынѣшняго столѣтія приглашеніе иностранцевъ для замѣщенія кафедръ физики прекратилось. Первые академики по физикѣ, приглашенные изъ числа германскихъ ученыхъ, были въ значительной части дѣйствительно выдающіеся представители науки; нельзя сказать того же о первыхъ замѣстителяхъ кафедръ физики при различныхъ университетахъ. Благодаря этому центромъ научной дѣятельности по физикѣ до самой середины нынѣшняго столѣтія являлась академія наукъ. Лишь въ серединѣ столѣтія русскіе замѣстители кафедръ физики въ университетахъ, изъ которыхъ многіе довершили свое научное образованіе въ иностранныхъ, главнымъ образомъ германскихъ университетахъ, подняли уровень какъ преподаванія, такъ и научной дѣятельности по физикѣ въ русскихъ университетахъ, и въ послѣднихъ сосредоточилась научная дѣятельность и они явились разсадникомъ новыхъ научныхъ силъ. Такимъ образомъ лишь съ середины текущаго столѣтія начался въ Россіи тотъ нормальный ходъ развитія физики какъ науки, который болѣе ста лѣтъ уже держался въ университетахъ Германіи и другихъ странахъ съ болѣе ранней культурой; это объясняетъ намъ, почему научная дѣятельность по физикѣ въ Р. не носитъ такого опредѣленнаго, можно было-бы сказать «національнаго» оттѣнка, каковой замѣчается въ научной дѣятельности по физикѣ въ Германіи, Франціи и Англіи; это объясняетъ также, почему наши университеты не явились еще исходными точками опредѣленныхъ, типично выраженныхъ, традицій создаваемыхъ «физическихъ школъ». Медленному и позднему развитію физики въ Р. служило причиной также и позднее сознаніе въ необходимости устройства физическихъ лабораторій, обставленныхъ согласно современнымъ понятіямъ и требованіямъ науки. Лишь въ самое послѣднее время нѣкоторые изъ университетовъ въ этомъ отношеніи стали наравнѣ съ университетами Европы. Но этого нельзя ставить въ упоръ представителямъ физики въ Р. Ясное представленіе о необходимости культивированія государственомъ чистой науки, какъ основы челоувѣческаго благополучія, представленіе, нормально возросшее въ Европѣ, какъ плодъ самой жизни, слишкомъ поздно выяснилось въ Р., гдѣ и сама наука первоначально явилась не плодомъ жизни, но экзотическимъ растеніемъ, насажденнымъ на едва подготовленную почву.

Занятія физикою въ Россіи начались въ 1691 г. съ преподаванія братьями Лихудами въ Москвѣ въ Заиконоспасской Славяно-греко-латинской академіи «Физики Аристотеля». Имъ удалось прочесть своимъ слушателямъ, однако, только двѣ первыя книги и 9 главъ третьей. Затѣмъ съ ихъ отстраненіемъ отъ академіи, преподаваніе физики прекратилось въ Р. надолго. Поэтому аристотелева наука осталась въ Р. неизвѣстною. Разсмотрѣніе дальнѣйшаго развитія физики въ Р. удобнѣе всего вести по университетамъ и

другимъ центрамъ науки, между которыми первое мѣсто принадлежить:

Императорской академіи наукъ (съ 1725). Первымъ академикомъ по физикѣ приглашенъ былъ въ 1725 г., по рекомендаціи знаменитаго Вольфа, Христіанъ *Мартини*, начавшій свою карьеру въ академіи довольно неудачно заявленіемъ, о которомъ въ протоколѣ отъ 23 ноября 1725 г. сказано: «Martini viam ad perpetuum mobile a se inventum putavit»; уже въ 1726 г. онъ перешелъ на кафедру логики и метафизики, но и тутъ оказался неспособнымъ и въ 1729 г. оставилъ Р. Замѣстителемъ его явился въ 1726 г. талантливый Георгъ *Бильфингеръ* (1693—1750), тоже ученикъ Вольфа, безпокойный человѣкъ, враждовавшій и съ Шумахеромъ (начальникъ академической канцеляріи) и съ братьями Бернулли и съ Эйлеромъ; уже въ 1731 г. онъ покинулъ академию, оставивъ почетнымъ членомъ ея, и до конца жизни не прерывая съ ней сношеній. Въ «*Commentarii academicae*» напечатанъ рядъ работъ его о термометрахъ, барометрахъ, о капиллярности и т. д.; между ними двѣ статьи: «О причинѣ тяжести отъ движенія вихрей» и «О исправленіи барометровъ», помѣщенные въ «Краткомъ описаніи комментаріевъ», представляютъ, вѣроятно, первыя оригинальныя работы по физикѣ, напечатанныя на русскомъ языкѣ. Съ 1730 по 1733 г. кафедру физики занималъ знаменитѣйшій Леонардъ *Эйлеръ* (1707—1783), впоследствии академикъ по математикѣ, обогащавшій въ 1769—1771 г. и физику тремя томами своей «*Диоптрики*». Во тоже время при академіи съ 1726 г. состоялъ механикъ и физикъ Іоаннъ *Лейтманъ* (1667—1736), одинъ изъ первыхъ русскихъ метеорологовъ и дѣятелей по монетному дѣлу, оставившій рядъ статей по вопросу о конструкціи точныхъ вѣсовъ и по практической оптикѣ. Академическимъ механикомъ состоялъ приглашенный по рекомендаціи Эйлера Исаакъ *Брюкнеръ*, насадившій въ Р. гранитное и шиферное мастерство, а послѣ него съ 1769 по 1801 г. знаменитый механикъ-самоучка Иванъ *Кулибинъ* (см.). Съ 1733 г. кафедрѣ физики замѣстилъ Георгъ *Крафтъ* (1701—1754; см.), ученикъ Бильфингера, приглашенный по рекомендаціи своего учителя и занимавшій сначала должностъ астронома-наблюдателя при Делии. Крафтъ много потрудился по упрядоченію физическаго кабинета академіи, «такъ что корпусъ физическихъ инструментовъ вдругъ знатнѣйшимъ по всей Европѣ учинился» и былъ первый, который при академіи «полный курсъ экспериментовъ физическихъ имѣлъ». Крафтъ съ любовью, однако, занимался и астрологіей, и метеорологіей, ставилъ гороскопы, сочинялъ календари и предсказывалъ императору Анну перемѣны въ погодѣ. Въ 1744 г. Крафтъ оставилъ академию, перешелъ въ тюбингенскій университетъ, и, не смотря на неоднократныя приглашенія, въ Р. не вернулся. Этого талантливого и плодотворнаго ученаго оставилъ рядъ чисто научныхъ работъ (въ изданіяхъ академіи) по физикѣ, астрономіи, математикѣ и метеорологіи, и множество (109) популярныхъ статей по раз-

личнѣйшимъ вопросамъ физики и физической географіи (въ «Примѣчаніяхъ къ Слб. Вѣдомостямъ»); онъ же составилъ учебники по физикѣ и физической географіи, долго потомъ служившіе руководствомъ въ академической гимназіи. Къ тому же времени относятся работы по физикѣ проректора академической гимназіи Христіана *Геллерта* (1713—1795), адъюнкта академіи съ 1736 по 1744 г., усердно занимавшагося подъ вліяніемъ Эйлера вопросами физики (главнымъ образомъ—капиллярности) и метеорологіи (данныя о колебаніи уровня Невы). Ученикъ Крафта, адъюнкта Георгъ *Рихманъ* (см.; 1711—1753), былъ первымъ физикомъ-академикомъ, воспитаннымъ въ Р.; онъ у насъ извѣстенъ главнымъ образомъ своею трагическою смертію, послѣдовавшей отъ удара молніей при опытахъ надъ атмосфернымъ электричествомъ, но достойна памяти и дѣятельность его, какъ одного изъ основателей ученія о теплотѣ вообще и въ особенности ученія о калориметріи; въ этомъ отношеніи заслуги Рихмана не оспариваются еще по достоинству. Академикомъ по химіи былъ съ 1741 по 1765 г. знаменитый Михаилъ Васильевичъ *Ломоносовъ* (см., 1711—1765), работы котораго по физикѣ, хотя и не создали ни ему, ни академіи извѣстности, все же приближаютъ въ этомъ необыкновенномъ человѣкѣ рѣдкостно правильные по тому времени взгляды на науку. Эйлеръ высоко цѣнилъ научныя работы Ломоносова и писалъ президенту академіи графу Разумовскому: «Всѣ сіи диссертаціи не только хороши, но и весьма превосходны, ибо онъ пишетъ о матеріяхъ, которыя нынѣ не знали и истолковать не могли самые остроумные люди, что онъ учинилъ съ такимъ успѣхомъ, что я увѣренъ о справедливости его изъясненій». Особенно интересна работа Ломоносова «*Meditationes de calor et frigoris causis*» (1750), въ которой изложены основныя гипотетическія тезисы механической теоріи тепла такъ, что и въ настоящее время могутъ быть признаны въ общемъ вѣрными. Ломоносовъ изобрѣталъ и строилъ приборы, писалъ по многимъ вопросамъ физики (напр. по оптикѣ), но въ сожалѣнію многія работы его хранятся пока лишь въ видѣ манускриптовъ въ архивѣ академіи, и полной оптики Ломоносова, какъ физика, еще нѣтъ: работу Н. А. Любимова («Ломоносовъ, какъ физикъ», М., 1855) нельзя признать исчерпывающей вопроса. Въ учебной литературѣ по физикѣ Ломоносовъ извѣстенъ, какъ переводчикъ «Вольфяновой физики». Академикъ по физикѣ Францъ *Эпинусъ* (1724—1802), въ 1757 г. приглашенный въ академию наукъ и въ общемъ гораздо менѣе талантливый, чѣмъ Ломоносовъ, былъ зато болѣе глубокимъ знаткомъ физики. Изъ всѣхъ его работъ (по механикѣ, оптикѣ и электричеству) наибольшую извѣстностью пользуется сочиненіе его «*Tentamen theoriae electricitatis et magnetismi*» (1759), составившее эпоху въ ученіи объ электричествѣ. Въ немъ Эпинусъ отрывается отъ картезіанскихъ представленій объ «электрическихъ истеченіяхъ» и пытается построить математическое ученіе объ электричествѣ, исходя изъ дѣйствій электричества

на разстояніи. Эпинусу мы обязаны также разсмотрѣніемъ вопроса о пирроэлектричествѣ турмалина, теоріей конденсатора и электрофора. Эпинусъ ушелъ изъ академіи въ 1798 г. Почти одновременно съ Эпинусомъ призванъ былъ (1756) въ Р. и Іоаннъ *Цейгеръ* (1720—1784) на кафедру механики. Этотъ ученый далъ нѣсколько цѣнныхъ работъ по оптикѣ, особенно по вопросу о свѣторазсѣяніи стеколъ; онъ первый указалъ, что при добавленіи свинца къ стеклу повышается дисперсія, а прибавленіе щелочныхъ земель уменьшаетъ коэффициентъ преломленія. Два другихъ профессора физики — Іоаннъ *Эйлеръ* (1734—1800), сынъ знаменитаго Л. Эйлера, вернувшійся вмѣстѣ съ отцомъ въ 1766 г. въ СПб., и Вольфгангъ *Крафтъ* (1743—1814), сынъ Георга Крафта, мало способствовали успѣхамъ физики: Эйлеръ почти всѣ свои работы посвящая астрономіи и навигаціи, Крафтъ — физической географіи; работы послѣдняго по изслѣдованію земного магнетизма въ Р. достойны упоминанія. Въ концѣ прошлаго столѣтія въ запискахъ академіи (1793) помѣщенъ также трудъ *Северина* о фосфоричныхъ камняхъ. Съ 1802 по 1807 г. состоялъ членомъ — корреспондентомъ, а въ 1807 г. вступилъ въ академию Василій Владиміровичъ *Петровъ* (1761—1834; см.), одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ физиковъ; уже первыя сочиненія его «Собраніе физико-химическихъ новыхъ опытовъ» (1801) и «Извѣстіе о гальваническихъ опытахъ» (1803) изобличаютъ въ Петровѣ искуснѣйшаго экспериментатора и остроумнаго наблюдателя. Эти сочиненія Петрова, также какъ и позднѣйшія его работы, лишь въ последнее время получили надлежащую оцѣнку; подробности см. Петровъ В. В. (XXIII, 460). Подъ редакціей Петрова вышелъ также переводъ сочиненія «Начальныя основанія физики» Шрадера, которымъ до 30-хъ годовъ пользовались въ качествѣ учебника. Въ 1826 г. въ академию приглашенъ былъ Георгъ-Фридрихъ *Парротъ* (1767—1852; см.), уже извѣстный въ то время профессоръ и ректоръ дерптскаго университета, работы котораго по осмосу и роли его въ жизни органической весьма замѣчательны. Парротъ былъ яркимъ поборникомъ химической теоріи Вольтовыхъ явленій и защитѣ ея, довольно, впрочемъ, неудачной, посвятилъ множество статей. Изъ лабораторіи Паррота въ Дерптъ вышло много достойныхъ учениковъ, изъ которыхъ двое, Э. Х. *Ленцъ* (см.) и А. Я. *Купферъ* (1828), призванные въ академию, не мало способствовали развитію физики въ Р. Э. Х. *Ленцъ* (1804—65), извѣстный уже своими работами по физической географіи, совершенными во время участія его въ кругосвѣтной экспедиціи Коцебу (1823—26), въ 1828 г. былъ назначенъ адъюнктомъ, въ 1834 — академикомъ. Работы его по электромагнетизму, сдѣлавшіяся классическими, упрочили ему славное въ наукѣ имя. Онъ первый далъ (1834) общій законъ сложныхъ явленій индукціи, открытыхъ Фарадеемъ, законъ, который, какъ оказалось позже (1847 г., Гельмгольцъ) есть прямое слѣдствіе принципа сохранения энергіи, онъ же далъ первый (1835) точное количественное изслѣдованіе индукціонныхъ переменныхъ

токовъ и магнитной индукціи въ электромагнитахъ (совмѣстно съ Якоби). Онъ, наконецъ, высказалъ (одновременно съ Джоудемъ, въ Англіи) въ 1844 г. «законъ Джоуля-Ленца», дающій количественную связь между тепловой энергіей и энергіей электрическаго тока. А. Я. *Купферъ* (1799—1865), бывшій раньше проф. казанскаго ун-ва, въ 1828 г. назначенъ былъ академикомъ, раньше по минералогіи, а съ 1840 г. по физикѣ. Купферъ извѣстенъ своими цѣнными работами по русской метрологіи, легшими въ основаніе для установленія въ 1835 г. нормальныхъ русскихъ мѣръ. Дальнѣйшія работы Купфера касались, главнымъ образомъ, кристаллографіи и метеорологіи; онъ былъ основатель и первый директоръ сиб. главной физической обсерваторіи. Современникомъ этихъ двухъ ученыхъ былъ извѣстный академикъ Б. Г. *Якоби* (1801—75), раньше проф. инженернаго дѣла въ Дерптѣ; извѣстенъ работами по электромагнетизму (совмѣстно съ Э. Х. Ленцемъ) и открытіемъ гальванопластики въ 1837 г.; въ 1838 г. примѣнилъ построенный имъ еще въ 1834 г. электродвигатель къ движенію лодки по Невѣ. Онъ первый (1846) предлагаетъ единицу электрическаго сопротивленія (единица Якоби), которая, впрочемъ, не удержалась по своей произвольности.

Московский университетъ. Первымъ лекторомъ физики былъ аббатъ Франкоусъ. Въ 1758 г. физика перешла уже къ І. Х. *Керштенсу* (Kerstens) доктору медицины, изъ Лейпцига. Керштеньсъ, читалъ физику экспериментальную и теоретическую «для предуготовленія тѣхъ, кои медицинѣ обучаться желаютъ». Онъ былъ талантливый и наблюдательный ученый, но чтеніе физики было лишь случайнымъ его занятіемъ. Въ 1759 г. чтеніе физики перешло къ И. Ю. *Росту* (1726—91; см.), бывшему раньше лекторомъ англійскаго языка, но въ 1758 г. перешедшему на математику. Онъ читалъ экспериментальную физику на латинскомъ языкѣ, показывалъ и опыты, для чего имѣлъ «прислѣшниковъ» француза Дюмулена, а затѣмъ итальянца Маджи (XXVII, 142). Читалъ оптику (1759) и физику (1761) также и Д. *Савичъ*. философіи и свободныхъ наукъ магистръ, который переведенъ былъ въскорѣ въ Казань. По смерти Роста чтеніе опытной физики, «почтавшейся тогда не важной», поручено было П. И. *Страхову* (1757—1813), воспитанику московскаго университета, ученику Роста. Въ 1785 г. Страховъ посланъ осматривать европейскіе университеты; вернувшись въ Россію, назначенъ былъ инспекторомъ университетск. гимназій и по представленіи разсужденія, «О движеніи тѣлъ вообще и въ особенности звѣздъ небесныхъ», назначенъ проф. физики. Въ 1791 г. Страховъ прочелъ первую пробную лекцію на русскомъ яз.: «О свойствахъ и химическомъ сложении атмосфернаго воздуха». Въ томъ же году устроено было особое отдѣленіе для физическаго кабинета, весьма бѣднаго въ то время. Страховъ читалъ по Бриссону, который и перевелъ на русскій языкъ (1803 г.), а въ 1810 г. издалъ свое «Краткое начертаніе физики». Работалъ надъ испареніемъ ртути при обыкновенной температурѣ.

надъ явленіями при замерзаніи жидкостей, надъ атмосфернымъ электричествомъ. Повидимому, всѣ эти труды и многіе другіе, а также рѣдкія коллекціи, собранныя Страховымъ, погибли во время пожара Москвы. У него доучивались Стойковичъ (проф. въ Харьковѣ), знаменитый филантропъ врачъ Гаазъ и др. Страховъ умеръ въ 1813 г. Съ 1813 г. до 1827 г. преподавалъ физику И. А. *Двигубскій* (1771—1839; см.), ученикъ харьковского коллегіума и московскаго унив., съ 1798 г. читавшій естественную исторію. Двигубскій оставилъ много цѣнныхъ работъ по естествознанію; по физикѣ онъ составилъ «Списокъ физическихъ инструментовъ Имп. моск. унив.» (1821), долго служившій руководствомъ въ унив., а «Физику для благородныхъ воспитанниковъ университетскаго пансіона» (1808), долго служившую руководствомъ во многихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Съ 1820 по 1829 г. издавалъ «Новый магазинъ естественной исторіи, физики и химіи». Проф. химіи Ф. *Рейс* (см.) сдѣлалъ интересныя работы по физикѣ (по гальванизму и электролизу), еще не получившія надлежащей оцѣнки. Рейсъ первый, между прочимъ, замѣтилъ движеніе жидкости между электродами въ электролитѣ («водогонную силу»), такъ наз. электрической эндосмозъ, изслѣдованный впоследствии Видеманномъ и Квинке. Физику читали послѣ Двигубскаго: Д. М. *Перевощиковъ* (1788—1880; см.), известный проф. астрономіи и впоследствии членъ академіи наукъ, издалъ «Руководство къ опытной физикѣ» (1833), затѣмъ проф. физики, минералогіи и сельскаго хозяйства М. Г. *Павловъ* (XXII, 569), известный дѣятель по сельскому хозяйству, котораго «Основанія физики» (1825 и 2-е изд., 1836) проникнуты духомъ шедлинговой натуръ-философіи (XXII, 569) и, наконецъ, И. С. *Веселовскій*, воспитанникъ московскаго университета, назначенный въ 1835 г. ордин. проф. по физикѣ (известны лишь 2 статьи: «Объ электричествѣ», въ «Магазинѣ» Двигубскаго). Въ то же время въ 1834 г. появилась работа московскаго минералога Рудольфа *Германа*, въ которой впервые упоминается принципъ ледяного калориметра, вновь предложенный впоследствии Гершелемъ (1847) и Бунзеномъ. Съ 1838 года адъюнктомъ по физикѣ и физической географіи назначенъ былъ М. Θ. *Спасскій*, воспитанникъ главнаго педагогическаго института въ СПб. и ученикъ Купфера, въ работахъ котораго по метеорологіи и земному магнетизму принималъ дѣятельное участіе, и труды котораго переводилъ на русскій языкъ. Въ 1838 г., будучи за границей, напечаталъ въ «Анналахъ» Потгендорфа работу «О Николаевой примѣ». Читаль, по собственнымъ запискамъ; работы его касались исключительно метеорологіи, однимъ изъ пионеровъ которой въ Р. Спасскій несомнѣнно долженъ быть признанъ. Въ 1854 г. адъюнктомъ по кафедрѣ физики назначенъ Н. А. *Любимовъ* (1830—1898), воспитанникъ московскаго университета, авторъ известной «Начальной физики» (1876), работъ по различнымъ вопросамъ физики (теорія оптическихъ инструментовъ) и цѣнныхъ работъ по исторіи физики; подр. см. XVIII,

209. Въ 1866 г. физику началъ читать известный нашъ ученый А. Г. *Столетовъ* (1839—69; см.), вокругъ котораго скоро сгруппировалась цѣлая школа молодыхъ ученыхъ - физиковъ. Неуголнимо энергичный, глубоко образованный и съ любовью преданный своей наукѣ, Столетовъ высоко поднималъ преподаваніе физики въ московскомъ унив., физическая лабораторія котораго, благодаря ему, въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ была центромъ русской физики и расадникомъ молодыхъ научныхъ силъ. Имена учениковъ его Р. А. *Колли* (Москва и Казань), Н. Н. *Шиллера* (Кіевъ), П. А. *Зилова* (Москва и Варшава), А. П. *Соколова* (Москва), *Щелылева* (Москва), В. В. *Станкевича* (Варшава), Д. А. *Голодягмера* (Казань), В. А. *Милейсона* (Москва) и др. достаточно указываютъ, какъ высоко поставлено было А. Г. Столетовымъ преподаваніе физики въ московскомъ университетѣ. Московскій университетъ доставляетъ въ настоящее время новое зданіе физической лабораторіи.

Дерптскій (нынѣ *юрьевскій*) университетъ основанъ въ 1802 г. Первымъ ректоромъ и профессоромъ физики въ немъ былъ известный Георгъ-Фридрихъ *Парротъ* (1767—1852), воспитанникъ штутгартской академіи, впоследствии членъ спб. акад. наукъ, известный своими работами надъ осмосомъ и надъ теоріей Вольтовыхъ явленій. Парротъ (XX, 879), кромѣ цѣлага ряда научныхъ работъ, оставилъ нѣсколько болѣе крупныхъ сочиненій, именно: «Uebersicht des Systems der theoretischen Physik» (2 т., 1809—11), «Grundriss der Physik d. Erde» (1815) и «Entretiens sur la Physique» (6 т., 1819—24). Изъ учениковъ Г. Ф. Паррота получили большую известность Э. Х. Ленцъ и Купферъ. Послѣ переезда Паррота въ 1826 г. въ СПб., кафедрѣ его занялъ сынъ его, Иоганнъ-Фридрихъ *Парротъ* (1791—1841), воспитанникъ дерптскаго унив., проф. физиологіи съ 1821 г., известный уже въ то время своими научными путешествіями. Работы И. Ф. Паррота (XX, 880) относятся главнымъ образомъ къ физической географіи, медицинѣ и ботаникѣ. Послѣ И. Ф. Паррота назначенъ былъ въ 1844 г. известный иностранный метеорологъ Людвигъ-Фридрихъ *Кемцъ* (Kämtz, 1801—1867), впоследствии академикъ спб. академіи наукъ и директоръ главн. физической обсерваторіи (XIV, 926). Кафедрѣ прикладной математики во времена Кемца занималъ *Зенфъ*, читавшій также и отдѣльныя части физики (оптику) и работавшій надъ теоріей зрѣнія и теоріей двойного лучепреломленія. Въ то же время въ Дерптѣ производилъ свои первыя работы по электромагнетизму и его приложениямъ проф. по кафедрѣ архитектуры (съ 1835 г.), известный впоследствии Моріцъ *Якоби* (1801—1875). Ученикомъ Кемца и замѣстителемъ его (въ 1866 г.) былъ Артуръ *фонъ-Эттингенъ* (v. Oettingen), учившійся въ Дерптѣ, Парижѣ и Берлинѣ и известный къ тому времени своими диссертациями: «Der Rückstand der Leidener Batterie» (1862) и «Ueber das Laden der Leidener Batterie durch Induction» (1862). Позднѣйшія работы фонъ-Эттингена касались вопросовъ термометріи, термодина-

мики, колебательного разряда и музыкальной акустики («Das Harmoniesystem in dualer Entwicklung», 1866). Въ 1866 г. фонъ-Эттингенъ основалъ въ Дерптѣ метеорологическую обсерваторію, перешедшую въ 1869 г. къ университету. Фонъ-Эттингенъ въ настоящее время состоитъ проф. университета въ Лейпцигѣ. Кафедру его занялъ бывший приватъ-доцентъ московскаго унив. кн. Б. В. Голыцынъ (нынѣ академикъ), а послѣ него А. И. Садовскій, изъ слѣб. университета.

Военно-медицинская (раньше медико-хирургическая) академія въ СПб. преобразована была въ 1799 г. изъ медико-хирургическихъ училищъ въ СПб. и Кронштадтѣ и первымъ проф. математики и физики при ней былъ извѣстный В. В. Петровъ (1761—1834), воспитанникъ харьковскаго коллегіума и слѣб. учительской семинаріи. Физическій кабинетъ въ академіи былъ для того времени превосходный; часть приборовъ его отобрана была изъ Либеркюнова (XVII, 638) кабинета, существоваваго при медицинской коллегіи, затѣмъ въ 1796—97 г. выписано было изъ Лондона приборовъ болѣе, чѣмъ на 6000 руб., а въ 1802 и 1804 гг. были сдѣланы еще пріобрѣтенія. Въ 1801 г. Петровъ (XIII, 460) устроилъ Вольтовъ столбъ изъ 4000 паръ пластинокъ и съ нимъ произведены были опыты, описанные въ его замѣчательномъ сочиненіи: «Извѣстіе о гальвани-вольтовскихъ опытахъ» (СПб., 1803). Петровъ мечталъ образцово поставитъ преподаваніе физики въ академіи; въ 1802 г. онъ проситъ устроить особый театръ (аудиторию) для физики, темную комнату для оптическихъ работъ и т. д.; во всемъ этомъ ему отказали, а специальный «театръ» для физики былъ выстроенъ только въ 1809 г. Петровъ читалъ математику по Вольфу, физику по собственному рукописному сочиненію и по Майеру («Опытная физика», СПб., 1809; перев. подъ ред. ученаго секретаря академіи Я. К. Кайданова). Во времена Петрова физиологію читалъ небезызвѣстный Д. М. Веламскій (1774—1847), котораго «Физика опытная, наблюдательная и умозрительная» (СПб., 1834) представляетъ рѣдкій образецъ отвлеченнѣйшей и бесплоднѣйшей натуръ-философіи (V, 851). По выходѣ Петрова въ отставку, въ 1833 г. кафедру физики, соединенную съ химіей, занялъ проф. химіи С. Я. Нечаевъ, читавшій физику по Майеру и Бедану; начала физики читалъ при немъ также и А. А. Измайловъ. Когда въ 1847 г. Н. Н. Зининъ занялъ кафедру химіи, чтеніе всего курса физики перешло къ Измайлову, а въ 1864 г., по выходѣ Измайлова въ отставку, кафедра поручена была дѣятельному П. А. Хлѣбникову (см.), много способствовавшему расширенію и упорядоченію физическаго кабинета академіи. Послѣ Хлѣбникова, вышедшаго въ отставку въ 1872 г., чтеніе лекцій перешло къ С. И. Ламанскому (до 1874 г.) и Усову (до 1879 г.). Послѣ преобразования академіи кафедра физики въ 1884 г. поручена была Н. Г. Егорову (см.), питомцу слѣб. университета, бывшему проф. варшавскаго унив., извѣстному своими работами по оптикѣ (спектральному анализу).

Казанскій университетъ (см.), основанный въ 1804 г., до 1814 г. представлялъ собою лишь отдѣленіе казанской гимназіи, научную дѣятельность же началъ съ начала двадцатыхъ годовъ. Въ 1823 г. на кафедру физики приглашенъ былъ А. Я. Купферъ (1799—1866), закупившій приборовъ для физическаго кабинета на сумму около 5000 руб. Въ то же время вызванъ былъ изъ-за границы искусный механикъ Ней, ученикъ Рейхенбаха и Эртеля, основавшій при университетѣ первоклассную, для тѣхъ временъ, механическую мастерскую. Въ 1824 г. Купферъ началъ чтеніе лекцій, но уже въ 1828 г. былъ вызванъ въ СПб., въ качествѣ академика. Намѣсто его приглашенъ былъ изъ Германіи Э. Кнорръ (род. въ 1805 г.), состоявшій до приглашенія въ Р. учителемъ въ Jochimstahler Gymnasium въ Берлинѣ. Во время пребыванія Кнорра въ Казани преподаваніе физики и физическій кабинетъ быстро расцвѣли. Съ 1836 по 1840 г. Кнорру удалось выхлопотать для пополненія кабинета сумму свыше 10 тыс. руб.—для того времени деньги огромныя. Подвѣдомственная ему механическая мастерская расширилась и изъ рукъ приглашеннаго туда оптика Эренберга (ученика Гиргсона, затѣмъ Дреббурга и Секретана) начали выходить даже отличныя оптическія трубы и микроскопы (по свидѣтельству Савельева). Физическій кабинетъ, переведенный въ 1838 г. въ специальное зданіе, по свидѣтельству Кнорра, «уступалъ только кабинетамъ парижскому въ Collège de France и кабинету вѣнскаго унив.». По описанію, данному въ 1849 г. А. Савельевымъ, кабинетъ и аудиторию были для того времени обставлены въ высшей степени хорошо и рационально. На метеорологической и магнитной обсерваторіи производились непрерывныя наблюденія, при чемъ примѣнялся термометрографъ Кнорра, по всей вѣроятности, одинъ изъ первыхъ самозаписывающихся метеорологическихъ инструментовъ. Научныя работы Кнорра (по метеорологіи и физикѣ) изобличаютъ въ немъ серьезнаго ученаго и внимательнаго наблюдателя. Въ 1846 г. Кнорръ переведенъ былъ въ университетъ св. Владиміра и кафедру его занялъ А. С. Савельевъ (1820—60; см.), воспитанникъ слѣб. унив., ученикъ и помощникъ Ленца, залившій себя къ тому времени уже нѣсколькими работами, произведенными имъ отдѣльно и частью совместно съ Ленцомъ, надъ поляризацией электроновъ, диссертаціей «О явленияхъ поляризации въ гальванической дѣи». Въ Казани Савельевъ написалъ сочиненіе «О гальванической проводимости жидкостей» (1853), удостоенное академіей Демидовской преміи. Савельеву мы обязаны также магнитными наблюденіями на берегахъ Вѣлаго моря (1841) и между Казанью и Астраханью (1850). Въ 1857 г. Савельевъ вернулся въ СПб., гдѣ преподавалъ физику въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ, и мѣсто его занялъ І. А. Боллани (1818—76, см.), математикъ по призванію, лишь обстоятельствами принужденный занять кафедру физики (IV, 329). Всѣ его работы относились къ частой математикѣ, докторская диссертация его по физикѣ—«Объ электролизѣ солей» —

защищенная въ СПб., осталась не напечатанной. Болдцани скончался въ 1876 г. и каедрѣ занялъ Роб. Андр. Колли (1845 — 91), воспитанникъ московскаго университета, уже извѣстный въ наукѣ интереснымъ изслѣдованіемъ по вопросу объ одномъ случаѣ работы тока при электролизѣ. Въ Казани написано было имъ экспериментальное изслѣдованіе «О поляризації въ электролитахъ» (1878). Въ 1886 г. перешелъ въ Москву, въ Петровскій земледѣльчій институтъ. Дальнѣйшія весьма цѣнные работы Колли касались изслѣдованія электрическихъ колебаній (XV, 704). Въ Казани Колли впервые правильно поставилъ практическія работы студентовъ, по образцу постановки этихъ работъ въ германскихъ университетахъ. Съ 1882 г. доцентомъ по физикѣ состоялъ въ Казани Ѳ. Домакинъ, воспитанникъ новороссійскаго университета, защитившій тамъ въ 1880 г. диссертацию на степень магистра «Объ электропроводности газовъ». Въ 1886 году каедрѣ физики занялъ Н. П. Слугиновъ (1854—97; см.), воспитанникъ с.-петербургскаго университета, магистерская и докторская диссертации котораго («Теорія электролиза», 1881, и «Объ электролитическомъ свѣченіи», 1884) изобличаютъ въ немъ талантливаго ученаго и искуснаго экспериментатора. Послѣ Слугинова (1897) каедрѣ физики занялъ Д. А. Голдшаммеръ (см.), работающій по электромагнитной теоріи свѣта.

Каедрѣ физики въ харьковскомъ университетѣ, основанномъ въ 1810 г., занялъ А. И. Стойковичъ, славянинъ изъ Австріи, учившійся въ Австріи и Германіи. Стойковичъ обладалъ огромнымъ энциклопедическимъ образованіемъ, но въ наукѣ былъ скорѣе искуснымъ компиляторомъ, чѣмъ самостоятельнымъ ученымъ. Физическій кабинетъ былъ обставленъ довольно прилично. Въ него вошла коллекція, приобретенная отъ профессора прикладной математики И. И. Гута, извѣстнаго астронома, занимавшагося и физикою и въ 1808 г. перешедшаго изъ франкфуртскаго университета въ Харьковъ. Стойковичъ читалъ по своимъ сочиненіямъ: «Умозрительная и опытная физика» (2 т., 1809) и «Система физики» (2 т., 1813). Въ 1813 г. каедрѣ занялъ В. С. Коммисинскій (см.), ученикъ Стойковича, докторъ физики съ 1813 г., по защитѣ диссертации «De polarisatione radiorum luminis». Съ 1839 г. В. И. Лашинъ (1809—88; см.), воспитанникъ спб. унив., ученикъ Щеглова, доучивавшійся затѣмъ въ Дерптѣ (гдѣ защитилъ диссертацию «Conspectus theoriae reflexionis et refractionis simplicis atque duplicis», 1832), Берлинѣ и Парижѣ. Большинство научныхъ работъ Лашина касалось физической географіи; изъ работъ по физикѣ стоитъ упомянуть лишь «Опытъ математическаго изложенія физики» (Хар., 1840). Въ 1863 г. вышелъ въ отставку, но съ 1865 г. занялъ каедрѣ физики во вновь открытомъ новороссійскомъ унив. Каедрѣ физики съ 1865 г. занялъ доцентъ А. П. Шимковъ (см.), воспитанникъ харьковскаго унив., защитившій въ 1864 г. диссертацию «О сжимаемости газовъ». Шимковъ оставилъ каедрѣ только недолго. Кромѣ научныхъ работъ, Шимковъ

извѣстенъ своимъ университетскимъ «Курсомъ физики» (3 т., 1881), выдержавшимъ уже два изданія.

С.-Петербургскій университетъ былъ образованъ въ 1819 г. изъ главнаго педагогическаго института и каедрѣ физики и химіи въ немъ занялъ М. Ѳ. Соловьевъ, питомецъ педагогическаго института, читавшій физику до 1826 г. Читалъ физику и Н. П. Щегловъ (1789—1831), питомецъ педагогич. института, усерднѣйшій распространитель знаний по физикѣ и другимъ естественнымъ наукамъ. Щегловъ былъ тогда «самою блестящею личностью въ физико-математическомъ факультетѣ» и дѣятельно слѣдилъ за развитіемъ науки. Съ 1822 по 1830 г. напечаталъ 14 работъ (изъ нихъ 3 по энтомологіи и ботаникѣ), между которыми два курса: «Основанія частной физики» (1823) и «Основанія общей физики» (1824), изданные потомъ въ переработанномъ видѣ подъ заглавіемъ «Руководство къ физикѣ» (1829—1830) и долго служившіе у насъ основнымъ руководствомъ для изученія физики. Съ 1824 г. до самой смерти Щегловъ издавалъ «Указатель открытый по физикѣ, химіи, естественной исторіи и технологіи», являвшаяся его почти исключительно своими переводами. Физическій кабинетъ при немъ обладалъ лишь небольшою коллекціей приборовъ для лекціонныхъ опытовъ; не смотря на просьбы Щеглова объ основательномъ улучшеніи кабинета, на содержаніе его въ теченіе 5 лѣтъ (1820—24) отпущено было всего 400 р. Только въ 1832 г. кабинетъ пополнился приборами, принадлежавшими закрытому къ тому времени варшавскому университету. Изъ ученыхъ Щеглова слѣдуетъ упомянуть о В. И. Лашинѣ (вып. 1823 г.), впоследствии проф. физики въ Харьковѣ, бывшемъ однимъ изъ первыхъ шести посланныхъ въ 1827 г. доучиваться въ Дерптъ, Берлинъ и Парижъ и образованныхъ въ Дерптѣ такъ назыв. «профессорскій институтъ». По смерти Щеглова со второй половины 1831 г. до 1840 г. читалъ физику, по Пекле, назначенный съ 1828 г. адъюнктомъ Н. Т. Щегловъ, а въ 1835 г. на каедрѣ физики приглашенъ былъ уже тогда извѣстный ученый (академикъ) Эм. Хр. Ленцъ (XVII, стр. 138); курсы раздѣлены были слѣдующимъ образомъ: Щегловъ читалъ «Физику невѣстныхъ тѣлъ съ теоріею теплорода и электричества», по Пекле, а Ленцъ читалъ теорію электричества по запискамъ и теорію свѣта по Гершелею. Но, по выбитіи Щеглова, Ленцъ долгое время читалъ всѣ части физики и физической географіи одинъ, и только за два года до смерти часть преподаванія была поручена Ѳ. Ѳ. Петрушевскому. Какъ лекторъ, проф. Ленцъ отличался строгимъ и систематическимъ изложеніемъ; лекціи его всегда иллюстрировались опытами. Любимую областю его было ученіе объ электрическомъ токѣ и электромагнетизмѣ; можно полагать, что подъ его могучимъ вліяніемъ ученіе объ электричествѣ и магнетизмѣ и получило то господствующее значеніе въ физической лабораторіи смб. унив., какое сохраняется чрезъ его преемниковъ и до сихъ поръ. Общую физику Ленцъ читалъ по своему

«Руководству къ физикѣ» (1839), физическую географію по Ваумартнеру и Кемпу. Ленцъ написалъ «Руководство физики» (1855) и «Руководство физической географіи» (1851), долго служившія учебниками въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. На физическій кабинетъ по уставу 1835 г. положено было 2000 р.; въ концѣ 1851 г. дѣйность кабинета достигала свыше 19000 р. Стараніями Ленца кабинетъ приведенъ былъ въ хорошее состояніе, но практическія занятія студентовъ не производились. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ имъ открытъ былъ доступъ въ физическій кабинетъ академіи. Въ 1864 г. Э. Х. Ленцъ скончался; преемникомъ ему по кафедрѣ физики явился бывший его слушатель и помощникъ его *Э. Э. Петрушевскій* (см.), состоящій до настоящаго времени проф. физики слб. унив. Работы его относятся главнѣйше къ магнетизму. Улучшилъ физическій кабинетъ и въ 1865 г. положилъ начало практическимъ занятіямъ студентовъ въ кабинетѣ. При немъ кабинетъ былъ перенесенъ въ новое, лучшее помѣщеніе. Изъ его слушателей нѣкоторые давно состоятъ профессорами физики въ петербургскомъ же унив. Физическую географію съ 1870 по 1880 г. читалъ *Р. Э. Ленцъ*, сынъ и ученикъ Э. Х. Ленца. Работы Р. Э. Ленца относятся какъ къ физической географіи, такъ и къ ученію объ электрическомъ токѣ (см. XVII, 539). Въ 60-хъ годахъ началась также научная дѣятельность *М. Э. Окатова* (XXI, 795), проф. механики слб. унив., давшаго нѣсколько работъ по теоріи упругости и термодинамикѣ (XXI, 795); *П. П. Фальг-д'еръ-Флигъ*, авторъ сочиненій: «Опытъ объясненія нѣкоторыхъ внутреннихъ явленій гидроэлектрической дѣйств.», «Опытъ объясненія вѣнншихъ явленій электрическаго тока», написалъ «Основанія механики» и «Введеніе въ механику»; читаетъ физику съ 1872 года. *И. И. Борманъ* (его ученыя работы см. IV, 388) читаетъ съ 1877 г. Его научныя работы по вопросамъ электричества и магнетизма повліяли на дальнѣйшее направленіе дѣятельности по физикѣ его учениковъ, уже выступающихъ на научномъ поприщѣ. Привелъ въ систему и расширилъ практическія работы по физикѣ. Его «Основанія ученія объ электрическихъ и магнитныхъ явленіяхъ» (2 т., 1893—95, готовятся 2 изд.) являются пока единственнымъ на русскомъ языкѣ полнымъ и современнымъ изложеніемъ ученія объ электричествѣ и магнетизмѣ. *О. Д. Холмсовъ* написалъ «О механизмѣ магнитной индукціи въ стали», «О магнитныхъ успокоителяхъ» (его актинометры и др. работы см. въ его биографіи), читаетъ различные части физики уже съ 1876 г. Написалъ весьма полный и объемистый курсъ (4 т.) наиболѣе совершенное современное руководство по физикѣ. Изъ бывшихъ слушателей Э. Э. Петрушевскаго, *Д. К. Бобылевъ*, проф. механики въ слб. унив., читалъ прежде по математической физикѣ и написалъ нѣсколько работъ по этому предмету (IV, 138). *Н. А. Геллахусъ* работаетъ по частиной физикѣ и акустикѣ (VIII, 237) и, такимъ образомъ, не принадлежать въ господствующему у насъ направленію, какъ и *Н. Г. Второвъ* — специа-

листъ по спектральному анализу (см. Военномед. академія и XI, 545). Въ настоящее время заканчиваются постройкой новый великолѣпный физическій институтъ при слб. унив.

Университетъ св. Владиміра въ Кіевѣ открытъ былъ въ 1834 г. Первый преподавательскій персоналъ взятъ былъ, главнымъ образомъ, изъ профессоровъ бывшаго кременецкаго лицей, коллегіи же и учебныя пособія переведены были отчасти изъ закрытаго въ 1832 г. вилenskaго университета. Первымъ физикомъ былъ бывший кременецкій преподаватель *Игн. Карл. Абрамовичъ* (1787—1848), магистръ вилenskaго университета. По словамъ исторіографа кіевского унив. *Шульгина*, Абрамовичъ былъ «наиболѣе даровитый, но и наименѣе полезный изъ всѣхъ профессоровъ кременецкаго состава». Работать онъ мало, писалъ еще меньше; преподавалъ по Пулье и Бедану. Физическій кабинетъ (изъ кременецкаго лицей) былъ въ жалкомъ состояніи и за все время Абрамовича не пополнялся. Въ 1837 г. преподавателемъ физики назначенъ былъ *В. П. Чеховичъ* (1804—1862), бывший профессоръ физики въ кіевской духовной семинаріи. Всѣ старанія Чеховича и совѣта университета объ увеличеніи средствъ кабинета, объ учрежденіи должностей механика и лаборанта не увѣнчались успѣхомъ; Чеховичъ читалъ физику по сочиненію Шеглова: «Начальныя основанія физики», а физическую географію по Мальтъ-Брюну. Преподаваніе его, повидимому, далѣе гимназическаго курса не шло; работъ по физикѣ у него нѣтъ, метеорологическія же наблюденія его (1842—53) научной цѣнности, по неточности, не имѣютъ. Въ 1845 г. на мѣсто Чеховича переведенъ былъ изъ Казани *Кноррь*, преподававшій на русскомъ языкѣ физику и физическую географію, руководившій сочиненіями Бю, Пулье, Беккереля и Кемпа. При Кноррѣ дѣла физическаго кабинета и само преподаваніе пошли лучше, построена была метеорологическая обсерваторія и начались въ ней правильныя наблюденія. Въ 1858 г. назначенъ *М. И. Талызинъ*, воспитанникъ слб. университета, авторъ диссертации «О приливахъ и отливахъ». Немногочисленныя научныя работы Талызина касались главнымъ образомъ физич. географіи и механики; при немъ пополнился физическій кабинетъ и продолжались метеорологическія наблюденія, заведенныя Кнорромъ. Замѣстителемъ его явился въ 1815 г. извѣстный *М. П. Аверариусъ* (1835—1895), воспитанникъ с.-петербургскаго университета, учившійся затѣмъ у Магнуса въ Берлинѣ и Кирхгофа въ Гейдельбергѣ. Выдающіяся работы этого ученаго по вопросамъ термоэлектричества и главн. образомъ теоріи жидкостей и критической температуры дали ему почетную извѣстность въ ученомъ мірѣ. Ему университету св. Владиміра обязанъ прекрасной постановкой физической лабораторіи, изъ которой вышло много цѣнныхъ работъ учениковъ Аверариуса (Зайончевскій, Жуль, Надеждинъ, Струвсъ) по вопросамъ, касающимся критической температуры. Съ 1874 г. теоретическую физику началъ читать *Н. Н. Шиллеръ* (см.), по настоящее время состоящій профессоромъ

университета св. Владимира. Ему физика обязана многими прекрасными работами по вопросам объ электрических колебаніяхъ, по термодинамикѣ; въ послѣднее время появились цѣнные критико-философскія работы Шиллера, посвященныя разсмотрѣнію основныхъ понятій физики.

Новороссійскій (одесскій) университетъ, преобразованный изъ Ришельевского лицея и открытый въ 1865 г., пригласилъ на кафедру физики В. И. Лашкина (1809—88, см.), бывшего проф. харьковского унив. (см.), который читалъ до 1870 г., занимаясь въ то же время, главнымъ образомъ, вопросами физической географіи. Съ 1868 г. доцентомъ по физикѣ назначенъ былъ Ѳ. Н. Шевдовъ (см.) питомецъ петербургскаго унив., приглашенный, послѣ ухода Лашкина, на кафедру физики, которую занимаетъ до настоящаго времени; изъ числа его работъ (см. его біографію) слѣдуетъ упомянуть объ его космологическихъ изслѣдованіяхъ и работахъ по электричеству. Съ 1871 г. теоретическую физику читалъ Н. А. Умовъ (см.), теперь проф. московскаго университета. Въ настоящее время (1899) окончено постройки новое зданіе физической лабораторіи новороссійскаго университета.

Въ *варшавскомъ университетѣ*, преобразованномъ въ 1869 г. изъ «Главной Школы», первымъ лекторомъ физики былъ Д. Гулигинскій, магистръ физики московскаго университета по защитѣ диссертаци «Изслѣдованіе о капиллярности нѣкоторыхъ соляныхъ растворовъ» (1870). Въ 1875 г. мѣсто его занялъ С. И. Ламанскій (см.), нѣкоторые же отдѣлы математической физики началъ читать Н. Я. Сонинъ (теперь академикъ). Въ 1878 г. на кафедру физики приглашенъ былъ Н. Г. Егоровъ (см.), а съ 1881 г. доцентомъ назначенъ былъ А. П. Соколовъ, воспитанникъ московскаго университета, въ настоящее время проф. въ Москвѣ, извѣстный своими работами по теоріи электролиза. Въ 1884 г. Егоровъ приглашенъ былъ въ СПб. въ военно-медицинскую академію и кафедру занялъ П. А. Зильовъ, ученикъ Столѣтова, состоящій и понынѣ проф. варшавскаго университета и извѣстный работами по магнетизму и электричеству (опредѣленіе диэлектрическихъ постоянныхъ). Доцентомъ въ 1883 г. назначенъ былъ Б. В. Статкевичъ, тоже ученикъ Столѣтова, работы котораго относятся главнымъ образомъ къ кинетической теоріи газовъ.

При петербургскомъ унив. состоитъ русское физико-химическое общество, издающее болѣе 25 лѣтъ журналъ и существующее своими средствами. Всѣ прочіе унив. издаютъ «Извѣстія» или «Записки», въ которыхъ помѣщаются, между прочимъ, статьи и по физикѣ. Въ Нижнемъ Новгородѣ и Полтавѣ имѣются небольшія общества или кружки.

5) Метеорологія. Метеорологическія наблюденія въ Р. начались, по словамъ перваго ихъ историка, К. С. Веселовскаго, «около срединѣ XVIII ст.: для Петербурга правильныя наблюденія надъ температурою воздуха имѣются съ 1743 г., надъ осадками—съ 1741 г., а надъ вскрытіемъ и замерзаніемъ Невы—они восходятъ къ 1706 г. Но подобныя на-

болѣе раннія наблюденія были немногочисленны и неравномѣрно распределены по Р., будучи приурочены или къ крупнымъ центрамъ, какъ Петербургъ, Москва, или относятся къ вѣсколымъ пунктамъ Финляндіи и Сибири; наконецъ, и производились они по неодинаковымъ методамъ и очень разнообразными инструментами. Однако, М. В. Ломоносовъ еще въ 1759 г. предлагалъ свой проектъ болѣе правильной постановки метеорологическихъ наблюденій, но только въ 1804 г. обнародовано было правительственное распоряженіе о производствѣ метеорологическихъ наблюденій при всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Россіи; однако, распоряженіе не было приведено въ исполненіе, а если гдѣ наблюденія и начались, то они не были ни обработаны, ни напечатаны. Учрежденіе въ Германіи въ 1828 г., по иніціативѣ Гумбольдта, союза для производства магнитныхъ наблюденій явилось толчкомъ, которому суждено было поставить дѣло и метеорологическихъ наблюденій на практическую почву. Въ 1829 г. Гумбольдтъ постигъ Петербургъ и сумѣлъ убѣдить академию наукъ примкнуть къ этому союзу и заняться организаціею наблюденій въ Р. Одинъ изъ членовъ академіи *Кунфери* принялъ на себя осуществленіе этого дѣла. Подъ его надзоромъ и руководствомъ учреждена была въ 1830 г. въ Петербургѣ при академіи магнитная обсерваторія (помѣщавшаяся сначала въ Петропавловской крѣпости, а затѣмъ переведенная въ одно изъ помѣщеній горнаго корпуса); затѣмъ, по предложенію академикъ, имъ были учреждены подобныя обсерваторіи въ Казани, Николаевѣ, Ситхѣ, Лекинѣ, и, наконецъ, въ Екатеринбургѣ, Барнаулѣ и Нерчинскѣ. Въ 1833 г. Кунфери подалъ проектъ учрежденія еще вѣсколыхъ обсерваторій, приспособленныхъ для производства уже не однихъ только магнитныхъ, но и метеорологическихъ наблюденій; ему удалось добиться осуществленія этого проекта и устройства магнитно-метеорологическихъ обсерваторій въ Богословскѣ, Златоустѣ и Луганѣ, а обсерваторіи въ Екатеринбургѣ, Барнаулѣ и Нерчинскѣ преобразовать въ постоянныя учрежденія. При горномъ корпусѣ въ Петербургѣ была учреждена обсерваторія, которая не только должна была вести наблюденія, но и снабжать всѣ метеорологическія учрежденія Р. провѣренными инструментами. Въ 1849 г. былъ утвержденъ проектъ и штаты «Главной Физической Обсерваторіи»; первымъ директоромъ ея былъ назначенъ самъ Кунфери. Подъ его управленіемъ главная физическая обсерваторія прочно поставила дѣло метеорологическихъ наблюденій въ Россіи; число метеорологическихъ станцій начало возрастать; введены были совершенно однообразныя методы наблюденій; явились изданія, представляющія своды произведенныхъ наблюденій. Первымъ такимъ сводомъ былъ «*Annuaire magnetique et météorologique*», а затѣмъ наблюденія стали публиковаться ежегодно въ изданіи: «*Сводъ наблюденій произведенныхъ и т. д.*»... Съ 1865 г. это послѣднее изданіе замѣнили «*Лѣтоисчисленія Главной Физической Обсерваторіи*», содержащія огромный матеріалъ, до-

ставляемый наблюдениями, въ готовомъ, обработанномъ видѣ. Преемниками Кунфера по управленію главною физич. обсерваторіею и руководству метеорологическими наблюдениями были Кемтцъ, затѣмъ Вильдъ и Рыкачевъ. Особенно плодотворною въ дѣлѣ развитія метеорологическихъ наблюдений въ Р. была дѣятельность *Вильда*. При немъ были заново переработаны инструкции для руководства наблюдателей и для обработки наблюдений, изслѣдованы и введены новые наблюдательные методы (такъ, имъ данъ новый способъ установки термометровъ для измѣренія температуры воздуха, устроенъ флюгеръ съ указателемъ силы вѣтра, усовершенствованы барометры и т. п.); введенъ періодическій осмотръ и ревизія метеорологическихъ станцій; при немъ, наконецъ, метеорологическая сѣть стала все быстрѣе и быстрѣе развиваться. Не малую службу въ дѣлѣ развитія метеорологическихъ наблюдений въ Р. сослужила также метеорологическая коммиссія при Имп. русскомъ географическомъ обществѣ. Выдѣлившись въ 1870 г. съ цѣлью болѣе детальной разработки различныхъ метеорологическихъ вопросовъ изъ состава географическаго общества въ особую коммиссію, небольшой кружокъ лицъ, въ составъ котораго вошло большинство петербургскихъ метеорологовъ, съ самаго начала существованія коммиссіи дѣятельно принялся за пропаганду метеорологическихъ наблюдений и за организацію станцій въ помощь главной физической обсерваторіи. Устройство болѣе густыхъ сѣтей для дождемѣрныхъ наблюдений и наблюдений надъ грозами, собираніе наблюдений надъ вскрытіемъ и замерзаніемъ рѣкъ—были первыми шагами коммиссіи. Съ преобразованиемъ ея въ 1883 г. ею же были организованы наблюдения надъ высотой и плотностію снѣгового покрова, наблюдения надъ продолжительностію солнечнаго сіянія, наблюдения фенологическихія и т. д. Впрочемъ, метеорологическая коммиссія, ограничиваясь только пропагандою и постановкою различныхъ наблюдений, передавала эти наблюдения, какъ только они оказывались прочно поставленными, въ вѣдѣніе главной физической обсерваторіи, которой принадлежало и принадлежить, такимъ образомъ, общее руководство метеорологическими работами. Дальнѣйшее стадію въ дѣлѣ развитія метеорологическихъ наблюдений въ Россіи было появленіе мѣстныхъ сѣтей, задачею которыхъ было болѣе детальное изученіе нѣкоторыхъ важныхъ метеорологическихъ явленій, ускользающихъ отъ наблюденья большихъ, сравнительно далеко отстоящихъ одна отъ другой станцій,—явленій, наблюдаемыхъ на небольшихъ сравнительно протяженіяхъ. Первымъ толчкомъ къ развитію этихъ сѣтей была организація «сѣти Юго-Запада Россіи», устроенной проф. новороссійскаго унив. *А. В. Коссовскимъ*, добившимся устройства сѣти наблюдательныхъ пунктовъ такой густоты, которая позволила ему съ большою подробностію прослѣдить распространеніе грозovýchъ вихрей, ливней, снѣжныхъ метелей и заносовъ и т. п. По примѣру сѣти Юго-Запада Р. организовались затѣмъ сѣти: приднѣпровская, юго-западная, централь-

ная, восточная и, наконецъ, еще болѣе мелкія, обнимающія пространства меньше одной губерніи: пермская, бугуруславская и т. д. Съ 1894 г. министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ, предпринявъ организацію сельскохозяйственно-метеорологическихъ наблюдений, учредило при ученомъ комитетѣ метеорологическое бюро, поставленное подъ управленіе метеоролога; задача бюро—устройство сѣти упомянутыхъ станцій и объединеніе дѣятельности немногихъ, уже существующихъ (Метеорологич. наблюдения XIX, 175). Метеорологическихъ станцій:

Въ 1850 г. было	15
» 1856 » »	47
» 1864 » »	24
» 1870 » »	47
» 1875 » »	98
» 1880 » »	114
» 1885 » »	225 и 441 дождем. пун.
» 1890 » »	432 » 603 » »
» 1895 » »	590 » 934 » »

Отмѣтимъ, наконецъ, нѣкоторые пункты въ Р., обладающіе болѣе продолжительными рядами наблюдений.

Наблюденія надъ температурою воздуха имѣются:

Въ Петербургѣ	съ 1743 г.
» Або	» 1750 »
» Москвѣ	» 1779 »
» Варшавѣ	» 1779 »
» Ригѣ	» 1795 »
» Вѣрро	» 1800 »
» Ревелѣ	» 1807 »
» Кіевѣ	» 1812 »
» Казани	» 1812 »
» Архангельскѣ	» 1813 »

Наблюденія надъ количествомъ осадковъ:

Въ Петербургѣ	съ 1741 г.
» Або	» 1749 »
» Улеаборгѣ	» 1776 »
» Варшавѣ	» 1803 »
» Кіевѣ	» 1812 »
» Ревелѣ	» 1815 »

Наблюденія надъ вскрытіемъ и замерзаніемъ рѣкъ:

Въ Ригѣ	съ 1530 г.
» Петербургѣ	» 1706 »
» Иркутскѣ	» 1724 »
» Варшавѣ	» 1725 »
» Архангельскѣ	» 1734 »
» Вел. Устюгѣ	» 1749 »
» Варнаулѣ	» 1751 »
» Саратовѣ	» 1762 »

Историческія свѣдѣнія о развитіи метеорологическихъ наблюдений въ Россіи — см. Веселовскій, «О климатѣ Р.» (СПб., 1857); Коссовскій, «Новѣйшіе успѣхи метеорологіи» (Одесса, 1882); Вильдъ, «О температурѣ воздуха Росс. Имперіи» (СПб., 1878, II); Воейковъ, «Метеорологія въ Р.» (СПб., 1874); Гейницъ, «Очеркъ дѣятельности главн. физич. обсерваторіи» («Ежемесячн. Булл. Главной Физич. Обсерв.», 1899, № 3). Г. Л.

6) Минералогія и кристаллографія. Можно предполагать, что первыя научныя свѣдѣнія о минералахъ проникли въ Р. при вел. кн. Иоаннѣ III, который просилъ у венгерскаго короля Матвѣя Корвина «горныхъ мастеровъ, искусныхъ въ добываніи золота и серебряной руды, и въ отдѣленіи металловъ отъ земли». Неизвѣстно, прибыли ли эти «горные мастера» при Иоаннѣ III, но достоверно, что шведскій король Иоанн III, по настоянію Иоанна IV Грознаго, прислалъ въ Россію «добрыхъ мастеровъ, искусныхъ въ добываніи руды и ея обдѣлываніи». Вѣроятно, и въ XVII стол. происходили подобныя же познанингованія изъ чужихъ краевъ. Такъ, Алексѣемъ Михайловичемъ Петровскій желѣзодѣлательный заводъ (въ 183 в. отъ Олопна) былъ отданъ датчанину Розенбушу. Петръ Великій не только выпысывалъ разныхъ техниковъ; въ томъ числѣ и горныхъ мастеровъ, но въ 1725 г. послалъ въ Швецію 22 русскихъ ученика, а еще ранѣе, въ 1713 г.—въ Олонечской губ.—губернаторомъ В. И. де-Генниномъ, и въ 1721 г. на Уралѣ (въ Екатеринбургѣ) В. И. Татищевымъ—были основаны первыя горныя школы. Въ царствованіе Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны на Уралѣ были открыты золото и магнитный желѣзнякъ (гора Благодать 1730 г.), въ Алтайскихъ горахъ серебро и въ Нерчинскомъ краѣ развилось серебряное производство. Но не смотря на это даже образованные люди того времени имѣли самыя фантастическія понятія о минералахъ. Въ Россіи до Ломоносова появилось только одно сочиненіе, касающееся минераловъ, это — «Натураліи и минераліи каменъ въ сибирскихъ горныхъ и заводскихъ дистриктахъ и прочихъ курьезныхъ вещей аписисъ», принадлежавшее перу *де-Геннина*. Авторъ поднесъ это сочиненіе Аннѣ Ивановнѣ въ 1737 г.; оно заключаетъ въ себѣ также и указанія на находженіе въ Сибири нѣкоторыхъ минераловъ. *Ломоносову*, при многихъ прочихъ работахъ, пришлось заняться и чисто минералогическими вопросами. Тотчасъ же по вступленіи въ академію онъ началъ разрабатывать коллекціи, купленныя Петромъ Великимъ, а также собранныя путешественниками до Сибири—Мессершмидтомъ, Гмелинымъ и Крашенинниковымъ; результатомъ этой обработки явился каталогъ «*Musei Imperialis Petropolitani descriptio, qua continenter res naturales ex regno minerali*». Вопросы чисто минералогическихъ Ломоносовъ касается въ «Словѣ о рожденіи минераловъ» въ 1757 г. и въ статьѣ о «Слояхъ земли». Въ своей металлургіи Ломоносовъ раздѣляетъ минералы на: 1) металлы, 2) полуметаллы, 3) жирныя минералы, 4) загустѣлые соки минеральные или соли, 5) камни и 6) земли. Въ то время, какъ въ Западной Европѣ шли еще большіе споры и царилы самыя фантастическія представленія о происхожденіи каменнаго угля и янтаря, Ломоносовъ съ замѣчательною ясностью доказывалъ растительное происхожденіе этихъ ископаемыхъ тѣлъ. Отъ Ломоносова не ускользнула кристалличность золота, мѣди и многихъ минераловъ, и этому признаку онъ при-

давалъ громадное значеніе. Вопреки такимъ авторитетамъ, какъ Валерій, Ломоносовъ считалъ мѣди и руть самородными металлами, между тѣмъ какъ Валерій, приблизительно въ это же время, утверждалъ, что мѣди состоитъ изъ «септической земли и изъ загорающейся матеріи». Къ солямъ Ломоносовъ относилъ квасцы, купоросы, каменную соль и селитру, при чемъ указывалъ происхожденіе ихъ изъ растворовъ, циркулирующихъ въ земной корѣ и совершенно правильно и ясно объяснялъ происхожденіе громадныхъ залежей каменной соли путемъ испареній отдѣлившихся отъ моря замкнутыхъ бассейновъ. Для характеристики минераловъ Ломоносовъ признавалъ необходимымъ наличность какъ химическихъ, такъ и кристаллографическихъ признаковъ, но этого мало — можно утверждать, что Ломоносовъ одинъ изъ первыхъ въ Европѣ, гораздо раньше Ромѣ-де-Лилы, высказалъ мысль о закономерности внѣшней формы кристалловъ и сталъ мѣрить углы ихъ. Также одинъ изъ первыхъ Ломоносовъ указывалъ на сходство образованія минераловъ и искусственныхъ солей. Въ сочиненіяхъ Ломоносова разбросано также много мыслей, указывающихъ, что, не смотря на крайне незначительное число фактовъ, гениальный ученый придавалъ громадное значеніе теплотѣ, давленію и вліянію постороннихъ веществъ въ дѣлѣ измѣненія и превращенія минераловъ, какъ-бы предвосхищая такимъ образомъ идеи и факты, которые только во второй половинѣ нашего столѣтія легли въ основу громаднаго отдѣла минералогіи и петрографіи, носящаго названіе метаморфизма. Но идеи Ломоносова легли на неподготовленную почву; въ Р. не было еще ученыхъ, которые могли бы посвятить себя разработкѣ поставленныхъ имъ вопросовъ; да и минералогія требовала тогда систематизаціи накопленныхъ фактовъ, а русское правительство изученія Россіи—и мы видимъ, что академики Имп. российской академіи предпринимаютъ рядъ путешествій, какъ внутри Р., такъ и за окранны ея. Академики *Лепехинъ* (1768—72) и *Озерниковскій* (1750—1827) собрали не мало новыхъ данныхъ о «минеральномъ царствѣ» Р., описали заводы и мѣсторожденія рудныя, собрали много различныхъ минераловъ и другихъ натуральныхъ тѣлъ. Но и Лепехинъ, и Озерниковскій были энциклопедисты: минералогическія наблюденія не составляють для нихъ главнаго и толкутъ въ массѣ географическихъ, этнографическихъ, историческихъ, филологическихъ, техническихъ и даже астрономическихъ данныхъ. Такой же энциклопедическій характеръ носитъ и знаменитое шестилѣтнее (1768—1774) путешествіе Палласа въ сообществѣ Соколова, Зуева и Рычкова; минералогія обогатилась только указаніями на новыя мѣсторожденія минераловъ (напр. красная свинцовая руда), а кусткамера академіи обширными коллекціями. Первыми учеными, специально посвятившими себя минералогіи, были академики *Севергинъ* (1765—1826). По окончаніи курса академической гимназіи Севергинъ былъ посланъ за границу, гдѣ и учился у Кестнера, Гмелина и Лихтенберга. Но въ

наставленіи, ему данномъ, гораздо болѣе говорится о горномъ дѣлѣ и геологін, чѣмъ о минералогіи—въ современномъ значеніи этого слова, потому что и на Западѣ всѣ эти науки составили одну—минералогію или «рудословіе». По возвращеніи своемъ Севергинъ былъ избранъ сначала адъюнктомъ на кафедре минералогіи, а затѣмъ въ 1793 г. и академикомъ или проф. минералогіи. Громадной заслугой Севергина нужно считать то, что онъ и прямо и косвенно—своими работами—продовѣдывалъ необходимость для русскихъ минералоговъ описывать какъ можно точнѣе, подробнѣе и съ соблюденіемъ научныхъ требованій произведенія минеральнаго царства, о которыхъ путешественники-натуралисты упоминаютъ только въ общихъ чертахъ. Но, не смотря на стремленіе къ специализаціи, все же ему приходилось заниматься не только минералогіей, но и физикой, и химіей, и технологіей, и даже сельскимъ хозяйствомъ. Въ своихъ путешествіяхъ—по Западному краю, по Финляндіи, по Новгородской и Псковской губ.—Севергинъ главную часть описанія посвящалъ минералогіи. Работы его тоже касаются, главнымъ образомъ, русскихъ минераловъ и горныхъ породъ, первые называются имъ «простыя ископаемыя тѣла», а вторые «сложныя ископаемыя тѣла». Севергинъ, слѣдуя своимъ западно-европейскимъ учителямъ и современникамъ, занимается описаніемъ, главнымъ образомъ, вѣншихъ признаковъ ископаемыхъ тѣлъ и ихъ систематизаціей,—но онъ написалъ около 200 мемуаровъ, издалъ оригинальныя для того времени сочиненія: «Основанія минералогіи» (2 т.), «Минералогическій Словарь» (2 т.), «Опытъ минералог. землеописанія Россіи», «Химическій Словарь» (2 т.) и др. Изъ русскихъ минераловъ онъ описалъ: пегидиты Охотска, сибирскіе бериллы, авантюрины, плавленые шпаты, известняки, желѣзны блескъ на аметистъ, агаты, гипсы (изъ Полтавской губ.), оловянную руду, финляндскую вису, разувковитъ и др. Въ финляндскихъ гранитахъ онъ нашелъ новый минералъ, который назвалъ *лоталитомъ* (кажется, что здѣсь Севергинъ первый изъ минералоговъ отмѣчаетъ интересный и важный полевой шпатъ, впоследствии названный олигоклазомъ). «Первыя основанія минералогіи» Севергина (1798, 2 тома) и его «Подробный словарь минералогическій» (1807) были первыя сочиненія русскаго ученаго, посвященныя систематическому изложенію минералогіи во всемъ ея тогдашнемъ объемѣ. Минералогіей, по опредѣленію автора, называется «часть естественной исторіи, которая научаетъ насъ познавать ископаемыя тѣла, то есть отличать оныя отъ всѣхъ другихъ тѣлъ по существеннымъ имъ признакамъ, знать ихъ свойства, мѣсторожденія, пользу и всѣ отношенія ихъ какъ между собою, такъ и къ другимъ тѣламъ». При изученіи минераловъ Севергинъ рекомендуетъ обращать вниманіе не только на вѣншіе признаки, но и на физическіе (тяжесть, упругость, магнитность) и на химическіе (ислѣдованіе мокрымъ и сухимъ путемъ),—но все же, хотя авторъ въ своей классификаціи

минераловъ обращаетъ большое вниманіе на химическій составъ ихъ, признаки физическіе и химическіе тонутъ въ массы «наружныхъ признаковъ»; послѣднихъ авторъ приводитъ 23, это: цвѣтъ, связь, наружный видъ, поверхность, наружный блескъ, внутренней блескъ, изломъ и т. д. Изъ дальнѣйшихъ опредѣлений мы видимъ, что по Севергину кристаллическая форма является только одной изъ многочисленныхъ вѣншихъ формъ минеральнаго вещества; видимъ также, какъ незначительно его знакомство съ кристаллическими многогранниками; кристаллографія, какъ наука, для него еще не существуетъ, и только съ появленіемъ знаменитаго сочиненія Гаю «Traité de Mineralogie» (1801), Севергинъ знакомится съ этой тогда еще только нарождавшейся наукой и въ своемъ минералогическомъ словарѣ (1807) противъ слова «кристаллографія» помѣчаетъ: «Занимается систематическимъ описаніемъ кристалловъ, съ показаніемъ всѣхъ ихъ отношеній между собою»; кристаллъ же опредѣляетъ, какъ «существо соляное, каменное и металлическое въ опредѣленномъ многогранномъ видѣ съ гладкими, либо кривыми поверхностями». Мы уже упоминали, что въ основу классификаціи минераловъ Севергинъ кладетъ химическій составъ; классы и роды опредѣляются по главной составной части, видъ:—по различному смѣшенію составляющихъ частей и по явленіямъ и перемѣнамъ отъ сего смѣшенія происходящимъ, присовокупляя къ тому всѣ ихъ наружныя признаки». Разновидности же, которыя авторъ называетъ измѣненіями—«называются по перемѣнамъ въ наружныхъ признакахъ встречающимся». Такимъ образомъ имена первыхъ русскихъ ученыхъ, работавшихъ въ области минералогіи, связаны, какъ то и слѣдовало ожидать, съ академіей наукъ. Но къ концу XVIII стол. и въ началѣ текущаго въ Россіи начали появляться и другіе разсадники просвѣщенія: университеты, горный институтъ; но въ послѣднемъ преслѣдовались главнымъ образомъ практическія цѣли горнаго дѣла; въ университетахъ минералогію преподавали лица, часто совсѣмъ не подготовленные къ этому. Характерныя въ этомъ отношеніи данныя приводитъ Багалій въ своемъ «Опытѣ исторіи харьковскаго университета». Когда въ 1807 г. былъ купленъ для университета минералогическій кабинетъ у профессора Андрѣ, то университету пришлось обратиться къ министру народнаго просвѣщенія, графу Разувковскому, съ просьбой командировать для разбора этой коллекціи адъюнкта моск. универ. Таубера, такъ какъ среди своихъ чл. новъ университетъ не могъ найти лица, которому могъ бы поручить эту работу. Въ 1802—1815 г. по естественнымъ наукамъ въ харьковскомъ унив. были слѣдующіе каеедры: 1) химія и металлургія, 2) естественная исторія и ботаника, при чемъ эту вторую кафедру занималъ проф. Делавинъ—ботаникъ и зоологъ, а помощникомъ по минералогіи у него былъ адъюнктъ Крюгеръ, читавшій минералогію по руководству Севергина, а также адъюнктъ Громовъ, въ 1813 г. защитавшій докторскую диссертацию: «De metodo, qua mineralogus in

сcendendo systemate porcorum anorganicorum uti debeat», сочинение не имѣвшее, конечно, самостоятельнаго характера. Въ этомъ же 1813 г., вѣроятно на смѣну Крюгеру, появляется въ харьковскомъ унив. адъюнктъ минералогіи Тауберъ, получившій хорошую минералогическую подготовку за границей, бѣлъ путешествовавшій по Германіи и Даніи для изученія минералогическихъ кабинетовъ и имѣвшій уже печатные труды; въ 1805 г. онъ былъ приглашенъ на русскую службу минералогомъ при главномъ управленіи училищъ, для приведенія въ порядокъ минеральныхъ коллекцій, присланныхъ изъ Сибири для разныхъ университетовъ и училищъ. Въ 1808 г. уже будучи адъюнктомъ московскаго университета, онъ былъ отправленъ въ Сибирь для собиранія минераловъ и два года изучалъ уральскіе заводы; затѣмъ вернулся въ Москву съ большою коллекціей минераловъ, съ картами и чертежами, «изображавшими какъ внутреннія, такъ и наружныя строенія уральскихъ горъ». Въ 1811 г. Тауберъ принялся за разработку своего описанія уральскихъ горъ, но при вторженіи Наполеона погибло все его имущество и это сочиненіе. Въ московскомъ университетѣ въ 1804 г. для минералогіи и сельского хозяйства была одна общая кафедра. Въ 1817—18 гг. проф. Фишеръ читаетъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ «зоологію и минералогію, съ указаніемъ употребленія этихъ естественныхъ тѣлъ въ медицину, технологию и экономію». Въ 1828 г. проф. Павловъ также читаетъ одновременно и минералогію (по Фишеру) и сельское хозяйство; и только въ 1834—34 гг. профессоръ, докторъ медицины Шуровскій раздѣляетъ уже минералогію отъ геогнозіи, совмѣщая все же въ своемъ лицѣ преподаваніе обоими предметами. Сравнимъ минералогическій кабинетъ моск. университета, въ 1817—20 гг. и въ 1849 г.; въ первый изъ этихъ періодовъ кабинетъ состоялъ изъ трехъ отдѣльныхъ собраній: 1) систематическое собраніе ископаемыхъ, 2) собранія топографическія, 3) собраніе драгоценныхъ камней; во второй періодъ большой минералогическій кабинетъ раздѣлялся уже на 4 отдѣла: 1) въ ориктогностическомъ (минералогическомъ) было 4903 нумера, 2) въ геогностическомъ 800 нумеровъ, 3) въ отечественномъ 3082 нумера и 4) въ палеонтологическомъ 2304 нумера. Въ горномъ институтѣ уже въ 1826 г. студентамъ читаютъ слѣдующіе курсы: 1) описательную минералогію или физиологію минеральныхъ видовъ, 2) петромогностію или палеонтологію, 3) геогностію и 4) практическую минералогію. Въ петербургскомъ университетѣ до начала 20-хъ гг. минералогія съ геологіей и палеонтологіей составляли одно цѣлое; только въ 1822 г. проф. и оберъ-бергмейстеръ *Соколовъ* читаетъ отдѣльные курсы минералогіи и геогнозіи, при чемъ въ началѣ своей дѣятельности первую онъ читалъ по Гаю, вторую по руководству Добюисона; въ 1832 г. *Соколовъ* издаетъ свое руководство минералогіи, а въ 1842 г. руководство геогнозіи. Но до конца 1830-хъ гг. ни въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній мы не встрѣчаемъ отдѣ-

наго курса кристаллографіи; должно быть однимъ изъ первыхъ былъ курсъ кристаллографіи, читанный проф. *Соколовымъ* по Розе въ началѣ 1840-хъ гг. *Соколовъ*, талантливый профессоръ петербургскаго университета и горнаго института, имѣлъ громадное вліяніе на развитіе въ Р. минералогическихъ и геологическихъ знаній; онъ оставилъ незначительныя печатныя работы по минералогіи, но его руководство минералогіи въ 1830—40 гг. употреблялось почти во всѣхъ университетахъ. Изъ этого руководства видно, что къ началу 1830-хъ гг. почти всѣ нынѣ извѣстные минералы изъ русскихъ мѣсторожденій были извѣстны и тогда, кромѣ изумруда, алмазнаго шпата, діаспора, аксинита, волконскоита и нѣкот. другихъ описанныхъ влослѣдствіи *Кокшаровымъ*. Въ основу своей классификаціи *Соколовъ* положилъ химическій составъ минераловъ, при чемъ обращалъ главное вниманіе на основанія, а не на кислоты. Въ этомъ руководствѣ встрѣчаются оригинальныя мысли; такъ, авторъ полагаетъ, что «щелочи присутствіемъ или отсутствіемъ своимъ полагаютъ на минералы печать единства; что въ сложныхъ соляхъ сильнѣйшія основанія имѣютъ въ образованіи физическихъ свойствъ гораздо большее участіе, нежели основанія слабѣйшія; что не смотря на одинаковую кристаллообразовательную способность равносильныхъ и притомъ однообразныхъ веществъ (substances isomorphes), положено, однако, различіе въ общеобразовательной силѣ между тѣми изъ сихъ веществъ, кои не имѣютъ щелочныхъ свойствъ, и щелочамъ». *Соколовъ* предостерегаетъ отъ увлеченія на основаніи одного или двухъ анализовъ устанавливать новый минеральный видъ и предугадываетъ громадное значеніе изомерныхъ смѣсей, въ то время еще почти не изслѣдованныхъ. На кристаллическую форму минераловъ *Соколовъ* обращаетъ мало вниманія и не считаетъ возможнымъ выдѣлять новые виды на основаніи кристаллографическихъ различій минераловъ. Отрицательное отношеніе къ кристаллографіи держалось у насъ до конца сороковыхъ годовъ, когда первыя работы *Кокшарова* рѣзко дали толчокъ совершенно иному направленію. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ въ Россіи не появлялось работъ по кристаллографіи, если не считать сочиненія академика *Кундшера*: «Handbuch der rechnenden Krystallogonomie» (СПб., 1831), въ которой дана полная теорія измѣренія кристалловъ при помощи отражательнаго гониометра и вычисленія кристаллографическихъ постоянныхъ. *Кундшеръ* первый въ Россіи началъ заниматься точными гониометрическими измѣреніями; но его работы, имѣвшія значенія на Западѣ, прошли какъ то стороной въ русское ученое мѣръ. Минералогическое общество, основанное въ 1817 г., поставило своей задачей заниматься «минералогіей во всемъ пространствѣ этого слова», но членами этого общества до начала 1840-хъ годовъ не только не было сдѣлано какихъ-нибудь болѣе или менѣе значительныхъ изслѣдованій по минералогіи, но и вообще печатано очень мало (за исключеніемъ *Севергина*) работъ, хотя бы и компилятив-

ныхъ, по вопросамъ этой науки. Упомянемъ замѣтки проф. Соколова: «Минералогическое описаніе острова «Паргаса», «О нахожденіи лазуреваго камня въ Р.», «О нахожденіи малиноваго перла въ Р.» и «Мысли объ уральскихъ золотоносныхъ россыпяхъ», изъ которыхъ только первое основано на личныхъ наблюденіяхъ автора, затѣмъ «Химическое изслѣдованіе разныхъ родовъ хребтоуральской платины» проф. Мухина (1842), «Химическое изслѣдованіе вертита» академика Гесса и нѣкоторые другіе анализы минераловъ, произведенные этимъ академикомъ. Въ это время большое распространѣніе получаетъ паяльная трубка, которую съ наибольшимъ успѣхомъ примѣнялъ секретарь минерал. общ. Вѣртъ. Среди разсыпныхъ по Ингерманландіи валуновъ Вѣртъ открылъ лабрадоры, а въ валунахъ близъ Петергофа онъ нашелъ два новыхъ минерала—вертитъ и ксенозитъ; при помощи паяльной трубки были открыты еще: уваровитъ, кеммереритъ и гидроборацитъ.

Въ 1842—45 гг. горнымъ вѣдомствомъ командированъ за границу Кокшаровъ; онъ занимается тамъ непосредственно подъ руководствомъ Розе, Вейса и Деларосса; наибольшее вліяніе оказалъ на него Науманъ. Вернувшись въ Р., Кокшаровъ предпринялъ цѣлый рядъ точныхъ кристаллографическихъ измѣреній русскихъ минераловъ; въ 1847 г. выходитъ его первая работа о новомъ минералѣ багратионитѣ, а уже въ 1853 г. печатается онъ первый томъ своихъ «Materialien der Mineralogie des Russlands»; въ 1888 г. такихъ томовъ было издано 9 нѣмецкихъ и 5 русскихъ («Материалы для минералогіи Р.»); въ нихъ подробно описаны, главнымъ образомъ, съ кристаллографической стороны, почти всѣ встрѣчающіеся въ Р. минералы, въ числѣ которыхъ установлены авторомъ и новые минеральные виды—багратионитъ, ильменорутитъ, кочубейтъ, валуевитъ и мурзинскитъ, а также впервые описаны русскіе—эвклазъ, фенакитъ, брукитъ, желтый канкринитъ, мѣдная слюдка и волластонитъ. Геометрическіе контуры, установленные Кокшаровымъ для громаднаго числа минераловъ, особенно для группъ природныхъ и углекислыхъ солей, апатитовъ, авигитовъ и роговыхъ обманковъ считаются до сихъ поръ наиболее точными. Подувѣковая научная дѣятельность Кокшарова наложилла характерную печать на этотъ періодъ исторіи минералогіи въ Р., который можно назвать «національно-описательно кристаллографическимъ». Вѣрнымъ послѣдователемъ Кокшарова является проф. и акад. Еремѣевъ, также всю жизнь свою посвятившій изслѣдованію и описанію кристаллографическаго habitus'a русскихъ минераловъ; но работы Еремѣева далеко уступаютъ по точности работамъ Кокшарова.

Не смотря на то, что съ введеніемъ, въ шестидесятыхъ годахъ, новыхъ уставовъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ были образованы двѣ каѳедры—минералогіи и геологіи, все же кромѣ Кокшарова и Еремѣева въ Россіи, до конца восьмидесятыхъ годовъ, можно указать лишь на химико-минералогическія

работы проф. сб. ун-в. Пузыревскаго «О составѣ канкринита» (1857) и «изслѣдованіе нѣсколькихъ русскихъ апатитовъ» (1860), а также на монографію прив.-доц. сб. ун-в. М. Ерофеева, «Кристаллографическія и кристаллооптическія изслѣдованія турмалиновъ» (1870), могущую служить образцомъ для подобныхъ работъ и понинъ; въ ней Ерофеевъ развиваетъ теорію «скупиванія кристалловъ»^{*}). Причиной этого явленія лежитъ во первыхъ въ томъ, что главныя научныя силы еще болѣе, чѣмъ въ 1-й половинѣ текущаго столѣтія, — отвѣкались въ область геологическихъ изслѣдованій, во вторыхъ, для оригинальныхъ работъ по минералогіи и кристаллографіи для постановки и разрѣшенія массы возникавшихъ среди зап.-европейскихъ ученыхъ вопросовъ требовалось хорошее знакомство съ физическими методами изслѣдованій и съ высшей математикой,—между тѣмъ какъ каѳедра минералогіи была приписана въ естественному факультету, на которомъ высшая математика не читается вовсе, на физику же обращено очень слабое вниманіе. Неудивительно, что до начала 1890-хъ гг. профессора минералогіи въ русскихъ университетахъ не дали ни одной сколько-нибудь значительной работы по минералогіи или кристаллографіи и что самая выдающаяся работа по кристаллографіи въ Россіи сдѣлана проф. физики и технологіи артиллерійскаго училища и академіи А. В. Гадолитинъ. Въ этой работѣ, носящей названіе «Выводъ всѣхъ кристаллографическихъ системъ и ихъ подраздѣленій изъ одного общаго начала» и напечатанной въ «Запискахъ Имп. Минералог. Общ.» за 1869 г.^{**}), авторъ, исходя изъ представленій объ однородности кристаллическаго вещества, выводитъ чисто теоретическимъ путемъ изъ общихъ положеній симметріи всѣ возможные кристаллографическія группы, числомъ 32... «Очевидная аналогія, говорить онъ въ введеніи къ этой работѣ, существующія не только между голоэдрическими, гемидрическими и тетраэдрическими формами данной системы, но и между различными системами, возбудили въ насъ мысль отыскать одно общее начало, изъ котораго можно было-бы не только вывести, какъ послѣдствіе, всѣ уже образовавшіяся въ кристаллографіи группы, но и предсказать всѣ группы, которыя еще можетъ быть придется образовывать по мѣрѣ новыхъ открытій науки». Развивъ мысль, что и кристаллографическая форма есть въ сущности такое же физическое свойство кристалла, какъ и всѣ прочія, такъ назыв. физическія свойства, Гадолитинъ этимъ объясняетъ упомянутую выше связь между наружною формою и физическими свойствами, которыя вообще всѣ зависятъ отъ проявленія частичныхъ силъ. «Вслѣдствіе этого особенную важность принимаетъ разсматриваніе направлений, одинаково расположенныхъ относительно кристал-

^{*}) Эту же теорію проводитъ въ 1890-хъ гг. и прив.-доц. сб. ун-в. А. Карновичій въ своихъ работахъ объ оптическихъ свойствахъ турмалиновъ и о вѣщанальныхъ плоскостяхъ.

^{**}) Въ 1896 г. эта работа появилась по-нѣмецки и включена въ серію «Ostwalds Klassiker».

лическихъ граней». Такія направлеція онѣ называютъ *равными* и въ одну и ту же группу относитъ всѣ кристаллы, въ которыхъ число и расположеніе равныхъ направлений одинаково. «Большинство изъ числа группъ, образованныхъ этимъ чисто теоретическимъ путемъ, говоритъ авторъ, тождественны съ тѣми группами, которыя уже въ настоящее время приняты въ науки. За этимъ остаются изъ этихъ теоретическихъ группъ еще нѣкоторыя, къ которымъ еще не найдены въ природѣ соответствующія формы». И предсказанія Гадолина оправдались: въ его время было извѣстно не болѣе 22 группъ кристаллическихъ строеній; въ настоящее время ихъ уже 28 и всѣ они находятъ соответствующее мѣсто въ его теоріи. Работа Гадолина не оказала своевременнаго вліянія на русскихъ кристаллографовъ и минералоговъ и только въ концѣ 1880-хъ и въ началѣ 1890-хъ г. многочисленныя работы *Федорова* являются оригинальнымъ продолженіемъ и развитіемъ идеи Гадолина. Въ 1885 г. Федоровъ помѣстилъ въ «Запискахъ Императорскаго Минералогическаго Общества» свое капитальное сочиненіе «Начало ученія о фигурахъ», существенная часть котораго изложена имъ еще въ 1881 г. Затѣмъ появились «Симметрія конечныхъ фигуръ» (1889), «Симметрія правильныхъ системъ фигуръ» (1891), «Краткое руководство кристаллографіи», «Основной законъ кристаллографіи» (1893) и др. Въ своихъ работахъ Федоровъ проводитъ мысль, что правильности кристаллическаго строенія можно свести къ вопросу о свойствахъ геометрическихъ фигуръ, могущихъ при повтореніи заполнить пространство безъ промежутковъ. «...Теоретики по структурѣ кристалловъ, говоритъ онъ, имѣютъ въ виду въ своихъ соображеніяхъ центры тяжести кристаллическихъ частицъ, но совершенно игнорируютъ средю, окружающую эти частицы. Мы можемъ мыслить эти частицы съ небольшою частью окружающаго ихъ пространства, какъ равныя и симметричныя твердыя тѣла, которыя правильно слагаются другъ съ другомъ, выполняя пространство. Эти воображаемая твердыя тѣла я называлъ стереоэдрами, и показалъ, что соответственные точки этихъ фигуръ и составляютъ въ пространствѣ правильныя системы точекъ (простыя или двойныя). Стереоэдры, слагающіе въ опредѣленномъ для каждой системы числѣ, образуютъ параллелоэдръ, т. е. фигуру, выполняющую пространство въ параллельномъ положеніи.... Стереоэдры обуславливаютъ кристаллическую фигуру вещества, а параллелоэдры и есть тѣ сложныя частицы, сложившіеся въ которыхъ вещество стало кристалломъ....» Итакъ, авторъ свелъ свою задачу къ нахожденію всѣхъ теоретически возможныхъ параллелоэдровъ и разложеніе ихъ на стереоэдры — и получилъ этимъ путемъ 229 различныхъ кристаллическихъ строеній, по отношенію къ которымъ 32 класса Гадолина являются общими отдѣлами. Нужно замѣтить, впрочемъ, что доселѣ мы не въ состояніи опытнымъ путемъ проверить существованіе такихъ детальнѣхъ подраздѣленій кристаллографическихъ строеній, какія устанавливаютъ намъ теоретическія изысканія Федорова и нѣкоторыхъ дру-

гихъ зап.-европ. ученыхъ (Шенфлисъ, Зонкс, Вульфъ). Кромѣ чистой кристаллографіи Федоровъ работалъ по вопросамъ физической кристаллографіи и минералогіи; упоминаемъ о работахъ его о полевыхъ шпатахъ и о «Теодолитномъ методѣ минералогіи и петрографіи». Вообще концѣ 80-хъ и начало 90-хъ годовъ открываютъ новую эру въ исторіи кристаллографіи и минералогіи въ Р.: русскіе ученые начинаютъ работать по всѣмъ отдѣламъ этихъ наукъ. Хотя появляются еще работы, близкія по своему характеру къ работамъ предыдущаго періода, которыя мы назвали національно-кристаллографически-описательнымъ, но даже и эти работы ставятъ гораздо болѣе широкія задачи, чѣмъ простое кристаллографическое описаніе формъ; укажемъ на обширную монографію *С. Плиски*: «Альбиты изъ русскихъ мѣсторожденій», которая, хотя и преслѣдуетъ, главнымъ образомъ, кристаллографическое описаніе, но стремится дать и фактическое обоснованіе для нѣкоторыхъ пунктовъ теоріи Чермака о полевыхъ шпатахъ; кромѣ того авторъ присоединяетъ химическія и оптическія изслѣдованія альбитовъ. Къ этой же категоріи нужно отнести и работы — проф. *Пренделя* о «видуэтѣ» и отчасти *Карпозинскаго* о «Евгеніи Максимиліановскихъ копяхъ». Въ области физической кристаллографіи укажемъ работу *Коллетко*: «Полярное электричество кварца по отношенію его кристаллографическаго характера»; работы проф. *Вульфа*: «Свойства нѣкоторыхъ псевдосимметрическихъ кристалловъ въ связи съ теоріей кристаллическаго строенія вещества» и «Къ вопросу о скоростяхъ роста и растворенія кристаллическихъ граней». Въ послѣдней работѣ авторъ пришелъ къ интересному результату, что между скоростями роста и растворенія грани кристалла не существуетъ никакой простой взаимности и что «скорости роста грани кристалла пропорціональны кавиллярнымъ постояннымъ грани относительно маточнаго раствора». Къ этой же группѣ относится и работа проф. *В. Вернадскаго*, «Явленіе скользянія кристаллическаго вещества», въ которой авторъ стремится опредѣлить положенія плоскости скользянія къ элементамъ симметріи. Химическому изслѣдованію минераловъ и вопросамъ о генезисѣ ихъ посвящено также нѣсколько большихъ работъ нашихъ ученыхъ, таковы: «О группѣ силлиманита и о роли глинозема въ силикатахъ» В. Вернадскаго и изслѣдованіи проф. *Землетченскаго* желѣзныхъ рудъ и каолинитовыхъ образованій Южной Р.; въ послѣдней работѣ, кромѣ минералогическаго описанія и химическихъ изслѣдованій этихъ образованій, авторъ, съ цѣлью выяснитъ генезисъ ихъ ставитъ цѣлый рядъ опытовъ. *В. Алафоновъ*.

7) Геологія, какъ самостоятельная наука, существуетъ лишь съ начала истекающаго столѣтія. Соответственно этому, среди русскихъ ученыхъ прошлаго вѣка, когда спеціализація знаній еще не достигала такихъ размѣровъ, какъ нынѣ, не могло быть геологовъ въ современномъ значеніи этого слова. Тѣмъ не менѣе, въ числѣ членовъ академіи наукъ, посвятившихъ свои силы изученію природы нашего отечества, были и та-

іе которые интересовались теоретическими вопросам геологии и собирали фактический матеріал относительно геологическаго строенія Р. На первом мѣстѣ среди нихъ должны быть поставлены *Ломоносовъ* и *Палласъ*. Первый въ своихъ мемуарахъ не только популяризовалъ запасъ геологическихъ знаній, накопившихся къ тому времени въ Зап. Европѣ, но и выказалъ такое правильное пониманіе многихъ геологическихъ явленій, какое вѣдѣли существовало въ его время и тамъ. Палласъ, по знаніямъ и таланту, долженъ быть поставленъ во главѣ той плеяды ученыхъ академиковъ, по большей части иностранцевъ, которые своими путешествіями по Р. и Сибири, предпринятыми по почину правительства, положили первое основаніе естественно-историческаго изученія нашего отечества, и между прочимъ дали богатый матеріалъ къ познанію геологическаго его строенія и описали цѣлый рядъ интересныхъ явленій изъ области физической геологии. Кромѣ Палласа, слѣдующаго хронологическому порядку, должны быть упомянуты: *Мессершмидтъ*, *Юганъ-Георгъ*, *Гмелинъ*, *Штормъ*, *Шпеллеръ*, *Крашенинниковъ*, *Гюльденштедтъ*, *Делезакъ*, *Самуэль-Готлибъ Гмелинъ*, *Георгъ Фалькъ*, *Габилль*, *Германъ Лаксманъ*, *Рычковъ*, *Никита Соколовъ*, *Зуевъ*, *Озерниковскій*, *Северинъ* и др., всѣ болѣе или менѣе связанные съ Имп. академіей наукъ. Случайные путешественники иностранцы (*Патринъ*, *Шаль д'Отеронтъ*), иностранцы выписанные для содѣйствія развитію горнаго дѣла (*Ренованцъ*), наконецъ, просто любознательные люди «изъ нѣмцевъ», служившіе въ Р., тоже интересовались различными сугубо: минералами, окаменѣlostями, особенными физическими явленіями и оставили намъ или собственныя, часто весьма наивныя, описанія ихъ, или пересылали собранный матеріалъ за границу, гдѣ онъ подвергался научной обработкѣ. На царствованіе имп. Екатерины II падаетъ блестящій періодъ дѣятельности академіи наукъ по географическому и естественно-историческому изслѣдованію Р. Начало истекающаго столѣтія не благоприятствовало дальнѣйшимъ правительственнымъ мѣропріятіямъ, направленнымъ къ этой цѣли. Зато основаніе горнаго института, учрежденіе общества испытателей природы при московскомъ университетѣ (1804), Имп. минералогическаго общества, нѣсколькихъ университетствъ, наконецъ, появленіе «Горнаго Журнала» (1825)—все это повело къ созданію, помимо академіи наукъ, новыхъ центровъ, куда стекались русскія геологическія наблюденія и популяризовались выдающимися произведенія западно-европейской геологической литературы, оживленію въ это время дѣятельностью такихъ выдающихся ученыхъ, какъ *Лайбаль*, *Кювье*, *Л. фонъ-Бухъ*. На ряду съ этимъ возрастало и число дѣятелей на поприщѣ геологии изъ числа горныхъ инженеровъ и особенно изъ среды ученыхъ дерптскаго университета, снабжавшаго въ этотъ періодъ Р. академиками, профессорами и подготавливаемаго къ профессорской дѣятельности, отправляемыхъ правительствомъ наиболѣе даровитыхъ воспитанниковъ русскихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Всѣ эти обстоятельства отозвались, однако, на оживленіи геологическихъ изслѣдованій уже значительно позже, въ 30-хъ и 40-хъ гг. истекающаго столѣтія; къ первой же четверти же его относится дѣятельность академиковъ *Паррота*, *Гесса*, проф. *Земблинскаго*, *М. фонъ-Энгельгарта*, англичанина *Стратвейса* и немногихъ другихъ. Въ царствованіе имп. Николая I правительственнымъ поощреніемъ пользовались по преимуществу тѣ геологическія изслѣдованія, которыя имѣли практическое значеніе и отвѣчали потребностямъ развивающагося горнаго дѣла. Главное вниманіе было обращено на изслѣдованіе горнопромышленныхъ районовъ Урала, Алтая, Нерчинскаго округа, Олонечкаго края; въ меньшей мѣрѣ Подмосковнаго края, Кавказа и Южной Р. Изъ дѣятелей этого времени должны быть упомянуты *Аносовъ*, *Влѣде*, *Борисскій*, *Бояришиновъ*, братья *Бутеневы*, *Иванчикій*, *Ванселеймъ*, *ф. Кваленъ*, *Ковалевскій*, *Макаровскій*, *Озерскій*, *Оливеръ*, *Соколовъ*, *Фолборгъ*, *Фишеръ* *ф.-Вальдгеймъ*, *Языковъ*, *П. Вагнеръ*, *Лавровъ*, *Асмуссъ*, *Чичаевъ* и др., отчасти извѣстные своими трудами на поприщѣ практической геологии, отчасти палеонтологи. Но выдающееся мѣсто среди нихъ занимали *Гельмерсенъ* и *Гобманъ* въ области практической геологии и какъ изслѣдователи районовъ наиболѣе важныхъ въ горнопромышленномъ отношеніи, *Эйхвальдъ* и *Ландбергъ*, положившіе начало палеонтологическому изслѣдованію Р. и собравшіе громадный матеріалъ въ этой области и, наконецъ, *Шуровскій*, *Куторга* и *Рулье*, помимо своихъ ученыхъ работъ, имѣющихъ громадныя заслуги какъ талантливые популяризаторы геологическихъ знаній, блестящія лекціи которыхъ съ занимаемыхъ ими кафедръ въ Моск. и спб. университетѣ возбуждали интересъ къ этой наукѣ и привлекали къ ея изученію. Къ этой эпохѣ относится и начало долготѣнней дѣятельности Аюха по изученію Кавказа, экспедиція Демидова въ Южную Р., но особенное значеніе имѣетъ знаменитое путешествіе Мурчисона и его спутниковъ по Уралу и Европ. Р. Это была первая попытка охватить геологическое строеніе Европ. Р. въ ея цѣломъ и явившійся результатомъ побѣды классическій трудъ Мурчисона, Вернейля и Кейзерлянга—«Geology of Russia and the Ural mountains»—положилъ прочное основаніе дальнѣйшихъ геологическихъ изслѣдованій, давъ для нихъ точку опоры. Благодаря громадной эрудиціи, талантливости и проинициативности Мурчисона и его сотрудниковъ, этотъ трудъ, не смотря на полустолѣтіе, протекавшее со времени его появленія, въ значительной части сохранилъ свое значеніе и до настоящаго времени; послѣдующія изслѣдованія развивали взгляды Мурчисона, видоизмѣняли ихъ въ подробностяхъ, но лишь въ немногомъ коснулись основныхъ его выводовъ. Хотя благодаря появленію преемственнаго основнаго труда Мурчисона для изученія геологии Р. открылось широкое поприще, но не доставало работниковъ, которые могли бы всецѣло отдаться этой отрасли науки. Въ университетахъ кафедра геологии еще не существовала, а горный институтъ едва въ

состоянии были удовлетворять прямому своему назначению — приготовлению практических дѣателей горнаго дѣла и могъ выдѣлить изъ своей среды лишь немногихъ, интересовавшихся геологіей, какъ наукой. Въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ продолжала свою дѣятельность отчасти тѣ же вышеперечисленные ученые, среди которыхъ наиболѣе видное мѣсто заняли *Гельмерсенъ, Гофманъ, Антимова, Мельничій, Кутора, Эйхвальдъ, Пандеръ* и *Абишъ*, къ которымъ присоединились нѣсколько новыхъ дѣателей горнаго міра, изъ которыхъ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить *Барботъ де Марни* и др., расцвѣтъ дѣятельности которыхъ падаетъ, впрочемъ, на болѣе поздніе годы. Учрежденіе по уставу 1863 г. особой самостоятельной каведры геологій и палеонтологій во всѣхъ русскихъ университетахъ дало энергичный толчекъ къ развитію геологическихъ изслѣдованій Р., которому значительно способствовали открывшіяся вскорѣ общества естествоиспытателей при университетахъ и оживленіе дѣятельности минералогическаго общества, получившаго спеціальныя средства на геологическія изслѣдованія. Подъ покровительствомъ этихъ обществъ и частью на ихъ средства производилось большинство изслѣдованій и печаталось въ ихъ изданіяхъ и отчасти въ «Горномъ Журналѣ». Въ эту эпоху (60-хъ и 70-хъ гг.) наиболѣе видными дѣателями по геологій и ея отраслямъ явились профессора университетовъ, горнаго института и нѣкот. другихъ высшихъ учебныхъ заведеній и отчасти академики. Въ спб. университетѣ первымъ замѣстителемъ вновь открывшейся каведры геологій и палеонтологій былъ *Эд. Гофманъ*, кратковременная дѣятельность котораго была посвящена палеонтологій; его мѣсто вскорѣ замѣстилъ *А. А. Иностранцевъ*, извѣстный своими трудами по геологическому изслѣдованію Сѣвера Р., по микроскопической петрографіи и до-исторической антропологій. Одинъ изъ многочисленныхъ учениковъ Иностранцева, *В. В. Докучаевъ*, до послѣдняго времени занимавшій каведру минералогій въ томъ же университетѣ, пріобрѣлъ себѣ заслуженную извѣстность своими трудами по изученію потретичныхъ образованій Р. и почвовѣднію. Въ моск. унив. Щуровскаго замѣстилъ талантливый палеонтологъ *В. Ковалевскій*, котораго смѣнилъ *А. П. Павловъ*, много сдѣлавшій по изученію мезозойскихъ и кайнозойскихъ образованій Поволжья. Въ Казани первымъ проф. геологій былъ *Н. А. Головкинскій*, извѣстный своими изслѣдованіями пермскихъ и потретичныхъ образованій Камско-Волжскаго района, перемедшій затѣмъ въ новороссійскій университетъ и посвятившій себя изученію Крыма. Преемникомъ его былъ *А. А. Штукенбергъ* (изъ спб. унив.), занимающійся по преимуществу изслѣдованіемъ вост. Р. Съ казанскимъ унив. связана и дѣятельность *П. И. Кротова*, много сдѣлавшаго по изученію Казанской, Вятской губ. и зап. склона Урала. Въ харьковскомъ университетѣ каведру геологій занялъ *И. Ф. Леваковский*, а потомъ его преемникъ и ученикъ *А. В. Гуровъ*, дѣятельность которыхъ посвящена вѣсторон-

нему изученію Харьковской, Екатеринославской и другихъ сосѣднихъ губ. Въ Кіевѣ первымъ дѣателемъ по геологій выступилъ *К. М. Теофилактовъ*, многосторонній дѣятельность котораго была направлена на геологич. изученіе губ., входящихъ въ составъ кіевскаго учебнаго округа. Въ этотъ же періодъ работали въ Кіевѣ по изученію фауны позвоночныхъ третичной системы проф. ботаники *Роговичъ*. Впослѣдствіи на смѣну ихъ выступили: *П. Н. Венковъ* (изъ спб. унив.), спеціалистъ по девонскимъ образованіямъ Р., *П. Я. Армашевскій*, много работавшій по изученію потретичныхъ образованій Черниговской, Полтавской, Кіевской губ. и Полѣсія, и проф. *Шмальгаузенъ*, спеціалистъ по изученію ископаемыхъ растений. Въ Одессѣ главнѣйшими дѣателями по геологій явились перешедшіе изъ Казани *Головкинскій* и *И. Ф. Ситновъ*, большая часть трудовъ котораго посвящена описанію фауны верхнетретичныхъ отложеній юга Р. Въ Варшавѣ работали по изученію геологій Царства Польскаго: *Цейшнеръ, Юркевичъ* и *Трейдовскій*, въ области петрографіи *А. Е. Лаворі*, а затѣмъ *В. П. Амаличій* (изъ спб. унив.), знатокъ пермскихъ отложеній и ихъ фауны и изслѣдователь бассейна Сѣв. Двины. Въ Юрѣвѣ (Дерптѣ) за этотъ періодъ дѣйствовали Гревингкъ, по изученію геологій и доисторической антропологій Прибалтійскихъ губ., *Ф. Ю. Левинсон-Лессингъ* (изъ спб. унив.), спеціалистъ по петрографіи, и *Н. И. Андрусовъ*—знатокъ русскихъ верхнетретичныхъ отложеній и ихъ фауны. Въ академіи наукъ продолжалъ свою дѣятельность Гельмерсенъ и выступилъ *Ф. Б. Шмидтъ*, одинъ изъ первыхъ изслѣдователей геологій Сибири, которому геологій обязана также детальнымъ изученіемъ нашихъ сибирскихъ отложеній и ихъ фауны. Въ академіи работали также *Грюневальдтъ*, по изученію палеозойскихъ образованій Урала, и *Пахтъ*, по девонской системѣ. Въ горномъ институтѣ выступили палеонтологи: *В. И. Меллеръ, Г. Лагузенъ, А. П. Карпинскій*, извѣстный своими изслѣдованіями по геологій, палеонтологій и петрографіи преимущественно Урала, *И. В. Мухометовъ*, спеціалистъ по физической геологій, много трудившійся надъ изслѣдованіемъ Туркестана и Средней Азіи, и *Г. Д. Романовскій*, палеонтологъ и спеціалистъ по полезнымъ ископаемымъ, также много лѣтъ работавшій въ Туркестанѣ. Въ началѣ 80-хъ гг. къ вышеперечисленнымъ учрежденіямъ присоединяется новое, имѣющее спеціальную цѣль изученіе геологическаго строенія Европ. Р. и составленіе геологической ея карты—геологическій комитетъ, среди дѣателей котораго, кромѣ Карпинскаго и Мухометова, должны быть указаны—*Ф. Н. Чернышевъ*, спеціалистъ по палеозойскимъ отложеніямъ Урала и Сѣвера Р., *Н. А. Соколовъ*—изслѣдователь днѣ и нижнетретичныхъ отложеній южной Р., Краснополскій, работавшій на Уралѣ и въ Зап. Сибири, *Михайловъ*—въ Царствѣ Польскомъ и, наконецъ, *С. Никитинъ*, занимавшійся преимущественно изученіемъ мезозойскихъ образованій Поволжья и гидрологическими изслѣдованіями. Къ 90 гг. относится начало система-

тического изученія Сибири особыми геологическими партиями (Обручевъ, Ячевскій, Богдановичъ, Зайцевъ, Державинъ и др.), а также учрежденіе геологической части при кабинетѣ Его Вел., имѣющей цѣлью изслѣдованіе Алтая (завѣд. А. Иностранцевъ). Къ тому же времени относится учрежденіе финляндской геологической комиссіи, главными дѣятелями которой являются молодые ученые Зедергольмъ, Бергтель, Рамзай и др. Помимо дѣятельности названныхъ, такъ сказать, официальныхъ представителей геологической науки, въ этотъ послѣдній періодъ къ разработкѣ русской геологіи примыкаютъ и нѣкоторые частныя лица и хотя этотъ разрядъ ученыхъ у насъ въ Р., къ сожалѣнію очень не великъ, но нѣкоторые относящіеся къ нему ученые оказали существенное вліяніе на развитіе геологическихъ знаній; таковы изслѣдователи геологіи Сибири: Чекановскій, Черскій, Кропоткинъ, извѣстный также своими изслѣдованіями ледниковаго періода Финляндіи и Киприановъ, авторъ прекрасныхъ монографій о яшерахъ курскаго фосфорита. Въ эти 35 лѣтъ, протекавшихъ со времени введенія преподаванія геологіи въ унив., геологич. изученіе Р. подвигалось настолько успѣшно, что явилась возможность изданія геологическимъ комитетомъ, удовлетворительной, геологической карты Европ. Р. Ученые геологи, сѣхавшіеся со всего свѣта на международный геологическій конгрессъ 1897 г. въ СПб. и участвовавшіе въ организованныхъ конгрессомъ геологическихъ экскурсіяхъ по Р., свидѣтельствуютъ о вполнѣ правильной постановкѣ и успѣшномъ развитіи у насъ геологіи.

В. Полновъ.

8) Химія. Изученіе химіи въ Р. формально ведетъ свое начало съ учрежденія въ 1725 г. въ СПб. академіи наукъ. Въ 1727 г. въ качествѣ натуралиста и химика былъ приглашенъ сынъ тобинскаго атакара Іоаннъ-Георгій Гмелинъ, проведшій почти все время своего пребыванія въ Россіи въ путешествіи по Сибири и оставившій по части химіи единственный слѣдъ въ видѣ разсужденія объ увеличеніи вѣса нѣкоторыхъ тѣлъ при накаленіи на огнѣ. Разсужденіе это относится къ началу 30-хъ годовъ, т. е. къ тому времени, когда Стаалемъ была уже вполнѣ разработана теорія флогистона. Въ началѣ 40-хъ годовъ Гмелинъ покинулъ Россію. Къ этому времени возвратился въ СПб. изъ-заграничны Ломоносовъ, изучавшій математику и физикъ у Вольфа, въ Марбургѣ, а химію съ металлургіей у Генкеля, въ Фрейбергѣ, и былъ назначенъ въ 1742 г. въ академію адъюнктомъ физики, а въ 1745 г.—химіи. Въ томъ же 1745 г. Ломоносовъ представилъ проектъ химич. лабораторіи и программу научныхъ работъ въ ней. По этой программѣ въ лабораторіи предполагались химическія изслѣдованія различныхъ природныхъ продуктовъ, ихъ анализъ и синтезъ, а также синтезъ новыхъ искусственныхъ веществъ, поѣрка изслѣдованій другихъ химиковъ, изслѣдованія физическія въ связи съ химическими, и указывалось на необходимость взвѣшиванія при всѣхъ химическихъ опытахъ какъ ис-

ходныхъ матеріаловъ, такъ и получаемыхъ изъ нихъ продуктовъ. Благодаря поддержкѣ стараній Ломоносова знаменитымъ Эйлеромъ, первая русская химическая лабораторія была, наконецъ, устроена въ 1748 г. Въ этомъ же году напечатано разсужденіе перваго русскаго химика на латинскомъ и русскимъ языкахъ (въ «Содерж. ученыхъ разсудд. Имп. акад. наукъ», 1748): «О химическихъ растворахъ вообще». Стоя, какъ ученый, вполнѣ на уровнѣ тогдашней современности, Ломоносовъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ химиковъ (напр. Блэкъ и Бургавъ), которые усматривали шаткость господствовавшихъ въ ту эпоху флогистическихъ воззрѣній. Дѣятельность Ломоносова, какъ химика и профессора при академическомъ университетѣ, была однако направлена, главнымъ образомъ, на пропаганду пользы химической науки, необходимости ея изученія, ея популяризацию. Премиями Ломоносова въ акад., въ концѣ XVIII ст. были Георгій (1768—1802), Никита Соколовъ (1783—92) и Т. Ловицъ (1790—1804). Въ 1755 г. былъ основанъ московскій университетъ и для занятія въ немъ кафедръ химіи, физики и медицинны приглашенъ въ 1758 г. изъ Лейпцига Керштенсъ. Химію онъ преподавалъ тамъ до 1770 г., придерживаясь руководства Фогеля и Бургава и читая также металлургію и минералогію. Съ 1771 г. преподаваніе химіи, читавшейся только на медич. отдѣленіи, перешло къ врачамъ Веняминову и Зибелину, предвѣрительно изучившимъ ее за границей, Зибелинъ велъ преподаваніе вплоть до 1801 г. Химія во все это время читалась ими примѣнительно къ потребностямъ медиковъ и зачастую составляла лишь добавленіе къ курсу практической медицины. Однако, чтеніе лекцій сопровождалось показываніемъ опытовъ, при каедрѣ химіи имѣлся химическій кабинетъ и въ 1770—80 г. при немъ состоялъ лаборантомъ ученикъ Керштенса, Сибирскій. Въ СПб. къ этому времени академическій унив. прекратилъ свое существованіе и лишь упомянутый выше Соколовъ читалъ съ 1785 по 1791 г. публичныя лекціи по химіи, съ опыта-ми, въ лабораторіи, считая послѣднее особенно важнымъ. Около того же времени (1774—81) дѣлаются переводы руководствъ по химіи: Р. Macquer, «Elements de chimie théorique» (П., 1756), подъ заглавіемъ: «Господина Макера начальныя основанія умозрительной и дѣятельной химіи», 3 тома (перев. сдѣланъ студентомъ Космою Флоринскимъ, ученикомъ Макера, въ 1774—75 г.), «Начальныя основанія химіи» проф. геттингенскаго унив. Эркелебена (перев. Н. Соколова) и «Бургава химія». Участіе немногочисленныхъ русскихъ химиковъ конца XVIII стол. въ разработкѣ научныхъ вопросовъ того времени было ничтожно. Конецъ XVIII стол. былъ въ исторіи химіи эпохою борьбы новыхъ воззрѣній, представителемъ которыхъ явился Лавуазье, противъ теоріи флогистона, борьбы, окончившейся полнымъ опроверженіемъ этой теоріи. Между русскими химиками Т. Ловицъ, по крайней мѣрѣ до начала 1790-хъ годовъ, является сторонникомъ теоріи флогистона («Новое открытіе о дефлогистирующей силѣ угля

и ея примѣненіе въ различныхъ химическихъ операціяхъ», 1787 г., «О металлизаци земель», 1791 г.), напротивъ, *Петровъ*, профессоръ слѣб. медико-хирургической академіи, въ 1801 г. выпускаетъ въ свѣтъ свое «Собраніе физико-химическихъ новыхъ опытовъ и наблюденій», въ которомъ ставитъ себѣ цѣлью доказать несостоятельность этой теоріи рядомъ опытовъ надъ горѣніемъ (напр., надъ горѣніемъ «въ безвоздушномъ пространствѣ и въ газахъ, не поддерживающихъ горѣнія», надъ «невоспламеняемостью горючихъ тѣлъ отъ калийнаго жара»), а *Я. Захаровъ* (академикъ съ 1790 по 1837 г.) переводитъ въ томъ же году съ нѣмецкаго языка Гиртланера: «Начальныя основанія химіи, горючее существо (т. е. флогистонъ) опровергающей». Въ Москвѣ Керштенсъ читалъ химію по Бургау, который не былъ послѣдователемъ флогистона, и тамъ уже за 2 года до перевода Захарова кандидаты хирургіи моск. врачевн. училища, Княгининъ и Каменскій, переводятъ съ франц. яз., *Philosophie chimique etc.* Фуркруа (1796), подъ заглавіемъ: «Химическая философія или основательныя истинныя новѣйшей химіи по новому образу расположенныя» (Владим. 1799). Вопросы, касающіеся горючихъ тѣлъ и явленій горѣнія, привлекавшие тогда къ себѣ въ виду работъ Лавуазье особое вниманіе, интересуютъ, кромѣ Петрова, и другихъ нашихъ химиковъ, напр. Георги и Сибирскаго («Химическое разсужденіе о сгораемыхъ тѣлахъ, естествомъ и искусствомъ произведенныхъ», 1778). Соли, ихъ составъ и кристаллизаци особенно интересуютъ Ловица (въ «N. Acta Ac.» и «Технологіи. Журналѣ» помѣщены его работы: «О кристаллизаци обыкновенной соли и новымъ способъ ея очищенія», 1792; «Опытъ кристаллизаци жѣдкихъ щелочей», 1793; «О кристаллизаци хлористаго магнеія», 1793; «О кристаллизаци солей», 1794; «Показаніе новаго способа испытывать соли», 1804 и др. Ловица работаетъ, кромѣ того, надъ кристаллической уксусной кислотой («N. Acta», 1791—99) и производитъ химическіе анализы цеолита, глицерита и др. минераловъ. Георги ранѣе тоже анализируетъ нѣкоторые изъ русскихъ мраморовъ (1782) и даетъ первое химическое изслѣдованіе невольской воды (1795, «Нов. Ежемѣсячныя Сочин.», CVIII). Въ 1782 г. *Соколовъ* занимается изслѣдованіемъ мышьяка и дѣйствія сѣры на металлы. Къ началу разсматриваемаго періода относится и выдающееся открытіе [академика по части физики *Брайна*, которому впервые удалось заморозить ртуть (1760) и показать, что въ твердомъ состояніи она обладаетъ обычными свойствами металловъ. Къ началу XIX стол. съ открытіемъ 4 новыхъ университетовъ (въ Казани, Харьковѣ, Вильнѣ и Дерптѣ), съ учрежденіемъ въ СПб. медико-хирургической академіи и Педагогическаго института, преобразованнаго въ 1819 г. въ университетъ, и преобразованиемъ, тамъ же, Горнаго училища въ Горный корпусъ, обнаружился недостатокъ въ профессорахъ-химикахъ. Въ Казани, напр., химія, можно сказать, не существовала вплоть до 1830-хъ гг. Приглашенные, на первыхъ

порахъ на должности профессоровъ химіи иностранцы, будучи незнакомы съ русскимъ языкомъ и стѣсненные въ средствахъ даже для сколько-нибудь сносной обстановки чтеній курсовъ опытами, не могли скоро образовывать достаточнаго контингента русскихъ химиковъ. Да, наконецъ, и наступившее вскоре тяжелое время реакціи вообще не было благоприятно для развитія наукъ. Изъ профессоровъ химіи первой трети этого столѣтія отмѣтимъ въ СПб. бывшаго проф. химіи въ Веймарѣ и физики въ Галле, академика *Шерера*, читавшаго въ медицинской академіи и горномъ корпусѣ, Соловьева, бывшаго воспитанника Педагогическаго института, читавшаго сперва въ педагогическомъ институтѣ, а потомъ въ университетѣ и горномъ корпусѣ, горныхъ инженеровъ *Соболевскаго* и *Варвинскаго* въ горномъ корпусѣ и доктора медицины *Нечаева* въ мед. акд. и горномъ корпусѣ; въ Москвѣ—приглашеннаго въ 1804 г. изъ Геттингена *Рейса*, который тамъ «показалъ себя въ опытахъ живоотно-химическихъ и гальваническихъ» онъ читалъ химію примѣнительно къ медицинѣ до начала 1830-хъ годовъ на физико-математическомъ отдѣленіи университета), д-ра мед. *Геймана* (съ 1826 г.), читавшаго «опытную» химію, и на медіц. факультетъ—*Котельничаго*, читавшаго фармацевтическую химію, *Страхова*—общую химію и *Ловскаго*—аналитическую химію; въ Вильнѣ—*Сиддекаго* и потомъ его ученика *Фонберга*; въ Харьковѣ до 1814 г.—*Гизе*, родомъ изъ Пруссіи, изучавшаго химію въ Берлинѣ и Вѣнѣ, а потомъ *Громова*; въ Дерптѣ—сперва короткое время *Шерера*, потомъ *Гринделла*, съ 1814 г. *Гизе* и, наконецъ, *Озанта* изъ Лены. Первые университетскія химическія лабораторіи пріурочивались преимущественно къ занятіямъ по фармаціи. Такъ, въ моск. унив. первая химическая лабораторія, устроенная согласно указаніямъ Ловица въ 1803 г. Котельничскимъ, находилась при университетской аптекѣ. Въ харьковскомъ университетѣ химическая лабораторія, устроенная въ 1812 г. проф. Гизе, до 1847 г. была общою съ фармацевтической (на ея обзаведеніе было израсходовано всего 184 руб. сер.). Въ Дерптѣ даже и самое преподаваніе химіи до 1850-хъ гг. было тѣсно связано съ фармаціей; первая лабораторія здѣсь была основана Шереромъ въ 1803 г. При Шерерѣ же, т. е. съ 1804 г., началось постепенное приведеніе въ порядокъ химическаго кабинета въ слѣб. медико-хирургической акд. Кабинетъ этотъ занималъ одну комнату въ нижнемъ этажѣ зданія анатомическаго театра и имѣлъ до Шерера только нѣсколько лекціонныхъ приборовъ. Въ какомъ состояніи находилась въ 1820-хъ годахъ лабораторія слѣб. университета можно судить уже по одному тому, что напр. за 5 лѣтъ (1820—24) на нее вмѣстѣ съ физическимъ кабинетомъ, было израсходовано всего 200 руб. асс. Только въ горн. корпусѣ въ 1826 г. для химической лабораторіи построено отдѣльное зданіе. При чтеніи лекцій въ это время профессоръ придерживался болѣею частью руководствъ Тенара, Пайена, Розе, Пфайфа и Берцеліуса. Слѣдовательно, новое направленіе

химии въ Р. было усвоено весьма скоро. Къ этому же времени относится и появленіе, кромѣ переводныхъ, также и первыхъ оригинальныхъ руководствъ по химіи на русск. яз. Въ 1810—13 г. акд. наукъ издается, въ переработкѣ академика-геолога Севергина, «Словарь химическій, содержащій теорію и практику химіи, съ приложеніемъ ея къ естественной исторіи и искусствамъ» Каде, въ 4 частяхъ (2097 стр. в 8°); Гизе въ Харьковѣ издаетъ въ 1813—16 гг. свою «Всеобщую химію» въ 5 част., а проф. горнаго корпуса Варвинскій «Начальныя основанія химіи по системѣ Тенара» и переводъ курса аналитической химіи того же автора. Въ 1830 г. вышли въ свѣтъ «Начальныя основанія химіи» проф. физики при спб. унив. Щеглова и въ 1831 г. «Основанія чистой химіи» акад. Гесса. Въ связи съ этимъ возникаетъ вопросъ о русской химической номенклатурѣ. Имъ еще въ 1810 г. занимался акад. Захаровъ («Умозрительныя изслѣдованія Имп. спб. акд. наукъ», II, 1810), а еще ранѣе того проф. Рейссъ, сдѣлавшій въ моск. физ. мед. общ. сообщеніе о пользѣ нѣмѣйшаго химич. именословія съ опытомъ перевода химич. терминовъ на русскій яз. (1806), затѣмъ проф. Соловьевъ, въ своей ст. «О русской номенклатурѣ химіи», появившейся въ журн. «Указатель открытій по физикѣ, химіи, естественной исторіи и технологіи», издававшемся въ 1824—31 гг. проф. Щегловымъ; даѣе, русскою химическою номенклатурою занимались Щегловъ и Гессъ. Соловьевъ ввелъ впервые названія *закисъ, недокисъ, окисъ и переокисъ*. Щегловъ предложилъ различать названія различныхъ кислотъ одного и того же простого тѣла по окончаніямъ *истая, оватая, оватистая, овая или ная*, стали называть соли, измѣняя окончанія названій соответствующихъ кислотъ на *окисный*, напр. *сернокислый*, и стремились русифицировать названія элементовъ (напр. вмѣсто кальціи—известковій, вмѣсто силіци—кремнеземный и т. п., изъ которыхъ последнее удержалось и донынѣ, но измѣненное Гессомъ въ кремній); наконецъ, Гессъ ввелъ почти для всѣхъ известныхъ тогда элементовъ (54) современные названія. Обращаясь къ сферѣ самостоятельныхъ химическихъ изслѣдованій за первые 30 лѣтъ текущаго столѣтія, не приходится среди нихъ отмѣтить ни одной существенно важной работы. Сравнительно даже мало замѣтно откликъ въ работахъ русскихъ химиковъ на капитальнѣйшія и блестящія открытія, которыя дѣлались въ то время въ Зап. Европѣ Далътономъ, Дэви, Гей-Люссакомъ, Тенаромъ, Берцелиусомъ и др. Напечатано («Технол. Журналъ», 1805—12) напр. только нѣсколько замѣтокъ (частью переводныхъ) по поводу изслѣдованій о составѣ и свойствахъ соляной кислоты (Шереромъ, Петровымъ, Волковымъ), затѣмъ «Новое наблюденіе касательно синильной кислоты» (Шереръ, ib., 1807), «Наблюденія и опыты надъ потассіемъ» (Петровъ, «Тр. Акд. Наукъ», 1823), гальвано-химическія изслѣдованія Петрова (по электролізу окисловъ олова, свинца, ртути, растительныхъ маселъ, спирта и др. въ 1803 г.) и Рейсса (по электролізу воды), напечатан-

шаго также описаніе другихъ химическихъ дѣйствій гальваническаго тока въ «Зап. Моск. Физико-Мед. Общ.» (1808) и нѣк. др. Большинство остальныхъ работъ частью прикладного, частью аналитическаго характера. Таковы работы, касающіяся изслѣдованія огне-стѣблянаго пороха и способовъ добыванія и очищенія селитры для него (Гизе, Севергинъ, Шереръ), анализы различныхъ русскихъ минеральныхъ водъ (Гизе, Рейссъ, Севергинъ, Захаровъ), нѣкоторыя объясненія въ разсужденіи теоріи обжиганія извести (Севергинъ), нѣсколько работъ Севергина по методикѣ минеральнаго химическаго анализа, изслѣдованія платиновыхъ остатковъ (Озаннъ), изслѣдованія нѣкоторыхъ растительныхъ продуктовъ (Загорскій), азоритовъ (Шереръ), химико-фармацевтическія изслѣдованія и нѣк. др.

Съ 1830-хъ гг. наступаетъ періодъ постепеннаго вступленія русской химіи на самостоятельный путь. Начало его находится въ тѣсной связи съ университетскою реформою 1835 г., давшею, между прочимъ, нѣкоторые средства на устройство, улучшеніе и содержаніе химическихъ лабораторій, и съ появленіемъ нѣсколькихъ выдающихся химиковъ въ лицѣ Гесса, Воскресенскаго, Зинина и Клауса. Такъ, академикъ Гессъ заводитъ лабораторію при только-что открытомъ главнымъ педагогическомъ институтѣ, куда былъ приглашенъ профессоромъ въ 1832 г. Профессора Зининъ и Клаусъ основываютъ, въ концѣ 30-хъ годовъ, химическую и техническую лабораторію въ казанскомъ университетѣ, въ которой, уже въ 1842 г., Зининъ сдѣлалъ свое знаменитое открытіе способа искусственнаго полученія анилина и нѣк. др. ароматическихъ основаній, а въ 1844 г. Клаусъ открылъ новый элементъ рутеній. Воскресенскій, начавшій въ 1839 г. чтеніе органической химіи въ спб. университетѣ и съ 1846 г. окончательно смѣнившій Соловьева, устраиваетъ тамъ лабораторію съ аналитическимъ отдѣленіемъ и заводитъ въ нихъ практическія и научныя занятія по химіи, которыя потомъ ведетъ также послѣ Гесса (съ 1848 г.) и въ главномъ пед. институтѣ. Нѣсколько позднѣе при спб. университетѣ въ 1849 г. устраивается и лабораторія технической химіи проф. технологи *Ивановымъ* (1845—1855). Такимъ образомъ въ 40-хъ годахъ въ Россіи сформировались два химическихъ центра, одинъ въ СПб., а другой — въ Казани, изъ которыхъ въ 50-хъ годахъ и даже ранѣе начинаетъ выходить не мало видныхъ дѣятелей науки, каковы *Ходневъ*, упомянутый выше *Иванковъ*, *Скоблицовъ*, *Н. Бекетовъ*, *Тютчевъ*, *Абашевъ*, *Н. Н. Соколовъ* и др., съ знаменитыми *Менделѣевымъ* и *Бутлеровымъ* во главѣ. Вслѣдъ за петербургскимъ и казанскимъ унив. стали мало-по-малу устраиваться лабораторіи и въ другихъ университетахъ: въ 1854 г. въ харьковскомъ—проф. Эйенбротомъ и Ходневымъ; въ 40-хъ гг. въ кіевскомъ (открытомъ въ 1834 г. взаимъ закрытаго въ 1832 г. виленскаго)—проф. Фонбергомъ; въ 30-хъ годахъ въ дерптскомъ—К. Шмидтомъ. Въ 1853 г. остроена при проф. Илнѣй новая химическая лабораторія въ спб. технологическомъ институтѣ, от-

крытомъ въ 1831 г. На обзаведеніе лабораторій затрачиваются даже довольно значительныя по тому времени суммы. Такъ напр. харьковскому унив. устройствѣ лабораторій обошлось около 2600 руб. При лабораторіяхъ постепенно заводятся и химическія бібліотеки. Съ устройствомъ лабораторій болѣе или менѣе приспособленныхъ какъ для практическихъ занятій студентовъ, такъ и для научныхъ работъ самихъ профессоровъ правильная постановка преподаванія химіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и первоначальная подготовка будущихъ профессоровъ становятся до извѣстной степени обезпеченными. Однако, матеріальныя средства лабораторій вплоть до 60-хъ годовъ остаются еще весьма скудными и онѣ зачастую терпятъ нужду въ самомъ необходимомъ. Этому частно конечно способствовала и общая отсталость русской культурной жизни того времени. Начинаящие ученые должны были довершать свое химическое образованіе за границей, въ Германіи и Франціи, куда ихъ, кромѣ того, привлекала слава Либиха, Велера, Розе, Дюма, Буназена и др. Русская учебная литература до 60-хъ гг. не дала послѣ руководствъ Гесса (см. выше), долгое время оставшагося принятымъ во многихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ 1845 г. вышедшаго 6-мъ изданіемъ, ничего особенно выдающагося. Можно указать на «Основанія химіи» Шмидта, преподававшего въ горьгорецкомъ землѣ дѣльческомъ инст., вышедшее въ 1854 г. вторымъ изданіемъ, на «Начальныя основанія аналитической химіи», Иванова (1855), «Курсъ физиологической химіи», Ходисева. Кромѣ того, Ходневымъ переведено руководство по объемному анализу Мора (1859) и сдѣланъ переводъ руков. качеств. анализа Фрезениуса (1848). Были сдѣланы переводы руководствъ: Реньо по неорганической химіи (Егоровымъ), Штреккера — по органической (Рейхелемъ), Либиха — по анализу органическихъ веществъ (Струбинскимъ) и нѣк. др. Раздѣленіе въ преподаваніи курсовъ неорганической, органической и аналитической химіи началось уже съ начала 30-хъ годовъ. Переходя къ обзору научныхъ работъ, относящихся къ разсматриваемому времени (30—50-ые гг.), можно уже впервые отмѣтить среди нихъ довольно значительный рядъ изслѣдованій, занявшихъ почетное мѣсто на страницахъ общей исторіи химіи. Ученикъ Озана въ Дерптѣ, работавшій потомъ у знаменитаго Верцеліуса въ Стокгольмѣ, академикъ Гессъ (1828—50), послѣ цѣлаго ряда химико-минералогическихъ работъ, работъ по изслѣдованію химическаго состава нѣкоторыхъ русскихъ минеральныхъ водъ, невольной воды и др., послѣ открытія и изслѣдованія сахарной кислоты (1837), приступаетъ въ 1839 г. къ своимъ замѣчательнымъ термохимическимъ изслѣдованіямъ, въ которыхъ является основателемъ современной термохиміи. Имъ, именно, впервые въ 1840 г. было высказано основное положеніе термохиміи, что тепловой эффектъ всякаго химическаго процесса зависитъ только отъ начальнаго и конечнаго состоянія системы взаимодействующихъ тѣлъ; онъ же установилъ далѣе въ 1841 г. законъ термонеutral-

ности, т. е. отсутствіе теплового эффекта при реакціяхъ соляного обмѣна, и наконецъ показалъ, что теплота горѣнія сложнаго тѣла всегда менѣе суммы теплотъ горѣнія его составныхъ частей и именно на то количество ея, которое было ранѣе выдѣлено при образованіи даннаго сложнаго тѣла. Кромѣ того, онъ первый сталъ измѣрять количество тепла, а не одно лишь повышеніе температуры. Воскресенскій, ученикъ Гесса и Либиха, въ 1838 г. впервые опредѣлялъ точный составъ и плотность паровъ нафталина, въ 1839 г., при изслѣдованіи хинной кислоты, открылъ хинонъ, простѣйшій представитель неизвѣстнаго тогда, новаго класса органическихъ соединений, въ 1840 г.—новый алкалоидъ теоброминъ (VII, 243). Упомянутое выше открытіе Зининнымъ весьма простаго способа искусственнаго полученія анилина и др. ароматич. оснований помимо того, что было вообще первымъ случаемъ искусственнаго полученія органическихъ оснований, веществъ столь распространенныхъ въ растительномъ царствѣ и столь интересныхъ въ физиологическомъ и др. отношеніяхъ, легло въ основу важнѣйшей части современной техники красильныхъ веществъ. Далѣе Зининнымъ сдѣлано много др. изслѣдованій въ области органической химіи, преимущественно въ бензольномъ ряду; (см. XII, 793). Важнѣйшія работы Клауса относятся къ изслѣдованію группы платиновыхъ металловъ. Онъ открылъ принадлежавшій къ этой группѣ новый металлъ рутеній (1844), первый указалъ на сходство между рядами Pd—Rh—Ru и Pt—Ir—Os; изучалъ осмievый ангидридъ, работалъ надъ выясненіемъ строенія платиново-амміачныхъ соединений, надъ амміачными соединениями вридія и родія, изслѣдовалъ кобальтіаки, а въ области органической химіи занимался родановыми соединениями и отношениемъ камфоры къ галоидамъ (1837—41). Академикъ Фришче (1838—72) далъ длинный рядъ работъ по неорганической и органической химіи, изъ которыхъ къ разсматриваемому времени относится открытіе анилина при разложеніи индиго (1840), изслѣдованія надъ амміачными соединениями солей никкеля и двойными соединениями хлорнаго желѣза, надъ азотистою кислотой, пятистѣннымъ аммоніемъ, осмистымъ вридіемъ, ванадіевою кислотой, бромными солями, соединениями мочевоидной группы, пидиговыми соединениями, алкалоидами съмши стеной руты, углеводородами каменноугольнаго дегтя, составомъ кавказскихъ минеральныхъ водъ и др., а также далъ въ двунитроантрахиновѣ средство (реактивъ Фришче) для распознаванія и отдѣленія ароматическихъ углеводородовъ. Онъ установилъ изомерію орто- и паранитрофеноловъ (1858) и открылъ соединенія ароматическихъ углеводородовъ съ пикриновою кислотой. Затѣмъ по неорганической химіи необходимо отмѣтить изслѣдованіе объ атомномъ вѣсѣ берилліа *Адтева*, даващаго вѣрный атомный составъ окиси берилліа и указавшаго на сходство берилліа съ магніемъ (1842 г.); *А. Струве*—надъ двойными солями молибденовой и вольфрамовой кислотъ (1852—53), Скобликова (проф. спб. ун-в., 1853—60)—надъ амміачными со-

единениями иридия (1851), проф. фармація въ спб. мед. акад. Траппа о хлористомъ юдѣ (1854), Шишкова надъ горькими пороха (1857); по органической химіи—ислѣдованіе Ходневыхъ (см. выше) пектиновыхъ веществъ (1845), Лясовскимъ (проф. химія моск. унив., 1854—71) протеиновыхъ веществъ (1845—46), Шишковымъ—состава и разложенія гремучей ртуті (1855), работы Энгельгардта—о соединеніяхъ анилина съ изатиномъ и о металептическихъ производныхъ соединений этого ряда, о сульфобензойной и пентасульфоновой кислотахъ и др., открытіе Соколовымъ (1859—65 г. проф. спб., а потомъ новоросс. унив.) глицериновой кислоты (1858) и первыя крупныя работы Бутлерова (проф. казанскаго университета 1854—68)—открытіе іодистаго метилена, (1858) оксиметиленна и превращеніе послѣдняго въ метиленианъ (нынѣ акроза), первое искусственно-полученное сахаристое вещество (1861); по теоретической и физической химіи—Абашева (проф. 1858—62 кievск., а потомъ новоросс. унив.) о взаимной растворимости жидкостей (1858); первыя работы Н. Бекетова (проф. харьк. унив. 1855—86) по изслѣдованію явленій вытѣсненія однихъ элементовъ другими (1859—65) и Менделѣева (начавшаго съ 1857 г. чтеніе органической химіи въ спб. унив.) объ удѣльных объемахъ (1856), о распріеніи жидкостей и о температурѣ абсолютнаго кипѣнія и др. Въ области общихъ теоретическихъ воззрѣній и въ разсматриваемомъ періодѣ до конца 50-хъ годовъ русскіе химики еще слѣдуютъ за господствующими теченіями химической мысли въ Зап. Европѣ, почти не принимая участія въ самостоятельной ихъ разработкѣ. Въ первой ея половинѣ преобладаютъ дуалистическія (электрохимическія) воззрѣнія, проводившіяся Берцеліусомъ, Либихомъ, а также вначалѣ и Дюма и давшія въ приложеніи къ органической химіи теорію сложныхъ радикаловъ. Воззрѣнія эти кладутся въ основу университетскихъ курсовъ химіи, которые большинствомъ профессоровъ (Соловьевъ, Воскресенскій, Фонбергъ, Гейманъ, Клаусъ и др.) читаются по Берцеліусу и Либиху. Позднѣе получаютъ распространеніе новыя взгляды Дюма, а въ концѣ 50-хъ годовъ все вновь народившееся молодое поколѣніе русскихъ химиковъ, воспитанное подъ руководствомъ Зинина и Воскресенскаго, примкнуло къ частично-унитарной теоріи Лорана и Жерара, съ утвержденіемъ которой начинается новый періодъ въ исторіи развитія химіи вообще. Въ числѣ первыхъ къ ней присоединился и Зининъ, но мало повліявшій въ этомъ отношеніи на Бутлерова, ученика Клауса, оставшагося до конца своей дѣятельности приверженцемъ Берцеліуса и теоріи сложныхъ радикаловъ. Въ дѣлѣ проведенія и распространенія новыхъ воззрѣній среди русскихъ химиковъ не малая заслуга принадлежитъ ученику Жерара—Соколову, издававшему въ 1859—60 гг., вмѣстѣ съ Энгельгардтомъ, первый русскій «Химическій Журналъ» и устроившему въ Петербургѣ, около того же времени (совмѣстно съ Энгельгардтомъ) частную химическую лабораторію, которая въ теченіи своего

двухлѣтняго существованія привлекала въ свои стѣны многихъ начинающихъ химиковъ. Особо выдающееся значеніе въ данномъ отношеніи имѣла напечатанная въ первомъ томѣ «Химич. Журнала» статья его «О современномъ направленіи въ химіи». Съ 50-хъ годовъ русскіе химики принимаютъ уже активное участіе въ развитіи руководящихъ теоретическихъ предствленій. Соколовъ въ своей докторской диссертациі «О водородѣ въ органическихъ соединеніяхъ» (1859), одновременно съ Юрнемъ и Кекуле, но вполне независимо, рѣшаетъ вопросъ объ атомности и основности спирто-кислотъ. Менделѣевъ въ 1861 г., въ 1 изд. своей «Органической химіи» (также въ «Бюлл. Акад. Наукъ» 1861), развиваетъ далѣе теорію химическихъ типовъ Жерара, дополнивъ ее въ приложеніи къ неопредѣленнымъ соединеніямъ теоріею предѣла, а Бутлеровъ, признавъ недостаточность теоріи типовъ и принявъ, вмѣстѣ съ Кекуле и Коуперомъ, четырехъ-атомность углерода, устанавливаетъ новый принципъ «химическаго строенія» (1861), который и легъ въ основаніе всего дальнѣйшаго быстро и блестящаго развитія органической химіи. Тогда же русскими химиками, одними изъ первыхъ въ Европѣ, принимаются новыя, исправленные Канниццаро и предложенныя имъ съѣзду естествоиспытателей въ Карлсруэ, въ 1860 г., современные атомныя вѣса элементовъ. Вскрѣвъ слѣдъ за тѣмъ, именно въ теченіе 1860-хъ годовъ, Бутлеровъ въ рядѣ блестящихъ статей съ полною ясностью излагаетъ главныя основанія теоріи химическаго строенія углеродистыхъ соединенийъ, въ первые послѣдовательно проводитъ ее въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи «Введеніе къ полному изученію органической химіи», вышедшемъ въ 1864 г., и подвергаетъ экспериментальной провѣркѣ. Его классическія работы: открытіе перваго третичнаго спирта триметилкарбинола (1864), новыхъ изомерныхъ углеводородовъ изобутана и изобутилена (1866), предвидимыхъ теоріей, быстро содѣйствуютъ ея укрѣпленію и общему почти признанію среди химиковъ. Проф. геттингенскаго унив. *Вейлштейнъ*, приглашенный въ 1866 г. въ спб. технол. инст., совмѣстно со своими сотрудниками, Вроблевскимъ, Рихтеромъ, Кульбергомъ, Тавилдаровымъ, Рудневымъ, Курбатовымъ и др., приступаетъ къ широкой экспериментальной разработкѣ вопросовъ изомеріи въ ряду ароматическихъ соединенийъ, теорія которыхъ была высказана Кекуле въ 1865 г. Ученикъ Бутлерова, *Марковниковъ*, получаетъ (1864) изомасляную кислоту, первую изомерную кислоту жирнаго ряда, и открываетъ правильности въ порядкѣ замѣщенія водорода галоидами въ кислотахъ. Зининъ даетъ новый рядъ замѣчательныхъ изслѣдованій надъ бензойнымъ алдегидомъ, бензойномъ, бензиломъ и азобензоломъ, получаетъ гидробензойн., дезоксibenзойн., нитробензилъ, леппденъ, бензамаронъ, амаровую кислоту и изучаетъ различныя ихъ производныя. *Н. Соколовъ* получаетъ новый изомеръ молочной кислоты (гидракриловую кислоту), изслѣдуетъ соли нитробензойной кислоты, хлорнитробензолъ. *Н. Энгельгардтъ* (проф. спб.

лѣсного инст.) съ П. Лачиновымъ даютъ плѣвый рядъ изслѣдованій въ ряду ароматическихъ соединений, именно надъ хлорнитропроизводными бензола, тиобензойными кислотами, тимолами и его производными, изомерными крезолами и т. д. Шишковъ получаетъ нитроформъ, нитроформенъ, тринитроацетонитрилъ (1861). Менделѣевъ даетъ (1865) образцовое по точности примѣненныхъ примѣсовъ изслѣдованіе растворовъ спирта по удѣльному вѣсу, статьи о нитрилахъ и объ атомномъ объемѣ простыхъ тѣлъ. Н. Бекетовъ развиваетъ идею о зависимости силы химическаго сродства элементовъ отъ величины ихъ атомнаго вѣса (дисс., 1865). П. Алексѣевъ (проф. кievск. университета въ 1865—91 гг.) начинаетъ свои изслѣдованія въ ряду азосоединеній, Вериго (проф. новороссійскаго унив. съ 1869 г.) даетъ многочисленный рядъ работъ объ азобензолахъ и его гомологахъ, появляющіяся работы Н. Меншуткина (проф. слб. унив. съ 1867 г.) о водородѣ фосфористой кислоты, по синтезу и изслѣдованію уреидовъ и др., работы Полова, ученика Бутлерова, по окисленію кетоновъ, работы ученика Зинина и его преемника по профессурѣ въ слб. мед. акад., А. Бородинъ, Гаричъ-Гаричикаго, Н. Бунге, Лисенко и др. Но самымъ выдающимся событіемъ этого времени является открытіе въ 1869 г. Менделѣевымъ періодическаго закона, связавшаго свойства химическихъ элементовъ съ величиною ихъ атомнаго вѣса. Періодическій законъ съ основанною на немъ системѣ элементовъ укрѣпилъ, введя нѣкоторыя поправки, вѣрность принятыхъ тогда современными атомныхъ вѣсовъ, подтвердилъ самую истинность основныхъ положеній, служащихъ для правильнаго ихъ вывода, открылъ новое обширное поле для изслѣдованій въ области изученія элементовъ и ихъ соединеній и придавъ совершенно особенный интересъ задачѣ отысканія новыхъ элементовъ. Въ теченіе 1860-хъ гг. кромѣ упомянутыхъ выше руководства органической химіи Менделѣева и Бутлеровскаго «Введенія», скорѣе переведеннаго на нѣм. яз., появились полное руководство по аналитической химіи, изданное подъ ред. Менделѣева, его же «Основы химіи», учебники неорганической химіи Лисенко и Лаврова, «Лекціи органической химіи» П. Алексѣева, написанныя въ духъ современнаго структурнаго ученія; также изданы переводы руководствъ по химіи Наке, Одлинга, по химическому анализу—Френсиса, по теоретической химіи—лекцій Вюрца и др. Открытіе двухъ университетовъ, новороссійскаго и варшавскаго, Петровской земледѣльческой академіи въ Москвѣ, рижскаго политехникума, института сельскаго хозяйства въ Новой Александріи и преобразование лѣснаго института въ С.-Петербургѣ даютъ мѣсто возникновенію въ ихъ лабораторіяхъ новыхъ центровъ для научной разработки химіи. На устройствѣ этихъ лабораторій соотвѣтственно требованіямъ современности изыскиваются и отпускаются необходимыя средства. Одновременно съ этимъ, съ введеніемъ университетскаго устава 1863 г. въ шесть разъ противъ прежняго увеличиваются и штатныя суммы на содержаніе унив.

лабораторій. Значительно расширяется и институтъ лаборантовъ, чѣмъ обезпечивается матеріальное положеніе молодыхъ научныхъ силъ и дается возможность къ сохраненію ихъ для дальнѣйшей научной дѣятельности. а вмѣстѣ съ тѣмъ и снимается съ профессоръ часть педагогическаго бремени, освобождая ихъ для науки. Лабораторіи начинаютъ, наконецъ, принимать тотъ видъ, который въ существенныхъ чертахъ онѣ сохраняютъ и по настоящее время. Такъ, въ кievскомъ университетѣ по инициативѣ проф. Тютчева и П. Алексѣева построено отдѣльное зданіе новой химической лабораторіи, а проф. Чугаевичемъ приведена въ порядокъ лабораторія техническая. Н. Соколовымъ была устроена лабораторія новороссійскаго унив., занимавшая обширное помѣщеніе изъ 25 комнатъ, Энгельгардтомъ—въ Лѣсномъ институтѣ, Ильенковымъ—къ Петр. земл. акад. Зинину обязана своимъ устройствомъ нынѣшняя лабораторія слб. мед. акад. въ новомъ зданіи естественноисторическаго института, открытымъ въ 1863 г. Тогда же почти, именно въ 1867 г. при академикахъ Фришѣ и Зининѣ воздвигнута и нынѣшнее отдѣльное зданіе для лабораторій акад. наукъ. Трудами Марковникова была выстроена первая въ Р. большая лабораторія при московскомъ университетѣ Въ С.-Петербургѣ наилучше обставлена была въ то время лабораторія Мих. артлл. академіи, находившаяся въ заведеніи проф. Шишкова. Лабораторія слб. унив. въ теченіе 25 лѣтъ послѣдовательно и систематически расширялась трудами Н. Соколова, Менделѣева, Бутлерова, перешедшаго изъ Казани въ СПб. въ 1868 г., и Меншуткина. а въ самое недавнее время (1894), благодаря инициативѣ Менделѣева и работамъ Меншуткина и Д. Коновалова, заступившаго съ 1891 г. мѣсто Менделѣева на кафедрѣ неорганической химіи, получила отдѣльное роскошное зданіе, обоедѣшеное совсѣми устройствами свыше 300 тыс. р. Въ настоящее время лабораторія слб. унив. является обширнѣйшею и лучшею въ Р., ни въ чемъ не уступаая и лучшимъ западно-европейскимъ учрежденіямъ этого рода. Къ концу 1860-хъ годовъ число ученыхъ силъ, дѣйствовавшихъ въ Россіи на химическомъ поприщѣ, стало уже настолько велико, что наступила пора и полная возможность для основанія общества русскихъ химиковъ, съ плѣною объединенія ихъ для вѣщаго содѣйствія успѣхамъ всѣхъ частей химіи и распространенія химическихъ знаній въ Р., главнымъ образомъ чрезъ изданіе спеціальнаго печатнаго органа, потребность въ которомъ ощущалась уже давно. Химическою секціею 1-го съѣзда русскихъ естествоиспытателей въ СПб. въ 1867 г. было рѣшено основаніе Русскаго Химическаго Общества при слб. унив., а въ 1868 г. оно уже открыло свои дѣйствія и съ 1869 г. начало издавать свой журналъ. Образовавшіеся въ составѣ 35 членовъ, къ 1 января 1899 г. общество имѣло ихъ уже 293. За 30 лѣтъ существованія общества въ засѣданіяхъ его сдѣлано 2510 ученыхъ сообщеній и въ журналѣ его напечатаны 1692 работы.

Обращаясь къ обзору трудовъ русскихъ химиковъ, сдѣланныхъ въ течение этого, можно сказать, уже современнаго періода жизни русской химіи, въ виду ихъ многочисленности приходится ограничиться лишь болѣе или менѣе общими чертами. Болѣе всего приходится на долю органической химіи. Нѣтъ, можно сказать, ни одного почти отдѣла ея, который бы остался не затронутымъ изслѣдованіями русскихъ химиковъ, а есть и такіе, которые ихъ трудами по преимуществу обязаны своею разработкою. Такъ изъ углеводовъ Бутлеровымъ и его учениками и послѣдователями, Марковниковымъ, Зайцевымъ, Эльтековымъ, Львовымъ, Вышнеградскимъ, Лермонтовымъ, Флавицкимъ, Кондаковымъ, Вреденомъ, Кучеровымъ, Д. Павловымъ, Е. Вагнеромъ, Густавсономъ, Фаворскимъ, Ипатьевымъ, Кижнеромъ, Зелинскимъ и др., съ особю полнотою изслѣдованы непредѣльные, именно этиленовые, ацетиленовые, алленовые и полиметиленовые углеводороды. Въ ряду предѣльныхъ углеводородовъ встрѣчаемъ, послѣ Бутлерова, работы Львова, Густавсона, Бевада, М. Коновалова. Терпены изслѣдовались Флавицкимъ и изучаются теперь Вагнеромъ и его лабораторіею въ варшавскомъ унив. Русская нефть и ея углеводороды изслѣдованы гл. обр. трудами Менделѣева, Бейльштейна съ Курбатовымъ, Марковникова съ Оглоблинымъ и др. его учениками, а также Тищенко, Харичковымъ и нѣкот. др. Имя Менделѣева кромѣ того тѣсно связано съ возникновеніемъ и развитіемъ всей русской нефтяной промышленности. Изъ класса предѣльныхъ одноатомныхъ алкогелей особенно много сдѣлано въ рядахъ алкогелей третичныхъ—Бутлеровымъ, открывшимъ этотъ рядъ, и его учениками Поповымъ, Павловымъ, Флавицкимъ, Вышнеградскимъ, Явейномъ и др., вторичныхъ—А. Зайцевымъ и Е. Вагнеромъ и первичныхъ—А. Зайцевымъ, который также открылъ и нѣкот. непредѣльные третичные алкогели. Изъ многоатомныхъ алкогелей гликоли изслѣдовались Эльтековымъ, Е. Вагнеромъ, Густавсономъ и Демьяновымъ, Д. Павловымъ и Марковниковымъ, глицерины—Е. Вагнеромъ, Каблуковымъ, Реформатскимъ и друг., эритритъ—Прибытковъ, раффиноза—Алехинымъ. Надъ алдегидами работали А. Бородинъ, Любавинъ, Е. Вагнеръ, Тищенко (оксиметиленъ). Надъ кетонами—Бутлеровъ и Вышнеградскій (пинаколины), Поповъ и Е. Вагнеръ (оксипина), а также Д. Павловъ и въ послѣднее время Фаворскій. Въ ряду изслѣдованій жирныхъ кислотъ послѣ Бутлерова, открывшаго триметилакусную кислоту, особенно важны многочисленныя работы А. Зайцева надъ высшими непредѣльными кислотами, получаемыми изъ нихъ оксикислотами, а также нѣк. предѣльными кислотами. Зайцевымъ же былъ открытъ первый лактонъ—бутиролактонъ. По непредѣльнымъ кислотамъ, кетонъ, галоидо- и оксикислотамъ работали также Фаворскій, Кондаковъ, Клименко, Вериге, Петренко-Критченко, Вальденъ, С. Реформатскій, Альбицкій; по многоосновнымъ кислотамъ—Марковниковъ, Прибытекъ, Бишофъ, Зелинскій, С. Реформатскій, Танатаръ и Семеновъ; специально

вопросы стереоизомеріи въ ряду многоосновныхъ кислотъ изслѣдовались Бишофомъ, Вальденомъ, Зелинскимъ и Гельтомъ. Электролизъ жирныхъ кислотъ изучалъ Н. Бунге. По изслѣдованію аминовъ, диаминовъ и гидразиновъ имѣются работы Колотова, Соловнина и Кижнера. Амиды кислотъ, мочеви. производныя, циануровая кислота и нѣкот. простѣйшія цианистыя соединенія служили предметомъ изслѣдованій Н. Меншуткина, Базарова, Горбачевского, Бейльштейна, Пономарева, Н. Бекова. По ароматическимъ соединеніямъ, кромѣ дальнѣйшихъ работъ Энгельгардта и Лачинова, а также работъ ихъ учениковъ, Майкопара, Кучерова, А. Волковой и другихъ, надъ фенолами, нафтолами, сульфокислотами, производными бифенила и др., дальнѣйшихъ работъ Бейльштейна и упомянутыхъ выше его сотрудниковъ по опредѣленію мѣста замѣщенія въ бензольномъ ядрѣ и открытію новыхъ изомеровъ, изъ которыхъ кислоты ортонитробензойная и ортонитрокоричная имѣли особую важность для цѣлаго ряда синтезовъ ортосоединеній (напр. синята индиге), необходимо упомянуть о дальнѣйшихъ работахъ П. Алексѣева и его учениковъ: Молчановскаго, Киселя, Варзюловскаго и др., а также Вериге—въ ряду азосоединеній. работахъ Загуменнаго и Голубева, надъ дезоксибензоиломъ, Загуменнаго надъ бензипинакономъ и бензипинаколиномъ, Дианина надъ конденсаціей феноловъ, Лисенко, Рымаренко, Геммилана, Редзко, Красускаго, Кижнера, М. Коновалова и нѣкот. др. надъ производными ароматическихъ углеводородовъ, Хардина и Тихвинскаго надъ производными хиноновъ, Тихвинскаго о нитрозосоединеніяхъ, М. Коновалова надъ полученіемъ ортонитроадегидовъ и синтезомъ изъ нихъ индиговыхъ красокъ. Область другихъ алициклическихъ соединеній приобрѣла большой интересъ въ значительной мѣрѣ благодаря открытію Марковниковымъ и Крестовниковымъ тетраметилендикарбонной кислоты, изслѣдованіямъ Марковникова и его учен. М. Коновалова, Шпади, Орлова, Кижнера и др. надъ нафтенами и ихъ разнообразными производными, Марковникова же надъ производными суберона и гептаметиленомъ, Густавсона надъ триметиленомъ и пентаметиленомъ и Зелинскаго надъ производными пентаметиленомъ и др. Гетероциклическія соединенія послѣ А. Вышнеградскаго, открывшаго тетрагидрохинолинъ и впервые указавшаго на принадлежность цинхонина и хинина къ производнымъ гидропридиновъ и гидрохинолиновъ, почти не изучались. Въ послѣднее года, однако, и въ этой интересной области начинаютъ появляться работы, какъ то Тихвинскаго объ индулинахъ и сафранинахъ, Петренко-Критченко надъ пиронными производными и нѣкот. др. Вѣсковыя вещества изучались Данилевскимъ, Шишковымъ, Любавинымъ, Михайловымъ, Сабанѣвымъ, Тамманомъ и Панормовымъ, кислоты желчи Лачиновымъ, глюкозиды Лачиновымъ и Тамманомъ. Въ области изученія минеральныхъ веществъ, въ смыслъ накопленія новаго фактическаго матеріала, открытія новыхъ тѣлъ или превращеній за разсматриваемое время въ Р.,

какъ, впрочемъ, и повсюду, было сдѣлано сравнительно немного. Тѣмъ не менѣе и этотъ отдѣлъ химіи былъ достойно представленъ главнымъ образомъ именами Н. Бекетова (щелочные металлы), Густавсона, Потылицына, Курнакова, Шене, Флавицкаго, Базарова, Вильма, К. Хрушова, Д. Коновалова, Курилова, Сабанѣева, Меликова, Танатара, а также и нѣк. др. Значительное большинство изслѣдованій, имѣвшихъ своимъ предметомъ тѣла минеральныя, стояло въ связи съ вопросами теоретической и физической химіи. Здѣсь на первомъ планѣ стоятъ дальнѣйшіе труды Мендѣлѣева по установлению и укрѣпленію періодическаго закона и по выводу всѣхъ вытекавшихъ изъ него слѣдствій. Имъ были исправлены, на основаніи этого закона, атомные вѣса бериллія, индія, урана, церія, иттрія, титана, осмія, іридія и платины, что затѣмъ и было опытно подтверждено другими изслѣдователями, а для индія и церія имъ самимъ съ помощью опредѣленія ихъ теплоемкости. Тогда же (1871) имъ было предугадано существованіе 3 новыхъ, теперь открытыхъ элементовъ, галлія, скандія и германія, и съ точностью опредѣлены напередъ ихъ свойства. Газы со стороны ихъ сжимаемости отъ давленія и расширенія отъ температуры изслѣдовались Мендѣлѣевымъ съ Кирпичевымъ, Богускимъ, Гемиліаномъ и Каяндеромъ. Мендѣлѣевымъ же дана формула для выраженія измѣненія плотности воды въ зависимости отъ температуры и данъ законъ расширенія жидкостей съ температурой, а Д. Коноваловымъ этотъ законъ былъ выведенъ затѣмъ изъ уравненія Ванъ-деръ-Ваальса. Много изслѣдованій было посвящено растворамъ. Мендѣлѣевъ изучилъ измѣненіе ихъ удѣльнаго вѣса отъ концентрации и температуры, развилъ такъ наз. гидратную теорію растворовъ и далъ подробную и полную разработку этой стороны предмета въ своемъ обширномъ сочиненіи «Изслѣдованіе водныхъ растворовъ по уд. вѣсу» (1887). Изслѣдованіями уд. в. растворовъ занимались также Челышевъ, Турбаба, А. Сапожниковъ, Геричъ. По уругости пара растворовъ дали изслѣдованія Д. Коноваловъ и Тамманъ. По теплоемкости растворовъ Д. Коноваловъ. По теоріи растворовъ, вопросамъ осмотическаго давленія, распредѣленія веществъ между растворителями и гидротической диссоціаціи имѣются работы Яковкина, по кріоскопіи растворовъ коллоидовъ—Сабанѣева, по электролізу—Н. Бунге (органическихъ кислотъ) и Танатара, по электропроводности П. Хрушова, Д. Коновалова, Бишофа, Вальдева и др. Растворимость газовъ изучали Сѣеновъ и Тимофеевъ, жидкостей—В. Алексѣевъ, твердыхъ тѣлъ—Ш. редеръ. Пересыщенные растворы изучались Щербачевымъ и Потылицынымъ. Явленія диссоціаціи въ связи съ контактными дѣйствіями изслѣдовались Д. Коноваловымъ. Зависимость реакцій замѣненія и двойного обмѣна и явленій распредѣленія элементовъ отъ величины ихъ атомнаго вѣса и отъ массы взаимодѣйствующихъ тѣлъ подробно и разнообразно изучались Густавсономъ, Потылицынымъ и Н. Бекетовымъ. Вопросомъ о распредѣленіи основаній и кислотъ при реакціяхъ двойного

обмѣна занимались П. Хрушова и Петріевъ. Надъ изученіемъ скоростей реакцій работали Каяндеръ, Бевадъ, Потылицынь, Тамманъ, а особенно обширны начатки еще съ 1877 г. изслѣдованія Н. Меншуткина о скоростяхъ реакцій образованія сложныхъ эфировъ, кислотныхъ амидовъ и анилидовъ и аминовъ, при чемъ имъ было изучено вліяніе изомеріи, массы взаимодѣйствующихъ веществъ и среды на ходъ этихъ реакцій. Въ области термохиміи на первомъ планѣ стоятъ работы Н. Бекетова, Лугинина, Вернера, даѣе Осипова, Челышова, Каблукова, Танатара и Писаржевскаго и нѣкоторыхъ др. Наконецъ, по вопросу о соотношеніи физическихъ свойствъ химическихъ соединеній съ ихъ составомъ, частичнымъ вѣсомъ и строеніемъ имѣются многочисленныя изслѣдованія Канонникова относительно свѣтопреломляющей и вращательной способности химическихъ соединеній, а также Гольдштейна, Флавицкаго и Меншуткина относительно температуръ кипѣнія углеводородовъ и спиртовъ. Изъ этого болѣе чѣмъ краткаго обзора можно видѣть, что доля участія русской химіи въ разработкѣ всемірной науки въ настоящее время представляется уже далеко не незначительной. Остается въ заключеніе указать, что вмѣстѣ съ тѣмъ не была забыта и учебная литература, которая обогатилась за это время многими оригинальными руководствами по разнымъ отдѣламъ химіи. Изъ нихъ «Основы химіи» Мендѣлѣева вышли уже 6-мъ изданіемъ и переведены на франц., нѣмец. и англійск. языки. Столь же популярна и «Аналитическая химія» Меншуткина, тоже переведенная на франц. и нѣм. языки. По органической химіи, кромѣ нынѣ уже устарѣвшихъ руководствъ Рихтера (1870) и П. Алексѣева (1877—80—84) и перевода (М. Львовъ) учебника Шорлеммера (1873), имѣются «Лекціи органической химіи» Меншуткина (1884—91—97) и «Курсъ органической химіи» А. Зайцева (1891). «Физическая химія» Любавина, вышедшая въ 1877—83 г., уже устарѣла. Нового самостоятельнаго руководства по этому отдѣлу химіи, къ сожалѣнію, еще пока нѣтъ, но имѣется сдѣланный подъ редакцію Каблукова переводъ руководства Остальда: «Основы начала теоретич. химіи» (1891). Кромѣ «Основъ» Мендѣлѣева, по неорганической химіи болѣе широкимъ распространеніемъ (6 изд.) пользовался учебникъ Рихтера (1874—1887; теперь изданъ въ переработкѣ Явейна), а недавно появился въ печати новый учебникъ каз. проф. Флавицкаго (1898). По аналитической химіи слѣдуетъ упомянуть еще обь руководствахъ (7 изд.) Бейльштейна и Явейна, руководствахъ П. Алексѣева по анализу газовъ и др., о переводѣ Тавилдаровымъ вѣстнаго вѣмцаго руководства Фрезениуса и Ижевскимъ, подъ редакціей Марковникова—курса объемнаго анализа Винклеръ (1899). Наконецъ, нельзя не указать на то, что въ Россіи же написанъ Бейльштейномъ его знаменитый, нынѣ уже чрезвычайно популярный «Handbuch der organischen Chemie», настольная справочная книга химиковъ всѣхъ странъ, изданія которой расходятся, лишь только успѣваютъ закончиться печатаніемъ.

9) Ботаника. Ботаническая деятельность въ Россіи начинается собственно съ учрежденія академіи наукъ (1725), такъ какъ отрывочныя, разбросанныя свѣдѣнія о растеніяхъ въ сочиненіяхъ Турнефора, Тилландса и др. настолько незначительны, что не могли оказать никакого вліянія на ходъ исторіи развитія науки. Первымъ академикомъ-ботаникомъ былъ *Буксбаумъ*, сдѣлавшій, впрочемъ, для систематики не особенно много. Несравненно болѣе значенія имѣютъ труды *И. Гмелина*, составившаго «Сибирскую флору» (1178 растеній съ приложеніемъ 300 чертежей), классическое сочиненіе для своего времени. Ученикъ его, *Крашенинниковъ*, особенно извѣстенъ описаніемъ Камчатки. Однако, послѣ смерти *И. Гмелина*, въ ботанической деятельности академіи наступилъ застой и только черезъ 20 лѣтъ, въ царствованіе Екатерины II, снова начинается блестящій періодъ ботанической деятельности, когда (1766) былъ снаряженъ рядъ экспедицій для физико-топографическаго изслѣдованія Россіи, въ которыхъ принималъ участіе замѣчательный ботаникъ того времени *Палласъ*, а также *Гиденштедтъ*, *Гмелинъ* (младшій), *Ленгемъ*, *Паллькъ*, *Георги*. Изъ нихъ *Палласъ* не только далъ подробное описаніе совершенно новыхъ видовъ, но сдѣлалъ также много цѣнныхъ указаній для ботанической географіи, располагая группы растеній въ извѣстномъ географическомъ порядкѣ. Кромѣ того, имъ-же была начата обработка русской флоры, законченной впоследствии *Георги*. Въ то же время можно указать на труды цѣлаго ряда ботаниковъ въ Москвѣ, изслѣдовавшихъ флору Россіи совершенно независимо отъ академіи. Сюда относятся труды *Х. Стефана*, *Ф. Фишера*, *Г. Гюфмана*. Особую услугу дѣлу ботаники оказалъ гр. *А. К. Разумовскій* основаніемъ ботаническаго сада въ подмосковномъ своемъ имѣніи, Горенкахъ (1798), для разработки коллекцій котораго былъ приглашенъ рядъ ботаниковъ изъ-за границы и въ томъ числѣ *Ф. Фишеръ*, бывшій впоследствии первымъ директоромъ ботаническаго сада въ Петербургѣ, куда перешла большая часть коллекцій изъ прекратившаго въ этому времени свое существованіе Горенскаго сада. Главной задачей вновь основаннаго сада въ Петербургѣ (1823) было изслѣдованіе флоры Россіи, главнымъ образомъ—отдаленнѣйшихъ ея окраинъ: такъ, въ этомъ отношеніи можно указать на труды *Н. С. Турчанинова*, изслѣдователя флоры юго-восточной Сибири, *К. А. Мейера*, много потрудившагося надъ флорой Кавказа, *А. И. Шренка*, изслѣдователя нашего сѣвера. Одновременно съ дѣятельностью ботаническаго сада въ академіи снова выдвинулся рядъ замѣчательныхъ ботаниковъ-систематиковъ: *Триниусъ*, извѣстный своими работами по злакамъ, вышеупомянутый *К. А. Мейеръ*, *Г. Мертенсъ*, *Бонпаръ*. Вообще, по мѣрѣ накопленія систематическаго матеріала является необходимость въ немъ разобратся; на сцену выступаетъ рядъ систематиковъ—монографовъ; работающихъ независимо отъ академіи или имѣющихъ къ ней лишь косвенное отношеніе, таковы: проф. *Р. Э. Траутфеттеръ*, *А. К. Бунге*,

описавшій также флору сѣвернаго Китая; наконецъ, *К. Ледебуръ*, помимо многочисленныхъ собственныхъ изслѣдованій, объединившій всѣ разбросанныя до тѣхъ поръ свѣдѣнія о флорѣ Россіи въ одно цѣлое, подъ заглавіемъ «*Flora Rossica*» (1842—1851), обширный классическій трудъ, не утратившій и понынѣ своего значенія. Приблизительно съ этого времени, т. е. съ начала пятидесятихъ годовъ, ботаническая дѣятельность въ Россіи уже замѣтно расширяется: рѣзко обозначаются два теченія. Съ одной стороны, съ увеличеніемъ числа русскихъ университетовъ и расширеніемъ поля ученой дѣятельности, у насъ необходимы должны были отразиться направленія западной мысли и въ остальныхъ областяхъ ботаники, т. е. анатоміи, эмбриологіи, морфологіи и физиологіи растеній. Дѣйствительно, области эти начинаютъ сильно разрабатываться русскими профессорами, которые всѣ являются учениками и представителями той или другой школы Запада, преимущественно германской. Съ другой стороны, начатое еще академіей и ботаническимъ садомъ изученіе флоры Россіи быстрыми шагами идетъ впередъ и кромѣ того, подъ вліяніемъ новыхъ теченій въ ботанической географіи на Западѣ (*Гризбахъ*), приобрѣтаетъ особую, своеобразную окраску: на первый планъ выступаютъ уже вопросы о растительныхъ формаціяхъ, о взаимной связи между растительностью и климатомъ, почвою. Конечно, только труды, накопленные предшествовавшими поколѣніями ботаниковъ въ продолженіе болѣе, чѣмъ сотни лѣтъ, дали возможность систематикѣ (флористикѣ) стать на этотъ новый и въ высшей степени плодотворный для нея путь. Къ числу представителей этой переходной эпохи можно отнести, напр., *И. Г. Борщова*, съ его изслѣдованіемъ Арало-Каспійской области и въ особенности Рупрехта, смѣло заявившаго въ своемъ изслѣдованіи о черноземѣ, что «черноземъ есть вопросъ ботаническій». Произведеніе это въ высшей степени разносторонняго ученаго можетъ служить связующимъ звеномъ между академической старой школой чистыхъ систематиковъ по преимуществу и новыми теченіями по геоботаникѣ. Въ этомъ изслѣдованіи, отчасти, впрочемъ, случайнаго характера, Рупрехтъ, предлагая въ общихъ чертахъ удовлетворительную гипотезу о происхожденіи чернозема, затрагиваетъ тотъ «степной вопросъ», которому не мало силъ было посвящено еще *Палласомъ* и *Варомъ* и который въ настоящее время привлекаетъ къ себѣ ученыхъ всевозможныхъ специальностей: геологовъ—почвенниковъ, метеорологовъ, зоологовъ, ботаниковъ. Но настоящимъ основаниемъ и главой до извѣстной степени національной, фито-географической школы сдѣлается признаніе *А. Н. Бенетова*; сравнительно мало написавшій оригинальныхъ произведеній, сторонникъ гризбаховскихъ теорій, онъ создалъ, однако, цѣлый рядъ послѣдователей. Достаточно сказать, что большая часть нашихъ гео-ботаниковъ являются его учениками и продолжателями даннаго имъ направленія, прибѣгая въ то же время къ совершенно самостоятельнымъ методамъ изслѣдованія. Впрочемъ, разработкѣ степного

вопроса въ частности много способствовали извѣстный нашъ почвовѣдъ В. В. Докучаевъ, привлечшій къ его изученію цѣлый рядъ ботаниковъ: Г. И. Танфильева, А. Н. Краснова, и др. Кромѣ того въ этомъ направленіи можно указать на труды: Д. А. Кожеевникова, и В. Я. Цингера, Д. И. Литвинова, П. П. Савицкого. Въ то же время фито-географія сѣв. Р. разрабатывалась: Х. Я. Гоби, И. О. Шмальгаузенъ, Н. И. Кузнецовъ, М. П. Курилкинъ, Г. И. Танфильевъ, В. Л. Комаровъ, А. А. Антоновъ. Однако, за этотъ періодъ времени можно насчитать не мало работъ чисто флористическаго или монографическаго характера. Такъ, слѣдуетъ указать на труды Н. Н. Кауфмана, «Московская флора» котораго послужила образцомъ для дальнѣйшихъ произведеній этого рода; К. Мейншаузена, Н. И. Кузнецова, Маевского. А. Н. Петруникова, О. А. и Б. А. Федченко. Восточная флора и въ то же время отношеніе лѣса къ степи разрабатываются кружкомъ естествоиспытателей при казанскомъ университетѣ: П. Крыловъ, Ю. Шелле, Н. Мартыновъ, Гордянинъ, Буше, Талеевъ и въ особенности С. И. Коржинскій. Съ открытіемъ обществъ естествоиспытателей при нашихъ южныхъ университетахъ: новороссійскомъ, харьковскомъ, кievскомъ число флористическихъ работъ здѣсь сильно увеличилось; особенно много изслѣдованій въ этомъ направленіи падаетъ на долю кiev. унив.; такъ проф. И. О. Шмальгаузенъ пишетъ «Флору юго-зап. Р.»; кромѣ того можно указать на труды В. И. Липскаго, Монтерозора, Среднянскаго, І. Пачоскаго, Совинскаго и др. Въ то же время, съ 70-хъ гг. до послѣдняго времени, сиб. ботаническій садъ дѣятельно занимается разработкою громаднхъ коллекцій, преимущественно Азіатской Р. и прилежащихъ къ ней странъ. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ отмѣтить труды: Р. Э. Траутфеттера, К. И. Максимовича, Э. Л. Регеля, Ф. Е. Гердера, С. И. Коржинскаго. Съ другой стороны, какъ уже было упомянуто, приблизительно съ 50 годовъ, у насъ начинаютъ разрабатываться и остальные области ботаники: фیزیологія, морфологія и анатомія, а также вообще систематика споровыхъ. Однимъ изъ первыхъ, крупныхъ представителей этого рода движенія слѣдуетъ признать Л. С. Ценковскаго, посвятившаго свои силы главнымъ образомъ на изученіе микроскопическаго міра протистовъ и далеко подвинувшаго впередъ эту въ высшей степени запутанную до него область. Ученикъ наиболѣе выдающихся микроскопистовъ своего времени: Брауна, Шлейдена, Мюллера, Эренберга, Ценковскій въ своихъ трудахъ проявилъ настолько много самостоятельныхъ взглядовъ, что по справедливости можетъ занять одно изъ первыхъ мѣстъ не только у насъ, но и за границей. Хотя, въ силу исторически сложившихся обстоятельствъ, онъ не могъ составить школу такъ, какъ ее понимать на западѣ, тѣмъ не менѣе, благодаря своимъ выдающимся качествамъ ученаго и профессора, Ценковскій оставилъ много учениковъ, среди которыхъ достаточно указать на

такія имена, какъ А. С. Фамининъ и М. С. Воронинъ. По числу работъ у насъ особенно выделяется отдѣлъ фیزیологіи растений. Не входя въ детальное разсмотрѣніе работъ въ этой области, отмѣтимъ лишь выдающихся дѣятелей въ этомъ направленіи: А. Ф. Баталина, И. П. Бородинъ, О. П. Баранецкаго, С. Н. Виноградскаго, Вотчала, Д. О. Иванова, П. Я. Крутицкаго, Н. А. Монтеверде, Г. А. Надсона, В. И. Паладина, В. А. Ротерта, К. А. Тимирязева, А. С. Фаминина. Въ отдѣлѣ морфологіи и анатоміи укажемъ на труды В. И. Бяльева, М. С. Воронина, К. Я. Гоби, Горюжанкина, Голенина, С. Г. Навашина, Рейнгартъ, С. М. Розанова, Сорокина, И. О. Шмальгаузена, Хмелевскаго. Собственно систематика (флористика) и фитогеографія споровыхъ лучше всего разработана по водорослямъ и грибамъ. Академикъ Мартенсъ оставилъ богатый матеріалъ по водорослямъ, изданный въ 1840 г. подъ заглавіемъ: «Illustrationes Algarum Rossiae». Этотъ трудъ далъ толчокъ къ появленію другихъ работъ по водорослямъ, напр.: «Algae Ochotenses», изданныя на основаніи матеріаловъ, собранныхъ Миддендорфомъ. Съ тѣхъ поръ въ трудахъ нашихъ обществъ накопился богатый матеріалъ, особенно по прѣсноводнымъ водорослямъ, который еще ждетъ болѣе полной обработки. Болѣе полныхъ монографій, за исключеніемъ водорослей Финскаго залива и Бѣлаго моря, обработанныхъ Х. Я. Гоби, у насъ почти нѣтъ. Сказанное о водоросляхъ относится также и къ грибамъ, такъ какъ, со времени выхода въ свѣтъ *Fungi Rossici* («Hymeni et Gasteromycetes huiusque in imperio Rossico observates» и «Enumeratio stirpium in agro Petropolitano sponte crescentium», 1836 и 1837) Веймана, у насъ не появлялось сколько-нибудь значительныхъ монографій въ этомъ направленіи. Только въ самое последнее время изданіе гербарія русскихъ грибовъ, подъ ред. В. Л. Комарова, В. А. Траншеля и А. А. Ячевскаго, обещаетъ, повидимому, восполнить этотъ пробѣлъ, такъ какъ, заключая въ себѣ хорошія коллекціи преимущественно изъ отдаленныхъ окраинъ Р., вызоветъ, вѣроятно, въ скоромъ времени соответствующую литературу. Мхи и въ особенности лишайи пока еще изслѣдованы мало. Впрочемъ, въ самое последнее время С. Г. Навашинъ задумано изданіе опредѣлителя русскихъ мховъ, первый выпускъ котораго уже появился въ свѣтъ. Такими образомъ мы видимъ, что въ продолженіе болѣе чѣмъ 150 лѣтъ, ботаника въ Р. сдѣлала настолько крупныя успѣхи въ области систематики высшихъ растений и до фитогеографіи вообще, что можно даже говорить о самостоятельной русской школѣ въ этомъ направленіи. Что же касается остальныхъ областей ботаники, то за послѣднія 50 лѣтъ у насъ появилось столько выдающихся работъ по различнымъ вопросамъ фیزیологіи и морфологіи, что мы смѣло можемъ гордиться нашими успѣхами за это время. А. Еленкинъ.

10) Зоологія. Основатель эмбриологіи, Вольфъ, состоялъ нѣкоторое время рус. академикомъ, но тѣмъ не менѣе онъ оставался нѣмецкимъ ученымъ и связь его имени съ Р.

чисто случайная. Уже гораздо ближе къ Р. стоялъ Палласъ, приглашенный Екатериной для изученія Р. Палласъ, первоклассный наблюдатель, обладавшій въ высшей степени яснымъ умомъ и всюду вносившій чрезвычайную трезвость взглядовъ, по отношенію къ Р. является первымъ изслѣдователемъ ея съ зоологической точки зрѣнія. Съ 1768 г. онъ начинаетъ изслѣдованіе Европ. Р., а потомъ переноситъ свою дѣятельность за Уралъ, доходить до подножія Алтая и до Байкала, а на югѣ до Каспія и Кавказа, а въ 1774 г. возвращается въ Петербургъ, чтобы заняться обработкой добытыхъ результатовъ. Съ 1793—94 г. онъ изслѣдуетъ на свои средства югъ Р. и Крымъ и оставляетъ Р. въ 1810 г. Капитальное изслѣдованіе русско-азиатской фауны, первое антропологическое изслѣдованіе монгольскаго племени были результатами этихъ походовъ. Во всякомъ случаѣ, Палласъ все-таки остается нѣмецкимъ ученымъ, изслѣдовавшимъ Р.—Родоначальникомъ русской зоологіи надо считать *Бара*. Отъѣзжая по происхожденію, нѣмецъ по воспитанію, онъ начинаетъ свою карьеру въ Германіи и лишь съ 1834 г., будучи приглашенъ нашей академіей, переноситъ свою дѣятельность въ Р. Баръ является весьма многостороннимъ изслѣдователемъ: онъ и первоклассный эмбриологъ, обосновавшій ученіе Кювье о типахъ эмбриологически, открывшій ядро млекопитающихъ и давшій удивительное по точности описаніе развитія позвоночныхъ; онъ и ихтиологъ, дающій при этомъ важныя практическія указанія для русскаго рыболовства; онъ и географъ, открывающій законъ отклоненія теченія рѣкъ подъ влияніемъ вращенія земли, законъ, носящій названіе Баровскаго; онъ и антропологъ, изучающій расовыя отличія череповъ или краниологію. Попавъ въ Р., онъ предпринимаетъ рядъ экспедицій для ея изученія: на Новую Землю, въ Лаландію (въ сопровожденіи Мидлендорфа), Финляндію и рядъ походовъ по Р., съ цѣлью изученія нашего рыбнаго дѣла. Изъ нихъ наиболее замѣчательно изслѣдованіе каспійскаго рыболовства, въ которомъ принималъ участіе также Данилевскій. Если Баръ является основателемъ русскаго анатомо-эмбриологическаго направленія, русской антропологіи и прикладной ихтиологіи, то *Θ. Брандтъ*, основатель зоологическаго музея академіи наукъ, является продолжателемъ Палласа въ дѣлѣ изученія русской фауны и родоначальникомъ русской фауистики и систематики. Прослѣдимъ, такимъ образомъ, ту преемственную связь, которая существуетъ между родоначальниками русской зоологіи и ея современными представителями. Вскорѣ мы видимъ въ нашихъ университетахъ уже не профессоровъ «натуральной исторіи», преподававшихъ зоологію въ числѣ прочихъ наукъ, а настоящихъ зоологовъ-специалистовъ. Въ Петербургѣ—*Кутора*, давшій нѣсколько самостоятельныхъ зоологическихъ и палеонтологическихъ изслѣдованій, въ Москвѣ—*Варнекъ* и *Рулье*, обладавшій умомъ, склоннымъ къ биологическимъ обобщеніямъ, въ Казани—*Н. Вагнеръ*, открывшій замѣчательное явленіе дѣвственнаго размноженія личинокъ

одного двукрылаго, получившее надлежащее истолкованіе отъ Бара, и тамъ же—*Овсянниковъ*, давшій рядъ эмбриологическихъ и гистологическихъ работъ. Интересно, что всѣ эти лица вовсе не являются учениками Бара, а получаютъ свое зоологическое образованіе или въ Дерптѣ, или за границей, такъ что Баръ является безъ непосредственныхъ преемниковъ. Но начало имъ дѣло продолжалось. И дѣйствительно, скоро русская зоологія, благодаря трудамъ *А. Ковалевскаго*, *Мечникова*, а также *Заленскаго* и *Бобринскаго*, ученика Ковалевскаго, заняла видное мѣсто въ наукѣ и притомъ получила опредѣленную фізіономію: характернымъ направленіемъ для русской зоологіи является—эмбриологическое. Русскіе эмбриологи, главнымъ образомъ *Ковалевскій* и *Мечниковъ*, являются едва-ли не главными дѣятелями въ вопросѣ объ установленіи единства эмбриологическихъ плановъ, а слѣдовательно и единства организаціи у всѣхъ животныхъ. Если Бару удалось свести разнообразныя формы развитія къ опредѣленнымъ типамъ, то позднѣйшимъ эмбриологамъ удалось свести эти типы къ одному общему постепенно осложняющемуся плану. Въ позднѣйшее время новѣйшее фізіологическое направленіе опять-таки многимъ обязано Мечникову и Ковалевскому. Учениками Овсянникова являются *Великій*, открывшій многочисленность лимфатическихъ сердецъ у амфибій, *Гриммъ*, *Усовъ* и отчасти *Мейеръ*. Впрочемъ, выраженіе «ученикъ» по отношенію къ русскимъ ученымъ по большей части вовсе не имѣетъ того значенія, какъ по отношенію къ германскимъ. Русскіе ученые по большей части получали окончательное зоологическое образованіе за границей, причемъ весьма важную въ этомъ отношеніи роль играла лабораторія Лейкарта въ Гиссенѣ, а затѣмъ въ Лейпцигѣ. Учитель лишь направлялъ первые шаги того лица, котораго онъ сумѣлъ заинтересовать. Вообще говоря, это поколѣніе русскихъ зоологовъ не оставило школы въ буквальномъ значеніи этого слова, тѣмъ не менѣе въ одесскомъ, кіевскомъ и казанскомъ университетахъ мы видимъ рядъ профессоровъ и специалистовъ, которые отчасти являются учениками этого поколѣнія (*Бучинскій*, *Резаховъ*, *Рейнгардтъ*, *Лобединскій*, *Остроумовъ* и др.). Собственно говоря, зоологическая школа, въ точномъ смыслѣ этого слова, была только въ Москвѣ. Тамъ послѣ Рулье преподаваніе зоологіи въ университетѣ раздѣлено было между тремя его учениками: *Богдановымъ*, *Борзенковымъ* и *Усовымъ*. Богдановъ прошелъ хорошую школу у Лейкарта. Самостоятельныя изслѣдованія Богданова малочисленны, но онъ игралъ роль въ исторіи русской зоологіи, какъ организаторъ ученыхъ обществъ, конгрессовъ, музеевъ, выставокъ, а главное, какъ основатель зоологической школы. Рано умершее Зенгеръ и Раевскій, а также стяжавшій себѣ репутацію первокласснаго путешественника Федченко, затѣмъ цѣлый рядъ зоологовъ, занимавшихся и занимающихся по большей части каедръ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, являются его учениками: *В. Вагнеръ*, *Зиграфъ*,

Кулакин и *Тихомировъ* въ Москвѣ; *Митрофановъ*, *Насоновъ* и рано умершій *Ульянинъ* въ Варшавѣ; *Коротневъ* въ Кіевѣ; *Шимкевичъ* въ Петербургѣ. Ученикомъ *Ворзенкова* и замѣстителемъ его по кафедрѣ явился *Мензбиръ*, который какъ орнитологъ въ то же время является и ученикомъ извѣстнаго путешественника *Сѣверцова*. Если прибавить къ перечисленнымъ зоологамъ еще лицъ, получившихъ медицинское образованіе, а потомъ сдѣлавшихся зоологами, какъ *Гороновичъ* и профессоръ: *Э. Брандтъ*, *А. Брандтъ*, *Кашенко*, *Холодовскій* (ученикъ *Э. Брандта*), и лицъ, получившихъ свое зоологическое образованіе за границей, какъ напр. *Шевяковъ* — ученикъ *Бюкли*, *Полежаевъ* — ученикъ *Шульце*, или сдѣлавшихся зоологами самоучкой, какъ рано умершій *Шманкевичъ*, извѣстный своими опытами надъ вліяніемъ среды на животныхъ, то картина зоологической преемственности будетъ почти полной и роль московской школы при этомъ выступить съ надлежащей ясностью. Отмѣтимъ также дѣятельность варш. профессоровъ: *Гамана* и *Вржежніевскаго* (ученикъ ботаника, изслѣдовавшаго и простѣйшихъ животныхъ — *Ценковскаго*) и учениковъ перваго: *Урбановича* и *Нусбаума*. Послѣдній, какъ и нѣкоторые другіе русскіе зоологи, напр. *Давидовъ*, *Бедрага*, живутъ всегда за границей и всецѣло перенесли туда свою дѣятельность. Въ настоящее время лабораторное дѣло поставлено довольно прочно. Во многихъ университетахъ совершается та постоянная лабораторная работа, которая выдвигаетъ постепенно новыя поколѣнія изслѣдователей: въ Варшавѣ работаютъ *Эйсмодъ*, *Рудневъ*, *Мордвинко* и др. Въ Москвѣ, у профессора *Мензбира*: *Иванцовъ*, *Суткинъ*, *Львовъ*, *Сѣверцовъ* (теперь уже профессоръ въ Юрьевѣ) и др.; въ спб. университетѣ лабораторному дѣлу положено было начало *Мережковскимъ*, ученикомъ *Вагнера*, и въ спб. университетѣ работали: *Киповичъ*, *Фаусекъ*, *Ю. Вагнеръ*, *Блѣшинскій* - *Вируля*, *С. Иагъ*, *Педашенко*, *Таргани*, *Римскій* - *Корсаковъ* и др. Слѣдуетъ отмѣтить также участіе русскихъ женщинъ въ зоологической работѣ, какъ то: рано умершая *Павлова*, *Переяславцева*, бывшая директоромъ Севастопольской станціи, *Андрюсова* (нынѣ *Фаусекъ*), *Россійская* (нынѣ *Кожевникова*), *Е. Вагнеръ* и др. Громадное большинство перечисленныхъ зоологовъ является представителями того анатомо-эмбриологическаго направленія, которое получило начало отъ *Бэра*. Направленіе, представленное въ въ началѣ русской зоологической эпохи *Э. Брандтомъ*, тоже получаетъ довольно широкое развитіе. Въ Казани работали надъ русской фауной *Эверсманъ*, въ спб. университетѣ *Кесслеръ*, главный инициаторъ по организаціи съѣздовъ естествоиспытателей въ Россіи, въ академіи наукъ — извѣстный герпетологъ *Штраухъ*. Въ Петербургѣ группируются около *Кесслера* и *Штрауха* какъ молодые силы, частью ихъ ученики, какъ *М. Богдановъ*, *Герцигштейнъ*, *Плеске*, *Никольскій*, *Биснеръ* и цѣлый рядъ еще болѣе молодыхъ силъ. На Кавказѣ въ этомъ направленіи работаетъ *Радде*. Одновременно съ *Э. Брандтомъ* въ

академіи наукъ, въ качествѣ хранителя, работалъ энтомологъ *Менетріе*, участвовавшій въ экспедиціяхъ въ Бразилію и на Кавказъ. Онъ является родоначальникомъ русскихъ энтомологовъ, группирующихся главнымъ образомъ около русскаго энтомологическаго общества. Имена *Блекера*, *Моравица*, *Остенъ-Сакена*, *Порчинскаго*, *Родосковскаго*, *Семенова*, *Яковсова* и цѣлаго ряда энтомологовъ связаны съ дѣятельностью этого общества. Мы видѣли, что *Бэръ* явился и первымъ зоологомъ путешественникомъ, такъ что послѣдующіе зоологи путешественники — *Миддендорфъ*, *Сѣверцовъ*, *Өдченко*, *Пржевальскій* — являются лишь продолжателями того, что было начато *Бэромъ*. Всѣ они являются изслѣдователями нашего сѣвера, русскихъ азиатскихъ владѣній или близлежащихъ къ нимъ странъ. Только *Миклуха-Маклай* изъ русскихъ зоологовъ-путешественниковъ пытался перенести дѣятельность въ иные, болѣе далекіе пункты земного шара. Точно также получившая отъ *Бэра* толчекъ прикладная зоологія начинаетъ развиваться. Практикъ *Врасскій* открываетъ способъ сухого оплодотворенія рыбьей икры; *Гриммъ*, *Кныповичъ*, *Варпаховскій* и др. работаютъ въ области прикладной ихтиологіи и изучаютъ промысловыхъ животныхъ вообще. *Кеппенъ*, *Порчинскій*, *Шевыревъ* и цѣлый рядъ энтомологовъ изучаютъ вредныхъ насекомыхъ и содѣйствуютъ организаціи борьбы съ ними. *Тихомировъ*, *Шаровъ* и др. изучаютъ шелководство. Надо упомянуть также о тѣхъ лицахъ, которые составленіемъ общедоступныхъ руководствъ и сводокъ, какъ *Гердъ*, *Симашко* и др., старались провести въ массы знанія, добытыя специалистами. Въ настоящее время въ Р. имѣются двѣ кафедры зоологіи въ Имп. академіи наукъ, занятая *Ковалевскимъ* и *Заленскимъ*, почти въ каждомъ университетѣ двѣ кафедры зоологіи, каждая съ своимъ кабинетомъ; при академіи наукъ, Моск. и варшавскомъ унив. — первоклассные зоологическіе музеи, на Мурманскомъ берегу (прежде въ Соловкахъ), *Севастополь* и въ *Виллафранкѣ* функционируютъ, содержимыя русскимъ правительствомъ, зоологическія станціи; въ трудахъ нашихъ ученыхъ обществъ, имѣющихся при каждомъ университетѣ, и въ заграничныхъ журналахъ публикуются постоянно спеціальныя изслѣдованія русскихъ зоологовъ; функционируетъ спеціально-энтомологическое общество и вѣсколькое общество, посвященныхъ прикладной зоологіи. Если припомнить, что три четверти вѣка назадъ русская зоологія не существовала, то прогрессъ дѣла, коему еще такъ недавно положено начало *Бэромъ*, станеть по истинѣ изумительнымъ. Если глядя на будущее, мы не безъ чувства зависти можемъ смотрѣть на успѣхи нашей учительницы — германской зоологіи, которую намъ предстоитъ догнать, то, сравнивая возрастъ германской науки и оглядываясь на короткій періодъ, едва прожитый нашей зоологической наукой, мы не можемъ не испытать чувства нѣкотораго удовольствія.

В. Шимкевичъ.

11) *Анатомія*. — Развитие анатоміи какъ науки въ Р. тѣсно связано съ устройствомъ при

моск. и петербургских госпиталей первых медицинских школ или, как их называли в то время, медико-хирургических школ. В этих школах впервые было введено правильное преподавание не только фармакологии, ботаники, хирургии и пр., но и анатомии. В московской медико-хирургической школе первым преподавателем анатомии, в 1722 г., был известный врач Николай Бидлоо, приглашенный на службу в Россию из Голландии в 1703 г. Преподавание велось частью по учебнику самого Бидлоо, напечатанному им еще до приезда его в Р., частью по учебнику Стеф. Вазкарда. Иллюстрацией к указанным учебникам служил превосходный анатомический атлас отда Бидлоо. Кроме того, в госпитали доставлялись еще трупы «подлых людей», поднятые на улицах, и вскрывались там в присутствии учеников. Остеология изучалась по анатомическим при госпитальных скелетам и отделяемым костям. С 1754 г. в московских и других медико-хирург. школах учреждаются должности постоянных преподавателей или доцентов, к числу которых принадлежал и известный доктор *К. И. Щенин*, отправленный в 1753 г. для усовершенствования в науках за границу. В 1762 г., возвратясь из-за границы, он вступил в должность «лекционного доктора» при московском госпитале и, между прочим, вел преподавание «анатомии в натуре». Остеология изучалась на костях, а прочие части человеческого тела — на фигурах и на трупах. В то же время при петербургских госпитальных устраиваются также школы, по образцу московских, при чем в этом деле особенно живое участие принимал тот же Щенин, который в 1764 г. был переведен на службу в СПб. В медико-хирургической школе петерб. сухопутного госпиталя анатомию читал сам Щенин (на русском языке) и доцент *А. фон-Меллен* (на немецком языке). После ухода Щенина, в московском госпитале анатомию читал на латинском языке *Энгель*, а в обоих петербургских госпиталях, по смерти *Меллена*, преподавание анатомии принял на себя (в 1779 г.) *М. М. Тереховский*. С 1780 г. медико-хирургические школы были преобразованы в училища с определенным штатом профессоров и адъюнктов. В моск. медико-хирургич. училище первым проф. анатомии, хирургии и физиологии был *Я. А. Рихтер*, а в петербургском мед.-хирург. училище преподавание анатомии было возложено на *Н. К. Карпинского*, которому в помощники был назначен *И. А. Загорский*. Вскоре, благодаря стараниям проф. *Шумлянского* и *Тереховского*, были приняты меры к улучшению медико-хирург. школ и в 1798 г., по предложению директора медич. коллегии *А. И. Василева*, состоялся указ об учреждении петербургской и московской медико-хирург. академий. Открытие академий состоялось в 1799 г., при чем преподавателями анатомии в петерб. медико-хирург. академии были назначены *Н. К. Карпинский*, с прозектором *И. Загорским*, а в московской академии *Ф. Стефан*, с прозектором *А.*

Гильденбрантом. Кроме устройства академий, в С.-Петербурге было основано, при Калининской больнице, «Императорское Калининское медико-хирургическое училище» (с 1783 г. институт), в котором также преподавалась и анатомия. Первым профессором анатомии в этом училище был *И. Фортгейм* (1784 г.). С учреждением медико-хирургической академии, а затем и первых университетов в России, собственно говоря, и начинается расцвет анатомии, при чем первое место в этом отношении заняла петерб. медико-хирургическая академия, в которой преподавателями этой отрасли биологии были лучшие анатомы: проф. *И. А. Загорский*, *И. В. Буласский*, *Ө. П. Ландиер*, *Н. И. Пирогов*, *В. Л. Грубер* и целый ряд их учеников, как напр. *А. И. Таренский*, *П. Ф. Лесгафт*, *Д. С. Ермолаев* и др. Проф. *И. А. Загорский* (1764—1846 г.) напечатал много солидных работ по разным вопросам анатомии и в 1802 г. издал известное руководство по описательной анатомии, принятое во всех русских университетах и выдержавшее пять изданий. Он же обогатил анатомический музей академии многими собственными и выписанными им из-за границы препаратами. *И. В. Буласский* состоял профессор. медико-хирург. академии с 1833 по 1844 г. и написал ряд сочинений по анатомии, судебной медицине и хирургии, из которых особенного внимания заслуживает его «анатомо-хирург. таблицы». Кроме того, он был отличным инъектором и очень искусно балъзамировал трупы для продолжительного их сохранения. Проф. *Ө. П. Ландиер* славился своим преподавательским талантом и умным чертит цветными карандашами целые анатомические картины. Гениальный *Н. И. Пирогов*, занявший кафедру анатомии в медико-хирург. акад. в 1841 г., оказал анатомии огромные услуги и его сочинения: «*Anatomia topographica sectionibus per corpus humanum congelatum triplici directione ductis illustrata*» и «*Полный курс прикладной анатомии человеческого тела*» пользуются всемирною известностью. Он, между прочим, в бытность свою за границей, пригласил в академию знаменитого анатома *Грубера*, который в 1855 г. занял кафедру анатомии и покинул академию в 1887 г. Ученая деятельность *Грубера* была истинно громадна и один лишь указатель всех его работ занимает 4 печатных листа in quarto. Грубер особенно изучал и описывал различного рода отклонения от нормы (аномалии) в строении человеческого тела и в этом отношении не имел себе равного в числе европейских ученых. Грубером создана целая школа анатомов и многие из них занимали и занимают по настоящее время профессорские кафедры. К числу его учеников принадлежат: *К. Ф. Геттер* († 1874 г.), *П. Ф. Лесгафт*, *А. И. Таренский*, *Д. С. Ермолаев* и много других. *П. Ф. Лесгафт* был назначен проф. анатомии в казанском университете, а с уходом его отсюда, в 1872 г., кафедру анатомии занял *Д. С. Ермолаев*. Лесгафт издал много трудов по разным отделам ана-

томии и въ особенности по морфологii мускулатуры и отчасти по антропологии и гимнастикѣ. Съ уходомъ Грубера изъ академіи каведру анатоміи занялъ ученикъ его *А. И. Таренцкій*, который состоитъ проф. по настоящее время и напечаталъ немало цѣнныхъ трудовъ по нормальной анатоміи человека и животныхъ и по антропологии. Въ юрьевскомъ универ. своими учеными трудами по анатоміи особенно извѣстны *Штуда* (нынѣ проф. анатоміи въ Кенигсбергѣ) и *Раубергъ*, издавшій отличный учебникъ по нормальной анатоміи. Въ моск. университетѣ каведру анатоміи занимаетъ *Д. Зерновъ*, издавшій «Руководство описательной анатоміи человека», пользующееся въ Р. вполне заслуженною извѣстностью. *А. Догель*.

12) Гистология. Употребленіе микроскопа для разсмотрѣнія тончайшаго строенія анатомическихъ частей впервые встрѣчаемъ при изложеніи анатоміи на медицинскомъ факультетѣ моск. унив. въ концѣ XVIII в. (1791—92). Хотя долгое время не появляется самостоятельныхъ гистологическихъ изслѣдованій, но все же, въ особенности съ усовершенствованіемъ микроскоповъ, гистология получаетъ все болѣе и болѣе широкое значеніе въ преподаваніи. Такъ, уже съ 20-хъ годовъ настоящаго столѣтія, знаменитый Бэръ (проф. медико-хирургич. акад.) съ успѣхомъ поучалъ своихъ слушателей, изъ чего состоитъ тѣло человека и животныхъ и показывалъ подъ микроскопомъ то, что называли «ячейками», а впоследствии «кѣлочками», «кѣлками», «тѣлками». Старинныя представленія о «шарикахъ» и «пузырькахъ» начали получать болѣе точную и подробную формулу. Съ 1840-хъ годовъ начинаютъ появляться самостоятельныя изслѣдованія русскихъ ученыхъ, а именно *Заболова*, *Велланскаго* и *Кленке*. Дальѣйшія усовершенствованія микроскоповъ возбудили еще болѣйшій интересъ къ гистологическимъ работамъ. Для поощренія къ такимъ занятіямъ Александръ II, въ бытность свою наследникомъ русскаго престола, заказалъ лучшей микроскопѣйскому мастеру Плесселю для кабинета описательной анатоміи медико-хирургической академіи. Гистология, какъ предметъ преподаванія, была соединена то съ нормальной анатоміей, то съ сравнительной. Впервые она выдѣляется въ отдѣльную каведру со спеціалистомъ преподавателемъ во главѣ—съ 1860 года, въ медико-хирургической академіи, когда на научной аренѣ появляются *И. М. Якубовичъ*, обратившій на себя всеобщее вниманіе какъ въ Европѣ, такъ и въ Россіи своими гистологическими изслѣдованіями въ области нервной системы. Его работами интересовалась парижская академія и выдающіеся физиологи и гистологи въ Европѣ: Клодъ Бернаръ, Миллеръ, Гельмгольцъ и другіе. Императоръ Николай I принималъ участіе въ изданіи трудовъ Якубовича, ассигнуя на это изъ собственныхъ средствъ значительныя суммы. Одновременно съ Якубовичемъ въ области гистологии выдвинулись *Ф. В. Овсянниковъ* и *Маркузинъ*. Приблизительно, съ 1860-хъ годовъ по образцу медико-хирургич. акад. и въ университетахъ гистология съ эмбриологіей

обособляется въ отдѣльную каведру. Появляются спеціалисты, своими трудами обращающіе на себя вниманіе Европы, какъ напр. проф. *А. И. Бабутинъ*—въ Москвѣ и *Л. Штима*—въ Дерптѣ. Европейскую извѣстность снискалъ себѣ *Г. Ф. Гейеръ* многочисленными трудами, касающимися различныхъ отдѣловъ гистологии. Въ особенности важны его изслѣдованія, касающіяся строенія селезенки, пачиневыхъ тѣлъ и другія. Дальше *П. И. Перемежко* принадлежитъ также къ извѣстнымъ русскимъ гистологамъ.

Нѣкоторые изъ гистологовъ предлагаютъ свои методы, имѣвшіе огромное значеніе для успѣховъ гистологии вообще. Такъ, *Н. А. Хржановскій* предложилъ методъ импрегнаціи органовъ азотно-кислымъ серебромъ, методъ, который вошелъ во всеобщее употребленіе и посредствомъ котораго добыто очень много данныхъ, выясняющихъ строеніе органовъ. *А. С. Догель* предложилъ способъ окраски нервной системы посредствомъ введенія метиленовой синьки живому животному. Пользуясь имъ, Догель произвелъ многочисленныя изслѣдованія надъ окончаніями периферическихъ нервовъ въ различныхъ органахъ, а равно надъ строеніемъ симпатической и cerebro-спинальной нервной системы. Способъ этотъ имѣть въ настоящее время огромное распространеніе въ Р. и заграничѣй. *М. Д. Лавдовскій* многіе изъ существующихъ въ наукѣ способовъ усовершенствовалъ и примѣнялъ для своихъ обширныхъ и разностороннихъ гистологическихъ изслѣдованій. *Ф. Н. Заварыкинъ* принадлежитъ работы по гистологии почки, отличающіяся безукоризненностью въ техническомъ отношеніи. *Стрѣльцовъ* представилъ важныя работы, касающіяся развитія костной ткани; *Огневъ*—нѣсколько данныхъ относительно гитологическаго развитія сѣтчатки. Психо-физиологическая лабораторія *И. П. Мержевецкаго* и *В. М. Бехтерева* доставила очень много цѣнныхъ данныхъ къ микроскопической анатоміи центральной нервной системы. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть о работахъ Эрлицкаго, Данилло, Розенбаха и другихъ.

II. Т

13) Физиология. Физиология, какъ основа медицинскихъ наукъ, развивалась въ Р. почти исключительно при медицинскомъ факультетѣ университетовъ и въ военно-медицинской академіи. Впервые физиология, какъ наука, излагалась въ московскомъ университетѣ въ 1775 г. единственнымъ профессоромъ *Керстеномъ* догматически и только въ 1799^{1/2}, учебномъ году вводится экспериментъ на животнѣ животному—условіе, доставившее такіе огромные успѣхи новѣйшей физиологии. Съ 1840 г. физиология выдѣляется въ отдѣльную каведру, тогда какъ въ предшествующіе годы она поручалась профессору, излагавшему то общую терапію и патологію, то анатомію и т. п. Нѣкоторые изъ профессоровъ за этотъ періодъ публикуютъ сочиненія въ качествѣ самостоятельныхъ изслѣдованій, какъ напр. Скадіанъ, Барсукъ-Моисеевъ, Грузиновъ, а также переводятъ руководства Галлера, Блументбаха, Ленгессека на русскій языкъ. Въ 1836 г. по-

является первое оригинальное руководство на русском языке *А. М. Филомафитского*, который пользовался при составлении этого сочинения и своими собственными опытами; этот труд остался, однако, неоконченным. Кроме того *А. М. Филомафитский* является автором солидного изслѣдованія: «Исторія перевариванія крови». Вторымъ по времени учебнымъ заведеніемъ, въ которомъ изучалась физиологія, была военно-медицинская академія (до 1880 г.—медико-хирургическая). Въ академіи физиологія была соединена съ общей патологіей и преподавалась профессоромъ анатоміи, первый профессоръ которой—*П. А. Загорскій*—былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и первымъ профессоромъ физиологіи въ академіи. Въ преподаваніи Загорскій придерживался учебника анатома Прохаски, который являлся представителемъ сравнительно анатомическаго направленія въ физиологіи. Такъ какъ это направленіе не давало возможности выйти во внутреннюю жизнь органовъ, то физиологи для уясненія происходящихъ въ нихъ процессовъ прибѣгали къ различнымъ теоріямъ, часто метафизическаго характера, которыя и лежали въ основу жизненныхъ явленій организма. Такъ, Загорскій является горячимъ сторонникомъ новаго ученія о Вольтовомъ столбѣ, какъ всеобщемъ законѣ органическаго строя, а равнымъ образомъ послѣдователемъ и другихъ взглядовъ Прохаски. Такимъ образомъ въ академіи въ началѣ ея существованія не было дано надлежащаго толчка экспериментальному направленію въ физиологіи. Это имѣетъ существенное значеніе для дальнѣйшаго развитія физиологіи. Въ 1817 году физиологія съ общей патологіей была отдѣлена отъ анатоміи и передана для преподаванія *Д. М. Велланскому*, горячему стороннику философскихъ взглядовъ Шеллинга и его ученика Окена. Велланскій былъ врагъ опыта, считая его грубымъ, недостойнымъ занимать умъ философа, вслѣдствіе чего опытная физиологія, уже зародившаяся на Западѣ, долгое время не получала надлежащаго значенія въ военно-медич. академіи. *А. П. Загорскій*—преемникъ *Д. М. Велланскому*—только въ 1847 г. вводитъ впервые настоящій физиологическій экспериментъ при изложеніи физиологіи. Ознакомленный съ новымъ физико-химическимъ направленіемъ въ физиологіи, *А. П. Загорскій* явился горячимъ сторонникомъ новыхъ открытій Клода Бернара, Гельмгольца и другихъ извѣстныхъ зап.-европейскихъ ученыхъ. Въ то же время онъ является естественнымъ предшественникомъ *И. М. Сѣченова* и другихъ извѣстныхъ русскихъ физиологовъ, начавшихъ свою ученую дѣятельность съ 1860-хъ гг. Въ Казани на мед. факультетѣ, открытомъ въ 1804 г., физиологія до 1860-хъ гг. не имѣла представителя, отбѣившаго свою научную дѣятельность самостоятельными изслѣдованіями. Преподаваніе физиологіи велось согласно тому или другому учебнику. Въ харьк. унив. проф. *И. О. Каленченко* преподавалъ физиологію, согласно новому учебнику Миллера, Мажанди и Комбе. Въ Дерптѣ, приблизительно за этотъ промежутокъ времени, съ 1830-хъ до 1860-хъ годовъ привлекалъ

вниманіе своими физиолого-анатомическими изслѣдованіями—*Ратке*. Въ Кіевѣ физиологическая лабораторія открыта приблизительно въ 1840 г. Въ этой лабораторіи сказывается опытное направленіе въ физиологіи, согласно новѣйшимъ открытіямъ въ этой наукѣ. Проф. *Э. Э. Мирамъ* усердно вводилъ въ преподаваніе опыты, устроялъ лабораторію, удобную для производства физиологическихъ опытовъ. Собственно говоря, развитіе физиологіи въ Р. начинается съ 1860-хъ годовъ. Благодаря установившемуся общенію русскихъ университетовъ съ заграницными, молодые русскіе физиологи имѣли возможность знакомиться съ новѣйшими открытіями въ области физиологіи подъ руководствомъ самыхъ видныхъ ея представителей: Мюллера, Клода Бернара, Гельмгольца, Пфлюгера, Людвига и др. Пріѣзжая въ Р., русскіе физиологи старались, по возможности, поставить физиологію на подобающую высоту, какъ напр. *И. М. Сѣченовъ*, стяжавшій себѣ названіе: «отца русской физиологіи». Приглашенный профессоромъ въ медико-хирургическую академію въ 1860 г., Сѣченовъ стремился прежде всего устроить физиологическую лабораторію, удобную не только для лекціонныхъ цѣлей, но и для производствъ самостоятельныхъ научныхъ изслѣдованій. Въ его лабораторіи получили физиологическое образованіе многіе, ученые, занявшіе впоследствии самостоятельные кафедръ: Спиро, Тархановъ, Пашутинъ, Ворошиловъ. Самъ Сѣченовъ съ особенною любовью разрабатывалъ физиологію спинномозговыхъ рефлексовъ и обогатилъ этотъ отдѣлъ физиологіи очень цѣнными фактами. Выйдя изъ академіи въ 1870 г., послѣдовательно занималъ кафедръ въ одесскомъ, петербургскомъ и московскомъ университетахъ и вездѣ расширять и обогащать лабораторіи и руководилъ физиологическимъ образованіемъ многихъ молодыхъ ученыхъ, сдѣлавшихся потомъ профессорами физиологіи (какъ-то Введенскій, Веригъ, Поповъ въ Дерптѣ и т. д.). Въ то время, когда Сѣченовъ работалъ въ мед.-хирург. акад., въ другихъ университетахъ появляются физиологи, тоже прекрасно ознакомленные съ новыми открытіями въ этой наукѣ, какъ напр. Биддоръ и Шмидтъ въ Дерптѣ. Въ Кіевѣ представителемъ физиологіи былъ *В. Е. Томсъ*, который произвелъ нѣсколько важныхъ изслѣдованій; въ Харьковѣ—*И. И. Шелюговъ*, который помимо самостоятельныхъ изслѣдованій написалъ на русскомъ языкѣ учебникъ физиологіи. Въ Казани на кафедрѣ физиологіи былъ *Н. О. Ковалевскій*, важнѣйшіе труды котораго относятся къ физиологіи дыханія. Предшественникомъ *Н. О. Ковалевскаго* въ Казани былъ *Ф. В. Овсянниковъ*. Въ физиологической лабораторіи московскаго университета обращая на себя вниманіе труды ея директора, *Л. З. Морозовича* и его учениковъ, посвященные химіи тканей, химіи бѣлковыхъ соединеній, явленіямъ пищеваенія, всасыванія и т. д. Переходя къ болѣе современной намъ эпохѣ, мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ изслѣдователей съ огромной энергіей и большою пользою работавшихъ или еще работающихъ для науки

Преемником Съчнова на кафедрѣ физиологіи въ военно-медиц. академіи былъ *И. Ѳ. Ционъ*. Преподаваніе физиологіи было при Ционѣ значительно расширено, для чего требовалась хорошо обставленная физиологическая лабораторія, снабженіе которой аппаратами и инструментами принадлежить въ значительной степени Циону. Послѣ ухода *И. Ѳ. Циона*, на кафедру физиологіи былъ избранъ *И. Р. Тархановъ*, подъ руководствомъ котораго было произведено много изслѣдованій въ физиологической лабораторіи. *И. Р. Тархановъ* старался вводить въ физиологию методы, дающіе возможность опредѣлять различные физиологическія состоянія у человѣка. Такъ, ему и его ученикамъ принадлежить цѣлый рядъ изслѣдованій, произведенныхъ съ эргографомъ и плетизмографомъ у человѣка, а также изслѣдованія надъ усталостію, надъ вліяніемъ музыки на животный организмъ, между прочимъ, и на человѣка. Преемникъ *И. Р. Тарханова* по кафедрѣ физиологіи въ военно-медицинской акад., *И. П. Павловъ*, углубилъ въ область пищеваренія. Добытыя имъ и его учениками результаты составили предметъ ряда интересныхъ диссертаций. Важное значеніе *И. П. Павлова* заключается въ томъ, что онъ ввелъ и усовершенствовалъ методику для полученія различныхъ пищеварительныхъ соковъ въ чистомъ видѣ. Ареной учено-учебной дѣятельности Павлова является не только военно-медицинская академія, но и институтъ экспериментальной медицинъ, въ которомъ онъ завѣдуетъ богатымъ физиологическимъ отдѣленіемъ. Благодаря богатой научной обстановкѣ физиологической лабораторіи этого института и щедрымъ суммамъ, отпускаемымъ на производство научныхъ изслѣдованій, большинство работъ какъ самаго *И. П. Павлова*, такъ и его учениковъ производится въ стѣнахъ этого института, которому наука уже обязана многими цѣнными и важными изслѣдованіями. Изъ работъ болѣе юного поколѣнія физиологовъ обращаютъ на себя болѣе вниманія труды проф. *Н. Е. Введенскаго*, занявшаго послѣ Съчнова кафедру физиологіи въ с.-петербургскомъ университетѣ, проф. *В. Н. Великаго* въ томскомъ университетѣ, *Миславскаго* въ Казани, *В. Я. Данилевскаго* въ Харьковѣ, извѣстнаго главнымъ образомъ своими работами надъ гниломъ у животныхъ, функциями корковыхъ центровъ и т. д., проф. *С. И. Чирьева* (въ Кіевѣ), работавшаго преимущественно надъ иннервацией слюнныхъ железъ, проф. *Б. Ф. Верито* (Одесса), извѣстнаго главнымъ образомъ своими работами надъ лейкоцитами, какъ защитниками крови, *В. И. Вартамова* (проф. женскаго медицинскаго института), *П. Я. Борисова* и *Л. Б. Попельскаго*. Въ началѣ 1890-хъ годовъ для физиологическихъ самостоятельныхъ изслѣдованій въ Россіи открылось широкое поле, благодаря Императорскому институту экспериментальной медицинъ, въ которомъ устроена, между прочимъ, хорошо обставленная въ матеріальномъ отношеніи специализиро-физиологическая лабораторія, изъ которой вышли многія важныя работы, по преимуществу по физиологіи пищеваренія.

Присутствіе въ этомъ институтѣ очень извѣстнаго по своимъ работамъ въ области физиологической химіи проф. *Нейкка*, завѣдующаго отдѣленіемъ физиологической химіи, сильно выдвинуло научное значеніе этого учрежденія, обогативъ физиологическую литературу рядомъ капитальныхъ работъ самого Нейкка и совместно съ товарищами его и его учениками. *И. Т.*

14) Медицина. Въ глубокой древности приносилась въ Россію медицинскія ученія изъ Персіи, какъ представительницы арабской школы во главѣ съ Авиценной, а также изъ Византіи и Александріи, какъ сосредоточія греческой и римской медицинъ съ ихъ представителями Галеномъ и Гиппократомъ; но въ обиходъ была главнымъ образомъ народная медицинъ. Ей приходили на помощь, наѣзжавшіе изъ Византіи, а впоследствии и съ Запада, и настоящіе врачи. Они иногда брали къ себѣ на выучку молодыхъ людей и такимъ образомъ распространяли нѣкоторые медицинскія знанія. Въ первой половинѣ XVII стол. отъ такихъ заѣзжихъ врачей брались обязательства обучать молодыхъ людей, «ничего отъ нихъ не тая». Въ 1654 г. появилась въ Москвѣ первая врачебная школа при госпиталѣ, а въ концѣ XVII стол. уже стали посылать за границу молодыхъ людей учиться медицинѣ и пріобрѣтать докторскіе дипломы. Петръ I высоко цѣнилъ значеніе медицинъ, даже самъ занимался ею, посѣщая курсы анатоміи въ Амстердамѣ. Онъ преобразовалъ нѣкоторые госпитали въ врачебныя школы, такъ называемыя тогда «Генеральные гошпитали». Первый изъ нихъ, учрежденный въ Москвѣ, находился въ завѣдываніи голландца Бидлоо (Bidloo), котораго русская медицинская наука должна считать своимъ родоначальникомъ (см. XVIII, 885—887, — Медицина въ Р.). Госпитальныя школы въ Петербургѣ были открыты только черезъ 26 лѣтъ, причемъ ихъ было двѣ: «сухопутная гошпиталь» и «адмиралтейская гошпиталь». Онѣ были устроены по образцу московской. 12 молодыхъ русскихъ врачей, предназначенныхъ быть первыми преподавателями въ означенныхъ школахъ, было отправлено за границу. Медицинская коллегія, смѣнившая медицинскую канцелярію, обязана была также и «проставлять медицинскую науку саму по себѣ». Въ 1798 г. построены зданія для чисто учебныхъ цѣлей, школы преобразованы въ академию, а госпиталь долженъ былъ стать только учебно-вспомогательнымъ учрежденіемъ. Основанная (1798) медико-хирургическая акад. была поставлена на степенъ первыхъ ученыхъ заведеній въ Имперіи. Преподаваніе въ ней началось въ 1800 г. при нѣсколькихъ русскихъ профессорахъ. Въ началѣ XIX стол., по окончаніи отечественной войны, съ Запада пріѣзжали врачи, повліяніе на постановку медицинскаго образованія въ Р. Въ началѣ XIX стол. были открыты университеты дерптскій, казанскій, харьковскій и петербургскій, съ медицинскими факультетами при первыхъ трехъ. Такимъ образомъ явились условія для развитія въ Р. всѣхъ отраслей медицинъ.

Общая патологія. Общая патологія въ Р. въ данное время, благодаря работамъ такихъ ученыхъ какъ *В. Пашутинъ*, *Подвысоцкій*, *Дукляновъ* и другіе, достигла довольно высокаго уровня развитія. Разработка вопросовъ общей патологіи служатъ одной изъ задачъ специально построеннаго въ Петербургѣ, института экспериментальной медицины, состоящаго подъ руководствомъ проф. *И. П. Павлова*, *Дуклянова*, *Неникаго*, *Виноградскаго*, *Ускова* (†) и др. Работы по общей патологіи печатаются въ «Архивѣ биологическихъ наукъ», издаваемомъ институтомъ, и въ «Русскомъ Архивѣ патологіи, клинической медицины и бактериологіи», подъ редакціей проф. *В. Подвысоцкаго*, въ Кіевѣ. Упомянемъ также два распространенные въ Р. руководства по общей патологіи: 1) *В. В. Пашутина*, «Курсъ общей патологіи» (1885 и сл.), 2) проф. *В. В. Подвысоцкаго*, «Основы общей патологіи, руководство къ изученію физиологіи больного человека» (2 т., 3 изд.).

Терапія. Первая русская терапевтическая клиника была открыта въ мед.-хирургической академіи въ Петербургѣ въ 1806 г. Учредителемъ ея былъ клиническій профессоръ академіи знаменитый Франкъ (*Johann - Peter Frank*), руководилъ же этой клиникой преемникъ его, терапевтъ *Гаевскій*, бывший въ свое время выдающимся профессоромъ. Первымъ введеннымъ въ Россіи выстукиваніе и выслушиваніе, какъ методы объективнаго изслѣдованія больного, былъ проф. *Чаруковский*, издавшій до 35 работъ по разнымъ вопросамъ терапіи и въ ихъ числѣ «Курсъ частной терапіи». Первые клиническія отдѣленія при госпиталѣхъ были устроены благодаря стараніямъ *Г. И. Вазилевича* († 1802), который, завершивъ образованіе въ Страсбургѣ, занялъ мѣсто профессора патологіи и терапіи при слѣд. мед.-хирургическомъ училищѣ. Изъ профессоровъ этого отдѣла медицины, въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, имѣлъ большое вліяніе на учащихся метафизикъ и натуръ-философъ *Велланскій*. Его преподаваніе діагностики и патологіи не опиралось на анатомію и физиологію—оно носило чисто теоретическій характеръ. Зато преемникъ Велланскаго, *К. К. Зейдлицъ* (вышелъ въ отставку въ 1854 г.), имѣлъ огромное значеніе для своей эпохи. Онъ былъ многосторонне образованнымъ ученымъ, при чемъ его «*Klinischer Bericht 1846 г.*» представлялъ образецъ учено-практическаго труда. Терапія его была высоко научна, основана на рациональныхъ показаніяхъ и на зрѣломъ опытѣ и близкомъ знакомствѣ съ дѣйствіемъ главныхъ врачебныхъ средствъ. Онъ пользовался и гидротерапіей. Преемникомъ Зейдлица былъ *Н. Ө. Зденкауеръ* (XII, 372), занимавшій въ теченіе 12 лѣтъ въ военно-мед. академіи каведру общей патологіи, терапіи и діагностики. Онъ первый читалъ въ академіи въ 50-хъ годахъ пеллударную патологію по Вирхову, познакомилъ съ примѣненіемъ термометріи, ввелъ въ своей клиникѣ молочное лѣченіе при болѣзняхъ сердца и водичкахъ почечнаго происхожденія. Обновленіе русской жизни съ водареніемъ *Александра II* отразилось и на

развитіи медицинскихъ знаній въ Р. Приглашенные президентомъ слѣд. медико-хирургич. акад. *Н. А. Дубовицкимъ* на вновь учрежденныя кафедры молодые русскіе ученые, *Якубовичъ*, *Боткинъ*, *Сѣменовъ*, *Юнге* и *Беккерстъ*, имѣли огромное вліяніе на постановку медицинскаго образованія въ Р. и развитіе медицинскихъ знаній. Особенно плодотворное вліяніе на развитіе медицинскихъ знаній въ Р. имѣлъ *С. П. Боткинъ* (IV, 500), главный насадитель терапевтическихъ знаній въ Р. Сущность ученія Боткинскаго школы сводилась къ слѣдующему: необходимо изучить сперва больного, затѣмъ болѣзнъ послѣдняго и соблюдать объективность. Школа эта дала рядъ профессоровъ, представителей клинической медицины почти для всѣхъ медицинскихъ факультетовъ въ Р. Боткину принадлежатъ разработка клиническаго ученія о подвижности почек, сократительности селезенки и по множеству другихъ вопросовъ, но въ настоящемъ очеркѣ не мѣсто разбирать всѣ огромныя его заслуги. Его клиника заняла первенствующее мѣсто не только въ Р., но и среди многихъ заграничныхъ клиникъ. Изъ нея вышли цѣлый рядъ выдающихся русскихъ научныхъ работъ и много профессоровъ для нашихъ университетовъ и академіи: *Д. И. Кошляковъ* (1835 — 91), *В. П. Покровский* (1838—77), *Ю. Т. Чудовскій*, *В. А. Манассеинъ* (читалъ лекціи съ 1866 г.). Послѣдній, въ свою очередь, основалъ школу, изъ которой вышли: *Стольниковъ*, *Сигристъ*, *Бубновъ*, *Костуринъ* и др. Издававшійся *С. П. Боткинымъ* «Архивъ клиники, внутреннихъ болѣзней», съ 1869 г., составилъ пѣнный вкладъ въ русскую научную литературу. Боткинъ создалъ не только собственную терапевтическую школу, но имѣлъ большое вліяніе на развитіе другихъ практическихъ специальностей, напр. ученія о нервныхъ болѣзняхъ, болѣзней кожи, горла, электротерапіи, гидротерапіи и др. Изъ его школы выходили и представители частой науки, какъ, напр., физиологъ *И. П. Павловъ*, потомъ *Дукляновъ* и мн. др. Однимъ изъ талантливейшихъ учениковъ *С. П. Боткина* былъ *В. Г. Лашкевичъ*, проф. харьковского университета. Другимъ блестящимъ и талантливымъ ученикомъ Боткина былъ покойный профессоръ кievскаго университета *Покровский*. Знаменитый въ лѣтописяхъ московскаго университета врачъ философъ *Ф. И. Иноземцевъ* (1802 — 69) пользовался большою популярностью среди своихъ учениковъ. Имъ проводилась мысль о необходимости основательнаго изученія патологической химіи и физическихъ и химическихъ методовъ изслѣдованія больныхъ. Иноземцевъ основалъ свою газету «Московскую Медицинскую» (М., 1858), въ Москвѣ. Для разработки рациональной терапіи Иноземцевъ считалъ лучшимъ и необходимымъ средствомъ научной терапевтической опытъ. Проф. военно-мед. акад. *Кошляковъ* былъ первымъ пионеромъ по части распространенія свѣдѣній по патологической химіи. Въ его лабораторіи произведенъ рядъ работъ по физиологической и патологической химіи, токсикологіи, фармакологіи и патологической гистологіи, а также разрабатывалась детально вопросъ о фи-

зіологіи и патологіи желудочнаго пищеваренія. Его учениками были: академикъ Л. В. Поповъ, проф. Т. И. Богомоловъ, Н. И. Симоновскій, котораго онъ подготовилъ преемникомъ себѣ по кафедрѣ ларингологіи. Въ послѣднее время на развитіе медицинскіи мысли въ Россіи имѣлъ большое вліяніе *Гр. Захаринъ*, проф. моск. универ. Изъ его школы вышли выдающіеся московскіе профессора: Остроумовъ, Чериковъ, Павлиновъ, Снегиревъ и Филатовъ. Захаринимъ создана школа, сущность которой заключается въ томъ, что врачъ долженъ ставить на первомъ мѣстѣ распрощъ больного и чисто клиническое объективное изслѣдованіе, оставляя въ сторонѣ детали и стараясь возможно точно формулировать задачи терапіи.

Хирургія. Для сужденія объ успѣхахъ хирургическихъ знаній въ Р. въ госпитальныхъ школахъ въ первой половинѣ XVIII столѣтія мы не имѣемъ данныхъ. Учебники въ то время были переводные, перечень же инструментовъ, употреблявшихся въ то время, показывать, что кругъ примѣненія хирургіи былъ обширенъ. Изъ операций, которыя примѣнялись въ то время, наибольшей славой пользовалась операція каменной болѣзни. Существовала цѣлая школа такихъ операторовъ, основанная грекомъ П. Венедиктовымъ и распространенная его учениками на нѣсколько поколѣній. Въ XIX стол., когда въ основу изученія хирургіи была положена физика, химія, экспериментальная фізіологія, макро- и микроскопическая анатомія, съ открытіемъ общей анестезіи, эта отрасль медицинскіи знаній перетрѣиваетъ существенныя измѣненія. Въ первую треть текущаго столѣтія преподаваніе ея въ Россіи велось по руководству Буша, но школа Буша продержалась на уровнѣ европейской науки лишь до 1814—1815 г. Преемникъ по кафедрѣ Буша — *Саломонъ* — первый ставъ примѣнять успѣхи хирургіи на практикѣ (перевязку внутренней подвздошной артерій въ 1825 г., операцію камнедробленія). Его «Руководство къ оперативной хирургіи» (2 т.), изданное въ 1840 г., было очень хорошимъ для своего времени учебникомъ. Послѣ 1865 г. проф. мед.-хир. академіи *Рудневъ* и *Богдановскій* и др. поставили патологическую анатомію и хирургическую патологію на тотъ уровень, котораго эти предметы достигли на нѣмецкой почвѣ, благодаря трудамъ Вирхова, Отто Вебера, Вильброта, Фолькмана и ихъ учениковъ. Съ Богдановскаго (1859) длинный рядъ даровитѣйшихъ питомцевъ академіи командировался въ центры европейской учености. Проф. Дубовицкій, назначенный президентомъ спб. мед.-хир. акад., внесъ въ нее новую жизнь, пополнявъ составъ профессоровъ новыми молодыми силами и русскими талантами (Сѣменовъ, Боткинъ Юнге, Якубовичъ и др.). Богдановскій, идя рука объ руку съ проф. патологической анатоміи Рудневымъ, вмѣсто господствоваваго тогда грубо-анатомическаго направленія ввелъ чисто патологическое: теоретическая хирургія при Богдановскомъ претрѣилась въ хирургическую патологію. Честь созданія школы хирургіи въ Р. принадле-

жить *Н. И. Пирогову* (XXIII, 651), положившему въ основу ея анатомію и экспериментальную хирургію. Нельзя здѣсь въ нѣсколькихъ строкахъ очертить огромныя заслуги Пирогова, извѣстнаго во всемъ медицинскомъ мірѣ. Своими опытами для выясненія сущности гнойнаго зараженія Пироговъ предугадалъ сущность современной бактериологической теоріи происхожденія гноекрови и училъ, что оно происходитъ подъ вліяніемъ особымъ бродить, поступающихъ извнѣ или развивающихся въ крови. Пирогову принадлежить честь примѣненія въ Россіи анестезирующихъ средствъ—снѣрнаго эфира и хлороформа—при операціяхъ не только въ госпиталяхъ, а также на поляхъ сраженій на Кавказѣ, гдѣ онъ впервые примѣнилъ неподвижную повязку изъ алебаstra. Повязка эта быстро распространилась въ хирургической практикѣ. Своими капитальными сочиненіями по военно-полевой хирургіи и военно-врачебному дѣлу Пироговъ указалъ на то, какое огромное значеніе въ дѣлѣ помощи раненымъ имѣетъ администрація. Лучшимъ руководствомъ по военно-полевой хирургіи было классическое твореніе Пирогова: «Начало военно-полевой хирургіи». Пирогову принадлежить честь изобрѣтенія костнопластическаго способа вычлененія стопы.

Дерматологія. Кожныя болѣзни, до Полотебнова, преподавались въ самомъ элементарномъ видѣ, и то лишь въ одной медицинской академіи; онъ ставъ обязательными предметами только по университет. уставу 1884 г. *Полотебновъ* и его ученики (Сруповенковъ) самостоятельно разрабатывали ученіе о болѣзняхъ кожи, классифицировали ихъ, указали на связь ихъ съ общимъ состояніемъ организма и нервной системы (подробн. см. Полотебновъ). Сруповенковъ, ученикъ Полотебнова, познакомилъ русскихъ врачей съ цѣлымъ рядомъ самыхъ рѣдкихъ кожныхъ страданій и указалъ на зависимость болѣзней кожи отъ заболѣваній нервной системы и вообще состоянія организма. Изъ оригинальныхъ руководствъ по кожнымъ болѣзнямъ должно указать на «Учебникъ кожныхъ болѣзней» проф. моск. ун-в. Поспѣлова.

Акушерство и гинекологія. Первый по времени акушеръ въ Россіи былъ англичанинъ. Якобъ, при Іоаннѣ Грозномъ, но затѣмъ не имѣется свѣдѣній о дальнѣйшемъ развитіи акушерства. Въ 1754 г. были устроены первыя акушерскія школы въ Петербургѣ и Москвѣ, а первое руководство по акушерству было составлено московскими проф. Эразмусомъ по устарѣлымъ источникамъ XVII стол. Много сдѣлалъ для этой отрасли врачебныхъ знаній петербургскій проф. Н. М. Амбодикъ, въ концѣ прошедшаго столѣтія, и его современникъ—московскій проф. В. М. Рихтеръ, которые въ тоже время составили и хорошія руководства. Въ 1808 г., въ медико-хирургической академіи въ Петербургѣ, открылась акушерская клиника, въ которой первымъ профессоромъ былъ *С. А. Громоу* (? 1856). Въ харьковскомъ университетѣ преподаваніе акушерства началось въ 1815 г. Клиника получала блестящую извѣстность при *Лазаревичѣ*, на-

наченномъ профессоромъ въ 1862 г. Въ казанскомъ унив. акушерская клиника открыта въ 1833 г., въ кievскомъ—въ 1847 г. Акушерство и гинекологія преподавались вмѣстѣ, а въ 1860—70 гг. проф. *Флоринскій* преподавалъ, кромѣ того, еще и дѣтскія болѣзни въ слѣд. медико-хирургич. академіи. Первое русское руководство по гинекологіи составлено было профессоромъ *А. А. Кяттеромъ*; имъ же положено начало возсозданію гинекологіи на хирургическихъ началахъ и данъ толчекъ научной разработкѣ въ Р. акушерства и гинекологіи. Имъ изданы: «Руководство къ изученію акушерской науки» (2 т., 1857—58) и «Руководство къ изученію женскихъ болѣзней» (СПб., 1858). Означенныя руководства были первыми оригинальными сочиненіями на русскомъ языкѣ, отличались выдающимися достоинствами и на нихъ воспиталось нѣсколько поколѣній русскихъ акушеровъ и гинекологовъ. Практическое примѣненіе взглядовъ, высказанныхъ и отчасти осуществленныхъ Кяттеромъ, и дальнѣйшее развитіе ихъ принадлежатъ *А. Я. Крассовскому* (XVI, 567). Онъ первый въ Р. произвелъ чревосѣченіе и примѣнилъ въ широкихъ размѣрахъ оперативное вмѣшательство при лѣченіи женскихъ болѣзней. Крассовскому принадлежатъ рядъ научно-литературныхъ трудовъ, во главѣ которыхъ стоитъ «Оперативное акушерство». Изъ его школы вышли видные представители русскаго акушерства и гинекологіи, какъ *В. В. Сутуринъ*, *И. О. Масловскій*, *К. О. Славянский*, *А. И. Лебедевъ*, *Г. Е. Рейнъ* и др. Онъ первый устроилъ акушерскую и гинекологическую клинику, вполне соответствующую цѣлямъ клиническаго преподаванія этихъ отраслей медицины. Имъ были основаны: первый въ Р. «Акушерско-гинекологическій журналъ» и общество. Къ числу выдающихся руководствъ, составленныхъ Красовскимъ, принадлежатъ: «Курсъ практическаго акушерства», «Оперативное акушерство» и «Атласъ оваріотоміи». Дальнѣйшія разработки акушерства и гинекологіи въ Р. способствовали такіе видные представители этой отрасли медицины, какъ проф. *К. О. Славянский* (авторъ цѣннаго и вполне оригинальнаго руководства: «Частная патологія и терапія женскихъ болѣзней» (2 т.), проф. *Д. О. Оттъ* и др. *А. И. Лебедевъ*, проф. медико-хирургич. академіи (XVII, 415), напечатавъ свыше 25 научныхъ работъ и произвелъ болѣе 300 чревосѣченій. *И. П. Лазаревичъ* въ Харьковѣ опубликовалъ свыше 70 учен. работъ, изобрѣлъ нѣсколько акушерскихъ инструментовъ. *Максеевъ* и *Снегиревъ* (моск. унив.), *Н. И. Феноменовъ* (казанск. унив.), *Н. Ф. Толочинъ* и *П. А. Ясинскій* (харьковского унив.), *Г. Е. Рейнъ* (киевского унив.), *Н. В. Ястребовъ* (варшавскаго унив.), *Грамматикати* (въ томскомъ унив.) и *Д. О. Оттъ* (проф. въ Еленинскомъ клинич. институтѣ и директоръ женскихъ медич. курсовъ въ Петербургѣ) являются современными представителями гинекологіи и акушерства въ Р. Въ Петербургѣ, Москвѣ и Кіевѣ существуютъ акушерско-гинекологическія общества, издающія печатные труды, а въ Петербургѣ издается специальный

журналъ по акушерству. Въ настоящее время даже въ деревенскихъ земскихъ лѣчебницахъ имѣются специалисты по указаннымъ отраслямъ медицины и производятся трудныя и сложныя операціи.

Дѣтскія болѣзни (педіатрія). Выдѣленію этой отрасли медицинскихъ знаній въ отдѣльную специальность и развитію ея въ Россіи много способствовало учрежденіе дѣтскихъ госпиталей, изъ которыхъ вторымъ въ Европѣ былъ петербургскій Николаевскій госпиталь, учрежденный въ 1834 г. Первая кафедра дѣтскихъ болѣзней была учреждена въ моск. унив. въ 1866 г., при чемъ представителемъ ея былъ проф. *Н. А. Толскій* (см.), который въ тоже время былъ и директоромъ дѣтскихъ клиникъ и главнымъ врачомъ моск. дѣтской больницы. Ему принадлежатъ рядъ работъ, посвященныхъ дѣтскимъ болѣзнямъ. Въ В.-медицинской (медико-хирургич.) академіи въ Петербургѣ теоретическій курсъ дѣтскихъ болѣзней читалъ проф. *Хотовицкій* уже въ 1827 г., а въ 1863 г. для дѣтскаго отдѣленія при акушерской клиникѣ академіи была лишь отдѣльная комната, самостоятельная же кафедра открыта была въ 1869 г. Послѣднимъ для студентовъ въ теченіе долгаго времени служили печатныя и литографированныя «записки по педіатріи» Хотовицкаго, напечатанныя въ 1847 году въ видѣ руководства: «Педіатрика». По открытіи при академіи кафедры педіатріи (1870 г.) представителемъ ея былъ проф. *Флоринскій*, а по уходѣ его въ 1875 г. кафедра была занята проф. *Н. И. Быстровымъ*, подъ руководствомъ котораго получилъ специальное образованіе длинный рядъ врачей, изъ которыхъ нѣкоторые (Черновъ) заняли самостоятельныя кафедры дѣтскихъ болѣзней; изъ клиникъ проф. *Н. И. Быстрова* вышло много работъ, посвященныхъ развитію этой отрасли медицины. Въ настоящее время въ Р. имѣется пять отдѣльных кафедръ дѣтскихъ болѣзней, два громадныхъ воспитательныхъ дома, 15 дѣтскихъ больницъ, дѣтскія колоніи при санаторіи (XI, 354), много пріютовъ и одинъ специальный органъ печати. Въ специальной литературѣ имѣются цѣнные оригинальные труды, къ которымъ должны быть отнесены: сочиненіи проф. московскаго университета *Н. Филатова*: «Семіотика и діагностика дѣтскихъ болѣзней» (5 изд.), «Лекціи объ острыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ у дѣтей» (4 изд.), «Краткій учебникъ дѣтскихъ болѣзней» (3 изд.); проф. *Н. Гундобина*: «Общая и частная терапія болѣзней дѣтскаго возраста»; прив.-доц. *В. Ф. Якубовича*: «Руководство къ діагностикѣ дѣтскихъ болѣзней и способамъ изслѣдованія дѣтей» (1890 г.); проф. *В. Рейтма*: «Лекціи по патологіи и терапіи дѣтскаго возраста». (1895), «Дифтерія» (1880); «Введеніе къ изученію болѣзней дѣтскаго возраста» (СПб., 1879) и др.

Офтальмологія. Первымъ офиціальнымъ окулистомъ на Руси считается Давидъ *Брунъ* (1628 — 1667), затѣмъ окулистъ *Янъ Маггортъ* (1659). Кромѣ этихъ — пріѣзжали и другіе глазные врачи; имъ, какъ и другимъ врачамъ, давались ученики для обученія оч-

ному и окулистскому дѣлу». Преподаваніе офтальмологіи въ первыхъ медицинскихъ школахъ въ Р. было соединено съ хирургіей, но свѣдущіе въ офтальмологіи русские врачи въ XVIII в. выходили изъ французской школы, гдѣ они учились во время своихъ командировокъ за границу. Преподаваніе глазныхъ болѣзней въ Р. было устроено Моренгеймомъ († 1797) въ Калининскомъ хирургич. институтѣ, затѣмъ полный курсъ глазныхъ болѣзней преподавалъ проф. акушерства и физиологіи Карлъ Брандтъ. Въ концѣ XVIII ст. славой окулиста пользовалась еврейка Байнитовичъ, выдержавшая экзаменъ при медицинской коллегіи. Въ то же время появился въ Россіи опытный окулистъ проф. и докторъ *Ремтеръ*. До 1870 г. преподаваніе офтальмологіи въ университетахъ было соединено съ хирургіей и только въ московскомъ унив. и медико-хирург. акад. были особые кафедры и клиники глазныхъ болѣзней.

Въ началѣ XIX столѣтія, съ учрежденіемъ въ слб. медико-хирургич. акад. въ 1818 г. особой кафедры офтальмологіи съ клиникой, было положено основаніе самостоятельному развитію офтальмологіи; но уставъ 1835 г. опять соединилъ преподаваніе офтальмологіи съ оперативной хирургіей и хирургической клиникой. Въ 1860 г. было разрѣшено открытіе кафедръ теоретической офтальмологіи въ московскомъ университетѣ и военно-медиц. академіи, а уставъ 1863 г. сдѣлалъ ее общимъ достояніемъ всѣхъ университетовъ. Въ московскомъ унив. офтальмологію читалъ совмѣстно съ хирургіей проф. *И. Ѳ. Гилдебрандтъ* († 1859), а затѣмъ *Эвемусъ, Воиновъ* и *Миткомановъ*. Съ 1860 г. въ москов. унив. была открыта особенная кафедра теоретической офтальмологіи съ назначеніемъ на нее профессоромъ д-ра *Юнге*, перешедшаго вскорѣ въ слб. медико-хирург. акад. Въ 1892 г. въ Москвѣ открыта собственная глазная клиника, и при Екатерининской больницѣ—глазное отдѣленіе. Эта больница послужила научному изученію офтальмологіи въ самый періодъ расцвѣта этой специальности, когда ученіе Гельмгольца и, создателя научной офтальмологіи, Грефе-отца привлекало вниманіе многихъ врачей. Ученая дѣятельность московской кафедры офтальмологіи выразилась въ работахъ *Брауна, Макакова, Любинскаго, Ложечникова, Волкова, Крюкова, Дарихевича, Головина, Зернова* и др. Учрежденная въ 1806 г. слб. глазная лѣчебница, въ лицѣ директоровъ: *Лерхе, Саломона, Влссина, гр. Матави*, разрабатывала многіе вопросы офтальмологіи и съ 1887 г. издаетъ брошюры: «Сообщенія слб. глазной лѣчебницы». Первыми проф. офтальмологіи въ слб. медико-хирургич. академіи были *Груби* и его преемники: *Каллинскій, Савенко, П. П. Пелевинъ, П. А. Дубовицкій* († 1882) и *П. П. Заблотицкій-Десятовскій* († 1882). Съ образованіемъ (1840) отдѣльной глазной клиники въ Петербургѣ былъ поставленъ во главѣ ея д-ръ *И. И. Кабатъ* (1834), примѣнившій электричество для лѣченія глазныхъ болѣзней. Открытая по инициативѣ Дубовицкаго специальная глазная клиника (1860), съ стоявшимъ во главѣ ея Юнге, проявила свою дѣятельность большимъ

числомъ работъ по глазнымъ болѣзнямъ, нормальной и патологич. анатоміи и физиологіи глаза. Проф. Юнге, руководившій работами, создалъ на новыхъ началахъ школу русской офтальмологіи, изъ которой вышло много извѣстныхъ дѣятелей. Проф. Юнге обязаны учрежденіемъ особой кафедры глазныхъ болѣзней наши университеты. Изъ клиники его вышелъ рядъ работъ по анатоміи, физиологіи и патологіи глаза (*Кабата, Галензовскаго* *), *Нарановичъ* [Павелъ Андреевичъ, XX, 559], самого *Юнге, Прозорова, Нелюбина, Ветлинга, Тихомирова, Мандельштама, Добровольскаго, Траутфеттера* и мн. др.). Въ кievскомъ университетѣ кафедру теоретической и госпитальной хирургіи и офтальмологіи занималъ фонъ-Гюбенетъ. Его преемникъ, хирургъ *Караваяевъ*, изучалъ глазныя болѣзни у Бера, усовершенствовавшаго способъ извлеченія катарактъ. Караваяевъ устроилъ самостоятельную клинику и кафедру глазныхъ болѣзней въ Кіевѣ, въ 1870 г. Одновременно съ этимъ въ Кіевѣ *А. В. Ивановъ* (XII, 761), получилъ большую извѣстность своими изслѣдованіями по нормальной и патологической анатоміи глаза (строеніе рѣсничной мышцы въ глазахъ различной рефракціи, анатоміи и отслойка стекловиднаго тѣла, воспаленіе сѣтчатки и зрительнаго нерва, отѣкъ сѣтчатки и др.). Преемникъ проф. Иванова—проф. *Ходинъ*—основалъ при клиникѣ первый журналъ по глазнымъ болѣзнямъ: «Вѣстникъ офтальмологіи». Проф. казанскаго университета *Адамюкъ* устроилъ специальную клинику (1871) и произвелъ рядъ выдающихся работъ по разнымъ отдѣламъ офтальмологіи, изъ числа которыхъ особенно извѣстностью пользуется его «Учебникъ офтальмологіи», считающийся лучшимъ изъ имѣющихся у насъ въ Р. руководства по этой отрасли медицины. Харьковской глазной клиникой руководилъ проф. *Л. Гуршманъ* съ 1868 г., отличный операторъ, а до него, съ 1858 г., клиникой завѣдывалъ *Нарановичъ* (Петръ Андреевичъ; XX, 558). А.

Психіатрія и невропатологія. Научная разработка психіатріи вообще началась сравнительно поздно, и исходной точкой ея служатъ труды франц. врача Пинеля, въ концѣ прошлаго столѣтія. Въ Россіи первое оригинальное сочиненіе по психіатріи появилось лишь въ 1834 г. Оно принадлежитъ д-ру *П. Бутковскому* (издано въ СПб., подъ заглавіемъ: «Душевныя болѣзни, изложенныя сообразно началамъ нынѣшняго ученія психіатріи»). До этого времени на русскомъ языкѣ имѣлись лишь переводы трактата Пинеля и нѣкот. нѣмецкихъ сочиненій по душевнымъ болѣзнямъ; кромѣ того, въ руководствахъ судебной медицины, составленномъ проф. *С. Проловымъ* (СПб., 1832), былъ отдѣлъ, посвященный душевнымъ болѣзнямъ. Отсутствие ученыхъ трудовъ по психіатріи за первые десятилѣтія нашего столѣтія находится въ связи съ недостаточнымъ преподаваніемъ этой специальности на медицинскихъ факультетахъ. Для нея тогда не существовало отдѣльной кафедры, и чте-

* Давно переселился въ Парижъ, гдѣ находится и по настоящее время.

ние лекцій по душевнымъ болѣзнямъ происходило случайно, между прочимъ, въ видѣ добавленія къ какому-нибудь другому предмету. Такъ, напр., въ медико-хирургич. академіи въ СПб. еще въ концѣ 40-хъ годовъ психіатрію преподавалъ *Г. Кулаковский*, бывший собственнo профессоромъ фармакологіи, рецептуры и накожныхъ болѣзней. Въ Харьковѣ, въ началѣ 50-хъ годовъ, ее преподавалъ профессоръ судебной медицины *Свиридовъ*. Какъ здѣсь, такъ и тамъ преподаваніе имѣло преимущественно теоретическій характеръ, не сопровождаясь систематическими занятіями въ клиникѣ, за отсутствіемъ таковой. Лишь въ 1857 году въ спб. медико-хирургической академіи была учреждена впервые самостоятельная кафедра психіатріи, при чемъ преподавателемъ этого предмета былъ назначенъ профессоръ *И. М. Балинский*, который до того занимался преимущественно изученіемъ дѣтскихъ болѣзней. Однако, онъ подготовилъ себя къ новой дѣятельности изученіемъ психіатріи въ Западной Европѣ и съ честью занималъ кафедру до 1877 г. При его содѣйствіи эта кафедра въ 1867 г. была снабжена специальной клиникой душевныхъ болѣзней, первой въ Р. по времени учрежденія и по размаху научной дѣятельности. Хотя профессоръ Балинскій не издалъ никакихъ ученыхъ трудовъ по душевнымъ болѣзнямъ—имѣются лишь литографированныя записки его лекцій,—онъ все-таки справедливо считается отцомъ русской научной психіатріи, такъ какъ его блестящія лекціи привлекали толпу слушателей, изъ которыхъ вышелъ цѣлый рядъ современныхъ ученыхъ и практическихъ психіатровъ. Что касается психіатрическихъ сочиненій, то они, по прежнему, долго составляли у насъ рѣдкость. Въ 1853 г. вышли въ СПб. «Очерки психіатріи» *д-ра Герриго*, а въ 1855 г. переводъ руководства *Кленке*. Въ 60-хъ годахъ появились переводы знаменитаго учебника *Гризингера* и сочиненія *Маудсли*: «Физиологія и патологія души» и оригинальный трудъ *д-ра А. Фрезе*: объ устройствѣ домовъ для умалишенныхъ. Въ 1866 г. возникъ новый центръ научной психіатріи, а именно—съ этого года сталъ читать лекціи по этому предмету *д-ръ Фрезе*, назначенный впослѣдствіи (1872) профессоромъ психіатріи при казанскомъ университетѣ и составившій въ тоже время директоромъ окружной лѣчебницы для умалишенныхъ, которая была открыта въ 1869 г. Кроме того, *Фрезе*, скончавшійся въ 1884 г., издалъ составленное руководство къ душевнымъ болѣзнямъ (1881), преимущественно по нѣмецкимъ учебникамъ того времени. Вообще въ области психіатріи у насъ долгое время обнаруживалось вліяніе нашихъ ближайшихъ содѣй—нѣмцевъ. Изъ руководствъ, служившихъ источниками знанія для студентовъ и врачей, въ 70-хъ годахъ, наиболѣе была распространена вышеуказанная книга *Гризингера*, составившая эпоху и въ Германіи и пользовавшаяся тамъ громаднымъ успѣхомъ въ теченіе почти трехъ десятилѣтій. Можно отнѣять, впрочемъ, еще переводъ сочиненія *Маудсли*: «Отвѣтственность при душевнымъ болѣзнямъ», съ примѣчаніями *д-ра О. А. Чечотта* (1875).

Затѣмъ у насъ руководство *Гризингера* было вытѣснено, переводами двухъ новыхъ нѣм. учебниковъ—*Шюле* (1880) и *Крафт-Эбинга* (1882). Послѣднее сочиненіе было переведено докторомъ *Черемшанскимъ* и снабжено примѣчаніями и дополненіями проф. *И. П. Мержеевского*; объ его распространеніи у насъ свидѣтельствуеетъ тотъ фактъ, что недавно вышло третье русское изданіе (переводъ съ 5-го нѣмецкаго). Наравнѣ съ нимъ, хотя въ гораздо меньшей степени, въ 80-хъ годахъ были распространены переводы нѣмецкихъ сочиненій *Мейнерта* и *Крзепелина*. Одновременно съ этимъ начинается появленіе самостоятельныхъ научныхъ трудовъ по психіатріи. Въ 1877 г., за выходомъ въ отставку профессора *Балинскаго*, преподавателемъ этого предмета и директоромъ клиники въ медицинской академіи сдѣлался проф. *И. П. Мержеевскій*, занимавшій эту кафедру до 1893 г. При немъ изъ клиники стали выходить многочисленные научныя изслѣдованія, преимущественно экспериментальныя и патолого-анатомическія. Благодаря дѣятельности проф. *Мержеевского* и его учениковъ, возобновились правильныя засѣданія общества психіатровъ въ СПб., которое было основано еще въ 1861 г., но черезъ нѣсколько лѣтъ заглушенное и не издававшее тогда печатныхъ трудовъ. Съ 1879 г. стали появляться ежегодно протоколы названнаго общества, существующаго до настоящаго времени, при чемъ председателемъ его былъ проф. *Мержеевскій*, а секретарями— сперва *А. Е. Черемшанскій*, потомъ *В. М. Бехтеревъ* и *П. Я. Розенбахъ*. Въ 1883 г. началось изданіе двухъ журналовъ, посвященныхъ специально психіатріи и нервнымъ болѣзнямъ. Одинъ нихъ подъ назв. «Вѣстникъ клинической и судебной психіатріи и невропатологіи» былъ основанъ профессоромъ *Мержеевскимъ* въ СПб. и выходилъ сперва два раза въ годъ, а въ послѣднее время рѣже, въ видѣ сборника серьезныхъ научныхъ трудовъ. Многие изъ нихъ появлялись одновременно также въ иностранныхъ, нѣмецкихъ или французскихъ журналахъ. Другой специальный журналъ, подъ названіемъ «Архивъ психіатріи, нейрологіи и судебной психопатологіи», былъ основанъ въ томъ же 1883 г. проф. *И. И. Ковалевскимъ* въ Харьковѣ и выходилъ въ видѣ выпусковъ 6 разъ въ годъ; изданіе его лишь недавно остановилось. Этотъ журналъ помѣщалъ преимущественно статьи клиническаго и казуистическаго характера, отчеты о движеніяхъ больныхъ въ различныхъ земскихъ лѣчебницахъ и отчасти переводы. Редакторъ его, начавшій свою профессорскую дѣятельность въ Харьковѣ въ началѣ 80-хъ годовъ, самъ выпустилъ множество сочиненій по психіатріи, въ томъ числѣ и руководство, опять-таки примыкавшее, по характеру изложенія, къ нѣмецкой школѣ; кроме того, подъ его редакціей вышелъ цѣлый рядъ переводныхъ сочиненій по душевнымъ и нервнымъ болѣзнямъ. Въ 80-хъ годахъ изученіе психіатріи сдѣлало также крупный шагъ впередъ въ другихъ двухъ университетскихъ центрахъ. Въ Казани послѣ смерти *Фрезе* кафедру занялъ *В. М. Бехтеревъ* (въ 1885 г.) и,

благодаря его энергіи, здѣсь закипѣла научная работа, плодомъ которой, впрочемъ, были преимущественно научныя изслѣдованія въ области нервныхъ болѣзней, анатоміи и физиологии нервной системы. Съ другой стороны, въ 80-хъ годахъ въ Москвѣ психіатрія нашла выдающагося представителя въ лицѣ *С. С. Корсакова*, ученика профессора *А. Я. Кожевникова*. Последній еще съ 60-хъ годовъ преподавалъ нервныя болѣзни, и хотя въ кругъ его преподавательской дѣятельности входило и учение о душевныхъ болѣзняхъ, но оно было на второмъ планѣ и носило теоретическій характеръ. Корсаковъ посвятилъ себя главнымъ образомъ разработкѣ клинической психіатріи и обогатилъ последнюю весьма цѣнными работами. Въ 1887 г. московская каѳедра, благодаря частной благотворительности, была снабжена специальной психиатрической клиникой и съ тѣхъ поръ заняла видное мѣсто среди психиатрическихъ каѳедръ другихъ русскихъ университетовъ. Кромѣ СПб. и Москвы, клиника душевныхъ болѣзней имѣется также при юрьевской каѳедрѣ, гдѣ она въ 80-хъ годахъ находилась подъ руководствомъ проф. *Кределина*; съ 1890 г. на нее перешелъ *В. Ф. Чистякъ*, также выпущенный изъ клиники проф. *Мержеевскаго*. Двѣ другія каѳедры психіатріи, возникшія въ 80-хъ годахъ — въ Кіевѣ и Варшавѣ — не имѣютъ клиники; каѳедра психіатріи, основанная въ 1892 г. при томскомъ университетѣ, пока также не имѣетъ клиники. Въ 80-хъ годахъ начинается оживленіе въ области практической психіатріи. До тѣхъ поръ заведенія для умалишенныхъ и отдѣленія для нихъ при общихъ больницахъ находились преимущественно въ заграничьи врачей, не получившихъ специального психиатрическаго образованія. Начиная съ 80-хъ годовъ, появляется цѣлый рядъ врачей-психіатровъ, которые прошли школу въ спб. клиникѣ, бывшей первымъ разсадникомъ не только преподавателей этого предмета, но также практическихъ психіатровъ. Вслѣдствіи, конечно, и другіе университетскіе города, въ которыхъ процвѣтало преподаваніе душевныхъ болѣзней, главнымъ образомъ, Москва и Казань, стали выступать въ этой же роли. Вмѣстѣ съ тѣмъ земства, городскія управленія и вообще учрежденія, заботившіяся о призрѣніи душевно-больныхъ, стали приглашать врачей со специальнымъ образованіемъ на должности директоровъ и ординаторовъ заведеній. Понятно, что эти врачи, въ свою очередь, явились реформаторами этихъ заведеній, примѣняя на практикѣ приобретенныя ими спеціальныя свѣдѣнія и требуя устройства и организаціи заведеній согласно научнымъ даннымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ указанная заведенія сами сдѣлались психиатрической школой для служившихъ при нихъ молодыхъ врачей. Для выясненія различныхъ вопросовъ, возникавшихъ въ области практической психіатріи — относительно устройства заведеній, управленія ими, системы лѣченія, отчетности и проч. — въ 1887 г. былъ созванъ въ Москвѣ первый съѣздъ отечественныхъ психіатровъ, на которомъ вышеозначенные вопросы подверглись совѣт-

ному обсужденію. Вслѣдствіи подобнаго задачи рѣшались на секціяхъ нервныхъ и душевныхъ болѣзней, выдѣлявшихся при всероссийскихъ съѣздахъ врачей, которые собираются черезъ каждые два года. Такимъ образомъ 80-ые годы оказались крайне плодотворными для успѣховъ психіатріи во всѣхъ направленіяхъ. Русскіе психіатры въ короткое время достигли научнаго уровня, на которомъ эта наука стояла въ Западной Европѣ, и цѣлый рядъ заведеній для умалишенныхъ, воздвигнутыхъ у насъ за этотъ періодъ, также стоятъ на высотѣ совершенства, соответствующаго современнымъ требованіямъ науки и техники. Рука объ руку съ научной разработкой психіатріи развивалось также у насъ учение о нервныхъ болѣзняхъ, насколько эти двѣ спеціальности неразрывно связаны, основываясь на изученіи мозга и нервной системы въ здоровомъ и больномъ состояніи. Среди возникшей у насъ школы психіатровъ и невропатологовъ отдѣльныя выдающіяся лица приобрѣли крупное имя, пользующееся авторитетомъ и извѣстностью не только въ Р., но и въ Западной Европѣ, благодаря все возрастающему научному и литературному сближенію. Къ числу такихъ лицъ, между прочимъ, принадлежитъ талантливый русскій психіатръ *В. Х. Кандицскій*, скончавшійся въ 1889 г., 40 лѣтъ отъ роду. Онъ оставилъ два весьма цѣнныхъ труда — «О псевдогаллюцинаціяхъ» и «О невмѣняемости»; кромѣ того, русская литература обязана ему образцовымъ переводомъ капитальнаго сочиненія Вундта: «Основы физиологической психологіи».

Что касается спеціально нервныхъ болѣзней, то уже было упомянуто о проф. *А. Я. Кожевниковѣ*, преподававшемъ этотъ предметъ въ Москвѣ еще съ 60-хъ годовъ. Первоначально онъ, какъ уже сказано выше, былъ также преподавателемъ психіатріи, и лишь въ концѣ 80-хъ годовъ каѳедра была раздѣлена на двѣ, при чемъ послѣдній предметъ отошелъ къ *С. С. Корсакову*. Такое раздѣленіе каѳедры психіатріи, кромѣ Москвы, проведено лишь въ казанскомъ университетѣ, гдѣ каѳедру нервныхъ болѣзней занимаетъ проф. *Л. О. Даркшевичъ*, издавшій нѣсколько важныхъ работъ по анатоміи мозга. Въ остальныхъ же университетахъ эти двѣ спеціальности преподаются однимъ и тѣмъ же профессоромъ. Для изученія нервныхъ болѣзней также долго служила у насъ исключительно переводные учебники, преимущественно нѣмецкіе (*Эрба*, *Штрюмпеля*, *Зеелихмюллера*). Отчасти французскіе (*Шарко*) и англійскіе (*Россъ*, *Гоуарсъ*). Собственно говоря, и до сихъ поръ нѣтъ полного оригинальнаго русскаго руководства къ изученію нервныхъ болѣзней, а имѣются лишь отдѣльные частіи учебники, изъ которыхъ первымъ по времени является руководство *И. Я. Розенбаха*: «Основы діагностики нервныхъ болѣзней» (СПб., 1887). Вслѣдъ затѣмъ вышла «Методика изслѣдованія болѣзней нервной системы» *А. А. Корнилова* (М., 1893). Но зато еще съ 80-хъ годовъ русская литература по нервнымъ болѣзнямъ была богата многочисленными оригинальными трудами, въ формѣ жур-

нальных статей, докторских диссертаций и отдельных книг, в том числе монографии *И. Л. Сикорского* о занакиан и «Нервные болезни в отдельных наблюдениях» *В. М. Бехтерева* (два выпуска). За последнее десятилетие нашего века научная разработка душевных и нервных болезней безостановочно шла вперед, развиваясь одновременно во нескольких центрах. О процветании этих наук и кипучей деятельности врачей в означенной области свидетельствует основание новых специальных обществ и специальных журналов. В Москве в 1891 г. учреждено общество психiatров и невропатологов, в Казани такое же общество в 1892 г., в Киев в 1898 г. В Петербурге, наряду с обществом психiatров, с 1895 г. возникли научные собрания врачей клиники душевных и нервных болезней. К названным выше двум специальным журналам присоединились «Неврологический Вѣстник», основанный проф. *В. М. Бехтеревым* в Казани в 1892 г., и ежемесячное издание: «Обзорные психиатрии, невропатологии и экспериментальной психологии», основанное им же в 1896 г. в Петербурге, где он с 1893 г. замѣнил проф. *Мержеевского*; наконец, с 1897 г. издается проф. *И. А. Сикорским* в Киев журналь «Вопросы психо- и нерво-терапии». Около каждого из названных центров группируется целый ряд работников, которые не только выступают с научными сообщениями и журнальными статьями, но также с самостоятельными, болѣе или менѣе крупными трудами. Таким образом в Москве в 1893 г. вышло руководство къ душевным болезням *С. С. Корсакова*, весьма сочувственно встреченное критикой. Там же появились недавно лекции о нервных болезнях детского возраста *В. А. Муратова*, изследование о мышечной сухотке *В. Е. Рота*, патолого-анатомическія изследования спинного мозга *Л. С. Митора*, работы по гипнотизму *А. А. Токаевского* и др. В особенности же плодотворной оказалась в последние годы деятельность слѣд. клиники *В. М. Бехтерева*, из которой выходят преимущественно экспериментальные и анатомическія работы, в видѣ докторских диссертаций. Кроме того, он сам недавно издал двухтомный трудъ: «Проводники пути головного и спинного мозга», а *А. Ф. Эрлих* напечат. «Клиническія лекціи по душевнымъ болезнямъ». Независимо отъ клиники въ СПб., имѣется еще научный центр для изучения нервныхъ болезней—клиническій институтъ, гдѣ этотъ предметъ преподается *О. О. Мочутковским*. Заслуживаютъ также упоминания клиническія работы по психиатріи изъ городской больницы, управляемой *О. А. Четомъ*, и невропатологическія труды *Я. В. Рыбалкина* и *С. П. Данилова*, скончавшагося в 1896 г. Наконецъ, надо отмѣтить работы харьковскаго профессора *И. Г. Оршанскаго*, посвященный вопросу о наследственности. Имѣя въ виду недавнее начало университетскаго и въ особенности клиническаго преподавания разсматриваемыхъ здѣсь двухъ отраслей медицины, надо признать замѣчательно быстрый прогрессъ ихъ научной разработки, давшей

въ короткое время блестящіе результаты и теперь покоящейся на прочной основѣ, въ рукахъ многочисленныхъ энергичныхъ и хорошо-подготовленныхъ работниковъ. *П. Р.*

Фармация. Началомъ организации фармацевтическаго дѣла въ Россіи принято считать время прибытія въ Москву аптекаря *Джемса Франчема* (1583 г.), рекомендованнаго англійской королевой *Елизаветой царю Ивану Васильевичу* для основанія первой придворной аптеки въ Кремлѣ. Въ царствование *Бориса Годунова* Франчемъ, возвратившись изъ поѣздки въ Англію, привезъ большое количество медикаментовъ. Въ Ригѣ (принадлежавшей въ то время Польшѣ) были уже одна частная аптека и 4 врача. Въ царствование *Алексея Михайловича* заведены были аптекарскіе огорода, благодаря которымъ отчасти уменьшился привозъ иностранныхъ медикаментовъ. Въ царствование *Петра Великаго* были приглашены на службу въ Россію многіе известные иностранные врачи и фармацевты. Аптекарскій приказъ, учрежденный въ 1620 г., былъ преобразованъ въ аптекарскую канцелярію и повелѣно открыть въ Москвѣ 8 частныхъ аптекъ. Первая частная аптека въ СПб. открыта въ 1721 г. Продажа сильнодѣйствующихъ медикаментовъ въ купеческихъ лавкахъ запрещена указомъ Правительствующаго сената 1733 г. Въ 1736 г. издалъ регламентъ о содержаніи военно-полевыхъ аптекъ, которыя были основаны въ 4 пунктахъ. Съ учрежденіемъ губернской заведѣны были городскія больницы отъ приказовъ общественаго призрѣнія; въ это время почти во всѣхъ губернскихъ городахъ имѣлись частныя аптеки. Первая русская фармакопея издана въ 1798 г. Въ 1803 г. основано первое фармацевтическое общество въ Ригѣ. Въ 1818 г. *Шереръ* основалъ слѣд. фармацевтическое общество и школу. Въ 1864 г. основаны были фармацевтическія общества въ Москвѣ, Казани, Одессѣ, а затѣмъ постепенно и въ другихъ большихъ центрахъ. Въ этомъ же году состоялся первый съѣздъ фармацевтовъ, на который собрались фармацевты почти со всѣхъ мѣстъ обширной Имперіи. Въ 1820 г. началъ издаваться фармацевтическій журналъ; въ 1839 г. *Силлеръ* (Siller) издавалъ «Nordische Centralblatt für Pharmacie» (издавался до 1843 г.); *Гауеръ* издавалъ «Repertorium» (прекратившись въ 1848 г.). Въ обоихъ журналахъ помѣщались оригинальныя работы русскихъ аптекарей. Въ настоящее время издаются: «Фармацевтич. Журналь», который подъ редакторствомъ покойнаго проф. *Драгендорфа* значительно расширилъ первоначальную программу, печатая статьи по научнымъ вопросамъ, по фармацевтической практикѣ и по вопросамъ, касающимся социальнаго положенія фармацевтовъ; «Журналь Медицинской Химіи и Фармации» (основанъ проф. *Пелемъ*—онъ же редакторъ); «Фармацевтичскій Вѣстникъ» (первоначальные редакторы проф. *Червинскій* и *Салтыковъ*); «Фармацевтъ» (ред. *Алмтаузенъ*). Кроме этихъ журналовъ спеціальныя труды печатаются еще въ протоколахъ нѣкоторыхъ фармацевтическихъ обществъ. Что касается вопроса о

снабженіи различных лечебных учреждений медикаментами, то заготовление последних въ XVII столѣтіи лежало на обязанности Аптекарскаго приказа (учрежденъ въ 1620 г.), который частью приобреталъ лекарственные вещества за границей, частью таковыя доставлялъ аптекарскіе огороды и отечественныя лекарственные растения, доставляемыя специально для этой цѣли предначинченными лицами (травниками). Командировки врачей и аптекарей за границу и въ различные мѣста Россіи много способствовали нарощенію лекарственного матеріала. Съ развитіемъ фабрично-заводской промышленности многіе фармацевтическіе препараты стали изготовляться въ Россіи, при чемъ нѣкоторыми медикаментами удовлетворяются не только требованія внутреннего рынка, но снабжаются также заграничныя аптечныя склады (бобровая струя, шпанскія мушки, маточныя рожки, горчица, горчичное и касторовое масла, глицеринъ, лакрица, ртуть, хромовые препараты и нѣкот. др.). Обрабатывающая и заводская промышленность въ Россіи еще не достигла значительныхъ размѣровъ, а потому почти всѣ алкалоиды, глюкозиды, ароматическія соединенія и др. химическіе препараты и въ настоящее время получаютъ изъ за границы. Ученыя степени фармацевтовъ въ XVIII столѣтіи приобретали долговременной практикой въ аптекахъ и по выдержанію строгого экзамена въ столицахъ—въ физикатѣ медицинскій канцелярія, а въ провинціяхъ—въ особомъ комитетѣ врачей. Боле или мене систематическое преподаваніе аптекарскихъ наукъ введено было въ первой половинѣ XVIII столѣтія въ медицинскихъ школахъ, основанныхъ при госпиталяхъ въ Петербургѣ, Москвѣ и Кронштадтѣ. Открытіе медико-хирургической академіи въ Петербургѣ и университетовъ въ Москвѣ, Дерптѣ, Вильнѣ, Харьковѣ и Казани въ концѣ XVIII-го и началѣ XIX-го столѣтій, въ связи съ успѣхами естествознанія, главнымъ образомъ ботаники, химіи и физиологіи, не могли не отразиться на характерѣ и объемѣ преподаванія фармаціи, которое въ настоящее время въ университетахъ и военно-медицинской академіи поставлено соотвѣтственно современнымъ требованіямъ науки и фармацевтической техники. Такому развитію фармаціи и фармакогнозіи обязаны многими русскими дѣтелями, между которыми европейскую извѣстность приобрѣли: *Кирхгофъ* (доказавшій превращеніе крахмала въ сахаръ), *Нелюбинъ*, *К. Шмидтъ*, *Клаусъ*, *Бунге*, *Бухеймъ*, *Подольскій*, *Драгендорфъ*, *Траппъ*, *Кобертъ*, *Тихомировъ* и др. Особенно способствовали научному развитію фармаціи основанный при юрьевскомъ университетѣ фармацевтическій институтъ, изъ лабораторіи котораго вышли многія ученые работы по фармаціи и токсикологіи.

Д. К.

Исторія судебной медицины въ Россіи, какъ науки, начинается со времени преподаванія ея съ кафедръ въ открывшемся въ 1756 г. московскомъ университетѣ. Первымъ профессоромъ судебной медицины въ с.-петербургской медико-хирургической академіи

былъ *Гунтебройтъ*. Первымъ оригинальнымъ трудомъ по судебной медицинѣ было сочиненіе проф. *С. А. Громова*: «Краткое изложеніе судебной медицины для академическаго преподаванія и практическаго употребленія» (изд. 1832 г.). Научная разработка судебного медицинскихъ вопросовъ съ введеніемъ гласнаго суда и производства стала на надлежащую высоту. Съ этого времени стали выдвигаться дѣтелями, приобрѣтившіе почетную извѣстность: *Пеликанъ*, *Драгендорфъ*, *Эргардтъ*, *Оболенскій*, *Беллинъ* и др.

Ученыя медицинскія общества въ Россіи. Первое физико-медицинское общество было основано въ 1804 г. въ Москвѣ, второе въ Вильнѣ въ 1805 г., третье общество нѣмецкихъ врачей въ Петербургѣ въ 1819 г., четвертое въ 1820 г. варшавское, затѣмъ общество русскихъ врачей въ Петербургѣ въ 1833 г. Въ промежутокъ времени съ 1820 г. до 1853 г. не было открыто ни одно общество: застой въ культурной жизни Россіи отразился и на развитіи медицины. Въ періодъ шестидесяти годовъ, съ оживленіемъ русской общественной жизни и учрежденіемъ земства, замѣчается оживленіе и въ жизни медицинскихъ обществъ: въ 70-хъ годахъ основаны 14 обществъ, 80 и 90-хъ годахъ ежегодно открывалось по нѣскольку и въ 1896 г. всѣхъ врачебныхъ обществъ въ Россіи около 120. Въ 1865 году возникло общество естествоиспытателей и врачей, собирающееся периодически на сѣзды въ университетскихъ городахъ. Въ 1885 году было утверждено уставъ московско-петербургскаго медицинскаго общества, преобразованнаго въ 1887 году въ болѣе обширное Общество русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова, которое за время своего существованія собралось уже 7 разъ. Кромѣ того въ столицахъ и провинціальныхъ большихъ городахъ, существуютъ по нѣскольку обществъ, развившихся на спеціальности. Большинство обществъ выпускаетъ, по мѣрѣ накопленія, матеріалы, п. з. «Труда» и «Протоколы».

15) Сельскохозяйственная наука. Сельское хозяйство, какъ предметъ научнаго преподаванія, возникло въ Россіи, какъ и въ Германіи, на почвѣ университетской науки, только столѣтіемъ позже. Тамъ побдились лица, свѣдущія въ финансовыхъ и экономическихъ наукахъ, что такъ необходимо было въ минувшемъ столѣтіи вслѣдствіе возникновенія разныхъ аграрныхъ вопросовъ. Для подготовленія такихъ людей открыты были въ нѣсколькихъ германскихъ университетахъ (напр., въ тиссенскомъ, галльскомъ и др.) намеральныя разряды, послужившіе впоследствии образцомъ и для нѣкоторыхъ русскихъ университетовъ. Агрономическія ученія, вызванныя къ жизни такими авторитетами, какими были Тэеръ въ Германіи и Домбаль во Франціи, пускали свои корни и среди нашихъ передовыхъ людей. Во главѣ такихъ лицъ исторіи русскаго сельскаго хозяйства должна поставить проф. московскаго университета *М. И. Павлова*; медикъ по образованію, Павловъ особенно интересовался научными, семейнымъ хозяйствомъ, которое изучалъ за-

границей. Возвратясь на родину, д-ръ Павловъ получилъ въ моск. унив. кафедру физики, но былъ не столько физикъ, сколько агрономъ. Не довольствуясь преподаваніемъ сельскаго хозяйства въ стѣнахъ унив., онъ читалъ публичныя лекціи о земледѣліи. Будучи въ душѣ больше теоретикомъ и склонный, по-тому, къ составленію теоретическихъ воззрѣній, Павловъ въ то же время отдавалъ должное и практическому сельскому хозяйству, доказательствомъ чему служатъ существующіе и по сіе время при московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства «Земледѣльческая школа» и «Учебный хуторъ». Эти первыя въ Р. спеціальныя сельскохозяйственныя учебныя заведенія — созданіе Павлова. Много оставилъ послѣ себя Павловъ и научныхъ трудовъ по сельскому хозяйству, изъ которыхъ главное — «Курсъ сельскаго хозяйства». «Сельское хозяйство, какъ наука, говоритъ Павловъ, есть приложение естественныхъ наукъ къ разведенію полезныхъ въ общежитіи растений и животныхъ». Это опредѣленіе показываетъ, какъ вѣрно понималъ авторъ глубокую связь сельскаго хозяйства съ естествовѣдѣніемъ, что такъ наглядно выразилось во второй половинѣ текущаго столѣтія. Не меньшую услугу оказала русской сельскохозяйственной наукѣ современникъ и совмѣстный дѣятель Павлова, С. А. Масловъ, переводомъ многоэтаго курса Тэера: «Объ основаніяхъ рациональнаго сельскаго хозяйства» (съ примѣчаніями М. Н. Муравьева). Эта книга въ свое время была единственнымъ у насъ руководствомъ по всемъ отдѣламъ сельскаго хозяйства и не потеряла своего значенія и въ настоящее время. Давъ такое капитальное произведеніе въ руководствѣ русскимъ хозяевамъ, Масловъ продолжалъ знакомить ихъ съ научными приемами по сельскохозяйственной техники въ «Земледѣльч. Журналѣ». Изъ практическихъ дѣятелей замѣтно выдается тверской помѣщикъ Шелеховъ, который сильно ратовалъ за отмену трехпольнаго хозяйства и за замѣну его плодосѣйнымъ, что онъ проводилъ въ своихъ публичныхъ лекціяхъ, читанныхъ имъ въ Петербургѣ. Онъ написалъ нѣсколько спеціальныхъ и весьма дѣльныхъ сочиненій о плодосѣйности и составилъ Народное руководство въ сельскомъ хозяйствѣ. Въ 40-хъ гг. возбудилъ большое вниманіе къ сельскому хозяйству бывшій проф. московскаго университета Я. Диниковскій своими публичными лекціями, привлекавшими массу слушателей. Часть этихъ лекцій издана подъ заглавіемъ «Бесѣды о сельскомъ хозяйствѣ» (1842) еще при жизни автора, а другая — скотоводство — послѣ его смерти. Къ числу полезныхъ дѣятелей на поприщѣ научнаго сельскаго хозяйства надобно причислить бывшаго долгое время директоромъ учебнаго-практическаго хутора при московскомъ общ. сельскаго хозяйства П. М. Преображенскаго, который написалъ обширный курсъ, въ 6 томахъ, подъ заглав.: «Общепонятное руководство къ практическому сельскому хозяйству» (1855—57) и кромѣ того нѣсколько другихъ сочиненій. Къ этому же времени относится первоначальная дѣятельность профессора сначала харь-

ковскаго, затѣмъ кievскаго университетовъ С. М. Ходякова и проф. петербургскаго университета С. М. Усова. Первый зямо читалъ публичныя лекціи о сельскомъ хозяйствѣ въ разныхъ губернскихъ городахъ центральной черноземной полосы Р. Кромѣ того онъ извѣстенъ какъ авторъ «Наставленія къ разведенію крупнаго рогатаго скота». Ему же принадлежитъ первый опытъ составленія краткой исторіи русскаго сельскаго хозяйства. Профессоръ Усовъ занималъ кафедру сельскаго хозяйства съ 1836 по 1859 г. Онъ первый редакторъ извѣстной «Земледѣльческой Газеты», издаваемой м-вомъ государственныхъ имуществъ. Ему принадлежитъ очень почтенный трудъ «Основанія земледѣлія». Усовъ былъ первымъ магистромъ въ Р. сельскаго хозяйства; эту степень онъ получилъ за диссертацию «Капиталъ въ сельскомъ хозяйствѣ». Теперь слѣдуетъ остановиться на профессорѣ Горьгорецкой земледѣльческой школы, затѣмъ преобразованной въ 1848 въ высшее агрономическое заведеніе. Преподаватели этого института, можно сказать, положили основаніе научной постановкѣ нѣкоторыхъ отраслей сельскаго хозяйства въ Р. Всѣ они получили высшее спеціальное образованіе въ бывшемъ дерптскомъ унив. подъ руководствомъ довольно извѣстнаго профессора Шмалца, а практически изучали сельское хозяйство въ Альткустофѣ, близъ Юрьева; затѣмъ они были отправлены за границу. Не смотря на плохое знаніе русск. языка, нѣкоторые изъ нихъ успѣли составить почтенныя руководства. Такъ проф. Шмидтъ издалъ «Основанія химіи», въ которомъ сдѣлана была первая попытка объясненія научнымъ путемъ нѣкоторыхъ сельскохозяйственныхъ процессовъ. Затѣмъ проф. Б. А. Целинскій написалъ «Руководство для преподаванія земледѣлія въ духовныхъ семинаріяхъ» (1860). Въ этомъ руководствѣ, къ сожалѣнію, было изложено только общее земледѣліе. Но и въ немъ имѣются попытки объяснить многіе сельскохозяйственные приемы и процессы на основаніи ученій Либиха и Буссенго. Не малую услугу оказалъ русскому садоводству и огородничеству профессоръ горьгорецкаго института Э. Ф. Рого, котораго «Руководство къ садоводству и огородничеству», до появленія книги Шредера, было единственнымъ въ Россіи (выдержало 4 изданія). Долгое время заведывалъ хозяйствомъ института и его фольварками, въ тоже время управлявшій учебною фермою, замѣчательный практический хозяйнъ, Б. А. Михелсонъ, которому принадлежитъ отъѣтная задача (премированная ученымъ комитетомъ мин. земл. и госуд. имущ.) объ улучшеніи луговодства въ Р. Нѣкоторое время состояли профессорами того же института магистры сельскаго хозяйства, питомцы института, А. М. Вазановъ и А. П. Людоговскій. Первый составилъ книгу, которая представляетъ довольно извѣстный курсъ скотоводства въ Р., второй — «Основы сельскохозяйственной экономіи», долгое время единственное у насъ руководство по этому предмету. Горьгорецкій институтъ издавалъ «Записки», въ которыхъ помѣщались труды

профессоровъ и бывшихъ его студентовъ. Это изданіе прекратилось съ переходомъ института въ 1863 г. въ Петербургъ, когда было переименовано и самое названіе этого заведения (въ слѣб. земледѣльческій институтъ). Но послѣдній существовалъ недолго, только до открытія Петровско-Разумовской сельско-хозяйственной академіи въ Москвѣ. Такимъ образомъ Горьгорецкій институтъ былъ долгое время проводникомъ научнаго сельскаго хозяйства и его вліяніе въ этомъ направленіи несомнѣнно имѣло значеніе въ лицъ его питомцевъ, расходившихся по всей Р. Въ настоящее время, сколько извѣстно, остались въ живыхъ изъ окончившихъ курсъ въ Горьгорецкомъ институтѣ болѣе видныхъ дѣятелей только немногіе, въ томъ числѣ бывшій проф. новороссійскаго унив. *И. У. Полимнестовъ*, проф. слѣб. универ. *А. В. Совѣтовъ* и заслуженный профессоръ бывшей Петровской академіи *И. А. Стебутъ*. Труды первого многочисленны и крайне разнообразны. Они болѣею частью помѣщены въ «Запискахъ общества сельскаго хозяйства южной Р.», въ которомъ Полимнестовъ 17 лѣтъ былъ секретаремъ и редакторомъ «Записокъ». Кромѣ того много статей его находятся въ особомъ «Сборникѣ» съ 1830 по 1868 г. *А. В. Совѣтовъ*—первый въ Р. докторъ сельскаго хозяйства, также много писалъ по разнымъ предметамъ земледѣлія какъ въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ, такъ и въ различныхъ статьяхъ. *И. А. Стебутъ* долгое время занималъ кафедру земледѣлія сначала въ Горьгорецкомъ институтѣ, а затѣмъ въ Петровской земледѣльческой академіи. Ученые труды его многоразличны и касаются разныхъ отраслей сельскаго хозяйства, преимущественно же земледѣлія. Наиболѣе извѣстны его магистерская диссертация: «Извѣст., какъ средство къ возстановленію плодородія почвы», и руководство къ частному земледѣлію. Петербургскій земледѣльческій институтъ, не смотря на кратковременность своего существованія, далъ двухъ замѣчательныхъ ученыхъ — *П. А. Костычева* и *А. С. Ермолова*. Изъ числа профессоровъ этого института особенно выдавался *А. П. Энгельгардтъ*. Послѣдній былъ химикъ, но внесъ большой вкладъ и въ агрономическую литературу. Онъ первый обратилъ вниманіе у насъ на значеніе для русскихъ хозяевъ costante удобренія, а потомъ, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ своей практической дѣятельности, почти исключительно посвящая себя, разработкѣ вопроса о способахъ примѣненія въ русскомъ хозяйствѣ фосфористыхъ туковъ, которые, благодаря его многочисленнымъ статьямъ и опытамъ, и начали обращать на себя вниманіе. Изъ сочиненій Энгельгардта особенно извѣстны его «Письма изъ деревни». *П. А. Костычевъ* особенно интересовался изученіемъ почвъ черноземной области Р. и въ этомъ направленіи произвелъ много самостоятельныхъ изслѣдованій, давшихъ цѣнные результаты и освѣтившихъ вопросы происхожденія чернозема и процессы въ ней совершающіеся. Кромѣ того, онъ много написалъ руководствъ по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, какъ самостоя-

тельныхъ, такъ и переводныхъ. *А. С. Ермоловъ* написалъ массу статей по различнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства и по техническимъ производствомъ. Особенно извѣстенъ его капитальный трудъ: «Организма полевого хозяйства», увѣнчанный акад. наукъ Макарьевскою преміей. Въ числѣ профессоровъ, преподавателей и питомцевъ Петровской земледѣльческой академіи (нынѣ московскій сельскохозяйственный институтъ) встрѣчается рядъ ученыхъ агрономовъ, каковы *Э. Б. Шене* (усовершенствованіе способа механическаго анализа и работы по изслѣдованію почвъ, удобреній и растеній), *А. Н. Шичкинъ* (специалистъ по земледѣлію и сельско-хозяйственной экономіи; работы по вопросамъ о борьбѣ съ засухой и объ отношеніи растеній, особенно льна, къ питательнымъ веществамъ почвы); *Н. П. Чернѣйскій* (изслѣдованія объ образованіи жира въ животномъ организмѣ, и зависимости въ развитіи костей у домашнихъ животныхъ отъ кастраціи и различныхъ условій кормленія; руководство); *И. Н. Кузнецовъ* (спеціальныя работы по разнообразнымъ вопросамъ скотоводства, и изданіе серіи руководствъ). *И. Н. Чернопятовъ* (сочиненія объ орошеніи земельныхъ угодій, о торфяномъ хозяйствѣ), *А. А. Артемидъ* (статья по вопросамъ скотоводства), *В. К. Хлюдовскій* (крупныя сочиненія по сельско-хозяйственной экономіи, шерстоудѣлію, скотоводству), *К. Э. Линдеманъ* (монографія о вредныхъ насѣкомыхъ), *А. Ф. Фортунатовъ* (сельско-хозяйственные статистическія и экономическія статьи и сочиненія), *Р. И. Шредеръ* (статьи, брошюры и сочиненія по вопросамъ огородничества и садоводства), *Д. Н. Прятиниковъ* (статья по почвовѣднію и работы по биологіи растеній), *П. С. Коссовичъ* (работы по усвоенію атмосфернаго азота мотыльковыми растеніями и водорослями), *А. А. Казантаръ* (спеціальныя статьи по скотоводству и молочному хозяйству), *А. П. Черепелкинъ* (статья по разнымъ отдѣламъ сельско-хозяйственнаго промысла), *П. Р. Слезкинъ* и мн. другіе, изъ которыхъ каждый по своей специальности принесъ посильную лепту.

Изъ университетскихъ современныхъ дѣятелей по научному сельскому хозяйству слѣдуетъ называть: *С. М. Богданова*, *А. Г. Заичевича*, *Сабанина* и *Сорокина*. Первый одинъ изъ плодovitѣйшихъ писателей по сельскому хозяйству и замѣчательный изслѣдователь почвы, какъ среды для питанія растенія. Второй работаетъ преимущественно въ области свекловичной културы и заведуетъ ѣдкимъ опытныхъ сельско-хозяйственныхъ учреждений. Сорокинъ и Сабанинъ занимаются изслѣдованіями въ области почвовѣднія. Въ послѣднемъ отношеніи особенно широкою извѣстностью пользуется бывшій проф. слѣб. университета *В. В. Докучаевъ*, которому принадлежатъ капитальный трудъ: «Русскій черноземъ» и заслуга созданія школы русскихъ почвовѣдцевъ. Въ Ново-александрійскомъ институтѣ сельскаго хозяйства и лесоводства трудятся въ области земледѣлія *П. В. Будринъ* (работы объ искусственныхъ удобренияхъ и цѣнные отчеты о сельско-хозяйственныхъ

опытах на фермѣ института) и *П. Ф. Барановъ* (статьи и изслѣдованія по сельско-хозяйственной метеорологіи и почвовѣднію); въ области зоотехніи: *И. И. Калущинъ* (работы по вопросу о силосованіи кормовыхъ продуктовъ и о кормленіи домашнихъ животныхъ) и *И. О. Широкинъ* (статьи по почвовѣднію, полеводству и скотоводству). Наконецъ, въ рижскомъ политехническомъ институтѣ проф. *Книримъ* (по животноводству) и *Г. Г. Томсъ* (по почвовѣднію и анализу сельскохозяйственныхъ продуктовъ и удобрений). Изъ этого очерка можно видѣть, что научное сельское хозяйство, хотя и съ нѣкоторыми промежутками, и въ Р. постепенно шло впередъ. Особенно же замѣтна научная сельскохозяйственная дѣятельность стала выдвигаться съ появленіемъ у насъ специальныхъ сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеній. Тѣмъ не менѣе мы не имѣемъ до сихъ поръ ни одного такого по сельскому хозяйству руководства, которое было-бы обосновано не на граничныхъ только, но и на отечественныхъ данныхъ. Особенно бѣдна наша литература по зоотехніи и сельской экономіи; по земледѣльческой механикѣ нѣтъ также ни одного цѣльнаго сочиненія на русскомъ языкѣ. За то въ послѣднее время возросло число лабораторныхъ работъ. Имъ посвящены многія молодя силы въ разныхъ мѣстностяхъ Р., что и сблизжаетъ сельское хозяйство съ естественнѣйшимъ. На сѣздахъ естествоиспытателей и врачей, начиная съ VII сѣзда, открыта особая для агрономіи секція и на послѣднемъ сѣздѣ, бывшемъ въ 1898 г. въ Кіевѣ, эта новая секція имѣла значительный успѣхъ.

С.

16) Технологическая наука есть вообще наука недавняго времени. Учила такой наукѣ, или такимъ знаніямъ—въ началѣ особенно,—сама жизнь и школа примѣра, привезеннаго изъ чужой страны. Въ Россію техническія знанія также принесены были иностранцами. Не было недостатка и въ самостоятельныхъ самородныхъ талантахъ; особенно много фактовъ свидѣтельствуютъ о способностяхъ русскихъ людей къ механикѣ (*Кулибинъ, Ползуновъ, Зарубинъ*, разные крестьяне и строители мельницъ и плотинъ). Знанія технич. распространялись путемъ примѣра и поученія. Таковы были *Татищевъ* и *Никита Демидовъ*, помощники Петра Вел.; строитель премьеръ-майоръ *Москвинъ* (основатель Воткинскаго завода, при графѣ Шуваловѣ въ царствованіе Елизаветы Петровны); графъ *Шереметевъ* (также въ началѣ второй половины прошлаго XVIII стол.) со своими крестьянами, стараніями котораго округъ села Павлова обратился въ настоящій русскій Шеффилдъ по производству инструментальнаго (ножевого) товара; Иванъ и Андрей *Баташевы*; наконецъ, Иванъ Акимовичъ и за нимъ Сергій Иван. *Мамцовы*, которые давали огромную, а по продолжительности вѣковую школу примѣра по многимъ техническимъ отраслямъ и призывали и другихъ къ работѣ посредствомъ печатныхъ статей о выгодахъ промышленности и описанія собственныхъ заводовъ. Эта школа примѣра, вначалѣ по отраслямъ стеклотѣла, чугунаго литья,

впослѣдствіи—механическихъ производствъ (съ возникновеніемъ у насъ желѣзныхъ дорогъ), обняла, въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, и свеклосахарное производство, которому Мальцовъ научалъ не только примѣромъ и руководствующими статьями (напр. въ «Земледѣльч. Журналѣ», 1822) и брошюрами, но и учрежденіемъ учебно-демонстраціоннаго небольшого завода при опытномъ хуторѣ Моск. общества сельск. хозяйства (послѣ чего вскорѣ возникли заводы Тучкова, графа *А. А. Бобринскаго*, Глѣбова, Шипова, Муханова и др.). На ряду и вслѣдъ за Мальцовымъ графъ *А. А. Бобринскій* является также ревностнымъ распространителемъ знаній по своей отрасли: впослѣдствіи въ этой самой отрасли, которую культивировалъ Бобринскій, установилась въ Р. прямая связь между научной учебной школой и заводскимъ дѣломъ,—и веденіе производства перешло къ русскимъ молодымъ техникамъ, подготовленнымъ учебною школою. Въ дѣлѣ прямого школьнаго обученія и преподаванія съ каедръ, а равно и ученыхъ изслѣдованій, въ началѣ поставлена была у насъ академія наукъ; въ этомъ періодѣ, конечно, прежде всего выдѣляется имя *Ломоносова* (см.); такъ, цѣтныя, окрашенные металлическими флюсами стеклянныя плавы являлись въ тѣ времена его собственнымъ изобрѣтеніемъ; и ему, въ числѣ прочаго, предписывалось (1752) «завести фабрику для дѣланія разноцѣтныхъ стеколъ, а изъ нихъ бисера, произвока, стекларуса и пр.». Нѣсколько позже, въ томъ же вѣкѣ, сдѣланное академикомъ Кирилломъ *Лаксманомъ* примѣненіе сѣрнонатровой соли—а именно самородной соли сибирскихъ озеръ—къ стеклотѣлу привело его къ устройству завода въ Сибири, въ сообществѣ съ купцомъ Барановымъ; въ то время (60-е годы XVIII в.) способы прямого стеклованія сѣрнотатр. соли еще не были известны европейскимъ химикамъ. Къ началу XIX столѣтія было поручено академіи, съ дѣлю развитія техническихъ знаній въ Р., особенно озаботиться сочиненіемъ или переводомъ на русскій яз. иностранныхъ сочиненій по этой части. Департаментъ мануфактуръ и внутр. торговли, особенно со временъ мин. графа Канкрина, въ свою очередь сильно озабочивался тою же задачей, и плодомъ переводныхъ работъ явились у насъ слѣдующіе учебники и пособия: *Гмелинъ*, химическія основанія ремеслъ и заводовъ, изд. авд. 1803 г. съ нѣкот. прилож., въ переводѣ академика *Севергина* (съ позднѣйшихъ нѣм. изданій былъ у насъ еще дѣтъ 30 тому назадъ сдѣланъ переводъ Н. Сорокинымъ); «Технологія» изд. академіи 1807 г., представляющая элементарный учебникъ, составленный при дирекціи училищъ; издаваемый по-годно при дпт. мануф. и внутр. торговли переводный лейпцигскій «Магазинъ всѣхъ новыхъ изобрѣтеній, открытій и исправленій» Зебаса и Ваумгертнера (1811 г. и сл.); издаваемые съ 1820-хъ гг. академіей наукъ «Технологическій Журналъ» и «Журналъ Мануфактуръ и Торговли»; журналъ «Зрѣлище природы и художества»; замѣчательная книга «Руководство къ общей технологіи», сдѣланная *Ө. Де-*

мисовымъ по учебнику Поппе, изд. въ Москвѣ въ 1828 г., и полный переводъ «Технологіи» Поппе, изд. по приказанію мин. финансовъ въ двухъ томахъ (СПб., 1844); «Начертаніе технологіи» Гермбшtedта въ переводѣ по прик. мин. фин. 1838—39 г. Имп. вольное экономическое общество, въ дѣятельности котораго съ самаго начала (отъ 1765 г.) принимали живѣйшее участіе академики, издавало свои капитальные «Труды», хотя сперва и не совсѣмъ періодично и неоднократно на нѣмъ языкѣ; къ 20-мъ годамъ рядъ этихъ трудовъ былъ уже весьма обширенъ въ Р. Замѣчательнѣйшее изданіе общества представляло огромное руководство Мильса и Артура Юнга, переводъ котораго съ англ. языка на русскій началъ еще по приказанію имп. Екатерины и, по многотомности, изданъ сполна къ 1811 г., всего въ 15 тт., подъ назв.: «Полная система практическаго сельскаго домостроительства». Въ основавшемся, съ цѣлью подготовленія мастеровъ и руководителей заводскаго дѣла, технологическомъ институтѣ (1828), при открытіи курсовъ (1831), съ самаго начала положено было широкое основаніе практическому обученію въ учебныхъ мастерскихъ, специально къ тому приспособленныхъ въ институтѣ. Въ отношеніи же наукъ институтъ былъ сначала только подготовительной школой. Предначертанія основателя института графа Е. Ф. Канкрина, опережали условія своего времени (по причинѣ скудости начальной подготовки молодыхъ поколѣній и неподготовленности учителей). Съ открытіемъ классовъ въ институтѣ нѣкоторые изъ руководившихъ занятіями въ мастерскихъ института—это были болѣею частью нѣмцы и французы—составили руководство по своимъ предметамъ: Гюгъ по сукнодѣлію, руководство, переведенное на русскій языкъ издвѣннемъ вольнаго экономическаго общества; Циргъ—модельный мастеръ—руководство по устройству мукомольныхъ мельницъ. Извѣстныя химикъ, академикъ Гессе, явился главнымъ организаторомъ системы преподаванія въ институтѣ. Технологія, въ составѣ предметовъ старшаго класса, возложена была на ученаго лѣсника Озерскаго; механикѣ училъ Н. Ф. Ястржембскій, оказавшій большую услугу технической наукѣ изданіемъ своего курса «Механики». Особенно выдвинулась въ преподаваніи технологіи волокнистыхъ веществъ. Озерскій издалъ брошюру о хлопчатой бумагѣ и пряденіи оной; А. А. Шереръ, въ 30-хъ годахъ, подготовленный командировкою за границу, преподавалъ въ теченіе около 30-ти лѣтъ преимущественно технологію волокнистыхъ веществъ и издалъ книги по этой отрасли знанія. Преобладали по этой же специальности и практическія занятія—и еще въ концѣ пятидесятыхъ годовъ всѣ воспитанники проходили въ среднихъ классахъ курсъ упражненій въ ткацествѣ. Съ химической стороны, вслѣдъ за Гессе, явились преподавателями горные инженеры (П. И. Евреиновъ, А. Из. Кованько). Въ Москвѣ было ремесленное училище, въ которомъ, по отношенію къ преподаванію техническихъ предметовъ было нѣсколько болѣе

элементарности. Публичныя лекціи, поручаемыя преподавателямъ механики, технологіи (безъ раздѣленія на химическую и механическую часть) и химіи съ физикой и даже пѣлые курсы, въ разные года, устраивались и при технологическомъ институтѣ: такъ, читали Евреиновъ, Озерскій по технологіи, кандидатъ университета *Θ. Θ. Эвальдъ* (1836) читалъ по физикѣ, Ястржембскій по механикѣ. Въ 40-хъ годахъ публичныя лекціи по технической химіи читалъ Н. Виттъ, преподаватель технологическаго института (отъ 40-хъ до 60-го года), оставившій послѣ себя много сочиненій по техническимъ частностямъ (по производствамъ свеклосахарному, пивоварному, свѣчному, по винодѣлію) и печатный курсъ «Промышленная химія» и даже «Органическая промышленная химія». Позднѣе *Θ. Θ. Петрушевскій* читалъ въ технолог. инст. лекціи технической физики. Въ 40-хъ годахъ открылись при университетахъ (кроме московскаго) камеральныя факультеты или разряды, съ цѣлью подготовить въ экономическихъ реальныхъ знаніяхъ, примѣнимыхъ и къ нуждамъ промышленной техники. Впрочемъ, въ средѣ фабрикантовъ и мануфактуристовъ не проявлялось особаго вниманія по всѣмъ этимъ печатнымъ и устнымъ пособіямъ знанія; лекціи хотя были безплатны и продолжались годами, посѣщались по преимуществу студентами и учениками гимназій чиновниками, купцами и меньше всего—заводчиками и фабрикантами, да и то чаще всего заѣзжими. Публичные курсы М. Я. Куттара, держанные сперва при казанскомъ унив., въ 50-хъ годахъ были особенно систематичны и многотѣмны (хѣтъ 6 подраздѣ). Въ Москвѣ дѣйствовали въ это время энергичный представитель технологической науки, профессоръ Р. Г. Гейманъ, издавшій еще въ 40-хъ годахъ «Чтенія общей химіи, приложенныя къ фабричному и заводскому дѣлу». Въ Севастопольскую эпоху Гейманъ печаталъ «Письмо къ отечественнымъ заводчикамъ», въ которомъ указывалъ способы эксплуатаціи колчедановъ для добыванія сѣры, сѣрной кислоты и проч. Въ спб. университетѣ въ 50-е года обособилась кафедра технической химіи въ лицѣ П. А. Ильенкова, который былъ у насъ первымъ магистромъ (1847), а потомъ и докторомъ технологіи (другимъ магистромъ технологіи былъ здѣсь же Скобликовъ, а засимъ въ Москвѣ магистромъ технологіи былъ И. П. Архиповъ (1869); Ильенковъ, на ряду съ лѣтними въ спб. университетѣ (впослѣдствіи въ московской Петровской академіи, гдѣ онъ читалъ агрономическую химію), составилъ «Курсъ химической технологіи» (1851), который былъ весьма важнымъ учебникомъ своего времени; онъ послужилъ основой для болѣе обширнаго курса, обработаннаго Е. Н. Андреевымъ (изд. 1861—64), подъ назв. 2-го изданія «Химической технологіи Ильенкова». Профессоръ М. Скобликовъ, къ сожалѣнію рано умершій, оставилъ послѣ себя нѣсколько серьезныхъ работъ (по специальности лаковъ, производству крахмала), предпринялъ періодическое изданіе отчетовъ по успѣхамъ техники (подъ заглавіемъ «Техническія Записки», которыхъ

1-й выпускъ явился въ 1858 г.). Съ 50-хъ годовъ началась обширная и многосторонняя дѣятельность *А. И. Ходнева*. Его «Техническій курсъ химіи», часть неорганическая, изданъ въ 1855 г.; затѣмъ изданы: «Руководство къ селитроваренію въ Малороссіи», «Химическая часть товаровѣднія» и пр., кромѣ большого ряда специальныхъ техническихъ статей. Развитие техническихъ способовъ являло немалыми большіе успѣхи, чѣмъ специальная литература того времени. Однако, число самостоятельныхъ трудовъ множилося; среди нихъ появлялись очень важныя — и на страницахъ специальныхъ журналовъ, какъ горного, морского, (сборника), артиллерійскаго; сильно наросло и число разнообразѣвшихъ изданій по отдѣльнымъ специальностямъ технологий. Заботы о развитіи познаній въ винокурении и объ устройствѣ правильнаго учета спиртовъ вызвали нѣсколько работъ по этой отрасли, изъ коихъ двѣ принадлежали *Ф. С. Илгину*, преподававшему химію въ технологическомъ институтѣ, это были: «Полное руководство винокурению, пивовар. и медовар. производствъ» и «Алкоолометрия». Проф. Киттары читалъ «Публичный курсъ винокурения», изданный позднѣе; къ тому же времени (1880-е года) относятся книга, написанная *А. В. Соколовымъ*: «Пивоварное производство» (1861) и сочиненія Н. Витта: «Пиво и его приготовленіе», «Соображенія о русскомъ пивовареніи» и нѣсколько переводныхъ книгъ (по Пайену, Ф. фонъ-Сиверсу и др.), подъ заглавіями: «Выгонка алкоголя и водки» и т. д. Въ это время явился замѣчательный трудъ *Д. И. Менделѣева*: «О соединеніи спирта съ водою». По разнымъ другимъ отраслямъ, къ тому же времени, накопилось довольно много специальныхъ изданій, напр. сочиненія *В. Писарева* — одного изъ дѣятелей вольнаго эконо. общества, касавшіяся устройствъ мельницъ, производства листового стекла зеленого и бѣлаго, винокурения и медоварения, канцелярскихъ сургучей и лаковъ, бѣленія тканей и пр. и изданныя большею частью при содѣйствіи вольн. эконо. общества. Періодъ оживленія 60-хъ годовъ выразился какъ въ научной, такъ и въ технической жизни весьма усиленною дѣятельностію. Въ этомъ періодѣ явились какъ-бы сразу въ особенно значительномъ числѣ первоклассныя дѣятели науки, особенно въ области изученія законовъ природы и анализа явленій. Этотъ блестящій кружокъ, сосредоточенный главнымъ образомъ въ С.-Петербургѣ при университетахъ и др. высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, составляли: Менделѣевъ, Бутлеровъ, Зининъ, Чебышевъ, Соколовъ и Энгельгардтъ, Бельштейнъ, оба Бекетовы и др. Вокругъ нихъ собиралось и развивалось общее движеніе по части реальныхъ знаній. Основаніе ученыхъ обществъ (русскаго техническаго, русскаго химическаго, петербургскаго политехническаго кружка, позднѣе — общества содѣйствія промышленности и торговлѣ, московскаго политехническаго общества), преобразование учебной технологической системы, подъемъ издательской дѣятельности и авторства, сильной притливъ самостоятельныхъ работъ по

естественнымъ наукамъ, организація съездовъ ученыхъ и промышленно-экономическихъ, расширеніе анкетныхъ работъ о состояніи промышленности — все это отмѣчало эпоху обновленнаго и совершенно реальнаго движенія. Растворялись общественныя и городскія залы для публичныхъ лекцій *Д. И. Менделѣева*, *И. А. Вышнеградскаго*, *А. И. Ходнева*, прикладной химіи *В. О. Петрушевскаго* (преподаватель военныхъ училищъ) и др. Экономическія и статистическія изслѣдованія о состояніи и условіяхъ промышленности въ странѣ стали являться въ формѣ обширнѣйшихъ отчетовъ, порученныхъ опытнѣйшимъ ученымъ авторамъ («Обзоръ разныхъ отраслей мануфактуры и промышленности Россіи», издаваемый вслѣдъ за мануфактурною выставкою въ С.-Петербургѣ, 1861 г., труды Бушена, Дм. Тимирязева и др.); труды эти, чрезъ принесенное въ нихъ разъясненіе состоянія промышленности въ Р., усиливали фактическую опору для ближайшихъ приложений технической науки къ годамъ промышленности. Въ составѣ ученыхъ техническихъ силъ явились *И. А. Вышнеградскій* и *Н. П. Ильинъ* — подготовленные университетомъ (педагогическимъ инст.) и заграничною командировкою; въ качествѣ профессоровъ (преобразованнаго уставомъ 1862 г. въ высшее учебное заведеніе) технологическаго инст., они въ своихъ работахъ (продолжавшихся свыше 25 лѣтъ), явились коренными основателями нашей учебной технологической школы, пособиями ея живой связи съ промышленностію и дѣятелями покровительства промышленности. Къ нимъ примыкали для совокупной работы *Н. Ф. Лавинъ* (инж.-технологъ) — руководитель механическаго практическаго обученія въ институтѣ, и *И. А. Евневичъ* (универс.) для теоретической механики; весьма близкимъ сотрудникомъ *И. А. Вышнеградскаго* былъ и *Д. И. Менделѣевъ*. Работы Вышнеградскаго по водопроводамъ (особенно петербургскимъ), по устройству и оборудованію арсенала, по газовому освѣщенію, постройкѣ и администраціи желѣзныхъ дорогъ, опыты его надъ паровыми машинами, дѣятельность на всемірныхъ и русскихъ выставкахъ были прямымъ свидѣтельствомъ происходившаго воздѣйствія технической науки на промышленное и заводское дѣло. Также многозначительно было ученое воздѣйствіе *Д. И. Менделѣева* на развитіе нашихъ нефтяныхъ дѣлъ. Въ технологической наукѣ и въ преподаваніи значеніе этихъ именъ очень велико (Вышнеградскаго — курсы механики, теории и устройства паровыхъ машинъ, механической теории тепла; Ильина — курсы технологии волокнистыхъ веществъ, красиваго искусства, учебникъ изд. 1874 г. ч. I: «Пигменты»). Въ технической литературѣ того времени весьма важное явленіе представляли «Энциклопедіи», изданныя по нѣмецкимъ образцамъ, частью въ переводѣ, частью съ коренной переработкой: по *Ванеру* — «Техническая Энциклопедія» (изданіе т-ва «Обществ. Польза»), подъ редакціей Менделѣева, которая явилась въ промежуткѣ между 1862 и 1869 гг.; (IX выпускъ по разнымъ специаль-

ностямъ); позднѣе предпринятая *Фр. Фр. Лесгафтомъ* — «Химическая технология по Боллею», которой за 1869—71 г. вышло 7 тт. Они составили важное пособие по специальностямъ науки. Въ ближайшемъ кругѣ учебной технологической системы являлась неизбежная потребность дробить науку по специальностямъ и умножать число кафедръ. Съ 1870-хъ годовъ призваны были служить технологической наукѣ: *Н. П. Петровъ* (воен. инженеръ), профессоръ технологическаго института по кафедрѣ прикладной механики, специально по паровозамъ—трудъ котораго надъ «Трениемъ въ машинахъ» отмѣченъ академической Ломоносовскою преміей и большимъ медалю Имп. русскаго технического общества; *А. В. Габелинъ* (артиллеристъ, академикъ), профессоръ технологическаго института, памятный курсами по механической технологій; *Н. В. Котуринскій* (технологъ), къ которому впоследствии перешла кафедра по паровымъ машинамъ, авторъ руководства по этому предмету; *В. Л. Куртчевъ* (артиллеристъ), известный въ наукѣ сопротивления строительныхъ материаловъ; *Н. А. Бьелюбский* (строитель мостовъ, инженеръ путей сообщенія), которыми создана была при институтѣ инженеръ путей сообщенія превосходная механическая лабораторія, въ которой сосредоточены всѣ испытанія строительныхъ материаловъ (въ томъ числѣ, особенно, и цементовъ); *А. Е. Крупскій* (университ.), известный своими курсами по химической технологій въ технологическомъ институтѣ; *А. Р. Шульченко* (военный инженеръ)—знатокъ цементнаго дѣла, основатель заводовъ порландскаго цемента; *Г. Е. Паукеръ* (военный инженеръ)—по строительной механикѣ, и *Х. С. Головинъ* (инженеръ) по той же специальности; *П. А. Аванасевъ* (инженеръ-технологъ) ученый специалистъ въ области заводскихъ машинъ и авторъ сочиненій о «Мукомольныхъ мельницахъ»; *Н. И. Ташларовъ* (подготовит. техн. институтомъ и университетомъ)—по кафедрѣ техн. питательныхъ веществъ, авторъ обширнаго труда «Хим. технология сельхоз. продуктовъ», организаторъ и руководитель пивоваренной школы въ СПб.; *Б. Т. Вьелюбский* (инж. техн.)—по техн. прочихъ органическихъ веществъ; позднѣе *Н. П. Ламой* (подготовленъ унив., техн. инст. и загранич. командировкой)—по кафедрѣ волокнистыхъ веществъ, представленной имъ позже *С. А. Ганеичику*; *Н. Л. Шуккинъ* (инженеръ техн.), известный курсами механики, знатокъ паровозовъ; *Г. Ф. Денъ*, по паровымъ котламъ, авторъ руководства; *А. Д. Гамизко*—по механической технологій, знатокъ рабочихъ механическихъ станковъ; *Л. Г. Богаевскій* (авт. акд. труда о состояніяхъ веществъ; *А. А. Курбатовъ* и *А. А. Русановъ*—по отраслямъ органич. техн. и др. Часть молодыхъ силъ призвана была вначалѣ къ занятиямъ строительнымъ проектированіемъ, которая, на ряду съ упражненіями въ мастерскихъ и технич. лабораторіяхъ, составляютъ практическую часть технолог. учебн. системы въ Р. Работы въ механическихъ мастерскихъ приняла особенно широкое развитіе въ московскомъ техническомъ учи-

лищѣ, еще съ того ранняго періода, когда оно развилось въ видѣ ремесленной школы (основ. почти одновременно съ сбѣ. технолог. инст. и преобразов. уставомъ 1844); механ. мастерская здѣсь издавна развивалась въ настоящій учебный механ. заводъ (1846). Руководителемъ этихъ работъ былъ одно время (ок. 1860-хъ год.) *М. Я. Киттары*. Постановка здѣсь практич. занятій въслѣдствіи неоднократно обрашала на себя вниманіе иностранцевъ. Въ 1870-хъ гг. ученый мастеръ *Советкинъ* далъ подготовительнымъ практич. занятіямъ весьма правильную форму, создавъ систематическія задачи для обученія слесарному мастерству—и тотъ же порядокъ работъ былъ усвоенъ въ мех. маст. сбѣ-скаго технолог. института. Американецъ *Dr. Runkel*, одинъ изъ дѣятелей бостонскаго *Massachusetts Institute*, особо отмѣчаетъ эту методу въ брошюрѣ своей о технолог. институтѣ, гдѣ отмѣчаетъ и опытный-шаго руководителя этихъ въ сбѣ. институтѣ, *А. П. Петерса* (инжен. техн.), чрезъ руки и совѣты котораго прошло столько учащихся поколѣній (съ 1869 г.); въ *Massachusetts Institute* издавна виситъ на стѣнѣ систематически расположенная коллекція моделей, указывающая этотъ порядокъ упражненій. Точно также въслѣдствіи развитіе учебныхъ *техническихъ лабораторій*, въ которыхъ дается возможность практич. работы и домашнего наблюденія надъ вѣктор. заводскими процессами, не менѣе приковало къ себѣ вниманіе англичанина—инженера строителя Мазера (*Mather*), посѣщавшаго наши технич. заведенія для соображеній о методахъ преподаванія. Основателемъ учебной технической лабораторіи въ сбѣ. институтѣ былъ проф. *А. Е. Рейхель* (подготовленный унив. и загранич. командировкой); но особенно обширная обстановка дана была техническимъ лабораторіямъ въ *сарксовскомъ* технолог. институтѣ, система котораго можетъ быть названа результатомъ дѣятельности и опыта, пережитыхъ петербургскимъ институтомъ. Изъ обихъ этихъ институту даны ученые силы—частью еще обучающіеся заграничной командировкой, для кievскаго политехническаго училища и варшавскаго; изъ нихъ же вышли тѣ силы, которыя явились руководителями науки въ промышленныхъ техническихъ училищахъ, системы которыхъ отмѣчены также особенно широкимъ примѣненіемъ практическаго обученія въ мастерскихъ: одна изъ первыхъ—красноуфимская—имѣетъ отличную лабораторію, устроенную *Грузовымъ*; механическая—въ костромскихъ училищахъ (имени Чижова), для которыхъ много поработалъ *А. К. Эшлиманъ* (инж. техн., профессоръ по проектированію машинъ и заводовъ при имп. моск. техн. уч.) и пр. Изъ обихъ технолог. инст., Имп. московскаго техн. училища, рижскаго политехника (особенно же двухъ первыхъ) вышли, въ весьма большомъ числѣ, руководители по технической части на заводахъ и мануфактурахъ, жел. дорогахъ, механич. и машиностроительныхъ заводахъ (численность дѣятелей, вышедшихъ изъ сбѣ. технологическаго института, ближайшее распредѣленіе по специальностямъ службы—см. въ «Отчетахъ Общества Техно-

договъ», напр. за четырнадцатый годъ существования этого общества, 1897—98, СПб., 1899).

Харьковский технологическій институтъ имѣть въ составѣ своихъ технологическихъ силъ: по механикѣ—*Д. С. Серюова, В. И. Алешкина* (издававшего чертежи деталей-машинъ и по проектированию), *А. В. Гречанинова, А. И. Предтеченскаго* (печате, курсъ паровыхъ котловъ), *П. М. Мухачева* (механ.-технол.); по постройкѣ машинъ *Ос. Ос. Соница*, известнаго своими строительными работами, *А. П. Лидова*—по химической технологіи, «Химическая технологія волокнистыхъ веществъ» и «Руководство къ химическому изслѣдованію жировъ и восковъ», *К. А. Звонкина*—знатока мукомольнаго дѣла и автора изслѣдованія о сопротивленіи стружки при рѣзкѣ металловъ, отмѣченнаго большою медалью (имени Имп. Николая II Имп. русск. технич. общества.

Инженерское московское техническое училище имѣть известнаго въ наукѣ машиностроения *П. К. Худякова* (печатныя руководства), по химической технологіи—*Я. Я. Никитинскаго* (весьма многія печатныя сочиненія), *П. П. Петрова* (по казедрѣ красильныхъ веществъ) и *С. А. Федорова*—по технологіи волокнистыхъ веществъ; *Н. Г. Жуковскаго* по теоретической механикѣ и *В. Е. Орлова* по прикладной механикѣ; *А. И. Сидорова*, по машиностроенію; по строительному искусству *М. М. Черепанинскаго*, по механической технологіи *А. П. Гагаринскаго*. Въ исторіи его ученой технологической дѣятельности памяты имена *И. П. Архипова, В. К. Делла-Восса* и недавно утраченнаго проф. *В. М. Рунцова*, оставившаго по себѣ много научныхъ печатныхъ статей по предметамъ химической технологіи. При Имп. московскомъ техническомъ училищѣ состоятъ *политехническое общество*, имѣющее свой печатный органъ («Извѣстія Политехническаго Общества» и «Бюллетени»). Здѣсь необходимо упомянуть о музеѣ прикладныхъ знаний (см. Музеи промышленности) и о Строгановскомъ училищѣ технического рисованія въ Москвѣ и училищѣ рисованія барона Штиглица.

Въ *рижскомъ политехническомъ институтѣ* по механической технологіи *Э. Э. Пфуль*, очень много писавшій, специалистъ особенно джутаго дѣла и писчебумажнаго производства; *К. А. Владиміровъ*, по прикладной механикѣ, известныя работами о керосиновыхъ двигателяхъ; *Б. М. Водзинскій* и *Малхеръ*—по инженерному искусству, преимущественно по устройству путей сообщенія; по строительному дѣлу здѣсь былъ профессоръ *Ланъ* (нынѣ за границею), известный своимъ сочиненіемъ о дымовыхъ трубахъ; по химической технологіи — *М. Ф. Глазенацъ*; по землѣдѣію *В. А. Фотъ-Киримъ*—предсѣдатель сельскохозяйственнаго отдѣла и сельскохозяйственной опытной станціи, *К. Д. Ловисъ*—по прикладной механикѣ, *Г. В. Кирштейнъ* по сельскохозяйственному строительному искусству, *Р. Ф. Гентцъ* по технической механикѣ. Въ ближайшемъ отношеніи къ политехническому институту и по всей мѣстной промышленности города Риги состоитъ «Rigaer Technischer Verein»; этотъ фореинъ издаетъ техническій

журналъ: «Rigaer Industrie-Zeitung». Изъ *рижскаго политехническаго института* вышло не малое число отличныхъ техникувъ. Вліяніе *университетовъ* на успѣхи въ технической области и развитіе технологической науки, помимо общаго воспитательнаго значенія университетской подготовки, выразилось особенно въ области такъ называемой *химической технологіи*. Въ *киевскомъ университетѣ* съ 1870-хъ годовъ технологическая наука особо выдѣлялась въ лицѣ *Н. А. Буте*, вполнѣдствіи предсѣдателя кievскаго отдѣленія Имп. русск. технич. общества; онъ далъ цѣлый рядъ работъ по техническимъ предметамъ и учебники: «Химическая технологія воды», «Топливо и отопленіе», «Курсъ химической технологіи», «Программа по технической химіи», «Обзоръ литературы по химической технологіи». Въ *казанскомъ университетѣ* извѣстенъ своими работами по технологіи проф. *И. Ив. Канонниковъ*, авторъ руководства къ анализу питательныхъ веществъ. Въ *московскомъ университетѣ* *Ив. Г. Каблукъ* далъ въ сотрудничествѣ съ Имп. Антушевичемъ руководство къ анализу пчелинаго воска; особенно извѣстенъ своими многочисленными работами по техническимъ вопросамъ *Вл. В. Марковниковъ* (по изслѣдованію кавказскаго нефти, по минеральнымъ водамъ Кавказа, по изслѣдованію русской химической промышленности и др.).

Дерптскій, нынѣ юрьевскій университетъ, среди весьма большого числа научныхъ дѣятелей, которыхъ онъ воспиталъ, далъ не мало лицъ, посудившихъ и технической наукѣ; академики *Гельмерсенъ* и *Гольмъ*—изслѣдователи Урала, Донецкаго бассейна и др. областей Р., оба учились въ Дерптѣ. Высшая химическая школа проф. *К. Шмита* подготовила *В. П. Ливена* (д-ра химіи юрьевск. унив.), работы котораго надъ составомъ цементныхъ материаловъ Р. (печат. въ «Архивѣ естествознанія Лифляндіи») связаны съ основаніемъ и развитіемъ у насъ цементнаго дѣла: *В. П. Ливенъ* построены были цементные заводы *рижскій, Портъ-Кунда* и черноморскій въ Новороссійскѣ. Та же химическая школа подготовила д-ра *Бенрата* принесшаго важныя услуги технологической наукѣ по отрасли стеклослѣнія (изслѣдованія надъ нормальными пропорціями составленія стекла и книга по стеклослѣнію).

Горный институтъ (прежде институтъ корпуса горныхъ инженеровъ) далъ технологической наукѣ много замѣчательныхъ дѣятелей: *Н. В. Воронцовъ*—выдающийся инженеръ-строитель, работавшій на Уралѣ и Путиловскомъ заводѣ, строитель пермскаго завода, памятный всѣмъ постройкою (на томъ заводѣ) перваго 50-ти-тоннаго парового молота; *П. Обуховъ*—по сталелитейному дѣлу; *В. А. Полетики* и *П. Семяниновъ*—устроители известнаго механическаго завода; ученый *Г. А. Гюсса*—памятный курсами металлургіи и горнаго искусства въ горномъ институтѣ; оба *Кованько* (*Алексій* и *Алдр. Ив.*)—изв. химики, основатели химическихъ заводовъ. *В. В. Бегъ*, известный своими превосходными курсами химіи, которые онъ читалъ и въ спб. техно-

логическому институту, много воздвигавший на развитие технических знаний; *И. А. Тиме*, проф. горнозаводской механики, известный многими учеными трудами—въ томъ числѣ по механической технологіи въ вопросѣ о сопротивленіи стружки (при рѣзкѣ металла); *К. Ис. Лисенко*, профессоръ химіи, памятный своими трудами по нефтяному дѣлу; *Н. С. Курнаковъ*, профессоръ химіи, давший много печатныхъ работъ по техническимъ предметамъ. Въ составѣ преподавателей слѣб. технологическаго института было много горныхъ инженеровъ и не только въ первое время, когда при институтѣ находилась и бывшая горная школа, имѣвшая съ нимъ общіе курсы. Изъ нихъ трое были директорами института (*К. Г. Бутеневъ*, *И. П. Чайковский* и *Я. И. Ламанскій*); одинъ — инспекторомъ работъ въ механическихъ мастерскихъ (*Ю. И. Бутковский*); *Н. А. Кулибинъ*, *Н. А. Тосса*, въ качествѣ преподавателей, а съ ними всего вмѣстѣ около двадцати преподавателей института. Одно изъ начальныхъ основателей русскаго техническаго общества—Его Выс. Николай Максимилановичъ герцогъ Лейхтенбергскій—принадлежалъ также къ составу горныхъ инженеровъ. Нынѣ въ числѣ предѣдателей отдѣловъ русскаго техническаго общества — проф. университета *Д. П. Коноваловъ* и кандидатъ его—*Н. С. Курнаковъ*—горные инженеры. Для технологической науки всегда представляла большую важность «Горный Журналъ», а нынѣ еще «Извѣстія Общества Горныхъ Инженеровъ» (съ 1892). Имѣли большое значение также и труды «Лабораторіи горнаго департамента», при министерствѣ финансовъ въ СПб., по испытанію русскихъ материаловъ. Изъ *военныхъ академій* вышли извѣстнѣйшіе профессора специальныхъ предметовъ, имена которыхъ видны по помѣткамъ въ предыдущихъ упоминаніяхъ; къ нимъ присоединяются имена *Г. С. Войничаго* (воен. инженеръ), *Э. А. Коверскаго* (артиллеристъ-геодезистъ). Въ технической наукѣ и распространение техническихъ знаний въ Р. большая роль принадлежитъ *обществамъ*, и изъ нихъ преобладающимъ образомъ *Императорскому русскому техническому*. Масса техническихъ сообщений, сдѣланныхъ обществу, и специальныхъ трудовъ печатается въ его «Запискахъ», которые издаются его главными *отдѣлами*, раскинувшіяся по всей Р. (кромѣ слѣб. центра, отдѣленія: московское, кievское, бакинское, кавказское въ Тифлисѣ, одесское, харьковское, казанское, нижегородское — «Вѣстникъ пароходства и торговли», иваново-вознесенское, либавское и пр. — всѣхъ отдѣленій по настоящее время болѣе двадцати). «Записки» общества (въ С.-Петербургѣ) развѣтвились нынѣ по специальности, которымъ соответствуютъ *отдѣлы* технологическій, желѣзнодорожный, электротехнический, воздухоплавания, техническаго образованія (всѣхъ отдѣловъ IX); такимъ образомъ являются отдѣльные печатные органы: «Записки», журналы «Желѣзнодорожное Дѣло», «Электричество», «Техническое Образование». Отдѣлъ «Технич. Образов.

сина съ В. В. Сабанинымъ, съ постоянной при немъ «Коммиссіей», сдѣлалъ очень много по основанію и развитію низшихъ техническихъ школъ въ СПб. Общество всегда не только поощряло, но прямо вызывало и субсидировало труды важные для техники. Изданіе книгъ, производство техническихъ опытовъ, поѣздки молодыхъ техниковъ за границу (стипендія); въ направленіи вызова и поощренія трудовъ, какъ особенно важные результаты, явились исполненные по порученію общества обширнѣйшія изслѣдованія «Объ упругости газовъ» *Д. И. Менделѣева* и «О треніи въ машинахъ» *Н. П. Петрова*. Кромѣ постоянныхъ специальныхъ сообщений или «бесѣдъ» въ помѣщеніи общ. (въ Солянскомъ городкѣ) читалось много публичныхъ лекцій по разнымъ предметамъ; музеи при немъ служатъ для всѣхъ. Лабораторія общества, въ которой нынѣ дѣйствуетъ бывший проф. медицинской академіи *Соколовъ*, при двухъ лаборантахъ (инж. технол. *Стелановъ*, помощникъ *Н. И. Тавилдарова* въ пивоварной школѣ), сдѣлала много по части изслѣдованій—особенно угля и др. горючихъ материаловъ, въ послѣднее время для изслѣдованія нефтяныхъ топокъ. Работу иного рода, касающуюся примѣненія топлива, составляютъ учебные «курсы кочеваровъ», вырабатанные нынѣ по программѣ *П. В. Котурницкаго* и *И. А. Анопова*. Обществу принадлежитъ изданіе техническаго словаря (въ дѣлѣ котораго много потрудился инж.-технологъ *П. П. Андреевъ*). Въ послѣднее время техническое общество устраивало у себя въ Солянскомъ Городкѣ выставки: было нѣсколько электрическихъ и печатнаго дѣла, выставка по нефтяному дѣлу и освѣщенію, нѣсколько фотографическихъ, по техническому образованію вмѣстѣ со съѣздомъ дѣятелей его. Небольшое нѣмецкое *политехническое* общество (Polytechnischer Verein) въ С.-Петербургѣ, держащее собранія для чтенія докладовъ и техническихъ бесѣдъ, основалось почти одновременно съ русскими техническими. Въ его органѣ: «Protokolle des St.-Petersburger Polytechnischen Vereins» статьи русскія и нѣмецкія. Общество организовало состязаніе кочеваровъ въ СПб. 1877 и 1890 г. Въ Москвѣ общество *распространенія техническихъ знаний* дѣйствовало съ 1869—70 г. какъ и отдѣлъ «Техническаго образованія» при имп. русскомъ техническомъ обществѣ. Такъ, въ первое время оно озабочивалось организаціей обученія рисованію и устроило классы техническаго рисованія и черченія. нѣсколько ремесленныхъ школъ (школа серебряныхъ издѣлій и др. и учебныхъ мастерскихъ); организовало обширную бібліотеку, помѣщая шуюся въ московскомъ «музее прикладныхъ знаний»; въ особомъ «Ученомъ» отдѣлѣ его происходили иногда техническія бесѣды и сообщенія. О «Политехническомъ обществѣ» и др. см. въ статьѣ «Техническаго общества».

Періодическія изданія, посвященныхъ техникѣ, за всѣ періоды, начиная отъ 30-хъ годовъ, было въ Р. вообще не мало. Изъ нихъ на первомъ планѣ издаваемыхъ нынѣ отдѣленіями Императорскаго русскаго техническаго

общества. Такъ, особую важность имѣють по нефтяному дѣлу «Труды Бакинскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Техническаго Общества»; для свеклосахарной промышленности «Записки Кіевскаго Отдѣленія». Въ С.-Петербургѣ «Записки Императорскаго Русскаго Техническаго Общества» издаются съ 1867 г. Годомъ ранѣе былъ основанъ журналъ «Техническій Сборникъ», который издавался *Горбуновымъ* (1866—1872) и затѣмъ *Ашикомъ*, при субсидіи отъ министерства финансовъ. Въ Москвѣ замѣчательный журналъ издавалъ *Кречетовъ*, подъ тѣмъ же заглавіемъ «Вѣстникъ Промышленности»; однако, онъ издавался только (не сплошн) три года, 1884—86 г. Въ настоящее время въ Москвѣ «Техническій Сборникъ» и «Вѣстникъ Промышленности», издаваемый К. А. *Казначеевымъ* съ 1890 г.; въ Москвѣ издавались еще: «Вѣст. Промышленности» Чижова и Бабста (около 60-го года), «Иллюстриров. ежемѣсячный техническій журналъ заводской промышленности, кустарной промышленности и ремесла.» (въ 80-хъ годахъ). *Политехническое Общество* при императорскомъ московскомъ техническомъ училищѣ издавало очень хороша «Извѣстія», засимъ съ 1892—93 г. «Бюллетени». Общество технологовъ имѣетъ свой журналъ «Вѣстникъ»; оба технологическихкія института издають повременно (петербургскій съ 1879 года) свои «Извѣстія», содержащія ученые работы профессоромъ. Много интересныхъ трудовъ, техническихъ монографій и научныхъ статей помѣщается и въ «Извѣстіяхъ императорскаго московскаго технического училища»; издаются: «Извѣстія Петровской землед. и лѣсной академіи», «Извѣстія собранія инженеровъ путей сообщенія», «Изв. общество горныхъ инженеровъ», «Инженеръ», изд. въ Кіевѣ.—Среди специальныхъ по отраслямъ техники журналовъ имѣются: «Вѣст. Винодѣлія», изд. Таировымъ; «Вѣст. русскаго пивоваренія», подъ ред. Такидзорова; «Вѣстникъ мукомольн. дѣла и хлѣбн. торговли», изд. Мердеромъ, въ С.-Петербургѣ; «Мельникъ» въ Москвѣ; «Gazeta Cieslowicza», ред. С. А. Бровевскаго; «Желѣзнодорожное дѣло» (см. выше), «Электротехническій Вѣстникъ», «Электричество», «Ежегодникъ Лѣсного Института», «Лѣсной Журналъ», изд. спб. лѣснымъ общ., «Сельское Хозяйство и Лѣсоводство», «Торгово-Промышленная Газета» (мин. финансовъ).

Изъ обширѣйшихъ трудовъ и изданій министерства финансовъ при министрахъ И. А. Вышнеградскомъ и С. Ю. Витте, на ряду съ основными работами по вопросамъ народно-промышленнаго хозяйства (раб. конца 80-хъ годовъ по европ. таможенному тарифу, въ заголовкѣ которыхъ стоятъ «Записки» профессоровъ технол. инст., и по предмету которыхъ написана популярная книга Д. И. Менделѣева «Толковыя тарифы»; далѣе, труды 1893 г. по конвенціональному тарифу прежде всего для русско-германскаго таможеннаго и торговаго договора и др.), изданы были при департаментѣ торговли и мануфактуръ, въ вѣдѣніи Вл. Ив. *Ковалевскаго*, сборники и отчеты: «Фабрично-заводская промышленность и торговля Р.», подъ общео редакціею Д. И. Мен-

делѣва (для выставки въ Чикаго 1893 г.), «Производительныя силы Р.»^{*)}, сборникъ, составленный для всероссійской выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ 1896 г., подъ общео редакціею В. И. Ковалевскаго, отчеты лицъ, бывшихъ делегатами Россіи на выставкѣ въ Чикаго (въ томъ числѣ специальныхъ по отраслямъ технологіи: Д. П. *Коновалова*, Вяч. *Евг. Тищенко*, В. Л. *Кирпичева*, А. Д. *Гатчука*, Ст. Ос. *Гумиамбаровъ*, извѣстнаго многими печатными трудами о нефтяному дѣлу и др.); отчетъ о нижегородской выставкѣ 1896 г. (труды экспертной коммисіи и пр.); департаментомъ изданы были за то же время отдѣльные сочиненія ученыхъ авторовъ по отраслямъ технологіи. Важныя технологическія данныя заключаютъ за послѣднее время, по соотвѣтственнымъ специальностямъ, «Отчеты департаментна неокладныхъ сборовъ», и именно «Приложенія» къ нимъ. За вновь появляющимися техническими книгами и журналами можно прослѣдить по ежемѣсячной «Политехнической Библіотекѣ» (издается въ С.-Петербургѣ). Полная библіографія русскихъ книгъ по технической части составляетъ особое изданіе; отчасти же можно прослѣдить ее по ссылкамъ, имѣющимся въ «Русской части химической библіографіи», обнимающей книги химическаго содержанія по 1893 г., изданной Имп. акад. наукъ. А. К.

17) Науки инженернаго и строительнаго искусства. При насажденіи наукъ въ Р. въ эпоху Петра Вел., любившаго строительное дѣло, пришлось начать съ переводовъ иностранныхъ сочиненій по разнымъ предметамъ. Въ Москвѣ напечатана была, по повелѣнію государя, книга подъ заглавіемъ: «Архитектура воинская, гипотическая и екетическая, то есть вѣрное наставленіе, какъ разными немецкими, французскими, галанскими и италіанскими манірами. Съ добрымъ прибыткомъ, такъ въ регулярной, какъ въ ирегулярной портфікаціи пользоваться возможно и т. д. ... изъяснено отъ публичнаго проф. (Леонарда Христофора) Штурма. Москва лѣта 1709». Затѣмъ въ теченіе XVIII стол. переводились на русскій яз. архитектурныя сочиненія, представившія тогда классическими: Виньола, Витрувія, Палладио, болѣею частью съ нѣмецки или французск. переводовъ, съ значительными сокращеніями. Наиболѣе полнымъ былъ переводъ Витрувія, съ французскаго перевода Перро, изданный В. Баженовымъ въ теченіе 1790—1797 гг., въ 10 книгахъ. Къ тому времени потребность въ правильной организаціи строительнаго дѣла въ государствѣ привела къ учрежденію для этой цѣли правительственныхъ органовъ. Учрежденная при имп. Анніѣ Іоанновнѣ «Канцелярія Перспективной дороги», для сооруженія дороги между СПб. и Москвою, въ 1775 г., подъ названіемъ «Канцелярія отъ строенія Государственныхъ дорогъ», завѣдывала уже всѣми большими до-

^{*)} Подъ такимъ же заглавіемъ, а именно «Essai sur les forces productives de la Russie» составленъ былъ сборникъ *Бунина* для парижской выставки 1847 г.; еще ранѣе того, подъ тѣмъ же заглавіемъ, имѣется трудъ экономиста *Тензоборскаго*.

рогами въ государствѣ. Въ 1797 г. имп. Павелъ I учредилъ департаментъ водяныхъ коммуникацій, который послѣ нѣсколькихъ преобразованій превратился сначала въ главное управление, а затѣмъ министерство путей сообщенія. Съ возникновеніемъ этого вѣдомства совпадесть во времени начало самостоятельной дѣятельности русской мысли на инженерномъ поприщѣ. Въ 1799 г. напечатано было въ Петербургѣ «Описаніе представленнаго на чертежѣ моста, простирающагося изъ одной дуги на 140 саженьхъ...», извѣстнаго механика-самоучки И. П. Кулибина (XVI, 955). Въ 1806 г. Томонъ издалъ въ Петербургѣ на франц. языкѣ собраніе чертежей главнѣйшихъ памятниковъ, построенныхъ въ Петербургѣ и другихъ городахъ («Resueil de plans et façades des principaux monuments construits à S. Pétersbourg...»). Съ другой стороны, русскіе зодчіе и любители старины стали изучать, описывать и снимать планы и чертежи старинныхъ церквей, дворцовъ и другихъ памятниковъ въ такимъ образомъ положили начало правильной разработкѣ древностей строительнаго искусства. Въ 1809 году напечатана книга П. Валуева: «Историческія свѣдѣнія изъ лѣтописей отечественныхъ и преданій изустныхъ, извлеченныя о селѣ Коломенскомъ...». Кіевскій митрополитъ Евгений Болховитиновъ (т. XI, стр. 411) издалъ въ 1825 г. цѣнное «Описаніе Кіево-Софійскаго собора и кіевской іерархіи», съ приложеніемъ плановъ, а въ 1826 г. «Описаніе Кіево-Печерской лавры», также съ планами. Дѣятельность графа Н. П. Румянцова и учрежденіе археологическихъ обществъ въ Р. упрочило изслѣдованіе русскихъ древностей, въ томъ числѣ и старинныхъ строеній. А. Шмитъ въ 1827 г. снялъ съ натуры развалины зданій древней столицы болгарскаго царства близъ с. Успенскаго, въ Казанской губ., издалъ свой трудъ въ 1832 г. подъ заглавіемъ: «Архитектурные чертежи древнихъ болгаръ» (М.). Къ этой мѣстности относятся позднѣйшія изслѣдованія Юрткульскаго и Шпилевскаго. Изъ трудовъ А. Г. Глаголева издана была одна только тетрадь: «О русскихъ крѣпостяхъ», съ атласомъ въ 35 листовъ (СПб., 1833). «Памятники древности во Владимірѣ на Клязьмѣ» (М., 1849) описаны были В. И. Доброхотовымъ и гр. С. Г. Строгоновымъ. Ё. Рихтеръ напечаталъ снятыя съ натуры, въ планахъ, фасадахъ и разрывахъ, съ деталями украшеній, каменной вышечки и живописи: «Памятники древняго русскаго зодчества» (М., 1851—56). Изъ частей «Древностей Россійск. Государства», издававшихся по Высочайшему повелѣнію Соинцевымъ, отдѣленіе VI посвящено памятникамъ древняго русск. зодчества. Труды Д. И. Гримма, знатока церковныхъ построекъ византійскаго стиля изданы А. Бегровымъ подъ названіемъ: «Памятники византійской архитектуры въ Грузіи и Арменіи» (СПб., 1859—64). Въслѣдствіи Гриммъ издалъ «Памятники христіанской архитектуры въ Грузіи и Арменіи» (СПб., 1866), имѣющіе весьма важное значеніе для исторіи искусства. Трудами по древнему зодчеству занимались также В. В. Сусловъ (изд. акд. худ.,

1895—98) и др. См. выше Русское искусство (стр. 650—656).

Быше было упомянуто, что строительная дѣятельность правительства стала сосредоточиваться въ вѣдомствѣ путей сообщенія. Въ этомъ-же вѣдомствѣ получила начало, выросла и окрѣпла русская наука инженернаго искусства. Въ 1810 г. открытъ институтъ инженеровъ путей сообщенія. Первыми профессорами института, начальникомъ и директоромъ его были приглашенные изъ Франціи инженеры Бетанкуръ, Сенноверъ, Фабръ, Базенъ, Потье и Дестремъ. Тогда же выписаны были изъ Парижа «лучшія иностранныя сочиненія, до науки инженеръ-гидравлика относящіяся». Въ 1820 г. были вызваны изъ Франціи инженеры Рокуръ, Ламе и Клапейронъ. Въ первые годы существованія института часть оканчивавшихъ при немъ курсъ инженеровъ оставалась при немъ въ качествѣ преподавателей и профессоровъ. Лекціи читались сначала на французскомъ языкѣ. Я. А. Севастьяновъ, преподававшій послѣ Потье начертательную геометрію и математику, первый сталъ употреблять на лекціяхъ русскій языкъ. Имъ же изданъ первый на русскомъ языкѣ курсъ начертательной геометріи (Потье, «Основанія начертательной геометріи», переводъ Севастьянова, СПб., 1816; его же, «Приложеніе начертательной геометріи къ рисованію», переводъ Севастьянова, СПб., 1818), которая, вообще, кромѣ института инженеровъ путей сообщенія, нигдѣ тогда еще въ Р. не преподавалась. Въ 1818 г. Потье и Севастьяновъ издали вмѣстѣ новую книгу, подъ заглавіемъ: «Начальныя основанія разрѣзки камней — *Traité de la Coupe des Pierres*». Затѣмъ Севастьяновымъ самостоятельно было издано нѣсколько сочиненій по начертательной геометріи и ея приложеніямъ (послѣднее въ 1834 г.). Послѣ него по начертательной геометріи писали *Галактионовъ, Зелений, Киндерецъ, Сомовъ* и др. Однимъ изъ ближайшихъ преемниковъ Севастьянова по кафедрѣ начертательной геометріи въ институтѣ былъ А. Х. Реберъ, послѣ котораго остались слѣдующіе труды (литографированные): 1) «Теорія ортогональныхъ проекцій», 2) «Теорія проекцій съ числовыми отмѣтками или дополнителными числами», 3) «Линейная перспектива» и др. Въ 1870 г. появился обширный трудъ Н. А. Макарова, выдержавшій нѣсколько изданій. Въ 1892—1897 гг. изданъ полный курсъ начертательной геометріи профессора В. И. Курдюмова, по обширной программѣ, со включеніемъ метода аксиометрическихъ проекцій. По предложенію Бетанкура, профессора института занимался изслѣдованіями надъ сопротивленіемъ растворовъ и матеріаловъ (Рокуръ, совместно съ Ламе и Клапейрономъ («Журналъ Мин. Путей Сообщ.» началъ выходить съ 1824 г., на русскомъ и французскомъ языкахъ. Въ немъ помѣщались преимущественно труды профессоровъ. Стали издаваться и отдѣльные сочиненія по разнымъ отраслямъ строительнаго искусства, и для руководства строителей печатались образцовые чертежи различныхъ категорій сооруженій. Таковы, напр., «Чер-

тежи деревяннымъ мостамъ, для устройства по большимъ дорогамъ въ Россіи, съ присовокупленіемъ таковыхъ же и ледорѣзкамъ; сочинено при главномъ управленіи путей сообщенія» (СПб., 1816). Первая, повидимому, русская книга, трактующая о водныхъ путяхъ Р., напечатана въ Амстердамѣ. Эта книга *Корнелия Крюйса*: «Прилѣжное описаніе р. Дону или Танаиса, Азовскаго моря или Езера Меотійскаго, Понта Евксинскаго или Чернаго моря» (Амст., 1669, съ картами), посвященная проекту соединенія Волги съ Дономъ, къ исполненію котораго приступлено было Петромъ Вел., но который остался неоконченнымъ вслѣдствіе начавшейся войны съ Швеціей. Книга Крюйса, впрочемъ, была издана также на голландскомъ языкѣ. Другая мысль Петра Великаго, устройство Тверецкаго канала, была имъ-же осуществлена и этимъ былъ созданъ Вышневолоцкій водный путь, впервые соединившій воды Каспійскаго моря съ Балтійскими. Въ составъ этого пути входитъ р. Мста, весьма затруднительная для судоходства и сплавля своими порогами, подводными камнями и извилистымъ быстрымъ теченіемъ. Улучшеніе судоходныхъ условій этой рѣки было одною изъ первыхъ задачъ русскихъ инженеровъ начала этого столѣтія. Особенно большую память оставилъ по себѣ на Вышневолоцкой системѣ инженеръ *И. И. Корницій*, который изобрѣлъ, между прочимъ, нынѣ еще употребительныя въ той же конструкціи, такъ назыв. упрѣжки заплывы. Онѣ представляютъ собою громадныя, составленныя изъ бревенъ, окованныхъ желѣзомъ, пружины, предупреждающія ударъ судовъ или плотовъ въ каменистый берегъ рѣки, и ставятся ниже поворотовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ суда быстрымъ теченіемъ наносятся на берегъ. Описаніе ихъ издано въ 1824 г. (Корницій, «Проектный и отчетный чертежи упрѣжекъ заплывей на р. Мстѣ при урочищѣ Толщѣ и порогѣ Лѣстницѣ»). Работы другихъ инженеровъ, трудами которыхъ созданы были существующія въ настоящее время три системы, соединяющія р. Волгу съ Невомъ, и прочіе искусственные водные пути Россіи, а также производились разныя улучшенія на Волгѣ и на другихъ рѣкахъ и въ портахъ, болѣею частью описывались въ «Журналѣ Мин. Путей Сообщенія», на страницахъ котораго и обсуждались вызываемые практикою вопросы, интересовавшіе русскихъ гидротехниковъ и строителей. Инженерныя работы въ Р. получили большое развитіе при имп. Николаѣ I. По части научной разработки вопросовъ, касающихся улучшенія водныхъ путей, къ эпохѣ импер. Николая I относятся капитальные труды *И. Ф. Штукенберга*, содержащіе гидрографическое, статистическое и техническое описаніе русскихъ водныхъ путей, какъ естественныхъ, такъ и искусственныхъ: «Beschreibung aller im russischen Reiche gegrabenen oder projektirten schiff- und flossbaren Canäle...» (СПб., 1831); его же, «Hydrographie des russischen Reiches, oder geographisch-statistisch-technische Beschreibung seiner floss- und schiffbaren Flüsse...» (СПб., 1844—49).

Въ Москвѣ первый водопроводъ былъ по-

строенъ, какъ можно полагать, при царѣ Михаилѣ Теодоровичѣ. Въ 1633 г. англичанинъ, часовыхъ дѣлъ мастеръ Галловой, поднялъ воду изъ Москвы-р. въ Свиблову башню и провелъ ее оттуда въ поварни Государевыхъ Сятнаго и Кормоваго дворцовъ (Кипріяновъ, «Описаніе Моск. губ.»). Въ 1829 г. напечатанъ въ Москвѣ «Прожетъ о проведеніи воды въ столичный городъ Москву, учиненный генералъ-лейтенантомъ фонъ-Бауеромъ іюня 24 дня 1780 г.». Первый курсъ водопроводовъ на русскомъ языкѣ составленъ былъ инженеромъ барономъ *А. И. Дельвигомъ*. Его «Руководство къ устройству водопроводовъ» (М., 1856), обнимающее теоретическую разработку относящихся къ водопроводамъ частей гидравлики, съ дополненіями на основаніи собственной практики автора, удостоенъ былъ Демидовской преміи. Имъ было издано нѣсколько другихъ отдѣльныхъ сочиненій и печатались статьи въ «Журн. Мин. Путей Сообщенія». Работами по улучшенію московск. водопровода, сооруженнаго во времена Екатерины и пришедшаго къ началу 40-хъ гг. въ полную ветхость, Дельвигъ стужалъ себя извѣстность. Въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ гг. стали появляться книги, посвященныя вопросамъ о водоснабженіи отдѣльныхъ городовъ. Слѣдующимъ руководствомъ по устройству водопроводовъ, послѣ сочиненія Дельвига, была книга *А. И. Штукенберга*: «Водопроводы съ принадлежностями къ нимъ сооруженіями. Предположеніе и устройство, примѣняясь преимущественно къ водоснабженію городовъ» (СПб., 1872; второе исправленное изд. СПб., 1878). Въ настоящее время теоретическіе и практические вопросы, относящіеся до водоснабженія, разрабатываются собирающимися периодически водопроводными съѣздами (отчеты печатаются въ трудахъ съѣздовъ). Курсъ водопроводовъ профессора *В. Е. Тимонова* печатается въ «Сборникѣ», издаваемомъ институтомъ инженеровъ путей сообщенія. Второй выпускъ этого курса: «Водоснабженіе желѣзнодорожныхъ станцій» напечатанъ въ 1898 г. Въ томъ же сборникѣ помѣщаются материалы, относящіеся до соседнихъ съ водоснабженіемъ отраслей гидротехники: орошенія, осушенія земель и городскихъ водостокамъ.

Осушеніе болотистыхъ полей имѣетъ большое значеніе для многихъ мѣстностей Р., а потому наши инженеры стали интересоваться сравнительно рано этой задачей. Въ 1810 г. напечатанъ въ Петербургѣ трудъ *Г. Энгельмана*: «Теоретическое и практическое руководство къ осушенію угодьевъ», съ 30 листами чертежей, а въ 1827 г. появилась книга *Аванасія Стойковича*: «Систематическое изложеніе способовъ обезводненія мокрой, болотистой почвы и осушенія топей» (СПб.). Особая топографическія условія Кавказскаго края выдвинули вопросы объ ирригаціи и обводненіи (труды М. Н. Герсенава и др.), а также о предохраненіи отъ наводненій плоскихъ береговъ рѣкъ, имѣющихъ высокіе паводки. Этимъ предметамъ посвящены многія статьи въ «Журналѣ Мин. Путей Сообщенія» прежнихъ лѣтъ. Послѣ большого на-

водненія, бывшаго въ Петербургѣ въ 1824 г., вопросъ о различныхъ мѣрахъ для предохраненія столицы отъ громадныхъ ѣдствій, вызываемыхъ наводненіями, не переставалъ занимать русскихъ инженеровъ, хотя эту трудную задачу не удалось рѣшить и до настоящаго времени. Подробное историческое извѣстіе о всѣхъ наводненіяхъ, бывшихъ въ Петербургѣ до 1824 г., напечатано было въ 1826 г. *В. Н. Бергомъ*. Первые проекты предохраненія Петербурга отъ наводненій представлены были полковникомъ Дестремомъ, академикомъ Петровымъ, архитекторомъ Модри, англичаниномъ Гуллетомъ, профессоромъ Парротомъ, генераломъ Базеномъ, а затѣмъ французскимъ инженеромъ Дефонтемомъ. Критическій разборъ предложенныхъ проектовъ напечатанъ въ 1858 г. *В. Киріиловымъ*. Въ настоящее время вопросъ этотъ вновь разсматривается и обзоръ всѣхъ предположеній по этому предмету напечатанъ недавно инженеромъ *В. В. Саловымъ*. Другой вопросъ, касающійся также благоустройства Петербурга и до сихъ поръ оставшійся неразрѣшеннымъ вслѣдствіе трудныхъ мѣстныхъ условий, зависящихъ отъ низменнаго расположенія города, а именно предположеніе о канализаціи столицы, также имѣлъ прямое вліяніе на научную разработку этой части гидротехники. Въ 1856 г. появилось въ печати сочиненіе *А. Н. Беззубова*: «Водостоки». Русскія системы водостоковъ, преимущественно въ примѣненіи къ Петербургу, предложены были Михаиломъ *Поповымъ* («Къ вопросу о канализаціи С.-Петербурга правильными водостоками въ связи съ улучшеніемъ мостовыхъ», М. Попова, СПб., 1870), инженеръ-технологомъ Александромъ Буровымъ. Способъ Бурова—отводъ концентрированныхъ нечистотъ изъ общихъ выгребовъ помощью разрѣженнаго воздуха—примѣненъ былъ, начиная съ 1872 г., къ очищенію нѣкоторыхъ общественныхъ зданій СПб. и описанъ въ современныхъ брошюрахъ, а также въ издававшихся послѣ того курсахъ водостоковъ.

Въ 1830—40 гг. правительствомъ были изданы и отчасти сдѣланы обязательными къ руководству строителей образцовые чертежи зданій, сооружений и ихъ деталей. Въ 1835—36 гг. изданы были собранія чертежей по части строительнаго искусства, составленныхъ Евреиновымъ, Кербедзомъ, Бутаномъ, Демидовымъ, Ястржембскимъ и Данненштерномъ. Въ 1843 г. изданы «Нормальные чертежи деревянныхъ мостовъ различныхъ конструкций на каменныхъ и на деревянныхъ бѣгахъ и устояхъ, съ подробнымъ изображеніемъ способовъ сопряженій составныхъ частей». Въ отличіе отъ заграничныхъ балочныхъ и подкосныхъ мостовъ,—исъ русскіе деревянныя мосты построены изъ круглаго лѣса, что требуетъ особаго искусства при устройствѣ врубокъ и сопряженій, но за то придаетъ мосту болѣе красивый видъ и содѣйствуетъ прочности. Также былъ изданъ атласъ образцовыхъ чертежей деталямъ строеній. Высочайше утвержденныя образцовыя фасады для частныхъ домовъ въ городахъ и для сельскихъ строеній. Въ 1851 г. появляется въ печати замѣчатель-

ная по полнотѣ и весьма цѣнная какъ руководство «Гражданская архитектура», *А. К. Кривоногова*, съ атласомъ чертежей на 102 листахъ. Наиболѣе полнымъ курсомъ является перепечатанное теперь вторымъ изданіемъ «Гражданская архитектура» *М. Е. Романовича* (4 т., 2887 черт. въ текстѣ и атласъ въ 115 лист.). По специальной архитектурѣ, кромѣ изданныхъ многихъ переводныхъ сочиненій, оригинальной обработкѣ русскихъ строителей подверглись тѣ отдѣлы, которые вслѣдствіе національныхъ или климатическихъ особенностей не могли ограничиться усвоеніемъ зап.-европ. образцовъ. Поэтому, не говоря здѣсь объ архитектурѣ церквей, русскій зодчій старался стилизовать въ національномъ вкусѣ возводимыя ими строенія, что оказалось возможнымъ особенно для деревянныхъ зданій. Образцами могли служить крестьянскія избы и отчасти городскія деревянныя строенія великорусскихъ губерній, благодаря любви русскаго крестьянина къ затѣшливому украшенію своего бревенчатаго жилища. Такимъ образомъ были выработаны фасады и планы деревянныхъ домовъ и дачъ въ русскомъ вкусѣ. Не перечисляя изданій, упомянемъ объ нѣкоторыхъ болѣе старыхъ авторахъ: Жуковский, Кутеповъ, Лемъ, Мухановъ, Пановъ, Рудольскій, Шишковъ, Шрейдеръ и Феодосѣевъ. Нѣкоторые изъ составителей руководствъ по постройкѣ деревянныхъ домовъ, какъ, напр., послѣдній изъ упомянутыхъ авторовъ («Руководство къ построенію деревянныхъ домовъ», изданное В. Феодосѣевымъ, СПб., 1831) ограничивались, впрочемъ, заимствованіемъ съ иностраннаго, или-же воспроизведеніемъ чертежей домовъ, построенныхъ въ Р., но безъ отпечатка національной самобытности. Бѣдствія отъ пожаровъ, пожиравшихъ въ деревянной Р. ежегодно много домовъ и селеній и разоряющихъ крестьянское населеніе, заставили русскихъ строителей придумывать новыя типы такъ назыв. экономичeskихъ построекъ для селъ и деревень, которые соединяли-бы дешевицу съ несгораемостью. Для этого составлены были проекты глинобитныхъ, землебаитныхъ, песчанобетонныхъ (Дафнеръ, Бланкъ, Пальшау, Кербедзъ и др.) строеній. Импер. Павелъ въ 1797 г. повелѣлъ учредить въ селѣ Никольскомъ, Новоторжскаго у., училище землебитнаго строенія, «для доставленія сельскимъ жителямъ здоровыхъ, безопасныхъ, прочныхъ и дешевыхъ жилищъ и въ соблюденіе лѣсовъ въ государствѣ». Одновременно съ учрежденіемъ училища въ селѣ Никольскомъ, о дальнѣйшей судьбѣ котораго ничего неизвѣстно, было выстроено въ Гатчинѣ земляное битое строеніе «Пріоратъ». Въ началѣ сороковыхъ годовъ выстроены опытыя глинобитныя постройки въ Горкахъ, на фермѣ м-ства госуд. имуществъ; въ 1847 г. м-во издало и разослало бесплатно «Руководство къ возведенію глинобитныхъ построекъ и глиносоломенныхъ крышъ». Имп. московское общ. сельск. хоз. издало печатныя руководства къ сооруженію огнестойкихъ построекъ. Соединенныя труды московскаго общ. сельскаго хозяйства и московскаго отдѣленія Имп. русскаго техниче-

скаго общества по этому вопросу составили отдѣльный XXI т. «Трудовъ» Имп. московскаго общества сельскаго хозяйства. Разнообразная, образцовая постройки этого рода, принадлежащая къ категоріи глинобитныхъ, глиномятыхъ, саманныхъ, сырцовыхъ, плетневыхъ и т. п., съ кровлями преимущественно глиносоломёнными и потолками изъ жердей, хвороста и глины, составили цѣлый несгораемый поселокъ на нижегородской выставкѣ 1896 г. Новѣйшія изданія по этой части: *М. Крыловъ*, «Типы огнеупорныхъ построекъ» (СПб., 1897) и *С. В. Лукашевичъ*, «Практическое руководство къ устройству дешёвыхъ несгораемыхъ построекъ» (СПб., 1898). Наружныя стѣны кирпичныхъ жилыхъ строеній въ Р., въ виду суроваго климата, дѣлаются, какъ извѣстно, для предупрежденія промерзанія, толще, чѣмъ въ болышинствѣ странъ Зап. Европы. Камны, употребляемые въ Зап. Европѣ, у насъ оказываются недостаточными и замѣнены печами. Изъ отдѣльныхъ приборовъ отопленія, рядомъ съ голландскими, шведскими и пр., вошедшими въ практику печами, сохранилась русская печь, которая въ крестьянской избѣ служитъ одновременно для нагрева комнаты, для варки пищи и въ качествѣ теплаго ложа при сильныхъ стужахъ. Первый опытъ выисненія цѣлесообразнаго устройства обыкновенныхъ печей сдѣланъ въ книгѣ неизвѣстнаго автора «Русская пиростатика» (СПб., 1793—99). Надъ улучшеніемъ конструкций русской печи трудилась *Шемаевъ*, *Диттл*, *Быковъ* и *Яриновъ* и, въ послѣднее время, П. Брандтъ (соч. послѣднго «Увеличеніе вдвое полезнаго тепловаго дѣйствія обыкновенныхъ русск. печей» и т. д., СПб., 1898). Болѣе подробно, какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ направленіи, разработалъ печное дѣло преподаватель горнаго инст., архитекторъ *Сейдзевъ*, придумавшій нѣсколько нагревательныхъ аппаратовъ, отличающихся хорошими качествами. Связевъ издалъ два руководства по архитектурѣ, напечатанныхъ въ 1833 и 1839 гг., и кромѣ того нѣсколько специальныхъ трактатовъ по печному дѣлу («О калориферахъ вообще и особенно о пневматическихъ», СПб., 1837; «Теоретическія основанія печного искусства», СПб., 1867; «Современнорусскія печи», СПб., 1850). Изъ системъ центральнаго отопленія, придуманныхъ русскими инженерами, наибольшій распространеніемъ въ недавнее время пользовался пневматическій калориферъ *Амосова*. Инженерами *Быковымъ* и *фонъ-Дершау* введены пневматическіе кирпичные калориферы, которые, не имѣя металлическихъ трубъ, долѣе держатъ тепло. Инженеръ *Войничскій* устроилъ такіе же калориферы, отличающіеся компактностью и равномерностью нагрева, полезное дѣйствіе этихъ калориферовъ оказалось отъ 72 до 80%. Всѣ упомянутые нагревательные приборы русскихъ изобрѣтателей описаны въ соотвѣтственныхъ изданіяхъ и помѣщаются въ руководствахъ по отопленію. Болѣе полные курсы отопленія изданы *И. Флавикинымъ* («Вентиляція и отопленіе общественныхъ зданій и жилыхъ помѣщеній», СПб., 1870) и *С. В. Лукашевичемъ* («Курсъ отопленія и вентиляціи»).

Послѣдній, кромѣ того, составилъ нѣсколько отдѣльныхъ трудовъ, касающихся устройства печей и отопленія. Русскій инженеръ *Шуберскій* изобрѣлъ переносную печь, которая вошла въ употребленіе въ Парижѣ.

Первыя желѣзныя дороги въ Россіи осуществлены были исключительно благодаря лишь верховной волѣ имп. Николая I, вопреки мнѣніямъ ближайшихъ его совѣтниковъ, въ числѣ которыхъ былъ и главноуправляющій путями сообщенія, графъ Толь. Профессоръ института инженеровъ путей сообщенія генералъ Дестремъ на лекціяхъ излагалъ свое мнѣніе о безполезности желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Въ «Журналѣ Министерства Путей Сообщенія» за 1830 г. имѣется статья Дестрема: «О ложныхъ понятіяхъ о желѣзной дорогѣ». Успѣхъ дѣла, однако, скоро обнаружился и въ послѣдующій періодъ настала эпоха усиленной постройки желѣзныхъ дорогъ, на продолжительное время заслонившихъ интересъ къ остальнымъ родамъ путей. Задачи, вызванныя сооруженіемъ желѣзныхъ дорогъ, наши вполнѣ подготовленныхъ русскихъ дѣятелей, которые сумѣли приложить къ новому дѣлу свои знанія и опытъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ русскими инженерами самостоятельно разработаны были тѣ отдѣлы, которые требовали измѣненій вслѣдствіе мѣстныхъ условий. Пролетныя части всѣхъ мостовъ Николаевской желѣзной дороги были деревянные, системы Гау, заимствованной изъ Америки. Но при постройкѣ Веребінскаго виадука, состоявшаго изъ 9 пролетовъ, по 25,5 саж., инженеръ *Д. И. Журавскій* отступилъ отъ америк. образцовъ, примѣнивъ неразрѣзныя надъ опорами фермы, съ нѣсколькими пересѣченіями раскосовъ. Онъ же первый разработалъ теоретически способъ опредѣленія усилій въ частяхъ фермы Гау, какъ разрывной, такъ и неразрывной, съ однимъ или нѣсколькими пересѣченіями раскосовъ. Изъ результатовъ этихъ изслѣдованій выиснилось, между прочимъ, что въ раскосной фермѣ съ параллельными поясами усилія въ стяжкахъ и раскосахъ увеличиваются къ опорамъ, что обратные раскосы въ фермахъ Гау, благодаря особенностямъ конструкціи, не вызываютъ неопредѣленности въ передачѣ усилій и много другихъ положеній, честь перваго открытія которыхъ принадлежитъ *Д. И. Журавскому*. По образцу Веребінскаго путепровода, въ отношеніи примѣровъ расчета и деталей конструкціи, были проектированы тогда пролетныя части остальныхъ мостовъ Николаевской желѣзной дороги. Въ фермахъ системы Гау важную составную часть составляють шпоночныя соединенія. Для выисненія лучшихъ условий проектированія ихъ *Журавскій* разработалъ теорію работы шпонокъ. Полученныя имъ опытные данныя и понинѣ сохранили практическую цѣнность. По окончаніи постройки Веребінскаго виадука, *Д. И. Журавскій* издалъ въ 1855 г. свои изслѣдованія отдѣльнымъ сочиненіемъ подъ названіемъ: «О мостахъ раскосной системы Гау». Трудъ этотъ, опередившій разработку того же вопроса иностранными учеными, удостоился отъ академіи наукъ полной Демидовской пре-

мин. Журавскому въ дѣлѣ разработки приѣмовъ расчета усилій въ раскосныхъ фермахъ помогали инженеръ Хржановскій, помѣстившій статью по этому вопросу въ «Журналъ Министерства Путей Сообщенія», 1860 г. Въ 1858 г. подъ руководствомъ Журавскаго и по его проекту построены металлическій шпиль Петропавловскаго собора въ Петербургѣ. Усилія въ составныхъ частяхъ пирамидальнаго остова шпица вычислены, подъ руководствомъ Журавскаго, инж. Рехневскимъ (сл. Журавскаго, «Шпиль Петропавловскаго собора», въ «Журн. Мин. Путей Сообщ.», 1860). Иностранцы ученые только въ послѣдніе годы занялись подробной разработкой теоріи сквозныхъ пирамидальныхъ конструкций. Путемъ опытовъ надъ моделями Журавскій старался выяснить характеръ напряженій, проявляющихся въ тонкой стѣнкѣ сгибающейся металлической двутавровой балки, и первый обнаружилъ явленіе такъ назыв. косога скалыванія (мемуаръ, напечатанный въ «Annales des Ponts et Chaussées», 1860). При сооруженіи Московско-Курской ж. д. предполагено было для моста черезъ р. Оку примѣнить фермы съ верхнимъ горизонтальнымъ и нижнимъ криволинейнымъ поясами, взаимно связанными болтами и раскосными раскосами, на подобіе фермы Гау. Журавскій произвелъ опыты изслѣдованія надъ моделью подобной фермы, съ цѣлью проверить результаты теоретическаго расчета («Жур. Мин. Путей Сообщ.», 1864). Журавскимъ было возбуждено и изслѣдовано много вопросовъ и въ другихъ отрасляхъ строительнаго искусства, напр. о службѣ рельсовъ («Жур. Мин. Путей Сообщ.», 1886 г.). Современнику Журавскаго, строителю Николаевскаго моста черезъ р. Неву, инженеръ С. В. Кербедзъ, принадлежитъ заслуга разработки и введенія въ Р. желѣзныхъ рѣшетчатыхъ фермъ (мостъ черезъ р. Лугу С.-Пб.-Варшавской ж. д., «Журн. Мин. Путей Сообщ.», 1860). При составленіи проекта постоянного моста черезъ р. Вислу въ Варшавѣ (инж. Александровскаго), С. В. Кербедзъ произвелъ въ 1859 г. рядъ изслѣдованій надъ заклепочными соединеніями, для выясненія сравнительнаго достоинства заклепочныхъ стыковъ съ просверленными или пробитыми отверстиями («Журналъ Мин. Путей Сообщ.», 1859). Эти изслѣдованія, первая по этой части въ Россіи, показали, что соединенія съ просверленными заклепочными отверстиями прочіе соединенія съ пробитыми отверстиями. Типъ расположенія пробѣжекъ части, поперечныя балки которой сѣзанными концами опираются на лижніе пояса главныхъ фермъ (вѣда понизу), примѣненный С. В. Кербедзомъ въ Александровскомъ мостѣ, получилъ съ нѣкоторыми измѣненіями, широкое приложеніе въ мостахъ, построенныхъ въ Р. въ послѣднее время. Упомянемъ тутъ же, что особое устройство пробѣжекъ части металлическыхъ мостовъ, на свободныхъ поперечныхъ балкахъ, примѣненное въ мостахъ черезъ Волгу въ Твери на Николаевской желѣзной дорогѣ, черезъ Бѣлуу и Уфу на Самаро-Златоустовской желѣзной дорогѣ, введено профессоромъ Н. А. Билелюбскимъ впервые въ Р. Предшествующій періодъ об-

ширной строительной дѣятельности при императорѣ Николаѣ Павловичѣ, а затѣмъ и сооруженіе желѣзныхъ дорогъ доставили матеріалъ, какъ практическій, такъ и теоретическій, русскимъ составителямъ руководствъ по разнымъ отраслямъ строительнаго дѣла. Приѣмы изъ русской практики наиболѣе поучительны для русскихъ строителей; такимъ характеромъ отличается трудъ П. Усова, «Строительное искусство» (СПб., 1859 — 67), съ большимъ количествомъ чертежей и описаніемъ болѣе замѣчательныхъ сооружений, особенно мостовъ, построенныхъ въ Р. По другимъ отраслямъ инженернаго дѣла появились также замѣчательные своєю полнотой труды, каковы «Лекціи о морскихъ сооруженияхъ» М. Н. Герсезанова (СПб., 1861), удостоенныя Демидовскою преміей, и «Основанія и фундаменты» В. М. Карловича, за которыя автору присуждена отъ Николаевской инженерной акад. Михайловская премія. Вышеназванный трудъ Герсезанова былъ первымъ руководствомъ на русскомъ языкѣ, посвященнымъ портовымъ работамъ. Послѣ того, въ 1868 г., вышелъ трудъ В. В. Салова: «Портовые сооружения», въ настоящее же время имѣется «Курсъ портовыхъ сооружений», профессора А. Т. Нюберга, занимающій мѣсто рядомъ съ наиболѣе полными руководствами по этой части на другихъ языкахъ и удостоенный преміи имени проф. П. Н. Андреева. Изъ капитальныхъ изданій шестидесятихъ годовъ по строительному искусству необходимо еще упомянуть о «Собраніи таблицъ и формулъ» А. Недзьяковскаго (СПб., 1868), представляющемъ богатый сводъ данныхъ, служившій пособіемъ при расчетахъ для нѣсколькихъ поколѣній инженеровъ. Въ связи съ постройкою и эксплуатациею желѣзныхъ дорогъ, для выясненія способовъ и средствъ къ правильному веденію желѣзнодорожнаго хозяйства, приходится разрабатывать научно рядъ побочныхъ вопросовъ; напр., трудъ проф. Н. П. Петрова: «Треніе въ машинахъ и вліяніе на него смазывающей жидкости» (СПб., 1887) представляющій серьезный вкладъ въ науку о треніи, какъ и другіе труды того же автора, изслѣдующіе условія движенія поездовъ, выясняющіе степень безопасности этого движенія и пр. работы Высочайше утвержденной комиссіи для изслѣдованія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи (1879 — 81) и т. д. Желѣзныя дороги породили громадную литературу. Трудъ составить возможно полную коллекцію всего того, что напечатано было въ Россіи по желѣзнодорожному дѣлу, взяла на себя А. И. Баландинъ, который пожертвовалъ свою коллекцію бібліотекѣ инст. инженер. путей сообщенія. При эксплуатациіи желѣзныхъ дорогъ въ Р. приходилось нѣкоторымъ задачи разрѣшать въ иномъ направленіи, чѣмъ на желѣзныхъ дорогахъ въ другихъ государствахъ. Такъ, напр., въ Россіи раньше стали отплавлять паровозы нефтью (Гризѣ-Царикъ, а затѣмъ и другія жел. дор., ближайшія къ Волгѣ), что требуетъ особаго приспособленія топки; мѣры для защиты пути отъ заносовъ сѣвномъ вызвали подробное изученіе этого вопроса, сопровождавшееся опытами и теоретическими изслѣдованіями.

Для общаго разрѣшенія вопросовъ, вызываемыхъ потребностями эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ, у насъ учреждены періодическіе совѣщательные сѣзды представителей всѣхъ русскихъ жел. дорогъ. Результаты изслѣдованій русскихъ инженеровъ по разнымъ вопросамъ желѣзнодорожной практики печатаются, какъ въ трудахъ этихъ сѣздовъ, такъ и въ «Журналѣ Мин. Путей Сообщ.» и другихъ повременныхъ изданіяхъ, посвященныхъ желѣзнодорожному и вообще строительному дѣлу. Съ начала восьмидесятихъ годовъ въ разныхъ городахъ Европы періодически собирается всемірный желѣзнодорожный конгрессъ для рѣшенія стоящихъ на очереди общихъ вопросовъ желѣзнодорожнаго дѣла. Въ трудахъ этихъ конгрессовъ неизмѣнно принимають участіе русскіе техники и специалисты желѣзнодорожнаго дѣла, при чемъ нѣкоторымъ изъ нихъ предоставлена руководящая роль въ занятіяхъ конгресса (Н. П. Петровъ, В. М. Верховскій, Н. А. Бѣлелюбскій и др.). Созданныя для облегченія сношеній желѣзныя дороги сдѣлали науку международною, и въ этотъ соединенный трудъ всѣхъ націй и русскіе вносятъ свою долю. По другимъ отраслямъ строительнаго искусства также возникли конгрессы, и вездѣ принимаютъ участіе русскіе ученые и дѣятели. Въ международныхъ конференціяхъ по испытанію материаловъ дѣятельными представителями Р. являются проф. Н. А. Бѣлелюбскій, А. Р. Шуляченко, въ международныхъ конгрессахъ по судоходству, на которыхъ разрабатываются экономическіе и строительные вопросы внутреннихъ водныхъ путей и портовъ, принимаютъ участіе М. Н. Герсеновъ, проф. В. Е. Тимоновъ и др. Въ заключеніе намъ остается указать на нѣкоторые научныя изслѣдованія русскихъ инженеровъ, въ послѣднее время. Профессоромъ Л. Ф. Николаи разработаны вопросы объ опредѣленіи максимальнаго сгибающаго момента отъ дѣйствующихъ на балку сосредоточенныхъ подвижныхъ грузовъ, о давленіи земли на подпорныя стѣны, о сопротивленіи трубы сдвигиванію, объ опредѣленіи напряженій въ частяхъ мостовой фермы. Кромѣ того, имъ изданъ курсъ мостовъ (1895). Изслѣдованіемъ надъ сопротивленіемъ основаній при помощи моделей и теоретическимъ путемъ занимались инженеры В. И. Курдюмовъ и П. К. Антоновъ-и, труды которыхъ переведены на нѣмецкій и французскіе языки. В. И. Курдюмовъ, кромѣ упомянутаго уже труда по начертательной геометріи, издалъ нѣкоторыя части курса общихъ началъ строительнаго искусства. Ф. Е. Максименко обнародовалъ изслѣдованіе формулы изгиба и издалъ курсъ гидравлики. Лекціи по гидравликѣ, читавшій въ технологическомъ институтѣ проф. И. А. Венгичевъ, вышли 2 изд. въ 1891 г. Н. А. Богуславскій составилъ нѣсколько трудовъ, въ томъ числѣ «Волга, какъ путь сообщенія», и курсъ геодезіи (посл. изд. 1897 г.). По этому же предмету имѣется трудъ В. Витковскаго, «Практическая геодезія» (1898) и В. Травина (1897). С. К. Кушникій изложилъ въ нѣсколькихъ очеркахъ методы графическаго построенія въ примѣненіи къ расчету мосто-

выхъ фермъ. А. А. Брандтъ и М. А. Ляжикій изслѣдовали зависимость сопротивленія и удлинненія листового литаго желѣза отъ толщины и обработки листовъ. Ѳ. Г. Зброзекъ издалъ курсъ внутреннихъ водяныхъ сообщеній. Объ устройствѣ плотинъ, преимущественно русскихъ, наша литература имѣетъ оригинальное сочиненіе Д. О. Неелова, съ атл. (СПб. 1884), и руководство Н. А. Нисофа (М. 1898). В. Е. Тимоновъ обнародовалъ рядъ монографій, относящихся къ морскимъ строительнымъ работамъ и дѣйствию землессосовъ. Ф. С. Ясинскій обнародовалъ нѣсколько теоретическихъ работъ по вопросамъ строительной механики, въ томъ числѣ о сопротивленіи продольному изгибу. В. Г. Шугаевъ изложилъ результаты своихъ изслѣдованій по устройству покрытій, для которыхъ имъ предложены оригинальныя конструкціи, отчасти примѣняныя на бывшей выставкѣ въ Н.-Новгородѣ, въ книгѣ подъ заглавіемъ: «Изысканіе рациональныхъ типовъ примыкающихъ строилыныхъ фермъ и теоріи арокныхъ фермъ» (М. 1897). Н. А. Бѣлелюбскій издалъ курсъ строительной механики, М. А. Ляжикій—курсъ обыкновенныхъ дорогъ. І. Р. Стеценвѣ и А. Л. Васютинскій изслѣдовали условія устойчивости желѣзнодорожнаго пути подъ проходящимъ поѣздомъ. Л. Д. Проскуряковымъ и Е. В. Зотиковымъ обнародованы нѣкоторые изслѣдованія по теоріи мостовыхъ фермъ. На разныхъ желѣзныхъ дорогахъ производились изслѣдованія надъ службою шпалъ, пропитанныхъ противогнилостными составами, надъ изломомъ рельсовъ и т. д. Упомянутые труды печатались преимущественно въ «Сборникѣ инст. инженер. путей сообщенія», въ «Журналѣ Министерства Путей Сообщенія», а также въ «Извѣстіяхъ» собранія путей сообщенія».

А. Ташенбаумъ.

18) Географическія изслѣдованія Россійской Имперіи и развитіе географической науки въ Россіи. Первые географическія свѣдѣнія о пространствѣ, составляющемъ въ настоящее время Росс. Имперію, мы находимъ у иностранныхъ писателей. Иностранцы были и первыми путешественниками по землѣ русской, оставившими письменные о томъ памятники. Первыми *) такими путешественниками были норвежцы *Отгеръ* и *Вульфстанъ*, которые въ 890 г. совершили плаваніе къ Мурманскому берегу; описаніе его сохранилось въ сборникѣ короля Англіи, Алфреда Великаго. Арабъ *Ибнъ-Фогланъ*, посѣтивъ въ 921 г. южную Р. по пути къ болгарскому (славянскому) царю, на Волгѣ встрѣтилъ и руссовъ, которыхъ подробно описалъ. Въ 1160 г. испанскій еврей *Веніаминъ* изъ Туделы (въ Наваррѣ) посѣтилъ южную Р., но множество невѣроятнаго въ его разсказахъ заставляетъ сомнѣваться былъ-ли онъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, о которыхъ пишетъ. Въ 1245 г. совершили свое знаменитое путешествіе *Іоаннъ де Плано Карпино*; посланный паломъ къ монголамъ, онъ посѣтилъ на пути Кіевъ, бывшій тогда

*) Далѣе упоминаются только о болѣе важныхъ путешественникахъ.

въ рукахъ татаръ, и черезъ Донъ и Волгу пробѣхалъ къ главному татарскому хану. Черезъ 16 мѣсяцевъ онъ вернулся обратно и составилъ подробное описаніе своего путешествія. Двое изъ его спутниковъ сдѣлали тоже самое, но ихъ сочиненія дошли до насъ только въ отрывкахъ. Въ 1253 г. Людовикъ IX послалъ къ монголамъ *Рубрукиса*, который прошелъ черезъ Крымъ, съ большими затрудненіями пробрался въ гор. Каракорумъ въ степи Гоби. Въ 1271 г. началъ свое первое путешествіе венеціанецъ *Марко-Поло*, 24 года проведеній въ Азіи. Въ описаніи своихъ странствованій онъ посвящаетъ цѣлую статью Р. Въ 1436 г. *Иосафъ Барбаро*, венеціанецъ, отправился въ Крымъ, гдѣ пробылъ 16 лѣтъ, дѣлая разбѣды въ разныя стороны. Въ описаніи его путешествія сообщено не мало свѣдѣній о Р. Къ этому времени Московское государство уже окрѣпло, возросъ и интересъ къ нему на Западѣ, почему увеличилось и число посѣщающихъ Р. иностранцевъ. Венеціанецъ *Контарини*, посолъ Венеціи въ Персію, на пути туда прошелъ черезъ Польшу и Крымъ. На обратномъ пути онъ пробѣхалъ черезъ Грузію, Дербентъ, Астрахань и Рязань въ Москву (при Іоаннѣ III) и оставилъ подробный дневникъ своего путешествія. Первымъ посломъ съ Запада явился въ Москву *Николай Понепъ*, бывшій въ Россіи въ 1486 и 1489 гг., какъ представитель императора. *Герберштейнъ* былъ въ Р. въ 1517 и 1526 гг., оба раза почти по году жилъ въ Москвѣ и собралъ массу свѣдѣній о Р. и немало географическихъ данныхъ; къ его сочиненію были приложены и карты. Въ 1521 г. въ Краковѣ издано было сочиненіе «*Descriptio Sarmatarum*», составленное каноникомъ *Маттеемъ изъ Мисова*, описывающимъ среднюю Р., гдѣ, по его словамъ, онъ лично былъ. Къ этому же времени относятся два сочиненія лицъ, не бывавшихъ въ Р., но собравшихъ о ней свѣдѣнія: *Алберта Кампензе*—1523 г. и *Іоанна Фабри*—1525 г.; къ тому же роду трудовъ принадлежитъ и сочиненіе *Павла Іовія*, 1537 г., получившаго данныя отъ Герасимова, посла Іоанна IV къ папѣ. Въ томъ же году былъ въ Р. венеціанскій посолъ *Марко Фоскарини*, оставившій о своемъ путешествіи записки. Въ 1553 г. *Ричардъ Ченслеръ* попалъ случайно въ Архангельскъ и тѣмъ самымъ открылъ морской путь въ Р. Онъ былъ въ Москвѣ два раза; его путешествія описаны въ «*Haklayt's Collections*» (къ этому же времени относятся многія плаванія англичанъ и голландцевъ къ Новой Землѣ, Мурману и Карскому морю; см. Сибирь, Сѣв.-восточ. проходъ). *Антоній Джентисонъ* былъ въ Р. въ 1557, 58, 61, 66 и 71 гг., въ послѣдній разъ въ качествѣ посла королевы Елизаветы. Къ его путешествіямъ по берегамъ Каспійскаго моря приложена карта. *Рафаэлю Барберини* былъ въ Москвѣ въ 1564 г.; по пути туда онъ посѣтилъ Ригу, Ревель, Нарву, Повтородъ, Торжокъ и Тверь. *Павелъ Юстенъ*, епископъ гор. Або, былъ въ Москвѣ по порученію короля шведскаго въ 1569 г. Его посольство было послано въ Муромъ, потомъ въ Клязьму. *Яковъ Умфельдъ*, датскій посолъ,

въ 1575 г. черезъ Перновъ, Псковъ и Новгородъ пріѣхалъ въ Москву. Въ 1578 г. онъ ѣздилъ вторично въ Россію; въ своихъ запискахъ онъ даетъ обстоятельное описаніе пути, имъ пройденнаго. Много свѣдѣній о Р. того времени содержатъ сочиненія *Антонія Поссевины*, посла папы, бывшаго въ Р. въ 1581 и 1582 гг. *Самуилъ Кихель* совершилъ большое путешествіе по восточной Европѣ и части Азіи, продолжавшееся съ 1585 по 1589 г.; въ описаніи посѣщенныхъ имъ странъ онъ даетъ обстоятельныя свѣдѣнія о Литвѣ, Ливоніи, Эстляндіи и Псковской землѣ. Въ 1588 г. королева Елизавета отправила посломъ къ Ѳеодору Іоанновичу *Джоннса Флетчера*, который пробылъ въ Москвѣ 8 мѣс., собравъ массу данныхъ о всей странѣ и эти свѣдѣнія напечатать въ обширномъ трудѣ, изданномъ въ 1591 г. Посолъ римскаго императора. *Варкашъ* былъ въ Россіи въ 1589, 1593 и 1594 гг. и сообщилъ о ней много данныхъ. Къ тому же времени относятся и первыя морскія путешествія голландцевъ для отысканія морского пути въ Китай вокругъ сѣверныхъ береговъ Азіи, не достигшія цѣли, но познано-мившія съ географіей сѣвера Россіи и косвенно—съ трудами русскихъ въ этой мѣстности, которые иначе остались-бы совершенно неизвѣстными. Въ послѣднихъ годахъ XVI ст. англичанинъ *Антоній Шерри* предпринималъ путешествіе въ Персію, откуда возвратился, въ качествѣ посланца отъ шаха, черезъ Астрахань и Москву. Съ наступленіемъ XVII ст. путешествія иностранцевъ по Россіи учащаются и свѣдѣнія, ими сообщаемыя, становятся богаче и разнообразнѣе. Въ 1600 г. канцлеръ Польши *Леопольдъ Самга* былъ посланъ въ Москву для заключенія условій о продолженіи мира; описаніе его путешествія составлено секретаремъ посольства. *Жанъ Маржеретъ* жилъ въ Россіи съ 1601 по 1606 г. и затѣмъ еще разъ посѣтилъ ее въ 1611 г. Въ своемъ сочиненіи о Россіи онъ даетъ много достовѣрныхъ свѣдѣній. Еще болѣе обстоятельное повѣствованіе о Россіи оставилъ *Конрадъ Бусовъ*, жившій въ Россіи съ 1601 по 1613 г. Въ 1609 г. былъ въ Москвѣ голландецъ *Исаакъ Масса*, собравшій много свѣдѣній о восточной Россіи и Сибири и составившій нѣсколько картъ. Шведъ *Петръ Петрей* (1608—1615) служилъ царю Василию Шуйскому, затѣмъ бывалъ въ Москвѣ посломъ; онъ оставилъ обширное сочиненіе, въ первой части котораго описывается географія современной ему Россіи. Нѣмецъ *Адамъ Олеарій* былъ въ Россіи въ 1633 и 1635 гг. Въ описаніи его путешествія очень много данныхъ, добросовѣстно записанныхъ. Другое важное описаніе Россіи оставилъ *Августинъ Мейербергъ*, посолъ царскій, бывшій въ Москвѣ въ 1661—63 гг. Французъ *Бопланъ*, служившій въ Польшѣ 17 лѣтъ, далъ обширное описаніе и карту Украинъ. Очень много географическихъ свѣдѣній собрано у *Николая Витсена*, въ 1666 г. сопровождавшаго въ Москву голландскаго посла Бореля. Къ его сочиненію приложены описанія путешествій разныхъ лицъ въ Каспійское м., по Сѣверной Сибири, по Самоѣди и др. *Самуилъ Коллинсъ*, англичанинъ и прачка, чари

Алексѣя Михайловича, прожившій въ Москвѣ съ 1659 по 67 г., оставилъ сочиненіе о состояніи современной ему Россіи, содержащее много географическихъ данныхъ. *С. Кемпферъ*, извѣстный путешественникъ по Востоку, Индіи, Кавказу, былъ и въ Россіи съ шведскимъ посольствомъ, въ 1683 г., и оставилъ описаніе своего путешествія. Болѣе важенъ трудъ французскаго іезуита *Филиппа д'Аеріа*, пробывшаго въ 1686 г. въ Москвѣ изъ Ливорно черезъ Сирію, Грузію и Астрахань, съ цѣлю получить разрѣшеніе пользоваться новыми, болѣе удобными сухопутными путемъ въ Китай черезъ Россію. Разрѣшенія проѣхать въ Китай онъ не получилъ, а только собрать свѣдѣнія о Сибири и составилъ карту пути въ Китай, далекую отъ истины. Въ 1692—1695 г. голландецъ *Исбрантъ Идесъ* совершилъ путешествіе въ Китай по порученію царя Іоанна и Петра Алексѣевичей и въ своемъ описаніи далъ картину части Россіи, пройденной имъ до китайской границы.

Первыя попытки русскихъ проникнуть въ Сибирь относятся къ XV ст., но первое путешествіе, о которомъ сохранились свѣдѣнія, было совершенно двумя атаманами казаковъ, *Петровымъ* и *Алчичевымъ*, въ 1567 г., по приказанію Іоанна IV; они прошли отъ Урала черезъ Байкалъ въ Пекинъ и достигли береговъ Японскаго моря. Послѣ покоренія Сибири движеніе къ Востоку шло двумя параллельными путями: сѣверный путь имѣлъ базой Мангазею, южный — Томскъ; первый, менѣе затруднительный съ точки зрѣнія сопротивленія мѣстныхъ жителей, былъ предпочтительнѣе, и уже въ 1632 г. казаки добрались имъ до Лены и основали тамъ гор. Якутскъ. *Г. Игнатьевъ* спустился по Лѣнѣ до устья, посѣтилъ Оленекъ, открылъ Яну и Индигирку, а *Копыловъ* добрался до Охотскаго моря (1639) и обследовалъ его побережье между р. Удой и Таземъ. Южнымъ путемъ атаманы *Колесниковъ* въ 1643 г. дошелъ до Байкала. Амуръ былъ открытъ *Поарковымъ*, который поднялся по Алдану, притоку Лены, перевалилъ черезъ Становой хребтъ и спустился по Зеѣ въ Амуръ въ 1643 г. Въ слѣдующемъ году онъ спустился по Амуру до его устья и вернулся на Лену черезъ Охотское море и Становой хребтъ. Бассейнъ Амура былъ изслѣдованъ въ 1650—51 гг. *Хабаровымъ*. Въ 1654 г. была открыта р. Аргунь, затѣмъ Селенга и Ингода. Въ 1689 г. китайцы вытѣснили русскихъ съ береговъ Амура; вмѣстѣ съ тѣмъ прекратились на время открытія въ этомъ краѣ. Въ сѣверной части Азіи казаки неустойно шли къ В.; въ 1644 г. *Стадухинъ* дошелъ до р. Колымы и познакомился съ чукчами; въ 1646 г. *Игнатьевъ* прошелъ по берегу океана до Чавуской губы; въ 1647—48 гг. *Дежневъ* совершилъ свое знаменитое плаваніе вокругъ вост. оконечности материка Азіи, недавно названной по предположенію Ю. Шокальскаго именемъ открывшаго ее. Онъ же открылъ р. Анадырь, откуда казаки прошли и въ Камчатку (Атласовъ, въ 1696 г.). Какъ ни мало были подготовлены первые покорители Сибири къ научнымъ изслѣдованіямъ, но все же имъ былъ собранъ богатый матеріалъ по этнографіи и географіи края, со-

средоточенный въ Москвѣ, въ сибирскомъ приказѣ. Эти данныя были занесены на такъ наз. «Большой чертежъ» (см. Россія, Орография). Во второй половинѣ XVIII ст. бояринъ *Милославновъ* былъ посланъ въ Сибирь для составленія описанія страны, но оно не дошло до насъ и самое древнее изображеніе сѣверной части Азіи было составлено *Ремезовымъ*. Оно весьма удовлетворительно для того времени; только крайняя восточная часть Сибири изображена у него очень плохо, потому что тогда еще не были извѣстны въ Москвѣ работы Дежнева. Центральная Азія тоже не осталась безъ вниманія русскихъ изслѣдователей. Въ 1619 г. *Петлинь* посѣтилъ страну Алтынъ-хана; въ 1654 г. *Байковъ*, моск. посолъ, ѣздилъ въ Пекинъ черезъ оз. Зайсанъ и Монголію. Въ 1620 г. *Хохловъ* былъ посломъ въ Бухаръ; въ 1646 г. туда же былъ посланъ купецъ *Грибовъ*, но не могъ добраться до мѣста назначенія по случаю смуты въ Бухарѣ. Въ 1669 г. Хиву посѣтили *Федотовъ* и *Муромцевъ*, приведшіе туда отъ Каспійскаго моря, черезъ Устюртъ. Въ 1676 г. послы *Давудовъ*, *Касимовъ* и *Венюковъ* были въ Бухарѣ, опять пройдя Устюртомъ черезъ Хиву. Одинъ изъ нихъ, Касимовъ, пробрался даже дальнѣе, до Кабула. Въ 1690 г. морской офицеръ *Дубровинъ* посѣтилъ Хиву и составилъ карту Туркестана. Съ воцареніемъ Петра Великаго русская географическая наука быстро пошла впередъ; цѣлый отрядъ путешественниковъ и специально подготовленныхъ «геодезистовъ» занялся изученіемъ Р. Труды этихъ лицъ, положившихъ въ основу своихъ измѣреній научные приемы, дали возможность издать первый русскій атласъ имперіи (1726 — 34). Въ 1716 г. Петръ I выписалъ изъ Германіи ученаго нѣмца *Мессершмидта* и заключилъ съ нимъ условіе о всестороннемъ изслѣдованіи Сибири. Мессершмидтъ пробылъ тамъ 7 лѣтъ и успѣлъ собрать большое количество данныхъ, сперва одинъ, а потомъ со своимъ единственнымъ помощникомъ, пѣтымъ шведомъ Тальбергомъ, больше извѣстнымъ подъ именемъ Страленберга. Труды Мессершмидта не были изданы, но ими пользовались слѣдующіе изслѣдователи. Въ 1716 г. Страленбергъ опубликовалъ описаніе своего путешествія, но онъ не былъ достаточно образованъ, чтобы дать трудъ, стоящій на высотѣ собранныхъ свѣдѣній. Въ перископѣ походовъ Петра сопровождалъ ученикъ географъ, другой изслѣдователь нашелъ теперешнія Сергѣевскія минеральныя воды. Не только Сибирь, но и Курильскіе острова впервые были изслѣдованы по порученію Петра I геодезистами *Евреиновымъ* и *Лукискимъ*, а берега Охотскаго моря около Шантарскихъ о-вовъ и Камчатки — *Сорокоумовымъ* и *Соколовымъ*. Петру I географъ обязана также рѣшеніемъ вопроса: «сошлась-ли Азія съ Америкою», такъ какъ открытіе Дежнева оставалось неизвѣстнымъ въ Россіи и извѣстіе о немъ было позднѣе открыто Миллеромъ въ сибирскихъ архивахъ. Петръ I собственноручно начерталъ въ декабрѣ 1724 г. главныя задачи экспедиціи, на которую возлагалось рѣшеніе вопроса, и поставилъ во главѣ ея датчанина *Беринга*.

Экспедиция выступила уже послѣ смерти императора, но за два лѣта плаваний (1728 — 29) не могла найти береговъ Америки въ Беринговомъ морѣ. За то она дала толчокъ дальнѣйшимъ работамъ; такъ, подѣ начальствомъ *Шестакова* была отправлена въ Чукотскую Землю экспедиція, обследовавшая мысъ Дежнева и проливъ Беринга, побывавшая на американскомъ берегу и открывшая маленькую группу острововъ въ проливѣ, названныхъ о-вами Гвоздева, по имени геодезиста экспедиціи. Академія наукъ также не мало сдѣлала для развитія географіи въ Р. и положила своими атласами основаніе картографіи имперіи. Съ 1733 по 1743 г. была выполнена громаднѣйшая работа «Большой сѣверной экспедиціи», составившей первую карты и описанія всего побережья имперіи отъ Архангельска до р. Колымы, Охотскаго моря и Камчатки, описавшей всю Сибирь въ естественноисторическомъ и другихъ отношеніяхъ и совершившей рядъ плаваний къ берегамъ Японіи и сѣверо-зап. Америки, а по пути обследовавшей Курильскіе и Алеутскіе о-ва. Въ составъ экспедиціи, подѣ начальствомъ *Беринга*, находился цѣлый отрядъ морскихъ офицеровъ и геодезистовъ (въ общемъ—до 110 чел. въ разное время), члены академіи наукъ—астрономъ *Лодовикъ Демидовъ*, натуралистъ *Іоаннъ Гмелинъ*, историкъ и географъ *Герардъ Миллеръ*; проф. *І. Фишеръ*, *Г. Штуммеръ*, *С. Крашенинниковъ* и др. Работы Миллера и Фишера по исторіи Сибири, основанныя на изученіи мѣстныхъ архивовъ, нѣкъмъ не тронутыхъ до нихъ, были чрезвычайно плодотворны; не менѣе важны естественно-историческіе труды Гмелина, Крашенинникова и Штуммера; двое послѣднихъ дали прекрасное описаніе Камчатки, до послѣдняго времени сохранившее свое значеніе. Въ 1743 г. академія наукъ издала новый, второй атласъ Р., гораздо болѣе полный, чѣмъ первый. Въ 1759 г. академія наукъ задумала издать еще болѣе полный атласъ и разослала по Р. для собранія свѣдѣній программу въ 30 вопросовъ. Семь лѣтъ спустя были изданы «Топографическія извѣстія, служащія для полнаго географическаго описанія Росс. Имперіи». Въ царствованіе Екатерины II цѣлый рядъ ученыхъ работалъ надъ изслѣдованіемъ имперіи. *Палласъ*, совмѣстно съ *Сokolовымъ*, *Зуевымъ* и *Рычковымъ*, совершилъ (1768—74) обширное и богатое результатами путешествіе по Кавказу и Сибири. Оно входило въ составъ обширнаго плана всесторонняго изученія Россіи, составленнаго академіей наукъ. Въ выполненіи того же плана участвовали *Самуилъ Гмелинъ* младшій, работавшій на Дону, Волгѣ и зап. и юж. берегахъ Каспійскаго моря; *Іоаннъ Георги*, соотствующавшій сперва Палласу, а потомъ Фальку въ ихъ путешествіяхъ по юго-вост. Европ. Р. и Сибири; *Гюльденштедтъ*, путешествовавшій по центральной Р., нижней Волгѣ и Кавказу, Азовскому морю и Дону; *Іоаннъ Фалькъ*, начальствовавшій отрядомъ академической экспедиціи въ Сибири; *Іванъ Лепехинъ*, съ 1768 по 1772 г. путешествовавшій по средней Р., частью съ Палласомъ, частью самостоятельно; *Николай Озерешковский*, спутникъ Лепехина и само-

стоятельный изслѣдователь сѣвера Р. Для улучшенія картографіи Р. академіей наукъ тогда же были посланы въ вост. и юго-вост. Р., съ цѣлью астрономическаго опредѣленія мѣстъ, *Петръ Иноходцевъ* и *Георгій Ловицъ*. Въ это же время на крайней оконечности Азіатскаго материка работала экспедиція *Биллингса*, въ составѣ которой много потрудился морякъ *Сарычевъ*. Экспедиція продолжалась съ 1785 по 1792 г. и изслѣдовала берега Охотскаго моря, Алеутскіе о-ва, берега Сѣв. Америки и землю чукчей. Въ 1780 г. *Лесенсъ* посѣтилъ Камчатку и Сибирь, а *Лаперузъ* обследовалъ Сахалинъ и часть берега Приморской области. Внутренняя часть Сибири была посѣщена *Дж. Белемъ* и абатомъ *Шанъ-д'Отенрошъ*; ботаникъ *Сиверсъ* побывалъ на Алтайѣ и въ Забайкальѣ. Академіей наукъ изданъ новый атласъ Р. Къ началу XIX стол. относятся первая триангуляція въ Р. (Теннеръ и Шубертъ); тогда же Р. выступила впервые на поприще международныхъ изслѣдованій, снарядивъ рядъ кругосвѣтныхъ экспедицій (Крузенштернъ, Лисянскій, Головинъ, Лазаревъ, Коцебъ, Беллинсгаузенъ, Литке); работы Литке и Беллинсгаузена еще и донныѣ служатъ, отчасти, основаніями для существующихъ картъ. Въ 1802 г. на берегахъ Охотскаго моря работали *Хвостовъ* и *Давыдовъ*. Въ 1809 г. *Геденитромъ* посѣтилъ Ново-Сибирскіе о-ва; въ 1811 г. *Головинъ* работалъ въ Курильскомъ архипелагѣ. Въ 1820—24 гг. *Амжу* и *Врангеля* работали надъ пополненіемъ географическихъ данныхъ у береговъ Сибири между Оленекомъ и Индигиркою и среди Новосибирскихъ о-вовъ. Въ 1821—24 гг. *Литке* работалъ у береговъ Мурмана и Новой Земли, а штурманъ *Ивановъ*—по берегу материка отъ Печоры до Оби. Въ 1827 г. *Потемель* изучалъ вулканы Камчатки. Внутри Сибири въ это время работали *Семевскій*, *Петровъ*, *Мартосъ*, *Корниловъ* и *Спасскій*, на Алтайѣ — ботаникъ *Ледебуръ*. Въ 1829 г. *Александръ Гумбольдтъ* посѣтилъ Уралъ, Тобольскъ, Барабинскую степь, Барнауль, Алтай, Верхній Иртышъ, Оренбургъ, Киргизскія степи, Астрахань, побережье Каспія и собралъ громадный матеріалъ, вошедшій въ его трудъ «*Asie Centrale*» (1843). Въ 1830—43 гг. въ Сибири работали *Гельмерсъ*, *Гельмерсенъ*, *Словцовъ*, *Сипяновъ*, *Небольсинъ*, *Вишневскій*. Эрманъ, берлинскій ученый, совершилъ обширное путешествіе по Сибири и собралъ массу данныхъ по физической географіи страны. *Гангелъ* опредѣлилъ во многихъ мѣстахъ элементъ земного магнетизма. *Мурчисонъ* и *Вернейль* изслѣдовали геологически Сѣв. Р., Уралъ и многія части средней и южной Р. (1840—41), результатомъ чего было классическое геологическое описаніе Р. Путешествіе *Миддендорфа*, начатое въ 1843 г., открываетъ новый фазисъ изученія Сибири, особенно ея сѣвера. Онъ посѣтилъ Таймырскій полуостровъ, Якутскую область, берега Охотскаго моря, Шантарскіе острова и прошелъ по долинѣ Амура. Возвращеніе Миддендорфа въ СПб. совпало съ моментомъ, когда назрѣла мысль объ учрежденіи географическаго общ. (1845). Съ этого момента почти всѣ экспеди-

ции въ предѣлахъ имперіи и въ сопредѣльныхъ съ нею странахъ Азіи или были снаряжены географич. обществомъ, или имѣли съ нимъ тѣсную связь. Одною изъ первыхъ была экспедиція на Сѣв. Уралѣ (1847—50), въ которой работали *Гюбнагъ, Старцевскій, Ковалевскій* и *Брандтъ*; результаты ихъ трудовъ и до сихъ поръ представляютъ почти единственный матеріалъ для географіи этой области. Рядъ меньшихъ экспедицій изучаетъ центральную Р. Въ 1849 г., по предложенію *Савича*, начаты наблюденія надъ качаніями маятника, продолжающіяся съ тѣхъ поръ, съ перерывами, и до настоящаго времени (*Ленцъ, Соколовъ, Витрампъ, Цингеръ, Вилькишій*). Упомяная здѣсь только о наиболѣе выдающихся трудахъ, укажемъ, что географ. общ. въ 1853—55 гг., снарядило подъ начальствомъ извѣстнаго *Бера*, экспедицію на Каспійское море для изученія его физико-географическихъ условий и рыболовства. Подобныя же изслѣдованія были предприняты мин. госуд. имуществовъ между 1851 и 1860 гг. въ Балтійскомъ м., Вѣломъ м., Ледовитомъ ок., озер. Чудскомъ, Кубенскомъ, на Волгѣ, Уралѣ, Курѣ. Академія наукъ посылаетъ *Абиха, Дорна* и *Рупрехта* въ Дагестанъ, *Ленин* — по шхерамъ Финляндіи, гдѣ онъ опредѣляетъ магнитные элементы въ 172 точкахъ. Съ 1862 по 1867 г. производится рядъ работъ для разрѣшенія вопроса объ обмеленіи Азовскаго м. (*Бергъ, Радде, Данилевскій, Гельмерсенъ*). На Кавказѣ въ продолженіе ряда лѣтъ работаетъ надъ его геологіей *Абихъ*, а по вопросамъ естественно-историческимъ — *Радде*. Въ 1871—72 г. князь *Крапоткинъ* изучаетъ ледниковыя явленія въ Финляндіи, отчасти вмѣстѣ съ *Гельмерсеномъ* и *Шмидтомъ*; въ тѣ же годы предпринимаются географ. общ. рядъ этнографическихъ изслѣдованій въ разныхъ частяхъ Имперіи. Въ этихъ трудахъ постоянно принимають участіе общ. естествозн., антрополог. и этнограф. въ Москвѣ и академія наукъ. На Кавказѣ выделяются въ 80-хъ годахъ работы *Мушкетова, Динника* и *Россикова*. Метеорологическая коммиссія географич. общ., съ *А. И. Воейковымъ* во главѣ, работаетъ надъ изученіемъ свѣжнаго покрова и установленіемъ сельскохозяйственныхъ метеорологическихъ наблюденій. Въ теченіе 90-хъ годовъ географ. общ. заботится объ установленіи сѣти сейсмическихъ станцій. Цѣлый рядъ работъ производится на Кольскомъ полу-овѣ гг. *Подгайкинъ, Кудрячевымъ, Бергъ, Рамзаемъ, Ринсомъ* и *Посковымъ*; къ концу столѣтія немного уже остается неизвѣданныхъ мѣстъ на этомъ долго бывшемъ тогда *incognita* полуостровѣ. Геологическое и географическое изученіе губ. Олонецкой, Вологодской и Архангельской началось еще раньше, въ 1843 г., когда *Кейзерлингъ* и *Крузенштернъ* посѣтили мѣстность между Мезенью и Уломою; та же мѣстность была посѣщена *Крузенштерномъ* въ 1856—59 гг. *Иностранцевъ* (1875) изучалъ геологическія пространства около Онежскаго оз. Въ 1889—90 г. экспедиція *Чернышева* изслѣдовала пространство отъ Вычегды до Печоры и Ледов. ок., а въ 1890 г. Ю. Шокальскій р. Вычегду на 650 в. Въ Сибири, послѣ 1845 г., *Ахтэ* съ сотру-

дниками изучалъ Становой хр. и мѣстность на границѣ съ Китаемъ, а *Невельскій* открылъ Татарскій прол. и изслѣдовалъ р. Амуръ; его спутники *Вонякъ, Рудановскій* и *Н. М. Чихачевъ* въ 1849—54 гг. изслѣдовали берега Охотскаго моря. Въ 1854 г. экспедиція гр. *Муравьева-Амурскаго* обслѣдовала Амуръ до его устья, а *Маакъ* изучалъ Вилуйскій край. Въ 1855 г. Приамурскій край посѣтили натуралисты *Шренкъ, Максимовичъ* и *Маакъ*; географич. общ. въ томъ же году снарядило «сибирскую» экспедицію, въ составъ которой вошли *Шварцъ, Раикова, Усольцевъ, Смирлягинъ, Радде, Шмидтъ* и др. Въ 1859 г. *Маакъ* работалъ въ Амурской обл., на Уссуріи. Въ 1864 г. кн. *Крапоткинъ* и *Поляковъ* изслѣдовали области теченія рр. Битима и Олекмы; въ 1865 г. тамъ же работалъ *Лопатинъ*, а въ слѣдующемъ году *Шмидтъ* и *Андреевъ* посѣтили область рр. Таза и Гыды для розысковъ мамонта. Въ 1868—70 гг. *Майсоевъ, Неймагъ* и *Афанасевъ* изучали Чукотскую землю и область р. Анадыри. Къ этому-же времени относятся первыя работы *Н. М. Пржевальскаго* въ Уссурийскомъ краѣ. Въ 1868 г. *Миддендорфъ* работаетъ въ Барабинскій степи, *Криштанкинъ* — на Енисѣѣ, нѣмцы *Финъ, Брегъ* и *Вальдбургъ* — на Оби; первыя изслѣдованія оз. Байкала производятся *Годлевскимъ* и *Дубовскимъ*. Въ 1871 г. цѣлая экспедиція вост.-сиб. отд. географ. общ. изучала Саяны до оз. Косогола. Въ 1872—73 гг. *Чекановскій, Миллеръ* и топографъ *Насвалыныхъ* обслѣдовали обширную мѣстность по Нижней Тунгускѣ, Оленеку, нижней Лентѣ и Янѣ; первый изучалъ геологію края, второй производилъ магнитныя и астрономическія наблюденія. Въ 1875 г. произведена сломанная нивелировка отъ Иркутска до Оренбургскаго края, по инициативѣ географич. общ., подъ руководствомъ *Мошкова*; тогда же рядъ мѣстъ опредѣленъ астрономически *Шарноростомъ* и *Кульбергомъ*. Въ 1880 г. *Поляковъ* изучаетъ Сахалинъ. Въ 1882—84 гг. географич. общество приняло участіе въ международныхъ полярныхъ станціяхъ и учредило въ дельтѣ Лены станцію подъ начальствомъ *Н. Д. Юренса*, который произвелъ также рядъ географическихъ работъ по берегу океана. Въ 1885—86 гг. *Бунге* и *Толъ* обслѣдовали Прияньскій край и Ново-Сибирскіе о-ва; въ 1891—92 гг. *Черскій* работалъ на Индигиркѣ и Колымѣ, съ геологическою цѣлью; въ 1893—94 гг. *Толъ* и *Шилейко* обслѣдовали область рр. Хатанги и Анабары, нижней Яны и Оленека, а также Ново-Сибирскіе о-ва. Съ 1894 по 1896 г. между Енисеемъ и Югорскимъ Шаромъ работала гидрографическая экспедиція *А. И. Вилькинскаго*. За эти же послѣдніе годы произведенъ рядъ изслѣдованій въ южной полосѣ Сибири, въ связи съ работами по проведенію Сибирской жел. дор. Въ 1895—97 гг. экспедиція *Богдановича* (горн. инж.), *Лемакова* (астр. и топогр.) и *Слютина* (докт. и зоол.) работала вдоль по бер. Охотскаго моря отъ р. Уды до Охотска, затѣмъ около Гижигинска и въ Камчаткѣ; результаты ея работъ весьма значительны какъ въ геологическомъ, такъ и въ географическомъ отношеніяхъ (подробн. см. Сибирь).

Исследование Туркестана (т. е. Киргизских степей и Туркестана, согласно определению Мухометова; см. выше, Орография) в XVIII стол. (о более ранних работах сказано выше) шла почти параллельно съ ихъ подчиненіемъ русскому вліянію. Петръ I въ 1720 г. послалъ *Лихарева* въ Аркендъ; онъ же доставилъ первыя болѣе подробныя свѣдѣнія о пройденной странѣ до береговъ Чернаго Иртыша. Въ 1721 г. *Осаянниковъ* и *Вершининъ* посѣтили мѣстность къ В. отъ Арала; въ 1731 г. полк. *Гарберъ* отправился въ Хиву и Бухару, но не могъ пройти далѣе Сыръ-Дарьи. Первыя серьезныя съемки были произведены *Гладишевскъ* и *Муравинъ* въ 1740 г. въ Киргизскихъ степяхъ; они дошли до Хивы. Въ 1743 г. *Миллеръ* дошелъ до Коканда; въ 1759 г. *Гумлевъ* побывалъ въ Бухарѣ. Въ царствованіе Екатерины II мало интересовались Среднею Азіей. *Ефремовъ*, черезъ Туркестанъ, Авганистанъ и Тибетъ, прошелъ въ Индію; захваченный въ плѣтъ, въ 1774 г., киргизами, онъ бѣжалъ п., возвратясь въ Р. въ 1782 г., описывалъ описаніе своихъ странствованій, содержащее весьма вѣрные указанія. Изъ числа академическихъ путешественниковъ, начавшихъ изученіе Р. при Екатеринѣ II, нѣкоторые только подходили къ окраинамъ Азіи: такъ въ 1771 г. *Барданесъ*, спутникъ Фалька, былъ на оз. Зайсанъ-Норъ, *Сиверсъ*, въ 1798 г., въ Тарбагатай, *Рычковъ* на р. Тургай, *Палласъ* въ Илецкой зашитѣ и на Каспій, *Гмелинъ* на берегахъ Каспійскаго моря. Изъ нихъ Рычковъ далъ хорошее описаніе Оренбургскихъ степей, а Палласъ первый высказалъ гипотезу, что вся Арало-Каспійская равнина была прежде дномъ моря, остатками котораго являются Араль и Каспій. Въ началѣ XIX стол. изслѣдованій Туркестана тоже было немного; *Муравевъ* въ 1819 г. совершилъ путешествіе отъ Каспія въ Хиву и обратно, интересное вслѣдствіе посѣщенія недоступныхъ до тѣхъ поръ Туркестанскихъ степей. Въ 1820 г. было отправлено посольство изъ Оренбурга въ Бухару, съ *Негри* во главѣ; его сопровождали натуралисты (*Пандеръ*, *Эверсманъ*), благодаря чему было собрано много данныхъ. Въ 1825 г. *Бергъ* съ *Эверсманомъ* и др. собралъ важныя свѣдѣнія о пространствѣ между Каспіемъ и Араломъ и впервые показали, что послѣдній выше Каспія. Въ томъ же году Эйхвальдъ изучалъ берега Каспія. Въ 1829 г. *А. Гумбольдтъ*, съ *Эренбергомъ* и *Розе*, коснулся Туркестана только въ сѣв. его части, но въ своемъ трудѣ «*Asie Centrale*» мастерски освѣтилъ всѣ имѣвшіяся къ тому времени свѣдѣнія о Туркестанѣ, и его трудъ составляетъ эпоху въ исторіи изслѣдованія этой страны. *Карелинъ* съ 1824 по 1827 г. занимался изслѣдованіями Оренбургскаго края и побережій Каспія; въ 1836 г. его спутники по этой экспедиціи, *Бларамбергъ* и *Фелькнеръ*, опубликовали интересныя данныя о вост. берегѣ Каспія. Въ 1832 г. *Левшинъ* посѣтилъ сѣв. часть Туркестана и далъ замѣчательное описаніе страны. Въ 1841 г. посольство, состоявшее изъ *Бутенева*, горнаго инженера *Богословскаго*, ориенталиста *Ханькова*, натуралиста *Лемана*, геодезистовъ *Бларамберта* и *Никифорова*, прошло

изъ Оренбурга въ Бухару и Хиву, по пути посѣтивъ Зеравшанъ. Въ 1842 г. другое посольство прошло въ Хиву черезъ Устюртъ; его участники *Данилевскій* и *Батлеръ* собрали много научныхъ данныхъ о Хивѣ, Устюртѣ и Аралѣ. Въ 1840 г. *Шренкъ* посѣтилъ сѣв. часть Туркестана, былъ на оз. Балхашъ, въ горахъ Алатау, на оз. Алакуль, въ Тарбагатай, т. е. обследовалъ вост. часть Киргизскихъ степей. Въ это же время англійскіе путешественники посѣщали Туркестанъ съ юга; такъ, *Муркрафтъ* (1819—25) и *Требекъ* были въ Бухарѣ; *Бернсъ* въ 1831—32 гг. изъ Индіи прошелъ черезъ Бухару и Мервъ въ Персію; въ 1836—38 гг. *Вудъ* совершилъ замѣчательное путешествіе по Памиру. Въ 1849 и 1851 гг. *Влангамъ* и *Ковалевскій* посѣтили Кульдау, а первый еще раньше изучалъ Киргизскую степь; *Нибелингъ* производилъ важныя съемки р. Или и оз. Балхаша. Въ 1856 г. *П. П. Семеновъ* изучалъ, по порученію географ. общ. вост. Туркестанъ, Семирѣчье, Тянь-Шань и Иссыкъ-Куль, впервые послѣ XVIII стол. Въ 1857 г. *Свердловъ* и *Борцовъ* изслѣдовали Муроджары, Устюртъ, степи къ С. отъ Арала и Киргизскія степи. Послѣ этой плодотворной экспедиціи, въ 1858 г., состоялось посольство въ Хиву и Бухару, подъ начальствомъ *Игнатова*, котораго сопровождали разные специалисты (*Зальцовъ*, *Кильевъ*, *Лерхъ*, *Можайскій*, *Назаровъ*, *Салацкий*, *Струве*). Въ 1859 г. *Голубевъ* произвелъ рядъ астрономическихъ опредѣленій въ Зайлійскомъ краѣ, а *Венковъ* далъ общее его описаніе. Въ 1863 г. *Вамбергъ* (венгерецъ) совершилъ свое важное путешествіе черезъ Персію въ Хиву, Бухару, Гератъ. Къ этому времени относится присоединеніе Туркестана къ Р., а вмѣстѣ съ тѣмъ и чрезвычайное умноженіе отдѣльныхъ небольшихъ изслѣдованій края. Особенно выдающееся значеніе имѣютъ труды *Н. А. Свердьева*, съ 1864 г. посвятившаго себя изученію Туркестана; въ 1864—68 г. онъ изслѣдуетъ Тянь-Шань, въ 1874 г. путешествуетъ по Аму-Дарьинскому краю и Кызыль-кумамъ, въ 1877—78 гг. — по Ферганѣ, Памиру и Алау. *Татаринковъ* въ 1864 г. посѣтилъ Тарбагатай и до 1872 г. работалъ въ разныхъ мѣстахъ по геологіи Туркестана. Тянь-Шань еще въ 1867 г. былъ посѣщенъ *Полторацкимъ*, произведшимъ рядъ съемокъ, и бар. *Остенъ-Сакенъ*, собравшимъ ботаническія данныя. Въ 1868 и 1869 гг. край посѣтили *Радловъ*, съ этнографическою пѣлюю, и *Макшеевъ*, изданный обстоятельное статистическое описаніе его. Въ 1869 г. бар. *А. В. Каульбарсъ* совершилъ большое путешествіе по южн. Тянь-Шаню отъ Иссыкъ-куля до Ауліз-ата; въ 1870 и 1872 гг. онъ путешествовалъ по Тянь-Шаню, и Камгаріи; въ послѣдней поездкѣ его спутникъ, *Шармортъ*, сдѣлалъ много астрономическихъ опредѣленій. Въ 1875 г. геологъ *Г. Д. Романовскій* изслѣдовалъ Семирѣчье, а въ 1879 г. — Джунгарскій Алатау, бассейнъ оз. Ала-куля и Тарбагатай. Затѣмъ пѣлны рядъ экспедицій, направлявшихся въ Монголію. Китайскіи Туркестанъ и Тибетъ, попутно давали свѣдѣнія о вост. части русскаго Туркестана; это — экспедиціи *Н. М. Пржевальскаго*, *М. В. Певцова*, *Грумъ-Гржимайло*, *Грумбчевъ*

скаго, Козлова, Робаровскаго, а также Краснова и Игнатова, посѣтившаго въ 1886 г. специально Тянь-Шань. Въ 1887 г. для изучения причинъ вѣтренскаго землетрясенія этотъ край посѣтилъ *И. В. Мушкетова*. Къ зап. части Туркестана относится, прежде всего, экспедиція *А. П. Федченко*, въ 1868 г. тщательно изучившаго страну Кизылъ-Кумовъ до Алая и Памира. Въ 1870 г. экспедиція подъ начальствомъ *Абрамова*, съ участіемъ *Федченко*, бар. *Акинова*, *Скаси*, *Старцева*, *Соболева*, *Куна* и *Мышенкова*, прошла долину Зеравшана. Въ 1871 г. *Петцольдъ* посѣтилъ Туркестанъ, для описанія его въ сельскохозяйственномъ отношеніи. Въ 1872 г. *Хорошнѣвъ* посѣтилъ пески Кизылъ-Кумъ. Одновременно начинается и изученіе Туркестана отъ береговъ Каспійскаго моря. Въ 1869 г. Мангышлакъ изслѣдованъ геологическимъ *Дорошнѣвымъ* и *Экзельмидомъ*. Рядъ небольшихъ изслѣдованій познакомили съ условіями прилегающей къ Каспію части Туркменскихъ степей; здѣсь работали *Кошкуль*, *Малома*, *Стебницкій*, *Сиверсъ* и др. Въ 1873 г., во время хивинскаго похода, было попутно произведено немало изслѣдованій *Солмахи* (астрон.), *Богдановымъ* (зоолог.) и *Краузе* (ботан.), а послѣ покоренія Хивы сейчасъ же началось изученіе низовьевъ Аму-Дарьи (Глуховской, бар. *А. Каульбарсъ* и др.). Въ 1874 г. была послана въ тѣ же мѣста экспедиція, снаряженная географич. общ. и спб. общ. естественныиспытателей, подъ названіемъ Аму-Дарьинской. Одна часть ея, подъ начальствомъ *А. А. Тилло*, произвела точную нивелировку между Каспіемъ и Араломъ; другая, подъ начальствомъ *Столятова*, производила метеорологическія, гидрологическія и естественно-историческія изслѣдованія на низовьяхъ Аму-Дарьи и въ Кизылъ-Кумакъ; а третья изучала Каспій, Араль и Устюртъ; въ этомъ последнемъ отдѣлѣ особенно важны работы геолога *Барбо-та-де-Марини*. Во второмъ отдѣлѣ экспедиціи участвовали многие извѣстные изслѣдователи: *Свердловъ*, *Дорандтъ* (метеорологъ), *Соболевъ* (этногр.), *Смирновъ* (бот.), *Зубовъ* (гидрографъ). Затѣмъ слѣдуетъ рядъ работъ по изученію Туркменскихъ степей; изъ нихъ всего важнѣе экспедиція *Глуховскаго* въ 1879—85 гг., для изученія сухихъ руслъ между Аму-Дарьею и Каспіемъ. Въ 1877—78 гг. работала небольшая экспедиція, изучавшая Кара-кумы, а въ 1879 г. она въ болѣебмѣе составѣ (гр. *Ростовцева*, ботан. *Сорокина*, зоол. *Пеллѣамъ*, статистикъ *Маевъ*, гидрографъ *Зубовъ*, инж. путей сообщ. *Липуновъ* и *Соколовскій*, геологъ *Мушкетова*) изучила Аму-Дарью и мѣстность къ В. отъ рѣки. Въ 1880 г. край отъ Оренбурга до Арала посѣтилъ инженеръ путей сообщенія *Шульцъ*. Съ завоеваніемъ Закаспійской обл. изслѣдованія получили новый толчекъ; этотъ край посѣщается въ 1881 г. *Лессаромъ*, въ 1886 г. *Конишнѣмъ* и *Радде*, въ 1887 г. *Богдановичемъ* и *Обручевымъ*; изъ нихъ послѣдній напечаталъ обширную монографію о Закаспійской обл. Наконецъ, съ продолженіемъ ж. дороги изъ Каспія до Аму-Дарьи Анненковымъ, начинается детальное изученіе страны. Въ юго-вост. углу Туркестана, образованномъ Алаемъ и Пами-

ромъ, съ 1874 г. начались систематическія геологическія изслѣдованія *Мушкетова* и *Романовскаго*; въ 1875 г. Гиссаръ обследовали *Маевъ*, *Шварцъ* и *Вилиевскій*. Военная экспедиція *Скобелева* въ 1876 г. много дала для улучшенія картографіи Памира. Въ 1877 г. *Свердловъ* снова работалъ на Алаѣ и въ Ферганѣ, а въ 1878 г.—и на Памирѣ, съ плѣвымъ рядомъ спутниковъ. Въ 1878 г. *Миддендорфъ* изучалъ Фергану въ сельскохозяйств. отношеніи и далъ затѣмъ обстоятельное описаніе области. Въ томъ же году Каратегинъ и Памиръ посѣщены экспедиціей *Ошанина*, при чемъ открытъ громадный хребтъ Петра Великаго. Въ томъ же году было послано посольство въ Авангистанъ, подъ начальствомъ *Столятова*; главный его научный результатъ—съемка пути *Бендерскимъ*. Съ 1879 по 1883 г. производится рядъ изслѣдованій *Ивановымъ*—въ Таласскомъ Алатая, *Мушкетовымъ* и *Ивановымъ*—на Зеравшанскомъ ледникѣ, *Романовскимъ*—въ долинѣ Зеравшана. Въ 1883 г. большаѣ экспедиція изъ *Путаты* (геодезистъ), *Иванова* (геологъ) и *Бендерскаго* (топографъ) обследовали Памиръ до Гиндукуша на Ю и Бухары на З. Въ 1884 г. *Сорокинъ* и *Грумъ-Гржимайло*, отдѣльно другъ отъ друга, посѣтили Памиръ. Въ 1885 и 1887 гг. послѣдній снова побывалъ на Памирѣ. Въ 1888 г. географич. общ. снарядило на Памиръ экспедицію *Громбчевскаго*, повѣтившаго его юго-вост. уголъ. Много развѣзжалъ по Бухарѣ *Борисевскій*, въ промежуткѣ между 1879—95 гг. Наконецъ, въ послѣдніе годы, по порученію географ. общ., предпринятъ былъ рядъ экспедицій въ Каратегинъ *Липскимъ*, а въ 1897 г. географ. общ. снарядило экспедицію на Памиръ, въ Роханъ и Шугнанъ, въ составѣ ботаника *Коржинскаго*, геолога *Иванова* и зоолога *Казнакова*. Къ этому же времени относятся и разграничительныя работы русской и англійской партій на Памирѣ. Изъ европейскихъ путешественниковъ англичанѣнъ *Форсайтъ*, съ рядомъ специалистовъ (между ними геологъ *Столичка*), въ 1873 г. посѣтилъ Памиръ; въ 1874 г. *Столичка* вторично былъ тамъ; эти двѣ экспедиціи дали важные результаты. Французы *Катосъ* и *Бонвало* въ 1881 г. посѣтили Фергану и многія части Средней Азии. Наконецъ, за послѣдніе годы Памиръ былъ посѣщенъ многими англ. туристами и путешественниками, напр. *Свенъ-Гединъ* (1894) и *Олufsеномъ* (1897).

Одновременно съ изученіемъ внутреннихъ частей имперіи подвигались и труды по описанію нашихъ морей и значительныхъ внутреннихъ водъ. Въ *Балтійскомъ* морѣ русскія гидрографическія работы начались при Петрѣ I трудями адмирала *Кройса* (1710) и съ тѣхъ поръ не прекращались. *Сарычевъ* издалъ въ 1812 г. атласъ Балтійскаго моря. Дѣйствительно научную основу работы получили только послѣ трудовъ ген. *Шуберта*, бар. *Врамеля* и *Рейнеке*; послѣдніе произвели триангуляцію вдоль береговъ моря, а въ 1832 г. *Шубертъ* устроилъ большую хронометрическую экспедицію, которая опредѣлила астрономически 72 точки по берегамъ моря. Все это дало прочную основу съемкѣ берега и промѣру, которые съ

тѣхъ поръ и продолжаютъ непрерывно, особенно въ шхерахъ Финляндіи, такъ какъ гидрографія южнаго берега Финскаго залива болѣе проста и требовала меньше заботъ. Рядъ гидрографическихъ работъ, подъ руководствомъ *Н. Л. Пушина*, *К. И. Михайлова* и *Ю. К. Иванова*, производились главнымъ образомъ въ Абосскихъ шхерахъ, а особыя партіи работаютъ въ Ботническомъ зал. Въ другихъ частяхъ Балтійскаго моря работы производятся только по мѣрѣ надобности (входы въ Рижскій зал., вдоль берега около Либавы). Для *Бѣлаго* моря долго не было другихъ картъ, кромѣ голландскихъ; русскія работы начинаются въ 1727 г. промѣрами *Казакова* и съемкою устья Сѣв. Двины *Клаверомъ* (1732); болѣе подробныя работы были произведены *Винковымъ* въ 1741 г. и *Блалевымъ* въ 1756—57 гг., между Архангельскомъ и Мезенью. Постепенно, затѣмъ, описываются разныя части моря, до 1798—1801 г., когда *Голенщевъ-Кутузовъ* производитъ первую общую опись всего моря. Въ 1823—24 гг. *Литке* и *Демидовъ* работаютъ въ вост. части моря; въ 1826—33 г. *Рейнке*, стоя во главѣ отдѣльной съемки этого моря, вновь составляетъ его атласъ; послѣдній пополняется, по мѣрѣ требованій мореплаванія, работами въ разныхъ частяхъ моря до 1887 г., когда новыя потребности судоходства вынуждаютъ снова организовать постоянную съемку Бѣлаго моря, работающую съ тѣхъ поръ непрерывно, подъ руководствомъ барона *Майделя*, *Мякишева*, *Жданко* и *Малинова*. Ею произведены обследованія зап. части моря въ губахъ Канда-лакской и Онежской. Побережье *Ледовитаго* океана, начиная отъ границы съ Норвегіей, и Новая Земля впервые были исследованы англичанами и голландцами еще въ серединѣ XVI стол.; здѣсь трудился *Виллоуби*, *Ченслоръ*, *Бюрроу*, *Петъ* и *Джаскамакъ*, *Бареттъ*, *Най*, *Гудзонъ* и др. (подробности см. Сибирь и Сѣверо-вост. проходъ). Русскія работы начинаются между 1734 и 42 гг. *Мураговымъ*, *Павловымъ*, *Малиновымъ*, *Скуратовымъ*, *Селифонтовымъ*, составлявшие часть «Большой сѣверной экспедиціи», описываютъ берега отъ Канина носа до устья Оби. Въ 1741 г. *Винковъ* работаетъ въ Кольскомъ зал.; въ 1765—66 г. работаетъ экспедиція *Чичагова*, по проекту Ломоносова, для отысканія пути въ Китай, но она не приноситъ никакихъ результатовъ для исследованія Мурмана. Въ 1760 г. *Лонкингъ* обходитъ въ три года Новую Землю; въ 1768—69 гг. *Розмиловъ* работаетъ тамъ же. Особенно важны работы на Новой Землѣ *Литке* между 1820 и 1824 гг., затѣмъ *Пастусова* и *Цивольки* въ 1823—34—35 гг., *Бѣра* въ 1837 г., *Цивольки* съ *Моисеевымъ* въ 1838 г., *Тягина* въ 1878—79 гг., *Андреева* и *Гриневскаго* въ 1882—83 гг., кп. *Голыгина* и *Чернышева* въ 1891 г. Для изученія Мурмана много сдѣлалъ *Литке*, въ 1820—24 гг.; въ это же время *Ивановъ* описывалъ устья Печоры и берегъ океана до Канина носа, а въ 1826 г. онъ же, съ *Раюзинымъ*, *Пастусовымъ* и *Бережникомъ*, описалъ берегъ отъ Печоры до Обдорска. Тѣмъ временемъ опись Мурманскаго берега была закончена (1826) *Рейнке*. Затѣмъ

и до настоящаго времени систематическихъ работъ по Мурману и далѣе къ Оби не производилось, а по мѣрѣ надобности гидрографія его пополнялась въ разныхъ мѣстахъ (работы *Козлова* и *Блалевича* въ 1871 г., *Делюранскаго*, *Жданко* въ 1893—95 гг.). Въ 1898 г. была организована особая «Экспедиція для изслѣдованія Ледовитаго океана», подъ начальствомъ *Л. И. Вилькишскаго*, которая въ томъ же году обследовала часть Югорскаго шара, а въ 1899 г. — многія мѣста на Мурманѣ и около Печоры. Что касается до части Ледовитаго ок. отъ Оби до Берингова прол., то послѣ «Большой Сѣверной Экспедиціи» 1734—44 гг., упомянутой выше, цѣлый рядъ небольшихъ экспедицій открыли и описали архипелагъ Ново-Сибирскихъ о-вовъ, часть берега Сибири отъ Берингова прол. къ З до Колычинской губы (Билибинъ, Сарычевъ, Гилевъ, 1787—91 гг.). Въ 1821—23 гг. *Врангелъ*, *Анжу* и *Козминъ* дополнили описи Ново-Сибирскихъ о-вовъ и берега Сибири отъ Оленека до м. Озернаго, до котораго въ 1778 г. доходилъ *Кузь*. Въ 1878—79 г. совершенно знаменитое плаваніе *Норденшюльда* на «Вегѣ» вдоль береговъ Сибири, доставившее нѣсколько новыхъ данныхъ относительно картографіи береговъ. Въ 1881 г. *Берри* (американ.) сдѣлалъ первую съемку о-вовъ Врангеля; въ томъ же году на устьѣ Оби работали *Фусъ* и *Моисеевъ*. Въ 1882—84 гг. къ В и З отъ Лены произведены описи *Юргенсомъ* и *Бунге*; послѣднимъ въ 1885—86 гг. исполнены такія же работы по берегу до Яны и на Ново-Сибирскихъ о-вахъ. Въ 1895 г. *Толъ* и *Шилейко* дополнили эти работы по берегу океана отъ Лены до Анабара и на о-вахъ Ляховскихъ и Котельномъ. Въ томъ же году нѣкоторые данные о берегахъ между Ялломомъ и Енисеемъ собраны экспедиціей *Добровольскаго*. Съ 1894 по 1896 г. экспедиція *Вилькишскаго* описала р. Енисей, берега отъ порта Диксона до о-ва Бѣлаго, съ Обскою губою, и р. Обь, съ Иртышемъ, отъ Тобольска до океана. Въ Тихомъ океанѣ *Шпанбертъ*, *Валтонъ* и *Елагинъ* обследовали въ 1738—39 гг. берега Камчатки и Курильскіе о-ва. Съ 1733 по 1743 г. *Беринъ* и *Чуриковъ* изучали Алеутскіе о-ва и берега Америки. Въ 1789—93 гг. *Сарычевъ* работалъ въ Охотскомъ м., *Гилевъ* и *Худяковъ* — въ Камчаткѣ. Въ 1803—1806 гг. *Крузенштертъ* описалъ часть Японскаго м. и Шантарскіе о-ва; съ 1826 по 1828 гг. *Литке* описалъ берега Камчатки и Чукотскія земли; въ 1829—30 гг. *Козминъ* работалъ въ Удской губѣ Охотскаго м. Въ періодъ 1830—35 гг. въ Камчаткѣ работаютъ *Ильинъ*, *Голенщевъ* и *Скриповъ*. Затѣмъ идетъ рядъ болѣе мелкихъ работъ по берегамъ Охотскаго м. и Камчаткѣ до 1848—51 гг., когда *Невельскій* обследовалъ Татарскій пр. По утвержденіи русскаго вліянія на берегахъ Японскаго м., центр тяжести гидрографическихъ работъ переходитъ туда. Но перечисляя мелкихъ работъ, упомянемъ о пятилѣтнихъ трудахъ *Тарихаго*, опредѣлившаго на берегахъ Охотскаго, Берингова и Японскаго м. до 38 точекъ астрономически (1866—71 гг.). Съ 1874 г. гидрографическія работы въ Тихомъ ок. поручаются *Онакевичу*,

работающему главным образом въ Японскомъ м., но немного и въ Беринговомъ м., и въ Ледовитомъ ок. Съ 1876 по 1880 г. этими работами руководить *Майделъ*, и онъ продолжаютъ въ сѣв. части Японскаго м.; затѣмъ ими руководить *Стенингъ*, потомъ опять бар. *Майделъ* и, наконецъ, съ 1899 г. *Жданко*, когда часть гидрографическихъ работъ производится около Портъ-Артура и Талиенвана. Съ 1880 по 1892 гг. *Андреевъ* изучаетъ физико-географич. условія моря. Въ *Черномъ* и *Азовскомъ* моряхъ гидрографическія работы начались при Петрѣ I, съемкою устья Дона *Круйсомъ*. Въ 1768 г. эти работы продолжалъ *Семляковъ*, а другіе офицеры снимали устья Днѣпра, Днѣстра и Дуная. Затѣмъ, по мѣрѣ необходимости, описывались небольшія части берега; *Биллингъ* описалъ берегъ отъ Кубани до Днѣстра въ 1797—98 гг.; *Будингъ* снялъ берега отъ Одессы до Константинополя въ 1801 г.; *Беллинсгаузенъ* работалъ въ 1816 и 1821 гг. на вост. берегу моря, *Матанари* — въ разныхъ частяхъ моря, между 1823 и 1843 г. Наконецъ, въ 1870 г. составляется планъ систематической описи Чернаго м., которая начинается подъ руководствомъ *Заруднаго* и продолжается и до настоящаго времени, подъ руководствомъ, послѣдовательно, *Мягкихъ*, *Ивановскаго* и *Андреева*. Въ 1890—92 гг. производится физико-географ. обследованіе Чернаго и Азовскаго м. *Штиндлеромъ*, *Врангелемъ*, *Ледбителемъ* и *Остроумовымъ*. Въ *Каспійскомъ* морѣ первыя работы относятся къ экспедиціи *Бекюича* (1714—15 гг.), посланнаго Петромъ I для изученія старыхъ устьевъ Аму-Дарьи: онъ тогда же нанесъ на карту и Араль. Въ 1716—18 гг. туда же были посланы *Кожинъ* и кн. *Урусовъ*; они описывали вост. берегъ до Бахчанскаго зал., а *Травинъ* — сѣв. берегъ моря. Въ 1719 — 20 гг. новая, болѣе обширная экспедиція, подъ командою *Вердена*, изучала зап. берегъ отъ Астрахани до границы съ Персіей. Въ 1726—27 гг. *Верденъ*, съ *Соймоновымъ* и *Лукинмъ*, опять работает на берегахъ Каспія. Первая общія опись моря производится въ 1764—65 гг. *Токмачевымъ*, *Ланскимъ* и *Маттеевымъ*. Затѣмъ производится нѣсколько частныхъ работъ до 1809 г., когда *Колонкинъ* начинаетъ систематическую опись моря (до 1813 г.), на основаніи которой онъ въ 1826 г. издаетъ атласъ Каспія, основанный на 46 астрономически определенныхъ точкахъ. Послѣ этого опять, по мѣрѣ нарастающихъ потребностей, производились гидрографическія обследованія въ разныхъ мѣстахъ, до 1856 г., когда *Исагинцеву* было поручено составить новую опись Каспія; эту работу ему не удалось закончить за смертью, и она была доведена до конца въ 1874 г. *Пушкинымъ*, издавшимъ новый атласъ и гидрографическое описаніе Каспійскаго бассейна, положеніе уровня котораго относительно Чернаго моря было окончательно опредѣлено въ 1856 г. *Савицмъ*, *Саблеромъ* и *Фусомъ*. Послѣ 1874 г. въ Каспійскомъ морѣ производится только небольшія работы, для пополненія картъ, составленныхъ раньше. *Араксское* море впервые было снято *Бекюичемъ* въ 1719 г.; въ 1741 г. геодезистъ *Муравьевъ* далъ лучшую его карту;

черезъ 100 лѣтъ, въ 1847—50 гг., произвели подробную его опись *Бутаковъ* и *Мертваго*. *Внутреннія воды* Имперіи сдѣлались предметомъ научнаго описанія при Петрѣ I, когда (1712) англичанину *Перри* было поручено изслѣдованіе цѣлаго ряда рѣкъ центральной Р. На основаніи произведенной имъ извѣлировки былъ составленъ проектъ соединенія Волги и Невы каналами, что и было поручено въ 1714 г. генералу *Шотцу*. *Ладожское* озеро впервые было изображено на картѣ въ 1760 г.; затѣмъ въ 1763—65 гг. *Селлиновъ* произвелъ первыя промѣры и опись озера и Шлиссельбургской губы, которые были дополнены въ 1779 г. *ф.-Дезитымъ*. Въ 1785 г. *Озерниковскій* совершилъ путешествіе по озеру на лодкѣ. Первые сколько-нибудь точныя карты озера изданы только въ 1845 г. *Шубертомъ*. Въ 1858 г. была назначена особая экспедиція для описи озера, работавшая подъ руководствомъ *Андреева* до 1873 г. и составившая подробную карту озера и его описаніе. Въ 1897 и 1899 гг., по порученію географич. общ., *Ю. М. Шокальскій* началъ изслѣдованіе озера въ физико-географическомъ отношеніи. *Онежское* озеро долгое время не обследовалось и назначалось на картахъ приблизительно; только въ 1870 г. случайные промѣры и бѣглая опись озера, въ соединеніи съ нѣкоторыми старыми матеріалами, дали возможность составить предварительную карту озера. Въ 1873 г. назначена экспедиція для описи озера, работавшая, подъ руководствомъ *Андреева*, *Пытухова*, *Ивановскаго*, *Дризенко*, до 1894 г.; она составила атласъ картъ озера и его гидрографическое описаніе. Физико-географическое изслѣдованіе озера по порученію географ. общ. началось въ 1897 г. *С. А. Советовымъ*. *Байкаль* долго оставался безъ обстоятельнаго изслѣдованія. Первыя попытки были въ 1772—73 гг. сдѣланы *Пушкаревымъ*, который и далъ его первую карту; затѣмъ нѣкоторые промѣры были сдѣланы въ 1837 г. *Кюссельбекеромъ* и въ 1859 г. *Кононовымъ*. Въ 1876 г. *Дыбовскій* и *Годлевскій* произвели зимую нѣсколько промѣровъ поперекъ озера. Въ 1896 г. начались систематическія работы на озерѣ, подъ руководствомъ *Дризенко*, давшія предварительную карту озера и подробно описавшія южную его половину; работы должны быть закончены въ 1903 г. Озера Финляндскихъ губ.—*Сайма*, *Пеліясъ-ярви*, *Весси-ярви*, *Пейяне* и др.—частію уже обследованы, частію еще обследуются гидрографическими партіями. Въ 1895 г., по порученію географ. общ., *І. В. Штиндлеръ* произвелъ гидрографическую рекогносцировку *Чудскаго* озера и его первое изученіе въ физико-географическомъ отношеніи. Озера *Бьлое*, *Ильмень* и *Кубенское* были описаны особыми партіями мин. путей сообщ., другія же значительныя озера Сѣв. Р. остаются еще совершенно неизслѣдованными и самыя очертанія ихъ означаются приблизительно. Многочисленныя озера внутренней Европ. Р. за послѣднее время были отчасти изслѣдованы (въ области верховьевъ Волги и Зап. Двины) *Д. Н. Анучинымъ* (1894—95). Въ 1898—99 гг. произведены изслѣдованія нѣкоторыхъ озеръ Омскаго округа *Бер-*

гомъ, *Елатевскимъ* и *Игнатовымъ*. Озеро *Гонка* было обследовано *Е. С. Марковымъ* въ 1894—96 гг. Объ остальныхъ внутреннихъ бассейнахъ пѣются, болѣею частью, отрывочныя свѣдѣнія, кромѣ нѣкоторыхъ соленыхъ озеръ, имѣющихъ промышленное значеніе. Изъ числа рѣкъ наиболѣе значительныя изучены особыми описными партіями мин. путей сообщ. и для нѣкоторыхъ изданы подробные атласы (Сѣв. Двина, Кама, Днѣпръ, Зап. Двина, Ока, Сура, Волховъ). Волга тоже изслѣдована, но атласъ ея еще не появился. Аму-Дарья на значительномъ протяженіи изслѣдована *Зубовымъ*. Изъ рѣкъ Сибири произведены обследованія: *Ангара*—*мин. путей сообщ.*, *Енисей*—отъ Енисейска до океана, *Оби* отъ впаденія Иртыша и этого послѣдняго отъ Тобольска—*Вилкинымъ*, въ послѣдніе годы.

Картографія уже была достаточно подробно разобрана въ статьѣ *Орографія*; здѣсь остается сказать, что самую древнюю картую собственно Россіи является опубликованная въ 1525 г. карта *Батиста Агнеси*, венеціанскаго географа; затѣмъ до Петра I не было картъ, основанныхъ на какихъ-либо съемкахъ. При немъ начаты первыя геодезическія работы и уже къ концу его царствованія появились первыя атласы Р., построенные на основаніи непосредственныхъ съемокъ. При *Екатеринѣ II* начато генеральное межеваніе Р., но прочное основаніе картографическія работы получили только при *Александрѣ I*, когда былъ основанъ корпусъ военныхъ топографовъ и начаты первыя триангуляціи. Однако, громадные территоріи Имперіи такова, что къ времени основанія географическаго общ. (1845) только четвертая часть Европ. Россіи, именно зап. губерніи и нѣкоторые прибрежя морей, была покрыта триангуляціонною сѣтью, для остальной же части Европ. Р. картографія располагала всего 200 точками, опредѣленными астрономически. Современное положеніе картографіи указано въ статьѣ *Орографія*.

Развитіе географической науки въ Россіи. Изъ вышеприведеннаго очерка главнѣйшихъ географическихъ изслѣдованій Р. видно, что до Петра I русское землѣвѣдѣніе развивалось чрезвычайно медленно; затѣмъ начинается дѣятельное изученіе имперіи, параллельно изданію и обработанію результатовъ изслѣдованій; за *Мессершмидтомъ* выступаютъ *Берингъ* и его сподвижники по изученію Сибири—*Миллеръ*, *Стеллеръ* и др. Въ царствованіе *Екатерины II* цѣлый отрядъ преданныхъ наукъ академиковъ и ихъ помощниковъ высылается по Р.; труды *Гмелина* младшаго, *Гюльденштедта*, *Лаксмаа*, *Кранинникова*, *Рычкова* и въ особенности *Палласа* содержатъ въ себѣ не только матеріалы, но и обобщенія по разнымъ отраслямъ землѣвѣдѣнія. Начинаютъ появляться учебники географіи и географическіе словари. Въ царствованіе *Александра I* русская географическая наука выступаетъ и на международное поприще, цѣлымъ рядомъ кругосвѣтныхъ экспедицій и работъ въ Ледовитомъ океанѣ. Въ царствованіе *Николая I* развивается изученіе внутреннихъ частей Имперіи; къ этому времени относятся

не только путешествія, но и важныя ученые труды, какъ иностранцевъ (*Гумбольдтъ*, *Розе*, *Мурчисонъ*, *Ледебуръ*), такъ и русскихъ ученыхъ (*Гельмерсенъ*, *Миддендорфъ*, *Чихачевъ*, *Шуровскій*, *Ханыковъ*, *Муравьевъ* и особенно *Бэръ*). Совершаются многочисленныя экспедиціи на Амуръ (*Маакъ*, *Шренкъ*, *Радде*, *Невельской*), на сѣверъ (*Гофманъ*, *Ковальскій*, *Шварцъ*), по Сибири (*Потанинъ*, *Поляковъ*, *Чекановскій*, *Красоткинъ*), въ центральную Азію (*П. П. Семеновъ*, *Федченко*, *Сверцовъ*, *Романовскій*, *Мухометовъ*), въ опредѣльныя части Азіи (*Пржевальскій*, *Пѣвцовъ*, *Потанинъ*, *Грумъ-Гржимайло*, *Роборовскій*, *Обручевъ*). Въ Европ. Р. начинается детальное изученіе края, предпринимаются работы по изученію озеръ и морей, дается прочное основаніе гипсометріи (*А. А. Тилло*), совершается подробно геологическое изученіе поверхности, съ учрежденіемъ геологическаго комитета (*Карпинскій*, *Никитинъ*, *Мухометовъ*, *Чернышевъ* и др.). Не смотря на такой быстрый подъемъ географической науки, обширность задачъ такъ велика, что выполненное представляетъ только небольшую часть остающагося впереди.

Ю. Ш.

Обзоръ трудовъ русскихъ ученыхъ по изученію Россіи въ антропологическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ см. стр. 180 и 139—152.

19) *Археологія*, въ смыслѣ научнаго изслѣдованія вѣщественныхъ памятниковъ, возникаетъ въ Россіи лишь съ XIX в. Описание и собраніе археологическихъ памятниковъ началось, однако, гораздо раньше: древности, имѣвшія религиозное значеніе, издавна хранились въ церковныхъ ризницахъ, а всякаго рода драгоценности собирались въ казнохранилищахъ царей. Правительство первоначально смотрѣло на археологическія находки исключительно какъ на клады; старинныя монеты, напр., переплавлялись изъ нихъ чеканились новыя. Частныя лица иногда сознавали, повидимому, возможность научнаго интереса въ находкахъ: такъ напр., сохранилось описаніе найденныхъ при *Алексѣѣ Михайловичѣ*, во время раскопокъ у р. *Исети*, металлическихъ древнихъ вещей. Правительственная поддержка археологическихъ изысканій началась у насъ со временъ Петра Великаго, который указомъ отъ 13 февраля 1718 г. назначилъ вознагражденіе за всякія «старыя вещи», могущія быть найденными «въ землѣ или въ водѣ». *Петръ Великій* велѣлъ охранять болгарскіе зданія отъ дальнѣйшаго разрушенія, приказалъ *Мессершмиду* собирать въ Сибири древности, а «курьзныя» серебряныя и золотыя вещи велѣлъ присылать въ *Петербургъ*, не переливая. Основанный въ 1714 г. *кунишкамеръ* Петра Великаго скоро наполнился многочисленными археологическими рѣдкостями, особенно восточными и сибирскими. Въ послѣдующее время предметы древности доставлялись частью въ академію наукъ, частью въ московскія коллекціи—въ Оружейную палату, на Конюшенный и Казенный дворъ, въ Мастерскую палату и т. д. Въ царствованіе *Анны Иоанновны* *В. Н. Татищевымъ* составлена была инструкція для собранія свѣ-

дѣлѣннѣ географическихъ, этнографическихъ и археологическихъ, которая была одобрена академіею и разослана по губерніямъ. Въ 1759 г. академія наукъ, предположивъ составить новый атласъ Р., старалась собрать и свѣдѣнія о ея древностяхъ. Въ 1761 г. была предпринята экспедиція художника Грекова для снятія иконописныхъ и фресковыхъ изображеній въ церквахъ и монастыряхъ. При Екатеринѣ II Г. Ф. Миллеромъ было составлено описаніе сибирскихъ древностей, И. И. Лепехинымъ — древностей болгарскихъ, И. П. Рычковымъ — пермскихъ, В. О. Зуевымъ — екатеринославскихъ кургановъ. Въ концѣ XVIII в. особенно дѣятельнымъ на поприщѣ русской археологіи является гр. А. И. Мусинъ-Пушкинъ, авторъ одной изъ первыхъ попытокъ по изысканію древностей — изслѣдованія о Тмутараканскомъ княжествѣ. Дѣятельность русскихъ археологовъ стала правильнѣе развиваться съ начала XIX в., особенно когда основано было «Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ» (1804), напечатавшее въ своихъ изданіяхъ рядъ извѣстій и статей по археологіи. Въ 1806 г. изданы были правила для управленія Мастерскою и Оружейною палатою и для сохраненія въ порядкѣ и цѣлости находящихся въ нихъ древностей; въ слѣдующемъ году было издано первое описаніе Оружейной палаты. Въ 1822 г. издано было положеніе о сохраненіи памятниковъ древности въ Крыму. Однимъ изъ мененатовъ археологіи въ эти годы былъ и гр. Н. П. Румянцевъ. Въ 1817 и 1821 гг. появились проекты О. Адолунга и фонъ-Вехмана объ учрежденіи русскаго національнаго музея. Въ 1820 г. напечатанъ «Проектъ ученаго путешествія по Россіи для объясненія славянскій исторіи», Зоріана Долуги-Ходаковского. Заслуга Д.-Ходаковского — поднятіе вопроса о городищахъ и составленіе особой теоріи для объясненія ихъ. Полемика по поводу городищъ вызвала рядъ цѣнныхъ изслѣдованій. Весьма многія распоряженія имп. Николая I касаются сохраненія древнихъ замковъ, крѣпостей, зданій. Къ этому времени относится дѣятельность Адолунга, описавшаго Курснскія врата въ Кіевѣ, П. И. Кенпена, составившаго списки русскихъ памятниковъ, кургановъ и т. п., нумизмата Френа, археографовъ Калайдовича и П. М. Стросова, митрополита Евгенія, А. И. Оленина, К. Н. Бороздина, А. П. Ермолова и многихъ другихъ. Благодаря дѣятельности одесскаго общества исторіи и древностей, управленію керченскаго музея и археологической комиссіи при кабинетѣ Его Имп. Вел. удалось разъяснить многое въ древнихъ судьбахъ сѣвернаго побережья Чернаго моря. Изданія спб. археологическаго общества дали большое количество свѣдѣній и извѣстій о мѣстныхъ древностяхъ, существующихъ въ Р.; общество стало объявлять преміи за изданіе собранія русскихъ надписей и за сообщеніе свѣдѣній по предметамъ русской археологіи. Императорская археологическая комиссія, основанная въ 1859 г. при министерствѣ Императорскаго двора, занималась, главнымъ образомъ, изслѣдованіемъ приднѣпровскихъ, крымскихъ и таманскихъ кургановъ. Самой счастливой изъ

находокъ комиссіи было открытіе въ 1879 г. богатыхъ царскихъ гробницъ на Таманскомъ полуостровѣ. Академія художествъ сдѣлала очень многое для сбереженія древнихъ зданій, храмовъ и вообще памятниковъ художественной старины. Московское археологическое общество, основанное въ 1864 г., проявило особенно плодотворную дѣятельность въ устройствѣ археологическихъ свѣздовъ. Главными дѣятелями его были гр. А. С. Уваровъ, К. К. Герцъ, А. А. Котляревскій. Особымъ учено-учебнымъ учрежденіемъ археологическимъ является основанный въ 1877 г. Н. В. Калачовымъ археологическій институтъ въ СПб.; главное его назначеніе — подготовленіе искусныхъ палеографовъ и знатоковъ архивнаго дѣла. Другой археологическій институтъ, для изученія византийской старины, основанъ въ 1894 г. въ Константинополѣ. Въ настоящее время число ученыхъ обществъ, занимающихся исключительно или преимущественно археологіею, у насъ очень велико. Главнѣйшія коллекціи предместовъ древности: Оружейная палата въ Москвѣ — хранилище остатковъ Большой казны, т. е. наслѣдственныхъ соприкасавшихъ московскихъ государей; Императорскій русскій историческій музей, открытый въ 1883 году; Имп. Эрмитажъ въ СПб., съ ему подчиненнымъ керченскимъ музеемъ; коллекціи Имп. академіи художествъ; Русскій музей Имп. Александра III въ СПб.; художественный музей въ Павловскѣ; спб. артиллерійскій музей, морской музей и рядъ другихъ музеевъ различныхъ вѣдомствъ; музеи археологическихъ обществъ; городские музеи почти во всѣхъ губернскихъ городахъ; церковные музеи и коллекціи, съ патриаршей (синодальною) ризницей въ главѣ и др. См. Россія въ археологическомъ отношеніи (стр. 423 и слѣд.). Кромѣ указанной тамъ литературы, см. еще гр. Уваровъ, «Изслѣдованіе о древностяхъ южной Р.» (1851—53); А. Сонцовъ, «Росписъ древне-русской утвари» (1857—58); И. Забѣлявъ, «Опытъ изученія русскихъ древностей и исторіи»; В. Межовъ, «Археологія русская въ періодъ времени отъ 1859 по 1868 г.» (СПб., 1873); его же и Н. Собоко, «Библиографія напечатанныхъ въ Р. за 1865—76 гг. книгъ и статей по части искусствъ и археологіи» (СПб., 1884); библиографическіе указатели при «Вѣстникѣ Археологіи и Исторіи» (съ 1886 г.).

20) Нумизматика. Основателемъ перваго монетакабинета въ Р. былъ Петръ Вел., купившій въ 1721 г. въ Гамбургѣ нумизматическое собраніе Модерса (см. Монетакабинеты) для кунсткамеры. Скоро послѣ того было напечатано акад. Байеромъ и первое нумизматическое сочиненіе, изд. въ Р.: «Historia Osrohoena et Edessena ex numis illustrata» (СПб., 1734); тотъ же авторъ написалъ еще нѣсколько монографій по античной нумизматикѣ. Затѣмъ напечатанъ былъ академіей наукъ каталогъ ея нумизматическихъ собраній («Catalogus Musaei Imp. Petropolitani», СПб., 1742). Основаніе разработкѣ русской нумизматики было положено кн. М. Щербатовымъ въ его «Опытѣ о древнихъ русскійскихъ монетахъ» («Академ. Изв.», 1780—81, трудъ неоконченный). Акаде-

микъ Ф. Кругъ, въ соч. «Zur Münzkunde Russlands» (СПб., 1806, и на русск. яз.), продолжалъ его труды съ еще болѣе большими знаніями и опытностью; затѣмъ о русскихъ монетахъ появилось соч. Мальгина: «Опытъ истор. изслѣдованія о древности монетъ въ Россійскомъ государствѣ» (СПб., 1810, и на нѣм. яз.). Въ началѣ XIX в. появляются по русской нумизматикѣ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ труды барона В. Фитингофа, Калайдовича, Зоейкова, Ардыбашева, Бекетова, Брусилова, Каченовскаго и др., а также книги Панснера («Versuch einer Tabellarischen Uebersicht der Russischen Münzen» (СПб., 1831), Руссова, «Essai sur les monnaies de cuir» (СПб., 1835), Н. Муравьева—«Описание древней новгор. серебряной гривны» (М., 1824). Въ то же время начинается разработка античной нумизматики—академ. Келеромъ, Вларамбергомъ, проф. Моргенштерномъ, и восточной нумизматики—академ. Френомъ, положившимъ краеугольный камень для изучающихъ мусульманскія монеты въ своемъ «Recensio nummorum Muhammedanorum» (СПб., 1826) и затѣмъ во множествѣ статей, разсѣянныхъ въ академическихъ повременныхъ изданіяхъ. Тогда же, но гораздо менѣе удачно, занялся изученіемъ восточныхъ монетъ и ихъ описаніемъ казанскій проф. Эрмманъ. Начиная со второй трети XIX вѣка, одинъ за другимъ появляются такіе капитальные труды, какъ А. Черткова—«Описание древнихъ русскихъ монетъ» (М., 1834 и 3 прибавленія), еще и теперь не вполне утратившее своего научнаго значенія, бар. Шодуара—«Обозрѣніе русскихъ денегъ» (СПб., 1836, 3 т.), Шуберта—«Описание русск. монетъ и медалей» (СПб., ч. I, 1843) и Сахарова—«Лѣтопись рус. нумизм.» (СПб., 1842). Классическая нумизматика въ это время менѣе разрабатывалась; восточная обогатилась трудами академиковъ Дорна и Броссе. Пслѣдній занялся изслѣдованіемъ грузинскихъ и армянскихъ монетъ, которыя до него никѣмъ не изучались не только въ Р., но и въ Зап. Европѣ. Въ 1846 г. возникло въ СПб. «Нумизматическо-археологическое общество», начавшее издавать свои записки. Хотя уже черезъ нѣсколько лѣтъ общество нашло нужнымъ расширить свою дѣятельность и было переименовано въ «Археологическое общество», тѣмъ не менѣе многія статьи въ его трудахъ были по прежнему посвящены всѣмъ отдѣламъ нумизматики. Бар. В. Кене и Я. Рейхель начали разработку до тѣхъ поръ никѣмъ не изучавшейся въ Россіи западно-европейской средне-вѣковой и новой нумизматики. Трудъ Рейхеля, «Die Reichelsche Münzsammlung» (СПб., 1842—50, 9 томовъ), и до сихъ поръ служить руководствомъ для собирателей. Началось и изученіе монетъ дальняго Востока; появились труды Шодуара («Catalogue des monnaies de suite Chinoises, Japonaises etc.», СПб., 1842), Леонтьевского, Шифнера, акад. Васильева и другихъ. Русская нумизматика продолжала разрабатываться Прозоровскимъ, Соновскимъ, Влѣянымъ, кн. Гагаринскимъ, Заблочкимъ, ак. Куникомъ, Рейхелемъ, Иверсеномъ и друг., восточная нумизматика—бар. В. Г. Тизенгаузеномъ, П. С. Савельевымъ,

Б. Дорномъ, И. А. Бартоломеемъ, В. В. Вельяминовымъ-Зерновымъ, М. М. Броссе, В. В. Григорьевымъ. Въ началѣ 80-хъ годовъ нѣсколько оставшій интересъ къ русской нумизматикѣ пробуждается вновь, благодаря, главнымъ образомъ, выходу въ свѣтъ капитальнаго труда гр. И. И. Толстого: «Монеты вел. кн. кievскаго» (СПб., 1882), породившаго цѣлую литературу, отчасти полемическаго характера, и его монографій о монетахъ Новгорода и Пскова. Въ 1888 г. въ Москвѣ открылось «Моск. нумизматич. общество», издающее «Труды». Большой толчокъ изученію русской нумизматики дало также изданіе Его Имп. Выс. вел. кн. Георгіемъ Михайловичемъ цѣлаго ряда монографій о монетахъ имп. Александра III и II, Николая I, Александра I, Павла, Екатерины II, Елисаветы и Анны, въ которыхъ напечатаны всѣ документы, относящіеся до чеканки монетъ въ Р. за эти царствованія. Въ настоящее время и въ СПб. образуется, подъ предсѣд. гр. И. И. Толстого, нумизматическое общество, уставъ котораго уже напечатанъ. А. М.—ст.

21) Геральдика—см. VIII, 963.

22) Историческая наука въ Р. Главнымъ предметомъ исторической науки въ Р. является прошлое родной страны, надъ которымъ работало и работаетъ наибольшее число русскихъ историковъ и на которое направлена, главнымъ образомъ, дѣятельность разныхъ учреждений, посвященныхъ исторической наукѣ (историческія кафедры въ академіи наукъ, въ университетахъ и духовныхъ академіяхъ, ученые историческія общества, археографическая и архивная коммиссія, историческіе журналы*) и т. п.). Очеркъ русской исторіографіи выдѣленъ въ особую статью, предложенную исторіи Р. (см. выше стр. 430—446); здѣсь мы остановимся главнымъ образомъ на разработкѣ въ Р. исторіи другихъ народовъ и на того, что у насъ принято называть всеобщей исторіей. Занятія всеобщей исторіей у насъ находятся, отчасти, въ тѣсной связи съ разными «филологіями», т. е. съ изученіемъ иностранныхъ языковъ и литературъ, мертвыхъ и живыхъ; къ числу дѣятелей исторической науки необходимо отнести, поэтому, многихъ ориенталистовъ, классиковъ и славистовъ, поскольку они дѣлали предметомъ своихъ занятій исторію Востока, античнаго міра или славянскихъ народовъ; о нихъ, какъ и о тѣхъ государствовѣдахъ, юристахъ или экономистахъ, которые разрабатываютъ историческія темы, см. въ соотв. отдѣлахъ. Кромѣ того, благодаря, главнымъ образомъ, существованію въ нашихъ университетахъ особой кафедры всеобщей исторіи, исторія другихъ народовъ разрабатывается у насъ и вполне самостоятельно. До тридцатыхъ годовъ XIX стол. все-

*) Русскіе историч. журналы и періодич. сборники: «Византийск. вѣстникъ», «Историческая бібліотека», «Историческій Вѣстникъ», «Историч. Обзоръ», «Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древн.» «Русскій Архивъ», «Русская Старина», «Сборникъ Моск. Ист. Общ.», «Чтенія въ Общ. ист. и древн. росіискихъ»; много статей по исторіи въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» и изданія университетовъ. Изъ журналовъ главнымъ образомъ посвященные всеобщей исторіи «Истор. Обзоръ», издаваемое Истор. Обществомъ при еп. унив. и «Сборникъ Историч. Общ. при моск. университетѣ».

общая исторія находилась въ Р. въ очень жалкомъ состояніи (см. XIII, 497—498). Лучшія времена начались для нашей науки съ обновленія нашихъ университетовъ послѣдъ устава 1835 г. Первыми настоящими профессорами всеобщей исторіи были Куторга, начавшій свою преподавательскую дѣятельность въ петербургскомъ университетѣ въ 1835 г., и Грановскій, занимавшій кафедру въ московскомъ унив. съ 1839 по 1855 г. Куторгу правдиво называли первымъ русскимъ ученымъ, посвятившимъ себя самостоятельной разработкѣ всеобщей исторіи; Грановскій первый внесъ въ преподаваніе этой науки гуманитарную и общественную точку зрѣнія, съумѣвъ тѣмъ самымъ заинтересовать всеобщей исторіей широкіе круги общества, чему немало помогали его замѣчательный талантъ лектора. Отъ Грановскаго и Куторги начинается у насъ непрерывная традиція всеобщей исторіи въ университетахъ. Куторга выдвигалъ на первый планъ греческую исторію и побуждалъ своихъ учениковъ и вообще лицъ, искавшихъ ученыхъ степеней, писать диссертации на темы, взятыя изъ греческой исторіи (Бауеръ, Васильевскій, Люперсолевскій, Ф. Ф. Соколовъ, Стасюлевичъ); Грановскій, самъ болѣе работавшій въ области средне-вѣковой исторіи, направлялъ въ эту сторону и интересы своихъ учениковъ (Кудрявцевъ, Ешевскій). Для занятій новой исторіей это время было крайне неблагоприятно; Грановскій, напр., не могъ читать курса по исторіи реформации. Реакція конца сороковыхъ и начала пятидесятыхъ годовъ задержала развитіе у насъ и исторической науки. На дальнѣйшіе ея успѣхи оказала вліяніе лишь послѣдъ за границу (въ началѣ шестидесятыхъ годовъ) большого числа молодыхъ людей для приготовленія къ профессорскому званію, а затѣмъ университетскій уставъ 1863 г. Съ того времени подобныя командировки вошли въ обычай, что, было очень полезно, въ особенности для всеобщей исторіи. Сначала профессорскіе стипендіаты ѣздили почти исключительно въ Германію, гдѣ главнымъ образомъ «доучивались», слушая лекціи и работая въ семинаріяхъ; но съ теченіемъ времени они стали отправляться и въ другія страны—во Францію, въ Англію, въ Италію, въ Испанію, въ Швецію (не говоря о славянскихъ земляхъ, куда ѣздили и раньше), и уже для болѣе самостоятельныхъ работъ въ бібліотекахъ и архивахъ. Послѣднее сдѣлалось возможнымъ благодаря лучшей научной подготовкѣ, которую они получали теперь у себя дома. Уставъ 1863 г. много содѣйствовалъ и улучшенію историческаго преподаванія. При дѣйствіи этого устава совершилось раздѣленіе историко-филологическихъ факультетовъ на отдѣленія, въ числѣ которыхъ образовано было и специально историческое, и начали вводиться практическія занятія по образцу нѣмецкихъ историческихъ семинарій. Уставъ 1884 г. уничтожилъ-былъ спеціальныя отдѣленія историко-филологическихъ факультетовъ, превративъ послѣдніе въ чисто классическія школы; но такой порядоку вещей просуществовать недолго, и историческія отдѣленія

снова существуютъ въ нашихъ университетахъ. Благодаря болѣе живому общенію съ западною наукою и улучшенію университетскаго преподаванія, всеобщая исторія за послѣднія десятилѣтія сдѣлала у насъ замѣтные успѣхи; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить магистерскія и докторскія диссертации по всеобщей исторіи до-реформеннаго времени (хотя бы, напр., объ диссертации Грановскаго) съ теперешними. За послѣднее время не разъ печатались, болѣею частью по инициативѣ самихъ факультетовъ, даже студенческія работы по исторіи (такъ назыв. «медальоны»), которыя въ былыя времена могли-бы сойти за магистерскія диссертации. Изъ числа диссертаций на высшія ученые степени многія написаны на основаніи неизданныхъ источниковъ, хранящихся въ заграничныхъ архивахъ и бібліотекахъ. Лучшіми доказательствомъ успѣховъ, достигнутыхъ русской наукою въ этой области, можетъ служить то обстоятельство, что труды русскихъ историковъ переводятся иногда на языки тѣхъ странъ, исторіи которыхъ они посвящены. Тѣмъ не менѣе у насъ все еще мало ученыхъ силъ на поприщѣ всеобщей исторіи; это видно изъ затрудненій, сопряженныхъ съ замѣщеніемъ вакантныхъ кафедръ. Въ отношеніи научнаго метода и руководящихъ философскихъ и общественныхъ идей историческая наука въ Р. всегда, въ болѣе или менѣе степени, отражала на себѣ главнѣйшія исторіологическія направленія и теченія, возникшія на Западѣ; но, въ то же время, въ ней чувствовались внутреннія общественныя настроенія. Научное движеніе въ области всеобщей исторіи началось у насъ подъ вліяніемъ Набурова критицизма (Куторга) и французской и нѣмецкой историческихъ школъ первыхъ десятилѣтій XIX в. (Грановскій). На занятіяхъ исторіей славянъ, Византии, Западной Европы сказывалось вліяніе такъ назыв. славянофильскаго и западническаго направленій, въ связи съ ихъ борьбою находится, напр., дѣятельность Грановскаго. Съ другой стороны, новѣйшія культурное и экономическое направленія въ исторіи оказали большое вліяніе и на нашу историческую науку. Въ общемъ, можно сказать, что въ области всеобщей исторіи русскіе ученые сравнительно мало занимались спеціальною критикою источниковъ и что въ ихъ трудахъ такъ назыв. вѣщная и прагматическая исторія все болѣе и болѣе отступаетъ на задній планъ передъ исторіей внутреннихъ отношеній. Въ частности за послѣднее время изслѣдованіе социальной (и экономической) исторіи даже стремится получить перевѣсъ надъ исторіей духовной культуры, хотя, конечно, послѣдняя не можетъ быть вытѣснена изъ науки. Переходя къ обзору русской литературы по всеобщей исторіи по главнѣйшимъ отдѣламъ, отсылаемъ за указаніями, касающимися Востока и древняго міра, къ востоковѣднѣю и классической филологіи*), и начинаемъ прямо съ *среднихъ вѣковъ*, включая сюда

*) Русскія историческія изслѣдованія, посвященные древнимъ Греціи и Риму, перечислены въ статьѣ объ этихъ исторіи (IX, 636—667, и XXVI, 756, 784, 787, 789).

и послѣднія времена римской имперіи. Началом изученія ср. вв. на Западѣ было положено въ московск. унив. Грановскимъ («Аббатъ Сугерій»), ближайшими послѣдователями котораго въ этомъ отношеніи были Кудрявцевъ («Судьба Италіи отъ паденія западной римской имперіи до возстановленія ея Карломъ») и неоконченная работа «Каролинги въ Италіи») и Ешевскій («Аполлинарій Сидоній») и прекрасный курсъ: «Исторія переселенія народовъ, меровинги и каролинги»). По средней же исторіи читалъ первоначально свои курсы въ Москвѣ и В. И. Герье, который завелъ по этому предмету и правильныя практическія занятія. Ученики его, П. Г. Виноградовъ, сдѣлалъ предметомъ своихъ специальныхъ занятій зап.-европейскій феодализмъ, взятый преимущественно съ социально-экономической точки зрѣнія. Его «Происхожденіе феодальныхъ отношеній въ лангобардской Италіи» и «Исслѣдованія по социальной исторіи Англіи въ средніе вѣка», равно какъ англійская переработка этой книги («Villainage in England») — вполне самостоятельныя работы, созданныя въ архивахъ и книгохранилищахъ Италіи и Англіи. Въ петербургскомъ унив. работы по средневѣковой исторіи зарождались главнымъ образомъ подъ влияніемъ В. Г. Васильевского. Одинъ изъ его учениковъ, Н. М. Бубновъ, написалъ большой историко-критическій трудъ: «Сборникъ писемъ Герберта, какъ историческій источникъ». И. М. Гревсъ предпринялъ рядъ изслѣдованій въ области исторіи землевладѣнія въ эпоху римской имперіи. Средневѣковыми городами занимались А. Н. Смирновъ («Коммуна средневѣковой Франціи»), Ф. Я. Фортинскій («Приморскіе вендскіе города и ихъ вліяніе на образованіе ганзейскаго союза») и П. Н. Смирновъ (труды по исторіи слав. город. общинъ въ Далмаціи). Англійскому крестьянскому движенію XIV в. посвятилъ большой трудъ Д. М. Петрушевскій («Возстаніе Уота Тайлера. Очерки изъ исторіи разложенія феодальнаго строя въ Англіи»). Общій очеркъ исторіи франц. крестьянъ имѣется въ небольшой книжкѣ Н. И. Карѣва. Исторія сословно-представительныхъ учрежденій на Западѣ касаются диссертация В. К. Пискорскаго («Кастильскіе кортесы въ переходную эпоху отъ ср. вѣковъ къ новому времени») и книга Н. И. Карѣва о польскомъ сеймѣ. Средневѣковой исторіи посвящена докторская диссертация М. М. Ковалевскаго: «Общественный строй Англіи въ концѣ ср. вѣковъ» (ср. его же, «Англійская пугачовщина» въ «Русск. Мысли» за 90-е года). Въ области славистики социальную исторію посвящена диссертация А. Н. Ясинскаго: «Паденіе земскаго строя въ Чехіи». Религозныя и церковныя отношенія ср. вв. тоже обращали на себя вниманіе нашихъ историковъ: Г. Вызінскій, «Папство и священства римская имперія въ XIV и XV вв.»; Наумовъ, «Вопросъ о папской власти на констанц. соборѣ»; В. К. Надлеръ, «Причины и первыя проявленія оппозиціи католицизму въ Чехіи и Зап. Европѣ въ концѣ XIV и нач. XV в.»; Н. А. Осокинъ, «Исторія альбигионцевъ» и «Первая инквизиція и завоеваніе Лангедока фран-

дузами». Особенный интересъ для русскихъ изслѣдователей представляютъ личность и ученіе Гуса, при чемъ нѣкоторые авторы старались поставить ученіе Гуса въ связь съ православіемъ (Гильфердингъ, въ «Исторіи Чехіи»; Новиковъ, «Гусъ и Лютеръ»; В. А. Бильбасовъ, «Чехъ Янъ Гусъ изъ Гусинца»; И. С. Пальмовъ, «Вопросъ о чашѣ въ гуситскомъ движеніи»; «Памятники кирилло-мефод. старины въ Чехіи и Моравіи»; «Къ вопросу о отношеніяхъ чеховъ-гуситовъ съ вост. церковью въ серединѣ XV в.»). Иная точка зрѣнія — въ работахъ С. А. Венгерова о гуситахъ и табаритахъ (въ «Русск. Мысли» и «Вѣстн. Евр.» за 1881—82 гг.). Обращаетъ на себя вниманіе рядъ большихъ статей В. И. Герье въ «Вѣстн. Европы» за 90-е годы: «Средневѣковое мировоззрѣніе», «Горжество теократическаго начала на Западѣ», «Францискъ Ассизскій» и «Катарина Сиенская». За самое послѣднее время въ русской истор. литературѣ особенно пострастилось папѣ Григорію VII, которому посвящены работы князя Е. Н. Трубецкаго («Религіозно-общественный идеалъ зап. христіанства въ XI в.») и А. Вязигина («Очерки изъ исторіи папства въ XI в.»). Отдѣльно стоятъ, кромѣ упомянутаго труда Бубнова, соч. В. А. Бильбасова («Крестовый походъ Фридриха II» и «Поповскій король Генрихъ Распе»), В. К. Надлера («Адалбертъ Бременскій»), В. Э. Регеля («Хроника Козмы Пражскаго»), Ф. Я. Фортинскаго («Титмаръ Мерзебургскій и его хроника») и др. Научное изслѣдованіе византийской исторіи сдѣлало важныя успѣхи преимущественно за послѣднюю четверть вѣка, при чемъ первымъ русскимъ византинистомъ по всей справедливости слѣдуетъ считать скончавшагося въ 1899 г. петерб. проф. средневѣковой исторіи В. Г. Васильевскаго, автора цѣлаго ряда работъ по византийской исторіи, печатавшихся въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» (отдѣльно — неоконченное «Обозрѣніе трудовъ по византийской исторіи»). Васильевскій основалъ и спеціальныя органы для этой области историческаго знанія — «Византийскій временникъ», который и редактировалъ, вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ учениковъ, В. Е. Регелемъ. Другимъ виднымъ русскимъ византинистомъ является Ф. И. Успенскій, занимающій въ настоящее время должность директора археологическаго института въ Константинополѣ, спеціально основаннаго для византийскихъ изслѣдованій. Ему принадлежитъ рядъ статей въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» и книга «Очерки по исторіи византийской образованности». Къ числу русскихъ византинистовъ относятся еще П. В. Безобразовъ («Византийскій писатель и государственный дѣятель Михаилъ Пселлъ»), Н. А. Скабадановичъ («Византийская церковь и государство въ XI в.»), Регель («*Analesta Byzantino-Russica*», «*Fontes rerum byzantinarum*» и др.) и др. Кромѣ того, нѣкоторые ученые и раньше занимались византийскими правами (см. VI, 270), а въ области исторіи византийскаго искусства особенно важны труды Н. П. Кондакова. Въ дѣлѣ изученія исторіи гуманизма русская наука выдвинула двухъ ученыхъ, много работавшихъ надъ итальян-

скимъ ренессансомъ съ культурной и литературной точекъ зрѣнія, и притомъ по неизданнымъ матеріаламъ. Александру Ник. Веселовскому принадлежатъ «Вилла Альберти», «Боккаччио» и множество болѣе мелкихъ работъ. Недавно. (1899) скончавшійся моск. проф. М. С. Корекинъ, кромѣ дѣлаго ряда статей, отчасти собранныхъ въ одну книжку («Очерки итальянскаго Возрожденія»), оставилъ капитальный трудъ: «Ранній итальянскій гуманизмъ и его историографія». Тѣмъ же періодомъ итал. исторіи занимались Н. А. Осокинъ («Савонарола и Флоренція», «Аттендоло Сфорца и королева Иоанна», «Неаполитанскіе государи XIV вѣка», А. С. Алексѣевъ («Маниавелли, какъ политическій мыслитель»), Садовъ («Виссаріонъ Никейскій»), В. К. Пискорскій («Франческо Феруччи и его время»). Надъ исторіей реформачи XVI в. и реформационной эпохи вообще наиболее трудились: И. В. Лучицкій («Феодальная аристократія и кальвинисты во Франціи», «Католическая лига и кальвинисты во Франціи»), Н. Н. Любавичъ («Исторія реформачи въ Польшѣ», «Начало католической реакціи и упадокъ реформачи въ Польшѣ», «Маринкъ де Сентъ-Альдегондъ»), Р. Ю. Випперъ («Церковь и государство въ Женевѣ въ эпоху Кальвина»). Всѣ трое много работали въ заграничныхъ архивахъ. Менѣе важны соч. Клячина («Полит. собранія и полит. организація кальвинистовъ во Франціи въ XVI в.») и С. О. Фортунатова («Представитель индпендентовъ Генри Вентъ»). Этотъ отдѣлъ зап.-европ. исторіи привлекалъ къ себѣ вниманіе и профессоровъ дух. академій, изъ числа которыхъ всего болѣе заслуживаютъ вниманія труды Вудрина («Антитринитаріи XVI в.»), П. А. Жуковича («Кардиналъ Гозій и польская церковь его времени») и В. Соколова («Реформація въ Англіи»). Къ реформационному же періоду относятся и обѣ диссертачіи Г. В. Форстена, представляющія собою результаты изысканій въ заграничныхъ архивахъ («Борьба изъ-за господства надъ Балтійскимъ моремъ въ XV и XVI вв.» и «Балтійскій вопросъ въ XVII и XVIII стол.»). По исторіи XVII и XVIII вв. на Западѣ имѣются работы Визинскаго («Англія въ XVIII в.»), В. И. Герье («Лейбницъ и его вѣкъ», сборникъ писемъ Лейбница), А. С. Трачевскаго («Германія наканунѣ революціи», «Союзъ князей и дѣмеккая политика Екатерины II, Фридриха II и Іосифа II»), П. Соколова («Церковная реформа имп. Іосифа II»). Особенно вниманіе русскихъ историковъ обратило на себя Франція, въ особенности революція 1789 г., долго бывшая своего рода заветнымъ плодомъ. Начало изученія исторіи французской революціи въ нашихъ университетахъ положилъ своими спеціальными курсами В. И. Герье, написавшій объ этомъ предметѣ нѣсколько небольшихъ работъ («L'abbé de Mably», «Понятіе о народѣ у Руссо», «Понятіе о власти и народѣ по наказамъ 1789 г.»), «Республика или монархія установится во Франціи», рядъ статей о Тэнѣ). Первымъ по времени самостоятельнымъ трудомъ, написаннымъ по архивнымъ источникамъ, является

диссертация Н. И. Карѣева: «Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII в.» (есть франц. переводъ). Особенное развитіе изученіе у насъ французской революціи получило въ послѣднее время. Ей посвятилъ свой четырехтомный трудъ: «Происхожденіе современной демократіи» М. М. Ковалевскій. Одновременно И. В. Лучицкій предпринялъ большое изслѣдованіе по исторіи крестьянскаго землевладѣнія и распродажи національныхъ имуществъ во Франціи въ эпоху революціи, для чего совершилъ нѣсколько поѣздокъ во Францію, гдѣ занимался въ провинціальныхъ архивахъ; пока имъ, въ отдѣльныхъ статьяхъ и брошюрахъ на русскомъ и французскомъ языкахъ, обнародованы лишь нѣкоторые результаты его изысканій. Въ настоящее время въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» печатаются двѣ работы, основанныя на архивныхъ матеріалахъ: П. Н. Ардашева («Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка») и А. М. Ону («Наказы третьяго сословія во Франціи въ 1789 г.»). Г. Хорошунъ только-что выпустилъ въ свѣтъ первый томъ большаго изслѣдованія: «Дворянскіе указы во Франціи въ 1789 г.» Къ этой же эпохѣ имѣютъ отношеніе труды Г. Е. Аванасьева («Министерская дѣятельность Тюрго», «Условія хлѣбной торговли во Франціи въ XVIII в.»), И. И. Иванова («Французскій театръ и философія XVIII в.»), Алексѣева («Этюды о Руссо»). Для исторіи XIX в. въ русской литературѣ сдѣлано сравнительно мало, если не считать изданія архивныхъ источниковъ (Ю. О. Мартенса и въ «Сборн. Русск. Ист. Общ.» подъ редакціей А. С. Трачевскаго и Н. К. Шильдера), а также сочиненій по дипломатической (С. М. Соловьева, В. К. Надлера, С. С. Татищева и др.) и военной исторіи, имѣющихъ болѣе или меньшее отношеніе къ исторіи Р. Общими трудами по исторіи XIX в. (кромѣ переводныхъ, которыхъ много) являются книги бывшаго профессора педагогическаго института Лоренца, учебникъ Григоровича и IV и V томы «Исторіи Зап. Европы въ новое время» Карѣева, да очень общій очеркъ Осокина: «Политическія движенія въ Европѣ въ первой половинѣ нашего вѣка». Изъ числа отдѣльныхъ работъ болѣе замѣательны: В. Даневскій, «Системы политическаго равновѣсія и легитимизма и начало національности въ ихъ взаимной связи»; Надлеръ, «Меттернихъ и европейская реакція»; А. Шаховъ, «Французская литература въ первые годы XIX в.» и «Очерки литературнаго движенія въ первую половину XIX в.»; И. Янжулъ, «Англійская свободная торговля»; М. Туганъ-Барановскій, «Промышленные кризисы въ современной Англіи»; С. Фортунатовъ, «Исторія политическаго ученія въ Соединенныхъ Штатахъ»; А. Градовскій, «Германская конституція»; А. Трачевскій, «Объединеніе Германіи»; А. Назимовъ, «Реакція въ Пруссіи»; Н. Молчановскій, «Цеховая система въ Пруссіи и реформа цеховъ при Штейнѣ и Гарденбергѣ»; Ю. Самаринъ, «Уничтоженіе крѣпостнаго права въ Пруссіи»; Н. Поповъ, «Исторія вольнаго города Кракова»; Первоульфъ, «Славянское

движение въ Австріи въ 1800—48 гг.; П. Кулаковский, «Иллиризмъ»; Б. Чичеринъ, «Исторія политическихъ учений»; Щегловъ, «Исторія социальныхъ учений». Самостоятельныя занятія польской исторіей ведутъ свое начало съ 60-хъ годовъ. Въ виду той связи, которая существуетъ между исторіей русской и польскою, къ разработкѣ послѣдней особенно стремился приохотить своихъ учениковъ въ Москвѣ С. М. Соловьевъ, который самъ написалъ «Исторію паденія Польши». Такъ возникли, между прочимъ, «Борьба за польскій престолъ въ 1733 г.» В. И. Герье и «Польское безкорольеве по смерти Ягеллоновъ» А. С. Травецкаго. Къ числу историковъ, занимавшихся Польшею, нужно отнести и Д. И. Иловайскаго («Гродненскій сеймъ 1793 г.»). Тѣсная связь между русскою и польскою исторіей направила въ ту же область и Н. И. Костомарова («Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой»), а также М. Ѳ. де-Пуле («Ст.-Авг. Полятовскій и Литва въ 1794—95 гг.») и Ѳ. М. Уманца («Два года послѣ Ягеллоновъ»). Больше съ точки зрѣнія «всеобщихъ» историковъ занимались Польшею Н. Н. Любичъ, авторъ названныхъ трудовъ по исторіи польской реформаціи, Н. И. Карѣвъ («Реформаціонное движеніе и католическая реакція въ Польшѣ», «Очеркъ польскаго сейма», «Польскія реформы XVIII в.», «Паденіе Польши въ исторической литературѣ»; три послѣднія соч. есть въ польск. перев.), П. Я. Жуковичъ («Гозій») и В. А. Мякотинъ («Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ»). Наибольшее количество русскихъ трудовъ по польск. исторіи посвящено, такимъ образомъ, новому времени; средневѣковая исторія Польши почти совсѣмъ не разрабатывалась у насъ (кромѣ работъ Линниченко, Филевича, Павлова, Тихомирова, Любавскаго и т. п., относящихся болѣе къ русской исторіи, какъ и «Люблинская унія» Кояловича). По исторіи польской литературы на русскомъ языкѣ имѣется трудъ В. Д. Спасовича. Особый отдѣлъ историографіи представляетъ собою *философія исторіи*. Интересъ къ этой отрасли знанія появился у насъ впервые въ эпоху усиленныхъ запытіи философій (особенно системъ Гегеля) и спора между западниками и славянофилами въ исходѣ первой половины XIX в. Новую эпоху въ исторіи этого интереса представляютъ собою шестидесятые года, когда особенно сильное впечатлѣніе на русское общество оказала «Исторія цивилизаціи въ Англіи» Бокля. Съ семидесятыхъ годовъ историко-философскіе вопросы начинаютъ все болѣе и болѣе получать социологическую постановку (см. ниже, Соціологія, гдѣ указана и соответствующая литература). Отметимъ здѣсь только два наиболѣе важныхъ историко-философскихъ труда славянофильскаго лагера: Хомяковъ, «Записки по всемірной исторіи» и Данилевскій, «Россія и Европа» (послѣдняя книга вызвала большую подемику). Диссертациі на ученые степени по философій исторіи писались М. М. Стасюлевичемъ («Опытъ историческаго обзора главныхъ системъ философій исторіи») и Н. И. Карѣвымъ («Основные вопросы философій

исторіи»). Историческая методологія разрабатывалась у насъ сравнительно мало (см. XIII, 508). Историографическая литература, посвященная всеобщей исторіи, представляется слѣдующими сочиненіями: Герье, «Очеркъ развитія исторической науки»; Петровъ, «Новѣйшая національная историографія въ Германіи, Англіи и Франціи»; Виноградовъ, «Очерки западно-европейской историографіи» (въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» за восьмидесятыя годы); Тураевъ, «Очерки исторіи изученія финикійской древности» (въ «Истор. Обзорніи»), «Новѣйшіе успѣхи и современное состояніе египтологіи» (т. же); Покровский, «Новыя явленія въ области разработки греческой исторіи» (тамъ же); Герье, «Вступленіе археологіи въ кругъ римской историографіи» (въ «Сборн. Моск. Ист. Общ.»); Васильевскій, «Обзорніе трудовъ по византийской исторіи»; Бузескулъ, «Обзоръ вѣмеккой литературы по исторіи среднихъ вѣковъ»; Осокинъ, «Историографія среднихъ вѣковъ»; Вазигитъ, «Личность и значеніе Григорія VII въ исторической литературѣ» (въ «Ист. Обзорніи»); Ламанскій, «Объ историческомъ изученіи греко-славянскаго міра въ Европѣ»; Корелинъ, «Итальянскій гуманизмъ и его историографія»; Карѣвъ, «Вопросъ о религиозной реформаціи XVI в. въ исторической литературѣ»; «Паденіе Польши въ историч. литературѣ», «Новѣйшія работы по исторіи французской революціи» (въ «Ист. Обзорніи»), а также небольшіе историографическіе очерки въ «Исторіи Зап. Евр.» и обзоръ историч. литературы въ «Программахъ чтенія для самообразованія»; Павинскій, «Обзоръ современного состоянія польской историографіи» (въ «Ист. Обзорніи»); Птапичскій, «Новѣйшія польскія сочиненія по польской исторіи XVIII в.» (ib.). Историографическіе обзоры можно найти и во многихъ специальныхъ трудахъ (напр., очеркъ историографіи феодализма—въ кн. Виноградова о лангоб. феодализмѣ, очеркъ разработокъ исторіи крестьянъ на Западѣ—въ соч. В. И. Семевскаго о русскихъ крестьянахъ при Екатеринѣ II и т. п.). Существуютъ, наконецъ, статьи объ отдѣльныхъ историкахъ (Вестуевъ-Рюмина объ Ешевскомъ, Бузескула о Зибелѣ и Ранке, Виноградова о Ранке, Фюстелъ де Куланжѣ, Грановскомъ, Герье о Танѣ, Мишлѣ, Кудрявцевѣ, Соловьевѣ, Грановскаго о Иибурѣ, Карѣва о Грановскомъ и т. п.). Обширныхъ трудовъ, обнимающихъ исторію всего человѣчества, кромѣ переводныхъ, у насъ нѣтъ; университетскіе курсы издаются рѣдко (Петровъ, «Лекціи по всемірной исторіи»; Травецскій, «Учебникъ исторіи»; С. М. Соловьевъ, «Курсъ новой исторіи»; Осокинъ, «Исторія среднихъ вѣковъ»; Бауеръ, «Лекціи по новой исторіи»; Карѣвъ, «Исторія Западной Европы въ новое время»). Имѣются собранія сочиненій Грановскаго, Кудрявцева, Ешевскаго, Кутормы, Петрова и др. Лучшія школьныя руководства, обнимающія всю исторію, написаны Шульгиннымъ (устарѣло) и проф. Виноградовымъ. Какъ пособія, важны христоматіи Стасюлевича (ср. вв.), Виноградова (ср. вв.), Гуревича (новая исторія). Переводная литература по всеобщей исторіи у насъ весьма

обширна, и едва ли найдется какая-либо другая литература, которая обладала бы такою массою переводовъ иностранныхъ историческихъ книгъ.

Н. Карповъ.

23) Церковная исторія. Церковно-историческія знанія проникли въ среду русскихъ книжныхъ людей, преимущественно духовенства, вмѣстѣ съ самымъ христіанствомъ; источникомъ ихъ были агиографическіе сборники, творенія св. отцовъ и византійскія всемірно-историческія хроники, въ славянскихъ переводахъ, выборкахъ и обработкахъ. Весьма долго русскіе пользовались ими въ цѣляхъ богословско-полемическихъ. Такъ какъ девизъ православія—храненіе преданія, то при всякомъ возникавшемъ крупномъ разногласіи по вопросамъ догмата или канона каждая сторона стремилась доказать, что преданіе, то есть исторія церкви, на ея сторонѣ. Такъ было, напримѣръ, въ XV—XVI вѣкахъ, въ эпоху раздѣленія русской митрополіи, споровъ о монастырскихъ земляхъ и ересей стригольниковъ, жидовствующихъ и Θεодосія Косого; но особенно энергичный толчекъ полемикѣ далъ былъ брестской уніей и попытками протестантскихъ богослововъ войти въ общеніе съ восточной церковью, а затѣмъ исправленіемъ книгъ и расколомъ старообрядства. Замѣчательнѣйшіе труды русскихъ книжниковъ XV—XVII вв.: «Просвѣтитель» Іосифа Волоцкого, «Великия Минеи-Четии» митр. Макарія, трактатъ Адама Зерникава о Св. Духѣ и соч. Христофора Филалета (Брянскаго) противъ уніи. Болѣе правильно и устойчиво церковно-историческія знанія стали культивироваться сперва въ западной Руси, въ школахъ православныхъ братствъ и особенно въ кievской академіи; отсюда они перешли въ Москву, въ славяно-греко-латинскую академію. Въ полемическихъ сочиненіяхъ первой эпохи борьбы съ расколомъ обѣ стороны посвящаютъ много вниманія исторіи и археологіи церкви; такъ напр. въ «Поморскихъ отвѣтахъ» братьевъ Денисовыхъ содержатся цѣлыя трактаты, выполненныя мѣстами съ большимъ знаніемъ дѣла и остроуміемъ (напримѣръ «отвѣтъ» о двуперстии и въ особенности блестящая критика подложнаго «дѣнія на еретика Мартина», выдвинутого противъ раскольниковъ извѣстнымъ Плитиримомъ нижегородскимъ). Въ XVIII вѣкѣ церковно-историческія знанія въ Россіи, сравнительно съ XVII в., пришли скорѣе въ упадокъ, чѣмъ поднялись, не смотря на умноженіе духовныхъ училищъ, а потомъ, постепенно, и академій. Выдающимся историкомъ конца XVIII и начала XIX вѣка можетъ быть названъ только митр. Платонъ. Вслѣдъ за нимъ явился весьма виднымъ дѣятелемъ не только церковной, но и вообще русской исторіи и археологіи кievскій митр. Евгений (Болховитинъ), трудами котораго, главнымъ образомъ по собиранію, описанію и систематизаціи всякаго рода памятниковъ старины, руководила непосредственно любовь къ такому изученію помимо богословскихъ цѣлей. Религиозное оживленіе, охватившее всю Европу послѣ 1815 г., создало на Западѣ историческую богословскую школу, въ которой церков-

ная исторія приобрѣла, наконецъ, полную самостоятельность особой научной дисциплины. Въ русской церковно-исторической наукѣ этотъ благопріятный поворотъ долго не могъ сказаться съ полной силой и ясностью: въ дѣятеляхъ чисто научнаго духа недостатка не было, но господствовавшій режимъ стремился удержать ихъ въ старой, вѣроисповѣдно-полемической, колеѣ, и заставить служить цѣлямъ официальной народности и официалаго православія. Вслѣдствіе этого наука далеко не получила всего, чего могла ожидать, напр., отъ прот. Павскаго (перваго русскаго богослова-гебраиста), проф. Гиларова (талантливаго расколовѣда, одну сторону воззрѣній котораго потомъ непомѣрно развили Щаповъ) и др.

Со вступленіемъ на престолъ императора Александра II внѣшнія условія стали гораздо благопріятнѣе, особенно послѣ изданія устава духовныхъ академій 1874 г. Русская церковно-историческая наука остается православною, но дѣятели ея начинаютъ чаще и живѣе отзываться на теченія западной науки, и стремятся усвоить общесторическій методъ, сблизиться съ русскими свѣтскими историками. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи и до сихъ поръ дѣло еще не доведено до желаннаго положенія; между прочимъ, этому содѣйствовалъ и личный характеръ нѣкоторыхъ изъ дѣятелей русской церковно-исторической науки—ихъ крайняя скромность и замкнутость, ихъ крайне недоувѣрчивое отношеніе къ результатамъ собственныхъ изслѣдованій и къ собственнымъ взглядамъ и теоріямъ. Всѣ знавшіе, напр., проф. прот. Горскаго говорятъ, что по его печатнымъ трудамъ нельзя и понятія себѣ составить объ обилии его знаній и глубинѣ его историческаго пониманія; тоже надо сказать и о нѣкоторыхъ другихъ профессорахъ, напримѣръ Ловлягинѣ и Чельцовѣ. Въ духовныхъ академіяхъ имѣются по церковной исторіи нѣсколько специальныхъ кафедръ (исторія вселенской церкви, русской церкви, западныхъ исповѣданій, славянскихъ церквей, русскаго раскола); духовная цензура во многихъ областяхъ чисто историческаго характера не ставитъ препятствій критическому изслѣдованію и изложенію фактовъ, требуя лишь православнаго отношенія къ нимъ (при Александрѣ II ставились внѣшнія преграды лишь лицамъ, считавшимся крайними отрицателями, напр. Ф. Терновскому). Преобладающія направленія русской церковно-исторической науки за время съ 1855 по 1899 г.—съ одной стороны старое, вѣроисповѣдно-полемическое, съ другой стороны новое, историко-критическое. Отличительная черта этого періода—появленіе ряда самостоятельныхъ русскихъ работъ по исторіи церкви вселенской, византійской и даже западной, тогда какъ ранѣе русскіе являлись съ самостоятельными работами почти исключительно по исторіи русской церкви. Историко-критическое направленіе не дозволяетъ, пока, широкихъ историко-философскихъ концепцій; отсюда другая преобладающая черта—монографичность и бедность выводимыхъ изъ предѣловъ монографій обобщеній. Обязанности духовнаго пастырства от-

влекаютъ отъ научной работы много молодыхъ силъ; можно назвать рядъ изслѣдователей, замѣчательныхъ совѣтъ или почти совѣтъ послѣ магистерской диссертации. Изъ научныхъ дѣятелей выдаются по палеографіи, бібліологіи, археологіи—проф. прот. Горскій, архим. Леонидъ, Амфилохій, Порфирій (Успенскій), проф. Н. Покровский, Красносельцевъ (†1898), Дмитріевскій; по всеобщей церковной исторіи—проф. И. Е. Троицкій («Арсеній и арсениты»)—замѣчательный взглядъ на взаимоотношенія блага и чернаго духовенства въ западной и восточной церкви и на вліяніе этихъ отношеній на судьбы обѣихъ церквей), проф. А. Вороновъ («Кириллъ и Меѳодій»), прот. А. И. Ивановъ—Платоновъ («Ереси и расколы III первыхъ вѣковъ христіанства»), проф. В. В. Волоотовъ, одинъ изъ первыхъ знатоковъ церковной исторіи не только въ Россіи, но и въ Европѣ («Ученіе Оригена о Св. Троицѣ» и множество важныхъ журнальных статей, особенно по исторіи Востока), проф. Кургановъ, Голубевъ, Лебедевъ *); по церковной литературѣ: — архіеп. Филаретъ Гумилевскій («Историческое ученіе объ отцахъ церкви»), архим. Сергій («Полный мѣсяцесловъ Востока»—цѣнный сводъ свѣдѣній изъ житій святыхъ восточной церкви), проф. Н. Н. Глубоковскій («Влаженный Θεοδότης, епископъ кирскій), А. Спасскій («Аполлинарій Лаодикійскій»); по исторіи русской церкви—архіеп. Филаретъ Гумилевскій («Исторія русской церкви»), митроп. Макарій («Исаорія русской церкви»), проф. Е. Е. Голубинскій («Исторія русской церкви въ домонгольскій періодъ и рядъ статей въ журналѣ «Богословскій Вѣстникъ», составляющихъ ея продолженіе), прот. П. Николовскій («Учрежденіе патриаршества въ Р.»), П. Знаменскій, свящ. Морозкинъ («Иезуиты въ Р.»), «Возсоединеніе униѣ», проф. Кояловичъ («Исторія возсоединенія зап.-русскихъ униатовъ»), Ю. О. Самаринъ («Θεοφανѣ Прокоповичъ»). Постоянными органами церковной науки служатъ журналы духовныхъ академій: «Христіанское Чтеніе» (СПб.), «Богословскій Вѣстникъ» (Москва), «Труды Кіевской Духовной Акад.» (Кіевъ), «Православный Собесѣдникъ» (Казань). Творенія св. отцовъ въ русскомъ переводѣ издаются при моск., петербургской и кіевской дух. академіяхъ; изъ изданій казанской акад. особенно важенъ переводъ дѣяній вселенскихъ соборовъ. Другіе періодическіе органы, гдѣ являлись и являются цѣнные статьи: «Вѣра и Разумъ», «Чтенія въ общ. любителей духовнаго просвѣщенія», «Чтенія въ обществѣ любителей древней письменн.» , «Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ», «Странникъ», «Душеполезное Чтеніе», «Православное Обзоріе», «Русскій Вѣстникъ», «Рус. Обзоріе», «Византійскій Временникъ». Славянофилы—Хомяковъ и Карѣевскій—дали первую русскую философію церкви и ея исторіи. Теорія церкви Хомякова нашла въ церковной

православной средѣ и поклонниковъ, и противниковъ; отношеніе къ ней церкви и факультетской науки доселѣ не установилось, но она во всякомъ случаѣ остается глубоко интереснымъ и знаменательнымъ явленіемъ. Наслѣдниками взгляда Хомякова на сущность исповѣданій явились у насъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Н. Я. Данилевскій, Н. Н. Страховъ и др.; изъ присяжныхъ дѣятелей церковной науки во многомъ быть солидаренъ съ нею прот. профессоръ А. И. Ивановъ-Платоновъ; славянофильская—же теорія дала толчокъ къ теоріямъ церкви и ея исторіи К. Н. Леонтьева и Владимира Соловьева («La Russie et l'Eglise universelle»). *Б. Меліоранскій.*

24) Востокѣздѣніе. Въ Р., уже вслѣдствіе ея географическаго положенія, всегда были отдѣльные люди, изучающіе для торговыхъ или дипломатическихъ цѣлей тотъ или другой восточный языкъ. Изъ средневѣковыхъ русскихъ путешественниковъ на Востокъ замѣчательнъ тверской купецъ Аѳанасій Никитинъ (XV в.), оставившій цѣнное описаніе Индіи. Преподаніе восточныхъ языковъ и научныя изысканія въ области востокѣздѣнія начались у насъ съ того времени, когда вообще появились первыя правильно устроенныя школы и первые научные дѣятели. Уже Петръ Великій принялъ мѣры къ открытію школъ для практическаго изученія восточныхъ языковъ (изъ нихъ первой была японская школа, открытая въ Петербургѣ въ 1705 г.); съ тою же цѣлью были отправлены молодые люди въ Персію, Турцію, Монголію и Китай. По кяхтинскому договору 1727 г. была учреждена постоянная русская миссія въ Пекинѣ, при которой должны были жить «трое священниковъ и шесть учениковъ, для узнанія китайскаго языка». Изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, въ разное время состоявшихъ при мисіи, вышелъ цѣлый рядъ выдающихся синологовъ (см. Пекинская духовная миссія). Съ 1852 по 1866 г. вышли четыре тома «Трудовъ членовъ Рос. Дух. Миссіи въ Пекинѣ», заключающіе въ себѣ много интересныхъ статей по исторіи Китая. Научный интересъ къ Востоку, именно къ восточной нумизматикѣ и археологіи, также былъ проявленъ еще Петромъ Великимъ. Въ 1722 г. Петръ осмотрѣлъ развалины Волгарь на Волгѣ, принявъ мѣры къ ихъ охраненію и велѣлъ снять и перевести 50 арабскихъ, татарскихъ и армянскихъ надписей (въ печати этотъ переводъ появился только въ 1771 г., въ «Дневныхъ запискахъ путешественъ по разнымъ провинціямъ Росс. Госуд.» И. И. Лепехина). Для изслѣдованія сибирскихъ древностей въ 1720 г. былъ посланъ натуралистъ Д. Г. Мессершмидтъ, вернувшійся въ Петербургъ только въ 1727 г. (первая русская научная командировка въ Азію; дневникъ Мессершмидта, на нѣмецкомъ языкѣ, остался въ рукописи; извлеченія изъ него, въ русскомъ переводѣ, помѣщены въ «Сибирскихъ древностяхъ» В. В. Радлова, т. I вып. 1, СПб., 1888). Въ Тобольскѣ Мессершмидтъ получилъ отъ шведскихъ плѣнныхъ рукописъ «Исторіи тюрковъ» хивинскаго хана Абдуллы, благодаря чему этотъ важный источникъ для исторіи Средней Азіи сталъ впервые

*) Собраніе сочиненій А. И. Лебедева, выходящее теперь въ свѣтъ, даетъ полную исторію церкви до раздѣленія и византійско-восточной церкви до нашихъ дней.

извѣстенъ ученой публикѣ. Были приняты мѣры къ сохраненію восточныхъ книгъ и рукописей, добытыхъ во время персидскаго похода (1722—23). Въ академіи наукъ нашли себѣ мѣсто и вост. языки, для преподаванія которыхъ были приглашены Г. З. Байеръ († 1738) и Г. Я. Керъ († 1740). Изъ трудовъ Байера къ востоковѣднію относятся «Elementa litteraturae Brahmanicae Tangutanae Mungolicae» («Commentarii Acad. Scient. Imper. Petrop.», т. III, СПб., 1732; т. IV, *ibid.*, 1735). Керъ съ 1735 г. занимался разборомъ хранившихся въ кунсткамерѣ восточныхъ монетъ; труды его остались въ рукописи, но ими, повидимому, воспользовался составитель описанія коллекцій академіи, вышедшаго въ 1745 г.; въ этой книгѣ есть и списокъ восточныхъ монетъ, подъ загл.: «Numi chinenses, indici, ebraei, tatarici, persici, arabici, turcici». Интересный проектъ «Азіатской Академіи», представленный Керомъ въ 1733 г., не получилъ осуществленія. Тѣмъ же двумя теченіями, какъ при Петрѣ Вел. и его преемникахъ, опредѣляется и дальнѣйшій ходъ развитія востоковѣднія въ Р. По мѣрѣ расширенія русскихъ владѣній въ Азіи развивались дипломатическія и торговыя потребности, требовавшія открытія новыхъ практическихъ школъ восточныхъ языковъ или расширенія программы прежнихъ. Въ то же время успѣхи европейской науки въ Р. обыкновенно сопровождались успѣхами востоковѣднія; среди европейскихъ ученыхъ, приглашаемыхъ въ Р., какъ и среди воспитанниковъ русскихъ учебныхъ заведеній, отправляемыхъ за границу для усовершенствованія своихъ познаній, обыкновенно бывали и ориенталисты. Строгое разграниченіе этихъ двухъ направленій не всегда возможно; съ одной стороны, представители науки до послѣдняго времени нерѣдко подчиняли свое преподаваніе практическимъ цѣлямъ; съ другой стороны, преподаватели и воспитанники школъ, преслѣдующихъ практическія цѣли, нерѣдко становились въ ряды научныхъ дѣятелей и иногда достигали европейской извѣстности. Вліяніе европейской науки сказывается особенно сильно въ тѣхъ отрасляхъ востоковѣднія, которыя преимущественно изучались въ Западной Европѣ (семитическіе языки), тогда какъ самостоятельность русской школы болѣе всего проявляется при изученіи языковъ и быта странъ, доступныхъ русскимъ ученымъ въ болѣе высокой степени, чѣмъ другимъ (Китай и Средняя Азія). Практическое изученіе восточныхъ языковъ получило особенное развитіе въ царствованіе Екатерины II. Въ 1769 г. былъ открытъ классъ татарскаго языка при казанской гимназіи; преподавателемъ Санту Хальфину принадлежить «Азбука татарскаго языка», изданная въ Москвѣ въ 1778 г. (первое на русскомъ яз. пособіе для изученія восточнаго яз.). По указу 1782 г. въ народныхъ училищахъ Кольванской области и Иркутской губ. долженъ былъ быть введенъ китайскій языкъ, а въ тѣхъ губерніяхъ, которыя «лежатъ къ сторонѣ татарской, персидской и бухарской» — арабскій. Въ 1789 г. въ Омскѣ была учреждена «азиатская школа», для приготовленія перевод-

чиковъ по татарскому, монгольскому и маньчжурскому языкамъ. Постѣ увеличенія числа гимназій въ XIX в. въ тѣхъ изъ нихъ, которыя были расположены въ губерніяхъ съ инородческимъ населеніемъ, было введено преподаваніе мѣстныхъ восточныхъ языковъ, въплотствіи вытѣсненныхъ классической реформой. Болѣе широкую программу имѣли восточные классы въ казанской гимназіи, гдѣ преподавались языки татарскій, арабскій, персидскій, монгольскій, китайскій, армянскій и маньчжурскій. По уставу 1836 г., восточные классы были раздѣлены на 3 разряда: арабско-персидскій, турецко-татарско-персидскій, монголо-турецко-татарскій; ученики, занимавшіеся восточными языками, освобождались отъ языковъ греческаго, славянскаго и нѣмецкаго, высшей математики, черченія и рисованія. Преподаваніе восточныхъ языковъ, за исключеніемъ татарскаго, было прекращено въ гимназіи въ 1857 г. Въ настоящее время, за исключеніемъ училищъ духовнаго вѣдомства, восточные языки преподаются только въ очень немногихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ (ташкентское реальное училище, тапшкентская учительская семинарія). О вышедшихъ учебныхъ заведеніяхъ для изученія восточныхъ языковъ — см. выше, Учебное дѣло, стр. 396. Среди практическихъ соображеній, которыми опредѣлялось преподаваніе восточныхъ языковъ въ Р., видное мѣсто занимаютъ духовныя потребности инородцевъ и забота о распространеніи среди нихъ христіанства. Во многихъ семинаріяхъ и духовныхъ училищахъ преподавались (отчасти и теперь еще преподаются) мѣстные восточные языки (особенно татарскій); казанская духовная академія сдѣлалась однимъ изъ главныхъ разсадниковъ востоковѣднія. Въ 1845 г. кафедры восточныхъ языковъ при академіи были раздѣлены на два разряда, монголо-калмычскій и турецко-татарскій; уставомъ 1884 г. подтверждено дѣленіе на отдѣлы татарскій и монгольскій. Православное папестинское общество своими изданіями оказываетъ важную услугу востоковѣднію. Для успѣховъ востоковѣднія, какъ науки, въ XVIII в. было сдѣлано очень мало. Двѣ болѣе или менѣе самостоятельныя экспедиціи въ Азію имѣли цѣлью производство естественно-историческихъ и этнографическихъ изслѣдованій и принесли только косвенную пользу востоковѣднію. Результатомъ первой экспедиціи были сочиненія Г. Ф. Миллера («Описание Сибирскаго Царства и всѣхъ происшедшихъ въ немъ дѣлъ», СПб., 1750) и І. Е. Филера («Сибирская исторія», СПб., 1774); результатомъ второй — «Собраніе историческихъ извѣстій о монгольскихъ народностяхъ», П. С. Палласа (на нѣмецкомъ языкѣ, СПб., 1776—1802), который пользовался содѣйствіемъ знавшаго монгольскій языкъ Гирха. Г. Ф. Миллеру принадлежить также лингвистическіе труды: «Описаніе живущихъ въ Казанской губ. языческихъ народовъ, яко то черемисы, чуваши и вотяки», съ прилож. многочисл. словъ на семи языкахъ, какъ то: на казанско-татарскомъ, черемисскомъ, чувашскомъ, вотяцкомъ, мордовскомъ, пермскомъ и зырянскомъ», написанный въ 1748 г. и изданный въ 1791 г. Связь

академи съ востокѣдѣніемъ поддерживалась только благодаря богатымъ собраніямъ рукописей и монетъ, изъ которыхъ въ 1818 г. былъ образованъ азіатскій музей. Представленный Уваровымъ въ 1810 г. проектъ азіатской академіи не былъ утвержденъ, но въ 1801 г. въ число академиковъ былъ принятъ ориенталистъ Х. Д. Френъ, а по штатамъ 1830 г. восточные языки окончательно получили право гражданства въ академіи. Въ университетскомъ преподаваніи восточные языки получили мѣсто по уставу 1804 г.; въ университетахъ московскомъ, казанскомъ и харьковскомъ были учреждены кафедры восточныхъ языковъ (арабскаго и персидскаго). Въ московскомъ унив. эту кафедру занялъ А. В. Болдыревъ (1811—37, † 1843), первый въ Р. арабистъ, авторъ первой арабской грамматики на русскомъ языкѣ и первыхъ хрестоматій арабской и персидской. Болдыревъ, подобно всѣмъ ориенталистамъ того времени, былъ ученикомъ Сильвестра де-Саси. Болѣе обширную программу получилъ преподаваніе восточныхъ языковъ въ Казани, гдѣ кафедра ихъ въ 1807 г. была занята знаменитымъ Х. Д. Френомъ. Въ 1828 г. была учреждена кафедра турецко-татарскаго языка и замѣщена А. К. Казембекомъ, который, наряду съ Сенковскимъ, считается однимъ изъ главныхъ основателей школы русскихъ ориенталистовъ. Уставомъ 1835 г. восточное отдѣленіе въ казанскомъ унив. было раздѣлено на 3 разряда: арабско-персидскій, арабско-турецкій и монголо-санскритскій; въ послѣдствіи къ нимъ прибавились еще китайскій и армянскій. Были открыты кафедры языковъ монгольскаго (1833), китайскаго (1837), армянскаго (1839), санскритскаго (1842) и маньчжурскаго (1844). Въ петербургскомъ унив. восточные языки преподавались уже со времени его основанія. Уже въ педагогическій институтъ въ 1817 г. были приглашены Деманжъ и Шармуа, ученики Сильвестра-де-Саси; послѣ преобразованія института въ университетъ Шармуа до 1822 г. и вторично въ 1831—35 гг. преподавалъ персидскій языкъ, при чемъ его адъюнктомъ былъ персъ Мирза Джафаръ Топчибаевъ; они превосходно дополняли другъ друга и поставили преподаваніе на должную высоту. Деманжа замѣнилъ О. И. Сенковский (1822—47), лекціи котораго оставили гораздо болѣе прочные и благотворные слѣды, чѣмъ его публицистическая дѣятельность. Сенковский изучилъ арабскій и турецкій языки самоучкой и въ послѣдствіи усовершенствовалъ свои познанія посредствомъ путешествія на Востокъ; своими лекціями онъ умѣлъ заинтересовать слушателей и положить начало цѣлой школѣ ориенталистовъ, хотя среди послѣднихъ не было ни одного выдающагося арабиста. По уставу 1835 г., были учреждены кафедры монгольскаго и турецкаго языковъ; изъ нихъ была замѣщена только вторая. Въ 1854 г. факультетъ восточныхъ языковъ и его научныя коллекціи были переведены изъ Казани въ Петербургъ (см. Восточный факультетъ). Факультетъ, кромѣ научныхъ задачъ, отчетливы преслѣдуетъ и практическія, хотя и не въ той степени, какъ прежде казанскій, первымъ профессорамъ котораго было пред-

писано «ограничиться преподаваніемъ языковъ арабскаго и персидскаго въ томъ единственно отношеніи, въ какомъ они могутъ быть полезны Россіи по ея торговымъ и промышленнымъ сношеніямъ». Во время пересмотра устава 1863 г. профессора В. В. Григорьевъ и К. А. Коссовичъ подали записку о преобразованіи факультета, съ переименованіемъ его въ восточный, т. е. «передающій всѣ знанія относительно Востока, добываемыя наукой, а не только языки его». Осуществленіе этой программы (предполагалось, между прочимъ, ввести изученіе ассириологии и египтологіи) подняло-бы научное значеніе факультета и отодвинуло-бы на задній планъ его практическія задачи. Изъ историческихъ курсовъ теперь на факультетѣ читается только исторія Средней Азіи; съ 1868 по 1873 г. читалась исторія арийскихъ народовъ (Г. В. Мельгуновъ), съ 1880 по 1889 г. — исторія Персіи (армянистъ К. П. Паткановъ); В. П. Васильевъ, С. М. Георгиевскій и Д. М. Позднѣвъ въ разное время читали исторію Китая. Курсы исторіи литературы (арабской, персидской, османской, китайской, еврейской, армянской и грузинской) читаются представителями лингвистическихъ кафедръ. Лекціи по восточной нумизматикѣ, читавшіяся проф. И. Н. Березинимъ († 1896), возобновлены въ 1897 г., въ качествѣ необязательнаго курса. Съ цѣлью поднять научный характеръ преподаванія востокѣдѣнія бар. В. Р. Розень неоднократно указывалъ на необходимость учредить въ другихъ университетахъ кафедры восточныхъ языковъ при историко-филологическомъ факультетѣ (въ качествѣ необязательнаго предмета), но въ настоящее время только въ Казани существуетъ кафедра турецко-татарскихъ языковъ, занятая Н. Ѳ. Катановымъ, который читаетъ также арабскій и персидскій языки. Значительное вліяніе на развитіе востокѣдѣнія въ Р. оказали археологическія общества, особенно Имп. русск. археол. общество; одно отдѣленіе его (восточное) специально занимается изученіемъ восточныхъ древностей. Въ «Трудахъ» вост. отд. (съ 1855 г.) напечатанъ цѣлый рядъ цѣнныхъ изслѣдованій не только по археологіи, но и вообще по востокѣдѣнію. «Зап. Вост. Отд. Арх. Общ.», основанный въ 1886 г. бар. В. Р. Розеномъ, служатъ теперь главнымъ органомъ востокѣдѣнія въ Р. Среди изданій Имп. арх. комиссіи также есть цѣнные труды по археологіи и исторіи Востока. При имп. московскомъ арх. общ. существуетъ восточная комиссія, издающая съ 1889 г. свои труды, подъ заглавіемъ: «Восточныя Древности». Изъ провинціальныхъ изданій статьи ориенталистовъ появляются въ «Изв. Общ. Арх., Исторіи и Этногр. при Казанскомъ Унив.» и въ «Ученыхъ Запискахъ» этого университета. Съ 1895 г. въ Ташкентѣ существуетъ «Туркестанскій кружокъ любителей археологіи», печатающій свои «Протоколы». Цѣнныя для ориенталиста свѣдѣнія, особенно по мѣстному фольклору, мы находимъ также въ изданіяхъ статистич. комитетовъ азіатскихъ областей и особенно въ «Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и пле-

мень Кавказа» (издается управлением кавк. учебн. округа съ 1881 г.). Работы Имп. русскаго географическаго общества и его отдѣловъ часто касались Востока; обществомъ изданы нѣкоторые труды ориенталистовъ по этнографіи (напр. труды проф. А. М. Позднѣва) и даже нѣкоторые восточные тексты (напр. таранчійскія пѣсни, собранныя Н. Н. Пантусовымъ, СПб., 1890). Перечень важнѣйшихъ русскихъ трудовъ по различнымъ отраслямъ востоковѣдѣнія. *Арабская словесность*. Лучшая арабская грамматика на русскомъ языкѣ—«Опытъ грамматики арабскаго языка» (СПб., 1867), М. Т. Навроцкаго; лучшая хрестоматія—«Арабская хрестоматія», В. Θ. Гиргаса и бар. В. Р. Розена (СПб., 1875 — 76). Предметъ специальныхъ изысканій русскихъ семитологовъ составляли арабскія извѣстія о русскихъ, славянахъ и народахъ, населявшихъ Россію: Frähn, «Ibn-Foszlans und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit» (СПб., 1823); Д. А. Хвольсонъ, «Ибнъ-Даста, извѣстія о хозарахъ, буртасахъ, болгаряхъ, мадырахъ, славянахъ и руссахъ» (СПб., 1869); А. Я. Гаркави, «Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ» (СПб., 1870; «Дополненія къ нимъ», СПб., 1871); А. А. Куникъ и бар. В. Р. Розень, «Извѣстія ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и славянахъ» (СПб., 1878). Бар. В. Г. Тизенгаузенъ собралъ арабскія извѣстія о Золотой ордѣ («Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой орды», т. I, СПб., 1884). Въ настоящее время А. А. Васильевъ въ «Визант. Временникѣ» разбираетъ арабскіе источники по византійской исторіи; той же темѣ посвящены докторская диссертация бар. В. Р. Розена («Императоръ Василій Болгаробойца», СПб., 1883) и его статья: «Арабскія сказанія о поражении Романа Диогена» («Зап. Восточ. Отд.», т. I). *Армянская словесность*. Наиболѣе извѣстные русскіе армяны—Н. О. Эминъ († 1890), авторъ грамматики (Москва, 1846) и хрестоматіи (Москва, 1849) древне-армянскаго языка и переводчикъ важнѣйшихъ армянскихъ историковъ; К. П. Паткановъ († 1889), хотѣвшій своими трудами «наглядно доказать полезность армянскихъ источниковъ въ дѣлѣ изученія исторіи и литературы другихъ народовъ». Его ученикъ Н. Я. Марръ старается придать арменовѣдѣнію характеръ самостоятельной науки. *Буддизмъ*. Въ этой области дали цѣнные труды русскіе санскритисты: И. П. Минаевъ («Буддизмъ», СПб., 1887) и С. Θ. Ольденбургъ («Буддизмъ легенды», СПб., 1894), синологъ В. П. Васильевъ («Буддизмъ», СПб., 1857 — 69) и монголистъ А. М. Позднѣвъ («Очерки быта буддійскихъ монастырей и буддійскаго духовенства въ Монголіи», СПб., 1887). *Восточная нумизматика*. Основателемъ школы русскихъ нумизматовъ былъ академикъ Х. Д. Френъ, оставившій богатую коллекцію азіатскаго музея («Recensio numorum Muhamedanorum aсад. imp. scient. Petrop.», СПб., 1826) и специально занимавшійся изслѣдованіемъ золотоордынскихъ монетъ. Въ той же области работали его ученики П. С. Савельевъ († 1860) и проф. В. В. Григорьевъ († 1881). Болѣе но-

вые труды: бар. В. Г. Тизенгаузенъ, «Монеты восточнаго халифата» (СПб., 1873); А. К. Марковъ, «Инвентарный каталогъ мусульманскихъ монетъ Имп. Эрмитажа», СПб., 1896). Можно еще указать на нумизматическія статьи академика Б. А. Дорна († 1881). *Грузинская словесность*. Преподаваніе грузинскаго языка было поставлено на прочную почву Д. І. Чубиновымъ († 1891), авторомъ грамматики, хрестоматіи и словаря. Какъ наука, грузинологія была создана академикомъ М. И. Броссе († 1880), нашедшимъ въ азіатскомъ музеѣ и другихъ петербургскихъ собраніяхъ богатый матеріалъ для своихъ изслѣдованій. *Египтологія*. Первымъ египтологомъ въ Россіи былъ И. А. Гуляновъ († 1841), противникъ нынѣ господствующей школы Масперо. Изъ современныхъ русскихъ египтологовъ извѣстностью пользуются В. С. Голенищевъ, владѣющій богатымъ собраніемъ египетскихъ древностей, и В. А. Тураевъ (магистерская диссертация—«Богъ Тотъ», Лейпцигъ, 1898); послѣдній читаетъ лекціи по египтологіи въ слб. унив. Коптской литературой занимаются О. Э. Леммъ (пишущій на нѣмецкомъ языкѣ), а для богословскихъ цѣлей—В. В. Болотовъ, А. В. Розовъ, архим. Палладій (не синологъ). Не смотря на близость мусульманскаго востока къ Россіи, нѣтъ ни одного русскаго труда по исторіи ислама или его догматамъ, который представлялъ-бы шагъ впередъ въ наукѣ, за исключеніемъ трудовъ по учению бабидовъ (А. К. Казембекъ, бар. В. Р. Розень, А. Г. Туманскій). *Исторія Востока*. Русскіе синологи (о. Іакинъ Бичуринъ, В. П. Васильевъ, о. Палладій Кафаровъ, П. С. Поповъ) принимали участіе въ переводѣ и разработкѣ китайскихъ источниковъ по исторіи Средней Азіи). І. Бичурину принадлежит также «Историческое обозрѣніе ойратовъ или калмыковъ» (СПб., 1834). По исторіи Китая существуетъ только магистерская диссертация С. М. Георгіевскаго, «Первый періодъ китайской исторіи» (СПб., 1885); по отзыву компетентнаго рецензента, здѣсь «древняя китайская исторія изложена съ болѣею полною содержанія, нежели во всѣхъ другихъ написанныхъ на европейскіхъ языкахъ исторіяхъ Китая». Многочисленныя статьи В. В. Григорьева по исторіи восточной Европы и Средней Азіи болѣею частью не отличаются строгой научностью. Большіми достоинствами отличаются статьи П. И. Лерха («Археологическая поѣздка въ Туркестанскій край», СПб., 1870; статья въ «Энциклоп. Слов.» И. Н. Березина; «Khiva oder Khagendj», СПб., 1873) и въ особенности классическій трудъ В. В. Вельяминова-Зернова: «Изслѣдованіе о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ» («Труды Вост. Отд.», ч. IX—XI). Н. И. Веселовскій издалъ нѣкоторые важные историческіе источники («Посольство къ хангоскому хунъ-тайчи Цэван-Рабтану капитана отъ артиллеріи И. Унковскаго», въ «Зап. Имп. Рус. Общ. по отд. Этнogr.», т. IX; «Памятники диплом. и торговыхъ сношеній Московской Руси съ Персіей», въ «Трудахъ Вост. Отд.», ч. XX—XXII). И. Н. Березинъ издалъ и перевелъ, съ подробными примѣчаніями, часть одного изъ важнѣйшихъ персид-

ских исторических сочинений — «Сборника Лѣтописей» Рашид-ад-дина («Труд. Вост. Отд.», ч. V, VII, XIII, XV). Докторская диссертация Березина: «Очеркъ внутренняго устройства улуса Джучіева» (СПб., 1863). Лучшая монографія по исторіи Средней Азии принадлежит Б. А. Жуковскому («Древности Закаспійскаго края. Развалины Старого Мерва», СПб., 1894). Исторія Грузии разработана академикомъ М. И. Броссе, на французскомъ языкѣ. *Кавказскія нарѣчія* (кроме армянскаго и грузинскаго) составляли предметъ специальныхъ изысканій академика А. А. Шифнера († 1879) и бар. П. К. Услара († 1875). *Китайская словесность*. Труды русск. синологовъ (о. І. Бичурина, В. П. Васильева, Д. А. Пешурова и др.; ср. также «Китайско-русскій словарь» арх. Паллади и П. С. Попова, СПб., 1889) преимущественно имѣли цѣлью потребности преподаванія или изслѣдованія, по китайскимъ источникамъ, исторіи Средней Азии. Труды французскихъ синологовъ (Абель-Ремюза и Потье) имѣли влияние на преподаваніе китайскаго языка и исторіи въ Р., но синологовъ, дополнившихъ свое научное образованіе въ зап.-европ. университетахъ, у насъ до сихъ поръ не было, что не могло не отразиться на успѣхахъ науки. *Маньчжурская словесность*: грамматики и словари В. П. Васильева и И. И. Захарова († 1884) и хрестоматія А. О. Иванова. *Монгольская словесность*. Выдающимся знатокомъ и горячимъ любителемъ монгольской словесности въ началѣ нашего вѣка былъ А. В. Игумновъ († 1834); его ученикъ О. М. Ковалевскій († 1878), первый въ Р. профессоръ монгольскаго языка, составилъ монументальный «Монголо-русско-французскій словарь» (Казань, 1844—49). Труды Ковалевскаго вытѣснили труды перваго научнаго изслѣдователя монгольскаго языка, академика Я. И. Шмидта († 1847), автора первой монгольской грамматики («Grammatik der mongolischen Sprache», СПб., 1831), издателя помой Гюсри-ханъ и историческаго сочиненія Сананъ-сенэна. Со Шмидтомъ полемизировалъ Дорджи Банзаровъ († 1855), бурята по происхожденію, авторъ нѣсколькихъ цѣнныхъ статей. Лучшая «грамматика монголо-калмыцкаго языка» принадлежитъ А. А. Бобровникову († 1865), преподавателю казанской духовной академіи. А. В. Поповъ († 1865) издалъ монгольскую хрестоматію (Казань, 1836) и калмыцкую грамматику (Казань, 1847). Изъ изданій проф. К. Θ. Голстунскаго († 1899) наибольшее значеніе имѣютъ «Монголо-ойратскіе законы 1640 г.» (СПб., 1880). Проф. А. М. Позднѣеву слѣб. университетъ обязанъ пріобрѣтеніемъ богатаго собранія монгольскихъ рукописныхъ и печатныхъ сочиненій. *Персидская словесность*. Академикъ В. А. Дорнъ писалъ (на нѣмецкомъ яз.) о нарѣчіяхъ и исторіи прикаспійскихъ областей. К. Г. Залеманъ и В. А. Жуковский обработали персидскую грамматику для «Porta linguarum orientalium» («Persische Grammatik», В., 1889); въ 1890 г. она издава и на русск. языкѣ. Докторская диссертация В. А. Жуковскаго: «Материалы для изученія персидскихъ нарѣчій» (СПб., 1888) обратила на себя вни-

маніе европейскіхъ иранистовъ. *Санскритская словесность*. Еще въ XVIII в. Г. С. Лебедевъ (по профессіи музыкантъ) двѣнадцать лѣтъ (1785—97) провель въ Индіи, выучился санскритскому языку и индійскимъ нарѣчіямъ, въ 1801 г. издалъ на англійскомъ языкѣ грамматику этихъ нарѣчій, послѣ возвращенія въ Россію завелъ въ Петербургъ типографію съ индійскими шрифтами и въ 1805 г. издалъ «Безпристрастное созерцаніе системъ Восточной Индіи Брамхеновъ». Первымъ профессоромъ санскритскаго языка былъ П. Я. Петровъ († 1875), въ Казани и Москвѣ. Изъ крупныхъ трудовъ по санскритской филологіи на русскомъ языкѣ можно привести только докторскую диссертацию И. П. Минаева († 1890): «Очеркъ фонетики и морфологіи языка Пали» (СПб., 1872), переведенную на французскій и англійскій языки. Академикомъ О. Беллингомъ изданъ наиболѣе полный словарь санскритскаго языка (СПб., 1853—75; въ меньшемъ объемѣ, СПб., 1879—89), а также драма Калидасы «Урваси» (1846). *Семитологія* (кроме арабскаго языка). При преподаваніи еврейскаго яз. до сихъ поръ употребляется хрестоматія, составленная санскритомъ К. А. Коссовичемъ (СПб., 1875). Наиболѣе крупныя научныя труды: «Сборникъ еврейскихъ надписей», Д. А. Хвольсона (СПб., 1884), и магистерская диссертация П. Н. Коковцева: «Къ исторіи средневѣковой еврейской филологіи. I. Книга сравненія еврейскаго яз. съ арабскимъ Абу Ибрагима (Исаака) Ибнъ Варуна» (СПб., 1893). Единственнымъ ассириологомъ въ Р. является М. В. Никольскій, редакторъ «Восточныхъ древностей» и авторъ классическаго труда: «Клинообразная надписи Закавказья» (Москва, 1896). Благодаря ему въ Москвѣ имѣется единственный въ Р. клинообразный шрифтъ. *Турецко-татарская словесность*. «Грамматика турецко-татарскаго языка», Казембека (Казань, 1849), въ настоящее время устарѣла, но еще не замѣнена другой ни у насъ, ни въ Западной Европѣ. Трудъ академика О. Беллинга (санскритиста): «Ueber die Sprache der Jakuten» (СПб., 1851) считается образцомъ лингвистическаго изслѣдованія. Лучшій знатокъ турецкихъ нарѣчій въ настоящее время—академикъ В. В. Радловъ, авторъ изслѣдованія «Phonetik der nördlichen Türk-sprachen» (Лпп., 1882), издатель семи томовъ турецкихъ текстовъ («Образцы народной литературы тюркскихъ племенъ»; первые 6 томовъ вышли также въ нѣмецкомъ переводѣ); въ настоящее время имъ издается (на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ) «Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій» (съ 1888 г.). Меньше полонъ «Сравнительный словарь турецко-татарскихъ нарѣчій», Л. З. Будагова (СПб., 1869—71). Труды по отдѣльнымъ нарѣчіямъ: Л. Будаговъ, «Практическое руководство турецко-татарскаго азербиджанскаго нарѣчія» (Москва, 1857); В. В. Вельяминовъ-Зерновъ, «Словарь джагатайско-турецкій» (СПб., 1868); «Грамматика алтайскаго языка» (Казань, 1869; авторы — Н. И. Ильминскій и о. Макарій); В. Вербицкій, «Словарь Алтайскаго и Аладагскаго нарѣчій тюркскаго языка» (Казань, 1884); П. М. Меліоранскій, «Краткая грамматика ка-

закъ-киргизскаго языка» (СПб., 1894—97). *Финские языки* до сих поръ мало изучались въ Р., за исключеніемъ Финляндіи, гдѣ основаніе ихъ изученію было положено Кастреномъ († 1852); главные труды Кастрена были изданы послѣ его смерти академикомъ А. А. Шифферомъ. Существуетъ нѣсколько русскихъ трудовъ по нарѣчіямъ уральскихъ финновъ (см. Зыряне и Пермьки). *Главные источники*: П. Савельевъ, «Восточныя литературы и русскіе ориенталисты» («Русскій Вѣстн.», 1856); Н. Веселовскій, «Свѣдѣнія объ официальныхъ преподаваніи восточныхъ языковъ въ Р.» («Труды 3-го международнаго съезда ориенталистовъ», т. I, СПб., 1879—80); бар. В. Гизенгаузенъ, «Обзоръ современныхъ въ Р. трудовъ по восточной нумизматикѣ» (тамъ-же); «Биографическій словарь профессоръ и преподавателей Имп. спб. университета» (СПб., 1896—98).

В. Бартольд.

25) Классическая филологія. Изъ обоихъ древнихъ языковъ на Руси узнали раньше греческій, а изъ сочиненій, написанныхъ на этомъ языкѣ, сперва читали и переводили преимущественно Св. Писаніе, толкованія къ нему и богослужебныя книги. Нашествіе монголовъ нанесло сильный ударъ всякаго рода научному движенію на Руси: начиная съ XIII столѣтія и почти вплоть до XVIII-го не можетъ быть и рѣчи о трудахъ въ области классической филологіи. Знаніе обоихъ древнихъ языковъ, однако, у насъ не исчезло, составляя достойные весьма ограниченного круга лицъ. Первое достоверное извѣстіе о занятіяхъ греч. богословскою литературой относится къ XI стол.: лѣтопись сообщаетъ про князя Ярославъ, что онъ «собра писцы многи, и прекадаша отъ Грекъ на Словѣнское писмо и списаша книги многи» («П. С. Л.», I, 65). Современникъ Ярослава, митрополитъ Иларионъ, обнаруживаетъ въ своемъ словѣ «О законѣ и благодати» явные слѣды знакомства съ греческой риторикой. Въ XII столѣтіи изъ проповѣдей Кирилла Туровскаго видно, что ему знакомы греческіе христіанскіе ораторы; въ томъ же столѣтіи для черниговскаго князя Николая Святоши († 1142) былъ сдѣланъ съ греческаго переводъ 3 небольшихъ произведеній. О знакомствѣ русскихъ съ латинскимъ языкомъ въ XIII в. можно догадываться изъ описанія путешествія Плано Карпини, который говорилъ хану, что у папы нѣтъ лицъ, знакомыхъ съ русскою грамотой—а между тѣмъ Карпини велъ переговоры съ княземъ Владиміро-Волынскимъ Василько и съ епископами его княжества о соединеніи съ римскою церковью. Въ XIV столѣтіи русскій путешественникъ находилъ въ Греціи своихъ соотечичей-новгородцевъ, которые «живутъ туто спясачи въ монастырѣ Студійскомъ отъ книгъ священнаго писанія». Изъ Степенной книги узнаемъ, что митрополитъ Кипріанъ занимался, въ часы досуга, переводами съ греческаго «святыхъ книгъ». Св. митрополитъ Алексѣй переводилъ съ греческаго все евангеліе. Эти занятія греческимъ языкомъ были все-же явленіемъ настолько рѣдымъ, что появленіе около 1385 г. поэмы Георгія Писиды (VII в.)

«О міротвореніи» было отмѣчено даже въ лѣтописи. Въ XV в. знаніе греческаго языка не могло быть чуждымъ русскому обществу уже въ виду брака Іоанна III съ Софіей Палеологъ. Знаніе латинскаго языка не было распространено: прибывшихъ съ Софіею грековъ неоднократно пазначали въ посольства къ иностраннымъ дворамъ благодаря знанію ими латинскаго языка, служившаго тогда для дипломатическихъ сношеній. Впрочемъ, уже въ 1518 г. съ императоромъ Максимілианомъ бесѣдовали по-латыни русскій посолъ Владиміръ Племынниковъ и его толмачъ Истома Малий. Къ XVI-же столѣтію относится и дѣятельность Максима Грека, у котораго были и русскіе помощники: Димитрій Герасимовъ и Власій, не знавшіе, кажется, греческаго языка. Но свѣдѣтельству Герасимова, способъ работы былъ слѣдующій: «переводить Максимъ псалтырь съ греческаго толковать великому князю, а мы съ Власомъ у него сидимъ перебиваясь; онъ сказываетъ по-латынски, а мы сказываемъ по-русски писаремъ». Отчасти помогалъ работѣ Максима и извѣстный князь Курбскій, который перевелъ, кромѣ того, съ греческаго языка нѣкоторыя изъ твореній Іоанна Златоустаго и исторію Евсевія. Курбскій зналъ и языкъ латинскій, доставшійся ему—говоритъ онъ—не легко: «немаю лѣтъ изнурихъ по силѣ моея уже въ сѣдинахъ, со многими труды пріучахся языку Римскому». О нераспространенности классическихъ познаній въ первую половину XVII в. свидѣтельствуеетъ Оlearій, говоря, что «никто изъ русскихъ, будь онъ духовнаго или свѣтскаго званія, высшаго или низшаго сословія, не понимаетъ ни слова ни по-гречески, ни по-латыни». Эти слова, которыя, впрочемъ, не слѣдуетъ понимать буквально, совершенно неприменимы ко второй половинѣ того же столѣтія, о чемъ свидѣтельствуотъ также иностранцы; напр. Генрихъ Лудольфъ прямо говоритъ въ предисловіи къ «Grammatica Russica» (1696), что нашелъ нѣсколько русскихъ, знакомыхъ съ латинскимъ языкомъ. Такое распространеніе классическихъ знаній стоитъ въ тѣсной связи съ увеличеніемъ числа школъ. Въ юго-западной Руси наибольшее значеніе имѣла школа киевская, переименованная впоследствии въ академію; изученіе греческаго и латинскаго языковъ было здѣсь обязательно; особенно распространено было знаніе латинскаго языка, на которомъ преподавались всѣ учебные предметы, кромѣ катехизиса и славянской грамматики. По-латыни же обязаны были говорить воспитанники въ классахъ и внѣ классовъ. За ошибку въ латинскомъ языкѣ или за одно слово, сказанное по-русски, виновный подвергался строгому взысканію. Одинъ изъ воспитанниковъ кievской академіи, Епифаній Славинецкій, перевелъ «Уставы гражданъ» правосудительныя отъ Фукидидовой исторіи, книги первая» и панегирикъ Плінія Траяну. Изъ Кіева греко-латинская образованность переходитъ и въ Москву, черезъ грека Арсенія, Епифанія Славинецкаго, Симеона Полоцкаго; у послѣдняго учились латинскому языку подьячье тайнаго приказа, при чемъ руководствомъ слу-

жилъ знаменитый тогда учебникъ португальца Альвареса, называемый для краткости Альваромъ. Въ 1679 г. основано было въ Москвѣ типографское училище—первая у насъ правительственная школа съ греческимъ языкомъ, а въ 1685 г. положено было основаніе славяно-греко-латинской академіи. Первыми дѣтельными наставниками ея явились братья Лихуды, родомъ греки. Они составили для обученія греческому языку грамматику, шитику и риторикъ, обильно снабженные примѣрами изъ отцовъ церкви. Древнихъ греческихъ писателей Лихуды касались мало. Гораздо болѣе свѣтскій характеръ носила составленная Лихудами латинская грамматика, не дошедшая до насъ въ полнѣ; уже въ первой части ея ученики знакомились съ именами и изреченіями лучшихъ классическихъ писателей. Изъ первыхъ русскихъ учениковъ Лихудовъ извѣстны Ѳ. П. Поликарповъ, составившій «Лексиконъ триназычный» (слав., греч., латин.), бывшій въ употребленіи до половины XVIII стол.; іеромонахъ Каріонъ Истоминоу, переводившій блаж. Августина и Фронтину; Іовъ, въ послѣдствіи митрополитъ новгородскій, устроившій при своемъ домѣ училище съ древними языками; Палладій Роговскій, ставшій послѣ удавленія Лихудовъ во главѣ академіи. Въ теченіе XVIII в. главнымъ источникомъ распространенія классическихъ знаній долгое время служило по прежнему слав.-гр.-латинская академія, учителя и ученики которой интересуются и языческими древнеклассическими писателями, преимущественно съ точки зрѣнія богословскихъ и моральныхъ вопросовъ; появляются, отчасти по приказанію Петра Вели., переводы Эзопа, Квинта Курція, Эпиктета, Горация, Виргилія, Иліады Гомера. Московскому университету академія дала первыхъ русскихъ профессоровъ древнеклассической литературы, Н. Н. Половскаго и А. А. Барсова. Въ духовныхъ семинаріяхъ дѣятельно изучали какъ латинскій языкъ, на которомъ даже преподавались нѣкоторые предметы, такъ и греческій. Въ московскомъ унив. долго процвѣтала исключительно латинскій языкъ, на которомъ читало лекціи огромное большинство профессоровъ-иностранцевъ, не знавшихъ русскаго языка. Въ гимназіи, учрежденной при университетѣ, преподаваніе древнихъ языковъ стояло особенно высоко въ ректорство Матвея (съ 1772 г.), составившаго учебную греческую хрестоматию и описаніе греческихъ рукописей синодальной бібліотеки и издаваемаго, на основаніи московскихъ рукописей, нѣсколько неизвѣстныхъ дотогѣ произведеній древнегреческой литературы. Въ выходившихъ при университетѣ періодическихъ изданіяхъ нѣтъ много переводовъ изъ древнихъ и подражали имъ; А. Ѳ. Мерзляковъ, напр., принадлежалъ переводъ эпитаф. Виргилія и Оеокрита. Въ 1768 г. императрица Екатерина II назначила 5000 руб. на изданіе переводовъ съ иностранныхъ языковъ; всего болѣе между ними было переводовъ съ древнихъ языковъ. Переводное направленіе въ изученіи классической филологіи продолжалось и въ началѣ XIX столѣтія, но съ болѣе определен-

ными цѣлями. Успѣхамъ классическихъ языковъ при Александрѣ I содѣйствовали политическія причины: разрывъ съ Франціей привелъ къ сближенію съ Германіей, гдѣ Фр.-Авг. Вольфъ и Винкельманъ впервые установили научныя понятія классической филологіи и археологіи. Однимъ изъ видныхъ насаждателей классицизма является гр. С. С. Уваровъ, написавшій нѣсколько сочиненій по древне-греческой литературѣ и религіи. Въ бытность его министромъ просвѣщенія (1833—1849) для руководства гимназистамъ составлены были замѣчательныя для того времени лат. и греч. грамматики Д. П. Попова и словари Ивашковского. До сороковыхъ годовъ явились слѣдующіе наиболѣе крупныя переводы: «Греческіе классики», Мартынова (26 том.), «Жизнеописанія Плутарха», Дестуниса, «Облака Аристофана», Муравьева-Апостола, и «Иліада» Гнѣдича. Изданію послѣдняго перевода много содѣйствовала русская академія, которая продолжала исполнять задачу Екатерининской переводной комиссіи. Въ первой четверти столѣтія появляются и первыя научныя изслѣдованія по классической археологіи и литературѣ, каковы напр. «Путешествіе по Тавридѣ», Муравьева-Апостола, книга Стенниковскаго о древнегреческихъ поселеніяхъ на Черномъ морѣ, труды иностранцевъ-академиковъ Келера, Кеппена, Вларамберга, Грефе и др. Оживленію классическихъ знаній содѣйствовало открытіе новыхъ университетовъ, хотя на первыхъ порахъ преподаваніе тормозилось профессорами-иностранцами, незнавшими съ русскимъ языкомъ. Послѣ 40-хъ годовъ наша классическая филологія постепенно примыкаетъ къ новому направленію ея въ Германіи, проведенному Авг. Вакхомъ, К. О. Мюллеромъ и Фр. Ричлемъ и признающему, что цѣль изученія древнихъ языковъ есть возсозданіе жизни классическихъ народовъ въ полномъ ея объемѣ. Особенно наглядно такое направленіе нашей филологіи сказалось въ издававшемся въ Москвѣ въ 1851—56 гг. сборникѣ «Пропилеи». Редакторъ изданія, московскій профессоръ П. М. Леонтьевъ, приобщи́вшій уже извѣстность диссертацией «О поклоненіи Зевсу въ древней Греціи», такъ объясняетъ названіе и цѣль «Пропилеевъ»: «Наши Пропилеи должны вводить въ храмъ классической, т. е. греческой и римской древности, въ тотъ изящный и стройный міръ, въ которомъ впервые начало являться міросозерцаніе собственно человѣческое и являлось со всею обаятельною свѣжестью цвѣтущей молодости». Здѣсь появлялись труды Благовоитскаго и Крюкова по римской литературѣ и древности, Кудрявцева по Тациту и греческой литературѣ, Каткова по греческой философіи, Бабста и Куторги по греческой исторіи и т. д. Въ «Пропилеяхъ» же началъ свой знаменитый переводъ Платона проф. слб. духовн. академіи Карповъ; тамъ же переводилъ Платона и моск. пр. ф. А. И. Меньшиковъ, одинъ изъ первыхъ нашихъ византистовъ (ср. его рѣч.: «De eruditione et re litterali Graecorum aetatis Byzantinae», М., 1849). Наконецъ, много мѣста уделено было въ «Пропилеяхъ» и древнему искусству, особенно описанію клас-

сических памятниковъ, найденныхъ въ Крыму и въ Южной Р. Изученію ихъ способствовало учрежденіе общества исторіи и древностей въ Одессѣ (1839) и археологическаго общества въ Петербургѣ (1846). На этомъ поприщѣ, помимо иностранцевъ Кене и Стефани, трудились Ашикъ, Беккеръ, Брунъ, Мурзакевичъ, Спасскій, гр. А. С. Уваровъ и др. Во время наступившей послѣ 1848 г. реакціи пострадала и классическая филологія: съ 1849 г. греч. языкъ былъ почти вовсе устраненъ изъ средняго образованія, и знаніе его не требовалось даже отъ поступающихъ на историко-филологическія факультеты. Въ первой половинѣ 50-хъ годовъ для рѣшенія вопроса, какъ произносить греческую букву η — *е* или *и* — надо было исправлять Высочайшее повелѣніе. Если журналы того времени и печатаютъ довольно часто классическія статьи, то статьи эти были въ огромномъ большинствѣ случаевъ не оригинальны, ничтожны по содержанию и помѣщались преимущественно за неизмѣнимъ другого матеріала (ср. напр. чисто-спеціальныя разборы перевода Одиссеи Жуковского въ «Отеч. Зап.» за 1849 г.). Въ новый фазисъ вступаетъ классическая филологія въ началѣ 70-хъ годовъ, въ министерство гр. Д. А. Толстого, ближайшими сотрудниками котораго были П. М. Леонтьевъ, М. Н. Катковъ, А. И. Георгіевскій и Н. А. Любимовъ. Изученію древнихъ языковъ былъ сообщенъ узко-грамматическій характеръ, который не пробудилъ къ нимъ общественныхъ симпатій. Для приготовления учителей гимназій по древнимъ языкамъ было открыто нѣсколько специальныхъ заведеній: слоб. славянскій учительскій институтъ (1866), слоб. историко-филологическій институтъ (1867), лейпцигская русская историко-филологическая семинарія (1873), нѣжинскій историко-филологическій институтъ (1877). Появилась масса учебниковъ по древнимъ языкамъ, представляющихъ по большей части передѣлку иностранныхъ руководствъ; предпринимались цѣлыя серіи изданій древнихъ классиковъ, съ русскими примѣчаніями и словарями, напр. «Римскіе классики» Вольфа, «Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ» Льва Георгіевскаго и Сергія Манштейна. Съ цѣлью развитія самостоятельной учебной литературы по древнимъ языкамъ и улучшенія способовъ преподаванія ихъ А. И. Георгіевскій основалъ въ Петербургѣ, въ 1874 г., «Общество классической филологіи и педагогики», съ отдѣленіями въ разныхъ городахъ (нынѣ осталось только отдѣленіе въ Киевѣ). Подобныя общества возникли въпослѣдствіи въ Москвѣ, Одессѣ, Нѣжинѣ и Харьковѣ. Ученые труды по классической филологіи по прежнему примыкаютъ въ своему направленію къ классической филологіи въ Германіи, гдѣ наука эта еще болѣе специализировалась и развѣтвилась, при чемъ особенное вниманіе обращено было на критику текста, (мѣсто которой въ послѣднее время снова заняла экзегеза), на такъ называемую эпиграфику, т. е. науку о древнихъ надписяхъ, стоящую въ тѣсной связи съ исторіей и древностями, на миѳологию и археологию. Всѣ эти отрасли науки нашли у насъ достойныхъ

представителей; довольно часто на труды русскихъ ученыхъ обращаютъ вниманіе и западные ихъ собраты, и вниманіе это удѣлялось бы въ гораздо болѣе степени, если-бы изученіе русскаго языка не представляло неодолимыхъ почти трудностей для иностранцевъ. Особенно богатъ научными силами университетъ петербургскій. $\Theta. \Theta.$ Соколовъ впервые поставилъ у насъ прочно изученіе греческой эпиграфики и приготовилъ рядъ даровитыхъ учениковъ—В. В. Латышева (издаваша надписи сѣвернаго побережья Чернаго моря), С. А. Жебелова, Д. Н. Королькова, А. В. Никитскаго, Н. И. Новосадскаго; И. В. Помяловскій сдѣлалъ для изученія римской эпиграфики то же, что $\Theta. \Theta.$ Соколовъ для греческой. Изъ учениковъ И. В. Помяловскаго выдаются Г. Э. Зенгеръ, М. Н. Крашенинниковъ, М. И. Ростовцевъ, И. И. Холодильникъ, І. А. Шеборъ, В. И. Модростовъ; впервые далъ на русскомъ языкѣ (1873 и вполн.) научное (руководство по исторіи римской литературы, доселѣ ничѣмъ не замѣненное. Исслѣдованія К. Я. Люгебиля и П. В. Никитина по греч. яз. и древностямъ стяжали почетную извѣстность и за границей. В. К. Ершмудъ много потрудился во всѣхъ областяхъ греческой филологіи и впервые началъ преподавать греческую палеографию; ученикъ его Г. Ф. Церетели составилъ обстоятельный трудъ о сокращеніяхъ въ греческихъ рукописяхъ. $\Theta.$ Фр. Зѣлинскій—одинъ изъ весьма немногихъ нашихъ профессоровъ утратившихъ, т. е. преподающихъ одинаково и греческую, и римскую литературу,—приобрѣлъ извѣстность какъ въ Р., такъ и за границей своими изслѣдованіями о древнегреч. комедіи и трагедіи, а также о сочиненіяхъ Цицерона. А. В. Праховъ читаетъ интересныя и содержательныя лекціи по исторіи древняго искусства. Много содѣйствовали также успѣхамъ классич. филологіи въ Петербургѣ нынѣ покойные нѣмцы Л. А. Миллеръ и А. К. Наугъ. Изъ представителей классической филологіи въ другихъ университетахъ упомянемъ прежде всего моск. проф. $\Theta. Е.$ Корша, замѣчательнаго лингвиста, изучившаго основательно не только всѣ европейскіе языки, но и многіе восточные; ученики его занимаются преимущественно грамматическими и метрическими изысканіями (А. А. Грушка, Я. А. Денисовъ, М. М. Покровский, С. И. Соколовскій). Въ Москвѣ же дѣйствуютъ В. В. Шефферъ (извѣстный болѣе за границей, чѣмъ въ Р., своими сочиненіями по греч. исторіи и древностямъ), А. Н. Шварцъ и И. В. Цвѣтаевъ, впервые давшій научное изданіе осскихъ надписей, а нынѣ усердно заботящійся о развитіи въ русск. обществѣ любви къ классич. археологіи. Изъ учениковъ Цвѣтаева приобрѣли извѣстность В. Г. Апеллертъ и А. М. Миrowsъ. Въ Харьковѣ работаютъ И. В. Нетушилъ, впервые давшій на русск. яз. самостоятельныя научныя руководства по исторіи, грамматикѣ лат. языка и римск. государственнымъ древностямъ, и В. П. Бузескулъ, написавшій нѣсколько сочиненій по греч. исторіи. Изъ казанскихъ профессоровъ $\Theta. Г.$ Мищенко далъ рус-

ской литературы ряд образцовых переводов Геродота, Полибия, Страбона и Эвклида и написал много статей о Геродотовой Скиае. Въ Киевѣ проф. Ю. А. Кулаковский много занимался римской исторіей и эпиграфикой, а пинѣ изучаетъ керченскія древности; А. И. Сонин защитилъ докторскую диссертацию о Діонѣ Хрисостомѣ. Въ Одессѣ профессорствуютъ Л. Ф. Воеводскій, написавшій цѣнный изслѣдованіе по изученію греческой мѣнологіи и Гомера, А. Н. Деревницкій и Э. Р. ф. Штернь, занимающійся греч. исторіей и древностями на берегу Чернаго моря; изъ учениковъ Штерна выдается М. И. Мандеса. Труды всѣхъ этихъ ученыхъ печатаются въ издающихся при каждомъ университетѣ «Запискахъ» или «Извѣстіяхъ», въ «Журн. Мин. Нар. Пр.» (гдѣ съ конца 1874 г. классической филологіи посвященъ особый отдѣлъ), въ специальныхъ изданіяхъ по классич. филологіи и педагогикѣ—«Гимназія» (съ 1888 г.) и «Филологическое Обзоріе» (съ 1891 г.), а также въ «Филологическихъ Запискахъ», «Археологическихъ Извѣстіяхъ и Замѣткахъ» и «Запискахъ Русскаго Археологическаго Общества». Духовныя академіи, особенно московская и с.-петербургская, весьма усердно работаютъ надъ переводомъ твореній св. отцовъ.

Литература: В. Лебедевъ, «Указатель ко всѣмъ учебнымъ изданіямъ и переводамъ по классическимъ языкамъ съ начала книгопечатанія до 1871 г. включительно» («Ж. М. Н. Пр.», 1877, №№ 11 и 12. отд. М., 1878; рец. Н. Д.—въ «Трудахъ Киев. Дух. Акад.», 1878, № 11; «Литература по классич. филологіи въ Р.»); Д. Нагуевскій, «Библиографія по исторіи римской литературы въ Р. съ 1709 по 1889 годъ» (Казань, 1889); П. Прохоровъ, «Систематическій указатель книгъ и статей по греч. филологіи, напечатанныхъ въ Р. съ XVII столѣтія по 1892 г. (съ прибавленіями за 1893, 1894 и 1895 гг.); М. И. Сухомлиновъ: «О языкованіи въ древней Р.» («Ученныя Записки 2-го отд. Акад. Наукъ», 1854, кн. 1); его же, «Исторія русской академіи» (СПб., 1877 и сл.); Н. О. Каптеревъ, «О греко-латинскихъ школахъ въ Москвѣ въ XVII в. до открытія славяно-греко-латинской академіи» («Прибавл. къ Твор. св. Отцевъ», 1889, № 4 и отд.); С. Смирновъ, «Исторія московской славяно-греко-латинской академіи» (М., 1885); А. Д. Вейсманъ, «Устѣхъ греческаго языка и литературы въ Р. за послѣднее двадцатипятилѣтіе» («Русскій Вѣстникъ», 1880, № 4).

26) Славистика, въ смыслѣ научнаго изученія исторіи литературы, языка и этнографіи славянъ, возникла въ Россіи только въ началѣ XIX в., въ связи съ развитіемъ международныхъ сношеній и съ усиленіемъ интереса къ древне-русскому языку и литературѣ. Русскіе путешественники и офицеры арміи Суворова и эскадры Чичагова, приходя въ соприкосновеніе съ различными славянскими племенами Австріи и Черногоріи, поразились близостью ихъ нарѣчій къ русскому языку и сходствомъ ихъ быта съ бытомъ русскихъ крестьянъ; съ другой стороны, изслѣдователямъ

нашей старины приходилось сталкиваться съ церковно-славянскими памятниками южныхъ славянъ. Уже въ самомъ началѣ XIX в. А. И. Тургеневъ и П. С. Кайсаровъ, авторъ первой «Славянской мѣнологіи», совершили путешествіе по славянскимъ землямъ съ научной цѣлью; въ 1809 г. вышло «Путешествіе въ Молдавію, Валахію и Сербію» Д. Н. Баятыша-Камеискаго, въ 1810 г.—«Отъ Триеста до Петербурга» Броневскаго, проникнутаго горячими симпатіями къ славянству. Въ 1813 г. А. С. Шишковъ, попавъ въ Прагу, увлекся «ботемскими» книгами и съ тѣхъ поръ сталъ усерднымъ покровителемъ такъ называемаго славянофильскаго направленія русской славистики. Сдѣлавшись въ 1824 г. министромъ народнаго просвѣщенія и будучи съ 1813 г. президентомъ русской академіи, Шишковъ сдѣлалъ очень много для утвержденія въ Россіи постояннаго изученія славянства. Другое направленіе славистики связано съ именемъ канцлера графа Н. П. Румянцева, который, приступивъ, съ 1811 г., къ изданію государственныхъ грамотъ, до такой степени увлекся древне-русской письменностью, что на свои средства снаряжалъ «археологическія экскурсіи», издалъ множество важныхъ памятниковъ и окружилъ себя ученой молодежью. Первое мѣсто среди этого кружка принадлежало К. О. Калайдовичу, который своимъ трудомъ: «Іоаннь, ексархъ болгарскій. Изслѣдованіе, объясняющее исторію словенскаго языка и литературы IX—X стол.» (1824) положилъ начало историко-литературному направленію русской славистики. Позже въ кружокъ Румянцева вступилъ А. Х. Востоковъ, который уже въ 1820 г. выпустилъ свое «Разсужденіе о славянскомъ языкѣ», послужившее исходной точкой для другого, лингвистическаго направленія славистики. Посредникомъ между кружкомъ Румянцева и А. С. Шишковымъ, съ одной стороны, и западнымъ славянствомъ—съ другой, явился П. И. Кепленъ, который во-время путешествія по Австріи и Венгріи (1822—1824) завязалъ личныя связи съ Добровскимъ, Копитаромъ, Шафарикомъ и Гапкой. Знаменитый Вукъ Караджичъ пріѣзжалъ въ Россію (1819) и получалъ отъ Румянцева порученіе «объѣхать (въ поискахъ за рукописями) всѣ области славянскаго покорѣнія». По возвращеніи изъ-за границы Кепленъ началъ изданіе «Библиографическихъ Листовъ» (1824—26), въ которыхъ, при участіи польскихъ, чешскихъ и сербскихъ ученыхъ, было обращено усиленное вниманіе на литературу всѣхъ «словенскихъ народовъ». Благодаря тому же Кеплену, сношенія русской науки (Шишкова, Румянцева и Востокова) съ западнымъ славянствомъ приняли такой постоянный характеръ, что Шишковъ задумалъ (1826) учредить славянскія кафедрѣ во всѣхъ русскихъ университетахъ, «для расширенія изученія славянства въ Р.». Въ московскихъ университетахъ «кафедра славянской словесности» существовала уже съ 1811 г., благодаря М. Т. Каченовскому, который съ 1805 г. неустанно пропагандировалъ въ «Вѣстн. Европы» необходимость изученія славистики для русской науки; но, занятая эстетикомъ М. Г. Га-

приютом, который ограничивался восторженным чтением славянской псалтыри, эта кафедра не имела никакого значения для науки. Поэтому Шишковъ вздумалъ обратиться за научными силами на Западъ и пригласить въ профессора Ганку, Челаковского и Шафарика; но учрежденный имп. Николаемъ I «комитетъ устройства учебныхъ заведеній» высказался (1827) за приготовление специалистовъ изъ русскихъ ученыхъ. Съ уходомъ А. С. Шипкова изъ министерства (1828) его проектъ былъ оставленъ. Тогда Шишковъ задумалъ учредить при российской академіи «Славянскую бібліотеку» и въ бібліотекари пригласить тѣхъ же Ганку и др. Этотъ проектъ Шишкова былъ утвержденъ государемъ, но почему-то дѣло все-таки замаялось. Тѣмъ не менѣе, интересъ къ славянству, поддержанный «Московскимъ Телеграфомъ» и «Московскимъ Вѣстникомъ», продолжалъ расти. Въ 1835 г. Уваровъ учредилъ во всѣхъ русскихъ университетахъ кафедры исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій. Въ Москвѣ ее занялъ Каченовскій (до 1842 г.). Университетамъ было предложено отправить въ славянскія земли молодыхъ людей, которые по возвращеніи должны были сдѣлаться первыми профессорами славистики въ Россіи. Это были О. М. Бодянский (отъ Москвы), написавшій цѣнное до сихъ поръ сочиненіе: «О времени происхожденія славянскихъ писемъ» (1855), П. И. Прейсъ (отъ СПб.), замѣчательный, но рано погибшій ученый, включившій впервые въ кругъ своего изученія литовскій языкъ, И. И. Срезневскій (отъ Харьковъ), лекціи котораго носили первое время яркую славянофильскую окраску и привлекали толпы слушателей (съ середины 40-хъ годовъ онъ перешелъ въ слб. ун-въ, гдѣ и оставался до самой смерти, въ 1879 г.), и, наконецъ, В. И. Григоровичъ (отъ Казани), первый пробравшійся въ турецкую Болгарію и вывезшій оттуда множество драгоценныхъ рукописей (напр. Маринское евангеліе). Это первое поколѣніе русскихъ славистовъ охватило въ своихъ лекціяхъ всѣ отрасли славистики, принесло съ собою практическое знаніе славянскихъ нарѣчій и этнографіи и воспитало, оставаясь на своихъ кафедрахъ до конца 70-хъ годовъ (только Прейсъ умеръ въ 1844 г.), цѣлый рядъ замѣчательныхъ ученыхъ — А. Ѳ. Гильфердинга, А. А. Майкова, А. А. Котляревскаго, Н. А. и П. А. Лавровскихъ, В. И. Ламанскаго, Т. Флоринскаго и др. Какъ ни широко было поставлено изученіе славянства въ трудахъ всѣхъ этихъ ученыхъ, на судьбахъ русской славистики ярко отразилось ея двойственное происхожденіе. Кругъ изучаемыхъ ею вопросовъ ограничивался, по большей части, или тѣмъ, что имѣть прямое отношеніе къ древне-русской письменности, или тѣмъ, что болѣе или менѣе связано со славянофильскими тенденціями. Къ первой группѣ вопросовъ можно причислить вопросъ объ относительной древности двухъ славянскихъ азбукъ, дѣятельности славянскихъ первоучителей, исторіи первоначальнаго текста богослужебныхъ книгъ и т. п., ко второй — славянское возрожденіе въ началѣ

XIX в., дѣятельность Гуса и гуситовъ, подлинность Краледворской рукописи и т. д. Цѣльныхъ обзоровъ отдѣльныхъ отраслей славистики у насъ почти нѣтъ, да и тому, что есть, мы обязаны главнымъ образомъ профессорской дѣятельности нашихъ славистовъ. Цѣльные обзоры по исторіи Чехій, Сербіи и Болгаріи представляютъ курсы А. Гильфердинга, а также книга Первольфа: «Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи». Славянскому языкознанію посвящены «Сравнительная грамматика» Шердья (не окончена) и курсъ проф. Т. Флоринскаго (1894—1896). По исторіи славянскихъ литературъ мы имѣемъ извѣстную книгу А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича (2 изд., 1879—1881). «Поэтическимъ возрѣніемъ славянъ на природу» (т. е. славянской мифологіи) посвященъ огромный трудъ Афанасьева, но авторъ увлекается «природной» мифологіей и довершаетъ чуждыми фальсификатами. Наболѣе полно собранъ матеріалъ (итоговъ еще никто не подвелъ) по вопросу о *характерѣ первоначальныхъ южно-славянскихъ переводовъ священныхъ книгъ*. Вслѣдъ за составителями знаменитаго «Описанія славянскихъ рукописей Московской Синодальной бібліотеки» (1855), Горскимъ и Невоструевымъ, пошли изслѣдователи текста Евангелія — арх. Амфилохій (Галицкое Еванг. 1144 г., 1882—83), В. Ягичъ, южно-славянскій ученый, читавшій въ началѣ 80-хъ гг. лекціи въ слб. университетѣ, редакторъ извѣстнаго журнала: «Archiv für slavische Philologie» (съ 1875 г.) и авторъ множества важныхъ трудовъ по разнымъ отраслямъ славистики («Маринское Еванг.», 1884) и Г. Воскресенскій («Характеръ чертъ... Еванг. отъ Марка», 1896). Кромѣ текста Евангелія, подверглись специальному изслѣдованію Апостолъ (Г. Воскресенскій, 1879), Псалтырь (арх. Амфилохій, 1877—79, В. Срезневскій, 1877, В. Ягичъ, 1884), Символъ Вѣры (А. Гезенъ, 1884), Служебныя Минеи (Ягичъ, 1886), а изъ Ветхаго Заветъ книга Іисуса Навина (В. Лебедевъ, 1890), книга Бытія (А. Михайловъ, 1894) и книга пророка Ісаіи (И. Евсѣевъ, 1897). Нѣкоторые изъ названныхъ изслѣдователей преслѣдуютъ только цѣли богословскія, а потому ихъ труды оставляютъ въ тѣни важныя стороны предмета. Изъ отдѣльныхъ славянскихъ земель *Польша* стала привлекать вниманіе русскихъ ученыхъ сравнительно поздно, и языкъ въ русской наукѣ изучался мало. Есть работы Бодуна-де-Куртенэ (1870) и К. Аппеля (1880) о древне-польскомъ языкѣ, статьи К. А. Аппеля (1879) и И. Лося (1891) о польскихъ діалектахъ, да нѣсколько учебныхъ грамматикъ, изъ которыхъ лучшая принадлежитъ Р. Брандту (1895). По исторіи польской литературы (кромѣ работы Спасовича) русская наука дала немного: о Кохановскомъ писалъ Глюккѣ, о Реѣ — С. Пшибицкій (1883), который по-русски писалъ также о Длугожѣ (1888), Бѣлевскомъ (1878) и Лелевелѣ (1878), о Варшевицкомъ — Ѳ. Вержбовскій (1886), о Фричѣ-Моджевскомъ — В. Ламанскій (1874) и Дылевскій (1881), о Клеовичѣ—Стороженко (1881), о Каз. Бродзинскомъ—К. Арабажинъ

(1891), этюды о Сырокомлѣ, В. Полѣ и Мицкевичѣ — В. Д. Спасовичѣ. Даже о Мицкевичѣ у насъ нѣтъ ни одного крупнаго и самостоятельнаго труда (назовемъ Мякотина, 1891, и Л. Волкова, 1897). По чешскому языку у насъ работали мало, зато сдѣлано кое-что въ исторіи чешской литературы, при чемъ особенное вниманіе было оказано остаткамъ Кирилловскаго преданія въ Чехіи (И. Пальмовъ, 1883; И. Малышевскій, 1890; Е. Новиковъ, 1848) и эпохѣ Гуса и гуситскихъ войнъ (о Гусѣ—А. Гильфердингъ, 1871; Ал. Дювернуа, 1871; Ю. Анненковъ, 1877; о П. Хельчицкомъ, «Сѣтъ вѣры» котораго издалъ Ю. Анненковъ—В. Ястребова, 1895). Цѣльный характеръ имѣютъ «Очеркъ исторіи чешской литературы», А. Степовича (1886), и курсъ В. Макушева: «Изъ чтеній о старо-чешской письменности» (1877—78). Чешскіе фальсификаты XIX в., при самомъ своемъ появленіи въ Россіи (1821) были переведены А. С. Шишковымъ; ихъ изслѣдовали И. Некрасовъ (1872) и А. Стороженко (1880), подложность ихъ доказывалась В. Ламанскимъ (1879—80). По исторіи Чехіи мы имѣемъ изслѣдованіе В. Регеля «О хроникѣ Козмы Пражскаго» (1891), трудъ К. Грота о «Моравіи и мадырахъ съ половины IX до начала X вѣка» (1881), диссертцію В. Н. Надлера о «противокатолическомъ движеніи въ Чехіи въ XIV в.» (1864) и статьи П. Лавровскаго о паденіи Чехіи въ XVII в. (1868). О чешскихъ писателяхъ XIX в. у насъ писали Н. Задеградскій (о Юнгманѣ и Палацкомъ), П. Лавровскій (о Ганкѣ и Шафарикѣ), П. А. Лавровъ (о Шафарикѣ) и др. *Южные славяне* возбудили больше интереса въ русской наукѣ. Мы имѣемъ обширный болгарско-русскій словарь А. Л. Дювернуа, сербско-русскій и русско-сербскій словари П. Лавровскаго, рядъ изслѣдованій словинскихъ говоровъ (резьянскаго, 1875, боханско-посавскаго, 1876—77—Бодуэна-де-Куртенэ, фриульскаго—И. Срезневскаго, старо-словянскаго языка XV—XVI вв., 1878—В. Качановскаго). П. А. Лаврову принадлежит важный «Очеркъ фонетическихъ и морфологическихъ особенностей болгарскаго языка» (1894). О средне-болгарскомъ нарѣчій мы имѣемъ образцовое изслѣдованіе Биллярскаго. Важныя работы по сербскому (и вообще славянскому) ударенію принадлежатъ Р. Брандту (1880) и А. Шахматову. Изъ учебныхъ грамматикъ сербскаго языка лучшая—Р. Брандта (1899). Наконецъ, русскими учеными сдѣлано также кое-что въ области южно-славянскаго фольклора: такъ, мы имѣемъ «Сборникъ западно-болгарскихъ пѣсенъ» В. Качановскаго (1882); «Македонскіе сборники» Драганова, обширное описаніе Черногоріи П. Ровинскаго (1893—98), сборники «Обычаевъ и пѣсенъ турецкихъ сербовъ» И. Ястребова (1886), изслѣдованіе М. Халанскаго о пѣсняхъ, касающихся Краевича Марка (1894—97). Въ области исторіи южно-славянскихъ литературъ у насъ есть работы о даминтинцахъ (В. Макушевъ, «Объ историческихъ памятникѣхъ и бытописателяхъ Дубровника», 1867; о Маврѣ Ветраничѣ писалъ Г. Князевъ, 1883, объ Антонѣ Глеговичѣ —

Качановскій, о Каванбичѣ—А. Будилевичъ, 1883, объ «Османѣ» Гундулича—Р. Брандтъ, 1879, о В. Караджичѣ и объ «Иллиризмѣ»—П. Кулаковскій, 1894). Законодательству Стефана Душана посвящены работы Т. Флоринскаго (1888) и Зигеля (1872), южно-славянскому праву—труды Леонтовича («Древнее хорватско-дамматское законодательство», 1868) и И. Н. Смирнова (о городскихъ общинахъ Далмаціи. 1880—84). Въ исторіи болгарской литературы русской наукой наиболее изучена эпоха Евфимія Терновскаго (Арх. Леонидъ, 1870; В. Качановскій, 1882; Радченко, 1898; П. Сырку, 1890—99). Сюда же относится изслѣдованіе К. Грота объ извѣстіяхъ Константина Багрянороднаго относительно сербовъ и хорватовъ (1880). Сербской исторіей XIV вѣка занимался Т. Флоринскій (1882). *Лужичскіе сербы* (о нихъ Е. Новиковъ, 1847, и Е. Пѣтуховъ, 1898), *кашубы* (Бодуэн-де-Куртенэ, 1897, Стремльеръ, 1874 и Гильфердингъ, 1862) и *полабскіе и поморскіе славяне* (Котляревскій, 1874, А. Петровъ, 1883) бывали предметомъ изученія въ русской наукѣ рѣдко и случайно. По исторіи славистики см. статьи А. Н. Пыпина, «Взѣсткіи Европы» 1889, № 7—9; А. А. Кочубинскій, «Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія», Одесса, 1880.

А. Погодинъ.

27) Историческая географія имѣетъ предметомъ исторію колонизаціи, историч. этнографію инородцевъ и построенную на той или другой исторіи областей. Главнѣйшимъ ея источникомъ являются лѣтописи; затѣмъ идутъ писцовыя и переписныя книги, разнаго рода акты и грамоты, описанія путешествій, сказанія иностранцевъ и т. п. До сихъ поръ научной разработкѣ историческая географія подвергалась у насъ мало; сравнительно лучше обследована географія начальнаго періода русской исторіи, благодаря, главнымъ образомъ, труду Н. Барсова: «Очерки русской исторической географіи. Географія начальнаго лѣтописи» (Варшава, 1884, 2-е изд.); для московскаго періода такое же почти значеніе имѣетъ диссертція Е. Е. Замысловскаго: «Сигизмундъ Герберштейнъ и его историко-географическія свѣдѣнія» (СПб. 1884); послѣдующая эпоха почти не затронута. Изъ отдѣловъ исторической географіи наиболѣе изучалась исторія колонизаціи, которой посвящали обстоятельныя изслѣдованія Ойрсовъ, Перелатовичъ («Поволжье въ XVII и началѣ XVIII вв.», 1882 г.), Ядринцевъ, Соколовскій, Скалковскій, Огородниковъ («Мурманскій и Терскій берега по книгѣ Большаго Чертежа»), К. Н. Бестужевъ-Рюминъ («О колонизаціи велико-русскаго племенія», въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1867, № 6), Д. Багалъй и др. Почтыка дать первый общій очеркъ исторической географіи Россіи принадлежатъ Н. Надеждину («Опытъ исторической географіи русскаго міра» въ «Библіотекѣ для Чтенія», 1837 г., т. XXII, неоконч.), поставившему много новыхъ и важныхъ вопросовъ. Второй опытъ этого рода сдѣланъ И. Д. Вѣляевымъ, но его «Географическія свѣдѣнія на Руси въ IX, X, XI и XII столѣтіяхъ до 1110 г.» (въ

«Запискахъ Географическаго Общества» т. VI, 1852 г.) крайне устарѣли. Характеръ руководства по исторической географіи имѣютъ «Объясненія» Е. А. Замысловскаго, приложенныя ко второму изданію (1869 г.) его «Историческаго учебнаго атласа», который, впрочемъ, и въ третьемъ своемъ изданіи (1887 г.) мало чѣмъ превосходитъ «Историческій атласъ Россіи» Павлишева (Варшава, 1845, 2-е изд. 1873), являющийся послѣ «Атласа историческаго, хронологическаго и географическаго Русскаго государства, составленнаго на основаніи Карамзина, Ив. Ахматовыхъ» (1829), вторымъ по времени. Въ тѣсной связи съ исторической географіей стоитъ и старинная *картографія*. На послѣднемъ археологическимъ съѣздѣ въ Кіевѣ (1899 г.) довольно подробно можно было ознакомиться съ картографическими представленіями о русской землѣ съ конца XV и до XVIII вв., по картамъ Николая Кузана (1491 г.), Шеделя (1493), далѣе по картамъ 1507 г., 1525 г. (подлинный экземпляръ въ Венеціи—первая карта Россіи), Герберштейна (1556), Джекинсона (1562 г.) Гесселя Геритса (1614 г.), посвященна царю Михаилу Федоровичу и составлена по рукописи, принадлежавшей Федору Борисовичу Годунову) и мн. др. Отъ XVII и особенно XVIII в. сохранилось много плановъ городовъ (Москвы, Кіева, Новгорода, Гродны и др.) и картъ областныхъ, относящихся къ сѣверной и сѣв.-восточной Р. В. Р.—*сг.*

28) Исторія всеобщей литературы, какъ наука—понятіе не установившееся; довольно трудно, поэтому, точно опредѣлить ея объемъ и сущность, а также ея судьбы до и послѣ ея официального признанія у насъ университетскимъ уставомъ 1863 г. По основнымъ своимъ задачамъ и приемамъ изслѣдованія, она распадается на нѣсколько дисциплинъ. Прежде всего «всеобщая литература» можетъ быть понята какъ изученіе тѣхъ произведеній словеснаго творчества, которыя имѣютъ мировое значеніе, служа показателями эволюціи духовной жизни человѣчества. Въ этомъ смыслѣ она есть отрасль всеобщей исторіи культурныхъ народовъ, между которыми предполагается духовная связь и преемство. Съ другой стороны, ограничивъ понятіе «мирового значенія», можно расширить количественно объемъ предмета, включивъ въ него всѣ многообразныя проявленія человѣческаго духа въ памятникахъ словеснаго творчества и дать, такимъ образомъ, общую картину формъ и видовъ словесности, отъ низшихъ степеней до высшихъ. Такая задача сводится къ тому, что можетъ быть названо «исторической поэтикой», т. е. изученію родовъ и видовъ литературы въ ихъ зарожденіи, развитіи и послѣдствительной смѣнѣ или сосуществованіи. Далѣе, исторія всеобщей литературы можетъ быть также сведена къ историко-сравнительному изученію памятниковъ литературы для выясненія или ихъ относительной цѣнности, или обусловленности одного отъ другого, или параллелизма. Главной цѣлью науки могутъ быть, наконецъ, поставлены законы (предполагаемые или открытые) духовнаго развитія, а также законы творчества. Толкованіе задачъ

исторіи всеобщей литературы находится въ зависимости отъ приемовъ и методовъ изученія, отъ ихъ болѣе или менѣе научности. Главные изъ этихъ методовъ—отвлеченно-эстетическій, историко-эстетическій, чисто историческій и историко-филологическій. Первый есть по преимуществу философскій методъ критики или оцѣнки произведеній съ точки зрѣнія общихъ принциповъ и отвлеченныхъ понятій. Въ силу своей отвлеченности онъ легко можетъ впасть въ произволъ и субъективность, съ перевѣсомъ апіорныхъ взглядовъ. Такой синтезъ, служа первымъ импульсомъ къ пробужденію научной мысли, долженъ представиться, однако, и въ концѣ зданія, являясь конечнымъ выводомъ индуктивныхъ изслѣдованій. Историко-эстетическій методъ ведетъ къ нѣкоторому ограниченію задачъ науки, такъ какъ онъ сводится къ опредѣленію значенія памятниковъ литературы лишь въ исторической ихъ обстановкѣ, по отношенію къ ближайшимъ—предшествующимъ и послѣдующимъ—явленіямъ литературной жизни. Онъ имѣетъ преимущества болѣе точности изслѣдованія и оцѣнки, но съ точки зрѣнія лишь опредѣленной исторической эпохи. По чисто историческому методу вопросъ объ оцѣнкѣ художественной какъ-бы совсѣмъ упускается; памятники литературы рассматриваются лишь какъ документы проявленія человѣческаго духа въ той или другой формѣ. Методъ филологическій примыкаетъ, по своему характеру, къ историческому, но опредѣляется особыми приемами филологической критики—изученіемъ языка даннаго памятника, ближайшихъ условій его возникновенія, связи и соотношенія съ однородными или смежными явленіями. Методы психологическій и біографическій, примѣняемые лишь къ изученію отдѣльныхъ моментовъ литературнаго развитія, служатъ дополненіемъ предшествовавшихъ, такъ какъ психологія должна вообще считаться основною наукой при изученіи продуктовъ словеснаго творчества. Вышеуказанные методы, опредѣлившись въ извѣстной исторической послѣдовательности развитія науки, не вполнѣ исключаются одинъ другимъ; возможна ихъ комбинація, при чемъ взаимное отношеніе между ними и ихъ отношеніе къ предмету выражаются примѣрно въ слѣдующемъ видѣ: филологическій методъ (съ біографіи. и психологическ.) *объясняетъ* произведеніе литературы, историческій и историко-эстетическій *указываютъ его мѣсто* и значеніе въ ряду другихъ явленій исторической жизни, отвлеченно-эстетическій *опредѣляетъ болѣе общее значеніе* его въ исторіи человѣческой мысли вообще. Эта послѣдняя оцѣнка предполагаетъ у изслѣдователя литературы обще-философское мировоззрѣніе и, выходя за предѣлы такъ назыв. положительныхъ наукъ, представляется въ тоже время конечной цѣлью научно-философскаго синтеза. Исторія всеобщей литературы еще очень далека отъ приближенія къ такому идеалу и, отчасти вслѣдствіе сложности и многообразія матеріала, отчасти вслѣдствіе неустойчивости понятія о законахъ развитія человѣческаго духа, представляется нынѣ въ

дробнымъ видѣ отдѣльныхъ дисциплинъ, соотвѣствующихъ условіямъ постановки преподаванія и личнымъ особенностямъ изслѣдователя. У насъ кафедрѣ по исторіи всеобщей литературы есть по преимуществу кафедрѣ исторіи иностранныхъ, т. е. западно-европ. литературы, за выдѣленіемъ Востока, Греціи и Рима, а также отечественной литературы. Разсмотрѣнію вопроса о задачахъ и методахъ ист. лит. посвященъ у насъ рядъ статей: Александръ Ник. Веселовскій, «О методахъ и задачахъ исторіи лит., какъ науки» («Ж. М. Н. Пр.», 1870); Н. П. Дашкевичъ, «Постепенное развитіе науки исторіи лит. и современныя ея задачи» («Изв. Кіев. Univ.», 1877); Н. И. Карбевъ, «Что такое исторія литературы?» (1883); Л. З. Колмачевскій, «Развитіе исторіи литерат. какъ науки, ея методы и задачи» («Ж. М. Н. Пр.», 1884); А. И. Кирпичниковъ, «Всеобщая лит. въ нашихъ университетахъ» («Истор. Вѣстн.», 1886); Е. В. Анничковъ, «Научныя задачи исторіи лит.» («Извѣстія Кіевского Университета», 1896). Такъ какъ развитіе русской литературы, особенно съ XVIII вѣка, зависѣло отъ иностранныхъ образцовъ, то на первомъ мѣстѣ въ исторіи изученія у насъ иностранныхъ литературы должна стоять исторія поэтики (см. Поэзія и Поэтика), изъ которыхъ самая значительная, на рубежѣ XVIII и XIX вв.—Аполлоса Байбасова, «Правила поэтической» (ср. Кадучовскаго, въ «Ж. М. Н. Пр.», 1899, іюнѣ). Переводъ «Лицея» Лагарпа («Лицей или кругъ словесности древней и новой», 1810—14) былъ первой у насъ книгой по всеобщ. лит. въ началѣ вѣка. Точка зрѣнія автора—догматико-эстетическая. Къ задачамъ общей ист. лит. могутъ быть отнесены и попытки опредѣлить сущность и исторію отдѣльныхъ родовъ лит. (Мерзляковъ, «Разсужденіе о драмѣ»). Къ трудамъ зап.-европ. ученыхъ конца XVIII и первой половины XIX вѣка—Эйхгорна, Вахлера, Гервинуса, Вильмена и др.—примыкаетъ первый у насъ курсъ ист. всеобщ. лит., моск. проф. Шевырева: «Исторія поэзіи индійцевъ и евреевъ, съ приложеніемъ вступит. характеристики образованія главныхъ народовъ новой Зап. Европы» (СПб., 1835; 2 изд. 1837). Почину Шевырева послѣдовалъ въ 50-хъ годахъ въ Казани проф. Фойхтъ, читавшій четырехгодичный курсъ ист. всеобщ. лит. Историко-описательное направленіе отразилось и въ трудѣ комплятивномъ, но не безполезномъ для общей ориентировки—Вл. Зотова, «Исторія всемірной литературы» (1876—82). Затѣмъ, кромѣ переводовъ трудовъ Штерна и компендія Штерна, у насъ было предпринято обильное изданіе подъ редакціей В. Ѳ. Корша (1880—83), продолженное подъ редакціей проф. А. И. Кирпичникова (1885): «Всеобщая исторія литературы». Задача исторіи всеобщ. лит. рѣшалась здѣсь съ распределеніемъ работы между многими лицами; различныя отдѣлы выполнены неравномерно. Потребность въ специализации вызвана неразработанностью нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ, отъ которыхъ зависитъ правильность общихъ выводовъ. Начало собственнаго научнаго изслѣдованія основъ общей ист.

литер. аріискихъ народовъ положено у насъ Ѳ. И. Буслаевымъ, подъ вліяніемъ нѣмецкихъ ученыхъ (особенно Як. Гримма). Такое пониманіе задачъ науки развивалось параллельно сравнительному языковеданію. Съ цѣлью опредѣленія именно основъ литературы, изслѣдователи обращались по преимуществу къ даннымъ народной словесности и миеологии. Затѣмъ возникъ вопросъ объ отношеніяхъ книжной и устно-народной литературы. Отдѣльную отрасль ист. всеобщ. литерат. составило изученіе сказаній и такъ называемыхъ странствующихъ повѣстей. Въ объясненіе происхожденія «сказаній» возникло (послѣдовательно) нѣсколько теорій—миеологическая, историческая, теорія заимствованій и теорія независимаго зарожденія сходныхъ сюжетовъ, при повторяющихся въ исторіи сходныхъ условіяхъ жизни. Буслаевъ придерживался первой теоріи, нынѣ оставленной. Къ памятникамъ иностранной литературы онъ обращался или для выясненія древне-русскихъ преданій, или давая мастерскіе, въ смыслѣ изложенія и характеристики, но чисто описательные очерки народной поэзіи въ Зап. Европѣ («Пѣсня о Роландѣ», «Поэма о Сидѣ» и т. д.). Своими лекціями въ моск. ун-в. и научными статьями Ѳ. И. Буслаевъ оказалъ огромное вліяніе на дальнѣйшее развитіе у насъ научнаго изученія литературы (см. «Четыре рѣчи о Ѳ. И. Буслаевѣ, читанныя въ засѣданіи Отд. Коменскаго», 1898, СПб.). Непосредственнымъ преемникомъ Буслаева выступилъ А. Н. Пыпинъ, въ магистерской диссертациі: «Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ» (1858), гдѣ приняты во вниманіе иностранныя источники и параллели. А. Н. Пыпинъ читалъ курсъ по исторіи иностранной литературы въ слб. ун-в. (1859), ограничившись обзоромъ древне-провансальской поэзіи. Съ выходомъ А. Н. Пыпина изъ университета, кафедра оставалась незамѣщенной до 1870 г., когда ее занялъ Ал-ръ Н. Веселовскій, ученикъ Буслаева. Онъ сразу поставилъ вопросъ, должно ли преподаваніе исторіи всеобщ. литературы въ университетѣ отнѣчать требованіямъ общаго образованія или спеціально научнымъ, и своей послѣдующей дѣятельностью рѣшилъ его въ послѣднемъ смыслѣ, даже съ нѣкоторымъ перевѣсомъ въ пользу чистой эрудиціи. Кафедра, по его убѣжденію, должна приготовить самостоятельныхъ работниковъ, а не только сообщать слушателямъ выводы и общія воззрѣнія зап.-европ. изслѣдователей. Сначала А. Н. Веселовскій занимался почти исключительно вопросами методикі; затѣмъ имъ были прочтены курсы по исторіи національныхъ литературъ въ отдѣльныя эпохи (преимущественно—средніе вѣка и Возрожденіе), а также по исторіи отдѣльныхъ родовъ и видовъ литературы. Имъ организованы также практическія занятія языками, съ чтеніемъ и разборомъ памятниковъ средневѣковой литературы. Постепенно онъ поставилъ преподаваніе ист. всеобщей лит. на почву романской и германской филологіи, и въ результатѣ явилось самостоятельное отдѣленіе по романско-германской филологіи на двухъ старшихъ

курсахъ историко-филологич. факульт. въ спб. университетѣ, съ двумя под-отдѣлами, для романистовъ и для германистовъ. Первоначально проф. Веселовскій велъ преподаваніе по обѣимъ отраслямъ, но потомъ сказавшись потребностью въ большей специализаціи. О. Д. Вятшниковъ съ 1886 г. читалъ сперва лекціи тоже по романистикѣ и германскимъ нарѣчіямъ, но позже—почти исключительно по романской филологіи (ср. его «Энциклопедію Романской Филологіи» въ «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1886). Р. О. Ланге открылъ курсы по англійской филологіи; О. А. Браунъ преподаетъ германск. нарѣчія, а также читаетъ общіе курсы по исторіи зап.-европ. литературы. До 1899 г. читалъ курсы по новѣйшимъ эпохамъ зап.-европ. литературы П. И. Вейнбергъ. Съ 1899 г. Д. К. Петровъ читаетъ по испанскому яз. и литературѣ. Въ *Москвѣ* преподаваніе поставлено на болѣе общую почву историко-литерат. занятій, съ точки зрѣнія объясненія выдающихся фактовъ литературной жизни Запада. Проф. Н. И. Стороженко велъ также чтеніе и разборъ отдѣльных памятниковъ иностранной литературы. Алексѣй Ник. Веселовскій читаетъ курсы иностранныхъ литературы, съ указаніемъ ихъ отношеній (вліяній и отраженій) къ русск. литературѣ. Въ *Кіевѣ* проф. Н. П. Дашкевичъ параллельно общимъ курсамъ, обставленнымъ широкой эрудиціей, ввелъ семинаріи новыхъ языковъ въ ихъ историческомъ развитіи. Е. В. Аничковъ ведетъ спеціальныя занятія по англ. яз. и читаетъ общіе курсы по исторіи критики въ XIX в. Въ *Харьковѣ* проф. А. И. Кирпичниковъ (вслѣдствіи проф. въ *Одессѣ*, теперь въ *Москвѣ*) читалъ общія обзорныя исторіи западно-европ. литературы и велъ практическія занятія языками. Вспомогательнымъ предметомъ въ курсы литературы имъ введены вопросы исторіи искусствъ и археологіи. Кратковременная преподавательская дѣятельность Л. З. Колмачевского, оставившаго цѣнный научный трудъ по историко-сравнительному изученію сказокъ и животнаго эпоса, распределяется между казанскимъ и харьковскимъ университетами (ср. Л. Ю. Шенелевичъ, «Каедрѣ исторіи всеобщ. литер. въ Им. харьк. унив.», 1897). Пресмычками проф. Колмачевского въ Казани выступили Л. Ю. Шенелевичъ, ученикъ А. И. Кирпичникова, и Сергій Соловьевъ. Въ *Варшавѣ* курсы по исторіи зап.-европ. литературы, преимущественно съ точки зрѣнія общихъ эволюціонныхъ процессовъ, читалъ проф. Н. И. Карбевъ; затѣмъ преподаваніе предмета поручено проф. русской словесности И. П. Созоновичу, удѣлившему широкое мѣсто въ своихъ курсахъ вопросамъ фольклора и изученію народныхъ сказаній. Въ *Дерптѣ* (Юрьевѣ) не было спеціального преподавателя всеобщей литературы, но проф. Лео Мейеръ читалъ курсы по германской филологіи. Кромѣ университетовъ, преподаваніе предмета включено въ учебныя программы: Имп. Александрскаго лиція въ СПб. (Р. О. Ланге, Н. А. Котляревскій), спб. духовной академіи (проф. А. П. Пономаревъ), высшихъ женскихъ курсовъ въ Петербургѣ (А. Н. Веселовскій, О. Д. Ва-

тешниковъ, Н. А. Котляревскій, О. А. Браунъ) и въ *Москвѣ* (кромѣ профессоровъ университета, А. А. Шаховъ, курсы котораго о Гете и о франц. литературѣ начала XIX в. вышли посмертными изданіемъ), педагогическихъ курсовъ (П. И. Вейнбергъ, О. А. Браунъ, В. О. Шиммаревъ). Серия публичныхъ лекцій по исторіи всеобщей литературы въ педагогическомъ музее при Соляномъ Городкѣ въ Петербургѣ прочитана П. И. Вейнбергомъ. Преподаваніе общей исторіи литературы включено также въ программы педагогическихъ классовъ при нѣкоторыхъ частныхъ женскихъ гимназіяхъ, въ Петербургѣ и *Москвѣ*.

О. Вятшниковъ.

29) Исторія русской литературы. Собственно говоря, научное изученіе исторіи русской литературы начинается только съ XIX в., когда явился рядъ новыхъ и замѣчательныхъ открытій въ области древней письменности, подверглась изслѣдованію почти неизвѣстная до тѣхъ поръ народная словесность, и къ изученію новой русской литературы были примѣнены новые методы. До тѣхъ поръ существовали только труды библиографическаго характера. Замѣчательнымъ сборникомъ, въ который вошло все богатство русской житійной литературы до XVI в., были «Великія Минеи-Четьи» митроп. Макарія. «Отцомъ» русской библиографіи, со словъ В. М. Ундольскаго, считаютъ Сильвестра Медвѣдова, которому приписывается «Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ»; но ко времени болѣе раннему относится замѣчательное описаніе рукописей Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, составленное въ концѣ XV в. Здѣсь примѣнены приемы описанія болѣею частью тѣ же, какіе приняты и теперь (см. Н. Никольскій, «Описаніе рукописей Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, XV в.», СПб., 1897). Къ XVIII в. относятся: J. Petri-Kohlî, «Introductio in historiam et rem litterariam Slavorum» (1729), и Н. Новикова, «Опытъ историческаго словаря о русс. писателяхъ» (СПб., 1772; переизданъ въ «Матеріалахъ по русск. литературѣ» Ефремова, СПб., 1875). Въ сочиненіи Новикова собраны впервые свѣдѣнія о многихъ писателяхъ, особенно XVIII в.; слабая сторона его—незначительныя свѣдѣнія о древней русской литературѣ. Какъ бы дополненіемъ къ нему служить «Извѣстіе о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ», Дмитревскаго (первое появившееся на нѣмецкомъ яз. въ Лейпцигѣ 1768 г. и потомъ переизданное въ «Матеріалахъ» Ефремова). Болѣе серьезные труды митроп. Евгенія: «Словарь историч. о писателяхъ дух. чина» (1818) и «Словарь російскихъ свѣтскихъ писателей» (2 изд., М., 1845). Къ началу XIX в. относятся и первые обзоры русской литературы—Греча, «Опытъ краткой исторіи русской литературы» (1822) и «Учебная книга рус. слов.» (1830) и Максимовича, «Исторія древне-русс. словесности» (1839). Еще раньше выходили отдѣльныя изданія памятниковъ русск. литературы, съ критическими и литературными замѣчаніями. Таковы изданія гр. А. И. Мусина-Пушкина: «Правда русская» (СПб., 1792, въ сотрудничествѣ Болатина и Елагина); «Духовная вел. кн. Влади-

міра Всеволодовича Мономаха» (съ переводомъ, СПб., 1793), «Историческая піснь о походѣ кн. Игоря Святославича» (М., 1800). Эти первыя изданія русскихъ памятниковъ не отличаются точностью передачи рукописнаго текста и нерѣдко даютъ невѣрные переводы или объясненіе, что объясняется общимъ состояніемъ тогдашней палеографической и филологической науки въ Р. Умѣнье правильно разбираться въ явленіяхъ и особенностяхъ древняго русскаго языка появляются нѣсколько позже, начиная съ трудовъ Востокова. Къ этому времени относятся труды и изданія дѣятелей кружка гр. Н. П. Румянцева, особенно К. О. Калайдовича и П. М. Строева (бывшихъ въ то время, вмѣстѣ съ Н. М. Карамзинымъ, лучшими знатоками древне-русс. литературы). А. Х. Востокову, кромѣ замѣчательнаго изданія «Остромирова Евангелія», принадлежитъ образцовое «Описаніе рукописей Румянцовскаго музея» (1841), заключающее въ себѣ рядъ изслѣдованій о многихъ памятникахъ русской литературы. Подобный же характеръ носилъ и позднѣйшій трудъ А. В. Горскаго и К. Невоструева, посвященный «Описанію рукописей московской синодальной бібліотеки». Критическая оѣнка дѣятелей русской литературы въ XVIII в. была очень слаба. Отдѣльныя статьи Тредьяковскаго, Ломоносова, Сумарокова, посвященные современнымъ имъ литературнымъ явленіямъ, занимаются разсмотрѣніемъ «стиля» критикуемыхъ сочиненій и соответствія ихъ установившейся теоріи. Слаба критическая оѣнка и въ «Словарѣ» Новикова, и въ солидномъ трудѣ Л. Бакмейстера: «Russische Bibliothek zur Kenntniss des gegenwärtigen Zustandes der Literatur in Russland» (11 том.), представляющемъ обзоръ литературныхъ явленій на Руси въ теченіе 11 лѣтъ, съ 1770 г. Шагъ впередъ представляетъ критика Карамзина; въ статьѣ о Богдановичѣ имъ уже ставится вопросъ о причинѣ успѣха «Душеньки», объ отношеніи ея къ Лафонтенову подлиннику. Далѣе слѣдовали критическія статьи Мерзлякова, Надеждина, Полевого, наконецъ, Вѣлинскаго; данная послѣднимъ оѣнка дѣятелей русской литературы XVIII и XIX вв. въ главныхъ чертахъ удержалась доселѣ; съ нею часто совпадаютъ замѣчанія Пушкина въ его замѣткахъ, статьяхъ и письмахъ. Общія труды по исторіи русской литературы и компилятивныя напр. А. П. Миллова, «Очеркъ исторіи русской поэзіи» (СПб., 1847), и болѣе самостоятельныя, напр. А. Галахова, «Исторія русской словесности» (1863—68; 2 изд., 1880) — въ эстетической и исторической оѣнкѣ русскихъ писателей часто слѣдуютъ Вѣлинскому. Главныя позднѣйшія общія труды по исторіи русской литературы: С. Шевырева, «Исторія русск. слов., преимущественно древней» (М., 1858—60); О. О. Миллера, «Опытъ историческаго обзорѣнія русск. словесности, съ хрестоматіей, расположенной по эпохамъ» (2 изд., СПб., 1865—66); И. Порфирьева, «Исторія русск. словесности», доведенная до начала XIX в.; А. Н. Пыпина, «Исторія русск. литературы» (СПб., 1898—99), заканчивающаяся разсмотрѣ-

рѣніемъ литературной дѣятельности Гоголя: А. Скабичевскаго, «Исторія новѣйшей русской литературы» (3 изд., 1897). Сжатый обзоръ древней русской литературы до-монгольскаго періода данъ въ «Исторіи русск. церкви» Е. Голубинскаго (т. I). Только въ силу устава 1835 г. въ университетахъ появляется кафедра русской литературы, въ замѣнъ кафедръ краснорѣчія и стихотворства. Эта реформа дала блестящіе результаты. Въ московскомъ университетѣ проф. словесности послѣ Мерзлякова были Шевыревъ, Буслаевъ, Тихонравовъ, В. О. Миллеръ, М. И. Соколовъ; писали по русской литературѣ и занимавшіе другія кафедры (славянскихъ нарѣчій — О. М. Бодянский, всеобщей литературы — Алексій Н. Веселовскій и А. И. Кирпичниковъ). Въ спб. унив. проф. русской литературы были П. А. Плетневъ, М. И. Сухомлиновъ, А. В. Никитенко, О. О. Миллеръ, А. И. Незеленовъ, А. И. Соболевскій, И. Н. Ждановъ, доцентами: И. А. Шляпкинъ, П. О. Морозовъ, С. А. Венгеровъ, А. К. Бороздинъ, В. Н. Перетцъ; въ кіевск. унив. — М. И. Максимовичъ, А. И. Линиченко, А. И. Селинь, И. П. Хрущовъ, А. И. Соболевскій, П. В. Владиміровъ; въ харьковскомъ унив. — Н. А. и П. А. Лавровскіе, А. А. Потебня, Н. О. Сумцовъ, М. А. Халанскій; въ казанскомъ унив. — Н. Н. Буличъ, А. С. Архангельскій, въ новороссійскомъ — П. Н. Полевой, И. С. Некрасовъ, В. А. Яковлевъ, В. Мочульскій, В. Истринъ; въ варшавскомъ унив. — М. А. Колосовъ, А. И. Смирновъ, П. А. Кулаковский, И. Созоновичъ; въ юрьевскомъ унив. — А. О. Воейковъ, П. А. Висковатовъ, Мазингъ, Е. В. Пѣтуховъ; въ гельсингфорскомъ унив. — Я. К. Гротъ, Соловьевъ, В. А. Семеновъ, Мандельштамъ; въ спб. историко-филолог. институтѣ — А. Д. Галаховъ, Н. П. Некрасовъ, И. Н. Ждановъ. Изъ профессоровъ духовныхъ академій наиболѣе извѣстныя труды по исторіи русской литературы А. В. Горскій, Е. Е. Голубинскій (моск.), Н. И. Петровъ, В. Малининъ (кіевск.), И. Я. Порфирьевъ (казанск.), А. И. Пономаревъ, К. К. Никольскій (петербургск.). «Школу» и учениковъ создали немногіе изъ неречисленныхъ выше дѣятелей по изученію русск. литературы. Сильное влияние на рядъ изслѣдованій оказалъ О. И. Буслаевъ, особенно въ дѣлѣ изученія древне-русс. литературы и искусства и народнаго словесности (гдѣ Буслаевъ является послѣдователемъ милологической теоріи Гримма). Рядъ учениковъ Тихонравова (М. Н. Сперанскій, А. Карнѣевъ, В. М. Истринъ, С. Н. Северьяновъ, В. А. Михайловъ, С. О. Долговъ и др.) поставили себя изученію, главнымъ образомъ, древней русской литературы, примѣняя методы своего учителя («Сочин.» Тихонравова изд. въ Москвѣ, въ 1898 г., со вступительной статьей Пыпина). А. Н. Пыпинъ недолго былъ университетскимъ преподавателемъ, но его диссертация «Очеркъ литерат. ист. старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ» оказала влияние на первыя работы Александра Н. Веселовскаго и стала исходнымъ пунктомъ дальнѣйшихъ изученій въ области древне-русской повѣствовательной литературы. Проф. слав.

варѣчій И. И. Срезневскому принадлежить открытие и опубликованіе многихъ памятниковъ древне-русской литературы; составленіе библиографическаго обзора ихъ и составленіе словаря древне-русскаго языка. Оригинальностью и выдающеюся вдумчивостью отличаются труды А. А. Потебни, посвященные, главнымъ образомъ, народной словесности. Главнѣйшій изъ нихъ—«Объясненіе малороссійскихъ и сродныхъ дѣсонъ». Ученниками Потебни являются проф. Сумцовъ, Халанскій, В. М. Ляпуновъ. Академія наукъ, издавшая 10 томовъ «Извѣстій рус. отд.» (въ 50-хъ годахъ, подъ ред. Срезневскаго) и болѣе 60 т. «Сборника отдѣл. рус. яз.» (съ изслѣдованіями Грота, Пекарскаго, Сухомлинова, Пыпина, митроп. Макарія и мн. др.), занимается критическимъ изданіемъ сочиненій рус. писателей (сочин. Державина и Хемницера—подъ ред. Я. К. Грота; Ломоносова—подъ ред. М. И. Сухомлинова; Пушкина только что начатое подъ ред. Л. Н. Майкова). По почину А. А. Шахматова, ею предпринимается теперь критическое изданіе сочиненій древнихъ рус. писателей. Очень много памятниковъ литературы помѣщено въ «Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ». Общество любителей древней письмен. въ Петербургѣ издало множество памятниковъ старинной литературы какъ критически, такъ и въ воспроизведеніяхъ рукописей (труды Буслаева, Ключевскаго, архим. Леонида, И. А. Шляпкина, Х. М. Лопарева, Н. П. Лихачева, Н. К. Никольскаго и мн. др.). Археографической комиссіи принадлежитъ изданіе русскихъ лѣтописей. Великихъ Миней-Четей Макарія (начато) и нѣк. друг. Много матеріаловъ по рус. литературѣ разсыяно въ сборникахъ провинціальныхъ ученыхъ обществъ, въ возобновленныхъ съ 1897 г. «Извѣстіяхъ рус. отдѣла академіи наукъ», въ «Библиограф. Запискахъ» Аванасьева, въ «Лѣтописяхъ рус. литер. и древности» Тихомирова, въ журн. «Древняя и Новая Россія», «Рус. Старины», «Рус. Архивъ», «Кіевская Старина» и др. Обширный историко-литературный матеріалъ собранъ въ изданіяхъ С. А. Венгера: «Критико-біограф. словарь рус. пис. и ученыхъ» (вышло 5 т.), «Русская поэзія» (вышелъ 1 т.) и «Русскіи вниги» (вышло 3 т.). Справочныя свѣдѣнія даютъ «Словарь писателей» Геннади (1876—80); «Словарь русскихъ писателей», кн. Голыцина (СПб., 1890); «Опытъ словаря псевдонимовъ» Карцова и Мазаева (СПб., 1891); Сильное развитіе получило за послѣднее полу столѣтіе изученіе народной словесности. Обильные матеріалы, собранные Рыбниковымъ, Кирѣевскимъ, Гильфердингомъ, Е. В. Барсовымъ, П. В. Шейномъ, П. А. Безсоновымъ и мн. др. вызвали рядъ изслѣдованій, начиная съ Буслаева (перечисленіе въ «Ист. русской этнографіи» Пыпина). Отдѣльных трудовъ по исторіографіи русской литературы пока нѣтъ. Ей посвящены первые главы 1 т. «Исторіи рус. литературы», Пыпина, и «Введеніе въ исторію русской словесности», П. В. Владимірова (Кіевъ, 1896). Ср. также А. М. Лобода, «Русскій богатырскій эпосъ» (Кіевъ, 1896).

А. Ляшенко.

30) Исторія искусства—см. Искусство.

31) Русскій языкъ и сравнительное языкознаніе. Языкознаніе въ древней Руси носило вполне опредѣленный подражательный характеръ. Работы грамматическаго содержанія, имѣвшія предметомъ главнымъ образомъ церковнославянскій языкъ и составленныя по византийскимъ образцамъ, шли къ намъ сначала изъ южнославянскихъ земель—Сербіи и Болгаріи, а потомъ возникали и на русской почвѣ. Первые свѣдѣнія о церковнославянскомъ языкѣ и изобрѣтеніи славянской азбуки находимъ въ такъ называемыхъ «паннонскихъ легендахъ» о жизни славянскихъ первоучителей св. Кирилла и Мефодія, изъ которыхъ они были заимствованы и «Повѣстие временныхъ лѣтъ». Болѣе подробныя свѣдѣнія объ изобрѣтеніи славянскихъ письменъ даетъ сказаніе черноризца Храбра «О писменехъ», относящееся къ X вѣку и извѣстное въ болгарскихъ редакціяхъ XIII—XIV в. и русскихъ спискахъ XV—XVII вв.; прототипомъ его послужило аналогичное разсужденіе византийскаго грамматика Псевдо-Феодосія. Въ нѣкоторыхъ спискахъ встрѣчается разсужденіе Іоанна, экзарха болгарскаго, о славянскомъ языкѣ, входившее въ составъ его предисловія къ переводу богословія св. Іоанна Дамаскина и трагующее о нѣкоторыхъ разлечіяхъ славянскаго языка отъ греческаго. Большимъ распространеніемъ у насъ пользовалось также разсужденіе «о восьми частяхъ слова», составленное, по мнѣнію Ягича («Разсужденіе южнослав. и русск. старины о первонослав. яз.», въ «Изслѣдованіяхъ по русск. яз.», т. I, СПб., 1895), въ XIV в., въ Сербіи, по греческимъ образцамъ, точно еще не опредѣленнымъ (разсужденіе «о восьми частяхъ слова» у грековъ не были рѣдкостью), затѣмъ перешедшее къ болгарамъ, а отъ нихъ, черезъ молдавско-валахскіе списки, появившее и къ намъ (русскія рукописи XVI—XVII в.). Въ 1586 г., въ Вильнѣ, статья «о восьми частяхъ слова» была начата подъ заглавіемъ «Словенской грамматики» (мы находимъ здѣсь впервые славянскую грамматическую терминологию). Гораздо менше было распространено извлеченіе изъ обширнаго грамматическаго трактата Константина Философа или Грамматика, жившаго въ Сербіи въ концѣ XIV в. Извлеченіе это, озаглавленное, «Словеса вкратцѣ избранныя отъ книги Константина» и составленное очень плохо (въ Сербіи), подверглось вторичной передѣлкѣ и въ этомъ видѣ изрѣдка встрѣчается въ нашихъ рукописныхъ сборникахъ XVI—XVII в. Привзанный для исправленія нашихъ богослужебныхъ книгъ, Максимъ Грекъ часто прибѣгалъ къ грамматическимъ доводамъ и объясненіямъ и приобролъ у насъ репутацію лучшаго знатока грамматики, хотя и не оставилъ настоящихъ грамматическихъ работъ. Рядъ замѣтокъ, принадлежавшихъ и приписывавшихся ему, неоднократно вносился въ разные наши грамматическіе рукописные сборники; нѣкоторыя изъ нихъ въ послѣдствіи даже печатались (напр. въ московскомъ изданіи грамматики М. Смотрицкаго, 1648). Въ одной рукописи XVI в. встрѣчается краткій очеркъ грамматики и ея

содержанія, принадлежащей, повидимому, Мавсиму Греку. Этот очеркъ находится въ связи съ весьма распространенной въ сборникахъ XVI—XVII вв. статьей: «Книга глаголемая буквице иже в началѣ отъ грамматикъ о просодіяхъ» (въ двухъ редакціяхъ—пространной и сокращенной). Вообще, начиная съ XVI в. въ нашихъ сборникахъ статьи грамматическаго содержанія попадаются все чаще и чаще. По составу сборники эти весьма разнообразны; единственнымъ общимъ признакомъ ихъ является безымянность. Только въ позднѣйшихъ рукописяхъ упоминаются имена извѣстныхъ грамматиковъ Лаврентія Зизанія, Мелетія Смотрицкаго, Герасима Воробовскаго и др. Въ вышеупомянутыхъ трудѣ акад. Ягича издано нѣсколько статей этого рода. Содержаніе ихъ сводится къ слѣдующимъ главнымъ вопросамъ: 1) о просодіяхъ, т. е. надстрочныхъ знакахъ, и о разныхъ знакахъ препинанія, попутно также о почеркахъ письма; 2) объ ореографіи и ореоэпії, т. е. о правильномъ употребленіи различныхъ буквъ, о сокращеніи извѣстныхъ словъ подъ титлами и правильномъ чтеніи такихъ сокращеній; 3) о классификаціи гласныхъ и согласныхъ по ихъ положенію въ словѣ или физиологическимъ свойствамъ; 4) о грамматическомъ анализѣ словъ на основаніи теоріи «о восьми частяхъ слова». Грамматическій матеріалъ этихъ статей основанъ почти исключительно на греческой грамматической теоріи и только изрѣдка, въ нѣкоторыхъ терминахъ, обнаруживается вліяніе латинской грамматики. Источникомъ этого вліянія могла быть русская передѣлка латинской грамматики Доната или «Донатуса», извѣстная у насъ въ нѣсколькихъ спискахъ. Казанскій списокъ замѣчательнѣе тѣмъ, что писанъ, по словамъ переписчика, «единимъ русскимъ языкомъ, безъ латинскаго, да бы прочтающимъ ю и учащимся въ ней болѣе разумно было»; только въ концѣ приложены, въ качествѣ образца, латинскія молитвы (русскими буквами). Какъ источникъ для исторіи нашей грамматической терминологіи, эта передѣлка Доната представляетъ большую цѣнность. Въ связи съ ней находится и «Книга глаголемая простословія, не книжное учение грамотѣ, избрана нѣкоторою безнадежною сиротою, скитающеюся безпокою, Евдокимичемъ преспростымъ» и т. д., относящаяся къ концу XVI в. и имѣющая компилятивный характеръ. Въ другомъ спискѣ (второй половины XVII в.) авторомъ трактата названъ столь же неизвѣстный Богодѣль, который, вѣроятно, воспользовался трудомъ Евдокима, если только оба они не одно лицо, носившее два имени—монашеское и свѣтское (подробное изслѣдованіе и характеристику нашей рукописной грамматической литературы см. въ литур. выше обширный трудъ акад. Ягича). Большия распространеніемъ пользовались у насъ, далѣе, такъ называемые «азбучовники», соединившіе въ себѣ словари чужихъ или непонятныхъ словъ съ своего рода энциклопедіею, куда вносились, въ азбучномъ или иномъ порядкѣ, разнаго рода интересные свѣдѣнія. Древнѣйшіе изъ нихъ имѣютъ болѣе узкій, опредѣленный характеръ настоя-

щихъ глоссаріевъ; энциклопедическое направленіе азбучовники приняли съ половины XVI в. Толкованіе греческихъ риторическихъ терминовъ есть уже въ «Изборникѣ Святослава» (1073 г. въ статьѣ «о образѣхъ»). Первая попытка составить словарь непонятныхъ словъ и именъ (еврейскихъ) дошла до насъ въ новгородской Кормчѣй 1282 г., подъ заглавіемъ «Рѣчь жидовскаго языка преложена на русскую, неразумно на разумъ и въ Евангелихъ и въ Апостолахъ и въ Псалтири и въ Пареміи и въ прочихъ книгахъ». Кромѣ еврейскихъ словъ, сюда вошли и нѣкоторые греческіе и даже славянскіе или русскіе. Къ 1431 г. относится второй новгородскій словарь, при книгѣ Іоанна Лѣвтичника) въ новгородскомъ монастырѣ) «Толкованіе поудобѣ познаваемымъ въ писаныхъ речехъ». Здѣсь уже не мало русскихъ словъ (отвлеченнаго значенія, напр. качество, количество, свойство, художество и т. д.). Изданія ихъ см. у Калайдовича, «Іоаннъ экз. Болгарскій» (М., 1824), и Сахарова, «Сказанія русскаго народа» (т. II). Часть этого матеріала вошла въ позднѣйшіе азбучовники или «алфавиты иностранныхъ рѣчей», которыхъ особенно много явилось въ XVI—XVII вв. (см. Буслаевъ, «Дополненія и прибавленія къ 2-му тому «Сказанія Сахарова», въ I кн. «Архива историко-юридическихъ свѣдѣній» Калачева; Мордовцевъ, «О русскихъ школьныхъ книгахъ XVII в.», М., 1862; «Объ источникахъ свѣдѣній по различнымъ наукамъ, въ древнія времена Россіи», въ «Православн. Собесѣдникѣ»; 1860 г., кн. I; Ширскій, «Очеркъ древнихъ славянорусскихъ словарей», «Филологич. Записки», 1869, кн. 1—2; Баталіевъ, «Древне-русскіе азбучовники», тамъ же, 1873 г., вып. 3, 4, 5; Карповъ, «Азбучовники или алфавиты иностранныхъ рѣчей по спискамъ соловенской бібліотеки», въ «Правосл. Собесѣдникѣ» 1877 г., приложенія). Составители азбучовниковъ принимаютъ иногда разныя названія одного языка за два разные языка (напр. греческій и еллинскій); принадлежность словъ разнымъ языкамъ часто показана совсѣмъ ошибочно; произношеніе многихъ иностранныхъ словъ обозначено не вѣрно, напр. «французскіе поире» (poivre, перецъ). Кромѣ грамматическихъ статей, въ азбучовникахъ приводятся азбуки (польская, греческая, еврейская, нѣмецкая, латинская, перская, русская, «литоренская» и сирская), рассказы о раздѣленіи языковъ по столпотворенію вавилонскому, свѣдѣнія по метрицѣ, отрывки польскихъ молитвъ, греческія молитвы (русскими буквами), де говора о разныхъ другихъ статьяхъ, не имѣющихъ отношенія къ языкознанію. Съ конца XVI в. у насъ начинаютъ являться печатные грамматики и словари. Во главѣ первыхъ должна быть поставлена упомянутая уже выше «Грамматика славянскаго языка» (Вильно, 1586), за ней явилась во Львовѣ (1591) «Грамматика добродѣтеливаго Еллинскаго-славянскаго языка», иначе «Адельфотисъ». Первая, очень небольшая по объему, явилась плодомъ вавилонскій надъ тогдашнимъ славянск. языкомъ (Острожскій біблія), къ которому была примѣнена теорія восьми частей слова; вторая имѣла въ

виду главнымъ образомъ греческій языкъ, но нерѣдко заходила и въ область славянскаго. Въ 1596 г. явилась въ Вильнѣ «Грамматика Словенска» Лаврентія Зизанія, къ которой былъ приложенъ «Лексикъ» — первый печатный славянскій словарь, послужившій источникомъ для азбучниковъ или алфавитовъ иностранныхъ рѣчей XVII и XVIII вв., а также для словаря Памвы Беринды («Лексиконъ славенороссій», Киевъ, 1627). Источниками послѣдняго словаря, кромѣ «Лексиса» Зизанія, вошедшаго туда почти цѣлкомъ, служили, повидимому, и рукописные словари. Въ свою очередь печатные словари Зизанія и Беринды легли въ основаніе цѣлаго ряда рукописныхъ словарей, въ родѣ изданнаго Житецкимъ («Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII вв.», Киевъ, 1889, приложеніе) словаря XVII в.: «Синонима славеноросская». Въ 1619 г. выходитъ грамматика Мелетія Смотрицкаго, надолго сдѣлавшаяся основнымъ грамматическимъ руководствомъ и выдержавшая нѣсколько передѣлокъ и изданій. На ея основаніи составлялись практическія школьныя грамматики, въ родѣ изданной въ Вильнѣ въ 1621 г., или руководства Аонасія Пузины, епископа лудскаго (Кременецъ, 1638). Въ Московѣ грамматика Смотрицкаго была передѣлана, расширена вставкою грамматическихъ разсужденій, приписываемыхъ Максиму Греку, и въ такомъ видѣ издана безъ имени автора (1648) Цѣль Смотрицкаго была чисто практическая — дать кодексъ правилъ, при помощи которыхъ можно было-бы «читать по словенску и чтимое выражувати», а также «писати раздѣльно» чистымъ славянскимъ языкомъ. Тѣмъ не менѣе чистаго славянскаго языка и въ оригинальной редакціи грамматики Смотрицкаго (не говоря уже о позднѣйшихъ ея передѣлкахъ) не было: рядомъ съ формами древними встрѣчаются формы позднѣйшія, вызванныя вліяніемъ живыхъ славянскихъ языковъ (русскаго, польскаго), а также и самодѣльные, искусственныя. Историческаго метода нѣтъ и слѣда; все изложеніе носитъ характеръ догматическій и чисто-описательный. Вѣдѣнія схемы, въ которыхъ расположенъ матеріалъ (гораздо болѣе обильный, чѣмъ у Зизанія), скопированы съ греческой грамматики, нерѣдко вопреки природѣ славянскаго языка. Терминологія Смотрицкаго очень близка къ современной традиціонной школьнограмматической (см. Засадкевичъ, «Мелетій Смотрицкій, какъ филологъ», Одесса, 1883). Особымъ стоитъ «Грамматично изказаніе об русскомъ ѳезику» (1666), принадлежащее Крижаничу (см.) и изданное Бодянскимъ въ «Чтеніяхъ Общества Ист. и Др. Росс.» (1848, I и 1849, III). Это грамматика не русскаго и не славянскаго языковъ, а созданнаго самимъ Крижаничемъ общеславянскаго языка, который онъ называетъ «стародавнимъ и кореннымъ, русскимъ именемъ». Какъ первый опытъ этого рода, заключающій въ себѣ не мало остроумныхъ и вѣрныхъ замѣчаній о славянскомъ языкѣ и славянскихъ нарѣчіяхъ, сочиненіе Крижанича является весьма интереснымъ памятникомъ. Появленіе юго-зап. ученыхъ въ

Москвѣ во второй половинѣ XVII в. отозвалось оживленіемъ нашей грамматической литературы. Епифаніемъ Славинскимъ составлены были два словаря: «филологическій» (объясненіе разныхъ церковныхъ словъ) и «Лексиконъ речей языка словенскаго и греческаго». Братья Лихуды съ 1635 г. преподавали грамматику и другія науки въ Заиконоспасской школѣ, для чего составили особые учебники, хранившіеся въ бібліотекѣ моск. дух. акад. Въ народѣ элементарныя школьно-грамматическія знанія проникали путемъ букварей въ родѣ «Науки чтенія и разумѣнія писма славянскаго» (самый первый—Вильно, 1596), «Азбукъ» Бурцева: «Начальное ученіе человѣкомъ, хотящимъ разумѣть божественнаго писанія» (1637) или «Букваря славяно-россійскихъ писмемъ» Каріона Истомина (1694). Просвѣдительная дѣятельность Петра Великаго слабо отозвалась на нашемъ языковомъ знаніи. Петру нужны были прежде всего точныя и прикладныя, техническія знанія; поэтому среди членовъ учрежденной имъ академіи наукъ совсѣмъ не было языковѣдовъ. Даже вліяніе Лейбница, съ которымъ Петръ вступилъ въ сношенія и который составлялъ ему проекты развитія наукъ и просвѣщенія въ Россіи, осталось въ этомъ отношеніи безрезультатнымъ. Изъ разныхъ мѣръ, которыя предлагалъ Петру Лейбницъ, всѣ, имѣвшія значеніе для языкознанія, остались неосуществленными (см. В. И. Герье, «Отношенія Лейбница къ Россіи и Петру Великому», СПб., 1871; «Сборникъ писемъ и меморіаловъ Лейбница, относящихся къ Р. и Петру Вел.», СПб., 1873). Грамматическая литература ограничивалась немногими учебниками (Копіевича, Поликарпова, Максимова), основанными на грамматикѣ Смотрицкаго, рус.-латинско-нѣмецкими вокабулами Копіевича («Nomenclator in lingua latina, germanica et russica», 1700) и немногими букварями, въ родѣ «Букваря трехязычнаго славенскимъ, греческимъ и римскимъ писмемъ» Оедора, Поликарпова (М., 1701). Такой же практическій характеръ имѣли: «Лексиконъ трехязычный» (слав., лат. и греч.) Ѳ. Поликарпова (М., 1704) и «Книга лексиконъ или собраніе рѣчей по алфавиту съ російскаго на голандской яз.» (СПб., 1717). При Петрѣ начинаются и первыя у насъ попытки собранія лингвистическаго матеріала. Такія работы производили: Боданъ, посланный въ Казань и Астрахань, Шоберъ, посланный на Кавказъ (1717) и, Мессершмидтъ, натуралистъ и ориенталистъ, отправленный въ 1721 г. въ Сибирь. Работы ихъ остались, однако, въ рукописи (см. Пекарскій, «Наука и литер. при Петрѣ I», т. I, 350—51). При преемникахъ Петра условія научнаго развитія существенно не измѣнились. Тредьяковскій написалъ «Разговоръ между чужестраннымъ человѣкомъ и російскимъ объ орографіи старинной и новой» (1748), въ которомъ проводилъ смѣлую по тогдашнему мыслѣ о необходимости фонетическаго правописанія, «по звонамъ» (по выговору). Сообразно съ этимъ принципомъ, Тредьяковскій изгонялъ изъ русской азбуки нѣкоторые лишніе знаки, въ родѣ *и*, которое замѣняли *се*

четаніемъ *ич*, а также *з, и, э, е, г*. Вопросы метрики и версификаціи онъ касался въ «Способѣ къ сложенію россійскихъ стиховъ» (1735) и въ разсужденіи «О древнемъ, среднемъ и новомъ стихотвореніи россійскомъ» (1755), гдѣ впервые устанавливалъ тоническую теорію русскаго стихосложенія. Объ употребленіи языковъ церковно-славянскаго и русскаго, въ зависимости отъ содержанія и характера сочиненія, онъ говоритъ въ предисловіи къ переводному сочиненію: «Взда на островъ любви», затрогивая здѣсь вопросы, поднятые также и Ломоносовымъ въ его ученіи о трехъ штиляхъ. Весьма интересны для характеристики филологическихъ приемовъ Тредьяковскаго его «Три сужденія о трехъ главнѣйшихъ древностяхъ россійскихъ: о первенствѣ славянскаго языка предъ тевтоническимъ; о первоначалѣ Россіи; о варяго-россахъ славянскаго званія, родѣхъ племеніи» (1773). Свое положеніе о первенствѣ слав. языка Тредьяковскій доказываетъ рядомъ курьезныхъ этимологій, основанныхъ на созвучіи и дающихъ яркое понятіе о его филологическомъ методѣ, въ которомъ онъ являлся, впрочемъ, ученикомъ современныхъ ему западно-европейскихъ филологовъ-историковъ. Такъ скины у него — *скимы* (отъ *скитаться*); Британія — *Пристанія* (гдѣ *пристали* кельты, названные такъ за *желтый* цвѣтъ своихъ волосъ) и т. д. Первую русскую, не «славяно-россійскую» грамматику (на нѣм. языкѣ) находимъ въ нѣмечко-латино-русскомъ словарѣ Бейсмана, изд. акд. наукъ въ 1731 г. («Deutsch- Lateinisch- und Russisches Lexicon Samt Denen Anfangs-Gründen der Russischen Sprache», СПб.). Грамматика эта, приписываемая студенту Ададурову, по отзыву Ломоносова «весьма несовершенная и во многихъ мѣстахъ несправильная», представляетъ собой передѣлку и сокращеніе грамматики Смотрицкаго, примѣненной къ русскому языку, и далека отъ какого-бы то ни было научнаго отношенія къ фактамъ языка. Только ученіе Смотрицкаго о глаголѣ очевидно не поправилось Ададурову, который, однако, не умѣлъ замѣнить его чѣмъ-либо лучшимъ и изложилъ эту часть грамматики очень кратко и неполно. Между тѣмъ необходимость порядочной русскаго грамматики ощущалась уже давно. Еще Крижанничъ «Русское государство въ половинѣ XVII в., ч. II, 2) жаловался на отсутствіе «доброй грамматики и лексикона». Посошковъ, въ началѣ XVIII в. («Сочиненія», т. I, 11), говоря о мѣрахъ къ образованію духовенства, указывалъ, что «Его императорскому величеству надлежитъ постараться о грамматикѣ». Въ 1735 г. учреждено было при акд. наукъ такъ назыв. «Россійское Собраніе», долженствовавшее «радѣти о возможномъ дополненіи россійскаго языка, о его чистотѣ, красотѣ и желаемомъ потомъ совершенствѣ». Въ числѣ задачъ новаго учрежденія было составленіе «грамматики доброй и исправной» и «дикціонарія полнаго и доволнаго». Осуществить эту задачу задумалъ Ломоносовъ, начавшій еще съ конца сороковыхъ годовъ собирать матеріалъ для своей «Россійской грамматики» (1755), которая и явилась первой

полной грамматикой русскаго литературнаго языка. Хотя Ломоносовъ во многомъ пользовался грамматикой Смотрицкаго и ея передѣлкой, сдѣланной Ададуровымъ, тѣмъ не менѣе гениальность его выразилась и въ выборѣ грамматическаго матеріала, и въ его обработкѣ и систематизаціи. Черновые наброски Ломоносова свидѣтельствуютъ о чрезвычайно добросовѣстной подготовительной работѣ, въ которой сказались индуктивный приемъ натуралиста. Цѣлые листы исписаны примѣрами, общій выводъ изъ которыхъ представленъ въ видѣ грамматическаго правила. За норму языка Ломоносовъ принимаетъ «разсудительное его употребленіе». Педантизма, стремящагося исправлять живой языкъ, даже сочинять небывалыя формы (какъ это дѣлалъ Смотрицкій), у Ломоносова нѣтъ и въ поминѣ. Онъ снѣло заявлялъ, что большинство «надроченныхъ знаковъ» принято отъ грековъ безъ нужды и выкидываетъ изъ азбуки десять лишнихъ буквъ. Дѣлая разумныя уступки фонетическому принципу правописанія, онъ признаетъ необходимость и этимологическаго принципа, несоблюденіе котораго было бы «весьма странно и противно способности легкаго чтенія». Хорошій знатокъ живого русскаго языка не только въ сѣверномъ его нарѣчій, но и въ московскомъ говорѣ и «украинскомъ діалектѣ», съ которыми онъ познакомился въ Кіевѣ, Ломоносовъ удачно выдѣлилъ въ литературномъ языкѣ два его составныхъ элемента: «просторѣчіе», т. е. матеріалъ, ищущій изъ живыхъ областныхъ говоровъ, и церковно-славянскій осадокъ, введенный многовѣковой совмѣстной жизнью живого народнаго языка съ книжнымъ славянскимъ языкомъ. Отдѣленіе «славянизмовъ» отъ «руссизмовъ» въ общемъ составѣ русскаго языка придадо его грамматикѣ характеръ сравнительный. Иногда Ломоносовъ вводилъ и историческіе доводы, ссылаясь, напримѣръ, на «уложенія, указыныя книги, печатныя и письменныя права и указы», въ которыхъ имѣются извѣстныя «написанія». Его упрекали въ вулгаризаціи языка, внесеніи въ него многочисленныхъ провинціализмовъ, подмѣнѣ русскаго языка «холомогорскимъ нарѣчіемъ»; на самомъ дѣлѣ, однако, изъ всѣхъ живыхъ говоровъ онъ отдавалъ предпочтеніе московскому, не только «для важности столичнаго города, но и для его отмінной красоты». Рядъ замѣчаній о произношеніи извѣстныхъ звуковъ или словъ, употребительности тѣхъ или другихъ формъ и т. д. дѣлаютъ «Грамматику» Ломоносова важнымъ до сихъ поръ историческимъ памятникомъ, изъ котораго историкъ языка можетъ извлечь много цѣнныхъ фактовъ. Недостаткомъ ея является искусственность и насильственность схемъ, въ которыхъ изложена въ ней морфологія, особенно ученіе о глаголѣ. Кое въ чемъ Ломоносовъ даже сдѣлалъ шагъ назадъ сравнительно съ М. Смотрицкимъ: такъ, понятіе о видѣ, встречаемое въ зародкѣхъ уже у Смотрицкаго, не было отбѣнено и развито Ломоносовымъ, вслѣдствіе чего онъ долженъ былъ построить систему цѣлыхъ десяти временъ, чтобы какъ-нибудь втиснуть въ нихъ своеобразныя фор-

мы русского глагола. Понятіе развитія языка было не чуждо Ломоносову: «какъ всѣ вещи отъ начала въ маломъ количествѣ начинаются и потомъ присовокупленіями возрастаютъ, такъ и слово человѣческое, по мѣрѣ извѣстныхъ человѣку понятій, въ началѣ было тѣсно ограничено и одними простыми рѣченіями довольствовалося. Но съ приращеніемъ понятій и само по мало умножилось, что происходило произвожденіемъ и сложеніемъ». Еще до Шлегера онъ устанавливалъ семью славянскихъ языковъ и предугадывалъ дѣленіе ихъ на юго-восточную и сѣверо-западную группы, отмѣчая большее сходство русскаго языка съ южнославянскими (задунайскими) языками, чѣмъ съ полскими. Онъ же различалъ древнерусскій языкъ отъ старославянскаго, указывая на договоры князей съ греками, «Русскую Правду» и «иричія историческія книги» (вѣроятно — летописи), какъ на памятники *русские*, а не *славянскіе*. Въ «Разсужденіи о пользѣ книгъ церковныхъ въ русскому языку» онъ пытался найти неизбѣжныя основы для русскаго стилистики, разграничивая и опредѣляя употребленіе въ разныхъ родахъ сочиненія славянизмовъ и природныхъ русскихъ словъ. Въ «Письмахъ о правилахъ русскаго единства» (1739) Ломоносовъ является единомышленникомъ Тредьяковскаго, признавая тоническую систему стихосложенія единственно пригодной для русскаго языка, но даетъ рядъ поправокъ и дополненій къ его теоріи. Въ своихъ историч. работахъ Ломоносовъ, какъ и Тредьяковский, прибѣгалъ къ филологическимъ доказательствамъ, но гораздо сдержаннѣе. См. К. Аксаковъ, «Ломоносовъ въ исторіи русской литературы и русскаго языка» (М., 1846); Будиловичъ, «Ломоносовъ, какъ натуралистъ и филологъ» (СПб., 1869); Гротъ, «Спорные вопросы русскаго правописанія отъ Петра Великаго донынѣ» (СПб., 1876, стр. 48—69); статьи Вуслаева, «Ломоносовъ какъ грамматикъ», и Лавровскаго, «О трудахъ Ломоносова по грамматикѣ русскаго языка и рус. исторіи», въ сборникахъ моск. и харьковскаго университетовъ, изданныхъ по случаю Ломоносовскаго юбилея (1866). Другіе члены академіи наукъ, хотя и не языковѣды по профессіи, начали собирать лингвистическіе матеріалы. Знаменитый историкъ-ориенталистъ Байеръ (академикъ съ 1726 г., † 1738) занимался изученіемъ китайскаго, монгольскаго, калмычскаго, маньчжурскаго, тибетскаго, тибетскаго языковъ. Одинъ изъ первыхъ, если не самый первый у насъ, началъ онъ заниматься съ пріѣзжими въ СПб. индусомъ изученіемъ «браминскаго» языка, т. е. санскрита. Плодомъ этихъ занятій были напечатанныя въ изданіяхъ академіи работы по литературѣ и грамматикѣ перечисленныхъ выше языковъ: «Elementa litteraturae brahmanicae, tangutanae, mongolicae»; «Elementa brahmanica», «Elementa calhucica» и т. д. Во второй половинѣ XVIII в. Г. Л. Хр. Бакмейстеръ собралъ массу матеріаловъ для сравнительнаго словаря всѣхъ языковъ земного шара. Эти матеріалы легли въ основаніе словаря, изданнаго Екатериной II. Императрица, какъ она писала доктору Циммерману 9 мая

1785 г., «составила реестръ отъ двухъ до трехъ сотъ коренныхъ русскихъ словъ, которыя велѣла перевести на столько языковъ и нарѣчій, сколько могла ихъ найти: ихъ уже болѣе двухъ сотъ». Помощникомъ Екатерины въ этомъ трудѣ былъ берлинскій ученый Фридр. Николан. составившій для нея (1785 г.) общее обозрѣніе всѣхъ языковъ міра (хранящееся въ рукописи въ библіотекѣ эрмитажа). Дальнѣйшее веденіе дѣла было поручено Палласу. Въ 1787 г. была издана первая часть словаря (на рус. и латинск. яз.), содержавшая 285 словъ (напечатанныхъ русскими буквами) изъ 61 европейскаго и 149 азиатскихъ языковъ и нарѣчій. Новое изданіе всего словаря, подъ редакціей Ѳ. Я. Яковича де Миріева («Сравнительный словарь всѣхъ языковъ и нарѣчій по азбучному порядку расположенный»), вышло въ СПб., въ 1790—91 г., на одномъ русскомъ языкѣ; оно было дополнено 4 европ. и 22 азиатскими, а также 30 африк. и 23 америк. языками. Недоступное европейской публикѣ, какъ напечатанное по-русски, оно и у насъ поступило въ продажу только въ 1813 г. Научное значеніе словаря было невелико. Ошибочная идея «всеобщаго» сравнительнаго словаря могла явиться только въ XVIII в., до возникновенія научнаго сравнит. языковѣданія; выполненіе ея носило характеръ скоропостижности и необдуманности. Тѣмъ не менѣе словарь Екатерины II оживилъ научную жизнь того времени; появленіе его вызвало рядъ рецензій и поправокъ, которые уже сами по себѣ были пріобрѣтеніемъ для науки. Положительную сторону словаря составляло обиліе новаго матеріала, хотя-бы часто и не надежнаго. Свѣдѣнія о многихъ языкахъ Р., Сибири и Азии проникали съ трудомъ въ Европу того времени, и многое въ словарѣ было новинкой для европейскихъ ученыхъ. См. Я. Гротъ, «Филологическія занятія Екатерины II» («Русскій Архивъ», 1877, кн. 1), и Фр. Адельунтъ, «Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachkunde» (СПб., 1815; краткое извлеченіе отсюда: «Заслуги Екатерины Великой въ сравнит. языковѣданіи», вѣроятно одновременное съ главнымъ сочиненіемъ). Первыми преподавателями словесности въ московскомъ унив. были Поповскій и А. Барсовъ; послѣдній въ своихъ грамматическихъ трудахъ («Правила русскаго грамматикъ», М., 1771, 8 изд., и «Обстоятельная русскаго грамматика», оставшаяся въ рукописи) является послѣдователемъ Ломоносова и отчасти Тредьяковскаго. Отличн. граммат. трудовъ Барсова и Свѣтова («Краткія правила по изученію языка русскаго», М. 1790, «Опытъ о правописаніи», 1773 и др.) см. у Сухомятнова, «Истор. рос. акд.», вып. IV, 186—298 — 327. Протоіерей П. А. Алексѣевъ (1727 — 1801) издалъ «Церковный словарь» (1773 — 6; 4 изд.) — первый опытъ церковнослав. словаря, составленный совсѣмъ по образцу древнихъ азбучниковъ и дававшій не рѣдко обширныя предметныя объясненія энциклопедическаго характера. Главнымъ трудомъ этого времени, имѣвшимъ важное значеніе для изученія русскаго языка, является «Словарь Академіи Россійской» (СПб., 1789

—94, 2 изд. 1806—22). Въ составленіи его приняли участіе всѣ ея члены, раздѣлившись на 3 отдѣла: грамматикальный (для грамматическихъ объясненій), объяснительный (для «предѣленія значенія словъ») и распорядительный (для веденія самаго печатанія). Составленъ былъ планъ, въ обсужденіи котораго принялъ участіе, между прочимъ, Болтинъ и Фонъ-Визинъ (исторія «Словаря» см. у Сухомлинова, «Исторія Россійской Академіи», вып. VIII, 1887). Какъ первый опытъ русскаго словаря, академическій словарь, не имѣвший почти никакихъ предшественниковъ, долженъ быть признанъ довольно полнымъ (48000 словъ). Слабыя его стороны — недостаточное различіе славянскихъ элементовъ отъ природныхъ русскихъ (см. Буличъ, «Церковнослав. элементы въ современномъ литературномъ и народномъ русскомъ языкѣ», ч. I, СПб., 1893, стр. 78—82); изгнаніе областныхъ словъ, кромѣ тѣхъ, «которыми изображаются вещи, орудія и пр. въ столицахъ неизвѣстныя», или «которые своею ясностію, силою и краткостію могутъ послужить къ обогащенію... языка»; введеніе обветшалыхъ и даже вновь составленныхъ словъ въ замѣвъ иностранныхъ и вообще стремленіе исправлять и регламентировать живое употребленіе языка, находившееся въ связи съ основною цѣлью «Россійской Академіи», учрежденной (1783) для «вычищенія и обогащенія языка, установленія и употребленія словъ витѣства и стихотворства». Навивно механическій взглядъ на звуковую сторону языка, этимологизмъ, основанный на грубомъ пониманіи (въ родѣ *воробей отъ воръ и бей*), отсутствіе правильного историческаго изученія языка, сказавшееся, напр., въ признаніи слѣдовъ славянскаго языка въ нѣкот. кельтскихъ словахъ, схожихъ со славянскими, вытекали изъ условій того времени, когда словарь возникъ. Совершенно вѣй господствовавшихъ въ то время взглядовъ и представлений о языкѣ стояла работа Краценштейна: «Qualis sit natura essentialiter sonorum litterarum vocalium a, e, i, o, u» (СПб., 1781), представлявшая попытку разрѣшить опытнымъ путемъ предложенную нашей академіей науку задачу изслѣдовать природу гласныхъ звуковъ человѣческой рѣчи—задачу, выполненную лишь восемьдесятъ почти лѣтъ спустя знаменитымъ Гельмгольцемъ. Какъ первый опытъ этого рода, хотя и весьма несовершенный, работа Краценштейна занимаетъ нѣкоторое мѣсто въ исторіи научной фонетики.

Начало XIX вѣка не представляетъ выдающихся явленій въ области языковѣдѣнія. Сравнительно лучшія грамматикѣ — П. Орнатовскаго (Харьковъ, 1810) и И. Тимковскаго (Харьковъ, 1811)—отразившія на себѣ такъ называемое «общеграмматическое» направленіе, въ научномъ отношеніи стоятъ не выше грамматикъ предшествовавшаго вѣка. Оба автора (особенно первый) плохо отличаютъ славянскій языкъ отъ русскаго, устанавливая общій «славяно-россійскій языкъ». Грамматикѣ Фатера («Prakt. Grammatik der russ. Sprache», Липц., 1808, 2 изд., 1814) и Тампе («Neue theoretisch praktische russische Sprachlehre für

Deutsche», СПб. и Рига, 1810, 6 изд. 1835) превосходили наши доморощенные грамматикѣ систематичностью и обдуманностью и впервые послѣ Смотрицкаго вводили у насъ понятіе о глагольныхъ видахъ. Какъ первый опытъ, замѣчательна «Грамматика малорусскаго нарѣчія» Павловскаго (СПб., 1818). Сравнительное языковѣдѣніе, только что зарождавшееся на Западѣ, еще не находило у насъ почвы для развитія; тѣмъ не менѣе еще до появленія перваго труда Боппа (1816) у насъ начинаютъ являться первые опыты сравненія русскаго языка съ санскритомъ, образцомъ для которыхъ могло послужить разсужденіе Корн. Готтл. Антона: «De lingua russica ex eadem cum Sanscritamica matre orientali prognata» (Виттенбергъ, 1809). Такой же характеръ носитъ небольшая безымянная книжечка, вышедшая въ 1811 г. въ СПб. на яз. франц. («Rapports entre la langue Sanscrite et la langue Russe») и русскимъ («О сходствѣ санскр. языка съ русскимъ»). Авторомъ этой брошюры впоследствии оказался Фр. Аделунгъ (1768—1843). Она снабжена предисловіемъ Н. И. Греча и анонимными замѣчаніями. Самому Аделунгу принадлежитъ введеніе—о важности филологическихъ изысканій «для изысканія исторіи народовъ», о санскритѣ, о пособіяхъ для его изученія,—и затѣмъ сопоставленіе 178 санскр. словъ съ русскими. Сходство русскаго съ санскритомъ объясняется общимъ ихъ происхожденіемъ изъ древняго персидскаго или «мидійскаго» языка. Не выше стоитъ и вызванная этимъ сочиненіемъ «Dissertation sur l'utilité et le merite d'un ouvrage anonyme ayant pour titre: Rapports entre la langue... etc.» (СПб., 1812), И. Леванди. Въ 1820 г. Аделунгъ издалъ обзорѣе всѣхъ извѣстныхъ языковъ и ихъ діалектовъ («Uebersicht aller bekannten Sprachen und ihrer Dialekte», СПб., 1820)—голый перечень, безъ всякой характеристики. Филологическая дѣятельность А. С. Шишкова, отдававшая дань безграничному всесравнительному направленію, носила яркій отпечатокъ дилеттантства. Только съ 20-хъ годовъ этого вѣказанія языковѣдѣніемъ начинаютъ пріобрѣтать у насъ болѣе научный характеръ. Подготовительный характеръ имѣетъ дѣятельность К., П. и И. Калайдовичей, А. Болдырева, М. Т. Каченовскаго, И. Комаровскаго, рядъ статей которыхъ по разнымъ вопросамъ грамматикѣ русскаго и славянскихъ языковъ помѣщенъ въ «Трудахъ Моск. Общества Любит. Россійск. Словесности» (1812—20). Общее ихъ направленіе—чисто эмпирическое. Въ 1820 г. является въ свѣтъ знаменитое разсужденіе Востокова «О славянскомъ языкѣ», составившее эпоху въ сравнительной грамматикѣ славянскихъ языковъ и положившее начало русской филологической и лингвистической школѣ. Къ 1831 г. относятся его же грамматикѣ русскаго языка, «сокращенная» и «полная», выдержавшія много изданій. Обѣ онѣ имѣютъ характеръ чисто описательныхъ школьныхъ грамматикъ, безъ историческаго и сравнительнаго освѣщенія и объясненія фактовъ, но замѣчательны по точности данныхъ и полнотѣ матеріала. Нѣ-

сколько ранѣе 'явившіеся грамматическіе труды Н. И. Греча не могутъ идти съ ними въ сравненіе и представляютъ собой плохія компиляціи, что не мѣшало имъ имѣть огромное распространеніе. Съ конца 20-хъ годовъ чаще начинаютъ являться и работы сравнительнаго характера. Таковы грамматическіе этюды академика Ѳ. В. Грефе, написанные по-нѣмецки или по-латыни, хотя и напечатанные въ изданіяхъ нашей акад. наукъ. Не отличаясь самостоятельностью взглядовъ, они обнаруживаютъ знакомство автора съ европейскою научною литературой, трудами Боппа, Гримма и др. Своеобразное явленіе представляетъ объемистый трудъ свщ. Константина Экономиды, «Опытъ о ближайшемъ средствѣ языка славяно-россійскаго съ греческимъ», изданный въ греческомъ подлинникѣ и рускомъ переводѣ рос. академіей (СПб., 1828). Авторъ старается подробнымъ грамматическимъ и лексическимъ сравненіемъ славянскаго, русскаго и др. славянскихъ языковъ съ греческимъ (рѣже—санскритомъ, готскимъ, нѣмецк., лат. и другими языками) доказать положеніе, что славянской языкъ есть одинъ изъ диалектовъ «ерако-пеласгійскаго» языка или того «необразованнаго греческаго языка», которымъ говорили греки до-гомеровскихъ и даже «до-орфеевскихъ» временъ. Методъ его не отличается точностью, сближенія весьма часто основаны на простомъ созвучіи, но встрѣчаются и удачныя сопоставленія и грамматическія замѣчанія. Гораздо выше по методу диссертация В. Дорна: «De affinitate linguae slavicae et sanscritae» (Харьковъ, 1833), дающая довольно, подробное сравненіе грамматическаго строя славянскаго и санскрита; въ концѣ около 100 русскихъ словъ, сравниваемыхъ съ санскритскими. Мало научный характеръ носитъ «Этимологическій словарь русск. яз.» Рейфа (СПб., 1835—36). Особенное оживленіе начинаетъ замѣчаться въ нашей филологической литературѣ съ 40-хъ годовъ, когда является рядъ монографій Максимовича, Буслаева, Надеждина, Биларскаго, Новикова, К. Аксакова, Каткова, Срезневскаго и др. Отсутствие строгой школы чувствуется въ болѣе или меньшей степени у всѣхъ названныхъ ученыхъ, особенно сильно у К. Аксакова, менѣе всего у Буслаева. Максимовичъ, бывший ботаникъ, потомъ профессоръ русск. словесности, напечаталъ «Критико-историческое изслѣдованіе о русскомъ языкѣ» («Журн. Мин. Нар. Просв.», 1838), «Исторію древней русской словесности» (Кіевъ, 1839), гдѣ нѣрѣдко идетъ рѣчь и о языкѣ, и «Начатки русской филологіи» (Кіевъ, 1845), въ которыхъ особенно замѣчательны его взгляды на русское «полногласіе» (см.), имъ этимъ именовъ и окрещенное. Буслаевъ въ 1844 г. выступаетъ съ трудомъ «О преподаваніи отечественнаго языка», гдѣ уже сказывается будущій историкъ языка. Въ 1848 г. выходитъ его разсужденіе «О вліяніи христіанства на славянской языкъ» (М.). Здѣсь и въ другихъ своихъ лингвистическихъ трудахъ Буслаевъ является вѣрнымъ ученикомъ нѣмецкихъ языковѣдовъ Раумера, Гримма, Боппа и др., единственнымъ почти проводникомъ къ намъ ихъ

метода и выводовъ, и безусловно единственнымъ, надолго, у насъ языковѣдомъ съ такой широкой и глубокой сравнительно-исторической научной перспективой, какой не было еще и въ Востоковѣ. Къ этому же направлению должно быть отнесено изслѣдованіе Каткова: «Объ элементарѣхъ и формахъ славяно-русскаго языка» (М., 1845), представляющее меньшую степень учености и точности метода, но во многомъ для своего времени интересное. Надеждинъ, въ своей статьѣ: «Mundarten der russischen Sprache» (вѣнскіе «Jahrbücher d. Literatur», 1841), является первымъ почти у насъ изслѣдователемъ народныхъ русскихъ говоровъ. Историческій характеръ имѣетъ, по своей основной цѣли, и монографія К. Аксакова: «Моносовъ въ исторіи русской литературы и русскаго языка» (М., 1846), страдающая недостаткомъ строгаго и точнаго метода и отсутствіемъ настоящаго фактическаго изслѣдованія. Биларскій выступаетъ съ блестяще написаннымъ научно-популярн. разсужденіемъ: «Судьбы церковнаго языка» (СПб., 1848). Новиковъ («О важнѣйшихъ особенностяхъ лужицкихъ нарѣчій», М., 1849) является однимъ изъ самыхъ первыхъ нашихъ славистовъ-языковѣдовъ, вызванныхъ учрежденіемъ у насъ каведрѣ по слов. филологіи (1838), на которыхъ приглашены были Бодинскій, Григоровичъ, Прейсъ и Срезневскій. Послѣдній выступилъ въ 1849 г. съ «Мыслями объ исторіи русскаго языка», составившими эпоху въ области историческаго изученія русскаго яз. и являющимися предтечей болѣе поздней Буслаевской «Исторической грамматики». Въ сторонѣ отъ разсмотрѣнныхъ направлений стоятъ дилеттантскіе труды Павскаго («Филологическія наблюденія надъ составомъ русскаго языка», СПб., 1841—42, 2-е изд., 1850) и Костыря («Предметъ, методъ и цѣль филологич. изученія русскаго языка», Кіевъ, 1848). Павскій является представителемъ дилеттантскаго языковѣданія, которое долго держалось и до сихъ поръ еще встрѣчается въ нашихъ духовныхъ академіяхъ. Нѣкоторые его замѣчанія и до сихъ поръ имѣютъ цѣну, но ни метода, ни научной школы у него не было. Костырь, строгій критикъ чужихъ трудовъ, «разрушитель славянъ» Павскаго и Каткова, былъ послѣдователемъ и поклонникомъ Шинкина, съ слабыми научными знаніями и большой наклонностью къ туманнымъ и вездѣрѣчьнымъ разлагательствамъ. Къ 40-мъ годамъ относится 4-томный «Словарь церковно-слав. и русскаго языка» (СПб., 1847), изданный вторымъ отд. Имп. акад. наукъ, превосходившій объемомъ прежніе академическіе словари (ок. 115000 словъ), но страдавшій неполнотой (въ немъ не находятся иногда слова, имѣвшіеся въ прежнихъ словаряхъ), случайною матеріаломъ и традиционнымъ смѣшеніемъ двухъ языковъ—славянскаго и русскаго. Знаменитымъ Востоковскимъ изданіемъ «Остромирова Евангелія» (СПб., 1843) открывается рядъ аналогичныхъ изданій, предпринятыхъ Срезневскимъ и др. нашими палеографами и доставившихъ обильный матеріалъ для грамматическихъ изслѣдованій. Какъ явленіе совершенно исключительное и на много лѣтъ опередившее свое

время, должны быть отмѣнены «физиологическія изслѣдованія» Самуила Барана: «Стихи чловѣч. рѣчи» (СПб., 1844; отд. оттискъ изъ журнала «Маякъ»), представляющія такое отчетливое и тонкое пониманіе звуковой стороны русскаго языка, какого не было ни у одного изъ знаменитыхъ современниковъ этого скромнаго учителя русскаго языка, нѣмѣвъ въ свое время неопѣннаго. Какъ образчикъ курса общаго языкознанія въ примѣненіи къ русскому языку, не безынтересенъ конспектъ лекцій проф. Рихельевскаго лингв. Зеленскаго: «Система и содержаніе философскаго языкознанія съ приложеніемъ къ языку русскому» (СПб., 1841). Гораздо слабѣе другое его разсужденіе: «Объ особенностяхъ языка русскаго и объ отношеніи его къ языкамъ западно-европейскимъ» (Одесса, 1848). Санскритъ въ это время читался въ одномъ только казанскомъ унив. Отсюда слабое знакомство съ нимъ у нашихъ филологовъ того времени и отсутствіе работъ по сравнительной грамматикѣ индо-европейскихъ языковъ и смежнымъ дисциплинамъ. Многія сопоставленія въ «Корнесловъ русскаго языка» Ѳ. Шимкевича (СПб., 1842, 2 части) не выдерживаютъ научной критики, хотя для того времени это была работа не безъ достоинствъ. Въ 50-хъ годахъ непосредственно къ «Мыслямъ» Срезневскаго примыкаетъ изслѣдованіе П. Лавровскаго: «О языкѣ сѣверныхъ русскихъ летописей» (СПб., 1852)—первая подробная историческая монографія по одному изъ великорусскихъ поднарѣчій (новгородскому). Здѣсь положено основаніе исторической диалектологии русск. яз., представляемой въ наше время трудами проф. Соболевскаго и акад. Шахматова. Менѣе значительна работа П. Лавровскаго: «О византийскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ русскіхъ съ греками» (СПб., 1853). Изъ другихъ работъ Лавровскаго выдѣляются: «Обзоръ особенностей нарѣчій малорусскаго» («Журн. Мин. Нар. Пр.», 1859)—первая подробная характеристика звуковыхъ и формальныхъ особенностей малорусскаго нарѣчія. «О рускомъ полногласіи» («Матеріалы для словесности и грамматики», V, 1861), «Коренное значеніе въ названіяхъ родства у славянъ» («Сборникъ II отд. Имп. акад. наукъ», 1867). Въ послѣднихъ двухъ работахъ П. Лавровскій вступилъ на историко-сравнительный путь, открытый Буслаевымъ. Однимъ изъ капитальнѣйшихъ явленій этого времени долженъ быть признанъ «Опытъ исторической грамматики русскаго языка» (М., 1858), Буслаева, съ примыкавшей къ ней «Исторической хрестоматіи перк.-слав. и древне-русскаго языковъ» (М., 1861). Въ первой сравнительно-грамматическому освѣщенію исторіи русскаго яз. отводилось болѣе видное мѣсто, чѣмъ въ трудахъ предшественниковъ Буслаева. Рядомъ продолжалась дѣятельность Срезневскаго, направленная главнымъ образомъ въ сторону собранія и изданія памятниковъ языка. Важное значеніе имѣла его академическая дѣятельность, какъ редактора «Извѣстій Имп. акад. наукъ по отдѣлу русскаго языка и словесности» (X т., СПб., 1852—63), съ цѣлымъ рядомъ статей Аванасьева, архим. Амфило-

хія, Билярскаго, Голотузова, И. И. Давыдова, архим. Макарія, Миккуцова, Погодина, самаго Срезневскаго и друг.; въ видѣ приложеній при «Извѣстіяхъ» вышли 6 томовъ «Матеріаловъ для сравнительнаго словаря и грамматики» (1852—61). Здѣсь же напечатанъ «Словарь церковно-славянскаго языка» Востокова (1858—61). Подъ редакціей Востокова вышло другое важное академическое изданіе: «Опытъ областного великор. словаря» (СПб., 1852), съ «Дополненіемъ» къ нему (СПб., 1858). Несмотря на крупныя недостатки, «Словарь» этотъ до сихъ поръ является важнымъ пособиемъ для cadaго занимающагося русскимъ языкомъ и неизбѣжнымъ источникомъ для cadaго будущаго русскаго словаря. Въ 1860 г. вышелъ послѣдній крупный трудъ Востокова—«Грамматика церковно-слав. языка» (СПб.), основанная главнымъ образомъ на русскихъ памятникахъ и потому теперь потерявшая свое значеніе *церковнос.* грамматики, но сохраняющая цѣну какъ добросовѣстный сводъ особенностей церковнослав. языка *русской* редакціи. Изъ послѣднихъ работъ Максимова особое значеніе имѣли «Филологическія письма къ Погодину» («Русск. Бесѣда», 1856—57 гг. и «День», 1863 г.), занимавшіяся вопросомъ о древнѣйшихъ слѣдахъ малорусскаго нарѣчія въ историч. памятникахъ русскаго языка. Отрицательнымъ образчикомъ безсодержательной официальной науки того времени является «Опытъ общесравнительной грамматики русскаго языка» (1852), И. И. Давыдова. «Опытъ русской грамматики» К. Аксакова (ч. I, М., 1860 и въ собраніи его сочиненій) характеристиченъ какъ одинъ изъ отголосковъ любительскаго языкознанія Шишкова и др., подправленнаго философствованіями въ духъ Гегеля и московскихъ славянофиловъ 40-хъ гг. Послѣднимъ представителемъ этого языкознанія былъ проф. харьк. унив. Безсоновъ, снабдившій новое изданіе грамматики совмѣщъ предисловіемъ. Важное значеніе имѣла работа знаменитаго нашего санскритиста О. Н. Беллинга: «Грамматическія изслѣдованія о русскомъ языкѣ» («Уч. Зап. Имп. Акад. Наукъ» по I и III отд., СПб., 1852, I), дающая рядъ такихъ тонкихъ наблюденій надъ живымъ произношеніемъ русскаго языка, какихъ русская наука и въ то время (кромя вышеупомянутой работы Барана), и много лѣтъ спустя не знала. Къ 50-мъ годамъ относится и первая болѣе крупная работа Я. К. Грота («О нѣкоторыхъ особенностяхъ въ системѣ звуковъ русскаго языка», «Журн. Мин. Нар. Пр.», 1852 и др.). Большинство его статей вошло въ позднѣйшій сборникъ подъ заглавіемъ: «Филологическія Розысканія» (СПб., 1873). Не представляя ничего цѣльнаго, работы Грота занимаютъ извѣстное мѣсто въ исторіи нашего языкознанія, давая рядъ лексическихъ, этимологическихъ и фонетическихъ наблюденій. Къ началу 50-хъ годовъ относится первая крупная диалектологическая работа Дали. «О нарѣчійхъ русск. языка» («Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. Общ.», 1852), а къ 60-мъ годамъ—главный трудъ всей его жизни, мемуаральный по обилію и важности матеріала «Толковый словарь живого великорусскаго

яз.» (СПб., 1861—68, 2 изд., 1880—82), остающийся, не смотря на довольно крупные недостатки, незаменимым научным пособием для каждого занимающегося русским языком, благодаря обилію новаго и большею частью достовѣрнаго матеріала. Въ половинѣ 60-хъ годовъ являются первыя работы Потебни («О полногласіи», «Филол. Зап.», 1864, «О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій», тамъ же, 1865), сразу обратившія на себя вниманіе своею обстоятельностью и серьезностью. Важное въ свое время для нашей науки провинціальное изданіе — «Филологич. Записки» (Воронежъ, съ 1860 г. и донныя) — помѣстило на своихъ страницахъ рядъ весьма цѣнныхъ трудовъ, оригинальныхъ и переводныхъ. Кромѣ пѣкоторыхъ лексическихъ сопоставленій русскаго и славянскаго яз. съ санскритомъ (Хомякова, Микуцкаго) и скандинавскимъ (Сабинава, Грота) и т. д., а также работъ Гильфердинга («О сродствѣ языка слав. съ санскритомъ», СПб., 1853, и «Объ отношеніи языка славянскаго къ языкамъ родственнымъ», М., 1855), работъ сравнительнаго характера въ 50-хъ годахъ не появлялось. Замѣчательна мысль Гильфердинга о ближайшемъ родствѣ восточныхъ индоевропейскихъ (арійскихъ и литво-слав.) языковъ, къ которой современная Гильфердингу критика отнеслася отрицательно, но которая теперь становится все болѣе и болѣе вѣроятной. Въ 1858 г. Коссовичъ началъ читать въ слб. унив. санскритъ и zendъ; онъ составилъ первыя у насъ по времени руководства по этимъ языкамъ и санскрито-русскій словарь (не оконченный). Учрежденіе новыхъ кафедръ сравнительнаго языковѣдѣнія по уставу 1863 г. не могло быстро измѣнить положеніе этой науки. Новыя кафедры пустуютъ довольно долго и начинаютъ замѣщаться только къ самому концу 60-хъ годовъ и началу 70-хъ. Въ Петербургѣ кафедрѣ занимаетъ И. П. Минаевъ, единственный лингвистическій трудъ котораго — «Очеркъ фонетики и морфологии языка Пали»; въ Москвѣ — А. Д. Дювернуа, затѣмъ Ф. О. Фортунатовъ и В. Ф. Миллера; въ Казани — И. А. Бодуэнъ де Куртене; въ Харьковѣ — В. И. Щерца (высѣдѣнствіи въ Одессѣ); въ Варшавѣ — С. П. Микуцкій, послѣ ухода котораго кафедра долго оставалась вакантною до назначенія Г. К. Ульянова. Въ Кіевѣ и Одессѣ кафедры языковѣдѣнія пустовали еще дольше и были заняты лишь въ недавнее сравнительно время О. И. Клаузеномъ и Д. К. Овсяннико-Куликовскимъ. Не удивительно, если и наша скудная литература по сравнительному языковѣдѣнію развивалась за послѣднія 30—35 лѣтъ довольно туго. Изъ новыхъ официальныхъ представителей языковѣдѣнія раньше всѣхъ выступили въ научной литературѣ И. А. Бодуэнъ де Куртене, съ отличными монографіями по славянскому языковѣдѣнію, имѣющими и общее значеніе, В. И. Щерца («Сравнительная грамматика славянскихъ и другихъ родственныхъ языковъ», ч. I, Харьковъ, 1871; ч. II, 1873 и др.), и Микуцкій, любитель-самоучка, сравнивавшій между собой чуть не всѣ языки земнаго шара. Позднѣе являются выдающіеся сравнительно-грам-

матическія изслѣдованія Фортунатова («Śākhaveda-Araṇyaka-Saṃhitā», М., 1875, университетскіе курсы и т. д.) и В. Ф. Миллера («Очерки арійской міеологии. I. Ашвины-Диоскуры», М., 1876; «Осетинскіе этюды», М., 1881; «Руководство къ изученію санскрита», СПб., 1891, вмѣстѣ съ Клаузеномъ и т. д.), работы по сравнит. міеологии Овсяннико-Куликовскаго, цѣнныя изслѣдованія Ульянова («Основы наст. вр. въ стѣл. и литовск. языкахъ», Варшава, 1888, и «Значенія глагольныхъ основъ въ литовско-слав. языкѣ», ч. I и II, Варшава, 1891). Въ теченіе 80-хъ годовъ опредѣленнѣе обрисовываются три школы среди нашихъ представителей сравнительнаго языковѣдѣнія: 1) петербургская, съ И. П. Минаевымъ во главѣ, выпускавшая преимущественно инданистовъ-филологовъ, какъ С. О. Ольденбургъ, проф. санскрита на восточн. факультетѣ петербургскаго университета, г. Щербатскій, Д. Н. Кудряскій (проф. юрьевск. университета), не чуждый и сравнительнаго языковѣдѣнія (рядъ статей и замѣтокъ въ научныхъ журналахъ); 2) московская, съ Ф. О. Фортунатовымъ во главѣ, учениками котораго являются такіе ученые, какъ проф. Ульяновъ, академикъ А. А. Шахматовъ, проф. Будде и рядъ молодыхъ ученыхъ — г. Поржезинскій, Покровский, Яблонскій, Щепкинъ и др.; 3) казанская, основанная И. А. Бодуэномъ де Куртене, учениками котораго являются: талантливый, рано умершій языковѣдъ Н. В. Крушевскій, преемникъ Бодуэна на казанской кафедрѣ, В. А. Богородицкій (преемникъ Крушевскаго), авторъ талантливыхъ работъ по фонетикѣ русскаго яз. общему и сравнительному языковѣдѣнію, психологии и физиологии рѣчи, А. И. Александровъ, проф. славистики въ казанскомъ университетѣ, С. К. Буличъ, проф. слб. историко-филол. института и др. Изъ этихъ трехъ школъ петербургская не имѣетъ опредѣленнаго направленія въ смыслѣ грамматическомъ. Казанская школа близко стоитъ къ европ. новограмматической (см. статьи о Бодуэнѣ де Куртене и Крушевскомъ въ «Критико-біогр. словарь» Венгеровъ), хотя и сложилась въ значительной мѣрѣ самостоятельно. Московская школа занимаетъ болѣе обособленное положеніе, вообще также обнаруживая прогрессивное направленіе. Характерной ея особенностью является стремленіе относить начало разныхъ новыхъ dialectическихъ звуковыхъ особенностей въ отдаленную эпоху праязыка, приводящее часто къ предположенію весьма разнообразныхъ и тонкихъ отбѣнковъ произвоженія въ этомъ послѣднемъ. Въ общемъ разница между школами московской и казанской не столько формальная, сколько матеріальная: онѣ сходятся въ признаніи непреложности звуковыхъ законовъ и огромной роли психическихъ процессовъ для исторіи формальнаго строя языковъ, такъ что могутъ считаться лишь вариациями или отбѣнками русскаго новограмматическаго направленія. Между прочими современными русскими языковѣдами выдается О. Е. Коршъ, официальное положеніе котораго (проф. греческой филологіи въ моск. унив.) не позволяетъ ему, од-

нако, имѣть широкое вліяніе на развитіе сравнительнаго языкознанія въ Р. По своему научному направленію О. Е. Корнѣй примыкаетъ къ московской школѣ. Преемникомъ Шершля въ Одессѣ является А. И. Томсонъ, по специальности арменистъ. Возникновеніе новой каведры въ нашихъ университетахъ отразилось у насъ замѣтнымъ подъемомъ и другихъ отраслей языкознанія. Въ области изученія русскаго языка выдаются работы Потебни, среди которыхъ особенное значеніе имѣютъ глубокія и мѣткія синтаксическія и семасиологическія наблюденія, озаглавленные: «Изъ записокъ по русской грамматикѣ» (ч. I, 1874; ч. II, 1874; 2 изд., 1888; ч. III, 1899), а также длинный рядъ этимологич. изслѣдованій, болѣею частью подъ загл. «Къ исторіи звуковъ русскаго языка», печат. въ «Русск. Филол. Вѣстникѣ», «Филол. Запискахъ» и «Живой Старинѣ» («Этимологическія замѣтки», 1891). Вопросы общаго языкознанія, въ которыхъ Потебня примыкалъ главнымъ образомъ къ Штейнталу, также занимали его («Мысль и языкъ», 1862, 2 изд., 1892). Этимъ объясняется то, что въ числѣ его учениковъ находимъ сравнительнаго языковѣда—талантливаго, рано умершаго А. В. Попова («Синтаксическія изслѣдованія. I. Именительный, зват. и винит. въ санскритѣ, zendѣ, греч., лат., нѣм., литовск., латыш. и славянскомъ», Воронежъ, 1881, и «Филолог. Зап.» 1879—81). М. А. Колосовъ далъ первый въ нашей научной литературѣ хронологическій обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей русскаго языка по памятникамъ («Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русск. яз. съ XI по XVI стол.», 1872). У него встрѣчаются уже замѣчанія о принадлежности тѣхъ или другихъ особенностей языка въ рукописяхъ разнымъ нарѣчіямъ (сѣв. новгородскому или южно-русскому—малорусскому). Ему принадлежатъ еще рядъ цѣнныхъ работъ по русской диалектологіи, основанныхъ въ значительной части на собственныхъ наблюденіяхъ во время путешествій по Р. («Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей русск. языка», Варшана, 1878 и др.). Главнымъ ихъ недостаткомъ является соединеніе вмѣстѣ данныхъ, взятыхъ изъ разныхъ говоровъ, такъ что охарактеризовать тотъ или другой говоръ на основаніи работъ Колосова не представляется возможнымъ. Колосовымъ основанъ въ Варшавѣ «Русскій Филологическій Вѣстникъ» (съ 1870 г.), продолжавшіеся донныя (подъ редакціей проф. А. И. Смирнова). Одновременно работали надъ исторіей малорусскаго нарѣчія П. И. Житецкій («Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія», 1876, и «Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII в.», 1888), основывавшіеся на рукописныхъ памятникахъ XVI—XVII вв. Важное значеніе для малорусской диалектологіи имѣютъ «Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край» (7 т.; въ послѣднемъ изъ нихъ цѣнна статья г. Михальчука: «Нарѣчія, поднарѣчія и говоры южной Р. въ связи съ нарѣчіями Галичины», 1877), гдѣ собранъ обильный лингвистическій матеріалъ. Вообще для научнаго изученія и ха-

рактеристики малорусскаго нарѣчія сдѣлано мало, гораздо меньше, чѣмъ для блорусскаго (см. ниже), что объясняется въ значительной степени нѣкоторыми особенными условиями, лежащими внѣ области науки. Полемиическій и не всегда объективный характеръ имѣютъ статьи Крымскаго («Погодинская гипотеза и сравнительная филологія») и Михальчука («Что такое малорусска нарѣчія») въ «Кіевской Старинѣ», 1898—99 гг. Особо видное мѣсто въ исторіи русскаго языка вообще занимаютъ за послѣдніе 20 лѣтъ многочисленныя труды профессора А. И. Соболевскаго. Ученикъ Буслая и Дювернуа, Соболевскій уже въ первой своей работѣ («Изслѣдованія въ области русской грамматики», 1881) обнаружилъ хорошее знакомство съ рукописными историческими матеріалами. Еще болѣе значение имѣютъ его «Очерки изъ исторіи русскаго языка» (1884), поставившіе на твердую почву исторію нашихъ древнихъ говоровъ и выдѣлившіе вполне опредѣленно цѣлую группу галичко-волынскихъ памятниковъ XII—XV вв. Въ 1888 г. вышли его «Лекціи по исторіи русскаго языка» (2 изд. 1891), третій трудъ этого рода со времени «Исторической грамматики» Буслаева, гдѣ впервые дается самостоятельный итогъ новыхъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ рукописныхъ памятниковъ и характеризующихъ звуковыя и формальныя особенности древнерусскаго языка вообще и его говоровъ. Важное значеніе имѣетъ также его «Опытъ русской диалектологіи» (вып. I, СПб., 1897, второе изданіе статей, печатавшихся въ «Живой Старинѣ», 1892), какъ сводъ данныхъ о живыхъ русскихъ говорахъ, составленный на основаніи печатнаго матеріала. Сравнительно съ диалектологическими трудами Колосова, «Опытъ» Соболевскаго представляетъ шагъ впередъ въ томъ отношеніи, что даетъ характеристики (хотя бы и неполныя) уже отдѣльныхъ говоровъ, а не всего «народнаго языка», какъ было у Колосова. Учениками проф. Соболевскаго являются приватъ-доценты слб. университета Н. В. Воляковъ, А. Л. Погодинъ, гг. Туликовъ, Каринскій и др. Не менѣе важное научное значеніе имѣютъ труды академика А. А. Шахматова. Его обширное «Изслѣдованіе о языкѣ новгородскихъ грамотъ XIII и XIV в.» (СПб., 1886) представляетъ образецъ всесторонняго изслѣдованія письма въ языкахъ названныхъ памятниковъ. «Изслѣдованія въ области русской фонетики» (Варш., 1893) даютъ полную картину одного фонетическаго явленія древнерусскаго языка (вторичный переходъ *ѣ* въ *о*) и устанавливаютъ рядъ важныхъ положеній относительно исторіи звукового строя въ разныхъ нарѣчіяхъ и говорахъ древне-русскаго языка. Въ академіи наукъ А. А. Шахматовъ обнаруживаетъ энергическую дѣятельность, напминающую покойнаго Срезневскаго; онъ состоитъ редакторомъ «Академическаго Словаря русскаго языка» (съ 1897 г., 3 вып. на Е—За), возобновленныхъ съ 1896 г. «Извѣстій отд. русск. яз. и слов. Имп. акад. наукъ» (вмѣстѣ съ А. Ѳ. Бычковымъ, а послѣ смерти послѣдняго—съ А. Н. Пыпинымъ); ему же принадлежатъ прекрасныя академическія программы по собранію диалек-

тологического материала (по сѣвернымъ и южнымъ великорусскимъ говорамъ) и т. д. Особаго вниманія заслуживаютъ его работы по русской акцентологии и по вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій. Цѣнный вкладъ въ науку представляютъ работы проф. Е. Θ. Будде по южновеликорусской диалектологии («Къ диалектологии великорусскихъ нарѣчій», Варшава, 1892, изъ «Русск. Филол. Вѣстн.», и «Къ исторіи великорусскихъ говоровъ», Казань, 1896), устанавливающія смѣшанный характеръ рязанскихъ говоровъ. Для изученія бѣлорусск. нарѣчій, кромѣ словаря Носовича, довольно неполнаго (изд. Имп. акад. наукъ, 1870.) статей Аппеля и Недошева («Русск. Филол. Вѣстн.», 1880 и 1884 г.) и цитиров. уже «Опыта русской диалектологии» проф. Соболевскаго, мы имѣемъ рядъ трудовъ проф. Е. Θ. Карскаго, являющихся въ наше время лучшимъ знаткомъ исторіи и диалектологіи бѣлорусскаго нарѣчія («Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи», М., 1886; «Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи», Варшава, 1893 и др.) и поставившаго впервые его изученіе на широкое историческое основаніе. Болѣе или менѣе крупныя и цѣнныя работы по исторіи русскаго языка за послѣднія 35 лѣтъ дали еще Н. П. Некрасовъ, Р. Θ. Брандтъ, П. В. Владиміровъ, Б. М. Лянуновъ, Н. В. Волковъ, В. Шимановскій. Важныя академическія изданія: «Матеріалы для историческаго словаря русскаго языка» И. И. Срезневскаго (СПб., съ 1890 г., еще не кончено), областные словари нарѣчій архангельскій (Подвысоцкаго, 1885) и олоонецкій (Куликовскаго, 1898), матеріалы, собранные при помощи диалектологическихъ программъ, и т. д. По литовскому языку можно указать на собранія народныхъ пѣсенъ братьевъ Юшкевичей (Казань, 1880 — 82), ихъ же словарь (I-й вып., СПб., 1897), сборникъ литовскихъ пѣсенъ проф. Миллера и Фортунатова (М., 1873), вышеназванныя работы проф. Ульянова, статью Ф. Θ. Фортунатова «Объ удареніи и долготѣ въ балт. языкахъ» («Русск. Филол. Вѣстн.», 1895), статью епископа Барановскаго, «Замѣтки о литературномъ языкѣ и словарѣ» (СПб., 1898, изъ LXV-го тома «Сборника отд. русск. яз. и слов. Имп. акад. наукъ»), работы проф. О. К. Яуниса (по лит. диалектологіи въ «Памятной книжкѣ» Ковенской губ.), статьи Э. А. Вольтера.

Литература (кромѣ цитир. выше): А. Линиченко, «Очеркъ развитія важнѣйшихъ идей отечественнаго языковѣдѣнія отъ возникновенія ученыхъ изслѣдованій русскаго языка до утвержденія ихъ на началахъ сравнительно исторической науки о языкахъ» («Рѣчи, произнесенныя въ торжественныхъ собраніяхъ лица князя Безбородко за 1853 — 54 гг.», Кіевъ, 1856); Валицкій, «Матеріалы для исторіи слав. языковѣдѣнія» («Труды Киевск. Дух. Акад.», приложение, 1875—76); «Die Sprachwissenschaft in Russland» («Baltische Monatsschrift», 1865, № 6, 463 — 472); Н. Волковъ, «Введеніе въ историческое изученіе русскаго языка» (вступительная лекція, СПб., 1894); П. В. Владиміровъ, «Пятидесятилѣтіе Мыслей объ исторіи русскаго языка» (очеркъ трудовъ

за 50 лѣтъ и новые матеріалы, Кіевъ, «Унив. Изв.», 1899); его же, «Научное изученіе бѣлорусскаго нарѣчія за послѣднія 10 лѣтъ» (1886—1896), въ «Учен. Зап. Киевск. Унив.» (1897); А. С. Архангельскій, «Изъ лекцій по исторіи русск. литературы. Первые труды по изученію языка» (Казань, 1898, изъ «Учен. Записокъ Казан. Унив.» за 1893—94 гг.); В. Качановскій, «Объ историческомъ изученіи русскаго языка» (Каз., 1887). С. Булыгинъ.

32) Философія. Философіей въ Россіи занимались и занимаются, но говорить о русской философіи въ томъ смыслѣ, въ какомъ говорить о французской, нѣмецкой или англійской, нельзя: національнаго философа, какимъ являются, напр., Декартъ для французовъ, Кантъ для нѣмцевъ, Ваконъ для англичанъ, въ Россіи не было. Философскія науки — *метафизика, логика, этика, психологія, исторія философіи и эстетика* — развились у насъ, какъ и на Западѣ, въ связи, главнымъ образомъ, съ университетскимъ преподаваніемъ. Съ конца XVIII-го в. всѣ теченія западно-европейской философской мысли отражались и въ русской философской литературѣ; чѣмъ тѣснѣе становилась связь умственной жизни Запада съ Россіей, тѣмъ замѣтнѣе и вліяніе философіи Запада на Р. Область философской литературы въ Р. до конца XVIII вѣка еще весьма мало изслѣдована. Первая книга, написанная кіевскими философами — «Иєнна ієропанитика или философія правосудія» имѣла преуподобленія изъясненна къ наставленію и пользѣ юнымъ, Аванасія Миславскаго, архимандрита печерскаго (Кіевъ, 1712); первый писатель, проявившій своеобразное философское дарованіе — Г. Сковорода (1722 — 1794), въ которомъ находятъ любопытное сочетаніе мистицизма съ рціонализмомъ. Сочиненія его до сихъ поръ еще не всѣ могутъ быть изданы; хорошее изданіе ихъ принадлежить проф. Багалію (Харьковъ 1894); статьи о Сковородѣ написаны Г. П. Данилевскимъ въ «Украинскій Старинѣ» (Харьковъ, 1866) и профессоромъ Зеленогорскимъ, въ «Вопросахъ Философіи и Психологіи» 1894 г. Съ открытіемъ моск. ун-в. началось свѣтское преподаваніе философіи; у насъ водворилось Вольфианство, господствовавшее то время въ Германіи; въ Р. были приглашаемы иностранные учителя или вводимы ихъ учебники (напр. Баумейстера, Винклера). Вольфианство отразилось на сочиненіяхъ Д. Анчикова и А. Бранцева. Общество, однако, находилось всецѣло подъ вліяніемъ французскихъ энциклопедистовъ; популярно и талантливо написанныя сочиненія Дидро и Вольтера были гораздо болѣе по плечу дилетантамъ изъ образованнаго общества, чѣмъ тяжеловѣсныя и скучныя учебники Волфа. На смѣну французскому вліянію явился мистицизмъ, особенно въ царствованіе Александра I. И въ этомъ направленіи, центромъ котораго сдѣлалась въ Москвѣ типографія Лопухина, руководящая роль принадлежала иностраннымъ писателямъ, Сент-Мартену и Якову Бэму (см. книгу Лонгинова: «Московскіе Мартинисты»). Вліяніе Канта сначала сказалось главнымъ образомъ на университетскомъ преподаваніи. Первый,

кто возражалъ противъ ученія Канта о пространствахъ и времени, былъ Осиповскій, профессоръ харьковскаго университета («О пространствахъ и времени», Харьковъ, 1807). Шеллингъ оказалъ вліяніе особенно на преподаваніе естественныхъ наукъ или натуръ-философіи; первымъ русскимъ шеллингианцемъ былъ проф. медико-хирургической академіи въ Спб. Данило Велланскій. Его многочисленныя сочиненія и талантливыя лекціи (о которыхъ рассказываетъ Н. Розановъ, «Русскій Вѣстникъ», 1867) производили значительное впечатлѣніе, теперь его сочиненія имѣютъ лишь историческій интересъ. Въ Москвѣ проповѣдникомъ шеллингианства былъ проф. сельского хозяйства и физики М. Павловъ (см. Е. Бобровъ, «Материалы къ исторіи русской философіи»). Съ общими философскими принципами Шеллинга знакомили публику и студентовъ А. И. Галичъ въ Петербургѣ и И. И. Давыдовъ въ Москвѣ. Нѣкоторое вліяніе Шеллинга можно замѣтить и на князѣ Одоевскомъ, Н. И. Надеждинѣ и И. М. Свирцовѣ. Меньшее вліяніе оказала философія Фихте; все же это вліяніе можно прослѣдить на О. Новицкомъ (1806—1834) и И. Михневичѣ. Англійская эмпирическая философія нашла представителей въ лицѣ протоіерея Ѳ. Ѳ. Сидонскаго, преподававшего философію въ петербургскомъ университетѣ послѣ бездѣльнаго А. А. Филера. Сочиненіе Сидонскаго: «Введеніе въ науку философіи» (СПб., 1833) до сихъ поръ сохраняетъ цѣнность. Значительнѣйшее вліяніе на русскую литературу имѣлъ Гегель: цѣлый рядъ писателей, начиная съ Герцена и кончая Н. Н. Страховымъ, находились подъ болѣе или меньшимъ вліяніемъ Гегеля. Славянофилы одинаково обязаны Шеллингу и Гегелю (см. И. Пановъ, «Славянофильство какъ философское ученіе», «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1880). Гегелианство имѣло блестящихъ представителей и въ числѣ университетскихъ представителей (С. С. Гогоцкій, Б. Н. Чичеринъ, К. Неволинъ, П. Г. Рѣдкинъ). Въ университетѣ въ духѣ гегелианства писали: Е. В. Амфитеатовъ, отчасти Н. Г. Дебольскій и В. В. Розановъ («О пониманіи», Москва, 1886). Послѣ паденія гегелевской системы наступилъ періодъ разочарованія въ философіи и вмѣстѣ съ тѣмъ періодъ господства материализма и позитивизма. Первымъ выразителемъ этого направленія былъ у насъ Н. Г. Чернышевскій; одновременно съ нимъ писали М. А. Антоновичъ и П. Л. Лавровъ. О позитивизмѣ заговорили еще раньше В. Майковъ и В. Милутичъ. Главнымъ представителемъ позитивизма слѣдуетъ считать Е. В. де-Роберти; отчасти къ этому ученію примыкаютъ Н. К. Михайловскій и В. В. Лесевичъ, въ первый періодъ его дѣятельности; впоследствии онъ сталъ сторонникомъ неокантианства, въ той формѣ, въ которой его выразилъ Авенаріусъ. Упадокъ философіи продолжался короткое время; начиная съ 70-хъ годовъ интересъ къ философіи на Западѣ и у насъ постепенно возрасталъ и выразился въ чрезвычайномъ разнообразіи направленій. Въ Р. этому оживленію способствовали университетскій уставъ

63-го года, благодаря которому появился цѣлый рядъ талантливыхъ профессоровъ по кавердѣ философіи. Въ это же время и въ духовныхъ академіяхъ появляются крупныя философскія силы. Руководящая роль въ этомъ оживленіи философіи принадлежала психологіи; ей удобнѣе всего было сломить вліяніе материализма и ослабить значеніе позитивизма, въ которомъ она не находила себѣ надежащаго мѣста. Роль психологич., первоначально критическая, съ теченіемъ времени измѣнилась; на ней самой отразилось развитіе методовъ естествознанія и она постепенно стала экспериментальной наукой. Системы Лопе, Шопенгауера и Гербарта послужили той почвой, на которой велась борьба съ материализмомъ. Первымъ выступилъ противъ материализма П. Д. Юркевичъ боровавшійся съ Н. Г. Чернышевскимъ; за нимъ пошелъ М. И. Владиславлевъ («Современныя направленія въ наукѣ о душѣ», 1866), Г. Струве («Самостоятельное начало душевныхъ явленій, психофизиологическое изслѣдованіе», Москва, 1870) и К. Д. Кавелинъ («Задачи психологіи» 1872). Англійской эмпирической психологіи также принадлежала видная роль въ реконструкціи философскихъ началъ; представителемъ этого направленія въ Россіи служилъ профессоръ московскаго университета М. И. Троицкій († 1899), выступившій съ строгой критикой нѣмецкой идеалистической психологіи («Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи», Москва, 1867) и съ защитой англійскаго эмпиризма («Наука о душѣ», Москва, 1882); того же направленія держался А. И. Смирновъ, проф. казанскаго дух. акад. Снегиревъ («Психологія», 1892) и П. Ѳ. Кантеревъ. Послѣдователей Спенсера у насъ весьма много; въ первомъ періодѣ дѣятельности Н. Я. Грота вліяніе Спенсера очевидно. Въ области историческаго изслѣдованія эволюционизмъ защищаетъ проф. Н. И. Карбевъ («Основные вопросы философіи исторіи», М., 1883, III т., СПб., 1890). Къ эволюционистамъ слѣдуетъ причислить и Л. Е. Оболенскаго. Самый видный защитникъ новокантианства въ Р.—проф. слб. университета А. И. Введенскій («Опытъ новаго построенія теоріи матеріи на принципахъ критической философіи», СПб., 1888, а также его полемика съ проф. М. И. Каринскимъ). Философское направленіе проф. дерптскаго университета Тейхмюллера нашло послѣдователя въ лицѣ А. А. Козлова («Свое Слово»), и проф. казанскаго университета А. Боброва. Наиболѣе самостоятельныя труды въ области философской мысли принадлежать В. С. Соловьеву («Критика отвлеченныхъ началъ», М., 1880; «Религіозныя основы жизни», М. 1884; «Оправданіе добра», СПб., 1887), защищающему идеалистическую философію, имѣющую но мало сходныхъ чертъ съ философіей Баадера и Шеллинга. Вліяніе В. С. Соловьева сказалося на Л. М. Лопатинѣ и кн. С. Н. Трубецкомъ. Кромѣ того здѣсь слѣдуетъ также упомянуть о трудахъ проф. моск. дух. акад. В. Д. Кудрявцевъ (см. «Полное собраніе соч. К.»). Хотя Кудрявцевъ и не отличается большой оригинальностью мысли, но защищаемый имъ трансцендентальный монотеизмъ предста-

вляеть цѣльное, продуманное рационалистическое міровоззрѣніе.

Философская переводная литература пріобрѣтаетъ у насъ особое значеніе въ виду отсутствія національной философіи. Въ харьковскомъ журналѣ «Вѣра и Разумъ» помѣщаются переводы классическихъ философскихъ произведеній, напр. Лейбница. Моск. психологическое общество, издающее журналъ «Вопросы философіи и психологіи», въ тоже время издаетъ выпусками разные классические труды по философіи (напр. пер. В. С. Соловьева «Пролегом. къ метафизикѣ Канта»). Первый философскій журналъ въ Р., «Философскій трехмѣсячникъ», издавался въ Кіевѣ въ 1885—86 гг. Въ «Трудахъ» кіевской и московской духовной литературы издается по преимуществу патристическая литература. Изъ греческихъ философовъ Платонъ переведенъ Сидоровскимъ (въ концѣ XVIII стол.) и В. Н. Карповымъ, проф. сиб. дух. акад.; новый переводъ предпринятъ В. С. Соловьевымъ (т. I, М. 1899). Изъ сочиненій Аристотеля «Политика» переведена Скворцовымъ (2 изд.), «Аналитика первая» — Н. Н. Ланге, «Этика» и «Объ истолкованіи» — Э. Л. Радовымъ, «О душѣ» — Снегиревымъ, «Категоріи» — Касторскимъ, «Поэтика» — Захаровымъ. «Разсужденіе о методѣ Декарта» переведено дважды: Снядю (издано въ Воронежѣ) и проф. Н. А. Любимовымъ, который снабдилъ переводъ обширнымъ комментариемъ. «Этика» Синюзы переводилась нѣсколько разъ (В. И. Модестовымъ и Иванцевымъ.) Избранныя сочиненія Лейбница изданы московскимъ психологическимъ обществомъ (3-й выпускъ); «Теодицея» Лейбница появилась въ переводѣ на страницахъ «Вѣры и Разума». «Опытъ о человѣческомъ разумѣнн» Локка переведенъ Савинымъ (М. 1897). Сочиненія Бэкона переведены Г. Биопковымъ, съ предисловіемъ проф. Рю. Канта переводили М. И. Владиславлевъ («Критика чистаго разума»), Смирновъ («Критика практическаго разума»); Скворцовъ перевелъ всѣ три критики. Панаевъ перевелъ нѣкоторые проведенія Фихте, Чикловъ — Эстетику и Логику Гегеля, Е. Коршъ — «Микрокосмъ» Лопе. Переведены также «Система Логики» и «Философія Гамилтона» Дж. Ст. Милля. Всего больше появилось въ Р. сочиненій по логикѣ, психологіи и исторіи. Первая исторія философіи принадлежитъ Галачу (СПб., 1819); за нею слѣдуетъ «Исторія философіи» архимандрита Гавриила (Казань, 1839). Зедергольдъ, перешедшій въ православіе и принявшій монашество, написалъ «Исторію древней философіи» (Москва, 1841). Соч. проф. Новицкаго: «Развитіе древней философіи въ связи съ религіозными представленіями» (1860—61) написано подъ вліяніемъ Гегеля; нѣкоторые его части до настоящаго времени не потеряли своего значенія. Е. В. Робертъ, въ сочиненіи «Прошедшее философіи» (М., 1886—87), проводитъ позитивный взглядъ на исторію философіи. Особенное вниманіе заслуживаетъ обширное сочиненіе В. Чичерина: «Исторія политич. ученій». Н. М. Коркуновъ написалъ «Курсъ исторіи философіи права» (СПб., 1897), въ которомъ

отведено значительное мѣсто русскимъ законовѣдамъ — философамъ. Этотъ курсъ лучше курсовъ Пиланкевича и Бершадскаго. Н. Страховъ перевелъ извѣстное изложеніе новой философіи Куно Фишера и исторію материализма Ф. Ланге. 3-й томъ Ибервега («Новая философія»), переведенъ Я. К. Колубовскимъ (2-е изд. 1899), дополнившимъ его очень цѣнными свѣдѣніями о философіи въ Россіи (глава эта переведена на нѣмцкій языкъ и помѣщена въ 104 томѣ «Zeitschrift für Philosophie und philos. Kritik»). Курсы Вебера, Вандельбандта, Шwegлера, Бауера, Фудле, Льюиса тоже переведены. Особого упоминанія заслуживаетъ соч. П. Г. Рѣдкина: «Изъ лекцій по исторіи философіи права» (древняя философія до Аристотеля включительно). Монографіи по исторіи философіи: кн. С. Трубецкаго, «Метафизика въ древней Греціи» (М., 1890); Гиларова-Платонова, два сочиненія о софистахъ (1888—91); М. М. Владиславлева, «Плотинъ» (СПб., 1868); Карянскаго, «Безоначное Анаксимандра» (СПб., 1890); Ю. Кулаковскаго, «Объ Эпикурѣ и Лукреціи»; А. Казанскаго, «Объ Аристотелѣ» (Одесса, 1891); пр. Зеленогорскаго, «Объ Аристотелеской психологіи»; Эльпидинскаго, «О Плутархѣ» (СПб., 1893); И. Чистовича, «Древне-греческій міръ и христіанство въ отношеніи къ вопросу о безсмертіи и будущей жизни человѣка» (СПб., 1891); Г. В. Малеванскаго, «Нравственные принципы и характеры древнихъ греческихъ философовъ» (Кіевъ, 1897); Бронзова, «Аристотель и Ѳома Аквинатъ въ отношеніи къ ихъ ученію о нравственности» (СПб., 1884); А. Садова, «Лактанцій» (СПб., 1895); В. С. Серебренникова, «О Локкѣ» (СПб., 1892); Н. Ланге, «Исторія нравственныхъ идей въ XIX в.» (СПб., 1888); А. Роздовъ, «Генезисъ ученія о пространствахъ и времени по Канту»; В. Соловьевъ, «Кризисъ западной философіи» (противъ позитивистовъ, М., 1874); архимандритъ Нипаноръ, «Позитивная философія и сверхчужственное бытіе» (СПб., 1875—1888); кн. Д. Цертелевъ, «Философія Шопенгауера» (СПб., 1880); его же, «О философскомъ пессимизмѣ»; Смирновъ, «Беркли» (1873); его же, «Исторія англійской этики» (т. I, Казань, 1880); С. Гогоцкій, «Философія XVII и XVIII в. въ сравненіи съ философіей XIX в. и отношеніе той и другой къ образованію» (Кіевъ, 1877—1884); В. Штейнъ, «Шопенгауеръ» (СПб., 1887); А. Введенскій, «Современное состояніе философіи въ Германіи и Франціи» (М., 1894); М. Каринскій, «Критическій обзоръ послѣдняго періода германской философіи» (СПб., 1873); Я. Озе, «Персонализмъ и проективизмъ въ метафизикѣ Лотце» (Юрьевъ, 1896); В. А. Кожевниковъ, «Философія чувства и вѣры въ ея отношеніяхъ къ литературѣ и рационализму XVIII вѣка и къ критической философіи» (ч. I, М., 1897).

Изъ болѣе старыхъ сочиненій по логикѣ упоминанія заслуживаютъ книги Новицкаго и Карпова. Логика Владиславлева (большое изданіе) имѣетъ значеніе потому, что къ ней приложена обстоятельная исторія логики, начиная отъ Аристотеля до Дж. С. Милля — единственнаго въ русской литературѣ обзоръ всей исторіи логики. Сочиненія И. Лейкфельда касаются

ся направлений въ логику и развитія индуктивной логики (1895). Э. А. Зеленогорскій написалъ: «О математическомъ, метафизическомъ, индуктивномъ и критическомъ методахъ изслѣдованія и доказательства» (Харьковъ, 1877). Въ своемъ «Учебникѣ логики» (Москва, 1885 — 1888) М. М. Троицкій слѣдуетъ англійскимъ образцамъ, главнѣйше Д. С. Милля и Вэню. На философію онъ смотритъ какъ на систему ученій о началахъ науки, заканчиваемую учениями трансцендентными, т. е. переступающими предѣлы науки. Въ сочиненіи Н. Я. Грота: «Къ вопросу о реформѣ логики» (Лпц., 1882) логика рассматривается какъ теоретическое знаніе. Не смотря на ошибочность основной мысли автора—сведенія логики къ психологіи—въ сочиненіи Грота имѣются цѣнныя психологическія замѣчанія. Самая замѣчательная русская книга по логикѣ принадлежитъ М. И. Каринскому; это—«Классификація выводовъ» (СПб., 1880), представляющая совершенно оригинальную обработку предмета. На выводъ авторъ смотритъ какъ на перенесеніе одного изъ основныхъ элементовъ готоваго сужденія въ другое сужденіе, на основаніи какого-либо отношенія между остальными элементами сужденія. Всѣ выводы дѣлятся на два класса: выводы, представляющіе перенесеніе предиката съ одного субъекта на другой и основывающіеся на сличеніи субъектовъ, и выводы, основывающіеся на сличеніи предикатовъ и представляющіе перенесеніе субъекта. Взглядъ свой Каринскій обосновываетъ критикою силлогистическаго ученія.

Психологическая литература нѣсколько богаче, чѣмъ логическая. Архимандритъ Гавриилъ написалъ «Основанія опытной психологіи» (СПб., 1858). Опытнымъ этотъ курсъ названъ въ томъ значеніи, въ которомъ въ 50-хъ годахъ понимали этотъ терминъ въ примѣненіи къ психологіи, т. е. въ смыслѣ внутренняго опыта, самонаблюденія. Большимъ значеніемъ пользовалась книга К. Ушинскаго: «Человѣкъ какъ предметъ воспitanія. Опытъ педагогической антропологіи» (СПб., 1873). П. Каптеревъ, въ «Педагогической психологіи» (1877), придаетъ значеніе англійской психологіи и подробно рассматриваетъ фізіологическую подкладку явленій. Экеблатъ, авторъ «Опыта обзорной и биологико-психологическаго изслѣдованія способностей человѣческаго духа»—шведшгiанецъ; главная его работа—выясненіе смысла разныхъ видовъ душевной дѣятельности. Н. Гротъ написалъ «Психологію чувствованій въ ея исторіи и главныхъ основахъ» (СПб., 1880). Историческая часть этой книги представляетъ несомнѣнную цѣнность; въ положительной части авторъ является зависимымъ отъ Спенсера. Общая мысль «Психологіи» М. Владиславлева (СПб., 1881) состоитъ въ томъ, что воля принадлежитъ главенство во всей психической области. Въ ученіи объ ассоціаціяхъ есть правильныя и тонкія замѣчанія. Въ другомъ сочиненіи: «Современныя направленія въ наукѣ о душѣ» (СПб., 1886) Владиславлевъ даетъ подробный очеркъ исто-

рій психологіи. М. Троицкому принадлежатъ два сочиненія по психологіи: «Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи» (М., 1867; хорошее изложеніе англійской психологіи и пристрастная критика нѣмецкой) и «Наука о душѣ» (М., 1882; психологія въ англійскомъ духѣ, съ попыткой сведенія психическихъ явленій къ ассоціаціямъ). Третій выпускъ «Трудовъ москов. психол. общества» (М., 1889) содержитъ въ себѣ статьи о свободѣ воли Н. Грота, Л. М. Лопатина, Н. В. Бугаева, С. С. Корсакова, А. А. Токарскаго, П. Е. Астафьева, Г. Челпановъ, въ соч.: «Проблема воспріятія пространства въ связи съ ученіемъ объ апіорности и врожденности» (часть I), доказываетъ, что два измѣренія непосредственно даны въ зрительномъ воспріятіи, а третье есть результатъ умозаключенія. Сочиненіе Н. Н. Ланге: «Психологическія изслѣдованія, законъ перцепціи, теорія волевого вниманія» (Одесса, 1893)—до настоящаго времени единственный у насъ трудъ по экспериментальной психологіи, имѣющей несомнѣнную цѣнность. Много психологическаго матеріала содержитъ въ себѣ книга Д. Дриля: «Малолѣтніе преступники» (М., 1884—90). Наконецъ, упоминанія заслуживаютъ «Теорія волевыхъ представленій» (СПб., 1892), Т. Соловьева, и работы М. Манасеиной: «О сознаніи» (М., 1896) и «Сонъ, какъ треть жизни человѣка» (СПб., 1892), съ богатыми библиографическими указаніями.

Сочиненій по *эстетикѣ* на русскомъ яз. немного (о первыхъ попыткахъ по эстетикѣ см. ст. Колубовскаго въ «Ж. М. Н. П.», 1890). Одно изъ первыхъ по времени сочиненій принадлежитъ А. Галичу: «Опытъ науки изящнаго» (СПб., 1825). Исторію эстетики Галичъ дѣлитъ на три періода; третій періодъ—полнаго владычества разума—открытъ Платономъ, продолженъ Лессингомъ, Гердеромъ, Шлегелемъ и др.; въ духѣ этихъ писателей и сочинена эстетика Галича. Въ соч. Розберга: «О развитіи изящнаго въ искусствахъ и особенно въ словесности» (Дерптъ, 1839) замѣтно вліяніе Гегеля. Въ 1854 г. А. Никитенко на актѣ слб. университета произнесъ рѣчь «О началѣ изящнаго въ наукѣ». Годъ спустя появился извѣстное сочиненіе Чернышевскаго: «Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности», а также его разборъ перевода: (В. Ордынскаго) «Эстетики» Аристотеля. Въ 1878 г. Вл. Вильямовичъ издалъ «Психологическія основанія эстетики» (СПб.). Самое заглавіе показываетъ направленіе труда; красота сводится къ понятію пользы и наслажденія. Нѣкоторые метафизическія начала эстетики излагаютъ В. С. Соловьевъ («Красота въ природѣ», «Смыслъ искусства», «Смыслъ любви», въ «Вопр. Филос. и Психологіи», 1889—94). В. А. Гольцевъ написалъ «Объ искусствѣ. Критическая замѣтка» (М., 1890). Подробный курсъ эстетики принадлежитъ А. И. Смирнову («Эстетика какъ наука о прекращеніи въ природѣ и искусствѣ. Фізіологическія и психологическія основанія и законы красоты и ихъ приложеніе по эстетической теоріи музыки и живописи», Казань, 1894). Точка зрѣнія его характеризуется слѣдующими

словами: «эстетическія чувства относятся къ разряду удовольствій и страданій слѣдовательно, какими-бы особенностями ни отличались наши чувства изящества и красоты, они должны подчиняться общимъ законамъ удовольствій и страданій». Въ соч. Боброва: «О понятіи искусства» (Юрьевъ, 1894) къ сферѣ эстетики примѣняется принципъ философіи Гейхмюллера. Упоминанія заслуживаетъ еще работа Л. Саккетти: «Изъ области эстетики и музыки» (СПб., 1896). Большое вниманіе обратила на себя ст. Л. Н. Толстого «Объ искусствѣ» («Вопр. Филос. и Психол.» 1898 и отд.). Точка зрѣнія Толстого имѣетъ нѣкоторое сходство со взглядами, которыя высказывалъ Гюйо въ своихъ трудахъ по эстетикѣ. По исторіи *этики* (кромя переводныхъ соч., въ родѣ Юдлая) имѣется книга М. Олесницкаго: «Исторія нравственности и нравственныхъ ученій» (часть I, Киевъ, 1882). А. Мальцевъ, въ «Нравственной философіи утилитаризма» (СПб., 1879) даетъ историческій обзоръ утилитарной нравственности, начиная отъ софистовъ и Аристотеля и кончая Спенсеромъ, а затѣмъ критическій разборъ основныхъ началъ нравственной философіи утилитаризма. О сочиненіи А. И. Смирнова по англійской этикѣ упомянуто выше. А. Кунцину принадлежатъ сочиненіе: «Право естественное» (М. 1878), Мокіевскому—«Цѣнность жизни» (СПб., 1884), Н. М. Минскому—«При свѣтѣ совѣсти» (СПб. 1890), Н. Г. Дебольскому: «О высшемъ благѣ или о верховной цѣли нравственной дѣятельности» (СПб., 1886). Счастье, по Дебольскому, есть соединеніе наименьшей возможной мѣры страданія съ наибольшею возможною мѣрою положительнаго удовольствія. Въ соч. Вл. С. Соловьева: «Оправданіе добра. Нравственная философія» (СПб., 1897) разбираются первичныя данныя нравственности—аскетическое начало, жалость и религиозное начало. Корень всякой нравственности—въ религиозномъ началѣ. Иванъ Поповъ («Естественный нравственный законъ», Сергѣевъ Посадъ, 1897) задается вопросомъ о томъ, въ какихъ свойствахъ человѣческой природы коренится нравственный законъ, понимаемый въ смыслѣ внутреннего побужденія къ добру. Давъ нѣчто въ родѣ феноменологіи нравственныхъ явленій, на основаніи ихъ историческихъ формъ, авторъ замѣчаетъ, что нравственность вытекаетъ изъ основнаго стремленія человѣческаго духа къ гармоніи, порядку, единству.—Свѣдѣнія о русскихъ философскихъ трудахъ можно найти въ упомянутыхъ въ текстѣ сочиненіяхъ архимандрита Гавріила и Я. Н. Колубовскаго; сверхъ того см. «Материалы для исторіи философіи въ Р.» (въ «Вопр. философіи и психологіи»); А. Введенскій, «Судьба русской философіи» (тамъ же) и статьи М. Филиппова о русской философіи (въ «Научномъ Обзорніи») и Е. Бобровъ, «Материалы къ исторіи русской философіи» (въ «Казанск. Университетскихъ Извѣстіяхъ»). Э. Р.

33) Соціологія. Эта молодая наука, развившаяся преимущественно за послѣдніе тридцать лѣтъ, имѣетъ въ Россіи нѣсколькихъ представителей. Первыми ея пионерами

у насъ были не присяжные ученые, а литературные дѣятели, выступавшіе, съ конца шестидесятыхъ годовъ, главнымъ образомъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» и «Знаніи». Скоро у насъ сдѣлалась возможной рѣчь объ особой русской соціологической школѣ, которая называется также субъективной. Приминая, прежде всего, къ «Курсу положительной философіи» Конта, представители этой школы отнеслись критически и вполне самостоятельно къ основнымъ положеніямъ основателя соціологіи. Главною задачею русской соціологіи въ семидесятыхъ годахъ было, съ одной стороны, примѣненіе къ изученію общественныхъ явленій принциповъ эволюціонизма, потребовавшее критики основныхъ положеній Спенсера и дарвинистическихъ взглядовъ въ соціологіи, а съ другой— разработка сравнительнымъ методомъ данныхъ этнографіи, фольклора, до-исторической археологіи и исторіи культуры, въ цѣляхъ соціологическаго знанія. Изъ отдѣльныхъ важныхъ вопросовъ русскіе соціологи этого періода занимались въ особенности ролью личности въ исторіи и опредѣленіемъ того законнаго субъективизма, который неизбѣженъ въ соціологіи. Къ этому времени относятся первыя соціологическія работы П. Лаврова (подъ псевдонимомъ Миртова) и Н. К. Михайловскаго, а также и «Соціологическіе этюды» С. Н. Южакова. Нѣсколько позднѣе приняли участіе въ разработкѣ соціологическихъ вопросовъ представители университетской науки. Уже въ 1870 г. въ диссертациі В. И. Сергѣевича: «Задача и метода государственныхъ наукъ» Конту и его соціологическому методу было отведено почетное мѣсто. Въ восьмидесятыхъ годахъ Н. И. Карвѣевъ сдѣлалъ предметомъ своей докторской диссертациі («Основные вопросы философіи исторіи») примѣненіе новыхъ соціологическихъ взглядовъ къ старой проблемѣ философіи исторіи, а съ начала девятидесятыхъ годовъ читалъ въ свб. унив. и небольшие соціологические курсы (изъ нихъ образовалась книга: «Введеніе въ изученіе соціологіи»). Соціологическое мышленіе сильно сказалось на общихъ теоріяхъ права С. А. Муромцева и Н. М. Коркунова. Другое направленіе соціологіи на университетской кафедрѣ въ Москвѣ было представлено юристомъ М. М. Ковалевскимъ, который изложилъ свои основныя взгляды въ брошюрѣ: «Историко-сравнительный методъ въ соціологіи и приемы изученія права» и написалъ рядъ работъ по эволюціи социальныхъ формъ. То же направленіе представлялъ собою и экономистъ Н. И. Зиберъ («Очерки первобытной экономической культуры»). Оба направленія соціологіи только дополнялись одно другимъ и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда расходились между собою по отдѣльнымъ пунктамъ, не вступали во враждебныя отношенія. Въ девятидесятыхъ годахъ въ русской соціологіи произошелъ расколъ. Именно въ это десятилѣтіе выступили въ литературѣ представители экономическаго матеріализма, напавшіе на «субъективную школу», какъ на школу, съ ихъ точки зрѣнія, не научную и отстающую (П. В. Струве, Н. Бельтовъ и др.). Господствовавшее до тѣхъ поръ

въ русской социологіи направлѣніе, стремившееся къ синтезу позитивизма Конта, эволюціонизма Дарвина и Спенсера, экономическихъ формулъ Маркса, сравнительно-историческаго изученія культурныхъ и социальныхъ фактовъ и современныхъ этическихъ и социальныхъ идей, ближайшую основу социологіи полагало въ психологіи, понимая это слово въ самомъ широкомъ смыслѣ. Новое направлѣніе, опирающееся главнѣйшимъ образомъ на Маркса и Энгельса, основу всего общественнаго развитія усматриваетъ въ экономическихъ отношеніяхъ. Въ полемикѣ, вызванной появленіемъ этого новаго направлѣнія, особенно важное мѣсто (кроме, конечно, вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ между экономикою и другими сторонами общественной жизни) принадлежитъ вопросамъ о роли личности въ исторіи и о субъективизмѣ въ социологіи. Субъективную школу экономическіе матеріалисты отождествляютъ съ «народничествомъ», но ихъ противники протестуютъ противъ этого. Сочиненія по социологіи (въ алфавитномъ порядкѣ): Арнольдъ, «Задачи пониманія исторіи»; Бельговъ, «Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію»; Глинка, «Наука о человѣческомъ обществѣ»; Де-Роберти, «Социологія»; Звѣревъ, «Основанія классификаціи государствъ въ связи съ общимъ ученіемъ о классификаціи»; Зябровъ, «Очерки первобытной экономической культуры»; Каблицъ, «Основы народничества»; Карбевъ, «Основные вопросы философіи исторіи», «Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи», «Историко-философскіе и социологическіе этюды», «Старые и новые этюды объ экономическомъ матеріализмѣ», «Введеніе въ изученіе социологіи»; М. Ковалевскій, «Историко-сравнительный методъ въ юриспруденціи и примѣны изученія права», «Современный обычай и древній законъ», «Первобытное право», «Очеркъ происхожденія семьи и собственности»; Коркуновъ, «Лекціи по общей теоріи права»; Лесевичъ, «Опытъ критическаго изслѣдованія основаній позитивной философіи»; Лиліенфельдъ, «Мысли о социальной наукѣ будущаго»; Миртовъ (Лавровъ), «Задачи позитивизма и ихъ рѣшеніе», «Историческія письма», «Опытъ исторіи мысли», «Цивилизація и дикія племена», «Формула прогресса г. Михайловскаго», «До человѣка»; Милуковъ, «Очерки по исторіи русской культуры» (введеніе); Михайловскій, «Аналогическій методъ въ общественной наукѣ», «Что такое прогрессъ?»; «Борьба за индивидуальность», «Герои и толпа», «Органъ, недѣлимое, общество», «Теорія Дарвина и общественная наука», «Идеалы человѣчества и естественный ходъ вещей», «Политическая экономія и общественная наука» и мн. др.; Муромцевъ, «Очерки общей теоріи гражданскаго права», «Опредѣленіе и основное раздѣленіе права»; Николаевъ, «Активный прогрессъ и экономическій матеріализмъ»; Оболенскій, «Организмъ и органическая теорія», «Личность и прогрессъ», «Субъективный и объективный методы въ социологіи», «Что такое прогрессъ?», «Самосознаніе классовъ въ общественномъ

прогрессѣ», «Новый расколъ въ нашей интеллигенціи», «Народники и марксисты»; Писаревъ, «Историческія идеи Огюста Конта»; Сергѣевичъ, «Задача и метода государственныхъ наукъ»; Слонимскій, «Основные вопросы политики»; Смолюковский, «Ученіе О. Конта объ обществѣ», «Изложеніе началъ позитивной философіи и социологіи Конта»; Стронинъ, «Исторія и методъ», «Политика, какъ наука», «Исторія общественности»; Струве, «Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Р.»; Чичеринъ, «Социологія»; Юлаковъ, «Социологическіе этюды», «Общежитіе и обществовъдніе»; Юзовъ (Каблицъ), «Социологическіе этюды». Весьма обширна переводная литература по социологіи (соч. Милля, Спенсера, Тарда, Фулье, Гиддинга и др.); въ скоромъ времени будетъ изданъ и русск. переводъ Конта. Болѣе подробныя указанія на оригинальную и переводную литературы см. въ «Введеніи въ изученіе социологіи», Карбева.

Н. К.

34) Философія и энциклопедія права. Ученіе естественнаго права стало проникать въ Россію съ начала XVIII в. По приказанію Петра I была переведена книга Пuffендорфа «О должностяхъ человѣка и гражданина по закону естественному» (СПб., 1726); ея же придерживались профессоры академіи наукъ. Гроссъ и первый московскій профессоръ Дильтей; самостоятельное изложеніе теоріи естественнаго права сдѣлано В. Золотницкимъ въ соч.: «Сокращеніе естественнаго права» (СПб., 1764). Во второй половинѣ XVIII в. является стремленіе къ историческому изученію права: его держались А. Польшовъ и С. Десницкій. Возрѣвшій Хр. Вольфъ на естественное право придерживались проф. московскаго университета Шаденъ, Баузе, Шнейдеръ. Проф. петербургскаго университета Куницынъ въ соч. «Естественное право» (СПб., 1818—20) излагалъ ученіе Канта. Изъ философскихъ ученій, господствовавшихъ въ Германіи въ XIX стол., наибольшее значеніе среди русскихъ юристовъ имѣло ученіе Гегеля: наиболѣе вѣрными, хотя и самостоятельнымъ послѣдователемъ Гегеля является Б. Чичеринъ въ своихъ соч.: «Курсъ государственной науки» (1894—98), «Философія права» и др. Существуетъ еще «Исторія философіи права», Пилипеневича (Кіевъ, 1870). Университетскимъ уставомъ 1884 г. упразднена самостоятельная кафедра исторіи философіи права, и профессорами предоставлено читать необязательныя лекціи, но лишь въ предѣлахъ древней исторіи. Съ конца XVIII в. началось преподаваніе энциклопедіи права. Первоначально подъ этимъ именемъ подавался краткій обзоръ, конспектъ другихъ юридическихъ наукъ; затѣмъ энциклопедія получила характеръ самостоятельной дисциплины, имѣющей своей задачей выясненіе общей связи различныхъ вопросовъ, изучаемыхъ спеціальными науками въ отдѣльности. Первыми въ Р. профессорами юридической энциклопедіи были Баузе, читавшій свои лекціи по Стефану Пюттеру, и Пургольдъ. Первымъ печатнымъ курсомъ энциклопедіи является соч. Дегая: «Пособія и правила изученія рос-

ейских законовъ или материалы къ энциклопедіи, методологіи п исторіи руссiйскаго права» (1831). Съ изданіемъ университетскаго устава 1835 г. энциклопедія права была введена въ число обязательно преподаваемыхъ предметовъ, при чемъ она понималась какъ «общее обзорніе системъ законовѣднiй». Изъ послѣдующихъ сочиненій большое научное значеніе имѣлъ въ настоящее время уже устарѣвшiй трудъ Неволіна: «Энциклопедія законовѣднiй» (Кіевъ, 1839—40). Неволіиъ — послѣдователь Гегеля, хотя не безусловный; энциклопедія его состоитъ изъ философскаго введенія, въ которомъ выясняется понятіе права, исторіи философіи законовѣднiй и исторіи положительнаго законовѣднiя. Соч. Рождественскаго: «Энциклопедія законовѣднiй» (СПб., 1863) имѣетъ исключительно догматическiй характеръ; она состоитъ изъ философскаго введенія, въ духѣ ученія Фихте младшаго, п изъ обзорнiя содержанія отдѣльныхъ юридическихъ наукъ. У новѣйшихъ русскихъ юристовъ почти общепринято отождествленіе энциклопедіи права съ общей его теоріей: такъ, соч. Капустина—«Юридическая догматика» (1868), Ренненкамппа «Очерки юридической энциклопедіи» (2 изд., Кіевъ, 1880) и «Курсъ юридической энциклопедіи» (2 изд., Кіевъ, 1898) представляютъ только общее ученіе о правѣ; съ точки зрѣнiя философской они имѣютъ эклектическiй характеръ. Наиболѣе вѣятельнымъ профессоромъ энциклопедіи права былъ П. Г. Рѣдкинъ, всегда стремившiйся ставить свою науку въ живое соприкосновеніе съ современностью; передъ смертію онъ издалъ 7 выпусковъ, «Изъ лекцій по философіи права» (1889—91). Самостоятельными изслѣдователями въ области общаго ученія о правѣ являются Н. М. Коркуновъ и С. А. Муромцевъ. Первый началъ «Энциклопедію права» (СПб., 1883) и «Лекціи по общей теоріи права» (5 изд., 1898); второй: «Опредѣленіе и основное раздѣленіе права» (М., 1879), «Ученіе нѣмецк. юристовъ объ образованіи права» (М., 1886) и др. Оба они въ изученіи права отводятъ широкое мѣсто исторію-соціологическимъ элементамъ. Рядъ блестящихъ страницъ по общимъ вопросамъ права содержится по введенію къ лекціямъ по гражданскому праву Н. Л. Дювернуа (СПб., 1889), являющагося противникомъ іеринговской теоріи права. Такимъ же противникомъ іеринговскихъ воззрѣній выступилъ С. В. Пахманъ въ рѣчи «О современномъ движеніи въ наукѣ права» (СПб., 1882), на которую Муромцевъ отвѣтилъ этюдомъ: «Что такое догма права? Полемика эта обратила на себя вниманіе и за границею. «Энциклопедія права» Карасевича (1872) даетъ почти одно только введеніе. Въ «Очеркахъ энциклопедіи права» Деларова (1878, не оконч.) право разсматривается какъ одинъ изъ элементовъ общественной жизни, на ряду и въ связи съ ними. Статья проф. Звѣрева: «Энциклопедія права въ ряду юридическихъ наукъ» («Юридическiй Вѣстникъ», 1880, № 1), въ противоположность господствующему среди русскихъ юристовъ мнѣнію, проводитъ взглядъ о необходимости

сохранити различіе между философіей п энциклопедіей права. Изъ иностранныхъ энциклопедій на русск. языкъ переведены «Юридическая энциклопедія» Аренса (М., 1862—63) и «Энциклопедія государственныхъ наукъ» Моля (1867).

35) Русское государственное право. Въ этой области есть нѣсколько заслуживающихъ вниманія попытокъ дать систематическое обзорнiе нашего государственнаго устройства и управленія, но вмѣстѣ съ тѣмъ она крайне бѣдна монографіями и даже журнальными статьями, посвященными разработкѣ отдѣльныхъ вопросовъ. Существоетъ немало работъ по положительному государственному праву западныхъ державъ, по его литературѣ; о нѣкоторыхъ государствовѣдахъ Германіи, напримѣръ Л. Штейна, у насъ имѣется нѣсколько работъ; не очень богата количественно, но весьма высока по своимъ достоинствамъ литература исторіи русскаго государственнаго права (работы Градовскаго, Сергѣевича, Петровскаго, Романовича-Славатинскаго и мн. др.)—но догма дѣйствующаго русскаго права и теоретическая разработка отдѣльныхъ его институтовъ еще ожидаютъ монографической разработки. Серьезная, имѣющая научное значеніе разработка вопросовъ русскаго государственнаго права начинается лишь съ шестидесятыхъ годовъ нашего столѣтія: до того времени всѣ сочиненія по госуд. праву представляли въ лучшемъ случаѣ обстоятельный сухой пересказъ дѣйствующихъ законовъ.

Въ эпоху до изданія Полнаго Собранія и Свода Законовъ, наше законодательство, частью разбѣянное по отдѣльнымъ номерамъ «Сенатскихъ Вѣдомостей», частью расцѣпикованное отдѣльными оттисками указовъ сената, а главнымъ образомъ состоявшее въ Высочайшихъ указахъ и повелѣніяхъ, сообщавшихся лишь подлежащему вѣдомству, для населенія фактически было почти недоступнымъ. Основною задачею русскихъ юристовъ являлось тогда собраніе сырого законодательнаго матеріала и внѣшнее систематизированіе его. Первымъ опытомъ въ этомъ родѣ было «Краткое руководство къ руссiйскимъ правамъ», составленное для цѣлей академскаго преподаванія въ 1748 — 1755 гг. академикомъ Штрубе-де-Пирмонтомъ, съ 1738 г. занимавшимъ кафедръ правовѣднiй въ слб. академіи наукъ. Работа эта, только отчасти посвященная государственному праву, осталась неоконченною и ненапечатанною, такъ какъ въ 1755 г. академія признала систематическую сводку дѣйствующихъ законовъ дѣломъ бесполезнымъ. При учрежденіи моск. университета на профессоровъ юридическаго факультета была возложена обязанность читать, между прочимъ, и *политику*, но, за отсутствіемъ специальныхъ преподавателей, государственныя науки, въ качествѣ особой дисциплины, студентамъ въ XVIII вѣкѣ не читались. По уставу дерптскаго университета 1803 г. и по общему уставу русскихъ университетовъ 1804 г., на факультетѣ «нравственныхъ и политическихъ наукъ» преподавалось «право политическое». Въ эту эпоху въ исторіи науки

права въ Р. наибольшее значеніе имѣлъ московскій университетъ, профессора котораго — Дильтей, Десницкій, Сандуновъ, Цвѣтаевъ и др. — хотя сами и не оставили печатныхъ трудовъ по русскому госуд. праву, но дали своими лекціями сильный толчекъ къ его разработкѣ. Ученику Десницкаго, З. Горюшкину; принадлежатъ первое печатное систематическое изложеніе русскаго законодательства: «Руководство къ познанію Россійскаго законодательства». Четыре переплетовъ, 1811—1816. Къ госуд. праву относится преимущественно четвертый «переплетъ». Материала тутъ сведено довольно много, но систематизація самая грубая, обобщеній и руководящихъ идей почти вовсе нѣтъ. «Законоискусство» носить по преимуществу практическій характеръ, равно какъ и другая работа, пользовавшаяся въ то время значительно извѣстностью: «Систематическое собраніе Россійскихъ законовъ съ присовокупленіемъ правилъ и примѣровъ изъ лучшихъ законоучителей, расположенное трудами С. Халылева», 1817—1819. Несравненно болѣе догматическій характеръ имѣютъ описанія русскаго государственнаго строя, данныя адъюнктомъ Моск. университета И. Васильевымъ, сначала въ актовъ рѣчи, произнесенной имъ въ 1824 г. («О духѣ законовъ, нынѣ существующихъ въ Россійскомъ государствѣ»), а затѣмъ въ «Новѣйшемъ руководствѣ къ познанію Россійскихъ законовъ» 1826 г., при чемъ въ «Руководствѣ» имѣется и краткая исторія законодательства. Изданіе въ 1832 г. Полнаго Собранія и Свода Законовъ весьма значительно облегчило работу юристовъ и должно было, повидимому, дать сильный толчекъ дальнейшему развитію науки госуд. права. Къ тому же; по мысли Сперанскаго, нѣсколько молодыхъ людей, въ томъ числѣ Неводинъ, Рѣдкинъ и др., тогда же были посланы въ Берлинъ для подготовки, подъ руководствомъ Савиньи, къ каедрамъ на юридическія факультетахъ. Но общественныя условія того времени были настолько неблагоприятны для развитія политическихъ и государственныхъ наукъ, что, не смотря на притивъ въ наши университеты новыхъ научныхъ силъ, отъ времени появленія Свода до шестидесятихъ годовъ явились лишь два руководства по государственному праву: «Опытъ государственнаго права Россійской Имперіи», К. Д. Дюгамеля (1833), гдѣ имѣется попытка дать самостоятельную систему изложенія русскихъ законовъ, и «Руководство къ познанію законовъ», О. Проскурякова, представляющее безвѣстный пересказъ статей Свода, но тѣмъ не менѣе выдержавшее два изданія.

Эпоха «великихъ реформъ» въ нашемъ государственномъ правѣ является, вмѣстѣ съ тѣмъ, началомъ научной его разработки. Возникновеніе ряда вопросовъ, требовавшихъ теоретическаго освѣщенія, и существенное измѣненіе цензурныхъ условій естественно дали сильный толчекъ государственнымъ наукамъ. Въ это время у насъ впервые появляются монографіи по вопросамъ государственнаго права: напр. вокругъ земской реформы располлагаются труды И. Е. Андреевскаго «О

намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ», А. В. Лохвицкаго — «Губернія, ея земскія и правительственныя учрежденія» (1864), кн. А. И. Васильчикова — «О самоуправленіи» (1870 — 1871). Къ этому времени относятся и появленіе систематическихъ, научно разработанныхъ курсовъ русскаго государственнаго права. Первымъ изъ нихъ является «Русское государственное право», И. Е. Андреевскаго (1866). Вышедшій первый томъ этого труда стоитъ внѣ всякаго сравненія со всѣмъ, что раньше появлялось у насъ же въ томъ родѣ, но, какъ первый опытъ научной разработки русскаго государственнаго права, онъ страдаетъ многими существенными недостатками: отдѣльныя учрежденія и институты освѣщены лишь съ исторической точки зрѣнія; теоретическая разработка вопросовъ права и сравнительное ихъ изученіе выдѣлены почти цѣликомъ въ пространное введеніе и не составляютъ одного органическаго цѣлаго съ изложеніемъ дѣйствующаго права. Слѣдующимъ по времени является также оставшееся не оконченнымъ (вышли только 2 выпуска) «Пособіе для изученія русскаго государственнаго права» Романовича. Славатинскаго (1871) — работа по преимуществу описательнаго характера, со многими весьма интересными и цѣнными историческими сопоставленіями, но почти вовсе безъ теоретическаго освѣщенія и юридическаго анализа разсматриваемыхъ вопросовъ. Въ 1886 г. появилось новое изданіе перваго выпуска «Пособія», подъ заглавіемъ: «Система русскаго государственнаго права въ его историко-догматическомъ развитіи, сравнительно съ государственнымъ правомъ Зап. Европы». Это — единственная въ русской учебной литературѣ попытка исполнить выраженное, послѣ изданія новаго университетскаго устава, министерствомъ народнаго просвѣщенія требованіе — считать истиннымъ предметомъ науки о государствѣ существо русскаго монархическаго начала. Наиболѣе крупнымъ явленіемъ въ литературѣ русскаго государственнаго права слѣдуетъ признать «Начала русскаго госуд. права», проф. А. Д. Градовскаго. Хотя и этотъ курсъ остался неоконченнымъ (авторъ не успѣлъ дать обзора нашего городского и земскаго самоуправленія, крестьянскихъ и городскихъ сословныхъ учрежденій, но появившіеся три тома охватываютъ матеріалъ несравненно болѣе обширный, чѣмъ предшествовавшие курсы, дававшие лишь общій очеркъ государственнаго устройства Имперіи и организаціи нѣкоторыхъ центральныхъ учреждений. Въ «Началахъ» I томъ (1875) заключается въ себѣ общее ученіе о законѣ и описаніе государственнаго устройства Р., томъ II (1876, третье изд. 1887) — государственную службу и центральныя установленія, т. III (1883) — мѣстное управленіе. Самою сильною стороною «Началъ» является догматическое и историческое освѣщеніе основныхъ вопросовъ нашего государственнаго права — заслуга тѣмъ болѣе крупная, что многіе изъ деталей разработанныхъ проф. Градовскимъ вопросовъ, наиболѣе существенныхъ и характерныхъ для нашего государственнаго строя, вовсе до тѣхъ поръ не были предметомъ научнаго изслѣдо-

ванія (напр. ученіе о государственной службѣ и сословіяхъ). Не меньшее значеніе имѣютъ и историческіе очерки; по нѣкоторымъ вопросамъ (сенатъ, сословія) они обращаются въ блестящія историческія монографіи. Теоретическое освѣщеніе разсматриваемыхъ вопросовъ далеко не всегда стоитъ на такой же высотѣ; юридическія конструкціи, вообще значительно менѣе интересующія автора, тоже не всегда удовлетворительны. Слѣдующіе затѣмъ по времени курсы русскаго государственнаго права — Сокольскаго, Эйхельмана, Алексѣева, Куплевасскаго, Иванова — значительнѣе уступаютъ «Началамъ», какъ по полнотѣ содержанія, такъ и по научнымъ достоинствамъ. Непропорціональность частей, недостаточно подробное изложеніе многихъ существенныхъ вопросовъ, отсутствіе ясно проведенной основной идеи, неудовлетворительность многихъ юридическихъ конструкцій — все это, въ различной степени, свойственно всѣмъ названнымъ курсамъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ замѣтно, при томъ, поверхностное знакомство съ существующими въ наукѣ государственнаго права теоріями и господствующими въ ней теченіями. Отъ этихъ курсовъ весьма выгодно отличается «Русское Государственное право» проф. Н. М. Коркунова (2 тома, 1892). Юридическая конструкція государства, какъ юридического отношенія, объектомъ котораго является властвованіе, а субъектами — граждане, конструкція весьма своеобразная, хотя и довольно спорная, послѣдовательно развиваемая въ курсѣ, является руководящею его идеею, связывающею его въ одно органическое цѣлое. Въ юридической конструкціи отдѣльных институтовъ и въ весьма цѣннымъ иногда теоретическомъ ихъ освѣщеніи виденъ тонкій юрискъ, знатокъ положительнаго права Р. и западныхъ державъ и существующихъ въ наукѣ права теорій. Непропорціональность отдѣльных частей курса объясняется тѣмъ, что детальнѣе всего въ немъ разработаны вопросы, представляющіе наибольшій теоретическій или общественный интересъ. Принадлежащая автору юридическая теорія государства болѣе подробно развита въ монографіи его: «Указъ и Законъ» (1894), содержащей въ себѣ, сверхъ того, весьма цѣнную теоретическую и догматическую (по законодательствамъ русскому и главнѣйшихъ западно-европейск. державъ) разработку вопроса о соотношеніи закона и административнаго распоряженія. О литературѣ государственнаго права см. статью Коркунова въ III т. «Сборника государственныхъ знаній»; Романовичъ-Славатинскій, «Система русскаго государственнаго права» (I, 9—33); Коркуновъ, «Русское государственное право» (I, 108—132).

36) Полицейское право — см. XXIV, 324—325.

37) Церковное право. Преподаваніе церковнаго права впервые введено было митроп. Платономъ (Левшиннымъ) въ моск. дух. академіи въ 1776 г. Въ 1798 г. св. синодъ распорядился, чтобы и въ прочихъ дух. академіяхъ преподавалось церковное право по инструкціи, составленной митроп. Платономъ для моск.

академіи. По этой инструкціи преподаваніе сводилось къ объясненію Кормчей книги. Съ преобразованіемъ въ 1810 г. духовно-учебныхъ заведеній церковное право введено было въ кругъ наукъ богословскихъ, а программа для систематическаго его изложенія составлена была въ 1814 г. архим. Филаретомъ (Дроздовымъ). Въ 1835 г. преподаваніе церковнаго права было введено и въ университетахъ, но первоначально лишь какъ часть богословія, обязательная для однихъ только студентовъ-юристовъ православнаго исповѣданія; съ 1863 г. ей посвящена самостоятельная кафедра на юридическомъ факультетѣ. Первая въ Россіи ученая работа въ области церковнаго права вызвана была практическими потребностями комиссіи составленія законовъ, которой понадобилось сличить постановленія византийскаго права съ ихъ слѣдами въ нашихъ законахъ; въ результатъ появилось «Обозрѣніе кормчей книги въ историч. видѣ» (М., 1829). Первымъ опытомъ систематическаго изложенія церковныхъ законовъ, но безъ всякаго историческаго освѣщенія, являются «Записки по церковному законовѣдѣнію», профессора кievскаго унив., протоіерея І. М. Сковорода (Кіевъ, 1848; 3 изд., 1861). Прочное основаніе изученію церковнаго права положилъ широко задуманный «Опытъ курса церковнаго законовѣдѣнія» (СПб., 1851—52) еп. Іоанна (Соколова), который поставилъ себѣ задачею обозрѣть источники церковнаго права какъ въ историческомъ отношеніи (т. е. по ихъ происхожденію), такъ и въ каноническомъ (т. е. по ихъ содержанію и важности). Въ 1872 г. издано въ русск. переводѣ «Краткое изложеніе каноническаго права единой, святой, соборной и апостольской церкви», румынскаго митроп. Шагуны, представляющее собою смѣсь догматики съ церковнымъ правомъ. Затѣмъ проф. моск. унив. Н. К. Соколовъ предпринялъ въ 1874—75 гг. изданіе своихъ лекцій по церковному праву, но успѣлъ напечатать лишь два выпуска, изъ которыхъ первый содержилъ введеніе въ церковное право, а второй представляетъ собою трактатъ о церковномъ обществѣ. Въ 1882 г. вышелъ краткій курсъ лекцій по церковному праву свящ. Альбова. За нимъ слѣдовали: «Курсъ общаго церковнаго права» проф. М. Богословскаго (М., 1885), «Краткій курсъ церковнаго права правосл. греко-росс. церкви, съ указаніемъ главнѣйшихъ особенностей католическаго и протестантскаго церковнаго права», казан. проф. И. С. Бердникова (Каз., 1888, дополн. 1889), «Курсъ церковнаго права» проф. Н. С. Суворова (Яросл., 1889—90), который впоследствии напеч. и «Учебникъ церковнаго права» (Яросл. 1898). Изъ другихъ профессорско-канонистовъ М. Остроумовъ напеч. «Введеніе въ православное церковное право» (т. I, Харьк., 1893), Н. Заозерскій — «Историческое обозрѣніе источниковъ права православной церкви» (вып. 1, М. 1891), Лашкаревъ — «Право церковное въ его основахъ, видахъ и источникахъ» (Кіевъ, 1889); въ послѣднемъ проводится мысль о томъ, что изученіе права правосл. церкви должно быть поставлено на почву «автентичной юриспруденціи» и вестись съ точки зрѣнія

юридическихъ принциповъ римско-визант. императоровъ и древнихъ отцовъ церкви (объ этомъ см. И. Бердникова, «Архаическое направление въ церковномъ правѣ», Каз., 1896). Изъ монографическихъ работъ по церковному праву на первый планъ должны быть поставлены изслѣдованія московскаго проф. А. С. Павлова († 1898 г.), который поставилъ себѣ задачей общее изученіе исторіи византійскаго права, свѣтскаго и церковнаго, у южныхъ славянъ и въ Россіи. Много потрудились А. С. Павловъ и надъ подготовкою и разработкою матеріаловъ для созданія догматической системы права отечественной церкви. Сюда относятся два изслѣдованія его: «Номоканонъ при Большомъ Требникѣ» (Одесса, 1872; нов. совершенно переработанное изданіе М., 1897) и «50-я глава Кормчей книги, какъ историческій и практический источникъ русскаго брачнаго права» (М., 1887). Весьма важны и труды А. С. Павлова по исторіи русск. церковнаго права—обширное изслѣдованіе о секуляризациі церковныхъ земель въ Р. (ч. 1, 1871), образцовое изданіе памятниковъ древне-русск. каноническаго права, частью имъ же открытыхъ (въ VI томѣ «Русской Историч. Библиотеки», изд. археографич. комиссіей, СПб., 1880) и др. М. И. Горчакову принадлежатъ монографіи: «Монастырскій приказъ» (СПб., 1868), «О земельныхъ владѣніяхъ всеросс. митрополитовъ, патріарховъ и св. Синода, 988—1738» (СПб., 1871), «О тайнѣ супружества» (СПб., 1880); Н. С. Суворову—«О церковныхъ наказаніяхъ» (СПб., 1876), «Объемъ дисциплинарнаго суда и юрисдикціи церкви въ періодъ вселенскихъ соборовъ» (Ярославль, 1884) и «Слѣды западно-католическаго церковнаго права въ памятникахъ древняго русскаго права» (Ярославль, 1888). По поводу послѣдняго изслѣдованія возникла полемика между Суворовымъ и Павловымъ, на статью котораго въ «Чтеніяхъ общ. люб. духовн. просв.» (1891, № 11—12) первый отвѣтилъ брошюрою: «Къ вопросу о западн. вліяніи на древне-русск. право» (Ярославль, 1892). Монографіи по праву правосл. церкви какъ въ предѣлахъ Р., такъ и внѣ ея принадлежатъ Т. В. Барсову («Константинопольскій патріархъ и его власть надъ русск. церковью», СПб., 1878; А. С. Павловъ усмотрѣлъ въ этой книгѣ «теорію восточнаго папизма»), Заозерскому («Церковный судъ въ первые вѣка христіанства», Кострома, 1878; «О церковной власти», Сергіевъ Посадъ, 1894), Никольскому («Греческая кормчая книга Пидальонъ», М., 1888), Курганову (объ устройствѣ церкви королевства греческаго), Пальмову (объ устройствѣ церкви болгарской, сербской), Красножену (объ Аристидѣ, Зографѣ и Вальсамонѣ) и др. Т. В. Барсовъ издалъ «Сборникъ дѣйствующихъ и руководственныхъ церковныхъ и церковно-гражданскихъ постановленій по вѣдомству православнаго исповѣданія» (СПб., 1887). Въ 1880 г. св. синодъ приступилъ къ изданію «Полнаго собранія постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Росс. Имперіи» съ 1720 г.; до сихъ поръ вышло 7 томовъ. По церковно-общественнымъ вопро-

самъ наиболѣе выдаются статьи Т. И. Филиппова («Сборникъ», СПб., 1896). Однимъ изъ крупнѣйшихъ русскихъ канонистовъ долженъ быть признанъ покойный архіеп. виленскій Алексій (А. Θ. Лавровъ), который одно время былъ профессоромъ церковнаго права въ моск. дух. академіи. Ему принадлежатъ два анонимныхъ сочиненія: «Предполагаемая реформа церковнаго суда» (вып. I — 2, СПб., 1873) и «Чего желать для нашей церкви» (вып. I—II, 1882—85). Первое изъ нихъ направлено противъ проекта оберъ-прокурора св. синода гр. Д. А. Толстого, клонившагося къ освобожденію свѣтскихъ лицъ отъ церковной подсудности (по дѣламъ бракоразводнымъ и др.) и, главнымъ образомъ, къ коренному преобразованію духовнаго суда, въ смыслѣ перенесенія судебной власти отъ епархіальныхъ архіереевъ въ выборные пресвитерскіе суды. Однимъ изъ поборниковъ реформы былъ моск. проф. Н. К. Соколовъ, напечатавшій рядъ статей о духовномъ судѣ въ «Православномъ Обзорникѣ» (1870—71).

38) Наука гражданскаго и римскаго правъ. Характерной особенностью русскаго юридическаго развитія въ теченіе очень долгаго времени является отсутствіе не только у массы населенія, но и у высшихъ классовъ потребности привести въ извѣстность существующее въ отечествѣ право и точно установить по крайней мѣрѣ обыденныя юридическія отношенія между гражданами. Въ то время какъ на Западѣ при первыхъ же зачаткахъ организованной государственной жизни выдвигаются на первый планъ не только юристы-практики, но и теоретики, сочиненія которыхъ получаютъ значеніе руководства въ судахъ иногда наравѣтъ съ закономъ или взаимно его, Россія до второй половины XVIII в. не даетъ ни одного не только выдающагося, но и вообще сколько-нибудь образованнаго юриста; не появляется въ Р. ни одного юридическаго трактата, хотя-бы самаго элементарнаго состава. *Дѣла и подѣлы*, единственные юристы-дѣльцы древней Руси до начала XVIII столѣтія, не обладають ни общими, ни юридическимъ образованіемъ; простая грамотность, дѣловой навыкъ и опытъ, смѣлливость составляютъ ихъ единственное достоинство и руководство при рѣшеніи подчасъ сложныхъ государственныхъ и частно-правовыхъ вопросовъ. Въ русскихъ училищахъ до Петра Великаго не преподавалось не только право, но даже этика. Лишь въ грамотѣ, данной въ 1682 г. царемъ Федоромъ греко-славянскій академіи, устанавливалась обязанность преподавать «ученіе правосудія духовнаго и мірскаго», но въ дѣйствительности этого не было. Въ 1708 г. было открыто въ Москвѣ такъ наз. «Нарышкинское» училище, въ которомъ нѣкто Іоаннъ Рейхмутъ преподавалъ «изъ философіи дѣлительныя этику и политику»; въ 1715 г. это училище было закрыто. Съ начала XVIII ст. потребность въ сколько-нибудь образованныхъ юристахъ-практикахъ становится все настоятельнѣе, вынуждая правительство принимать мѣры къ организаціи болѣе правильной подготовки судей и чиновниковъ административныхъ вѣдомствъ. Подготовку

юристов-практиков правительство думало устроить путем прикомандирования молодых дворян (юнкеров) къ административнымъ и судебнымъ учреждениямъ, для занятій подъ надзоромъ опытныхъ служащихъ. По Генеральному Регламенту коллегіи юнкеровъ учреждаются во всѣхъ коллегіяхъ; табель о рангахъ предписываетъ учредить краткую школу для обученія тому, «что касается до праваго суда» и вообще «что колезскимъ правленіямъ принадлежитъ». Это практическое обученіе дѣлопроизводству и законоискусству существуетъ въ теченіе всего XVIII стол., при чемъ число обучающихся растетъ настолько, что становятся излишними принудительныя мѣры. Обученіемъ заведывали секретари и повѣтки; за «лѣность и гулянье» даже двадцатилѣтніе юноши подвергались тѣлесному наказанію. Недовлетворительность такого обученія праву сознается въ теченіе всего XVIII стол. и выражается княземъ Щербатовымъ въ слѣдующихъ словахъ: означенные юнкеры, «не имѣвъ... воспитанія, ниже зная грамматику и логику, начинаютъ съ простыхъ писцовъ свою службу и производятъ ее далѣе. Вся жизнь ихъ употреблена на списываніе и напамянованіе законовъ, не оставляя имъ ни малѣйшаго времени на разсмотрѣніе ихъ. И тако становятся весьма памятные на законы, но не искусные въ познаніи ихъ». Уже Петръ I проектировалъ учредить въ Р. «академію политики», для изученія юридическихъ наукъ. Въ 1721 г. была основана школа подъячій для дѣтей приказныхъ, гдѣ обученіе было практическимъ; въ 1722 г. въ инструкціи герольдмейстеру проектируется учрежденіе «краткой школы для изученія гражданскихъ дѣлъ», не осуществленное въ дѣйствительности. Юридическое обученіе вводится въ общія школы, а также въ кадетскій корпусъ, гдѣ съ самаго его основанія читалось естественное и гражданское право, а съ 1748 г. предписано читать «подлежащее» къ знанію гражданскихъ правъ уставы, регламенты и указы». Съ 1724 г. при академическомъ университетѣ учреждается каедръ «права натуры и публичнаго кунно съ политикою и этикою». Съ 1758 г. въ академіи, подъ управленіемъ Ломоносова, создается и юридическій факультетъ, гдѣ Бекенштейнъ читалъ «*institutions juris*» и «*introductio ad praxim forensem*», а Штрубе—права натуральное и народное; раньше онъ читалъ въ академіи и право гражданское. Преподаваніе юриспруденціи въ академическомъ университетѣ успѣха, однако, не имѣло: въ 1765 г. здѣсь былъ, напр., лишь одинъ студентъ. Последовательное развитіе изученія права начинается только съ учрежденіемъ московскаго университета, въ которомъ уже при его основаніи было введено, рядомъ съ правомъ естественнымъ и общенароднымъ, и изученіе «положительныхъ правъ», т. е. римскаго и русскаго гражданского и уголовного. Первое время ихъ, вмѣстѣ съ правомъ естественнымъ и общенароднымъ, преподаетъ Дильтей, а затѣмъ появляются въ качествѣ профессоровъ воспитанники московскаго универ., Десницкій и Третьяковъ; первый читаетъ пандекты

и русское право, второй — институты. Въ 1788 г. отдѣльное отъ римскаго преподаваніе русскаго гражданского права и судопроизводства («практической российской юриспруденціи и судопроизводства») начинается колл. регистраторъ И. Аничковъ, съ 1790 по 1811 г. продолжаетъ Горюшкинъ. Римское и русское право вмѣстѣ въ 80-хъ гг. XVIII стол. читаютъ иностранцы Пургольдъ, Шнейдеръ, Баузе и Штейнберъ. Каедръ римскаго права изъ русскихъ занимаетъ одинъ Цвѣтаевъ; русское право послѣ Горюшкина преподаетъ снова практически, а не теоретически Сандуновъ. Поздѣе выступаетъ одинъ только неспосредственный и теоретически широко образованный ученикъ Цвѣтаева и Дегаля, Морощкинъ. Съ основаніемъ университетовъ въ Петербургѣ, Харьковѣ и Казани теоретическое изученіе римскаго и русскаго права развивается еще больше, но привлеченіе достаточно подготовленныхъ профессоровъ въ эти университеты встрѣчаетъ большія затрудненія. Съ 1803 по 1820 г. «положительныя права» въ слѣб. унив. преподаетъ иностранецъ Кукольникъ; съ 1820 г. его замѣняетъ на каедрѣ римскаго права оставецъ В. В. Шнейдеръ, остающійся на ней до 1861 г. и замѣняемый оставцемъ по происхожденію, хотя и воспитанникомъ слѣб. унив., Дорномъ. Каедръ русскаго права послѣ Кукольника занимаетъ С. Г. Боголюбовъ, совсѣмъ къ ней не подготовленный теоретически; съ 1832 г. онъ замѣняется бар. Е. В. Врангелемъ, воспитанникомъ дерптскаго унив., плохо знавшимъ русскій языкъ. Въ Харьковѣ и Казани, кромѣ иностранцевъ (Гомперле, Филипповичъ, Швейкартъ, Финке, Нейманъ, Врангель) римское право преподаютъ учителя гимназій (Пауловичъ въ Харьковѣ, Лукашевичъ въ Казани).

Сознаніе потребности въ опредѣленіи своихъ правъ съ половины XVIII в. ясно сказывается и въ обществѣ. Въ одномъ изъ проектовъ («О правахъ благородныхъ»), представленномъ въ Екатерининскую комиссію, указывается на то, что старое уложеніе царя Алексѣя «начинается опредѣленіемъ наказаній за преступленія, но имѣетъ-ли кто къ чему либо право или чѣмъ кто обязанъ, о томъ тамъ умалчивается, какъ-бы на то особое уложеніе уже предварительное издано было, равнымъ образомъ и въ послѣдующихъ указахъ весьма многое случайно запрещено, *но того трудно сыскать, по какому праву остальнымъ то поизуется*». Зарождающаяся юриспруденція, въ лицѣ какъ русскихъ своихъ представителей, особенно Десницкаго и Третьякова, такъ и иностранныхъ профессоровъ—Дильтея, Баузе и др.,—широко ставитъ задачи насажденія правового сознанія въ Р. Гражданское и римское право занимаютъ лишь часть программы, въ составъ которой входитъ изученіе не только отвлеченныхъ началъ естественнаго права, но и западно-европейскаго государственнаго и частнаго права, въ его историческомъ развитіи. Первые русскіе юристы не стремятся къ тому, чтобы перенести на русскую почву пѣликомъ западное правосозерцаніе, а хотятъ создать самостоятельную

философію права, которая могла-бы имъ объяснить сходства и отличія русской жизни сравнительно съ западно-европейской (особ. Десницкій). Осуществить эту задачу русскимъ ученымъ конца XVIII и первой четверти XIX в. не удалось; этому мѣшала, кромѣ политическихъ условий, недостаточная разработка не только историческихъ матеріаловъ, но и источниковъ дѣйствующаго русскаго права. Изъ учебной литературы перваго періода для римскаго права характерны: «Краткое очертаніе римскихъ и російскихъ правъ» (1777), ученика Дильтея, Артемьева; «Основанія римскаго права», перев. съ латинскаго Ѳ. Ленкевича (1809—10); переводъ учебника Макельеда, сдѣланный Цвѣтаевымъ; три самостоятельныхъ учебника послѣдняго по римскому праву; «Начальныя основанія римскаго права» (СПб., 1810) Кукольника. Памятниками практическаго преподаванія русскаго права остались «Руководство къ познанію російскаго законоискусства» и «Описаніе судебныхъ дѣйствій» Горюшкина, а теоретическаго — «Краткое руководство къ систематическому познанію гражданскаго права Россіи», проф. Терлаича, «Начальныя основанія російскаго частнаго права», Кукольника и «Опытъ начертанія російскаго гражданскаго права», Вельяминова-Зернова, юриста-практика, принимавшаго непосредственное участіе въ законодательныхъ работахъ. Широко образованные учителя могли передать свои взгляды отдѣльнымъ ученикамъ, приготавливавшимся къ кафедрѣ, но не могли, по условіямъ времени, дать большаго числа подготовленныхъ юристовъ. Не только въ началѣ вѣка, поэтому, пришлось выписывать для законодательныхъ работъ бар. Розенкампа, но и въ эпоху подготовки Полнаго собранія и Свода Законовъ недостатки юристовъ ощущались настолько, что дажѣ Сперанскому основаніе написать слѣдующія слова: «Обученіе російскаго законовѣдѣнія въ университетахъ нашихъ доселѣ не могло имѣть успѣха по двумъ причинамъ — по недостатку учебныхъ книгъ и по недостатку учителей. Двѣ учебныя книги, одну для учителей, другую для учащихся, необходимо нужно составить. Трудъ сей немаловаженъ, но составленіемъ сводовъ и уложеній онъ будетъ облегченъ... Приготовленіе учителей представляется болѣе трудностей. Здѣсь должно начать почти съ самаго перваго образованія. Должно сперва снабдить каждый университетъ двумя или хотя однимъ русскимъ профессоромъ правъ, приготовленнымъ исключительно для сей части. Къ сему приготовленію наши университеты мало представляютъ способовъ. Въ нихъ есть кафедры римскаго права, но въ петербургскомъ, харьковскомъ и казанскомъ университетахъ это пустой обрядъ: ибо какъ учиться римскому праву безъ латинскаго языка? Въ другихъ университетахъ можетъ быть болѣе успѣховъ: въ Дерптѣ въ правахъ римскомъ и нѣмецкомъ, въ Вильнѣ въ римскомъ и польскомъ, но, къ сожалѣнію; нигдѣ въ російскомъ». Сперанскій проецируетъ, поэтому, усиленіе состава профессоровъ путемъ посылки нѣсколькихъ молодыхъ людей за гра-

ницу. Посылка состоялась, и съ этого времени начинается новая эпоха въ развитіи русскаго jurisprudence вообще, и въ изученіи римскаго и гражданскаго права въ особенности. Въ первую очередь за границу были посланы Невольнѣ, Богородскій, Благотѣщенскій, Знаменскій, Орнатскій (о ходѣ ихъ образованія см. Невольнѣ), во вторую — Крыловъ, Рѣдкинъ, Мейеръ, Осокинъ, А. Куницынъ, Ѳедотовъ-Чеховскій и Краппихфельдъ. Къ тѣмъ изъ этихъ лицъ, которые заняли кафедры гражданскаго и римскаго права, примыкаютъ группы учениковъ, составившихъ себѣ имя въ русской научной цивилистической литературѣ. Непосредственно съ Невольнымъ связанъ своей плодотворной дѣятельностью И. Е. Энгельманъ; по направленію къ Невольнѣ близки Митюковъ, Никольскій, Демченко и Загоровскій. Съ Крыловымъ связаны Кавелинъ, Дювернуа, Муромцевъ, Умовъ, Боголюбовъ, Нерсесовъ, Тамбаровъ, съ Мейеромъ — Видинъ, Пахманъ и Малышевъ; къ послѣднимъ примыкаютъ Цитовичъ, Гольмстенъ, Шершеневичъ. Особнякомъ отъ этой непосредственной преемственности стоятъ Дорнъ, Голевинскій, Побѣдоносцевъ, Ефимовъ и нѣк. др. Посылка за границу упомянутыхъ выше лицъ состоялась въ эпоху расцвѣта исторической школы права, сильной не только своими идеями, но и покровительствомъ, которое оказывали ей ученымъ правительства, въ томъ числѣ и русское, взявшее на себя задачу руководить насажденіемъ этого ученія въ умѣхъ профессоровъ черезъ попоченіе учителей учебныхъ округовъ*). Въ духѣ идей этой школы, соответственно видамъ правительства, должны были быть воспитаны и посланные въ Берлинъ лица. Политическія тенденціи отразились, однако, лишь въ незначительной мѣрѣ на научной и преподавательской дѣятельности названныхъ лицъ, проявившихъ большую научную самостоятельность. Ученые, занявшіеся разработкой исторіи русскаго гражданскаго права, — а въ эту область внесли свою дань и романтисты, — пытались не только возстановить, подобно представителямъ нѣмецкой исторической школы, составъ фактовъ старой юридической жизни, но и освѣтить смыслъ историко-юридическаго развитія Р. Главный представитель романизма, проф. Крыловъ, съ самаго начала своей дѣятельности, перенесъ центръ тяжести изученія римскаго права съ абстрактной догматики на историческую почву. Ученики Неволь-

*) О политическихъ тенденціяхъ исторической школы, въ огромной мѣрѣ способствовавшихъ посылкѣ за границу русскихъ молодыхъ ученыхъ при имп. Николаѣ I, А. Мейеръ совершенно справедливо пишетъ слѣдующее: «Историческая школа, руководившаяся политическими стремленіями по крайней мѣрѣ въ такой же степени, какъ и научными, съ самаго начала была склонна къ возведенію авторитета. Сочиненія ея основателей учили почти безпримечательно покровленію предъ исторически образованными учрежденіями народовъ, слѣпому восхищенію римской классической jurisprudence и подчиненію безъ критики... Правительства изъ политическихъ видовъ поддерживали это направленіе тѣмъ, что въ учебныхъ планахъ отводили самое широкое мѣсто историческимъ дисциплинамъ права, тогда какъ критическія, особенно философскія были оттуда изгнаны или лишены почти всякаго значенія» («Задачи совр. jurisprudence»).

лина и Крылова продолжали их дѣятельность, примкнувъ, въ значительномъ большинствѣ, къ новымъ теченіямъ историко-юридической мысли во Франціи, Англіи и Германіи, и расширивъ область исторіи римскаго и русскаго права сравнительнымъ изученіемъ права другихъ культурныхъ народовъ и общей культурной исторіи. Обиліе задачъ, поставленныхъ русской жизни съ конца 50-хъ годовъ, широкое поле практической дѣятельности, открывшееся съ введеніемъ судебныхъ уставовъ и отвлекшее многихъ отъ ученой работы, послужили причиной тому, что результаты научной разработки римскаго и гражданскаго права не соответствуютъ силамъ и талантамъ творцовъ русской юриспруденціи. Ихъ огромная заслуга въ всякомъ случаѣ останется то, что они сумѣли подготовить и воспитать достойныхъ проводниковъ въ жизнь и вѣрныхъ хранителей принциповъ, лежащихъ въ основаніи преобразованій импер. Александра II. Труды нашихъ ученыхъ юристовъ сосредоточены по преимуществу въ юридическихъ журналахъ, возникшихъ для живого общенія между университетскою наукою и практикой («Журналъ Мин. Юстиціи» старой и новой редакціи, «Юридическій Вѣстникъ», изданіе спб. юрид. общества, выходившее подъ разными названіями). Практическая юриспруденція также выдвинула рядъ писателей, оказавшихъ крупныя услуги наукъ. Среди нихъ на первомъ мѣстѣ долженъ быть поставленъ покойный Оршанскій. Принципіальныя точки зрѣнія на задачи судьи-цивилиста развиты въ своемъ «Отчетѣ судьи» А. Л. Боровиковскій. Съ начала 90-хъ годовъ начинается новый періодъ въ разработкѣ русскаго и римскаго права. Несовѣршенства русскаго гражданскаго права, отсутствіе практическаго значенія ретедированнаго въ Германіи римскаго и въ связи необходимыхъ преобразованій русскаго гражданскаго законодательства съ общими вопросами русской политической и общественной жизни направляли вниманіе юристовъ школы Неволіна, Крылова и Мейера въ сторону вопросовъ *de lege ferenda* гораздо болѣе, чѣмъ въ сторону ученія *de lege lata*. Въ этомъ отношеніи ихъ не увлекъ на другую дорогу и капитальный трудъ Побѣдоносцева, проникнутый консервативными тенденціями. Такое настроеніе цивилистической литературы еще болѣе усиливало въ молодыхъ юристахъ интересъ къ социально-политическимъ наукамъ, который, въ силу условій русской жизни, и безъ того былъ великъ. Притокъ новыхъ ученыхъ силъ къ изученію римскаго и гражданскаго права, вслѣдствіе этого, уменьшился. Во времени введенія въ дѣйствіе новаго университетскаго устава, чрезвычайно расширившаго изученіе догматики римскаго и русскаго права, не оказалось въ наличности достаточнаго количества ученыхъ силъ. Министрство народнаго просвѣщенія, въ видахъ подготовки преподавателей гражданскаго права, учредило семинарію въ Берлинѣ, куда и отправлены были цѣлыя группы молодыхъ людей изъ разныхъ университетовъ. Здѣсь они должны были учиться догматикѣ римскаго права и чтенію римскихъ источниковъ; другіе

предметы изученія, въ противоположность тому, что имѣло мѣсто при командировкѣ Неволіна и его товарищей, были старательно удалены изъ программы. Не принято было даже предложеніе Виндгейда включить въ программу, для избѣжанія односторонности, изученіе германскаго національнаго права. Рядъ возвратившихся изъ Берлина молодыхъ людей заняли кафедры и доцентуры въ русскіхъ университетахъ: Гриммъ и Петражицкій въ Петербургѣ, Соколовскій въ Москвѣ (раньше въ Кіевѣ), Гуляевъ, Зелеръ и Покровский въ Кіевѣ, Дыновскій и Пергаментъ въ Одессѣ, Тиле и Колатинскій въ Казани, Пассекъ и Кривцовъ въ Юрьевѣ (Дерптѣ), Кассо въ Харьковѣ. Эта школа юристовъ дала уже рядъ научныхъ трудовъ по римскому праву, написанныхъ въ общемъ духѣ господствующей германской догматической литературы. Отдѣльныя лица изъ среды новой школы успѣли, однако, заявить себя оригинальностью мысли, внести нѣкоторыя свѣжія мысли въ старую нѣмекую догму и возвыситься до болѣе общихъ задачъ изученія права въ связи со всей культурною жизнью. Русская наука гражданскаго права, повторяя, въ общемъ, смѣну западно-европейскихъ школъ (естественнаго права, исторической и историко-философской), сохраняя, такимъ образомъ, опредѣленную традицію и самостоятельность развитія, чуждаясь одностороннихъ увлеченій и не забывая конкретныхъ задачъ русской дѣятельности. Она выдвигаетъ на первый планъ общіе вопросы и стремится заложить прочный философскій фундаментъ изученія, выяснитъ методы его и опредѣлитъ какъ факторы правообразованія вообще, такъ и основныя методы юридическаго творчества (труды Кавелина, Муромцева, Гамбарова, Пахмана). Въмѣстѣ съ тѣмъ она разрабатываетъ тѣ частные вопросы, на которыхъ особенно ясно видна разница принципіальныхъ точекъ зрѣнія (вопросы владѣнія въ трудахъ Морозкина, Митюкова, Муромцева, корреальныхъ и солидарныхъ обязательствъ въ трудѣ Дювернуа, представительства и *negotiorum gestio* въ трудахъ Нерсесова, Гордона, Эвхарго, Гамбарова, историческіе вопросы сравнительнаго характера въ трудахъ Муромцева, Боголѣпова, Ефимова, Доримедонтова, Покровскаго, связь права съ экономикой въ трудахъ Гримма и Петражицкаго и т. д.), и, наконецъ, создаетъ общіе курсы.

Литература. Неволінъ, «Энциклопедія законовѣднія» (II); Благовѣщенскій, «Исторія и методъ науки законовѣднія въ XVII в.» (въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» за 1835 г.); Станиславскій, «О ходѣ законовѣднія въ Р.» (СПб., 1853); Шершеневичъ, «Наука гражд. права въ Р.» (Казань, 1893); Лаппа-Данилевскій, «Полное собраніе законовъ, сост. въ царств. имп. Екатерины II» (СПб., 1898); Коркуновъ, «Десницкій, первый проф. права»; его же, «З. А. Горюшкинъ, російскій законоукусникъ» (въ «Журн. Мин. Юстиціи», 1894, № 2 и 1895, № 7). *В. Некаевъ.*

39) Наука гражданскаго судопроизводства. До изданія судебныхъ уставовъ 1864 г. литература гражданскаго процесса въ Р.

была весьма незначительна, не смотря на то, что въ университетахъ уже съ давнихъ поръ преподавалось гражданское судопроизводство, существовали и курсы судопроизводства (Дегай, «Учебная книга российского гражд. судопроизводства», 1840; Кукольникъ, «Основаніе рос-произвѣйскаго судопр.», М., 1832; Барадиновъ, «Дѣлопроизводство и т. д.», СПб., 1857 и др.). Больше значенія, чѣмъ эти курсы, имѣютъ появившіяся тогда изслѣдованія по вопросамъ исторіи процесса, напр. соч. Дмитріева—«Исторія судебныхъ инстанцій и т. д.» (М., 1859), Пахмана—«О судебныхъ доказательствахъ по древнерусскому праву» (М., 1851), Кавелина—«Основныя начала русскаго судоустройства и гражданскаго судопроизводства въ періодъ до Уложения до Учрежденія о губерніяхъ» (М., 1844). Послѣ введенія судебной реформы первой попыткой систематической научной разработки всего матеріала гражд. судопроизводства является «Курсъ» Малышева (СПб., 1874—79). Курсъ Гольмстена: «Учебникъ русскаго гражданскаго судопроизводства» (3 изд., СПб., 1899)—первый въ русской литературѣ опытъ философскаго построенія науки русск. гражд. процесса, исходящій изъ установленнаго Бюловымъ понятія процессуальнаго отношенія. Фальковскому принадлежатъ «Лекціи судоустройства и гражд. судопроизводства» («Юр. Вѣстн.», 1875—76), Малинину—«Теорія гражд. процесса» (Одесса, 1881), Нефедьеву—«Задача и элементы науки гражд. процесса» (Казань, 1883), Адамовичу—«Пособіе къ лекціямъ рус. гражд. судопроизводства» (СПб., 1891) и «Очеркъ русск. гражд. процесса» (СПб., 1894). Изъ пблѣдующихъ практическихъ разработокъ системы русскаго гражданскаго процесса выделяются: Анненковъ, «Опытъ-комментарія къ уст. гражд. судопр.» (СПб., 1878—87); Вербловскій, «Движеніе русскаго гражд. процесса, изложенное на одномъ примѣрѣ» (2 изд., 1889—пособіе для уясненія хода процедуры въ общихъ судебныхъ установленіяхъ); Исаченко, «Гражданскій процессъ. Практическій комментарий» (Минскъ, 1893); Носенко, «Производство гражд. дѣлъ въ общихъ судебныхъ установленіяхъ» (М., 1894). Лучшія справочныя изданія—Думаевскаго («Систематическій сводъ рѣшеній кас. сац. дѣтовъ», 4 изд., СПб., 1881); Поворинскаго и Шайкевича («Систематическій сборникъ рѣшеній гражд. кас. дпт.», т. II, судопроизводство, СПб., 1880), Алексѣева («Руководство для мировыхъ судей, тязущихся п судебныхъ приставовъ», М., Вит. и СПб., 1879—91); Боровиковскаго («Уставъ гражд. судопр., съ объясненіями по рѣшеніямъ гр. кас. дпт.», 10 изд., СПб., 1898). Монографіи по отдѣльнымъ вопросамъ гражданскаго процесса: Митюковъ, «О собственномъ признаніи, какъ доказательствѣ по дѣламъ гражданскимъ» (К., 1847); Вишнѣвъ, «Третейскій судъ по русскому праву» (М., 1856); Зарудный, «Охранительные законы частнаго гражданскаго права» (СПб., 1859); Демченко, «Историческія изслѣдованія о наказаніяхъ свидѣтелей» (К., 1859); Фриде, «Положеніе о несостоятельности торговой и неторговой» (М., 1869); Хоткевичъ, «Вводъ во владѣніе недви-

жимымъ имуществомъ и удостовѣреніе въ безвѣстномъ отсутствіи» (М., 1873); его же, «Выкупъ родовыхъ имуществъ и охранительное судопроизводство» (М., 1863); Миловиловъ, «Законная сила судебныхъ рѣшеній по дѣламъ гражданскимъ» (Яр., 1875); Малининъ, «Судебное признаніе въ гражданскихъ дѣлахъ» (Одесса, 1877); Рихтеръ, «Объ огражденіи правъ кредиторовъ въ случаѣ смерти должника» (СПб., 1882); Васильевъ и Тепферъ, «Судебные сроки по дѣламъ гражданскимъ и торговымъ» (СПб., 1884); Гольмстенъ, «Ученіе о правѣ кредитора опровергать юридическіе акты, совершенные должникомъ въ его ущербъ, въ современной русской литературѣ» (СПб., 1893); Мордухай-Болатовскій, «Замѣтка для руководства судебныхъ приставовъ въ ихъ служебной дѣятельности» (СПб., 1888); Дерюжинскій, «Отводы и возраженія по русскому гражданскому процессу» (СПб., 1889); Шершеневичъ, «Ученіе о несостоятельности» (Каз., 1890); Нефедьевъ, «Къ учению о сущности гражданскаго процесса. Соучастіе въ гражд. процессѣ» (Каз., 1891); Носѣнко, «Производство судебно-межевыхъ дѣлъ въ судебныхъ установленіяхъ» (СПб., 1892); Флексоръ, «Отмѣна рѣшеній по просьбѣ третьихъ лицъ, не участвовавшихъ въ дѣлѣ» (СПб., 1894); Загоровскій, «Очерки гражд. судопроизводства въ новыхъ административныхъ учрежденіяхъ» (Од., 1892). Ср. Поворинскій, «Систематическій указатель русской литературы по судоустройству и судопроизводству гражданскому и уголовному» (СПб., 1896).

40) Торговое право и торговое судопроизводство. Первые попытки открыть курсъ торговаго права, въ видѣ дополнительнаго къ курсу гражданскаго права, были сдѣланы Цитовичемъ, въ 1873 г. (въ новороссійскомъ унив.), и Малышевымъ въ 1875 г. (въ свѣт. унив.), но оставлены были въ самомъ началѣ. Инициатива учрежденія особой кафедры торговаго права принадлежитъ училищу правовѣдѣнія (1883). Университетскій уставъ 1884 г. установилъ спеціальную кафедру торговаго права на всѣхъ юридическихъ факультетахъ. Въ результатѣ появились руководства: Вашилова («Русск. торговое право», 1888; неоконч.), Некрасова («Торговое право», 1896), Шершеневича («Учебникъ русскаго торговаго права», 1896 и 1899), Цитовича («Учебникъ торговаго права», 1891). Еще раньше Цитовичъ изд. «Лекціи по торговому праву» (1873). На наиболѣе капитальныхъ трудахъ Цитовича и Шершеневича не могло не отразиться ничтожное содержаніе юридическаго матеріала въ нашемъ торговомъ законодательствѣ, тогда какъ на Западѣ именно кодификація вызывали оживленную разработку торговаго права. Цитовичъ въ своихъ построеніяхъ исходилъ или изъ нормъ иностранныхъ кодексовъ, или изъ теоретическихъ положеній, и начертанный имъ картина торгово-юридическаго быта не вполнѣ соответствуетъ русской дѣятельности; Шершеневичъ наполняетъ свой курсъ положеніями общегражданскаго права и данными нашей судебной практики по торговымъ дѣламъ, рѣдко основывающейся на нормахъ нашего торговаго обычнаго права. Законъ возлагаетъ на бир-

живые комитеты «составление сводовъ торговыхъ обычаевъ», но попытки, какія дѣлались въ этомъ направленіи петерб. биржевымъ комитетомъ, были безуспѣшны (см. Золотаревъ, «Сображенія о способахъ и порядкѣ кодификаціи торговыхъ обычаевъ», 1877). Одинъ только рижскій биржевой комитетъ собираетъ и кодифицируетъ торговые обычайскія биржи и периодически публикуетъ ихъ въ приложеніяхъ къ издаваемымъ имъ, на нѣм. яз., ежегоднымъ отчетамъ. Попытка юридической разработки торговыхъ обычаевъ сдѣлана въ «Очеркахъ по русск. торговому праву», Гольмстена (1895). Мартенсомъ изд. «Опытъ комментарія русск. торгового права на основаніи судебныхъ рѣшеній» (1880). Сборники судебныхъ рѣшеній: «Практика слѣб. коммерч. суда 1872—81 гг.»; Носенко, «Сборникъ рѣшеній Сената по коммерч. дѣламъ» (1878—82); Гребнеръ, «Практика IV деп. и общ. собранія сената по торговымъ дѣламъ 1889—97 гг.»; Вильсонъ, «Судебная практика по торговымъ дѣламъ» (1896). Монографіи по торговому праву: Шершеневичъ, «Система торговыхъ дѣйствій» (1888); Ниссоловичъ, «О торговыхъ книгахъ» (1893); труды Гордона и Рабиновича въ области частнаго желѣзнодорожнаго права; Гельбоке, «Торговое право и гражданское уложеніе» (1884). Последній высказывается за включеніе матеріала торгового права въ гражданское уложеніе. Такое единство частнаго права отстаивается и Пахманомъ, Шершеневичемъ и др. и проводится обнародованнымъ въ 1899 г. проектомъ обязательственнаго права, выработаннымъ комиссіей по составленію гражд. уложенія. За особость торговаго права стоять Петражицкій, Туръ, Удинцевъ и др. На русск. языкъ переведено соч. Гарейса, «Германское торговое право» (1893—95). Торговому судопроизводству посвященъ отдѣлъ въ «Курсѣ гражд. судопр.» Малышева. Сюда же относятся еще: Малышевъ, «Историч. очеркъ конкурснаго процесса» (1871); Гольмстенъ, «Историческій очеркъ русскаго конкурснаго процесса» (1888); Шершеневичъ, «Конкурсное право» (1898); Вильсонъ, «Судебная практика по дѣламъ о торговыхъ администраціяхъ и несостоятельности» (1897). Существуетъ еще краткій «Учебникъ торговаго права и судопроизводства», Вальдберга (1899). По вексельному праву, кромѣ литературы, указанной въ ст. Вексель (V, 739): Баррацъ, «Курсъ вексельнаго права въ связи съ ученіемъ о векселяхъ о вексельныхъ операціяхъ» (1893—обширное сочиненіе, особенно цѣнное указаніями на практику русскаго торговаго міра); его же, «Задачи вексельной реформы въ Россіи» (1896); Книрицъ, «О новомъ проектѣ устава о векселяхъ» (1896).

41) Уголовное право. Научная разработка уголовного права и на Западѣ принадлежитъ новѣйшему времени; въ Р. же едва-ли не современникъ нашъ—В. Д. Спасовичъ—долженъ быть признанъ первымъ представителемъ рус. уголовного права, какъ науки въ собственномъ смыслѣ этого понятія. Въ каталогахъ юридическихъ библиотекъ и въ учебникахъ, дающихъ перечень литературы предмета, вслѣдъ за относившимся къ 1803 г. переводомъ (Д.

Языкова) извѣстнаго разсужденія Беккариа о преступленіяхъ и наказаніяхъ, можно встрѣтить «Начальныя основанія уголовного права» (1814), Неймана, «Опытъ начертанія русскаго уголовного права» (1815), Героглада, «Начертаніе теоріи уголовныхъ законовъ» (1824), Цвѣтаева, «Русское уголовное право, составленное изъ русскійскихъ государственныхъ узаконеній» (1826, 2 изд., 1830), Гуллева, «Общія начала теоріи и законодательства о преступленіяхъ и наказаніяхъ» (1841), С. Баршева; но только послѣднее сочиненіе заслуживаетъ того, чтобы на немъ нѣсколько остановиться. Изложеніе у Баршева своеобразное; рѣзко выдѣляется характерное стремленіе автора связать съ выводами западной науки фактическіе условія русской до-реформенной жизни; есть попытки научнаго анализа, есть внѣшняя полнота, систематичность, но все это перемѣшано съ утвержденіями часто наивными, часто совершенно ненаучными и произвольными. Наиболѣе полный отдѣлъ—ученіе о вѣнѣнии (подъ заглавіемъ: «О вѣнѣніи въ правѣ» Баршевымъ, въ 1840 г., была издана отдѣльная книга). Область безпартейнаго авторъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отказывался отдѣлять отъ области преступнаго. Наказаніе, по Баршеву, необходимо само по себѣ; основная его идея—возмездіе. Съ смертной казнью должно «обходиться осторожно», но доводъ она нужна, «до той ли справедливости, ли цѣлесообразности ея не можетъ быть оспорена». Ссылка, «если она хорошо устроена», «удовлетворяетъ всякаго, какой бы кто теоріи ни держался». Учебникъ уголовного права В. Д. Спасовича (т. I, часть общая, СПб., 1863) сохраняетъ до настоящаго времени научное значеніе. Анализъ юридическихъ понятій является здѣсь уже не въ видѣ попытокъ, а всесторонне развитымъ. Начинается учебникъ съ критическаго обзора важнѣйшихъ философскихъ теорій о сущности преступнаго дѣянія и наказанія. Изложеніе живое, образное, формулировка мысли опредѣленная, смѣлая. Почти одновременно съ изданіемъ учебника В. Д. Спасовичъ оставилъ профессорскую дѣятельность, но и послѣ того изъ-подъ его пера вышло не мало цѣнныхъ для русской науки уголовнаго права изслѣдованій. Особого упоминанія заслуживаетъ его статья: «Новыя направленія въ наукѣ уголовного права», первоначально начатая въ «Вѣстникѣ Европы» за 1891 г. и изданная отдѣльно въ 1898 г. Въ шестидесятыхъ же годахъ появились первые научные труды Н. А. Неклюдова—«Уголовно-статистическіе этюды» и переводъ учебника Бернера, съ примѣчаніями и дополненіями (1865), Н. С. Таганцева—«О повтореніи преступленій» (1867), А. Кистяковскаго—«Изслѣдованіе о смертной казни» (1867), Лохвицкаго—«Курсъ русскаго угол. права» (1867), и два изслѣдованія о покушеніи, Лякуба (1866) и Орлова (1868); изданъ также учебникъ раньше скончавшагося проф. Калмыкова. Начавъ съ изученія фیزیологическаго значенія возраста по отношенію къ преступленію («Угол. статистич. этюды», Неклюдовъ вскорѣ перешелъ къ спеціальной разработкѣ

и комментированію дѣйствующаго права («Руководство для мировыхъ судей», «Руководство къ особенной части русскаго уголовного права» и «Конспектъ общей части»). Какъ комментаторъ, Неклюдовъ отличался по формѣ—послѣдовательностью и логичностью анализа, по существу—суровостью критики. Въ предисловіи къ переводу учебника Бернера онъ говорилъ, что излагаетъ параллельно съ переводомъ, въ примѣчаніяхъ и дополненіяхъ, опредѣленія отечественнаго права, съ тою дѣлю, чтобы поставить ихъ «напротивъ» выводовъ науки. Этими словами онъ мѣтко и вѣрно охарактеризовалъ свое отношеніе какъ къ уложенію о наказаніяхъ, такъ и еще болѣе къ толкованіямъ практики. Въ обзоръ-прокурорскихъ своихъ заключеніяхъ, однако, Неклюдовъ далеко не всегда держался той же точки зрѣнія. Изъ послѣдующихъ работъ Кистяковского выдается подробный «Элементарный учебникъ общаго уголовного права» (1-е изд., 1875), изъ трудовъ Н. С. Таганцева—«О преступленіяхъ противъ жизни по русскому праву» (1870—71), «Объ отвѣтственности малолѣтнихъ преступниковъ» (1872), «Курсъ русскаго уголовного права» (1874—79), «Уложеніе и мировой уставъ съ разъясненіями, выдержавшіе до десяти изданій, и «Лекціи по общей части уголовного права» (1887—92). Особенно важно научное значеніе «Лекцій», въ которыхъ сосредоточено все что имѣетъ прямую связь съ общимъ ученіемъ о преступномъ дѣяніи и наказаніи. Изложены всѣ теоріи, въ ихъ исторической послѣдовательности; опредѣленія русскаго права разработаны съ полной детальностью, какъ въ историческомъ ихъ развитіи, такъ и сравнительно съ опредѣленіями западныхъ кодексовъ; весьма цѣнны библиографическія указанія русской и иностранной литературы. Таганцевъ—рѣшительный сторонникъ такъ называемаго классическаго направленія въ уголовномъ правѣ, созданнаго Фейербахомъ. Преступное событіе, по его словамъ, есть прежде всего юридическое отношеніе, и съ этой точки зрѣнія оно должно быть изучаемо уголовнымъ правомъ, какъ одно изъ юридическихъ наукъ. «Было-бы неразумно отрицать значеніе трудовъ по социологическимъ преступленіямъ, но соединеніе въ одно цѣлое социологическаго и юридическаго изслѣдованія однихъ и тѣхъ же фактовъ послужило бы только ко взаимному вреду обихъ отраслей знанія, такъ какъ снѣ разнятся и по методамъ или приемамъ изученія, и по своимъ задачамъ или цѣлямъ... То же самое нужно сказать и о внесеніи въ уголовное право уголовной антропологіи. «Антропологическія изслѣдованія, изученіе анатомическихъ и патологическихъ особенностей организма преступниковъ, должны занять свое спеціальное мѣсто въ группѣ наукъ биологическихъ и не могутъ быть включаемы въ право уголовное». Предметъ уголовного права—«изученіе юридической конструкціи преступныхъ дѣяній и вызываемой ими карательной дѣятельности государства». Классическая школа вообще господствуетъ среди русскихъ криминалистовъ (Спасовичъ, Коніи, Сергѣевскій, Вульффертъ и

др.). Д. А. Дриль («Малолѣтніе преступники», 1884; «Психофизическіе типы», 1890; «Преступность и преступники», 1895 г.)—единственный, кажется, у насъ послѣдователь антрополого-позитивнаго направленія (итальянская школа). Обстоятельному разбору положеній итальянской школы посвященъ двухтомный трудъ А. К. Вульфферта: «Антрополого-позитивная школа уголовного права въ Италіи» (1887 и 1893). Своеобразное и самостоятельное мѣсто занимаетъ И. Я. Фойницкій. Уголовное право, по его опредѣленію, есть наука о личномъ состояніи преступности. «На входныхъ дверяхъ науки уголовного права мы читаемъ, что его предметъ есть не преступленіе, а преступность, т. е. состояніе лишь, вызывающее нарушеніе юридическихъ отношеній, охраняемыхъ карою, и подтверждаемое совершеніемъ въ мірѣ юридическаго порядка разнообразныхъ измѣненій, составляющихъ выраженія его». Эта мысль была имъ высказана впервые во вступительной лекціи, читанной въ сбѣ. университетѣ и напечатанной въ «Судебномъ Журналѣ» за 1873 г. Впослѣдствіи авторъ повторилъ ее въ предисловіи къ «Ученію о наказаніи въ связи съ тюремнѣніемъ» (1889), и вообще она составляетъ основу его воззрѣній, какъ криминалиста. «Ученіе о наказаніи»—трудъ капитальный, дающій массу матеріала, преимущественно по вопросамъ о ссылкѣ и о тюремномъ заключеніи. Рѣшительный противникъ ссылки, И. Я. Фойницкій посвятилъ ей, кромѣ того, отдѣльное изслѣдованіе: «Ссылка на Западъ въ ея историческомъ развитіи и современномъ состояніи» (1881) и рядъ журнальныхъ статей. Важнѣйшіе труды Фойницкаго по особенной части уголовного права: «Мошенничество по русскому праву» (1871 г.) и «Посвятельства на личность и имущество» (2 изд., 1893). Онъ принимаетъ живое участіе въ дѣятельности пенитенціарныхъ конгрессовъ и «международнаго союза криминалистовъ». Подъ его непосредственнымъ руководствомъ группою русскихъ, преимущественно молодыхъ криминалистовъ были изготовлены доклады по всѣмъ вопросамъ, обсуждавшимся на петербургскомъ (1890 г.) и парижскомъ (1895 г.) конгрессахъ. Самостоятельное мѣсто занимаетъ и Н. Д. Сергѣевскій. Болѣе крупныя его труды: «О значеніи причинной связи въ уголовномъ правѣ» (1880), «Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка» (1888), и «Русское уголовное право. Часть общая, пособіе къ лекціямъ» (3 изд., 1896). Второе изъ поименованныхъ сочиненій въ свое время вызвало много толковъ и въ спеціальной и въ общей прессѣ, обусловленныхъ, главнымъ образомъ, своеобразнымъ отношеніемъ автора къ наказаніямъ, практиковавшимся въ московскій періодъ. По общему своимъ воззрѣніямъ, Сергѣевскій—послѣдователь національно-историческаго направленія въ правѣ. Его пособіе къ лекціямъ отличается полнотой, сжатостію и ясностью изложенія. Изъ общихъ курсовъ уголовного права слѣдуетъ еще отмѣтить учебники А. Ѳ. Кистяковскаго и Л. Е. Владимірова и «Очерки русскаго уголовного права» Есипова (1894),

изъ монографій—«О соучастіи въ преступленіи», Колоколова (1881) и «Преступленія противъ религіи», Бѣлогоріцъ-Котляревскаго (1886). Съ 1895 г. русская наука уголовного права обогатилась работой, совершенно исключительнаго, по важности, значенія: «Объясненія редакціонной комиссіи къ проекту уголовного уложенія», въ восьми томахъ. Хотя «Объясненія» — изданіе официальное, имѣющее цѣлью служить обычною объяснительною запискою къ проекту, но какъ по методу изложенія, такъ и по содержанию, они составляютъ работу строго научнаго характера. Они даютъ исторію отечественнаго уголовного законодательства, критическую оцѣнку дѣйствующихъ законовъ, въ связи съ семью западными кодексами, разборъ главнѣйшихъ теорій, оцѣнку воззрѣній комментаторовъ и замѣчаній представителей судебной практики и собственные выводы составителей. Къ сожалѣнію, эта работа до настоящаго времени въ продажу не поступала и составляетъ достояніе немногихъ библиотекъ и частныхъ лицъ. На разработку проекта комиссія, подъ предсѣдательствомъ Э. В. Фриша, въ составъ членовъ Н. А. Неклюдова, Е. Н. Розина, Н. С. Таганцева, В. К. Случевского и И. Я. Фойницкаго, употребила болѣе 13 лѣтъ.

Отдѣльная отрасль уголовного права, *право военно-уголовное*, какъ наука, находится въ Р. въ зачаточномъ состояніи. Всестороннее научное освѣщеніе получили только памятники Петровскаго законодательства, преимущественно «Артикулы воинскій», частью — въ общихъ курсахъ исторіи права и уголовного права, такъ какъ этотъ памятникъ имѣетъ не только специально-военное, но и общее значеніе (съ наибольшей подробностью онъ разработанъ Н. Неклюдовымъ въ приложеніяхъ къ переводу учебника Вернера), частью въ изслѣдованіи М. П. Розентейма: «Очеркъ исторіи военно-судныхъ учрежденій въ Р. до копчины Петра Великаго», 1878 г., главными же образомъ — въ рядѣ историко-юридическихъ изслѣдованій П. О. Бобровскаго, изъ которыхъ первое мѣсто занимаетъ: «Военное право въ Р. при Петрѣ Великомъ, часть вторая, артикулы воинскій» (три выпуска, 1882, 1886 и 1898). Въ этомъ сочиненіи авторъ дѣлитъ главы «Артикула» на три группы, каждой группѣ предпосылаетъ очеркъ состоянія воинскаго права въ Россіи и на Западѣ, затѣмъ излагаетъ текстъ отдѣльныхъ артикуловъ параллельно съ шведскимъ и датскимъ кодексами, даетъ подробнѣйшій комментарий и заканчиваетъ выясненіемъ преемственной связи дѣйствующаго права съ законодательствомъ Петра. Общему изложенію предмета посвящена книга В. Д. Кузьмина-Каравасова: «Военно-уголовное право» (вып. 1-ый, 1895). Ему же принадлежитъ: «Характеристика общей части уложенія и воинскаго устава о наказаніяхъ» (1890). *Е.-Е.*

42) Наука уголовного процесса. Научная разработка уголовно-процессуальнаго законодательства началась въ Р. сравнительно недавно. До конца 50-хъ годовъ текущаго столѣтія по уголовному процессу появлялись

главными образомъ сочиненія, имѣвшія характеръ практическихъ руководствъ (напр. Адр. Неклюдова, Н. Орлова, В. Казанскаго, О. Навликина); было издано также нѣсколько разсужденій теоретическаго характера (Хавскаго, Гуровскаго, К. Пауловича) и по исторіи процесса въ Р. (Куницкина, В. Линовскаго, Мальгина). Не смотря на то, что уголовное судопроизводство было введено въ курсъ университетовъ съ самаго ихъ основанія, до судебной реформы были изданы только два курса русскаго уголовного процесса—С. Баршева, въ 1841 г., и Н. Стояновскаго въ 1852 г., Проф. С. Баршевъ, въ своихъ «Основаніяхъ уголовного судопроизводства», старался примирить съ теоретическими началами дѣйствовавшій въ то время въ Р. розыскной процессъ и рѣшительно высказывался противъ устности и гласности судопроизводства; устность производства, по его мнѣнію, «служитъ обыкновенно источникомъ незрѣлаго и не обсуждиваго рѣшенія уголовныхъ дѣлъ и влечетъ за собою ораторство въ судахъ», а гласность «часто служитъ средствомъ къ распространенію среди молодежи умѣнья дѣйствовать при совершеніи преступленій». Изъ монографій, появившихся до судебной реформы, слѣдуетъ отмѣтить «Теорію уликъ» Жиряева (Дерптъ, 1855), въ которой авторъ далъ блестящую, и теперь не утратившую значенія разработку ученія о косвенныхъ доказательствахъ. Тому же вопросу посвящены изданныя отдѣльно публичныя лекціи В. Спасовича: «О теоріи судебнаго уголовныхъ доказательствъ въ связи съ судопроизводствомъ и судопроизводствомъ». Бѣдность юридической литературы въ ту эпоху объясняется съ одной стороны недостаткомъ образованныхъ юристовъ среди практиковъ, съ другой—неудовлетворительною постановкою преподаванія уголовного права въ университетахъ, гдѣ до устава 1863 г. профессорамъ предписывалось преподавать не «правовѣдѣніе», а «законовѣдѣніе». Съ началомъ законодательныхъ работъ по составленію судебныхъ уставовъ 1864 г. научная разработка уголовного процесса сразу значительно подвинулась впередъ; были переведены выдающіяся иностранныя сочиненія по уголовному процессу; въ печати, какъ специально юридической, такъ и общей, началось критическое обсужденіе дѣйствовавшаго въ то время до реформеннаго порядка судопроизводства и основныхъ положеній преобразования судебной части. Съ изданіемъ Судебныхъ Уставовъ 1864 г. научной разработкѣ подвергнутъ былъ прежде всего вопросъ о судѣ присяжныхъ. Кромѣ переводныхъ сочиненій о судѣ присяжныхъ Миттермайера, Браухера и Гуэ Глукена, появились оригинальныя работы по этому предмету Н. Сергѣевского (1875), В. Палаузова (1876), Н. Тимофѣева (1881), Владимірова (1872), Квачевского (1882); защитникамъ суда присяжныхъ приходилось опровергать доводы, приводимые противниками примѣненія его на нашей почвѣ (напр. «Судъ и полиція», В. Фукса). Вторымъ вопросомъ, разработкою котораго усиліемъ занимались наши юристы, является вопросъ объ адвокатурѣ, которая также съ самаго открытія ре-

формированных судов подвергалась разному рода нападкам. Труды Стоянова, Васильевского и др. по истории адвокатуры, Кистяковского и Шмакова по вопросу об организации адвокатуры въ зап.-европ. государствахъ, Макалинскаго, Слюзберга, Рихтера и др. о деятельности русской адвокатуры, монографии К. Арсеньева («Замѣтки о русской адвокатурѣ»), И. Фойницкаго («Защита въ уголовномъ процессѣ какъ служеніе общественное») и Г. Джаншьева («Веденіе неправыхъ дѣлъ» и «Вопросы адвокатской дисциплины») выяснили необходимость адвокатуры въ современномъ строѣ уголовного процесса и твердо установили начала адвокатской этики. Изъ другихъ монографій по отдѣльнымъ вопросамъ судоустройства и судопроизводства выдаются труды Н. Буцковскаго и Н. Муравьева — о прокурорскомъ надзорѣ, Квачевского — объ уголовномъ преслѣдованіи, дознаніи и предварительномъ изслѣдованіи, Макалинскаго — о предварительномъ слѣдствіи, Кистяковскаго и Миклашевскаго — о преслѣденіи обвиняемому способныхъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, Селитренникова и Палазузова — о постановкѣ вопросовъ, Берлина — о гражданскомъ искѣ на судѣ уголовномъ. Исторіи судебной реформы 1864 г. посвящены работы М. Филиппова (1871), А. Головачева (въ книгѣ «Десять лѣтъ реформъ», 1872) и Г. Джаншьева («Основы судебной реформы» 1891), разработкѣ основныхъ началъ реформированнаго процесса — труды К. Арсеньева («Преданіе суду и дальнѣйшій ходъ уголовного дѣла до судебного слѣдствія», 1870, и «Судебное слѣдствіе», 1871) и Н. Буцковскаго («Очерки судебныхъ порядковъ», 1875). Первый общій курсъ уголовного судопроизводства принадлежитъ проф. Чебышеву-Дмитріеву (1875); представляя собою подробное изложеніе русскаго уголовного процесса, онъ имѣетъ характеръ комментарія къ уставу уголовного судопроизводства, основаннаго главнымъ образомъ на кассационной практикѣ сената. Въ 1884 г. появился I-й томъ «Курса уголовного судопроизводства» проф. И. Фойницкаго, посвященный вопросамъ судопроизводства и подсудности и отличающийся совершенно инымъ характеромъ: авторъ даетъ теоретическія конструкции разсматриваемыхъ имъ процессуальныхъ институтовъ, сравниваетъ положенія русскаго права съ иностранными законодательствомъ и въ блестящихъ историческихъ очеркахъ выясняетъ смыслъ и значеніе основныхъ началъ процесса. Въ 1894 г. I томъ курса проф. Фойницкаго вышелъ новымъ, переработаннымъ и нѣсколько сокращеннымъ изданіемъ, а въ 1899 г. изданъ II томъ курса, посвященный вопросамъ судопроизводства. Такимъ же теоретическимъ характеромъ отличается курсъ уголовного процесса проф. Тальберга, за смертью автора оставшіяся неоконченными (вышли только I т. въ 1889 г. и I вып. II т. въ 1891 г.; 2-й вып. изданъ по запискамъ слушателей уже послѣ смерти автора); особеннаго вниманія заслуживаетъ въ этомъ курсѣ прекрасное изложеніе ученія объ уголовныхъ доказательствахъ. Полный курсъ русскаго уголовного процесса

изданъ въ 1889 г. проф. В. Случевскимъ (въ 1895 г. вышло 2-е изданіе); авторъ излагаетъ главнымъ образомъ русскій процессъ, при чемъ подробно анализируетъ кассационную практику сената. Большія услуги разработкѣ науки уголовного процесса оказали юридическія общества въ Москвѣ, Петербургѣ, Одессѣ, Кіевѣ и Тифлисѣ. Масса статей и замѣтокъ по различнымъ процессуальнымъ вопросамъ появилась въ изданіяхъ университетовъ и въ юридическихъ журналахъ и газетахъ. Полный систематическій указатель русской литературы по судоустройству и судопроизводству (уголовному и гражданскому) составляетъ А. Поворинскимъ по порученію Высочайше учрежденной комиссіи для пересмотра законоположеній по судебной части и изданъ въ 1896 г.

А. С. Л.

43) Наука международного права. Преподаваніе науки международного права введено въ русскихъ университетахъ уставомъ 1835 г. подъ именемъ общенароднаго права, которое уставомъ 1863 г. переименовано въ международное право. Оригинальныхъ сочиненій, обнимающихъ всю систему международного права, на русскомъ языкѣ очень мало. Первымъ по времени является «Курсъ международного права» проф. Каченовскаго (Харьковъ, 1863), остановившійся на исторіи международныхъ отношеній въ средніе вѣка; онъ даетъ громадный научный матеріалъ, въ соединеніи съ блестящимъ изложеніемъ, но во многихъ отношеніяхъ уже устарѣлъ. Проф. Кауцкинъ принадлежитъ «Обозрѣнію предметовъ международного права» (Москва, 1856) и «Международное право. Конспектъ лекцій» (Ярославъ, 1873); первое сочиненіе значительно устарѣло, второе является попыткой самостоятельной систематизаціи всей науки международного права. Проф. Стоянову принадлежитъ «Очерки исторіи и догматики международного права» (Харьковъ, 1875). Проф. Бяляцкій, въ сочиненіи: «О значеніи международного права и его матеріаловъ» (Варш. 1872), излагаетъ различные взгляды представителей иностранной литературы относительно международныхъ трактатовъ, обычаевъ, распоряженій правительствъ и др. источниковъ международного права. Единственнымъ полнымъ изложеніемъ на русскомъ яз. всей системы международного права является сочиненіе проф. Мартенса: «Современное международное право цивилизованныхъ народовъ» (1 изд., СПб., 1882 — 83; перев. на нѣмц., франц. и испан. яз.). Мартенсъ является представителемъ позитивнаго направленія въ наукѣ международного права и стремится путемъ изученія юридическихъ нормъ и учрежденій, открыть законы ихъ развитія. Отношенія между народами находятся въ связи съ юридическими учрежденіями отдѣльныхъ государствъ и съ духовными и экономическими интересами общества; такъ какъ удовлетвореніе послѣднихъ зависитъ отъ уваженія, которыми пользуется внутри государства человѣческая личность, то по степени свободы личности, можно судить и о степени участія государства въ международномъ общеніи. Проф. Незабитовскому принадлежатъ

соч.: «Ученіе публицистовъ о междуоударственномъ владѣніи» (К., 1862) и «О новѣйшихъ проектахъ международного устава» («Кіевскія Унив. Извѣстія», 1874, № 2). Отрица основное положеніе юриспруденціи, что право возникаетъ лишь въ обществѣ, онъ различаетъ право общенародное, охраняющее права человѣка независимо отъ принадлежности его къ опредѣленному государству, и право междуоударственное, которымъ защищаются интересы самихъ государствъ: общенародное право должно служить основой и границею междуоударственного права. Проф. гр. Камаровскій написалъ «Обзоръ современной литературы по международному праву» (главнымъ образомъ послѣднихъ двухъ десятилѣтій, Москва, 1887), и «Основные вопросы науки международного права» (Москва, 1895). Онъ держится религіозно-идеалистическаго направленія, стоитъ за идею международного мира и прочной междуоударственной организаціи, основанной на юридическихъ началахъ. Проф. Даневскому принадлежатъ: «Очеркъ новѣйшей литературы по международному праву» (СПб., 1876) и «Пособіе къ изученію истории и системы международного права» (Харьк. 1892) — довольно полный курсъ. Даневскій стремится ввести дивилистическій методъ въ изученіе международного; онъ относится сочувственно къ новымъ задачамъ международного права и вѣрить въ ихъ осуществленіе. Изъ сочиненій, касающихся общихъ вопросовъ международного права, слѣдуетъ упомянуть также соч. Иванова: «Характеристика международныхъ отношеній и международного права въ историческомъ развитіи» (1874). Важнѣйшія монографіи по отдѣльнымъ вопросамъ международного права: В. Спасовича, «О правахъ нейтральнаго флага и нейтральнаго груза» (СПб., 1851); Каченовскаго, «О каперахъ и призовомъ судопроизводствѣ» (Москва 1855); Мартенса, «О правѣ частной собственности во время войны» (СПб., 1869) и «О консулахъ и консульской юрисдикціи на востокѣ» (СПб., 1873); гр. Камаровскаго, «Начало невинѣительства» (Москва, 1874) и «О международномъ судѣ» (М., 1881; перев. на франц. яз.); Кантакузина гр. Сперанскаго, «Опытъ опредѣленія военной контрабанды» (Одесса, 1875); Даневскаго, «Историческій очеркъ нейтралитета и критика парижской морской деклараціи» (1879); Лодыженскаго, «О плебисцитѣ въ международномъ правѣ» (1883); Никольскаго, «О выдачѣ преступниковъ по началамъ международного права» (1884); Иванова, «Женевская конвенція» (1884), «Взаимное содѣйствіе государствъ по дѣламъ уголовнымъ» (Одесса, 1889); «Женевская конвенція и право войны» (Одесса 1891), Штиглица, «Исслѣдованіе о началахъ политическаго равновѣсія, легитимизма и національности» (1889—92); Вейнера, «Консулы въ христіанскихъ государствахъ Европы и Америки» (1894); Пилленко, «Международная литературная конвенція» (1894); Симсона, «О завладѣніи по началамъ международного права» (1894); бар. Таубе, «Исторія зарожденія современнаго международного права» (1894); Казанскаго, «Институтъ международного права» (1893) и

«Договорныя рѣки» (1895). Сборники международныхъ договоровъ, заключенныхъ Россіей: Мартенса, «Собраніе трактатовъ и конвенцій заключенныхъ Россіей съ иностранными державами» (СПб., съ 1874 г., договоры съ Австріей, Германіей и Англіей); Иванова, «Собраніе дѣйствующихъ договоровъ, заключенныхъ Р. съ иностранными державами» (Одесса, 1889—90); Эйхельмана, «Хрестоматія русскаго международного права» (К., 1889). Разработкѣ вопросовъ международного права главнымъ образомъ былъ посвященъ «Журналъ международного и государственнаго права», выходившій въ СПб. въ 1897 г. (№№ 1—6), подъ редакціей Э. Симсона.

44) Экономическая наука. Первый русскій переводъ книги Ад. Смита: «О богатствѣ народовъ» былъ сдѣланъ Политковскимъ въ 1802—06 г. Идеи Смита пользовались значительной популярностію какъ въ образованномъ обществѣ, такъ и въ правительственныхъ сферахъ. Названный переводъ сдѣланъ по приказанію м-ра финансовъ гр. Васильева. Въ официальныхъ органахъ мин. вн. дѣлъ, «Санкт-петербургскомъ Журналѣ», популяризаціи идей Смита было посвящено нѣсколько статей. Въ 1805 г. вышелъ курсъ профессора московскаго университета Хр. Шлегера—«Начальныя основанія государственнаго хозяйства», составленный вполне въ духѣ Смита. Курсъ Шлегера былъ для своего времени выдающимся произведеніемъ и переведенъ на франц. и нѣмц. языки. Самымъ замѣчательнымъ послѣдователемъ Смита, писавшимъ хотя и не по-русски, но въ Россіи, былъ Шторха. Его «Statistische Gemälde des russischen Reichs» (1798—1803) представляютъ собой чрезвычайно полное и точное описаніе русскаго хозяйственнаго строя того времени; его «Cours d'économie politique» (1815)—одинъ изъ лучшихъ экономическихъ курсовъ первыхъ десятилѣтій этого вѣка. Оригинальныя воззрѣнія Шторха оказали значительное вліяніе на европейскую науку (особенно его теорія цѣнности, въ основаніе которой положена мысль, что цѣнность создается полезностію, и теорія «незвещественнаго производства» — ученіе о производительности труда, не направленного на матеріальные предметы). Крѣпостное право встрѣчало со стороны Шторха рѣзкое осужденіе. Широкое распространеніе въ русскомъ образованномъ обществѣ Александровской эпохи идей А. Смита сдѣлало возможной энергичную агитацію въ пользу свободной торговли, предпринятую вліятельными еженедѣльными журналами: «Духъ Журналовъ» (изд. 1815—20 гг. въ Петербургѣ). Эта агитація привела къ кратковременной побѣдѣ—изданію либеральнаго тарифа 1819 г., продолжавшагося недолго и уже въ 1832 г. замѣненнаго новымъ тарифомъ, въ духѣ крайняго протекціонизма. Къ школѣ Ад. Смита принадлежалъ и Николай Тургеневъ, авторъ обратившей на себя вниманіе книги «Опытъ теоріи налоговъ» (СПб., 1819). Противникомъ свободной торговли былъ знаменитый государственный дѣятель адмиралъ Мордвиновъ. Его книга: «Нѣкоторые соображенія по предмету мануфактуръ въ Р.» по оригинальности мысли рѣзко выделяется

среди русской экономической литературы того времени. Защищая покровительственный тарифъ, Мордвиновъ высказалъ значительно раньше Фр. Листа очень многие изъ аргументовъ, которые впоследствии составили славу этого писателя. Такъ, Мордвиновъ съ полной ясностью установилъ зависимость успѣховъ земледѣлія отъ роста промышленности, а также формулировать учение о «ѣмкости населенія» страны въ связи съ ея хозяйственнымъ строемъ. Гораздо слабѣе другая книга Мордвинова: «Разсужденіе о пользахъ, могущихъ послѣдовать отъ учрежденія частныхъ по губерніямъ банковъ». Доктрина «официальной народности», выдвинувшаяся на первый планъ при императорѣ Николаѣ I-мъ, наложила свою печать и на экономическую науку. Начало романтическаго направленія въ русской экономической наукѣ было положено нѣмцемъ Гакстгаузеномъ, оказавшимъ глубочайшее вліяніе на нашу экономическую мысль. Нѣвѣрно мнѣніе, будто Гакстгаузенъ открылъ въ Р. общину: общинное владѣніе крестьянъ описывалось въ Р. много разъ до Гакстгаузена, но онъ дѣйствительно раскрылъ огромное значеніе этого института въ общемъ строѣ русской жизни. Будучи увѣжденнымъ консерваторомъ, Гакстгаузенъ нашелъ въ Р. поразившее его соединеніе автократическаго строя съ экономическими формами, до нѣкоторой степени соответствующими требованіямъ западно-европейскихъ социальныхъ реформаторовъ. «Во всѣхъ западно-европейскихъ странахъ»—говоритъ Гакстгаузенъ въ своей замѣчательной книгѣ: «*Studien über die inneren Zustände Russlands*»—«главнѣйшая социальная революція ополчилась противъ богатства и собственности: уничтоженіе права наслѣдства и равномѣрное распредѣленіе земли—вотъ лозунгъ этихъ революціонеровъ. Въ Р. такая революція невозможна, такъ какъ утопія западно-европейскихъ революціонеровъ получила въ этой странѣ свое полное осуществленіе». Россія обладаетъ крестьянской земельной общиной—«однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и интересныхъ учрежденій, какія только существуютъ... Въ русскихъ общинахъ... живеть такая компактная социальная сила, какъ нигдѣ». Община небагается Р. отъ главнаго зла современнаго общественнаго строя Зап. Европы—отъ пролетаріата. Книга Гакстгаузена является поворотнымъ пунктомъ въ исторіи русской экономической науки. До Гакстгаузена русская наука не пыталась охватить одной общей идеей нашу хозяйственный строй во всемъ его своеобразіи. Послѣ Гакстгаузена противопоставленіе народнаго хозяйства Р. западно-европейскому стало основнымъ мотивомъ русской экономической мысли. Экономическія воззрѣнія какъ западниковъ, такъ и славянофиловъ, сложились подъ непосредственнымъ вліяніемъ Гакстгаузена. Изъ общихъ курсовъ политической экономіи въ николаевскую эпоху можно указать трехтомное сочиненіе А. Бутковского: «Опытъ о народномъ богатствѣ или о началѣ политической экономіи» (1847). Сочиненіе это совершенно не оригинально и интересно лишь въ томъ отношеніи, что оно

является первымъ общирнымъ курсомъ экономической науки, авторъ котораго, русскій ученый, примыкаетъ къ буржуазнымъ экономистамъ и слѣдуетъ, главнымъ образомъ, Сэю и Дюноме. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ, подобно большинству современныхъ ему русскихъ экономистовъ, крайне идеализируетъ русскія хозяйства условія. Гораздо интереснѣе экономическія сочиненія министра имп. Николая I—Канкрина. Канкринъ является самымъ характернымъ представителемъ реакціонно-націоналистическаго направленія въ нашей экономической наукѣ. Его идеалы—всецѣло въ прошломъ, въ патріархальномъ строѣ. Онъ не только протекціонистъ, но даже по многимъ пунктамъ примыкаетъ къ меркантилизму. Къ капитализму, машинному производству, крупной промышленности, желѣзнымъ дорогамъ онъ относится съ рѣшительной враждебностью. Мелкое производство, не отрывающее крестьянина отъ земли, кажется ему наилучшей системой хозяйства. Въ его критикѣ западно-европейскаго капитализма чувствуется вліяніе Сисмонди. Подобно Гакстгаузену, но съ меньшей ясностью и глубиной, Канкринъ отдастъ предпочтеніе русскому хозяйственному строю передъ западно-европейскимъ. Уничтоженіе крѣпостного права и послѣдующія реформы не могли не повліять на направленіе русской экономической мысли. Самымъ блестящимъ представителемъ освободительной эпохи былъ Н. Г. Чернышевскій. Основныя воззрѣнія его на особенности русскаго хозяйств. строя сложились подъ вліяніемъ Гакстгаузена; но по своему социальному міросозерцанію Чернышевскій примыкалъ къ утопическимъ социалистамъ (въ особенности къ школѣ Фурье). Ни одинъ русскій экономистъ, ни раньше, ни послѣ, не оказывалъ такого вліянія на русскую экономическую мысль, какъ Чернышевскій. Значеніе его—въ томъ, что онъ первый связалъ въ одну законченную общественно-экономическую систему констатированныя Гакстгаузеномъ особенности русскаго хозяйства съ идеалами, выработанными на Западѣ. Всѣ симпатіи Гакстгаузена были позади; защита общины и артели съ той точки зрѣнія, на которой стоялъ Гакстгаузенъ, могла только скомпрометтировать эти русскія бытовныя особенности въ глазахъ прогрессистовъ. Чернышевскій попытался доказать, что община и артель являются прочнымъ базисомъ для русскаго прогресса. Не смотря на свою отсталость, Россія, по мнѣнію Чернышевскаго, гораздо ближе многихъ западно-европейскихъ странъ къ осуществленію идеаловъ коллективизма, именно въ силу особенностей своего хозяйственнаго строя. Съ наибольшей ясностью эта точка зрѣнія выражена въ статьѣ: «Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго землевладѣнія». Въ основаніе своей аргументаціи Чернышевскій кладетъ тезисъ, что «высшая форма развитія всегда бываетъ сходна по формѣ съ началомъ, отъ котораго развитіе отирается». Такъ какъ развитіе начинается съ коллективныхъ формъ владѣнія землею, то и закончиться оно должно такими же коллективными

формами. Нѣтъ, однако, необходимости для каждой страны проходить всѣ фазисы развитія: средние фазисы могутъ выпадать, существовать лишь логически, и въ такомъ случаѣ послѣдній фазисъ можетъ непосредственно слѣдовать за первымъ. Именно въ такомъ положеніи находится Россія. Какъ истый послѣдователь философіи XVIII в., Чернышевскій объяснялъ недостатки социальнаго устройства несовершенствомъ социальной науки. Самымъ обширнымъ экономическимъ произведеніемъ Чернышевскаго являются его «Примѣчанія къ Полит. экономіи Милля», но по оригинальности мысли они значительно уступаютъ его статьямъ объ общинѣ. Къ противникамъ Чернышевскаго принадлежалъ проф. петербургскаго унив. Вернадскій, его главный оппонентъ въ спорѣ объ общинѣ, типичный либералъ «эпохи великихъ реформъ», авторъ нѣсколькихъ сочиненій, посвященныхъ преимущественно исторіи политической экономіи, и издатель журнала «Экономическій Указатель». Того же направленія былъ и Горловъ, проф. сначала казанскаго, а затѣмъ петербургскаго унив., авторъ многихъ работъ преимущественно описательнаго и статистическаго характера, а также обширнаго курса полит. экон. («Начала полит. экономіи», 1859—62). Этотъ курсъ неоригиналенъ, но все же по серьезности разработокъ значительно выше курса Бутовскаго. Довольно много мѣста въ немъ отводится хозяйственнымъ условіямъ Россіи. Ив. Бабстъ, профессоръ московскаго университета, былъ однимъ изъ самыхъ популярныхъ экономистовъ 60-хъ годовъ. Въ 1872 г. вышелъ первый выпускъ его «Изложенія началъ народнаго хозяйства», содержащій очеркъ историческаго развитія полит. экономіи и учение о производствѣ. Научная дѣятельность Н. Х. Бунге, министра финансовъ при имп. Александрѣ III, относится преимущественно къ той же эпохѣ. Главная заслуга Бунге, какъ ученаго—разработка теоріи кредита и денежнаго обращенія. Какъ теоретикъ, Бунге всецѣло примыкаетъ къ классической школѣ; онъ былъ энергичнымъ противникомъ бумажнаго денежнаго обращенія. Статьи Бунге по исторіи политической экономіи, переизданныя въ 1895 г. подъ названіемъ: «Очерки политико-экономической литературы», представляютъ мало интереса. Выдающееся мѣсто въ литературѣ 60-хъ годовъ занимаетъ книга Корсака: «О формахъ промышленности въ Западной Европѣ и Р.» (1861), и по настоящее время являющаяся одной изъ очень немногихъ попытокъ научной обработки русской промышленной исторіи. По строгости научнаго анализа, общію историческаго матеріала, ясности мысли, она далеко оставляетъ за собою литературу по кустарной промышленности 70-хъ и 80-хъ годовъ. Корсакъ былъ, быть можетъ, самымъ крупнымъ русскимъ ученымъ экономистомъ 1860-хъ гг. Книга В. Флеровскаго: «Положеніе рабочаго класса въ Р.» (1869) произвела громадное впечатлѣніе на публику безотраднѣй картины жизни русскаго мужика и рабочаго, но совершенно лишена научнаго значенія. При бѣднотѣ оригинальной литературы, переводы

иностраннхъ авторовъ всегда имѣли у насъ особое значеніе. Въ 60-хъ годахъ наша литература обогатилась переводами сочиненій Ад. Смита, Мальтуса, Д. С. Милля, Бентама, Тюннена, Рошера, Бруно Гильдебранда и др. На новѣйшее развитіе русской экономической науки оказалъ огромное вліяніе Марксъ. Ни въ одной литературѣ Марксъ не пользовался такимъ авторитетомъ, какъ въ русской. Наша экономическая литература 70-хъ и 80-хъ гг. представляетъ собою попытку связать идеи Чернышевскаго съ идеями автора «Капитала». Мысль о существованіи коренныхъ особенностей русскаго хозяйственнаго строя прочно укоренилась въ умахъ послѣдователей Чернышевскаго. Статистическое изученіе Р. первое время только содѣйствовало укрѣпленію этой мысли. Это статистическое изученіе представляетъ собою самое цѣнное изъ научнаго наслѣдія 70-хъ и 80-хъ годовъ. Въ русскихъ курсахъ статистики справедливо указывается, что статистическія работы земствъ являются своего рода *unicum* въ міровой статистической литературѣ. Особенно замѣчательны статистическія работы московскаго земства, организованныя В. И. Орловымъ, книга котораго: «О формахъ крестьянскаго земледѣлія въ Московской губ.», представляетъ собою и понынѣ едва ли не лучшую работу по вопросу о крест. земледѣліи. Вообще русская статистическая наука насчитываетъ нѣсколько крупныхъ именъ. Нельзя не упомянуть, напр., о проф. петербургскаго университета Янонѣ, курсъ статистики котораго былъ переведенъ на нѣмецкій языкъ. Его «Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ» (1879) имѣлъ въ свое время огромное общественное значеніе. Главной школы, отстаивавшей мысль о самобытности Р. и невозможности для капитализма получить у насъ такое же развитіе, какъ на Западѣ, можно считать В. П. Воронцова (В. В.). Его работа «Судьбы капитализма въ Р.» (1882)—безспорно выдающееся произведеніе. Задача этой книги, какъ ее формулируетъ самъ авторъ, заключается въ доказательствѣ исторической невозможности капиталистическаго производства въ Р.. Отъ Маркса Воронцовъ заимствуетъ рѣзкую критику капиталистическаго строя, отъ Чернышевскаго—идею о возможности избѣгнуть промежуточныхъ фазисовъ развитія и сразу перейти отъ первичныхъ формъ хозяйства къ самымъ высшимъ. Капитализмъ въ Р., по мнѣнію Воронцова, имѣетъ лишь отрицательныя стороны и никакихъ положительныхъ. Эту же точку зрѣнія Воронцовъ развиваетъ и въ другихъ своихъ работахъ; нѣкоторыя изъ нихъ не лишены значенія въ качествѣ фактическихъ изслѣдованій, но въ теоретическомъ отношеніи онѣ мало прибавляютъ къ первому его труду. Почти одновременно съ книгой Воронцова была помѣщена въ журналѣ «Слово» работа другого русскаго экономиста, Николая—она, по основнымъ взглядамъ своимъ примыкающая къ Воронцову. Эта работа—«Очерки нашего общественнаго пореформеннаго хозяйства» (вышедшая съ значительными дополненіями отдѣльнымъ изданіемъ въ 1893 г.)—по пол-

нотъ статистической обработки оставляетъ за собой книгу В. Воронцова, но уступаетъ ей по оригинальности мысли. Къ тому же направлению принадлежатъ и большинство современныхъ русскихъ экономистовъ прогрессивнаго лагеря—Исаевъ, Посниковъ, Южаковъ, Каблуковъ, Карышевъ и др. (А. А. Исаевъ, впрочемъ, за послѣднее время измѣнилъ свои взгляды и не можетъ болѣе считаться единомышленникомъ Воронцова). Большинство земскихъ статистиковъ также должны быть отнесены сюда. Теорія цѣнности Маркса положена въ основаніе болѣе части нашихъ курсовъ полит. экономіи. Лучшій изъ нихъ, по полнотѣ и теоретической законченности—курсъ А. И. Чупрова. Достоинствомъ курса А. А. Исаева является полнота и обиліе иллюстрацій теоріи фактами русской жизни. Курсы Л. В. Ходскаго и И. И. Иванюкова стоятъ ниже двухъ предшествовавшихъ. Въ теоретическомъ отношеніи интересенъ курсъ профессора сельскохозяйственнаго института въ Новой Александріи А. И. Скворцова. Общей для всѣхъ названныхъ курсовъ (кромя курса Л. Ходскаго) является теоретическая основа — трудовая теорія цѣнности Маркса, но большинство изъ авторовъ, по своему общему міросозерцанію, примыкаетъ въ болѣе или меньшей степени къ такъ назыв. «исторической» школѣ. Новымъ направлениемъ въ нашей экономической наукѣ является «неомарксизмъ», какъ называютъ его противники; сами представители его считаютъ себя послѣдователями марксистами. Это направленіе выдвинулось у насъ еще очень недавно. Предшественникомъ его былъ даровитый экономистъ 70 и 80-хъ гг., Н. Зиберъ; въ настоящее время къ нему можно отнести Струве, Болотова, Ильина, Булгакова, Скворцова, И. Гурвича. Особое положеніе занимаетъ И. И. Янжулъ, строгій послѣдователь «исторической школы»: онъ никогда не примыкалъ къ марксизму и въ тоже время, по своей концепціи экономического развитія Р., нѣсколько приближается къ названному направленію. Къ числу экономистовъ, стоящихъ внѣ всякаго вліянія марксизма, принадлежатъ И. Кауфманъ, Георгіевскій, Пихно, Слонимскій.

Литература. Общіе курсы политической экономіи: А. Чупровъ, «Политическая экономія» (М., 1892); И. Иванюковъ, «Политическая экономія какъ ученіе о процессѣ развитія экономическихъ явленій» (М., 1891, изд. 3-е); А. Исаевъ, «Начала политической экономіи» (СПб., 1898, изд. 4-е); Л. Ходскій, «Политическая экономія въ связи съ финансами» (СПб., 1899, изд. 3-е); А. Скворцовъ, «Основаніе политической экономіи» (СПб., 1898); П. Георгіевскій, «Политическая экономія» (1896); А. Карелинъ, «Краткое изложеніе политической экономіи» (СПб., 1894); З. А. Богдановъ, «Краткій курсъ экономической науки» (М., 1898); Д. Пихно, «Основанія политической экономіи» (Кіевъ, 1890); Д. Моревъ, «Руководство политической экономіи» (СПб., 1899, изд. 4-е). *Исторія политической экономіи:* А. Чупровъ, «Исторія политической экономіи» (М., 1892); И. Иванюковъ, «Основныя положенія теоріи

экономической науки отъ Адама Смита до настоящаго времени» (М., 1891, изд. 3-е); И. Вернадскій, «Очеркъ исторіи политической экономіи» (СПб., 1898). *Задачи и методы политической экономіи:* В. Левитскій, «Задачи и методы науки о народномъ хозяйствѣ» (Ярославль, 1890); А. Исаевъ, «Составныя части и методы политической экономіи» (Ярославль, 1887); А. Чупровъ, «О современномъ значеніи и задачахъ политической экономіи» (М., 1874); Н. Зиберъ, «Общественная экономія и право» («Юрид. Вѣстникъ», 1883). *Ученіе о цѣнности:* Н. Коссовскій, «Цѣнность и цѣна» (Харьк., 1883); Л. Бухъ, «Основныя элементы политической экономіи» (ч. I, СПб., 1896); Н. Зиберъ, «Теорія цѣнности и капитала Рикардо» (Кіевъ, 1871) и «Давидъ Рикардо и Карлъ Марксъ въ ихъ общественно-экономическихъ изслѣдованіяхъ» (СПб. 1898, изд. 3-е). *Деньги и кредитъ:* Никольскій, «Русскія бумажныя деньги» (1892); И. Кауфманъ, «Кредитъ, банки и денежное обращеніе» (СПб. 1873); его же, «Кредитные билеты» (СПб., 1888); его же «Бумажноденежные проекты» (СПб., 1879); Н. Бунге, «Теорія кредита» (Кіевъ, 1852); В. Судейкинъ, «Государственный банкъ» (1891); Г. Сазоновъ, «Ростовщичество — кулачество» (1895); Р. Гвоздевъ, «Кулачество — ростовщичество» (СПб., 1899). *Формы землевладѣнія:* М. Ковалевскій «Общинное землевладѣніе» (М., 1877); А. Посниковъ, «Общинное землевладѣніе» (Одесса, 1878); кн. Васильчиковъ, «Землевладѣніе и земледѣліе» (1877); В. В., «Крестьянская община» (СПб., 1892); Посниковъ, «Южно-русское крестьянское хозяйство» (СПб., 1891); Н. Бржежскій, «Недоимочность и круговая порука сельскихъ обществъ» (СПб., 1897); И. Гурвичъ, «Экономическое положеніе русской деревни» (М., 1896); Л. Ходскій, «Земля и земледѣліе» (СПб., 1891). *Формы промышленности:* Прилежаевъ, «Что такое кустарное производство» (СПб., 1882); В. В., «Очерки кустарной промышленности въ Россіи» (СПб., 1886); М. Туганъ-Барановскій, «Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ» (т. I, СПб., 1898); А. Исаевъ, «Артели въ Россіи» (СПб., 1881); В. В., «Артель въ кустарномъ промыслѣ» (СПб., 1895); его же, «Артельная начинанія русскаго общества» (СПб., 1895). *Экономическое развитіе Россіи:* П. Струве, «Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Р.» (СПб., 1894); Бельтовъ, «Къ вопросу о развитіи монастическаго взгляда на исторію» (СПб., 1895); А. Исаевъ, «Настоящее и будущее русскаго общественнаго хозяйства» (СПб., 1896); Maxime Kovalevsky, «Le Régime économique de la Russie» (П., 1898); В. Ильинъ, «Развитіе капитализма въ Р.» (СПб., 1899); Н. Каблуковъ, «Объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства въ Р.» (М., 1899).

М. Туганъ-Барановскій.

45) Статистика. Русская научно-статистическая литература начинается трудами академиковъ конца XVIII и начала XIX ст., Германа и, главнымъ образомъ, Шторха (H. Storch, «Historisch-statistisches Gemälde des russischen Reichs Ende des XVIII Jahr», Рига—Липс., 1798—1803 и др.). Но ихъ труды, какъ и лек-

ции профессоры статистики въ университетахъ, дѣялись въ рамкахъ такъ назыв. нѣмецкой университетской статистики или описательнаго государственнаго хозяйства. Это направление оставалось господствующимъ до половины XIX в.; образцомъ его могутъ служить «Статистическіе очерки» К. И. Арсеньева (СПб., 1848; авторъ раньше преподавалъ статистику Цесаревичу Александру Николаевичу), единственное изъ ученыхъ сочиненій этого направления, которое сохранило нѣкоторое значеніе. Уже въ 1830-хъ и 1840-хъ годахъ являются попытки научной разработки русскихъ статистическихъ матеріаловъ въ новомъ духѣ, получившемъ преобладаніе лишь во второй половинѣ XIX в. Таковы изслѣдованія академика Кеппена и сотрудниковъ Киселева въ первую эпоху министерства государств. имуществъ (Протопопова, Заблоцкаго—Десятовскаго, Соловьева, Веснякова и др.). Къ нимъ примыкаютъ нѣкоторые дѣятели министерства финансовъ той эпохи (Гагемейстеръ и особенно Г. П. Небольсинъ) и нѣкоторые мѣстные дѣятели (Д. П. Журавскій, А. Скалковскій, Фундуклей). Самый выдающийся научно-статистическій трудъ той эпохи—«Обзорніе вѣстной торговли Россіи», Г. П. Небольсина (СПб., 1850). Къ этому-же времени относится и первое серьезное изслѣдованіе по уголовной статистикѣ Россіи, Анучина. Оживленіе, которое Кетле повсюду внесъ въ научное развитіе статистики, сказалось и въ Россіи, особенно благодаря тому, что оно совпало съ оживленіемъ, происшедшимъ въ нашей умственной и общественной жизни послѣ крымской войны. Новое направленіе въ научно-статистическую литературу Россіи выразилось въ появившихся въ это время трудахъ Е. И. Ламанскаго—о русскихъ кредитныхъ учрежденіяхъ и денежномъ обращеніи, Ф. Г. Тервера—о вѣстной торговлѣ, И. И. Вильсона—по статистикѣ сельскаго хозяйства. Въ это же время начинается преобразование статистическихъ учреждений различныхъ вѣдомствъ, и въ составѣ этихъ учреждений оказывается рядъ лицъ, приобретшихъ себѣ своими трудами ученую репутацію: въ центр. статист. комитетѣ—К. И. Арсеньевъ, П. П. Семеновъ; въ министерствѣ госуд. имуществъ—И. И. Вильсонъ, А. С. Ермоловъ, В. И. Ковалевскій; въ министерствѣ финансовъ—А. В. фонъ-Бушенъ и А. К. Веселовскій; въ военномъ вѣдомствѣ—Н. Н. Обручевъ; въ министерствѣ путей сообщенія—А. А. Головачевъ. Большею частью труды этихъ лицъ входятъ въ составъ официально-статистическихъ изданій различныхъ вѣдомствъ, но они имѣютъ значеніе монографическихъ изслѣдованій, въ которыхъ систематически разработанъ огромный матеріалъ. Таковы, напр., объясненія П. П. Семенова къ русской статистикѣ землевладѣнія, изслѣдованія фонъ-Бушена по русской демографіи, изслѣдованія Вильсона и Ермолова по русскому сельскому хозяйству, И. С. Иващенко—о банкахъ, русская финансовая статистика Кауфмана и его-же русская банковая статистика, трудъ А. Рейнбота по мобилизація земли (1898) и т. д. Производились и статистическія изслѣдованія неофициальнаго свойства,

возникшія по частному научному почину; образцомъ ихъ является изслѣдованіе русской хлѣбной торговли, исполненное специалистами по статистикѣ изъ числа членовъ географическаго и вольно-экономическаго обществъ—Янсономъ, Чаславскимъ, Безобразовымъ и др.—Наконецъ, новое поле для статистическихъ изслѣдованій у насъ явилось съ возникновеніемъ богатой трудами земской статистики (см. Велецкій, «Земская статистика», М., 1899). Труды такихъ земскихъ статистиковъ, какъ В. И. Орловъ, братья Н. А. и К. А. Вернеръ, В. Н. Григорьевъ, Ѳ. А. Щербина, Н. А. Кабуковъ, И. П. Боготъповъ, С. А. Харизоменовъ, М. И. и Е. И. Красноперовы, П. П. Червинскій, В. И. Покровский, Н. Н. Романовъ, Д. И. Рихтеръ, А. А. Кауфманъ, В. Е. Варзаръ, А. А. Русовъ, Н. Ф. Анненскій, А. И. Шикевичъ и многіе другіе, надолго сохранили цѣну и значеніе при изученіи русскаго народнаго хозяйства и его положенія въ концѣ XIX стол. Собственно по теоріи статистики русская ученая литература вправѣ гордиться сочиненіемъ по этому предмету покойнаго проф. Янсона, которое принадлежитъ къ лучшимъ въ европейской литературѣ и по образцу котораго составлены другіе университетскіе курсы—Чупрова, Федоровича и Ходскаго.

И. К.

46) Финансовая наука, до сихъ поръ во многихъ странахъ еще не выдѣленная на степень самостоятельной отрасли знанія и трактуемая какъ часть науки о народномъ хозяйствѣ или политической экономіи, раздѣляла въ Россіи судьбу этой послѣдней, т. е. до послѣдняго почти времени представляла малое число оригинальныхъ трудовъ, особенно по теоріи, и въ большинствѣ сочиненій повторяла лишь иностранные образцы, въ формѣ переводовъ или компиляцій. Исключенія сравнительно рѣдки; однимъ изъ нихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно лучшимъ изъ нашихъ раннихъ сочиненій по финансовой наукѣ слѣдуетъ считать «Опытъ теоріи налоговъ» Н. И. Тургенева (два изданія, СПб., 1818 и 1819 гг.; доходъ отъ изданія былъ посвященъ на пользу крестьянъ, освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости). Если-бы это сочиненіе было издано въ свое время на языкѣ, болѣе распространенномъ въ Западной Европѣ, оно заняло бы видное мѣсто между лучшими въ началѣ XIX в. трудами по теоріи налоговъ и осталось-бы на нихъ не безъ вліянія. Авторъ основательно изучилъ экономическую литературу Германіи, Англіи и Франціи и, въ отличіе отъ большинства русскихъ писателей того времени, по своимъ воззрѣніямъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ является даже оригинальнымъ. Книга его подробно трактуетъ всѣ вопросы о налогахъ, начиная отъ ихъ происхожденія и источника до описанія разныхъ видовъ и общаго дѣйствія, при чемъ бумажные деньги разсматриваются какъ особый видъ налоговъ. Съ обширными свѣдѣніями авторъ соединяетъ тонкій аналитическій умъ и даръ прекраснаго изложенія. Его критическія замѣчанія на нѣкоторые воззрѣнія Юма, Канаара сохраняютъ свою цѣну до сихъ поръ. По условіямъ того

времени и состоянію самой финансовой науки на Западѣ, сочиненіе Тургенева долго оставалось у насъ своего рода оазисомъ въ пустынѣ. Немногочисленные русскіе труды финансового содержанія, вышедшіе въ свѣтъ за первую половину XIX в. и сколько-нибудь заслуживающіе вниманія, или трактуютъ по преимуществу практическіе вопросы (какъ сочиненія по кредиту извѣстнаго адмирала Мордвинова, Попова и др.), или направлены на темы историческаго содержанія. Вообще, исторія финансовъ у насъ представлена гораздо полнѣе и лучше, нежели теорія. Къ раннимъ трудамъ такого рода слѣдуетъ отнести книгу Ю. А. Гагемейстера: «Розысканія о финансахъ древней Россіи.» (СПб., 1833); она обнимаетъ русскую финансовую исторію до Іоанна III-го (1462) и добросовѣстно знакомитъ съ важнѣйшими видами государственныхъ доходовъ правами и особенностями отдѣльных сословій и устройствомъ финансовой администраціи. Авторъ хорошо изучилъ иностранную литературу, но далеко не воспользовался всѣмъ русскимъ, даже печатнымъ матеріаломъ, напр. литературными трудами Строева. Какъ-бы дальнѣйшій шагъ по исторіи русскихъ финансовъ представляетъ собою сочиненіе графа Д. А. Толстого: «Исторія финансовыхъ учреждений Россіи со времени основанія государства до кончины имп. Екатерины II» (СПб., 1848). Авторъ пользовался лишь весьма немногими печатными трудами, не касаясь архивовъ, въ которыхъ лежитъ грома матеріаловъ по исторіи финансовъ, еще не тронутыхъ разработкой. Толстой знакомитъ не съ общимъ характеромъ финансовыхъ учреждений, въ хронологической послѣдовательности, а съ отдѣльными видами государственныхъ доходовъ, почему содержаніе его книги дробится на мелкія подраздѣленія. Къ срединѣ XIX стол. относятся также небольшіе, но цѣнные труды казанскаго проф. Осокина («Внутренніе таможенныя пошлыны въ Р., 1850, «Нѣсколько спорныхъ вопросовъ объ исторіи русскихъ финансовъ», 1855), работы И. Бѣляева, Чулкова и др. Въ восьмидесятихъ и девяностыхъ годахъ по исторіи финансовъ появились талантливыя работы Лаппо-Данилевскаго («Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ», СПб., 1890), Милюкова («Государственное хозяйство Р. первой четверти XVIII стол.», СПб., 1892), Ключевскаго («О рублѣ», статья о подушной подати и пр.). Въ основѣ этихъ изслѣдованій лежатъ уже первоисточники и архивные матеріалы. Бресскій, въ своей книгѣ о государственныхъ долгахъ Р. (СПб., 1884), даетъ обширный сводъ историко-статистическихъ свѣдѣній по исторіи русскихъ долговъ. И. С. Влюхъ, въ огромной сводной работѣ: «Финансы Россіи XIX столѣтія» (1882), довольно подробно излагаетъ исторію и статистику русскихъ финансовъ на основаніи официальныхъ документовъ, въ особенности за текущій вѣкъ; это—наиболѣе полная справочная книга, которая у насъ по этому предмету существуетъ. Труды В. П. Безобразова объ актовыхъ налогахъ и классификаціи государственныхъ

доходовъ, И. И. Кауфмана о кредитахъ и банкахъ, Н. Х. Бунге по вопросамъ о кредитахъ, проф. Цитовича и Лебедева о мѣстныхъ расходахъ и налогахъ, Алексѣенко и Исаева о кредитахъ и налогахъ, Озерова о подоходныхъ налогахъ и нѣкоторые другіе представляютъ болѣе или менѣе цѣнные вклады въ общую теорію финансовой науки. За послѣднія 15 лѣтъ пополненъ, наконецъ, и тотъ важный пробѣлъ русской финансовой литературы, отъ котораго она наиболѣе страдала: у насъ начали появляться учебники этой науки, до тѣхъ поръ почти отсутствовавшіе, за исключеніемъ стараго компилятивнаго учебника профессора Горлова. Таковы руководства по финансовому праву Львова, Патлаевскаго, Ходскаго, Янжула и Лебедева; послѣдній представляетъ собою наиболѣе выдающийся русскій трудъ по данному предмету. По своимъ размѣрамъ и широкому плану этотъ неоконченный учебникъ, часть котораго вышла уже вторымъ изданіемъ, можетъ даже считаться скорѣе пособіемъ при изученіи финансовой науки, нежели обыкновеннымъ руководствомъ для учащихся.

И. А.

47) Военныя науки можно подраздѣлить на двѣ главныя отрасли—военное искусство и военное право; первое обнимаетъ собою какъ теорію военного искусства (тактику и стратегію), такъ и исторію его (исторію войнъ, военнаго искусства, войскъ и военныхъ учреждений); второе, въ свою очередь, распадается на военно-административное право (организація войскъ, комплектованіе ихъ и управленіе ими, военное хозяйство) и военно-уголовное право (матеріальное и формальное). До тридцатыхъ годовъ XIX стол. по теоріи и исторіи военнаго искусства въ русской литературѣ появилось всего нѣсколько сочиненій, частью оригинальныхъ, частью переводныхъ. Къ числу оригинальныхъ трудовъ конца XVIII и начала XIX в. относятся сеченія Рубана, «Походъ боярина Шеина къ Азову» (1773); Михайлова, «Старинный военный уставъ ратныхъ пушкарныхъ и другихъ дѣлъ» (1777), «Опытъ полевого воинскаго искусства» (1794), «Половая карманная книжка къ познанію военнаго искусства» (1795), «Тактическія правила или наставленіе къ воинскимъ эволюціямъ» (1797); Бестужева, «Правила военнаго воспитанія и наставленіе для офицеровъ, военной службѣ себя посвятившимъ» (1807), «Общій опытъ тактики» (1807); Антоновскаго, «Наука успѣшно воевать по правиламъ Суворова» (1807), «Наука побѣждать по правиламъ Петра Великаго» (1808), «О военномъ искусствѣ древнихъ и новыхъ временъ» (1808); Де-Санглена, «Краткое изображеніе воинской исторіи XVIII в.» (1809), Чуйкевича, «Разсужденіе о войнѣ 1812 г.» (1813); Тихонова, «Пораженіе французовъ на Сѣверѣ въ 1812 г.» (1814); Вистицкаго, «Тактика въ пользу и употребленіе военнослужащихъ» (1817), «Памятная книжка для военныхъ людей» (1818); Ахшарумова, «Описаніе войны 1812 г.» (1819); Глинки, «Жизнь Суворова имъ самимъ описанная» (1819); Бутурлина, «Военная исторія походовъ Россіянъ въ XVIII вѣкѣ (1819 — 23), «Исторія нашествія имп. Наполеона на

Россію въ 1812 г.» (1823), «Картина войны Р. съ Турціей въ царствованіе имп. Екатерины II и имп. Александра I» (1829—30) и «Картина осенняго похода 1813 г. въ Германію» (1830); Давыдова, «Опытъ теоріи партизанскихъ дѣйствій» (1821); Пушкина, «Краткію извѣстія объ образованіи въ Европѣ войскъ» (1821); Малыгина, «Россійскій ратникъ или общая военная повѣсть о государственныхъ войнахъ» (1825); Фукса, «Исторія руссійско-австрійской кампаніи 1799 года» (1825); Окунева, «Réflexions sur le système de guerre moderne» (1823), «Исторія кампаніи 1800 г. въ Италіи» (1825), «Considérations sur les grandes opérations de la campagne de 1812 en Russie» (1829), «Mémoires sur les principes de la stratégie» (1830) и «Examen raisonné des propriétés des trois armes» (1832); Мяхкова, «Опытъ энциклопедическаго обзорѣнія военного искусства» (1828). Разработка теоріи военного искусства начата у насъ бар. Жomini; труды его: «Наука о большихъ военныхъ дѣйствіяхъ» (1836), «Аналитическій обзоръ главныхъ соображеній военного искусства и объ отношеніяхъ оныхъ съ политикою государства» (1833), съ дополненіемъ къ нему (1838), и «Краткое начертаніе военного искусства» (1840)—появились первоначально на французскомъ языкѣ. После основанія въ 1832 г. военной академіи появляются работы бар. Медема: «Обзорѣніе извѣстѣйшихъ правилъ и системъ стратегіи» (1836) и «Чистая и прикладная тактика» (1837); Веймарна, «Высшая тактика» (1840); Языкова, «Опытъ теоріи стратегіи» (1842); М. Богдановича, «Записки стратегіи, правила веденія войны» (ч. I, 1847); Ѳ. Горемыкина, «Руководство къ изученію тактики» (1849); Неелова, «Очеркъ современнаго состоянія стратегіи» (1849); Вуича, «Малая война» (1850); Энгельгардта, «Краткое начертаніе малой войны для всѣхъ родовъ оружія» (1850); Д. Милютина, «Наставленіе къ занятію, оборотѣ и атакѣ мѣстныхъ предметовъ» (1850); Карцова, «Тактика» (1850—1852); Липранди, «Взаимныя дѣйствія пѣхоты, конницы и артиллеріи» (1854); Столыпина, «Опытъ объ употребленіи легкой кавалеріи» (1854); Астафьева, «О современномъ военномъ искусствѣ» (1856); кн. Голицына, «О партизанскихъ дѣйствіяхъ въ большихъ размѣрахъ» (1859); Новицкаго, «Лекціи малой войны» (1865); Батезатуга, «Стратегическіе очерки настоящаго положенія европейскихъ государствъ» (1868); М. Драгомирова, «Тактика» (1866), «Опытъ руководства для подготовки частей къ бою» (1870, 3-я ч., 1885), «Сборникъ оригинальныхъ и переводныхъ статей» (1881); Г. Леера, «Стратегія» (1867, послѣднее изданіе 1898), «Дѣйствія арміи въ сферѣ крѣпостей» (1869), «Опытъ критико-историческаго изслѣдованія законовъ войны» (ч. I, «Положительная стратегія», 1869), «Значеніе подготовки къ войнѣ вообще и подготовки стратегическихъ операцій въ особенности» (1875), «Высшая тактика» (1880), «Прикладная тактика» (1880), «Стратегическіе этюды» (1886), «Сложныя операціи» (1892), «Методъ военныхъ наукъ» (1894); Сухотина, «Рейды и поиски кавале-

ріи» (1875); Богуславскаго, «Выводы по тактикѣ изъ опыта войны 1870 г.» (1872); Преженцова, «Кавалерія впереди фронта арміи» (1877); Скобелевича, «Конница, ея боевыя свойства и предпріятія» (1880); Карцева, «Командованіе ротой и эскадрономъ» (1881), «Командованіе отдѣльною частью» (1883); Байкова, «Опытъ руководства къ отправленію кавалеріей стратегической службы» (1882); Потто, «Степная война» (1883); Пистолькорса, «Записки о значеніи русской конницы» (1884); Селиванова, «Движенія и бой ночью» (1889); Баскакова, «Ночныя движенія и дѣйствія войскъ» (1889), «Война, военное дѣло, военная наука, военное искусство» (1890); Михневича, «Вліяніе новѣйшихъ техническихъ изобрѣтеній на тактику войскъ» (1892); Клембовскаго, «Тайныя развѣдки» (1892), «Партизанскія дѣйствія» (1894); Скугаревскаго, «Атака пѣхоты» (1893); Заюнчковскаго, «Наступательный бой» (1893), «Самостоятельность частныхъ начальниковъ» (1894); Мартинова, «Стратегія въ эпоху Наполеона I и въ наше время» (1894); Гейсмана, «Опытъ изслѣдованія тактики массовыхъ армій» (1894), «Война, ея значеніе въ жизни народа и государства» (1896); Маслова, «Научныя изслѣдованія по тактикѣ» (1897). Преобразованіе военно-учебныхъ заведеній дало цѣлый рядъ учебныхъ руководствъ по тактикѣ: Бѣлинскаго (1866), Корибута (1868), Левицкаго (1872), Раздѣшевскаго (1877), Кублицкаго (1882), Василевскаго (1883), Дурота (1882), фонъ-Фохта (1884), Преженцова (1893). Въ послѣднія 25 лѣтъ, когда было обращено особенное вниманіе на подготовку войскъ въ мирное время, по всѣмъ отраслямъ обученія и воспитанія войскъ появилось множество компилятивныхъ руководствъ, пособій и справочныхъ изданій. По исторіи военного искусства и войны въ текущемъ столѣтіи появились труды: Жomini, «О великихъ военныхъ дѣйствіяхъ или критическое и сравнительное описаніе походовъ Фридриха Великаго и Наполеона» (1809—17) и «Политическая и военная жизнь Наполеона» (1835); Зедделера, «Обзорѣніе, исторія военного искусства» (1836 и 1843); Михайловскаго-Данилевскаго, «Описанія войнъ императора Александра съ Наполеономъ въ 1805 году» (1844), «Александра съ Наполеономъ въ 1806—1807 гг.» (1846), «Турецкой 1806—12 гг.» (1843), «финляндской 1808—09 гг.» (1841), «Отечественной 1812 г.» (1839), «Записки о походѣ 1813 г.» (1834), «Описаніе войны 1813 г.» (1840), «Записки 1814 г.» (1831), «Описаніе похода во Францію въ 1814 г.» (1841), «Воспоминанія и путевыя записки 1815 г.» (1831); М. Богдановича, «Замѣчательнѣйшіе походы Петра Великаго и Суворова» (1846), «Походы Румянцова, Потемкина и Суворова въ Турцію» (1852), «Походъ 1796 г. Вонапарта въ Италію» (1860), «Исторія отечественной войны 1812 г.» (1859—1860), «Исторія войны 1813 г. за независимость Германіи» (1863), «Исторія войны 1814 г.» (1865), «Исторія военного искусства и замѣчательныхъ походовъ» (1853), «Описаніе походовъ графа Радецкаго въ Италію» (1849), «Описаніе экспедиціи англо-французовъ въ

Крымъ» (1856); «Русская армія въ вѣкъ Екатерины II» (1873); «Восточная война 1853—56 гг.» (1856); Бяляева, «О русскомъ войскѣ въ царствованіе Михаила Теодоровича» (1846) и «О сторожевой службѣ на Польской Украинѣ» (1846); Устрялова, «Русское войско до Петра Великаго» (1856); Карцева, «Военно-историческіе обзоры войнъ: Сѣверной (1851), 1812 г. (1852) и 1813 г. (1855); Д. Милютинъ, «Описание военныхъ дѣйствій 1839 г. въ Сѣверномъ Дагестанѣ» (1850) и «Исторія войны 1799 г. Россіи съ Франціей» (1852); Окунева, «Исторія 2-ой половины польской войны 1831 г.» (1835) и «Разсужденіе о большихъ военныхъ дѣйствіяхъ въ 1812 г.» (1841); Медема, «Петръ Великій, какъ основатель арміи и военного искусства въ Россіи» (1825); Сухтелена, «Картина военныхъ дѣйствій въ Финляндіи въ войну 1808—1809 г.» (1832); Зубова, «Картина войны Р. съ Персіей 1826—28 г.» (1834); Муханова, «Штурмъ Праги 1794 г.» (1834); Ушакова, «Исторія военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи 1828—29 гг.» (1836); Зотова, «Военная исторія Россійскаго государства» (1839); Лукьяновича, «Описание турецкой войны 1828—1829 гг.» (1844); Невѣровскаго, «О началѣ безпокойствъ въ Дагестанѣ» (1847); «Истребленіе аварскихъ ханствъ» (1848); Даргагана, «Записки о войнѣ въ Трансильваніи» (1849); Лебедева, «Графъ Радецкій и его походы въ Италію» (1850); Богдановича и Лебедева, «Очеркъ венгерской войны» (1850); Соковича, «Историческій обзоръ дѣятельности гр. Румянцова и его соотрудниковъ» (1852) и «Дѣйствія Суворова въ Турціи въ 1773 г.» (1853); Аничкова, «Разборъ сраженія при Ваграмѣ» (1852); Шпехта, «Королевство Вестфальское и разрушеніе его Чернышевскимъ» (1852); Анучина, «Защита укр. Ахты и Самурскаго окр. въ 1848 г.» (1858); Жандра, «Матеріалы для исторіи обороны Севастополя» (1859); Муравьева-Карскаго, «Русскіе на Востокъ въ 1833 г.» (1859) и «Турція и Египетъ въ 1832—33 гг.» (1870); Шпилевскаго, «Описание войны между Россіей и Швеціей въ 1741—43 гг.» (1859); Зыкова, «Военно-историческій обзоръ кампаніи 1815 г.» (1860); Овдеева, «60 лѣтъ кавказской войны» (1860); Драгомирова, «Сольфериинская битва» (1861) и «Очерки австро-прусской войны 1866 г.» (1867); Станкевича, «Критическій разборъ кампаніи 1809 г.» (1861); Смида, «Исторія польскаго возстанія и войны 1830—31 гг.» (1863); «Суворовъ и паденіе Польши» (1867); Лихутинъ, «Записки о походѣ въ Венгрію» (1889) и «Русскіе въ Азіатской Турціи въ 1854—55 гг.» (1863); Муравьева, «Изъ записокъ о войнѣ 1855 г. въ Малой Азій» (1863); Духовскаго, «Матеріалы для описанія войны на Западномъ Кавказѣ» (1864); Иванова, «Исторія регулярной кавалеріи отъ Петра Великаго до нашихъ дней» (1864); Акиннина и Страденна, «Очеркъ датской войны» (1865); Петрова, «Война Р. съ Турціей и польскими конфедератами 1769. — 96 гг.» (1866); «Вторая турецкая война въ царствованіе Екатерины II» (1880); «Войны Россіи съ Турціей 1806—1812» (1885); «Война Россіи съ Турціей 1853—54 гг.» (1890); Непоконичаго, «Описание войны 1849 г. въ Трансильваніи» (1866); Чуловскаго, «Война за Шлезвигъ-Гольштейнъ» (1866); Романовскаго, «Кавказъ и кавказская война» (1870); Тотлебена, «Описание обороны Севастополя» (1868); Дубровина, «Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ» (1871); «Закавказье отъ 1803 до 1806 г.» (1876); «Матеріалы для исторіи крымской войны и обороны Севастополя» (1871); «Отечественная война въ письмахъ современниковъ» (1882); «Восточная война 1853—56 гг.» (1868); Леера, «Публичныя лекціи о войнѣ 1870 г.» (1871) и «Обзоръ войнъ Россіи отъ Петра Великаго до нашихъ дней» (1885); кн. Голицына, «Всеобщая военная исторія» (1872) и «Великіе полководцы исторіи» (1875); Гудимъ-Левковича, «Историческое развитіе вооруженныхъ силъ Р. до 1708 г.» (1875); Ореуса, «Описание венгерской войны» (1880); Сухотина, «Записки по исторіи военного искусства» (1881); «Фридрихъ Великій» (1882); «Наполеонъ и австро-французская война 1809 г.» (1885); Маркова, «Исторія конницы» (1882); А. Петрушевскаго, «Генералиссимусъ кн. Суворовъ» (1884); Пузыревскаго, «Записки по исторіи военного искусства въ эпоху 30-ти лѣтней войны» (1882); «Исторія военного искусства въ средніе вѣка» (1884); «Развитіе постоянныхъ регулярныхъ армій и состояніе военного искусства въ вѣкъ Людовика XIV и Петра Великаго» (1889); «Польско-русская война 1831 г.» (1866); Масловскаго, «Русская армія въ семилѣтнюю войну» (1866); «Состояніе русскихъ войскъ въ эпоху предшествовавшую царствованію Екатерины II» (1883); «Матеріалы по исторіи военного искусства въ Р.» (1892); «Записки по исторіи военного искусства» (1894); Михневича, «Исторія военного искусства съ древнихъ временъ» (1896); «Значеніе германо-французской войны въ исторіи военного искусства» (1892) и «Война между Германіей и Франціей 1870—71 гг.» (1897); Гейсмана, «Краткій курсъ исторіи военного искусства въ средніе и новыя вѣка» (1894); Васкакова, «Сѣверная война 1700—1721 гг.» (1890); Мышлаевскаго, «Матеріалы для исторіи военного искусства въ Р. Война въ Финляндіи въ 1712—1714 гг.» (1896). Разработка исторіи отдѣльныхъ частей войскъ началась еще въ концѣ прошлаго столѣтія. Въ 1798 г. появилось «Начертаніе о началѣ и успѣхахъ въ построеніи регулярнаго войска въ Р.» Шмидта, а въ 1799 г.—«Хроника російской арміи» кн. Долгорукова; затѣмъ были изданы исторіи многихъ отдѣльныхъ полковъ. Научная разработка военно-административнаго права началась въ Россіи сравнительно поздно: только въ 1860 г. вышло первое оригинальное сочиненіе Аничкова: «Военное хозяйство»; затѣмъ появились труды Затлера, «Записки о продовольствіи войскъ въ военное время» (1865), «О госпиталяхъ въ военное время» (1861) и «Краткій критическій обзоръ механизма армій» (1867); Фаддѣева, «Вооруженныя силы Россіи» (1868); Лобко, «Записки военной администраціи» (1867); Газенкампа, «Очеркъ современнаго состоянія вооруженныхъ силъ Турціи» (1876)

и «Военное хозяйство» (1880); Редигера, «Комплектование и устройство вооруженной силы» (1892) «Унтеръ-офицерскій вопросъ» (1880) и «Мобилизація арміи» (1886); Макшеева, «Военная администрація» (1894). О военно-уголовномъ правѣ—см. выше, уголовное право. Военно-уголовнаго судопроизводства касаются слѣдующіе труды: Володимірова, «Военное судопроизводство» (1893) и «Руководство къ изученію военно-судебнаго устава» (1896); Шендзиковскаго, «О военно-полевымъ судѣ» (1892); Огнева, «Военная подсудность» (1896); Абрамовича-Барановскаго, «Значеніе военнаго начальства въ военномъ процессѣ» (1896); Лыкошина, «Порядокъ постановки вопросовъ въ военныхъ судахъ» (1896). Въ разное время

издано нѣсколько учебниковъ законовѣднія для военно-учебныхъ заведеній—Михайлова, Осовскаго, Калинина, Бакшеева и Мушникова. Появился также рядъ справочныхъ изданій для офицеровъ, производящихъ дознанія и принимающихъ участіе въ отправленіи правосудія; изъ нихъ наиболѣе распространены изданія Анисимова, Мартынова, Щербатова и Швейковскаго. Въ 1858 г. вышелъ «Военно-энциклопедическій словарь» Зедделера; къ 1892 г. закончена «Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ» Леера. Въ «Военной Библіотекѣ» (1839 и 1868), «Русскомъ Инвалидѣ» и «Военномъ Сборникѣ» помѣщено много статей и замѣтокъ по разнымъ отдѣламъ военныхъ наукъ. А. Лыкошинъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ СТ. РОССІЯ.

I. Русскія монеты.

Русскія монеты. Въ древнѣйшее время существованія Россійскаго государства (въ IX—X вв.) вся обращающаяся въ немъ монета была иностранная. Обращались драхмы Сассанидовъ (царей Персіи) V—VII вв. по Р. Хр., затѣмъ диргеми халифовъ династїи Омайядовъ VII—VIII вв. и Аббасидовъ VIII—X вв., а также мелкихъ мусульманскихъ династїй, признававшихъ верховную власть халифовъ. Вся эта монета принималась на вѣсъ какъ серебро, вполнѣ независимо отъ ея легальной стоимости въ государствѣ халифовъ. Возникновеніе самостоятельнаго чекана монеты въ Р. восходитъ ко времени вел. кн. Владиміра святого, при которомъ оживленныя сношенія съ Византіею повели къ усвоенію положенія римско-византійскаго государственнаго права, видѣвшаго главное выраженіе самодержавной власти правителя въ выпускѣ монеты его имени. Древнѣйшія русскія монеты вел. князя Владиміра выпущены между 972 и 1015 г. по Р. Хр. Золотыя имѣютъ на лицевой сторонѣ изображеніе вел. князя на престолѣ и надпись **ВЛАДИМИРЪ НА СТОЛѢ**.

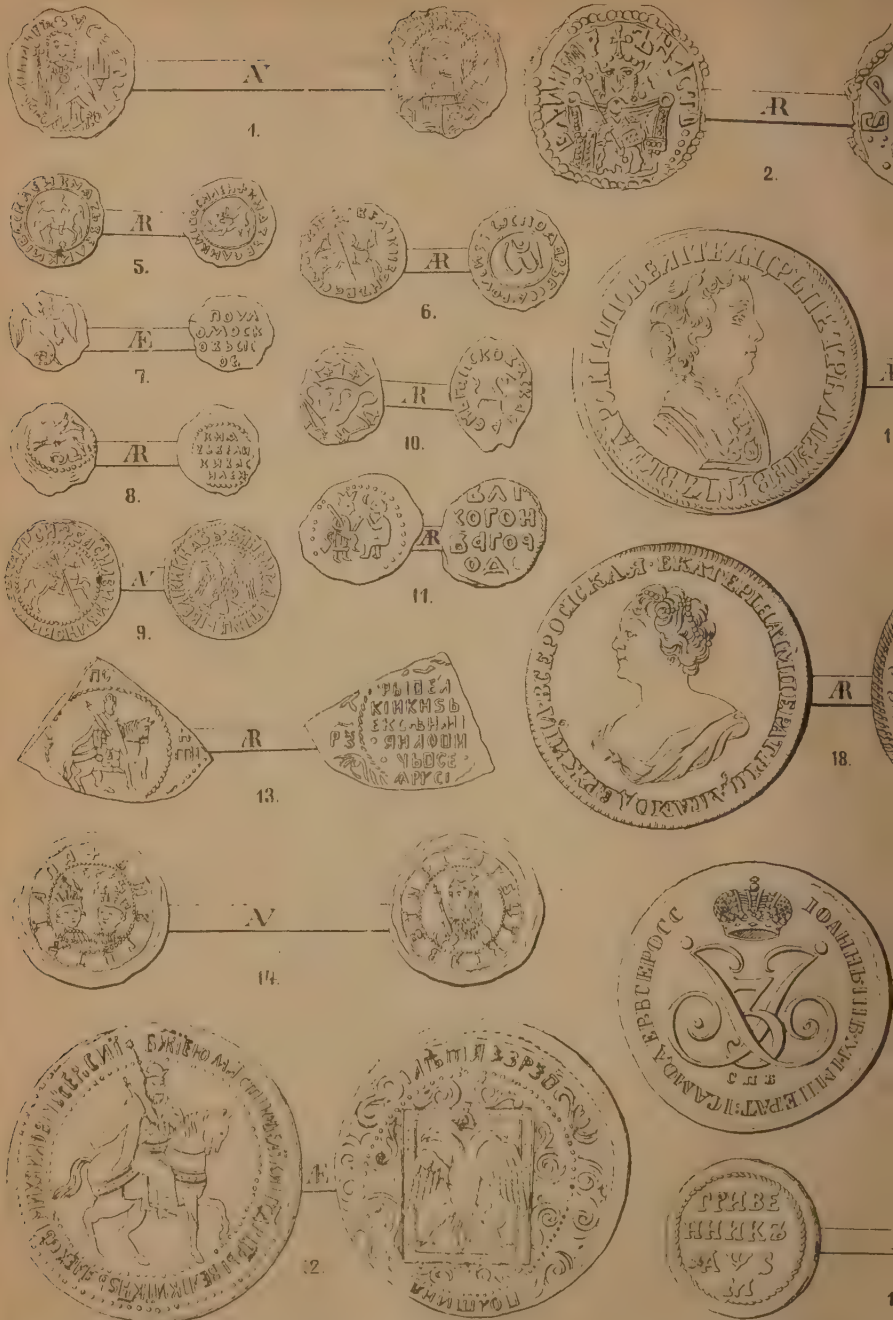
Рядомъ съ изображеніемъ — знакъ, точное значеніе котораго и до сихъ поръ не разъяснено. На оборотѣ изображеніе сидящаго Иисуса Христа, съ надписью вокругъ: **ИСУСЪ ХРИСТОСЪ**. Существуетъ нѣсколько вариантовъ золотыхъ монетъ Владиміра. Серебряныя имѣютъ на аверсѣ тоже изображеніе и ту же надпись, а на оборотѣ—**«А се его серебро»**, вокругъ

знака вел. князя. Какъ золотыя, такъ и серебряныя монеты—византійской фабрикаціи и выбиты по вѣсу золотыхъ и серебряныхъ византійскихъ монетъ того времени. По тому же типу выбиты и серебряныя монеты вел. кн. Святополка Ярополковича (1015—1019). Серебряныя монеты вел. кн. Ярослава Владиміровича (1019—1054) имѣютъ на лицевой сторонѣ, вокругъ изображенія св. Георгія, надпись по-гречески **ὁ Γεώργιος**, а на реверсѣ—**Ярославѣ сѣребро** (по-славянски), вокругъ особаго знака, точное значеніе котораго не выяснено. Мѣдныя монеты Ярослава подѣльны. По смерти Ярослава выпускъ монеты въ Р. прекращается. Причина прекращенія—отсутствіе надобности въ монетѣ, вслѣдствіе крайне неразвитаго экономическаго строя и господства мѣноваго торга. Съ этого времени обращалась, какъ и ранѣе, иностранная серебряная монета, на вѣсъ (германская, датская, норвежская, шведская, англо-саксонская), слитки серебра, также принимавшіяся на вѣсъ, затѣмъ выбиваемые ханами Золотой орды серебряные диргеми (съ 1266 г. до конца владычества татаръ). Только въ концѣ XIV в. возникаетъ опять самостоятельный чеканъ монеты въ Р., вслѣдствіе требованія хановъ Золотой орды, чтобы князья помѣщали на своихъ монетахъ, вмѣстѣ съ собственными именами, и имена ихъ сюзереновъ—хановъ. Такъ возникаютъ русско-татарскія монеты, имѣющія на лицевой сторонѣ имя хана (Тохтамыша), изображенное арабъ-

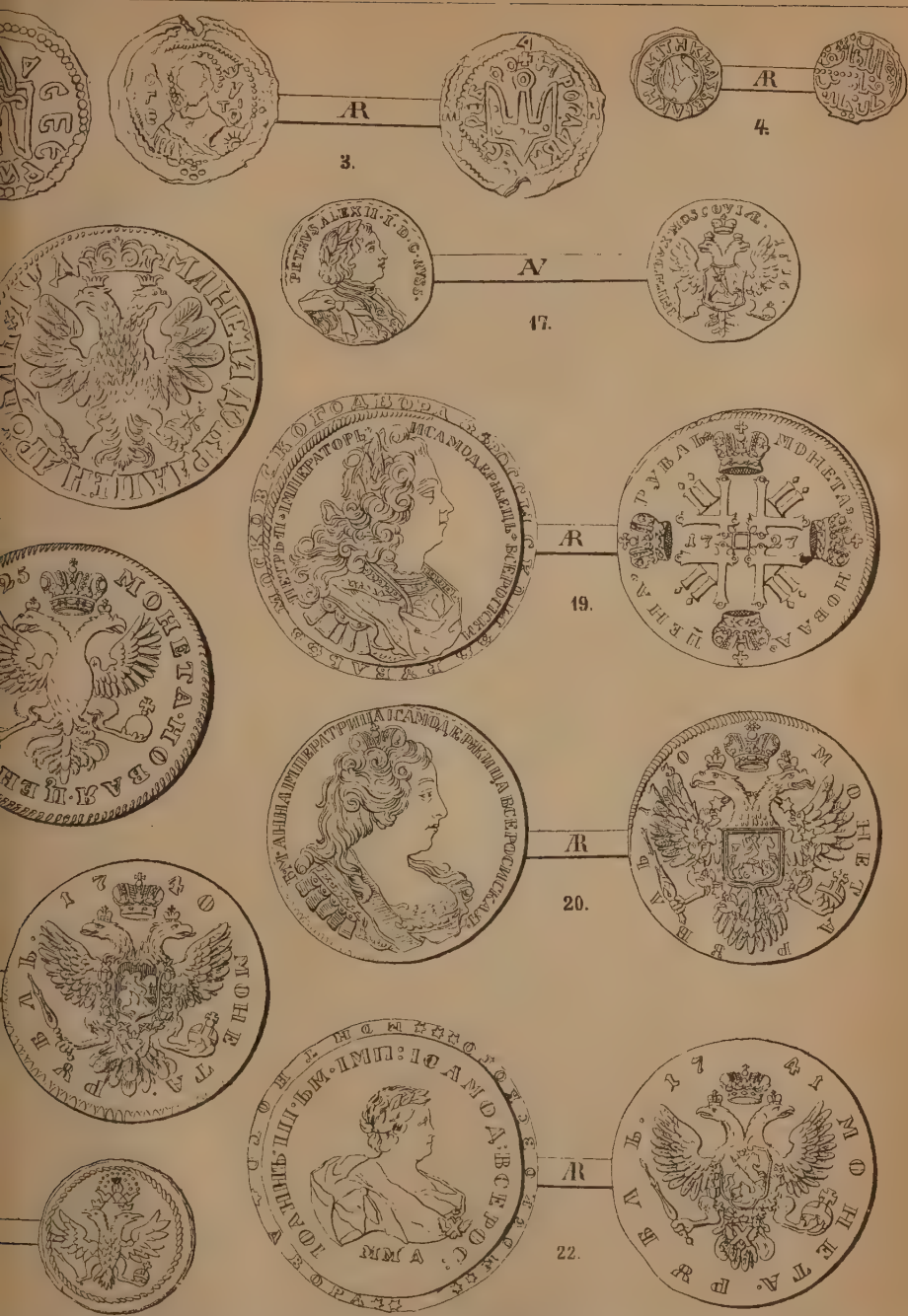
скими буквами, а на оборотѣ имя князя (Андрея Храбраго, Юрія Димитріевича Галицкаго, Бориса Константиновича Городецкаго) или вел. князя, написанное по-русски (Димитрія Донскаго, Василя Димитріевича, Василя Темнаго). При Іоаннѣ III прекращается упоминаніе на монетахъ имени хана, но арабскія надписи, содержащія имя князя (Ибанъ = Иванъ, Михаила Тверчи = Михаилъ Тверской) еще встрѣчаются. Ихъ употребленіемъ старались расширить область обращенія монеты и открыть для нея восточные рынки. Русская монета XIV и XV вв. имѣетъ всѣхъ и величину татарскихъ диремовъ этого времени. Название серебряной монеты было денга (отъ татарско-персидскаго тента); денегъ на рубль (чисто счетную въ XIV в. монетную единицу) шло 100 штукъ, а въ XV в. — 200 московскихъ, 100 псковскихъ и новгородскихъ. Съ XV в. появляются и мѣдныя монеты — пуш. Съ конца XIV в. выбиваются монеты только съ русскими надписями въ вел. кн. Московскомъ, Суздальскомъ, Нижегородскомъ, Рязанскомъ и Тверскомъ и въ удѣльныхъ княжествахъ Галицкомъ, Можайскомъ, Дмитровскомъ, Серпуховскомъ, Верейскомъ, Ростовскомъ, Ярославскомъ, Митишинскомъ, Кашинскомъ, Городенскомъ и Угличскомъ. Вольные города Новгородъ и Псковъ, а также Торжокъ начинаютъ чеканить монеты только въ началѣ XV в. и скоро послѣ потери самобытности его прекращаютъ (см. Новгородки). За исключеніемъ Пскова и Новгорода, въ это время монеты чеканили мало; почти вся серебряная ралюта заключалась въ продолговатыхъ кускахъ литого серебра, *грозинахъ*. Только при Іоаннѣ III серебряная монета начинаетъ выбиваться въ большомъ количествѣ, достаточномъ для употребленія въ торговыхъ оборотахъ. При его преемникахъ, до Петра I включительно, выбивались серебряныя копейки, по 100 штукъ на рубль. При Алексѣѣ Михайловичѣ, когда въ Россію стала проникать серебряная западноевропейская монета — талеры — въ большомъ количествѣ, правительство допустило ихъ обращеніе сначала по курсу 50 коп., затѣмъ, вслѣдствіе финансовыхъ затрудненій, вынуждено было поднять ихъ цѣнность до 64 коп. (21 алтынъ и 2 деньги), наложивъ на нихъ два штемпеля (1655 г. и изображеніе царя на копей). Такими образомъ образовались ефимки. Въ 1657 г. приступлено было къ выпуску серебряной монеты величиною въ талеръ, но съ номинальною цѣнностью, вдвое превосходявшею цѣнность металлическую. На нихъ съ лицевой стороны изображенъ царь на копей, съ его титуломъ вокругъ, а на оборотной — государственный гербъ, слово «рубль» и годъ 7162 (= 1654 по Р. Хр.). Тогда же выпущены были полтинники изъ мѣди, съ подобными же изображеніями, величиною въ соробряный рубль, съ надписью «полтина». Золото чеканилось еще со времени Іоанна III; мы имѣемъ съ этого времени золотыя монеты всѣхъ царствованій до конца XVII в., но въ

обращеніи золотой монеты не было вовсе, а чеканилась она для раздачи въ видѣ награды служилымъ людямъ, т. е. была тѣмъ, что теперь наградныя золотыя медали. Правильный чеканъ монеты былъ установленъ въ Россіи только Петромъ Великимъ съ 1699 г., когда выбита была серебряная полтина. Выпускъ золота (червонцы, двойные червонцы) начался съ 1701 г., а мѣди — съ 1700 г. Въ настоящее время въ Р. дѣйствуетъ монетный уставъ, Высочайше утвержденный 7 іюня 1899 г. (Собр. узакон. и распор. правит., № 74 за 1899 г.), по которому русская монетная система основана на золотѣ. Изъ золота, содержащаго сто частей лигатуры (мѣдной) и девятисотъ частей чистаго металла, выбиваются монеты въ 15, 10, $7\frac{1}{2}$ и 5 р., по расчету 476 р. $327\frac{1}{10}$ коп. изъ фунта лигатурнаго металла. Всѣхъ этихъ монетъ (лигатурный) 3 зол. 2,4 доли, 2 зол. 1,6 доли, 1 зол. 49,2 доли и 1 зол. 0,8 доли. Терпимости на всѣхъ при фабрикаціи для 15 р. 0,0013, для 10 и $7\frac{1}{2}$ р. — 0,002, 5 руб. — 0,003 ниже и выше указнаго вѣса, на пробѣ — 0,001 часть ниже и выше указаной пробы. Золотая монета чеканится также изъ золота, представляемаго на монетный дворъ частными лицами, если представлено не менѣе $\frac{1}{4}$ фн., при чемъ взимается за чеканку съ пуда чистаго золота по 42 руб. 31 $\frac{1}{2}$ коп., а принимается оно по расчету 5 р. 50 $^{800/1000}$ коп. за золотникъ. Кромѣ перечисленныхъ номиналовъ, выбиты были въ 1896 г. и 25-рублевки (по расчету полумпериала = $7\frac{1}{2}$ руб.), на парижскомъ монетномъ дворѣ. Серебряная монета выбивается въ рубль, полтину, четвертакъ (полноцѣнная, девяностой пробы) и въ 20, 15, 10 и 5 коп. (размѣнная, пятидесятая пробы), по расчету 1000 руб. полноцѣнной монеты изъ 1 ид. 8 фн. 79 зол. 48 дол. и 1000 р. размѣнной монеты изъ 1 ид. 3 фн. 90 зол. 72 доли лигатурнаго металла. Серебро отъ частныхъ лицъ для перечеканки въ монету не принимается, также какъ и мѣдь. Предѣльный вѣсъ для приѣма въ уплату золотой монеты по указаной ей цѣнѣ полагается для 15 руб. 3 зол. 1 доля, 10 руб. 2 зол. 0,6 доли, $7\frac{1}{2}$ руб. 1 зол. 48 долей и 5 руб. 1 золотникъ. Золотая монета, выбитая по закону 1885 г., принимается по 15 р. за империалъ и по $7\frac{1}{2}$ р. за полумпериалъ, вся же золотая монета, выпущенная до 1885 г., принимается только по цѣнѣ содержащагося въ ней металла, равно какъ истертая и испорченная монета, выбитая по законамъ 1885 и 1899 гг.; кромѣ того, вычитается на перечеканку послѣдней по 1 коп. съ каждыхъ пяти рублей. Серебряная и мѣдная монета считается вспомогательною, а потому уплатъ серебряною полноцѣнною монетою обязательны къ приѣму только до 25 руб., а размѣнной и мѣдною — только до 3 руб. Количество серебряной монеты, находящейся въ обращеніи, не должно превышать суммы 3 руб. на душу населенія Имперіи. Мѣдная монета (въ 5, 3, 2, 1, $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ коп.) чеканится изъ чистой мѣди.

А. М.—а.

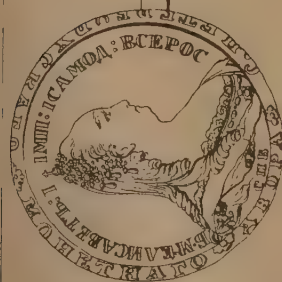
1. Златникъ Великаго Князя Владимира Равноапостольнаго (980—1015 г., по Р. Хр.) 2. Сребренникъ его же. 3. Сребренникъ императрицы Екатерины II (1762—1796 г.). 4. Златникъ императора Александра I (1801—1825 г.). 5. Денга Великаго Князя Московскаго (1462—1505 г.). 6. Денга Василия Ивановича Шуйскаго (1606—1610 г.). 7. Пуло александровское (1610—1613 г.). 8. Мелкая монета (средней чистоты) царя Алексея Михайловича (1689 г.). 9. Рубль Петра Великаго (1704 г.). 10. Гривенникъ Петра Великаго (1706 г., московскаго монетнаго двора). 11. Рубль Иоанна Антоновича (1740 г., ефб монетны).

дника Князя Ярослава Мудраго (1016—1054 г. по Р. Х.). 4. Деньга Великаго Князя Московскаго Димитрія Донскаго
 1425—1462 г. 8. Деньга его же. 6. Деньга Великаго Князя Московскаго Іоанна III съ его име-
 родская времени самобытности 1420—1478 г. 10. Деньга Псковская времѣни самобытности 1425—1510 г. 9. Золотой ларя
 13. Серебряный четвертакъ его же 1654 г. 14. Дукать царей Петра и Іоанна Алексѣевичей и царевны Софіи (1682—
 его же, 1716 г. Рубль Екатерины I 1725 г. 19. Рубль Петра II 1727 г., московскаго монетнаго двора. 20. Рубль Анны
 а. 22. Рубль Іоанна Антоновича 1741 г., московскаго монетнаго двора.

—серебро, Я—мѣдь.

Слб. Тип. Ефрона.

AR 23.

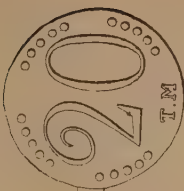
AR 26.

AR 24.

AR 27.

AR 25.

AR 28.

23. Рубль Елисаветы Петровны 1788 г., сиб. монетного двора. 24. Рубль Петра III, сиб. монетного двора. 25. Императрица Екатерина II 1788 г., сиб. монетного двора. 26. Рубль Екатерины II 1788 г., сиб. монетного двора. 27. 20-ти копеечный ея же, 1787 г., чеканенный для обращения в Крыму. 28. Рубль Павла I 1796 г., сиб. монетного двора; работы Карла Деберехта.

Сиб., Тип. Ефрона.

II.

Площади бассейновъ и длины рѣкъ:

А. ЕВРОПЕЙСКАЯ РОССИЯ 1).

Названія рѣкъ: Главные.	Что принято за истокъ рѣки.	Длина рѣкъ.		Площади бассей- новъ.		Длина участ- ковъ въ вер- стахъ.			Примѣчанія.
		версты	килом.	кв. версты.	кв. килом.	не сплав.	сплав- ного.	судо- ход.	
Притоки.		3	4	5	6	7	8	9	10
Бассейны Сѣвернаго Ледо- витаго океана.									
Тапа	Скѣтисоіоки.	378	402	4123	4692	—	—	—	Стр. (Это относ. къ ст. 3 Стр. и 4). Стр. Стр.
Патсъ-Юки	Ивала Юки.	399	425	16973	19316	—	—	—	
Тулона	Гирвась.	317	339	21393	24346	—	—	—	
Поной	—	248	265	9698	11037	—	—	—	
Кемь	оз. Орель.	380	405	27679	31499	—	—	—	
Выгъ	дер. Каргольская.	290	409	23149	26344	—	—	—	Стр.
Онега	озеро Лача.	370	395	49905	56793	—	380	—	
Сѣв. Двина	гор. Устюгъ.	675	720	318346	362284	—	—	690	
Сухона	озеро Кубенское.	500	533	45257	51503	—	—	526	
Югъ	59° 37'—16° 3'	405	431	31797	36186	88	—	312	
Притокъ Юга:									
Луза	59 40—18 15	390	416	15373	16495	72	318	—	—
Вычегда	62 52—24 56	1035	1103	107018	121789	117	—	934	
Притоки Вычеды:									
Вымъ (Юва)	64 20—20 50	345	368	21287	24225	321	—	24	—
Сѣверная Кельтма	61 00—24 45	125	133	5372	6114	16	—	98	
Сысоза	59 50—21 45	340	363	17559	19983	98	—	242	
Пинега	62 17—16 13	615	657	37001	42108	—	182	433	
Вага	59 55—11 5	470	501	38295	43581	41	88	353	
Итого по бас. Сѣв. Двины	—	—	—	—	—	1265	1904	3939	—
						7108 в.			
Въ томъ числѣ пароход- ное движеніе на									
						2467 в.			—
Кулой	64 35—27 50	260	277	13882	15741	—	—	—	
Мезень	гор. Похъ-ю-ць.	765	716	70363	80074	35	445	313	
Пеза	65 30—18 27	290	309	15512	17653	—	—	—	
Вашка	62 30—17 50	385	420	15800	17981	—	—	—	
Печора	Сопка Болвань-изъ	1545	1647	281490	320342	259	—	1344	
Пичъ	63° 32'—27° 50'	355	378	14785	16826	—	—	—	
Усса	Хуробада пай.	630	673	80205	91275	—	—	—	
Ижма	62° 39'—24° 45'	555	591	24181	27519	—	—	—	
Пыльва	65 6—17 36	285	304	18249	20768	—	—	—	
Сула	68 15—27 45	225	239	9830	11187	—	—	—	
Итого по бас. Ледов. ок.	—	—	—	—	—	1683	3493	5596	—
						10772 в.			
Въ томъ числѣ пароход- ное движеніе									
						2467 в.			—

1) Въ столбцѣ 1 даны названія рѣкъ и ихъ притоковъ; вообще рѣки даны не всѣ, а только главнѣйшія. Столбцы 2 указываютъ, что было принято за истокъ рѣки при измѣреніи ея длины; для нѣкоторыхъ рѣкъ, измѣренныхъ только ген. Стрѣльбицкимъ, это свидѣніе не указано нмѣ. Столбцы 3 и 4 даютъ длину рѣкъ, по большей части по даннымъ ген.-лейт. А. А. Тилло („Изв. Имп. Рус. Геогр. Общ.“ 1883 г.). Для тѣхъ рѣкъ, длина которыхъ у него не указана, вѣзты цифры ген. Стрѣльбицкаго („Мѣсисл. пов. Росс. Имп.“ 1899 г.) и тогда въ столбцѣ 10 поставлено — Стр. Столбцы 5 и 6 даютъ площади бассейновъ въ кв. в. и кв. км., по даннымъ ген.-лейт. А. А. Тилло („Поиски, зап. къ картѣ басс. водн. пут. Евр. Россіи“, 1897 г.). Столбцы 7, 8 и 9 даютъ свидѣнія о длинѣ судоходныхъ, сплавныхъ и неславныхъ участковъ рѣкъ въ верстахъ; эти данныя заимствованы изъ паданія м-ва путей сообщ. „Перечень внутр. водн. путей сообщ. Евр. Россіи“, 1892 г. Необходимо обратить вниманіе, что суммы этихъ трехъ чиселъ для каждой рѣки зачастую не сходятся съ числами длинъ рѣкъ столбца 3-го, потому что измѣренія произведены были по разнымъ картамъ и источникамъ. Также и общія суммы участковъ судоходнаго, сплавнаго и неславнаго по бассейнамъ рѣкъ всегда больше нежели действительныя суммы изъ данныхъ въ столбцахъ 7, 8 и 9 чиселъ, потому что здѣсь многія меньшія рѣки выпущены, а общія суммы дана, принимаемая во вниманіе и ихъ.

Названія рѣкъ: Главныя.	Притоки.	Что принято за истокъ рѣки.	Длина рѣкъ.		Площади бассей- новъ.		Длина участ- ковъ въ вер- стахъ.			Примѣчанія.
			версты.	килом.	кварт. версты.	кварт. килом.	не сплав- ного.	сплав- ного.	судо- ходн.	
1		2	3	4	5	6	7	8	9	10
Бассейнъ Балтійскаго моря.										
Одѣрь	—	—	—	—	14918	16977	—	—	—	(въ пред. Россіи)
Висла	дер. Юташовка.	975	1040	108920	123953	—	—	—	618	(въ пред. Россіи)
Зап. Бугъ	съ Буго-Наревымъ.	680	726	52191	59394	76	200	308	—	(въ пред. Россіи)
<i>Притокъ Зап. Буга:</i>										
Наревъ	дер. Рудавецъ.	370	395	18726	12311	89	91	194	—	
Итого по бассейну Вислы							931	1212	1785	
Въ томъ числѣ пароход- ное движеніе на . . .							2997 в.			
Въ томъ числѣ пароход- ное движеніе на . . .							551 в.			
Нѣманъ	дер. Антоново.	810	864	81028	92212	29	26	674	—	
Вилья	дер. Чуиры.	420	448	20649	23499	24	365	41	—	
Шара	дер. Новоселки.	250	266	6278	7145	—	—	—	—	
Итого по басс. Нѣмана							636	1318	965	
Въ томъ числѣ пароход- ное движеніе на . . .							2919 в.			
Въ томъ числѣ пароход- ное движеніе на . . .							493 в.			
Вондава	дер. Повондоне.	275	293	10302	11724	—	282	—	—	
Зап. Аа	дер. Ражи.	230	245	15640	17799	184	—	66	—	
Двина Зап.	оз. Жеданье.	870	923	74200	84441	—	61	834	—	
Итого по басс. Зап. Двины							1146	2085	1357	
Въ томъ числѣ пароход- ное движеніе на . . .							4588 в.			
Въ томъ числѣ пароход- ное движеніе на . . .							113 в.			
Вост. Аа	дер. Зуши.	370	395	8000	9104	—	—	—	—	
Пернова	дер. Этгель.	125	133	5999	6827	44	77	10	—	
Нарова	озеро Пейпусъ.	70	75	49507	56340	—	3	67	—	весь бассейнъ.
Оз. Пейпусъ (Чудское)	озеро Бардовъ.	315	336	10963	12476	—	—	98	—	
Великая	озеро Бардовъ.	315	336	22453	25552	—	—	—	—	
Эмба	озеро Пюхаваръ.	190	212	9003	10246	—	—	88	—	
Парова	озеро Пейпусъ.	70	75	7088	8066	—	—	—	—	басс. соб. рѣки.
<i>Притокъ Наровы:</i>										
Плюсса	дер. Поддубье.	260	277	5807	6608	231	—	29	—	
Итого по басс. Наровы							580	53	400	
Въ томъ числѣ пароход- ное движеніе на . . .							1033 в.			
Въ томъ числѣ пароход- ное движеніе на . . .							346 в.			
Луга	дер. Мысливо.	290	309	11589	13189	249	—	45	—	
Нева	Ладожское озеро.	70	75	247733	281925	—	—	70	—	
Оз. Онежское	дер. Лукьяновская	75	80	53086	60413	—	—	—	—	
<i>Прит. Онежскаго оз.</i>										
Шуа	—	171	182	8879	10105	—	—	—	—	Стр. (Отъ. къ 3
Вытегра	дер. Лукьяновская.	75	80	892	1015	—	—	67	—	и 4 ст.).

Названія рѣкъ: Главныя.	Что принято за истокъ рѣки.	Длина рѣкъ.		Площади бассей- новъ.		Длина участ- ковъ въ вер- стахъ.			Примѣчанія.
		версты.	килом.	кв. версты.	кв. килом.	не сплавн.	сплав- ного.	судо- ходн.	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Оз. Ладожское	дер. Серкино.	225	239	194647	221512	—	—	—	
<i>Прит. Ладожскаго оз.</i>									
Вуокса (Сайма) . . .	—	—	—	59091	67247	—	—	—	
Свирь	озеро Онежское.	205	218	18187	20697	—	—	196	
Савь	дер. Серкино.	225	239	6382	7263	7	133	91	
Волховъ	дер. Троица.	205	218	70379	80093	—	—	208	
Оз. Ильмень	озеро Мстиво.	380	405	59065	67217	—	—	—	
<i>Притоки Ильменя:</i>									
Ловать	дер. Плеханы.	465	496	26018	29609	206	113	125	
Мста	озеро Мстиво.	380	405	20581	23422	—	306	106	
Шелонъ	дер. Яблоница.	215	229	8409	9570	182	—	38	
						1656 3862 2071			
Итого по басс. Невы съ оз. Ладожск., Онеж- скимъ и Ильменемъ.	—	—	—	—	—	7589 в.			
Въ томъ числѣ пароход- ное движеніе на . . .	—	—	—	—	—	2650 в.			
Кюммене	—	—	—	32850	37384	—	—	—	
Кокома	—	—	—	23229	26435	—	—	—	
Улео	—	97	104	21039	23943	—	—	—	
Кеми	—	463	494	44401	50529	—	—	—	
Оунасъ-Юки	—	328	349	11915	13560	—	—	—	
Торнео	—	176	188	12654	14464	—	—	—	
Муонио	—	337	360	7685	8746	—	—	—	
<i>Бассейнъ Чернаго моря.</i>									
Кубань	Гора Нахаръ.	770	822	52700	59974	446	—	347	
Лаба	г. Черхъ-Маръ-Хуча	285	303	10734	12216	—	—	—	
Днѣпръ	р. Днѣпрецъ.	2005	2139	448816	510534	174	76	1867	
Березина	дер. Довшицы.	430	459	21438	24397	84	—	363	
Припять	51° 19'—7° 29' дер. Полежаево.	610	652	102268	116383	81	147	471	
<i>Притоки Припяти:</i>									
Стырь	дер. Загорце.	370	395	9784	11134	—	348	—	
Горынь	дер. Алексинецъ.	575	613	24441	27814	166	353	10	
Случь	дер. Яновка.	415	453	12207	13892	91	300	—	
Птичь	дер. Барсуки.	365	389	8799	10014	242	120	—	
Тетереви	дер. Носовки.	310	331	13364	15208	—	279	21	
Рось	дер. Жидовцы.	325	346	11107	12640	—	—	—	
Лугулецъ	дер. Богодановка.	515	549	13054	14856	392	—	146	
Сожъ	дер. Басина.	515	549	36681	41744	172	—	332	
Десна	гор. Ельня.	890	949	77908	88671	42	229	640	
<i>Притоки Десны:</i>									
Сеймъ	дер. Колдобянской.	620	661	24321	27678	115	404	54	
Сула	дер. Зеленая-Роща	380	405	17376	19744	—	—	—	
Псѣлъ	дер. Ильинскій.	625	665	19883	22627	—	—	—	
Ворскла	д. Рождественское.	405	432	12830	14601	—	—	—	
Орель	дер. Ефремовка.	300	320	8441	9606	—	—	—	
Самара	дер. Марьино.	290	309	19794	22526	254	—	34	

Стр. 1 Отн. къ 3
Стр. 1 и 4 ст.(въ пред. Россіи).
(въ пред. Россіи).

Названія рѣкъ:		Что принято за истокъ рѣки.	Длина рѣкъ.		Площади бассей- новъ.		Длина участ- ковъ въ вер- стахъ.			Примѣчанія.
Главные.	Притоки.		верст.	килом.	кв. версты.	кв. килом.	по сплав.	сплав- ного.	судо- ход.	
1		2	3	4	5	6	7	8	9	10
Южный-Бугъ		дер. Купель.	720	768	56591	64812	583	—	130	
Синюха		дер. Б. Выська.	250	266	14726	16758	—	—	—	
Ингуль		дер. Федоровка.	330	353	8848	10069	—	—	—	
							4375, 4791, 4300			
Итого по басс. Днѣпра и Южнаго Буга		—	—	—	—	—	13466 в.			
Въ томъ числѣ пароход- ное движеніе на		—	—	—	—	—	3209 в.			
Днѣстръ		дер. Волча.	1260	1343	36492	41529	—	53	778	(въ пред. Россіи)
Дунай		—	—	—	17501	19917	—	—	150	(въ пред. Россіи)
Прутъ		58° 9'—5° 46'	760	811	8294	9439	—	—	645	(въ пред. Россіи)
Итого по басс. Дуная въ предѣлахъ Россіи		—	—	—	—	—	795 в.			
Въ томъ числѣ пароход- ное движеніе на		—	—	—	—	—	150 в.			
Бассейнъ Азовскаго моря.										
Бассейнъ Сиваша		—	—	—	18693	21273	—	—	—	
Калимусъ		дер. Ясеноватое.	175	246	4489	5109	—	—	—	
Миусъ		дер. Никитинъ.	210	224	6209	7065	—	—	—	
Донъ		дер. Колодезной.	1695	1808	377653	429777	221	324	1274	
Сосна		—	301	321	15125	17213	205	35	—	
Чиръ		выше д. Маіорской.	340	363	10949	12460	297	—	25	
Сѣв. Донецъ		дер. Шаюцаны.	925	986	86791	98770	427	332	189	
Притоки Сѣв. Донца:										
Осколь		дер. Синее озеро.	395	421	13019	14816	—	—	—	
Калитва		д. Кантемировка.	295	314	2220	10493	—	—	—	
Воронжъ		дер. Новоспасское.	460	491	18798	21392	151	284	—	
Битюгъ		дер. Петровское.	330	352	7695	8757	—	—	—	
Хоперъ		дер. Ивановка.	850	906	53836	61266	511	363	—	
Притоки Хопра:										
Вирона		дер. Веденатино.	375	400	11669	13280	364	3	—	
Бузулукъ		между д. Гончарово и Орл. Денисова.	270	288	8324	9473	—	—	—	
Медвѣдица		д. Ново-Бурасы.	625	667	30138	34298	278	361	—	
Иловля		д. Франц. Россомы.	315	336	8040	9150	—	—	—	
Салъ		46° 20'—13° 50'	—	—	18733	21318	368	210	52	
Зап. Манычъ		р. Уланъ Зауху. 46° 9'—13° 57'	445	475	35350	40229	169	—	50	
Притокъ Зап. Маныча:										
Егорлыкъ		ст. Темновѣсская.	390	416	13430	15284	—	—	—	
							3646, 1912, 1862			
Итого по басс. Дона		—	—	—	—	—	7420 в.			
Въ томъ числѣ пароход- ное движеніе на		—	—	—	—	—	1559 в.			
Всѣ		дер. Трушкова.	290	309	7508	8542	—	—	—	

Стр. (3 и 4 ст.)

В. АЗИАТСКАЯ РОССІЯ ¹⁾.

Названія рѣкъ: Главные. Притоки.	Что принято за истокъ рѣки.	Длина рѣкъ.		Площади бассей- новъ		Длина участ- ковъ въ вер- стахъ.			Примѣчанія.
		верст.	килом.	кв. верст.	кв. килом.	на сплав.	сплав- ного.	судо- ходъ	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Бассейнъ Ледовитаго океана	—	—	—	10032719	11416424	—	—	—	
Кара	69° 55' — 35° 55'	210	224	10395	11830	150	—	70	
Обь	—	4880	5206	2588958	2946281	—	—	3350	Съ губкою. Стр.
Бія	—	—	—	30901	35165	145	140	15	
Катунь	—	—	—	53817	61245	—	—	—	
Чарышъ	—	—	—	18708	21290	—	280	—	
Энта	—	—	—	5454	6205	—	—	—	
Иня	—	—	—	12460	14180	—	500	—	
Чумышъ	—	—	—	21106	24020	—	—	—	
Томь	—	790	843	52170	59370	185	50	515	Стр. (3 и 4 ст.)
²⁾ Притоки Томи:									
Мрасъ-су	—	—	—	8382	9540	—	250	—	
Кондома	—	—	—	7946	9043	—	400	—	
Шагарка	—	—	—	10429	11868	—	250	—	
Притокъ Шагарки:									
Бакса	—	—	—	4971	5659	—	135	—	
⁴⁾ Чулымъ	—	1486	1585	125787	143148	225	685	1040	Стр. (3 и 4 ст.)
Притоки Чулыма:									
Черный Юсь	—	—	—	6618	7532	—	180	—	
Бѣлый Юсь	—	—	—	5978	6803	225	—	—	
Кія	—	—	—	27782	31617	310	—	165	
Яя	—	—	—	10150	11551	—	265	—	
Кеть	—	1020	1088	79500	90472	255	—	865	Стр. (3 и 4 ст.)
Вась-Юганъ	—	798	851	56188	63944	—	620	110	Стр. >
Вахъ	—	760	811	45774	74852	80	—	540	Стр. >
⁵⁾ ⁶⁾									
Иргышъ	—	3480	3712	919116	1045972	—	130	3190	Стр. >
Бухтарма	—	377	402	14524	16530	235	105	25	Стр. >
Ульба	—	—	—	4789	5450	85	50	—	
Уба	—	—	—	6713	7641	250	115	—	
Омь	—	696	743	43666	49693	280	125	315	Стр. >
Тартасъ	—	—	—	13266	15097	270	—	70	
Тара	—	394	420	19055	21686	—	135	185	Стр. >
Уй	—	385	411	5564	6332	200	50	—	Стр. >
Шишъ	—	—	—	4715	5365	185	85	—	
Туй	—	—	—	7893	8982	—	—	240	
Ишимъ	—	1680	1792	116075	132096	190	1800	150	Стр. >
Богай	—	—	—	17339	20870	—	330	—	
Тоболъ	—	1210	1291	342006	389212	625	165	600	Стр. >
Исеть	—	423	451	48045	54563	275	250	—	Стр. >
Тура	—	680	725	71824	81738	170	310	395	Стр. >

¹⁾ Всѣ числа длины рѣкъ, столбцы 3 и 4, взяты у ген. Стрѣльбацкаго, кромѣ р. Кары и системы Волги, которая взята по даннымъ ген.-лейт. А. А. Тилло. Для многихъ рѣкъ у ген. Стрѣльбацкаго длины нѣтъ; всѣ числа Стрѣльбацкаго въ столбцѣ „Примѣчанія“ отмѣчены — Стр. Столбцы 5 и 6 даютъ площади бассейновъ по измѣренію ген.-лейт. А. А. Тилло; они заимствованы изъ незаданнаго еще и неоконченнаго труда, любезно предоставленнаго авторомъ въ наше распоряженіе. Столбцы 7, 8 и 9 даютъ длины участковъ: несплавного, сплаваго и судоходнаго по свѣдѣніямъ м-ва путей сообщ. Перечень внутр. водн. путей Аз. Р. ²⁾ 0000. Суммы длинъ этихъ участковъ могутъ по каждой рѣкѣ и не сходятся съ числами столбца 3, потому что измѣренія были произведены по разнымъ картамъ. Общія суммы длинъ этихъ участковъ по бассейнамъ рѣкъ всегда больше дѣйствительной суммы чиселъ въ соответствующихъ столбцахъ, потому что здѣсь приведены только важнѣйшія рѣки, а суммы относятся ко всемъ воднымъ путямъ даннаго бассейна.

Бассейны Волги причислены сюда для того, чтобы не раздѣлять общаго бассейна Каспійскаго моря.

²⁾ Ниже показаны только болѣе важныя бассейны, потому ихъ суммы меньше бассейна всего океана.

³⁾ Притоки вездѣ показаны только главные, потому сумма ил. ихъ басс. не равняется площ. басс. гл. рѣки.

⁴⁾ Съ Вѣд. Юсомъ.

⁵⁾ Считая только въ предѣлахъ Имперіи.

Названія рѣкъ: Главныя.	Притоки.	Что принято за истокъ рѣки.	Длина рѣкъ.		Млошадн бассей- новъ.		Длина участ- ковъ въ вер- стахъ.			Примѣчанія.
			версты.	килом.	кв. версты.	кв. км.	не сплав- ного.	судо- ходн.		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
Татизъ	—	—	—	6075	6913	10	70	280	Стр.—Длина Лозьвой Ю.	
Нича	—	—	—	20907	24794	—	330	140		
Пышма	—	—	—	17592	20029	175	—	290		
Тавза	—	980	1046	78227	89025	—	—	630		
Сосьва	—	—	—	14736	28150	140	165	235		
Вагранъ	—	—	—	1495	1701	85	55	—	Стр. (3 и 4 ст.)	
Лозьва Ю.	—	—	—	17794	20248	—	210	290		
Пельмъ	—	—	—	11260	12815	—	—	280		
Туртасъ	—	—	—	13551	15421	—	280	—		
Демьянка	—	—	—	31698	36072	—	500	—		
Конда	—	—	—	55035	62632	—	620	—	Стр. (3 и 4 ст.)	
Сосьва сѣв.	—	650	693	69730	79355	350	—	300		
Сыгва	—	—	—	12605	14346	—	85	145		
Маня	—	—	—	3193	3637	—	—	85		
						4805	9720	14542		
Всего по бассейну Оби						29067 в.				
Въ томъ числѣ пароход- ное движеніе на . . .						10690 в.				
Надымъ	—	—	—	26585	30253	—	—	—	Стр.—Дл. съ зал. Стр.—Дл. съ гу- бою. Стр.—Дл. съ зал. Стр. (3 и 4 ст.)	
Пуръ	—	466	497	55129	62739	—	—	—		
Тазъ	—	1250	1334	94565	107617	—	—	—		
Ньда	—	—	—	14700	16730	—	—	—		
Гыда	—	460	491	22122	25176	—	—	—		
Енисей (съ Байк.)	—	3760	4011	2239992	2549157	—	—	18000	Стр.—Дл. съ оз. Байк. и Вер. Ангараю.	
Усь	—	—	—	5947	6768	—	135	—		
Оя	—	—	—	5000	5690	190	10	—		
Абаканъ	—	496	529	29419	33479	—	400	55		
Туба	—	—	—	27761	31478	—	—	105		
Казыръ	—	—	—	16377	18638	—	—	—	Стр. (3 и 4 ст.)	
Алымъ	—	—	—	5447	6199	65	70	15		
Сесимъ	—	—	—	3132	3565	—	155	—		
Мана	—	—	—	9152	10427	—	500	—		
Канъ	—	—	—	27391	31057	285	—	300		
Ангара	—	2670	2848	440452	501129	—	550	1760	Стр.—Дл. съ оз. Байк. и Вер. Ангараю.	
Иркутъ	—	—	—	13710	15602	250	—	40		
Китой	—	—	—	8230	9366	390	440	120		
Ока	—	—	—	69894	79542	—	600	—		
Ія	—	—	—	31056	36481	200	—	211		
Илимъ	—	—	—	20236	23030	—	170	—	Стр. (3 и 4 ст.)	
Тасѣева	—	—	—	106714	121445	435	380	145		
Чуна	—	—	—	38394	43693	400	—	290		
Бирюча	—	—	—	50696	57693	—	230	85		
Усолка	—	—	—	10927	12477	—	—	—		
Пить	—	—	—	28815	32792	175	—	195	Стр. (3 и 4 ст.)	
Больш. Касъ	—	—	—	7173	8162	50	—	189		
Поднаи, Тунгузка	—	1220	1302	175019	199174	—	1250	375		
Елогуй	—	—	—	20604	23449	—	435	—		
Нижн. Тунгузка	—	2530	2699	418394	476142	—	2750	—		
Туруханъ	—	478	510	49727	56591	—	470	—	Стр. Стр.	
						2460	3835	6974		
Итого по басс. Енисея собственно						18269 в.				
Въ томъ числѣ пароход- ное движеніе на . . .						4322 в.				

Названія рѣкъ: Главные. Притоки.	Что принято за истокъ рѣки.	Длина рѣкъ.		Площади бассей- новъ.		Длина участ- ковъ въ вер- стахъ.			Примѣчанія.
		версты.	килом.	кварт. версты.	кварт. килом.	на сплав.	сплав- ного.	судо- ходъ.	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1) Басс. озера Байкаль	—	—	—	511818	582461	—	—	660	Стр. (3 и 4 ст.).
Вархи. Ангара . . .	—	—	—	20200	22989	305	—	115	
Варгузинъ	—	—	—	20494	23323	280	—	60	
Турка	—	—	—	3685	4193	—	200	—	
Селенга	—	1130	1206	399946 ^{а)}	455147	—	—	390	
Джидда	—	—	—	20587	23429	—	450	—	
Чикой	—	—	—	38081	43279	465	235	—	
Хилокъ	—	—	—	30632	35997	625	75	—	
Уда	—	—	—	33644	38287	310	70	—	
Басс. озера Косоголь	—	—	—	6385	7266	—	—	—	
						1985	1030	1225	
Итого по бассейну озера Байкаль	—	—	—	—	—	4240 в.			
Въ томъ числѣ парокон- ное движеніе на . . .	—	—	—	—	—	660 в.			
Итого по басс. Енисея и Байкала	—	—	—	—	—	22509 в.			
Въ томъ числѣ парокон- ное движеніе на . . .	—	—	—	—	—	4982 в.			
Пясина	—	—	—	134143	152658	—	—	660	Стр.--Дл.связаив.
Таймырь	—	—	—	53573	72348	—	—	—	
Хатанга	—	691	737	273489	311237	—	—	—	
Котуй	—	—	—	52844	60138	—	—	—	
Моньеро	—	—	—	43083	49029	—	—	—	
Хета	—	—	—	105161	119676	—	—	—	
Анабара	—	341	364	93497	106402	450	200	—	
Оленекъ	—	1280	1366	236892	269589	2000	250	—	
Лена	—	4311	4599	2092974	2381849	200	—	4200	
Ильга	—	—	—	5727	6518	105	—	25	
Кута	—	—	—	7300	8308	230	—	50	
Мука	—	—	—	2706	3080	75	20	10	
Каренга	—	410	437	40485	46072	—	600	—	
Витимъ	—	1650	1760	179694	241496	1250	—	550	
Патока	—	—	—	21576	24554	240	260	—	
Олекма	—	1060	1331	178602	203252	1200	—	25	
Чара	—	—	—	73738	83916	420	—	380	
Ниманъ	—	—	—	10360	11790	130	110	—	
Алданъ	—	1750	1867	583853	664438	1050	—	1220	
Учуръ	—	—	—	98797	112435	—	800	—	
Мая	—	—	—	149207	169811	525	180	320	
Амга	—	—	—	58513	66590	680	520	—	
Вилуй	—	1980	2112	420425	478453	950	—	1350	
						7055	2490	8130	
Итого по басс. Лены .	—	—	—	—	—	17675 в			
Въ томъ числѣ парокон- ное движеніе на . . .	—	—	—	—	—	4655 в.			
Яна	—	1150	1227	278557	317705	—	—	—	Стр.
Ядыча	—	—	—	103958	118306	685	55	—	
Тостакъ	—	—	—	40107	45642	330	160	—	

а) Съ басс. озера Косоголь.

б) Съ басс. оз. Косоголь.

Названія рѣкъ: Главныя.	Притоки.	Что принято за истокъ рѣки.	Длина рѣкъ.		Площади бассей- новъ.		Длина участ- ковъ въ вер- стахъ.			Примѣчаніе.
			верст.	килом.	кв. версты.	кв. килом.	по сплав.	сплав- ного.	судо- ходн.	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
Индигирка	—	—	981	1046	349290	397500	575	965	—	Стр (3 и 4 ст.)
Селегняхъ	—	—	—	—	54413	61922	370	210	—	
Ульдына	—	—	—	—	39220	44633	—	440	—	
Алайха	—	—	—	—	5195	5922	945	1800	—	Стр.
Алазея	—	—	—	—	58647	66742	—	600	—	
Колыма	—	—	1675	1787	522597	594726	—	700	1060	
Омолонъ	—	—	—	—	136582	155434	775	275	—	
Больш. Анюй	—	—	—	—	48564	55266	350	280	—	
Мал. Анюй	—	—	—	—	37100	42220	420	110	—	
Верхонъ	—	—	—	—	23277	26491	—	—	—	Стр.
Амгуема	—	—	—	—	26448	30098	—	—	—	
							22410	27655	32661	
Итого по басс. Ледови- таго океана	—	—	—	—	—	—	82726 в.			
Въ томъ числѣ сплав- ныхъ и судоходныхъ	—	—	—	—	—	—	60316 в.			
Въ томъ числѣ пароход- ное движеніе на	—	—	—	—	—	—	20327 в.			
Басейнь Восточнаго океана	—	—	—	—	3531863	4019336	—	—	—	Стр.
Берингово море	—	—	—	—	301760	457221	—	—	—	
Анадырь	—	—	440	469	175985	200273	—	900	—	
Олютора	—	—	—	—	23096	26285	100	—	80	
Камчатское море	—	—	—	—	117028	133180	—	—	—	
Камчатка	—	—	—	—	44483	50622	105	—	475	
Охотское море	—	—	—	—	2401508	2732966	—	—	—	
Большая	—	—	—	—	15441	17572	—	—	—	
Пенжина	—	—	—	—	67686	77028	—	—	—	
Гижигинская губа	—	—	—	—	77775	82565	—	—	—	
Тауй	—	—	—	—	28783	38757	—	—	—	
Куктуй	—	—	—	—	8773	9984	200	120	—	
Охота	—	—	—	—	38290	43574	350	120	—	
Уракъ	—	—	—	—	7677	8737	—	250	—	
Улья	—	—	—	—	7726	8792	80	—	190	
Уль	—	—	—	—	57866	65852	—	—	—	
Амуръ	—	—	4198	4478	1702454	1937430	—	—	2750	Стр.
Шилка	—	—	1160	1238	165199	188000	—	15	540	Стр.
Ингода	—	—	—	—	32981	39809	215	205	225	Стр.
Ононь	—	—	—	—	75573	86005	—	520	—	
Нерча	—	—	—	—	22091	25140	460	—	5	
Аргунь	—	—	1662	1773	203555	231649	—	460	425	
Хайларь	—	—	—	—	43999	50071	—	—	—	
Халга-голъ	—	—	—	—	18129	20632	—	—	—	
Каруленъ	—	—	—	—	44228	50335	—	—	—	Стр.
Амазарь	—	—	—	—	15673	17837	125	165	—	
Олдой	—	—	—	—	7213	8208	90	110	—	
Зей	—	—	1086	1159	201555	229374	525	—	575	
Гилуй	—	—	—	—	22087	25136	120	320	—	
Урь	—	—	—	—	15356	18614	—	365	—	
Донъ	—	—	—	—	12730	14488	—	320	—	Стр.
Селенджа	—	—	—	—	46906	53379	—	650	—	
Томъ	—	—	—	—	16849	19174	—	300	—	

') Съ Сахалиномъ, въ томъ числѣ въ предѣлахъ Имперіи—1585317.

') Съ Сахалиномъ.

Названія рѣкъ: Главные. Притоки.	Что принято за истокъ рѣки.	Длина рѣкъ.		Площади бассей- новъ.		Длина участ- ковъ въ вер- стахъ.			Примѣчанія.
		верста- ми.	килом.	кв. вер- сты.	кв. ки- лом.	на главн.	справ- ного.	судо- ходн.	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Бурея	—	723	771	66312	75464	280	—	400	Стр. (3 и 4 ст.).
Тырма	—	—	—	16743	19054	125	95	—	
Уссури	—	721	769	165095	187882	165	110	565	Стр.
Дауби-хэ	—	—	—	5862	6671	140	—	130	
Сунгача	—	—	—	21311	24252	—	—	145	
Иманъ	—	—	—	9290	10572	180	165	—	
Викинъ	—	—	—	22399	25491	95	280	—	
Хоръ	—	—	—	23965	27272	220	90	—	
Амгуиъ	—	478	510	52713	59989	—	—	870	Стр.
Сунгаря	—	1598	1705	403903	460036	—	—	—	Стр.
						3198	5112	6735	
Итого по басс. Амура						15045 в.			
Въ томъ числѣ пароход- ное движеніе на						4315 в.			
Тунджа	—	—	—	21502	24470	135	135	—	
О-въ Сахалинъ	—	—	—	62022	73997	—	—	—	
Японское море	—	—	—	116425	132495	—	—	—	
Суйфуиъ	—	—	—	6752	7684	—	112	78	
Тумень-Ула	—	—	—	39011	44394	—	—	—	
Арало-Каспійскій бас- сейнъ и всѣ внутр. бассейны	—	—	—	5432834	6182681	—	—	—	
Басс. озера Балхашъ	—	—	—	376055 ²⁾	427959	—	—	—	
Или	—	980	1046	129459	147326	—	—	640	Стр.
Аягузъ	—	—	—	11983	13643	—	—	—	
Гаратакъ	—	—	—	12359	14064	—	—	—	
Балинасъ	—	—	—	17482	19896	—	—	—	
Басс. гвѣра Кара-Соръ	—	—	—	7095	8073	—	—	—	
Басс. группы озеръ Ала- куль, Сасыкъ-Куль и Уахы	—	—	—	48299 ³⁾	54964	—	—	—	
Басс. оз. Иссыкъ-Куль Р. Чу	—	862	920	79472	90441	—	—	—	
Басс. озера Кара-куль	—	—	—	61043	69469	—	—	—	Стр.
Р. Урченъ	—	—	—	4751	5407	—	—	—	
Р. Нура	—	—	—	16126 ⁴⁾	18351	—	—	—	
Басс. оз. Денгизъ	—	—	—	47022	52373	—	—	—	Стр.
Бассейнъ оз. Джаманъ, Акъ-куль	—	—	—	41117	46792	—	—	—	
Басс. оз. Сары-Су	—	—	—	21401	24355	—	—	—	
Басс. оз. Сары-Су	—	780	832	89164	101470	—	—	—	Стр.
» » Чубаръ-Тенизъ	—	—	—	28283	32187	—	—	—	
Басс. группы оз. Чалкаръ- Тенизъ, Сары-Копи и др. съ р. Турчай	—	—	—	160409	182550	—	—	—	
Аралское море	—	—	—	1000759 ⁵⁾	1138885	—	—	—	
Сыръ-Дарья	—	2370	2863	232740	264861	915	140	1220	Стр.
Таръ	—	—	—	26148	29758	—	—	—	
Аму-Дарья	—	2118	2512	271352	308804 ⁶⁾	860	—	440	Стр.
Панджъ	—	—	—	104147	118521	—	—	1	
Вахшъ	—	—	—	32173	36613	—	—	—	
Акъ-Серай	—	—	—	32980	37532	—	—	—	

¹⁾ Съ частью Тарима.²⁾ Изъ этого вѣи Имперіи=56913.³⁾ Вѣи Имперіи=17717.⁴⁾ Только въ предѣлахъ Имперіи.⁵⁾ Это съ нѣм. моря=67962. Въ томъ числѣ вѣи Имперіи=293131.⁶⁾ Считая и Панджъ.

Названія рѣкъ: Главные.	Что принято за истокъ рѣки.	Длина рѣкъ.		Площади бассей- новъ.		Длина участ- ковъ въ вер- стахъ.			Примечаніа.
		верст.	киом.	кв. верст.	кв. киом.	на селеніи.	сплав- ного.	судо- ходн.	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Кафирнаганъ	—	—	—	13888	15804	—	—	—	
Сурханъ	—	—	—	8471	9641	—	—	—	
Зеравшанъ	—	—	—	35895	40849	—	—	—	
Кара-Су	—	—	—	12262	13955	—	—	—	
						1775	140	2980	
Итого по Аральскому мору	—	—	—	—	—	4895 в.			
Итого по всѣмъ внутрен- нимъ водамъ Азіат- ской Россіи	—	—	—	—	—	107256 в.			
Въ томъ числѣ пароход- ное движеніе на	—	—	—	—	—	24684 в.			
Бассейны Каспійскаго моря	—	—	—	3344585	3806208 ¹⁾	—	—	—	
Волга	10 в. выше оз. Стержа.	3180	3392	1231916	1401949	—	114	3344	
Тверца	В. Волочекъ.	160	170	5507	6267	—	—	176	
Везуза	д. Марвина.	135	143	5922	6740	—	132	—	
Шоша	—	—	—	5363	6104	155	—	5	
Шексна	Бѣлое озеро.	385	410	39365	44798	—	—	406	
Суда	—	—	—	12140	13816	47	125	64	
Кострома	с. Рождество.	355	378	20883	23766	47	—	291	
Увжа	дер. Талыца.	480	511	25839	29463	124	—	369	
Ветлуга	д. Лучинская.	700	747	31513	35861	120	—	592	
Кама	д. Картушина.	1685	1797	460766	524362	117	508	1139	
Вятка	58°29'—21°50'	1025	1092	113565	129240	74	335	713	
Кильмесь	—	—	—	14228	16192	—	—	—	
Ченца	дер. Атѣва.	465	496	16805	19123	107	303	—	
Иль	дер. Левашъ.	435	464	17289	19676	—	—	—	
Бѣлая	30 в. выше д. Махмутова.	1205	1284	124639	141841	21	801	465	
Уфа	оз. Уфимское.	780	831	47944	54561	55	731	—	
Дема	дер. Алешкина.	415	443	11314	12876	—	—	—	
Чусовая	оз. Среднее.	645	689	41699	47455	152	208	368	
Сызьва	Зав. Сарганскій	520	554	17972	20463	198	183	158	
Босьва	—	—	—	7265	8268	173	121	—	
Вишеря	г. Оше-Наръ.	475	507	25819	29383	183	—	250	
Свияга	дер. Баяки.	300	384	14731	16765	286	—	55	
Черемшанъ	дер. Павловка.	330	352	11759	13382	—	—	—	
Самара	дер. Судакъ.	515	549	39918	45428	—	—	—	
Иргизъ	д. Карнаухова.	535	570	24599	27994	—	—	—	
Ока	дер. Очки.	1380	1441	210278	239300	92	—	1333	
Клязьма	д. Екатеринино.	595	634	34327	39065	189	—	398	
Москва	дер. Поповка.	460	491	15942	18142	—	257	185	
Мокша	дер. Березовка.	560	597	45482	51759	175	—	387	
Цна	хут. Содацкіе.	385	410	18019	20507	206	—	159	
Сура	д. Томашино.	770	820	59616	67845	99	105	606	
Сокъ	д. Платинова.	295	314	11057	12584	—	—	—	
Молога	дер. Платинки.	510	544	32340	36804	245	74	225	
Ерсуланъ	д. Вел. Плесъ.	315	336	10074	11465	—	—	—	
						13306	13001	13451	
Итого по бассейну Волги	—	—	—	—	—	39758 в.			
Въ томъ числѣ пароход- ное движеніе на	—	—	—	—	—	9843 в.			

¹⁾ А безъ самаго моря 3369862. Въ томъ числѣ: въ Европ. Россіи—1861771, въ Сибири—981570, въ Закавказьѣ—160021 и въ Имеріи—386500.

Названія рѣкъ:		Что принято за истокъ рѣки.	Длина рѣкъ.		Площади бассей- новъ.		Длина участ- ковъ въ вер- стахъ.			Примѣчанія.
Главный.	Притоки.		версты.	килом.	квдр. версты.	квдр. килом.	не сплавн.	сплав- ногъ.	судо- ходн.	
1		2	3	4	5	6	7	8	9	10
Уралъ		54° 42'—29°6'	2230	2379	193239	219910	1379	910	—	Стр. (3 и 4 ст.).
Сакмара		—	651	695	29739	33844	—	—	—	
Илекъ		—	—	—	35131	39979	—	—	—	
Эмба		—	520	555	36117	39963	—	—	—	
Атрекъ		—	—	—	34975	39802	—	—	—	
Бура		—	1244	1327	165765	188645	665	191	392	Стр.
Араксъ		—	958	1022	85214	96975	—	—	—	
Басс. оз. Гокча		—	—	—	5121	5827	—	—	—	
Кара-Су		—	—	—	11465	13048	—	—	—	
Алазань		—	340	363	16085	18305	—	—	—	
Самуръ	гора Сари Датъ.	—	190	213	4801	5463	—	—	—	
Сулакъ	гора Саридагъ.	—	290	309	12563	14297	—	—	—	
Терекъ	дер. Сивераутъ.	—	545	581	38719	44062	488	84	—	
Сунжа	—	—	—	—	9626	10955	—	—	—	
Кума	гора Тамгсаръ.	—	610	652	24016	27331	—	—	—	
Калаусъ	гора Брыкова.	—	350	373	19499	22191	—	—	—	
Сефидъ-Рудъ	—	—	—	—	48000 ¹⁾	54625	—	—	—	
Мургабъ	—	—	—	—	55167	62782	—	—	—	
Геръ-Рудъ	—	—	—	—	68344	77777	—	—	—	

Длины искусственныхъ водныхъ путей Европ. Россіи ²⁾.

		Общая длина верстъ.			Общая длина верстъ.
Маринскій путь			Огинскій путь		
отъ Рыбинска до С.-Петербурга . . .	1071		между устьями Паны и Шары . . .	293	
Тихвинскій путь			Березинскій путь		
между устьемъ Мологи и Сяськими Ряжамъ	654		между устьями Березины и Уллы . . .	515	
Вышневолоцкій путь			Висло-Нѣманскій путь		
между Тверью и Новою Ладогою . . .	812		между пунктомъ соедин. канала Августовскаго съ Нѣманомъ и устьемъ Зап. Буга	391	
Путь Герцога Александра Вюртембергскаго.			Шлюзованная часть р. Москвы		
между соедин. канала Топорнинскаго съ р. Шексною и устьемъ р. Сухоны	652		между городомъ Москвою и устьемъ р. Москвы	170	
Днѣпровско-Бугскій путь			Шлюзованная часть р. Тезы		
между устьемъ Припяти и Зап. Буга . .	1011		между гор. Шуй и устьемъ Тезы . .	84	

¹⁾ Въ Имперіи.

²⁾ Заимствовано изъ „Перечень внутр. вод путей сообщ.“ 1892 г., изд. м-ва путей сообщ.“.

Площади озеръ Россійской Имперіи ¹⁾.

А. ЕВРОПЕЙСКАЯ РОССІЯ.

НАЗВАНІЕ ОЗЕРА.	Въ какомъ бассейнѣ.	Широта сѣв.	Пло- щадь въ кв. вер- стахъ.	Пло- щадь въ кв. ки- лометр.	Примѣчанія.
1	2	3	4	5	6
Ахтарскій лим.	Азовскаго моря.	45 $\frac{1}{2}$ °	434	494	
Баскунчакское	Самостоятельное.	48°	109	124	
Бейсугскій лим.	Азовскаго моря.	46°	197	224	
Бѣлое	р. Волги.	60°	988	1125	
Вирць-Ярви	р. Наровы.	58 $\frac{1}{2}$ °	242	276	
Воже	Сѣв. Двины.	60 $\frac{1}{2}$ °	376	428	Съ Елотскимъ озер.
Водозеро	р. Водла.	61 $\frac{1}{2}$ °	411	468	
Выгозеро	р. Выгъ.	63 $\frac{1}{2}$ °	756	861	
Дитровскій лим.	Черное море.	46 $\frac{1}{2}$ °	337	384	
Ильмень	р. Невы.	58 $\frac{1}{2}$ °	807	919	Съ Ишановскимъ и Синецъ.
Ииандра	р. Колы.	67 $\frac{1}{2}$ °	748	852	
Каменное	—	64 $\frac{1}{2}$ °	215	245	
Кареть	р. Кереть.	66°	355	404	съ Варги.
Ковдозеро	р. Кандакши.	67°	513	584	
Ковдозеро	Бѣлаго моря.	67°	228	260	
Кость-булатъ	—	—	220	250	
Кубинское	Бѣлаго моря.	59 $\frac{1}{2}$ °	346	393	
Куно нижнее	р. Кемъ.	65°	209	238	
Куно верхнее			256	291	
Куно среднее			433	494	
Ладожское	р. Невы.	60°—62°	15923	18130	
Лача	р. Онеги.	61 $\frac{1}{2}$ °	321	356	
Лекша	р. Кемъ.	63 $\frac{1}{2}$ °	212	242	
Нотозеро	р. Туломы.	63 $\frac{1}{2}$ °	387	441	
Нюкъ	р. Кемъ.	64 $\frac{1}{2}$ °	181	206	
Ондозеро	р. Выгъ.	63 $\frac{1}{2}$ °	157	179	
Онежское	Балтійскаго моря.	61°—63°	3569	9751	
Телись-ярви	Балтійскаго моря.	63°	962	1095	
Павозеро	р. Кандакши.	66 $\frac{1}{2}$ °	492	560	
Сайма	р. Невы.	61°—62°	1546	1760	
Сипдаля	Онежскаго озера.	62 $\frac{1}{2}$ °	260	296	
Сивашъ	Азовскаго моря.	45°—46°	2156	2454	
Сина-ярви	Балтійскаго моря.	63°	163	185	
Согозеро	р. Выгъ.	63°	1095	1246	
Селигеръ	р. Волги	57°	228	260	съ оз. Хроны и Серема.
Симозеро	—	62°	226	258	
Сунтиень-ярви	Балтійскаго моря.	63°	146	166	
Сяозеро	р. Выгъ.	64 $\frac{1}{2}$ °	125	142	
Тилитугальскій лим.	Чернаго моря.	46 $\frac{1}{2}$ °	102	116	
Топозеро	р. Кандакши.	65 $\frac{1}{2}$ °	936	1065	
Тулозь	р. Кемъ.	63 $\frac{1}{2}$ °	246	280	
Хуутинекъ	Балтійскаго моря.	63°	401	456	
Чудское	р. Наровы.	58°—59°	3087	3213	съ оз. Псковскимъ.
Энаре	Ледовитаго ок.	69°	1249	1421	
Элозеро	Ледовитаго ок.	—	188	214	
Элоиское	Самостоятельное.	50 $\frac{1}{2}$ °	142	161	

¹⁾ Для озеръ Азіатской Россіи, исключая сюда и Каспійское съ Аральскимъ моремъ, взяты новыя, еще не опубликованныя, данныя изъ рукописи помощника предсѣдателя Императорскаго русскаго географическаго общ. ген.-лейт. А. А. Тредло. Для Европ. Россіи приведены числа Стрѣльбичаго. Здѣсь даны площади только главныхъ озеръ.

В. АЗИАТСКАЯ РОССІЯ.

НАЗВАНІЕ ОЗЕРА.	Въ какомъ бассейнѣ.	Широта сѣв.	Дло-щадъ въ кв. вер-стахъ.	Дло-щадъ въ кв. км-метр.	Примѣчанія.
1	2	3	4	5	6
Ала-Куль	Внутр. Ср. Азіи.	46°	—	1890	
Балхашъ	Самостоятельный басс.	45 $\frac{1}{2}$ °	—	18715	
Бурунча	оз. Чанкаръ-Тенизъ.	48 $\frac{1}{2}$ °	—	438	
Бурунъ-Торей	р. Амуръ.	50°	—	522	
Байкаль	р. Енисей.	53°	—	34168	
Везыманное	къ сѣв. отъ р. Юрбей Карскаго моря.	69°	—	664	
Воеволи	р. Хатанчи.	67°	—	2098	
Гокча	р. Аракса.	40°	—	1439	
Денгизъ	р. Оби.	53°	—	1448	
Денгизъ	Самостоятельное.	50°	—	1474	
Ессей	р. Хатанчи.	68°	—	1476	
Иссыкъ-Куль	Самостоятельное.	42°	—	5893	
Кулунчинское	р. Оби.	52 $\frac{1}{2}$ °	—	877	
Кадзи	р. Амуръ.	51°	—	498	
Красное	р. Анадырь.	63 $\frac{1}{2}$ °	—	1100	
Креноцкое	Камчатскаго моря.	54 $\frac{1}{2}$ °	—	555	
Куриальское	Охотскаго моря.	51 $\frac{1}{2}$ °	—	556	
Неринче	Бамчатскаго моря.	56°	—	317	
Кара-Куль	Самостоятельное.	38 $\frac{1}{2}$ °	—	342	
Комеша	р. Хатанчи.	68°	—	600	
Коньдакъ	р. Енисей.	63°	—	903	
Могатаево	Ледовитый ок.	71 $\frac{1}{2}$ °	—	307	
Марка-Куль	р. Оби (Иртыша).	48 $\frac{1}{2}$ °	—	318	
Норъ-Зайсанъ	р. Оби (Иртыша).	47 $\frac{1}{2}$ °	1967	2239	
Ожогинское	р. Индигирки.	69°	—	348	
Онгнеко	р. Хатанчи.	68°	—	329	
Каланское	Охотскаго моря.	58 $\frac{1}{2}$ °	—	251	
Пальское	р. Гыды.	69 $\frac{1}{2}$ °	—	269	
Пасино	р. Пясини.	69°	—	294	
Сасыкъ-Куль	оз. Ала-Куль.	46°	—	471	
Сонъ-Куль	р. Сырь-Дорьи.	41 $\frac{1}{2}$ °	—	261	
Сары-Капа	оз. Чалкаръ-Тенизъ.	50°	—	461	
Таатгачинда	р. Лены	63°	—	258	
Теке	р. Оби.	54°	—	457	
Тенисъ	р. Оби.	56°	—	264	
Таймыръ	р. Таймыръ.	73 $\frac{1}{2}$ °	1918	2183	
Телецкое	р. Оби (Бія).	51°	—	373	
Убанское	р. Оби.	55°	—	456	
Улукунъ-Корей	р. Оби.	54°	—	573	
Убаганъ-Денизъ	р. Оби (Тоболь).	52 $\frac{1}{2}$ °	—	576	
Ханка	р. Амуръ.	44 $\frac{1}{2}$ °	3459	3936	часть оз. въ Китаѣ
Челкаръ	р. Урала.	51°	—	251	
Чаны	р. Оби.	54 $\frac{1}{2}$ °	3180	3619	безъ оз. Мал. Ханка.
Денгизъ-Куль	р. Оби.	54°	—	370	
Чубаръ-Тенизъ	Самостоятельное.	47 $\frac{1}{2}$ °	—	336	
Чалкаръ-Тенизъ	Самостоятельное.	47 $\frac{1}{2}$ °	1784	2030	
Чекчагарское	р. Амуръ (Амгунъ).	51 $\frac{1}{2}$ °	—	515	
Эджегетай-Куль	р. Индигирки.	69°	—	280	
Эворонъ	р. Амура.	50 $\frac{1}{2}$ °	—	596	
Шива	р. Аму-Дарьи.	37°	—	268	
Косоголъ	оз. Байкала.	51°	—	2945	въ Авганистанѣ.
Кулунъ (Далай Норъ)	р. Амура.	48 $\frac{1}{2}$ °	—	1564	въ Монголіи.
Буиръ-Норъ	р. Амура.	48°	—	1103	въ Китаѣ.
Аральское море	—	—	—	67962	въ Китаѣ.
Каспійское море	—	—	—	436346	

Площади острововъ Россійской Имперіи ¹⁾.

А. ЕВРОПЕЙСКАЯ РОССІЯ.

НАЗВАНІЕ.	Въ какой администрат. части.	Широта сѣв.	Площадь въ кв. верстахъ.	Площадь въ кв. километр.	Примѣчанія.
1	2	3	4	5	6
Вайгачъ	Архангельской губ.	70°	3254	3703	
Дагъ-э	Эстляндской губ.	59°	844	960	
Вимито	Або-бѣрнеборской губ.	—	481	548	
Колгуевъ	Архангельской губ.	69°	3072	3496	
Маріхамнъ	Або-бѣрнеборской губ.	60 $\frac{1}{2}$ °	563	640	
Междушарскій	Архангельской губ.	71°—72°	282	321	
Моонъ	Лифляндской губ.	59°	182	207	
Новая Земля	Архангельской губ.	71°—76°	80025	91070	
Сенгейскій	»	68 $\frac{1}{2}$ °	156	178	
Эзель	Лифляндской губ.	58 $\frac{1}{2}$ °	2300	2618	

В. АЗІЯТСКАЯ РОССІЯ.

Бѣлковскій	Якутской обл.	75°	337	384	
Вильмицкаго	Енисейской губ.	73°	474	540	
Котельный	Якутской обл.	74 $\frac{1}{2}$ °	14149	15988	
Новая Сибирь	»	75°	4126	4696	
Фадѣевскій	»	75 $\frac{1}{2}$ °	3172	3611	
Аюнь	»	68°	1894	2156	
Вѣлый	Тобольской губ.	73°	1455	1656	
Диксона	Енисейской губ.	73°	143	163	
Карaginскій	Приморской обл.	58 $\frac{1}{2}$ °	1688	1913	
Командорскіе	—	—	—	—	
Беринга	»	54 $\frac{1}{2}$ °	1416	1543	
Мѣднѣй	»	54 $\frac{1}{2}$ °	290	329	
Де-Лонга	—	—	—	—	
Беннета	Якутской обл.	76 $\frac{1}{2}$ °	2051	2335	
Генріета	»	76 $\frac{1}{2}$ °	145	165	
Жанета	»	76 $\frac{1}{2}$ °	93	106	
Ляховскіе	—	—	—	—	
Ближній	»	73°	3383	3850	
Малый	»	73 $\frac{1}{2}$ °	587	668	
Находка	Енисейской губ.	67°	1537	1749	Тазовская губа.
Пуня	»	66 $\frac{1}{2}$ °	656	696	тоже.
Сибирякова	»	73°	900	1024	Енисейск. зал.
Сахалинъ	Приморской обл.	45°—54°	65022	73997	
Таймыръ	—	76°	782	890	
Тюлений	Приморской обл.	43°	471	537	Охотское море.
Уединенія	Тобольской губ.	77 $\frac{1}{2}$ °	167	190	Сѣв. Лед. ок.
Шантаръ больш.	Приморской обл.	54 $\frac{1}{2}$ °	1388	1580	
Эвнерманскае	Енисейской губ.	67 $\frac{1}{2}$ °	976	1110	Тазовская губа.
Ягодный	»	67°	653	743	тоже.
Феклистова	Приморской обл.	54°	474	540	Охотское море.
Земля Врангеля	Якутской обл.	71°	3914	4457	
Челюскенъ	Туркестанской обл.	39°	450	513	Каспійское море.
Николая I	»	44 $\frac{1}{2}$ °	203	229	Аральское море.
Сарга	»	46°	274	311	тоже.

¹⁾ Для Евр. Россіи площади взяты изъ труда г-на Стрѣльбицкаго («Мечисл. Нов. Росс. Имп.», 1889 г.), а для Азіатской Россіи—изъ рукописи ген.-лейт. А. А. Тилло. Приведены только главнѣйшіе острова

Ю. Шокальскій.

РОССІЯ. I. Оглавленіе.

	Стр.		Стр.
I. Физическая географія.		Н. Почвы: 54—57	
А. Границы и пространство Имперіи.	1—5	I. Минеральные богатства:	
В. Орографія Россійской Имперіи:		Поваренная соль	58—60
1) Общій взглядъ на современное со- стояніе нашихъ знаній по орогра- фіи Имперіи	5—6	Минеральные ключи	60
2) Краткія историческія свѣдѣнія по орографіи Россіи	6—8	Каменный уголь	60—62
3) Общій взглядъ на рельефъ Рос- сійской Имперіи	8—12	Торфъ	62
4) Общій взглядъ на рельефъ равни- ны Европ. Россіи и его причины	12—13	Горючій сланецъ	63
5) Равнины Азіатской Россіи	13	Нефть	63
6) Уральскій хребетъ	13—14	Асфальтъ, Горная смола и Озоке- ритъ	63
7) Нагорье Восточной Сибири	14—15	Золото	64—65
8) Окраинные хребты (Кавказъ, Па- миръ, Алтай и др.)	15—17	Серебро	65—66
С. Гидрографія:		Мѣдь, Цинкъ и Олово	66—67
Рѣки Европ. Россіи	17	Желѣзо	67—69
Рѣки Кавказа	18	Хромъ, Марганецъ, Никкель, Ко- бальтъ, Сурьма	69—70
Рѣки Туркестанскаго бассейна	18	Драгоценныя камни	70
Рѣки Сибири	18	Строительные камни	70
Озера	18	Мѣль, Гипсъ, Асбидный сланецъ и проч.	71
Моря	19	Фосфориты	71
Ледяной покровъ	19—20	Глины	71
Д. Климатъ:		Графитъ	72
Давленіе воздуха	21—23	Сѣра, Селитра, Глауберова соль, Сода, Басцы	72
Температура воздуха	23	К. Почвенная вода	73—75
Облачность	26	II. Населеніе.	
Осадки	27—29	А. Статистика:	
Климатъ Восточной Сибири	29—32	Источники свѣдѣній о населеніи	75—76
Е. Фауна:		Численность населенія по послѣдней переписи 1897 г.	76
а) Общій обзоръ наземной и прѣсно- водной фауны и зоогеографическихъ областей Россіи	32—35	Густота населенія	76—81
б) Фауна русскихъ морей	35—39	Распределеніе жителей по населен- нымъ мѣстамъ:	
в) Вредныя насекомыя для скотово- дства	36—39	Городское населеніе	81—83
г) Вредныя насекомыя для сельскаго хозяйства	39—42	Сельское населеніе	83—85
Ф. Растительность: Вступленіе	42	Размѣщеніе населенія по жилищамъ	85—86
А) Сѣверная зона:		Составъ населенія по вѣроисповѣ- даніямъ	86
1) Область арктическо-альпійская	43—45	Составъ населенія по сословіямъ	86
2) Область сѣверныхъ лѣсовъ	45—46	Племенной составъ населенія	86
3) Область степей	46—47	Составъ населенія по поламъ	87—90
В) Зона южныхъ флоръ:		« » » возрастамъ	90—91
4) Область среднеазиатскихъ пустынь	47	Движеніе населенія (брачность, рож- даемость и смертность)	92 105
5) Область горнотенной флоры	47	Эмиграція и иммиграція	105
6) Область реликтовыхъ лѣсовъ	48	Пространство и населеніе губерній, областей, уѣздовъ и округовъ (таблицы)	106—115
7) Область третичныхъ лѣсовъ	48—49	Населеніе городовъ, посадовъ и друг. важѣйшихъ населенныхъ мѣстъ (таблицы)	115—123
Г. Основныя черты геологическаго строенія:			
Европейская Россія	53—53		
Азіатская Россія	53—44		

	Стр.
В. Россія въ антропологическомъ отношеніи	128—139
С. Россія въ этнографическомъ отношеніи	139—152

III. Политическій отдѣлъ и финансы:

А. Государственное устройство въ XVIII и XIX вв.:	
1) Верховная власть	153—157
2) Центральныя учрежденія	157—160
3) Мѣстное управленіе	160—164
4) Судостроительство	164—167
В. Церковь	
Русская православная церковь	167—170
Инославныя и нововѣрные исповѣданія	170—171
С. Вооруженныя силы	
1) Сухопутное войско:	
Историческій очеркъ	171—174
Современное состояніе войскъ	174—180
2) Русскій флотъ:	
Историческій очеркъ	180—181
Современное состояніе	181—184
Д. Финансовое хозяйство	
1) Древѣйшій періодъ	185
2) Московское государство	185—186
3) Эпоха Петра Великаго	186—188
4) Преемники Петра	188
5) Первая половина XIX вѣка	189—190
6) Періодъ общегосударственныхъ реформъ	190—192
7) Періодъ реформъ въ финансовомъ хозяйствѣ	192—197
8) Государственный бюджетъ и его составныя части:	
Обыкновенный доходный бюджетъ	197—204
Обыкновенный расходный бюджетъ	204—207
Чрезвычайный бюджетъ	207—209
Государственный долгъ	209—210
Е. Административное дѣленіе Россіи	211—213

IV. Медицина и народное здравіе.

Историческій очеркъ и современное устройство медицинской администраціи	214—215
Фабрично-заводская медицина и санитарія	215—218
Городская медицина	218—222
Курорты	222—224
Современное санитарное состояніе Россіи	224—227

V. Экономическій отдѣлъ *).

А. Дѣленіе Россіи на районы по естественнымъ и экономическимъ признакамъ	227—231
В. Россія въ сельскохозяйственномъ отношеніи	
Общая данная о заграничной торговлѣ сельскохозяйственными продуктами о распредѣленіи земель	231—232
Почвы	232

*) О земледѣліи въ Россіи см. т. XII, 401—10.

	Стр.
Климатъ	233
Растенія, разводимыя на поляхъ	233—234
Сѣвообороты	234—235
Машины и орудія	235
Удобреніе	235
Посѣвъ, урожай и уборка	235—236
Вредныя вліянія и враги растеній	237
Спеціальныя культуры (сахарная свекла, хмѣль, табакъ, хлопчат. ленъ, пенька, масличныя растенія, виноградъ, чай)	237—240
Огородничество и садоводство	240—241
Скотоводство	241—245
Молочное дѣло	245—246
Птицеводство	246—247
Правительственныя мѣропріятія по сельскому хозяйству	247—248
Сельскохозяйственное образованіе, сельскохозяйственныя общества, періодическія изданія и дѣятельность земствъ по сельскому хозяйству	248—250

С. Ветеринарно-санитарная часть	250—251
Д. Лѣса и лѣсное хозяйство	251—256

Е. Промыслы *).

1) Охота	256—258
2) Рыболовство	258—261
3) Морской звѣринный промыселъ	261—262
4) Шелководство	262—264
5) Отхожіе промыслы	264—274

Ф. Промышленность и торговля Россіи.

а) Историческій очеркъ	275—283
б) Общая производительность фабрикъ и заводовъ, заработокъ фабричнаго рабочаго и топливо	283—285
в) Обзоръ отдѣльныхъ отраслей промышленности	

I. Обработка волокнистыхъ веществъ

1) Хлопкообрабатывающая промышленность	285—287
2) Обработка шерсти	287—288
3) Обработка льна	288—288
4) Обработка пеньки	289—290
5) Шелковая промышленность	290—291
6) Джутъ	291
7) Готовое платье	291—292

II. Обработка питательныхъ веществъ:

1) Винокуреніе, дрожжевое и водочное производство	292—293
2) Винодѣліе	293
3 и 4) Пивоваренное и медоваренное производство	293
5) Масложировое производство	294
6) Сахарное производство	294—295
7) Мукомольное дѣло	295—296
8 по 11) Крупа, рисъ, крахмалъ, солодъ	296—297

III. Обработка животныхъ продуктовъ (кожа и кожевенныя издѣлія, клей, костяная мука, землеудобрительныя туши, сало, старинныя и мыло)	297—298
---	---------

*) О пчеловодствѣ см. т. XXV, 685—873.

IV. Древообрабатывающая промышленность (лесопильное дѣло, столярное, мебельное, бондарное, пробочное, древооточное и др. производства) . . . 299—300

V. Писчебумажное производство (бумага, древесная масса, обои, переплетное дѣло) . . . 303—301

VI. Добыча ископаемых и обработка металлов:

1) Золото . . . 301

2) Серебро . . . 302

Канительное и мяшурное производство. Серебряныя и золотыя издѣлія. Серебро- и золото-ткацкое производство. Часовое производство . . . 302

3) Мѣдъ . . . 302

4) Ртуть . . . 302

5) по 8) Мѣдъ, Свинецъ, Цинкъ, Олово и Марганецъ . . . 303—304

9) Жѣлѣзо, Чугунъ и Сталь . . . 304—306

10) по 14) Производство рельсового, чугунолитейного, артиллерійскихъ снарядовъ и ножовое, машиностроение . . . 306

15) Судостроение . . . 306—307

16) Каменный уголь . . . 307—308

17) Нефть . . . 308—309

18) Соль . . . 309—310

VII. Керамическія производства (кирпичное, гончарное производство и майоликовое, фаянсовое, фарфоровое и стеклянное, зеркальное и цементное) . . . 310—311

VIII. Химическая промышленность (сѣрная, азотная и соляная кислоты, селитра, бѣлизная известь, сода, квасцы, краски, солодовый корень, лаки и сургучъ, порохъ и силики) . . . 311—312

IX. Табачныя издѣлія, резиновое произв. и экипажное произв. . . 313—314

г) Кустарные промыслы . . . 314—318

д) Внутренняя торговля (промысловое обложение) . . . 319—322

Торгово-промышленныя товарищества и общества . . . 323

Ярмарки, биржи, товарныя пѣны Перевозка грузовъ, элеваторы . . . 326

е) Внѣшняя торговля. Вѣсъ и вывозъ по главнѣйшимъ группамъ товаровъ и по государствамъ . . . 357—382

Главные предметы вывоза . . . 332—333

Главные предметы ввоза . . . 333—334

Торговое мореходство и каботажъ . . . 335

Транзитъ . . . 336

Г. Кредитныя учрежденія . . . 337—340

Н. Метрологія русская . . . 340—344

І. Пути сообщенія:

Водные внутр. пути сообщенія . . . 344—373

Морскіе пути . . . 352—354

Шоссейныя и грунтовыя дороги . . . 354—355

Жѣлѣзныя дороги . . . 355—366

К. Почта, телеграфъ, телефонъ . . . 363—371

І. Страхование . . . 371—382

A. Учебное дѣло.

1) Историческій очеркъ учебнаго дѣла въ Россіи . . . 382—391

2) Характеристика главн. типовъ существующихъ учебн. завед. . . 391—398

3) Статистика учебн. дѣла . . . 393—409

B. Ученыя учрежденія и общества . . . 410—414

C. Печатное дѣло . . . 414—420

VII. Общественное призваніе и благотворительность . . . 421—422

VIII. Исторія.

A. Россія въ археологическомъ отношеніи . . . 423—430

B. Источники русской исторіи и русская историографія . . . 430—446

C. Исторія Россіи:

Правдѣвровская Россія IX XII в. . . 446—450

Сѣверо-вост. Россія XIII—XV вв. . . 450—455

Моск. государство XVI и XVIII в. . . 455—466

Имперія въ XVIII в. . . 466—478

» XIX в. . . 478—489

D. Малороссія.

1) Историографія . . . 490—492

2) Исторія Малороссіи . . . 492—509

E. Хронологія русской исторіи . . . 509—513

IX. Русское право.

A. Исторія русскаго права

1) Очеркъ развитія госуд. учреждений и источниковъ правообразованія до начала XVIII в. . . 513—525

2) Очеркъ развитія общіихъ понятій о преступленіи и наказаніи по древнему русскому праву . . . 525—529

B. Русское гражданское право. Вступленіе . . . 529—530

Источники русскаго гражд. права . . . 530—531

Исторія личнаго права и современное русское право лицъ . . . 531—533

Исторія отдѣльныхъ институтовъ рус. гражд. права:

1) Періодъ торгово-городского права Кіева, Пскова и Новгорода . . . 533—535

2) Періодъ земскаго права . . . 535—537

3) Періодъ моск. государственна . . . 537—439

4) Петербургскій періодъ . . . 539—542

5) Современное русское гражд. право . . . 542—547

C. Русское крестьянское обычное право . . . 547—551

D. Гражданское судопроизводство . . . 551—553

E. Торговое право и судопроизв. . . 554—556

F. Русское уголовное право и судопроизводство

1) Историческій очеркъ уголовного законодательства . . . 556—557

2) Основныя черты современ. уголовного права . . . 557—559

3) Уголовный процессъ . . . 559—562

4) Военно-уголовное судопроизводство . . . 562—563

G. Сводъ законовъ . . . 563

H. Законодательство военное . . . 563—564

X. Русскій языкъ и русская литература.

A. Русский языкъ	564—566
Сѣв.-великорусское нарѣчіе	536—569
Южно-великорусское нарѣчіе	568
Бѣлорусское нарѣчіе	569
Малорусское нарѣчіе	569—570
Краткій очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка	570—581

B. Исторія русской литературы.

I. Отъ первыхъ памятниковъ до та- тарскаго ига	581—586
---	---------

II. Отъ татарскаго нашествія до кон- ца XVII в.	586—603
--	---------

III. Восемнадцатый вѣкъ и первая по- ловина XIX вѣка	603—619
---	---------

Библиографія русской литературы за первые три періода	619—634
--	---------

IV. Новѣйшій періодъ

Послѣдніе годы дореформенной эпохи (1848—55)	634—637
---	---------

Начальные годы эпохи великихъ реформъ (1855—62)	637—642
--	---------

Реакція и эпоха нигилизма	642—644
-------------------------------------	---------

Эпоха высшаго развитія адытру- изма (1870-е гг.)	644—648
---	---------

Эпоха разброда и исканія но- выхъ идеаловъ (1880-е и 1890-е гг.)	648—650
--	---------

XI. Русское искусство.

A. Архитектура. Живопись и Грави- рование *)	650—675
---	---------

B. Музыка.

Доисторическій древній періодъ:

1) Свѣтская музыка	675—679
------------------------------	---------

2) Церковная музыка	679—683
-------------------------------	---------

XVIII вѣкъ: 1) Музыка свѣтская	688—695
--	---------

» 2) Музыка церковная	695—697
---------------------------------	---------

XIX вѣкъ: 1) Музыка свѣтская	697—714
--	---------

» 2) Музыка церковная	714—717
---------------------------------	---------

C. Русский театр	717—720
----------------------------	---------

XII. Русская наука

1) Богословіе	721—724
-------------------------	---------

2) Математика	724—732
-------------------------	---------

3) Астрономія и Геодезія	732—737
------------------------------------	---------

4) Физика	737—744
---------------------	---------

5) Метеорологія	744—646
---------------------------	---------

6) Минералогія и Кристаллографія	746—750
--	---------

7) Геологія	750—753
-----------------------	---------

8) Химія	753—760
--------------------	---------

9) Ботаника	761—762
-----------------------	---------

10) Зоологія	762—764
------------------------	---------

11) Анатомія	764—766
------------------------	---------

12) Гистологія	766
--------------------------	-----

13) Физиологія	766—768
--------------------------	---------

14) Медицина (Общая патологія, тера- пія, хирургія, дерматологія, аку- шерство и гинекологія, дѣтскія болѣзни, офтальмологія, психіат- рія и невропатологія, фармація и судебная медицина)	768—776
---	---------

15) Сельскохозяйственная наука	776—779
--	---------

16) Технологическая наука	779—785
-------------------------------------	---------

17) Науки инженернаго и строительнаго искусства	785—791
--	---------

18) Географическія изслѣдованія Рос- сійской Имперіи и развитіе геогра- фической науки *)	791—800
---	---------

19) Археологія	800—801
--------------------------	---------

20) Пунзматика	801—802
--------------------------	---------

21) Геральдика (см. т. VIII, 461—63).	802
---	-----

22) Исторія	802—807
-----------------------	---------

23) Церковная исторія	807—808
---------------------------------	---------

24) Восточовѣдніе	808—813
-----------------------------	---------

25) Классическая филологія	813—816
--------------------------------------	---------

26) Славистика	816—818
--------------------------	---------

27) Историческая географія	818—819
--------------------------------------	---------

28) Исторія всеобщей литературы	819—821
---	---------

29) Исторія русской литературы	821—823
--	---------

30) Исторія искусства (см. XXVIII, 650—717).	
--	--

31) Русский языкъ и сравнительное языкознаніе	823—833
--	---------

32) Философія	833—837
-------------------------	---------

33) Соціологія	837—838
--------------------------	---------

34) Философія и Энциклопедія права	838—839
--	---------

35) Русское государственное право	839—841
---	---------

36) Полицейское право (см. XII, 325).	841
---	-----

37) Церковное право	841—842
-------------------------------	---------

38) Гражданское и римское право	842—845
---	---------

39) Гражданское судопроизводство	845—846
--	---------

40) Торговое право и торговое судопро- изводство	846—847
---	---------

41) Уголовное право	847—849
-------------------------------	---------

42) Уголовный процессъ	849—850
----------------------------------	---------

43) Международное право	850—851
-----------------------------------	---------

44) Экономическая наука	851—852
-----------------------------------	---------

45) Статистика	854—855
--------------------------	---------

46) Финансовая наука	855—856
--------------------------------	---------

47) Военныя науки	856—859
-----------------------------	---------

П Р И Л О Ж Е Н І Я.

I. Русскія монеты	859—860
-----------------------------	---------

II. Площади бассейновъ и длины рѣкъ въ Европ. и Азіатск. Россіи	861—871
--	---------

Длина искусственныхъ водныхъ путей	871
--	-----

Площади озеръ Европ. и Азіатской Россіи	872—873
--	---------

Площади острововъ Европ. и Азіатской Россіи	873—874
--	---------

--	--

--	--

--	--

--	--

--	--

--	--

--	--

--	--

--	--

--	--

--	--

--	--

--	--

--	--

--	--

--	--

--	--

--	--

*) Исторія русскаго языка изложена въ V томѣ
(стр. 698—670).

*) Обзоръ трудовъ по изслѣдованію Россіи въ ан-
тропологическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ
представляетъ въ т. XXVII, 130 и 139—152.

РОССІЯ.

II. Оглавление географических картъ, картограммъ, діаграммъ и рисунковъ.

	Стр.		Стр.
Гипсометрическая карта Европейской Россіи	8	производствъ по обработкѣ питательныхъ веществъ; распредѣленіе рабочихъ по полу, возрасту и группамъ производствъ; распределение паровой силы по группамъ производствъ	284
Карта бассейновъ Европейской Россіи	16	VII. Привозъ хлопка въ Россію и колебаніе цѣнъ на хлопокъ	286
» » Азіатской Россіи	—	VIII. Добыча шахового золота и платины въ Россіи въ XIX столѣтіи	300
» изотермъ Европ. Россіи и Кавказа	24	IX. X и XI. Производительность, вывозъ и привозъ желѣза; производимость, привозъ и потребление чугуна и каменнаго угля	306
» осадковъ » »	—	XII. Цѣнность (въ золотой и кредитной валютѣ) вывоза и привоза товаровъ во внѣшней торговлѣ Россіи съ 1802 по 1898 г.	328
» » года Азіатской Россіи января и іюля Азіатской Россіи	—	XIII и XIV. Внѣшняя торговля Россіи въ 1897 г. Внѣшняя торговля важнѣйшихъ европ. государствъ въ 1897 г. и участіе въ ней Россіи	330
» ботаническихъ областей Россійской Имперіи	48	XV. Колебаніе цѣнъ на пшеницу, ячмень и овесъ съ 1800 по 1899 г.	332
» распространенія нѣкоторыхъ древесн. породъ въ Европейской Россіи реликтовыхъ лѣсовъ, центровъ распространенія и путей переселенія лѣсныхъ деревьевъ	—	XVI. Привозъ чая, кофе и сахара съ 1800 по 1898 г.	306
Геологическая карта Европейской Россіи. Карта распределенія моря въ Европ. Россіи въ отдаленныя геологическія эпохи	50	Карта Европ. Россіи съ обозначеніемъ желѣзн. дорогъ	360
Почвенная карта Европ. Россіи	54	» Азіатской Россіи съ обозн. желѣзн. дорогъ	—
Карта минеральныхъ богатствъ Европ. Россіи	64	» распространенія начальныхъ школъ въ Европ. Россіи	400
Карта минеральныхъ богатствъ Азіатской Россіи	—	Діаграмма русской періодической печати. Историческія карты Россіи.	416
» Европейской Россіи. Густота населенія	80	I. 1) Восточная Европа около 862 г. 2) Княжества XI—XIII вѣковъ 3) Постепенное разростаніе московскаго княжества	445
» Азіатской Россіи. Густота населенія	—	II. 4) Московское государство 1598—1682 гг.	468
Картограммы къ статьѣ Населеніе: I. Увеличеніе густоты населенія съ 1863—1897 г.	96	5) Россія 1682—1762	—
II. Людность населенія	—	III. 6) Россія 1762—1801 г.	484
Этнографическая карта Россіи	144	7) Приобрѣтенія Россіи на Кавказѣ и въ Средней Азій въ XIX вѣкѣ.	—
Русскій флотъ I, II, III, IV, V и VI	184	Русское искусство (таблицы) I—VI	652
Карта раздѣленія Европ. Россіи на странства и области № 1 и 2	228	Русскія монеты (таблицы I, II)	860
» раздѣленія Европ. Россіи на районы по естеств. и экон. признакамъ	228		
Картограммы къ статьѣ Сельское хозяйство и скотоводство I и II	240		
Карта распределенія лѣсовъ Европ. Россіи Картограммы и діаграммы къ статьѣ Промышленность и торговля Россіи	256		
I. Распределение фабричной промышленности въ 1896 г. по губерніямъ	—		
II.—VI. Распределение промышленности по группамъ производствъ; распределение по мануфактурной промышленности; распределение	282		

С.

С—восемнадцатая буква русской азбуки, обозначающая согласный глухой переднеязычный альвеолярный сипрант дорсальной артикуляции (соответствующий парный звонкий согласный—з). Въ некоторыхъ случаяхъ онъ пишется на мѣстѣ этимологическаго с, перешедшаго въ живой рѣчи, путемъ фонетическаго уподобленія, въ другіе звуки: *просьба* (звучить *прѡзба*), *сжеалиться* (звучить *жежалница*), *сшибити* (звучить *шшибити*) и т. д. Знакъ *С* ведетъ свое начало отъ старославянскаго **С** (*слово*), источникомъ котораго служило греческое заглавное *С* (см. таблицу, въ т. XXIII, 704). Цифровое значеніе *с* въ старославянской и церковнослав. азбукѣ было 200. Соответствующій нашему *с* звукъ имѣется и въ другихъ языкахъ: во французскомъ (обозначается посредствомъ *s*, *c* передъ *e* и *i*, *ç*), нѣмецкомъ (*s* или *ss*, также *ß*), англійскомъ (*s*, *c*) и т. д.

С. Б—чѣ.

С—служить въ музыкѣ для сокращеннаго обозначенія многихъ словъ, какъ то: Segno, sinistro, solo, subito, sul (напр. S. ponticello или S. pon.). Въ старинныхъ сочиненіяхъ, напр. въ X ст. у Гукбальда, *S.* служило для обозначенія полутона (semitonium). *S.S.* обозначаетъ *senza sordini*, *S.t.*—*senza tempo*.

Са (Эммануилъ Са или Саа, 1530—1596)—португал. богословъ, изустникъ; трудился надъ изданіемъ латинскаго перевода Библии. Богословскіе его труды: «Scholia in quatuor Evangelia» (1596), «Notationes in totam sacram Scripturam» (1598) и «Aphorismi confessariogum» (Дуз, 1627), въ которыхъ онъ излагалъ самыя смѣлыя антимонархическія идеи. Большинство изъ нихъ не было пропущено цензурою.

Саа—арабская зерновая мѣра въ Тунисѣ (см.)=258 м.

Сааведра (Ангель de-Saavedra герцогъ de Rivas, 1791—1865)—испанскій писатель и политическій дѣятель, участвовалъ въ войнѣ противъ французовъ; послѣ заключенія мира вышелъ въ отставку въ чинѣ полковника и жилъ въ Севильѣ. Въ это время впервые выступилъ, какъ писатель, «Ensayos poéticos» (1813, 2 изд., 1820—21). Нѣкоторые изъ его трагедій поставлены на сценѣ (1815—16). Во время революціи 1820 г. *С.* былъ ревностнымъ сторонникомъ конституціи 1812 г. и поставилъ въ Севильѣ, свою трагедію «Lanuz», которая, благодаря политическому подкладкѣ, возбудила огромный интересъ. Во время втор-

женія французовъ (1823) *С.* удалился въ Лондонъ, гдѣ началъ эпическую поэму «Florinda». Въ 1825 г. переселился на Мальту и занялся изученіемъ англійскихъ писателей, вслѣдствіе чего окончательно освободился отъ вліянія франц. классической школы. Въ 1830 г. устроилъ школу рисованія въ Орлеанѣ. Позже жилъ въ Турѣ, гдѣ окончилъ народную эпическую поэму «El mogo expósito» (П., 1834). Въ 1834 г. *С.* разрѣшено было вернуться въ Испанію, гдѣ онъ получилъ по наслѣдству титулъ герцога и возведенъ былъ въ испанскіе гранды. Онъ принадлежалъ къ сторонникамъ умѣренной оппозиціи, въ 1836 г. занималъ мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ, но вскорѣ долженъ былъ удалиться за границу, откуда возвратился (1844) съ королевой Маріей-Христиной. До 1848 г. былъ посланникомъ въ Неаполѣ, въ 1854 г. былъ консервативнымъ членомъ такъ называемый «Сорочасосаго» министерства, павшаго вслѣдствіе движенія, поднятаго О'Доннелемъ; позже былъ посланникомъ въ Парижѣ и Флоренціи. Въ 1864 г. занималъ мѣсто президента государственнаго совѣта. Сааведра написалъ комедію «Tanto vales cuanto tienes» (1834), трагедію «Don Alvaro, o la fuerza del sino» (1835—79), драмы «Solaces de un prisionero», «La morisca de Alajuar» (1842). Своими «Mogo expósito» и эпическими поэмами *С.* способствовалъ возрожденію народной поэзіи въ Испаніи. Въ Неаполѣ онъ написалъ: «Historia de la Sublevacion de Nápoles» (Мадр., 1848, 1881).

Сааведра (Diero Saavedra у Faxardo, 1584—1648)—исп. писатель и государственный дѣятель, докторъ правъ; былъ посланникомъ при многихъ европейскихъ дворахъ, присутствовалъ (1636) на сеймѣ въ Регенсбургѣ при избраніи Фердинанда III, былъ посланъ Филиппомъ IV на конгрессъ въ Мюнстеръ, умеръ членомъ верховнаго совѣта Индіи. Онъ написалъ: «Empresas politicas, ó idea de un principe politico-cristiano, representa da en cien empresas» (Монако, 1640), «Locuras de Europa, dialogo postumo entre Mercurio y Luciano», «Corona gótica, castellana y austriaca, politicamente ilustrada» (Мюнх., 1646), «Obras politicas y historicas» (Мадр., 1789—90). Полное собраніе его сочиненій появилось въ Антверпенѣ въ 1688 г. О немъ De Rochey, «S., sus pensamientos, sus poesias, sus opusculos» (Мадр., 1884).

Сааведра де Ривасъ — испанскіе поэты; см. Ривасъ (XXVI, 678).

Саадакъ или *саадакъ, саодакъ, сайдакъ* (стар.)—название полного прибора вооружения конных воинов лукомъ и стрѣлами. Состоялъ обыкновенно изъ лука, съ налучіемъ или дубьемъ, и стрѣлъ, съ колчаномъ или туломъ, и украшался разнообразно и роскошно; въ XVII в. были С. цѣною въ 2965 руб. и даже въ 6660 руб. (см. Вельтманъ, «Описание оружейной палаты»). Въ числѣ частей С. упоминаются въ описяхъ еще *тогатуи* или тахтуи, служившіе чехлами для колчановъ во время походовъ.

Саади (соб. Са'дй, ибнъ - Мослихидинъ Ширазскій) — величайшій поэтъ - моралистъ Персіи, представитель практическаго, житейскаго суфизма (см.); родился вѣроятно около 1184 г., ум. въ 1291 г. Жизнь его раздѣляется на три періода: школьный (1196—1226), скитальческій (1226—1256), шейхскій (1256—1291). Прозвище «С.» (=Саадовъ) происходитъ отъ имени фарскаго атабека Саада ибнъ-Зенгй (1195—1226; см. Персія, XXIII, 392, 394), которому служилъ еще отецъ поэта, рано умершій, и который принялъ участіе въ сиротѣ. Его попеченіемъ Саади былъ помѣщенъ въ багдадскую визалийскую школу. Онъ много учился у суфійскихъ шейховъ и старался проникнуться ихъ аскетическими идеалами; однако, тѣ стихи, какіе тогда С. писалъ, дышатъ юношеской любовью къ жизни и ея радостямъ; и самъ онъ въ старости сознавался, что всѣ убѣжденія шейха Абуль-Фараджа Джузйа не могли его исцѣлить отъ любви къ музыкѣ. Намѣстникъ монголовъ на Персію и низверженіе Саади ибнъ-Зенгй (1226) заставило С. бѣжать, и въ теченіе 30 лѣтъ судьба, полная всякихъ превратностей, непрерывно бросала его то въ одинъ, то въ другой конецъ мусульманамъ міра. Въ Индіи, въ Суменатѣ, для сохраненія своей жизни, С. притворно принялъ вѣру огнепоклонниковъ и потомъ бѣжалъ, убивъ камнемъ сторожевого жреца. Въ Меккѣ, болѣею частью цѣлкомъ, С. побывалъ 14 разъ. Благодаря блестящему знанію классическаго арабскаго яз., онъ былъ мулоу-проповѣдникомъ въ Дамаскѣ и Баальбекѣ, но началъ томиться міромъ и уединился въ пустынь подѣ Іерусалимомъ; тутъ онъ попалъ въ плѣнъ къ крестоносцамъ, которые перевезли его на сирійское побережье, въ Триполи, и заставили тамъ рыть окопы для крѣпости. Его за 10 червонцевъ выкупилъ одинъ знакомый богачъ изъ Алеппо, привезъ къ себѣ и женилъ на своей безобразной и сварливой дочери. Спасаясь отъ невыносимой семейной жизни, С. бѣжалъ въ сѣверную Африку. Пространствовавъ сквозь всю Малую Азію, С. очутился въ родномъ Ширазѣ (1256) и, подѣ покровительствомъ Абу-Бекра, сына покойнаго Саада, прожилъ въ подгородномъ монастырѣ до конца жизни. «Князья, вельможи и лучшіе горожане», по выраженію Девлет-шаха, «являлись на посѣщеніе шейха». Тамъ на досугъ С. написалъ много стихотворныхъ и прозаическихъ произведеній, при чемъ, въ качествѣ поучительныхъ примѣровъ, очень часто пользовался личными воспоминаніями изъ своей скитальческой жизни. Испытавъ на себѣ всю бренность міра, С. теоретически воплѣ-

согласенъ съ такими своими суфійскими предшественниками или современниками, какъ поэты Фериддинъ Аттаръ и Джелялдинъ Руми, шейхъ С. Абдолъ-Кадыръ Гиланскій и др.; но, хорошо зная людей, С. понимаетъ, что далеко не всѣ способны удалиться отъ міра, умертвить плоть и исключительно предаться мистическому созерцанію. Поэтому у С. сплошь да рядомъ рекомендуется мірянамъ аскетизмъ житейскій: жить въ мірѣ, но не пристращаться къ нему, сознать его превратность и быть ежечасно готовымъ къ потерѣ земныхъ благъ. Такія правила какъ-разъ подходили къ тяжелымъ социально-экономическимъ условіямъ жизни въ эпоху монгольскаго диколѣтія и наиболѣе содѣйствовали славѣ С. Въ 1257 г. онъ написалъ поэтическій трактатъ «Бустанъ» (Шодовый садъ), гдѣ, въ десяти главахъ, стихами изложена суфійская философія и этика, подкрѣпляемая занимательными притчами и расказами. По глубинѣ поэтическаго чувства и по высотѣ нравственныхъ идей, «Бустанъ»—одно изъ величайшихъ произведеній всей суфійской литературы. Однако, не «Бустанъ», а «Голистанъ» (=«Розовый садъ»,—писанъ прозою въ перемежку со стихами, въ 1258 году), во многомъ аналогичный съ предшествующимъ произведеніемъ, но приспособленный къ понятіямъ агностической массы, считается у персовъ вѣнцомъ твореній С., составляеть до сихъ поръ настольную книгу каждаго перса и съ дѣтства заучивается въ школахъ. Голистанъ по остроумію выше, чѣмъ Бустанъ; онъ имѣетъ и своеобразную прелесть народности, потому что пересыпанъ множествомъ народныхъ пословицъ и поговорокъ; но по художественности и особенно по нравственнымъ идеямъ Голистанъ значительно уступаетъ Бустану. Глава 5-я (Размысленія и наставленія касательно любви и юности) кажется европейцу по меньшей мѣрѣ неестественной; мудрые совѣты заключительной 8-й главы освѣщаютъ правило того смутнаго времени, что homo homini lupus: «Не доверяй тайны своему другу: знаешь ли, быть можетъ, онъ со временемъ увидѣтъ твою врагъ? Такъ же, не дѣлай всевозможное зло своему (сильному) непріятелю, потому что онъ, статься можетъ, явится тебѣ другомъ... «Будь тихъ въ рѣчи съ друзьями: говоря даже къ стѣнѣ, берегись, не подслушиваетъ ли тебя кто-нибудь за стѣною»... «Не будь волкомъ, но и овцою не будь»... «Не имѣй жалости къ слабому непріятелю: онъ, когда возьметъ силу, вѣрно не умалосердится надъ тобою» и т. д. Аналогію съ Голистаномъ имѣетъ еще довольно сухая «Книга совѣтовъ» (Пенд-наме), одноименная съ такою же книгой Фериддинна Аттаръ; но ея принадлежность С. не вполне доказана. Критическія изд. *Бистана* съ перс. коммент.—К. Графа (Вѣна, 1850), Дж. Платтса и А. Роджера (фотот., Л., 1891); изъ многочисленныхъ вост. изд. важно «Шерхъ-и Бустанъ» Рязъа Али и Кадыра Али (Калкъ, 1845, 1849) и комментарий. Каунопрское (1836, 1879 и 1888, со словаремъ). Переводы: турецкій (Констант., 1871); франц. Барбье де Меунара (П., 1880); нѣм. К. Графа (Лена, 1850),

Шлехты-Вшегера (Вѣна, 1852) и Ф. Рюккерта (Лпц., 1882); англ. Вильберфорс-Кларка (Л., 1879), Г. С. Дени («The garden of fragrance», Л., 1882), извлечения въ «Flowers from the Būstān» (Кальк., 1877) и въ «Persian poetry» Робинсона (1883); по-русски былъ рукоп. переводъ ХVII в. (съ нѣм.): «Деревня садъ»; нов. извлечения даны И. Н. Холмогоровымъ въ его диссертации (см. ниже) и по-малорусски А. Крымскимъ въ журн. «Житѣ и Слово» (Львів, 1894). *Голістанъ* издавали европейцы — Э. Иствикъ (Eastwick, Гертфордъ, 1850, со словаремъ), А. Шпренгеръ (Кальк., 1851), Джонсонъ (Гертф., 1863, со слов.), Дж. Платтс (Л., 1874) и др., перечисленные въ библиографіи Уценкера. Изъ вост. изданій (перс., индійск., казанскихъ, константиноп. и египетскихъ) крайней дешевизной отличаются константинополь и казан., но они не лишены опечатокъ; «Шерх-и Голістанъ» — Абдор-расула (Дукновъ, 1264 г. Г.). Переводы: араб. (Булакъ 1263 г. Г.); гиндустан. — Миръ-Ширъ Али Эфсуса, подъ редакціей Дж. Гилькрайста (Gilchrist, Кальк., 1802), Низамоддина (Пуна, 1855); гиндск. — Миръ Чендъ Даса (Дели, 1889); турецк. — съ коммен. Судія (Констант., 1833 и сл.), съ перс. оригиналомъ (К., 1874 и 1876, три разныхъ версій); латин. — Генциуса: «Rosarium politicum» (Амст., 1651, 1655 и 1687); франц. — Дю-Риэ (Du Ryer — 1634 г., изд. 1711 г.), Д'Алегра (1704), аббата Годена (1789), Семеле (П., 1828, литогр.), Дефремери (П., 1858), кромѣ того старый переводъ изъ Олеарія — Галланда, и прованс. (Монпелье, 1888); нѣм. — А. Олеарія, «Persianischer Rosenthal» (Шлезв., 1654 и 1660), В. Дорна, «Rosenhain» (Гамб., 1827), Ф. Вольфа (Штуттг., 1841), К. Графа (Лпц., 1846); англ. — Фр. Гладуина (Кальк., 1806, два тома съ перс. текстомъ, и Лонд., 1809, 1833) Домулена (1807), Джемса Росса (Л., 1823, 1890), Э. Иствика (Гертфордъ, 1852, Л., 1880), Дж. Платтса (Л., 1873), общества Кама Шаистра (Бенаресъ, 1888), извлечения у Робинсона въ «Persian poetry» (Л., 1883); польск. — Отвиновскаго, изд. Яницкимъ (В., 1879). На рус. яз. «Кринный доль» былъ переведенъ съ нѣм. въ концѣ ХVII в. (рукоп.), лучшіе печатные пер. — И. Холмогорова (М., 1882) и С. Назарыица (М., 1857; «Розовый кустарникъ»), неполные — К. Ламброса (Од., 1862), Ю. Богущевича («Сборн. студ. спб. унив.», 1857, вып. I), А. Казембека (введение), «Каз. Вѣстн.», 1829, кн. 2—3), Н. Коноплева («Телескопъ», 1833, № 21; 1834, № 46; «Сѣв. Минерва», 1832, 5, № 7; «Литер. приб. къ Р. Русск. Инвал.», 1836; «Вѣстн. Европы», 1826, № 2, № 19—20; 1827, № 9), А. Паского-Шарапова («Отеч. Зап.», 1851, № 10), отрывокъ С. Соловьева («Азіат. Вѣстн.», 1827, кн. 2 и 3); малорусскій пер. — А. Крымскаго («Житѣ и Слово», 1894). *Пенд-Намѣ* изд. въ «Persian Moonshine» Фр. Гладуина (1801, 1840, съ англ. перев.), Руссо: «Flowers of persian literat.» (1801), «Persian Reader» (Кальк., 1835) и мн. др.; гиндуст. переводъ — Кальк., 1829 (съ ориг.); латин. — Г. Гейлина (съ текстомъ, Гельсингф., 1835; ср. «Сѣв. Пчела», 1835, № 143); франц. — Гарсенъ де-Гасси, въ «Expos. de la foi musulm.» (П., 1822) и въ «Allégories, récits poétiques»

и т. д. (2-е изд., П., 1876); англ. — въ Кальк. (1788) и Ф. Гладуина (1801, 1840); нѣм. — отрывки у К. Графа при «Rosengarten» (Лпц., 1846), ср. библиогр. Уценкера I, 418 сл., П., 480; русск. отрыв. — въ «Вѣстн. Европы», 1826, № 3, и 1827, № 9 (Н. Коноплева), «Молвъ», 1835, № 31—34, «Сѣв. Пчелъ», 1835, № 143. Прочія произведенія С., составляющія до 2/3 его дивана, относятся преимущественно къ лирикѣ и имѣютъ множество названій: касиды персидскія, касиды арабскія, причитанія, газели «пестрыя» (вычурныя: въ нихъ полустишія арабскія правильно чередуются съ персидскими и иногда еще съ турецкими), припѣвы, новинки, печати, обрывки, благоуханія и т. д. Въ нихъ обыкновенно воспѣвается Богъ, выражается страстное стремленіе души человѣческой къ Нему, прославляются отряды дервишескаго, подвижническаго образа жизни. Съ этими набожными темами плохо гармонируетъ отдѣлъ «Хобисаъ» (Мерзости): это — крайне порнографическіе рассказы и стихи, написанные, какъ говоритъ С., по грозному приказанію какого-то «царевича» и снабженные оправдательнымъ замѣчаніемъ, что «шутка въ рѣчи — какъ-бы соль въ пищу». Такую же двойственность мы видимъ въ семи прозаическихъ «Рисалъ» — ахъ («Посланияхъ»), изъ которыхъ первая шесть трактуютъ о божественныхъ и нравоучительныхъ предметахъ и о святой мистической любви, а седьмая («Шутливое застѣяніе») является скабрешной пародіей на благочестивыя мистико-религіозныя «застѣянія» 2-й рисалы. Переводы *лирическихъ* стихотвореній: на нѣм. — К. Графа («Zeitsch. d. Deutsch. Morg. Gesell.», т. IX, XII, XIII, XV, XVIII), Фр. Рюккерта (изд. Байера, В., 1893, 1894), В. Бахера («S. Aphorismen» (Страсб., 1879, ср. Флейшера въ «Z. D. M. G.», т. XXXIV), по-русски — «Гимны Богу», перев. В. Григорьевъ («Радуга», 1833, № 3) и Г. С. — въ «Цвѣтн.», 1810, ч. 6), «Старикъ» — Л. Якубовича («Литер. Газ.», 1831, № 23), «Подражанія» — его же («Соврем.», 1836, т. 4; «Сынъ Отеч.», 1837, ч. 184), Э. Миллера («Газ. Тапц.», 1880, № 74), Х. Тростина («Моск. Телегр.», 1831, № 6), Хомякова («Моск. Вѣстн.», 1830, № 5), также въ «Казан. Вѣстн.», 1829, кн. 7. *Рисалъ*: Бисутунское введеніе — англ. пер. Дж. Герингтона (Harington) въ «Introduction» къ калык. изд. собранія соч. С.; изъ 2-й рисалы 2-е и 3-е «застѣяніе» перев. (и изд. съ текст. и коммент.) М. Гведеманъ (Бреслав., 1858), а 5-е — Дж. Россъ («Bombay Transactions», I); 3-я и 6-я рисалы по-англ. у Герингтона въ «Introduction», а по-нѣм. въ «Lustgarten» (Bistān) К. Графа. *Полное собраніе соч. С.* (Коллѣкція) — изд. Дж. Герингтонъ (два тома, Кальк., 1791—1795); Тавризъ 1257, 1264 (отъ Гижры); Тегеранъ, 1263, 1268 и др.; Бомб., 1226, 1267, 1280 и др.; Дели 1269; Каунпуръ 1280; Лукновъ, 1287 ит. д. Ср. В. Бахеръ, «Saadi-Studien» («Z. D. M. G.», т. XXXIV); Ф. Невъ (Nève, «Le poète S.», Louvain, 1881); Пицци («Giorn. d. Società Asiat. Ital.», IV); Г. Эте («Grundr. d. iranisch. Philol.», т. II, Страсб., 1896); всего подробнѣе — по-русски въ диссертации И. Н. Холмогорова: «Шейхъ Мослихундинъ С. и

его значеніе въ исторіи персидской литературы» (Казань, 1865, отд. изъ «Учен. Записокъ Казан. Унив.»). *А. Крымскій.*

Саадія Гаонъ (Саадія-бенъ-Иосифъ, араб. Саадъ) — извѣстный еврейскій ученый (892—942), родомъ изъ Файюма въ Египтѣ; уже въ молодости приобрѣлъ обширные познанія въ области раввинской письменности и въ свѣтскихъ наукахъ, особенно въ философіи. Въ 928 г. сдѣлался гаономъ (главой еврейской академіи) въ Сурѣ (въ Вавилонѣ). Эта академія, вмѣстѣ съ академіей въ Пумбадитѣ бывшая средоточіемъ еврейской учености въ Вавилонѣ, къ тому времени нѣсколько пришла въ упадокъ; благодаря новому гаону, значеніе ея вновь поднялось и въ ней начали преподавать, кромѣ богословскихъ наукъ, также и свѣтскія — философію и другія. Черезъ нѣсколько времени Саадія былъ смѣненъ, благодаря интригамъ тогдашняго экзильарха (свѣтскаго главы вавилонскихъ евреевъ) Давида бенъ Заккаи, но черезъ нѣсколько лѣтъ былъ вновь утвержденъ въ званіи гаона. Саадія стремился къ тому, чтобы примирить противоположныя направленія въ иудействѣ и въ то же время опровергнуть противорѣчащія религіи мнѣнія: онъ боролся противъ различныхъ сектантовъ и старался согласовать иудейство съ тогдашней философскою мыслью. Важнѣйшее сочиненіе С., религіозно-философскій трудъ «Eshnot w'deor» (напис. въ 933 г., арабскій оригиналъ подъ заглавіемъ «Китабъ аль аманатъ валь-н' тикадатъ») — книга о вѣрованіяхъ и религіозныхъ мнѣніяхъ; переведенная на еврейскій языкъ Лудой ибнъ Тиббономъ въ 1160 г.), является первымъ систематическимъ изложеніемъ религіозной философіи; С. опровергаетъ мнѣніе, что вѣра несовмѣстна съ разумомъ и наукой. Сочиненіе Саадія имѣло большое влияние на позднѣйшее процвѣтаніе философской литературы арабско-испанскихъ евреевъ и послужило образцомъ для ряда сочиненій по религіозной философіи у евреевъ и у христіанъ; оно выдержало множество изданій и переведено на нѣмекій языкъ Фюрстомъ (Лпц., 1845). Другой выдающийся трудъ С. — арабскій переводъ Библии и обширный комментарий къ ней, въ которомъ С. опровергаетъ превратныя толкованія библейскаго текста, разъясняетъ смыслъ многихъ мѣстъ Библии, заключающихъ, по мнѣнію С., указанія на разныя научныя истины, и оправдываетъ свой переводъ филологически. Кромѣ того, С. писалъ сочиненія по экзегетикѣ, грамматикѣ, талмудическому законовѣдѣнію, календарно-астрономическимъ вопросамъ, комментировалъ древнія книги, привелъ въ порядокъ весь циклъ литургическихъ произведеній, къ которымъ добавилъ свои синагогальныя пѣсни; его сочиненіе по грамматикѣ, лексикографіи и поэзи еврейскаго языка, подъ заглавіемъ «Сеферъ Агропъ» (араб. «Китабъ алл-ширъ»), долгое время служило важнѣйшимъ руководствомъ по этимъ предметамъ; его полемическое сочиненіе «Китабъ ар-роддъ ала Анавъ» (возраженіе Анану, караимскому учителю) нанесло сильный ударъ караимству. С. написалъ также комментарий къ «Сеферъ Йецира» (кни-

гѣ Творенія), литургическій требникъ на арабскомъ яз., подъ заглавіемъ «Сиддуръ Раббн Саадія» и др. Многія сочиненія С. до сихъ поръ еще хранятся въ рукописяхъ; нѣкоторые изъ нихъ, хранящіяся въ спб. публичной библиотекѣ, изданы А. Я. Гаркави въ «Studien und Mitteilungen aus der St.-Petersburger Oeffentl. Bibliothek» (СПб., 1891). По случаю 1000-лѣтія рожденія С. предпринято было I. Деренбургомъ обширное изданіе его сочиненій, для котораго Конъ издалъ и перевелъ книгу Іова (Альтона, 1889), Деренбургъ издалъ Пятикнижіе (Пар., 1895) и вмѣстѣ съ Ламбертомъ Притчи (П., 1894); послѣдній издалъ также и «Сеферъ Йецира» (Пар., 1891). См. Munk, «Notice sur Rabbi Saadia Gaon» (Пар., 1833); Landauer, «Saadia Kitab al ammanat w'al 'liqadat» (Лейпц., 1861); «Die Religionsphilosophie des Saadia» (Геттинг., 1882); Grätz, «Geschichte der Juden» (т. 5); А. Гаркави, «Р. Саадія Гаонъ Альфауми» («Восходъ», 1887, № 4); Г. Генкель, «Р. Саадія Гаонъ» (СПб., 1895).

Саадуллахъ-паша (Saadullach-Pascha, 1838—1891) — турецк. государственный дѣятель, сынъ *Эссада-паши*, занимавшаго высшія должности и прославившагося въ качествѣ турецк. поэта; былъ министромъ торговли; въ 1876 г. сдѣлался первымъ секретаремъ султана Мурада V; въ 1877 г. назначенъ посломъ въ Берлинъ; въ 1878 г. былъ турецк. уполномоченнымъ при заключеніи мирнаго трактата въ Санъ-Стефано и на Берлинскомъ конгрессѣ; съ 1883 г. состоялъ посломъ въ Вѣнѣ, гдѣ кончилъ жизнь самоубійствомъ.

Саад-эд-динъ († 1599) — первый турецкій официальный исторіографъ, «вакаа-невисъ». Онъ былъ учителемъ султана Мурада III раньше его восшествія на престолъ, а потомъ — шейхъ-уль-исламомъ, очень авторитетнымъ въ своихъ фетвахъ. Его исторія называется «Ходжатарихи» («Учителева лѣтопись») или «Тадж-ут-товарихъ» («Корона лѣтописей»); она хронологически, по царствованіямъ, излагаетъ судьбы Османской династіи отъ ея начала до 1522 г.; изложивъ царствованіе какого-нибудь султана, С. даетъ вслѣдъ затѣмъ свѣдѣнія объ ученыхъ и поэтахъ, умершихъ въ тотъ періодъ. Не смотря на свое официальное положеніе, С. безпристрастенъ къ турецкимъ султанамъ. Его трудъ оказывается политич. лѣтописнымъ сводомъ сказаній, существовавшихъ до него, и представляетъ, поэтому величайшую важность для древнѣйшаго періода турецкой исторіи. Стиль С. высокопаренъ, искусственъ, пересыпанъ стихами, хотя авторъ считаетъ его только среднимъ и упрекаетъ своего предшественника Иприса (1-ая пол. XVI в.) въ напыщенности. Ср. В. Смирновъ, «Очеркъ исторіи турецкой литературы».

Саарбрюкенъ (Saarbrücken) — г. въ Пруссіи, въ Трирскомъ округѣ Рейнской провинціи, на р. Сааръ. 17082 жит. Замокъ, принадлежавшій до 1793 г. князю Нассау-Саарбрюкенскому, ратуша, гимназія, реальное училище, горное и маршлейдерское училища, женское среднее-учебное заведеніе и сиротскій домъ. Производителемъ привоныхъ ремней, укуса, обуви. Въ 4 км. отъ города, въ сел.

С. Арнауль, находится древняя готическая церковь (1315) съ множеством древних памятниковъ членовъ Нассау-Саарбрюкенскаго княжескаго дома. С. былъ когда-то главн. городомъ графства, которое съ 1881 по 1797 г. принадлежало Нассау-Саарбрюкенской вѣтви Вальрамовской линіи Нассаускаго дома. Съ 1801 по 1815 г. С. находилась во владѣніи Франціи, затѣмъ отошелъ къ Пруссіи. Здѣсь произошло первое столкновение французскихъ съ пруссаками въ франко-германскую войну 1870—71 г. Маршалъ Базенъ, во главѣ весьма крупныхъ силъ, произвелъ, 2 августа, рекогносцировку къ С., занятому небольшимъ отрядомъ пруссаковъ, и только послѣ 3-часового боя успѣлъ вытѣснить его изъ города. Рекогносцировка выяснила неготовность французскъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ, а потому на слѣдующій день король Вильгельмъ отдалъ приказаніе высаживать перевозимыя по жел. дорогамъ изъ Германіи войска почти у самой французской границы.

Саарбургъ (Saarburg)—г. въ нѣм. Лотарингіи, на р. Сааръ. 8700 жит. Гимназія, женское среднее учебное заведеніе. Производство пружинъ для часовъ, перчатокъ и кружевъ.

Сааргемюндъ (Saargemünd)—г. въ нѣм. Лотарингіи на р. Сааръ и Саарскомъ каналѣ, 18888 жит. Гимназія, реальное училище, женское среднее учебное заведеніе, окружной домъ для умалишенныхъ. Фабрика фарфоровой и фаянсовой посуды, производство бархата, плюша и денежныхъ шкафовъ.

Саардамъ (Saardam и Zaardam и Zaardam)—г. въ нидерландской провинц. Сѣв. Голландіи, на р. Сааръ. 16200 жит. Мукомольня мельницы, лѣсопильня, маслобійное, пшечубушное и цементное производство. Въ 1697 г. здѣсь жилъ и учился корабельному мастерству Петръ I. Въ настоящее время кораблестроеніе здѣсь почти исчезло.

Саарлуи (Saarlouis)—г. въ Пруссіи, въ Трирскомъ окр. Рейнской провинціи, на р. Сааръ, прежде крѣпость. 7368 жит. Ратуша съ гобеленами, подаренными Людовикомъ XIV; прогимназія, женское среднее учебное заведеніе. Въ окрестностяхъ значительная промышленность: фаянсовый и стеклянный заводы, фабрики эмальрованной посуды и др. Добыча каменнаго угля. Городъ основанъ въ 1681 г. Людовикомъ XIV и укрѣпленъ Вобаномъ. Во время вѣд. франц. революціи г. назывался Саррлибръ. По парижскому трактату 1815 г. городъ перешелъ къ союзнымъ державамъ, которыя передали его Пруссіи. Cp. Niessen, «Geschichte des Kreises Saarlouis» (1893).

Саарсепфальдъ—графъ, потомокъ одного изъ ирланд. выходцевъ, переселившихся въ Испанію вслѣдствіе паденія Стюартовъ. Выдвинулся во время борьбы испанцевъ противъ Наполеона I. При Фердинандѣ VII командовалъ наблюдательнымъ корпусомъ на португальской границѣ; въ 30-хъ годахъ успѣшно дѣйствовалъ противъ карлистовъ. Въ 1837 г., во время одного изъ «пронунциamentos», С. былъ убитъ собственными солдатами.

Сааръ (нѣм. Saar, франц. Sarge)—правый притокъ Мозеля, длина 246 км., обра-

зуется изъ Бѣлаго и Краснаго Саара, которые сливаются при Лерхингенѣ. С. течетъ по нѣм. Лотарингіи, нижнему Эльзасу и впадаетъ въ прусское Трирское озеро въ Мозель. Рѣка судоходна начиная съ Сааргемюнда до Вердена съ помощью плотовъ, а съ Вердена безъ плотовъ всего на протяженіи 119 км. Бассейнъ р. занимаетъ 6672 км. Саарскій каменноугольный каналъ соединяетъ Саарскій каменноугольный бассейнъ съ каналомъ Рейнско-марнскимъ и желѣзнодорожной линіей Страсбургъ-Парижъ. Долина р. С. защищена болѣею частью хорошими лѣсами и воздѣлана подъ виноградники (мозельвейнъ).

Сааръ (Фердинандъ уоп Saar)—одинъ изъ талантливѣйшихъ австрійскихъ писателей. Род. въ 1833 г. По окончаніи гимназическаго курса былъ нѣкоторое время военнымъ и участвовалъ въ итальянскомъ походѣ 1859 г. С. написалъ 5 драмъ, въ томъ числѣ 3 историческія: «Kaiser Heinrich IV» (2 ч.: «Hildebrand» и «Heinrichs Tod», 1863—67 гг.; 2-е изд. 1872); «Die beiden de Witt» (1875 г., 2-е изд. 1879) и «Thassilo» (1885 г.). Лучшая драма—первая. Фигуры папы Григорія VII и его противника, императора Генриха IV, нарисованы мощною кистью; культурный фонъ—борьба церкви съ государствомъ—намѣченъ ярко и опредѣленно. У С. Григорій до конца остается деспотомъ: умирая, онъ открываетъ графинѣ Матильдѣ, что сдѣлалъ ее аскеткой, лишилъ земаго счастья съ тѣмъ, чтобы обладать ею вполне. Кромѣ того С. написалъ драму «Tempesta» (1881) и народную пѣсню «Eine Wohlthat» (1885). Глубоко современное міросозерцаніе С. сказывается въ его лучшихъ повѣстяхъ: «Novellen aus Oesterreich» (1876 г.; 2-е изд. 1894 г.; новое изд. 1898 г.). «Drei neue Novellen» (1883) и «Schicksale» (1889 г.). Въ первомъ сборникѣ выделяются тонкой психологіей и мастерской отбѣлкой повѣсти «Innocenz», «Marianne» и «Die Steinklopfer». Во второмъ сборникѣ рассказъ «Tambì» по мотиву напоминаетъ «Муму» Тургенева. Въ третьемъ сборникѣ находимъ потрясающую жанровую картинку «Seligmann Hirsch»: бездушный еврейскій выскочка выгоняетъ своего необразованнаго старика-отца, котораго стыдится, и тотъ съ горя лишаетъ себя жизни. «Die Troglodyten» (тамъ-же) затрогиваетъ жизнь пролетаріевъ. Новыя повѣсти С.: «Flauenbilder», «Schloss Kostenitz» и «Herbststreigen» (1892 и 1897). Какъ поэтъ, С. обнаружилъ также выдающійся талантъ. Въ 1882 г. появились его «Gedichte», въ 1893 г. — «Wiener Elegien», въ 1897 г. поэма въ 5 пѣсняхъ «Die Pincelliade» (2-е изд. 1898 г.), въ 1897 г. — «Nachklänge. Neue Gedichte und Novellen». С. можно назвать идеалистическимъ реалистомъ: грубая правда жизни отражается у него гармоническимъ миропониманіемъ и правдой художественною. Въ лирикѣ С. выведена цѣлая галлерея современныхъ женщинъ, озаренныхъ послѣдними лучами «осеннихъ чаръ» («An Ottilie», «Stella», «High life», «Freie Rhythmen»). Это — поэзія пессимистическая, въ которой идеализмъ окутанъ легкой дымкой чувственности.

Santarah—индійскій инструментъ, родъ гитары съ тремя струнами, обмотанными канителюю.

Саать (тат.)—часъ времени; часы. Въ Закавказь С. примѣняется часто къ разстоянію, т. е. означаетъ такое разстояніе, которое можно пройти въ одинъ часъ.

С. ба (Saba)—одинъ изъ голландскихъ Антилскихъ о-въ къ СЗ отъ о-ва Св. Евстафія, подъ 17°39' с. ш. и 63°19' з. д. Жит. 2002.

Сабадилла (*Sabadilla officinarum* Brandt, *Asagraea officinalis* Lindl.)—растеніе изъ сем. Melanthaceae, растетъ въ Мексикѣ и Центр. Америкѣ; изъ сѣмянъ его добываются вератринъ, сабадиллинъ и др.; порошокъ изъ сѣмянъ С. вызываетъ сильное чиханіе.

Сабадиллинъ, по изслѣдованіямъ Вейгемма—представляетъ собой алкалоидъ состава $C_{21}H_{25}NO_7$ (?), находящійся совмѣстно съ вератриномъ и вератридиномъ въ сѣменахъ сабадиллы. Представляетъ собой безцвѣтные кристаллы, весьма трудно растворимы въ эфирѣ, легче въ бензолѣ и спиртѣ; въ холодной водѣ въ 150 частяхъ. Кристаллы плавятся при 200° Ц. и съ сѣрной кислотой и сахаромъ даютъ красное и краснофиолетовое окрашивание (отличіе отъ вератрина).

Сабадинъ $C_{29}H_{51}NO_8$ и **сабадинъ** $C_{27}H_{45}NO_8$ —представляютъ собой выдѣленные въ чистомъ видѣ алкалоиды сабадиллы (Е. Merck, «Jahrb.», 1890 и 1891). Оба алкалоида, что для нихъ характерно, изъ водныхъ растворовъ ихъ солей не выпадаютъ при дѣйствіи щелочей на холоду, а лишь при нагрѣваніи. Первый плавится при 239° Ц., трудно растворимъ въ водѣ и эфирѣ, легко въ спиртѣ; пылъ вызываетъ чиханіе. Второй при 160° калѣ-будто начинаетъ плавиться, при дальнѣйшемъ нагрѣваніи разлагается; трудно растворимъ въ эфирѣ, легко въ водѣ и хлороформѣ; пылъ его чиханіе не вызываетъ.

А. С. Г. А.

Сабазіеро (груз., отъ базіери—сокольникъ)—повинность, существовавшая въ Мингреліи и состоявшая въ томъ, что крестьяне обязаны были кормить сокольниковъ помѣщика. Для этой цѣли они вносили въ годъ по 3 катха гоми ($\frac{1}{4}$ батмана), по кофѣ вина и по козленку съ cadaго двора.

Сабакинъ (Левъ)—механикъ. По повелѣнію имп. Екатерины II былъ посланъ въ Англію для изученія практической механики. Особенное его вниманіе привлекали паровыя или «огненные» машины. По возвращеніи въ Россію, С. одною изъ задачъ своей дѣятельности сдѣлалъ распространеніе въ русскомъ обществѣ свѣдѣній по практической механикѣ. Онъ перевелъ съ англ. соч. Фергюссона: «Лекціи о разныхъ предметахъ касающихся до механики, гидравлики и гидростатики, какъ то: о матеріи и ея свойствахъ, о центральныхъ силахъ, о механическихъ силахъ, о мѣльницахъ, о кранахъ, о тѣлѣжныхъ колесахъ, о машинѣ колотить сван и о гидравлическихъ и гидростатическихъ машинахъ вообще» (СПб., 1877). Къ этому переводу С. присоединилъ собственную статью «О огненныхъ машинахъ», напечатанную также въ 1788 г. отдѣльно; «Малое зданіе, или разговоры,

касающіеся до астрономіи, физикии механики, основанные на ясныхъ доказательствахъ и самыхъ простѣйшихъ опытахъ» (М., 1789). В. В. Б.

Сабакъ, *Cabakonъ*, *Cabakocъ*, Shabak егип.; Shabé, асс.; Sévé, Soua, So, евр.; *Տաբակ* *Տաբակ*—родоначальникъ эѳіопской, 25-ой, династіи въ Египтѣ, сынъ Kashta. Еще до него эѳіопы проникли въ верхній Египетъ. Пятидесятилѣтній періодъ владычества эѳіоповъ до съ ихъ тремя царями: Shabak, Shabatok, Tahgaqa, Геродотъ и Діодоръ соединилъ въ одно царствованіе перваго изъ нихъ, вопреки показаніямъ туземныхъ памятниковъ, согласно съ которыми излагалъ и Маневонъ исторію эѳіопскихъ царей. Геродотъ рассказываетъ, будто С. по истеченіи 50 лѣтъ покинулъ Египетъ добровольно: онъ не пожелалъ послѣдовать ввнушнюю сновидѣнія—изрубить всѣхъ египетскихъ жрецовъ, усматривая въ немъ только испытаніе или искушеніе отъ боговъ, за которыми должно было—бы послѣдовать жестокое наказаніе отъ тѣхъ же боговъ. Онъ подавилъ возстаніе въ Савсѣ и тамошняго правителя Бокхориса (Bokenpanw) сежѣ живымъ, какъ мятежника. Правленіе С. отличалось вниманіемъ къ нуждамъ страны, которую новый царь нашелъ раздробленною на нѣсколько областей, управляемыхъ независимыми другъ отъ друга и обыкновенно между собою враждовавшими владыками. И теперѣ мѣстные правители остались нетронутыми во внутреннихъ дѣлахъ, но они были обязаны повиновеніемъ царю. Въ умыртворенной странѣ С. занялся очисткою и расширеніемъ каналовъ, а также защитою городовъ отъ наводненій при помощи насыпной земли: грунтъ, на которомъ стояли города, былъ поднятъ; особенно выигралъ отъ этихъ работъ одинъ изъ городовъ дельты, Бубастъ; многіе храмы, находившіеся до того времени въ развалинахъ, были возстановлены и украшены. Съ цѣлью имѣть болѣе свободныхъ рукъ, С. замѣнилъ смертную казнь для преступниковъ обязательными общественными работами; эта мѣра создала ему славу царя милостиваго. Союза съ С. стали искать ближайшіе иноземные владыки, прежде другихъ—израильскіе цари для войны съ ассиріянами. С. потерялъ власть и вскорѣ послѣ этого умеръ, какъ разъ въ то время, когда рассчитывалъ далеко распространить предѣлы своего царства. На пути къ Ягубиду и Ганнону, своимъ союзникамъ, С. встрѣтился съ войсками царя ассирійскаго Саргона и въ битвѣ подъ Рафией, къ Ю отъ Газы, былъ разбитъ. Мелкіе владыки Дельты подняли мятежъ и провозгласили себя независимыми; эѳіопы были отброшены къ Ѳивамъ. Одинъ изъ родственниковъ Бокхориса, Стефинатесъ, возстановилъ Саидское царство и объявилъ себя фараономъ, а С. бѣжалъ въ верхній Египетъ и сыну своему Сабаку оставилъ въ наслѣдіе Ѳивы и ближайшіе округа (714). Геродотовская хронологія этого событія, какъ и царствованія С., ошибочна: онъ приурочиваетъ ихъ къ XI и X вв. до Р. Хр. См. Геродотъ II, 136—139, 152; Діод. I, 65; Синкелл. 74, 75; Oppert, «Mémoire sur les rapports de l'Égypte et de l'Assyrie»; Sayce, «Ancient empires of the East». Θ. Μ.

Сабаль (Sabal Adans.)—родовое название низкорослых и высокоствольных вѣрныхъ пальмъ, дико растущихъ въ Америкѣ, отъ Венецуелы до Антильскихъ о-вовъ и до южныхъ штатовъ Сѣверной Америки. Всего извѣстно до 7 видовъ, по внѣшнему виду нѣсколько напоминающихъ пальмы рода *Chamaecyparis*; листья у нихъ крупныя, съ широко пластинкою, вѣрно разсѣченной на болѣе или менѣе узкія лопасти. Листья безъ иглъ. Мелкія, бѣловатыя, обоюдоные цвѣтки собраны въ большіе, метельчатые початки; вѣнчикъ глубоко трехраздѣльный, тычинки шесть, пестикъ съ завязью о трехъ желобкахъ. Плодъ—темносиняя ягода съ блестящими плоскими полукруглыми сѣменами. Нѣкоторые виды *S.* разводятся въ оранжереяхъ, какъ декоративныя растенія; таковы напр. почти безстебельный видъ *S. Adansoni*, дико растущій въ Каролинѣ и Флоридѣ; листья у него разсѣчены на многочисленныя линейныя лопасти, съ двурасщепленными концами, нижняя сторона листа обыкновенно сизовато-серебристая, сама пластинка превышаетъ черешокъ. *S. filifera* (*Corypha filifera*) отличается отъ другихъ видовъ тѣмъ, что нѣкоторыя лопасти листа бываютъ тонки какъ нити. *S. Palmetto*, родомъ изъ Каролины и Флориды, имѣетъ стволъ до 2 метр. высоты. У *S. mauritiaeformis* стебель достигаетъ до 16—24 метр. высоты, сизозеленыя листья у этого вида громадны, они бываютъ до $3\frac{1}{2}$ метр. въ поперечникъ и съ черешкомъ въ 2 метра длиною. Ягода величиною съ горошину. У *S. umbraculiferum* стебель еще выше, до 20—28 метр.; листья сѣрозеленыя до $1\frac{1}{2}$ —2 метр. въ поперечникъ, круглыя, черешки до 2 метр. и болѣе длиною; родомъ этотъ видъ изъ Вестиндіи. Культура *S.* такая же, какъ и латаніи. *С. Р.*

Сабаннѣя (Sabanilla)—гавань въ южно-амер. респ. Колумбія, въ дѣт. Боливаръ, близъ устья р. Магдалены. Соединена желѣзной дорогой съ Баранквиллой. Прежде цвѣтущее селеніе, *С.* теперь находится въ упадкѣ; вся вывозная торговля (кофе, благородныя металлы, руды) идетъ черезъ Салгаръ и Баранквиллу. Жит. 500 (1893).

Сабаншъ (Алексѣй Николаевичъ)—дѣятель по сельскому хозяйству. По окончаніи курса въ моск. унив. по разряду естественныхъ наукъ физико-математическаго факультета, занявъ въ 1873 г. должность лаборанта при агрономической лабораторіи того же унив. Съ 1890 г. *С.* поручено чтеніе лекцій по агрономіи и зоотехніи. Въ 1895 г. при Императорскомъ обществѣ сельскаго хозяйства учреждена почвенно-климатологическая коммиссія, председателемъ которой былъ избранъ *С.*, а по раздѣленіи этой коммиссіи по почвенную и климатологическую состоятъ председателемъ первой. Совмѣстно съ покойнымъ профессоромъ Н. Е. Ляковскимъ напечаталъ въ «Landw.-Versuchs-Stat.» (1875): «Ueber den Einfluss des Lichtes auf die Bildung von Spaltungs-Producten der Eiweis Substanzen bei der Keimung des Kürbiss»; въ «Landw. Versuchs-Stat.» (1870): «Ueber den Verlauf der Athmung bei den reifende Früchtenn d. Mohnes und des Rapses»; затѣмъ въ «Zeitschrift f. ana-

lytische Chemie» (1878): «Eine Reaction auf Citronensäure»; въ «Извѣстіяхъ Московскаго Сельскохозяйственнаго Института» (1896): «Анализъ почвы и сѣмянъ»; въ «Извѣстіяхъ Комитета шелководства» (1897): «О химическомъ составѣ листа скоронера (*Scorzonera hispanica L.*)». Составилъ записку «О необходимости организаціи почвенно-климатологическихъ изслѣдованій въ интересахъ русскаго сельскаго хозяйства и въ видахъ содѣйствія разнымъ учрежденіямъ и лицамъ» («Русское Садоводство», 1896, № 23). *А. С.*

Сабанъ (южно-татарск.)—бревно, краѣ; (вятск.)—корабельное дерево, мачтовое, срубленное и очищенное, вывозимое изъ лѣсу *сабанной дорогой* (просѣкой, нарочно расчищаемой для вывоза крупнаго лѣса).

Сабанъ—см. Плугъ.

Сабаньевъ (Александръ Павловичъ)—химикъ, род. въ г. Ярославѣ 1842 г., окончилъ курсъ въ моск. унив. въ 1866 г. по физико-математическому факультету. Въ 1874 г. защитилъ въ московскомъ университетѣ магистерскую диссертацию: «Изслѣдованіе о соединеніяхъ ацетилена» и состоялъ приват-доцентомъ и преподавателемъ аналитической химіи. Въ 1884 г., по зачитѣ въ с.-петербургскомъ университетѣ докторской диссертации, былъ избранъ экстраординарнымъ, а въ 1887 г. ординарнымъ профессоромъ въ московскомъ университетѣ. Изъ ученыхъ трудовъ *С.* отмѣтимъ: «Ueber die Einwirkung von Wasser auf Antimonchlorür» (въ «Zeitschr. für Chemie», 1871), «Ueber Acetylenderivate» («Ann. d. Chemie u. Pharm.», 1875, т. 178), «Дѣйствіе цинка и цинковой пыли, какъ общая реакція отнятія галоидовъ и возстановленія галоидныхъ органическихъ соединений» («Журн. Русск. Хим. Общ.», 1877), «Ueber Siedepunkte Aethan- und Aethylen-Haloidverbindungen»; «Ueber Acetylenderivate» («Ann. d. chem. u. Pharm.», 1883, т. 216), «О діаллизѣ», «О добычаніи и полимеризаціи бромацетиленна» («Журн. Русск. Физ.-Хим. Общ.», 1885), «О гексабромтетраметиленѣ», «Опредѣленіе молекулярнаго вѣса коллоидовъ» («Журн. Русск. Физ.-Хим. Общ.», 1889), «Кріоскопическія изслѣдованія коллоидовъ», «О зависимости коллоидальнаго состоянія тѣлъ отъ природы растворителя» (ib., 1890), «Опытъ классификаціи коллоидовъ», «О молекулярномъ вѣсѣ личнаго альбумина» (ib., 1891), «О кристаллическомъ діаллизе-трацетинѣ» (ib., 1892), «О молекулярномъ вѣсѣ альбумозы и пептона», «О карамели» (ib., 1893), «Nichtexistenz der kolloidalen Wolframsäure» («Zeitschr. für anorg. Chemie», 1897, т. 14), «Structurismerie bei anorganischen Verbindungen» (ib., 1898, т. 17), «Ueber einige anorganische Hydratsalze und ueber die Darstellung der Stickstoffwasserstoffsäure» (ib., 1899, т. 20), «Изомерія солей аммонія, гидроксилamina и гидразина» («Журн. Русск. Физ.-Хим. Общ.», 1899) и др.

Сабаньевъ (Евгеній Александровичъ)—архитекторъ, род. въ 1847 г., получилъ образованіе въ Имп. акад. худож., отъ которой получилъ медали: мал. и большую серебряныя и мал. золотую въ 1871 г. за проектъ православной церкви для кладбища. Отказавшись

отъ конкурса на больш. золотую медаль, отправился на два года, на собственный счетъ, за границу и слушалъ лекціи исторіи искусствъ, Доссельдорфъ, Гейдельбергъ и Парижъ. Въ 1873 г. получилъ званіе художника 2-ой степ., въ 1875 г., за провѣтъ церкви для римско-католическаго кладбища, признавъ художникомъ 1-ой степ., и въ 1879 г. возведенъ въ званіе академика. Съ 1872 по 1880 г. служилъ при главномъ артиллерійскомъ управленіи. Съ 1878 по 1892 г. былъ преподавателемъ исторіи искусства въ акад. худож. Въ 1878 г. сталъ преподавать тотъ же предметъ, а также акварельную живопись и сочиненіе декоративныхъ рисунковъ въ рисовальной школѣ Имп. общества поощр. художествъ и въ 1881 г. избранъ въ директоры этой школы, которымъ состоитъ и до настоящаго времени, служа, кромѣ того, инспекторомъ архитектурныхъ работъ по Исаіевскому собору съ 1887 г. Преподавательская дѣятельность и управленіе упомянутою школою не позволяли С. много заниматься собственно-архитектурными работами. Изъ произведенныхъ имъ построекъ можно указать на домъ г. Чернова, въ Москвѣ, на дачу кн. Грузинскаго, въ Владимірской губ., и на часовню Нарышкиныхъ, на кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Сабаньевъ (Иванъ Васильевичъ)—ген. отъ инфант. (1770—1829). Участвовалъ во 2-й турецкой войнѣ, въ дѣйствіяхъ противъ польск. конфедератовъ, въ итальянскомъ и швед. походахъ Суворова. Раненый и взятый въ плѣнъ въ бою при Альтдорфѣ, былъ отправленъ во Францію, гдѣ изучилъ новыя правила разсыпного строя. По возвращеніи въ Россію С. представилъ проектъ о введеніи этого строя въ нашей арміи, что и было исполнено. Въ 1803 г., во главѣ 12-го егерскаго полка, онъ ходилъ за Кубань; въ 1807 г. отличился въ кампаніи противъ Наполеона; въ 1808—9 гг. участвовалъ въ войнѣ со шведами; въ 1810—11 гг. принималъ выдающееся участіе въ турецкой войнѣ, затѣмъ — въ кампаніяхъ 1812—14 гг. Въ 1815 г. С., командуя корпусомъ, блокировалъ Мецъ и очистилъ Вогезскія горы отъ непріятеля.

Сабаньевъ (Леонидъ Павловичъ, 1844—1898)—зоологъ и знатокъ охотничьяго дѣла, въ московскомъ университетѣ, окончилъ курсъ наукъ кандидатомъ по естественному факультету. Напечаталъ рядъ статей о фаунѣ Ярославской губ. въ «Bullet. Natur.» и въ протоколахъ общества любителей естествознанія. Въ 1870 г. С. опубликовалъ сочиненіе «О фаунѣ позвоночныхъ Средняго Урала», затѣмъ началъ печатать, какъ результатъ своихъ изслѣдованій, цѣлый рядъ сочиненій объ Уралѣ: «Охота на козловъ въ Уральскихъ горахъ» («Журналъ Охоты и Коннозаводства», 1871), «Звѣринный промыселъ въ Уральскихъ горахъ» («Вѣстѣда», 1872, VI), «Каталогъ птицъ, звѣрей и гадовъ Средняго Урала» («Bullet. Natur. Moscou», 1872 г.), «Соболь и собольинный промыселъ» («Природа», 1874; отд., 1875), «Козуля и козлинный промыселъ въ Уральскихъ горахъ» (ib. 1875). Съ 1873 г. С. приступилъ на собственные средства къ изданію научно-популярнаго журнала «Природа», пригласивъ

къ участію проф. моск. унив. Усова. Въ ближайшемъ сотрудничествѣ съ А. Н. Петунниковымъ и Д. Н. Анучинымъ, С. началъ выпускать въ свѣтъ роскошныя книги сборника «Природы». Выпущено было 17 томовъ «Природы», а затѣмъ въ 1878 г. этотъ журналъ С. соединилъ съ «Журналомъ Имп. Общ. Охоты», который также самъ редактировалъ, и изданіе стало выходить въ свѣтъ подъ общимъ именемъ «Природа и Охота». С. указывалъ въ цѣломъ рядѣ своихъ сочиненій, что наша охота и наша обильная фауна имѣютъ весьма важное значеніе для національнаго богатства. За два года до соединенія журнала «Природа» съ журн. «Охотой» С. нашелъ возможнымъ, при содѣйствіи Имп. общ. охоты, сдѣлать, такъ сказать, современную перепись охотъ на всемъ пространствѣ Россіи. Мысль эта была приведена въ исполненіе отъ имени общества охоты. Выяснилось, что всюду количество промысловыхъ и охотничьихъ животныхъ замѣтно уменьшалось, и главными причинами этого повсюду были губительные способы веденія промысловъ и размноженіе хищныхъ животныхъ, истребляющихъ полезную дичь. Повсемѣстное почти прекращеніе псовыхъ охотъ также наносило значительный вредъ населенію. Выяснилось, наконецъ, что во многихъ губерніяхъ населеніе крайне нуждалось въ охотничьимъ оружіи и въ порохѣ. Еще раньше С. обратилъ вниманіе на вопросъ объ уничтоженіи хищныхъ звѣрей и написалъ объ этомъ рядъ статей. По орнитології С. написалъ рядъ сочиненій о птицахъ, по ихтиології напечаталъ въ «Журн. Имп. Общества Охоты» (1871) превосходную монографію «Бѣлуга», а въ 1875 г. выпустилъ свой, въ высокой степени цѣнный въ научной литературѣ, трудъ: «Рыбы Россіи. Жизнь и ловля нашихъ прѣсноводныхъ рыбъ» (М., 1875). Въ 1876 г. С. изданы отдѣльно «Таблицы для опредѣленія родовъ и видовъ прѣсноводныхъ рыбъ, встречающихся въ Россіи» (съ 92 рис., М., 1876). Въ 1885 г. изданъ былъ «Рыболовный календарь», вошедшій въ приложеніе къ охотничьему календарю. Въ 1896 г. С. выпустилъ 1-й томъ задуманнаго имъ сочиненія «Собаки», подъ загл.: «Собаки легавыя», по полнотѣ изслѣдованія единственный въ своемъ родѣ трудъ не только въ русской, но и въ западно-европейской литературѣ. С. составилъ еще «Биографическій указатель книгъ и статей охотничьяго и зоологическаго содержанія», «Охотничій календарь», «Справочную книгу для ружейныхъ и псовыхъ охотниковъ», «Списокъ книгъ и брошюръ охотничьяго содержанія» (1877) и др.

Сабаньевы—дворянскій родъ, происходящій по семейному преданію отъ мурзы Сабанъ Алея, выхващаго изъ Золотой Орды въ Касимовъ при вел. кн. Василіи Темномъ и имѣвшаго двухъ сыновей: Рубчака—родоначальника С., и Тагая—родоначальника Бакаевыхъ и Тарбѣевыхъ; оба эти сына были, по тому же преданію, переведены изъ Касимова въ Романовъ. Романовскій татаринъ Кутлу-Маметъ С., въ крещеніи Ѳеодоръ Ишкеевичъ, въ 1675 г. пожалованъ помѣщикомъ. Объ Иванѣ Васильевичѣ, Леонидѣ Павловичѣ и Евгеніи Александровичѣ С. см. выше. Родъ

С. внесенъ въ VI ч. род. книги Ярославской, Тверской и Костромской губ. (Гербовникъ X, 137).

Сабатье (Антуанъ Sabatier, 1742—1817) — франц. писатель. Въ 1766 г. издалъ сборникъ стихотвореній: «Quarts d'heure d'un joqueur solitaire», отъ котораго въслѣдствіи оторекся. Примкнувъ къ противникамъ энциклопедистовъ, напечаталъ памфлеты: «Le Tableau philosophique de l'esprit de M. de Voltaire». Пристроившись при Версальскомъ дворѣ, С. выступалъ въ защиту религіи и въ то же время переводилъ, подъ псевдонимомъ, Боккаціо. Эмигрировалъ вслѣдъ за взятіемъ Бастиліи и написалъ брошюру: «Tocsin des politiques» (1791). Главные его труды: «Les trois siècles de la littérature française ou Tableau de l'esprit de nos écrivains depuis François 1-er jusqu'en 1772» (П., 1772), «Dictionnaire de littérature» (1777), «Les Siècles païens» (1784), «Le véritable esprit de J. J. Rousseau» (1804).

Сабатье (Армандъ) — проф. зоологіи въ Монпелье, род. въ 1834 г., образование получилъ въ лицей въ Монпелье, а потомъ на естественномъ и медицинскомъ факультетахъ. Въ 1862 г. получилъ званіе доктора медицины въ Монпелье и сталъ прокторомъ по кафедрѣ анатоміи. Въ 1873 г. получалъ званіе доктора естественныхъ наукъ парижскаго университета, съ 1875 г. профессоръ сравнительной анатоміи въ университетахъ въ Монпелье, потомъ директоръ зоологическаго института этого университета и зоологической станціи въ Сетѣ (Cette). Труды С. посвящены отчасти медицинѣ и физиологіи (дыханіе черепныхъ), но главнѣйшіе эмбриологіи и зоологіи: «Anatomie de la moule commune (*Mytilus edulis*)» («Mém. Acad. Montpellier», т. 8, 1872—1875), «De la spermatogénèse chez les Crustacés décapodes» («C. R. Ac. Sc.», Paris, v. 100, 1885), «De la spermatogénèse chez les Plagiostomes et Amphibiens» («C. R. Ac. Sc.», Paris, 1882). Рядъ мелкихъ замѣтокъ относительно скелета и мускулатуры позвоночныхъ, въ частности рыбъ, а также статья, посвященная общимъ вопросамъ о жизни и смерти, о безсмертіи съ эволюціонной точки зрѣнія и др. На русскій языкъ переведены: «Опытъ изслѣдованія о жизни» и «О безсмертіи души» (1898).

Сабатье (Луи-Огюст Sabatier) — франц. протестантскій богословъ, род. въ 1839 г., былъ доцентомъ въ Страсбургѣ, въ 1873 г. перешелъ въ Парижъ профессоромъ вновь учрежденнаго протестантскаго богословскаго факульт. Главные труды его: «Le témoignage de Jésus Christ sur sa personne» (1863), «Essai sur les sources de la vie de Jésus» (1866), «Jésus de Nazareth, le drame de sa vie, la grandeur de sa personne» (1867), «L'apôtre Paul, esquisse d'une histoire de sa pensée» (1870), «Guillaume le Taciturne» (1872), «De l'influence des femmes sur la littérature française» (1873), «Le canon du Nouveau Testament» (1877), «La notion hébraïque de l'esprit» (1879), «De l'ordre des livres canoniques dans l'Ancien Testament» (1887), «De l'origine du péché dans la théologie de l'apôtre

Paul» (1887), «Les origines littéraires et la composition de l'Apocalypse de saint Jean» (1888), «De la vie intime des dogmes» (1889), «L'évangile de Pierre et les évangiles» (1893).

Сабатье (Перръ Sabatier, 1682—1742) — франц. ученый; 18 лѣтъ поступилъ въ бенедиктинскій орденъ; въслѣдствіе живого участія въ яansenистскихъ спорахъ, былъ высланъ изъ Парижа въ Реймсъ. Работалъ надъ восстановленіемъ латинскаго перевода Библии, предшествоваваго переводу св. Иеронима, для чего дѣлалъ выборки изъ твореній отцовъ церкви, древнихъ служебниковъ и т. п. источниковъ, напечатанный подъ загл. «Bibliorum sacrorum Latinae versiones antiquae seu vetus Italica» (Реймъ, 1742—1743).

Сабатье (Перръ-Юстинъ Sabatier, 1792—1869) — нумизматъ. Служилъ въ наполеоновской арміи; послѣ паденія имперіи участвовалъ въ заговорѣ, имѣвшемъ цѣлью ея восстановление; былъ приговоренъ къ смертной казни, но бѣжалъ; жилъ въ Голландіи, потомъ въ Россіи, гдѣ подъ руководствомъ Рейхеля (XXVI, 516) занялся нумизматикой и напечаталъ: «Iconographie de 5000 médailles Romaines, Byzantines et Celtibériennes» (СПб. и Парижъ, 1847—1856), «Souvenirs de Kertsch et chronologie du royaume de Bosphore» (СПб., 1849 г.; здѣсь впервые были описаны нѣкоторыя золотыя вещи, найденныя въ Крыму и сообщенъ каталогъ монетамъ Восторскаго царства) и «Production de l'or, de l'argent et du cuivre chez les Anciens et Hôtels monétaires des empires Romain et Byzantin» (СПб., 1850, вмѣстѣ съ сыномъ). Позже С. издалъ обширный трудъ о монетахъ и византийскихъ монетахъ. Ср. «Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей» (т. VIII, Одесса, 1872).

Сабатье (Рафаэль Биеввенно Sabatier, 1732—1811) — франц. хирургъ, ученикъ своего отца, также хирурга. Въ 1756 г. членъ хирургической академіи и профессоръ. Во время революціи, хирургъ при арміяхъ и хирургъ-консультантъ при Наполеонѣ I. Главные труды: «Traité complet d'anatomie» (1791), «De la médecine expectative» (1796) и др.

Сабатій (Σαβίτιος, Σαβάτιος, Σαβῆτιος, Σαβανδός, Σαβῆτιος, Σαβῆδιος) — главное фригійское божество, нѣкоторыми чертами своего значенія и культа сближающееся съ божествами греческими, Зевсомъ и Діонисомъ, черезъ посредство оракіянь вліявшее на культы этихъ греческихъ божествъ и на самыя представленія о нихъ и потому нерѣдко съ ними смѣшивавшееся. Около времени пелопоннесской войны почитаніе С., какъ особаго божества, проникло въ Аeeny и совершалось открыто, хотя аeenяне не забывали объ его иноземномъ происхожденіи и культъ его встрѣчалъ противодѣйствіе и осужденіе со стороны правотѣрущихъ. На нѣкоторыхъ памятникахъ Сабатій именуется «владыкою вселенной»; самое имя божества — общаго корня съ санскр. sabhādī, чтимый, и съ греч. σεβειν, чтить; служители С. назывались сабои, равно какъ и мѣста почитанія его; празднества С. оглашались восклицаніями εὐοὶ σαβοί. Лукіанъ сопоставляетъ С. съ другими фригійскими бо-

жествами—Атисомъ, Кибелою, Корибантомъ; у другихъ писателей С. сближается съ мало-азійскимъ и сирийскимъ божествомъ луны — Мён, именемъ котораго называлась деревня во Фригии. Въ ближайшей связи С. находился во Фригии съ тамошнимъ первенствующимъ женскимъ божествомъ Мъ, великою матерью боговъ и всего сущаго, вмѣстѣ съ нею образуя верховную божественную двоицу; въ этомъ видѣ Сабаций носитъ имя «отца» или «бога». Въ силу первоначальнаго этнографическаго родства, память о которомъ поддерживалась непрерывными сношеніями и въ историческое время, общность религиозныхъ представлений у фригійцевъ, народа азіатскаго, и еракіянъ, народа европейскаго, была исключеннымъ явленіемъ. Страбонъ называетъ фригійцевъ выходцами изъ Эракіи, откуда, по его словамъ, перенесены во Фригію и религиозныя вѣрованія, съ именами божествъ, обрядами чествованія ихъ, съ тѣми самыми музыкальными инструментами, употреблявшимися на празднествахъ; во главѣ боговъ, общихъ еракіянамъ и фригійцамъ, географъ называетъ С., котораго греки отождествляли съ Діонисомъ и такъ называли его (Страб. X, 3, 15—17). Женскую половину двоицы во Эракіи представляла не только Матерь боговъ (Мъ, Кибела), но и божество юное луны (Cotys, Cotytto, Bendis), которое греки называли то Артемидой, то Деметрой или Персефоной. Какъ во Фригии, такъ и во Эракіи, главныя божества, мужское и женское, образовавшія верховную двоицу, въ свою очередь двоились: С. и сынъ его Атисъ съ одной стороны, Cotys и дочь ея Bendis съ другой, такъ что первоначальный эпитетъ становился именемъ другого божества, отдѣльнаго отъ перваго, но ему весьма близкаго по происхожденію и въ миеологическихъ сочетаніяхъ. Символомъ С. во Фригии служилъ змѣй, во Эракіи-же С. изображался въ видѣ быка или человѣка съ бычьими небольшими рогами. Главное святилище С. находилось на горѣ Пангеѣ, вблизи Филиппъ; неподалеку отсюда возвышался и Діонисовъ холмъ. Греческій Діонисъ представлялся то какъ божество тождественное съ С. и съ нимъ совпадающее, то какъ отъ него отдѣльное, только близкое къ нему. Спутниками и спутницами еракійскаго С. были тѣ второстепенныя божества, что и въ культѣ Діониса: Панъ, Силентъ, Сатиры, Наяды, Нимфы. Менады Діонисовыхъ оргій, вакханки, носили здѣсь имя Mimmallones, а служители его — Bessoi. Изъ Эракіи почитаніе С. рано перешло въ Македонію, преимущественно, кажется, въ видѣ мистерій. Во еракійскихъ мистеріяхъ С. представлялся въ образѣ толстошеюй змѣи (*ὄφις παρείας*); въ томъ же образѣ С. перешелъ и въ мистеріи македонскія. Впрочемъ, здѣсь С. снова является верховнымъ божествомъ и получаетъ отъ грековъ имя Зевса. Ревностной участницей оргій въ честь С. была мать Александра Великаго Олимпіада; отсюда возникла легенда о томъ, что самъ Зевсъ въ образѣ змѣи вступалъ въ связь съ Олимпіадой и что плодомъ этихъ отношеній былъ Александръ; ходилъ даже разсказъ, будто царь Филиппъ потерялъ глазъ

за то, что подсмотрѣлъ въ замочную скважину, какъ божество въ видѣ змѣи возлежало съ его супругой (Плут., Александръ). Культъ С. представляетъ яркій примѣръ того, какъ религиозныя вѣрованія различныхъ народовъ, сосѣднихъ и родственныхъ, переплетаются между собою, какъ подъ вліяніемъ вѣрованій одного народа измѣняется туземное представленіе о божествѣ у другого, пока религія остается дѣломъ самого народа, не замыкается въ догму, охраняемую особымъ классомъ священнослужителей или лицъ, облеченныхъ государственною властью. Съ теченіемъ времени, когда на стражъ родной религіи становится правительственная власть или когда руководящая часть населенія находитъ извѣстные вѣрованія несогласными съ ея пониманіемъ божества и съ господствующими требованіями нравственности, чужеземныя вѣрованія, запечатлѣнные чертами болѣе первобытной религіи, усваиваются только низшими слоями населенія, исповѣдуются тайно и, выходя на свѣтъ, подвергаются строгому осужденію, какъ оскорбительныя для народной нравственности. Такъ было и съ культомъ С. въ исторической Греціи и въ Римѣ; тѣмъ не менѣе въ народныхъ массахъ онъ дожилъ до сравнительно поздней поры христіанства. Фригійскій и еракійскій С. извѣстны намъ, и то далеко не вполне, въ греческомъ обликѣ, который чужеземное божество получило въ сектѣ орфиковъ; къ тому же свѣдѣнія эти доходятъ до насъ главнымъ образомъ черезъ христіанскихъ писателей. Климента Александрійскаго (II—III в. по Р. Хр.) и Арнобія, а они пользовались въ полемикѣ съ язычниками преимущественно такими языческими вѣрованіями, которыя изобличали-бы возможно болѣе грубость и безнравственность. Если фригійскій и еракійскій С. вліялъ на греческіе культы Зевса и Діониса-Вакха, то въ свою очередь и эти культы налагали свою печать на богопочитаніе иноземное, обратно вліяя на него. Страстно влюбленный въ родную мать, Зевсъ удовлетворялъ своей страсти, принявъ видъ быка; потомъ, подъ видомъ кающагося и будто-бы оскотившаго себя, онъ въ лоно матери вложилъ баранья ядра: Деметра родила дочь, Персефону, къ которой снова воспылалъ страсть Зевсъ и въ образѣ змѣи соединился съ родной дочерью; плодомъ этой связи былъ мальчикъ Загрей съ бычьей головой (Clem. Cohort. I, p. 14; Arnob. advers. gent., V, 21). Въ орфическихъ гимнахъ этотъ разсказъ восполненъ другими, о томъ, какъ Титаны, подстрекаемые Герою, напали на ребенка, разрубили его на куски и пожрали. Афина спасла только сердце, еще трепетавшее, и принесла его Зевсу, который или самъ проглотилъ сердце, или передалъ его Семелѣ, отъ которой родился Діонисъ—другой, юный Загрей. Титаны были поражены перунами Зевса и изъ ихъ пепла произшли люди, соединяющіе въ себѣ, такимъ образомъ, начала божеское и человѣческое, доброе и порочное. Отсюда въ молевіяхъ къ С. было выраженіе: былъ породилъ змѣю и змѣя породила быка. Близостью религиозныхъ представлений греческихъ и еракійскихъ объясняется то, что многія черты

оракийского С. вошли въ образъ греческаго Діониса, и эти два первоначально отдѣльные божества понимались греками, какъ одно и то же божество. Однако, со второй половины V в. до Р. Хр. почитаніе фригійскаго С., не смотря на противодѣйствіе лучшей части гражданъ, заняло особое мѣсто въ ряду публичныхъ празднествъ; гоненіе на иноземное божество было приостановлено вмѣстѣ съ дельфійскаго оракула. Отъ IV в. имѣется свидѣтельство оратора Демосеена о способѣ публичнаго чествованія С., въ которомъ Эсхинъ вмѣстѣ съ матерью не разъ принималъ участіе. Это были уличные оргіи, денныя и ночныя, сопровождавшіяся громкимъ, безпорядочнымъ пѣніемъ, шумной музыкой на кимвалахъ и литаврахъ и свособразными, слишкомъ волиными плясками. Участники процессіи (thiasos) украшали себѣ голову укропомъ и листьями тополя, покрывались кровавыми шкурами молодыхъ оленей, сжимали въ рукахъ толстыхъ змѣй и потрясали имъ въ воздухѣ и, совершивъ обрядъ очищенія водою, глиною и отрубями, произносили: «Я бѣжалъ отъ зла и обрѣлъ благо»; въ дневныхъ процессіяхъ слышались восклицанія: εὐοὶ σαβοῖ, ὅς ἐστις, ἄττις ὅς; вождя процессіи старухи награждали разными печеньями изъ муки и меда съ изюмомъ (Demosth. pro corop., pp. 259, 260). Важнѣйшимъ актомъ при посвященіи новичковъ въ таинства было пропусканіе змѣй черезъ одежду посвящаемого, при чемъ змѣя сползала по груди къ ногамъ, какъ-бы символизировавъ и напоминая любовныя отношенія Зевса и Персефоны. По описанію Страбона, тѣ же самые обряды соблюдались въ фригійскомъ культѣ С. Самые разнуданныя половыя отношенія и бражничество мужчинъ и женщинъ составляли одну изъ принадлежностей этихъ оргій. По увѣренію жрецовъ С., души человѣческія получали въ таинствахъ божества очищеніе и отпущеніе грѣховъ. Есть, къ тому же, основаніе предполагать, что въ таинствахъ С., какъ и въ еловсинскихъ таинствахъ, посвященные воспринимали указанія на безсмертіе души: въ культѣ и молитвахъ оно знаменовалось умраніемъ и вторичнымъ рожденіемъ С. Сліяніе С. съ другими восточными божествами, сирійскими, персидскими, даже съ іудейскимъ Саваемомъ, принадлежить первымъ вѣкамъ христіанства, хотя начало этого смѣшенія восходить уже ко II в. до Р. Хр.: въ 139 г. евреи были изгнаны изъ Рима за прозелитизмъ среди римскихъ гражданъ въ силу закона, обрѣкавшаго на изгнаніе распространителей почитанія Юпитера-С. Ср. Lobbeck, «Aglaophant.» (K., 1829); Georgii, «Sabazius» («Real-Encyclop. d. klass. Alterthums.»); Foucart, «Associations religieuses en Grèce» (П., 1873); Lenormant, «R. Archéologique» (1874—75).

Θ. Мищенко.

Сабашинскій (Адамъ Осиповичъ) — ген.-лейт. (1800—1870), участвовалъ въ кампаніяхъ: турецкой 1828—29 гг., польской 1831 г. и венгерской 1849 г. Въ 1853 г. С., командуя Селенгинскимъ пѣх. полкомъ, получилъ въ бою при Ольteniцѣ (XXI, 921) нѣсколько контузій и ранъ, но въ мартѣ 1854 г. опять всту-

пилъ въ командованіе своимъ полкомъ и съ нимъ оказалъ геройскіе подвиги при оборотѣ Севастополя. Въ 1866—70 гг. былъ керченскимъ комендантомъ.

Саббадино (Cristofforo Sabbadino) — заведывавъ приморскими сооружениями Венеціанской республики (1496—1560). Оставилъ замѣчательный рукописный трудъ, въ которомъ разсматриваются вопросы о приливахъ и отливахъ моря подъ вліяніемъ притяженія луны и солнца и объ измѣненіи уровня Адриатическаго моря.

Саббаттай Цеви—еврейскій лже-мессія, уроженецъ г. Смирны (1626—76); уже съ дѣтства проявлялъ склонность къ уединенной жизни и въ раннемъ возрастѣ предается изученію каббалы (XIII, 782). Будучи 20 лѣтъ отъ роду, онъ стоялъ во главѣ небольшого кружка послѣдователей, которые смотрѣли на него, какъ на святого. Въ то время среди евреевъ были сильно распространены идеи о скоромъ прішествіи Мессіи. Среди христіанъ также ожидали съ волненіемъ наступленія апокалипсическаго 1666 г., который, по заключеніямъ изъ пророчествъ Даніила и Апокалипсиса Іоанна, долженъ былъ ознаменовать наступленіе «пятой монархіи» и переходъ власти Христовой въ руки святыхъ: евреи должны были возвращены изъ изгнанія и слиться съ христіанами въ одной вѣрѣ. Въ 1648 г. С. объявлялъ своимъ послѣдователямъ, что въ его лицѣ явился Мессія, освободитель; когда это сдѣлалось извѣстнымъ, С. былъ отлученъ отъ синагоги и изгнанъ изъ Смирны. Отправившись въ Константинополь, С. сблизился съ проповѣдникомъ Авраамомъ Яхия, который началъ пророчествовать о близкомъ прішествіи Мессіи. Число послѣдователей С. все увеличивалось, особенно когда нѣкій Натанъ изъ Газы принялъ на себя роль воскресшаго пророка Іиліа, долженствоваваго открыть дорогу Мессіи. Натанъ пророчествовалъ, что въ 1666 г. появится Мессія, который освободитъ евреевъ отъ турецкаго ига и возьметъ въ плѣнъ султана. Въ 1665 г. С. появился въ Іерусалимѣ открыто въ качествѣ Мессіи, и большинство евреевъ Іерусалима и сосѣднихъ общинъ увѣровало въ него. Въ томъ же году С. съ большимъ торжествомъ вступилъ въ Смирну и въ день еврейскаго новаго года провозгласилъ себя публично въ синагогѣ, при звукѣ роговъ, ожидаемымъ Мессіей; тогда съ ликоваціемъ пріѣзжала въ него. Послѣ этого евреями Смирны овладѣло какое-то мистическое бѣснованіе. Каждое дѣйствіе С. разсматривалось какъ чудо; дѣловые люди бросали свои занятія и готовились къ наступленію царства Мессіи; многие подвергали себя тѣлеснымъ истязаніямъ, постились, не спали ночей, купались въ сильныя холода и т. д.; другіе предавались безграничному ликованію и устраивали празднества въ честь Мессіи. Вѣсти о событіяхъ въ Смирнѣ произвели чрезвычайное впечатлѣніе и на жившихъ въ Европѣ евреевъ; повсемѣстно повторялись сцены, подобныя смирнскимъ: появлялись люди, возвѣщавшіе о появленіи Мессіи; настроеніе умовъ было повсюду фантастически-напряженное, люди

бичевали свою плоть, раздавали милостыню, чтобы подготовиться къ пришествію Мессіи. Особенно сильно распространилось вѣра въ явившагося Мессію среди евреевъ Венеціи, Ливорно и др. итал. городовъ, а также въ Амстердамъ и Гамбургъ. Почти въ каждой еврейской общинѣ появились двѣ враждебныя партіи: саббатіанцевъ и противниковъ ихъ, и почти повсюду приверженцы С. брали верхъ: изъ всѣхъ городовъ посылались въ Смирну послы и депутаціи, привѣтствовавшіе С. царемъ евреевъ и осыпавшіе его подарками. Подъ влияніемъ всеобщаго поклоненія С. провозгласилъ себя намѣстникомъ Бога и даже самимъ Богомъ; такъ, онъ подписывался: «Я Господь вашъ Богъ С.-Цеви». Въ началѣ 1666 г. С., по требованію турецкихъ властей, отправился въ Константинополь, гдѣ былъ заключенъ въ замкѣ Абидосъ при Дарданеллахъ. Этимъ арестомъ хотѣли прекратить волненія среди евреевъ въ Смирнѣ и во всей Турціи, но цѣль не была достигнута: послѣдователи С. провозгласили, что тюремное заключеніе С. является неизбѣжнымъ моментомъ въ періодѣ страданій Мессіи, который долженъ былъ, по каббалистическому ученію, предшествовать моменту окончательнаго торжества. Въ Абидосѣ начали стекаться евреи изъ всѣхъ странъ, для лицезрѣнія С., который въ это время началъ также проводить реформы въ религиозныхъ обрядахъ, уничтожилъ посты, установилъ праздники «великой субботы»; день разрушенія Іерусалима (9 аба), бывшій днемъ рожденія С., онъ предложилъ обратить въ праздничный. Между тѣмъ султану было донесено о фантастическихъ и опасныхъ въ государственномъ отношеніи планахъ С. Не желая казны С. обратиться въ мученика и способствовать образованію новой секты, которая вызвала-бы новыя смуты и волненія, султанъ рѣшилъ склонить С. къ переходу въ мусульманство, что и удалось безъ большого труда; С. принялъ имя Мехмеда Эфенди и былъ назначенъ капиджи-баши (камергеръ), съ большимъ жалованьемъ. Хотя извѣстіе объ отпаденіи С. отъ еврейства чрезвычайно поразило евреевъ, но спокойствіе этимъ еще не было восстановлено: ревностные приверженцы С. утверждали, что не онъ самъ принялъ магометанство, а его тѣнь, самъ же онъ ушелъ на небо и скоро явится снова для исполненія освободительнаго дѣла; другіе говорили, что переходъ С. въ исламъ есть каббалистическая тайна и что этимъ онъ лишь содѣйствуетъ установленію мессіанскаго царства. Въ болѣе отдаленныхъ странахъ евреи вовсе не хотѣли вѣрить въ измѣну С.; почти повсюду продолжало существовать саббатіанское движеніе, съ которымъ не прекращала борьбу противники С., съ равными-талмудистами во главѣ. Около 1670 г. въ сѣв. Африкѣ появился новый агитаторъ, Авраамъ Михель Кордозо, пропагандировавшій мессіанство С. и пріобрѣтшій множество приверженцевъ. Между тѣмъ С., жившій въ Адрианополѣ, снова сблизился съ евреями, заявляя, что на него вновь ниспослалъ св. духъ и далъ ему откровеніе; одновременно онъ написалъ брошюрку, гдѣ доказы-

валъ, что остается истиннымъ Мессіей, не смотря на вѣроотступничество. Чтобы не возбуждать подозрѣнія султана, С. увѣрялъ его, что сближеніе съ евреями имѣетъ цѣлью обращеніе ихъ въ исламъ; и дѣйствительно, многие изъ послѣдователей С. для виду приняли исламъ. Но будучи однажды застигнутъ въ синагогѣ въ то время, какъ распѣвалъ еврейскіе псалмы, С. былъ сосланъ въ г. Дульцино, гдѣ и умеръ. Со смертью С. саббатіанское движеніе не прекратилось: еще долго послѣдователи С. волновали умы евреевъ проповѣдями о близкомъ пришествіи Мессіи; такъ дѣйствовали, кромѣ Кордозо, Мордохай Айзенштатъ, Нехемія Хайовъ, Хаимъ Малахъ, Іуда Хасидъ и др. Саббатіанское движеніе вызвало появленіе хасидизма и франкистовъ. Одна секта саббатіанцевъ существуетъ въ Салоникахъ и въ настоящее время: считается мусульманами, они тайно исповѣдуютъ еврейскую религію (см. Евреи, XI, 466).

Саббатини (Джиджи-Анатоніо Sabbatini, 1739—1809)—итал. композиторъ и музык. теоретикъ. Напеч. «Elementi teorici della musica» (Римъ, 1789), «Vera idea delle musicali numeriche segnature» (Венеція, 1795); «Trattato sopra le fughe musicali» (ib., 1802.), «Vie de Valloti» (1780). Въ рукописяхъ остался рядъ трудовъ его по духовной музыкѣ.

Сабен — названіе одного изъ главныхъ племенъ въ южной (Счастливой) Аравіи, которое въ древности господствовало въ Іеменѣ. Греческіе и римскіе писатели одинаково указываютъ на высокую культуру страны и на ея богатство, о которомъ передавались баснословные рассказы. С. вели обширную торговлю золотомъ, драгоценными камнями и т. п. съ Сиріей, Египтомъ, Индіей и Эіопіей; о богатствѣ С. свидѣлствуютъ также рассказы Библии о царѣхъ Савской, современнѣхъ царя Соломона. Уже въ 715 г. С. были въ числѣ народовъ, платившихъ дань ассирійцамъ; но эта зависимость была непродолжительна. Соперниками С. въ южной Аравіи были мивеи, которые еще до С. составляли могущественное промышленное государство: они вели съ С. постоянную борьбу и въ послѣдствіи были ими вытѣснены. Главнымъ городомъ С. былъ Марибъ (Мариаба). Въ 25 г. до Р. Хр. въ страну С. предпринималъ походъ римскій намѣстникъ Египта Элій Галлъ, но безуспѣшно. О крѣпости города свидѣлствуютъ остатки стѣнъ, о высокой культурѣ страны — постройка крѣпкой плотины для большихъ цистернъ вверхъ города, сдѣлы которой сохранились до сихъ поръ. Съ теченіемъ времени городъ и страна пришли въ упадокъ, вслѣдствіе измѣненія торговыхъ путей. Въ III в. господству С. былъ положенъ конецъ Гимьяритами (см.).

Сабейзмъ—поклоненіе звѣздамъ, обоготвореніе небесныхъ свѣтилъ. Въ древнее время С. былъ особенно распространенъ въ Вавилонѣ и Ассиріи, гдѣ храмы одновременно служили обсерваторіями, въ Аравіи, Сиріи, Малой Азій и т. д. Кромѣ нѣкоторыхъ неподвижныхъ звѣздъ, въ особенности были предметомъ поклоненія планеты, которымъ приписывалось вліяніе на все земное, на при-

роду и людей. Maria, предсказания и гороскопы, изготовлявшиеся по астрологическим правилам, находятся в связи с С. Название С. в последнее время оставлено наукой, как основанное на смѣшеніи религій сабеевъ съ религіей сабіевъ.

Сабелла (Sabella)—родъ семейства Serpulidae сидячихъ (Sedentaria) многощетинковыхъ (Polychaeta) кольчатыхъ (Annulata) червей (XIX, 554). Встрѣчаются въ теплыхъ моряхъ (Средиземномъ) и живутъ въ хитиновыхъ трубахъ, прикрѣпленныхъ къ различнымъ подводнымъ предметамъ; много видовъ; наиболѣе известный, Sabella gracilis, до 3 стм. длинны.

В. Ш.

Сабеллини (Marc-Antonio Coccio, лат.—Marcus Antonius Coccus) — итал. историкъ (1436—1506). Учился въ академіи, основанной Помпоніемъ Летомъ. Когда члены акад. начали борьбу противъ папы Павла II, С. удалось избѣжать вызванныхъ этой борьбой преслѣдованій (1468). Онъ преподавалъ краснорѣчіе въ Удино до 1477 г., когда долженъ былъ выѣхать изъ этого города по случаю чумы; потому онъ получилъ кафедру въ Венеціи (1484). За свою «Исторію Венеціи» онъ получилъ, кромѣ пожизненнаго пенсіона въ 200 секизовъ, званіе хранителя бібліотеки св. Марка. Главнѣйшія работы С.: «Annotationes in Plinium etc.» (Венеція, 1487), «Rerum Venetarum historiae» (ib., 1487), «De Venetis magistratibus» (ib., 1488), «De Venetae urbis situ» (1494), «Rhapsodiae historiarum» (1496), «Epistolae familiares» (1502), «Exemplorum libri X» (1507). Полное собраніе его сочиненій вышло въ Вазелѣ (1560).

Сабеллины—подъ этимъ именемъ известно нѣсколько растений, которая формою своихъ мечевидныхъ листьевъ или побѣговъ напоминаютъ саблю; такыя: Acorus Calamus (см. Аиръ), Phragmites communis (см. Тростникъ), Iris pseudacorus (см. Касатикъ), Polygonum bistorta (см. Горлецъ); наиболѣе обыкновеннымъ С. называется одно многолѣтнее травянистое растение, растущее по сырью, болотистымъ мѣстамъ, Comarum palustre L. Растеніе это перезимовываетъ при помощи длиннаго ползучаго вѣтвистаго, довольно крѣпкаго корневища, покрытаго короткими волосками. Корневище даетъ приподнимающіеся побѣги, несущіе перистые листья 5—7 оближенныхъ, продолговатыхъ, по краю остролистныхъ листочкахъ; верхняя сторона листочковъ темнозеленая, нижняя стрѣловидная; къ черешку вполне природіи прилистники. На приподнимающихся побѣгахъ появляются немногочисленные цвѣтки темно-краснаго цвѣта. Цвѣтки обоеполые, правильные, типа сем. розаныхъ, къ которому относится само растеніе. Чашечка двойная; подчашие состоитъ изъ 5 довольно мелкихъ листьевъ; чашелистиковъ также 5; они яйцевидные, заостренные, сонутри темно-красные; лепестки ланцетные заостренные, темно-красные, въ два или три раза короче чашелистиковъ; ихъ также 5. Тычинокъ и пестиковъ много. Плодики—голыя сѣмянки, сидящія на губчатомъясистомъ пѣдиолюжѣ. С. встрѣчается по всей Россіи до Ледовитаго океана и на югѣ до Чернаго моря. Въ

народной медицинѣ С. находятъ большое употребленіе: отъ поноса, ломоты, какъ потогонное и отъ чемера у лошадей.

С. Р.

Сабеевъ (Александръ Sabes, принявшій имя Pétion, 1770—1818)—президентъ республики Гаити, по происхожденію мулатъ. Въ 1802 г. всталъ противъ французовъ; въ слѣдующемъ году занялъ Портъ-о-Пренсъ и сдѣлался губернаторомъ южной части острова. Когда островъ раздѣлился на два государства, республику мулатовъ и государство негровъ, С. сдѣлался въ 1808 г. президентомъ республики мулатовъ. Въ 1815 г. С. былъ вновь избранъ въ президенты, пожизненно и съ правомъ назначить себѣ преемника. Въ 1816 г. онъ далъ республикѣ либеральную конституцію. Ср. St.-Rémy, «Pétion et Haïti» (П., 1858).

Сабзаваръ—см. Себзеваръ.

Сабина—см. Казахскій можжевелникъ (XIII, 921).

Сабина (Julia Sabina † 138)—римская императрица, жена Адріана, дочь Матидіи, племянницы Траяна. Платина, покровительствовавшая Адріану, женила его на С., чтобы упрочить за нимъ власть. Бракъ былъ несчастенъ. Адріанъ, вступивъ на престолъ, относился къ С., какъ къ рабѣ, хотя она, кромѣ красоты, отличалась тонкимъ умомъ и строгостью нравовъ. Съ годами ненависть императора къ женѣ все усиливалась; умирая, онъ принудилъ С. лишить себя жизни, чтобы она не могла радоваться его смерти. Въ XII-й годъ царствованія Адріана, когда сенатъ наименовалъ его «отцомъ отечества», С. была провозглашена «священной» (Augusta); на нѣкоторыхъ александрийскихъ монетахъ она носитъ этотъ титулъ еще ранѣе.

Сабина (Карлъ Sabina, род. въ 1818 г.)—чешскій писатель; въ 1848 г. принялъ участіе въ мартовскихъ движеніяхъ; въ 1849 г., по обвиненію въ государственной измѣнѣ, былъ присужденъ къ смертной казни, замѣненной 18-лѣтнимъ заключеніемъ въ крѣпости; черезъ 8 лѣтъ былъ помилованъ и вернулся въ Прагу. Цензурныя преслѣдованія были постояннымъ удѣломъ С. Еще въ началѣ 1840-хъ гг. онъ написалъ романъ «Гуситы»; цензура пять разъ требовала его переставки и, наконецъ, разрѣшила, когда онъ былъ разбитъ на отдѣльные рассказы («Obrazy z XV a XVI století», Прага, 1854). Дриеръ труды С.: «Basnie» (1844), «Powidky, powiasty a powelly» (1845), «Napoleon Buonaparte» (1848), «Jaroslawa» (1859), «Wieczny ženich» (1858—63), «Hrobnik», новелла (3 изд., 1862), «Jen trzi leta» (1860), «Blouznieni» (1857), «Diejejis literatury czeskoslowanske» (1860—64), «Duchowni Romunismus» (1861). Подъ псевдонимомъ Leo Blass С. издалъ «Das Theater und Drama in Böhmen bis zum Anfange des XIX Jahrh.» (Прага, 1877).

Сабине или *Сабинъ* (нѣм. Sabineinsel)—о-въ около восточнаго берега Гренландіи, подъ 74°32' с. ш. и 18°19' з. д.; посѣщенъ Клеверингомъ и Сабинномъ въ 1823 г.; станція германской нѣмецкой полярной экспедиціи 1869—70 гг. Годовая температура средняя —11,7°; maximum мороза —40,3°; maximum тепла +13,1°.

Сабининъ (Анатолій Христофоровичъ)—врачъ-писатель, род. въ 1850 г., окончилъ курсъ въ медико-хирургической академіи въ 1875 г., состоитъ старшимъ врачомъ воронежской губернской земской больницы. Съ 1887 г. издаетъ журналъ общественной медицины и гигиены «Медицинская Бесѣда». Главные труды С.: «Учебникъ физиологіи» (для фельдшерскихъ школъ и фельдш., 4-е изд., 1898), «Къ статистикѣ сифилиса въ Воронежской губ.» («Прот. съѣзда зем. врачей Ворон. губ.», 1882), «Животные паразиты въ кишкахъ» (брошюра, 1890), «Физиологическія бесѣды» (ib., 1888), «Дифтерія и мѣры борьбы съ нею» («Мед. Бесѣда», 1893), «Исторія чумы съ древнѣйшихъ временъ» (1897) и др.

Сабининъ (Егоръ Ѳеодоровичъ)—проф. математики, род. 1833 г., образование получилъ въ главномъ педагогическомъ институтѣ подъ руководствомъ Остроградскаго. Степень магистра получилъ въ московск. унив., защитивъ разсужденіе: «Объ условіяхъ, служащихъ къ отысканію и различію maximum и minimum двойныхъ интеграловъ» и послѣ этого былъ избранъ доцентомъ по чистой математикѣ въ новороссійскомъ унив. Степень доктора получилъ въ 1868 г. въ новороссійскомъ унив., защитивъ диссертацию: «Исслѣдованіе наибольшихъ и наименьшихъ значеній опредѣленныхъ многократныхъ интеграловъ»; послѣ этого избранъ былъ профессоромъ экстраординарнымъ, а затѣмъ вскорѣ ординарнымъ. Статьи и сочиненія его: «Démonstration d'une formule de M. Ostrogradsky, relative au calcul des variations des integrales multiples» («Crelle J. d. Math.», т. 59, 1861), «Sur la méthode de distinguer les maxima et les minima des integrales définies multiples» («Bulletin de l'Acad. d. Sc. de St.-Pét.», т. XV, 1869), «Объ остаточномъ членѣ формулы Гаусса» («Мат. Сборн.», 1867), «Développement analytique pour servir à compléter la disussion de la variation seconde d. integrales définies multiples» (Darboux, «Bulletin des sc. math.», 2 сер. т. II, 1878), «Sur le principe de la moindre action» («Annali di Mat. pur. ed appl.», т. 12, 1884), «Sur le minimum d'une integrale» (тамъ же, 14, 1886), «Sur les considérations d'Ostrogradsky et de Jacobi relatives au principes de la moindre action» (тамъ же, 15, 1886), «О мемуарѣ Саррюса» («Математическій Сборникъ», т. XIV, 1889), «Курсъ вариационнаго исчисленія» (М., 1893).

Д. Б.

Сабининъ (Михаилъ Павловичъ, Гебронъ)—историкъ грузинской церкви, по происхожденію грузинъ. По окончаніи тифлисской гимназіи, поступилъ вольнослушателемъ въ сб. духовную академію и получилъ степень кандидата за сочиненіе: «Исторія грузинской церкви до конца VI в.» (СПб., 1877). Еще ранѣе, въ 1871 г., онъ издалъ «Полное жизнеописаніе святыахъ грузинской церкви». Оба сочиненія писаны по грузинскимъ рукописнымъ первоисточникамъ, почему излагаютъ предметъ съ гораздо болѣею подробностью, чѣмъ предшествовавшее ему изслѣдованіе, напр. Иосифеліана. Главный и наиболѣе цѣнный трудъ С.: «Древніе акты грузинской церкви», извлеченные изъ руко-

писей и на грузинскомъ языкѣ, съ русскимъ переводомъ С., изданные академіей наукъ.

Н. Б.—ъ.

Сабининъ (Стефанъ Карповичъ, 1789—1863)—археологъ и богословъ, сынъ дѣдыча Воронежской губ. Учился въ сб. дух. акад. и по полученіи степени магистра назначенъ на кафедру нѣм. языка въ той же академіи. Въ 1823 г. назначенъ священникомъ къ русской посольской церкви въ Копенгагенѣ. Съ этого времени начинается его многосторонняя ученая дѣятельность, первое мѣсто въ которой занимаетъ христіанское богословіе вообще и въ частности—филологическія изслѣдованія объ отдѣльныхъ мѣстахъ и цѣлыхъ книгахъ Св. Писанія Ветхаго Завѣта (толкованіе на книгу «Пѣснь Пѣсней» и др.). Всего въ журн. «Христіанское Чтеніе» съ 1829 по 1839 г. имъ напечатано свыше семнадцати обширныхъ эзегетическихъ монографій по исторіи и археологіи Ветхаго Завѣта. Многія изъ его сочиненій остаются доселѣ въ рукописяхъ въ библиотекѣ сб. дух. акад. Сюда относятся переводы цѣлыхъ книгъ Св. Писанія Ветхаго Завѣта на русскій языкъ (книга Іова переведена имъ и прозою, и стихами; первыя 12-ть главъ книги Исаіи также переданы близко къ подлиннику правильною русскою рѣчью, съ присоединеніемъ обширнѣйшихъ примѣчаній), а также «Виблейскій ветхозавѣтный лексиконъ», гдѣ на каждый ветхозавѣтный терминъ дѣлается сводъ относящихся къ нему параллельныхъ мѣстъ. «Исландская грамматика» С. издана Имп. акад. наукъ. Въ рукописи нѣдется еще его «Сирская грамматика». Въ Копенгагенѣ С. сошелся съ тамошними учеными и въ 1843 г. былъ избранъ въ члены «королевскаго общ. сбв. антикваріевъ» и «комитета для изученія древне-русской исторіи». Въ собраніяхъ какъ общества, такъ и комитета онъ постоянно присутствовалъ, результатомъ чего былъ рядъ цѣнныхъ научныхъ статей въ «Чтеніяхъ» моск. общества исторіи и древн. (начиная съ 1840 г.): «Извлеченіе изъ саги Олава, короля норвежскаго», переводъ сочиненій Сума (съ датскаго), «О хозарахъ», «О Галиціи и Людомирѣ», «О падинахъ или печенѣгахъ», «О славянахъ, ихъ происхожденіи и древнѣйшихъ жилищахъ», «О финнахъ», «О половцахъ», «О бармахъ», «О Всеславѣ Брячиславичѣ», «О происхожденіи наименованій: болгаринъ и бояринъ», «Купало», «Волосъ, языческое божество, сравнительно съ Однимъ скандинавскимъ». Въ Веймарѣ, куда С. перешелъ на службу къ вел. кн. Маріи Павловнѣ (въ 1837 г.), вел. княгиня поручала ему прочитывать книги и давать ей отзывы. Онъ сошелся близко съ іенскими, а также мекленбургскими (мекленбургскій «союзъ исторіи») учеными, въ изданія которыхъ доставлялъ много матеріала въ видѣ рецензій, особенно о книгахъ, нѣвшихъ предметомъ жизнь Россіи. С. находился въ перепискѣ съ знаменитыми въ то время славянами—Козаромъ, Ганкой, Шафарикомъ, которые обыкновенно къ нему обращались за разрѣшеніемъ своихъ недоумѣній о славянскихъ древностяхъ и по части филологіи. С. любилъ нѣмецкую поэзію и принималъ у

себя мѣстных или заѣзжихъ поэтовъ, художниковъ, ученыхъ, музыкантовъ и литераторовъ. Подъ руководствомъ С. его семей переводены на русский яз. многія лучшія произведенія тогдашней нѣм. (а также франц.) проповѣди. Его письма къ М. П. Погодину напечатаны въ «Сборникѣ Имп. Моск. Общ. Ист. и Древностей». Н. Б.—ст.

Сабинианцы—представители юридической школы 1-го вѣка по Р. Хр., основанной Капитономъ (см.), но названной по имени ея наиболѣе выдающагося руководителя, Массурий Сабина (см.). Къ ней принадлежали Массурий Сабинъ, Кассій, Целлій Сабинъ, Явоненъ, Валенсъ, Тусціанъ и Юліанъ. По своимъ принципамъ она противоположала себя прокурлянамъ (см.), но составъ разногласій ея съ послѣдними почти неопредѣлимъ, по скудости извѣстій (см. XXV, 391). В. Н.

Сабинская война, известная въ исторіи больше подъ назв. «похищеніе сабинянокъ»—относится къ легендарному періоду римской исторіи. По разсказамъ римск. историковъ, Римъ былъ заселенъ одними только мужчинами; сосѣднія племена не хотѣли выдавать своихъ дочерей замужъ за бѣдное населеніе Рима. Тогда Ромулъ устраивалъ празднѣкъ Консуліи и пригласилъ сосѣдей. Тѣ явились со своими семьями. Во время праздника римляне неожиданно бросились на безоружныхъ и похитили у нихъ дѣвушекъ. Возмущенные сосѣди начали войну. Римляне разбили латинянъ, напавшихъ на Римъ. Гораздо труднѣе была война съ сабинянами, которые особенно много потеряли женщинъ. При помощи дочери начальника капитолійской крѣпости, Тарпей, сабиняне завладѣли Капитоліемъ. Борьба продолжалась очень долго. Сабиняне, подъ начальствомъ царя Тита Тація, наконецъ одолѣли римлянъ и обратили ихъ въ бѣгство. Ромулъ звалъ къ богамъ и обещалъ построить храмъ Юпитеру Статору (Остановителю), если онъ остановитъ бѣгущихъ. Въ эту рѣшительную минуту сабинскія женщины, привязавшіяся уже къ своимъ мужьямъ, съ распущенными волосами и въ разорванныхъ одеждахъ бросились между сражавшимися и умоляли ихъ прекратить битву. Сабиняне согласились и былъ заключенъ вѣчный миръ, по которому два народа соединились въ одно государство, подъ верховнымъ главенствомъ Тита Тація и Ромула; римляне должны были носить, кромѣ своего имени, еще сабинское названіе *квириты*; религія становилась обща. Такимъ образомъ, женщины спасли Римъ; въ воспоминаніе объ этомъ Ромулъ учредилъ празднѣкъ Матурналіи и далъ женщинамъ много почетныхъ правъ.

Сабинумъ (Sabīnum)—имѣніе Горация, находившееся въ Сабинской области (къ сѣверу отъ Тибура); Меценатъ въ 33 г. подарилъ его поэту (описаніе этого имѣнія Гораций далъ въ 16 письмѣ I кн., 1—14). Имѣніе было не особенно большое, лежало въ гористой мѣстности, имѣло прохладную долину и тѣнистыя лѣса; близъ дома находилась чистый холодный источникъ (Гораций далъ ему имя Bandusia) и возвышеніе Lucretiis. Ср.

Gaston Boissier, «Nouvelles promenades archéologiques» (П., 1886, стр. 1—62); И. Гревсъ, «Очерки по исторіи римскаго землевладѣнія».

Сабинъ (Авлъ Sabinus)—латинскій поэтъ и ораторъ, современникъ Августа, другъ и подражатель Овидія. Побуждаемый примѣромъ послѣдняго, С. занимался сочиненіемъ отвѣтовъ на написанныя Овидіемъ посланія героинь (Героидъ), которыя онъ издалъ; поэтому его считали составителемъ послѣднихъ шести Овидіевыхъ посланій. По Овидію (ex Pont. 4, 16, 13 сл.) ему приписываютъ также стихотвореніе «Troeezen»—элегію, прославляющую одну дѣвушку того же имени, и «Opus diegum», подобное «Ергу» Гезіода или «Georgica» Виргилія. Первое крайне недостоверно, ибо въ указанномъ мѣстѣ Troeezena составляетъ только конъектуру Гейнзіа вмѣсто рукописнаго Triseemъ, и можетъ быть, вѣрнѣе предполагать эпическую поэмку; второе слѣдуетъ скорѣе считать за продолженіе Овидіевыхъ «Fasti»; оно не было окончено. Умеръ С. еще въ цвѣтущемъ возрастѣ, послѣ 11 г. до Р. Хр. Прежде приписывали ему еще три сохранившіяся письма, написанныя элегическимъ размѣромъ и изданныя впервые въ ed. princ. Овидія, но теперь уже нѣтъ сомнѣнія, что эти письма составлены однимъ ученымъ второй половины XV в. (около 1467 г.), *Амеломъ Коуриномъ Сабиномъ*; критически обработаны Lortsemъ, въ его изданіи «Героидъ» Овидія.

Сабинъ—имя двухъ римскихъ юристовъ: 1) *Массурій С.*, юристъ 1-й половины 1-го в. по Р. Хр., изъ біографіи котораго известно лишь то, что онъ жилъ въ большой бѣдности, къ 50 годамъ достигъ онъ всадническаго званія и получилъ jus respondendi отъ Тиберія; нѣкоторые труды его написаны при Неронѣ. Среди другихъ римскихъ юристовъ онъ занимаетъ выдающееся мѣсто и считается главой школы, названной по его имени, хотя она основана Капитономъ (см.). Онъ въ дѣйствительности былъ руководящимъ умомъ школы, сообщившимъ ей опредѣленное направленіе въ изученіи и развитіи права. Въ его главномъ трудѣ—«Libri tres juris civilis»—поставлены и разрѣшены въ опредѣленной системѣ, которая теперь восстановлена, основныя вопросы гражданскаго права. Помпоній, Ульпіанъ и Павелъ пишутъ къ этому труду свои комментаріи и на нихъ воспитываются. Количество трудовъ, связанныхъ съ именемъ С. (ad Sabinum, ex Sabino и т. д.), было настолько велико, что изъ нихъ составлена особая группа (Сабинова масса) при составленіи Дигестъ (см.). Орывки изъ нихъ извѣстны намъ, впрочемъ, только въ передачѣ его комментаторовъ, принятой въ Дигесты. 2) *Кней Арденъ Целлій С.*, консулъ въ 60 г. по Р. Хр., ближайшій послѣдователь Массурія С., занималъ очень вліятельное положеніе при Веспасіанѣ. Изъ трудовъ его замѣчательна обработанъ эдильскаго эдикта, которую внимательно изучалъ Ульпіанъ. Ср. Krüger, «Gesch. der Quellen und Literatur des Rom. Rechts» (§ 21, Лпц., 1888). В. Н.

Сабинъ (Юлій)—родомъ изъ Галліи, сдѣлалъ попытку (67—70 г. по Р. Хр.) въ цар-

ствование Веспасиана освободить Галлію отъ римскаго владычества. Воспользовавшись возстаніемъ Цивилиса, подчинившаго себѣ германцевъ и батавовъ, С. въ союзѣ съ двумя тревирами Юліемъ Классикомъ и Юліемъ Туторомъ поднялъ противъ римлянъ галльскія племена, и одно время счастье ему благоприятствовало. Но принятіе имъ титула цезаря погубило дѣло. Могущее племя секванское племѣ отложилось отъ него и когда С. захотѣлъ силою заставить его присоединиться къ нему, то былъ разбитъ. Позже С. былъ схваченъ и привезенъ въ Римъ, гдѣ и былъ казненъ по приказанію Веспасіана.

Сабинъ (Георгъ, собственно Schüller, Sabinus, 1508 — 1560) — писатель, профессоръ литературы во Франкфуртѣ на Одерѣ, потомъ ректоръ вновь учрежденнаго университета въ Кенигсбергѣ. Труды его: «De electione Caroli V historia» (Майнцъ, 1544), «In Ovidii fabulas» (Витенбергъ, 1556), «Poemata et epistolae» (Лпц., 1558—1559). Особую извѣстность пользуются его стихотворенія въ духѣ Овидія. Въ первомъ бракѣ С. былъ женатъ на дочери Меланхтона. Ср. Töppen, «Die Gründung der Universität zu Königsberg und das Leben ihres ersten Rektors Georg S.» (Кенигсбергъ, 1844); Heffler, «Erinnerung an Georg S.» (Лпц., 1844); Fürstenhaupt, «Georg S.» (Б., 1849).

Сабинъ (сэръ Эдуардъ Sabine, 1788 — 1883) — англ. физикъ и математикъ, состоялъ на военной службѣ по артиллерійскому вѣдомству. С. принималъ участіе въ экспедиціи Парри 1818—1819 г., имѣвшей цѣлью открытіе сѣверо-западнаго прохода, при чемъ производилъ изслѣдованія въ области магнетизма и ученія о маятникѣ. Для продолженія этихъ изслѣдованій онъ въ 1823 г. объѣзжалъ морской берегъ Сіерра-Леона и отъ восточнаго берега Сѣверной Америки добрался въ 1823 г. до Гаммерфеста, Шпицбергена и Гренландіи. Результаты измѣреній, произведенныхъ во время этихъ путешествій, онъ изложилъ въ своемъ трудѣ «A pendulum expedition etc.» (Л., 1825). Въ 1865 г. С. сдѣланъ генералъ-лейтенантомъ, съ 1818 г. состоялъ членомъ Royal Society, а съ 1850 г. до 1871 г. вице-президентомъ его. Въ своемъ «Report on the variations of the magnetic intensity observed at different points of the earth's surface» (Л., 1838) С. пытался подкрѣпить Гауссовскую теорію земного магнетизма графическимъ изображеніемъ результатовъ наблюденій Эрмана и Ганстина. Особенно С. прославился своими трудами по устройству системы метеорологическѣхъ обсерваторій въ англійскихъ колоніяхъ. Объ этихъ обсерваторіяхъ, которыя долго состояли подъ главнымъ его управленіемъ, онъ напечаталъ: «Contributions to terrestrial magnetism» (1840 — 1876). С. принадлежитъ еще соч.: «On the cosmical features of terrestrial magnetism» (Л., 1862). Жена С. перевела на англійскій языкъ «Путешествіе по Сибири» Врангеля, «Kosmos» и «Ansichten der Natur» Гумбольдта.

Сабиніане (Sabini) — древне-италійское племя; принадлежали къ умбро-сабелло-осколатинской группѣ и составляли промежуточ-

ное звено между умбрами и осками. Область собственно С. (Sabina) представляла собой длинную узкую полосу между Лациемъ и Умбріей, простиравшаяся отъ Тибра и города Номентумъ до области вестиновъ. Общаго имени у области всего сабинскаго племени не было: существовали названія отдѣльных саб. племенъ (Vestini, Mamertini, Marsi, Marrucini, Peligni, Frontani, Picentes, Hernici) и двѣ области — собственно Sabina и Samnium. Отдѣльныя племена сабинскаго народа назывались сабелльскими, въ отличіе отъ коренныхъ сабинянь. Жители Samnium'a — самниты, говорившіе на оскоскомъ діалектѣ, были потомками С. Занимая первоначально сравнительно небольшую горную площадь въ средней части Аппенинскаго хребта, сабинское племя ко времени самнитскихъ войнъ распространилось во всѣ стороны, занявъ почти половину Италіи. Въ своемъ движеніи на западъ С. дошли до Тибра и почти до Тирренскаго моря (между прочимъ они основали городъ Cures) и даже заняли Квиринальскій холмъ (переселенцы изъ г. Cures). Двинувшись на югъ, С. заняли Самніумъ, часть Апуліи, Кампаніи и Луканіи. Такому распространенію племени способствовалъ религіозный институтъ такъ называемой «священной весны» (ver sacrum, см.): въ трудныя минуты войны или по случаю мора С. обрѣкали все, что должно родиться въ слѣдующую весну — людей и животныхъ, — подземнымъ богамъ, и особенно Марсу; обреченнымъ такимъ образомъ животнымъ приносились въ жертву, а люди по истеченіи извѣстнаго числа лѣтъ (обыкновенно 20), подобно пчелиному роеу, выселялись изъ мѣста прежней осѣлости и завоевывали себѣ новыя мѣста для поселенія. Такимъ образомъ создались мелкія сабелльскія племена, изъ которыхъ нѣкоторые получали свое наименованіе отъ имени бога Марса (Marsi, Mamertini) или его тотемовъ (отъ picus — дятель получило названіе Picentes, отъ hirpus — лисъ — названіе племени Hirpini). Въ исторіи Рима С. сыграли видную роль, благодаря близкому соприкосновенію и даже ассимиляціи съ римскимъ народомъ. Подчинившись римлянамъ, которые были сильны политическимъ началомъ и умѣли хорошо организоваться, С. скоро утратили свою самостоятельность и въ 290 г., побѣжденные М. Куріемъ Дентагомъ, получили римское государственное устройство, а съ нимъ и союзническія права (безъ ius suffragii). Сабелльскія племена также рано стали признавать политическое господство римлянъ и только союзническая война (91—88) заставила ихъ отнестись отъ римскаго народа; по окончаніи войны римляне на всегда романизовали сабелльскія племена. Самымъ упорнымъ было племя самнитянь, которое не смирилось и по окончаніи союзнической войны 91—88 годовъ; вслѣдствіе этого въ 82 г. Сулла уничтожилъ этотъ народъ, отчасти перебивъ населеніе, отчасти продавъ его въ рабство, послѣ чего опустѣвшіе города и мѣстечки были заселены римскими воднооткупщиками. Къ концу I в. до Р. Хр. самнитянь, сабинянь и сабелловъ уже не существовало. Физическія условія стра-

ны, отсутствіе культурныхъ вліяній, формы быта общиннаго, родового и семейнаго — способствовали развитію у С. тѣхъ національныхъ чертъ, которыя путемъ инфильтрации такъ отчетливо проявились въ характерѣ римскаго народа: нравственной строгости и выдержки, простоты и умѣренности жизни, благочестія, духа повиновенія и дисциплины, консерватизма. С. жили искони въ незащищенныхъ мѣстечкахъ (подобно спартанцамъ); у нихъ существовалъ общинный бытъ, было развито родовое и семейное начало, съ *patris auctoritas*, но, какъ у горнаго народа съ сельскими формами жизни, не было склонности къ политической централизаци: оттого столкновение съ политически организованными жителями равнины (римлянами) и окончилось для горцевъ С. потерю независимости и романизацией племени. О вліяніи С. на римлянъ въ сферѣ религіи говорить преданіе, приписывающее религіозныя реформы двумъ царямъ изъ С. — Нумѣ Помпилю и Анку Марцію; но что принадлежатъ собственно С. и что римлянамъ — опредѣлить трудно. Достоверно извѣстно, что при общности многихъ латинскихъ и сабинскихъ божествъ (*Quirinus*, *Mars*), сабинскими божествами были *Semo Sancus*, *Feronia*, *Vasica*, *Angitia*, *Flora*, *Hercules*; С. же принадлежатъ, въ области религіи, установление «священной весны», развитіе авгульской науки, учрежденіе жреч. коллегіи Тицьевъ и пр. С. занимались скотоводствомъ и отчасти земледѣіемъ; главными продуктами были овцы, сыръ, ленъ, виноградъ, оливы, смоквы, бобы, также дѣсь и лѣкарственные травы. Города, принадлежавшіе сабинскому племени: *Amitepnum* (родина Саллюстія), *Reate*, *Nursia*, *Cures*, *Nomentum*; въ области вестиновъ — *Aternum*, въ области марсовъ — *Marvium*, *Lucus Angitiaie* и *Cerfennia*, въ области марруциновъ — *Teate*, въ области пелигновъ — *Corfinium* и *Sulmo* (родина Овидія), въ области френтановъ — *Ortona*, *Histonium*, въ области гириновъ и Самниумъ — *Aesernia*, *Bovianum*, *Aquilonia*, *Beneventum*, *Venafrum*, *Calatia*, *Caudium* и др. Ср. *Schwelger*, «*Römische Geschichte*» (I т., 1867, стр. 179—181; 239—253); *Mommsen*, «*Römische Geschichte*» (т. 1 *passim*); его же, «*Unteritalische Dialecte*» (1850); *Ed. Meyer*, «*Geschichte des Abendlandes*» (т. 2 «*Geschichte des Alterthums*», стр. 488—526, 1893 г.).

II. О.

Сабин. — Подъ именемъ С. были извѣстны у европейскихъ и мусульманскихъ писателей самыя разнообразныя народности, относящіяся къ различнымъ историческимъ эпохамъ, но, вслѣдствіе созвучія названія, постоянно смѣшавшіяся. Проф. Хвольсонъ въ своемъ сочиненіи: «*Die Sabier und der Ssabismus*» (СПб., 1856) раздѣляетъ всѣхъ извѣстныхъ С. на историческихъ и мнимыхъ С. Исторические С. суть: 1) истинные С. или халдейскіе — упоминаемые въ коранѣ парсифицированные халдейскіе язычники или вѣхристанскіе гностики, родоначальники современныхъ мандеевъ (см.) или христіанъ св. Іоанна, которые живутъ недалеко отъ Персидскаго залива и говорятъ испорченнымъ халдейско-арамейскимъ нарѣчіемъ; и въ настоящее время они

извѣстны среди магометанъ подъ именемъ С. или субба, т. е. умывающіеся (благодаря своимъ частымъ омовеніямъ); 2) псевдосабии или сирійскіе С., остатки древне-сирійскихъ язычниковъ греческой культуры, которые около 830 г. приняли названіе С., чтобы пользоваться среди магометанскихъ народовъ вѣроуверенностью, которую коранъ общалъ истиннымъ С.; они жили въ сѣв. Месопотаміи (въ Гарахъ, Эдессѣ, Багдадѣ и др.); религія ихъ есть смѣшеніе халдеизма, парсизма, іудейства, христіанства, гностицизма, неоплатонизма; съ XII стол. они болѣе не встрѣчаются въ исторіи, но возможно, что продолжаютъ существовать гдѣ-либо въ Месопотаміи подъ другимъ именемъ; отъ этихъ С. осталось много литературныхъ памятниковъ, написанныхъ на чистѣйшемъ сирійско-арамейскомъ нарѣчьи. Мнимыми С. являются нѣкоторые народы и религіозныя секты древнихъ и среднихъ вѣковъ, которые у арабскихъ, еврейскихъ и персидскихъ писателей назывались С., въ смыслѣ звѣздопоклонниковъ и язычниковъ, а поздѣе были приурочены европейскими учеными къ историческимъ С., напр. древніе халдеи, персы временъ Зороастра, буддисты, сабии Аравіи и др.; отъ этого названія С. образовался терминъ сабеизмъ, въ смыслѣ поклоненія звѣздамъ.

Сабле (*Sablé*) — городъ въ франц. департаментѣ Сарты. Въ средніе вѣка носилъ названіе *Sablóium*, былъ маркизатомъ, принадлежавшимъ Бурбонамъ. 20 августа 1488 г. король Карлъ VIII заключилъ здѣсь мирный договоръ съ Францискомъ II бретанскимъ.

Саблеръ (Владиміръ Карловичъ) — юристъ; род. въ 1847 г., окончилъ курсъ на юрид. факультетѣ моск. ун-в. Получилъ степень магистра за сочиненіе: «О значеніи давности въ уголовномъ правѣ» (М., 1872). Въ 1872—73 г. читалъ уголовное судопроизводство въ московскомъ ун-в., потомъ былъ юрисконсултомъ св. синода и управляющимъ его канцеляріей; теперь состоитъ сенаторомъ и товарищемъ оберъ-прокурора св. синода.

Саблеръ (Егоръ Егоровичъ, 1810—64) — русскій астрономъ, ученикъ В. Я. Струве. Знаменитый астрономъ, замѣтивъ выдающіяся способности С., доставилъ ему еще до окончанія курса мѣсто младшаго помощника въ дерптской обсерваторіи. Въ 1839 г. С. получилъ степень доктора философіи въ дерптскомъ ун-в. Вскорѣ послѣ того, при открытіи Пулковской обсерваторіи, онъ, по предложенію Струве поступилъ въ число ея астрономовъ. Здѣсь С. не только изслѣдовалъ мѣста многихъ звѣздъ, служившихъ въ разное время для сравненія съ положеніями кометъ, которыя наблюдались въ Пулковѣ, но и участвовалъ въ составленіи обширной росписи звѣздъ, которая въслѣдствіи приведена въ окончанію и заключается въ себѣ всѣ звѣзды, наблюдавшіяся Брэдлеемъ въ половинѣ XVIII в., а потому представляетъ драгоцѣнные матеріалы для изысканія о собственномъ движеніи звѣздъ. Сверхъ постоянныхъ трудовъ въ Пулковѣ, С. участвовалъ въ геодезическихъ работахъ, производившихся подъ главныхъ руководствомъ Струве. Такъ, онъ принималъ участіе, въ

1843 г., въ хронометрической экспедиціи для вывода разности долготъ Пулковской и Альтоновской обсерваторій, а потомъ участвовалъ въ трудахъ, относящихся къ большому градусному измѣренію дуги меридіана, идущей чрезъ западную области Имперіи. С. опредѣлилъ длины базисовъ (основныхъ линий въ сѣтяхъ треугольниковъ) въ Финляндіи и Бессарабіи. Съ успѣхомъ С. занимался также практическою механикою и оптическими изслѣдованіями; ему удалось сдѣлать ахроматическіе объективы, съ помощью двухъ стеколъ кронгласа, между которыми заключалась прозрачная жидкость съ соответственными коэффициентами преломленія свѣтораспѣнія; записка его объ этомъ напечатана въ «Бюллетеняхъ» академіи наукъ и даетъ средства отыскивать коэффициенты безъ помощи призмъ. Въ 1854 г. С. былъ опредѣленъ директоромъ Виленской обсерваторіи, которая обогатилась, благодаря ему фотографіаграфомъ, вывезеннымъ изъ Англіи.

Саблинъ (Михайлъ Алексѣевичъ)—статистикъ и общественный дѣятель (1842—98), родился въ помѣщичьей семьѣ Вологодской губ.; по окончаніи курса въ сиб. ун-в. былъ преподавателемъ географіи въ гимназіяхъ и др. учебныхъ заведеніяхъ Москвы. Съ 1868 г. состоялъ секретаремъ моск. губернскаго, а съ 1869 г. одновременно и московскаго городского статистическихъ комитетовъ. По его плану и подъ его руководствомъ было произведено подворное описание селеній Московской губ. чрезъ волостныхъ правленій, при посредствѣ мировыхъ посредниковъ и духовенства; первый томъ этого изслѣдованія изданъ въ 1873 г. подъ названіемъ: «Свѣдѣнія о селеніяхъ и жителяхъ Московской губерніи. Вологодскій уѣздъ». Въ 1871 г. подъ руководствомъ С. произведена первая одностовая перепись Москвы («Статистическія свѣдѣнія о жителяхъ Москвы по переписи 12 декабря 1871 г.», М. 1872). Въ 1872 С. собралъ свѣдѣнія о кустарныхъ промыслахъ для политехнической выставки въ Москвѣ; при его ближайшемъ содѣйствіи организованы были и кустарный отдѣлъ на всероссийской промышленно-художественной въ Москвѣ выставкѣ въ 1882 г. С. былъ председателемъ коммиссіи по осмотру фабрикъ и заводовъ Москвы (1876); часть трудовъ этой коммиссіи выполнена самими С. Труды эти дали богатый матеріалъ для послѣдовавшихъ затѣмъ работъ по русскому фабричному законодательству. Имъ же составленъ «Сборникъ русскихъ фабричныхъ законовъ» («Труды коммиссіи учрежденной. кн. Долгоруковыхъ», М. 1883). Въ 1882 г. московскимъ городскимъ управленіемъ было издано обширное изслѣдованіе С. о пожарахъ Москвы за десятилітіе 1870—79 гг. Въмѣстѣ съ извѣстнымъ земскимъ статистикомъ В. И. Орловымъ (XXII, 165—166) С. способствовалъ учрежденію статистическаго отдѣленія при московскомъ юридическомъ обществѣ; отдѣленіе это, пока существовало общество, служило объединяющимъ центромъ русскихъ земскихъ статистическихъ работъ. Начиная съ 1870-хъ годовъ С. сотрудничалъ въ газетѣ «Русскія Вѣдомости», а съ 1883 г. вошелъ въ составъ издающаго эту газету товарищества и прини-

малъ въ изданіи газеты дѣятельное участіе. Въ теченіе многихъ лѣтъ С. состоялъ гласнымъ моск. городской думы и почти постоянно работалъ въ коммиссіяхъ по обсужденію различныхъ вопросовъ, касающихся экономическихъ нуждъ столицы.

Д. Р.

Саблины—дворянскій родъ, восходящій къ концу XVI в. Алексѣй Николаевичъ С. былъ вице-адмираломъ и главнымъ командиромъ Свеаборгскаго порта (1809—17), а потомъ и сенаторомъ. Родъ С. раздѣлился на нѣсколько вѣтвей, внесенныхъ въ VI, I и II ч. род. кн. Вологодской, Олонекской, С.-Петербургской и Новгородской губ.

Саблиеръ (Маргарита de la Sablière, урожден. Hessein, 1636—93)—хозяйка блестящаго салона въ Парижѣ, въ которомъ собиравался выдающіеся ученые и свѣтскіе люди того времени. Сама С. отличалась въжливостію, веселостію, остроуміемъ и ученостію (она изучала физику, математику и астрономію). Въ ея домѣ двѣнадцать лѣтъ прожилъ Лафонтенъ, посвятившій ей свои лучшія басни. Мужъ ея, *Антуанъ Рамбуле, серж де ла С.* (1624—79), былъ извѣстенъ какъ авторъ мадригаловъ, собранныхъ его сыномъ (II, 1689) и выдержавшихъ много изданій; они помѣщены, между прочимъ, въ «Coellection des petits classiques français» (II, 1828).

Сабуловъ (Александръ Александровичъ, 1782—1857)—генералъ-лейтенантъ, инженеръ, занимавшійся техническими науками, много писалъ на франц. языкѣ, между прочимъ: «Mémoire concernant quelques applications et la construction de machines généralement connues sous le nom de ventilateurs ou même principe pour le déplacement des corps liquides» (II, 1841).

Сабуловъ (Гордій Семеновичъ, † 1880)—ориенталистъ, проф. каз. дух. акад. по миссіонерству противъ магометанъ, знатокъ магометанства. Ему принадлежитъ лучший переводъ (съ арабскаго) Корана Магомета (Казань, 1878); приложеніе къ нему (1879) и два трактата: «Свѣдѣнія о Коранѣ» (Казань, 1884) и «Сличеніе магометанскаго ученія о именахъ Божіихъ съ ученіемъ о нихъ христіанскимъ» (1873). О другихъ его ученыхъ работахъ, особливо не изданныхъ, см. въ «Православномъ Собесѣдникѣ» за 1880 г., гдѣ находится и біографія этого ориенталиста. Имъ переведена также на русскій языкъ съ турецкаго 1-я часть «Исторіи турокъ» соч. Богадурь-хана (въ III ч. «Библіотеки восточн. историковъ»).

Сабуловъ (Николай Александровичъ, 1776—1848)—генералъ, авторъ «Записокъ». Получивъ весьма тщательное домашнее образованіе, предпринялъ путешествіе по Европѣ, затѣмъ служилъ въ конногвардейскомъ полку, который оставилъ около 1802 г. и отправился во второе путешествіе по Европѣ. Вернувшись, служилъ въ морскомъ министерствѣ, участвовалъ въ войнѣ 1812 г. и по окончаніи ея жилъ въ отставкѣ то въ Петербургѣ, то въ Москвѣ. Написалъ весьма важныя «Записки» о времени Павла и Александра I на англійскомъ языкѣ, предназначая ихъ единственно для замкнутаго семейнаго круга; онѣ

попали въ печать только въ 1865 г. («Fraser's Magazine», августъ и сентябрь); отрывки изъ нихъ напечатаны во французскомъ переводѣ въ «Revue Moderne» (ок. 1866 г.) и въ рус. переводѣ въ «Русскомъ Архивѣ» (1869).

Саблуковы—дворянскій родъ, происходящій отъ польскихъ шляхтичей Якова и Николая Савлуковъ, оставшихся въ русскомъ подданствѣ послѣ покоренія Смоленска. Александръ Ульяновичъ (1712—1773) былъ кофилеишкѣ имп. Елисаветы и получилъ отъ нея значительныя помѣстья. Его сынъ Александръ Александровичъ (1749—1828) былъ сенаторомъ и членомъ государственнаго совѣта. О сыновьяхъ послѣдняго Александръ и Николай см. выше. Родъ С. внесенъ въ VI ч. род. кн. С.-Петербургской, Ярославской, Владимирской и Новгородской губ. (Гербовникъ, I, 80).

Сабль д'Олонъ (Les Sabls d'Olonnes)—г. во франц. дпт. Вандея, на Атлант. океанѣ, къ В. отъ мыса Пуантъ-де-л'Эгиль. Жит. 10261. Гавань. Кораблестроеніе. Довля сардинки; устрицы; торговля хлѣбомъ и лѣсомъ. Морскія куланы; великолѣпный пляжъ. Маякъ.

Сабля—въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Р. этимъ именемъ называютъ растение *Gladiolus*, обыкновенно извѣстное подъ именемъ спазаника.

Сабля—горный краяхъ (по мѣстному названію—парма), одинъ изъ зап. отроговъ Уральскаго хр., на границѣ Архангельской и Вологодской губ. Длина пармы 35 вер., на ней 14 пиковъ, изъ нихъ высочайшій, похожій на острый гвоздь, носитъ название *Саблы* (подъ 64°46' с. ш. и 50° в. д.), абс. выс. 5142 фт.

Сабля—рубящее оружіе, съ изогнутымъ клинкомъ, имѣющимъ обыкновенно въ длину не менѣе 90 см. Въ видахъ употребленія С. и въ качествѣ колющаго оружія оконечность клинка на протяженіи 10 см. оттачивается съ обѣихъ сторонъ. Название С. одинъ производятъ отъ араб. *сеибъ*, другіе отъ санскр. *шубра*, «сіяющій», или отъ древне-бактрійскаго *субра* или *субра*, «сбала», или отъ греч. средневѣковаго *сабесъ*, «согнутый». Кромѣ того указываютъ на итал. *sciabla*, *sciabola*, венец. *sabola*, исп. *sable*, франц. *sabre*, нѣм. *Säbel*, венг. *szablya*. Предполагаютъ, что С.—оружіе восточное, распространившееся по Европѣ вслѣдствіе сношеній ея съ Востокомъ. Въ древности С. была оружіемъ скифовъ, въ Греціи она была въ употребленіи лишь у пелопоннессцевъ. Римляне не знали С.; занесли ее съ Востока гунны. Арабы и турки употребляли преимущественно С., тогда какъ на Западѣ главнымъ оружіемъ служилъ мечъ. Въ Западную Европу С. проникла черезъ посредство венгровъ и поляковъ. Русскимъ С. извѣстна была изъ стари. Въ лѣтописяхъ читаемъ подъ 963 годомъ: «и въдасть Печенѣжскій князь Прѣтчию конь, саблю, стрѣлы». Въ Словоѣ о Полку Игоревомъ: «сабли изострени.—Поскепаны саблями калеными шеломи Оварьскыя.—Ту ся саблямъ потручати о шеломи Половекыя». Въ Московской Руси составили части С.—клинокъ и ефесъ—назв. *полосую* и *крыжежъ*. Полоса, обыкновенно съ *славною* (т. е. съ нижнимъ расширеніемъ, для приданія болшей силы удару), дѣлалась изъ бузата, стали,

желѣза. Остріе полосы называлось *лезомъ* или *лезежъ*, а тупая сторона ея—*тылемъ*. Въ набалдашникѣ сабельнаго крѣжа дѣлалось небольшое отверстіе, сквозь которое продѣвался *темякъ* съ кистью и круглою *ворворкою* у соединенія темлячной тесьмы и кисти. С. были турскія, угорскія, кизылбашскія, горскія. На турскіяхъ С. вырѣзывались или наводились иногда слова татарскія. С. московской работы, по различію образцовъ, были на литовское дѣло, на турецкое дѣло, на угорское дѣло, на черкасское дѣло, на кизылбашскій выковъ, на нѣмечскій выковъ, на угорскій выковъ. Были и собственный московскій выковъ. Объ употребленіи въ Россіи С. послѣ Петра см. Бѣлое оружіе (V, 217 и 218).

Сабляница (*Pelecus cultratus*)—см. Чехонь.

Саблянка (*Xiphias gladius*)—см. Мечъ-рыба.

Сабовскій (Владиславъ Sabowski, 1837—1888)—польскій беллетристъ и журналистъ (писалъ подъ псевдонимомъ *Wołodz Skiba* и *Omikron*). Въ многочисленныхъ юмористическихъ и другихъ повѣстяхъ его все вниманіе обращено на вѣчный интересъ интриги, поддерживаемую нагроможденіемъ всякихъ неожиданностей и случайностей. Изъ повѣстей и романовъ С. заслуживаютъ упоминанія: «*Nieszczęśliwi*» (1864), «*Pierwsza raczyntka*» (1866), «*Kwiat z Sumatry*» (1868), «*Rodzina Orskich*» (1869), «*Po niewczasie*» (1869), «*Kanarki*» (1868), «*Za miesiąc*» (1869), *Pan Walery* (1869), «*Bucik*» (1871), «*Pod jednym dachem*» (1871), «*Kręte drogi*» (1871), «*Intrygant*» (1876), «*Na paryskim bruku*» (1882), «*Samobojca*», «*Pojedynek amerykański*», «*Odwrotna strona medalu*», «*Dziwni ludzie*», «*Grzes*» (1884) и «*Nad poziomym*» (1887). Комедіи его («*Wojna z sąsiadką*», «*Półmilion*», «*Przestroga cioci Zosi*») отличаются живостью и непринужденностью дѣйствій и умѣлыми веденіемъ діалоговъ. Очень хороши переводы С. (напр. «*Демона*» Лермонтова въ «*Bibl. Warsz.*» 1859, Гюго и др.). С. былъ нѣкоторое время редакторомъ «*Kraj*» (галицкаго), издавалъ «*Kurjer Krakowski*», редактировалъ «*Dziennik młód.*»

Саболчскій комитатъ (мадьярск. *Szabolcs-Vármegye*, нѣм. *Szaboltscher Gespanschaft*)—въ Венгріи, на лѣв. берегу р. Тисы; занимаетъ пространство въ 4917 кв. км. На З и СЗ представляетъ долину, въ восточной части покрытую лѣсами, а вдоль Тисы устьяную содовыми озерами и топями, но вообще очень плодородную и богатую прекрасными пастбищами. Только такъ назыв. Нырѣ—песчаная равнина съ диноподобными возвышеніями,—менѣе плодородна. Главныя рѣки—Тиса съ Самошемъ. Жители (244945 чел.) занимаются, главнымъ образомъ, скотоводствомъ (крупный рогатый скотъ овцы, свиньи) въ большихъ размѣрахъ. Главный городъ комитата—Ньередьгаза.

Сабореи (евр. разсуждающіе, взвѣшивающіе)—еврейскіе учителя, жившіе въ эпоху послѣдъ заключенія вавилонскаго талмуда (ок. 500 г. по Р. Хр.). Дѣятельность С., продолжавшаяся около 50 лѣтъ, заключалась въ записываніи всего устнаго ученія (талмуда), со-

браннаго и приведеннаго въ систему ихъ литературными предшественниками, *аморейми* (объяснителями перешедшаго по преданію учения). Имъ принадлежатъ также многія прибавленія и объясненія въ текстѣ и новыя постановленія брачнаго права.

Саботта—зоологъ, род. въ 1867 г. Въ 1891 г. получилъ званіе доктора медицины. Главнѣйшія работы его касаются эмбриологии позвоночныхъ: «Die Befruchtung und Furchung des Eies der Maus» («Archiv f. mikrosk. Anatomie», 1896), «Die Bildung des corpus luteum beim Kaninchen» («Anatomische Hefte», 1897), «Die Reifung und Befruchtung des Eies von Amphioxus lanceolatus» («Arch. f. mikrosk. Anatomie», 1897), «Die Gastrulation von Amphioxus lanceolatus» («Verhandlungen der physikal. medicinischen Gesellschaft», Вюрцбургъ, 1897); также напеч. рядъ статей въ «Ergebnisse der Anatom. und Entwickl.» (1897 и 98).

В. М. III.

Саботчи-катами (груз.) — сборъ куръ съ крестьянъ въ пользу помѣщика. Эта повинность существовала въ Мингрелии; взиманіе ея производилось, обыкновенно, разъ въ мѣсяцъ.

Саботьеръ — франц. народный танецъ, исполняемый въ деревянныхъ башмакахъ (sabots). Такъ какъ неуклюжая тяжелая обувь не даетъ возможности дѣлать быстрыя тѣлодвиженія, то немаловажную роль въ немъ играютъ ритмическія фигуры, производимыя ударами сабо. Принципъ тотъ же, какъ въ американской и англійской жигѣ.

Сабрей-пай и Саври-пай—двѣ скалистыя горы Архангельской губ., Печерскаго уѣзда, крайніе отпрыски Уральскаго хребта въ Большеземельской тундрѣ. Первая расположена на лѣв. берегу р. Сабрей-яги, близъ соединенія ея съ р. Саври-ягой; вторая—на прав. берегу р. Саври-яги, при выходѣ послѣдней изъ горъ. Расстояніе между горами около 4 вер. Обѣ горы, по опредѣленію г. Гофмана, состоятъ изъ тальковаго сланца. *Н. Л.*

Сабрей-яга—верхняя часть теченія р. Уссы до впаденія въ послѣднюю р. Ельца (см. р. Усса).

Сабунъ—рѣка и озеро Тобольской губ., Сургутскаго у. Озеро С. лежитъ въ тѣсистыхъ болотахъ, близъ границъ Енисейской губ., длин. до 25 вер., шир. 1—5 вер. На ЮВ вытекаетъ р. С., правый притокъ р. Ваха. Длина до 125 вер., шир. 10—25 саж., глубина 1½—3 арш. Течетъ извилисто по болотистосистой мѣстности; берега пустыни. Съ правой стороны въ С. впадаетъ Малый Сабунъ.

Сабурка или *сабуровка*—русская разновидность капусты; самый лучшій и наиболѣе распространенный въ Россіи поздній сортъ ея. Кочень у этого сорта большой, плоскій, нѣжный, листья крупные; идетъ для шинкованной и кислой капусты.

Сабурова (Аграфена Тимофеевна, † 1867) — выдающаяся московская актриса. Сперва пѣла въ русскихъ операхъ; потерявъ голосъ, стала играть роли благородныхъ матерей; прослуживъ 40 лѣтъ, въ 1855 г. оставила сцену. Ея дочь, *Екатерина Александровна*, изв. драматическая актриса, на сценѣ

спб. Александринскаго театра съ 1855 г., раньше того выступала въ Москвѣ (съ 1846 г.) въ операхъ и водевиляхъ съ пѣніемъ. Лучше всего ей удавались роли Софьи Павловны («Горе отъ ума»), и Елены Глинской (драма Полевого). См. «Изъ воспоминаній Е. А. Сабуровой» («Ежегодникъ Имп. театровъ», сезонъ 1895—1896).

Сабуровъ (Александръ Матвѣевичъ)— артист. Имп. моск. театровъ (1800—31), мужъ Аграфены Тимофеевны С.; очень хорошо игралъ роли свѣтскихъ молодыхъ людей, отличался прекрасною дикцією и благородствомъ осанки. Большой успѣхъ имѣлъ въ водевиляхъ, особенно въ роли Грифыяка («Фенихъ или утро журналиста»).

Сабуровъ (Андрей Александровичъ)—статсъ-секретарь, род. въ 1838 г.; высшее образованіе получалъ въ Александревскомъ лицей. Въ качествѣ одного изъ первыхъ товарищей председателя спб. окружнаго суда много способствовалъ правильному развитію судебной практики. Его резюме, обращенныя къ присяжнымъ по справедливости считались образцовыми. Позже С. былъ товарищемъ оберъ-прокурора упол. касс. дпт. сената и вице-директоромъ дпт. мин. юстиціи. Въ 1875 г. С. былъ назначенъ почетчелемъ дерптскаго учебнаго округа. Съ апрѣля 1880 г. по мартъ 1881 г. управлялъ мин-вомъ народнаго просвѣщенія, затѣмъ засѣдалъ въ первомъ и гражд. касс. д-тахъ сената и былъ первоприсутствующимъ въ четвертомъ департаментѣ. Въ 1899 г. назначенъ членомъ госуд. совѣта.

Сабуровъ (Иванъ Васильевичъ, 1788—1873)—сельскій хозяинъ, инженеръ-капитанъ. Изъ статей С., помѣщенныхъ въ журналахъ, выдаются «Записки пензенскаго землевладельца», печатавшіяся въ «Отечественныхъ Запискахъ» начала 1840-хъ годовъ. Ему же принадлежатъ «Карта Россіи», съ раздѣленіемъ на полосы по отношенію къ сельско-хозяйственной производительности, «Таблицы для собиранія статистическихъ свѣдѣній» и мн. др.

Сабуровъ (Михаилъ Ивановичъ, † 1881)—священникъ, писатель. Окончилъ курсъ въ московской дух. акад. Написалъ диссертацию: «Объ антихристѣ» (въ «Прибавленіяхъ къ твореніямъ св. отецъ», М., 1858) и нѣсколько поученій и мелкихъ статей.

Сабуровы — дворянскій родъ, одного происхожденія съ Годуновыми. Праправнукъ мурзы Чета Ѳеодоръ Ивановичъ Зерновъ, по прозванію Сабуръ, былъ родоначальникомъ С. Старшій сынъ его, Михаилъ († 1464), служилъ Дмитрію Шемякѣ, а потомъ Василію Темному и Іоанну III. Братья его, Василій († 1485) и Семенъ Пѣшко († 1484), также были боярами; отъ послѣдняго изъ нихъ произошла угасшая въ концѣ XVI в. вѣтвь Пѣшковыхъ-С. Отъ младшаго ихъ брата Константина Сверчка происходила вѣтвь Сверчковыхъ-С., угасшая въ XVII в.; старшій изъ его сыновей Юрій Константиновичъ († 1512), бояринъ, былъ отцомъ Соломонѣи — 1-й жены Василія III; братья ея, Иванъ-Василій Константиновичъ, былъ краччимъ. Василій Борисовичъ († 1578) и Богданъ Юрьевичъ С. († 1598) были боярами. Дочь Богдана Юрьевича Евдокія († 1619),

въ иночества Александра, была 1-ю женою царевича Иоанна Ивановича, сына Грознаго. Андрей Иванович С. (1797—1866) был обер-гофмейстеромъ и директоромъ Имп. театровъ. Его племянникъ Петръ Александровичъ (род. въ 1835 г.) былъ посланникомъ въ Афинахъ (1870—79), посломъ въ Берлинъ (1879—84), теперь сенаторъ; известный археологъ и собиратель древностей. Объ Андрѣ Александровичѣ см. выше. Родъ С. внесенъ въ VI и IV ч. род. кн. Саратовской, Тамбовской, Пензенской, Смоленской, Московской и Владимирской губ. (Гербовникъ, I, 43).

Сабуръ (бот.)—см. Алоэ (I, 478).

Сабуръ (медик.)—сгущенный сокъ, получаемый изъ мясистыхъ листьевъ различныхъ видовъ Алоэ (см.), кустарниковыхъ или деревнистыхъ растений, произрастающихъ въ Африкѣ, Азии и Южной Америкѣ. Въ торговлѣ различаютъ главнымъ образомъ два сорта: блестящій капскій (Алоэ lucida s. Capensis) и тусклый (Алоэ heratica). Первый, лучший изъ нихъ представляетъ неправильные куски, похожіе на смолу, краснобураго цвѣта съ зеленоватымъ отливомъ и блестящимъ изломомъ. При обыкновенной температурѣ С. довольно хрупокъ и удобно растирается въ порошокъ. Имѣть непріятный запахъ и противный очень горькій вкусъ; въ водѣ растворяется въ горячей водѣ и въ спиртѣ; содержащаяся въ препаратѣ желтобурая смола не растворяется въ холодной водѣ и такой растворъ представляется мутнымъ. С. содержитъ кристаллическій глюкозидъ алоинъ, которому принадлежатъ слабительное дѣйствіе препарата, смолостое вещество, бѣлковыя вещества, жиръ и значительное количество эфирнаго масла. Въ дозахъ 0,02—0,05 С. и его препараты дѣйствуютъ какъ горькое средство, усиливая аппетитъ, способствуя пищеваренію и увеличивая отдѣленіе желчи. Дозы 0,2—1,0 вызываютъ, въ зависимости отъ индивидуальныхъ условий, черезъ 6—12 часовъ болѣе или менѣе обильное слабительное дѣйствіе, въ большинствѣ случаевъ не сопровождающееся болезненными ощущениями. Повидимому, для проявленія слабительнаго эффекта необходимо присутствіе желчи, такъ какъ при введеніи С. въ прямую кишку не наблюдается обычнаго дѣйствія препарата. Въ противоположность другимъ слабительнымъ средствамъ, С. оказываетъ дѣйствіе даже при частомъ употребленіи. Въ большихъ дозахъ С. ядовитъ и можетъ вызвать смертельное отравленіе. При остромъ и хроническомъ отравленіи сабуръ вызываетъ воспалительныя явленія кишечника и почекъ. Какъ слабительное средство, препаратъ назначается при вялой дѣятельности пищеварительнаго канала, преимущественно лицамъ, страдающимъ привычными запорами, болѣею частью въ формѣ пилюль. Кромѣ экстракта употребляются: настойка, какъ горькое средство, улучшающее пищевареніе; итальянскія пилюли (С. съ желѣзомъ въ равныхъ доляхъ); слабительныя пилюли (С., клубничныя, медицинское мыло и анісъ); элексиръ Парачелса (С., мирра, шафранъ, спиртъ, разведенная сѣрная кислота), какъ желудочное средство. С. остерегаются назначать во время беременно-

сти, менструаціи, при наклонности къ геморроидальнымъ кровотечениямъ и при воспалительныхъ состояніяхъ кишечника. Д. К.

Сава (у славянъ Сава, мадьярск. Szava, нѣмецк. Save или Sau)—правый притокъ Дуная въ Австрію, образуется у Радолицы въ Крайнѣ изъ слиянія двухъ рѣчекъ—Вурценской С., берущей начало на высотѣ 483 м. надъ моремъ на сѣв. склонѣ Мангарта (въ Юльскихъ Альпахъ) и Савицы (Малой или Бохинской С.), которая беретъ начало на высотѣ 837 м. на южн. склонѣ Триглава и образуетъ Бохинское озеро (526 м.). С. пересѣкаетъ въ юго-восточномъ направленіи равнину Лайбаха, принимаетъ въ себя съ лѣвой стороны Канкру и Быстрицу, справа Сору и Люблянку, становится послѣ этого судходной, затѣмъ вступаетъ въ узкую горную долину, образуемую отъ Загора до Равна границы между Крайной и Штиріей, при чемъ принимаетъ въ себя съ лѣвой стороны Савину (или Санъ, см.) и Сотлу, а справа Керку. С., на высотѣ 129 м. надъ моремъ, вступаетъ въ хорватскую равнину, отъ Ясеноваца образуетъ границу Хорватіи—Славоніи со стороны Сербіи и Босніи, принимаетъ здѣсь притоки съ лѣвой стороны Крапину, Лонью и Ораву, а съ правой—Кушпу, Унну, Врбасъ, Восу и Дрину и подъ Вьградомъ, на высотѣ 64 м., впадаетъ въ Дунай. С. имѣетъ въ длину 712 км., ея бассейнъ равенъ 97361 кв. км. Нижнее ея теченіе имѣетъ очень незначительное паденіе, и берега здѣсь по мѣстамъ болотисты. Мелкія мѣста, песчанія отмели и мѣняющійся уровень воды представляютъ серьезныя затрудненія для судходства; тѣмъ не менѣе отъ Сисека до самаго устья, на протяженіи 589 км., по ней ходятъ пароходы.

Саватели, суахили (Sawahili, Suaheli, т. е. побережные жители)—обитатели Занзибарскаго побережья вост. Африки и близлежащихъ острововъ, смѣсь торгнующихся арабовъ съ туземцами и негритянками, доставленными въ качествѣ невольницъ изъ внутренней Африки. Языкъ С.—*кисуахили* (Kisuaheli, Suaheli, Swahili), съ родственными ему діалектами Занзибара, составляетъ самую сѣв. группу восточнаго отдѣла системы языковъ Банту. Какъ наиболѣе употребительный въ юго-вост. Африкѣ, въ особенности въ тамошнихъ германскихъ владѣніяхъ, кисуахили является нынѣ предметомъ тщательнаго изученія и систематическаго преподаванія въ берлинской восточной семинаріи. Новѣйшія грамматики этого языка изд. Daull (Кольмаръ, 1879), Steere (3 изд., Лп., 1885), Seidel (Вѣна, 1890), Slack (Лп., 1891), Raddatz (Лп., 1892), St. Paul-Illaire (Берл., 1890); словари—Kraff (Лп., 1882); Shaw (Лп., 1885), Büttner (Берл., 1890), Madan (Лп., 1890; Оксфордъ, 1894), von Nettelbladt («Suaheli-Drigoman», Лп., 1891) и St. Paul-Illaire («Swahili-Sprachführer», В., 1896). Хрестоматіи составили Steere (Лонд., 1890) и Büttner (2 изд., Лп., 1891). Последній издалъ также антологию на этомъ языкѣ (В., 1894) и «Lieder und Geschichten der S.» (Лп., 1893). Сборники сказокъ С. издали: Rankin («Arabian tales in Swahili», Лп., 1887),

Steere («Tales as told by natives of Zanzibar», Л., 1889) и Taylor («African Aphorisms», Л., 1891).

Савакоты—одна из ингерманландских вѣтвей финского племени; по языку и некоторым удѣлѣнным древнимъ обычаямъ, С. можно причислить къ выходцамъ изъ Финляндии, именно изъ Саволакса (см.). С., вмѣстѣ съ эпримейгетами и др. финскими племенами, населяютъ мѣстность, прилегающую къ р. Невѣ, въ С.-Петербургскомъ, Царскосельскомъ и Шлиссельбургскомъ уѣздахъ С.-Петербургской губ. Численность С. точно неопредѣлена; приблизительно ихъ можно считать около 15000 душъ.

Савану (*Nyctisorex capenophagus*)—одинъ изъ видовъ рода кваквъ (см.) сем. цапель, живущій по берегамъ лѣсныхъ рѣкъ въ Бразиліи. Рѣзко отличается отъ другихъ видовъ формою клюва. Слабо выпуклое надклювье съ тупымъ гребнемъ имѣетъ форму ложки, повернутой дномъ къверху, и оканчивается крючкообразно загнутымъ зубомъ. Этого большой, широкій клювъ, длинный и узкій хохолъ на затылкѣ, на подобіе косички, сравнительно короткая шея и короткій обрѣзанный хвостъ, едва заходящій за довольно длинныя, загнутыя наверхъ крылья—придаютъ птицѣ своеобразный видъ. Спинная сторона С. сѣраго цвѣта; лобъ, щеки и передняя сторона шеи—бѣлая. Брюхо ржавчино-бураго цвѣта. Длина птицы около полуметра. Образъ жизни С. почти неизвѣстенъ. Пищу его составляютъ мелкія водныя животныя.

Ю. В.

Савала—рѣка, Несудоходный притокъ Хопра, дл. 101 вер. Протекаетъ по Тамбовскому и Борисоглебскому уу. Тамбовской губ.

Саванна (*Savannah*)—г. въ Сѣв.-Амер. Шт. Георгіи, на правомъ берегу р. С., въ 18 км. отъ ея впаденія въ океанъ, въ песчаной равнинѣ. Гор. правильно построены, имѣютъ широкія улицы и бульвары. Въ центрѣ прекрасный паркъ (*Forsight Place*); главные зданія—таможня, биржа, судъ, театр; церквей 30, изъ нихъ 13 для негровъ; много частныхъ школъ. Портъ С. одинъ изъ лучшихъ на южномъ берегу Союза; рѣка С. судодозна до Августы. С.—конечный пунктъ четырехъ желѣзныхъ дорогъ. Главные предметы вывоза: хлопокъ, рисъ, лѣсные материалы и корабел. принадлежности. Ежегодно вывозится до 700000 тюковъ хлопка. С.—2-й вывозной портъ хлопка въ Соед. Штатахъ; общая сумма вывоза до 50 милл. долл. въ годъ. Промышленность сравнительно незначительна. С. основана генераломъ Огльторпомъ въ 1733 г. Во время междоусобной войны была взята генераломъ Шерманомъ. Жителей 43189 (1890), изъ нихъ 20000 негровъ.

Саванна (*Savannah*)—значительная р. въ Сѣв.-Амер. Соед. Штатахъ, орошающая Южн. Каролину и Георгію; образуется изъ двухъ маленькихъ рѣчекъ: Тугалу и Кайови, течетъ въ юго-юго вост. направленіи, служитъ границей между двумя вышеупомянутыми штатами. Пройдя путь въ 720 км., впадаетъ въ Атлантический океанъ, въ 18 км. отъ г. С.

Саванныя (иначе кампосы или льяносы)—степеподобныя мѣста, свойственные болѣе воз-

вышеннымъ тропическимъ странамъ, съ сухимъ континентальнымъ климатомъ. Въ отличіе отъ настоящихъ степей (а также и сѣвероамериканскихъ прерій), С., кромѣ травъ, содержатъ также кустарники и деревья, растущіе иногда цѣлыми лѣсами, какъ напр. въ такъ назыв. «*sampos cerrados*» Бразиліи. Травянистая растительность С. состоитъ по преимуществу изъ высокорослыхъ (до $\frac{1}{2}$ —1 метра), сухо- и жесткокожистыхъ злаковъ, растущихъ обыкновенно дерновинами; къ злакамъ примѣшиваются дерновины другихъ многолѣтнихъ травъ и полукустарниковъ, а въ сырыхъ мѣстахъ, затопляемыхъ весною, также и различныхъ представителей семейства осоковыхъ (*Cyperaceae*). Кустарники разрастаются въ С. иногда большими зарослями, занимая площадь во много квадратныхъ метровъ. Деревья С. обыкновенно низкорослы; самыя высокія изъ нихъ—бываютъ не выше нашихъ плодовыхъ деревьевъ, на которыя они очень похожи своими кривыми стеблями и вѣтвями. Деревья и кустарники иногда оплетаются лианами и обростаютъ эпифитами. Луковичныхъ, клубненосныхъ и мясистосочныхъ растений въ С., особенно въ Южной Америкѣ, бываетъ не много. Лишайники, мхи и водоросли встрѣчаются въ С. крайне рѣдко, только по камнямъ и деревьямъ. Общій обликъ С. различенъ, что зависитъ съ одной стороны отъ высоты растительнаго покрова, а съ другой стороны отъ относительнаго количества злаковъ, другихъ многолѣтнихъ травъ, полукустарниковъ, кустарниковъ и деревьевъ; напр. бразильскія С. («*sampos cerrados*») представляютъ собственно свѣтлые, рѣдкіе лѣса, гдѣ свободно можно ходить и вѣдять въ любомъ направленіи; почва въ такихъ лѣсахъ покрыта растительнымъ травянистымъ (и полукустарниковымъ покровомъ) въ $\frac{1}{2}$ и даже въ 1 метръ высоту. Въ С. же другихъ странъ деревья совершенно не растутъ или встрѣчаются крайне рѣдко и бываютъ очень низкорослы. Травянистый покровъ также иногда очень низокъ, даже прижатъ къ землѣ. Особенную форму С. составляютъ такъ назыв. льяносы Венецуэлы, гдѣ деревья или совершенно отсутствуютъ, или встрѣчаются въ ограниченномъ числѣ, за исключеніемъ лишь сырыхъ мѣстъ, гдѣ пальмы (*Mauritia flexuosa*, *Coccoloba inermis*) и другія растенія образуютъ цѣлые лѣса (впрочемъ, эти лѣса не принадлежатъ къ С.); въ льяносахъ встрѣчаются иногда одиночные экземпляры *Rhupala* (деревья изъ сем. *Proteaceae*) и другихъ деревьевъ; иногда злаки въ нихъ образуютъ покровъ въ ростъ чело-вѣка; между злаками растутъ сложнцвѣтныя, бобовыя, губовцвѣтныя и др. Многія льяносы въ дождливое время года затопляются разливами рѣки Ориноко. Растительность С. вообще приспособлена къ сухому, континентальному климату и къ періодическимъ засухамъ, бывающимъ во многихъ С. по цѣлымъ мѣсяцамъ. Злаки и другія травы рѣдко образуютъ полизучіе побѣги, а обыкновенно растутъ дерновинами. Листья у злаковъ узкія, сухи, жесткія, волосисты или покрыты восковымъ налетомъ. У злаковъ и осоковыхъ молодые листья остаются свернутыми въ трубку. У деревьевъ

листья мелки, волосисты, блестящи («лакированы») или покрыты восковидным налетом. Растительность С. имѣет вообще резко выраженный ксерофитный характеръ. Многие виды содержатъ большое количество эфирныхъ маселъ, въ особенности виды семействъ вербеновыхъ, губоцвѣтныхъ и миртовыхъ Южной Америки. Особенно своеобразенъ ростъ нѣкоторыхъ многолѣтнихъ травъ, полукустарниковъ (и кустарниковъ), а именно тѣмъ, что основная часть ихъ, находящаяся въ землѣ (вѣроятно, стебель и корни), сильно разрознена въ неправильное, клубневидное, деревинистое тѣло, отъ котораго отходятъ потомъ многочисленные, большою частью неразвѣтвленные или слабо вѣтвящиеся отпрыски. Въ сухое время года растительность С. замираетъ; С. желтнѣютъ, а высохшія растенія зачастую подвергаются пожарамъ, по причинѣ которыхъ кора деревьевъ обычно является опаленною. Съ началомъ дождей С. оживаютъ, покрываясь свѣжею зеленью и испещряясь многочисленными различными цвѣтками. С. свойственны особенно Южной Америкѣ, но и въ другихъ странахъ можно указать многія мѣста, весьма похожія по характеру своей растительности на С. Таковы, напр., такъ наз. *Savanne* въ Конго (въ Африкѣ); въ Капландѣ нѣкоторые мѣста оживаются растительнымъ покровомъ, состоящимъ преимущественно изъ злаковъ (*Danthonia*, *Panicum*, *Eragrostis*), изъ другихъ многолѣтнихъ травъ, полукустарниковъ и деревьевъ (*Acacia horrida*), такъ что такіе мѣста напоминаютъ и преріи Сѣверной Америки, и С. Южной Америки; подобныя же мѣста встрѣчаются еще въ Анголѣ. Эвкалиптовые лѣса Австраліи весьма похожи на «сампро-сеггаты» бразильцевъ; они также свѣтлы и до того рѣдки (деревья далеко отстоятъ одно отъ другого и не смыкаются кронами), что въ нихъ легко ходить и даже ѣздить въ любомъ направленіи; почва въ такихъ лѣсахъ въ дождливое время года покрывается зеленою зарослью, состоящею, главнымъ образомъ, изъ злаковъ; въ сухое время года почва обнажается.

С. Р.

Саванные лѣса—см. Саванны.

Саванные травы—см. Саванны.

Саванне (Франсуа-Карлъ-Фридрихъ-Августъ Savagner, 1808—49)—франц. писатель. Будучи офицеромъ національной гвардіи, С. принималъ участіе въ революціи 24 февраля 1848 г. Во время іюньскаго возстанія онъ старался препятствовать кровопролитію и помѣшалъ даже устройству одной баррикады; тѣмъ не менѣе онъ былъ приговоренъ къ смертной казни въ Бель-Иль. Здѣсь онъ своими товарищамъ по заключенію читалъ лекціи по исторіи, приводившія въ восторгъ слушателей. Главные его труды: «Archives historiques et statistiques du département du Rhône» (Лионъ, 1832), «Histoire de l'empereur Napoléon» (1833), «Histoire d'Angleterre» (1833), «Abrégé de l'histoire d'Allemagne» (1841), «Abrégé de l'histoire des Suisses» (1841), «Abrégé de l'histoire de Carthage» (1845), «Abrégé de l'histoire de la Chine», «Abrégé de l'histoire universelle» (1842—45), «Histoire de Charlemagne», «Histoire de France depuis

l'avènement de Louis XVI», «Les Bourbons, leurs belles actions, leurs vertus, leurs fautes, leurs crimes» (1844—45), «Encyclopédie populaire» (1844).

Саваоѣ (съ еврейскаго *силы, воинства*)—одно изъ библейскихъ названій Бога. Въ отличіе отъ другихъ названій Бога, какъ Элогимъ, Йегова, Адонаи, С. выдвигаетъ особенно свойство всемогущества, образъ котораго заимствованъ отъ воинства. Названіе это не встрѣчается въ древнѣйшихъ книгахъ Библіи, но оно часто употребляется у пророковъ и въ псалмахъ («Господь Саваоѣ»). Въ виду того, что это названіе заимствовано отъ воинства, нѣкоторые видятъ въ Саваоѣ просто «Бога войны»; но это мнѣніе опровергается уже тѣмъ фактомъ, что названіе С. совсѣмъ еще не употребляется въ то время, когда избранный народъ развивалъ свою высшую воинственную дѣятельность (при завоеваніи Палестины), и, напротивъ, часто употребляется въ ту эпоху, когда воинственность давно уступила мѣсто мирному развитію. Правильнѣе видѣть въ этомъ терминѣ идею Бога какъ всемогущаго Владыки всѣхъ силъ неба и земли, такъ какъ по библейскому представленію звѣзды и другія космическія явленія—тоже своего рода «воинства», повелители которыхъ есть Богъ, какъ «Йегова Саваоѣ»—«Господь силъ» (1 Цар. XVII, 45; Пс. XXIII, 10, Ис. I, 24 и др.).

А. Л.

Савари (Аннъ-Жанъ-Мари-Рене Savary, герцогъ de Rovigo)—французскій политическій дѣятель (1774—1833); участвовалъ въ революціонныхъ войнахъ; съ 1800 г. былъ адъютантомъ и довѣреннымъ лицомъ генерала Бонапарта, который давалъ ему деликатныя, хотя не всегда почетныя порученія, въ родѣ тайныхъ разслѣдованій. С. обнаружилъ въ этихъ дѣлахъ большія способности, и потому въ 1802 г. былъ назначенъ директоромъ бюро тайной полиціи. Онъ открылъ въ 1804 г. заговоръ Жоржа Кадудала и Пишгерио и руководилъ какъ арестомъ герцога Энгиенскаго, такъ и судомъ надъ нимъ. Въостѣдствіи (1823) С. въ особой брошюрѣ: «La catastrophe de M. le duc d'Enghien» (вошедшей потомъ въ его мемуары) пытался звалить всю отвѣтственность на Талейрана, что произвело сильную сенсацию. Въ 1805—7 гг. С., въ званіи дивизіоннаго генерала, принималъ участіе въ походахъ противъ Австріи, Пруссіи и Россіи. Послѣ Тильзитскаго мира Наполеонъ отправилъ его посланникомъ въ Петербургъ, гдѣ, какъ одинъ изъ виновниковъ смерти герцога Энгиенскаго, онъ не могъ пользоваться симпатіями. Въ 1808 г. С. командовалъ корпусомъ въ Испаніи. Въ 1810 г. Наполеонъ назначилъ его министромъ полиціи на мѣсто Фуше; послѣдній оказался для Наполеона слишкомъ самостоятельнымъ, между тѣмъ какъ С. былъ покорнымъ, искуснымъ и жестокимъ исполнителемъ приказаній императора. Онъ сохранилъ портфель до паденія Имперіи. Во время ста дней С. сдѣланъ промѣмъ и главноначальствующимъ надъ жандармеріей. Послѣ вторичнаго паденія Наполеона С. хотѣлъ сопровождать его на островъ св. Елены, но былъ взятъ въ плѣнъ англичанами и поселенъ на

островъ Мальтѣ. Въ 1816 г. онъ бѣжалъ, въ 1819 г. добровольно явился въ Парижъ и отданъ въ руки судебной власти; судъ оправдалъ его по обвиненію въ убійствѣ герцога Энгиенскаго. Послѣ революціи 1830 г. С. былъ назначенъ главнокомандующимъ французскихъ войскъ въ Алжирѣ, гдѣ дѣйствовалъ чрезвычайно энергично, много сдѣлалъ для завоеванія, колонизаціи и культивировація края, но обнаружилъ такую дикую жестокость, что въ 1833 г. былъ отозванъ. «Mémoires» С. (П., 1828) представляютъ значительный интересъ для исторіи Наполеоновскаго времени, хотя не безусловно достовѣрны; они написаны въ духѣ восхваленія Наполеона, но авторъ чрезвычайно наивно рассказываетъ множество фактовъ, рисующихъ императора съ очень не-красивой стороны. *В. В.—ост.*

Савари (Жакъ Savary, 1622 — 1690) — писатель. По инициативѣ Кольбера С. редактировалъ «Ordonnance du Commerce 1673 г.», представляющій собою первый кодексъ торговаго права, сухопутнаго и военнаго и называемый многими писателями «Code Savary». Изъ его работъ извѣстны: «Le parfait négociant» (П., 1675, 1676, 1713, 1800), «Règles ou avis et conseils sur les plus importantes matières du commerce» (П., 1688). См. Goldschmidt, «Handbuch des H.R.» (1894); Roderie, «Les grands jurisconsultes» (1877). Сынъ его, *Жакъ*, составилъ «Dictionnaire universel de commerce», изданный въ прошломъ столѣтіи, въ сокращенномъ переводѣ, и въ Россіи, какъ «Саваріевъ лексіконъ».

Савари (Клодъ-Этьеннъ Savary, 1750 — 1788) — франц. путешественникъ, знатокъ восточныхъ яз. Въ 1776 г. отправился въ Египетъ, посѣтилъ главные города, гдѣ изучалъ нравы и памятники; въ 1781 г. вернулся въ Парижъ, гдѣ принялся за переводъ Корана, къ которому присоединилъ примѣчанія и очеркъ жизни Магомета (1783). Прочіе труды С.: «Morale de Mahomet», «Lettres sur l'Égypte» (1788 — 89), «Lettres sur la Grèce» (1782), «Amours d'Anas-Eloujoud et Quardi» (1789), «Grammaire de la langue arabe vulgaire et littéraire» (1813 — изъ Лейпзг.).

Савари (Félix Savary, 1797 — 1841) — проф. По окончаніи курса политехнической школы

получилъ порученіе преподавать геодезію и прикладную механику, затѣмъ былъ назначенъ профессоромъ астрономіи и геодезіи въ политехнической школѣ. Наиболѣе важна для кинематики и прикладной механики открытая имъ теорема, выражающая зависимость между кривизнами двухъ катящихся одна по другой кривыхъ.

Савари де-Молсонъ (Savari de Mauléon, род. въ концѣ XII в., умеръ въ 1234 г.) — франц. трубадуръ и воинъ; принималъ участіе въ походѣ противъ Іоанна Безземельнаго, но попалъ въ плѣнъ и перешелъ къ нему на службу. Въ 1208 г. С. предпринялъ путешествіе во Францію, гдѣ, въ 1211 г., по порученію Іоанна Безземельнаго, отлученнаго папою отъ церкви, оказалъ помощь альбигойцамъ. Въ 1214 г. Іоаннъ Безземельный наградилъ его званіемъ сенешаля Гасконіи и правомъ чеканить монету. Когда неудачи стали преслѣдовать Іоанна Безземельнаго, С. послѣдовалъ за нимъ въ Англію, гдѣ присоединился къ королевской партіи; въ 1215 г. командовалъ королевской арміей, въ 1216 г. принялъ участіе въ крестовомъ походѣ, въ 1219 г. вѣдалъ Даміетту, въ 1223 г. вернулся во Францію. Извѣстенъ какъ трубадуръ; оставилъ прекрасные стихи.

Саварка — село Кіевской губ., Васильковского у., при р. Роси, въ 90 верст. отъ уѣздн. города. По преданію, С. было городомъ Саварю, городище котораго, окруженное валомъ, видно и донья. Вблизи двѣ большихъ и множество малыхъ могилъ, гдѣ часто выкапываютъ древнія вещи. Около села тѣнется древній валъ. Жителей 1400; древняя церковь, школа, лавки, мельницы вѣтряныя, водяныя и вальцовая. См. Похилевичъ, «Сказанія о населенныхъ мѣстахъ Кіевской губ.», стр. 522.

Саварна (санскр. Savarnā — буквально «одинаковаго цвѣта съ чѣмъ-либо, одинаковая, тождественная») — въ индійской мифологіи жена солнца; Саранью (см.), жена Вивасвата, подставила ее вмѣсто себя, когда бѣжала отъ мужа. Сыномъ ея былъ Ману. Въ Вишну-Пуранѣ С. является дочерью океана, женою Прачиначаргиса (см.) и матерью десяти Прачetasовъ (см.).

